STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СОЧИНЕНІЯ

ГЛѢБА УСПЕНСКАГО

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и вступительной статьей

Н. МИХАЙЛОВСКАГО.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Цѣна за два тома—**3** рубля.

Простые переплеты—по 50 коп. Каленкоровые—по 1 р. Пересылка безъ переплетовъ—за 5 фунтовъ, въ переплетахъ—за 6 ф.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Титулъ и оглавленіе напечатаны въ типографіи Ю. Н. Эрлиха. Садовая, № 9.
Текстъ въ типографіи Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза". Б. Подъяческая, № 39.

1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

I.

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА.

НЕПОРВАННЫЯ СВЯЗИ.

II.

МАЛЫЕ РЕБЯТА.

БѢГЛЫЕ НАБРОСКИ.

БОГЪ ГРѢХАМЪ ТЕРПИТЪ.

ВОЛЕЙ-НЕВОЛЕЙ.

III.

КРЕСТЬЯНИНЪ И КРЕСТЬЯНСКІЙ ТРУДЪ.

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА.

I.

Вниманіе въ деревнѣ.—Слѣпое-Литвино.—Помѣщичій домъ и его владѣльцы старые и новые.—Баринъ и мужикъ.—Волость.—Бумажная точность.—«Безъ разговоровъ!»Денегъ—денегъ!—Заработки.—Понравился господамъ.—Крестьянинъ Иванъ Афанасьевъ.—Бабій заработокъ.

1.

Никогда русская деревня и даже просто «деревенская глушь» не пользовалась въ такой степени благосклоннымъ вниманіемъ образованнаго русскаго общества, какъ въ настоящее время. Одни, убѣдившіеся въ безплодности своего интеллигентнаго существованія «въ одиночку», ищутъ или, вѣрнѣе, полагаютъ найти подъ соломенными крышами недостающее имъ общество, среди котораго и надѣются растворить остатки своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ (см. разсказъ «Овца безъ стада»). Другіе, напротивъ, полагаютъ найти подъ тѣми же крышами нѣчто совершенно новое, небывалое, спасительное чуть не для всего человѣчества, погибающаго отъ эгоистически направленной цивилизаціи. Третьи интересуются ею просто съ эгоистической точки зрѣнія, стремясь доподлинно знать, что̀ именно можно взять у деревни для улучшенія своего интеллигентнаго существованія («Малые ребята»). Но вообще для каждой изъ заинтересованныхъ группъ совершенно ясно стало въ послѣдніе дни, что деревня начала играть значительную роль, и что мой карманъ, мой умъ, мой душевный міръ—все это какъ будто находится въ самой тѣсной связи съ карманомъ, умомъ и душой деревни. Оказалось, что пустота деревенскаго кармана опустошитъ и мой; темнота деревенскаго ума не дастъ хода и моему уму, довольно-таки просвѣщенному, а иное направленіе деревенскаго духа можетъ парализовать и въ одно мгновеніе уничтожить громадные жертвы и труды, страстно и безкорыстно направленные ко благу всего человѣчества. Когда во главѣ этой удивительной деревенской силы стояла помѣщичья власть, никто и не думалъ считать деревенскія соломенныя крыши за нѣчто достойное вниманія. Нужно было одно: извлекать изъ этой соломы золото. И золото это являлось—стоило только барину дать приказъ бурмистру. Нужно было водворить гдѣ-нибудь цивилизацію, умиротворить, смирить и проч., и проч.—опять-таки стоило приказать: и мужикъ бѣгомъ бѣжалъ черезъ моря и рѣки, черезъ Балканы и Альпы, забирался въ Парижъ, подъѣзжалъ къ Англіи... Все было возможно въ ту̀ пору по единому мановенію... Но теперь, когда волшебный жезлъ изъ рукъ интеллигентныхъ переданъ самому мужику, когда онъ находится не у помѣщичьяго бурмистра, а у народнаго, волостного суда,—теперь настало время подумать и о деревнѣ, тѣмъ болѣе, что за полштофъ водки волостной судъ иной разъ можетъ и не пустить жезла въ ходъ, а тѣмъ самымъ неминуемо подвергнуть опасности и карманное, и нравственное спокойствіе образованнаго человѣка. Необходимо поэтому знакомиться съ деревней, узнать, что̀ въ ней есть, чего она хочетъ, о чемъ думаетъ и вообще что̀ она такое.

Нижеслѣдующіе очерки ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ претензіи отвѣчать обстоятельно на всю массу вопросовъ, возбуждаемыхъ русской деревней, потому что это дѣйствительно только бѣглыя, случайныя замѣтки человѣка, такъ же какъ и огромное большинство читателей, незнакомаго съ деревней и только теперь сознавшаго необходимость этого знакомства. Кромѣ того случайныя наблюденія этихъ замѣтокъ относятся къ извѣстной только мѣстности, Новгородской губерніи,—къ извѣстной деревнѣ, съ которыми пришлось пишущему эти строки познакомиться въ извѣстное время, именно лѣтомъ 1877 года. Дѣлать поэтому какіе-нибудь общіе выводы относительно вообще положенія деревни и тѣмъ болѣе относительно *народнаго* духа и міросозерцанія—будетъ невозможно.

При большомъ досугѣ и внимательности къ дѣлу, деревенька, о которой идетъ рѣчь, могла бы дать обильный и богатый матеріалъ, освѣщающій многое-множество смутныхъ представленій о русской дѣйствительности, такъ какъ въ ней счастливо соединились всѣ нравственныя и экономическія черты, отличающія наше переходное время: она знакома и съ желѣзной дорогой, которая проходитъ недалеко, и съ заработкомъ, благодаря дорогѣ, на чужой сторонѣ, и съ бариномъ совершенно новаго, коммерческаго, даже прямо кулацкаго типа (арендаторомъ), словомъ—знакома съ возможностью хлопотать и биться для себя, для улучшенія своего положенія и въ то же время твердо помнить времена крѣпостного права въ лицѣ коммерсанта-барина. Есть тутъ старые старики,

для которыхъ теперешній мужикъ—распутникъ и пьяница, которые ропщутъ и на папироски, и на высокіе смазные сапоги, и вообще на всѣ порядки, повторяя при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: «а отчего?—оттого что волю дали! страху нѣту». Есть и молодые, которые какъ будто чуть-чуть задумываются надъ вопросомъ: «да почему же въ самомъ дѣлѣ непремѣнно нужно такъ много страху?» Есть старухи, которыя, заслышавъ о «некрутчинѣ», впадаютъ въ какой-то трагическій экстазъ, ходятъ какъ помѣшанныя, причитая и махая по вѣтру платкомъ и раздирая вамъ, постороннему человѣку, своимъ безпредѣльнымъ горемъ всю душу. И есть парни, которые не то чтобы рвутся въ эту некрутчину, а просто не считаютъ ея такимъ ужасомъ, о какомъ помнитъ старуха. Знаютъ эти парни, что служба коротка, харчъ хорошъ, а уйти... отчего-жъ и не уйти отсюда?... Словомъ, измѣненныя экономическія и общественныя условія въ положеніи мужика, измѣнившія—или по крайней мѣрѣ измѣняющія его нравственный міръ—могли бы быть наблюдаемы въ нашей деревенькѣ весьма успѣшно, еслибы, повторяю, былъ досугъ, т. е. не одно только лѣто, а годъ и два, и еслибы необходимой внимательности не препятствовала значительная личная отчужденность отъ деревни.

Запишемъ поэтому, что можемъ.

2.

Видъ деревеньки самый обыкновенный. Холмистыя поля спускаются къ рѣчкѣ не широкой и не глубокой, въ которой будто бы въ прошлыя времена было «страсть сколько» рыбы. Теперь рыба перевелась; изрѣдка попадается окунь въ четверть величиной, да уклейка, занимающаяся съѣданіемъ червяковъ на удочкахъ и потомъ быстро убѣгающая. «*Прежде были*» язи, лещи. «Во какіе!»—показываютъ старожилы (тѣ самые, что говорятъ: «страху мало»), растопыривая руки на аршинъ. Щуки въ прежнее время попадались по три аршина и по два пуда вѣсу. Теперь ничего нѣтъ—ни язей, ни щукъ; плотва иной разъ побалуетъ мужика, а то больше все раки; да и раки-то не тѣ, что прежде, а маленькіе, корявые—«шутъ ихъ знаетъ, что за раки за такіе!» Подъ впечатлѣніемъ этихъ баснословныхъ разсказовъ о баснословныхъ язяхъ и щукахъ, современный деревенскій рыболовъ можетъ по цѣлымъ днямъ мучить себя, тщетно разыскивая по обоимъ берегамъ рѣченки «клевыхъ мѣстъ» и тщетно надѣясь на хорошій уловъ: рыбы въ самомъ дѣлѣ нѣтъ; а если и есть то она почему-то умѣетъ только съѣдать червяка и уходить.—«Видно и рыба тоже поумнѣла», невольно думаетъ современный рыболовъ: «какого веселаго червяка насадилъ—и то ничего! Въ прежнее время она бы его такъ не оставила—эво, какъ ротъ-то бы разинула, совсѣмъ бы съ нутромъ крючокъ тащить пришлось, а тутъ вотъ на-ко!.. И червякъ ея не веселитъ».

Веселый жирный червякъ въ самомъ дѣлѣ напрасно пляшетъ на крючкѣ, напрасно юлитъ своимъ жирнымъ тѣломъ, отъ боли конечно (отъ этого-тою ленія его и называютъ «веселымъ»): «нѣтъ въ нонѣшней рыбѣ простоты, хитра стала и лукава»...Впрочемъ иной разъ внезапно, недуманно-негаданно, вдругъ въ безрыбную рѣченку забредетъ въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь чудовище, какой-нибудь необыкновенный язь или какая-нибудь щука аршина въ полтора. Откуда являются такія чудовища—рѣшительно никто не знаетъ, и хотя появленія ихъ рѣдки, года въ два—разъ, но зато вполнѣ достаточны, чтобы слѣдующія поколѣнія такъ же твердо вѣрили въ необыкновенные уловы, какъ вѣритъ въ нихъ и деревенская старина.

Берега рѣчки кой-гдѣ покрыты кустарникомъ, кой-гдѣ болотце и песочекъ, а на днѣ густая трава, которую большею частью и вытаскиваютъ, вмѣсто рыбы, мужики, задумавшіе побродить (не раздѣваясь) съ бреднемъ. Въ рабочую пору въ разныхъ мѣстахъ рѣченки мокнутъ деревянныя бороны, перевернутыя длинными зубцами въ воду. Вообще рѣченка тиха, ничѣмъ не оживлена и молча, потихоньку течетъ въ тихихъ, молчаливыхъ берегахъ. Называется эта рѣченка Слѣпухой; а деревенька, лежащая по другой ея сторонѣ, называется Слѣпое-Литвино: тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ деревенька, по разсказамъ старожиловъ, ослѣпла Литва. Шла она несмѣтнымъ полчищемъ и, дойдя до этого мѣста, вдругъ ослѣпла и дальше не пошла.

Черезъ Слѣпуху перекинутъ новый земскій мостъ, и его бѣлыя перила, бѣлыя новыя сваи невольно радуютъ васъ, говоря, что Слѣпое-Литвино не совсѣмъ забытая деревня, что кто-то помнитъ о ней. Съ середины моста открывается такой видъ: направо, на крутомъ пригоркѣ, среди густого березоваго парка, виднѣется господскій домъ. Налѣво, по низменному берегу, виднѣется, также изъ-за березокъ, красная крыша волостного правленія, соединеннаго съ несчастной деревенской «училисшей», а подальше, въ привѣтливой зелени березничка, виднѣется крылечко кабака. За этой передовой линіей построекъ, обитаемыхъ начальствомъ и интеллигенціей, тянутся жиденькія крестьянскія постройки, перемежающіяся плетнями, низенькими, почернѣвшими крышами амбарчиковъ и рѣдкими, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, купами небольшихъ деревьевъ. Даже и издали трудно отыскать въ массѣ деревянныхъ построекъ хотя какія нибудь черты, которыя бы могли привѣтливо подѣйствовать на глазъ. «Кое-какъ», «ничего не подѣлаешь» и другія положенія, выработанныя человѣкомъ, у котораго дѣла идутъ плохо, припоминаются даже вамъ, постороннему человѣку, при взглядѣ на деревеньку. «Кое-какъ» покрыты крыши и солома на нихъ придерживается «кое-какъ» разбросанными по ней жердями; «кое-какъ» сплетенъ плетень, «кое-какъ» держится крыльцо. Даже не приходитъ и въ голову смотрѣть на это олицетвореніе «ничего не подѣлаешь», какъ на видъ или на пейзажъ; только взглянешь и думаешь: «какъ бѣдно живутъ-то эти литвиновскіе мужики!..» Не будь этого новаго моста, который говоритъ, что кто-то думаетъ объ этихъ глухихъ и

бѣдныхъ мѣстахъ, тутъ было бы такому постороннему деревнѣ человѣку, какъ вы, читатель, какъ я, нестерпимо грустно и горько сразу, съ перваго дня по пріѣздѣ сюда... Унылый, бѣдный видъ деревеньки, эта задумчивая тишина, царящая въ ней, этотъ ничѣмъ не привлекающій вашего испорченнаго разнообразіемъ взора, упорный, однообразный и безпрестанный трудъ, держащій деревеньку на бѣломъ свѣтѣ,—все это, столь неподходящее къ вашимъ испорченнымъ вкусамъ, производило бы въ васъ гнетущее ощущеніе одиночества.

Но вотъ на ваше счастье мостъ — и хорошій мостъ,—и ужъ вамъ легче. Его правильность и извѣстнаго рода изящность, старательность постройки и отдѣлки почему-то понятнѣй для васъ и веселѣй, чѣмъ унылый видъ деревни. Но это еще не все. Пройдя мостъ съ одного конца на другой и приближаясь къ крестьянскимъ постройкамъ, мы, опечаленные серьезно-задумчивою бѣдностью деревни, съ радостью встрѣчаемъ настоящую мелочную лавку съ настоящей вывѣской: изображены на ней, по обыкновенію, фрукты, виноградныя кисти, маленькій китаецъ, а продается деготь, хлѣбъ, кнуты, возжи, лапти, ситецъ, двухкопѣечныя сказки и трехкопѣечныя папиросы—съ одной стороны—это для крестьянъ, и, съ другой, писчая бумага, почтовыя марки и папиросы фабрики Петрова—для высшаго общества. Лавка эта выступила впередъ изъ ряда крестьянскихъ домовъ, помѣстившись на самомъ бойкомъ мѣстѣ. Деревня у нея за спиной, направо господскій домъ, налѣво волость, кабакъ, а за волостью, въ разстояніи версты,—церковь. Кромѣ того, мимо нея бѣжитъ почтовая дорога на уѣздный городъ N.

По воскреснымъ днямъ лавка эта набита биткомъ; но изъ двадцати человѣкъ, преимущественно женщинъ, присутствующихъ въ лавкѣ, покупаютъ (купятъ или нѣтъ—это еще неизвѣстно) никакъ не больше двухъ. Остальные только смотрятъ, любуются красивымъ видомъ ситцевъ, папиросныхъ обертокъ, трогаютъ товары рукой, прикасаются пальцемъ. И унылой деревенькѣ хочется такъ-же чего нибудь повеселѣй, покрасивѣй, какъ хочется и вамъ, постороннему въ ней человѣку. И деревеньку тоже тянетъ распрямиться иной разъ и освободиться на минуту отъ своей трудовой задумчивости и исполненнаго серьезной заботы однообразія. Но постороннего, не-деревенскаго человѣка, человѣка, долго жившаго въ городахъ, эта серьезная трудовая забота, вѣющая отъ всей деревенской обстановки, поражаетъ почти испугомъ. Ему тотчасъ нужно чего-нибудь полегче, поснисходительнѣй этихъ серьезныхъ впечатлѣній; ему хочется куда нибудь укрыться отъ нихъ, и ужъ онъ навѣрное, и безъ всякой надобности, прежде всего сунется въ лавку, если она есть, въ волость, къ «попу», въ господскій домъ... Онъ радъ будетъ встрѣтить нѣмецкій сюртукъ, хорошо запряженный тарантасъ, даже обертку знакомаго табаку. Такъ пугаетъ русскаго отторженнаго отъ народной жизни человѣка подлинный видъ и смыслъ обыкновеннаго деревенскаго угла.

Вотъ какова существенная черта производимаго деревнею впечатлѣнія. Эта трусливость передъ деревней слагается изъ внезапной устали, одолѣвающей васъ (еще только чутьемъ понимающаго и только издали подавляемаго размѣрами деревенскаго труда), изъ страха передъ вашимъ безсиліемъ и, къ чести вашей, изъ капельки стыда.

— «Легче, легче!» подавленное впечатлѣніями вопіетъ все ваше существо: «чего-нибудь не такъ просто-правдиваго, не такъ утомительно-яснаго, не такъ кротко и покорно стыдящаго васъ... Чего нибудь поразнообразнѣе, пообильнѣе красками, чего нибудь, что бы не такъ правдиво и сильно дѣйствовало на васъ и такъ дерзко не поднимало бы вашей умѣющей «прилаживаться къ обстоятельствамъ» совѣсти».

Въ ряду такихъ облегчающихъ робкую интеллигентную душу пристанищъ первое мѣсто несомнѣнно занимаетъ помѣщичій домъ. Говорю на этотъ разъ не о томъ только помѣщичьемъ домѣ, который украшаетъ собою лѣвый берегъ Слѣпухи, но о помѣщичьемъ домѣ всѣхъ деревенскихъ угловъ Земли Русской.

Рѣдкое по-истинѣ явленіе представляютъ эти разсадники отечественной аристократіи. «Чего-чего не было тутъ въ старые годы! Чего-чего не насмотрѣлись эти стѣны», подумается всякому размышляющему о русскомъ житьѣ-бытьѣ, а между тѣмъ въ десять-пятнадцать лѣтъ наидлиннѣйшія хроники наидревнѣйшихъ господскихъ домовъ забываются почти безслѣдно, не оставляя въ окружающихъ ни единаго, маломальски опредѣленнаго воспоминанія, то есть не оставляя, послѣ своего долголѣтняго процвѣтанія, почти ничего, что бы имѣло какую нибудь законность, смыслъ, соотвѣтственный этой законности явленія и соотвѣтственную имъ внѣшнюю форму. Всматриваясь въ длинную исторію помѣщичьяго дома, какъ нельзя лучше убѣждаешься, что въ однообразныхъ равнинахъ Русской Земли, въ однообразнѣйшихъ, все подводящихъ подъ одно, условіяхъ естественныхъ нѣтъ возможности вытанцоваться, самостоятельно выдѣлиться изъ этого однообразія чему нибудь такому въ смыслѣ привилегированности, что-бы хоть капельку равнялось въ прочности привилегированности стараго европейскаго міра. Просторъ, то-есть въ буквальномъ смыслѣ обиліе мѣста для всѣхъ, и сознаніе этого простора, сознаніе того, что «всѣмъ хватитъ», не даютъ возможности развиваться въ должной мѣрѣ тому азарту эгоизма, которымъ долженъ былъ жить «благородный» человѣкъ. Я знаю, что у меня «можетъ быть» много, что у меня есть это многое; знаю, что со-временемъ оно будетъ мое—и я ужъ въ-половину покойнѣе, апатичнѣе переношу свое теперешнее затруднительное положеніе. А это сознаніе, что всѣмъ хватитъ, всегда жило и живетъ въ крестьянинѣ; оно и теперь помогаетъ крестьянину изо дня въ день тянуть свою лямку и позволяетъ ему быть иной разъ очень веселымъ въ самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ. Оно было коротко знакомо и барину, который долженъ былъ чуять, что только казенное право ограждаетъ его привилегированное положеніе, удерживаетъ за нимъ его тысячи десятинъ, и что безъ этого казеннаго огражденія рѣшительно нѣтъ никакихъ резоновъ имен-

но ему стоять выше послѣдняго мужика. такъ какъ и этотъ послѣдній мужикъ, никого и ничто не стѣсняя, ни у кого ничего ровнешенько не отнимая, можетъ имѣть тѣ-же самыя тысячи десятинъ.

Именно у барина-то русскаго никогда и не было внутренней причины быть жаднымъ, воевать за свое привилегированное положеніе, потому что у него и враговъ-то не было никакихъ.

Въ высокой оградѣ своихъ казенныхъ правъ, онъ сидѣлъ одинъ, точно въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи, и положительно сходилъ съ ума. Кромѣ такихъ радостей, какъ въ самомъ дѣлѣ довольно хорошо разработанное служеніе ѣдѣ и «грѣху»;—что такое, хотя мало-мальски въ привлекательныхъ формахъ, осталось въ назиданіе потомству даже отъ періода такъ называемыхъ «настоящихъ» баръ?.. Изъ всѣхъ отрывочныхъ разсказовъ о прошломъ, которые уцѣлѣли въ воспоминаніи старожиловъ, вы услышите объ ужасныхъ звѣрствахъ возводимыхъ на степень удовольствія, объ ужасныхъ безчинствахъ противъ слабыхъ и безсильныхъ поповъ и чиновниковъ,—безчинствахъ, тоже имѣвшихъ цѣлью потѣху, развлеченіе, и волей-неволей увидите, что нашъ феодалъ не могъ выдумать ни удовольствія, ни потѣхи, ни развлеченія, мало-мальски похожихъ на развлеченія здороваго человѣка. Пороть и наслаждаться этимъ—надо быть больнымъ; приклеить попу бороду къ столу—надо быть пьянымъ; вывалять становаго въ дегтю и пуху и потомъ заплатить ему—затѣя человѣка и не трезваго, и не умнаго. Мало того, похоже ли на правду—быть другомъ человѣчества, человѣкомъ неописанной доброты, «хрустальной душой», и не сдѣлать такъ, чтобы объ этихъ дорогихъ качествахъ человѣческой души и мысли хоть единое словечко припомнилось народомъ, не говоря уже о реальныхъ фактахъ, которыхъ настоящіе, не больные человѣколюбцы могли бы, при своемъ всемогуществѣ (по крайней мѣрѣ въ своемъ собственномъ углу), предъявить несмѣтное множество? Словомъ, не вдаваясь слишкомъ въ подробныя воспоминанія, касающіяся внутренняго содержанія и внѣшняго обличія старо-барскаго житья-бытья, невольно убѣждаешься въ томъ, что мозгъ, умъ, сердце плохо и нездорово дѣлали свое дѣло въ этихъ обширныхъ, когда-то блистательныхъ господскихъ дворцахъ, и, напротивъ, что-то напоминающее разслабленіе мозга, вялость, упадокъ всѣхъ силъ, болѣзненнѣйшіе нервные припадки, характеризуетъ собою шумный періодъ боярскаго житья. Ничего похожаго нѣтъ на ястребиный образъ жизни голоднаго, но жаднаго европейскаго хищника, безжалостно рвавшаго куски изъ чужихъ рукъ и утаскивавшаго ихъ въ свои орлиныя гнѣзда. Это—ястребъ. А нашъ баринъ—я и не знаю что такое. Сидитъ и объѣдается, сѣчетъ, отъ скуки заводитъ тяжбу, бьетъ направо и налѣво и всѣмъ за это платитъ, «колобродитъ», въ веселыя минуты хоронитъ осетра или опять-таки деретъ становаго, попа. Еще хуже баринъ-вольтерьянецъ, революціонеръ, собирающій оброки, продающій крестьянскія деревни на свозъ. Какому ястребу придетъ въ голову разсуждать о благѣ цыплятъ и въ то же время хватать ихъ? Ястребъ только хватаетъ и ѣстъ. Или:—какой голубь будетъ пожирать своихъ птенцовъ, какъ пожиралъ ихъ голубь-революціонеръ-баринъ, торговавшій крестьянами? Все это таило въ себѣ неправду, все говорило о недостаткѣ внутренней сильной и резонной причины быть феодаломъ, бариномъ. Не было причины стать во враждебныя отношенія къ «черни непросвѣщенной», такъ какъ она и не думала враждовать. Ну, какъ-же, изъ чего, изъ какого матеріала выдѣлать свое барство при такихъ неблагопріятнѣйшихъ для неравенства условіяхъ?

Слѣпое-Литвино также, хотя очень и очень смутно, помнитъ это время «настоящихъ» господъ; но, кромѣ какого-то утомленія при уходѣ за этими капризными, больными и несчастными людьми, нѣтъ никакихъ прочныхъ воспоминаній объ этой знаменитой порѣ, нѣтъ ни прочной злобы на прошлое, нѣтъ и добраго о немъ слова. Сторожъ, прослужившій по необходимости лѣтъ двадцать-пять въ сумасшедшемъ домѣ, долженъ былъ, мнѣ кажется, по окончаніи этой службы, точно такъ-же вспоминать ее, какъ вспоминаетъ мужикъ, т. е. утомленіемъ отъ этой возни съ людьми, которые не знаютъ, что дѣлаютъ, и бьютъ его, несчастнаго, и плюютъ, и ругаютъ, такъ, зря, безъ всякой причины, «ни за что».

3.

Но вотъ наконецъ этотъ шумный, жирный періодъ настоящаго барства кончился, оставивъ по себѣ кучи законныхъ и незаконныхъ ртовъ и наслѣдниковъ, мебель, пропитанную жиромъ человѣческимъ до того, что къ ней нельзя прислониться (непремѣнно прилипнетъ либо плечо, либо затылокъ), облупленные амуры на потолкахъ, амуры и «псишэ» по стѣнамъ, громадный процессъ въ судѣ и несмѣтную кучу долговъ. Разбрелись музыканты, разбрелись повара, разбрелись по свѣту законные и незаконные рты, убѣдившись, что надо искать другихъ кусковъ, такъ какъ «на всѣхъ» оставшагося не хватитъ. На весь этотъ порожденный праздностью, больною фантазіей и обжорствомъ людъ, въ самомъ дѣлѣ, приходилось такъ мало (если раздѣлить поровну), что для каждаго рта было гораздо удобнѣе, ссылаясь на имѣющее получиться богатство, занимать у перваго ротозѣя, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ получать это богатство въ руки. Какъ съумѣли извертываться эти потомки доблестныхъ отцовъ—очень хорошо разсказываютъ намъ процессы, и мы не будемъ останавливаться на этомъ подробно. Неумѣніе дѣлать, неумѣніе думать и безсиліе не только побѣдить, но даже и бороться съ громаднымъ аппетитомъ изуродованной плоти—вотъ вообще характерныя черты, наслѣдованныя потомками.

Покуда разбредался весь этотъ «обреченный» народъ, покуда онъ пристраивался такъ или сякъ къ разнымъ мѣстамъ и кускамъ, барскій домъ стоялъ одинъ-одинешенекъ, полегоньку опустошаемый невѣдомо какимъ людомъ и быстро разрушаемый природой. Разрушались гроты, мостики, монплезиры; отваливались деревянныя лиры и вѣнки съ кар-

низовъ и балконовъ, и вѣтеръ вышибалъ стекла изъ итальянскихъ и венеціанскихъ рамъ. Долго стоялъ въ такомъ видѣ домъ. Наконецъ гдѣ-то послѣдовало какое-то рѣшеніе, гдѣ-то объявлена продажа—и домъ попалъ въ чьи-то новыя руки. Началась новая исторія новыхъ владѣльцевъ.

Владѣлецъ, послѣдовавшій за настоящими господами и барами, всегда почти не настоящій баринъ, а человѣкъ, *добившійся возможности* жить по-барски. Пишущему эти строки удалось видѣть довольно характерный экземпляръ такого «новаго барина». Съ ранняго дѣтства человѣкъ этотъ, происходившій изъ мѣщанскаго семейства, зналъ нищету и нужду; лѣтъ съ десяти онъ уже сидѣлъ въ кабакѣ, съ пятнадцати—занималъ какую-то должность по откупу. По собственному его выраженію, онъ тридцать лѣтъ ходилъ «по горло въ грязи» въ откупныхъ подвалахъ, опаивая народъ безъ жалости и снисхожденія, отбиваясь взятками отъ судейскихъ, словомъ—вращаясь въ самомъ темномъ омутѣ самыхъ темныхъ условій русской жизни. Человѣкъ этотъ видалъ всякіе виды: и онъ «подводилъ», и его «подводили»; и онъ упекалъ, и упекали его. Гдѣ кулакомъ, простымъ ударомъ, коломъ, гдѣ деньгами, гдѣ обманомъ, пронырствомъ, хитростью вывертывался онъ изъ всякихъ положеній, затрудненій, и къ сорока годамъ вышелъ въ люди, то-есть сталъ одѣваться по-господски, ѣздить въ коляскѣ по губернскому городу и творить блудъ.

Ростъ, сложеніе и сила видѣннаго мною субъекта были громадны. Это по-истинѣ былъ исполинъ, человѣкъ, который въ 40-градусные морозы могъ править лошадьми безъ рукавицъ, причемъ руки не только не мерзли, но, напротивъ—отъ нихъ валилъ паръ, какъ отъ кипящаго самовара. Обильно покрывшія лицо и руки желто-синія веснушки и подстриженная жесткая, какъ проволока, рыжая борода, маленькіе сѣрые глаза въ бѣлыхъ рѣсницахъ—всегда выдавали его мужицкую породу, въ какіе бы костюмы онъ ни наряжался и въ какихъ бы колясках ни разъѣзжалъ. Это дѣйствительно и былъ мужикъ, попробовавшій быть и жить бариномъ. Наблюденія его надъ русскою жизнью были необыкновенно тонки, жестки и непоколебимы. Господъ, владающихъ «нашимъ братомъ», онъ понималъ тонко, выражался зло и мѣтко, какъ умный мужикъ. Осмѣивая и презирая то, отъ чего онъ отбился,—всю эту гадость сорока лѣтъ своей жизни, онъ, дѣлаясь бариномъ, не только не былъ утомленъ жизнью, не только не усталъ, но, напротивъ—вошелъ въ самый аппетитъ жизни въ свое удовольствіе, радуясь счастью положенія, въ которомъ можно смѣло сказать себѣ: «знать ничего не хочу, живу въ свое удовольствіе»... «Отцапалъ» (собственное выраженіе гиганта) онъ имѣніе и зажилъ по-барски... но, увы! нѣтъ у насъ особенныхъ формъ барской жизни. Ѣшь, пей, блуди: вотъ и все, что могли рекомендовать новому барину его предшественники. Какъ мужикъ, кулакомъ выбившійся въ люди, онъ никоимъ образомъ не могъ развлекаться вольтеріанствомъ или „плѣнной мысли раздраженьемъ». Что за чепуха! «Изъ мужиковъ только-только выбился, да опять въ мужики?—ну, ужъ это извините! Ты *мнѣ* подай, а тамъ я знать не хочу...»—сказалъ бы онъ всякому, кто бы сталъ учить его барскому поведенію. Земства и прочія общественныя обязанности онъ давно понялъ въ простой формѣ взноса денегъ и рѣшительно не имѣлъ охоты возжаться со всѣмъ этимъ. «Слава Богу, видали на своемъ вѣку... довольно!...» Чего-нибудь *эдакого*!... хотѣлось ему, что бы не напоминало прошлаго. И прошлое это отозвалось на немъ не однимъ презрѣніемъ къ людскому стаду.

Сознаніе горькаго горя этого прошлаго всей своей суммой отразилось на немъ по-мужицки, по русски—«запоемъ». Этой болѣзнью онъ разъ въ годъ страдалъ въ сильнѣйшей степени; но объ этомъ послѣ. Задача великана состояла въ томъ, чтобы жить въ свое удовольствіе, для себя и притомъ не по-мужицки.—«Нѣтъ ли чего получше?» Мгновенно идея великана была понята: домъ наполнился знатоками не-мужицкаго препровожденія времени, и въ пять лѣтъ, по его собственному выраженію, онъ «проѣлъ» все имѣніе...

На мой вопросъ, какимъ это образомъ можно въ такое короткое время «проѣсть» такую «прорву» денегъ?—гигантъ отвѣчалъ:

— Какъ проѣдаютъ-то?.. Наживать трудно, а проѣсть, прожить—это, сдѣлайте милость, сколько вамъ будетъ угодно.

— Ну, какъ же, какъ?

— Да вотъ какъ, напримѣръ. Теперь вотъ отъ моего дома до губернскаго города пятьдесятъ верстъ считается... такъ или нѣтъ?

— Такъ

— Ну, вотъ извольте потрудиться проѣхать эти пятьдесятъ верстъ не три или четыре часа, а примѣрно недѣльку или полторы... И, при всемъ томъ замѣтьте, лошади у насъ первый сортъ—тройки призовыя... на эдакихъ лошадяхъ тридцать верстъ въ часъ—вотъ какая ѣзда, а мы ѣдемъ недѣлю или двѣ...

— Что же вы дѣлаете?

— Больше ничего, что ѣдемъ «въ свое удовольствіе»! Компанія насъ тутъ собралась питуховъ, лучше требовать нельзя,—ну, и... И у кабаковъ, и съ бабами, и подъ горкой, и на лужочкѣ, и на горкѣ, и въ кусточкахъ, вездѣ, гдѣ полюбится,—остановки, закуски, пѣсни, да по рюмочкѣ, да пошлемъ за шампанскимъ, и такъ въ продолженіи всего времени—глядь—тысченки четыре-пятокъ и разсортировалъ въ разныя мѣста... Какъ проѣдали!?.. Захотѣлъ только! Разъ изъ Москвы метлу привезъ... совершенно даже изъ помойнаго ведра метла была эта, а спросите, во сколько обошлась,—и ахнешь...

— Зачѣмъ же метлу-то?

— Зачѣмъ? Фантазія—больше ничего!.. И не припомнишь всего-то, почему и что... Вступитъ вотъ въ башку—давай метлу-ли, что ли... ну, и... Разъ тоже на свадьбѣ у одного богача, на обѣдѣ въ Тѣстовскомъ трактирѣ, въ Москвѣ, на столъ на парадный влѣзъ, да такъ тряхнулъ всѣмъ корпу-

сомъ—на три съ половиной тысячи и набилъ за одинъ махъ стекла да хрусталю одного... Фантазія, ничего не подѣлаешь!

Разговоръ нашъ происходилъ въ большой парадной залѣ. Но, увы! это уже были остатки всякаго великолѣпія и прошлаго, и нынѣшняго; гигантъ уже все проѣлъ и добивался продажи объѣдковъ, искалъ случая «всучить» ихъ кому-нибудь, даже отдавалъ домъ въ аренду за недорогую цѣну, въ полтораста рублей (это и было причиною нашего знакомства). Парадная зала какъ нельзя лучше рисовала этихъ новыхъ «людей своего удовольствія». Весь полъ, выкрашенный когда-то масляной краской, былъ изожженъ окурками папиросъ и сигаръ, очевидно въ изобиліи усѣевавшихъ полъ четыреугольниками, свидѣтельствовавшими о карточныхъ или питейныхъ столахъ. Къ изображеніямъ амуровъ и психэ прибавились изображенія того же направленія, но попроще выражавшія мысль. Это были чуть не лубочныя картинки, изображавшія или исключительно голыхъ женщинъ, или что-нибудь близко касающееся того же предмета: жена застаетъ мужа, цѣлующаго кухарку; офицеръ спрятался за дверью, въ которую входитъ старикъ, очевидно мужъ; у кровати видны женскіе башмачки. Словомъ, полъ и стѣны говорили, что̀ дѣлали люди, переломавшіе въ буквальномъ смыслѣ всю мебель; теперь она не только липла, но валилась при каждомъ прикосновеніи; ни къ стулу, ни къ столу нельзя было прикоснуться: все расшатано громаднымъ напившимся и наѣвшимся народомъ.

Разсказывая свои подвиги, великанъ былъ скученъ и задумчиво смотрѣлъ въ окно. Снѣгъ покрывалъ глубокими сугробами видѣвшіеся изъ окна балконъ, почти вырубленный садъ и сосѣдніе холмы.

— Вотъ тутъ былъ лѣсокъ, говорилъ по временамъ гигантъ какъ бы самъ съ собой, и въ это время разглядывалъ комнату.—Десять тысячъ взялъ... Проѣлъ! Тамъ вотъ... тридцать... Семь съ половиной—вонъ взялъ за кусокъ...ха-арошій-березничекъ!... Много тоже тамъ оставлено...

— А вѣдь скучно вамъ, должно быть, отъ всего этого? спросилъ я.

— Неужто нѣтъ? Смерть какая тоска!

— Это теперь; а тогда?

— Да и тогда забирала, признаться, иной разъ, ухъ какая меланхолія!... Больше отъ нея и кутили-мутили... Подумаешь, подумаешь—все суета! Да такъ-то затоскуешь, такъ-то запечалишься... Прежде я запоемъ-то пилъ со зла. Набьется въ душу разнаго гаду, разнаго пакостнаго составу—эхъ, идолъ бы тебя взялъ—и рванешь все съ корнемъ, съ маху, мѣсяцъ прогоришь въ кипучей смолѣ—и опять готовъ, и опять пошелъ въ ходъ!... А тутъ безъ дѣла-то тоска, пусто, чистая смерть, слабость, ну, не знаю—хуже всякой муки! Ничего на душѣ нѣтъ... и не знаешь, за что прицѣпиться; не знаешь, какъ, *съ чего запой-то начать*.

И тутъ разсказалъ онъ мнѣ про пріемъ, который онъ употреблялъ въ такія минуты для того, чтобы «расчать» запой. Не находя въ себѣ ни въ чемъ, ни къ чему ни аппетита, ни влеченія, онъ прибѣгалъ къ такому средству: ѣхалъ онъ обыкновенно для этого въ Москву, чтобы не опозориться въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, или даже въ деревнѣ, и тамъ, вставъ чѣмъ свѣтъ, шелъ въ кабакъ, первый, какой откроется по раннему времени, выбирая самое пьяное изъ московскихъ мѣстъ: Грачовку, Солянку и т. д. Въ такихъ мѣстахъ толпится всегда великое множество оборваннаго, безночлежнаго народа, воровъ, пьяницъ и проч. Иные изъ нихъ цѣлую ночь мерзли на морозѣ, иные не ѣли, иные съ ума сходятъ отъ головной боли, и, трясясь, ищутъ случая опохмелиться. Вотъ эту-то жажду выпить для тепла, для похмелья и разыскивалъ великанъ для того, чтобы можно было «расчать». Войдя въ кабакъ, онъ садился у двери, предварительно купивъ штофъ водки, и поджидалъ этихъ жаждущихъ... Горькій пьяница—первый посѣтитель кабака: стало быть ждать приходилось недолго. Всякій такой несчастный, войдя, начиналъ Христомъ-Богомъ молить цѣловальника дать ему выпить „ради Христа". Начиналась сцена, полная истиннаго ужаса: цѣловальникъ отказывалъ, а несчастный бился и мучился, и умолялъ... Эту сцену великанъ созерцалъ до тѣхъ поръ, пока одеревенѣлое воображеніе его хоть чуть-чуть начинало понимать мучившую несчастнаго жажду. Тогда онъ звалъ его къ себѣ и давалъ водки, страстно любуясь той жадностью, съ которой несетъ пьяница водку къ губамъ, проливая и боясь пролить, и еще пристальнѣе наблюдалъ самую минуту питья и слѣдующее за нимъ ощущеніе необыкновенной радости. На чужомъ примѣрѣ, на чувствѣ чужой жажды великанъ воскрешалъ въ себѣ самомъ ощущеніе этой жажды. Иной разъ нужно было извести до шести полуштофовъ, перепоить десятки пьяницъ, чтобы въ горлѣ и во всемъ существѣ великана проявились вызванные воображеніемъ симптомы такой же самой страстной жажды! Такъ ослабъ онъ отъ жизни на барскую ногу. Прежде такихъ возбужденій не требовалось. Старухи пьяныя особенно сильно дѣйствовали на него, такъ какъ мученія ихъ были, по женской слабости, безпредѣльно сильнѣе мученія пьяныхъ мужчинъ. Послѣ двухъ-трехъ старухъ у великана захватывало горло, и онъ принимался «садить» на двѣ, на три недѣли. Въ такія минуты онъ пропивалъ не болѣе десяти рублей всего-навсего. Мужицкіе недуги недорого обходятся. Грабили его въ такомъ видѣ, убивали и не добивали несчетное число разъ; но Богъ хранилъ его, и до сихъ поръ онъ все еще, какъ говорятъ, «слава Богу».

Женатъ онъ втеченіи своей жизни три раза, при чемъ первая его жена была за нимъ «за третьимъ», вторая—за вторымъ, и только третья была дѣвушка, когда онъ ужъ успѣлъ быть два раза женатымъ. Отъ всѣхъ этихъ браковъ у него были дѣти; кромѣ того у каждой жены его тоже были дѣти отъ предшествовавшихъ великану мужей, и все это въ высшей степени разнообразное населеніе, включавшее въ себя дѣтей полковничьихъ, чиновничьихъ, купеческихъ, поповскихъ и т. д. до безконечности, кромѣ дѣтей, прижитыхъ, между прочимъ, и мужчинами, и дамами этого круга—все

это, благодаря великану, ставшему бариномъ, сгустилось, въ цвѣтущія времена житья въ свое удовольствіе, въ старыхъ покояхъ господскаго дома, одержимое ненасытною жаждою ничего-недѣланія и удовольствій. Благодаря широкому распутству великана, многое множество этого неизвѣстно зачѣмъ нарожденнаго народа навѣки погибло, подышавъ атмосферой ничѣмъ нестѣсняемаго скотства, и, разбредшись по лицу Земли Русской, послѣ того какъ великанъ «проѣлъ» всѣ свои «вольности» и угодья,—еще болѣе увеличило собой густой слой то наглой, то безпомощной жадности, который и безъ того довольно густо осѣлъ послѣ перваго періода жизни *барскихъ хоромъ*.

4.

Не имѣя съ крестьяниномъ коммерческихъ дѣлъ, не имѣя оффиціальной власти, не покупая или не продавая крестьянину, баринъ никоимъ образомъ не можетъ найти почти ни малѣйшей связи съ крестьяниномъ, и, покуда не съѣстъ съ нимъ двадцати пудовъ соли, едва-ли можетъ разсчитывать на искренность съ его стороны, даже въ самомъ простомъ, обыкновенномъ разговорѣ. У крестьянина прочно сложилось какое-то въ самую кровь въѣвшееся убѣжденіе, что баринъ *не понимаетъ ровно ничего*. Не понимаетъ «житейскаго», не понимаетъ того, что̀ держитъ человѣка на землѣ, что̀ заправляетъ его жизнью, душой и думой. Баринъ можетъ купить, потому что у него есть деньги; можетъ продать, потому что имѣетъ товаръ; можетъ заказать и заплатить за это;—словомъ, можетъ дѣлать все, что̀ могутъ сами собой дѣлать деньги. И во время этихъ операцій, вообще во время денежной связи барина съ мужикомъ, могутъ существовать между тѣмъ и другимъ повидимому довольно близкія отношенія, могутъ происходить «понятные» обоимъ разговоры, хотя и далеко не искренніе, никогда не допускающіе барина близко къ правдѣ своихъ мыслей и чувствъ. Но какъ только баринъ возмечталъ, основываясь на этомъ денежномъ знакомствѣ съ народомъ, продолжать это знакомство такъ, «просто», «какъ человѣкъ», какъ продолжаетъ всю жизнь быть знакомъ мужикъ съ мужикомъ,— тутъ конецъ всякой связи.— «Что-жъ можетъ значить баринъ безъ денегъ въ то время, когда онъ не заказываетъ, не покупаетъ и не продаетъ? Нешто онъ что понимаетъ?»

Прошлая, исторія барина какъ нельзя лучше укрѣпляетъ въ воображеніи крестьянина убѣжденіе въ полной внутренней безсодержательности его, какъ человѣка. Усталость отъ его неразумныхъ капризовъ, колобродствъ и т. д., словомъ, отъ всѣхъ проявленій больного господскаго тѣла и ума,—это утомленіе уничтожаетъ въ крестьянинѣ всякую охоту взглянуть на этотъ вопросъ съ какой-нибудь другой стороны, какъ-нибудь иначе понять барина. Переставъ быть заказчикомъ, покупателемъ, нанимателемъ или чиновникомъ, баринъ дѣлается для мужика *ничѣмъ* и съ ужасомъ принужденъ видѣть, что у послѣдняго нѣтъ и тѣни увѣренности, что съ этимъ существомъ можно имѣть хотя такія же частныя отношенія, какъ и съ своимъ братомъ-односельчаниномъ. Необходимо дьявольское терпѣніе, продолжительное и настойчивое желаніе фактически, *на дѣлѣ* доказать пониманіе бариномъ простыхъ человѣческихъ отношеній, чтобы мужикъ началъ вѣрить, что и въ баринѣ сидитъ такой-же человѣкъ, какъ и въ немъ.

5.

Попробуеите напримѣръ зайти вотъ въ эту крестьянскую кузницу, которая дымится на сосѣднемъ пригоркѣ близъ дороги. Зайдеите поговорить съ крестьянами, посмотрѣть на работу, на трудъ, узнать, сколько онъ даетъ доходу, и т. д. У низенькой квадратной двери кузницы собралось нѣсколько крестьянъ. Одни изъ нихъ ждутъ своихъ подковъ, своихъ лемешей; другіе пришли, такъ-же какъ и вы, постоять, посмотрѣть, поговорить. До тѣхъ поръ покуда мы не приходили, у всѣхъ шелъ и дѣловой, и шутливый разговоръ: и о работѣ говорили они, и о податяхъ, и пошутили надъ молодымъ парнемъ, только-что женившимся, и пожалѣли Ивана-мельника, у котораго такой-то мужикъ совсѣмъ отбилъ жену. Въ это время приходимъ мы съ вами. Намъ не нужно ни лемешей, ни подковъ; мы пришли *такъ*, какъ и два-три другіе крестьянина, стоящіе здѣсь-же. Но, увы! съ нашимъ приходомъ балякaнье прекращается: «что вы тутъ понимаете? это не ваше дѣло». Пристать къ разговору, который только-что шелъ, намъ нѣтъ возможности. Намъ «ничего не нужно» — стало-быть и разговаривать съ нами не о чемъ.

Никогда никому изъ находящихся въ этой кучкѣ не придетъ въ голову, что вамъ «хочется» или «надо» просто поговорить объ обыкновенныхъ житейскихъ вещахъ; никто и не думаетъ подозрѣвать въ васъ какой-нибудь интересъ къ личному дѣлу крестьянъ и никто и не думаетъ интересоваться вашимъ личнымъ барскимъ дѣломъ. Что-жъ съ вами дѣлать?—«Угостите, баринъ, кузнецовъ-то! Право слово!» Другими словами: «что пришелъ-то? Хоть полштофа съ тебя, шатущаго, разгрызть»... Или еще хуже:—«Митрофанъ, представь штучку — баринъ тебѣ поднесетъ! доберъ баринъ-то!» «Ужъ да-аберъ!» хоромъ подтверждаютъ другіе присутствующіе, явно играющіе комедію и рѣшительно не желающіе видѣть въ васъ человѣка.—«Баринъ! Что-жъ у него въ головѣ? Вѣрно какой-нибудь вздоръ! Представь ему, Митрофанъ, штучку—все намъ по стаканчику». Не подозрѣвая въ васъ никакихъ серьезныхъ желаній, компанія непремѣнно «для васъ» (если только надѣется достигнуть результата въ видѣ водки) начнетъ глупый скоромный разговоръ, и вы видите, что этотъ разговоръ именно для васъ, для барина, котораго интересуетъ только «разная мерзотина». Ничего подобнаго никто изъ нихъ не позволитъ себѣ съ своимъ братомъ-крестьяниномъ, который бы точно такъ-же пришелъ и сѣлъ у двери кузницы на камушкѣ. Потомъ, со-временемъ, вы добьетесь отъ нихъ человѣческихъ отношеній, если съумѣете понадобиться имъ безъ заказовъ и безъ денегъ. Но на это надо много времени и труда, а такъ, съ перваго раза, безъ заказу и покупки у васъ нѣтъ никакой связи.

Пошли вы по деревнѣ—это вы за бабами, за дѣвками. Говорить съ вами можно, только надѣясь на угощеніе, и только сальности и глупости. Переставая быть заказчикомъ и покупателемъ, баринъ, просто какъ человѣкъ, способенъ только на пустыя желанія и пустые поступки, словомъ—на что-нибудь такое, что не придетъ въ голову ни одному крещеному человѣку: вотъ первое впечатлѣніе, производимое на мужика бариномъ, когда онъ подходитъ къ нему «просто такъ», какъ «человѣкъ къ человѣку».

Эта черта крестьянскаго взгляда на барина ужасно горько отозвалась на третьей формаціи владѣльцевъ барскаго дома, послѣдовавшихъ за проѣвшимъ все случайнымъ бариномъ или, вѣрнѣе, простымъ «ѣдакомъ». Возвращаясь къ исторіи великана, мы должны упомянуть о томъ, что желаніе его «всучить» свои объѣдки какому-нибудь дураку (буквальное выраженіе) исполнилось какъ нельзя лучше. Среди нарожденнаго барскимъ домомъ народа не все были червонные валеты и рты: были люди и другого типа, которые, не страдая ненасытностью аппетитовъ желудка, не менѣе сильно страдали умственной жаждой. Именно страдали, болѣли: трудно быть здоровому, родившись въ этой жирной тюрьмѣ. Эти люди – имъ-же нѣсть числа — поняли, что въ положеніи русскаго барина нѣту дѣла, нѣту жизни; что ее надо искать въ трудѣ, вблизи нищеты и невѣжества. Хорошая народная и именно русская черта русской души, не находившей никакихъ резоновъ для своей привилегированности, сказывалась въ этомъ направленіи мысли потомковъ барства. И вотъ началось движеніе «господъ» въ объятія «мужиковъ». Съ однимъ изъ такихъ-то людей и познакомился случайно великанъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ-то въ трактирѣ. Расписалъ ему свои объѣдки въ человѣческомъ и минералогическомъ смыслѣ—и всучилъ.. Живетъ онъ теперь тихо въ Москвѣ съ маменькой, старой старухой, и маленькой дѣвочкой отъ послѣдней жены, и Бога благодаритъ, что не погибъ. Не та участь постигла барина, не хотѣвшаго быть бариномъ,—участь, постигшая не одного изъ людей, руководимыхъ такимъ-же нежеланіемъ барствовать и не могшихъ съ этимъ барствомъ раздѣлаться. Да, никто изъ нихъ не хотѣлъ быть бариномъ, но все-таки бариномъ остался.

Впрочемъ интеллигентнымъ людямъ, стремящимся къ деревнѣ, нами будетъ посвящено нѣсколько особыхъ очерковъ, гдѣ читатель найдетъ болѣе подробный разсказъ о баринѣ едва очерченнаго теперь типа.

6.

Волостное правленіе и кабакъ, лежащіе по лѣвую сторону моста, уже не производятъ такого веселаго впечатлѣнія, какъ лавка и господскій домъ. Вокругъ и внутри этихъ строеній царитъ, особливо въ кабакѣ, мужикъ, и, вступая въ его царство, необходимо позабыть о всякомъ разнообразіи. Впрочемъ, чтобы переходъ отъ легковѣсныхъ впечатлѣній господскаго дома къ тяжеловѣснымъ впечатлѣніямъ деревни не былъ слишкомъ рѣзокъ и труденъ, мы постараемся облегчить его извѣстной постепенностью.

Два писаря волостного правленія, т. е. одинъ писарь, а другой его помощникъ, оба парни ражіе, молодые, которыми мы начинаемъ знакомство съ мужицкою жизнью деревни, своимъ наивнымъ—какъ наивны молодыя толстыя дворняшки—видомъ навѣрное произведутъ на читателя благопріятное впечатлѣніе. Посмотрите, съ какою безпечностью валяются они по лавкамъ, сытно, до отвалу пообѣдавъ у учителя (за четыре рубля педагогъ ухитряется кормить ихъ на убой и еще имѣть «пользу»!). Дѣло происходитъ въ довольно большой комнатѣ волостного присутствія. На стѣнѣ портретъ государя, въ простѣнкѣ между оконъ, выходящихъ на большую дорогу, двѣ-три кружки для сбора пожертвованій на разныя благотворительныя учрежденія, съ печатными при нихъ воззваніями; у одного изъ оконъ—столъ съ перомъ, бумагами, чернильницей. Солнце—двухъ-часовое, жгучее солнце—такъ и «жаритъ» въ оба окна, наполняя комнату страшной жарой и полчищами мухъ. Но здоровенныхъ парней это не безпокоитъ. Одинъ, лежа на узенькой лавкѣ, подставилъ солнцу спину и только покряхтывалъ отъ удовольствія; а другой, на такой же узенькой лавочкѣ, ухитрился залечь на спинѣ, задравъ разутыя ноги къ печному отдушнику. Оба они безъ сюртуковъ и безъ жилетовъ. Долгое время не происходитъ никакого разговора и не слышно ничего, кромѣ пыхтѣнія, выражающаго стремленіе отдуться отъ тяжкаго бремени ѣды.

— А что, съ разстановкой и полусонно произноситъ наконецъ писарь (человѣкъ, лежащій на спинѣ):—что у васъ... въ Болтушкинѣ... какъ насчетъ этого дѣла?..

— Насчетъ товару-то? лѣнивѣйшимъ тономъ переспрашиваетъ помощникъ (лежащій ничкомъ) и распускаетъ ноги, тоже босыя, по обѣимъ сторонамъ лавки.

— Само собой...

— У насъ въ Болтушкинѣ—сколько хочешь...

Онъ потягивается, выгибая спину, какъ котъ.

— Ну?!

— Ну вотъ, стану я врать. Сколько хочешь, столько и есть...

— Какую угодно?

Помощникъ, помолчавъ секунду, даетъ отвѣтъ, такъ сказать, средняго направленія, необычайно лѣниво говоря:

— А то что же!.. Вотъ тамъ... разговаривать!... Это у васъ тутъ все тридцать да сорокъ, да полтинникъ... У насъ въ Болтушкинѣ этого нѣтъ... Шалишь, братъ!... У насъ этого баловства нѣтъ... Знакъ подалъ—и готово.

— Какой знакъ?

— Аль не знаешь? Маленькій ребенокъ, что ли, ты?.. Какой знакъ?—ну, мигнешь, пройдешься мимо, кашлемъ дашь знать... мало ли есть предметовъ...

— И готово?

— А то что-же еще разговаривать-то?.. Много будешь разговаривать, такъ это очень для нихъ жирно...

Все это произнесено безпечнѣйшимъ жирнымъ хрипомъ, приближающимся къ звукамъ простуженнаго горла.

— А кто въ Болтушкинѣ писаремъ?

— Аль разлакомился?... Хе-е, братъ!...

— Хе-хе-хе... Ей-ей, переведусь въ Болтушкино!...

— Хе-хе-хе... Ишь ты, котъ сибирскій какой!.. Поди, переведись... Утрутъ тебѣ носъ-то тамъ... Хе-хе-хе... Я шукну одно слово, поглядимъ, ухватишь ли. .

— Отчего жъ я-то не ухвачу? Ты хваталъ, а я нѣтъ?

— Я другое дѣло... я знаю сноровку.

— И я знаю.

— Нѣтъ, не знаешь...

— Анъ, вотъ знаю.

— Ну, хорошо. Отвѣчай, какъ надо поступать, чтобы всякую заинтересовать?

— Деревенскую или благородную?...

— Все одно, сплошь...

Писарь молчитъ, взволнованный разрѣшеніемъ этой задачи.

— И не знаешь... а я знаю!

Помощникъ при этомъ садится.

— Ну, какъ же, чѣмъ?...

— Чѣмъ!—такъ я тебѣ и сказалъ...

— Нѣтъ, пожалуйста скажи!...

Писарь тоже вскакиваетъ съ лавки.

— Вотъ дурака нашелъ, стану я секреты открывать...

— И всѣхъ?

— Всѣхъ до единой... Хоть графиня, хоть что...

Писарь бросается къ помощнику и начинаетъ его умолять.

— Ну, голубчикъ, ну, Ваня... скажи... я тебѣ...

— Нечего, нечего васъ баловать!

Писарь принимается тормошить помощника, и оба они начинаютъ бороться посреди комнаты. Долго шуршатъ ихъ босыя ноги по деревянному, покрытому высушенной солнцемъ грязью полу; долго раздается то тамъ, то сямъ грохотъ отскочившей лавки или стола, на которые налетаютъ эти юные силачи. Въ борьбѣ они забыли разговоръ, растрепались, раскраснѣлись—любо смотрѣть на парней. Ломая другъ друга то на одну, то на другую сторону, они только покряхтываютъ, не теряя веселаго расположенія духа. Ткнутый кулакомъ въ брюхо, писарь отскакиваетъ въ сторону, потирая больное мѣсто,—и бой оканчивается.

— Я, братъ, говоритъ помощникъ самоувѣренно:—и не такихъ свертывалъ въ комокъ.

— Эка! въ животъ-то пхнулъ...

— И ты пхай! Чего-же? Ну-ко, пхни-ко меня... На! Отскочу я или нѣтъ?

— Давай!

— На.

Помощникъ выпячивается впередъ.

— Ну, пхай!

Писарь дѣйствуетъ ехидно. изъ-подъ-низу, такъ что и помощникъ отлетаетъ въ сторону.

— Нешто такъ можно, свинья ты этакая!

— Я ненарошно...

— Дубина этакая! ненарошно...

— Ну, прости, пожалуйста... Нешто я...

— Чортъ этакой... Дай-ко, я тебя такъ гвоздану, такъ ты у меня кубаремъ къ чорту на рога улетишь... Ты пхай въ животъ—нешто такъ можно?.. Вотъ куда пхай!...

— Ну, давай...

— Ну, на!.. Да смотри, идолъ, башку сверну...

На этотъ разъ три удара кулакомъ, направленные безъ ехидства въ указанное мѣсто, не производятъ на помощника никакого впечатлѣнія.

— Ну бей, бей! приговариваетъ онъ.

— Да! говоритъ писарь.—Вспучилъ животъ-то!...

— Вспучилъ! Ну-ка, вспучь ты, погляжу я.. Ну-ка, становись...

— Ну, дуй!

Писарь раздуваетъ животъ елико возможно, но отъ одного удара, въ самомъ дѣлѣ, летитъ кубаремъ...

— Вотъ-те вспучилъ! приговариваетъ помощникъ.

— Свинья этакая... какъ хватилъ!...

— А! свинья!

— Чистая свинья...

— Нѣтъ, братъ, тебѣ до меня далеко!...

— Дубина!...

— Вотъ-те и дубина...

— Нѣтъ, вотъ какъ! оживленно заговорилъ писарь:—согласенъ такъ—давай?

— Какъ?

— А вотъ какъ... Я возьму палку...

— А я тебя ею тресну по башкѣ...

Начинается хохотъ. Въ это время отворяется дверь и показывается фигура учителя съ удочкой.

— Что вы тутъ гогочете, какъ жеребцы въ конюшнѣ?

Писаря едва могутъ уняться.

— Куда это вы, Митрофанъ Петровичъ?

— Да вотъ хочу передъ чаемъ немножечко посидѣть. Авось къ ужину ушицу наберу... Будетъ баловаться-то, бери у Петьки уду—пойдемъ...

— Пойдемъ пожалуй, попытаемъ, отчего же! произноситъ лѣниво помощникъ, къ которому относятся эти слова.

— И я, прибавляетъ писарь:—отъ нечего дѣлать...

Одѣваютъ сапоги, запасаются табакомъ, спичками и отправляются рыть червей. Спустя десять минутъ, всѣхъ троихъ, окруженныхъ ребятишками, помогающими надѣвать червей, можно видѣть на берегу рѣки. Каждый изъ ловцовъ выбралъ по тихому мѣстечку въ кустахъ и терпѣливо слѣдилъ за поплавкомъ. Тихо въ кустахъ, тиха вода и чудно хорошъ и свѣжъ воздухъ Ни одной тревожной, безпокойной мысли нѣтъ ни въ комъ, кромѣ сладкой тревоги въ ожиданіи минуты, когда рыба потянетъ крючокъ къ низу!

— И-ва-а-а-нычъ!... откуда-то далеко, по верхамъ густого кустарника, доносятся звуки визгливаго, очевидно женскаго голоса.

— Эй! кричитъ въ кустахъ помощникъ:—Скворцовъ! слышишь, что-ль?

— Чего?

— Какъ чего? Слышишь, зовутъ!..

— Гдѣ зовутъ-то? Только было клевать начала...

— Бу-у-ма-ага-а!

— Бумага! слышишь, что-ль... Пойдемъ!

Помощникъ и писарь бросаютъ удочки, такъ однакожъ, что поплавки остаются на водѣ, и уходятъ.

— Скорѣй, кричитъ имъ учитель.—Тутъ окунья —страсть!..

— Сейчасъ!

— Стадами ходитъ!..

— Приде-омъ!

Но на этотъ разъ имъ не пришлось скоро возвратиться назадъ: въ правленіи ожидалъ ихъ нарочный изъ уѣзднаго города, привезшій большой пакетъ съ надписью «экстренно-важное». Въ пакетѣ было распоряженіе о немедленномъ призывѣ ополченія. (Записки относятся къ лѣту 1877 года.)

— Ого! сказали писарь и помощникъ, прочитавъ содержащіяся въ конвертѣ бумаги.

Приходилось немедленно садиться за работу.

7.

Ужъ не думаетъ-ли читатель, что я, вслѣдъ за изображеніемъ волостной идилліи, изображу теперь сцену, въ которой баловники-писаря окажутся манкирующими своими обязанностями? Помня прошлыя времена, читателю можетъ представиться, что, несмотря на серьезность и важность полученной бумаги, писаря, увлекшіеся рыбной ловлей, спокойно положатъ ее подъ сукно, а сами отправятся опять на берегъ и, сказавъ себѣ насчетъ бумаги—«успѣется», будутъ преспокойно продолжать свои невинныя удовольствія. Нѣтъ, не приходиться теперь говорить о сельскихъ и волостныхъ властяхъ ничего подобнаго. Времена стали не тѣ, и точность въ исполненіи своихъ писчебумажныхъ обязанностей въ настоящее время составляетъ самую видную черту деревенской жизни. Не разспрашивая и не задумываясь «почему», «зачѣмъ», писаря часа два скрипѣли перьями по бумагѣ, адресуя къ сельскимъ старостамъ приказанія явиться въ волость такимъ-то и такимъ-то крестьянамъ, вынувшимъ рекрутскіе жребіи въ такомъ-то году. Не разспрашивая и не думая разспрашивать о причинѣ спѣшной посылки за старшиной, разсыльный гналъ свою лошадь въ сосѣднюю деревню, гдѣ жилъ старшина. И старшина въ свою очередь, услыхавши, что пришла бумага, немедленно одѣлся и прибылъ въ волость. Точно такъ-же, «безъ всякихъ разговоровъ», два разсыльныхъ поѣхали развозить по деревнямъ, для передачи сельскимъ старостамъ, написанныя писарями предписанія, а сельскіе старосты въ тотъ-же вечеръ объявили призываемымъ о томъ, чтобы завтра они шли въ волость, о томъ, чтобы такіе-то и такіе-то мужики приготовили подводы. И все это буквально «безъ разговоровъ» о причинѣ, безъ разспросовъ о томъ, куда и зачѣмъ погонятъ. Плачутъ конечно женщины, матери, невѣсты; сапожникъ Петръ тоже жалѣетъ, что приходится бросить мастерство и за что ни попало продать инструментъ; но ни у кого ни на единую минуту не мелькнетъ вопросъ: зачѣмъ и куда?—разъ приказаніе пришло изъ волости. На всѣ эти вопросы, зачѣмъ гонятъ и куда гонятъ, не отвѣтитъ никто—ни сельскій староста, ни волостной старшина, ни писарь. Да и никто изъ нихъ не спроситъ, или, вѣрнѣе, отвыкъ спрашивать и разбирать то, что приходитъ сюда въ деревню въ видѣ приказывающей, но никогда ничего не объясняющей бумаги.

Я три мѣсяца жилъ въ деревнѣ въ то время, какъ наши войска переходили Дунай, дрались, умирали, тонули, покоряли и покорялись. Три мѣсяца вся читающая городская Россія уже жила тревожными интересами войны, и втеченіе такихъ-то трехъ мѣсяцевъ я ни отъ кого, не исключая писарей, учителя, даже іерея, не слыхалъ здѣсь ни единаго слова о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Газетъ никто никакихъ не получаетъ, а въ городъ или на станцію никто не ѣздилъ: огороды, косьба, словомъ—хозяйство. «Собрать рекрутовъ призыва такого-то года...» «Произвести пріемку лошадей, выбранныхъ тогда-то и тогда-то»—вотъ что доходитъ въ деревню отъ самыхъ крупныхъ историческихъ событій, и, кромѣ этихъ оффиціальныхъ требованій, вовсе ничего не говорящихъ о значеніи переживаемой минуты,—ничего, ровно ничего и никому не извѣстно, и ровно ни откуда не приходятъ въ деревню ничего такого, что бы показало значеніе этого призыва или покупки казною лошади въ общей картинѣ совершающихся событій. Человѣкъ, который черезъ недѣлю, черезъ двѣ будетъ защищать Шипку или Карсъ, или освобождать Болгарію, уходя изъ села, по совѣсти можетъ жалѣть только о томъ, что сапожные инструменты пришлось отдать за безцѣнокъ и что нескоро опять заведешь эти инструменты; но ни о Шипкѣ, ни о Болгаріи, ни о причинѣ, требующей его на защиту кого-то,—ничего этого ему неизвѣстно, никто объ этомъ ему не скажетъ ни единаго слова, а главное—онъ самъ *отвыкъ* разспрашивать объ этомъ и узнавать.

Я бы сказалъ большую неправду, если бы сталъ утверждать, что въ этомъ «неразсужденіи» народа скрывается, положимъ въ данномъ случаѣ, охота идти въ бой и дѣтски-чистое желаніе постоять за правое дѣло. Нѣтъ этого ничего. Никто не знаетъ—зачѣмъ, въ чемъ дѣло, но всякій безпрекословно идетъ потому, что привыкъ идти, когда ему скажутъ: «иди»; привыкъ платить, когда скажутъ: «плати», и совершенно отвыкъ отъ «разговоровъ» на тему—куда? зачѣмъ? и почему? такъ какъ идея большого или маленькаго явленія, совершающагося въ общей жизни государства, никогда не доходила до деревни. Сюда являются только какія-то дребезги, если можно такъ выразиться, этой идеи, не дающія о ней никакого понятія—деревня никогда не знаетъ даже о причинахъ, вліяющихъ прямо на ея экономическое положеніе, на ея карманъ.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, много-ли тре-

буетъ его *собственнаго разсудка* тотъ широкій кругъ общественной, государственной службы, которую несетъ крестьянинъ, и вы увидите, что въ этомъ отношеніи онъ не можетъ играть никакой роли. Онъ можетъ распредѣлить между своими односельцами цифру взимаемыхъ съ деревни денегъ, но самая цифра эта приходитъ ужъ готовая—«изъ города». Высчитано, что съ Слѣпого-Литвина приходится получить 1,082 руб. ³/₄ коп., и Слѣпое-Литвино разбиваетъ эту цифру на количество душъ. И такъ во всемъ. А всего этого куда какъ много проходитъ ежедневно чрезъ деревню, безъ всякой возможности съ какой-нибудь стороны найти кончикъ нитки, по которой можно бы было добраться до источника. Изволь тутъ развиваться, понимать и думать!

Такихъ-то вотъ общественныхъ обязанностей деревня имѣетъ, правду говоря, безчисленное множество. Ихъ разнообразіе и несвязность одного требованія съ другимъ хотя и отбили охоту у крестьянъ отъ общихъ взглядовъ и разсужденій, но занимаютъ въ крестьянскомъ обиходѣ громадное и главное мѣсто. Какимъ-то тяжелымъ клубомъ свернулись всѣ разнообразныя отрасли общественной службы въ сознаніи крестьянина, и, не распутывая этого клубка (такъ какъ распутать его почти не возможно), крестьянинъ опредѣлилъ его однимъ словомъ—«деньги». Вся куча повелительныхъ наклоненій низвергается въ деревенскую глушь въ видѣ простого требованія денегъ и вообще какихъ-нибудь матеріальныхъ расходовъ, но денегъ, денегъ — главнымъ образомъ... Всякая, самая благороднѣйшая мысль, направленная на общую пользу, откуда бы она ни шла, дойдя до деревни, превращается въ простое требованіе денегъ. Проэкты «оздоровленія», «образованія», «поднятія народной нравственности», «оживленія народа», словомъ,—всякая *благая* мысль, какъ только начала приводиться въ исполненіе, непремѣнно начинается въ какомъ нибудь Слѣпомъ-Литвинѣ прямо со «взносовъ». Въ Петербургѣ, въ губернскомъ городѣ, въ уѣздномъ—идутъ разговоры, проэкты, доказательства, пренія; слышны разныя, безспорно умныя слова: «развитіе», «улучшеніе», а въ Слѣпомъ-Литвинѣ, во имя этихъ прекрасныхъ проэктовъ и словъ, происходитъ только *раскладка*. Изъ такихъ словъ какъ: «образованіе», «развитіе», «улучшеніе», въ Слѣпомъ-Литвинѣ, невѣдомо какимъ образомъ, образуются совершенно другія и всегда грустныя слова: «по гривеннику», «по двугривенному», «по полтинѣ». И всѣ эти гривенники и полтинники вносятся «безъ всякихъ разговоровъ», а если и не вносятся въ должномъ количествѣ, то все-таки каждый старается заплатить, чувствуя, что за нимъ есть недоимка.

Обведя вокругъ Москвы кругъ, радіусомъ верстъ въ четыреста, мы получимъ мѣстность, въ которой положеніе крестьянина и направленіе его мысли въ общихъ чертахъ опредѣлится стремленіемъ «добыть денегъ», только добыть денегъ—больше ничего. Къ этому направленію крестьянской мысли начало присоединяться плохо опредѣляемое, но тяжко чувствуемое крестьяниномъ желаніе—уйти куда нибудь,—желаніе какъ-нибудь полегче добывать то, что теперь добывается съ такимъ трудомъ. И это стремленіе уйти изъ сухихъ и жесткихъ условій крестьянской среды объясняется все тою же необходимостью добывать все больше и больше денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда крестьянину не приходилось такъ много платить наличными деньгами, какъ теперь. Платить хлѣбомъ, тальками, курами, поросятами, какъ онъ въ старые годы платилъ помѣщику, который все это могъ сбыть оптомъ въ губернскій городъ или въ Москву,—теперь не приходится: ни куръ, ни холста, ни муки не возьметъ ни одно волостное правленіе; нужны чистыя деньги, кредитные билеты, и вотъ этихъ-то чистыхъ денегъ и не откуда взять крестьянину, настоящему деревенскому мужику. Онъ чувствуетъ, что платить ему «надо»: объ этомъ никакихъ разговоровъ и сомнѣній нѣтъ; но платить нечѣмъ. Вышло такъ, что въ настоящую минуту нѣтъ крестьянскаго двора, по крайней мѣрѣ въ Слѣпомъ-Литвинѣ, о которомъ главнымъ образомъ и идетъ рѣчь, который бы не платилъ за двухъ—никакъ не меньше—душъ. Семь человѣкъ ратниковъ, ушедшихъ въ ополченіе, составляютъ вновь добавочный платежъ за четырнадцать душъ, раскладывающійся не болѣе какъ на пятьдесятъ человѣкъ работниковъ-мужчинъ. Къ Покрову непремѣнно необходимо представить эти деньги; нѣтъ сомнѣнія, что недоимка будетъ громадная (на 60-ти дворахъ Слѣпого-Литвина ея наросло уже 8,000 р.); но слѣпинскіе мужики, не зная, сколько придется выработать (тутъ тоже тьма кромѣшная), все-таки будутъ биться, стараться добыть деньги... Откуда и какъ-же они ихъ добудутъ?

На этотъ вопросъ всякій слѣпинскій мужикъ можетъ дать вамъ только такой отвѣтъ:

— Откуда!.. Вѣдь Господь милостивъ, батюшка... Человѣкъ всю жизнь бьется—все ничего, а вдругъ „и изъ палки выстрѣлитъ!“.

То-есть вдругъ, невѣдомо откуда и какъ, налетитъ на человѣка полтинникъ, рубль—и спасетъ его отъ бѣды.

8.

Здѣсь кстати сказать о самой послѣдней формаціи господскаго дома. Несмотря на то, что настоящій, колобродящій и капризничающій баринъ прошелъ, что прошелъ баринъ пожирающій и баринъ гуманничающій*), и только теперь, когда въ барскомъ домѣ поселился просто нѣмецкій кулакъ Клейнъ, барскій домъ сталъ заслуживать въ глазахъ крестьянина вниманіе и даже уваженіе... Да! Въ домѣ живетъ просто кулакъ, а крестьянинъ начинаетъ видѣть въ немъ нѣчто высшее, такъ какъ здѣсь—единственное мѣсто въ деревнѣ, откуда можно хотя изрѣдка, но все-таки получать чистыя деньги... Отцомъ и благодѣтелемъ становится этотъ какой-то Адольфъ Иванычъ, содержавшій въ Петербургѣ домъ терпимости. Всѣ знаютъ это, но все-таки уважаютъ Адольфа Иваныча, и уважаютъ не только потому, что онъ даетъ хлѣбъ, давая работу, а и потому, что онъ съумѣлъ выбиться, вый-

*) См. разсказъ «Непорванныя связи».

ти въ люди, въ помѣщики, тогда какъ былъ такой же мужикъ, какъ и всѣ. Это ужъ уваженіе интеллигентности, понятной крестьянину, поставленному въ необходимость выше всего почитать рубль серебромъ. Что Адольфъ Иванычъ этотъ нажилъ деньги нечистымъ путемъ—за то онъ самъ и отвѣтитъ предъ Богомъ: это его дѣло; а главное—умѣлъ нажить. О его высшихъ качествахъ ума свидѣтельствуетъ также и то, что онъ не капризничаетъ безъ толку, не проѣдаетъ добра, не колобродитъ съ канавами и дренажами, а просто обираетъ гдѣ только возможно, экономно и умно, запрягая этихъ-же самыхъ крестьянъ въ труднѣйшія работы, которыя стоили бы большихъ денегъ, еслибы Адольфъ Иванычъ не былъ уменъ и не съумѣлъ бы обыграть мужиковъ на водкѣ, словно на картахъ. Рѣшительно ни одинъ крестьянинъ не можетъ, то есть буквально не въ состояніи не уважать этого Адольфа Иваныча, какъ умъ, какъ талантъ, такъ какъ у каждаго крестьянина на плечахъ лежитъ та-же самая тяжкая задача—«добыть денегъ», которую Адольфъ Иванычъ такъ блистательно разрѣшилъ. Есть между слѣпинскими мужиками просто влюбленные въ послѣдовательность и неумолимую логику, съ которою Адольфъ Иванычъ преслѣдуетъ свои цѣли. Вотъ примѣръ: у сосѣдней помѣщицы стала пропадать мука изъ амбара. Она приказала караулить своему приказчику; приказчикъ укараулилъ какого-то мужика, царапнулъ его камнемъ и привелъ къ барынѣ. Нужно прибавить, что приказчикъ—человѣкъ тоже «энергическій» и тоже «послѣдовательный».

Пойманный мужикъ сталъ просить помилованія, и барыня простила. Послѣдовательный приказчикъ немедленно попросилъ разсчета.

Я видѣлъ его, когда, по полученіи разсчета, онъ отправлялся къ Адольфу Иванычу просить мѣста. Разсказавъ исторію съ воромъ, онъ прибавилъ:— «Что-жъ это такое? Нешто можно такъ поступать? Опосля этого они (т. е. собственные-же его односельцы) и все будутъ таскать да въ ногахъ валяться... Нѣтъ, у Адольфъ Иваныча этого нѣтъ: ужъ у него, братъ, разъ что сказано—свято! Сказалъ: «бей!»—ужъ бей, постоитъ за тебя до послѣдняго слова; хоть къ мировому, хоть въ сенатъ—ужъ не отступится отъ своего... А это что-жъ такое?»..

И такъ, не отступайся отъ «своего», гони «свою» линію до послѣдняго предѣла, наживай гдѣ и какъ можно, отвѣтъ одинъ—Богу!.. Вотъ въ какихъ формахъ начинаютъ выясняться преимущества умнаго человѣка передъ глупымъ.

— Чистый дуракъ или чистая дура, скажутъ вамъ о томъ или другомъ помѣщикѣ или помѣщицѣ.—Такъ надо сказать—балалайка безструнная.

— Отчего такъ?

— Да какъ-же, помилуйте! кабы ежелибы онъ (или она) *свою пользу* понималъ, нешто-бы онъ сталъ такъ-то?.. А то судите сами...

И затѣмъ разсказывается исторія, изъ которой видно, что человѣкъ своей пользы не понимаетъ.

— И есть дуракъ! какъ-же не дуракъ-то?

Поживъ въ деревнѣ и ознакомившись съ неоспоримою важностью рубля серебромъ, начинаешь соглашаться съ мнѣніемъ относительно людей, не понимающихъ своей пользы.

9.

Возвращусь однако къ разговору о средствахъ и путяхъ, какими можетъ быть добыта слѣпинскимъ крестьяниномъ кредитная бумажка. Словами «всю жизнь бьешься, и вдругъ и изъ палки выстрѣлитъ» опытный въ этомъ дѣлѣ крестьянинъ совершенно вѣрно опредѣляетъ полнѣйшую случайность въ возможности пріобрѣтенія рублей. И въ самомъ дѣлѣ, даже слѣпинскимъ мужикамъ, деревня которыхъ лежитъ на большой почтовой дорогѣ и въ десятверстахъ отъ станціи желѣзной дороги, даже и таикимъ, относительно сказать, благопріятно поставленнымъ мужикамъ, почти невозможно опредѣлить, откуда именно грянетъ выстрѣлъ рублемъ, изъ какой палки.

Въ ряду такихъ случайныхъ заработковъ слѣпинскаго мужика, первое мѣсто все-таки занимаетъ заработокъ, даваемый бариномъ, на этотъ разъ бариномъ шальнымъ на «новыя деньги», деньги желѣзно-дорожныя, случайныя, пьяныя. Отвоевавъ въ Питерѣ концессію, схвативъ кушъ и просто-на просто «объѣвшись» купленныхъ столичныхъ утѣхъ, яствъ и питей, такой новый случайный баринъ чувствуетъ утробную жажду «воздуха», «снѣгу», «чернаго хлѣба», вообще деревни; и вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду, начиная съ половины или съ конца октября, въ Слѣпое-Литвино стали наѣзжать эти «господа» на охоту.

Каждый убитый такими охотниками заяцъ, по разсказамъ слѣпинскихъ мужиковъ, обходится господамъ не менѣе какъ въ двадцать рублей серебромъ—цифра баснословная, сумасшедшая, не имѣющая сравненія съ цифрами никакихъ заработковъ, требующихъ того же промежутка времени, что и пріѣздъ господъ. Благодаря этимъ охотамъ, въ крестьянскихъ домахъ Слѣпого-Литвина то и дѣло встрѣчаешь пустыя бутылки отъ шампанскаго, отъ рейнвейна и т. д. Такая черта господскихъ наѣздовъ въ деревню сулитъ еще множество постороннихъ заработковъ, влечетъ за собой другую серію услугъ, также всегда щедро оплачиваемыхъ. Явные и для всѣхъ видимые слѣды благосостоянія въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ семьяхъ, начавшагося именно благодаря этимъ случайнымъ господскимъ наѣздамъ, заставляютъ всю деревню поголовно ждать этихъ наѣздовъ съ нетерпѣніемъ. Но вотъ бѣда: чтобы наѣздъ этотъ былъ такъ-же выгоденъ, какъ онъ оказался выгоднымъ для «умѣлыхъ», надо умѣть примѣтить и поймать въ массѣ наѣзжающихъ, вмѣстѣ съ господами, прихотей и капризовъ—такую прихоть, такой капризъ, удовлетворяя который можно разсчитывать на вѣрную выручку. Въ этомъ вся штука: узнать человѣка, распознать, на что онъ «ходитъ», «ловится», и потомъ уже «бить въ эту точку». Тутъ, во время этихъ наѣздовъ, производится двойная охота: господа охотятся за зайцами, выслѣживаютъ волковъ и лисицъ, а мужики охотятся за господами и выслѣживаютъ ихъ капризы и прихоти. Трудна эта, надо сказать правду,

ухъ какъ трудна эта охота крестьянина за бариномъ! Выслѣживаетъ его вся деревня, отъ мала до велика; каждому нужно найти свой кончикъ нитки и крѣпко держаться за него, а между тѣмъ никому неизвѣстна вообще конструкція господскихъ внутренностей; неизвѣстно, какъ, откуда и какимъ путемъ пойдетъ капризъ, съ котораго боку схватиться. Все это темно, покрыто мракомъ неизвѣстности. Правда, въ общихъ чертахъ крестьяне знаютъ, что изъ барина выйдетъ, если онъ не настоящій охотникъ, что-нибудь веселое и капризное, необъяснимое; но кто именно изъ этой толпы настоящій охотникъ, кто только бахвалъ, бабникъ, любитель скоромныхъ разговоровъ — это еще неизвѣстно. И вотъ тутъ-то и требуется страшная работа ума, къ несчастію рѣшительно не поддерживаемая болѣе или менѣе обстоятельнымъ знакомствомъ съ аппетитами, управляющими вообще господскимъ образомъ жизни. И попрежнему приходится полагаться на случай, на выстрѣлъ изъ пня.

— Вонъ Михайло Петровъ... Тотъ чѣмъ господамъ понравился? А попался ему, братецъ ты мой, купецъ съ Калашниковой пристани... Ну, только оченно этотъ купецъ былъ сурьезенъ!.. Такъ сурьезенъ, что это даже ужасти! Думалъ, думалъ Михайло-то Петровъ, что тутъ съ эстимъ сурьезнымъ купцомъ дѣлать... И такъ не выходитъ, и въ эвту сторону тоже не беретъ.. А богатъ купецъ-то, отойтить отъ него «такъ»—обидно! Ну, думаетъ Михайла, что будетъ!—и больше ничего, что сталъ ему угождать... Ничего не проситъ, чтобы тамъ на водочку или что, а такъ сталъ вродѣ какъ рабъ безсловесный... И впередъ-то его въ сугробъ забѣжитъ, по шею провалится: «не ходите, говоритъ, ваше сіятельство, глыбоко тутъ, не въ это мѣсто идете»... И ножки то ему обчиститъ, вѣточку приподыметъ, то есть всѣми способами... И ни-ни-ни, насчетъ чтобы награды, ни Боже мой! Расточилъ онъ вокругъ купца этого самого почтенія и благолѣпія видимо-невидимо; услуживаетъ ему и благодаритъ, и напредки приглашаетъ, и хвалитъ—расхваляетъ, а денегъ не проситъ... Что-жъ ты думаешь, пронялъ вѣдь?

— Прронялъ?!

— Пробралъ, братецъ ты мой, въ самый корень!..И что-жъ ты думаешь?—И всего-то въ сурьезномъ купцѣ и было товару что одна глупость... Почитай его да хвали—и все!.. И преспокойно совсѣмъ съ лапочками возьмешь!.. Вотъ поди ты, узнай ихъ! А ужъ какой былъ сурьезный, Боже мой! Мы думали ужъ, и подходу къ нему нѣту, точно какой напримѣръ столбъ деревянный, а онъ, братецъ ты мой, больше ничего что балобанъ: хвали его да угождай—и все!.. Съ тѣхъ поръ Михайло-то и пошелъ въ ходъ... И домъ оправилъ, и лошадей тройка—все, слава Богу, пошло. Теперича какъ сурьезный купецъ ѣдетъ,—ужъ Михайло безъ шапки бѣжитъ за тройкой верстъ пять... И купецъ-то, братецъ ты мой, никого, кромѣ Михайлы, не зоветъ... Ужъ наши пробовали-было, да нѣтъ! «Михайлу»; говоритъ, «давай!..»—Поди ты вотъ...

— Нѣтъ, братцы, какъ я одинова влопался-было съ этими съ господами! начинаетъ рѣчь новое лицо изъ слѣпинскихъ мужиковъ.

Разговоръ происходилъ на бревнѣ, гдѣ собрались въ праздникъ посидѣть слѣпинскіе обыватели. Бревно лежитъ близъ рѣки; у моста; мѣсто здѣсь просторное, веселое, видно далеко.

— Такъ-было втесался, такъ это—ахъ!.. Попался мнѣ тоже ха-арошій «теленокъ». Утрафилъ я ему тоже, вотъ какъ и Михайло, въ почтеніе... Что угодишь, что похвалишь, глядь—гривенникъ да двугривенный. Вижу я такое удовольствіе — поперъ въ эвтотъ бокъ.—«Ужъ баринъ, этакихъ господъ, надо такъ сказать, и не было, и не видано...» Расписываю его такъ-то, да и махони:—«какой, говорю, это баринъ? Не баринъ это, а Богъ!..»

— Охо-хо!.. загоготали слушатели: — экъ ты его какъ вздыбилъ... ха-ха-ха!..

— Передалъ, братъ! замѣтилъ старый старикъ.

— Ровно черезъ крышу перебросилъ, прибавилъ другой.—Ну, чтожъ онъ-то?

— Какъ, братцы мои, взбодрилъ я его эдакимъ-то манеромъ—и что только сталось съ бариномъ, не вѣдаю! Покраснѣлъ весь, ровно ракъ, и ужъ принялся же онъ меня пушить, на чемъ только свѣтъ бѣлый стоитъ! До того же все молчалъ, а тутъ какъ пошелъ, какъ пошелъ!.. «И холопъ, и подлецъ, и пошелъ прочь!», и, Боже только милостивый, чего-чего не наговорилъ.. Вижу—шабашъ! Просолилъ барина начисто!...

— Просолилъ, это ужъ вѣрно!

— Стою, молчу, ничего не могу въ толкъ взять, а вижу, братцы мои, — понялъ... «Тебѣ, такому-сякому, двугривеннички надобны?... ты изъ-за гривенника собаку дохлую готовъ цѣловать и богу на нее молиться?...»

— А-а-а... понялъ!

— То-то — понялъ, братцы мои!... Слушаю я такъ-то, вижу плохо; а жаль барина-то... Думаю, какимъ теперича манеромъ мнѣ его оборотить?.. И что-жъ ребята? Вѣдь оборотилъ!...

— Ну? единодушно возопило все облѣпленное народомъ бревно.

— Передъ истиннымъ Богомъ, оборотилъ!.. Перво-наперво далъ я волю: звони, молъ, во всѣ!.. Что ужъ, вижу—ничего не подѣлаешь.

— Ужъ тутъ что! Чего ужъ тутъ подѣлать!

— Думаю, ребята: дуй, ваше благородіе: можетъ быть Господь намъ и поспособствуетъ...

— Ха-ха-ха!...

— Лупи, молъ, не жалѣй кубышки... Распечаталъ онъ меня, надо сказать прямо, вполнѣ. Мѣста живого не оставилъ... Замолчалъ. — «Пошелъ вонъ!» Я и ушелъ, а самъ думаю: нѣтъ, шалишь! Ушелъ и онъ къ Адольфу Иванычу въ покои — обѣдать съ прочими господами... Я остался у крыльца съ лошадьми; думаю, ужъ какъ-нибудь надо выбираться изъ бучила... Думалъ, думалъ и надумалъ. Часа черезъ два эдакъ мѣста — откушали, выходятъ... Выходитъ народу сразу человѣкъ десять... Перекинулся тутъ я на грубость... Подхожу къ моему, говорю: «За что ты меня, баринъ, говорю, обидѣлъ — я къ тебѣ всей душой...»—«По-

бы и глаза не глядѣли ни на что: товаръ растерялъ, а ничего не привезъ. Остались у меня одни пряники. (И пряниковъ тоже дядя купилъ—бабы, дѣвки любятъ; только у меня что-то бабы пряниковъ не брали: надо быть видѣли, что я съ простиной торгую.) Остались только у меня эти самые пряники, да и тѣ всѣ въ мѣшкѣ переломались. Скучно мнѣ, очённо непріятно было. Жена видитъ, что дѣло мое неладно, молчитъ. Сижу такъ-то, думаю, какъ мнѣ съ этимъ трепьемъ быть? Смотрю, идутъ парни съ посидѣлокъ.—«Мы, говорятъ, слышали отъ твоей бабы, что пряники, что-ли то, у тебя есть?»—Есть, говорю.—«Давай!»—Отпустилъ. Узнали на деревнѣ, что у меня пряники, повалилъ ко мнѣ народъ, и бабы, и парни, и дѣвки: лавочки въ ту пору у насъ еще не было. Не больше какъ часа въ полтора, всѣ мои пряники я и расторговалъ. Ничего что изломанные и все-такое—только подавай... Все начисто до послѣдней порошинки расторговалъ; сталъ считать—вижу: польза и не маленькая!.. Вотъ, думаю, Господь мнѣ послалъ милость свою, хоть мало-мальски убытки мои покрою (теперича вся забота—хоть бы съ долгами-то расплатиться, а ужъ куда торговать...) На утро, чѣмъ свѣтъ, только что бѣлѣть начало, погналъ я свою кобылку на станцію—за пряниками. Вечеромъ—опять торговля, и опять все разобрали: польза идетъ хорошая. На утро опять на станцію, опять вечеромъ торгую. И такъ пошло дѣло чудесно, что ежели бы мнѣ эдакъ-то проторговать недѣли съ двѣ—и долги бы заплатилъ, да и пользы бы имѣлъ, по крайности, рубля на три... Ну, только не вышло. Какъ провѣдали наши слѣпинскіе, что Иванъ, молъ, Аѳанасьевъ на пряникахъ расторговываться сталъ, и повалили тоже на станцію закупать. Развелось у насъ въ ту пору пряниковъ больше, чѣмъ хлѣба, или снѣгу на дворѣ... И съ этихъ поръ всѣ мы остались въ чистомъ убыткѣ. Я-то, по крайности, хоть мало-мальски на отдачу сбилъ деньжонокъ, а другіе-прочіе такъ и остались съ пряниками. Съ тѣхъ поръ я ужъ торговлей не занимаюсь. Ни-ни, сохрани Богъ... Какъ отдалъ дядѣ заемныя, такъ у меня словно гора съ плечъ свалилась: Богъ съ ней и съ торговлей, не наше это, крестьянское, дѣло»!.

Изъ такихъ эпизодовъ соткана вся жизнь Ивана Аѳанасьева втеченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Не умѣя, какъ истинный крестьянинъ, ни хитрить, ни лукавить, ни обманывать (земледѣльческій трудъ ничему такому не учитъ), Иванъ Аѳанасьевъ прогораетъ на всѣхъ предпріятіяхъ, цѣль которыхъ добыть деньги. Разъ его заманила какая-то родственница, жившая въ кормилицахъ въ Петербургѣ, и сулила мѣсто дворника. Иванъ Аѳанасьевъ соблазнился, истратилъ всѣ деньги, какія были, на машину, и пріѣхалъ въ Петербургъ. Мѣсто ему въ самомъ дѣлѣ нашлось; но странное дѣло: больше, чѣмъ малаго ребенка, его испугала эта бездонная пропасть «чужого» народа, которымъ кишитъ столица. Онъ испугался этой голой работы изъ-за денегъ; ему трудно было жить безъ «своихъ», трудно работать безъ ихъ поддержки. Въ тотъ день, когда нужно было идти на мѣсто, Иванъ Аѳанасьевъ затосковалъ, какъ школьникъ, которому не хочется покинуть родительскій домъ. Кормилица-родственница, которая раздобыла ему мѣсто и у которой онъ останавливался въ Петербургѣ, напрасно гнала его идти на мѣсто, напрасно торопила... Иванъ Аѳанасьевъ заскучалъ еще пуще отъ этихъ понуканій. Когда же наконецъ онъ очувствовался и пошелъ, то, прійдя на мѣсто, нашелъ, что оно занято другимъ. Триста верстъ Иванъ Аѳанасьевъ шелъ до деревни пѣшкомъ, питаясь Христовымъ именемъ, и наконецъ кое-какъ доплелся до двора.

— Тутъ-то я ужъ отдохъ!.. Думаю, Богъ съ вами совсѣмъ, съ мѣстами... Я на одномъ хлѣбѣ просижу—по крайности дома!.. А что намучился, такъ это одному Богу извѣстно...

Послѣ каждой изъ такихъ неудачъ и отлучекъ изъ дому Иванъ Аѳанасьевъ возвращался къ родному гнѣзду всегда съ необычайною дѣтскою радостью, несмотря на то, что, возвращаясь, былъ еще бѣднѣй, чѣмъ тогда, когда уходилъ. Онъ радъ коркѣ хлѣба, лишь бы она была своя, домашняя, лишь бы ему быть въ понятной ему, знакомой, любимой средѣ...

— «Денегъ! денегъ!» вопіетъ новѣйшее время, и не умѣющій ихъ доставать Иванъ Аѳанасьевъ вновь ловится на какомъ-нибудь денежномъ планѣ. Сманиваютъ его на землекопную работу, рыть каналъ близъ Ладожскаго озера, даютъ десять рублей впередъ, обѣщаютъ поить, кормить. Нечего дѣлать, идетъ Иванъ Аѳанасьевъ, и—глядишь—черезъ полгода плетется домой безъ копѣйки, и безъ здоровья, и безъ одежи... Оказывается, что спать ему приходилось въ снѣгу, что кормили его падалью, что обсчитывали безъ зазрѣнія совѣсти, что многое множество перемерло отъ болѣзней рабочаго народа и зарыто кое-гдѣ... Насмотрѣвшись и настрадавшись, Иванъ Аѳанасьевъ радъ, что выручилъ паспортъ, и ушелъ, куда глаза глядятъ. И ужъ какъ радъ дому-то, какъ радъ своей соломенной крышѣ, печкѣ, этому жидкому, кислому «своему» квасу!.. Какъ ни изнурятъ, ни измучаютъ его, но свои мѣста, а главное—возвращеніе «къ крестьянству», то-есть земледѣльческому труду, вновь возстановляетъ всѣ его нравственныя силы, уничтожаетъ на его лицѣ слѣды болѣзни, горя, негодованія,—и вновь это лицо глядитъ спокойно, благородно и привѣтливо...

Но деревенскія дѣла идутъ такимъ путемъ, что Ивану Аѳанасьеву никоимъ образомъ не придется остаться дома. Онъ ужъ и теперь поговариваетъ:

— Ежели-бы хоть на пять рублей въ мѣсяцъ, т. е. вѣрныхъ, какое мѣстечко было,—кажется сейчасъ-бы пошелъ. Право-слово!

Это-то именно и грустно.

Хуже всего въ этой случайности заработковъ то, что они разрушаютъ общность деревенскихъ интересовъ, деревенскій «міръ». Такіе заработки никоимъ образомъ не могутъ считаться мірскими; каждый, кому удалось ухватить, ухватилъ самъ, своимъ умомъ и для себя, и невольно тянетъ въ

свою сторону. При такомъ ходѣ дѣлъ та правдивость имущественныхъ отношеній, которою держится міръ, благодаря земледѣльческому труду, нарушается неравенствомъ то тамъ, то сямъ прибавляющихся и вполнѣ чуждыхъ землѣ средствъ. Тамъ, гдѣ заработокъ мало-мальски хорошъ, тамъ, гдѣ онъ даетъ больше денегъ,—пропадаетъ даже и охота жить земледѣльческихъ трудомъ, тянуть эту крестьянскую лямку, не дающую ни единой копѣйки денегъ, которыя именно и нужны. Является прямое желаніе уйти и отъ міра, и отъ деревни, и отъ земли, отплачиваясь отъ всего этого деньгами.

11.

Кстати два слова объ одномъ «бабьемъ заработкѣ». Съ нѣкотораго времени слѣпинскія крестьянки получили возможность брать питомцевъ воспитательнаго дома на вскормленіе, такъ какъ районы, въ которые отдавались дѣти воспитательными домами, постоянно увеличивались: теперь районъ петербургскій ужъ сошелся границею съ московскимъ. Черезъ каждые четыре мѣсяца каждая кормилица получаетъ десять рублей или, всего-навсего, въ годъ тридцать рублей. Но хотя этотъ заработокъ и опредѣленъ, онъ лучше всего доказываетъ, до какой степени крестьянину нужны деньги: за эти тридцать рублей, за три красненькія бумажки, большею частью прямо поступающія въ волостное правленіе, крестьянское семейство платитъ своими трудами и хлопотами и тратою времени не менѣе какъ въ пять разъ болѣе того, что получаетъ. Напрасно полагаютъ, что изъ смертности дѣтей деревенскіе люди дѣлаютъ доходную статью; ничего этого нѣтъ: дѣти мрутъ, правда, какъ мухи, особливо лѣтомъ, но не отъ дурного ухода, не отъ худого умысла, а отъ незнанія, отъ небрежности врачей или отъ бѣдности самихъ крестьянъ. Еслибы не эти несчастныя три бумажки красныхъ, повѣрьте, мало бы нашлось охотниковъ переносить муку ухода за «казеннымъ» ребенкомъ, ухода, обставленнаго безчисленнымъ множествомъ формальностей, которыми знающіе ихъ люди очень легко могутъ пользоваться въ ущербъ этимъ десяти рублямъ.

По Николаевской желѣзной дорогѣ ѣдетъ старуха-баба и держитъ на колѣняхъ мѣшокъ. Дѣло происходитъ въ третьемъ классѣ, лѣтомъ 1877 года, въ жгучій іюльскій день.

— Далеко-ли, бабушка? спрашиваетъ ее мѣщанинъ-сосѣдъ.

— Да вотъ (она назвала станцію)... лекарь тамъ нашъ живетъ...

— Какой-такой вашъ лекарь?

— А нашъ, питомницкій...

— Что-жъ, ты захворала что-ли, али такъ?

— Нѣту, миленькій, не захворала... Я-бы легче помереть, не то что хворать согласна была, ничѣмъ...

Старуха заплакала и шепотомъ произнесла:

— Поглядико-сь, что везу-то...

Осматриваясь съ осторожностью по сторонамъ, она открыла мѣшокъ, и мѣщанинъ, къ неописанному ужасу своему, нашелъ въ немъ три дѣтскіе трупа, завернутые въ тряпки.

— Господи помилуй! Что-жъ это такое?...

— То-то, горюшко-то!.. Не хоронятъ, вишь, безъ записки отъ доктора, а докторъ-то отъ насъ—эво гдѣ... Съ гробомъ идти—кондукторъ не пуститъ, нанимай особый вагонъ: вотъ и таскаю въ мѣшкѣ...

— Ахъ-ахъ-ахъ!.. Крещеные?

— Какъ-же, соколикъ, крещеные... всѣ крещеные... Помираютъ, другъ ты мой, одинъ за однимъ!.. А все отъ молока. Киснетъ молоко-то: что будешь дѣлать, кабы у насъ погреба были, ледники—ну такъ! А то киснетъ—да и шабашъ! а они съ кислаго-то и мрутъ... И денегъ-то не дадутъ, и свои-то на разъѣзды изведешь; а что мученья на душу примешь—и языкъ не поворачивается сказать. Что я намучилась-то съ эстими съ мертвенькими-то!..

— Что жъ такъ, ты-то одна орудуешь?

— Да больно, другъ ты мой, накладно каждой кормилкѣ самой ѣхать... Я ѣду, одинъ билетъ плачу; вотъ онѣ мнѣ и складываютъ на билетъ-то... Кабы не старость моя горькая, да не сиротство...

— А потомъ назадъ отъ доктора-то?

— Вѣстимо назадъ.

Старуха плакала, а мѣщанинъ качалъ головой.

Вотъ какія сценки случаются среди скромнаго и труднаго заработка крестьянки не больше какъ въ тридцать рублей въ годъ. Ужъ стало быть крестьянскому дому деньги нужны «до-зарѣзу».

II.

Безъ газетъ.—Улица.—«Деревенское Обозрѣніе»—Опытъ деревенской газеты.—Подати—подати!—Понукатели.—Упорщики и неплательщики.—Смерть мальчика.—Пріѣздъ доктора.—Учитель.—Лошадиная холка и красильщикъ Петръ.—Деревенская тайна.

1.

Вотъ уже четвертыя сутки какъ я не получаю съ почтовой станціи ни книгъ, ни газетъ, ни журналовъ! Столичному жителю, столичному читателю никогда не понять, что за жестокое мученіе долженъ въ подобныхъ случаяхъ испытывать такой-же самый столичный житель, сидящій почему-нибудь въ деревнѣ, въ русской деревенской глуши! Отвыкнувъ отъ пониманія сущности и формъ деревенской жизни, далекій, благодаря этимъ формамъ, даже отъ мысли находить между деревней и столицей какую-нибудь связь, такой человѣкъ (живетъ-ли онъ на дачѣ или только-что благопріобрѣлъ тихій деревенскій уголокъ въ потомственное владѣніе) не можетъ обойтись безъ газетъ. Онѣ необходимы ему, какъ необходимы пузыри для человѣка, боящагося плавать по глубокой и широкой рѣкѣ. Что дѣлать, если эти пузыри лопнутъ? Если два-три-четыре дня нѣтъ извѣстій ни съ театра войны, ни изъ сферъ правительственныхъ, словомъ—нѣтъ ничего, чѣмъ столичный житель привыкъ интересоваться ежедневно,—въ обоихъ случаяхъ гибель неминучая! По обоимъ берегамъ рѣки, среди которой онъ гибнетъ, видны толпы народа; но никто не поможетъ ему. Одни работаютъ, не видятъ его гибели, не слышатъ его воплей. Другіе и видятъ, и слышатъ, но ничего сдѣлать не могутъ: ни лодокъ нѣтъ, ни пловцовъ.

Погибай среди-бѣла дня, во цвѣтѣ лѣтъ, на глазахъ толпы людей! Та-же самая исторія происходитъ и въ случаяхъ, когда по какимъ-нибудь, всегда невѣдомымъ, причинамъ изъ рукъ вашихъ исчезаетъ газетный листъ... «Что въ Плевнѣ? Что въ Карсѣ? Что въ Александринкѣ»?—взываетъ погибающій—и ни откуда нѣтъ отвѣта! Ни лавочникъ, ни батюшка, ни волостной старшина, ни тѣмъ паче обыватель деревни, крестьянинъ, никто не отвѣтитъ ни на одинъ вопросъ... Всѣ они «рады бы радостью» помочь вамъ, но не могутъ, потому что у нихъ *свои* дѣла, *свои* заботы..

—Были вы на станціи, Иванъ Иванычъ? вопіете вы къ лавочнику.

— Только сейчасъ вернулся...

— И не стыдно вамъ не зайти на почту, не взять газетъ?...

— Изъ ума вонъ!.. Совсѣмъ изъ ума вонъ!.. Да все съ этими раками...

— Какими раками?

— Да раковъ отправляли въ Питеръ, пять тысячъ, такъ цѣлый Божій день бился, какъ собака... Подите-ко, отвѣдайте, каково съ нашими съ первоначальниками то дорожными!.. Тутъ не до газетъ!

Отвѣчая на ваши разспросы, лавочникъ норовитъ уйти къ амбару и нетерпѣливо вертитъ въ рукахъ ключъ: ему нужно тамъ что-то гораздо болѣе важное, чѣмъ то, о чемъ вы его разспрашиваете. Очень хорошо вы видите нетерпѣніе, съ которымъ *онъ* отвѣчаетъ на ваши разспросы; но утопающій хватается за соломинку, и вамъ нѣтъ никакой возможности отпустить его на волю...

— Не слыхали-ли по крайней мѣрѣ чего-нибудь?.

— Нѣтъ..что-то бытто не слышно. Расшибли, говорятъ! .

— Кого! Гдѣ расшибли?

— Да болтали тамъ, на станціи, наши бытто расшибли... что-то... Муки, говорятъ, сблаговѣстили у турокъ оченно довольно...

— Да гдѣ? Кого кто расшибъ-то?

— А ужъ не могу вамъ въ точности... слышно, что сорокъ бытто тысячъ... Не то муки, не то въ плѣнъ... али какъ... Ужъ точно не могу вамъ... Я сейчасъ!—вдругъ вырываясь изъ неловкаго положенія, въ которое вы поставили его своими разспросами, и проворно убѣгая въ сторону, ужъ издали кричитъ вамъ лавочникъ.—Я сію минутую, только что вотъ насчетъ солонины... какъ бы не попортилась... духъ дала... с-сію минутую!

Но, ужъ будьте увѣрены, вамъ не дождаться его возвращенія; у него тамъ въ погребѣ всепоглощающій интересъ: солонина дала духъ, а вѣдь ея посолено пятнадцать пудовъ! Продать ее или повременить, не вымѣнять ли на жеребенка у Тарасова или двинуть въ казармы?—обо всемъ этомъ надо подумать, и подумать много... Какія тутъ газеты!..

У лавочника—солонина, у батюшки—хлопоты съ уборкой, благо удались хорошіе дни, хлопоты съ розыскомъ рабочихъ... Словомъ, у всякаго деревенскаго жителя есть нѣчто болѣе важное, болѣе спѣшное, чѣмъ всѣ эти турки, Плевны, газеты. Безпомощность вашего положенія именно тѣмъ и ужасна, что вы не можете не понимать, какъ въ самомъ дѣлѣ важна эта солонина одному, уборка другому, и стало быть, погибая, не имѣете права негодовать на то, что васъ не спасли. Разсыльный, который, получая отъ волостного правленія три рубля въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, долженъ ежедневно ходить на почтовую станцію, оставилъ васъ на четыре дня (а можетъ оставитъ и на четыре недѣли) безъ газетъ, т. е. безъ дыханія и воздуха, оставилъ потому, что ему навернулась работа: сосѣдъ-дьяконъ перевозитъ избу и платитъ деньгами по полтора рубля въ день. Зная хоть чуть-чуть цѣну деньгамъ, ни у кого, даже у волостного начальства, не подымется рука на этого старика, неисполняющаго своихъ обязанностей. Осенью, которая ужъ почти на дворѣ, ему надо платить подати, нужны деньги, а газеты—«успѣется»!

И вотъ вы идете ко дну. Съ гладкой поверхности политическихъ, литературныхъ, правительственныхъ, русскихъ и иностранныхъ и всякихъ иныхъ извѣстій вы, лишенные газетныхъ пузырей, идете ко дну неподкрашенной, ненапечатанной русской дѣйствительности. Безцвѣтныя, но крѣпкія и цѣпкія водоросли, покрывающія это дно въ изобиліи, начинаютъ опутывать васъ со всѣхъ сторонъ, не даютъ двинуть ни рукой, ни ногой... «Солонина дала духъ», «продешевилъ съ овсомъ», «испортилъ шкуру», «передалъ три копѣйки», «легче помереть, чѣмъ на сорокъ на пять копѣекъ соглашусь»—всѣ эти подлинные и насущнѣйшіе интересы самаго дна русской жизни опутываютъ, душатъ непривычнаго столичнаго жителя.

Въ первые дни моего пребыванія въ деревнѣ такія минуты, когда неаккуратность разсыльнаго или какая нибудь иная случайность не давала мнѣ возможности своевременно имѣть газету, журналъ—такія минуты были минутами истиннаго мученія. Доходило дѣло до того, что я, какъ маннѣ небесной, радъ былъ всякому печатному лоскуту, садился къ стѣнѣ и съ удовольствіемъ перечитывалъ газеты, которыми были оклеены стѣны обитаемаго мною дома.. Такъ велика была моя разорванность съ интересами деревни, такъ грубо относился я къ ежедневнымъ заботамъ и нуждамъ окружающей меня среды. руководствуясь въ этой грубости только тѣмъ, что эти интересы и ежедневныя заботы являются передъ моими глазами не въ тѣхъ формахъ, въ какихъ я привыкъ и въ какихъ желалъ бы ихъ видѣть. Время и довольно настойчивая неаккуратность разсыльнаго, по мѣрѣ разгара деревенскихъ работъ все чаще и продолжительнѣе оставлявшаго меня безъ пузырей, понемногу и, какъ мнѣ кажется, довольно основательно исцѣлили меня отъ этой нетерпимости сначала къ непривлекательной сухой формѣ деревенскаго быта, а потомъ и къ не менѣе непривычной для меня самой сущности этой неприбранной, не разложенной по газетнымъ рубрикамъ жизни. Перечитавъ всѣ оклеенныя газетами стѣны и переживъ мучительныя минуты, когда

ужъ ровно нечего было читать, когда нигдѣ не находилось ни одного печатнаго клочка, я невольно сталъ задумываться надъ тѣмъ въ высшей степени неловкимъ положеніемъ, которое я всякій разъ испытывалъ, покончивъ съ газетнымъ листомъ и выйдя на деревенскую улицу.

2.

Обыкновенно, очутившись послѣ газетнаго листа на деревенской улицѣ, нѣкоторое время ровно ничего не понимаешь. Въ газетѣ—отчеты о рефератахъ по народному образованію, о поощреніи торговли и промышленности, довольно ловко уясненные вопросы о томъ, чѣмъ намъ быть, что мы будемъ и куда мы идемъ. И вотъ, начитавшись всего этого, т. е. всевозможныхъ взглядовъ, мнѣній и мѣропріятій, касающихся русскаго народа, обсудивъ ихъ, согласившись съ другимъ, составивъ свои собственные теоріи и взгляды, такъ несомнѣнно касающіеся всего русскаго, я неожиданно теряюсь, даже забываю всѣ мои и ученые взгляды, и теоріи, какъ только вхожу въ самую средину этого народа... Что за тайна? Для какого-же народа все это печатается и пишется и о какомъ такомъ народѣ размышляю я самъ, если этотъ народъ своими солонинами, шкурами и прочими непостижимыми для меня интересами выбиваетъ изъ моей головы и заботы о лучшей системѣ народнаго обученія, и твердую увѣренность въ нашей исторической миссіи среди славянства, словомъ—все, что я, живя въ деревнѣ, долженъ искусственно поддерживать въ себѣ газетой?

Размышляя на эту тему, я очень скоро убѣдился, что вся бѣда разъясняется самымъ простымъ манеромъ и именно тѣмъ, что люди высшаго развитія и общества, органами которыхъ служатъ газеты, дѣлающіе все безъ сомнѣнія для народа, не даютъ себѣ труда обратиться именно къ мнѣнію того, о комъ идетъ рѣчь и о комъ идутъ всѣ эти хлопоты. Рефератъ о народномъ образованіи прочитывается въ ученомъ обществѣ, принимается, одобряется—и дѣлу конецъ. Какъ осуществится предлагаемая желающимъ народнаго блага референтомъ мѣра въ средѣ самаго народа—никто не спрашиваетъ объ этомъ. Столица, а стало быть и столичная газета не принимаетъ во вниманіе того самаго народнаго матеріала, надъ которымъ онѣ производятъ свои опыты улучшеній, усовершенствованій и вообще всякихъ благодѣяній. Ни въ одной газетѣ нѣтъ обстоятельнаго, хотя бы разъ въ годъ появляющагося «деревенскаго обозрѣнія», которое обращало бы вниманіе на участь, постигшую то или другое дарованное столицею народу благодѣяніе, и показало бы, въ какомъ видѣ благодѣяніе это добралось до деревни. Ничего подобнаго мнѣ не случалось нигдѣ видѣть или читать: деревня просто благодѣтельствуется такъ-таки «безъ всякихъ разговоровъ»; и вотъ почему деревенская дѣйствительность ставитъ въ такое неловкое положеніе всѣхъ, самымъ спеціальнымъ и тщательнымъ образомъ разрѣшившихъ у себя дома, хотя бы и въ самомъ благороднѣйшемъ смыслѣ, всевозможные касающіеся народа вопросы: чѣмъ ему быть, что ему надо, какая у него задача и т. д.

Мало-по-малу мысль о правахъ деревни въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся ея собственныхъ нуждъ и заботъ, стала вытѣснять изъ моего газетнаго сознанія рѣшенія этихъ деревенскихъ народныхъ вопросовъ, придуманныя не деревней. Почему—стало приходить мнѣ въ голову—въ газетныхъ рѣшеніяхъ вопросовъ народной жизни не играетъ никакой роли ни эта солонина, изъ-за которой человѣкъ забываетъ войну и Болгарію; ни эти раки, ни вообще всѣ интересы, задачи, заботы, которыми живетъ и которыми держится на свѣтѣ деревня? Почему она безропотно должна принимать всевозможныя рѣшенія относительно того, чѣмъ ей быть? Почему она сама не имѣетъ права сказать—что ей нужно? И долго-ли наконецъ она не будетъ знать, что такое задумываютъ для нея чужіе люди, хотя и люди высшаго развитія?..

Да, рѣшилъ я подъ вліяніемъ этихъ мыслей:—необходимъ настоящій мужицкій органъ, органъ деревенской жизни, безъ иностранныхъ извѣстій, безъ театральныхъ и литературныхъ фельетоновъ, органъ не курьезовъ и смѣхоты, а настоящаго положенія деревенскаго кармана, деревенскаго ума, сердца, желаній, нуждъ, надеждъ. Такой органъ освѣтилъ бы тьму кромѣшную русской жизни, внесъ бы свѣтъ въ темную комнату, гдѣ приходится ходить ощупью, путаться, теряться, спотыкаться, словомъ—не знать гдѣ, что и кто?..

Въ первый-же разъ какъ разсыльный оставилъ меня безъ газетъ на цѣлую недѣлю, я, чтобы убить время, принялся за составленіе програмы и перваго нумера ежедневнаго періодическаго изданія, посвященнаго деревнѣ и мужику. Я ни на минуту не сомнѣвался, что дѣло это легкое, стоитъ только приняться за работу поприлежнѣе. Но, увы! опытъ разубѣдилъ меня въ этой легкости. Дѣло оказалось необыкновенно труднымъ, главнымъ образомъ потому, что я за образецъ взялъ себѣ програму обыкновенныхъ столичныхъ газетъ, и тутъ мнѣ пришлось убѣдиться, что ни одинъ изъ отдѣловъ столичной газеты не пригоденъ для газеты мужицкой. Чтобы достойно подражать органамъ высшаго развитія и высшаго общества, я долженъ былъ просто лгать всякій вздоръ, сочиняя передовыя статьи, въ другихъ же отдѣлахъ долженъ былъ отсѣкать отъ того или другого факта особенные, только деревнѣ свойственные привѣски, чтобы фактъ этотъ влѣзъ въ ту или другую рубрику. Наконецъ нѣкоторые факты рѣшительно не влѣзали въ тотъ отдѣлъ, къ которому они подходили по внѣшнему виду. Столичныя газеты, не претендующія на то, если ихъ забываютъ тотчасъ по прочтеніи и ни въ какомъ случаѣ не будутъ помнить на слѣдующее утро, могутъ позволить себѣ крошить русскую и иностранную жизнь какъ имъ угодно: столичная публика все потребитъ. А съ деревенской дѣлать этого не приходится: мужицкій органъ—насущное и настоящее дѣло, въ противномъ случаѣ зачѣмъ и затѣвать затѣю.

Чтобы слова мои о трудности задачи не были бездоказательными, приведу примѣръ: состоялось распоряженіе о возвращеніи призванныхъ ратниковъ-одиночекъ. Куда я долженъ дѣвать это извѣстіе?

Въ столичныхъ газетахъ оно занимаетъ двѣ строчки въ отдѣлѣ правительственныхъ извѣстій и четыре въ хроникѣ, гдѣ сказано о единодушномъ восторгѣ: такъ въ столичной газетѣ. Въ мужицкой — должно быть совсѣмъ иначе; и какъ ни странно для столичнаго читателя, а это извѣстіе я долженъ помѣстить въ отдѣлѣ «недоимокъ», потому что:

— Здравствуй, Петръ! Воротили тебя?
— Какъ-же-съ!
— Что-же, радъ ты? Рады твои?
— Чему радоваться-то?
— Какъ чему? Пошелъ бы, убили бы...
— А тутъ-то что?
— Какъ? а тутъ ты дома..
— Дома-то дома, да что я дѣлать-то буду?.. Думали, *совсѣмъ* угонятъ, заложились совсѣмъ, сорокъ цѣлковыхъ стали проводы. А теперь и денегъ нѣтъ, да лишній ротъ... да въ долгу всё... Теперь подати... Чѣмъ отдашь-то? — денегъ-то вѣдь нѣтъ!

Или, въ какомъ изъ соотвѣтствующихъ столичнымъ газетамъ отдѣловъ долженъ напечатать я слѣдующее:

«Сельскому старостѣ Петру Михайлову. — Приказываю я тебѣ собрать съ мужиковъ — которые положены за порубку съ семи душъ — по шести съ четвертакомъ, то чтобы непремѣнно въ богоотцы Акимыанны ты собралъ, чтобы Акиму Ивановичу непремѣнному былъ представленъ взыскъ въ день ангела. Поручаю тебѣ съ большимъ стараніемъ предписываю я чтобъ собрать въ теченіи того времени Волостной старшина Полуптичкинъ».

Что это такое? Внутреннее-ли просто извѣстіе, правительственное-ли распоряженіе, или это годится въ отдѣлъ хроники, какъ прибавленіе къ извѣстію объ именинахъ Акимъ Иваныча? Но кромѣ этого голаго извѣстія о собраніи штрафа и о томъ, что старшина хочетъ сдѣлать подарокъ въ день ангела потерпѣвшему «непремѣнному» — кромѣ этого я не знаю, какъ мнѣ помирить съ этимъ радушіемъ старшины его полное къ этому Акиму Иванычу презрѣніе. Этотъ же старшина — поговорите съ нимъ объ Акимѣ Иванычѣ — скажетъ вамъ, что человѣкъ этотъ кулакъ и проныра, что при надѣлѣ онъ обманулъ крестьянъ, что крестьянскій дрянной надѣлъ записалъ по 1-му разряду, а свои отличныя земли — по 3-му и налогъ платитъ по третьему. На какія такія рубрики могу я разбить этотъ фактъ, взятый во всей совокупности? Чтобы не запутывать читателя, я прямо удивлю его, сказавъ, что записка старшины должна быть, вмѣстѣ съ упомянутымъ выше деревенскимъ привѣскомъ (о томъ, что Акимъ Иванычъ — кулакъ), помѣщена въ отдѣлѣ «*народнаго просвѣщенія*» и даже, какъ это ни покажется страннымъ, подъ особымъ названіемъ: «*Слѣды системы классическаго образованія въ деревнѣ*».

Въ видахъ образованія культурныхъ людей, вводится классическая система образованія. Предполагаются культурные столпы, разставленные въ разныхъ весяхъ Земли Русской и вліяющіе благотворнымъ образомъ на массу, вліяющіе своей внутренней, нравственной высотой, заставляющіе чувствовать массу внутреннее превосходство такого человѣка и такимъ образомъ облагораживаться. Разъ система признана достойной — ограничиваться школой, медленнымъ приготовленіемъ новыхъ людей невозможно. Предписанія о необходимости уваженія ко всякому благородству навѣрное слѣдуютъ изъ столицъ въ губернскіе города, изъ губернскихъ — въ уѣздные, оттуда — въ волости, въ сельскія общества. И вотъ, черезъ исправниковъ, архіереевъ, губернаторовъ, благочинныхъ, идея о необходимости въ средѣ народа внутренно отличныхъ отъ массы существъ, упрощаясь въ слогѣ и изложеніи, доходитъ до деревни, — и вотъ «приказываюя тебѣ» почтить Акимъ Иваныча какъ культурнаго человѣка, хотя онъ и кулакъ по нашему деревенскому, некультурному мнѣнію.

Этихъ двухъ примѣровъ, я полагаю, достаточно для того, чтобы понять всю важность и всю трудность затѣяннаго-было мною дѣла. Одинъ уже примѣръ Петра, возвращеннаго въ лоно родительскаго дома и недовольнаго этимъ, говоритъ о томъ, что не худо бы прежде, чѣмъ благодѣтельствовать, спросить у деревни: точно ли нужно брать этихъ Петровъ? Но этотъ примѣръ, какъ и послѣдующій, главнымъ образомъ доказываетъ только трудность разработки формы мужицкаго органа. Вотъ почему, оставивъ мысль о мужицкомъ органѣ, я рѣшился представить просто мой дневникъ, занося явленія деревенской жизни въ томъ видѣ и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ день за днемъ. Привожу отрывокъ изъ этого дневника, касающійся первыхъ дней осени.

3.

Существеннѣйшій признакъ осени — такой-же грустный и унылый, какъ желтые листья лѣса, какъ грозные тоны, начинающіе слышаться въ порывахъ вѣтра — есть несомнѣнно появленіе въ волостномъ правленіи предписанія уѣзднаго исправника о скорѣйшемъ взиманіи податей — Странное дѣло! Несмотря на то, что всѣ волостныя правленія только и живутъ изо дня въ день, изъ года въ годъ такими предписаніями уѣзднаго исправника, вѣсть о томъ, что «пришла бумага насчетъ податей», производитъ на обитателей нашей деревеньки впечатлѣніе почти неожиданности, и по тягости, по унылости едва-ли не превосходитъ впечатлѣнія и осенняго воя вѣтра, и голыхъ деревьевъ, и мокрыхъ желтыхъ листьевъ.

Дѣло въ томъ, что втеченіе всей рабочей поры, начиная съ апрѣля, мая и вплоть до уборки полей, т.-е. до первыхъ дней осени, предусмотрительные руководители наши ни единымъ словомъ не тревожатъ крестьянина. — Ни становой, ни исправникъ, ни старшина, ни староста — никто рѣшительно изъ имѣющихъ власть не пикнетъ, не заикнется ни о какихъ деньгахъ, — вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, замираютъ грозные крики: «давай», «давай!» Всякое начальство притаивается, словно исчезаетъ съ лица земли, и обыкновенный (не «порядочный») мужикъ, для котораго понуканье, дерганье и всякое тормошенье составляютъ, вслѣдствіе долгой привычки, главнѣйшее и существеннѣйшее содержаніе жизни человѣческой вообще, не видя этого дерганья и понуканья, начинаетъ понемногу

забывать о немъ и замѣтно отдается земледѣльческому труду. Надо удивляться, съ какой дѣтской наивностью предается онъ забвенію ожидающей его катастрофы.—Точно забитый и замученный педагогами школьникъ, онъ, оставшись одинъ, безъ наказаній и понуканій, во мгновеніе ока забываетъ все, что выдолбилъ, и все, что перенесъ отъ педагоговъ, забываетъ все это подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ мгновеній покоя. Нельзя не сознаться, что мѣра эта благодѣтельна: она поощряетъ рвеніе крестьянина къ труду, который не могъ-бы быть столь успѣшнымъ, еслибы происходилъ подъ безпрерывнымъ давленіемъ одного и того-же «давай!». Работа его идетъ втрое, вдесятеро лучше. Его поддерживаютъ всевозможные планы, всевозможныя фантазіи, которыя лѣзутъ въ это время въ его забывчивую голову: вотъ онъ продастъ хлѣбъ, купитъ лошадь, телушка за лѣто отходится какъ нельзя лучше—тоже деньги; вотъ ужъ онъ покрылъ и поправилъ сарай, сшилъ себѣ и мальчишкѣ новые сапоги—и такъ до безконечности. Подъ вліяніемъ этихъ плановъ и фантазій онъ бьется пять мѣсяцевъ какъ рыба объ ледъ, вытягиваясь вмѣстѣ съ своей лошаденкой изъ послѣднихъ силъ; и къ концу лѣта, когда поля покрыты волнующимися пышными хлѣбами, онъ до того уже освоивается съ своими несбыточными планами, что начинаетъ думать о праздникахъ, предстоящихъ въ августѣ и въ сентябрѣ, и совершенно не подозрѣваетъ, что онъ уже въ блокадѣ...

Едва онъ свезъ съ поля и смололъ первый снопъ новаго хлѣба, какъ бомбардированіе открывается внезапно со всѣхъ пунктовъ и съ непомѣрной настойчивостью. И въ самомъ дѣлѣ, необходимо сразу выбить всевозможныя фантазіи, необходимо съ корнемъ вонъ, какъ гнилой зубъ, вырвать эти грезы о телушкѣ, чтобы облегчить нелегкій переходъ отъ розовыхъ плановъ къ горькой и пасмурной дѣйствительности. И, надо отдать справедливость осаждающимъ, энергія ихъ выше всякой похвалы. Положительно можно сказать, что не успѣлъ слѣпинскій мужикъ довезти перваго мѣшка новаго хлѣба съ мельницы домой, какъ въ ту-же самую минуту разнеслась по деревнѣ вѣсть о «бумагѣ насчетъ податей». Оказалось, что еще вчера, въ одиннадцать часовъ вечера, старшина посылалъ за старостой и объявилъ ему о строжайшемъ предписаніи. И мгновенно по всей округѣ, точно холодный и упорный осенній вѣтеръ, поднимающій холодную пыль и уныло завывающій въ печныхъ трубахъ, загудѣла по деревнямъ унылая вѣсть о податяхъ—о страховыхъ, о земскихъ, о поземельныхъ... Лѣтнія фантазіи разрушались въ самое надлежащее время, именно когда еще почти весь хлѣбъ, хотя и сжатый, стоялъ въ полѣ, а яровое на-половину и не было даже убрано. Предписанія одно за другимъ, точно шрапнели, не давая опомниться, громили округу безъ умолку, настигали слѣпинскаго мужика на всѣхъ путяхъ. Пошелъ онъ въ кабакъ—хвать, у самаго носа разражается граната, являясь въ видѣ сельскаго старосты:

— Будетъ деньги-то въ кабакъ таскать! Подати несите... бумага вонъ!

— И всего-то гривенникъ несу... два стаканчика...

— Все давайте, что есть!

— Мы съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ, да какія это деньги—гривенникъ!..

— Все меньше будетъ! Знаю я ваше прекрасное удовольствіе... зачну вотъ продавать...

— Храни Богъ!.. авось...

Мужикъ идетъ въ кабакъ и коломъ влѣзаютъ ему въ горло оба стаканчика.

— Эй-эй! кричитъ между прочимъ староста, настигая другого случайно встрѣтившагося слѣпинца:—подати несите! Скажи своимъ, чтобы безпремѣнно... бумага—Боже мой!

— Ладно!

— Чего ладно! Сейчасъ давай, сколько есть!

— Да нѣтути сейчасъ-то.

— Когда-жъ будетъ?—все нѣтути да нѣтути. Когда жъ будетъ-то?

— Авось...

— Авось! А мнѣ за васъ въ темной сидѣть?.. Чтобъ безпремѣнно несли—вотъ что!

— Принесемъ...

— Да, безпремѣнно несите! Много вамъ прощали—нонѣ «поступать» станутъ,

Слово «поступать» очевидно очень значительно и для старосты, и для мужика.

— Что ты! говоритъ онъ испуганно:—Господь съ тобою, авось поплатимся...

— Ну, то-то! Помнить это надо!

Говоря такія страшныя слова и суля такія угрозы, сельскій староста, какъ мужикъ доподлинно знающій невозможность въ данную минуту напирать на крестьянъ въ сурьезъ, потому что изъ этого ничего не выйдетъ, кипятится и свирѣпствуетъ безъ всякаго серьезу, просто исполняя предписаніе. Въ виду такой внутренней непрочности идеи о необходимости взносовъ,—непрочности, живущей даже въ самомъ сельскомъ начальствѣ, главнѣйшемъ добывателѣ нашихъ сотенъ милліоновъ, необходимо вести осаду съ непоколебимою настойчивостью; необходимо день и ночь долбить циркулярами и телеграммами исправниковъ; необходимо тормошить становыхъ, необходимо не давать опомниться ни старшинамъ, ни старостамъ, чтобы все это полчище финансистовъ постоянно стояло на ногахъ и чтобы оно, внутренно сознающее непреоборимую трудность предстоящей финансовой операціи, выкинуло-бы, подъ вліяніемъ бомбардировки, всякія мысли объ этой трудности и сосредоточилось бы только на требованіи. И вотъ почему, едва смолотъ первый снопъ—крикъ: «подати! подати!» начинаетъ гудѣть надъ деревней неумолкаемо.

— «Подати несите! Несите подати!» какъ-то угрожающе (хотя и кротко) совѣтуетъ старшина, появляясь на деревенской улицѣ, появляясь какъ бы случайно, по пути въ лавку, но въ сущности именно только за тѣмъ, чтобы укрѣпить въ населеніи главную идею времени. Всѣ мимоѣдущія и мимоидущія власти, которыя втеченіе лѣта куда-то запропастились, а если и показывались на деревенскихъ аванпостахъ, то съ совершенно мирными

намѣреніями, какъ напримѣръ съ вопросами о томъ, что «много-ли, молъ, нынче ягодъ? много-ли будетъ осенью свадебъ?» и «не скучно-ли, молъ, тебѣ, Авдотья, одной, безъ мужа-то?»—все это кроткое, любезное и милое сословіе явилось теперь въ совершенно иномъ видѣ. Никто изъ нихъ не пройдетъ, не проѣдетъ, чтобы не остановиться или не остановить своихъ лошадей передъ первымъ встрѣчнымъ мужикомъ и не сказать ему торопливо и рѣшительно:

— Скажи старостѣ, чтобы непремѣнно подати... Слышишь?

— Слушаю-съ!

— Непремѣнно! Слышишь-ли? Неп-ре-мѣн-но!..

— Слушаю-съ!

— То-то слушаю-съ! Непре-минѣнно!

Или:

— Ты староста?

— Я-съ!

— Какъ подати?

— Помаленечку идутъ...

— Какъ помаленечку?. Что такое «помаленечку»?

— Мы съ нашимъ съ полнымъ...кабы, ежели бы...

— Что такое — «кабы, ежели»? Какія-такія «ежели»? Никакихъ «ежели» тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Слышишь?

— Слушаю-съ!

Благодаря такой тактикѣ, недѣли черезъ двѣ-три непрерывной осады, слѣпинскіе мужики окончательно забываютъ всевозможныя лѣтнія фантазіи и перестаютъ понимать въ себѣ и внѣ себя что-либо другое, кромѣ необходимости платить подати.

Вотъ «Общее обозрѣніе» существеннѣйшихъ признаковъ первыхъ осеннихъ дней въ деревнѣ.

4.

Осаждающіе, какъ я ужъ упомянулъ, несмотря на точность, аккуратность и немедленность исполненія предписаній, не только «серьезно» не питаютъ лично къ осажденнымъ враждебныхъ чувствъ, но напротивъ, если дѣло дойдетъ до разговора о предстоящей кампаніи, не замедлятъ высказать вамъ прежде всего о неуспѣшности предпринятой ими осады, даже почти о полной ея безполезности. Всякій палитъ исправно, настойчиво, неумолимо, но знаетъ, что толку будетъ мало, и что «ежели бы не семейство» или что нибудь въ этомъ родѣ, что заставляетъ человѣка палить изъ-за молочишка, такъ бы отрясъ прахъ отъ ногъ и ушелъ-бы куда-нибудь къ другому, болѣе мирному дѣлу.

— Да неужели вы полагаете, что на мнѣ нѣтъ креста? восклицаетъ гдѣ-нибудь въ интимномъ кругу и въ минуту откровенности кто-нибудь изъ числа лицъ, ежедневно разсылающихъ по всѣмъ концамъ уѣзда «строжайшія предписанія» о взысканіи «безъ послабленія и снисхожденія».—Неужели вы полагаете, что у меня вмѣсто головы ведерная бутыль или кирпичъ? Вотъ не угодно-ли, прошу васъ покорно, прежде чѣмъ осуждать...

И вслѣдъ затѣмъ изъ бокового кармана военнаго сюртука торопливо вытаскивается цѣлая кипа бумагъ.

— Вотъ-съ! Сдѣлайте одолженіе.

Длинная бумага есть объяснительная записка въ отвѣтъ на строжайшій выговоръ, полученный уѣзднымъ понукателемъ отъ понукателей губернскихъ. Въ запискѣ говорится, что если не собрано за 1-ю треть 16,744 руб. съ копѣйками, то это происходило не отъ личной бездѣятельности понукателя или нерадѣнія, а отъ другихъ причинъ, которыя онъ и считаетъ долгомъ изложить передъ начальствомъ, дабы оказаться чистымъ со стороны подозрѣній въ нерадѣніи. Въ доказательство своего рвенія, онъ приводитъ примѣры необыкновенныхъ, по истинѣ геройскихъ подвиговъ: онъ переплывалъ на утлой ладьѣ рѣки, бывшія еще въ полномъ разливѣ, застрявалъ въ зажорахъ, сажалъ въ темную сельскихъ старостъ и т. д. Но, при всей своей неустрашимости, при всей своей готовности, не могъ ничего сдѣлать съ непреоборимыми фактами дѣйствительности: съ безхлѣбьемъ людей, безкормицею скотовъ, «изъ которыхъ напримѣръ овцы совершенно облѣзли, а коровы до такой степени отощали, что на бывшей ярмаркѣ онъ собственными глазами видѣлъ такихъ, которыя не могли стоять на заднихъ ногахъ, а сидѣли, словно зайцы, на собственномъ своемъ хвостѣ». И не случайность какую-либо, вродѣ неурожая или падежа скота, или эпидеміи, винитъ онъ въ существованіи этихъ неодолимыхъ для успѣшности взиманія обстоятельствъ, хотя и эти случайности безъ вниманія не оставляетъ, но видитъ «причину въ корнѣ, а именно»... Далѣе конечно идетъ то, что извѣстно всѣмъ и каждому: раздѣлы, баловство, пьянство.. Дойдя до этихъ словъ, вы готовы возвратить рукопись автору; но авторъ останавливаетъ васъ, говоря.

— Читайте, читайте дальше!.. Тамъ есть, есть настоящее!.. Это вѣдь только для отводу... Тамъ дальше я ввернулъ втихомолку... Не безпокойтесь, будьте покойны, извольте читать!

И дѣйствительно, въ пышномъ букетѣ тщательно собранныхъ народныхъ пороковъ замѣчается тщательно спрятанный репейникъ: идетъ рѣчь о надѣлѣ, о доходности его и о соразмѣрности...

— Все знаемъ-съ! Ужъ говорено! Писано переписано... И что-жъ-за все это?—кромѣ выговоровъ да распеканій ничего не видишь и не слышишь... Въ нынѣшнемъ году я получилъ ужъ пять выговоровъ простыхъ да съ полдюжины строжайшихъ: такъ тутъ перестанешь разсуждать... Нѣтъ, батюшка, кабы не семейство...

И такія рѣчи слышатся по всей длинной лѣстцѣ понукателей, отъ высшихъ до низшихъ. Вездѣ пониманіе и гуманизмъ, всегда впрочемъ довольно счастливо завершающійся на дѣлѣ непреклонностью. Низшій понукатель деревни, сельскій староста, такъ тотъ даже разъясняетъ вамъ самыя мельчайшія причины неуспѣха осады. Не дальше какъ сегодня, т. е. въ тотъ самый день, когда мнѣ пришло въ голову завести дневникъ, я зазвалъ къ себѣ съ улицы нашего сельскаго понукателя и, коснувшись въ разговорѣ вопроса дня, слышалъ отъ него самыя раціональныя и обстоятельныя сужденія.

— Много ли набрали, Михаилъ Петровичъ? спросилъ я его.

Михаилъ Петровичъ засмѣялся и махнулъ рукой.

— И не поминайте!.. За два-то дня—четыре съ чѣмъ-то рубля со всѣхъ семидесяти домовъ... Одинъ только мужикъ далъ рубль, и то спасибо что я его настигъ на мосту—съ работы шелъ: плотникъ онъ, съ разсчетомъ,—а то все гривенникъ, двугривенный, полтинникъ... Вотъ тутъ вамъ и собирай! Покуда выберешь съ нихъ двадцать-то пять рублей..

— Что-жъ вы будете дѣлать?

— Да что съ ними дѣлать-то? Что нибудь-то принеси, сдѣлай милость, и то спасибо. Да откуда ему взять, сами вы посудите? Доходу у него всего-навсего пятьдесятъ рублей, это ужъ если весь урожай продать, а взносу—25; да вѣдь надо сапоги, свѣчку иной разъ, соль. да мало ли что—все изъ этого.

Деревенскій понукатель развиваетъ картину крестьянскихъ нуждъ въ мельчайшихъ подробностяхъ и заканчиваетъ ее вопросомъ:

— Ну что-жъ, помилуйте, съ нихъ взять? Откуда онъ возьметъ, когда у него ничего нѣтъ?

И, повергнувъ васъ въ грустное раздумье, тоже довольно грустнымъ тономъ прибавляетъ:

— Ничего не подѣлаешь! До Покрова какъ ужъ нибудь, хоть по гривенникамъ, буду принимать, ну а ужъ съ Покрова, видно, посурьезнѣй придется.

— То-есть, какъ посурьезнѣй?

— Да что же мнѣ-то дѣлать? Придется такъ, что возьму шестерыхъ понятыхъ да пойду по деревнѣ съ одного конца до другого съ описаніемъ... У насъ на это есть инструкція, сказано—не дожидаться ни станового, ни что... Что дѣлать? и радъ-бы—придется!..

И повѣрьте, что пойдетъ, опишетъ и предоставитъ. Кромѣ земли, у крестьянина есть лишняя овца, лишняя телушка... Вотъ онѣ-то и отвѣтятъ. И вѣдь всѣ понимаютъ дѣло отлично, вѣрно—и все-таки продолжаютъ поступать безъ всякаго «послабленія».

Глядишь, глядишь на все это, и такъ-то тяжко становится на душѣ...

5.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что жизнь, подъ безпрерывнымъ долговременнымъ вліяніемъ теоріи «гуманной безпощадности», не прошла безслѣдно для обывателей деревни. Есть у насъ умышленные «упорщики», неплательщики, не покоряющіеся требованіямъ осаждающихъ, не желающіе остаться довольными рѣшеніемъ волостного суда о наказаніи 20 ударами за неплатежъ податей—участь большинства отхожей молодежи, но въ общемъ такіе люди значатъ мало и деморализующаго впечатлѣнія не производятъ. У насъ, въ Слѣпомъ-Литвинѣ, можно указать только на двухъ такого рода упорщиковъ.

Одинъ изъ нихъ—старый старикъ, остатокъ стараго крѣпостного права, человѣкъ, ропщущій на новые порядки, на то, что волю дали, дали волю всѣмъ: мужикамъ судить своего брата, молодымъ ребятамъ курить табакъ и т. д. Но ожесточеніе этого человѣка очень легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ старъ, ветхъ, что никакимъ образомъ по закону его невозможно высѣчь... Все его ожесточеніе выражается только въ томъ, что онъ кобенится платить деньги до послѣдней возможности. «Погодишь!» говоритъ онъ старостѣ, и староста годитъ, потому что знаетъ стариковскій нравъ и потому, что нѣтъ въ деревнѣ человѣка, который бы не приходился старику родней. Кромѣ того семья старика—самая большая въ деревнѣ и самая состоятельная; старикъ и права-то ужъ не имѣлъ бы распоряжаться дѣлами этой семьи, но уступить этого права онъ не хочетъ, отбираетъ отъ дѣтей деньги и держитъ ихъ въ повиновеніи капиталомъ, которымъ по смерти облагодѣтельствуетъ всю семью. Уваженіе къ этому капиталу сильно и во властяхъ предержащихъ (я говорю о сельскихъ): и вотъ почему старикъ можетъ кобениться и оттягивать деньги до послѣдней возможности. «Попробуй-ко, коснись!..» ставитъ онъ на видъ всѣмъ и каждому, подразумѣвая подъ словомъ «коснись»—розги. Въ концѣ концовъ онъ все-таки, съ ругательствами «подавись» и пр., платитъ деньги и уничтожаетъ такимъ образомъ всякій смыслъ своего упорства.

Другой упорщикъ—также человѣкъ, непроизводящій на слѣпинцевъ никакого вреднаго впечатлѣнія,—синильщикъ Петръ. Это человѣкъ озлобленный и для слѣпинцевъ несимпатичный. За поддѣлку пятака серебромъ онъ высидѣлъ 6 лѣтъ въ острогѣ, и общество, вновь принявши его, смотритъ на него съ нѣкоторою боязнью: человѣку такому ничего не стоитъ, думаетъ оно, поджечь деревню, разорить всѣхъ до-тла; слава Богу, сидѣлъ въ острогѣ—не велика бѣда и еще посидѣть. Общество не позволяетъ ему даже выстроить избу, а постановило, что если онъ хочетъ жить въ Слѣпомъ-Литвинѣ и заниматься красильнымъ мастерствомъ, то обязанъ жить на квартирѣ, т. е. находиться постоянно подъ наблюденіемъ посторонняго глаза. Негодуя отъ всей души на свое положеніе, Петръ старается пользоваться имъ, поддерживая грубостью со всѣми убѣжденіе въ своей жестокости. Съ этимъ человѣкомъ разговоры о податяхъ обыкновенно ни къ какимъ существеннымъ результатамъ не приводятъ.

— Ты что-жъ денегъ-то не несешь! мимоходомъ адресуется къ Петру староста.

— Какихъ денегъ? ощетинившись и сверкнувъ глазами, не говоритъ, а рычитъ Петръ. Онъ стоитъ на крыльцѣ съ какимъ-то синимъ ведромъ и при словахъ «какихъ денегъ» дѣлаетъ этимъ ведромъ такой жестъ, что староста отступаетъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Какихъ тебѣ денегъ? повторяетъ Петръ, относя руку съ ведромъ назадъ и двинувшись впередъ на одинъ большой шагъ.

— Казенныхъ денегъ! тоже оретъ, отступая однако, староста.

— Чево-о?

— Денегъ!—вотъ чего! Слышишь, ай нѣтъ?

— Ты чего горло-то дерешь?

— Ты деньги-то неси, вотъ что!

— Горло-то ты чего, говорю, дерешь?

— Я говорю—деньги подавай!

— Как-кія?

— Такія!

— Какія деньги?

— Тьфу ты, острожная твоя душа! произноситъ староста и торопливо идетъ прочь.

Петръ нѣкоторое время молча смотритъ ему вслѣдъ, сверкая глазами, затѣмъ съ озлобленіемъ выплескиваетъ изъ ведра синіе помои и побѣдителемъ уходитъ въ свою хибару.

Такого рода неплательщики никоимъ образомъ не могутъ поколебать въ обыкновенномъ слѣпинскомъ обывателѣ, обыкновенномъ сѣромъ мужикѣ полнѣйшую, безграничнѣйшую увѣренность въ томъ, что нести деньги «надо». Иванъ Аѳанасьевъ, съ которымъ читатель знакомъ по предшествовавшему отрывку,—образецъ такой упорной вѣры въ «надо».— Наслушавшись рѣчей старосты, познакомившись, благодаря ему, съ настоящимъ положеніемъ слѣпинскихъ платежныхъ силъ, я завелъ съ нимъ рѣчь по этому предмету при первомъ же свиданіи.

— Ну, какъ подати, Иванъ Аѳанасьичъ?

— Надоть!

Иванъ Аѳанасьичъ вздохнулъ.

— Чѣмъ-же вы отдадите?

— Какъ-нибудь, по силѣ возможности!

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Надоть!..

6.

Не знаю, въ какой отдѣлъ моего мужицкаго обозрѣнія дѣвать маленькій деревенскій эпизодъ, которымъ ознаменовались первые осенніе дни въ Слѣпомъ-Литвинѣ или, вѣрнѣе, первый куль новаго хлѣба.

Была темная, дождливая осенняя ночь; неумолчно и обильно лилъ дождь, при порывахъ вѣтра начинавшій «сѣчь» въ окна и шаркать по крышѣ... Вся деревня давнымъ-давно спала мертвымъ сномъ; былъ ужъ второй часъ ночи, пора самая глухая, непробудная: ни одного живого человѣка не встрѣтишь на сто верстахъ кругомъ. Въ такую-то пору сидѣлъ я за книгой. Какой-то стонъ и оханье подъ окномъ остановили меня.—«О-о о-о!..» «О-о-о-о! ..» слышалось мнѣ, когда я прислонился къ стеклу окна...

— Мих-хайла-а! изо всей мочи, напрягая послѣднія истомленныя силы, прокричалъ стонущій человѣкъ и опять устало заохалъ.

— Кто тутъ? пріотворивъ окно, спросилъ я.

— Охъ, родимый, мальчишку ищу... съ отцомъ поѣхалъ—ни отца, ни мальчишки... И что сталось!... о-охъ-охъ-охъ!

Это была женщина.

— Куда ѣздилъ-то онъ?

— На мельницу, родной,—мололъ.

— Ты была на мельницѣ-то?

— Была, была... нѣту-ти уѣхали, да вишь... до дожжа... Хожу, ищу съ коихъ поръ... Видно, что недоброе случилось.

— Теперь ничего не найдешь, темно!

— О-охъ, не найду!..

Этотъ разговоръ разбудилъ моихъ сожителей, которые кое-какъ уговорили женщину переночевать въ кухнѣ или погодить до свѣту. Измученная, она было-согласилась, вошла въ кухню, присѣла, охая и стеная, но не осталась, несмотря ни на что... «Не дома-ли?» твердила.—Можетъ, и дома... Куда имъ дѣться? Некуда... Нѣтъ, недоброе... Охъ, худое-худое»... И наконецъ-таки ушла.—«Михайло-о..» снова слышался ея голосъ, издалека доносимый вѣтромъ.

Чѣмъ свѣтъ, по деревнѣ разнеслась недобрая вѣсть: на разсвѣтѣ крестьянка нашла своихъ, но въ какомъ видѣ! Мужъ валялся на полѣ, верстъ за десять, и спалъ пьяный; въ сторонѣ отъ него паслась высвободившаяся изъ упряжи лошадь, а подъ телѣгой и подъ мѣшками съ новой мукой лежалъ мертвый мальчикъ...

Какъ случилось это несчастіе? Никто путемъ разсказать не могъ. Разбуженный отецъ только съ ужасомъ таращилъ глаза и меньше всѣхъ зналъ, что такое съ нимъ случилось. Онъ помнилъ только, что вчера поѣхалъ на мельницу, что взялъ съ собой шестилѣтняго сынишку (все человѣкъ: подержитъ лошадь, съумѣетъ сказать «тпру» въ то время, когда отецъ будетъ на мельницѣ). Помнитъ, какъ онъ радовался, таская мѣшки новой муки... Помнитъ, какъ подъѣхали дядя Егоръ да дядя Пахомъ; ѣхали они со станціи и везли ведро хорошаго вина.—«Ай новина?» спросилъ Егоръ.— «Она самая!..» — «Никакъ вино везешь?» — «Вино!» — «Дай стаканчикъ, я тебѣ новинки отсыплю».—«Что отсыпать, давай мѣшокъ-то— пей!»—«Такъ ужъ тогда давай всей компаніей выпьемъ, новину обмоемъ»... Выпили по стаканчику, по другому, по третьему... «а тутъ и не помню». Не помнитъ также ничего и дядя Егоръ, и дядя Пахомъ тоже чуть-чуть что-то домекаетъ... Помнится ему, бытто мальчишки и не было въ телѣгѣ...—«Ежели-бъ было, авось-бы замѣтили, не ввалились-бы въ телѣгу цѣлой гурьбой пѣсни пѣть...» — «Господи помилуй! ужъ неужто мы не видали его, да навалились и задавили?..» «Царица небесная!» — «Да не спалъ-ли мальчикъ-отъ?»—«Спалъ, спалъ и есть!»—вспоминаетъ отецъ.—«Какъ-же это, Господи?»—«Вино-то дюже забрало!..Вино хорошее! вино, надо сказать прямо, первый сортъ!»— «Много-ль ты его выпилъ-то?..»—«Да Господь его знаетъ... дядя Егоръ ни бутыли, ни муки не привезъ, да и то очутился вмѣстѣ съ телѣгой невѣдомо гдѣ»...

Идутъ толки, разспросы; но никто путемъ не знаетъ, какъ случилось это несчастіе. Кто и когда свалился изъ телѣги, какъ, кто и гдѣ очутился? Раздавили-ли мальчика люди, или мѣшки и телѣга? Всякій помнитъ только стаканчики, а потомъ ничего и не помнитъ—потому вино дюже хорошо попалось. А мальчикъ лежитъ мертвый на лавкѣ, и бѣлымъ холстомъ покрыты его изуродованные члены!.. Вчера онъ еще бѣгалъ, игралъ въ лошадки, въ воровъ, т. е. ловилъ вора, велъ его въ арестантскую, кричалъ: «отдай деньги!», а теперь вотъ—мертвый... Какъ? за что? Сразу, Богъ знаетъ за что, Богъ знаетъ почему, свалилась на людей бѣда, истинная деревенская бѣда, которая бьетъ какъ громъ, никому ничего не объясняя: и пришибленъ человѣкъ, да какъ пришибленъ! Разбита, какъ дерево молніей, мать, ошеломленъ и въ глубинѣ своей совѣсти заклейменъ ощущеніемъ ужаснаго преступленія отецъ, простой, сѣрый, ра-

ботящій мужикъ.. Есть-ли какая-нибудь возможность распутаться, разобрать что нибудь въ этомъ глубокомъ несчастіи всему этому несчастному народу?.. Облегчить-ли кто-нибудь эту безконечную боль матери, непостигаемый ужасъ отца? «Вино дюже крѣпко!» можетъ только сообразить этотъ несчастный человѣкъ во всей массѣ нахлынувшаго на него горя.

Цѣлый день надо всей деревней, не говоря о семьѣ маленькаго покойнаго, висѣло ощущеніе неразгаданнаго несчастія, которое всякому говорило, что есть надъ всѣми что-то безпощадное, что можетъ грянуть на насъ невѣдомо когда и разнести въ дребезги.

Наконецъ пронеслась вѣсть:—«Становой!»

И всѣмъ стало легче... Хоть кто-нибудь покончитъ съ этимъ тяжелымъ недоумѣніемъ. Такъ, самъ по себѣ, только будешь думать и мучиться, мучиться и думать, и все-таки ничего, ровно ничего не придумаешь. Становой взялъ листъ бумаги и написалъ протоколъ, въ которомъ была смерть отъ задавленія телѣгой. Понятые подписались и разошлись по домамъ. Дѣло конченное. Далѣе мыслей начальства не приходится распускать темныя мысли мужицкія—не къ чему...

Мальчишку зарыли; и вотъ изъ деревенской дѣвушки, изъ деревенской молодухи образовалась деревенская женщина съ разбитой грудью, съ угнетеннымъ выраженіемъ лица и съ сознаніемъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего, кромѣ муки-мученской... А изъ парня и работящаго отца вышелъ мужикъ молчаливый въ полѣ, молчаливый дома, снимающій молча шапку передъ каждымъ тарантасомъ и издали сворачивающій съ дороги въ грязь, въ лужу отъ всякаго встрѣчнаго: всякій встрѣчный лучше его. всякій имѣетъ право идти по дорогѣ, тогда какъ онъ сѣрый мужикъ—«суконное рыло!»

7.

При всеобщей заботѣ о податяхъ, крестьяне невольно должны обращать особенное вниманіе на всякое явленіе, въ глубинѣ котораго скрываются деньги. Въ виду этого, слѣпинскіе жители съ особеннымъ интересомъ ожидали пріѣзда врача воспитательнаго дома, чтобы разузнать, когда имъ будутъ выданы свидѣтельства на полученіе 10 руб. за послѣднюю треть года. Свидѣтельства за предшествующую треть года были заложены давнымъ-давно и забраны—у кого въ лавкѣ мукой, солью; у кого, съ уступкой конечно, отданы ростовщикамъ. Эти новыя свидѣтельства, деньги по которымъ получаютъ въ концѣ трети, ожидаемы были также для немедленнаго залога въ лавку или ростовщикамъ...

Въ первыхъ числахъ сентября неожиданно пріѣхалъ докторъ и остановился у меня, такъ какъ въ нанимаемомъ мною домѣ—онъ узналъ отъ лавочника—есть большая, удобная комната. Никогда или по крайней мѣрѣ очень, очень много лѣтъ не видалъ я такого олицетворенія русскаго чиновническаго типа. Поставленный въ необходимость исполнять неисполнимое (возможно-ли что-нибудь сдѣлать одному человѣку, съ аптечкой въ полторы квадратныхъ четверти для нѣсколькихъ сотъ дѣтей, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ цѣлаго уѣзда), этотъ человѣкъ, какъ и всякій русскій чиновникъ, не имѣющій силы оторваться отъ жалованья, создалъ изъ своего дѣла нѣчто по-истинѣ національное, т е дѣла онъ не дѣлалъ, потому что не могъ, но безпрерывно мучился (или показывалъ видъ, что мучается) и мучилъ окружающихъ, подвластныхъ ему людей, запутывалъ себя и другихъ въ какой-то паутинѣ всякихъ вздоровъ, запутывая до помраченія ума и самъ уставая при этомъ до того, что у него «пересыхало горло», и до обычной фразы въ концѣ-концовъ:

— «Вотъ наша собачья жизнь! Еслибы не семейство» и т. д...

Битыхъ два часа этотъ «служащій» человѣкъ оралъ на собравшихся по его призыву бабъ съ ребятами, не сказавъ имъ ни единаго слова дѣла, потому что такія слова не привели-бы ровно ни къ чему.

— Да ты говори путемъ! часто слышалась бабья рѣчь во время его монологовъ.

— Я вамъ двадцатъ тысячъ разъ говорилъ... довольно съ меня!.. У меня и такъ голова посѣдѣла отъ вашего безобразія!.. Свиньи вы!—вотъ я вамъ что скажу разъ навсегда. Еслибы вы какъ слѣдуетъ исполняли то, что вамъ приказываютъ, тогда дѣло было-бы другое...

— Кажись, мы стараемся...

— «Кажись»!.. Вамъ все, дуракамъ, «кажись»!.. А вотъ какъ напишу ревизору, тогда и узнаешь Кузькину мать. «Кажись»!.. Ты что?

— Третій мѣсяцъ пошелъ.

— Кто ты такая?

— Аксинья...

— Какая Аксинья!

— Маркова!. заговорили нѣсколько голосовъ.

— Что-жъ тебѣ нужно?

— Билетикъ-бы...

— Какой билетикъ? За что? Откуда?.. Что она такое говоритъ?

Баба молчитъ.

— Что у ней языкъ что-ль отнялся?

— Она отъ Марьи ребенка приняла... Третій мѣсяцъ держитъ задаромъ, проситъ билетъ на осень...

— Какъ она смѣла взять безъ позволенія?

— Тамъ прописано въ билетѣ...

— Въ какомъ билетѣ?

— А въ Марьиномъ.

— Что это значитъ—«въ Марьиномъ»? Что такое прописано? Тебѣ пропишутъ порку, а ты пойдешь ко мнѣ? Вамъ будутъ тамъ прописывать, а я тутъ съ вами толкуй? Нѣтъ ужъ, покорно благодарю!.. Довольно съ меня и того...

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ.

Этому человѣку необходимо было терзаться самому и терзать другихъ по цѣлымъ часамъ. прежде нежели онъ отливалъ въ пузырьки бабъ нѣсколько капель ревеню, или прежде нежели объявлялъ какой-нибудь Аксиньѣ, что она не получитъ за три мѣсяца ни копѣйки, такъ какъ въ билетѣ именно это и прописано, и ничего другого тамъ нѣтъ и не было. Пробушевавъ нѣсколько часовъ, намучив-

шись и намучивъ другихъ, нажаловавшись на начальство, на свою каторжную жизнь, похвалившись своими благодѣяніями, своими хлопотами, врачъ наконецъ уплелся въ сосѣднюю деревню, оставивъ бабъ въ недоумѣніи. Точно кто-то взялъ каждую за шиворотъ, ни съ того, ни съ другого наоралъ, растрепалъ, оглушилъ и выпихнулъ невѣсть куда.

По отъѣздѣ доктора между бабами произошелъ (когда онѣ очнулись) разговоръ, давшій мнѣ возможность внести въ мой дневникъ нѣсколько словъ, касающихся деревенской педагогіи.

Бабы кучей стояли подъ моимъ окномъ и нѣкоторое время были въ полномъ оцѣпенѣніи.

Наконецъ Аксинья Маркова очнулась и произнесла:

— Тоже билеты даютъ... а кто ихъ тамъ разберетъ, прости, Господи...

— Ты-бы писарю дала прочитать-то...

— Да читали ужъ... Хоть читай, хоть нѣтъ, ишь онъ... ровно цѣпная собака!

— То-то читали. Кто читалъ-то?

— Да Ѳедюшка Корзухинъ читалъ...

— Нашла кому!.. Что мальчишка знаетъ?

— Вѣдь небось учутъ ихъ. Шутъ ихъ знаетъ, чему ихъ тамъ учутъ-то...

— На-ашла!.. Вотъ тебѣ и начиталъ на шею...

— Да что мнѣ? Пойду да швырну его (ребенка) Марьѣ, пущай беретъ назадъ, а мнѣ отдастъ за три мѣсяца... Шутъ съ ей!

— И то-о!.. Богъ съ нимъ совсѣмъ... Что она? Нешто такъ дѣлаютъ? Кабы свой бы...

Долго бабы тараторили о своихъ бѣдахъ, наконецъ ушли. Меня заинтересовалъ Ѳедюшка Корзухинъ, котораго я зналъ. Это — мальчикъ лѣтъ 13-ти и, какъ мнѣ казалось, умный, грамотный. Отецъ его хвалился даже, что «хошь самъ отъ безграмотства пропадаю, ну, только ужъ сынишку произведу»... И вотъ такой то Ѳедюшка повергъ бабу въ большое горе именно своей безграмотностью.

При первой встрѣчѣ я спросилъ его:

— Это ты, что-ль, Аксиньѣ билетъ то Марьинъ читалъ?

— Мы.

— Ты что ей тамъ прочиталъ-то?

— Что писано.

— Нѣтъ не то, что писано.

Я разсказалъ ему всю исторію. Оказалось впрочемъ, что и отецъ, и Аксинья уже намылили ему голову.

— Какъ же это ты?

— Я читалъ... все...

— Какъ же ты не понялъ, что написано? Развѣ тамъ много напечатано?

— Нѣ... не много...

— И ты не понялъ?

— Нѣ...

— Долго-ли ты учился?

— Три зимы ..

— Плохо, братъ!

Мы разстались.

Подъ впечатлѣніемъ этого разговора иду къ учителю, съ которымъ я былъ уже давно знакомъ.

По случаю лѣтняго времени, учитель перебрался изъ маленькихъ комнатъ своей квартиры при училищѣ въ большую классную комнату. Я засталъ его за такимъ занятіемъ: онъ ходилъ на четверенькахъ по какой-то разноцвѣтной, какъ мнѣ показалось, простынѣ и былъ окруженъ чашками съ клеемъ, обрѣзками разноцвѣтной бумаги, тряпками и пр.

— Что это вы такое дѣлаете?

— Вотъ вензель... «*А*» — видите... Акимъ Иванычу въ день ангела.

— Что это вы все Акиму Иванычу да Акимъ Иванычу?

— Нельзя... Хорошій человѣкъ — разъ, а вовторыхъ — членъ. А я вѣдь еще землемѣріемъ занимаюсь при съѣздѣ, въ лѣтнее-то время; онъ — мой начальникъ, вотъ я и желаю ему...

Учитель шмыгнулъ ладонью по носу, полюбовался буквою *А*, почти уже написанной на простынѣ, и продолжалъ:

— Видите, какой у меня планъ... Я взялъ за женой въ деревнѣ Болтушкинѣ два дома. Теперь они отдаются за безцѣнокъ, вотъ я и хочу перейти туда. Тогда у меня въ одномъ домѣ школа, въ другомъ верхъ — самъ займу, а низъ — подъ кабакъ сдамъ. Огороды свои. Видите? Жалованье то же, что и тутъ, а поглядите-ко-сь, сколько разсчету-то... Ну, а Акимъ-то Иванычъ меня не пускаетъ, потому я хоромъ здѣсь дирижирую... не хочетъ пустить... Говоритъ: «тогда отъ съѣзда откажемъ». Ну, вотъ я ему и хочу сюрпризикъ... Хе-хе-хе... авось!

Добродушно радовался учитель своей штукѣ и своему плану, и долго потомъ расписывалъ мнѣ, сколько у него останется лишку, если онъ перейдетъ въ Болтушкино.

— Капуста напримѣръ, или рѣпа, морковь тамъ, то есть все, все, все, все — свое!..

Говорилъ онъ съ восторгомъ, поводя рукой, какъ-бы обозначая какіе-то широчайшіе горизонты, переполненные рѣпой, морковью, всѣмъ, всѣмъ...

Долго мы толковали на эту тему; наконецъ, уходя, я сказалъ учителю:

— А вотъ вашъ одинъ ученикъ какую штуку отмочилъ... И разсказалъ ему исторію о Ѳедюшкѣ, который, учась три года, не могъ понять прочитаннаго.

— Э, батюшка, добродушно проговорилъ учитель: — хотите вы отъ нихъ!.. Подите-ко, обломайте ихъ, чтобъ они понимали-то... И-и!.. Всѣхъ дураковъ не переучишь! Слава Богу, хоть на экзаменахъ-то не срамятъ!..И этого-то подите-ко добейтесь отъ нихъ... Провалятъ разъ-другой — и остался безъ хлѣба!.. Хоть на экзаменахъ-то выручаютъ — и то спасибо, а вы тамъ! Посмотрите-ко, какъ наѣдутъ къ намъ изъ города надзиратели да смотрители, да попечители, да какъ начнутъ загвазживать разные вопросы, одинъ хитрѣй другаго: такъ тутъ только держись за «грядки», точно на перекладной мчатъ... — «Что такое Святой Духъ?» — «Почему заутреня раньше обѣдни?» — то-есть не приведи Богъ! «Что такое Святой Духъ!» Позвольте узнать — что такое? Скажи: третье лицо Святыя Троицы — это имъ мало! Надо и имъ чѣмъ-

нибудь отличиться—недаромъ они ревизоры. Озадачить нашего брата для нихъ первое удовольствіе... Ну, и налаживаешь ребятъ на этакіе фокусы..

— И отвѣчаютъ?

— У меня-то?.. Поп-пробуй-ка у меня!.. Ужъ ежели *я самъ* кого вызову—ужъ тотъ отвѣтитъ... Конечно со всѣми не сладишь; гдѣ этакую ораву оболванить одному: вѣдь это нешто люди?—дрова, полѣнья.. больше ничего! Ну, а ужъ будьте покойны. Мнѣ нельзя какъ-нибудь: у меня, батюшка, семья на плечахъ!

8.

Возвращаюсь къ повѣствованію о такихъ явленіяхъ осеннихъ дней, въ которыхъ какую-нибудь роль играютъ деньги. Къ сожалѣнію моему, такихъ явленій съ «деньгами» въ настоящую минуту въ деревнѣ крайне мало. Настоящая осень съ охотами и наѣздами господъ не начиналась, а другихъ мало-мальски опредѣленныхъ или навѣрное ожидаемыхъ подспорій что-то не видать. Впрочемъ, какъ ни странно это покажется, но къ числу такихъ подспорій можно до нѣкоторой степени причислить и войну, не въ тѣхъ конечно видахъ и формахъ, въ которыхъ она является предъ столичнымъ читателемъ, а въ тѣхъ, въ какихъ доходитъ она до деревенскаго мужика. Уже было говорено, что всякое мѣропріятіе или столичная реформа, или столичная идея, дойдя до деревни, превращается въ простое требованіе денегъ. Въ формѣ требованій то людей, то подводъ, то лошадей приходитъ въ деревню и война: но, уводя людей, она аккуратно и хорошо платитъ за скотину. Не одинъ изъ слѣпинскихъ мужиковъ спряталъ сотенную бумажку, благодаря конской повинности, и есть такіе, кому выпалъ на долю барышъ.

Здѣсь слѣдовало бы закончить этотъ отрывокъ изъ деревенскаго дневника, такъ какъ осенніе дни не дали до сей минуты еще ничего достойнаго быть отмѣченнымъ, если-бы, опять-таки невѣдомо откуда, изъ-подъ совершенно опредѣленнаго факта конской повинности не вылѣзалъ на мои глаза цѣпляющійся за него фактъ неопредѣленной, темной глубины самаго дна деревенской жизни.. Именно: у старосты Михаила Петрова (съ которымъ читатель познакомился въ началѣ этого отрывка), у этого умнаго, знающаго деревенскую подноготную человѣка, забраковали на пріемѣ лошадь. Михаилъ Петровъ огорчился; онъ ужъ намѣтилъ хорошенькую лошадку и норовилъ пріобрѣсть ее на тѣ деньги, которыя бы пришлось получить ему съ ремонтера. Лошадь подходила подъ мѣрку, а между тѣмъ операція не удалась только потому, что холка у этой лошади была натерта въ одномъ мѣстѣ. Негодуя на эту холку, Михаилъ Петровъ вспомнилъ, что натертое мѣсто не заростаетъ у лошади уже третій годъ, сталъ размышлять о причинѣ такой странности... Не размышлять же обстоятельно о натертой холкѣ онъ не могъ потому, что она лишила его денегъ (денегъ!) и разстроила планы. И невѣдомо изъ какой тьмы-темъ его осѣнило воспоминаніе о томъ, что лошадь эта куплена, три года тому назадъ, у того самаго Петра-синильщика, съ которымъ читатель также познакомился въ этомъ отрывкѣ.

— А вѣдь что-нибудь это значитъ, подумалъ Михаилъ Петровичъ, и немедленно же вспомнилъ, что годъ тому назадъ волкъ зарѣзалъ у одного крестьянина корову, купленную также у Петра...—Что-нибудь это не такъ! Вѣдь заживаютъ же холки у другихъ лошадей, вѣдь въ одно лѣто заростаютъ такъ, какъ будто и натерто не было!—недоумѣвалъ онъ. И потомъ, отчего волкъ не зарѣзалъ коровы, покуда она стояла на дворѣ у Петра, а сдѣлалъ это тотчасъ, въ тотъ-же день, какъ попала къ другому хозяину?

Очевидно, что отъ Петра идетъ какое-то зло: тамъ зарѣзана корова, тутъ не приняли лошадь—вездѣ убытокъ, и все отъ Петра. Есть въ немъ что-то худое, недоброе; недаромъ онъ сидѣлъ въ острогѣ и золъ на деревню, и норовитъ пустить краснаго пѣтуха... Два такіе убытка, и все отъ Петра, представлялись Михаилу Петрову основательнѣйшими доводами въ пользу того, что у Петра или въ Петрѣ, или около Петра что-то нечисто... темно и недобро... Свернуть съ пути такихъ подозрительныхъ мыслей Михаилъ Петровъ не имѣлъ возможности, потому что ежеминутно его мучила мысль объ убыткѣ, о забракованіи лошади, ежеминутно онъ долженъ былъ думать о томъ, что вся бѣда въ холкѣ, а отъ холки мысль переносилась на Петра, на то, что это—подозрительный человѣкъ, что это—острожникъ, а тамъ само собой припоминалась корова, и отъ коровы опять къ забраковкѣ и т. д. Петръ невольно становился, въ воображеніи практическаго, понимающаго Михаила Петрова, центромъ, вокругъ котораго вращались мысли о неудачѣ, объ убыткѣ, о разрушенныхъ надеждахъ....И фигура Петра—темная и безъ того почти никѣмъ достаточно не понимаемая—становилась еще непонятнѣе и темнѣй... Не прямое представленіе чорта, а что-то близко подходящее къ нечистой силѣ, къ чему-то таинственному и злому незамѣтно присоединилось къ личности Петра къ воображеніи Михаила Петрова.

— А что, староста, сказалъ ему вечеромъ несчастнаго дня одинъ изъ деревенскихъ мужиковъ:—что я хочу у тебя спросить... Петруха вотъ синильщикъ проситъ у меня на задворкахъ хатенку поставить.. Какъ по твоему: дозволено ли по закону его пустить?..

Михаилъ Петровъ помалчивалъ, кряхтѣлъ.

— По три серебра сулится платить на годъ... Все—деньги... А мнѣ что-жъ? Мѣсто не украдетъ...

— Н-не знаю!... таинственно сказалъ Михаилъ Петровъ.—Пустить—отчего не пустить; дѣло это мірское... а только что...

Староста покачалъ головой и прибавилъ:

— Человѣкъ-то онъ.. не того... что-то бытто... нечистоватъ!

— Неужто-жъ онъ худое что̀ думаетъ?.. Чай и на емъ крестъ есть?.. Я же ему ублаготвореніе дѣлаю; неужто-жъ онъ мнѣ то ужъ что нибудь?.. Вѣдь тоже побился на своемъ вѣку, должѐнъ оцѣнить, что даю ему упокой... Вѣдь и онъ крещеный человѣкъ-то?

— Такъ-то такъ... да не очень-то, говорю, вокругъ его благополучно. Такъ мнѣ вотъ бытто думается... А впрочемъ...

— Али что-нибудь?...

— Да вотъ, примѣрно, хоть это какъ по твоему будетъ?

И Михаилъ Петровъ разсказалъ про холку.

— Вѣдь три года—это, братецъ ты мой, тоже надо подумать!.. Опять вотъ у Мирона съ коровой...

И съ коровой исторію разсказалъ Михаилъ Петровъ.

— Вѣдь ужъ что-нибудь же да означаетъ это? философскимъ тономъ продолжалъ Михаилъ Петровъ, видимо стараясь самъ проникнуть въ самую глубину тайны:—вѣдь ужъ есть же что-нибудь?

Мужикъ слушалъ и задумался.

— Не хомутъ ли? робко возразилъ онъ.

— Хомутъ! А отчего-жъ у другихъ и хомутъ натретъ, а все заростаетъ? Отчего же тутъ-то тр-ри года, братецъ ты мой? Ну, пущай и хомутъ, а корову-то почему же такъ? Вѣдь покуда у Петра была — ничего, а какъ только вотъ къ Мирону... Н-нѣтъ, тутъ не очень чисто!

Задумавшійся мужикъ, не угнетаемый такъ сильно мыслью объ убыткѣ, какъ былъ угнетенъ староста, пробовалъ-было возразить, что и съ коровой, можетъ, такъ «случаемъ» вышло, но Михаилъ Петровъ опять затуманилъ его, говоря:

— Случаемъ!.. Ну, пущай такъ; ну, а холка-то-почему-жъ?—вѣдь три года..

Тайна не только не выяснялась, но дѣлалась еще таинственнѣе и запутаннѣе, тьма еще темнѣе... Оба—и Михаилъ Петровъ, и мужикъ—чувствовали, что разобрать все это невозможно, и знали одно, что тутъ, въ этой тьмѣ, главное дѣйствующее лицо все-таки тотъ же Петръ.

— Вотъ тоже, крѣпко подумавъ, робко произнесъ мужикъ:—у Андреяна... Тоже Петръ... стало быть, купилъ онъ, Петра-то, у Андреяна овцу, а Андреяна лошадь пала... послѣ того...

— Ишь ты вотъ! воскликнулъ Михаилъ Петровъ.—Именно говорю тебѣ—не чисто!.. Вотъ погляди! Ужъ что-же нибудь есть въ эфтомъ случаѣ, что вредъ одинъ отъ него—и больше ничего... Какъ хочешь! По мнѣ все одно, я препятствовать не буду, хочешь отдавай мѣсто, хочешь нѣтъ, а что есть тутъ худое—ужъ это помни ты мое слово!.. Чуетъ мое сердце, что не безъ этого... А по мнѣ—какъ хошь...

И мужикъ, и староста чуяли, что все это можетъ быть и не такъ. Но никакъ не могли рѣшить: значатъ-ли что нибудь всѣ эти холки, коровы и овцы, или-же ничего не значатъ.

— А ну, какъ что-нибудь, въ самомъ дѣлѣ? думалось имъ,—и отвѣта не имѣлось никакого...

— Что-жъ, Кузьмичъ? спросилъ Петръ крестьянина, у котораго на задворкахъ думалъ поселиться.—Сладили мы съ тобой дѣло-то, али нѣтъ?..

— Надо быть, не выйдетъ, Петръ Микитичъ.

— Что-жъ такъ?

— Да такъ, не подходитъ дѣло!

— Чего не подходитъ-то?

— Да все что-то бытто не того...

— Ты толкомъ говори: чего не подходитъ? чего ты косишься-то?

— Чего мнѣ коситься...

— Такъ чего-жъ ты рыло-то воротишь? Гарбить что-ли я тебя стану, въ самомъ дѣлѣ, за твою доброту-то? Что ты, съ ума что-ль сшелъ?

Петръ совсѣмъ-было убѣдилъ Кузьмича въ безопасности дать уголокъ бѣдному человѣку; но мысль о холкахъ, коровахъ, о томъ, что «а ну-ко это что-нибудь?»—вдругъ осѣнила его, и онъ торопливо и рѣшительно произнесъ:

— Нѣтъ, Микитичъ, не сойдемся!

— Отчего такъ?

— Это мое дѣло! Счастливо!

— Будь ты проклятъ, собака жадная, проревѣлъ ему вслѣдъ Петръ, ожесточенный этимъ безсовѣстнымъ поступкомъ, въ объясненіе котораго Кузьмичъ не далъ Петру ничего, кромѣ въ высшей степени холоднаго, подозрительнаго, даже враждебнаго взгляда.

Очень можетъ быть, что со-временемъ Петръ и будетъ доведенъ до желанія отблагодарить своихъ односельчанъ чѣмъ нибудь безумнымъ и дикимъ, чѣмъ-нибудь бѣдовымъ.

III.

Осеннія ночи. — Скука. — Кузнецъ. — Плутъ, а уменъ.—Разночинная голытьба.—Горькая участь.—Просвѣщенный мужикъ и его «ловкая» баба.—Опять мужикъ Иванъ Аѳанасьевъ пробуетъ «выбраться».

I.

Было часовъ восемь темнаго августовскаго вечера. Деревня затихала, гасили огни и собирались спать. Съ каждой минутой становилось все тише и тише: царство непробуднаго сна приближалось быстрыми шагами; еще часъ—и тогда «не добудишься», «не достучишься», не «докричишься». Въ такіе мертвые часы волки утаскиваютъ и рѣжутъ овецъ и коровъ—и никто не слышитъ рева и блеянья, узнавая о несчастіи только на другой день. Въ такіе часы никто не слышитъ, какъ кричитъ и мучается неожиданно начавшимися родами женщина; не видитъ, какъ она въ горячечномъ состояніи слѣзла съ печки, съ лавки, пошла сама не зная куда. Никто не поможетъ ей, не образумитъ ея, и она, полупомѣшанная, стеная и вскрикивая, шатается гдѣ-нибудь по грязному двору, невѣдомо какъ попадаетъ въ хлѣвъ, не помня себя родитъ ребенка, который иной разъ задыхается тутъ-же въ грязи, иной разъ расшибаетъ голову о какое-нибудь бревно, иной разъ обращаетъ на себя вниманіе и аппетитъ какого-нибудь животнаго... На утро, разумѣется, ужасъ, зарываніе мертваго въ песочекъ; рядъ мучительныхъ дней, оканчивающихся уголовнымъ дѣломъ и тюрьмой, большею частью благодаря собакѣ или свиньѣ, которыя обыкновенно и дѣлаютъ открытія въ темную ночь зарытыхъ дѣтей... «Ничего не слыхали! Нѣтъ, крику не было, не слыхали что-то!»—показываютъ потомъ на судѣ крѣпко спавшіе сожители или родственники подсудимой. И въ самомъ дѣлѣ, день-деньской намаявшись, умѣютъ крѣпко спать деревенскіе жители: одни спятъ «какъ убитые», другіе «какъ мертвые», третьи говорятъ: «заснулъ, братецъ ты мой, какъ ко дну пошелъ»; а есть и такіе, что спятъ «какъ зарѣзанные».

Огни погасли. Вонъ побродилъ зачѣмъ-то по ком-

натамъ со свѣчкой въ рукахъ лавочникъ и задулъ огонь. Теперь чуть-теплится свѣтлая точка въ господскомъ домѣ, да въ волостномъ правленіи догораетъ огонекъ... Писарь съ помощникомъ, во всю ночь выспавшіеся послѣ обѣда, сидѣли на сырыхъ ступеняхъ крыльца, вспыхивая папиросами... Кто можетъ представить себѣ подавляющую силу этой «мертвой» тиши, этой «мертвой» тьмы, за которыми долженъ слѣдовать «мертвый» сонъ, тотъ пойметъ, что мысли человѣческой, имѣвшей къ тому же полное удовольствіе вовсе не дѣйствовать втеченіе цѣлаго дня, въ такія мертвыя минуты нѣтъ никакой возможности воображать что-нибудь кромѣ представленія смертнаго часа. Человѣкъ, который не можетъ въ такія минуты спать (онъ ужъ послѣ обѣда выспался), долженъ чувствовать, какъ эта тьма, этотъ надвигающійся со всѣхъ сторонъ сонъ, горы сна, зарываютъ его, живого человѣка, въ могилу, а если не въ могилу, то въ какое-то такое мѣсто, гдѣ ничего не видать, ничего не слыхать, и гдѣ надобно перестать думать, гдѣ даже нельзя думать, еслибы и хотѣлъ.

— Нѣтъ! послѣ упорнаго молчанія и куренія, произнесъ довольно рѣшительно одинъ изъ собесѣдниковъ: — переведусь я отсюда, непремѣнно переведусь!

— Я самъ тоже уйду!..

— Чортъ съ ними!..

— Я самъ тоже не останусь... Чего тутъ?... прибавилъ и молодой писарь.

— Какого чорта? вызывающимъ голосомъ продолжалъ помощникъ, очевидно придавленный пустыми днями и мертвыми ночами; но, какъ человѣкъ солидный, практическій, не могъ ограничиться въ доводахъ своему бѣгству отсюда однимъ только сознаніемъ пустоты и гнетущей тоски, не могъ удовольствоваться ощущеніемъ могилы, навѣваемымъ сномъ и тьмой, а долженъ былъ искать, самъ для себя, какого-нибудь болѣе существеннаго практическаго довода къ бѣгству...

— Что мнѣ тутъ? говорилъ онъ, разыскивая этотъ доводъ и оглядываясь къ непроницаемой темнотѣ: —что я здѣсь? за какимъ чортомъ?..

Но темнота до такой степени осадила собесѣдниковъ, что какъ-бы даже касалась щекъ, рукъ, точно это была какая-то особенная, черная какъ уголь и тяжелая масса. Вотъ почему помощникъ долгое время не могъ прибрать ничего путнаго въ объясненіе своего желанія и повторялъ:

— Чего я тутъ не видалъ? Слава Богу!... точно свѣтъ клиномъ сошелся! авось...

— Въ самомъ дѣлѣ!... поддакивалъ писарь.

— Что я тутъ? Семь-то рублей, что-ли? Такъ я въ Ендовѣ добуду восемь... коего дьявола?

Доводъ былъ найденъ: мало жалованья — вотъ главное, а вовсе не эта тьма и сонъ, похожій на смерть.

— Семь-то рублей! продолжалъ философствовать помощникъ:—развѣ это деньги? Тамъ, въ Ендовѣ-то, по крайней мѣрѣ все-таки большая дорога.

— Да вѣдь и здѣсь большая.

— Здѣсь!—здѣсь не дорога, а свинство одно. Развѣ такая дорога-то большая? Ты спроси сначала, а потомъ и говори. Настоящая дорога-то идетъ, какъ война воюетъ,—вотъ какая дорога; а это что? Почта только... Это чертовщина, а не дорога... Я тамъ однихъ писемъ на пятнадцать цѣлковыхъ накатаю — въ мѣсяцъ-то, потому народъ, суета, а здѣсь что?

Долго разрисовывалъ помощникъ свои будущія благополучія, зная въ то-же время, что все это только такъ, и ни куда онъ не перейдетъ, покуда въ самомъ дѣлѣ не засохнетъ и не задохнется отъ тоски и однообразія, или не подвернется случай жениться, не подойдетъ какая нибудь невѣдомая теперь, но хорошая «линія». И писарь зналъ, что все это вздоръ; но «доходъ», но «деньги» были столь уважительными у всей этой тьмы предметами, что никто не чувствовалъ себя глупымъ, позволяя себѣ фантазировать на этотъ счетъ. О деньгахъ, о доходахъ можно размечтаться, можно дозволить себѣ безнаказанно поврать даже — это ничего. А вотъ раздумывать о томъ, почему скука, почему «дѣло — не дѣло», раздумывать о томъ, какъ-бы получше было жить на свѣтѣ, словомъ — размышлять и фантазировать, основываясь на своей внутренней, сердечной тоскѣ и заботѣ, вотъ это ужъ глупость и вздоръ, потому что тогда «всякій» также начнетъ фантазировать, всякій полѣзетъ съ своими сердцами, а ужъ это Богъ вѣсть что.

2.

Торопливое чавканье чьихъ-то лаптей, послышавшееся въ темнотѣ, прервало фантазіи и разговоры двухъ хорошо выспавшихся людей.

— Кто тутъ? радуясь живому существу, спросилъ темноту писарь.

— Бертище!.. весело и рѣзко отвѣчалъ голосъ изъ тьмы.

— А!.. обрадовались собесѣдники.

— Бертище, продолжалъ голосъ, быстро приближаясь: — захотѣлъ винища, бѣжитъ въ кабачище, во второй, братцы писари, рразище. Какъ это вамъ покажется?

Тьма и сонъ, и смерть огласились вдругъ радостнѣйшимъ смѣхомъ. Въ голосѣ «Бертища» было нѣчто до того смѣшное, комическое, что кажется самыя обыкновенныя слова, сказанныя имъ, непремѣнно бы возбудили веселое расположеніе духа и улыбку въ самомъ скучномъ человѣкѣ. Слышались въ немъ и беззаботность, и веселье, и насмѣшка, и симпатія, и почти юношеская веселость, хоть «Бертище» былъ старикъ пятидесяти лѣтъ. Это былъ маленькій, жилистый, проворный и нервный до послѣдней степени человѣкъ, съ широкимъ, смѣшнымъ утинымъ носомъ и проворными, крошечными, безцвѣтными глазами;—человѣкъ, занимающійся кузнечнымъ мастерствомъ поденно — день тутъ, недѣлю тамъ, словомъ — сколько ему понравится и гдѣ понравится. Но гдѣ бы онъ ни пристроился, тотчасъ начинался смѣхъ и живой, остроумный крестьянскій разговоръ. Остроты, пѣсенки, анекдоты у него были «все свои», особенные, никѣмъ, нигдѣ, никогда не слыханные. И эти остроты и прибаутки сыпались градомъ въ то время, когда маленькія

жилистыя руки Бертищи проворно работали молоткомъ. И работалъ-то онъ, точно комедію представлялъ. Раскаливъ конецъ желѣзной полосы и выхвативъ его изъ горна, онъ, по дорогѣ къ наковальнѣ, непремѣнно испугаетъ бабу, ткнувъ огнемъ по направленію къ ней и прибавивъ конечно смѣшное, хотя и сальное словцо. Ожидая, пока разгораются въ горнѣ уголья, онъ попляшетъ и опять разскажетъ исторію или посмѣется надъ кѣмъ-нибудь. Выдалась среди жаркой работы коротенькая минутка передышки, Бертище не упуститъ ея, чтобы не хлопнуть водки второпяхъ, впопыхахъ, и все съ разными гримасами, прибаутками, позами. Неистощимый родникъ юмора, веселости и наблюдательности таится въ этомъ человѣкѣ; но случайность среды не дала ничему развиться какъ слѣдуетъ, и талантливый человѣкъ этотъ осужденъ на то, чтобы выдѣлывать «колѣна», пить и, разумѣется, спиться съ кругу.

— Тебѣ не дадутъ теперь водки: запрещено, сказалъ писарь.

— Мнѣ то? Да ты знаешь, кто я такой?

— Кто?

— Я—Бертъ! Понимаешь это? Знаешь, въ Петербургѣ заводчикъ Бертъ, милліонеръ?

— Ну?

— Ну, это я и есть! Это вы только, глупые, необразованные люди, собачьи кличка носите: Свиньинъ да Балванскій, да Зайцевъ... Я, братъ, этого съ собой не позволю дѣлать.. Я себя самъ произвелъ въ иностранцы.

— А твоя какъ фамилія-то настоящая?

— Кукушка! Ну что это за названіе? Какая я кукушка? Я — человѣкъ: вѣдь это срамъ съ этакимъ именемъ. . Нѣтъ, братъ, думаю, шалишь, не проведешь! Я-те дамъ кукушка.... Бертъ! Объявилъ—и шабашъ.. И въ думѣ такъ сказалъ—«никакого, говорю, Кукушки нѣтъ, и билета съ кукушкой не возьму!» Три цѣлковыхъ далъ; теперь пишутъ «Бертъ». Да какого чорта? Я по кузнечному, и онъ, петербургскій-то Бертъ,—тоже по кузнечному. Вотъ и произвелъ! А то Кукушка! Я тебя за эти слова... Ты что жъ меня садиться не приглашаешь? Что ты за дубина такая, что я долженъ стоять предъ тобой?

Что ты, Аннушка, фарсишь,
Да къ себѣ не пригла-с-сишь?
А чего ты косишься...
Самъ ко мнѣ не просишься?...

пропѣлъ Бертище, подплясывая въ грязи, и вскочилъ на крыльцо.

— Что орете тутъ? среди смѣха писарей послышался голосъ выступившей на крыльцо жены учителя.—Дѣтей перебудите...

— Милая моя мамочка!... не давая сказать ей слова, заговорилъ Бертъ и въ рифму сказалъ такое словцо, отъ котораго всѣ и писарь, и жена учителя, какъ говорится, *«сгорѣли со стыда»*.

— Тьфу ты, пьяница! почти убѣгая, произнесла жена учителя.

— Ай не любишь? сказалъ ей вслѣдъ кузнецъ.— Поди, я еще тебя попотчую.

Смѣхъ, охватившій писарей, былъ по-истинѣ невообразимый. Они то закатывались до перхоты, до удушья, то, не выдержавъ и чуть не задохнувшись, оглашали тишину и тьму громовыми раскатами хохота. Бертъ также смѣялся и все прибавлялъ по словечку, благодаря чему по крайней мѣрѣ четверть часа никто изъ смѣявшихся не могъ придти въ себя. «О-охъ! о-охъ»! стонали они, хватаясь за грудь, и вдругъ опять пускались хохотать, какъ помѣшанные.

— Уйди ты отсюда, балалайка безструнная! кое-какъ опомнившись, сказалъ писарь: - измучилъ совсѣмъ.

— Я, братъ, и такъ скоро уйду! Оставайтесь одни, безъ меня, пьянствовать. Чортъ съ вами!

— Ты ужъ никакъ второй мѣсяцъ идешь, все ни съ мѣста,

— А ты вели стаканчики въ кабакахъ побольше давать!.. да! Какъ-же я уйду то? Меня, вонъ, на станцію приглашаютъ, мнѣ надо двугривенный, а вы тутъ избаловали кабакъ,—мнѣ и не справиться... Наливай онъ стаканъ форменный, мнѣ бы четырехъ-то стакановъ за глаза хватило.

— Ну!

Ну, конечно съ посторонними... Ты поднесешь, Евсей поднесетъ, тотъ, другой, третій... самособой. А то онъ наливаетъ — наперстокъ: вмѣсто четырехъ и пьешь шесть... Остается изъ сорока копѣекъ поденныхъ всего гривенникъ: развѣ на это уѣдешь? Мнѣ нуженъ двугривенный... а гривенникъ куда я дѣну? Хочешь не-хочешь, надо пропить. Стало-быть, седьмой и восьмой. Вотъ и не на что идти... А то бы я отъ васъ давно ушелъ...

— Все не протрезвишься никакъ?

— Говорю, заведи законный стаканъ...

— Ну, будетъ врать-то. Какой стаканъ ни дай, все восемь выпьешь, покуда всего не пропьешь,— ужъ больно любишь, охотникъ...

— Охъ, братецъ ты мой! вздохнувъ, сказалъ кузнецъ.—И то! люблю его анаѳему, винище это! Люблю!

— Очень нравится?

— Охъ, какъ нравится, братцы, вино-то! Такъ нравится, такъ...

Кузнецъ что-то чмокнулъ губами.

— Что это ты?

— Бутылку, братцы мои, поцѣловалъ. Я завсегда сначала бутылку поцѣлую, а потомъ налью... А пустую, когда окончу, то къ сердцу прижимаю: милая моя мамочка! Ахъ, и люблю же я ее!.. водочку, матушку... страсть господняя!.. Чистая страсть!..

— А запоемъ пьешь?

— Нѣтъ, запою нѣтъ у меня. Я ее постоянно обожаю... Не будь водки—да я сейчасъ утоплюсь... Передъ Богомъ. Она моя отрада, за подвиги награда.

— Давно-ли пьешь-то?

— Я пью, кумовья, лѣтъ десять. Прежде я не пилъ. О, поглядѣлъ бы ты на меня прежде-то! У меня въ городѣ восемь кузницъ было; часы, цѣпочка... полное почтеніе... А тамъ вдругъ и одолѣло меня... Непремѣнно меня испортили—ужъ это вѣрно. Ужъ тутъ кто-нибудь подмѣшалъ мнѣ, потому вдругъ началось. Не пилъ, не пилъ, все честно, благородно жилъ, поживалъ; вдругъ все мнѣ

опротивѣло. Все не по мнѣ стало; думаю: за какимъ шутомъ я женился? Зачѣмъ цѣпочки, часы—что такое? Захотѣлось мнѣ все раскассировать, и тутъ я пошелъ; все рѣшительно, вотъ все, что подъ руку подвернется, все сталъ пропивать; что было дома — пропилъ, чужое—экипажи, коляски тамъ—все продалъ, пропилъ, и что дальше пью, все того интереснѣй...Жена—Боже мой! Боже милостивый! и дерется, и жалуется, и сынъ бьетъ и оретъ, смѣхъ мнѣ—больше ничего...Доберусь до дому, какъ песъ, въ грязи, пьяный; заберусь на печку—ха-ха-ха!. а они-то зудятъ, орутъ, Боже мой!.. Вотъ любопытно мнѣ да и только, а зла нѣту... Потомъ они меня вонъ выгнали. Жена съ любовникомъ...

— Эге, братъ, вотъ въ чемъ дѣло-то!..—обрадовавшись скандальной тайнѣ, раскрывавшей причину безобразной жизни Бертища, оживленно воскликнулъ одинъ изъ писарей.—Вотъ отчего ты задурилъ-то... Любовникъ-то видно у нея раньше былъ?

— Чего ты меня перебиваешь? осердился Бертище.—Чего тебѣ надо о любовникѣ знать?—тебѣ какое дѣло?

— Да вѣдь у жены были любовники, говори прямо?

— Зачѣмъ ты меня безпокоишь такими разговорами?

— Говори: были?

— Тьфу ты невѣжа какой? Конечно были, глупый ты человѣкъ. Чего же ты спрашиваешь? Было ихъ у нея въ высшей степени... Чего тебѣ еще?

— Ну вотъ, отъ этого-то и сталъ должно быть ты пьянствовать?

— Конечно, глупая твоя голова, отъ этого! Чего же ты надоѣдаешь мнѣ?

— А говоришь: «подмѣшали»!

— Да мало-ли я чего говорю, истуканъ ты необразованный! Долженъ ты молчать покрайней мѣрѣ.

— Ну, ладно; разсказывай!

— «Разсказывай»! Только сбилъ съ разговору... Конечно отъ огорченія, а потомъ, какъ вошелъ во вкусъ, все стало мнѣ нипочемъ... Вдругъ впалъ въ насмѣшку, сталъ издѣваться... Вижу жену съ любовникомъ, съ купцомъ,—только смѣхъ меня разбираетъ, какъ это глупо! И нисколько не обижаюсь! Веселье меня обуяло, какъ птицу небесную. Изъ хозяевъ пришлось въ работники,—еще того веселѣй стало. Полтинникъ выковалъ,—пропилъ, повалился подъ заборъ—сплю. Надоѣло мнѣ въ городѣ, ушелъ безъ шапки и безъ всего въ другое мѣсто. Вездѣ смѣются надо мной, и я смѣюсь, и только думаю одно—какъ бы мнѣ безъ водки не остаться. Это для меня адъ, смерть... Чего-жъ это я тутъ съ вами время теряю?—вдругъ какъ будто опомнившись и вскочивъ, сказалъ Бертъ.

— Куда ты?

— А въ кабакъ-то! Пожалуй въ самомъ дѣлѣ заснутъ... А мнѣ это нельзя. Я имъ тогда стекла переколочу. Мнѣ давай вина...

— Ты воротись, приди.

— Ну, ужъ нѣтъ. Я тамъ подъ кустикомъ лягу съ моей милой, съ бутылочкой, тамъ и засну.

— А сопьется?—вопросительно произнесъ писарь, когда кузнецъ ушелъ.

— Конечно сопьется. Еще бы ему не спиться. Пьетъ безъ отдыху.

— А вѣдь не дуракъ?

— Ну, ужъ уменъ!.. Имѣлъ заведеніе, а теперь самъ поденщикомъ... Какой же тутъ умъ? Умный человѣкъ такъ не сдѣлаетъ. Просто пьяница и балалайка. Ишь, вонъ, жена и сынъ прогнали его. Умный человѣкъ до этого не допуститъ.

Писарь молчалъ и внималъ, а помощникъ продолжалъ философствовать.

— Ты изъ ничего выйди въ люди, пріобрѣти, ухитрись: вотъ тутъ ты покажешь свой умъ... А готовое прожить всякій умѣетъ. Это что! Вотъ напримѣръ Иванъ Ивановичъ (учитель мѣстной школы): вотъ это умный человѣкъ, прямо можно сказать, что шельма. Онъ, положимъ, подлецъ-то подлецъ, а нельзя отнять, уменъ! Что правда, то правда. Что онъ такое? нигдѣ не кончилъ: ни родни, ни руки нигдѣ не было, а вылѣзъ же въ люди. Теперь вонъ учитель, жалованье получаетъ, и деньженки..

— Эка важность: на старухѣ жениться!

— Тебѣ не важность, потому что ты ничего не понимаешь. У старухи-то два дома, видишь ты это, да деньги; да дѣтскія деньги также на его рукахъ, потому онъ же—и опекунъ, видишь ты это, али нѣтъ? Ты думаешь, онъ не съумѣетъ какъ слѣдуетъ этими деньгами-то орудовать—сдѣлай милость! Старуха-то, можетъ, и году не проживетъ, анъ у него и дома, и деньги: а съ деньгами все, братъ, можно...

— А ежели она пятьдесятъ лѣтъ проживетъ?

— Да хоть двѣсти живи. Разъ онъ забралъ ее въ руки, ему-то что? Онъ и теперь вонъ преспокойно живетъ съ поповской кухаркой, и вниманія не обращаетъ—живи, сдѣлай милость, хоть тыщу лѣтъ; онъ, братъ, заручился; теперь его не сшибешь...

— А какъ узнаетъ старуха-то, да прогонитъ?

— Да гони, сдѣлай милость! Это ему еще лучше: положилъ деньги въ карманъ—и пошелъ... Она же останется безъ копѣйки... Нѣтъ, братъ, его теперь не ссадишь съ позиціи,—ужъ онъ, братъ, запустилъ корни ловко...

— А плутъ!..

— Ну!.. Плутъ!.. Мало чего нѣтъ! Ты ужъ, чортъ знаетъ, чего хочешь... Такъ нельзя... А еще вотъ Михайло Петровъ? Это развѣ не умный человѣкъ? Отъ отца отошелъ съ пятиалтыннымъ, а теперь вотъ черезъ шесть лѣтъ домъ двухъэтажный, пять лошадей; поди, не одна сотня...

— Все черезъ жену.

— Черезъ кого-бы ни было, а добился.

— Жену продалъ барину...

— Продалъ-ли тамъ, нѣтъ-ли, а домъ вотъ и деньги, и скотъ... Да хоть и продалъ, что-жъ такое? Можетъ, она ему не мила была? Отчего-жъ, ежели напримѣръ на время, и черезъ это можно на ноги стать? Вѣдь такъ нельзя судить: продалъ. Что у кого есть подъ руками. Ужъ лучше съ выгодой, чѣмъ безъ выгоды; такимъ дуракамъ вонъ, какъ Акулька, безъ всякаго разсчету... Ежели идетъ линія, такъ, напротивъ того, умная женщина должна способствовать, потому что вотъ, напримѣръ Михайло Петровъ этотъ.

Вѣдь ужъ онъ непремѣнно въ купцы выйдетъ, ужъ это какъ богъ-святъ. А вышелъ въ купцы, никто тамъ этого знать не будетъ; а будетъ эта тайна промежду мужемъ и женой... Ежели-бъ она наживала такимъ манеромъ деньги, да въ домъ бы не несла, ну тогда мужъ можетъ претендовать... А ужъ ежели между ними согласіе, тогда чего-же? Только промежду нихъ и будетъ...

— А грѣхъ-то?

— Ну, братъ, всѣ грѣшны. Я думаю и у тебя не сочтешь грѣховъ-то, а тебѣ вонъ и двадцати лѣтъ нѣту... Всѣ грѣшны. Всякій дастъ отвѣтъ Богу самъ. Это не наше дѣло судить. Не осуждай! А про то я говорю, что умный человѣкъ съумѣетъ извлечь, а дуракъ—нѣтъ.

— Подлостью.

— Чѣмъ пришлось. Чѣмъ Господь привелъ, а ужъ достигнетъ, а дуракъ никогда, и даже, вотъ какъ Бертъ, потеряетъ состояніе...

Въ это время почти неслышными шагами—чему способствовали резиновыя калоши, выдѣлилась изъ тьмы и вступила на крыльцо какая-то фигура.

— Кто это?—спросила она шепотомъ.

— Это мы, громко отвѣчали писаря.—Это вы, Иванъ Ивановичъ?

— Я—я! точно задыхаясь, шепталъ учитель.

— Гдѣ вы до сихъ поръ?..

— Тутъ... у батюшки... предписаніе... Который-то часъ?

— Не знаемъ. Ваши ужъ легли.

— Ну, и слава Богу. Пусть... опоздалъ...

Манера говорить и интонаціи голоса учителя были кротки, монашески-умилительны.

— Ты? Иванычъ! появилась на крыльцѣ жена учителя.

— Я-я-я... Запоздалъ... У батюшки... бумага...

— Иди ужинать... Десятый часъ.

— Иду, иду, иду!

И супруги ушли.

— Вотъ плутъ-то! У батюшки! . Этакая шельма! восторженно произнесъ помощникъ.

— А гдѣ-жъ, по твоему?

— Да все время, съ семи часовъ, съ ней, съ кухаркой, я самъ видѣлъ... Вотъ поди узнай, гдѣ былъ! Предписаніе? Развѣ она что понимаетъ? А ты говоришь—дуракъ!

— Когда говорилъ? Я говорю, что плутъ!

— Да! Плутъ—это такъ!.. А я думалъ, ты дуракомъ его назвалъ... Такъ вонъ онъ какой дуракъ-то!.. Предписаніе да предписаніе—поди-ко, ухвати его!.. Нѣтъ, не дуракъ, далеко не дуракъ!..

— А взять да разсказать ей все?

— Ну, и втешешься. Противъ тебя-жъ дѣло. Ты какое имѣешь право нарушать союзъ? Гдѣ у тебя документы? Нѣтъ, братъ, тутъ со всѣхъ сторонъ законопачено... Тутъ не съ твоимъ умомъ соваться. Ужъ ты лучше помалчивай да присматривайся, какъ люди живутъ... Посильнѣй насъ—и то молчатъ!..

3.

Долго разговаривали и потомъ фантазировали, ложась спать, даже грезили во снѣ наши собесѣдники на тему о выгоднѣйшемъ пріобрѣтеніи наилучшихъ средствъ къ жизни. т. е. въ сущности на тему пріобрѣтенія денегъ. Но я ужъ не буду изображать ни этихъ фантазій, ни грезъ: утомительны онѣ, а главное—обидны. Неопредѣленно, хотя и довольно осязательно тоскующій необезпеченный русскій человѣкъ не можетъ не видѣть своего спасенія только въ одномъ—въ возможности имѣть въ карманѣ кушъ денегъ. Вотъ тогда, думаетъ онъ, когда у него будетъ этотъ кушъ въ рукахъ, тогда, кажется, онъ разберетъ и пойметъ все, что теперь его только томитъ и чего онъ теперь иначе и не объясняетъ какъ тѣмъ, что жалованья ему—семь рублей, а не десять. Правда, разговоръ, приведенный выше, происходитъ между людьми, не принадлежащими собственно къ простому народу: и писарь, и помощникъ происходятъ изъ той безчисленной на Руси массы людей, которая растетъ въ убѣжденіи, что она почему-то можетъ разсчитывать на вознагражденіе и средства къ жизни, безъ знанія и безъ труда, въ увѣренности, что ей должно «получать», должно жить, пить, ѣсть и наполнять землю, не становясь въ ряды народа, не зарабатывая хлѣба на фабрикѣ, на пристани съ кулемъ на плечахъ, или на желѣзной дорогѣ съ лопатой въ рукахъ.

Такого народа, воспитаннаго на жирныхъ крохахъ, падавшихъ съ жирнаго стола крѣпостного права, на Руси великое множество: въ чиновничествѣ, въ мѣщанствѣ, въ духовенствѣ,—вездѣ нарождено много безземельнаго народа, громадному большинству котораго нѣтъ ужъ средствъ получить ни знаній, ни умѣнья, дающихъ право требовать, свою порцію хлѣба, и неубѣжденнаго еще въ томъ, что не сегодня, такъ завтра—«трудъ» и только одинъ онъ и будетъ раздавать большія и малыя порціи. У бабушекъ, у деверьевъ, у безчисленныхъ родственниковъ этихъ невинно привилегированныхъ бѣдняковъ еще есть кое-какія средства прокормить какого-нибудь малаго, не окончившаго нигдѣ курса, лѣтъ до двадцати, есть еще кое-какія связи, позволяющія всунуть его въ учителя, въ писаря, въ писцы на желѣзную дорогу, въ пѣвчіе. Но все это не можетъ удовлетворить большинство, по незначительности своей и скудости, и при изобиліи, такъ сказать, исключительно «съѣстныхъ» идеаловъ, такъ какъ никакихъ другихъ не полагалось во многихъ поколѣніяхъ предковъ. Но кромѣ съѣстныхъ идеаловъ, нынѣшнее время несетъ на всякаго человѣка, даже на всякую дубину въ человѣческомъ образѣ, если не новые, не съѣстные идеалы, то навѣрное не бывшія прежде въ ходу, несъѣстныя исключительно мысли. Двадцатилѣтній человѣкъ *не можетъ* не думать о томъ напримѣръ, что ему трудно когда-нибудь законнымъ и надежнымъ путемъ удовлетворить свой аппетитъ, ему не можетъ не приходить въ голову, что у него вѣдь нѣтъ ничего, кромѣ почерка; что этого товара вездѣ много, и онъ ужъ не въ цѣнѣ. Не можетъ онъ не видѣть, что, кромѣ почерка, у него нѣтъ никакой другой заручки; что волей-неволей онъ долженъ терпѣть. нести свой крестъ, зависѣть отъ всякаго, кто можетъ ему приказывать, словомъ—не можетъ не чувствовать себя скверно. Съ другой стороны, онъ

не можетъ не видѣть, что этотъ *всякій*, которому онъ «подверженъ» въ волостномъ правленіи, въ желѣзно-дорожной конторѣ, словомъ—на всѣхъ поприщахъ своего заработка, также большею частію человѣкъ случайный, также попалъ на мѣсто и цапаетъ кушъ не по праву знанія, не по праву труда, а въ большинствѣ случаевъ также только потому, что его бабушки, его тетки и деверья вращаются въ болѣе высшихъ сферахъ, что они могутъ «кому угодно» доставить мѣсто посредника, директора дороги и т. д.

Глядя на все это и мѣряя свое незнаніе съ незнаніемъ имѣющихъ власть, свое невѣжество съ таковымъ-же тѣхъ, кто можетъ приказывать, свои аппетиты съ аппетитами людей привилегированныхъ, онъ не находитъ между собой и человѣкомъ, поставленнымъ выше, получающимъ больше, никакой разницы и невольно долженъ упразднить въ себѣ зародившуюся мысль о цѣнѣ знанія и умѣнія и о необходимости ихъ въ человѣкѣ, не желающемъ быть паразитомъ, а во-вторыхъ объяснять все дѣло, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ,—только тѣмъ, что вся суть въ средствахъ, что при средствахъ и низшій невѣжда можетъ сдѣлаться высшимъ невѣждой, ничего отъ своего невѣжества не теряя. Вся разгадка успѣха: «рука», «случай», «то, что хорошо подвернулось подъ руку»... И какъ ни грустно это вымолвить, а еще не одинъ десятокъ лѣтъ предстоитъ намъ присутствовать при все болѣе и болѣе имѣющемъ возрастать стремленіи къ наживѣ «во что-бы то ни стало»,—стремленій, которому едва-ли не придется на нѣкоторое время дать дорогу, передъ которымъ надобно будетъ посторониться другимъ, не менѣе основательно вытекающимъ изъ условій русской жизни стремленіямъ. «Сначала деньги, а потомъ ужъ разберемъ въ чемъ дѣло, въ чемъ вся суть!» Вотъ что принесено, между прочимъ, въ современную русскую жизнь человѣкообразными остатками крѣпостного права и нравственности, и что принесутъ, съ еще большею чѣмъ теперь настойчивостью, цѣлыя массы этихъ остатковъ, въ безчисленномъ множествѣ залегающихъ въ разныхъ углахъ русской жизни...

Фраза—«во что-бы то ни стало» будетъ имѣть для читателя надлежащій смыслъ только тогда, когда онъ дастъ себѣ трудъ подумать: какая такая сила, кромѣ развѣ квартальнаго надзирателя, прокурорскаго надзора и суда, можетъ стать на пути человѣку, разъ увѣровавшему, что «сначала нужно добыть, а потомъ ужъ разбирать»?

Долго, очень долго разговаривали, мечтали, даже грезили наши пріятели все на тему о томъ, что вся задача жизни человѣка умнаго должна состоять въ стремленіи «зацѣпить» гдѣ-нибудь, откуда-нибудь «выхватить» кушъ или, проще, толстую пачку денегъ и положить ее себѣ въ карманъ—вотъ сюда, въ боковой, чтобы онъ вздувался отъ толстоты. На что имъ нужна была такая пропасть денегъ, куда и какъ намѣревались они употребить ее,—объ этомъ разговора не было, и я вполнѣ увѣренъ, что они не знали и сами.

— Только-бы сюда-бы залучить, а тамъ ужъ оно само собой разберется! говорилъ главный ораторъ, помощникъ волостного писаря, похлопывая себя по карману, и при словѣ «разберется» махнулъ рукой въ невѣдомую даль. Жажда именно только одного—имѣть въ карманѣ пачку—была такъ велика. что, даже совсѣмъ заснувъ, наши пріятели продолжали грезить исключительно о какихъ-то бумажкахъ, пачкахъ билетовъ, причемъ помощникъ неоднократно даже хватался за бокъ.

Какъ ни грустно признаться, а признаться надо: такое настоятельное стремленіе къ кушу, такое поклоненіе пачкѣ денегъ, безъ разбора средствъ, какими дается она (на томъ свѣтѣ всякъ дастъ отвѣтъ за себя!) и куда она уйдетъ (потомъ само собой разберется!...), обуреваетъ въ Слѣпомъ-Литвинѣ не однихъ нашихъ пріятелей, писарей. Увы! не одна крестьянская голова, большею частью самая талантливая, самая умная, точно такъ-же работаетъ всѣми силами ума надъ мыслью объ этомъ-же кушѣ, объ этой же пачкѣ. «Только-бы ее-то заполучить, а тамъ...» А о томъ что *тамъ*—никто даже *не можетъ* еще думать. Не только отъ крайней нужды, отъ недостатка въ самомъ необходимомъ развивается такая жажда къ деньгамъ: сѣрый слѣпинскій мужикъ, какъ увидимъ ниже, добивается денегъ только на то, чтобы перебиться, и хотя чтитъ рублевую бумажку, но еще не выучился забывать все на свѣтѣ для того, чтобы во что ни стало получить ее. Онъ еще, къ счастью, не сообразилъ своего положенія и все думаетъ, что поправится то осенью послѣ уборки, то зимой на свободѣ, то по веснѣ, ежели Богъ дастъ. Но на то онъ и «сѣръ», чтобы не имѣть возможности придти въ себя. Тотъ-же, кто не сѣръ, у кого нужда не съѣла ума, кого случай или что другое заставило подумать о своемъ положеніи, кто чуть-чуть понялъ траги-комическія стороны крестьянскаго житья, тотъ «не можетъ» не видѣть своего избавленія исключительно только въ толстой пачкѣ денегъ—только въ пачкѣ, и не задумывается ни передъ чѣмъ, лишь-бы добыть ее.

Въ прошломъ отрывкѣ изъ деревенскаго дневника было представлено, хотя, говоря по правдѣ, и довольно поверхностно, кое-что изъ той путаницы, среди которой живетъ крестьянинъ. Если читатель припомнитъ все, что записано тамъ насчетъ докторовъ, учителей, насчетъ всякихъ мѣстныхъ имущихъ власть лицъ, то онъ, надо думать, согласится, что только забитый, сѣрый мужицкій умъ можетъ не видѣть полной беззащитности своего положенія. Во всемъ, что окружаетъ его, не видно ни тѣни вниманія, ни добраго слова. Жизнь его съ самаго дѣтства переполнена угрожающими случайностями: переѣдетъ лошадь, потому-что «вино попалось дюже хорошо»; съѣстъ свинья, потому что родильница лежитъ въ обморокѣ, а домашніе такъ крѣпко спятъ, что ничего не слышатъ, «хоть въ барабанъ колоти»; задохнется отъ угара, который каждую зиму наполняетъ на пять, на шесть часовъ въ день аккуратно всякую избу, потому что ни въ одной избѣ нѣтъ двойныхъ рамъ и потому что тепло надо беречь.

Не говоря объ этихъ, ежедневно и ежеминутно висящихъ надъ крестьянскимъ ребенкомъ опасностяхъ, поможетъ-ли ему докторъ, если захватитъ его болѣзнь, эпидемія? Можетъ-ли онъ разсчитывать на помощь родного отца, который, ничего не зная ни въ какихъ болѣстяхъ, не имѣетъ къ тому-же иной разъ пятака серебромъ, чтобъ купить деревяннаго масла, уксусу? Выведетъ-ли его на свѣтъ Божій грамота, если, преодолѣвъ всѣ смертоносныя случайности дѣтскихъ годовъ, изъ ребенка выйдетъ парнишка, имѣющій еще выростн въ человѣка? Дастъ-ли что-нибудь хоть капелькустоящаго школьная наука, за которою приходится бѣгать четыре-пять зимъ, иной разъ чуть не босикомъ, иной разъ за пять, за шесть верстъ? А когда онъ выростетъ, сдѣлается самъ большой—не вѣчный-ли онъ борецъ съ недоимкой?—словомъ, можетъ-ли онъ существовать на свѣтѣ иначе, какъ вполнѣ отдавшись на волю Божію?

Всѣ, отъ кого зависитъ *попеченіе* (!) объ участи крестьянской души, крестьянскаго существованія, дѣлаютъ свое дѣло пожалуй и добросовѣстно: учитель учитъ такъ, что на экзаменѣ ребята отвѣчаютъ на разные хитрые вопросы; онъ въ потѣ лица «обламываетъ» эти, по его словамъ, полѣнья такъ, что въ концѣ концовъ они умѣютъ спѣть гимнъ и «Царю небесный»:—онъ не даромъ получаетъ деньги. Не даромъ получаетъ деньги и лекарь, который даже охрипъ отъ хлопотъ и не знаетъ покою ни днемъ, ни ночью. Не даромъ получаютъ деньги всѣ прочіе печальники, строящіе мосты и проч. Но весь этотъ пришлый народъ исполняетъ обязанности свои какъ нанятой человѣкъ, какъ человѣкъ, которому нуженъ кусокъ хлѣба для *своей* семьи, для *себя*; человѣкъ, которому впору исполнить форму, обличье дѣла. Словомъ, все это такіе люди, на которыхъ деревня не можетъ смотрѣть какъ на своихъ, какъ на людей, которые бы понимали, «какъ свои», всѣ деревенскія нужды.

Когда придетъ въ деревню учитель—не отставной солдатъ и не полуграмотный дешевый педагогъ, оболванивающій деревенскія полѣнья, а умный, вполнѣ образованный человѣкъ, проникнувшійся важностью дѣла:—только тогда деревня можетъ разсчитывать на то, что ребятишки ея узнаютъ въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное. Когда, вмѣсто тысячи рублей жалованья за удовольствіе вѣчныхъ разъѣздовъ по громадной территоріи цѣлаго уѣзда и за глубокое неудовольствіе безпрестаннаго сознанія своей полной безполезности, образованный докторъ рѣшится дѣлать подлинное добро въ маленькомъ уголкѣ одной-двухъ деревень, не разсчитывая ни на какія опредѣленныя вознагражденія, кромѣ добровольныхъ даяній (вѣдь въ городѣ онъ получаетъ именно добровольныя даянія):—тогда только деревенскій ребенокъ можетъ разсчитывать на существенную помощь.

Но будетъ-ли это когда нибудь? Придетъ-ли когда-нибудь въ русскую глухую деревню такой человѣкъ, который рѣшился-бы отдать ей свои знанія, стать, не смотря на эти знанія, въ общія условія бѣдности крестьянской жизни. рѣшился-бы не «благодѣтельствовать», а существовать только на тѣ средства, которыя, безъ принужденій волостного начальства, а по-силѣ-по-мочи, дадутъ ему «за его трудъ» сами крестьяне, и только тѣ крестьяне, которымъ онъ помогъ, пособилъ, научилъ?

Когда-нибудь такой человѣкъ непремѣнно придетъ въ деревню; теперь-же покуда его что-то не видно. Мѣсто его занимаетъ человѣкъ служащій, чужой, нанятой, какой случится, какой попался, и деревня живетъ безъ всякаго призора и безъ единаго добраго слова, если не считать священника, каждый грошъ дохода котораго виденъ крестьянину (а это много значитъ!), который, будучи понятенъ крестьянину какъ человѣкъ, зарабатывающій свое пропитаніе (небольше), хорошъ для него и тѣмъ трудомъ, который даетъ ему пропитаніе. Трудъ этотъ облегчающій —такъ думаетъ крестьянинъ— положеніе крещенаго человѣка: онъ отпускаетъ его прегрѣшенія, лечитъ молебнами и акаѳистами, масло изъ лампады помогаетъ отъ тысячи недуговъ; крестный ходъ годится для урожая, отъ засухи, для дождя. Даже скотъ—и тотъ можетъ разсчитывать на помощь во время эпидеміи только отъ молебна: не даромъ же, какъ писали недавно въ газетахъ, крестьяне одной деревни Тульской губерніи просили отца своего духовнаго отслужить молебенъ «всему православному скоту» «и помянуть» каждую скотину, то есть мою телушку-бѣлушку, Егорову вороную кобылку.

Теперь-же, когда къ деревнѣ нѣтъ человѣка, который бы, будучи выше по развитію, умнѣй, знающѣй всего міра деревенскаго, рѣшился-бы зарабатывать себѣ скудный хлѣбъ своими знаніями, какъ зарабатываетъ его священникъ молитвами,—теперь всякому, мало-мальски очувствовавшемуся деревенскому жителю не можетъ представиться ни въ чемъ спасенія, кромѣ пачки денегъ за пазухой. Она можетъ вывести его изъ этой курной ужасной избы, изъ подъ этого безпрестаннаго гнета ничего незнанія; за деньги онъ достанетъ и доктора, и учителя, и откупится отъ солдатчины. Онъ такъ мало знаетъ, мало понимаетъ, что кругомъ его дѣлается, что только деньги и могутъ помочь ему выбраться на Божій свѣтъ. А разъ онъ убѣдится, что дѣло его плохо и что ему трудно, неловко и глупо живется, что ему надо и слѣдуетъ выбраться, разъ онъ понялъ, что выбраться можно только деньгами:—ни передъ чѣмъ, ни передъ какимъ средствомъ задуматься онъ не можетъ. Мгновенно начинаетъ вырабатываться не философъ, не «буржуй» (выраженіе И. С. Тургенева), а просто страстно влюбленный въ деньги, въ бумажки, «въ пачки» человѣкъ.

Такихъ влюбленныхъ въ деньги людей въ настоящіе дни полны всѣ углы и закоулки Земли Русской, благодаря только неожиданности, внезапности всевозможныхъ перемѣнъ въ условіяхъ русской жизни. Никакія службы на вновь открытыхъ дорогахъ, никакія воинскія повинности, никакія училища, всѣ вмѣстѣ взятыя, не въ силахъ поглотить и дать хлѣбъ народу, который никогда не разсчитывалъ на то, что ему придется остаться безъ хлѣба. Этого народа, въ мелкопомѣстномъ дворянствѣ,

въ чиновничествѣ, въ поповствѣ, въ городскомъ полумѣщанствѣ, полукупечествѣ—непочатые углы, и всѣ они понимають, что ихъ положеніе плохо. Всѣ они ужасно мало могутъ и ужасно много жаждутъ, и вотъ по всѣмъ угламъ Земли Русской, на крылечкахъ волостныхъ правленій, въ дьячковскихъ, дьяконскихъ и священническихъ домахъ, въ этихъ безчисленныхъ домишкахъ уѣздныхъ и губернскихъ переулковъ, домишкахъ «вдовы надворнаго совѣтника», «потомственнаго гражданина»—вездѣ и всюду тысячи людей, рѣшительно обиженныхъ своимъ положеніемъ, неумѣньемъ взяться, невозможностью разсчитывать на помощь, видящихъ спасеніе въ случайномъ заполученіи куша, который одинъ только и можетъ ихъ выручить изъ бѣды.

4.

Въ Слѣпомъ-Литвинѣ есть уже не мало мужичковъ, сообразившихъ, что дѣло въ кушѣ, въ пачкѣ. Упомяну въ особенности объ одномъ, о которомъ читатель имѣетъ уже понятіе. Это староста—Михайло Петровъ. Человѣкъ онъ еще молодой: въ послѣдніе дни крѣпостного права онъ былъ еще мальчикомъ лѣтъ восьми. Отецъ его—тотъ самый мужикъ, у котораго старый баринъ четыре раза сломалъ конюшню. Характеръ этого мужика, позволявшаго себѣ воевать съ господскими управляющими и даже съ самимъ бариномъ, человѣка, который, несмотря на всѣ невзгоды, съумѣлъ иной разъ настоять на своемъ, былъ характеръ крутой, деспотическій. Когда молодой Михайло Петровъ, по освобожденіи крестьянъ, задумалъ ѣхать въ Питеръ, противъ чего отецъ возсталъ, ему пришлось извѣдать на себѣ всю силу этой крутости и дикость необузданнаго ея проявленія. Терпѣливо ждалъ онъ отцовской смерти. Ждалъ два года и, только дождавшись ея, могъ добиться права уйти въ Питеръ на заработки. Крутой отецъ, видя непокорность сына, которую тотъ не могъ утаивать втеченіе двухъ лѣтъ жданья, сохранилъ свой отцовскій норовъ до конца дней и, умирая, оставилъ Михайлѣ всего пятнадцать копѣекъ «за непочтеніе», тогда какъ старшіе братья получили все.

Должно быть отцовскій норовъ не миновалъ и сына, и Михайло Петровъ не задумался пуститься въ дальнюю дорогу почти безъ гроша. Въ Питерѣ онъ сразу попалъ на отличное мѣсто, къ «хорошимъ господамъ», изъ числа тѣхъ быстро народившихся, которые, наживаясь изъ чужого кармана, не считали ни того, что имъ самимъ попадется подъ руку, ни того, что уйдетъ у нихъ изъ-подъ рукъ *). Михайлу Петрову жилось хорошо; но онъ былъ еще мужикъ и «глупъ», и, накопивъ сотню-другую рублей, по глупости, воротился въ деревню. Думалъ, что для него, какъ для мужика, этихъ денегъ видимо-невидимо. Тотчасъ по возвращеніи онъ женился и «подхватилъ» истинную красавицу, какъ самъ онъ говорилъ, первую умницу. Но послѣ Питера «крестьянство» показалось ему труднымъ и глупымъ дѣломъ. «Изъ чего биться»—этотъ вопросъ сталъ возникать у него въ головѣ поминутно, при каждомъ шагѣ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Отвѣдавъ легкаго столичнаго труда, хорошей ѣды, спокойнаго сна вволю, тепла, теплой одежды, цѣльныхъ сапоговъ, онъ уже не могъ понять удовольствія биться какъ рыба объ ледъ, для того чтобы ничего подобнаго не имѣть...

*) Постройки и проч.

У Михайла Петрова родился первый ребенокъ и померъ—«незнамо отъ чего». Михайло Петровъ съ женой стояли надъ нимъ дни и ночи почти цѣлый мѣсяцъ, не зная, что съ нимъ дѣлается и чѣмъ помочь. Онъ оралъ безъ умолку отъ какой-то страшной боли, противъ которой нигдѣ, на сто верстъ кругомъ, не было помощи. Барыня-помѣщица знала въ медицинѣ только двѣ вещи—деревянное масло и спускъ. Батюшка зналъ—масло изъ лампады, спускъ, просвиру за здравіе и молебенъ о здравіи. Деревня знала много другихъ средствъ, вродѣ того, что кричащаго ребенка надо вынести на морозъ и держать его на холоду до тѣхъ поръ, пока онъ не начнетъ затихать, и потомъ нести въ горницу, гдѣ онъ непремѣнно заснетъ отъ такой внезапной встрепки. Ему вправляли животъ, трясли за ноги къ-низу головой, поили оттопленнымъ въ печкѣ чернобыльникомъ, поили лампаднымъ масломъ:—онъ все оралъ и вопилъ безъ всякаго милосердія, и наконецъ умеръ.

Жаль было ребенка, перваго ребенка, Михайлу Петрову, и эта смерть разъяснила глупость его положенія едва ли не сильнѣе отцовскаго самодурства и петербургской привольной жизни. Мужики, у которыхъ мрутъ дѣти точно такъ-же чуть не каждый годъ и которые все-таки продолжаютъ пользовать ихъ средствами, ведущими ко гробу, стали представляться ему чистыми глупцами, и ему было обидно, до крови больно, что и онъ—такой-же глупецъ, какъ и они. Надо къ этому прибавить, что, воротясь изъ столицы, онъ вынесъ нѣкоторое понятіе вообще о порядкѣ, необходимомъ въ дѣлахъ, для того чтобы дѣла шли успѣшно: взялъ—отдай, нанялся—работай, подрядился—исполни, что слѣдуетъ—получи. Деревня-же, въ которой ему пришлось жить своимъ хозяйствомъ послѣ такихъ питерскихъ порядковъ, ничего подобнаго знать не могла; время послѣ крѣпостного права стояло запутанное, положеніе дня не выяснилось для крестьянъ, и эта путаница была Михайлу Петрову невыносима.

У него напримѣръ подряжаются строить избу за тридцать рублей, подряжаются безъ бумаги, на совѣсть, и уходятъ, получивъ задатки, потому что вдругъ на нихъ нахлынула откуда-то практическая струя новаго времени, гласящая, что «безъ росписки нонѣ ничего не подѣлаешь», а между тѣмъ «по той же самой совѣсти»—они же, за одну только водку, дѣлаютъ въ пять разъ труднѣйшую работу дьячку, потому, молъ, что добрый человѣкъ. То въ ножки кланяются по старой памяти, то сами же высѣкутъ себя въ волости. Все это Михайлу Петрову было не по-нутру. Смерть перваго ребенка еще болѣе ожесточила его на безтолочь, окружающую его, и на его собственную безтолочь, отъ которой онъ не могъ выбиться, какъ мужикъ. Онъ,

*

какъ умный человѣкъ, сразу понялъ, что ему нужны деньги —и пока больше ничего, чтобы не тянуть этой лямки, чтобы не покоряться случайностямъ отъ забитыхъ, запутанныхъ людей и случайныхъ порядковъ, чтобы не вредить себѣ своимъ собственнымъ невѣжествомъ. «Выбираться»—вотъ что сдѣлалось его задачей, а умная жена тотчасъ сполна поняла и прониклась этой задачей. Какъ хорошая, умная подруга, она знала одно— что ей изо всѣхъ силъ надо пособлять мужу.

Они опять хотѣли-было въ Петербургъ ѣхать, но, *на счастье*, въ деревню назначено было человѣкъ двадцать молодыхъ людей какой то спеціальной школы: они должны были втеченіе лѣта производить съемки, нивелировать и т. д. Народъ навалилъ веселый, большею частью состоятельный, и, на счастье Михаила Петровича, именно въ его домѣ помѣстилось пятеро самыхъ богатенькихъ.

Съ двухъ часовъ ихъ пребыванія Михайло Петровичъ замѣтилъ, что жена его произвела впечатлѣніе. «Лучше этой нѣтъ!» говорили молодые люди, въ самое короткое время успѣвшіе произвести съемку всѣмъ деревенскимъ дамамъ. И Михайло Петровъ понялъ это, да и Аграфена только взглянула ему въ глаза—тоже поняла, въ чемъ теперь дѣло.

И «не какъ-нибудь, не зря» стала Аграфена заниматься этимъ дѣломъ, а такъ, что самый разсчетливый, самый основательный человѣкъ, осуждая ея поведеніе, могъ въ концѣ концовъ только похвалить ее, признать въ ней необыкновенный умъ, направленный, безъ всякихъ послабленій и увлеченій, только къ одной цѣли, которую она и достигла не какъ-нибудь, а съ толкомъ, умно, разсчетливо. Она съумѣла вытянуть изъ всѣхъ пятерыхъ все, что у нихъ было; вытягивала все лѣто всѣми возможными цѣнностями, причемъ вниманіемъ удостоивала далеко не всѣхъ, довела ихъ до ссоры, чуть не до дуэли, и въ то же время не только не измѣнила своего обличья крестьянской жены, работящей, молчаливой, но даже и тѣни гордости не выказывала передъ завидовавшими ей пріятельницами. Вставала она по-прежнему въ три часа утра, гнала коровъ, шла на рѣчку съ тяжелыми ведрами, жала въ полѣ, ходила босикомъ по грязи, словомъ— ни на волосъ не давала замѣтить ни господамъ, что они ей нужны, ни своимъ деревенскимъ соперницамъ, что дѣла ея блистательны. Напротивъ, разъ понявъ въ чемъ дѣло, инстинктивно угадавъ тотъ образъ дѣйствій, который какъ нельзя лучше привязываетъ къ ней мужа, она при каждомъ успѣхѣ стала чувствовать только одно, что—«мало», надо больше, надо поступать настойчивѣй, добиваться энергичнѣй.

— Къ намъ опять, баринушки, милости просимъ! Не оставьте ужъ насъ опять то, оченно мы вами благодарны!—какъ «простая» деревенская баба, говорила она, кланяясь и держа конецъ фартука у губъ, когда баринушки осенью разъѣзжались по домамъ, унося, быть можетъ, истинную любовь въ сердцѣ.

— Непремѣнно! непремѣнно! кричали ей самымъ искреннѣйшимъ образомъ баринушки и махали шапками..

— Присылайте другихъ побогаче! прибавила она грубо и искренне-безсердечно, когда баринушки умчались и Аграфена осталась съ муженькомъ съ глазу на глазъ. Она еще съ секунду поддержала на своемъ лицѣ это грубое выраженіе, но вдругъ взглянула на улыбавшагося Михайла Петрова, и такъ сама улыбнулась, такими громадными и громадно-веселыми глазами мелькнула на мужа, что у того только дыханье захватило отъ удовольствія. Никакихъ больше разговоровъ, ни воспоминаній, ни даже именъ этихъ баринушекъ не повторялось. Точно ничего не было такого, о чемъ можно-бы шепнуть другъ другу пару словъ. Веселая и радостная послѣ отъѣзда постояльцевъ, Аграфена тотчасъ поставила самоваръ и сама начала такую рѣчь:

— А ты вотъ что, Михайла, ты вотъ лошаденокъ парочку безпремѣнно у Барсукова купи.— Лошади первый сортъ...

— За лошадьми надоть въ Почивалово... У Барсукова что?

И пошелъ дѣловитѣйшій изъ дѣловыхъ разговоръ.

Михайло Петровъ тоже не зѣвалъ съ господами. Пользуясь вліяніемъ жены, о которомъ господа и понятія не имѣли, полагая, что Михайло Петровъ не болѣе какъ ловко обманываемый мужъ, онъ бралъ съ господъ и за провозъ, и за отвозъ, и за рыбку, и за пивцо—«наше деревенское ужъ какое есть»—и гривеннички, и рублевики, и такъ попрашивалъ на лаптишки, что въ концѣ-концовъ въ ту-же осень онъ принялся строить большущій домъ, купилъ скотины и единогласно былъ выбранъ въ сельскіе старосты.

Вся деревня знала, что они съ женой пошли въ ходъ съ нехорошаго; но это самое умѣнье, это знаніе «какъ пойти», какъ повернуть дѣлами—это-то и побѣждало всѣхъ. Всѣ сознавали, что хоть и худо, а умно, ловко, не какъ-нибудь, не зря, не дуромъ... Такъ-то, дуромъ-то, мало-ли поступаетъ и поступала на своемъ вѣку не одна крестьянская жена, особливо мастерицы онѣ поступать дуромъ «не въ домъ, а изъ дому», а эта, Аграфена,— нѣтъ!—Такъ думали критики-мужчины и женщины, глядя на степенную безъ гордости Аграфену, истово кладущую въ церкви поклоны... Грѣхъ!—это такъ. Да кто не грѣшенъ-то? Аграфена небось говѣетъ и кается, да къ тому-же у ней есть чѣмъ хорошо заплатить за грѣхи-то... И будетъ такая-же, какъ и всѣ православные христіане, а у Михайлы то между прочимъ домъ вонъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, скота прибавляется, да на мірскія деньги, которыя у него иной разъ по мѣсяцамъ лежатъ на рукахъ безъ движенія, обороты дѣлаетъ.

Къ веснѣ слѣдующаго года у Михайлы Петрова былъ въ самомъ дѣлѣ готовъ отличнѣйшій домъ. Онъ раздѣлялся на двѣ половины: внизу— кладовыя, вверху—двѣ половины горницъ.

А въ самомъ началѣ лѣта Господь послалъ и новую практику. Къ помѣщицѣ пріѣхалъ гостить братъ, старый, лѣтъ подъ 50, холостякъ, отставной военный. Онъ пріѣхалъ подышать сельскимъ воздухомъ, и тотчасъ-же конечно сталъ заговаривать съ бабами..

— А матка гдѣ? спрашивалъ онъ отечески у малыхъ ребятъ.

— У полѣ...

— А молодая у тебя мамка-то или старая?

— Старая...

— Э... какой же ты бутузъ!

Итакъ, по отечески разговаривая, любитель природы направлялся въ поле. Здѣсь онъ останавливался передъ каждой согнутой въ три погибели женской фигурой, снисходительно отвѣчалъ на земные (по старой памяти) поклоны, но долго не находилъ того, что именно и было любезно ему на лонѣ неискусственной природы. Наконецъ онъ встрѣтилъ Аграфену. Она работала вмѣстѣ съ мужемъ. Поклона земного онъ не получилъ отъ нея, а тотчасъ остановился какъ вкопаный, держа руки съ палкой за спиной. Онъ даже сѣлъ отдохнуть на первый камень и заговорилъ. Ошибался онъ, надѣясь на легкую побѣду и на свою боевую опытность. Интересъ въ немъ Аграфена возбудила сразу и сразу-же поняла, какъ надо поступать. Они оба, и мужъ, и жена, привели ветерана почти въ изступленіе; понемногу, по вершечку, они завладѣли имъ, его волей, его мыслями. И, прежде нежели ветеранъ могъ одобрительно отозваться о проведенномъ лѣтѣ, онъ долженъ былъ переплатить Михайлѣ Петрову и Аграфенѣ кучу денегъ: то впередъ давалъ подъ ѣзду рублей двѣсти, а Михайло обязывался отработать; то Михайло подбивалъ его купить лошадь, говоря, что она будетъ, молъ, ваша, а только-что «покэдова» поработаетъ; то Аграфена просила эту лошадь подарить. На этотъ разъ изъ ветерана была сдѣлана продолжительная доходная статья. Онъ совершенно влюбился и въ Аграфену, и въ Михайла Петрова, въ его порядочность, пониманіе, въ его отсутствіе мужичьяго разгильдяйства, пьянства. Онъ помогалъ достраивать ему домъ съ такимъ усердіемъ и интересомъ, какъ будто это былъ его собственный домъ.

— Да сдѣлай ты, глупецъ этакой, каменный фундаментъ! говорилъ онъ Михайлѣ Петрову.—Ну, какъ-же можно строить на грязи?

— Ваше превосходительство, откуда-жъ намъ камню-то взять? я бы радъ.

— Да я тебѣ дамъ, возьми... Чортъ знаетъ что такое, строить домъ въ лужѣ!

Никакимъ слухамъ, никакимъ наговорамъ, касавшимся Михайла Петрова, ветеранъ не вѣрилъ; онъ нашелъ въ Аграфенѣ и даже въ Михайлѣ семью, заботу, дѣло, вниманіе и деревенскую простоту, охоту выслушать совѣтъ, благодарность—все, что съ избыткомъ наполняло его холостые старые дни.

Михайло Петровъ не прерывалъ сношеній съ ветераномъ и по отъѣздѣ его осенью въ столицу, да и самъ ветеранъ не желалъ этого. Онъ самъ скучалъ о нихъ, больше всего конечно объ Аграфенѣ, и все справлялся, не позовутъ-ли его крестить. Его позвали дѣйствительно, и онъ нарочно пріѣхалъ зимой, чѣмъ несказанно обидѣлъ сестру. Но Михайло Петровъ далъ ему понять кое-что насчетъ ребенка, упомянулъ мелькомъ, что за этимъ «малюткомъ» (простъ онъ, не умѣетъ по-умному говорить) надо ходить по-божески, не такъ чтобы какъ-нибудь. И ветеранъ понялъ, что этотъ ребенокъ—его, хотя все это былъ вздоръ. Онъ далъ слово вывести мальчишку въ люди, и навѣрное сдѣлаетъ это.

Но, несмотря на успѣхъ, и Аграфена, и Михайло Петровъ съ каждымъ днемъ все дѣлаются ненасытнѣе въ достиженіи, а главное—въ желаніи еще большихъ успѣховъ. «Мало», «мало» — все сильнѣе давитъ на ихъ общій умъ (они дѣйствительно—одно тѣло и одинъ духъ), и они рвутся, какъ горячія лошади, все дальше и дальше, не зная, куда примчатъ ихъ рѣзвыя и вовсе не усталыя еще ноги. Очень можетъ быть, что эта жажда денегъ и приведетъ ихъ обоихъ къ чему-нибудь не доброму: и Аграфена, и Михайло все-таки *темные люди*, зарвутся, не съумѣютъ остановиться—и погибнутъ. Все это случится; но теперь они, по уму, по опредѣленности задачи и по энергіи, съ которою стремятся достигнуть ея,—первые люди деревни; имъ завидуютъ всѣ, мало-мальски вышедшіе изъ туманнаго существованія сѣраго мужика; всѣ такіе слѣпинцы стремятся имъ подражать, то-есть идутъ тою-же дорогой; но, увы! успѣха того не имѣютъ. Правда, они не церемонятся ни передъ чѣмъ и поставляютъ всякій «товаръ», лишь-бы за него шли въ руки деньги, только товаръ ихъ, забитый и оборванный, и неумѣлый, не одерживаетъ такихъ побѣдъ, какъ умная и хитрая Аграфена.

5.

«Шибко» нуждается въ деньгахъ и простой сѣрый мужикъ, и также желалъ-бы заполучить въ свои корявыя руки какіе-нибудь кредитные знаки; но, глядя на его старанія въ этомъ отношеніи, ясно видишь, что успѣха они имѣть не могутъ. Тайна этого неуспѣха именно въ томъ и состоитъ, что мужикъ—человѣкъ сѣрый, что онъ еще не отвыкъ отъ «крестьянства», не умѣетъ жить иначе какъ своимъ домомъ, своей семьей, и главное въ томъ, что плохо понимаетъ все происходящее за предѣлами его домишки. Онъ не можетъ обобщить и привести въ систему осаждающія его явленія жизни, иначе онъ-бы давно думалъ точь въ-точь такъ, какъ думаетъ Михайло Петровъ. Теперь-же, не приведя ничего въ ясность, онъ чувствуетъ только, что ему *нужны* деньги, иной разъ «до-зарѣзу», но не какъ спасеніе отъ тьмы, не какъ средство вообще выйти изъ ничтожества, а только какъ средство удовлетворить кое-какимъ нуждишкамъ; о большемъ онъ не хлопочетъ и отвыкъ думать. Ему грезятся не куши, не капиталы, а деньжонки, рублишки, необходимые только для того, чтобы покрыть крышу, починить сапоги, отдать два рубля лавочнику. Онъ хватается за всякое средство, лишь-бы только добыть рубликъ, и за этотъ рубликъ платитъ трудомъ своимъ въ десять разъ больше, —и это всегда, за каждый рубликъ. Если же онъ, т. е. настоящій *сѣрый* мужикъ, и сообразитъ, что хорошо-бы было ему получить побольѣ, справиться сразу, и если къ этому представится даже случай, то и тутъ не всегда онъ съумѣетъ воспользоваться имъ, потому что сѣръ, потому что еще не «насо-

бачился», какъ говорятъ въ деревнѣ въ похвалу развитымъ и умнымъ людямъ.

Во время житья моего въ Слѣпомъ-Литвинѣ познакомился я съ однимъ изъ такихъ сѣрыхъ мужиковъ. Онъ постоянно нуждался въ самомъ необходимомъ, постоянно просилъ хлѣбушка, продавалъ теленка, не давъ ему, послѣ появленія на свѣтъ, поотходиться и двухъ недѣль; тащилъ цыплятъ въ продажу, когда они были еще желты. У него во всемъ былъ недохватъ: о покупкѣ новыхъ сапогъ онъ думалъ года по два; крышу собирался крыть лѣтъ пять, и все-таки не могъ этого сдѣлать. Какая-то непоколебимая надежда на то, что онъ «вотъ, погоди, поправится», особенно поражала въ немъ, такъ какъ только она одна, какъ мнѣ кажется, и поддерживала его среди явнаго и полнаго разстройства всѣхъ его дѣлъ. Поддерживала она его до такой степени, что у Ивана Аѳанасьева (о немъ писано раньше) было больше веселыхъ минутъ въ жизни, чѣмъ у самаго исправнаго изъ мужиковъ. Лицо его было чаще другихъ запечатлѣно добродушнѣйшей усмѣшкой, шуткой; чаще другихъ онъ думалъ о томъ, что вотъ придетъ праздникъ, наваримъ пива, словомъ—погуляемъ. Никогда на свою горькую участь онъ не озлоблялся и не срывалъ зла ни надъ кѣмъ изъ домашнихъ, какъ это частехонько водится и не въ одномъ крестьянскомъ быту; напротивъ, что весьма удивительно, дѣти, даже пріемышъ, взятый изъ воспитательнаго дома, составляли предметъ его особенной внимательности. Какъ самый тонкій наблюдатель, онъ день за днемъ могъ разсказать, какъ начала говорить и ходить Машутка, какъ называла на своемъ дѣтскомъ нарѣчіи курицу, телѣгу, хлѣбъ; зналъ съ точностью повадку и натуру каждаго ребенка и даже весьма искусно велъ нравственное воспитаніе своихъ ребятишекъ.

— Меня Васька оби-жа-а-етъ! реветъ во всю мочь крошечная дѣвчонка, бросаясь головой между колѣнями Ивана Аѳанасьева: — прибей его, тя-а-атька...

— Она щепку въ ротъ взяла, а я ее отнялъ... она и заревѣла...

— А-а! серьезно говоритъ Иванъ Аѳанасьевъ.— Какъ-же онъ это Васька Машутку смѣетъ обижать? Да мы его вотъ сейчасъ высѣкимъ, погляди-ко какъ. Высѣчь его, Машутка?

— Выс-ѣчь...

— Ну, давай, мы его высѣкимъ... Поди, волоки хворостину .. Хорошую принеси, смотри. Мы его высѣкимъ съ тобой—небу будетъ жарко! Ахъ, онъ такой-сякой! волоки, Машутка, скорѣй...

Вся въ слезахъ и во всякой грязи на лицѣ, тащитъ Машутка со двора громадную хворостину. Но покуда она дотащила, обида ея прошла.

— Нина-а-а-да! реветъ Машутка—и вся исторія оканчивается самой задушевной мировой.

Не разъ приходила мнѣ въ голову мысль, что такому человѣку, какъ Иванъ Аѳанасьевъ, во что бы то ни стало необходимо помочь. У него въ самомъ дѣлѣ недоставало только денегъ, чтобы поправиться, пообзавестись, и тогда рѣшительно не было никакихъ основаній сомнѣваться, что онъ встанетъ на ноги. Онъ хорошій, даже образцовый семьянинъ, человѣкъ, который пьетъ, когда случится, когда поднесутъ, и вовсе не завзятый любитель вина. Самъ Иванъ Аѳанасьевъ двадцать разъ заводилъ рѣчь о томъ, что хорошо-бы добыть мѣстечко гдѣ-нибудь на сторонѣ, поработать годикъ, накопить рублей сто и потомъ взяться за крестьянство какъ слѣдуетъ, т е. все починить, подперерть, покрыть.

Случайно мнѣ пришлось встрѣтить одного моего хорошаго пріятеля, который нуждался для своего имѣнія въ человѣкѣ хорошаго поведенія, непьющемъ и работящемъ. Имѣніе это находилось верстахъ въ полутораста отъ Слѣпого-Литвина и въ семи или десяти верстахъ отъ желѣзной дороги. Состояло оно изъ построекъ: господскаго дома, службъ, бани и необходимыхъ хозяйственныхъ строеній, и лежало одиноко въ лѣсу, въ трехъ верстахъ отъ ближайшей деревни. Въ виду того, что зимой (а человѣка владѣлецъ нанималъ на зиму) мѣсто можетъ показаться глухимъ, владѣлецъ назначалъ желающему хорошее жалованье.

Мѣстные крестьяне, наперерывъ старавшіеся занять это мѣсто, не удовлетворяли владѣльца, какъ народъ придорожный, «шоссейный», снисходительные взгляды котораго на исполненіе своихъ обязанностей—взятыхъ, разумѣется, при всевозможныхъ клятвахъ и тысячахъ «будьте покойны», «если мы», «Господи, сохрани, да мы ужъ»,—были уже ему знакомы. Работа нанимаемаго должна была состоять въ надзорѣ за аккуратностью отправки изъ имѣнія сѣна на желѣзную дорогу, въ записываніи рабочихъ часовъ и въ надзорѣ за домомъ и скотомъ. Кромѣ того нанимавшійся могъ нанять плотника на хозяйскій счетъ; конечно и этотъ плотникъ долженъ былъ жить всю зиму, исполняя тѣ мелкія работы, которыя укажетъ хозяинъ и замѣтитъ самъ управитель.

Я предложилъ Ивану Аѳанасьеву, не хочетъли онъ занять такое мѣсто. Жить ему будетъ скучно, но за то къ веснѣ и рабочей порѣ онъ можетъ вернуться домой съ порядочными деньгами. Я подробно разсказалъ ему его обязанности, положеніе имѣнія, рисовалъ дорогу и лѣсъ, и домъ—и Иванъ былъ радъ-радехонекъ

— Лучше не надо! твердилъ онъ.

— А лѣсъ!

— Господи помилуй! лѣсъ? Али лѣсовъ-то не видали! Я пяти годовъ заблудился въ лѣсу-то, двое сутокъ не ѣлъ... Авось, теперь не махонькой...

Я просилъ его подумать, сообразить; но онъ повторялъ только одно:—«лучше не надо!» «по гробъ буду помнить!» Владѣльцу я расписалъ Ивана самыми превосходными красками. Въ честности его я не сомнѣвался ни капли. Владѣлецъ внимательно слушалъ меня, вѣрилъ мнѣ; но, наученный, должно быть, опытомъ, почему-то сказалъ въ концѣ концовъ:

— О-охъ, смотрите!.. Впрочемъ, если все такъ, такъ я лучшаго не желаю.

Наконецъ Иванъ получилъ—въ чемъ я убѣ-

дилъ владѣльца самыми непреложными доводами—нѣсколько денегъ на поправку, еще нѣсколько денегъ для дому, десять рублей на подати (и дѣйствительно внесъ ихъ) и нѣсколько денегъ на дорогу. Все это было послано въ письмѣ послѣ моего отъѣзда изъ Слѣпого-Литвина. На мызу было послано увѣдомленіе оставлявшему ее приказчику, чтобы онъ къ такому-то дню (по приблизительному разсчету) ожидалъ прибытія новаго приказчика и потомъ уже, сдавъ ему все, оставилъ мѣсто.

Черезъ двѣ недѣли послѣ разсчитаннаго срока получилось изъ деревни письмо, въ которомъ старый приказчикъ писалъ, что никто до сихъ поръ въ деревню не приходилъ; просилъ подыскать кого-нибудь другого, говоря, что больше ждать не можетъ.

— Вотъ видите! съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки сказалъ мой владѣлецъ: – говорилъ я!..

Признаюсь, изумился я такой неаккуратности Ивана, да мало того изумился:—въ маловѣрную душу мою закралось сомнѣніе даже на счетъ безкорыстія Ивана. Я столько навидался и наслышался на счетъ сомнительности этого безкорыстія, что невольно подумалось: - А ну-ко Иванъ, уплативъ подати и забравъ кой-какія деньжонки, вдругъ раздумалъ ихъ отрабатывать, повѣривъ какому-нибудь деревенскому опытному, умному человѣку, что «бумагъ никакихъ не было, а нонѣ безъ бумагъ ничего не возьмешь»...

Уже съ слабою или по крайней мѣрѣ съ поколебленною вѣрою въ правоту моихъ словъ, я старался вновь увѣрить владѣльца, что это какое-то недоразумѣніе, что быть не можетъ, чтобы Иванъ надулъ, что не такой онъ человѣкъ!

— Хорошо, хорошо... Подождемъ немного...

А покуда было послано письмо къ одному лучшему изъ мѣстныхъ мужиковъ—пожить въ мызѣ до прихода новаго приказчика. Къ неописанной моей радости—однако не раньше какъ черезъ недѣлю—пришло другое письмо, на этотъ разъ прямо отъ Ивана.

Оказывалось, что не ѣхалъ онъ по случаю того, что у него родила жена, а главное—потому, что *справлялъ* крестины; а крестины справлялъ потому, что сосѣдей не звалъ на прошлый праздникъ: стыдно, а еще главнѣе потому, что исхарчился на угощеніе «до послѣдняго», прибавляя при этомъ весьма категорически—«потому нельзя, никакъ невозможно—продавалъ овецъ, но давали не стоющую цѣну, и теперь вотъ пришелъ потому, что наконецъ продажа состоялась удачная», и взаключеніе просилъ прощенія, говоря, что «ужъ теперь онъ всей душой разстарается»...

Очень я былъ радъ этому письму. Всѣ нечистыя подозрѣнія разлетались сами собою, какъ дымъ, и Иванъ выходилъ совершенно чистымъ. Меня только удивляло немного то обстоятельство, что онъ, бьющійся какъ рыба объ ледъ бѣднякъ, тратитъ послѣднее на угощеніе и, прежде чѣмъ выработать что-нибудь, т. е. прибавить къ своему имуществу, начинаетъ съ продажи овецъ, т. е. съ прямой отбавки, съ прямого убытка. Михайло Петровъ не задумываясь взялся бы за дѣло, а угощать началъ-бы послѣ, по окончаніи и полученіи чистыхъ барышей. Ивану же, т. е. сѣрому русскому мужику, не отвыкшему ставить на первомъ планѣ интересъ своей семьи, надо сначала до послѣдняго убить свои ничтожныя средства на какія-то формальности, которыя легко могутъ быть соблюдены и послѣ. Немного, чуть-чуть, я сердился на Ивана: тутъ надо ковать желѣзо, пока горячо, а онъ двѣ недѣли возится съ угощеніемъ, добиваетъ все «до послѣдняго» и даже продаетъ овцу, чтобы тронуться въ путь, когда все это и безъ того было уже устроено.

Но все-таки я былъ радъ, что онъ не обманщикъ.

Съ недѣлю съ дачи не было никакихъ извѣстій, какъ вдругъ неожиданно, когда я случайно находился въ кабинетѣ владѣльца въ Петербургѣ (въ началѣ второй недѣли пребыванія Ивана на новомъ мѣстѣ), вошла горничная и сказала: «изъ деревни вотъ мужикъ принесъ».

На этотъ разъ письмо было отъ Ивана. Къ неописанному нашему удивленію, Иванъ отказывался отъ мѣста, говорилъ, что ему надо «безпремѣнно идти домой, такъ какъ у него сгорѣлъ сарай, развалился овинъ, и такъ какъ»... Далѣе онъ такъ нагло лгалъ, выставлялъ такія невѣроятныя причины къ своему удаленію, что мы ужъ болѣе не могли сомнѣваться въ способности Ивана къ надуванію: онъ сломалъ ногу, вывихнулъ бокъ, ему ударило «сверху» по головѣ балкой, и словомъ—Богъ знаетъ что!.

— Вотъ! сказалъ мой собесѣдникъ, кладя письмо на столъ:—какъ это вамъ покажется?

Я не зналъ, что и думать.

— Позвольте-ка мнѣ письмо, сказалъ я, не зная, что сказать. Я еще разъ перечиталъ это истинно наглое вранье, еще разъ не могъ понять, что такое дѣлается съ Иваномъ, и, раздумывая объ этомъ, машинально перевернулъ письмо другой страницей (оно было на четверткѣ сѣрой писчей бумаги). Эта другая страница также оказалась исписанной и, къ удивленію, письмо было адресовано прямо ко мнѣ. «Простите моей подлой глупости, что съ господиномъ долженъ поступать обманомъ: ничего больше нѣту, какъ безъ своихъ жить не могу—все думается». И затѣмъ шло полное признаніе въ томъ, что вся предшествовавшая страница наврана.

Я указалъ на это моему собесѣднику, и мы оба искренно расхохотались.

— Даже надуть-то какъ слѣдуетъ не умѣетъ! пришло намъ въ голову.

На одной и той-же бумагѣ, въ одномъ и томъ-же письмѣ, этотъ хитрецъ разоблачаетъ всѣ свои тайны.

— У него бумаги не было больше-то! объяснилъ намъ мужикъ, принесшій письмо. Мужикъ былъ присланъ мѣстнымъ крестьяниномъ, жившимъ на дачѣ до прихода Ивана, и удивительныя дѣла поразсказалъ про этого сѣраго мужика. Оказалось, что жить не въ своей семьѣ, не въ своемъ дворѣ для Ивана—просто невозможно. Никакія деньги не въ силахъ удержать его вдали отъ «своего». Онъ дѣлается пугливъ, какъ ребенокъ, боится темной комнаты, «за тыщу» рублей не рѣшается

выйти на крыльцо ночью. Все ему—чужое, всего ему боязно, страшно, дико...

Нѣтъ, подумалъ я, слушая эти разсказы, долго еще сѣрому мужику нашему не нажить «большихъ» капиталовъ!..

IV.

Деревенскій сторожъ.—Благословенныя мѣста и та же неурядица.—Душевное одиночество крестьянина.—Отсутствіе новыхъ деревенскихъ дѣятелей, понимающихъ новыя осложненія народной жизни.

I.

Эта глава деревенскихъ замѣтокъ, болѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ исторіи съ Иваномъ Аѳанасьевымъ, мужикомъ новгородскимъ, пишется за тридевять земель отъ новогородскихъ лѣсовъ и болотъ, въ степной полосѣ самарскаго края, а право не видишь никакой разницы между болотными и степными деревенскими порядками.

Вышелъ я въ лѣтній жаркій, праздничный день на воздухъ и гляжу на дорогу, облокотившись на плетень. Мимо меня проходилъ крестьянинъ съ двумя дѣтьми, дѣвочками, изъ которыхъ одну, полуторагодовую, онъ держалъ на рукахъ, а другую, двѣнадцатилѣтнюю, велъ за руку. Шли они медленно, такъ, какъ ходятъ нищіе, обремененные заботою высматривать человѣка, готоваго «подать», обязанные поэтому останавливать свое вниманіе на каждомъ окнѣ, на каждой двери, поглядывать и черезъ заборъ, и въ полуотворенныя ворота. Сходство съ нищими, кромѣ медленной походки, дополнялось еще и внѣшнимъ видомъ приближавшейся ко мнѣ группы: даже и по деревенски она была плохо одѣта, выглядѣла бѣдно. У мужика были штаны въ лохмотьяхъ и дырьяхъ, обнаруживающихъ голое тѣло; ноги у него были босикомъ. Дѣвочка, которая была у него на рукахъ, была такъ худа, желта, что показалась мнѣ больною; бѣлые волоса на ея головкѣ были всклокочены, росли неровными прядями и носили слѣды весьма-таки замѣтной грязи: «лепешками» виднѣлась она между этими бѣлыми дѣтскими волосами. Та же бѣдность и неразлучная съ нею неряшливость замѣтны были и въ той дѣвочкѣ, которую мужикъ велъ за руку. Самъ онъ шелъ съ открытой головой, что тоже признакъ «нищаго», которому шапка только помѣха, потому-что снимать ее приходится каждую минуту. Когда эта группа поровнялась со мной, я ожидалъ, что мужикъ попроситъ «милостыньки»; но онъ не просилъ, а остановился и поклонился.

— Ты... «просишь»? нерѣшительно спросилъ я.

— Что-ты! съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянувъ на меня, произнесъ крестьянинъ:—я—сторожъ здѣшній... Господь милостивъ еще!..

— Ну, извини!..

— Сторожъ, сторожъ, братецъ ты мой... Господь еще миловалъ отъ этого... Это вотъ внучки ко мнѣ пришли въ гости... Погулять вотъ пошли... Нѣтъ! Храни Богъ отъ этого.

Я еще разъ извинился предъ нимъ и сказалъ:

— Это вотъ я на дѣтей поглядѣлъ: мнѣ и пришло въ голову...

— Ничего, что-жъ!. Сторожъ, братъ, сторожъ!.

— Худы онѣ у тебя, дѣвочки-то.

— Какъ не быть худымъ... Главная причина, другъ ты мой, пищи нѣту!

— Какъ пищи нѣтъ?

— Больше ничего, какъ нѣту! Была у насъ коровка—Господь ее у насъ взялъ, пала... Ну, молочка-то и нѣту...

— Чѣмъ-же ты кормишь вотъ эту маленькую-то?

— Чѣмъ? а что сами, то и ей... кваску, хлѣбца...

— Эдакой-то маленькой?

— Что-же ты будешь дѣлать!.. Вотъ, Богъ дастъ, осенью телочка подрастетъ, продадимъ, да своихъ за лѣто мнѣ придется за караулъ съ барина... Вотъ изъ этихъ придамъ, вотъ, Богъ дастъ, и купимъ корову то; ну, а покуда что—ужъ надо терпѣть... Ничего не подѣлаешь!..

— Ты ночью караулишь-то?

— То-то только ночью! кабы мнѣ лошадку, у меня-бы и день не пропадалъ-бы даромъ...

Надо сказать, что въ деревнѣ, гдѣ происходитъ настоящій разговоръ и гдѣ я живу, идутъ большія постройки, и свободное время крестьянъ, т. е. конецъ мая и іюнь, можетъ быть хорошо оплачено поденной работой.

— Тутъ съ лошадью-то, продолжалъ крестьянинъ,—по семи гривенъ въ день даютъ; такъ я бы за лѣто-то и совсѣмъ сталъ на ноги; вотъ что, другъ ты мой, огорчаетъ-то! У меня жены нѣту, второй годъ померла; ихняго (онъ указалъ на дѣвочекъ) отца, моей дочки стало быть мужа, въ солдаты взяли: вотъ я и ослабъ, а справиться—способовъ нѣтъ... А кабы ежели-бы хоть какая-нибудь лошаденка—вонъ въ пятнадцать рублей на ярмаркѣ были—я-бы все къ осени-то уже какъ бы ни какъ, а приспособствовалъ къ поправкѣ?

— Да ты—здѣшній крестьянинъ-то?

— Знамо, здѣшній.

— Такъ вѣдь тутъ у васъ товарищество, банкъ. Въ банкѣ возьми пятнадцать-то рублей.

— То-то нашему-то брату не даютъ изъ банки-то!

— Какъ не даютъ, отчего же?

— Отъ того что не дадутъ—вотъ и все тутъ. Вѣдь тамъ, братецъ ты мой, ручателя надо представить; а гдѣ мнѣ его найти? Другому, кто посильнѣе, можно, сколько хошь; а кто ежели вотъ примѣромъ, какъ я теперечи, ослабъ—кто за него пойдетъ? Случись неуправка—никому, братецъ ты мой, отвѣчать за тебя не охота, это тоже надо понимать...

Крестьянинъ помолчалъ и прибавилъ:

— Ослабъ оченно! Вотъ какое дѣло... Жена померла, осталась изъ всего роду дочка, да вотъ двѣ внучки, да и дочкѣ-то тоже не сладко: мужа въ солдаты взяли, сама въ работницахъ. Говоритъ, будто изъ губерніи пособіе выйдетъ—ну, только не слыхать что-то... Вотъ какое дѣло, братецъ ты мой.

Тутъ крестьянинъ прибавилъ съ улыбкой:

— И то, пожалуй, съ твоей легкой руки собирать пойдешь... Право!.. Тьфу! Храни Богъ!

Плюнулъ и я на это нехорошее предчувствіе.

— А ужъ кабы лошаденку!.. выказывая намѣреніе уйти, сказалъ крестьянинъ:—я-бъ пятнадцать-

двадцать рублишекъ къ осени легкимъ духомъ сбилъ. Къ осени ужъ непремѣнно и банку-бы очистилъ да и лошаденка была-бъ въ дому...оно-бы все полегче... Ну, ничего не подѣлаешь. Надоть терпѣть—одно!

Покачавъ еще разъ головою и пересадивъ дѣвочку съ одной руки на другую, что дало мнѣ возможность увидѣть ея, по истинѣ какъ спички, худенькія ноги, крестьянинъ попрежнему медленно, потихоньку отошелъ прочь, продолжая свою «прогулку съ дѣтьми», а я остался одинъ. Впечатлѣніе этого разговора было весьма тяжелое, потому что разговоръ наводилъ на рядъ вопросовъ, при маломъ знакомствѣ съ деревенскими порядками почти незразрѣшимыхъ. Судите сами.

Деревня, гдѣ живетъ горемыка-сторожъ, не считающій себя нищимъ, деревня безспорно самая богатая, какую только я когда-нибудь и гдѣ-нибудь видѣлъ. Да и не одна только эта деревня богата, т. е. щедро надѣлена естественными богатствами, богатъ весь край; край этотъ Приволжье — степная Самарская губернія, истинная «житница Русской Земли». Помимо удивительной земли, какіе здѣсь роскошные (въ буквальномъ смыслѣ) луга, какой обильный кормъ скоту, не говоря ужъ просто о красотѣ. Широкая Волга-матушка благодѣтельствуетъ мѣстность хотя ужъ однимъ тѣмъ, что даетъ возможность имѣть рыбу вѣсомъ въ фунтъ за одну полкопѣйку, да и безъ этого благодѣянія рѣки, протекающія край и впадающія въ Волгу, даютъ столько съѣдобнаго живья, что его, какъ говорится, «ловить не переловить, ѣсть не переѣсть». А сколько всякой птицы, всякой дичи гуляетъ по луговымъ «мокринамъ», по этимъ многочисленнымъ степнымъ озеркамъ, прячущимся въ высокой, душистой, изумляющей разнообразіемъ породъ травѣ! «Благодать!» вотъ что можно сказать, глядя на всю эту естественную красоту, на все это природное богатство мѣстности...

Деревня, о которой идетъ рѣчь, надѣлена всѣми этими благами природы ничуть не меньше другихъ здѣшнихъ мѣстъ; стоитъ она при рѣчкѣ, а другая, еще болѣе широкая, глубокая и богатая, течетъ не болѣе какъ въ полуверстѣ. Земли и луга, которыми владѣютъ крестьяне, удивительно тучные, богатые. Кромѣ того въ самой деревнѣ, какъ подспорье этому природному богатству, ужъ есть подспорье денежное — ссудо-сберегательное товарищество, въ которомъ членами состоятъ хозяева рѣшительно всѣхъ семидесяти дворовъ деревни. Наконецъ, чтобы читатель могъ окончательно убѣдиться къ благосостоянія этой деревни, я долженъ сказать, что хотя здѣсь еще и нѣтъ кой-чего, напримѣръ школы, фельдшера, но зато съ самаго основанія новыхъ условій крестьянскаго быта, т. е. съ 19-го февраля 1861 г., нѣтъ и не было, а надо думать, и не будетъ *ни единой копѣйки недоимки*. Этотъ аргументъ въ пользу благосостоянія я могу подтвердить оффиціальною справкою; а личныя мои наблюденія привели меня къ убѣжденію, что такая аккуратность въ отбываніи повинностей, вездѣ крайне для крестьянина обременительная, здѣсь исполняется безъ особеннаго труда, такъ какъ оброчныя статьи—мельница, рѣка, кабакъ — даютъ крестьянамъ сумму, покрывающую всѣ налоги: такъ напримѣръ, одинъ кабатчикъ платитъ обществу 600 руб. сер. за право торговли.

Чего еще нужно для того, чтобы человѣкъ, живущій здѣсь, былъ сытымъ, одѣтымъ, обутымъ и ужъ во всякомъ случаѣ не нищимъ? Такъ непремѣнно долженъ думать всякій, кто знаетъ, что общинное, дружное хозяйство — не только спасенье отъ нищеты, а есть единственная общественная форма, могущая обезпечить *всеобщее* благосостояніе. Такъ долженъ думать всякій, кто знаетъ, что лучшей земли нѣтъ въ свѣтѣ, что изъ такихъ природныхъ богатствъ, въ соединеніи съ общиннымъ дружнымъ владѣніемъ ими, можетъ выходить только добро, и что надѣленная ими община можетъ только «улучшать» свое благосостояніе.

И, представьте себѣ, среди такой-то благодати не проходитъ дня, чтобы вы не натолкнулись на какое нибудь явленіе, сцену или разговоръ, который бы мгновенно не разрушилъ всѣ ваши фантазіи, не изломалъ всѣ вычитанные вами соображенія и взгляды на деревенскую жизнь, словомъ—становятъ васъ въ полную невозможность постичь, какъ, при такихъ-то и такихъ условіяхъ, могло произойти то, что вы видите во-очію.

Вотъ рядомъ съ домомъ крестьянина, у котораго накоплено 20,000 р. денегъ, живетъ старуха съ внучками, и у нея нечѣмъ топить, не на чемъ состряпать обѣда, если она не подберетъ гдѣ-нибудь «уворуючи» щепочекъ, не говоря о зимѣ, когда она мерзнетъ отъ холода.

— Но вѣдь у васъ есть общинные лѣса? съ изумленіемъ восклицаете вы—диллетантъ деревенскихъ порядковъ.

— Нашей сестрѣ не даютъ оттэдова.

— Почему же такъ?

— Ну, стало, выходитъ—нѣтъ этого, чтобы, тоесь, всѣмъ выдавать...

Или:

— Подайте, Христа ради!

— Ты здѣшняя?

— Здѣшняя.

— Какъ же это такъ пришло на тебя?

— Да какъ пришло-то! Мы, другъ ты мой, хорошо жили, да мужъ у меня работалъ барскій сарай и свалился съ крыши, да вотъ и мается больше полгода!.. Говорятъ, въ городъ надоть везти; да какъ его повезешь-то?.. Я одна съ ребятами... Землю міръ взялъ...

— Какъ взялъ? Зачѣмъ?

— Кто-жъ за нее души-то платить будетъ? Еще, славу Богу, души сняли: видятъ—силы въ насъ нѣту.

— А работника нанять?

— На что его наймешь-то? Откуда взять?

— Какъ откуда? У васъ есть своя касса, изъ вашихъ же собственныхъ денегъ: тамъ навѣрное и твоего мужа деньги. У васъ касса есть общественная!.. Я знаю, тамъ нѣсколько сотъ рублей... Ты можешь заплатить за работу, и у тебя будетъ свой хлѣбъ... Зачѣмъ тебѣ побираться? Проси тамъ денегъ: тамъ деньги ваши, собственныя.

— Ну, какъ же! Дадутъ «*они*» «намъ»... Подайте, Христа ради, что вашей милости будетъ!..

Что-жъ это за волшебство? Что это за порядки, при которыхъ въ такой благодатной странѣ, при такомъ обиліи природныхъ богатствъ, можно поставить работящаго, здороваго человѣка въ положеніе совершенно безпомощное, довести его до того, что онъ среди этого эльдорадо ходитъ голодный съ голодными дѣтьми и говоритъ:

— Главная причина, братецъ ты мой,—пищи нѣту у насъ—вотъ!

Въ этакой-то роскошной странѣ, при общинномъ-то хозяйствѣ, въ мѣстности съ кассами, банками, въ мѣстности, гдѣ нѣтъ недоимокъ, работящему, обремененному семьей человѣку—нѣтъ пищи?!..

Вѣдь это ужъ что-то очень мудреное, именно какъ будто волшебное!.. Согласитесь, что еслибы въ этой деревнѣ на семьдесятъ дворовъ вы встрѣтили только этого сторожа, только старуху и бабу, о которыхъ было сказано выше, то и тогда они должны бы поставить васъ втупикъ. Но что скажете вы, когда такія непостижимыя явленія станутъ попадаться вамъ на каждомъ шагу; когда вы ежеминутно убѣждаетесь, что здѣсь, въ богатой деревнѣ, ничего не стоитъ «пропасть» человѣку такъ, даромъ, за ничто, пропасть тогда, когда все благопріятствуетъ противному? Очевидно, что въ глубинѣ деревенскихъ порядковъ есть какія-то несовершенства интеллектуальныя, достойныя того, чтобы обратить на нихъ вниманіе.

2.

Въ прошедшемъ году лѣтомъ, живя въ деревнѣ въ Новгородской губерніи—мѣстности бѣдной удобными землями, я могъ замѣтить, что трудныя матеріальныя обстоятельства побуждаютъ деревенскаго человѣка тѣхъ мѣстъ «уходить» изъ деревни и сосредоточиваютъ все его вниманіе на добываніи денегъ, такъ какъ денегъ требуетъ начальство, а земля—самый главный источникъ доходовъ—до крайности плоха и кромѣ того количество ея мало. Всякій случайный заработокъ встрѣчается здѣсь съ восторгомъ; всякій рубль, за что бы онъ ни попадалъ на руки, считается добромъ. Несомнѣнно, что бѣдность объясняетъ въ этой сторонѣ многія непривлекательныя явленія деревенской жизни.

Но и тогда я не могъ не замѣтить, что бѣдность—еще не все, что стремленіе во что бы то ни стало добиться денегъ и потомъ уйти изъ деревни имѣетъ основаніе, кромѣ бѣдности, еще и въ томъ нравственномъ одиночествѣ, которое тяготѣетъ надъ каждымъ крестьянскимъ домомъ, надъ каждымъ человѣкомъ, живущимъ въ деревнѣ. Фиктивно соединенные въ общество круговою порукою при исполненіи многочисленныхъ общественныхъ обязанностей, большею частью къ тому-же навязываемыхъ извнѣ, они, не какъ общинники и государственные работники, а просто какъ люди—предоставлены каждый самъ себѣ, каждый отвѣчай самъ за себя, каждый самъ за себя страдай, справляйся—если можешь, если не можешь—пропадай!

И вотъ тутъ-то, въ этомъ-то множествѣ личныхъ заботъ, огорченій, страданій, никѣмъ не облегчаемыхъ, не освѣщаемыхъ ни однимъ добрымъ словомъ, переносимыхъ каждою семьею въ полномъ молчаніи или неумѣніи другихъ помочь въ горѣ—я видѣлъ главную причину того, что у человѣка, который понялъ свое одинокое, безпомощное положеніе, должно явиться желаніе уйти отсюда не только для того, чтобы наживать деньги, но для того, чтобы выйти къ свѣту, къ людямъ, къ какому-нибудь знанію свѣта, людей, порядковъ. Эти деньги нужны: для того, чтобы купить это знакомство съ жизнью «по-людски»; чтобы лечить своихъ больныхъ дѣтей, какъ лечатъ люди; чтобы учить ихъ не одной палкой, а настоящей наукой,—то есть вообще удовлетворить такимъ потребностямъ ума, такимъ движеніямъ человѣческаго сердца, которымъ, при современныхъ деревенскихъ порядкахъ, гдѣ все сосредоточено на мысли о недоимкѣ и податяхъ, нѣтъ мѣста, нѣтъ удовлетворенія и надежды на него нѣтъ.

Я говорилъ тогда, что если въ деревенскую среду не войдутъ посторонніе, болѣе знающіе люди, которые сдѣлали бы «общинными» интересами не одну только землю и раскладку подушныхъ, а всѣ загнанныя, забитыя, неудовлетворенныя потребности крестьянской души,—люди, которые дѣлали бы это не изъ-за жалованья, какъ дѣлаютъ нанятые за десять цѣлковыхъ горемыки-учителя, горемыки-священники, не посѣщающіе деревень доктора, а какъ люди *убѣжденные въ томъ, что имъ нѣтъ другого мѣста* для примѣненія своихъ знаній, своего развитія, кромѣ деревни, нѣтъ другого заработка болѣе безгрѣшнаго, какъ тотъ, который можетъ дать деревня яйцомъ, подаркомъ курицы и т. д.,—то безъ этого притока въ деревню «свѣта божьяго» деревня, то есть все, что есть въ ней хорошаго, стоскуется, разбредется, а что и останется въ ней, потерявъ аппетитъ къ крестьянскому труду, будетъ только безсильнымъ рабочимъ матеріаломъ въ рукахъ тѣхъ, кто дастъ хоть какой-нибудь заработокъ.

Такія соображенія, быть можетъ, вполнѣ дилетантскія, но рѣшительно не выдуманныя, а родившіяся «сами собою» при малѣйшемъ вниманіи къ современнымъ деревенскимъ порядкамъ, приходили мнѣ въ голову въ то время, когда передъ моими глазами стояла бѣдность сѣверной природы. Теперь-же, когда я вижу кругомъ себя «благодать» — обиліе и богатство,—я волей-неволей еще прочнѣй убѣждаюсь въ своихъ легкомысленныхъ фантазіяхъ, т. е. что деревнѣ необходимы новые взгляды на вещи, необходимы новые, развитые, образованные дѣятели, для того чтобы среди этого простора не было лондонской тѣсноты, а среди возможнаго, находящагося подъ руками довольства—самой поразительной нищеты, не знающей, гдѣ преклонить голову.

3.

Первое, что бросается въ глаза при наблюденіи надъ современными деревенскими порядками *),

---

*) Прошу читателя имѣть въ виду, что замѣтки эти относятся къ *извѣстному* только времени, именно

это почти полное *отсутствіе нравственной связи* между членами деревенской общины. При крѣпостномъ правѣ фантазіи господина-владѣльца, одинаково обязательныя для всѣхъ, сплочивали деревенскій народъ взаимнымъ сознаніемъ нравственныхъ несчастій. Господская фантазія имѣла право вломиться въ деревенскую семью и по произволу распорядиться личностью человѣка: могла «взять» человѣка и отдать въ науку, въ музыканты, въ повара, въ портные; могла «взять» и женить или выдать замужъ, не обращая вниманія на «человѣка». Ежеминутная возможность такихъ фантазій связывала міръ одинаковымъ *приниженіемъ* человѣческой личности; какъ «у людей», а не у государственныхъ работниковъ, у нихъ была общая мысль, общая нравственная забота... Теперь ужъ никто не вломится въ семью, кромѣ начальства, которое приходитъ за солдатами; теперь всякій отвѣчай за себя, распоряжайся самъ какъ знаешь; но связь «нравственнаго гнета» не замѣнилась сознаніемъ необходимости «общаго благополучія», общаго облегченія жизни, такъ какъ на мѣсто произвола не пришло ни знаніе, ни развитіе, ни даже доброе слово. Привычка трепетать, видѣть въ себѣ вѣковѣчнаго работника, привычка, ничѣмъ и никѣмъ неразрушаемая, держитъ крестьянина и до сихъ поръ въ своей власти.

Произволъ не войдетъ ужъ въ нравственные интересы крестьянской семьи въ тѣхъ широкихъ и даже фантастическихъ размѣрахъ, какъ при крѣпостномъ правѣ, но и сочувствіе къ нимъ, вниманіе къ нимъ также сюда не войдетъ. Кричи больной ребенокъ, сколько хочешь, всю ночь, весь день, недѣлю; охай и мучайся надъ нимъ мать, отецъ, бабка — вся малосвѣдущая въ медицинѣ семья: никто не войдетъ съ помощью, съ умѣньемъ, точь-въ-точь какъ при крѣпостномъ правѣ. Докторъ, получающій 1,200 р. на населеніе въ 300 тысячъ человѣкъ, говоритъ: «мнѣ не разорваться!» Фельдшеръ также разорваться не въ состояніи... И вотъ умираетъ ребенокъ, оставляя въ сознаніи тѣхъ, кто любилъ его, впечатлѣніе непроходимой темноты и тяжести...

Въ виду отсутствія какого-нибудь свѣта, который бы проникъ со стороны въ крестьянскую семью и далъ бы возможность видѣть хотя уголокъ той сложности новыхъ условій жизни, въ которой стало крестьянство послѣ освобожденія, далъ-бы вообще возможность вздохнуть, оглядѣться, «сообразиться» — въ виду отсутствія всего этого, каждый крестьянскій домъ, обремененный массой такихъ нравственныхъ заботъ, которыя бы легко уничтожились, если бы были предметомъ *общественнаго* деревенскаго вниманія, каждый такой домъ представляетъ необитаемый островъ, на которомъ изо-дня въ день идетъ упорная борьба съ жизнью, при неистовомъ терпѣніи и неистовомъ трудѣ. Тяжесть этого бремени такова, что существовать во имя его на бѣломъ свѣтѣ кажется невозможнымъ, и если именно это-то бремя нравственныхъ заботъ и заставляетъ «биться» крестьянскую семью, то это происходитъ, кажется, только вслѣдствіе глубокой вѣры въ предопредѣленіе свыше.

Примѣровъ, доказывающихъ полное одиночество крестьянской семьи и полное отсутствіе въ современныхъ новыхъ *общественныхъ* крестьянскихъ нуждахъ новаго *типа* общественнаго дѣятеля, новаго, болѣе широкаго типа мірского вниманія — такихъ примѣровъ на каждомъ шагу великое множество. Вотъ пріѣзжаютъ люди торговые и начинаютъ при помощи сельской власти склонять общество на отдачу въ аренду рыбныхъ статей или права на торговлю виномъ. Общество беретъ тѣмъ меньшую цѣну, чѣмъ болѣе роскошное угощеніе представитъ склоняющій, т. е. чѣмъ болѣе выставитъ вина. На сходкахъ, собираемыхъ по подобнаго рода общественнымъ дѣламъ, обыкновенно бываетъ весь міръ въ полномъ комплектѣ, но едва-ли только не потому, что здѣсь каждый получаетъ свой стаканъ или два, или пять, смотря по щедрости предпринимателя. Всѣ пьющіе знаютъ, что изъ 600 рублей, взятыхъ за кабакъ, никому не придется получить на свою долю ни копѣйки, и предоставляютъ ихъ, какъ это почти постоянно бываетъ, на расхищеніе людей, стоящихъ у деревенскаго сундука, предоставляютъ именно потому, что некому вступиться, возопіять о неправдѣ и злѣ такого дѣла

Это отсутствіе въ деревнѣ *новыхъ* элементовъ, расширяющихъ размѣры «общественнаго вниманія», дѣлаетъ то, что самое общинное пользованіе землею въ настоящихъ условіяхъ деревенской жизни вовсе не избавляетъ члена общины отъ голодной смерти. Удивительныя явленія подобнаго рода происходятъ очень просто: вотъ крестьянскій домъ, платящій, положимъ, за двѣ души и владѣющій двухдушевымъ надѣломъ. Работниковъ въ семьѣ одинъ человѣкъ, что зачастую бываетъ даже на 5 и на 6 ртовъ или ѣдоковъ. Этотъ работникъ свалился съ крыши, сломалъ ногу и лежитъ больной. Деньги, имѣющіяся у него на фельдшера, на больницу въ общественной кассѣ, растрачиваются волостнымъ писаремъ, сельскимъ старостой или волостнымъ старшиной, да онъ и не полагаетъ, что ему тамъ ихъ дадутъ на *такое* дѣло. Больной работникъ лежитъ и мучается, работа стоитъ и семью гнететъ бѣдность; платить за двѣ души нѣтъ возможности, надо просить міръ, чтобы онъ *снялъ* хоть одну душу. Міръ снимаетъ душу, но *и землю*, на эту душу полагающуюся, беретъ. Лишившись земли и лишившись своего хлѣба, семья *слабѣетъ*, и очень можетъ быть, что на слѣдующій годъ придется снять и вторую душу, остаться совсѣмъ безъ земли, пойти по міру, будучи хозяиномъ общественныхъ лѣсовъ, угодій, общественныхъ суммъ, живя въ благодатной, плодородной мѣстности. Кто же спасетъ, поможетъ мнѣ въ такой бѣдѣ, въ которой не помогаютъ теперешніе деревенскіе порядки, не помогаютъ потому, что не понимаютъ, чтобы такого рода частное несчастіе могло быть достойно общественнаго вниманія? Меня можетъ спасти *родство*, родственныя связи, личныя мои отношенія къ частнымъ лю-

---

77—78 гг., и къ извѣстнымъ только мѣстностямъ—сѣверной новгородской и степной самарской.

дамъ, но *общественнаго* вниманія мнѣ не дождаться. Эти порядки отдаютъ взятую у меня землю другому лицу, котораго еще не постигло несчастіе, заставившее опустить руки... А я, больной и разоренный, долженъ ходить по-міру, служить работникомъ у сосѣда, такого же равноправнаго члена общества, какъ и я самъ. Гдѣ же тутъ «дружная общественная работа»?

4.

Въ рукахъ моихъ въ настоящее время находится копія съ учета одного волостного старшины (той волости, въ которой находится обитаемая мною деревня) и служившаго въ волостномъ правленіи писаря. Мнѣ могутъ сказать, что ужъ то обстоятельство, что растратамъ старшины и писаря сдѣланъ мірской учетъ, свидѣтельствуетъ объ общественномъ вниманіи къ своимъ собственнымъ интересамъ. Однако, зная дѣло это подробно, я долженъ сказать, что, къ сожалѣнію, мысль объ учетѣ возникла не въ обществѣ, не въ средѣ крестьянъ, а почти на сторонѣ, и принадлежитъ человѣку, почти постороннему обществу. Будучи крестьяниномъ той самой волости, о которой идетъ рѣчь, человѣкъ этотъ лѣтъ двадцати оставилъ ее, жилъ въ городѣ въ лавкѣ, въ мальчикахъ, потомъ въ приказчикахъ, ѣздилъ не разъ съ хозяевами въ Москву и, воротившись послѣ пяти-шести лѣтъ отсутствія, открылъ въ деревнѣ собственную лавку, въ которой есть что нужно главнымъ образомъ окрестнымъ помѣщикамъ. Человѣкъ этотъ—грамотный, выписывающій газету и если не блистающій особливымъ безкорыстіемъ, т. е. берущій и наживающій извѣстный процентикъ, и процентикъ неубыточный, то уже понимающій, что воровать прямо, безъ всякихъ предлоговъ, нехорошо, понимающій, что воровать общественныя деньги— еще того хуже.

Имѣя, благодаря успѣшному ходу собственныхъ дѣлъ, порядочный досугъ и, стало быть, время подумать и о постороннемъ, этотъ человѣкъ, быть можетъ даже подъ вліяніемъ газетныхъ криковъ о всеобщемъ воровствѣ (а Богъ его знаетъ, можетъ также и изъ корыстолюбія, изъ желанія самому попасть въ старшины; трудно говорить о мало знакомыхъ деревенскихъ людяхъ, не съѣвъ съ ними предварительно пудъ соли), заинтересовался общественными дѣлами деревни, а заинтересовавшись, открылъ такія вещи, которыя уже не позволяли ему остановиться, знать про нихъ и молчать. Какъ бы то ни было, по мягкосердію или по своекорыстію—разъ въ деревнѣ появился такой человѣкъ, который *взялся* на свою отвѣтственность вести войну «за правду»,—такой человѣкъ всегда можетъ разсчитывать на полное сочувствіе деревни. Результатомъ вмѣшательства въ крестьянскія дѣла этого сельскаго торговца была подача въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе слѣдующаго *«отъ всего общества с. Б. прошенія»* (привожу его въ подлинникѣ, сохраняя изложеніе безъ измѣненія):

«1876 года декабря 3-го дня въ Б—мъ волостномъ правленіи были назначены торги на волостную ямщину, и въ то же время были собраны, изъ каждаго селенія здѣшней волости, выбранные изъ среды общества судьи, которые могутъ присутствовать на волостномъ сходѣ, и что прежде чѣмъ была заторгована волостная ямщина, старшина К—въ и писарь *его* Ѳ—въ закупили водки не менѣе пяти ведръ. А перепоили народъ (теперь этотъ же самый народъ подаетъ прошеніе) до безумія въ самомъ присутствіи волостного правленія, гдѣ были произносимы скверно...ныя слова, пѣсни и неподобныя дѣйствія. Одни сидѣли въ шапкахъ, иные валялись по полу, чего нравственный сидѣлецъ въ питейномъ заведеніи даже того не допуститъ, что допустилъ волостной старшина и писарь Ѳ—въ, какъ видно, переносили такіе поступки довольно хладнокровно. Между прочимъ у насъ былъ старшина Моисеевъ, служилъ восемь лѣтъ, не допускалъ такого неприличія въ волостномъ правленіи, и кромѣ того честь имѣемъ донести, какъ бывшій старшина Моисеевъ покупалъ лѣсу для отопленія волостного правленія и изъ этого лѣсу рубилъ срубы, дралъ лубки и затѣмъ мочало, потомъ дѣлалъ продажу и тѣми деньгами покрывалъ расходы волостныхъ суммъ, а отопленіе производилъ почти совершенно безденежное; напротивъ же, настоящій старшина, К—въ, купилъ, конечно на общественныя деньги, въ дачѣ господъ NN двѣ десятины и 12 саженъ лѣсу на сумму 380 рублей, какого еще Моисеевъ не покупалъ (?) что же? изъ такого лѣсу нѣтъ совершенно ни срубовъ, ни лубковъ, ни мочалъ, ни столбовъ, совершенно не видимъ ничего, а слышимъ отъ посторонняго народа, что старшина К—въ распродалъ лѣсу очень много, кромѣ того что перевезъ въ свой собственный домъ. А кромѣ того еще какъ старшина К—въ, такъ и писарь *его*, подѣлали себѣ посуды кадушекъ, боченковъ, ларей, сундуковъ и все это изъ волостного лѣсу, писарь-же Ѳ—въ отправилъ въ сосѣдній уѣздъ въ село М. два дубовыхъ воротныхъ столба и возъ липоваго тесу, что, по нашему крестьянскому обсужденію, стоитъ не меньше тридцати рублей серебромъ. Но какъ всего этого расхода въ продажѣ лѣса положительно не видно намъ и для насъ это кажется обременительнымъ, ежели онъ старшина К—въ будетъ покупать каждый годъ такое количество и продавать на стороны, то мы придемъ въ совершенный упадокъ, и кромѣ того въ прошломъ 1876 г. волостную ямщину гоняли только за 300 руб., но въ настоящемъ 1877 г. уже за 618 (вотъ гдѣ пять ведеръ вина!). Поэтому покорнѣйше просимъ уѣздное присутствіе войти въ защиту крестьянъ...» и т. д.

Слѣдствіемъ этого прошенія было разслѣдованіе дѣла на мѣстѣ уѣзднымъ исправникомъ, который хотя и пишетъ, что относительно лѣсу не могъ получить свѣдѣній, такъ какъ лѣсъ занесенъ снѣгомъ. но относительно ямщины подтвердилъ все сказанное въ прошеніи, прибавивъ еще слѣдующія подробности:

„Бывшіе хозяйственные ямщики, крестьяне села Б., Евграфъ Ильинъ и Петръ Тряскинъ, объяснили мнѣ, что за нѣсколько дней до торговъ на наемъ хозяйственныхъ лошадей, волостной старшина К-въ объявилъ имъ, что онъ наемъ лошадей желаетъ предоставить земскому ямщику, крестьянину с. Кривой Луки Стожарову, и поэтому уговаривалъ ихъ на торгахъ не сбивать цѣну, за что и далъ имъ по 10 ру-

блей, предупредивъ, что если они вздумаютъ гоньбу лошадей оставить за собой, то онъ, старшина, частымъ разгономъ по волости заморитъ ихъ лошадей. Такое-же предупрежденіе объявилъ и еще другимъ двумъ крестьянамъ того-же села, Сучкову и Карташову. Во время торговъ волостной старшина дозволилъ крестьянину Стожарову поить въ волостномъ правленіи виномъ всѣхъ, являвшихся торговаться, съ цѣлію не понижать торговыхъ цѣнъ, и чрезъ это содержаніе лошадей при волостномъ правленіи оставлено за Стожаровымъ за 618 р. 90 копѣекъ...»

Вы видите, что пять ведеръ вина и двадцать рублей денегъ, данныхъ за молчаніе людямъ, прямо заинтересованнымъ въ дѣлѣ, заставляютъ общество дать свое согласіе на прямое разграбленіе общихъ денегъ. Кромѣ того люди, взявшіе взятку и продавшіе даже собственно свои интересы и выгоды, молчатъ до тѣхъ поръ, пока не вмѣшиваются въ дѣло посторонніе люди.

Въ виду подтвердившихся дознаніемъ исправника фактовъ расхищенія мірскихъ суммъ, изложенныхъ въ прошеніи, присутствіемъ было предписано о томъ, чтобы надъ дѣйствіями старшины былъ произведенъ учетъ. Волостной сходъ выбралъ учетчиковъ и уполномочилъ ихъ учесть старшину за всѣ три года его властвованія. Но волостной писарь съумѣлъ составить протоколъ о разрѣшеніи учета обществомъ только за одинъ годъ. Не смотря на то, что учетчики докладывали объ этомъ подлогѣ присутствію, послѣднее осталось на сторонѣ писаря и возвратило (продержавъ у себя учетъ больше году) назадъ въ волостное правленіе, при бумагѣ, въ которой сказано слѣдующее:

«Присутствіе нашло, что (приводимъ также въ подлинномъ изложеніи) какъ по дознаніи оказалось, что избранные волостнымъ сходомъ учетчики, уполномоченные для учета суммъ только за 1876 годъ, произвели учетъ кромѣ того еще за 1875 и 1877 г., т. е. вышли изъ предѣловъ даннаго имъ вышеобъясненнымъ сходомъ уполномочія, и потому не признавая возможнымъ признать (бумага подписана самымъ цвѣтомъ мѣстнаго просвѣщенія) эти учеты правильными, *постановило*: возвратить эти учеты учетчикамъ чрезъ волостное правленіе. предписавъ объявить имъ, чтобы они предъявили волостному сходу учетъ за 1876 годъ, а волостному сходу объявить, что если онъ (сходъ) найдетъ нужнымъ сдѣлать учетъ за 75 и 77 годы, то постановилъ-бы объ этомъ приговоръ...»

Между тѣмъ старшину уволили, писарь перешелъ въ другую волость, и я сомнѣваюсь, чтобы безъ особеннаго старанія человѣка, начавшаго дѣло, можно было вновь возбудить къ нему вниманіе, такъ какъ времени прошло много попусту, и всякій убѣжденъ, что все одно—ничего не возьмешь», особливо послѣ бумаги, черезчуръ внимательно и заботливо пекущейся объ общественной волѣ, и послѣ того, что писарь, котораго по закону нельзя ужъ принимать на службу, преспокойно продѣлываетъ тѣ-же операціи надъ общественными суммами въ другомъ мѣстѣ.

Было-бы долго входить во всѣ подробности расхищеній. Я укажу только на приходъ и расходъ волостныхъ суммъ одного года, который даже писарь не пропустилъ въ протоколѣ и который поэтому можно считать не изъ особенно удачныхъ для него и для его сотрудника, именно на приходъ и расходъ волостныхъ суммъ въ 1876 г.

Въ этомъ году изъ суммъ, собираемыхъ по деревнямъ на волостные расходы, изъ штрафовъ, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, и изъ денегъ, выручаемыхъ съ продажи общественнаго имущества, напримѣръ тѣхъ-же самыхъ лыкъ, мочалъ и т. д., въ приходѣ и распоряженіи волости образовалась значительная для деревни сумма въ 1,635 р. 74 к. Это—приходъ.

А вотъ расходъ—выписываю его вполнѣ, чтобы было видно, какія изъ *общественныхъ* нуждъ удовлетворяются этими общими деньгами, не возбуждая никакого протеста ни съ чьей стороны до тѣхъ поръ, покуда за дѣло не возьмется кто-нибудь одинъ, на свою отвѣтственность:

«1) Выдано жалованья должностнымъ лицамъ и произведено платы служащимъ по найму и на другіе предметы: волостному: старшинѣ—233 р. 90 к., волостнымъ писарямъ: первому—48 р. 91 к., второму—64 р. 74 к. и третьему, Ѳ—ву,—168 р. 53 к. Помощнику волостного писаря—132 р. сер. Двумъ сторожамъ—133 р. 87 к. Кандидату волостного старшины—6 р. 50 к.».

Итакъ, одинъ персоналъ волостного правленія получаетъ изъ мірскихъ суммъ 785 руб.

Къ этому-же слѣдуетъ прибавить:

«2) Израсходовано на покупку канцелярскихъ припасовъ 112 р 40 к.

«3) Употреблено на проѣздъ волостного старшины съ писарями въ губ. городъ по дѣламъ службы 35 р. 89 к.

„4) На освѣщеніе волостного правленія—59 р. 48 коп.

«5) Издержано на ремонтъ дома волостного правленія, старшинскаго и писарскаго помѣщеній—73 р. 12 к.».

Все это—расходы управленія. Достаточно прожить въ деревнѣ мѣсяцъ, чтобы убѣдиться, что такіе расходы не что иное, какъ денной грабежъ. Представьте себѣ только, что одной бумаги будто бы можно исписать на 112 р.! сжечь на 60 р. свѣчей!

А исполненіе размѣра жалованья властямъ выборнымъ и нанятымъ?

Пойдемъ однако дальше:

«6) Уплачено волостнымъ старшиной К—вымъ за покупку лѣса для отопленія волостного правленія—222 р.

«7) Снесено въ расходъ недочета за волостнымъ старшиной, согласно постановленію общаго присутствія волостного правленія,—30 р.

«8) Перечислено на содержаніе училища *излишне* противъ раскладки мірского сбора *принятыхъ* за 1-ю половину года—11 р, 98 к.

«9) Возвращено С—скому сельскому старостѣ неправильно начтенныхъ—10 р.

«10) На содержаніе арестантовъ—30 р. 30 к.

«11) Священнику за молебны—4 р. 62.

«12) Ямщикамъ Стожарову и Тряскину (тому

самому, который потомъ за 10 р. позволилъ Стожарову, своему компаньону, утащить (300 р. мірскихъ денегъ)—249 р. 30 коп.».

Всего расходу — 1635 руб. и въ остаткѣ — 8 р. 26 к.

Вы видите, что деньги есть и что расходуются онѣ довольно щедро; но судите сами, возможны-ли такіе расходы при мало-мальскомъ вниманіи къ общественнымъ интересамъ, при самой маленькой надеждѣ на возможность общественной помощи? Возможно-ли, чтобы три четверти всѣхъ мірскихъ суммъ съѣдалось совершенно непроизводительно волостнымъ персоналомъ и чтобы на школу отчислялись какіе-то *излишніе* 11 р., тогда какъ она можетъ имѣть хорошія средства и безъ этихъ «счастливыхъ» случаевъ? Представьте себѣ, кромѣ всего этого, что, если не въ такихъ большихъ размѣрахъ, ежегодно скопляются мірскія суммы не только въ волости, но рѣшительно въ каждомъ сельскомъ обществѣ, въ каждой деревнѣ—сочтите все это и подумайте, какъ возможно, чтобы при этомъ въ деревнѣ могли быть нищіе, безпомощные, больные, воры, люди, не умѣющіе ни читать, ни писать, ни считать?

И въ то время, когда каждый крестьянскій домъ—цѣлый адъ заботъ, мученій, трудовъ, безпомощности, посмотрите, какъ растрачиваются его же представителями, людьми, вышедшими изъ его среды, средства, которыя при мало-мальски добромъ участіи развитого человѣка сдѣлали бы бездну добра.

Учетчики, изъ всей массы безстыдныхъ расходовъ, за 1876 годъ неправильныхъ насчитали только около 400 рублей.

Чего-чего тутъ нѣтъ! На мірскія деньги оклеиваютъ обоями свои квартиры старшина и писаря, покупаются самовары, металлическіе чайники, стаканы, рюмки, выписывается газета «Всемірная Иллюстрація». Старшинѣ надо наточить пилу—и за точку ея онъ платитъ мірской полтинникъ, потому что онъ служитъ міру. Писарь дѣлаетъ для себя «этажерки»—и за распилку лѣса платитъ 3 рубля мірскихъ денегъ, тогда какъ надо было заплатить всего 20 коп., утверждаютъ учетчики. Но всего не перечтешь.

Довольно вѣскимъ доказательствомъ того, что члены деревенской общины все болѣе и болѣе укрѣпляются въ необходимости знать *только себя*, только свое горе, свою нужду, можетъ служить и то, что вотъ напримѣръ такое новое общественное деревенское учрежденіе, какъ сельское ссудосберегательное товарищество, ни чуть не измѣняетъ своего банковаго духа, духа учрежденія, не претендующаго на болѣе или менѣе общинное распредѣленіе банковыхъ благъ. Давая тому больше, у кого много, мало — тому, у кого мало, и вовсе не довѣряя тому, у кого ничего нѣтъ, сельскій банкъ производитъ въ деревнѣ свои операціи съ тою неизмѣнностью, какъ и въ городѣ, гдѣ, какъ извѣстно, никакой общины не существуетъ и всякій живетъ самъ по себѣ... Банкъ, какъ и вездѣ, даетъ много богатымъ и ничего не даетъ нищимъ, тогда какъ еслибы въ деревенскихъ порядкахъ вниманіе къ общественнымъ нуждамъ играло-бы хоть какую-нибудь роль, физіономія деревенскаго банка должна существенно измѣниться, мимо него не ходилъ-бы сторожъ съ ребятами и не тосковалъ бы о томъ, что нѣтъ нигдѣ поручителя на пятнадцать рублей. Мысль объ общественной связи непремѣнно-бы измѣнила порядокъ сельскаго банковаго дѣла и могла бы, пользуясь кредитомъ въ 15 тысячъ рублей серебромъ по 6 проц. въ годъ, *сразу* надѣлать въ самомъ дѣлѣ общественныхъ, всѣмъ необходимыхъ дѣлъ, столько доступнаго добра, что деревня стала бы походить на жилое мѣсто. А между тѣмъ въ четыре года существованія члены товарищества позаимствовали въ банкѣ не болѣе четырехъ тысячъ, да и тѣ, при отвѣтственности и заботѣ каждаго о себѣ, пали едва-ли не новымъ бременемъ только на несостоятельныхъ, плохенькихъ мужиковъ.

5.

Приведу взаключеніе еще одинъ фактъ, совершающійся передъ моими глазами, доказывающій, что современные деревенскіе порядки далеко не отличаются прочностью и стройностью.

Владѣлецъ большого имѣнія, прилегающаго къ крестьянскимъ землямъ, предлагаетъ сельскому обществу купить у него 600 десятинъ земли, изъ которыхъ сто десятинъ лѣсу (а въ этой мѣстности лѣсъ дорогъ). Самъ же владѣлецъ не занимается хозяйствомъ и пріѣзжаетъ въ деревню только на лѣто. При прежнемъ владѣльцѣ земля эта охотно разбиралась какъ мѣстными, такъ и сосѣдними крестьянами; но владѣлецъ пожелалъ, чтобы всю землю пріобрѣли его сосѣди, крестьяне смежной деревни, и не въ розницу, а всѣмъ міромъ. Чтобы облегчить эту покупку и сдѣлать участниками въ ней всѣхъ, онъ предложилъ уплачивать ему не деньгами, а тѣмъ же самымъ лѣсомъ, который находится въ уступаемомъ имѣніи: каждый годъ крестьяне *всѣмъ міромъ* вырубаютъ 4 десятины лѣса и, по извѣстнымъ существующимъ цѣнамъ, доставляютъ его владѣльцу, причемъ за возку полагается также особая, существующая плата. Вся операція должна совершиться въ 25-ть лѣтъ, причемъ къ концу послѣдняго года крестьяне вновь имѣютъ часть уже 25-ти лѣтняго лѣса. Въ то-же время они со дня составленія мірского приговора начинаютъ пользоваться остальными пятью стами десятинъ земли. Все дѣло въ мірскомъ приговорѣ, въ ручательствѣ всей деревни; и вотъ уже идетъ второй годъ со дня предложенія, а ручательства этого все нѣтъ. Крестьяне продолжаютъ нанимать землю на чистыя деньги, кому сколько понадобится, или у сосѣднихъ помѣщиковъ, или у своего ближняго, которому пришло трудно, въ послѣднемъ случаѣ всегда подешевле, чѣмъ у помѣщика. Помѣщику платятъ рублей 7—8, ну, а ужъ своему братуи 5, и 3: потому своему-то брату труднѣе, чѣмъ помѣщику.

Вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльца имѣніемъ одолѣваютъ просьбами нѣкоторые изъ крестьянъ уступить имъ въ имѣніи участки, а бывали и такіе случаи, что одинъ какой-нибудь крестьянинъ изъявляетъ желаніе купить, на предлагаемыхъ условіяхъ, все имѣніе—одинъ.

Владѣлецъ однако не желаетъ отдавать земли иначе какъ всему обществу. *Все* общество не соглашается, молчитъ—и отличная, нужная, дешевая земля подъ бокомъ у него лежитъ безъ дѣла и безъ пользы.

Что за причина такого непостижимаго явленія?

Изъ разспросовъ и разговоровъ съ крестьянами, которые касались этого предмета, я могъ убѣдиться только въ томъ, что взаимная рознь членовъ деревенскаго общества достигла почти опасныхъ размѣровъ.

Покупая имѣніе всѣмъ обществомъ (объясняли мнѣ нѣкоторые изъ крестьянъ), все-таки необходимо «выбрать» одного человѣка, который-бы имѣлъ дѣло съ конторой владѣльца, велъ счетъ подводамъ при возкѣ дровъ, записывалъ рабочіе дни при рубкѣ и т. д., словомъ, необходимъ человѣкъ, которому могло-бы довѣрять все общество, и вотъ такого-то человѣка и нѣтъ между семидесятью дворами! Изъ семидесяти домохозяевъ выбираютъ сельскаго старосту, сборщика; но это лица оффиціальныя, имѣющія дѣло съ начальствомъ, да и выбираются-то они для начальства больше. Выбрать-же *своего* человѣка, который-бы блюлъ общіе интересы такъ-же точно, какъ и свои собственные, оказывается невозможнымъ. Всякій привыкъ думать, что человѣку нельзя не соблюдать своей собственной выгоды, пользы, и что онъ, особливо поставленный въ нѣсколько иное положеніе, чѣмъ другіе покупщики имѣнія, съумѣетъ повернуть дѣло такъ, что только одному ему и будетъ лучше, а всѣмъ другимъ хуже. Кого изъ крестьянъ, знакомыхъ мнѣ, ни называлъ я,—всѣ, по мнѣнію разныхъ деревенскихъ людей, оказывались ненадежными...

— «Ничего человѣкъ, что говорить, а дай-ка ему»... Вотъ какъ характеризовали деревенскіе люди другъ друга...

Кромѣ этого, недовѣріе къ еще неизбранному никѣмъ распорядителю, недовѣріе къ возможности существованія личности, которая-бы не пользовалась насчетъ другихъ, если къ этому подвернется случай, одинаково господствуетъ какъ въ кругу состоятельныхъ крестьянъ, такъ и въ кругу крестьянъ послабѣй. Состоятельные и слабые, двѣ довольно ясно обозначенныя деревенскія группы, такъ-же *не позволяютъ* осуществиться выгодному *для всѣхъ* дѣлу. Для слабыхъ не дать сильнымъ стать еще сильнѣе—прямое удовольствіе, а увѣренность ихъ въ томъ, что при равномъ участіи въ покупкѣ сильнымъ достанется больше, чѣмъ слабымъ, что слабый-то собственно окажется только работающимъ для сильнаго—такъ велика, непоколебима, основана на такихъ неопровержимыхъ для всякаго фактахъ, что желаніе владѣльца вѣроятно и не будетъ осуществлено.

Итакъ, необходимая для крестьянъ земля, предлагающаяся на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, лежитъ впустѣ. Богатые мужики винятъ бѣдныхъ въ томъ, что они *не даютъ* имъ и себѣ устроиться лучше, «точно собака на сѣнѣ лежитъ, ни себѣ, ни другимъ». Бѣдные сердятся на сильныхъ, видя ихъ намѣреніе пользоваться чужими трудами, закабалить ихъ приговоромъ владѣльцу на двадцать пять лѣтъ, чуятъ въ этой операціи «новую барщину». Всѣ вмѣстѣ — никто не вѣритъ другъ другу, и каждый изо всѣхъ силъ старается какъ-нибудь захватить себѣ клочокъ землицы на сторонѣ, должаетъ въ банкѣ, у частныхъ лицъ, платитъ проценты и деньгами, и натурой, словомъ—бьется какъ рыба объ ледъ.

V.

«Темный» деревенскій «случай».

I.

Въ погожій лѣтній день, часовъ въ шесть вечера, когда раскаленный воздухъ понемногу начинаетъ простывать, на пчельникѣ у сельскаго писаря за самоваромъ сидѣли деревенскіе гости. Гости сидѣли и лежали на землѣ вокругъ самовара и вели разговоры съ хозяиномъ пчельника, старымъ отставнымъ солдатомъ съ прострѣленнымъ и несгибавшимся колѣномъ. Былъ тутъ въ числѣ гостей «банковый писецъ»—молодой человѣкъ изъ семинаристовъ, завѣдующій счетной частью въ мѣстномъ ссудномъ товариществѣ; былъ тутъ сельскій староста, былъ еще одинъ крестьянинъ изъ тѣхъ, которые «почище», былъ и пишущій эти строки. Да больше-то, кажется, никого и не было...

Всѣ мы испытывали пріятныя ощущенія вечерней прохлады и крѣпкаго лѣсного воздуха. Пчельникъ стоялъ на широкой луговинѣ среди лѣса, былъ обнесенъ кругомъ загородкою, которую со всѣхъ сторонъ густо обступилъ мелкій кустарникъ. Тишина, благодаря этому кустарнику, стояла на пчельникѣ поразительная. Всякій малѣйшій шорохъ, звукъ въ лѣсу или скрипъ телеги на пролегавшемъ не вдалекѣ отъ лѣсу проселкѣ—слышались здѣсь среди тишины необыкновенно отчетливо.

Наслаждаясь окружавшею насъ «благодатью», мы попивали съ удовольствіемъ довольно безвкусный, если не сказать прямо—скверный, чаекъ и вели *непринужденный* разговоръ: то о пчелахъ, то о деревенскихъ дѣлахъ, то о покосѣ, то о нашихъ общихъ деревенскихъ знакомыхъ. Въ разговорѣ именно объ этихъ нашихъ общихъ знакомыхъ и отразилось то чувство удовольствія, непринужденности, которое навѣвали природа, вечерняя прохлада, звуки *собиравшагося спать* лѣса...

Какъ-то вышло такъ, что, только уходя съ пчельника, я сообразилъ, что мы почти только и дѣлали во время разговоровъ, что непремѣнно кого-нибудь ругали или мошенникомъ, или дуракомъ, или подлецомъ. Ужъ послѣ я вспомнилъ, что мы «на прохладѣ-то» перебрали всѣхъ нашихъ общихъ деревенскихъ знакомыхъ, и всѣхъ почти кто-нибудь изъ насъ «распечаталъ», какъ говорится, въ самомъ лучшемъ видѣ. Но такова была сила прелести вечера, простора и уюта пчельника, что и распечатывая ближнихъ, мы не чувствовали ничего, кромѣ самаго лучшаго, самаго благораствореннаго состоянія духа. Легко было на душѣ, хорошо. Тѣло покойно нѣжилось въ мягкой травѣ, и чистый лѣсной воздухъ свѣжо чувствовался въ груди.

Когда мы такимъ образомъ перемыли всѣмъ нашимъ знакомымъ косточки, когда переговорили обо

всѣхъ деревенскихъ дѣлахъ и бездѣлицахъ, разговоръ на минуту было-замолкъ. Кто-то выразилъ желаніе даже отправиться по домамъ; но нелѣпый вопросъ, неожиданно сдѣланный однимъ изъ гостей, именно банковскимъ писаремъ, направилъ разговоръ на совершенно неожиданную тэму.

А лѣшіе попадаются тутъ у васъ въ лѣсу-то?произнесъ писарь, лежа на спинѣ,—произнесъ вяло и повидимому просто такъ, неизвѣстно зачѣмъ и почему.

— Ну ужъ не могу тебѣ сказать, почему-то многозначительно мотнувъ головою, отвѣчалъ ему хозяинъ-пчелякъ.—Лѣшіе, нѣтъ-ли, а что-то... есть!..

— Есть?

— Есть что-то!...

Эти слова пчелякъ произнесъ еще многозначительнѣе и принялся пить чай, не отрывая губъ отъ блюдечка и поглядывая на публику уже совсѣмъ загадочно.

— Что-же такое? Черти, что ли?..

Но пчелякъ молчалъ и пилъ.

— Ну вотъ—черти! сказалъ староста: у насъ тутъ съ образами весь лѣсъ обойденъ...Тутъ этой дряни не должно быть. Тьфу!

— Такъ что-же такое тутъ?

— А вотъ что тутъ, братецъ ты мой,—торопливо схлебнувъ послѣдній глотокъ, сказалъ оживленно пчелякъ:—женщина тутъ плачетъ... Вотъ уже тринадцать лѣтъ... И такъ рыдаетъ, Боже милостивый, и всякій разъ вотъ объ эту пору, какъ солнце начнетъ садиться...

Всѣ затихли и, надо сказать правду, прислушались къ лѣсу...

— Это точно! сказалъ одинъ изъ гостей: — я самъ слышалъ.

— Тутъ много кто слыхалъ, прибавилъ староста. – Ну, только надо быть нечистаго тутъ нѣтъ...

— Это птица у васъ тутъ какая нибудь кричитъ, а вамъ кажется плачетъ...

— Ну—птица!.. Какая птица, когда я ее вотъ такъ, какъ тебя, вижу...

— Ты видѣлъ ее?

— Говорю, видѣлъ, вотъ какъ тебя.

— Ну что жъ она? Молодая?

— Ну ужъ этого я, братецъ, не распозналъ... Не до того тутъ было... А подлинно тебѣ говорю, высокая, худая, вся въ бѣломъ, и платокъ, и сарафанъ.. а руки—бѣлѣй снѣгу... И не своимъ-то голосомъ рыдаетъ .. Вотъ эдакъ-то руками схватится за голову—и зальется...

Старикъ представилъ, какъ она плачетъ, и самъ прорыдалъ такимъ старческимъ хриплымъ рыданьемъ, что всѣхъ невольно проняла дрожь...

— Какъ же ты ее встрѣтилъ-то? преодолѣвъ впечатлѣніе страха, спросилъ писарь.

— А такъ: пошелъ я, братецъ ты мой, по лѣсу, какъ разъ вотъ объ эту пору, и норовилъ я отъ Никольскаго добраться до дому прямикомъ, стало-быть какъ есть насквозь весь лѣсъ мнѣ пройти надо было... Иду я — палка у меня.. Палку я всегда держу;—иду.. Пошла чаща, иду, разгребаю вѣтки-то; вдругъ раздвинулъ въ одномъ мѣстѣ, а она прямо передо мной... Такъ я и обмеръ. Думаю:—«Н-ну!» Только тою-жъ минутою глянула она, да какъ птица по лѣсу—эво кругомъ какимъ и вонъ гдѣ позади меня какъ зальется.. Ну, я—давай Богъ ноги...

Всѣ молчали.

— Истинная правда! прибавилъ пчелякъ:—хочешь вѣрь, хошь нѣтъ—что мнѣ врать. . А есть это! Вотъ сейчасъ побожиться. У меня сынъ Егоръ, такъ тотъ въ полдень, въ самый жаръ на нее наткнулся...

— А чай и жутко было, Иванычъ? проговорилъ староста.

— Да ужъ не безъ того. Не хвастаясь скажу— не робокъ я, видалъ на своемъ вѣку много дѣловъ пострашнѣй, а не утаю—зачалъ щелкать по лѣсу-то, забылъ, что нога прострѣлена... Добрался до дому-то—слава тебѣ, Господи!

Всѣмъ стало легко, когда пчелякъ произнесъ послѣднюю фразу, и всякій, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, облегчившаго душу, поспѣшилъ разсказать какой нибудь случай изъ своей жизни, въ которомъ страхъ игралъ также не малую роль, но въ которомъ въ концѣ концовъ все оказывалось вздоромъ и смѣхомъ.. Со всякимъ случалось что нибудь подобное, и всякій разсказалъ, что зналъ или слышалъ, и наконецъ опять настало молчаніе. И «о страшномъ» не было уже матеріала для разговора. Но старикъ-пчелякъ, любившій поговорить, казалось, не желалъ давать разговору какого-нибудь другого направленія и продолжалъ сохранять на своемъ лицѣ то же нѣсколько таинственное выраженіе.

2.

— Нѣтъ, наконецъ сказалъ онъ:—вотъ съ Кузнецовой женой, вотъ такъ ужъ напримался я страху.

Кузнецовъ былъ молодой сельскій торговецъ; въ сосѣднемъ большомъ селеніи у него былъ магазинъ. Я зналъ его лично, и крайне удивился, узнавъ, что онъ—семейный человѣкъ, такъ какъ постоянно видѣлъ его и въ квартирѣ, и въ лавкѣ одного.

— Развѣ Кузнецовъ женатъ? спросилъ я.

— Какъ же! Да-авно!

— Гдѣ же его жена?

— Она ужъ второй годъ какъ въ больницѣ, въ Москвѣ, лечится... Теперича-то, пишетъ, будто поправляется, а ужъ что тогда было, не приведи Царица Небесная!.. Я одинъ, братецъ ты мой, бился съ нею цѣлую недѣлю, день и ночь, такъ ужъ знаю, что такое это... Давай мнѣ тысячу рублей теперича—нѣтъ!.. Не заманишь!..

— Какая же это у нея была болѣзнь? спросилъ писарь.

— Съ ума сошла.. Только съ ума-то сошла на худомъ... И старикъ-пчелякъ шепотомъ разсказалъ о ея недугѣ... Недугъ дѣйствительно былъ ужасный...

Стали толковать о причинѣ такого недуга...

— И что за чудо! сказалъ пчелякъ.—Вѣдь какъ, братецъ ты мой, чудесно жили-то въ первомъ году—ангелы преподобные! Торговлю начали чисто, на готовыя денежки, всего много, домъ—съ иголочки, оба—любо глянуть, ужъ объ ней и говорить нечего: королева—одно слово!.. Да и онъ па-

рень складный... Бывало, взойдешь въ лавку-то къ нимъ, соли тамъ или что-нибудь взять—сидятъ оба, какъ птички, и ласковы, и веселы... И самому-то, ей-богу право, весело станетъ... Вдругъ, какъ нечистый попуталъ, сразу, братецъ ты мой, оба какъ оглашенные стали... На второй годъ пошло это у нихъ.

— А дѣти есть у него? спросилъ я.

— Была одна дѣвочка, въ самый первый годъ была, ну только померши.. Двухъ либо трехъ мѣсяцевъ померла-то... Ту-ужили оба... стра-асть... А потомъ вдругъ и началось промежду нихъ... Слышимъ—«бьетъ»! По вечерамъ крикъ изъ дому-то несется... Что такое?.. Потомъ —того: принялся, братецъ ты мой, за бабами, значитъ, за женскимъ поломъ—проходу нѣтъ!.. Пьетъ, безпутничаетъ, жену бьетъ, бросаетъ ее совсѣмъ, прочь гонитъ. Отецъ ейный тутъ съ родней прибылъ... Помню, всю морду этому самому Кузнецову изуродовалъ. Однова они всей родней его били, да какъ били-то!.. Самъ своими глазами видѣлъ, какъ одинъ дьяконъ прямо ему въ лицо старымъ-престарымъ вѣникомъ тыкалъ окамелькомъ... Тутъ было, Боже мой, что такое! Нѣтъ ему уйму—да и шабашъ! Въ теченіе того времени ейный родитель взялъ да въ судъ его и предоставилъ... значитъ за истязаніе и самоуправленіе. Присудили его, другъ ты мой, на полгода въ тюрьму... Вотъ тутъ-то съ ней и случилось... Перво-на-перво все тосковала, скучала... Исхудала вся—«не знаю, говоритъ, что со мной дѣлается»... Бывало зайдешь въ лавку-то: сидитъ и смотритъ, а примѣтить тебя—не примѣчаетъ... И разъ окликнешь, и два—все молчитъ... Ужъ когда-когда опомнится!—«Ахъ, скажетъ, Иванычъ, я и не вижу!»—Я-молъ тутъ давно стою. «Ужли давно?» Именно правда.—И опять на нее этотъ истуканъ найдетъ, опять говори, не говори—все одно... А однова пришелъ, глядь—лавка заперта... Что такое? Пошелъ-было на кухню; идетъ навстрѣчу кухарка.—«Взбѣсилась, говоритъ, наша хозяйка... Что дѣлаетъ—такъ ахъ... Лучше и не ходи»...—Я было и не пошелъ, да за мной самъ отецъ ейный прислалъ, подсобить... Потому сладу нѣтъ... Даже отецъ-то родной и тотъ ушелъ, залился слезами, ушелъ изъ дому. Оставили меня одного... Ну ужъ и принялъ я мученьевъ, вѣкъ не забуду.

Пчелякъ разсказалъ мученія: публика посмѣялась...

— Какъ же ты съ ней справлялся-то? спросилъ староста.

— Какъ?—извѣстно палкой!

— Билъ?

— Извѣстно билъ, коли резоновъ не слушаетъ. Ей представляешь резоны, а между прочимъ она пуще того безобразничаетъ... Что будешь дѣлать: и жаль, а нельзя—другихъ способовъ нѣтъ... Огрѣешь кнутомъ раза три-четыре—забьется за печку, сидитъ недвижимо и пожалуй съ часъ просидитъ, не шелохнется... Ну только ты чуть задремалъ—хвать вотъ она!.. Думаю, нѣтъ, братъ, шалишь!.. Одну ночь я такъ-то пробился, на другую потребовалъ цѣпь, приковалъ ее за печкой-то, принесъ вожжи, говорю—«вотъ, матушка!» показалъ ей... Ну, съ цѣпи ей сорваться трудно... Погремитъ, погремитъ—ляжетъ... Только ужъ что говорила, слова какія, и не дай Богъ! Разокъ съ пятокъ я ее возжами-то урезонивалъ за эти самыя ея слова... И ругаться тоже—ругалась, словно пьяный солдатъ... Откуда только набралась этого... И бился я такимъ манеромъ съ ней цѣлую недѣлю.

— Все возжами?..

— Возжами все и кнутомъ... Однова такъ подсвѣчникомъ успокоилъ ее, потому чуть-было изъ цѣпи не вылѣзла!..Цѣлую, братцы мои, недѣлю я такъ-то бился—одинъ! Отецъ то ея перво-на-перво совсѣмъ разсудка лишился, мужъ —въ острогѣ, одинъ я. Потомъ принялись таскать знахарей и знахарокъ, поили ее и отчитывали, все одно—никакія средствія... Наконецъ-того, надумали въ больницу везти въ Москву. Вѣришь-ли, индо слеза меня самого прошибла, какъ стали ее изъ за печки-то вытаскивать: вся какъ есть синяя отъ побой...

— Ты ее, должно быть, знатно охаживалъ то...

— Ужъ чего тутъ!.. Бывало, за ночь-то у самого ладони напухнутъ...

— И отчего же это съ нею приключилось? спросилъ банковскій писарь.

— Поди вотъ! разбери!.. сказалъ пчелякъ.

— Ужъ знамо—дѣло темное! прибавилъ одинъ изъ гостей.

— Господь ее знаетъ!.. заключилъ третій.

Скоро мы разошлись по домамъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ разсказа.

3.

Всякій деревенскій житель въ своемъ домашнемъ быту непремѣнно испыталъ и постоянно испытывалъ какой-нибудь необъяснимый, непонятный ударъ: какія-нибудь страшныя психологическія страданія, незабываемыя, гнетущія, уродующія человѣка на-вѣки, но ни чѣмъ не облегчаемыя, неразъяснимыя страданія, которыя даже и выплакать-то нѣтъ возможности.

Правда, Кузнецовъ, о которомъ разсказывалъ пчелякъ, не былъ крестьяниномъ: это былъ сельскій купецъ, торговецъ; но исторія его носила всѣ признаки подлинной крестьянской семейной бѣды, въ которой есть все: и побои, и слезы, и кнуты, и избитыя до-синя спины, и очевидно страшныя нравственныя страданія, и въ концѣ концовъ - ничего кромѣ каменной тяжести на сердцѣ, кромѣ угнетающей увѣренности, что такъ угодно Богу, да воспоминанія какого-нибудь «очевидца» о томъ, напримѣръ, что вотъ у него у самого въ ту пору руки напухли отъ битья...

Такія семейныя бѣды, если вы только приглядитесь къ деревенской жизни, тяжелыми думами, темнотою безъ просвѣту давятъ крестьянскую душу, пришибаютъ человѣка къ землѣ, словно тяжелымъ, неожиданнымъ ударомъ съ неба свалившагося камня, и вы встрѣчаете ихъ на каждомъ шагу.

Еще недавно, возвращаясь со станціи желѣзной дороги, я встрѣтилъ старика крестьянина, который везъ изъ города племянницу—сумасшедшую дѣвушку. Она глядѣла, но ничего не говорила и ничего

не понимала, даже не дѣлала сама ни одного движенія: старикъ-дядя долженъ былъ самъ утирать ей носъ, самъ усаживать ее такъ, чтобы не свалилась, самъ застегивалъ ей армякъ...

— Что такое? Отчего?

— Господь ее знаетъ! Сразу приключилось...— Ночью!

Старикъ везъ ее домой изъ сумасшедшаго дома, гдѣ ее тоже шибко били «вся спина въ синякахъ»... А самъ онъ какъ будетъ лечить ее? Кто, кромѣ отставного солдата, предложитъ ему свои услуги насчетъ кнутья и возжей?

Именно съ этой стороны меня и интересовала исторія Кузнецова. Не мало удивило меня и то обстоятельство, что Кузнецовъ, котораго я зналъ, вовсе не походилъ на того, о которомъ разсказывалъ пчелякъ. Это былъ, какъ мнѣ казалось, человѣкъ добрый, даже какъ бы старавшійся быть добрымъ.

И этотъ-то добрый человѣкъ могъ довести до сумасшествія близкаго, мало того—любимаго человѣка, могъ драться, пьянствовать, безобразничать, даже попасть въ острогъ. Тутъ была тайна, и тайна деревенская. Я рѣшился добиться и толкомъ разузнать, въ чемъ тутъ дѣло.

Не буду разсказывать, какія усилія были сдѣланы мною для того, чтобы вынудить Кузнецова разсказать его семейную драму; только драму эту онъ мнѣ все-таки разсказалъ. Передаю ее читателю только въ существенныхъ чертахъ, такъ какъ во всей подробности разсказывать ее невозможно.

4.

«Помилуйте!.. Любилъ-ли?.. И посейчасъ я безъ нея сохну, а ужъ что было съ перваго началу, того и не разсказать словами. Да и какъ не любить-то? Вѣдь это одно—ангелъ превосходный, другихъ словъ для этого нѣтъ... Красавица первая! Развязность, напримѣръ, рѣзвость... Или опять взять въ работѣ—огонь, проворна, аккуратна... Въ короткихъ словахъ сказать, по моему понятію, миловиднѣй не сыщешь... Сколько ихъ я на своемъ вѣку, напримѣръ будемъ такъ говорить, не обсуждалъ—тряпки и мочалки, больше ничего... Да что еще: вѣдь мы ужъ съ ней десяти-девяти лѣтъ цѣловались... Самъ Господь опредѣлилъ намъ быть въ бракѣ: мой родитель изъ-поконъ вѣку жилъ здѣсь и ейный, Милочкинъ,—и имя-то, позвольте сказать, сколько миловидно—Эмилія! Батюшка, отецъ Іоаннъ, священникъ (теперича онъ ужъ оставилъ должность), также здѣсь сыскони бѣ... И оба съ молодыхъ лѣтъ вдовые, и Милочкинъ, и мой... Родители наши души въ насъ не чаяли. Скажу одно: даже сѣкли насъ, ежели случалось за шалости, и то съ большимъ вниманіемъ и болѣе для угрозы, но нежели чтобы обидѣть. Милочку всего одинъ разъ и подвергли—крыжовнику, съ позволенія сказать, объѣлась.. Рѣзвая была... У—Боже мой!.. Отецъ-то Іоаннъ, бывало, не налюбуется ей... И былъ онъ большой пріятель съ моимъ родителемъ. Мой родитель, доложу вамъ, покойникъ, царство ему небесное, былъ старинный сельскій купецъ—теперь такихъ нѣту. Теперь все такой народъ пошелъ: налетитъ, одурманитъ, насулитъ, обдѣлаетъ—и въ другое мѣсто... Теперь пошелъ въ ходъ жадный человѣкъ, а такихъ, какъ родитель-покойникъ, и въ поминѣ нѣту! Родитель былъ человѣкъ тихій, жилъ на одномъ мѣстѣ, дѣла велъ постоянныя, и все только хлѣбомъ, больше ничѣмъ, никакими дѣлами не занимался... Были у него въ разныхъ деревняхъ тоже постоянные знакомые по хлѣбной части, серьезные мужички, а въ городѣ онъ тоже довѣрителей не мѣнялъ, все больше съ однимъ кѣмъ-нибудь дѣла дѣлалъ. Знаете, чай, Пастуховыхъ? Ну вотъ, съ ними съ одними онъ болѣе двадцати годовъ, окромѣ ни съ кѣмъ никакихъ дѣловъ не дѣлалъ. И никогда въ покойникѣ родителѣ жадности не было: есть у него въ десяткѣ деревень знакомство, есть один хорошій человѣкъ въ городѣ—и будетъ! Не такъ какъ теперь: всякій норовитъ цѣлую губернію одинъ захватить въ свои лапы, да и орудовать... Нѣтъ! Родитель не жадничалъ... Самъ бралъ пользу и другимъ давалъ... Одно слово—велъ дѣло по чести и совѣсти, тихо и безъ всякаго азарта... И бѣдному человѣку у него тоже отказу не было; и пропадало тоже не мало; но родитель никогда не дозволялъ себѣ, чтобы тамъ по судамъ или что... «Богъ съ нимъ!»—больше ничего!.. Бога онъ помнилъ, помнилъ крѣпко. Какъ, бывало, покончимъ дѣла или въ промежуткѣ, среди лѣта, ежели знаемъ напримѣръ, что все дѣло поставлено вѣрно,—сейчасъ, Господи благослови, куда-нибудь на богомолье, по монастырямъ, въ Москву, въ Сергіевскую Лавру, въ Оптину Пустынь, къ разнымъ угодникамъ... Ѣздили не спѣша, полегонечку... Наглядимся, наслушаемся всякихъ дѣловъ—домой! Зиму ужъ безпремѣнно дома, и ужъ тутъ каждый день: либо отецъ Іоаннъ у насъ чай съ ромомъ пьетъ и газеты обсуждаетъ, либо мой родитель у отца Іоанна разговоръ ведетъ о пустынѣ объ какой-нибудь, или такъ разговоръ слушали... Ну, и мы тутъ... То Милочка у насъ, то я у нихъ»...

«Съ самыхъ раннихъ лѣтъ стали мы слышать отъ нашихъ родителей, что когда подростемъ, такъ они насъ непремѣнно женятъ... потому лучше пары нѣтъ. Я тоже былъ не плохъ: одинъ сынъ и притомъ не нищій какой-нибудь; всѣ знали, да и самъ родитель мой не скрывалъ, что у него есть достатокъ, и онъ не разъ поговаривалъ, что въ случаѣ брака всѣ дѣла сдастъ мнѣ, а самъ ужъ такъ будетъ вѣкъ доживать, на спокоѣ. И у отца Іоанна тоже было не безъ достатку. Окромѣ того, мы изъ дѣтства другъ дружкой любовались. Такъ что, можно прямо сказать, съ дѣтства были влюблены другъ въ дружку... И даже такъ влюблены, что вполнѣ навѣрно знали о своемъ бракѣ, оба дожидались... Бывало, ѣздимъ мы съ отцомъ въ отлучкѣ, по святымъ ли мѣстамъ, по дѣламъ ли въ деревняхъ, только и жду, какъ бы домой, къ Милочкѣ... Но былъ я робокъ; она, правду сказать, посмѣлѣй была.. побойчѣй, первая, бывало, за щеки обхватитъ и того... да!.. Разъ даже... Да что ужъ одно слово—смѣлая!.. Тормошитъ тебя, бывало, страсть! «Все равно, говоритъ, насъ съ тобой повѣнчаютъ». Ну, однакожъ ждали мы порядочно..

«Повѣнчали насъ, сударь мой, въ самое прекрасное время; пошелъ ей восемнадцатый годъ, а мнѣ

ударилъ двадцать первый... Хотѣлъ было родитель мой еще повременить, ну, только что согласія нашего на это не было. На что я въ ту пору былъ робокъ и родителя почиталъ, а тоже однажды не вытерпѣлъ и поднялъ щетину: «Какъ же это мнѣ такъ можно... да!..» Правду надо сказать, что и Милочка тутъ меня много подгвазживала на упорство... Сама-то она ужъ вошла въ возрастъ, потишѣла, а начала меня все на родителей натравливать... Бывало такъ, что и на своего отца напуститъ меня... налетишь такимъ ястребомъ, смѣшно вспомнить... А главная причина —сталъ мой родитель похварывать, стали въ немъ старыя разныя простуды открываться, вотъ по этому случаю и порѣшили насъ повѣнчать... А какъ насъ повѣнчали, тутъ родитель мой и порѣшилъ дѣла прекратить. «Живите, говоритъ. какъ хочется... Заводите свое дѣло, какое по вкусу...»

«И какое, милостивый государь, послѣ того для насъ настало удовольствіе, то даже, извините, этого невозможно представить... Поѣхали мы вдвоемъ, я да она, въ городъ повидаться съ отцовскими знакомыми, посовѣтоваться, что́ они присовѣтуютъ насчетъ дѣловъ. Изъ города вздумалось намъ махнуть въ Москву, такъ какъ порѣшили мы завести вотъ эту самую лавку, въ которой теперича разговоръ у насъ идетъ, а порѣшивши это дѣло, задумали закупать товаръ въ Москвѣ, изъ первыхъ рукъ. Дѣлать—такъ ужъ дѣлать. И что-жъ? Мы въ Москвѣ съ Милочкой ни единаго часу не разлучались: все вмѣстѣ—и по лавкамъ, и по конторамъ, и вездѣ насъ московскіе купцы все вмѣстѣ видѣли и приглашаютъ на вечера, въ театръ... Были мы тутъ, прямо сказать, во всѣхъ мѣстахъ, и въ церквахъ, и во дворцахъ, и въ театрахъ, всего насмотрѣлись, всѣ напримѣръ древности, рѣдкости, мощи тамъ или, опять взять, картины разныя, статуи—все видѣли. И любопытно, и хорошо, и легко намъ было, и ужъ такъ радостно, весело—слеза пронимаетъ, какъ вспомнишь. Въ гостинницѣ-то, въ Чижовскомъ подворьи, гдѣ мы стояли, и то какъ есть всѣ сосѣди нами двумя любовались. Какой-то старичокъ все глядѣлъ на насъ (тоже сосѣдъ), да одново прямо со слезами расцѣловалъ насъ обоихъ и перекрестилъ: «дай вамъ, говоритъ, Богъ...»—Право-слово. Такое у насъ шло удовольствіе мѣсяца полтора, покудова не обозначилось у Милочки положеніе. Затихла, идти никуда не хочетъ и ко сну ее стало клонить...

— «Собирайся, говоритъ, домой пора».. Ну, я вижу, дѣло началось сурьезное...Сразу мы оба точно все московское перезабыли, точно даже не видали, только и думаемъ—домой добраться...—«Строиться надо! говоритъ Милочка:—пора ѣхать»... Скорехонько мы собрались и уѣхали строиться, лавку заводить, гнѣздо вить—для себя, для дѣтей...Жить-поживать».

5.

«Все такъ и вышло какъ по писанному: и домъ съ лавкой готовы, и торговля пошла, и дочь родилась...Домъ, изволите сами теперь видѣть, строенъ не кое-какъ; опричь лавки, для собственнаго семейства цѣлыхъ три покоя, пять оконъ на улицу; для родителя мезонинъ, съ теплымъ ходомъ изъ кухни. Все хорошо, однимъ словомъ. Но лучше всего—дочь-дѣвочка... И что это былъ за ребенокъ!..»

Разсказчикъ хотѣлъ говорить, но вдругъ горько заплакалъ...

«Нельзя этого описать... То есть души мы не чаяли всѣ, и я, и Милочка, и старикъ-родитель, только тѣмъ и дышали, Ольгунькой любовались... Здоровый былъ ребенокъ, веселый, занятливый, словомъ сказать—отрада .. И жили мы такимъ родомъ въ полномъ удовольствіи, и весело намъ всѣмъ, и мило, и дѣло пущено чисто, благородно; все шло такъ, лучше требовать невозможно...

«И вдругъ пошли со мной несчастія!.. Одново сидѣлъ старичокъ-родитель съ Ольгунькой на крылечкѣ, няньчился; смотримъ. зашатался и словно будто падаетъ... Подбѣжали. подхватили Ольгуньку—такъ онъ и грохнулся... Что такое? Лежитъ человѣкъ безъ памяти, а съ чего взялось—неизвѣстно. Перенесли его въ покой, за фельдшеромъ съѣздили, привезли его ужъ на другой день. Поглядѣлъ онъ: «банки» говоритъ. И закати онъ ему тридцать пять штукъ... всю спину изрѣзалъ. А по-утру родитель Богу душу отдалъ... Вы извольте только подумать, каково это было намъ съ Милочкой! Мы родителя всѣмъ сердцемъ почитали, потому онъ былъ для насъ чистый ангелъ-хранитель, самая кротость во плоти... И вотъ—померъ... Вчерась былъ живъ, шутилъ съ Ольгунькой, нонѣ лежитъ и не дышетъ... Призадумался я, точно что меня пришибло...

«Опустѣло кругомъ насъ съ Милочкой, только всего и осталось отрады—Ольгунька. И вдругъ и Ольгунька помираетъ... Помираетъ въ однѣ сутки. Что же это такое? Цѣлый день ребенокъ неизвѣстно отъ чего кричитъ, кричитъ не своимъ голосомъ: цѣлый день мы всѣ, и я, и Милочка, разныя женщины-родственницы, мечемся какъ угорѣлые, ничего не понимаемъ, не знаемъ, что это, отчего, какъ помочь... Даже фельдшера не могли привезти; потому на дворѣ стояла невыносимая грязь. То есть привезти-то его привезли, но ужъ дѣвочка на столѣ лежала...

«Но ужъ тутъ, доложу вамъ, опостылѣлъ мнѣ бѣлый свѣтъ. Даже такъ, что показалось мнѣ пріятнѣе вмѣстѣ съ Милочкой умереть, чѣмъ жить на свѣтѣ! Зачѣмъ домъ, зачѣмъ торговля, зачѣмъ мы съ Милочкой—все одна мечта, тоска, безпокойство, скука... Изъ-за чего жить на свѣтѣ?

«Которые изъ знакомыхъ видали меня въ ту пору—«лица, говорятъ, на тебѣ, Кузнецовъ, нѣту... Какъ бы съ тобой чего худого не было!..» И въ правду, я и самъ, признаться, опасался... Да какъ-же: все было хорошо, любезно и вдругъ—пустыня, холодъ и тоска, и за что? Отчего?.. Рѣшительно скажу вамъ, даже и совершенно никакой не было охоты жить... Даже съ Милочкой говорить не хочется... Объ чемъ говорить? Да и она сама не льнула ко мнѣ, все больше лежитъ къ стѣнѣ лицомъ и плачетъ .. Вотъ въ такое-то время и приди ко мнѣ въ лавку одинъ человѣкъ... Даже прямо есть за что спасибо сказать, по крайности самъ

я много благодаренъ. Теперече, ежели Богъ дастъ, воротится Милочка благополучно — совсѣмъ у меня другая будетъ политика... Аптекарю спасибо. Онъ всему тутъ дѣлу корень...

«Приходитъ, стало быть, этотъ самый аптекарь ко мнѣ въ лавку; отпустилъ я ему, что̀ требуется, и сѣлъ въ свой уголъ за прилавокъ - молчать и горемъ своимъ мучиться... Только аптекарь-то и говоритъ:

— Что это, хозяинъ, пригорюнился?

— Что жъ, говорю, будешь дѣлать... видно ужъ такъ Богу угодно... и разсказалъ ему, какъ дѣвочка умерла и какъ померъ родитель...

— Ну, говоритъ аптекарь:—насчетъ родителя—дѣло ужъ совсѣмъ плевое, не воротишь, а насчетъ дѣвочки печалиться тебѣ нечего, другія будутъ...

— Охоты, говорю, у меня ужъ нѣту...

— Будто!.. Какъ же это такъ? Къ этому-то, говоритъ, нѣтъ охоты?.. Какой же ты послѣ этого, говоритъ, купецъ? И сталъ онъ тутъ меня язвить.

— Вѣдь у васъ, говоритъ, только и дѣла, что за прилавочкомъ сидѣть, денежки считать, да съ женой спать. . Ну, какія же у тебя больше дѣла-то? Ѣдите да спите съ женами! Больше ничего... И дѣтей народите, тоже будутъ за прилавкомъ сидѣть, денежки считать...

— Помираютъ вотъ наши дѣти-то...

— Да ты развѣ думалъ когда, отчего они помираютъ и нельзя ли какъ-нибудь такъ сдѣлать, чтобы не помирали? Ну, знаешь ли ты, отчего твоя дѣвочка кричала?.. Вѣдь кричала?

— Кричала цѣлый день...

— А вы съ женой только смотрѣли и ахали?..

Что-жъ я буду отвѣчать? «Такъ точно», говорю.

— Ну, вотъ видишь, говоритъ:—рожать умѣете, а даже ходить не умѣете, не знаете, что̀ вредно, что̀ полезно... Это и свиньи такъ-то за поросятами ходятъ...

— Потомъ, говоритъ: ежели ты самъ ничего не знаешь, какъ-же ты дѣтей-то своихъ воспитывать будешь? А вѣдь, чай поди, тоже учить начнете, за вихоръ, розги, палкой... «Добру!..» называется... Сами—невѣжи круглые, а берутся учить, точно въ самомъ дѣлѣ знатоки... Куда вамъ! ужъ вы рожайте только, это - вотъ ваше дѣло.

«Дѣлалъ я ему разныя представленія въ свою пользу, однакожъ онъ меня опровергъ:

— Ты, говоритъ, скажи одно: кричала дѣвочка?

— Кричала!

— Цѣлый Божій день кричала не своимъ голосомъ?

— Точно такъ, говорю.

— И оба вы съ своей женой—«родители», «воспитатели» ничего не знали: что? какъ? отчего? Не знали?..

— Точно что не знали ..

— Гдѣ болитъ? въ головѣ-ли, въ животѣ-ли, въ спинѣ-ли?.. Ничего не знали?

— Ничего! Кричитъ!..

— Ну, такъ сами вы ее и уморили... И другая будетъ—и другую уморите...

«Такъ меня и обожгло отъ этихъ словъ...

— Что ты! говорю, другъ любезный, прикуси языкъ-то.

— Прощай, говоритъ.—Тоже «родители» называются... почитай ихъ!.. И ушелъ.

6.

«Кажется, ужъ довольно дерзко обошелся, а что-жъ бы вы думали? Задумался я надъ этими словами... И даже такъ задумался, что въ городъ къ аптекарю поѣхалъ и книжки даже бралъ читать. Судите сами: былъ-ли счастливѣй меня человѣкъ? Чего мнѣ не доставало? Все у меня было, и все я получилъ, такъ по крайности мнѣ представлялось. Лѣтъ пятнадцать кряду только и дышалъ Милочкиной любовью; пережилъ съ нею годъ такого счастія, какого иному и во снѣ не приснится; зналъ, что такое радости семейной жизни, что за счастье быть отцомъ, и вдругъ, одно за другимъ, два несчастія, потомъ пустота голая и сознаніе собственнаго невѣжества... А насчетъ невѣжества я понялъ сразу, послѣ одного только разговору, и тутъ-же, какъ только аптекарь изъ лавки вышелъ, почувствовалъ я, что во второй разъ я ужъ не буду съ Милочкой счастливъ такъ, какъ до несчастій... До несчастій я жилъ, точно птица порхалъ; теперь мнѣ стало представляться, что порхать ужъ я не буду, узналъ о своемъ невѣжествѣ... А что всего обиднѣй: въ Милочкѣ-то, кромѣ жены, кромѣ хорошенькой, милой женщины... я ужъ тоже—истинно противъ воли—также невѣжу увидалъ... Коль представлю, коль вспомню, какъ это мы оба глупые, тупоумные бились ночью съ дѣвочкой, ничего-то не понимая, такъ и почувствую къ Милочкѣ что-то нехорошее, то есть что-то какъ будто злитъ... Думаешь иной разъ—хоть-бы подумала, отчего это и какъ... А то смотритъ, какъ человѣкъ мучается, и не думаетъ...—тошно... вѣрное слово...

„Скучно мнѣ, пусто на душѣ было; надобенъ мнѣ былъ, какъ всякому человѣку, интересъ... А опять съ Милочкой ту же любовь продолжать не было ужъ интересно, потому-что первое время самой задушевной любви окончилось вздоромъ, мученьемъ душевнымъ, обозначило въ насъ обоихъ, прямо сказать, мѣднолобіе... Поднялась моя любовь по этому случаю градуссомъ повыше. сталъ я любить другое. Сталъ я влюбляться въ размышленія, въ разсужденія... И повѣрите-ли, въ слова, въ мысли, которыя пошли у меня ходить въ головѣ, я такъ-же точно сталъ влюбляться, какъ въ Милочку... Однова аптекарь (это ужъ въ городѣ какъ-то случилось) показалъ мнѣ такую штуку: чашка съ водой; вода какъ есть чистая, комнатная, и вдругъ подсыпали чего-то...что-же?—въ одну минуту замерзла, а было лѣто...Такъ что̀ со мной было, если бы вы только знали!.. Такое охватило меня невѣдомое блаженство, такая радость какая-то (и истинно самъ не знаю отчего), ну, ни съ чѣмъ сравнить невозможно... Точь-въ-точь такъ-же у меня забилось сердце, заныло, таково весело, и въ голову точь-въ-точь такъ ударило, какъ бывало съ Милочкой до свадьбы еще случалось, если иной разъ долго не видимся, да вдругъ гдѣ-нибудь въ темномъ мѣстѣ и... вотъ! Прямо вамъ сказать, началась у меня дру-

гая любовь, выше и много любопытнѣй, такъ, по крайности, въ ту пору мнѣ представлялось!..»

— А съ Милочкой, спросилъ я,—разговаривали вы о вашихъ мысляхъ?

— «Нѣтъ!—въ томъ-то и бѣда вся, что не разговаривалъ... А почему не разговаривалъ?—потому-что въ головѣ-то у меня стояло *все вмѣстѣ*, а по отдѣльности - ничего не было... Все, о чемъ я отъ роду не думалъ, все у меня стало подниматься въ головѣ сразу, цѣлыми ящиками, оптомъ, если сравнить по торговому... Я бы и радъ говорить съ ней, но ничего-бы путнаго не сказалъ .. Я чуялъ, что не съумѣю заставить ее заинтересоваться тѣмъ-же самымъ, что меня захватило... Словъ у меня не было, не зналъ, съ какого конца взяться, откуда захватить, а главное - не утаю—не въ обиду Милочкѣ будь сказано—казалось мнѣ, что плюнетъ она на всѣ мои разговоры—и больше ничего. Не пойметъ-съ. Не интересно ей это... Сердило меня и то, что я самъ съ мыслями не разобрался; сердило и то, что и Милочка ихъ не пойметъ. . а главное вотъ что меня не то-что сердило, а прямо вводило даже въ гнѣвъ: сказывалъ я вамъ, что послѣ несчастій мнѣ такъ было тоскливо и тяжело, что я даже и отъ Милочки какъ-то сталъ поотставать, да и она тосковала и молча мучилась... Съ тѣхъ поръ какъ произошло во мнѣ это самое превращеніе, самому мнѣ стало легче; я тосковалъ по дѣвочкѣ—точно, и иной разъ просто даже до слезъ тосковалъ, но ужъ у меня было лекарство, занятіе .. Иной разъ раздобудешь книгу, какого-нибудь напримѣръ Жуля Верна,—напролетъ всю ночь...Помните, какъ одинъ англичанинъ выстрѣлилъ въ мѣсяцъ!.. То есть всю ночь напролетъ... И рвусь я что дальше, то больше. И все мнѣ пріятнѣй, хитрѣй, мудренѣй, прямо сказать, забористѣй. А между прочимъ слышу, что Милочка не тѣмъ норовитъ вылечиться... Жаль мнѣ ее, вотъ какъ, до слезъ, т. е. до кровавыхъ слезъ жаль... Теперь, Богъ дастъ, воротится, я все ей сдѣлаю, все предоставлю, словомъ—теперечa у насъ съ ней совсѣмъ другой разговоръ пойдетъ...

«Но тогда, когда я влюблялся съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй въ другое дѣло, въ новое, любопытное, умное, и каково это мнѣ было слышать тотъ напримѣръ разговоръ: «вотъ погоди, опять ребенокъ будетъ, опять поправишься, все какъ рукой сниметъ!» Это говорили Милочкѣ всѣ ея родственницы, всѣ бабы, какія только въ домѣ ни были... Всѣ одинаково полагали, что необходимъ опять ребенокъ, чтобы вновь жизнь получила смыслъ... Каково мнѣ это было слышать каждую минуту, когда ужъ самъ-то я на другой смыслъ наскочилъ: сидятъ ли за самоваромъ, отдыхаютъ-ли на крылечкѣ, въ кухнѣ ли соберутся, все одинъ разговоръ: «Вотъ ребенокъ будетъ! Вы съ мужемъ люди молодые—чего тамъ! Вотъ хитрое дѣло, подумаешь!..» И что-жъ вы думаете? Однажды слышу, Милочка разговариваетъ съ одной бабой и говоритъ ей: «вотъ, когда у меня ребенокъ будетъ, я тебя въ кормилицы». То есть и званія никакого нѣтъ насчетъ чтобы ребенка, а ужъ кормилицу приторговываютъ... Что-жъ я то такое? Да какъ это не стыдно, думаю, не подумать хоть бы о томъ, что вѣдь и второго уморимъ ни за что, ни про что!.. Вѣрите-ли, даже упорство какое-то во мнѣ стало дѣйствовать. Точно вотъ врагъ какой между мной и Милочкой появился... Уклоняюсь я отъ нея... И намѣренія-то ея мнѣ куда не по душѣ... Забьюсь въ лавку съ какимъ-нибудь сочиненіемъ, съ мѣста, кажется, шестеркой лошадей не своротить...—«Иди чай пить»! Нѣтъ, думаю, знаю я ваши намѣренія—не хочу.—«Иди ужинать!» Опять я не хочу... А тамъ все разговариваютъ про тоже самое... И стали даже такъ поговаривать: «что же это за мужъ? Этого въ хорошихъ семействахъ не допускается»... Эдакимъ вотъ манеромъ...

«И сталъ я, прямо скажу, даже ожесточаться... И чтоже? Однажды ночью, не помню ужъ, что у меня въ головѣ было, только ужъ совсѣмъ, совсѣмъ не-то... Гляжу, Милочка сама подошла ко мнѣ изъ спальни... взяла такъ-то за плечо и смотритъ... Какъ понялъ я этотъ взглядъ, сразу рвануло меня по всей внутренности—«убирайся ты прочь отъ меня!...» То-есть не своимъ голосомъ гаркнулъ.

«Съ этой самой минуты все и помутилось въ дому...

7

«Поглядѣлъ бы кто на насъ въ ту пору: злѣй насъ, кажется, на свѣтѣ не было. И съ Милочкой-то что сталось—уму непостижимо.—«Такъ такъ-то! хорошо-же!» Къ отцу—отецъ ко мнѣ съ увѣщаніемъ; за родней—за старичками, за старушками—настоящій съѣздъ, земское собраніе... Милочка плачетъ и жалуется, а мнѣ ни капельки не жалко, т. е. вотъ хоть-бы капелька... Теперича я знаю: она тоже не знала, что дѣлала, ей также Богъ вѣсть что мерещилось... Ну, только я ужъ тутъ совсѣмъ ожесточился... Помилуйте, скажите: хотятъ меня напримѣръ силкомъ къ этому самому порядку привести.— «Какъ не стыдно! Ни Бога въ тебѣ нѣтъ, ни совѣсти!.. И что это такое!» Это я съ утра до ночи слышу сутокъ двое къ ряду. А то такъ просто стали обзывать меня «подлецомъ». «Какой это мужъ? это, говорятъ,—подлецъ изъ подлецовъ!»

«Дальше да больше; вдругъ отецъ Иванъ подступилъ ко мнѣ съ кулачьемъ:—«Ты что-жъ это. такой-сякой? а?»... да, не говоря худого слова, бацъ меня по уху, бацъ по другому... Племянникъ-дьяконъ услыхалъ, подлетѣлъ, развернулся—хлопъ! хлопъ!.. Ну ужъ тутъ и я изъ всякихъ границъ вышелъ...Милочка-было за меня заступаться стала: «не троньте, не троньте его»! но ужъ у меня не оставалось снисхожденія. «Сама, говорю, заварила этотъ срамъ, да заступаться?—Вонъ»! И принялся содѣйствовать! Что тутъ такое было уму непостижимо! Тутъ были въ ходу и кнутья, и метла, и самоваромъ кто-то сколотилъ меня по головѣ, и Жуль Верна я расшибъ (какъ есть всю книгу съ рисунками) объ чью то морду—ужъ не помню—и всѣ въ крови, съ синяками, съ раздутыми щеками—т. е. Богъ знаетъ что!.. И все это—на народѣ; собралась вся деревня, ревъ, плачъ.—«Исполняй законъ!» вопіютъ. Хохотъ, срамъ!..

«Въ тотъ же часъ, послѣ этого боя, я ударился прямо въ кабакъ, и съ этого сраму сталъ пьянство-

вать... Слышу, вдобавокъ ко всему, распознали, что къ аптекарю хожу, присодѣйствовали обо всемъ къ исправнику, все перерыли и всѣхъ моихъ знакомыхъ въ скорости предоставили къ благоусмотрѣнію; ну, словомъ. осрамили меня въ самомъ полномъ размѣрѣ.. Тутъ-то вотъ и сталъ я безобразничать, и въ свою голову добезобразничался до суда, да и Милочку съ ума свелъ».

Оставляю неразсказанными много неудобныхъ для печати подробностей, касающихся болѣзни бѣдной деревенской женщины. Сколько перестрадала эта жертва неожиданнаго деревенскаго «случая»!..Припоминая всю эту исторію, съ ужасомъ вспоминаешь разсказъ пчеляка и разговоръ о леченіи больной.

— Ты какъ-же съ ней справлялся-то?

— Какъ? Извѣстно, палкой... коли не слушаетъ резоновъ.. У меня даже у самого руки опухли... Синяя вся отъ побоевъ, даже слеза прошибла... Потому возжами орудовалъ...

VI.

Опять темныя ночи, осеннія.—Волки и конокрады.—Убійство и оправданіе.—Біографія сироты Ѳедюшки —Мірской хорошій человѣкъ Иванъ Васильевъ.

I.

Августъ мѣсяцъ шелъ къ концу. Утромъ и вечеромъ въ воздухѣ стала чувствоваться сильная свѣжесть, переходившая ночью въ крѣпкій осенній холодъ. Смеркаться стало рано и темь по ночамъ сдѣлалась непроглядною. Привычный деревенскій житель, знающій въ своей деревнѣ каждый камушекъ на улицѣ, каждую ямку, лужу, каждое дерево, иной разъ, очутившись въ такія темныя, «черныя» ночи на улицѣ, не узнавалъ своего дома, да и добравшись до двора, долго искалъ ногою лежащій у крыльца камень.Тьма убивала въ человѣкѣ способность видѣть, лишала возможности свободнаго движенія, даже притупляла чуткость уха. Два человѣка, столкнувшись случайно въ этой темнотѣ, долгое время даже по голосу не могли узнать другъ друга и непремѣнно съ нѣкоторою оторопью вели такіе разговоры:

— Кто тутъ?

— Я!

— Кто таковъ—я?

— Да Иванъ!

— Какой Иванъ?

— Да Иванъ, стало быть, Петровъ!..

— Ахъ, шутъ тебя возьми!. Эка темень-то!..

— Тюрьма чистая! Это ты что ли! Сафронычъ?

— Что ты? перекрестись!..

— Ай Кузьма?

— Какой тамъ Кузьма? Эко ты.. Егора-то Перепелкина забылъ...

— Ишь ты вѣдь, братецъ ты мой!.. Ну, и темень только—чистая преисподняя!

Въ такія ночи ничего не стоитъ заблудиться въ двухъ саженяхъ отъ деревни, или заѣхать невѣсть куда.

Но не этимъ страшны темныя августовскія ночи деревенскому жителю: страшны онѣ главнымъ образомъ волками и конокрадами. Тѣ и другіе начинаютъ дѣйствовать съ изумительною смѣлостью; волки—съ голоду, а конокрады - и съ голоду, и по разсчету: настаетъ время осеннихъ ярмарокъ, хорошаго сбыта скотины; настаетъ осень, время холодное, когда безпріютному человѣку западаетъ мысль о теплѣ, о тепломъ кафтанишкѣ... Тьма покровительствуетъ и волкамъ,и конокрадамъ.Испугавшись шума осенняго вѣтра, который въ эти дни уже начинаетъ знакомить деревенскую публику съ своими аккордами грядущихъ осеннихъ завываній, овцы, благодаря непроглядной темнотѣ ночи, разбѣгаются по оврагамъ, лѣсамъ, сваливаются съ кручи въ рѣку, и повсюду настигаетъ ихъ неистовый волчій аппетитъ. Волкъ рѣжетъ овецъ и въ оврагахъ, и въ лѣсахъ;забирается даже въ овчарню, прямо на дворъ къ крестьянину, и тутъ, съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ полѣ, совершаетъ свои операціи. Тьма и вѣтеръ,пугающій скотину, помогаетъ и конокрадамъ все потому-же, что заставляетъ скотину разбредаться, терять дорогу, блудить. Тутъ-то и караулитъ крестьянскую скотину конокрадная голытьба.

Да! И въ этомъ дѣлѣ есть главные и второстепенные-дѣятели Главный конокрадъ носитъ въ народѣ названіе «воровской матки».Эта воровская матка съумѣетъ пріютить и спрятать цѣлый табунъ и дѣйствуетъ главнымъ образомъ при помощи пастуховъ. Наворованныхъ лошадей, отогнавъ ихъ предварительно на значительное разстояніе отъ мѣста кражи, главный воръ поручаетъ на сохраненіе первому деревенскому пастуху. «Побереги!» говоритъ, и пастухъ бережетъ краденыхъ лошадей гдѣ-нибудь въ ближнемъ лѣску, гдѣ онѣ ходятъ со спутанными ногами. Бережетъ онъ краденыхъ лошадей потому, что «воровская матка» грозитъ ему. «не то, говоритъ, изъ твоего табуна угоню». И угонитъ, навѣрное угонитъ чужими руками, руками голытьбы, оставаясь самъ здравъ и невредимъ. Сбываютъ краденыхъ лошадей за безцѣнокъ первымъ встрѣчнымъ обозчикамъ, пришлымъ изъ далека рабочимъ, которыхъ въ это время (молотьбы) бываетъ много въ полѣ. Не безупречны въ отношеніи конокрадства и сами господа пастухи. Знатоки утверждаютъ, что большинство воровскихъ матокъ выходитъ именно изъ пастуховъ. Люди эти умѣютъ обращаться со скотиной, умѣютъ повелѣвать ею,знаютъ мѣста, гдѣ ее спрятать. А подручной голытьбы, которая своими руками будетъ обдѣлывать темное дѣло кражи, всегда много, и отвѣчать-то, въ случаѣ чего, придется этой-же самой голытьбѣ. И жестоко-же расправляются деревенскіе люди съ этими разорителями крестьянскаго хозяйства! Бѣда только, что главные-то, «коренные» то воры почти не попадаются подъ карающую крестьянскую руку, а весь ужасъ мести выпадаетъ на долю голытьбы.

Вотъ что разсказывали мнѣ о такой мести очевидцы ея и участники, крестьяне сельца Сычева.

2.

— Ночевало насъ въ ту ночь на полѣ со скотиной человѣкъ пятнадцать...Въ такія ночи одному пастуху не справиться; для осторожности наряжаемъ караулъ по очереди изъ своихъ.. Тутъ въ этакую темень да въ вѣтеръ, тутъ ужъ сохрани Богъ зѣвать, т. е. заснуть, стало быть, или задремать...

Тутъ ужъ сиди, гляди въ оба... Огонь у насъ не переводится, и всю ночь мы вокругъ табуна похаживали да посвистывали... А ночь темная-растемная, и сыро, и вѣтеръ... И валитъ съ ногъ-то, а все крѣпишься, держишься, потому напуганы были мы въ ту пору очённо шибко. Что ни день, то откуда-нибудь и идетъ слухъ: тамъ вчера тройку угнали, а тамъ пару.. Стало, какъ-ни-какъ надоть крѣпиться. Съ вечеру до полуночи, да и за полночь-то, такъ часу до второго, кой-какъ справлялись... Моритъ-моритъ тебя, клонитъ сонъ-то—встряхнешься, и опять въ ходъ пошелъ... А вѣдь устанешь за день-то въ эту пору, не приведи Богъ; съ трехъ часовъ утра на работѣ, да цѣлый день до сумерекъ: въ эту пору и хлѣбъ убираемъ на полѣ, и съ поля возимъ, и молотимъ—самое это бѣдовое время... Бился, бился я такъ-то самъ съ собой, глаза эдакъ-то растопыривалъ, растопыривалъ всѣми способами—хвать и свалился какъ снопъ.

«Толкаетъ кто-то меня, слышу, подъ-бокъ, изо всей, тоись, мочи кулакъ мнѣ подъ ребро посылаетъ...Я было крикнулъ, да ротъ мнѣ зажали: «воры!» шепчутъ.. Очнулся я—догадался, что наши ребята ползкомъ подползли, притаились.. «Гдѣ, молъ, воровъ видишь?..»—«А вонъ, баютъ, двое ползутъ...Не замай, доберутся до лошадей, тогда сразу всѣмъ единымъ духомъ броситься и шумъ поднять»... И точно, пригдядѣлся я къ темени-то: вижу, дѣйствительно шевелятся въ двухъ мѣстахъ... Ну, прямо сказать, на звѣря такъ душа не замираетъ... Кажется, цѣлый годъ прошелъ, покудова дождались мы конца. И просто, по совѣсти сказать, безъ памяти бросились всѣ, какъ одинъ человѣкъ, только-было одинъ изъ воровъ за гриву лошадь поймалъ...А ужъ заорали, гаркнули, такъ и сейчасъ мнѣ удивительно, какъ у меня нутро цѣло осталось... Налетѣли мы на нихъ ястребами... Такъ налетѣли, что у одного ногу, у другого руку переломили: секунда, кажется, одна, а глядимъ ужъ они какъ куренки валяются ничкомъ и только охаютъ... Единымъ духомъ— руки назадъ, морду въ землю, лежи, дожидайся свѣту... Порѣшили-было не бить, а полностью предоставить въ волость; да вѣдь что будешь дѣлать-то, больно ужъ мучители-то большіе: караулимъ—сидимъ, ужъ конечно не молчимъ, да нѣтъ-нѣтъ кто-нибудь и тронетъ—то сапогомъ этакъ въ бокъ, то вожжей, то за волосы... Вѣрите-ли, теперь вспомнить оторопь беретъ, а въ ту пору не то что жалѣть, а прямо сказать сластитъ, коли-ежели вцѣпишься... Не утаю, было и моего грѣха въ этомъ дѣлѣ, но въ мѣру... Прочіе же напримѣръ ребята такъ разыгрались, въ такую охоту, что, коротко вамъ сказать, приспособствовали мы ихъ къ свѣту до безчувствія... Пришлось вести на деревню подъ руки...

«Одинъ-то, постарше, все молчалъ, ни словечушка не казалъ, а другой-то помоложе, взмолился:—«Не ведите, молъ, насъ по деревнѣ, други милые! Убьютъ насъ... Охъ, отцы мои родимые... Вѣдь я, говоритъ, вашъ землякъ Сычовскій!.. Пожалѣйте своего-то! Я, говоритъ,—Ѳедоръ!» Въ ту пору невдомекъ намъ было, каковъ таковъ Ѳедоръ (а вѣдь точно нашъ Сычовскій оказался), а признаться, жалковато будто становилось; потому сами-то мы натѣшились, зло сорвали, а ужъ въ деревнѣ, мы это вѣрно знали, имъ, ребятамъ, своей препорціи не миновать... И сказалъ было я: «а что, ребята, не отвесть-ли въ самомъ дѣлѣ въ волость задами!»—Да дерни дурака Ѳедьку сказать эти слова, что, молъ, „вашъ я землякъ Сычовскій»...—«А, молъ, такой-сякой, такъ ты еще своимъ-то землякамъ вредъ, напримѣръ?..» И опять замутило на сердцѣ:

— «Веди, ребята, деревней!» гаркнули товарищи, и поволокли мы ихъ улицей...

«Солнышко еще и не думало показываться, чуть свѣтало, и народъ еще спалъ. Думали-думали—куда идти? пошли къ Ивану Васильеву... Первѣющій у насъ былъ голова! Староста былъ, копѣйки мірской не утаилъ, за мірское дѣло горой стоялъ, правду блюлъ пуще глазу, зеницы ока .. И откуда такой уродился человѣкъ, дивное дѣло! Съ годъ назадъ его лошадь зашибла, всей деревней хоронили—потому заслужилъ!.. Такихъ мы еще людей и не видывали потомъ... Первый нашъ судья, хранитель мірской, божій человѣкъ.. Заберетъ его за сердце какимъ дѣломъ—живъ не разстанется, послѣднюю овцу продастъ, а ужъ добьется своего. Вотъ къ этому-то человѣку и повели воровъ-то... Подвели къ дому, разсудили; вышелъ Иванъ Васильевъ: «что молъ такое?»—«Такъ и такъ, говоримъ, воры»... Поглядѣлъ онъ какъ-то на нихъ, поглядѣлъ съ-искосу, скрипнулъ зубами. «Караульте, говоритъ, а я народъ подыму!»... Больше ничего не сказалъ, только пошелъ отмѣривать вдоль порядку саженными ногами да по окнамъ бухать:—«вставай! воры! выходи»!... Всполошилась наша Сычовка. Поднялся народъ, въ чемъ былъ, валитъ со всѣхъ сторонъ—а у насъ полтораста дворовъ... Окружили насъ со всѣхъ сторонъ, даже самимъ не повернуться; и ругали, и плевали на воровъ—въ полную волю .. Но настоящаго чтобы - ничего никто не зналъ, какъ быть и что дѣлать. Только идетъ назадъ Иванъ Васильевъ, и лица на немъ человѣческаго нѣту. Рукава засучилъ, побѣлѣлъ ровно полотно. «Ребята, говоритъ, своимъ судомъ грабителей!» И что есть силы-мочи далъ... значитъ, по скулѣ одному и другому? «Бей!» гаркнулъ. Ну тутъ ужъ... Ужъ тутъ мы и свѣту не взвидѣли... Что было! Пресвятая Владычица! Матерь Божія! Били камнями, палками, вожжами, оглоблями, одинъ даже осью телѣжною...Всякій норовилъ дать ударъ, безъ всякаго милосердія, чѣмъ попало!.. Тутъ ужъ мы, караульщики,—кто куда!.. Тащитъ ихъ толпа своей силой, а упадутъ—поднимутъ, гонятъ впередъ, и все бьютъ, все бьютъ: одинъ сзади норовитъ, другой спереди, третій сбоку цѣлится, чѣмъ попало... Жестокая была битва, истинно кровопролитная!.. Побѣжалъ я за писаремъ (пришло мнѣ въ голову, что не надо-ли, молъ, чего-нибудь по закону сдѣлать); прибѣгъ съ писаремъ-то назадъ, вижу, столпился народъ около амбара посреди улицы, и слышу разговариваютъ: «глянь-ко, малый глаза-то выпучилъ!» Пробрался я сквозь народъ—

вижу—точно, сидитъ бѣдняга на земли: одинъ постарше-то, экакъ вотъ спиной къ амбару привалился, и глаза точно стали, недвижимо стоятъ, только грудь ходитъ, какъ жерновъ... А другой, Ѳедюшка-то, стонетъ, за сердце хватается... Писарь съ допросомъ къ старшему:—«Кто такой? Откуда?» Смотритъ тотъ, глаза выпучилъ, а говорить не говоритъ... Откуда ни возьмись Иванъ Васильевъ.—«Запираться, говоритъ, дьяволъ этакой?» Да въ волосы ему... Ужъ, Боже мой, какъ жестоко! И сказать нельзя. Упалъ тотъ ничкомъ и лежитъ, не дышетъ. «Померъ!» говорятъ—«Какъ-же! помираютъ такіе черти! какой-то старичокъ объявилъ.—Онъ, такой-сякой, слово знаетъ!» Да мертваго-то (точно вѣдь померъ старшій-то) по спинѣ-то, да почемъ попало... «Отходитъ! отходитъ! и другой-то отходитъ!» закричали... И точно... помутились глаза и у Ѳедюшки.. Забрало меня за ретивое: «Ѳедя! говорю, тебѣ-бы молочка испить?» .. Шевелитъ губами, а сказать не можетъ...—«Испей, Ѳедюнька, молочка-то... можетъ, отойдешь» .. И что-же онъ мнѣ отвѣтилъ на эти слова? —«М-медку-бы»... чуть слышно прошепталъ какъ-то, и духъ вонъ.

«И напалъ на всѣхъ насъ страхъ. Никто не думалъ, что убьетъ до смерти, всякій билъ *за себя*, за свое огорченіе, не считалъ, что и другіе бьютъ. А какъ увидѣли два покойника—оторопь и обуяла всѣхъ... Всѣ вразсыпную.—«Не я... не я... не я»... Каждому страшно сдѣлалось—«Ничего не будетъ!» сказалъ Иванъ Васильевъ и приказалъ яму рыть, травы и льду въ яму класть, а на ледъ покойниковъ положили и опять свѣжей травой завалили.

«Судъ былъ. И точно ничего не было. Всѣхъ оправдали.

«Съ тѣхъ поръ потише стало».

3.

«Всѣхъ оправдали?» сказалъ мнѣ разсказчикъ. Что же это за люди, что это вообще за существа, которыхъ можно истязать, убивать, и за все это получать только одобреніе?—«Такъ! такъ и надо!» говоритъ совершенно по совѣсти всякій обыватель. «Нѣтъ, не виновны»! говоритъ совершенно по совѣсти судъ присяжныхъ... Злодѣйство, безпощадность злодѣйства, выразителями котораго являются два убитыхъ человѣка, не подлежитъ сомнѣнію; но, по всеобщему «совѣстливому» мнѣнію, никакихъ иныхъ средствъ для острастки злодѣевъ, кромѣ истязанія, нѣтъ. Спрашивается: изъ какихъ-такихъ источниковъ выходятъ люди, способные заниматься такими злодѣйскими дѣлами; откуда родятся эти разорители, эти грабители крестьянскаго хозяйства? Вѣдь не валятся-же они съ неба, вѣдь не родятся-же они исключительно съ злодѣйскими помыслами? Вѣдь хотя убійство двухъ злодѣевъ и санкціонировано совѣстью господъ убійцъ и господъ судей, но вѣдь и господа конокрады также могли бы представить кое-какія соображенія въ объясненіе своей злодѣйской совѣсти, и вѣроятно представили бы, если-бы ихъ заблаговременно не ухлопали.

Размышляя такимъ образомъ, я невольно пришелъ къ вопросу: откуда берется и какъ дѣлается такой удивительный, ожесточенный, безстыдный сортъ людей, которыхъ можно раздавить, какъ клоповъ, и чувствовать себя при этомъ совершенно невиновнымъ?

При первомъ же свиданіи съ разсказчикомъ исторіи убіенія, я спросилъ его:

— А кто такой этотъ Ѳедюшка?

— Который-съ?

— А вотъ котораго убили-то, конокрадъ?

— О-о, этотъ? Этотъ нашъ, Сычовскій, нашъ, нашъ... Этотъ-то нашъ. А вотъ другой-то, такъ и не вызнали чей... Больше ничего, знаемъ—черномазый... Ну, а Ѳедюшка—точно нашъ!

— Кто-жъ онъ такой? Есть у него отецъ, мать?

— А вотъ какъ надобно на это вамъ отвѣтить. Есть слѣдовательно Ѳедюшка сирота... Принесла его одна стало-быть дѣвица... И выйди потомъ эта самая дѣвица замужъ. Попался человѣкъ, не посмотрѣлъ на грѣхъ, согласенъ былъ взять и съ ребенкомъ; ну только узналъ объ этомъ старикъ-родитель, отъ ребенка отказался.—«Отдай, говоритъ, ребенка въ люди, тогда приму въ домъ, не отдашь—не надо мнѣ тебя». Ну, сами знаете, дѣло родительское, сурьезное... Хорошо, какъ переговоришь родителя—твое счастье; ну, а какъ попадется родитель-то изъ крѣпкихъ: тутъ ужъ изъ его слова не выбьешься... Вы не знаете ли, тутъ у насъ на деревнѣ мужикъ, Емельяномъ звать?

— Нѣтъ, не знаю..

— Такъ вотъ что я объ немъ скажу: мужикъ этотъ человѣкъ работящій, одно слово—человѣкъ правильный, ну, только что больно тихъ, значитъ, попорченъ... И что-жъ съ нимъ отецъ родной дѣлаетъ? посылаетъ его милостыню собирать по праздникамъ... Этого-то человѣка! Да онъ и безъ чужого хлѣба, своего бы добывалъ въ полныхъ размѣрахъ, ежели бы былъ посурьезнѣе, а то ну-ко—съ сумкой по деревнѣ шатается... Смотрѣть-то, я вамъ доложу, стыдъ чистый... А почему? Главная причина—нельзя родительскаго благословенія забывать; надобно родителей почитать...Положимъ, такъ сказать, каковъ родитель. Иного родителя, надо прямо говорить, и слушать бы не зачѣмъ; вотъ хоть бы Емелькина отца, судите сами: разлѣнился старикашка, ни на что не похоже.. Вдовый онъ, и одинъ у него сынъ Емелька. Покуда сынъ-то подросталъ, ничьего былъ человѣкъ, бился по-христіански, одинъ самъ собою все хозяйство правилъ, а какъ выросъ Емелька, какъ женилъ его—легъ на печь, «не мое, молъ, дѣло», и зачалъ канальскій старикъ сластить...

— То-есть какъ-же такъ?

— Слѣдовательно, то есть вотъ какимъ манеромъ. Примѣрно надо бы ему на работу идти, въ поле, а онъ, старый хрычъ, съ удочками на рѣчку, да цѣлый день и сидитъ на рѣчкѣ... Наловитъ рыбы—этого у него, у стараго хрыча, и званія нѣтъ, чтобы продать или что нибудь для дому—куда! все самъ съѣстъ! Вотъ это самое и есть, что я вамъ сказалъ:—себѣ сластитъ... Ну, а гдѣ ужъ одному женатому съ семьей справиться... Чѣмъ бы съ печки-то слѣзть да помочь сыну, а онъ ему—«иди! говоритъ, по міру, собирай»!... Ну, и идетъ... потому родительское слово свято... Не послухай

его, «прокляну», скажетъ; ну, а вѣдь это, ужъ сами судите, довольно будетъ вредно нашему брату... Такъ-то вотъ.

— Это я къ тому говорю, продолжалъ разсказчикъ,—что вотъ и Ѳедюшкинъ-то вотчимъ изъ послушныхъ былъ .. Противъ родителя не осмѣливался... Да и мать-то Ѳедюшкина тоже... то есть, куда-жъ, позвольте спросить, дѣться ей съ этакой, напримѣръ, прикупкой? Хорошо еще самое-то берутъ, не бросаютъ, и то еще надо дорожить, что нашелся добрый человѣкъ... Вотъ мать-то и отдала Ѳедюшку къ теткѣ; была у ней старушка-тетка... бездѣтная... Отдать-то отдала, да не далъ ей Господь вѣку—черезъ два года и померла. Остался Ѳедюшка сиротой. Покуда жива была тетка, ну кое-какъ, да кое-какъ перебивался, росъ... а эдакъ съ седьмого или восьмого года и побираться сталъ... Ну ужъ тутъ, конечно, житье не легкое; дадутъ шапку—въ шапкѣ пойдешь, не дадутъ—гуляй безъ шапки... Хорошо, коли ночевать пустятъ—ну, ночуешь, а какъ не случится гдѣ приткнуться—и такъ гдѣ-нибудь, на вольномъ воздухѣ ночь скоротаешь... Ну, однако-жъ надо сказать прямо, у насъ этого нѣтъ, чтобы прочь гнать, и пожалуй что безъ ночлегу Ѳедюшкѣ жить не приходилось. Вотъ черезъ это самое, какъ я полагаю, онъ избаловался: сегодня здѣсь ночуетъ, завтра тамъ, поутру проснулся, ушелъ, никто не смотритъ, не видитъ, всякій идетъ по своему дѣлу... вотъ отъ этого-то самаго и повадился нашъ молодецъ побаловываться... Тамъ, изволите видѣть, чулки напримѣръ сухонькіе надѣнетъ, тамъ рукавички оставитъ, которыя похуже, а которыя потеплѣе—себѣ возьметъ. Такимъ манеромъ постепенно... Стали замѣчать. Допрашивать иной разъ принимались, да на бѣду мальченка-то былъ боекъ, востеръ—все ему спускали...

— Ты, молъ, Ѳедька, рукавицы мои обмѣнилъ?

— Я, говоритъ.

— Какъ-же такъ, шельмецкій ты сынъ? Это не порядокъ... За это, знаешь?

— А холодно, говоритъ, дяденька!..

Потреплешь его за вихорь, и будетъ: что съ него возьмешь?—сирота!

— Такимъ манеромъ и пріучился мальчонка побаловываться... Пробовалъ-было онъ въ подпаски наниматься, да не долго нажилъ... Не понравилось, видно, по ночамъ не спать, сбѣжалъ...

— На моей памяти и дѣло-то это было. Ѣхалъ я въ городъ за кладью – кладь мы возили къ одному барину въ имѣніе...—Ѣду такъ-то, гляжу—Ѳедоръ. Армячишко на немъ длинный-предлинный, босикомъ, шапка эва — какая, гора Голгоѳа настоящая, съ перьями, генеральская, и палка. Дуетъ парень по грязи, ноженками-то своими молотитъ во всю, то-есть, мочь.

— Куда, молъ?

— Въ городъ, говоритъ, подвези, молъ, меня, дяденька...

— Ай ты отъ пастуха-то сбегъ?

Посадилъ его.

— Сбегъ, говоритъ.

— Что такъ?

— Больно худая жизнь, говоритъ. Бьетъ пастухъ-то. Лютъ.

— Куда-жъ ты это, въ городъ бѣжишь?

— А въ сиротское, говоритъ, призрѣніе?

— Это чтожъ такое—сиротское призрѣніе? Что-то, говорю, будто не слыхалъ я этакого призрѣнія-то... Что-жъ оно такое?

— А это, говоритъ,—зданіе... большое-пребольшое, и все сироты въ немъ... двадцать тысячъ сиротъ, безродныхъ, безъ отца, безъ матери. Царь сдѣлалъ. И всѣхъ кормятъ на царскій счетъ, и у каждаго свой сундукъ, и одежда каждому идетъ отъ Царя. А по двадцатому году всѣхъ сиротъ женятъ, и идутъ они въ царскіе крестьяне... И земли даютъ тѣмъ крестьянамъ, и дома, и скотину; одно слово—живи не тужи.

— Это, говорю, хорошо, ежели правда.

— Это, говоритъ, вѣрно: мнѣ вѣрные люди сказывали...

— Ну, коли вѣрно, дай, молъ, Богъ тебѣ счастья...Только что, говорю, наврядъ, напримѣръ...

— Нѣтъ, говоритъ, это вѣрно...

— Можетъ, говорю, мѣстовъ нѣтъ?..

— Ну вотъ – нѣтъ! Это вотъ какой домино—съ версту. И началъ онъ мнѣ опять расписывать, расхваливать.

— Ладно, ладно, говорю, ступай съ Богомъ.

Привезъ я его въ городъ; мнѣ, стало быть, на станціи оставаться, а ему въ это самое зданіе бѣжать. Побегъ. Хватился я послѣ — одного мѣшка нѣту! «Ахъ, думаю, шельмецъ этакой, какъ ловко стянулъ, и не въ примѣту даже». Ну, думаю, Господь съ нимъ. .

Такъ онъ и пропалъ невѣсть куда. И забыли-было о немъ. Только черезъ полгода этакъ мѣста, приходитъ ко мнѣ нашъ писарь:

— Запрягай, говоритъ, Родіонъ, лошадь; въ волость требуютъ по дѣлу. – А въ то время, надо сказать, состоялъ я въ правленскихъ ямщикахъ.

— Какія, говорю, дѣла тамъ у васъ?

— Требуютъ, баетъ, личность удостовѣрять... Обозначилось, напримѣръ, лицо, и что оно есть за лицо такое—никому неизвѣстно.

— Ладно!

Поѣхали. Пріѣзжаемъ, глядь, на крыльцѣ Ѳедька трется.

— Ужъ не ты-ли, говорю, Ѳедоръ, личность-то самая есть?

— Я, говоритъ...

— Ахъ ты, говорю, шутъ гороховый.

И писарь-то тоже смѣялся: все былъ мальчонка, а тутъ эва чтó—личность!

— Ты, говорю, какъ-же это, личность ты этакая, мѣшокъ-то у меня укралъ?..

— Ѣсть, говоритъ, нечего было. Продалъ за пятнадцать копѣекъ.

— Ну, а зданіе-то, спрашиваю, розыскалъ-ли?

— Обманъ! говоритъ.

— Что ты?

— Право слово. Я, баетъ, въ острогъ попалъ: думалъ, пойду въ самый большой домъ, а это ост-

нія одного и того-же, отъ этого упорнаго, утомительнаго долбленія въ одну точку, чтобы, въ концѣ концовъ, то шуткой, то смѣшкомъ, то въ сурьезъ продолбить-таки толстый и крѣпкій слой общественной трусости, равнодушія и ничего не желающаго слышать и знать упорства!

Сычовскій обыватель не ограничился разсказанными примѣрами общественной дѣятельности Ивана Васильева, продолжая разсказывать мнѣ фактъ за фактомъ. Но, признаюсь, я слушалъ его не съ особеннымъ вниманіемъ: я вспомнилъ біографію Ѳедюшки. Ѳедюшка, шатающійся за подаяніемъ; Ѳедюшка, научающійся быть воромъ, надѣвая чужіе чулки; Ѳедюшка, шествующій разъискивать какое-то сиротское призрѣніе, вспомнился мнѣ въ ту самую минуту, когда разсказчикъ рисовалъ мнѣ картину не то чтобы дѣлежа, а прямо сказать—ощупыванія каждаго куста, каждаго сучка, и я невольно изумился передъ тѣмъ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго вниманія къ участи человѣка, которая выпала на долю Ѳедюшки. Почему на его долю не приходилось ни сучьевъ, ни полѣньевъ, ни геометрическихъ фигуръ? Почему, ощупывая каждое дерево, міряне не нащупали промежду себя брошеннаго на произволъ судьбы сироты? И почему наконецъ эти самые міряне оказываются невиновными, убивъ сироту, для котораго они не сдѣлали ровно ничего, кромѣ карьеры вора и острожнаго жителя?

И отчего, думалось мнѣ, столь внимательная къ «твоему» и «моему» деревенская мысль не удѣлила самой крошечной дозы этой внимательности на долю Ѳедюшки? Кому отъ этого былъ бы убытокъ?.. Отчего бы, напримѣръ, тому же самому Ивану Васильеву, или кому либо изъ деревенскихъ жителей не выйти на сходкѣ, по случаю отдачи права на кабакъ, и не заявить, примѣрно, такого прожекта:

— Вотъ, ребята, что я мекалъ, стало быть, насчетъ кабашныхъ денегъ ..Есть тутъ у насъ на деревнѣ мальчонка, сирота, ни отца нѣту, ни матери... Семъ бы мы на кабашныя тѣ деньги корову купили, у меня у самого коровенка продажная есть...

— Куда жъ ты съ коровой-то съ эстой воткнешься?

— Да мекалъ такъ: отдать бы ребенка и съ коровой—гдѣ побѣднѣе... Вотъ у насъ старуха съ дочерью безъ мужика бьются, вопъ опять дѣвица одинокая кое-какъ перебивается, тоже безъ всякихъ способовъ... Мало-ли... Дать бы имъ корову; онѣ и сами вокругъ мальчонки-то отдохнутъ. А деньги мірскія, все одно, пожалуй что изведутся зря. Велико-ли тутъ, изъ двухъ-то сотъ кабашныхъ, пятнадцать цѣлковыхъ отдать... По крайности, человѣкъ не пропадетъ; станетъ подрастать, можно опять же и учителю за него заплатить; выростетъ, обучится письму,—намъ будетъ благодаренъ, а пожалуй, ежели Господь ему дастъ понятія, и писаремъ намъ послужитъ... Такъ какъ же, православные?..

Я ничуть не сомнѣваюсь, что если бы было произнесено кѣмъ-либо что-нибудь подобное, то, по нѣкоторомъ размышленіи, навѣрное начались бы сначала одиночныя, а потомъ и гуртовыя заявленія сочувствія означенному проекту. Особливо было-бы хорошо, если-бы нашелся такой человѣкъ, который бы съ умѣлъ, на примѣрахъ прошлаго, показать міру предстоящую Ѳедюшкѣ карьеру; который бы убѣдилъ міръ въ томъ, что пятнадцать рублей, удѣленные въ пользу сироты, убытку мірянамъ не сдѣлаютъ, упомянулъ бы при этомъ, что, молъ, все равно, отдадите-же эти деньги напримѣръ какому-нибудь Ивану Ѳадееву, который нуждается въ деньгахъ, потому что завелъ очень большую коммерцію и обѣщаетъ платить міру за эти деньги хорошій ростъ, примѣрно по копѣйкѣ съ рубля въ мѣсяцъ, и ставитъ ведро вина... Хорошо было бы также пристыдить мірянъ и этимъ ведромъ, сказавъ такое нарѣчіе: «али мы, ребята, своего-то вина не видали? Покорыстоваемся этимъ поганымъ виномъ, а оставитъ безъ призора и помощи сироту!..“ Но лучше всего бы, если-бы, повторяю, кто-нибудь нашелся и начертилъ будущую жизнь сироты, если ему не будетъ оказано мірского вниманія. «Кто его возьметъ даромъ? У всякаго своей заботы много. А за деньги сыщется человѣкъ, возьметъ и выроститъ. Деньги у насъ есть—стало, надо дать; потому, ежели мы не дадимъ, измотается мальчонка, избродяжничается, а не вдолгѣ и въ острогъ угодитъ. А ужъ изъ острога—сами знаете, какой народъ выходитъ. На насъ же въ сердцахъ, что мы пятнадцать рублей на него пожалѣли, что мы душу его погубили, воромъ сдѣлали, пожалуй, еще какую нибудь вреду сдѣлаетъ, пѣтуха пуститъ, лошадей начнетъ воровать»...

Если-бы все это происходило, то нѣтъ сомнѣнія, что Ѳедюшка былъ-бы живъ, не былъ-бы воромъ, не имѣлъ-бы нужды существовать, разоряя своего-же брата крестьянина. Но такъ какъ въ дѣйствительности Ѳедюшка оказывается воромъ, разорителемъ, такъ какъ Ѳедюшка убитъ, а убійцы оказались невиновными, то волей неволей приходится заключить, что вышеописанной сцены почему-то произойти не могло. До такой степени не могло, что вся вышеприведенная сцена и теперь кажется читателю фальшивой.

Не правда-ли, какая кисло-сладкая сантиментальность? Такія сцены возможны были развѣ въ сантиментальныхъ романахъ карамзинскаго направленія; а теперь, если-бы я вывелъ въ какой-нибудь повѣсти такого крестьянина, который-бы *на сходкѣ* завелъ рѣчь о призрѣніи сироты, мнѣ-бы каждый сказалъ, что это фальшь, вздоръ, что этого не бываетъ. «Пейзана представилъ, а не крестьянина!»

И это вѣрно, потому что *этого* въ самомъ дѣлѣ не бываетъ.

А отчего-бы? Чего-бы стоило ему быть? Чего-бы стоило спасти человѣка?

Однако нѣтъ «Сантиментальность! Этого не бываетъ!—вранье!»

И точно, на моихъ глазахъ, мѣсяца за полтора до того времени, когда пишутся эти строки, происходила точь-въ-точь такая исторія. Отдавали кабакъ, и отдали за двѣсти рублей въ годъ и десять

ведеръ вина угощенія. Пьянство и оранье шло далеко заполночь, и, увы! никто не вышелъ, не произнесъ вышеозначенной рѣчи, хотя и Ѳедюшки, и сироты всѣхъ возможныхъ видовъ существуютъ въ селеніи, собирая кусочки, перебиваясь со дня на день. Да мало того что никто не вышелъ,—какъ, думаете вы, поступили міряне съ двумя стами рублей, которые имъ оказались ненужными, такъ какъ недоимокъ у нихъ нѣтъ?—Они рѣшили раздѣлить деньги по рукамъ, причемъ на душу досталось по два съ чѣмъ то рубля. Такое мудрое рѣшеніе я могу подтвердить копіей съ мірского приговора, изъ котораго кромѣ того узналъ, что крестьяне, взявъ съ цѣловальника такую высокую для него, хотя и не нужную для нихъ плату, уступили ему, вмѣстѣ съ правомъ на кабакъ, и мѣсто сельскаго писаря, т. е. предали себя за эти десять ведеръ вина и за два цѣлковыхъ, ощущаемыхъ въ рукѣ, на полное съѣденіе цѣловальника-писаря. Контрактъ этотъ они заключили на два года. Теперь, очевидно, всякое частное деревенское недоразумѣніе, доходящее до волостного суда, или по крайней мѣрѣ составляющее предметъ деревенскихъ толковъ, будетъ прекращаться виномъ, разрѣшаться пьянымъ сномъ подъ заборомъ, въ грязи...

Что-же это такое? Самоубійство-ли это или помѣшательство? Ни то, ни другое. Все дѣло въ томъ, что въ деревнѣ нѣтъ, и при настоящихъ условіяхъ нѣтъ возможности быть такому человѣку, который-бы внесъ въ общинную жизнь деревни новую мысль; который-бы новыми взглядами освѣтилъ (прежде деревня освѣщалась взглядомъ помѣщика) положеніе незнающаго, неумѣлаго и неразвитаго крестьянина. Не смѣшно, когда, изучая исторію умственной жизни высшихъ классовъ, указываютъ на личности, внесшія въ высшее общество *новые* взгляды: когда говорятъ, что тогда то въ общество «проникли» такія то идеи и преобразили его въ такомъ-то благотворномъ направленіи... Почему-же смѣшно и странно, и глупо желать того же для деревни? Почему же для деревни нужна только земля, частые или рѣдкіе передѣлы; почему нужно увеличеніе только надѣловъ, выгоновъ и вовсе не нужно идей, которыя-бы освѣжили этотъ ссыхающійся деревенскій умъ? Почему такъ много заботъ и вниманія сочувствующая народу пресса удѣляетъ недоимкѣ? Почему такія энергическія усилія энергическихъ умовъ направляются на изобрѣтеніе способовъ, которые бы уничтожили это народное бѣдствіе? Вообще, почему бѣдствіе—только налоги и недоимки?... И почему не бѣдствіе и не предметъ вниманія — то удивительное обстоятельство, что «не внемлющая и не дающая отвѣта» народная масса поминутно выдѣляетъ изъ себя такую массу хищниковъ, кулаковъ, міроѣдовъ, возводящихъ (какъ, напримѣръ, конокрады) разграбленіе своего брата-крестьянина до степени промышленности, торговаго предпріятія, вродѣ, напримѣръ, торговли шерстью, оптовой торговли льномъ, тогда какъ дѣйствительная торговля льномъ, шерстью, которую именно въ деревнѣ то и можно бы, и должно довести до степени доходной статьи, не находитъ почему-то въ крестьянской средѣ хорошаго организатора? Почему все это должно быть такъ, какъ есть, а не иначе?

VII.

Буранъ. — „Дѣльный" разговоръ. — Совращенный старикъ.—Адское душевное состояніе.—Три деревни.—Трудно изгладимые слѣды крѣпостного права.—Подробности питейныхъ порядковъ.

1.

...Никогда въ жизни, сколько могу припомнить, не испытывалъ я такого радостнаго состоянія духа и даже тѣла, какъ это случилось на-дняхъ, когда я, проплутавъ не менѣе шести часовъ подрядъ въ полѣ, въ страшный буранъ, изъѣздивъ Богъ знаетъ сколько верстъ по невѣдомымъ путямъ, по горамъ и холмамъ скрипучаго снѣга, угнетаемый въ теченіе всѣхъ этихъ шести часовъ мыслью о возможности смерти и самою безпомощною неизвѣстностью относительно того, гдѣ я? куда ѣду?—когда я наконецъ добрался до теплой, чистой пассажирской залы небольшой, одиноко стоящей въ степи станціи и прилегъ на мягкій и теплый диванъ.

Съ какой необычайной радостью завидѣлъ я, послѣ безконечныхъ блужданій, два-три фонаря, зажженные для встрѣчи ночного товарнаго поѣзда, и какимъ благоговѣніемъ проникся я къ начальнику станціи, къ акціонерному обществу, которое выстроило дорогу, наконецъ къ цивилизаціи, которая эту дорогу выдумала! Работа человѣческой мысли, въ теченіе тысячелѣтій упорно стремившаяся ко благу человѣчества и съумѣвшая, не щадя усилій, достигнуть того, что вотъ наконецъ на столбѣ въ степи горитъ фонарь,—показалась мнѣ въ эту минуту (особливо послѣ того, какъ я чуть-чуть не замерзъ) по-истинѣ великою.

Сколько-же тысячелѣтій, спрашивалъ я невольно самого себя, должно пройти до тѣхъ поръ, покуда мысль человѣческая, неустанно стремящаяся впередъ и впередъ, додумается до того, чтобъ зажигать въ буранъ фонарь на сельской колокольнѣ, которая въ степи видна на тридцать верстъ кругомъ? Необозримый мракъ грядущихъ временъ, представившійся мнѣ при рѣшеніи этого вопроса, вновь сосредоточилъ мое благоговѣніе на акціонерномъ обществѣ, которое съумѣло на дѣлѣ осуществить то, что на колокольнѣ будетъ осуществлено только чрезъ нѣсколько тысячелѣтій, что будетъ достигнуто, какъ учитъ предшествовавшая исторія цивилизаціи, только послѣ страшныхъ бѣдствій и будетъ стоить страшныхъ жертвъ. Всѣмъ директорамъ акціонернаго общества, которые, не дожидаясь этихъ жертвоприношеній, распорядились о томъ, чтобы по ночамъ, хотя и не для людей, а для товарныхъ поѣздовъ, зажигались огни, я отъ всего сердца желаю тройного оклада жалованья. Въ буранъ, въ степи, зажечь фонарь — за такое дѣло надо ставить монументы, съ чѣмъ, я думаю, согласится всякій, кто знаетъ, что такое буранъ, и вѣритъ, благодаря этому, въ возможность смерти въ двухъ шагахъ отъ собственнаго дома, даже на собственномъ своемъ дворѣ, и притомъ послѣ цѣлой ночи разъѣздовъ около того же собственнаго дома.

Сознаніе счастливо избѣгнутой опасности сдѣлало

то, что, добравшись до станціоннаго дивана и тепла, я нѣкоторое время не испытывалъ ничего другого, кромѣ самаго искренняго удовольствія, и почти было освободился отъ той гнетущей тоски, которая поѣдала меня уже долгіе дни и наконецъ привела къ рѣшенію уѣхать изъ деревни, если не навсегда, то на возможно продолжительное время. Въ послѣдній день эта жажда «не думать» о деревнѣ, освободиться хотя на время отъ этой «безплодной муки» достигла такой степени, что я вмѣсто трехъ часовъ ночи, какъ-бы слѣдовало, уѣхалъ на станцію въ одиннадцать часовъ вечера, рѣшаясь сидѣть болѣе шести часовъ безъ всякаго дѣла въ ожиданіи поѣзда. Не скука и однообразіе деревенскаго дня прогнали меня, а тоска, тоска, доходившая до физической боли, заставила меня выѣхать отсюда «куда нибудь». И вотъ, только-что тепло станціонной комнаты стало отогрѣвать мои иззябшія ноги и безпрестанно вздрагивавшее отъ ледяныхъ мурашекъ тѣло, какъ эта «деревенская мука» стала оттаивать во мнѣ, и благоговѣніе предъ тысячелѣтними усиліями человѣческой мысли и директорами акціонерной компаніи стало вновь замѣняться какими-то тяжелыми, темными, гнетущими впечатлѣніями, понемногу воскресавшими среди ненарушимой тишины безлюдной комнаты. Поднялись эти воспоминанія деревенскихъ впечатлѣній безпорядочной массой, которая, несмотря на отрывочность и безсвязность проносившихся передо мною образовъ, картинъ, сценъ, успѣвала однако въ короткій моментъ появленія оставить на душѣ непремѣнно что-нибудь холодное и тяжелое, и въ концѣ-концовъ съумѣла-таки возвратить меня въ то душевное состояніе, въ которомъ я выѣхалъ изъ деревни.

2.

Прежде всего особенно подробно припомнилась мнѣ, не знаю почему, одна, повидимому вовсе не относящаяся къ дѣлу, сцена.

Сегодня утромъ, окончательно порѣшивъ уѣхать, я въ ожиданіи минуты отъѣзда безцѣльно бродилъ по деревнѣ, заходилъ къ знакомымъ и наконецъ заглянулъ въ помѣщеніе мѣстнаго товарищества, въ «банку», какъ говорятъ крестьяне. Въ просторной комнатѣ товарищества, за столомъ, сидѣлъ письмоводитель, что-то писалъ и щелкалъ на счетахъ; въ сторонкѣ, около небольшого простого бѣлаго стола, на которомъ кипѣлъ самоваръ, сидѣли два посѣтителя и вели разговоръ.

Одинъ былъ знакомый мнѣ раскольникъ, промышляющій откармливаніемъ и продажею разной живности. Это былъ человѣкъ громаднаго роста, съ широчайшими плечами, съ таліей въ два обхвата, но съ совершенно дѣтскимъ выраженіемъ крошечныхъ глазъ. Крошечный лобъ, огромный сомовій ротъ и отвислыя толстыя щеки—вотъ возможно точный обликъ этой допотопной фигуры. Другой собесѣдникъ, по профессіи мелкій подрядчикъ, былъ человѣкъ совершенно другого вида: раскольникъ былъ одѣтъ по-русски, собесѣдникъ — по-нѣмецки; послѣдній былъ въ пальто съ бобровымъ воротникомъ, въ пестрыхъ панталонахъ, новыхъ сапогахъ и калошахъ, которыхъ онъ не снималъ. Волоса, обстриженные «полькой», были тщательно припомажены, тогда какъ у раскольника они частой и жесткой щетиной безпорядочно надвигались чуть не на самыя брови. Словомъ, въ этомъ второмъ собесѣдникѣ все было лоскъ, «благородство», тонкое обращеніе, хотя рыжая, какъ мѣдная проволока жесткая, подстриженная борода, волчьи бакенбарды и красныя вязанныя перчатки значительно разрушали этотъ видъ благородства, невольно почему-то напоминая толкучку.

— Я твою манеру знаю! сиплымъ, беззвучнымъ голосомъ говорилъ раскольникъ собесѣднику. — Суета!—больше ничего. Сегодня ты кирпичъ представляешь... такъ али нѣтъ?

— Ну, предположимъ, кирпичъ? мотнувъ ногой въ новой калошѣ, вопросительно произнесъ собесѣдникъ.

— А завтрашняго числа тебя на муку перешвырнетъ. Набросился ты на муку, хвать—крупа пошла ходуномъ: ты—на крупу!

— Само собой: не на муку же я буду обращать вниманіе... Въ этомъ случаѣ была-бы одна нелѣпость...

— Погоди!

Допотопныхъ размѣровъ человѣкъ поднялъ допотопныхъ размѣровъ палецъ:

— А завтрашняго числа, сказалъ онъ, грозя пальцемъ и какъ бы давая противнику время приготовиться для удара:—ты на курицу!

Противникъ только-было хотѣлъ что-то сказать, но допотопный человѣкъ перебилъ его, заговоривъ такъ, какъ говорятъ при желаніи рядомъ неопровержимыхъ фактовъ добить врага:

— Судакъ тебѣ попался малосольный—ты съ судакомъ связался... Утка-ли, цыпленокъ, заяцъ, или такъ что—баранина, козлятина, всякая, напримѣръ, падаль: — въ тебѣ и на это со-вѣ-сти нѣтъ, ты за все «обѣимъ рукамъ»!

— Хотя бы и такъ! Польза есть—больше ничего. Судакъ-ли, заяцъ ли: есть барышъ—давай сюда!

— Коли ты ежели съ судака на зайца... желая перебить рѣчь, наставительно началъ-было раскольникъ, но подрядчикъ оживленно перебилъ его:

— Ты суди дѣло по человѣчеству, а не по судаку! Ты возьми въ разсчетъ: я женился на вдовѣ; у ней сынъ мальчикъ, отецъ у него офицеръ былъ... Судакъ! Я по совѣсти долженъ его вывести въ люди, воспитать, научить, чтобы онъ соотвѣтствовалъ званію, а не мужицкому положенію.. Ты разсуди это! Въ такомъ случаѣ судакъ-ли, заяцъ-ли, хоть дятелъ—мнѣ все одно! Я долженъ за все взяться! По крайности, Господь дастъ, изъ мужицкой компаніи выдерemся... А то судакъ!

Великанъ, поминутно порывавшійся возражать и очевидно не слыхавшій и не понимавшій ничего изъ рѣчи своего собесѣдника, едва только подрядчикъ произнесъ послѣднее слово, немедленно заговорилъ:

— Я тебѣ говорю не про вдову; мнѣ твоя вдова—Господь съ ней, у меня самого есть ихъ, вдовъ-то, не одна въ знакомствѣ; а говорю я тебѣ: это не дѣло, ежели ты живешь разбросомъ... Вѣдь ты долженъ вертѣться, какъ бѣсъ передъ заутреней,

потому твой товаръ неосновательный...Хорошо—ты выѣхалъ на базаръ раньше другихъ, предположимъ хоть съ курицей, съ гусемъ: да и тутъ ты изловчайся: ты привезъ пять возовъ, разсовалъ ихъ на пяти постоялыхъ дворахъ, чтобъ глаза отвесть, и вывозишь по возику—послѣдній молъ...Да хорошо Богъ дастъ погоду, морозъ... Ну, а ежели да тепло, куда годится твоя курица, либо гусь? У тебя вѣдь ихъ ни одинъ нищій не возьметъ, потому они на морозѣ только и форсятъ... на теплѣ они, видишь вонъ, тряпка валяется—вотъ! Это не дѣло! А вотъ что я тебѣ хотѣлъ сказать, такъ это ты долженъ вникать... Я твоей вдовы не знаю; Богъ съ ней. Я тебѣ говорю (раскольникъ опять поднялъ указательный палецъ и, медленно разсѣкая имъ воздухъ, сталъ говорить какимъ-то, торжественнымъ тономъ): изъ древнихъ временъ, съ самыхъ неприступныхъ вѣковъ отъ нашихъ прародителей, искони-бѣ, въ нашемъ роду идетъ одно: свинина, утятина, гусятина. Больше ничего! Ни зайцы, ни судаки, ни всякая прочая провизія—это для насъ ничего не составляетъ! Отъ родителей къ дѣтямъ, какъ было, такъ и будетъ у насъ все одно. Заяцъ—мнѣ его не надо! Тетеревъ—проходи своей дорогой! Лисица, или тамъ крупа, или мука что-ли—Господь съ вами, оставьте меня въ покоѣ! Но коль скоро касаемое, напримѣръ, свинины или гуся, или утки—давай! Чего другого мнѣ не надо; но коль скоро гусь—это мое дѣло, Свинья!—это ужъ позвольте, съ моимъ удовольствіемъ. Утка—очень пріятно. Потому у насъ—все одно, изъ самыхъ безконечныхъ предѣловъ до сегодня; и какъ родители наши, древнѣйшіе патріархи, такъ и дѣды и мы, и дѣти наши будемъ стоять на одномъ! Это, по моему, называется дѣло дѣлать... За то ужъ вашему брату, въ морозъ-ли, въ оттепель-ли за нами не угнаться—нѣтъ! Я кормлю свинью-ли, гуся-ли, утку-ли, я не жалѣю: я знаю. Я знаю, чтó въ каждой птицѣ чего стоитъ; съ-издали вижу, на много-ли въ ней потроховъ, пера. Ты мнѣ дай взглянуть на свинью—я тебѣ скажу, сколько въ ней вѣсу и чтò и чего: что сала, что мяса, во сколько станутъ потроха... Я только взгляну—у меня цѣна готова! Такъ моему товару, хоть-бы васъ цѣлое ополченіе собралось,—ни во вѣки вѣковъ препятствія нѣтъ; мой товаръ въѣзжаетъ на базаръ безпрекословно! Морозъ, не морозъ, или громъ, буря, буранъ,—товаръ мой идетъ. Хоть-бы публика до моего въѣзда у вашего брата нахватала: это для меня наплевать, потому товаръ виденъ, его не взять нельзя. Только слѣпой не возьметъ. зрячій не можетъ себя воздержать... Я вотъ про что говорю. А ты толкуешь: «вдова»!

Подрядчикъ помоталъ новымъ сапогомъ въ новой калошѣ и, вздохнувъ, произнесъ:

— Очень можетъ быть.

— Вдова! У меня у самого есть вдова; да шутъ съ ней... А ты гляди, вотъ что я тебѣ разъясню, что такое утка...

Раскольникъ взялъ счеты, и, какъ истинный знатокъ дѣла, началъ разъяснять подрядчику, который слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ, что именно заключаетъ въ себѣ, для всѣхъ кажется вполнѣ ясно представляемая, утка.

— Вотъ что такое утка, началъ онъ и, откидывая на счетахъ по одной косточкѣ, произносилъ съ разстановкою:—первое—потроха, второе—головка и лапки, третье—перо, четвертое—пухъ, пятое—утка! Слѣдовательно четыре предмета, окромѣ самой утки!.. Видишь?.. Теперь (пять костей на счетахъ были сброшены и счеты приведены въ порядокъ, очевидно для новыхъ вычисленій), теперь обсудимъ каждый предметъ въ полномъ видѣ. Предположимъ на первый взглядъ хоть лапки.

И затѣмъ началось самое точное опредѣленіе цѣнъ на лапки, потроха и т. д. Утка была раздѣлена и оцѣнена по частямъ и вмѣстѣ. Былъ брошенъ взглядъ на всевозможныя случайности, могущія вдругъ поднять потроха и уронить перо. или поднять цѣну на пухъ и уронить цѣну на самую утку. Словомъ—утиный вопросъ былъ обслѣдованъ со всѣхъ сторонъ и, надо отдать справедливость изслѣдователю, обслѣдованъ превосходно. Тутъ-же, какъ-бы мимоходомъ, изслѣдовавъ утку, раскольникъ, желавшій показать подрядчику, что всякое дѣло требуетъ обстоятельнаго знанія, остановилъ его вниманіе на пшеничномъ зернѣ.

— Кажется, сказалъ онъ,—что такое пшеничное зерно? Купилъ мѣшокъ пшеницы, свезъ на базаръ, получилъ рубль – и все!....

Однако оказалось, что пшеничное зерно въ рукахъ знающаго человѣка даетъ цѣлыхъ восемь отдѣльныхъ торговыхъ «*предметовъ*», именно пять сортовъ муки—въ разныя цѣны и разнаго вкуса и цвѣта, два сорта отрубей и одинъ сортъ крупы манной. Это все изъ одного зерна.

Подрядчикъ заслушался своего лектора. Да и было чтó послушать, чему поучиться. Я съ величайшимъ вниманіемъ приготовился было слушать изслѣдованіе о свиньѣ, къ которому лекторъ готовился приступить, такъ какъ не было никакого сомнѣнія, что свинья разработана имъ въ совершенствѣ, но вниманіе мое было отвлечено новымъ лицомъ.

3.

По улицѣ медленно ѣхалъ на тощей, маленькой, какъ двухъ-годовалый жеребенокъ, лошадкѣ, въ маленькихъ, старенькихъ, почернѣвшихъ отъ времени саночкахъ, крошечный, несомнѣнно старый-престарый человѣкъ. Ѣхали они до того медленно, что казались словно спящими. Старикъ точно заснулъ, да и лошадка точно во снѣ переступала своими тоненькими, безсильными ногами съ маленькими копытцами; словно не живое было все это, а какая-то тѣнь – такъ все и въ лошади, и въ мужикѣ, и въ экипажѣ было легко, безсильно, еле-живо. Сколько времени понадобилось старичку на то. чтобы подъѣхать къ банковому крыльцу и, постоявъ здѣсь у дерева въ какомъ-то заколдованномъ снѣ минуты двѣ, не двигаясь, не шевеля ни однимъ членомъ, наконецъ собраться съ силами и начать вылѣзать изъ санишекъ; сколько затѣмъ потребовалось времени, чтобы подняться по ступенямъ крыльца, и потомъ, долго-долго подождавши

въ сѣняхъ, появиться наконецъ въ самомъ банкѣ,— этого я опредѣлять не стану. Только все это потребовало необычайно много времени. Раскольникъ и подрядчикъ, изслѣдовавъ свиной студень, уже завели рѣчь не то о третьемъ, не то о четвертомъ предметѣ свиного дѣла, а старичокъ еще только добрался до второй ступени крыльца.

Наконецъ онъ появился въ банкѣ, отыскалъ «бога», помолился, разглядѣлъ поочередно всѣхъ присутствующихъ, самымъ внимательнымъ образомъ всматриваясь въ лицо каждаго и очевидно отыскивая человѣка, съ которымъ бы надо было поговорить. Общими усиліями старичка и всѣхъ находившихся, наконецъ-таки былъ розысканъ самъ помогавшій розыскамъ письмоводитель—и старичокъ жалобнымъ слабенькимъ голосомъ наконецъ заговорилъ:

— Благородный господинъ!... А что я хотѣлъ тебя просить, помоги ты мнѣ, сиротѣ...

— Развѣ сирота, дѣдушка? спросилъ раскольникъ.

— Самая одинокая сирота! Нѣтъ у меня ни жены, ни дѣтей, ни снохи; есть внукъ, осьмой годъ, живетъ у матерней сестры; больше никѣмъ никого нѣту. Одинъ я, братцы мои, одинъ.

Тяжко сказалось это слово. Въ старикѣ было жизни, какъ говорится, на волосокъ, но для этого слова «одинъ» онъ какъ будто-бы собралъ всѣ свои силы и такъ произнесъ его, что холодъ одиночества, испытываемаго старымъ человѣкомъ при концѣ жизни, былъ понятъ и прочувствованъ всѣми окружающими

— Одинокъ я, господа вы мои пріятные, какъ перстъ, т. е. какъ былинка въ полѣ, такъ и я .. И все по Господнему попущенію. Былъ я смолоду и лютъ, и крутъ, и непокладистъ—одно сказать, желѣзный былъ у меня духъ, непреклонный. Много былъ сѣченъ на барщинѣ за непокорство. Наказанія принялъ довольное число. Довела меня эта самая лютость до того, что вотъ не съ кѣмъ мнѣ на старости и слова молвить... Въ семьѣ былъ я человѣкъ жосткій, отецъ сердитый, твердый, женѣ мужъ грозный... Сынъ у меня былъ одинъ, женилъ я его силой; пожилъ онъ съ женой три года, на четвертый годъ убилъ ее, самъ въ Сибирь пошелъ; мать слезами изрыдалась, умерла черезъ полгода; остался я одинъ, въ единъ часъ—я да внукъ трехъ годовъ!.. Разразилъ меня небесный Господь сразу, какъ молніей ударилъ!.. Отдалъ я внука сноховой роднѣ, помогаю, а самъ, господа милостивые, весь слезами истаянъ... Прошло четыре года, а во мнѣ капельки дыханія не осталось. Вѣдь подумай —о-оди-инъ!

И опять это слово было сказано съ необыкновеннымъ выраженіемъ. Едва старикъ произнесъ его, какъ у него градомъ посыпались слезы.

Да и у постороннихъ зрителей слезы навернулись на глазахъ. Когда старикъ успокоился, письмоводитель сказалъ ему:

— Ну, такъ что же ты хочешь?

— А хочу я капиталы мои поберечь у васъ... внуку...

— Много-ли капиталовъ то?

— Капиталовъ у меня сорокъ два рубли бумажками... Вотъ онѣ самыя деньги при мнѣ... Такъ какъ ты мнѣ присовѣтуешь?..

Старичку было растолковано, какимъ образомъ можетъ онъ сберечь свои капиталы. Ему сказали, что онъ можетъ помѣстить ихъ вкладомъ и получать такой-то процентъ, или же можетъ поступить въ члены, если его приметъ товарищество, и тогда навѣрное будетъ получать барышу больше.

— Росту мнѣ не надо! сердито сказалъ старикъ.—Ни-ни-ни! Этого—сохрани Богъ! Отсохни моя рука. Что положу, то и отдайте кому назначу, а этого грѣха не возьму!..

— Куда-жъ ихъ дѣвать то?

— Не знаю я: это не мое дѣло. Не надо мнѣ!

— Какъ не знаешь? сказалъ раскольникъ шутя.—Да ты мнѣ отдай! вотъ дѣло-то мы и пошабашимъ

— Бери, сдѣлай твою милость!

— Ну вотъ, и прекрасное дѣло!

— Чего лучше! прибавилъ со своей стороны и подрядчикъ, немного развеселившись наивностью старичка.

— Самое любезное дѣло! продолжалъ раскольникъ.—Много-ль, говоришь, капиталу-то?

— Капиталу моего ровно сорокъ два рубли бумажками.

— Сорокъ два—ладно! Вотъ я кажинный годъ и буду за твоё здоровье изъ банку потаскивать и пять, и шесть, и поболѣ... Какъ годъ прошелъ, ужъ я и знаю—набѣжало мнѣ барышу шесть рубликовъ, пойтить старичка помянуть... Такъ?

— И сдѣлай твое такое одолженіе! опять сказалъ старикъ, искренно отрекаясь отъ грѣшныхъ барышей.

— Ахъ ты чудакъ, чудакъ! перемѣнивъ тонъ, заговорилъ раскольникъ.—Жилъ ты вѣкъ, наконецъ того нажилъ, чтобы деньги бросать зря! Ну, не чудакъ ты послѣ этихъ твоихъ словъ? Ну, можно ли, посуди ты самъ, бросать зря деньги? Много-ль твоему внуку годовъ-то?

— Седьмой годъ!

— До возрасту осталось ему десять лѣтъ; слѣдовательно ты бросаешь зря мало-мало пятьдесятъ цѣлковыхъ. Да что это ты дѣлаешь-то?

— Дай ты мнѣ съ чистою совѣстью умереть! съ нѣкоторой жестокостью въ голосѣ произнесъ старикъ.—Не хочу я этихъ нечистыхъ денегъ, хоть бы тамъ ихъ тысячи выросли. Не возьму! Не знаю я, откуда онѣ идутъ, и не надо мнѣ ихъ... Мое кровное отдаю: тутъ ужъ каждая копѣйка изъ самыхъ моихъ кровей! Пойми это!

— Стало быть не возьмешь?

— Не возьму!

— Н-ну твое дѣло! Ну, только помни, старичокъ, внукъ твой теперь маленькій, а выростетъ большой, придется ему жить, о-о-охъ, въ как-кое время!

— Господь батюшка не оставитъ!

— Ну-ну какъ знаешь! Помни, въ книгахъ сказано «и будутъ гонимыя времена». Вотъ ты объ этомъ подумай. А гонимыя времена—это самое и будетъ...

— Господь не велитъ брать чужого — я и не возьму!

- Помни! Не тебѣ достанется, внуку! Ты обдумай... Идутъ гонимыя времена, вѣрно тебѣ говорю!

Никакіе однако доводы въ пользу полученія дивиденда не убѣдили старика. Онъ пожелалъ написать завѣщаніе, которымъ капиталы свои, сорокъ два рубля бумажками, завѣщалъ внуку, по достиженіи имъ «солдатскаго своего возраста»; а если внукъ умретъ ранѣе, то деньги должны поступить въ церковь того села, гдѣ старикъ жилъ всю жизнь, и въ концѣ прибавилъ:

— А росту мнѣ не желательно?...Сколько кладу, столько и отдайте.

— Куда же дѣвать-то его?

— А куда хотите!

Начался тотъ-же самый разговоръ, и точно также, несмотря на всѣ доводы, старикъ остался при своемъ мнѣніи.

— Не надо мнѣ этого, не мое! Богъ съ ними со всѣми, дѣвайте, куда знаете.

Завѣщаніе было записано въ книгу, причемъ проценты опредѣлено было отчислять въ мѣстную школу на покупку бумаги, чернилъ, грифелей и книгъ для бѣдныхъ учениковъ.

Подъ завѣщаніемъ этимъ подписались всѣ присутствующіе. Послали за казначеемъ, чтобы онъ принялъ деньги. Старичокъ замолкъ совершенно, точно заснулъ, усѣвшись въ уголокъ на деревянномъ диванѣ.

— Ну, прощай, старичокъ, сказалъ ему раскольникъ на прощанье:—дай Богъ тебѣ сто лѣтъ прожить, а ужъ прямо тебѣ скажу — чудакъ! Именно чудакъ!

— И, батюшка! засмѣявшись, прошепталъ старичокъ: — мнѣ и то любо, что хотя тебя-то посмѣшилъ.

— Ужъ впрямь насмѣшилъ. Ну, прощай, ростп внука-то.

— Спасибо, родной! Захочетъ Господь—выроститъ, а не захочетъ—Его святая воля во всемъ...

— Это ужъ само собой.

Раскольникъ и подрядчикъ ушли. Старичокъ молчалъ; я читалъ старую газету; письмоводитель щелкалъ на счетахъ. Приходили и уходили заемщики, являвшіеся за отсрочкой своихъ долговъ и для взноса процентовъ. Старичокъ съ большимъ «сурьезомъ» и видимымъ любопытствомъ вглядывался въ каждаго изъ нихъ и, явно ничего не понимая, слушалъ ихъ разсчеты съ «банкой». Такъ прошло съ полчаса. Казначея все не было. Старичокъ, кряхтя, поднялся съ дивана и, такъ же медленно, какъ пришелъ, поплелся на улицу посмотрѣть лошадь.

Добравшись до саней, онъ сѣлъ на край и задумался. Кисти рукъ свѣсилъ между колѣнъ, а голову опустилъ точно сонный, и сидѣлъ онъ въ такомъ положеніи еще не менѣе получаса. Наконецъ явился казначей, а вслѣдъ за нимъ приплелся и старичокъ.

Не похожъ былъ онъ на того, который приходилъ раньше: не кротость, не безсиліе видѣлись въ немъ, въ его лицѣ; напротивъ, онъ былъ оживленъ, держался крѣпче, какъ будто воскресъ изъ мертвыхъ, но приэтомъ нельзя было не видѣть, что сила, оживившая его,—страхъ. Страхъ, близкій къ ужасу, былъ напечатлѣнъ на его лицѣ; онъ держался прямѣе, какъ будто крѣпче стоялъ на ногахъ; но руки и голова, и все лицо видимо вздрагивали поминутно отъ сильнаго внутренняго волненія. Торопливо, насколько возможно было для него это сдѣлать, подошелъ онъ къ банковой загородкѣ и проговорилъ беззвучнымъ голосомъ:

— Соглашаюсь! Пущай мой внукъ получаетъ и съ ростомъ. Принимаю грѣхъ на себя. Потому... Господь видитъ, времена подходятъ точно... гонимыя... лютыя... Пиши отказъ!...

Завѣщаніе пришлось передѣлывать съизнова.

Не могу выразить, какъ глубоко, искренно видѣлось въ старичкѣ сознаніе тяжести принимаемаго имъ на душу грѣха и съ какой рѣшимостью онъ бралъ этотъ грѣхъ на свою душу!

Его ужасъ предъ грядущими временами, во имя которыхъ онъ дѣлалъ грѣхъ, невольно сообщился и мнѣ, и я вновь былъ поглощенъ знакомой мнѣ, но неразгаданной загадкой: почему именно деревенскіе грядущіе годы несутъ въ себѣ необходимость примиренія съ тѣмъ, что даже сейчасъ еще считается грѣхомъ?

4.

Вотъ именно эта сценка почти сразу возстановила во мнѣ то адское душевное состояніе, которое выгнало меня изъ деревни и на нѣкоторое время было заглушено счастливымъ спасеніемъ отъ явной гибели.

«Адское душевное состояніе» это долженъ пережить всякій, кто только, повинуясь даже инстинктивному влеченію къ деревнѣ, только чувствуя, что между нимъ и ею существуетъ какая-то трудно опредѣлимая, но несомнѣнно кровная связь,— попробуетъ... ну, просто хоть только *«пожить въ деревнѣ»*. О томъ, что долженъ испытывать человѣкъ, для котораго связь эта вполнѣ выяснена, опредѣлена, человѣкъ, который сказалъ себѣ: «поѣду въ деревню и буду дѣлать то-то и то-то», я даже и представить здѣсь не въ состояніи. Лично себя я не могу причислить ни къ первой категоріи людей, ни ко второй. Хотя я и зналъ, почему мнѣ слѣдуетъ ѣхать и жить въ деревнѣ, но что я обязанъ въ ней дѣлать—этого я еще не зналъ. Тѣмъ не менѣе «адское душевное состояніе» я пережилъ, т. е. кажется пережилъ, и кажется знаю, изъ чего оно слагается.

Слагается оно, во-первыхъ, изъ такого рода ежедневно предъявляемыхъ деревнею фактовъ, въ которыхъ, по вашему мнѣнію (мнѣнію человѣка, выросшаго въ другой средѣ), непостижимымъ для васъ образомъ оказываются нарушенными самыя непоколебимыя, самыя истинныя истины. Что можетъ быть неизбѣжнѣй тѣхъ цифирныхъ истинъ, какимъ учитъ васъ таблица умноженія? Два, умноженное на два, развѣ можетъ дать въ результатѣ что-нибудь кромѣ четырехъ? Ежедневный деревенскій опытъ доказываетъ вамъ, что не только можетъ, но постоянно, аккуратно изо-дня въ день даетъ—

не четыре, даже не стеариновую свѣчку, а Богъ знаетъ что, даетъ нѣчто такое, чего нѣтъ возможности ни понять, ни объяснить, къ объясненію чего нѣтъ ни дороги, ни пути, ни самомалѣйшей нити.

Ниже читатель на примѣрахъ увидитъ эти изумительные результаты деревенской таблицы умноженія, теперь-же я только прошу его представить себѣ положеніе человѣка, который по сту разъ въ день принимается умножать 2 на 2, по сту разъ въ день надѣется, что вотъ-вотъ получится четыре, и по сту разъ въ день видитъ во-очію, что получается нѣчто совершенно неожиданное и невозможное. Представивъ себѣ все это, онъ только до нѣкоторой степени пойметъ, что за безнадежно-отупляющее состояніе долженъ переживать всякій, кто смотритъ на деревню такъ, «какъ должно», по его мнѣнію, смотрѣть на нее.

Второй элементъ, входящій въ составъ адскаго душевнаго состоянія, заключается въ томъ, что, не имѣя рѣшительно никакой возможности отказаться отъ убѣжденія, что два, умноженное на два, должно давать въ результатѣ четыре, и видя, что бываютъ однакожъ невѣроятные случаи, когда получаются въ результатѣ стеариновыя свѣчи и сапоги въ смятку, вы начинаете ставить между правильнымъ и неправильнымъ выводомъ вашей и деревенской таблицы умноженія—себя, свою личность. И тутъ происходитъ до крайности странное явленіе: всякій разъ, когда, вмѣсто ожидаемаго вами вывода, получаются въ результатѣ сапоги въ смятку, невѣдомо почему вы чувствуете, что именно вы-то и виноваты въ этомъ поразительномъ результатѣ. Кажется, что вѣдь не я, а деревня производитъ, помимо всякаго моего участія и желанія, эти сапоги въ смятку, а тайный голосъ шепчетъ: «на-ка вотъ! хорошо-ли тебѣ это покажется?»...

Непрерывный, хотя сначала и не довольно ясный укоръ начинаетъ сказываться опредѣленнѣе съ каждымъ новымъ опытомъ вашимъ надъ деревенской таблицей умноженія. Это мучительное дѣло идетъ такимъ образомъ. Вы умножаете два на два, получаете стеариновую свѣчку—и просто недоумѣваете. Послѣ ста разъ подобнаго опыта, вы сердитесь, бѣснуетесь. Но ужъ одно то, что вы начали бѣсноваться, таитъ въ себѣ новый недугъ, какъ-бы смутное ощущеніе вашей собственной вины. Послѣ двухсотъ, трехсотъ опытовъ вы, ощущая съ каждымъ разомъ укоры совѣсти все явственнѣе и явственнѣе, ни съ того-ни съ другого начинаете думать ужъ о себѣ, о своемъ прошломъ. И всякій фактъ деревенской жизни, вамъ, вашей личной жизни, вашимъ личнымъ интересамъ повидимому совершенно посторонній, вдругъ съ удивительной ясностью начинаетъ освѣщать вашу собственную жизнь. А разъ съ вами началось это странное явленіе, продолжается оно (и должно именно такъ продолжаться) такимъ образомъ: нелѣпый фактъ деревни освѣщаетъ въ васъ самихъ еще болѣе нелѣпую черту, нелѣпую мысль, нелѣпый поступокъ. И такое, прямо сказать, безобразіе начинаетъ терзать ваши нервы съ каждымъ днемъ безпощаднѣе. Линіи, по которымъ идутъ въ вашемъ мучительномъ сознаніи нелѣпыя впечатлѣнія деревни и впечатлѣнія отъ собственной вашей личности, идутъ рядомъ. Вы невольно соединяете въ себѣ эти два потока мучающихъ васъ впечатлѣній, но не знаете еще, какъ облегчить себѣ путь перехода отъ однихъ къ другимъ, какъ ихъ связать, и тутъ наконецъ наступаетъ такая минута .. такая минута!

Ѣхать «куда-нибудь» въ такія минуты—большое спасеніе. Какой-нибудь легонькій степной буранчикъ, во время котораго въ районѣ волости заблудится человѣкъ съ двѣсти и человѣкъ съ пятокъ отдастъ Богу душу, или волкъ, вышедшій изъ лѣсочку и посмотрѣвшій на мужицкую лошаденку да и на васъ съ самымъ нескрываемымъ аппетитомъ,—все это возвращаетъ къ жизни, напоминаетъ, что надо по добру-по здорову удирать и отъ волчьяго аппетита, и отъ бурана. Такое временное удаленіе отъ «мѣста» вашихъ собственныхъ волненій даетъ вамъ возможность спокойнѣе обсудить ваше трудное положеніе. Именно благодаря этимъ непродолжительнымъ отлучкамъ куда-нибудь, въ «чужое» мѣсто (напр. въ городъ), является возможность придти къ положительнымъ выводамъ, которые, оказывается, находились у васъ и въ деревнѣ, что называется, «подъ носомъ»; но въ деревнѣ вы не могли думать о томъ, чтобы придти къ какимъ-нибудь выводамъ, потому что были поглощены исключительно воспріятіемъ своихъ и чужихъ «сапоговъ въ смятку»...

Выводы эти, какъ я ужъ сказалъ, оказываются совершенно азбучными. Именно: деревня дѣйствительно не знаетъ вашей таблицы умноженія и умножаетъ по своему потому-то и потому-то, вслѣдствіе чего и получаются сапоги въ смятку. Ваша обязанность—по крайней мѣрѣ такъ говоритъ вамъ ваша совѣсть – требуетъ, чтобы вы сдѣлали извѣстною здѣсь въ деревнѣ не фантастическую, а *настоящую* таблицу умноженія. Сдѣлать это необходимо, не сдѣлать—безстыдно. Разобравшись въ путаницѣ своихъ и чужихъ «сапоговъ въ смятку», остается только рѣшить вопросъ, какъ это сдѣлать? Задавая себѣ этотъ вопросъ, вы чувствуете, что безплодныя мученія и ужасы миновали, и возвращаетесь въ деревню въ состояніи человѣка, который былъ боленъ чуть не при смерти, но поправился, очувствовался. И вслѣдъ за тѣмъ начинается второй періодъ, также неизбѣжный для человѣка, такъ или иначе приткнувшагося къ интересамъ деревни, періодъ работы надъ практическимъ рѣшеніемъ вопроса—какъ? Слабый, но искренній человѣкъ на первыхъ-же порахъ не можетъ рѣшить этого вопроса иначе, какъ въ смыслѣ собственнаго своего безсилія, неумѣлости, испорченности и необходимости влачить жизнь въ той средѣ, которая сдѣлала его неспособнымъ. Тотъ же, кто почувствуетъ себя неспособнымъ уйти, тотъ, кто, хотя-бы и колеблясь на первыхъ порахъ, будетъ въ рѣшеніи труднаго вопроса присматриваться къ тому, какъ рѣшаетъ его дѣйствительное положеніе современной деревни и его собственная совѣсть—тотъ будетъ крѣпнуть, закаляться, душевно рости, свѣтлѣть, такъ какъ рѣшеніе вопроса,

даваемое деревней, въ высшей степени многосложно.

5.

Припомнивъ слышанныя мною въ банкѣ слова старика насчетъ предбудущихъ временъ и невольно соглашаясь съ нимъ, что нарождающемуся деревенскому поколѣнію пожалуй и дѣйствительно не придется жертвовать «причитающимся дивидендомъ», я не могъ вновь въ сотый разъ не остановиться на вопросахъ: да почему-же это должно случиться? Какіе для этого есть резоны, и вообще почему деревенскія дѣла принимаютъ такое теченіе, что впереди всякому, мало-мальски всматривающемуся въ нихъ, рисуется нѣчто суровое, трудное, даже жестокое? И какъ только эти вопросы пришли мнѣ въ голову, такъ и поднялись всевозможные отрывочные воспоминанія и факты, которые заставили меня не то чтобы вновь пережить, а вновь пересмотрѣть тѣ явленія деревенской жизни, которыя привели къ выводамъ предыдущей главы.

Мнѣ пришлось болѣе или менѣе близко видѣть (не скажу—знать) дѣла и порядки трехъ деревень, лежащихъ почти рядомъ, въ мѣстности, которая считается житницею Русской Земли. Эти три деревни, почти уже сливающіяся другъ съ другомъ—такъ близко подходятъ крайніе дворы одной къ крайнимъ дворамъ сосѣдней деревни—въ земельныхъ отношеніяхъ, въ размѣрахъ расходовъ, мірскихъ и казенныхъ, разнятся другъ отъ друга самымъ существеннымъ образомъ. Да и народъ въ одной не таковъ, какъ въ другой, а въ другой не таковъ, какъ въ третьей: въ одной народъ—розиня, въ другой—первый работникъ, въ третьей—и розиня, и лѣнивый, да еще и плутоватый. Такую разницу объясняютъ весьма существенныя причины. Такъ напримѣръ, село Солдатское, самое большое изъ всѣхъ трехъ деревень, образовалось изъ поселенныхъ въ этой мѣстности солдатъ какого-то изъ гвардейскихъ полковъ.

При императрицѣ Екатеринѣ II (такъ здѣсь разсказываютъ старожилы) одинъ изъ солдатъ этого какого-то гвардейскаго полка, находясь на караулѣ во дворцѣ, услыхалъ или какимъ-то образомъ узналъ, что существуетъ заговоръ, донесъ объ этомъ, и въ награду за такой поступокъ вся рота или полкъ были пожалованы землями и угодьями въ наилучшей мѣстности Россіи. Земли и угодій было такъ много и они приносили жителямъ села Солдатскаго такъ много доходу, что жили они—«лучше не надо»—катались какъ сыръ въ маслѣ... Деревенское преданіе, касаясь этихъ блаженныхъ временъ, рисуетъ ихъ, къ сожалѣнію, только въ видѣ пьянства: «иной, разсказываютъ, ужъ совсѣмъ готовъ, лежитъ на землѣ, подняться не можетъ... ну, такимъ, братецъ ты мой, прямо въ ротъ лили».

Разсказываютъ еще объ одной «питеркѣ», женщинѣ, которая пришла изъ Питера вмѣстѣ съ переселенными солдатами, разсказываютъ для того, чтобы показать, какой это былъ народъ холеный, бѣлоручка. Пошла-было однажды эта «питерка» въ поле отъ скуки. «Дай, говоритъ, пойду попробую отъ нечего дѣлать, какъ это деревенскія бабы жнутъ»... Взяла серпъ и пошла. Вотъ простой деревенскій мужикъ и видитъ: пришла питерка на берегъ озера; на берегу пшеница растетъ, а у берега въ водѣ—камышъ. Пришла она и стала: поглядитъ на пшеницу, потомъ на камышъ поглядитъ, думала-думала, и стала камышъ серпомъ жать...—«Ты что это, говоритъ ей «простой» мужикъ:—дѣлаешь тутъ?»—«Жну!»—«Что жнешь то?»—«Надо быть хлѣбъ!..» Засмѣялся мужикъ, говоритъ:—«Эхъ ты, дура петербургская, хлѣбъ-то вонъ онъ, а это камышъ!» Удивилась питерка и говоритъ:—«А я, говоритъ, думала—это хлѣбъ; больно онъ на видъ красивъ!» Такъ разсказываютъ про питерскихъ пришельцевъ «простые» деревенскіе мужики, рисуя ихъ полную неумѣлость въ хозяйствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывая, что и при такой-то неумѣлости люди села Солдатскаго могли жить припѣваючи.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ, село, надѣленное вначалѣ всевозможными льготами, понемногу теряло ихъ: такъ, часть земли, очень значительную, они сами продали, а деньги пропили; да и казна поурѣзала ихъ; но все-таки угодьевъ осталось такое количество, что село Солдатское рѣшительно богаче остальныхъ двухъ деревень и можетъ продолжать пьянство предковъ безъ посрамленія. У него три мельницы, дающія до двухъ тысячъ рублей въ годъ чистаго дохода; рыбныя ловли, дающія пятьсотъ рублей дохода, и два кабака, приносящіе міру полторы тысячи рублей чистыми деньгами.

Сосѣдняя съ нимъ деревня также значительно отличается отъ обыкновенной, перенесшей барщину и несущей на своихъ плечахъ новые порядки деревни. Какъ могло случиться, что крестьяне этой деревни, считаясь постоянно въ удѣльномъ вѣдомствѣ, попали таки лѣтъ съ шестьдесятъ-семьдесятъ тому назадъ въ крѣпостную зависимость, я не знаю; знаю только, что и въ крѣпостной зависимости они все-таки избѣгли всѣхъ суровостей барщины. Старики—люди, которымъ лѣтъ подъ шестьдесятъ,—разсказываютъ про свою послѣднюю госпожу, какъ про женщину крайне добрую: конечно сѣкала и она—безъ этого ужъ никакъ невозможно; *но*, бывало, разсказываютъ, смотритъ она, матушка, какъ сѣкутъ, а сама плачетъ; какъ чуть мало-мало—сейчасъ: «дурнота со мной! перестаньте, будетъ!» Да и такія жертвы барыня приносила не изъ-за того, чтобы выбить изъ человѣка какія-нибудь матеріальныя выгоды, а по справедливости, сущей правдѣ, какъ утверждаютъ старожилы, сѣкла для собственной ихъ, старожиловъ, пользы. Почтенные историки деревни утверждаютъ даже, что мѣропріятія происходили почти только великимъ постомъ, на первой недѣлѣ, послѣ масляницы: на масляницѣ въ деревнѣ, въ старыя времена, катались съ горы; катались на длинныхъ обмороженныхъ колодахъ; садилось мужчинъ и бабъ на каждую колоду человѣкъ по шести. На это катанье любила смотрѣть барыня. Для нея выносили кресло и становили его на такое мѣсто, съ котораго ей было все видно. Сидитъ барыня въ креслѣ и примѣчаетъ, какой мужикъ съ какой бабой ѣдетъ; ежели мужикъ противу себя посадилъ свою жену—хорошо. Ежели же

чужую жену или, чего Боже сохрани, дѣвицу—это барынѣ непріятно. Однакожъ всю масляницу, аккуратно каждый день являясь въ креслѣ смотрѣть на катанье, она все примѣчала да примѣчала, а въ чистый понедѣльникъ приказывала позвать мужиковъ, виновныхъ въ безнравственности. Бабъ за безнравственность также она сѣкла, но у себя на дому, и притомъ бабъ сѣкли бабы, а не мужики: «ну, а ужъ сами знаете, какое можетъ быть бабье сѣченье!..» Отъ этого разладинскія бабы и не знаютъ страху.

Былъ однакоже въ исторіи разладинскаго крѣпостного періода одинъ эпизодъ, который грозилъ закрѣпостить и этихъ баловней судьбы въ самомъ дѣлѣ, по настоящему. Одинъ сосѣдній помѣщикъ, прельстившись состояніемъ Разладинской помѣщицы, задумалъ на ней жениться. Помѣщица была старая дѣвица и боялась замужества, ввѣривъ охрану своихъ дней надежному человѣку изъ дворовыхъ. Говорятъ, это былъ верзила вершковъ пятнадцати, силачъ и скроменъ, какъ красная дѣвица. Помѣщикъ, сдѣлавшій дѣвицѣ-помѣщицѣ предложеніе, получилъ отказъ. Но такъ какъ человѣкъ этотъ былъ истинный сынъ своего времени, то и не задумался надъ средствомъ къ достиженію цѣли инымъ путемъ и очень обыкновеннымъ по тогдашнему. Онъ пригласилъ барышню покататься, по дорогѣ завернулъ «вмѣстѣ съ нею въ церковь отслужить молебенъ своему ангелу», и здѣсь, неожиданно для барышни, вмѣсто молебна началось вѣнчаніе съ помѣщикомъ: все было заранѣе подлажено, закуплено, и т. д. На крикъ барыни явился тотъ же ея хранитель дворовой, не попавшій въ церковь, и, разломавъ церковныя, уже запертыя двери, выручилъ свою госпожу. Послѣ смерти она отказала ему Дыбки, а разладинскимъ мужикамъ даромъ отдала всю землю, такъ какъ умерла бездѣтною и безъ наслѣдниковъ. Благодаря этому подарку, налоги, платимые разладинскими мужиками, никогда въ общей сложности не превышали двухъ рублей. Даже и теперь они платятъ всего-на-все только рубль девять гривенъ.

Третья деревня, раздѣленная отъ Разладина только помѣщичьей усадьбой, обыкновенная русская, бывшая крѣпостная деревня. У нея мало земли, она платитъ большіе налоги—больше Разладина и Солдатскаго—и не имѣетъ почти никакихъ посторонних доходовъ, кромѣ двухсотъ рублей съ кабака, и работаетъ въ потѣ лица. Она знала крѣпостные порядки доподлинно; знала барщину, барина, дворню, претерпѣла всѣ крѣпостныя тяготы и теперь несетъ на плечахъ своихъ новые порядки. Больше о ней покуда сказать нечего.

Надѣюсь, что читатель изъ вышеприведеннаго очерка видитъ, какая существенная разница въ матеріальномъ обезпеченіи отличаетъ всѣ три деревни одну отъ другой. На основаніи этой разницы, зная не деревенскую, а обыкновенную таблицу умноженія, можно вывести такія заключенія: с. Солдатское, пользующееся угодьями и достаткомъ, живетъ лучше Разладина, у котораго нѣтъ угодьевъ, доходныхъ статей. Но Разладино, не платящее почти никакихъ податей, все-таки *должно* пользоваться бо́льшимъ достаткомъ, жить вольнѣй, вольготнѣй, чѣмъ третья деревня, которая и платитъ много, и земли имѣетъ мало, да и земля отрѣзана далеко отъ деревни. Послѣдняя деревня несомнѣнно должна жить хуже другихъ, потому что лежитъ она на неудобномъ мѣстѣ, воды у нея мало, крошечный ручеекъ въ аршинъ ширины, и никакихъ доходныхъ статей нѣтъ. Такъ гласитъ обыкновенная таблица умноженія. Деревенская-же гласитъ вотъ какъ:

Хуже и глупѣй изъ всѣхъ трехъ деревень живетъ самая богатая, именно с. Солдатское. Несмотря на то, что доходомъ съ оброчныхъ статей, съ мельницы, съ рыбной ловли и т. д., которые *въ буквальномъ смыслѣ съ значительнымъ излишкомъ покрываютъ рѣшительно всѣ мірскіе, волостные, земскіе, казенные и всякіе иные платежи*, такъ что должны ежегодно оставаться лишнія на общественныя нужды деньги, и ужъ ни въ какомъ случаѣ ни одному изъ жителей нѣтъ надобности вынимать деньги на уплату повинностей изъ своего кармана—несмотря на все это, жители с. Солдатскаго умѣютъ устроить такъ, что каждый годъ имъ недостаетъ денегъ, и, потративъ всѣ мірскіе доходы, они всегда ухитряются дѣлать налоги рубля по три съ души, несмотря на то, что мірскіе доходы постоянно увеличиваются. Теперь я прошу читателя, знающаго обыкновенную таблицу умноженія, представить себѣ всю непостижимость результата, который является при примѣненіи ея къ распорядкамъ, господствующимъ въ с. Солдатскомъ. Я беру окладной листъ, считаю количество душъ (конечно платежныхъ, а не человѣчьихъ), считаю количество требуемыхъ казной, земствомъ, волостью и самимъ селомъ платежей, прибавляю даже цѣлыя двѣ сотни рублей на непредвидѣнные расходы, хорошенько не имѣя даже возможности опредѣлить ихъ, потому что что́-же когда-нибудь затѣвала какая-либо деревня сама для себя. Всѣ ея доходы идутъ только на то, что извѣстно подъ словомъ «*подати*». Больныхъ своихъ на общественный счетъ она въ больницу не возитъ; сиротъ, нищихъ на общественныя суммы не питаетъ; вотъ развѣ одно: село Солдатское очень часто ссылаетъ по мірскимъ приговорамъ своихъ односельцевъ въ Сибирь. Вотъ на такіе то расходы и на другіе, ни иной, ни селомъ совершенно непредвидимые, я и кладу двѣ сотни. Получается у меня сумма, причемъ оказывается, что сумма эта съ значительнымъ избыткомъ покрывается суммою получаемыхъ селомъ доходовъ, которые я также прошу читателя класть на счеты по порядку, за то-то столько-то и т. д.

У меня получается остатокъ, а на дѣлѣ у деревни недостаетъ цѣлой тысячи рублей!.. Впослѣдствіи я узнаю причину; но теперь, на первыхъ порахъ, я въ недоумѣніи. Какимъ образомъ выходитъ эта «недостача»?

Затѣмъ отчего с. Солдатское до сихъ поръ, съ самаго основанія, не подумало завести хоть какую-нибудь школу, хотя въ виду воинской повинности, а въ Сибирь ссылать своихъ сыновей выучилось? Отчего народъ с. Солдатскаго неряшливъ, распу-

щенъ, наглъ, жаденъ и глупо-форсистъ? Отчего именно въ селѣ, гдѣ есть всѣ условія для мірского довольства и для извѣстной порядочности ежедневнаго обихода,—такое неряшливое разгильдяйство, общественная безсвязица и безтолковщина: куча нищихъ, есть воры, куча мірскихъ грабителей?

Не менѣе страннымъ покажется вамъ и положеніе сосѣдняго разладинскаго мужика. Земля у него есть, и родитъ она хорошо, налога онъ почти не платитъ, а посмотрите на разладинскаго мужика: изба гнилая, солома гнилая, самъ мужикъ вялъ, тупъ и понятіемъ не твердъ—все поддакиваетъ, а оказывается, и не понимаетъ, о чемъ рѣчь, постоянно жалуется на бабъ—бабы, вишь, ему досаждаютъ; жену бьетъ, а самъ трусъ первой руки; «пужливъ» передъ бариномъ, передъ подрядчикомъ, вообще передъ человѣкомъ; затѣетъ какое-нибудь дѣло, не умѣетъ себя держать совершенно. Баринъ, какъ существо высшее, подавляетъ его однимъ своимъ видомъ. Разладинецъ, разговаривая съ бариномъ, теряется, бормочетъ ни вѣсть что, ухмыляется во весь ротъ, даже фигурой показываетъ, «что мы вашей милости» что угодно, а дѣла сдѣлать ни съ бариномъ, ни съ подрядчикомъ не умѣетъ. Наймется отвезти, положимъ, ночью на станцію, самъ ходитъ, проситъ—«нужда»; а глядишь—и не пріѣдетъ: лѣнь встать отъ бабы, на печи тепло, а на дворѣ холодно; потомъ на бабу сердится. Никакой «ряды» правильно съ нимъ дѣлать нельзя или очень трудно; ничему онъ не знаетъ настоящей цѣны, а по нуждѣ соглашается на всякую цѣну, «сбиваетъ цѣну дуромъ», потому что чувствуетъ, что работа его будетъ плоха, чувствуетъ, что мало-мальски изъ порядочной деревни мужикъ всегда перебьетъ у него и сдѣлаетъ лучше. А взявшись за дѣло, только клянчитъ, удивляется, какъ это все трудно, и безпрестанно ропщетъ на цѣну. Словомъ, разладинскій мужикъ—мужикъ «брюзга».

— У васъ кто теперича служитъ-то? спрашиваетъ мужикъ третьей деревни (будемъ называть Барской).

— Такой-то.

— Разладинскій?

— Разладинскій.

Барскій мужикъ подумалъ и говоритъ:

— Ничего человѣкъ-то... а только что «набрюзжитъ» онъ вамъ!

И дѣйствительно «набрюзжалъ». Ничего худого не сдѣлалъ, а именно только набрюзжалъ; больше и лучше этого нельзя о немъ ничего сказать.

Такъ разладинцы «брюзжатъ» во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Бабы, которыхъ разладинскіе мужики бранятъ, немного лучше, потому что большею частью берутся изъ чужихъ, работящихъ деревень; но и тѣ скоро раскисаютъ съ этими брюзжащими мужиками. Брюзжатъ они безъ толку и въ мірскихъ дѣлахъ: начнутъ сдавать кабакъ—сдадутъ одному, а завтра другому, и съ обоихъ возьмутъ мѣдный грошъ, а потомъ опомнятся и сообразятъ, что лучше взять съ одного да побольше. Былъ у нихъ подъ горой отличный и единственный родникъ, изъ котораго вся деревня изъ-покон вѣка пользовалась водой; родникъ былъ у рѣчки, выше уровня ея на аршинъ. Ни съ того, ни съ сего міряне взяли и отдали на рѣчкѣ мѣсто подъ мельницу, отдали такъ— зря, за десять цѣлковыхъ въ годъ. Мельникъ сдѣлалъ плотину, перегородилъ рѣчку—и она залила грязной дрянной водой отличный родникъ, оставивъ всю деревню безъ воды.—«И какой дуракъ это выдумалъ?» сердятся они другъ на друга, старые на молодыхъ, молодые на старыхъ, и пьютъ гнилую воду

Вообще разладинцы, стоя въ промежуткѣ между мужиками с. Солдатскаго и д. Барской, какъ будто находятся подъ вліяніемъ и тѣхъ, и другихъ. Не платя податей, они чувствуютъ себя какъ бы въ нѣкоторомъ родствѣ съ привилегированными обывателями с. Солдатскаго и перенимаютъ у нихъ разные вздоры. Солдатскіе пьянствуютъ на сходкахъ то и дѣло: то у нихъ мельницу снимаютъ, то они луга сдаютъ, то «отвальныя», то «привальныя». И эти тоже пялятся въ пьяницы, хотятъ быть пьяны отъ мірскихъ доходовъ. Взяли вотъ отдали мельницу—и пили два дня; кабакъ отдали двумъ:—съ одного пили и съ другого, и распились бы Богъ знаетъ какъ, еслибы оба кабатчика не отказали имъ въ винѣ

Ничего хорошаго впрочемъ и въ этомъ дѣлѣ разладинцы не изобрѣли. Недавно ихъ навострили солдатскіе на такую штуку: солдатскіе взяли у разладинскихъ какіе-то кустики, всего цѣлковыхъ на двадцать, а разладинскіе взяли у солдатскихъ кусокъ выгона. Солдатскіе, какъ люди, знающіе до тонкости питейное дѣло, выдумали пить такъ: сегодня ставятъ вино они за кустики, а завтра разладинцы за выгонъ. Пропили съ обѣихъ сторонъ рублей по двадцати. Староста было поудержалъ ихъ, сказавъ: «міряне честные, вѣдь вонъ за новымъ кабашникомъ еще два ведра не допито—берите съ него, чѣмъ покупать-то!..»

Міряне отвѣчали:

— То два ведра особенныя, кабашныя, мы съ кабака ихъ и выпьемъ; а это дѣло тоже особенное—особенно и пить будемъ. Ты не разговаривай, а собирай, почемъ съ души придется!

Въ другой разъ староста тоже повоздержалъ ихъ:

— Міряне честные! сказалъ онъ,—пейте вы кабашное вино вмѣсто пастушьяго (пастуха нанимали)!

Но міряне сказали:

— Ты зубы не заговаривай! Кабашное вино мы съ кабака сопьемъ, а пастушье вино пить надо особливо. Ты вотъ разочти, почемъ съ души приходится, ежели, примѣромъ сказать, на четыре ведра? А кабацкія два ведра мы въ сухое время допьемъ, когда ни мельничныхъ, ни пастушьихъ пóевъ не будетъ.

Ужъ нечего сказать, куда охотники выпить; но даже и этого дѣла сдѣлать какъ слѣдуетъ, съ соображеніемъ, также не умѣютъ.

Съ другой стороны, не имѣя даровыхъ доходовъ, разладинцы должны работать, нести на плечахъ трудную обузу земледѣльческаго труда. Въ этомъ отношеніи жители д. Барской также подавляютъ

ихъ. Барскіе—мастера работать, привычны къ работѣ, у нихъ работа «горитъ огнемъ». Разладинцы завидуютъ имъ, но угнаться не могутъ. Они норовятъ съобезьянить съ барскаго мужика, гоняютъ своихъ женъ на работу, говоря:

— Ишь вонъ барскія бабы-то какъ работаютъ! она кажная съ мужемъ по эвтихъ поръ въ грязи пачкается на работѣ, не то что ты, идолъ эдакой преображенный!

И вотъ, по примѣру барскаго мужика, пачкается и онъ съ своей бабой, и дѣйствительно въ самой что ни на есть грязи пачкается, а настоящей работы нѣту. И хозяйскій снарядъ, и самъ онъ—все это плоховато: сбруя рвется, запряжка кой-какая, руки неразвязны, силишки мало, лѣнь.

— Какая у насъ работа! Развѣ это возможно сказать, настоящая, напримѣръ, работа? въ припадкѣ самоуничиженія говоритъ разладинецъ.. — Кабы мы барскіе были... ну, такъ: тамъ работа! А то что это? У насъ ѣдутъ на работу эво когда—солнце-то эво ужъ гдѣ!.. А барскій небось темно еще—а ужъ онъ въ полѣ. И дни у насъ все зря... Да и бабы ихнія..

И тутъ разладинецъ начинаетъ бранить сначала вообще разладинскихъ бабъ, потомъ свою жену въ частности и наконецъ всѣхъ своихъ сельчанъ, разбираетъ каждаго порознь, и каждый порознь оказывается, по его разговору,—и дуракъ, и подлецъ, и воръ, и человѣкъ, котораго хуже нѣтъ. Такъ они всѣ разбираютъ другъ друга, а на видъ они всѣ люди мягкіе, льстивые, съ масляными глазами; придешь - не знаютъ гдѣ посадить, а за глаза—первые ругатели и сплетники.

Какъ ни покажется страннымъ, а лучше всѣхъ живетъ и умнѣй всѣхъ крестьянинъ дер. Барской. Онъ есть истинный современный крестьянинъ, несущій всю массу крестьянской тяготы безъ всякаго послабленія изъ-поконъ вѣку. Онъ платитъ большія подати и бьется круглый годъ исключительно надъ земледѣльческой работой, и покрываетъ подати; да мало того: живетъ несравненно аккуратнѣй, чище и разладинскихъ, и солдатскихъ. Въ Барскомъ не рѣдкость встрѣтить умницу, человѣка твердаго, желѣзнаго характера, изучившаго до тонкости свои отношенія къ людямъ, съ которыми ему приходится дѣлать дѣло. А дѣлаетъ онъ и берется дѣлать дѣла только такія, какія доподлинно знаетъ. Предлагали имъ возить навозъ въ селитряные бурты и деньги давали хорошія—не поѣхали и угощеніемъ не соблазнились, отказались, «потому дѣло это не наше!» До послѣдняго времени они не заводили кабака: находились между ними люди, которые умѣли оберегать міръ отъ этой бѣды. Раздѣловъ семейныхъ у нихъ мало, такъ какъ въ этомъ—безсилье, а имъ нужна сила для работы; работа у нихъ на первомъ планѣ и дѣйствительно кипитъ въ рукахъ. Работаютъ всѣ отлично. Мальчикъ плачетъ:—«тятька, *жалѣючи его, на работу не взялъ*».

Словомъ—крестьянинъ, болѣе другихъ претерпѣвшій на своемъ вѣку, слѣдовательно, какъ намъ думается, болѣе угнетенный (онъ пережилъ крѣпостное право), надѣленный плохой землей, обремененный налогами, вопреки всѣмъ смысламъ, вопреки всѣмъ таблицамъ умноженія всѣхъ частей свѣта, оказывается порядочнѣе, положительно умнѣе, даровитѣе, зажиточнѣе и честнѣе того крестьянина, который, имѣя доходы, покрывающіе всѣ посторонніе платежи, или платя сущую бездѣлицу и слѣдовательно имѣя всѣ условія для того, чтобы собственная его домашняя, личная жизнь была лучше, достаточнѣй, вольнѣй, чтобы забота его о мірскомъ дѣлѣ была шире, - оказывается, что такой крестьянинъ ничего не выдумалъ, кромѣ кабака, живетъ бѣдно, пьяно, фальшиво, къ ближнему равнодушенъ, равнодушенъ къ міру, къ себѣ, къ семьѣ!.. Мало того: вы видите, что отлично обставленная въ матеріальномъ отношеніи деревня какъ-бы лишена даровитыхъ людей. Есть міроѣды и міроопивалы, а умнаго, характернаго мужика нѣтъ; взамѣнъ того имѣется обиліе фальшивыхъ мужиченковъ, которые за рубль продадутъ отца родного, наобѣщаютъ съ три короба, а ничего не сдѣлаютъ, не дорого возьмутъ соврать и надуть.

Что же означаетъ эта непонятная тайна непонятной деревенской таблицы умноженія?

6.

Послѣ долгаго и мучительнаго опыта, мысль ваша какъ будто начинаетъ докапываться до нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ основаній этой удивительной тайны. Главную нить къ познанію, какъ мнѣ кажется, существа деревенскаго житья-бытья даетъ вамъ одно повидимому весьма незначительное обстоятельство. Разговаривая до сего времени, вы очень часто слышите въ разговорѣ слово «барщина», но не придаете этому никакого значенія, какъ дѣлу прошлому. Мало-по-малу однако оказывается, что хотя все, что заключается въ многозначительномъ словѣ «барщина», и дѣйствительно дѣло прошлое, но что и теперь слѣды этого прошлаго далеко не изглажены. Впослѣдствіи вы убѣждаетесь въ значеніи барщины для пониманія современной деревни, и притомъ въ такой степени, что уже не довольствуетесь простымъ признаніемъ за ней извѣстныхъ результатовъ, но невольно должны признать, что въ современной деревнѣ нѣтъ такого явленія, нѣтъ въ характерѣ деревенскихъ людей ни одной существенной черты, нѣтъ даже ни одного обычая, которые-бы вполнѣ не объяснились барщиной, а главное *только* барщиной *).

Въ самомъ дѣлѣ, что такое была эта крѣпостная барщина? Въ общихъ чертахъ—это была никогда, никѣмъ и никому необъяснимая работа цѣлой деревни на одинъ господскій домъ. Безъ отговорокъ, безъ возраженій деревня должна была работать изо дня въ день, изъ года въ годъ. Баринъ, которому принадлежала деревня, могъ мѣняться, быть то злымъ, то добрымъ, но для деревни всѣ эти перемѣны ничего не значили: работы одинаково

*) Въ настоящемъ очеркѣ мы не касаемся тѣхъ хорошо живущихъ деревень, которыя держатся не традиціями барщины, а религіозной дисциплиной, т. е. деревень сектантскихъ.

требовали все—и консерваторы, и либералы, и даже радикалы, словомъ—всевозможные сорта людей, поселявшихся въ господскомъ домѣ. Кто-бы тамъ ни жилъ, отъ деревни требовалось одно—«работа», заполнявшая большую часть дня, года, всей жизни,—работа *не на себя*. Этотъ коренной принципъ барщины укрѣплялся въ народѣ всевозможными способами, и въ концѣ концовъ все это вмѣстѣ взятое выработало совершенно опредѣленный идеалъ для существа, носящаго названіе *мужика*. Идеалъ требовалъ, во-1-хъ, безпрекословнаго исполненія чужихъ требованій; во-2-хъ, требовалъ, чтобы у исполнителя было глубоко вкоренено убѣжденіе въ томъ, что все остальное, все его житьишко со всѣми животишками составляютъ дѣла, не стоящія вниманія.

Такъ какъ такой идеалъ тяготѣлъ надъ всѣмъ почти русскимъ крестьянскимъ людомъ, тяготѣлъ неумолимо сотни лѣтъ, то сообразно съ нимъ и выработался типъ крестьянина, населяющаго громадное большинство русскихъ деревень. Такой, оставленный намъ барщиной въ наслѣдство, крестьянинъ – во-первыхъ, неустанный работникъ: въ потѣ лица, изо дня въ день онъ бьется надъ работой; во-вторыхъ, аккуратная уплата податей—для него первая забота, предъ которой меркнутъ всѣ личныя заботы; въ-третьихъ, это человѣкъ, который отвыкъ разсуждать объ чемъ-бы то ни было; онъ только спрашиваетъ: «сколько требуется», «почемъ сойдетъ съ души»? Раскладка всѣхъ этихъ душевыхъ рублей и копѣекъ составляетъ почти единственный предметъ сходокъ: «своихъ», деревенскихъ предметовъ для разговоровъ на сходкахъ нѣтъ—отучены. И въ-четвертыхъ наконецъ, онъ—неусыпный работникъ: работать, «биться на работѣ»—вотъ цѣль жизни, нить, связующая дни и годы въ цѣлую жизнь человѣческую. Онъ покоенъ, уставъ и измучившись на работѣ, потому-что сдѣлано то, что именно требовалось. Онъ сына женитъ насильно, потому что «беретъ работницу хорошую», а остальное – ничего не стоитъ. Мало устать на работѣ, мало просто измаяться: тотъ—хорошій работникъ, кто не знаетъ «устали» въ работѣ, у кого она «горитъ огнемъ, кто «лютъ», или, еще лучше, кто «золъ» на работу.

Вотъ во имя этого-то идеала и продолжаетъ жить крестьянинъ, какъ жилъ при барщинѣ. Тамъ, гдѣ барщина царила вполнѣ, тамъ мужикъ въ буквальномъ смыслѣ остался такимъ-же, какимъ былъ и при крѣпостномъ правѣ. Такъ-же до свѣту выѣзжаетъ онъ въ поле, такъ-же бьется изъ-за податей, такъ-же молча, съ незадумывающимся равнодушіемъ исполняетъ все, что̀ ему прочитаетъ староста, и, исполнивъ, вновь продолжаетъ маяться надъ работой, самъ перебиваясь кое-какъ или припрятывая достатокъ. Въ такихъ деревняхъ у крестьянъ есть совершенно опредѣленный взглядъ на себя и на Божій свѣтъ, и, благодаря этому, они знаютъ, что̀ дѣлаютъ, изъ-за чего бьются. Вотъ почему оказывается, что бѣдная, заваленная работой и налогами деревня, не имѣющая никакихъ посторонних доходовъ, надѣленная сравнительно худшей, чѣмъ у сосѣдей, землей и притомъ въ маломъ количествѣ, живетъ лучше той деревни, гдѣ болячки барщины почему-нибудь не такъ живо чувствуются.

А кажется, какъ-бы тутъ-то, при достаткѣ, не подумать о себѣ? Развѣ мало дѣйствительно своихъ нуждъ? Сколько въ селѣ однихъ ребятъ, которые растутъ неграмотными, не умѣютъ ни сосчитать, ни прочесть или написать письма, словомъ—ровно ничего? Сколько въ деревнѣ нищихъ, убогихъ, калѣкъ, сиротъ, бездомныхъ, случайно несчастныхъ и оставленныхъ на произволъ судьбы?.. Обо всемъ этомъ должна-бы заботиться неугнетенная чужой заботой мысль; но она не заботится, потому что не знаетъ, что объ этомъ надо заботиться... Мірскія дѣла почти исключительно состоятъ въ раскладкѣ и питіяхъ водки по разнымъ случаямъ.

Какъ справедливо и тщательно разработанъ процессъ всевозможныхъ дѣлежей и раскладокъ—объ этомъ было уже говорено. Теперь слѣдуетъ упомянуть о томъ, какъ разработанъ процессъ мірского питія; потому именно слѣдуетъ, что въ разработкѣ этого процесса потрачена масса крестьянскаго ума, такая масса, какой, за исключеніемъ процесса дѣлежа, не потрачено рѣшительно ни на одну изъ общественныхъ деревенскихъ нуждъ. Каждая деревня пьетъ на свой образецъ, на свой манеръ, по опредѣленному ритуалу: такъ, барскіе пьютъ рѣдко, и къ питію приглашаются только старики-власти, потому что нѣтъ такихъ случаевъ, которые далибы возможность заполучить съ кого-нибудь много вина. Но и тутъ уже опредѣлено—съ кого перваго начинать, кому второй стаканъ и какимъ путемъ стаканъ долженъ слѣдовать отъ одного края засѣдающихъ до другого и обратно. Впрочемъ сравнительно здѣсь пьютъ главнымъ образомъ въ свои престольные праздники: на Ивана Постителя, на Ивана Богослова. Варятъ пиво, подливаютъ въ пиво водки и пьютъ такъ, зря, сколько влѣзетъ, три дня, три ночи, безъ просыпу.

Но до полнаго совершенства питейный ритуалъ доведенъ въ Солдатскомъ. Здѣсь выработано множество програмиъ мірскихъ питій на всевозможные случаи и на всевозможныя количества ведеръ водки. Кажется, если бы случилось, что «всему» солдатскому міру была поставлена только одна косушка—и тутъ ее роспили-бы по правиламъ, и тутъ нашлись-бы для распитія ея извѣстные, выработанные опытомъ порядки. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не серьезный вопросъ—какъ роспить, положимъ, ведро вина, поставленное цѣлому міру, человѣкамъ эдакъ тремъ стамъ, и притомъ роспить такъ, чтобы выпито было по совѣсти и безъ обиды?

Въ виду ясной для всякаго серьезности этого дѣла, мірская мысль въ совершенствѣ разработала ритуалы распитія одного ведра, двухъ, трехъ и т. д., вплоть до такого количества ведеръ, болѣе котораго не запомнятъ столѣтніе старожилы. Одно ведро пьютъ вовсе не такъ, какъ пьютъ два; смотря по количеству ведеръ, къ питію привлекаются—то исключительно власти, считая въ томъ числѣ и стариковъ, такъ какъ «старики»—дѣйствительная

власть. При извѣстномъ количествѣ привлекаютъ къ питію, кромѣ властей, нѣкоторыхъ изъ жителей, имѣющихъ всѣ права занять въ недалекомъ будущемъ мѣста стариковъ. Затѣмъ есть случаи, когда право на часть мірского вина присвояется и обыкновеннымъ обывателямъ, но тоже въ извѣстномъ порядкѣ, съ извѣстнымъ выборомъ, по указанію стариковъ или по дворамъ; а наконецъ были и такіе случаи, когда вина хватаетъ на весь міръ. Это впрочемъ рѣдко. «По дворамъ» пьютъ тоже разно: по одному стакану получаетъ всякій глава дома; если же придется по второму, то этотъ второй стаканъ глава дома можетъ, по усмотрѣнію своему, уступить брату, живущему съ нимъ, или сыну, но имѣетъ полное право выпить и самъ. Необходимо, слѣдовательно, въ видахъ абсолютной справедливости, до тонкости изучить ведро и стаканъ — его объемъ и мѣру, умѣть взглянуть на стаканъ, опредѣлить количество *такихъ* стакановъ въ ведрѣ и, сообразно полученному цифровому результату, назначить тотъ или другой питейный ритуалъ. И на дѣлѣ существуютъ знатоки, которые, даже «поболтавъ» ведро, изъ котораго уже пито, по звуку знаютъ, сколько тамъ осталось «вотъэтакихъ» стакановъ, и сколько такихъ, такъ что старикамъ и властямъ остается только опредѣлить: какой именно стаканъ пускать въ ходъ, чтобы дѣло было сдѣлано честно, благородно, по божески.

Но знать стаканъ и ведро далеко еще не все; такое знаніе есть еще только часть полнаго знанія дѣла: необходимо еще знать воспріимчивость каждаго мірского желудка къ питіямъ. Не думайте, что это дѣло шуточное, а главное—не думайте, что оно не играетъ никакой роли вообще во взглядахъ деревни на справедливость людскихъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, міръ очень хорошо знаетъ, что вотъ этотъ человѣкъ валится съ пятаго стакана, этого не свалишь десятью, а вотъ этотъ и со второго теряетъ ноги, руки и голову... Спрашивается: если, положимъ, на душу, входящую, на основаніи количества ведеръ, въ число допущенныхъ къ питію, приходится по шести стакановъ, и если одинъ изъ допущенныхъ валится съ третьяго, а другой со второго, то не слѣдуетъ-ли позаботиться объ остающихся имъ стаканахъ и подумать о томъ, чтобы они получили правильное, справедливое назначеніе, а не были бы выпиты—такъ, «зря»—какой-нибудь первой попавшейся глоткой? При пьянствѣ ста, полутораста человѣкъ, имѣющихъ право на участіе въ питіи, постоянно случаются, во-первыхъ—совершенно непьющіе, во-вторыхъ—валящіеся подъ лавку со второго стакана, съ третьяго, съ пятаго и т. д., вслѣдствіе чего получается извѣстное количество питій, требующихъ новаго порядка, новаго церемоніала, которое нельзя игнорировать. Вотъ почему всякое—главнымъ образомъ большое—питіе, начавшись по одному плану, можетъ перейти множество разныхъ степеней и закончиться питіемъ по плану совершенно другому, чѣмъ началось. Вотъ почему, при питіяхъ, людей, глазѣющихъ на питье, гораздо болѣе, чѣмъ пьющихъ; и глазѣютъ они не даромъ; порядокъ питья легко можетъ измѣниться почему-нибудь, и тѣ, кому въ данную минуту приходится только глазѣть, чрезъ какое-нибудь мгновеніе могутъ быть призваны къ участію. Почемъ знать, что кто-нибудь не свалится со второго стакана, хотя до сихъ поръ валился только съ третьяго?

Само собою разумѣется, что если до такой совершеннѣйшей степени разработанъ вопросъ о томъ, какъ пить вино, то не менѣе совершенно разработаны и изслѣдованы вопросы, касающіеся поводовъ, по которымъ и слѣдуетъ, и можно пить. И точно, мірское вниманіе не упустило изъ виду самыхъ ничтожнѣйшихъ, самыхъ крошечныхъ поводовъ для того, чтобы міръ могъ имѣть даровое вино, или для того, чтобы ставить вино на свой счетъ. Я не говорю ужъ о такихъ вещахъ, какъ сдача мірского имущества въ аренду: тутъ пьютъ долго и много, и берутъ вино со многихъ; не говорю также о такихъ поводахъ, которые не требуютъ никакой выдумки и узаконены повсюду: наемъ пастуха, выборъ старосты, разборъ мелкихъ сельскихъ ссоръ, обидъ и т. д. Всякому извѣстно, что безъ вина въ подобныхъ случаяхъ никоимъ образомъ обойтись нельзя. Нѣтъ, я говорю о такихъ выдумкахъ, которыя не могутъ придти въ голову никому, кромѣ людей, не одинъ годъ изучавшихъ—и изучавшихъ вполнѣ, спеціально—данный предметъ.

Человѣкъ, который въ крайнюю минуту (когда вино выпито, міръ желаетъ еще по стаканчику, но не можетъ выдумать—за что пить) съумѣетъ указать на подлежащій опиванію предметъ, если не уважается міромъ, то цѣнится имъ, какъ человѣкъ умный и знающій. Такъ называемые въ здѣшнихъ мѣстахъ «коштаны» — особый видъ изъ рода міроѣдовъ, про которыхъ сами міряне говорятъ, что «онъ на десять рублей пользы міру сдѣлаетъ, а на тридцать убытку»—тѣмъ не менѣе не только терпятся міромъ, но частью даже и уважаются, во-первыхъ потому, что никто лучше коштана не знаетъ мірскихъ дѣлъ; а во-вторыхъ, потому, что все это знаніе почти только тѣмъ и хорошо, почти потому только и нужно мірянамъ, что оно выручаетъ ихъ въ трудныя минуты недостатка вина, давая возможность отыскивать къ продолженію прерваннаго пьянства предлоги. Спрашивается: кто изъ сотни человѣкъ мірянъ, недоумѣвающихъ надъ вопросомъ о томъ—кого и по какому случаю опивать, вспомнитъ, что вотъ такой-то Иванъ Мироновъ по веснѣ бралъ изъ мірского лѣсу не въ чередъ сорокъ кольевъ для плетня и что слѣдовательно долженъ поклониться за это міру? А коштанъ знаетъ, ибо онъ, какъ паразитъ, только и живетъ тѣмъ, что цѣпляется за другихъ. И вотъ, къ Ивану Миронову посылаютъ депутацію «взять хомуты», или «снять» телѣгу съ передковъ и передки доставить на сходку. Иванъ Мироновъ, большею частью и не приглашаемый лично на сходку, долженъ явиться сюда за хомутами и за передками и «долженъ» поставить міру вина, такъ какъ ни безъ хомута, ни безъ передка ему невозможно существовать.

Чтобы не утомлять читателя перечисленіемъ все-

возможныхъ мелочныхъ придирокъ, которыя міръ пускаетъ въ ходъ, когда дѣло касается такого вполнѣ самостоятельнаго, вполнѣ принадлежащаго мірскому благоусмотрѣнію дѣла, какъ мірское питье водки, я разскажу только слѣдующій случай. Выше я говорилъ, что разладинскіе мужики за десять рублей уступили какому-то крестьянину право на устройство мельницы Крестьянинъ сдѣлалъ мельницу и плотину. Мельница самая первобытная, бѣдная, деревенская; плотина узенькая—съ небольшимъ въ аршинъ ширины и не болѣе какъ сажени въ три длины. Но дѣло въ томъ, что одинъ берегъ рѣченки принадлежитъ разладинцамъ, а другой—обывателямъ села Солдатскаго, т. е. плотина «примыкаетъ» къ разнымъ берегамъ. Вотъ эту-то «*примычку*» и явились пропивать сначала солдатскіе мужики, а потомъ, по обезьянному своему нраву, и разладинцы.

— Станови четыре ведра! категорически объявили мельнику солдатскіе депутаты.

— За что это?

— Какъ за что?—за примычку!.. Видишь, чай, примыкаетъ ..

— Да что вы, лѣшіе эдакіе, съ ума вы спятили?..

— Ну, такъ загородъ постановимъ, пропущать народу не будемъ съ нашего берега!..

Что тутъ дѣлать? Разумѣется, поставилъ.

Только что было-отдѣлался отъ однихъ, ползутъ другіе, разладинцы.

— Вы чего, дьяволы безголовые?

— Примыкаешь! бормочутъ:—четыре ведра, а то загородъ постановимъ.

Мельникъ не могъ не поставить вина разладинцамъ: нужда научитъ кирпичи ѣсть; но зато все время, когда міръ пьянствовалъ, мельникъ, блѣдный отъ гнѣва, дрожащій всѣмъ тѣломъ отъ волненія, на чемъ свѣтъ пушилъ стариковъ.. Ничего, пили!

Разладинцы пьютъ глупо, безъ толку; вообще это не настоящіе крестьяне. При всякомъ питьѣ у нихъ старики отдѣляютъ себѣ извѣстную часть и остальное отдаютъ міру. «Старичишки», какъ ихъ здѣсь величаютъ, обыкновенно, по жадности своей, всегда захватятъ столько, что, при всемъ стараніи, не успѣваютъ выпить въ одинъ сходъ и допиваютъ на другой день. Міряне пьютъ тоже безъ всякаго разсудка: одинъ еле-живъ плетется домой, а другому капли не досталось. Но, не смотря на эту во всемъ разладинскомъ ощущающуюся распущенность и безтолочь, и здѣсь былъ на моихъ глазахъ случай, доказавшій мнѣ, что если бы да разладинцамъ хорошая мірская школа, вродѣ той, какую выработали солдатскіе мужики, то и они не плошали-бы въ мірскихъ дѣлахъ. Одинъ «подносчикъ» (такой чинъ на питейныхъ сходахъ—конечно чинъ выборный) отлилъ по дорогѣ изъ кабака, куда ходилъ за мірскимъ виномъ, бутылку мірского вина. Ведро онъ отправилъ на сходъ съ первымъ встрѣченнымъ односельцемъ, а самъ съ бутылкой пошелъ домой, гдѣ его ждалъ пріятель. Они не успѣли выпить съ нимъ по одному стакану, какъ обиженный міръ нагрянулъ на преступника. На міру, даже такомъ разгильдяйномъ, нашлись уже настолько опытные люди, что «по хлюпанью» водки въ ведрѣ догадались о кражѣ, о томъ, что подносчикъ отлилъ... Міръ оцѣпилъ домъ подносчика со всѣхъ сторонъ. Подносчикъ, его пріятель и вся семья подносчика стали защищаться. Конечно прежде всего были заперты ворота, благодаря чему произошла въ буквальномъ смыслѣ осада: въ дѣлѣ были и колья, и камни, и возжи...

Крестьянскій умъ, талантъ, мысль, вообще вся сила его природной даровитости, какъ видите, дѣйствуетъ и тутъ—отрицать ея нѣтъ никакой возможности; но все это, какъ на зло, загнано и дѣйствуетъ въ такомъ замкнутомъ кругу, практикуется надъ такими явленіями деревенской жизни, которыя не имѣютъ для насущныхъ человѣческихъ интересовъ деревни либо совершенно никакого значенія, либо имѣютъ значеніе весьма отдаленное. Тѣмъ не менѣе въ этихъ случаяхъ крестьянскій умъ работаетъ, работаетъ сильно и много, наблюдаетъ всевозможныя мелочи, знаетъ и видитъ человѣка насквозь, не жалѣетъ своей спины, рукъ, силъ, стремится не обидѣть, не обчесть человѣка. Но какъ только дѣло коснется дѣйствительно общественнаго дѣла, такого дѣла, которое-бы принесло міру существеннѣйшую пользу, облегчило бы положеніе его, которое бы помогло поступить мірскому человѣку дѣйствительно по божески,—въ такихъ-то именно дѣлахъ, какъ на грѣхъ, въ мірскомъ деревенскомъ жителѣ исчезаетъ все: внимательность, наблюдательность, даже исчезаетъ самая тѣнь справедливости. Для такихъ дѣлъ не выработано ни ритуаловъ, ни порядковъ, ни обычаевъ—нѣтъ ничего. Между тѣмъ въ дѣлахъ, не имѣющихъ для деревни никакого значенія, кромѣ вреда (какъ напримѣръ пьянство), или въ дѣлахъ, которыя имѣютъ значеніе только для постороннихъ деревнѣ вѣдомствъ, все выяснено, опредѣлено — лучше не надо. Нельзя не заплатить въ срокъ оброка, аренды; но молча смотрѣть, какъ мрутъ «горлушкомъ» дѣти—можно. Нельзя Ивану Миронову простить сорока кольевъ, нельзя оставить не пропитую перемычку, и можно за вино на волостномъ судѣ сдѣлать всякую несправедливость, можно растратить крестьянскую казну въ сотни, тысячи рублей...

Чѣмъ инымъ, какъ не тѣмъ, что современный крестьянинъ *еще и не пробовалъ жить въ своихъ собственныхъ интересахъ*, что онъ даже отвыкъ примѣчать ихъ въ обиходахъ собственнаго своего житьишка—объясните вы себѣ напримѣръ такую сцену:

Мельница. У мельницы и на плотинахъ—нѣсколько телѣгъ съ зерномъ, ожидающихъ своей очереди; на телѣгахъ и около телѣгъ, и на землѣ—крестьяне—и старые, и молодые. На горѣ стоитъ новенькій домикъ арендатора мельницы, купца. Купецъ сидитъ у отвореннаго окна, въ ситцевой рубахѣ, пьетъ чай и отираетъ потную шею и красное лицо полотенцемъ.

— Глянь! говоритъ одинъ изъ ожидающихъ:— Ишь, красномордый чортъ, чай пьетъ.

— И то пьетъ!..

— Я, братцы, считалъ, считалъ, которую это онъ лакаетъ, такъ и бросилъ—все ему хозяйка подаетъ да подаетъ...

— Какъ не лопнетъ!

— Ну нѣтъ, братъ! Его не разопретъ! Ужъ онъ на этомъ дѣлѣ, чай, наладился...

— Да ему только и дѣла, что чай пить!

— А то что же? сиди да пей.—Больше ничего!

— Только и дѣловъ!..

— Сиди да попивай чаекъ-то!..

— Нашъ братъ, дуракъ, бьется-бьется иной разъ изъ-за копѣйки до-поту, а тутъ вонъ ничего не дѣлаетъ, бѣлыхъ рукъ не мараетъ, а деньгу гребетъ да чаекъ распиваетъ... Ишь вонъ, какъ клещъ налился!..

Многіе изъ лежащихъ на телѣгахъ и на землѣ около телѣгъ мужиковъ вздыхаютъ...

— А какая хитрость-то. Выстроилъ вонъ анбаръ, больше ничего, а онъ, анбаръ-то, тысячи двѣ аккуратно кажинный годъ ему въ карманъ кладетъ...А нашъ братъ кряхти изъ-за каждой малости.

На эту тему отовсюду слышатся комментаріи и дополненія; да и трудно, говоря о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ, чувствовать недостатокъ въ матеріалѣ.

Но подойдемъ къ разговаривающимъ и спросимъ:

— Чья это мельница?

— Наша!

— Вы какіе сами-то?

— Солдатскіе.

— Общественная мельница?

— Общественная; вонъ, энтому-вонъ (указаніе на гору), чай-то пьетъ... ему отдаемъ.

И затѣмъ слѣдуетъ разсказъ, какъ-бы желающій доказать безсовѣстность вотъ этого человѣка, который сидитъ и чай пьетъ. Судите сами, что онъ сдѣлалъ. Изъ-поконъ вѣку близъ мельницы стоялъ небольшой сарай, который нанимали у крестьянъ скупщики хлѣба. Скупая его по деревнямъ, въ разныхъ мѣстахъ, мелкими партіями, они и свозили его въ одно мѣсто, къ мельницѣ, потому что весной вода въ рѣкѣ, на которой стоитъ мельница, поднимается на двѣ сажени—на сажень идетъ выше плотины. Съ Волги приходятъ сюда баржи (въ послѣднее время даже пароходъ сталъ приходить каждую весну), забираютъ хлѣбный грузъ и вывозятъ его на Волгу. «Вонъ этотъ, что чай-то пьетъ», злодѣй этотъ, арендовалъ у крестьянъ мельницу, вмѣстѣ съ мельницей арендовалъ и амбаръ; но вмѣсто дряннаго выстроилъ большой, хорошій сарай и каждую зиму, за пять мѣсяцевъ, никакъ не больше, получалъ съ этого амбара, не шевеля пальцемъ въ буквальномъ смыслѣ, не менѣе двухъ тысячъ рублей.

Тонъ, которымъ разсказываютъ про это злодѣйство, какой-то погребальный; обида слышится въ немъ явная. И дѣйствительно, обидно смотрѣть, какъ это человѣкъ сидитъ, пьетъ чай и получаетъ деньги... Но о томъ, чтобы кому-нибудь изъ міранъ пришла мысль самимъ взять да выстроить амбаръ, самимъ назначить человѣка мірского, который бы смотрѣлъ за мельницей, представляя міру отчетъ,—объ этомъ никто не заикнется; нѣтъ «на такія» дѣйствительно общественныя дѣла ни выработанныхъ порядковъ, ни ритуаловъ. И, повѣрьте, это тоже барщинный результатъ. Крестьянинъ можетъ только копошиться въ своей нуждишкѣ или проявлять свои дарованія у кабака, настоящія-же доходныя дѣла дѣлаетъ другой; мужику хорошо, если достанется при этомъ «положенный» по питейному регламенту стаканчикъ вина, а ужъ подлинный доходъ—это дѣло не мужицкое. Это какъ-бы свыше предназначено для лицъ совершенно деревнѣ постороннихъ...

Другимъ рѣзкимъ примѣромъ, до какой степени крестьянинъ, въ самомъ дѣлѣ, отвыкъ отъ дѣйствительно нужныхъ мірскихъ дѣлъ, можетъ служить то, что казенныя и удѣльныя земли, отдающіяся въ аренду по весьма незначительной цѣнѣ и въ большомъ количествѣ повсюду, попадаютъ въ руки крестьянъ *всегда* только изъ вторыхъ рукъ, т. е. сначала онѣ попадутъ въ руки купца, человѣка, арендующаго цѣлый участокъ, а потомъ разберутся по клочкамъ и за тройную цѣну крестьянами. Объявленія о продажѣ и отдачѣ въ арендное содержаніе земельныхъ и лѣсныхъ угодій постоянно разсылаются по волостнымъ правленіямъ, даже и сельскимъ старостамъ; но на моихъ глазахъ не было случая, чтобы само общество рѣшило-бы не дать себя въ обиду: напротивъ, знаютъ, но какъ будто ждутъ—когда и кто возьметъ землю.—«Кто взялъ луга-то?».—„Городской какой-то!»—«Гдѣ его приказчикъ-то?»—«Тамъ-то» —И идутъ къ приказчику, который, отдавъ вчера по одному рублю за десятину, беретъ сегодня по три, по четыре и по шести. Беретъ деньги и пьетъ чай, а народъ глядитъ на него (издали. не близко) и негодуетъ.

— Ишь, красномордый! знай, брюхо паритъ да денежки собираетъ.

7.

Надѣюсь, что читатель пойметъ, почему въ предшествовавшихъ очеркахъ я не коснулся той «крѣпкой думы», которая гнететъ каждую крестьянскую голову «дома», у его домашняго очага, не на сходкѣ, не у кабака, а подъ соломенной крышей своего дома. Браться за эту тему въ бѣгломъ очеркѣ—мнѣ не подъ силу: такъ эта «крѣпкая дума» многостороння и мучительна, и потому требуетъ разработки обстоятельной. Имѣя возможность только поверхностно остановиться на этой сторонѣ многочисленныхъ крестьянскихъ заботъ, мы можемъ указать лишь на то, что *крестьянская дума одинока. Въ этомъ-то именно* и заключается *горе деревни*: общественная мысль хлопочетъ о податяхъ, о расходахъ на земство, на волость, на множество разновидностей всевозможныхъ сборовъ, или разрабатываетъ кабачный ритуалъ, и вотъ почему драма деревенской избы, тягота крѣпкой думы подъ соломенной крышей не выбралась изъ-подъ крыши на сходку. А въ этой-то драмѣ и есть настоящее *дѣло*: только-бы она-то выбралась изъ подъ низенькой соломенной крыши, только-бы она-то сдѣ-

лалась достойною хотя такого-же вниманія, какимъ напримѣръ пользуется «еще непропитая» привычка, и въ деревнѣ *въ самомъ дѣлѣ* станетъ тѣсно, въ самомъ дѣлѣ станетъ душно въ крестьянской избѣ. Какъ только это случится—конецъ кабаку, конецъ деревенскому навозу, деревенской пьяной дракѣ, деревенской безпомощной болѣзни, безслѣдной смерти и всякому грабежу. Деревня немедленно «укупитъ» столько земли, сколько хватитъ глазъ, и не будетъ ждать ни «чернаго передѣла», ни «генеральной межи». Деньги найдутся немедленно. Амбаръ будетъ выстроенъ гораздо лучше, чѣмъ выстроилъ его «красномордый; мельница будетъ въ исправности, учитель будетъ не такой, который самъ ничего не знаетъ, или не такой, который бьется изъ-за куска хлѣба и котораго гнететъ презрѣніемъ всякая деревенская шваль изъ породы Титъ Титычей, а настоящій, знающій дѣло человѣкъ.

Какъ-же вывести на дневной свѣтъ «крѣпкую» деревенскую думу?

Всякій разъ, когда задаешь себѣ этотъ вопросъ, утомленная обыденными порядками мысль непремѣнно, невѣдомо почему—просто, кажется, ни съ того, ни съ другого — вдругъ выдвигаетъ такой вопросъ:—А откуда возьмутъ жалованье *имъ?..*» Это ужъ такъ какъ-то само собой является: до такой степени повсюду много всевозможныхъ жалованій и до такой степени не дѣлается кругомъ даже ничтожнѣйшихъ вещей безъ того, чтобы дѣлающій не соприкасался съ какимъ-нибудь сундукомъ. Какое обиліе людей, примыкающихъ къ сундукамъ, и какъ длиненъ самый рядъ сундуковъ — судить не намъ: пусть читатель представитъ себѣ это дѣло самъ, и ему будетъ понятно, почему при рѣшеніи такого труднаго вопроса, каковъ деревенскій, какъ-будто ни съ того, ни съ сего возникаетъ мысль о какомъ-то жалованіи.

VIII.

Какъ дорогъ для деревни «разговорчивый человѣкъ»—Разсказъ объ одномъ добромъ человѣкѣ.— Коштаны и міроѣды.

I.

... Вспомнился мнѣ еще разговоръ съ однимъ крестьяниномъ. Крестьянинъ—человѣкъ молодой. Очень часто онъ заходитъ ко мнѣ, сидитъ, молчитъ и смотритъ, что я дѣлаю. Сидитъ молча часа два-три, потомъ уйдетъ. Иной разъ разговорится. Впрочемъ о современной крестьянской молодежи мы имѣемъ намѣреніе говорить особо, по возможности подробно, поэтому и полная характеристика молодого парня будетъ подробно изложена впослѣдствіи. Теперь-же скажу, что парень кой-о-чемъ крѣпко думаетъ, хотѣлъ-бы кое-что знать, видѣть; но покуда ни до чего опредѣленнаго не додумался: думаетъ часа четыре подрядъ, вздохнетъ, а не то плюнетъ и вздохнетъ, и въ концѣ концовъ уйдетъ.

Разговоръ зашелъ о новомъ волостномъ писарѣ, опредѣленномъ на мѣсто того, который, какъ извѣстно читателю моихъ деревенскихъ замѣтокъ, уволенъ по случаю расхищеній волостныхъ суммъ вмѣстѣ со старшиною.

— Ну что жъ, хорошъ новый-то писарь?
— Ничего, пущай...
— Не мотаетъ мірскихъ денегъ?
— Нѣту, покуда что не слышно.
— Аккуратенъ?
— Знамо, что... А хуже прежняго-то!
— Какъ хуже? Вѣдь дѣло свое онъ справляетъ?
— Какъ не справлять, справляетъ—ничего...
— Деньги не воруетъ, не тратитъ?
— Это что говорить...
— А вѣдь тотъ дѣла запустилъ и деньги мірскія бралъ.
— Да объ этомъ и рѣчи нѣтъ. Размотали деньги до послѣдней полушки. Что худо—того ужъ хвалить нельзя, а ужъ что хорошо—тоже объяснить слѣдуетъ.
— Что-жъ въ немъ было хорошаго?
— А вотъ что: *разговорчивъ* былъ. Только вотъ это самое. Больше ничего въ немъ и не было стоющаго. Ну, а разговорчивъ—такъ ужъ насчетъ этого цѣны нѣту! Къ нему, бывало, зайдешь по своему дѣлу! дѣла не сдѣлаешь, а не отвертишься, сидѣлъ-бы да слушалъ. А этотъ что! Отъ этого слова путнаго не дождешься. Такая *необоюдная* дубина!
— Да вѣдь дѣло-то дѣлаетъ?
— Да, онъ дѣлаетъ; песъ съ нимъ и съ дѣломъ, дѣлай его. Про то говорю: старый писарь и дѣла не дѣлалъ, да былъ обоюдный человѣкъ: разговоромъ былъ хорошъ. Обо всякихъ напримѣръ дѣлахъ, обо всѣхъ предметахъ, или тамъ война напримѣръ, или-же тамъ про разныя статьи, какъ печатаютъ — до всего доходилъ, все зналъ; говоритъ—не наслушаешься. Вотъ чѣмъ былъ хорошъ, а насчетъ дѣловъ, такъ это для нашего брата все одно: хорошъ-ли онъ, худъ-ли—нашему брату не велика прибыль.

И такъ, хвалятъ того самаго писаря, который на мірскія деньги, какъ извѣстно изъ учета, выписывалъ газеты. Повѣрьте, что даже простой разговоръ, не о томъ, о чемъ «калякаютъ» міряне, и тотъ—въ деревенской жизни новость, и притомъ очень большая.

Между тѣмъ, какъ извѣстно, въ деревнѣ не видать «разговорчиваго человѣка», хотя ему и было-бы о чемъ поговорить здѣсь, и говорилъ-бы онъ всегда отъ сердца, хотя и о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, потому что всегда его рѣчи возбуждаются фактами окружающей дѣйствительности, а частица его рѣчей—нѣтъ-нѣтъ да и перейдетъ прямо въ жизнь, на глазахъ «разговорчиваго человѣка». А вѣдь «разговорчивыхъ людей» у насъ не мало, да разговариваютъ-то они все въ пустыхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ вовсе въ нихъ и не нуждаются. Не только «разговариваютъ», а даже прямо поѣдаютъ сами себя, истощаясь, изнывая въ чисто-теоретическихъ разглагольствіяхъ.

2.

Нѣкоторое время зналъ я здѣсь одного молодого человѣка. Андрей Васильичъ Соловецкій былъ сынъ причетника, человѣка, обремененнаго семьей, нуждой во всѣхъ возможныхъ видахъ, въ такомъ удивительномъ совершенствѣ разработанныхъ на Рус-

ской Землѣ. Неволя заставила его жениться, неволя заставила гнуть шею передъ батюшкой, передъ всѣмъ приходомъ, передъ каждымъ міроѣдомъ, и притомъ передъ каждымъ отдѣльно, на свой образецъ, гнуть изъ-за того, что у него семья, которую человѣкъ *не желалъ имѣть* (вотъ какія бываютъ на Руси положенія!), но которую нельзя бросать. Можете представить весь холодъ такого существованія, весь гнетъ униженія, всю громадность размѣровъ поруганія надъ человѣческимъ достоинствомъ! Андрей Васильичъ съ-дѣтства не слыхалъ ничего, кромѣ горькаго, слезнаго ропота отца, матери, дѣтей на свое существованіе, на безвыходность и ужасъ этого существованія.

Всякому извѣстно, что причетникъ, съ семьей человѣкъ въ шесть, всегда бѣднѣй бѣднаго мужика; что для его дѣтей крестьянскій дворъ, гдѣ все свое, гдѣ никто его не сгонитъ съ насиженнаго мѣста — предметъ зависти. Андрей Васильичъ до четырнадцати лѣтъ оставался неграмотнымъ; всѣ эти годы работалъ около дома, какъ работаетъ простой мужикъ; онъ зналъ, какъ ходить за скотиной, какъ ея убирать, пасти, зналъ, какъ пахать, боронить; радовался при урожаѣ, горевалъ — и горько — въ засуху; словомъ, вся крестьянская забота была ему такъ же близка, какъ и всякому крестьянину. Но, кромѣ этой заботы, онъ, какъ человѣкъ, поставленный въ худшія условія, чѣмъ любой крестьянскій мальчикъ, завидуя, изучилъ, примѣтилъ все хорошее въ крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ, примѣтилъ потому, что въ его жизни этого не было. Мало того: какъ членъ семьи, которая то ожесточается на судьбу, то измученная покорно возлагаетъ надежды на Бога, онъ не разъ въ жизни, вмѣстѣ съ семьей, имѣлъ случай быть дѣйствительно спасаемымъ — и именно крестьяниномъ.

Въ глухую зимнюю ночь, во время отсутствія отца, который ушелъ въ городъ хлопотать о переводѣ въ другое мѣсто и не возвращался, и не шелъ домой цѣлый годъ, когда семья съѣла все, что было въ домѣ, когда ребята буквально «кричали» отъ голода, мать сказала маленькому Андрею: «пойдемъ!» И пошли они за господскіе амбары воровать... Андрей Васильичъ и до сей поры не забылъ этой ночи, этого ужаса, который охватилъ его душу отъ воя вѣтра, отъ страха быть пойманнымъ и отъ жгучаго стыда...

И вдругъ — Господь спасъ ихъ: «откуда ни возьмись» — крестьянинъ. Кажется, онъ темною ночью пробирался изъ лѣсу съ мірскими дровами... Онъ самъ зналъ нужду и сразу понялъ, зачѣмъ попомариха съ сыномъ толкутся за амбарами...

— Власьевна! сказалъ онъ тихо.—Что ты это?.. Парнишку заморозишь!..Сажай его—довезу до дому.

Довезъ, далъ и дровъ, и хлѣба. Буквально спасъ.

Черезъ годъ отъ отца пришло письмо: оказалось, что онъ получилъ мѣсто уже въ другой губерніи, куда пошелъ пѣшкомъ, а не писалъ потому, что писать было нечего — не поможешь. Цѣлый годъ онъ по грошамъ собиралъ деньги на переѣздъ семьи и теперь вотъ посылаетъ десять рублей. Онъ знаетъ, что за эти деньги нельзя доѣхать: такъ далеко онъ забрался; но пише... больше нѣтъ, достать негдѣ, «какъ знает... ше моихъ силъ нѣтъ!» На переѣздъ за одн... ко лошадей требовалась сумма, по крайн... разъ въ семь болѣе присланной; и что же?... Богъ спасъ, и опять въ лицѣ крестьянина... ся человѣкъ, «пришелъ самъ», который вз... везти и за десять рублей—ради Христа... диться... Отвезъ, да еще всю дорогу, окол... ца, Богъ его вѣдаетъ какъ, кормилъ семь че...

Немного, правда, было такихъ случаевъ... ни Андрея Васильича; но то, что было, ос... слѣдъ неизгладимый, вѣковѣчный, на-вѣ... вало въ сердцѣ впечатлѣніе красоты ду... заскорузлаго, грубаго,безжалостнаго крест... Такимъ образомъ Андрей Васильичъ зналъ крестьянина, какъ человѣкъ подневольный, *больше*, чѣмъ крестьянинъ зналъ самъ себя; онъ зналъ его и грубость, и безпечальность, и желаніе гнуть въ дугу; но зналъ и силу крестьянскаго великодушія, и доброту, и пониманіе чужой нужды, бѣды...

На четырнадцатомъ году отецъ хотѣлъ отдать его къ мужику въ кузню, въ ученики. Мать заступилась и, послѣ цѣлаго мѣсяца жестокихъ ссоръ съ отцомъ, настояла на томъ, чтобы везти неграмотнаго, уже четырнадцати-лѣтняго мальчика въ духовное училище. Въ городѣ, въ семинаріи, у Андрея Васильича былъ братъ, тоже съ-дѣтства измученный нуждой и уже знавшій, что будущая жизнь его—та же нужда, такъ какъ сердце говорило ему, что отецъ недолго наживетъ, что семья только и надѣется на него. И вотъ ему предстоитъ уже помочь семьѣ: помѣстить въ училище неграмотнаго парня... Какія все задачи достаются на долю этихъ тружениковъ! Какъ, въ самомъ дѣлѣ, помѣстить неграмотнаго въ училище, гдѣ требуется экзаменъ? Но находятся добрые люди, совѣтуютъ, «выбираютъ время», и Андрей Васильичъ попадаетъ въ училище...

Выбранъ былъ какой-то особенный моментъ, когда могло совершиться такое дѣло. Жена смотрителя — женщина горячая, всегда суетится, спѣшитъ; задумаетъ что — все вдругъ; въ субботу смотритель и смотрительша ѣздили ко всенощной, въ седьмомъ часу: тутъ обыкновенно въ домѣ идетъ содомъ—смотрительша въ суетахъ, шумитъ, торопится... Стотритель *обыкновенно* самъ не свой, тоже какъ оглашенный... Все это было изслѣдовано и устроено такъ, что неграмотнаго малаго всунули къ смотрителю въ самый разгаръ сборовъ ко всенощной... Какъ и слѣдовало ожидать, смотритель, «обыкновенно въ это время какъ оглашенный», бормоталъ въ попыхахъ:—«не время», «не время»; его просили проэкзаменовать, потому что мальчику негдѣ жить и надо либо поступить сейчасъ на казенный счетъ, либо уѣхать назадъ. Смотритель, задавая какой-нибудь вопросъ, конечно въ попыхахъ, спрашивалъ: «Кто сотворилъ міръ?». Но жена не давала покою, и экзаменъ прерывался... Въ попыхахъ наконецъ смотритель, какъ бы выбившись изъ силъ, сказалъ: «Ну, пусть остается...» И оба съ женой, еле переводя духъ отъ усталости,

... а неграмотный былъ при-

5.

Я познакомился съ нимъ въ то время, когда онъ проживалъ у дальняго родственника изъ духовныхъ, верстахъ въ десяти отъ той деревни, гдѣ пришлось жить и мнѣ. Кто-то изъ заѣзжихъ крестьянъ, услыхавъ, что въ контору требуется грамотный человѣкъ' для переписки прошлогоднихъ счетовъ и отчетовъ, указалъ на Андрея Васильича, присовокупивъ, что парень этотъ больно доберъ, только бы ему маленько съ дѣлами справиться...

Написали Андрею Васильичу записку съ предложеніемъ работы, предложили рубль серебромъ въ сутки и сказали, что работы хватитъ на мѣсяцъ, а то и на два. Пріѣхалъ онъ немедленно въ восторженномъ состояніи, съ множествомъ плановъ: главное—ѣхать учиться. По пріѣздѣ, Андрей Васильичъ сейчасъ-же сѣлъ за работу, и недѣли двѣ подрядъ корпѣлъ надъ всевозможными счетами. Казалось, онъ ни о чемъ другомъ и не думаетъ, какъ только объ этихъ счетахъ, о томъ, чтобы рублей не записать въ копѣйкахъ; а если придется сходить куда-нибудь, такъ только по дѣламъ, все насчетъ тѣхъ-же цифръ, рублей и копѣекъ, а между тѣмъ его деревенское происхожденіе, его знаніе деревенской жизни, деревенскихъ рѣчей, манеръ, лицъ—все-таки сдѣлали то, что онъ въ эти двѣ недѣли не только зналъ деревню, но уже вошелъ и въ ея интересы. Припомните, какое значеніе въ жизни его имѣла деревня, и вы поймете, что не войти въ деревенскіе интересы для Андрея Васильича не было возможности. Прошло два мѣсяца; счеты были окончены, а Андрей Васильичъ *не могъ* ѣхать, все дѣла, то то, то другое. Онъ продолжалъ *проживать*, т. е. спать и обѣдать кой-гдѣ, гдѣ застигнутъ обстоятельства; въ то же время деревенская печаль, постоянно трогая его за сердце, понемногу втягивала да втягивала его въ самую ея глубину.

Свалился съ крыши человѣкъ, плотникъ, лежитъ и не дышетъ. Разумѣется, никто не знаетъ, какъ и чѣмъ помочь.

— Позови-ко Андрей-то Васильича!.. говоритъ народъ.

Андрей Васильичъ приходилъ. Оказывается необходимымъ спиртъ, нужна перевязка.

Сторожъ солдатъ, находящійся среди зрителей, объявляетъ, что у него есть напримѣръ одна штука, и бѣжитъ за ней. Скоро онъ возвращается съ бутылкой, въ которой какая-то жидкость.

— На-ка, погляди, что такое? Стоитъ въ чужъ второй годъ: не то лекарство, не то что; ее знаетъ, что такое. Пробку объѣдаетъ и залитъ. А штука крѣпкая—одно слово!

Чего лучше! говорятъ въ толпѣ,—обдай ему -то, оно жаромъ его очувствуетъ.

ылка дымится и точно объѣла пробку, но кое въ ней—никому не извѣстно.

Ишь, песъ какой, лютая, шельма!.. толвъ толпѣ.

ндрей Васильичъ сгараетъ со стыда: онъ не знаетъ, что за песъ въ бутылкѣ, и хоть лъ на томъ, чтобы не поливали этой жидспины плотника, но горько пожалѣлъ о своемъ невѣжествѣ. Плотникъ очнулся, а Андрей Васильичъ, разыскавъ какой-то старый лечебникъ, всецѣло отдался изученію его. Стыдъ незнанія, такъ осязательно доказанный ему жизнью, мучитъ его. Куда ни пойдетъ—лечебникъ у него въ рукахъ.

— Что, Андрей Васильичъ, жена моя помираетъ быдто, говоритъ мужикъ.

— Чѣмъ она больна? давай, я по лечебнику...

— Да пущай ее помираетъ... Право!

— Какъ такъ, зачѣмъ?

— Не по душѣ мнѣ она... Пущай, не трожь ее, помираетъ! а то ей хуже будетъ... Изъ всѣхъ сердцовъ она меня выводитъ... потому—хитрая, язвенная женщина. Меня на ней насильно женили.

Идетъ разсказъ о насильственной женитьбѣ, о зломъ характерѣ жены, которая виновата тѣмъ, что не спросила у жениха до свадьбы—хочетъ-ли онъ взять ее, а пошла съ перваго слова. Андрей Васильичу есть что сказать, хоть все, что онъ говоритъ,—все вещи старыя, всѣмъ извѣстныя. Но тутъ въ деревнѣ онѣ нужны.

— А лечить, все-таки лечи. Это нельзя. Поѣзжай къ фельдшерицѣ, привези!

— Куда я въ евтакую погоду? Это и самъ замерзнешь.

— Поѣзжай непремѣнно!

— Да у меня лошадь споролась; играла да на колъ грудью наткнулась, на лѣвую переднюю не ступитъ.

— Да что же ты за чортъ послѣ этого! Безсовѣстный ты человѣкъ! Мало колотилъ ты ее, теперь бросилъ умирать, какъ собаку! Найми у мужика, ежели своей лошади нѣтъ.

— На что я найму? У меня и гроша за душой нѣту.

— Ну, такъ я тебѣ найму. Пойдемъ со мной!

— Да по мнѣ—нанимай...

Андрей Васильичъ занимаетъ рубль серебромъ у мужика, члена банка. Мужикъ даетъ ему деньги и говоритъ:

— Ты вотъ что, Андрей Васильичъ, ты хошь и три возьми, да распутай ты меня съ банкой съ эстой! Вѣдь ночей не сплю. Народъ говоритъ:—«нажился»... Черти эдакіе! А я тебѣ, по чистой вотъ по совѣсти, какая бываетъ у человѣка совѣсть, напримѣръ, чистая!..

— Ладно, ладно...

И еще разъ жизнь втянула Андрея Васильича

ской Землѣ. Неволя заставила его жениться, неволя заставила гнуть шею передъ батюшкой, передъ всѣмъ приходомъ, передъ каждымъ міроѣдомъ, и притомъ передъ каждымъ отдѣльно, на свой образецъ, гнуть изъ-за того, что у него семья, которую человѣкъ *не желалъ имѣть* (вотъ какія бываютъ на Руси положенія!), но которую нельзя бросать. Можете представить весь холодъ такого существованія, весь гнетъ униженія, всю громадность размѣровъ поруганія надъ человѣческимъ достоинствомъ! Андрей Васильичъ съ-дѣтства не слыхалъ ничего, кромѣ горькаго, слезнаго ропота отца, матери, дѣтей на свое существованіе, на безвыходность и ужасъ этого существованія.

Всякому извѣстно, что причетникъ, съ семьей человѣкъ въ шесть, всегда бѣднѣй бѣднаго мужика; что для его дѣтей крестьянскій дворъ, гдѣ все свое, гдѣ никто его не сгонитъ съ насиженнаго мѣста — предметъ зависти. Андрей Васильичъ до четырнадцати лѣтъ оставался неграмотнымъ; всѣ эти годы работалъ около дома, какъ работаетъ простой мужикъ; онъ зналъ, какъ ходить за скотиной, какъ ея убирать, пасти, зналъ, какъ пахать, боронить; радовался при урожаѣ, горевалъ — и горько — въ засуху; словомъ, вся крестьянская забота была ему такъ же близка, какъ и всякому крестьянину. Но, кромѣ этой заботы, онъ, какъ человѣкъ, поставленный въ худшія условія, чѣмъ любой крестьянскій мальчикъ, завидуя, изучилъ, примѣтилъ все хорошее въ крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ, примѣтилъ потому, что въ его жизни этого не было. Мало того: какъ членъ семьи, которая то ожесточается на судьбу, то измученная покорно возлагаетъ надежды на Бога, онъ не разъ въ жизни, вмѣстѣ съ семьей, имѣлъ случай быть дѣйствительно спасаемымъ — и именно крестьяниномъ.

Въ глухую зимнюю ночь, во время отсутствія отца, который ушелъ въ городъ хлопотать о переводѣ въ другое мѣсто и не возвращался, и не шелъ домой цѣлый годъ, когда семья съѣла все, чтб было въ домѣ, когда ребята буквально «кричали» отъ голода, мать сказала маленькому Андрею: «пойдемъ!» И пошли они за господскіе амбары воровать... Андрей Васильичъ и до сей поры не забылъ этой ночи, этого ужаса, который охватилъ его душу отъ воя вѣтра, отъ страха быть пойманнымъ и отъ жгучаго стыда...

И вдругъ — Господь спасъ ихъ: «откуда ни возьмись» — крестьянинъ. Кажется, онъ темною ночью пробирался изъ лѣсу съ мірскими дровами... Онъ самъ зналъ нужду и сразу понялъ, зачѣмъ пономариха съ сыномъ толкутся за амбарами...

— Власьевна! сказалъ онъ тихо. — Что ты это?.. Парнишку заморозишь!..Сажай его — довезу до дому.

Довезъ, далъ и дровъ, и хлѣба. Буквально спасъ.

Черезъ годъ отъ отца пришло письмо: оказалось, что онъ получилъ мѣсто уже въ другой губерніи, куда пошелъ пѣшкомъ, а не писалъ потому, что писать было нечего — не поможешь. Цѣлый годъ онъ по грошамъ собиралъ деньги на переѣздъ семьи и теперь вотъ посылаетъ десять рублей. Онъ знаетъ, что за эти деньги нельзя доѣхать: такъ далеко онъ забрался; но пишетъ, что больше нѣтъ, достать негдѣ, «какъ знаетс, больше моихъ силъ нѣтъ!» На переѣздъ за однѣхъ только лошадей требовалась сумма, по крайней мѣрѣ разъ въ семь болѣе присланной; и что же? — опять Богъ спасъ, и опять въ лицѣ крестьянина: нашелся человѣкъ, «пришелъ самъ», который взялся отвезти и за десять рублей — ради Христа потрудиться... Отвезъ, да еще всю дорогу, около мѣсяца, Богъ его вѣдаетъ какъ, кормилъ семь человѣкъ...

Немного, правда, было такихъ случаевъ въ жизни Андрея Васильича; но то, что было, оставляло слѣдъ неизгладимый, вѣковѣчный, на-вѣки посѣвало въ сердцѣ впечатлѣніе красоты души этого заскорузлаго, грубаго, безжалостнаго крестьянина... Такимъ образомъ Андрей Васильичъ зналъ крестьянина, какъ человѣкъ подневольный, *больше*, чѣмъ крестьянинъ зналъ самъ себя; онъ зналъ его и грубость, и безпечальность, и желаніе гнуть въ дугу; но зналъ и силу крестьянскаго великодушія, и доброту, и пониманіе чужой нужды, бѣды...

На четырнадцатомъ году отецъ хотѣлъ отдать его къ мужику въ кузню, въ ученики. Мать заступилась и, послѣ цѣлаго мѣсяца жестокихъ ссоръ съ отцомъ, настояла на томъ, чтобы везти неграмотнаго, уже четырнадцати-лѣтняго мальчика въ духовное училище. Въ городѣ, въ семинаріи, у Андрея Васильича былъ братъ, тоже съ-дѣтства измученный нуждой и уже знавшій, что будущая жизнь его — та же нужда, такъ какъ сердце говорило ему, что отецъ недолго наживетъ, что семья только и надѣется на него. И вотъ ему предстоитъ уже помочь семьѣ: помѣстить въ училище неграмотнаго парня... Какія все задачи достаются на долю этихъ тружениковъ! Какъ, въ самомъ дѣлѣ, помѣстить неграмотнаго въ училище, гдѣ требуется экзаменъ? Но находятся добрые люди, совѣтуютъ, «выбираютъ время», и Андрей Васильичъ попадаетъ въ училище...

Выбранъ былъ какой-то особенный моментъ, когда могло совершиться такое дѣло. Жена смотрителя — женщина горячая, всегда суетится, спѣшитъ; задумаетъ что — все вдругъ; въ субботу смотритель и смотрительша ѣздили ко всенощной, въ седьмомъ часу: тутъ обыкновенно въ домѣ идетъ содомъ — смотрительша въ суетахъ, шумитъ, торопится... Стотритель *обыкновенно* самъ не свой, тоже какъ оглашенный... Все это было изслѣдовано и устроено такъ, что неграмотнаго малаго всунули къ смотрителю въ самый разгаръ сборовъ ко всенощной... Какъ и слѣдовало ожидать, смотритель, «обыкновенно въ это время какъ оглашенный», бормоталъ въ попыхахъ: — «не время», «не время»; его просили проэкзаменовать, потому что мальчику негдѣ жить и надо либо поступить сейчасъ на казенный счетъ, либо уѣхать назадъ. Смотритель, задавая какой-нибудь вопросъ, конечно въ попыхахъ, спрашивалъ: «Кто сотворилъ міръ?». Но жена не давала покою, и экзаменъ прерывался... Въ попыхахъ наконецъ смотритель, какъ бы выбившись изъ силъ, сказалъ: «Ну, пусть остается...» И оба съ женой, еле переводя духъ отъ усталости,

уѣхали ко всенощной, а неграмотный былъ принятъ

Семинарскаго житья-бытья Андрея Васильича я описывать не буду. Труженикъ-братъ на своихъ плечахъ вынесъ его изъ бѣды, которая ежеминутно могла разразиться, ежели бы открылся обманъ. Работая до упаду днемъ надъ своими уроками, онъ по ночамъ работалъ съ братомъ: одновременно онъ учился читать и писать, и наизусть, со словъ брата, выучивалъ всѣ заданные уроки. Черезъ годъ такой муки Андрей Васильичъ наконецъ справился, сталъ настоящимъ, не поддѣльнымъ ученикомъ, пошелъ по обыкновенной семинарской дорогѣ, и пошелъ хорошо.

3.

Я познакомился съ нимъ въ то время, когда онъ проживалъ у дальняго родственника изъ духовныхъ, верстахъ въ десяти отъ той деревни, гдѣ пришлось жить и мнѣ. Кто-то изъ заѣзжихъ крестьянъ, услыхавъ, что въ контору требуется грамотный человѣкъ для переписки прошлогоднихъ счетовъ и отчетовъ, указалъ на Андрея Васильича, присовокупивъ, что парень этотъ больно доберъ, только бы ему маленько съ дѣлами справиться...

Написали Андрею Васильичу записку съ предложеніемъ работы, предложили рубль серебромъ въ сутки и сказали, что работы хватитъ на мѣсяцъ, а то и на два. Пріѣхалъ онъ немедленно въ восторженномъ состояніи, съ множествомъ плановъ: главное—ѣхать учиться. По пріѣздѣ, Андрей Васильичъ сейчасъ-же сѣлъ за работу, и недѣли двѣ подрядъ корпѣлъ надъ всевозможными счетами. Казалось, онъ ни о чемъ другомъ и не думаетъ, какъ только объ этихъ счетахъ, о томъ, чтобы рублей не записать въ копѣйкахъ; а если придется сходить куда-нибудь, такъ только по дѣламъ, все насчетъ тѣхъ-же цифръ, рублей и копѣекъ, а между тѣмъ его деревенское происхожденіе, его знаніе деревенской жизни, деревенскихъ рѣчей, манеръ, лицъ—все-таки сдѣлали то, что онъ въ эти двѣ недѣли не только зналъ деревню, но уже вошелъ и въ ея интересы. Припомните, какое значеніе въ жизни его имѣла деревня, и вы поймете, что не войти въ деревенскіе интересы для Андрея Васильича не было возможности. Прошло два мѣсяца; счеты были окончены, а Андрей Васильичъ *не могъ* ѣхать, все дѣла, то то, то другое. Онъ продолжалъ *проживать*, т. е. спать и обѣдать кой-гдѣ, гдѣ застигнутъ обстоятельства; въ то же время деревенская печаль, постоянно трогая его за сердце, понемногу втягивала да втягивала его въ самую ея глубину.

Свалился съ крыши человѣкъ, плотникъ, лежитъ и не дышетъ. Разумѣется, никто не знаетъ, какъ и чѣмъ помочь.

— Позови-ко Андрей-то Васильича!.. говоритъ народъ.

Андрей Васильичъ приходилъ. Оказывается необходимымъ спиртъ, нужна перевязка.

Сторожъ солдатъ, находящійся среди зрителей, объявляетъ, что у него есть напримѣръ одна штука, и бѣжитъ за ней. Скоро онъ возвращается съ бутылкой, въ которой какая-то жидкость.

— На-ка, погляди, что такое? Стоитъ въ чуланѣ ужъ второй годъ: не то лекарство, не то что; песъ ее знаетъ, что такое. Пробку объѣдаетъ и дымъ валитъ. А штука крѣпкая—одно слово!

— Чего лучше! говорятъ въ толпѣ,—обдай ему спину-то, оно жаромъ его очувствуетъ.

Бутылка дымится и точно объѣла пробку, но что такое въ ней—никому не извѣстно.

— Ишь, песъ какой, лютая, шельма!.. толкуютъ въ толпѣ.

А Андрей Васильичъ сгараетъ со стыда: онъ также не знаетъ, что за песъ въ бутылкѣ, и хоть настоялъ на томъ, чтобы не поливали этой жидкостью спины плотника, но горько пожалѣлъ о своемъ невѣжествѣ. Плотникъ очнулся, а Андрей Васильичъ, разыскавъ какой-то старый лечебникъ, всецѣло отдался изученію его. Стыдъ незнанія, такъ осязательно доказанный ему жизнью, мучитъ его. Куда ни пойдетъ—лечебникъ у него въ рукахъ.

— Что, Андрей Васильичъ, жена моя помираетъ быдто, говоритъ мужикъ.

— Чѣмъ она больна? давай, я по лечебнику...

— Да пущай ее помираетъ... Право!

— Какъ такъ, зачѣмъ?

— Не по душѣ мнѣ она... Пущай, не трожь ее, помираетъ! а то ей хуже будетъ... Изъ всѣхъ сердцовъ она меня выводитъ... потому—хитрая, язвенная женщина. Меня на ней насильно женили.

Идетъ разсказъ о насильственной женитьбѣ, о зломъ характерѣ жены, которая виновата тѣмъ, что не спросила у жениха до свадьбы—хочетъ-ли онъ взять ее, а пошла съ перваго слова. Андрей Васильичу есть что сказать, хоть все, что онъ говоритъ,—все вещи старыя, всѣмъ извѣстныя. Но тутъ въ деревнѣ онѣ нужны.

— А лечить, все-таки лечи. Это нельзя. Поѣзжай къ фельдшерицѣ, привези!

— Куда я въ етакую погоду? Это и самъ замерзнешь.

— Поѣзжай непремѣнно!

— Да у меня лошадь споролась; играла да на колъ грудью наткнулась, на лѣвую переднюю не ступитъ.

— Да что же ты за чортъ послѣ этого! Безсовѣстный ты человѣкъ! Мало колотилъ ты ее, теперь бросилъ умирать, какъ собаку! Найми у мужика, ежели своей лошади нѣтъ.

— На что я найму? У меня и гроша за душой нѣту.

— Ну, такъ я тебѣ найму. Пойдемъ со мной!

— Да по мнѣ—нанимай...

Андрей Васильичъ занимаетъ рубль серебромъ у мужика, члена банка. Мужикъ даетъ ему деньги и говоритъ:

— Ты вотъ что, Андрей Васильичъ, ты хошь и три возьми, да распутай ты меня съ банкой съ эстой! Вѣдь ночей не сплю. Народъ говоритъ: — «нажился»... Черти эдакіе! А я тебѣ, по чистой вотъ по совѣсти, какая бываетъ у человѣка совѣсть, напримѣръ, чистая!..

— Ладно, ладно...

И еще разъ жизнь втянула Андрея Васильича

въ маленькое, но серьезное дѣло—въ семейную драму... Поправившись, больная идетъ къ нему благодарить, и разсказываетъ, что во время болѣзни родные, мать родная и сестры, выбрали у нея изъ сундука все до нитки: «думали, умру!» «Мужъ въ ту пору тоже моей смерти дожидался, а теперь вотъ, когда Богъ помогъ встать, заступаться сталъ». Мужъ точно сталъ совсѣмъ другой: горой стоитъ за жену или за имущество - неизвѣстно. И опять Андрею Васильичу, какъ человѣку деревенскихъ интересовъ, нельзя не вступиться въ дѣло.

4.

Покуда онъ участвуетъ во всѣхъ семейныхъ сходкахъ, покуда онъ съ величайшими усиліями добивается «уступокъ», т. е. покуда, благодаря ему, родители возвращаютъ взятыя вещи, возвращаютъ медленно, съ промежутками, по полотенцу, по парѣ чулокъ, народный говоръ тянетъ его въ банкъ: «разбери!» Но, прежде нежели взяться за дѣло и разобрать, какъ слѣдуетъ, надо отдать рубль серебромъ члену, котораго обвиняютъ въ растратѣ. Андрей Васильичъ рѣшается наняться на эту работу у товарищества. Происходитъ самый обыкновенный наемъ.

— Много-ль тебѣ надо-то?

— Да вы дайте мнѣ, чтобъ хватило и на ѣду, и на табакъ.

— Много-ль?

— Да рублей восемь.

— Это въ годъ, что-ли?

— Какъ въ годъ, въ мѣсяцъ!

— У-у-у, ты Боже мой! Куды этакую прорву... Это и совсѣмъ банку пристановить надо... Табаку на столько рублевъ!..

— Дураки вы этакіе! кричитъ кто нибудь изъ тѣхъ, кто разслышалъ, въ чемъ дѣло.— И на пищу, и на табакъ.

— Больно жирно восемь-то рублевъ... Этакъ по восьми-то рублевъ будемъ проѣдать, такъ намъ и съ банкой надо по міру пойти.

— Да вы сосчитайте, много-ли я прошу-то.

— Клади на счетахъ! Давай счеты! Это лучше всего!

— Онъ тебѣ на сорокъ насчитаетъ! Счеты-то велики!

— Клади, клади!... Будетъ галдѣть, дьяволы! Раздается стукъ счетъ.

—Клади, говоритъ, Андрей Васильичъ:—на харчи хоть по пятнадцати копѣекъ въ сутки...

— Куды—столько! Это раззоръ...

— Да ты скажи, горячась вопіетъ Андрей Васильичъ:—почемъ говядина? Ну, почемъ фунтъ мяса?.. Ну?

— Теперь, поди, постъ!

— Я говорю: ты скажи цѣну? Какая цѣна?

— Ну, три копѣйки...

— Ну, три фунта —девять...

— Да это лопнешь съ трехъ-то фунтовъ...

— Лопну или не лопну—это дѣло мое! А меньше трехъ фунтовъ мнѣ въ день нельзя. Попадется кость—въ ней тожефунтъ цѣлый пропадетъ вѣсу-то.

— Вѣрно! раздается голосъ.

— За три заплати, а ужъ трехъ фунтовъ никогда не принесешь.

— Вѣр-р-рн-а! утверждаютъ нѣсколько голосовъ.

— Такъ какъ же ты хочешь, чтобы на обѣдъ и на ужинъ хватило меньше трехъ фунтовъ! съ горькимъ упрекомъ говоритъ Андрей Васильичъ.

— Что ты его слушаешь, раздаются сочувственные голоса.—Онъ самъ не знаетъ, что у него языкъ болтаетъ... Ладно! Бери на три фунта—чего тамъ, авось не проѣшь.

Едва улаживается дѣло съ мясомъ, какъ вопросъ о курительномъ табакѣ вновь поднимаетъ цѣлую бурю, и, только послѣ весьма продолжительныхъ преній, оранья, брани, перекоровъ, дѣло рѣшается въ пользу Андрея Васильича.

— Ладно! Пущай! говорятъ одни.

— Шутъ съ нимъ! заканчиваютъ дѣло другіе.

И Андрей Васильичъ принимается за работу. Оказывается необходимымъ разобрать не только книги послѣдняго года, но всѣ банковыя дѣла съ основанія, причемъ въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ оказывается такая путаница, которую, кажется, нѣтъ никакой возможности разобрать, если основывать все дѣло на писанныхъ документахъ и записяхъ. Записи, вродѣ напримѣръ: «дано въ кабакъ 10 р.», или «Миридоновы за 22 фун. по 13 к. за вичину брата опсвяткахъ: повернуть въ оборотныя» и т. д., безъ означенія года, мѣсяца и числа,—записи, однако свидѣтельствующія о томъ, что въ кабакъ дѣйствительно дано, а Миридонова ветчина тоже дѣйствительно зачислена въ оборотныя—все это требовало другихъ, не писанныхъ документовъ и разъясненій. Необходимы были словесныя объясненія, разспросы и о ветчинѣ, и о Миридонѣ, и о кабакѣ. Необходимо было поэтому перезнакомиться не съ одной, а съ двадцатью деревнями, необходимо было разъѣзжать по этимъ деревнямъ, ночевать въ избахъ, разспрашивать и Миридона, и миридоновскихъ односельчанъ. При этомъ обнаруживается такая масса пріятныхъ и отталкивающихъ вещей, что знаніе народной среды, пріобрѣтенное въ дѣтствѣ и отрочествѣ, дѣлается у Андрея Васильича еще шире. «Нѣтъ, рѣшаетъ онъ: - сюда надо являться во всеоружіи знанія и опыта, а дѣла здѣсь—нѣсть числа!» И мысль о знаніи мучитъ его. Дорабатывая банковое дѣло, онъ только и думаетъ о томъ, хватитъ-ли у него денегъ на пароходъ...

Наконецъ дѣло окончено: выяснены всѣ темныя мѣста, всѣ пропуски; все записано вполнѣ, на основаніи всевозможныхъ справокъ; съ громадными усиліями достигнуто то, что изъ кармана лицъ, завѣдывавшихъ банкомъ, были возвращены и 10 р., данные въ кабакъ, и деньги за Миридонову ветчину, словомъ—выяснена вся сумма недочета, и по возможности съ ругательствами, бранью, проклятіями возвращена въ банковую кассу... Дѣло сдѣлано старательно, справедливо, ничего не утаено. Лучше всѣхъ объ этомъ знаютъ виновные, и по окончаніи Андреемъ Васильичемъ работы, чувствуя, что худое дѣло какъ-никакъ, а снято съ нихъ

плечъ, виновные въ банковыхъ безпорядкахъ начинаютъ относиться къ нему съ искреннѣйшей благодарностью. Они знаютъ, что могло быть и хуже, что, не смотря на то, что Андрей Васильичъ, кажется, уже до всего доходилъ, а въ самомъ дѣлѣ-то до корня не добрался, а безъ него — кто станетъ добираться? Такого другого человѣка не найти. Стало быть, самый корень-то такъ и останется въ забвеніи.

— Спасибо тебѣ, вотъ какое спасибо, искреннѣйшимъ образомъ говоритъ одинъ изъ виновныхъ.— Оправилъ ты меня!.. Я ужъ думалъ – Сибирь мнѣ... Пойдемъ!..

— Нѣтъ, не хочу!

— Съ медомъ! Ну, сдѣлай милость, пойдемъ!

Другой, тоже изъ числа оправленныхъ, зоветъ къ себѣ:

— А оттедова ко мнѣ, бражкой угощу! ужъ какъ мы тобой довольны, вотъ тебѣ передъ Богомъ...

Не хорошо на душѣ у Андрея Васильича. Знаетъ онъ, что люди эти не разъ, во время банковой работы, оставляли у него на душѣ тяжелое, обидное впечатлѣніе.

— Обругать-бы тебя надо, Игнатій Петровичъ! говоритъ онъ одному изъ «оправленныхъ»:—а не чай пить.

— Ну, будетъ! Знаю я! Оставь это, сдѣлай милость, пойдемъ!

— Да и тебя, Капитонъ Васильичъ! И у тебя рыльце въ пушку! Ужъ извини..

— Мы что знаемъ? наивничаетъ Капитонъ Васильичъ:—мы нешто грамотные? Тамъ писаря напишутъ Богъ вѣсть что, а мы отвѣчай... Нашего брата и такъ ужъ пилили-пилили... Я съ эвтой банки – ночей не спалъ... Богъ съ ней и съ банкой! А доволенъ я, что по крайности ты меня выправилъ! Кабы поменѣ ты съ меня начету взялъ, я-бъ тебя, вотъ передъ Богомъ тебѣ говорю, не то чтобы бражкой, а самымъ что ни-на-есть... да ужъ больно ты меня деньгами-то наказалъ...

— Мало, мало, Капитонъ Васильичъ!

— Да бббу-детъ вамъ, Христа ради! умоляетъ первый изъ виноватыхъ.—Пойдемъ чай-то пить, шутъ съ ней и съ банкой!

— Нѣтъ, погоди... Вотъ онъ жалуется, что съ него много взято.

— Да пущай его жалуется! Перестанетъ...

— Да я и не жалуюсь. Благодаримъ, молъ, покорно... Оправили... Ну, маленечко многовато бытто.

— Нѣтъ, маловато, Капитонъ Васильичъ! Давай я тебѣ на счетахъ докажу..

— Нешто мы что знаемъ? На счетахъ все можно...

— Н-ну нѣтъ, братъ! сердясь уже, произноситъ Андрей Васильичъ.

— То-то мы не понимаемъ эфтого. А представляется нашему уму глупому—бытто лишки. Да это что ужъ! Богъ съ ними, не про это!.. А что благодаримъ—больше ничего.

Андрей Васильичъ не можетъ не волноваться. Капитонъ хоть и говоритъ свои рѣчи улыбаясь, но очевидно имѣетъ противъ него зубъ, неудовольствіе и будетъ питать его непрестанно, сколько ему не разъясняй, не растолковывай. Это одинъ изъ упорныхъ деревенскихъ злецовъ, смиренный, подхалимоватый, но злопамятный человѣкъ. У Андрея Васильича, знающаго все это и не разъ выводимаго изъ всякаго терпѣнія людьми этого сорта, закипаетъ желаніе во что-бы то ни стало убѣдить этого злеца, сломить это упорное отстаиваніе явной неправды, про которую знаетъ самъ Капитонъ, да не хочетъ сознаться.

— Нѣтъ, говоритъ Андрей Васильичъ:—ты меня, Капитонъ Васильичъ, ужъ пожалуйста не благодари, сдѣлай милость. А вотъ что я тебѣ скажу. Я было-собрался уѣзжать, думалъ, что дѣло это кончено; ну, а теперь останусь... Давай опять всѣмъ міромъ провѣрять книги.

— Что ты! Что ты! вотъ еще затѣваешь! вопіютъ оба оправленные въ одинъ голосъ. Ну ее къ Богу!

— Нѣтъ! задѣтый за живое, говоритъ Андрей Васильичъ: —давай сызнова. Говори, на чемъ тебя обсчитали?

— Да будетъ тебѣ! Брось ты его, лысаго дурака!

— Ну—въ чемъ? пристаетъ Андрей Васильичъ.

— Али захотѣлъ, чтобъ хуже было? А какъ накатаютъ на твою лысину еще съ полсотни—лучше будетъ?

— Да, Господи помилуй! Нешто я жалуюсь! ужъ вполнѣ виноватымъ тономъ произноситъ Капитонъ.— Что вы это! Я только такъ, молъ. . Что вы насъ, дураковъ, слушаете? Я нешто—что?..Опять считать! Нѣтъ, ужъ увольте, и такъ она вонъ гдѣ, банка-то...

— А надо-бы тебя, Капитонъ Васильичъ, поприжать! Погоди! Ей-богу, я опять засяду. Я сорокъ рублей записалъ на жалованье письмоводителю, то есть будто-бы себѣ, а вѣдь эти деньги прямо надо съ тебя взять.

— Помилуй, что ты! Господи Боже мой! Чай, и этого будетъ! Еще сорокъ! Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, ты это оставь...

Капитонъ начинаетъ ужъ умолять. Андрей Васильичъ доказываетъ ему, что онъ не будетъ вновь поднимать этого дѣла потому только, что ему надо ѣхать, а то-бы слѣдовало пробрать Капитона Васильича и не такъ... Дѣло кое-какъ улаживается. Андрей Васильичъ чувствуетъ, что онъ дѣлалъ дѣло правильно, какъ могъ, никому не помирволилъ, и что протестъ Капитона онъ, по совѣсти, имѣетъ право оставить безъ вниманія, хотя знаетъ, что Капитонъ, испуганный перспективою переучета, только притворился вполнѣ удовлетвореннымъ и что ушелъ онъ домой все-таки со злобой въ сердцѣ.

5.

Надо, надо ѣхать.. На будущее-же лѣто Андрей Васильичъ воротится сюда-же, здѣсь много у него образовалось связей, знакомства: — куда-жъ ему возвращаться-то, какъ не сюда? И гдѣ онъ такъ много работалъ, гдѣ въ немъ такъ нуждались, какъ здѣсь?

Онъ совсѣмъ собрался; только денегъ не хватаетъ... Вопросъ о деньгахъ только-что было-началъ возникать въ ряду его размышленій, какъ случилось новое, совершенно деревенское обыкновен-

нѣйшее обстоятельство, которое однако заставило сразу забыть и поѣздку, и вопросъ о деньгахъ, и опять потянуло въ глубь, въ темь деревенской жизни.

Явилась сплетня и неправда.

— Скоро-ль ѣдешь-то? спрашиваютъ его, дня черезъ два послѣ окончанія банковскихъ дѣлъ, одни изъ мужиковъ-пріятелей.

— Да вотъ не знаю... Скоро, я думаю...

— А тамъ про тебя и невѣсть что болтаютъ!— Мужикъ-пріятель махаетъ рукой.

— Что такое?

— Галдятъ, не приведи Богъ что!

— Что же именно галдятъ-то?

— Сказываютъ такъ, бытто подѣлили вы съ оправленными-то не малые барыши... Онъ бытто тебѣ денегъ отвалилъ... Былъ ты у него опосля банки?

— Былъ.

— Пилъ чай?

— Пилъ.

— А послѣ на пчельникъ поѣхали?

— Да, ѣздили на пчельникъ.

— Давалъ онъ тебѣ тамъ деньги?

— Давалъ.

— Ну вотъ!..

Андрея Васильича сразу хватаетъ за сердце послѣ этого «ну вотъ!» сказаннаго его хорошимъ пріятелемъ такимъ тономъ, который давалъ этой фразѣ необычайно оскорбительный смыслъ:—«ну, такъ стало быть, не даромъ они галдятъ-то»... Вотъ какой смыслъ таился въ этомъ краткомъ—«ну вотъ».

— Да вѣдь это я съ него восемь рублей за послѣдній мѣсяцъ получилъ.

— Поди, толкуй съ ними!

— Да вѣдь я нанимался къ нимъ за восемь рублей! Вѣдь они же должны помнить это?

— Да, такъ они и станутъ разбирать!.. Много они понимаютъ .. Имъ нешто что... Получалъ деньги—вотъ те и все... Нешто ты ихъ урезонишь? Вонъ, еще говорятъ, на Миридоновой вичинѣ Капитона обсчитали... Насчитали по 13-ти копѣекъ, а она по 11-ти съ половиною. Свидѣтель показываетъ на тебя, какъ деньги-то бралъ... А двали, три-ли рубля Капитоновыхъ не приписано, а онъ изъ своихъ проѣздилъ на извозчикѣ въ городу... значитъ, по банкскимъ дѣламъ... А съ того, что вы подѣлились-то вмѣстѣ, не взялъ лишковъ-то, потому заодно... Ты бралъ у него лошадь?

— Когда?

— А онамедни, мѣсяца съ четыре назадъ?

— Это за фельдшерицей-то ѣздили?

— Да ужъ зачѣмъ тамъ не ѣздили .. Бралъ? говорю.

— Бралъ.

— Ну вотъ!..

И опять это «ну вотъ!» бьетъ прямо въ сердце. На этотъ разъ въ немъ слышится нѣчто другое: «Вотъ вѣдь все такъ выходитъ!».. какъ будто-бы начиная подозрѣвать, думаетъ мужикъ-пріятель, говоря свое «ну вотъ»...

— Ну вотъ, продолжаетъ онъ: — они и болтаютъ, бытто у васъ съ нимъ давнымъ-давно шуры-муры!.. Да про бабу, про эту...

— Про какую бабу?

— Ну вотъ, что больная-то была .. Еще лечилъ-то, а опосля того имущество ейное выхлопатывалъ... И про бабу тоже болтаютъ, что, молъ, отецъ ея тоже въ банкѣ, а съ него нѣту начету... Да мало-ли тамъ! закончилъ пріятель свою бесѣду, вновь махая рукой.—Ихъ, чертей, нешто переслушаешь! У нихъ -- поди ко!

Андрей Васильичъ очень хорошо уже зналъ, что обнаружить свое негодованіе — значитъ усилить даже въ пріятелѣ-мужикѣ всевозможныя подозрѣнія; зналъ онъ также, что разъяснять дѣло тихимъ манеромъ—тоже вещь безполезная, ибо ровно ничего и никому не разъяснишь, да и никто не нуждается въ разъясненіи, такъ какъ галдѣніе это имѣетъ совершенно опредѣленную цѣль, именно: міроѣды и коштаны желаютъ сорвать съ одного изъ «оправленныхъ» по банковому дѣлу могарычи (по степному «давасы»), и тѣмъ болѣе надѣются ихъ сорвать, чѣмъ срамота, пущенная про него, будетъ больше по размѣрамъ, чѣмъ больше будетъ осрамлено людей, которые за свой срамъ, благодаря все тому же одному лицу, конечно навалятся на это лицо съ гнѣвомъ, бранью, такъ что въ концѣ концовъ, какъ ни крѣпись, а опозориваемый и ругаемый человѣкъ долженъ-таки будетъ согласиться на такую питейную жертву, размѣръ которой пожелаютъ господа посрамители.

Все это Андрей Васильичъ зналъ; зналъ онъ, что его срамятъ, такъ сказать, по пути, чтобы, осрамленный, онъ самъ сорвалъ зло на виновникѣ всей путаницы; зналъ, что и бабу приплетаютъ сюда и позорятъ ее—все для того же, чтобы отецъ бабы, вступившись и за свою, и за дочерину обиду, также бы не обошелъ безъ ненависти все того же единственнаго виновника. Зналъ Андрей Васильичъ, что все это дѣло, несмотря ни на что, непремѣнно *должно* кончиться могарычами, такъ какъ виновника, окружа со всѣхъ сторонъ, «припрутъ» всевозможными способами, и т. д., и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также зналъ, что всю эту исторію можно прекратить мгновенно—стоитъ только дать свои восемь рублей виновнику (который будетъ упираться до тѣхъ поръ, пока хватитъ силъ), и пусть онъ удовлетворитъ господъ міроѣдовъ... Но справедливо ли это? Честно-ли? И кромѣ того, развѣ это не явное подтвержденіе всѣхъ сплетенъ!

— Нѣтъ, подумалъ Андрей Васильичъ:—такъ оставить этого нельзя. Онъ зналъ, что нѣтъ никакой возможности ни разъяснить, ни опровергнуть распускаемыхъ сплетенъ; поэтому, говоря себѣ «нельзя», онъ имѣлъ въ виду не разрушеніе этихъ сплетенъ и не опроверженіе ихъ, а ненависть, уже успѣвшую въ немъ воспитаться, ко владычеству міроѣдовъ и кулаковъ, къ выработаннымъ ими пріемамъ, помощью которыхъ они гнетутъ и обираютъ міръ. Имъ, т. е. главнымъ дѣйствующимъ лицамъ этой механики, нужно только сорвать съ человѣка водку — ничего больше. Сколько они пускали и пускаютъ въ ходъ для этого всякой гадости, клеветы, лжи и обмана! Сколько напускаютъ они въ сознаніе народа всякаго тумана, къ какимъ подлымъ взгля-

дамъ пріучаютъ его! Все это сразу охватило Андрея Васильича, и онъ рѣшился обнаружить, вывести на свѣжую воду если не всѣ—на это не хватитъ силъ—то хоть что нибудь изъ этихъ продѣлокъ, показать добродушнымъ мірянамъ, въ чемъ сила этихъ деревенскихъ умниковъ и авторитетовъ, осрамить ихъ такъ, чтобы самому малому ребенку стала ясна ихъ гнусная суть.

Какая-же тутъ поѣздка?.. Нѣтъ! тутъ есть надъ чѣмъ поработать!

Андрея Васильича «взяло за живое». Предстоявшая работа ничѣмъ не напоминала той, которая занимала его до сихъ поръ; это—не утомительное банковое подсчитываніе, не безстрастное разспрашиваніе о разныхъ разностяхъ, касавшихся банка, не леченіе наконецъ. Нѣтъ: въ предстоявшемъ дѣлѣ слѣдовало быть мудрымъ, яко змій, и кроткимъ, какъ голубь. Это было дѣло высшей политики. Необходимъ былъ тончайшій разсчетъ, чтобы не обнаружить плана, чтобы напасть врасплохъ, необходимы были факты и люди, готовые своимъ словомъ поддержать ихъ на міру. Предстояла настоящая парламентская борьба. Говоримъ это совершенно серьезно, такъ какъ парламентскіе пріемы, подвохи, подходы отлично разработаны деревней; разработаны особенно потому, что въ большинствѣ случаевъ результатъ ихъ—выпивка.

6.

Здѣсь кстати сказать два слова о коштанахъ и міроѣдахъ, властвующихъ надъ современной деревней. Коштанъ—человѣкъ, который живетъ на мірской «коштъ»: міръ его «коштуетъ», кормитъ... Между міроѣдомъ и коштаномъ существуетъ значительная разница. Міроѣдъ ѣстъ міръ тѣмъ, что норовитъ его нравственно напугать, придавить. Ему мало, чтобы на него работали за долгъ, мало запутать человѣка изъ за нужды и нажиться его трудами: онъ еще желаетъ держать въ рукахъ совѣсть деревенскаго человѣка. На сходкахъ онъ норовитъ осрамить провинившагося человѣка такъ, чтобы тотъ не зналъ, куда дѣться, и потомъ, за вино конечно, помилуетъ, но такъ помилуетъ, что помилованный будетъ «чувствовать» свою зависимость отъ помиловавшаго. Міроѣдъ—это самозванный судья, грозный отецъ деревни (такова его цѣль), безпощадный каратель всякаго *дурного* поступка... Отъ него, отъ его слова зависитъ, чтобы человѣка навѣкъ осрамили, напримѣръ выпоровъ его на сходкѣ. Міроѣдъ—мастеръ стыдить, усовѣщивать, обличать; онъ постоянно стоитъ горой за міръ, за мірской интересъ, за божескую правду и этимъ пріемомъ затыкаетъ міру ротъ. Всякій, на кого обрушился его гнѣвъ, нарушилъ именно мірской интересъ и божескую правду; онъ не церемонится въ выраженіяхъ—ругательски ругаетъ виновнаго; онъ такъ возмущенъ его поступкомъ, что не приберетъ ему наказанія. «Драть тебя мало, такой-сякой, рррazоритель, воръ ты безсовѣстный!» И, помиловавъ его, онъ опять ругается: «Вотъ только срамить тебя не хочется, мошенника, ради твоего сиротства, каналья этакая, безумная...А т-то бы тебя, шельму этакую»... и т. д. Помилованіе послѣдовало вслѣдствіе обѣщанія вина. Какъ это дѣлается—читатель увидитъ ниже. На такого человѣка работаютъ даромъ, безъ всякаго долга, потому строгъ и золъ, какъ чортъ; міроѣда ненавидятъ всѣ; но всѣ боятся, какъ огня, потому-что это такой человѣкъ, который не побоится и не задумается погубить ближняго—только попробуй ему поперечить. Онъ силенъ, необыкновенно силенъ тѣмъ, что подрываетъ у человѣка, попавшагося ему въ лапы, вѣру въ самого себя, ослабляетъ его духовную дѣятельность, потому что осуждаетъ его во имя высочайшей справедливости (онъ знать не хочетъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ), а оправдываетъ также во имя безпредѣльнаго милосердія. Человѣкъ уходитъ, чувствуя себя подавленнымъ нравственно, не смотря на оправданіе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что больше всего отъ этого грома небеснаго терпитъ простой, простодушный человѣкъ, не знающій, по неопытности, всѣхъ парламентскихъ махинацій во имя «срыва» и кабака. Такихъ людей въ деревнѣ много, громадное большинство. Подавленный своимъ домашнимъ хозяйствомъ, своей домашней работой, такой человѣкъ не входитъ во всѣ подробности парламентскихъ затѣй: онъ знаетъ, что тамъ есть старики, которые рѣшаютъ дѣла. Вино мірское онъ ходитъ пить—это правда, потому вино—вещь хорошая, а во всѣхъ прочихъ дѣлахъ слушаетъ стариковъ: «пускай они рѣшаютъ ихъ, какъ знаютъ—у меня и своего дѣла не передѣлаешь». Вотъ такихъ-то простаковъ, составляющихъ въ деревнѣ почти всю рабочую силу (они на своихъ плечахъ выносятъ желающихъ отдохнуть подъ старость родителей, стариковъ и старухъ, выносятъ почти всѣ платежи), такихъ не знающихъ порядка работниковъ міръ и *учитъ* въ лицѣ міроѣдовъ.

Вотъ укралъ такой простакъ мірского лѣсу и укралъ онъ также по наивности и даже изъ явной жалости къ мірскому добру:

— Я-бы попросилъ у міра, говоритъ такой воръ, — да вѣдь вмѣстѣ со мной двадцать человѣкъ, кому и не нужно, выпросятъ...

Какъ-то невольно вѣрится этому объясненію. Но если-бы даже онъ укралъ и потому, что не надѣялся на мірское разрѣшеніе, а нужда была ему крайняя, то все-таки такой простакъ никоимъ образомъ не могъ ожидать того сраму, той всеобщей жажды (возбуждаемой міроѣдомъ) осрамить его, стереть съ лица земли, какая обрушивается на его голову.

«Поймали, поймали!» вопіетъ вся деревня, и съ позоромъ тащитъ «вора» на сходъ.

Здѣсь міроѣды дѣлаютъ свое дѣло. Страшно смотрѣть на бѣднаго простака, въ буквальномъ смыслѣ «потрясаемаго» необычайно выработаннымъ ораторскимъ искусствомъ иного міроѣда. Разбитый въ дребезги во имя высочайшей справедливости, опозоренный передъ всѣмъ обществомъ, устыженный этою высшею справедливостью въ самой глубинѣ своей совѣсти, онъ въ буквальномъ смыслѣ не знаетъ—что ему дѣлать... Вотъ-вотъ его на

чнуть сѣчь. Розги лежатъ на печкѣ въ сборной избѣ.

Въ эту ужасную минуту его вызываютъ зачѣмъ-то въ сѣни.

— Да заткни ты ему, громителю-міроѣду, глотку-то! Залей ему, подлецу! совѣтуетъ здѣсь въ сѣняхъ какой-то добрый человѣкъ шопотомъ.

— Отецъ родной! все возьмите, только освободите! Вѣдь драть хотятъ! Я и не знаю, какъ быть-то... Отецъ родной, выручи, помоги!—все отдамъ до нитки...

— Ну, ведерку поставь, да наливочки штофа два...

— Хоть три ведра бери... Пятерыхъ овецъ отдамъ—все возьмите, только отпустите...

— Почемъ овцы-то?

— Да хоть по рублю давай — отдамъ съ радостью.

— Ну, по рублю-то я возьму, иди, молчи... Я ужъ какъ-никакъ разстараюсь. Жаль мнѣ тебя стало—вотъ въ чемъ! Истинно жаль. Глядѣлъ, глядѣлъ я, думаю: Господи, да вѣдь и на мнѣ, чай, крестъ-то есть! Что-жъ это такое? Вѣдь надо пособить парню-то... Ну, какъ-нибудь...

— Дай тебѣ, Владыко небесный...

Этотъ благодѣтель и есть коштанъ.

Коштанъ—другой типъ изъ числа людей, держащихъ въ своихъ рукахъ судьбы современной деревни, далеко не идетъ въ сравненіе съ міроѣдомъ: у того задача громадная — перепугать ближняго нравственно, забрать его въ руки голой рукой. У коштана—цѣль мелкая, практическая: поживиться, нажить рублишко, на даровщину выпить и въ то же время оставить о себѣ впечатлѣніе человѣка, заботящагося о твоей пользѣ. Коштанъ находится въ союзѣ съ міроѣдомъ, но исполняетъ черную работу; міроѣдъ никогда не скажетъ виновному:—«ну мирись, что-ль, на ведрѣ!» Это—дѣло коштана. Дѣло коштана также придумать предлогъ, который-бы далъ возможность накинуться міроѣдамъ на какого-нибудь простофилю. Со-временемъ коштанъ также будетъ міроѣдомъ; но покуда ему надо разжиться, и вотъ онъ набиваетъ карманъ понемногу «не плечами, а рѣчами»...

Вотъ примѣръ коштановой работы:

У міра снимаютъ въ аренду небольшой участокъ земли или луга, положимъ, за сто рублей. На сходкѣ является коштанъ и начинаетъ хлопотать, чтобы міръ не отдавалъ чужому, а отдалъ бы своему, хоть свой и даетъ девяносто.

— Чтó мы будемъ давать чужимъ наживаться? Пущай же, Господь съ нимъ, лучше нашъ, свой владѣетъ, все нашему міру правильный человѣкъ будетъ и авось поблагодаритъ... Вотъ вѣдь, рано-ли, поздно-ли, а придется новаго сборщика или сотскаго выбирать, анъ міръ-то тогда ужъ и воленъ сказать ему: «мы, другъ любезный, тебѣ сдѣлали уступку—теперь ты намъ послужи»... Міру нужны люди благодарные... Вотъ я что говорю... А десять цѣлковыхъ—великъ-ли это міру убытокъ? Да и барышъ-то великъ-ли будетъ? А какъ своему отдадимъ, хоть и дешевле, — всегда барышъ: благодарный человѣкъ отслужитъ всѣмъ на пользу.

Кажется, все вѣрно и справедливо до послѣдняго слова. И точно: міръ рѣшаетъ отдать землю дешевле тому изъ своихъ односельчанъ, котораго рекомендуетъ коштанъ. Этого человѣка, большею частью бѣднаго, кроткаго, коштанъ рекомендуетъ міру тоже съ самой хорошей стороны.

— Ужъ работяга... ужъ сами, чай, видите... Семья большая... сынъ въ солдатахъ и старость идетъ... Нѣтъ, міряне, надо человѣку дать поправиться!

Хорошо, отлично, убѣдительно говоритъ коштанъ. И міръ все рѣшаетъ по его слову. Но прошла недѣля, и что-же оказывается? Оказывается, что мужикъ, котораго міръ пожалѣлъ, совсѣмъ не пожалѣлъ міра: взялъ да отдалъ участокъ тому-же самому мѣщанину, который снималъ его сначала, да отдалъ не за сто, а за сто двадцать пять рублей.

— Ты что-жъ это, безстыдная твоя душа?.. нападаетъ міръ на измѣнника.

— Простите, православные! Нужда!

Говоритъ это измѣнникъ самымъ искреннимъ образомъ—и больше ничего не говоритъ.

А могъ-бы сказать многое; нужда загнала его въ лапы къ коштану, коштанъ подбилъ его снять участокъ, росписалъ ему всѣ выгоды, обѣщая помочь «все для твоей-же пользы»,—и даже денегъ далъ на срокъ. Мужикъ согласился: а какъ только земля досталась по цѣнѣ низшей и досталась человѣку, находящемуся въ рукахъ у коштана,—послѣдній тотчасъ-же затѣялъ переговоры съ мѣщаниномъ, обдѣлалъ дѣло за сто двадцать пять рублей, тотчасъ потребовалъ съ мужика, который ему «подверженъ», свой долгъ (деньги, данныя на уплату міру за аренду участка), и когда мужикъ, разумѣется, оказался несостоятельнымъ, то коштанъ и предложилъ ему перепродать.

— Пять цѣлковыхъ еще лишку даетъ мѣщанинъ-то, да и меня развяжешь!..

Что тутъ дѣлать? Теперь представьте себѣ, какимъ человѣкомъ является коштанъ передъ міромъ? Кто хлопоталъ о своемъ мірскомъ человѣкѣ?—онъ. Кто давалъ свои собственныя деньги этому человѣку, чтобы онъ поправился? — онъ-же. Кромѣ того онъ давалъ безъ процентовъ, такъ—отъ сердца...

— Что-жъ подѣлаешь, братцы! вижу, пропадаютъ мои денежки, да и міру-то не всѣ отданы! Ну, думаю, какъ и мірскія-то пропадутъ?... Не такой человѣкъ! Иной-бы съ этакой подмогой какъ взялся-то! Ну, а этотъ, нечего грѣха таить, не обоюденъ! Куда не развязенъ... Н-ну, думаю, грѣхъ-грѣхъ, а и мои денежки—кровныя, да и мірскимъ. Боже сохрани, пропадать нельзя—какъ никакъ, а воротить надо... Ему-же пять рублей лишковъ далъ:—на, возьми мое! Богъ съ тобой... Да и міру винца уже поставлю за свою за провинность—вотъ два рублика!.. Главная причина, Митрофанъ меня сконфузилъ! Неповоротливъ, неукладистъ, лѣнивъ... А ежели бы на другого...

Пять рублей зажимаютъ ротъ Митрофану. Водка зажметъ ротъ міру. Коштанъ сдѣлалъ «оборотъ» — и всё видятъ, что хоть и плутовато, но умно. Все обдѣлано на законной почвѣ мірского интереса.

— Насилу, насилу свои-то выручилъ! долго твердитъ онъ впослѣдствіи, когда рѣчь касается этого дѣла. — Своихъ пять цѣлковыхъ, какъ одну копѣйку, посадилъ, да шутъ съ ними! Пуще всего — передъ міромъ не сфальшивить! Не будь меня — во вѣки-бы Митрофанка не справился отдать. Такъ-бы и пропали мірскія денежки!

Коштанъ наживается, выручая то міръ, то мірянина. Онъ все дѣлаетъ «для твоей-же пользы», «главная причина», чтобы была міру польза. Это плутоватый адвокатъ гамбеттовой породы, набивающій свой карманъ. Коштаны выходятъ въ міроѣды — это бываетъ часто; но большей частью ихъ участь—выходить въ мѣщанство, въ подрядчики, въ торговцы, словомъ—въ люди ловкой, скорой и плутовской наживы чужими руками. Міроѣдъ настоящій, коренной—непремѣнно ораторъ съ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, психологъ... Коштаны —дѣлаются, міроѣды—родятся.

Въ томъ случаѣ, о которомъ я разсказалъ, коштанъ, успѣвши ужъ купить пятерыхъ овецъ за полцѣны, поступаетъ такимъ образомъ: приказавъ обвиняемому опять идти въ сборную избу,онъ,спустя немного времени, и самъ является туда. Міроѣдъ-громовержецъ отлично знаетъ, что̀ такое происходило въ сѣняхъ, но онъ не подаетъ ни малѣйшимъ образомъ вида, что ему что нибудь извѣстно, и продолжаетъ громить. Коштанъ обходится съ своимъ носомъ посредствомъ пальцевъ.

— Согласился! рѣшаетъ про себя міроѣдъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ коштанъ сдѣлалъ-бы что-нибудь другое—кашлянулъ или плюнулъ-бы, или вздохнулъ, или подергалъ бороду... Относительно этихъ знаковъ міроѣдъ и коштанъ условливаются заранѣе.

Благодаря этимъ уловкамъ, которыхъ міръ не знаетъ, ораторъ-міроѣдъ всегда остается логически правымъ, такъ-какъ переходъ отъ гнѣва къ милости умѣетъ сдѣлать незамѣтнымъ и обставить тоже вѣскими доводами.

— Подумай, безумная твоя голова, у кого это ты воровалъ? Вѣдь ты воровалъ у міра! Шельма ты этакая! Твоимъ щенкамъ холодно въ избѣ, такъ ты у цѣлаго міра вздумалъ отнимать? А другимъ нешто не холодно? А сиротамъ бездомнымъ не холодно? (Коштанъ обходится посредствомъ пальцевъ и, потолкавшись, уходитъ.) Есть-ли въ тебѣ совѣсть-то, въ безстыдникѣ? Бога-то ты помнишь ли?.. Вѣдь за этакое дѣло не розгами, а прутьями желѣзными надо драть! Да мало! мало этого!... (Со страшнымъ негодованіемъ): Прощенья проси, безстыжіе твои глаза! Кланяйся... въ ноги міру, чтобы простилъ тебѣ!Ниже! ниже кланяйся...Проси, чтобъ, ради глупости твоей, простилъ тебя, дурака. Ну, міряне (усталымъ голосомъ): Господь нашъ царь небесный велѣлъ прощать. И разбойника простили. Простите его, дурака!.. Пусть помнитъ вашу доброту. Жаль только, а то-бы надо выпороть! Кланяйся старикамъ въ ноги, проси... столбъ безчувственный!..

И въ этомъ дѣлѣ коштанъ хотя и оборудовалъ попользоваться на чужой счетъ, нажилъ рублей пять, а все таки выручилъ:—что-бы безъ него сталъ дѣлать обвиняемый? Какъ-бы онъ справился? Плутъ, плутъ—это вѣрно, а выручилъ—это тоже вѣрно. Міроѣдъ-же, принявъ угощеніе, ничуть не поколебалъ этимъ своего авторитета грознаго судіи. Оправленный чувствуетъ, что онъ могъ его сокрушить и можетъ сокрушить во всякое время, не смотря на угощеніе.

7.

Возвратимся однако къ исторіи Андрея Васильича. Вотъ именно всю фальшь и ложь вышеописанной махинаціи и нужно было разоблачить сразу, внезапно, такъ, чтобы своекорыстное фарисейство мірскихъ воротилъ было выведено наружу и наказано примѣрно Съ напряженнымъ вниманіемъ и крайнею осторожностью собиралъ онъ факты, изучалъ дѣйствующихъ лицъ и былъ поглощенъ этой работой два или три осенніе мѣсяца. Наконецъ и факты, и люди, сочувствующіе дѣлу, были подобраны. Оставалось найти предлогъ, изъ-за котораго можно было-бы начать дѣло. Нашелся и предлогъ. Весною крестьяне дѣлали міромъ загородь отъ господской усадьбы; загородь надо было сдѣлать потому что крестьянскій скотъ забредалъ въ господскій садъ, и за это брали штрафы. Скрѣпя сердце, вся деревня принялась за работу, и загородь была готова въ одинъ день; начали они работу утромъ и кончили вечеромъ. Захотѣлось выпить. Послали депутата въ господскую контору просить выпивки: «мы *вамъ* загородь сдѣлали». Въ конторѣ отказали. Мірского вина не было; необходимо было, во что бы то ни стало, отыскать предлогъ. Коштаны отыскали: при весеннемъ передѣлѣ полей, къ одному изъ крестьянъ отошелъ, кромѣ надѣла, клинушекъ, вдавшійся въ чужую землю не болѣе какъ въ три квадратныя сажени. Коштаны запримѣтили это съ весны, но держали при себѣ до случая. Клинушка этого нельзя было никоимъ образомъ раздѣлить: онъ долженъ былъ оставаться никому непринадлежащимъ; но никто не сомнѣвался, что мужикъ, которому клинушекъ достанется, запашетъ его. Такъ и вышло. Въ упомянутый вечеръ коштаны обратили на эту *несправедливость* вниманіе общества. Общество было радо открытію, какъ маннѣ небесной. Нѣсколько молодцовъ было отряжено на дворъ къ мужику, съ тѣмъ чтобы, не говоря ни слова, захватить у него на дворѣ хомуты и передки телѣгъ, и все это доставить къ кабаку. Какъ и водится, хозяинъ хомутовъ и передковъ тотчасъ-же явился на судьбище. Ему объявили, что за запашку лишковъ съ него слѣдуетъ получить въ пользу міра штрафъ. Свидѣтели, люди, особенно жаждавшіе выпивки, показали, что клинушекъ они вымѣривали сами и что въ немъ оказалось шесть слишкомъ саженъ и что міръ мирится на трехъ ведрахъ. Такую громадную цѣну заломили потому, что мужикъ былъ изъ порядочныхъ. Не смотря на всевозможныя сопротивленія со стороны обвиняе-

маго, вино было поставлено и выпито, и клинушекъ такимъ манеромъ обошелся міряниму рублей не менѣе двѣнадцати.

Вотъ за это-то дѣло и взялся Андрей Васильичъ. Онъ вымѣрилъ съ людьми, которые сочувствовали ему, этотъ злосчастный клинъ, и оказалось въ немъ не шесть, а двѣ съ половиной сажени. Мужикъ былъ радъ дать острастку міроѣдамъ и опиваламъ и, поддерживаемый Андреемъ Васильичемъ, порѣшилъ еще десять рублей пропоить на судей, лишь-бы только вывести дѣло на свѣжую воду. Подана была жалоба — надъ которой Андрей Васильичъ сидѣлъ не однѣ сутки — въ волостной судъ. Судьи были угощены, словомъ — поставлены въ невозможность вилять, въ виду участія посторонняго человѣка, который, по всему видно, спуску не дастъ.

Это собраніе волостного суда, неожиданно потребовавшаго на судилище всѣхъ ораторовъ и благодѣтелей деревни, всѣхъ стариковъ, было торжествомъ для всякаго простого, работящаго человѣка, натерпѣвшагося на своемъ вѣку отъ этихъ фарисеевъ и лицемѣровъ. Вотъ этимъ-то случаемъ и воспользовался Андрей Васильичъ для того, чтобы, придравшись къ нему, показать крещеному міру, въ какой безобразной нравственной кабалѣ держатъ его міроѣды и какъ вообще обираютъ и наживаются на его счетъ, дѣйствуя какъ-будто только во имя мірскихъ интересовъ. Съ громадными усиліями дѣло это было доведено до волостного суда и, благодаря стараніямъ Андрея Васильича и его единомышленниковъ, поддержавшихъ его на судѣ, въ качествѣ свидѣтелей, дѣло было рѣшено справедливо: коштаны и міроѣды поплатились хорошимъ штрафомъ въ пользу мірскихъ суммъ, да и всѣ ихъ соучастники, подручные ихъ, также поплатились, хоть и поменьше.

Справедливостью рѣшенія дѣло было обязано главнымъ образомъ неожиданной настойчивости, съ которою оно было начато, и явной подготовкѣ его, которой судьи, большею частью тѣ же коштаны и міроѣды, не могли не видѣть въ подборѣ свидѣтелей. Они обвинили виновныхъ, потому-что сразу не могли разобрать, въ чемъ тутъ штука... Но чью-то руку подозрѣвали: знали, что дѣло подстроено.

Андрей Васильичъ также зналъ, что успѣхъ этого дѣла прямо обязываетъ его готовиться на тонкій, систематическій отпоръ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы пожинать побѣдные лавры, чтобы похвалить себя за то, что «добился своего», необходимо было вновь напрячь все вниманіе, сосредоточить всю энергію на томъ, чтобы не дать обойти себя, не дать начатому дѣлу исчезнуть безъ слѣда.

Пусть читатель, если можетъ, представитъ себѣ ту бездну мелочей, мельчайшихъ деревенскихъ слуховъ, сплетенъ, которыми приходилось въ это время интересоваться Андрею Васильичу, на которыхъ надо было исключительно сосредоточивать свое вниманіе и онъ пойметъ, что въ жизни Андрея Васильича могли и должны были быть минуты глубокаго отчаянія, томительной тоски.

— Куда ужъ теперь тебѣ ѣхать? говорили ему мужики-пріятели послѣ суда. — Теперь ужъ надо остаться. Нельзя бросить зря...

— Да, ужъ теперь надо погодить! раздумывалъ Андрей Васильичъ.

— Живи въ банкѣ-то... чего? мы тебѣ десятку положимъ... живи пока что...

И сталъ Андрей Васильичъ жить «пока что», чувствуя по временамъ, что какая-то сила тянетъ его какъ будто ко дну, теряя связь съ «тѣмъ міромъ», куда онъ все старался уѣхать, гдѣ легче, лучше, свѣтлѣй, умнѣй, и все-таки не имѣлъ возможности исполнить этого; не имѣлъ возможности «бросить» «ихъ», оставить на произволъ судьбы... Иногда онъ чувствовалъ даже, что погибнетъ здѣсь, пропадетъ, но не могъ: это было безсовѣстно.

Такъ онъ жилъ «пока что» и таялъ... Деревня, нужды которой опутали его умъ и сердце, прямо сказать, *съѣдала* его. И вѣроятно, въ концѣ концовъ, съѣстъ, съѣстъ безъ остатка и пожалуй даже «не попомнитъ». Вѣдь никто не поминаетъ добромъ тотъ кусокъ мяса, который съѣденъ вчера и который даетъ возможность быть живымъ сегодня. Такова участь и Андрей Васильича, и онъ знаетъ это; но знаетъ онъ также, что если, послѣ того какъ онъ будетъ съѣденъ безъ остатка деревней, она и «не попомнитъ» его, даже забудетъ совершенно, онъ — съѣденный — будетъ жить въ ея крови, дѣло его будетъ, незамѣтно для безпамятныхъ деревенскихъ жителей, свѣтить имъ же, какъ и забытый съѣденный кусокъ — незамѣтно для человѣка — живетъ въ немъ и помогаетъ ему жить.

Да, мучительна участь людей такихъ, какъ Андрей Васильичъ! Но то, что̀ они дѣлаютъ, до такой степени важно и нужно для народа, что пора, пора, безконечно давно пора оградить такую дѣятельность отъ малѣйшихъ посягательствъ на то, чтобы превратить ее въ мученичество. Ей надо давать полный ходъ, всякую поддержку, защиту, а не вѣнчать терновымъ вѣнцомъ.

IX.

Лечебникъ отъ всѣхъ болѣзней, помощникъ и указатель во всѣхъ житейскихъ бѣдахъ, несчастіяхъ и затрудненіяхъ.

I.

А покуда дѣятельность Андрей Васильевичей не только не признана вполнѣ законной, вполнѣ необходимой, не только не поддержана, а напротивъ — даже и въ деревнѣ, извѣстной частью деревенскаго населенія, считается вредною, такъ какъ мѣшаетъ свободному проявленію звѣриныхъ наклонностей, — до тѣхъ поръ народъ нашъ долженъ обходиться «своими средствами», облегчать затрудненія жизни собственными силами, своею выдумкой, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который подъ руками, тутъ рядомъ, «округъ дому». Плохъ и малъ этотъ матеріалъ, а заботъ, печалей, затрудненій — выше головы!...

Позволимъ себѣ познакомить читателя съ однимъ, чисто народнымъ литературнымъ произведеніемъ, которое, какъ намъ кажется, лучше всякихъ сочувственныхъ народу монологовъ, дастъ намъ воз-

можность видѣть какъ ту необъятную массу неудовлетворенныхъ, гнетущихъ народную жизнь печалей и заботъ, такъ и тѣ ничтожныя «средствія», съ помощью которыхъ онъ долженъ отъ этихъ нуждъ обороняться.

Въ нашихъ рукахъ находится большой рукописный «Лечебникъ», содержащій въ себѣ описаніе восьмидесяти двухъ травъ, съ указаніемъ болѣзней, въ которыхъ онѣ употребляются, способа приготовленія и употребленія. Книга эта есть несомнѣнно произведеніе народнаго ума, ибо ученые доктора явились въ народной средѣ весьма недавно, и народъ долженъ былъ самъ лечить себя, самъ создавать свою медицину. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и теперь, сію минуту, такого рода рукописные лечебники пользуются большимъ значеніемъ и въ немаломъ кругу народной массы, такъ какъ и до сихъ поръ еще въ очень многихъ мѣстностяхъ слова: «докторъ» и въ особенности «лазаретъ» пользуются не весьма большими симпатіями народа.

Про «лазаретные» порядки, напримѣръ, въ народѣ разсказывается даже сію минуту множество легендъ самаго нерасполагающаго свойства. То будто бы отпилятъ ногу не тому, кому слѣдуетъ, то будто бы живымъ хоронятъ. Разсказъ о покойникѣ, очнувшемся въ гробу, послѣ того какъ изъ лазарета перенесли его въ церковь, почти повсемѣстенъ. Громадная масса народа и до сихъ поръ лечится собственными средствами. Но, кромѣ предразсудковъ къ докторамъ, результата старыхъ порядковъ, когда и съ больницей-то приходилось знакомиться чуть-ли только не въ острогѣ, — предразсудковъ, правда, немедленно же разсѣевающихся при мало-мальски добросовѣстномъ и внимательномъ отношеніи врача къ больному, — народныя лекарства и народныя средства продолжаютъ пользоваться въ народѣ авторитетомъ еще и потому, что особенныя условія жизни народа и главнымъ образомъ земледѣльческаго труда вырабатываютъ недуги, иной разъ гораздо лучше излечиваемые мѣстными средствами, чѣмъ средствами, указываемыми медицинской наукой. Укажемъ хоть на весьма распространенную въ земледѣльческихъ массахъ болѣзнь глазъ. Трепаніе льна, засоряющаго поминутно глаза работникамъ, или жнитво, когда тонкіе усы колоса очень часто попадаютъ къ глазъ — все это гораздо лучше вылечивается въ деревнѣ, чѣмъ въ лазаретѣ. Поди въ лазаретъ, докторъ начнетъ *«пущать капли»*, а деревенская баба-знахарка возьметъ толстую иглу, завернетъ на нее вѣку глазъ и языкомъ сниметъ соринку. Словомъ, при земледѣльческомъ трудѣ есть такого рода недуги, которые понятны врачу только тогда, когда онъ хорошо знакомъ съ этимъ трудомъ и знаетъ сопровождающія его случайности. Въ видахъ всего этого, такая книга, какъ народный лечебникъ, не можетъ не имѣть значенія для всѣхъ интересующихся народомъ, потому что это — коллективное созданіе народнаго ума, многіе годы работавшаго самостоятельно надъ извѣстной областью знанія.

А что лечебникъ, находящійся въ нашихъ рукахъ, именно такое народное произведеніе — это доказываетъ, положимъ, хоть слѣдующее чисто національное *средствіе*. Подъ № 44 значится описаніе растенія подъ названіемъ «Петровъ крестъ», причемъ оказывается, что травой этой «хорошо» присыпать *«сѣчоное мѣсто»*, причемъ «это мѣсто» боли никакой не будетъ чувствовать, «и еще того лучше», если имѣть эту траву при себѣ (должно думать, во время экзекуцій), то по буквальному выраженію лечебника, *«какъ хочешь сѣки по этому мѣсту, то ничего не будетъ!»* Этого, кажется, весьма достаточно, чтобы не имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія въ чисто-народномъ и національномъ происхожденіи лечебника, ибо, сколько мнѣ кажется, ни одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ свѣтилъ науки не въ состояніи указать какого-либо средства противъ «сѣки, какъ хочешь!» именно потому, что уже ни у кого въ свѣтѣ, кромѣ русскаго человѣка, не можетъ быть такой странной болѣзни, какъ «сѣчоное мѣсто». Положимъ, что размѣры этой недавней эпидеміи въ настоящее время значительно сократились; но практика волостныхъ судовъ все-таки поддерживаетъ ее въ такихъ размѣрахъ, которые не позволяютъ считать вышеописаннаго «средствія» анахронизмомъ. Напротивъ, всякому крещеному человѣку недурно про всякъ-часъ запастись чудодѣйственной травой. Это обстоятельство между прочимъ доказываетъ, что лечебникъ не утратилъ значенія и въ настоящіе дни; кромѣ того то же самое подтверждаетъ и то, что нѣкоторыя изъ лекарствъ, поименованныхъ въ лечебникѣ, даются *въ кофеѣ*, что уже прямо указываетъ на то, что къ содѣйствію его прибѣгаютъ люди наисовременнѣйшіе. И такъ, книга, про которую мы говоримъ, есть чисто-народное произведеніе, и притомъ такое, которое имѣетъ значеніе въ народѣ въ самое последнее время.

2

Книга эта, состоящая болѣе чѣмъ изъ двухсотъ страницъ, переписана самымъ тщательнымъ писарскимъ почеркомъ и раздѣлена на двѣ части. Первая часть начинается такимъ предисловіемъ: «Благослови, матушка сырая земля, меня, раба Божія, своего плода уродиться и прокормиться, травъ употребить, коренія укопать, къ чему которая трава угодна, на то употребить». И затѣмъ слѣдуетъ описаніе восьмидесяти двухъ травъ и цвѣтовъ. Во второй части помѣщены «приговоры», съ которыми слѣдуетъ употреблять травы, чтобы онѣ дѣйствовали, и указаны способы приготовленія.

На первый взглядъ, какъ описанія травъ, такъ и приговоры къ нимъ, ничего, кромѣ глубочайшей скуки, не представляютъ. Вотъ напримѣръ трава *муравей*: «ростетъ въ дятловинѣ; *сама мала*; едва можетъ мудрый человѣкъ найти. Листочки на ней четыре, крестикомъ; посреди листочковъ — что иголочка красновата». Или вотъ трава *матица*: «ростетъ на раменскихъ (высокихъ) мѣстахъ; ростомъ мала; листочки кругленькіе, что капуста, съ одной стороны гладка, съ другой — мохната» и т. д. Мы

давали этотъ лечебникъ въ аптеку, и тамъ въ теченіе мѣсяца по этимъ описаніямъ могли розыскать латинскія названія только пяти средствъ, да и то не по описаніямъ лечебника, а по тѣмъ болѣзнямъ, отъ которыхъ средство дается. Точно также и приговоры: рѣшительно неизвѣстно, почему при употребленіи одной травы читается «*Отче нашъ*», а при употребленіи другой—*псаломъ 102*, *Символъ вѣры* или *молитва Богородицѣ*; почему въ одномъ случаѣ молитвы читаются по разу, а въ другихъ по три и наконецъ по двѣнадцати. Все это прописано безъ всякихъ объясненій и въ общей сложности производитъ глубочайшую зѣвоту съ двухъ-трехъ описаній.

Но, преодолѣвъ неинтересность этого чтенія и дочитавъ книгу до конца, вы будете неожиданно глубочайшимъ образомъ заинтересованы. Исчезаютъ изъ вашей памяти описанія травъ, приговоры, молитвы, а вмѣсто этого предъ вами неожиданно возникаетъ полнѣйшая до мельчайшихъ подробностей картина безпомощности, въ которой живетъ простой русскій человѣкъ. Вмѣсто непонятно описанныхъ травъ и молитвъ передъ вами раскрывается весь обиходъ жизни темнаго человѣка, съ такою массою нуждъ буквально на каждомъ шагу, нуждъ, требующихъ именно самаго широкаго знанія, замѣняемаго теперь корнями, приговорами, травами...

Собственно *физическихъ* болѣзней въ лечебникѣ поименовано весьма мало. Корень, ядро физическихъ недуговъ, сосредоточивается главнымъ образомъ въ «порчѣ», и этотъ необъяснимый и непонятный недугъ встрѣчается подъ множествомъ также непонятныхъ наименованій: «*порчи смертной*», «*смертной скорби*», «*черной порчи*», «*злой смертной порчи*», «*нечистой порчи*», «*черной немочи*». Очевидно, что подъ этими непонятными опредѣленіями должна заключаться цѣлая масса недуговъ, которые крестьянскимъ умомъ не опредѣлены въ точности и которымъ поэтому помогаютъ почти всѣ травы. Затѣмъ болѣзни, болѣе или менѣе извѣстныя и въ медицинѣ подъ тѣмъ же названіемъ, какъ и въ народномъ лечебникѣ, весьма немногочисленны; напримѣръ: грыжа, сумасшествіе (умъ рушится), пьянство, глисты, удушье, болѣзнь глазъ («прѣль глазамъ»)—вотъ почти все, и количество лекарствъ противъ этихъ весьма распространенныхъ болѣзней крайне незначительно—по одному, много по два средства указано въ лечебникѣ. Многочисленныя болѣзни дѣтей также почти не подраздѣлены; тамъ, гдѣ дѣло касается дѣтей, лечебникъ, не обозначая опредѣленнаго недуга, просто говоритъ—что̀ именно «*хорошо*» давать дѣтямъ, когда плачутъ, «*жалуются*». Впрочемъ къ числу дѣтскихъ болѣзней отнесенъ «*бредъ по ночамъ*», который лечится тѣми-же средствами, что и сумасшествіе у взрослыхъ, и отмѣченъ какой-то странный дѣтскій недугъ—«*безсонница отъ страха*». Вотъ въ общихъ чертахъ физическія страданія, излечиваемыя по указанію лечебника *). За исключеніемъ лихорадки, которая имѣетъ три подраздѣленія и наименованія, всѣ обуревающіе народъ физическіе недуги, во-первыхъ, весьма немногочисленны, а во-вторыхъ—крайне поверхностно опредѣлены.

*) Кстати сказать, лекарства принимаются не на тощій желудокъ, а на тощее сердце, и болѣзнь не «*проходитъ*» отъ лекарства, а лекарство *выгоняетъ* ее вонъ».

Совсѣмъ не то съ другого рода недугами, тѣми недугами, которыми страдаетъ не больной, а здоровый простой человѣкъ. Можете себѣ представить, что эти же самыя *восемьдесятъ двѣ* травы, излечивающія всѣ поименованные недуги физическіе, что онѣ-же помогаютъ простому человѣку рѣшительно *на всѣхъ* путяхъ его жизни, при всевозможныхъ житейскихъ затрудненіяхъ, во всевозможныхъ жизненныхъ столкновеніяхъ, словомъ—во всѣхъ отношеніяхъ человѣческихъ, семейныхъ, общественныхъ; облегчаютъ ему безчисленныя затрудненія — и это все тѣ-же самыя восемьдесятъ двѣ травы!

Есть травы, положительно обремененныя всевозможными народными нуждами, которымъ онѣ должны удовлетворять, бѣдами, въ которыхъ должны помогать. Вотъ напримѣръ трава *царевы очи* (ростетъ на болотинахъ, ростомъ съ иглу, собою красненька, цвѣтокъ имѣетъ наверху, тоненькая и маленькая). Эта трава помогаетъ, *во-первыхъ*—въ домѣ чтобы все было благополучно; *во-вторыхъ*—скотина не хвораетъ, ежели держать ее въ хлѣву въ сухой чистой тряпкѣ; *въ-третьихъ*—хороша, когда идешь на судъ, «то все будетъ хорошо», и начальники будутъ добры; *въ-четвертыхъ*—отъ этой травы, если ее держать на пчельникѣ въ чистой тряпкѣ, водятся пчелы; *въ-пятыхъ*—хороша тому человѣку, который верхомъ ѣздитъ; *въ-шестыхъ*—отправляясь въ путь-дорогу, эту траву хорошо имѣть при себѣ: никто не ограбитъ, не убьетъ; *въ-седьмыхъ*—отличное средство эта-же трава и при женитьбѣ: «возьми эту траву, когда пойдешь въ церковь подъ вѣнецъ, и держи ее, когда будутъ вѣнчать, а послѣ этого держи близко около себя—тогда будешь жить съ женою хорошо, и она будетъ тебя слушаться, во всемъ *уважать и бояться*»; *въ-восьмыхъ*—эта же трава «пользуетъ», ежели хочешь быть «славенъ предъ вельможами».

Или еще лучше: трава *Адамова голова* (растетъ кустиками при болотахъ и раменскихъ мѣстахъ, цвѣтъ рудожелтъ, кувшинцами, а листовъ на ней девять или двѣнадцать, или девятнадцать, а принимать ее черезъ серебро и золото *), на Аграфену Купальницу); эта трава, во 1-хъ, помогаетъ противъ «порчи смертныя»; во 2-хъ, хороша для бездѣтныхъ: если ее пить, какъ указано, то будутъ дѣти, сначала мальчикъ, потомъ дѣвочка, а больше двухъ не будетъ; въ 3-хъ, пользуетъ передъ начальниками.

Точно также удивительно во многихъ случаяхъ помогаетъ трава *синь*. Она лечитъ отъ «болѣзни черныя» и «смертныя болѣзни». «Имѣть ее при себѣ — вода не принимаетъ, не утонешь. Мельни-

*) Черезъ серебро и золото — значитъ, что на рукахъ должны быть золотыя или серебряныя кольца.

какъ хорошо ее имѣть, когда устраиваютъ плотины—не прорываетъ; хорошо ее имѣть человѣку, которому надо высоко подниматься (каменщики, штукатуры): «не страшно, оказываетъ тогда, какъ на землѣ, и страха никакого нѣтъ». Отъ сумасшествія, отъ искалѣченія ногъ, отъ злой смерти и при постройкѣ дома помогаетъ одна и та-же трава—плакунъ; она-же хороша и для скота, когда онъ заболѣетъ извѣстною болѣзнью—«головокруженіемъ» (скотъ вертится).

Такимъ образомъ оказывается, что, разсматривая этотъ лечебникъ, какъ собраніе народныхъ свѣдѣній о медицинѣ, мы ничего не найдемъ въ немъ, кромѣ скуки. Любой современный фельдшеръ превосходитъ въ этомъ отношеніи народную мудрость неизмѣримо. Очевидно, что народное выраженіе «либо пахать, либо книги писать»—оказывается какъ нельзя болѣе справедливымъ, и книги хорошія пишутся не тѣми, кто всю жизнь бьется въ потѣ лица изъ за куска хлѣба; но съ другой стороны этотъ-же лечебникъ достоинъ величайшаго вниманія, какъ собраніе великаго множества такихъ затрудненій, страховъ, мукъ и желаній, которые могутъ быть разсѣяны или удовлетворены только самыми многосторонними знаніями. При настоящихъ-же условіяхъ, какъ видимъ, народъ справляется съ помощью восьмидесяти двухъ травъ.

А знать онъ хочетъ ужасно много, даже болѣе: онъ желаетъ знать *рѣшительно все*. Свидѣтельствуетъ объ этомъ тотъ-же лечебникъ и немедленно предлагаетъ средство. Средство это конечно—трава и называется она *бѣсовецъ*. «Трава эта растетъ въ водѣ, а корень ея—въ землѣ. Сама противу воды стоитъ; перо—что сабля, корень внутри пустой и цвѣтъ у корня желтъ».«Траву эту, сказано въ лечебникѣ, доставать умѣючи, съ приговоромъ; если знаешь приговоръ—тогда достанешь, если нѣтъ—то погибнешь!» Приговоръ-же къ этой травѣ въ высшей степени любопытенъ. Прежде, нежели произносить его, надобно снять съ себя крестъ и положить его подъ лѣвую пятку. Это надобно дѣлать въ ночное время, чтобы никого кругомъ тебя и близко не было, и только послѣ этихъ предосторожностей надобно говорить (держа корень травы въ рукѣ) слѣдующее: „встану я, рабъ, *не* благословясь, пойду, *не* перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, подъ частыя звѣзды, подъ свѣтлый мѣсяцъ, на окіанъ-море, на Сіонскія горы; на тѣхъ на Сіонскихъ горахъ стоитъ дубище, на томъ дубищѣ сидитъ *самъ сатана-сатанище*. Помоги мнѣ (имя), сатана-сатанище, узнать, разузнать, что я хочу, что у тебя прошу. И съ этой-бы травой ходить мнѣ и гулять и чтобы *все знать* отъ крещеныхъ людей, отъ бояръ и купцовъ». «И тогда, говоритъ лечебникъ:—*все* узнаешь, будешь все знать, что гдѣ дѣлается»...

Но, какъ видно ужъ изъ самаго существованія лечебника, корень этотъ рѣдко попадаетъ въ народныя руки. Тотъ-же лечебникъ, говоритъ что едва простой человѣкъ задумалъ обзавестися своимъ домомъ, жить своимъ хозяйствомъ, словомъ—едва началась постройка жилья, какъ ужъ является врагъ, съ которымъ надобно бороться. Нечистая сила подкапывается подъ домъ, лѣзетъ въ хлѣвъ, сверлитъ въ плотинѣ дыру; словомъ—бѣды возникаютъ со всѣхъ сторонъ, и лечебникъ немедленно предлагаетъ средствія: „траву—*царь-Сирхамитъ*, траву—*веревку*, траву—*муравей*".

Кой-какъ, набивъ травами весь передній уголъ подъ образами, заткнувъ ее въ чистой тряпкѣ и „темномъ мѣстѣ", на плотинѣ, въ хлѣву и т. д., человѣкъ начинаетъ жить. Но мало-ли что въ жизни человѣческой бываетъ: оказывается, положимъ, что въ новомъ домѣ и въ новой семьѣ неблагополучно по части семейныхъ отношеній... Какъ узнать, что жена думаетъ о мужѣ, какія у нея на умѣ мысли? Мужъ—человѣкъ недосужный; онъ то работаетъ съ утра до вечера, то въ отъѣздѣ, то на мельницѣ; ему, придя домой съ работы, въ пору поѣсть да лечь спать; ему некогда наблюдать за каждымъ шагомъ своей жены, за выраженіемъ ея лица. Опять есть средствіе—трава *бѣлецъ*: если эту траву положить женѣ въ головы къ лѣвому боку, то она все скажетъ, и что думаетъ—и то даже выскажетъ все, до послѣдняго слова.

Внѣшнее благоприличіе дома, домашнихъ порядковъ также не мало доставляетъ затрудненія. Лечебникъ предлагаетъ средства, все въ видѣ травъ, чтобы приглашенные, положимъ хоть на крестины, гости не кончили пира дракой и безобразіемъ: надо подсыпать въ вино хмелю съ приговоромъ—и тогда никакого шума и драки не будетъ. Есть средства также для того, чтобы самому, идя въ гости, не буянить и не натворить невѣсть чего въ пьяномъ видѣ. Корень съ приговоромъ помогаетъ и этому.

Но, чтобы жить домомъ, содержать семью, водить компанію, нужно вырабатывать деньги—и тутъ есть средства, облегчающія добычу, и притомъ по профессіямъ: такъ, мельникамъ помогаетъ трава *палочникъ*, отъ которой «на мельницѣ будетъ *много* помолу и работы будетъ много»; пивоварамъ подсобляетъ «пасочникъ»; онъ-же хорошъ для прибытка и винокурамъ: все дѣло—держать при себѣ, а брать—съ приговоромъ. Есть указанія для мореходовъ, для охотниковъ, даже для воровъ... Противъ воровъ также есть средство: есть такая трава (Іова дружба), наступивъ на которую, воръ не двинется съ мѣста; но есть и для этихъ несчастныхъ поддержка и указаніе (также есть указанія и о томъ, какъ «портить» человѣка). Указаніе и помощь даетъ трава *муравей*, про которую сказано: «эта трава *хороша для злыхъ дѣлъ*, но не добрыхъ»; «сыскать эту траву очень мудрено, потому-что очень мала, едва разсмотрѣть можно, и надобно имѣть большое стараніе». Затѣмъ, съ истинно дѣтскою наивностью говорится такъ: «эта трава *хороша* тому, кто хочетъ что украсть изъ-подъ замка... *то никто не увидитъ*». Ворамъ даже особенно посчастливилось насчетъ указаній. Собаки, какъ извѣстно, весьма вредятъ ворамъ, но и противъ нихъ есть трава *гнида*, кото-

рая заставляетъ молчать самыхъ злыхъ собакъ. Словомъ—всевозможныя трудности промысла облегчены помощью приговоровъ и травъ.

Но мало жить только затѣмъ, чтобы наживать деньги. Жить приходится въ людскомъ обществѣ, причемъ простой человѣкъ, желающій устроить жизнь «по хорошему», страшно нуждается въ томъ, чтобы его любили, уважали, чтобы не были злы на него, чтобы враги превратились въ друзей. И замѣчательно, что въ то время, когда для исцѣленія серьезныхъ физическихъ недуговъ народный лечебникъ предлагаетъ одно, много два средства—потребность «чести», уваженія, любви, вниманія, снисходительности, должно быть, такъ велика въ простомъ человѣкѣ, живущемъ среди «чужихъ людей», что лечебникъ для облегченія предлагаетъ множество средствъ.

Чтобы любили, почитали, были внимательны—помогаютъ пять разныхъ травъ: «любишь», «царь Сирхамитъ», «царевы очи», «Адамова голова», «солнечникъ». Про траву *любишь* сказано, что «носить ее съ собою—то люди будутъ любить и не будутъ зла помнить»; а въ приговорахъ къ ней добавлено, что «эта трава хороша, когда пойдешь къ какимъ людямъ, или гдѣ живешь—то имѣй ее при себѣ, и когда пойдешь (къ людямъ), то возьми ее и проговори три раза; «какъ сія трава *любишь* по имени хороша и знатна, такъ-бы и я, рабъ Божій, между боярами и купцами и всѣми добрыми людьми былъ хорошъ, знатенъ, и нынѣ и присно», и т. д. Приговоры въ томъ-же родѣ, но мѣстами—болѣе сильно выраженные, мѣстами—менѣе, присоединены ко всѣмъ вышеуказаннымъ травамъ, которыя употребляются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: то подкладываются въ питье, то держатся въ рукѣ, подъ рубахой. И все это дѣлается не потому, чтобы человѣку нужна была любовь и внимательность того или другого лица, но потому, что ему *вообще* нужны мягкія, добрыя людскія отношенія, чтобы его не слишкомъ ужъ донимали «чужіе люди»...

3.

Но, кромѣ страха передъ чужими людьми, у простого человѣка есть еще нѣчто такое, что страшитъ его безъ всякаго сравненія болѣе этихъ чужихъ людей. Это—начальство и начальники. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ лечебникъ предлагаетъ множество средствъ. Не говоря о пяти перечисленныхъ, касающихся также и начальства и дѣйствующихъ и на него мягчительнымъ образомъ, есть въ лечебникѣ много, чисто спеціально назначенныхъ для смягченія начальства, травъ и приговоровъ. Едва-ли во всемъ лечебникѣ, среди всѣхъ нравственныхъ и физическихъ недуговъ, отъ которыхъ онъ думаетъ исцѣлить, есть такой, который-бы поравнялся со страхомъ и трепетомъ, охватывающимъ простого человѣка предъ начальникомъ.

До какой степени грозенъ и ужасенъ для простого человѣка образъ начальника—это можно видѣть изъ тѣхъ мѣстъ приговоровъ къ травамъ, которыя характеризуютъ средства, необходимыя для обороны. Чтобы начальники были добры, «хороши», кромѣ множества другихъ, не столь замѣчательныхъ травъ, рекомендуется трава *одоленъ*. Растетъ она въ стрѣлу и больше, цвѣтъ красенъ или желтъ, а корень—что *бумага* (замѣтьте, что цвѣтъ травы *охля*, помогающей быть богатымъ, похожъ на *денежку*, а вотъ корень травы, касающейся начальства, походитъ цвѣтомъ на бумагу). Ее надо носить на себѣ, закатавъ въ воску,—и тогда одолѣешь враговъ, а власти тебя не одолѣютъ. Воскъ, въ который надо закатывать траву, долженъ быть такой, который горѣлъ передъ образомъ. Вооружившись этимъ талисманомъ, можно смѣло идти къ начальнику; но нужно проговорить: «*иду на супротивъ медвѣдя, упираюсь волкомъ*. Пресвятая Богородице, спаси меня». Это надо проговорить три раза, не переводя духа. Потомъ нужно десять разъ проговорить: «Пресвятая Богородица, спаси меня, раба Божія...» Эти слова надо проговорить какъ можно скорѣе: тогда, говоритъ лечебникъ, «иди прямо и все будетъ хорошо, и къ которому человѣку идешь, *тотъ хоша и похожъ-бы на звѣря*—и тотъ смягчится, и будетъ ласковъ, и одолѣешь всякаго врага».

Другой сортъ этой-же травы, какъ видно, будетъ много посильнѣе, въ видахъ тѣхъ-же умилостивляющихъ цѣлей; но приговоръ къ этой травѣ поистинѣ замѣчателенъ. Имѣя траву, закатанную въ воскъ, и идя къ начальнику, въ то время когда подойдешь къ дверямъ его дома, надо проговорить слѣдующій заговоръ «*на укрощеніе злыхъ сердецъ*»: «Сажусь въ сани, крытыя бобрами и соболями. Ѣду на черномъ медвѣдѣ, погоняю лисицами и куницами: а какъ лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы между панами и попами, между міромъ и селомъ, такъ-бы и я былъ честенъ и величавъ между панами и попами, между міромъ и селомъ», т. е. иду съ добромъ, попросту—со *взяткой*. Но если это не поможетъ, то *приговоръ* не прочь и по части зла, потому-что продолжается такъ: «Ѣду на гадинѣ, ужъ погоняетъ. У поповъ, у судьевъ—полонъ дворъ свиней, и я тѣхъ свиней *переѣмъ*; сѣю макъ—разойдутся (отъ него) судьи, а тѣ, что меня судятъ—не осудятъ: у меня *медвѣжій ротъ, волчьи зубы, свиные зубы* (вотъ какъ онъ вооруженъ!) Кто мой макъ будетъ подбирать, тотъ на меня будетъ судъ давать. (а я) спрячу макъ въ желѣзную кадь, брошу кадь въ окіанъ-море; окіанъ-море не высыхаетъ, кади моей никто не вынимаетъ и маку моего не подбираетъ (а стало быть никто и не придирается). Замыкаю зубы и губы злымъ сердцамъ, а ключи бросаю въ окіанъ-море, въ свою желѣзную кадь. Когда море высохнетъ, тогда макъ изъ кади выберутъ, а тогда и мнѣ на свѣтѣ не бывать». Этотъ заговоръ надо проговорить, стоя у двери дома, гдѣ живетъ начальникъ, или при входѣ въ «присутственное мѣсто». Проговоривъ, «иди прямо: то все будетъ по твоему». Ко всему этому въ концѣ заговора прибавлено: «это было испытано».

Мы привели только главнѣйшія средства, рекомендуемыя для укрощенія злыхъ сердецъ; но, повторяемъ, ихъ очень-очень много въ лечебникѣ, больше

чѣмъ на всѣ другія затрудненія въ жизни простого человѣка.

4.

Позволимъ себѣ привести еще три заговора, которые, какъ намъ кажется, весьма характерны. Первый касается любви. Какъ мужчинѣ или женщинѣ приворожить къ себѣ любимаго человѣка? Любовный заговоръ, такъ-же какъ и заговоры *для злыхъ* дѣлъ, происходитъ со снятіемъ креста, причемъ подъ лѣвую пятку кладется крестъ, а подъ правую—хлѣбъ. Въ рукахъ влюбленный человѣкъ держитъ кусокъ сахару, приготовленіе котораго въ такой степени отвратительно, что его изображать не будемъ. Дѣло происходитъ въ банѣ. Взявъ въ руки сахаръ и положивъ подъ обѣ пятки что слѣдуетъ, надо проговорить: «Лягу *не* благословясь, встану *не* перекрестясь» и т. д. (все что въ прежнемъ заговорѣ насчетъ того, чтобы *все знать*). Послѣ словъ «сатана-сатанище»—слѣдуетъ: «Помоги мнѣ, сатана-сатанище, поймать, изловить... дѣвушку (или мужчину), напусти на нее тоску-тоскущую, сухоту-сухотущую, въ румяную кровь, въ ретиво-сердце, чтобы она на меня зрѣла и смотрѣла и съ очей меня не спускала, гдѣ увидится, въ уста цѣловала, думами не сдумывала, ѣдами не заѣдала, питьемъ не запивала, паромъ не спаривала, водой не смывала... Какъ вкругъ головы моей волоса виснутъ, такъ-бы и она кругомъ меня висла. Запираю и замыкаю эти слова тридцатью ключами (насчетъ злыхъ сердецъ — только *одинъ* ключъ), бросаю эти ключи въ окіанъ-море: какъ не бывать ключамъ этимъ поверхъ воды, такъ не бывать-бы поверхъ моего слова и силы». Послѣ этого сахаръ надобно дать въ кофеѣ любимому человѣку, «въ первомъ стаканѣ», причемъ *онъ* (чортъ) въ то время, когда любимый человѣкъ будетъ пить кофе, долженъ дать знать о томъ, что заклинаніе услышано: онъ стукнетъ, прошуршитъ или пропищитъ. Если-же это не случится, то заклинаніе не дѣйствуетъ. «Только, прибавлено въ концѣ средствія, нужно быть смѣлому и *безбожному*—тогда все скоро будетъ».

Заговоръ ружью, передъ отходомъ на охоту, отличается еще большею страстностью: «Встану я благословясь и т. д. (сатаны-сатанищи нѣтъ и въ поминѣ), стану я, рабъ Божій, на мать сыру-землю, помолюсь и поклонюсь на всѣ четыре стороны, стану я свою Марью Марвинскую, огненную бойницу, лютую стрѣлу заправлять и закладать, и заговаривать; ой-же ты, Марья Марвинская, лютая стрѣла, огненная бойница, царь желѣза аравійскаго, не я тебя заправляю, не я тебя закладаю и не я тебя заговариваю, а закладаетъ тебя и т. д. самъ Господь Іисусъ Христосъ и Мать Божія, Пресвятая Богородица. Мать Божія, Пресвятая Богородица засыпаетъ свой сильный порохъ. Самъ Господь Христосъ закладаетъ свою свѣтлую пулю на звѣря побѣгучева, на птицу полетучую, кровь горячую. Заложивши пулю и помолившись на всѣ четыре стороны, пойду въ далекое чистое поле, пущу далеко лютую стрѣлу. Не упадай, моя лютая стрѣла, ни на землю, ни на воду, ни въ дерево стоячее, ни въ колоду лежачую, а упадай, моя лютая стрѣла, на звѣря побѣгучева, въ птицу полетучую, въ кровь горячую. Дуну, плюну я на мать сыру-землю; какъ моему плевку отъ моего дыханія не подняться, такъ-бы этому звѣрю побѣгучему и т. д. не подняться отъ матушки сырой-земли. Чтобы никому мою лютую стрѣлу не испортить, не околдовать, ни колдуну, ни колдуньѣ, ни дѣвкѣ, ни молодицѣ, ни старому, ни малому, ни сутуловатому, ни горбатому, ни встрѣчному, ни поперечному, ни лихостливому, ни жалостливому, ни радостливому, ни съ яву глядящему, ни со стороны смотрящему, ни изъ подлобья видящему, ни мнѣ самому охотнику отъ бѣлаго тѣла, ретиваго сердца, крови горячей и *всѣмъ различнымъ чинамъ* по моимъ мастерскимъ наговорамъ, *зламинилъ* Господь и небо и землю, и зааминь, Господи, мои словеса на вѣки вѣковъ» и проч.

Третій и самый, какъ намъ кажется, трогательный и любопытный заговоръ—«если кто хочетъ *забыть* человѣка». Припомните эти рекрутчины, эти солдатчины, когда мать, жена разставались съ любимымъ человѣкомъ чуть не на всю жизнь. Припомните эти мучительныя ожиданія вѣсточки, эту годами угнетающую неизвѣстность, одиночество, тоску о миломъ дружкѣ. Сколько тутъ муки-мученской!... И вотъ создается заговоръ, чтобы *забыть* этого любимаго человѣка, такъ какъ самъ своей волей любящій человѣкъ не въ силахъ этого сдѣлать. Бѣдный изстрадавшійся человѣкъ идетъ къ чистому ручейку, три раза плещетъ на себя студеной водой и говоритъ: «Какъ я, раба Божія, родилась чиста, такъ и меня очищай святая водица и Матушка Богородица... Какъ я забылъ родительскій день (т. е. день рожденія), такъ-бы и мнѣ забыть его нынѣ» и т. д.

Мы не коснулись и десятой доли сторонъ народной жизни, затрогиваемыхъ народною книгой; но и то, что извлечено изъ нея, ужъ можетъ дать понятіе о той массѣ запросовъ, требованій, желаній, таящихся въ народѣ и не находящихъ удовлетворенія ни въ чемъ, кромѣ заговоровъ и травъ.

Разнообразныя формы ига сдѣлали свое дѣло; но человѣкъ, какъ видите, остался живъ, невредимъ и душа его жива. Компетентныя лица, близко знающія современный народъ, утверждаютъ, что онъ ужъ не довольствуется плодами собственной мудрости, не имѣвшей цѣлые вѣка благопріятной минуты для полнаго своего выраженія, и ищетъ указаній у чужихъ людей, въ работѣ чужого ума... Онъ берется на первыхъ порахъ за евангеліе.

Работы для будущаго народнаго писателя, какъ видите, предстоитъ много, такъ какъ читатель у него будетъ несомнѣнно многочисленный.

НЕПОРВАННЫЯ СВЯЗИ.

I. «Лядины».

Всякому петербургскому ружейному охотнику должны быть хорошо извѣстны тѣ мѣста, преимущественно въ Новгородской губерніи, которыя называются *лягами*, или *лядинами*, куда господа столичные охотники ѣздятъ бить медвѣдей, зайцевъ, лисицъ, тетеревовъ, вальдшнеповъ, бекасовъ и вообще всевозможныхъ звѣрей и птицъ, и откуда возвращаются въ столицу, въ большинствѣ случаевъ не проливъ ни единой капли птичьей или звѣриной крови и не выпустивъ изъ своихъ превосходныхъ ружей ни единаго превосходнаго патрона, если не считать нѣсколькихъ выстрѣловъ въ пустыя бутылки отъ рейнвейна, опорожненныя за завтракомъ и очень часто (надо отдать честь искусству господъ столичныхъ охотниковъ) разбиваемыя въ мелкія дребезги на-лету...

Господамъ столичнымъ охотникамъ очень хорошо должно быть извѣстно, что такія безплодныя, хотя и дорого стоющія, экскурсіи оканчиваются выстрѣлами въ пустыя бутылки вовсе не потому, чтобы въ лядинѣ не было ни птицъ, ни звѣрей. Какъ извѣстно, въ противномъ увѣряютъ охотниковъ всѣ мѣстные обыватели-мужички, раздѣляющіе съ ними трудности экскурсіи. Одинъ, напримѣръ, Родіонъ Миловидовъ, самъ видѣлъ цѣлое полчище тетеревовъ въ то самое время, когда баринъ, около котораго онъ хлопоталъ, сидѣлъ въ шалашѣ и ничего не видалъ. Если-же Родіонъ и не убилъ ни одного тетерева, то именно потому, что *«поопасился»* барина потревожить, «какъ-бы, молъ, не осерчали, зачѣмъ разбиваешь охоту—а то тетеревей было даже до пропасти, вотъ это самое мѣсто». Зайцевъ, или, какъ говорятъ здѣсь, зайцовъ, Иванъ Харитоновъ также настигъ цѣлую стаю, «хошь руками бери», да на грѣхъ у него ружье не далеко бьетъ и порохъ «крупенъ», «поопасился у господъ упросить пороху, а то-бы, ежели-бы съ хорошимъ ружьемъ, такъ онъ однимъ ударомъ въ клочья-бы всю стаю расшибъ; главная причина—ружье очення неспособно... А кабы, ежели!»

Господамъ охотникамъ также должно быть хорошо извѣстно, что такого рода увѣренія, начинающіяся обыкновенно послѣ полной неудачи и блещущія удивительной изобрѣтательностью, хоть и страдаютъ извѣстной долею преувеличеній, имѣющихъ цѣлью успокоить неудовлетворенныхъ «господъ», объяснивъ неудачу охоты только самыми незначительными случайностями («ружье не хватаетъ», «поопасился вдарить» и т. д.), но не совсѣмъ лишены и нѣкотораго правдоподобія, такъ какъ не только Иванъ Харитоновъ или Родіонъ Миловидовъ видѣли «собственными глазами» и зайцевъ, и тетеревовъ, но и сами господа охотники также видали—хотя конечно не въ такихъ, какъ Миловидовъ и Харитоновъ, размѣрахъ—и тетеревовъ, и зайцевъ. «Дѣйствительно, подтверждаетъ свидѣтельство Миловидова г. N***, — *я самъ* видѣлъ тетерева... только ужасно далеко!» Г-нъ М. также видѣлъ и утку, и зайца. и стрѣлялъ, но не попалъ. Мало того: иногда во время этихъ разговоровъ, а иной разъ именно въ ту минуту, когда охота ужъ кончилась и охотники, отложивъ попеченіе о кровопролитіи, начинаютъ палить въ бутылку, именно въ эту-то минуту у кого-нибудь изъ нихъ «изъ-подъ самыхъ ногъ», въ буквальномъ смыслѣ, шумно взовьется тетеревъ, и—удивительно!—нисколько не спѣша и не торопясь, умѣетъ какъ-то тутъ-же куда-то безслѣдно исчезнуть, пропасть у всѣхъ на глазахъ!

Такое очень частое появленіе «изъ-подъ самыхъ ногъ» или «подъ самымъ носомъ» всевозможнаго звѣрья и птицы, наряду съ собственными, также довольно частыми наблюденіями господъ охотниковъ и увѣреніями мѣстныхъ обывателей, не смотря на почти постоянныя неудачи столичныхъ охотниковъ, продолжаетъ удерживать за «лядинами» славу отличнѣйшихъ для охоты мѣстъ.

И точно, есть здѣсь много всякаго звѣрья и птицы; но отличительныя природныя свойства, характеризующія мѣстности, называемыя лядинами, даютъ ей полную возможность пропадать изъ-подъ носа и изъ-подъ ногъ. Даже подстрѣленную птицу или зайца иногда бываетъ очень трудно, а очень часто и просто невозможно разъискать, хотя и видно, куда она упала. Поминутно отъ мѣстныхъ охотниковъ-крестьянъ слышишь: «вдарилъ я въ него—только шерсть клочьями разлетѣлась; побегъ я, хотѣлъ ужъ руками брать, а онъ (заяцъ) очувствовался, прыгнулъ въ крутнякъ, искалъ-искалъ-искалъ—нѣтъ! А ужъ вѣрно мертвый лежитъ гдѣ-нибудь!» Природныя свойства ляги, такъ привѣтливо укрывающія звѣря и въ такое безпомощное положеніе ставящія человѣка, заключаются въ слѣдующемъ.

Лядины суть громадныя пространства лѣсныхъ болотъ, перемежающіяся съ незначительными болѣе или менѣе сухими (но никогда совершенно не высыхающими) пространствами, едва-едва приподнятыми надъ поверхностью болотъ. Пространства эти, не исключая самыхъ топкихъ мѣстъ, густо покрыты довольно разнообразными породами лѣса—ель, сосна, береза, ольха, осина—лѣса, растущаго въ буквальномъ смыслѣ, «какъ борода»: такъ-же скоро и такъ-же часто. Изъ каждаго срубленнаго болѣе или менѣе рослаго дерева въ тотъ-же годъ цѣлыми пучками начинаетъ пробивать прутнякъ, густыми, непроходимыми стѣнами котораго окружены всѣ промежутки между рослыми деревьями, всѣ пни, и которымъ непроходимо зростаютъ такъ называемыя *гари*, мѣста лѣсныхъ пожаровъ.

Въ этихъ гаряхъ прутнякъ (коллективное на-

званіе всякой древесной породы, растущей тонкимъ, длиннымъ и ломкимъ прутомъ), какъ щетка, лѣзетъ изъ мховъ, изъ-подъ старыхъ корней, опутываетъ громадныя сгнившія, поваленныя огнемъ и вѣтромъ, и гнилью деревья, и вотъ здѣсь-то во всякое время года преспокойно полеживаетъ и погуливаетъ Михайло Ивановичъ, твердо зная, что до него здѣсь никто не доберется. Здѣсь нельзя сдѣлать шагу безъ звонкаго треска сучьевъ, ломающихся и подъ ногами, и въ рукахъ, которыми приходится раздвигать густой прутнякъ чуть не у самаго носа. Сухіе сучья отъ малѣйшаго толчка, по сухому, кое-какъ еще держащемуся на ногахъ дереву, падаютъ съ трескомъ вамъ на дорогу, загораживаютъ путь, который весь пересѣченъ массами наваленныхъ другъ на друга деревьевъ. Нога проваливается въ гнилой пень, и, едва выбравшись изъ этой засады, вы попадаете въ непроходимую топь. И гнилыя деревья, и сухіе сучья, и корни, и пни — все это обильно затянуто какою-то неустанно лѣзущею изъ болота растительностью мховъ, болотныхъ травъ, цвѣтовъ, ягодъ, какихъ-то грибныхъ наростовъ, и подъ всѣмъ этимъ—вода, грязь бездонная, гниль мокрая, какой-то зацвѣтшій, заплѣсневѣлый студень, въ которомъ можно увязнуть по уши, не въ фигуральномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Такова гарь.

Не лучше и самая лядина. Тамъ, гдѣ стоитъ негорѣлый лѣсъ, утопающій въ прутнякѣ, тамъ точно такъ-же, подъ всевозможною болотною растительностью, непроходимое болото, хотя здѣсь и можно кой-какъ пробираться, пользуясь обиліемъ старыхъ корней и сучьями. Но пространства между лѣсомъ и луговинами украшаются, во-первыхъ, такъ называемыми «мокринками», т. е мѣстами, гдѣ въ сухую погоду нога вязнетъ только по щиколодку, а въ мокрую—по колѣно и выше; во-вторыхъ—настоящими болотами, перебраться черезъ которыя иногда нѣтъ никакой возможности, такъ какъ лошадь тонетъ по брюхо, а тина такъ засасываетъ ступню, что человѣкъ рискуетъ навѣки остаться въ трясинѣ, а лошади вытаскиваютъ ноги, оставляя въ трясинѣ подковы. Много въ такихъ мѣстахъ навалено хворосту, палокъ, бревенъ, неизвѣстно—облегчающихъ или затрудняющихъ дорогу въ эти злачныя мѣста; но вообще пробраться туда — вещь весьма мудреная, и безъ проводника, который знаетъ тропинки, лѣтомъ пробраться трудно, а весною въ апрѣлѣ, маѣ - совершенно невозможно...

Самое лучшее время для здѣшнихъ мѣстъ—зима: вся масса воды замерзаетъ толстымъ, крѣпкимъ слоемъ льда, который все увеличивается вслѣдствіе таянія снѣговъ въ оттепели, и какой бы ни былъ большой снѣгъ, всегда подъ нимъ нога отыщетъ твердую и ровную, какъ полъ въ комнатѣ, почву. Въ весны начинаются «отпотины», потомъ цѣлыя лужи, потомъ лужи превращаются въ рѣки; но сообщеніе во все это время еще возможно; еще не вышло днище, т. е. еще цѣлъ низшій слой льда. Но вотъ настали теплые апрѣльскіе дни – и тутъ для всѣхъ смертныхъ, имѣющихъ съ лядиною какія-нибудь отношенія, настанетъ роковая минута: днище начинаетъ выходить. Въ эту минуту всѣ, у кого за зиму не вывезено накошенное лѣтомъ сѣно или нарубленныя дрова, изъ всѣхъ силъ бьются какъ можно скорѣе переправить ихъ въ большой шоссейной дорогѣ. Лядина оглашается воплями, хляскомъ бьющейся въ водѣ, какъ рыба, лошади, шлепками мокраго веревочнаго кнута, раздающимися во всѣхъ углахъ громаднаго лѣсного пространства. Люди и скотъ выбиваются изъ силъ, вязнутъ по колѣно, по поясъ, по брюхо, по три, по четыре часа бьются на полверстѣ и кое-какъ добираются до двора, измучившись сами и измучивъ скотину. Наконецъ какой-нибудь изъ обывателей, весь мокрый съ головы до ногъ, возвращаясь изъ лядины и проходя по деревнѣ, свидѣтельствуетъ своимъ видомъ, что «днище вышло!»; Тутъ ужъ слѣдуетъ благодарить Бога за то, что успѣли спасти, и отложить всякое попеченіе о томъ, что въ лѣсу осталось столько-то сѣна и дровъ, обреченныхъ лежать тамъ до будущей зимы и, стало быть, гнить.

Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ сортовъ мокроты, лядины изобилуютъ многочисленными ручьями, которые лѣтомъ хотя и пересыхаютъ до того, что черезъ нихъ перейдетъ курица, если только не погибнетъ въ густой травѣ, которою ручьи эти заростаютъ въ изобиліи, но все-таки по обоимъ берегамъ окаймлены непересыхаемою топью. Даже мѣста, на которыхъ косятъ траву, мѣста сравнительно высокія,— и тамъ въ травѣ постоянно блеститъ на солнцѣ мокрота, вода; почва и тутъ гнется подъ ногою, какъ-бы сухо лѣто ни было, и всегда, каждый годъ, благодаря этому обилію отовсюду просачивающейся воды, тамъ, на этихъ сравнительно сухихъ мѣстахъ, гніетъ масса сѣна. Словомъ, гдѣ бы нога человѣческая ни ступила тамъ, вездѣ она тонетъ либо въ гнилой кочкѣ, либо въ желтой и неароматической болотной трясинѣ, либо вязнетъ въ пышномъ, какъ губка напитанномъ водою, мхѣ. Каждый шагъ, даже въ самые сухіе года, сопровождается чавканьемъ сапога на разные тоны, далеко отдающіеся въ мертво-безмолвномъ лѣсу.

Вотъ это-то обиліе всевозможныхъ звуковъ, сопровождающихъ рѣшительно каждый шагъ человѣческій по лядинѣ—то глухимъ трескомъ сухого пня, то звонкими переломами сухихъ сучьевъ, то хляскомъ болотной воды и шумомъ жидкой грязи, и неумолкаемымъ чавканьемъ сапога, грубо щелкающаго на мокринкахъ и глухо хлопающаго на мхахъ—это-то обиліе звуковъ, весьма исправно передаваемыхъ лѣсомъ въ отдаленнѣйшіе углы территоріи, и даетъ возможность обитающей лядину птицѣ и звѣрю заблаговременно убраться по-добру-по-здорову отъ господъ столичныхъ охотниковъ и ихъ превосходнѣйшей доброты англійскихъ ружей. И звѣрь, и птица за двѣ и болѣе версты слышатъ приближеніе столичнаго лакомки, и всегда имѣютъ время—Михайло Ивановичъ уйти въ свою любезную гарь, а заяцъ, тетеревъ, рябчикъ, тутъ-же, по близости господъ охотниковъ, забраться въ прутнякъ и спокойно слушать разговоры о томъ, что хорошо бы попробовать новое ружье на какой-нибудь толстомясой тетеркѣ. Зимой, когда лядина

замерзла и покрылась пушистымъ снѣгомъ, количество предостерегающихъ звѣря звуковъ значительно убавляется; но зато всякій звукъ, даже шелестъ, простой разговоръ, шарканье спичекъ о спичечницу—значительно выигрываютъ въ силѣ, благодаря удивительной тишинѣ, царящей въ лядинѣ, удивительной неподвижности воздуха. Обиліе прутняка умѣряетъ самые бурные порывы вѣтра, разсѣкая волны вѣтра на милліоны ровно гудящихъ струй; а въ тихіе зимніе дни, въ особенности вечера, когда надъ лѣсомъ видна темная полоса тепла(«лѣсъ надышалъ»)—тишина здѣсь стоитъ заколдованная: за три версты слышенъ на деревнѣ говоръ и можно различить—бранятся-ли, поютъ ли пѣсни, или разговариваютъ; слышенъ лай собакъ, и деревенскій житель, находящійся въ лѣсу, узнаетъ, чья именно лаетъ собака. И опять хорошо звѣрю и птицѣ.

— Такъ ты говоришь, спрашиваетъ столичный охотникъ мѣстнаго проводника:—есть зайцы-то?..

— Зайцовъ-то? зайцовъ здѣсь—страсть!

Вотъ отъ этихъ-то разговоровъ и зайцы разбѣгаются заблаговременно.

Вообще «пропасть» изъ глазъ, изъ-подъ ногъ и т. д., благодаря предостерегающимъ звукамъ, густотѣ и обилію прутняка, звѣрю въ лядинѣ нѣтъ ничего легче; но и человѣку, говоря безъ всякаго каламбура, ничего нѣтъ легче «пропасть» здѣсь, если-бы только существованіе его зависѣло исключительно отъ ея природныхъ богатствъ и свойствъ. Что здѣсь дѣлать ему? Подо мхомъ, на самыхъ сухихъ мѣстахъ лежитъ тоненькая, въ два вершка, прослойка земли, съ грѣхомъ пополамъ удобной для посѣва; но толстый, непроницаемый слой глины, лежащій подъ этой прослойкой, дѣлаетъ занятія хлѣбопашествомъ весьма рискованными. Въ дождливое время хлѣбъ вымокаетъ отъ обилія влаги, въ сухое – отъ непроницаемости слоя глины, которая задерживаетъ влагу около корня хлѣба и спариваетъ его. Сѣна здѣсь много, но массу его спариваютъ дожди и вѣчная, непересыхающая сырость. Вывозить его бо́льшую часть года нельзя—нѣтъ проѣзду. Кормить имъ скотъ тоже не всегда удобно, по причинѣ той-же болотной сырой почвы. Овцы напримѣръ отъ этой сырости болѣютъ здѣсь какою-то странною болѣзнью: у нихъ отростаютъ ногти, длиной (какъ разсказываютъ) болѣе полутора вершка, такъ что больная овца начинаетъ ползать на колѣнкахъ, не имѣя возможности ходить. Дрова, рубимыя безпрекословно въ господскихъ, казенныхъ и крестьянскихъ дачахъ едва-ли не всѣми желающими, такъ называемое въ настоящее время третье сословіе (имѣемъ, благодареніе Богу!) скупаетъ охотно по рублю за сажень и, представивъ въ Петербургъ, продаетъ по пяти. Дрова — это самое легкое и выгодное, что доставляетъ человѣку лядина. Правда, кромѣ сѣна и дровъ, лядина доставляетъ еще корье, т. е. кору ивняка, употребляющуюся на дубленіе кожъ; но съ какими страшными не только трудами, а прямо физическими страданіями достается этотъ продуктъ, равно какъ добыча сѣна—невозможно себѣ представить, не наблюдая этого дѣла лично.

Съ первыхъ теплыхъ апрѣльскихъ дней обыватель, знакомый съ лядиной, начинаетъ замѣчать въ ясные солнечные вечера на темномъ фонѣ лѣса какія-то движущіяся въ воздухѣ кучки сѣроватыхъ существъ. Это—комары. Въ первое время поведеніе этихъ тварей весьма деликатно относительно человѣка и скота. Комаръ еще слабъ: прилетитъ, сядетъ на руку или на щеку, воткнетъ свой носъ въ кожу, но проткнуть ея у него еще нѣтъ силы, онъ еще не справился. Но теплые дни становятся все чаще и чаще, и маленькая тварь размножается съ необычайной быстротой; она ужъ запѣла, робко и слабо сначала, но съ каждымъ днемъ это пѣніе становится все звучнѣе и назойливѣй. Съ каждымъ днемъ сѣренькая тварь нарождается милліонами, начинаетъ покалывать, пощипывать; человѣкъ начинаетъ похлопывать себя то по рукѣ, то щекѣ. Еще день—комариное племя уже трубитъ, а человѣкъ начинаетъ отмахиваться обѣими руками; затѣмъ—глядишь—ни дышать, ни работать, ни смотрѣть на свѣтъ отъ этой до невозможности плодущей твари невозможно. Рабочимъ человѣкомъ овладѣваетъ ожесточеніе; онъ начинаетъ ругаться нехорошими словами, бьетъ себя нещадно и бѣснуется... То же самое бываетъ и со скотиной: сначала она просто похлопываетъ себя хвостомъ по спинѣ и по бокамъ, потомъ начинаетъ бросаться изъ стороны въ сторону, чумѣть, ревѣть... Иногда заяцъ выскакиваетъ изъ прутняка въ какомъ-то безумномъ состояніи: уши у него разъѣдены и разодраны въ кровь, и, выскочивъ на полянку, онъ ровно ничего не можетъ сообразить. Вотъ минута, когда его подлинно можно взять руками, если-бы человѣкъ самъ не находился въ томъ-же, какъ и заяцъ, положеніи. Не спасаютъ ни дымъ костровъ по ночамъ, ни чадъ зажигаемыхъ нарочно для этого пней, ничто, до тѣхъ поръ, покуда кожа человѣка не загрубѣетъ и не заструпѣетъ до степени непроницаемости. Но едва человѣкъ приспособился къ борьбѣ съ комаромъ, какъ на смѣну его является слѣпень и за нимъ оводъ. Начинается новая война и прямо съ кровопролитіемъ. А затѣмъ появляются какія-то мошки, которыя, по примѣру своихъ предшественниковъ, успѣваютъ вновь еще разъ доказать здѣшнему обывателю, что «житья» для него въ здѣшнихъ мѣстахъ, точно, «нѣту» никакого. Еще зимой картина молчаливаго, точно глубоко спящаго лѣса имѣетъ нѣчто характерное и даже сильное по впечатлѣнію, но лѣтомъ просто-напросто—нѣтъ житья. Въ сухую погоду жретъ тебя комаръ, слѣпень, мошкара, а въ мокрую—Боже мой, что за тоска здѣсь!—изъ-подъ мховъ «булькаютъ» какіе-то пузыри грязи; какія-то птицы прилетятъ и начнутъ терзать васъ унылѣйшими звуками: одна какъ будто уныло лаетъ; другая, мрачно запустивъ свой носъ въ грязь, издаетъ отрывистые, грубые и рѣдкіе, какъ погребальный звонъ, звуки; третья вопитъ жалобнымъ голосомъ, похожимъ на голосъ плачущаго ребенка... вопитъ безъ умолку, точно умоляетъ о спасеніи, точно кричитъ: «погибаю, погибаю, спасите... спасите». Нѣтъ, не хороши здѣшнія мѣста!

II. Чудакъ-баринъ.

1.

Вспомнивъ, что съ этихъ непривѣтливыхъ мѣстъ «пошла Русская Земля», невольно приходишь къ убѣжденію, что древнѣйшему нашему прародителю-новгородцу, начинателю жизни на Русской Землѣ, дѣйствительно должна была придти въ голову мысль о необходимости призванія варяговъ, т. е. начальства, которое своими мѣропріятіями давало-бы какое-нибудь оправданіе мѣстному обывателю на существованіе въ такой трущобѣ, какъ лядина. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ древнѣйшаго нашего прародителя-новгородца, ведущаго безпрерывную и безплодную борьбу съ трясиной, «откуда есть пошла Русская Земля». Не приходили-ли ему въ голову примѣрно такія размышленія: «спрашивается, зачѣмъ, на какомъ основаніи и вообще почему я обязанъ торчать въ этой трущобѣ, воевать съ комарами и вообще болѣе или менѣе пропадать въ болотѣ, въ прутнякѣ, въ гари? Изъ-за чего? Положимъ, что вотъ у сосѣдей, у нѣмцевъ, та-же самая трясина и прутнякъ... Но я понимаю, что тамъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ земля завоеванная; пришли чужіе люди, забрали въ руки все, обложили каждый лоскутъ данью. Это все понятно. Тамъ, я понимаю, человѣкъ притиснутъ къ стѣнѣ. Плати, или убирайся вонъ! Не на воздухѣ-же жить съ семействомъ... Разумѣется, будешь жить въ трясинѣ... Но здѣсь?! (Новгородецъ восклицаетъ почти въ ужасѣ). Зачѣмъ, изъ-за чего здѣсь?.. Нѣтъ здѣсь ни завоевателей, никто тебя по шеѣ не гонитъ, никто тебя данью не опутываетъ; изъ-за чего-жъ все это мученіе? Я понималъ-бы это безобразіе, если-бы меня, какъ нѣмца, притиснулъ къ этому прутняку какой-нибудь безстыжій завоеватель. Разумѣется, тогда-бы жилъ, долженъ былъ жить, потому ничего не подѣлаешь... Но ничего этого нѣтъ, и... я не понимаю!»

Вотъ именно какое недоумѣвающее о самомъ себѣ существованіе и было причиною того, что въ образованномъ лядинскомъ обществѣ того времени стала бродить мысль о необходимости введенія въ нашей сторонѣ порядковъ, хотя въ приблизительной только степени, по западно-европейскому образцу. Если нѣтъ заправскихъ завоевателей, которые-бы приструнили нашего брата, «новгородскаго начинателя», на нѣмецкій манеръ, то очевидно необходимо самимъ позаботиться объ этомъ, самимъ установить нѣчто вродѣ завоеванія. Нельзя сказать, чтобы разсчетъ былъ плохъ; напротивъ, въ немъ видна значительная доля чисто русской смѣтливости, глазомѣра и вообще недюжиннаго ума. Въ Европѣ сначала — завоеваніе, потомъ — дань; у насъ — прямо дань, а на завоеваніи прародители наши очевидно остались въ чистомъ барышѣ. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени обитателю лядинъ есть чѣмъ отговориться, когда къ нему пристанутъ съ вопросомъ, зачѣмъ онъ торчитъ въ этой трясинѣ и изъ-за чего бьется?

— Подати, батюшка, говоритъ онъ, — пода-а-ти!.. Подати надоть платить, изъ-за того и бьемся... Недоимка!

И, дѣйствительно, недоимки накопилъ лядинецъ сверхъ всякаго вѣроятія.

Итакъ, если лядина обладаетъ вышеописанными свойствами; если древнѣйшій прародитель нашъ, новгородецъ, долженъ былъ призывать варяговъ только для того, чтобы они заставили жить и страдать въ этихъ трясинахъ; наконецъ если въ настоящее свободное время мѣстные обыватели не хотятъ пріобрѣсти лядину и за половину той цѣны, которую они давали во время крѣпостного права, если, повторяемъ, все это такъ, то спрашивается: чѣмъ, какими резонами можно объяснить попытку какого-то чудака превратить это пустое мѣсто въ нѣчто обитаемое? Какіе резоны имѣлъ этотъ чудакъ начать постройку (и не кончить) большого двухъ-этажнаго дома въ одной изъ этихъ трясинъ? Кого онъ хотѣлъ удивить, начавъ (и не кончивъ) копать въ этой болотной трясинѣ канавы, какъ извѣстно мгновенно заростающія прутнякомъ и всякой травой? Что, кромѣ величайшихъ неудобствъ, имѣлъ въ виду неизвѣстный чудакъ, пытаясь перекинуть черезъ нѣкоторыя трясины довольно приличные мостики, такъ какъ выбраться изъ трясины на мостъ и затѣмъ уже съ нѣкоторой высоты вновь опрокинуться въ трясину же — ни крестьянину съ возомъ, ни охотнику столичному, шагъ за шагомъ пробирающемуся на тряской телѣгѣ въ какой-нибудь откупленный для охоты участокъ, не представляетъ ни малѣйшей пріятности. И вообще что это за чудакъ?

Такія мысли невольно должны приходить въ голову какъ крестьянину, пробирающемуся на дровняхъ за дровами или за сѣномъ въ лѣсъ, такъ и столичному охотнику и всякому случайному прохожему, путь котораго почему-либо лежитъ мимо покинутой, но очевидно очень недавно начатой, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, мызы, раскинутой въ довольно глухой мѣстности одной изъ лядинъ новгородскихъ.

Мыза задумана въ широкихъ размѣрахъ: деревянный, двухъ-этажный съ мезониномъ домъ стоитъ недостроенный, очевидно брошенный своимъ владѣльцемъ; стекла въ окнахъ нижняго этажа кой-гдѣ цѣлы; во второмъ нѣтъ ни стеколъ, ни даже рамъ; въ мезонинѣ то же самое. Домъ, надо думать, предполагалось поставить въ саду, о чемъ свидѣтельствуетъ въ разныхъ направленіяхъ загородь. Новыя въ то время ворота стоятъ покачнувшись и перекосившись. Баня, людская просторная изба, сарай, скотный дворъ, погребъ — все это ново, пахнетъ свѣжимъ лѣсомъ, носитъ слѣды недавняго струга, рубанка, пилы. Масса щепъ вокругъ дома также свидѣтельствуетъ о томъ, что затѣя поселиться въ трясинѣ — затѣя недавняя, и все это, несомнѣнно стоющее большихъ денегъ, брошено, покинуто на произволъ судьбы. На разспросы случайныхъ посѣтителей извозчикъ или проводникъ изъ окрестныхъ крестьянъ обыкновенно отвѣчаютъ, что «хо-о-рошій былъ баринъ... и — и, какой человѣкъ! одно слово — доброта, душа-человѣкъ! Не нажить такого барина и во вѣкъ!» А куда онъ исчезъ, этотъ «хорошій баринъ», никто не знаетъ Разска-

зывали, что ушелъ въ заморскія земли... «И какъ ушелъ-то? Думали-было, что въ городъ поѣхалъ на день, на два, анъ—глядь—вотъ ужъ второй годъ его нѣту, и посейчасъ неизвѣстно гдѣ»... Точно такъ же неизвѣстна мѣстнымъ обывателямъ и причина, почему баринъ нашелъ нужнымъ бросить все добро, бросить такую кучу денегъ, уйти, не сказавъ ни слова знакомымъ мужикамъ, которые «оченно и премного бариномъ довольны были и завсегда» и т. д.

И затѣмъ, если бы случайный посѣтитель пожелалъ разузнать о баринѣ что-нибудь поподробнѣе, то ему сообщили-бы множество фактовъ, доказывающихъ необыкновенную доброту и простоту (похвальная сторона этого послѣдняго качества въ устахъ крестьянина имѣетъ весьма сомнительное свойство), но рѣшительно ничего въ объсненіе причинъ появленія его въ этой трясинѣ. Разскажутъ вамъ для характеристики барина:—«Ужъ и доберъ только былъ человѣкъ, на рѣдкость даже!.. Цѣной не скупился: впередъ давалъ, сколько хошь — по сту, по двѣсти рублей, и по триста давывалъ, работой не неволилъ... Бывало, какъ лѣсъ чистили, часика съ два потукаешь топоромъ, деревъ съ пятокъ свалишь, ужъ бѣжитъ: не устали ли молъ, ребята? Водки тащатъ, закуски—пей... Это, напримѣръ, чай съ сахаромъ за всякое время пей, сколь хошь! Въ накладку пивали, сказать ежели вамъ по совѣсти, истиннымъ Богомъ... всей артелью человѣкъ въ тридцать въ накладку—пей! Ничего! Никакихъ вредовъ не дѣлалъ... Это ужъ что говорить!.. Иди ты, братецъ мой, къ нему въ полночь — запрету нѣтъ, иди прямо — допускаетъ безъ разговору. садись, пей чай али тамъ вино, кофей—это у него сдѣлай милость, не опасайся!.. Скажешь:—«А что, Михалъ Михалычъ, хотѣлъ я у васъ увспросить, коровенку хочу»...—«Много-ль?» И сію минуту дастъ, ежели есть, а ежели нѣту—«вотъ, говоритъ, съѣзжу въ городъ, привезу»... И вѣрно!.. Одно слово, баринъ былъ добрѣющій, худова слова даже ни единаго разу не сказалъ; а надо говорить ужъ правду, случалось съ имъ худо поступали, что грѣха таить!.. Подконецъ, какъ ему уйти, народишко-то вокругъ него малымъ дѣломъ поиспортился... Бывало такъ, что только топоромъ стучитъ объ дерево, а рубить не рубитъ. Стучатъ пострѣлы по пнямъ, а потомъ идутъ разсчетъ получать. И платилъ, и впередъ давалъ. До чего баловство проникло напримѣръ, что Мишка — вотъ тутъ есть мальченка—такъ тотъ, пострѣленокъ, бывало, въ людской сидимъ, чай пьемъ, набьетъ себѣ въ чашку кусковъ восемь, а то и десять сахару, сидитъ въ шапкѣ передъ образами, да еще и на столъ, съ позволенія сказать, садился! Истиннымъ Богомъ садился, вотъ до чего ихъ обуяло! А иной и совсѣмъ худо дѣлалъ. Дастъ ему Михалъ Михалычъ сотельную:—«Поди, молъ, хошь тамъ Микита или Егоръ, размѣняй, молъ, бумагу-то, да кстати отдай тому-то, либо тому»...—«Слушаю», скажетъ и пойдетъ, да вмѣсто того чтобы отдать кому приказано, приходитъ назадъ и докладываетъ:—«Ужъ вы меня, Михалъ Михалычъ, не браните: я деньги ваши истратилъ, купилъ себѣ тесу или тамъ лошадь, корову; ужъ вы меня поставьте на работу, я вамъ отслужу». И то не серчалъ.—«Ну что-жъ!» только всего и было отъ него... Вотъ какой былъ человѣкъ!.. Ну, а какъ сталъ онъ мало-маленько хмелемъ зашибать—ну ужъ тутъ съ нимъ стали орудовать, надо сказать, прямо не по хорошему... Во хмелю-то хоть раздѣвай его. Плачетъ, а съ него счищаютъ деньгу-то: охотниковъ-то у насъ на эти дѣла, господинъ, весьма предовольно!.. Я такъ думаю, что должно быть, что капиталу онъ своего рѣшился въ нашихъ мѣстахъ—оттого и ушелъ. А ужъ этакой былъ баринъ!.. Не нажить такого барина намъ, нѣтъ, не нажить! Подконецъ-то онъ чего-то ужъ больно затужилъ, выпьетъ бывало—и крѣпко иной разъ выпивалъ—и зальется, а съ чего – не сказываетъ».

И если-бы случайному человѣку захотѣлось узнать, «съ чего-же это онъ грустилъ такъ», то мѣстный обыватель не нашелъ-бы что отвѣтить, или отвѣтилъ-бы что-нибудь вродѣ:—«А Господь его праведный знаетъ... Капиталу своему можетъ сожалѣніе было, али что-нибудь, какіе прочіе предлоги — неизвѣстно намъ это. Господь его вѣдаетъ!»

И ничего болѣе мѣстный обыватель и даже очевидецъ не сообщитъ о чудакѣ добромъ баринѣ. Анекдотовъ объ этой добротѣ, разныхъ случаевъ, въ которыхъ она выказывалась, сообщатъ многое множество; но всѣ эти свѣдѣнія нарисуютъ предъ вами только фигуру *барина*, правда добраго, но вообще *человѣка* не нарисуютъ. Источникъ доброты, этой чудачливой панибратской обходительности барина съ крестьянами, этой заботливости о томъ, «что,молъ, не усталъ-ли», наконецъ источникъ этого невозможнаго равнодушія къ деньгамъ—все это для мѣстнаго обывателя и даже очевидца объясняется именно *барскими*, отличающими барина отъ мужика, свойствами. Баринъ можетъ такъ *чудачить*, куралесить, баринъ воленъ куралесить на такой образецъ, какъ пожелаетъ: на то онъ не мужикъ, а баринъ, на то у него и денегъ много.

2.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, совершенно случайно пришлось намъ познакомиться съ этимъ, отсутствующимъ теперь въ неизвѣстности, добрымъ бариномъ, Михайломъ Михайловичемъ, и теперь иной разъ, сидя на крыльцѣ его мызы (приведенной въ порядокъ однимъ моимъ знакомымъ) и толкуя съ обывателями обо всякой-всячинѣ, я до нѣкоторой степени могу себѣ представить по-истинѣ трагическое состояніе духа, въ которомъ долженъ былъ находиться добрый Михаилъ Михайловичъ...

Добрый *баринъ!* Что можетъ быть ужаснѣе для человѣка съ его направленіемъ мыслей! Онъ, въ ту пору молодой, двадцати пяти-лѣтній барченокъ, только что оставившій университетскую скамью, пріѣхалъ сюда вовсе не для того, чтобы величаться капиталами, барствомъ и довольствоваться всеобщимъ раболѣпіемъ. Для охотниковъ ко всему этому есть другія поприща, а не лядинская трущоба. Онъ явился здѣсь именно въ увѣренности.

что онъ *порвалъ связи* какъ съ своимъ семействомъ, такъ и съ городскимъ обиходомъ жизни, съ своекорыстнымъ употребленіемъ своего капитала, знанія и т. д., и т. д. Все это онъ бросилъ позади себя и явился нарочно въ трущобу, въ безплодное дикое мѣсто, гдѣ человѣкъ терпитъ, нуждается, бьется... Михаилъ Михайловичъ пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы «на новомъ мѣстѣ» совершенно по «новому» начать жить, жить такъ, чтобы каждый кусокъ, который попадаетъ ему въ ротъ, не пахнулъ чужимъ трудомъ, чужимъ потомъ. Онъ пришелъ трудиться наравнѣ со всѣми, какъ равный въ правахъ и обязанностяхъ, спать вмѣстѣ съ другими на соломѣ, ѣсть изъ одного котла, а деньги, какъ нажитыя общимъ трудомъ (такъ былъ М. М. въ этомъ глубоко увѣренъ въ то время юношескихъ фантазій), должны быть достояніемъ той кучки людей, которая должна была образоваться какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ искренно разорвавшихъ съ прошлымъ интеллигентныхъ людей. Что среди крестьянъ онъ непремѣнно отыщетъ людей, которые всецѣло не только поймутъ, но еще разовьютъ его мысли — въ этомъ онъ былъ совершенно увѣренъ. Крестьянинъ—это одѣтый въ полушубокъ живой памятникъ всего, чего не упишешь въ 26-ти томахъ исторіи Соловьева. Мало того: въ то прекрасное время къ фигурѣ крестьянина какъ-то невольно примыкивало, кромѣ 26-ти томовъ Соловьева, еще все мучительно передуманное и пережитое европейскою жизнью.

Сообразивъ все это и соединивъ все такъ безобразно-трудно пережитое человѣчествомъ въ лицѣ крестьянина, которому наконецъ настало время вздохнуть свободно, Михаилъ Михайловичъ не могъ не подозрѣвать, что такое существо, какъ крестьянинъ, бѣдный, измученный, забитый, испытавшій и пережившій Богъ знаетъ какія невзгоды, несущій на своихъ плечахъ опытъ тысячелѣтнихъ трудовъ—долженъ, *непремѣнно долженъ* питать ненасытную жажду устроить жизнь по новому; у него въ горлѣ пересохло отъ этой жажды, онъ ждетъ-не-дождется, онъ страстно хочетъ вздохнуть полной грудью. Предъ этимъ величіемъ Михаилъ Михайловичъ—пигмей; онъ ничего не имѣетъ права желать, какъ только отдать этому гиганту все, что у него есть: деньги, знаніе, трудъ. Больше Михаилу Михайловичу ничего не нужно. Онъ пришелъ униженнымъ и смиреннымъ работникомъ. Такъ Михаилу Михайловичу казалось... Онъ готовъ былъ простить всякую грубость, невѣжество, всякую непріятность со стороны его народныхъ сотоварищей; онъ зналъ, что иначе не можетъ быть, что не изъ чего выработаться было тонкостямъ и деликатностямъ; онъ былъ готовъ все простить и все претерпѣть...Но, увы!—народъ никакимъ образомъ не могъ простить Михаилу Михайловичу ни капли изъ прошлаго, потому что прошлое было крѣпостное—какъ не могъ забыть и своего крѣпостного прошлаго. Этотъ крѣпостной опытъ крестьянъ—съ одной стороны, и съ другой—то, что Михаилъ Михайловичъ былъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ баринъ, и сокрушило и планы, и деньги Михаила Михайловича безъ остатка.

Да и какія бы другія представленія могъ имѣть только-что вышедшій «изъ крѣпости» крестьянинъ о людяхъ, подобныхъ Михаилу Михайловичу? Развѣ было что-нибудь и когда-нибудь подобное? А что Михаилъ Михайловичъ—баринъ, это мѣстный обыватель заключилъ по тысячѣ мелочей, которыя для Михаила Михайловича казались ничтожными, не имѣющими никакого значенія въ томъ серьезномъ дѣлѣ, какъ то, за которое онъ брался. Ужъ одно то, что онъ пріѣхалъ въ деревню со станціи въ тарантасѣ, а не пришелъ пѣшкомъ съ котомкой за плечами и босыми ногами, не попросилъ Христа-ради испить—ужъ это доказывало, что онъ не мужикъ. Онъ щедро далъ на водку, далъ столько мелочи, сколько попалось въ руку въ карманѣ—«и карьера его была рѣшена!» А когда къ Михаилу Михайловичу стали пріѣзжать его пріятели, все люди простые, честные, добрые, тогда мѣстные обыватели, ни мало не сомнѣвавшіеся въ томъ, что люди эти—*господа*, окончательно убѣдились еще въ томъ, что они и добрые. Одинъ послалъ за газетой на станцію и далъ рубль серебра за хлопоты—заработокъ небывалый и новый, что немедленно же убѣдило обывателей въ добротѣ господъ и въ томъ, что они—чудаки.

Вотъ почему разсужденія Михаила Михайловича и его пріятелей о томъ, зачѣмъ они сюда пріѣхали, что будутъ дѣлать и какъ это выгодно и прекрасно для всѣхъ, какъ это все справедливо и т. д.,—мѣстные обыватели не только не понимали, но не желали понимать. Пожелай они—поймутъ отлично; вся задача въ томъ и состоитъ, чтобы пожелать! Но они считали своимъ долгомъ поддакивать. Своему брату или вообще человѣку, который бы пришелъ съ деньгами въ эту трясину и объявилъ бы, что онъ хочетъ здѣсь жить и кормиться, они бы прямо сказали: «ступай отсюда, пропадешь!» Но разъ передъ ними баринъ съ деньгами и съ своей повадкой (фантазіи Михаила Михайловича не болѣе какъ *повадка*), то дѣло другое: тутъ только «потрафляй». Вотъ почему разсужденія Михаила Михайловича, разсужденія, которыхъ крестьяне даже не считали нужнымъ внимательно выслушивать (хотя дѣлали самый внимательный видъ), получили отъ всѣхъ ихъ полнѣйшее одобреніе.

— Вѣдь и эта земля, которая вотъ, кажется, никуда не годится, вѣдь она, посмотрите, какая будетъ, если сдѣлать вотъ то-то и то-то.

— Это ужъ само собой! Этой землѣ цѣны не будетъ! Одно слово...

— Вотъ я вамъ разскажу, робко начиная поучать, говорилъ Михаилъ Михайловичъ: — напримѣръ, въ Америкѣ...

И разсказывалъ исторію какой-нибудь американской общины, которая на безлюднѣйшихъ мѣстахъ съумѣла развести цвѣтущія довольствомъ поселенія, и только благодаря знаніямъ и опредѣленности цѣли.

— Цѣль... вотъ главное.

— Само собой! Это ужъ первымъ долгомъ!

Словомъ, какія бы невозможно-идеальныя, фантастическія идеи ни развивалъ въ это время Михаилъ Михайловичъ передъ мѣстными обывателями,

всѣ онѣ безъ исключенія принимались послѣдними безъ малѣйшаго протеста и возраженія и всегда напротивъ съ величайшимъ одобреніемъ: «само собой!» «Чего лучше?» «Первое дѣло!» «Первымъ долгомъ!»

Если-бы Михаилъ Михайловичъ въ это время не былъ помѣшанъ на своихъ фантазіяхъ, то онъ и теперь ужъ могъ-бы услышать изъ устъ своихъ крестьянъ-сотоварищей (такъ онъ думалъ) нѣчто, потрясающее всѣ его иллюзіи. Такъ, одобряя и соглашаясь, нѣкоторые изъ крестьянъ проговаривались весьма неосторожно, вставляя что-нибудь вродѣ: «мы завсегда хорошимъ господамъ съ охотой готовы... Что нашихъ силъ... Для господъ.» Но Михаилъ Михайловичъ въ эту пору никого и ничего не слыхалъ, занятый новымъ дѣломъ, какъ и мужики не слышали, что̀ онъ толкуетъ, занятые своимъ старымъ. Онъ полагалъ, что всѣ разсужденія — сущая правда и неопровержимы, и мужики думали, что они ловко потрафляютъ барину, поддакивая,—и не ошиблись. Баринъ оказался—«рубаха»!

3.

Начавъ *общее* дѣло съ взаимнаго и совершенно основательнаго нежеланія слушать другъ друга, добрый баринъ и добрый мужикъ такъ это дѣло и продолжать стали. Баринъ «гналъ *свою* линію», всячески угождая мужикамъ и относясь къ нимъ съ полнымъ почтеніемъ; мужики погнали свою линію, также всячески угождая барину и относясь къ нему съ полнымъ почтеніемъ. Все это, говоря обывательскимъ языкомъ, произошло въ полной мѣрѣ «само собой»! И не прошло трехъ-четырехъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ Михаилъ Михайловичъ вступилъ во владѣніе лядинской пустыней, какъ однажды, проснувшись утромъ въ наскоро сколоченномъ мужиками сараѣ, не безъ нѣкотораго ужаса почувствовалъ, что въ его житьѣ-бытьѣ что-то не ладно...

— Канавы прикажете, Михаилъ Михайловичъ, гнать аль мосты наводить? спросилъ его крестьянинъ, снявъ шапку.

Михаилъ Михайловичъ молчалъ.

Онъ былъ пораженъ.

— «Что-жъ это, думалъ онъ:—вѣдь я, кажется, *приказываю... командую*»...

Однако, собравшись съ духомъ, онъ все-таки отдалъ какое-то приказаніе. Но, поднявшись съ сѣна, на которомъ онъ спалъ, наскоро напялилъ рваное пальтишко, въ которомъ ходилъ по пріобрѣтенной трясинѣ, грязные сырые сапоги, вытащилъ изъ-подъ подушки и надѣлъ на голову смятую шляпу и почему-то немедленно уѣхалъ въ Петербургъ.

Недѣли двѣ онъ бѣгалъ по петербургскимъ пріятелямъ, не замѣчая своего страннаго костюма и грязи, толстымъ слоемъ лежавшей на лицѣ и рубахѣ, и предаваясь все это время непрестаннымъ разглагольствованіямъ, причемъ обсуждалась на тысячу ладовъ справедливость дѣлаемаго Михаиломъ Михайловичемъ дѣла. Уже въ это время его начинали одолѣвать припадки острой и мрачной тоски. Думаетъ-думаетъ, остановится на улицѣ съ вытаращеннымъ неподвижнымъ взоромъ, постоитъ и, какъ сонный, войдетъ въ портерную, спроситъ кружку, выпьетъ, спроситъ другую-третью, и не замѣчаетъ, что его одолѣваетъ хмель...

Такъ онъ долго промаялся въ Питерѣ; но когда воротился въ трясину, то былъ уже не тѣмъ, чѣмъ въ первый пріѣздъ. Онъ ужъ не разглагольствовалъ, убѣдившись, что его не слушаютъ; онъ ужъ не панибратствовалъ, убѣдившись, что въ братья мужику онъ не годится, хотя и продолжалъ вмѣстѣ спать и вмѣстѣ ѣсть. Длиннымъ рядомъ всевозможныхъ разсужденій о своей задачѣ онъ пришелъ къ тому, что только примѣръ, результатъ видимый, осязательный, доступенъ будетъ пониманію теперешняго крестьянина и научитъ его лучше всякихъ многосложныхъ разсужденій. Стало быть, надо не разглагольствовать, а взять все дѣло на себя, на свою отвѣтственность. Теперь роются канавы, осушаются сырыя мѣста; но когда будетъ, на зло всѣмъ преградамъ, полученъ первый урожай, словомъ—когда получатся плоды трудовъ и знаній, Михаилъ Михайловичъ на дѣлѣ покажетъ, что̀ значитъ справедливость. Теперь же онъ просто будетъ «пока» распоряжаться.

Рѣшивъ такъ, Михаилъ Михайловичъ почувствовалъ себя спокойнѣе, да и въ самомъ дѣлѣ отношенія сдѣлались между ними и мужиками естественнѣе. Онъ сталъ приказывать, а они стали исполнять.—«Рой тутъ канаву!» скажетъ Михаилъ Михайловичъ, и ужъ не разглагольствуетъ о будущемъ благополучіи, а молчитъ и молча думаетъ: «потомъ сами увидите, что̀ это значитъ»! Ставъ на эту точку, онъ уже началъ отвыкать отъ сплошного взгляда на весь толкавшійся вокругъ него народъ; онъ уже не могъ смотрѣть на всѣхъ нихъ одинаково, какъ смотрѣлъ еще недавно, полагая, что предъ нимъ въ каждомъ полушубкѣ ходятъ всѣ 26 томовъ исторіи Соловьева, а сталъ различать въ одномъ экземплярѣ 26-ти томовъ—хитрость, въ другомъ глупость, въ третьемъ—самодурство, въ четвертомъ—ловкость, понятливость и умъ.

Появились такимъ образомъ любимцы, приближенные, довѣренные.

Такимъ образомъ, если ужъ въ то время, когда Михаилъ Михайловичъ былъ предъ мужикомъ тише воды, ниже травы, если, повторяемъ, и въ то уже время въ немъ не трудно было разыскать и разсмотрѣть барина, барскую повадку, то теперь-то и подавно. Полагая, что онъ только временно, такъ сказать, надѣлъ на себя шкуру барина, Михаилъ Михайловичъ незамѣтно, въ силу того-же, что онъ былъ *баринъ въ самомъ дѣлѣ*, сталъ сбиваться съ равноправной ноги, и воспитанное долголѣтнимъ прошлымъ барство стало, сначала понемногу, выступать въ его умѣ, и сердцѣ, и душѣ, а потомъ и очень скоро вылилось во всей своей прелести.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того какъ въ Михаилѣ Михайловичѣ сталъ проступать ужъ *не прикрашенный баринъ*, въ крестьянинѣ (который, просимъ не забывать, только-что вышелъ изъ крѣпости) сталъ навстрѣчу барину выступать *не прикрашенный рабъ*.

Баринъ началъ повелѣвать, а крестьянинъ принялся его надувать.

Началась самая утонченная борьба двухъ естественныхъ враговъ, и надо отдать мужикамъ справедливость—молодцы они въ этой борьбѣ. Лаской, угожденіемъ, потрафленіемъ, предупрежденіемъ еще не родившихся, но имѣющихъ рано-ли, поздно-ли родиться желаній, вотъ какъ они, и самые талантливые изъ нихъ, принялись дѣйствовать...

У Михаила Михайловича стало образовываться все больше и больше празднаго времени, ему становилось все легче и беззаботнѣе, точно кто по-матерински заботился о немъ. Онъ даже лесть сталъ слушать какъ должное, поддался на похвалу, на удивленіе его уму, знанію. Невѣдомо какъ и откуда взялась какая-то бабенка вострoглазая, которая стала все тутъ вокругъ да около лебезить. И другая, и третья. .

. . . .

4.

Михаилъ Михайловичъ вновь очнулся, опамятовался и совершенно упалъ духомъ. Сначала, когда какое-то ничтожное обстоятельство заставило его придти въ себя, онъ мгновенно (барская привычка) ожесточился на мужиковъ. Все въ нихъ показалось ему отвратительнымъ: и эти бороды, и лица, но пуще всего эти улыбки, эти снятыя шапки. «Холопье!» возопилъ онъ всѣмъ нутромъ. Противными ему показались всѣ эти: «Будьте покойны!» «Дѣло явное, чего лучше!» «Само собой!» «Въ аккуратѣ!» и множество другихъ ничего незначащихъ словъ, которыми такой мастеръ отдѣлываться русскій человѣкъ, когда онъ не хочетъ ничего сказать или когда желаетъ сказать не то, что думаетъ.

Бывали у Михаила Михайловича минуты суроваго ожесточенія противъ всѣхъ и вся. Бывало такъ, что, ожесточившись рѣшительно на всѣхъ, толкавшихся вокругъ него на работахъ и постройкахъ людей, ожесточившись на всѣхъ огуломъ и на каждаго по одиночкѣ, Михаилъ Михайловичъ прекращалъ всякія приказанія и распоряженія, упорно молчалъ, не давалъ ни на что никакихъ отвѣтовъ. Тогда народъ, толпившійся вокругъ него, немедленно-же начиналъ разбредаться; никому не было разсчета терять минуты времени даромъ. Всякій зналъ: «понадобится—пришлютъ», и, взваливъ котомку на плечи, расползались по лѣснымъ тропинкамъ къ новому заработку.

Но по мѣрѣ того, какъ равнодушіе этихъ разбредавшихся людей (лично къ Михаилу Михайловичу, а не къ заработку) становилось все яснѣе и яснѣе, ожесточеніе его противъ этихъ людей ослабѣвало, а перспектива не сегодня, такъ завтра остаться одинокимъ въ этой трясинѣ—совершенно уничтожала въ немъ гнѣвъ и ненависть. Такъ же быстро, какъ и въ началѣ хандры, ненависть его съ мужиковъ переносилась на самого себя, а мужикъ напротивъ—начиналъ выростать, выростать... въ чемъ-же?—въ прямотѣ и правдѣ... Начинало оказываться, что во всемъ поведеніи мужика,—поведеніи, которое возмущало такъ недавно до глубины души, не было ничего, кромѣ самой сущей искренности и глубочайшей правды. Михаилъ Михайловичъ въ эти минуты ясно видѣлъ собственную свою дрянность, гнилость, негодность, негодность во всѣхъ смыслахъ—въ физической силѣ, въ твердости убѣжденій, въ силѣ мысли, въ прочности, нравственности и т. д. И во всемъ этомъ мужикъ несравненно выигрывалъ. Какое необычайное преимущество мужика предъ нимъ ужъ въ одномъ томъ, что цѣль его проста, мала—какая-нибудь коровенка, недоимка? Купить коровенку, уплатить недоимку, а сколько онъ тратитъ на это силы, не сердясь, не бѣснуясь, не хвалясь, не чванясь?.. Ему все простительно, онъ все изъ-за хлѣба...

5.

. . . .

Въ такія минуты Михаилъ Михайловичъ мрачно пилъ и подъ хмелькомъ ворочалъ мужиковъ назадъ, вновь пилъ «на мировую», подъ хмелькомъ ѣхалъ въ деревню въ гости, вновь пилъ въ гостяхъ... И тутъ уже съ нимъ стали поступать безъ церемоніи... Тутъ то вотъ Мишутка сѣлъ подъ образа въ шапкѣ, наклалъ сахару въ чашку до верху и на столъ грозился сѣсть. Въ эту-то пору стали у него брать деньги почти изъ рукъ и почти безъ церемоніи... Не препятствовалъ Михаилъ Михайловичъ этому, убѣдившись, что другого назначенія для него нѣтъ, какъ быть расхищеннымъ на пользу ближнему...

«По настоящему, думалъ онъ,—надо-бы просто послушать совѣта: отдай имѣніе свое—и ступай!.. Бери, ребята, бери!»...

Онъ ужъ совершенно въ это время не разсуждалъ и не фантазировалъ, а изрекалъ гдѣ-нибудь въ крестьянской избѣ за бутылкой водки краткія изреченія, вродѣ напримѣръ слѣдующаго:

— Нѣтъ, ребята, мы съ вами одного поля ягода .. И много, много въ васъ и въ насъ разныхъ блохъ крѣпостныхъ сидитъ... И долго-долго, ребята, выбивать изъ насъ этихъ блохъ-то придется...

— Само собой! откликается кто-нибудь на эту рѣчь.

— Да перестань ты болтать, чортъ знаетъ что! раздражительно восклицаетъ Михаилъ Михайловичъ.—Ну, что это значитъ «само собой»?—какой тутъ смыслъ? Что значитъ въ «аккуратѣ», «къ примѣру», «первымъ долгомъ»? Зачѣмъ болтать вздоръ? Неужели наконецъ, послѣ всего, ты прямо не можешь сказать, что тебѣ отъ меня нужно? Корову? Лошадь? Тесу? Овцу? Телѣгу? Вѣдь непремѣнно-же что нибудь подобное, а ты какое-то «само собой», а потомъ «въ аккуратѣ»... Чего тебѣ нужно?..

— Да лошадку-бы точно что...

— Ну вотъ и прекрасно... а то «первымъ долгомъ», «въ томъ числѣ». Еррунда!..

— Михаилъ Михайловичъ! восклицаетъ вострoглазая солдатка, появляясь въ избѣ.—Ты что-жъ солдатку-то забылъ? Чего-жъ чайку-то не зайдешь напиться?..

— Забылъ? Нѣтъ, я зайду, непремѣнно зайду...

— Ты думаешь, солдаткѣ тоже пить-ѣсть не надо?..

— Какъ можно! Я-то думаю?.. Что это ты?.. Отлично понимаю. Именно пить-ѣсть...

— То-то, заходи, стало-быть, въ гости-то...

— Непремѣнно... Тебѣ чего, тесу или чего?..

. . . .

А уѣхалъ Михаилъ Михайловичъ потому, что денегъ у него не осталось ни копѣйки.

III. Подгородный мужикъ.

1.

Въ то далекое время—попытокъ въ подобномъ родѣ, какъ извѣстно, было великое множество, и если, несмотря на всевозможныя внѣшнія различія въ способахъ и пріемахъ, цѣли онѣ не достигали, то во всякомъ случаѣ источникъ, изъ котораго шли фантазіи, былъ чистъ, а главное—вполнѣ неизбѣженъ, потому что, если Михайлы Михайловичи не могутъ такъ скоро порвать узъ и путъ прошлаго, въ которомъ они выросли, то тѣмъ болѣе трудно это сдѣлать мужику. Сколько наросло на немъ и вокругъ него, и подъ ногами, и сверху, и снизу—словомъ, и въ немъ, и внѣ его—всякой дичи, паутины! Сколько валяется по пути его развитія всякаго гнилья, гнилья столѣтняго, обомшѣлаго, которое путаетъ, сбиваетъ съ толку и пути!

Крестьяне, съ которыми имѣлъ дѣло Михаилъ Михайловичъ и съ которыми намъ въ настоящее время приходится сталкиваться, могутъ, какъ намъ кажется, служить хорошимъ образчикомъ всего, чтó пришлось пережить русскому крестьянину на своемъ тысячелѣтнемъ вѣку. Правда, *такихъ* крестьянъ, какъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь, многіе, изучающіе народную жизнь, значительно недолюбливаютъ. Крестьяне эти—шоссейные жители, большею частью живутъ по сторонамъ старой московской дороги, имѣютъ частыя связи съ Питеромъ. Мало того: по территоріи, которой касаются мои замѣтки, проходятъ двѣ желѣзныя дороги—николаевская и узкоколейная, съ которыми у крестьянъ постоянныя сношенія. Такихъ крестьянъ многіе, какъ извѣстно, совсѣмъ не считаютъ даже крестьянами: «какіе это крестьяне, помилуйте! Тутъ все перепорчено городомъ, тутъ кадрили, пиньжаки». Въ такого рода сужденіяхъ есть извѣстная доля правды въ томъ отношеніи, что здѣшніе мужики не похожи на мужиковъ, живущихъ исключительно земледѣліемъ: но знакомиться съ положеніемъ народа въ данную минуту нигдѣ нельзя болѣе подробно, какъ здѣсь, потому что если гдѣ и есть такой мужикъ, который-бы въ самомъ дѣлѣ олицетворялъ собою всѣ 26 томовъ Соловьева, такъ это именно здѣсь.

Да и по части древности рода здѣшній крестьянинъ, какъ новгородецъ, перещеголяетъ своихъ одноплеменныхъ собратьевъ. Онъ именно жилъ такъ, какъ обозначено въ 26-ти томахъ. Гнѣздился онъ въ лядинахъ, на печищахъ, перешелъ поближе къ питерской дорогѣ, перелѣзаетъ теперь къ чугункѣ, видѣлъ и аракчеевщину, и холеру, и крѣпостное право; понатерся въ той цивилизаціи, которая сама идетъ и ѣдетъ на деревню, словомъ—«произошелъ». Чего еще нужно для всесторонняго наблюденія и изученія? Да наконецъ, не та-ли же участь рано или поздно ждетъ самый дальній россійскій медвѣжій уголъ и то, чтó уже получилось въ здѣшнихъ мѣстахъ? Рано или поздно пройдетъ каменная, а можетъ быть и желѣзная дорога и въ такихъ глухихъ углахъ, гдѣ недавно сожгли колдунью. И туда, и во всѣ россійскія мѣста рано-ли, поздно-ли придутъ и кадриль, и «пиньжакъ», и вообще тѣ-же самыя новизны, съ тѣми-же самыми послѣдствіями. Не Питеръ, такъ какой-нибудь Тихвинъ будетъ разсадникомъ той-же самой цивилизаціи, какою надѣляетъ наши мѣста столица. Питеръ для здѣшнихъ мѣстъ вѣдь только рынокъ, да и не Питеръ даже, а Сѣнная. Сѣнная-же, хоть и маленькая, вездѣ есть; а если нѣтъ, то будетъ вездѣ, гдѣ дорога сдѣлаетъ новый рынокъ для сбыта всего, чтó идетъ на подати. Словомъ, тотъ-же самый духъ вѣка, какой дошелъ изъ Питера до насъ, дойдетъ и до самаго отдаленнаго угла. Развѣ можно миновать это, хотя и надо? А слѣдовательно пренебрегать здѣшнимъ мужикомъ, разгуливающимъ то въ пиньжакѣ, то въ тулупѣ, резоновъ нѣтъ никакихъ.

Итакъ, къ чему-жъ, къ какимъ результатамъ пришелъ этотъ новгородскій вѣчевой человѣкъ, пройдя черезъ заимки въ лядинахъ, черезъ бродяжничество и шатаніе по господамъ, черезъ сохи и обжи, черезъ оброки и барщину, черезъ подушное и поземельное, словомъ—исколесивъ вдоль и поперекъ всѣ 26 томовъ и достигнувъ наконецъ кадрили, пиньжака и петровской папироски?

Въ 28-ми дворахъ той деревни, которая передъ нашими глазами, уже есть четыре крупныхъ представителя «третьяго сословія». Какъ крестьяне, они безъ сомнѣнія получаютъ въ общественной землѣ точь-въ-точь столько, сколько имъ соотвѣтствуетъ по справедливости. Но вотъ какъ-то разжились властвуютъ, скупаютъ у обывателей краденый лѣсъ, а одинъ изъ нихъ имѣетъ рысака и кабріолетъ—«почесь-что баринъ». Но онъ—не баринъ, а крестьянинъ, временно-обязанный, земля его въ мірскомъ владѣніи, и однако-жъ онъ властвуетъ, а остальные воруютъ для него лѣсъ, иные прямо «бьются»,—а земля, повторяемъ, передѣлена между всѣми правильно. Несмотря на эту правильность, постоянно слышишь: «у него и скотинѣ-то ѣсть нечего!» «А иному бѣдному и двугривенный слаще рубля серебромъ!»—очень часто говоритъ общинникъ.

2.

Недавно въ этомъ отношеніи намъ пришлось быть свидѣтелемъ такой сцены:

На мызу (описанную выше и теперь кое-какъ достроенную однимъ моимъ знакомымъ подъ дачу) является вечеромъ, черезъ топи лядинъ, изъ которыхъ какъ-разъ только-что благополучно *выступило* само знаменитое *«днище»*, ковыляя на костылѣ, пожилой человѣкъ, отставной солдатъ. За нимъ плетется лѣтъ десяти худенькій мальчикъ. Солдатъ и мальчикъ, окруженные лающими и мечущимися изъ стороны въ сторону псами, приближаются къ крыльцу рабочей избы, на которомъ въ пріятныхъ разговорахъ проводили время крестьянинъ, наблюдавшій за мызой (Демьянъ Ильичъ), случайный охотникъ изъ крестьянъ-же, собираю-

щійся въ ночь на тетеревовъ, и пишущій эти замѣтки.

Солдатъ подошелъ, снялъ шапку, поздоровался. Нѣсколько секундъ помолчали —и солдатъ, и мы. Въ этотъ краткій промежутокъ молчанія мы замѣтили, что у солдата подъ мышкой курица, а у мальчика въ рукахъ какая-то кошелка.

— Яицъ не надо-ль? сказалъ солдатъ.

Опять помолчали.

— Много-ль? спросилъ крестьянинъ, управитель мызы.

Помолчалъ немного и солдатъ и потомъ сказалъ:

— Десятка три, три съ половиной... Сосчитаешь.

При помощи такихъ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ, перемежавшихся краткими мгновеніями молчанія, яйца были куплены.

— Михайло! сказалъ солдатъ мальчику, обернувшись назадъ:—снеси кошелку въ избу —сосчитай.

Опять помолчали.

— Грязна дорога-то?

— И-и—не говори! Бездна бездну призываетъ...

— Выступило днище-то?

— Эва!—еще третьяго-дни нелегкая его выперла въ полномъ парадѣ... Нашъ мальченка Холопскій (названіе деревни) такъ съ ушми совсѣмъ чуфыкнулъ въ пучину-то. Выперла, нелегкая ее бери!..

Помолчали.

— А курицу .. не требуется вамъ, господа?

Курица все время вертѣла головой, плотно прижатая подъ мышкой, и какъ-то вытягивала грудь, очевидно желая выскочить. Когда рѣчь коснулась ея, она закудахтала...

— Нѣтъ, куръ не надо.

Опять помолчали.

— А можетъ, баринъ скушаютъ?

Курица закудахтала сильнѣе.

— Ей только дай покормиться съ недѣлю, она—во-какъ раздобрѣетъ... У насъ она такъ болталась, смотрѣть некому—и то, глянь, бока-то все-же мало-мальски... Берите ужъ, господа! Сорокъ копѣекъ... у меня старуха что-то недомогаетъ... Деньженокъ-бы надо... Куда я ее потащу назадъ-то? Не возьмете—задаромъ отдамъ, а назадъ не понесу.

Взяли и курицу, а впослѣдствіи и съѣли ее. Конечно предварительно дали ей отгуляться на волѣ, отъѣсться.

Солдатъ пустилъ курицу на землю и сказалъ:

— Ступай! Смотри, чтобы господину бульонъ хорошъ былъ. Не огорчи хозяина!

Курица не побѣжала, а пошла медленно, осторожно оглядывая новое мѣсто.

Опять помолчали. Въ это время воротился мальчикъ съ пустой кошелкой и сказалъ:

— Тридцать семь.

— Ну, ладно, сочтемся. А вотъ что, Демьянъ Ильичъ, не возьмешь-ли у меня мальченку?

— Какого?

— А вотъ! проговорилъ солдатъ, кивнувъ на мальчика.—Не подойдетъ-ли онъ тебѣ въ пастухи?

Демьянъ Ильичъ поглядѣлъ на мальчика и сказалъ:

— Мнѣ твой мальчикъ дорогъ будетъ...

— Чѣмъ-же? Полтора куля всего-то...

— Дорогонько...

(По здѣшнимъ весеннимъ цѣнамъ это около 18 р.)

— Дорого? переспросилъ солдатъ, и, подумавъ, сказалъ: —ну, а дѣвчонка не подойдетъ-ли? Есть у меня постарше этого мальченки на годъ—ничего. дѣвчонка проворная. Она не подойдетъ-ли насчетъ скотины?..

— Куль! сказалъ Демьянъ Ильичъ: — Такъ и быть. Ты знаешь, не изъ чего мнѣ расходствовать.

— Это намъ извѣстно. Куль, говоришь? Что-жъ, я согласенъ, только ужъ дай записку сейчасъ къ Завинтилову (изъ третьяго сословія). Хлѣбомъ-то больно бьемся...,

— Это можно, сказалъ Демьянъ Ильичъ.

— Ну, а ужъ насчетъ мальченки, видно, придется мнѣ рядиться съ Завинтиловымъ. Даетъ онъ мнѣ полтора куля, да жидоватъ вѣдь человѣкъ-то... Ну, да ужъ видно надо... Такъ ужъ дай записочку-то!

— Сейчасъ напишемъ, сказалъ Демьянъ Ильичъ.

— Ну, ладно, спасибо.

Помолчали.

— Дѣвчонка—она ничего, бойкая! ужъ я худого тебѣ не пожелаю. Я знаю, каковъ ты есть человѣкъ ..

— У меня съ весны загонъ будетъ сдѣланъ, сказалъ Демьянъ Ильичъ.—Скотина всегда въ одномъ мѣстѣ, только-бы изъ-загородки не выбилась: — вотъ и вся работа

— Хорошее дѣло... Чего лучше какъ загонъ?

Опять помолчали.

— Тамъ, на деревнѣ, началъ солдатъ нѣсколько инымъ тономъ:—сказывали, будто тебѣ человѣкъ для дровъ требуется?

— Надо.

— Что-бы ты меня взялъ? Колоть и пилить я вѣдь мастеръ. Хитраго тутъ нѣтъ ничего.

— Пожалуй, возьму. Немного дровъ-то... колоть, а пилить наши будутъ.

— Все одно! Сколько наберется. Я-бы теперича тебѣ духомъ откаталъ...

— Что-жъ, оставайся!

Уговорились въ цѣнѣ, написали записку на выдачу куля муки, отдали за яйца и за курицу. Записку солдатъ отдалъ мальчику и сказалъ, чтобы онъ шелъ домой, запрегъ лошадь, съѣздилъ за мукой и привезъ ее домой. Самъ же солдатъ остался и присѣлъ на крыльцо отдохнуть.

Мальчикъ одинъ поплелся съ пустой кошелкой по лѣсу, черезъ топи и болота, черезъ знаменитое *днище*.

Солдатъ сдѣлалъ папироску изъ корешковъ и какого-то лоскута бумаги, который онъ поднялъ тутъ-же на дворѣ въ сору, и сказалъ:

— Справляемся помаленьку.... Какъ-никакъ... Вотъ старуха-то у меня малымъ дѣломъ прихварываетъ — изъ рукъ дѣло одно ушло задарма... Стирка у господъ... Рубля два, глядишь, и нѣтъ. А то у меня все слава Богу!.. Не гуляемъ... У меня всѣ при добывкѣ. И самъ, и старуха, и ребята—всѣ дѣйствуютъ... Я, братъ, Демьянъ Ильичъ, не охотникъ по здѣшнему: какъ-нибудь тамъ

схватилъ рубъ, дѣло свертѣлъ кое-какъ—и прочь... Или, какъ другой, нахваталъ въ долгъ выше головы, и отдаетъ двадцать лѣтъ... Этого у меня нѣту. Я и по-сейчасъ гроша ломанаго никому не долженъ, вотъ что̀ я тебѣ скажу.

— Я знаю. Ты человѣкъ исправный, сказалъ Демьянъ Ильичъ.—Въ примѣръ тебя къ нимъ ставить нельзя. Это ужъ что говорить...

— Я тебѣ говорю вѣрное слово—такъ. Ты думаешь, ежели бы я захотѣлъ, такъ Завинтиловъ не повѣрилъ-бы мнѣ куля-то? Повѣритъ! Кому другому, хоть-бы вотъ Кукушкинымъ или Болтушкинымъ, кажется, ужъ богачами считаются, а имъ не повѣритъ! А мнѣ, я тебѣ вѣрно говорю, дастъ. Только-что я не люблю этого—просить. Нѣту у меня на это характеру .. Кому другому не дастъ, а мнѣ дастъ.

— Я знаю, это ты говоришь вѣрно. Тебѣ дать можно.

— А ужъ, кажется, жидъ пресвѣтный Завинтиловъ-то. Вотъ какое дѣло!

Солдатъ, распродавшій такимъ образомъ курицу, яйца, дѣвчонку, мальчишку и себя, и сожалѣвшій только о томъ, что старуха по случаю болѣзни не идетъ въ дѣло, былъ какъ-то покойно счастливъ, чувствовалъ полную внутреннюю гармонію, причемъ довѣріе Завинтилова очевидно уравновѣшивалось съ вышеупомянутой распродажей.

У него было хорошо на душѣ, ему чувствовалось честно, правильно.

Неподалеку работники пилили дрова.

— Вотъ какое дѣло, еще разъ повторилъ солдатъ и, обратившись къ Демьяну Ильичу, оживленно проговорилъ:—гдѣ у тебя топоръ-то? Солдатъ не любитъ безъ дѣла сидѣть. Чѣмъ сидѣть-то задаромъ, давай-ко топоръ-то, я покуда что до ужина поколю.

Пила заходила звончѣй и чаще; солдатъ, уставивъ деревянную ногу, какъ ему было удобнѣе, принялся колоть дрова. И тутъ, въ этой работѣ, не весьма для него удобной, хорошее, правильное расположеніе духа выступало на первый планъ.

— Ты рѣжь мнѣ аппетитными кусками, говорилъ онъ работнику; что ты мнѣ какія орясины подсовываешь?—твое полѣно къ носу моему размѣромъ подходитъ, я воткнуться въ него не могу съразгону, а ты рѣжь вотъ эдакенькія... Такъ у меня топоръ-то вопьется вотъ какъ!

Стали рѣзать аппетитныя полѣнья.

— Вотъ это такъ! Валяй—не задерживай. Вотъ какъ у насъ, вотъ, вотъ, эво! Эво какъ... вотъ такъ-то!

При каждомъ изъ этихъ выраженій, аппетитныя полѣнья разлетались фонтаномъ изъ-подъ солдатскаго топора. Тутъ ужъ совершенно исчезла работа, а играло роль чистое искусство, которому поддались и работники, ужъ порядочно уставшіе. Теперь они были заинтересованы и своимъ, и солдатскимъ творчествомъ. Пила пѣла, не умолкая. Расколотыя полѣнья летѣли въ разныя стороны. А солдатъ при каждомъ взмахѣ выкрикивалъ: — «Эво! эво! Ай не хочешь! Поспѣвай, ребята! Живѣй!»

И ребята поспѣвали, какъ не поспѣть паровому пильному заводу.

Хорошо чувствовалъ себя солдатъ, распродавшій все семейство, и всѣ почувствовали себя вмѣстѣ съ нимъ также хорошо, потому, въ самомъ дѣлѣ, «по хорошему» поступалъ человѣкъ.

Или вотъ еще: сейчасъ, на моихъ глазахъ, крошечная десятилѣтняя дѣвочка съ пяти часовъ утра и до восьми вечера таскается за скотиной изъ одного угла мызы въ другой. Травы еще мало, да и та, которая уже есть, мала ростомъ; поэтому скотъ поминутно переходитъ съ мѣста на мѣсто, и десятилѣтней дѣвочкѣ, проданной родителемъ за куль хлѣба, приходится сдѣлать въ день не одинъ десятокъ верстъ слабыми и босыми ногами. Босыми ногами потому, что башмаки и даже лапти недоступны для нея при той цѣнѣ, за которую купленъ собственный ея трудъ. Однѣхъ лаптей пришлось-бы сносить почти на ту-же цѣну, сколько она «сто̀итъ сама».

А въ то-же время, кто не знаетъ, т. е. кто не встрѣчалъ на петербургскихъ улицахъ, около Гостинаго двора, здоровеннѣйшихъ мужиковъ, ростомъ-аршина по три, которые слоняются съ кружевами, съ красными шарами на веревкѣ и даже съ букетами цвѣтовъ. Всякому, напримѣръ, извѣстно, что такіе дылды трехаршинные, у которыхъ силы хватитъ убить кулакомъ быка (отъ котораго иной разъ крикомъ-кричитъ въ деревнѣ пастухъ-дѣвочка, пугаясь его рева, злобы, раздраженія),—такіе-то дылды обступаютъ проѣзжающихъ черезъ Строгоновъ мостъ на дачи господъ съ предложеніемъ «пукета». Эти дылды — наши деревенскіе, и конечно именно имъ и слѣдовало бы воевать съ быкомъ, вмѣсто того, чтобы прыгать съ «пукетомъ». А для дѣвочки самымъ подходящимъ дѣломъ было-бы сидѣть дома, рости, учиться и много-много отогнать хворостиной свинью, сующую свое рыло, куда не слѣдуетъ.

Недавно въ одной изъ газетъ мы читали цѣлый рядъ наблюденій, неопровержимо доказывающихъ, что общинные порядки настолько крѣпки, что крестьяне, выкупившіе свой надѣлъ, предпочитаютъ оставлять его въ мірскомъ владѣніи. Въ подтвержденіе этого явленія было приведено множество фактовъ, подлинность которыхъ несомнѣнна, но одинъ изъ которыхъ произвелъ на насъ вовсе не то впечатлѣніе, на которое разсчитывалъ авторъ. Именно: разсказывается, что такой то крестьянинъ, выкупивъ надѣлъ, оставилъ его въ общинномъ владѣніи, но при этомъ прибавлено, что надѣлъ выкупленъ сыномъ для престарѣлаго отца. Самъ сынъ не жилъ въ деревнѣ, а жилъ гдѣ-то на сторонѣ; но, жалѣючи 60-ти-лѣтняго отца, который застаростью лѣтъ не могъ-бы нести мірскихъ повинностей, стало-быть остался-бы безъ земли, безъ хлѣба — словомъ, нищимъ—сынъ и выкупилъ для него землю, т. е. поставилъ его, уже противъ воли мірскихъ распорядковъ, въ невозможность умереть съ голоду. Насъ, конечно, очень радуетъ, что общинныя начала крѣпки; но мы спрашиваемъ: позволительно-ли усомниться въ широтѣ развитія этихъ началъ,

ежели сплошь и рядомъ, при всей крѣпости и долговѣчности этихъ порядковъ, факты, вродѣ вышеупомянутаго, встрѣчаются въ деревняхъ поминутно? И что-жъ это за порядки, когда человѣкъ проработалъ почти всѣ 60 лѣтъ, причемъ чисто мірской работы было передѣлано его руками многое-множество, выбившись изъ силъ, можетъ разсчитывать только на то, что міряне придутъ къ его одру и скажутъ:—«Ну, старичокъ господній,\ силовъ у тебя нѣту, платить въ казну тебѣ не въ моготу, приходится тебѣ, старичку пріятному, пожалуй что и слѣзать съ земли-то... Такъ-то... потому молодыхъ ребятъ надыть на землю сажать, а тебѣ-бы, старичку, тихимъ-бы, напримѣръ, манеромъ, ежели говорить примѣрно, и помирать-бы въ самый разъ... Такъ-то»... Сколько разъ намъ приходилось слышать выраженія, обращенныя къ старику, къ старухѣ:

— А ужъ пора бы тебѣ, старичокъ или старушка, помирать... Право!

— Пора, пора, родной!...

— Да право!.. Ну, что тебѣ за жизнь? Пожила вѣдь на свѣтѣ — ну... и перестань... Чего ворчать-то попусту?

— Охъ, перестану, перестану, скоро!..

— Право такъ! Перестала-бъ, вотъ-бы и было все честь честью, по пріятному... А то чего застишь?

3.

Нынѣшней зимой мнѣ пришлось нѣсколько дней провести на той самой мызѣ, которой описаніе было представлено во второй главѣ. Вдоволь налюбовавшись зимнимъ пейзажемъ, наслушавшись буквально мертвой тишины, мы задумали сдѣлать нѣсколько экскурсій въ отдаленнѣйшія мѣста необитаемой территоріи. Проникали съ этою цѣлью, на маленькихъ санкахъ, по сугробамъ, безъ малѣйшихъ признаковъ дорогъ, въ глухія деревушки, дворовъ по пяти, по десяти, куда лѣтомъ нельзя проникнуть; познакомились съ тѣмъ, что опредѣляется словомъ *дремучій* лѣсъ, и наконецъ заѣхали въ какой-то глухой маленькій монастырь... Заѣхали мы погрѣться, никого изъ братіи не желая безпокоить. У самыхъ монастырскихъ воротъ стоитъ какая-то обнесенная плетнемъ избушка. Какъ разъ въ ту минуту, когда мы поровнялись съ ней, изъ избы вышла согбенная старуха съ клюкой, и, когда мы выразили желаніе погрѣться въ избушкѣ, старуха охотно провела насъ туда. Въ избѣ было холодновато и неуютно. Около печки, на изломанномъ столярномъ станкѣ, сидѣлъ какой-то старикъ въ красной рубахѣ и штопалъ рваный полушубокъ.

— А, здравствуй! сказалъ старикъ проворно, вскинувъ на насъ глазами:—я тебя знаю... Хорошій баринъ! добавилъ онъ, обратясь къ старухѣ.— Я у него работалъ...

— Это глупенькій у насъ мужичокъ призрѣвается! объяснила старуха:—дурачокъ...

— Я у него чашки вертѣлъ... Хорошо кормилъ, хорошо.

— Стало быть, хорошій человѣкъ? сказала старуха, разговаривая съ дуракомъ, какъ съ ребенкомъ.

— Хорошо кормилъ. Каши сколь хошь.

— Ишь-ты!

— И не бьетъ! Ни-ни! Этого нѣтъ.

— Ишь добрый господинъ.

— Пальцемъ не ударитъ...

Онъ бормоталъ, поминутно поднимая голову отъ работы и вновь опуская ее, да и шилъ онъ, кажется, вовсе не тамъ, гдѣ слѣдовало. Онъ не говорилъ, а бормоталъ всякій вздоръ, и старуха всегда находила что̀ ему отвѣтить, дѣлая это удивительно деликатно въ томъ отношеніи, чтобы онъ не чувствовалъ своего дурацкаго состоянія.

— А вотъ тамъ, за перегородкой, сказала намъ старуха:—также призрѣвается у насъ человѣкъ... Сто-тридцать лѣтъ ему отъ роду... Извольте поглядѣть... Пожалуйте!... Ничего, не обезпокоите... Пожалуйте, поглядите!

За печкой была маленькая дверь. Пройдя черезъ нее вслѣдъ за старухой, мы очутились въ маленькой коморкѣ, гдѣ на кровати самой деревенской работы (очень высокой отъ полу), подъ грудой полушубковъ, какихъ-то рваныхъ старыхъ тряпокъ, какихъ-то лоскутьевъ съ признаками ваты, уложенныхъ впрочемъ весьма заботливо и насколько возможно прилично, тряслось и охало и какъ-будто рычало какое-то невидимое существо... Сто-тридцати-лѣтній старикъ закрытъ былъ съ головой.

— Родной сынъ, господа почтенные, пояснила старушка, остановясь у этой груды, подъ которой тряслось человѣческое существо:—родной сынъ выгналъ изъ дому... Вотъ какой нониче народъ сталъ! Кормить отказался... Ну, обитель и призрѣваетъ... Вотъ ужъ четвертый годъ онъ здѣсь, и все, слава Богу, живъ. А сынъ-то выгналъ, думалъ, помретъ гдѣ-нибудь... Анъ вотъ Господь-то и пріютилъ!

— Да сколько-же сыну-то лѣтъ? съ изумленіемъ спросили мы.

— Да и сыну-то лѣтъ безъ малаго ужъ сто. Ужъ у него, батюшки вы мои, и внуки есть по семидесяти да по восьмидесяти годовъ. Такъ старикъ-то, когда въ силахъ былъ, сказывалъ: боемъ, говоритъ, на него, на сердечнаго, поднялись...Сынъ-то, говоритъ, на улицу выбѣгъ, погналъ его жердью... Да и внучаты-то поднялись Мамаемъ!—Вотъ каково сердечному пришлось на старости-то лѣтъ!

Картина, нарисованная старухой, была по истинѣ грандіозна. Представьте себѣ деревенскую улицу, по которой цѣлая толпа столѣтнихъ и восьмидесятилѣтнихъ старцевъ гонитъ также старца, родоначальника всей фамиліи, гонитъ жердью, гонитъ за то, что человѣкъ «объѣлъ», что неизвѣстно, когда же прекратится наконецъ эта праздная ѣда? Ну, если старикъ проживетъ и всѣ двѣсти лѣтъ? Что-же это будетъ!..

— Ну, а игуменъ нашъ—добрый человѣкъ, призрѣлъ, кормитъ вотъ, покой далъ... Вотъ поглядите на старичка...

Старуха осторожно приподняла груду тряпокъ въ изголовьѣ кровати, и намъ представилась громадная, бѣлымъ пухомъ покрытая голова. Рычанье, слышавшееся изъ-подъ тряпокъ, происходило въ груди старика, въ которой работала, казалось, цѣлая

кузница... Дыханіе было часто, прерывисто. Онъ трясся отъ озноба и пышалъ жаромъ. Страшно было смотрѣть на это олицетвореніе борьбы смерти съ жизнью. Смерть видимо одолѣвала, безжалостно разбивая худую храмину всякими способами — и жаромъ, и ознобомъ, разрывая внутренности, колотя въ грудь. Звуки этой безпощадной работы были потрясающи. Вдругъ изъ-подъ хлама, покрывавщаго старика, съ громадными усиліями высвободилась рука... Громадная костяная кисть, на тонкой высохшей кости, по истинѣ напоминала грабли. Грабли эти тряслись, казалось, всячески стремясь распасться, отдѣлиться, разсыпаться, но еще нѣкоторая сила, таившаяся въ старикѣ, не пускала ихъ превратиться въ прахъ... Онъ дотащилъ эту руку до своего лба. Глаза его неподвижно смотрѣли на насъ, онъ что-то силился сказать. Пальцы—или кости пальцевъ - лихорадочно тряслись и касались лба. Онъ что-то показывалъ, или хотѣлъ показать, вытащивъ руку. И вдругъ губы его зашевелились.

— Пу... едва слышно произнесъ старикъ:— пу...кли...

Въ груди его заревѣло пуще прежняго.

Онъ захрипѣлъ, закашлялъ, затрясся. Старуха поспѣшила его закрыть, а мы поторопились уйти отъ этого зрѣлища.

Догоняя насъ, старуха говорила:

— Это онъ вишь что̀ говоритъ-то: говоритъ, что, молъ, помню, когда въ пукляхъ ходили солдаты. Вѣдь онъ въ солдатахъ самъ-отъ былъ... И въ пукляхъ хаживалъ... Вотъ онъ и говоритъ: пукли, молъ... Про пукли вспомнилъ...

Старуха кланялась намъ въ землю, когда мой спутникъ вручилъ ей два двугривенныхъ. Она становилась на колѣни, потомъ на руки, потомъ касалась земли лбомъ—и благодарила, говоря, что деньги эти пойдутъ на старика да на дурачка.

— У меня красная рубаха есть! громко крикнулъ намъ вслѣдъ послѣдній.

Точно изъ могилы выбрались мы на свѣжій воздухъ. Впечатлѣніе было дотого дурманное, что освободиться отъ него не было возможности до тѣхъ поръ, пока на возвратномъ пути мы не въѣхали въ деревеньку. Деревенька была маленькая, десять дворовъ, бѣдная; но за этими разбитыми, почернѣвшими и замерзшими оконцами виднѣлись живыя лица ребятъ и взрослыхъ, и живое мѣсто оживило насъ. Кучеръ попросилъ насъ зайти за овсомъ къ одному крестьянину.

Въ чистой, какъ и вообще во всей Новгородской губерніи, выскобленной избѣ мы нашли стараго крѣпкаго старика, который объявилъ, что сынъ, у котораго кучеръ хотѣлъ купить овса, ушелъ, но скоро придетъ, и просилъ насъ погодить; самъ же онъ, безъ сына, не зналъ цѣны.

— Это ужъ его дѣло, сказалъ старикъ.

Невольно зашла рѣчь о сто-тридцати-лѣтнемъ старцѣ.

— Пустое! сказалъ старикъ.—Это они такъ, для прилика... славу о себѣ пускаютъ. Сто тридцать лѣтъ—чего не скажутъ! Али я его не знаю, онъ—моихъ годовъ, и моихъ-го годовъ, пожалуй, не будетъ! Пустой старичишка; одна только отъ него въ дому свара была. Буянъ! Отъ него никому житья въ домѣ-то не было, все норовитъ хозяиномъ быть, все мѣшается не въ свое дѣло. Что врутъ-то! Это вотъ они болтаютъ такъ, чтобы себя увеличить: вотъ, молъ, мы какіе благодѣтели! Пустое! Никогда его сынъ кормить не отказывался, а только что непокорный старичишка. Я и самъ вотъ старикъ, и хоть бы, примѣромъ взять, вотъ требуется намъ овесъ, а я знаю, что это дѣло не мое... Вотъ придетъ сынъ—дѣлайте, какъ знаете. Мнѣ мѣшаться въ чужое дѣло не слѣдъ. Онъ хозяйствуетъ:—ему вѣрнѣй знать. Видишь вотъ... Какъ это онъ можетъ отца своего прогнать, когда ему отецъ все предоставилъ? Сами судите. Я вотъ тремъ сынамъ выстроилъ по дому, всѣхъ пообзавелъ, на старшаго сына три тыщи истратилъ, купилъ за него охотника въ солдаты, онъ долженъ помнить! А и я тоже не мѣшай. Вотъ какъ по хорошему... Теперь какъ праздникъ или воскресный день, ужъ у меня Иванка знаетъ, что родителю пятиалтынный на вино приготовлять надобно... Какъ часы ходятъ, такъ вѣрно выдаетъ. Пятнадцать копѣекъ положь! И даетъ, худова не скажу, аккуратно. Себѣ откажетъ, а ужъ я не останусь... А и я ему подсоблю, что̀ скажетъ, что по его распорядкамъ выйдетъ. Тоже и я, братецъ ты мой, даромъ денегъ-то съ него не беру... Ты меня уважь, а ужъ я тоже свою часть знаю. Я и водицы приволоку, и лошадку запрягу, и распрягу:—сосчитай пятиалтынники-то, анъ и выйдетъ, что безъ отцато работника наймешь. Вотъ какимъ порядкомъ... Никто не смѣетъ этого сдѣлать—выгнать... А коли начнешь мутить, да чваниться, да привередничать, да чужое дѣло портить, такъ и впрямь тебя вонъ надо гнать. Знай свою часть. Сто тридцать лѣтъ! Балалайка онъ безструнная—больше ничего. «Я старикъ, тамъ ты мнѣ, молъ, не препятствуй!» Эко дѣло! Вонъ и кобель—старикъ, да не отецъ онъ мнѣ, и въ отцы я его не возьму, хошь бы онъ тыщу лѣтъ по кобелиному прожилъ. А ты хошь и старикъ, а понимай:—вотъ въ чемъ дѣло. Это дѣло мудреное, дураку его въ толкъ не взять. Понимай свою границу. А стараго-то кобеля...

Старикъ былъ бодръ и крѣпокъ. Разговоръ его былъ толковъ, уменъ, и видно, что онъ много пережилъ на своемъ вѣку и много передумалъ. Слушая его простую рѣчь, я невольно раздумывалъ о томъ, что не въ этомъ-ли трезвомъ и сознательномъ самопожертвованіи нужно искать наилучшихъ сторонъ народной души? Она велика «въ одиночествѣ», въ холодѣ и въ голодѣ; она держитъ на свѣтѣ человѣка брошеннаго, покинутаго, держитъ безъ ропота, безъ гнѣва. Въ этомъ отношеніи народъ дѣйствительно много пережилъ, много передумалъ, и намъ кажется, что его мысль несравненно болѣе работала надъ тѣмъ, какъ жить на свѣтѣ одинокому, какъ надѣяться на свои руки и какъ не роптать и никого не винить, если кругомъ тебя «некому руку подать», чѣмъ надъ разработкою обязательствъ насчетъ того, чтобы жить, надѣясь на какое-то участіе. Живи безъ всякаго

участія, знай, что его не откуда взять, понимай это—и не ропщи: вотъ теорія, которая выработана основательно.

Возможность существованія легенды о томъ, что сынъ прогналъ отца, возможность даже помощью ея распускать о себѣ хорошую молву, невольно говорила о томъ, что въ деревенскихъ порядкахъ не все хорошо и благополучно.

Въ ожиданіи старикова сына, мы вели отъ нечего дѣлать разные разговоры. Старикъ разсказывалъ о себѣ очень интересный эпизодъ изъ недавней старины, который я и спѣшу привести здѣсь, полагая, что рано-ли, поздно-ли, а онъ пригодится.

— ...«И господа мужиковъ продавали и покупали, говорилъ онъ между прочимъ, характеризуя недавнюю старину: - *да и мужики тоже народъ покупывали»*...

Таковъ былъ тезисъ разсказа и эпизода. А вотъ и самый эпизодъ.

— «Я вонъ за охотника три тыщи по тогдашнему на ассигнаціи отдалъ, за Ванятку-то... И какая была со мною по этому случаю бѣда—сейчасъ вспомнить страшно... Три тыщи,—вѣдь это и для барина деньги не махонькія, а для мужика — разоръ. Сбивалъ я ихъ со всей семьи, у всей семьи все до послѣдняго живота распродалъ, начисто разорился; два мѣсяца охотникъ-то на мой счетъ гулялъ съ женой; цѣлые два мѣсяца каждый Божій день двѣ пары лошадей онъ подъ собой измаивалъ: то его въ городъ, по трактирамъ, то по монастырямъ, то по роднѣ, то опять по трактирамъ... Чего стоило—страшно и вымолвить! Только какъ окончилось все это, стало быть, настало время идти въ присутствіе, думаю я: вотъ сдамъ, успокоюсь; вдругъ, братецъ ты мой, охотникъ-то мой—а стояли мы на постояломъ дворѣ—сталъ задумываться да передъ самымъ присутствіемъ, то есть въ ночь подъ утро, какъ вести его — хвать себя по горлу ножемъ. Женёнка его прибѣгла ко мнѣ—на дворѣ я былъ, около лошадей: «глянь-кось, говоритъ, чтó Микитка-то сдѣлалъ!» Прибѣгъ я, а онъ сидитъ на стулѣ да ножемъ-то себя по горлу смурыжитъ, а кровища такъ и свищетъ. Такъ я и ахнулъ: — «Варваръ ты этакой, разоритель, разбойникъ! — что ты дѣлаешь?» Отнялъ у него ножикъ, думаю: не примутъ зарѣзаннаго-то! Что буду дѣлать? Всего рѣшился, остался не причемъ, да еще и сына придется отдать. Связали мы тутъ съ евоной женёнкой ему горло-то, устыдили его, безсовѣстнаго человѣка—все говорилъ: «боюсь казеннаго бою»—повели къ доктору, на квартиру. Палъ я тутъ на колѣнки, и женёнка-то хлопочетъ увмѣстяхъ со мной, палъ я и взмолился... Все ему разсказалъ, про все, про свое разореніе. Сталъ его докторъ осматривать—только головой качаетъ... Располыхнулъ онъ, образина, эво какую ямину, даже страшно смотрѣть.... Ну, одначе-же — то есть, дай ему Господь добраго здоровья и на вѣки вѣковъ всякаго благополучія!—поглядѣлъ, поглядѣлъ: «очень, говоритъ, вредно онъ для себя сдѣлалъ. По закону, его надо исключить вонъ; но только-что, жалѣючи тебя, я даже противъ присяги примаю его. А казнѣ отъ него одинъ убытокъ: онъ и полгода не проживетъ». И принялъ, дай ему Царица Небесная. А то-бы... право, самъ на себя руки наложилъ. Ужъ натерпѣлся я въ то время изъ-за Ванятки, чего и весь-то онъ не стоитъ.... И вѣдь точно: — ближе полгода окончился въ лазаретѣ. Женёнка его и посейчасъ жива, за другого въ ту-жъ пору вышла. Покупывали, батюшка, и мы народъ-отъ!»

4.

Это выраженіе «покупывали и мы» даетъ намъ возможность хотя слегка коснуться современныхъ семейныхъ порядковъ въ деревнѣ. И здѣсь прошлое оставило много хорошаго вродѣ возможности такого старика, который добровольно повинуется сыну, но много и дурного, вродѣ какъ-бы похвальбы воспоминаніемъ о томъ, что «и мы покупывали народъ». И здѣсь развитіе понятій и взглядовъ шло не органически правильно, не безъ помѣхи. Въ настоящее время, въ жизни крестьянской семьи есть такое безмѣрное скопище неразрѣшимыхъ трудныхъ задачъ, что если и держатся иной разъ болѣе или менѣе крѣпко большія крестьянскія хозяйства (я говорю о подгородныхъ), то только, такъ сказать, соблюденіемъ внѣшняго ритуала, а внутренней правды тутъ ужъ мало.

Довольно часто мнѣ приходится сталкиваться съ однимъ изъ такихъ большихъ крестьянскихъ семействъ. Во главѣ семьи стоитъ старуха лѣтъ семидесяти, женщина крѣпкая и по-своему умная и опытная. Но весь ея опытъ почерпнутъ въ крѣпостномъ правѣ и касается хозяйства исключительно земледѣльческаго, гдѣ участвуетъ своими трудами весь домъ, причемъ весь доходъ идетъ въ руки старухи, а она ужъ распредѣляетъ его по своему усмотрѣнію и по общему согласію. Но вотъ прошла шоссейная дорога — и вдругъ кадушка капусты, распродаваемая извозчикамъ, стала приносить столько доходу, что сдѣлалась выгоднѣе цѣлаго года работы на пашнѣ, положимъ, одного человѣка. Вотъ ужъ явное нарушеніе въ одинаковости труда и заработка. Прошла машина — телята стали дорожать: потребовались въ столицу. Одинъ изъ сыновей пошелъ въ извозчики и въ полгода заработалъ больше всей семьи, работавшей въ деревнѣ годъ. Другой братъ пожилъ дворникомъ въ Петербургѣ, получая въ мѣсяцъ по пятнадцати рублей, чего, бывало, не получалъ и въ годъ. А младшій братъ съ сестрами цѣлую весну, цѣлое лѣто съ утра до ночи драли корье — и не выработали третьей части того, чтó выработалъ извозчикъ въ два мѣсяца. И вотъ, благодаря этому, хотя по виду въ семьѣ все ладно, всѣ несутъ въ нее «поровну» плоды своихъ трудовъ, но на дѣлѣ не то: дворникъ «скрылъ отъ маменьки» четыре красныхъ бумажки, а извозчикъ скрылъ еще того больше. Да и какъ тутъ поступить иначе? Эта вотъ дѣвушка ободрала себѣ до крови руки и цѣлое лѣто билась съ корьемъ, чтобы выработать пять цѣлковыхъ, а извозчикъ выработалъ двадцать пять въ одну ночь за то только, что попутался съ господами по Питеру часовъ съ 12 вечера до бѣлаго свѣта. Кромѣ того, авторитетъ ста-

рухи еще значилъ-бы, и значилъ бы очень много, если-бы заработокъ семьи былъ исключительно результатомъ земледѣльческаго труда. Въ этомъ дѣлѣ она точно авторитетъ; но спрашивается: что-же такое можетъ она смыслить въ дворницкомъ, извозчицкомъ и другихъ новыхъ заработкахъ? Что она тутъ понимаетъ и что можетъ присовѣтовать? Авторитетъ ея поэтому чисто фиктивный и если значитъ что-нибудь, то только для остающихся дома бабъ; да и бабы очень хорошо знаютъ, что мужья ихъ относятся къ старухѣ съ почтеніемъ и покорностью только по виду, такъ какъ вполнѣ подробно знаютъ достатки своихъ мужей, знаютъ, много-ли кѣмъ отъ нея «скрыто», и сами скрываютъ эти тайны наикрѣпчайшимъ образомъ. Авторитетъ главы фиктивный и фиктивны всѣ общинно-семейныя отношенія; у всякаго скрыто нѣчто отъ старухи, представительницы этихъ отношеній, скрыто для себя. Умри старуха—и большая семья эта не продержится даже въ томъ видѣ, какъ теперь, и двухъ дней. Всѣ захотятъ болѣе искреннихъ отношеній, а это желаніе непремѣнно приведетъ къ другому — жить каждому по своему достатку: сколько кто добылъ, тѣмъ и пользуйся.

А чего стоитъ въ смыслѣ нравственной связи даже внѣшнее соблюденіе этого семейно-общиннаго ритуала! Чего стоитъ повиновеніе старухѣ, которая ровно ничего «по нынѣшнимъ дѣламъ не понимаетъ»! Каково годами притворяться, будто-бы слушаешься! Каково это «скрывать» по годамъ сотню рублей за пазухой отъ матери, отъ брата... Не смѣть на избытокъ купить женѣ обновку и пожить въ свое удовольствіе! Разныхъ путъ, оставленныхъ недавнею стариною, великое множество, а новыхъ, еще неизслѣдованныхъ и непривычныхъ явленій — также едва-ли не больше, чѣмъ старыхъ путъ.

Изъ того и другого въ мѣстномъ подгородномъ крестьянинѣ слагается, прежде всего, какая-то апатія къ интересамъ своего мѣста и жадное стремленіе перемѣнить его на другое. Я увѣренъ, что апатія эта немедленно замѣнится самой оживленной дѣятельностью, если только у здѣшняго человѣка хватитъ духу порвать связи съ насиженнымъ и, правду сказать, давно уже надоѣвшимъ мѣстомъ и уйти на новое. Немедленно же между *чужими* людьми образуется оживленная общинно-хозяйственная дѣятельность, чего теперь между *своими*, одинаково запутанными во всевозможныхъ старыхъ путахъ, рѣшительно невозможно достигнуть. Каждый каждому хочетъ сказать: «ты ничего не понимаешь въ моемъ дѣлѣ»; каждому хочется остаться одному, самому по себѣ, одуматься; каждому надоѣло это мірское пустомысліе и семейно-патріархальное притворство.

Любого изъ здѣшнихъ обывателей, прародители котораго начали съ починка и потомъ въ теченіе тысячелѣтія просидѣли на всѣхъ пунктахъ лядины, обжили и бросили все, что теперь заросло бѣлоусомъ и затянулось болотомъ, — любого изъ нихъ ничего не стоитъ увлечь какимъ угодно фантастическимъ разсказомъ, который-бы рисовалъ выгоды переселенія.

Вышеописанная мыза пользуется тѣмъ великимъ для пишущаго эти строки преимуществомъ предъ прочими общедоступными для жизни въ деревнѣ помѣщеніями, что, благодаря своей необитаемости и апатичности мѣстнаго населенія, рѣшительно не желающаго и за деньги жить здѣсь и караулить домъ и скотъ, она привлекаетъ людей оригинальныхъ, полюбившихъ уединеніе, насмотрѣвшихся на разныя мѣста, словомъ—людей любопытствующихъ, взыскующихъ чего-то. Жилъ здѣсь управителемъ мужикъ смоленскій, жилъ какой-то музыкантъ, жилъ витебскій крестьянинъ, жилъ солдатъ съ Кавказа, жилъ неизвѣстнаго званія человѣкъ съ Урала. У всякаго былъ свой разсказъ, и всякій увлекалъ своимъ разсказомъ мѣстнаго жителя, иной разъ старика, точь-въ-точь какъ ребенка увлекаетъ сказка.

— Тамъ, на Уралѣ-то, тамъ, братъ, одной рыбы смѣты нѣту. Вытащишь судака, такъ въ немъ четыре али пять пудовъ вѣсу...

— У, ты пропасть какая!

— Я тебѣ врать не стану. Пошелъ, ткнулъ въ воду палкой—анъ и есть либо судакъ, либо сомъ. И ѣшь его недѣлю... Вотъ какія мѣста!

— Ей-богу, надо туда убѣчь. Въ нашихъ мѣстахъ одна тоска, братецъ ты мой. Чего тутъ хорошаго?

— Что ваши мѣста! ваши мѣста—одна связа!

— Именно такъ, больше ничего—одно мученье.

— А вотъ мѣста на Кавказѣ, вотъ это ужъ, прямо сказать, мѣ-сс-та а-а! Тамъ, братецъ ты мой, взялъ ружье, пошелъ въ лѣсъ, хлопнулъ—анъ кабанъ, а вѣсу въ немъ пятнадцать пудовъ! И живи на здоровье!

— Именно надо уйтить отсюда...

— Вотъ тамъ такъ ужъ мѣста! Ужъ это надо сказать прямо..

— По моему характеру, сейчасъ-бы ушелъ!

Словомъ, «уйти» здѣшній житель готовъ, по крайней мѣрѣ въ мысляхъ и на словахъ, хоть на край свѣта: такъ запутано, осложнено его настоящее положеніе.

И въ то-же время, когда *свои* хотятъ и думаютъ куда-то уходить, на смѣну ихъ идутъ новые, чужіе люди.

Сидимъ мы однажды какъ-то, разговариваемъ на крылечкѣ, фантазируемъ на счетъ разныхъ «мѣстовъ», вдругъ собаки подняли лай: изъ-за лѣсу показались какіе-то люди, три подводы, пятокъ коровъ, которыхъ гнали бабы босыя. На подводахъ лежали сундуки, перины и разный домашній скарбъ.

— Кто такіе это ѣдутъ?

— Тоже, должно быть, переѣзжаютъ куда-нибудь.

Подъѣхали люди къ намъ поближе. Присмотрѣлись мы—не наши, не русскіе. Бабы хоть и босыя, но одѣты не такъ, и телѣги не такія, и мужики въ пиджакахъ. Раскланялись они съ нами и забормотали что-то...

— Нѣмцы! вырвалось у насъ у всѣхъ почти одновременно, причемъ мы переглянулись.

Кое-какъ мы добились отъ нихъ отвѣта на вопросъ, куда они ѣдутъ. Оказалось, что ѣдутъ они тоже на какую-то заброшенную, развалившуюся мызу, о которой всѣ мы давнымъ-давно позабыли, до того позабыли, что даже дорогу могли объяснить только приблизительно, и то половину дороги, а другую половину нѣмцамъ пришлось узнавать самимъ. Разсмотрѣвъ ихъ поближе, мы замѣтили, что они бѣдны и измучены, и добришко ихъ самое нищенское. На одной изъ повозокъ сидѣлъ совершенно ослабѣвшій, молчаливый, сухой и длинный старикъ. Онъ какъ-будто спалъ и тяжело дышалъ. Одѣтъ онъ былъ въ кургузую куртку, не грѣвшую ни рукъ, ни ногъ. Эта нищета и трудовое утомленіе хотя-бы и нѣмцевъ на время прекратили въ насъ патріотическое внутреннее рычаніе до того, что одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ обратился къ старичку-нѣмцу съ любезностью и весьма ласково сказалъ ему.

— Пора-бы тебѣ, старичокъ, умирать!

Старикъ молчалъ и не отвѣчалъ любезностью на любезность.

— Право, пора-бы старику-то вашему помирать.

Нѣмки и нѣмцы тоже не отвѣчали.

— Ничего не понимаютъ по нашему! рѣшили мы.

Нѣмцы и нѣмки тронулись дальше и скоро скрылись въ лѣсу...

— Ишь, ползутъ! заключилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.—То-то я гляжу, что это много этихъ самыхъ нѣмцевъ къ намъ понаѣхало!

— А много?

— Много ихъ. И что такое, откуда берутся? Все не было, а таперича пошли и пошли. Вѣдь вишь въ какія мѣста забираются, что и здѣшній-то не знаетъ...

Много «новаго» и чуднаго идетъ въ деревню и «на деревню». Въ дальнѣйшихъ нашихъ очеркахъ мы остановимся на «баринѣ», который также въ разныхъ видахъ, по разнымъ причинамъ и съ совершенно различными цѣлями, идетъ въ деревню, къ народу...Идетъ по необходимости, иногда по своекорыстію, иногда по глубокой нравственной потребности. Явленіе это весьма замѣчательно, и я только могу глубоко жалѣть, что разработать это явленіе во всей полнотѣ и сложности нѣтъ еще возможности, смѣлости и необходимой силы дарованія.

По части «искреннихъ» типовъ этого рода «господъ» мы уже имѣли нѣсколько сценъ изъ жизни Михаила Михайловича; теперь познакомимся и съ другимъ бариномъ, тоже искреннимъ, но въ иномъ родѣ.

ОВЦА БЕЗЪ СТАДА.

1.

— Не окрестите-ли, баринъ, мальчишку у меня?

— Съ удовольствіемъ... Когда будутъ крестить?

— Завтра поутру.. Такъ норовимъ — между утреней и обѣдней, часу въ седьмомъ... Коли что, ежели будетъ ваше согласіе, такъ мы съ подводкой къ седьмому-часу подъѣдемъ?

— Я и такъ дойду, тутъ всего до церкви верста... Погода отличная.

— Это точно... Ну, благодаримъ васъ покорно!..

Такой разговоръ происходилъ однажды вечеромъ лѣтомъ между мною и крестьяниномъ деревни Язевой, Маркомъ Ивановымъ. Деревня Язевое лежитъ въ 300 верстахъ отъ Петербурга, какъ-разъ на половинѣ дороги изъ Петербурга въ Москву, и въ 20-ти верстахъ отъ одной изъ желѣзно - дорожныхъ станцій. Наскучивъ петербургскими дачами, я задумалъ провести прошлое лѣто гдѣ-нибудь въ глуши, въ тиши настоящей деревни, и былъ необыкновенно радъ, когда, ежедневно просматривая газетныя объявленія объ отдающихся на лѣто дачахъ, напалъ наконецъ на объявленіе о такой именно дачѣ, какая и была мнѣ нужна... Триста верстъ отъ Петербурга и двадцать верстъ отъ станціи по проселку — это ужъ навѣрно настоящая деревня... Въ половинѣ апрѣля, когда въ поляхъ лежалъ еще снѣгъ, я отправился нанимать эту усадьбу. Въ самомъ дѣлѣ, мѣсто было чисто деревенское, и я тотчасъ-же согласился на условія, предложенныя мнѣ хозяйкой дома, а въ половинѣ мая и совсѣмъ переѣхалъ сюда на жительство.

Но, странное дѣло (хотя совершенно понятное), долгое житье въ городахъ сдѣлало то, что, при всемъ желаніи отдохнуть и провести лѣто «не такъ, какъ на дачѣ», дѣла пошли, помимо моей воли, какъ нарочно, совершенно по дачному, то-есть: прогулки, петербургскіе знакомые, газеты — и ничего, ничего-таки деревенскаго. Дачный образъ жизни среди деревенской обстановки — куда нескладная и некрасивая вещь! Знакомиться съ крестьянскимъ населеніемъ я не могъ, такъ какъ у меня не было къ этому предлога, а жить, не имѣя связи съ окружающимъ — и скучно, и трудно. Вотъ почему я несказанно былъ радъ, когда Маркъ Ивановъ, крестьянинъ, у котораго я нѣсколько разъ покупалъ рыбу и раковъ, пригласилъ меня крестить. Благодаря этому приглашенію, у меня являлся законный предлогъ войти въ крестьянскій домъ, имѣть въ деревнѣ знакомыхъ и хоть мало-мальски войти въ кругъ чуждыхъ мнѣ интересовъ деревенской жизни.

И дѣйствительно, съ этого дня я сталъ чувствовать себя менѣе одинокимъ, менѣе отчужденнымъ отъ людей, которыхъ каждый Божій день видѣлъ передъ моими глазами. Понемногу стали завязываться знакомства, понемногу стала раскрываться тайна существованія этихъ бѣдныхъ лачужекъ, этихъ

молчаливыхъ улицъ и переулковъ, этой непонятной будничной, трудовой жизни. А главное, благодаря приглашенію Марка Иванова, мнѣ удалось встрѣтить весьма любопытный типъ человѣка, попробовавшаго на дѣлѣ продѣлать ту вещь, которая на газетномъ языкѣ называется «сліяніемъ», и притомъ прочно убѣдиться въ томъ, что въ русской живой дѣйствительности существуютъ такія положенія, которыя роковымъ образомъ могутъ привести такъ называемаго интеллигентнаго человѣка въ деревню, къ крестьянскому плетню, къ намѣренію выйти изъ своей интеллигентной шкуры и стремиться войти въ среду совсѣмъ ужъ не интеллигентную, прямо—«чужую».

Буду однако продолжать начатый разсказъ.

2.

На другой день утромъ, ровно въ 6 часовъ, я отправился въ церковь. Всю ночь лилъ дождь. дорога размокла, и короткій путь въ полторы версты. я мѣсилъ по грязи никакъ не менѣе часу. Дорога шла въ гору, была скользка и изрыта глубокими рытвинами; дождь не переставалъ сѣять безпрерывно; крупныя дождевыя капли отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра ливнемъ крупныхъ капель слетали съ деревьевъ, подъ которыми я намѣревался пробраться, и снова выгоняли на грязную и скользкую дорогу. Кое-какъ я добрался наконецъ до церкви, одиноко стоящей среди кладбища, но не рѣшился войти въ храмъ, а остался ждать окончанія утрени на крыльцѣ, очищая лучинкой цѣлые пуды грязи, облѣпившей мои калоши. Сѣрые деревенскіе люди одинъ по одному, съ большими промежутками, подходили къ церкви. Какое-то сонное, удивительно вялое, удивительно нескладное пѣніе дьячковъ доносилось извнутри храма. Точно они не пѣли, а бредили во снѣ, еле ворочая языкомъ и вовсе не соблюдая никакой гармоніи. Въ разныя стороны тянули разношерстные — не голоса, а какіе-то необыкновенные тоны, звуки, и что то дремотное овладѣвало слушателями. Многіе сидѣли въ притворѣ на полу, вдоль стѣнъ, и не то дремали, не то совсѣмъ спали — трудно было разобрать; только сидѣли эти люди неподвижно, точно заколдованные соннымъ бредомъ дьячковъ.

Утреня наконецъ отошла, и какъ-разъ къ концу ея въ-попыхахъ прибылъ Маркъ Ивановъ, моя будущая кума съ ребенкомъ на рукахъ и старуха-бабка. Покуда Маркъ Ивановъ суетился съ купелью, таская изъ рѣчки воду (это все — дѣло родителя), ко мнѣ подошла бабка и, низко кланяясь, прошептала:

— Вы кумовья-то будете, ай нѣтъ?

— Я...

— Ужъ не забудь старуху-то!.. бабушку!.. Я принимала у ей...

Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ надлежитъ подробно ознакомиться съ количествомъ необходимыхъ расходовъ. Крестъ я купилъ и зналъ, что я обязанъ заплатить священнику; но, благодаря бабкѣ, оказывалось, что существуютъ еще какіе-то расходы, которыхъ я не зналъ. Успокоивъ старуху, я обратился къ самому Марку Иванову съ вопросомъ: кому и что я долженъ давать?

— Да вотъ кумѣ, что вашей милости будетъ... И бабушкѣ... немножечко.

— Я бабушкѣ дамъ рубль...

— И отлично, хорошо, предовольно!.. Ну, и кумѣ ужъ!.. Полотенчико она вамъ...

— Кумѣ ты, баринъ, купи платье, сказала, смѣло выступивъ изъ толпы, какая-то посторонняя женщина.—Кума твоя—дѣвушка, ей надо это... Выбирай ситчикъ повеселѣй какой, цвѣточками!

— Хорошо.

— Окрестишь, прибавила она: — и зайди въ лавку, купи... Не Богъ-вѣсть что! у васъ, у господъ, побольше нашего.

— Куплю, куплю.

— Вотъ и хорошо. А больше ничего и не надо. Кумѣ да бабушкѣ. . А прочихъ не балуй. Такъ-то.

Послѣ этого женщина, на рукахъ у которой былъ ребенокъ, укачивая его, отошла въ сторону, а на мѣсто ея сталъ мужикъ, старый старикъ, и, шамкая, проговорилъ:

— Ежели твоя милость будетъ, такъ ужъ и насъ со старухой не оставь... Мы—родители Марку-то.

У него тряслась голова и хрипѣло въ горлѣ.

— Что пожалуешь, батюшко... Стары ужъ мы... Сиротство...

— Надо старичкамъ-то... проговорилъ еще какой-то голосъ. — Одинокіе старики... что нибудь дай...Ты рубъ-то разбей... Куда ей, бабкѣ, рубъ-то?..

— Что пожалуешь... Все на новорожденнаго-то... Старикамъ! хрипѣлъ старикъ.

— Ей, бабкѣ то, за глаза, ежели сорокъ копѣекъ, вполнѣ будетъ... а по тридцати копѣекъ старикамъ... Бога помолятъ.

— Хорошо, сказалъ я: —ладно!

— А ужъ хозяйкѣ, надъ самымъ ухомъ, какъ комаръ прогудѣлъ, жарко дохнувъ, произнесъ Маркъ Ивановъ: —что будетъ вашей милости... И такъ благодаримъ покорно... Что вашей милости будетъ... Хоть двадцать копѣекъ...

Всѣмъ нужно, оказывается, хоть сколько нибудь: у всѣхъ сиротство, всѣ норовятъ воспользоваться случаемъ, чтобы «какъ-нибудь», «что-нибудь»... Тяжело мнѣ было на душѣ, когда, окруженный толпой этого «сиротства», я ходилъ вокругъ купели съ новымъ сиротой на рукахъ. Всѣмъ нужно, а тутъ еще является новый конкурентъ и требуетъ еще и на свою долю. Откуда возьметъ онъ?

Конкурентъ наконецъ былъ введенъ въ лоно православной церкви подъ именемъ Гавріила и отправился домой на рукахъ кумы. Повидавшись съ священникомъ и дьячкомъ, и мы съ Маркомъ тронулись въ деревню. По пути, изъ сторожки вышелъ старый-престарый, кривой на одинъ глазъ сторожъ и низко поклонился.

— Ужъ за ведерочко что-нибудь! объяснилъ мнѣ Маркъ.

Оказалось, что Маркъ бралъ у сторожа ведро. для того чтобъ принести воды для купели.

Старикъ низко поклонился, получивъ скудную лепту, и поплелся въ сторожку.

Въ лавкѣ мы купили два платья, причемъ лавочникъ вывелъ насъ изъ затрудненія разрѣшить вопросъ о вкусахъ женщинъ, для которыхъ они покупались.

— Кто кума? спросилъ онъ у Марка.

— Дарья...

— Это—женина сестра, что-ли?

— Она.

— Дѣвица?

— Дѣвица.

— Гм... промычалъ лавочникъ и, обратившись лицомъ къ полкамъ съ ситцемъ и искрестивъ ихъ пальцемъ снизу вверхъ и сверху внизъ, выхватилъ наконецъ одну штуку и, съ рѣшительнымъ возгласомъ:—

— Вотъ твоей Дарьѣ!—хлопнулъ ее о прилавокъ, спросивъ:—сколько прикажете?..

«Вотъ твоей Дарьѣ» было сказано такъ вѣско, что не представлялось никакой возможности предполагать, чтобы Дарьѣ это не понравилось. Въ виду этого, почти не разсматривая матеріи, мы прямо отвѣчали на вопросъ «сколько потребуется».

— Давай на полное платье! сказалъ Маркъ.

Аршинъ зашумѣлъ въ каленомъ ситцѣ.

Точно такъ же была выбрана и матерія на платье и женѣ Марка. Лавочникъ выхватилъ кусокъ и категорически объявилъ, что этотъ рисунокъ будетъ въ самый разъ для Марьи. Когда мы принесли покупки къ Марку въ домъ, дѣйствительно и кума, и жена Марка (сидѣвшая за занавѣской) остались очень довольны подарками.

— Лучше не надо! говорили онѣ.

Несомнѣнно, что лавочникъ отлично изучилъ вкусы каждой Дарьи и каждой Марьи.

3.

Въ домѣ Марка Иванова сошлось избранное общество. Тутъ присутствовалъ сельскій староста, самый богатый и умный, т. е. практическій мужикъ во всей деревнѣ, приглашенный какъ лицо, которому подъ-стать сидѣть за однимъ столомъ съ бариномъ. Кромѣ старосты, присутствовало два-три изъ самыхъ «порядочныхъ», т. е. крестьянъ, ведущихъ свои дѣла болѣе или менѣе въ порядкѣ; присутствовалъ самъ Маркъ, бабка и кума. Старый старикъ-родитель, получивъ малую лепту, скромно усѣлся у двери, заявивъ, что онъ не будетъ безпокоить; а старуха съ тою-же лептой тотчасъ ушла домой. Маркъ хотя и удерживалъ ее и просилъ старика идти къ столу, но, какъ мнѣ показалось, удерживалъ не особенно усердно и ни единымъ словомъ не протестовалъ, когда старикъ началъ было отнѣкиваться...

— Ну, какъ хошь, сказалъ Маркъ, не дослушавъ его рѣчи.

— Мое дѣло — старое! какъ-бы оправдывая равнодушіе сына, произнесъ самъ старикъ, и даже мнѣ, человѣку, только-что вступившему въ крестьянскій домъ, показалось, что въ самомъ дѣлѣ ему нѣтъ тутъ мѣста. Своей больной старческой фигурой онъ не подходилъ къ веселью: и самъ онъ зналъ, и всѣ другіе видѣли, что жизнь онъ ужъ прожилъ, и осталось ему одно—умереть. Куда ему пировать? «Дѣло его старое»... Не нуженъ онъ становится, какъ не нужно старое дерево.

Усѣвшись за столъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, мы выпили по рюмкѣ водки, закусили ее щукой, жареной въ яйцахъ, кушаньемъ вполнѣ безвкуснымъ, и приготовлялись выпить по другой, какъ съ улицы кто то звонко застучалъ въ стекло. Я успѣлъ разглядѣть, что палка, которою стучало неизвѣстное мнѣ лицо, была не деревянная; на концѣ ея была, въ видѣ набалдашника, посажена какая-то аллюминіевая морда. Самого стучавшаго мнѣ не было видно, потому что крестьянскіе дома въ описываемой мѣстности всѣ безъ исключенія двухъэтажные: внизу помѣщаются подвалы и чуланы, а надъ чуланомъ—жилая горница.

Маркъ тотчасъ поднялся на стукъ и, заглянувъ въ окно, произнесъ:

— Балашовскій баринъ... и ушелъ на улицу.

— Кто такой? спросилъ я.

— Тутъ, въ Балашовѣ, тоже вотъ на лѣто флигель снялъ у священника... Въ пяти верстахъ отсюда деревня Балашово...

— Баринъ тоже... сказалъ староста:—только-что сумнительность есть въ немъ...

— Какая же? въ чемъ?

— Да такъ, то есть безъ твердости безо всякой, объяснилъ староста.—Господинъ не господинъ... а Богъ е-знаетъ... онъ и доберъ, и все... а чтобы настоящаго...

4.

Староста еще не окончилъ рѣчи, когда въ отворенной двери показался Маркъ, пропуская впереди себя балашовскаго барина.

Это былъ, какъ я потомъ разглядѣлъ, человѣкъ лѣтъ сорока, казавшійся гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Какая-то изношенность и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрерывная нервная раздражительность составляли довольно рѣзко бросавшіяся въ глаза черты его физіономіи. Въ небольшой черноватой бородкѣ и въ длинныхъ, за уши зачесанныхъ, волосахъ пробивалась сильная сѣдина. Одѣтъ онъ былъ весьма прилично, хоть и небрежно; чистая рубашка была не застегнута у ворота, и галстуха на немъ не было, а шляпа была измята самымъ безпощаднымъ образомъ...

— Радостію-бы радъ, говорилъ Маркъ:—да невозможно!

— Вѣдь дождь прошелъ... Сегодня праздникъ... говорилъ ему баринъ.

— Гости-съ! Крестины!.. Милости прошу...

— А! оглядывая гостей, весело проговорилъ баринъ:—все старые знакомые... Мое почтеніе! раскланялся онъ со мной.

— Все старые! поднявшись, проговорили гости.—Здравствуй, Ликсанъ Ликсанычъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, друзья любезные, влѣзая на уступленное старостой мѣсто, говорилъ баринъ.—Здравствуйте... какъ поживаете? Нѣтъ-ли чего хорошенькаго?

Говорилъ онъ это, очевидно, иронически. Крестьяне, также улыбаясь, отвѣчали ему:

— Слава Богу... помаленьку!

— Ну, и славу Богу! Простили Ивана-то?

Баринъ, сказавъ это, поставилъ локти на столъ и опустилъ усы на сжатые кулакомъ пальцы рукъ. Отвѣта онъ ждалъ, какъ-то искоса посматривая на крестьянъ. Я не зналъ, почему это дѣлается, но видѣлъ, что сидѣвшіе за столомъ крестьяне медлили отвѣтомъ.

Баринъ тоже молчалъ, постукивая кулакомъ по своимъ усамъ.

— А? вопросительно промычалъ онъ еще разъ.

— Онъ, Ликсанъ Ликсанычъ, самъ пошелъ на мировую...

— За много-ли?

— На полштофѣ помирились.

— Отлично! А голова-то зажила?

— Кой подживаетъ, кой не...

— «Кой не»... повторилъ баринъ и, обратясь къ Марку, произнесъ:—ты что-жъ не угощаешь водкой-то?

Маркъ со всѣхъ ногъ бросился наливать водку и подалъ барину черезъ край налитую рюмку. Баринъ поморщился и залпомъ опрокинулъ ее въ ротъ. Но горловая судорога не пускала глотать, и баринъ долго сидѣлъ съ сжатыми губами, роясь вилкой въ чашкѣ съ яичницей и щукой. Кой-какъ глотокъ проскользнулъ, и словно всѣмъ полегчало.

— «Кой подживаетъ, кой не!»...повторилъ баринъ, утирая усы концами скатерти.

— Да вотъ это еще мѣсто, указывая на собственный високъ,объяснилъ одинъ изъ крестьянъ:—это еще не совсѣмъ.. Дюже глыбко посадилъ онъ...

— Глыбко? переспросилъ баринъ.

Такая манера разговаривать крайне стѣсняла всѣхъ присутствующихъ: баринъ точно допрашивалъ, и видно было, что отвѣты, которые давали ему его подсудимые, очень мало удовлетворяли слѣдователя. Но баринъ какъ будто не замѣчалъ этого. Лично мнѣ было просто неловко присутствовать при непонятномъ мнѣ разговорѣ; но крестьяне, къ которымъ обращался баринъ, казалось, хорошо понимали, въ чемъ дѣло, и чувствовали себя едва-ли не хуже, чѣмъ я себя чувствовалъ.

— Ну, а Евсѣю вы сколько ударовъ-то дали? придвигая къ себѣ стаканъ чаю и какъ будто съ полною безпечностью приготовляясь распить его, продолжалъ баринъ тѣмъ-же строгимъ тономъ.

— Это, Ликсанъ Ликсанычъ, не мы удары-то обозначаемъ: на это есть судъ.

— А не вы «судъ»-то?

— Никакъ нѣтъ!.. На то есть судьи...отвѣчали крестьяне разомъ.

— А судей кто выбираетъ?..

— Ну ужъ судей, знамо,—мы...

— А!.. съ какимъ-то злорадствомъ прорычалъ баринъ и, въ сильномъ волненіи, такъ опрокинулъ стаканъ на блюдечко, что чай разлился по скатерти. Баринъ между тѣмъ продолжалъ въ томъ-же тонѣ:

— Такъ не вы дерете-то, стало быть? Чужіе? Приказываютъ? Стоитъ тебѣ приказать отца родного высѣчь—ты и выдерешь, и не виноватъ будешь?

— Хе-хе-хе! вдругъ засмѣялся староста (молодой, непьющій, но сухой и жестко-практическій малый):—все вы, Ликсанъ Ликсанычъ, на насъ серчаете. Все у насъ вамъ не по вкусу, все худо... Что жъ съ насъ, мужиковъ-дураковъ, взять?..

— Извѣстно ужъ—дураки... почесывая затылокъ, произнесъ одинъ изъ «порядочныхъ» крестьянъ. Произнесъ онъ это такимъ тономъ униженія, который паче всякой гордости.

— Объ этомъ я не спорю, да—дураки! сказалъ баринъ, не сморгнувъ.

— Идѣ-жъ намъ взять ума-то?..

— Да и мало того, что дураки, вы... вдругъ вспыхнувъ непритворнымъ негодованіемъ, проговорилъ баринъ:—вы, кромѣ того, еще и...

Жесткое слово, которое, по всей вѣроятности, вертѣлось у него на языкѣ, однако не сказалось. Не кончивъ фразы, онъ быстро повернулся ко мнѣ и спросилъ торопливо и раздраженно:

— Вы тоже въ деревню заѣхали?

— Да, на лѣто...

— Только на лѣто? Ужъ не «сливаться»-ли съ этими вотъ?

— Какъ «сливаться»? Я просто на дачу...

— И не «сливайтесь»! То есть, я вамъ скажу!..

Онъ ухватился обѣими руками за голову. Я ждалъ, судя по этому жесту, что онъ разразится какимъ-нибудь трескучимъ потокомъ обвинительныхъ фразъ; но вмѣсто того баринъ мгновенно утихъ и почти шопотомъ сказалъ мнѣ:

— Мы хороши—ужъ нечего сказать, достойные плоды цивилизаціи, ну да и они тоже...

Онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ и потомъ развелъ руками.

— Малина! сказалъ староста.

— То есть—чудо что такое! Лучше всякой малины... ахти — малина... А ежели мы да они сольемся, да въ томъ самомъ видѣ, какъ сію-минуту...

— Свинья не тронетъ! досказалъ староста и захохоталъ.

— Правда, братъ, правда!.. Именно не тронетъ! И свинья понюхаетъ этотъ лимонадъ —и прочь!..Налей ко мнѣ, Маркъ!..

Баринъ подставилъ рюмку.

— Ужъ наливай, Маркъ Ивановъ, сказалъ староста—всѣмъ! что ужъ...

Маркъ налилъ всѣ рюмки, но пить не было никакой возможности, въ комнатѣ стояла нестерпимая духота отъ самовара, отъ солнца, вдругъ начавшаго жечь іюльскимъ полуденнымъ огнемъ, и отъ раскаленной печки... Выпили только одинъ изъ крестьянъ, самъ Маркъ да балашовскій баринъ.

— Нѣтъ, ребята!.. заговорилъ какимъ-то обиженнымъ тономъ балашовскій баринъ, кое-какъ преодолѣвъ эту вторую рюмку:—вотъ что я вамъ скажу – обидѣли вы меня!..

— Чѣмъ-же, Ликсанъ Ликсанычъ? Кажется, всей душой... Изъ чего намъ тебя обижать?. Мы тобой довольны... послышались голоса, правда, не совсѣмъ искренніе, такъ-какъ на заявленіе барина объ обидѣ почти всѣ присутствующіе смотрѣли, очевидно, какъ на причуду барина, да еще «сумнительнаго», да еще, какъ видно, выпившаго.

— Обидѣли, братцы, обидѣли! Ѣхалъ я къ вамъ: думаю, буду жить съ вами, помогать — денегъ мнѣ отъ васъ не нужно — хлопотать за васъ, за вашу крестьянскую семью. Я думалъ, что деревня—это простая семья, въ которой только и можно жить...

Мужики вздыхали, а староста только мотнулъ головой, какъ бы говоря: «ни вѣсть что городитъ». А баринъ между тѣмъ вновь самъ налилъ себѣ полрюмки, быстро проглотилъ и продолжалъ:

— ...А у нихъ тутъ не только никакой семьи не оказывается—какое!.. Лѣзутъ другъ отъ друга въ разныя стороны... Представьте себѣ, что тутъ творится—исключительно обращаясь ко мнѣ, говорилъ баринъ.—Вотъ я сейчасъ спрашивалъ про Евсѣя, котораго они высѣкли за упорство, «*за то, что занимается упорствомъ и лѣностію*» (такъ у нихъ пишется въ протоколахъ волостныхъ судовъ). Этотъ Евсѣй — завзятый охотникъ, преданъ онъ своему дѣлу страстно. Семьи, кромѣ жены, у него нѣтъ никакой; хозяйничать надо, сталобыть, съ работникомъ. Но у Евсѣя, помимо того, что сердце вообще не лежитъ къ хозяйству, вслѣдствіе его спеціальности, у него, вслѣдствіе той-же спеціальности, и средства-то случайныя: хорошо, вспомнитъ про него какой-нибудь баринъ, которому онъ могъ услужить на охотѣ, поможетъ, Евсѣй и справится, а нѣтъ—сидитъ такъ... Я этого Евсѣя знаю; это — истый художникъ, страстный любитель своего дѣла и потому добрѣйшій парень Въ охотничьемъ мірѣ онъ извѣстенъ очень многимъ петербургскимъ тузамъ и, благодаря этому. сослужилъ своимъ сельчанамъ большую службу. У крестьянъ этой деревни, вотъ у этихъ самыхъ (онъ указалъ на сидѣвшихъ за столомъ крестьянъ), больше десяти лѣтъ шелъ споръ съ помѣщикомъ за надѣлъ. Они на это дѣло, какъ разсказываютъ, истратили больше тысячи рублей серебромъ, но толку никакого не добились. Тогда Евсѣй, несмотря на то, что лично ему эта земля была не нужна,— я говорилъ, что онъ былъ плохой хозяинъ,— задумалъ помочь своимъ сотоварищамъ, помочь просто такъ, по добротѣ. Онъ отправился въ Петербургъ, разыскалъ одного изъ господъ, котораго зналъ какъ охотника, и который, какъ оказалось, былъ лицомъ вліятельнымъ, разсказалъ ему все дѣло и, безъ одной копѣйки расходовъ, благодаря своему личному умѣнью затронуть человѣческую струну, выигралъ процессъ не больше какъ въ полтора мѣсяца со всѣми проволочками. Теперь, благодаря этому Евсѣю, у этихъ вотъ джентльмэновъ (опять онъ указалъ на крестьянъ) двадцать десятинъ мелколѣсья съ отличными сѣнами и отличные луга. И что-жъ? Этого человѣка, который на вѣчныя времена сдѣлалъ имъ доброе дѣло, эти же самые джентльмэны выдрали розгами за невзносъ податей.

— Постой! остановилъ барина одинъ изъ крестьянъ, видимо взволнованный разсказомъ.—Погоди, Ликсанъ Ликсанычъ. Слышалъ ты звонъ, да не знаешь, гдѣ онъ.

— Ну, гдѣ-жъ? обратился къ нему баринъ.

— А вотъ гдѣ... Которую землю Евсѣй отбилъ, той земли владѣтель — стало быть, нашъ бывшій баринъ—и посейчасъ въ присутствіи служитъ, въ крестьянскомъ ..

— Членъ... прибавилъ другой крестьянинъ.

— Въ членахъ. Когда отъ него это угодье отошло, онъ и подвелъ, чрезъ старшинъ и черезъ судей, противъ Евсѣя... Судьи-то, братецъ ты мой, изъ всей волости выборные... Кабы изъ нашей изъ одной деревни они выбирались, небось-бы...

— Ну, ладно, ладно... перебилъ его баринъ, торопясь досказать свою рѣчь:—стало быть, это не здѣшніе судьи, а люди, которые не знали Евсѣя, приговорили его къ сѣченію, потому что имъ это было внушено и, пожалуй, приказано.

— Вѣстимо такъ!

— А вы высѣкли вашего благодѣтеля только потому, что было приказано. Такъ? Вѣдь *вы* сѣкли-то? Вѣдь у этого волостного правленія?.. Такъ, ай нѣтъ?

Крестьяне молчали. Только тотъ, который возражалъ, какъ-то нетерпѣливо схватился за свою грудь, что-то повидимому желалъ возразить, но только мотнулъ головой и махнулъ рукой...

— Какъ вамъ нравится эдакая непосредственность, обратился онъ ко мнѣ.

— Да нешто, кабы ежели... совершенно огорченнымъ тономъ заговорилъ-было опять мужикъ; но баринъ не далъ ему окончить и перебилъ вопросомъ:

— Почему вы не заплатили за него этихъ несчастныхъ двѣнадцати съ полтиной? Вѣдь онъ вамъ сдѣлалъ добра на тысячи?..

Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, другой изъ порядочныхъ крестьянъ, все время молчавшій, неожиданно и медленно проговорилъ:

— Въ случаѣ ежели что, и Евсѣй твой тоже бы нашего брата не помиловалъ... Прикажутъ наказать да прутъ въ руки дадутъ, такъ и Евсѣй твой...

— Ну вотъ! стукнувъ кулакомъ, завопилъ баринъ.— Вотъ тутъ и сливайся съ ними... Сегодня я сольюсь, а они меня завтра въ волости выдерутъ, либо самого заставятъ драть...

И онъ, какъ говорится, «хлопнулъ» еще рюмку водки и видимо охмелѣлъ...

— Теперь еще куплетикъ, отирая ужъ просто ладонью свои усы, продолжалъ онъ. — Здѣшняя помѣщица отдала свою землю и усадьбу въ аренду одной петербургской нѣмкѣ... Эта аренда—тоже превосходнѣйшая иллюстрація къ пониманію теперешнихъ взаимныхъ отношеній вотъ этихъ господъ... Это прелесть, и мы еще поговоримъ... Не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что какъ ни подла и ни жадна эта нѣмецкая тварь, все-таки ужъ одно незнаніе языка заставляетъ ее прибѣгать къ помощи нашихъ соотечественниковъ, т. е. къ помощи этихъ же язевскихъ обывателей, *противъ тѣхъ* же язевскихъ обывателей... На ея счастье, въ числѣ этихъ господъ (опять указаніе на гостей) отыскалось одно удивительно пригодное для этого нѣмецкаго животнаго русское животное. Это еще молодой парень; но такой глубокой природной кровожадности, такой глубокой ненависти къ своему брату-крестьянину я рѣшительно не видалъ, даже

не могъ предполагать, хотя и теперь порядочно-таки насмотрѣлся на ихъ взаимую любовь...

— Звѣрь—ужъ что... подтвердилъ одинъ изъ крестьянъ.—Это вѣрно!

— Я понимаю, что могутъ быть тысячи причинъ, объясняющихъ это уродство; дѣло не въ томъ. Въ обществѣ, въ общинѣ, какою я предполагалъ русскую деревню, такой человѣкъ—первый врагъ, язвы сибирской хуже... Всю силу своей умственной дѣятельности — а парень онъ не глупый — онъ устремляетъ на то, чтобы затруднить отношенія, которыя приходится имѣть ему съ крестьяниномъ, своимъ-же односельчаниномъ. Только изъ какой то непостижимой потребности дѣлать зло, онъ привязывается къ интересамъ лицъ, которыя какъ разъ противоположны интересамъ его близкихъ!—такъ вѣрнѣе и жестче для этой нѣмки слуги едва ли сыскать возможно. Эта шельма — его звать Ѳедосѣй—этотъ Ѳедосѣй неусыпно сторожитъ ея интересы, точно это его кровное добро. Представьте, онъ выучилъ почти наизусть (грамотный!) судебные уставы, знаетъ всѣ закорючки, путаетъ ими крестьянъ и, разумѣется, выигрываетъ процессы. Помимо этой непонятной злобы противъ своихъ, онъ вообще злой человѣкъ: онъ любитъ смотрѣть на смерть животныхъ... любитъ смотрѣть на страданія... Въ прошломъ году онъ напримѣръ сжегъ въ печкѣ девять щенятъ, которыхъ его нѣмка приказала ему утопить... Понимаете-ли, вѣдь надо быть звѣремъ, чтобы рѣшиться на эту операцію, чтобы нарочно растопить прачечную печь и бросать въ огонь по одному щенку...

— Я ему сто разъ говорилъ, вставилъ свое словечко Маркъ: — помрешь самъ такою-же смертью!

— И что жъ? И такъ... И помретъ! Вѣрно это!. прибавилъ мужикъ, огорчившійся словами барина и все время не перестававшій о чемъ-то упорно и горько думать.

— Такъ вотъ этотъ звѣрь, продолжалъ баринъ:— однажды замѣтилъ, что изъ нѣмкина амбара пропадаетъ мука. Пять ночей кряду, не смыкая глазъ, имѣлъ онъ терпѣнье высидѣть за амбаромъ, со шкворнемъ въ рукахъ, выжидая вора ..На шестую— онъ самъ говорилъ мнѣ, что была темь и дождь— онъ наконецъ заприметилъ какую-то фигуру, пробирающуюся черезъ дворъ. Впослѣдствіи оказалось, что это мужикъ шелъ за бабкой-повитухой... Не долго думая, вѣрный стражъ нѣмкиныхъ интересовъ погнался за этой фигурой и, догнавъ, буквально изувѣчилъ человѣка желѣзнымъ тарантаснымъ шкворнемъ. Онъ билъ его почемъ попало, раскроилъ голову въ нѣсколькихъ мѣстахъ, словомъ—изуродовалъ звѣрски... Если-бы вы посмотрѣли, съ какимъ глубокимъ сознаніемъ своей правоты разсказывалъ этотъ звѣрь мнѣ, лично мнѣ, это дѣло! Онъ выходилъ изъ принципа — «не тронь чужого» (потомъ я вамъ скажу, что это за чужое) и чувствовалъ себя какъ-то удивительно веселымъ... Онъ даже пришелъ ко мнѣ жаловаться на свою хозяйку, заслышавъ, что она хочетъ простить (простить!) этого мужика.

— «Что-жъ это такое? говорилъ онъ обиженно.— Сейчасъ-бы ушелъ, ежелибъ не контрактъ...»

Но такъ какъ прощать невиннаго нѣмкѣ не пришлось, то Ѳедосѣй и попалъ подъ судъ... Судъ этотъ былъ третьяго дня, въ воскресенье — и что-жъ? Этотъ самый невинно-обиженный человѣкъ, изуродованный во имя нѣмкиной собственности, прощаетъ врага всего язевскаго крестьянства—за полштофъ!..

— Самъ-же говоришь, драть не хорошо...

— Если прощать—прощай такъ, а не за полштофъ... То-то и бѣда: не будь полштофа, вы-бы высѣкли его, а полтофъ-то помѣшалъ.

— Ахъ, Господи, Господи! широко вздохнувъ. произнесъ огорченный мужикъ.—Говоришь ты, братецъ ты мой, много, а сказалъ бы я тебѣ словечко...

— Знаю я твои словечки, перебилъ его баринъ.— Бѣдность, сиротство—такъ? Теперь извольте прислушать...

Баринъ обратился исключительно ко мнѣ.

— Эти люди, бѣдность которыхъ ужъ, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, эти самые люди, которымъ дорогъ каждый гривенникъ, каждая копѣйка — эти люди *даромъ*, *за вино* добровольно обязываются работать на эту самую нѣмку, на вашу хозяйку...Вы вѣдь у нея нанимаете флигель, кажется?

Я подтвердилъ.

— Понимаете-ли: *даромъ* обязались ей всей деревней работать триста сорокъ дней въ году съ лошадьми. То есть *даромъ* дѣлаютъ ей все, доставляютъ ей тотъ самый доходъ, которымъ она уплачиваетъ аренду и отъ котораго у ней остается—куда довольно!..

— Баринъ! а баринъ! заговорилъ огорченный мужикъ.—Право ты меня въ сердце ввелъ...

— Чѣмъ это я тебя разсердилъ?

— А тѣмъ... Поди-ко, спроси у хозяйки-то, у помѣщицы: дастъ она намъ, мужикамъ, земли-то? Нѣтъ, не дастъ! Ей надобенъ одинъ человѣкъ, одинъ отвѣтчикъ...

— Вотъ ты осерчалъ, вошелъ въ сердце, а договорить-то мнѣ не далъ...

— Ну, договаривай!

— Изволь; а позволь тебя спросить: одинъ кто-нибудь изъ васъ не можетъ, по вашему выбору, взять это дѣло на себя? Вотъ ты, ты — сельскій староста, ты не пьешь, помѣщица тебя знаетъ...

— Мнѣ что же? я, слава Богу, не сижу безъ хлѣба, холодно перебилъ рѣчь барина староста.— Есть у меня пустоши тринадцать десятинъ да у двухъ мужичковъ нанимаю: — куда ужъ мнѣ съ арендой!..

— Ну вотъ говорите съ ними послѣ этого! Вотъ они въ какихъ теперь отношеніяхъ... «Мнѣ, мое, у меня, а тамъ — прочіе, другіе, сосѣди — какъ знаешь!»

— Я всякому желаю, кротко бормоталъ староста.—Дай Богъ всякому! Мнѣ Богъ помогъ—и другимъ поможетъ.

— Знаю я, тебѣ какъ Богъ-то помогъ, почти огрызаясь на старосту, произнесъ баринъ, и, тотчасъ обратясь ко мнѣ, продолжалъ: — вотъ, вотъ она гдѣ бѣда-то!.. Вотъ что въѣдается въ дере-

венскую среду, съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй...

— Эхъ, баринъ, баринъ... Долго ты насъ бранилъ, а и намъ-бы тебѣ можно словечко сказать... Худы мы—вѣрно это...

— Другъ ты мой любезный! вдругъ самымъ задушевнымъ тономъ произнесъ очевидно разстроенный баринъ:—неужели ты думаешь, что я въ самомъ дѣлѣ пришелъ съ вами ругаться? Чудаки вы этакіе? Я ору на васъ потому, что вы не вѣрите, что мнѣ васъ жаль... Эхъ вы! Маркъ, купи-ка, братъ, пивца

Маркъ взялъ отъ барина деньги и мигомъ понесся въ кабакъ.

— Не сольешься съ вами, а сопьешься!.. Смотрѣть-то на васъ —душа разрывается...

— То-то вотъ, баринъ, и есть,—говорилъ между тѣмъ огорченный:—«Дураки да дураки... да пьяницы»...Были и мы, братецъ ты мой, хороши, да ужъ потомъ стали худы... Знаешь, чай, про мужика да про волка?

— Что такое? про какого мужика, приподнимая опущенную на руки голову, устало произнесъ баринъ.

— Сказка такая есть: про мужика да про волка... Шелъ, стало быть, мужикъ съ гумна, а навстрѣчу волкъ бѣжитъ...«Мужикъ, мужикъ, спрячь меня, за мной охотники гонятся». Подумалъ мужикъ и спряталъ волка въ мѣшокъ; мѣшокъ у него съ собой былъ... Вотъ хорошо... погоди, доберъ по твоему мужикъ-то?

— Доберъ! сказалъ баринъ, какъ во снѣ.

— То-то что доберъ; погляди, отчего онъ худъ-то сталъ...

— Ну, говори, валяй дальше.

— Ну, охотники проскакали, мужикъ и выпустилъ волка изъ мѣшка; а волкъ, какъ вылѣзъ, и говоритъ: «теперь, мужикъ, я тебя съѣмъ!»—Это какъ-же такъ, говоритъ мужикъ:—нешто такъ добро помнятъ?—«Старое добро, говоритъ волкъ, забывается».—Сталъ мужикъ спорить. Волкъ говоритъ: «давай, у кого хочешь, спросимъ; ежели скажутъ, что забывается старое добро, тогда я тебя съѣмъ»... Подумалъ мужикъ, говоритъ—«ладно!» Пошли по дорогѣ. Попадается старая лошадь; стали они у нея спрашивать: забывается ли старое добро? Лошадь имъ отвѣчаетъ: «служила я хозяину пятнадцать лѣтъ, работала день и ночь, а стара стала, ослѣпла – меня треснули дубиной вдоль спины и выгнали вонъ... Вотъ и плетусь умирать, куда ноги приведутъ... Старое добро, господа, всегда забывается»... Волкъ разинулъ ротъ, хотѣлъ мужика съѣсть; мужикъ говоритъ: «Нѣтъ, погоди, еще спросимъ у старичковъ». И стали они спрашивать у старыхъ собакъ и у старыхъ людей, и всѣ имъ говорятъ: «забывается старое добро». Покуда, молъ, нужно—кормятъ, а какъ состарился да не въ силахъ работать—и издыхай, гдѣ хочешь.—«Ну, мужикъ, говоритъ волкъ:—теперь ужъ я тебя съѣмъ»... Видитъ мужикъ, дѣло его плохо. Вдругъ бѣжитъ лисица. Мужикъ къ ней: «разсуди, говоритъ, насъ»! А лисица—хитрая вѣдь она:—«разскажите, говоритъ, какъ было дѣло». Сталъ ей мужикъ разсказывать, какъ онъ волка отъ охотниковъ спряталъ въ мѣшокъ, а лиса и говоритъ: «Это не можетъ быть!» Волкъ говоритъ: «Нѣтъ, это вѣрно. Онъ меня въ мѣшкѣ держалъ, покуда охотники не проѣхали».—Не можетъ быть. Такой громадный, да чтобы въ мѣшокъ влѣзъ: —это нѣтъ никакой возможности». Волкъ говоритъ: «Хочешь, влѣзу, покажу?»—«Влѣзь!» Волкъ и влѣзъ въ мѣшокъ и говоритъ оттуда: «видишь?» Какъ только онъ влѣзъ, лисица и шепчетъ мужику: «Завяжи его хорошенько, да цѣпомъ, да цѣпомъ» (а цѣпъ съ мужикомъ былъ—съ гумна вѣдь онъ шелъ). Мужикъ принялся молотить волка, что есть силы, а лисица стоитъ и смѣется .. Глянулъ мужикъ на нее да и подумалъ: какъ-бы и она со мной чего худого не сдѣлала... Вѣдь вотъ упекла-же волка... Да вспомнилъ, что «старое-то добро забывается», замахнулся и царапнулъ лисицу до смерти...Съ тѣхъ поръ мужикъ и въ худыхъ сталъ... Потому научёнъ.

— Наученъ, братъ, наученъ!.. твердилъ баринъ, поставивъ локти на столъ и опустивъ въ ладони лицо —Отъ этого-то и съѣла меня у васъ тоска!...

— А былъ доберъ, что говорить, всей душой готовъ!.. продолжалъ мужикъ.—Да какъ помусолили его хорошо, такъ и сталъ онъ цѣпомъ отбиваться и отъ ворога, и отъ хитраго пріятеля... Такъ-то, баринъ!

— Такъ, такъ, другъ любезный, такъ!..

Въ это время явился Маркъ, нагруженный бутылками пива.

5.

За этимъ пивомъ мы просидѣли въ избѣ Марка еще часа два, если не больше, продолжая разговоры на ту-же тему. Но теперь разговоръ нашъ принялъ нѣсколько иное направленіе. Какъ-бы утомившись своимъ негодованіемъ на крестьянскія безобразія, баринъ почти замолкъ и не то думалъ о чемъ-то своемъ, не то внимательно слушалъ слова крестьянъ, преимущественно слова огорченнаго крестьянина, который теперь почти одинъ овладѣлъ бесѣдою, и надо сказать правду: благодаря его разъясненіямъ, основаннымъ на знаніи всей крестьянской подноготной, картина крестьянской жизни стала представляться вовсе не такой ужъ отчаянной, какая вышла благодаря наблюденіямъ «неслившагося» барина.

Послѣ крестинъ у Марка мы встрѣчались съ бариномъ нѣсколько разъ. Однажды я самъ пришелъ къ нему въ Балашово; въ другой разъ пришелъ онъ ко мнѣ. Несмотря на то, что онъ прямо заявилъ о своемъ намѣреніи жить и думать только вмѣстѣ съ народомъ; несмотря на то, что я, начиная со дня крестинъ и съ долгаго разговора о крестьянскихъ дѣлахъ, сталъ весьма прилежно думать о житьѣ-бытьѣ только деревенскомъ, намъ обоимъ не представлялось однако ничего болѣе важнаго въ практическомъ отношеніи, какъ вести обо всемъ этомъ разговоры (только разговоры!), и притомъ только барину съ бариномъ... Между тѣмъ этотъ самый предметъ нашего разговора продолжалъ съ непонятнымъ упорствомъ влачить свою

ежедневную лямку, продолжалъ задаромъ работать на нѣмку, продолжалъ сѣчь своихъ ближнихъ въ дни собранія волостныхъ судовъ, мирился на полштофѣ, махалъ съ ранняго утра до поздней ночи косой, чтобы ночью не нагрянулъ дождь и не оставилъ-бы его скотину на всю зиму безъ корму, словомъ—шелъ своей дорогой, а мы, опечаленные его участью, разговоры разговаривали... Постараюсь впрочемъ не потопить читателя въ этомъ морѣ словъ, которыя на-досугѣ мы съумѣли произнести на благо народа, и изложу наши словопренія въ возможно приличномъ видѣ.

6.

— Какимъ путемъ?.. восклицалъ балашовскій баринъ:—чортъ его знаетъ, какимъ путемъ я думалъ слиться съ ними... Да и слово-то это—«сліяніе»—какое-то дурацкое... Оно даже въ голову не приходило...Я просто чувствовалъ, что сорокъ лѣтъ, которыя у меня за спиной, словно сорокъ невидимыхъ, но крѣпкихъ рукъ, примкнули меня къ деревенскому плетню и не пускаютъ... «Сливайся, сѣдая каналья»—да и все тутъ!.. Увѣряю васъ, въ первый же день, какъ только я пріѣхалъ сюда, я испугался... ис-пу-гал-ся (повторилъ баринъ это слово съ особеннымъ удареніемъ), именно потому, что не пускаютъ сорокъ рукъ, а самъ я того, что здѣсь дѣлается, не понимаю!.. И представьте, я вѣдь двадцать тысячъ разъ бывалъ и живалъ въ деревняхъ, вѣдь моя семья—помѣщики; потомъ я пріѣзжалъ въ эти деревни въ видѣ отца-благодѣтеля, мирового посредника, земскаго гласнаго... Я вѣдь этотъ миссіонерскій путь прослѣдовалъ, и никогда я ничего не пугался здѣсь, и, въ качествѣ миссіонера, даже не только все якобы понималъ, а и совершенствовалъ.

— Но теперь, когда меня въ деревню никто *не назначалъ*; теперь, когда я явился въ деревню не на лѣто, какъ являлся въ свою деревню въ качествѣ барина; когда меня въ эту деревню привела жизнь—тутъ-то я и испугался... Не на шутку испугался.—Зачѣмъ я здѣсь? на каждомъ шагу стало мнѣ лѣзть въ голову... Пищатъ цыплята, ѣдетъ борона съ поля, блеетъ овца, мычитъ корова—все это что-то мнѣ чужое, идетъ куда-то по своему дѣлу, въ свое мѣсто, словомъ—мимо меня... Я до того растерялся,—что, желая объяснить себѣ мое появленіе въ деревнѣ и съ страшными усиліями пытаясь возстановить въ своей памяти тѣ безчисленныя иллюстраціи, которыми въ моемъ воображеніи были разрисованы мужикъ и деревня, рѣшительно ничего не могъ припомнить... Точно никакихъ иллюстрацій и не было. Думалъ-думалъ, наконецъ придумалъ: «пошлю-ка я за водкой въ кабакъ!» Ха-ха-ха... Принесли—«Славянской», «высшей»; съ тѣхъ поръ я и придерживаюсь ея—и ничего: облегчаетъ!..

— Какія-же такія иллюстраціи придумали вы къ мужику? Чѣмъ могли вы его разрисовать?

— Мужика-то? О, батюшки!

Баринъ вдругъ оживился, и глаза его засверкали какой-то совершенно дѣтскою, улыбающеюся радостью.

— Мужика-то не разрисовать?.. Если на то пошло, такъ я вамъ скажу, что именно только одного мужика въ настоящіе дни и можно разрисовывать такъ, что только мурашки по кожѣ забѣгаютъ отъ восхищенія... Только одного мужика!

— Какого-же? Вотъ этого самаго Марка, Ивана, Кузьму?

— Какого-же еще? Разумѣется, этого самаго... Именно ихъ-то, этихъ Ивановъ, Ѳедосѣевъ, и можно воображенію окружать великолѣпіемъ... Все, что окружалось, надоѣло... Теперь великолѣпнѣй мужика ничего нѣтъ на свѣтѣ...

— Да, если его раскрасить...

— Прибавьте—и потому еще, что его можно раскрасить... На всемъ другомъ краска лупится, слѣзаетъ.

— Право, я-бы очень хотѣлъ послушать, какъ вы раскрасите мнѣ какого-нибудь изъ этихъ Ивановъ?..

— Ничего нѣтъ легче!.. Позвольте мнѣ припомнить вамъ одинъ разговоръ именно по этому-же поводу... Тутъ такъ раскрасили этого Ивана, что лучше покуда и не требуется.. Этотъ разговоръ происходилъ года четыре-пять тому назадъ, заграницей. Я въ ту пору шатался тамъ въ самомъ ужасномъ состояніи духа. Какая-то сильнѣйшая нравственная оскомина ежеминутно отравляла мое существованіе. Все, что мнѣ ни припоминалось въ моемъ прошломъ, все, что ни видѣлъ я передъ собою въ настоящемъ, все, каждую минуту, возбуждало во мнѣ это нестерпимое ощущеніе оскомины, и я просто не зналъ, что дѣлать. Только въ кружкахъ русской молодежи, куда я иной разъ—въ лучшія изъ моихъ сквернѣйшихъ минутъ—заходилъ, только тутъ иной разъ передо мной какъ-будто что-то прояснялось. Но, разумѣется, между мною, уже сѣдѣющею, изломанной дубиной, и ими—живущими, молодыми—никакой прочной связи не было: такъ только, въ качествѣ благороднаго свидѣтеля, я и могъ быть переносимъ и принятъ... Такъ вотъ разъ, когда я забрелъ въ одинъ изъ этихъ кружковъ, мнѣ пришлось натолкнуться, разумѣется, на разговоръ и, разумѣется, о народѣ (это ужъ всегда...) Едва я услыхалъ слова: «мужикъ», «народная жизнь» и пр., и пр., какъ тотчасъ-же почувствовалъ ощущеніе оскомины и поспѣшилъ выйти на балкончикъ, стараясь не слушать этихъ разговоровъ о народѣ (Господи! сколько самъ я молотилъ о немъ моимъ празднословнымъ языкомъ!), и старался развлечь себя предметами посторонними...

Балкончикъ былъ маленькій, какой бываетъ у квартиръ въ одно окно, въ полторы комнаты, и висѣлъ надъ улицей необыкновенно высоко: онъ висѣлъ впрочемъ не надъ одной только улицей, а выходилъ угломъ на площадь, куда сходились еще три или четыре другихъ улицъ, спускаясь съ возвышенностей. Мѣсто было необыкновенно типическое: асфальтовая площадь съ массивнымъ газовымъ фонаремъ посрединѣ и широкій асфальтовый проспектъ перерѣзывалъ ее поперекъ, съ жиденькими рядами платановыхъ деревьевъ по его обѣимъ сторонамъ—одни они только нарушали своимъ ординарнымъ видомъ оригинальный характеръ стараго

квартала, искрещеннаго переулками, узенькими, кривыми, поминутно раскалывавшимися на новые и кривые переулки, обставленные высокими, закопченными вывѣсками маленькихъ кафе, угольныхъ лавокъ, лавокъ всякаго старья, тряпья и хлама, и населенные несмѣтнымъ числомъ народа, кишащаго какъ въ муравейникѣ. Но и полная жизни картина этого муравейника, которую я созерцалъ съ моей обсерваторіи, нисколько не улучшала моего нравственнаго состоянія и не уничтожала ощущенія оскомины, несмотря на то, что эта мелькавшая передо мною жизнь почти ежеминутно мѣнялась, какъ въ калейдескопѣ, поминутно складываясь, благодаря нагрянувшему омнибусу, барабанному бою, взводу солдатъ и т. д. — все въ новыя и въ новыя перестановки людскихъ фигуръ. Никоимъ образомъ я не могъ заглушить въ себѣ этого, въ высшей степени безпорядочнаго потока мыслей, невѣдомо откуда залетавшихъ въ голову и невѣдомо какую связь между собою имѣвшихъ. И завидовалъ то я людямъ этого муравейника, и ненавидѣлъ, и о культурѣ думалъ, и о Бисмаркѣ, и о томъ, что хорошо бы все это разсыпать прахомъ, и неожиданно о моемъ личномъ дѣлѣ, и потомъ вдругъ о войнѣ. И—то мнѣ казалось, что «мы» все возьмемъ и разобьемъ, а то я вдругъ, не знаю почему, желалъ, чтобъ насъ «раскатали»... Словомъ, Богъ знаетъ что такое толпилось во мнѣ, и саднило, и ѣло, безъ всякаго толку, и я, несмотря на страстное желаніе не слушать разговоровъ внутри комнаты, долженъ былъ ихъ слушать, такъ какъ рѣшительно не могъ на чемъ-нибудь опредѣленно сосредоточиться... Долетали поэтому до меня разныя отрывочныя фразы, которыя я большею частью уже и говорилъ, и слышалъ. Только одинъ изъ русскихъ, удивительно нѣжное созданіе и страшно измученный личными несчастіями человѣкъ—только онъ одинъ на минуту остановилъ было мое вниманіе нѣкоторыми цифрами, касавшимися самыхъ, повидимому, незатѣйливыхъ сторонъ крестьянскаго труда.

— «Знаете-ли, сколько разъ нужно ударить цѣпомъ, чтобъ обмолотить столько-то ржи?» спрашивалъ онъ.—«А сколько?»—«Двадцать восемь тысячъ разъ!..» — «А знаете, сколько верстъ надо пройти, чтобы вспахать десятину?» И т. д. И всегда выходили удивительныя цифры, невольно обращавшія на себя вниманіе своими непомѣрными размѣрами и рисовавшими хлѣбопашество дѣломъ необычайно труднымъ. Этими цифрами будущій писатель (молодой человѣкъ этотъ писалъ повѣсть «*Пахарь*») хотѣлъ тронуть общество, тронуть сильнѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, и заставить его любить этого мужика, который, несмотря на весь гнетъ своего положенія, добръ, самоотверженъ, не корыстенъ и т. д., и т. д. Все это было мнѣ болѣе или менѣе извѣстно, и я, нѣсколько озадаченный цифрами, вновь предался пустопорожнему унынію, когда пошли вновь общія разсужденія.

— «Да что это вы, Кузнецовъ, все плачетесь?»—вдругъ заговорилъ молодой, необыкновенно талантливый мальчикъ, — ни въ комъ во всю свою жизнь не видалъ я такой страстной жажды сунуть себя въ какое-нибудь самое опасное, самое смѣлое, дерзкое дѣло, какъ въ немъ... «Почему вы сидите на несчастіяхъ одного только мужика? Вотъ вы говорите, что мужикъ не видитъ свѣта, потому что—то стоитъ цѣлый день у цѣпа, то полгода ходитъ за сохой... Ну, а банкиръ, съ вашей точки зрѣнія, не такое же несчастное существо? Вѣдь и онъ цѣлые дни стоитъ у бумагъ и у связанныхъ съ ними милліоновъ случайностей... Тамъ все цѣпъ да цѣпъ, да двадцать верстъ въ день по пашнѣ, а тутъ все днемъ и ночью—деньги, деньги, деньги, и десятки верстъ на биржѣ, и точно такъ же, какъ для мужика градъ, такъ для этого мученика денегъ тысячи случайностей: оборвалась проволока, опоздалъ купить такую-то бумагу — пропалъ, загремѣлъ въ бездну со всѣми своими экипажами и содержанками, и прямо въ пасть цѣлой толпы озлобленныхъ людей. Благодаря этой проволокѣ, благодаря тому, что черезъ Ламаншъ оборвался телеграфъ, что Дон-Карлосъ проигралъ битву, что Абдулъ-Азисъ неосторожно поигралъ съ ножницами—его могутъ сразу возненавидѣть всѣ и будутъ рвать, какъ собаки волка, начиная отъ кучера, которому нужно получить грошъ, до жены, дочери, родного сына... Ну, какъ по вашему, это — не мученикъ? Что-жъ, видитъ онъ свѣтъ? Есть ему минутка подумать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ той-же, только банкирской, сохи — бумагъ, денегъ?.. Ну, а если несчастія господъ банкировъ васъ не трогаютъ, такъ вотъ вамъ — кондукторъ омнибуса: онъ цѣлый Божій день, съ семи часовъ утра до 11-ти часовъ ночи, за полтора рубля серебромъ вознагражденія, треплется на подножкѣ кареты, буквально не смѣя отойти, цѣлые годы на однѣхъ и тѣхъ же улицахъ, мимо однихъ и тѣхъ домовъ. Видитъ ли онъ бѣлый свѣтъ? А инженеръ, а священникъ: развѣ все это не привязано къ своей сохѣ? Какой-такой общій разговоръ можетъ быть у священника и актера, у инженера и кондуктора, у сапожника и банкира? Это все до такой степени оторвано другъ отъ друга микроскопичностью смысла своего труда, что вылилось почти въ такой же рѣзкой формѣ, какъ птица, рыба и т. д

— «Именно въ смыслѣ необыкновеннаго разнообразія не физической только, а нравственной дѣятельности, требуемой крестьянскимъ трудомъ, обиходомъ его домашней жизни, участь мужика-крестьянина и представляется не только не печальною, но и рѣшительно завидною сравнительно со всѣми безчисленными профессіями, на которыя раскололся родъ человѣческій. «*Мы все сами*», говоритъ мужикъ; онъ *самъ* добываетъ хлѣбъ, *самъ* добываетъ кожу на сапоги, овчину на тулупъ; онъ *самъ* ткетъ себѣ рубашку, словомъ—онъ *все самъ*. Умственная дѣятельность его постоянно въ работѣ, постоянно въ наблюденіи, помому что этого требуетъ разнообразіе его дѣятельности... Одна добыча хлѣба ставитъ его въ зависимость отъ тысячи явленій природы, отъ тысячи коммерческихъ, финансовыхъ соображеній. Онъ смотритъ и изучаетъ небо и землю, примѣчаетъ движеніе вѣтра

и силу тумана—тысячи вещей, изъ которыхъ на каждой, гдѣ нибудь въ казенномъ зданіи, сидитъ по спеціалисту съ хорошимъ окладомъ, сидитъ, совершенно отдѣлившись отъ свѣта и ничего не понимая, кромѣ своего оплачиваемаго труда.«*Все самъ*» —этого довольно, чтобы представить себѣ, что въ мужицкой крестьянской избѣ сходятся въ каждомъ изъ обитателей этой семьи тысячи всевозможныхъ спеціальностей, что въ ней царитъ постоянная умственная дѣятельность, что въ ней—бездна знанія... («Знанія?» возопилъ Кузнецовъ — Да, да, знанія... подождите горячиться!)... Такая бездна и разнообразіе знанія, что вотъ этотъ сѣрый, аляповатый мужикъ пойметъ какого угодно спеціалиста и поможетъ ему, а спеціалистъ ничего въ мужицкихъ нуждахъ, въ мужицкихъ рѣчахъ не пойметъ... Пріѣзжай въ любую русскую деревню Дарвинъ, Гумбольдтъ, кто угодно; и если имъ въ ихъ работахъ придется дѣлать дѣло съ мужиками, то они непремѣнно найдутъ людей, которые поймутъ, чтò имъ нужно, принесутъ камень, звѣрька и т. д. Поймутъ, потому что каждый наблюдалъ такъ же широко (только по своему) то же самое, чтò и Гумбольдъ, и Дарвинъ. А спроси мужикъ что-нибудь у этого Гумбольдта изъ своего обихода—Гумбольдтъ его не пойметъ, потому что и рѣчь-то мужика, т. е. человѣка, широко и разносторонне развитого, въ своей сжатости, всегда касается одновременно массы разнообразнѣйшихъ явленій, одновременно имъ обсуждаемыхъ, или по крайней мѣрѣ принимаемыхъ во вниманіе, и, стало быть, темна, сложна, непонятна для всякаго, думающаго «по своей части». Вы вотъ не согласны съ моей фразой, что у мужика бездна знаній, а я думаю напротивъ—я даже полагаю, что мужикъ, который *все самъ*, знаетъ рѣшительно все... (— Все?! — Все, что знаетъ каждый изъ тысячи спеціалистовъ знанія). У него... да что вы хотите! Просто-таки все знаетъ—да и шабашъ! Онъ инженеръ и механикъ, онъ строитъ гати, плотины, мосты, мельницы (вѣтряныя, водяныя). Онъ и ботаникъ, и зоологъ: онъ знаетъ каждую травку, знаетъ каждое, самое ничтожное свойство травки; знаетъ, какой звѣрь, какая птица какъ живетъ, то-есть знаетъ ея слабыя стороны, знаетъ ея хитрости, словомъ—рѣшительно все, что знаетъ Бремъ. Онъ и анатомъ, давно и основательно знакомый съ тѣмъ, что дѣлается у звѣря въ нутрѣ: онъ и медикъ, такъ какъ у него милліонъ свѣдѣній по медицинской части, съ такимъ-же вѣроятнымъ успѣхомъ дѣйствія, какъ и свѣдѣнія Боткина... Да что я! — больше чѣмъ у Боткина: онъ останавливаетъ кровь однимъ словомъ, онъ вылечиваетъ укушеніе змѣи, пошептавъ что-то надъ осиновой корой и приложивъ къ больному мѣсту... Онъ и спиритъ, и знатокъ тайныхъ невидимыхъ силъ, которыхъ гг. Бутлеровъ и Вагнеръ разыскиваютъ подъ столами и подъ диванами, не получивъ впрочемъ никакихъ существенныхъ результатовъ. У мужика результаты давно есть: *чортъ есть*—и мужикъ знаетъ его характеръ, цѣль существованія, цвѣтъ шерсти, длину рогъ и хвоста, потому что его, вотъ какъ васъ—такъ близко видѣлъ и держалъ за ногу (нога у него утиная, только шаршавая, съ шерстью)... Словомъ, ни у одного, кромѣ мужика, счастливца на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ такой удивительно разнообразной, всесторонней внутренней умственной жизни. Ни у кого и не можетъ быть такого разнообразія наблюдательности, такого обилія знаній, какимъ надѣленъ мужикъ, благодаря именно характеру его труда, который требуетъ отъ человѣка самаго широкаго развитія, благодаря его положенію, требующему, чтобъ онъ *все самъ*. Кто сочиняетъ и поетъ на вѣки остающіяся пѣсни?—мужикъ. Гдѣ найдете вы настоящее, неподкупное веселье, чистое, какъ чисто оно въ дѣтской душѣ?—у мужика. Кто здоровъ, силенъ, великодушенъ, такъ, просто великодушенъ, безъ соображенія и форсу?—опять-же мужикъ. Кто всякому поможетъ, найдется во всякомъ положеніи и все перенесетъ, все пойметъ?—опять тотъ-же самый мужикъ... И наконецъ, при маломальски сносныхъ обстоятельствахъ, у того-же самаго мужика бываютъ—и только у него одного—минуты наиполнѣйшаго, широчайшаго счастія... Видите, какъ плохо-то мужику!.. Ему лучше всѣхъ! (Ну ужъ врете!.. завопилъ Кузнецовъ)... Несомнѣнно лучше, еслибы только вы, господа интеллигенція съ госпожею цивилизаціей, не рвали этой здоровой, полной жизненной силы клѣточки крестьянскаго дома на части; еслибы вы не доводили ея до распаденія какими-то непонятными требованіями, постоянно отъ нея отнимая и ровно ничего не давая взамѣнъ... Почему вы не считаете своей святой обязанностью давать ей *настоящія* знанія, послѣднія слова вашихъ наукъ? Тамъ, гдѣ всѣ *все сами*—тамъ все поймутъ, все нужное возьмутъ, а главное—все пойдетъ въ прокъ: все переработается гораздо лучше, чѣмъ у васъ, изсыхающихъ надъ своими спеціальностями, да еще въ одиночку»...

— Признаюсь, продолжалъ балашовскій баринъ: —много я болталъ о мужикѣ, зналъ я его за желѣзную грудь и за мученика, и за страдальца; но счастливѣйшимъ изъ смертныхъ ни я, да и никто еще не считалъ. . Невольно я сталъ внимательно слѣдить за этой иллюстраціей къ мужику, и чувствовалъ, что она мной овладѣваетъ, что путаница мыслей и чувствъ, одолѣвавшихъ меня, начинала принимать нѣкоторыя формы... потому что, вѣдь, право, разрисовано—ничего-таки?

— Разрисовано—ничего! сказалъ и я.

— И лучше, лучше еще можно разрисовать. Я сегодня не въ ударѣ, а то я-бы самъ...

— И такъ хорошо, сказалъ я.—И этого пока достаточно... Такъ именно эта иллюстрація и привела васъ сюда?

— Сюда привела меня жизнь! Жизнь русская, ежедневная, обыкновенная жизнь обыкновеннаго дворянина привела меня къ тому, чтобы иллюстраціи эти пришлись мнѣ по душѣ. Эта самая жизнь заставила меня жаждать выхода, обновленія, выхода изъ этой безконечной, тягостной, ежедневной фальши и лживости, переполняющихъ жизнь не то чтобы интеллигентнаго россіянина, а такъ, просто

жизнь обыкновеннаго неплательщика... Было въ моей жизни такъ много напрасно и глупо мучительнаго, что мужикъ, иллюстрированный вышеупомянутымъ способомъ, не только не терялъ своихъ удивительно привлекательныхъ красокъ, но, напротивъ, я самъ лично, боясь опять остаться съ моей оскоминой, сталъ расписывать его еще ярче, еще великолѣпнѣе...

— Еще великолѣпнѣе? изумился я.—Какъ-же и чѣмъ вы еще его расписали?..

— А расписалъ я его такимъ манеромъ... Впрочемъ необходимо прибавить еще нѣсколько словъ изъ соображеній по этому поводу того мальчика, который съумѣлъ такъ весело посмотрѣть на мужика... Развивъ свой взглядъ на этого счастливца, онъ сказалъ, обращаясь къ Кузнецову: «Нѣтъ, Кузнецовъ, *всѣ* — несчастные, *всѣмъ* нужна помощь и спасеніе, и между всѣми-то этими формами жизни, приводящими къ несчастію, только мужицкая форма и содержаніе жизни и имѣютъ для всѣхъ спасительную будущность... Только человѣкъ, который можетъ *все самъ* и не будетъ имѣть надобности перерывать другому человѣку горла, чтобы добыть то, чего самъ не можетъ, не имѣетъ, — вотъ онъ то и есть «идеалъ».

— Ну, тутъ подъ такіе громкіе и веселые удары и мертвый запляшетъ... Заплясалъ и я: мнѣ представилось, что первая въ мірѣ земля, земля, которой принадлежитъ миссія обновленія всего бѣлаго свѣта,—это земля сплошь мужицкая, сплошь населенная этими разносторонне и совершенно развитыми людьми, извѣстными подъ именемъ «мужварья», и гдѣ только изрѣдка, «какъ муха въ молокѣ», мелькаетъ красный околышъ интеллигенціи, — околышъ, не имѣющій другихъ претензій, кромѣ полученія прибавки... Съ этой точки зрѣнія на Русскую Землю, мнѣ стало все видно, вся оскомина моя разсѣялась. Нашлась характерная черта національности: мы—люди всеобщаго права жить, думать и развиваться, не имѣя никакой надобности рвать другъ отъ друга кусокъ, такъ какъ всѣмъ хватитъ. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и именно только у насъ... Нашлась и національная идея: мы — за всѣхъ мужиковъ всего свѣта, за ихъ право жить, пользоваться всѣмъ, чтò выдумалъ хорошаго бѣлый свѣтъ.. Ткацкій станокъ мы сдѣлаемъ доступнымъ каждой деревенской бабѣ, взявъ изъ этой выдумки только то, чтò сокращаетъ трудъ, что даетъ возможность цѣлую зиму труда замѣнить однимъ мѣсяцемъ, и вовсе не обращая вниманія на способность выдумки производить массы... Ну, и такъ далѣе! . Прибавьте сюда разныя: наши артели, общины и прочія, и прочія плѣнительныя вещи,—вещи, конечно разрисованныя,—и вы поймете, почему я, послѣ цѣлаго года размышленій и всевозможныхъ фантазій, очутился тутъ, у деревенскаго плетня...

— Но вѣдь тутъ все не такъ? Вѣдь не разрисованный-то мужикъ—совсѣмъ другой...Не правда-ли?

— Не тотъ, не тотъ... Онъ такъ-же изуродованъ, какъ и нашъ братъ съ краснымъ околышемъ; но знаете-ли что?.. То тамъ, то сямъ изрѣдка мелькаютъ какія-то черты въ обиходѣ мужицкой жизни, которыя почти приравниваютъ его къ мужику иллюстрированному... Что изуродованъ онъ—это вѣрно; но въ немъ еще живетъ много самыхъ образцовыхъ, въ смыслѣ приведенной иллюстраціи, свойствъ. Разскажу вамъ одинъ эпизодъ изъ фабричной жизни, случившійся на моихъ глазахъ. Подъ Москвой есть большая ткацкая фабрика, едва ли не первая по размѣрамъ производства въ Россіи Два года тому назадъ на этой фабрикѣ было волненіе рабочихъ, окончившееся, благодаря пособію государственнаго банка, къ ихъ полному удовлетворенію. Весь шумъ произошелъ изъза того, что администрація завода не хотѣла удовлетворить рабочихъ за осенніе мѣсяцы въ тѣхъ именно размѣрахъ, какъ было условлено весной, при наймѣ, и рабочіе требовали доплаты и сложенія нѣкоторыхъ штрафовъ,—все это имъ и дали, благодаря, какъ я уже сказалъ, сторонней помощи. Любопытнѣе всего причина, по которой администрація завода обманываетъ рабочихъ, обѣщая осенью (когда у крестьянина почти нѣтъ заработка) платить столько-же, сколько весною и лѣтомъ. Причина этого та, что, при наступленіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, крестьянинъ предпочитаетъ за ту же цѣну, которую даетъ фабрика, работать другую, крестьянскую работу; онъ предпочитаетъ, напримѣръ, косить, жать, вмѣсто того, чтобы торчать у фабричнаго станка... Видите ли, онъ не доведенъ еще до такого деревяннаго положенія, какъ иностранный рабочій, изсушенный и обездушенный каленою атмосферою и машинною дѣятельностью фабрики, и позволяетъ себѣ еще фантазировать, прихотничать, бросая съ весны его кормилицу-фабрику...Возможно-ли, стало быть, нашему капиталисту вести свои дѣла такъ, какъ ведетъ ихъ капиталистъ иностранный; возможно-ли ему конкурировать съ фабриками, на которыхъ люди работаютъ съ правильностью и неутомимостью паровыхъ машинъ, когда его рабочій еще не оболваненъ въ-конецъ и предпочитаетъ дѣлать болѣе веселое, разнообразное дѣло крестьянскаго обихода за ту-же или даже меньшую плату, какую даетъ благодѣтель-фабрикантъ съ своимъ однообразнѣйшимъ машиннымъ трудомъ? Чтобы удержать фантазера-работника, чтобы не потерять всего состоянія изъ-за его фантазій, изъ-за его желанія работать «повеселѣй», капиталистъ нашъ долженъ прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и между прочимъ къ той, о которой я уже говорилъ, то есть онъ обѣщаетъ платить ту же цѣну и осенью, когда является множество желающихъ работать и когда цѣна значительно падаетъ. Только подъ такимъ условіемъ, весьма выгоднымъ, и можно удержать «любителей крестьянства» у фабричныхъ станковъ. Но осенью, разумѣется, съ ними поступаютъ иначе и кромѣ того донимаютъ штрафами, такъ какъ, несмотря на надувательство осенью, все-таки рабочій-крестьянинъ несетъ съ собою въ фабрику множество убытковъ, портитъ иной разъ съ умысломъ, уходитъ, когда дорога каждая минута, и т. д. И всѣ эти убытки надобно выручать съ него разными правдами и неправдами, обманами, штрафами...Безъ такихъ фокусовъ и уловокъ, да безъ помощи сто-

ронней—нашему капиталисту-фабриканту плохо, почти невозможно существовать: у него нѣтъ нужнаго ему *машиннаго человѣка*, у него по-неволѣ работаетъ крестьянинъ,—человѣкъ, привыкшій дѣлать работу, требующую большой внутренней жизни, работу крестьянскую. Со-временемъ впрочемъ, я надѣюсь, и господа фабриканты будутъ благоденствовать; но теперь еще мелькаютъ живыя черточки, и вотъ онѣ-то и поддерживаютъ вѣру въ иллюстрированнаго мужика...

— Но вѣдь эти черточки рѣдки, слабы... Да и такъ-ли вы поняли фактъ, о которомъ была рѣчь?

— Мнѣ кажется, такъ; впрочемъ не знаю.

— Но все-таки мало ихъ, этихъ живыхъ чертъ, и рѣдко онѣ попадаются... Неужели такія или подобныя, едва замѣтныя черты укрѣпляютъ въ васъ вѣру въ эти иллюстраціи... и ведутъ, какъ вы говорите, къ плетню?..

— Да... и эти черты... А мои сорокъ лѣтъ-то? А сорокъ рукъ-то? Ихъ-то вы позабыли!.. Они тутъ!—это главное!..

7.

Въ другой разъ, въ одно изъ слѣдующихъ свиданій; я прямо направилъ рѣчь на эти сорокъ лѣтъ. Что такое за таинственные года, результатъ которыхъ—странное появленіе «барина» (баринъ онъ былъ почти неисправимый) среди мужиковъ съ цѣлями весьма неопредѣленными и къ тому же съ невозможностью, какъ онъ говорилъ мнѣ не разъ, воротиться вспять?

— Теперь по крайней-мѣрѣ я не знаю... мнѣ нельзя воротиться, говорилъ мнѣ неразъ балашовскій баринъ:—буду вотъ такъ сидѣть, проѣдать что есть...

— Я самъ прожилъ на свѣтѣ также сорокъ лѣтъ, видѣлъ много худого, милліоны разъ желалъ, чтобы было лучше и легче; но никогда мнѣ не приходило въ голову забросить себя, ради этого «лучше и легче», за крестьянскій плетень, ничего не зная и ничего не умѣя...

— Ахъ, батюшка, возразилъ мнѣ на это балашовскій баринъ:—вы! Вы — человѣкъ семейный, то есть человѣкъ, поставленный въ необходимость «не разсуждать», или разсуждать, имѣя однако постоянно въ виду сохраненіе въ безопасности вашего собственнаго гнѣзда, словомъ—разсуждать молча, оглядываясь, разсчитывая...

Я было-хотѣлъ возразить, но балашовскій баринъ прервалъ меня на первомъ словѣ, сказавъ:

— Будетъ, будетъ ужъ! Мы знаемъ этихъ свободномыслящихъ отцовъ семействъ... Самый смѣлый выдерживаетъ вѣрность своимъ свободомысліямъ до тѣхъ поръ, пока сыну или дочери не стукнетъ десять-одиннадцать лѣтъ, когда надо отдать ихъ учиться въ гимназію...

Не буду приводить довольно жаркаго спора между мною и балашовскимъ бариномъ по этому интересному вопросу о дѣтяхъ (настоящихъ, маленькихъ дѣтяхъ), такъ какъ это затянуло бы и безъ того уже длинное повѣствованіе о балашовскомъ баринѣ, и такъ какъ этотъ предметъ достоинъ болѣе основательной разработки, чѣмъ случайный разговоръ. Чтобы прекратить этотъ споръ, начинавшій принимать оттѣнокъ раздраженія, я поспѣшилъ вновь повернуть рѣчь на исторію самого балашовскаго барина.

Баринъ продолжалъ:

— Ну, а я, какъ человѣкъ не семейный, какъ шатунъ, или какъ саврасъ безъ узды, естественно могъ посвящать болѣе времени всевозможнымъ мечтаніямъ, не стѣсняя себя мыслью о томъ, что мечтаній этихъ почему либо осуществить невозможно.

— И однако не осуществляя?.. его же тономъ прибавилъ я.

— Само собою разумѣется! Я мечталъ, разсуждалъ, не стѣсняясь,—и только; вотъ разница между мною и вашимъ братомъ—опорою отечества. Въ практическомъ отношеніи мы одинаково — ноль, т. е. родные братья... На мою бѣду, направленіе моихъ свободныхъ размышленій приняло общественный характеръ, благодаря тому обстоятельству, что я началъ жить въ самую совѣстливую эпоху русской жизни—въ эпоху освобожденія крестьянъ... Послѣ войны, послѣ всего, что она обнаружила въ русской жизни, пора было вспомнить обществу о томъ, что есть нѣчто, именуемое совѣстью; и вотъ все, что было мало-мальски живо, не засѣчено и не сгнило, все это поняло, что ему сейчасъ же, сію минуту слѣдуетъ работать, служить въ этомъ громадномъ лазаретѣ и всѣми способами помогать выздоровленію, исцѣленію больныхъ, калѣкъ, уродовъ.

— Вотъ и я осѣненъ былъ необходимостью такого дѣла... Прямо почти съ университетской скамьи (сознаюсь, я былъ не изъ особенно-преданныхъ наукѣ молодыхъ барчуковъ) я попалъ въ самый по тогдашнему (да и по нынѣшнему) отборный кругъ общественныхъ дѣятелей, на самыя наисовременнѣйшія общественныя дѣла. Тутъ, въ этомъ кругу, были и радикалы-губернаторы, и радикалки-губернаторши, предводительши съ гуманнѣйшими взглядами, и борьба тутъ была съ хищными стремленіями закоренѣлыхъ; «обомшѣлыхъ» крѣпостниковъ, и главное — тутъ впервые фигурировалъ народъ, скромно притекавшій къ нашему гуманному сочувствію. Разъ попавъ на эту стезю, я уже не сходилъ съ нея до тѣхъ поръ, покуда мнѣ не сдѣлалось тошно и меня не одолѣла вышеупомянутая оскомина. Былъ я и секретаремъ въ комитетѣ, и мировымъ посредникомъ, и потомъ земскимъ гласнымъ, наконецъ даже предсѣдателемъ одного уѣзднаго земскаго собранія и попечителемъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій, словомъ — прошелъ всю лѣстницу, доступную красному околышу, воодушевленному благими намѣреніями... И что же? въ концѣ концовъ, получилась убійственнѣйшая оскомина. Я ужъ сказалъ, что не слишкомъ предавался научнымъ занятіямъ, не слишкомъ развивалъ себя помощью научнаго опыта; но, несмотря на мое полуневѣжество, я какъ-то инстинктивно, нутромъ, если хотите, сталъ чувствовать, съ первыхъ же шаговъ моей общественной дѣятельности, что есть въ ней какая-то трещина, дребезжитъ что-то... Кажется, вотъ сдѣлаешь все,

что возможно, отдашь свое жалованье, если мало опредѣленнойсуммы,ну,напримѣръ,хотьнашколу— нѣтъ. дребезжитъ! Чуешь, что дѣло, которое ты сдѣлалъ, ужъ въ самомъ себѣ носитъ трещину, какъ старый горшокъ... Замѣчательно, что въ этомъ ощущеніи трещины играли роль не столько независящія обстоятельства, сколько что-то иное, чего я понять не могъ.

— Напримѣръ, устроиваю я школу, покупаю книги, катехизисы, ариѳметики, приплачиваю учителю своихъ десять-двадцать рублей, словомъ — устраиваю дѣло елико возможно хорошо, и тутъ же чувствую, что — нѣтъ!—все дребезжитъ что-то, гдѣ-то ужъ треснуло... Разумѣется, направленіе сельской школы, выборъ учебниковъ и т. д. принадлежитъ не мнѣ. Но несомнѣнно, мнѣ принадлежитъ какое-то тайное согласіе съ избраннымъ не мною направленіемъ для школы. Я, желающій или, по крайней мѣрѣ, думающій, что дѣлаю дѣло общественное, полезное народу, чувствую одновременно двѣ такія вещи: я вижу, положимъ, что учитель беретъ мѣсто потому, что ему нечего ѣсть и надобно что нибудь дѣлать и чѣмъ нибудь жить до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ дьяконскаго мѣста и не найдетъ невѣсты. Положимъ, я кромѣ того вижу, что учебный кругъ предметовъ, преподаваемыхъ крестьянскимъ дѣтямъ, почти ничего имъ не дастъ, ничего не прибавитъ въ ихъ развитіи, ни на одну каплю не прояснитъ окружающаго, — положимъ, что я въ этомъ совершенно убѣжденъ... Но все-таки я устраиваю эту школу... Я чувствую, что дѣлаю вздоръ (я тогда только *чувствовалъ* этотъ вздоръ, а не зналъ еще этого навѣрно), что вмѣсто дѣла выходитъ какая-то декорація съ усерднѣйше преданной фигурой учителя, съ кротко благословляющимъ дѣтей батюшкой, съ этими дѣтьми, вступающими на новый путь... Чувствую во всемъ этомъ прорѣху, прибавляю учителю десять рублей, и все-таки оставляю именно все въ томъ же дырявомъ видѣ... Что-то мѣшаетъ мнѣ довести до конца мою мысль о негодности школы, что-то мѣшаетъ мнѣ громко, публично заявить объ этомъ.

— Нѣтъ! не одни независящія обстоятельства. Мѣшаетъ мнѣ мое въ высшей степени ложное положеніе, положеніе барина...—замѣтьте, что я говорю, мѣшаетъ положеніе не интеллигентнаго человѣка, а просто барина, мѣшаетъ мое званіе... Всякій разъ, когда я замѣчалъ или чувствовалъ въ какомъ-нибудь изъ моихъ общественныхъ дѣлъ дребезжащую трещину, всякій разъ, когда я видѣлъ вздоръ, я молчалъ, потому что именно мое званіе заставляло меня опомниться... «Какой-же я буду баринъ, какъ будто говорило во мнѣ что-то,—если, напримѣръ, школа будетъ отличная *въ самомъ дѣлѣ*? и что-жъ будетъ, если въ самомъ дѣлѣ *они* узнаютъ?» Пожалуйста, не думайте, что я когда-либо могъ думать такимъ разбойничьимъ образомъ—нѣтъ, никогда (говорю о томъ давнемъ времени)! Я-бы не могъ вамъ въ такихъ опредѣленныхъ фразахъ формулировать того страннаго нравственнаго упорства, которое вдругъ просыпалось во мнѣ всякій разъ, когда суть дѣла требовала отъ меня чего-нибудь такого, что заставляло меня «вспомнить»: а я вѣдь баринъ!.. Потомъ, долго спустя, я узналъ, что я вовсе не баринъ и ничего во мнѣ барскаго нѣтъ... Тогда я этого не зналъ и, дѣлая пустыя безсодержательныя дѣла, приличныя мнѣ, какъ русскому интеллигентному человѣку «изъ господъ», понемногу, каждый день, каждый часъ хоронилъ внутри себя очень много гаденькихъ вещей. Не вѣрилъ я, напримѣръ, школѣ, —пряталъ это и старался думать, что вѣрю, что дѣлаю дѣло. Когда въ газетахъ меня расхвалили за мою необычайно-просвѣщенную дѣятельность, я даже былъ радъ и подумалъ: «а вѣдь въ самомъ дѣлѣ я пропасть сдѣлалъ...» Но вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь, и правда моихъ пустопорожнихъ дѣлъ выплывала иной разъ вдругъ во всей своей суровой безпощадности. Въ одну минуту становилось мнѣ все противно, и, въ раздраженіи, я оканчивалъ тѣмъ, что сваливалъ все (плохо разсуждалъ я тогда) на какую-нибудь христопродавческую рожу какого-нибудь изъ такихъ же поддѣльныхъ интеллигентныхъ людей — и уходилъ...

— Но, пошатавшись безъ дѣла полгода, годъ, я вновь начиналъ чувствовать, что званіе мое вновь влечетъ меня на сцену россійскаго прогресса. И вновь занималъ какое-нибудь изъ просвѣтительныхъ амплуа, чувствуя, что не то, не такъ надо дѣлать, и вновь продолжалъ снисходить къ себѣ, вновь почему-то оберегалъ привилегированность своего положенія, вновь позволялъ себѣ бирюльками отдѣлываться... И нельзя сказать, чтобы я въ окружающемъ обществѣ я не находилъ поддержки въ этомъ, въ высшей степени неискреннемъ поведеніи. Немало и кромѣ меня жило, да и живетъ народу, твердо знающаго, что дѣло его — вздоръ, обманъ, нуль, но продолжающаго притворяться, ради сохраненія своего положенія, и представлять этотъ нуль дѣломъ, правда, стѣсненными независящими обстоятельствами... И у всякаго—въ этомъ можно ручаться головой—скребутъ кошки, у всякаго нѣтъ живого мѣста въ душѣ отъ сознанія своего притворства, пустоты, безсодержательности жизни, и все ради какого-то необычайно-упорнаго, но въ высшей степени неосновательнаго не то чтобы желанія—нѣтъ, никто этого не желаетъ—а именно какой-то конфузливости предъ своимъ положеніемъ русскаго интеллигентнаго человѣка «изъ господъ». Точно этому человѣку и въ иной формѣ нельзя быть интеллигентнымъ...

— Я васъ не понимаю, сказалъ я.

— Погодите немного: можетъ быть и поймете... Итакъ: въ теченіе пятнадцати, восемнадцати лѣтъ, ежеминутно зная за собой вину и снисходя къ себѣ подъ тѣми или другими предлогами, изъ которыхъ ни одного я не считалъ по совѣсти справедливымъ, укрѣпляя, кромѣ того, свое декоративное существованіе примѣромъ окружающаго меня общества, котораго я, также по совѣсти, уважать не могъ,— я, въ концѣ-концовъ, накопилъ въ самой святаясвятыхъ моей души такую бездну невѣрія, подозрительности, холодности и вообще какой-то безфор-

менной студенистой гадости, что рѣшительно утратилъ всякій смыслъ какъ своего положенія среди двигающагося вокругъ меня люда, такъ и возможность какой-нибудь ужъ даже и неискренней связи (про искреннюю я совсѣмъ и позабылъ!) съ этимъ людомъ... Все мнѣ стало противно, глупо и подло: противенъ и этотъ смиренный сельскій педагогъ, потому что онъ — вовсе и не педагогъ, а ротъ, ищущій каши; противенъ и этотъ мужикъ, три года подъ-рядъ не понимающій, что его сына вовсе ничему не учатъ, хотя и гоняютъ по морозу за восемь верстъ; опротивѣли мнѣ всѣ гуманныя, радикальныя, либеральныя лица, разговоры и поступки, такъ какъ все это ходитъ вокругъ да около, норовитъ утянуть кусочекъ въ свое гнѣздышко, прикрывъ его вновь либеральными листьями...

— Я не могу, не въ силахъ передать этого ужаснаго состоянія, когда, утомленный напряженіемъ въ лганьѣ, человѣкъ какъ-то безсильно и холодно начинаетъ ровно ничему не вѣрить и теряетъ, во имя этого невѣрія или отвращенія, даже самую способность додумывать до конца свои скверныя, но многочисленныя, какъ тучи комаровъ, мысли... Я думалъ, что я умру .. Ужасъ, ужасъ какъ былъ радъ, чтобы кто-нибудь пришибъ меня, чтобы разбило поѣздъ, на которомъ я ѣду, или взорвало паровикъ парохода, на которомъ меня, холоднаго какъ кусокъ льду, везли куда-нибудь на петербургскіе острова. Однако никто меня не пришибъ, котлы, на счастіе гг. пассажировъ невскихъ пароходовъ, не лопались, а я... ужъ самъ не знаю какъ—вдругъ собрался и уѣхалъ за-границу.

— Въ подробности моихъ заграничныхъ наблюденій я вдаваться не буду, а скажу о нихъ нѣсколько словъ вообще. Прежде всего я долженъ сказать, что, съ переѣздомъ на чужую землю, я сталъ быстро поправляться нравственно, и не потому, чтобы меня, какъ говорится, развлекала «новизна и перемѣна мѣстъ», а потому, что я сталъ дышать воздухомъ дѣйствительности, очутился среди «понятныхъ» явленій жизни, понятныхъ отъ начала до конца явленій, которыя, благодаря своей объяснимости, видимой законности, возбуждаютъ также законное и самому мнѣ понятное теченіе мыслей .. Вотъ разбило поѣздъ желѣзной дороги, положимъ—посмотришь, въ самомъ дѣлѣ не мудрено разбиться: рельсы перепутаны, какъ нитки въ кускѣ матеріи, поѣзда несутся, какъ вѣтеръ, одинъ за другимъ въ громадномъ количествѣ: немудрено прозѣвать одну секунду... Я понимаю, что если-бы былъ я на мѣстѣ того, кто прозѣвалъ, то, при толкучкѣ и суматохѣ, я-бы прозѣвалъ пятьдесятъ разъ... Все это я понимаю, и у меня не остается въ сознаніи того студенистаго безформеннаго комка несвязныхъ представленій, какой остается у меня послѣ подобнаго-же желѣзнодорожнаго случая на какой-нибудь московско-индійской дорогѣ, гдѣ поѣзды сшибаются среди необозримаго простора, сшибаются оттого, что машинистъ пьянъ, а пьянъ оттого, что въ сущности и ѣхать ему не зачѣмъ, такъ какъ ѣдетъ онъ обязательно съ пустыми вагонами. Почему, по какому резону все это совершается, я не соображу и, разумѣется, только заскучаю отъ размышленій на тему: зачѣмъ ѣздить, когда этого вовсе не нужно?.. И машинистъ-то запьетъ именно потому, что ему нѣтъ достаточныхъ резоновъ влачить пустые поѣзда и получать жалованье за настоящее дѣло. Я-бы могъ привести вамъ безчисленное множество параллелей между *ихнимъ* и нашимъ обиходомъ; но то, что особенно дѣйствовало въ нихъ, что меня становило на твердую землю, что давало мнѣ знать, что я среди живыхъ людей, это именно — совершенно ясная причинность и зависимость между собою всѣхъ явленій, какія только совершаются передъ нашими глазами. Тамъ все можно понять, и притомъ каждому; у насъ — далеко нѣтъ... Понималъ я тамъ, и почему тамошнему рабочему человѣку нельзя, ни подъ какимъ видомъ невозможно въ концѣ-концовъ не схватиться для защиты своихъ попранныхъ правъ; понималъ я, что и барину тамошнему нѣтъ никакой возможности сдѣлаться помягче, поснисходительнѣй, почеловѣчнѣй. Понималъ я тамъ, почему каждый стоитъ за свое положеніе, за отвоеванное мѣсто на бѣломъ свѣтѣ...

— Нескладны такіе порядки—что говорить, и возмутительны... но вѣдь основаніе они имѣютъ, резоны у нихъ есть... Наскучивши безрезоннымъ существованіемъ, я всею душою былъ радъ жить среди резонной жизни, смотрѣть на резонныхъ людей и на ихъ хоть и нелѣпыя, хоть и отвратительныя даже, но доступныя пониманію дѣла. Глядя на такой понятный строй жизни, можно было «въ самомъ дѣлѣ» скорбѣть, чего со мною давно не случалось... Какимъ, напримѣръ, образомъ могу я «въ самомъ дѣлѣ» скорбѣть о бѣдности нашего мужика, когда онъ можетъ быть не бѣднымъ, когда у него подъ бокомъ лежитъ богатство? Я только не понимаю тутъ причины, почему богатство, которое никому не принадлежитъ, не можетъ комунибудь принадлежать... Исцѣляясь этой возможностью «въ самомъ дѣлѣ» думать и жить, я невольно сталъ разыскивать причинность и моихъ собственныхъ поступковъ, основанія лично моего общественнаго положенія... И ужъ не знаю, какимъ извилистымъ путемъ размышленія мои на эту тему привели меня къ такому вопросу: да почему это я считаюсь бариномъ? Что такое во мнѣ барскаго, такого, что̀ бы заставило меня, какъ заставляетъ тамошняго барина, доходить до звѣрства, защищая свою барскую суть? Какая такая у меня эта суть?..

Забралась въ мой мозгъ эта мысль — и пошла работа!.. И, что-же вы думаете: въ концѣ-концовъ я убѣдился, что я — рѣшительно не баринъ, а тотъ-же нашъ мужикъ, только поставленный въ очень глупое положеніе. Отъ этого-то глупаго положенія я и лгалъ, и рисовалъ декораціи, отъ этого-то я и оскомину нажилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какой я—скажите на милость — баринъ? что такое есть во мнѣ подлинно барскаго, то-есть вообще характернаго, что̀ бы меня, по сущности моей, отличало отъ мужика, какъ сетеръ отличается отъ дворняшки, или англійскій лордъ отъ англійскаго фабричнаго? Вотъ недавно мнѣ пришлось читать

небольшую иностранную повѣсть. Выведена въ ней молодая дѣвушка обѣднѣвшаго, но стариннаго аристократическаго рода. Чтобы жить, существовать на бѣломъ свѣтѣ, ей надо было выйти замужъ за богатаго буржуа. Но преданія ея семейства оказываются на столько для нея важными, что она отказывается отъ этого невозможнаго для нея брака и идетъ въ монастырь, въ такіе годы, когда ей жить-бы и жить... Не знаю, найдется-ли у кого-нибудь изъ нашего брата, красныхъ околышей, что-нибудь подобное, какая-нибудь психологическая черта породы, которая-бы заставляла человѣка, не то чтобы зарывать себя живьемъ въ землю, какъ почти сдѣлала дѣвушка, а хоть немножко повременить, покобениться, прежде нежели измѣнить своимъ традиціямъ. Я по крайней мѣрѣ почти не вижу никакихъ традицій, которыя-бы внутренно, психологически отдѣляли красный околышъ отъ лаптя... Какія такія, позвольте васъ спросить, мои феодальныя воспоминанія? Крестовый походъ на провіантскій магазинъ? Поставки и подряды? Долгая откупная варѳоломеевская ночь?.. Да развѣ я скажу объ этомъ хоть одно слово моему сыну? Развѣ я порекомендую ему брать съ меня примѣръ? Скажу я ему развѣ — какія я штуки выдѣлывалъ съ акціонерами такихъ-то и такихъ-то обществъ? Разумѣется, никогда ни одного слова ни объ одномъ изъ моихъ рыцарскихъ подвиговъ .. Еще менѣе открою я ему тайну моего преображенія въ господина. Тщательно я буду умалчивать, какъ и за что я «понравился» и «вышелъ», какъ меня наградили, сдѣлали бариномъ, или какъ я самъ, долгое время свирѣпствовавшій гдѣ нибудь въ казенномъ овсѣ или мукѣ, вышелъ оттуда съ гербомъ и купленнымъ помѣстьемъ... Въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ феодальныя воспоминанія требуютъ самаго строгаго умолчанія, и вотъ почему громадное большинство красныхъ околышей воспитывается совершенно въ тѣхъ же самыхъ понятіяхъ, какъ и крестьянскія дѣти. Скажу про себя: вынянчила и выкормила меня крестьянка; сказки, пѣсни пѣлись мнѣ крестьянскія, игралъ я съ крестьянскими мальчиками... Да и семья наша, какъ и всякая «возведенная», не могла противопоставить этому мужицкому направленію ровно ничего господскаго: лечили меня и сами лечились по-деревенски, вѣрили болѣе знахаркамъ, чѣмъ докторамъ. Моя мать хотя и говорила по-французски, а точно такъ же сводила у меня ячмени съ глазъ посредствомъ какого-то спрыскиванія съ лучинки, какъ и обыкновенная баба; праздники, посты соблюдали тѣ-же самые, что и мужики, и вообще—можете вести параллель сами — вся моя подоплека не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ тою же мужицкою подоплекой; мы, по совѣсти, по душѣ, были родные братья, и вотъ почему такъ часто моя нянька должна была повторять мнѣ фразу:

— Какъ это можно! *называетесь вы* бариномъ, а ровно деревенскій мальчишка...

— «Называетесь!» Лучше этого нельзя опредѣлить привилегированности моего положенія. Да, я именно только назывался бариномъ, какъ и мои родители и отдаленные пожалованные феодалы и предки тоже только назывались барами. Помню— всякій разъ, когда я слышалъ эту фразу няньки: «а называетесь бариномъ», я какъ будто опомнивался, старался сообразить, но, не сообразивъ, позволялъ однако себѣ повѣрить, что мнѣ стыдно (говорила старая нянька и мои родители—какъ-же не вѣрить?), и съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ вѣрить въ какую-то, обязывающую меня поступать неискренно, тайну,—съ этого времени начинаю чувствовать одиночество, безсодержательность.. Иногда бѣдная старуха-нянька пыталась-было замѣнить свое голословное «*называетесь*» бариномъ болѣе рѣзкими доказательствами моего высшаго происхожденія и положенія, и говорила примѣрно такъ:

— Нешто это можно? Вѣдь вы бариномъ называетесь, вѣдь у васъ сапожки вонъ какіе, а вы ихъ въ грязи испачкали, вѣдь они три рубля даны, только мужики этакъ-то вотъ въ грязи...

— Такого рода доказательства еще болѣе съуживали мою способность мышленія, такъ какъ я самъ, желая разсѣять туманъ, окружавшій меня, вслѣдствіе бездоказательности моего привилегированнаго положенія, съ радостью хватался за все, что мало-мальски резонно доказывало разницу между мною и деревенскимъ мальчишкой. Сапожки, рубашка, у отца орденъ, «маменька вонъ въ какихъ платьяхъ, а евонная мать — эво въ чемъ... она— простая баба»;«у господъ чай пьютъ, когда хошь, а у мужика только въ Свѣтло-Христово Воскресенье!» Такія, какъ изволите видѣть, чисто внѣшнія различія и были тѣми точками, съ которыхъ начиналось пониманіе моего нравственнаго положенія. Только благодаря этимъ пустякамъ, я и пріучился считать себя чѣмъ-то инымъ... И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь только эти пустяки и останавливали меня впослѣдствіи, когда я ужъ былъ большой, отъ искреннихъ и правдивыхъ поступковъ...

— «А ну какъ останешься безъ сапогъ? А ну если придется жить въ избѣ?..»

— Желаніе поступать правдиво постоянно было во мнѣ, потому-что никакой внутренней цѣли, твердой и прочной, заставлявшей меня умышленно сдѣлать другому вредъ, чтобы отвоевать просторъ самому себѣ, какъ это дѣлаютъ «тамошніе» настоящіе красные околыши (устраивая, напримѣръ, умышленно невѣжественную школу, чтобы лучше распоряжаться народомъ)—никакой такой цѣли у меня не было. Напротивъ, я всегда понималъ чужое положеніе лучше моего, крестьянское лучше своего барскаго, потому что нутро-то у меня было крестьянское, а все барское было вздоръ: сапожки въ три рубля, чай когда угодно, орденъ .. Вообще разныя бирюльки... Да и нельзя русскому человѣку, въ какомъ-бы онъ положеніи ни находился, не покориться вліянію мужика: мужикъ силенъ... Изъ енотовой шубы онъ переодѣнетъ васъ въ полушубокъ, попробуйте только пожить въ деревнѣ; заставитъ, вмѣсто калошъ, носить валенки, интересоваться посѣвомъ, скотиной и оставить въ сторонѣ чтеніе газетъ. Онъ заставитъ ваше интеллигентное лицо обрости неинтеллигентной бородой, пріучитъ

въ дорогѣ, во вьюгу, привертывать къ кабаку и находить удовольствіе въ стаканчикѣ винца. Баринъ не только не можетъ противопоставить мужику чего нибудь самостоятельнаго, но, напротивъ, самъ постоянно заимствуется у него во всѣхъ надобностяхъ господскаго обихода, отъ развитія собственныхъ дѣтей, которыя жадно подбираютъ крупинки сказочекъ, загадокъ, побасенокъ, изобрѣтенныхъ мужикомъ для своихъ заскорузлыхъ ребятишекъ, и кончая маринованнымъ грибомъ, которымъ закусывается рюмка поповской водки на обѣдѣ въ честь какого-нибудь просвѣтителя; все это изобрѣтено мужикомъ, баринъ только заимствовалъ и ѣлъ...Правда, по части съѣстного кое-что выдумано и интеллигенціей, такъ: существуетъ кушелевская баранина и строгоновская говядина..Но вѣдь не Богъ знаетъ что—выдумать какую-нибудь баранину или гусятину, когда онѣ уже давно сами себя выдумали и преспокойно продаются во всѣхъ мясныхъ и куратныхъ лавкахъ.

— Изъ-подъ такого всепоглощающаго вліянія мужика сильнѣй всѣхъ доводовъ няни и семьи выводятъ—надо сказать правду—школа, гимназія, университетъ. Я знаю по себѣ, да и вы навѣрное согласитесь, что направленіе доступнаго нашему брату образованія таково, что, по окончаніи курса, напримѣръ въ университетѣ, теряешь возможность стоять на своихъ собственныхъ ногахъ и тотчасъ принимаешься искать какихъ нибудь казенныхъ костылей въ видѣ подъемныхъ, прогонныхъ, добавочныхъ... Словомъ, начинаешь въ отчаяньи взывать—«давай!» и чувствуешь, что непремѣнно надобно что-нибудь «получать отъ казны», такъ-какъ безъ ея благодѣтельной помощи предстоитъ гибель. Я ничего не умѣю заработать; я не могу ѣсть на улицѣ печенку, потому-что я довольно чисто одѣтъ, словомъ—мое положеніе самое привилегированное... Но, какъ ни сильно содѣйствуетъ направленіе образованія обезноженію нашего брата-околыша, какъ оно ни стремится образовать изъ нашего брата-околыша слой или особенный образованный кругъ, хитрость его не удается: не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ по вступленіи въ этотъ кругъ, начинается ощущеніе какого-то овладѣвающаго тобой угара...

— «Э, батюшка, говорятъ уже нѣсколько образовавшіеся члены этого круга,—это еще что, вы поживите-ка тутъ годикъ —съ ума сойдете!..»

— Въ самомъ дѣлѣ, припомните, представьте себѣ эту нестерпимую натянутость, напряженность, выдумку и фальшь того руководящаго губернскаго, уѣзднаго, какого хотите, общества, которыми охваченъ каждый изъ его представителей... Припомните эти вечера, собранія: ученыя, увеселительныя, семейныя, весь обиходъ жизни руководящаго общества—какая скука! какая *сибирная* тоска и подѣлка! Черезъ годъ, если вы не женились, не привязали себя къ мѣсту или, какъ говорятъ коренные провинціалы, «не укрѣпились», я увѣряю васъ, что никакое жалованье, никакая прибавка, т. е. ужъ самые достовѣрные акты общественной дѣятельности вашей, не искупятъ мученій, которыя вы испытываете, благодаря своему привилегированному положенію. Положеніе это такъ въ самомъ дѣлѣ ужасно, что я даже и выяснять его не хочу: мнѣ больно вспомнить, больно представить себѣ все это... Я не забуду тѣхъ минутъ, когда, осѣненный мыслью, что я совсѣмъ не баринъ, я невольно припомнилъ ту массу лжи, которую мнѣ пришлось продѣлать, благодаря моему ложному положенію. Помню, какъ, разубѣдившись въ удобствахъ такого поддѣльнаго существованія, я остановился на роковомъ вопросѣ: что же я такое наконецъ? Я оказался какимъ-то бариномъ, неимѣющимъ возможности наполнить свое барское существованіе, несмотря на то, что мнѣ платили за это хорошія деньги. Я оказываюсь человѣкомъ, завидующимъ мужику, тогда какъ ни одинъ мужикъ не будетъ завидовать нищему. Я понимаю мужика больше, чѣмъ самого себя, я сочувствую ему больше, чѣмъ тому привилегированному кругу, къ которому принадлежу самъ...

— Что жъ я такое? Я—просто *овца безъ стада*... Я отбился, или меня отогнали, не знаю хорошенько, отъ моего стада, отъ народа, съ которымъ у меня нѣтъ никакой внутренней разницы, и я въ тоскѣ шатаюсь по «россійскому интеллигентному пустырю. Вы знаете пословицу: «овца безъ стада не живетъ или не бываетъ», а я, русскій интеллигентный человѣкъ, безъ стада, безъ общества... Куда же мнѣ пойти, гдѣ жить? Тутъ-то вотъ и подвернулись иллюстраціи къ русскому мужику... Ну, разумѣется, больше мнѣ некуда идти, какъ къ нему!.. Возможно ли мнѣ даже и подумать теперь вновь какимъ-нибудь способомъ войти въ ряды людей, разъѣзжающихъ для пользы народа на обывательскихъ—ни за что!.. Я вотъ буду—тутъ!»

Балашовскій баринъ энергически стукнулъ при этомъ словѣ кулакомъ объ столъ. Подъ словомъ «тутъ» я понялъ деревню..

— Ну что жъ вы будете здѣсь дѣлать? сказалъ я.

— Почемъ я знаю!.. Знаю, что мнѣ надо жить тутъ—и больше ничего... Понадоблюсь я имъ—отлично; не понадоблюсь—буду сидѣть и пить славянскую... У меня вотъ есть нѣсколько денегъ... выйдутъ онѣ здѣсь очень скоро. Стану продавать платье, проживу и то, и въ концѣ концовъ все-таки я думаю, что доведу же я себя до того, что повѣрятъ они мнѣ и понадоблюсь я имъ въ чемъ-нибудь... Кой-что я знаю больше ихъ. Стало быть—жить тутъ и ждать.. Вотъ и все!..

Неожиданныя обстоятельства среди лѣта потребовали моего возвращенія въ Петербургъ. Воротившись въ августѣ, я, къ удивленію моему, не нашелъ уже барина: онъ уѣхалъ. Разсказывали о пріѣздѣ какой-то дамы, и въ исторіи барина вообще оказывалась какая-то невысказанная и необъясненная имъ сторона. Странное, болѣзненное впечатлѣніе осталось во мнѣ отъ этой и больной, и изломанной фигуры; но нѣкоторыя его иллюстраціи, какъ онъ выражался, къ народной жизни произвели на меня такое впечатлѣніе, что я не могъ отдѣлаться отъ нихъ, раздумывая о томъ, что мнѣ пришлось видѣть въ деревнѣ.

МАЛЫЕ РЕБЯТА.

I.

Одинъ изъ моихъ давнишнихъ знакомыхъ, нѣкто Иванъ Ивановичъ Полумраковъ — чиновникъ, занимающій въ настоящее время довольно видное мѣсто въ одномъ изъ петербургскихъ министерствъ, «устрояющихъ», созидающихъ, направляющихъ и руководящихъ,—пораздумавшись въ свободную отъ всей этой массы работъ, конечно, на пользу блага отечества, минуту—вообще о *подлинномъ* положеніи дѣлъ въ этомъ самомъ отечествѣ — невольно почему-то начинаетъ печалиться и трепетать передъ участью своихъ собственныхъ дѣтей. Много, очень много мотивовъ, заставляющихъ Ивана Ивановича непремѣнно сокрушаться объ этой участи, возникли въ его головѣ при этихъ размышленіяхъ; но мы не будемъ утомлять читателя перечисленіемъ этихъ многочисленныхъ мотивовъ скорби, а только остановимся на той-же самой темѣ, которая волнуетъ и не одного Ивана Ивановича Полумракова.

Много на своемъ вѣку приходилось мнѣ встрѣчать чадолюбивыхъ родителей, но Иванъ Ивановичъ отличается отъ нихъ не столько особенностью въ чадолюбіи, сколько именно озабоченностью, повидимому не дающею ему покоя, надъ разрѣшеніемъ вопросовъ о томъ, что нужно дѣтямъ образованнаго или болѣе или менѣе обезпеченнаго человѣка въ предстоящей имъ жизни? чему учить? къ чему приготовлять? въ какомъ направленіи вести нравственное развитіе?

Авторъ этого очерка, имѣя намѣреніе сказать нѣсколько словъ о томъ подростающемъ поколѣніи, которое въ настоящее время, сидя на стулѣ, еще не достаетъ ногами до полу, не можетъ оставить безъ нѣкотораго вниманія такого «озабоченнаго» тѣмъ же вопросомъ родителя, какъ Иванъ Ивановичъ Полумраковъ, тѣмъ болѣе, что «озабоченность» его не ограничивалась только размышленіями, умозаключеніями и т. д., но выражалась и въ нѣкоторыхъ опытахъ, на дѣлѣ пояснявшихъ то, до чего Иванъ Ивановичъ доходилъ путемъ продолжительныхъ размышленій.

Прежде всего необходимо объяснить причину происхожденія въ Иванѣ Ивановичѣ такой «особенной» заботливости о собственныхъ дѣтяхъ; необходимо потому, что—надо говорить правду—было время, когда Иванъ Ивановичъ не блисталъ ни чадолюбіемъ, ни «заботливостью» въ той степени, въ какой блещетъ онъ и тѣмъ, и другимъ въ настоящее время. Правда, онъ всегда былъ добрый и ласковый отецъ; но чтобы такъ обременять себя вопросами, касающимися иногда самыхъ мелкихъ сторонъ дѣтской жизни, дѣтской души, дѣтскаго будущаго—этого не было и въ поминѣ. Говоря откровенно, происхожденіе этой заботливости находится въ тѣсной связи съ однимъ не столько непріятнымъ, сколько неожиданнымъ эпизодомъ, случившимся въ жизни Ивана Ивановича нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Дѣло въ томъ, что три года тому назадъ зимой, въ пять часовъ утра, въ квартиру Ивана Ивановича позвонили, затѣмъ вошли въ кабинетъ и спросили: «Знакомъ-ли онъ, и давно-ли, съ акушеркою N, запутавшейся, какъ оказалось, въ какомъ-то непрактическомъ предпріятіи?» Иванъ Ивановичъ, ободренный необыкновенной вѣжливостью и почтительностью, съ которыми былъ предложенъ этотъ вопросъ, оправился и съ достоинствомъ отвѣчалъ, что акушерку N онъ точно знаетъ, такъ какъ семейному человѣку трудно обойтись безъ этого знакомства, но что знакомство это основано только на профессіи г-жи N, что никоимъ образомъ не можетъ имѣть ни малѣйшей связи съ личными взглядами этой госпожи, такъ какъ Ивану Ивановичу якобы совершенно неизвѣстно, какіе такіе г-жа N имѣетъ взгляды.

На томъ все дѣло и кончилось; все произошло вѣжливо и деликатно; деликатно до того, что напримѣръ лицо, посѣтившее Ивана Ивановича, дабы не пачкать окуркомъ папиросы очень изящную пепельницу, само открыло заслонку печки и, нагнувшись, бросило окурокъ въ самую глубину. Наконецъ, чтобы замять непріятный разговоръ, лицо это обратило вниманіе на олеографію Куинджи и выказало большой вкусъ къ изящнымъ произведеніямъ, указавъ прикосновеніемъ кончиковъ пальцевъ къ полотну картины нѣсколько дѣйствительно блистательныхъ, эффектныхъ чертъ, касавшихся освѣщенія. Повторяю, посѣщеніе прошло такъ тихо и любезно, что въ Иванѣ Ивановичѣ не могло и не должно было остаться послѣ него ни малѣйшей тревоги. Кромѣ того, даже и высшее начальство того министерства, въ которомъ служилъ Иванъ Ивановичъ, только мимоходомъ и спустя долго послѣ событія, напомнило ему о немъ и притомъ съ единственной цѣлью ободрить. Словомъ, все и началось, и кончилось превосходно, а Иванъ Ивановичъ, несмотря на это... призадумался!..

Показалось ему, изволите видѣть, что въ лѣвомъ глазу того высшаго начальства, которое шутя намекнуло ему на неожиданное обстоятельство, что-то какъ-будто мелькнуло, какая-то будто черта, и черта неожиданная. Правый глазъ — Иванъ Ивановичъ очень хорошо это помнитъ—ласкалъ и улыбался совершенно безкорыстно, искренне; а въ лѣвомъ глазу шмыгнуло что-то, шмыгнула какая-то неожиданная точка.

— «Однако—въ ту-же минуту подумалось Ивану Ивановичу: — шутки-шутки, а дѣло-то, кажется, вѣдь въ самомъ дѣлѣ...» На словахъ «въ самомъ дѣлѣ» Иванъ Ивановичъ остановился, такъ какъ его внезапно осѣнила, даже поразила мысль: «А что, если все это — «въ самомъ дѣлѣ», т. е. и аку-

шерка, и визитъ, и то, что шмыгнуло въ лѣвомъ глазу? Что, если все это не случайность, не праздная игра воображенія, а подлинныя явленія, имѣющія какія-нибудь основанія? Словомъ, опять-таки, что, если все это — «въ самомъ дѣлѣ»?

Мысль эта была такъ сильна своей внезапностью и значительностью, что Иванъ Ивановичъ почувствовалъ, какъ горячая испарина разлилась у него по спинѣ и выступила на затылкѣ, и съ этого же момента не иначе сталъ смотрѣть на явленія дѣйствительности, какъ на такія, которыя происходятъ въ самомъ дѣлѣ, имѣютъ результаты и основанія. Кромѣ того, если мы прибавимъ, что увѣреніе Ивана Ивановича въ томъ, будто-бы онъ никакихъ убѣжденій г-жи N, акушерки, не знаетъ, ложно, то читателю будетъ понятно, что Иванъ Ивановичъ въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ впасть въ значительную озабоченность, сначала относительно собственной особы, а затѣмъ и относительно неразрывно связаннаго съ нимъ семейства.

Впослѣдствіи мы скажемъ нѣсколько подробнѣе о томъ, къ чему привели размышленія Ивана Ивановича, основаніемъ которыхъ былъ разсказанный нами незначительный эпизодъ; теперь-же мы должны сказать, что, не случись этого эпизода, и тогда Иванъ Ивановичъ, какъ и всякій человѣкъ, болѣе или менѣе обезпеченный, не могъ-бы просуществовать безъ нѣкоторой озабоченности уже по одному тому, что человѣкъ этотъ живетъ не двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, а въ настоящіе дни и годы. Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ вопросы личности и нравственности стояли прочно и ясно, или, по крайней мѣрѣ, для всякаго была совершенно ясна «ненужность» этихъ вопросовъ нравственности. Центромъ и идеаломъ жизни былъ баринъ, а нравственность заключалась въ крѣпостномъ правѣ. Все, что не было ни бариномъ, не нуждавшимся въ нравственности по праву, ни мужикомъ, не разрабатывавшимъ этого тонкаго предмета *по недосугу*, все, что жило «вокругъ» барина и мужика, также не разрабатывало означенныхъ вопросовъ, по ненадобности. Чиновникъ, говорилось въ то блаженное время:— служи, купецъ — торгуй, шатунъ — шатайся. Вопросъ: «какъ?» и другой: «зачѣмъ?» не могли стоять въ общественномъ вниманіи на первомъ планѣ, въ виду того, что, «выслужившись», «расторговавшись», человѣкъ могъ отдохнуть, только самъ сдѣлавшись бариномъ. Толкись, бейся, изловчайся въ той тѣсной клѣткѣ, которую судьба отвела тебѣ на жительство, а выбьешься, достучишься, дотолкаешься — твое счастье. Все ясно и точно, опредѣленно и покойно. Съ Божьей помощью жизнь идетъ по торной колеѣ. Въ то блаженное время Ивану Ивановичу - да и не одному ему — было жить легко. На душѣ не лежало-бы никакой отвѣтственности ни за одинъ поступокъ, ни за одно помышленіе, разъ они не выходили изъ предѣловъ желаній дослужиться или расторговаться, т. е. приблизиться къ завѣтному идеалу. Въ воспитаніи дѣтей родителю стоило только приводить въ примѣръ дѣтямъ себя, свою неустанную заботу о благѣ своемъ и своей семьи, а самое благо было ясно, всѣмъ лѣзло въ глаза.

Теперь — увы! — не то. Съ устраненіемъ этого, всѣмъ понятнаго, вѣками установленнаго представленія о благѣ, олицетвореннаго бариномъ, въ нравственномъ мірѣ русскаго человѣка образовалось пустое мѣсто, которое необходимо было волей-неволей чѣмъ-нибудь наполнить. Волей-неволей пришлось знакомиться съ нравственностью. Всякому попрежнему предоставлялось право расторговываться и выслуживаться, но отсутствіе идеала заставляло задумываться надъ вопросомъ: «зачѣмъ?» и за этимъ вопросомъ самъ собою пришелъ другой — «какъ? какимъ путемъ?» Общественное вниманіе волей-неволей было заинтересовано вопросами о принципахъ чести, совѣсти. Пришлось размышлять надъ этими вопросами — иногда противъ охоты и желанія.

Иванъ Ивановичъ Полумраковъ, какъ и масса его сверстниковъ, застигнутыхъ старыми временами на школьной скамьѣ, и новыми — на первыхъ путяхъ жизненнаго поприща, не принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣшительныхъ натуръ, которыя, однажды давъ себѣ отвѣты на поставленные жизнью вопросы, продолжаютъ твердо слѣдовать имъ и идти до конца. Нѣтъ, не сдѣлался онъ ни ярымъ либераломъ, ни ярымъ консерваторомъ, а, благодаря мягкости своего характера, подчинялся вліяніямъ времени, не слишкомъ выясняя настоящее и будущее и въ то-же время какъ-бы не разставаясь и съ симпатіями, выясненными изъ прошлаго.

Долгое время онъ очень чистосердечно и симпатизировалъ г-жѣ N, и одновременно съ тѣмъ успѣвалъ по службѣ; и ни г-жѣ N, ни начальству не казалось это страннымъ. Иванъ Ивановичъ, мягкій характеромъ и духомъ, мягко принималъ не очень еще жесткія вліянія времени и жилъ, чувствуя себя порядочнымъ человѣкомъ. Да не подумаетъ читатель, что Иванъ Ивановичъ, какъ говорятъ, «вилялъ» между этими вліяніями. Ничуть. Онъ жилъ этими вліяніями, принималъ ихъ и отзывался на нихъ, но въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ требовали еще не совсѣмъ выясненныя общественныя явленія. Явленія эти были робки, неопредѣленны, атмосфера туманна, а Иванъ Ивановичъ не особенно дальнозорокъ. Но то, что онъ видѣлъ, онъ принималъ.

Такъ какъ рѣчь наша касается спеціальнаго предмета, именно *дѣтей*, то мы не будемъ распространяться здѣсь о тѣхъ новыхъ вліяніяхъ времени, которыя Иванъ Ивановичъ долженъ былъ принять въ свое сознаніе, а ограничимся только тѣми, которыя касаются избранной нами темы, и остановимся только на томъ новомъ, что уже вошло въ кругъ современнаго воспитанія дѣтей, имѣющихъ родителей, съ такимъ же болѣе или менѣе обезпеченнымъ положеніемъ, какъ и положеніе нашего Ивана Ивановича.

II.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самою существеннѣйшею новизною въ этомъ дѣлѣ является присутствіе, такъ сказать, народнаго элемента. Если новыя времена, которыя мы переживаемъ, именно только и новы главнымъ образомъ благодаря «но-

вому» положенію мужика, то, разумѣется, что вліяніе, или, вѣрнѣе, какое-то легкое отдаленное дыханіе этой новизны не могло не коснуться и того круга людей, который и выросъ, и держался на свѣтѣ, благодаря только старинному положенію мужика. Изъ этой-то мужицкой новизны вышло все то новое, что обнаруживалось впослѣдствіи въ новизнахъ немужицкихъ; отсюда вышли на свѣтъ и непрактическая акушерка, и непрактическій студентъ, и ожесточенный ненавистникъ живыхъ людей, и такіе либеральные страдальцы, какъ мягкосердый Иванъ Ивановичъ. Всѣ эти представители новыхъ временъ конечно немедленно опредѣлили бы свою собственную задачу, опредѣлили-бы ее съ величайшей простотой и точностью, еслибы самое новое и самое главное дѣйствующее лицо, открывшее новую эру жизни, вымолвило-бы хоть единое словечко въ объясненіе того, чего, молъ, желаетъ оно теперь достигать. Еслибы такое словечко было сказано, простота и вмѣстѣ осмысленность жизни для всѣхъ сдѣлалась бы ясною, всякому предлежала-бы своя дорога и, разумѣется, не было-бы сомнительныхъ комбинацій въ людскихъ отношеніяхъ, не было бы того запутаннаго, тягостнаго, досаднаго и вообще въ высшей степени мучительнаго положенія, которое впослѣдствіи пришлось переживать образованному обществу. Но драма началась и продолжалась, а главное дѣйствующее лицо молчало, какъ мертвое.

Понятно, что такое положеніе дѣла ставило людей, подобныхъ Ивану Ивановичу, въ величайшее затрудненіе; приходилось почти только «*чутьемъ*» руководствоваться въ собственныхъ поступкахъ, идти впередъ безъ всякихъ опредѣленныхъ указаній. И точно, Иванъ Ивановичъ нестолько *зналъ* доподлинно о значеніи начавшейся драмы, сколько *чуялъ* это значеніе. Только этимъ чутьемъ и можно объяснить тѣ маленькія новости въ домашнемъ и общественномъ воспитаніи малыхъ ребятъ, которыя извѣстны навѣрное всѣмъ, имѣющимъ въ числѣ своихъ знакомыхъ такихъ чадолюбивыхъ родителей, какъ изображаемый мною Иванъ Ивановичъ. Намъ кажется, что, именно благодаря этому чутью (практическая черта, наслѣдованная отъ П. И. Чичикова), явилась на свѣтъ и эта простота обращенія родителей съ дѣтьми, этотъ «папка»—вмѣсто «папа», это «ты»—вмѣсто «пожалуйте ручку». Отсюда же вышли эти токарные станки, эти ящики съ сапожными инструментами въ «благоустроенныхъ семействахъ», этотъ скрипъ пилы въ худенькихъ рукахъ ребенка, для поправленія здоровья котораго по совѣту доктора ежедневно покупаютъ какія-то особенныя куриныя яйца по баснословной цѣнѣ. Всѣ подобные эксперименты въ народномъ духѣ производилъ надъ своими дѣтьми и Иванъ Ивановичъ, такъ какъ онъ, хотя и не получалъ еще такого оклада, который бы позволилъ ему питать своихъ дѣтей вышеупомянутыми золотыми яйцами, но принадлежалъ къ числу людей обезпеченныхъ или образованныхъ и все-таки имѣлъ *чутье* и практиковалъ его.

Не разъ, глядя на всѣ эти сапожные шилья, гвозди и молотки, валявшіеся на паркетномъ полу довольно дорогой квартиры Ивана Ивановича, на эту дратву, топоры и рубанки, забиравшіеся иногда даже въ гостиную, я подумывалъ надъ вопросомъ: къ чему такой прочно поставленный человѣкъ, какъ Иванъ Ивановичъ, разыгрываетъ всю эту комедію? Вѣдь не допускаетъ-же онъ въ серьезъ мысли о томъ, чтобы его дѣти, содержаніе которыхъ уже теперь, когда они едва въ силахъ поднять обѣими руками крошечный сапожный молотокъ, обходится втрое дороже содержанія цѣлой артели въ пять человѣкъ не игрушечныхъ, а настоящихъ сапожниковъ, что они, эти *дорогія* дѣти, будутъ когда нибудь «въ самомъ дѣлѣ» добывать себѣ хлѣбъ сапожнымъ молоткомъ или шиломъ, или топоромъ, или пилой? Думаетъ ли онъ, что они когда-нибудь могутъ быть сапожниками, дроворубами, столярами?.. «—Почемъ знать! отвѣтствовалъ на мои вопросы по этому поводу Иванъ Ивановичъ. А можетъ быть!» Или еще проще: «—Все можетъ случиться!» Но, очевидно, это были, какъ говорится, не отвѣты; и только одно ничтожное обстоятельство, одна небольшая сценка, свидѣтелемъ которой мнѣ случайно пришлось быть въ квартирѣ Ивана-Ивановича, дала мнѣ нѣкоторую возможность услѣдить «подлинное» направленіе мыслей Ивана Ивановича въ этомъ дѣлѣ.

Какъ-то однажды мнѣ пришлось ночевать у Ивана Ивановича. Мы спали въ его кабинетѣ, выходившемъ окнами на дворъ, и по-утру проснулись рано, проснулись отъ необыкновеннаго тепла и необыкновеннаго солнечнаго блеска, наполнявшихъ комнату до ослѣпленія и духоты. Немедленно было открыто окно, въ комнату пахнула теплая влага великолѣпнѣйшаго майскаго утра, а вмѣстѣ съ нею со двора ворвались въ комнату и чистый звукъ колокола, и какой-то веселый шумъ и гамъ, и смѣхъ. Внизу, на дворѣ, очевидно происходило что-то такое-же веселое, какъ веселы были день, небо, солнце, воздухъ. Иванъ Ивановичъ, отворившій окно, повидимому залюбовался тѣмъ, что̀ происходило на дворѣ, и при новомъ взрывѣ смѣха торопливо позвалъ меня. Вотъ что̀ тамъ происходило. Дворники, кучера, конюхи, кухарки, горничныя и прочій рабочій людъ петербургскаго дома (изъ числа такихъ, гдѣ живутъ хорошіе господа), кто съ ведромъ въ рукѣ, кто съ метлой, кто съ лопатой и т. п.—все народъ ражій, хорошо кормленный, хорошо выспавшійся—въ разныхъ позахъ остановились въ разныхъ пунктахъ двора и, какъ говорится, «помирали со смѣху», хохотали безъ удержу, потѣшаясь надъ тѣмъ, что̀ происходило вверху, въ окнѣ четвертаго этажа. А тамъ какой-то румяный, ражій дѣтина, не то маляръ, не то плотникъ, работавшій въ квартирѣ, изъ которой господа начали выѣзжать на дачу, стоя на краю подоконника, держалъ въ объятіяхъ красивую, плотную, франтоватую горничную, которая вопила благимъ матомъ, не забывая въ то же время почти ежеминутно наносить своему похитителю звонкіе, сильные удары голой и крѣпкой рукой по физіономіи—или нѣтъ, не по физіономіи, а прямо «по мордѣ».

Не обращая на эти удары ни малѣйшаго вниманія, ражій дѣтина хохоталъ во всю пасть и, потрясая горничною надъ четырехъ-этажной бездной, оралъ, обращаясь къ зрителямъ:

— Подставляй фартукъ, я ее кину!.. Эй, ребята, держи, подхватывай!

— Давай, давай! азартно бросая метлу и потряхивая фартукомъ, во все горло откликался одинъ изъ зрителей, дворникъ: — кидай! готово!

— Размахнись хорошенько! совѣтовали конюхи.

— Хватай! оралъ дѣтина, въ самомъ дѣлѣ размахиваясь горничной, какъ неодушевленнымъ предметомъ.

— Дуй его, Авдотья, по мордѣ! Чего онъ безобразничаетъ! визжали бабы.

— Авдость! обдерни хвостъ!

— Бей его!

— Махай ее черезъ крышу!

Хохотъ неудержимый и искреннѣйшій, визгъ горничной, чувствовавшей однако, что все это «въ шутку» и «любя», звонкія оплеухи «въ шутку», искреннѣйшее веселое оранье, хохотъ, остроты, румяныя, оживленныя здоровьемъ лица парня и горничной, и публики, и ко всему этому солнце, блескъ воздуха и неба, могучая сила и дѣтская простота и въ природѣ, и въ людяхъ — все это такъ плѣнило Ивана Ивановича, что, отойдя отъ окна, онъ въ сильномъ волненіи могъ только произнести:

— Пар-ршивая цивилизація!..

И сбросилъ рукою на полъ только-что принесенную и лежавшую на столѣ газету, впрочемъ можетъ быть и не нарочно.

— Ну, гдѣ вы (предполагается: въ этой цивилизаціи) найдете это... эту... лепеталъ Иванъ Ивановичъ и, не договоривъ фразы, опять произнесъ:

— Какое-же сравненіе съ этой паршивой цивилизаціей?

Эта сценка не была конечно поводомъ къ полному уясненію взглядовъ Ивана Ивановича на необходимость введенія въ дѣло воспитанія дѣтей нѣкоторыхъ новинокъ въ народномъ духѣ, но все-таки она дала нѣкоторую путеводную нить къ объясненію. Игра во всѣ эти шила, дратвы и топоры не была пустой комедіей, а имѣла въ основаніи почти опредѣленный разсчетъ. Дѣти Ивана Ивановича, очевидно, никогда не будутъ ни сапожниками, ни портными; за спиной ихъ никогда не будетъ болтаться мѣшокъ съ кускомъ черкаго хлѣба и рубанкомъ... Объ этомъ Иванъ Ивановичъ не допускалъ даже мысли. Но эта пила нужна для того, чтобы маленькія обезпеченныя ручки были также крѣпки, какъ и тѣ, которыя въ силахъ играть горничной, какъ перомъ. Это дерганье дратвой расширяетъ грудныя мышцы. Въ этомъ только отношеніи физическаго благополучія и понятна какая-то туманная вѣра Ивана Ивановича въ необходимость какого то вниманія ко всему трудовому люду, вступившему на новый путь. Но, не понимая во всей широтѣ значенія этого вліянія и только чутьемъ догадываясь о немъ, мягкосердечный Иванъ Ивановичъ однакоже и тутъ, какъ видите, умѣлъ извлечь нѣкоторую *пользу для себя*, съумѣлъ, такъ сказать, взять съ мужика взятку и принести ее въ домъ свой.

III.

Недолго однако пришлось Ивану Ивановичу довольствоваться въ своихъ житейскихъ и служебныхъ поступкахъ исключительно чутьемъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ явленія дѣйствительности совершенно выяснились, вышли изъ тумана, и добираться до ихъ, еще недавно темнаго, смысла ощупью уже не было никакой надобности: они стояли на лицо. Пришлось серьезно обдумать свои къ нимъ отношенія. Иванъ Ивановичъ началъ испытывать эту необходимость и сознавать всю ея серьезность со времени извѣстнаго уже нашимъ читателямъ эпизода, описаннаго въ началѣ первой главы настоящаго отрывка. Какъ только Иванъ Ивановичъ убѣдился, что все совершающееся совершается *въ самомъ дѣлѣ*, исходитъ изъ извѣстныхъ причинъ, а главное (вотъ именно, гдѣ главное-то!), имѣетъ извѣстные результаты, вполнѣ неминучіе, тотчасъ-же ему пришлось опредѣлить собственныя свои отношенія къ этимъ явленіямъ, пришлось обдумать ихъ всесторонне, со всей искренностью и тщательно опредѣлить свое мѣсто въ людскомъ обществѣ. И тотчасъ-же какъ только Иванъ Ивановичъ сталъ думать объ этомъ серьезно и по совѣсти, такъ напала на него тоска, въ душу закрался леденой холодъ, бѣлый свѣтъ опостылѣлъ, и все его существо стало какъ-то «саднить» въ безплоднѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тягостнѣйшихъ страданіяхъ.

Прежде всего, опредѣляя свои отношенія къ начальству и припоминая знакомство съ акушеркой г-жей N, Иванъ Ивановичъ сразу увидалъ, что онъ жестоко виноватъ передъ начальствомъ, что онъ изъ года въ годъ обманываетъ его довѣріе, что онъ, однимъ словомъ, лжецъ, — на котораго въ трудную минуту едва-ли можетъ это начальство положиться. Онъ убѣдился, что видѣлъ въ начальствѣ только окладъ, что, не будь тутъ оклада, оно не имѣло-бы такого преданнаго слуги, какимъ считался Иванъ Ивановичъ. Съ другой стороны, припоминая свою служебную дѣятельность, которая оплачивалась хорошимъ окладомъ, Иванъ Ивановичъ также мгновенно убѣдился и въ своей виновности передъ акушеркой, такъ какъ, открывши ей всю подноготную и всѣ послѣдствія своей дѣятельности, онъ долженъ былъ-бы оказаться ея явнымъ врагомъ, а вовсе не «сочувствующимъ», каковымъ его считала непрактическая и увлекающаяся г-жа N. Словомъ, въ обоихъ случаяхъ почтенный, добрый, мягкій и либеральный Иванъ Ивановичъ вдругъ, какъ только пришлось подумать серьезно, оказывался просто-на просто лгуномъ, да еще какимъ — корыстнымъ! Развѣ все это не изъ-за оклада? Да! у Ивана Ивановича не оказывалось никакихъ нравственныхъ убѣжденій. Онъ боялся потерять окладъ, рѣшительно не зная, на какую сторону въ опредѣлившихся людскихъ отношеніяхъ могъ-бы онъ стать по убѣжденіямъ. Не было у Ивана Ивановича никакихъ убѣжденій, никакой нравственности. Былъ

только страхъ передъ акушеркой, передъ начальствомъ и главное—передъ окладомъ.

Въ эти минуты было жалко смотрѣть на Ивана Ивановича, особенно въ отношеніяхъ его къ дѣтямъ. Однажды въ кабинетѣ у него совершенно случайно столкнулись: эта самая акушерка N, генералъ изъ того министерства, гдѣ Иванъ Ивановичъ служилъ, и студентъ-технологъ въ высокихъ сапогахъ. Иванъ Ивановичъ вертѣлся на своемъ креслѣ, какъ на иголкахъ, чувствуя, что настала минута, когда надобно «дать отвѣтъ», т. е. при малѣйшей случайности въ разговорѣ о текущихъ событіяхъ необходимо поступить безпристрастно и по совѣсти. На бѣду Ивана Ивановича въ комнату вбѣжалъ его шестилѣтній сынъ и задалъ одинъ изъ неожиданныхъ дѣтскихъ вопросовъ. Что было дѣлать Ивану Ивановичу? Съ одной стороны—студентъ и акушерка, а съ другой—генералъ. Иванъ Ивановичъ вспыхнулъ и вывернулся, сказавъ: «Чаю! чаю! скажи, чтобы чаю намъ давали! Философъ!» И такимъ образомъ выпроводилъ ребенка вонъ, оставшись невредимымъ.

Но, оставаясь до нѣкоторой степени невредимымъ лично, Иванъ Ивановичъ чувствовалъ, что относительно своихъ дѣтей онъ поступаетъ безнравственно. Свои житейскія связи и отношенія онъ еще могъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, оправдать тѣмъ, что у него на плечахъ семья. Ради семьи онъ тянетъ лямку, хотя «сочувствуетъ». И если поступаетъ при этомъ не совсѣмъ добросовѣстно и искренно, то опять-же потому, что у него семья, что онъ не одинъ. Но, принося такія жертвы ради семьи, естественно было подумать о томъ, что же получаетъ въ самомъ дѣлѣ эта семья? И тутъ Иванъ Ивановичъ совсѣмъ терялъ голову, прежде всего потому, что себя, свою дѣятельность онъ никоимъ образомъ не могъ бы рекомендовать дѣтямъ: это значило рекомендовать искусство лгать изъ-за оклада; сказать же что-нибудь по совѣсти — боялся. Дѣти росли поэтому въ какой-то невозможнѣйшей атмосферѣ либеральныхъ недомолвокъ и умолчаній по самымъ существеннѣйшимъ вопросамъ нравственности. А нравственность —въ этомъ Иванъ Ивановичъ убѣждался съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе—необходима. Начинается жизнь, жизнь «въ самомъ дѣлѣ», и чтобы перенести ея случайности, недостаточно однихъ крѣпкихъ мускуловъ, румяныхъ щекъ, а нужно нѣчто сильнѣе ихъ. Но Иванъ Ивановичъ не могъ дать ничего подобнаго. Ничего подобнаго не давали ни пилы, ни дратвы, ни станки, ни дѣтскіе сады, ни кубики, ни «жестяникъ», ни плетеніе, ни клееніе, ни молотки. ни загадки, ни ребусы, ни анаграммы и проч. Иванъ Ивановичъ пробовалъ-было углубиться въ область современной печатной педагогіи, но во-первыхъ—приходилось зарыться въ книгахъ, которымъ нѣтъ конца и края, а во-вторыхъ—Иванъ Ивановичъ на первыхъ порахъ встрѣтилъ тутъ такія вещи, которыя совершенно охладили его намѣреніе что-нибудь позаимствовать у педагогіи. Такъ, въ одномъ изъ самыхъ почтенныхъ педагогическихъ журналовъ, пользующихся упроченною репутаціею, Иванъ Ивановичъ натолкнулся на слѣдующую *живую бесѣду* (какъ сказано въ журналѣ) учителя съ учениками по поводу молитвы Господней. *Учитель*: «Гдѣ Богъ?» *Ученикъ*: «Вездѣ». *Учитель*: «А *особенно?*» *Ученикъ*: «На небѣ». Учителю, который, какъ видно изъ статьи, не желаетъ, чтобы ученики *задалбливали слова*, необходимо помощью *живой* бесѣды выяснить основательность именованія Бога *Отцомъ Небеснымъ*, и вотъ онъ, какъ видите, смотритъ на это наименованіе только какъ на *имя прилагательное*. О дьяволѣ бесѣды еще проще. *Учитель*: «Кто намъ болѣе всего дѣлаетъ зла?» *Ученикъ*: «Дьяволъ!» И все тутъ. Безъ разсужденій и разговоровъ, просто оказывается, что существуетъ дьяволъ и дѣлаетъ людямъ вредъ.

Итакъ, гдѣ же добыть этой нравственности? Какимъ способомъ въ душѣ подростающаго молодого поколѣнія образовать тотъ прочный нравственный фундаментъ, который выдержалъ бы то, что время воздвигнетъ на немъ? Иванъ Ивановичъ думалъ только объ этомъ фундаментѣ, а о томъ, что выстроить на немъ — не рѣшался думать, умывалъ руки, да и не могъ онъ предвидѣть, что будутъ строить: жилой-ли домъ или гауптвахту, тюрьму или храмъ — лишь бы устоять подъ напоромъ тяжести. Долго думалъ Иванъ Ивановичъ, но наконецъ придумалъ.

Онъ рѣшился такъ: Анна Петровна, его жена, съ дѣтьми большую часть года будутъ проводить въ деревнѣ, а онъ, Иванъ Ивановичъ, всецѣло отдастся служебнымъ обязанностямъ—да и не обязанностямъ вовсе, а просто служебному заработку..., Иванъ Ивановичъ рѣшился лечь грудью въ эту лямку для того, чтобы современемъ пріобрѣсти собственную усадьбу, а съ нею и прочную почву какъ для себя, такъ и для потомства.

Итакъ, какъ видитъ читатель, этотъ планъ на счетъ деревни, усадьбы и т. д. просто-на просто означалъ только то, что Иванъ Ивановичъ, не найдя въ себѣ никакой нравственности и не найдя ея въ педагогическихъ лучинкахъ и бумажкахъ, рѣшилъ, повинуясь тому же, наслѣдованному отъ П. И. Чичикова практическому чутью, *позаимствоваться* означенной нравственностью у мужика. Позаимствовать и утащить въ домъ свой. Но, увы!..

Впрочемъ, такъ какъ опытъ съ позаимствованіемъ у мужиковъ нравственныхъ началъ частью происходилъ на моихъ глазахъ, частью извѣстенъ мнѣ изъ собственныхъ разсказовъ Ивана Ивановича и наконецъ такъ какъ опытъ этотъ представляетъ нѣкоторый интересъ вообще, то я позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько подробнѣе.

IV.

Рѣшивъ «позаимствовать», Иванъ Ивановичъ всю зиму довольно прилежно слѣдилъ за газетными объявленіями: не отдается-ли гдѣ въ аренду помѣщичья усадьба? И къ концу зимы такихъ объявленій было найдено довольно много. Усадьбы отдавались и въ степяхъ, и въ глуши непроходимой, и по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Иванъ Ивановичъ выбралъ нѣсколько адресовъ такихъ усадьбъ, которыя лежали не слишкомъ далеко отъ Петер-

бурга, такъ — часахъ въ семи, и не слишкомъ близко къ желѣзной дорогѣ, то-есть «къ цивилизаціи», которую онъ не иначе представлялъ себѣ въ настоящее время, какъ въ видѣ какой-то непрестанной необходимости врать съ утра до ночи.

Рѣшено было осмотрѣть эти усадьбы тотчасъ, какъ только мало-мальски стаетъ снѣгъ. Но такъ какъ въ то время въ Петербургѣ весну *сдѣлали* ранѣе обыкновенной мѣсяца на полтора, то въ половинѣ марта въ булочныхъ уже появились жаворонки, а въ началѣ апрѣля уже приходилось приняться за поливку улицъ, потому что появилась пыль... Въ виду всего этого, едва только прошла святая недѣля, какъ Иванъ Ивановичъ и я, приглашенный имъ, тронулись въ путь.

Мы выѣхали съ вечернимъ поѣздомъ, а въ 6 часовъ утра должны были выйти на одномъ маленькомъ полустанкѣ и затѣмъ на лошадяхъ ѣхать верстъ за двѣнадцать въ усадьбу, которую предполагалось осмотрѣть, а если понравится, то и нанять. Поистинѣ, какая-то дѣтская радость охватила насъ вплоть до слѣдующаго вечера, когда мы опять вошли въ вагонъ, чтобы возвратиться въ Петербургъ. Я несомнѣнно былъ зараженъ этимъ дѣтски-радостнымъ расположеніемъ духа, благодаря Ивану Ивановичу, которому въ самомъ дѣлѣ было отчего радоваться. Всѣ нравственныя муки, всѣ неразрѣшимыя нравственныя загадки для него оканчивались съ поселеніемъ въ деревнѣ. Она, эта самая деревня, должна дать дѣтямъ Ивана Ивановича; во-первыхъ — физическое здоровье, котораго не дадутъ ни гимнастики, ни прогулки въ скверахъ, ни дорогіе доктора. Деревня дастъ все это такъ, задаромъ. Во-вторыхъ — она дастъ необходимыя прочныя начала нравственности. Въ то время, когда ни педагогія, ни тѣмъ менѣе самъ Иванъ Ивановичъ не могутъ просто и ясно познакомить дѣтей съ причинностью явленій и человѣческихъ отношеній, деревня дастъ все это, простосердечно передавъ дѣтямъ теплую вѣру въ Бога и зародивъ такимъ образомъ зачатокъ связной мысли, пробудитъ искренность чувства и дастъ ему пищу въ простотѣ и деревенской откровенности человѣческихъ отношеній. Въ-третьихъ — она-же, эта самая деревня, уничтожитъ ненужное и гибельное въ дѣтяхъ сознаніе неравенства между людьми, котораго нельзя никоимъ образомъ избѣжать въ столицѣ. Дѣти будутъ въ толпѣ крестьянскихъ дѣтей пріучаться жить въ обществѣ человѣческомъ, начнутъ понимать, что́ такое жизнь.

Словомъ, Иванъ Ивановичъ, рѣшивъ «позанимствовать», черпалъ въ своихъ планахъ конечно щедрою рукою изъ непочатой деревенской жизни. По крайней мѣрѣ по пятнадцати существеннѣйшимъ вопросамъ деревня должна была позаботиться услужить измучившемуся въ безплодныхъ страданіяхъ Ивану Ивановичу. И мы были ужасно рады, что обуза наконецъ снята съ плечъ, или будетъ снята въ самомъ скоромъ времени. Петербургъ и вообще «*паршивая цивилизація*», само собою разумѣется, подвергались величайшей критикѣ, такъ какъ они рѣшительно не даютъ ни малѣйшей возможности къ мало-мальски здоровому нравственному развитію и совѣстливому существованію на бѣломъ свѣтѣ. — «Что такое въ самомъ дѣлѣ эта хваленая цивилизація, этотъ великолѣпный Петербургъ? Одна ложь — больше ничего! Вранье, жадность и ложь съ утра до ночи». Иванъ Ивановичъ приводилъ въ примѣръ себя: оказывается, что онъ, напримѣръ, «ничего иного не дѣлаетъ, какъ вретъ направо и налѣво, съ утра до ночи, конечно если смотрѣть на дѣло безпристрастно. Такъ какъ деревня»... Но, попавъ на дорогу всевозможныхъ сравненій, мы до такой степени были подавлены обиліемъ матеріала, что стали перескакивать съ одного предмета на другой, хвататься за что попало, и пусть поэтому читатель извинитъ, если найдетъ въ отрывкахъ этихъ сравненій, слѣдующихъ ниже, недостатокъ послѣдовательности въ мысляхъ, а иногда, повидимому, и просто безсмыслицу, это такъ только кажется, глядя поверхностно; на дѣлѣ-же нами руководила совершенно ясная для насъ мысль, именно: въ Петербургѣ, вообще въ городѣ, — все ложь, а въ деревнѣ — все правда. Ложь — вся эта жадная ежедневная суета, этотъ шумъ и блескъ, все — ложь. Солдаты идутъ съ барабаннымъ боемъ — ложь! Чиновникъ съ портфелемъ бѣжитъ, какъ помѣшанный, — ложь! Барыня съ собачкой — чистая комедія! А въ деревнѣ нѣтъ ни стука, ни грома, ни блеска: все здѣсь чистосердечно и правдиво. Вонъ на горѣ храмъ, бѣдная сельская церковь... трогательный жалобный звукъ колокола... искреннія слезы старушки... кресты надъ могилами истинныхъ тружениковъ... Пастырь, сѣденькій старичокъ, идетъ по косогору... съ палочкой... все просто, хорошо, правдиво!.. И солнце свѣтитъ привѣтливо. А въ Петербургѣ? А въ Петербургѣ чтобы солнце-то видѣть — и то надо ѣхать на лошадяхъ верстъ за двадцать, на «пуантъ»; да и на пуантѣ-то оно закатывается не въ море, а за полицейскую будку. Нечего сказать, природа! А въ деревнѣ дѣйствительно, если природа — такъ природа, а не будка; лошадь — такъ лошадь, овца — такъ овца; вѣтеръ, птица на вѣткѣ, рыба въ рѣчкѣ, козелъ, баранъ, или напримѣръ дерево — все это натурально, просто, все сущая правда. Это вовсе не то, что какіе-нибудь кубики, лучинки, плетеніе и вообще всякая ерунда.

До глубокой полуночи продолжали мы разговаривать, дѣлая эти нѣсколько безпорядочныя, но въ высшей степени оживленныя и яркія параллели между лживыми явленіями цивилизаціи, которая олицетворялась Иваномъ Ивановичемъ въ видѣ неусыпающаго лганья, и деревенскими добрыми и простыми нравами. Я не привожу ихъ во всей подробности, потому что боюсь утомить читателя, но, говоря вообще, въ пользу деревни оказалось такое множество всевозможныхъ преимуществъ, что болѣе или менѣе понимающему человѣку, вродѣ Ивана Ивановича, было бы просто глупо не поживиться чѣмъ-нибудь у такой богачки, какъ деревня.

Радостное состояніе наше, прерванное на нѣсколько часовъ сномъ, вновь возобновилось утромъ, когда мы наконецъ доѣхали до станціи, гдѣ долж-

мы были выйти. Было чудеснѣйшее весеннее утро. Весна была въ самомъ началѣ, вода бѣшеными потоками бурлила въ оврагахъ и бойко, непрерывно журчала подъ рыхлыми, но еще толстыми слоями снѣга, котораго вездѣ—и въ полѣ, и на дорогѣ—было довольно. Выйдя на крыльцо станціи, мы были поражены необыкновенной тишиной, въ которой отчетливо слышалось стоявшее въ воздухѣ непрестанное журчаніе—точно щебетанье—таявшаго снѣга. И небо было молодое, даже молоденькое, и деревья влажныя — точно выкупавшіяся и отдыхающія. А воздухъ! воздухъ такъ и ломилъ въ грудь, ломилъ такою массою здоровья и свѣжести, что не хватало крови и легкихъ, чтобы поглотить ее. Онъ пьянилъ, утомлялъ.

Полустанокъ былъ маленькій, незначительный; около него лѣпилось всего два-три домика, изъ которыхъ одинъ былъ постоялый дворъ. Домики были опрятные, зеленые какіе-то, съ желтыми цвѣтами на ставняхъ и съ ярко-малиновыми крышами. Какой-то сѣденькій мужичокъ въ лаптяхъ и армячкѣ, старый, сухенькій, но легкій на ногу и проворный, подбѣжалъ къ намъ, точно по воздуху прилетѣлъ — такъ неслышно и легко ступалъ онъ своими лаптями по проталинкѣ - и пригласилъ на постоялый дворъ. Этотъ мужичокъ какъ нельзя лучше поддерживалъ наше дѣтское расположеніе духа. Онъ проводилъ насъ на постоялый дворъ, привелъ въ чистую комнату наверхъ, добылъ хозяйку, и все проворно, но не спѣша — такая у него была натура «легкая». Молоко, которое принесла намъ степенная хозяйка, было въ самомъ дѣлѣ въ высшей степени ароматическое и такое густое, что облипало губы, какъ самая густая масляная краска, и стиралось съ величайшимъ трудомъ. Маленькій, кособокій, но ясный, какъ солнце, мгновенно вскипѣвшій подъ руководствомъ проворнаго старичка самоваръ былъ для насъ милъ въ эти минуты необыкновенно. Но всего былъ милѣй старичокъ, котораго звали Карпіемъ. Онъ самъ называлъ себя такъ—не Карпомъ, а Карпіемъ.

Напившись чаю, мы вышли на крыльцо, около котораго Карпій запрягалъ намъ лошадь. И тутъ въ нѣсколько минутъ, со свойственною всей его натурѣ легкостью и проворствомъ, онъ успѣлъ познакомить насъ чуть ли не со всей своей исторіей и съ задушевнѣйшими своими убѣжденіями.

Оказалось, что этотъ человѣкъ былъ почти не отъ міра сего. Не по немъ, не по его впечатлительной душѣ была тяжелая крестьянская лямка, докучливая жизнь на міру... Его съ дѣтства тянуло странствовать, перемѣнять мѣста, не грѣшить съ людьми, что̀ неизбѣжно для человѣка, прилѣпившагося къ мѣсту: и, повинуясь этимъ влеченіямъ натуры, онъ много видѣлъ на своемъ вѣку и людей, и мѣстъ, вырабатывая кусокъ хлѣба чѣмъ придется. «Поживу, покуда поживется, а отъ худова — уйду!» Была въ его глазахъ какая-то, такъ сказать, придурковатость, но придурковатость нѣжная. — «Уйду, не люблю ссоры, потому въ ссорѣ, храни Богъ, сорвется съ языка нечистое слово — а ужъ это хуже всего!» Карпій объяснилъ намъ, что во многомъ онъ грѣшенъ, а чтобы обругать кого—нѣтъ! этого Богъ миловалъ! Ни разу въ жизни онъ никого не обозвалъ худымъ словомъ, не то чтобы лукаваго помянуть! При послѣднемъ словѣ Карпій плюнулъ даже. Какъ доказательство своей непоколебимой вѣрности этому убѣжденію, онъ показалъ намъ руку, кисть и палецъ которой были всѣ переломаны и срослись въ какія-то комбинаціи. Эту руку лѣтъ 20 тому назадъ ему изуродовали на Волгѣ. Былъ онъ въ партіи бурлаковъ, и на ночлегѣ, на берегу, Карпіева партія изъ за какихъ-то причинъ затѣяла драку съ другой партіей, ночевавшей неподалеку. Драка съ берега перешла на воду; Карпій, очутившись въ водѣ, сталъ хвататься руками за край какой-то лодки, а его колотили весломъ по рукамъ:—«И тутъ я вытерпѣлъ, чернаго слова не молвилъ!» Карпій тряхнулъ сѣдой головой, и радовалось его лицо этому хорошему, угодному Богу поступку.

Не мало удивлялъ онъ насъ въ пути удивительнѣйшими сообщеніями объ удивительнѣйшихъ вещахъ. Переѣзжали мы небольшую рѣчку по синему рыхлому уже льду: разговоръ невольно зашелъ объ опасности этой переправы. Карпій увѣрилъ, что рѣчка не глубока; но когда мы перебрались на другой берегъ, завелъ рѣчь о томъ, что нечего пугаться, что Господь навѣрное умудритъ человѣка. Человѣкъ своимъ человѣческимъ умомъ ничего не придумалъ, а Богъ умудритъ, да такъ, что только диву дашься. И въ доказательство своихъ словъ загадалъ такую задачу: что̀ бы, напримѣръ, надо было дѣлать, ежели бы паче чаянія пришлось провалиться не на эдакой рѣченкѣ, а на широкой и глубокой рѣкѣ? Положимъ, человѣкъ—тотъ уползетъ по льду, а какъ съ лошадью быть? тащить ее—силъ нѣтъ; подводить веревку подъ животъ — напрешь на края полыньи, провалишься и съ лошадью. Какъ тутъ быть?

Задавъ загадку, Карпій помолчалъ, выжидая, и произнесъ, хитро улыбаясь:

— А есть средствіе.

— Есть?

— Е-есть!

И объяснилъ это средствіе. Оказалось въ самомъ дѣлѣ нѣчто удивительное: надо, по его словамъ, просто удавить лошадь, сразу захлеснуть ей «удавную петлю; при этомъ она заглотнетъ такое количество воздуха, что ее всю вспучитъ» вдругъ, и она сама выплыветъ, какъ пузырь; тутъ ее тащи за хвостъ, и петлю опускай по капелькѣ, по вершечку. Съ полчаса полежитъ и встанетъ.

Если это и неправдоподобно, то все-таки весьма остроумно придумано. И мы съ Иваномъ Ивановичемъ не мало разговаривали о народномъ, непосредственномъ умѣ, его нетронутыхъ, природныхъ богатствахъ, и опять убѣдились, что есть тутъ чѣмъ поживиться образованному и обезпеченному человѣку.

Но Карпій скоро еще болѣе поразилъ насъ, сообщивъ такое «средствіе», въ которомъ не было

ни малѣйшаго человѣческаго смысла и которое въ то же время было весьма замѣчательно.

— Такія-ли еще бываютъ средствія-то! таинственно и ласково заговорилъ онъ, слушая наши разсужденія объ «удавной» петлѣ. — Есть, господа вы мои, такія средствія, только - а-ахъ!...

— Есть?

— И-и!

— Какія, напримѣръ?

Карпій обернулся къ намъ, поѣхалъ тихо и сказалъ, почему-то понизивъ голосъ:

— Объ чемъ, спрошу я тебя, скотина разговариваетъ?

Иванъ Ивановичъ, повидимому, совершенно не ожидалъ такого вопроса.

— Я не знаю! сказалъ онъ, какъ ребенокъ, застигнутый врасплохъ.

— А вотъ есть средствіе!.. Узнаешь, что̀ говорятъ, примѣрно, овцы, коровы, лошади; всѣ ихнія мысли — все!

— Да зачѣмъ-же это?

— Какъ зачѣмъ? Мало-ли что человѣку знать желательно, да Богомъ ему не дано. Примѣромъ скажемъ — падежъ, болѣзнь, хворь какая... Пойдетъ скотина валяться, человѣкъ не знаетъ причины, а скотина знаетъ. Она еще когда знаетъ это! Примѣромъ, возьми такъ: ѣдешь ты со двора, а лошадь нейдетъ, упирается — что молъ такое? Ударилъ ее кнутомъ, побилъ, поѣхалъ — хвать, волки напали! Видишь вотъ, она-то знала, а ты-то не зналъ... Вотъ человѣкъ и добивается...

— И точно есть средствіе?

— Есть. Но только ужъ извини, ужъ это не отъ Бога!.. Нѣтъ! Богъ не положилъ этого человѣку. А это ужъ дѣло... того самаго... черненькаго... Его! Вотъ то, что я напередъ сказывалъ, объ лошади — то отъ Бога, а это — отъ черномазаго... Это ужъ онъ наущаетъ.

— А все-таки наущаетъ?

— Вота!.. Ка-акъ!!.

— Ну, какое же средствіе-то?

— А вотъ какое: первое дѣло, надобно сказать, скотина разговариваетъ всего-на-всего разъ въ годъ, какъ-разъ подъ новый годъ, въ полночь. Тутъ у ней идетъ предсказаніе, что̀ съ кѣмъ будетъ. Видишь. Вотъ, другъ ты мой, подъ самый-то подъ новый годъ требуется тебѣ первымъ долгомъ хлѣбецъ благовѣщенскій скушать съ четверговою солью. Первое это дѣло. Скушалъ ты хлѣбецъ, надѣвай шапку и шубу шерстью вверхъ, а самый корень всему дѣлу — кость человѣчья: откуда хочешь, достань кость отъ человѣчьей ноги: и какъ ты кость досталъ, иди въ полночь въ хлѣвъ и садись въ уголъ, а кость приставь къ уху — тутъ все и окажется. Сейчасъ и услышишь, какъ одна лошадь другой говоритъ: — «А меня, напримѣръ, на Покровъ волкъ будетъ поджидать». Другая ей: «Гдѣ молъ?» — «Тамъ-то!» Ну, кто знаетъ, и не ѣдетъ тѣмъ мѣстомъ. Вотъ какое средствіе! Ну, только ужъ отъ нечистаго, отъ него. Это дѣло не Божіе, говорить нечего...

— Да вѣдь это... изобрѣтеніе! воскликнулъ Иванъ Ивановичъ: вѣдь это — телефонъ какой-то! Помилуйте, съѣшь то-то, надѣнь такъ-то, приставь къ уху... Какая точность, опредѣленность!..

И опять мы поговорили объ народѣ и похвалили...

Усадьба, въ которую мы доѣхали часа черезъ два, была какъ нельзя больше подходяща къ нашему тогдашнему настроенію. Особенно поразило насъ обоихъ то, что она совершенно соотвѣтствовала нашимъ дорожнымъ мечтаніямъ, даже по внѣшнему виду — и горка, и на горкѣ храмъ сельскій, ветхій, съ жалобнымъ колоколомъ. Даже старичокъ съ палочкой — и тотъ оказался на своемъ мѣстѣ: именно шелъ по косогору ко храму... Солнце тоже было на своемъ мѣстѣ и въ томъ самомъ видѣ, какъ рисовалъ себѣ Иванъ Ивановичъ, т. е оно привѣтливо, щедро разсыпало свои благотворные лучи. Усадьба, стоявшая на пригоркѣ, въ саду, была вся залита солнечными лучами; словомъ, все было привѣтливо, просто, тихо и покойно, все и все намъ понравилось. Понравилась усадьба, понравились мужики, снимавшіе шапки, и видъ мѣстности, и храмъ, и рѣчка, которая еще только вздувалась подо льдомъ, словомъ — все какъ нельзя больше соотвѣтствовало нашимъ желаніямъ. Иванъ Ивановичъ былъ просто въ восхищеніи... Съ двухъ словъ усадьба была нанята на круглый годъ, задатокъ данъ, условились о времени переѣзда, о необходимыхъ починкахъ; постояли на крыльцѣ, выходившемъ въ садъ, помечтали о томъ, какъ все это будетъ хорошо лѣтомъ, закусили у арендаторши усадьбы, чѣмъ Богъ благословилъ, но съ удовольствіемъ и неимовѣрнымъ аппетитомъ, и тронулись въ обратный путь. Необходимость возвратиться въ Петербургъ заставила насъ вновь заводить рѣчь о прелестяхъ деревни и о непріятностяхъ столицы; но я передавать ихъ не буду.

V.

Къ величайшему моему сожалѣнію, мнѣ не пришлось быть личнымъ свидѣтелемъ опыта, предпринятаго Иваномъ Ивановичемъ и начатаго, казалось, при весьма благопріятной обстановкѣ, такъ какъ все лѣто я провелъ совершенно въ другой мѣстности Россіи. Передаю поэтому о результатахъ опыта со словъ Ивана Ивановича, съ которымъ мы встрѣтились уже осенью. Заглянувъ какъ-то въ началѣ сентября въ его квартиру, я нашелъ не только самого Ивана Ивановича, но и все его семейство, которое по первоначальному плану должно бы было жить еще въ деревнѣ. Разумѣется, первое, о чемъ спросилъ я, было: «какъ онъ провелъ лѣто въ деревнѣ, увѣнчались-ли его надежды какимъ-либо успѣхомъ, и почему наконецъ его семейство такъ равно возвратилось въ городъ?» На послѣдній вопросъ Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ просто: «не приходится», потомъ сослался на темныя осеннія ночи, непривычныя для людей, жившихъ десятки лѣтъ въ городѣ; на вопросъ же о томъ, хорошо ли ему было въ деревнѣ, отвѣчалъ: «Ни-че-го», но при этомъ произнесъ: «Но...» и умолкъ. Вскорѣ, когда мы усѣлись за чай въ его кабинетѣ, онъ опять нѣсколько разъ говорилъ мнѣ,

что «вообще ничего», но опять всякій разъ прибавляя частицу *но*, а къ этой частицѣ какую-нибудь сценку, замѣчаніе, фактъ. Слушая эти отрывочные замѣтки, факты, сценки, разсказываемые безъ всякой послѣдовательности и, очевидно, безъ достаточной яркости, я тѣмъ не менѣе пришелъ къ убѣжденію, что Иванъ Ивановичъ потерпѣлъ полное фіаско, что ему на этотъ разъ не удалось «поживиться» и, сколько я могу судить, основываясь на сообщеніяхъ, весьма отрывочныхъ, по слѣдующимъ причинамъ.

Главнѣйшею причиною неудачи Ивана Ивановича было то, что онъ никоимъ образомъ не могъ добиться отъ народа мало-мальски искреннихъ человѣческихъ отношеній, такихъ, при которыхъ, съ одной стороны, Иванъ Ивановичъ могъ бы открыть свою душу и чистосердечно сказать: «бери!», а съ другой—чтобы и народъ деревенскій также бы распахнулъ свое нутро, также бы радушно сказалъ Ивану Ивановичу:—«получай, баринъ, тепло-то!» Даже и тѣни такихъ отношеній онъ не могъ добиться отъ народа. И не мудрено: у Ивана Ивановича—большой окладъ. Поэтому едва Иванъ Ивановичъ поселился въ деревнѣ, какъ деревня поняла, что за ея долготерпѣніе Господь послалъ ей доходную статью. Очевидно, баринъ живетъ на готовыя деньги—очевидно, онъ долженъ потреблять, тратить деньги—и вотъ, съ первыхъ же дней по пріѣздѣ, между усадьбой, гдѣ жилъ Иванъ Ивановичъ, и деревней, гдѣ обитали мужики, установились самыя неискреннія отношенія: ни одинъ человѣкъ не приближался къ усадьбѣ «безъ своекорыстныхъ цѣлей». Вотъ идетъ мужичокъ, идетъ повидимому просто поговорить, побесѣдовать, что особенно было бы пріятно Ивану Ивановичу, который съ удовольствіемъ вспоминалъ простосердечнаго Карпія—а глядишь, на дѣлѣ окажется, что онъ, этотъ простосердечный-то человѣкъ, пришелъ только затѣмъ, чтобы заставить Ивана Ивановича брать у него мясо. Случилось Ивану Ивановичу отказать: этотъ человѣкъ, встрѣтившись на другой день, и не поклонился, точно въ глаза не видалъ онъ Ивана Ивановича.

Съ первыхъ же дней вокругъ усадьбы образовалась какая-то непрерывная цѣпь «своекорыстныхъ» людей, которые толпились вокругъ пріѣзжей семьи именно только потому, что она платила за масло, за куръ, за мясо, за рыбу, за ягоды. Сквозь эту цѣпь своекорыстныхъ людей не было никакой возможности пробраться къ *настоящему* безкорыстному деревенскому люду, а впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ убѣдился, что еслибы ему и удалось прорвать цѣпь и пробиться сквозь ряды непріятеля, то и тамъ, въ деревнѣ, гдѣ безкорыстіе-то должно находиться, и тамъ, едва только Иванъ Ивановичъ приближался къ безкорыстному человѣку, какъ этотъ человѣкъ превращался въ корыстолюбиваго и съ первыхъ же словъ говорилъ что-нибудь вродѣ слѣдующаго:—«Эхъ, баринъ, связались вы съ Антошкой! Позвольте, я вамъ на пробу зарѣжу теленка!» Словомъ, вездѣ и всюду Ивана Ивановича преслѣдовала жажда деревенскихъ людей «поживиться» не по части нравственныхъ богатствъ, какъ хотѣлъ поживиться самъ Иванъ Ивановичъ, а просто насчетъ денегъ. Старушка ли придетъ, разскажетъ сказочку—проситъ внучкамъ на гостинцы, проситъ старыхъ сапогъ, шапки... Старичокъ ли придетъ про старыя времена поговорить—тоже проситъ, а чуть Иванъ Ивановичъ не дастъ—пересталъ ходить. Словомъ, какъ только прерывалась денежная связь, такъ прерывалось даже шапочное знакомство.

Одинъ фактъ возмутилъ Ивана Ивановича жестокостью, въ отношеніи корыстолюбія, до глубины души. Старичекъ со старушкой доставляли молоко дѣтямъ Ивана Ивановича, доставляли по извѣстной цѣнѣ. Однажды по случаю пріѣзда гостей второпяхъ взяли молоко не у старика и старушки, а въ другомъ мѣстѣ, поближе взяли, чтобъ не идти далеко, а главное заплатили тремя копѣйками дороже. И что же? Старичокъ со старушкой прекратили носить молоко, зная, что отъ этого разстроится здоровье ребенка, для котораго оно бралось, зная, что дѣти даже умираютъ отъ перемѣны молока, и все для того, чтобы «припереть» Ивана Ивановича и заставить его платить тремя копѣйками дороже? Очевидно, онъ можетъ платить, если заплатилъ.—«Ты отчего же мнѣ *просто* и *откровенно* не сказалъ, что тебѣ нужно три копѣйки? Зачѣмъ же мучить ребенка-то?» протестовалъ Иванъ Ивановичъ.—«А ты-то, отвѣчалъ старичокъ:—отчего мнѣ *откровенно* по одиннадцати-то копѣекъ не платилъ? Небось по восьми все время платилъ... тоже, поди, откровенно!»

Что дѣлалъ мужичокъ, поставлявшій мясо—уму непостижимо. Обыкновенно, зарѣзавъ теленка, онъ развозилъ его пункта въ три; но лѣтомъ, когда рабочая пора и время дорого, этотъ мужичокъ рѣшилъ не ѣздить никуда, а всю телушку вручить Ивану Ивановичу. Онъ такъ и сдѣлалъ. Основываясь на томъ, что «семейству безъ мяса невозможно», а достать его негдѣ, приходилось брать цѣлую телушку и болѣе половины выкидывать собакамъ. Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ Иванъ Ивановичъ съ семействомъ «съѣли» двадцать восемь телятъ и пять коровъ, что достаточно было бы для батальона солдатъ. Но что! это пустяки. Одинъ парень, который почему-то «*понравился*» Ивану Ивановичу и которому послѣдній однажды сказалъ объ этомъ—какъ-то, подгулявъ во время сельскаго праздника, прямо потребовалъ отъ Ивана Ивановича «деньжонокъ»!—«За что?»—«Да такъ. Самъ говоришь, понравился, а денегъ не платишь! Это, братецъ мой, не модель—такъ-то! Не по господски!..»

А дѣти Ивана Ивановича? Дѣти конечно не подозрѣвали о тѣхъ терзаніяхъ, которыя испытывалъ ихъ родитель, и безпечно «*играли*» на вольномъ деревенскомъ воздухѣ; но Иванъ Ивановичъ ясно видѣлъ, что имъ такъ-же, какъ и ему, ничего пожалуй не придется позаимствовать. Конечно воздухъ былъ чудесный, здоровый, солнце закатывалось не за будку, а за лѣсъ, освѣщая его, какъ роскошный дворецъ, чудными, какъ золото, яркими лучами; травки и цвѣточки были дѣстви-

тельно настоящіе, чистенькіе, душистые, а ключъ, журчавшій изъ-подъ горы, былъ чистъ, какъ слеза. Все это было хорошо и благотворно дѣйствовало на душу, молоко тоже было душистое и густое. Но не хорошо то, что къ концу лѣта на дѣтяхъ обнаружилась какая-то сыпь, которая, по словамъ нарочно выписаннаго врача, оказалась весьма подозрительною. Не хорошо, что старичекъ и старушка, которые все лѣто доставляли душистое молоко, по разслѣдованію доктора оказались не совсѣмъ здоровыми и едва-ли не принесли съ собою нездоровье въ семью Ивана Ивановича. У старичка и у старушки оказались на рукахъ и на ногахъ какія-то раны, надъ которыми докторъ только покачалъ головой.—«Отчего-жъ вы не лечитесь?»—«Какъ не лечимся—лечимся». – «Я, сказалъ старичокъ,—двадцать седьмой годъ лечусь!»—«Чѣмъ?»—«А слюпями мажу, да золой присыпаю! Оно и подсыхаетъ!» У старичка и у старушки оказались дѣти, женатые и семейные, маленькіе внучата, игравшіе вмѣстѣ съ дѣтьми Ивана Ивановича, и у всѣхъ ихъ послѣдовательно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, переходитъ одинъ и тотъ-же способъ леченія, конечно вмѣстѣ съ недугомъ. Разумѣется, Иванъ Ивановичъ долженъ былъ устранить и старичка, и внучатъ, и сосредоточился на леченіи, позабывъ, что цѣль его состояла не въ позаимствованіи болѣзни, а въ чемъ-то другомъ.

Тѣмъ не менѣе все лѣто вплоть до обнаруженія злосчастной сыпи, дѣти Ивана Ивановича ежедневно находились въ обществѣ крестьянскихъ дѣтей, играли въ ихъ игры, но и тутъ Иванъ Ивановичъ видѣлъ, что въ разсчетахъ своихъ ошибся. Дѣти крестьянскія были чисты духомъ и сердцемъ, но въ этой крестьянской чистотѣ отражалась только голая дѣйствительность, которая къ тому-же отражалась съ безпощадной фотографической вѣрностью. Дѣтскій умъ и душа принимали все, что эта дѣйствительность предлагала имъ, а она предлагала въ большинствѣ случаевъ матеріалъ далеко не кристальнаго достоинства.

Въ деревнѣ, напримѣръ, поймали почтальона, который хотѣлъ-было утащить сумку съ деньгами. Ребятишки играютъ въ вора, и блистательно, т. е. художественно и вмѣстѣ съ тѣмъ фотографически вѣрно, исполняютъ это представленіе. По всѣмъ комнатамъ и черезъ комнаты на дворъ несется въ садъ толпа ребятишекъ, лѣтъ до десяти въ среднемъ возрастѣ, догоняютъ вора. Воръ, какъ вѣтеръ, несется съ сумкой, закинувъ голову назадъ, прижавъ сумку къ груди, весь потный и блѣдный. Вотъ онъ спотыкнулся о бревно – и вся орава, гнавшаяся за нимъ, наваливается на него: «Веревку! давай кушакъ! вяжи ему руки! А! ты отбиваться! Утымай, Егорка, сумку, отдавай «начальнику»! Сумка отнята, воръ связанъ; онъ усталъ, онъ еле стоитъ на ногахъ, волоса у него спутаны; словомъ, онъ отлично исполняетъ роль вора, котораго «поймали», «связали». Но и не одинъ онъ, а вся толпа вѣрна дѣйствительности до мелочей. Кто такой воръ? Сынъ одного деревенскаго бобыля, красильщика, человѣка, который просидѣлъ годъ въ острогѣ. Ему быть воромъ; два сына лавочника—полицейскіе. Дѣти простыхъ крестьянъ, какъ и въ дѣйствительности,—толпа, которая «содѣйствуетъ», бѣжитъ, галдитъ, исполняетъ, что прикажутъ. А дѣти Ивана Ивановича? Разумѣется, они исполняютъ господскія роли; одинъ оказывается исправникомъ, другой—становымъ. И ихъ заставляютъ съ точностью выполнять возложенныя на нихъ обязанности.

Вора поймали, связали.

— Что теперь? спрашиваютъ мужики.

— Теперь къ становому! отвѣчаютъ лавочники. Мы—десятскіе, вы—свидѣтели, а Володя съ Колей—становой и исправникъ. Володя! садись на стулъ, допрашивай!

Володя садится на стулъ, но не знаетъ, что дѣлать.

— Ругай, совѣтуютъ ему.—Ругай его на-перво: мошенникъ! каналья! упеку!

Володя ругаетъ.

— Ударь его по мордѣ!

Но Володя конфузится, а лавочники говорятъ:

— Это исправникъ его ударитъ! Володя! ты говори: «ведите его, подлеца, къ исправнику».

Ведутъ къ исправнику, по дорогѣ толкая вора въ спину. Коля-исправникъ сидитъ на стулѣ, но также не знаетъ, что ему дѣлать

— Бей его сначала по щекѣ! совѣтуютъ знатоки.

Коля затрудняется, но ему говорятъ:

— Ты такъ, невзаправду, коснись только! Ну, теперь приказывай: «въ холодную его, шельму!»

— Въ холодную его, шельму!

Вора сажаютъ въ холодную на лѣстницу, ведущую на чердакъ, и лавочниковы дѣти припираютъ дверь палкой.

— Вотъ такъ-то, говоритъ десятскій:—посидика, другъ любезный, въ тепломъ мѣстѣ.

— Что-жъ теперь? спрашиваетъ исправникъ.

— Ты молчи; теперь онъ прощенья будетъ просить, а ты не слушай.

И точно, запертый въ холодной воръ такимъ рыдающимъ голосомъ, съ такими надрывающими душу мольбами начинаетъ умолять о помилованіи, что у исправника немедленно-же глаза наливаются слезами.

— Выходи, Миша! говоритъ онъ жалобно, забывая, что онъ—исправникъ.

Но тутъ ужъ самъ воръ дѣлаетъ ему замѣчаніе.

— Такъ нельзя скоро! уже своимъ и нѣсколько обиженнымъ голосомъ отзывается онъ изъ-за двери.—Какая-же это игра будетъ? Ты меня до-олго не пущай! Я буду вопить, а ты мнѣ кричи: «нѣтъ тебѣ, подлецу, пощады!»

И начинается вопль. Мальчикъ-воръ навѣрное слышалъ этотъ вопль, раздирающій душу, отъ отца, котораго тоже сажали въ острогъ, отъ матери, которая, навѣрно, рыдала и выла, горюя объ участи мужа, и онъ истинно артистически выполняетъ эту сцену. Но исправникъ уже старается не плакать, чтобы не испортить игры, пріучается не слышать этихъ воплей и твердитъ: «нѣтъ! нѣтъ!».

— Ну, будетъ! говоритъ самъ воръ и толкаетъ дверь.

Его выпускаютъ. Порядокъ спектакля требуетъ, чтобы за тюрьмой слѣдовало наказаніе «скрозь строй!».

— Сколько прикажете дать ударовъ? спрашиваютъ лавочники.

— Сто! говоритъ исправникъ, не умѣющій считать до десяти.

— Ну, что больно много! возражаетъ воръ. — Эва!

— Двадцать—будетъ! говорятъ мужики.

Приносятъ прутья, «силомъ» валятъ вора на полъ. Исправнику совѣтуютъ кричать «бей сильнѣй!» Воръ, само собой разумѣется, «вопитъ», но все слабѣй и слабѣй: это значитъ, что его «засѣкаютъ». Наконецъ онъ умолкаетъ. Онъ безъ памяти. Десятскіе и мужики на рукахъ несутъ его и кладутъ на большую плетеную корзину.

— Это лазаретъ!

Игра кончилась.

Не нравится вамъ эта игра—вотъ другая. «Пропиваютъ» невѣсту, сватья ѣздятъ изъ одной деревни въ другую, останавливаются въ кабакахъ, выпиваютъ, шатаются, валяются... Словомъ, все, что̀ даетъ дѣйствительность, и что̀ всего обиднѣй казалось Ивану Ивановичу—что его дѣтямъ, какъ дѣтямъ господскимъ, отводилась въ этой дѣйствительности, во имя самой сущей правды, бо̀льшею частью неблагодарная, непріятная роль барина, причемъ этими играми развивались иногда самыя нежелательныя качества. Баринъ бьетъ, наказываетъ — это нехорошо; но и право миловать, въ которомъ игра увѣряла дѣтей, благодаря своей правдивости, — тоже не особенно нравственное право.

Плоха, забита, груба была жизнь; жестки ея впечатлѣнія. И въ результатѣ, какъ казалось Ивану Ивановичу, извѣстная доля жестокосердія или по крайней мѣрѣ равнодушія ко многому, что̀ требуетъ сочувствія и должно вызывать состраданіе. Вотъ, напримѣръ, сценка:

Пріѣхалъ подъ окна усадьбы мужикъ. На телѣгѣ стоитъ кадушка, а въ кадушкѣ теленокъ. Дѣти и ихъ деревенская компанія смотрятъ на мужика, на телѣгу и на кадушку, стоя въ садикѣ.

— Теленочка продаю! говоритъ мужикъ.

— А гдѣ теленочекъ?

— А вотъ, въ кадушкѣ.

— Зачѣмъ въ кадушкѣ?

— Да еще онъ маленекъ. двухъ недѣль нѣту... Онъ еще и на ногахъ не стоитъ.

— Покажи намъ теленочка.

— А поглядите, съ моимъ удовольствіемъ.

Дѣти облѣпили телѣгу. Мужикъ открылъ дерюгу и оттуда выглянула красивенькая мордочка, тепло дохнула на дѣтскую руку, поглядѣла добрыми дѣтскими глазами, какой-то звукъ издала.

— Какой хорошенькій!..

— Славный теленочекъ, только мало кормленъ. Что ребенокъ малый!.. Ему молочка надобно, а нѣту молока-то, вотъ и продаю.

Выходитъ кухарка и торгуетъ теленка.

— Купи, купи! кричатъ дѣти.

Теленка покупаютъ. Мужикъ на рукахъ несетъ его неуклюжую дѣтскую фигуру, кое-какъ устанавливаетъ на слабыхъ ногахъ къ частоколу палисадника, и, когда всѣ любуются имъ, спрашиваетъ кухарку:

—Сами рѣзать будете, али мнѣ?

. . . .

И привыкаютъ дѣти не плакать и смотрѣть, «какъ рѣжутъ», и потомъ кушать.

Не счастливилось Ивану Ивановичу и по части того старичка, который по косогору съ палочкой въ рукахъ обыкновенно направлялся къ ветхому храму. Отецъ Іоаннъ былъ точно старичокъ, и съ палочкой; нѣсколько разъ заходилъ онъ къ Ивану Ивановичу попить чаю, но, увы! не вносилъ никакого «простого міросозерцанія о премудрости Творца въ твореніяхъ его», а, напротивъ, велъ самую практическую бесѣду. То разскажетъ, какъ одинъ телеграфистъ, воспользовавшись тѣмъ, что телеграммы пишутся карандашемъ, стеръ текстъ у старой телеграммы и написалъ на имя извѣстнаго въ городѣ богача «выдать такому-то полторы тысячи» — предъявилъ и получилъ. «Ловко! Нѣтъ, вѣдь какъ ловко-то!» присовокупляетъ старичокъ съ палочкой. То попроситъ сочинить ему (самъ старичокъ слѣпъ) доносъ на благочиннаго или отвезти на станцію и бросить въ ящикъ доносъ, сочиненный имъ самимъ... Вообще мало было теплаго и дѣтски-наивнаго въ словахъ старичка. Копѣйка и добродушно дѣтская зависть къ копѣйкѣ — это слышалось чаще въ его рѣчахъ.

Въ общихъ чертахъ оказалось, что не въ Петербургѣ, а именно въ деревнѣ дѣти Ивана Ивановича узнали, что они не мужики, а господа, и имѣютъ поэтому право карать, прощать и не прощать; получили нѣкоторую крѣпость нервовъ, пріучившихся быть нечувствительными во многихъ, весьма драматическихъ случаяхъ; затѣмъ получили какую-то сыпь, требующую серьезнаго леченія, и наконецъ пріобрѣли самое обстоятельное, всестороннее знакомство съ чортомъ. Если педагогія, какъ мы видѣли, только сухо констатировала фактъ существованія дьявола, то деревня разработала этотъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ. Деревенскій чортъ былъ такое же дѣйствительно существующее лицо, какъ вотъ этотъ лавочникъ, или кузнецъ, или становой. Всѣ видѣли его собственными глазами: одного онъ схватилъ въ водѣ за ногу: другой наткнулся на него въ банѣ; третьяго онъ водилъ цѣлую ночь вокругъ болота и чуть не утопилъ; четвертый «своими глазами» видѣлъ, какъ чортъ ходилъ у него по крышѣ, и ростомъ былъ болѣе четырехъ саженъ. Разсказы обо всемъ этомъ отличались конечно необыкновенною реальностью, а слѣдовательно неотразимо дѣйствовали на воображеніе. Чувство страха, почти паническаго, до сихъ поръ совершенно незнакомаго дѣтямъ Ивана Ивановича, передъ невѣдомымъ, таинственнымъ зломъ было также однимъ изъ пріобрѣтеній, «позаимствованныхъ» у деревни. Правда, дѣти Ивана Ивановича совершенно отвыкли врать, къ чему начали-было привыкать въ городѣ; деревня во всемъ поступала совершенно правдиво по сущей совѣсти,

но Иванъ Ивановичъ, въ концѣ-концовъ, всѣмъ этимъ далеко былъ неудовлетворенъ, и въ его головѣ зрѣло новое рѣшеніе, о которомъ мы своевременно узнаемъ.

VI.

Прежде нежели продолжать разсказъ объ опытахъ, которые Иванъ Ивановичъ Полумраковъ счелъ нужнымъ произвести надъ своими дѣтьми, послѣ неудачи съ «деревней», я долженъ сказать нѣсколько словъ, какъ въ объясненіе причинъ личнаго моего вниманія къ этимъ опытамъ, такъ и въ объясненіе собственнаго моего на нихъ взгляда. Опыты вродѣ тѣхъ, какіе производилъ и производитъ Иванъ Ивановичъ, могутъ имѣть нѣкоторый интересъ только при извѣстномъ освѣщеніи, то-есть при изученіи ихъ съ извѣстной точки зрѣнія; а такъ какъ въ настоящемъ случаѣ эта точка зрѣнія зависитъ отъ личности наблюдателя, то я волей-неволей долженъ сказать нѣсколько словъ уже не объ Иванѣ Ивановичѣ и его дѣтяхъ, а о себѣ.

Главнѣйшее основаніе моего вниманія къ чужой заботѣ объ участи подростающаго поколѣнія, говоря откровенно, лежитъ въ собственныхъ моихъ душевныхъ скорбяхъ; а скорби эти состоятъ въ томъ, что тридцать пять лѣтъ моей жизни я прожилъ безъ капли дѣла и въ то же время безъ минуты отдыха. Коренное мое несчастіе состоитъ въ томъ, что новыя времена захватили меня нѣсколько ранѣе, чѣмъ напримѣръ были захвачены люди возраста Ивана Ивановича, и я понялъ эти времена болѣе опредѣленно, чѣмъ это могъ сдѣлать Иванъ Ивановичъ и люди его возраста. Въ то время какъ Иваны Ивановичи были застигнуты ими болѣе или менѣе врасплохъ, я уже не могъ не знать, и притомъ довольно положительно, что главнѣйшее требованіе новыхъ временъ состоитъ въ томъ, чтобы всякій человѣкъ, имѣющій претензію на кое-какое образованіе, *непремѣнно* дѣлалъ бы какое-нибудь добропорядочное дѣло *и непремѣнно* на пользу ближнему. Будетъ барствовать! Труженикъ, столѣтіями работавшій на другихъ, начинаетъ новую эру жизни: надобно работать, и работать непремѣнно въ его пользу. А что онъ нуждается въ этой работѣ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: онъ только-что вышелъ изъ заключенія, голодный, холодный, измученный, забитый, полудикій и рѣшительно безпомощный во всѣхъ возможныхъ смыслахъ. Тутъ ли не найти себѣ мѣста и дѣла, особливо человѣку, знающему цѣну своимъ силамъ и готовому помириться съ какими угодно микроскопическими размѣрами поприща, лишь бы только оно имѣло связь съ добропорядочностью дѣла (непремѣнно) на пользу ближнему? И что же? Вѣдь не нашлось! Не нашлось не только для людей, въ милліонъ разъ меня сильнѣйшихъ, энергичнѣйшихъ и образованнѣйшихъ, но даже и для такихъ, которые, подобно мнѣ, не фордыбачили и предъ скромнѣйшими размѣрами работы. Напротивъ, вопреки всевозможнымъ резонамъ, представляемымъ исторіей человѣчества, ежедневнымъ и ежеминутнымъ опытомъ вседневной жизни, эти люди рѣшительно не требовались нигдѣ, и нигдѣ не находили себѣ пристанища. Въ громаднѣйшихъ размѣрахъ потребовался молчаливый получатель всевозможныхъ жалованій, молчаливый дѣлецъ изъ-за денегъ, спеціалистъ, стукающій счетами на пользу какой-то молчаливой наживы, почти всегда неимѣющей ни малѣйшей связи съ главнѣйшею задачей времени или имѣющей съ нею связь губительную, разъѣдающую зачатки возникающей жизни. Повсюду открылось множество дѣлъ для наживы, только для наживы... Приходилось пристраиваться либо къ желѣзной дорогѣ, стучать счетами, сидя надъ мертвыми цифрами (такъ мнѣ казалось), либо къ банку, либо къ коммерческому предпріятію; и вездѣ, во всѣхъ вновь открывшихся для грамотнаго человѣка поприщахъ, было одно какое нибудь желающее нажиться лицо, или цѣлая куча подобныхъ лицъ, какое-нибудь сухое, неинтересное занятіе «для хлѣба», затѣмъ физическое утомленіе, жалованье въ карманѣ—и пустота!

Очень можетъ быть, что я и ошибаюсь, что всѣ эти дѣла имѣли или имѣютъ непосредственную, а главное—благотворную связь съ задачами времени; очень можетъ быть, что взгляды мои узки, ограниченны. Все это пусть будетъ такъ: но что же дѣлать, если во мнѣ какъ-то само-собою завелась закваска, развившая непремѣнное желаніе видимой, ощутительной, понятной работы, и непремѣнно въ смыслѣ пользы нуждающагося ближняго... Толкаясь по этимъ новымъ поприщамъ, скучая ими невыносимо, десятки разъ бросая ихъ въ полномъ негодованіи и вновь волей-неволей принимаясь за то-же, я, къ великому моему удивленію, сталъ замѣчать, что требованія на безграмотнаго человѣка не только не уменьшаются, но увеличиваются съ каждымъ днемъ; даже изъ литературы стали раздаваться голоса, отгоняющіе грамотнаго человѣка отъ задачи, требующейся временемъ.—«Сиди на своемъ стулѣ, стучи счетами, получай деньги и ступай прочь! Не твое дѣло, добропорядочное-ли это занятіе или нѣтъ! Получай и ступай! А не хочешь такого дѣла—опять же убирайся вонъ! Найдутся сотни тысячъ людей, которые ни о чемъ не думаютъ, не разсуждаютъ, а умѣютъ считать на счетахъ, съ нетерпѣніемъ ждутъ жалованья, а, получивъ его, тихимъ манеромъ идутъ въ портерную!» Такъ кричали новыя поприща верхнихъ слоевъ. Что-же касается до новыхъ поприщъ, которыя, казалось, неминуемо должны были открыться и внизу, то во имя ихъ вовсе не слышалось призывныхъ кликовъ... Напротивъ.—Пошелъ вонъ! покрикивали рыжія, подстриженныя бородки. «Не суйся! испортишь, изгадишь!...» И превосходно доказывали твою негодность на основаніи историческихъ документовъ, отчищая ими, этими бумажными документами, какъ наждачной бумагой, сѣрую дѣйствительность до степени ярко блещущаго самовара... Выходило что-то удивительное: вверху скучно, пусто, а частенько и безсовѣстно, а внизъ—не пускаютъ! «Не нужно! Убирайся вонъ! Ты интеллигенція, гни-

лушка, вонъ съ глазъ моихъ!»... Хоть ложись да умирай! А безграмотный человѣкъ все подваливаетъ и подваливаетъ! Онъ улучшаетъ нравы и финансы, онъ умиротворяетъ, укрѣпляетъ народные идеалы, оздоровляетъ села и города, проповѣдуетъ гигіену, водворяетъ науку и т. д., и т. д., и все это безъ разговоровъ, все въ одну минуту, и все за три копѣйки. Стоитъ только сказать этому расторопному человѣку: «Оздорови деревни, прекрати неправду, развивай бытовыя начала, улучшай нравы, вотъ тебѣ два цѣлковыхъ на расходы!». Расторопный человѣкъ отвѣтитъ только одно неизмѣнное «слушаю-съ», хлопнетъ нагайкой по лошади—и слѣдъ простылъ. Глядишь—все исполнилъ и даже сдачи представилъ съ двухъ рублей, за всѣми расходами, семдесятъ-пять копѣекъ... Спрашивается, что тутъ дѣлать?

Много въ эту пору сгибло народу. Ужъ не знаю, какъ я цѣлъ остался, какимъ образомъ не очутился въ Невѣ, не помѣшался. Я помню только цѣлые года какого-то смертоноснѣйшаго угара. Только бывало и видишь: вотъ-вотъ человѣкъ сойдетъ съ ума, бѣгаетъ что-то, мечется, смотритъ какими-то ужасными глазами, и точно: черезъ день, черезъ два—разсказываютъ—повезли въ сумасшедшій домъ! Или придетъ кто-нибудь и извѣщаетъ, что онъ только что съ одиннадцатой версты—просидѣлъ десять мѣсяцевъ. Въ то-же время въ обществѣ, жившемъ *безъ дѣла и безъ отдыха*, утомленномъ этимъ невозможнымъ нравственнымъ состояніемъ,стала распространяться какая-то мертвящая ханжеская доктрина,проповѣдывавшая кротость и простоту сердца, требовавшая какого-то умиленія почти предъ голой пустотой и ровно ни къ чему, ни доброму, ни худому, не обязывавшая человѣка. Благодаря этой доктринѣ, острая боль утихла въ человѣкѣ, но зато наставало состояніе безчувствія и безсмыслія, точь-въ-точь напоминавшее угаръ или обморокъ...

Вотъ именно въ такомъ состояніи находился я въ то время, когда Иванъ Ивановичъ продѣлывалъ свои опыты надъ дѣтьми: я интересовался имъ просто потому, что самъ не зналъ, что съ собой дѣлать. Я ужъ не разъ подумывалъ о томъ, какимъ-бы болѣе или менѣе приличнымъ способомъ наложить на себя руки, какъ случилась разсказанная въ предшествовавшихъ главахъ поѣздка въ деревню. Я вздохнулъ свободно, почувствовалъ себя на мгновеніе по-дѣтски легко, и во мнѣ вдругъ, съ неудержимою силою выросло желаніе, во что бы то ни стало, вырваться изъ этого пустого мѣста тяжкихъ мукъ, прекратить это позорное существованіе безъ дѣла и безъ отдыха и уйти въ деревню. И я ушелъ. Не лѣтомъ и не на дачу ушелъ я, а зимой, въ самый разгаръ зимняго сезона, и ушелъ, къ великому счастью, на работу... Работа попалась крошечная, мизерная—заниматься въ конторѣ у одного помѣщика.

VII.

И что-же? Скромныя желанія мои (узнать: нуженъ-ли зачѣмъ-нибудь грамотный человѣкъ?) немедленно же по пріѣздѣ въ деревню были удовлетворены въ размѣрахъ по истинѣ неожиданныхъ. Положительно, съ перваго-же дня, на меня со всѣхъ сторонъ стали напирать такія явленія деревенской жизни, въ которыхъ я чувствовалъ и ясно видѣлъ нѣчто дававшее смыслъ моему существованію, нѣчто заставлявшее собирать, укрѣплять свои силы для видимаго, осязательнаго дѣла. Правда, дѣла эти были мелкія. не шумныя, но я до такой степени наголодался какимъ-нибудь понятнымъ мнѣ дѣломъ въ долгіе годы самоубійственной тоски, что былъ радъ имъ несказанно. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Къ такого рода деревенскимъ дѣламъ я примкнулъ, какъ уже сказано, въ первый же день по пріѣздѣ. Еще въ то время, когда я проѣзжалъ по деревнѣ, направляясь къ зданію конторы, гдѣ я долженъ былъ жить, я замѣтилъ на селѣ какое-то, какъ мнѣ показалось, оживленіе. День былъ будничный, снѣжный; сухой снѣгъ, гонимый довольно сильнымъ вѣтромъ, заметалъ улицу большими сугробами и дымомъ дымился на крышахъ, у заборовъ, у воротъ .. Въ такую погоду деревенскій житель предпочитаетъ сидѣть дома, и я поэтому былъ нѣсколько удивленъ, видя, что народъ не только не прячется по домамъ, но почти весь высыпалъ на улицу; у воротъ видны группы бабъ и подростковъ, мужики группами толпятся посреди улицы, группами же переходятъ отъ двора къ двору, машутъ руками, галдятъ. — «Что такое у нихъ?» спросилъ я извозчика. — «А Господь ихъ знаетъ праведный! Что-нибудь есть... Ишь вонъ какъ! ишь!» сказалъ ямщикъ, указывая кнутомъ на одну группу крестьянъ, въ которой шелъ какой-то оживленный говоръ, причемъ одинъ изъ крестьянъ что-то крикнулъ, сорвалъ съ головы шапку и ударилъ ее о земь, а себя кулакомъ въ грудь.

— Есть, есть! проговорилъ возница. Верховой человѣкъ, съ плетью въ рукахъ и съ сумкой черезъ плечо, проскакалъ мимо насъ и что то также кричалъ охриплымъ и простуженнымъ голосомъ. - «Н-ну есть!» уже вполнѣ увѣренно закончилъ возница и почему-то погналъ лошадей. Скоро мы подъѣхали къ конторѣ; но такъ какъ помѣщика дома не оказалось, а дѣлать мнѣ было нечего и кромѣ того нечего было курить, то я, чуть чуть обогрѣвшись, пошелъ на село, разузнавъ предварительно, гдѣ находится лавка. Говоръ и толкотня, какъ мнѣ показалось, еще болѣе увеличились въ деревнѣ; верховой человѣкъ носился по сугробамъ отъ двора къ двору и вообще выказывалъ какую-то особенную оживленность.—«Что такое у васъ въ деревнѣ?» спросилъ я лавочника, послѣ того, какъ онъ, заспанный,вышелъ изъ своего дома, отперъ дверь и впустилъ меня въ холодную низенькую лавку, передѣланную изъ амбарчика

— А ужъ не могу вамъ въ точности объяснить. Не наше это дѣло. Да должно быть что-нибудь изъ пустяковъ. Учителишка тутъ что-то связался съ верховымъ-то, ну, а впрочемъ не могу вамъ утвердительно доложить...

Едва лавочникъ проговорилъ это, какъ меня взяло какое-то «сумленіе». — Охъ, подумалъ я, не творитъ-ли, храни Богъ, учителишка чего-нибудь недобраго?» А надобно сказать, что въ одной изъ крестьянскихъ группъ я примѣтилъ какую-то шляпу и какое-то пальтишко не крестьянскаго покроя. Шляпа особенно смутила меня. Было въ ней что-то недоброе: во-первыхъ, была она лѣтняя, а во-вторыхъ, надѣта совсѣмъ небрежно — одинъ конецъ полей вверхъ, а другой внизъ... Словомъ, выраженіе «учителишка», лѣтняя шляпа зимой, верховой человѣкъ и народъ, о чемъ-то шумящій — все это почему-то щипнуло за сердце и заставило подумать: «не уйти ли, молъ, мнѣ отъ грѣха по-добру, по-здорову?» Но уйти не пришлось. Едва я вышелъ изъ лавки, какъ наткнулся на цѣлую группу крестьянъ, которая, громко разговаривая, торопливо шла мимо.

— Это что-жъ такое будетъ? Развѣ это побожьи? Какое по божьи, явно раззоръ! Хоть ложись помирай...

Говорили они всѣ разомъ и торопливо прошли мимо; я ужъ заинтересовался исторіей и подошелъ къ другой группѣ. Здѣсь, среди толпы крестьянъ, какой-то старый старичокъ, котораго всѣ внимательно и одушевленно слушали, говорилъ въ сильномъ волненіи:

— Нѣту правды! Не стало ея нисколько. Д-да! Нѣтъ ея! Писано объ этомъ, да. Въ книгахъ сказано, не быть ей! И нѣтъ! Видѣлъ царь Соломонъ сонъ-отъ: вотъ онъ когда сбылся. Д-да! Столбъ-отъ стоялъ каменный, въ семь обхватовъ, конца ему кажись не было, а изъ подъ него заяцъ выскочилъ, онъ и разсыпался; вотъ что Соломонъ царь во снѣ видѣлъ — вотъ оно и есть... Правда то столбомъ стояла, а кривда-то зайчикомъ выпрыгнула, да и пошла по землѣ гулять... А правды-то нѣту! Нѣту ея! Конецъ пришелъ правдѣ! Прядаетъ по свѣту кривда! Да какъ же не такъ-то? И когда это видано? Чистое дѣло, послѣднія времена настаютъ...

Толпа глубоко и мрачно вздохнула, молча пропустила она черезъ свои ряды старичка, который, въ величайшемъ нервномъ возбужденіи, проворно побѣжалъ прочь, видимо потрясенный и угнетенный сознаваемымъ бѣдствіемъ.

— Что такое? рѣшился спросить я у толпы, очевидно призадумавшейся надъ словами старичка.

Нѣсколько секундъ никто не отвѣтилъ мнѣ ни слова; но потомъ у одного благообразнаго, не очень стараго крестьянина вдругъ, мгновенно сверкнули глаза, и, глянувъ ими на меня въ упоръ, онъ нервно шагнулъ по направленію ко мнѣ и произнесъ, весь, какъ говорится, «захолонувъ отъ гнѣва»:

— Да вотъ что!..

Едва проговоривъ это, онъ какъ-бы задохнулся, тяжело дышалъ и блѣденъ былъ, какъ смерть...

— Да вотъ что... Больше ничего... хотятъ до послѣдняго со свѣту сжить!

Онъ сорвалъ съ головы свою шапку, отмахнулъ ею какъ-то въ сторону, при словѣ «сжить!» также быстро нахлобучилъ и коротко прибавилъ:

— Больше ничего!..

— Выморить хотятъ начисто!.. прибавилъ хладнокровнѣй другой крестьянинъ.

— Что вы! Помилуйте! проговорилъ я.—Какъ-же это возможно? Развѣ это возможно? Зачѣмъ это?

— Да ужъ это не наше дѣло—зачѣмъ? А должно быть, что такъ требуется!

— Не можетъ этого быть! Что за вздоръ такой?

— Анъ вонъ требуютъ. Вонъ, видишь, верховой-то, упроси-кось у него.. Тамъ сказано: — «въ противномъ случаѣ военнымъ судомъ»... Вотъ оно что!

— Да какъ-же иначе-то? Ну, ты возьми: первое, крыши на скотныхъ дворахъ раскрывать, скотину въ избѣ не держать, навозъ вывозить изъ деревни вонъ, ѣсть изъ разныхъ чашекъ, какое старое хоботье, тряпье - жечь! Ну, что-жъ это такое? А не то—разстрѣлъ!..

Тутъ всѣ заговорили вдругъ.

— У насъ семьи двѣнадцать человѣкъ, покупай двѣнадцать чашекъ? Откуда это взять? И какъ-же теперича я выкину изъ избы скотину, вѣдь она должна померзнуть? Нешто это не разореніе? Помилуйте, скажите, раскрою я крышу, такъ вѣдь она поколѣетъ, скотина-то! Чѣмъ-же мы жить-то будемъ? Навозъ! Отдирай его изъ-подо льду! его ломомъ теперича не возьмешь—вѣдь это конецъ! Вонъ огурцы, капусту вышвыриваютъ въ рѣчку: это что-жъ такое?

Словомъ, нѣчто ужасное, хотя и очевидно нелѣпое происходило въ деревнѣ. Очевидно мнѣ было только одно, что верховой человѣкъ что-то перепуталъ, и я, желая удостовѣриться, въ чемъ-же наконецъ дѣло, вмѣстѣ съ крестьянами направился къ той группѣ, гдѣ виднѣлась шляпа «учителишки». Здѣсь шумѣли ужасно, и, какъ кажется, только потому, что верховой человѣкъ былъ тутъ.

— Намъ что велятъ, то мы и исполняемъ! сердито кричалъ этотъ человѣкъ, шевеля обледенѣлыми усами А смутьяновъ намъ велѣно записывать и представлять.

— Сдѣлайте милость, записывайте и представляйте куда угодно. Я вамъ говорю одно, что вы сами переполошили народъ.

— У насъ есть строжайшая бумага.

— Знаю я, какая бумага у васъ, только тамъ ничего этого нѣтъ, что вы требуете.

— Мнѣ ужъ, позвольте сказать, вѣрнѣе знать это!—Вы кто такой? обратился верховой ко мнѣ.

— Конторщикъ.

— Что вамъ здѣсь угодно? Не ваше тутъ дѣло, и безъ того смутьянниковъ много. А я вотъ какъ, угрожающе онъ обратился къ толпѣ:— я больше ничего — уѣду, а не мое дѣло, ежели отвѣчать вамъ придется! Двадцать разъ говорилъ, пущай-же!

И онъ было повернулъ лошадь, но учитель остановилъ его.

— Вы должны успокоить народъ, а не мутить.

— Мы знаемъ, кто мутитъ-то. Сдѣлайте милость, не безпокойтесь.

— Отлично, только вы отвѣтите за то, что требуете, чего въ вашей бумагѣ нѣтъ.

— Это вы не можете говорить!

— Почему? Вы вотъ совсѣмъ не понимаете, что такое сказано насчетъ сажени воздуха, а требуете, чтобы я разсаживалъ учениковъ на двѣ сажени другъ отъ друга. Это сказано о томъ, чтобы дышать, понимаете-ли для дыханія, чтобы хватало воздуху...

— Какъ-же это, позвольте васъ спросить, дышать саженями? И кто этою саженью, когда-бы то ни было, дышалъ?—позвольте мнѣ узнать, такъ какъ вы очень образованы... Ежели я дышу, такъ я просто вотъ, Господи благослови, дыхну такъ то и разъ, и другой, честь честью; на кой-же лѣшій мнѣ сажень-то ваша и куда я ее дѣну? И что вы пустыя слова говорите? На двѣ сажени потому, чтобы болѣзнь не пристала, а саженями не дышатъ.

Толпа тоже призадумалась надъ этимъ страннымъ предписаніемъ дышать квадратными саженями. Очевидно, что-то неладно; но несомнѣнно, что кривда выскочила изъ-подъ столба и разгуливаетъ по свѣту безнаказанно.

Безграмотство торжествовало. Но не смутившійся этимъ учитель, изъ всѣхъ силъ стремившійся доказать безграмотству, что оно точно ровно ничего не понимаетъ въ бумагахъ, послѣ продолжительныхъ увѣреній, успѣлъ-таки поколебать самоувѣренность верховаго человѣка до того, что тотъ довольно смирно произнесъ:

— Намъ этого разбирать не приходится. Намъ что прикажутъ... Сказано-молъ на двѣ сажени... Ну, а крыши?..

— И крыши вовсе не нужно раскрывать, доказывалъ ему учитель.

— Вѣдь сказано въ бумагѣ, какъ-же не нужно-то?

— Въ бумагѣ сказано—«по наступленіи теплаго времени»... а развѣ теперь теплое?

— И чашки не нужны?

— И чашки не нужны до тѣхъ поръ, пока доктора не удостовѣрятъ, что болѣзнь заразительная началась. И тогда-то вотъ нужно отдѣлить больного отъ здоровыхъ и ѣсть изъ разныхъ чашекъ...

Словомъ, все, что строжайше, согласно бумагѣ, требовалъ верховой человѣкъ, оказалось, согласно той-же бумагѣ, неимѣющимъ никакихъ основаній къ тому, чтобы народъ зашумѣлъ отъ погибели правды на землѣ. Все дѣло въ томъ, что бумага, въ которой эти мѣры были изложены, необыкновенно пространно и подробно изъясняла ихъ, тщательно объясняла причины и слѣдствія каждой мѣры, а деревенскому человѣку надобно прежде всего знать, чего отъ него требуютъ, надобно узнать суть въ двухъ словахъ. И вотъ, когда безграмотство, распространявшее въ народѣ гигіеническія свѣдѣнія, въѣхало верхомъ въ деревню, оно должно было опустить «всѣ разглагольствованія», которыхъ, разумѣется, ни единаго слова не понимало, и возвѣстить міру самую суть. И вышло поэтому—крыши раскрывать, скотинѣ помирать, огурцы и капусту выбрасывать, а «въ противномъ случаѣ»—военнымъ судомъ...

— Наше дѣло, братецъ ты мой, уже совсѣмъ покорно сказалъ верховой человѣкъ:—что прикажутъ... Намъ этого неизвѣстно... Нѣтъ-ли, ребята, у кого трубочки закурить? Намучился я съ вами нониче—страсть какъ!

И, закуривъ трубку, хлопнулъ лошадь плетью и поскакалъ въ другое мѣсто проповѣдывать пришествіе кривды на землю.

Тотчасъ по его отъѣздѣ начался неистовый хохотъ парней, бабъ и мужиковъ. И было веселіе веліе...

— Ахъ, ты... чихая отъ смѣху и покачивая головою, говорилъ добродушный, простенькій мужичокъ, указывая рукою по направленію удалившагося верхового.—Пріѣхалъ съ какимъ приказомъ — чтобы всему міру помирать!..

— Ха-ха-ха! покатывалась толпа.

— А Миронычъ-то, Миронычъ-то! заяцъ, говоритъ, выскочилъ у него изъ сумки-то...

— Да подъ столбъ-отъ убѣгъ заяцъ-то!

— Ха-ха-ха...

Тутъ я познакомился съ учителемъ, и вмѣстѣ съ нимъ мы долго пробыли въ развеселившейся толпѣ. Среди всевозможныхъ насмѣшекъ, мнѣ случайно пришлось услыхать кое-что и серьезное:

— Болѣзнь происходитъ отъ худого человѣка, а не отъ навозу! сурово разсуждалъ какой-то почтенный человѣкъ: — вонъ въ Сырейкѣ кто пустилъ на овецъ моръ? Буканиха, солдатка, извѣстное дѣло.

— Дѣло явное!

—Тутъ не крышу раскрывать, а долбануть по затылку—вотъ и все!

— А то что-же? Нешто возможно этакихъ злодѣевъ на свѣтѣ держать? За это ни на небѣ, ни на землѣ взыску нѣтъ...

— Ишь ты! Морозьте, говоритъ, скотину... для здоровья!

VIII.

Съ этого эпизода рѣшительно не проходило дня, чтобы деревенская жизнь не предъявляла чего нибудь, прямо забиравшаго за-живое. Бывало, то учитель (оказавшійся очень добрымъ человѣкомъ) пришлетъ за мной поговорить по какому-нибудь дѣлу, то я пошлю за учителемъ.

Напримѣръ, прихожу я къ учителю и застаю человѣкъ четырехъ крестьянъ, которые зашли къ нему по случаю праздника. Разговоръ идетъ о землѣ.

— Не будетъ вамъ никакой земли! самымъ настоятельнымъ манеромъ убѣждаетъ ихъ учитель:— не будетъ! Вотъ напечатанъ циркуляръ, въ которомъ сказано, что не будетъ больше никакой земли вамъ дано.

— Оттого, что не знаешь ты здѣшнихъ дѣловъ, такъ ты и говоришь. Намъ здѣсь довольно извѣстно. Анна Андреевна, покойницы барыни мать, должна помереть, а наслѣдникъ остается Левъ Львовичъ. Она ему не отдастъ, намъ довольно извѣстно, потому онъ ужъ и такъ одну часть про-

моталъ, а старуха-бабка, Анна-то Андреевна, строгая дама... Ужъ это вѣрно, не потатчица такимъ дѣламъ!.. Вотъ мы и въ надеждѣ: по всему оказывается, что къ намъ будто долженъ отойти участокъ-то, потому больше некому.

— И Левъ Львовичъ получитъ, и бабка ваша Андреевна продастъ, а къ вамъ онъ никакъ не попадетъ, ужъ будьте въ этомъ увѣрены. Подарить она вамъ не подаритъ, а владѣть будетъ Левъ Львовичъ, а не онъ, такъ кто-нибудь другой.

— Это вѣрно! подтверждаютъ нѣкоторые голоса.

— Продастъ! Да кому продать-то? Опять же мы *знаемъ всѣ здѣшніе карманы-то*, ты насъ объ этомъ спроси. Первымъ долгомъ толстъ карманъ у мельника, у Коромыслова, да ему не къ рукѣ покупать-то: зачѣмъ она ему, земля-то. За коимъ шутомъ онъ втешется сюда—у него и такъ, гляди-ко, какъ жернова-то работаютъ, только греби денежки... Укупилъ бы пожалуй Ларивоновъ кабатчикъ, человѣкъ-то и въ правду глазастый и жадный, да его прошлымъ лѣтомъ подожгли, сгорѣлъ на-чисто, остался въ одной рубашкѣ—скоро-то не выкарабкается...

— Въ десять лѣтъ не вылѣзетъ!

— А еще-то кому-жъ? Селифонтовъ баринъ? Ну, у того хоть точно что тетка Прасковья Андреяновна больно жирна деньгой-то, ну и онъ наврядъ, чтобы что... У него лѣсное дѣло широко пущено, наврядъ, чтобы отсталъ; въ лѣсное дѣло вцѣпился—не рука отставать отъ хорошаго... Вѣдь хозяйство-то, братецъ ты мой, тоже не легкое дѣло. Вѣдь тутъ денежки отдай чистенькія, да потомъ и жди барышей... Когда дождешься-то? Ну вотъ и всѣ, почитай, карманы-то... А больше-то кому-жъ быть?—больше некому!

— Не безпокойся, другъ любезный, изъ Петербурга, изъ Москвы налетятъ, изъ за-границы

— Ну, во-она чего! Это ужъ ты, другъ любезный, сталъ пужать лѣтошнимъ снѣгомъ... За коимъ это шутомъ понесетъ его нелегкая изъ Москвы?—Тамъ поди, чай, свои дѣла-то есть... И кто это поѣдетъ экую даль въ незнакомое мѣсто? Что-жъ онъ тутъ будетъ въ чужомъ-то мѣстѣ болтаться? Это и нашего брата возьми: хоть бы меня ты, примѣромъ, завезъ въ чужую сторону — что̀ бы я? Вѣстимо, мнѣ матъ... И ему такъ-то: народа онъ не знаетъ, порядковъ тоже, покуда и приладится, такъ долженъ разориться въ конецъ... Это что! Въ нашихъ мѣстахъ сподручно нашему, ближнему, а всѣхъ нашихъ мы довольно знаемъ...

— Укупятъ! настаивалъ учитель.—Все укупятъ! И Анну Андреевну со Львомъ Львовичемъ, и всю округу укупятъ, всѣ лоскутки, не мужицкіе—все укупятъ!

— Ну, всего-то не укупишь! Это, братецъ ты мой, ужъ извини, сдѣлай милость; такихъ и денегъ-то—посчитай-ко-сь—нѣту на свѣтѣ! Развѣ ужъ съ нечистымъ человѣкомъ свяжется, ну, можетъ быть, что... А такъ, чтобы натуральный человѣкъ этакую прорву деньговъ отвалилъ, нѣту, не бываетъ этого. Нельзя!

— Бываетъ! Повѣрь ты мнѣ! Не такіе еще есть капиталы!

— Нѣту такихъ денегъ!

— Есть! Ей-ей есть!

— Оставь! Невозможно это! Нѣту!

Идетъ продолжительный разговоръ о капиталѣ, о кредитѣ и т. д. А завтра идетъ другой ужъ — о нравственности. Разсказываютъ такую вещь: верховой человѣкъ пригласилъ по-товарищески, какъ «солдатъ солдата», одного крестьянина, служившаго въ военной службѣ, зайти выпить по рюмочкѣ. Встрѣтилъ его на улицѣ:—«Здорово!»—«Здравствуй!»—«Солдатъ солдату радъ, пойдемъ въ кабакъ, клюнемъ по рюмочкѣ». Пошли, выпили сначала по рюмочкѣ бѣлаго, а потомъ и краснаго. И какъ только выпили краснаго, верховой человѣкъ вынулъ изъ кармана книжку и говоритъ новому знакомцу:—«Ну теперь, другъ любезный, ты свидѣтелемъ будешь, что Ермолай (кабатчикъ) незаконную торговлю ведетъ красной водкой! Какъ твоя фамилія и мѣсто жительство?» И все въ книжку записалъ и представилъ. Крестьянинъ солдатъ прибѣжалъ къ учителю, какъ угорѣлый.

Кстати сказать, этотъ солдатъ былъ одинъ изъ самыхъ впечатлительныхъ къ чужому горю людей, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать въ той деревнѣ, о которой идетъ рѣчь. Именно чужое горе волновало его едва-ли не болѣе, чѣмъ собственная забота. Въ мѣстномъ ссудномъ товариществѣ онъ былъ по горло запутанъ въ поручительствахъ за другихъ и знать не хотѣлъ никакихъ параграфовъ устава, которые стѣсняютъ его права въ этомъ отношеніи. Почти каждое воскресенье и каждый день, когда товарищество открыто, онъ вламывался съ какимъ-нибудь несчастнымъ мужикомъ, за котораго никто не хочетъ поручиться, и, торопливо помолившись на образъ и поклонясь господамъ членамъ, громко восклицалъ:—«Давайте намъ, господа, денегъ. Вотъ человѣчку больно нужны... Человѣкъ хорошій, я знаю»... — «Что̀ у тебя есть?» спрашивали хорошаго человѣка.—«Овца»...—«Еще?» Лошадь есть?»—«Нѣту лошади-то... То-то нѣту»... —«Коровъ много-ль?»—«Да и коровъ-то, пріятный ты мой, тоже... что-то несчастливъ я на коровъ-то!»...—«Нѣту, стало быть?»—«Въ эфтимъ-то и состоитъ главная причина, что нѣту»...—«Ну, хлѣбъ есть-ли?»—«Хлѣбъ-отъ»... уныло начинаетъ бѣдный человѣкъ, но Дмитріевъ (такъ звали крестьянина-солдата), видя его затрудненіе, немедленно же вступается: — «Чего ты музычишь безъ толку?» накидывается онъ на разспрашивающаго члена. — «Какъ бы у него было, онъ бы къ тебѣ и глазъ не показалъ; затѣмъ и пришелъ, что нѣту ничего. Вынимай деньги-то, записывай, будетъ болтать языкомъ-то!»—«Да нельзя ему дать, коли ничего у него нѣтъ».—«А я говорю, давай! Я поручаюсь! Коего тебѣ чорта?» «На тебѣ и то незаконныя поручительства есть.»—«Ну, ладно, знаемъ, давай деньги-то!»—«Да какъ-же я дамъ-то? Ты самъ посуди? Кто будетъ отвѣчать?»—«Ладно, ладно. Отпирай сундукъ-то, доставай! Больше ничего не требуется.. Отпирай, что-ль, тебѣ

я, кажется, говорю человѣчьимъ языкомъ или нѣтъ?»—«Да хоть на пай-то есть ли у него?»—«Нѣту у него ни копѣйки! Давай денегъ, отпирай сундукъ, пиши все на меня, упорный какой мужикъ! Небось самъ запустишь лапу-то въ сундукъ, какъ понадобится на засолъ! Знаемъ мы васъ—законники! Сейчасъ давай двадцать пять цѣлковыхъ, шутъ этакой!» Бранился Дмитріевъ съ этими законниками постоянно и всегда почти успѣвалъ добиться своего.—«А вѣдь съ тебя когда-нибудь взыщутъ?» говорили ему. Дмитріевъ только смѣется.—«Да взыскивай, сколько хочешь, у меня ничего нѣтъ!..»

Можно себѣ представить, какой гнѣвъ возбудилъ въ такомъ человѣкѣ поступокъ верхового. Дмитріевъ и ругался, и плевалъ, чтобы изгладить даже ощущеніе этого предательскаго вина, грозился и т. д. Поступокъ былъ точно возмутительный, но онъ превратился во всеобщую загадку послѣ того, какъ у мирового судьи произошло разбирательство по этому дѣлу.

У мирового судьи выяснилось, что «верховой» ходилъ къ этому кабатчику задолго до составленія протокола, и всякій разъ пилъ водку и бѣлую, и красную, правда, пилъ на деньги, а между тѣмъ протокола не составлялъ.

— Отчего ты раньше меня не штрафовалъ? спросилъ верхового кабатчикъ.—Я бы, можетъ, и торговать не сталъ вовсе, ежели бы зналъ, что ты со мною сдѣлаешь?

— А потому, отвѣчалъ верховой,—потому я тебя раньше не штрафовалъ, что ты—бѣдный человѣкъ, и ничего у тебя не было. Вѣдь ты долженъ понимать—казна требуетъ штрафу, вѣдь съ тебя надо семьдесятъ пять рублей, что-жъ бы я съ тебя взялъ-то, когда у тебя и семи гривенъ не было? Ну, и долженъ былъ я тебѣ дать время расторговаться, чтобы законъ соблюсти. Развѣ я могу идти противъ закону! Ежели мнѣ изъ твоего штрафу и слѣдуетъ получить половину, тридцать семь съ полтиною, такъ вѣдь это тоже законъ требуетъ: нешто я самъ-то по себѣ взялъ-бы съ тебя хоть алтынъ! Законъ! Таперича же я знаю, что на праздникахъ объ Рождествѣ ты торговалъ ничего себѣ, средственно, и штрафъ отдашь, то есть, что слѣдуетъ по закону...

— Да я только и оправился-то мало-мальски объ Рождествѣ. Вѣдь я вдовый, у меня на рукахъ трое ребятъ...

— Что мнѣ приказываетъ законъ, то я и долженъ исполнить.

Скажите, пожалуйста, достойна эта сцена (а такихъ сценъ множество), чтобы заставить человѣка призадуматься? И Дмитріевъ даже призадумался надъ ней. Тутъ все загадка,—загадка, которую непривычному, простодушному человѣку трудно разгадать.

Ограничусь покуда вышеприведенными примѣрами; иначе я бы запуталъ читателя въ массѣ мелочей, повидимому не имѣющихъ никакой другъ съ другомъ связи. Скажу только, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ сценъ и разговоровъ я настрочилъ къ Ивану Ивановичу письмо, изъ котораго и привожу здѣсь нѣкоторые отрывки.

IX.

«...Кстати, почтенный Иванъ Ивановичъ, сказать два слова о вашихъ дѣтяхъ. Не удивляйтесь, что о дѣтяхъ начинаю говорить непосредственно послѣ изображенія вамъ современныхъ деревенскихъ порядковъ, да еще нахожу, что такой разговоръ будетъ «кстати». Истинно говорю вамъ, почтенный Иванъ Ивановичъ, участь русской деревни и участь русскаго молодого поколѣнія находится въ прямой зависимости другъ отъ друга: отъ нихъ обоихъ зависитъ, быть-ли солнцу на небѣ, быть-ли тьмѣ кромѣшной на землѣ... Чтобы недалеко ходить за доказательствами, отыщите у себя на письменномъ столѣ суворинскій календарь, раскройте его въ томъ отдѣлѣ, гдѣ находится таблица о народонаселеніи, посмотрите на итоги. Краснорѣчивѣе всего конечно послѣдняя графа этой таблицы, гдѣ сказано, что крестьянскихъ сословій на русской землѣ ни много, ни мало, какъ шестьдесятъ милліоновъ. Эти-же крестьянскія сословія несомнѣнно преобладаютъ и во всѣхъ другихъ графахъ, пересматриваемыхъ поочередно: такъ, несомнѣнно обиліе ихъ и въ милліонной массѣ войска, несомнѣнно обиліе ихъ и въ городскомъ населеніи, и даже въ духовенствѣ. И въ войскѣ, и въ духовенствѣ, и въ мѣщанствѣ преобладаетъ тотъ-же крестьянскій, хотя болѣе или менѣе переодѣтый элементъ, родство котораго съ подлиннымъ крестьянствомъ во всякомъ случаѣ несомнѣнное. Если ко всему этому прибавить въ буквальномъ смыслѣ микроскопическія цифры первыхъ графъ таблицы, гдѣ исчислено количество сословій вполнѣ привилегированныхъ и привилегированныхъ болѣе или менѣе, то нѣтъ ни малѣйшей возможности, нѣтъ даже тѣни возможности не видѣть, что «сила» (другого слова я не нахожу) несомнѣннѣйшимъ образомъ находится на сторонѣ милліоновъ, а не сотенъ тысячъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ эти милліоны были ничто, это была именно масса нулей къ нѣсколькимъ многозначительнымъ передовымъ цифрамъ; теперь-же безъ этихъ нулей передовыя цифры теряютъ всю свою значительность, а въ будущемъ, когда подростетъ поколѣніе, которое уже не знало, что такое барщина, что такое «бурмистръ», вообще, когда выростетъ новое поколѣніе, тогда значеніе передовыхъ цифръ должно само собою умалиться несравненно болѣе, такъ какъ эти нули призваны къ жизни, и они будутъ жить, «они теперь уже живутъ», будутъ жить, потому что должны, не могутъ не жить. Настоящая минута въ высшей степени критическая для русскаго общества, такъ какъ переживаемые нами годы несомнѣнно должны рѣшить дѣло въ какомъ-нибудь одномъ опредѣленномъ смыслѣ: какъ жить—«по хорошему» или «по худому»? Позволительно спросить: по какой дорогѣ пойдетъ растущее поколѣ-

ніе, найдетъ-ли оно въ себѣ силы къ тому, чтобы, выйдя на вольный свѣтъ изъ-подъ крѣпостного ига, повести жизнь дальше? будетъ ли оно скрѣплять общинный обиходъ, развивая широту общинныхъ надобностей и интересовъ, или, не справившись «съ головой», продастъ первенство за чечевичную похлебку и станетъ жить «по худому», не расширяя, а съуживая мірской интересъ? Можно съ увѣренностью сказать, что дѣло рѣшится именно въ послѣднемъ, нехорошемъ смыслѣ, если на помощь деревнѣ, «незнающей» всей сложности новыхъ условій жизни, не придетъ человѣкъ, знающій эти условія, и не оборонитъ ея отъ бѣды. Задача обороны, какъ видите, лежитъ ни на комъ другомъ, какъ только на грамотномъ образованномъ человѣкѣ, и если къ тому-же принять во вниманіе громадную цифру массы, нуждающейся въ грамотномъ человѣкѣ, то легко убѣдиться, что масса грамотныхъ людей, въ десять, въ сто разъ большая существующей на лицо, могла-бы быть многіе годы поглощаема народною массою вся безъ остатка. Вы, Иванъ Ивановичъ, конечно понимаете, что я не могу и не имѣю возможности сочинять проекты системы народнаго образованія, я только хочу обратить вниманіе родителей подростающаго поколѣнія и его воспитателей на то, что, воспитывая и образовывая, они *не могутъ* оставлять безъ вниманія нужды милліонной массы, просто уже потому только, что она милліонная, и что какъ таковая она не можетъ не имѣть вѣса въ будущемъ. Что-же дѣлаете вы, Иванъ Ивановичъ, и другіе не менѣе васъ чадолюбивые родители и опытные воспитатели? Взглядываясь въ существующую систему воспитанія и образованія, легко видѣть, что она не только не проникнута сознаніемъ того, что образованные люди прежде всего нужны народу, а не главному обществу акціонерныхъ надуваній, но, напротивъ, какъ бы добивается, чтобы образованный человѣкъ замкнулся съ своими знаніями въ средѣ, не имѣющей ничего общаго съ народомъ. И это стремленіе замкнуться проникаетъ и ваше чадолюбивое сердце, и педагогическую практику. Что вы, напримѣръ, теперь дѣлаете съ вашими ребятишками? Вы точно какъ бы предчувствуете, что народъ что то значитъ, и въ этихъ видахъ производите разные опыты съ деревней... Но вѣдь все это только *для себя*, все это съ цѣлью поставить своихъ чадъ именно въ изолированныя отъ народа и наиболѣе безопасныя условія. Вы хотите заимствовать отъ народа его терпѣніе, крѣпость мышцъ, выносливость, даже веселость, словомъ, хотите «позаимствовать» — и только. О какихъ-бы то ни было обязательствахъ или обязанностяхъ въ отношеніи къ народу нѣтъ и помину. Предполагается, повидимому, что будущее поколѣніе проживетъ счастливѣе теперешняго, именно потому, что будетъ имѣть возможность далеко стоять отъ народной массы. Но именно это-то и не можетъ случиться. Представьте себѣ, что шестьдесятъ милліоновъ остаются жить по собственной своей волѣ, и что безграмотный человѣкъ будетъ единственнымъ компетентнымъ лицомъ во всѣхъ вопросахъ современной деревенской дѣйствительности. — Что выйдетъ? Несомнѣнно выйдетъ узость и даже полная потеря мірского интереса и, какъ слѣдствіе этого, распаденіе міра. Представимъ себѣ, что распаденіе это примѣтно только едва-едва, въ самой слабой степени, что на волость, въ которую входитъ до десяти и болѣе деревень, въ теченіе года произойдетъ *только одинъ* случай обнищанія и только *одинъ* обогащенія, что, словомъ, въ теченіе года, изъ двухъ-трехъ тысячъ душъ, одинъ человѣкъ уйдетъ прочь по нищетѣ, а другой уйдетъ — потому, что отъѣлся; представимъ себѣ это и произведемъ простое умноженіе. Нищихъ и ихъ будущее мы совершенно оставимъ, а возьмемъ только отъѣвшихся по одному на волость въ теченіе года. Въ уѣздѣ — двѣнадцать (или около) волостей, въ губерніи — двѣнадцать или около уѣздовъ, а губерній восемьдесятъ; такимъ образомъ, при самыхъ скромныхъ предположеніяхъ, мы получимъ довольно почтенную цифру безграмотныхъ и отъѣвшихся людей, которые, покинувъ деревню, естественно поступаютъ въ то общество, въ которомъ и я, и вы имѣемъ честь жить. Купивъ себѣ на Апраксиномъ рынкѣ «пальты» съ бобровыми воротниками и побывавъ «въ Фоли-Бержерѣ», они ужъ очевидно на стезѣ попасть въ интеллигенцію, куда дѣйствительно и попадаютъ въ скоромъ времени, предварительно конечно вмѣсто апраксинскихъ «пальтовъ» пріобрѣтя енотовыя шубы и записавшись членами въ клубъ. Если вы на половину сократите цифру, получившуюся отъ умноженія, но признаете, что притокъ такихъ людей въ обществѣ неизбѣженъ, то въ самомъ ближайшемъ будущемъ общество это, полагающее себя изолированнымъ, неминуемо должно пропахнуть взглядами, желаніями, аппетитами *этого* большинства. Къ тому времени, какъ подростутъ ваши дѣти, это должно непремѣнно совершиться. И какова тогда роль вашихъ столь лелѣемыхъ дѣтей? Разумѣется, они должны будутъ, если пожелаютъ ѣсть хлѣбъ (а они этого пожелаютъ), *работать на этихъ переодѣтыхъ въ енотки деревенскихъ выбросковъ*. Эти выброски безграмотные; они не умѣютъ ни читать, ни писать, не знаютъ никакихъ порядковъ, они должны платить «знающимъ», которые и будутъ служить имъ, потому что, ничего не зная и не понимая, люди эти непрестанно жаждутъ; при громадности наплыва такихъ людей, образованный человѣкъ, разумѣется, вздорожаетъ, потому «требуется», будетъ ломить съ этихъ енотокъ хорошую деньгу за всякую малость, и енотка должна платить, такъ какъ весь грамотный человѣкъ расхватанъ. И какъ вы думаете, почему бы чей-нибудь Петенька, Васинька и т. д. могъ устоять и не взяться за деньги енотки! Такова вѣроятно будущность человѣка, образованнаго безъ вниманія къ народному дѣлу, въ томъ случаѣ, если народъ начнетъ жить не по хорошему.

«Но не менѣе горько его дѣло и въ томъ случаѣ, ежели шестьдесятъ милліоновъ вдругъ, по щучьему велѣнію, по Божію благословенію, возьмутъ да и справятся сами собой. Тогда вѣдь че-

ловѣкъ, образованный въ замкнутой отъ народныхъ интересовъ средѣ, совсѣмъ уже не нуженъ... Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, только полнѣйшее вниманіе къ нуждамъ шестидесяти-милліонной массы народа, положенное въ основаніе всей системы воспитанія и образованія, и полнѣйшее выясненіе этихъ нуждъ, только это одно можетъ дать смыслъ многимъ десятилѣтіямъ русской жизни и пристроить къ дѣлу массу талантливыхъ русскихъ людей... Не все заимствовать у народа и прятать въ домѣ своемъ, надо и для него поработать; если ужъ нельзя сдѣлать этого по совѣсти, такъ хоть и изъ разсчета. А то вѣдь найметъ енотка-то и начнетъ орудовать».

Въ отвѣтъ на это письмо, Иванъ Ивановичъ написалъ мнѣ между прочимъ слѣдующее:

«...Все это, быть можетъ, и справедливо, но въ высшей степени неопредѣленно... Какъ это, напримѣръ, я могу воспитать дѣтей въ интересахъ народныхъ нуждъ? И гдѣ такое заведеніе? Что я долженъ дѣлать? Что такое наконецъ енотка? Словомъ, не въ обиду вамъ будь сказано, не смотря на всю убѣдительность, письмо ваше не имѣетъ, какъ мнѣ кажется, реальныхъ достоинствъ.

«А такъ какъ мнѣ, какъ отцу, особенно много фантазировать не полагается, а необходимо предпринимать что-нибудь реальное, то я пришелъ къ слѣдующему заключенію. По примѣру того самаго народа, который, какъ вамъ извѣстно, цѣлыя тысячелѣтія выходитъ невредимъ изъ всевозможныхъ бѣдъ, руководствуясь только взглядами отцовъ и дѣдовъ (какъ отцы наши жили, такъ и мы), и я рѣшилъ послѣдовать тому же, конечно примѣнительно къ моему положенію. Что-жъ дѣлать, если я обезпеченный болѣе или менѣе человѣкъ? Ужъ должно-быть, такъ мнѣ написано на роду. Будемъ жить, какъ жили наши отцы и дѣды... Практическое это рѣшеніе я осуществилъ слѣдующимъ образомъ: какая-то почтенная дама рекомендовала *русскую няню*, старуху шестидесяти пяти лѣтъ. «—Вотъ оно!» подумалъ я, прочитавъ это объявленіе. — Прожить шестьдесятъ пять лѣтъ, это значитъ—быть самымъ корнемъ и теперешняго, и будущаго поколѣнія. Тутъ навѣрное должна быть полная система воспитанія, основанная на опытѣ прошлаго, а стало быть годная и для будущаго. Я немедленно же поѣхалъ по указанному адресу. И какъ вы думаете? Оказалось, что не одинъ я разыскиваю нравственныхъ фондовъ. Вмѣстѣ съ моими санями къ крыльцу того дома, гдѣ жила русская няня, подкатила карета, за ней опять сани, тамъ коляска, тамъ опять карета,—словомъ, съѣздъ какъ къ посланнику великой державы... Изъ швейцарской всѣ мы, родители, двинулись цѣлой толпой въ кв. № 16, гдѣ пребывало дорогое намъ существо; въ толпѣ были молоденькія дамы, гвардейскіе офицеры, инженеры и т. д. — и все это отражало на лицахъ желаніе перебить и страхъ опоздать захватить сокровище. Не буду разсказывать, какихъ жертвъ стоило мнѣ овладѣніе этой драгоцѣнностью. Одна дама, самая молодая, супруга гвардейскаго офицера, едва увидала няньку, какъ затряслась отъ страха, попятилась назадъ и тѣмъ навела панику и на инженера, и на другихъ посѣтителей. Инженеръ впрочемъ оправился-было и едва не овладѣлъ старухой, но едва онъ завелъ рѣчь о томъ, чтобы она носила чепчикъ, какъ былъ пораженъ самымъ безцеремоннымъ отказомъ, произнесеннымъ такимъ голосомъ, что молоденькая дама попросила воды... Я конечно всѣмъ этимъ воспользовался, и старуха теперь у меня... Чтб вамъ сказать о ней? Говоря вообще, это—адъ! Самъ бѣсъ, вельзевулъ, кажется, вселился въ это сѣдое существо! Представьте себѣ, высокая, сѣдая женщина, съ густыми сѣдыми волосами, простоволоса, съ глазами, выраженіе которыхъ—острая внимательность и каменное упорство въ одно и то-же время. Женщина тучная, мягкая.. Представьте себѣ, что это мягкое и жирное, какъ жирный старый котъ, существо ходитъ безъ башмаковъ, въ однихъ чулкахъ, не слышно и неожиданно появляясь чуть-ли не во всѣхъ углахъ квартиры — и вы поймете, что это олицетвореніе порядка. И точно, все пришло въ порядокъ и стоитъ на своихъ мѣстахъ. Прислуга у нея — «дѣвки», которыя, также согласно порядку, зовутъ ее «чертовкой». Маленькую дѣвочку она стращаетъ, какъ и водится, «мужикомъ», тогда какъ въ деревнѣ мужики сажали ее къ себѣ на колѣна. Словомъ, вся старая мораль на лицо. И пусть. Пусть будетъ какая-нибудь мораль, чѣмъ никакой, или чѣмъ такая, съ которой нельзя жить на свѣтѣ!..»

X.

На этомъ мы распростились съ Иваномъ Ивановичемъ и его опытами. И такъ какъ ничего новаго въ этомъ отношеніи мы пока сообщить не имѣемъ, то скажемъ нѣсколько словъ по тому же дѣтскому вопросу въ отношеніи къ подростающему поколѣнію деревни. При этомъ мы должны откровенно заявить, что не можемъ брать этого вопроса во всей сложности, т. е. не можемъ подробно разбирать современной школы, ея достоинства и недостатковъ, ея положенія и значенія въ общихъ условіяхъ деревенской жизни. Это все вопросы чрезвычайной важности, требующіе основательной разработки и обильныхъ, внимательно собранныхъ матеріаловъ. Такой задачи мы въ виду не имѣли, просто потому, что не могли бы удовлетворительно ее выполнить. Намъ хотѣлось только въ общихъ чертахъ отмѣтить направленіе, по которому идетъ образованный человѣкъ, и, намъ кажется, что онъ идетъ отъ народа, а не къ нему; точно также мы хотимъ только отмѣтить существеннѣйшія черты, преобладающія въ умственномъ и нравственномъ развитіи народа въ настоящее время.

Минуя школу, имѣющую, какъ намъ кажется, весьма мало значенія въ совершенствованіи условій народной жизни, мы должны сказать, что вліятельнѣйшимъ учителемъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ поколѣній деревни, является по прежнему сама жизнь, улица и то, чтд на ней происходитъ.

Въ этомъ отношеніи, нѣтъ никакого сомнѣнія, кулачество — явленіе новое и самое крупное, самое видное за все время, начиная съ освобожденія крестьянъ.

Что же это за явленіе? Что такое кулакъ? Существуетъ мнѣніе, что деревня портится, разстраиваетъ свои порядки отъ пришлаго со стороны человѣка. Пришлый человѣкъ является въ деревню, при помощи капиталовъ или копѣекъ, покоряетъ подъ ноги свои всю округу, начинаетъ эксплуатировать и развращать. Въ появленіи такихъ людей не можетъ быть сомнѣнія,— всякой мерзости,точно, очень много толчется вокругъ деревни,— но почему всякая мерзость кулацкая находитъ для себя почву, это не можетъ быть объяснено ни капиталомъ собственно, ни чужеземствомъ его обладателей. Что капиталъ не обезпечиваетъ барышей — возьмите помѣщиковъ: деньги у нихъ были, и притомъ порядочныя; барыши тоже они желали получать—чего бы не доставало? Есть всякая возможность безъ труда овладѣть округой, а между тѣмъ на дѣлѣ вышло и выходитъ иначе; помѣщики съ капиталами разорились, а вотъ деревенскій человѣкъ разжился и сталъ тысячникомъ ни съ чего, началъ, въ буквальномъ смыслѣ, безъ алтына. Въ самомъ дѣлѣ, не чудеса-ли творятся на яву: вотъ баринъ, просадившій въ имѣніе десятки тысячъ, не знаетъ, какъ быть и куда себя пристроить; и вотъ мужичокъ, начавшій разживу съ сальной свѣчки... да, въ буквальномъ смыслѣ, съ фунта сальныхъ свѣчей. Придетъ ли въ голову какому-нибудь постороннему деревни человѣку съ капиталомъ, желающему отъ нея поживиться, тѣнь мысли о конкуренціи человѣка, владѣющаго только сальной свѣчкой, фунтъ которыхъ стоитъ двѣнадцать копѣекъ. Разумѣется, никому и никогда; вся тайна этого явленія въ томъ, что всякій мѣстный или пришлый человѣкъ наживы *имѣетъ* непремѣнно *деревенскую опытность*, непремѣнно прошелъ всю деревенскую лямку, знаетъ всю деревенскую подноготную и является по этому чистѣйшимъ продуктомъ всѣхъ условій исключительно деревенской жизни, и притомъ главнымъ образомъ теперешней. Всякій пришлый непремѣнно долженъ былъ пройти лямку деревенской жизни въ «своей» сторонѣ, иначе онъ не имѣлъ бы успѣха и на чужбинѣ, какъ не имѣетъ успѣха баринъ, хотя у него и имѣніе большое, и кредитъ въ банкахъ, и т. д. Возьмемъ хоть исторію съ сальной свѣчкой. Какимъ образомъ можно разжиться, т. е. сдѣлаться тысячникомъ, пустя въ оборотъ сальную свѣчку, цѣна которой полторы копѣйки? Для Ротшильда, владѣющаго милліонами, это неразрѣшимая загадка, а вотъ деревенскій человѣкъ разрѣшаетъ ее въ самомъ блистательномъ видѣ, и именно только потому, что онъ человѣкъ деревенскій. Какъ извѣстно, всю зиму и осень въ деревняхъ бываютъ по вечерамъ посидѣлки; устраиваютъ ихъ дѣвушки для того, чтобы привлечь деревенскихъ парней въ такое собраніе, гдѣ всѣ деревенскія дѣвушки на лицо — выбирай любую; по дворамъ никого не сыщешь, а слѣдовательно волей-неволей придешь въ извѣстное мѣсто. Чтобы эти посѣщенія не представляли для жениховъ никакой тяготы, дѣвушки принимаютъ на себя всѣ расходы по устройству собраній. Онѣ платятъ за квартиру и освѣщаютъ ее. Плата за квартиру обыкновенно не велика, копѣекъ сорокъ въ мѣсяцъ; это дѣвушки еще кое-какъ одолѣютъ; но освѣтить избу въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ,— на это у нихъ ужъ нѣтъ никакихъ средствъ — и вотъ тутъ на выручку является практическій деревенскій человѣкъ: онъ вѣритъ по двѣ, по три свѣчки сальныхъ въ долгъ, то есть тратитъ копѣекъ по пяти въ день и записываетъ по пятачку за свѣчку; отдавать-же ему не деньгами, а работой. За каждый пятакъ дѣвушки обязуются сжать ему *суслонъ* (цѣна опредѣленная), т. е. десять сноповъ. Сочтите, сколько сгоритъ сальныхъ свѣчей и слѣдовательно сколько отработаютъ ему дѣвушки, которыя, несомнѣнно, ему и благодарны останутся. Этотъ-же практическій деревенскій человѣкъ *знаетъ*, когда несутся куры и когда бабамъ нужны деньги, знаетъ, когда у кого сколько шерсти, когда подъ залогъ идутъ овцы, а когда телята,—словомъ, *знаетъ* самые сокровенные помыслы деревенскіе и только поэтому и имѣетъ несомнѣнный и вѣрный успѣхъ. Наконецъ, кто не знаетъ, что вотъ это самое имѣніе, въ которое ухлопаны десятки тысячъ, которымъ управляли ученые агрономы и которое не давало ничего, кромѣ убытка, немедленно начинаетъ «приносить пользу», какъ только къ дѣлу приставятъ опытнаго мѣстнаго жителя. Вообще всякому, желающему имѣть съ мужиковъ доходъ, непремѣнно надобно проникнуться кулачествомъ, изъ барина съ облагороженными манерами превратиться въ нѣчто, напоминающее волка, изъ пиджака перелѣзть въ полушубокъ. Словомъ, для того чтобы хищничать въ деревнѣ, у кого къ этому есть охота, надо изучать это дѣло ни у кого другого, какъ у опытныхъ деревенскихъ людей.

Мы охотно вѣримъ въ дурное вліяніе на деревню массы пришлыхъ элементовъ, но никоимъ образомъ не можемъ только ими объяснять деревенскаго кулачества, то есть выдѣленія среди деревенской массы личностей, эксплуатирующихъ эту самую массу. Бѣда именно въ томъ и состоитъ, что кулачество—явленіе не наносное, а внутреннее, что это не пятно, которое можно стереть, а язва, органическій недугъ.

Но самая горькая и обидная черта этого явленія заключается не собственно въ хищничествѣ, а въ томъ, что ничего другого, хотя мало-мальски равнозначущаго по разработкѣ и техникѣ, деревенская жизнь за послѣднее время не представляетъ. Есть-ли что-либо хотя приблизительно такъ прочно усѣвшееся и усовершенствованное въ отношеніи, положимъ, самопомощи, какъ усовершенствовано кулачество? Существуетъ-ли, словомъ, какое-нибудь явленіе, прямо противуположное и имѣющее какое-нибудь значеніе, пользующееся какимъ-нибудь успѣхомъ? Говоря безпристрастно и не боясь нападокъ, мы должны сказать, что ничего подобнаго нѣтъ; напротивъ, что всего ужас-

нѣе, такъ это то, что въ кулачествѣ вы видите несомнѣнное присутствіе ума, дарованія, таланта. Посмотрите, сколько человѣку, вылившемуся въ кулака, надо передумать, сколько ему надо внимательности къ себѣ, къ другимъ, чтобы съ успѣхомъ дѣлать свое дѣло, какъ надо много знанія людей, характеровъ, вообще жизни. Подумавши объ этомъ серьезно, вы убѣдитесь, что для кулачества необходимо быть очень умнымъ и очень талантливымъ человѣкомъ. Иногда блещутъ въ дѣятельности кулаковъ подлинно геніальныя способности, и въ то-же время вы не можете не убѣдиться, что равносильнаго таланта, ума, наблюдательности, вообще даровитости ни въ чемъ другомъ, ни въ мірскихъ общинныхъ дѣлахъ, ни въ семейныхъ отношеніяхъ—не выразилось. Что же значитъ это явленіе? Отчего умъ и талантъ на первыхъ порахъ (что будетъ дальше, мы не предсказываемъ, такъ какъ говоримъ только о настоящей минутѣ деревенской жизни) пошли такимъ недобрымъ, непривѣтливымъ и разорительнымъ для самаго народа путемъ?

XI.

Не выдавая своего мнѣнія по этому вопросу за непогрѣшимое, я однако-же имѣю нѣкоторыя основанія предполагать, что до кулачества, до холоднаго, обезчеловѣченнаго взгляда на людскія отношенья деревенскій человѣкъ дошелъ именно, и къ несчастію, собственнымъ умомъ, и притомъ умомъ сильнымъ, наблюдательнымъ, безстрашнымъ. Что-жъ давало этому уму непосредственное наблюденіе жизни? Говоря вообще, всякій энергическій деревенскій умъ, за всѣ послѣднія двадцать лѣтъ, могъ въ великомъ изобиліи питаться наблюденіями, производящими только дурное и ожесточающее впечатлѣніе. Нѣкоторое какъ-бы *злорадство* непремѣнно должно было лечь въ основаніе его наблюдательности. Не говоря о матеріальныхъ обидахъ, въ видѣ урѣзокъ земли, лѣса, въ видѣ плохого качества пашни, довольно таки частенько достававшейся крестьянамъ по ихъ освобожденіи, какая пища злорадству въ этихъ попыткахъ вчера еще полновластной усадьбы—сохранить прежнюю повадку отвоевать право на широкое бездѣліе, когда ужъ къ этому нѣтъ никакихъ средствъ! Не забудемъ, что наблюдатель нашъ—крѣпостной крестьянинъ; и намъ будетъ понятно, почему неудачи помѣщичьяго дома безъ особаго сожалѣнія встрѣчались этимъ наблюдателемъ... Вонъ — въ этой усадьбѣ — уже нѣтъ огромной дворни, не съѣзжаются полчища гостей, не выѣзжаютъ изъ этихъ воротъ тесовыхъ кавалькады охотниковъ и не тѣшатся по недѣлямъ въ отъѣзжемъ полѣ .. Громадная карета, величиной съ домъ, стоитъ недвижимо подъ сараемъ и лупится, расклеивается отъ дождей... Вотъ ее продали за бездѣлицу на сломъ и стали ѣздить «парочкой», въ маленькомъ тарантасикѣ. Перечислите, припомните все въ этомъ родѣ и подумайте, сколько разъ деревенскій наблюдатель долженъ былъ ощутить въ себѣ желаніе сказать или подумать: «Ага, потишали небось!» Кромѣ того, какая масса насмѣшекъ должна была волновать наблюдательный умъ, когда среди яснаго разоренія господская усадьба вдругъ проявляла прежнюю повадку, какъ-бы говорившую деревнѣ: «И безъ васъ обойдусь!.. ко мнѣ еще придете, поклонитесь!» Это случалось, разумѣется, когда удавалось заложить имѣніе и нѣкоторое время дѣйствительно не думать о новыхъ условіяхъ жизни; но наблюдательному уму было смѣшно глядѣть на эти попытки. Онъ зналъ, что онѣ основаны на проѣданіи земли, которая подъ ногами... Въ общихъ чертахъ, наблюденія деревенскаго ума надъ непорядками господской усадьбы возбуждали нехорошія мысли.

Другой сортъ наблюденій—деревенскій, неумѣющій собраться съ головой міръ. А онъ точно-что не умѣетъ разобраться съ дѣлами и съ головой... Ему-бы «по дѣламъ-то» надо скрѣпиться, стать крѣпко за свой разсчетъ, разузнать всѣ дѣла, гдѣ, какъ и что, чтобы на пользу себѣ дѣлать, а не во вредъ, чтобы человѣку легче противъ прежняго было, а не труднѣй, а онъ что-же? На каждомъ шагу промахивается и промахивается. «Старики», т. е. люди, которые ровно ничего не могутъ понимать въ новыхъ порядкахъ, потому что всю жизнь прожили въ старыхъ, отдали напримѣръ для уплаты податей рѣку за двѣсти рублей и стали проданную рыбу покупать у своихъ же арендаторовъ-мужиковъ; арендаторы и двѣсти рублей выручили назадъ, да триста рублей нажили и вышелъ вмѣсто выгоды убытокъ, т. е. былъ-бы чистый барышъ, еслибы всякъ ѣлъ рыбу задаромъ. Старая крѣпостная повадка сказалась: «заложись, а плати!» Сѣчь тоже не только не перестали, а усовершенствовали — сѣкутъ и въ селѣ, и въ волости... Старики думаютъ, что это ученье, а за что? За трубочки съ табачкомъ, за пустяки, вниманія нестоющіе. Высѣкли, разозлили малаго, а тотъ со зла пустилъ краснаго пѣтуха, спалилъ всю деревню, въ разоръ разорилъ и закабалилъ купцу. Изъ всѣхъ силъ бьются, чтобъ въ податяхъ выправиться, и въ то-же время продаютъ за копѣйку огромный доходъ, а на глазахъ у нихъ крадетъ деньги и староста, и писарь, и старшина, и никто объ этомъ дознаться не можетъ. И вездѣ, гдѣ не понимаютъ,—водка. Водка — вездѣ, гдѣ нужно знаніе обстоятельствъ, недоступныхъ крестьянскому уму. Это съ одной стороны, а съ другой—крѣпостной опытъ, т. е. опытъ, рѣшительно ни на что негодный при новыхъ условіяхъ жизни,—вотъ рѣшители сложныхъ вопросовъ всей системы самоуправленія—общественныхъ, юридическихъ и финансовыхъ! Наблюдая эту разладицу и нескладицу, деревенскій наблюдательный умъ непремѣнно долженъ сказать: «Нѣтъ, ребята, съ вами пива не сваришь... Всю жизнь бейся, а придетъ старость—иди по міру: вамъ надо подати платить, а старику не въ силу работать, стало быть, ступай вонъ, а на твое мѣсто новаго работника... Всю жизнь бейся, а вы разозлите, обидите какого-нибудь человѣка

«Шелъ-шелъ Ѳедя, подходитъ онъ къ храму святыя живоначальныя и нераздѣльныя троицы и съ радостью видитъ еще товарища Василія.

«— Здорово, Василій!

«— Здорово, Ѳедя!

«— Какъ ты поживаешь?

«— Помаленьку, братъ Василій.

«Постояли Ѳедя съ Василіемъ и врозь пошли».

***

Слѣдующее по порядку рукописей сочиненіе не имѣло заглавія; наверху четвертки бумаги написано было просто: «Осипа Правдина» (мальчику 10 лѣтъ). Самъ авторъ раздѣлилъ свои произведенія на три части, отдѣленныя одна отъ другой черточками.

«Во-первыхъ, взяли меня на льду Ѳеодоръ Книгинъ, Иванъ Владиміровъ, Александръ Морозовъ; взяли они меня трое, связали, положили на ледъ, а потомъ ушли. Я и лежу. А батюшка Александръ ѣдетъ; проѣхалъ, воротился, развязалъ...

«Пасли мы съ братомъ свиней; да я легъ у межи да и уснулъ. А онъ пошелъ меня искать ночью. Кричитъ. Я услыхалъ и откликнулся. Онъ меня нашелъ; мы пошли домой. А меня искала мама у гуменъ; а я съ братомъ иду, она меня и увидала.

«А въ третій какъ было: у насъ была клушка (насѣдка) съ цыплятами. А ворона стала цыплятъ ловить. Вотъ клушка на сарай. И я на сарай! И пошелъ сараемъ по крышѣ, хотѣлъ ворону пугнуть, да и провалился сквозь крышу, черезъ солому. Только-бы ужъ совсѣмъ провалиться—уцѣпился за жердь: висѣлъ-висѣлъ—палъ. Полчасу лежалъ; ушибся».

***

Четвертая рукопись также безъ названія. Вверху листа написано: «Ѳеодоръ Морозовъ» (одиннадцати лѣтъ), солдатскій сынъ. Сочиненіе въ видѣ письма къ учителю.

«Ваше высокоблагородіе,
Милостивый государь
Андрей Петровичъ!

Согласно вашему приказанію, честь имѣю донести вамъ, что у насъ есть на рѣкѣ, на Бурачкѣ, мельница о двухъ поставахъ. Она мелетъ хорошо. Затѣмъ, увѣдомляю васъ, что, въ семействѣ нашемъ существуетъ воскобойня, на которой мы пробиваемъ воскъ, продаемъ свѣчникамъ; свѣчники изъ него сучатъ свѣчи, которыя зажигаются въ церкви у каждой иконы. Священнымъ долгомъ считаю при семъ присовокупить, что, въ настоящее время, мы дожидаемся торжественнаго праздника Рождества Христова и должны исправить свою обязанность: сходить къ заутрени, къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни разговѣться, чѣмъ Богъ благословитъ.

Остаюсь всепокорнѣйшій вашего
высокоблагородія
вѣрный слуга Ѳеодоръ Морозовъ».

***

Пятая рукопись принадлежитъ сыну трактирщика, Семену Курносову, тринадцатилѣтнему мальчику, и также не имѣетъ названія.

«Я въ трактирѣ подаю чай, воду, лазію въ погребъ, собираю посуду, перетираю посуду, наливаю вино, получаю деньги, смотрю за народомъ. Выручка у насъ хороша: когда 800 въ мѣсяцъ, когда и меньше, а когда и болѣе. Я въ Екатериновкѣ учился хорошо, только тамъ меня на колѣни ставили разъ 5, а здѣсь нѣтъ этого; я изъ училища приду, пойду на дѣвишникъ, пробуду до утра, приду домой—меня не ругаютъ».

Кузница. Описаніе Андрея Кузнецова (13-ти лѣтъ).

«Мы вчера на кузницѣ съ тятей наварили двѣ насѣки. Тятя стоитъ у горна, а я дую мѣхами. Какъ нагрѣется желѣзо, такъ тятя его вынетъ на наковальню. Ежели толстое желѣзо, то мы зачнемъ въ два молота бить; тятя бьетъ маленькимъ, а я большимъ молоткомъ бью. Тятя желѣзо держитъ въ клещахъ. А иногда и я стою у горна, а тятя дуетъ, или кто-нибудь другой дуетъ. Я умѣю сдѣлать легкую деревенскую работу, какъ-то: деревенскіе кочедыки для лаптей. Лампы запаиваю и молотки дѣлаю; а тятя умѣетъ дѣлать всѣ деревенскія вещи, и «такея» самовары лудитъ—страсть! ружья чинитъ, даже и новыя дѣлаетъ; ну только теперь у него сломался станокъ, и онъ распродалъ весь свой струментъ. Тятя даже гармоніи чинитъ, но я этого дѣла не знаю».

***

Разсказъ о вѣнчаніи. Былъ. Филиппа Яковлева (14-ти лѣтъ).

«Нанялъ меня Александръ Павловичъ (крестьянинъ), съ лошадьми, обвѣнчаться съ своей супругой и заключить билетъ, чтобъ она не могла отъ него отпереться. Уговорился Александръ Павловичъ съ супругой своей, нарѣченной невѣстой Грунькой, и поѣхали. Перво поѣхали къ нашему гвардейскому попу. Нашъ попъ не отпирается и проситъ съ нихъ за обрученіе жены двадцать-пять рублей. Имъ показалось дорогонько. Мы обратно до бузуевскаго попа пріѣхали, а его дома нѣтъ, въ городъ уѣхалъ—мы обратно. Пріѣхали къ алакаевскому попу—и этотъ уѣхалъ къ благочинному. Мы опять обернули лошадей, пріѣхали въ Горѣловку. Пріѣхали мы въ Горѣловку, заѣхали къ невѣстиной сестрѣ, выпрягли лошадей; дружка пошолъ съ женихомъ къ попу. Приходятъ къ попу и спрашиваютъ: «Батюшка! обручи намъ невѣсту съ женихомъ!» Ну, батюшка не отпирался, а просилъ водки. Дружка съ женихомъ пошли за водкой, выпили штофъ вина и поѣхали въ Кузьминку, потому въ Горѣловкѣ церковь сгорѣла. Пріѣхали въ Кузьминку, тамъ выпили два штофа. Потомъ стали они пьяны. Ну, ввели жениха съ невѣстой въ церковь, а попъ-то былъ шутникъ: постановилъ его съ невѣстой, взялъ ихъ за руки и повелъ къ налою; дьяконъ книгу читаетъ, а попъ «наизусь» отчитываетъ. И надѣли вѣнцы. Постояли женихъ съ невѣстой въ вѣнцахъ, вдругъ попъ скидаетъ вѣнцы тѣ. А дьяконъ: «Что ты дѣлаешь, батюшка? развѣ можно такъ-то? Пустя

лучше, я одинъ обвѣнчаю!» А батюшка опять вѣнцы надѣлъ и повелъ кружить кругомъ, и запѣлъ: «Матери Боже нашъ и роди сына Имянуила». Три раза обвелъ кругомъ, потомъ подвелъ къ иконамъ, поцѣловали они икону, потомъ батюшкѣ въ ноги. И поѣхали опять къ роднѣ; чаю напились, водки полведра выпили и достаточно были пьяны; потомъ поѣхали домой; потомъ пьяные-то женихъ съ невѣстой разодрались. Потомъ она плачетъ. Ѣдемъ-ѣдемъ — заломитъ руки кверху и заревётъ коровой. Стали къ сосѣдямъ подъѣзжать, вдругъ она и закричи, а женихъ изъ телѣги выскочилъ; ушолъ прочь .. «Пошли прочь къ чортовой...» Мы поѣхали, пріѣхали къ матери; стала ее мать ѣсть, зачѣмъ безъ Александры воротилась. Тутъ пріѣхалъ Александра, купилъ на рубль водки отъ матери тихонько. Невѣста стала у него вино отымать, а онъ ее схватилъ за волосы и мало-что не убилъ ее».

Въ такомъ родѣ было написано до семидесяти «сочиненій», но не въ одномъ изъ нихъ, несмотря на всевозможныя названія, свойственныя «сочиненіямъ», какъ напримѣръ: разсказъ, быль, описаніе, именно и не было ничего сочиненнаго. «Сущая правда», и явная, видимая неспособность что-нибудь присочинить отъ себя, что-нибудь прибавить, одинаково была свойственна, какъ девятилѣтнимъ,такъ и четырнадцатилѣтнимъ писателямъ, то-есть чистота и ясность дѣтской души ничѣмъ, никакой примѣсью, никакой фальшью не была помрачена и у мальчиковъ, которые года черезъ два будутъ женихами, а черезъ три навѣрное — семейными людьми.

— Ну что, какъ вамъ нравится? произнесъ учитель, все время молчаливо занимавшійся своимъ дѣломъ.

— Хорошо... сказалъ я.

— Что-же именно тутъ хорошаго?

— Хорошо.. какъ чистый воздухъ... могъ я отвѣтить.

— Такъ-то такъ, но на меня они производятъ нѣсколько иное впечатлѣніе... Какая безпрекословная, такъ сказать, покорность факту! Обратили-ли вы на это вниманіе?

Учитель произнесъ эту фразу, внезапно оживляясь, и быстро подошелъ ко мнѣ. Онъ, очевидно, хотѣлъ пояснить свою мысль, но остановился.

Подъ самыми окнами послышался хляскъ по грязи лошадиныхъ копытъ... Кто-то повидимому быстро подскакалъ къ окну и остановился; кто именно подъѣхалъ къ окну, не было видно — на дворѣ уже стемнѣло — да кромѣ того, едва учитель приблизился къ рамѣ и припалъ къ стеклу, защищаясь рукою отъ свѣта, какъ хляскъ копытъ послышался снова... Тотъ, кто подъѣхалъ, побылъ у окна нѣсколько секундъ и поспѣшно ускакалъ прочь...

— Ужъ не верховой-ли тутъ разъѣзжаетъ? сказалъ учитель въ безпокойствѣ...—И что имъ еще отъ меня нужно?.. Узнай пожалуйста, обратился онъ къ Гришѣ,—кто тамъ разъѣзжаетъ; выйди, посмотри, будь другъ.

Самоваръ уже былъ готовъ. Гриша торопливо, насколько это было возможно при его неповоротливости, поставилъ его на столъ, за которымъ я занимался чтеніемъ, торопливо одѣлся и ушелъ. Учитель, встревоженный воспоминаніями недавнихъ безпокойствъ, со всей ихъ тягостной, досадной, выводящей изъ терпѣнія безсодержательностью, умолкъ и, тревожась ожиданіемъ Гриши, то безпокойно шагалъ по комнатѣ и ерошилъ волосы, то, чтобы скрыть безпокойство, принимался хлопотать около самовара, заваривая въ разсѣянности груду чаю.

Наконецъ Гриша воротился.

— Верховой и есть! сказалъ онъ, едва отворивъ дверь.

— Ко мнѣ?

— Нѣ! не къ вамъ... На деревню поѣхалъ... по *нашему* дѣлу. Сейчасъ надо бѣчь отъ васъ.

— Ну, слава Богу!.. Просто мученье, ни я ничего не понимаю, ни они ничего не понимаютъ... вѣдь это съ ума можно сойти!.. Давайте чай пить... Ты что-жъ не раздѣваешься? обратился учитель къ Гришѣ.

— То-то бѣчь надо.. Верховой-то по нашему дѣлу, я вамъ сказывалъ, пріѣхалъ. Опрашивать будетъ...

— Какое такое у васъ дѣло съ верховымъ?

— Да тутъ у насъ, у робятъ, дѣло то... Не знаю еще, меня-то *примутъ* ли. Ишь вонъ давеча говорятъ, чтобы меня въ компанію не брать...

— Какое дѣло-то, я все-таки не понимаю.

— Да тутъ дѣло... когда то еще выйдетъ рѣшеніе. Долго... Кабы ежели-бы рѣшеніе вышло, ну, тогда хорошо всѣмъ будетъ, по двадцать пять рублей на брата выйдетъ по закону... Этто трактирщикъ Масловъ подалъ на Недоноскова...

— Недоносковъ тоже трактирщикъ? спросилъ учитель.

— Изъ-за того и подалъ Масловъ-то, что Недоносковъ ему перебиваетъ торговлю... Правовъ у него нѣтъ на выносъ, а онъ отпущаетъ вино-то... вотъ изъ-за-этого... Ну, а наши робята подсобили Маслову-то...

— Какимъ родомъ подсобили?

— Какъ подсобили-то? Уговорились съ Масловымъ пойтить къ Недоноскову въ трактиръ... на чай напримѣръ, на расходъ Масловъ свои три рубли далъ. Чаю пей, сколь хошь... Ну, и чтобы купить у Недоноскова бутылку вина, за печатью... Недоносковъ-то не давалъ — ну упросили... А Масловъ, значитъ, и пымалъ съ виномъ-то... Такъ уговоръ былъ, чтобы пымать насъ... Масловъ-то говоритъ — мнѣ, баетъ, ничего не нужно, а что выйдетъ по рѣшенію изъ суда—все вамъ, а тамъ вишь сто цѣлковыхъ придется и больше еще ста, сказываютъ... Ну, а меня-то въ компанію принять не хотятъ. «—За что тебя, говорятъ, ты не уговаривался»... «—Такъ что-жъ, что не уговаривался?» Я-же ихъ въ трактиръ привелъ, на свои чаемъ угощалъ, а они три-то рубли почесть цѣлыми скрыли, подѣлили промежду себя... Вотъ теперь урядникъ пріѣхалъ, допрашивать будетъ, я

самъ отъ себя покажу, пущай по закону раздѣлять, по правиламъ, коли добромъ въ компанію не принимаютъ. Стало-быть, покуда прощайте...

Послѣднія слова, касавшіяся неодобрительнаго поведенія товарищей, Гриша произнесъ дѣтски-обиженнымъ тономъ.

Онъ ушелъ, а мы съ учителемъ молча и многозначительно переглянулись. Оба мы были поражены этой дѣтской наивностью, съ которой Гриша воспринялъ и передалъ намъ чистѣйшую гадость.

А такую гадость, какъ липкую грязь, господа Масловы и Недоносковы въ обиліи и ежеминутно разбрасываютъ вокругъ себя въ поученіе подростающему поколѣнію деревни.

БѢГЛЫЕ НАБРОСКИ*).

1. Сонъ подъ Новый годъ.

I.

Журналисты и литераторы имѣютъ обыкновеніе подъ Новый годъ видѣть разные болѣе или менѣе фантастическіе сны, о которыхъ и повѣствуютъ въ новогоднихъ нумерахъ тѣхъ изданій, въ которыхъ имѣютъ честь состоять сотрудниками. Будучи до нѣкоторой степени прикосновененъ къ журнальному дѣлу и литературѣ, и я, пишущій это, также сподобился сновидѣнія и также, по примѣру прочихъ собратій моихъ, хочу сказать о немъ два слова читателямъ.

Само собою разумѣется, что я заснулъ внезапно, не помню, какъ и когда; но очень хорошо помню, что сновидѣніе было не фантастическое, безъ малѣйшихъ какихъ-либо чертъ сказочнаго, неправдоподобнаго или таинственнаго элемента; напротивъ, сонъ мой былъ необыкновенно реаленъ и скорѣе походилъ на газетную корреспонденцію, чѣмъ на дѣйствительный сонъ; во снѣ я видѣлъ статистическія цифры, журнальныя статьи, читалъ процессы—словомъ, почти ни на мгновеніе не отрывался отъ дѣйствительности. Причиною такого «газетнаго» сновидѣнія было, по всей вѣроятности, то, что я заснулъ съ газетою въ рукахъ; догадываюсь, что и причиною того, что я заснулъ и притомъ заснулъ внезапно, какъ убитый, было опять-таки то, что наканунѣ Новаго года я слишкомъ усердно предался чтенію «новыхъ» газетъ, хотя если не всѣ изъ нихъ, то весьма многія не только повидимому не имѣютъ намѣренія усыплять читателей, но какъ бы стараются изо всѣхъ силъ разбудить его и поэтому кричатъ, даже «орутъ» и вообще стараются взять горломъ. Окончательно же свалила меня съ ногъ нынѣ уже не существующая газета «Россія», подъ патріотическіе вопли которой я и смежилъ свои вѣжды.

Вопли эти касались самаго прозаическаго вопроса,—вопроса о волостныхъ писаряхъ, и такъ какъ они имѣли значительное вліяніе на весь послѣдовавшій за чтеніемъ сонъ, то я и долженъ сказать, въ чемъ именно они заключались: «Здѣсь, вопіяла газета,—у самыхъ корней государственной жизни (въ деревнѣ, и въ особенности въ волостномъ правленіи), у самыхъ источниковъ всѣхъ ея питательныхъ соковъ, всѣ задачи, права и обязанности управленія можетъ съ удобствомъ нести на себѣ и круглый невѣжда, и пьяница, и воръ, и даже агитаторъ!» Тутъ же исчислены были и самыя обязанности управленія, исполняемыя въ настоящее время пьяницами, невѣждами, ворами и даже агитаторами. Обязанности эти оказываются далеко не шуточными, а именно: «полицейская власть, власть судебная, ибо онъ фактически управляетъ волостнымъ судомъ; онъ же завѣдуетъ администраціей волости, распоряжается исправленіемъ дорогъ, содержаніемъ пожарной части, мѣрами общественнаго призрѣнія, наблюдаетъ за нравственностью, за исполненіемъ санитарныхъ правилъ, за дѣйствіями сельскихъ должностныхъ лицъ; онъ же завѣдуетъ волостнымъ хозяйствомъ, мірскими сборами и капиталами, продовольственными запасами; онъ завѣдуетъ раскладкою и взиманіемъ государственныхъ и земскихъ сборовъ; по его распоряженію выполняются требованія воинской повинности, отъ него зависитъ выдача паспортовъ, увольненіе

*) Подъ общимъ заглавіемъ „Бѣглыхъ набросковъ“ здѣсь помѣщено то, что въ прежнихъ изданіяхъ носило названіе „Изъ записокъ человѣка безъ опредѣленныхъ занятій“. Я измѣняю это названіе потому, что нахожу необходимымъ совсѣмъ не помѣщать въ собраніи „Сочиненій“ тѣхъ главъ этихъ набросковъ, которыя утратили въ настоящее время общій интересъ. Въ выпущенныхъ теперь главахъ шло дѣло о такихъ фактахъ и событіяхъ русской жизни, которые были понятны только тогда, когда наброски эти писались, т. е. въ 1881—82 годахъ. Необходимо прибавить, что нѣкоторая, иногда чрезмѣрная настойчивость, встрѣчающаяся въ этихъ наброскахъ при отстаиваніи такихъ идей и дѣлъ, которыя, повидимому, вовсе не нуждаются въ настойчивой защитѣ и совершенно ясны и неопровержимы для всѣхъ—должна быть объясняема временными обстоятельствами, тяжкими недоразумѣніями конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ: *приходилось* „вопіять“ о такихъ вещахъ, которыя въ болѣе спокойное, трезвое и безпристрастное время даже и тѣни сомнѣнія возбуждать не могутъ.

Изъ числа тѣхъ главъ, которыя слѣдовало выкинуть изъ настоящаго изданія, я оставлю только одну, которая хотя и написана по поводу случайнаго явленія, но имѣетъ кое-какой общій, постоянный интересъ, такъ какъ касается участи городского рабочаго пролетаріата. Это—глава „*Джутовый мѣшокъ*“.

крестьянъ въ заработки, вызовъ ихъ оттуда обратно; онъ исполняетъ и объявляетъ по волости вновь изданные законы, правительственныя распоряженія и предписанія уѣздныхъ учрежденій. Однимъ словомъ, всѣ тѣ разнообразные предметы управленія, для завѣдыванія которыми существуютъ въ губерніи и уѣздѣ различныя уѣздныя и губернскія распорядительныя, исполнительныя и контролирующія учрежденія – а надъ ними въ столицѣ центральныя —все это въ волости ввѣрено единоличному, въ большинствѣ случаевъ самостоятельному и безконтрольному вѣдѣнію писаря и старшины»... которые, какъ уже знаемъ, зачастую оказываются пьяницами, невѣждами, ворами и даже агитаторами...

Я заснулъ собственно на заключительныхъ словахъ статьи, гдѣ говорится, что на смѣну этимъ пьяницамъ, ворамъ и проч. должны быть допущены новыя силы, «новые дѣятели, съ высшимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ» («Россія», № 63.). Послѣднія три строчки патріотической статьи, повторяю, убаюкали меня, и главнымъ образомъ потому, что въ послѣднее время, когда «повѣялъ зефиръ» и русскому пишущему человѣчеству представилась нѣкоторая возможность сказать свое слово погромче того, какъ говорилось оно недавно,—эти призывы образованнаго человѣка къ дѣлу, къ вмѣшательству въ запутанныя до безобразія условія народной жизни, слышатся изъ всѣхъ и новыхъ, и старыхъ передовицъ, вылетаютъ изъ-подъ всѣхъ перьевъ, но, увы! вылетаютъ всегда безъ плоти и крови, безъ малѣйшихъ попытокъ опредѣлить это участіе, очертить хотя бы и гадательно, хотя бы и съ примѣсью извѣстной доли непрактической фантазіи... Предложенія, простыя и сложныя, соединенныя въ пріятные округленные періоды, въ которыхъ обыкновенно выражаются и излагаются эти призывы, хотя и пріятно ласкаютъ ухо слушателя и мысль читателя, но въ большомъ количествѣ не могутъ считаться питательной и полезной для ума пищей, и вотъ почему читатель очень скоро набиваетъ отъ нихъ оскомину и его начинаетъ клонить сонъ въ такихъ пунктахъ патріотическихъ воззваній, гдѣ, казалось бы, надобно было воспрянуть и ожить...

Послѣ словъ «умственный и нравственный уровень» я почувствовалъ, что вѣки мои слипаются, и я, какъ ключъ ко дну, стремительно погружаюсь въ непробудный сонъ...

Гдѣ я?..

Оглядѣвшись, я догадался, что нахожусь въ волостномъ правленіи: бѣлыя голыя стѣны, кой-гдѣ украшенныя планомъ уѣзда, портреты Государя, министровъ... Комната большая, просторная; въ углу—сундукъ съ деньгами, а передо мной широкій столъ съ кучей бумагъ, съ двумя сальными свѣчами въ приличныхъ подсвѣчникахъ, за столомъ — радостная фигура молодого волостного писаря, которымъ сновидѣніе не задумалось сдѣлать моего старипнаго знакомаго, по фамиліи Лиссабонскаго... Эта великолѣпная фамилія уже сама по себѣ означаетъ, что человѣкъ, который носитъ ее,—есть разночинецъ, т. е. принадлежитъ къ такому классу людей, который, не смотря на свою многочисленность въ Русской Землѣ, поставленъ внѣ всякой возможности быть для нея чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ бремени. Въ былое время крѣпостного права вся эта масса безземельнаго грамотнаго пролетаріата прямо кормилась народомъ, въ видѣ поповскихъ, дьяконовскихъ, чиновничьихъ, приказчичьихъ семействъ; съ упраздненіемъ же крѣпостного права, вся эта масса народа брошена на произволъ судьбы. Для громаднаго большинства этихъ несчастныхъ людей бѣдность не даетъ возможности пройти весь кругъ образованія, дающій входъ въ общество; земельный надѣлъ, могшій прикрѣпить массу такихъ людей къ крестьянскому труду и міру, оказался почему-то невозможнымъ; ремесленныхъ, сельско-хозяйственныхъ и другихъ профессіональныхъ школъ и училищъ, дающихъ возможность приложить свои руки къ труду и ѣсть не сухой хлѣбъ, какъ всѣмъ извѣстно, существуетъ на всю многомилліонную Россію такъ мало, что не насчитаешь и десятка. Такимъ образомъ на глазахъ у всѣхъ образовался громадный резервуаръ грамотныхъ, но зависимыхъ въ кускѣ хлѣба отъ любого богатаго мужика, кабатчика — людей, которые въ большинствѣ случаевъ и стоятъ у «корня государственныхъ основъ»; но изъ этого же резервуара выходитъ не мало людей (они вѣдь люди), которыхъ близость къ народной средѣ, знакомство съ нею невольно и неотразимо побуждаютъ и жить, и работать въ ней, и притомъ не на пользу кабатчикамъ и міроѣдамъ, а на пользу народа...

Лиссабонскій былъ именно разночинецъ послѣдняго свойства. Со школьной скамьи онъ постоянно стремился найти какое-нибудь дѣло въ деревнѣ, именно въ деревнѣ, а не въ городѣ, гдѣ, по его словамъ, онъ просто «не умѣлъ» жить. Нельзя сказать, чтобы ему не удавалось по временамъ пристроиться къ мѣсту и не въ городѣ, а въ деревнѣ, но онъ обыкновенно выдерживалъ не долго; выходили мѣста въ конторщики, въ приказчики, въ писаря къ мировымъ посредникамъ, но вездѣ онъ не уживался долго потому, что собственно хлѣбъ, харчи, словомъ, возможность быть сытымъ — не привлекаетъ его. Да и работать-то приходилось больше на состоятельнаго человѣка, а Лиссабонскій, по добротѣ сердца и потому еще, что въ головѣ его бродили кой-какія идеи, желалъ работать, какъ разъ наоборотъ, на несостоятельнаго человѣка, мужика. «Состоятельный, говоритъ онъ:— найдетъ: за деньги къ нему пойдетъ и не такой грамотникъ, какъ я; вотъ Губонинъ да Поляковъ деньгами забираютъ въ руки самый цвѣтъ интеллигенціи—«все куплю! сказало злато»... А вотъ у кого нѣтъ, кто «купить» то не можетъ нужнаго человѣка, вотъ тому-то и надо помогать. Ну, да время не такое стоитъ»...

Такъ говаривалъ Лиссабонскій въ прежнее, хотя и недавнее время; въ ту же минуту, когда я увидалъ его во снѣ, за столомъ въ волостномъ правленіи, онъ весь сіялъ, и первое слово, которое я отъ него услышалъ, было:

— Призываютъ, братецъ мой, всѣ призываютъ!

*

Не такое время... Если не воръ, не пьяница, не невѣжда нужны господину Губонину, чтобы не быть обокраденнымъ и обворованнымъ и стало быть разоренными, такъ ужъ мужику-то и подавно нуженъ такой человѣкъ.

— Что-же ты будешь дѣлать для мужика? И чѣмъ ты, не воръ, не пьяница, можешь быть ему полезенъ? спросилъ я.—И не лучше-ли всѣмъ вамъ, ворамъ и не ворамъ, оставить его въ покоѣ и убраться отсюда изъ деревни по-добру по-здорову?

— Да и я уберусь, какъ только выгоню вора! Пусть уйдетъ воръ и разоритель — и я сейчасъ же удалюсь, куда глаза глядятъ... Но дѣло-то въ томъ, что разоритель всякихъ свойствъ, всевозможныхъ видовъ и формъ, свободно вступаетъ въ деревню, а противувѣса ему въ деревнѣ нѣтъ. Возьми вотъ послѣдніе крестьянскіе процессы, въ нихъ все есть для окончательнаго омраченія людей: есть владѣлецъ, который *старается запутать* ихъ, есть власти, которыя *не стараются распутать*, есть власти, которыя дѣйствуютъ со строгостью и скоростью, есть народъ, который ничего не понимаетъ. Но человѣка, который-бы пришелъ къ нимъ только съ желаніемъ распутать ихъ, который-бы взялся за ихъ дѣло,— нѣтъ его! И только вотъ теперь стали поговаривать въ газетахъ о томъ, что такой человѣкъ нуженъ. Ну, словомъ, вотъ я и хочу работать...

— Что-же именно?

— Да то, что укажутъ обстоятельства: ты видишь, что я только сію минуту сдѣлался волостнымъ писаремъ, я еще ничего не знаю. Ты читалъ въ газетѣ, какая масса дѣлъ на рукахъ у волостного писаря?

— Читалъ.

— Ну, скажи пожалуста, неужели же я-то, не воръ, не пьяница, не грабитель, и тѣмъ паче не агитаторъ, ужъ такъ и не пригожусь хоть для этой волости, хоть для одной деревни, при такомъ обиліи обязанностей?

Лиссабонскій ждалъ отъ меня отвѣта, но въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату правленія вошло новое лицо.

II.

Это былъ разсыльный земской почты. Весь въ снѣгу, съ обмерзлой бородой, въ башлыкѣ, онъ казался какимъ-то чудищемъ. Первымъ дѣломъ, по приходѣ въ правленіе, онъ направился къ яркотопившейся печкѣ и, ежась и приплясывая, сталъ грѣть руки и ноги въ валенцахъ. Обогрѣвшись, онъ приблизился къ столу и вынулъ изъ кожаной сумки два пакета; одинъ былъ очень толстъ, а другой тонокъ.

— Вотъ! сказалъ онъ весело:—гостинчикъ мужикамъ! Способіе прислали, больше тыщи рублей.

— Какое пособіе?

— А на голодъ. Для раздачи. Царь насъ помнитъ, батюшка!.. Вонъ, какъ угодилъ—въ самое бѣдовое время подсобляетъ. И мужичишки-то радехоньки...

— Когда же они успѣли узнать? спросилъ Лиссабонскій.

— Эва! Я тутъ, верстахъ въ десяти, признаться, въ кабачокъ заѣхалъ погрѣться—проболтался, что, молъ, гостинецъ везу царскій, такъ оттудова мигомъ разнесли... бѣднота!.. Голодуха!.. Небось запрыгаешь!

— А другой пакетъ отъ кого? спросилъ Лиссабонскій.

— Ну, а этотъ, какъ-то скосивъ голову на бокъ и съ выраженіемъ сожалѣнія мотнувъ ею, проговорилъ разсыльный: — этотъ пакетъ, надо сказать правду, не вполнѣ можетъ быть суприномъ... Нѣтъ, весьма не такой пакетъ, чтобы его счесть за удовольствіе.

— Что же такое?

— Насчетъ недоимки! «Безъ послабленія и безъ снисхожденія!» проговорилъ разсыльный, пожимая плечами, и прибавилъ:—что будешь дѣлать? Такое наше мужицкое счастье!

Какъ и куда исчезъ разсыльный, я не помню; но знаю, что вслѣдъ за его исчезновеніемъ я и Лиссабонскій торопливо принялись распечатывать привезенные пакеты. Въ томъ пакетѣ, который, по словамъ разсыльнаго, не представлялъ для крестьянъ удовольствія, мы нашли бумагу уѣзднаго исправника, въ которой было сказано, что «съ полученіемъ сего предписываю тебѣ немедленно взыскать числящіеся за второе полугодіе на жителяхъ деревни такой-то сборы, въ количествѣ столькихъ-то рублей и копеекъ, въ противномъ случаѣ»... Въ другомъ пакетѣ были деньги около тысячи рублей и бумага отъ уѣздной земской управы, въ которой сказано было, что деньги эти немедленно должны быть розданы жителямъ той же самой деревни, съ которой немедленно же должны быть взысканы и сборы... Но что особенно поразило насъ, такъ это, во-первыхъ, то, что цифра недоимокъ была точь въ-точь та же, что и цифра пособій: и въ недоимкахъ стояло 876 р. 34 к., и въ пособіи стояло 876 р. 34 к., а во-вторыхъ, въ обоихъ пакетахъ мы нашли списки недоимщиковъ, причемъ, къ наивысшему нашему изумленію, опять въ обоихъ спискахъ оказались одни и тѣ же лица. Въ спискѣ недоимщиковъ значились имена: Перепелкина, Ворокуева, Офицерова, Колобродина, и въ спискѣ нуждающихся въ пособіи стояли тѣ же имена и въ томъ же порядкѣ, т. е. Перепелкина, Ворокуева, Офицерова, Колобродина и т. д. Очень можетъ быть, что въ дѣйствительности не случается ничего подобнаго; но мы просимъ не забывать читателя, что все описываемое происходитъ во снѣ, стало быть, не можетъ избѣжать нѣкоторой неточности. Прочитавъ эти странныя бумаги, и я, и Лиссабонскій были до нѣкоторой степени поражены страннымъ совпаденіемъ и цифръ, и именъ: однѣ и тѣ же деньги какъ бы вручаются въ пособіе и въ то же время какъ бы отъемлются! Которой изъ этихъ двухъ бумагъ отдать предпочтеніе?

— Какое странное совпаденіе! проговорилъ Лис-

забонскій, спрятавъ деньги въ столъ и вертя передъ собою бумаги и списки... И тамъ, и тутъ— однѣ цифры, одни имена... Ужъ не потому ли деньги на пособіе присланы одновременно съ требованіемъ недоимокъ, что деньги эти должны идти не въ пособіе, а въ казну?..

— Ну, за-ачѣмъ, въ казну-у! произнесъ въ отвѣтъ чей-то незнакомый голосъ. Оглянувшись, мы увидѣли, что въ правленіи посреди комнаты стоитъ небольшого роста опрятненькій старичокъ, молится на образъ и въ то же время говоритъ:

— Зачѣ-емъ! У казны, у матушки, много денегъ... Чтó ужъ ей питаться этакими-то крохами. Авось, перетерпитъ лютое-то время!..

Старичокъ помолился, подошелъ къ Лиссабонскому и, протянувъ ему руку, сказалъ очень ласково:

— Ну, здравствуй, нашъ министеръ... Здорово! Пришелъ старикъ Баранкинъ обзнакомиться съ новымъ писарькомъ-то. Давай, милушка мой, жить въ согласіи и въ дружбѣ... Вотъ чтó я скажу... Знаешь, чай, слыхалъ Баранкина?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Лиссабонскій:—не слыхалъ, не знаю...

— Ну—узнаешь. Баранкина всѣ знаютъ, дружочикъ мой, всѣ-э! На-ко вотъ, прими гостинчику, посненькаго?..

Старичокъ отвернулъ полу и досталъ изъ кармана панталонъ бутылку водки съ надписью «Русское Добро»...

— Я не пью! сказалъ Лиссабонскій.

— Э? Чего такъ?

— Такъ, не пью! Не научился... Не могу!

— Э-э-э̄, какой ты! А ты привыкай помаленьку... Надо! У насъ безъ водки нельзя... Н-не думай!

— Ну ужъ, что дѣлать, раньше не научился, теперь привыкать поздно!.

— Н-ну, инъ не надо! И такъ полюбимъ другъ друга... Я тебѣ скажу: понравился ты мнѣ, право слово, по душѣ... Я врать не люблю, а говорю прямо, что сразу ты мнѣ понравился: вижу, понятливый ты человѣкъ... Вотъ что!

— Спасибо вамъ!

— Право слово, дорого мнѣ, братъ ты мой, что ты человѣкъ, какъ я вижу, хорошій. Вотъ что мнѣ дорого. Я, братанъ мой милый, люблю, чтобы по душѣ, по совѣсти, чтобы помягче... Вѣдь ежели такъ-то, по мужичьи-то взять—кто ты? Писарь! Кто мы?—хозяева твои; мы тебя наняли, платимъ тебѣ деньги, слѣдовательно ты и обязанъ намъ служить. А я не такъ: съ хорошимъ человѣкомъ надобно по хорошему, а не по худому... Видишь, я вотъ и пришелъ къ тебѣ, самъ пришелъ, чтобы, значитъ, ты также меня понималъ. А скажу я тебѣ, въ веселый ты часъ къ намъ попалъ... Ты пришелъ, и бумага какая-то пришла пріятная...

— Да! сказалъ Лиссабонскій.—Вотъ пришло двѣ бумаги, и я не знаю, чтó мнѣ съ ними дѣлать? Въ одной пишутъ: выдать пособіе, а въ другой— взыщи, и точь-въ-точь съ однихъ и тѣхъ же крестьянъ, и копѣйка въ копѣйку и тамъ и тутъ. Кому-жъ—крестьянамъ или казнѣ?

— И объ-ччомъ! Казнѣ... Казна-матушка царская вел-лика! Вел-лика! Н-ну, авось она какъ-нибудь и перетерпитъ... А вотъ я тебѣ что скажу, только скажи ты мнѣ, любишь ты ветчинку хорошенькую, копчененькую? А коли любишь, такъ ужъ окорочекъ я тебѣ безъ сомнѣнія представлю, потому, милушка ты мой, коптильня у меня есть, и большая, и хорошая... Только, милушка, ветчинку-то купить надобе, ку-у-упить ее надобе, свининку-то купить надобе, ку-у-упить ее надобе, свининку-то, голубеночекъ мой, ее надо на де-е-нежки, охъ, на денежки, миланчикъ мой! А де-е-нежки-то, миламурчикъ мой, всѣ-то денежки-то мои, махонькія, всѣ-то мужички разобрали, да по дворамъ растаскали, да и не отдаютъ, купидончикъ ты мой! А свинина-то дешева стала, вотъ-бы ее купить теперича, анъ она къ рождеству-то и ветчиной-бы обернулась, и окорочекъ-то-бы у тебя къ праздничку Христову былъ; анъ денежокъ-то нѣтъ—всѣ въ расходѣ да въ разбродѣ... А въ карманѣ-то у Баранкина однѣ записки да росписки... Вотъ, милушка, доброе твое сердце и должно понять это, да старичка-то въ обиду не дать... Старичку-таки, голубь мой, кормиться надо, надобно ему и подсобить... А росписки - есть. Ты что? Ты думалъ, старикъ зря? Н-нѣтъ, мой сизокрылый голубчикъ, росссписсски! Ффформенныя.. «при первой возможности». Все форменныя! Тутъ ужъ безъ обману!.. Время, время учитъ нашего брата... Я вонъ лавчонку имѣю, съ городомъ дѣлишки дѣлаю, а въ городѣ-то все вексельки берутъ... Знаешь, вексельки? Все одно бумажка махонькая, а шея трещитъ отъ нея, трещитъ! А здѣсь-то все на совѣсть было прежде, все на совѣсть—ну, это вышло будто и не подкадриль одно-то къ другому: тамъ векселекъ, а тутъ совѣсть, анъ оно и тово... не вполнѣ спокойно...И тутъ стало-быть надо росписочки, бумажки, и бумажки ффо-оорменныя, голубь мой бѣлоснѣжный! Охъ, форменныя!.. И всѣ у меня бумажечки-то форменныя, кррѣпкія, прекрѣпчайшія: и «по востребованію», и «немедленно», и «въ противномъ случаѣ»—все есть, нельзя, дружокъ молоденькій, нельзя... Накось вотъ, посмотри, какія тутъ у меня есть бумажечки... Всеее форрменныя...безъ отмѣны, безъ послабленія, а этого я только и хочу—безъ ссоры, безъ брани, а по тихому... А могу! Передъ Богомъ могу!.... Почтайко-сь!

Старичокъ вручилъ намъ цѣлый пукъ исполнительныхъ листовъ и рѣшеній волостного суда, листовъ и рѣшеній такого рода, что мы немедленно-же увидѣли въ немъ злѣйшаго кулака и міроѣда; условія Фишера были ничто въ сравненіи съ этими форменными бумажками, которыя представляли собою поистинѣ нѣчто потрясающее.

— Н-ну, какъ по твоему? Вполнѣ-ли по закону? Да я и самъ знаю; тоже имѣемъ знакомство, кой-гдѣ и у насъ есть руки наши... И видишь ты, могу вѣдь я и не по тихому сдѣлать, а не хочу... Вотъ я тебѣ и говорю, по чести, по мягкому моему ндраву: деньги эти казенныя ты въ казну не отдавай, а отдавай ты ихъ мнѣ. Вотъ какъ бу-

деть по хорошему-то, а не по худому. Потому, всѣ эти самые народы, которые тамъ въ спискахъ-то, они и есть мои должники.

И въ самомъ дѣлѣ, переглядывая вновь его форменныя росписки, мы опять наткнулись на тѣ самыя имена, что и въ двухъ бумагахъ; тотъ-же Перепелкинъ, Офицеровъ, Ворокуевъ и т. д.

— Слѣдовательно, сказалъ старичокъ: — отдай ты деньги мнѣ, и будетъ это дѣло кончено потихоньку... А окорочекъ представлю—ужъ это безъ сомнѣнія...

Старикъ долго бормоталъ какія-то ласковыя слова и сулилъ разныя копченыя блага; но ни я, ни Лиссабонскій не могли выйти изъ состоянія, весьма близкаго къ оцѣпенѣнію, всматриваясь пристальнѣе въ форменныя бумажки старика. Можете представить, что и цифра долговъ, предъявляемыхъ имъ, была въ итогѣ та-же самая, какъ и въ двухъ другихъ предъявленіяхъ, т. е. 876 р. 34 к. Такимъ образомъ оказывалось три формальныхъ требованія, которыя необходимо было удовлетворить: выдать пособіе, собрать недоимки и уплатить Баранкину по законнымъ обязательствамъ; всѣ бумаги—формальныя, съ печатями и т. д.

— Ну, сказалъ я Лиссабонскому:—вотъ ты не воръ, не пьяница, не агитаторъ и не невѣжда. Ты стоишь на высшемъ, чѣмъ воры и пьяницы, нравственномъ и умственномъ уровнѣ—какъ ты поступишь? Всѣ требованія законныя, вездѣ, даже о выдачѣ пособія есть выраженіе «въ противномъ случаѣ»... А вѣдь это что̀ означаетъ?

Не помню, отвѣчалъ-ли что-нибудь мнѣ Лиссабонскій, потому что комната моментально наполнилась массой народа. Откуда-то явились всѣ эти Перепелкины, Офицеровы, Ворокуевы и т. д. Помимо уличнаго холода, который пришелъ въ комнату вмѣстѣ съ ними, они внесли въ самихъ себѣ, въ своихъ фигурахъ и выраженіяхъ лицъ, холодъ ихъ избъ, какую-то озяблость своего существа до самаго нутра, до послѣдней капли крови. Истертые, коляные отъ дождей полушубки сидѣли на нихъ какъ чужіе и походили на какія-то латы, сдѣлавшіяся широкими; изъ широкихъ воротовъ высовывались голыя шеи, иззяблыя выраженія лицъ и мертвохолодныя бороденки; даже не обындевѣли эти бороденки; такъ были тощи, худы и внутренно промерзли ихъ обладатели...

— Что, голубчики! заговорилъ сиплымъ голосомъ Офицеровъ, крестьянинъ, бывшій когда-то въ солдатахъ:—сказываютъ, гостинчикъ намъ есть... Али зря болтаютъ?

— Есть! глухо сказалъ Лиссабонскій, и моментально въ комнатѣ настала поразительная, поистинѣ, потрясающая тишина. Народъ замолкъ, остолбенѣлъ отъ восторга и радости, и только что-то какъ будто шуршало, шелестило въ воздухѣ... Это шелестили коляныя овчины рукавовъ, касаясь груди... Крестился народъ тихо, трепетно, боязливо, а изъ глазъ его падали горячія, кипящія жгучимъ жаромъ слезы. Изъ глубины обмерзлаго нутра хлынули онѣ, растопили этотъ ледъ души и тѣла, и текли по щекамъ, по бородамъ, по холоднымъ кривымъ, уродливымъ пальцамъ... Это было во снѣ, но вовѣки я не забуду этой минуты. Замерли и мы, посторонніе люди; но вдругъ тотъ, кого звали Офицеровымъ, повернувъ лицо въ сторону для того, чтобы отереть залитое слезами лицо полою полушубка, случайно увидалъ Баранкина. Увидалъ и замеръ, полусогнувшись и держа въ рукѣ конецъ полы, и полными слезъ глазами глядѣлъ на Баранкина.

— Ты тутъ зачѣмъ? заговорилъ онъ зловѣщимъ и въ то-же время рыдающимъ голосомъ, приближаясь лицомъ къ Баранкину.—Пррроню-халъ?

Офицеровъ не разгибался, а еще болѣе присѣлъ, уперся обѣими руками въ раздвинутыя колѣни и, какъ-бы намѣреваясь «прянуть» на Баранкина, уже не голосомъ, а «сипомъ» змѣинымъ зашипѣлъ:

— Кр-рови н-нашей насосаться пришелъ? Кровушки че-ло-вѣ-чей захотѣлъ пососать?..

На мгновеніе водворилось молчаніе; Баранкинъ не могъ оторвать глазъ отъ этого мокраго, но звѣрски ожесточеннаго лица Офицерова и трясся отъ злости... Это продолжалось мгновеніе. Офицеровъ выпрямился, вытянулся во весь ростъ, подошелъ вплотную къ Баранкину, такъ-что животомъ касался и напиралъ на его лицо и тутъ же ткнулъ ему въ губы кукишъ, прибавивъ:

— На!

И еще ткнулъ, и еще прибавилъ:

— На! Еще на!

— Перестань, разбойникъ! завопилъ наконецъ Баранкинъ; но Офицеровъ не переставалъ; онъ только отошелъ отъ Баранкина на одинъ шагъ и, не теряя злобнаго выраженія въ лицѣ, продолжалъ:

— Я т-тебя, зм-ѣю, насквозь вижу! Это ты наши сиротскія-то крохи хочешь отнять? Это ты кровь-то, послѣднюю-то кровь хочешь выпить? Али мало пилъ? Не насосался? Ну, такъ, змѣя ты проклятая, не придется тебѣ пососать-то! Царскія деньги! слышишь, проклятая душа!.. У меня мальчонка, сынъ шестнадцати годовъ, помираетъ, а ты пришелъ отымать помощь! Бутылку водки писарю принесъ? Разобью объ голову—и отвѣту не будетъ... Ты взыскивай, разбойникъ, дьяволъ васъ знаетъ, какъ вы тамъ счета пишете—пиши, пиши тамъ, я тебѣ потомъ сочту все!.. А этихъ денегъ не будетъ тебѣ, подлецу! Пронюхалъ! Носъ твой поскудный розорву на двадцать частей! Ахъ ты, удавиться бы тебѣ ноне ночью, разбойникъ ты этакой! Вѣдь ты грабитель! Вѣдь ты душегубецъ! Вѣдь ты разоритель, гадина ты эдакая! И противъ тебя нѣтъ управы? Тебѣ надо ветчинки, а мнѣ не надо? Ему не надо? Не надо всѣмъ! Ахъ ты, преисподній ты смрадъ, ахъ ты... Да вѣдь я тебя плевкомъ пополамъ перешибу, ежели на то пойдетъ...

Я не въ силахъ передать того потрясающаго впечатлѣнія, которое произвели проклятія, сыпавшіяся изъ устъ Офицерова. Голосъ его, сначала какъ бы съ трудомъ протискивавшійся сквозь стиснутые зубы, съ каждой минутой дѣлался все болѣе и болѣе выразительнымъ, проникалъ съ жгучей страстностью, рѣчи дѣлались короче, отрывочнѣй, но жгли и Баранкина, и Офицерова, и всю

публику какъ огнемъ. Офицеровъ поблѣднѣлъ, потъ градомъ лилъ съ его лица, всклоченные волоса прилипли къ худымъ вискамъ, и по мѣрѣ того, какъ въ голосѣ его начали слышаться уже рыдающія ноты, тѣ-же, какіе-то отрывочные, но рыдающіе звуки послышались и въ толпѣ... Она говорила тоже о ненасытности Баранкина, говорила по словечку, глухо и какъ-бы всхлипывая...

. . . .

Не помню, чѣмъ кончилась эта сцена. Помню одно, что деньги были отданы тѣмъ самымъ лицамъ, которымъ они предназначались по спискамъ земской управы. Помню и Баранкина, уходившаго послѣ всѣхъ, его ожесточенное лицо и слова, сказанныя Лиссабонскому:

— Ну, миловидный мой писарекъ, разговорецъ у насъ съ тобою будетъ особенный... Особенный у насъ будетъ съ тобой обиходъ...

Сильно хлопнувъ дверью, Баранкинъ исчезъ.

— Скажи, пожалуйста, неужели-же я долженъ былъ деньги эти зачесть въ подати, или отдать міроѣду? Вѣдь если сочли нужнымъ помогать людямъ, стало быть знаютъ, что у нихъ нѣтъ!.. Не правда-ли?

Что отвѣчалъ я Лиссабонскому—не помню... И комната волостного правленія, и Лиссабонскій исчезли невѣдомо куда, и сонъ принялъ безпорядочный, отрывочный характеръ; мѣста и лица мѣнялись, слѣдуя съ поразительной быстротой одни за другими...

...Вижу я деревенскую улицу, заваленную снѣгомъ; по срединѣ бѣлой дороги, не смотря на то, что на дворѣ поздній вечеръ, ясно видна группа мужиковъ... Это тѣ самые Офицеровы, Ворокуевы и т. д., которые только что получили пособіе... Шумъ и говоръ между ними, и смѣхъ даже слышится: рады, веселы, благодарны; поминутно снимаютъ шапки, крестятся...

— Что, язва сибирская? остановившись около дома Баранкина, произноситъ Офицеровъ.—Взялъ?

- Что? вопрошаетъ тотъ-же домъ другой изъ осчастливленныхъ:—хлебнулъ?

— А было, братцы, подобрался? Ло-о-вко подобрался было... Дай Богъ здоровья писарю-то, писарь-то не пьяница, не воръ... Не пошелъ на его сладкопѣвство. А то-бы сглонулъ.

— Сгло-онулъ-бы! Этому живоглоту...

Вдругъ Офицеровъ не выдержалъ, и со словами:

— Ахъ ты, язвина!—въ дребезги разнесъ стекло въ окнѣ у Баранкина какимъ-то попавшимся на дорогѣ кирпичемъ...

. . . .

Вижу опрятную, теплую-претеплую, хоть и сильно пахнущую маленькими дѣтьми комнату, принадлежащую нѣкоему Іоанну Бенедиктову. Согласно «духу вѣка», Іоаннъ Бенедиктовъ пораженъ страстію. даже не страстію, а сладострастіемъ къ матеріальнымъ благамъ, которыя понимаетъ въ самомъ обжорномъ, такъ сказать, видѣ. Іоаннъ Бенедиктовъ любитъ пряники, сладкое, вообще, что вкусно языку... Когда онъ ѣдетъ по желѣзной дорогѣ и ему приходится видѣть буфетъ, обставленный яствами и питіями, онъ не можетъ оторваться, все трогаетъ рукой—и бутылку, и шоколадъ, и яблоко—онъ трясется... Но вѣдь на все это надо деньги, и Іоаннъ Бенедиктовъ достаетъ ихъ; онъ святѣй святого — что касается его обязанностей. Знаешь молитву Господню? — «Гдѣ намъ знать!» Ну, не вѣнчаю.—«Да у насъ все готово, напекли, наварили, ваше боголюбіе!»—Двадцать пять рублей серебромъ! Даютъ. Онъ не даетъ причастія, если знаетъ, что у человѣка есть въ карманѣ деньги, не даетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, которыхъ въ церковномъ уставѣ множество; не креститъ, не хоронитъ и т. д. Деньги и деньги, а кромѣ денегъ, гуси, окорока, пряники, вино... Голосъ у него тихій, взоръ ангельскій, но въ малѣйшемъ движеніи видна обжорно-сладострастная душа.

Іоаннъ Бенедиктовъ и Баранкинъ, весь дрожащій отъ гнѣва и ожесточенія, строчатъ бумагу... Они - союзники по части ветчины. Тутъ, въ этой ветчинѣ, замѣшаны и церковныя деньги, и староста, у котораго, посмотрите, какой хорошенькій домикъ, а вѣдь старостою всего два года. Іоаннъ Бенедиктовъ строчитъ, а Баранкинъ помогаетъ; староста входитъ тоже взволнованный и растрепанный.

— Что за напасть? испуганно спрашиваетъ онъ.

— А вотъ слушай: казенныхъ денегъ не платитъ.. Камнемъ разнесъ окно... Чистое бунтовство! Пиши: и на мои слова — коли ежели казна требуетъ...

Бѣлый день. Опять снѣжная дорога. Баранкинъ съ бумагой подъ жилеткой, въ легкихъ санкахъ, на дюжемъ рысакѣ, во всю мочь мчался къ тому самому мировому судьѣ, который поставлялъ рѣшеніе на счетъ взысканія Баранкина. Онъ примчалъ однимъ духомъ. Минута—и они бесѣдуютъ, слышатся слова: «Что-жъ это будетъ? Вѣдь рѣшено по законамъ? Камнемъ въ окно!..» Мировой судья, съ носомъ, налитымъ водкой, чувствуя, что душа его ужъ продана чорту, подправляетъ бумагу; писарь Юносовъ, изъ штрафныхъ солдатъ, перебѣляетъ... и опять поле, саночки, вдали станція желѣзной дороги...

— Поговоримъ мы съ тобой, миловидный миламуръ писарекъ!..

Опять большая, даже громадная комната; столы съ бумагами, конторки, въ отдаленіи масса такихъже комнатъ, откуда доносится скрипъ перьевъ. За большимъ столомъ сидитъ лицо въ мундирѣ, передъ нимъ тетрадь съ надписью: «Дѣло о именующемъ себя Лиссабонскимъ, обвиняемомъ...»

— Опять! Боже мой, что это такое? вчера Карповъ, третьяго дня Андреяновъ, сегодня Лиссабонскій—конца нѣтъ!

Какимъ образомъ всѣ три лица, о которыхъ упомянулъ человѣкъ въ мундирѣ, очутились въ комнатѣ—не знаю, но помню, что между ними и лицомъ происходили такіе разговоры:

— Помилуйте, говоритъ Лиссабонскій:—за что же? Вѣдь дѣйствительно пособіе приказали выдать... Почему виновнымъ оказываюсь я, а не Баранкинъ, который довелъ ихъ своими безчеловѣчными требованіями...

— Помилуйте, слышу я голосъ Карпова:—крестьяне сожгли хлѣбъ у г-на N ночью, въ тотъ самый день, какъ я появился въ селѣ и толковалъ съ ними. Я не буду говорить о причинахъ, которыя побудили ихъ стать во враждебныя отношенія съ г. N—дѣло Бобринскаго съ Фишеромъ, и дѣло въ Великихъ Лукахъ разъяснятъ это лучше. Я буду говорить только о себѣ: въ настоящее время всѣми сознано, что улучшеніе крестьянами своего состоянія зависитъ, между прочимъ, отъ улучшенной обработки земли. Я ничего не хочу, я говорилъ только о земледѣльческихъ орудіяхъ, уговаривая ихъ купить молотилку. Теперь они пользуются молотилкою г. N, который беретъ съ нихъ за часъ. Я уговаривалъ ихъ купить сообща. Неужели это преступленіе? Вотъ—газета, издаваемая благонамѣренными лицами; извольте прочитать: «въ артели, товариществѣ—спасеніе нашего крестьянства», я говорю то-же самое. Можно писать въ газетѣ, такъ неужели-же нельзя говорить-то о томъ-же въ деревнѣ? Я прошу вашего снисхожденія выслушать слѣдующій примѣръ. Представьте себѣ, что какая-нибудь фирма, торгующая земледѣльческими орудіями, разослала по деревнямъ агентовъ съ самыми обыкновенными коммерческими цѣлями: какъ можно больше распространить этихъ продуктовъ въ народѣ. Вѣдь всякому такому агенту *непремѣнно* надо будетъ *говорить съ народомъ* и непремѣнно надобно будетъ *проповѣдывать* тѣ самыя идеи, которыя проповѣдывалъ я, *непремѣнно* надобно будетъ говорить о томъ, какая выгода въ пріобрѣтеніи собственнаго инструмента, надо говорить, что деньги, которыя вы за него платите кому-то, останутся у васъ въ карманѣ и т. д. Безъ *такихъ* разговоровъ нельзя обойтись никому, никакому самому скромному дѣятелю въ народѣ.

— Однакожъ подожгли!

— Но, позвольте...

. . . .

— Въ свое оправданіе, слышу я голосъ Андреянова: — я могу сослаться на § такой-то устава —скаго ссудо-сберегательнаго товарищества, гдѣ сказано, что имущество крестьянъ — такое-то и такое-то, — не можетъ быть продано для уплаты долга товариществу, такъ какъ такая продажа разстраиваетъ ихъ благосостояніе и ослабляетъ платежную силу. Уставъ утвержденъ г-мъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Извольте посмотрѣть. Въ то время, когда купецъ Миломордовъ прибылъ съ урядниками и приставомъ для описи имущества и когда урядникъ, выстрѣливъ изъ револьвера въ цыпленка, ранилъ при этомъ женщину и хотѣлъ стрѣлять въ овцу, я, будучи членомъ правленія ссуднаго товарищества и состоя письмоводителемъ, замѣняющимъ предсѣдателя въ его отсутствіе, вышелъ и объявилъ, что такъ какъ, согласно § устава, всѣ члены товарищества отвѣчаютъ своимъ имуществомъ, то, во-первыхъ, лишать ихъ имущества, обезпечивающаго ссуду государственнаго банка, нельзя, ибо банкъ—учрежденіе правительственное, а Миломордовъ только міроѣдъ, и что, кромѣ того, согласно §, то имущество, которое хотѣли описывать, *не можетъ* быть описано, ибо параграфъ утвержденъ, какъ я уже доказывалъ, господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ...

— Однако послѣ вашихъ словъ крестьяне оказали сопротивленіе. Урядникъ Двуглавовъ получилъ по-уху.

— Но, позвольте. Въ § 123.

. . . .

Вижу вокзалъ желѣзной дороги. Отправляютъ почту. Сонное состояніе позволяетъ мнѣ видѣть, что въ одной изъ сумокъ лежитъ толстый пакетъ за семью печатями, а въ пакетѣ немного менѣе десятка дѣлъ; тутъ и о Лиссабонскомъ, и объ Андреяновѣ, и о Купріяновѣ, и всѣ обвиняемые.. Вижу Петербургъ въ 9 часовъ утра, когда приходитъ почта. Бѣгутъ со всѣхъ концовъ Россіи кучи, горы пакетовъ, и все Лиссабонскіе, Андреяновы и Купріяновы, и все съ вредными разговорами. Вижу лицо: распечатало оно всѣ пакеты, всплеснуло руками и возопило:

— Одновременно во всѣхъ деревняхъ!.. Нѣтъ, тутъ надо безъ послабленія...

И опять ночь, и снѣгъ, сугробы снѣга, елки... елки и тройки... тройки и колокольчики... А на тройкахъ Лиссабонскіе, Андреяновы, Купріяновы... Только колокольчики позвякиваютъ да полозья скрипятъ. Даль, тьма...

III.

На мгновеніе я ничего не видалъ во снѣ, но ухо мое не переставало слышать звуки колокольчиковъ; они то замирали вдали, то слышались громче. И въ самомъ дѣлѣ, они съ каждымъ мгновеніемъ стали явственнѣе доноситься до моего уха и наконецъ заговорили полнымъ звукомъ... Что-же это такое однако? Я опять въ волостномъ правленіи; опять тѣ-же стѣны, тотъ-же сундукъ, тотъ же шкафъ, но Лиссабонскаго нѣтъ; на столѣ лежатъ не распечатанными два пакета, изъ-за которыхъ случилась вся разсказанная исторія. Очевидно, что ничего этого не было; но, продолжая грезить и сознавая, что все это дѣлается во снѣ, я чувствовалъ, что что-то будетъ. И точно, едва только бубенчики замолкли, какъ мнѣ показалось подъ самыми окнами волостного правленія, какъ въ комнату ввалился грузный человѣкъ въ бобровой шапкѣ и въ лисьемъ пальто, съ бобровымъ воротникомъ. Это былъ старшина. И я еще разъ убѣдился, что мнѣ пригрезилось Богъ знаетъ что, потому что безъ старшины ничего подобнаго тому, что сдѣлалъ Лиссабонскій, нельзя было ни подъ какимъ видомъ. Но меня интересовало, что именно будетъ сдѣлано теперь. Вслѣдъ за старшиной вошелъ писарь, проворный и ловкій парень, по фамиліи Загалстуховъ; оба они — и старшина, и писарь—раздѣлись, поотогрѣлись, поразмялись и приступили къ разборкѣ дѣлъ.

— Читай; что въ бумагахъ? сказалъ старшина.

Писарь прочиталъ бумагу о пособіи.

— Читай другую!

Писарь прочиталъ о взысканіи.

— Ну, какже быть теперь? спросилъ старшина. — Вѣдь въ обѣихъ «въ противномъ случаѣ» прибавлено, а это слово—у меня вотъ гдѣ.

Старшина показалъ на затылокъ.

Писарь повертѣлъ бумаги въ рукахъ, поглядѣлъ въ списки и произнесъ:

— Очень просто!

— Ужъ улядь!

— Будетъ въ аккуратѣ сдѣлано!

— То-то, чтобъ... Я ужъ сиживалъ... знаю... ужъ пожалуйста, чтобы—вполнѣ!

— Авось знаю! Чего ты?

— То-то!..

Въ это время вошелъ Баранкинъ, помолился Богу, поздоровался со старшиной, съ писаремъ, вынулъ бутылку водки, шепнулъ писарю что-то на ухо; писарь взялъ бутылку, поглядѣлъ на ярлыкъ и отнесъ ее въ уголъ, за кассовый сундукъ. Порѣшивъ съ писаремъ, Баранкинъ взялъ подъ руку старшину, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ въ сѣни и, поговоривъ тамъ минуты двѣ, возвратился назадъ вмѣстѣ съ старшиной.

— Ну, ладно! Песъ съ тобой! Будь по твоему! сказалъ старшина Баранкину, войдя въ комнату, и, обратясь къ писарю, прибавилъ:

— Слышалъ что-ль, что̀ старый хрычъ-то желаетъ?

— Я и такъ знаю!

— Можно?

— Очень просто!

— Ну—инъ пущай! Обладимъ!

Немедленно послѣ этого разговора, росписки, хранившіяся въ карманѣ Баранкина, очутились на столѣ; писарь положилъ ихъ посреди бумагъ о пособіи и взысканіи и расправлялъ рукой. Офицеровъ, Недобѣжкинъ, Ворокуевъ и всѣ прочіе явились немедленно.

— Что, господа, сказалъ Офицеровъ:—говорятъ, гостинчикъ есть намъ, горькимъ?

— Кажется бы, помолчать можно, покуда не спросятъ, сказалъ писарь.—Ты видишь, дѣлами занимаемся.

— Это-то я вижу, а зачѣмъ вы Баранкина-то къ нашей крови припускаете?

— Какой такой крови? Что здѣсь за бойня? Ты видишь, чей тутъ портретъ? Смотри, братъ...

— Это все мы видимъ...

— То-то, помалчивай. Гостинчикъ!..

Настало мертвое молчаніе. Холодные, промерзлые до нутра люди стояли окаменѣлыми столбами, не шевелясь и не двигаясь ни однимъ членомъ. Глаза выражали напряженное ожиданіе, и толстыя налившіяся кровью жилы на худыхъ шеяхъ бились съ горячечною скоростью...

Писарь шумѣлъ бумагами; старшина и Баранкинъ, глядя въ разныя стороны, барабанили по столу пальцами и по временамъ вздыхали.

— Офицеровъ! произнесъ наконецъ писарь.

Офицеровъ выступилъ впередъ.

— Тебѣ пособія двадцать восемь рублей.

— Благодаримъ покорно.

— Погоди благодарить-то. Послѣ поблагодаришь.

— Какъ угодно. Мы готовы.

— Да взыску съ тебя, продолжалъ писарь:— вотъ ему, Баранкину, столько-же.

— Отдадимъ... Вы пособіе-то пожалуйте намъ... Вы сначала дайте, что̀ намъ слѣдуетъ, а потомъ ужъ и о Баранкинѣ...

— Вотъ твои деньги, сказалъ старшина, держа въ рукахъ пачку денегъ:— видишь что-ль?

— Да вы въ руки-то потрудитесь...

— Аль мои руки хуже твоихъ? Украду что-ли я ихъ?

— Зачѣмъ украсть, а какъ сказано въ бумагѣ отдать, такъ и отдать-бы...

— А вотъ въ роспискахъ тоже сказано отдать, а ты не отдаешь:—это какъ?...

— Пускай взыскиваютъ... А способіе надобно на руки...

— Я и отдамъ на руки, только не тебѣ... Намъ сказано наблюдать законъ, за это нашего брата не хвалятъ... На, Баранкинъ, получи!

Баранкинъ взялъ деньги, а писарь, показывая Офицерову росписку, сказалъ:

— Вотъ твоя росписка, теперь ты расквитался.

И разорвалъ ее.

— Покорно васъ благодаримъ! весь зеленый отъ гнѣва сказалъ Офицеровъ.—Благодаримъ, что исполняете законъ... Какъ-же, позвольте васъ спросить, теперь мы Баранкину деньги отдали, а какъ-же насчетъ казны? Опять выбивать будете? Изъ чего же теперь вы выбивать-то будете... царю-то?

— А ты меня попроси, сказалъ Баранкинъ:— Я, милый мой куманекъ, пустошь взялъ въ аренду у господина Онѣгина, такъ, ежели на то твоя будетъ воля, бери подъ работу... Я дамъ. Работа легкая—косьба. Коли что—дамъ, передъ Богомъ.

Офицеровъ молчалъ, но такъ смотрѣлъ на Баранкина, что меня морозъ подиралъ по кожѣ. Баранкинъ долго и ласково говорилъ о работѣ и о томъ, что готовъ дать денегъ, но Офицеровъ молчалъ, какъ убитый.. Наконецъ онъ вдругъ какъ-то ослабъ, вздрогнулъ и, безпомощно опустивъ руки, сказалъ.

— Н-ну, давай!.. что-жъ... Я буду...

— Вотъ и добре. Сейчасъ и условьице... Ну-ка, милушка!

Писарь, къ которому относились эти слова, немедленно выхватилъ изъ кучи книгъ, лежавшихъ на столѣ, книгу условій и опытной рукой настрочилъ условіе. За 25 рублей Офицеровъ обязывался выкосить территорію величиной съ Великобританію, обязывался кучами неустоекъ, подвергая себя всякимъ египетскимъ казнямъ, и въ задатокъ получилъ 15 руб. Офицеровъ въ концѣ условія приложилъ три креста...

— Получай деньги! сказалъ Баранкинъ, отсчитывая изъ полученныхъ денегъ три пяти-рублевки. Но едва Офицеровъ протянулъ руку къ деньгамъ, какъ Баранкинъ вмѣсто того, чтобы вру-

чить ему ихъ, быстрымъ движеніемъ руки описавъ надъ столомъ кривую линію, вручилъ ихъ старостѣ со словами:

— Вотъ и казну-матушку почтимъ! Получи недоимку-то!

— А мнѣ-то?

Эти слова несчастный Офицеровъ не произнесъ, а крикнулъ, какъ малое дитя, и этотъ тонъ горькой обиды, обиды, доведшей большого, рослаго и немолодого мужика до того, что онъ почувствовалъ въ себѣ безпомощность ребенка и ребячьимъ крикомъ выкрикнулъ слова обиды, тонъ этихъ словъ—«А мнѣ-то?»—хваталъ за душу.

— А мнѣ-то что-жъ? повторилъ Офицеровъ, еще болѣе чувствуя себя безпомощнымъ и жалкимъ.— У меня сынъ помираетъ!.. Дайте, господа! въ ножки вамъ...

Зато старшина, писарь и Баранкинъ, благодаря этому дѣтски-безпомощному состоянію Офицерова, сразу почувствовали въ себѣ какую-то внутреннюю или, нѣтъ, прямо физическую силу, физическое спокойствіе и непреклонность. Они чувствовали, что изъ Офицерова и всѣхъ другихъ его товарищей, присутствовавшихъ въ комнатѣ, «хоть веревки вей»: такъ всѣ они ослабли духомъ.

— А ты подумалъ-ли, спокойнымъ и поучающимъ тономъ проговорилъ старшина, постукивая рукою съ деньгами по столу,—подумалъ-ли ты, сколько разовъ я сиживалъ за вашего брата въ холодной? И что-жъ! и теперича вы меня, передъ праздникомъ-то Христовымъ, хотите въ темную упечь? а?

— Да дай хоть что-нибудь! Господи Боже мой! Вѣдь что-жъ это такое? Вѣдь тутъ ужъ послѣдніе способа... Царица небесная, что это такое!..

— Иванъ Абрамычъ (такъ звали старшину), вступился Баранкинъ:—ты того—помягче... Уступи... Ну, хоть что-нибудь!.. Какъ-нибудь по божьи... по сусѣдски!

— Да хоть что-то-нибудь дайте—что-жъ это такое? Вѣдь это... Господи помилуй!..

— Свинья у тебя есть? какъ бы въ раздумьи спросилъ старшина.

— Поросенокъ есть, а такъ, чтобы свиньи—нѣту!

— Что поросенокъ... Мнѣ свинина нужна... Нетели велики-ли?

— Одна нетель есть... Купи хоть нетель-то!..

— Только что именно изъ-за одной твоей нужды —больше ничего... два цѣлковыхъ дамъ. Получи.

— Да прибавь хоть что-нибудь изъ казеннаго-то? Господи ты Боже мой... Абрамовъ! Вѣдь! братецъ ты мой, на томъ свѣтѣ есть судія...

— Вотъ тебѣ еще трешна—и ступай-ступай!

Офицеровъ взялъ молча пяти-рублевую бумажку (старшина сказалъ: «За нетель потомъ вложу свои въ подати-то»), постоялъ, подумалъ и, видимо приходя въ себя, проговорилъ:

— Вотъ она, кровь-то наша гдѣ!..

. . . .

Какъ я очутился на дворѣ, на морозѣ—не помню; знаю только, что я какъ будто хотѣлъ очнуться, заглотнуть свѣжаго воздуха; я дѣйствительно дѣлалъ глубокія вдыханія и въ то-же время слушалъ, что происходитъ внутри волостного правленія (я стоялъ у окна). Тихо было внутри большой комнаты; слышался только гулъ разговаривающихъ и по временамъ слово «кровь», произносимое на разные тоны. Минутъ черезъ пять съ крыльца правленія спускался, послѣ вышеописаннаго разсчета, мужикъ и, надѣвая шапку обѣими руками, шепталъ то-же слово... Онъ сдѣлалъ два-три шага по улицѣ и опять сказалъ «кровь». Еще черезъ пять минутъ выходитъ другой мужикъ, также разсчитавшись... И такъ—всѣ. Они плелись по улицѣ одинъ за другимъ вялою поступью, какъ осеннія мухи, и не знаю, какимъ образомъ всѣхъ ихъ я вдругъ увидѣлъ вмѣстѣ въ маленькомъ, жаркомъ кабакѣ. Здѣсь ужъ шелъ громкій говоръ и слово «кровь» произносилось не шопотомъ, а громко, во всю мочь.

— Дурачье! возопилъ въ толпѣ находившихся въ кабакѣ крестьянъ чей-то посторонній голосъ,— Дур-рачье!..

— Кто ты такой? Какъ смѣешь ругаться?

— Это лакей чей-нибудь. Ты зачѣмъ сюда залѣзъ, лизоблюдъ?

— Какой я лакей! гордо сказалъ неизвѣстный человѣкъ весьма подозрительнаго вида.—Я—уровень».

— Какой-такой?

— Просто—уровень! Безъ всякихъ прочихъ... Умственный и нравственный.

— Это, ребята,—оборотень. Бей его!

. . . .

Въ волостномъ правленіи все было кончено; всѣ разошлись; веселъ ушелъ Баранкинъ и доволенъ былъ старшина. Много накупилъ онъ по сходной цѣнѣ разной живности и провизіи, и подъ Рождество повезетъ ее на широкихъ розвальняхъ въ городъ на базаръ; Баранкинъ немедленно пустился на бойкомъ рысачкѣ по окрестностямъ скупать свинину. У писаря къ празднику въ карманѣ жилета тоже шевелилась красненькая. По удаленіи изъ волостного правленія публики, онъ откупорилъ бутылку водки, стоявшую за шкафомъ, выпилъ залпомъ три рюмки, взялъ листъ бѣлой бумаги и, описавъ перомъ въ воздухѣ нѣсколько зигзаговъ и круговъ, какъ ястребъ «палъ» имъ на бѣлую бумагу и побѣжалъ: «Во исполненіе предписанія, честь имѣю доложить, что пособіе въ размѣрѣ роздано, въ чемъ препровождаю росписки: равнымъ образомъ, при неусыпномъ стараніи о взысканіи недоимокъ, таковыхъ, при нынѣшнемъ голодномъ времени, взыскано»...

— Очень просто! Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ! заключилъ писарь, запечаталъ бумаги въ пакетъ и отправилъ. Въ губерніи распечатали, прочитали и сказали:

— Все благополучно...

Въ то время, когда писарь дописалъ послѣднюю строчку, изъ кабака вышелъ пьяный Офицеровъ и, бія себя кулакомъ въ грудь, бормоталъ между прочимъ что-то несообразное:

— Я в-васъ успокою!... Вотъ Богъ свидѣтель, отецъ нашъ .. Я сссебя не пожалѣю, а ужъ удостовѣрю!... Ужъ, да!

Я проснулся.

Открывъ глаза, я увидѣлъ, что около меня стоитъ тотъ же Лиссабонскій, только настоящій, живой. Онъ и разбудилъ меня.

— Какими судьбами? съ удивленіемъ воскликнулъ я, изумленный появленіемъ Лиссабонскаго, котораго не видалъ болѣе пяти лѣтъ.

— Разрѣшено! весело улыбаясь, проговорилъ Лиссабонскій.—Ѣду, братъ, въ деревню, въ волостные писаря...

— Зачѣмъ? не безъ ужаса воскликнулъ я, находясь подъ вліяніемъ сна.

— Призываютъ!..Вотъ погляди газету: «съ нравственнымъ и умственнымъ уровнемъ». Только знаешь что... Вѣдь и у грабителя тоже есть уровень, и у всякаго мракобѣсца. Неграбительскій-то уровень позволителенъ-ли?

Не помню, что я отвѣтилъ ему.

II. Дѣловые люди.

Долгое время не приходилось мнѣ потолковать съ Лиссабонскимъ по поводу нашей встрѣчи и по поводу вообще современной жизни. Однажды начавшійся между нами разговоръ былъ прерванъ появленіемъ пріятеля, предложившаго отправиться на сельско-хозяйственный съѣздъ, и разлакомившаго насъ напечатанной програмmой съѣзда, которая, какъ намъ казалось, давала возможность искреннему человѣку сказать хотя пятокъ искреннихъ словъ о народѣ. Но мы горько ошиблись. Прослушавъ часа три не то, чтобы разговоры, а какое-то болотное «булькавіе» — причемъ слова ораторовъ вяло появлялись какъ пузыри на болотѣ, беззвучно лопались, не оставляя впечатлѣнія, даже звука,—мы оставили залу засѣданія съ какимъ-то безжизненнымъ душевнымъ утомленіемъ.

Когда мы шли на съѣздъ, у насъ были вопросы и интересъ въ разрѣшеніи ихъ; когда мы шли со съѣзда, не было у насъ ни вопросовъ, ни интересовъ, а было неотразимое угнетающее впечатлѣніе какого-то нездороваго «бурчанія»,—бурчанія, въ которомъ какъ-то коллективно слилось: бурчаніе гнилого болота и разстроеннаго желудка и еще болѣе разстроенной мысли...

Двѣ недѣли послѣ этого гипнотическаго сеанса не хотѣлось ничего читать, ни о чемъ думать, ничѣмъ интересоваться... Возьмешь газету и едва только встрѣтишь что-нибудь вродѣ: «земельные надѣлы крестьянъ»... или «какъ извѣстно, малоземеліе»... или «улучшенная обработка»...—и валится изъ рукъ газета, потому что «бурчаніе» по всѣмъ этимъ «*насущнымъ*» вопросамъ неотразимо встаетъ въ воспоминаніи. А тутъ эти безконечныя, отупляющія, даже окаменяющія вѣсти о голодѣ: сегодня пишутъ о мальчикѣ, который съѣлъ свою ногу передъ смертью отъ голода, завтра о женщинѣ, которая повѣсилась также отъ голода, а послѣ завтра—и безконечно изо дня въ день—все новыя и новыя, и все болѣе и болѣе невѣроятныя и отупляющія извѣстія. Тутъ-же среди этихъ ужасовъ толкутся какіе-то благодѣтели, требующіе корокъ на прокормленіе милліонныхъ массъ, рѣшающіеся сушить ихъ на собственный счетъ; тутъ-же и «Ѳедя съ Машей, пожертвовавшіе 2 рубля», тутъ-же и крики на бездѣліе, и мѣропріятія, и звуки благороднаго образованія—и въ концѣ-концовъ надъ всѣмъ этимъ и между всѣмъ этимъ то же самое «бурчаніе» плѣнной мысли и плѣнной энергіи...

Не только для разговоровъ съ Лиссабонскимъ не было ни малѣйшаго предлога, но и охоты къ нему совершенно ни малѣйшей не чувствовалось. Въ такомъ-то гнетущемъ душевномъ состояніи пришло мнѣ на умъ уѣхать на денекъ изъ Петербурга въ деревню.

Не безъ чувства величайшаго удовольствія очутился я въ вагонѣ Николаевской дороги въ вечеръ того самаго дня, когда мнѣ пришла мысль уѣхать въ деревню. И еще больше удовольствія испыталъ я, когда двинулся поѣздъ, ибо, не смотря на то, что путь мой былъ не дологъ и удаленіе изъ Петербурга не на долго, все-же таки Петербургъ хотя на нѣкоторое время уходилъ отъ меня; я на время, на нѣсколько дней, могъ позабыть его, фактически долженъ былъ остаться внѣ ежедневныхъ интересовъ петербургскаго дня (за разстояніемъ и невозможностью получать газеты), т. е. вообще имѣлъ возможность механически облегчить свое душевное состояніе. Деревня не особенно привлекала меня; но я твердо зналъ, что тамъ есть кой-какія новости, новости деревенскія, и хотя маленькія, но реальнѣйшія, и стало быть способныя интересовать васъ въ самомъ дѣлѣ, а не такъ только, чтобы кое-какъ убить время.

Въ четвертомъ часу утра, когда еще надъ снѣжными равнинами лежитъ глухая, темная, непробудно-сонная ночь, я долженъ былъ оставить вагонъ и пересѣсть въ сани. Выйдя изъ вагона на платформу станціи и ища глазами ямщика, я совершенно случайно встрѣтилъ знакомаго крестьянскаго парня Мишу, лѣтъ 20-ти. Оказалось, когда я подошелъ къ нему, что онъ также ѣхалъ съ этимъ-же поѣздомъ, только сидѣлъ въ другомъ вагонѣ.

— Ты зачѣмъ это въ деревню? спросилъ я Мишу, зная, что съ двумя другими братьями онъ жилъ въ извозчикахъ въ Петербургѣ и долженъ былъ пробыть вплоть до весеннихъ полевыхъ работъ.

— Да что! съ горечью самою искреннею сказалъ онъ.—Паранька намутила, подлая.

Паранька—это была та самая дѣвица, о которой я разсказывалъ прежде, что ее не выдавали замужъ, оставляя въ дѣвицахъ, изъ-за сельскохозяйственныхъ интересовъ.

— Что-же такое случилось?

— Самовольски съ женихомъ убѣжала!

Миша сказалъ это съ такимъ ожесточеніемъ, которое меня изумило.

— Безъ отца, безъ матери повѣнчались. Чистая срамота—анафема этакая!

— Хорошъ-ли женихъ-то?

— А песъ ихъ знаетъ, кто онъ тамъ такой... Теперича вотъ изъ-за ней...

Миша не договорилъ, потому что насъ обступили крестьяне, ожидавшіе на холодѣ и въ темнотѣ ночи сѣдоковъ въ ближайшія деревни. Миша и я мы сѣли въ однѣ сани, такъ какъ намъ было по дорогѣ, да кромѣ того въ домѣ Мишиныхъ братьевъ я долженъ былъ взять другую лошадь, собственно ужъ на мызу къ Ивану Ермоланчу,—таковъ обычай, а не необходимость. Почти всю дорогу Миша хранилъ глубокое молчаніе, да и я не разспрашивалъ его; все молчало кругомъ и это молчаніе невольно дѣйствовало на насъ. И извозчикъ, и мы ѣхали молча и молча думали. Я думалъ о поступкѣ Параньки, не понимая, откуда взялась у этой кроткой, терпѣливой и выносливой дѣвушки такая смѣлость, по истинѣ необыкновенная...

Семейство Горшковыхъ, къ которому принадлежали Паранька и Михайло, было одна изъ самыхъ богатыхъ, до сей минуты не дѣлившихся семей. Часто я заглядывалъ къ нимъ, такъ какъ давно уже установился обычай брать у Горшковыхъ лошадей до мызы, хотя въ этомъ на самомъ дѣлѣ не было никакой надобности. И всякій разъ, когда приходилось мнѣ зайти къ нимъ, было-ли то рано утромъ, въ полдень, или вечеромъ, я всегда почти заставалъ самоваръ, за которымъ присутствовали всѣ наличные не занятые работой члены семейства и взрослые, и маленькіе – и всѣ упрашивали пить чай. Всѣ они были ласковы, постоянно говорили: еще «чашечку молочка»,«хлѣбца» и т. д., но, не смотря на эту предупредительность, рѣшительно не понимаю, почему въ семействѣ этомъ я чувствовалъ крайнее стѣсненіе. Въ разговорахъ и взаимныхъ отношеніяхъ домочадцевъ чувствовалась какая-то тягостная напряженность;выходило какъ-то такъ, что не только я былъ чужой въ этой семьѣ, но, казалось, что и всѣ-то члены семейства какъ-бы чужіе другъ другу; чувствовалось, что и между ними — тоже перегородки, холодныя, неискреннія отношенія и что въ этихъ яко-бы семейныхъ отношеніяхъ и въ этомъ семейномъ гостепріимствѣ слишкомъ много (если не все) приличія, внѣшняго, обиходнаго «обращенія», которое разработано въ крестьянскомъ быту весьма обстоятельно. Знакомясь впослѣдствіи съ этой семьей, и вообще съ условіями крестьянской жизни, я сталъ убѣждаться, что чувство не обмануло меня и что въ семьѣ давно уже начался разладъ коренной, и что если семья эта и продолжаетъ держаться не дѣлясь, то только потому, что ее держитъ привычка къ повиновенію умной, крѣпкой и распорядительной бабкѣ, а главное, нерѣшительность кого-либо изъ семьянъ «начать. Казалось, каждый ждалъ, кто первый въ семьѣ начнетъ «бунтовать»?

Разладъ этотъ, начавшій проникать въ семейство, какъ и во всѣ русскія деревни, по мѣрѣ того какъ въ деревню сдѣлался возможнымъ доступъ заработка не исключительно земледѣльческаго,тронулъ описываемое мною семейство уже довольно давно. Покуда семья эта была исключительно земледѣльческая,совмѣстная общинно-семейная жизнь была всѣмъ понятна: всѣ работаютъ одно и то-же дѣло, всѣ потребляютъ вмѣстѣ выработанный продуктъ, всѣ озабочены одной и той-же заботой—успѣшностью земледѣльческаго труда. Все ему подчинено, и подчиненіе это всякому члену понятно. Всякій, въ лучшихъ семьяхъ, подчинялся сознательно требованіямъ одного для всѣхъ труда и равнаго для всѣхъ благосостоянія.

Но вотъ настали новыя времена, ощутилась надобность въ заработкѣ на сторонѣ. Одинъ изъ среднихъ братьевъ семьи Горшковыхъ поѣхалъ въ Питеръ въ зимніе легковые извозчики; другой, тоже средній, сдѣлался лѣсникомъ и сталъ получать жалованье, а вмѣстѣ съ заработками того и другого началось и разрушеніе стройности земледѣльческаго семейнаго союза. Извозчикъ за пять мѣсяцевъ выслалъ сто рублей, а лѣсникъ добылъ только двадцать пять. Спрашивается, на какомъ основаніи онъ, этотъ лѣсникъ, съ такимъ неограниченнымъ аппетитомъ истребляетъ чай и сахаръ. которые явно куплены на деньги извозчика? И кромѣ того, на какомъ основаніи истребляютъ этотъ чай всѣ домочадцы, напримѣръ старшій братъ, который одинъ выпиваетъ въ теченіе сутокъ до восьмидесяти чашекъ (все семейство выпиваетъ въ день примѣрно, до девятисотъ чашекъ чаю съ четвертью фунта сахара на всѣхъ. Вотъ почему, между прочимъ, крестьянинъ,покупая въ лавкѣ сахаръ,всегда прибавитъ фразу: «какого *покрѣпче*»... т. е. чтобъ съ однимъ кускомъ можно было выпить чашекъ пятьдесятъ) и который однако для этого сахару и чаю не ударилъ пальца о палецъ. Въ то время. когда извозчикъ мерзъ по ночамъ, мучился съ пьянымъ, получалъ «въ зашей» отъ «жандара» гдѣ нибудь около клуба или театра, этотъ старшій братъ преспокойно лежалъ на брюхѣ на печкѣ, разсказывая небылицу о томъ, какъ двадцать семь медвѣдей на его глазахъ прошли въ Тихвинъ, на переселеніе, съ дѣтьми, и никого не тронули. Положимъ, что кормились дѣти извозчика въ то время, какъ онъ былъ въ отлучкѣ, но вѣдь лѣтомъ онъ самъ работалъ и они ѣли не чужое. Единственно, что заставляло извозчика терпѣть, это то, что лошадь и сани куплены на общія деньги. Но уже онъ *терпѣлъ*.

Терпѣлъ онъ годъ и два, но уже давно задумывался, высчитывалъ, сколько перешло «своихъ» денегъ, а въ то-же время за нимъ стали «замѣчать», что малый норовитъ «скрыть» часть выручки и старается столько внести въ семью, сколько, по его соображенію, вносили другіе; однажды его дочь-дѣвочка набрала ягодъ за лѣто на пятнадцать рублей (изъ города пріѣзжали покупать), и онъ попробовалъ было не додать той-же суммы изъ извозчичьей выручки. Но бабка не позволила. Другой братъ попроще тоже сталъ задумываться надъ своимъ жалованьемъ и хотя отдавалъ бабкѣ, но тоже подумывалъ и высчитывалъ, сколько

«перешло» на старшаго брата и на дѣтей его. Вонъ Паранькѣ купили платье у татарина, и явно изъ его денегъ, а Паранька—дочь старшаго брата; въ то-же время Паранька сама выработала — драла корку ивняка рублей пятьдесятъ и присвоила эти деньги себѣ; младшій братъ припомнилъ платье, купленное на его деньги, и когда мать этихъ денегъ не отдала, то въ слѣдующій мѣсяцъ, по его счету, у него оказалось жалованье, которое именно ему принадлежитъ. Онъ передалъ, или отъ него перешло лишнихъ за платье; Паранька съ бабкой не отдали его денегъ, такъ вотъ онъ поэтому самъ отымаетъ у нихъ свое жалованье и пропиваетъ.

Всей этой разладицы невозможно изобразить во всей полнотѣ, но въ общихъ чертахъ она происходила, во-первыхъ, отъ сознанія почти всѣхъ младшихъ членовъ семьи, что отъ каждаго изъ нихъ что-то перешло къ другимъ, перешло мое къ другому, и во-вторыхъ, отъ еще болѣе обиднаго сознанія, что и ко мнѣ, къ каждому изъ насъ, перешло чужое Эти двѣ раздирающія спокойствіе духа черты—*мое* и *не мое*—одинаково чувствовались въ каждой мелочи: въ кускѣ сахару, въ чашкѣ чаю, въ платкѣ, въ ситцѣ и т. д. Николай смотрѣлъ на Алексѣя, думая — «мое ѣшь», и чувствовалъ въ то-же время самъ, что и Алексѣево тоже какъ-бы съѣдено имъ, Николаемъ; точно также и Алексѣй чувствовалъ себя неудовлетворительно: напившись чаю сколько хотѣлось, онъ хоть и икалъ не стѣсняясь, чтобы показать, что вотъ молъ напился и напился притомъ «своимъ», но и онъ былъ не искрененъ, чувствуя, что есть тутъ въ чаю или сахарѣ, или въ булкѣ, словомъ, гдѣ-то тутъ, и—вѣрнѣй да и обиднѣй всего—кажется, въ желудкѣ, есть тамъ что-то чужое.

Въ случаяхъ возникавшихъ споровъ, дѣло всегда сводилось на желудокъ: -- «Аль ты у меня въ брюхѣ смотрѣлъ?» или: «Въ брюхѣ, братъ, не видно, что мое, что твое». Вотъ именно это «мое-твое», наблюдаемое всѣми въ каждомъ кускѣ, въ каждомъ глоткѣ, было то, что всякій разъ гнало меня изъ-за стола Горшковыхъ, не смотря на ихъ приглашенія выпить чашечку. Пили они истово, молча, уставясь въ блюдечки, но норовили, какъ мнѣ казалось, по-ровну выпить, и какъ-бы слѣдили (конечно *не подавая виду*), не перепилъ-ли кто кого или не объѣлъ-ли въ чаѣ, въ сахарѣ.

По крайней мѣрѣ взоры, которые бросали они искоса другъ на друга, на своихъ и чужихъ дѣтей - прескверные были взоры. И такая-то тягота чувствовалась во всемъ. Поѣдешь съ однимъ братомъ—другой при встрѣчѣ издалека узнаетъ, много-ль далъ. Станешь отдавать одному изъ нихъ деньги—другой непремѣнно смотритъ во всѣ глаза и въ кошелекъ, и въ руки брату—и, разумѣется, такое напряженное положеніе не могло долго продолжаться.

Вышло такъ, что первая забунтовала Паранька. Оказывалось необходимымъ сшить для нея шерстяное платье. Всѣ мужики долго, года полтора, упирались противъ этой затѣи съ непоколебимою энергіею. Милліонъ разъ, не меньше, было доказано имъ и бабкой, и другими женщинами, и самой Паранькой, которая рыдала горючими слезами множество зимнихъ вечеровъ, что Паранькиныхъ денегъ перешло на мужиковъ больше ста рублей—упирались мужики истинно по-бычачьи. Наконецъ стала рыдать и бабка—тогда рѣшились сшить ей платье.

Отправили сначала старшаго брата «разузнать цѣны» и вообще узнать: въ чемъ тутъ дѣло и во что обойдется—и тотъ надумалъ ѣхать на пристань, верстъ за двадцать пять. Взялъ онъ лошадямъ овса и сѣна и проѣздилъ двое сутокъ, причемъ совѣтывался съ кузнецомъ, коноваломъ и ходилъ по лавкамъ, но ничего не узналъ, не зналъ, какъ спросить, и воротился ни съ чѣмъ. Чтобъ не охладить рѣшимость братьевъ, Паранька стала ревѣть съ той самой минуты, какъ рѣшено было сшить ей платье. Этими слезами она не давала покою мужикамъ, и, благодаря ея усиліямъ, при полнѣйшей неохотѣ, а главное, при полномъ незнакомствѣ «съ этими дѣлами», вслѣдъ за старшимъ братомъ поѣхали оба середніе брата и тоже на пристань, гдѣ лѣсопильный заводъ, а стало быть народъ. Братья тоже путемъ ничего не узнали, но пріѣхали съ убѣжденіемъ, что надо послать бабъ—по возможности, старухъ. Паранька не давала покоя слезами. Старухи поѣхали и воротились въ полномъ испугѣ: меньше какъ за сорокъ цѣлковыхъ никто и думать не берется о платьѣ... Тутъ всѣ братья, и жены, и даже Паранька какъ бы поняли, что дѣло это невозможное, но Богъ спасъ Прасковью. Какой-то солдатъ, будучи на пристани, слышалъ разговоры Горшковскихъ бабъ о платьѣ, понялъ ихъ безпомощность и далъ знать въ драгунскій штабъ, что подъ Новгородомъ, верстъ за сорокъ отъ деревни, гдѣ жила Прасковья. Въ штабѣ нашлась какая-то портниха, которая, воспользовавшись случаемъ (какой-то офицеръ перевозилъ въ Петербургъ рояль), увязалась съ ямщикомъ и на роялѣ пріѣхала къ Прасковьѣ. Вотъ эта-то солдатка и поставила все дѣло на новую ногу. По ея словамъ, все будетъ дешево и хорошо; опять начались разъѣзды, причемъ одного овса лошадямъ стравили больше трехъ кулей—по семи рублей куль, да солдаткѣ на чаѣ, на сахарѣ и на водкѣ въ теченіе шести недѣль, покуда шили и кроили, и перепарывали — извели Богъ знаетъ сколько денегъ, такъ что когда платье было наконецъ готово, и братья сосчитали *все*, такъ оказалось, что можно было бы купить два сруба двѣнадцати аршинныхъ и въ семнадцать звенъ каждый.

Солдатка утащила какіе-то остатки, за которыми тоже гоняли лошадей съ бабами, и платье кромѣ того вышло ни на что не похоже. Впослѣдствіи Паранька неусыпными трудами, а главное «утайками» денегъ, сшила себѣ шелковое платье въ Новгородѣ, купила «казакъ» и пальто и хранила эти вещи въ чужомъ домѣ.

Вслѣдъ за Паранькой началъ бунтоваться середній братъ, извозчикъ; онъ сталъ требовать, чтобы его держали «на отчотѣ», то есть чтобъ поло-

жили съ него опредѣленную сумму денегъ въ годъ, а онъ выручитъ или не выручитъ — отдай. Онъ основывалъ это требованіе на томъ, что лошадь и сани окуплены давнычъ-давно. Но точно-ли онѣ окуплены? Вотъ тутъ и пошли аргументы вродѣ того, что «ты глядѣлъ молъ мнѣ въ брюхо, твое тамъ али мое». Но первый отдѣлился Алексѣй-лѣсникъ и отдѣлился вѣрнѣе, потому что искреннѣе всѣхъ и чаще всѣхъ чувствовалъ тяжесть чужого, которое переходитъ ему. Свое, что лишнее, онъ аккуратно пропивалъ, чтобъ оно никому не доставалось, не такъ какъ Николай, который утаивалъ, но, отрезвившись, не могъ не сознавать, что ѣдалъ онъ и чужое. Для того чтобы рѣшиться на раздѣлъ, онъ сталъ пьянствовать, какъ говорится «не судомъ», пропилъ семьдесятъ рублей — все годовое жалованье, допилъ до драки, оралъ Богъ вѣсть что и только поэтому могъ оторвать себя отъ семьи, отъ привычки къ ней. Въ трезвомъ видѣ онъ не могъ-бы вести корову съ отцовскаго двора, вести своихъ ребятъ, лошадь, тащить сани и т. д. Онъ пьянствовалъ до того, что валялся, подобралъ себѣ компанію пьяницъ и съ ними-то кое-какъ «разорвался» съ родной семьей, перейдя въ небольшой домикъ, принадлежавшій семейству Горшковыхъ и выстроенный ими лѣтъ десять назадъ послѣ пожара. Они всѣ жили въ этомъ домѣ, покуда строился большой домъ.

Послѣ того, какъ отдѣлился Алексѣй, братъ извозчикъ пріѣхалъ въ деревню, а на свое мѣсто послалъ младшаго брата Михайлу. Это было нынѣшней осенью, и вотъ теперь не проѣздилъ Михайло и двухъ мѣсяцевъ, какъ въ домѣ случилась новая исторія—убѣжала Параныса, и его требуютъ домой, а братъ Николай (извозчикъ) опять возвращается въ извозъ. Почему требуютъ Михайлу? Почему Михайло золъ на Параньку, чѣмъ она ему повредила? Всѣ эти вопросы были для меня загадкой... А главное, я не могъ понять, отчего Миша такъ необыкновенно золъ на Прасковью. Это былъ юноша, красивый, добрый паренекъ, а теперь я не узналъ его — онъ показался мнѣ жестокимъ, и жестокимъ какъ-то дико. ибо нападалъ на Параньку за «самовольство»—точно старый, выжившій изъ ума деспотъ; но дорогою онъ меня совсѣмъ поразилъ. Мы ѣхали молча большую часть дороги; я даже думалъ, что Михайло заснулъ, но онъ, оказалось, бодрствовалъ, а по мѣрѣ приближенія къ деревнѣ, сталъ что-то поговаривать про себя и вдругъ заговорилъ:

— Какъ-бы только платья ей не отдали... Какъ пріѣду, первымъ долгомъ отыщу ейное платье... Дрянь паршивая!..

— Это ты Прасковью все бранишь?

— Какъ-же ее, дьявола, не бранить-то? Я самъ ей, подлячкѣ, помогалъ, дуракъ былъ, одежду-то въ людяхъ хоронить, а она вонъ что... Въ жисть не разстанусь, а ужъ отыму ейныя платья... Шелковое да шерстяное, да казакъ, все отыму! На клочья разорву, а не дамъ... Псовка экая!

Михайло былъ такъ золъ, что разговаривать съ нимъ не было никакой охоты.

Не буду разсказывать о тѣхъ деревенскихъ новостяхъ, которыя повѣдалъ мнѣ Иванъ Ермоланчъ: едва-ли онѣ будутъ интересны читателю: волки съѣли безъ остатка двухъ собакъ, двѣ коровы разрѣшились отъ бремени, причемъ телята получились «всѣ въ отца» (послѣднее слово «всѣ въ отца» Иванъ Ермоланчъ произнесъ съ истиннымъ умиленіемъ). Возвращусь къ исторіи Михайлы, который, согласно уговору, долженъ былъ пріѣхать за мной съ вечера, чтобы ночевать въ пустомъ домѣ, а утромъ ѣхать на станцію.

Вечеромъ Михайло пріѣхалъ. Разговаривая за чаемъ о томъ о семъ, мы наконецъ коснулись и поступка Параньки.

— Что жъ, спросилъ Михайлу Иванъ Ермоланчъ:—одежду-то Паранька увезла, аль отобрали?

— Отобрали... Успѣли... Только что бурнусъ успѣла ухватить.

— Увезла-таки бурнусъ-то?

— Увезла! угрюмо опустивъ глаза въ блюдечко съ чаемъ, проговорилъ Миша какъ-то отрывисто.

— Тебя-то зачѣмъ изъ Питера выписали? спросилъ Иванъ Ермоланчъ.

Этотъ вопросъ мгновенно расшевелилъ Михайлу. Глаза его загорѣлись, и онъ съ сильнымъ гнѣвомъ и раздраженіемъ произнесъ:

— То-то вотъ Паранька то, поскуда, подвела меня подъ смерть, чисто подъ топоръ. Теперича выписали меня — женись! Мясоѣду осталось мало — успѣвай! Хлопочутъ теперь насчетъ невѣсты, ищутъ... Вѣдь у насъ, самъ знаешь, семейка-то не маленькая; ежели хоть мѣсяцъ безъ работницы останутся, такъ и то разоръ. Одной скотины, коровъ восемь головъ, да телятъ, да овецъ, лошадей четыре... Вотъ и надобно жениться...

— А работницу нанять?

— Работницу? По нашему семейству работницу найти нельзя... да и кто будетъ деньги платить? У насъ работница не можетъ, потому семья громадная—никакихъ денегъ не возьметъ... Тутъ надобенъ *свой* человѣкъ. Вотъ теперича они и разыскиваютъ невѣсту.. чтобъ она вмѣсто Параньки орудовала... Вѣдь вотъ что она натворила, дубина безобразная!.. Ну, да и ей счастья не будетъ... Оно хоть и по любви, полюбовно вышло, а тоже и въ жениховой семьѣ не сладко ей будетъ... Вѣдь женихъ-то тоже любитъ-любитъ, а тоже на Параньку позарился изъ-за работы... Работница она — настоящая... это вѣрно, а у него въ семьѣ четыре тетки, вотъ на нихъ и будетъ работать... Пущай... Кабы послухала, что говорили—взять мужика въ домъ, али-бы погодить замужъ-то покуда подростутъ наши свои дѣвки, анъ-бы... А теперь вотъ. Богъ ее знаетъ, какую-такую жену мнѣ приспособствуютъ... Ужъ навѣрно, чтобъ безсловесную. вотъ какъ Алексѣю присодѣйствовали... Свинья какая! У меня, можетъ, у самого тоже любовь-то есть? А теперь вонъ—накось - скотина, говоритъ, не поена два дня, такъ и женись невѣдомо на комъ... Тоже вѣдь не весьма пріятно изъ-за теленка или тамъ изъ-за овецъ на всю жизнь съ идоломъ съ какимъ связаться...

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ Михайлой оказалось, что у него дѣйствительно существуетъ въ Петербургѣ привязанность. Съ годъ тому назадъ познакомился онъ съ няней однихъ господъ, жившихъ поблизости на дачѣ. Онъ перевозилъ ей вещи. Няня эта оказалась крестьянкой той-же губерніи, что и Михайло, и притомъ изъ деревни, весьма недалеко отстоящей отъ деревни Михайлы. Няня эта была дѣвица старше Михайлы лѣтъ на восемь, но она понравилась ему и лицомъ, и поведеніемъ, и положеніемъ своимъ въ семьѣ. Семья ея состояла только изъ отца и матери. Дѣвушка, которую любилъ Михайло, съ пятнадцати лѣтъ служила въ Петербургѣ въ людяхъ, отдавая рѣшительно все родителю. Она до того свято исполняла эту обязанность, «отдавая все» въ деревню, что едва-ли и знала какую-нибудь другую. Былъ въ ея жизни одинъ эпизодъ, который всякаго другого, не столь искренно и глубоко понимавшаго свою «обязанность», могъ бы разбить и обезсилить: послѣ шести или семи лѣтъ работы въ Петербургѣ, отецъ ея на ея деньги отлично обстроился, прикупилъ скотины и сталъ жить порядочно; онъ даже сталъ звать свою дочь домой, полагая взять ей мужа «во дворъ» — и вдругъ сгорѣлъ и домъ, и все имущество. Отецъ въ отчаяніи сталъ пьянствовать и въ одинъ изъ такихъ загуловъ — отъ кабака, въ которомъ онъ шумѣлъ далеко за полночь, воры угнали лошадей, которыя такъ и пропали безслѣдно. На бѣду, домъ, стоившій не одну сотню рублей, былъ застрахованъ только въ пятьдесятъ, чтобы «меньше платить страховки». Дочь, намѣревавшаяся оставить Питеръ и опять взяться за крестьянство, должна была остаться и снова начала труднѣйшее дѣло устройства въ конецъ разстроенной семьи. Въ то время познакомилась она съ Михайлой; отецъ и мать были снова устроены, снова у нихъ былъ домъ, и скотъ, снова все у нихъ поправилось и пошло въ ходъ, и снова отецъ звалъ ее опять домой, говоря, что, умри онъ со старухой, дядья отымутъ домъ, выстроенный на трудовыя деньги племянницы. Вотъ почему она и заинтересовала Михайлу. Сундукъ, который онъ перевозилъ, также игралъ нѣкоторую роль въ благопріятномъ впечатлѣніи, которое производила на него няня. Онъ былъ тяжолъ и великъ, и много было въ немъ имущества. Но не это плѣнило главнымъ образомъ Михайлу въ Авдотьѣ (такъ звали дѣвушку), плѣнили его кротость ея и удивительное терпѣніе. Столько работать, какъ она, и не роптать — вещь, достойная уваженія. Сойтись съ такой кроткой и работящей, къ тому-же грамотной и не забывшей крестьянства женщиной для Михайлы казалось большимъ счастіемъ. Она ему сочувствовала и любила его, онъ ей нравился. Женясь, они были бы полными хозяевами и начали бы хозяйствовать, никому не одолжаясь. Михайло и его невѣста частенько подумывали объ этомъ, толковали о томъ, какъ выписаться изъ общества, много-ли это станетъ и т. д. И вотъ оказывается, что отъ всего этого надобно отказаться, жениться «къ спѣху», потому что некому поить телятъ, и потому, что мясоѣдъ коротокъ, жениться Богъ вѣсть на комъ.

— Вѣдь вотъ что она, подлая, сдѣлала! заключилъ Михайло свой разсказъ и свою исповѣдь.

И нельзя не сознаться, что негодованіе на Параньку Михайлы было вполнѣ объяснимо, понятно и извинительно.

— Погодить бы ей надоть, покуда дѣвки-то подростутъ... сказалъ Иванъ Ермолаевичъ.

— Про что-жъ я-то говорю? Я про то и говорю... Кабы погодила-то, нешто бы такъ-то вышло... Идолъ этакой! Авось бы, кажется, нечего бояться, не осталась бы въ дѣвкахъ, такія работницы не остаются въ дѣвкахъ... Прямо съ вечеринки... Бабушка говоритъ: прямо, говоритъ, какъ была одѣта на вечеринкѣ, такъ и сѣла въ сани къ жениху. — Что ты молъ, Парасковья? Куда? А она — «не вѣкъ же мнѣ съ вами маяться»... Полушубокъ у жениха-то былъ припасенъ! Такъ и уѣхали... А на утро повѣнчались... Баушка-то и говоритъ: «я, говоритъ, такъ и обмерла... Стою на крыльцѣ, гляжу, вижу, что Паранька уѣзжаетъ, а ничего не соображу... Только какъ начали телята ревѣть, непоенные, тутъ только я очувствовалась... Думаю: ахъ, ты каторжная, что сдѣлала»...

— Да, вамъ трудно... сказалъ Иванъ Ермолаевичъ съ глубокимъ вздохомъ. — Велики ли дѣвки-то у васъ остались?

— Да самой-то старшей одиннадцать-двѣнадцатый, а прочія все ниже...

— Скотины много-ли?

— Телятъ сейчасъ штуки четыре...

И Михайло сталъ высчитывать количество скота.

— Да! сказалъ Иванъ Ермолаевичъ рѣшительно. — Не справиться... Надо бабу. Какую невѣсту-то сватаютъ?

— А песъ ихъ знаетъ... Да я не покорюсь... Это ужъ какъ угодно.

Долго шли между ними разговоры о Михайлѣ и его дѣлѣ и, несмотря на то, что въ разговорѣ этомъ скотина и люди, дѣвки и телята перемѣшивались въ одну какую-то странную массу, невольно всѣмъ становилось яснымъ истинно драматическое положеніе Михайлы. Не покорись онъ — разстроитъ цѣлую семью, возьметъ на душу грѣхъ; покорись — значитъ пожертвуй собой. Сколько геройства требовали отъ человѣка эти непоенные телята!

Утромъ мы оставили Ивана Ермолаевича и рано уѣхали сначала въ деревню, а потомъ на станцію. Въ деревнѣ зашли къ бабкѣ повидаться. И здѣсь вновь должны были присутствовать при горькихъ и трогательныхъ хозяйственныхъ жалобахъ разстроенной Паранькою семьи.

Грустно покачивая головою, бабушка, видимо убитая горемъ раздѣла и самовольнаго брака, долго причитывала на ту же драматическую тему о людяхъ и телятахъ:

Я стара, у старшей невѣстки пятый годъ болятъ ноги, плохо ходитъ... Эта вотъ дѣвка — еще маленька, не осилитъ ей... Скотина реветъ... Ни воды достать, ни замѣсить — нѣтъ человѣка! Ахъ, ты Господи, батюшка владыко..

Скучно было слушать это, ужасно скучно.

Уходя, столкнулись на крыльцѣ съ отдѣлившимся Алексѣемъ и должны были зайти къ нему. Алексѣй, встрѣтившій насъ, былъ подъ хмелькомъ и вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ товарищъ, столяръ, тоже подъ хмелькомъ. Дѣло въ томъ, что Алексѣй устраивался, а столяръ его устраивалъ, дѣлалъ ему лавки, шкафчикъ для посуды, и въ разговорахъ объ этомъ устройствѣ непремѣнно участвовала водка. Разговоры поэтому даже о шкафчикѣ шли душевнѣйшіе. Алексѣй, человѣкъ почти сорокалѣтній, былъ не то чтобы радъ своей самостоятельности, но, какъ дитя, въ буквальномъ смыслѣ какъ ребенокъ, былъ поглощенъ своимъ новымъ положеніемъ, въ которомъ онъ «все самъ». Онъ поминутно прибавлялъ почти къ каждому слову два слова о томъ, что теперь молъ все самъ, «все свое», «нельзя», «все надо». И такъ какъ средствъ у него на это «все» не было, то покуда дѣло устроенія шло въ разговорахъ и преимущественно въ питіи съ пріятелями водки, — питіи, быть можетъ, необходимомъ для поддержанія бодрости духа, ибо дѣло Алексѣя было въ самомъ дѣлѣ труднѣйшее. Теперь все надо добыть самому — отъ пищи до сапога и кнута. Жена Алексѣя понимала всю тяжесть предстоящаго ей житія и во время нашего посѣщенія только и говорила, что объ этихъ тягостяхъ: «теперь сама и за дѣтьми, и за скотиной, и въ полѣ, и въ домѣ; обо всемъ сама думай, сама шей, сама стряпай, мой». Не менѣе часто, чѣмъ выраженіе Алексѣя «теперь все самъ», жена его употребляла другое: «...вотъ продадимъ теленочка — Богъ дастъ, справимся!» Этотъ же теленочекъ частенько поминался и Алексѣемъ въ разговорахъ его съ столяромъ, лавочникомъ, словомъ, со всѣми, съ кѣмъ заставляло сталкиваться его новое положеніе, новая забота и нужда... Вездѣ — при заказѣ шкафика, при питьѣ водки, въ лавкѣ при покупкѣ кнута, соли — вездѣ теленочекъ игралъ роль плательщика, вездѣ на его продажу указывалось какъ на расплату. Видѣлъ я этого теленочка, на котораго возлагали столько надеждъ и который долженъ удовлетворить такой массѣ нуждъ нарождающагося Алексѣева хозяйства... И скучно стало мнѣ, и боязно за судьбу Алексѣевой семьи.

III. Джутовый мѣшокъ.

I.

«...Въ послѣдніе мѣсяцы пресса наша очень и очень часто толкуетъ и даже горячится по поводу появленія на Руси заграничнаго «джутоваго мѣшка», объявившаго кровавую войну нашему, русскому, пеньковому мѣшку... Дѣло выходитъ дѣйствительно серьезное и вполнѣ достойное вниманія всякаго, кому хоть временами заходитъ въ голову мысль объ участи «меньшаго брата».

Что такое однако этотъ джутовый мѣшокъ?

По внѣшнему виду, это есть самый обыкновенный (и говорятъ — даже не весьма прочный) мѣшокъ для перевозки зерна, сдѣланный изъ индійскаго растенія — джута, того самаго, изъ котораго дѣлаются веревки въ дѣтскихъ гимнастикахъ. Но по внутреннему своему содержанію, онъ — бичъ Божій!

— Что за времена настали горькія! жалуется крестьянская женщина *). Прежде бывало наткешь ровнаго холста, да повезешь въ Суджу, тамъ его изъ рукъ рвутъ; купца — видимо-невидимо! Продашь выгодно, купишь, чего требуется, и ѣдешь домой; теперь-же совсѣмъ иное: сидишь за прясломъ цѣлую ноченьку и беретъ тебя горькое раздумье: когда-то еще удастся продать! Поносишь-поносишь по городу, да и привезешь назадъ... Вотъ какія нонѣ горькія времена настали!

Вы представьте себѣ эту несчастную бабу деревенскую, многія ночи слѣпнувшую за прясломъ; ходитъ она, бѣдная, по городу — и никто-то у нея не спрашиваетъ ея товара.

— И что это дѣется? думаетъ несчастная баба. — Господи помилуй; Господи помилуй... И что это за времена такія, Господи батюшка!.. И съ чего это? Что такое? Какая напасть?..

Ходитъ баба изъ улицы въ улицу, отъ однихъ купецкихъ воротъ къ другимъ, и понять не можетъ, что за притча такая, что, несмотря на «ноченьки» трудовыя, должна она идти домой съ пустыми руками.

«— Не нужно!...»

И не знаетъ она, бѣдная, что разоритель ея — какой-то иностранный мѣшокъ.

Пришелъ этотъ мѣшокъ невѣдомо откуда, объявился въ 21 копѣйку за штуку, и знать не хочетъ несчастную бабу... Земля наша хлѣбная, зерно — единственное богатство, а мѣшокъ — непремѣнный спутникъ зерна. Судите сами, какую многотысячную массу женщинъ и дѣтей обездоливаетъ на Руси этотъ заграничный тиранъ!.. Но выдержка, приведенная нами выше изъ корреспонденціи, невполнѣ еще рисуетъ бѣдствіе (въ буквальномъ смыслѣ), приносимое этимъ побѣдоноснымъ мѣшкомъ.

Въ «Сборникѣ матеріаловъ для статистики Тверской губерніи» **) мы находимъ весьма подробное и обстоятельное описаніе г. Бѣжецка, который почти весь существуетъ торговлею льномъ, выдѣлкою льна въ холстъ, идущій на мѣшки, и шитьемъ мѣшковъ. И здѣсь мы находимъ свѣдѣніе, что еще въ 1872 — 1873 году слышались жалобы на упадокъ льняного и мѣшечнаго дѣла. Слѣдовательно почти десять лѣтъ тому назадъ ужъ иноплеменникъ грозился на нашу бѣдную землю.

«Холстъ продаютъ — читаемъ въ сборникѣ — большею частью женщины, онѣ-же и главныя его производительницы. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ разсказывали мнѣ (автору сборника) слѣдующее: — Самое *злое* нынче время. Приходится *чуть не на колѣняхъ* умаливать купцовъ, чтобы взяли

*) Корреспонд. изъ Суджи, Курск. г. «Порядокъ» 1882 г. № 80.

**) Изд. 1874 г. Вып. 2-й.

холстъ. Бываетъ время, хорошій-то холстъ по рублю продаемъ за кусокъ» (20 арш.).

А вотъ что такое шитье мѣшковъ:

«Шитьемъ мѣшковъ въ Бѣжецкѣ занимается почти цѣлая слобода, называемая «штабомъ»; мѣшки шьютъ домахъ въ полутораста. Работницъ въ нихъ и старыхъ, и малыхъ наберется сотъ до пяти, по меньшей мѣрѣ. Купцы, перекроивъ накупленный холстъ (закройщицами бóльшей частью члены семейства купца), раздаютъ его по этимъ домамъ для шитья. Плата за шитье полагается зимою 35 коп., лѣтомъ — 40 за каждую *сотню* мѣшковъ. Мѣшокъ шьется голландской пеньковой ниткой, которая идетъ изъ Москвы; нитки выдаютъ швеямъ хозяева-купцы. Рабочихъ дней въ году у швей отъ 200 до 250. Въ воскресные дни и прочіе праздники, особенно лѣтомъ, швеи работаютъ какъ и въ будни. *Самая ловкая* швея въ сутки можетъ сшить не больше пятидесяти мѣшковъ, если проработаетъ часовъ пятнадцать или шестнадцать въ сутки, а самая плохая не сошьетъ за то же время 15-ти мѣшковъ. Первая выработаетъ въ день до 20 к., послѣдняя до 5 (копѣйка за 3 часа работы). Пять копѣекъ въ день—обыкновенный заработокъ малолѣтокъ»...

«Мнѣ случалось — продолжаетъ авторъ—побывать домахъ въ десяти, гдѣ живутъ и работаютъ швеи: но попалъ я туда какъ разъ въ такое время, когда у нихъ во всемъ штабѣ не было ни одного заказного мѣшка, и всѣ швеи сидѣли безъ работы. Около 11 ч. утра вошелъ я въ первый попавшійся домъ. Въ комнатахъ, по крайней мѣрѣ на полу комнатъ, довольно чисто и даже слышенъ запахъ плохой помады. Меня встрѣтили двѣ очень молодыя дѣвушки—и той, и другой на видъ не болѣе 16-ти лѣтъ. Я поздоровался, дѣвушки засмѣялись и сказали съ хохотомъ:

— Раненько вы, сударь, по гостямъ-то изволите ходить!

— Что подѣлаешь, занятіе наше такое!

— А ваше какое *задѣлъ*?

— Вы, сказываютъ, мѣшки шьете, такъ покажите мнѣ вашу работу.

«Дѣвушки *перестали улыбаться* и въ одинъ голосъ сказали, что у нихъ вотъ уже болѣе недѣли нѣтъ никакой работы.

«Въ комнату вошла пожилая съ болѣзненнымъ видомъ женщина и подтвердила только-что сказанное. Разспрашивая ихъ о житьѣ-бытьѣ, я узналъ, что кромѣ шитья мѣшковъ у нихъ нѣтъ никакой другой работы, что въ годъ они впятеромъ *) заработаютъ не менѣе 140 р. и не болѣе 200 р. Всѣ инструменты ихъ состоятъ изъ большихъ иголокъ, концы которыхъ онѣ сами притупляютъ на брускѣ, чтобы не колоть рукъ. Люди немощные, старухи, употребляютъ къ тому-же желѣзные крюки, надѣвая ихъ на большой палецъ ноги (шьютъ босыя), чтобы придерживать края мѣшка во время шитья.

*) Въ томъ числѣ одна немощная старуха и одна 8-ми-лѣтняя дѣвочка.

— Очень трудно вамъ работать?

— Трудно... да ужъ мы привычны: вѣдь насъ съ пяти лѣтъ за шитье-то сажаютъ. Привыкнешь.

— Ну, а какъ-же вы впятеромъ-то на 200 р. живете, вѣдь это мало?..

— Н-ну, мы *еще находимъ*...

— У васъ огородъ что-ли есть?

«Швеи засмѣялись.

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ огорода, отвѣчала пожилая женщина.

«Пожилая женщина закашлялась и ушла изъ комнаты. Одна изъ дѣвушекъ тоже ушла.

— Что-же вы теперь дѣлаете, когда вотъ работы-то нѣтъ?

— А съ гостями занимаемся...

— Съ какими гостями? Что у васъ, постоялый дворъ что-ли?

— Нѣтъ... да вотъ... ко всѣмъ, значитъ, здѣсь въ слободѣ — гости ходятъ... да вы будто не знаете... разспрашиваете?

— Нѣтъ, я не знаю... Такъ развѣ эти гости вамъ деньги носятъ?

— Ха ха-ха! Неужели же безъ денегъ? Бываетъ, и вина всякія приносятъ... Иной разъ и офицеры, и всякіе господа прочіе...

— И много васъ здѣсь такихъ, что гостей-то принимаютъ?

— Да всѣ занимаемся... только старухи вотъ не могутъ.

«Когда я уходилъ, одна изъ дѣвушекъ, засмѣявшись, сказала:

— Вы привезете намъ винца-то когда-нибудь?

«Во всѣхъ домахъ, гдѣ я былъ у швей, я слышалъ все то же, что здѣсь описалъ, и вездѣ мнѣ дѣлали такой-же пріемъ, мѣстами еще «красивѣе».

Но идетъ-гудетъ джутовый мѣшокъ и грозится на бѣдныхъ мѣшочницъ, грозится оставить ихъ при однихъ гостяхъ. Да развѣ это все? Бѣдствія, приносимыя этимъ губительнымъ мѣшкомъ, далеко не исчерпываются этими двумя только группами—несчастныхъ деревенскихъ бабъ-ткачихъ и несчастныхъ дѣвушекъ-мѣшочницъ. Вѣдь прежде, чѣмъ ленъ превратится въ мѣшокъ, ему надобно пройти массу рукъ, которыя всѣ остаются пустыми, благодаря иностранному пришельцу. Каемся — шумъ, поднятый въ печати о злодѣйствахъ джутоваго мѣшка, мы въ значительной степени приписываемъ тому обстоятельству, что мѣшокъ этотъ бьетъ по карману барина ни чуть не меньше мужика. Едва-ли бы объ этомъ мѣшкѣ пошелъ такой шумъ, еслибы пришлось кряхтѣть только мужику. Впрочемъ, быть можетъ, это мнѣніе пессимистическое. Во всякомъ случаѣ, перечисляя всѣхъ гибнущихъ отъ джутоваго мѣшка, мы должны упомянуть и о баринѣ—вѣдь десятина (по тѣмъ-же свѣдѣніямъ) можетъ приносить до семидесяти пяти рублей *чистаго дохода*. За бариномъ мѣшокъ буквально валитъ съ ногъ цѣлую массу, тысячи простого люда, мужика. Буквально весь уѣздъ, весь народъ въ уѣздѣ существуетъ благодаря льняному производству, и притомъ почти исключительно ему. По тѣмъ-же свѣдѣніямъ, почти вся масса земли,

находящейся во владѣнія и арендѣ крестьянъ, засѣвается льномъ. Съ пришествіемъ джутоваго мѣшка, вся масса крестьянства, во всѣхъ своихъ ежедневныхъ нуждахъ, дѣлается вполнѣ безпомощною.

Но вѣдь мало выростить ленъ, надо его еще и «сдѣлать» льномъ; и вотъ, кромѣ мужика, который его роститъ, заграничный пришелецъ вырываетъ хлѣбъ изъ рукъ у массы рабочихъ, занимающихся его трепаньемъ; на одной только льнотрепальной фабрикѣ, въ Бѣжецкѣ, работаетъ 400 человѣкъ рабочихъ. Куда они дѣнутся и что будутъ ѣсть? За льнотрепальщиками идутъ ткачихи, швеи.

Такъ вотъ вслѣдствіе того, что явился какой-то заграничный, машиной сдѣланный, мѣшокъ и объявился цѣною въ 21 копѣйку, въ буквальномъ смыслѣ—тысячи, десятки тысячъ народу мгновенно становится на гибельную стезю разоренія.

Попробовали было наложить на мѣшокъ пошлину, т. е. не пустить его силой, но заграничный мѣшокъ и тутъ извернулся. Иностранные фабриканты, судя по газетнымъ слухамъ, заводятъ три громадныя фабрики для выдѣлки тѣхъ же мѣшковъ внутри самой Россіи, въ самыхъ центральныхъ пунктахъ хлѣбной торговли, причемъ выдѣлка его будетъ конечно машинная, за которой не угнаться никакому «ремеслу», а цѣна его будетъ еще дешевле, потому что джутъ сырьемъ ввозиться будетъ уже безъ пошлины

Словомъ, мѣшокъ, объявившійся въ 21 копѣйку серебромъ, вдругъ моментально оставляетъ безъ хлѣба десятки тысячъ народа — стариковъ, старухъ, матерей, дѣвицъ и дѣтей. Спрашиваемъ, что можетъ, въ смыслѣ борьбы съ этимъ бичомъ божіимъ, сдѣлать вся извѣстная намъ общинно-артельная, до высшей степени совершенства разработанная канцелярщина? Вѣдь на всей этой огромной территоріи, населенной тысячами людей, безъ всякаго сомнѣнія, существуютъ всѣ вышеупомянутые общинно-канцелярскіе порядки и добродѣтели; вездѣ на сотняхъ тысячъ десятинъ люди топчутся на межникахъ, идолослужительствуютъ передъ межевыми ямами. Ни малѣйшаго также сомнѣнія нѣтъ и въ томъ, что повсюду, среди этихъ тысячъ людей—мужчинъ и женщинъ, существуютъ всевозможныя артельныя начала; даже у бѣжецкихъ швей, при внимательномъ изученіи, окажутся непремѣнно кой-какія артельныя отношенія, механизмъ которыхъ, я увѣренъ, доведенъ до такого совершенства, что съ горяча можно, на основаніи его, предрекать обновленіе всего существующаго строя. Но, несмотря на все это, идетъ-гудетъ джутовый мѣшокъ и все это сметаетъ, какъ вихремъ.

Не слышитъ и не внемлетъ джутовый мѣшокъ, что при пособіи, молъ, отъ земства всѣ эти начала распустятся пышнымъ букетомъ, гудетъ-гремитъ и стираетъ съ лица земли и общественные порядки, и разрабатывающихъ эти порядки людей. Да что джутовый мѣшокъ! Не только онъ, этотъ истинно злой иноплеменникъ, попираетъ эти порядки—и до прихода его въ нашихъ мѣстахъ порядки эти мало помогали человѣку... Не защищали они труженика-человѣка отъ самаго непрестаннаго грабительства. Джутовый мѣшокъ поражаетъ по крайней мѣрѣ сразу, а до джутоваго мѣшка работника-человѣка рвали поминутно и на всякомъ шагу.

Везетъ онъ ленъ на продажу—его грабитъ маклакъ. «Часто *безъ гроша* въ карманѣ (читаемъ мы въ той же книгѣ) торгашъ бродитъ по рынку и торгуетъ ленъ у крестьянъ. Вотъ случилось сходненько получить партійку льна, скупщикъ вѣшаетъ ленъ, высчитываетъ, сколько придется выдать мужикамъ, тащитъ тѣхъ-же мужиковъ къ какому-нибудь изъ троихъ льноторговцевъ-коммиссіонеровъ (съ Петербургомъ). Купецъ выдаетъ деньги; мужики съ грѣхомъ пополамъ разсчитаны, а торгашъ о чемъ-то бесѣдуетъ съ купцомъ *на непонятномъ* для крестьянъ языкѣ. Въ ихъ бесѣдѣ слышатся слова: «карбованецъ, «тара» и множество другихъ непонятныхъ словъ. Оказывается, что подъ словомъ «тара» разумѣется то вознагражденіе, которое купецъ долженъ выдать барышнику за хлопоты, и это вознагражденіе считается на «карбованцы». Оказывается, что канцелярскіе порядки не только не въ силахъ сопротивляться европейскому мѣшку, но они буквально безсильны просто передъ всякимъ желающимъ ограбить. Вѣдь, какъ видите изъ приведенной выписки, мужикъ терпитъ отъ грабителя, который нападаетъ на него, простака, *безъ гроша*. Джутовый мѣшокъ по крайней мѣрѣ—представитель капитала, и капитала серьезнаго, а до джутоваго мѣшка грабили не только безъ капитала, а просто безъ гроша, и противъ *такого*-то ужъ совсѣмъ ни съ чѣмъ несообразнаго разбойства въ общественныхъ и артельныхъ механизмахъ, какъ видите, нѣтъ приспособленія. А что этотъ грабежъ шелъ изъ-поконъ вѣка, это видно изъ того, что даже выработался особенный *грабительскій* языкъ—вѣдь надо же время, чтобы выработать особенный языкъ для грабежа— и не выработано ничего для противодѣйствія ему!

Такимъ образомъ, при продажѣ льна, при его обработкѣ, при выдѣлкѣ пряжи, холста, наконецъ шитьѣ мѣшка, мы постоянно видимъ около работника какого то «любителя», который, какъ уже сказано, не имѣя въ карманѣ гроша, получаетъ, какъ-то такъ, только во имя желанія поживиться, пользу, чистую прибыль и, разумѣется, удовольствіе. Гдѣ жъ корень этой необыкновенной уступчивости со стороны мужика? Почему такая податливость передъ самыми неосновательными притязаніями на наживу, и притомъ притязаніями людей, желающихъ сдѣлать это безъ гроша въ карманѣ? Почему такая снисходительность бѣжецкихъ дѣвицъ къ посѣщенію ихъ гостями и такая неясность въ опредѣленіи своей профессіи? Почему такое какъ бы даже убѣжденіе, не требующее сомнѣній въ томъ, что мѣшокъ и гость съ мадерой суть какъ-бы подспорье одно другому?

Не пытаясь отвѣчать на эти вопросы категорически, отмѣтимъ только слѣдующія явленія: то же тверское земство, движимое гуманными побужденіями (хотя и не безъ общаго всякому россійскому

гуманству сухо-канцелярскаго оттѣнка) вздумало оказать пособіе осташковскимъ сапожникамъ, эксплуатируемыхъ точь въ точь такъ же, какъ всѣ перечисленные выше производители льна—мѣшковъ. Оно стало образовывать «изъ работниковъ» артели, давая заимообразно деньги на устройство такихъ артелей. Что же вышло? Вышли артели, только артели не «рабочихъ», а «хозяевъ». Сговорятся напримѣръ пять человѣкъ образовать артель, имъ выдадутъ деньги; получивъ деньги, пять рабочихъ немедленно превращаются въ пятерыхъ хозяевъ и каждый изъ нихъ заводитъ *своихъ* рабочихъ. Этотъ фактъ, какъ намъ кажется, даетъ указаніе, хотя и крошечное, на корень зла: если я, сегодня рабочій, товарищъ такихъ же рабочихъ, завтра съ легкимъ духомъ могу сдѣлаться хозяиномъ и нанять своего товарища въ батраки—это значитъ, что я отлично понимаю только *свою* пользу, или страшусь только за себя, и что со вчерашнимъ моимъ товарищемъ меня связывала, ставила наравнѣ только равнявшая насъ нищета, бѣдность, одинаковость несчастія. Очевидно, что если эту бѣдность я презираю и ненавижу въ себѣ, то въ сосѣдѣ я ее забываю, то есть невнимателенъ я къ сосѣду, не беру въ личное свое вниманіе его горя.

Система безчеловѣческихъ отношеній принесла свои плоды въ томъ, что, не цѣня въ себѣ личность человѣческую, русскій человѣкъ мало цѣнитъ ее въ своемъ сосѣдѣ, и поэтому, несмотря на свои общинные и артельные порядки, онъ одинокъ, онъ въ пустынѣ, и вотъ почему можно придти къ нему безъ гроша и, пользуясь его одиночествомъ, ограбить.

Далеко не такъ въ тѣхъ ново-возникающихъ (такъ называемыхъ «сектантскихъ») общинахъ, гдѣ въ основаніе союза кладется мысль о человѣкѣ, человѣческомъ достоинствѣ, нравственныхъ обязательствахъ другъ къ другу. Въ такихъ общинахъ немыслимо смѣшеніе понятій мѣшка и гостя съ мадерой, ибо гость съ мадерой—позоръ, обида, оскорбленіе нравственнаго достоинства. Барышъ, доставляемый гостемъ, замѣняется усовершенствованіемъ способа труда. Кругъ сплоченъ во имя общаго блага, во имя вниманія къ своимъ дочерямъ и сыновьямъ, и старикамъ, и старухамъ, какъ людямъ. Единящая такимъ образомъ единомышленниковъ, «по человѣчеству» внимательная мысль не могла бы, положимъ, хоть въ дѣлѣ джутоваго мѣшка, ограничиться безплодными рыданіями передъ купцомъ, который не беретъ холста, а непремѣнно бы подумала о защитѣ. Если мѣшокъ бьетъ тѣмъ, что онъ работается по щучьему велѣнію машиной, то мысль о борьбѣ съ нимъ тѣмъ же орудіемъ непремѣнно пришла бы въ голову общинникамъ сама собой; *нельзя* не бороться, *надо* бороться, потому что *позорно, безчеловѣчно и по совѣсти преступно* быть равнодушнымъ къ тому, что вотъ это, напримѣръ, человѣческое существо, моя или чужая дочь, въ случаѣ моего равнодушія должна будетъ существовать позорнымъ ремесломъ пріема «гостей». Развѣ можно жить на свѣтѣ, допуская такія вещи? Гдѣ же Богъ-то въ насъ?

И будьте увѣрены, что даже ничтожная земская ссуда распредѣлилась бы въ этой общинѣ не такъ, какъ въ канцелярски-мелочной артели или въ канцелярски-правильной общинѣ.

Да, обезличила русскую общественную мысль замѣнившая ее «общественная канцелярщина». И проѣла эта канцелярщина не то, чтобы такъ называемую интеллигенцію, а въ значительной степени и массы народныя. Обыкновенно русское общество привыкло представлять себя въ такомъ видѣ, что половина его здоровая, а другая гнилая: народъ здоровъ, а интеллигенція—гниль. Голова сгнила и болтается на мочалкѣ, а въ то же время ноги бѣгаютъ въ лучшемъ видѣ. Что за нелѣпый образъ! И куда бы вы ни перенесли—здоровье ли въ голову, а гниль въ ноги, или здоровье въ ноги, а гниль въ голову—одинаковы нелѣпица и невозможность представить себѣ этотъ нелѣпый образъ. Если ужъ дѣло пошло на аллегоріи, то мнѣ кажется, что русскіе недуги рисуются нѣсколько въ иномъ видѣ: въ русскомъ обществѣ тронута параличемъ цѣлая половина тѣла, отъ головы до пятокъ, а именно—опять-таки если говорить сравненіями—та половина, гдѣ лежитъ сердце человѣческое. Другая сторона, сторона опухшей разстроенной печени, напротивъ, дѣйствуетъ и регулируетъ весь строй жизни. Недаромъ у насъ остроги—каменные, въ четыре этажа, подъ желѣзными крышами, и въ каждомъ уѣздномъ городѣ, а народныя школы—лачужки, кое-какъ крытыя соломой, да и не всегда теплыя... Число посѣтителей остроговъ растетъ съ каждымъ годомъ и, сообразно съ неперестающимъ увеличеніемъ заключенныхъ, растетъ и забота о томъ, чтобы ихъ размѣстить, растутъ расходы, растутъ усовершенствованія. А изъ университетовъ гонятъ, изъ гимназій, гонятъ, а въ деревенскія школы не попадаютъ сотни тысячъ, милліоны. Въ острогѣ кормятъ даромъ, а вотъ когда недавно *наконецъ* (!) удалось открыть въ одномъ изъ университетскихъ городовъ студенческую кухмистерскую, такъ, Боже милосердный, какой поднялся трезвонъ, точно праздновалось вступленіе Россіи во второе тысячелѣтіе: о кухмистерской телеграфировали во всѣ газеты; открывали ее съ молебствіемъ, водосвятіемъ, причемъ служилъ самъ епископъ въ сослуженіи съ четырьмя архимандритами. Были войска, градоначальники... и всѣ въ парадныхъ мундирахъ... Достигнута наконецъ возможность получить бифштексъ цѣною въ 15 копѣекъ! Да и тотъ, какъ впослѣдствіи оказалось (тоже въ телеграммахъ), вышелъ никуда не годнымъ: жостокъ, какъ подошва, и едва ли не изъ конины.

II.

...Недавно учительница народной женской школы, помѣщающейся въ одной изъ слободокъ глухого уѣзднаго городка, задумала пріучить дѣтей

писать сочиненія. Ученицы ея—всѣ безъ исключенія, если не будущія мѣшочницы, то всѣ принадлежатъ къ городскому пролетаріату, на который у насъ почему-то не обращается никакого вниманія. Учительница сказала, чтобы дѣвочки, какъ умѣютъ, разсказали, у кого что на душѣ, и вотъ одно изъ такихъ признаній:

— «Я продумала цѣлую ночь—писать ли секреты? Но надумала писать. У меня разсказъ начинается съ свадьбы мамы. Мама замужъ вышла 21 года; но она вышла не за милаго, а за постылаго, потому что она ни за что не хотѣла идти съ нимъ подъ вѣнецъ, хотѣла идти просить милостыню; но братъ, особенно старшій, Илья, ни за что не хотѣлъ ее оставить дѣвушкой. Онъ говорилъ: «Если мы ее отпустимъ просить (милостыню), то она года черезъ два родитъ ребенка и придетъ къ намъ жить... А если отдадимъ за солдата, то будетъ уже не наша, а посадская солдатка»... Мама не хотѣла идти за своего жениха, потому что онъ былъ изъ жидовъ, но его перекрестили и крестнымъ отцомъ былъ епископъ... Отецъ нашъ былъ худой, черный, поэтому мама до смерти убивалась, чтобы не идти за него замужъ. Но вотъ справили свадьбу, и маму увезъ этотъ еврей въ городъ. Она его не полюбила, но все-таки у нихъ было трое дѣтей... Старшая, Варвара, когда ей было шестнадцать лѣтъ, то ее прельстилъ молодой торговецъ. Мама конечно ее выгнала изъ дома, потомъ у нея родилась дочь Машутка... Онъ (торговецъ) ее въ замужъ не беретъ, потому у него была жена... Второй сынъ у мамы былъ Николай, живетъ въ N въ почталіонахъ и намъ денегъ не посылаетъ. Третій, Григорій, каждую ночь гдѣ-то ходитъ и что дѣлаетъ—не знаю...Я сама ужъ другого гнѣзда. Сказать просто—незаконная. Это и по лицу видно: я—бѣлая, а другіе—черноватые. Пятая сестра—тоже незаконная, маленькій братъ—тоже незаконный. Теперь мамѣ пятьдесятъ лѣтъ, но она не бросила этого дурного порока, и нынче она живетъ съ однимъ солдатомъ-постояльцемъ... Съ нимъ мама стала добрѣе, но я этому не рада: она скрываетъ свои поступки, а всѣ, и маленькія дѣти знаютъ; это по мнѣ худо. Она меня раньше все била и ругала, да какъ еще ругала... но когда она заругается, то я затыкаю уши, а когда лежу на кровати, то читаю молитвы или разсказываю изъ русской исторіи, или сочиняю сочиненія... Что она меня била и ругала, то вы (обращеніе къ учительницѣ) въ этомъ отчасти виноваты: помните, прошлую зиму сказали мнѣ: «согласна-ли я поступить въ гимназію?» я сказала мамѣ, а тамъ не приняли, то мама меня и стала бранить, что я ее обманула... Но я рѣшила—такъ какъ въ гимназію меня не приняли, то я поступлю въ монастырь, потому что хоть тамъ и тюрьма, но лучше, чѣмъ здѣсь: каждый день брань, попреки, даромъ ѣшь хлѣбъ. Буду тамъ работать, не буду видѣть каждый день грѣха... А можетъ быть постигнетъ меня и такая участь, какъ старшей сестры .... Я теперь думаю, что я ни за что не погублюсь—но не знаю! Вѣдь я еще не велика... а вѣдь когда буду дѣвушка, то можетъ такъ и сдѣлаю, какъ сестра и маменька... Конечно, я буду стараться всѣми силами, чтобы этого сдѣлать, а когда поступлю въ монастырь, то не буду соблазняться—а все-таки не знаю! Мнѣ какъ не въ монастырь, то болѣе нѣтъ никуда дороги... А не то въ могилу, потому что мнѣ не пережить этой жизни»...

. . . .

Нѣтъ, изъ участи такихъ существованій, стонущихъ безпомощно по всѣмъ угламъ русской земли, покуда еще не сдѣлано ни общественныхъ вопросовъ, ни общественныхъ задачъ. Не даромъ, года полтора тому назадъ, съ такимъ необычайнымъ торжествомъ былъ «пронесенъ» по всѣмъ журналамъ и толстымъ, и тонкимъ, какъ доказательство, что въ «общественныхъ дѣлахъ» значительную роль играетъ и состраданіе, и забота о безпомощномъ, тотъ фактъ, что въ какой-то губерніи общество прокормило старуху-бабу. Едва этотъ фактъ былъ обнародованъ, какъ тотчасъ-же его подхватили—и онъ обошелъ рѣшительно всѣ журналы и всѣ статьи, посвященныя общественнымъ порядкамъ. Вышеупомянутая баба непремѣнно присутствовала въ каждой изъ статей, всегда выдвигаясь, какъ укоръ сомнѣвающимся...«Вотъ,писалось въ одной:—вопреки увѣреніямъ, что наша община и т. д., мы можемъ сообщить слѣдующее: въ одной деревнѣ» и т. д. Слѣдовало повѣствованіе о прокормленіи бабы. Въ другой писалось: «Между прочимъ, мы не можемъ не отмѣтить слѣдующаго замѣчательнаго факта: въ одной деревнѣ, какъ намъ извѣстно изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, безъ всякаго посторонняго вліянія, крестьяне прокормили» и т. д. И опять баба... «А чтобы доказать, писалось въ третьемъ:—что упреки, расточаемые разными «свѣжими» наблюдателями, якобы въ равнодушіи... то вотъ фактъ, который говоритъ самъ за себя: крестьяне деревни» и т. д. Словомъ, по всѣмъ журналамъ и газетамъ моментально пронеслась вѣсть: бабу, бабу прокормили, бабу! бабу! бабу! И вездѣ фактъ, въ доказательство его достовѣрности, подтверждали цитатами: «Отеч. Записки» сослались на «Русскую Мысль», «Русская Мысль» на—«Русское Богатство», потомъ всѣ вмѣстѣ—на всѣхъ вмѣстѣ...

А вотъ, когда въ недалекомъ отъ Петербурга разстояніи, также «вопреки увѣреніямъ», въ нѣкоторой деревнѣ была сожжена живьемъ нѣкоторая больная старушка, такъ этотъ «прискорбный» случай прослѣдовалъ въ печати почти безъ шума... Знаемъ мы, о чемъ надо молчать.

IV. На травкѣ.

I.

«...Долго было-бы разсказывать (писалъ мнѣ Лиссабонскій изъ деревни еще въ началѣ весны), почему нынѣшней весной мнѣ какъ-то особенно необыкновенно сильно захотѣлось просто-таки лечь на траву! Лечь на зеленую травку, лицомъ къ сы-

рой землѣ, лечь и закрыть глаза... У меня ужъ не было ни малѣйшаго желанія поѣхать въ «деревню» для того, чтобы смотрѣть, что дѣлаетъ народъ, слушать, что народъ говоритъ, и, пристально вглядываясь въ обиходъ народной жизни, высматривать и себѣ среди него работы, работы, какъ говорится, «по плечу»... Нѣтъ, мнѣ дѣйствительно нужна была только трава, зеленая трава, сырая земля; мнѣ дѣйствительно только того и хотѣлось, чтобы лечь, лечь... въ траву, зеленую, непремѣнно зеленую... Лечь на сырую землю, лицомъ къ сырой землѣ, къ сырой зеленой травѣ, лечь и закрыть глаза.

«...По возможности все это я постарался выполнить, т. е. выбрался изъ Петербурга, нашелъ на широкой русской рѣкѣ болѣе или менѣе уединенное мѣсто и добрался до травы. Правда, по раннему времени, трава была маленькая, но дѣйствительно зеленая, сырая, такъ что можно было-бы выполнить и другую главнѣйшую половину моихъ желаній — «забыться и заснуть», такъ сказать, духовно заснуть на этой травѣ, не на вѣки, а на нѣкоторое время... Но вотъ этого-то главнѣйшаго желанія моего мнѣ и не удалось выполнить, и причина этого была для меня весьма удивительная.

«Въ прежнее время, когда я, какъ тебѣ хорошо извѣстно, самъ лѣзъ и совался въ народную среду, самъ выискивалъ себѣ въ житейскомъ обиходѣ этой среды хлопотъ, дѣлъ и заботъ, которыя-бы дали и мнѣ, человѣку безъ опредѣленныхъ занятій, право на существованіе, право на заработанный хлѣбъ, и право на сознаніе за собой какой-нибудь, самой малѣйшей полезности среди нуждающихся въ моихъ (какъ я думалъ) посильныхъ трудахъ деревенскихъ обывателей — въ это время не мудрено было превратить собственную жизнь въ рядъ непрерывныхъ безпокойствъ и забыть о томъ, что живешь въ деревнѣ, гдѣ обыкновенно «отдыхаютъ», гдѣ воздухъ, травка и т. д. Чего стоили мученія по поводу того только, что народъ, для котораго я, какъ говорится, «всей душой», не внимая мнѣ, больше частью слушалъ меня изъ снисхожденія, зѣвая въ кулакъ!

«Совершенно не то теперь. Теперь, какъ видишь, я уже не суюсь, не лѣзу и ничего не хочу кромѣ одиночества, тишины, молчанія и зеленой травы... и вотъ теперь-то самъ народъ — не даетъ мнѣ покою.

«То я *самъ* къ нему лѣзъ, а онъ меня почти-что не принималъ; теперь онъ также *самъ* лѣзетъ ко мнѣ, и я *долженъ* принять его, ибо онъ напираетъ на меня массой. Не меньшая разница обнаруживается между нами обоими и въ самой сущности этого «напиранія» другъ на друга. Я бывало, повторяю, норовилъ «всей душой» и всячески старался, «какъ лучше», а онъ теперь относится ко мнѣ далеко не съ такими побужденіями. Онъ норовитъ, какъ мнѣ кажется, уличить меня въ чемъ-то, поминутно запускаетъ въ меня шпильки, язвитъ, критикуетъ и вообще выказываетъ относительно меня, т. е. вообще человѣка, не принадлежащаго къ народной средѣ, огромную подозрительность.

«Подозрѣваетъ-же онъ меня въ чемъ-то крайне злостномъ, и что особенно замѣчательно, въ этой подозрительности къ «барину» вообще въ народѣ замѣчается полное единодушіе, сплоченность; какая-то невидимая нить подозрительности единитъ всѣхъ деревенскихъ жителей, безъ различія ихъ положенія и состоянія. Это единодушіе и единогласіе я впервые встрѣчаю въ деревнѣ; въ первый разъ въ жизни я чувствую, что деревня, въ извѣстныхъ случаяхъ, изъ растрепанной и размочаленной на множество безсильныхъ въ отдѣльности человѣческихъ атомовъ, вдругъ можетъ сплотиться въ крѣпкую массу и стать буквально «какъ одинъ человѣкъ». Гдѣ-же тутъ возможность забыться на зеленой травкѣ? Не даютъ, шпыняютъ»...

«Эту совершенно для меня новую черту я сталъ ощущать на каждомъ шагу, какъ только мнѣ приходилось быть въ самомъ малѣйшемъ соприкосновеніи съ народомъ. Разыскивая себѣ уголъ «зеленой травки», я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ въ полномъ молчаніи; я былъ занятъ своими мыслями; меня ничто не интересовало, да я и мало слушалъ, что говорится въ толпѣ. Вотъ на пароходѣ какіе-то два мѣщанина разговариваютъ «о своихъ дѣлахъ». Въ былое время однѣ эти жилистыя хищныя морды обратили-бы мое вниманіе, не говоря объ этихъ «своихъ дѣлахъ», которыя навѣрное бы навели меня на тревожныя и непріятныя размышленія; теперь-же ни ихъ ястребиныя физіономіи, ни ихъ возмутительныя «свои дѣла», о которыхъ они разговаривали, не трогали меня въ должной мѣрѣ, хотя и были на этотъ разъ дѣйствительно возмутительныя»...

II.

Вотъ, кстати, для образчика одинъ изъ такихъ разговоровъ «о своихъ дѣлахъ»:

— Давно-ли жена-то померла? спрашивалъ одинъ ястребъ другого ястреба.

— Да ужъ недѣли съ двѣ...

— Никакъ ужъ вторая у тебя помираетъ?

— Вторая!.. отвѣтилъ вдовый ястребъ кратко и сплюнулъ за бортъ парохода.

— Былъ слухъ, что, молъ, скончалась-то не вполнѣ правильно?..

— Надо бы хуже, да нельзя!.. Вотъ какъ скончалась... тьфу! Больше ничего!

Проговоривъ это, ястребъ еще разъ плюнулъ, уже съ ожесточеніемъ, и, запахивая чуйку, съ ожесточеніемъ прибавилъ:

— Не съ покаяніемъ, или, примѣрно будемъ говорить, какъ по христіански, но вполнѣ, можно сказать, съ грабежомъ окончилась покойница, вотъ какъ я скажу!..

Ястребъ еще разъ плюнулъ, еще разъ запахнулся и продолжалъ:

— Мы торгуемъ съ братомъ... онъ — въ Буграхъ, а я — въ Залузьѣ... Капиталъ одинъ у обоихъ... Ты знаешь брата-то?

— Слыхалъ... Корнѣй Егоровъ?

— Ну вотъ. Онъ самый. Можешь ты понять, каковъ онъ есть человѣкъ? Прямо сказать—тигръ или, напримѣръ, аспидъ какой желѣзный... Пріѣдетъ учитывать лавку — такъ рѣдко когда за ножи не схватимся... Двѣнадцать фунтовъ солонины однова я выкинулъ собакамъ, грудинку, потому оченно духомъ взялась, такъ вѣдь онъ, анафема-проклятъ, чуть было меня не зарѣзалъ, дьяволъ этакой!

— Крутъ!

— Чортъ въ-явѣ, не то чтобы, напримѣръ, человѣку сходствовалъ... Съ этакимъ-то дьяволомъ я вотъ двадцать лѣтъ маюсь... Кажинный день норовитъ схватить за горло... Долженъ же я какъ-нибудь себя соблюдать. Такъ или нѣтъ?

— Само собой!

— Н-ну... Я тебѣ говорю по чести, что мнѣ?.. Н-ну, вотъ и было у меня, въ теченіе времени, скрыто, значитъ, тыщи три... значитъ, въ куньемъ воротникѣ. Я тебѣ говорю прямо: подъ подкладкой, значитъ, было... Подкладка простегана, все честь честью. Воротникъ-то этотъ въ сундукѣ... Вотъ, братецъ ты мой, какъ стала Авдотья-то помирать... и не помню, какимъ манеромъ я обронилъ ключъ отъ сундука. То-ли обронилъ, то-ли вытащила мать ейная—мать-то при ней была—ужъ не знаю; только что, гляжу я, мать-то эта самая тихимъ манеромъ наняла подводу — маршъ домой! «Прощайте! недосугъ, телятники, молъ, пріѣхали...»

— А есть у васъ теляты-то поёные? перебилъ другой ястребъ.

— Есть.

— Почемъ?

— Тридцать, тридцать пять.

— Гм... Н-ну?

— Ну, значитъ, и оказалось: валяется воротникъ за сундукомъ, подкладка вспорота, денегъ нѣтъ... Такъ меня, братецъ мой, и затрясло всего... Схватился за дочь—бить! Говори (такъ и такъ)—гдѣ деньги? Молчитъ, какъ убитая, а была все время при матери... Тутъ старшая дочь, отъ другой жены, отъ первой, все и открыла. Своими, вишь, руками Авдотья-то отдала матери, а ключъ-то, видишь, дочь ей вытащила. Я къ Авдотьѣ: —«Сказывай, говорю, отдавала матери деньги?»— А она, братецъ ты мой, глядитъ эдакъ-то на меня, зубы стиснула—«не скажу!» говоритъ. Я ужъ тутъ—даромъ что больной человѣкъ—вышелъ изъ всякихъ границъ...—«Н-нѣтъ?»—«Не скажу!» Какъ камень! Такъ и померла.

— Не вполнѣ благородно!

— Я тебѣ говорю, скончалась не по-христіански, а, прямо сказать, разбойнымъ манеромъ померла. И всю жизнь-то, какъ волкъ, была... Только и возьмешь бывало боемъ однимъ... Упорная была покойница, настояще какъ дерево или, напримѣръ, камень какой... Старшую-то дочь, отъ первой-то жены, слопала совсѣмъ... Да и мать-то ейная — тоже скорпіону преподобна. Да и Авдотья-то народила дѣтей, тоже вродѣ какъ ехидны какія... только что возьмешь кнутъ, да оболванишь всѣхъ поголовно, и отъ первой, и отъ второй супруги... ну тогда и имѣешь спокойствіе.

— Такъ и пропали деньги-то?

— Ищи поди ихъ! Мать-то ейная говоритъ: «это, говоритъ, мои были деньги; у тебя, говоритъ, денегъ нѣту; пусть, говоритъ, братъ разсудитъ». Ну, а братъ, ты самъ знаешь... Онъ ужъ и теперь косится, какъ жеребецъ очумѣлый. Нюхаетъ что-то. А какъ узнаетъ, такъ вѣдь... Онъ меня разъ топоромъ было разсѣкъ пополамъ изъ-за того, что восемь фунтовъ двухтесныхъ гвоздей не досчитался. А тутъ — такъ вѣдь онъ... Онъ и то все сулится: «Ежели, говоритъ, узнаю, что напримѣръ скрываешь деньги, такъ всего, говоритъ, тебя издеру овечьимъ гребнемъ, то есть всю кожу издеру въ ленты...» Вотъ какой урожденный чортъ!

— Н-да!.. Человѣчекъ ничего... Не пропащій человѣкъ... Нѣтъ! Человѣкъ ужъ, братъ, вполнѣ можно сказать... сурьезный!

— Живодёръ, одно слово...

— Ну, и что же? спросилъ первый ястребъ второго ястреба:—вѣдь по дѣламъ-то выходитъ, опять тебѣ надобно жениться?

— Мнѣ безъ жены, отвѣчалъ второй ястребъ:—все одно, безъ рукъ... Первое дѣло — восемь человѣкъ дѣтей, всѣхъ ихъ надо держать въ рукахъ... второе дѣло — работники: накормить, напоить... скотины тридцать головъ... А третье дѣло— торговля: сѣно, лѣсъ, мало-ли на моихъ рукахъ... Я вотъ и теперь, давно-ли безъ жены-то? а и то смаялся... Двухъ недѣль не будетъ, а ужъ у меня голова кругомъ идетъ... Вѣришь—всѣ руки оттрепалъ, кое о ребятъ, кое о работниковъ, нѣтъ способовъ одному управиться!

— Ну только, сказалъ первый ястребъ:—трудненько, я думаю, насчетъ невѣсты будетъ... Не пойдутъ, пожалуй?

— Нейдутъ, анафемы!.. Про дѣвокъ и разговору нѣтъ: тѣ, братъ, нонѣ самъ знаешь... воля! Да ежели бы, положимъ, я и склонилъ дѣвицу, такъ вѣдь это мнѣ не разсчетъ... Молоденькая на что мнѣ? Кабы я молодой былъ—ну, такъ! А то, хоша я еще и въ силахъ, ну все же не въ пару... У меня у самого дочери почесть что невѣсты. Вдову взять— опять рѣдко которая вдова безъ дѣтей; тоже нѣтъ разсчету, и своихъ у меня много... А которая вдова и безъ дѣтей, и можно бы пожалуй соблазнъ ей сдѣлать — ну, опять же трудно. Нонѣ вдовы-то норовятъ за холостого выйти, потому всякая разсчитываетъ, за своими чтобъ ходить дѣтьми...

— Какъ-бы тебѣ того... безъ невѣсты пожалуй не остаться бы? проговорилъ первый ястребъ.

Второй ястребъ подумалъ и отвѣчалъ съ разстановкой:

— Думается мнѣ, братецъ ты мой, что дѣло это какъ-ни-какъ, а сладится...

— Али есть на примѣтѣ?

— То-то что есть. И такая, я тебѣ скажу, особенная женщина, лучше мнѣ, по моимъ дѣламъ, не требуется... Первое дѣло скажу тебѣ, состоитъ она на дѣвичьемъ положеніи, слѣдовательно, не вдова и вродѣ какъ дѣвица. А можетъ быть и было что-нибудь, такъ вѣдь это, братецъ ты мой,

не касаемое до меня, коль скоро я вступлю въ бракъ.

— Само собой!

— А второе дѣло, вѣры она не нашей, столовѣрка... Я было и подумывалъ —хорошо-ли молъ? Ну, такъ разсуждаю, что какъ она на нашего брата косится, то есть на православныхъ, то и ребятамъ потакать не будетъ... Для нея православный — что нехристь, татаринъ, а, стало быть, работники-ли, или ребята — ужъ это отъ нея имъ не будетъ снисхожденія. Ужъ она ихъ произведетъ въ страхъ и вполнѣ сократитъ... Окромѣ того и по природѣ —ха-рактерная баба, упаси Богъ какая кремневая! А мнѣ такая и требуется, мнѣ надо, чтобъ она-бы въ дому была —какъ молнія, напримѣръ, во всѣ мѣста бьетъ, такъ чтобъ и тутъ... Чтобъ то есть пикнуть никому не давала, а ужъ эта—стрѣла огненная! Ты погляди на нее—изъ себя она сухощава, жиловата, рѣчь у ней отрывная, одно слово—женщина упорная! А мнѣ это и требуется... Мнѣ въ домѣ надобенъ такой человѣкъ, то есть чтобъ страхъ къ нему былъ у всѣхъ, а ужъ лучше ея, какъ я сужу, не сыскать...

— И что-жъ? Соглашается?..

— Куда тутъ! Развѣ этакого-то безбожнаго человѣка согласишь сразу? Тутъ еще погляди-ко, сколько надо хлопотъ. Соглашается? Да ей и заикнуться-то объ этомъ дѣлѣ - я такъ считаю—неспособно... На что отецъ духовный, да и тотъ отлетѣлъ отъ нея кубаремъ, какъ сунулся ее увѣщевать насчетъ, значитъ, вѣры... А тутъ она и вовсе осатанѣетъ... Нѣтъ! ее надо перво-наперво обломать начисто всю, сбить съ нея фанаберію-то: еще тутъ, другъ любезный, хлопотъ будетъ, Боже мой, сколько...

— Какъ-же ты ее обломаешь-то?.. Есть-ли способа-то?

— Способа, я тебѣ скажу,—есть. Видишь, какое дѣло... На счастье мое, братанъ-то, что я тебѣ говорилъ, купилъ у нея пять лѣтъ тому назадъ пол-дома, въ Буграхъ-то... Пять оконъ по улицѣ—его, по вороты, а четыре окна — ейныя, и лавка ейная внизу-то, торгуетъ она мелочами, а братъ трактиръ держитъ... Ужъ она не разъ жаловалась брату, что-молъ пьяные донимаютъ; братъ говоритъ: «продавай свою часть, стало быть, четыре окна-то, т. е. отъ воротъ по уголъ». - Ну, она упирается. «Я, молъ, съ чѣмъ останусь?»— Ну, а теперятко, какъ, значитъ, я овдовѣлъ, братанъ и раззарился на пол-дома-то... Первое дѣло, въ случаѣ браку, пол-дома безъ покупки отойдутъ къ намъ, второе у меня въ хозяйствѣ будетъ человѣкъ сурьезный, а третье—и лавку-то ейную ужъ онъ возьметъ за себя, а то теперь приговора не даютъ. Дѣло-то, видишь-ли, вполнѣ намъ въ руку. И пол-дому, и лавка, и хозяйка, и все! Одно только и остается, что обломать ее требуется! Не идетъ, каторжная, добромъ-то! Главное—въ оглобли-то ее впихнуть, а тамъ ужъ рычи, не рычи, наплевать. По нашимъ дѣламъ, что злѣй, то лучше...

— Обломать-то хитро! А то-бы тебѣ въ самый разъ.

— А братанъ-то? Эдакой-то разбойный человѣкъ, да чтобы онъ не обломалъ? Ну, ужъ это напрасно! Ужъ что ему вступило въ голову, съ мясомъ вырветъ. Не разстанется!.. Мы было калякали съ нимъ; «перво-наперво, говоритъ, надо по Божьи, и не чтобы стращать ее, что, молъ, «отдай пол-дома», а такъ говорить, что, возьми, молъ мою половину, всѣмъ домомъ владай и замужъ выходи». Сначала, говоритъ, надо мягко, чтобы раззадорить ее на домъ-то, жадны вѣдь бабы-то... А какъ ежели домомъ ее не возьмешь, ну, тогда надобно напорствомъ поступать. Братанъ-то говоритъ:—«коли добромъ не пойдетъ, такъ я ее, шельму, огнемъ начну жечь со всѣхъ концовъ. Заведу двѣнадцать кузницъ, да примусь молотками зудить, да полымемъ пускать—такъ она у меня въ однѣ сутки позабудетъ, какъ и самое-то ее по имени звать, нетокма замужъ упираться»... Нѣтъ, братъ! Чего-чего... а ужъ этого отъ братана вполнѣ можно надѣяться... Ежели ужъ онъ меня, своей крови, не жалѣетъ, такъ ужъ чужого человѣка — и въ порошокъ изотретъ, не ахнетъ... Ужъ это что!.. Утихомиритъ...

— Ну, а какъ въ дому-то у тебя она ощетинится?

— А это-то что такое?

Ястребъ вдругъ быстро, злобно, потрясъ кулакомъ, оголивъ отъ рукава жилистые мускулы.

— Слава тебѣ Господи, тоже съ одного маху и мы переносье перешибали на своемъ вѣку. Зачѣмъ же щетиниться? это нехорошо. Надобно, чтобъ честно, благородно, тихимъ манеромъ... Мы хотимъ не худого, а хорошаго... Богъ дастъ, все и обойдется.

— Дай Богъ! сказалъ ястребъ.—Ну, а она-то, прибавилъ онъ: — знаетъ что-ли насчетъ вашихъ замысловъ?

— Настояще, пожалуй, что не знаетъ... Это дѣло надо дѣлать потише, самъ знаешь... Надо ее нахлобучить съ одного маху, надо сразу съ обѣихъ концовъ наперетъ, чтобы то есть непреклонность эту ейную перешибить... Въ такомъ разѣ надо помалкивать... Ну, хоша мы и молчимъ до поры до время, а чуетъ она... озирается..

— Имѣетъ подозрѣніе?

— Н-да! такъ что-то, какъ бы пужаться стала... Намедни братанъ -то не вытерпѣлъ, дюже ужъ его пол-дому то сластитъ, полѣзъ къ ей въ половину осматривать... ну, и я съ нимъ... Сдѣлали тотъ предлогъ, что будто насчетъ стропилъ и борововъ, т. е. слѣдовательно, якобы на счетъ страховки... Ну, наплели дурѣ всячины... Такъ, братецъ ты мой, какъ принялись мы это за осмотръ то, какъ принялся братанъ-то по всѣмъ мѣстамъ ревизовать, вотъ тутъ она, братецъ ты мой, какъ будто испужалась... Потому братанъ-то вѣдь кока-съ-сокомъ... Ужъ что-нибудь не даромъ это задумалъ: это ей извѣстно... Вотъ она и стала озираться, какъ птица какая сумасшедшая... И стала топоршиться, какъ насѣдка .. Думаю я такъ, что чуетъ она...

— Надо быть, чуетъ... Ну, а домъ?.

— Домъ богатѣйшій! что стропила, что балки — цѣны нѣту!

— Да, сказалъ многозначительно первый ястребъ: — это вамъ, по вашей коммерціи, подходитъ... Ежели, напримѣръ, взять въ разсчетъ, что полдому, и, напримѣръ лавка, и одно подъ одно трактиръ, то вполнѣ можно сказать — не упускай бабы, но всячески старайся вогнать ее напримѣръ въ стойло. Я надѣюсь такъ, что братанъ твой маху не дастъ!..

— Маху!.. Я тебѣ говорю вѣдь: не человѣкъ, а прямо — живорѣзъ! Такому-ли человѣку маху давать?..

— Н-да. А подходитъ, говорить нечего.

На этомъ оба ястреба закончили разговоръ о «своихъ дѣлахъ» и замолкли...

Кстати ужъ сказать здѣсь-же еще два слова объ этихъ ястребахъ, чтобы болѣе не возвращаться къ этому предмету. Не такъ давно мнѣ совершенно случайно пришлось быть въ дер. Буграхъ и познакомиться съ тѣмъ самымъ живорѣзомъ, о которомъ такъ много повѣствовалъ одинъ изъ ястребовъ. Живорѣзъ живетъ въ своемъ пол-домѣ въ самомъ центрѣ трактира, въ самомъ центрѣ гама, шума, кабацкой брани и ругани. Онъ дѣйствительно, какъ желѣзный: голова у него не болитъ отъ этого кабацкаго рева, не смотря на то, что комната его отдѣлена отъ трактира досчатыми перегородками. Въ комнатѣ кровать желѣзная и желѣзный несгараемый шкафъ, да ко всему этому и онъ самъ одинокій желѣзный обыватель. Воистину это какое-то ястребиное гнѣздо. Показывалъ онъ мнѣ садъ. И здѣсь видно во всякой мелочи что-то желѣзное и жестокое: маленькіе, тщедушные, неумѣло посаженные кусты смородины огорожены такими кольями, которые годились бы на сваи. Жиденькая малина привязана къ такому столбу, что напоминаетъ преступника, привязаннаго къ позорному столбу. Эти огромные колья у растеній и цвѣтовъ кажутся поставленными не для подпоры и помоги, а стоятъ какъ палачи, «силомъ» тащатъ къ себѣ несчастныя растенія, не даютъ имъ ходу, «не пущаютъ»... «Силомъ» — въ этомъ выраженіи вся суть ястребиной жизни: «силомъ» съ работниками, «силомъ» съ дѣтьми, «силомъ» съ женой, со смородиной, съ малиной. Вездѣ веревка, палка, оплеуха... Показалъ мнѣ этотъ ястребъ конюшню и разсказалъ исторію болѣзни одной лошади, и тутъ оказалось, что даже болѣзнь, и ту ястребиный умъ нашелъ возможнымъ уничтожить тоже только «силомъ»... Ученымъ людямъ, докторамъ онъне вѣритъ; — «это одна глупость!» говоритъ онъ на основаніи опыта, и на этомъ-же основаніи принялся онъ лечить лошадь самъ. У лошади началась опухоль на животѣ и стала подвигаться къ груди. Чтобы остановить ее, «не дать ходу», онъ поступилъ такъ, какъ вообще поступаютъ, когда кому-нибудь не даютъ ходу: запираютъ ворота, привязываютъ на веревку и т. д. Такъ онъ поступилъ и съ опухолью. «Позвалъ я, разсказывалъ ястребъ, — работника, взялъ веревку (лекарство отъ всѣхъ болѣзней и во всѣхъ вопросахъ) да и перетянули ей животъ по самую по опухоль эту. Я къ себѣ тяну, работникъ — къ себѣ, перехватили мы ее такъ, что только пополамъ не разрѣзали. Ну, тогда опухъ пошелъ назадъ, значитъ къ задней части... вотъ въ эти мѣста... Погодилъ я дня три, покуда опухъ совсѣмъ сядетъ на мѣсто, ни корму, ни воды не давалъ; наконецъ того, вижу, раздуло ей эти мѣста... Какъ только раздуло ихъ, тутъ я и пошелъ бритвой полосовать.. Такъ оттуда болѣзнь-то эта самая кусками такъ и пошла валиться; одного мяса пуда полтора вывалилось изъ этихъ мѣстъ..! И что-же? Отдохла вѣдь... Полтора года еще послѣ того воду возила. А дай докторамъ, то есть ученымъ, давно-бы ноги протянула...»

Что всего обиднѣй, это то, что въ силѣ веревки и палки ястреба убѣждаетъ не только такой случай съ лошадью, но вообще несомнѣнный успѣхъ его во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ предпріятіяхъ: вездѣ онъ «первымъ долгомъ» пускаетъ въ ходъ веревку, палку, грубую силу и вездѣ успѣваетъ. Не думаю однако, чтобы успѣхъ былъ продолжителенъ...

— Это вашъ домъ? спросилъ я ястреба на прощанье..!

— Покамѣстъ только половина, скоро и другая будетъ наша...

— Покупаете?

— Купили-бы, да не зачѣмъ, такъ будетъ наша...

И ястребъ улыбнулся самой спокойной, самоувѣренной улыбкой.

III.

Въ былое время такіе ястребиные разговоры производили на меня самое ожесточающее впечатлѣніе. Прежде я-бы непремѣнно ввязался въ этотъ ястребиный разговоръ, непремѣнно бы сталъ вопіять противъ «безобразія» этихъ ястребиныхъ взглядовъ и ястребиныхъ поступковъ; но теперь я былъ уже такъ утомленъ вообще болѣе или менѣе ястребинымъ направленіемъ жизни, и до такой степени ужъ освоился съ той «зоологической правдой», которая, кажется, дѣлается единственнымъ основаніемъ и объясненіемъ жизненнаго обихода, что даже и не думалъ принимать въ ястребиномъ разговорѣ хоть-бы малѣйшее участіе. Да кромѣ того, развѣ дѣйствительно не все такъ «должно подходить одно къ одному», какъ повѣствовали ястребы, очевидно, не исповѣдующіе никакой другой правды, кромѣ зоологической? Развѣ «можетъ» раскольница противустоять живорѣзу? Нѣтъ, «не можетъ». Развѣ можетъ живорѣзъ противустоять жаждѣ получить задаромъ пол-дома? Тоже нѣтъ. Развѣ не «подходитъ» раскольница къ семьѣ овдовѣвшаго ястреба? Хорошенько разобрать, такъ окажется, что вполнѣ подходитъ. Семья его подобна какому-то гнѣзду, населенному враждующими другъ съ другомъ существами. Всѣхъ ихъ надобно сократить, приплюснуть такъ, чтобы никто пикнуть не смѣлъ, и эта роль пресса и обуха какъ

разъ подходитъ къ раскольницѣ: она *должна будетъ* ненавидѣть эту семью, какъ раскольница, затѣмъ, какъ каторжная, посаженная въ эту семью какъ въ тюрьму: слѣдовательно, передъ ея ненавистью и местью за свою судьбу всѣ будутъ равны: ей всѣ чужіе и всѣ враги—всѣхъ она *должна будетъ* угнетать, давить, а это только и требуется.

Все, съ точки зрѣнія этой зоологической правды, здѣсь правильно, все на своемъ мѣстѣ. Не удивился-бы я даже и тогда, если-бы мнѣ сказали, что и раскольница *сама*, не смотря на предстоящую ей каторгу, полагаетъ, что каторга эта и для нея также неизбѣжна. Теперь она только *чуетъ* бѣду, но, подумавши, пожалуй убѣдится, что иначе, какъ быть съѣденной ястребами, ей нельзя ничего другого придумать; спрашивается: что̀ такое она «на семъ свѣтѣ», съ своимъ пол-домомъ? Что она мотается? Вѣдь она не можетъ-же не чувствовать, что ея пол-дома сами тянутся къ ястребу? что ея пол-дома «подходятъ» къ нему, что рано-ли, поздно-ли, а ястребъ оторветъ эти полдома? Вѣдь онъ—ястребъ, развѣ *можетъ онъ* оставить это дѣло такъ, зря?

Съ другой стороны, развѣ вдовый ястребъ *можетъ* изгнать отъ себя мысль о томъ, что раскольница какъ-разъ «подходитъ» къ нему? И развѣ она сама-то не понимаетъ, что ему именно требуется, чтобы она, раскольница, шла къ нему какъ въ каторгу, чтобы она была зла на свою судьбу и всѣхъ бы, во имя этого зла, ѣла поѣдомъ? Не безмозглая-же она дура, чтобы этого не понимать и не видѣть во всемъ этомъ неизбѣжной судьбы... Я даже увѣренъ, что и теперь, еще почти ничего не зная, она уже чуетъ гибель неминучую, видитъ ея неотразимость и начинаетъ ожесточаться...А это тоже, какъ мы видѣли, «требуется». Все тутъ неизбѣжно и звѣрски-справедливо. И вотъ почему я съ полнымъ спокойствіемъ слушалъ зоологическіе разговоры, точно читалъ Брема.

И такъ, я ѣхалъ, молча смотрѣлъ, молча слушалъ; очень мало видѣлъ, а что̀ и слышалъ, то меня весьма мало интересовало и, во всякомъ случаѣ, вовсе не волновало. Но едва я раскрылъ ротъ, чтобы сказать слово сосѣду, какъ немедленно-же наткнулся на шпильку, пущенную въ меня изъ какого-то невѣдомаго мнѣ, но несомнѣнно враждебнаго источника или побужденія.

Проѣзжали мы мимо какого-то монастыря, расположеннаго въ весьма живописной мѣстности. Мѣсто мнѣ понравилось, и я захотѣлъ узнать, какъ оно называется и что это за монастырь? Съ этимъ вопросомъ я было обратился къ сосѣду, по виду похожему на торговца, человѣку лѣтъ пятидесяти, бодрому, опрятному и съ физіономіей весьма благоприличной: ничего не было въ ней ястребинаго, а. напротивъ, было очень много разсудительности. Вотъ къ этому-то сосѣду я было и обратился съ моимъ вопросомъ, но не успѣлъ я произнести и всей фразы, т. е. не успѣлъ выговорить всего вопроса: «Что это за монастырь?», а едва только выговорилъ: «Что это...», какъ благообразный торговецъ, не давъ мнѣ окончить вопроса, впился, такъ сказать, въ мои слова «что это...» (одновременно съ этимъ *впиваясь* въ мою широкополую шляпу, достаточно измятую, и очевидно *по шапкѣ* узнавъ во мнѣ *сицилиста*), и видимо не желая слушать вопроса до конца, съ ядовитой ласковостью въ выраженіи губъ поспѣшно заговорилъ:

—Это-съ? А это, милостивый государь, по нашему, по мужицкому, называется Божій храмъ! Да-съ, храмъ Господній! Какъ это самое по вашему, по благородному, называется, намъ—ужъ извините—неизвѣстно, потому что мы мужики, а мужики, милостивый государь, само собою, не болѣе есть, какъ набитые дураки...

Я съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на сосѣда, не зная, какъ объяснить себѣ это нежеланіе слышать вопросы и этотъ язвительный тонъ рѣчи.

Нимало не смущаясь моимъ недоумѣвающимъ и пристальнымъ взглядомъ, благообразный сосѣдъ глядѣлъ на меня въ упоръ, прямо мнѣ въ глаза, глядѣлъ пристально и продолжалъ уже не безъ нѣкоторой доли жестокости въ голосѣ:

— Но хоть мы и мужики, и дураки, а мы, по нашему глупому мнѣнію, такъ считаемъ, что коль скоро увидимъ храмъ Господній, то вотъ этакимъ вотъ манеромъ шапочку-то снимемъ (онъ снялъ шапку) да крестное знаменіе-то сотворимъ (онъ перекрестился)—и разъ, и два, и три... Вотъ эдакимъ вотъ манеромъ, почитаемъ мы, что слѣдуетъ намъ поступать, по нашему, по мужицкому, по дурацкому мнѣнію... Ну, а какъ по вашему, по благородному, по ученому мнѣнію, ужъ этого намъ неизвѣстно, извините! Потому мы неучены, а только что помнимъ мы Бога, чтимъ Его, боимся, со страхомъ благодаримъ... А ужъ какъ господа понимаютъ—ну, это намъ неизвѣстно!

— По нашему, по мужицкому мнѣнію, заговорилъ уже другой голосъ позади меня, и заговорилъ гордымъ, увѣреннымъ тономъ:—мы такъ считаемъ, что это есть монастырь святителя, отче Антоніе папы Рымскаго ,который изъ города Рыма на каменіе проплылъ вплоть черезъ Санкпетербургъ... Такъ мы по глупости своей считаемъ... Позвольте вашъ билетикъ!

Этотъ второй пособникъ перваго моего сосѣда оказался служащимъ на пароходѣ и, отрывая кончикъ билета, также упорно смотрѣлъ мнѣ «прямо въ глаза» и «на шапку» (по всей Россіи и по всѣмъ вѣдомствамъ «узнаютъ» по шапкамъ, пледамъ, сапогамъ) и проговорилъ ужъ совершенно наставительно:

— Извольте получить билетикъ... Антоніе, слѣдовательно, папы Рымскія-съ, милостивый государь, такъ мы полагаемъ, по глупому нашему смыслу...

Тутъ я рѣшился возразить.

— Этотъ Антоній вовсе не былъ папой! осмѣлился я проговорить.

— Ну вотъ—вотъ-съ! заговорилъ первый изъ моихъ враждебныхъ собесѣдниковъ.—Вотъ вы, милостивый государь, человѣкъ ученый, образованный, вотъ вы и знаете ужъ, что не такъ, то̀ есть, по дурацкому, по мужицкому, мы, мужики-дураки,

думаемъ... По вашему, мы есть дураки, а по нашему, по глупому, мы такъ полагаемъ, что надобно почитать святыхъ угодниковъ, и полагаемъ такъ, что святители отче Антоніе, Рымскіе папы, на каменіе прибылъ, то. слѣдовательно, какъ угодника Божія, мы его чтимъ и молимся ему, чтобы простилъ бы и помиловалъ наши согрѣшенія .. Н-ну, а вы, такъ какъ вы имѣете благородное образованіе, такъ для васъ, я такъ думаю, что ничего это не составляетъ...

— Я не понимаю, что вы говорите! сказалъ я.

— То-то и есть, я говорю:—дураки мы! И гдѣже намъ, дуракамъ, понимать, какъ должно по наукамъ, чтобы, напримѣръ, почитать святыхъ угодниковъ? Для насъ, для мужиковъ, такъ представляется, по нашей глупости, что который человѣкъ имѣетъ вѣру въ Бога, тотъ и въ мысляхъ своихъ имѣетъ, напримѣръ, совѣсть... А который...

— Что ему Богъ-то! вдругъ перебилъ какой-то рыжій верзила, сильнымъ, рѣжущимъ ухо, басомъ; —иному Богъ, а иному пріятнѣе чортъ... Съ чортомъ-то иному много будетъ попріятнѣе имѣть свои каламбуры... Чортъ-то, вѣдь онъ, братъ, тоже ученъ!..

— Нау-учитъ хорошему! послышалось откуда-то изъ-за спины у верзилы.

— А можетъ быть. что и такъ бываетъ, какъ вотъ онъ сказываетъ, продолжалъ первый изъ собесѣдниковъ.— Конечно, что мы глупы, ничему не учены, но только мы знаемъ отъ нашихъ прародителей, какъ былъ искони бѣ Богъ, то мы и чтимъ, и благодаримъ, и за хорошее благодаримъ, и за худое, потому— все отъ Бога. Хотя мы и дураки, но мы въ потѣ лица несемъ наши труды, семейства, заботимся и терпимъ, потому такъ установлено Богомъ, и Господь насъ не оставляетъ: были мы вотъ крѣпостные, а теперь Господь насъ освободилъ и, слѣдовательно, мы должны Его славить и благодарить; такъ по нашему, по глупому, по дурацкому... А по вашему, по благородному, по ученому, вишь вотъ не такъ!... Антоній не Антоній, храмъ не храмъ, а «что молъ такое?» (онъ передразнилъ мой вопросъ), работать, вишь, не надо, повиноваться не надо, бояться тоже не резонъ, а живи въ свое удовольствіе... Ну, вотъ мы и думаемъ, что Господь въ такихъ дѣлахъ—не указчикъ...

— Чортъ *имъ* указатель, больше ничего! отрѣзалъ верзило.—Богъ на этакія пакости не надоумитъ, а чортъ съ удовольствіемъ!..

— Конечно, дьяволу пріятны поганые *ихніе* поступки, что говорить! Это злодѣйство для него первое удовольствіе. Господь насъ, рабъ своихъ, изъ рабства, за наши мученія и слезы, освобождаетъ, а дьяволъ то—эво чего норовитъ!—чтобы, напримѣръ, па оборотку! Ну, только нѣтъ, наврядъ!.. Хоша, конечно, ученому народу и пріятнѣе. чтобы, значитъ, на прежнихъ правахъ; но Господь милостивъ и щедръ, а бѣсъ сокрушится яко воскъ. . Такъ вотъ мы и думаемъ, по глупому нашему уму, и чтимъ, и молимся, а которые есть люди, покорные дьяволу, такъ тѣмъ зачѣмъ Бога почитать? Мы вотъ, дураки-то, мужичье, какъ видимъ храмъ, такъ и снимаемъ шапочку, да низехонько поклонимся... А вамъ зачѣмъ?

Послѣдняя фраза была сказана съ ужаснымъ ехидствомъ.

- Вотъ ученымъ, загремѣлъ верзила:—написать-бы себѣ чортову харю да и почитать ее, какъ своего заступника. Я такъ думаю, что это будетъ, по вашему уму, правильно... А мы, мужики, будемъ Богу поклоняться, а чорта по шеѣ долбить, доколѣ онъ не расточится. какъ послѣдняя свинья. Вотъ какъ надо по нашему!

— Закатилъ *ему* хорошаго леща, произнесъ какой-то посторонній слушатель, очевидно, плохо вслушавшійся въ разговоръ, но несомнѣнно имѣвшій «собственное мнѣніе» относительно «главнаго» предмета разговора: засвѣтилъ *ему* звѣзду по уху—вотъ тебѣ и *права*!

— А кто-жъ на лежачихъ лесорахъ будетъ ѣздить? вмѣшался новый собесѣдникъ, также имѣвшій «собственное мнѣніе».

— Да мы съ тобой! Ты думаешь, не съумѣемъ? Не безпокойся!.. А то права!.. Я-бъ тебѣ показалъ, пузастому чорту, права!.. Погляди-ка, какіе у нихъ у всѣхъ пузы-то! Все мало! «Подай назадъ...» Н-ну нѣтъ, братъ, погоди, повремени!..

Разговоръ мало по малу сдѣлался общимъ, причемъ всякій хотя и говорилъ. повидимому, какъ бы что-то совершенно особенное, самостоятельное, не подходящее къ тому, что сказалъ предшественникъ. но какая то неразрывная, трудно уловимая нить соединяла всѣ эти разрозненныя мнѣнія и фразы; что-то совершенно опредѣленное, всѣмъ понятное лежало въ глубинѣ этихъ разглагольствованій, казавшихся на первый взглядъ почти безсмыслицей. Именно это «что-то», скрытое отъ моего пониманія, и ощущалось мною какъ нѣчто враждебное, непріязненное, ощущалось тѣмъ съ бòльшею непріятностью, что всѣ разговаривающіе, очевидно, имѣли меня предметомъ своего сужденія, хотя большинство и не обращалось ко мнѣ въ своихъ разсужденіяхъ. Разговаривая другъ съ другомъ, они смотрѣли на меня; при словахъ: «имъ»,«ихнія» и т. д. въ мою сторону адресовался кивокъ или ядовитый взглядъ. Очевидно, что въ моей фигурѣ, въ моей внѣшности они нашли какіе-то общіе, всѣмъ имъ хорошо извѣстные признаки человѣка, надъ которымъ не только можно, а даже должно упражнять свои критическія способности и практиковать критическіе взгляды. Я былъ точно на судѣ, точно подсудимый, и рѣшительно не зналъ, какъ выпутаться изъ этихъ сѣтей, которыми опутала меня публичная критика. Къ счастью, въ самую трудную для меня минуту, пароходъ подъѣхалъ къ какой то деревнѣ, гдѣ я рѣшился выйти. Но въ то время, когда я спускался по желѣзной лѣстницѣ въ лодку и отдалъ билетъ тому человѣку, который уязвилъ меня во время пути, человѣкъ этотъ не преминулъ уязвить меня и еще разъ:

— Слѣзаете? спросилъ онъ.—Доброе дѣло-съ... Такъ, такъ-то съ. По нашему-то будетъ святители отче Антоніе, папы Рымскія, а по вашему, по-

жалуй, и не требуется этого... Очень жаль-съ!.. А по нашему такъ.

Къ счастью моему, я былъ уже въ лодкѣ, которая стала медленно отъѣзжать отъ парохода, и не слыхалъ, какія такія язвительныя шпильки пускалъ мнѣ въ догонку одинъ изъ моихъ неожиданныхъ преслѣдователей.

Но этимъ эпизодомъ злоключенія мои не только не кончились, а, напротивъ, только начинались. Съ парохода я могъ еще уйти; но что я могъ и могу сдѣлать въ глухой деревушкѣ, гдѣ я поселился, гдѣ меня никто не знаетъ, и гдѣ, благодаря тому обстоятельству, что въ моемъ паспортѣ значится фраза: «бывшій студентъ», «учитель»—сразу опредѣлилась во мнѣніи деревенскаго общества самая зловредная, самая непопулярная, а главное, не подлежащая ни малѣйшимъ сомнѣніямъ въ зловредности сторона моихъ нравственныхъ свойствъ. «А, студентъ! сказалъ сельскій писарь, прочитавъ видъ. – Такъ!» Неграмотные мужики только поглядѣли на меня изъ-подлобья и стали переглядываться другъ съ другомъ и писаремъ. Слово «такъ» писарь произнесъ такимъ тономъ, что оно совершенно ясно для всѣхъ выразило такую мысль: «А-га, вонъ куда *ихъ* стало заносить!..»

Я отличнѣйшимъ образомъ понималъ смыслъ всѣхъ этихъ взглядовъ, всѣхъ этихъ «тоновъ», которыми говорились, повидимому, самыя обыкновенныя вещи, понималъ, что въ глубинѣ этихъ взглядовъ и обыкновеннѣйшихъ разговоровъ лежитъ подозрительность не собственно ко мнѣ, котораго никто не знаетъ въ этихъ мѣстахъ, а къ цѣлой огромной группѣ извѣстнаго сорта людей, въ которыхъ сосредоточивается все, что народъ почитаетъ опаснымъ. Я все это уже видѣлъ, чувствовалъ и хотѣлъ бы что-нибудь сказать въ свое оправданіе, да не могъ, не зналъ, какъ начать, да, наконецъ, мнѣ и сообразиться-то не давали порядкомъ, потому что шпиговали на каждомъ шагу. Я молчалъ, сидѣлъ либо въ своей избѣ съ книгой, либо съ книгой уходилъ на рѣку—и вездѣ меня настигало шпигованіе. И въ этомъ шпигованьи—а главное въ тенденціи-то шпигованія — всѣ: и бѣдный, и богатый, и власть деревенская, и деревенская безгласность—всѣ, какъ одинъ, всѣ согласны, всѣ напираютъ на одно и видятъ зло въ одномъ и томъ же.

Лежу я на этой самой зеленой травкѣ, и вдругъ развязной поступью подходитъ ко мнѣ деревенскій пролетарій: онъ въ рваной рубахѣ, рваныхъ штанахъ, онъ босъ и нагъ; я же нанялъ его сдѣлать мнѣ кровать; я же далъ ему на выпивку «для начатія» работы—и онъ же, выпивъ, первымъ долгомъ является критиковать меня, его заказчика.

— Извините, господинъ, говоритъ онъ, точь въ точь *какъ всѣ,* смотря мнѣ смѣло и *прямо* въ глаза, и *какъ всѣ*, загадочно-смѣло улыбаясь: — извините, что мы васъ спросимъ... Позвольте узнать, какъ будетъ ваше, напримѣръ, званіе?

— Зачѣмъ вамъ?

— Да собственно, чтобы знать-съ. Напримѣръ, откуда, какъ?.. Въ нонишнія времена, сами знаете, очень много разныхъ шарлатановъ оказывается.

Я пріѣхалъ жить лѣтомъ на дачѣ, категорически отвѣчаю я. — Мнѣ надо пожить въ деревнѣ для здоровья.

— Такъ-съ... Стало быть, изъ Петербурга къ намъ для здоровья собственно?

— Собственно для здоровья. Видишь, какой здѣсь воздухъ-то. Вотъ мнѣ и хочется подышать.

— Воздухомъ-то-съ?

— Да, воздухомъ.

— Ну, а въ Петербургѣ-то нешто нѣту воздуху-то?

— Есть, да скверный.

— Ишь ты вѣдь! Стало быть, для воздуху?

— Да!

— Такъ-съ. По машинѣ пріѣхали?

Молчаніе. Молчитъ и смотритъ на меня, какъ говорится «въ оба».

— Что-жъ ты, работаешь кровать то? спрашиваю я его довольно строго.

— Мы работаемъ-съ. Не сумлевайтесь!.. Будетъ исправно.

И все-таки стоитъ и смотритъ въ оба. Наконецъ нехотя идетъ и говоритъ:

— Воздухъ у насъ мягкій... Коли ежели вамъ пріятно насчетъ воздуху... Да мы такъ только, любопытствуемъ: кто, молъ, такіе? Такъ насчетъ воздуху?.. А кровать будетъ готова, не сумлевайтесь.

Пошолъ, но на полдорогѣ остановился, поглядѣлъ на меня, посвисталъ весьма развязно и наконецъ-таки ушелъ.

Ушелъ пролетарій, является тузъ, старшина, богачъ.

— Богъ помочь! говоритъ онъ, входя въ избу, и едва я, отвѣтивъ на привѣтствіе, хочу ему подать руку, какъ онъ, съ улыбкой (*та самая* улыбка, всеобщая), произноситъ:

— Перво-на-перво позвольте ужъ намъ нашъ мужицкій законъ соблюсти — Богу помолиться, а потомъ ужъ и вашу ручку примемъ. Ужъ извините! Такое у насъ, у мужиковъ, у дураковъ, глупое обыкновеніе.

Онъ помолился на образа, повѣсилъ картузъ и сказалъ:

— Ну, вотъ теперь позвольте познакомиться.

Слѣдуютъ тѣ-же самые вопросы: откуда, зачѣмъ и т. д. Но на этотъ разъ нѣкоторыя изъ моихъ объясненій проходятъ безъ подозрѣнія. Старшина, какъ человѣкъ бывалый, уже понимаетъ, что «для воздуха» можно пріѣзжать изъ Петербурга даже и по машинѣ; но вотъ заходитъ рѣчь о паспортѣ, о томъ, что въ паспортѣ стоитъ слово «студентъ» и другое слово «учитель», и дѣло принимаетъ другой оборотъ.

— Я удивляюсь, говоритъ старшина: — чему только въ нонѣшнія времена учатъ ученыхъ людей! Я къ тому, извините, что вотъ у васъ въ паспортѣ сказано «учитель»: ну, вотъ мнѣ и пришло на мысль... И чему только, я удивляюсь, учатъ нонича? Двадцать лѣтъ его трутъ и мнутъ,

а скажите вы на милость — появляется по окончаніи этого самаго курса столь безсовѣстный человѣкъ, что онъ даже, извините, лба не умѣетъ перекреститъ!.. Я васъ, извините меня, не знаю; кто вы такіе, мнѣ неизвѣстно; можетъ быть, вы и Бога почитаете, опять-же я не знаю. Я долженъ придти взять бумаги, потому, по нонѣшнему времени, столь много шарлатанства... Я не про васъ говорю, а только къ слову, что сказано вотъ тутъ «учитель»—ну, и я къ слову насчетъ, значитъ, разныхъ прочихъ подлецовъ упомянулъ... Вѣдь иной безсовѣстный человѣкъ встанетъ утромъ, рожу свою поганую не моетъ — сейчасъ зажегъ папиросу или тамъ цыгару, подбоченился, засвисталъ: фю-фю-фю, шапку въ горницѣ надѣлъ, ходитъ передъ образами, какъ ни въ чемъ не бывало... Вѣдь вотъ какіе есть мазурики! Былъ у меня «тоже» вотъ, *какъ и вы*, этакой безсовѣстный учитель... Среда, пятница, Петровъ постъ—ему это и вниманія не составляетъ! Земство прислало — дай Богъ ему здоровья — тамъ тоже все ученые люди, высчева кругу-смыслу. Постъ не постъ— пошелъ на погребицу, облапилъ горшокъ молока — лакаетъ, какъ свинья. Извините, ужъ я съ вами говорю прямо: я пришелъ къ вамъ по дѣламъ; хотите—слушайте меня, хотите нѣтъ, а что я пришелъ, то потому, что я—начальникъ здѣшній. Вы баринъ, а я мужикъ, но все-же я вашъ начальникъ и пришелъ я по дѣламъ; а неугодно меня слушатъ—какъ угодно.

Я просилъ говорить; говорилъ, что я все понимаю и признаю его власть и т. д.

— Такъ вотъ какихъ нониче шарлатановъ натворили! А считается учитель, тоже деньги получаетъ. Онъ, безсовѣстный, лба перекрестить не умѣетъ, а учитель! Чему-же онъ можетъ учить! Я-бы его самого растянулъ въ волости—да, вишь, тоже нельзя, заступятся; я такъ считаю, что это все одна шайка, рука руку моетъ, чтобы духъ шарлатанскій распустить по свѣту, а тѣмъ временемъ... Мы тоже слышимъ и видимъ, сдѣлайте одолженіе. А впрочемъ, очень пріятно познакомиться. Воздухъ... что-жъ? Ежели насчетъ воздуху—ничего... сколько угодно. А за глупыя наши мужицкія рѣчи ужъ не взыщите, потому мы не ученые, а мужики—дураки слѣдовательно, и умныхъ рѣчей у насъ нѣтъ. Ну, а какія есть, не взыщите. У насъ тутъ воздухъ; вполнѣ можно сказать, можетъ освѣжать, напримѣръ... До свиданія-съ!

Ушелъ, но этимъ не кончилось: на дворѣ, гдѣ мужикъ-пролетарій дѣлалъ мнѣ какую-то нелѣпую кровать, завязался общій оживленный разговоръ обо мнѣ и о моихъ, всѣмъ ясныхъ, всѣмъ враждебныхъ, свойствахъ. Замѣчательно, что и богачъ-старшина, и мужикъ-хозяинъ, и баба — всѣ были какъ одинъ человѣкъ. Но пуще всего меня волновало то, что пролетарій-то и былъ особенно неумолимъ въ подозрительности.

— Слушай ты его, азартно говорилъ онъ старшинѣ, не переставая работать:—ты его послушай, онъ тебѣ наплететъ... Учитель! Коего ему дьявола воздуху понадобилось за полтораста верстъ отъ Петербурга? Ты за нимъ долженъ глядѣть въ оба!.. Они мастера разговаривать-то — воздуху!

— Ну, будетъ тебѣ, урезонивалъ его старшина:—тебѣ говорятъ дураку: на дачу пріѣхалъ; развѣ мало ѣздитъ господъ?

— То-то много—не мало! Я про то и говорю: много, молъ, ихъ, шарлатановъ. Онъ вотъ пріѣхалъ на счетъ воздуху. А что у него на умѣ?

— Ну, что?

— Да! Что? Ты начальникъ, ну-ка говори, что? Знаешь?

— А ты знаешь?

— Я-то? Я его насквозь вижу.

Какимъ образомъ, черезъ нѣсколько времени такого разговора, плотникъ-пролетарій нашелъ возможнымъ провозгласить на весь дворъ фразу о томъ, что «*они* въ прежнія времена людей на собакъ мѣняли, намъ это хорошо извѣстно», я рѣшительно не понимаю и совершенно не могу выяснить себѣ направленія мыслей плотника. Но фраза была произнесена громогласно и поддержана подобными же примѣрами: поддержалъ и мужикъ-хозяинъ, и хозяйка-баба, и даже старшина. Пролетарій-плотникъ будоражилъ публику больше всѣхъ. Когда была готова кровать, я далъ этому моему ненавистнику на водку, далъ я ему хорошо и надѣялся, что онъ снизойдетъ ко мнѣ и перестанетъ относиться ко мнѣ съ озлобленіемъ, котораго я ровно ничѣмъ не заслужилъ. Но я жестоко ошибся; плотникъ выпилъ «на всѣ» и поздно ночью появился около моей избы.

— Эй! кричалъ онъ мнѣ съ улицы.— Учитель! Поди-ка сюда. Иди, что-ли? Н-ну, будетъ тебѣ. перестань, ид-ди! Я бы тебя поучилъ малымъ дѣломъ. Поди, я тебѣ дамъ наставленіе... Чего молчишь то?

— Будетъ тебѣ орать-то! не нашелъ время днемъ! остановилъ его голосъ хозяина.—Чего орешь? Спитъ онъ.

— Спитъ? Ну, пускай: песъ съ нимъ. Пускай. А то бы я его вопросилъ бы о предметахъ. Пущай бы отвѣчалъ. Ну, песъ съ нимъ... Я бы ему показалъ, какъ человѣка на собаку мѣнять... Я бы его научилъ... Ну, песъ его дери...

. . . .

Какія-то неясныя для меня, но сплачивающія массу идеи очевидно бродятъ тамъ, въ глубинѣ народныхъ размышленій. Во имя этихъ идей, народъ очевидно можетъ поступать дѣйствительно «какъ одинъ человѣкъ». Въ этомъ я положительно убѣдился.

— Боже мой! думалось мнѣ въ трудныя минуты «отдыха на травкѣ», какъ мнѣ доказать имъ, а въ особенности этому плотнику-пролетарію, что я вовсе не то, что они обо мнѣ думаютъ.

Они, правда, понемногу, перестали допекать меня допросами открыто, они стали молча проходить мимо меня; но это было еще хуже: упорный, подозрительный взглядъ каждаго изъ нихъ всегда останавливался на мнѣ, долго пронизывалъ меня и нимало никогда не смягчался.

«Отдыхать» на травѣ при такихъ условіяхъ было въ высшей степени неудобно.

V. Своекорыстный поступокъ.

I.

При всей трудности и неловкости моего положенія, меня все-таки конечно глубоко радовало то новое (для меня) явленіе сплоченности деревенскихъ людей, которое обнаруживалось въ ревнивомъ оберегаyіи «мужицкихъ правовъ», но правоже, думалось мнѣ, на этотъ разъ оберегатели «правовъ» «не на того» напали, и не я тотъ человѣкъ, который таитъ въ душѣ своей злостныя относительно этихъ «правовъ» намѣренія... Чтобы доказать это подозрительнымъ деревенскимъ людямъ, очевидно, необходимо было совершить какой-нибудь такой поступокъ, который-бы сразу и притомъ для всего *сплошь* подозрительнаго деревенскаго общества показалъ мои подлинныя желанія и взгляды по отношенію къ нимъ, деревенскимъ людямъ, моимъ новымъ знакомцамъ и неожиданнымъ врагамъ. Необходимо было притомъ совершить такой поступокъ, который-бы обнаружилъ мои намѣренія *безъ разговоровъ*, такъ какъ, именно только *«за разговоры въ деревнѣ»* на Руси, какъ извѣстно, сгибло не мало народу, а я просто хотѣлъ отдыхать на травкѣ, а на счетъ погибели не думалъ спѣшить, потому что, казалось мнѣ, и такъ я уже почти погибъ...

Поступокъ, не сопровождаясь разговорами, долженъ былъ въ то-же время имѣть то свойство, чтобы при *всеобщей* подозрительности, при *всеобщей* сплоченности въ недовѣріи и ревности къ правамъ, давалъ-бы также *всеобщее*, т. е. для *всѣхъ* одинаково доступное представленіе о томъ, что я не крамольникъ и не врагъ вообще крестьянскаго благополучія, необходимъ былъ, слѣдовательно, поступокъ, какъ говорится, просто «благородный». Разъ *всѣ* меня подозрѣваютъ, надо, чтобы и подозрѣвать перестали также *всѣ*, а для этого и надобно было поступить «вообще» благородно. А такъ какъ и за благородные поступки также на Руси сгибло несмѣтное множество благороднѣйшихъ людей, то необходимо было придумать такой благородный поступокъ, чтобы онъ, во-первыхъ, былъ меньше булавочной головки, а во-вторыхъ, чтобы онъ обладалъ свойствомъ полнѣйшей неуязвимости, чтобы подъ него никто не могъ подкопаться, придраться или «прицѣпиться».

Соединивъ все сказанное выше въ одно цѣлое, читатель, надѣюсь, пойметъ, что задача, которую задало мнѣ новое теченіе деревенской мысли, была весьма затруднительна: я долженъ былъ совершить такой поступокъ, который, во-первыхъ, долженъ быть общепонятенъ, во-вторыхъ—неуязвимъ, въ-третьихъ—благороденъ, въ-четвертыхъ — меньше булавочной головки, и наконецъ въ-пятыхъ—поступокъ этотъ въ общей сложности долженъ былъ такъ-ли, сякъ-ли дать деревенскому люду представленіе о томъ, что я, неизвѣстный для нихъ человѣкъ, не таю противъ нихъ зла.

Чтó-же такое долженъ былъ я сдѣлать?

II.

Долго ломалъ я голову, и вѣроятно не пришелъ бы ни къ какому результату, если бы меня не выручила совершеннѣйшая случайность. Именно: понадобилось мнѣ быть какъ-то въ Петербургѣ, и здѣсь, у одного изъ пріятелей, я совершенно случайно встрѣтилъ, въ числѣ разныхъ книгъ, разбросанныхъ на письменномъ столѣ, небольшую брошюру объ оспопрививаніи и, просматривая ее, узналъ, что въ Петербургѣ, въ императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ, можно получать оспу безплатно, такъ какъ давно уже образовался какой-то капиталъ, на проценты съ котораго оказалось возможнымъ устроить даровую раздачу оспенной матеріи. Свѣдѣніе это сразу вывело меня изъ затруднительнаго положенія. Я вспомнилъ, что передъ отъѣздомъ изъ деревни я какъ-то слышалъ отъ старшины, что онъ тоже собирается ѣхать въ Петербургъ и, между другими дѣлами, которыя думалъ сдѣлать въ Петербургѣ,—хотѣлъ также купить для волости оспы. Сдѣлаю, думалъ я, это дѣло для деревни. Я—посторонній человѣкъ, и хотя поступокъ этотъ будетъ весьма ничтожный въ смыслѣ общественной пользы, а все-таки будетъ, во-первыхъ—полезный поступокъ, во-вторыхъ—дастъ деревнѣ возможность взглянуть на меня не съ худой, а съ доброй стороны, а въ-третьихъ—такой поступокъ никого не можетъ обидѣть и всякій долженъ сказать: «хорошо». Авось, думалось мнѣ, крестьяне перемѣнятъ обо мнѣ мнѣніе, когда узнаютъ, что я, котораго они считаютъ въ числѣ ненавистниковъ ихняго благополучія, вспомнилъ о нихъ въ Питерѣ, вспомнилъ о ихъ недостаткахъ и добылъ безплатно такую вещь, за которую они до сихъ поръ, какъ мнѣ извѣстно, платили деньги. Хотя дѣло, которое я задумалъ сдѣлать для нихъ, было рѣшительно микроскопическое, но его никто изъ крестьянъ не будетъ въ состояніи объяснить какимъ-нибудь худымъ побужденіемъ, а мнѣ, въ моихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, ничего иного и не требовалось. Не утаю отъ читателя, что личный разсчетъ, руководившій мною въ этомъ «благородномъ», съ «булавочную головку» поступкѣ—разсчетъ на то, что поступокъ этотъ, давая крестьянамъ нѣкоторый намекъ на присутствіе во мнѣ добрыхъ намѣреній, умягчитъ ихъ сердца и мысли и дастъ мнѣ возможность хоть недѣлю полежать на травкѣ именно такъ, какъ я объ этомъ мечталъ—этотъ личный разсчетъ побудилъ меня дать моему поступку нѣкоторую огласку. Нужда, говоритъ русская пословица, научитъ кирпичи ѣсть; та-же нужда учитъ ѣсть и калачи, она-же и меня научила тому, чтó извѣстно подъ выраженіемъ: рожь на обухѣ молотить и соринки не обронить. И точно: лишь бы только выбраться изъ-подъ гнета незаслуженнаго недовѣрія, ни единой соринки изъ такого ничтожнѣйшаго «поступка», какъ трубка съ телячьей оспой, я не проронилъ. Возвратившись въ деревню съ оспенными трубочками, я постарал-

ся сдѣлать такъ, чтобы онѣ достигли рукъ оспопрививателя, описавъ по деревнѣ, по возможности, значительный кругъ и пройдя чрезъ многія руки. Для этого я вручилъ трубочки крестьянину, совершенно мнѣ незнакомому, даже изъ другой деревни, далъ ему двугривенный съ тѣмъ, чтобы онъ отнесъ эти трубочки знакомому мнѣ пролетарію, чтобы пролетарій передалъ ихъ старшинѣ, а ужъ старшина передастъ оспопрививателю. При этомъ, давая двугривенный, я просилъ незнакомаго крестьянина передать пролетарію на словахъ слѣдующее:

— Скажи ему, чтобъ онъ передалъ эти сткляночки старшинѣ и сказалъ бы ему, что не надобно ѣздить въ Петербургъ и тратить крестьянскія деньги. Я вспомнилъ, что вамъ надо, и досталъ безплатно. Ни копѣйки не стоитъ... Зачѣмъ напрасно тратить деньги? Крестьянамъ деньги нужны. Пусть скажетъ старшинѣ, чтобы не ѣздилъ, не тратилъ. Сколько угодно даютъ безплатно...

Нѣсколько разъ повторялъ я ему одно и то-же, всякій разъ сокращая рѣчь, такъ что, въ концѣ концовъ, крестьянинъ ушелъ отъ меня, неся въ памяти своей только представленіе о томъ, что вотъ «за это прежде платили деньги, а теперь безплатно», и что я, именно я, Лиссабонскій, «*вспомнилъ*» объ этомъ; я, Лиссабонскій, не захотѣлъ, чтобы деньги тратились даромъ.

Такого шарлатанства я бы никогда прежде не позволилъ себѣ, да никогда оно и не пришло бы въ голову вѣроятно потому, что мнѣ никогда также не могло бы придти въ голову, чтобы меня-то, меня, Лиссабонскаго, человѣка, именно изъ-за сочувствія деревенской нуждѣ обреченнаго остаться внѣ общества, человѣка, вынужденнаго скитаться, не имѣя опредѣленныхъ занятій,—чтобы меня-то могъ деревенскій человѣкъ заподозрить въ желаніи воротить крѣпостные порядки. А разъ это случилось, надо было подниматься на хитрости.

Хитрость моя удалась какъ нельзя лучше въ томъ отношеніи, что трубочки съ оспой дѣйствительно достигли рукъ оспопрививателя не прежде, какъ побывавши въ десяти другихъ рукахъ, причемъ передача изъ однѣхъ рукъ въ другія сопровождалась комментированіемъ моихъ словъ «безплатно», «вспомнилъ», «напрасно не тратить денегъ». Результаты этой уловки не замедлили обнаружиться, но, увы, они были вовсе не тѣ, которыхъ я ожидалъ! Моимъ безцвѣтнымъ, микроскопически «благороднымъ» поступкомъ я хотѣлъ помирить съ собой до нѣкоторой степени *весь* крестьянскій міръ, такъ какъ онъ *весь*, всей массой, «*весь, какъ одинъ*», напиралъ на меня въ своей подозрительности. Но, увы! поступокъ мой въ сотый разъ доказывалъ мнѣ, что единеніе полное и плотное въ недовѣріи къ крѣпостническимъ злоумышленіямъ, подозрѣваемымъ крестьяниномъ во всякомъ человѣкѣ, который носитъ сюртукъ, есть то самое плотное единеніе, которое сковываетъ націю предъ чужеземнымъ непріятелемъ, и что разъ дѣло коснется интересовъ обыкновеннаго жизненнаго обихода, нѣтъ того, что называется «масса», нѣтъ сплошной толпы, нѣтъ мысли, проникающей всѣхъ и вся однообразнымъ сочувствіемъ ей или несочувствіемъ... Въ сотый, тысячный разъ убѣдился я, что если народъ носитъ одинаковые полушубки, одинаковыя бороды, пашетъ одинаковыми сохами и коситъ одинаковыми косами и т. д., то это вовсе не означаетъ, что онъ—«масса», что онъ одинаково думаетъ, исполненъ одинаковыми желаніями, что вообще нельзя «любить» сплошь всю деревню, хотя бы у нея сплошь у всей были «ядреныя щеки» (тоже свойство народное) и т. д. Вы видѣли, какой почти безцвѣтный поступокъ совершилъ я, полагая, что *весь* крестьянскій міръ скажетъ за него «хорошо». Однако посмотрите, что вышло.

Входитъ ко мнѣ въ избу деревенскій тузъ, старшина.

— Добраго здоровья!

— Здравствуйте.

— Зашелъ на минутку. Присѣсть позвольте.

— Пожалуйста... Тамъ, я послалъ вамъ...

— Какъ-же-съ! Какъ-же! Получили... Благодаримъ покорно! Очень благодарны... Вспомнили-съ!

Онъ отеръ платкомъ лицо и, не безъ тонкой ироніи, проговорилъ:

— Будучи вы въ столицѣ, изволили вспомнить нашихъ мужичковъ...

— Совершенно случайно...

— Прекрасно-съ. Это доказываетъ ваше вниманіе... Такъ какъ дѣло это нисколько васъ не касающее, потому мы сами завсегда знаемъ, что требуется, а между прочимъ вы имѣли такое вниманіе, что вспомнили, то мы и считаемъ это... какъ вашъ благосклонный поступокъ... Очень благодарны-съ!

— Помилуйте, ничего не стоитъ.

— Нѣтъ-съ, чтоже-съ! Мы понимаемъ... Должны цѣнить... Безплатно-съ... Это мужичкамъ будетъ пріятно... Да-съ. Это для нихъ первое удовольствіе... Да-съ. Это для нихъ первое удовольствіе.. Теперича они эти двадцать тамъ или тридцать рублей, которые на оспу шли, пропьютъ у кабака. Какъ-же? Экономія!... Чистый барышъ! Ну, само собой, и надо нажраться... Хе-хе-хе...

Гость мой какъ-будто начиналъ слегка раздражаться.

— Вы ужъ меня извините-съ, я—мужикъ, говорю по-мужицки; можетъ, моя рѣчь для васъ оказываетъ какъ грубость, а ужъ извините—позвольте вамъ упомянуть—«не хорошо-съ!» Очненно для меня непріятно... Конечно вы отъ добраго сердца, а такъ какъ вы не знаете нашихъ дѣловъ, то ужъ извините, хотите сердитесь, хотите нѣтъ, а ужъ скажу: «дурно!» очень дурно поступили!

— Въ чемъ-же?

— Позвольте вамъ сказать — вы нашихъ дѣловъ не знаете... Теперь спрошу васъ: ежели вы имѣли такое вниманіе, зачѣмъ вы прямо мнѣ въ руки не отдали?... Кто начальникъ?

— Вы!

— Почему-жъ вы отдали мужичью?

— Васъ не было, кажется...

— А вамъ, коль скоро вы такъ благосклонны,

вамъ погодить-бы-съ! А вы еще изволили назудить имъ «безплатно». Зачѣмъ-съ?

Дѣйствительно, вѣдь безплатно...

— Знаю-съ, оченно знаю! Я про то говорю, зачѣмъ вы имъ внушаете вредныя мнѣнія?.. Они и такъ ужъ избаловались, негодяи, а вы имъ эдакое мнѣніе внушаете... Кабы ежели-бы вы знали наши порядки деревенскіе, такъ вы-бы старались внушить имъ добро, а не зло. а вы ихъ утверждаете въ глупомъ мнѣніи.. Вѣдь они, канальи этакіе, и такъ ничего знать не хотятъ, вѣдь за нихъ, подлецовъ, сколько разъ я въ холодной-то сидѣлъ — за недоимки? А вы имъ — «безплатно»! Я, по ихнему, и такъ ужъ изъ воровъ воръ... Послушать ихъ, такъ я ихъ каждый день обкрадываю — и податей много беру, и земскихъ много, беру да въ свой карманъ кладу, потому что для нихъ, канальевъ, нѣтъ лучше, пріятнѣе удовольствія, какъ чтобы не платить ни копѣйки... А вы имъ воткнули въ глупыя ихнія башки, этакой, напримѣръ, предлогъ, что «безплатно»! Вѣдь теперича они какъ загалдятъ-то! Теперича заикнись я имъ что-нибудь касательно денегъ, податей или чего прочаго, вѣдь у нихъ есть предлогъ: «даромъ, молъ, бралъ, а деньги въ карманъ клалъ». Нѣтъ-съ, извините, а сказать, что вы хорошо поступили, — этого, по совѣсти, сказать не могу... нѣтъ, нельзя этого сказать, нельзя-съ!

— Я не зналъ!..

— То-то, что не знали-съ. Это мы понимаемъ, что ничего вамъ неизвѣстно... И другіе прочіе тоже ничего путемъ не понимаютъ, а дѣлаютъ распоряженія и также вотъ благосклонно поступаютъ, а выходитъ на повѣрку, что избаловали народъ до такой степени — сма-атрѣть тошно! Богомъ вамъ побожусь — смотрѣть тошно! До такой степени разслабили его благосклонными вниманіями да строгими взысканіями, что подобенъ онъ сталъ разслабленному младенцу или какому-нибудь безчувственному пьяницѣ, что̀ не можетъ пошевелить ни рукой, ни ногой... Хлѣба у него нѣтъ, овса у него нѣтъ, податей заплатить не можетъ — совершенно безъ рукъ, безъ ногъ, недвижимъ и разслабленъ... Тутъ ему и пособіе, тутъ ему и всякое снисхожденіе — а наказывать его, чтобы, напримѣръ за невзносъ, прописать ему мягкую часть для здоровья, какъ можно, нельзя! Помилуйте! «Какъ можно драть! Это ужасно»... Почему-же, позвольте васъ спросить, когда, бывши мы при крѣпостномъ правѣ, успѣвали нетокмо свою землю обработать, а обрабатывали и господскую, да раза въ три больше нашей? Почему это? А теперь и своей намъ много, три полосы, извольте поглядѣть, лежатъ въ бурьянѣ... Да и то, только что, прямо сказать, бабы бьются, а эти, орлы-то, мужварье-то это безобразное, только калякаетъ да перекоряется другъ съ дружкой, да у кабака сидитъ, пособій ждетъ? Почему, позвольте васъ спросить, въ прежнее время были у насъ хлѣбные магазины полнымъ-полны, а теперь они пустые, того и гляди на кирпичъ продадимъ, а деньги пропьемъ? Вѣдь до какой степени ослабъ народъ, невозможно этого и высказать вполнѣ.... Вѣдь онъ хомута починить не умѣетъ! Помилуйте! «Да дуракъ ты этакой! Да ты взялъ-бы цѣльный-то хомутъ, да поглядѣлъ-бы, какъ онъ сдѣланъ, да дѣлалъ-бы такъ. Тутъ, вонъ видишь — дыра, и ты, молъ, дыру верти; тутъ вонъ веревка продѣта — и ты веревку продѣвай!» Учишь его, дурака, а ему все одно — къ стѣнѣ горохъ. Сталъ онъ совершенно какъ меланхолическій какой-нибудь оселъ, извините меня. Чѣмъ-бы, въ самомъ дѣлѣ, починить хомутъ-то, а онъ поглядитъ на него, поглядитъ да зѣвнетъ, да шваркнетъ куда-нибудь въ уголъ, въ грязь, а самъ попёръ нога-за ногу къ кабаку, не навернется-ли какой пьянчуга, не поднесетъ-ли стаканчика!

Гость мой все болѣе и болѣе воодушевлялся.

— Почему, продолжалъ онъ: — почему я... пошелъ ужъ мнѣ пятый десятокъ, почему я по-сейчасъ знаю, что̀ нужно по хозяйству, и все могу сдѣлать? Я и сапогъ сошью, не пойду въ люди, я и косу отпущу, я и плотникъ, я и шорникъ, я и кузнецъ — то есть, однимъ словомъ, все, что̀ потребуется по хозяйству, сдѣлаю самъ, не пойду въ люди. Почему это? А потому, что мы воспитывались у покойника-родителя въ страхѣ, въ почтеніи и послушаніи, слушались родительскихъ словъ, почитали начальниковъ, законъ... напримѣръ, правила, Богъ, престолъ, все прочее, что есть указано для человѣковъ... А теперича, позвольте сказать вамъ, иду я, начальникъ, по улицѣ — они и шапки не снимаютъ, подлецы! Хорошо-ли это? Позвольте васъ спросить: кто я?

— Начальникъ!

— А развѣ возможно мнѣ, начальнику, оказывать такое невѣжество? Въ прежнее время, я-бы позвалъ его въ правленіе да всыпалъ-бы ему полсотни горячихъ, такъ онъ-бы и понялъ, что̀ есть начальство и для чего оно поставляется; а что я сдѣлаю теперь, въ нонѣшнее то время, позвольте васъ спросить? Въ нонѣшнее время изволь я жаловаться въ судъ, а въ судѣ-то кто? тѣ-же самые, канальи непочитатели... Поднесъ имъ пивца, они и начнутъ канитель тянуть, трутъ да мнутъ, да и кончатъ пивцомъ да винцомъ, а я, начальникъ, которому онъ, негодяй, сдѣлалъ дерзость, остаюсь ни съ чѣмъ. Оплевали меня, я такъ оплеванный и хожу.. Ну, что-же, хорошо это, похоже это на порядокъ? Да это не все-съ. Что судъ? суду-то я и самъ какъ-никакъ могу дать острастку, прищемить его, это что? а вотъ что вамъ скажу: выдери я его, мерзавца, своимъ распоряженіемъ, вѣдь онъ меня сожжетъ, со всѣмъ семействомъ по міру пуститъ!.. вѣдь вонъ они какіе анаѳемы сдѣлались!.. А почему? Баловство! Воля! Потаканье.. изгадили народъ, ни на что̀ непохоже. Я его, какого-нибудь тамъ прохвоста, распоряжаюсь драть, а онъ мнѣ вынимаетъ бумагу. «На-ко, молъ, воткнись рыломъ-то, почитай, что̀ написано». А въ бумагѣ написано: «душевная болѣзнь.. печенка оторвалась... сердце разрывается и носъ у подлеца трясется. Докторъ такой-то и печать приложена». Ну, что я могу сдѣлать! Позвольте васъ спросить? Что? А все разные благосклонные на-

роды, все они поблажают и потрафляют разным пакостевым поступкам. «Ахъ, какъ можно драть» —«на ;тебѣ бумагу!» —«Ахъ, бѣдный мужичокъ, у тебя у несчастнаго овсеца нѣтъ—на тебѣ овсеца»... Позвольте, говорю, господа члены, драть мнѣ ихъ, подлецовъ, въ настоящихъ размѣрахъ! «Ахъ что вы, что вы... Надо регеліозно внушать имъ во храмѣ»...«Да вѣдь за это платить надо священству, вѣдь онъ, батюшка, не меньше какъ сто двадцать рублей запроситъ, вѣдь даромъ никто не будетъ возжаться, а они, молъ, и такъ не платятъ».— «Ахъ нѣтъ, нѣтъ, драть... Это ужасно... Регеліозно надо»... Н-ну, пусть по вашему, какъ вамъ угодно.. А между прочимъ, хоша эти самые члены столь благосклонны, а бумаги присылаютъ мнѣ такія: «взыскать не медля, въ противномъ случаѣ по всей строгости закона». Теперь извольте: драть его нельзя, потому печенка у него, у пьяницы, разрывается и носъ онъ расшибъ въ кабакѣ пьяный, это есть душевная болѣзнь, и слѣдовательно драть его нельзя. Коль скоро его драть нельзя, денегъ онъ мнѣ не платитъ. Денегъ онъ мнѣ не платитъ—я поступаю въ холодное мѣсто. Поступаю я въ холодное мѣсто, вотъ нашъ мужичишка и думаетъ:—«Такъ его и надо, не взыскивай!» Недаромъ, молъ, въ темную посадили. И почтенія мнѣ не оказываетъ, никого не боится, потому докторъ ему дастъ бумагу, чтобъ его не касаться; работать не работаетъ, потому ему овса дадутъ... вотъ и извольте тутъ жить. А чуть не вытерпѣлъ, распорядился, прописалъ ему штукъ двадцать, глядишь—головешку въ сѣнной сарай засунулъ... То есть адъ, а не порядокъ, вотъ что я вамъ скажу! Вотъ и выходитъ, что благосклонность-то ваша, милостивый государь, не вполнѣ къ мѣсту. Да-съ, ужъ извините!.. Вы вотъ благосклонствуете...а я чрезъ это... воромъ пойду... среди канальевъ. Вотъ оно и не пріятно-съ...

Я еще разъ извинился передъ гостемъ въ своей неосторожности и, чтобы выйти изъ непріятнаго положенія, въ которое поставилъ меня упрекъ въ благосклонности, превратившей невиннаго человѣка въ вора, сказалъ:

— Скажите пожалуйста, что же нужно, чтобы прекратить это безобразіе?

— Которое-съ?

— А вотъ то, про которое вы разсказываете. Что для этого нужно?

— Что нужно-то? Извольте, я вамъ объясню, въ краткихъ даже словахъ. Но только, какъ вы и какъ прочіе благосклонные члены понятія насчетъ нашихъ дѣловъ не имѣете, а сердце у васъ чувствительное, нѣжное, такъ вы пожалуй мои слова сочтете за обиду...

Я старался увѣрить моего гостя въ противномъ.

— Что-жъ мнѣ обижаться? сказалъ я между прочимъ.

— Дѣйствительно!.. Вотъ когда вамъ, господамъ чувствительнымъ членамъ и благосклоннымъ особамъ, перестанутъ мужики взносить взносы, это, я такъ думаю, точно что будетъ для васъ обидно... А покуда вы снисходите, а намъ тѣмъ временемъ все-же бумажки присылаете, насчетъ чтобы «поспѣшить взысканіемъ», такъ пожалуй, что въ чувствительныя слезы словами моими я васъ и не введу... Да-съ. Думается такъ, что не введу васъ въ рыданіе по мужичку, коль скоро у него деньжонки шевелятся... А требуется намъ, по моему мужицкому мнѣнію, не очень много...

— Чего-же?

Гость поглядѣлъ на меня, помолчалъ мгновеніе и рѣшительно твердо произнесъ:

— Палки на нашего брата нѣтъ! Вотъ чего намъ требуется, милостивый государь!..

Гость поднялся съ мѣста и, волнуясь болѣе и болѣе съ каждымъ словомъ, продолжалъ:

— Зачѣмъ отняли отъ насъ палку? Давайте мнѣ ее вотъ въ эти самыя руки, давайте мнѣ ее на два года безъ всякихъ разговоровъ, все я произведу, все водворю, все укореню на своихъ мѣстахъ! Черезъ два года вы не узнаете нашихъ мѣстъ, только дозвольте мнѣ палку, только палку разрѣшите! И овесъ будетъ свой, и хлѣбъ будетъ, и скотъ будетъ, и не будетъ пьянства, и настанетъ повиновеніе, и порядокъ, и страхъ, и правила, все утвержду, произведу, просвѣщу и облаготворю — палку, палку мнѣ позвольте! только позвольте палку! — «Ты чего въ кабакѣ болтаешься?» (гость обращался очевидно къ воображаемому мужику).—«Тебѣ какое дѣло?»—«Какое мнѣ дѣло?... Рррозокъ!..»—«Батюшка, матушка!»— «Рррозокъ!»—«Ты почему не снялъ шапки? Почему у тебя не засѣяна полоса? Почему у тебя нѣтъ хлѣба? Куда дѣвалъ? Отчего скотина голодная?»—«Да пріѣли хлѣбъ-отъ, да вишь кормить нечѣмъ, да откуда взять-то...» «А! откуда взять, пріѣли, не кормили, ррррозокъ!» Такъ ббуу-детъ порррядокъ! Такъ я вамъ, милостивый государь, въ два года такой представлю видъ — въ «Живописномъ Обозрѣніи» не отыщете... А ежели вы, господа члены, будете выдавать документы, что драть нельзя, потому у него печенку въ дракѣ отшибли, а въ томъ-же числѣ потребуете, чтобы взыскивали — такъ ужъ извините! Господь съ вами совсѣмъ, живите, какъ знаете! Сдѣлайте милость, потакайте имъ, сколь вамъ будетъ угодно, а ужъ я, человѣкъ, который знаетъ страхъ, совѣсть, правила, престолъ Божій и прочіе, которые достойны человѣка, предметы, ужъ я уйду лучше, оставлю васъ... Справляйтесь одни, какъ вамъ угодно. А на этакое безобразіе смотрѣть не буду... Ужъ извините! Такъ вотъ какое мое мужицкое мнѣніе... А знаю, что не понравится...

— Дѣйствительно.. началъ-было я.

— Да знаю! Ужъ знаю-съ! Вамъ надо регеліозно внушать, деньги получать, да чтобъ благосклонно, потому ему, канальѣ, носъ разбили въ кабакѣ, ну, онъ и оказался боленъ душевною болѣзнью, неизлечимъ... Все это намъ извѣстно, только какъ-бы не пенять-съ... Н-ну, однакожъ и ко дворамъ пора..

— Позвольте еще одну минуту, сказалъ я, останавливая собиравшагося уходить гостя.—Скажите пожалуйста, какъ же вы теперь-то справляетесь?

— Какъ-съ справляюсь? Деру-съ!

Гость пожалъ плечами.

— Но вѣдь запрещаютъ?

— Сколько угодно! Деру, милостивый государь, въ собственную свою голову. Да будетъ Его святая воля, Всевышняго! и нельзя не драть, какъ вамъ будетъ угодно. Пущай жалуются — дамъ отвѣтъ чистосердечный! Спасибо еще, есть у насъ на деревнѣ два древнихъ мужичка, древнѣйшіе обыватели, имѣютъ медали за столѣтнее потомство, такъ вотъ тѣ подсобляютъ... А то вѣдь и помощниковъ-то не найдешь... Разложишь иной разъ мужичонку, а на ноги и на голову сѣсть некому! Кому ни скажешь — «ну, какъ-же, стану я»... Иной разъ и розги-то никто не хочетъ въ руки взять. Ну, а ужъ эти старички, дѣйствительно, никогда не покидаютъ, Филоѳей съ Дороѳеемъ... Только занкнешься: «Ну-ко, старички, утвердите дураку законъ!» — завсегда готовы... Потому они, какъ люди стараго завѣта, понимаютъ правила, порядки и видятъ; что по нонѣшнимъ временамъ нельзя безъ этого. И не послабляютъ! нѣтъ. Кричи не кричи, а засыпятъ, что слѣдуетъ... И все съ приговоромъ: «помни правила, почитай начальниковъ, не балуй, не пьянствуй, Богъ... престолъ... храмъ...» Покуда не вспухнетъ... Коренные старички — мало теперь такихъ сурьезныхъ мужиковъ... Такъ вотъ, милостивый государь, какъ мы справляемся. Оно, конечно, не вполнѣ благосклонно, да за то... Только по этому самому и чаекъ-то съ булочкой, съ вареньецемъ благосклонные господа кушаютъ-съ... Будьте здоровы! Заболтался я у васъ.

Гость ушелъ.

Но не успѣлъ я привести въ порядокъ мысли, навѣянныя мнѣ рѣчами гостя, какъ въ избу вошли новые посѣтители: одинъ изъ нихъ былъ мой недавній врагъ, пролетарій, а другой — просто молодой деревенскій парень. Къ удивленію моему, оба они почему-то весело улыбались.

— Ловко! сказалъ пролетарій. — Ай не любишь этого! проговорилъ онъ, обращаясь къ отсутствующему гостю: — что въ карманъ-то не дали зацапать!.. Ишь, какія рацеи развелъ!..

— Палку требуетъ! сказалъ парень.

— Чив-во-о-о? На-ко вотъ! Пал-ку! На-ко вотъ, выкуси это. Нѣтъ — довольно, будетъ... Не такія времена! Я подъ окномъ сидѣлъ, все слышалъ, какіе онъ тутъ разводы разводилъ. Дай ему, животному, палку!.. У нихъ, у канальевъ, только и есть ума на все — бить!

— Правиловъ не понимаемъ! проговорилъ парень.

— У нихъ, у канальевъ, только и правиловъ, что «плати» да «ложись»... Какъ снялъ съ человѣка штаны — это, значитъ, закону научилъ, правилу... А неугодно-ли, ежели-бы палку-то *намъ* передать въ руки, такъ пожалуй и мы правила-то да разныя религіи прописали ихнему брату также-бы безъ послабленія. Пожалуйте-ко намъ палку-то! Довольно она у васъ была... Что-такое, скажите на милость, за манера — драть! Какъ чуть поослабло — потерялъ законъ, «ложись!». Чуть что хочешь, чтобы попріятнѣе — «ложись!». Давайте мнѣ палку — я ихъ, канальевъ, самъ произведу! Я ихъ научу, какъ брюхи ростить на мужицкій карманъ! Давай сюда мнѣ палку-то! Ишь, какіе законники, анаѳемы! Овса у меня нѣтъ, такъ меня драть! Хлѣба нѣтъ — драть! Денегъ нѣтъ — ложись! Ну ужъ это, братецъ ты мой, вполнѣ глупо. Нашего брата драть, а вы брюхо себѣ набивать? И все мало? Все не хватаетъ? Недостаетъ? Все выбираютъ и выбиваютъ, и никакъ до корня не догребутся? Когда этому будетъ конецъ? Позвольте узнать? Я какъ-то сказалъ-было одному члену: «ваше высокоблагородіе! Много-ли за нами недобору»? — «Очень, очень много». А животикъ у него — вотъ эдакой, ровно какъ тройнями тяжелъ. Вотъ я коснулся ему къ животику-то пальчикомъ и говорю съ вѣжливостью: «а между прочимъ, говорю, вѣдь вотъ у вашего высоблагородія въ этомъ мѣстѣ и такъ довольно туговато!.. Что-же, ежели мы сполна взнесемъ, не будетъ вамъ вреда отъ этого?..» Такъ мимо ушей прошло, будто не слыхалъ... да! все мало... А за что — спросить по совѣсти? То-то и оно то...

И тутъ пошли такія рѣчи, которыя ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ не походили на рѣчи только-что оставившаго меня посѣтителя. Я не передаю этихъ рѣчей въ подробности, такъ какъ нѣкоторыя выраженія моихъ гостей, говорившихъ въ сердечной простотѣ, не всегда были вполнѣ удовлетворительны въ цензурномъ отношеніи. Не передаю я также множества сценъ, случайныхъ разговоровъ, слышанныхъ мною то тамъ, то сямъ въ народной толпѣ и доказывавшихъ, что во всѣхъ самыхъ мельчайшихъ ежедневныхъ явленіяхъ жизни идетъ переборка, трудная и упорная, стараго на что-то новое. Не передаю этого потому, что картина, складывающаяся изъ этихъ мелкихъ жизненныхъ чертъ, выходитъ большая, многосодержательная и требуетъ внимательной, тщательной работы, на которую я сію минуту не способенъ. Кромѣ того въ ней такъ много жизни, что мнѣ, человѣку изломанному, смотрѣть даже больно, хочется отвернуться, чтобы не мучить себя. Ограничиваюсь двумя вышенаписанными сценами потому, что хочу о себѣ, о своей пропавшей жизни сказать два рѣшительныхъ послѣднихъ слова. Своекорыстіе побуждаетъ меня... И вотъ, только изъ-за желанія придраться «къ случаю», я и беру изъ всего «новаго», происходящаго въ народѣ, только одну черту, которая звучитъ особенно настойчиво, слышится повсюду — именно мнѣніе о «необходимости палки»...

— Бить надо! дать леща!.. — Дайте мнѣ палку; безъ палки ничего не будетъ!.. — Дайте мнѣ! Дайте намъ! — Васъ надо колотить! Нѣтъ, васъ... и т. д.

Если вы прибавите къ этому массу подобнаго-же рода звуковъ, слышащихся далеко за предѣлами деревни, таящихся въ безчисленномъ множествѣ головъ разнаго званія и состоянія, то согласитесь съ тѣмъ мнѣніемъ, также для многихъ вполнѣ справедливымъ, что мысль русская вообще, какъ говорится, «зашевелилась», что вообще про-

исходитъ какое-то «пробужденіе». Я конечно радъ... Но если это—пробужденіе, то оно для меня рѣшительно не по душѣ.. Оно оскорбляетъ меня, какого-то тамъ Лиссабонскаго, оно наконецъ даетъ мнѣ право даже обидѣться тою глубокою несправедливостью, благодаря которой я, человѣкъ, которому положительно противны такія «пробужденія», остался «безъ опредѣленныхъ занятій» и пропалъ ни за понюхъ табаку.

Мнѣ обидно и жалко, что безплодно прошло наше время, время людей, стремившихся «въ деревню» служить народу. Жалко мнѣ, что мы не были потреблены (современно) народной средой; жалко потому, что вмѣстѣ съ нами не потреблены народомъ и наши добрыя намѣренія; жалко потому, что, какъ мнѣ кажется, какъ я упорно вѣрую, поглоти нашего брата среда народная — право не было бы этого сумбура, этой тьмы, жестокой путаницы и наконецъ *такого* пробужденія...

19-го февраля 1861 года я, въ числѣ прочихъ учениковъ—ской гимназіи, съ одѣтымъ въ мундиры начальствомъ во главѣ, слушалъ на площади губернскаго города N, передъ соборомъ, чтеніе манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Я знаю, что «проклятые вопросы» начались не со вчерашняго дня, но я также знаю, что для «массы» русскаго народа, къ которой я принадлежу по рожденію и воспитанію, проклятые вопросы сдѣлались обязательными именно съ этой минуты. Итакъ, я стоялъ въ толпѣ и слушалъ манифестъ. Значенія его во всей его огромности я тогда не понималъ, но понимать это значеніе меня научила сама жизнь.—«Теперь не то!» заговорили чиновники.— «Нонѣ не то время!» тараторили мужики.—«Не тѣ нонѣ времена!» охали купцы. Иные отъ этихъ новыхъ временъ плакали, разорялись, ожесточались; другіе радовались имъ, пріободрялись, похваливали. Что же такое случилось? Крестьянъ «освободили». Отъ кого освободили? Отъ крѣпостной, рабской зависимости. Что́ такое крѣпость, рабство?.. На эти вопросы мнѣ отвѣтила книжка, сразу освѣтившая то, что́ я множество разъ имѣлъ передъ глазами, но чего я не понималъ. Книжка научила меня понимать, что событіе совершилось во имя справедливости, что хоть и жаль, что разорятся, что хотя и жаль плачущихъ, нищающихъ, идущихъ по міру, жаль всѣхъ, кто дышалъ и жилъ рабскимъ трудомъ и около рабскаго труда, но что дѣлать! Это — жертвы необходимыя и сравнительно съ массой, для которой совершенъ актъ справедливости, ничтожныя.

Такимъ образомъ идеи «свободы» и «народнаго блага» не выдуманы мною или, вѣрнѣе, нами, Лиссабонскими, въ минуты праздности, а сами пришли къ намъ «помимо нашей воли», стали *обязательными* и не только для насъ, молодыхъ подростковъ, но для всего общества поголовно: и для друзей освободительныхъ идей, и для враговъ онѣ, идеи эти, сдѣлались *обязательными*. Человѣкъ, который сегодня крестился въ водахъ Днѣпра, *долженъ былъ*, помимо желанія, помимо привычки, освоиваться съ *обязательной*, *новой* для него христіанской идеей. Онъ уже *не могъ* смотрѣть назадъ, онъ *долженъ былъ* всматриваться въ новое будущее, волей-неволей долженъ былъ переиначить весь обиходъ своей жизни на новый образецъ, сообразно новой, обязательной для него идеѣ. Такое огромное событіе, какъ освобожденіе милліоновъ отъ крѣпостной зависимости, точно также обязывало проникаться не старыми крѣпостными идеями — уже потому, что онѣ стали старыми, отощали, остались назади—а новыми, совершенно противоположными крѣпостной неправдѣ, идеями блага, народнаго благополучія...

Итакъ, вы видѣли, что новыя идеи мы *обязаны* были принять, *обязаны* были проникнуться ими, и если тронулись, какъ говорится, «въ народъ», то не съ злостными намѣреніями и не по прихоти или фанаберіи, а потому же, почему весною таютъ снѣга, тронулись «гонимы вешними лучами» новыхъ, обязательныхъ для всего русскаго народа, новыхъ задачъ... Да, государи мои, мы потому пошли къ народу, что были *гонимы* благотворными лучами, какъ солнце, огромнаго событія освобожденія... Если это—вина, то ужъ никакъ не наша.

Такимъ образомъ актъ освобожденія создалъ задачу молодого поколѣнія, наложилъ на него обязанности, и притомъ съ совершенно опредѣленной тенденціей: народъ, вчера крѣпостной и рабъ, сегодня сталъ свободнымъ человѣкомъ; слѣдовательно надо работать съ нимъ и для него. Кто же и что́ въ обществѣ, которое только вчера стало въ *совершенно новыя* условія, могло разрѣшить обязательную для насъ задачу? кто могъ отвѣтить на вопросъ: какъ и что́ дѣлать въ народѣ и для народа? Очевидно, что у общества, т. е. рѣшительно ни у одного человѣка во всемъ русскомъ обществѣ, не было опыта, который бы пригодился въ новыхъ условіяхъ. Развѣ крѣпостники могли отвѣтить на вопросъ: что нужно дѣлать — теперь, когда и ихъ самихъ сдали въ архивъ? Разумѣется, нѣтъ; разумѣется, надо было учиться и почерпать знанія въ другомъ мѣстѣ, у другихъ людей; и вотъ явились опять книжки, почему-то столь проклинаемыя, книжки иностранныя. Огромный опытъ европейской жизни, установившейся въ извѣстныхъ формахъ, рѣшительно могъ и долженъ былъ дать указанія для милліонной массы, только-что призванной къ жизни, могъ дать указанія хотя бы относительно только того, чего не нужно дѣлать, чего надо бояться дѣлать, чего не надо допускать... Не знаю, какъ кто, только я руководствовался именно этими соображеніями. Да наконецъ развѣ не опытъ европейской жизни привелъ къ простому, мирному, заблаговременному, такъ сказать, освобожденію крестьянъ, вмѣсто того чтобы дожидаться того же освобожденія въ другой формѣ? Не велика бѣда, стало быть, и въ томъ, что мы, Лиссабонскіе, тронулись въ путь, начитавшись иностранныхъ книжекъ... своихъ-то вѣдь не было и никто изъ «своихъ» не зналъ, что́ надобно дѣлать, а дѣлать, какъ мы видѣли, надобно было новое дѣло...

И такъ, *повинуясь обязательному* для всего русскаго общества и притомъ *совершенно* новому направленію мыслей и задачъ, не выдуманныхъ мною, не вычитанныхъ въ иностранныхъ книжкахъ, а прямо, логически и *неизбѣжно* вытекавшихъ изъ новыхъ условій, въ которыя стала, милліонная масса народа, я и пошелъ въ деревню. Дѣятельность моя въ деревнѣ если и страдала множествомъ недостатковъ, то неопытность и новизна могутъ служить для меня, Лиссабонскаго, большимъ оправданіемъ. Между прочимъ меня самого много разъ мучилъ одинъ весьма крупный недостатокъ въ этой дѣятельности, именно какая-то казенная сухость, какая-то канцелярщина и канцелярская узость, въ которую я облекалъ такъ называемыя благотворныя идеи. Но и это да будетъ мнѣ прощено на томъ основаніи, что необузданной канцелярщиной укрѣплялись также и неблаготворныя идеи, что повсюду вмѣсто «общественнаго дѣла» свирѣпствовала «общественная канцелярщина». Но, несмотря на неопытность, незнаніе народной жизни, сухость и казенщину формъ дѣятельности, сущность этой дѣятельности несомнѣнно соотвѣтствовала духу новаго времени. Раздумывая теперь объ этомъ, поражаюсь той огромной неприготовленностью русскаго общества къ воспріятію новыхъ идей, которая дала возможность заподозрить мою скромнѣйшую изъ скромныхъ дѣятельность въ деревнѣ, а главное—не догадаться, не видѣть, *не узнать* въ этой дѣятельности *той же самой* тенденціи, которая лежала въ основаніи великаго событія—освобожденія.

Да, повторяю, я преслѣдовалъ въ деревнѣ, въ мелкихъ деревенскихъ общественныхъ отношеніяхъ, *ту-же самую* тенденцію, которая въ огромныхъ размѣрахъ выразилась въ освобожденіи милліоновъ крѣпостныхъ людей. *Ту-же* новую тенденцію я старался по мѣрѣ своихъ скромныхъ силъ примѣнить, а главное *отстоять* въ глухой далекой деревнѣ; я старался не дать ее въ обиду въ маленькихъ, мелочныхъ деревенскихъ общественныхъ отношеніяхъ—словомъ, повторяю, я въ крошечныхъ размѣрахъ дѣлалъ въ деревнѣ то, что человѣкъ, облеченный высшей властью, дѣлаетъ въ огромныхъ размѣрахъ въ высшемъ государственномъ учрежденіи. Теперь уже не тайна, какихъ трудовъ, какой борьбы стоило лучшимъ русскимъ людямъ *отстоять* справедливѣйшее дѣло въ высшихъ учрежденіяхъ. Сколько было враговъ, сколько недоброжелателей, и все это надо было побороть, побѣдить, чтобы добиться права совершить это дѣло!

А въ деревнѣ, куда я пошелъ, развѣ нѣтъ *такихъ-же самыхъ* враговъ, хотя тамъ и не сановники, а люди въ полушубкахъ? Развѣ въ деревнѣ нѣтъ охотниковъ властвовать надъ слабымъ, пользуясь нуждой, бѣдностью? Развѣ въ деревнѣ нѣтъ враговъ справедливости, развѣ здѣсь нѣтъ деспотовъ, міроѣдовъ, «живорѣзовъ» и прочихъ безчисленныхъ типовъ человѣкообразныхъ хищниковъ? Развѣ въ деревнѣ мужъ не деретъ жену за косу, не колотитъ до полусмерти сына, «потому—глава? Развѣ нѣтъ въ деревнѣ бѣдныхъ, нищихъ, безпомощныхъ, и, съ другой стороны, развѣ тамъ нѣтъ воровъ, грабителей, людей легкой наживы, ростовщиковъ, ханжей? Все есть, все на лицо!

Вотъ, кажется, ужъ какой ничтожный поступокъ совершилъ я, привезя безплатную оспу, а и то сколько разныхъ мнѣній въ одной и той-же деревнѣ: одни прямо говорятъ «худо», «дурно, милостивый государь»; а другіе также прямо восклицаютъ: «ловко!».

Очевидно, есть, и партіи есть, и мнѣнія объ общественныхъ задачахъ и отношеніяхъ, совершенно не согласныя. Кому-же, которой изъ нихъ долженъ былъ я потрафлять, говоря крестьянскимъ языкомъ? Да, разумѣется, той-же самой, которой «потрафляли» высшіе дѣятели, освобождая крестьянъ. Не рабовладѣльцамъ, не крѣпостникамъ, не хищникамъ потрафляли они, а «не дали въ обиду» тѣхъ, кого эти хищники эксплуатировали, кѣмъ пользовались, кого гнали... Точь въ точь то-же, «какъ двѣ капли воды», дѣлалъ и я въ деревнѣ въ тѣ краткія мгновенія, въ которыя я имѣлъ огромное счастіе держать въ моихъ рукахъ какое-нибудь деревенское дѣло... Я препятствовалъ тому, чтобы вотъ этотъ міроѣдъ, ростовщикъ не выпилъ изъ мужиковъ кровь, какъ пьетъ паукъ. Я препятствовалъ несправедливѣйшимъ сдѣлкамъ «сильныхъ» деревенскихъ воротилъ съ опоенными водкой мужиками; я тщательно смотрѣлъ за мужицкой копѣйкой, не давая «насиживать» воротиламъ на мужицкую шею тысячи кровныхъ рублей... Я ратовалъ противъ подкупа на судѣ, противъ подкупа на выборахъ, противъ водки во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ должна быть строгая, трезвая правда... Словомъ, я точь-въ-точь дѣлалъ то самое, что крупные дѣятели дѣлали въ высшихъ сферахъ. Крупную монету я размѣнялъ на гривенники, какъ и потребно въ деревенскомъ обиходѣ...

Но меня постоянно выгоняли изъ деревни, какъ врага! Не буду распространяться объ этомъ печальномъ недоразумѣніи, обращу вниманіе читателя на результаты этого недоразумѣнія, обнаруживающіеся теперь. Недалеко ходить за примѣрами—сенаторская ревизія на каждомъ шагу доказываетъ, что новое дѣло едва-ли не погублено старыми руками. Чего ни коснитесь: вотъ вамъ новый деревенскій судъ—подкупъ, водка, пиво, своекорыстіе... Вотъ вамъ общественная касса—все расхищено, растрачено, истрачено на частныя потребности: одинъ открылъ на эти деньги кабакъ, другой—лавку... Личная месть, за водку и подкупъ, сажаетъ праваго въ темную, сѣчетъ, а виноватый живъ, здоровъ и процвѣтаетъ... И вездѣ, на каждомъ шагу, нѣтъ признака присутствія человѣка, который-бы въ новыхъ учрежденіяхъ поддерживалъ, отстаивалъ новую, справедливую идею этихъ учрежденій... Этотъ человѣкъ могъ быть только я, Лиссабонскій, только такіе, какъ я, люди, т. е. люди, рожденные на рубежѣ новой русской жизни, окрещенные и осѣненные въ лучшую юношескую пору жизни новыми благотворными

идеями, принявшіе эти идеи всѣмъ сердцемъ, со всею искренностью, со всѣмъ жаромъ сомоотверженія и безкорыстія. Но насъ выгнали оттуда; съ позоромъ выгнали. За то, что̀ было потомъ, — не я, Лиссабонскій, отвѣтчикъ. Не успѣвъ даже прикоснуться къ дѣлу, я уже подвергся остракизму. Меня, только и дѣлали, что наказывали... Я давно уже человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій. Я не знаю, какъ, что̀ и почему. А теперь, когда я слышу поминутно разговоръ о палкѣ, когда я убѣждаюсь, что разговоры эти далеко не пустые, что этой палкой хотятъ разобраться въ путаницѣ, тягостной и ненужной, я и совсѣмъ никуда не гожусь: и все это не по мнѣ, и слишкомъ грубо, жестко, и глупо, и обидно, до-крови обидно!... И вижу я, что не остается мнѣ ничего иного, какъ пожалѣть о прошломъ, вздохнуть о немъ и, сказавъ себѣ: «да будетъ воля твоя!», уйти куда-нибудь...

БОГЪ ГРѢХАМЪ ТЕРПИТЪ.

I. Маленькіе недостатки механизма.

— Я такъ думаю: который человѣкъ ни въ чемъ не виновенъ, и того человѣка наказывать не за что. А который ежели есть преступникъ или, такъ сказать, злодѣй какой-нибудь, такъ того наказывай. Больше ничего...

Такія рѣчи съ толкомъ, серьезностью и разстановкой велъ буфетчикъ небольшого пароходика «Окунь», сидя въ своей, установленной посудой, каморкѣ и разрѣзывая на подоконникѣ квадратнаго окна своего буфета маленькій бѣлый хлѣбъ на тонкіе ломтики. Пароходикъ «Окунь», дѣлающій отъ станціи желѣзной дороги по рѣкѣ Выдрѣ до губернскаго города М. всего одинъ рейсъ въ сутки, никогда не бываетъ богатъ пассажирами. Мало охотниковъ сидѣть по нѣскольку часовъ въ пароходной каютѣ, ожидая той минуты, когда наконецъ наберется «по человѣчку» столько народу, что расходы пятидесятиверстнаго плаванія не принесутъ хозяину «Окуня» убытка. Нетерпѣливые проѣзжіе, минуя пароходикъ, предпочитаютъ ѣхать до города М. на лошадяхъ или же по вѣтви желѣзной дороги, которая идетъ отъ слѣдующей станціи до главнаго пути. Такимъ образомъ на «Окунѣ» ѣдетъ только такой проѣзжающій, которому некуда спѣшить, которому все равно, сегодня-ли пріѣдетъ въ городъ, или завтра, который наконецъ даже любитъ ѣхать покойно, не въ тѣснотѣ, а въ просторѣ—на «Окунѣ» же всегда такъ просторно, что можно разлечься «во-всю», выспаться, раздѣвшись совсѣмъ, и т. д. Такіе порядки весьма удобны и выгодны для буфетчика: публики набирается на пароходѣ постепенно, по «человѣчку», а поэтому нѣтъ разсчета запирать буфетъ, чтобы не отпирать его по двадцати разъ въ сутки. А буфетъ, безпрестанно находящійся передъ глазами «пассажировъ», которымъ «некуда спѣшить», надъ которыми «не каплетъ», едва ли можетъ бездѣйствовать. Иной глядитъ-глядитъ на разставленные напитки, да и скажетъ: «Ну-ко, налей-ко! И пить-то, братецъ мой, не хотѣлъ, да бутылка заинтересовала... Что̀ такое тамъ? Дай-ко рюмочку». А разъ буфетъ не бездѣйствуетъ, то и пассажиры, по нѣскольку часовъ ожидающіе, когда-то засвистітъ комаръ-пароходикъ, также не могутъ безмолвствовать; всегда поэтому волей-неволей всѣ переѣзжающіе на «Окунѣ» перезнакомятся между собою и въ концѣ концовъ непремѣнно сольются въ одну разговорчивую компанію.

Такъ было и въ тотъ разъ, о которомъ идетъ рѣчь. Въ каютѣ второго класса, около буфетнаго окна и за столиками, сидѣло и лежало на диванахъ человѣкъ десять разнаго народу. Было тутъ два какихъ-то военныхъ, похожихъ по виду и разговору на переодѣтыхъ купчиковъ—такъ были они рыхлы, женственны, да и разговоры ихъ были не воинственные: все о провіантѣ, и довольствіи», о несправедливости, объ интригахъ, мелкихъ-премелкихъ—изъ-за сѣна, изъ-за дрожжей для солдатскаго квасу и т. д. Были тутъ купцы, мѣщане, человѣка четыре «живорѣзовъ», сидѣвшихъ особою группой за чаемъ и отрывисто лаявшихъ насчетъ своихъ «дѣловъ»: «Два-шесть съ четью».—«Рупъ-пять».—«Сдалъ?»—«Сдалъ!»—«Снялъ?»—«Снялъ». А въ промежуткахъ этого лая—громкая, какъ отдаленный раскатъ ружейнаго залпа, икота... Ѣхалъ еще одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться на желѣзной дорогѣ и съ которымъ впослѣдствіи мнѣ пришлось сойтись довольно близко. Изъ его разговоровъ я могъ заключить, что жизнь его, несмотря на молодые годы, прошла не безъ приключеній. Онъ повидимому былъ очень утомленъ физически и отдыхалъ, посѣщая своихъ родственниковъ, принадлежавшихъ къ сельскому духовенству. Въ настоящее время онъ ѣхалъ къ сестрѣ, мужъ которой былъ священникомъ какого-то села, расположеннаго на рѣкѣ Выдрѣ.

Нѣкоторое время бесѣда между пассажирами, присутствовавшими въ буфетѣ, шла довольно вяло и не представляла ни малѣйшаго интереса. Офицеры жаловались на то, что они каждый годъ доплачиваютъ изъ «своихъ», и блистали другъ передъ другомъ безкорыстіемъ, а живорѣзы лаяли и икали - вообще было довольно скучно. По ка-

кому случаю буфетчикъ произнесъ фразу, написанную въ началѣ этого очерка, рѣшительно не помню и не знаю. Разговора, по поводу котораго она была произнесена, я не слыхалъ и не знаю, о чемъ шла рѣчь прежде, нежели буфетчикъ счелъ нужнымъ произнести свое мнѣніе о наказаніи; но мнѣніе это почему-то пробудило во мнѣ и, какъ я замѣтилъ, въ молодомъ человѣкѣ желаніе слушать, что̀ такое тутъ говорятъ.

Нарѣзавъ хлѣбъ тонкими ломтиками и тщательно собравъ толстымъ ребромъ толстой руки соръ, буфетчикъ принялся нарѣзывать тоненькіе ломтики сыру и говорилъ съ тою же, какъ и прежде, серьезностью:

— Такое мое мнѣніе. Невиноватаго, который недостоинъ наказанія, того, позвольте спросить, за что же его я буду истязать?

— Это вѣрно! — проговорилъ какой-то купецъ, сидѣвшій за бутылкой пива.

— Что-же касается до того, — продолжалъ буфетчикъ,—когда мы встрѣчаемъ какого-нибудь подлеца, тогда, сдѣлай милость, соблюди законъ вполнѣ!

— Само собой, нечего жалѣть подлеца!

— Опять возьмите и то: вѣдь наказать человѣка—хитрость не велика, позвольте вамъ сказать. Взялъ, засадилъ его въ темную, или тамъ всыпалъ горячихъ — это труда не составляетъ. Хитрости тутъ большой нѣтъ... А надо сначала узнать, дознаться, до корня дойтить, виновенъ-ли молъ ты, или-же нѣтъ—вотъ что̀ есть главное!... Положимъ, что ты выпоролъ или заперъ человѣка, а впослѣдствіи времени оказывается—онъ не виновенъ. Хорошо-ли это? Но коль скоро ты разобралъ, достигъ, напримѣръ, тогда хоть въ землю его живого закопай, и то будетъ по закону!... А не разобравши дѣло, да истязать человѣка—такъ тутъ хитрости большой нѣту. Вотъ какъ я думаю. Не прикажете-ли буттербродикъ?

Тарелка съ буттербродами была протянута по направленію къ господамъ военнымъ, которые ближе всѣхъ сидѣли къ буфету.

— Пожалуй! нехотя сказалъ одинъ изъ нихъ и, подумавъ, прибавилъ:—кстати налей ужъ и рюмочку вотъ этой, вонъ въ зеленой бутылкѣ... Попробовать, какая такая... А вы то что-жъ?

— Да пожалуй — еще болѣе нехотя проговорилъ другой военный — налей ужъ и мнѣ...

И такъ они нехотя, отъ нечего дѣлать, выпили и закусили. А буфетчикъ принялся производить какія-то операціи надъ кускомъ ветчины, на которую предварительно дунулъ, и продолжалъ:

— Надобно разобрать, а не зря.. Бываетъ такъ, что ежели ты дѣлаешь свой судъ съ разборомъ, то и самый, который видимый злодѣй — и тотъ оказываетъ свою невинность... Не разобравши-то дѣла, его бы, кажется, повѣсить надо, а разберутъ, да обсудятъ, такъ онъ и чистъ. А такъ-то, не разобравши-то дѣловъ, да предать наказанію — тутъ правды, я такъ думаю, нѣтъ нисколько! Почему же въ такомъ случаѣ дѣлается судъ и утверждается судебный чинъ? Изуродовать человѣка занапрасно—это всякій мастеръ; а ты разбери, а потомъ ужъ и утверди... Вотъ у насъ на пароходѣ малый служитъ одинъ. Былъ съ нимъ грѣхъ—убилъ онъ человѣка. За это что̀ по закону-то?—Удавная петля, подземные рудники!.. Такъ вѣдь? А между прочимъ вонъ онъ чистъ и правъ. а почему?—Потому вникли и разобрали... Вотъ я вамъ позову его самого. Поглядите, пусть разскажетъ.

И, выйдя на площадку, съ которой поднималась на палубу винтовая лѣстница, онъ громко крикнулъ:

— Михайло, поди-ко сюда! Поди на минутку!... Вотъ пущай самъ скажетъ...

Михайло явился въ одно мгновеніе. Онъ, очевидно, игралъ въ трынку съ пріятелями, такъ какъ въ рукѣ у него были засаленныя карты. Это былъ здоровый, молодой, съ наивнѣйшимъ, почти дѣтскимъ лицомъ, парень. Босыми, крѣпкими ногами, высовывавшимися изъ короткихъ ситцевыхъ, розоваго цвѣта, панталонъ, онъ, какъ птица, вспорхнулъ по желѣзнымъ ступенямъ лѣстницы и, распоясанный, сталъ передъ хозяиномъ, видимо торопясь поскорѣй уйти, чтобы продолжать игру. Вся фигура его и выраженіе лица говорили, что игра—«въ разгарѣ» и что игроки «въ азартѣ».

— Чиво?—поспѣшно спросилъ онъ.

— Поди сюда, поди поближе.

— Говори: чего?.. Я и тутъ слышу.

— Да подвинься въ каюту-то, столбъ этакой! Успѣешь отъиграться. Поди, разскажи господамъ, какъ ты старика убилъ.

— Тьфу, ты!.. зачѣмъ звалъ. Я думалъ... Эка нашелъ разговоръ!.. Стану я...

И парень быстро направился на лѣстницу, но буфетчикъ захватилъ его за рубаху.

— Стой! Погоди минуту... Что ты, песъ этакой? Вѣдь тебя честью просятъ.

— Есть чего... пустова вспоминать.

— Да чего тебѣ вспоминать?.. Ты разскажи, какъ было дѣло-то. Ты у купца что-ль жилъ въ ту пору?

— Чего жилъ? Только-что въ тотъ день на мѣсто къ нему сталъ, а даже нисколько еще не жилъ...

— Ну, ну, сталъ.. Ну, какъ дальше?

— Ну, а дальше больше ничего... Сталъ къ нему на мѣсто, значитъ, караулить дрова... У купца-то дровяной дворъ былъ, можетъ на нѣсколько сотъ али тыщъ... Милліонщикъ купецъ-то.

— Гдѣ дѣло-то было? Гдѣ купецъ-то живетъ?

— Въ Москвѣ.. Въ Москвѣ жилъ... Вотъ я прямо изъ деревни къ нему и попалъ... Что мнѣ тогда? Почитай и шашнадцать годовъ не вышло... Попалъ я къ нему, онъ и говоритъ: «Смотри, мальчонка, будешь стараться—награжу, а будешь ворамъ потакать—произведу по свойски. Похвалы у меня на это нѣтъ, а прямо разобью всего въ дребезги. А коли ежели будешь стараться, черезъ мѣсяцъ прибавку дамъ. Не спи, баетъ, по ночамъ, глазъ не смыкай и, какъ завидишь вора, дуй его по чемъ ни попало!..» А допреже того у купца все

дрова воровали разные прочіе жулики. Ну вотъ, я и слухаю его... А какъ мнѣ не слухать? Не отъ сладкаго въ городъ-то идемъ. Попало мѣсто, надо стараться, чтобы какъ лучше, чтобы хвалили да денегъ побольше давали, а не то, чтобы ругали или били. Ну вотъ, и сталъ по наставленію его думать. Удѣлалъ себѣ дубину—изъ дровъ вытащилъ этакую штуку въ тринадцать четвертей, съ корнемъ попалась. Обладилъ, значитъ, обчистилъ, приспособилъ; пришла ночь, надѣлъ полушубокъ и пошелъ... Ночь осенняя, темная .. Ходилъ, ходилъ, слышу—шевелится. Окликнулъ, не говоритъ. Думаю: притаиться хочетъ; я подошелъ, да и долбонулъ его съ маху, стало быть съ боку, да еще разъ сверху внизъ тоже стеганулъ, онъ и запищалъ, какъ заяцъ. Н-ну, опосля того я было потыкалъ его комлемъ-то. потыкалъ этакъ-то; ночь темная, ничего не видно, только что-то мягкое... А голосу не подаетъ... Ну, какъ не подалъ онъ мнѣ голосу, пошелъ я къ хозяину доложить... Хозяинъ-то еще не ложился... Пришелъ я къ нему. «Вотъ, говорю, никакъ вора я пришибъ. Кто-то, говорю, округъ дровъ шабаршилъ, а я его и долбонулъ... Ну, гласу, говорю, не подаетъ, а только-что запищалъ было малость по-заячьи»... Н-ну, хозяинъ позвалъ кучера, велѣлъ пойтить съ огнемъ посмотрѣть. что̀ тамъ такое... Пошли... Ну, и видимъ—человѣкъ нищій... А я чѣмъ виноватъ? Мнѣ сказано—бей! Развѣ я могу ослушаться? А ежели онъ бы укралъ, тогда какъ?.. Тогда, можетъ, меня бы...

— Да ну тебя!.. Ты говори дѣло, а не разсуждай. Говори, что было дальше...

— А дальше было, что какъ оглядѣли мы человѣка... однимъ словомъ, голова расшиблена и рука болтается... Вспомнить даже нехорошо, передъ Богомъ!.. Ну, оглядѣли; кучеръ и говоритъ: «надо хозяину доложить». Пошелъ я къ хозяину и говорю: «Такъ и такъ. Расшибъ человѣка...»—«Неужто до смерти?»—«Такъ точно...» Ругалъ-ругалъ онъ меня; говоритъ: «Иди, объявись въ части». Ну, пошелъ я опосля того въ часть... Искалъ-искалъ участка—пропади онъ—насилу нашелъ. Пришелъ, всѣ спятъ. Ждалъ, ждалъ. наконецъ того, выходитъ какой-то... Сталъ меня успрашивать: «зачѣмъ?». Я говорю: «Такъ и такъ. Пришибъ человѣка». Ну, разсказалъ ему что мнѣ? Нешто я виновенъ? Что мнѣ его бить-то?.. Разсказалъ. Ну, онъ записалъ. «А дубина, говоритъ, гдѣ?»—А дубина, говорю, тамъ въ куфни осталась».—«Пошелъ, принеси дубину! Она также требуется». Пошелъ. Принесъ имъ. Отдалъ. Ну, посадили въ темную. Поутру связали руки, повели въ другое мѣсто. Опрашивали. Ну, что у меня спросятъ, то я отвѣчалъ. Черезъ два мѣсяца судъ былъ. И опять все то же. «Ты убилъ?»—«Я».—«Какъ?» — Да вотъ такъ: сначала молъ въ бокъ должно-быть я его—ну, а потомъ по темю». «Чѣмъ?» — «Дубиной». — «Признаешь?» -- «Она самая». — «Виновенъ ли ты?»—«Чѣмъ я виновенъ? Сказано, бей!—я и бью... Намъ что прикажутъ, то мы и исполняемъ»... Подумали, посудили, писали, говорили, потомъ вышли и говорятъ: «Ну, ты не виновенъ, ступай!». Ну, я и пошелъ...

— А купецъ?

— Купца было тоже притянули, только онъ говоритъ: «Какъ-же не караулить? У меня въ дровахъ капиталы... Воровство безпрестанно... Полиціи не дозовешься... А почемъ я зналъ, что онъ эдакъ караулить будетъ?..» Ну, а я-то почемъ зналъ, что тамъ такое? Слышу—шабаршитъ, я его и хлестнулъ... Такъ и вышло дѣло: и я не виновенъ, и купецъ не виновенъ... Ну только, жидъ эдакой, не взялъ меня къ себѣ потомъ. «Ты, говоритъ, больно ужъ сурьезно взялся служить. Я тебѣ только посулилъ шесть цѣлковыхъ, а ты и то ужъ человѣка убилъ; а какъ я тебѣ деньги-то въ руки дамъ, такъ ты пожалуй и не такихъ дѣловъ надѣлаешь съ дубиной-то своей!» Взялъ солдата, а меня отослалъ. . Вотъ жидъ какой!.. Ну, чего еще вамъ?

— Все нешто разсказалъ?

— Все... Ничего больше не надо?

— Ну, коли все, ступай!

Малый вихремъ взвился по лѣстницѣ; а буфетчикъ вновь принялся за разсужденіе.

— Вотъ какъ вышло, сказалъ онъ.— Кажется, ужъ какъ-бы не заточить парнишку наглухо: убилъ и голову расшибъ—все явно, а разобрали дѣло, вникли, обсудили, анъ человѣкъ-то и оправился... Вотъ про то-то я и говорю: коль скоро ежели человѣкъ виновенъ, то ты его накажи; но ежели человѣкъ хотя бы и видимостью былъ злодѣй, то ты его оправь, а невиноватаго наказывать—помоему не есть справедливость... Такъ я думаю..

— Н-да! проговорилъ тотъ купецъ, съ которымъ буфетчикъ главнымъ образомъ велъ бесѣду, вылилъ изъ бутылки въ стаканъ остатки пива и прибавилъ:—оно-бы посправедливѣе-то лучше-бы было... то есть... поступать. Дай-ка еще бутылочку!

Буфетчикъ откупорилъ бутылку, отвертѣлъ со штопора пробку, приткнулъ ее на старое мѣсто и, выйдя изъ буфета, принесъ и поставилъ ее передъ своимъ собесѣдникомъ. Въ это время съ другого дивана поднялся и всталъ, расправляя ситцевую рубашку на огромномъ животѣ, другой изъ проѣзжавшихъ купцовъ, человѣкъ добродушнаго вида и исполинскаго роста. Поднявшись, онъ взялъ буфетчика за руку, повыше локтя, и съ тонкою улыбкой на лицѣ проговорилъ:

— Ну, а мужикъ-то, почтеннѣйшій господинъ, онъ-то какъ будетъ: виновенъ или не виновенъ?..

— Который?

— А вотъ который кончину-то принялъ, старичокъ-то... Куда мы его съ вами должны опредѣлить? Вѣдь какъ-никакъ, а ужъ положительно можно сказать—нѣту человѣка! Былъ, ходилъ, Богу молился, все прочее, и однако-жъ вотъ не оказывается... Ну, онъ-то какъ? На какомъ положеніи будетъ?

Буфетчикъ на мгновеніе какъ-бы опѣшилъ отъ этого неожиданнаго вопроса, поставившаго его въ большое затрудненіе; но общій смѣхъ вывелъ его

изъ этого положенія. Вмѣстѣ съ прочими захохоталъ и онъ.

— Да, вотъ вы про что!.. Я думалъ, что про какого-такого мужика... Да, это дѣло такое, что можно сказать внезапное.

— Вотъ то-то и есть!.. продолжалъ толстякъ.— У насъ все такъ-то. Всѣ невиновны, а глядишь— кто-нибудь и протянулъ ноги... между прочимъ.

— Дѣйствительно, бываетъ! безропотно соглашается буфетчикъ, опять помѣстившись въ своей конурѣ.—Точно, бываетъ и такъ.

— Быва-итъ-съ. То есть вотъ какъ бываетъ!.. Ужъ это намъ извѣстно... Старичонокъ этотъ по крайности тѣмъ оплошалъ, что подъ дровами шлялся... Все-же хоть мало-мало касаніе было: не ходи подъ дровами... А то вотъ какъ бываетъ: сидитъ человѣкъ, ни въ чемъ не замѣченъ, Бога чтитъ, начальникамъ повинуется, все честно исполняетъ, а между тѣмъ—ни оттуда, ни отсюда—хлопъ его по шеѣ, да по уху, да въ спину, да объ земь, да опять по шеѣ, да опять въ обѣ щеки, да по земи-то брюхомъ, да перевернутъ, да каблукомъ, да рыломъ-то потыкаютъ въ помойную яму... А потомъ вотъ по вашему и выходитъ: «никто не виновенъ!». И кто рыломъ въ помои тыкалъ — и тотъ чистъ, какъ голубь. И кто брюхомъ тебя по землѣ волокъ — и тотъ не виноватъ!.. Да наконецъ и тотъ, кого уродовали, — тоже оказался не виновенъ... «Ступайте, ребята, по домамъ!.. Всѣ вы невиновны!» А между тѣмъ идетъ человѣкъ домой и хоша сосчитанъ за невиновнаго, а вѣдь морда-то у него изуродована какъ-бы то ни было... Невиновенъ-то онъ невиновенъ, а у него все-же трехъ зубовъ нѣту въ скулѣ, да рука сломана, да сраму онъ принялъ съ три короба. Это какъ надо понимать по вашему мнѣнію?

— Н-нда! произнесъ буфетчикъ, совершенно притихнувъ и не пытаясь разглагольствовать.— Это ужъ не благосклонно.

— Вотъ то-то и оно-то А виноватыхъ нѣтъ... Одинъ говоритъ: «у меня бумага!». И другой тоже говоритъ: «у меня бумага!». И у третьяго тоже бумага съ собой... Да позвольте, господа, что-же это такое?.. У васъ у всѣхъ бумага, а вѣдь у меня собственная шкура! Бумаги-то ваши я за три копѣйки куплю сколько хошь, а рожу-то я, братцы вы мои, новую не куплю нигдѣ... Вѣдь, кажется, есть разница?..

Купецъ-великанъ, говоря это, замѣтно волновался; онъ дѣлалъ руками жесты, краснѣлъ и наконецъ, запыхавшись, сѣлъ на средину своего дивана.

— Вотъ какъ бываетъ-то, господа!

— Бываетъ. Вѣрно! поддакнулъ одинъ изъ живорѣзовъ.—Обмордуютъ, а виноватаго нѣтъ.

— Ну вотъ! сказалъ купецъ. — Ужъ, стало-быть, было что-нибудь и съ вами?

Но живорѣзъ только крякнулъ, припалъ губами къ блюдечку и ничего не отвѣчалъ.

— А съ вами, спросилъ гиганта одинъ изъ военныхъ, — тоже было что-нибудь вродѣ этого?

— Не то что «вродѣ», а такое было, что, кажется, ежели-бы я дозволилъ разыграться своему характеру, такъ-бы и пропалъ безъ остатку...

— Да изъ-за чего-же?

— А вотъ ужъ этого не могу точно сказать!... Изъ-за чего вонъ старику парень башку-то проломилъ? Вотъ такъ и тутъ. Видите, какое дѣло...

Гигантъ немного поуспокоился и началъ:

— Главная причина... надобно въ первыхъ словахъ сказать про мою болѣзнь. Видите, какой у меня животъ!

— Да что-же, неужели животъ можетъ играть какую-нибудь роль въ исторіи подобнаго рода?— прервалъ разсказчика одинъ изъ военныхъ.

— Играть?.. Да тутъ такую роль разыграли, что и татарину того не пожелаю!

— Изъ-за живота?

— Вотъ то-то и есть главная причина, что путемъ сказать-то ничего не могу на этотъ счетъ. Ужъ буду говорить, какъ было, по порядку.

— Очень любопытно!

— Такъ вотъ изволите видѣть. Вотъ животъ этотъ самый — корень и есть всего... Животъ у меня стало раздувать съ дѣтскихъ временъ. Докторовъ въ ту пору хорошихъ не было, лечили нашего брата знахари да солдаты. Жили мы въ деревнѣ, мельницу держали — большая была мельница. Вотъ и лечилъ меня одинъ такой-то лекарь. И мазалъ, и пить давалъ, и за ноги трясъ,—словомъ, окончательно все нутро мнѣ испортилъ, такъ что съ тѣхъ поръ безпрестанно я лечусь и безпрестанно страдаю, даже и сейчасъ лекарство со мной... Н-ну, хорошо. А живу я, надо сказать, съ женой, съ дѣтьми подъ уѣзднымъ городомъ Сусаловымъ, на мельницѣ. Въ городъ ѣзжу часто. Вотъ года три тому назадъ познакомился я въ городѣ съ аптекаремъ. Пріѣхалъ какой-то новый аптекарь. Думаю: «дай пообзнакомлюсь, не поспособствуетъ-ли онъ мнѣ насчетъ живота». Познакомились. Человѣкъ молодой, хорошій, добрый парень. Выслушалъ меня, подумалъ и далъ пирюли... Далъ коробку. «Принимай, говоритъ, такъ-то и такъ-то. Того-то не ѣшь, того-то не пей». Наставилъ... Вотъ сталъ я принимать; вижу — лучше. Коробку опросталъ, другую, такъ и пошло. Только вышло такое дѣло, что нутро-то у меня стало требовать этихъ пирюлей все больше да больше. Какъ чуть не хватаетъ — смерть. И стало такъ, что бывало коробку-то въ недѣлю изведешь, а тутъ и на день не хватаетъ. Стали мы съ аптекаремъ толковать; подумалъ онъ: «опасаюсь я, говоритъ, какъ-бы чего не вышло» — ну, однакоже сталъ отпускать на свой страхъ. И сталъ онъ мнѣ такія пирюли дѣлать, что въ одну по три порціи дѣлалъ лекарства, а наконецъ того, началъ вертѣть это... съ грецкій орѣхъ, стало быть на одинъ пріемъ. Глотаю ихъ—ничего, вреда нѣту. Вдругъ, судари мои, уѣзжаетъ мой аптекарь. «Куда?» — «Такъ и такъ, проторговался. Нѣтъ разсчету! Надо поискать счастья гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ». Жаль мнѣ его было, добрый парень, да и помогалъ мнѣ, а дѣлать нечего—уѣхалъ. Сталъ я опять кое-какъ лечиться, все по докторамъ, все по докторамъ...

Проходитъ такимъ родомъ съ годъ или съ полтора, и надумали мы съ женой выстроить домикъ въ губернскомъ городѣ... Сами знаете, ребятишки подростаютъ, учить надо. Хочется какъ получше, да и не бѣдняемъ — славу Богу, найдется, чѣмъ поплатиться. Подумали-подумали, съѣздили, купили мѣсто и стали строиться. Вотъ я и ѣзжу на постройку-то—когда дня на три, когда дней на пять. Частенько и въ Москву приходилось ѣздить за матеріаломъ. Губернскій-то городъ стоитъ на машинѣ, всего отъ Москвы восемьдесятъ верстъ, три часа ѣзды. Вотъ я и разсчиталъ, что мнѣ выгоднѣй въ Москвѣ матеріалъ-то брать, то-есть, напримѣръ, гвоздь, скобу и все прочее по обиходу... Вотъ такимъ-то родомъ ѣду я разъ въ Москву, глядь — сидитъ въ вагонѣ мой аптекарь... «А, другъ любезный! откуда? какъ, что, куда?»... Обрадовались оба. Ну, слово за слово, онъ мнѣ про свое, а я ему про свое. Былъ, вишь, въ какомъ-то городѣ, да опять не поладилось, ѣдетъ въ Москву. Ну, и я ему разсказалъ, что вотъ молъ строюсь. Зашла рѣчь и на счетъ болѣзни. «Братецъ ты мой, говорю, сдѣлай Божескую милость, нельзя-ли отецъ родной, пирюлекъ мнѣ твоихъ приспособствовать! Смерть моя!»

— Пожалуй, говоритъ, можно. Пріѣду, говоритъ, въ Москву, зайду въ аптеку, куплю всякаго снадобья, что требуется, сработаю у себя дома и дамъ тебѣ.—Ну, уговорились, гдѣ и какъ встрѣтиться.— Приходи,молъ,послѣ-завтра въ Патрикѣевскій трактиръ, съѣдимъ селяночку, поговоримъ, вспомянемъ.. Я, молъ, тебѣ и пирюли передамъ.—Хорошо.

Разсказъ на минуту былъ прерванъ появленіемъ того самаго парня, который недавно разсказывалъ объ убійствѣ. Онъ проворно сбѣжалъ съ лѣстницы и остановился въ дверяхъ.

— Ты чего? спросилъ у него буфетчикъ.

— Да ничего, такъ пришелъ.

— Обыграли видно?

— Когда-нибудь и мы обыграемъ, отвѣтилъ парень и, прислонившись къ притолкѣ плечомъ, сталъ чесать одну босую ногу о другую.

— Н-ну, говорю, хорошо, продолжалъ разсказчикъ. —Хожу я по Москвѣ, закупаю товаръ, все честь честью; наконецъ въ показанное время иду къ Патрикѣеву. Прошелся по комнатамъ — нѣтъ моего пріятеля. Сѣлъ, жду — нѣтъ! Жду и часъ, и два; наконецъ ужъ и неловко. Потребовалъ порцію, съѣлъ—уходить надо. На грѣхъ адреса-то его не спросилъ. Думаю, надо еще день остаться, потому лекарствіе-то ужъ больно требуется; остался и опять въ тотъ самый часъ въ Патрикѣевскій пошелъ — нѣтъ! Опять нѣтъ. Ну, дѣлать нечего, надо ѣхать. Поѣхалъ... Поѣхалъ я не домой, а въ городъ, потому матеріалу закупалъ —банки, стклянки разныя, коробки... Думаю, какъ-нибудь переночую—въ кухнѣ-то ужъ и печь была, и рамы. Вотъ пріѣхалъ. Сторожъ у меня былъ изъ мужиковъ. Родіономъ звать. Плотниковъ человѣкъ десять... Ужъ спать собрались... Пріѣхалъ и говорю Родіону: «Поставь-ка, братъ, самоварикъ!». И вижу я, что что-то какъ-будто онъ на меня не такъ смотритъ. Все былъ услужливъ, старателенъ, а тутъ, вижу, что-то неладно... Не то дѣлаетъ, не то не дѣлаетъ....

— Глядитъ какъ-то. Сказалъ я ему: «Поставь-ка вонъ этотъ ящикъ отъ печки подалѣ, а то какъ бы отъ огня не разгорѣлось, храни Богъ»... Потому политура была въ ящикѣ-то, спирты... Сказалъ я ему, а онъ такъ и выпучился на меня. То на меня глядитъ, то на ящикъ. Поглядѣлъ, поглядѣлъ и ушелъ. Вотъ жду его такъ съ четверть часа — нѣтъ. Пошелъ въ сѣни, самоваръ стоитъ холодный. Думаю, не за водкой ли ушелъ? Позвалъ — нѣтъ отвѣту. Истинно чудеса творятся! Досталъ балыкъ — захватилъ я его изъ Москвы фунта два, хорошій осетровый балыкъ, восемь гривенъ фунтъ — досталъ балыкъ, хлѣбца отрѣзалъ ломоть, да на бѣлый-то хлѣбъ и положилъ его, вродѣ буттерброду. положилъ, значитъ, перекрестился и только-было, Господи благослови, ротъ разинулъ, гляжу — какъ есть вокругъ всего дому засвистали въ свистки, затрещали, заверещали, а плотники въ окна рыла пялятъ... Бросилъ я этотъ бутерборотъ, сунулся было въ дверь, хвать—и насвочилъ на бляху. И Родіонъ тутъ, указываетъ на меня и говоритъ: «Вотъ онъ!». Меня и сцапали человѣкъ восемь народу. Сцапали и поволокли... Я кричу, вопію: «Что такое, помилуйте...» – «Тамъ разберутъ!» —«Хошь одѣться-то, говорю, дозвольте—холодъ, осень!» — «Тамъ у насъ дамскаго полу нѣту!»... Вцѣпились, хоть что хошь! Не понимаю. Думаю—не придумаю. Волокутъ! А кругомъ плотники, рабочіе, сторожа, дворники... Господи, Боже нашъ! Что такое, за что? «Помилуйте, вопію, я купецъ, домохозяинъ, капиталъ имѣю... У меня дѣти... Супруга...» А мнѣ въ отвѣтъ: «Въ Москвѣ у такого-то молъ вокзала тоже домохозяева жили, тоже съ супругами»... Какъ услыхалъ народъ про это самое, та-а-къ и надвигаетъ! Вижу я, дѣло худо, попалъ я въ кашу, а въ какомъ она смыслѣ - и не знаю... Какъ про дорогу-то упомянули, такъ у меня и у самого-то духъ замеръ. . Ни въ чемъ не виновенъ, разрази меня громъ, ежели я... Самъ со слезьми моими... и кровь свою отдамъ .. Чистъ предъ Богомъ весь, а испугался! «Ну-ка, думаю, какое-нибудь окажется касаніе, Богъ его знаетъ? Что такое? Что будетъ? Все нутро такъ у меня и занялось холодомъ... Думаю: Храни Богъ за жену возьмуться— умретъ! Вѣдь съ единаго взгляду кончится. А какъ узнаетъ, тоже обомретъ». Окончательно сказать, обомлѣлъ и ничего не помню, не понимаю, трясусь, и безъ шапки... Шелъ-шелъ .. Вдругъ мнѣ и вступи мысль: «А что, какъ все одно разбойство? Вѣдь былъ же въ Москвѣ случай: тоже вотъ такъ-то пріѣхали на Рогожское кладбище въ полной формѣ, захватили деньги и уѣхали, а наконецъ того оказалось, что пріѣхали воры». Вступи мнѣ это въ голову—меня и рвануло за сердце: «Что молъ я за дуракъ такой—дался въ обманъ! Вѣдь дома деньги остались, сотъ семь съ прибавкой... Что же я дурака-то строю?». Какъ вступило это мнѣ въ мысль, думаю: «Не распорядиться

ли мнѣ своимъ средствіемъ?» А вы сами, господа, видите, кажется, не похожъ я на грудного ребенка... (Разсказчикъ поднялся во весь свой гигантскій ростъ, тряхнулъ исполинскими плечами и стремительно засучивъ рукавъ, обнаружилъ огромнѣйшій кулачище)... Кажется, можно назвать, что имѣю свой матеріалъ? А тутъ, въ такомъ дѣлѣ, такъ у меня сразу прихлынуло силищи во всѣ мѣста: и въ шею, и въ грудь, и въ ноги, и въ кулакъ вступило такое желѣзное расположеніе духа, что я, не долго думая, ка-акъ треханулъ, да ка-акъ почалъ лудить, да какъ почалъ вклеивать, да какъ почалъ конопатить, надставлять да притукивать, приколачивать да засмаливать, какъ почалъ раздавать лещей, судаковъ и осетровъ кому въ носъ, кому въ лобъ, кому въ разныя мѣста — гляжу: распространено вокругъ меня пространство и стою я, какъ Мининъ-Пожарскій на Красной площади, въ одной рубахѣ, а народъ въ прочихъ мѣстахъ какъ рыба бьется на сухомъ берегу: стало-быть, кто головой воткнулся въ лужу, кто въ плетнѣ застрялъ, выбивается не выбьется — словомъ сказать, расшвырялъ я нечистую силу такъ, что можно сказать — яко таетъ воскъ! Сталъ я по середкѣ этого самаго плацъ-параду и говорю: «Что вы со мной, разбойники, затѣяли?».

Великолѣпенъ былъ гигантъ-купецъ въ эту минуту, но еще великолѣпнѣе былъ парень, который слушалъ разсказъ купца. Когда купецъ говорилъ о томъ, какъ онъ «наклеивалъ» и «притукивалъ», дѣлая при этомъ соотвѣтствующіе жесты — и руки, и ноги, и весь корпусъ парня такъ и ходили ходенемъ; смотря на купца, парень никакъ не могъ удержаться отъ подражанія его жестамъ, двигалъ локтями, совалъ кулаками въ пространство и не разъ попадалъ въ тонкую краснаго дерева дверь каюты. «Ты что тутъ дверь-то ломаешь, истуканъ этакой!» сурово замѣтилъ ему буфетчикъ; но парень хотя и оглянулся на него, но видимо ничего не понялъ изъ его словъ, да и купецъ также вошелъ въ такой азартъ, что ни на парня, ни на буфетчика, ни на публику, которая не могла удержаться отъ улыбки, не обращалъ никакого вниманія.

— Что вы тутъ затѣяли, безсовѣстные? — продолжалъ онъ внѣ себя. — Гдѣ такія права? Нешто можно такъ по закону? Что за разбойство такое... Только подступись, убью на мѣстѣ! Расшибу безъ остатка... — Читаю имъ этакую рацею, а того и не вижу, что стали они опоминаться, да опять ко мнѣ. Глянулъ назадъ, а тамъ ужъ эскадра-то эта самая и подплыла. Подплыла, да какъ навалится на меня сзаду, да какъ подсвиснетъ — только я и свѣту видѣлъ!.. «А, такъ ты при исполненіи обязанностей! А-а-а, такъ ты такими дѣлами занимаешься?.. Ящикъ у тебя»... — «Коли такъ, вышибай, ребята, изъ купчины дно! (парень прыснулъ со смѣху, но удержался)... Вышибай ему днище!..» И пошло... Свистки верещатъ, трещетки трещатъ, колотушки стучать, а изо лба у меня огонь брыжжетъ, изъ ушей огонь, а шею все одно каленымъ желѣзомъ пекутъ... Слышу: «Объ немъ строгая телеграмма... У него ящикъ»... — «Братцы, кричу, тамъ политура!»... «А-а-а, гудятъ, политура! Раздѣлывай его, ребята, подъ орѣхъ!» (Парень не вытерпѣлъ, прыснулъ со смѣху, хотѣлъ выскочить въ корридорчикъ подъ лѣстницей и, со всего размаху треснувшись о притолку головой, буквально со смѣху покатился подъ лѣстницу.» Разсказчикъ сурово поглядѣлъ на него, но продолжалъ.) И раздѣлали, братцы мои! Такъ раздѣлали, что и не помню, и не знаю и что такое, что, гдѣ, куда. Живъ-ли я, померъ-ли — ничего не знаю! Ужъ только такъ... (разсказчикъ согнулся, опустилъ безпомощно руки и сталъ говорить какъ то беззвучно, точно какимъ-то утробнымъ дыханіемъ)... Ужъ елееле... Господи! Батюшка... Матушка... Безсловесно и бездыханно... И ужъ несли-ли меня, или самъ шелъ — ничего не помню... Знаю одно: очутился я въ темномъ мѣстѣ и весь боленъ; всѣ суставы ноютъ, всѣ кости болятъ — окончательно жду смерти (разсказчикъ медленно опустился на диванъ). Вспомнить — такъ и то страшно, передъ Богомъ, а не то что... — Ну-ка, любезный, дай-ко мнѣ лимонадцу да рюмочку коньяку!..

Послѣднюю фразу, обращаясь къ буфетчику, разсказчикъ произнесъ утомленнымъ голосомъ; но тотчасъ-же перемѣнивъ тонъ, уставился на парня и сказалъ не безъ нѣкотораго раздраженія въ голосѣ:

— Ты чему, Ерусланъ этакой, радуешься? Ты чего тамъ ржешь? Радъ, что купца-то прижучили, любо?.. Какъ вамъ не любо! Первое для васъ удовольствіе, игра. Робята малые... Знаю я васъ довольно хорошо... Онъ робенокъ (разсказчикъ обращался къ публикѣ), а вотъ возьметъ тринадцати четвертей дубину, такъ съ одного маху человѣка прекратитъ, а потомъ въ деревнѣ, какъ малый робенокъ, на одной ногѣ скачетъ, въ городки играетъ... Дитё... стоеросовое! Пороть-то васъ нонѣ стало некому!..

— Н-ну! какъ-то обидѣвшись, промычалъ парень изъ корридорчика.

— Чего — ну?.. Я видѣлъ, какъ ты ржалъ-то.

— Чего ты тутъ толчешься? сказалъ парню буфетчикъ мимоходомъ, подавая купцу лимонадъ на подносѣ. — Не твое тутъ дѣло, пошелъ къ своему мѣсту.

— Куда я пойду?

— Пошелъ, говорятъ тебѣ!.. Всѣ двери обломалъ тутъ... Убирайся!!..

Парень нехотя поплелся по лѣстницѣ вверхъ, но не ушелъ, а сѣлъ на верхней ступенькѣ.

— Скажите, пожалуйста, сказалъ одинъ изъ военныхъ, — куда же дѣвался вашъ аптекарь?

Разсказчикъ выпилъ лимонадъ, отеръ бороду и усы и сказалъ:

— А аптекарь-то — эво ужъ гдѣ въ эфто время! Ужъ онъ, братъ, къ Соловецкимъ монастырямъ подкатываетъ на курьерскихъ... Его ужъ мчатъ на всѣхъ парусахъ, а за что — и самъ не знаетъ! «И за что, говоритъ, самъ не знаю! Думаю — ничего не придумаю!» Это ужъ послѣ онъ мнѣ разсказывалъ... Какъ пріѣхалъ я, говоритъ, въ Москву, взялъ номеръ, сходилъ по дѣламъ, закупилъ припасу, накаталъ пилюль, да случись что-то,

какая-то задержка, къ Патрикѣеву-то онъ не попалъ. Не попалъ къ Патрикѣеву, адреса моего тоже у него нѣту; вотъ онъ взялъ, обшилъ коробку, написалъ адресъ и думаетъ, что «отправлю, молъ, завтра». Только-что онъ это все удѣлалъ— дѣло было подъ вечеръ—глядь, пришелъ къ нему пріятель. «Поѣдемъ, говоритъ, къ арфисткамъ за городъ!»—«Поѣдемъ!» Сѣли на извозчика, поѣхали. Ну, само собой, и швеекъ какихъ-нибудь тамъ присоединили къ себѣ для компаніи, холостымъ дѣломъ... Попили, погуляли, провели время, и воротился мой аптекарь съ большущей мухой... Какъ пришелъ, говоритъ, повалился, такъ и захрапѣлъ. Слышу, гремятъ въ дверь что есть мочи... Такой трескъ и громъ. Какъ ни былъ хмеленъ, а очнулся... Ужъ утро на дворѣ. Очнулся, отворилъ—хвать, анъ эта самая эскадра средиземная и вплыла. — «Пожалуйте!» —«Куда?»—«Туда-то».—«Помилуйте, что же такъ,по какому дѣлу?»—«А ужъ это тамъ видно будетъ!» Аптекарь мой спьяну-то забурлилъ-было, а ему говорятъ: «Хуже будетъ! Ужъ лучше добромъ...» Что тутъ дѣлать?.. Одѣлся, идетъ, да и схватись пирюли спрятать. Какъ сталъ онъ прятать, а у него спрашиваютъ: «А это что такое?»—«А это, говоритъ, такъ»... И прячетъ. Тѣ видятъ, что человѣкъ прячетъ что-то—отнимать. Аптекарь не даетъ, боится—ну-ко разслѣдуютъ... А пирюли-то вредныя и на коробкѣ-то его имя и фамилія поставлены — вотъ онъ и уперся. «И оставить-то, говоритъ, въ нумерѣ тоже побоялся: думаю, начнетъ кто-нибудь любопытствовать, проглотитъ — анъ и бѣда...» Вотъ онъ и хотѣлъ спрятать къ себѣ въ рукавъ... Анъ нѣтъ, не дали! Кончилось тѣмъ, что одинъ изъ гостей треснулъ его по плечу, коробка-то и выпала. Тѣ подхватили и поѣхали. Пріѣхали въ канцелярію, и не прошло полчаса, какъ подошли къ моему аптекарю, спросили фамилію—да на тройку, да маршъ... И пошла писать.

— Да что-жъ это за безобразіе такое? Можетъ-ли быть что-нибудь подобное? воскликнулъ одинъ изъ военныхъ.—Это просто какая-нибудь ошибка нелѣпая.

— А то что-же? Само собой, что ошибка. Нешто безъ ошибки-то можно этакъ-то?... Только вотъ кто тутъ ошибку-то далъ, вотъ это-то намъ и неизвѣстно!

— Но вѣдь впослѣдствіи-то обнаружилось-же, что все это вздоръ?

— А то какъ-же? Обнаружилось, ужъ это не безпокойтесь — и даже такъ, что вполнѣ ясно обозначилось, а только, говорю вамъ, теперича-то мы ничего не понимаемъ... Аптекарь въ умъ не возьметъ, что такое, только за печонку хватается—думаетъ, какъ-бы не отшибли; да и я-то вотъ очнулся и тоже ничего не понимаю, ничего вздумать не могу...

— Но какъ-же все это разъяснилось?

— А вотъ вы слушайте... Ужъ все по порядку... Какимъ родомъ и куда меня опосля этого побоища предоставили, этого ужъ я вамъ разсказывать подробно не буду. Одно скажу — много я страху напримался, а что обиды—нѣтъ, не видалъ. Прямо сказать, вѣжливость, благородство, тонкое обращеніе.. Я думалъ, хуже будетъ, а на мѣсто того тутъ-то и началась самая разборка.

— Вотъ про это-то, присовокупилъ буфетчикъ,— я и говорю. Сначала надо разобрать дѣло, а не зря...

— Ну, вотъ-вотъ, подтвердилъ разсказчикъ.— Вотъ все такъ и вышло по вашему... Какъ предсталъ я, значитъ, съ разбитымъ ликомъ—потому всю голову я мокрыми тряпками обмоталъ—членъ-то меня и спрашиваетъ: «Что такое съ вами? Чѣмъ вы нездоровы?»—«Да избили, говорю, ваше сіятельство!»—Какъ? Что такое?. Ну, я ему и разсказалъ. Онъ такъ и ахнулъ: «Да на какомъ же основаніи? Какъ смѣли...» «Я говорю: «Сказываютъ, бумага есть у нихъ».—«Ахъ, мерзавцы!» И пошелъ браниться... Бранилъ-бранилъ, наконецъ того, спрашиваетъ: «Скажите, пожалуйста, что это такое?». И показываетъ мнѣ пирюли эти самыя... Я было спервоначалу уперся, потому ничего мнѣ неизвѣстно. «Ну-ка, думаю, аптекарь-то втесался въ какую исторію? Вѣдь нонѣ какое время-то! И что мнѣ будетъ, ежели окажу знакомство съ нимъ?» Вотъ я и говорю: «Не знаю молъ, что такое?»—«А не знаете ли, говоритъ, какого-нибудь Лаптева?» А Лаптевъ-то и есть аптекарь. «Нѣтъ, говорю, не знаю!» Тогда онъ вынулъ мѣшокъ, въ которомъ пирюли зашиты были, и показываетъ мнѣ, а на мѣшкѣ-то надпись: *Ивану Ивановичу Попову. Посылка на одинъ рубль отъ Лаптева*». «Вѣдь вы, говоритъ, Поповъ-то?»—«Я.»—«А посылка вамъ?...» —«Стало быть мнѣ.»—«Ну,стало-быть, и Лаптева знаете?»... Тутъ я вижу, что попался и говорю: «Виноватъ, ваше благородіе, знаю.»—«Отчего-же вы сразу не признались?»—«Да боюсь, ваше благородіе!»—«Чего же вы боитесь?»—«Да и самъ не знаю!»—«Однако?»—«Да всего, говорю, боюсь я, ваше сіятельство. Потому измордовали меня, а доискаться ничего не доищусь...» Ну, засмѣялся онъ и говоритъ: «Вы не опасайтесь, а говорите чистосердечно...»—«Спрашивайте, все открою!» Вотъ онъ и спрашиваетъ:«Зачѣмъ вамъ отравленныя пирюли?»—«Какъ отравленныя?» говорю. — «Да вѣдь это такія пирюли, что умереть можно... Вѣдь это, говоритъ, не то что человѣкъ, а и лошадь свалится отъ такихъ пирюль. Зачѣмъ онѣ были вамъ нужны?.. — «Лечусь, говорю. Желудкомъ страдаю!»—«Но вѣдь это отрава!»—«Помилуйте, сохрани Богъ! Я привыкъ постепенно... Окромя облегченія ничего не вижу».—«Ну, а кто ихъ дѣлалъ!» — «Аптекарь, мой пріятель»...—«Разскажите все, какъ было». Я и разсказалъ все про аптекаря... Говорю: «Обѣщался принесть въ Патрикѣевской трактиръ, а на мѣстотого, не знаю, куда скрылся, не пришелъ...»—«Гдѣ-жъ, говоритъ,теперь этотъ вашъ аптекарь?»—«А это ужъ, говорю, ваше благородіе, мнѣ неизвѣстно!»... Думалъ-думалъ, рылся-рылся въ бумагахъ, въ звонки звонилъ... Гляжу, привели какого-то молодого человѣка... (Незадолго передъ этимъ молодой человѣкъ, съ которымъ я познакомился

на желѣзной дорогѣ, все время внимательно слушавшій разсказчика, поднялся съ дивана, надѣлъ пальто при послѣднихъ словахъ разсказчика и на цыпочкахъ вышелъ изъ каюты). Пришелъ онъ, членъ-то меня и спрашиваетъ: «Этотъ, говоритъ, господинъ, дѣлалъ вамъ пирюли?» Поглядѣлъ, вижу—совсѣмъ чужой человѣкъ.—«Никакъ нѣтъ, говорю!.. Я ихъ даже и въ глаза не видалъ.» И молодой человѣкъ то же самое говоритъ... Показали ему пирюли, поглядѣлъ онъ:—«Ничего, говоритъ, я не понимаю!»... Тогда членъ опять порылся, порылся, позвонилъ въ звонки, пошептался съ тѣмъ, съ другимъ, молодого человѣка отпустилъ, а мнѣ говоритъ: «Да, тутъ вышла ошибка... Ужъ вы не будьте въ претензіи!»—«Помилуйте, говорю, я радъ, что хоть живъ-то остался!»—«Дѣло, говоритъ, въ томъ, что у насъ есть Лаптевъ, вотъ этотъ молодой человѣкъ, который замѣченъ на худомъ счету. Вотъ мы и думали, что пирюли-то онъ приготовлялъ... А такъ какъ доктора дознались, что онѣ отравныя, вредныя, то мы и думали, нѣтъ-ли тутъ чего... На адресѣ было ваше имя, вотъ мы и дали знать... А тѣ дураки, чортъ знаетъ чего натворили!..» — «Да, говорю, ваше сіятельство, ужъ вѣкъ не забуду!»—«Что дѣлать! Дураки, невѣжи... а время-то, сами знаете, какое»...— «Да, говорю, время точно—не разбери Богъ!»...— Н-ну, тутъ я пріободрился да и спросилъ: — «А гдѣ-же молъ, ваше благородіе, аптекарь-то мой?» — «А это, говоритъ, надо разузнать... Тутъ тоже, говоритъ, какая-нибудь ошибка вышла...» И сталъ онъ мнѣ разсказывать: «Должно-быть, вышла какая-нибудь путаница въ канцеляріи... Вотъ этому молодому человѣку тоже фамилія Лаптевъ, и надо было его препроводить. А препроводили-то, должно-быть, вашего аптекаря... Впрочемъ все это разберется...» —«Ну, а мнѣ-то, говорю, какъ теперича быть?»—«А вы можете идти»...—«Совсѣмъ?»— «Совсѣмъ, куда угодно... Вышла просто нелѣпая ошибка!..»

— Н-ну, конечно! съ достоинствомъ и какъ бы съ облегченнымъ сердцемъ сказалъ военный.— Разумѣется!

— Да, продолжалъ разсказчикъ,—ошибка, говоритъ! Ну, думаю, слава тебѣ Господи! Подобралъ полы — ночь на дворѣ была — прямо на машину да чрезъ городъ-то проклятый, закрывши лицо, на извозчикѣ—прямо на хуторъ. И въ домъ-то даже не заѣзжалъ, да и сейчасъ жить не охота, передъ Богомъ говорю! Кабы кто купилъ, за свою бы цѣну отдалъ... Пріѣхалъ на хуторъ, заперся на замокъ—ни работниковъ, ни приказчиковъ, никого къ себѣ не допускаю; даже и жену, и семейство отдѣлилъ отъ себя... Очувствоваться не могу, отдышаться не отдышусь, и суставами-то не дѣйствую. Поѣмъ, лягу и сплю; поѣмъ и спать—только и охоты.

— На томъ и пошабашилъ? спросилъ-одинъ изъ живорѣзовъ.

— Какъ-же! Больно ты скоръ. Пошабашилъ!..Ты слушай, что дальше будетъ...

— Неужели еще не кончилось? спросилъ военный.

— Да тутъ и кончаться-то нечему... Сами видите, все ошибка да ошибка, а корень-то дѣла еще не виденъ. Вы глядите, какой корень-то вылупился!

— А гдѣ аптекарь?

— Все будетъ! Только что по порядку надо... Скоро и аптекарь объявится... Маленечко повремените, анъ аптекарь-то тутъ и есть. Вотъ хорошо. Сижу я на хуторѣ мѣсяцъ, ѣмъ, сплю, да въ банѣ суставы расправляю... Домъ въ городѣ препоручилъ племяннику. И ужъ задалъ же онъ всѣмъ этимъ канальямъ звону! Ухо парень у меня! Ну, да это до дѣла не подходитъ... Сижу, говорю, мѣсяцъ, отдыхаю, опамятываюсь; гляжу, однова ѣдетъ верховой... Заекало мое сердечушко! Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Что такое? Подаетъ повѣстку: «Пожалуйте въ судъ!»—«За что?»—«А тамъ сказано!» Почиталъ и вижу—привлекаютъ меня къ отвѣту за оскорбленіе при исполненіи обязанностей... Ладно. Прочиталъ, росписку далъ... Тутъ меня и рвануло за сердце: «какъ такъ?» думаю.— Какія же это такія обязанности? Меня будутъ колотить, а я отвѣчай?.. Это, значитъ, обязанности, ежели мордовать зря? «Ну, думаю, нѣтъ, ребятушки! Довольно, поиграли—и будетъ! Ежели меня самъ высшій членъ оправдалъ, отпустилъ невиновнымъ домой, такъ ужъ вамъ-то я не дамся!» Заложилъ тройку—и въ городъ! Телеграмму въ Москву—адвоката! Мордобой противъ мордобою—искъ! «Дѣлай, говорю, тысячи рублей не пожалѣю!» И заварили кашу... Назначается судный день, пріѣзжаю; пріѣхали мы съ женой. Подкатили къ суду рано еще, въ девятомъ часу, а судъ-то въ двѣнадцать. Сѣли на крылечкѣ, ждемъ. Гляжу — и аптекарь объявился! Идетъ, еле ноги волочитъ; обносился, исхудалъ, словно нищій. «Ты откуда?»— говорю.—«Да и самъ не знаю! Здоровье потерялъ, въ ногахъ ревматизмъ, еле, говоритъ, живъ!» И точно, одышка у него и кашляетъ... Сѣлъ онъ тоже на ступеньку съ нами, я и говорю ему: «Ну, братъ, достались мнѣ твои пирюли! нечего сказать, буду помнить!» А онъ мнѣ: «А мнѣ-то, говоритъ, каково было!» И разскажи онъ мнѣ все, какъ было, то-есть отчего онъ къ Патрикѣеву не поспѣлъ и все прочее, что я разсказывалъ... «До сихъ поръ, говоритъ, плечомъ не дѣйствую, какъ онъ меня тогда треснулъ кулакомъ, какъ коробокъ-то отымалъ!»— «Да ты зачѣмъ не отдавалъ-то?» — «Боюсь! Незаконныя пирюли-то... Вѣдь только по знакомству дѣлалъ, что знаю твою комплекцію, а онъ отымаетъ»... — «Да изъ-за чего, спрашиваю, дѣло-то вышло?» — «То-то и есть, что я самъ-то ничего дознаться не могъ... Примчали меня на край свѣта, а тамъ телеграмма: «воротить! Это — не тотъ!» Вотъ воротился я и сталъ дознаваться въ канцеляріи... Рылись-рылись, копались-копались, и наконецъ того, ужъ кой-какъ да кое-какъ и дорылись до корня. И что-жъ ты, братецъ мой, думаешь? Ну, какъ тебѣ кажется, изъ-за чего бы это вышло?»—«Почемъ мнѣ знать! Я и самъ еле-еле дознался.»—«Вѣдь это все, говоритъ, изъ-за подлеца Липаткина!» А Липаткинъ, надо сказать, существуетъ въ нашемъ городѣ купецъ... Такъ, скал-

дырникъ — больше ничего, выжига — одно слово. «Какъ такъ изъ-за Липаткина?» спрашиваю.— «А вотъ какъ, говоритъ. Вѣдь у него, у дурака, нанималъ я квартиру-то, когда аптеку-то держалъ въ Сусаловѣ?» — «У него». — «Ну, и былъ у насъ такой контрактъ, чтобы перекрылъ я ему крышу... Ну, а какъ дѣла мои не пошли въ ходъ, я и выѣхалъ вонъ изъ города, а крышу-то не перекрылъ, потому, думаю, какъ выѣзжаю я раньше срока и за четыре мѣсяца у меня заплачено впередъ ему, то пущай лучше они пропадаютъ... Сдалъ заведеніе и уѣхалъ, а Липатка-то вцѣпился въ этотъ пунктъ, вздумалъ взыскивать... Разыскалъ какого-то писаришку, тотъ и настрочи жалобу въ Петербургъ, въ медицинскій департаментъ, такъ и такъ молъ, прошу понудить аптекаря... А въ медицинскомъ-то департаментѣ и разбирать не стали — прямо по мѣсту жительства, въ губернію... А въ губерніи-то, въ управѣ, къ одной бумагѣ приладили другую, ужъ въ уѣздъ, «вытребовать аптекаря для объясненія...». Пришла бумага въ уѣздъ, а въ уѣздѣ-то меня нѣтъ, вотъ и третью бумагу настрочили: «разыскать аптекаря и препроводить», да и ахнули въ Москву... Вотъ въ Москвѣ-то меня и разыскивали... Какъ только я пріѣхалъ, далъ билетъ прописать, меня и сцапали... А тутъ эти пирюли — отнимаютъ, а я не отдаю, прячу... Заподозрили... А въ канцеляріи, въ суматохѣ, тоже ошиблись... Такъ и пошло все къ чорту! Воротился теперь въ нумера, всѣ вещи разворовали, износили... То есть не знаю, за что и взяться, — остался съ пустыми руками!..» — «А теперь-то зачѣмъ ты здѣсь?» — «Да взыскиваетъ этотъ дуракъ»...— «Все за крышу?» — «Все за нее... Подай, говоритъ, тридцать четыре съ полтиной!..» Ну, да я ему и гроша не дамъ, а еще съ него взыщу за четыре мѣсяца... Я самъ началъ противъ него... У меня тоже дѣло тутъ, и я тоже, братъ, окопался канавой! Держись крѣпче, а потомъ поѣдемъ ко мнѣ отдыхать»... Ну, началось дѣло... Сначала разобрали аптекаря съ Липаткинымъ — оправдали! Пошелъ Липаткинъ ни съ чѣмъ. Ну, а потомъ мое пошло... Ужъ тутъ было дѣло! Ужъ мой московскій орелъ показалъ, гдѣ раки зимуютъ, ужъ онъ ихъ такъ отработалъ, лучше требовать нельзя... Даже прокуроръ всталъ, говоритъ: «Нѣтъ, я, говоритъ, не могу, отказываюсь»... А мой-то не унялся, да опять ихъ мололъ-мололъ, толокъ-толокъ, теръ-перетиралъ... До того довелъ, встали всѣ, единогласно. «Нѣтъ, невиновенъ!» Шабашъ!..

— Статья есть такая, отрывисто перебилъ одинъ изъ живорѣзовъ:—«По совокупному мордобою и взаимному оскорбленію не виновны».

Ну, вотъ-вотъ! Нѣтъ, невиновны, потому мордобитіе было взаимообразное—ступайте по домамъ!... Вотъ мы и вышли на улицу. Вышли всѣ: и эскадра средиземная, и плотники, и дворники... Вышли и стоимъ... И столпилось насъ, дураковъ, человѣкъ шестьдесятъ... Передрались мы всѣ какъ самые послѣдніе прохвосты, а выходимъ всѣ какъ младенцы невинные... Стали и молчимъ, какъ столбы. Вдругъ Родіонка подходитъ безъ шапки. «Виноватъ, ваше степенство!» — «Ты что-жъ, говорю, дуракъ эдакой, сдѣлалъ?» — «Помилуйте!... Намъ сказано: дать знать, потому бумага... Что намъ приказываютъ, то мы и исполняемъ... Ужъ не попомните, возьмите опять!.. Явите божескую милость... Насъ тоже не хвалятъ». За Родіонкой— плотникъ: «Ужъ ты не попомни .. Вѣдь по нынѣшнему времю, самъ знаешь... Опять-же намъ сказывали: «Караульте, молъ, его—въ нехорошихъ дѣлахъ попался»... Ужъ ты тово...» — «Это ты что-ли, дуракъ, спрашиваю, подъ орѣхъ-то меня раздѣлывалъ?» — Ужъ тутъ всѣ... Ужъ ты-бы... Да вѣдь и ты тоже на свой пай раздѣлалъ нашего брата не худо... Вѣдь у тебя тоже кулачище-то...» За плотникомъ и командиры: «Это — недоумѣніе, извините...» — «Вы за что-же мнѣ синяковъ-то насажали?» — Но и вы, говоритъ, тоже мнѣ щеку раскроили... Мы дѣйствовали сообразно—у насъ телеграмма. А вы треснули меня... Это не болѣе какъ недоумѣніе... Мы завсегда.. Такъ какъ вы домовладѣлецъ, то очень жаль...» И аптекаря тоже обступили; Липаткинъ говоритъ: «Не взыскивай съ меня, помирися!» А писарь изъ участка говоритъ: «Вы знаете, какое время? Тутъ, говоритъ, каждый день только и дѣлаешь, что съ утра до ночи пишешь: «немедленно», да «разыскать», да «представить»... Такъ тутъ не мудрено и ошибиться... Такое время... «Столпились тутъ всѣ въ кучу и галдятъ: «Времена нонѣ какія... Коли ежели-бы не времена... Мы завсегда... почитаемъ, уважаемъ... Недоумѣніе...» И вижу я, что хотятъ всѣ эти дуроломы на водочку. Какъ-же. дѣйствовали всѣ съ усердіемъ, никто не виноватъ оказался, а угощенія нѣту? Самый бы разъ по рюмочкѣ. «Нѣтъ, говорю, друзья пріятные, кабы вы не были дуроломы и остолопы, то и времена-то были-бы другія... И времена-то были-бы не такія, кабы у васъ, у подлецовъ, совѣсть была..» И ушли съ аптекаремъ... Такъ они и остались безъ угощенія.

— Все? спросилъ буфетчикъ.

— А тебѣ что—мало что-ли?

— Да, сказалъ военный,—чортъ знаетъ что!.. Дурманъ какой-то...

— А бываетъ-съ! Передъ Богомъ, бываетъ! со вздохомъ проговорилъ тотъ купецъ, съ которымъ буфетчикъ велъ разговоръ въ началѣ. — И даже оченно частенько... ошибаются!.. Потому ежели человѣкъ не знаетъ ничего, не понимаетъ и въ тоже самое время боится безпрестанно, то все можно...

— А охотниковъ, прибавилъ гигантъ-разсказчикъ, — чтобы напримѣръ эдакимъ манеромъ (онъ засучилъ рукава), хоть прудъ пруди! . . . .

И тутъ начались воспоминанія о разныхъ подобныхъ разсказанному случаяхъ, и скоро въ каютѣ стало необычайно душно — душно не отъ табаку, которымъ въ каютѣ дѣйствительно было накурено, а именно отъ этихъ разсказовъ, отъ этой тягостной, ненужной путаницы человѣческихъ отношеній, составлявшихъ ихъ содержаніе. Ненужные ужасы, наивнѣйшія злодѣйства, огромныя, нелѣ-

пѣйшія недоразумѣнія, бездѣльныя жестокости — все это, группируясь вокругъ какого-то наслѣдственнаго «страха жить», страха цѣнить бѣлый, короткій день жизни и какъ-бы полной безнадежности дать этому короткому дню какое-нибудь содержаніе, кромѣ непрестанной тяготы и необузданной жадности — все это до такой степени удручало не только голову, а прямо грудь, стѣсняло дыханіе, что желаніе свѣжаго воздуха дѣлалось неотразимымъ. Именно воздуха, самаго буквальнаго, не смотря на то, что тягота происходила не отъ табачнаго дыма..

Не дослушавъ все болѣе и болѣе разгоравшейся бесѣды, я вышелъ. Меня уже давно занимаетъ одно маленькое обстоятельство, о которомъ я упомянулъ мелькомъ, чтобы не прерывать разсказа. Когда купецъ разсказывалъ о томъ, что ему предъявляли какого-то незнакомаго ему молодого человѣка, я замѣтилъ, что молодой человѣкъ, съ которымъ я познакомился на желѣзной дорогѣ, вспыхнулъ, сконфузился, но, стараясь скрыть этотъ конфузъ, какъ-то неловко сталъ надѣвать пальто и, какъ я уже сказалъ, вышелъ потихоньку изъ каюты. Замѣтилъ я, что, выходя, онъ старался пробраться между параллельно разставленными диванами такъ, чтобы разсказчикъ-купецъ остался у него за спиной. Это смущеніе и этотъ пріемъ ухода, въ которомъ не представлялось видимой надобности, невольно заставили меня подумать о томъ, «зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?». Выйдя на палубу, я думалъ найти моего недавняго знакомца тамъ, но его не было. Вмѣсто него я наткнулся на парня-убійцу, который шваброй мылъ палубу. Увидя меня, онъ почему-то весело улыбнулся и, оскаливъ зубы, сказалъ:

— А ловко купца-то отщекатурили. Дюже хорошо!..

— Чѣмъ-же? Что-жъ тутъ хорошаго?

— Ничего... Ловко!.. Иному и этого еще мало!. Иного-то и не такъ еще достойно.

— За что-же?

— Не дѣлай худа! Они нешто понимаютъ это? Да вотъ сейчасъ у насъ купецъ тутъ одинъ всю рѣку запрудилъ и рыбу не пущаетъ. Что-жъ, хорошо это?

— Какъ не пущаетъ?

— Да такъ! Запрудилъ рѣку въ своей арендѣ, перепрудилъ ее стало-быть поперекъ, у самаго озера, всю рыбу-то и заарестовалъ у себя... Да вѣдь что выдумалъ! желѣзную загородь-то сдѣлалъ на вѣки вѣковъ! На полтораста верстъ и нѣтъ рыбы... А вѣдь на полтораста-то верстахъ сто деревень.. Да всѣ онѣ рыбой жили, питались... А теперь вонъ мызгаются-мызгаются по водѣ-то, а тамъ ничего нѣтъ... Это какъ—хорошо или нѣтъ? Вѣдь надо-жъ такую имѣть въ себѣ жадность! Помирайте, молъ, съ голоду сто деревень, только-бы мнѣ!.. Нѣтъ, они тоже не думаютъ о прочихъ народахъ...

— Такъ жаловаться надо на купца. Онъ не смѣетъ такъ дѣлать.

— Ну, жаловаться!.. У него мошна-то, подико, вотъ какъ отдувается... Ему выйдетъ законъ, а онъ его не исполнитъ — больше ничего... А помоему вотъ эдакъ-то лучше...

— Какъ «вотъ эдакъ»?

— Да вотъ, какъ тому... днище-то высадили... Надавалъ ему хорошихъ, а запруду-то прочь, вотъ оно и будетъ безъ обиды!.. А то поди, пиши бумаги... Ты бумаги пишешь, а онъ рыбу ловитъ, да продаетъ. Нѣтъ лучше, превосходнѣе, какъ «своимъ средствіемъ»... Первое дѣло — отдѣлалъ его подъ орѣхъ или подъ воскъ, вотъ онъ и поостережется грабить-то!..

— Ну, братъ, сказалъ я — не вполнѣ ты правильно разговариваешь!

Хотѣлъ-было я поговорить съ нимъ на эту тему, но, взглянувъ въ сторону, увидѣлъ молодого человѣка. Онъ стоялъ на берегу и, къ удивленію моему, зачѣмъ-то звалъ меня, дѣлая рукою знаки.

II. Опустошители.

Я подошелъ къ молодому человѣку, стоявшему на берегу, и онъ съ улыбкою разсказалъ мнѣ, что именно онъ-то и есть тотъ самый Лаптевъ, который по ошибкѣ попалъ въ исторію купца и былъ принятъ, также по ошибкѣ, за аптекаря. Онъ подробно разсказалъ мнѣ какъ объ этой путаницѣ, такъ и о своемъ дѣлѣ, которое привело его въ ту-же самую канцелярію, куда попалъ и купецъ. Разговаривая такимъ образомъ, мы долго гуляли по берегу, а когда стемнѣло, возвратились на пароходъ. Въ буфетѣ продолжались разговоры, слышался хохотъ, а намъ хотѣлось отдохнуть. Парень-убивецъ, проникнувъ въ глубину нашихъ желаній, моментально устроилъ насъ въ дамской каютѣ, гдѣ никого не было. Онъ принесъ намъ сюда чаю, двѣ подушки и перетащилъ на своихъ плечахъ всѣ наши вещи, оставшіяся въ буфетѣ. Мы стали пить чай и разговаривать.

— Все-таки, сказалъ я, припоминая недавній разсказъ Лаптева о его дѣлѣ, — я не понимаю, зачѣмъ вы ушли изъ каюты. Пускай-бы купецъ узналъ васъ—что за бѣда?

Слегка улыбаясь, Лаптевъ молча мѣшалъ ложкой въ стаканѣ чая и о чемъ-то думалъ.

— Знаете, началъ онъ, медленно отдѣляя слова, — бѣды дѣйствительно нѣтъ, все вздоръ... Но еслибъ онъ меня узналъ, онъ-бы поглядѣлъ на меня... Вотъ этого взгляда-то я и не могу переносить, то-есть еще не могу, а современемъ, быть-можетъ, привыкну, то-есть позабуду впечатлѣніе этого взгляда. А теперь онъ просто деретъ меня по кожѣ.. Какъ только поглядитъ на меня *этакъ* какой-нибудь обыватель, такъ у меня просто жжетъ всю кожу, точно когтями кто царапаетъ.

Я не понималъ, о какомъ-такомъ необыкновенномъ взглядѣ говорилъ мнѣ Лаптевъ, и молчалъ.

— Лѣтъ пятнадцать къ ряду, продолжалъ мой собесѣдникъ,—мнѣ пришлось играть роль того кирпича, который швыряютъ изъ рукъ въ руки... Попадешь въ однѣ, швыряютъ дальше, въ другія, а едва попалъ въ эти другія, немедленно бросаютъ

въ третьи и такъ далѣе. Летишь въ невѣдомую даль... И хотя пребываніе мое въ этихъ безчисленныхъ рукахъ было непродолжительно, но я всегда встрѣчалъ этотъ... терзающій взглядъ, враждебный испугъ, и если не готовность на жестокость, то во всякомъ случаѣ непремѣнно мысль о ней. Вотъ и купецъ, еслибъ онъ узналъ меня, непремѣнно-бы глядѣлъ на меня *такимъ* взглядомъ... А я, ей-Богу, пока не въ состояніи...

— Но вѣдь и самъ купецъ тоже испыталъ коечто, сказалъ я. — Припомните, въ какую безобразную свалку попалъ онъ... Я думаю, напротивъ, онъ понялъ-бы и ваше положеніе... Вѣдь и онъ, и вы очутились въ одной и той-же канцеляріи...

— Ну, нѣтъ! оживленно перебилъ меня Лаптевъ.—Купецъ отлично видитъ и знаетъ, что онъ-то, обыватель, попалъ по ошибкѣ, а вотъ я, такъ и по его мнѣнію, попалъ *за дѣло*. Свалка-то она точно свалка, если хотите — арлекинада, хоть и необузданно жестокая, грубая, дикая, а въ ней, если только поприсмотрѣться, вникнуть, разобрать, отыщутся совершенно опредѣленныя теченія враждебности, ненавистничества, и повѣрьте, что обывательскій кулакъ отлично знаетъ ту шею, которая ему ненавистна. Положимъ, что, руководствуясь въ отысканіи этой шеи, главнымъ образомъ, чутьемъ, онъ по ошибкѣ задѣнетъ десятка два сосѣднихъ и родственныхъ скулъ и затылковъ, но ужъ будьте увѣрены, добьется и той скулы, какая ему требуется. Во времена моей юности и я въ простотѣ сердечной полагалъ, что все это одно только жалкое недоразумѣніе. Не разъ мнѣ хотѣлось сказать: «Безумные, опомнитесь! Вѣдь вы себя-же губите и т. д.». Но потомъ я убѣдился, что именно *себя-то* и не губитъ обыватель, что именно на всѣхъ путяхъ своихъ онъ только себя одного и помнитъ... Какъже, свалки! Недоразумѣніе... Вотъ я сегодня читалъ въ какой-то газеткѣ «сцены на Нижегородской ярмаркѣ». Изображены купцы, трактиры, арфистки и вообще всякое безобразіе. Люди жрутъ, пьютъ, врутъ Богъ знаетъ что, какъ сумасшедшіе... Въ простотѣ сердечной пожалуй подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ люди эти только безобразничаютъ, а посмотрѣли-бы, какъ они обдѣлываютъ дѣла въ то же время. Посмотрѣли-бы, какъ они въ то же время «подъ гитару» обрабатываютъ какихъ-нибудь каракалпаковъ на ситчикѣ... Нѣтъ, обыватель отлично понимаетъ свою часть! Вотъ почитайте пожалуйста, тутъ у меня есть лоскутикъ изъ газетъ... (Лаптевъ вынулъ изъ бокового кармана памятную книжку, биткомъ набитую всевозможными газетными замѣтками и записками. Кстати сказать, съ этою книжкой онъ почти не разставался и поминутно, въ подтвержденіе своихъ словъ, вытаскивалъ изъ нея какой-нибудь писанный или печатный документъ.) Вотъ... Да я вамъ самъ прочитаю... Дѣло идетъ объ убійствѣ одного больного въ больницѣ для умалишенныхъ. Вотъ... «Били Орлова добрыхъ полчаса. Когда Кудрявцевъ усталъ бить и просилъ помощи, то послалъ за Филимономъ. Этотъ субъектъ прежде всего (знаетъ, съ чего начинать слѣдуетъ!) двинулъ Орлова колѣнкой въ грудь, далъ по шеѣ и потомъ далъ въ бокъ разъ пять съ розмаху... Смотритель стоялъ и говорилъ: «Прибавь». но самъ не билъ». Итакъ, видите, позвонили, «кликнули» Филимона, сказали: «бей!» — и Филимонъ немедленно приступилъ къ исполненію приказанія. Сначала въ грудь, потомъ по шеѣ и наконецъ въ бокъ... Во-первыхъ, во вторыхъ и въ-третьихъ — все по пунктамъ... Что же это за стѣнобитное орудіе? Что это такое: машина или человѣкъ?.. Оказывается, что человѣкъ, который къ тому же поступалъ совершенно сознательно, и вотъ, полюбуйтесь, выставляетъ въ свое оправданіе уважительную причину... Вотъ тутъ сказано: «въ свою защиту Филимонъ ссылался на то, что онъ — семейный человѣкъ, имѣетъ при больницѣ казенную квартиру, дорожитъ мѣстомъ и исполняетъ, что приказано...» Существуетъ, стало-быть, двигатель и, какъ видите, весьма сильный — семейство, фатера!.. Подумайте только, каково это семейство, какова эта семейная святыня, гдѣ можно спокойно чувствовать себя, совершивъ по-истинѣ злодѣйское избіеніе кроткаго, шутливаго (такъ сказано въ стенографическомъ отчетѣ процесса) человѣка!.. Въ томъ же самомъ Рыбинскѣ, гдѣ происходитъ это безобразіе, ломовой извозчикъ иногда вырабатываетъ въ день по двѣнадцати рублей. Вѣдь есть же, стало-быть, возможность не особенно пугаться того, что если и не исполнишь жестокаго приказанія, то безъ хлѣба будешь... Но для этого надо хоть чуть-чуть думать не о себѣ, хоть на вершокъ видѣть дальше своего носа... А этого-то и нѣтъ въ громадномъ большинствѣ, въ самомъ, такъ-сказать, фундаментѣ обывательскаго общества... Да пусть бы это обывательское «я» было хоть сколько-нибудь разработано, въ чемъ-нибудь выражалось, приняло-бы какія нибудь хотя мало-мальски достойныя уваженія формы—и того нѣтъ... Семейство, фатера!.. Войдите туда, вѣдь тамъ ничего нѣтъ! Развѣ былъ за послѣднія двадцать лѣтъ хоть единый мало-мальски яркій, внушительный случай, чтобъ обыватель, ссылающійся въ своихъ опустошительныхъ набѣгахъ на отечество, на свою любовь къ семейному очагу, вступился бы искренно хотя бы напримѣръ за своихъ собственныхъ дѣтей? Вѣдь онъ нигдѣ не пикнулъ ни въ думѣ, ни въ земствѣ, не отправилъ ни одной депутаціи, какъ отправляетъ теперь съ просьбою «запретить намъ пьянствовать!..» Одного этого уже достаточно для того, чтобы представить себѣ, какъ мало какого бы то ни было нравственнаго содержанія въ его «фатерѣ»... И все таки, если вы попытаетесь потревожить его въ этомъ пустомъ обиталищѣ, онъ, не задумываясь, защититъ себя... сначала въ грудь, потомъ въ бокъ, потомъ по шеѣ...

Я попробовалъ-было возразить Лаптеву, сказавъ, что случай, на которомъ онъ основываетъ свое мнѣніе объ обывательскомъ безсердечіи, есть случай исключительный, что виновники его понесли достойное наказаніе и что наконецъ безсердечіе и

видимая каменность обывателя имѣютъ своимъ основаніемъ и другія уважительныя причины, не зависящія отъ обывателя; но Лаптевъ даже и не отвѣтилъ мнѣ — точно онъ не слыхалъ меня — и упорно продолжалъ порицать обывателя.

— Пуще всего обыватель боится какихъ-бы то ни было нравственныхъ обязательствъ, нравственныхъ жертвъ. Все, что не касается лично его благополучія, все, что хоть на вершокъ раздвигаетъ его до безобразія узкое міросозерцаніе, — все это пугаетъ его, все это онъ гонитъ прочь; онъ боится нравственной борьбы, онъ совершенно непривыченъ къ малѣйшимъ тревогамъ изъ-за какихъ бы то ни было заботъ, не касающихся его, а тѣмъ паче такихъ, ради которыхъ онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ чѣмъ-нибудь пожертвовать.

Опять я возразилъ Лаптеву и возразилъ довольно рѣзко, но онъ не слышалъ меня, моталъ отрицательно головой и продолжалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! Никакая жестокость, никакая несправедливость не можетъ совершиться, если для этого не будетъ обывательскаго содѣйствія... Аракчеевъ—русскій типъ. Посмотрите, какою кроткой овечкой разъѣзжалъ онъ за-границей и какимъ оказался по возвращеніи въ отечество... Въ отечествѣ у него есть почва, содѣйствіе, помощь—все, что нужно. Буря, холера валитъ у насъ эти колоссы, а безъ этихъ стихійныхъ пособій обывательская среда, неизвѣстно еще, быть можетъ и по сей день поставляла-бы помощниковъ и пособниковъ. Нѣтъ, надо когда-нибудь и обывателю почувствовать себя виноватымъ. А то скажите пожалуйста, выдумали за все и про все отвѣшивать передъ нимъ низкіе поклоны... Онъ— кроткая овца, а его «заставляютъ»... Его вонъ и пьянствовать будто-бы заставляютъ, и онъ перестать не можетъ до тѣхъ поръ, покуда ему не запретятъ... Депутація ѣдетъ... Зачѣмъ?—«Позвольте намъ перестать пить! Запретите, ваше благородіе, намъ пить! Взыщите съ насъ, а то мы сопьемся съ кругу!..» Бѣдняжки!..

Я ужъ не возражалъ Лаптеву, такъ какъ видѣлъ, что онъ недоступенъ никакимъ возраженіямъ, что «жестокость», о которой онъ постоянно говорилъ, своего рода пунктъ помѣшательства, и потому еще, что нельзя было не замѣтить въ немъ сильнаго нервнаго разстройства. Говоря послѣднія фразы, онъ какъ-то вдругъ осунулся, поблѣднѣлъ и губы его стали тонки и бѣлы.

— Овца на закланіи... Нечего сказать, похожа... А кто пропиталъ этимъ «фатернымъ» элементомъ, этимъ фатернымъ смрадомъ все, что носило за послѣдніе годы какую-либо видимость общественнаго дѣла, кто?.. Кто съумѣлъ обездушить всѣ общественныя учрежденія, кто изъялъ изъ нихъ всякую тѣнь мысли, кто оставилъ отъ этихъ учрежденій однѣ ободранныя голыя стѣны?.. И кто наконецъ съ такою кропотливостью работалъ надъ тѣмъ, чтобы съ корнемъ раздавить малѣйшую попытку дать этимъ дѣламъ душу-живу?.. Вѣдь если-бы пришлось характеризовать въ короткихъ словахъ недавнее прошлое, такъ его нельзя иначе опредѣлить, какъ временемъ опустошенія общественныхъ заботъ и тщательнѣйшимъ изъятіемъ изъ общества тѣхъ людей, которые хоть единымъ словомъ пытались заикнуться въ *самомъ дѣлѣ* объ этихъ заботахъ. Вездѣ, гдѣ только должна была работать мысль о ближнемъ,— вездѣ, гдѣ требовалось искренность, жертва, правда,—вездѣ обыватель утвердилъ фатерный элементъ, поставилъ дѣло на нуль, опустошилъ и за безпокойство отомстилъ безъ пощады... Посмотрите-ка хладнокровно, кто остался побѣдителемъ?—Обыватель! Кто натащилъ всюду навозу, сору, тупости и глупости?.. Кто во имя этихъ «фатерныхъ» элементовъ сокрушалъ ребра ненавистникамъ? — Все бумага... Да вѣдь бумага то приходила по желанію обывателя! Сначала обыватель возропщетъ и доложитъ, а потомъ ужъ и бумага слѣдуетъ...

Говоря это, Лаптевъ проворно перебиралъ листки своей памятной книжки, отыскалъ какую-то длинную газетную вырѣзку и, держа ее въ рукахъ, сказалъ:

— Какъ такъ «не обыватель»? Вы, я думаю, читаете же, что пишутъ, и поминутно на каждомъ шагу оказывается, что вездѣ, гдѣ слѣдовало стоять общественному дѣлу, обыватель устроилъ червивую компостную яму... Вотъ, не хотите-ли, я вамъ прочитаю маленькій эпизодикъ. Тутъ и я участвовалъ... Эпизодъ самый обыкновенный—на каждомъ шагу такіе эпизоды были и есть, и будутъ... Тутъ окажутся и правые, и виноватые... Словомъ, все — какъ обыкновенно. Слушайте!

Лаптевъ приготовился-было читать и вдругъ лицо его, до сей минуты суровое и даже гнѣвное, озарилось мягкой и добродушной улыбкой.

— А знаете, вѣдь прелюбопытное существо этотъ обыватель-опустошитель!.. Повидимому, онъ только и дѣлаетъ, что приспособляется къ обстоятельствамъ, извивается ужомъ. Но разберите его хорошенько, и вы удивитесь тому мастерству, съ которымъ онъ эти самыя обстоятельства приспособляетъ къ себѣ... Какой онъ мастеръ оставлять въ дуракахъ тѣхъ, кому повидимому онъ покоряется и безпрекословно повинуется!.. Это такая прелесть — на охотника... Да вотъ слушайте.

Лаптевъ взялся за листокъ.

— Повторяю, эпизодъ самый обыкновенный— милліоны разъ у всѣхъ этакіе эпизоды были подъ глазами... Но необходимо для полноты картины прочитать все по порядку: «Въ ознаменованіе событія (имя рекъ) Посусаловская городская дума, въ экстренномъ собраніи гг. гласныхъ, постановила: отчисливъ изъ такихъ-то и такихъ-то суммъ 8.500 руб. и присовокупивъ хранящіеся въ государственномъ банкѣ, пожертвованные въ 1826 г. купцомъ Масляниковымъ, 19.736 руб. $37^1/_2$ коп., а равнымъ образомъ отчисляя изъ городскихъ доходовъ 2.633 р. 4 к., открыть въ г. Посусаловѣ ремесленное училище на тридцать человѣкъ, преимущественно для сиротъ и дѣтей бѣднѣйшихъ родителей, и ходатайствовать предъ правительствомъ о дарованіи означенному училищу относительно воинской повинности права училищъ 2-го разряда.

Постановлено также пріобрѣсти покупкою купца Ерыгина домъ съ мезониномъ, на каменномъ фундаментѣ, находящійся городской части, 3 кварт., по Спасовоспасскому переулку, и приспособить его для помѣщенія училища, т. е. классныхъ комнатъ, мастерскихъ, спаленъ и лазарета на 5 кроватей, При этомъ гласный Кнутовищевъ, имѣющій въ городѣ одну изъ лучшихъ мебельныхъ мастерскихъ и самъ вышедшій изъ бѣднѣйшаго класса, изъявилъ желаніе *безвозмездно* преподавать ученикамъ уроки столярнаго ремесла. Благой примѣръ не остался безъ подражанія. По примѣру Кнутовищева, гласный Окаянный, имѣющій въ городѣ каретное заведеніе, и гласный Шаломальчиковъ, славящійся образцовыми сапожными издѣліями, также безъ всякаго вознагражденія, пожелали преподавать уроки сапожнаго и кузнечнаго ремеслъ, а священникъ Іоаннъ Лейденскій изъявилъ согласіе на преподаваніе Закона Божія за умѣренную плату. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія ..» Ну и такъ далѣе.

Лаптевъ отложилъ листокъ въ сторону и сказалъ:

— Это глава первая, часть первая. Чрезъ годъ послѣдовало открытіе, которое вотъ здѣсь и описано подробно. (Онъ указалъ на другой газетный листокъ.) Но я вамъ этого читать не буду... Говоря откровенно, самъ я и корреспонденцію-то писалъ объ этомъ открытіи. Благодаря участію одного изъ моихъ знакомыхъ, думскихъ гласныхъ, я былъ приглашенъ въ учителя въ это училище. Корреспонденцію я настрочилъ самую медоточивую, да и дѣйствительно я былъ доволенъ и дѣломъ своимъ, и цѣлью... Словомъ, все вышло хорошо. Набрали, дѣйствительно, сиротъ и круглыхъ бѣдняковъ. Губернаторъ послѣ молебна сказалъ очень хорошую рѣчь, между прочимъ о томъ, чтобы по выходѣ изъ училища ученики не прерывали товарищества. Разсказалъ о вѣникѣ, который по прутикамъ можно разломать, а въ связкѣ нельзя. Отлично умный и хорошій губернаторъ былъ у насъ, славный человѣкъ... Помѣщеніе — удовлетворительное, все ново и хорошо. Какой-то благотворитель тутъ же на молебнѣ пожертвовалъ 30 одѣялъ байковыхъ, другой обязался поставлять мясо со скидкой 25 процентовъ. Губернаторъ благодарилъ и хвалилъ. Повторяю, все было хорошо. Только батюшка сплоховалъ было, заведя въ своемъ словѣ рѣчь о превратныхъ толкованіяхъ, да Кнутовищевъ, избранный попечителемъ, тоже, какъ говорится, ляпнулъ ученикамъ не совсѣмъ подходившее къ общему настроенію нравоученіе: «Вотъ что, — сказалъ онъ, — господа ученики, такъ какъ мы васъ призрѣваемъ, то вы должны слухать и почитать. Кто не будетъ почитать, и того я посажу въ подвалъ, а въ подвалѣ у меня эво какія крысы — такъ ухо и оторветъ! А розги я мочить буду въ щелоку»... и такъ далѣе. Но оратора остановили на первыхъ фразахъ, и онъ, немедленно понявъ, что не туда заѣхалъ, стушевался. Объ этомъ эпизодѣ я не упоминалъ, хотя онъ былъ въ своемъ родѣ предзнаменованіемъ Тогда мнѣ просто было только смѣшно глядѣть на этихъ простыхъ, простодушныхъ людей, вродѣ Кнутовищева, который ни къ селу, ни къ городу завелъ рѣчь о крысахъ и розгахъ. Тогда всѣ эти люди производили на меня впечатлѣніе добрыхъ простаковъ; они просто одѣты, просто и неумѣло говорятъ, а поступаютъ между тѣмъ хорошо, предъ хорошимъ дѣломъ не задумываются. Всѣ они сами изъ простого званія, трудовую жизнь знаютъ, здравый смыслъ и... бородки къ тому же сѣденькія у нихъ. Словомъ, все въ нихъ просто, безхитростно; да если и есть въ нихъ какая-нибудь доля хитрости, такъ какая ужъ эта доля? Такіе-ли люди спеціалисты по части хитростей?.. Подъ такими хорошими впечатлѣніями, я, по окончаніи торжества открытія, настрочилъ въ одну изъ столичныхъ газетъ, какъ говорится, «теплую» корреспонденцію. А покуда я строчилъ эту корреспонденцію, въ томъ училищѣ шли выборы въ попечительный совѣтъ, причемъ въ попечители попалъ Кнутовищевъ, въ казначеи — Ерыгинъ, въ экономы — Окаянный, а въ члены совѣта кромѣ этихъ трехъ благотворителей попали и тѣ двое, изъ которыхъ одинъ пожертвовалъ тридцать одѣялъ, а другой обязался поставлять говядину со скидкой. Это обстоятельство должно-бы было также служить для меня предзнаменованіемъ и указаніемъ; но, повторяю, я тогда былъ совершенно несвѣдущъ по части практическихъ сторонъ русской жизни, а главное — былъ доволенъ и не могъ обращать вниманія на эти «мелочи». Таково было начало множества такихъ новыхъ дѣлъ, въ которыхъ хоть чуть-чуть мерцало пробужденіе общественной мысли. Десятки лѣтъ она лежала мертвымъ трупомъ — и вотъ какъ будто начинаетъ шевелиться, какъ будто очувствовывается, задумывается надъ обязанностями къ ближнему... Чуетъ, что человѣкъ долженъ нести помимо своихъ личныхъ заботъ какое-то иное бремя, бремя вниманія не къ себѣ только, не къ своей норѣ и утробѣ. Конечно все это мало, ничтожно, но лиха бѣда — начало. А ужъ чего лучше такого начала! Гоголевскіе аршинники, архиплуты и протобестіи — даже они обнаруживаютъ благороднѣйшіе душевные порывы, обнаруживаютъ готовность нести бремя заботы о ближнемъ, высказываютъ до нѣкоторой степени убѣжденіе въ необходимости «отвѣчать» не только предъ квартальнымъ надзирателемъ, а и предъ своею совѣстью, начинаютъ думать по «человѣчеству», по божески. Таково, повторяю, было впечатлѣніе всѣхъ этихъ весьма многихъ общественныхъ учрежденій, хотя, къ удивленію, обывательская совѣсть пробуждалась почти всегда, благодаря какому нибудь прискорбному событію; такъ что будущій историкъ не безъ недоумѣнія остановится на томъ фактѣ, что напримѣръ народныхъ училищъ открыто по случаю прискорбныхъ явленій гораздо болѣе, чѣмъ еслибъ этихъ явленій не существовало. И это обстоятельство могло-бы служить предзнаменованіемъ. Но такъ или иначе, прискорбныя или иныя событія пробуждали общественную совѣсть, совѣсть эта пробуждалась на добро, и этого было весьма достаточно для того, чтобы не обращать вниманія на непривлекательныя мелочи. Таково на-

чало, часть первая, глава первая.... Затѣмъ слѣдуетъ антрактъ... лѣтъ въ двѣнадцать. Что дѣлается со школой, обществу неизвѣстно. Разъ только въ газетахъ проскальзываетъ извѣстіе, помѣщенное въ самой сумбурной корреспонденціи изъ Посусалова, въ числѣ извѣстій о томъ, что былъ пожаръ, что епископъ Амвросій поѣхалъ по епархіи, что крестьянка д. Забулдыгиной родила семерыхъ и т. д., какое-то ничего не говорящее извѣстіе, что пререканія изъ за поставки мебели для судебныхъ установленій не прекращаются. И больше ничего. Извѣстіе это мелькаетъ въ промежуткѣ между началомъ и окончаніемъ... Вотъ къ этому окончанію мы и перейдемъ теперь, а объ антрактѣ ужъ будемъ говорить впослѣдствіи.

Разсказчикъ отложилъ прочитанные документы въ сторону и, взявъ изъ своей памятной книжки другіе, сказалъ:

— Помните-же, что начало было хорошо. Теперь слушайте окончаніе...

Лаптевъ развернулъ огромную газетную вырѣзку и началъ читать съ особеннымъ возбужденіемъ:

«Ревизоръ, ревизующій нашу губернію, въ бытность свою въ г. Посусаловѣ, между прочимъ посѣтилъ мѣстное ремесленное училище, открытое 12 лѣтъ тому назадъ. Зрѣлище, представшее его глазамъ, было поистинѣ потрясающее. Изъ 30-ти воспитанниковъ, какъ слѣдовало-бы по уставу, въ училищѣ едва найдено семь или восемь человѣкъ, и притомъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Одинъ изъ нихъ вотъ уже второй мѣсяцъ лежитъ въ горячкѣ, не имѣя ни откуда не только помощи или медицинскаго пособія, но даже и пищи. Другіе воспитанники оказались безъ сапогъ, въ спальнѣ не оказалось одѣялъ и простынь, тюфяки наполнены миріадами насѣкомыхъ. Посѣтивъ кухню, г. ревизоръ не нашелъ тамъ никакихъ приготовленій къ обѣду, и на вопросъ: «Чѣмъ вы питаетесь?» — получилъ отвѣтъ: «Воруемъ по сосѣднимъ огородамъ». И дѣйствительно, мѣстные жители неоднократно жаловались на воспитанниковъ ремесленнаго училища, которые воруютъ у сосѣдей не только овощи и съѣстные припасы, но и другія вещи: «Нельзя, разсказывали обыватели, повѣсить бѣлья просушить или чего прочаго—все утащутъ». Въ свое оправданіе воспитанники указывали на то, что иногда по цѣлымъ недѣлямъ не имѣютъ горячей пищи, а зимой остаются безъ дровъ и принуждены пить водку, чтобы согрѣться. Освѣщеніе также происходитъ весьма неаккуратно. Кромѣ того, одинъ изъ попечителей, купецъ Окаянный, имѣлъ обыкновеніе, будучи въ нетрезвомъ видѣ, собственноручно наказывать розгами и даже палками, безъ всякой съ ихъ стороны вины, и награждалъ за эти истязанія, по окончаніи ихъ, выдавая каждому наказанному по 3 коп. и приказывая молчать подъ опасеніемъ еще большаго истязанія. Болѣе двухъ лѣтъ, какъ въ мастерскихъ не производится никакихъ работъ, такъ какъ ученики постоянно исполняютъ порученія г-дъ попечителей: колютъ у нихъ дрова, набиваютъ льдомъ погреба, подметаютъ улицу, за что и кормятся на кухнѣ. Съ основанія школы, только въ 1875 году, въ бытность учителя Николаевскаго, былъ взятъ школою подрядъ на поставку мебели для мировыхъ учрежденій, да и тотъ былъ выполненъ только отчасти, всего на сумму 133 р., такъ какъ одинъ изъ попечителей, купецъ и столяръ Ерыгинъ, отнялъ этотъ подрядъ и явился единоличнымъ поставщикомъ. За все-же остальное время, втеченіе около восьми лѣтъ, учениками сдѣлано: восемь паръ сапогъ, полторы дюжины стульевъ, три стола, два кіота и одинъ ватерклозетъ для архіерейскаго дома, всего на сумму не болѣе 125 руб., хотя по разсчету издержанныхъ суммъ каждая пара башмаковъ должна стоить болѣе 367 руб. 23 коп., пара сапоговъ 575 руб. 99 к., стулъ 1,000 р., ватерклозетъ 3,738 руб. и т. д. въ той-же пропорціи. Что-же касается кассы, то едва-ли возможно представить то изумленіе, въ которое были повергнуты всѣ присутствовавшіе при ея ревизіи. Не говоря уже о томъ, что сундукъ съ деньгами и ключъ отъ него могли быть вытребованы отъ г. Подхалимова только силою и при содѣйствіи г. полицеймейстера и двухъ частныхъ приставовъ, самое содержаніе сундука было потрясающее: въ немъ было найдено деньгами два рубля тринадцать копѣекъ, какая-то иностранная мѣдная монета, двоешка орѣхъ и куча нелѣпѣйшихъ и безграмотнѣйшихъ записокъ и расписокъ; на клочкахъ бумаги каракулями было нацарапано: «взято 2,000 р.», — безъ подписи. «Всего займо бразъ 3,500 руб.». Подпись неразборчива — не то Ерыгинъ, не то Егоровъ. Или: «Положена сія росписка вудостовѣренія отдачи 300 р. купецъ Ласковый». Ни года, ни числа нѣтъ. Есть также такія расписки: «Взялъ 550 руб. и прошу получить съ Маломальскова. Онъ мнѣ пятый годъ доженъ за муку. Живоглотовъ». Былъ найденъ еще какой-то лоскутъ бумаги, похожій на картонъ съ сахарной головы, на которомъ было написано: «Взамѣнъ денихъ» — и ни имени, ни фамиліи, ни количества денегъ не указано. Есть какія-то необыкновенныя постановленія, вродѣ слѣдующаго. «Постановляемъ отчислить по случаю трилѣтія юбилѣю училищу въ пользу усердія безвозмездія членовъ по триста рублевъ на брата и впреть отчислятъ ежегодно ввиду ихнева усердія и безкорыстія по триста рублей съ добавленіемъ священству сто. Постановили члены» — и цѣлый рядъ каракуль. Такихъ расписокъ, постановленій и какихъ-то невозможныхъ расходовъ въ родѣ «8 бочекъ керосину» или «1,300 штукъ опойковой кожи» или «12,000 фанеръ краснаго дерева» и т. д. — нѣсть числа. Кромѣ того, обнаружена масса расходовъ, которымъ даже и не придумаешь ни названія, ни смысла; такъ напримѣръ: «Дано 10 руб.». Кому и за что — неизвѣстно. Этихъ таинственныхъ «дано» за восьмилѣтнее существованіе школы насчитано до трехъ тысячъ нумеровъ. Каждый годъ въ училищѣ служилось, если вѣрить запискамъ, четыре или пять молебновъ, причемъ водосвятіе и колѣнопреклоненіе отмѣчались особой платой; такъ напримѣръ: «за молебенъ 5, съ водосвятіемъ 2 руб. 50 и колѣнопреклоненіе 5, всего 12 руб. 50 коп. Дано

сторожу 1 руб. Дано Ѳедору 4, дано на ладонъ 9 руб. 37, Авдотьѣ 20 коп. Свѣчи и прочіе предметы 15 руб.» и т. д Въ такомъ-же поразительномъ безобразіи оказались и расходы по ремонту училища, которое въ день неожиданной ревизіи найдено было въ самомъ разрушенномъ видѣ: зданіе, казалось, было взорвано какой-либо подземной торпедой, такъ какъ все оно было расшатано, ободрано и скорѣй напоминало зіяющую пропасть, чѣмъ жилое помѣщеніе, а между тѣмъ на ремонтъ этого зданія ежегодно шло отъ 7 до 8 тысячъ рублей, причемъ господа ремонтеры изъ тѣхъ-же членовъ и попечителей сами себя благодарили за отличное выполненіе работъ, умѣренность цѣнъ и въ награду себѣ отчисляли остатки. Доказано было, по свидѣтельству людей свѣдущихъ и близко знакомыхъ съ дѣломъ, что одинъ изъ этихъ попечителей нарочно выпиливалъ въ домѣ дубовыя стѣны, изъ которыхъ дѣлалъ мебель для судебныхъ установленій, и вставлялъ осиновыя, очевидно для того, чтобъ онѣ скорѣе гнили подъ сырой штукатуркой, чего и достигалъ съ успѣхомъ. Другой — изъ тѣхъ-же попечителей — вывезъ съ чердака всю землю, которая ему понравилась и годилась для парниковъ, а вмѣсто нея навозилъ разнаго сору со двора училища, что́ заставилъ сдѣлать учениковъ, записавъ расходъ «за очистку двора послѣ ремонту — 13 руб. 60 коп.», хотя все это было сдѣлано руками воспитанниковъ училища... Говорятъ; что начато строжайшее слѣдствіе»...

Лаптевъ отложилъ этотъ лоскутокъ корреспонденціи въ сторону и проговорилъ:

— Пока довольно!.. Вотъ вамъ альфа и омега, начало и конецъ всѣхъ дѣлъ, имѣвшихъ цѣлью удовлетворить тѣ или другія общественныя обязанности... На каждомъ шагу, ежедневно, вы слышите и читаете десятки подобнаго рода эпизодовъ. Начало — хорошо, благородно, а конецъ — непремѣнно одно только голое опустошеніе сундука. Начатое по совѣсти дѣло въ концѣ концовъ теряетъ всякій смыслъ, теряетъ малѣйшую тѣнь общественной надобности или обязанности и оканчивается самымъ прозаическимъ хозяйничаньемъ въ общественномъ сундукѣ... Опустошенный сундукъ и— подсудимые...

— Однако, сказалъ я,—все-таки подсудимые-же, а не торжествующіе.

— Объ этомъ мы будемъ говорить немного погодя. Строжайшее слѣдствіе — еще не конецъ такихъ опустошительныхъ эпизодовъ. Есть у каждаго изъ нихъ свой особенный конецъ—«конецъ конца». Но объ этомъ послѣ... Выслушайте, пожалуйста, что́ я хочу сказать. Я привелъ вамъ для образчика самое обыкновенное, ординарное, общественное дѣло, или затѣю, какъ хотите. Начало такое-то, конецъ—вотъ какой. Это у всѣхъ на глазахъ. Но между началомъ и концомъ есть промежутокъ, антрактъ. Въ данномъ случаѣ антрактъ этотъ, какъ я уже сказалъ, тянется двѣнадцать лѣтъ, и мнѣ кажется, что этотъ-то двѣнадцати-пятнадцати-лѣтній промежутокъ также въ высшей степени типиченъ и въ высшей степени однообразенъ для всѣхъ рѣшительно общественныхъ затѣй, о которыхъ я говорю Одинаково у нихъ начало, одинаковъ конецъ и всегда одинаковъ антрактъ — то темное, глухое время, которое преисполнено обыкновенно какими-то глухими слухами о какихъ-то непріятныхъ мелочахъ, тормозящихъ хорошо начатое дѣло и ведущихъ его къ предопредѣленному концу. Это-то темное, глухое время мнѣ и кажется самымъ любопытнымъ и поучительнымъ... Какое-бы изъ этихъ кончившихся срамомъ общественныхъ дѣлъ вы ни взяли, вездѣ вы непремѣнно найдете періодъ долгой и упорной борьбы опустошителя съ человѣкомъ, который хочетъ въ самомъ дѣлѣ наполнить общественное учрежденіе или затѣю - какъ хотите— тѣмъ именно содержаніемъ, котораго требуетъ затѣя. учрежденіе. Всякій человѣкъ, желающій вдохнуть въ общественное дѣло живую душу, непремѣнно вступаетъ въ борьбу съ другимъ человѣкомъ, который, какъ на грѣхъ, *не можетъ* даже переносить этого духа,—съ человѣкомъ, который прямо враждебенъ ему, который не нуженъ, вреденъ, гибеленъ для него. Сказать по совѣсти, я даже не виню, не могу винить этихъ людей,—они такіе «съ роду», они такъ затвердѣли, загрубѣли въ старыхъ понятіяхъ и нравахъ, они такъ забиты, запуганы, такъ глубоко загнаны въ свои подземныя норы, что просто напросто имъ нѣтъ возможности ни думать, ни поступать иначе, какъ во имя интересовъ своей норы. Но горе-то наше состоитъ въ томъ, что именно вотъ эти-то люди, у которыхъ цѣлыя поколѣнія предковъ жили внѣ всякихъ общественныхъ интересовъ, именно они-то и хозяева, и осуществители серьезнѣйшихъ, а главное—новыхъ, незнакомыхъ, чуждыхъ имъ общественныхъ заботъ. Въ каждомъ новомъ (особенно напираю на это слово, такъ какъ мы въ самомъ дѣлѣ живемъ новою жизнью,—повторяю: въ самомъ дѣлѣ!) дѣлѣ, которое въ силахъ поднять только возбужденная молодая мысль и молодая сила, въ каждомъ такомъ дѣлѣ хозяиномъ является непремѣнно мрачная враждебность, прямое ненавистничество дѣлу. Замѣтьте эту черту и будьте-же когда-нибудь справедливы къ недавнему прошлому. Увѣряю васъ, иной разъ мнѣ сдается, что опустошитель—человѣкъ невполнѣ благонадежный. Серьезно!... И въ самомъ дѣлѣ, все опустошаетъ, враговъ побѣждаетъ и—сухъ выходитъ изъ воды! Человѣкъ явно разстроиваетъ прекраснѣйшіе планы, срамитъ самыя благороднѣйшія общественныя начинанія, наконецъ просто разоряетъ, посѣваетъ зло по своему глупому разуму—и все правъ. Возьмете хоть исторію съ этой несчастной школой; посмотрите на ея цѣль: «школа учреждается для сиротъ, чтобъ учить ихъ ремесламъ, которыя даютъ хлѣбъ. Предполагается, что заработокъ ихъ будетъ храниться въ банкѣ до окончанія курса, послѣ чего они выйдутъ на жизнь не съ пустыми руками»... «Не прерывайте связи и по выходѣ изъ училища», говоритъ г. начальникъ губерніи. Отлично. Но кому попадаетъ это дѣло въ руки?—Людямъ, для которыхъ такая школа—*прямой вредъ*, заскорузлѣйшимъ *хозяевамъ* въ самомъ грубомъ, топорномъ

смыслѣ. Вѣдь эти люди привыкли своихъ мальчишекъ драть ремнемъ (учить), бить, чѣмъ попало, Вѣдь у нихъ ученики спятъ на голой землѣ, ходятъ ободранные, оборванные. Вѣдь они на этомъ несчастьѣ строятъ свое благосостояніе, свою нору. Мыслимо-ли, чтобы человѣкъ такой заскорузлѣйшей старины могъ-бы искренно относиться къ этому дѣлу?.. Сироты, которые выучились и выйдутъ съ деньгами въ рукахъ, развѣ они пойдутъ къ нему въ работники, согласятся валяться на голомъ полу и получать оплеухи? Вѣдь воспитывать этихъ сиротъ—значитъ губить себя, значитъ собственными руками рыть яму своему «заведенію—малярному, токарному, каретному и т. д. Вѣдь надо-же понимать, что люди эти не могутъ желать успѣха этой затѣѣ, что она для нихъ—вредъ, гибель, что она совсѣмъ новое дѣло, требующее новыхъ людей, людей *совсѣмъ* иного взгляда на вещи. Но именно эти-то люди,—люди, которые только и могутъ относиться къ новому дѣла какъ враги,—они-то и его хозяева. Я передаю вамъ дѣло въ самой грубой формѣ. Но сколько-бы вы ни смягчали ее, сущность останется одна и та-же: новое дѣло въ старыхъ рукахъ—дѣло, требующее человѣка, который-бы общее благо и хотя самое поверхностное служеніе ему считалъ въ числѣ своихъ личныхъ обязанностей, попадаетъ въ руки человѣка или цѣлой шайки, у которой какъ-разъ нѣтъ и тѣни никакой иной заботы, кромѣ заботы о своей норѣ. Вотъ вѣдь я читалъ вамъ описаніе открытія и засѣданія думы, на которомъ возникла мысль о школѣ,—не правда-ли, что дѣло имѣетъ весьма пріятный видъ? Со стороны этихъ почтенныхъ обывателей, на первый взглядъ, очень много самопожертвованія: сироты... безплатно... безвозмездно... А знаете-ли, для того, чтобы провести мысль объ этой школѣ, нужно было «заинтересовать» обывателей самыми прозаическими взглядами! Дѣло затѣялъ одинъ мой знакомый либералъ-баринъ. Затѣя не Богъ вѣсть какая, но, какъ говорится, «хоть что-нибудь»... Я знаю, баринъ-либералъ—не совершенство, но сверхъ того онъ еще баринъ. Вотъ гдѣ его бѣда и гдѣ самое уязвимое для враговъ его мѣсто! Такъ вотъ такой-то баринъ изъ смѣшанныхъ либерально-барскихъ побужденій (обыкновенно осуществляющихся въ видѣ предпріятій, про которыя можно сказать опять только—«хоть что-нибудь») задумалъ устроить и эту школу. Поговорить, посуетиться—словомъ, «хоть что-нибудь»... Но онъ могъ-бы и говорить, и кричать, и шумѣть о «пользѣ просвѣщенія» цѣлые годы, и никогда ничего бы изъ этого не вышло, еслибъ онъ не сталъ поступать просто по-обывательски. «Вотъ вашъ домикъ—сказалъ онъ Ерыгину—очень-бы годился подъ школу... За сколько-бы вы его продали?» Ерыгинъ подумалъ: «А въ самомъ дѣлѣ... штука подходящая!»—и сталъ присоглашать другихъ... Мебельщика онъ «присогласилъ» поставкой мебели. Мебельщикъ присогласилъ кузнеца, сказавъ ему за чаемъ въ трактирѣ не губами, а какъ-то въ носъ: «А ремонтъ-то! Чудакъ этакой!..» Мясникъ тоже потянулся за мебельщикомъ и кузнецомъ, потому хотѣлъ сбыть тесъ, который навозилъ въ прошломъ году за-дешево, и т. д., и т. д. Въ существѣ дѣла всѣмъ представлялись суммы какія-то: ремонтъ, тесъ, поставка мебели... Словомъ, «оборотъ» въ томъ или другомъ видѣ. И все это покрывалось «безмездіемъ», усердіемъ, памятованіемъ события, все это «хорошо» для начальства, которому будетъ пріятно. «А ежели ты потрафилъ человѣку, особливо важному, такъ и онъ тебѣ подможетъ въ случаѣ чего». Случаи эти у всѣхъ за душою чувствовались, и потому всякому не мѣшало заручиться передъ начальниками чѣмъ-нибудь хорошимъ, тѣмъ болѣе, что хорошее это дѣлается на чужія деньги, не стоитъ ни копѣйки и т. д., и т. д. Только этимъ кускомъ и можно было вытащить ихъ изъ ихнихъ норъ и только имъ и можно было манить ихъ впередъ. И дѣйствительно, какъ только кончились всѣ эти покупки, поставки, какъ только тесъ былъ сбытъ, а на деньги, вырученныя за домъ, сдѣланъ оборотъ, такъ и кончилось все то дѣло, которое господа опустошители имѣли въ виду, учреждая школу. Теперь, послѣ молебствія и открытія, ихъ сталъ манить сундукъ, ремонтъ, расходъ, отопленіе, освѣщеніе и т. д. И въ ту же минуту началась борьба со мной, который имѣлъ въ виду, по молодости лѣтъ, дѣлать именно то самое дѣло, во имя котораго устроилась школа, и, разумѣется, мои интересы и интересы опустошителей съ перваго же дня стали совершенно противуположными. Все, до самыхъ послѣднихъ мелочей, въ моихъ мысляхъ, въ моихъ поступкахъ было и должно было быть совершенно не тѣмъ, что было въ мысляхъ и поступкахъ опустошителей. Во-первыхъ, опустошители почти съ первыхъ же дней не стали заниматься своимъ дѣломъ. Столяръ Кнутовищевъ пришелъ, далъ какому-то воспитаннику затрещину, пихнулъ въ другого доской, обругалъ и ушелъ пить чай въ трактиръ. На другой день пришелъ отъ него работникъ, которому стали платить по два цѣлковыхъ въ день, и деньги эти бралъ Кнутовищевъ, а работникъ только жаловался и бѣгалъ въ кабакъ. Словомъ, съ перваго дня я ясно видѣлъ, что для этихъ господъ попечителей нѣтъ бо́льшаго удовольствія, какъ вогнать цѣну стула или сапога въ такіе размѣры, чтобъ ихъ не было возможности продать. Опустошительныя намѣренія для меня стали совершенно ясны съ первыхъ же дней, но и для нихъ, для господъ опустошителей, также ясны стали и мои планы. Они увидѣли, что я хочу дѣлать дѣло въ самомъ дѣлѣ, взаправду, въ сурьезъ—и ощетинились. Вѣдь если помните, въ уставѣ было сказано, что заработокъ учениковъ помѣщается въ банкѣ съ тѣмъ, чтобы выдать его ученикамъ по выходѣ изъ училища; я и начинаю всячески стоять за заработокъ, подаю бумагу въ думу, говоря, что господа учителя не ходятъ въ училище, что работы идутъ худо. Кромѣ того было высказано мнѣніе, чтобъ и по выходѣ изъ училища ученики не прерывали между собою сношеній, что артель—спасеніе, что вѣникъ, который по прутику можно изломать, цѣликомъ не переломишь, и т. д. И вотъ я

*

стараюсь развить между будущими работниками крайне для нихъ нужныя мысли; хочу освѣтить ихнее будущее какой-нибудь надеждой—не затѣмъ же я (все конечно по молодости лѣтъ!) взялся за дѣло, чтобы выработать изъ нихъ Кнутовищевыхъ. Могу васъ увѣрить, что такая идея, какъ идея товарищества, взаимопомощи, даже и въ томъ сиротскомъ кружкѣ маленькихъ дѣтей, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, требовала большихъ, настоятельныхъ усилій для того, чтобы быть воспринятой. Даже въ дѣтяхъ среда забитая и загнанная уже успѣла развить много трусости за свою несчастную долю, много неподатливости на сближеніе съ сосѣдомъ. Надо было иногда «долбить», какъ говорится, и долбить усиленно, чтобы въ забитой головѣ и душѣ засвѣтилась согрѣвающая мысль. Но нѣтъ, опустошитель одолѣваетъ на всѣхъ пунктахъ... Странное дѣло! Не знаю, замѣтили ли вы ту особенность, что *разговоръ* самый обыкновенный о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, если только онъ противорѣчитъ опустошительнымъ аппетитамъ, непремѣнно возводится господами обывателями почти на степень преступленія... Такова практика; первая и вторая посылки силлогизма всегда у насъ хороши, правильны, но заключеніе—Богъ знаетъ что! Напримѣръ, артельное начало въ кругу рабочихъ предохраняетъ отъ пролетаріата. Распространеніе поэтому въ массѣ идеи товарищества заслуживаетъ всякаго одобренія. А заключеніе изъ этихъ посылокъ выходитъ всегда вотъ такое: «Ежели же ты будешь объ этакихъ вещахъ *разговаривать*, такъ берегись!..» И именно обыватель возвелъ *разговоръ* на эту преступную степень.

— А строжайшее-то слѣдствіе? напомнилъ я разсказчику.—И опустошителямъ стало быть тоже достается?

— Н-ну, это еще вы увидите... Я знаю только, что эти простачки съ перваго же моего шага почуяли мои *идеи*, отлично опредѣлили ихъ вредъ по отношенію конечно только къ себѣ. И пошли за нихъ въ драку... Вотъ я вамъ и говорю: не думайте пожалуйста, что идетъ какая-то непонятная свалка. Нѣтъ, очень часто тотъ самый купецъ, который разсказывалъ про обиду, въ извѣстныхъ случаяхъ съ особеннымъ удовольствіемъ самъ подведетъ васъ подъ эту же самую обиду, въ ту же самую свалку запутаетъ васъ совершенно сознательно, съ опредѣленною цѣлью. Я это знаю — я это сотни разъ испытывалъ на самомъ себѣ. Столкновенія по школьному дѣлу начались у меня и у учениковъ съ попечителями, повторяю вамъ, чуть не съ перваго дня. То не учатъ ничему, то бьютъ, то ругаютъ, то опять по цѣлымъ недѣлямъ заставляютъ болтаться, то не топятъ, или не освѣщаютъ, или вдругъ берутъ въ свои мастерскія работать заказы и т. д. Все это вызывало и съ моей, и съ ихней стороны рѣзкости, грубости, и не смотря на то, что всякій разъ пререканія начинались—по крайней мѣрѣ, съ моей стороны—большею частью по поводу какихъ-нибудь чисто матеріальныхъ непорядковъ, напримѣръ холода, голода и т. д.—опустошители уже подарили меня прозвищемъ... «Вы, Иванъ Ивановичъ,—скажешь бывало—топить у насъ перестали совсѣмъ»... Или: «Иванъ Ивановичъ! Что же это дѣти болтаются безъ дѣла цѣлую недѣлю?» Или: «Развѣ вы можете заставлять учениковъ работать на себя?..» и т. д. Кажется, чего проще этихъ вопросовъ? Но въ нихъ есть протестъ противъ опустошительнаго взгляда на дѣло, противъ самаго существа жизни этихъ Иванъ Иванычей. И вотъ вы—врагъ. И какъ тонко понимаетъ Иванъ Иванычъ свою часть!.. Однажды, не помню, кому изъ нихъ, Кнутовищеву или Маломальчикову, я въ раздраженіи сказалъ: «Вы что же, господа, докуда будете ребятъ-то разутыми водить и ничему не учить?» Опустошитель, которому я сказалъ это, въ свою очередь ощетинился на меня и вмѣсто того чтобы сказать: «всегда такъ будемъ поступать», воскликнулъ: «А ты почему это дозволяешь себѣ ко всенощной не ходить? Люди идутъ въ храмъ Господень, а тебѣ на это закону нѣтъ? Смѣешь огрызаться на своихъ старшихъ и примѣръ дѣлаешь мальчикамъ непочтенія!..» И вѣдь замолчишь. Я ему говорю: «Перестань плутовать!» А онъ мнѣ на это: «Ты, почтенный, не учишь мальчишекъ. Люди ко всенощной, а ты—въ баню...» И вѣдь это принималось во вниманіе. Жалуется обыватель и жалуется умѣючи!.. Обоюдное раздраженіе шло у насъ этакъ съ годъ. Держался я только вліяніемъ барина-либерала, а баринъ-либералъ тоже держался, благодаря тоже какому-то тесу, который поставлялъ кому-то изъ своей дачи по сходной цѣнѣ... Но наконецъ разразилась буря. Обѣ партіи столкнулись на одномъ, для обѣихъ въ высшей степени важномъ, событіи. Открывались мировыя учрежденія. Въ городѣ образовалось пять участковъ мировыхъ судей. Необходима была поставка мебели. Я, ради сиротскаго будущаго, ради того, чтобы заработанный фондъ былъ въ самомъ дѣлѣ фондомъ, который дастъ возможность не пропасть съ голоду по выходѣ изъ училища,—словомъ, ради всѣхъ законно утвержденныхъ параграфовъ устава старался отвоевать эту поставку для училища. Сразу пріобрѣталась бы большая сумма денегъ для фонда, сразу бы началась трудная работа, сразу бы укрѣпилось на дѣлѣ артельное начало и т. д., и т. д. Опустошители тоже вцѣпились въ эту же самую поставку, но ужъ ради себя. Тутъ ужъ приходилось въ самомъ дѣлѣ пожертвовать своимъ личнымъ интересомъ. Тутъ ужъ приходилось быть добрымъ не на чужой, а на свой счетъ. Тутъ надо было уступить что-нибудь изъ своего достатка, а главное—подумать въ самомъ дѣлѣ о пользѣ ближняго... И началась война. Я не буду разсказывать ее подробно—это слишкомъ утомительно и непріятно—скажу одно: побѣдилъ опустошитель. Средства мои были, во-первыхъ, газетныя корреспонденціи, но ихъ боялись печатать, сокращали, фамиліи замѣняли буквами и т. д. Кромѣ газетныхъ корреспонденцій, я старался распространять въ обществѣ свѣдѣнія, совершенно правдиво изображающія моихъ враговъ, и думалъ тѣмъ вызвать протестъ общественнаго мнѣнія. Много

мнѣ сочувствовало народу, волновались и попадали иногда въ просакъ, что вредило мнѣ и дѣлу... Словомъ, корреспонденціи и общественное мнѣніе не помогли мнѣ, а вотъ опустошителямъ пріемы ихніе помогли. И замѣтьте опять: все я дѣйствовалъ только во имя школы, во имя дѣла. И писалъ, и говорилъ, и старался, чтобы говорили другіе — *только* о школѣ, только о заработкѣ для нея, словомъ, опять-таки буквально объ одномъ только дѣлѣ и въ частности только о матеріальной выгодѣ. Опустошители ничего подобнаго не дѣлали. Напротивъ, они дѣйствовали противъ меня какъ разъ наоборотъ; въ ихъ «средствіяхъ», употреблявшихся къ тому, чтобы меня истереть въ порошокъ, матеріальная выгода не играла никакой роли; ни единаго слова не было о ней во всѣхъ ихъ рукописаніяхъ. Ни о поставкѣ мебели, ни о томъ, что эта поставка имъ выгодна, что это составляетъ для нихъ большой разсчетъ, ни разу, ни единымъ словомъ никто изъ нихъ не пикнулъ, и все-таки въ концѣ концовъ мебель досталась имъ. Вотъ напримѣръ одно изъ этихъ рукописаній...

Лаптевъ снова порылся въ своемъ неизсякаемомъ источникѣ обличительныхъ матеріаловъ, т. е. въ записной книжкѣ, и подалъ мнѣ исписанный листъ почтовой бумаги.

— Это копія, которую мнѣ пришлось достать нѣсколько лѣтъ спустя послѣ всей этой исторіи. Читайте и помните пожалуйста, что авторы этого рукописанія только и думаютъ о томъ, чтобы заполучить поставку. Помните же! — прибавилъ Лаптевъ внушительно въ то время, когда я принялся за чтеніе рукописи.

Въ рукописи значилось слѣдующее:

«Его добромыслію господину первоначальнику и кавалеру.

«Двадцать седьмого сего ноября, прійдя я къ училищу, какъ состою въ числѣ прочихъ безмездныхъ попечителей, то увидѣлъ учителя Лаптева, стоитъ онъ противу кіоту, для приуготовленія оной подъ политуру, подъ икону святыя великомученики Андріаны и Наталіи, праведные чудотворцы, и стуча онные (?) кулакомъ. утверждалъ публично, не взирая на юношескій возрастъ младенцевъ, кои есть вполнѣ безъ смысла и должны слушаться и почитать своего учителя, то сколь было прискорбно, коль скоро вполнѣ дерзко стуча объ онной кіоты произносилъ дерзкія и глупыя слова, которыя вполнѣ вовлекаютъ человѣка въ погибель, тѣмъ болѣе младенцевъ, которые вышесказанныя гнусныя слова должны брать себѣ примѣромъ. Когда же на мой вопросъ, должно ли почитать Бога и кто сотворилъ небо и землю, и почему земля пожрала живыми Дафана и Авирона, потому что едва только усумнились, то означенный Лаптевъ вторично дерзнулъ выражать такія слова, которыя недостойны даже кого-либо арестанта или человѣка неимѣющаго въ себѣ разсудка. Тогда, умолкнувъ, я кротко отошелъ отъ него, что уже не въ первый разъ, и только сожалѣлъ, каковъ есть развратъ въ ученикахъ, что дѣлаютъ грубости, непослушаніе, вредные пороки, непочитаніе своихъ старшихъ начальниковъ — и то уже давно всѣми замѣчено, почему и осмѣливаются искать правды. Не чернилами пишу сіи слова, но слезами, и не токмо чужимъ, но и своимъ дѣтямъ, какъ заповѣдано въ законѣ, не пожелаю того безумія. Что же будетъ, ежели мы допустимъ распутствовать нашимъ дѣтямъ, издѣваться надъ высшими предлогами и прочими, которые есть какъ-то: страхъ Господень начало премудрости, а не то, чтобы храпѣть или выражать какія-либо тому подобныя дерзкія слова противъ своихъ попечителей и старшихъ. Зачѣмъ же постановляются начальники, ежели мы будемъ внушать непочтеніе и развратъ? Иной умникъ лба не умѣетъ перекрестить, подобно учителю Лаптеву, который почитаетъ пріятнѣе упоминать безпрестанно развратныя мысли передъ своими учениками, но не ежели перекрестить лобъ или даже потрудиться пройти къ обѣднѣ. Это у нихъ считается за глупость, а между прочимъ, мы видимъ и содрогаемся, до чего можетъ довести ихнее безуміе, конечно, чему и быть окромя злодѣйства отъ ихняго безбожнаго смысла, коль скоро совершенно распущены и управы надъ собою не имѣютъ. Даже въ мальчишкахъ, бывши я на черной работѣ, въ нуждѣ и бѣдности, и то не слыхалъ такихъ дерзкихъ словъ или же поступковъ подобно что поступаетъ Лаптевъ. И что-жъ теперича, при склонѣ лѣтъ, и всѣми начальниками почтенъ, всегда служа безсловесно, неужели же мнѣ не будетъ снисхожденія даже отъ мальчишки, каковъ есть учитель Лаптевъ, который есть явный развратъ малолѣтнимъ, а между прочимъ, отвѣтъ спросится съ насъ: мы же отвѣчаемъ и предъ Богомъ, и предъ начальниками. А какова въ томъ вина наша? и то не наша вина, а духъ вѣка, рыканіе сатанино и безбожіе! Съ низкопоклоненіемъ вопію: изведи младенцевъ изъ гіены погибели и не введи насъ во искушеніе. Вѣчный богомолецъ и всеусердный рабъ, потомственный почетный гражданинъ Митрофанъ Кнутовищевъ».

— Ну, какъ вы находите, производитъ это рукописаніе какое-нибудь впечатлѣніе, кромѣ конечно безграмотности? — сказалъ мнѣ Лаптевъ. когда я возвратилъ ему рукопись.

Я долженъ былъ сознаться, что рукописаніе должно производить впечатлѣніе довольно сильное: простыя выраженія, такъ горько выраженное оскорбленіе религіознаго чувства—все это дѣлаетъ бумагу достойной вниманія...

— А о мебели, продолжалъ Лаптевъ, — ни полслова, ни тѣни намека! Одна оскорбленная сѣдина, одно оскорбленное чувство.

— Но, сказалъ я,—неужели же въ этой бумагѣ нѣтъ ни единаго слова правды, и все это сочинено?

— Напротивъ, очень много... Не думайте пожалуйста, что такія рукописанія пишутся зря. Опытные въ опустошеніяхъ люди отлично знаютъ, что такая бумага должна имѣть послѣдствія. Будутъ узнавать, разспрашивать... И отвѣты всегда

получаются подходящіе къ тому, что сказано въ рукописаніи. «Стучалъ по кіоту?»—«Стучалъ!»—«А въ церковь ходилъ?»—«А Богъ его знаетъ» и т. д. Такіе отвѣты съ чистою совѣстью дадутъ самые безпристрастные люди, потому что все это было, но было по извѣстной причинѣ, о которой ближайшимъ свидѣтелямъ сцены, ученикамъ, нельзя сказать, хоть-бы они и знали, потому что они — сироты, нищіе, призрѣваемые и ихъ завтра-же выгонятъ вонъ, а другіе не скажутъ потому, что не знаютъ этой причины. Дѣло-же было такъ: въ самый разгаръ борьбы изъ-за поставки Кнутовищевъ и другіе его компаньоны задумали пустить въ ходъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствій, всегда помогающихъ заручаться вниманіемъ первоначальниковъ. Я скажу вамъ объ этихъ средствіяхъ вообще немного погодя, теперь-же буду говорить только о томъ изъ нихъ, которое было пущено въ ходъ ради мебельной поставки. Извольте видѣть, жену первоначальника звали Наталія. Она состояла попечительницей какого-то благотворительнаго общества, гдѣ членами были всѣ эти Кнутовищевы съ братіей. Десятилѣтіе ея попечительства исполнилось какъ-разъ въ разгаръ мебельной борьбы. Жена первоначальника, разумѣется, имѣетъ вліяніе на мужа-первоначальника, и вотъ, является поднесеніе въ день десятилѣтія — простенькій образокъ, купленный за 45 к., въ простенькомъ кіотѣ. Кіотикъ-то этотъ купленъ былъ на базарѣ, тоже за сходную цѣну, и вотъ Кнутовищевъ притащилъ его въ училище пообдѣлать и помазать политурой. Механику всю эту я, разумѣется, зналъ и вотъ «стуча по оному кіоту и говоря и т. д.» — все какъ слѣдуетъ. Взбѣшонъ я былъ тогда ужасно... «Такъ вы этакими фокусами хотите училище-то разорять?» сказалъ я, «стуча». Кнутовищевъ сталъ огрызаться, закричалъ что-то, а я его обругалъ. Вотъ и все! Все было, и все если не такъ было, какъ пишутъ Кнутовищевы, то «по разслѣдованіи» оказывается, что «что-то» было. И именно — съ кіотомъ, именно—стуча» и т. д. А ужъ этого вполнѣ довольно, чтобъ уважить требованіе Кнутовищевыхъ. Если даже окажется, что Кнутовищевы слишкомъ близко къ сердцу принимаютъ огорченія, если окажется, что Кнутовищевъ возмущенъ пустяками, то и тогда ему оказывается вниманіе... И знаете-ли, отъ чего это происходитъ?

Разсказчикъ вопросительно взглянулъ на меня и продолжалъ:

— Опять-таки отъ того, что Кнутовищевы отлично изучили натуру первоначальниковъ, а первоначальники у насъ идутъ, начиная съ сельскаго десятскаго и такъ далѣе... «*Мои* мужики», говоритъ староста; «*мои* старшины», говоритъ становой; «*мои* купцы», и т. д. Вотъ это-то смѣшеніе разными первоначальниками обязанностей и правъ съ достоинствами собственной особы опустошители-то и эксплуатируютъ какъ нельзя успѣшнѣе... Какъ скоро они замѣтятъ, что въ первоначальникѣ крѣпко сидитъ наивная самоувѣренность въ томъ, что онъ, *самъ*—онъ, Иванъ Петровичъ такой-то — носитъ въ себѣ прирожденный залогъ уваженія, такъ они и видятъ ужъ, что «правды» строгой и трезвой въ Иванѣ Петровичѣ нѣтъ, а есть въ немъ произволъ доброты.. Зачѣмъ-же гнѣвить человѣка?.. Разумѣется, надобно всячески возбуждать въ немъ чувство *личнаго* удовольствія, надобно какъ можно чаще доказывать ему, что онъ именно, какъ Иванъ Петровичъ, необыкновененъ. На глубокомъ знаніи этой черты основаны всѣ поднесенія «даровъ» — простыхъ, не роскошныхъ, а доказывающихъ только голубиное дѣтское чистосердечіе. Такъ напримѣръ, въ качествѣ простыхъ и добродушныхъ людей, Кнутовищевы любятъ подносить первоначальникамъ рыбу, судачка напримѣръ копѣекъ въ тридцать, но «своего засолу»... Вотъ это-то и дорого! Совершенно какъ ребенокъ подноситъ отцу домикъ, склеенный Богъ знаетъ какъ безобразно, но склеенный съ желаніемъ сдѣлать пріятное, по силѣ возможности... И вотъ судачекъ на деревянномъ блюдѣ (на деревянномъ!) и простая рѣчь! «Ужъ не взыщите!.. Большихъ достатковъ нѣтъ, а какъ мы чувствуемъ, понимаемъ и чтимъ, что... вотъ... отъ трудовъ!» Вотъ почему и кіотецъ въ день Андріана и Наталіи.. А потребуется другое—и другое будетъ, лишь-бы это «другое» льстило Ивану Петровичу съ супругой, лишь-бы Иванъ Петровичъ думалъ, что *его* купцы оправдаютъ его довѣріе... Въ нужное время Кнутовищевъ тащитъ къ *своему* благодѣтелю ужъ не судака, а тряпья на корпію (въ книгахъ ремесленнаго училища значится: 200 простынь «за негодностью» проданы съ аукціона), а иной разъ, по желанію первоначальницы, вынимаетъ прямо радужную — и двѣ, и три—все конечно на доброе дѣло... И все молча и безпрекословно... Только потъ утретъ дырявымъ платкомъ со лба, поклонится простымъ русскимъ поклономъ (руки съ шапкой и платкомъ врозь) и промолвитъ: «Мы завсегда—съ нашимъ... съ полнымъ...» А въ то-же время, съ каждымъ новымъ судакомъ или кіотомъ въ Кнутовищевыхъ растетъ увѣренность въ своей прочности. «Мы *вамъ* уважемъ, а ужъ вы *намъ* уважите!»... То есть мы именно вамъ, вашей особѣ уважаемъ, уважаемъ Ивану Петровичу—не власти, которая на васъ (зачѣмъ власти судакъ?), а особѣ вашей достойной... Ну, ужъ и вы тоже, Иванъ Петровичъ, обязаны *этакъ* же, лично намъ, уважить—не просто купцу, гражданину уважить въ его справедливыхъ требованіяхъ, а именно купцу такому-то: *моему* Камилавкину, *моему* Кнутовищеву... То-же самое было и въ моемъ дѣлѣ.

— А строжайшее слѣдствіе?

— Не знаю. Была одна телеграмма вскорѣ послѣ того письма, которое я вамъ читалъ. Сказано было: «Говорятъ, ревизоръ энергически принялся за очистку авгіевыхъ конюшенъ попечительства надъ училищемъ». А потомъ и нѣтъ ничего — по крайней мѣрѣ я не видалъ. Да и нельзя! Невозможно иначе! Какое тутъ слѣдствіе, помилуйте! Покуда первоначальникамъ (губернскимъ или деревенскимъ—все равно) не придетъ въ голову отвыкнуть отъ дурной привычки—ни съ того, ни съ сего считать себя отцами и давать волю *своему* вкусу во всѣхъ

общественныхъ дѣлахъ—всегда такъ будетъ... Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ: Иванъ Петровичъ въ настоящее время не можетъ сказать напримѣръ: *мое* земство, не можетъ сказать: *мой* судъ или *моя* молодежь... Ни земство, ни судъ, ни молодежь не пойдутъ къ Ивану Петровичу съ судакомъ—слѣдовательно, они ему непріятны, онъ далекъ отъ нихъ, онъ сторонится, они не удовлетворяютъ его преданностью именно къ его особѣ, къ особѣ Ивана Петровича... Земство—не опора, молодежь—не опора, судъ—не опора; остается для опоры одинъ Кнутовищевъ — ну-ка, вытащите его на свѣжую воду, проберите-ка по заслугамъ... Кто-жъ останется-то?..

Давно ужъ на пароходѣ царствовала мертвая тишина, но мы еще долго разговаривали съ Лаптевымъ все на тѣ-же тяжелыя темы... Начался разсвѣтъ, когда мы наконецъ заснули.

Жаркій солнечный день подвигался уже къ полудню, когда я проснулся. Лаптева ужъ не было въ каютѣ.

III. Подозрѣваемые.

I.

Прошлой осенью, неподалеку отъ меня, т. е. отъ той деревни, въ которой я живу уже довольно давно, нанялъ себѣ квартиру въ крестьянскомъ домѣ одинъ мой пріятель. Поселился онъ въ деревнѣ и неподалеку отъ меня, потому во-первыхъ, что оба «мы хлѣбъ добываемъ литературнымъ трудомъ» *), во-вторыхъ, потому, что въ Петербургѣ стало ужъ очень тяжело и скучно жить, и наконецъ потому, что ощущаемая всѣми тяжесть мало-мальски сознательной жизни отразилась на моемъ пріятелѣ сильнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ. «Пожить въ деревнѣ», «отдохнуть», «очувствоваться мало-мальски»—вотъ что думалъ мой пріятель, нанимая верхній этажъ крестьянскаго дома въ Ямской слободѣ. Намѣренія его, какъ видите, были самыя скромныя и безобидныя; но и такія намѣренія, какъ увидимъ ниже, не всегда и не для всякаго осуществимы въ наши тяжелые дни. Прежде всего необходимо сказать, что нѣтъ такой профессіи, которая, будучи перенесена изъ столицы въ деревню, въ такой степени смущала-бы деревенскихъ жителей, какъ профессія литературная. Самый первый, самый существенный вопросъ, который подлежитъ разрѣшенію деревенскихъ жителей при появленіи въ ихъ средѣ новаго лица, формулируется такъ: «зачѣмъ пріѣхали?». И литераторъ не можетъ выяснить его не только вполнѣ опредѣленно и точно, но даже и мало-мальски удовлетворительно. «Пріѣхалъ *такъ*... жить, отдыхать...»—вотъ что можетъ отвѣтить онъ по сущей правдѣ; но такой отвѣтъ немедленно долженъ вызвать другой еще болѣе затруднительный вопросъ, именно: «Отдыхать?.. Стало-быть капиталъ имѣете?..» А такъ какъ на это ничего другого не приходится сказать кромѣ: «Нѣтъ, капиталовъ не имѣю»—то это сразу дѣлаетъ его личностью подозрительной. Въ головѣ деревенскаго жителя съ двухъ словъ возникаетъ огромнѣйшее недоразумѣніе: «Отдыхать пріѣхалъ, а капиталу не имѣетъ—что это за существо и зачѣмъ сюда явился?..»

Въ настоящее время по деревнямъ, особливо пришоссейнымъ и прилегающимъ къ желѣзной дорогѣ, какъ тѣ, въ которыхъ поселились мы съ пріятелемъ, стало появляться много небывалыхъ прежде профессій—много людей, не имѣющихъ съ крестьянствомъ и земледѣліемъ почти никакой связи. Но всѣ эти «новые» деревенскіе жильцы, всѣ эти пришельцы всегда могутъ дать на предлагаемые имъ деревенскими жителями вопросы самые точные и опредѣленные отвѣты. Одинъ говоритъ: «пріѣхалъ насчетъ телятъ», другой—«по сѣнной части», третій просто отвѣтитъ: «грибы», четвертый скажетъ: «на станціи служу» и т. д. Все это понятно и ясно съ перваго слова; даже такой повидимому неопредѣленный и таинственный отвѣтъ, какъ «пріѣхалъ по своей части» и тотъ понятенъ и удовлетворителенъ для деревенскаго жителя. Мало-ли въ самомъ дѣлѣ «дѣловъ» и «своихъ частей»? Можетъ, онъ хочетъ «проникнуть» въ телячью часть, или въ грибную, или въ сѣнную, или наконецъ пронюхиваетъ мѣстечко на желѣзной дорогѣ. За такимъ человѣкомъ нужно только «поглядывать», надо смотрѣть тольно *одно*, не сунулся бы онъ въ какую-нибудь изъ такихъ частей —сѣнныхъ, грибныхъ и т. д., которыя уже абонированы мѣстными обывателями. Но такой отвѣтъ, какой даетъ литераторъ, т. е. «*пріѣхалъ отдыхать* (подумайте: *ѣхалъ*, платилъ за билетъ... зачѣмъ?—отдыхать!), *а капитала* не имѣю»—это не отвѣтъ, а тьма кромѣшная. Тутъ не видно той нити, которая далабы возможность изучить спеціальность человѣка,—тутъ сразу является необходимость смотрѣть «*въ оба*.

— Изъ господъ что-ли?—спрашиваютъ обыватели того изъ своихъ собратьевъ, который первый имѣлъ несчастіе получить вышеупомянутые неудовлетворительные отвѣты.

— А шутъ его знаетъ! Капиталу, говоритъ, не имѣю...

— Что-жъ, на машинѣ что-ли мѣсто получилъ?

— Нѣту, какое на машинѣ!...

— Чего-жъ онъ здѣсь?

— Такъ вишь. Говоритъ: «отдыхаю!

— А капиталу нѣту?

— Нѣтъ, говоритъ, капиталу.

— Чего-жъ ему отдыхать безъ денегъ?

— А пёсъ ихъ знаетъ!

— Тоже народъ... Безъ денегъ пріѣхалъ отдыхать... зимой! Поглядывать-бы за нимъ надоть...

— Нонче, братъ, всякаго народу довольно. Гляди въ оба!

Но невѣдомый человѣкъ хоть и объявилъ, что капиталу не имѣетъ, а платитъ за все, что беретъ. Попробуютъ запросить вдвое (собственно для пробы)—платитъ; очевидно, ничего не понимаетъ, а

---

*) Стих. Н. А. Некрасова „О погодѣ“.

тѣмъ паче по телячьей или какой части. Опробовали его по части пониманія «вобче», принесли барсучью шкуру и запросили рубль — далъ, хотя шкурѣ красная цѣна—сорокъ копѣекъ. Очевидно, что хоть капиталу нѣтъ, а деньжонки есть. Не то чтобы довѣріе, а такъ... только нѣкоторое вниманіе возбуждаетъ этотъ человѣкъ своимъ «непониманіемъ вобче» и расплатами. «Покуда платитъ, намъ какое дѣло?—говорятъ мѣстные обыватели. – А въ случаѣ чего... на то есть начальство».

А все-таки любопытно знать, чѣмъ, «какими способами» человѣкъ деньги достаетъ, коль скоро настоящаго капиталу не имѣетъ. И вотъ начинаются разспросы издалека, — разспросы, которые еще болѣе затемняютъ неизвѣстную личность.

— Что я все дивлюсь, какъ вы долго по ночамъ... Все огонь!

— Занимаюсь.

— Какія-же ваши будутъ дѣла?

— Да вотъ все по части книжекъ... Бумаги вотъ разныя...

— Что же, въ канцелярію какую пишете?

— Нѣтъ.

— Стало-быть не служите?

— Нѣтъ, не служу.

— Таперича, позвольте сказать, которыя вы пишете бумаги, или хоть книги-то по казенной онѣ будутъ надобности или по своей?

— Нѣтъ, не по казенной...

— По своей, стало-быть?

— Да, по своей.

— Слѣдовательно, такъ надо почесть, что по судамъ дѣла дѣлаете?

— Нѣтъ, не по судамъ.

— И не то чтобы прошенія или прочія какія дѣла по судейской части?

— Нѣтъ, не по судейской.

— Стало-быть не по судейской?

— Нѣтъ, не по судейской.

— Не насчетъ какихъ прочихъ дѣловъ, или что касается, напримѣръ, которые бываютъ аблакаты, или по писарской части?

— Нѣтъ.

— Нѣту?

— Нѣтъ, не по этой части...

Молчокъ. Затѣмъ:

— Та-акъ!

Чтобы понять всю глубину этого маленькаго словечка,—глубину той бездны сомнѣнія и недовѣрія, въ которую повергаетъ вопрошателя вопрошаемый,—потрудитесь соединить въ одно все, что этотъ вопрошатель слышалъ отъ неизвѣстнаго человѣка со дня его пріѣзда.

«Пріѣхалъ *такъ*, отдыхать... Капиталовъ не имѣю... Не по писарской.. Не по судейской... Не служу... Не въ канцеляріи... Ни насчетъ прочихъ «дѣловъ».. Итого: первое слово—«отдыхать» и затѣмъ безчисленное множество—«нѣтъ». Этого вполнѣ достаточно, чтобы деревенскій житель окончательно усомнился во всемъ, въ каждомъ словѣ, которое было говорено ему вопрошаемымъ. «Дурака-то, братецъ ты мой, изъ меня не выстроишь», думаетъ онъ про себя, а вслухъ говоритъ: «Та-акъ!» —и чтобы не дать замѣтить вопрошаемому своего полнѣйшаго къ нему недовѣрія (очень искусно умѣютъ они это дѣлать), ласково прибавляетъ: «Ну, пока-что, до пріятнаго свиданія!...»

Въ концѣ-концовъ, волей-неволей, а приходится-таки давать подробное объясненіе. Идетъ долгій и продолжительный разговоръ, начинающійся чуть не съ Гуттенберга. Приходится давать самые обстоятельные отвѣты на тысячи неожиданныхъ вопросовъ (о томъ, что̀ такое книга, какъ она печатается, какъ дѣлаются буквы, сколько въ книгѣ сотенъ тысячъ буквъ и т. д., и т. д.), и если въ концѣ этихъ откровеннѣйшихъ объясненій слушатель пойметъ, что есть какое-то дѣло, котораго онъ не знаетъ и о которомъ не слыхалъ, то еще слава Богу. Большею частью и этого результата нельзя добиться. «Что-то не такъ!»— сидитъ въ головѣ обывателя, и если онъ перестаетъ допытываться и «доходитъ до корня», то единственно потому, что уже рѣшилъ: «Намъ какое дѣло? На то есть начальство!.. Наше дѣло – не касайся, а получай, коли есть за что... Какое у него дѣло – неизвѣстно, разыскать что̀ доподлинно—ужъ разыскивали, бормочетъ Богъ вѣсть что — лучше оставить... А деньги точно-что получаетъ. Теперь необходимо «опробовать», много ли денегъ-то получаетъ. Что у него за работа —пёсъ съ нимъ, а денегъ-то много-ли?» И опробываютъ такъ: опять несутъ барсучью шкуру и запрашиваютъ три рубля. «Почему такъ?» —«Да больно ужъ глубоко въ норы позабирались, каторжные! Доставать-то ихъ оттедова оченно много хлопотъ».—«Какъ-же я купилъ за рубль?»— «Да теперь цѣны не тѣ».—«И рубль-то дорого. Всѣ покупаютъ по полтиннику. Вотъ вчера по полтиннику мужикъ продавалъ».—«Какой такой?»— «Ужъ я не знаю».—«Нни-знаю... Такъ не возьмете?»—«Пятьдесятъ копѣекъ».—«Маловато! Прибавьте».—«Мнѣ онъ вовсе не нуженъ, я просто такъ покупаю»...—«Прибавьте... Ну, за шесть гривенъ».—«Зачѣмъ же ты запросилъ три рубля?..»— Слѣдуетъ великолѣпная, во все лицо, улыбка— точно солнце въ полномъ блескѣ, сіяетъ и блеститъ лицо вопрошателя.—«Да намъ что больше. то пріятнѣе!»—«Ты что-же думаешь, что у меня не деньги, а щепки?»—«Да вѣдь намъ почемъ-же знать?... Грешной не даете, такъ и шесть гривенъ возьмемъ... для вашего здоровья».

«Нѣтъ—рѣшаетъ послѣ этого слѣдователь-обыватель—не вполнѣ при деньгахъ... Деньжонки есть, а не такъ, чтобы при полномъ капиталѣ». И дѣло все-таки оканчивается прежнимъ рѣшеніемъ: «Намъ что? Мы нешто что̀? Въ случаѣ чего.. на то есть начальство. А намъ какое дѣло?

Но, порѣшивъ такимъ образомъ и повидимому успокоившись, обыватели не перестаютъ хранить полное недовѣріе къ личности неизвѣстнаго человѣка, занимающагося неизвѣстнымъ дѣломъ. Дѣло имъ неизвѣстно, но достаточно ужъ того, что оно— не крестьянское, не кулацкое, не торговое, а барское, господское. Отъ самаго послѣдняго мужичонки,

отъ безпріютнаго нищаго, побирающагося подъ окнами, черезъ всю длинную лѣстницу крестьянскихъ типовъ разнообразныхъ степеней благосостоянія—черезъ всю лѣстницу типовъ, олицетворяющихъ собою благосостояніе кулацкое, вплоть до тузовъ-кулаковъ, до тысячниковъ—нигдѣ, никогда ни отъ одного человѣка нельзя услышать словъ «пріѣхалъ *отдыхать*», то есть ничего не дѣлать, какъ только отъ барина. Онъ одинъ никогда ничего не дѣлаетъ—такая ужъ порода и такое о ней мнѣніе: къ тому, чтобъ ничего не дѣлать, всѣ они и стремятся; а чтобъ «отдыхать» да ничего не дѣлать—нуженъ капиталъ, деньги. Вотъ эти-то деньги баринъ и хочетъ добыть какими бы то ни было каверзными способами. Это онъ все мутитъ и орудуетъ... И поэтому, что-бы онъ тамъ ни толковалъ, какіе бы узоры ни выводилъ языкомъ насчетъ «своихъ дѣловъ, насчетъ того, что молъ «книжки печатаю»—все это пустыя слова, выверты, прикрывающіе уязвленное самолюбіе барина, который только и думаетъ, какъ-бы «повернуть на старое»... «Отдыхать пріѣхалъ!.. Отдыхай, любезный, покуда деньжонки маменькины не перевелись... А только что въ случаѣ чего, такъ вѣдь у насъ и начальство есть. Слава тебѣ Господи, не безсудная земля!»

II.

Такъ рѣшаютъ дѣло обыватели-крестьяне, люди хотя и не вполнѣ полированные (а полированныхъ людей въ нашихъ мѣстахъ, благодаря близости Петербурга, очень и очень много), но и не лишенные ужъ нѣкоторой доли политуры, какъ и вообще всѣ здѣшніе крестьяне—въ огромномъ большинствѣ типъ не вполнѣ симпатичный. Но здѣсь-же, въ этихъ-же мѣстахъ, есть ужъ типъ вполнѣ ополитуренный, т. е. ужъ шерамыжникъ въ полномъ цвѣту. Скрытая, но непреклонная его ненависть къ барину прикрыта многоразличнѣйшими пріемами, обнаруживающими, что человѣкъ понимаетъ до нѣкоторой степени общее положеніе дѣлъ. Онъ почти всегда лѣзетъ въ знакомство съ господами и хотя, благодаря этому знакомству, нагрѣваетъ мужиковъ, но и барину *всегда* отъ него приходится плохо. Играетъ онъ всегда на старыхъ «барскихъ» струнахъ: предупредительность, любезность, услужливость, холопство и т. д. Система его—«потрафлять» и тѣмъ истощать барина и его карманъ. Онъ изучилъ господскій «нравъ», какъ охотникъ изучаетъ нравъ тетерева или барсука, и изучилъ для того, чтобы продать этотого барсука или тетерева на базарѣ. Такіе политурные люди хотя и смотрятъ на барина въ сущности точно такъ-же, какъ и остальные полуполитурные и совсѣмъ неполитурные крестьяне, но ужъ понимаютъ, что нельзя такъ, зря, приходить къ нему только за деньгами и брать ихъ, глядя въ сторону. Понимаютъ, что бариномъ еще можно пользоваться и другимъ родомъ. Они читаютъ въ трактирахъ «листки», знаютъ, что такое «газета», понимаютъ, что можно писать и не служить, не занимать писарской должности... Они знаютъ, что на свѣтѣ существуетъ печатная, газетная кляуза. И вотъ къ новоприбывшему въ деревню, невѣдомо чѣмъ занимающемуся человѣку начинаетъ являться политурный кляузникъ—не за деньгами прямо, а съ кляузой, съ покорнѣйшей просьбой «пропечатать». Кляузничество занимаетъ такую огромную область въ нравахъ современной ополитуренной деревни, и область эта до такой степени непривлекательна и смрадна, что говорить объ этомъ подробно невозможно—отвратительно. Скажу только, что современная кляуза группируется въ два типа, въ кляузу судейскую—открыто *личную*—и кляузу, хотя тоже личную, но прикрытую общественнымъ интересомъ. Кляузникъ перваго типа—большею частью состоятельный мужикъ, самолюбецъ и злецъ; лѣтъ пятнадцать сряду онъ хочетъ донять какого-то дядю или какую-то тетку, донять на пустякахъ, за то, что не уважили его въ чемъ-то на мѣдный грошъ; у него цѣлый мѣшокъ бумагъ изъ уѣздныхъ и земскихъ старыхъ судовъ: копій, рѣшеній, потановленій, кучи документовъ изъ окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ, правительствующаго сената, отъ нотаріусовъ и т. д. Онъ просудилъ уже около тысячи рублей; будучи кругомъ неправъ и зная что неправъ, онъ все-таки не можетъ, не хочетъ остановиться, роется своею злостью, какъ кротъ, глубже и глубже, зарывается въ бумаги и т. д. Это—самодуръ, и всегда онъ ищетъ такого человѣка, который бы взялся изобрѣсти новую кляузу, прицѣпиться къ чему-нибудь, заварить вновь кашу, чтобы тетка еще на двадцать лѣтъ не знала покою. Онъ только и хочетъ, чтобы нашелся «человѣчекъ», который-бы *непремѣнно кляузу* выдумалъ, хотя большей частью разговоръ идетъ всегда о правдѣ и о томъ, что не сыскать нынче правды нигдѣ. Но глаза его говорятъ: «прицѣпись, замути!»..

Преобладающій кляузникъ несомнѣнно принадлежитъ ко второй категоріи кляузниковъ, кляузниковъ изъ-за личныхъ разсчетовъ и обидъ, но непремѣнно во имя общественныхъ интересовъ и общаго блага. Какъ извѣстно, этотъ типъ «опустошителя своего отечества» до полнаго совершенства доведенъ и выработанъ не въ одной только народной средѣ. Башкирскія земли не расхищаются подобно тому, какъ расхищалось имущество во время еврейскихъ безпорядковъ, а раздаются, на льготныхъ условіяхъ и непремѣнно во имя государственной, даже прямо народной пользы. Искусство представлять расхищеніе такъ, что оно представляется дѣломъ государственной важности, —это искусство выработано не въ крестьянской средѣ; но крестьянская среда, переродившаяся въ кулацкую, поняла, что и ей нельзя пренебрегать этой *модой*. Въ виду этой всеобщей моды, кляузникъ, прикрывающій свою акулью пасть общественнымъ интересомъ и благомъ, распространенъ въ деревнѣ въ огромномъ количествѣ.

И вотъ начинаются визиты этого новаго рода кляузника. Съ первыхъ-же словъ онъ объявляетъ, что для него главное дѣло вовсе «не что-либо изъ корысти или что...», но единственно только правда:

«дорога мнѣ правда», говоритъ онъ и излагаетъ дѣло и просьбу. Просьба состоитъ почти всегда въ томъ, что бы, вы, человѣкъ мало въ деревнѣ извѣстный, мало понимаемый, а главное, уже подозрѣваемый въ чемъ-то и слѣдовательно—уже до нѣкоторой степени находящійся во всеобщемъ сомнѣніи, составили ему ни много, ни мало, какъ «доносъ». Онъ и самъ, какъ оказывается, изъ дальнѣйшихъ разговоровъ, уже не разъ «подавалъ», куда слѣдуетъ, но все не выходило, потому что не умѣетъ составить. «Учили-то насъ на мѣдныя деньги. Такъ на словахъ-то я все могу, и сказать, и все... — съ хорошими господами разговаривалъ; князья даже пріѣзжали — и то могъ разговаривать, а вотъ на бумагу положить — не складно выходитъ, да и глаза болятъ, слеза бьетъ». Такъ вотъ этотъ общественный дѣятель и желаетъ, чтобы неизвѣстный человѣкъ, который «все пишетъ», настрочилъ ему поядовитѣе доносецъ на священника, на учителя, на станового, писаря, волостного старшину. Сколько мнѣ ни приходилось слышать просьбъ о написаніи такихъ доносовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ глубинѣ побужденій, руководившихъ доносителей, всегда крылось какое нибудь своекорыстнѣйшее побужденіе: копѣйка, грошъ, денежная выгода, которую врагъ перехватилъ, съѣлъ раньше доносителя, вырвалъ у него «изъ горла». Но не могу утаить также и того, что видалъ я просителей въ этомъ родѣ, которые и въ самомъ дѣлѣ побуждаемы были просто несправедливостью, неправдою, возмущаясь ею безъ своекорыстныхъ разсчетовъ. Такихъ впрочемъ очень-очень мало, именно капля въ океанѣ своекорыстной кляузы. Но вотъ какое ужасное положеніе:—и эти-то люди, не своекорыстники, а въ самомъ дѣлѣ негодующіе на неправду, приходили все съ тою же просьбой: написать въ той или другой формѣ доносъ. Доносъ!.. Вотъ единственный прототоренный путь для выраженія всѣхъ государственныхъ и общественныхъ стремленій, вотъ модный, общедоступный, популярный способъ, единственный даже для предъявленія хорошихъ побужденій.

Входить въ какія бы то ни было отношенія съ этими типами деревенскихъ кляузниковъ для человѣка, желающаго отдохнуть въ деревнѣ, нѣтъ ни малѣйшей возможности и резона. «Свои собаки грызутся, чужая не приставай—пословица, весьма подходящая для объясенія того положенія, которое долженъ принять въ деревнѣ человѣкъ, для нея совершенно посторонній. На всѣ жалобы о неправдѣ, какими-бы хитросплетенными разглагольствованіями ни прикрывалъ ихъ деревенскій кляузникъ, необходимо отвѣчать самымъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ отказомъ. Сразу поймутъ, что не туда попали, и отстанутъ. Но есть еще третій родъ посѣтителей и просителей, въ дѣлахъ, словахъ и просьбахъ которыхъ нѣтъ и тѣни кляузы, а чуется въ самомъ дѣлѣ насущная горькая нужда: это—крестьянинъ, міронинъ, хлопочущій о земелькѣ... Повторяю, въ просьбахъ этого просителя нѣтъ кляузъ ехидства или кляузнаго либерализма, но, увы, входить съ нимъ въ разговоры для человѣка, который изъ океана столичной муки не хочетъ попасть въ еще болѣе бездоннѣйшій океанъ мученій деревенскихъ, также нѣтъ никакой возможности. Можно конечно съ ними толковать и разговаривать, и даже не грѣхъ жалѣть, глубоко сочувствовать, но (такова на Руси участь заправскаго, настоящаго, не кляузнаго дѣла!), разговаривая, не нужно забывать, что отвѣтъ вашъ, послѣ всѣхъ разспросовъ, долженъ быть одинъ: «ничего не могу сдѣлать!». Этотъ отвѣтъ, по глубокому несчастію, преслѣдуетъ человѣка русскаго всякій разъ, когда онъ очутится лицомъ къ лицу съ какимъ-нибудь серьезнымъ насущнымъ, всегда простымъ дѣломъ. Едва заслышитъ русскій человѣкъ, что разговоръ идетъ о чемъ-то справедливомъ, какъ ужъ ему чудится: «нельзя», «лучше и не слушать». Вотъ именно объ этой-то напрасной мукѣ я и говорю, утверждая, что лучше не разстраивать себя, разспрашивая о подробностяхъ простого крестьянскаго дѣла. Разспрашивая, вы всегда увидите, какъ это простое дѣло огромно и какъ «ничего невозможно» для него сдѣлать... Когда нибудь, Богъ вѣсть когда, что-нибудь сдѣлается, а когда — неизвѣстно.

До какой степени многосложны, а главное безплодно-мучительны эти простыя крестьянскія дѣла, я постараюсь сказать подробнѣе нѣсколько ниже. Какая-нибудь «простая» просьба, вродѣ того, что «некуда выгнать скотину», мгновенно ставитъ васъ на почву жгучаго несчастья нашихъ дней, въ которыя точно такое-же «простое желаніе—сказать громко «простое» слово—мучитъ самыми подлинными муками массы людей многіе годы Все это я уже испыталъ, зналъ доподлинно, а потому, когда неподалеку отъ меня поселился мой пріятель, я, зная его за человѣка, которому необходимо было хоть нѣсколько мѣсяцевъ пожить поспокойнѣе,—настоятельнѣйшимъ образомъ посовѣтовалъ ему, во-первыхъ «не мѣшаться», а во-вторыхъ «ни о чемъ», т. е. буквально ни о чемъ, не разспрашивать и не допытываться.. Я ему говорилъ:

— Если хочешь отдыхать, пожалуйста не разспрашивай ни о чемъ и никого: не спрашивай также, почему молоко продается такъ дешево, почему телятина упала въ цѣнѣ... Ѣшь, ѣшь и молчи; иначе ты умрешь съ голоду! Ѣшь, спи и ничего не касайся... Кляузники сами разберутся. А не кляузникамъ ты ничего не можешь сдѣлать. Ѣшь, молчи и не разспрашивай! Вотъ что требуется въ настоящее время.

Кромѣ того, зная по опыту, что въ настоящее время всякій обыватель и тѣмъ паче всякая самомалѣйшая власть, до деревенскаго пастуха включительно, обуяна жаждой установить порядки; зная, что всѣ эти установители, искоренители и т. д. каждый имѣетъ «собственный» свой взглядъ на порядки и непорядки, на свои и чужія права и обязанности, что наконецъ недавно еще одно волостное правленіе присвоило себѣ право приговаривать вредныхъ людей къ ссылкѣ,—я посовѣтовалъ моему пріятелю поселиться не у какого-нибудь крестьянина, несвѣдущаго по политикѣ му-

жика, а прямо у сельскаго старосты, чтобы жизнь его—вся какъ есть, во всѣхъ подробностяхъ и съ утра до ночи—была передъ начальствомъ «какъ на ладони». Пусть онъ изслѣдуетъ все, что найдетъ нужнымъ. Пусть роется въ ящикахъ, въ чемоданѣ, въ бѣльѣ—молчи, терпи, ѣшь и не разспрашивай. Пріятель послѣдовалъ моему совѣту, такъ какъ хотѣлъ отдохнуть. Онъ ѣлъ и не разспрашивалъ, пилъ молоко и не разспрашивалъ, молча писалъ, молча спалъ, молча гулялъ. Пробовали его помощью барсучьей шкуры — не сопротивлялся; пробовали его по части кляузъ — смиренно сознался въ незнаніи. Крестьянамъ съ первыхъ словъ объявилъ: «не могу!». Когда староста, подозрительно покачавъ головой, сказалъ: «что-то больно ужъ буквовъ много въ книжку-то влѣзаетъ, по вашему разговору», и явно заподозрилъ пріятеля моего въ неблагонадежности — претерпѣлъ, перенесъ, не разсердился. Словомъ, какъ ни трудно было моему пріятелю выполнить мои совѣты, онъ выполнилъ и достигъ того, что «вообще» относительно его личности было рѣшено: во-первыхъ, «какой-то баринъ»; во-вторыхъ, «худого не видимъ»; а въ третьихъ, «въ случаѣ ежели, на то у насъ есть начальство».

III.

Само собою разумѣется, что три вышепоименованные характерные признака, которыми деревенскій житель опредѣлилъ неизвѣстную личность, поселившуюся въ деревнѣ, должны были, дойдя до «начальства», получить какое-нибудь общее опредѣленіе. Если для мужиковъ довольно знать, что поселился «какой-то баринъ», что занятія его неизвѣстны и что начальство должно само принять на себя отвѣтъ «въ случаѣ чего», то для начальства, какъ-бы оно ни было деликатно, является неизбѣжнымъ прибавить къ тремъ вышеупомянутымъ пунктамъ пунктъ четвертый, заключительный, что оно, въ лицѣ урядника, и дѣлаетъ, говоря старостѣ:

— А ты того, между прочимъ, поглядывай тамъ... Въ случаѣ ежели что, или что-нибудь тамъ, такъ ужъ ты тово... соваться не суйся, а посматривай...

Само собой разумѣется, что староста, также по своему понимающій «нонишнія времена», сталъ поглядывать, а когда ему на цѣлую недѣлю пришлось отлучиться въ Петербургъ съ сѣномъ, то онъ, помня приказаніе «поглядывать», пошелъ къ лавочнику, своему сосѣду, и сказалъ ему:

— Подико-сь сюда, Михей Кузьмичъ, на парочку словъ...

— Чево надыть?

— Таперича требуется мнѣ въ городъ по дѣламъ отлучиться, такъ ужъ ты тово... Насчетъ барина урядникъ сказывалъ мнѣ... не то что-либо какъ, а такъ, въ случаѣ ежели... Времена нонѣ—самъ знаешь какія... Ну, такъ вотъ урядникъ и сказывалъ, чтобъ поглядывать.

— Чего поглядывать.

— Да что ты? Оглохъ что-ли? Я говорю — насчетъ барина... Урядникъ сказывалъ, въ случаѣ. говоритъ, не какъ-нибудь соваться или что-либо прочее, а больше ничего, что касаемое по нонѣшнему времени... поглядывать.

— За бариномъ?

— Ну да... Объ чемъ-же я говорю!

— Ну, ладно.

— Ужъ ты, тово, поаккуратнѣй.

— Ну, ладно.

Само собою разумѣется, что первый-же визитъ прислуги въ лавку, вѣрный своему слову и собственному внутреннему убѣжденію, лавочникъ ознаменовалъ такимъ вопросомъ:

— А что баринъ вашъ подѣлываетъ?

— Мы ихнихъ дѣловъ не знаемъ.

— Ну все, чай, видно.

— Работаетъ свою работу... Книжку читаетъ.

— Что больно дюже книжки любитъ?

— Не наше это дѣло.

— То-то. Нонѣ всякаго народу много. Вонъ въ Петербургѣ тоже—все тоже книжки читали, ученые тоже... Читаетъ-читаетъ, да и тово...

— Намъ это неизвѣстно.

— Такъ-то такъ, а все надо съ опаской... Нонѣ времена—упаси Богъ! Книжки... Конечно, книга книгѣ розь... Глядя по человѣку, а все нѣтъ-нѣтъ да и надо подумать, что́ молъ за человѣкъ? Нѣтъ-ли какихъ дѣловъ? Я говорю, всякаго народу довольно. Иной и купцомъ обернется, а впослѣдствіи того времени оказываетъ одно злодѣйство. А иной и на барина сходствуетъ, а тоже, по дѣламъ-то, мало ему горло перервать. Такъ-то .. Вамъ папиросъ требуется?

— Папиросъ.

— Какихъ прикажете?

— Вотъ тутъ на бумажкѣ написано.

— Папиросъ!.. Папиросъ-то папиросъ, а все-таки не мѣшаетъ и поглядывать...

— Намъ все одно. На то есть начальство.

— Ну, а все-таки. . Начальство!.. Начальству тоже не углядѣть за всѣмъ... Урядникъ-то вонъ и то ужъ старосту просилъ...

— Насчетъ нашего барина?

— Да ужъ видно такъ.

— Опять-же мы ничего не знаемъ.

— Да и мы ничего не знаемъ, а между прочимъ... И я говорю: не то, чтобы соваться или какъ неаккуратно, или грубо—намъ вѣдь нельзя знать, кто онъ и какъ его дѣло,— а такъ, втеченіе времени, полегоньку... Въ случаѣ что, или ежели такъ-сказать въ какомъ-нибудь смыслѣ... Времена-то вѣдь какія! Тоже не за горамъ отъ Питера-то живемъ... Ну, такъ вотъ я и говорю: поосторожнѣй, повѣжливѣй, а все надо... Ужъ *тамъ* знаютъ, что говорятъ... Урядникъ-то вонъ говоритъ: «поглядывайте, говоритъ, между тѣмъ... Не то, чтобы какъ, а «на случай»... Вотъ и я про то же. Такъ папиросъ?

— Да-съ.

— Извольте-съ .. Съ полнымъ удовольствіемъ... До пріятнаго свиданія...

Прислуга, тоже не въ серьезъ, а такъ «между

прочимъ» разсказала въ домѣ и у сосѣдей, а самъ лавочникъ, уѣзжая за патентомъ въ губернскій городъ, не дождавшись возвращенія старосты, передалъ порученіе послѣдняго «курляндцу», потому что тотъ жилъ напротивъ дома моего пріятеля.

— Карла!—крикнулъ онъ курляндцу, останавливая лошадь противъ его воротъ (Карла работалъ въ глубинѣ двора). —Подь-ка сюда на пару словъ.

Выходитъ Карла.

— Вотъ чего... Тутъ староста наказывалъ насчетъ барина... Ты слушай обоими ушами, что говорятъ-то!

— Я слюшай... Чево? Говори!

— Такъ ты слушай, а ротъ-то не разѣвай...

— Ну-у, ну-у!

— Наказывалъ поглядывать насчетъ сусѣда... Понимаешь али нѣтъ?

— Каково сусѣда?

— Эво! Больше ничего—поглядывай! Соваться не суйся, а такъ, «на случай». Понимаешь?

Курляндецъ не понималъ.

— Ахъ; колбаса нѣмецкая! Говорятъ... Понимаешь, въ чемъ дѣло? Знаешь, какія времена настали... Н-ну?

— А-а-а-а-а!.. Знай, знай!

— Не разѣвай пасть-то! Ну, чего заоралъ? Охъ, нѣмчура анаѳемская! Долбишь, долбишь ему въ голову—какъ въ камень!.. Ну, такъ слушай, мнѣ съ тобой растабарывать не время... Больше ничего. Не суйся, не ори, а такъ... на случай... коли-что... ежели... Понялъ? Да гдѣ тебѣ понять!..

— Понимай.

— Понимай!.. Дубина нѣмецкая!.. Помни одно: не суйся, а поглядывай.

— Ладно, ладно, гутъ!

— Дубина!.. Ты помни!

Повторяю, никакого умышленнаго злостнаго намѣренія сдѣлать человѣка подозрительнымъ и стѣснить его существованіе, я увѣренъ, даже и не было въ поминѣ, когда начальство произнесло слово «поглядывай». Слово это, я очень хорошо понимаю, было только заключеніе, округленіе силлогизма! Посылка первая: «какой-то баринъ»; посылка вторая: «что̀ дѣлаетъ—неизвѣстно»; заключеніе: «поглядывай». Заключеніе это является, какъ видите, *само собою* (хоть оно и возможно *только* по нынѣшнимъ временамъ), но тѣмъ не менѣе не могу не сказать, что это округленіе въ дѣйствительности выразилось тѣмъ, что не было въ деревнѣ человѣка, который бы не толковалъ о моемъ пріятелѣ и который бы не считалъ себя обязаннымъ «поглядывать». Говорили о немъ, соединяя его имя съ словомъ «урядникъ», и лавочникъ, и курляндецъ, и староста, и кухарки, и сосѣдъ, и сосѣди, и сосѣдки... «Въ случаѣ», «на случай», «ежели что», «что касаемое», «въ случаѣ ежели что». Эти ничего не значущія слова, которыхъ такъ много изобрѣло русское косноязычіе, обязательно перемѣшивались съ словами: «поглядывай», «ноне какое время», и такъ далѣе. И замѣчательно (скажу кстати), что этотъ родъ наблюденій называется «негласнымъ». Всѣ толкуютъ о человѣкѣ, *котораго никто не знаетъ*, — толкуютъ весьма худо, даже весьма подло, всѣ даютъ себѣ полное право подозрѣвать человѣка Богъ знаетъ въ чемъ, и все это называется *«негласнымъ»*.

Пріятель мой все претерпѣлъ, всему покорился. Молчалъ, не разспрашивалъ никого и ни о чемъ, точно и подробно отвѣчалъ на каждый самый нелѣпый вопросъ; покорно опускалъ глаза всякій разъ, когда какой нибудь наблюдатель—староста, курляндецъ, лавочникъ, прислуга, сосѣдъ — вперялъ въ него упорно безмысленный и упорно-недовѣрчивый взглядъ (а это, благодаря «негласности» наблюденія, было ежеминутно). Правда, не разъ говорилъ онъ, что испытывалъ ощущенія птицы, на которую цѣлые дни наведено дуло ружья и которая должна ежеминутно думать о томъ, выстрѣлитъ ли ружье или нѣтъ, заряжено оно или нѣтъ, почему не стрѣляетъ? И почему наведено и прицѣлено именно въ меня, а не въ другое мѣсто? Вѣдь если прицѣлено въ меня, такъ и выстрѣлить можетъ? Но тогда почему не стрѣляетъ? А ружье все прицѣлено въ ту же точку, въ ту же птицу, и хотя не стрѣляетъ, но «вотъ-вотъ» можетъ выстрѣлить. «Хоть бы ужъ стрѣляли, что-ли!»—не разъ говаривалъ мой пріятель, но я успокоилъ его, доказавъ ему, что «по нонѣшнему времени это завсегда такъ».

«Тебѣ—говорилъ я – непріятно, что какой-то глупый лавочникъ или курляндецъ таращитъ на тебя глаза, а подумалъ ли ты о томъ, каково-то лавочнику или курляндцу пріятно твое сосѣдство?.. Они тоже по ночамъ ворочаются на постели и ждутъ непріятностей отъ тебя, какъ и ты ждешь отъ нихъ. Такія отношенія установились во всемъ обществѣ. Человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, просыпаясь утромъ, думаетъ: «вотъ и опять какая-нибудь гадость случится...»

Успокоенный мною, пріятель кое-какъ притерпѣлся къ «нонѣшнимъ временамъ» и той формѣ общежитія, въ которой они выражаются, и никого «не касаясь», ни во что не вмѣшиваясь, прожилъ такъ мѣсяцевъ пять. Здѣсь оканчивается присказка, а вотъ и маленькая сказка.

Нѣсколько дней тому назадъ на станціи появился какой-то рваный и пьяный человѣкъ и сталъ выдавать себя за агента, посланнаго разыскивать какихъ-то двухъ преступниковъ.

Необходимо сказать, что слово «агентъ» въ настоящее время такъ-же всемогуще, какъ во времена Гоголя было всемогуще слово *«ревизоръ»*. Намъ пришлось видѣть между прочимъ такую сцену въ одномъ изъ московскихъ загородныхъ садовъ. Двѣ компаніи гостинnодворскихъ приказчиковъ, повидимому незнакомыхъ, съ подругами изъ швеекъ, затѣяли въ хмельномъ видѣ ссору, кажется, тоже изъ-за подругъ. Ссора разгоралась съ каждою минутой все больше и больше. Одна изъ компаній, сильнѣйшая (въ ней было однихъ мужчинъ человѣкъ пять), чувствуя свое кулачное превосходство, стала довольно безцеремонно напирать на другуй компанію, несравненно слабѣйшую, имѣвшую всего двухъ мужчинъ. Ссора быстрыми шагами прибли-

жалась къ тому фазису развитія, когда на сцену должны-бы выступить такъ-называемые въ общежитіи «сусалы», но одинъ изъ представителей слабѣйшей компаніи не допустилъ до такого конца. Счастливая мысль осѣнила его. За минуту предъ тѣмъ, видя, что дѣло не можетъ кончиться иначе, какъ при помощи сусалъ, онъ видимо струхнулъ и началъ подаваться. Но «мысль», которая «мелькнула» въ его головѣ, сразу преобразила его изъ человѣка, готоваго отступить, въ человѣка, рѣшившагося дѣйствовать наступательно и притомъ вполнѣ увѣреннаго въ успѣхѣ. Сразу переставъ отвѣчать ругательствами на ругательства, онъ выпрямился во весь ростъ и неожиданно для всѣхъ громко воскликнулъ: «Да ты знаешь-ли, дубина, съ кѣмъ ты разговариваешь?» — «Чего мнѣ знать! Я и такъ вижу, что съ дуракомъ...» — «С-с-съ кѣ-ѣмъ? Я шш-піонъ!» Эта фраза была произнесена съ такимъ потрясающимъ великолѣпіемъ, съ такой напыщенною гордостью, сопровождалась такимъ геройскимъ закидываніемъ головы назадъ и ударомъ рукой съ отмашью въ грудь, что не только бушевавшая компанія, но и вся публика въ саду сразу замолкла, остановилась, кто гдѣ былъ, какъ вкопанная. Мгновенно послѣ этой могущественной фразы бушевавшая компанія какъ-бы окаменѣла; но въ слѣдующее за этимъ мгновеніе и компанія, и посторонняя публика, наблюдавшая ссору, какъ зайцы или какъ брызги, разлетѣлись, разбѣжались мгновенно, въ одинъ мигъ, въ разныя стороны.— «А-га! прибавилъ побѣдитель, оставшись съ своей компаніей.— Во-какъ, во. Только сунься теперь, я тебя на пятьсотъ лѣтъ приспособствую!..»

Торжественно, подъ ручку съ дамами, вышла компанія изъ сада; народъ шпалерами стоялъ по дорожкамъ и безмолвствовалъ. Выйдя наконецъ за ворота, компанія-побѣдительница разразилась неистовымъ хохотомъ... «Хо-хо-хо-хо!» доносилось со стороны Петровскаго парка. «Вотъ такъ ловко!».. «Отмочилъ!».. «Любо-два!» и т. д. И точно— ловко. Слово, сказанное приказчикомъ,— слово ходкое, и хоть оно не пользуется особенной симпатіей или любовью, какъ въ старину не пользовалось и слово «ревизоръ», но я сожалѣю, что послѣднее вышло изъ моды... Лучше, кажется мнѣ, еслибы было въ модѣ это старинное слово: помните, какъ оно пугало темное царство?

Будемъ однако разсказывать начатую быль. Человѣкъ, появившійся на станціи, зналъ, что слово «агентъ»—въ модѣ, что оно даетъ дорогу, заставляетъ разступаться направо и налѣво. Впослѣдствіи выяснилось, что этотъ несчастный человѣкъ, промотавъ въ Петербургѣ послѣднія деньжонки, пріѣхалъ на станцію Богъ знаетъ зачѣмъ, въ пьяномъ видѣ, и вотъ очень быть можетъ, что онъ объявилъ себя агентомъ только для того, чтобъ ему, не спрашивая впередъ денегъ, дали стаканъ водки. Какъ въ былое время всякая мразь пугалась слова «ревизоръ», такъ теперь всякая мразь спѣшитъ столпиться около новаго моднаго типа. Типъ, какъ мы видѣли, объявилъ, что онъ присланъ разыскивать какихъ-то двухъ подозрительныхъ людей. И вотъ начались трактирные разговоры на эту тему, — разговоры въ томъ самомъ родѣ, въ тѣхъ самыхъ неопредѣленныхъ фразахъ, въ какихъ о томъ-же предметѣ, какъ ужъ видѣлъ читатель, разговариваютъ урядники, лавочники, курляндцы... «Настоящаго какого-либо вреднаго человѣка на примѣтѣ нѣту, а такъ, вродѣ какъ... Не то чтобы что, или что касаемое... Живетъ тутъ баринъ... Богъ его знаетъ, что дѣлаетъ... Худова чтобы или прочаго чего не видимъ, а только что урядникъ сказывалъ—поглядывать»... Я вполнѣ увѣренъ, что несчастный валетъ, собственно для того только, чтобы не узнали, что онъ— проходимецъ, и не требовали денегъ за водку, придалъ этой болтовнѣ душу и тѣло вопросами о томъ, «каковъ изъ себя», возгласами—«э-ге-ге!..» и т. д. А чтобъ окончательно заставить буфетчика на время забыть о платѣ, потребовалъ листъ бумаги и написалъ на немъ протоколъ, въ которомъ было сказано, что въ такой-то деревнѣ проживаетъ такой-то человѣкъ (имя и фамилія моего пріятеля), который, какъ удостовѣряютъ мѣстные толки (всѣ эти «ежели», «нежели», «не то чтобы что» и т. д.), оказывается человѣкомъ неблагонадежнымъ... Впослѣдствіи оказалось, что этотъ протоколъ онъ хотѣлъ представить въ Петербургъ и надѣялся получить за это должность: все это пришло ему въ голову, разумѣется, спьяну. И вотъ, составивъ такой протоколъ, онъ для того, чтобы выскочить благополучно изъ трактира, немедленно побѣжалъ къ сельскому старостѣ,—тому самому, у котораго мой пріятель жилъ,—разбудилъ его (былъ третій часъ ночи) и, объявивъ себя агентомъ, потребовалъ печать, которую и получилъ *немедленно*. Такъ что, если-бъ ему потребовался фальшивый паспортъ или какое-нибудь удостовѣреніе, онъ все-бы могъ сдѣлать, еслибы дѣйствовалъ такъ-же, какъ разсказано. Ужъ послѣ того, какъ протоколъ былъ утвержденъ печатью, и послѣ того какъ мнимый агентъ былъ угощенъ водочкой и собирался уходить, объявивъ, что завтра утромъ въ девять часовъ у моего пріятеля будетъ обыскъ, староста очувствовался: вѣдь въ самомъ-же дѣлѣ пріятель мой не сдѣлалъ ничего худого...Его взяло раздумье, хорошо-ли дѣлаетъ онъ, прикладывая печать къ бумагѣ, въ которой жилецъ его подозрѣвается въ худыхъ дѣлахъ, а на самомъ-то дѣлѣ ничего худого онъ за нимъ не замѣчалъ... Замѣтилъ онъ также, что агентъ пьянъ, и попросилъ его сдѣлать приписку къ протоколу о томъ, что худого мы-молъ не замѣчали. Агентъ сдѣлалъ эту приписку и ушелъ, подтвердивъ, что въ 9 часовъ утра будетъ обыскъ. Онъ воротился въ гостинницу, занялъ нумеръ и легъ спать. Безъ всѣхъ этихъ фокусовъ и гадостей едва-ли-бы оказали ему кредитъ за водку, закуску и за нумеръ... Утромъ онъ проснулся, бумагу разорвалъ и вѣроятно придумывалъ что-нибудь новое; но въ это время, не дождавшись обыска, который мнимый агентъ назначилъ въ девять часовъ, староста (не говоря ни слова моему пріятелю) отправился къ уряднику, разсказалъ, ему въ чемъ дѣло, а урядникъ, выслушавъ разсказъ, пошелъ разыскивать неизвѣстную личность: разы-

скавъ, весьма вѣжливо, до послѣдней степени деликатно («Ну-ко, думаю, онъ выпалитъ!» — говорилъ онъ впослѣдствіи, въ объясненіе этой деликатности), выспросилъ его обо всемъ и попросилъ документъ, удостовѣряющій профессію. Документа не оказалось: агентъ былъ поддѣльный... Какъ только узнали, что онъ *не настоящій шпіонъ*, тотчасъ-же стали обращаться грубо, потребовали и за водку, и за закуску, составили протоколъ и наконецъ помѣстили въ холодную. Началось дѣло.

Прямо послѣ этой сцены староста, оказавшійся въ дуракахъ, пришелъ ко мнѣ и во всемъ повинился. Старосту этого я и прежде зналъ; и я-же рекомендовалъ ему и жильца. Признаюсь, разсказъ его до глубины души возмутилъ меня.

— Какъ-же не стыдно вамъ, Миронъ Ивановичъ, дѣлать такія гадости!—сказалъ я ему.

— Вить... онъ высоко поднялъ плечи, растопырилъ руки и говорилъ шопотомъ: — вить агентъ!..

— Какой-же агентъ? Вы видите, что просто прохвостъ какой-то... И вамъ не стыдно было не разспросить его, кто онъ такой, зачѣмъ, откуда взялся?

— Вить тайный онъ... Вить онъ говоритъ: «я, говоритъ, агентъ...» Я такъ весь и задрожалъ... Печать! Я и далъ... Вить вы тоже подумайте: намъ отвѣчать, въ случаѣ ежели что касаемое...

— Что такое? Что такое касаемое?.. Отчего вы документъ у него не спросили? Вѣдь эдакъ придетъ къ вамъ, кто хочетъ, назовется агентомъ, потребуетъ, что захочетъ, вы такъ ему и отвалите?

Миронъ Ивановичъ молчалъ, пожимая плечами, разставлялъ руки и бормоталъ:

— Нешто мы что?... Мы, что намъ скажутъ, обвязаны не ослушаться. Говоритъ, тайный я — ну...

— Ну, а если-бы—перебилъ я его—агентъ тотъ сказалъ вамъ такъ: я — агентъ, приказано взять у тебя каурую кобылу... Вы тоже бы не ослушались?

Слово «кобыла» мгновенно, какъ нашатырный спиртъ, освѣтило его... Ему стало совершенно ясно, до какой степени онъ глупъ и даже подлъ.

— Мало мнѣ пятисотъ палокъ за это! вдругъ совершенно бодро и вполнѣ сознательно воскликнулъ онъ.

— Вотъ видите, кобылу-то вамъ жалко стало?.. Спроси онъ у васъ кобылу, вы бы непремѣнно сказали: «покажи бумагу!»... Вѣдь сказали бы?

— Кобылу-то ежели?... Ну, ужъ это я бы безъ сумлѣнія поостерегся...

— Видите! А тутъ приходитъ клеветникъ, пишетъ на человѣка пакость, да какую! Вѣдь вы знаете, что̀ такое неблагонадежный?..

— Слыхали однимъ ухомъ.

— Вѣдь за «эти дѣла» людей ссылаютъ въ Сибирь, а вы ничего отъ моего пріятеля кромѣ пользы не видали, ничего не замѣчали за нимъ дурного, изъ жалости-то къ человѣку не подумали даже спросить у проходимца видъ! Сейчасъ печать приложили... Вѣдь это—человѣкъ, поймите вы пожалуйста! Вамъ жалко кобылу, а это— душа христіанская, и вы его сразу, безъ разговору, печатью вашею подводите... подо что? Подумайте-ка хорошенько! Ну, еслибы проходимецъ то не засидѣлся у васъ, а прямо бы отъ васъ да на машину, да протоколъ-то съ вашей подписью представилъ бы къ начальству—вѣдь моего пріятеля стали бы таскать... А онъ живетъ своимъ трудомъ, никого не трогаетъ, вамъ дѣлаетъ пользу... И не стыдно вамъ?

— Ужъ я сказываю, пятисотъ мало—что ужъ!.

Я помолчалъ, поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Безсовѣстно это, Миронъ Ивановичъ! Вѣдь вы знали, что̀ за «эти дѣла» бываетъ.

— Да вѣдь... слышимъ!

— Ну, а пріятеля моего замѣчали въ чемъ-нибудь?..

—Чего намъ замѣчать-то? Ничуть ничего не замѣчали.

— А печать приложили?

— Глупость-то наша... а-ахъ ты, Боже мой!

Возможность утратить кобылу, хотя бы и по требованію настоящаго «агента», привела старосту въ чувство, въ разсудокъ, и, пользуясь этимъ, я не жалѣлъ словъ, которыя бы могли разсѣять въ его головѣ ни на чемъ не основанную подозрительность къ моему пріятелю. И чѣмъ больше я распространялся, пояснялъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что Миронъ Ивановъ какъ будто успокоивается, теряетъ искренность раскаянія по отношенію къ моему пріятелю, а думаетъ о томъ только, что «эти дѣла» надо дѣлать съ опаской, а не зря. Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, отнимутъ этакимъ манеромъ и кобылу, и что-нибудь другое»...

— Да, говорилъ онъ по временамъ, почти не слушая, о чемъ я говорю,—да. далъ маху... Мнѣ бы бумагу надо спросить было.

И такъ мы проговорили очень долго. Я говорилъ о пріятелѣ, о томъ, какъ много ему надѣлали гадостей совершенно напрасно, а Миронъ Ивановъ сокрушался о себѣ, о томъ, что «зря дѣлалъ», а о пріятелѣ моемъ какъ будто и позабылъ.

Вотъ эта-то черта равнодушія къ моему пріятелю больше всего и трогала, и интересовала меня во всей этой исторіи—не потому, что это былъ мой пріятель, не потому, что въ самомъ дѣлѣ гадость сдѣлана была напрасно, но потому, что это равнодушіе исключительное. Такой исторіи не можетъ быть ни съ кѣмъ изъ деревенскихъ обывателей: ни лавочникъ, ни курляндецъ, ни кабатчикъ, ни какой другой человѣкъ не можетъ быть предметомъ такого *непоколебимаго* равнодушія, попавъ въ бѣду, какое суждено переносить всякому, кто такъ или иначе получилъ наименованіе *барина*. Случись что-нибудь подобное съ лавочникомъ, съ кабатчикомъ и вообще съ любымъ изъ деревенскихъ обывателей,—повѣрьте, что дѣло было бы не такъ просто и не такъ глупо: тутъ и спросили бы, и побоялись бы, и поостереглись, и потолковали бы. По отношенію же къ «барину» всѣ такія дѣла дѣлаются—рѣшусь сказать это— даже не безъ удовольствія... Пріятель мой слишкомъ повѣрилъ моимъ совѣтамъ «ни во что не

мѣшаться» и въ самомъ дѣлѣ сдѣлался для деревенскихъ жителей отдѣльной, посторонней, независимой, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не связанной фигурой, и его опредѣлили словомъ «баринъ», «живетъ баринъ»... Вотъ этотъ-то «баринъ» и былъ причиною того, что Миронъ Ивановъ сразу вручилъ печать, удостовѣряющую вредность моего пріятеля, тогда какъ онъ же навѣрное не сдѣлалъ бы этого по отношенію къ кабатчику.

IV.

Признаюсь, крѣпко обидѣлъ и разсердилъ меня этотъ тупоумный деревенскій старичишка, котораго необходимо было разжалобить возможностью утратить лошадь, чтобъ онъ почувствовалъ возможность задуматься надъ участью человѣка. Деревянная башка была у этого старичишки, а такихъ деревянныхъ головъ весьма-таки многонько въ деревнѣ. Но это не идетъ къ дѣлу. Повторяю: не мало негодованія излилъ я на эту деревянную башку, но въ то же время не могъ не сознавать, что если деревянная башка старосты и виновата въ томъ, что дѣло съ моимъ пріятелемъ *сразу* вскрыло нутро этой башки, т. е. сразу показало, что башка всегда готова приложить печать къ какой угодно бумагѣ, то скрытая готовность сдѣлать барину чтонибудь подобное, если только можно, — воспитана не въ однѣхъ только деревенскихъ башкахъ, подобныхъ башкѣ старосты, а таится рѣшительно во всемъ, что не причисляетъ себя къ разряду «баръ», господъ...

Въ этомъ затаенномъ антагонизмѣ конечно играютъ большую роль воспоминанія крѣпостного права. «Что было и что стало!» — говорятъ иные, припоминая барщину и видя, какъ потомки баръ слабѣютъ и прогораютъ. Подъемъ народнаго духа въ этомъ отношеніи несомнѣненъ, и мы со-временемъ, въ весьма недалекомъ будущемъ, коснемся этихъ новыхъ явленій народной жизни. Теперь же будемъ говорить о главномъ предметѣ настоящей замѣтки—о происхожденіи скрытой вражды къ барину. Помимо крѣпостныхъ преданій, о которыхъ мы ужъ упомянули, не мало сдѣлало въ пользу воспитанія въ массахъ этого скрытаго ненавистничества и поведеніе барина по отношенію къ массамъ за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Какъ-бы ни были жестоки и ужасны воспоминанія о крѣпостномъ правѣ, они всегда смягчаются фактической невозможностью возвратиться къ нему. «Это прошло», «этого больше не будетъ», надъ этимъ старымъ поставленъ крестъ, а надъ крестомъ для всѣхъ видна могила этого стараго,—могила, обростающая травой. Глядя на эту могилу, не возгорается, а затихаетъ злоба.

Не то совсѣмъ возбуждаетъ поведеніе барина за послѣдніе годы. У барина, какъ у всякаго человѣка на бѣломъ свѣтѣ, имѣются права и есть обязанности. (Крайне сожалѣемъ, что иногда приходится говорить такія ненужныя вещи.) Во времена крѣпостного права у барина, какъ и у мужика, были извѣстныя права и извѣстныя обязанности. Права у господъ были огромныя, а обязанности только кое-какія, но онѣ несомнѣнно были, ихъ непремѣнно надо было выполнять, хотя только для того, чтобы получить деньги. Но пользоваться правами и исполнять обязанности, возлагаемыя этими правами, можно было разно. Вотъ почему говорятъ: «хорошъ былъ баринъ», а этотъ—«хуже разбойника», и т. д. Отъ худого барина мужики разбѣгались, а когда поселялся «хорошій баринъ», мужики возвращались съ бѣговъ на старое пепелище. Хорошій баринъ не тиранилъ, не гнулъ въ бараній рогъ, не разорялъ. «Хорошій баринъ» могъ (по тогдашнимъ обстоятельствамъ) сдѣлать *что-то хорошее* въ тѣхъ труднѣйшихъ условіяхъ народной жизни—*и дѣлалъ*... Теперь баринъ, какъ видимая власть мужицкаго духа и тѣла, исчезъ. Отдѣльныя личности Петровъ Семеновичей и Семеновъ Ивановичей не имѣютъ значенія и вѣса, но всѣ они — въ кучѣ, въ массѣ, гдѣ-то тамъ, за предѣлами деревни, — сохраняютъ права весьма многочисленныя... Но обязанностей, которыя-бы несли они, уже нѣтъ. Мы, деревенскіе неграмотные люди, не видимъ ихъ. Правда, сохраненныя коллективно массой господъ, мы видимъ каждый день. Постоянно идутъ взысканія или, по крайней мѣрѣ, напоминанія: «надо платить». И прежде платили, и оброки были громадные, но было видно—куда, а теперь не видно.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и теперь «хорошій баринъ» существуетъ на Руси, но деревня не видитъ, не знаетъ, какъ онъ понимаетъ свои обязанности. А нехорошій баринъ ужъ совсѣмъ нехорошъ сталъ. Вотъ два типа рядомъ— нехорошій типъ кулака и типъ нехорошаго «барина»—сравните ихъ. Оба они хлопочутъ, какъбы добыть побольше денегъ, оба нанимаютъ рабочихъ по осени, т. е. въ трудное время, оба затаскали ихъ по судамъ и т. д. Но кулакъ такъ и остается міроѣдомъ; онъ жретъ и прячетъ деньги въ сундукъ, но во имя его не собираютъ какихъ-то особенныхъ денегъ, кромѣ тѣхъ, какія онъ самъ выжметъ и спрячетъ. А во имя «нехорошаго» барина, перенявшаго отъ кулака все дурное, еще какія-то особенныя деньги собираются; онъ, поступая по-кулацки, не прячется въ нору, а наступаетъ, норовитъ крикнуть: «какъ ты смѣешь?», предъявляетъ права на какую-то «амбицію», которой у кулака нѣтъ и которая у барина, поступающаго по-кулацки, тоже совершенно непонятна, а стало-быть и противна. Это ужъ что-то излишнее, ненужное; безъ этой излишней «амбиціи» можно обойтись, успокоившись на скромныхъ кулацкихъ лаврахъ...

— Гдѣ-же «хорошій» баринъ?

Хорошаго барина не видать. Такъ по крайней мѣрѣ кажется съ деревенской точки зрѣнія. Хорошаго барина нѣтъ, а деньги отдай!.. Если-же на дѣло смотрѣть съ точки зрѣнія хорошаго барина, то мы, понятно, должны-бы горой стоять за него. Помилуйте, развѣ хорошій баринъ не ходатайствовалъ, не входилъ съ прошеніями и докладными записками? Развѣ онъ не мучился, не страдалъ за

убѣжденія? и т. д. Съ этой точки зрѣнія можно-бы собрать груды матеріала, который какъ нельзя лучше можетъ оправдать хорошаго барина. Хорошій баринъ старался, убивался, хотѣлъ пожертвовать, жертвовалъ, хлопоталъ. Но, увы, съ деревенской точки зрѣнія, весь этотъ огромный запасъ оправдательныхъ документовъ, которые хорошій баринъ несомнѣнно можетъ представить намъ, не имѣетъ ровно никакого значенія, по той простой причинѣ, что всѣ эти оправдательные документы деревенскимъ жителямъ совершенно неизвѣстны, а главнымъ образомъ потому, что даже почва-то для пониманія «хорошаго» барина, благодаря бездѣятельности послѣдняго, совершенно не подготовлена.

Встарину свои хорошія качества и хорошія намѣренія «хорошій баринъ» могъ проявлять только въ тѣсномъ кругу своихъ владѣній, среди ему принадлежавшаго народа: теперь-же, когда народъ уже не его и когда онъ взялся вѣдать вообще народное хозяйство, хорошія побужденія и цѣли должны-бы были выступить предъ лицомъ сплошной массы народа и выразиться не въ частныхъ поступкахъ случайнаго добросердечія или душевнаго благородства во вниманіе къ «общему благу», а въ крупныхъ, всѣмъ видныхъ поступкахъ, въ которыхъ нѣтъ ничего другого, кромѣ чести, правды, справедливости. Крупныя, всѣмъ видныя, высоко надъ людскимъ муравейникомъ стоящія заботы и цѣли сдѣлались для «хорошаго барина», въ новыхъ условіяхъ жизни, даже почти обязательными. Обязательны онѣ для него во-первыхъ потому, что онъ — баринъ, т. е. человѣкъ не только обезпеченный, какъ обезпеченъ и кулакъ, и купецъ, но и образованный, образованіемъ, умственностью и властью отличающійся отъ простого богача, простого мѣшка съ деньгами; а во-вторыхъ—потому, что вѣдь онъ взялся за дѣло общаго блага, взялся и требуетъ денегъ, а когда неаккуратно платятъ, то жалуется становому приставу, а становой приставъ не хвалитъ. Но если человѣкъ, хорошо обезпеченный и образованный, берется дѣлать добро и спеціально на это добро беретъ чрезъ становаго пристава деньги, то мы, деревенскіе жители, въ правѣ требовать во-первыхъ явнаго дѣла и во-вторыхъ, чтобы дѣло это было непремѣнно добро — за зло нечего платить денегъ... Намъ нужны ясные, видные всѣмъ, благородные поступки, въ которыхъ была бы по крайней мѣрѣ капля безкорыстнаго вниманія къ намъ, деревенскимъ, несвѣдущимъ людямъ, вручившимъ свои права и заботы объ общемъ благѣ... хорошему барину.

Но, живя въ деревнѣ и ничего не зная, не вѣдая объ оправдательныхъ документахъ, которые «хорошій баринъ» несомнѣнно можетъ представить въ огромномъ количествѣ, мы къ ужасу нашему на каждомъ шагу, въ буквальномъ смыслѣ слова, убѣждаемся, что такъ-называемаго «хорошаго» барина совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ, что онъ исчезъ, изсякъ, махнулъ на все рукой. Очевидно, онъ не съумѣлъ отстоять для себя право поступать «по чести», и плоды этого неумѣнья мы, деревенскіе жители, ежеминутно ощущаемъ въ существованіи «ненужнаго», «излишняго» зла.. Мы очень терпѣливы и выносливы и кромѣ того далеко не либеральны и не развиты такъ, какъ развитъ и либераленъ хорошій баринъ. Мы сами—мастера создавать зло, да еще какое: неотразимое, звѣриное, зоологическое!.. Но «хорошій баринъ» не только ничего не противупоставляетъ этому зоологическому злу, но—вѣроятно вслѣдствіе забвенія собственнаго и чужого человѣческаго достоинства—допускаетъ, чтобы кромѣ нашего доморощеннаго зоологическаго зла существовало-бы еще зло ненужное, роскошь зла, изобиліе злодѣйства. Какіе-бы у «хорошаго» барина ни были спрятаны въ письменномъ столѣ оправдательные документы, но потакать, мирволить, усиливать зло, воспитывать цѣлыя поколѣнія въ увѣренности, что на свѣтѣ нѣтъ даже самой элементарной правды—это ужъ нехорошо, и это запишется въ «книгѣ живота» хорошаго барина. Можно не подать нищему—вольному воля; но не подать и въ то-же время ударить его—это ужъ безсовѣстно. Можно завести фабрику—положимъ, ситцевую, можно жать и прижимать рабочихъ, основываясь на томъ, что такъ, молъ, побуждаетъ дѣйствовать ученіе о капиталѣ; но предоставлять ситцевому фабриканту еще возможность сожигать ихъ живьемъ—это ужъ, ей-ей, напрасно, это ужъ, подлинно, роскошь злодѣйства! И «хорошій» баринъ могъ-бы хоть въ полголоса крикнуть, что, молъ, такъ нельзя... Можно строить желѣзныя дороги, можно наживать милліоны и т. д., но живьемъ зарывать десятки людей и дѣлать изъ людей, желѣза, глины, бревенъ, камней одну сплошную массу—это ужъ опять слишкомъ роскошная приправа къ дивидендамъ, и «хорошій» баринъ, еслибъ онъ только не позабылъ своего человѣческаго достоинства, могъ-бы, небоясь скомпрометтировать себя, воскликнуть: «наживаться—наживайся, но убивать людей не моги!» Можно не давать крестьянамъ больше земли, можно сказать: «не хочу—и не дамъ», или «самому надо», или «довольно и того, что у васъ есть»; но давать вмѣсто земли камни, буераки, болота, зная, что то—«не земля», или давать земли лоскутьями въ двадцати мѣстахъ, напрасно изнуряя работника,—это опять-таки роскошь нерадѣнія...

Эта роскошь ненужнаго зла, буквально на каждомъ шагу осаждающая васъ въ деревнѣ, дѣлаетъ жизнь въ ней невыносимой. Если вы хотите жить здѣсь, отдохнуть, то Бога ради не разспрашивайте ни о чемъ, потому что нѣтъ того простого случайнаго вопроса, который бы не привелъ къ драмѣ. Ѣшьте мясо и не спрашивайте, почему говядина, которая сегодня стоитъ 12 коп., вчера стоила 20 к., а завтра будетъ стоить 8 к. Надобно молчать, покупать, солить и ѣсть; если же вы попробуете узнать, отчего такая дешевизна, то кусокъ не пойдетъ въ горло. Говядина дешева потому, что нечѣмъ скотъ кормить: некормленный, голодный скотъ бабы и мужики ведутъ къ богатымъ мужикамъ и продаютъ за безцѣнокъ; крестьянскіе ребятишки остаются безъ молока — это зимой; а весной? Корму нѣтъ—дешевы коровы и лошади. Что же долженъ дѣлать мужикъ, чтобы добыть лошадь для весеннихъ ра-

ботъ? Отвѣтъ: кабала, и кабала своему-же брату. Но почему корму нѣтъ?—Продали еще тогда, когда онъ и не выросъ — та-же кабала. Рекрута поставили, умеръ кто-нибудь, недоимку взыскали. лошадь пала, тысячи случайностей.. Конечно масса случайностей былабы отстранена,если-бы «хорошій» баринъ подумалъ серьезно о народномъ кредитѣ, который въ самомъ дѣлѣ нуженъ, какъ нуженъ и самому «хорошему» барину. Можетъ быть, «хорошій» баринъ и думалъ о немъ, а его все-таки нѣтъ до сихъ поръ. И когда вы ѣдите дешевое мясо, это значитъ, что кто-нибудь—и притомъ кто-нибудь въ огромномъ количествѣ — разоряется. Итакъ, ѣшьте и не разспрашивайте,или не ѣшьте совсѣмъ... Не разспрашивайте также, что это за драка происходитъ рядомъ, въ сосѣдней хибаркѣ,отчего тамъ и ревъ, и визгъ, и плачъ. Затворите поплотнѣе дверь. Подерутся, перестанутъ— и все затихнетъ. Если же вы попытаетесь подробно разузнать, въ чемъ дѣло, то опять недобрымъ словомъ помянете «хорошаго» барина. Вся избитая, съ синяками по всему лицу, изуродованная женщина, истерически всхлипывая и кое-какъ держа на изодранныхъ рукахъ ревущаго ребенка, только-что вырвалась изъ этой бойни и бѣжитъ. «Куда ты, Аксинья?»— «Сама не знаю», трясясь всѣмъ тѣломъ, задыхаясь и захлебываясь, лепечетъ она и едва можетъ въ-попыхахъ сказать: — «Мужъ съ матерью... рупъ... Сундукъ расшибли топоромъ... Стирала, два рубли дали... Сапожнику отдала... Искали... Пьяный пришелъ... топоромъ... отдай!..» И бѣжитъ, бѣжитъ куда-то — къ сосѣдямъ, въ другую деревню, къ матери за двадцать верстъ — невѣдомо куда, но только дальше, дальше... въ поле! Не разспрашивайте и этого несчастнаго, ободраннаго восьмилѣтняго мальчика, который повадился ходить къ вамъ просто затѣмъ, чтобы смотрѣть, какъ живутъ господа, какъ ѣдятъ и какой у нихъ горитъ свѣтъ въ горницѣ.Не разспрашивайте—«невидалъ ли ты, тутъ на столѣ лежала бумажка красная»... Не разспрашивайте, куда онъ ее дѣлъ: онъ отнесъ тятькѣ-пьяницѣ, плотнику, и мамкѣ; радуйтесь,что они всѣ трое на эту исчезнувшую десятирублевую бумажку купили муки, крупы и *цѣлую ночь* пекли и ѣли пироги... Не раскапывайте этихъ исторій. Какъ въ первой, такъ и во второй непремѣнно замѣшанъ «хорошій» баринъ, и замѣшанъ не съ доброкачественной стороны... Семья, гдѣ губили женщину, отыскивая въ ея сундукѣ рубль, полученный за стирку, опустилась, разорилась случаемъ: «пала лошадь», «продали корову», «продали землю»... И въ семьѣ мальчика, утащившаго десять рублей, та-же исторія: та же лошадь и корова, и земля, сданная въ аренду сосѣду...

Глядя и всматриваясь въ эти ежедневныя сцены деревенской жизни, вы видите,что «хорошій»баринъ (если онъ только чуть-чуть понимаетъ это слово) долженъ бы былъ и могъ бы, не нанося даже ущерба своему барскому положенію, отстранить массу этого ненужнаго,возмутительнаго зла. Чѣмъ объясните вы рядъ слѣдующихъ непостижимыхъ безобразій, воочію совершающихся передъ нами изъ года въ годъ?

Приходитъ крестьянинъ и предлагаетъ купить у него пять маленькихъ живыхъ липокъ. Проситъ онъ за нихъ по двугривенному. Я купилъ. Крестьянинъ посадилъ ихъ и, собираясь уходить, предлагаетъ еще. Я попросилъ посадить еще пять, но дня черезъ два, проснувшись часовъ въ семь утра, я увидѣлъ, что крестьянинъ посадилъ не пять, а цѣлыхъ пятьдесятъ липокъ. Чтобъ успѣть посадить такую массу деревьевъ, т. е. чтобы вырыть пятьдесятъ ямъ и посадить въ нихъ деревья, опять засыпать ихъ, и успѣть все это сдѣлать къ семи часамъ утра, надо было встать до свѣта, и это обстоятельство заставило меня призадуматься, не краденыя-ли липки у кого-нибудь? Посадивъ липки, крестьянинъ обѣщалъ вечеромъ придти за разсчетомъ. Но прежде нежели наступилъ вечеръ, я получилъ записку отъ неизвѣстнаго мнѣ землевладѣльца, въ которой значилось, что липки украдены въ его лѣсу и чтобъ я не платилъ денегъ впредь до особаго со стороны невѣдомаго мнѣ лица распоряженія. Подъ вечеръ пришелъ крестьянинъ, продавшій мнѣ ворованныя липки, и я долженъ былъ показать и прочитать ему письмо. Сгорѣлъ со стыда не ждавшій бѣды мужикъ.—«Какъ хочешь, сказалъ я, бери липки назадъ или поди уладь это дѣло».—«Пёсъ ихъ возьми совсѣмъ! И стоютъ-то всего грошъ, только что за работу и за носку беру... Ахъ ты, горе, горе! Изъ-за какой дряни воромъ сталъ! Ахъ, Боже мой! Такъ шестьсотъ десятинъ лѣсу-то, такъ, даромъ стоитъ!» — «Ты-бы изъ своего лѣса бралъ, а не изъ чужого»... «Да нѣту его, своего-то лѣсу; былъ клочокъ, — давно весь сожгли .. Ахъ, горе, горе!» Крестьянинъ побѣжалъ улаживать дѣло съ неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ. Въ тотъ-же вечеръ онъ возвратился и принесъ записку, въ которой было сказано, что имѣю право уплатить ему деньги,такъ-какъ крестьянинъ такой-то взялся отработать причиненный имъ убытокъ. Воровать скверно, но, порывшись въ подробностяхъ воровства, мы также непремѣнно наткнулись-бы на апатію къ общественнымъ заботамъ «хорошаго» барина. Итакъ, въ концѣ концовъ получилось, что за пятьдесятъ липокъ, которыя ничего не стоятъ, если принять во вниманіе обиліе лѣсовъ, человѣкъ отрабатываетъ работу, которая иначе оплатилась-бы деньгами, и чувствуетъ кромѣ того себя воромъ, да и не чувствуетъ только, а въ самомъ дѣлѣ знаетъ, что онъ—воръ.

Словомъ, какъ ни посмотри, дѣло скверное. Это скверное дѣло происходило раннею весной. Полая вода далеко еще не опала, и вся рѣчка, къ которой примыкаютъ земли нашей деревни, была запружена трехсаженными бревнами, сплавляемыми водою. Дня черезъ два послѣ описаннаго эпизода съ липками приходитъ ко мнѣ знакомый крестьянинъ и говоритъ:— «Вы что-же не идете *получать свои* (!) *дрова*».—«Какія такія дрова?»— «А съ рѣчки!». Что-же это за дрова, о которыхъ я не имѣю никакого понятія?— Оказывается, что, во имя какихъ-то законовъ, установлено мѣстнымъ обычаемъ, что дрова, принадлежащія какому-нибудь промышленнику, опустившись отъ мокроты на

дно, принадлежатъ обывателямъ береговъ. Дрова сплавляются сгономъ, т. е. просто бросаютъ въ воду, а вода несетъ ихъ туда, куда надо, и гдѣ ихъ останавливаетъ искусственная запруда. По пути на днѣ рѣки часто встрѣчаются камни и каменистыя мели; стоитъ запнуться одному полѣну, какъ вслѣдъ за нимъ остановится вся сплошная масса дровъ; теченіе будетъ напирать, и дрова начнутъ лѣзть другъ на друга рядовъ въ пять, иногда десять, иногда до самаго дна образуется сплошная масса дровъ. Это называютъ «заломъ». Промышленникъ знаетъ это и посылаетъ рабочихъ, которые идутъ по берегу съ жердями и разламываютъ эти заломы, пропуская дрова дальше. Но иногда заломы остаются неразломанные дня по два, по три, и тогда нижніе слои бревенъ такъ сильно намокнутъ, что опускаются на дно, и вотъ эти-то лежащія дрова и принадлежатъ, согласно невѣдомому закону, обывателямъ береговъ. Дѣлежъ этихъ дровъ происходитъ совершенно правильно между односельчанами, такъ-же правильно, какъ и дѣлежъ земли и вообще всевозможные деревенскіе дѣлежи. На основаніи этихъ-то законовъ и мнѣ надо было «получить» по крайней мѣрѣ кубъ или полтора березовыхъ дровъ. Откуда мнѣ сіе? думалъ я.— Вчера изъ за липокъ, которыя не стоютъ ни гроша, я чуть не попалъ въ укрыватели краденаго, помѣщикъ—въ обворованные, а мужикъ—и въ воры, и въ даровые работники; а сегодня я ни съ того, ни съ сего «получаю» полтора куба дровъ, которыхъ я не рубилъ, не покупалъ, не сплавлялъ и которыя по петербургскимъ цѣнамъ могли-бы дать мнѣ, считая по 6 руб. за сажень, тридцать рублей серебромъ чистаго барыша. Кто дѣлаетъ мнѣ этотъ подарокъ?.. Но подарокъ сдѣланъ — дрова лежатъ у берега, стоитъ только вытащить, распилить и топить печи всю зиму, благословляя Господа. Но какъ подарокъ ни великолѣпенъ, припоминая липки, я чувствую, что тутъ я буду ужъ не укрывателемъ краденаго, а прямо воромъ. Очевидно, я у кого-то отнимаю дрова, мнѣ совершенно не принадлежащія. И точно, дрова принадлежатъ промышленнику, который купилъ сто саженъ (говоря примѣрно), а получаетъ въ концѣ концовъ семьдесятъ пять, такъ какъ двадцать пять получимъ мы. Но промышленникъ не хочетъ терять *своего* и наверстываетъ убытокъ своимъ способомъ, изобрѣтаетъ *свою* сажень, въ которой не три аршина, а четыре съ половиной. «У меня— говоритъ онъ— *своя сажень*!» Крестьяне, подрядившіеся сплавлять ему изъ мѣста порубки сто сажень, являясь за разсчетомъ, встрѣчаются съ изобрѣтеніемъ весьма непріятнымъ, съ *своей* саженью, и получаютъ, благодаря ей, не за сто, а за семьдесятъ пять. Итакъ, вотъ у кого похитили мы двадцать пять саженъ дровъ, у своихъ же сосѣдей, у такихъ-же голяковъ и бѣдняковъ, какъ и мы. Отчего мы дѣлаемъ это?.. Нѣтъ лѣсу, а топить надо—дѣло очень простое.

Теперь потрудитесь сосчитать, кто остался доволенъ во всей этой операціи. Промышленникъ недоволенъ—у него меньше, чѣмъ онъ купилъ, да его и ругаютъ за «свою сажень» и грозятъ поджечь; я также весьма недоволенъ, потому что не желаю брать чужого или ворованнаго; недовольны и тѣ, кто наловилъ дровъ, потому что промышленникъ слишкомъ скоро прислалъ народъ разломать заломъ, и дровъ на зиму «не хватитъ», недоволенъ и мужикъ, который своими руками срубилъ сто саженъ, а разсчетъ получилъ только за семьдесятъ пять.

Тутъ всѣ чувствуютъ себя дурно, скверно, не по себѣ.

Это только кусочекъ того паденія «хорошаго» барина, по части заботы объ общемъ благѣ, но и этого кусочка достаточно, чтобы не получить репутаціи внимательнаго къ нуждамъ народа человѣка. Не удивляйтесь поэтому, какъ и я перестаю теперь удивляться, что крестьянинъ спѣшитъ приложить печать къ бумагѣ, въ которой про барина идетъ нехорошая рѣчь.

IV. «Свои средствія».

...Вотъ ужъ больше недѣли, какъ жаркій воздухъ послѣднихъ дней нынѣшняго деревенскаго лѣта отравленъ запахомъ гари: гдѣ-то, какъ пишутъ въ мѣстномъ листкѣ, горятъ торфяныя болота, горятъ лѣса; сизый дымъ по-временамъ достигаетъ бѣлизны и густоты тумана, застилаетъ все кругомъ на далекое пространство и даже затрудняетъ дыханіе... Пожары лѣсные—дѣло весьма обыкновенное на Руси, а особенно въ нашихъ сѣверныхъ мѣстахъ, гдѣ, не смотря на всѣ усилія господъ помѣщиковъ, сельскихъ обществъ и промышленниковъ истребить всякую растительность, по возможности въ самый кратчайшій срокъ, мать-природа не совсѣмъ еще вышла изъ терпѣнія и продолжаетъ одѣвать зелеными кустиками и жиденькими березками, осинками и ольхой холмики, болота и берега болотныхъ рѣчекъ. Горятъ лѣса тихо, молчаливо — горятъ, точно дѣло дѣлаютъ, какъ-то задумавшись; въ тихіе вечера иное дерево горитъ какъ свѣча; трещитъ и коробится береста, вспыхиваютъ и свертываются зеленые листья и только по-временамъ треснетъ и точно зарница вспыхнетъ надъ темнымъ лѣсомъ смолистый газъ раскаленной огнемъ сосны... А огонь, точно исполняя какую-то обязанность и не торопясь, опустошивъ десятинъ сто казеннаго, или господскаго, или крестьянскаго лѣса и дойдя до полянки, гдѣ ужъ нѣтъ пищи, скромно принимается жевать высушенную жаромъ и зноемъ траву, жуетъ ее, точно скромная, кроткая овца, по вершочку, по травинкѣ — жуетъ день, два, шагъ за шагомъ перебираясь черезъ канавки, обходя болотца, «гдѣ посуше», и добирается до новаго и свѣжаго лѣса, до новой березки, пуская отъ себя въ разныя стороны такихъ-же кроткихъ огненныхъ овечекъ... И вотъ бѣжитъ огонь по березкѣ, копошится внутри бузины или ольховаго куста — и, глядишь, черезъ день, черезъ два, тлѣетъ въ горячихъ угольяхъ другая сотня десятинъ. По ночамъ го-

рящій лѣсъ—точно бальная зала или иллюминованный по случаю какого-нибудь торжества огромный паркъ: вездѣ огни, звѣзды, бенгальскіе огни (сосна вспыхнула), а между ними обгорѣлые или еще горящіе кусты, точно группы гостей, танцующихъ, толпящихся вокругъ столовъ за картами, за ѣдой. Днемъ, разумѣется, все это исчезаетъ и остается одинъ только удушливый чадъ и гарь.

Часто видѣлъ я такіе пожары въ нашихъ мѣстахъ, и никогда мнѣ не приходилось видѣть, чтобы въ огнѣ или около огня присутствовала-бы какая-нибудь человѣческая фигура, которая была-бы обезпокоена этимъ пожаромъ, чтобъ она хлопотала о сохраненіи государственнаго или частнаго имущества. По всей вѣроятности, гдѣ-нибудь и кто-нибудь непремѣнно безпокоится объ этой гибели лѣса, потому что вѣдь кому-нибудь лѣсной пожаръ непремѣнно наноситъ убытокъ; но я лично, повторяю, не видалъ безпокоящихся или принимающихъ какія-нибудь мѣры ни чиновниковъ, ни мужиковъ. Выгоритъ лѣсъ и перестанетъ — вотъ, мнѣ кажется, общее мнѣніе относительно какъ самыхъ пожаровъ, такъ и средствъ къ ихъ прекращенію. Но лично мое, напуганное явленіями русской жизни, воображеніе, не даетъ мнѣ возможности относиться къ этому дыму и чаду, ежедневно нагоняемому вѣтромъ въ нашу сторону, въ такой-же степени невнимательно и покойно, какъ относятся къ этому всѣ, кого я только въ деревнѣ вижу. Не потому мое напуганное воображеніе не можетъ бездѣйствовать при видѣ явленія, для всѣхъ мѣстныхъ жителей совершенно обыкновеннаго, чтобъ я жалѣлъ этотъ горящій лѣсъ или жалѣлъ-бы его хозяина, будь то государство, или крестьянское общество, или господинъ помѣщикъ,—вовсе нѣтъ; въ смыслѣ сожалѣнія о гибели имущества, я ничуть отъ мѣстныхъ обывателей и моихъ сосѣдей не отличаюсь: «мнѣ какое дѣло», или «на то есть начальство», говорю я. Да наконецъ, что-же я могу сдѣлать, еслибъ я и жалѣлъ? Погоритъ и перестанетъ — вотъ все, что я могу по совѣсти сказать, глядя на великолѣпное зрѣлище лѣсного пожара, и затѣмъ «пройти мимо». Если-же мое напуганное воображеніе не пускаетъ меня «уйти» отъ этого обыкновеннѣйшаго деревенскаго событія, то причины этого совсѣмъ иныя. Дѣло въ томъ, что недѣли три тому назадъ мнѣ пришлось самому быть въ лѣсу съ однимъ моимъ пріятелемъ, и притомъ въ той самой сторонѣ, откуда вотъ ужъ давно валитъ дымъ и гарь и гдѣ, очевидно, большой пожаръ. Были мы съ пріятелемъ у другаго общаго нашего пріятеля въ гостяхъ, и послѣ завтрака взяли ружья и пошли пройтись по лѣсу; часа два мы гуляли, наслаждаясь погодой, воздухомъ и невозмутимою тишиной лѣса; разумѣется, выстрѣлить намъ не пришлось, потому что лѣто нынѣ было очень сухое, ягодъ не уродилось, а стало-быть и птицѣ незачѣмъ быть въ пустомъ мѣстѣ. Птица улетѣла туда, гдѣ есть ягоды—брусника, смородина и т д. Шли, шли мы такимъ образомъ и пришли къ крестьянской межѣ, а за этою межой начинался ужъ крестьянскій, значительно вырубленный, лѣсъ. И здѣсь намъ представилось такое зрѣлище: на большой, чисто и гладко выкошенной полянѣ протянулся огромный, саженъ въ пятьдесятъ, стогъ сѣна, а саженяхъ въ трехъ отъ этого стога горѣлъ костеръ изъ сухихъ сучьевъ и валежника; костеръ этотъ былъ повидимому только что зажженъ, потому что огонь копошился еще только въ глубинѣ кучи хвороста. Но что поразило насъ и заставило задуматься, такъ это во-первыхъ то обстоятельство, что около костра никого не было, и во-вторыхъ, ясно видная дорожка кое-какъ набросаннаго сѣна шла отъ костра по направленію къ стогу. Ни скотины вблизи, ни пастуха, которому понадобился-бы этотъ костеръ, не было; да кому и зачѣмъ нуженъ былъ костеръ среди бѣлаго жаркаго дня? Папиросу закурить можно спичкой. А дорожка то отъ костра къ стогу?.. И кругомъ мертвая тишина...

— Что-же это значитъ? спросилъ я моего спутника, человѣка больше меня знакомаго съ тою мѣстностью, въ которой мы были.

— А это, сказалъ онъ,—должно-быть что-нибудь по части «своихъ средствій», что-нибудь по части «своихъ способовъ»...

Онъ помолчалъ, поглядѣлъ внимательно на огонь, поглядѣлъ на стогъ, на дорожку очевидно подброшеннаго сѣна между огнемъ и стогомъ, и уже съ увѣренностью еще разъ повторилъ:

— Да, это несомнѣнно «средствіе»!

Зачѣмъ это гнусное, дикое и жестокое «средствіе», противъ кого оно и противъ чего? Пріятель зналъ это и объяснилъ мнѣ. Сѣно, которое мы видѣли передъ собой и около котораго былъ неизвѣстно кѣмъ разведенъ огонь, принадлежало мѣстному старостѣ. Староста этотъ полтора года тому назадъ былъ обыкновенный, заурядный мужикъ-хлѣбопашецъ; но какъ только его выбрали въ старосты и какъ только въ рукахъ у него стали оказываться общественныя деньги (подати, страховые сборы, взысканія по роспискамъ и т. д.), онъ немедленно-же сталъ выходить въ люди обыкновеннымъ деревенскимъ порядкомъ: скупитъ сѣно по нуждѣ у сосѣдей-односельчанъ, перепродастъ вдвое—и подати внесетъ, и въ карманъ положитъ. Оставшись безъ сѣна, крестьяне начинаютъ ему-же продавать скотину, которую нечѣмъ кормить (дешевая говядина, дешевая солонина); онъ покупаетъ и перепродаетъ—и опять кладетъ деньги. Оставшись безъ скотины, продаютъ ему-же и землю на года за безцѣнокъ—и землю онъ беретъ. А такъ какъ безъ земли, безъ сѣна и безъ скотины дѣлать крестьянину нечего, то онъ идетъ къ разживающемуся старостѣ въ работники: пашетъ свою-же пашню, на своей скотинѣ и т. д Все это весьма обыкновенно, все это ужасно въ смыслѣ разстройства массъ (главнымъ образомъ—нравственнаго) и все это идетъ буквально въ каждой деревушкѣ. Говорятъ, для сбора налоговъ будутъ учреждены особыя лица, подъ названіемъ «податныхъ надзирателей», на обязанности которыхъ будетъ лежать не только сборъ налоговъ, какъ это теперь дѣлается «безъ разговору» господами становыми при-

*

ставами, но еще наблюденіе за колебаніемъ доходовъ облагаемаго налогомъ лица и, сообразно съ этимъ колебаніемъ, назначеніе размѣра самаго налога. Если это будетъ и если только господа-надзиратели будутъ хоть что-нибудь понимать и имѣть хотя какое-нибудь представленіе о томъ, что такое совѣсть, то можно быть увѣреннымъ, что такихъ «своихъ средствій», какъ то, на которое мы натолкнулись въ лѣсу, не будетъ въ деревнѣ. Податной надзиратель, видя, что такое-то семейство разстроилось отъ падежа скота, не будетъ (если только у него будетъ право поступать по-божески) брать того, чего хозяинъ семейства не можетъ дать, и не будетъ кабалить сосѣду, заставляя продавать сѣно, потомъ скотину, потомъ и землю. «Говорятъ», что проектъ объ этомъ, какъ изъ достовѣрныхъ источниковъ слышали газеты, изготовляется и, какъ «носятся слухи», уже поступилъ на разсмотрѣніе. Вотъ когда онъ будетъ приведенъ въ дѣйствіе и когда люди, подобные старостѣ, наживаясь и отбирая отъ сосѣдей и сѣно, и скотъ, и землю, будутъ нести и всѣ сосѣдскія тягости, т. е. будутъ платить пропорціонально своей алчности, тогда вѣроятно и «средствія» для улучшенія своего благосостоянія будутъ избираться другія. Теперь-же человѣкъ, случайно (мірскія деньги попали въ руки) получившій возможность эксплуатировать сосѣдей и, вопреки всѣмъ смысламъ, божескимъ и человѣческимъ, берущій соки изъ окружающихъ его сосѣдей, не можетъ не быть такимъ явленіемъ въ глазахъ этихъ сосѣдей, которое только волнуетъ, раздражаетъ и ничего не сулитъ въ будущемъ, кромѣ кабалы. Какъ-же достигнуть того, что имѣютъ въ виду достигнуть коммиссіи о подоходномъ налогѣ, засѣдающія въ городахъ и столицахъ? Какъ достигнуть того, что можетъ быть достигнуто (какъ носятся слухи изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ) хотя-бы податными надзирателями, если у этихъ послѣднихъ окажется крупица свѣта бѣлаго въ головѣ? Какъ достигнуть этого въ деревнѣ, въ лѣсу, гдѣ иногда не умѣютъ даже словами формулировать угнетающей муки, гдѣ не умѣютъ писать, не умѣютъ читать, не знаютъ, отъ кого ждать защиты, гдѣ не знаютъ, куда идти жаловаться, кому жаловаться, даже въ какихъ формахъ жаловаться? Да наконецъ развѣ можно жаловаться куда-бы то ни было на то, что сосѣдъ-молъ нашъ, староста, разбогатѣлъ?.. И вотъ въ этой тьмѣ, тоскѣ, нуждѣ и продолжительномъ ожиданіи пріѣзда господъ податныхъ надзирателей начинаютъ зрѣть скверныя мысли. Не натолкнись мы на огонь, разложенный около старостина сѣна, не было-бы этого сѣна черезъ часъ, черезъ два, и староста былъ-бы этимъ жестокимъ средствіемъ приведенъ «въ равненіе» по части доходовъ и платежей (обязанность податныхъ надзирателей) съ окружающими его сосѣдями.

Вотъ благодаря такимъ случаямъ, на которые судьба безпрестанно наталкивала и наталкиваетъ силу въ деревенской жизни, и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ ея ежедневнаго обихода, воображеніе мое и стало пугливымъ, стало облекать несвѣтлыми красками множество такихъ явленій деревенской жизни, которыя для человѣка съ ненапуганнымъ воображеніемъ проходятъ незамѣтными... Часто я спрашиваю себя: чего я боюсь?— И могу отвѣтить только: боюсь!.. Вотъ запахло гарью, мнѣ и представляется, что это вопросъ какой-то разрѣшается «своимъ средствіемъ», а средствіе—не хорошее. Положимъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ только объ учрежденіи податныхъ надзирателей — ну, а какой вопросъ разрѣшается (пугливо думалъ я) тѣмъ, напримѣръ, что гарь, и дымъ, и смрадъ лѣсного пожара не прекращаются, а, напротивъ, усиливаются съ каждымъ днемъ, и все идутъ изъ того-же знакомаго мнѣ угла?.. Вопросъ объ уравненіи доходовъ и платежей разжившагося старосты уже давно бы долженъ быть рѣшенъ, а дымъ все гуще и гуще. Какой-же такой еще вопросъ разрѣшаютъ они тѣмъ-же безобразнымъ средствіемъ?.. Не разрѣшаютъ-ли они, думается мнѣ, на этотъ разъ какого-нибудь межевого или землемѣрнаго вопроса? Вѣдь не даромъ-же было обнародовано (въ видѣ слуха), что при министерствѣ юстиціи учреждена коммиссія изъ представителей трехъ министерствъ, кажется, финансовъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ,—коммиссія, спеціально посвященная вопросамъ межеванія и образованная въ виду массы неправильностей, обнаружившихся за послѣднее двадцатипятилѣтіе въ планахъ на крестьянскія и помѣщичьи земли. Массы этихъ неправильностей, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, происходили просто отъ неумѣнья сдѣлать дѣло, отъ небрежности, простой усталости, а иногда просто «съ пьяныхъ глазъ», не говоря о злоупотребленіяхъ, о вынутыхъ изъ цѣпи звеньяхъ и т. д. Я даже лично имѣлъ случай бесѣдовать объ этомъ съ компетентнымъ лицомъ и слышалъ отъ него, что количество межевыхъ ошибокъ—невѣроятно, что ихъ необходимо распутать, но что распутать ихъ едва ли возможно въ скоромъ времени, такъ какъ провѣрка межевыхъ линій и знаковъ должна быть произведена по всей Россіи безъ исключенія, а на это необходимо не милліоны, а милліарды, потому что провѣрка, нанесеніе на планы и содержаніе межевщиковъ, таксаторовъ и землемѣровъ, въ общей сложности, составятъ одинъ рубль на каждую обмѣренную десятину. Судите сами, какія огромныя деньги необходимы для этой необходимѣйшей операціи! Но милліардовъ нѣтъ, и ошибки такъ и остаются ошибками.

Когда и какъ онѣ будутъ разрѣшены—неизвѣстно. А дымъ и гарь все наноситъ и наноситъ вѣтромъ изъ того угла, гдѣ—мнѣ также достовѣрно извѣстно—и помѣщики, и крестьяне «жалуются» на неправильные «планты». Я самъ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда валитъ дымъ и гарь, видѣлъ два плана на одно и то-же владѣніе: одинъ —представленный для залога въ банкъ, а другой —полученный при надѣленіи крестьянъ землею, и оба они не похожи во многомъ другъ на друга... На надѣльномъ планѣ у крестьянъ больше, а на

банковомъ — у помѣщика больше; а бываетъ, что у крестьянъ меньше на надѣльномъ, а у помѣщика меньше на банковомъ: вотъ эти лоскуты и путаютъ, и мучаютъ, и разжигаютъ фантазіи... Гарь и смрадъ наноситъ вѣтромъ изъ того угла, въ которомъ «жалуются», а я думаю: «ужъ не по межевой-ли что-нибудь части? Ужъ не надумали-ли межевые вопросы рѣшать своимъ средствіемъ?». И не безъ основанія я такъ думаю: цѣлую зиму изъ того самаго угла, откуда теперь идетъ дымъ и гарь, постоянно появлялись въ нашихъ мѣстахъ мужики съ новымъ, только-что срубленнымъ, лѣсомъ и задешево отдавали какъ лѣсъ, такъ и дрова. Напуганный покупкою краденыхъ липокъ (о чемъ я разсказалъ въ предыдущей главѣ), всякій разъ, когда продавцы этого лѣса обращались ко мнѣ съ предложеніемъ купить, я непремѣнно задавалъ имъ вопросъ: «А не краденый онъ?» — «Чтó вы, помилуйте! обыкновенно отвѣчали мнѣ. — Будьте спокойны». И прибавляли: «Да ежели, въ случаѣ что, такъ вѣдь я присягу приму, что бралъ «со двора»... Что мнѣ? Хоть сейчасъ извольте съѣздить къ Ивану Ермолаеву—у него полонъ дворъ наваленъ лѣсу... А я почемъ знаю... Я беру со двора... Кабы я рубилъ въ лѣсу—ну, такъ... А то мнѣ какое дѣло? Краденый онъ или нѣтъ, на мнѣ отвѣту не будетъ...» Такого рода отвѣты, заставляя меня отказаться отъ дешевой покупки, уже тогда, зимой, зарождали тревожныя мысли о томъ, что крестьяне какъ будто задумали собственными средствами исправить границы, неправильно нанесенныя на планы... И съ каждымъ днемъ я убѣждался, что предположенія мои имѣютъ основаніе, и не маленькое.

Однажды является продавецъ лѣсу и на обычный вопросъ: «Не краденый ли?» —отвѣчаетъ съ полнымъ изумленіемъ: «Господи помилуй! Краденый... Какъ возможно!.. Вишь, какъ вы меня напугали... какими словами... Ахъ, ты Боже мой, владыко, чудотворецъ!...» Не смотря на это изумленіе продавца, я указалъ ему во-первыхъ—на дешевизну, сравнительную конечно; во вторыхъ—на то, что, какъ мнѣ извѣстно, въ ихней сторонѣ крестьянскій лѣсъ повырубленъ и такихъ бревенъ нѣтъ; а въ третьихъ — на то, что и недавно мнѣ привозили такія же бревна, и тоже сомнительнаго происхожденія. — «Вотъ чтó, сказалъ я въ заключеніе:—ты говори мнѣ по совѣсти, откуда лѣсъ... Вѣдь не изъ вашего крестьянскаго отвода?» — «Да нешто въ нашемъ лѣсу возможно такое дерево отыскать?» отвѣчалъ продавецъ ужъ безъ всякихъ экивоковъ.—«Ну, сказалъ я,—такъ не возьму!»— «Позвольте, сказалъ продавецъ,—позвольте, не огорчайтесь... Я вотъ только скажу два слова.»—Онъ отвелъ меня въ сторону и самымъ убѣдительнѣйшимъ шопотомъ сказалъ: «Небезпокойтесь... Сдѣлайте ваше одолженіе! Будьте такъ добры! Извольте меня выслушать. Лѣсъ точно-что спорный, это говорить нечего. Но только не безпокойтесь, сдѣлайте одолженіе — *я самъ у этихъ господъ лѣснымъ караульнымъ служу*... Чего же вы?... Я... я—онъ указывалъ себѣ на грудь—самъ караульщикъ... Господи помилуй! Чего же опасаетесь?» Этотъ въ высшей степени вѣскій, относительно безопасности покупки, аргументъ вѣроятно какъ нельзя лучше подѣйствовалъ на моего сосѣда, который охотно сталъ покупать у этого караульщика «спорный лѣсъ; но что касается лично меня, то я рѣшительно убѣдился, что «исправленіе» границъ, въ ожиданіи того момента, когда упомянутая коммиссія найдетъ возможнымъ приступить къ этому же дѣлу, уже начато обывателями по собственному способу и ведется весьма энергически...

И точно, всю почти зиму изъ того угла, откуда теперь идетъ дымъ, ходили вѣсти, не обѣщавшія ничего хорошаго... «Рубятъ!».. «Они было сначала по опушкѣ хозяйничали, а потомъ вошли во вкусъ, вломились въ самое нутро» .. «Рубятъ»... «Ужъ будетъ имъ на орѣхи!».. Вслѣдъ за этими слухами, въ концѣ зимы, вдругъ прогремѣла вѣсть: ««открыли», «такой-то барину объяснилъ». «Баринъ пріѣхалъ». «Теперь бу-у-удетъ!» Затѣмъ, что ни часъ, то новости: «нагрянули съ судомъ... Мужики прослышали, всю ночь задами вывозили бревна, разбрасывали подъ мостами, въ проруби, въ снѣгъ... Баринъ ихъ-же нанялъ все это свезти въ одно мѣсто и ихъ же засудилъ... всѣхъ поголовно. Ужъ бу-у-у-удетъ!» Однако, нѣтъ... Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ замѣшаны не одни мужики, а и мужицкая аристократія—кулаки, то дѣло пошло по-иному. Пошла въ ходъ водка. Сходы разныхъ деревень составляютъ приговоры: «лѣсъ рубленъ у нихъ», въ ихнихъ надѣлахъ!.. Еслибы не кулаки—конечно крестьяне попались бы. Кулаки, чтобы не попасться самимъ, за одно выручили и мужиковъ; мужики получили и лѣсъ, и за доставку его изъ овраговъ. Смѣху было «предовольно». Мошенничества еще больше. Баринъ бросилъ тяжбу и продалъ весь лѣсъ за безцѣнокъ крупному лѣсопромышленнику на срубъ. Это значило: «пусть никому не достается. Не мнѣ, такъ и не вамъ!»—изобрѣтеніе чисто-русское рѣшать запутанные вопросы. «Пусть никому не достается!» — это совершенно нашъ способъ, нашъ пріемъ рѣшать общественныя дѣла. «Никому!»—лучше всего: никто не обиженъ, всѣ остаются въ дуракахъ, въ убыткѣ и въ нуждѣ. «*По крайности никому*»—вотъ рѣшеніе всѣхъ общественныхъ вопросовъ, и рѣшеніе, что всего замѣчательнѣе, успокоительное!.. Такъ порѣшилъ баринъ... А теперь вотъ дымъ и гарь несутся изъ той стороны... «Ужъ не порѣшили-ли и мужики на томъ же?»—думается мнѣ. Баринъ сказалъ: «Не мнѣ, такъ и не вамъ», почему же мужики не могутъ сказать: «не намъ, такъ и не вамъ»? И вотъ дымъ пошелъ... «Никому не доставайся!»— это тоже вѣдь «средствіе» — средствіе до тѣхъ поръ, конечно, покуда «коммиссія» не приступитъ наконецъ къ чему-нибудь уже во имя не общаго истребленія, а общаго удовлетворенія нуждъ. Но, говорятъ, нѣтъ средствъ. Средствъ дѣйствительно нѣтъ, и вотъ тихо и безшумно, «какъ свѣча», горитъ лѣсъ, стогъ сѣна... Смотришь на это и боишься... Много есть «вопросовъ», уже возбужденныхъ коммиссіями,—такихъ, которые и народомъ

возбуждены еще раньше — а рѣшенія имъ нѣтъ покуда, кромѣ «своихъ средствій». Вотъ этихъ средствій-то и боишься, живя въ деревнѣ.

V. Отрадныя явленія.

Живя постоянно подъ гнетомъ неизвѣстности тѣхъ вопросовъ, которые сосѣди-мужички пожелаютъ (быть можетъ сегодня, а быть можетъ и завтра) разрѣшить, не дожидаясь окончанія трудовъ коммиссіи, разумѣется, радъ-радехонекъ, если откуда-нибудь нанесетъ на тебя хоть капельнымъ, хоть съ булавочную головку «отраднымъ» явленіемъ. До какой степени иногда одолѣваетъ въ деревнѣ жажда какихъ-нибудь «отрадныхъ» явленій, читатель можетъ судить изъ нижеслѣдующаго радостнаго дня, который я сейчасъ опишу подробно и который, въ ряду сумрачныхъ и пустыхъ дней деревенской жизни, я не могу вспоминать иначе, какъ съ удовольствіемъ. Дѣло началось съ полученія газетъ, которыя принесли мнѣ первую въ этотъ день отрадную вѣсть. Само собою разумѣется, что кромѣ этой отрадной вѣсти въ газетахъ было все, чтó бываетъ въ нихъ ежедневно, вотъ ужъ десятки лѣтъ подрядъ: былъ тутъ и священникъ, отказывающійся крестить, и священникъ, отказывающійся погребать, и священникъ, отказывающійся вѣнчать; былъ тутъ и урядникъ, который «просто» посадилъ кого-то въ холодную, былъ урядникъ, который сначала избилъ, а потомъ ужъ посадилъ, былъ урядникъ, который сначала «придрался», а потомъ ужъ посадилъ — и былъ наконецъ такой, который сначала посадилъ, потомъ избилъ, а потомъ ужъ придрался... Были тутъ, разумѣется, извѣстія о массѣ пойманныхъ: одинъ пойманъ потому, что шляпа на немъ была бѣлая съ малыми полями; другой — потому, что шляпа была черная и съ широкими полями; одинъ — потому, что не пилъ водки, когда всѣ пьянствовали; другой — потому, что, имѣя пальто съ бобровымъ воротникомъ, ѣлъ на вокзалѣ обыкновенный пирогъ въ три копѣйки; третій — потому, что шелъ съ книгой въ два часа ночи; четвертый — потому, что шелъ тоже ночью и громко разговаривалъ съ дамами, и т. д. Всѣ они конечно выпущены на свободу и оправданы. Затѣмъ были, разумѣется, хищенія отъ двухсотъ пятидесяти тысячъ до двухъ рублей, и были доносы въ политической неблагонадежности: одинъ доносъ священника на учителя за то, что учитель тотъ понравился матушкѣ; другой — за то, что не далъ старшинѣ ломаться въ классѣ и ругаться скверными словами; третій доносъ учителя на священника за то, что тотъ отбилъ у него невѣсту для своего племянника: былъ и доносъ племянника на дядю, вслѣдствіе неправильной задержки невѣстинаго приданаго... Всѣ доносы по обыкновенію оказались ложными, а подсудимые выпущены на свободу. Были извѣстія объ утопившихся, застрѣлившихся и отравившихся: всѣ они оставили записки: «никто не виноватъ», или «растратилъ», или «надоѣло... Вся эта куча мелкихъ подробностей обыденной жизни группировалась по обыкновенію вокругъ главнаго центра — «блага Россіи», «отечества», о которыхъ вопіяли передовицы, хроники, извѣщающія о «благотворныхъ слухахъ» — все «изъ достовѣрныхъ источниковъ» въ «непродолжительномъ времени» и т. д.

Этотъ-то центръ, вокругъ котораго группируется масса безобразныхъ фактовъ и фигуръ, какъ-то особенно недоступенъ намъ, деревенскимъ жителямъ. Видимъ мы, что идетъ какое-то галдѣніе, что Россія, точно гоголевская лошадь, стоитъ въ этомъ центрѣ — понурая, съ раздвинутыми въ разныя стороны ногами, что сначала на эту лошадь лѣзетъ Митяй съ дубиной, на которой написано: «въ непродолжительномъ времени» и «изъ достовѣрныхъ источниковъ», и начинаетъ дуть ее по головѣ; потомъ влѣзаетъ дядя Миняй, тоже съ дубиной съ надписью: «за недостаткомъ статистическихъ данныхъ» — и начинаетъ лупить ее по хвосту. Потомъ видимъ, какъ на несчастной лошади возсѣдаютъ и дядя Митяй, и дядя Миняй, оба колотятъ, понукаютъ, кричатъ; чтó они говорятъ, мы не слышимъ: толпа, давка и галдѣнье; но изъ всего этого гвалта явственно раздается голосъ дяди Михайлы, который хотя самъ и не влѣзаетъ на несчастную кобылу, но неумолкаемо подаетъ совѣты: «что ты ее по головѣ-то дуешь! Ишь наладилъ! Нешто такъ можно? Ты въ хвостъ, въ хвостъ ее!» А начнутъ бить въ хвостъ, онъ кричитъ: «подъ брюхо, подъ брюхо накаливай!..» Примутся накаливать подъ брюхо, а дядя Михайло совѣтуетъ: «съ обѣхъ, съ обѣхъ концовъ-то налегни!..» Налегнутъ, а онъ: «къ верху, къ верху ее взбадривай, вздымай!...» Станутъ взбадривать къ верху — сердится, кричитъ: «принагни ее къ земи-то!» Только-что станутъ дуть по спинѣ, къ земи пригибать, а ужъ онъ вопитъ: «съ заду-то, съ заду-то заходи, навались на спину, навзничь ее, съ боковъ-то нажми» и т. д. За этой толпой вопіющихъ, кричащихъ и ожесточающихся совѣтчиковъ мы вовсе не видимъ того несчастнаго существа, во имя котораго раздаются всѣ эти вопли и крики. Знаемъ, что оно существуетъ, потому что на него взбирается то дядя Митяй, то дядя Миняй, то оба вмѣстѣ...

Вотъ обыкновенныя газетныя впечатлѣнія. Впрочемъ иногда къ этому заурядному галдѣнію присоединяется голосъ дяди Ивана и на нѣкоторое время весьма измѣняетъ надоѣвшую картину: «Чтó вы все по мордѣ да по мордѣ! — громко и энергично провозглашаетъ дядя Иванъ, появляясь около дяди Митяя, дяди Миняя и дяди Михайлы. — Чтó вы все кнутовьемъ да дубьемъ!.. Вы бы догадались овсомъ, либо сѣномъ ее поманить — оно пожалуй-что и по сходнѣе бы было». Эти простыя, подлинно справедливыя, слова дяди Ивана, говорящаго обыкновенно громкимъ голосомъ, сопровождая рѣчь простецкими, умиротворяющими жестами, производятъ на галдяшую толпу Митяевъ и Миняевъ обыкновенно весьма отрезвляющее впечатлѣніе; попробовать дать сѣна, покормить, вмѣсто того, чтобы колотить то спереди, то сзади, то събо-

ковъ — все это въ самомъ дѣлѣ такъ просто, такъ дѣйствительно-справедливо и такъ легко разрѣшаетъ вопросы, которыхъ не могутъ разрѣшить ни дядя Митяй, ни дядя Миняй, ни дядя Михайло, не смотря на то, что охрипли отъ крика и «обколотили» руки «объ отечество», — что обыкновенно вся галдѣвшая толпа, окружавшая безобразное зрѣлище и также дававшая только безобразные совѣты, какъ-бы просыпается отъ кошмара и начинаетъ вопить: «Вѣрно! Такъ! Овса подавай! Что кнутовьемъ-то кормить! Овса ей! Давай овса! Сѣна!». Увлеченіе этими простыми и трезвыми словами бываетъ до того сильно, что даже дядя Михайло начинаетъ кричать (онъ всегда кричитъ, а никогда не говоритъ по-человѣчески): «А я про что говорилъ? Не говорилъ я, не бей по головѣ? Развѣ я не говорилъ, какъ надо? Нешто сообразишься съ эстими идолами!» Но дядя Иванъ (Богъ знаетъ, что съ нимъ дѣлается!) обыкновенно тутъ же и разрушаетъ то пріятное впечатлѣніе, которое всегда производятъ его первыя слова. Не то онъ пугается самъ простоты рѣшенія, не то боится, что несчастное существо, давно уже жаждущее сѣна, увидя вмѣсто кнутовья сѣно, уйдетъ, и дядѣ Ивану, не о чемъ будетъ разглагольствовать; не то онъ самъ пріобыкъ къ галдѣнію о томъ, куда и какъ бить, не то боится разсердить пріобыкшую къ этому галдѣнію публику, не то боится Михайлы — только немедленно-же послѣ своихъ понятныхъ и справедливыхъ словъ начинаетъ бормотать всякія нескладицы, какъ будто имѣющія цѣлью сдѣлать такъ, чтобы все осталось, какъ было, да и свои-то «простыя» слова пристроить гдѣ-нибудь въ этой свалкѣ. Выходили поэтому Богъ знаетъ какія вещи: только-что толпа оживилась, только-что болѣе впечатлительные и правдивые люди бросились за сѣномъ и притащили его къ самому рту того существа, за которое дядя Иванъ вступился, какъ этотъ самый дядя Иванъ, также не спѣша и также якобы отъ всего сердца, начинаетъ говорить такія рѣчи: «Ты что ей сѣна-то къ мордѣ суешь? Тыщу лѣтъ по мордѣ стегали-стегали, да сѣномъ ей ротъ затыкать. Будетъ! Совались-совались — досовались до срамоты! .»

Въ газетахъ, полученныхъ въ тотъ радостный день, о которомъ я разсказываю, по обыкновенію, было все, что придаетъ имъ способность производить на читателя удручающее впечатлѣніе вѣстями. Впрочемъ въ послѣдніе годы общественные нервы до такой степени изорваны этими удручающими впечатлѣніями, что рѣшительно отказываются воспринимать ихъ, а въ деревнѣ, гдѣ ежедневный обиходъ жизни переполненъ явленіями жестокой зоологической, неотвратимой, всѣми признаваемой за неизбѣжную и дѣйствительно неизбѣжной правды (до поры до времени конечно), нервная дѣятельность и вовсе оказывается несостоятельной: просто нельзя, нѣтъ физической возможности воспринимать все это, и надобно для собственнаго своего спасенія на множество вещей не обращать вниманія, будто ихъ и нѣтъ, и не было. Но зато всякая малость, говорящая, что гдѣ-то и въ чемъ-то проявляется и можетъ проявляться хоть капля *какой-нибудь* правды, не напоминающей зоологической правды дремучаго лѣса, — иногда наполняетъ душу истиннымъ блаженствомъ. «Стало быть есть-же живые люди! думается тогда. — Стало-быть не все кнутовьемъ, не все своимъ средствіемъ»... До чего иногда надо мало современному россійскому жителю, чтобъ обрадоваться и, ощупавъ себя, съ удовольствіемъ сказать себѣ: «Слава Богу, я живъ!» — укажу на подлинный фактъ, который можетъ быть удостовѣренъ самымъ точнымъ образомъ.

На вокзалѣ Николаевской дороги намъ пришлось видѣть мужика, который крестился и громко говорилъ: «Дай Господи много лѣтъ здравствовать начальникамъ и первоначальникамъ... на многая лѣта!.. Пошли имъ Царица небесная!» — За что такъ? — спросили его. — «Да вотъ теперича, дай Богъ здоровья, хоть загородокъ нѣтъ. Вѣдь что такое? Вѣдь не желѣзная дорога была, а тюрьма!» Такъ было и со мною: меня обрадовали и ободрили такія вѣсти, которыя для господъ столичныхъ жителей или вообще обывателей городовъ не имѣютъ никакого значенія. Во-первыхъ, я былъ очень радъ, когда прочиталъ, что солдатъ, судившійся военнымъ судомъ *за растрату казеннаю имущества,* оправданъ. Стоялъ солдатъ на часахъ и отъ нечего дѣлать сталъ разсматривать патронъ; патронъ этотъ какъ-то нечаянно выскочилъ изъ его рукъ и упалъ въ грязь; солдатъ поднялъ его и сталъ очищать отъ грязи, хлопая имъ по стволу ружья; хлопалъ-хлопалъ онъ такъ-то, и вдругъ патронъ отъ сотрясенія разорвало; солдату оторвало палецъ, а начальство, узнавъ объ этомъ, предало его военному суду за растрату казеннаго имущества, т. е. за то, что онъ растратилъ непроизводительно патронъ. Прокуроръ, подводя статьи закона, доказывалъ, что солдата надобно посадить въ тюрьму *на три года*, но судьи сказали: «нѣтъ, невиновенъ!». И не повѣрите, какъ было это пріятно: невиновный оказался невиновнымъ — это такъ великолѣпно, что я и выразить вамъ не могу. На три года!.. За что? — За патронъ, который самъ растратилъ у солдата цѣлый палецъ?.. Но сколько-же лѣтъ должны сидѣть интенданты? Сколько же лѣтъ должны-бы сидѣть тѣ господа, которые растратили три милліона десятинъ башкирскихъ лѣсовъ и земель? Но правда не умерла. «Нѣтъ, невиновенъ!» — сказали судьи, и я радъ, ужасно радъ! Но еще больше я былъ радъ другому случаю: въ одной изъ провинціальныхъ газетъ была напечатана телеграмма, помѣченная какой-то станціей желѣзной дороги. Какая станція и какая дорога, это все равно, — важна сама телеграмма, въ которой сказано: «Начальникъ станціи отказывается выдать книгу для записыванія жалобъ. Публика ропщетъ. Кузнецовъ». Послѣднія слова телеграммы: «публика ропщетъ», напечатанныя на первомъ мѣстѣ подцензурной газеты, были для меня манной небесной. Стало-быть можно и роптать, если начальникъ станціи, обязанный выдать жалобную книгу, не выдастъ ея ..

Господи, да когда-же было это видано, и притомъ когда подъ этой фразой можно было найти и подпись: «одобрено цензурою, 23 августа». Да и въ самомъ дѣлѣ, что-же это за мода—не исполнять законнѣйшихъ требованій публики? Просятъ жалобную книгу, которая *должна* по закону лежать всегда въ пассажирской залѣ на столѣ,—и не даютъ! И это поминутно, на каждомъ шагу: гдѣ только въ законѣ сказано: «не притѣсняй», тамъ непремѣнно» «притѣснятъ»—такая ужъ мода. Но вотъ телеграмма: «публика ропщетъ», «одобрено цензурою»—стало быть можно роптать!.. Я весь дрожалъ отъ негодованія на этихъ «начальниковъ», которые только и знаютъ, что «не дамъ», да «нельзя», «пошелъ вонъ». И посмотрите, какую жалобу хотѣли записать пассажиры въ жалобную книгу. Шелъ поѣздъ; одинъ изъ пассажировъ, купецъ, вышелъ на платформу, и такъ какъ былъ подъ хмелькомъ, то, по неосторожности, свалился съ платформы на полномъ ходу—свалился съ насыпи въ сажень шесть вышины. Публика замѣтила это и обратилась къ кондуктору: «Пассажиръ сейчасъ свалился—остановите поѣздъ». Кондукторъ испугался, но сообразивъ, что онъ «служитъ», «получаетъ жалованье» и что онъ по этому «начальникъ» вагона, отвѣчалъ: «Никакъ нельзя... по росписанію... съ опозданіемъ...»—«Но вѣдь тамъ человѣкъ свалился съ откоса на всемъ ходу!..»—«Нельзя... Надо доложить оберъ-кондуктору». Оберъ-кондукторъ, видя, что дѣло серьезное и что на немъ лежатъ обязанности, притомъ *серьезныя*, такъ-какъ и жалованье онъ получаетъ за это, не нашелъ ничего болѣе серьезнаго, какъ сказать: «Невозможно... съ опозданіемъ... по росписанію...»—«Человѣкъ расшибся, упалъ съ платформы...»—шумѣла публика.—«Не извольте шумѣть! Я васъ высажу изъ вагона! Какое вы имѣете полное право шумѣть? Я здѣсь начальникъ!» Шумъ и крикъ усиливался, человѣкъ разбитый валялся въ ямѣ, поѣздъ мчался, а оберъ-кондукторъ былъ внѣ себя отъ дерзостей, которыя *ему* дѣлала публика. Однако вѣроятно кукуевская исторія нѣсколько освѣжила этой публикѣ представленіе о самосохраненіи, и она не унималась; вѣдь въ самомъ дѣлѣ съ каждымъ можетъ случиться такая исторія, а все только «нельзя и нельзя»—что-жъ это за правило такое?.. Шумъ увеличивался и всѣ искали—«кому пожаловаться». «Кому-бы пожаловаться» на публику—искалъ кондукторъ, а публика искала—кому пожаловаться на оберъ-кондуктора. Наконецъ нашли. Сидитъ въ 1-мъ классѣ инженеръ желѣзной дороги,—той самой, по которой шелъ поѣздъ, и читаетъ «Стрекозу» Оберъ-кондукторъ и публика—къ нему. Одинъ говоритъ: «Произносятъ дерзкія слова—позвольте записать фамиліи..» Другіе вопіютъ: «Человѣкъ свалился въ яму—остановите поѣздъ!..» Инженеръ становится на нейтральную почву и говоритъ: «Это не мое дѣло... Я ничего не знаю!.» Это тоже современная мода: видѣть, улыбаться, удивляться и говорить: «я ничего не знаю, не имѣю понятія...» Экспонента Зарубина *буквально* ни за что, ни про что арестовали на московской выставкѣ, гдѣ у него были выставлены изобрѣтенныя имъ машины, и сколько онъ ни спрашивалъ у распорядителей: «За что?»—всѣ отвѣчали ему: «Я не имѣю никакого понятія, совершенно не понимаю!.. Какая нелѣпость!..»—Такъ можно уйти?»—«Ничего не знаю! Уйти?.. Нѣтъ, нельзя!»—Но за что-жъ меня держатъ?»—«Не знаю! Удиви-тельно, а уйти нельзя»... Г. Зарубинъ однако *просто* ушелъ, взялъ и ушелъ. Вотъ и инженеръ также: «Я ничего не понимаю...Потрудитесь замна-л-чать, иначе я»... Но шумъ увеличивался, послышались угрозы, поѣздъ остановили, воротили назадъ и нашли упавшаго пассажира съ переломленными руками, ногами, ребрами, въ безчувственномъ состояніи, всего въ крови. Публика взволновалась и по пріѣздѣ на слѣдующую станцію потребовала жалобную книгу «Нельзя!»—говоритъ начальникъ станціи.—«Какъ нельзя?»—«Нѣтъ ключа»...—«Гдѣ ключъ?»...—«Послѣ, вотъ уйдетъ поѣздъ, я вамъ дамъ»...—«Какъ уйдетъ поѣздъ... Да съ поѣздомъ ѣхать надо намъ»...—«Когда уйдетъ поѣздъ»... Наконецъ послали телеграмму, и тогда выдалъ книгу. но сказалъ: «Па-аслушти, стóитъ-ли дря-азги?..» Да конечно стóитъ!.. Какъ хотите, а въ этой исторіи видно, что «пробуждается» сознаніе и что пробужденію не препятствуютъ: публика ропщетъ—это напечатано, а внизу «одобрено цензурою». Стало-быть еще поживемъ на бѣломъ свѣтѣ.

Но вѣнцомъ радости этого счастливаго дня былъ третій отрадный фактъ и подарила мнѣ его не пресса, не газета, а самая жизнь. Пришелъ по какому-то дѣлу тотъ самый мужикъ съ деревяннымъ мозгомъ, который приложилъ печать подъ удостовѣреніе о неблагонадежности моего пріятеля, а его жильца,—человѣка, отъ котораго онъ «худа не видалъ». Разговаривая о томъ, о семъ (кажется, о дровахъ или о камняхъ—съ этимъ мужикомъ нѣтъ другихъ разговоровъ), онъ вздохнулъ и сокрушенно произнесъ:

— Вотъ и еще новый расходъ на шею себѣ намотали!

— Кто и какой расходъ?

— Да мы—обчество...

— Какой же?

— Да избу наняли для странних людей... Теперь сами, чай, видите, сколь много народу идетъ нищаго. Всякій ночевать просится. А пусти — обокрадетъ... Вотъ и порѣшили нанять мірскую избу, чтобы всѣ, кому ночевать требуется, шли-бы туда... То-есть, чтобы по дворамъ не пущать...

— Что-жъ, это отлично!

— Отлично-то отлично, а двадцать пять рубликовъ отдай за избу-то.

— Кому же это пришло въ голову?

— Коли меня обокрадутъ да тебя обокрадутъ, да сожгутъ раза три всю деревню, такъ и придетъ въ голову... Спросико-сь, кто у насъ не обокраденъ... Ну, всѣ и порѣшили...

Деревянный мужикъ долго разсказывалъ мнѣ насчетъ воровства и всякаго разбойства, но я и не

слушалъ его—я былъ ужасно радъ еще разъ въ этотъ счастливый день.

«Это, думалъ я,—*тоже своимъ средствіемъ*. Это—*новое*; этого *не было*; это *не хозяйственное*, а общественное, хоть капельку, но доброе. Тутъ есть ужъ вниманіе къ *чужому* горю, тоже капельное, но ужъ не только *свое*...»

И я былъ необыкновенно этому радъ. Сочтите теперь: солдатъ невиновенъ; публика имѣетъ право роптать и въ концѣ концовъ мои односельчане тоже дѣлаютъ какое-то дѣло на томъ основаніи, что людей бросать зря нельзя... Все въ этихъ фактахъ говорило о какомъ-то пробужденіи сознанія—и не къ худу, а къ добру.

— —

VI. «Съ человѣкомъ—тихо!»

Конечно въ разсказанной мнѣ деревяннымъ мужикомъ исторіи объ открытіи ночлежнаго дома для «странникъ» и прохожихъ людей не послѣднюю роль играло простое чувство самосохраненія, желаніе «отдѣлаться» отъ случайнаго, Богъ знаетъ откуда идущаго и невѣдомо что думающаго человѣка; но «отдѣлаться» можно бы было и другимъ образомъ: просто не пускать, гнать отъ окна. въ которое обыкновенно стучитъ палочкой прохожій человѣкъ, просясь на ночлегъ — иди-молъ куда знаешь, ночуй, гдѣ хочешь... Однако не случилось этого: обыватель пересталъ пускать на ночлегъ въ свой домъ, но безъ ночлега не оставилъ, и это послѣднее обстоятельство глубоко радовало меня... Въ этомъ поступкѣ виднѣлась уже капелька заботы о ближнемъ, капля состраданія къ нему, капелька мысли о томъ, что у человѣка есть какія-то обязанности къ человѣку-же,—обязанности, не входящія въ кругъ заботъ и обязанностей моего дома, моего хозяйства, моего тяжкаго труда. Ночлежный домъ устроенъ не только для личнаго удобства обывателей, но и для удобства неизвѣстныхъ, не имѣющихъ пристанища, людей, а это ново, удивительно ново въ наши сѣрые, тяжелые, угрюмые дни... Вѣдь дѣйствительно мы всѣ рѣшительно забыли о томъ, что называется чужая бѣда; «общее благо» превратилось въ самое пошлое выраженіе, не имѣющее смысла, выраженіе окаменѣлое и не только не разрабатываемое общественнымъ сознаніемъ, не только не совершенствующее это сознаніе, не очищающее его отъ непропорціонально владѣющихъ имъ страха жизни и узкости жизненной задачи, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ приводящее понятіе о «благѣ» до размѣровъ маковаго зерна и твердости камня. Весь жизненный горизонтъ заставленъ такъ называемыми вопросами, проектами и т. п., но холодомъ пустого погреба несетъ отъ нихъ. Рубль и желаніе не потерять его видно въ каждой изъ этихъ, загораживающихъ свѣтъ, «серьезныхъ» общественныхъ задачъ — человѣка не видать за ними: не видать его души, его мученій, страданій, недоумѣній, желаній... Весь горизонтъ заставленъ и загороженъ толпами людей, исполняющихъ обязанности», но не знаешь, во имя какой цѣли все совершается... Скрипятъ перья, сабля звякаетъ у бедра урядника, рысью ѣдущаго верхомъ, сторожъ тащитъ кучу пакетовъ на почту — все это дѣла, отъ всѣхъ вѣетъ только однимъ: «не твое дѣло», «пошелъ прочь», «здѣсь *свои дѣла*, посерьезнѣе *твоихъ*». И вотъ эти-то «свои» дѣла, какъ непріятный и неделикатный гость, поселившійся въ вашей комнатѣ и не стѣсняющійся въ своихъ привычкахъ, несмотря на то, что онъ въ чужомъ домѣ, не даютъ возможности быть самимъ собой... Волей-неволей надо молчать и ждать, покуда неделикатность уѣдетъ. Иногда изъ нежеланія самому поступить съ этимъ гостемъ грубо и выпроводить его, иногда изъ невольнаго страха вызвать въ неделикатномъ человѣкѣ еще болѣе неделикатныя черты характера, вы молчите, говорите себѣ: послѣ, когда уѣдетъ, я примусь опять за свое... И, право, если это неделикатное посѣщеніе продолжается долго, можно легко поддаться угнетенному душевному состоянію, потерять нить мыслей, прерванныхъ появленіемъ гостя, а иногда и забыть эти мысли, да такъ забыть, что и не вспомнишь... Гость уѣхалъ, а не знаешь, что дѣлать, забылъ, о чемъ думалъ... «Что это я хотѣлъ?»—припоминаешь, и не можешь припомнить...

Вамъ говорятъ: пакеты, которые сторожъ тащитъ на почту, и урядникъ, который ѣдетъ верхомъ, и вопросы, которыми загроможденъ горизонтъ, — все это дѣлается во имя общаго блага... Я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ—иначе зачѣмъ вся эта суета и возня?—но я не могу утаить, что у меня нѣтъ совсѣмъ съ этимъ связи, я по человѣчеству-то не задѣтъ этимъ за-живое. Несмотря на то, что весь горизонтъ сплошь уставленъ и загроможденъ «серьезнѣйшими» вопросами,—какъ человѣкъ, живое существо, я чувствую, что мнѣ только холодно отъ нихъ... Вся психологическая сторона, вся духовная и экономическая драма хотя-бы такого явленія русской жизни, какъ «кабакъ», на горизонтѣ обозначена «питейнымъ вопросомъ», но ничего общаго съ живымъ человѣкомъ, приведеннымъ къ кабаку множествомъ психологическихъ и иныхъ причинъ, не имѣетъ. «Патентъ есть?»—«Есть». Только и всего. А человѣкъ, валяющійся въ канавѣ, *къ дѣлу* не относится... Улучшеніе быта духовенства, стоящее на горизонтѣ, опять-таки игнорируетъ всю психологическую сторону дѣла. Загроможденъ горизонтъ вопросами, но всѣ они съужены до размѣровъ рубля серебромъ; всѣ они не освѣщены, не согрѣты и не соединены другъ съ другомъ мыслью о томъ существѣ, которое въ зоологіи называется «человѣкомъ», нигдѣ объ этомъ существѣ не сказано ни единаго слова. Всѣ вопросы поставлены въ обрѣзъ, жестко и «безъ разговоровъ». На первомъ планѣ стоитъ прямо «дороговизна съѣстныхъ припасовъ», а за припасами непосредственно слѣдуетъ «улучшеніе быта»; но зачѣмъ все это, и какую такую мою, личную, человѣческую сторону будетъ удовлетворять тотъ или другой начальникъ, поборовъ дороговизну

съѣстныхъ припасовъ,—неизвѣстно, и никто этого не знаетъ.

Да и вообще, говоря биржевымъ словомъ, «съ *человѣкомъ*—тихо», и вниманіе къ нему, къ его божественному (эва!) происхожденію превратилось въ нуль, и во всемъ мірѣ по этой части творится что-то недоброе... Возьмите хоть египетскую войну и скажите, было-ли что-нибудь подобное съ сотворенія міра? Прежде воевали народы, но и владыки народовъ воевали одновременно — владыки даже вели бой... Теперь владыки съ владыками находятся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, только и пишутъ другъ другу о дружественныхъ чувствахъ, а подданные дерутся. И за что?.. Прежде всякая драка начиналась непремѣнно во имя какого-нибудь высшаго интереса, высшей цѣли... «Освободить гробъ отъ ига... Освободить отъ ига вообще... За вѣру... За порядки и цивилизацію... За освобожденіе... Наконецъ, просто—покорить, завоевать...» Ничего этого нѣтъ въ данномъ случаѣ: завоевывать никто ничего не хочетъ; ни о вѣрѣ, ни о свободѣ или освобожденіи нѣтъ и рѣчи, а просто только: «отдай деньги!»—и больше ничего. Въ Англіи вздорожали «съѣстные припасы» (такъ и въ манифестѣ объ объявленіи войны написано), нужны деньги, феллахъ не платитъ; и вотъ англійскіе купцы подсылаютъ флотъ съ пушками и начинаютъ выбивать недоимку изъ мужиковъ Египетской губерніи. Заряжаютъ пушки, палятъ—палятъ день, два—и посылаютъ парламентера, у котораго на знамени написано: «Отдай апрѣльскій купонъ въ два съ полтиной!». На встрѣчу этому парламентеру выѣзжаетъ другой, у котораго написано: «Повремените, покуда овесъ продадимъ, хотя до Покрова». — «Мы ужъ повременили, отвѣчалъ Сеймуръ, судебный приставъ англійскихъ купцовъ,—довольно! Вамъ довѣряли, хотѣли какъ лучше, а вмѣсто того — одна неблагодарность... Приноси купонъ, а не то опять начну выбивать пушкой. У меня разговоръ коротокъ». А падишахи въ это время сидятъ, пьютъ кофе, говорятъ другъ другу любезности и ожидаютъ, когда уйдетъ судебный приставъ, чтобы опять взять въ руки бразды правленія. Сыновья солнца, братья луны, отцы вселенной не могутъ воспрепятствовать, при всемъ своемъ могуществѣ, истреблять собственныхъ своихъ подданныхъ купцу—истреблять тысячами за то, что у купца векселя неоплаченные въ карманѣ. «Банки возроптали...» А возроптали, такъ можно и изъ пушки двинуть... Совершенно частные интересы—банковые, акціонерные, интересы рубля—съ пушками вторгаются въ страну за полученіемъ недоимокъ, и сынъ солнца ничего не можетъ сдѣлать. Представитель англійскихъ міроѣдовъ съ пушками и бомбами лѣзетъ черезъ моря и океаны и кричитъ: «отдай купонъ!». Онъ знать ничего не хочетъ — ни трактатовъ, ни конвенцій. «Это до насъ не касающее. Отдай купонъ, больше ничего!..» Претъ, преодолѣвая всѣ преграды и пренебрегая всякими приличіями и обычаями, и если обнаруживаетъ какое-нибудь и къ чему-нибудь вниманіе, такъ единственно только въ случаѣ, когда натыкается на другого купца, у котораго тоже векселя. Представитель совершенно *частной* компаніи, т. е. кучки *частныхъ* лицъ, человѣкъ, не облеченный и каплею той власти, которою облечены падишахи, Лессепсъ пріѣхалъ въ Суэцъ и говоритъ: «Тутъ я не пущу. *Я* тутъ *хозяинъ*... *Я* не позволю».—«Да намъ деньги надобно получить!» — возражаетъ Сеймуръ и лѣзетъ съ флотомъ, полагая, что разъ онъ сказалъ: «мнѣ деньги получить», такъ тутъ ужъ разступись все и вся... Однако, нѣтъ!—«Да и намъ тоже нужно деньги получать,—возражаетъ Лессепсъ:—что вы ужъ очень-то!»—«Да у меня векселя...» ужъ робко возражаетъ судебный приставъ.—«И у насъ тоже векселя!» — гордо говоритъ Лессепсъ.—«Да вѣдь по купонамъ мнѣ надо съ нихъ получить... сами посудите, довѣряли, а на мѣсто того... Позвольте пожалуйста проѣхалъ, выпалить изъ пушки!» — «Мнѣ тоже надо получать по купонамъ».

Такъ и остановилъ одинъ цѣлый флотъ. *Одинъ* человѣкъ, *частное лицо*, представитель *десятка частныхъ лицъ* — взялъ да и остановилъ цѣлый флотъ, не далъ ему ходу, не побоялся пушекъ и пуль, и имѣлъ силу все это сдѣлать *только* потому, что ему *тоже* надо деньги получать. Только потому его и понялъ и «уважилъ» другой представитель группы *частныхъ* лицъ и банковъ, что понималъ огромное значеніе акта полученія купоновъ. «И вамъ тоже по купонамъ?..»—»Да-съ, и мнѣ-съ!»—«Ну, извините...» А падишахъ, сынъ солнца, братъ луны, при всемъ могуществѣ, не можетъ препятствовать ни флоту, ни разоренью подданныхъ, ни войнѣ, ни пожарамъ. Что же значитъ послѣ этого тотъ человѣкъ, съ которымъ расправляются—феллахъ? Напрасно онъ кричитъ: «Дайте продать овесъ!» «Неурожай!» «Разорился!» «Позвольте вздохнуть!». «Извольте выслушать, отчего...»—никакого вниманія! «Отдай купонъ!... Заряжай! Пли!»... Вотъ какія дѣла стали дѣлаться на бѣломъ свѣтѣ! «Отдай купонъ, не то убью»; а что касается тамъ какого-то твоего «личнаго» счастья, какого-то національнаго достоинства, какихъ-то семейныхъ и общественныхъ обязанностей, какихъ-то умственныхъ и нравственныхъ недоумѣній, жизненныхъ задачъ — наплевать! Отдай, а самъ хоть провались сквозь землю!» При такомъ «послѣднемъ словѣ», опредѣляющемъ главную задачу современной жизни,—словѣ, произнесенномъ и освященномъ отборными представителями отборнѣйшей и могущественнѣйшей націи всего свѣта—мудрено роптать на то, что урядникъ также выдвигаетъ на первый планъ «съѣстные припасы» и во имя ихъ желаетъ обезпеченія.

Но сказать о крайнемъ оскудѣніи «духовной дѣятельности» русскаго человѣка, о крайней ничтожности проявленій этой дѣятельности все-таки необходимо. Оскудѣніе духовной жизни до такой степени велико вообще, что иногда не только отказываешься дать объясненіе существованію всевозможныхъ лицъ, прикосновенныхъ ко всевозможнымъ учрежденіямъ, но не можешь объяснить и резона для собственнаго существованія. Живешь, глядишь,

и не знаешь—зачѣмъ все это, надобно ли это, изъ-за чего наконецъ на человѣчество навалилась такая масса необузданной скуки и почему такое мертвое молчаніе? Что вообще все это значитъ: «Домового-ли хоронятъ, вѣдьму-ль замужъ отдаютъ?» Вѣдь необходимо же, чтобы для каждаго амплуа было какое-нибудь объясненіе. И притомъ, если это амплуа желаетъ, чтобъ я, обыватель, уважалъ его, то объясненіе его существованія непремѣнно должно быть для меня пріятное, вызывать во мнѣ сочувствіе, иначе я могу только переносить это амплуа, не имѣя съ нимъ ни малѣйшей внутренней связи. Недавно мнѣ напримѣръ разсказали, что батюшка сосѣдняго прихода, посѣтивъ умирающую женщину, обратилъ вниманіе на двѣнадцатилѣтняго мальчика-сироту и спросилъ его: «Ходишь въ школу?»—«Нѣ!» отвѣчалъ мальчикъ.—«Отчего.»—«Денегъ нѣтъ» (надо платить пять рублей въ годъ). Батюшка подумалъ, поговорилъ съ мальчишкой и сказалъ: «Ну, ходи въ школу—я за тебя пять рублей заплачу!» И, точно, заплатилъ. Когда мнѣ разсказали объ этомъ случаѣ, повѣрите-ли: я цѣлый часъ не могъ придти въ себя отъ изумленія. «Какъ, пять рублей?»—«Да такъ—жалко мальчишку стало.»—«Да неужели только потому, что жалко стало?»—«Только!..» Удивительно, необыкновенно! Судите сами: *просто*, *такъ* (слова все диковинныя), батюшка *сжалился* и заплатилъ пять рублей за *чужого* мальчонку... Какъ хотите, а это удивительно. За это *въ самомъ дѣлѣ* слѣдуетъ уважать батюшку. Въ одномъ заграничномъ католическомъ городкѣ въ тяжкой болѣзни умирала русская женщина. Жила она въ бѣднѣйшемъ кварталѣ, въ бѣднѣйшей комнатѣ и послѣдніе дни ни откуда не имѣла помощи. Въ это трудное время, въ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ и мучительныхъ часовъ, которые проводила умирающая на чужбинѣ, въ дверь ея комнаты послышался стукъ. Отворили. Патеръ просунулъ руку съ конвертомъ, поклонился и ушелъ. Въ конвертѣ было 20 франковъ. Это конечно фокусъ—эти 20 франковъ пущены въ ходъ для завоеванія всего бѣднаго дома, въ которомъ была умирающая; но зачѣмъ этотъ фокусъ и почему фокусъ такой, а не другой?—Потому, что его дѣлаетъ монахъ. Этотъ поступокъ вполнѣ объясняетъ его званіе. У насъ не такъ. «Батюшка! сейчасъ повели въ волость драть Ивана Тимоѳеева. Богомъ вамъ божусь, занапрасно. Саршина на него осерчалъ, что онъ на учотѣ шумѣлъ, срамилъ его, и повелъ драть за грубость якобы. Вступитесь!»—«На это, другъ любезный, отвѣчу я тебѣ кратко: не мое дѣло! Я сунусь, а онъ на меня—кляузу, вотъ и возись съ нимъ...» И точно, какъ сунулся къ чѣмъ-нибудь хорошимъ, такъ и—кляуза. Кляузу примутъ во вниманіе, а насчетъ «хорошаго» скажутъ: «не твое дѣло». Ужъ такое «заведеніе», такая привычка. И вотъ, повинуясь порядкамъ этого «заведенія», батюшка садится на лавочку около своего дома и, слушая, какъ въ волости кричитъ мужикъ, нюхаетъ табакъ и говоритъ:

— Ишь, какъ запаливаетъ!

— Смородины нарѣзалъ! объясняетъ церковный сторожъ.

— Гдѣ-же смородину-то брали?

— Да тутъ, у Авдотьи.

— Хороша смородина-то?

— Смородина-то у ней буйная...

— Буйная?... Такъ хорошо-бы у нея кустика два-три...

— Что-жъ, можно.. У-ухъ какъ задуваетъ!...

— Да... Расходилась рука...

Вотъ почему мы предпочитаемъ другой типъ батюшки, который, говоря: «люби ближняго и помогай», въ самомъ дѣлѣ помогаетъ—даетъ пять рублей бѣдняку. Этотъ поступокъ оправдываетъ мѣсто, занимаемое имъ, и даже просьбу о прибавкѣ: она будетъ у такого батюшки формулирована не одною только дороговизной солонины, которая (какъ пишутъ въ прошеніяхъ) «*достигла* даже до 14-ти копѣекъ!..» Поэтому-же самому намъ, обывателямъ, пріятнѣй бы было, еслибъ и начальникъ станціи (о которомъ упомянуто въ началѣ), вмѣсто того чтобы не давать жалобной книги, напротивъ, самъ бы прибѣжалъ съ ней, самъ-бы сказалъ: «Боже, какое происшествіе!»—а не ломался бы, не говорилъ-бы глупыхъ словъ: «съ опозданіемъ» и т. д въ то время, когда живой человѣкъ разбился на нашихъ глазахъ въ дребезги. Поэтому-же самому намъ пріятны и судьи, которые оправдали солдата, «растратившаго патронъ», и сказали: невиновенъ. Поэтому-же самому пріятны и мужики, которые наняли для нищихъ и для странныхъ домъ, купили дровъ, хотя и могли, на основаніи господствующей моды, вслѣдствіе которой «люби ближняго» значитъ: «чужая не приставай», или «не твое дѣло»—просто гнать нищихъ отъ своихъ воротъ, говоря кроткимъ голосомъ: «не прогнѣвайся», «иди себѣ съ Богомъ прочь!» и т. д. Спрашивается: что же именно во всемъ этомъ пріятнаго и въ чемъ заключается эта пріятность? Неужели только въ томъ, чтобы понимать и знать, зачѣмъ существуетъ то или другое амплуа на бѣломъ свѣтѣ?—Нѣтъ, мнѣ мало понимать всѣ эти общественныя амплуа, мнѣ надо знать, что они хлопочутъ о томъ, чтобы мнѣ было лучше. Зла, тьмы, тяготы, невѣжества и такъ довольно—все это мы воспроизведемъ безъ всякихъ поощреній и одобреній; для увеличенія тягости и холода жизни не нужно никакихъ амплуа и не стоитъ такимъ амплуа давать прибавки, хотя-бы солонина достигла и семнадцати копѣекъ за фунтъ. Намъ надо добра, правды, облегченія жизни, ободренія того хорошаго, что въ насъ есть; намъ надо, чтобы всѣ эти амплуа, хоть изъ пятаго въ десятое, знали и понимали, что такое значитъ слово «общее благо». Но вѣдь ужасно сказать: самое понятіе, заключающееся въ этомъ словѣ, исчезло совершенно изо всѣхъ амплуа, и мы, обыватели, не чувствуемъ смѣлости проявлять хорошія побужденія, убѣждаемся, что они вышли изъ моды, что главное—не это, а «не твое дѣло» и «дороговизна съѣстныхъ припасовъ». И стоитъ дьявольская тоска. Солонина «достигла» 20 к.—неизвѣстно отчего. Батюшка сидитъ дома и ду-

маетъ объ улучшеніи быта—неизвѣстно съ чего. Въ волости «наказываютъ Ивана Родіонова—неизвѣстно за что. Урядникъ ѣдетъ рысью—«не извѣстно куда и зачѣмъ...» Неизвѣстно, зачѣмъ прилетѣла птица подъ окно... Солнце свѣтитъ... Солонина «достигаетъ»... И становится, «неизвѣстно отчего», «страшно»...

VII. Деревенская молодежь.

«...Однако—возразитъ мнѣ читатель—несмотря на всѣ ваши причитанья о томъ, что вообще понятіе объ общемъ благѣ какъ бы вообще иссякло и исчезло, дѣятельность народнаго духа вовсе не замерла. Вѣдь вотъ устроили же ночлежный домъ для странныхъ. И никакихъ тутъ ни указаній, ни поощреній, ни поддержекъ не было... Стало-быть и безъ всякихъ наемныхъ или ненаемныхъ дѣятелей народъ сдѣлаетъ себѣ самъ все, что ему нужно и что онъ найдетъ полезнымъ. Лучше всего оставить его въ покоѣ, право...»

Все это справедливо, и все это я понимаю и знаю. Знаю я, что духъ народный не умеръ и не умретъ; знаю, что рано или поздно, убѣдившись, что «люби ближняго»—не одно и то-же, что «свои собаки грызутся—чужая не приставай», народъ «самъ» примется за объясненіе этихъ словъ. Знаю, сколько бѣдъ и напастей, зла и трудностей произойти отъ этого можетъ. Знаю я, что все это идетъ и сейчасъ на глазахъ у всѣхъ насъ, но я утверждаю, что это идетъ съ «ненужнымъ» зломъ, съ «ненужными» мученіями—идетъ безобразно, дико, нелѣпо. Вѣдь для того, напримѣръ, чтобъ устроить ночлежный пріютъ для «странныхъ» и сдѣлать это «своими средствіями» необходимо было, чтобы каждая изъ деревень, принявшихъ въ этомъ участіе, сгорѣла по крайней мѣрѣ раза четыре отъ трубки, которую забылъ прохожій въ сѣнѣ; надобно было, чтобы рѣшительно *всѣ* были много разъ обокрадены, хотя и въ разное время и въ разныхъ размѣрахъ. Крестный ходъ, учрежденный тоже по собственной иниціативѣ крестьянами села Зайцева, учрежденъ потому, что *весь* скотъ переболѣлъ у всѣхъ; другой ходъ въ той-же деревнѣ учрежденъ потому, что во всѣхъ дворахъ холера выѣла людей, и т. д. Надобно было, чтобы воровскія наклонности прохожихъ всѣми ощутились въ такихъ неудобныхъ размѣрахъ, чтобы *всѣ* заговорили о необходимости ночлежнаго дома... Но вопросъ о безпріютномъ человѣкѣ—такой огромный общественный вопросъ, что его можно и должно ставить предъ общественнымъ вниманіемъ, не дожидаясь, покуда онъ поставитъ себя воровствомъ, пожаромъ и т. д. Я очень хорошо знаю, что народъ не можетъ вѣрить, будто-бы «люби ближняго» есть то-же самое, что «чужая не приставай», —знаю, что онъ будетъ искать подлиннаго объясненія этихъ словъ, знаю всю ту огромную муку, которая ему предстоитъ; но почему я, зная это, долженъ молчать—этого я не понимаю и понять не могу. Такъ во всемъ. Нисколько не теряя вѣры ни въ народную душу, ни въ народный умъ, мы, люди, принадлежащіе къ такъ называемой интеллигенціи, но по несчастью забывшіе, что *обязанность* наша—непремѣнно помнить только о благѣ общемъ, чтобы дѣятельностью *въ этомъ* смыслѣ оправдывать свое положеніе,—присутствуемъ предъ поразительно-безобразнымъ зрѣлищемъ. Видимъ, какъ «своими средствіями»—всегда тяжелыми, грубыми, мучительными, исполненными страданій, ошибокъ и напрасныхъ мученій,—народъ ставитъ и пытается разрѣшить такіе вопросы, которые давнымъ-давно поставлены; глядимъ на это и *знаемъ*, что «рано-ли, поздно-ли» (десятками лѣтъ) онъ придетъ именно къ тому фазису вопроса, который давно у насъ ужъ предъ глазами... Народъ, идя къ разрѣшенію того или другого занимающаго его вопроса, бредетъ ощупью, не зная завтрашняго дня... Мы знаемъ этотъ день и—молчимъ.

Опытъ осчастливить Русскую Землю помощью людей, хотя и называющихся общественными дѣятелями, но неимѣющихъ понятія о томъ, что общественная дѣятельность можетъ выражаться *только* въ заботахъ объ *общемъ* благѣ,—опытъ этотъ, какъ теперь всякому извѣстно, былъ сдѣланъ въ грандіознѣйшихъ размѣрахъ и, какъ тоже извѣстно, привелъ къ весьма неблагопріятнымъ результатамъ. Вѣдь не объ общемъ-же благѣ заботились люди, расхищая милліоны оренбургскихъ земель, общественное народное достояніе и богатство? Вѣдь не объ общемъ благѣ хлопотали господа интенданты, расточая милліоны, десятки милліоновъ народныхъ денегъ, каждая копѣйка которыхъ добыта тяжкимъ трудомъ? Развѣ имѣли въ виду общее благо господа желѣзнодорожники, кладя въ карманъ себѣ милліоны, сотни милліоновъ народныхъ денегъ и проводя дороги тамъ, гдѣ захочется? Развѣ объ общемъ благѣ думали массы хищниковъ, опустошая банки, растрачивая общественныя кассы, взламывая земскіе сундуки и т. д.? Развѣ объ общемъ благѣ думаетъ вся масса Псой Псоичей, Титъ Титычей, большихъ и малыхъ, вся свора міроѣдовъ и кабатчиковъ?... А наше прошлое съ Тарасами Скотиниными, Митрофанушками, Фамусовыми, Репетиловыми, Скалозубами и т. д., и т. д.—развѣ оно повинно въ заботѣ объ общемъ благѣ? А наше настоящее съ Колупаевыми, Разуваевыми, съ дѣльцами, съ хищниками, со всей этою сворой всякаго сорта жестокихъ людей—развѣ оно слышало когда-нибудь объ общемъ благѣ?... Но мы рѣшительно не въ силахъ даже приблизительно, даже въ общихъ чертахъ изобразить все могущество, все обиліе, все безпредѣльное пространство, которое наполнялъ и наполняетъ въ прошломъ, въ настоящемъ и будетъ наполнять въ будущемъ типъ человѣка, не имѣющаго понятія объ общемъ благѣ... «Будетъ», «довольно», ради Бога довольно *этого* типа!—отъ глубины возмущеннаго чувства можетъ только воскликнуть всякій русскій человѣкъ. Довольно *этого* типа! Пора ему выходить изъ моды! Онъ ничего не можетъ сдѣлать, кромѣ зла; онъ все расша-

таетъ, расхититъ, налжетъ, предастъ и исчезнетъ, оставивъ однѣ развалины. .

Вотъ этой-то интеллигенціи, для которой дороговизна съѣстныхъ припасовъ есть единственное руководство въ выборѣ той или другой общественной обязанности (сегодня—урядникъ,завтра—дьячокъ), воистину пора выходить изъ моды и дать дорогу — не скажу уже готовой, «настоящей» интеллигенціи, а хотя тѣмъ вопросамъ общественнаго блага, которые могутъ образовать эту настоящую интеллигенцію. Да, еще «образовать» ее надобно — такъ она слаба, не увѣрена въ себѣ, во всѣхъ тѣхъ видахъ, которые доступны ей въ настоящемъ. Общественное благо, вопросы насущной жизни, изъ которыхъ оно слагается,—вотъ единственно что можетъ прекратить ту молчаливую, но жестокую борьбу такъ-называемыхъ партій, сосредоточившихъ свою ожесточенную мысль только на способахъ наилучшаго выраженія негодованія сосредоточившихъ до такой степени, что за «способомъ» не видишь ужъ самой причины борьбы и только спрашиваешь, во имя чего-же все это совершается?.. Только вопросы общаго блага, поставленные широко, сами собой уничтожатъ эту наемную, изъ-за денегъ, изъ-за съѣстныхъ припасовъ толкущуюся интеллигенцію и дадутъ смыслъ и частной, и общественной жизни.

Скоро-ли и когда именно наше отечество разлюбитъ отверженные типы наемной интеллигенціи —міроѣдство всевозможныхъ размѣровъ и формъ— скоро-ли оно убѣдится, что искренняя забота объ общественномъ благѣ только одна и можетъ дать жизнь нашему, постыдно бездѣйствующему нравственному міру— не знаемъ и рѣшать не беремся; но о томъ, что въ отдаленіи отъ малѣйшаго знакомства съ обязанностями человѣка къ ближнему, къ обществу, воспитывается все милліонное молодое поколѣніе, сказать необходимо.

Въ «Наказѣ» Екатерины мы находимъ такія строки: «Законы должны быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цѣну достать можно на подобіе букваря... и для того предписать надлежитъ, чтобы *во всѣхъ* школахъ учили дѣтей непремѣнно: изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ, кои законодательство содержатъ». Книги, кои «законодательство содержатъ». — содержатъ кратко формулированный сводъ обязанностей отдѣльнаго человѣка къ обществу. Авторъ «Наказа» желалъ, чтобы съ гражданскими обязанностями народъ во всѣхъ школахъ былъ ознакомленъ наравнѣ съ религіозными. Слѣдовательно онъ считалъ нужнымъ не скрывать отъ массъ того, что во имя общаго блага считается вреднымъ и полезнымъ, и т. д. И это было при крѣпостномъ правѣ, когда народъ могъ и не отвѣчать за свои общественные порядки, какъ бы дурны они ни были. Теперь, черезъ сто лѣтъ, ни о чемъ подобномъ нѣтъ и въ поминѣ. Нельзя говорить именно о томъ, что нужно и о чемъ спрашиваютъ, — вездѣ ссылаются на крамолу, точно ее слѣдуетъ уничтожать поголовнымъ невѣжествомъ массъ...

Теперь представьте себѣ, что гдѣ-нибудь, въ волостномъ правленіи или у сельскаго старосты, совершается какое-нибудь изъ безчисленныхъ вопіющихъ дѣлъ: беззаконный контрактъ, пьяный судъ, нелѣпый учетъ какого-нибудь обиралы. Ни судьи, ни депутаты, ни «оконтрачиваемые» мужики— никто не знаетъ, что пишутъ, что считаютъ, какія цифры выговариваютъ, но чувствуютъ, что дѣлается что-то «въ ущербъ». Никто не знаетъ ни грамоты, не умѣетъ ни прочесть, ни написать; не кому по душѣ, по совѣсти, растолковать, вступиться и т. д. А напротивъ— школа, и тамъ никогда, ни по какому поводу ни батюшка, ни учитель ни единымъ словомъ не заикнется о томъ, что «нехорошо», молъ, такъ дѣлать, какъ дѣлается тамъ, напротивъ. Ни съ божеской, ни съ человѣческой стороны общественныя обязанности не обсуждаются, не становятся на очередь. Пишутъ о бѣломъ медвѣдѣ, о самоѣдахъ, рѣшаютъ задачу объ «аэронавтѣ, который, поднявшись на высоту 367 футовъ, уронилъ табакерку», и т. д. А кругомъ кишатъ милліоны задачъ, которыя должны быть удовлетворены этими-же мальчиками, будущими деревенскими жителями, общинниками.

Не такъ давно, задумавъ составить книжку для дѣтскаго чтенія, я обратился къ нѣкоторымъ учителямъ К— ской губерніи съ просьбою задать ученикамъ сочиненія на разныя темы. Были выбраны: «Домовой и вообще нечистая сила», «Сходка», «Сирота» и «Драка». И что же?—Лучше всѣхъ, то есть разнообразнѣе и у каждаго по своему были написаны сочиненія о нечистой силѣ!.. Тема— нейтральная: о домовомъ думай сколько хочешь, твоя воля — никто не мѣшаетъ. А хуже всего вышла «Сходка»,—явленіе, которое постоянно на глазахъ у всѣхъ. Сходку учителя должны были «растолковать», то-есть почти разсказать все содержаніе этой темы. Всѣ сочиненія вышли одно въ одно, слово въ слово—такъ, какъ растолковали учителя: оффиціально, мертво, безъ единой живой черты. «Драка» и «Сирота»—явленія деревенской жизни, поминутно встрѣчающіяся, были еще хуже. Всякій видѣлъ и зналъ сироту и всякій глядѣлъ на драку—и всетаки очень плохо и небрежно написано и о томъ, и о другомъ. О сиротѣ нужно было также толковать: отчего сирота бываетъ? Куда онъ дѣвается, когда онъ выростаетъ?.. Всѣ эти вопросы удивили мальчиковъ тѣмъ, что вдругъ сдѣлались предметомъ вниманія и нѣкотораго изученія. Въ «Дракѣ» описывалось только, кто чѣмъ кого ударилъ: «она его желѣзиной, а онъ ее сгребъ» и т. д. А когда стали разспрашивать о причинахъ этой драки, вопросъ за вопросомъ, то очень многіе не могли ничего отвѣтить, хотя тема и была дана потому, что въ деревнѣ живетъ буйное семейство и живетъ много лѣтъ. Такимъ образомъ вниманіе къ ближнему, не изъ личныхъ только побужденій,оказывалось весьма мало развитымъ. Палку, которою бьютъ, примѣчаютъ, больно ли — тоже помнятъ, а корень этой горькой жизни, которая у всѣхъ на виду, — это не касается, или, по-крайней-мѣрѣ: «чужая не приставай». Самое общественное изъ общественныхъ дѣлъ—сходка—

ни у кого не возбудило никакого серьезнаго вниманія, даже тѣни вниманія.

Я знаю, что лучшія силы въ народѣ не увѣруютъ въ то, что «люби ближняго» значитъ — «чужая не приставай»; но упорное отсутствіе изъ народнаго воспитанія всего, что способно облагородить душу человѣческую, не можетъ остаться безъ послѣдствій. Худы были и безобразны, нелѣпы, глупы и наглы тѣ типы всевозможныхъ саврасовъ и недорослей, выходившіе до нынѣ изъ другихъ, болѣе достаточныхъ классовъ; но все это сравнительно съ тѣмъ, что въ этомъ родѣ намъ предстоитъ видѣть, по-истинѣ капля въ морѣ. Одно количество «саврасовъ будущаго» должно уже поразить своими громадными размѣрами, такъ какъ этотъ новый контингентъ олуховъ обѣщаетъ выйти не изъ такихъ сравнительно немногочисленныхъ слоевъ общества, какъ купечество, чиновничество и т. д., а изъ милліонной массы народа. На тысячу душъ навѣрно можно положить по пятку болѣе или менѣе благонадежныхъ міроѣдовъ; у всѣхъ у нихъ есть дѣти, опора и надежда; дѣти эти ужъ не работаютъ, не возятся въ навозѣ, они — въ «пинжакахъ», «при часахъ», взыскиваютъ по тятенькинымъ распискамъ и засѣдаютъ въ трактирномъ заведеніи. Коньякъ, портвейнъ — это имъ извѣстно. Карты также въ большомъ ходу. Эти новые люди никогда не знали и не узнаютъ, что такое книги, что значитъ читать, ни о какихъ буквально вопросахъ, ни жгучихъ, ни нежгучихъ, никто и никогда изъ нихъ не думалъ, ни о какого рода работѣ мысли не имѣетъ понятія, не можетъ быть приставленъ ни къ какому дѣлу, гдѣ нужно напряженіе ума, потому что деньги наживаются простымъ отнятіемъ чужого. Лѣнь, наглость, невѣжество, гордость и страшныя замашки деспотизма, воспитываемыя покорностью и безропотностью снимающихъ шапки мужичонковъ, привычка постоянно торжествовать надъ всевозможными попытками этихъ мужичонковъ къ протесту — вотъ нравственный матеріалъ, съ которымъ ломится на общественную арену милліонная толпа дюжихъ, здоровенныхъ саврасовъ и недорослей новаго сбора. Что вотъ съ этими-то молодцами дѣлать, когда они явятся попить, погулять, себя показать и другихъ посмотрѣть и во всякомъ случаѣ надѣлать «шкандалу»? Вѣдь они до тѣхъ только поръ могутъ считать себя тѣмъ, что они есть, т. е. потомками совершенно благонадежныхъ людей, называемыхъ къ несчастью міроѣдами, покуда ихъ поддерживаютъ деньги. Но вѣдь пропить ихъ не долго, и тогда что они будутъ дѣлать съ своими волчьими ртами, деспотическими сердцами, пустыми головами и безъ малѣйшей привычки къ добросовѣстному труду?..

ВОЛЕЙ-НЕВОЛЕЙ.

(Отрывки изъ записокъ Тяпушкина.)

Вмѣсто предисловія.

I.

Ужъ и не пересчитаешь, сколько разъ я принимался за этотъ романъ, или повѣсть, или мемуары; сколько разъ я былъ вполнѣ увѣренъ, что это надо сдѣлать и сколько разъ разувѣрялся! Сотни разъ — какое? — сотни тысячъ разъ по крайней мѣрѣ рука моя написала: «глава первая», двѣсти тысячъ разъ она написала «часть первая, глава первая», и всѣ эти сотни тысячъ начинаній оканчивались тутъ-же, на мѣстѣ, большей частью на этой же несчастной первой главѣ, а иногда и первой строкѣ... Потому что .. что такое? Я—человѣкъ неопредѣленнаго положенія, неопредѣленнаго званія, человѣкъ случайныхъ средствъ, человѣкъ случайнаго «встрѣчнаго» общества, человѣкъ неуравновѣшеннаго нервнаго развитія — слѣдовательно, какой же можетъ быть толкъ отъ моихъ наблюденій для людей, живущихъ не такимъ, «какъ бы по-вѣтру гонимымъ» обычаемъ? Только скучно! А еще будетъ скучнѣе, если я скажу, что наблюденія моего «отрывочнаго» существованія я, приступая къ ненаписанному роману, думалъ свести къ доказательству того, что такое явленіе, какъ я, положимъ, хоть Иванъ Тяпушкинъ, во-первыхъ, явленіе не единичное, а такъ сказать «продуктъ» такихъ-то и такихъ-то неизбѣжныхъ вліяній, продуктъ, личныя свойства котораго присущи... всему русскому обществу и народу! Если же я еще прибавлю къ этому, что личныя эти свойства заключаются въ неизбѣжности «пропасть» за что-то, лично меня некасающееся, нисколько даже мнѣ иногда ненужное, что съ другой стороны, отдавшись этому личному, я такъ-же *долженъ* пропасть, пустить себѣ пулю въ лобъ, то ясно будетъ, что навязать такую «неизбѣжность» всему обществу невозможно. И вотъ почему, написавъ «часть первая», «глава первая», я тотчасъ же и прекращалъ работу... А ужъ сколько этихъ началъ было! И «въ одинъ лѣтній вечеръ»... И «солнце склонялось къ горизонту»... И «Марья Васильевна лежала на кушеткѣ»... Одинъ разъ было даже «полулежала»... Ну, да что! Молчаніе!.. Молчаніе!..

Но въ послѣднее время или, вѣрнѣе, въ самые послѣдніе дни послѣдняго времени цѣлый рядъ явленій жизни, поистинѣ достойныхъ носить названіе «наглядныхъ несообразностей», вновь и съ особенной силой возбудилъ во мнѣ желаніе вытащить опять на свѣтъ божій мою любимую идею, что извѣстному поколѣнію русскаго общества обя-

зательно было «пропасть» во имя чужого дѣла, чужой работы, пропасть волей-неволей, потому что къ этому его привела вся всечеловѣческая жизнь и вся всечеловѣческая мысль, и что если оно не увѣруетъ въ это, не укрѣпитъ себя въ этомъ, то ничего, кромѣ самой ужасающей безплоднѣйшей и адски-мучительной глупости, выработать оно не можетъ. Эту любимую идейку о необходимости «пропасть» во имя лично для меня ненужныхъ, даже нежелательныхъ обязанностей, обязанностей тяжелыхъ, непривѣтливыхъ, я и захотѣлъ вновь показать на опытѣ моей случайной, во многомъ съуженной, изуродованной жизни. Явленія современной жизни, о которыхъ я говорю, сдѣлали то, что даже самая узость моихъ наблюденій, которая всегда меня пугала, теперь какъ бы ободряла, именно потому, что я самъ «съуженъ» и всѣ мои наблюденія «съужены» какъ-разъ на этой неизбѣжности «пропасть» не за свое, а за чужое, за что-то, отчего мнѣ ни тепло, ни холодно, и т. п. Или, нѣтъ—холодно! Ужасъ даже какъ холодно!..

А точно, мнѣ неизвѣстно даже, гдѣ и когда могли бы происходить такія явленія, о которыхъ я только-что говорилъ. Послѣдніе мѣсяцы настоящаго года я, за неимѣніемъ мѣста, провелъ такъ: поживешь въ Петербургѣ, устанешь—поѣдешь въ деревню къ пріятелю; тамъ поживешь, устанешь, поѣдешь въ Петербургъ... и такъ четыре мѣсяца подрядъ мыкался я и туда и сюда, уставалъ, уставалъ и уставалъ... и наконецъ до такой степени измучился, что одно время думалъ о неизбѣжности смерти, вслѣдствіе неотразимо надвигавшагося на меня психическаго разстройства, грозившаго умопомѣшательствомъ. Но къ счастью, вдругъ какъ-то напалъ на мысль — писать опять ту же ненаписанную повѣсть...

Впрочемъ, прежде всего необходимо подробно разсказать, какъ и отчего именно я уставалъ; надобно разсказать, какъ я провелъ осень, что̀ видѣлъ и испыталъ. Необходимо иной разъ коснуться и такихъ сценъ и фактовъ, которые пригодятся только потомъ, долго спустя послѣ этой первой главы моихъ замѣтокъ. Разсказывать всего по порядку—рѣшительно невозможно; впору справиться только съ самымъ памятнымъ и примѣтнымъ. Начну эти воспоминанія о прошлой осени съ такого событія, которое памятно не для одного меня, а для всей Россіи. Я говорю о похоронахъ Тургенева. Спрашиваю всякаго изъ ста тысячъ человѣкъ народа, присутствовавшаго на этихъ похоронахъ, что̀ это такое было, какъ не непрерывная цѣпь самыхъ невозможныхъ несообразностей, волею запутавшейся жизни сдѣлавшихся обязательными, неизбѣжными? Начиная съ появленія гроба въ дверяхъ варшавскаго вокзала и кончая могильнымъ холмомъ —весь восьмичасовой промежутокъ времени, ушедшій на процессію, обязывалъ рѣшительно всякаго изъ сотенъ тысячъ народа, присутствовавшаго на этихъ похоронахъ, переживать рядъ самыхъ непослѣдовательныхъ, нелогическихъ, болѣзненныхъ, безсвязныхъ впечатлѣній, и въ то-же время сознавать, что нелогичность, безсвязность, непослѣдовательность ихъ нужны, необходимы, неизбѣжны—словомъ, что «такъ надо», хотя въ то-же самое время и совершенно «не нужно». Ясное, свѣтлое осеннее утро; цвѣты, лавры, ленты и гробъ писателя, при имени котораго и при воспоминаніи о которомъ никакого иного представленія, кромѣ того, что и посѣтитель, и читатель его выносили—и отъ знакомства, и отъ чтенія—исключительно хорошія, свѣтлыя впечатлѣнія. Вспоминаются самые тихіе, пріятные, простые образы, густолиственныя аллеи, красота... молодость... любовь... глаза, заплаканные невинными слезами... кисея какая-то подвѣнечная чудится невѣдомо почему... холодные пальцы робкой женской руки... А на душѣ у всѣхъ тягота, камень сознанія, что «не намъ и не ему ѳиміамъ пахучій, цвѣты и лавры—нѣтъ!»... *). Что «тернъ колючій» *должны* мы вспоминать... по случаю, какъ видите, совершенно неподходящему. При болѣе или менѣе здоровыхъ условіяхъ жизни, и «тернъ колючій» вспомнили бы мы въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, а теперь онъ вспоминается вовсе не у мѣста, и выходитъ такъ, что *надо* вспоминать колючій тернъ въ такихъ обстоятельствахъ, которыя соотвѣтствуютъ именно лаврамъ и цвѣтамъ. Такъ вышло! Такъ надо! И вотъ съ такимъ-то извращеннымъ волею судебъ состояніемъ духа, съ камнемъ на душѣ, тысячи народа идутъ четыре-пять часовъ; мертвое молчаніе, напряженность, обязанность идти и знать, что внутренній душевный холодъ обязателенъ. Идемъ, и вдругъ видимъ взводъ казаковъ, молодецъ къ молодцу, которые почему-то невольно напоминаютъ стихъ Пушкина: «вмигъ слетѣлись въ общемъ крикѣ»... и даже не весь стихъ, а одно только слово «вмигъ».

Бога ради, читатель, не думайте пожалуйста, что, заговоривъ о казакахъ, я сдѣлалъ это изъ желанія представить себя «какимъ-нибудь эдакимъ» либераломъ, фанфарономъ, который представляется возмущеннымъ, фыркаетъ, осуждаетъ, фордыбачитъ—словомъ, «отличается» смѣлостью и свободою своихъ просвѣщенныхъ идей. Ни чуть и ни въ какомъ случаѣ. Я и говорю объ этихъ закубанскихъ молодчинахъ именно въ подтвержденіе той странности современныхъ «наглядныхъ несообразностей» жизни, что они, закубанскіе молодчинищи, *должны* были непремѣнно присутствовать здѣсь и что начальство непремѣнно должно было послать ихъ сюда. Такъ сложилась жизнь, что на похоронахъ Тургенева должно было и вспомнить тернъ колючій, и созерцать закубанцевъ. И всѣ это отлично понимали, и всѣ чувствовали несомнѣнно, что все это весьма странно и удивительно. Въ самомъ дѣлѣ, какая тутъ связь съ литературной дѣятельностью Тургенева и всѣми воспоминаніями о немъ, которыя роятся у всѣхъ присутствующихъ, начиная отъ частнаго пристава до студента съ вѣнкомъ въ рукахъ?—Никакой. Тургеневъ — и закубанецъ... вѣдь это Богъ знаетъ

*) Стихъ Я. П. Полонскаго.

что! А—*надо*, и всѣ знаютъ, что надо. Нелѣпо, а необходимо; и вообще такъ вышло.

И такъ, пройдя пять часовъ съ каменной тяготой воспоминаній о колючемъ тернѣ, вмѣсто цвѣтовъ и лавровъ, миновавъ несообразную и въ тоже время вполнѣ понятную встрѣчу съ закубанцемъ, мы наконецъ достигаемъ могилы и слушаемъ рѣчь Бекетова объ астрономіи. Теперь позвольте сосчитать всѣ впечатлѣнія, которыя мы пережили: Тургеневъ, Ася, густолиственная аллея, кисея подвѣнечная, закубанскій эскадронъ, рѣчь объ астрономіи. Какую связь, живую, здоровую, все это имѣетъ между собой? Живой и здоровой связи нѣтъ. Хоронимъ Тургенева, создателя цѣлой толпы чудныхъ и нѣжныхъ образовъ, а говоримъ объ астрономіи; при чемъ тутъ Тургеневъ? Ровно ни при чемъ. А закубанецъ при чемъ? Тоже ни причемъ.. Елена, Инсаровъ, Лаврецкій, густолиственная аллея... а плеть закубанская какъ попала? Неизвѣстно!.. Теперь, если такъ взять: какая связь между плетью и астрономіей, между вѣнкомъ отъ женскихъ курсовъ и закубанскимъ эскадрономъ? какая связь между Тургеневымъ и астрономіей, между астрономіей и терніемъ колючимъ? Ровно никакой!

Но жизнь пошла такими дебрями, дала такой нелѣпый оборотъ, что на каждомъ шагу стала создавать явленія тяготы, неизбѣжной, вполнѣ неминуемой и вполнѣ нелѣпой, и главное, безплодной. Возвратившись съ этихъ похоронъ, я чувствовалъ себя совершенно избитымъ впечатлѣніями дня. «Тургеневъ, эскадронъ... астрономія... а надо!» Вотъ что сверлило мой мозгъ, какъ буравомъ... Почему «надо»? спрашивалъ я себя, и тутъ мнѣ почему-то припоминалось освобожденіе крестьянъ, 19-е февраля, стремленіе въ народъ, «народное благо»... И тогда я впадалъ въ отчаяніе еще большее, потому что мои мысли еще болѣе спутывались, такъ какъ въ нихъ начинала чередоваться еще бо́льшая масса непонятныхъ и несоединимыхъ представленій... Освобожденіе... Ася... астрономія... 19-е февраля... закубанецъ... Тургеневъ... аллея... Какъ-же все это могло выйдти изъ 19-го февраля? Но когда начнешь думать объ этомъ, то приходишь къ роковому—«надо!». Такъ вышло! А когда опять начнешь перебирать въ подробностяхъ картину, которая вышла, то сталкиваешься съ подавляющимъ вопросомъ: къ чему-же все это нужно? Чего надо достигнуть всѣмъ этимъ? Зачѣмъ это и какой прокъ отъ этой адской тяготы,—тяготы, одинаково неудовлетворяющей никого: ни закубанца, ни Тургенева, ни астрономію, ни начальство?

Нѣтъ! надо отдохнуть! Отдохну, очувствуюсь, а потомъ и соображу.

II.

Отдохнуть я поѣхалъ въ деревню, къ пріятелю... И точно, здѣсь въ деревнѣ по крайней мѣрѣ понимаешь то, что видишь, и глядя на то или другое явленіе, можешь отвѣтить на вопросы: почему, зачѣмъ, отчего? Напримѣръ, тотчасъ по пріѣздѣ на станцію и по выходѣ на платформу, я, несмотря на тьму зимней ночи, вижу, что по близости платформы скопилась масса извозчиковъ. Вижу это и понимаю, что стало-быть «пріѣли» хлѣбъ-то, за первые-же мѣсяцы зимы. Что надобно его покупать, и вотъ почему десять человѣкъ пріѣхало за двумя пассажирами. А вотъ осенью, въ сентябрѣ, когда только-что убрались съ поля и когда хлѣбъ былъ у всякаго, тогда ни единаго человѣка нельзя было отыскать у той же самой платформы. Тьма и дождь, а ты ходи по платформѣ да жди бѣлаго свѣта. А если и навернется какой мужичонко, то только фордыбачитъ и иного слова какъ «рупъ» даже и понимать не хочетъ. Все это видимо и ясно.

Изъ десяти толпившихся на платформѣ, въ ожиданіи двухъ-трехъ пассажировъ, крестьянъ, окутанныхъ въ какую-то рвань, съ обледенѣлыми бородами и усами, мы — буквально два пассажира, какой-то лавочникъ и я—выбрали самаго подходящаго по части нужды въ хлѣбѣ: маленькаго двѣнадцати-лѣтняго мальчика. Крошечная фигурка, въ большой ямщичьей шапкѣ, съ кнутомъ изъ за пояса, достигавшимъ до полу, приглашала пассажировъ такимъ-же точно голосомъ, съ такими-же точно жестами и ухватками, какъ и взрослые бородачи, съѣвшіе свой хлѣбъ до Рождества. Ужъ если этотъ ребенокъ зябнетъ здѣсь въ три часа ночи, когда ему самое время спать, стало-быть въ его семьѣ и въ самомъ дѣлѣ жутко.

Сѣли и поѣхали, т. е. сначала сѣли и сидѣли довольно долго, покуда мальчишка дралъ свою лошадь кнутомъ. Дралъ онъ ее весьма долго, послѣ чего она потянулась впередъ, потомъ еще потянулась, а потомъ ужъ и сани поѣхали...

— Видно, кормишь плохо? спросилъ лавочникъ.

— Знамо, плохо!

— Сѣна нѣту?

— Нѣту!

— Такъ! Отъ этого она и нейдетъ.

— Знамо, отъ этого. Кабы кормъ былъ, такъ пошла-бы.

— Вѣрно! сказалъ лавочникъ.

И я подтвердилъ это. Все тутъ понятно и правильно.

Мальчикъ постоянно долженъ былъ стегать лошадь кнутомъ и дергать возжами, чтобы принудить ее страхомъ наказанія исполнять свои обязанности. И лошадь шла, подпрыгивая отъ каждаго удара. Но у кабака она вдругъ стала. Мальченко сталъ опять изо всей силы стегать ее и приговаривалъ:

— Это тятенька тебя, проклятую, пріучилъ...

— Али пьетъ, родитель-то? спросилъ лавочникъ.

— Эво! Знамо, пьетъ. У него только и дѣловъ, что пить...

— Отчего такъ ослабъ?

— Лѣнивый сталъ...

— Лѣнивый?.. Да ты чей будешь?

Мальчикъ сказалъ.

— Ну, знаю, знаю?.. Много-ль васъ въ семьѣ-то?

— Девять человѣкъ, да мать, да отецъ...

— А мужчиновъ-то много-ль?

— Да я одинъ.

— А то все дѣвки?

— Все дѣвки ..

— Ну такъ, такъ!.. Ослабъ! Отъ этого отъ самаго... Кабы мальчиковъ побольше, онъ-бы, отецъ-то, пободрѣй былъ: все бы ему надежда на подмогу, то-есть по муской-то части, въ хозяйствѣ... Ну, а то все дѣвки, это худо!.. Такъ, такъ, знаю!.. И мать-то твою знаю. Ужъ баба! Идетъ съ рѣчки, на одной рукѣ одинъ ребенокъ, на другой—другой, за руку третьяго ведетъ, четвертый за подолъ, да коромысло съ ведрами черезъ плечо, да на коромыслѣ-то бѣлья, рубахъ и прочаго настирано, навѣшано пуда съ два; да валикъ за поясомъ. Ноги какъ у цапли, тонкія да жилистыя... Всѣхъ кормитъ, отъ всѣхъ отгрызается, направо лягнетъ, налѣво амкнетъ... воюетъ за свое гнѣздо—одно слово! Вотъ отъ этого-то и разстройство—нѣтъ равновѣсу! Все на бабій бокъ вышло! Ну, мужику-то ужъ и обидно, вродѣ какъ подначальный у нихъ, потому эво ихъ какая сила!.. Что-жъ, отецъ-то дюже ослабъ?

— Отецъ-то? И совсѣмъ какъ полоумный сталъ.

— Что-жъ онъ дѣлаетъ по дому-то?

— Да чего ему? Лежитъ на печкѣ да пьетъ. По осени пошли молотить, а онъ колеса пропилъ.

— Ай, ай, ай!

— А то вотъ хомутъ хотѣлъ продать—слава тебѣ Господи, я хватился, пымалъ его: «куда ты, молъ, полоумный, тащишь хомутъ-то?» Ну, отнялъ отъ него... «Нѣтъ, братъ, говорю, погодишь!»

— А онъ что-же?

— Чего ему? Пошелъ на печку, ругается... «Мнѣ, говоритъ, литокъ хотѣлось попить!»

Чего?

— Литокъ хотѣлось ему попить... «Водки, говоритъ, хотѣлось...»

— Попить?

— Да? «Попить-бы мнѣ водочки, говоритъ, литокъ!.. скучно мнѣ, говоритъ, стало, попить захотѣлъ». —«Нѣтъ, говорю, любезный, погодишь!.. Ты бы, говорю, хошь лошадь мнѣ помогъ запречь на станцію-то съѣздить... Ты видишь, я еще малъ, мнѣ иное дѣло и не въ силу... Я вотъ пахать принялся-было, такъ только и руки, и ноги вывихлялъ, еще силовъ нѣтъ, а ты только-бы попить тебѣ, дураку». —«Мнѣ, говоритъ, скучно... Стану я тебѣ подсоблять, когда ты у меня хомутъ, подлецъ этакой, отнялъ». Да чего! На станцію-то не пущаетъ. Во всемъ домѣ хлѣба нѣту куска, а сталъ я ночью собираться—не пущаетъ. «Спи, говоритъ, чортъ! Покоя отъ васъ никакого нѣту. Вотъ встану—бить зачну...«Вѣдь вотъ какой полоумный! Чуть было не прибилъ!..

— Да, ослабъ, ослабъ! Да и ослабнешь!

Лавочникъ соскочилъ на перекресткѣ, а мы поѣхали дальше. Пустынный промежутокъ между двумя деревнями; самый молчаливый часъ ночи; темно, мрачно, тихо... И въ темнотѣ виднѣется что-то болѣе темное: присматриваясь, можно разсличить темную фигурку, еще болѣе маленькую, чѣмъ мой извозчикъ, и маленькія также черныя салазки. Темная фигурка маленькаго мальчика съ салазками посторонилась и забрела въ сугробъ снѣга.

— Куда это онъ въ такую пору?

— Въ лѣсъ идетъ!

— Зачѣмъ?

— А за дровами!

— Зачѣмъ-же ночью-то?

— Да вѣдь воровать будетъ. Нешто днемъ можно? Вѣдь увидятъ, а теперь спятъ.

— Развѣ своего лѣсу нѣтъ?

— Кабы свой былъ, такъ не воровалъ-бы...

— А ну, какъ его волки съѣдятъ?

— Такъ чего-жъ имъ не съѣсть? Захотятъ, такъ и слопаютъ... Но... голодная!

— Вѣрно! подумалось мнѣ. И все опять-таки правильно и понятно.

И на другой день все также хорошо... Утромъ выхожу на крыльцо вмѣстѣ съ моимъ деревенскимъ пріятелемъ. Стоитъ человѣкъ въ пиджакѣ, шарфѣ и картузѣ. Человѣкъ этотъ давно мнѣ знакомъ ремесломъ сапожникъ, но дѣлаетъ всякія дѣла: и деревья сажаетъ, и канавы копаетъ, и обоями обиваетъ. Ему лѣтъ пятьдесятъ, но онъ еще бодръ, держится посолдатски и старается всегда и спрашивать, и отвѣчать развязно и весело. Тутъ-же, около крыльца, стоитъ зачѣмъ-то деревенская женщина, старуха съ завязаннымъ и больнымъ лицомъ.

— Здравствуй, Василій! Что скажешь? спрашиваетъ пріятель.

— Къ вашей милости! Нѣтъ-ли какихъ дѣловъ? Я теперича не пью-съ, ни Боже мой!..

— Ты мнѣ много разъ говорилъ, что пересталъ пить - и все пьешь!

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость! Теперь нѣтъ, ни капли! Вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ даже росинки не было. Опять взялся исключительно за сапогъ. И теперь что вамъ угодно, хоть всю фамилію обошью и перечиню... Какъ можно пить! Я, позвольте вамъ сказать, почему пилъ? Я сталъ пьянствовать по случаю смерти жены... Когда она померла, то я впалъ въ тоску. Дѣвочку, которая осталась послѣ нея, отдалъ матери, остался въ пустомъ домѣ, ну, и зачалъ пьянствовать. Тутъ я дѣйствительно сталъ поступать безъ всякаго смысла. Первымъ долгомъ началъ съ того, что пошелъ въ садъ, вырылъ тамъ малину, смородину, вишни, яблони; вырылъ, продалъ и пропилъ. На кой онѣ мнѣ лядъ? Покончивши такимъ родомъ въ саду, пошелъ я въ амбаръ; закрома вынулъ, выломалъ, бочки изъ-подъ капусты, изъ-подъ огурцовъ выкатилъ, ведра, ушаты, лопаты, ломъ и весь прочій подобный хламъ свалилъ; отвезъ, продалъ и пропилъ. Эту часть пропивалъ я, прямо сказать, недѣли четыре, даже пожалуй весь, почитай, рождественскій постъ. Тутъ подошли праздники, гости, надо ужъ и другихъ угостить. Тогда я принялся за мебель: пропилъ я тутъ пять стульевъ, кожаныя сидѣнья, шкафъ, чашки, серебряныя ложки

двѣ, ризу, потомъ кіоту, столъ ломберный, круглый былъ столъ на колесикахъ—тесть подарилъ—тоже пропилъ; подъ одно пошли занавѣски, перины, самоваръ, котелъ для бѣлья, чугунъ—все прикончилъ втеченіе, такъ сказать, промежутка до масляницы. На масляной недѣлѣ подступилъ я къ дивану—диванъ, тоже дареный, со спинкой, пружинный, три аршина длины, аршинъ ширины, столярной работы, прочный, препрочный—сдвинулъ я его, поднялъ, вознесъ, выволокъ, взвалилъ, продалъ, пропилъ. Картины: видъ Іерусалима и Александръ Благословенный даруетъ миръ Европѣ, въ бѣлыхъ панталонахъ, на карту ногой наступивши и со шляпой,—къ буфетчику Ивану Антипову поступили. Кирпичу было припасено на поправку двѣ сотни—прекратилъ! Далѣе, такимъ-же родомъ прекратилъ одежу, перво женину, а послѣ того и свою собственную, до послѣдняго сапога, опорка и даже послѣдній ремень, гвоздь изъ стѣны - и то все пропилъ и окончательно достигъ до того, что является мнѣ самъ дьяволъ и говоритъ: «Одобряю тебя, мерзавца, за твои дѣла». И вотъ эдакъ лапой по лицу провелъ, со лба и по носу, передъ Богомъ, хотите вѣрьте, хотите нѣтъ! Ну, тутъ я испугался: оглядѣлся—вижу пусто, и страшно мнѣ, ни жены у меня, ни дочери, ни мебели, ни сада, ни одежи, ни полѣна дровъ, холодно мнѣ, жутко, страшно, боязно; думаю: «нѣтъ! надо бросить, а то и съ голоду помереть не долго». И потянуло меня на бракъ. Потому, страшно мнѣ безъ бабы. Думаю: возьму дочку, женюсь, примусь за работу, опять Богъ дастъ помаленьку-помаленьку какъ-нибудь. Все хоть въ печкѣ-то что-нибудь закипитъ... Вотъ тутъ я и бросилъ, сталъ искать невѣсту... Съ тѣхъ поръ, вотъ какъ женился, благодаря Создателя, капли во рту не было...

— А давно ли ты женился?

— Женился я, такъ сказать, вотъ ужъ пожалуй съ полгода...

— Ну, и что же?

— Да пока что—худова не было! Конечно, надо сказать прямо, старенекъ я... Я хоть и твердаго корпусу, ну, а ужъ все не тотъ во мнѣ взглядъ, какъ ежели взять молодого человѣка... Да и то сказать, вѣдь, по моему положенію и по годамъ, вѣдь и найдтить настоящую трудно. Какъ порѣшилъ я вступить во вторичный бракъ, думаю—кто за меня пойдетъ? Которая дѣвица жила въ хозяйственномъ домѣ, округъ скотины, пашни—той и мужъ такой надобенъ: ей надо, чтобы и ея бабья часть была полная... А у меня какое хозяйство! Вдову ежели...

— Тебѣ, Василій, въ сиротахъ надо бы искать!.. прогнусила присутствовавшая при этомъ разговорѣ баба, сквозь платокъ, которымъ были завязаны у нея носъ и ротъ.

— Вотъ-вотъ, подхватилъ Василій.—Именно твоя правда! Думалъ-думалъ я, прикидывалъ и такъ, и сякъ, и насчетъ вдовъ, и насчетъ дѣвокъ, и насчетъ прочихъ сортовъ—нѣтъ, не подходитъ. Оказывается такъ, что окромя какъ въ сиротахъ въ безродныхъ для меня способовъ нѣту. Пробовалъ было я присогласить у старухи у Пучковой дочь, потому старуха бѣдная, ну, и она-было ничего, «только, говоритъ, надобно погодить». «Обѣщалъ, говоритъ, мнѣ одинъ добрый человѣкъ кирпичу подарить полтыщи да тесу двадцать тесинъ на бѣдность, на поминъ души отцовской, такъ ежели подаритъ, такъ я, говоритъ, подправлю вторую половину въ избенкѣ, поставлю печку и коечто подошью тесомъ; тогда, говоритъ, эту половину у меня обѣщалъ урядникъ нанять... Вотъ, говоритъ, ежели получу кирпичъ и тесъ, и урядникъ у меня будетъ жить, то буду я имѣть доходу рубля четыре, и мнѣ, старухѣ, хватитъ; тогда я могу дочь мою отпустить, потому я и на четыре рубля проживу; ну, а коли ежели кирпичу онъ не дастъ, то слѣдовательно не дастъ и тесу, и фатеры я сдавать не буду—то мнѣ безъ дочери прожить нельзя, и въ бракъ я ее не отдамъ, пускай ходитъ хоть на поденщину, въ стирку, все хоть что-нибудь добудетъ». «Ну, думаю, говоришь ты, старушка, правильно, а все-таки изъ за твоего кирпича какъ будто-бы мнѣ безъ жены оставаться не приходится...» Да и дѣвку-то жалко. Дѣвка, сказать вамъ по совѣсти, оченно мнѣ по скусу пришлась... Потому—тепло отъ нея... Кажется, взять ее въ домъ, такъ и безъ дровъ изо всѣхъ трубъ пойдетъ дымъ и жаръ. Работяга, и нужду знаетъ, и изъ пустяковъ можетъ большую суету созиждить, а мнѣ отъ этого лучше, потому мнѣ страшно стало одному-то... холодно!.. Вотъ я хотя и слушалъ старухины слова и понималъ, а все же не сразу отсталъ отъ этого дѣла. Сталъ я съ самой дѣвкой разговоръ вести.—«Ежели, говорю, Марья, Иванъ Даниловъ кирпичу твоей матери не дастъ, такъ вѣдь ты такъ и останешься въ дѣвкахъ. А ежели бы за меня пошла, да какъ-нибудь справились, такъ тогда мы и мать бы взяли».—«Что-жъ, говоритъ, Василій, пожалуй». Подумала-погадала, наконецъ говоритъ: «увози меня такого-то числа съ посидѣлокъ». Это у насъ теперь заведеніе такое «увозомъ», чтобы свадьбы не справлять. Справить свадьбу, мало-мало шестьдесятъ рублей - а гдѣ ихъ взять? Опять ежели дѣлать свадьбу честь честью, такъ и приданое надо давать. А какъ нѣту приданаго-то, вотъ оно и неловко. Такъ чтобы ужъ не срамиться и понапрасну денегъ не тратить, вотъ надумали «увозомъ»... Тутъ и родителю-то ужъ есть случай сказать: «А! когда такъ, безъ моего согласія, такъ нѣтъ тебѣ и приданаго!» Это даже и родителю пріятно, особливо когда у него ничего нѣтъ. Ну, и гостей тоже приглашать не надо, да и не пойдутъ къ непочотчикамъ, это ужъ не настоящая свадьба, а воровская. И выходитъ такимъ образомъ экономія. Только отдай попу, больше ничего. «Увози, говоритъ, меня такого-то числа, а потомъ я посмотрю». Подсогласилъ я тутъ мужика, подъѣхалъ, вышла она съ посидѣлокъ, узелокъ при ней, сѣли, поѣхали. Пріѣхали домой.—«Ну, говоритъ, Василій, теперь мы чаю напьемся, а ужъ завтра я погляжу—быть мнѣ твоей женой или нѣтъ». Достала своего чаю, самоварчикъ я добылъ,

напились—легли спать. Я въ кухнѣ, она въ горницѣ, сѣна я ей принесъ На утро опять же напились чаю, пошла, поглядѣла домъ – ничего, домъ понравился; поглядѣла чердакъ—и чердакъ ничего: «хорошъ, говоритъ, чердакъ». Потомъ того кухню разсудила во всѣхъ суставахъ, только головой покачала, потому дѣйствительно я все тамъ растащилъ и пропилъ... Затѣмъ въ анбаръ - худо и въ анбарѣ: тоже ничего нѣтъ, не съ чѣмъ взяться: спрашиваетъ: «Корыто гдѣ?» Я говорю: «Что дѣлать! нѣту, куплю...»—«Лопата?»—«Нѣту, куплю!»—«Ушатъ?»—Опять нѣту.. Ничего нѣту. Походитъ, походитъ, спроситъ:—«А, напримѣръ, ухватъ или утюгъ, или горшокъ?»—«Нѣту, другъ мой, надо покупать...» Оглядѣла всѣ уголки, все обшарила, обсудила, пришла опять въ горницу, поставила самоваръ, опять своего чаю заварила.—«Нѣтъ, говоритъ, Василій, не подходитъ мнѣ за тебя идти. Что мы будемъ за хозяева? Вѣдь рукъ не къ чему приложить... Куплю-куплю, а на что? это значитъ: иди я, стирай опять да добывай на всякую малость окромя пропитанія; это мнѣ нѣтъ удовольствія. Что же мнѣ, самъ разсуди, съ такой скуки жить начинать?»—«Подумай, говорю, Авдотья, можетъ и подойдетъ какъ никакъ.»—«Я, говоритъ, подумаю, только наврядъ, чтобы это дѣло по мыслямъ мнѣ вышло». Пробыла она у меня такимъ манеромъ два дня, все думала; дровъ наколола, рубашку мнѣ выстирала и все думала... На третій день наконецъ встала, умылась, Богу помолилась.—«Нѣтъ, говоритъ, Василій, не подходитъ. Прощай! Пойду я домой. Чаю тебѣ оставляю на двѣ заварки и сахару, а ужъ что дѣлать, лучше же я при матери потерплю, а можетъ Господь и лучше судьбу пошлетъ».—«Ну, говорю, Авдотья, нечего дѣлать, прощай!» Одѣлась она, узелъ за плечи навязала, юбку подтыкала, взяла палку—и въ путь, пѣшкомъ,.. Ха-а-рошая, золотая дѣвка. Твердая, умная, лучше не надо... ужъ я и самъ подумалъ-подумалъ, вижу—цѣна дѣвкѣ большая. разсчету ей за меня идти нѣту. Проводилъ ее пѣшечкомъ за деревню... «Смотри, говорю, Авдотья, волки какъ бы тутъ не побезпокоили...»—«Эво, боюсь я ихъ!..» И ушла, хорошая, такая твердая... «Заходи когда!» говоритъ. Хорошая, хорошая — одно слово.. И точно, на ея счастье, Иванъ-то Даниловъ не обманулъ ейной матери, и кирпичу, и тесу далъ, и урядникъ переѣхалъ, да какъ увидалъ, какое добро Авдотья и какая округъ ея теплень и уютъ, такъ сейчасъ же честь-честью за ручку да въ храмъ и вступилъ въ законъ. Погляди-ко, какая теперь дама вышла!.. Я ужъ и самъ думаю: — «Истинно тебя, Авдотья, Господь отъ меня спасъ!..» Нѣтъ, каковъ умъ-то у дѣвки? Сколько разсудку-то, вѣдь это цѣны нѣтъ!..

— Этакая дѣвка не по тебѣ, промолвила опять слушательница:—тебѣ безпремѣнно надо бы въ сиротахъ пошарить, порозыскать.

— Ну, тутъ ужъ я къ настоящимъ сиротамъ устремился... И розыскалъ я дѣйствительно почитай-что совершенно голую дѣвицу. Жила она при теткѣ на квартирѣ. а тетка-то калачи пекла, лѣтомъ на большой дорогѣ пробавлялась. Одна у обѣихъ шубенка... бѣдность Ну, все жа кое-что для начатія было: подушка, образъ, кофейникъ, ухватъ тамъ, напримѣръ, кочерга, платьишко ситцевенькое—ну, словомъ сказать, рублей на пятокъ всякой домашней сволочи было, да деньгами-то тетка-то рублей никакъ восемь вытрясла изъ чулка—ну, кое-какъ, да кое-какъ и женился, и сталъ опять помаленечку да полегоньку на путь настигать, съ тѣхъ поръ и не пью ни капли.

— Что-жъ, спросилъ мой пріятель:—хороша жена-то?

— Да какъ вамъ сказать... она ничего, и хлопотлива, и все... Только-что голова у нея маленько съ дуринкой. И молода, да и голодала ужъ больно долго .. слаба... Работаетъ-работаетъ да и начнетъ фыркать: «мало, вишь, меня любишь!».. А мнѣ вѣдь пятый десятокъ, куда мнѣ много-то? Ну, и надуритъ. А потомъ, само собой, должна ужъ замолчать... И дѣвочкой-то моей стала брезговать. Какъ женился-то я да взялъ дѣвчонку, ну, она съ перваго началу ничего, ласково, а теперятко нѣтъ-нѣтъ, да и треснетъ ни за что, ни про-что...

— А сама-то тяжела ужъ, или нѣтъ? опять прогнусавила слушательница.

— Должно быть, что какъ-будто есть...

— Вотъ отъ эвтаго-то она и стала твою-то дѣвчонку пригибать къ землѣ, что свое дите начинается.

— Ужъ и я думаю, не отъ этого-ли?

— Да ужъ вѣрно отъ этого. Коли свое начинается, такъ ужъ чужое такъ-бы и сжилъ со свѣту... Охъ, грѣхи-грѣхи... Такъ бы слопала совсѣмъ съ костями чужое-то.

— То-то вотъ и у нея это стало обозначаться. Я вотъ и сейчасъ-то, признаться, изъ-за дѣвчонки пришелъ, подъ работишку какую-нибудь деньжонокъ попросить... хоть цѣлковыхъ-бы два... Хвораетъ, бѣдняга, надо-бы все чего нибудь хошь отъ фершала взять приложить... И все изъ-за моей бабы вышло... Пошелъ я какъ-то полусапожки на станцію отнести, старшаго буфетнаго лакея любовница заказывала, и надо было полтора рубля серебромъ получить... Пошелъ, отнесъ .. «Подожди, говоритъ, почтовый поѣздъ отойдетъ, тогда мой придетъ и отдастъ». Ну, ждалъ-ждалъ, пока что, пока поѣздъ ушелъ, то да сё, прошло времени часа три, а съ дорогой-то часа четыре протянулось. Прихожу домой, вижу дверь заперта и замокъ виситъ, а въ горницѣ моя дѣвчонка реветъ благимъ матомъ. Жены нѣту, ушла куда-то; пошелъ, поспрошалъ тамъ-сямъ—нѣту; идетъ знакомый парень: «Кого, говоритъ, ищешь?»—«Да жены нѣту, не знаю гдѣ?»—«А она на посидѣлкахъ»... Что за чудо, думаю? У насъ бабы замужнія и глазъ туда не кажутъ. Пошелъ, розыскалъ, привелъ домой: «Что тебѣ, говорю, за дурь въ голову влѣзла!»—«Да что-же мнѣ такъ всю жизнь и не видать свѣту-то?» Находитъ на нее дурь эдакая, безобразная. «Всю жизнь, говоритъ, свѣту не видишь. То нищей жила, то теперича за тобой, за старымъ чортомъ, мучаюсь, да съ твоей

съ поскудной дѣвчонкой няньчусь, да и то иной разъ по днямъ ѣсть нечего. Хоть однимъ глазомъ глянуть, какъ люди живутъ...» Оно и правда, что старъ я, иной разъ и по шеѣ треснешь и нуждишка донимаетъ, ну, а все и глупость ея иной разъ очень оказывается... Ну, промолчалъ я, перетерпѣлъ. Пришли мы домой, отперла она дверь, огонь зажгла гляжу, дѣвчонка на полу валяется, вся въ крови и голова, прямо сказать, прошибена. «Какъ такъ?» спрашиваю.—«А такъ, говоритъ, что съ печки свалилась».—«Да зачѣмъ же ты ее, глупая, на печку посадила?»—«А куда-жъ я ее дѣну? На рукахъ что-ль ее мнѣ таскать, эко бревно? Оставь я ее внизу, она тутъ начнетъ баловаться, ножомъ еще зарѣжется или спички найдетъ—подожжетъ».—И посадила она ее, глупая, на стряпущую печку: думаетъ, что дѣвчонка страхомъ однимъ усидитъ тамъ, сама, молъ, побоится къ краю подползти... Усадила ее тамъ въ уголъ, огонь задула и ушла... А дѣвчонка-то говоритъ: «Я, говоритъ, испугалась, мнѣ страшный чортъ привидѣлся, вотъ и треснулась съ печи-то объ полъ и пробила башку»... Вѣдь вотъ до чего глупость-то господствуетъ въ этой дурѣ... А такъ она—ничего! Коли очувствуется—добрая, страшливая. Ну, дѣлать нечего—побилъ я ее, поколотилъ, поплакала...

— А дѣвочка-то?

— Ну, а съ дѣвочкой тоже кое-какъ... Обмылъ я ей прошибенное мѣсто... да тряпкой, значитъ, со столярнымъ клеемъ и заклеилъ, потому ничего нѣтъ! Чѣмъ тутъ? Покуда-бы къ фершалу ходилъ, покуда-бы разыскалъ, покуда что—анъ дѣвчонка-то пожалуй бы и совсѣмъ кровью изошла. Вижу клей—я сцопалъ его, развелъ, намазалъ крутымъ манеромъ, да и налѣпилъ ей на проломъ-то, ну, клеемъ-то его и стянуло съ боковъ къ середкѣ и оченно даже фершалъ хвалилъ. Да чего! И сейчасъ отодрать не въ состояніи, такъ совсѣмъ со шкурой и спеклось... И фершалъ то говоритъ:— «Пущай, говоритъ, покуда такъ, а то, пожалуй, съ кожей оторвемъ... Пускай такъ остается, покуда что. А въ случаѣ чего - такъ скажи... Ну вотъ, теперича у ее и начинается вродѣ горячки... бредитъ и жаръ... и надо хоть что-нибудь... Вѣдь жалко дѣвчонку-то, вся въ покойницу, память дорога! Такъ ужъ вотъ не будетъ ли вашей милости довѣрить мнѣ рублика два, а я безъ сомнѣнія, будьте покойны, отработаю... Дѣвчонку-то жалко... мечется! А чтобы пить—нѣтъ, избави Богъ! И въ мысляхъ этого нѣтъ...

— Хорошо, что по крайности захватилъ клеемъ-то! Крови-то ходу не далъ! произнесла слушательница баба.

— И фершалъ тоже говорилъ: «хорошо!».

— А у тебя, Аксинья, спросилъ мой пріятель:— что такое -отчего лицо завязано!

— Да вонъ, вишь что...

Она отстранила отъ носа и рта платокъ, и тогда мы увидѣли, что и носъ, и ротъ, и щеки были опухлые, красные и покрытые крупною красною сыпью.

— Это что такое?

— А это по нашему называется «притка».

— Что-жъ это простуда?

— Нѣтъ, это не простуда. А это вотъ какъ приключилось:—пришелъ Ванюшка изъ училища и сталъ читать книжку, а я на палатяхъ лежала...

- Какую книжку? спросилъ Василій: – духовную?

— Нѣтъ, такъ, пустяковую... про козу и про лису, либо про овцу... Слухала, слухала я, да и засни... А на утро—глядь все обличье разнесло...

— Такъ отчего-же?

— А заснула-то я, перекреститься забыла, вотъ отчего и приключилось.

— Отъ этого, сказалъ Василій,—и происходитъ «притка».

— Такъ вѣдь надо лечиться.

— Да ужъ я мазала... керосиномъ, лавочникъ посовѣтовалъ, и крахмаломъ, говоритъ, засыпай...

— И легче?

— Куда ужъ легче, всю разнимаетъ, мочушки нѣтути..

Словомъ, начиная отъ выхода изъ вагона на платформу до этой самой «притки», всѣ деревенскія впечатлѣнія были вполнѣ реальны, понятны и объяснимы. Вопросъ «почему» ни разу до сихъ поръ не оставался безъ самаго яснаго, обстоятельнаго и резоннаго отвѣта. Почему ѣздитъ мальчишка, а не отецъ? Почему мальчикъ плетется ночью въ лѣсъ? Почему Василій пилъ, почему Авдотья не пошла за Василья, почему пошла за Василья голая сирота, почему Васильева дочь расшибла голову, почему у старухи приключилась притка и т. д.? Всѣ эти вопросы, всѣ эти «почему» имѣли, какъ видите, самые обстоятельные отвѣты, не путали меня нисколько и невольно, дѣйствительно, освѣжили послѣ путаницы петербургскихъ впечатлѣній. Правда, иной разъ какъ-то тяжеловато становилось отъ этой ясности, а иной разъ именно вслѣдствіе этой ясности въ головѣ возникали вопросы о томъ, да почему-жъ это нужно, чтобы ѣздилъ мальчишка, чтобы мальчишка воровалъ, чтобы дѣвочка разбивала голову и чтобы все это было ужъ такъ неизбѣжно, ясно и неопровержимо? Но ясность и неопровержимость этихъ явленій вновь успокаивали меня, и всякія сомнѣнія прекращались во мнѣ, такъ-сказать, изморомъ.

III.

Но прошелъ еще день, и жизнь деревенская, давая попрежнему все такіе же реальные и объяснимые факты, неожиданно стала осложнять ихъ той самой путаницей и «необъяснимостью», которая меня напугала въ городѣ, отъ которой я уѣхалъ въ деревню, чтобы отдохнуть и сообразиться.

По улицѣ идетъ толпа мужиковъ, машетъ руками, кричитъ, оретъ: въ ораньи и крикахъ видно и раздраженіе, и хмель; а разсмотрѣвши поближе—видишь на нѣкоторыхъ лицахъ и на нѣкоторыхъ машущихъ рукахъ слѣды драки, синяковъ и ссадинъ.

— Что такое, господа?

— Да что, ваш-бродіе, нѣтъ никакого житья отъ этихъ отъ курляновъ. Принуждены сокращать своими способами. Сегодня вотъ, поглядико-сь, какая была поволочка около волости! Эво руки-то!..

— Да за что-же, за что такое?..

— Да препятствуютъ! Оченно много воли взяли.. Отнимаютъ отъ нашего брата, отъ природнаго жителя, всякіе способа, первымъ народомъ стали, анафемы... Эво, какъ рыло дерутъ!.. Хоть возьми вонъ Карлушку, арендателя,—чѣмъ былъ? какъ заяцъ паленый пріѣхалъ къ намъ, одинъ только песъ тупорылый и былъ у него, а теперь—вонъ онъ кто!.. Ужъ пятерыхъ дѣвокъ испортилъ, въ воспитательный то и дѣло возятъ; а онъ только зубы скалитъ... Такъ нельзя! Намъ самимъ земля требуется, мы тоже ожидаемъ ее,—какъ-же такъ можно, чтобы противъ своихъ да иностранныхъ подлецовъ предпочесть? Это, братецъ ты мой, надобно прекратить...

— Ничего, присовокупляетъ другой дѣятель изъ толпы, молодой парень. — По первоначалу и имъ нонѣ хорошо дадено. Для начатія. А съ теченіемъ времени можно и болѣе сдѣлать имъ обученія... По первоначалу и такъ хорошо!.. Двое еле-еле въ санки влѣзли... Поди, какъ-бы ужъ окончанія дорогою то не принялъ кто-нибудь...

— Да въ самомъ дѣлѣ! Каково вамъ покажется, ежели я вамъ все подробно разскажу. Теперича, какъ отошли мы отъ господъ, то, надобно говорить по-совѣсти, земельки намъ мало досталось. Прежнія, напримѣръ, лядины, луга, которые завсегда были наши, крестьянскіе, десятинъ по пятьсотъ, по шестьсотъ и болѣе того, отошли отъ насъ къ господамъ, а господа заложили ихъ въ банкъ, да цѣну то набили — эво, выше головы! одного проценту не выплатить, не токмо что доходу или чтó... А трудно; земля заложена, пустуетъ, а мы приступиться не можемъ. Но думаемъ, что авось какъ-нибудь! Тамъ слухъ пройдетъ—по хорошему обѣщаютъ сдѣлать—такъ дѣло и тянется, а толку все никакого нѣтъ... А курляны-то понемногу да понемногу и стали вылѣзать изъ своихъ мѣстовъ... То одинъ проплетется куда-то въ лѣсъ на своей клячонкѣ; телѣга изъ досокъ, точно песокъ возитъ, а въ телѣгѣ сундучишко да кадушка, проплетется, и не видать... Идетъ время — глядишь и другой ѣдетъ, и третій, и всѣ проѣдутъ и не видать ихъ... И ужъ семьями, человѣкъ по пяти, по десяти стали выползать, и все бѣдные, ничего имущества, почитай, нѣтъ; плетутся куда то... въ пустыя мѣста. И такъ идетъ и годъ, и два, и три. Мы дожидаемся, терпимъ, другъ дружку у кабака пропиваемъ, а они тѣмъ временемъ позанимали мѣста, контракты понаписали... И стало даже такъ, что пошелъ ты въ какое пустое, по прежнимъ-то временамъ, мѣсто, хвать заборъ. Кто тутъ? Курляны... Заборы да заборы, да съ ружьями они всѣ, анаѳемы, собаки у нихъ тупорылыя, злыя. Ѣдешь — видишь мостъ, думаешь, какъ у насъ: для всякаго, «поѣзжай, кому угодно!» Нѣтъ: «мой!» говоритъ. Не пускаетъ. Да и мосты-то понастроили подъ курляндскія телѣги — на нашей и не проѣхать по такому мосту-то... Иной изъ нашихъ попростецки занесъ ногу черезъ курляндскій заборъ, чтобы, значитъ, поближе пройти, а хозяинъ-то свиснетъ, такъ псище-то съ одного маху за ногу цапнетъ. Бываетъ такъ, что изъ ружья прицѣлитъ, да дробью плюнетъ... Глядимъ—и тутъ мѣста заняли, и тамъ, и тамъ... По всѣмъ пустымъ нашимъ-же мѣстамъ, которыхъ мы дожидались, разселилось ихъ видимо-невидимо... То они всѣ мимо насъ ѣхали и невѣдомо куда пропадали, а то стали ужъ и изъ своихъ мѣстъ выпирать — глядишь, масло везетъ и дешево продаетъ, а нашимъ бабамъ ходу нѣтъ; вези въ Питеръ или въ губернію, а тутъ, на мѣстѣ, которые у нашихъ брали, стали у курляновъ брать. Стали они даже такъ осмѣливаться, что перепьются на свадьбѣ, да во всю мочь на двадцати телѣгахъ по нашей деревнѣ — того и гляди, ребятъ передавятъ. То-есть даже и уваженія ужъ не оказываютъ. Вездѣ намъ отъ нихъ убытокъ, а они между прочимъ только храпятъ да носъ дерутъ... А контракты-то понаписали на пятьдесятъ да на шестьдесятъ лѣтъ. Нашъ братъ, природный житель, воромъ въ лѣсу-то ходитъ, дровецъ промышляетъ; а они въ своихъ-то арендованныхъ мѣстахъ живутъ, какъ господа, рубятъ лѣсъ, который потребуется, вполнѣ свободно и покойно... а нашъ братъ воруетъ, а мѣста-то вѣдь наши исконныя, вѣдь они намъ самимъ надобны... А это что-жъ такое? Мы — бѣдняки, а какія-то невѣдомо откуда объявились народы, посмотрите, какъ жить зачали! Мнѣ вонъ нѣту довѣрія въ лавкѣ, а ему есть.

— Что-жъ это будетъ?

— Такъ вы-бы раньше ихъ арендовали земли-то, которыя теперь курляндцы арендуютъ.

— Да вѣдь кто-жъ его зналъ? Арендовать? Чего ее арендовать, когда она испоконъ вѣка наша была. Вѣдь тоже надѣялись...

— Чего вы надѣялись?

— Да само собой послабленіевъ какихъ ни наесть... Какъ можно съ этакимъ лоскутомъ управить такимъ дѣломъ, какъ крестьянство?

На это мой пріятель весьма пространно и обстоятельно объяснилъ разсказчику, что начальство десятки разъ разсылало по волостямъ предписаніе о томъ, чтобы не вѣрить несбыточнымъ слухамъ, чтобы никакихъ ни послабленіевъ, ни иныхъ какихъ разносоловъ не ждали, а старались сами заботиться о себѣ, по мѣрѣ своихъ средствъ и возможностей. Пріятель сказалъ, что старшины должны были объявлять мужикамъ объ этихъ распоряженіяхъ, и еслибы только крестьяне слушались ихъ, то давно-бы съумѣли прикупить или арендовать на дальніе сроки такіе участки земли, которые имъ необходимы и которыми теперь, вотъ, «владѣютъ» курляндцы.

— Ну да, скажутъ намъ! Старшина-то иной еще нарочно начнетъ путать... Скажи онъ какъ слѣдуетъ, мы-бы, можетъ быть, и столковались-бы обществомъ на чемъ-нибудь. Да онъ не дастъ намъ. Онъ лучше одинъ завладаетъ кускомъ то... Вонъ у насъ у старшины всѣ остатнія мѣста арендо-

ваны, сѣно коситъ онъ, да въ Питеръ возитъ; такъ какой ему разсчетъ правду говорить? Вѣдь тогда мы у него отымемъ да сами будемъ владѣть. Какъ-же, скажетъ онъ! дожидайся! Онъ еще нарочно намутитъ: «не спѣшите-молъ, ребята... Скоро будетъ то-то и то-то, и безъ денегъ, молъ, завладаемъ...» Дожидайся!

— Ну, а если у васъ, въ волости, такъ плутуютъ, неужели вамъ нельзя было узнать правду хоть у учителя? Вѣдь онъ книжки читаетъ, онъ можетъ справиться, разсказать.

— Ну, ужъ учителя! Чтó они знаютъ? Мы видимъ, чему они учатъ. Про козу да про овцу... Однѣ сказки! Нѣтъ, тутъ ужъ видно надо самимъ взяться, своимъ распоряженіемъ вступиться.

...Вечеромъ того же дня, пришлось мнѣ встрѣтиться и съ учителемъ.

Я разсказалъ ему утренній разговоръ съ крестьяниномъ. Учитель прибавилъ:

— Это все такъ. Помилуйте, есть цѣлыя деревни (да какое «есть»— повсюду почти, за исключеніемъ развѣ немногихъ близкихъ къ волости лицъ), гдѣ рѣшительно не имѣютъ понятія о томъ напримѣръ, что въ губернскомъ городѣ уже открытъ крестьянскій банкъ и что онъ уже дѣйствуетъ... Знаютъ объ этомъ ловкачи, кулачье, и захватываютъ тихомолкомъ, а масса только запутывается въ своихъ мысляхъ.

— Такъ отъ чего же не говорить съ ней? Неужели у васъ, какъ у учителя, вслѣдствіе обязательнаго вашего знакомства съ родителями учениковъ, не можетъ найтись предлога поговорить, сказать то, что вы знаете?

— Да предлоги-то всегда есть. Напротивъ, они сами ходятъ ко мнѣ, эти родители, разспрашиваютъ... Но признаюсь вамъ—боишься!

— Чего-же?

— Боишься разговаривать. Сейчасъ выдумаютъ кляузу. Вотъ тотъ-же старшина, которому не разсчетъ уступить въ мірское владѣніе подходящій ему участочекъ, придерется и накляузничаетъ...

— Да къ чему-же онъ можетъ придраться?

— Да ко всему. Вотъ не угодно-ли посмотрѣть такую бумажку.

Онъ порылся въ боковомъ карманѣ и подалъ мнѣ бумагу, на которой буквально было напечатано слѣдующее:

«Такъ какъ до свѣдѣнія училищнаго совѣта дошло, что учителя нѣкоторыхъ училищъ собирались,съ участіемъ постороннихъ лицъ,по воскреснымъ днямъ для бесѣдъ, *не разрѣшенныхъ законнымъ порядкомъ*, то училищный совѣтъ постановилъ дать знать циркулярно г-дамъ учителямъ и учительницамъ, что *подобныя* (?) собранія, безъ надлежащаго разрѣшенія, строго воспрещаются, и виновныя въ оныхъ лица должны подлежать законной отвѣтственности, независимо отъ чего виновные будутъ увольняемы отъ должности».

— Ну, вотъ. Спрашивается теперь, сказалъ учитель,пряча бумагу опять въ боковой карманъ,— какія такія есть въ деревнѣ собранія, разрѣшенныя закономъ? И на какія собранія надобно просить разрѣшенія? Все это неизвѣстно. И вотъ въ этой-то бумагѣ, въ которой не указано даже, чтó именно законно и чтó незаконно, а просто сказано только: «подобныя» собранія — вы видите, однако, какъ настойчиво и твердо звучатъ слова объ увольненіи и законной отвѣтственности... Все это конечно понятно, но отъ всего этого жутко... Ну, и молчишь!

— А мужики путаются и мечтаютъ?

— Прямо попадаютъ въ западню.

— А потомъ бьютъ курляндцевъ, своимъ распоряженіемъ поступаютъ?

— Какъ видите!

. . . .

И не одинъ такой разговоръ пришлось выслушать мнѣ въ деревнѣ, причемъ я явно убѣдился, что несообразности деревенской жизни иной разъ ничуть не меньше городской, а главное, вдумавшись въ нихъ, опять-таки безъ всякой фанаберіи—видишь, что «нельзя», что одна безмыслица такъ сцѣпилась съ другой, что изъ круга ихъ нѣтъ выхода, что эти безсмыслица и безсвязица неизбѣжныя.

Пожилъ я такимъ образомъ въ деревнѣ, думаю: «поѣду въ Петербургъ, оглянусь, пособображу и очувствуюсь».

IV.

Въ Петербургѣ я нанимаю комнату въ меблированныхъ комнатахъ, прилегающихъ къ вокзалу одной желѣзной дороги. Уѣзжая на день, на два, я запиралъ только письменный столъ и шкафики этого стола, а ключъ отъ нумера оставлялъ номерному. Пріѣзжаю я этотъ разъ въ мой нумеръ, смотрю—нумеръ отпертъ,и Кузьма,«корридорный», стоитъ около моего письменнаго стола и роется въ столѣ, въ бумагахъ.

— Что ты дѣлаешь?

— Да свѣчей ищу, говоритъ Кузьма, глядя на меня совершенно глупыми, круглыми и непроницаемо-деревянными глазами.

Какія-же свѣчи въ письменномъ столѣ? И откуда ты ключъ взялъ?

— Да у васъ не заперто было.

Что же! Можетъ быть. Но такія штуки я сталъ замѣчать за Кузьмой не сейчасъ только; довольно давно уже на лицѣ его появилось это выраженіе деревянной глупости съ оттѣнкомъ чего то неумолимаго.

Я познакомился съ Кузьмой въ самый день его появленія въ меблированныхъ комнатахъ въ должности корридорнаго, и первое время мы были съ нимъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ. А въ разговоръ вступили прямо при первомъ свиданіи.

— И ваша милость нониче переѣхали? спросилъ онъ меня, подавая въ тотъ-же день обѣдать.—Ну, вотъ... Авось Богъ дастъ будетъ хорошо. Пока худого не вижу... Я ужъ радъ радехонекъ, что до мѣста добрался, все уголъ есть, а то съ самой войны, какъ воротили изъ Турціи, чисто съ ногъ сбился, полное разстройство при-

нялъ. Въ деревнѣ попробовалъ-было начатіе хозяйству положить—ну, не вышло; въ городъ сунулся съ женой—опять маята! Первое дѣло—мѣстовъ нѣтъ, а второе дѣло—жена-то у меня не прилажена къ городу. Въ деревнѣ ей оставаться не у чего, а въ городѣ ничего по городскому не смыслитъ. Кое-какъ занялась прачешнымъ дѣломъ, нахватала тамъ-сямъ зря, пережгла, перепутала, буквовъ-то не знаетъ, которое бѣлье надо-бы, положимъ, барину, а она его лакею, а которое рвань, глядишь, барину отнесла—ну, вездѣ ругаются, кричатъ... Вѣрите-ли, своихъ кровныхъ двѣнадцать цѣлковыхъ за нее, дуру деревенскую, отдалъ. Нѣтъ, нѣту настоящаго воспитанія. Деревенщина! Что̀ съ нею мнѣ въ столицѣ дѣлать? Теперича вотъ, пока что, благодаря Бога, и моя баба при мнѣ не будетъ помѣхой; хотя сапоги вычистить, подместь, въ лавочку—это она можетъ.

Кузьма былъ очень радъ, что наконецъ пристроился, нашелъ уголъ и работу, и на радостяхъ былъ очень разговорчивъ.

— Чего-чего не натерпишься, поживши на свѣтѣ! будешь радъ радехонекъ, какъ къ чему-нибудь пригодишься... Теперича разсказать вамъ, долго-ли я въ деревнѣ побылъ послѣ войны-то... А чего не видалъ!

Кузьма даже махнулъ рукой.

— Вступиться-то за правое дѣло не дадутъ! Слава тебѣ Господи, все-же таки больше мужика видѣлъ, видѣлъ, и какъ прочіе народы живутъ... что-жъ, и писать, читать кое-что знаю, и ужъ не изо-зла же буду своему брату дѣлать—захотятъ, такъ въ порошокъ сотрутъ!

— Кто?

— Да деревенскіе злодѣи, прорвы! Кому не разсчетъ, чтобы народъ понималъ, тотъ и слопаетъ, лишь-бы только сума толста была! Никакого прісоглашенія ни къ чему сдѣлать невозможно, т. е. ежели на пользу. Сейчасъ все перевернутъ, и все водкой! Возьмите то: баринъ у насъ землю хотѣлъ крестьянамъ отдать и цѣну назначилъ настоящую, правильную, кажется-бы чего лучше? Земли—мало! Ужъ я тутъ всякими способами—«берите, берите, ребята!» и такъ имъ растолковывалъ, и такъ, и совсѣмъ было ужъ на согласіе пошли, да лихому, злому человѣку нешто дорога правда? Подпоилъ стариковъ, одурманилъ ихъ водкой, навралъ съ три короба: и запутаемся-то мы, и не заплатимъ, а не заплатимъ—взыщутъ, все имущество продадутъ! Навралъ, налгалъ, отбилъ, а потомъ самъ и взялъ у барина-то, да теперича и деретъ съ своихъ-же однодеревенцевъ въ три дорога... а называется старшина! Да что̀! Ужъ я какъ бился, хлопоталъ—«дозвольте, міряне, я учту его». Ужъ это бы вѣрно я его вывелъ на свѣжую воду, потому въ два трехлѣтія изъ ледащаго мужичонки никакъ нельзя съ капиталомъ оказаться, ежели не воровать... Опять попоилъ, да пригрозилъ еще... «Гляди, говоритъ, будешь мутить, такъ я тебя произведу!» Вотъ вѣдь какіе идолы! И нѣту никакого вниманія... А сколько денегъ-то кровныхъ воруютъ! Иной разъ думаешь-думаешь: Господи! хошь бы о сиротахъ подумали! Мало-ли какихъ случаевъ, иной помретъ, оставитъ, бываетъ, пятокъ-десятокъ ребятъ: вѣдь по̀-міру идутъ! Вѣдь помощи ни откуда никакой. Копѣйки нѣтъ, а сколько такихъ копѣекъ... да какихъ копѣекъ!—сотенъ воруютъ, тыщи пропадаютъ!.. Когда я, позвольте вамъ сказать, былъ на войнѣ, такъ это, Господи ты мой Боже...

Послѣднія слова Кузьма произнесъ почти шопотомъ и вѣроятно, что онъ хотѣлъ мнѣ разсказать что-нибудь въ высшей степени интересное и даже «страшное»; но, къ нашему общему несчастью, изъ корридора въ мою комнату отворилась дверь и какой-то изъ администраторовъ меблированныхъ комнатъ громко сказалъ:

— Здѣсь Кузьма?

— Здѣсь-съ!

— Въ контору—къ управляющему!..

Кузьма ушелъ въ контору и долго не возвращался. Я ужъ давно кончилъ обѣдъ, а Кузьма не приходилъ убирать со стола. Заглянулъ я въ каморку, гдѣ жилъ Кузьма, но тамъ не оказалось ни его, ни жены.

А когда онъ наконецъ возвратился, то я тотчасъ-же замѣтилъ въ немъ какую-то перемѣну, а главное, замѣтилъ этотъ неискренній, глупо-деревянный, съ оттѣнкомъ неомысленнаго негодованія взглядъ... Съ этого дня онъ уже не откровенничалъ, а держался, какъ я замѣтилъ, по отношенію всѣхъ жильцовъ меблированныхъ комнатъ въ какомъ-то недовѣрчивомъ отдаленіи.

Когда по возвращеніи Кузьмы изъ конторы я спросилъ его:

— Ну, такъ что-жъ на войнѣ-то было?

— Да чему-же быть? Война одно слово... Всякаго было...

Съ этого дня установилось деревянно-глупое выраженіе лица, осложненное отвратительной чертою ненависти, отвратительной по своей безсмысленности, ненужности ея на этомъ простомъ лицѣ, сдѣлавшемся, благодаря ей, и злымъ, и тупымъ, и глупымъ. Послѣ неожиданной перемѣны въ настроеніи духа и мыслей Кузьмы, всѣ поступки его стали запечатлѣваться какою-то безсмыслицею и дуростью. Спросишь что-нибудь, хотя-бы «который часъ?»—и вмѣсто того чтобы отвѣтить, онъ выпучитъ сначала глаза, а потомъ ужъ и скажетъ. Глупый, дурашный взглядъ его сталъ останавливаться въ тупомъ недоумѣніи на всякой вещи, при видѣ всякаго лица. Иногда онъ принимался перебирать книги, бумаги, которыхъ я просилъ не трогать, иногда начиналъ рыться въ карманахъ платья, которое бралъ чистить.

— Вотъ записка выскочила...

— Какъ-же она могла выскочить?

— Стало быть выпала какъ-нибудь.

Словомъ, глупость стала теперь отличительнымъ свойствомъ всѣхъ его поступковъ, выраженія лица, разговора и т. д. Даже на женѣ Кузьмы, этой воистину глупой бабѣ, отразилось загадочное настроеніе Кузьмы. До сихъ поръ она довольно кротко и молчаливо исполняла свои нехитрыя обязан-

ности: вычистить сапоги, принесетъ кипятку, а теперь позовешь ее—войдетъ, вытаращитъ глаза и какъ будто-бы старается не понимать, что̀ говоришь.

— Кипятку!

Стоитъ, глядитъ и сомнѣвается; а иногда та̀къ долго сомнѣвается, что начнетъ икать, и ужъ только застыдившись своего невѣжества, уйдетъ и сдѣлаетъ, что̀ сказано, но все-таки какъ-будто нехотя.

Вотъ въ такомъ-то странномъ и глупомъ настроеніи духа и смысла засталъ я Кузьму въ то время, когда онъ искалъ свѣчей въ моемъ письменномъ столѣ.

Я понималъ глупое положеніе Кузьмы, не могъ сердиться на него, потому-что у него есть резоны—вѣдь онъ разсказывалъ мнѣ объ этихъ резонахъ, передавая деревенскія впечатлѣнія, и для него было простительно искать виноватаго но все-таки положеніе его было глупо и отвратительно.

Много разъ я замѣчалъ, что Кузьма какъ-будто чувствуетъ потребность очувствоваться, стряхнуть дурость, опутывавшую его голову; но дурость овладѣла имъ и противъ воли, можетъ быть, вела отъ одной глупости къ другой.

Получилъ я какъ-то письмо отъ моего деревенскаго пріятеля, который передъ этимъ былъ въ городѣ и закупалъ разныя лекарства: въ деревнѣ свирѣпствовалъ дифтеритъ, и пріятель мой, по порученію доктора и по собственному желанію, а можетъ быть и изъ простого желанія предохранить отъ бѣды свою семью, поѣхалъ въ Петербургъ купить лекарства, пульверизаторовъ и т. д. Но какъ-то случилось, что въ попыхахъ коробку и пульверизаторы онъ забылъ въ номерѣ той гостинницы, гдѣ онъ останавливался. Я тотчасъ послалъ по адресу посыльнаго; но Кузьма, которому было передано порученіе послать посыльнаго, пошелъ самъ, розыскалъ пульверизаторы и принесъ ихъ. Когда я открылъ крышку, чтобы посмотрѣть, все-ли цѣло, Кузьма стоялъ рядомъ со мной и пристально смотрѣлъ на эти инструменты своимъ безсмысленно подозрительнымъ взглядомъ, смотрѣлъ упорно, внимательно, подозрѣвая и ничего не понимая.

Ящикъ надо было передать на вокзалъ кондуктору въ извѣстный часъ, на извѣстный поѣздъ, и это тоже взялся сдѣлать Кузьма

— Отправилъ? спросилъ я его по возвращеніи съ вокзала.

— Какъ-же, все исправилъ! Отправилъ-съ.

Ровно черезъ сутки я получилъ отъ того-же пріятеля другое письмо, въ которомъ значилось, что пульверизаторы прибыли въ самомъ ненатуральномъ видѣ: мѣдный, паровой смятъ, лампочка сломана, ни одна крышка не закрывается, точно кто изломалъ инструменты неумѣлыми руками; а гуттаперчевый ручной пульверизаторъ прямо прорванъ въ двухъ мѣстахъ, и что вообще посланное никуда не годится и надобно все это купить вновь.

Я обратился къ Кузьмѣ за разъясненіемъ; но онъ самымъ рѣшительнымъ, даже грубымъ манеромъ отрицалъ свое участіе въ порчѣ инструмента. Но глаза его были до безобразія глупы въ этотъ разъ: они стали какіе-то косые, бѣлые, совсѣмъ подлые.

Новые пульверизаторы я отправилъ самъ, и они дошли благополучно, а исторія съ порчею старыхъ вѣроятно такъ бы и канула въ вѣчность, еслибы Кузьма, вѣроятно измученный дуростью своего нравственнаго состоянія, не задумалъ сорвать зло на женѣ и, придравшись къ пустякамъ, не поколотилъ ее.

Деревенская баба отвѣтила мужу деревенскимъ манеромъ. Она орала весьма долгое время на весь корридоръ, не смотря на негодованіе жильцовъ, и во время этого оранья приплетала все, что̀ приходило въ голову...

— А ты думаешь, не скажу барину, кто машину-то испортилъ? Это онъ, баринъ, машину вашу испортилъ, влетая ко мнѣ въ номеръ, вопіяла она:—передъ истиннымъ создателемъ... Со швейцаромъ и съ другимъ корридорнымъ... Какъ ящикъ-то вы ему дали, онъ и пошелъ къ швейцару, и стали они все разсматривать, думаютъ: нѣтъ-ли какого вреда, и вертятъ,—и трогаютъ, и открываютъ... А трубка тамъ была, такъ они, дураки, тянуть принялись въ разныя стороны—покуда не треснула. Слышалъ дуракъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ. Все думаетъ, награда будетъ... Псы какіе! А потомъ видя̀тъ, что толку нѣту—наломали да напортили—все опять въ ящикъ забили коекакъ, даже трещало внутрѣ, сама слышала... Это они все со швейцаромъ, съ мутиломъ-мученикомъ ухитряются... Небось, другъ любезный, какъ былъ лакеемъ, такъ до вѣку и будешь на побѣгушкахъ... Небось, не отличитесь, мошенники этакіе! Драться выдумалъ - ишь чего! Жила-жила у отца, у матери обиды не видала, а теперь какъ бѣшеная собака съ войны пришолъ.

И долго еще причитала баба, но я не слушалъ ее; я желалъ видѣть Кузьму и рѣшился на этотъ разъ не спускать.

— Ты что̀ это сдѣлалъ, дубина этакая? началъ я свою рѣчь и, каюсь, продолжалъ ее въ томъ-же возвышенномъ и энергическомъ тонѣ. Мнѣ весьма не трудно было доказать ему, какъ онъ глупо поступилъ, преслѣдуя неумѣючи свои цѣли. Я даже тронулъ его, сказавъ:

— Вѣдь ты самъ-же говорилъ мнѣ въ деревнѣ нѣтъ ни откуда помощи въ бѣдѣ: вотъ теперь сколько дѣтей померло отъ твоей глупости, а не сдѣлай ты своего свинства, они были-бы живы.

— Я отдамъ деньги! сказалъ онъ и вздохнулъ.

Онъ ясно видѣлъ, какъ онъ глупъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что поступалъ правильно съ своей точки зрѣнія. Вышло почему-то очень глупо, хоть все дѣлалось на основаніи резоновъ. Послѣ этого случая Кузьма сталъ задумчивъ и золъ больше прежняго. Онъ чувствовалъ, что дурость обстоятельно одолѣваетъ его, а выкарабкаться изъ нея не могъ.

И опять захотѣлось мнѣ съѣздить въ деревню поочувствоваться и сообразить...

На этомъ можно и покончить съ перечисленіемъ

примѣровъ такихъ явленій текущей жизни, которымъ названіе «тягота», и тягота безрезультатная, неимѣющая никакого иного результата, кромѣ самой себя, то есть тоже тяготы. Такими явленіями заполонена жизнь. Множество подробностей, резонныхъ сами по себѣ, слагаются въ одинъ какой-то огромный комокъ, не имѣющій никакого резона, никакой основной, правдивой, ясной цѣли—гнетутъ, и въ концѣ концовъ оставляютъ ту-же душевную пустоту. Думаешь, находишь для каждой мелочи весьма явственные резоны: но почему эти резоны соединились въ такую безобразную кучу и что изъ этого соединенія должно выйти — постоянно остается безъ отвѣта..

И вотъ необходимость разобраться въ своихъ душевныхъ непорядкахъ, подкрѣпляемая обильнымъ—къ несчастью, ужасно обильнымъ—матеріаломъ душевнаго общественнаго разстройства, и заставила меня писать эти замѣтки. Какъ ни тѣсенъ уголокъ, въ которомъ я вращаюсь, но я помню, съ чего началось, помню, что надобно было дѣлать: и теперь ясно вижу, что это надобное, обязательное не сдѣлано. Это я по себѣ сужу, на своей «шкурѣ» чувствую.

II. Наконецъ—нашли виноватаго!

I.

Не знаю, достаточно-ли ясно удалось мнѣ высказать, въ какомъ именно видѣ представляется моему. Тяпушкинскому, пониманію современное нравственное состояніе общества; но знаю, что въ первомъ отрывкѣ изъ моихъ воспоминаній я упустилъ изъ виду одно весьма важное для меня обстоятельство: я ни слова не сказалъ о моихъ попыткахъ выбраться къ свѣту изъ непостижимо темныхъ явленій жизни, о попыткахъ дознаться, неужели-же въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего, кромѣ какой-то жестокой безтолковщины? неужели не журчитъ гдѣ-нибудь источникъ живой воды и вообще, неужели нѣтъ такого жизненнаго теченія, которое было бы, хоть для извѣстной части современнаго общества, вполнѣ объяснимымъ, понятнымъ, законнымъ, даже хотя-бы просто-на-просто «моднымъ»? Вѣдь должны-же быть, думалось мнѣ, на Руси люди, которые понимаютъ, въ чемъ дѣло, знаютъ—что и какъ надо думать и дѣлать, что считать важнымъ и нужнымъ, и вообще знаютъ, куда и откуда дуетъ вѣтеръ?

Поиски мои за такими знающими «въ чемъ дѣло» людьми заняли у меня не мало времени и были въ сущности главною побудительною причиною того, что я, Тяпушкинъ, наконецъ рѣшился вновь взять въ руки перо и начертать: «часть первая, глава первая». Разсказать кое-что объ этихъ поискахъ я считаю необходимымъ, иначе рѣшительно не будетъ никакого оправданія для моей, Тяпушкинской, смѣлости разсуждать о высокихъ предметахъ.

Долгое время, безплодно изнывая надъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, кому и зачѣмъ нужно упорное стремленіе поддерживать путаницу и тяготу современной дѣйствительности, кому, и зачѣмъ нужно, чтобы грубость въ соединеніи съ невѣжествомъ упорно стремились прекратить въ обывателѣ возможность понимать самого себя и уважительно объяснять свое существованіе—я, по примѣру прежнихъ лѣтъ и прежнихъ путаницъ (которыя однако на современную весьма не похожи), старался розыскать нить, руководящую изъ мрака къ свѣту, первымъ дѣломъ конечно въ печати, въ большихъ, убористымъ шрифтомъ и безъ малѣйшихъ признаковъ пустыхъ бѣлыхъ мѣстъ, напечатанныхъ газетахъ. Я читалъ нѣсколько газетъ ежедневно отъ доски до доски — и не только не узналъ, въ чемъ теперь *главное*, важное, но положительно потералъ всякую возможность что-нибудь понимать: въ одной и той-же газетѣ, только въ разныхъ углахъ, пишется одною и тою-же рукою, что для Болгаріи, какъ страны юной, необходимо было бы республиканское устройство, а для Россіи, какъ страны опытной и пожилой, необходимо уничтожить и гласные суды, какъ учрежденія, гдѣ невинное бормотаніе господъ аблакатовъ можетъ смущать умы соотечественниковъ тлетворными мечтаніями. Въ одной и той-же газетѣ изъ города Мухортова пишутъ, что на земскомъ собраніи отклонено предложеніе о помощи врачебнымъ курсамъ, и затѣмъ разсказанъ случай народнаго невѣжества, продолжающагося до сихъ поръ вѣрить знахарямъ, изъ которыхъ одинъ на этихъ дняхъ, принявъ истерическое состояніе одной бабы за порчу и нечистую силу, въ видахъ извлеченія повѣсилъ ее голую надъ костромъ и сталъ жечь огнемъ, приговаривая: «Выди вонъ, выди вонъ!», и приговаривалъ до тѣхъ поръ, покуда не уморилъ женщину на смерть Въ томъ же номерѣ, въ отдѣлѣ хроники, пишется: «Женскіе врачебные курсы переименовываются въ курсы ученыхъ акушерокъ, въ видахъ того, что женщинамъ свойственнѣе заниматься леченіемъ дѣтскихъ и женскихъ болѣзней»... А на другой день въ той же хроникѣ читаю: «Дѣтское отдѣленіе при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ закрывается»... и т. д. Итакъ, въ видахъ того, что женщинамъ свойственнѣе дѣтскія болѣзни, клиника дѣтскихъ болѣзней закрывается, а вмѣсто ребенка дается солдатъ, на томъ основаніи, что леченіе мужскихъ болѣзней «несвойственно женщинамъ»... Словомъ, никакой понятной, органически развивающейся мысли, никакихъ поступковъ другъ изъ друга вытекающихъ и объяснимыхъ—ничего подобнаго я не могъ отыскать въ прессѣ, хлопочущей и уясняющей ежедневную злобу дня.

Такіе поистинѣ безплодные поиски руководящей «нити» въ самыхъ православныхъ органахъ руководящей прессы привели меня, въ концѣ концовъ, къ рѣшенію дѣла чисто «народнымъ» способомъ: «поискать *человѣчка*» и «поразспросить». «Человѣчекъ» издавна играетъ большую роль въ пониманіи «путей»,—признанныхъ давнымъ-давно «невѣдомыми»,—и русскій простой человѣкъ, не читающій газетъ и не имѣющій никакихъ связей

съ перомъ и бумагой, давно привыкъ знать, что въ корнѣ всякой русской тяготы — объясняемой обыкновенно то вѣяніями, то «теченіями», то теоріями—«сущую правду» можно дознаться только отъ «человѣка», который всѣ эти теоріи можетъ объяснить въ двухъ словахъ, и притомъ всегда съ точки зрѣнія совершенно неожиданной. Иной разъ сотни-тысячи умныхъ, ученыхъ, образованныхъ русскихъ людей по цѣлымъ годамъ ломаютъ голову, желая подыскать какіе-нибудь «умственные» резоны для такого-то или иного непостижимаго явленія жизни, прикидываютъ и такъ, и этакъ, становятся на одну точку зрѣнія и на другую, и все ничего не могутъ ни понять, ни сообразить, ни объяснить. А «человѣкъ», скрывающійся въ глубинѣ-глубинъ непостижимаго явленія, все это можетъ объяснить въ двухъ-трехъ словахъ, причемъ всегда окажется, что ни теоріи, ни точки зрѣнія, ни научныя объясненія въ пониманіи дѣла не играютъ тутъ совершенно никакой роли. «Человѣкъ» этотъ на Руси необыкновенно разнообразенъ. Иной разъ ни пресса, ни наука, ни люди, стоящіе даже у кормила или около него, не могутъ отвѣтить на ваше желаніе понять причины того или другого загадочнаго явленія, и сами чувствуютъ себя какъ бы въ непрерывномъ и непроницаемомъ туманѣ, говорятъ полу-словами, полу-фразами, безъ начала и конца, хотя иной разъ и сами принадлежатъ къ числу лицъ, черезъ руки которыхъ постепенно проходятъ составныя части созидаемаго невѣдомымъ геніемъ невѣдомаго и непостижимаго явленія. А какой-нибудь лавочникъ, или буфетчикъ, возьметъ да и разъяснитъ дѣло въ двухъ словахъ, потому что знакомъ съ какой-то Авдотьей Миколавной, которая и есть всему дѣлу корень.

— Она, Авдотья-то Миколавна, сначала, изволите видѣть, была актеркой... Ну, а когда графъ этотъ самый облюбовалъ ее, то она и стала ему вродѣ какъ вѣрная слуга... Ну, а самъ-то хоша и вхожъ, только самому-то ему нельзя, а все черезъ нее... Ну, она конечно даромъ не дѣлаетъ— что говорить, жадна, ужъ этого нельзя опровергнуть, цапкая дама, насчетъ ежели касаемое ассигнацій, или какихъ документовъ: прямо сказать, обобрать человѣка для нея за первое удовольствіе — и-ну, только своему слову вѣрная! ужъ возьметъ, ограбитъ, а дѣло сдѣлаетъ! Я самъ вотъ этими руками ей двѣнадцать тысячъ, подъ предлогомъ будто фрукты, передалъ отъ одного господина для начатія дѣла... а черезъ полгода и вышло, чтобы разрѣшить ему... А теперича вонъ по газетамъ пишутъ удивляются — какимъ-молъ родомъ дозволили? упоминаютъ даже, что будто бы большіе убытки для Расеи вышли черезъ это... А ей что, Авдотьѣ-то Миколавнѣ? Она взяла свое, что слѣдовало исполнила, довела до дѣла, ну, а тамъ ужъ не ея часть... Только что замѣчаю я, будто она противъ графа стала немного не чисто поступать. Побаловывать, бытто такъ сказать, начала съ калегвардомъ. Ну, самъ-то и грозится, говоритъ: «возьму новую нѣмку!» Пожалуй, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ новой нѣмки не взялъ... А ужъ насчетъ новой нѣмки не могу вамъ утвердить—какая такая выищется, и какіе будутъ черезъ это порядки—неизвѣстно.

«Человѣчекъ», знающій суть непостижимыхъ дѣлъ, стоящій у самаго корня, всегда даетъ объясненія этимъ дѣламъ именно въ такомъ, совершенно неожиданномъ родѣ. Вы думали объяснить явленіе преобладаніемъ какой-то «системы», направленія, полагали, что въ корнѣ дѣла лежитъ какой-то планъ, что тутъ надобно объяснить дѣло теоріей «протекціонизма» или теоріей «свободной торговли» и т. д., а на дѣлѣ-то оказывается, что всему дѣлу корень—Авдотья Миколавна изъ актерокъ, и что вся «система» можетъ оказаться перевернутой вверхъ дномъ, смотря потому, какая такая будетъ «новая нѣмка»...

Вотъ и мнѣ пришлось въ моихъ нравственныхъ терзаніяхъ искать совѣта и указанія также у какого-нибудь «человѣка», у существа, понимающаго гдѣ «корень дѣла», не столько сознаніемъ, сколько чутьемъ, носомъ, обоняніемъ. Но сомнѣнія мои были вовсе не таковы, чтобы я могъ розыскивать нужнаго мнѣ «человѣка» въ лавчонкѣ или въ буфетѣ; мнѣ нельзя было искать человѣчка иначе, какъ въ «интеллигентной» средѣ,—средѣ, *обязанной* соприкасаться съ тѣми же самыми явленіями жизни, которыя заставили меня не понимать и недоумѣвать. Словомъ, мнѣ нуженъ былъ человѣкъ понимающій, «слѣдящій» и въ то же время не утратившій зоологическаго свойства «чуять» самую подноготную.

II.

И припомнился мнѣ одинъ мой старый, давнишній знакомый, за которымъ я давнымъ-давно примѣтилъ, во-первыхъ, умѣнье «отзываться на все» и, во-вторыхъ, дѣлать только то, что слѣдуетъ. Фамиліи его я называть не буду—мы очень скоро разстанемся съ нимъ,—но скажу, что онъ—человѣкъ образованный, служитъ, получаетъ награды и повышенія, и въ то-же самое время умѣетъ отзываться «*на все*». Все то, что связано со службой, съ пониманіемъ «корня и «существа», словомъ, все, что обусловлено убѣжденіемъ въ силѣ Авдотьи Миколавны и зависитъ отъ характера и нрава «новой нѣмки», все это скрыто, гдѣ-то лежитъ въ глубинѣ невидимаго простымъ глазомъ жизненнаго порядка, которому слѣдуетъ мой пріятель, а видимый порядокъ жизни, напротивъ, вовсе не напоминаетъ Авдотью Миколавну, а весь состоитъ изъ безпрерывной отзывчивости. Чтобы лучше характеризовать моего «человѣчка», позволю себѣ сдѣлать такое сравненіе: «человѣчекъ» этотъ походилъ и по внѣшнимъ, и по внутреннимъ свойствамъ на обыкновенный россійскій телячій студень. Когда студень лежитъ на блюдѣ среди обѣденнаго стола, то малѣйшее движеніе вилкой, тарелкой немедленно отражается на немъ: онъ трепещетъ не только оттого, что тронули блюдо, но даже отъ тяжелыхъ шаговъ прислуги; онъ впе-

чатлителенъ даже къ громкимъ звукамъ. Кто-то изъ обѣдавшихъ чихнулъ, и студень тотчасъ «отозвался» трепетомъ... А разрѣжьте его, вѣдь ледъ льдомъ, холодъ внутри его ледяной, точно мороженое. Такъ вотъ такая-то впечатлительность, отзывчивость и такое-то нутро — вотъ главныя черты того человѣка, о которомъ я говорю...Сколько я его ни помню, онъ постоянно отзывался на все, ощущалъ малѣйшее прикосновенiе новыхъ теченiй и вѣянiй жизни, и въ то-же время въ глубинѣ, въ нутрѣ своего нравственнаго студня сохранялъ умѣнье вѣрить только въ Авдотью Миколавну и полагать свою будущность въ «характерѣ» новой нѣмки. Невѣдомо ни для кого изъ безпрестанно мѣнявшихся знакомыхъ преуспѣвалъ онъ по службѣ, что-то дѣлалъ, писалъ, ходилъ куда-то съ портфелемъ; никто даже никогда и не спрашивалъ его, что̀ такое онъ дѣлаетъ, куда ходитъ и что̀ такое въ портфелѣ, да и самъ онъ не заводилъ объ этомъ рѣчи. А отзывался въ то-же время на все и, какъ я теперь понимаю, отзывался потому и въ такой мѣрѣ, въ какой это ему было нужно и въ какой мѣрѣ отзывчивость не вредила незыблемости вѣры въ Авдотью Миколавну. Былъ онъ и народникомъ, и въ деревню ѣздилъ, и привезъ оттуда здоровыхъ дѣтей; и о конституцiи говорилъ много, и ждалъ, говорилъ, что «задыхается»; однако не задохнулся; и просто «такъ» угрюмо и таинственно молчалъ, глубоко вздыхалъ, сидя за чаемъ въ обществѣ какихъ-то студентовъ и курсистокъ, и уходилъ, не сказавъ ни слова, съ стаканомъ чая въ кабинетъ. И «жертвовалъ», и книжки у него были, которыя онъ охотно предлагалъ гостю взять прочитать, прибавляя: «любопытно»... Отъ всего этого у него всегда оставалось что-нибудь «для себя», для того нутра, которое никому видимо не было; отъ народничества—дѣти здоровыя, отъ книжекъ—кое какiя экономическiя свѣдѣнiя и т. д. Все на потребу. Все это мнѣ давно было ясно видимо, но все это не было грубо, и хотя я не питалъ къ моему прiятелю особеннаго почтенiя, но, прiѣзжая въ Петербургъ изъ провинцiи, не могъ не зайти къ нему освѣдомиться: какая теперь звучитъ струна сильнѣе и звончѣе другихъ? Придешь—и видишь: пьютъ чай, а за столомъ мрачный студентъ и мрачная акушерка, и прiятель мой мрачный; придешь черезъ два года—опять чай, но за столомъ ужъ земецъ, слышно слово «задыхаюсь», и опять видишь, въ чемъ дѣло, и т. д.

Тоже вотъ и въ нынѣшнiй разъ; думаю: «пойду я къ этому человѣчку, погляжу, не узнаю ли, «чѣмъ пахнетъ»? Потому что по газетамъ рѣшительно ничего понять невозможно».

Пошелъ и дѣйствительно скоро все узналъ и понялъ. Начиная съ внѣшняго вида квартиры, я уже почувствовалъ, что «теперь не то». Въ былое время мой «отзывчивый» прiятель, не смотря на очень хорошiй окладъ и ежегодныя награды, «отзываясь» на главнѣйшiя вѣянiя времени, даже какъ бы считалъ обязанностью держать квартиру въ безпорядкѣ. На двери была приклеена сургучомъ карточка, а не доска; въ кабинетѣ зачастую стоялъ самоваръ, чашки съ окурками, кресло передъ письменнымъ столомъ было безъ ноги,—словомъ, демократическое направленiе господствовало во всемъ. Съ дѣтьми разговаривали такъ: «Лешка!» говорилъ отецъ сыну. «Петька!» говорилъ сынъ отцу. Жена моего прiятеля также, не смотря на средства, одѣвалась Богъ знаетъ какъ, хозяйствомъ не занималась, обѣдъ былъ невозможный, безпорядочный—до того-ли ей? Она, закутавшись въ платокъ, любила тогда сидѣть на продавленномъ диванѣ съ книгой, которую принесъ студентъ (онъ отлично приготовилъ ея сына въ гимназiю и сильно укрѣпилъ его характеръ, котораго не было у отца, какъ думала жена моего прiятеля), и нерѣдко даже говорила такiя рѣчи, что еслибы-молъ она встрѣтила сильнаго, энергическаго человѣка, съ которымъ бы можно было «навѣрное» погибнуть, то она-бы давно погибла, но въ глубинѣ души была рада (молча), что сынъ ея воспитывается безъ сентиментальности и грубоватъ; она радовалась тому, что хорошо, если этотъ мальчикъ будетъ умѣть «дать сдачи», а вовсе не погибать. Когда объявились въ газетахъ «иллюзiи», а за чайнымъ столомъ появился земецъ, который не могъ дышать, то и мужъ сталъ задыхаться, и жена стала тоже задыхаться, и «народъ» вышелъ изъ моды: самоваръ былъ вычищенъ; на столѣ стояли очень опрятныя закуски, книга въ рукахъ была другая—«Пѣснь торжествующей любви». Словомъ, «отзывчивость» моего прiятеля къ главнымъ вѣянiямъ и теченiямъ была чрезвычайна и отражалась на всемъ, начиная съ внѣшняго обличья квартиры до внѣшняго обличья самихъ хозяевъ. Въ «нутрѣ» только оставалось всегда одно и то-же—весьма обыкновенный телячiй составъ студня.

На этотъ разъ все, начиная съ мѣдной доски, съ электрическаго звонка, съ очень прилично одѣтой горничной, отворившей мнѣ дверь,—все говорило, что настало нѣчто новое. Обстановка квартиры безукоризненная, со всевозможными мелочами цивилизованнаго уюта, это—во первыхъ; во вторыхъ, цѣлыхъ десять минутъ я долженъ былъ ожидать появленiя моего прiятеля, чего прежде не бывало; въ третьихъ, появившись, онъ, согласно духу времени, не узналъ меня; потомъ узналъ, но безъ всякаго радушiя; прежде-бы онъ закричалъ, засуетился, теперь не закричалъ и не засуетился. Онъ очень разъѣлся, былъ тщательно одѣтъ и довольно грубъ; въ глазахъ не только не было еще той недавно обязательной для такихъ «человѣчковъ» виноватости, напротивъ, глаза эти выражали твердость и пустоту, или, вѣрнѣе, серьезное «наплевать!»... Ни одной демократической черты! Прежде, бывало, обращаясь къ прислугѣ, отзывчивый прiятель мой старался быть вѣжливымъ:

—«Пожалуйста, Авдотья, потрудись, другъ любезный, тамъ у меня, знаешь, около кровати папиросы на столикѣ»... А теперь—подавилъ вдавленную въ столъ пуговку звонка и, когда явилась франтоватая горничная, сказалъ только: «папиросъ!» и видимо показывалъ разницу между собой — бариномъ—и прислугой. «Я—баринъ, а ты холопъ»—

это черта новая и какъ-то особенно усиленно выставляющаяся. Эту «разницу» всѣ теперешніе «человѣчки» стремятся выставить съ особенною грубостью. А что сталось съ женой моего пріятеля, такъ это я даже и высказать не могу! Не только нѣтъ никакихъ признаковъ того, что еслибы нашелся энергическій человѣкъ, который бы помогъ ей навѣ-р-р-ное погибнуть, такъ она-бы погибла; но мнѣ даже подумалось, когда я взглянулъ на нее при ея появленіи въ кабинетѣ мужа, что она теперь сама помогла-бы скорѣйшей погибели энергическаго человѣка, а ужъ сама и не подумала-бы даже о такой глупости. «Европа — одно слово!» самъ не знаю почему, подумалъ я, едва увидѣлъ преобразованную фигуру стремившейся къ погибели энергической женщины. Самопожертвованная растрепанность былыхъ временъ замѣнилась теперь тѣмъ-же выраженіемъ «наплевать», которое свѣтилось и въ глазахъ ея мужа, только «наплевать», озарявшее лицо жены, было въ высшей степени безпечное; это «наплевать» виднѣлось и въ тѣлодвиженіяхъ, заимствованныхъ прямо отъ разбитной опереточной актрисы. Я только дивился, съ какой настойчивостью эта дама старалась заставить меня обратить вниманіе на то, что теперь она заботится не о погибели, а вотъ объ «этомъ мѣстѣ», вокругъ и около праваго бедра... Я даже отодвинулся на пол-аршина, давая ей понять, что я уже замѣтилъ и что не надо-же ужъ такъ, къ самому носу...

Подъ этими совершенно неожиданными впечатлѣніями я какъ-то отупѣлъ, даже забылъ, зачѣмъ собственно пришелъ сюда; я почувствовалъ присутствіе кругомъ меня какой-то смѣлой глупости. Смѣлость быть глупымъ, смѣлость не стыдиться этой глупости, даже стремленіе щеголять ею—вотъ новая для меня черта въ моемъ «отзывчивомъ» человѣчкѣ. Не помню ужъ, что такое я говорилъ съ нимъ, не помню, что говорилъ онъ со мной. Я хотѣлъ уйти—и не уходилъ, самъ не зная почему, и не знаю, какъ-бы шло дальше, еслибы не выручило насъ всѣхъ одно обстоятельство, которое развязало моему пріятелю языкъ и тѣмъ самымъ вывело меня «изъ мрака къ свѣту».

Въ передней раздался звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ послѣ переговоровъ горничной съ пришедшими, въ кабинетъ пріятеля вошли три мужика, каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ, а иные на головѣ, большія рамы, завернутыя въ бумагу. Оказалось, что это артельщики принесли картины, купленныя моимъ пріятелемъ. Развернули одну, оказалась сцена изъ римской жизни: молодая патриціанка готовится вступить въ воду широкаго мраморнаго бассейна; она уже опустила туда концы пальцевъ лѣвой ноги. На поверхности воды плаваетъ роза. Разумѣется, патриціанка раздѣлась, руки подняла кверху и въ одной изъ нихъ держитъ кисею, которая невѣдомо зачѣмъ нужна, невѣдомо зачѣмъ спускается до полу.

— Что, сказалъ мой реставрированный человѣчекъ:—не одобряете? Скорби нѣтъ? Что дѣлать. Хочется, знаете, и поотдохнуть немножко. Все мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ — позвольте-съ! Дайте вздохнуть.

Стали картину вѣшать. Артельщики стучали молотками, а пріятель мой, почему-то разгорячась, сердясь, продолжалъ:

— Да! довольно, довольно-съ этого одуренія, этого кошмара! Позвольте и намъ, не-мужикамъ (можетъ быть къ несчастью!), позвольте и намъ предъявить свои, наши, не-мужицкія требованія! Да-а-съ! Безъ скорби! Безъ тенденціи! Что дѣлать-съ! Откройте другую картину!

И другая картина оказалась тоже изъ римской жизни. Патриціанка выходила изъ бассейна, и такъ какъ она, разумѣется, удалялась отъ зрителя, то не было ужъ никакой кисеи, потому что и такъ никто не увидитъ.

— И эта тоже безъ скорби! Тѣло, просто человѣческое тѣло-съ, ужъ не взыщите-съ! И—увы—красивое-съ тѣло, и ни недоимокъ, ни неурожая—нѣтъ! Да-съ, нѣту ихъ — увы, увы! Я не сомнѣваюсь, что дядя Митяй съ пряниками и тамъ разные «на построеніе храма»... старички... или водовозъ какой-нибудь — ни малѣйше не сомнѣваюсь, что это глубоко... Но ужъ позвольте мнѣ что-нибудь по-изящнѣй... Что дѣлать! И на улицѣ нищій, и на картинѣ нищій, и въ книгѣ нищій — это, воля ваша, нѣтъ! Бога ради, это пора кончить! Пора! пора!

Третья картина—тоже изъ римской жизни. И тоже безъ тенденціи... Голая... и лежитъ, отдыхаетъ должно-быть. Голова впрочемъ убрана и браслеты есть. А пріятель мой все азартнѣе становится.— «Мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ,—нѣтъ! Бога ради! Довольно! довольно! довольно!.. Позвольте и намъ, и намъ, и намъ!» Ничего другого я не помню изъ ожесточенныхъ монологовъ моего человѣчка. Я сидѣлъ, какъ загипнотизированный этими отрывочными, непрерывавшимися фразами негодованія; не помню, какъ случилось, что послѣ того, какъ были повѣшены картины, я очутился за завтракомъ, въ обществѣ моего пріятеля и его жены; не помню, что ѣлъ и что думалъ, но помню, что опять и еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ пріятель мой, подкрѣпившійся стаканомъ краснаго вина и чашкою кофе съ коньякомъ, горланилъ неизвѣстно по какому случаю—«мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ, нѣтъ! довольно! довольно! довольно!»

Не помню, какимъ образомъ случилось, что я не только не ушелъ послѣ завтрака, но досидѣлъ и до обѣда, и обѣдалъ, и потомъ вмѣстѣ съ пріятелемъ и его женой отправился въ Малый театръ смотрѣть Жюдикъ. И здѣсь я помню только одно, именно, что и въ кассѣ, когда пріятель бралъ билеты, онъ не упустилъ случая ввернуть: «позвольте же, наконецъ, что нибудь! Что жъ это такое? мужикъ, мужикъ, мужикъ!» И затѣмъ во время спектакля и въ антрактахъ твердилъ тоже самое каждую минуту, и за ужиномъ, въ кабинетѣ какого-то ресторана, при каждой рюмкѣ, при каждомъ кускѣ я слышалъ все одно и то же: «Дайте же и намъ... вѣдь и мы люди, вѣдь и у насъ

потребности! Нельзя же двадцать лѣтъ: мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ!» Безпрерывно волнуясь и горячась, пріятель мой старался ѣсть какъ будто даже больше, чѣмъ слѣдуетъ, пить больше, чѣмъ могъ, желая этой чрезмѣрностью коментировать выраженіе: «дайте же и намъ».

Наконецъ мы разстались...

Возвратившись домой, я чувствовалъ какую-то необыкновенную физическую усталость, необычайную внутреннюю пустоту, тяжесть собственнаго тѣла и какой-то шумъ или зудъ всего организма, точно и во мнѣ, и вокругъ меня безпрерывно повторялась фраза моего пріятеля: «мужикъ-мужикъ-мужикъ-мужикъ, довольно! довольно! довольно!..» И невольно, слушая этотъ неумолкаемый шумъ однообразной фразы, я, не смотря на мое физическое утомленіе, не могъ не подумать:

— Да! Такъ вотъ оно новое-то!.. Вѣдь не станетъ же пріятель мой «отзываться» на явленія, не стоющія вниманія. Стало-быть, точно новое.

Что-то тяжелое, смутное испытывалъ я, добравшись наконецъ до своего непривѣтливаго меблированнаго нумера, и не только смутное, но и тяжеловѣсно-глупое что-то угнетало меня послѣ полусутокъ, проведенныхъ въ обществѣ «отзывчиваго» человѣка; я желалъ-бы отдѣлаться отъ этихъ впечатлѣній, хотѣлъ-бы сбросить ихъ съ своихъ плечъ, какъ ненужную тяжесть, и не могъ! «*Не даромъ* мой отзывчивый пріятель бѣснуется при словѣ «мужикъ»: даромъ онъ не будетъ бѣсноваться, стало быть, что-нибудь тутъ есть...» — Что же тутъ, въ этой видимой глупости, думалось мнѣ, есть именно резоннаго, настоящаго? А главное, почему при словѣ «мужикъ» отзывчивый человѣкъ выходитъ изъ себя? Вѣдь выходить изъ себя цѣлыя сутки, значитъ надобно «въ самомъ дѣлѣ» ощущать при этомъ словѣ какую-нибудь реальную боль, уколъ... «Дайте отдохнуть!» — выраженіе, столь-же часто слышанное мною, какъ и слово «мужикъ», произносилось съ крикомъ, съ негодованіемъ.—Да отдыхай пожалуйста! хотѣлось отвѣтить ему. Чего-жъ ты кричишь-то? Кто тебѣ мѣшаетъ «просто» идти въ театръ, покупать голую патриціанку, не прибавляя каждую минуту воплей о томъ, что «надоѣлъ мужикъ»? Да наконецъ я не знаю даже, кто и когда мѣшалъ этому самому отзывчивому пріятелю не имѣть никакихъ отношеній къ мужику? «Дайте отдохнуть!» — и вотъ театры, балы, маскарады, собранія и т. д. Но вѣдь это всегда было! Вѣдь въ послѣднія 25 лѣтъ возможность эстетическихъ наслажденій приняла такіе огромные размѣры, что сдѣлалась доступной не только Петербургу, Москвѣ, но буквально каждому захолустью. Ни одинъ крупный музыкальный талантъ, ни одинъ талантъ художественный не пропалъ за эти годы; всякій изъ нихъ не переставалъ рости, развиваться, выражая и въ звукахъ, и въ краскахъ все, что могъ и считалъ нужнымъ выразить. А теперь вотъ выходитъ, будто бы «мужикъ» все это давилъ, душилъ, и все имъ задушенное, придавленное только теперь въ наши дни вырвалось изъ его лапъ и вопіетъ: «довольно! довольно! довольно! Дайте и намъ, и намъ... не все же мужикъ, мужикъ, мужикъ»...

Господи помилуй, что за удивительный недугъ! Да, есть что-то! не даромъ вопіетъ отзывчивый человѣкъ!

III.

Тяжелымъ сномъ заснулъ я подъ гнетомъ размышленій о явленіи, столько же тяжеломъ, сколько и непонятномъ. И, проснувшись утромъ, тотчасъ почувствовалъ, что и ощущеніе гнета, и тоска непониманія проснулись вмѣстѣ со мною... Въ такомъ положеніи я сидѣлъ на постели, когда Кузьма принесъ мнѣ газеты. И что же? въ одной изъ газетъ, физіономія которой была до послѣдней степени прилично вымыта и выбрита, въ передовой статьѣ глаза мои совершенно случайно упали на такую строчку: «кончилось тѣмъ, что отъ мужика не стало *проходу*...» т. е опять-таки мужикъ, и даже *проходу* (вѣдь это буквально!) не даетъ.— Боже мой! подумалъ я: кто этотъ бѣдняжка, которому мужикъ не даетъ проходу (къ буфету?). Оказалось, что проходу онъ не даетъ тому слою русскаго общества, интеллигентныя цѣли котораго *не могутъ* быть ни чѣмъ инымъ, какъ благомъ народа. Такъ вотъ этимъ-то господамъ, которые думаютъ о благѣ народа, пожалуй, даже того-же мужика, мужикъ не даетъ проходу.... къ буфету!

Итакъ, подумалось мнѣ, во всѣ эти двадцать пять лѣтъ мужикъ и ложный взглядъ на мужика мѣшали вамъ что-нибудь дѣлать? Это вы, вслѣдствіе ложныхъ взглядовъ на мужика, господствовавшихъ въ литературѣ, начали новую эру тѣмъ, что въ двадцать разъ увеличили въ Россіи ввозъ шампанскихъ винъ и опереточныхъ актрисъ, просадивъ на нихъ сначала выкупныя свидѣтельства, потомъ лѣса и земли? Ложные взгляды на мужика не давали вамъ возможности пикнуть ни по части образованія вашихъ дѣтей, ни по части всевозможныхъ хищеній, всевозможныхъ неправдъ и всевозможныхъ колотушекъ въ разныя части собственнаго вашего тѣла? Мужикъ не давалъ проходу къ кассамъ расхищавшихся банковъ, въ милліардныхъ грабежахъ войны, въ мутной водѣ подпольнаго взяточничества? Мужикъ не давалъ вамъ ходу, когда, даже въ качествѣ свѣдущихъ людей, вы ровно ничего путнаго не могли сказать, хотя и не можете имѣть иныхъ цѣлей кромѣ блага народа? Отъ ложныхъ взглядовъ въ литературѣ, вы, втеченіе двадцати лѣтъ, въ семи стахъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ и въ восьми тысячахъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, могли только вотировать прибавки къ жалованью господина становаго пристава, а по всѣмъ прочимъ вопросамъ могли выражать какія-то необыкновенныя «безпредѣльныя» чувства? Это все мужикъ обездоливалъ васъ, не давалъ вамъ *проходу* (проходу, проходу *не давалъ*!) къ настоящему дѣлу?... А между тѣмъ черезъ каждые три года, и по уѣзднымъ, и губернскимъ городамъ, васъ собирали для того, чтобы напомнить о томъ, что

вы въ самомъ дѣлѣ должны имѣть какія-нибудь благія цѣли. Чрезъ каждые три года восемьсотъ уѣздныхъ и семьдесятъ губернскихъ каѳедральныхъ протопоповъ увѣщевали васъ шествовать безбоязненно по предначертанному пути, напоминая вамъ, что вы—потомки предковъ, что предки были древле краеугольными камнями и что вы также должны быть краеугольными... А вы все въ буфетъ да въ буфетъ!

Малѣйшаго, самаго поверхностнаго припоминанія тѣхъ всевозможныхъ проматываній, которыми ознаменовано двадцатипятилѣтнее существованіе тѣхъ, кто «не можетъ имѣть» иныхъ цѣлей, кромѣ народнаго блага,—достаточно для того, чтобы видѣть, до какой степени вопли этихъ людей противъ мужика не только несправедливы, но не умны и унизительны. Ни въ качественномъ, ни въ количественномъ отношеніи это рѣшительно несправедливо. Возьмите сейчасъ всѣ органы печати, имѣющіеся у васъ въ данную минуту подъ рукой, выкиньте изъ толстыхъ и тонкихъ журналовъ, изъ большихъ и малыхъ газетъ все, что касается мужика, и у васъ навѣрное получится масса матеріала, не имѣющаго съ мужикомъ ни малѣйшаго соприкосновенія. Положительно можно сказать, что на какой-нибудь очеркъ въ листъ, въ полтора, вы имѣете цѣлую часть въ пять, въ десять листовъ романа, беллетристики, изучающей культурное общество. О мужикѣ все очерки, а о культурномъ обществѣ романы. Очеркъ изъ мужицкой жизни задушилъ и замучилъ всѣхъ интеллигентныхъ дѣятелей, очеркъ, котораго они даже и въ руки не берутъ, очеркъ, исчезающій къ тому-же въ широкой, подавляющей дѣятельности такихъ огромныхъ силъ, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Гончаровъ, подарившихъ русское общество въ послѣднія 25 лѣтъ самыми крупными, самыми замѣчательными своими работами, это ничтожное неуклюжее созданіе, котораго никто не читаетъ,—онъ-то и не даетъ «проходу»! Но оставимъ эти сильные таланты, посмотримъ, что дѣлаютъ не сильные и не могучіе: возьмите малыя и большія газеты того самаго дня, въ который вамъ придется читать эти строки, выбросьте все, что касается мужика, земельки, убійства изъ-за двугривеннаго и т. д., и затѣмъ пересчитайте все, что осталось не о мужикѣ. Вы будете подавлены разнообразіемъ матеріала: объ однихъ театрахъ вы имѣете гораздо больше строкъ, чѣмъ о всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ всей Россіи, а о мужикѣ только и сказано, что въ селѣ Чушкинѣ крестьянка родила трехъ близнецовъ, которые находятся въ добромъ здоровьѣ. Въ милліонъ разъ больше свѣдѣній вы найдете въ каждомъ номерѣ газеты о томъ, напримѣръ, какія юбки начала носить Сарра Бернаръ или сколько любовниковъ было у недавно скончавшейся актрисы N, чѣмъ о насущнѣйшихъ нуждахъ мужицкаго житья-бытья. Оставимъ и эту, большую прессу, возьмемъ маленькую. И здѣсь отъ первой до послѣдней строки не только никто не хочетъ задушить читателя полушубкомъ, но все стремится развеселить его, насмѣшить, выкинуть колѣно, сказать стишокъ, отъ котораго-бы защекотало подъ-мышкой... Затѣмъ масса иллюстрированныхъ изданій, гдѣ употребляются всѣ силы, чтобы оградить васъ отъ непріятнаго, тяжелаго впечатлѣнія, гдѣ и изъ прошлаго, и изъ настоящаго выбрано для читателя только красивое, занимательное, курьезное... А много-ли мужика на театрѣ? Много-ли его въ опереткѣ русской, французской, нѣмецкой; въ балетѣ, въ оперѣ, на всѣхъ частныхъ и казенныхъ сценахъ и т. д.? А огромная европейская литература, вполнѣ доступная нашему образованному обществу, напоминаетъ-ли она ему хотя чѣмъ-нибудь о мужикѣ? Сосчитайте по пальцамъ количество произведеній, касающихся мужика, сосчитайте количество экземпляровъ такихъ произведеній, число лѣтъ, въ которые они расходятся, и вы увидите, что такія произведенія считаются буквально десятками, а какія-нибудь 2 т. экземпляровъ расходятся втеченіе 5—6 лѣтъ, между тѣмъ, какъ «немужицкая» оригинальная и переводная литература, а за ней литература «дня», литература «пріятнаго чтенія», потѣхи и щекотки — кишмя-кишитъ вокругъ васъ ежедневно, на каждомъ шагу. Подписчиковъ десятки тысячъ, а еще больше случайныхъ покупателей; на каждомъ углу улицы, на каждой захолустной станціи желѣзной дороги вамъ предлагаютъ пріобрѣсти листокъ съ потѣхой, увеселеніемъ и щекоткой. «Мужикъ», со всею своею литературою, со всѣми своими очерками, замѣтками, съ цифрами о смертности, урожаѣ и неурожаѣ и т. д. — это капля въ морѣ литературы, ежедневно стремящейся доставить читателю эстетическое наслажденіе, или просто удовольствіе, потѣху, развлеченіе, и во всякомъ случаѣ не имѣющей даже отдаленнѣйшаго намѣренія задушить своего покупателя полушубкомъ.

А между тѣмъ рѣшительно вездѣ, даже и въ этой увеселяющей литературѣ, одинъ и тотъ-же вопль и стонъ. «Мужикъ задушилъ! Мужикъ не далъ проходу, мужикъ, мужикъ, мужикъ! довольно! довольно! довольно!» Несправедливость этихъ воплей, какъ видите, совершенно ясная; никакихъ существенныхъ резоновъ для нея нѣтъ, если конечно вникнуть въ дѣло по совѣсти. Еслибы въ этихъ вопляхъ была хоть тѣнь правды, еслибы мужикъ въ самомъ дѣлѣ такъ безсовѣстно заполонилъ всю литературу, преградилъ-бы всѣ входы и выходы для тѣхъ, кто считается потомками предковъ и кто «не можетъ» имѣть иныхъ цѣлей, кромѣ народнаго блага, то, разумѣется, онъ, этотъ мужикъ, какъ практическій человѣкъ, съумѣлъ бы извлечь изъ своего первенствующаго положенія и несомнѣнныя практическія выгоды. Между тѣмъ посмотрите, вчера или нѣсколько дней тому назадъ, въ той же самой газетѣ былъ опубликованъ на послѣдней страницѣ, въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій, такой фактъ: ѣдетъ на извозчикѣ съ курскаго вокзала какой-то пассажиръ-крестьянинъ и заводитъ съ своимъ возницей разговоръ о томъ, о семъ, о крестьянствѣ и землѣ. Извозчикъ жалуется проѣзжему крестьянину на бѣдность, говоритъ, что эта бѣдность происходитъ отъ малоземелья, что

она выгнала его въ извозъ, оторвала отъ дома, что отъ извоза не только нѣтъ выгоды, а, напротивъ, только разстройство: въ домѣ однѣ бабы да ребятишки. Разсказалъ этотъ извозчикъ проѣзжему крестьянину, что не онъ одинъ бьется, какъ рыба объ ледъ, вслѣдствіе малоземелья, а цѣлыя деревни, волости!.. Тогда пассажиръ-крестьянинъ сжалился надъ этимъ мужикомъ и присовѣтовалъ отправить ходоковъ въ такое-то мѣсто, назвалъ губернію, уѣздъ и волость, указалъ, какъ пройти, гдѣ, къ какому человѣку обратиться. Словомъ, далъ самые практическіе и опредѣленные совѣты и указанія. Извозчикъ все это запомнилъ, тотчасъ же, подъ вліяніемъ совѣтовъ случайнаго пассажира, поѣхалъ въ деревню, разсказалъ дѣло односельчанамъ и добился того, что болѣе сорока домохозяевъ рѣшились сдѣлать сборъ денегъ для ходока, и когда тотъ убѣдится, что пріѣзжій не солгалъ,—переѣхать на указанныя мѣста. Собрали денегъ, а скоро и въ самомъ дѣлѣ переселились; переселенцы купили сразу большое имѣніе, цѣною въ 80 тыс. рублей,—и теперь славословятъ Всевышняго. Такъ вотъ, еслибы мужикъ-то возобладалъ повсюду, еслибы онъ, въ самомъ дѣлѣ, не давалъ «проходу», такъ такія элементарныя дѣла, какъ дѣло о землѣ, лежащей подъ бокомъ, навѣрное дѣлались-бы правильно и во всякомъ случаѣ считалось-бы дѣломъ серьезнымъ. А то—*не случись* этого добраго проѣзжающаго—и болѣе сорока дворовъ такъ-бы и пропали пропадомъ на родинѣ, въ то время, когда, какъ видимъ, и земля, и средства пріобрѣсти ее есть въ наличности.

Такимъ образомъ размышленія мои, возбужденныя вчерашними воплями моего пріятеля и сегодняшнимъ чтеніемъ газетныхъ воплей—по поводу того-же самаго «мужика»—сначала сильно меня взволновавшія своей глубокой неправдою, постепенно стали принимать все болѣе и болѣе спокойное направленіе, и я совсѣмъ ужъ былъ готовъ успокоиться на томъ окончательномъ рѣшеніи, что всѣ эти крики и вопли: «задушилъ!» и «довольно!»—просто пустяки и вздоръ, не стоющій ни малѣйшаго серьезнаго вниманія, какъ совершенно неожиданное обстоятельство вновь повергло меня въ тягостное недоумѣніе. Неожиданно мнѣ припомнился голосъ моего пріятеля и выраженіе, съ которымъ онъ произнесъ свои «довольно! довольно!». Голосъ этотъ былъ *дѣйствительно* возбужденный, *дѣйствительно* взволнованный. *Дѣйствительное* негодованіе слышалось въ тонѣ его рѣчей. Пораженный этою неожиданностью, я перечиталъ какъ фельетонъ, въ которомъ авторъ жалуется, что его задушилъ полушубокъ, такъ и передовицу, гдѣ вопіютъ, что отъ мужика нѣтъ проходу,—и опять убѣдился, что все это говорится искренно, что въ этихъ неправдоподобныхъ статьяхъ сокрыто самое правдоподобное ощущеніе удушья, отсутствіе вѣры въ возможность «пройти» къ какой-то цѣли. «Вѣдь стало-быть, подумалъ я, есть-же какая-нибудь серьезная, глубокая причина, вслѣдствіе которой слово «мужикъ» такъ искренно мучитъ людей и исторгаетъ изъ нихъ крики непритворной боли?»

Искренняя, непритворная боль и напускная досада, слышащаяся въ вопляхъ совершенно неосновательныхъ и нерѣзонныхъ, сбила меня съ толку и спутала всѣ мои соображенія. Не помню и не могу сказать, вслѣдствіе какихъ логическихъ или нелогическихъ сцѣпленій мысли я къ концу дня нашелъ почему-то необходимымъ опять пойти къ моему знакомому «человѣчку», не смотря на то, что уже вчера далъ себѣ слово ни въ какомъ случаѣ и никогда не посѣщать его. Самъ не знаю почему, но мнѣ показалось, что тамъ, въ реставрированномъ обиталищѣ «человѣчка», я какъ будто-бы чего-то не досмотрѣлъ.

Пошелъ и наткнулся на шумное сборище гостей; были святки, и у человѣчка происходило что-то вродѣ маскарадика. Пяти минутъ пребыванія въ этомъ веселомъ обществѣ было для меня достаточно, чтобы почувствовать на душѣ что-то до-нельзя нехорошее. Всѣ были чрезвычайно веселы («давно мы такъ не веселились!» сказала сама хозяйка), всѣ стремились быть, если можно, еще веселѣй, еще развязнѣй, шумнѣй; всѣ стремились какъ-бы наверстать утраченные годы какой-то вынужденной опечаленности. Боже мой, съ какимъ усердіемъ и усиліемъ самъ мой знакомый человѣчекъ, его жена (когда-то вздыхавшая о невозможности пострадать) и всѣ остальные гости, которыхъ въ старину я встрѣчалъ у этого-же моего пріятеля только подъ совершенно другими вѣяніями времени—Боже мой, съ какими усиліями всѣ они старались возстановить позабытое значеніе кадрили, безтенденціозной потѣхи, простого смѣха! Какъ все это къ нимъ не шло, какъ все это было неуклюже, жалко и скверно... Марья Андреевна Кукушкина, которая въ былые годы, я помню, изнывала въ тоскѣ по собственной негодности, плакала о томъ, что у нея нѣтъ средствъ учиться и т. д., вдругъ теперь, когда она стала въ три раза старѣе, въ три раза толще, когда ужъ ея собственныя дочери ходятъ въ гимназію, вдругъ теперь явилась въ тирольскомъ костюмѣ, въ коротенькой юбочкѣ, обнаруживавшей икры ногъ, и какія говорила слова!.. Нѣтъ! Описать усилія, которыя дѣлали видѣнные мною гости, чтобы раздѣлаться даже съ воспоминаніями о «вчерашнемъ» днѣ,—невозможно!.. Выраженіе лицъ, на которыхъ отпечатывалось удовольствіе дурости,—не можетъ быть передано мною достаточно рельефно...

Нѣчто подобное впрочемъ приходилось видѣть мнѣ и прежде. Былъ у меня въ Москвѣ одинъ знакомый молодой купчикъ, начавшій торговлю на «раціональныхъ началахъ» и стремившійся быть до мелочности честнымъ и аккуратнымъ. Вѣроятно дѣла его пошли не такъ хорошо, какъ-бы онъ желалъ, и я сталъ замѣчать въ немъ сначала тоску, потомъ какую-то удручающую мрачность; на мои разспросы онъ отвѣчалъ, что его «мучатъ» обязательства, «мучатъ» предложенія раздѣлаться съ этими обязательствами,—предложенія, хотя и выгодныя въ практическомъ отношеніи, но нравственно непереваримыя. По временамъ страданія его были такъ велики, что физически сокрушали

его: онъ ходилъ удрученный, сгорбленный, подавленный, и въ самыя горькія минуты мечталъ даже о самоубійствѣ. Случилось, что я долженъ былъ неожиданно покинуть его и не видался съ нимъ по крайней мѣрѣ полгода. Втеченіе этого времени онъ, должно-быть въ минуту крайняго душевнаго разстройства, рѣшился послѣдовать чьему-то злому совѣту и вдругъ совершенно преобразился. Въ эту-то минуту я увидѣлъ его опять и не узналъ: вмѣсто того, чтобы застрѣлиться, онъ отказался платить,—словомъ, «надулъ», прошелъ всѣ подходы и подлоги и достигъ того, что въ это время и фигура, и выраженіе лица, и манера его сдѣлались точь-въ-точь такими же, какъ манеры и выраженіе лицъ у гостей, собравшихся на вечерѣ у «человѣчка». Купчикъ, рѣшившійся поступать «безъ совѣсти», также вдругъ какъ бы расцвѣлъ, сталъ кутить, распутствовать, даже повидимому безъ особенной надобности; безъ особенной надобности фордыбачилъ, скандальничалъ и вообще сдѣлался необыкновенно смѣлымъ въ свинствѣ, самъ вызывалъ на упреки въ немъ и какъ будто радовался, что никакой упрекъ на него не дѣйствовалъ. Выраженіе лица его было наглое и придурковатое, точь-въ-точь такое, какое у многихъ на этомъ маскарадномъ вечерѣ, гдѣ и всѣ гости, казалось, рѣшили не платить «долговъ своей совѣсти», хвастаться тѣмъ, что ихъ не удивишь никакими упреками. До того было тяжело смотрѣть на реставрацію кадрили, что я не зналъ, куда мнѣ дѣться, и въ то же время не могъ двинуться съ мѣста.

Насилу я ушелъ; на лѣстницѣ ясно слышался шумъ веселья, происходившаго въ квартирѣ моего пріятеля, стукъ разучившихся танцовать ногъ, звуки пьянино, пѣніе, шумъ, громкій, безтолковый хохотъ и говоръ, въ которомъ, не знаю почему, мнѣ слышалось по временамъ: «Довольно! Довольно! Довольно! дайте и намъ! И намъ дайте!».

. . . .

IV.

На улицѣ, занесенной бѣлымъ, чистымъ, пушистымъ снѣгомъ, на морозномъ чистомъ воздухѣ, я очувствовался, и во мнѣ вдругъ разлилась какая-то горячая жалость ко всѣмъ и ко всему, что я видѣлъ, о чемъ думалъ и чѣмъ безпокоился въ послѣднее время. Все, что до сихъ поръ меня возмущало, поселяло и возбуждало во мнѣ отвращеніе, вдругъ все это потонуло во впечатлѣніи какой-то огромной драмы, поистинѣ раздирающей душу. Ужъ не наглое лицо человѣка, чувствующаго, что хотя и помощью подлости ему удалось снять съ души тяготу обязательства, вспоминалось мнѣ теперь, а вспомнилась маленькая, молодая, чуть-чуть не ребенокъ, слабосильная, плохокормленная клячонка, которая подъ градомъ ударовъ кнута выбивается изъ силъ, стараясь стащить дровни съ огромнымъ грузомъ камней. Подъ дровнями нѣтъ капли снѣгу, и ей приходится тащить каменный возъ по камнямъ. Она рвется, каждую секунду дѣлаетъ новыя усилія напрячь послѣдніе остатки силъ и наконецъ, какъ бы въ какомъ-то истерическомъ состояніи, начинаетъ рваться изъ этихъ путъ отъ этого кнута, отъ этого воза, отъ этого хомута... Она бѣснуется, рвется въ хомутѣ до удушья, до удушья рвется изъ хомута, дрожитъ, «выбалтываетъ» голову; ей во что бы то ни стало надобно уйти, уйти отъ этой невозможной для ея силъ работы, уйти, только уйти!

Нѣтъ, не мужикъ измучилъ, истомилъ и задушилъ насъ полушубкомъ; не мужикъ не даетъ намъ проходу, не отъ него мы кричимъ: «дайте вздохнуть!» «довольно! довольно!». И вовсе не на него мы негодуемъ. Напротивъ, мы всѣ, отъ верхняго края до нижняго, очень имъ довольны и любимъ его, и даже просто-на-просто дорожимъ. Мы очень рады, что онъ носитъ намъ дрова, топитъ печи, чиститъ сапоги, возитъ, пашетъ, поитъ насъ молокомъ, кормитъ мясомъ... Я, по крайней мѣрѣ, не знаю примѣра, когда бы по этому случаю гдѣ-нибудь въ литературѣ раздался негодующій голосъ. Ни одинъ писатель еще не кричалъ, что мужикъ задушилъ его своей услужливостью по части всякой черной работы, измучилъ тѣмъ, что не даетъ возможности самому чистить выгребныя ямы. Нѣтъ, «такому мужику всѣ чрезвычайно рады: отъ времени до времени мы даже «гордимся», что у насъ есть такое славное всестороннее существо, такой надежный потомокъ такихъ-же надежныхъ предковъ...

Кричимъ мы вовсе не отъ мужика, а отъ той «язвы правды», которую мужикъ возбуждаетъ въ нашемъ сознаніи. И говоримъ, и дѣлаемъ еще многое, но, къ нашему несчастью (или счастью!), мы *не можемъ* говорить и дѣлать съ легкимъ сердцемъ, такъ какъ въ насъ уже сидитъ эта несносная, но неминучая, неизбѣжная «язва правды», которая *заставляетъ* насъ понимать, что именно мы дѣлаемъ. Намъ бы хотѣлось жить, ошибаясь, заблуждаясь, поднимаясь и падая, какъ жили «прочіе», но опять-таки намъ невозможно дѣлать этого, не зная, что мы ошибаемся, заблуждаемся. Нѣтъ, мы знаемъ, знаемъ это!

Разумѣется, я говорю о человѣкѣ, имѣющемъ хотя какое-нибудь соприкосновеніе съ книгой, о человѣкѣ развитого сознанія. Что-жъ дѣлаетъ съ нами книга? Выяснивъ намъ всѣ ошибки, уклоненія, паденія и т. д. (которыхъ мы сами бы хотѣли отвѣдать, чувствуя, что въ этомъ «жизнь») и тѣмъ самымъ лишивъ насъ аппетита повторять то-же самое, а главное, отравивъ нашу мысль тягостной необходимостью *непремѣнно думать правильно и правдиво*, то есть умертвивъ въ насъ всякое своевольство, прихоть, фантазію,—эта самая книга на послѣдней страницѣ преподноситъ намъ цѣлый возъ, тяжело нагруженный камнями горя человѣческаго, и неопровержимо доказываетъ, что намъ надобно сдвинуть съ мѣста этотъ непосильный, тяжелый грузъ. Я хотѣлъ бы погулять, потанцовать, поваляться на травкѣ, пожить, поплутать и въ тьмѣ, и въ свѣтѣ...—«Вѣдь вотъ. У прочихъ народовъ, думаю я, сколько ошибокъ и

сколько злодѣйства, но сколько же и жизни, сколько красоты и поэзіи, всего! Оперу напишутъ изъ тогдашнихъ ошибокъ и кровавыхъ глупостей, такъ любо-дорого смотрѣть! Вотъ бы и намъ... Что за бѣда ошибиться?.. Опера потомъ, съ хорошей постановкой, сойдетъ... поэма...» Нѣтъ! «Послѣдняя страница» не даетъ мнѣ и помечтать; она насильно вытаскиваетъ меня изъ привольной полутьмы прямо въ океанъ свѣта, запрягаетъ меня, съ собственнаго моего согласія, въ тяжелѣйшій возъ, нагруженный цѣлою горою обязанностей, и заставляетъ сознательно надрываться въ этомъ хомутѣ! Вотъ отчего кричатъ: довольно, довольно! Мы кричимъ отъ тяготы нашего сознанія, которое давитъ насъ, потому что наша мысль *не можетъ не считать этого гнета дѣйствительною правдою.*

Русскій сознательный человѣкъ въ своемъ духовномъ развитіи волей-неволей долженъ брать изъ опыта общечеловѣческаго непремѣнно *послѣднее слово*, точно такъ, какъ онъ долженъ брать игольчатое, а не кремневое ружье, и т. д. И всѣ послѣднія слова говорили ему, что онъ, какъ личность, какъ «самъ по себѣ», какъ существо своей воли, не можетъ существовать. И мы приняли эти послѣднія слова въ самомъ подлинномъ видѣ, въ неприкрашенномъ, въ жестокомъ даже; въ насъ поэтому всего сильнѣе воспиталось отсутствіе сознанія личнаго права, личнаго разнообразія желаній, энергіи, личнаго своевольства. Иной украдетъ милліонъ и даже прокутить не съумѣетъ: начнетъ извозчикамъ давать на водку по сту рублей. Личная впечатлительность въ насъ ослаблена и ослабляется «послѣднимъ словомъ» мысли человѣческой ежеминутно — это во-первыхъ; а во-вторыхъ, будучи такъ ослаблены по части личнаго эгоизма, мы, благодаря тѣмъ-же послѣднимъ словамъ, воспитываемся въ сознаніи нашей обязанности предъ всѣмъ человѣчествомъ... Вотъ тотъ хомутъ, изъ котораго мы, выражаясь мужицкимъ языкомъ, «выбалтываемъ» голову и кричимъ: «довольно, довольно!».

Воображаю, какія мученія долженъ былъ испытывать, напримѣръ, нашъ славный предокъ, Алеша Поповичъ, когда на него *вдругъ* нагрянуло христіанство, восемьсотъ лѣтъ разрабатывавшееся за тридевять земель... Алеша Поповичъ только было разгулялся, распьянствовался во стольномъ городѣ во Кіевѣ, только-было въ немъ заиграла кровь и сила богатырская, только-было выучился онъ лить въ себя турьи рога зелена-вина и получилъ «скусъ» къ тогдашнему дамскому полу — хвать, какъ снѣгъ на голову, нагрянули на него и постъ, и молитва, и воздержаніе, и покаяніе, и адъ со всѣми ужасами. Навезли схимъ, веригъ, стали «для примѣра» зарываться по самую шею въ ямы, проповѣдывать смиреніе, кротость, незлобіе, нищету, «подставь ланиту», отдай имѣніе... Что долженъ былъ перечувствовать и перенести нравственныхъ мукъ бѣдный «добрый молодецъ». Вѣдь все это новое рѣшительно ему не по вкусу, а ничего не подѣлаешь! Въ этомъ новомъ — правда, и Алешка запрягся въ нее именно потому, что тутъ правда, что «совѣсть» его запрягла въ этотъ хомутъ... И сколько разъ, вѣроятно задыхаясь въ этомъ хомутѣ, онъ вопіялъ: «довольно, довольно!». Вотъ и теперь тоже! Это драма, изъ которой два выхода: жизнь и смерть; смерть можетъ быть всякая, по выбору, а жизнь для насъ только въ одномъ — въ *дѣйствительномъ* опытѣ переработки собственной личности практическимъ, свободнымъ дѣломъ во имя общаго, массоваго счастія. Вотъ на этомъ пути мы можемъ и заблуждаться, и падать, и подниматься, словомъ, жить, развивать свои силы. Вотъ на этомъ-то пути мы и оперу «съ постановкой» отыщемъ... Надобно подсыпать снѣжку подъ полозья тяжелаго воза, помочь... А чтобъ обращаться къ возстановленію правъ французской кадрили — нѣтъ, это не резонъ и ничего изъ этого не выйдетъ, будьте увѣрены.

Такъ вотъ только послѣ всѣхъ этихъ недоумѣній, размышленій и всѣхъ этихъ опытовъ выбраться изъ тьмы къ свѣту, приведшихъ меня къ убѣжденію, что передъ моими глазами происходитъ не реставрація французской кадрили, а самая настоящая драма, я и рѣшился написать вверху бѣлаго листа бумаги давно знакомыя мнѣ слова «часть первая, глава первая»...

III. Возмутительный случай въ моей жизни. — Опытъ опредѣленія «подлинныхъ» размѣровъ и подлинныхъ свойствъ «русскаго сердца».

I.

Для начала моего беллетристическаго повѣствованія, прежде всего рѣшаюсь разсказать самый возмутительный, самый безстыдный и подлый фактъ, тяготѣющій на моей совѣсти. Фактъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ «скелетовъ въ домѣ», которые, увы! кажется, найдутся на совѣсти всякаго смертнаго и которые хотя разъ въ жизни до такой степени ужаснули человѣка передъ самимъ собой и заставили его испугаться самого себя, что потомъ всю жизнь, по временамъ припоминаясь, заставляютъ его вздрогнуть всѣмъ тѣломъ, въ ужасѣ закрывать глаза и стонать отъ нестерпимо мучительнаго воспоминанія. Такіе случаи не только никогда никто не рѣшится разсказать самому близкому человѣку, но, напротивъ, всякій старается таить ихъ по возможности на недосягаемой глубинѣ отъ внимательнаго, особенно же отъ дружескаго взора, такъ какъ всякій «боится» вспоминать о нихъ; боится вспомнить себя въ тотъ возмутительный моментъ. Ни забыть ихъ, ни вырвать съ корнемъ, какъ-бы того ни хотѣлось, — невозможно; невозможно и довѣрить ни дальнему, ни близкому, ихъ надо носить на совѣсти, зная, что они не изнашиваются никогда.

Вотъ такой именно неисторгаемый изъ совѣсти случай былъ и въ моей жизни, и если я рѣшаюсь сдѣлать надъ собой невѣроятное усиліе, чтобъ разсказать о немъ, если я рѣшаюсь омрачить душу всякаго, кому попадутся эти строки, омрачить сей-

часъ-же, омрачить глубоко, оскорбить и возмутить безконечно, то пусть читатель знаетъ, что я дѣлаю это, во-первыхъ, съ невѣроятными усиліями, что я долженъ руку съ перомъ удерживать другою рукою, чтобы она писала, не ушла отъ бумаги и чернильницы, и во вторыхъ, дѣлая это, терзаюсь и мучаюсь и хочу терзать и мучить читателя потому, что эта рѣшимость дастъ мнѣ со временемъ право говорить о насущнѣйшихъ и величайшихъ мукахъ, переживаемыхъ этимъ самымъ читателемъ...

Разсказываю этотъ возмутительный случай не для личнаго своего поруганія и оплеванія (это я дѣлалъ и дѣлаю съ силою, все болѣе возрастающею, по мѣрѣ того, какъ за моими плечами увеличивается пройденный путь жизни), а единственно только изъ увѣренности, быть можетъ и ошибочной, что фактъ этотъ имѣетъ большое общественное значеніе, и не только не хочу смягчать его возмутительность, но даже *долженъ* не смягчать ея, долженъ показать этотъ фактъ во всей его потрясающей наготѣ. Для этого прежде всего надобно сказать нѣсколько словъ о самомъ себѣ.

Если вы спросите обо мнѣ кого-нибудь изъ близкихъ моихъ знакомыхъ, пожелаете узнать, «каковъ таковъ Тяпушкинъ?», то я увѣренъ, вы не услышите особенно дурныхъ отзывовъ. Напротивъ, всѣ вамъ скажутъ, что я человѣкъ хорошій; найдутся даже такіе, которые превознесутъ меня, у которыхъ есть въ рукахъ факты моей несомнѣнной доброты, внимательности къ чужому горю. Не разъ въ разговорахъ обо мнѣ мелькнетъ у того или другого расположеннаго ко мнѣ человѣка даже и словечко о моемъ стремленіи къ «самопожертвованію», и фактовъ приведутъ достаточное количество, и на жизнь мою, дѣйствительно исполненную тяжкихъ мученій, укажутъ не безъ основанія въ подтвержденіе того, что я не только болтаю объ какомъ-то общемъ благѣ, но и на дѣлѣ это доказываю и доказывалъ не разъ. Конечно я не велика птица, а человѣкъ черной, мелкой работы, но такая то работа и трудна, а, какъ извѣстно, вѣрный въ маломъ и во многомъ вѣренъ. Такъ вотъ такой-то «хорошій», а для иныхъ даже «превосходнѣйшій» человѣкъ, Тяпушкинъ, который и въ личной-то жизни похожъ на аскета, — не пьетъ, не куритъ, не тратитъ на себя лишней копѣйки, довольствуется самымъ необходимымъ—вотъ этотъ-то самоотверженный человѣкъ, который не только болтаетъ объ общемъ благѣ, а и на дѣлѣ и т. д., и т. д., такой-то человѣкъ однажды, много лѣтъ назадъ, сидя вечеромъ около колыбели своего собственнаго четырехмѣсячнаго ребенка, могъ думать такую черную думу: «Хорошо, еслибы этотъ ребенокъ умеръ!». И дума эта была до того черная, что самоотверженный человѣкъ не спускалъ глазъ съ коробки спичекъ, даже руку къ ней протянулъ. Прибавлю къ этому, что никакихъ матеріальныхъ заботъ, нищеты, безденежья —ничего этого не было. Напротивъ, средствъ было вполнѣ достаточно, и все-таки самоотверженный человѣкъ думалъ не только черную, а прямо сказать—звѣриную думу... «Самоотверженный» человѣкъ, который пришелъ-бы въ ужасъ, въ дѣйствительный, неподкрашенный ужасъ отъ газетнаго извѣстія, что на такой-то фабрикѣ мретъ народъ отъ червивой солонины, которою кормитъ рабочихъ подрядчикъ, могъ однако позволить овладѣть собою черной, звѣриной мысли о смерти собственнаго своего ребенка—мысли злобной, безчеловѣчной, адской. А вотъ именно со мною, прекраснѣйшимъ (какъ говоритъ мой пріятель Кукушкинъ) человѣкомъ, съ самоотверженной натурой, именно со мной-то, съ Тяпушкинымъ, и былъ такой возмутительный, подлый, достойный палача случай. А съ вами, господа, не бывало-ли чего-нибудь подобнаго, по крайней мѣрѣ приблизительно?»

И такъ, вотъ онъ, этотъ возмутительный случай, разсказать который я могъ только съ огромнѣйшими усиліями, даже насиліемъ надъ собой и надъ рукой, которая должна была все это написать. Все время, пока я писалъ это, я чувствовалъ, какую массу отвращенія поселилъ я вдругъ въ душѣ читателя, какъ я оцарапалъ эту душу, какъ ни за что ни про что осрамилъ ее; я ясно видѣлъ, какъ передернуло у читателя лицо, покоробило весь его организмъ, я чувствовалъ, какъ отвратительно защемило у него въ горлѣ...

Теперь, когда я все это разсказалъ, у меня точно гора свалилась съ плечъ; какой-то жаръ ударилъ мнѣ въ голову, лобъ мой мокръ, точно меня облили водой, но мнѣ несравненно легче, и я самъ могу ужъ облегчить читателя. Прежде всего, конечно, необходимо успокоить читателя по части ребенка; я нетолько не привелъ въ исполненіе мою черную мысль, но до того ужаснулся ея, что волосы у меня встали дыбомъ, что я испугался себя и... убѣжалъ, убѣжалъ и отъ этого ребенка, и отъ жены, и отъ тепла и уюта. Съ этого момента въ жизни моей начался совершенно новый періодъ, о которомъ своевременно будетъ разсказано въ этихъ запискахъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ. Новый період жизни начался и для моей жены, и для моего ребенка. Чтобы ужъ окончательно успокоить читателя по этой части, скажу, что ребенокъ этотъ въ настоящую минуту оканчиваетъ курсъ въ одномъ изъ видныхъ учебныхъ заведеній, вполнѣ обезпечивающихъ карьеру своихъ питомцевъ. Фамилія ему, разумѣется, не Тяпушкинъ, а совсѣмъ другая. Не сегодня-завтра этотъ юнецъ займетъ хорошее и вліятельное мѣсто и... что грѣха таить? Иной разъ я даже побаиваюсь — ну-ка судьба броситъ меня ему въ лапы? «Тяпушкиныхъ» онъ ужъ и теперь ненавидитъ, а попадись я ему, вѣдь пожалуй упечетъ въ мѣста не столь и столь? Словомъ, по этой части читатель можетъ вполнѣ успокоиться: не пропалъ и не пропадетъ.

Гораздо труднѣе будетъ для меня успокоить читателя собственно относительно меня самого, моего гнуснаго и подлаго поступка. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, я-то, Тяпушкинъ, за фигура такая? Человѣкъ я или звѣрь? А сердце мое: точно ли оно самоотверженное, или, напротивъ, каменное, желѣзное, безчувственное? «Всечеловѣческое» оно или

«всеволчье»? Эти вопросы давно терзали и мучили меня, нетолько по отношенію къ себѣ лично, а и вообще относительно русскаго человѣка. Ренанъ, въ надгробной рѣчи Тургеневу, характеризовалъ его сердце, какъ всечеловѣческое, лишенное «узости эгоизма». И я объ этомъ думалъ не разъ, но меня всегда смущалъ фактъ: «Положимъ, думалъ я:—я человѣкъ «всечеловѣческій»... ну, а какъ же это я своего собственнаго-то ребенка?...» Дѣло оказывалось, да и сейчасъ оказывается, какъ видите, весьма сложнымъ; волей-неволей я долженъ вдаться въ нѣкоторыя подробности моей, тяпушкинской, біографіи.

II.

Прежде всего необходимо отвѣтить на вопросъ, который вѣроятно предложитъ мнѣ читатель, прочитавъ послѣднія строки предыдущей главы: «на какомъ основаніи я, Тяпушкинъ, человѣкъ неопредѣленнаго положенія, даю себѣ право соваться съ разговорами о свойствахъ моего тяпушкинскаго сердца въ то время, когда рѣчь идетъ о свойствахъ сердца такого человѣка, какъ Тургеневъ, и имѣю еще дерзость прицѣплять это разночинное сердце даже къ общерусскому сердцу, къ сердцу общеславянскому,о которомъ говорилъ Ренанъ?» На этотъ вопросъ я отвѣчу,во-первыхъ,то, что именно только полное, какъ мнѣ кажется, родство моего тяпушкинскаго сердца съ сердцемъ всероссійскимъ (не скажу всеславянскимъ—не знаю), а въ томъ числѣ и тургеневскимъ, и дало мнѣ право, даже какъ бы обязало разговаривать о подноготной собственнаго моего сердца; и во-вторыхъ, то, что родство это полное и неразрывное—доказывается весьма просто тѣмъ, что всѣ мы, отъ послѣдняго сторожа до Тургенева и далѣе, живемъ и воспитываемся рѣшительно одними и тѣми же условіями русской жизни. Всѣ мы видимъ одну и ту-же природу, и если не одинаково воспринимаемъ, то воспринимаемъ одинаковыя впечатлѣнія и природы, и людей, и семейныхъ,и общественныхъ отношеній;кромѣ того, находясь въ предѣлахъ Россіи, всѣ мы не можемъ миновать (за исключеніемъ небольшой группы высшей аристократіи) обязательнаго для всѣхъ насъ государственнаго воспитанія и образованія; тенденція сельскаго одноклассного училища и тенденція университета—одна и та же и т. д. Стало быть, разница можетъ быть только въ возможностяхъ ослабить вліянія воспитывающихъ впечатлѣній,или, напротивъ, въ необходимости принимать ихъ не иначе, какъ въ самомъ голомъ, подлинномъ видѣ; степени воспріятія ихъ могутъ измѣняться сообразно положенію человѣка, но съ сущностью впечатлѣній не можетъ не быть знакома даже муха на всемъ пространствѣ Россіи, не только человѣкъ. Сущность для всѣхъ одинакова.

Въ этомъ отношеніи, перебирая въ своей памяти всѣ тѣ вліянія, которыя сдѣлали мое тяпушкинское сердце вопросительнымъ знакомъ, я нахожу, что во всѣхъ этихъ вліяніяхъ не было ничего такого, чего бы не испыталъ и не пережилъ всякій россіянинъ; только мнѣ, Тяпушкину, пришлось пережить эти вліянія, и принять ихъ на свою шкуру и душу безъ послабленія, безъ снисхожденія, безъ какихъ бы то ни было мягкихъ подстилокъ, искусственныхъ средствъ, вродѣ возможности воспитать и выростить себя вдали отъ жесткой дѣйствительности, въ тиши уютнаго, теплаго, обезпеченнаго дома, подъ руководствомъ выписанныхъ изъ-за границы учителей. Но и такой русскій человѣкъ, который могъ бы выростить себя внѣ необходимости знать и принимать въ разсчетъ «подлинныя» условія русской жизни, невольно долженъ знакомиться съ этими подлинными условіями жизни, разъ только онъ выйдетъ изъ своего обезпеченнаго уюта на улицу; воспитавъ себя, положимъ, на произведеніяхъ европейскихъ мыслителей и проникнувшись уваженіемъ къ собственному человѣческому достоинству, привыкнувъ уважать въ себѣ «человѣка», цѣнить свое «я», человѣкъ этотъ однакожъ никоимъ образомъ не можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ подлиннѣйшаго знакомства съ постановкой вопроса о человѣческомъ достоинствѣ у насъ, на Руси, на улицѣ, такъ какъ первый же визитъ въ гражданскую палату для заключенія купчей крѣпости, первый же визитъ въ почтамтъ для отправки письма легко и даже неминуемо натолкнетъ его на «нашу» постановку вопроса, докажетъ, что если онъ не дастъ двугривеннаго «Михалычу», который снимаетъ шубу,такъ и человѣческое достоинство будетъ попрано; Михалычъ не укажетъ «настоящаго человѣка» и купчую не заключатъ когда слѣдуетъ; а дастъ—такъ тотчасъ же и во всѣхъ отношеніяхъ окажутся изобильнѣйшія права. Заплативъ такимъ образомъ за право проявленія своего человѣческаго достоинства двадцать копѣекъ серебромъ, человѣкъ, мнившій себя устраненнымъ отъ этой грязи, долженъ знать, что не Дидероты и Вольтеры могутъ за него предстательствовать въ обществѣ ему подобныхъ,а лишь двадцать копѣекъ серебромъ... А это большая разница!

Такъ вотъ эту-то «подлинность» условій, «подлинность» русской жизни, я, Тяпушкинъ, принялъ даже безъ возможности внести двадцати копѣечное вознагражденіе въ видахъ снисхожденія. Много бы можно было говорить объ этой снисходительности ко мнѣ жизни, но я не буду путаться въ мелочахъ и запутывать мелочами главное, а прямо обращусь къ главному, и *главное* это, по моему мнѣнію, состоитъ именно въ томъ, чтобы показать, насколько знакомыя всякому русскому условія подлинной русской жизни, во всей своей совокупности, способствовали во мнѣ, русскомъ ребенкѣ, потомъ юношѣ, потомъ взросломъ человѣкѣ, развитію того самаго человѣческаго достоинства, о которомъ только что говорено, и насколько сознаніе этого «достоинства» могло разработать, развить, культивировать мое, *лично* мнѣ принадлежащее «эгоистическое» сердце.

Отецъ мой, сельскій священникъ, овдовѣлъ очень рано и, оставшись одинъ съ ребенкомъ на рукахъ (этотъ ребенокъ былъ я), отказался отъ службы

въ сельской церкви, перебрался въ городъ и здѣсь получилъ тяжелое, почти подвижническое назначеніе: его опредѣлили священникомъ при острожной церкви. Благодаря этому назначенію, я, постоянно находившійся при отцѣ, съ десяти-одиннадцати лѣтъ, совершенно ясно могъ видѣть, что жизнь—это неволя, это безличное подчиненіе чему-то невѣдомому и непремѣнно грубому, жестокому, и привыкалъ даже не сомнѣваться если не въ справедливости, то по крайней мѣрѣ въ неотвратимой неизбѣжности этого вывода. Чего стоилъ одинъ видъ изъ оконъ нашего пустыннаго, безсемейнаго, трехъ-оконнаго домика, назначеннаго отъ администраціи подъ квартиру острожнаго священника,—видъ, на который я смотрѣлъ ежедневно цѣлые годы... Домишка. какъ и острогъ, стояли за городомъ, близъ кладбища, за городской заставой. Прямо передъ однимъ изъ крайнихъ оконъ нашего домика, оконъ, едва поднимавшихся отъ земли,—отъ той-же земли поднималась кирпичная бѣлая, рябая, нештукатуренная стѣна острога; она перерѣзывала наше окно снизу вверхъ, застила свѣтъ и уходила высоко вверхъ, налегая на весь нашъ домишко темнымъ, никогда и никуда не скрывавшимся слоемъ черной и вѣчной тѣни. Даже изъ другого, не загражденнаго стѣною окошка, виденъ былъ такой-же рябой и такой-же страшный своею плоскою невыразительностью фасадъ острога, страшный, какъ страшно рябое лицо человѣка, на которомъ оспа изгладила выраженіе. На этомъ рябомъ и страшномъ лицѣ острога, большомъ и широкомъ, глядѣли всего только три черныхъ, какъ уголь, и маленькихъ оконца съ желѣзными рѣшетками, а подъ ними черныя, ржавыя, скрипучія и лязгающія цѣпями острожныя ворота, солдаты на часахъ, гауптвахта, на которой, по временамъ, трещитъ барабанъ, заставляя всѣхъ вздрагивать и пугаться, или кричитъ не своимъ голосомъ офицеръ. Въ то время иначе и не разговаривали съ подчиненными, какъ не своимъ голосомъ. Въ дополненіе къ этому «виду» необходимо прибавить, что изъ тѣхъ-же двухъ не загороженныхъ стѣною острога окошекъ, виднѣлось прямо кладбище, валъ, а за валомъ масса крестовъ, каменныхъ памятниковъ съ плачущими фигурами, а направо отъ кладбища длинный желтый заборъ, которымъ былъ огороженъ дремучій, темный садъ сумасшедшаго дома. Съ кладбища доносились плачъ и стоны; въ «сумасшедшемъ саду», какъ выражались наши сосѣди, бродили какія-то тѣни людей; изрѣдка ихъ колпаки, надвинутые на безмысленныя лица, высовывались изъ-за желтаго забора; нерѣдко въ глубинѣ этого сада слышались бѣшеные крики, вопль и шумъ свалки, послѣ которой между сосѣдями шелъ такой разговоръ:—«Кто-то вишь хотѣлъ убѣжать, вырвался... ударилъ ножомъ... погнались, догнали, повалили, избили, связали, поволокли»... Очень часто къ этому разсказу прибавлялись и другія свѣдѣнія, которыя однако всегда были непріятны: «поволокли и—четыре ребра переломили... Поволокли—и голову проломили... скончался!» А въ острогѣ? И въ острогѣ часто бывало, что кто-то кого-то «пхнулъ ножомъ», и отца моего звали по этому случаю со святыми дарами. Но большею частью было мертвенно тихо: входили туда и выходили оттуда цѣлыя толпы арестантовъ, скованныхъ по рукамъ и ногамъ, входили и уходили, молча гремя цѣпями, молча работали, молча молились въ церкви, такъ что фигура безмолвнаго, скованнаго человѣка, не будучи для меня понятной, стала однако обыкновенной, и вмѣстѣ съ этимъ обыкновенными, нормальными сдѣлались и тоска, и безнадежность, и безсиліе борьбы, которыя неразлучно сопутствовали этой сѣрой, съ желтымъ лицомъ, въ желѣзо закованной фигуры. Иногда только тоска, уже обязательная для моего сердца, переходила въ страхъ, холодный и ужасающій.

Спишь, бывало, и слышишь—стучитъ кто-то въ окно: откроешь глаза, темная осенняя ночь, темная, какъ тюрьма.

— Кто тамъ? немедленно спрашиваетъ отецъ, вскакивая съ своего дивана, который стоялъ въ той-же комнатѣ, гдѣ спалъ и я.

— Ваше благословеніе, къ «скрозь строю» пора!.. Приготовляются! говоритъ съ улицы сторожъ.

— Ахъ-ахъ-ахъ! да-да-да!.. Сейчасъ-сейчасъ! отвѣчаетъ отецъ, встревоженный, взволнованный, растерзанный, и начинаетъ метаться по комнатѣ, охая, восклицая: «Боже мой, Боже мой!» читая молитвы, трясясь и трепещущими руками завертывая въ эпитрахиль св. дары, крестъ... «Боже мой! Боже мой!» Я не помню мгновеній, когда-бы отецъ мой не былъ въ постоянной нервной тревогѣ: его ѣло собственное одиночество, этотъ острогъ, цѣпи, молитва, моя судьба, его судьба, неуютъ, безхозяйственность дома. Его длинная сухая фигура въ подрясникѣ, съ длинными женскими разметанными волосами, съ лицомъ, какъ-бы искаженнымъ безпрерывной физической болью, до сихъ поръ, припоминаясь, терзаетъ меня; онъ постоянно вздыхалъ, тревожно входилъ и уходилъ, забывалъ то, что нужно, искалъ чего-то, что было ужъ у него въ рукахъ, цѣловалъ меня порывисто, плакалъ, ни слова не сказавъ, и въ промежуткахъ пилъ водку, не закусывая и не пьянѣя. Никогда почти я не засыпалъ покойно: вздохи отца, восклицанія его—«Боже мой! Боже мой» постоянно мучили меня, и даже заснувъ, я чувствовалъ въ сердцѣ непрерывную физическую боль. Отецъ мой почти не спалъ; всю ночь онъ ворочался, постоянно вставая, постоянно пилъ, становился на колѣни, ложился опять. Всякое появленіе сторожа изъ острога всегда заставало его на ногахъ.

— Поспѣшайте, ваше благословеніе!.. прибавляетъ сторожъ съ улицы.

— Сейчасъ, сейчасъ... сію минуту! Боже мой, Боже мой!

И такъ-же какъ всегда, спѣша, путаясь, роняя то, что бралъ въ руки, надѣвая то, что не нужно, болѣзненно истерически тревожась и замирая сердцемъ, кое-какъ извлекаетъ онъ изъ кухни старуху-кухарку, которая остается со мной и ложится на полу около моей кровати, а отецъ уходитъ... Я слышу, какъ онъ шлепаетъ подъ окнами по грязи, какъ онъ вздыхаетъ, слышу его: «Боже мой! Боже мой» и лежу въ ледяномъ ужасѣ... Тьма и тишина.

Кухарка спитъ, но я не могу сомкнуть глазъ — они широко раскрыты, а чуткость слуха достигла невѣроятныхъ размѣровъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ мертвой тишины, по удаленіи отца, я слышу какой то окрикъ—это опять «невѣроятнымъ» голосомъ что-то командуетъ офицеръ, и голосъ этотъ теперь съ просонка и холода звучитъ особенно ужасно. Еще звукъ: это звякнули ружья... еще заскрипѣли ржавыя ворота... «Выводятъ!» съ ужасомъ думаю я... Если потребовали отца, стало-быть будетъ что-то ужасное... Еще звуки и шумъ, много голосовъ, много команды. Но вотъ на мгновеніе все затихло и тотчасъ же въ полу нашего домишки я замѣчаю что-то необыкновенное: какая-то невѣдомая сила, духъ, начинаетъ, какъ мнѣ кажется, снизу, изъ-подъ полу стучать кулакомъ въ половицы; стучитъ осторожно, мѣрно, но твердо... Я совсѣмъ замираю, задыхаюсь, но скоро начинаю соображать въ чемъ дѣло: нѣтъ, это не духъ — это тронулся въ путь отрядъ солдатъ, ихъ человѣкъ пятьсотъ, они идутъ въ ногу, разъ-два, разъ-два; и вотъ эти-то шаги отдаются у насъ въ домишкѣ, подъ поломъ. Удары становятся тише... солдаты уходятъ, наконецъ ихъ совсѣмъ не слыхать... Настаетъ, дѣйствительно, мертвая, невозмутимая тишина, но слухъ не мирится съ нею, онъ наполняетъ ее ужасными звуками: они доносятся издалека, изъ-за кладбища... я слышу глухой, точно въ глубинѣ земли зарытый звукъ барабана, звукъ не прерывающійся... а рядомъ съ нимъ тянется протяжный, непрерывный, жалобный крикъ крошечнаго ребенка... Нѣтъ! это не ребенокъ кричитъ... это *тотъ*... Это огромный какой-то кричитъ дѣтскимъ голосомъ... Боже мой, гдѣ мой отецъ? А барабанъ стучитъ подъ землей долго-долго.

— Боже мой! наконецъ слышу я шопотъ подъ окномъ, и вижу вбѣгающаго растерзаннаго, полупомѣшаннаго, какъ листъ дрожащаго, блѣднаго, съ мокрымъ лицомъ и мокрыми волосами, отца...

Я радъ, что увидалъ отца, радъ, что я живъ. Я радъ, что сначала появленіе отца и потомъ появленіе первыхъ лучей дня сняло съ моего сердца это ужасное впечатлѣніе. Радъ, что на сердцѣ пусто, что тамъ ничего нѣтъ, слава Богу! Послѣ «такихъ» минутъ всѣ тревоги, всѣ муки отца, которыя начинаются въ томъ-же порядкѣ и продолжаются какъ всегда,—это уже ничто, это я уже могу переносить: я даже могу уже заснуть, правда, «какъ избитый».

III.

Такъ вотъ въ такихъ-то впечатлѣніяхъ, исторгающихъ самую мысль о какихъ-то достоинствахъ и «правахъ» личности, пришлось провести мнѣ самые рѣшающіе годы, отъ десяти до шестнадцати-лѣтняго возраста. Конечно, при иныхъ условіяхъ, тѣ-же самыя впечатлѣнія могли-бы развить во мнѣ начало жгучаго негодованія, но дѣло въ томъ, что еще ранѣе этихъ совершенно ясныхъ и до сей минуты вполнѣ отчетливо ощущаемыхъ воспоминаній, въ жизни моей были такія тяжелыя явленія, которыя хоть я и помню весьма смутно, какъ-бы въ туманѣ, но общее впечатлѣніе которыхъ было такое, что умерщвляло самый зародышъ протеста во имя какихъ бы то ни было человѣческихъ правъ.

Къ такимъ подготовительнымъ къ атрофіи сердца впечатлѣніямъ дѣтства относятся мои смутныя воспоминанія о времени, когда отецъ мой былъ сельскимъ священникомъ и жилъ съ моею матерью въ деревнѣ. Смутно я помню это время, но помню, что оно было не хорошо и тяжко ложилось на душу. Тягостный семейный раздоръ, глухой, свинцовый, неизбывный, проникалъ холодной безжизненностью каждую каплю воздуха маленькихъ, неуютныхъ и неопрятныхъ комнатъ нашего деревенскаго жилья. Огромная масса тогдашняго священства вступала въ бракъ непремѣнно вопреки человѣческому достоинству, непремѣнно отказываясь отъ этого достоинства, ставя ни во что быть искреннимъ и свободнымъ въ такихъ отношеніяхъ, гдѣ необходимо быть свободнымъ. Одно это уже прекращало дѣятельность сердца у сотенъ тысячъ народа на Руси, переходило изъ поколѣній въ поколѣнія и, благодаря этому, выработало поразительные типы буквально безсердечныхъ людей, людей съ атрофированнымъ сердцемъ, людей, о которыхъ въ настоящихъ запискахъ будетъ сказано особо. Мой отецъ и мать были жертвами этого принципа. Ни онъ, ни она не подходили другъ къ другу, не понимали другъ друга, не нравились другъ другу, и жили въ безпрерывной, мрачной тоскѣ иногда нескрываемаго отвращенія, а иногда горькаго сознанія общаго безвыходнаго горя и несчастія. Да и самое «званіе» было не по душѣ моему отцу, объ артистическихъ способностяхъ котораго я скажу ниже. Онъ былъ натура нервная, впечатлительная, расположенная къ изящному, а тутъ старая крѣпостная деревня съ забитыми крестьянами, предъявлявшими къ отцу иногда чисто языческія требованія, и помѣщикъ-самодуръ, «воля» котораго царила и надъ отцомъ, и надъ крестьянами, и «воля» эта была глупая, грубая, пустомысленно жестокая, несуразная... Мать моя, которую я любилъ—только не человѣческой, а «человѣчьей» любовью—мучилась и томилась своимъ «несчастіемъ», иногда даже прямо бѣсновалась, громко выкрикивая какія-то обиды, перечисляя жениховъ, которые за нее сватались, проклиная себя, опять-таки громко и даже «во все горло», за то, что она была дура, отказавши тому, другому, и польстившись на теперешняго мужа, отъ котораго не видитъ ни вниманія, ни заботы, ни любви. Маленькую, толстую фигурку ея, съ нехорошимъ выраженіемъ глазъ, я помню главнымъ образомъ именно въ моментъ безжалостнаго гнѣва ея на моего отца, помню почему-то съ огромнымъ негодованіемъ перебрасывающую подушки двухспальной кровати. Она стелетъ постель и при этомъ почему-то и рветъ, и мечетъ... Мнѣ помнится, что гнѣвные, бѣшеные удары руки моей матери объ эти подушки, бѣшеныя встряхиванія простыни и одѣяла, что они какъ ножомъ рѣжутъ отца, что

они не удары о подушки, а удары о его лицо; и отца—непрерывно взволнованнаго, непрерывно виноватаго и непрерывно обязаннаго падать нравственно все ниже и ниже — я тоже не разъ видалъ въ бѣшеномъ состояніи, потомъ въ рабскомъ, холопскомъ. Я помню это время, но помню, какъ тяжкій, безпросвѣтный сонъ. Что тутъ любить? Что тутъ было человѣческаго, «по человѣчеству» справедливаго, красиваго, пріятнаго?

А деревня?

Прямо изъ оконъ нашего дома, за высокими деревьями сада, виднѣлся кусокъ красной, неуклюжей, съ четырьмя трубами, крыши барскаго дома. Домъ стоялъ на косогорѣ, и намъ видна была крыша. А въ домѣ жилъ «баринъ», а отъ барина исходила «воля» жить въ деревнѣ такъ или сякъ; про этого-то барина въ деревнѣ осталось преданіе, что, желая прекратить его глупую, даже безхозяйственную жестокость, крестьяне сожгли не барина, а сами себя — всю свою деревню. «Сожги барина— насъ-же заставитъ строить: а какъ мы себя изведемъ, такъ съ чего онъ возьметъ?» Однако баринъ взялъ и истощилъ мужиковъ до послѣдней нитки. Деревня была неуютная, непривѣтливая, бѣдная. Даже рѣдко гдѣ были загородки вокругъ избъ. Одурѣлые мужики кое-какъ влачили, въ грязи и неряшествѣ, свое существованіе. Тяжесть приказовъ мухортаго, глупаго и безпотомственнаго барина убила въ деревнѣ всякую личную энергію— даже на себя работать и то опускались руки у мужиковъ. Голодъ, неряшество, лѣнь и грызня— вотъ что царило надъ деревней и въ натурѣ деревенскихъ обывателей. Даже сосѣдніе мужики, жившіе мало-мальски исправнѣй, смотрѣли на нашихъ мужиковъ, какъ на сплошныхъ дураковъ и ротозѣевъ, къ тому-же еще нечистыхъ на руку. Глупость, исходившая изъ дома подъ красной крышей и оглуплявшая всю деревню, была по истинѣ безпримѣрная; такъ напримѣръ, баринъ, желая узнать, кто изъ дворовыхъ укралъ у него мѣшокъ овса, принимался гадать. Для этого онъ открывалъ псалтырь, гдѣ придется, съ закрытыми глазами, тыкалъ, куда попало, и, прочитавъ строчку, которую указывалъ палецъ, начиналъ думать, что эта строчка означаетъ, на кого указываетъ? На кучера? На лакея или на бабу-солдатку Аксинью? Отецъ мой получалъ множество приказаній разъяснять текстъ и представлять соображенія, на кого именно изъ прислуги слѣдуетъ, согласно смыслу текста, обрушить наказаніе? И отцу приходилось служить этой подлости, конечно опять-таки бѣснуясь. Даже и тогда, когда въ домѣ нашемъ и во всей деревнѣ — не исключая и дома съ красной крышей — царила мертвая тишина, и тогда казалось, что въ глубинѣ этой тишины скрыто какое-то тайное, придавленное бѣснованіе.

Нѣтъ! не о человѣческомъ достоинствѣ говорятъ такія воспоминанія! Тѣмъ менѣе говорятъ они о протестѣ... Какое! Сколько я ни припоминаю всѣхъ этихъ мучающихся, бѣснующихся, страждущихъ и обремененныхъ, надъ всѣми ними тяготѣло сознаніе собственной вины, уничтожавшей малѣйшее право протеста. Всѣ въ глубинѣ души сознавали себя безсовѣстными, безжалостными, тупоумными, безсердечными. Это сознаніе проявлялось въ самыя лучшія минуты. Конечно все дѣлалось поневолѣ, но все-таки дѣлалось, и дѣлалось притомъ нѣчто скверное, такъ что и въ искреннюю минуту никто даже и не смѣлъ помыслить о своей невинности и правотѣ. «Грѣхъ» и неизбѣжное за него наказаніе висѣли надо всѣми, когда мало-мальски прояснялось сознаніе и просыпалась совѣсть. И надъ отцомъ, и надъ матерью, и надъ кучеромъ, который по приказанію барина сѣчетъ своихъ близкихъ, и надъ близкими, которые даютъ волю кучеру, и надъ матерями, которыя не вступаются за дѣтей,—надъ всѣми тяготитъ сознаніе измѣны противъ ближняго, сознаніе попранія своей совѣсти изъ какого то страха, узости и мерзости душевной, безсовѣстности. Вотъ почему, сколько я помню, въ такія искреннія минуты ни мужики, ни бабы, ни отецъ, ни мать не задумывались о томъ, какъ-бы выдти изъ этого положенія, развязаться съ нимъ, очистить свою совѣсть и развязать другихъ. Напротивъ, въ искреннія-то минуты и начинались задушевные разговоры о томъ, «что̀ кому будетъ за все это?». Не знаю, какъ кому, но мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобъ представленія народа объ раѣ, о наградѣ на небесахъ были такъ-же подробно и ясно выработаны, какъ представленія объ адѣ, о томъ, что̀ кому и за что̀ будетъ. Въ раю, сколько я знаю, никто никогда не указалъ мнѣ никакихъ подробностей обстановки, никакого удовлетворенія настрадавшейся на землѣ душѣ, кромѣ какихъ-то золотыхъ яблочекъ да архангельскаго пѣнія. Тогда какъ адъ—это другое дѣло! Адъ разработанъ народной фантазіей до мельчайшихъ подробностей; здѣсь все изслѣдовано такъ подробно, точно изслѣдователи имѣли въ рукахъ програму на этотъ счетъ отъ какого-нибудь статистическаго комитета.

Я не ошибусь, если скажу, что въ ряду моихъ тяжкихъ воспоминаній—воспоминаніе о тяготѣющемъ надъ всѣмъ родомъ людскимъ тяжкомъ грѣхѣ, грѣхѣ, для меня хотя совершенно непонятномъ, непостижимомъ, но не подлежащемъ сомнѣнію, и о жестокомъ наказаніи, которое должно постигнуть всѣхъ насъ за этотъ тяжкій, неизбывный грѣхъ, воспоминаніе объ этихъ подробностяхъ адскихъ мученій, крюковъ, воткнутыхъ въ ребра, огня, полымя и смрада, несмотря на свою смутность, отдаленность, имѣло едва-ли не самое сильное и важное значеніе для дальнѣйшей участи моего сердца. Можно положительно сказать, что я едва только вышелъ изъ утробы матери, какъ узналъ, что въ концѣ-концовъ мнѣ предстоитъ крюкъ въ ребро и огонь, и что, кромѣ какой-то неизбывной вины и тяжкаго грѣха, нѣтъ ничего важнаго и значительнаго.

Вотъ главнѣйшія черты, лежащія въ основаніи исторіи моего сердца. Было впрочемъ среди этихъ смутныхъ воспоминаній одно, которое совершенно не подходило къ тягостной сущности того, о чемъ я разсказываю, и интересъ къ которому развился уже

во мнѣ чрезъ многіе годы, во время моихъ скитаній въ народной средѣ. Это «неподходящее воспоминаніе касается смутнаго знакомства съ такимъ народнымъ типомъ, который ничего общаго, какъ ужъ я сказалъ, съ разсказаннымъ не имѣетъ. Типъ этотъ, олимпійски спокойный, сказочный парень-дурачокъ мелькаетъ мнѣ не только не забитымъ, не дурашнымъ, не трусливымъ, но, напротивъ, спокойно охаивающимъ всѣхъ и вся: и небо, и землю, и барина, и барыню, и попа, и попадью, словомъ,—всякія человѣческія отношенія, связи, установившіяся мнѣнія — все! Все ни почемъ для этого типа; онъ умѣетъ все это такъ ужасно осрамить, такъ умѣетъ разорвать на части однимъ юмористическимъ словомъ самое, повидимому, непреложно важное, серьезное явленіе, понятіе, вѣрованіе, обычай... Я смутно помню, какъ этотъ типъ перевертывалъ во мнѣ все вверхъ дномъ двумя-тремя словами, скабрезной сказкой разгоняя мрачную дѣйствительность, расшвыривая ее, какъ прахъ по вѣтру, и возводя меня куда-то на высоту издѣвательства. Я смутно объ этомъ помню, но помню, что, дохнувъ, благодаря этому Иванушкѣ-дурачку, какого-то свѣжаго, «играющаго» воздуха, я опять скоро подчинялся подавляющему вліянію «безчеловѣческой» дѣйствительности.

Эта дѣйствительность, о которой я едва сказалъ милліонную долю подробностей, прямо и неотразимо вела меня къ полной атрофіи сердца, и я несомнѣнно-бы въ концѣ концевъ сталъ въ ряды тѣхъ безчисленныхъ на Руси безсердечныхъ исполнителей чужого приказанія, которые и сейчасъ, и каждую минуту, даютъ знать о своемъ огромномъ изобиліи на Руси. Но отъ атрофіи сердца меня спасло не знакомство съ охаивающимъ всѣхъ и вся типомъ, а нѣчто совершенно случайное, нѣчто, пожалуй, совершенно неожиданное... Это не было ни доброе слово, ни человѣческое участіе, ни ласка, ни любовное человѣческое вниманіе къ моей человѣческой забитости и угнетенности. Нѣтъ! Я ничего этого не видалъ... Это было... Нѣтъ, это были...

Это были просто-на-просто гусли!

Я ужъ сказалъ, что у отца были артистическія наклонности, и онъ примѣнялъ ихъ къ музыкѣ. Онъ учился и съ успѣхомъ игралъ на гусляхъ, и я съ ранняго дѣтства, начиная съ той минуты, когда испугался «грѣха» и желѣзнаго крюка, зацѣпленнаго за «ребро», продолжая угнетающимъ сердце впечатлѣніемъ семейнаго ада и тупымъ ужасомъ впечатлѣній острога, «сквозь строя» и т. д., постоянно слышалъ и радъ былъ слышать эти унылые, стройные, и нервные звуки, исторгаемые моимъ отцомъ изъ металлическихъ струнъ старыхъ-престарыхъ гуслей, помѣщавшихся то въ углу неряшливой комнаты въ деревнѣ, то передъ тѣмъ самымъ окномъ, которое загораживала въ нашемъ городскомъ домикѣ острожная стѣна. Жалобные звуки эти знакомили меня съ чувствомъ жалости; ничто, буквально ничто другое не знакомило съ нимъ; напротивъ, все, что я видѣлъ, могло возбуждать страхъ, тоску, горечь, отраву, испугъ, доходившій до полнаго замиранія сердца, но такого нѣжнаго, деликатнаго чувства, какъ жалость, не возбуждало. Это совершенно случайно сдѣлали гусли, сдѣлали, такъ сказать, механически. Отъ этихъ звуковъ мнѣ становилось просто жалко, кого? Кто несчастнѣй? Мать? Отецъ? Баринъ? Мужикъ? Тотъ, кто билъ? Или тотъ, кого колотятъ? Всѣ несчастны, бѣшены, злы, подлы, измучены, всѣ виноваты, всѣ придавлены. И вотъ, механически возбужденное чувство жалости стало обращаться не къ кому-нибудь и не къ чему-нибудь изъ того, что̀ и кого я передъ собой видѣлъ, а къ чему-то отдаленному, къ какому-то огромному, надо всѣми и всѣмъ висящему горю.

Отдѣльно обо всѣхъ я бы могъ *«мучиться»* безплодно, а *жалѣть* я началъ *всѣхъ*. Отвыкнувъ совершенно думать и знать, что̀ бы я могъ пожелать «для себя», что̀ *для меня* лучше, что̀ *для меня* хуже, что̀ лучше и хуже для отца, матери, я могъ только желать одного: избавиться, освободиться отъ этой безплодной муки... Жалостливое чувство развило вниманіе вообще къ горю, и, не зная, что̀ *лучше* для себя, я начиналъ думать, что̀ *для всѣхъ* (никакихъ лицъ я при этомъ не представлялъ) должно быть и лучше, и легче!..

IV.

Конечно не всякому изъ россійскихъ гражданъ выпадаетъ на долю такое неприкрашенное и ничѣмъ несмягченное знакомство съ условіями жизни, уясняющими подлинное положеніе дѣла «о правахъ человѣка» на Руси. Но какъ-бы эти подлинныя условія ни были смягчены богатствомъ, положеніемъ, связями, образованіемъ — сущность ихъ непремѣнно знакома каждому. По крайней мѣрѣ ни въ жизни, ни въ литературѣ я не знаю типа, въ нравственномъ складѣ котораго, хотя-бы даже въ слабой степени, была примѣтна какая-нибудь черта, говорящая о томъ, что типъ не чуждъ увѣренности въ неизбѣжности для «личности» человѣческой какихъ-то правъ. Я никогда не слыхалъ, чтобы откуда-нибудь раздался простой человѣческій голосъ: «мнѣ нужно», «мнѣ неудобно» и т. д. Напротивъ, постоянно только слышишь: «возьмите насъ», «прикажите намъ!». Вообще-же въ массѣ, въ необразованной русской толпѣ слово «право» иногда означаетъ просто чортъ знаетъ что.

Вообще, если не всякому приходилось пріобрѣтать первыя свѣдѣнія насчетъ отсутствія «правовъ» въ той-же мѣрѣ жестоко, какъ выпало на мою долю, то всякій долженъ былъ неизбѣжно познакомиться съ ними въ школѣ.

Школа была для всѣхъ одна.

Подробно я не буду вспоминать этой душной, старой школы, этихъ мертвыхъ годовъ, проведенныхъ въ ея стѣнахъ; но тонъ, царствовавшій въ ея нравахъ и звучавшій въ ея ненавистныхъ «краткихъ» учебникахъ, будетъ достаточно ясенъ изъ слѣдующаго незначительнаго эпизода.

Инспекторъ въ нашей гимназіи былъ человѣкъ

совершенно типическій по тогдашнему времени — человѣкъ мертваго сердца и мертваго ума. Тишина, молчаніе, фронтъ (тогда военное время внесло и въ гражданскія учебныя заведенія военные пріемы), стрижка подъ гребенку, аккуратно всѣхъ поголовно, всѣхъ въ извѣстный день и часъ, вотъ матеріалъ, на которомъ онъ практиковалъ свое мертвое сердце. Онъ даже не могъ переносить разнообразія въ фамиліяхъ учениковъ. Что это такое въ самомъ дѣлѣ — одинъ Кузнецовъ, а другой Прокопенко, третій Бруевичъ, а четвертый Кульчицкій? Одни окончанія на «ко», «цкій, «скій», «овъ», «вичъ» — и то ужъ казались ему какимъ то безобразіемъ, своевольствомъ, безпорядкомъ и полнымъ отсутствіемъ стройности и гармоніи; онъ хотѣлъ, чтобы даже и въ этомъ отношеніи всѣ были «подъ гребенку»...

Такъ вотъ этотъ-то прямолинейникъ выдумалъ номера къ платьямъ учениковъ, точь въ точь такіе, какъ теперь заведены во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, только тѣ, историческіе, были большіе, величиною съ тогдашній пятакъ. Снявъ въ швейцарской платье, надо было взять номеръ. Инспекторъ провѣрялъ по списку дежурныхъ количество неявившихся въ классъ, словомъ, дѣлалъ, чортъ знаетъ, какой вздоръ, отнимавшій много времени. И все записывалъ: записывалъ и того, кто, снявъ платье, не взялъ номера, и того, кто, надѣвъ платье, не возвратилъ его на надлежащее мѣсто. Всѣ эти проступки присоединялись къ проступкамъ относительно неточной стрижки, вихровъ, неимѣнія гребенки и прочей глупости, и въ концѣ концовъ въ субботу для каждаго Иванова и Кузнецова получался итогъ какихъ-то преступленій, результатомъ котораго были «безъ обѣда», на «колѣни», «въ карцеръ», «безъ отпуска» и, разумѣется, розги въ самыхъ разнообразныхъ пропорціяхъ. Можете представить, что сдѣлалъ со мной этотъ варваръ, узнавъ, что я просто-на просто потерялъ жестянку, если онъ дралъ за то, что забудешь ее возвратить или взять! Не говоря ужъ, что я, «хватившись» этой жестянки, остолбенѣлъ и обезумѣлъ отъ страха, я до такой степени былъ потрясенъ и нравственно раздавленъ тѣмъ, что этотъ варваръ продѣлалъ надо мною, что до сей минуты не могу безъ трепета вспомнить объ этомъ «нумеркѣ» и невольно чувствую въ душѣ какое-то благораствореніе, когда, раздѣваясь напримѣръ въ швейцарской у Палкина, слышу великодушныя слова швейцара:

— Пожалуйте, господинъ, — и безъ нумерка!

И безъ нумерка! Боже, какое блаженство! И какихъ еще намъ надо «иллюзій», безумные, когда «и безъ нумерка можно, господинъ!». А какъ я за этотъ нумерокъ былъ попранъ и нравственно раздавленъ. Но именно благодаря этой раздавленности, я могъ только терзаться, чувствовать свое ничтожество, и не имѣть ни малѣйшей капли смѣлости, чтобы допустить даже тѣнь мысли о протестѣ. Мало этого: едва оправившись послѣ тиранства и прійдя какъ разъ на урокъ этого тирана (онъ-же былъ и учителемъ русской исторіи), я даже совершенно забылъ о томъ, что передо мной стоитъ мой тиранъ, забылъ совершенно, подъ впечатлѣніемъ его топорнѣйшей лекціи, въ которой черезъ каждыя три фразы четвертая была непремѣнно такая: «Мы расширили свои предѣлы «отъ» «до»... Затѣмъ слѣдовали новыя три фразы о мудромъ приказаніи, и за нимъ опять та же четвертая о томъ, что послѣ этого приказанія только-что расширенные предѣлы опять расширились еще дальше «отъ» «до» и все безъ малѣйшихъ трудностей, даже какъ-бы безъ людей, а съ помощью какого-то «мы взяли, расширили. И вотъ это-то «мы» и неизмѣнно сопровождавшій его результатъ расширенія нашихъ предѣловъ могли настолько овладѣть моимъ вниманіемъ, что я почти легко забывалъ личное. позорнѣйшее униженіе. Мнѣ ужъ было пріятно за этихъ «мы», за ихъ «успѣхъ». Хотя, повторяю, ни лицъ человѣческихъ, ни человѣческихъ сердецъ и мыслей — ничего этого я въ представленіи о «мы» не различалъ, да и не могъ бы этого сдѣлать, потому что по частямъ «мы» состоятъ изъ такихъ-же фигурокъ, какъ и я, Ивановъ 47 и Ивановъ 77? Меня вонъ избили недавно за нумерокъ, осрамили, раздавили даже возможность мысли о негодованіи, я радъ, что измученное «я» можетъ отдохнуть въ представленіи блистательныхъ успѣховъ какого-то безформеннаго «мы». Хорошо, очень я радъ, что черезъ каждыя пять минутъ расширяются границы, а лучше-ли мнѣ отъ этого, легче-ли будетъ, зачѣмъ мнѣ это — эти вопросы ужъ не могли возникать въ головѣ. Напротивъ, хотѣлось исчезнуть въ этомъ «мы», пойти-бы туда, потому что мнѣ-то ничего не нужно; потому что я могу думать только о моемъ ничтожествѣ и ничего, кромѣ муки, не ощущать. А тамъ нѣтъ ни меня, ни моихъ мукъ, ни моей личности, а все подъ гребенку, все одно «мы»... въ немъ какая-то огромная сила (которой я въ отдѣльности капли не чувствую въ себѣ). Эта сила и меня возьметъ, и меня совершенно освободитъ отъ самого себя, и расширитъ предѣлы еще дальше.

V.

Плачевные результаты всей этой системы, проникавшей и обиходъ жизни, и положенной въ основаніе школы, всѣмъ намъ пришлось очень скоро видѣть собственными нашими глазами и ощущать ихъ въ самихъ себѣ. Когда послѣ крымской войны повѣяло весной, запало «разрытой землей», предвѣщавшей конецъ чему-то отживающему, блѣдному, какъ смерть, и разлагающемуся, какъ трупъ, для молодежи настали дѣйствительно совершенно иныя времена. Что никогда не бывало, мы увидѣли людей, которые стали относиться къ намъ съ величайшею вѣжливостью, подавали руку, приглашали къ себѣ на квартиру, не для того чтобы получить взятку, а чтобы «потолковать», разсѣять наши недоразумѣнія, если они есть, спросить о томъ, что интересуетъ и чего не понимаешь. Наилучшіе типы этого новаго поколѣнія учителей дошли до такой деликатности, что стали

выставлять балы на вѣру, не спрашивая. — «Знаете вы, Ивановъ?»—«Знаю.»—«Сколько-жъ-бы вы хотѣли, чтобы я вамъ поставилъ?»— «Пять-съ!»—«Вы увѣрены, что это не много?»— «Нѣтъ-съ!»—«Извольте!» И, вѣря на слово, ставили столько, сколько желалъ Ивановъ. Они стали намъ читать, какъ студентамъ, отличнѣйшія, интереснѣйшія лекціи, не спрашивая, не экзаменуя (я говорю объ учителяхъ старшихъ классовъ), не ставя ни единицъ, ни минусовъ, ни плюсовъ. И, несмотря на то, что эта манера обращаться почеловѣчески намъ чрезвычайно была пріятна, и на то, что лекціи намъ до чрезвычайности нравились, и что учителей мы любили, чувствовали къ нимъ симпатію, отсутствіе въ насъ «личности», чувства личной отвѣтственности, обязанности и чести разъѣдало насъ, какъ свѣжій воздухъ трупы. Мы какъ-то разслабли отъ этой гуманности, размякли, даже развратились. Лгать въ глаза «любимому» учителю, не учить никакихъ уроковъ, пьянствовать, вмѣсто того, чтобы «самостоятельно» работать, вотъ примѣрно въ какихъ некрасивыхъ формахъ отразилось на насъ человѣческое отношеніе къ намъ новыхъ учителей. Мы знали, что это новое хорошо, чувствовали его свѣжесть въ собственной груди, голосѣ, но у иныхъ изъ насъ совсѣмъ не было органа, чтобы воспринять это хорошее, не было сердца, и это новое бродило въ насъ, въ крови, въ сознаніи, бурлило, пробуждало грубыя, не развившіяся (гдѣ и на чемъ имъ было развиться?) потребности сердца. Мы какъ-будто опьянѣвали отъ этого новаго и свѣжаго и разслаблялись по всѣмъ суставамъ. Въ первый-же годъ на окончательномъ экзаменѣ никто не могъ отвѣтить ни единаго слова ни на одинъ вопросъ; перезабыли все, даже и то, что знали прежде. Между тѣмъ у огромнаго большинства были «круглыя пятерки», поставленныя учителями по довѣрію къ честному слову. Новые учителя были потрясены нашей безсовѣстностью. Мало этого, одинъ изъ самыхъ лучшихъ когда-то учениковъ не только теперь оказался ровно все перезабывшимъ, но позволилъ себѣ явиться на экзаменъ въ пьяномъ видѣ, стоялъ какъ столбъ, пока ему предлагали десятки вопросовъ, желая его ободрить и добиться хоть какого-нибудь отвѣта, а онъ только моргалъ, мычалъ и вдругъ сталъ икать. Мало того, осрамившись на экзаменѣ, мы — неизвѣстно кто изъ нашего курса — чтобы выбраться изъ сквернаго положенія, вдругъ просто-на просто обокрали канцелярію, гдѣ хранились списки и отмѣтки, и такимъ образомъ до того потрясли начальство, что оно должно было всѣмъ намъ дать аттестаты на право поступленія безъ экзамена въ университетъ, чтобы не осрамиться разглашеніемъ о такомъ полномъ паденіи нравственности цѣлаго курса. Почти всѣ мы потомъ очувствовались и оправились отъ этого безсовѣстнаго момента, всѣ мы помнимъ этихъ благороднѣйшихъ людей, которыхъ мы тогда такъ ужасно осрамили и разочаровали, всѣ мы знаемъ, что ими только мы и возрождались къ жизни. Да нѣтъ, даже и тогда, въ самый моментъ нашего развращенія мы чувствовали и знали, что это скверно, омерзительно, но не могли остановить себя. Одинъ изъ новыхъ нашихъ наставниковъ вздумалъ, напримѣръ, для облагораживанія нашихъ нравовъ, устроить въ мѣстномъ женскомъ пансіонѣ по субботамъ литературно-музыкальные и танцовальные вечера. Онъ водилъ туда старшихъ воспитанниковъ гимназіи изъ гимназическаго пансіона. И что-же? сердца-то наши были такъ не разработаны, мертвы, дики, звѣрообразны, что хорошее начало имѣло самый нехорошій конецъ. Конечно не въ женскомъ пансіонѣ онъ могъ выразиться, но выразился скверно: въ одно майское утро въ директорскомъ саду нашли въ безчувственномъ состояніи директорскую горничную, которая, очнувшись, разсказала потрясающую исторію про нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ пансіона. Скверно-скверно, а иначе едва ли могло быть: жизнь и школа обрабатывала насъ исключительно для безпрекословнаго повиновенія и служенія чему-то, что говоритъ «не намъ, не намъ». — Ивановъ! Поди разорви вотъ то! И Ивановъ пошелъ-бы и, не спрашивая, не разбирая, что такое это «то»,—разорвалъ-бы.

Я, Тяпушкинъ, конечно не могъ быть непричастнымъ этому моменту разложенія, и я испугался самого себя; я увидѣлъ, что подъ гнетомъ всего мною пережитаго, воспринятаго со стороны, мое собственное сердце оставалось нетронутымъ, т. е. совершенно дикимъ, съ задатками иногда дикихъ желаній. Но меня спасло то, что въ моемъ маленькомъ звѣрушечьемъ сердцѣ, помимо ощущенія тяжести пережитаго, было уже зерно жалости, жалостливой тоски не о моемъ горѣ и бѣдѣ, а о какомъ-то чужомъ горѣ и бѣдѣ. Была жалость къ какимъ-то «имъ», «тѣмъ».... А школа прибавила къ этому знакомство съ ощущеніемъ и радости за «ихъ» успѣхъ, желаніе быть среди этой чуждой мнѣ и моему ничтожеству силы. И вотъ, благодаря этимъ задаткамъ нѣкотораго интереса и вниманія къ чему то горькому, чужому, я, испугавшись себя, своего недостоинства, прямо бросился, благодаря новымъ наставникамъ, на книгу, быстро дошелъ до послѣдней страницы, а эта страница, какъ я ужъ говорилъ раньше, говоритъ какъ разъ то, къ чему меня привели, неотразимо, волей-неволей и школа, и жизнь: убавляй себя для общаго блага, для общей справедливости, для умаленія общаго зла. Чего-жъ мнѣ было убавлять себя, когда меня совсѣмъ не было? И общее горе, общую несправедливость надъ этимъ огромнымъ «мы»— послѣдняя страница выяснила мнѣ въ самой точной, самой прозаической формѣ; выяснила, повторяю, точно, сухо, но неопровержимо указала мнѣ пункты зла, пункты дѣла, самые корни язвъ, бѣдъ, несовершенствъ, несправедливостей. Не было на этой страницѣ никакихъ частностей, мелочей, не было никакихъ подробностей жизненныхъ бѣдъ этого чужого мнѣ полчища человѣческаго — иногда не было даже словъ, были цифры, таблицы, дроби вмѣсто людей и словъ,—но эти-то цифры были мнѣ понятнѣй и могли ужасать меня самымъ искрен-

нимъ образомъ, могли жечь мой мозгъ гораздо сильнѣе, чѣмъ подлинные стоны и бѣды, изъ которыхъ цифра только экстрактъ. Подлинныхъ стоновъ жизненныхъ, человѣческихъ мелочей, изъ которыхъ выходили эти цифры «послѣдней страницы», я-бы не выдержалъ, они-бы меня замучили; сердце мое, по незначительности своего развитія, своей отзывчивости на *человѣческую* мольбу, могло-бы даже ожесточиться, а не размягчѣть: я самъ никогда не смѣлъ *почеловѣчески* относиться къ себѣ и къ своему горю, стону. Я даже понятія не имѣю о моемъ правѣ стонать, жаловаться, требовать облегченія, я отвыкъ отъ этого. Какъ-же я могу глубоко чувствовать мелочное горе другихъ? Оно меня только измучаетъ, и я поспѣшу отогнать его отъ себя... Но эта боль, спрессованная въ маленькую цифру, въ которой не видно никакихъ отдѣльныхъ, человѣческихъ образовъ и страданій, — мнѣ понятна; она, потрясая мой умъ, развиваетъ тотъ зародышъ жалости, который уже есть во мнѣ, къ пониманію общихъ, всечеловѣческихъ бѣдъ, гонитъ къ нимъ, обязываетъ сосредоточивать вниманіе только на нихъ...

Я не буду входить въ подробности о томъ, какъ умеръ мой отецъ, какъ, не имѣя возможности попасть въ университетъ, я скитался кое-гдѣ у знакомыхъ моего отца и у добрыхъ людей изъ «новыхъ». Но скажу, что «книга», которая овладѣла мною въ это время, съ каждой минутой, своими сухими, но многозначительными цифрами, доказывала мнѣ, что я обязанъ идти куда-то, быть тамъ, гдѣ терпятъ и стонутъ; я чувствовалъ, что мнѣ надо бѣжать куда-то отъ этихъ «людей», совершенно опредѣленныя фигуры и физіономіи которыхъ я вижу, и съ которыми «ничего *общаго* не имѣю», бѣжать не къ какимъ-то другимъ людямъ, а къ какимъ-то живымъ массамъ несправедливостей, неурядицъ, требованій, одушевленныхъ въ видѣ человѣческихъ массъ, а не человѣческихъ личностей.

И точно, я убѣжалъ. Убѣжалъ я почему-то въ ту самую деревню, гдѣ родился, и гдѣ осталась жить прабабка моей матери. Не знаю, почему я вспомнилъ о ней; вѣроятно потому, что мнѣ просто было нечего ѣсть. И на первыхъ-же порахъ опять испугался себя... Еслибы «они» какимъ-то не человѣческимъ, а «особеннымъ» образомъ сказали мнѣ: «пропади за насъ», я бы немедленно исполнилъ эту просьбу, какъ величайшее счастье и какъ такое дѣло, которое именно мнѣ только и возможно сдѣлать, какъ дѣло, къ которому я приведенъ всѣми условіями и вліяніями моей жизни. Но, попавъ въ деревню и видя это коллективное «мы», размѣненное на фигуры мужиковъ, бабъ, ребятъ, — я не только не получалъ возбуждающаго къ жертвѣ стимула, а, напротивъ, простывалъ и простывалъ до холоднѣйшей тоски. Эти песчинки многозначительныхъ цифръ, какъ люди, требовавшіе отъ меня человѣческаго вниманія къ ихъ человѣческимъ нуждамъ, къ человѣческимъ мелочамъ ихъ жизни, невообразимо меня утомляли, отталкивали даже... Грязь мучила, въ нуждѣ мелкала и оскорбляла глупость... Больная нога умирающаго мужика, загноившаяся отъ ушиба, возбуждала отвращеніе. Личное участіе, личная жалость были мнѣ незнакомы, чужды; въ моемъ сердцѣ не было запаса человѣческаго чувства, человѣческаго состраданія, которое я-бы могъ раздавать всѣмъ этимъ песчинкамъ, милліоны которыхъ, въ видѣ цифры, занимающей одну десятую часть вершка на печатной строкѣ—напротивъ, меня потрясали.

Кстати сказать, что-то, подобное свойствамъ моего сердца, вѣроятно было въ сердцѣ такого замѣчательно загадочнаго человѣка, какъ Иванъ Грозный. Вѣдь вотъ передъ толпой, предъ массой людей, предъ моремъ человѣческихъ существъ, слитыхъ во-едино, въ особый живой организмъ толпы, этотъ человѣкъ могъ публично, на Красной площади, каяться, плакать, просить у этого «организма» прощенія, разсказывать предъ нимъ свои прегрѣшенія, оправдываться, чувствовать потребность оправдываться только передъ нимъ.. А отдѣлись отъ этого организма толпы частица, песчинка, и объявись она въ видѣ человѣческой фигуры, съ человѣческими потребностями, просьбами, желаніями, — словомъ, со всѣми мелочами «человѣческой» породы—тотчасъ замираетъ не только потребность покаянія, а и вниманія, тотчасъ прекращается отзывчивость сердца на дѣйствительныя, всегда мелкія человѣческія требованія. Не разработанное въ этомъ отношеніи сердце, не пережившее этихъ человѣческихъ мелочей, а прямо въ звѣриномъ видѣ закованное въ крѣпкую кору византійства, не хочетъ, не можетъ быть внимательнымъ и отзывчивымъ на мелочи, оно неуклюже, неуютно для этого. Уйди, напротивъ, это надоѣдливое, отдѣльное лицо въ толпу, уничтожься лично, и проснувшемуся звѣрю легче, потому что онъ и своихъ-то личныхъ жизненныхъ и живыхъ мелочей не цѣнитъ, не умѣя ни облагородить, ни развить. Ему и самому легче понизиться изъ царейвъ монахи, изъ повелителя—въ повинующагося.

Вотъ такія-то несимпатичныя свойства моего сердца и испугали меня на первыхъ порахъ, а скоро не только испугали, но и потрясли, привели въ ужасъ.

IV. Подробности «возмутительнаго случая».— «Намъ самимъ» ничего не надо.

I.

Первые характернѣйшіе признаки моего сердца, какъ я уже сказалъ, обнаружились и испугали меня почти тотчасъ послѣ появленія моего въ деревнѣ, на старомъ пепелищѣ, въ хибаркѣ какой-то бабушки, а можетъ и прабабушки, не помню хорошенько. Отправляясь въ эту деревню, я не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана насчетъ того «общаго дѣла», которое должно было меня «взять», «поглотить» и «потребить, но я шелъ туда подъ неотразимымъ убѣжденіемъ, что дѣло это «тамъ», у «нихъ», вообще подъ соломенными

крышами, а не здѣсь въ городѣ, гдѣ я скитался послѣ смерти отца многіе годы и гдѣ видѣлъ купцовъ, чиновниковъ, барынь, мѣщанъ, священниковъ и тѣхъ самыхъ мужиковъ, къ которымъ я потомъ устремился. «Все это не то!» думалось мнѣ. «Торгуйте, звоните ко всенощной, женитесь, спите послѣ обѣда, гуляйте на бульварѣ, думалось мнѣ, но все это не то. Это «пока» только, а въ сущности все ужъ это кончилось!» И острогъ, который оставался въ томъ же самомъ видѣ, какъ и былъ, казалось мнѣ, стоитъ здравъ и невредимъ такъ только, по ошибкѣ. И сумасшедшій домъ тоже скоро долженъ развалиться прахомъ, какъ и эти уродскія кирпичныя тріумфальныя ворота, торчавшія за городской заставой, чрезъ которую я уносился въ деревню... къ «нимъ»... Все это старое ни къ чорту не годится, все это явно доживаетъ свой вѣкъ. Не могу припомнить основаній, по которымъ я съ такою увѣренностью полагалъ, что все это «доживаетъ» вѣкъ, по помню, что вообще впечатлѣніе «доживанія» было вполнѣ несокрушимое. Настоящая, заправская «гниль» всего стараго и во внутреннемъ, и во внѣшнемъ отношеніи была внѣ всякаго сомнѣнія. Ни жалости, ни даже простого вниманія къ этому гнилому, разваливающемуся, а иногда прямо помирающему, или находящемуся при послѣднемъ издыханіи, не было ни малѣйшей—такъ было неизмѣримо велико разстояніе между извѣстнымъ, мучительнымъ вчера и совершенно неизвѣстнымъ сегодня. Эта полнѣйшая невозможность не только подумать о вчерашнемъ днѣ, но даже оглянуться назадъ хоть на минуту, не покидала меня и всю дорогу, отъ города до деревни, которую я въ весеннюю распутицу, въ рваныхъ сапогахъ, сдѣлалъ пѣшкомъ. Странно: и деревни ужъ стали попадаться за городомъ, и мужики, и ихъ рваныя шапчонки, бороды, спутанныя комкомъ, полушубки съ дырами на локтяхъ, словомъ,—начались ужъ «они», «мы», «наши», въ полномъ смыслѣ этого слова, а я все пропускалъ ихъ мимо съ тою-же невольной мыслью: «все это не то!». Тоже старое, гнилье какое-то. И телѣги гнилыя, и бороды, и полушубки, и черная солома на крышахъ... И они тоже какъ будто «доживали свой вѣкъ»... И въ нихъ ничто не останавливало меня; кислый квасъ, охающая старуха, ея морщинистая трясущаяся рука, холодная, разоренная изба, скверный хлѣбъ и т. д.—все это «старое», все это надо «туда», назадъ забросить, за спину, въ крѣпостное право. Это все обречено на смерть: жалѣй не жалѣй—ничего изъ него не выйдетъ. И я не жалѣлъ, а несся, какъ птица, несся по лужамъ грязи и, запыхавшись, наконецъ прилетѣлъ въ убогую избу старушки-бабки.

Здѣсь надо было жить—сколько времени, я не зналъ; надо было разговаривать съ людьми, слушать ихъ, отвѣчать. Я ужъ всѣхъ ихъ сдалъ въ архивъ, но они почему-то медлятъ убираться туда, а ходятъ передо мной, охаютъ, нянчаютъ дѣтей, ругаются, говорятъ невозможныя глупости, и я началъ мучиться... Дѣйствительность, живая, непригядная, корявая, рваная, забитая, глупая, плачущая и ругающаяся или въ потѣ лица бьющаяся изъ-за куска хлѣба, положительно терзала меня. Казалось бы, отчего мнѣ терзаться и мучиться всѣмъ этимъ? Вѣдь это-то именно и есть тотъ самый матеріалъ, во имя котораго я долженъ жертвовать собою для нихъ-же? Все такъ, а на дѣлѣ - между этимъ глупымъ дядей Митяемъ, который на моихъ глазахъ провозгласилъ: «безъ навозу... нич-чего не будетъ!» и провозгласилъ съ такимъ-же олимпійскимъ величіемъ, съ какимъ Людовикъ XIV провозгласилъ: «государство — это я», и моей неизбѣжной потребностью жертвовать Митяямъ собою не было тропинки, нитки. — «Какъ глупъ! думалось мнѣ:—и борода какая скверная!» И ощущеніе глупости дяди Митяя было до послѣдней степени тяжело, тяжело до невыносимости, до желанія выгнать его вонъ. До невыносимости жгучее страданіе доставляли мнѣ и не одни только некрасивыя и несуразныя явленія дѣйствительности: крестьянскій ребенокъ, удивительно красивый мальчикъ, тоже терзалъ меня; его нельзя было не любить, но мнѣ было это трудно: эта маленькая потребность «любить» какую-то «капельку» мѣшала мнѣ; она обезсиливала меня въ моей потребности «пропасть», «пожертвовать» собой... Все это меня терзало, мѣшало мнѣ служить «имъ»...

Передо мной, опершись о край стола локтями голыхъ полныхъ рукъ и держа въ нихъ булку, сидѣла дѣвушка, молодая и полная, съ распущенными по плечамъ густыми бѣлокурыми волосами. Она сидѣла совершенно спокойно, безъ всякаго стѣсненія и тоже совершенно спокойно смотрѣла на меня, покусывая какъ бы отъ нечего дѣлать булку; но, взглянувъ на нее, я понялъ, что она надо мной «насмѣхается», понялъ, что она ничего «не боится»,—и какъ будто проснулся...

— У насъ Аксинья удивительная мастерица печь хлѣбы! сказала старушка, которую я тоже въ первый разъ разсмотрѣлъ и которая сидѣла съ какимъ-то вязаньемъ за самоваромъ.

— Ѣшьте! приказала дѣвушка, сама откусила кусокъ булки, движеніемъ головы (ухарскимъ) отбросивъ косу съ плеча за спину, почесала голую руку и опять прибавила:

— Что вы сидите, какъ истуканъ? Весь мокрый и ничего не ѣстъ...

Тогда я увидалъ булки и тотчасъ сталъ ѣсть. Я ѣлъ булки и прежде, и вчера, и сегодня, и каждый день; но все мнѣ какъ-то казалось, что это тоже только такъ «пока», что это въ сущности «все не то» и тоже принадлежитъ къ числу явленій, которыя надо забросить черезъ плечо. Казалось, что все это: чиновники, остроги, сумасшедшіе дома, шпицрутены, помѣщичьи усадьбы, крестьянскія лачуги, учителя, булки, въ особенности сдобныя, пироги, блины и т. д., и т. д.. что все это кануло въ вѣчность, все это достояніе прошлаго, что это только «доживаетъ» свой вѣкъ. Я ѣлъ у бабки ея стряпню, ѣлъ довольно много, но думалъ: «какъ эта старуха глупа, что бьется цѣлый день чортъ знаетъ изъ-за чего, во-

рочаетъ какіе-то горшки, крестится и охаетъ... Все это вздоръ и чепуха.» Но когда къ булкамъ призвала меня насмѣшливая дѣвушка, я изумился: булки были превосходныя, горячія, только-что изъ печи... а между тѣмъ, 19-е февраля... какъ же такъ? стало-быть, не все кануло въ вѣчность... Я ѣлъ, чувствуя, до какой степени я необыкновенный уродъ въ глазахъ этой дѣвушки, ѣлъ и думалъ объ освобожденіи крестьянъ, ѣлъ и думалъ — «точно, булки необыкновенно вкусны», а между тѣмъ «все ужъ не то!». Никогда въ жизни не чувствовалъ я себя до такой степени нелѣпымъ и достойнымъ полнаго посмѣянія...

И вдругъ я испугался. Я увидѣлъ себя въ одинъ прекрасный день совершенно одинокимъ! Все, что я вижу и слышу, — все это мнѣ чужое, непонятное, или если и понятное, то возмущающее, оскорбляющее, возбуждающее желаніе «вырваться» отсюда и вовсе не укрѣпляющее рѣшимости самопожертвованія. Я почувствовалъ, что я просто дармоѣдъ: ничего не дѣлаю, ѣмъ чужой хлѣбъ, все ненавижу и въ то-же время толкую о самопожертвованіи, думаю, что я обреченъ на великое дѣло мученичества. Мученикъ ѣстъ у старухи послѣднюю корку, да еще на нее сердится за то, что она говоритъ глупости... «Ноньче у насъ по осени вѣдьму убили!»—«О, идіоты!» думаетъ мученикъ, вторую недѣлю ничего не дѣлая и терзаясь мыслью о томъ, какъ бы унести ноги отъ «нихъ», отъ «этихъ самыхъ», для которыхъ онъ готовъ отдать жизнь.

Я до того испугался своего положенія и своего нравственнаго состоянія, что въ первую минуту, когда оно обрисовалось мнѣ ясно и рѣзко, я какъ-то вдругъ отупѣлъ, остолбенѣлъ въ непониманіи себя и окружающаго. Я не пилъ, не ѣлъ, глядѣлъ, и ничего не видалъ: я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на крыльцѣ хибарки, безсмысленно и тяжело смотря на хлопья послѣдняго весенняго снѣга, и чувствовалъ одно — все наполнено вокругъ меня, но тамъ, гдѣ я—совершенно пусто. Постучать палкой тамъ, гдѣ я сижу—непремѣнно загудитъ такъ же, какъ если постучать или крикнуть внутрь пустой бочки. Дни шли за днями, падалъ и таялъ снѣгъ, и я падалъ, и таялъ, и думалъ о смерти, какъ объ избавленіи... Не знаю, какимъ образомъ въ этакомъ-то остолбенѣломъ состояніи попалъ я въ господскій домъ.

Не могу припомнить буквально ни одной подробности, которая бы могла выяснить причину или по крайней мѣрѣ предлогъ для этого знакомства. Вѣроятно дѣло не обошлось безъ участія моей бабушки, хотя навѣрное рѣшительно не могу утверждать этого; знаю только одно, что очнулся я отъ моего столбняка и очнулся на мгновеніе за стариннымъ круглымъ столомъ, на которомъ стоялъ старинный, измятый самоваръ, сливки и булки, и варенье. Очнулся въ какой-то курткѣ, въ грязныхъ сапогахъ, и главное, очнулся отъ вопроса:

— Вы что же ничего не ѣдите? Какія булки вкусныя!

И ѣлъ! Ѣлъ, думая: «когда же наконецъ это кончится?». И не дождавшись конца, вдругъ положилъ булку на столъ, всталъ со стула и пошелъ...

— Куда вы? Чего вы не сидите? Куда вы въ этакую грязь... Идите ночевать наверхъ; весь домъ пустой... никого нѣтъ...

— Хорошо!

И я пошелъ наверхъ, спотыкаясь и толкая то ту, то другую дверь. Едва слышный смѣхъ, но смѣхъ бездонной насмѣшки послышался вслѣдъ за мной. «Это непремѣнно она издѣвается!» подумалъ я, почему-то устремляясь наверхъ; на поворотѣ лѣстницы я споткнулся и сказалъ себѣ:

— Оселъ!

Потомъ упалъ и сказалъ себѣ:

— Подлецъ!

Потомъ вспомнилъ, какъ она сидитъ опершись локтями на столъ, какъ смотритъ, какіе у нея волосы и какіе глаза.

Здоровая, молодая, босая баба, появившись со свѣчкой, выручила меня изъ бѣды. Я нашелъ дверь, вошелъ въ комнату и увидѣлъ бабу. Баба смотрѣла на меня въ недоумѣніи и я недоумѣвалъ.

— Ну, ложись! сказала баба. — Хучь здѣсь, хучь тамъ...

— Сейчасъ! отвѣтилъ я и сталъ раздѣваться.

— Дай уйти-то! остановила меня баба.

— Хорошо, сказалъ я и подумалъ: «Идіотъ, оселъ и чортъ!».

И остался одинъ съ вопросомъ: что все это означаетъ? Что это такое? А отвѣтомъ на эти вопросы были тѣ же локти, упертые о край стола, тѣ же глаза, тѣ же булки. Долго-долго я не могъ заснуть: все это путалось у меня въ головѣ, кружилось и насмѣшка, насмѣшка бездонная, ѣла меня!..

Но сдобныя, горячія булки «*сейчасъ* изъ печи» не знаю почему-то въ особенности сильно опечалили меня, вспомнившись среди ночи. Вѣдь *все это* кончилось, а тутъ *сейчасъ* изъ печи эти сдобные призраки канувшаго въ вѣчность. Быстро и тяжко промелькнуло по сердцу, вслѣдъ за воспоминаніемъ о булкахъ, все это прошлое, погребенное мною, промелькнуло, испугало, защемило въ самой глубинѣ сердца и вызвало страстное желаніе уйти, уйти поскорѣе отсюда, изъ этого дома, гдѣ все вѣетъ прошлымъ, отжившимъ, все тянетъ назадъ...

II.

Прошлое, канувшее въ вѣчность, на воспоминаніе о которомъ наводилъ старый барскій домъ, казалось дѣйствительно канувшимъ и не для одного только меня. Всѣ, кто жилъ въ немъ, чувствовали, что пѣсня этого дома спѣта, что если еще и живутъ въ немъ люди, то это только такъ, «пока», между концомъ и неизвѣстнымъ началомъ. Жила въ немъ теперь старая сестра умершаго бездѣтнымъ владѣльца, долгое время—чуть не всю жизнь—промаявшаяся на чужихъ хлѣбахъ и въ до-

махъ богатой московской знати, дѣвица, въ которой институтская наивность непріятно дополнялась знаніемъ неприглядныхъ будуарныхъ тайнъ временъ крѣпостного права. Этими тайнами съ наивностью институтки она повременамъ дѣлилась съ своей сожительницей, молодой бѣлокурой дѣвушкой (насмѣшницей), которая была дочь брата покойнаго владѣльца, офицера, убитаго въ севастопольскую войну. Мать ея умерла также не задолго передъ кончиною отца; и вотъ эти двѣ случайныя наслѣдницы жили въ большомъ, разваливающемся домѣ, не зная, что будетъ завтра и съ ними, и съ этимъ домомъ, и зная притомъ совершенно несомнѣнно, что старое безвозвратно ушло. И онѣ были чужія этому дому, и домъ былъ чужой для нихъ. Не будь вокругъ и около этого дома старыхъ крѣпостныхъ людей, для которыхъ была невозможна даже мысль о томъ, что они свободны и должны считать себя вступившими въ «новую эру», я, право, не знаю, была ли бы какая-нибудь возможность для обитательницъ этого стараго дома просто-на-просто быть сытыми. Но оставались какіе-то Михѣичи, Авдотьи, старухи Пахомовны, оставались на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ были и жили всю жизнь, и руки ихъ продолжали дѣлать то-же, что дѣлали прежде. Иные изъ нихъ были дряхлы и стары, другіе хоть и молоды но не знали еще, какъ быть и куда дѣваться. И вотъ несетъ Пахомычъ дровъ, Авдотья тащитъ самоваръ, древнѣйшій кучеръ моетъ на дворѣ древнѣйшій экипажъ. Кто-то платитъ аренду, еще заключенную при покойникѣ, кто-то нѣтъ-нѣтъ, да привезетъ сотню-другую за купленный лѣсъ. Изъ какого-то казначейства что-то тоже повременамъ высылаютъ, причемъ иногда племянница и тетка съ трудомъ разбирали: «кому это, мнѣ или тебѣ?». Кое-какъ, благодаря тѣмъ-же живымъ остаткамъ прошлаго, создавшимъ кое-какой жизненный обиходъ помощью печенія хлѣбовъ, пироговъ, собиранія и варенія грибовъ и ягодъ, создавались и кой-какія обличія «господской» жизни. Тотъ-же Пахомычъ придетъ и скажетъ, что завтрашняго числа хорошо-бы господамъ проѣхать въ с. Всесвятское, ибо тамъ храмовой праздникъ; что не худо принять и угостить господина исправника, который сидитъ теперича у попа, что въ такой-то день надо бы отслужить панихиду по покойникамъ, а въ такой-то поставить на господскомъ дворѣ качели и купить дѣвкамъ пряниковъ — такъ-молъ изстари заведено. Не будь этихъ Пахомычей и Аксиній — и люди, населявшіе домъ, и самый домъ могли-бы производить на посѣтителя впечатлѣніе только запустѣнія, а при ихъ попеченіи все-таки въ этомъ домѣ журчала какая-то тощая струйка жизни. Иногда Пахомычъ придетъ и «пожалуется» на Авдотью и дастъ такимъ образомъ возможность обитателямъ почувствовать, что они—господа, что они хоть Авдотьѣ могутъ дать нравоученіе. Но вообще струйка жизни журчала здѣсь тихо-тихо... «Старая это жизнь, думали всѣ:—и ничего изъ нея ужъ не можетъ выдти; это—срубленное дерево, на которомъ еще не совсѣмъ завяли листья». Старое и срубленное—это впечатлѣніе вѣяло отовсюду: изъ пустыхъ конюшенъ, отъ гнилой крыши, отъ огромнаго пустого двора, отъ падавшей съ потолка штукатурки, отъ этихъ старыхъ портретовъ. Баба съ грязными ногами и съ кошолкой яицъ, желая продать эти яйца господамъ, свободно шла съ чернаго хода изъ одной комнаты въ другую, изъ залы въ гостиную, шла словно по улицѣ, зная, что это улица ничья. И всѣ чувствовали, что дѣйствительно ничья. Молодой крестьянскій парень, Пахомыча племяшъ, толкавшійся по дому и около дома «пока» безъ дѣла, пойдетъ на чердакъ, пороется, вытащитъ какіе-то сапоги съ ботфортами, надѣнетъ и придетъ къ старой барынѣ: «Глянько-сь, ладно ли?»—Чьи это?—«Да тамъ на чердакѣ валяются. Не знаю чьи.»—Ничего, хорошо!—«Такъ я носить стану?»—Носи, пожалуйста.—Да и въ самомъ дѣлѣ, чьи это сапоги теперь? Да и все въ домѣ тоже неизвѣстно чье. И жилъ здѣсь народъ, за исключеніемъ стариковъ, только такъ, пока. Хозяйки мечтали поѣхать и въ городъ, и въ Москву, и въ Петербургъ, но такъ какъ опредѣленно имъ не было извѣстно, зачѣмъ собственно ѣхать, то и не ѣхали, да и денегъ что-то «не высылаютъ», хотя *должны же* выслать когда нибудь. Гуляли, разговаривали о старыхъ московскихъ сплетняхъ, о томъ, что Мишка отыскалъ на чердакѣ сапоги, о томъ, что нужно отслужить панихиду; опять гуляли, ѣли, скучали, раскладывали карты, говорили, что надо ѣхать въ Москву, или, нѣтъ, въ Петербургъ, или въ городъ, потомъ шли смотрѣть теленка, котораго Богъ послалъ, потомъ говорили о теленкѣ, потомъ о попѣ, такъ какъ объ немъ зашелъ разговоръ, благодаря какой-то бабѣ, потомъ о бабѣ, о ея мужѣ. Такъ шли дни за днями «пока», т. е. пока все это *въ самомъ дѣлѣ* кончится. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ все это не должно кончиться? Развѣ можно *что-нибудь* оставить изъ всего этого? Здѣсь *все было* когда-то понятно и объяснимо, отъ этого кресла, отъ этого уродскаго портрета до кнута, который виситъ теперь въ бездѣйствіи на конюшнѣ... Теперь, начиная съ кнута, все здѣсь необъяснимо, все погребено, все напоминаетъ молчаніе могилы. И вдругъ вотъ изъ этой-то могилы появляются горячія, сдобныя булки. «*Сейчасъ* изъ печи!» Еслибы самъ домовладѣлецъ, о которомъ у меня съ дѣтства остались тягостнѣйшія воспоминанія, всталъ изъ гроба и явился передо мною ночью, я бы не испугался его такъ, какъ напугался всей вереницы впечатлѣній, связанныхъ съ булками. «Уйти, уйти отсюда, думалъ я, чувствуя настоятельность сдѣлать это сейчасъ же:—уйти изъ дому, изъ деревни—«туда!», все тутъ обречено, страшно, гнило, не нужно, мертво»... Думая «уйти», я однако ни разу не подумалъ о томъ, какъ могло случиться, что я очутился въ чужомъ, незнакомомъ домѣ, сплю на чужомъ диванѣ и сплю на немъ почти безъ всякаго приглашенія? Такъ была прочна, непоколебима увѣренность, что «все это кончилось», что въ домѣ этомъ все «ничье», да и домъ вмѣстѣ съ людьми «ничей». Онъ такъ-же принадлежитъ имъ.

какъ и мнѣ, какъ и Пахомычу, какъ и бабѣ, которая принесла яйца и ходитъ по всему дому, какъ по площади. А вотъ булки встревожили меня. Стало быть, тутъ что-то живетъ еще. И мнѣ стало страшно и противно, и мысль уйти ужъ не давала мнѣ заснуть вновь.

Я ушелъ едва стало свѣтло, едва гдѣ-то въ домѣ хлопнула дверь, а со двора донеслись звуки раскалываемыхъ дровъ. «Проснулись», подумалъ я, и потихоньку ушелъ.

Въ тяжкой, безвыходной тоскѣ о своемъ положеніи провелъ я цѣлый день въ лачугѣ моей бабки, не зная, что дѣлать, куда идти. Я чувствовалъ однако, что надо идти «сейчасъ», и къ вечеру почти ужъ окончательно рѣшилъ идти пѣшкомъ въ Москву, не зная, что еще я тамъ буду дѣлать и къ кому обращусь. Но идти все-таки надо непремѣнно, неотложно, и завтра непремѣнно. Такъ я порѣшилъ и такъ сказалъ бабкѣ. Оба мы, горемычные, сидѣли съ ней вечеромъ на крыльцѣ и думали. Она охала, жалѣла меня, а я сидѣлъ, молчалъ и смотрѣлъ въ сторону, терзаясь кручиной моей бабки: «Боже мой! думалъ я:— какъ она добра, какъ у ней привыкло страдать сердце, сколько въ ней сейчасъ, сію минуту, печали обо мнѣ, сколько она ужъ пролила слезъ о моей участи... Но когда же она замолчитъ? Хоть бы она ожесточилась на меня, мнѣ бы было въ тысячу разъ легче».

Мнѣ было до того тяжело, что я положительно какъ ребенокъ обрадовался, увидавъ, что къ нашему крыльцу подошли обыватели стараго господскаго дома... И старая дѣва, и дѣва юная вдругъ появились изъ-за угла. Бабка засуетилась, впала мгновенно въ рабское состояніе, приглашая войти, но гости не вошли. Старая дѣва только поклонилась бабкѣ поклономъ «путешествующей принцессы, а юная только посмотрѣла на мою старуху, посмотрѣла своимъ сѣрыми, безцеремонными глазами и ѣла подсолнухи...

— Ну, вы! сказала она мнѣ, выплюнувъ шелуху и опуская руку въ карманъ, очевидно за новой горстью деревенскаго лакомства: — извольте одѣваться... Пойдемте!

— Я...

— Нечего! Я на босу-ногу... Мнѣ нельзя на сырости... И она показала ногу, безъ чулка въ туфлѣ.

— Надѣвайте шапку и маршъ!

И надѣлъ шапку и пошелъ. И опять ночевалъ въ чужомъ домѣ.

Утромъ я проспалъ; но, проснувшись, тотчасъ одѣлся и хотѣлъ идти. Однако почему-то сѣлъ на тотъ-же диванъ, на которомъ спалъ, и тяжело задумался. День былъ великолѣпный, и какъ-бы пропорціонально этому великолѣпію увеличивалась и моя тоска, тоска одиночества моего на бѣломъ свѣтѣ, тоска пребыванія въ этой могилѣ стараго прошлаго, томящая жажда свѣта и дѣла.

— Вы продрали что-ли глаза-то? послышалось за дверью.

И, не дождавшись отвѣта, появилась юная хозяйка съ тѣмъ-же взглядомъ, въ томъ-же свободно надѣтомъ ситцевомъ платьѣ.

— Надѣньте вотъ, сказала она голосомъ опытныхъ женщинъ:—эту рубашку... Я взяла у Васьки новую.

И какой-то комокъ, пролетѣвъ отъ двери близко около потолка, ударился мнѣ въ грудь. Это была кумачная рубашка.

— А то на васъ противно смотрѣть.

Я нагнулся было, чтобъ подхватить рубашку, скользнувшую на полъ, и въ это время почувствовалъ новый ударъ чѣмъ-то мягкимъ въ голову.

— У васъ, кажется, и чулокъ нѣтъ, пальцы вылѣзаютъ. Вотъ вамъ Аксиньины...

Въ недоумѣніи поднялъ я голову — и увидалъ дьявольски издѣвающееся лицо. Но это лицо я видѣлъ одну секунду, оно сейчасъ-же сдѣлалось опять просто безцеремоннымъ.

— И одѣвайтесь! Живо! у меня есть къ вамъ серьезное дѣло...

. . . .

(Здѣсь въ запискахъ Тяпушкина слѣдуетъ большой перерывъ; въ тетради, изъ которой я ихъ заимствую, послѣ вышеприведенной сцены слѣдуетъ множество страницъ съ обозначеніемъ главъ, названіемъ ихъ, началомъ въ нѣсколько строкъ, за которыми почти тотчасъ-же слѣдуетъ перерывъ. рисунокъ какой-нибудь рожи, какая-нибудь фраза, вродѣ: «Нѣтъ, вотъ Тургеневъ, *небойсь* (?) объ этомъ не пишетъ!» Или «Неужели это только золаизмъ и натурализмъ? Нѣтъ, это дѣло и горе общественное!» и т. д. Сколько можно понять изъ того, что удалось разобрать въ этихъ отрывочныхъ строчкахъ, можно заключить, что Тяпушкинъ пробылъ въ старомъ домѣ всю весну, лѣто, и только въ глубокую осень весь старый домъ— т. е. старая дѣва, юная дѣва и Тяпушкинъ— какимъ-то родомъ очутились въ Петербургѣ. Наконецъ идетъ глава, написанная вся цѣликомъ, отъ первой строки до послѣдней. Эту главу я и помѣщаю, придерживаясь моей нумераціи, хотя въ запискахъ Тяпушкина она носитъ какую-то огромную римскую цифру).

III.

...Есть у меня одинъ пріятель-фельдшеръ, человѣкъ весьма любопытный обиліемъ философскихъ теорій, роящихся у него въ головѣ. Начнетъ что-нибудь разсказывать (а разсказывать онъ любитъ и преимущественно о женщинахъ и своихъ наблюденіяхъ надъ ними) и, не досказавъ до конца, ударяется въ философію. Необходимо остановить его и спросить: «чѣмъ же кончилось?» иначе повѣствовательный интересъ наблюденія или разсказа такъ и канетъ въ бездну обобщеній. Разсказывалъ онъ мнѣ какъ-то недавно одну изъ такихъ любимыхъ своихъ исторій и, не досказавъ, принялся по обыкновенію мудрствовать, а я также по обыкновенію долженъ былъ прервать его и спросить:

— Но чѣмъ-же кончилось?

Тогда философъ остановился, нѣсколько презрительно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Какое же можетъ быть *въ этомъ* (?) сомнѣніе?

И опять, презрительно пожавъ плечами, прибавилъ:

— Мальчикъ и дѣвочка! Одному восемь, другой пять... Кажется, это не требуетъ никакихъ обобщеній.

Вотъ и мнѣ приходится тоже сказать о своей «исторіи».

Осенняя петербургская ночь, глухая, поздняя, темная. Все спитъ въ нашей квартирѣ, и въ маленькой колыбели спитъ маленькій ребенокъ, а я сижу неподалеку отъ него и думаю тѣ самыя черныя думы, о которыхъ я сказалъ въ самомъ началѣ «первой главы, первой части»... Но для успокоенія читателей скажу, что источникъ моихъ черныхъ думъ вовсе не черный; не ненависть и злоба, а, напротивъ, нѣчто совершенно на нихъ не похожее, именно, *необычайная любовь* къ этому маленькому существу, *необычайная чувствительность* къ малѣйшимъ проявленіямъ жизни, обнаруживаемымъ этимъ существомъ. И вотъ эта-то *необычайная чувствительность*, обнаружившаяся во мнѣ при появленіи ребенка, и есть то главное, на что я хотѣлъ-бы обратить вниманіе читателя, разсказывая возмутительный эпизодъ въ моей жизни.

Выражаясь словами философа-фельдшера, «не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія» въ томъ, что ребенокъ — мой, и для меня, и для всякаго смертнаго, волей-неволей, долженъ быть предметомъ личнаго вниманія, личной привязанности. Я могъ бы конечно выбрать какой-нибудь другой примѣръ, а не этотъ возмутительный фактъ, чтобъ провѣрять на немъ мою личную способность отзываться на *мои* личныя побужденія, мою энергію, отстаивать мои личныя права, критиковать окружающее, съ точки зрѣнія моихъ личныхъ неудобствъ и личныхъ желаній; но всякій другой примѣръ былъ бы не такъ общедоступенъ, какъ тотъ, который я рѣшился разсказать съ величайшими усиліями.

Наконецъ, при томъ систематическомъ умерщвленіи моей личности, о которой разсказано въ прошлый разъ, умерщвленіи, основанномъ на впечатлѣніяхъ цѣлаго порядка историческихъ явленій, обязательныхъ для всероссійскаго человѣка, на впечатлѣніяхъ систематически организованнаго воспитанія, направленнаго къ тому, чтобы личность «не пикнула», я едва бы могъ найдти какой-нибудь другой фактъ личной жизни, который бы также сильно и съ такой неотразимостью потребовалъ отъ меня *всего* того, что есть во мнѣ *моего* человѣческаго, а не государственнаго, не служебнаго. Ребенокъ же именно и потребовалъ всего, полностью; онъ даже пробудилъ во мнѣ меня, наложивъ лично на меня массу обязанностей, и, помимо моей воли, развернулъ предо мной массу правъ, которыхъ я долженъ бы былъ добиться ранѣе появленія его на свѣтъ, чтобы эти обязанности выполнить по «человѣчески»...

Такъ вотъ на первыхъ же порахъ, когда это маленькое существо потребовало отъ меня «отчета» въ силѣ и правѣ собственной моей личности, я моментально впалъ въ какое-то невозможное состояніе. Я вчера еще, даже сейчасъ, готовъ погибнуть тамъ «за нихъ», за насъ, за общую гармонію, за общественное благообразіе и справедливость, но отстаивать эту гармонію *для себя* — не могу! А вотъ именно этого-то и потребовалъ ребенокъ, этотъ невольный и самый неснисходительный пробудитель моего личнаго вопроса и личнаго интереса... «Тамъ», работая вообще за «гармонію», въ которой я лично ничего не означаю и ни за что лично не отвѣчаю, зная только, что эта работа — дѣло справедливое, я не чувствителенъ ни къ какимъ ударамъ и язвамъ; здѣсь же, при дѣлѣ, которое требуетъ лично отъ меня отвѣта, я до чрезвычайности чувствителенъ, страдаю отъ малѣйшаго прикосновенія дѣйствительности, изнемогаю отъ малѣйшаго сознанія, что то или другое дѣло *я долженъ* дѣлать для себя.— «*Мнѣ* не нужно, вопію я: — такихъ широкихъ правъ, такой смѣлости жить на бѣломъ свѣтѣ! я такъ, какъ-нибудь самъ-то, а вотъ для общаго дѣла...» Но маленькое существо требуетъ этихъ правъ для себя и совершенно меня уничтожаетъ.

Одинъ опытный крестьянинъ-охотникъ разсказывалъ мнѣ между прочимъ, про волковъ, и разсказъ его коснулся между прочимъ совершенно неожиданной для меня черты волчьихъ нравовъ. Кто не привыкъ представлять себѣ волка какъ злодѣя, который вѣчно голоденъ и вѣчно ищетъ кого поглотить? Но кто знаетъ, что источникъ этой постоянной голодовки, этого вѣчнаго вытья съ голоду есть именно *чрезмѣрная чувствительность* къ своимъ личнымъ нуждамъ и потребностямъ? Оказывается, что если волкъ безпрестанно рыщетъ и рветъ на части овецъ и собакъ и все-таки никогда не бываетъ сытъ, такъ основаніе къ этому — чрезмѣрная любовь его къ семейству. Онъ до того чувствителенъ къ участи своихъ птенцовъ, къ своей волчихѣ, что только ради ихняго спокойствія и рветъ этихъ несчастныхъ овецъ. Съѣвъ цѣлую овцу, совсѣмъ съ шерстью до того, что ему нельзя дышать и ходить, онъ только и думаетъ о томъ, чтобы кой-какъ добраться до дому и положить все съѣденное къ ногамъ своей супруги и дѣтей.. И едва положитъ, какъ та же непомѣрная впечатлительность къ своему горю, къ своему личному благополучію побуждаетъ его вновь бѣжать въ поле, гдѣ онъ, ни на минуту не забывая своихъ милыхъ птенцовъ и свою милую волчиху, быть можетъ, весьма образованную и съ религіозно-шампанскимъ направленіемъ мыслей, принимается рвать овецъ, собакъ, опустошать общественныя кассы, банки и расхищать башкирскія земли. А въ объясненіе этого звѣрства, почти всегда, со слезами на глазахъ, ссылается единственно только на нѣжность, на впечатлительность своего сердца. Одинъ видъ его Жоржика, этого хилаго маленькаго существа, одна мысль о его будущности до того его мучаетъ, тер-

заетъ, печалитъ, что онъ лучше бы готовъ (по его собственнымъ словамъ) камни таскать на улицѣ, служить дворникомъ, ѣсть воблу и пить воду, только бы не переносить этихъ мученій. Именно отъ этой-то впечатлительности онъ и теряетъ голову, и ужь чтó творитъ—неизвѣстно, самъ не помнитъ. «Мнѣ *самому*, говоритъ онъ въ трезвыя минуты жизни, то есть когда его семейство сыто и довольно: — мнѣ самому *ничего не нужно!..*» И говоритъ это такъ убѣдительно, что, встрѣтившись въ эту минуту съ овцой, умѣетъ даже ее расположить въ свою пользу, заговорить ее такъ, что та какъ со старымъ знакомымъ идетъ съ нимъ рядомъ куда-нибудь въ буеракъ и совершенно поддается его гуманному образу мыслей... Онъ умѣетъ вести въ такія минуты нѣжную, простую бесѣду, бесѣду по душѣ, говорить, что и «онъ сочувствуетъ (только бы не семейство), проситъ передать пять рублей въ кассу для вспомоществованія недостаточнымъ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ (изъ тѣхъ изъ «сундуковыхъ» денегъ), шопотомъ спрашиваетъ: «нѣтъ ли чего новенькаго?», вздыхаетъ, говоритъ, что ему самое настоящее мѣсто «тамъ», а не здѣсь, въ этой пошлой борьбѣ изъ-за грошовыхъ интересовъ, съ мужиками, которые только и думаютъ какъ бы ухлопать его, тогда какъ всѣ его симпатіи на ихъ сторонѣ... Словомъ, умѣетъ до такой степени очаровать несчастную овцу, что та стоитъ недвижимо цѣлые дни на томъ самомъ мѣстѣ въ буеракѣ, гдѣ оставилъ ее пріятный собесѣдникъ, и стоитъ до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь личная гадость, личная впечатлительность къ страданіямъ маленькаго Жоржика не заставитъ его, противъ воли, съѣсть эту несчастную овцу.

Но этими чертами еще не исчерпывается чрезмѣрная впечатлительность волчьяго сердца. По разсказу тѣхъ-же опытныхъ охотниковъ, бываетъ такъ, что въ минуты дѣйствительнаго и продолжительнаго голода, когда по поводу хищеній назначаются сенаторскія ревизіи, сундуки запираются на замки, когда всѣ овцы отгоняются на значительное разстояніе и пастухи пристально ихъ караулятъ, впечатлительность волчьяго сердца, не измѣняясь количествомъ, измѣняется качествомъ... Жалость, чрезмѣрная скорбь, присущая этому сердцу, направляется ужъ не на Жоржика, а на себя; мысль о томъ, что ему, этому любящему отцу, придется погибнуть, до того щемитъ его сердце, что онъ невольно начинаетъ безконечно жалѣть себя, ищетъ корень зла и находитъ, что онъ всѣмъ пожертвовалъ «семьѣ», отъ семьи-же заслужилъ всеобщее недовѣріе и въ семьѣ ожидаетъ гибели. И онъ, *жалѣючи себя*, начинаетъ ожесточаться.— «Не будь твоей дурацкой корреспонденціи, злобно рычитъ онъ на Жоржика, ничего-бы этого не было!.. Для васъ-же, подлецовъ, я былъ звѣремъ и вы-же даете знать своимъ пискомъ гуртовщикамъ. Мерзавцы!» Онъ ожесточается все болѣе и болѣе, доноситъ урядинку о неблагонадежности своего сына и, въ концѣ концовъ, съѣдаетъ Жоржика безъ остатка. Но и это еще не все.

Нерѣдко такая жизнь заканчивается совершенно неожиданнымъ образомъ: лишивъ изъ-за чрезмѣрной чувствительности собственнаго сердца тысячи овечьихъ матерей ихъ ягнятъ, перервавъ глотки сотнямъ телятъ и овецъ, вогнавъ въ гробъ «жену свою побоями», онъ отправляется собирать на построеніе храма Божьяго. Выбираетъ для подвига высшую, не земную, нейтральную цѣль, такъ-какъ каждое прикосновеніе къ живымъ людямъ, населяющимъ землю, напоминаетъ о клочьяхъ овечьей шерсти, вырванной съ мясомъ, о перерванныхъ горлахъ, объ убитыхъ, вбитыхъ въ гробъ... И все, благодаря чрезмѣрной впечатлительности личныхъ желаній. Быть сытымъ нужно и собакѣ, не только волку, но собака ужъ шире развила свою личность и *лично* понимаетъ необходимость благообразія *общественныхъ* отношеній: она кормитъ своихъ дѣтей такъ-же, какъ и всякая тварь, но дѣлаетъ это, предпочитая караулить тѣхъ-же овецъ и овечьихъ дѣтей, такъ-же, какъ и своихъ. Волку-же кажется, что *только* его дѣти достойны любви чрезвычайной и что дѣти другихъ только препятствуютъ полному удовлетворенію его чувствительности; кажется, что только его Жоржикъ достоинъ глубочайшаго вниманія, а всѣ другіе Жоржики достойны «гигіенической скамейки», такъ-какъ они могутъ обидѣть когда-нибудь его Жоржика.

Не утаю: когда дѣло дошло до личной моей отвѣтственности передъ маленькимъ существомъ, ребенкомъ, сердце мое оказалось чувствительнымъ именно въ этомъ волчьемъ направленіи. Все скверно и гадко въ этомъ мірѣ для такого существа (оно было, кажется, одно на всемъ свѣтѣ, такъ-какъ я въ первое время забылъ, что въ Петербургѣ ежегодно родятся 50,000 такихъ существъ), все надо было-бы стереть съ лица земли, чтобы это существо могло просуществовать такъ, какъ ему слѣдуетъ. Это было первое впечатлѣніе, но оно тотчасъ-же смѣнилось другимъ, именно,—крайней робостью стирать что-бы то ни было съ лица земли. Это такая возня и такое безобразіе, что лучшее пусть все останется такъ, какъ есть, только Жоржикъ долженъ быть въ особенномъ положеніи: отъ него должна быть отстранена всякая грязь, всякая правда жизни, всякая скорбь, вся эта отрава теорій, реформъ, людского горя и т. д. Какъ это сдѣлать? Нужно для его блага пожертвовать собой, покориться, принять всю черноту жизни на себя, сдѣлать такъ, чтобы не орать во имя вообще реформы противъ «кушетки» вообще, а чтобы только Жоржика не драли. Вотъ какъ отозвалось на моемъ сердце первое личное дѣло, первая личная моя обязанность, первая проба предъявить размѣры личной смѣлости жить на свѣтѣ, личной опрятности отношеній человѣческихъ, личнаго уваженія къ личности другихъ... И я пришелъ въ неописанный ужасъ... А общее, то, за которое я съ восхищеніемъ и съ жаждой готовъ былъ погибнуть? Я и теперь готовъ погибнуть, даже ощущаю бóльшую жажду, чѣмъ прежде, но отъ этого общаго дѣла къ моему личному дѣлу— нѣтъ дороги, даже нѣтъ тропинки.

Я стремлюсь погибнуть во благо общей гармоніи, общаго будущаго счастья и благоустроенія, но стремлюсь потому, что лично я уничтоженъ; уничтоженъ всѣмъ ходомъ исторіи, выпавшей на долю мнѣ, русскому человѣку. Личность мою уничтожили и византійство, и татарщина, и петровщина; все это надвигалось на меня нежданно-негаданно, все говорило, что это нужно не для меня, а *вообще* для отечества, что мы *вообще* будемъ глупы и безобразны, если не догонимъ, не обгонимъ, не перегонимъ... Когда тутъ думать о *своихъ* какихъ-то правахъ, о достоинствѣ, о человѣчности отношеній, о чести, когда, что ни «улучшеніе быта»—то только слышно хрустеніе костей человѣческихъ, словно кофей въ кофейницѣ размалываютъ? Все это, какъ говорятъ, еще только фундаментъ, основаніе, постройка зданія, а жить мы еще и не пробовали; только-что русскій человѣкъ, отдохнувъ отъ одного улучшенія, сядетъ трубочку покурить, глядь, другое улучшеніе валитъ невѣдомо откуда. Пихай трубку въ карманъ и полѣзай въ кофейницу, если не удалось бѣжать во лѣса—лѣса дремучіе...

Такимъ путемъ въ тѣхъ россійскихъ жителяхъ, которые попадали въ кофейницу, не могло развиться по части эгоизма почти ничего; ни по отношенію къ себѣ, ни по отношенію къ другимъ русскій человѣкъ не могъ разработать болѣе или менѣе широко чувствительности своего сердца, и оно осталось такое-же маленькое, звѣрушечье, какъ и было въ ту пору, какъ на него нагрянуло византійство. Но зато увѣренность въ необходимости жить, покоряясь чему-то не своему, чужому, тяжкому, служить, не думая о себѣ, какому-то, иногда совершенно невѣдомому, но надо всѣми одинаково тяготѣющему дѣлу, увѣренность въ томъ, что эта тягота есть самая настоящая задача и цѣль жизни — это въ насъ воспитано необыкновенно прочно.

Такимъ образомъ, благодаря нашей исторической участи, люди, попавшіе въ кофейницу, выработали изъ себя не единичные типы, а «массы», готовыя на служеніе общему благу, общему дѣлу, общей гармоніи и правдѣ человѣческихъ отношеній. Причемъ каждому въ отдѣльности... *ничего не нужно*, и онъ можетъ просуществовать кой-какъ—кой-какъ по части семейныхъ, сосѣдскихъ, экономическихъ отношеній и удобствъ. Лично онъ перенесетъ всякую гадость, даже согласится сдѣлать гадость просто изъ-за куска хлѣба, оботрется послѣ оплеухи и т. д. И отдохнетъ душою только въ дѣлѣ общемъ, совершенно поглощающемъ его личность. Не знаю, есть-ли подобныя черты въ такихъ напримѣръ общественныхъ дѣятеляхъ, какъ Бредло, Парнель. Мнѣ думается, что Парнелю и дома, и для себя, и для семьи, и для Жоржика нужно то самое дѣло, которое онъ дѣлаетъ въ парламентѣ; что парламентское, общественное дѣло начинается у него дома, въ немъ самомъ, въ личной потребности дѣлать его, въ личной жизни сердца, требующей такихъ именно ощущеній, какъ тѣ, которыя добываются его дѣломъ. Я думаю, что и Жоржику своему онъ скажетъ все, что̀ дѣлаетъ и что̀ думаетъ, и въ этихъ взглядахъ и воспитаетъ его. Онъ потому и начинаетъ проповѣдывать эти взгляды въ парламентѣ, что это ему нужно, чтобы чувствовать себя самимъ собой. Точно также и Бредло. Человѣка этого каждый годъ избиваютъ по малой мѣрѣ два раза въ годъ и рвутъ на немъ не менѣе двухъ сюртуковъ, и онъ все-таки идетъ опять туда-же, зная, что его будутъ опять колотить до синяковъ и что онъ послѣ этой бойни сляжетъ въ постель, а можетъ и умретъ. И здѣсь я думаю, что общественное дѣло, которое онъ дѣлаетъ, не покидаетъ его дома, и въ семьѣ, и въ обществѣ жены. Ему, его эгоизму, надобно добиться своего, и онъ претъ, не смотря ни на что.

У насъ-же, напротивъ, есть множество общественныхъ дѣятелей, которые и шире по взглядамъ, чѣмъ этотъ упорный, односторонній человѣкъ, и взгляды ихъ справедливѣе, гуманнѣе по отношенію къ общественному благоустройству и благополучію; и стоятъ они за эти взгляды до такой степени ревностно, что малѣйшая литературная узость по отношенію къ ихъ широтѣ воззрѣній на народныя массы, на свойства народнаго духа и т. д. волнуетъ ихъ самымъ подлиннымъ образомъ. Они не хотятъ подать руки человѣку, который усомнится хотя-бы въ общинномъ землевладѣніи, а *сами лично* въ то-же время, для собственныхъ дѣлишекъ и Жоржиковъ, не стыдятся содержать откупа и кабаки... Не знаю, содержатъ-ли кабаки Парнель и Бредло, а что касается насъ, то позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе для того, чтобы привести весьма любопытный примѣръ для только-что сказаннаго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Одессѣ, на бульварѣ, на скамейкѣ сидѣли два человѣка и вели бесѣду о русскомъ народѣ. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ, другой — помоложе. И вотъ что говорилъ старикъ:

«Я по природѣ грекъ. Проживши не мало на бѣломъ свѣтѣ, я сталкивался съ различными національностями: и съ нѣмцами, и съ французами, и съ итальянцами, и съ своимъ братомъ грекомъ, и вотъ въ чемъ вполнѣ убѣдился: по природному здравому смыслу или разуму, по отвагѣ, выносливости, нѣтъ ни одного народа, который бы стоялъ выше русскаго. Эти свойства души русскаго народа признаетъ весь свѣтъ. Но замѣтьте, что этотъ народъ еще молодой; онъ еще не успѣлъ развить своихъ богатыхъ силъ; его роль еще впереди. И вотъ питейное наше дѣло поставлено теперь такъ, что оно неизбѣжно должно повести къ потерѣ тѣхъ высокихъ качествъ, которыми русскій народъ въ правѣ былъ гордиться передъ цѣлымъ свѣтомъ и которыя должны бы обезпечить за нимъ славную его будущность. Дѣло это объясняется очень просто. Теперь пошло поголовное пьянство, и чѣмъ дальше, тѣмъ эта зараза будетъ больше распространяться. Это одна изъ самыхъ прилипчивыхъ заразъ: не даромъ писано: «пьянства яко яда бѣгай!». Дѣйствительно, это тотъ ядъ, который можетъ отравить и тѣло, и душу... Вотъ подпили

мужикъ и баба, а затѣмъ что? Вспомните: «не упивайся виномъ, въ немъ же есть блудъ». Не разъясняя этого очень естественнаго дѣла, я скажу, что отъ пьяныхъ супруговъ нельзя ожидать здоровыхъ и умныхъ дѣтей. Не знаю, какъ ваши науки говорятъ объ этомъ дѣлѣ, а мы, старики, съ опыта можемъ засвидѣтельствовать, что изъ дѣтей, зачатыхъ въ пьяномъ видѣ, выходятъ голые дураки и идіоты. Недостатки или пороки родителей наслѣдуются дѣтьми. Одно испорченное поколѣніе можетъ передать порчу нѣсколькимъ... Скажите-же, чѣмъ Россія возвратитъ народный здравый разумъ?..»

Кто же сей старецъ, который высказываетъ такъ много глубочайшаго сочувствія къ русскому народу, такъ скорбитъ о его гибели, который такъ ненавидитъ водку, что даже сочиняетъ собственный свой текстъ: «пьянство яко яда бѣгай?». Это никто иной, какъ Д. Е. Бенардаки, бывшій откупщикъ, распродаватель этого «яко яда», этого напитка, отъ котораго погибаетъ здравый смыслъ народа,—яда, который искажаетъ физически цѣлыя поколѣнія, доводя ихъ до идіотства,—яда, который губитъ народъ, первый въ мірѣ, которому предлежало бы блестящее будущее, еслибы не этотъ ядъ, отъ котораго надо, по писанію, «бѣгать» и которымъ такъ однако долго торговалъ въ средѣ этого народа почтенный старецъ.

«Прошу васъ, сказалъ старецъ въ началѣ разговора: — не смотрите на меня, какъ на бывшаго откупщика; я нажился отъ откуповъ, но буду говорить чистосердечно. Во-первыхъ, откупная система должна служить позоромъ для настоящаго времени. и я самъ не понимаю, какъ я рѣшился на послѣдніе откупа, за что и получилъ достойное наказаніе, потерявъ милліоны»...

(Ну, а еслибы не потерялъ, а пріобрѣлъ?)

Извѣстный англійскій филантропъ Плимсоль всю жизнь и массу своихъ средствъ употребилъ на раскрытіе злодѣйствъ одной мошеннической шайки, наживавшейся полученіемъ страховой преміи за суда, погибшія въ океанѣ. Шайка отправляла завѣдомо гнилое судно, застраховавъ его предварительно въ значительной суммѣ и зная навѣрное, что судно должно погибнуть вмѣстѣ съ экипажемъ. Старикъ Плимсоль, не спуская глазъ и не покладаючи рукъ, не изъ года въ годъ, а изъ часа въ часъ слѣдилъ за этими плутами цѣлые годы и довелъ дѣло до парламента. Онъ убѣжденъ былъ, что шайка дѣлаетъ подлое дѣло, и преслѣдовалъ его виновниковъ неусыпно. Могъ ли бы онъ, будучи убѣжденъ, что дѣла этой шайки позорны, самъ вступить съ ней въ компанію и потомъ, въ свое оправданіе, говорить: «не понимаю, какъ могло это случиться...» А у насъ это зачастую, и намъ не хочется только называть именъ, лично не брезговавшихъ грязью торговли кабацкимъ ядомъ, переносившимъ смрадъ сивушнаго пойла, наживавшихъ деньги отъ этого позорнаго дѣла, и въ то-же время, въ смыслѣ общественныхъ дѣятелей и печальниковъ горя народнаго, доходившихъ до щепетильной обидчивости въ случаяхъ простого литературнаго противорѣчія ихъ широкимъ «упованіямъ» на боготворимый ими народъ.

Такова наша участь вообще. То, что называется у насъ всечеловѣчествомъ и готовностью самопожертвованія, вовсе не личное наше достоинство, а дѣло исторически для насъ обязательное, и не подвигъ, которымъ можно хвалиться, а величайшее облегченіе отъ тяжкой для насъ необходимости быть просто человѣчными и самоуважающими. *Сами мы* привыкли, и насъ пріучила къ этому вся исторія наша не считать себя ни во что, сами мы поэтому можемъ основательно *себя лично* допустить и перенести всякую гадость, помириться со всякимъ давленіемъ, вліяніемъ, поддаться всякому впечатлѣнію: «намъ лично ничего не нужно». Добиваться своего личнаго благообразія, достоинства и совершенства намъ трудно необыкновенно, да и поздно. «*Уведи* меня въ станъ погибающихъ», вопіетъ герой поэмы Некрасова «Рыцарь на часъ». И въ самомъ дѣлѣ: лучше увести его туда, а не то, оставьте-ка его съ самимъ собой, такъ вѣдь онъ отъ какого-нибудь незначительнаго толчка того и гляди шмыгнетъ въ станъ «обагряющихъ руки въ крови»... Тургеневская Елена въ «Наканунѣ» говоритъ:—«Кто отдался весь, весь, *тому горя мало*... тотъ ужъ *ни за что не отвѣчаетъ. Не я хочу... то* хочетъ!» Видите, какое для насъ удовольствіе *не отвѣчать* за самихъ себя, какое спасеніе броситься въ большое справедливое дѣло, которое-бы поглотило наше *я*, чтобъ это *я* не смѣло хотѣть, а иначе .. оно окажется весьма мучительнымъ для собственнаго своего обладателя. Иначе оно — «горе».. Горя мало *не отвѣчать* за себя, имѣть возможность забыть себя, сказавъ: *не я* хочу, *то* хочетъ...

Да, «не отвѣчать!». «Лишь-бы *мнѣ* не быть въ отвѣтѣ», «мнѣ *самому* ничего не надо!» и т. д., эта черта до чрезвычайности сильна въ насъ, т. е. во всѣхъ сословіяхъ, званіяхъ и состояніяхъ.

— Не согласны! вопіетъ сходка, вся гуртомъ, протестуя противъ выбора стараго старшины, явнаго вора и расхитителя. — Не желаемъ! Хотимъ Михайлу Петрова!

— Почему вы не желаете? вопрошаетъ непремѣнный членъ, держащій руку стараго старшины.

— Не желаемъ! Будетъ, наѣлся!

— Хорошо. Эй, любезный, вотъ, что съ краю-то, рыжій-то, поди-ко сюда

Рыжій идетъ.

— Тебя какъ звать?

— Кузьма Ивановъ...

— Ты чѣмъ недоволенъ старшиной?

— Да мы ничего.

— Что онъ тебѣ сдѣлалъ худого?

— Что я тебѣ когда худо дѣлалъ? вопрошаетъ и старшина.

— Я... что жъ? Я худова не видалъ.

— Такъ чѣмъ же ты недоволенъ?

— Да чѣмъ мнѣ? какъ прочіе.

— Да не прочіе, а ты прямо отвѣчай, доволенъ ты или не доволенъ?

— Я доволенъ...

— Обиды тебѣ не было?

— Чего жъ? Обиды я не видалъ.

— Ну, ступай. Слѣдующій! тебя какъ звать?

«По одиночкѣ» всѣ—«ничего», «мы что-жъ?» «Намъ не что-что?» «Я худово не видалъ»—и старый воръ остается.

Или такъ еще.

Тотъ же старшина, еще только превращающійся въ вора, послѣ выборовъ на второе трехлѣтіе, обращается къ міряналъ съ такими словами:

— Вотъ что я вамъ скажу, почтенные господа міряне! слава тебѣ Господи, хоть дѣло было мнѣ и внове, а почитай-что промашки никакой не было... Такъ ужъ вы, старички, набзвочку мнѣ положьте. Я вѣдь не съ-пуста къ вамъ говорю, а вотъ...

«Начинающій» ловкимъ жестомъ, какъ-то изъ-подъ бороды прямо въ боковой карманъ «пиньжака», извлекаетъ «портмонетъ», а изъ «портмонета»—жирненькую ассигнацію.

— Я вѣдь, почтенные, не съ-пуста разговоръ завелъ, а вотъ отъ моихъ трудовъ двадцать пять рубликовъ на угощеніе, пять стало-быть ведерокъ... а ужъ вы мнѣ не поскупитесь, накиньте, чтобы для аккурату ужъ круглое было число... Бросьте полторы сотенки, а ужъ я заслужу, своихъ въ обиду не дамъ!

И почти всегда такія воззванія имѣютъ успѣхъ. За двадцать пять рублей прибавятъ сто, полтораста рублей жалованья и такимъ образомъ наконецъ сами воспитаютъ дѣйствительнѣйшаго наглеца и вора. Прибавятъ потому, что въ отдѣльности никто не отвѣчаетъ за эту подлость: если же бы въ отдѣльности отвѣчали и свою нужду цѣнили такъ-же, какъ и нужду сосѣда, то подлость поступка была бы совершенно ясна. Полтораста рублей дармоѣду, когда сейчасъ, въ ту же самую минуту, въ деревнѣ есть люди, которымъ буквально «жрать» нечего, когда напримѣръ за поденную работу въ лѣсу, въ снѣгу и на морозѣ множество изъ этого «мы» берутъ по 15 к. въ сутки за рубку дровъ...

Пьянство на Руси не личное («намъ чего-жъ!.. съ чего пить-то?»), а мірское, общественное. Волостное правленіе пьянствуетъ, судъ, словомъ, тамъ, гдѣ надо дать волю народной совѣсти, уму—тамъ-то и водка; пьянство, такъ сказать, парламентское, а не единичное, даетъ главный доходъ казнѣ. «Самъ» никто не желаетъ спиваться и пьяницъ-спеціалистовъ чрезвычайно мало. Пьютъ «вобче», «собча», потому никто за это одинъ-на-одинъ не отвѣчаетъ... и за подлости, которыя выходятъ изъ пьяныхъ мірскихъ приговоровъ, тоже нѣтъ никого «такъ чтобы виноватаго».

— Доведись до *меня*, скажетъ всякій изъ вотировавшихъ прибавку 150 р.:—доведись до меня, такъ я бы ему алтына не далъ, каковъ есть алтынъ, не токмо что... Кабы ежели *я-то*!

Что же послѣ этого можемъ мы *сами* и въ самомъ дѣлѣ воспроизвести хорошаго въ общественномъ смыслѣ, если мы можемъ только тяготиться своимъ *я*, постоянно убѣждаться въ его неразвитости, въ его узости, трусости, податливости, словомъ — въ его почти полномъ уничтоженіи? И вотъ мы съ радостью и восхищеніемъ бросаемся туда, гдѣ можно лично не хотѣть покоряться велѣніямъ которыя «*то*» захочетъ наложить на наши рамена, но сами мы такихъ явленій не создаемъ, потому что «самихъ насъ» нѣтъ. Нагрянетъ на насъ война и прикажетъ намъ помирать; охотно, съ восторгомъ готовы мы это сдѣлать, и мы тутъ безподобны; но лично изъ насъ. изъ нашего *я* никакихъ благообразныхъ общественныхъ явленій пока не исходитъ: лично намъ «ничего не нужно»... Лично я могу переносить школу съ «гигіенической» скамейкой... Лично я могу терпѣть голодъ, насиліе, несправедливость... Лично я могу поддерживать несправедливость, дать взятку, примазаться по откупамъ... Лично я могу переносить глупую и пустую семейную жизнь, лично я знакомъ съ трусостью и т. п. Что же я внесу въ общественное дѣло? Чѣмъ я оживлю общественныя учрежденія? На чемъ я осную протестъ противъ общественныхъ неправдъ? У меня *лично нѣтъ матеріала для общественнаго дѣла*, и на дѣлѣ мы видимъ, что при безпрерывномъ гомонѣ, писаньѣ, толкотнѣ и разговорахъ объ общемъ благѣ, о народѣ и т. д., ровно ничего человѣчески простого, нужнаго другимъ такъ-же, какъ и мнѣ, не сдѣлано.

IV.

И такъ, около колыбели ребенка я, Тяпушкинъ, обнаружился вдругъ и неожиданно, какъ *я*, какъ существо отвѣтственное лично. И тутъ я оказался плохъ до невозможности. Тутъ я оказался способнымъ съуживаться до ничтожества, даже враждовать противъ слишкомъ назойливыхъ требованій моей мысли о личномъ достоинствѣ и личной смѣлости въ предъявленіи человѣческихъ правъ... Я видѣлъ, что на этой почвѣ я могу пасть до ликующихъ, праздно болтающихъ, лгущихъ, врущихъ и опаивающихъ народъ напиткомъ, про который сказано: «*яко ядъ*». Но такому гнусному поведенію, такимъ гнуснымъ мыслямъ, такой гнусной перспективѣ будущаго противилась вся моя мысль, все, что воспитано во мнѣ всей моей жизнью, послѣдней страницей. Терзаясь между полной невозможностью сдѣлать смѣлымъ и разностороннимъ мое *я* и глубокой жаждой жертвы въ пользу невѣдомаго еще, но несомнѣнно праваго, всеобще-необходимаго дѣла, я, волей-неволей, иногда приходилъ къ мысли, что виновникъ моихъ мукъ, виновникъ пробужденія моихъ личныхъ несовершенствъ—онъ, этотъ ребенокъ. И иногда, въ минуты полнаго отчаянія, мнѣ приходили мрачныя мысли...

Въ одну изъ такихъ минутъ я очнулся. Я открылъ въ себѣ способность мрачной злобы, увидѣлъ, что это мое-же личное свойство, свойство моей личной неразвитости или забитости, и сразу, навсегда, на вѣки вѣковъ, рѣшилъ, что я не могу,

не вправѣ жить этой жизнью... Ошибка сдѣлана, ее не поправишь... Но я не могу быть тутъ. Мнѣ именно нужно быть тамъ, идти туда, зная, что *не я* хочу — *то* хочетъ... Я былъ изъ числа такихъ образцово-убитыхъ въ личномъ отношеніи людей, что положительно иногда какъ-бы даже ждалъ приказанія. Вотъ-вотъ отворится дверь, войдетъ городовой и скажетъ: «Приказано, чтобы по воскресеньямъ всѣ грамотные господа шли на фабрику учить народъ читать, писать... Довольно прохлаждаться». Или: «Велѣно, которые безъ мѣстъ и грамотные, гнать на Ладоцкій каналъ наблюдать, чтобы народъ не грабили, не морили, чтобы честно разсчитывались. Довольно ему зря-то пропадать» и т. д. Вообще я думалъ, что потребуется масса, несмѣтная масса народу, нужнаго въ то мгновеніе для освобожденной деревни на всякую потребу, на службу началу обновленія, началу личности.

Да, я убѣдился тогда, что въ этомъ служеніи — начало нашей русской интеллигентной личности, начало нашего эгоизма. Въ этомъ отношеніи мы очень счастливы тѣмъ, что нашъ эгоизмъ смиренъ и подавленъ, что мы прямо можемъ, не жертвуя ничѣмъ, приняться за работу въ самомъ дѣлѣ; для насъ это — облегченіе, счастье, прекращеніе горя... Но надо работать. Надо въ самомъ дѣлѣ выгонять зло изъ всѣхъ угловъ, въ самомъ дѣлѣ войти въ нужду, въ страданіе, въ самомъ дѣлѣ учить, въ самомъ дѣлѣ лечить, давать хлѣбъ, настоящій хлѣбъ, тотъ, который можно ѣсть, кровъ, подъ которымъ можно жить. Все тутъ должно быть непремѣнно начато съ полнѣйшей внимательности и правды, и непремѣнно на дѣлѣ; въ этомъ опытѣ я, повторяю, видѣлъ начало нашего личнаго благообразія, начало дѣйствительныхъ, серьезныхъ, общественныхъ интересовъ, начало смысла въ семьѣ, въ школѣ, въ воспитаніи дѣтей... Для начала этой новой, жизненной, правдивой, божеской эры, я ждалъ сильной, могучей поддержки, защиты, права быть смѣлымъ и искреннимъ.

Но меня никто не звалъ. Городовой не приходилъ. На Ладоцкомъ каналѣ опаивали и обсчитывали, на фабрикахъ не слышно было ни о какомъ просвѣщеніи. Напротивъ, чуялось, что отъ этого «подвига» (по моему, это неизбѣжная необходимость) по какому-то недоразумѣнію отклоняли. Городовой говоритъ: «не велѣно пущать», и видно, что дѣло идетъ совсѣмъ не къ тому, а къ програмѣ жить въ *свое* удовольствіе. Это мнѣ показалось неудобнымъ и неполезнымъ. Свое удовольствіе — но вѣдь это даже и малѣйшей работы мысли не требуетъ! Эгоистически неразвитое сердце не разовьется на своемъ удовольствіи — вѣдь все по этой части ужъ обдѣлано другими, все готово: отъ платья до напитка и языка; весь ритуалъ «своего удовольствія» — готовый, европейскій. Итакъ, если насъ обезличивала старая исторія византійствомъ, татарщиной, петровщиной и т. д., то было страшно представить себѣ, что и новая также хлопочетъ не о правѣ самостоятельнаго развитія, а предлагаетъ готовую совсѣмъ, во всѣхъ деталяхъ выработанную промышленность, кредитъ и даже «свое удовольствіе». Вѣдь отъ всѣхъ этихъ готовыхъ удобствъ можно съ ума сойти, можно возопить наконецъ не своимъ голосомъ: «Уведи меня!».

И не готовымъ, не шаблоннымъ, а оригинальнымъ оказывался только одинъ путь — обновленіе самого себя реальной работой для реальной справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ; исходный пунктъ этой работы былъ для меня чрезвычайно простъ; можно-ли умирать кому-нибудь съ голода? Нѣтъ. Ну, и надо дѣлать, чтобы не умирали. Хорошо-ли такое явленіе, какъ проституція? Нѣтъ. Стало-быть не надо, чтобы она была. Нравится вамъ типъ вора? Нѣтъ. Надо, чтобы его не было. А типъ убійцы, а типъ тонкаго хищника, а невѣжество вольное и невольное?.. Нѣтъ. Надобно идти туда, гдѣ никто ничего такъ-же, какъ и я, не знаетъ, гдѣ кишитъ нужда въ тысячахъ вещей, идти туда и дѣлать то, что велитъ жизнь. Что именно должно выдти — я не зналъ, но зналъ, что именно отсюда только и выйдетъ смыслъ моего существованія, и смыслъ моего слова, и смыслъ, и серьезность жизни вообще.

И я ушелъ...

. . . .

Съ этихъ поръ въ жизни моей начинается совершенно новый періодъ, начинается «опытъ», не окончившійся и до настоящаго времени. О результатахъ этого опыта я разскажу современемъ; теперь же мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ въ объясненіе связи послѣднихъ страницъ съ первыми страницами настоящихъ очерковъ. На этихъ страницахъ изображено нѣсколько сценъ изъ текущей дѣйствительности, сущность которыхъ — внутренняя безрезонность и страшная тягота общаго впечатлѣнія. Мнѣ кажется, что такое положеніе дѣлъ есть плачевный результатъ плачевнаго недоразумѣнія, вслѣдствіе котораго «обязательное» для насъ почему-то превратилось въ запретное и недопускаемое.

КРЕСТЬЯНИНЪ И КРЕСТЬЯНСКІЙ ТРУДЪ.

I. Иванъ Ермолаевичъ.

Вотъ уже почти годъ, какъ я живу въ деревнѣ и нахожусь въ ежедневномъ общеніи съ хорошей крестьянской семьей, ведущей основательное, подлинно-крестьянское, т. е. исключительно земледѣльческое хозяйство, и какъ въ первый день знакомства, такъ и сію минуту ни я, ни эта семья

не смогли проникнуться интересами другъ друга. Я не понимаю, зачѣмъ существуетъ на свѣтѣ семья и изъ-за чего она бьется, а семья тоже совершенно понять не можетъ и удивляется: зачѣмъ собственно я существую на бѣломъ свѣтѣ? Мы находимся въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ; при встрѣчѣ всегда здороваемся, раскланиваемся, спрашиваемъ: «какъ дѣла?» «все ли благополучно?» и даемъ другъ другу отвѣтъ: «ничего, слава Богу, по-маленьку», но понимать другъ друга все-таки не понимаемъ. Ни малѣйшаго, мало-мальски общаго интереса между нами не образовалось; все, что интересно мнѣ, ни капельки не интересно для Ивана Ермолаевича (такъ зовутъ главу крестьянской семьи, о которой идетъ рѣчь), хотя онъ, слушая меня, и поддакиваетъ, и старается сдѣлать такое лицо, чтобы оно подходило подъ разговоръ; зѣвоту, которая иной разъ является у него неожиданнѣйшимъ для меня результатомъ моей бесѣды, которую онъ повидимому слушаетъ внимательно—Иванъ Ермолаевичъ весьма тщательно скрываетъ. Съ своей стороны, слушая задушевнѣйшія бесѣды Ивана Ермолаевича, я иной разъ даже поступаю хуже его, прямо зѣваю и потомъ извиняюсь, что выходитъ ужъ совершенно неприлично.

Когда Иванъ Ермолаевичъ ѣдетъ въ городъ или на станцію, самая важная для меня просьба, съ которою я къ нему обращаюсь—это «привезти газету, зайдти на почту и взять письма», а второстепенная въ томъ, чтобы захватить муки, мяса... И всякій разъ выходитъ такъ, что муки и мяса онъ привезетъ, а газету и письма забудетъ.

— Забылъ! говоритъ онъ чистосердечно.—Говядину-то и хлѣбъ я помнилъ, а на счетъ этого... повелъ лошадь ковать — забылъ!.. Мало-ли дѣловъ-то! То то, то другое, все по хозяйству — оно и забудешь!

— Какъ же это вы такъ, Иванъ Ермолаевичъ! вѣдь я васъ какъ просилъ?..

— Что подѣлаешь-то!.. я помнилъ... Всю дорогу я, признаться, въ умѣ держалъ... Да тутъ барышники съ лошадьми встрѣтились... одна лошаденка каренькая попалась... такая пріятная скотинка... грудь, такъ, братецъ ты мой, вѣришь, вотъ не солгать, сказать ежели...

И затѣмъ начинаетъ длиннѣйшую рацею о такихъ вещахъ, которыя вовсе не интересны.

Съ своей стороны и я не всегда удовлетворяю желаніямъ Ивана Ермолаевича. Двадцать по крайней мѣрѣ разъ просилъ онъ меня, когда я ѣхалъ въ городъ, «не забыть на счетъ колесной мази», и ровно двадцать разъ я объ этой мази забылъ.

— А мазь привезъ? спрашиваетъ Иванъ Ермолаевичъ, выходя на крыльцо ночью часу во второмъ, заслышавъ стукъ колесъ моей телѣги, и, получивъ отвѣтъ неблагопріятный, точно такъ-же, какъ и я, пенялъ мнѣ:

— Э-эхъ, говоритъ онъ, кряхтя,—а вѣдь какъ молилъ-то! не забудь, сдѣлай милость, въ догонку кричалъ... Э-хъ!..

Но и со мной произошло точь-въ-точь то-же, что и съ Иваномъ Ермолаевичемъ — я точно такъ-же, какъ и онъ, очень долго *помнилъ* на счетъ колесной мази. Ѣхалъ и помнилъ, да вдругъ попалась газета или пріятель съ разговоромъ объ интересномъ дѣлѣ—ну, и забылъ. «Изъ ума вонъ».

Еще съ здѣшнимъ «подстоличнымъ» мужикомъ, почти отбившимся отъ сельскаго хозяйства, толкающимся по станціямъ двухъ желѣзныхъ дорогъ, еще съ такимъ испорченнымъ цивилизаціей мужикомъ у меня иной разъ можетъ выйдти какой-нибудь обоюдный разговоръ, т. е. иной разъ подстоличному мужику понадобится кой о чемъ спросить меня:

— А что, спроситъ,—какъ въ газетахъ пишутъ, много-ль на Лиговкѣ домовъ погорѣло?..

Ему нужно знать, много-ль погорѣло сѣнныхъ складовъ, потому что, «толкаясь» вокругъ сѣна и сѣнныхъ операцій, нагрузокъ и перегрузокъ, онъ очень заинтересованъ въ вопросѣ о цѣнѣ сѣна, и потому интересуется знать, много-ли погорѣло сѣнниковъ.

— Да пишутъ, говорю я,—домовъ четырнадцать...

— Четырнадцать? А коё мѣсто?

Говорю я и про мѣсто.

—Это хорошо, говоритъ подстоличный мужикъ.—Это все сѣнныя мѣста... А что, прибавляетъ онъ,—нѣтъ ли чего насчетъ чтобы другихъ мѣстъ?... все ли благополучно насчетъ сѣна-то?..

— Нѣтъ, нѣту...

— Ничего не пишутъ въ газетахъ?

— Нѣтъ...

— Гм.. Нѣтъ, вотъ какъ года три назадъ, барки, братецъ ты мой, съ сѣномъ взялись горѣть... такъ ужъ было!.. До семидесяти пяти копѣекъ въ одинъ день сѣно то поднялось. У насъ, братецъ ты мой, по сороку копѣекъ брали, не то сѣно, а прямо сказать прѣль, чернь, навозъ... Что нѣту-тка въ газетахъ-то... ничего, чтобы... насчетъ барокъ ежели?

— Нѣтъ, нѣту...

— Дюжо хорошо съ сѣномъ-то въ ту пору поправились.

Такіе разговоры возможны между мною и испорченнымъ подстоличнымъ мужикомъ, но не только между мною и Иваномъ Ермолаевичемъ почти никогда не выходитъ такихъ «обоюдныхъ» разговоровъ, но не выходитъ ихъ у Ивана Ермолаевича и съ подстоличнымъ мужикомъ. Всѣхъ такихъ мужичонковъ Иванъ Ермолаевичъ, какъ истинный «крестьянинъ», погруженный исключительно въ земледѣльческій трудъ, не долюбливаетъ и даже пожалуй ненавидитъ. Прихотливый, нездорово-избалованный желудокъ, утроба Петербурга, отбилъ подстоличнаго крестьянина отъ земледѣльческаго труда. То желудку этому нужна отличнѣйшая телятина, то вдругъ потребуютъ ягодъ въ громадныхъ размѣрахъ и за землянику, малину даютъ такія цѣны, которыя дороже самаго дорогого сѣна... Наѣхали въ Питеръ какіе-нибудь иностранные высокіе гости; расшумѣлся и раскутился какой-нибудь случайный магнатъ, которому удалось выгодно надуть казну; состоялась ли какая-нибудь операція, около которой грѣютъ руки сотни крупныхъ и мелкихъ акулъ и акуленковъ,—все это сейчасъ

остальныя двѣ трети, каждая раздѣлена на три разряда, указывающіе погоду, но слово *перемѣнно* одно занимаетъ столько же мѣста, сколько три малыхъ разряда и, по петербургской погодѣ, стрѣлка подолгу шмыгаетъ вдоль этого длиннаго слова *перемѣнно*; то наклонится къ началу, какъ будто къ дождю, то поползетъ къ концу, къ сухой ясной погодѣ, а за предѣлы не выходитъ. Случилось такъ, что стрѣлка застряла въ этомъ длинномъ словѣ дней на десять. Нѣсколько разъ я, на собственный свой рискъ, рѣшился давать нужные Ивану Ермолаевичу отвѣты. Говорилъ попрежнему: «вози!» или поѣзжай!», или «молоти!», но удачи въ этихъ отвѣтахъ не было, выходилъ обманъ... Такъ случилось нѣсколько разъ къ ряду, и Иванъ Ермолаевичъ сталъ посѣщать меня рѣже. Къ моему огорченію, я опять все чаще и чаще сталъ слышать въ отворенное окно, какъ Иванъ Ермолаевичъ, толкуя съ работникомъ и женой о погодѣ, вновь возвращается къ своей системѣ... «А что, Михайло, съ горестью слышу я:— не помнишь ты, какъ мы предъ святой за солониной ѣздили?.. еще Егоръ Петровъ говорилъ насчетъ костяной мази?..» и т. д. Заглянулъ было какъ-то Иванъ Ермолаевичъ ко мнѣ и спросилъ: «Ну, что въ календарѣ, какъ?» Но календарь сбился съ толку— стрѣлка застряла въ длинномъ словѣ и не давала отвѣтовъ. И я не рѣшился давать ихъ.

— Ну, песъ съ нимъ! сказалъ Иванъ Ермолаевичъ и почти совсѣмъ пересталъ посѣщать меня... Надобности ему, очевидно, во мнѣ ужъ не было.

И, увы! этотъ случай съ календаремъ былъ едва-ли, въ сущности, не единственнымъ случаемъ, когда я «въ дѣлахъ Ивана Ермолаевича» понадобился «въ самомъ дѣлѣ», «въ сурьезъ». Былъ еще и другой случай, но въ немъ ужъ не было той серьезности запроса, какая руководила Иваномъ Ермолаевичемъ въ дѣлѣ съ календаремъ, хотя и этотъ не совсѣмъ серьезный случай весьма замѣчателенъ, и замѣчателенъ тѣмъ, что это былъ единственный втеченіе года случай, когда Иванъ Ермолаевичъ заговорилъ о газетѣ... Никогда я не слыхалъ отъ него никакихъ вопросовъ, отвѣты на которые могла бы дать газета. Въ газетахъ онъ пуще всего «жалѣлъ» бумагу, другого интереса она для него не представляла... Понятно поэтому, какъ я удивился, когда однажды на сѣнокосѣ Иванъ Ермолаевичъ подошелъ ко мнѣ самъ и какъ-то загадочно спросилъ:

— Чего нѣтъ ли въ газетахъ хорошенькаго?

Я, признаться, не сразу отвѣтилъ ему, что ничего-молъ новаго нѣтъ, а нѣсколько мгновеній пристально поглядѣлъ на него, желая знать, «что это означаетъ?». Да и Ивану Ермолаевичу былъ, какъ видно, вопросъ этотъ не совсѣмъ въ привычку; задавая его, онъ стоялъ ко мнѣ какъ-то бокомъ и глядѣлъ въ сторону, да и задалъ-то какимъ то чрезвычайно небрежнымъ тономъ.

— Сказываютъ, продолжалъ онъ съ тою же небрежностью и не переставая глядѣть куда-то въ даль:—будто бы гдѣ-то свалилась съ неба кобыла не кобыла... Врутъ поди? Чего не наплетутъ иной разъ... Правда или нѣтъ? Чай, неправда?

— Какая кобыла?

— Да врутъ тутъ у насъ, будто версты на три длиннику протянулась, изъ пушекъ въ нее палятъ, а изгнать не могутъ... Такъ, я думаю, болтаютъ зря?.

Тутъ я вспомнилъ, что въ газетахъ дѣйствительно было извѣстіе о томъ, что гдѣ-то распространился слухъ о чудовищѣ, свалившемся съ неба, и объявилъ Ивану Ермолаевичу, что конечно все это чепуха.

— То-то, я думаю... болтаютъ глупые, а другіе дураки слушаютъ.

Иванъ Ермолаевичъ плюнулъ и ушелъ, но къ величайшему моему удивленію, пропустивъ цѣлую недѣлю, опять завелъ рѣчь объ этой кобылѣ. Опять, какъ и прежде, при случайной встрѣчѣ и также стоя бокомъ и глядя въ даль, прежнимъ презрительнымъ тономъ и какъ-то презрительно улыбаясь, онъ неожиданно проговорилъ:

— Сказываютъ, вся спина у кобылы-то исписана... Что, ничего нѣтъ въ газетахъ?

— Какая спина?

— Да вотъ что врали-то про кобылу-то? Болтаютъ-то? Сказываютъ—все на спинѣ-то прописано... какія бѣдствія и какъ что будетъ и насчетъ земли, будто будетъ раздача... Не пишутъ?

— Нѣтъ, Иванъ Ермолаевичъ, не слыхалъ и не читалъ...

— Да болтаютъ, такъ... а то бы ужъ, чай, давно пропечатали, какая тамъ есть надпись... Будто бы все, «что будетъ», сказано?..

— Нѣтъ, не знаю, не слыхалъ...

— То-то, пустое болтаютъ... А то бы, чай, давно бы пропечатали, что у нея тамъ сказано... Дюже, болтаютъ, много надписано «на спинѣ-то»... И хотя все это Иванъ Ермолаевичъ говорилъ презрительно и не «въ сурьезъ», но я не могъ не видѣть, что его дѣйствительно занимаетъ и кобыла, и надпись. Но газета не сослужила службы; мы съ ней не пригодились Ивану Ермолаевичу, и вотъ съ тѣхъ поръ, хотя и видаемся ежедневно и спрашиваемъ другъ друга: «какъ дѣла?», «все ли благополучно?», хотя и даемъ вѣжливые отвѣты: «все, слава Богу, помаленьку» и т. д., но въ сущности дѣла другъ друга насъ не интересуютъ: онъ не понимаетъ моихъ дѣлъ, а я не понимаю его, и между нами вотъ ужъ ровно годъ ничего кромѣ вѣжливости нѣтъ.

II. Общій взглядъ на крестьянскую жизнь.

Но что всего поразительнѣе въ этомъ взаимномъ нашемъ непониманіи другъ друга, такъ это то, что Иванъ Ермолаевичъ выказываетъ непониманіе въ особенно сильной степени именно относительно крестьянскихъ дѣлъ, вопросовъ крестьянской жизни, о которыхъ я нахожу нужнымъ бесѣдовать съ нимъ очень часто; замѣчательно, что

всякій разъ, когда рѣчь коснется такъ называемыхъ крестьянскихъ интересовъ, т. е. интересовъ, касающихся непосредственно Ивана Ермолаевича, тутъ-то онъ особенно какъ-то деревенѣетъ, тутъ онъ именно «не ведетъ ухомъ», ничего не слышитъ, очевидно, не хочетъ слышать и зѣваетъ ужаснѣйшимъ образомъ. Это полнѣйшее равнодушіе къ *«собственнымъ своимъ»* интересамъ поражало меня въ высшей степени. На мой взглядъ, жизнь современнаго крестьянина на каждомъ шагу, кажется, вопіетъ о томъ, что только дружество, сотоварищество, взаимное сознаніе пользы общиннаго, коллективнаго труда на общую пользу — суть единственная надежда крестьянскаго міра на болѣе или менѣе лучшее будущее, единственная возможность «сократить» тѣ невѣроятные размѣры труда, поглощающаго *всю* крестьянскую жизнь, не оставляя досуга, который теперь лежитъ на крестьянинѣ такимъ тяжелымъ и, какъ мнѣ казалось (и кажется), безплоднымъ бременемъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, что это за жизнь, и посудите, изъ-за чего человѣкъ бьется. Крестьянская пословица говоритъ: «лѣто работаетъ на зиму, а зима на лѣто». И точно: лѣтомъ съ утра до ночи безъ передышки бьются съ косьбой, съ жнивомъ, а зимой скотина съѣстъ сѣно, а люди хлѣбъ, весну и осень идутъ хлопоты приготовить пашню для людей и животныхъ, лѣтомъ соберутъ, что дастъ пашня, а зимой съѣдятъ. Трудъ постоянный и никакого результата, кромѣ навоза, да и того не остается, ибо и онъ идетъ въ землю, земля ѣстъ навозъ, люди и скотъ ѣдятъ, что даетъ земля. Самъ Богъ, отецъ небесный, поминается только какъ участникъ въ этой безплодной по результатамъ дѣятельности лабораторіи. Богъ даетъ дождь, ведро, нужные для сѣна, овса, которые нужны для лошадей, овецъ, коровъ и людей, а въ результатѣ — навозъ, нужный для земли, и т. д. до безконечности. Промучившись (на мой взглядъ) такимъ образомъ лѣтъ 70, обыватель и самъ отправляется въ землю.

Присматриваясь къ непрерывному труду, вплетенному въ этотъ вѣковѣчный химическій процессъ жизни, я (человѣкъ деревнѣ совершенно посторонній) ничѣмъ инымъ не могу объяснить себѣ этой безпрерывной неустанности труда, какъ только тѣмъ, что всѣ живыя существа, участвующія въ немъ, «должны быть сыты» для поддержанія собственнаго своего существованія. Я очень хорошо знаю и понимаю, что кромѣ непрерывнаго труда химическій круговоротъ наблюдаемой мною жизни также переплетенъ во всѣхъ направленіяхъ страданіями сердца, радостями и горестями; тутъ слышенъ плачъ, тамъ стоны, тамъ скрежетъ зубовный; я очень хорошо знаю, что кромѣ химическаго элемента во всемъ этомъ процессѣ постоянно слышится и чувствуется «человѣкъ», но именно потому-то, что я это понимаю, меня и поражаетъ безплодность труда, безплодность *по отношенію къ человѣку*, къ его слезамъ, радостямъ и къ зубовному его скрежету. Именно въ человѣческомъ-то смыслѣ или, говоря точнѣе, «въ разсчетѣ-то на человѣка» безплодность неустаннаго труда оказывается поразительною. Какъ бы я пристально ни вглядывался въ него, какъ бы ни ужасался его размѣровъ—я рѣшительно не вижу, чтобы въ глубинѣ этого труда и въ его конечномъ результатѣ лежали мысль и забота о человѣкѣ въ размѣрахъ, достойныхъ этого неустаннаго труда.

Повторяю опять: забота эта есть, но она не смѣетъ равняться съ заботами напримѣръ о скотинѣ. Вотъ напримѣръ у Ивана Ермолаевича баранъ, по имени «Сенька», зашибъ рогами мальчика; мальчикъ нѣкоторое время лежалъ безъ чувства, потомъ, очнувшись, нѣкоторое время рыдалъ какъ помѣшанный отъ испуга. И теперь едва-ли испугъ этотъ не останется въ немъ на всю жизнь; Иванъ Ермолаевичъ и его жена оба «мучились» надъ мальчишкой: прикладывали что-то, напримѣръ, навозъ теплый, поили травами, вообще лечили и болѣли душой; но лечили они его средствами, какія найдутся «вокругъ дому», какъ и вообще лечатся крестьяне; а вотъ захромала у Ивана Ермолаевича кобыла, полечилъ онъ ее также собственными средствами, также намазывалъ на тряпку (тряпка ужъ сама по себѣ въ деревнѣ какъ бы медикаментъ) какую-то дрянь, а кончилъ тѣмъ, что поѣхалъ и привезъ коновала, и три рубля серебромъ ему не пожалѣлъ. Очень хорошо знаю, чѣмъ могутъ мнѣ объяснить эту разницу отношеній Ивана Ермолаевича къ лошади и человѣку, но никакъ не могу не обратить вниманія на то, что вотъ для лошади въ народѣ есть уже профессія не вполнѣ шарлатанская; къ услугамъ коновала прибѣгаютъ и культурные владѣтели лошадей. У коновала есть «инструменты», выдуманные народомъ, есть «вѣрныя», точныя средства, а для человѣка ничего въ этомъ родѣ не выдумано кромѣ знахарей, которые далеко ниже по познаніямъ коновала и, какъ всѣмъ извѣстно, преисполнены шарлатанства, выѣзжаютъ на невѣжествѣ, тогда какъ коновалу на незнаніи своего дѣла никоимъ образомъ выѣхать невозможно: всякій крестьянинъ и самъ въ этихъ (лошадиныхъ) дѣлахъ понимаетъ очень много. А вотъ, когда мальчишка оретъ, то тутъ могутъ только плакать и прикладывать тряпку съ навозомъ или съ чѣмъ-нибудь другимъ, что тутъ около дому валяется, какъ никуда негодная дрянь. Единственно, чѣмъ я могу объяснить такое вниманіе къ лошади, это тѣмъ, что она нужна въ каторжномъ трудѣ ежедневномъ и неустанномъ, такъ какъ безъ этого труда ни Ивану Ермолаевичу, ни его мальчишкѣ нечего было бы ѣсть. Да и самъ Иванъ Ермолаевичъ, подводя итогъ своимъ ежегоднымъ трудамъ, говоритъ, что въ концѣ концовъ «только что сыты, больше ничего!». Я это хорошо вижу и глубоко сожалѣю Ивана Ермолаевича и всѣхъ ему подобныхъ, но въ то же время меня поражаетъ слѣдующее обстоятельство:

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Иванъ Ермолаевичъ «бьется» надъ работой изъ-за того только, чтобы быть сытымъ, точно также бились ни много, ни мало, какъ тысячу лѣтъ, его предки и, мо-

жете себѣ представить, рѣшительно ничего не выдумали и не сдѣлали для того, чтобы хоть капельку облегчить ему возможность быть «сытымъ». Предки, тысячу лѣтъ жившіе на этомъ самомъ мѣстѣ (и въ настоящее время давно распаханные «подъ овесъ» и въ видѣ овса съѣденные скотиной), даже мысли о томъ, что каторжный трудъ, изъ-за необходимости быть сытыми, долженъ быть облегчаемъ, не оставили своимъ потомкамъ; въ этомъ смыслѣ о предкахъ нѣтъ ни малѣйшихъ воспоминаній. У Соловьева, въ «Исторіи», еще можно кое-что узнать на счетъ здѣшняго прошлаго, но здѣсь, на самомъ мѣстѣ, «никому» и «ничего неизвѣстно». Хуже той обстановки, въ которой находится трудъ крестьянина, представить себѣ нѣтъ возможности, и надобно думать, что тысячу лѣтъ тому назадъ были тѣ-же лапти, та-же соха, таже тяга, что и теперь. Не осталось отъ прародителей ни путей сообщенія, ни мостовъ, ни малѣйшихъ улучшеній, облегчающихъ трудъ. Мостъ, который вы видите, построенъ потомками и еле держится. Всѣ орудія труда первобытны, тяжелы, неудобны и т. д. Прародители оставили Ивану Ермолаевичу непроѣздное болото, чрезъ которое можно перебираться только зимой, и, какъ мнѣ кажется, Иванъ Ермолаевичъ оставитъ своему мальчишкѣ болото въ томъ-же самомъ видѣ. И его мальчонко будетъ вязнуть, «биться съ лошадью», такъ же какъ бьется Иванъ Ермолаевичъ. Но, оставивъ прародителей въ сторонѣ, я, въ качествѣ человѣка посторонняго деревенской жизни и деревенскому труду, рѣшительно недоумѣваю и теряюсь въ догадкахъ, объясняя себѣ это видимое мнѣ и совершенно непостижимое для меня равнодушіе— положимъ хоть въ Иванѣ Ермолаевичѣ— относительно «облегченія» этой необходимости быть «сытымъ». Я рѣшительно не понимаю, почему Иванъ Ермолаевичъ, который непремѣнно поднимаетъ обрывокъ веревки или гвоздя, если они попадутся ему на дорогѣ, теряетъ, въ лицѣ многихъ такихъ-же, какъ и онъ, истинныхъ «крестьянъ», сотни, тысячи рублей на продуктахъ собственнаго своего каторжнаго труда, сотни, даже тысячи, которыя несомнѣнно облегчили-бы, улучшили его благосостояніе и дали бы возможность заботиться о мальчишкѣ болѣе, чѣмъ о жеребенкѣ. Въ отношеніи этого равнодушія къ собственной выгодѣ на моихъ глазахъ происходятъ удивительныя нелѣпости. Напримѣръ, сѣно въ здѣшнихъ мѣстахъ - продуктъ, могущій доставить почти такую-же денежную поддержку, какъ ленъ въ Псковѣ или пшеница въ Самарѣ, съ тою однако разницею, что сѣно растетъ «даромъ». Косятъ его здѣсь всѣ крестьяне, въ томъ числѣ и Иванъ Ермолаевичъ, и потому что вывезти его лѣтомъ нельзя — такъ какъ мѣстность перерѣзана болотомъ — продаетъ его «по нуждѣ» на мѣстѣ за самую ничтожную цѣну кулакамъ и барышникамъ, которые, дождавшись зимы, т. е. времени, когда болото замерзнетъ, вывозятъ сѣно въ Петербургъ и продаютъ его въ три-дорога. На глазахъ всѣхъ здѣшнихъ крестьянъ постоянно, изъгода въ годъ, происходятъ такія напримѣръ вещи: мѣстный кулачокъ, неимѣющій покуда ничего кромѣ жадности, занимаетъ на свой рискъ въ сосѣднемъ ссудномъ товариществѣ полтораста рублей и начинаетъ втеченіе мая, іюня, іюля мѣсяцевъ, самыхъ труднѣйшихъ въ крестьянской жизни, покупать сѣно по пяти или много-много по десяти копѣекъ за пудъ: при первомъ снѣгѣ онъ вывозитъ его на большую дорогу, гдѣ немедленно ему даютъ тридцать и болѣе копѣекъ за пудъ. На глазахъ всего честнаго міра человѣкъ, не шевельнувъ пальцемъ, наживаетъ поистинѣ кучу денегъ, которыя при всѣхъ и кладетъ себѣ въ карманъ. Какимъ образомъ Иванъ Ермолаевичъ дорожитъ гвоздемъ, говоря: «онъ денегъ стоитъ», и не дорожитъ сотнями рублей, которые онъ бросаетъ кулаку на разживу? Ежегодно деревня накашиваетъ до сорока тысячъ пудовъ сѣна и ежегодно кулачишко кладетъ въ карманъ болѣе пяти тысячъ рублей серебромъ крестьянскихъ денегъ *у всѣхъ на глазахъ*, не шевеля пальцемъ? Дорожитъ-ли человѣкъ своимъ трудомъ, поступая такимъ образомъ? Если онъ дорожитъ, то неужели вся деревня (двадцать шесть дворовъ) не можетъ, во имя облегченія общаго труда, сдѣлать того-же, что и кулачишко? Они могутъ занять «на нужду» въ 26 разъ больше, чѣмъ кулачишко, и слѣдовательно «могутъ» быть не въ кабалѣ, «могутъ» даже «сдѣлать» цѣну своему товару, могутъ ждать цѣнъ и т. д. И ничего этого нѣтъ. Тысячу лѣтъ не могутъ завалить болота на протяженіи четверти версты, что сразу-бы необыкновенно увеличило доходность здѣшнихъ мѣстъ, а между тѣмъ всѣ Иваны Ермолаевичи отлично знаютъ, что эту работу «на вѣки вѣковъ» можно сдѣлать въ два воскресенья, если каждый изъ 26-ти дворовъ выставитъ человѣка съ топоромъ и лошадью.

И въ то-же время самыя, на мой взглядъ, пустяшныя, ни чего не стоющія мірскія дѣла, вродѣ хоть мірской загороди или дѣлежа лядины, поглощаютъ массу общественнаго вниманія: тутъ мѣряютъ по двадцати разъ то, что давно вымѣрено, мѣряютъ и веревками, и саженями, и кольями, и лаптями, да чтобы *носкомъ непремѣнно въ пятку попадало*; тутъ и значки, и жеребья, и значки на жеребьяхъ — словомъ, тутъ все разработано, даже свыше необходимости, тутъ дѣло доведено даже до артистическаго совершенства, превращено почти «въ церемонію». Я очень хорошо понимаю, что основаніемъ къ такой тщательности въ самыхъ пустяковыхъ пустякахъ служитъ желаніе сдѣлать дѣло «безъ обиды»; но почему необходимо быть драныкъ за невзносъ податей, почему необходимо драть или смотрѣть какъ дерутъ въ то время, когда всѣмъ видно, что драный человѣкъ не платитъ потому, что откармливаетъ кулачишку,—этого я не понимаю.

Не менѣе непонятными кажутся мнѣ и тѣ случаи, когда мѣстный крестьянинъ, благодаря какому-нибудь неожиданному обстоятельству, какъ-бы образумливался и начиналъ понимать «собственную свою пользу» въ томъ видѣ, въ какомъ по-

нимать ее слѣдуетъ, и, главное, принималъ при этомъ во вниманіе то обстоятельство, что время теперь не то, что было недавно, что теперь деревня должна подумать и о коллективной оборонѣ. Одинъ такой случай былъ у мѣстныхъ крестьянъ и заключается въ слѣдующемъ. Одинъ неудачникъ-землевладѣлецъ, задумавшій вести «большое», по «иностраннымъ образцамъ», хозяйство, какъ водится, разорился и ушелъ отсюда совсѣмъ. Послѣ него въ деревнѣ оказался сѣнной прессъ. Машина соединила разрозненный крестьянскій міръ. Лучше всего, что за отсутствіемъ барина она была «ничья». Додумались прессовать сѣно всѣмъ міромъ, сообща нанимать вагонъ и продавать въ Петербургѣ. Пошло дѣло отлично, но на слѣдующій годъ въ Петербургѣ *не стали принимать здѣшняго сѣна въ прессованномъ видѣ*. «Помилуйте! говорятъ, обрадовались, что выгодно, - и ну пихать въ нутро всякую дрянь: то полѣно, то камень, то навозу набьютъ туда, благо не видать съ боковъ»... Теперь здѣшнее сѣно покупалось въ Петербургѣ не иначе, какъ съ возовъ. Такое своеобразное пониманіе выгоды конечно имѣетъ множество основаній, но вотъ что нехорошо: года два тому назадъ пріѣхали изъ Лондона въ ближній къ нашимъ мѣстамъ губернскій городъ два англичанина. По-русски они ни слова не говорили и не говорятъ; пріѣхали они честь честью, наняли домъ самый лучшій, завели какіе-то экипажи, необыкновенные, на высокихъ колесахъ и т. д. Въ этихъ экипажахъ они разъѣзжаютъ по городу съ своими семействами передъ обѣдомъ и послѣ обѣда и живутъ въ свое удовольствіе. Какъ-же могло случиться, что немедленно-же по ихъ пріѣздѣ вся сѣнная операція на сотни верстъ очутилась у нихъ въ рукахъ? А между тѣмъ это фактъ, и сѣнное дѣло теперь находится въ слѣдующемъ видѣ: кулачишко, занявъ деньги въ ссудномъ товариществѣ, закупаетъ у крестьянъ въ «нужное» время, лѣтомъ, за безцѣнокъ и поставляетъ «англичанамъ», а англичане поставляютъ въ Петербургъ въ разныя казенныя учрежденія. Прессъ дѣйствуетъ по прежнему, но работаетъ ужъ не на міръ, а на англичанина. «Кому прессуете?»—Чарльзу! отвѣчаютъ мужики. Кулачишко такъ тотъ просто благоговѣетъ передъ «англичанами», именно потому, что они, кажется, и пальцемъ не шевельнутъ, все только въ экипажахъ на красныхъ колесахъ ѣздятъ, а все дѣло забрали въ руки. «Ужъ гос-с-спода! говоритъ кулачишко.—Одно слово! Хоть-бы взять Чарльзъ Иваныча или Диксонъ Петровича— одно слово, какъ ни оберни — господа на отдѣлку!» Такимъ образомъ въ то время, какъ Диксонъ Петровичъ съ Чарльзъ Ивановичемъ разъѣзжаютъ съ сигарами въ зубахъ въ своихъ отличныхъ экипажахъ, «отдыхая» послѣ завтрака и обѣда, здѣшній крестьянинъ продолжаетъ священнодѣйствовать передъ такой громадной общественной надобностью, какъ загородь, даетъ цѣлыя драматическія представленія при наймѣ пастуха или при покупкѣ быка, — словомъ, всячески старается, чтобъ «не обидѣть» ни себя, ни ближняго, даже на поросшинку, и рѣшительно не находитъ возможности замостить четверть версты болота, въ которомъ и лежитъ корень очень многихъ изъ его ежедневныхъ и ежечасныхъ обидъ.

Примѣровъ такого безграничнаго равнодушія къ «собственной своей выгодѣ», какъ ее надо понимать при новыхъ условіяхъ крестьянской жизни, можно было бы привести очень много. Положительно на каждомъ шагу я, человѣкъ совершенно посторонній деревнѣ, могъ-бы указать, что вотъ тутъ-то крестьяне теряютъ то то, а вотъ здѣсь они явно разстраиваютъ свое благосостояніе. И, по неопытности моей, объясняя это видимое мнѣ каторжное существованіе только тѣмъ, чтобы кое-какъ пробиться, «быть сытымъ», я не могъ не волноваться, а по временамъ не выходить положительно «изъ себя», видя глубочайшее невниманіе такихъ подлинныхъ радѣтелей «крестьянства», какъ Иванъ Ермолаевичъ, ко всему, что облегчаетъ трудъ, что передаетъ выгоды этого труда въ тѣ руки, которымъ эти выгоды принадлежатъ по справедливости и т. д. Много и долго распространялся я иногда на тему «о непониманіи собственной пользы», о грабительствѣ, которому служатъ Иваны Ермолаевичи своими трудами и руками и т. д. И все какъ къ стѣнѣ горохъ! О всякихъ коллективныхъ оборонахъ противъ всевозможныхъ современныхъ золъ, идущихъ на деревню, не могло быть и рѣчи

— Захотѣли вы съ нашимъ народомъ! Нешто нашъ народъ присогласишь? Нешто онъ что понимаетъ?

Вотъ какіе были отвѣты Ивана Ермолаевича на мои разглагольствія о «ихней пользѣ». Такой неустанный труженикъ не зналъ, куда, кому и зачѣмъ онъ платитъ, не имѣя никакого понятія о земствѣ, о выборѣ въ гласные и т. д. Твердо былъ увѣренъ, что все это до него ни капли не касается. О ссудо-сберегательномъ товариществѣ ровно ничего не понялъ изъ всѣхъ моихъ разсужденій и только замѣтилъ: «Брать-то хорошо, а вотъ отдавать-то какъ?.. Свяжешься.. Богъ съ нимъ совсѣмъ!» А когда я указывалъ на кулака, который беретъ и отдаетъ и выгоду имѣетъ, то Иванъ Ермолаевичъ говорилъ: «Ну, песъ съ нимъ... тамъ ужъ это иній разсчетъ... А то свяжешься— не развязаться»...

Однажды онъ меня поразилъ самымъ неожиданнымъ образомъ въ разговорѣ объ общественныхъ крестьянскихъ должностяхъ:

— Всѣ они (выборные) — народъ ненадежный... Покуда живетъ крестьянствомъ—ничего, а какъ выбрали въ должность — чистая дѣлается собака. Какъ присягу принялъ, точно въ звѣря оборачивается... По мнѣ, такъ я, кажется, за милліонъ на это не согласился-бы.

— На что?

— Напримѣръ принять присягу волостную. Я однова слушалъ, такъ обмеръ начисто. Какъ началъ попъ вычитывать—«отъ отца, отъ матери отрекись, отъ братьевъ, сестеръ отрекись, отъ роду и племени откажись» — волоса у меня на макушкѣ даже поднялись дыбомъ. Передъ Богомъ! Ужъ который чело-

вѣкъ такимъ манеромъ себя проклялъ, такъ онъ отъ этого самаго не иначе дѣлается, какъ злодѣемъ.

Такой взглядъ на присягу несказанно меня удивилъ. Удивилъ онъ меня не мало и въ другой разъ, когда я случайно засталъ его, какъ онъ училъ своего сынишку молитвамъ. Иванъ Ермолаевичъ въ Бога вѣрилъ крѣпко, непоколебимо крѣпко, близость Бога ощущалъ почти до осязанія, а молитвы читалъ по своему: «Вѣрую во единаго Бога отца» училъ онъ сынишку: «и въ небо и землю. Видимо невидимо, слышимо неслышимо. Припонтистился еси, распилатился еси...» А дальше ужъ Богъ знаетъ что было. Кончалась «Вѣрую» такъ: «отъ лукаваго. Аминь».

Все это однако-жъ пустяки сравнительно вообще съ невниманіемъ къ опредѣленію своего положенія не только на бѣломъ свѣтѣ, а въ кругу даже 26-ти дворовъ, среди которыхъ Иванъ Ермолаевичъ жилъ, живетъ и жить будетъ. Не говоря о равнодушіи къ общественнымъ порядкамъ, не касающимся непосредственно хозяйства, я замѣчалъ въ Иванѣ Ермолаевичѣ невниманіе и къ людямъ. Напримѣръ, онъ отлично зналъ, сколько у кого скота, хлѣба, что «дадено» за лошадь въ такомъ-то дворѣ; словомъ, сколько у кого физическихъ рессуровъ къ существованію. Но случись въ этомъ дворѣ какое-нибудь изъ ряду выходящее событіе, объяснить которое можно только зная «людей», участвовавшихъ въ немъ, — не объяснитъ. Случилось въ деревнѣ два самоубійства, и никто ничего не могъ объяснить. «Должно, деньги пропилъ», говорили про солдата, который еще вчера работалъ въ городѣ, пололъ капусту, а сегодня найденъ подъ переметомъ.—«Вѣдь это, братецъ, какъ сказать — отъ чего? Стало быть, ужъ ему такъ положено. Вотъ прошлый годъ то-жъ вдова одна также вотъ самовольно покончилась. А послѣ нея осталось денегъ тридцать рублей, двѣ коровы, да картофелю мѣшка четыре—вотъ тутъ и думай! Скучалъ, скучалъ, глядишь—и задавился!»

Не разъ, глядя на эту почти добровольную отдачу себя на съѣденіе всѣмъ, кто пожелаетъ, всѣмъ, у кого загребиста лапа, я въ глубокомъ уныніи восклицалъ, конечно въ мысляхъ моихъ: «Боже мой!» какія же нужны еще казни египетскія, чтобы сокрушить въ Иванѣ Ермолаевичѣ это непоколебимое невниманіе къ «собственной пользѣ»! Вѣдь это невниманіе дѣлаетъ то, что черезъ десять лѣтъ (много-много) Ивану Ермолаевичу и ему подобнымъ нельзя будетъ жить на свѣтѣ: они воспроизведутъ къ тому времени два новыя сословія, которыя будутъ тѣснить и напирать на «крестьянство» съ двухъ сторонъ: сверху будетъ насѣдать представитель третьяго сословія, а снизу тотъ же братъ мужикъ, но уже представитель четвертаго сословія, которое неминуемо должно быть, если будетъ третье. Этотъ представитель четвертаго деревенскаго сословія непремѣнно будетъ *золъ* (о происхожденіи *зломужика* будетъ сказано въ слѣдующемъ отрывкѣ) и неумолимъ въ мщеніи, а мстить онъ будетъ за то, что очутился въ дуракахъ, то есть пойметъ наконецъ (и очень скоро), что онъ платится за свою дурость, что онъ былъ и есть дуракъ, дуракъ темный, отчего и разозлился *самъ на себя*. И горько поплатятся за это всѣ тѣ, кто, по злому, хитрому умыслу, по невниманію или равнодушію, поставили его въ это «дурацкое» положеніе. Другимъ словомъ нельзя опредѣлить этого положенія, ибо если въ русской деревнѣ завелся хроническій нищій, то только существованіемъ какого-то *неумнаго мѣста* въ организаціи общественной, ничѣмъ другимъ это явленіе объяснить нельзя. Все есть для того, чтобы такого явленія не было—а оно уже есть; никакими резонами, мало-мальски подходящими къ тому, что опредѣляется словами «необходимость», «неизбѣжность», нельзя этого явленія объяснить. Представитель русскаго четвертаго сословія есть продуктъ безсердечной общественной невнимательности—ничего болѣе. Впрочемъ объ этомъ послѣ; теперь же возвратимся къ Ивану Ермолаевичу.

Безмѣрное равнодушіе Ивана Ермолаевича къ напирающимъ на него бѣдствіямъ, въ видѣ третьяго и четвертаго сословій, въ видѣ наконецъ пришельца-переселенца изъ остзейскихъ провинцій, не разъ становило меня втупикъ, и я недоумѣвалъ: что именно даетъ Ивану Ермолаевичу силу переносить свое труженическое существованіе? что держитъ его на свѣтѣ, изъ какихъ лакомыхъ приправъ сварена та чечевичная похлебка, за которую онъ ясно продаетъ свое первородство? Неужели въ самомъ дѣлѣ Иванъ Ермолаевичъ и его тысячелѣтніе предки «бьются только изъ-за податей? Или въ самомъ дѣлѣ изъ-за куска хлѣба? Но если бы это было такъ, Иванъ Ермолаевичъ не перенесъ бы удовольствія платить подати не только тысячу лѣтъ, но и тысячу минутъ. Когда ему что *не нравится*, надоѣдаетъ, *онъ нетерпѣливъ*; онъ даже внѣшняго приличія не соблюдаетъ, когда ему что-нибудь не по нутру; вѣдь вотъ зѣваетъ-же онъ самымъ потрясающимъ образомъ, когда я разговариваю съ нимъ о вещахъ, которыя онъ слушать не желаетъ. Всякій разъ когда я заведу рѣчь о коллективной оборонѣ деревни въ томъ или другомъ видѣ, Иванъ Ермолаевичъ немедленно найдетъ предлогъ улизнуть отъ меня: то ему захочется спать, то болитъ нога, то надо поглядѣть, отчего лаютъ собаки? Словомъ, всегда найдетъ предлогъ увильнуть, и увильнетъ. Что же за пріятность въ податяхъ? Что за удовольствіе биться всю жизнь изъ-за нихъ или только изъ-за хлѣба? Неужели-же такое существованіе можно назвать жизнью? А между тѣмъ Иванъ Ермолаевичъ, *на мой взглядъ*, именно бьется, и именно изъ-за хлѣба, ибо и самъ онъ совершенно справедливо увѣряетъ, что въ концѣ-концовъ онъ только что «сытъ».

III. Поэзія земледѣльческаго труда.

Объясняя себѣ эту загадку существованія, я приходилъ къ самымъ мрачнымъ и безобразнымъ выводамъ; то мнѣ казалось, что Ивану Ермолаевичу предопредѣлено пережить еще одно тягостнѣйшее иго, иго нѣмецкаго пришельца, то мнѣ казалось, что Ивану Ермолаевичу «предназначено» терпѣть, «влачить-

ся по бороздамъ» и т. д. Словомъ, все выходило ужасно нескладно, произвольно и неосновательно въ высшей степени. Только-что я объясню себѣ тайну каторжнаго существованія «терпѣніемъ во Христѣ», какъ натолкнусь на рыданія невѣстки Ивана Ермолаевича, которая говоритъ, рыдая, что ее «съѣли» въ семьѣ Ивана Ермолаевича и ждутъ не дождутся, когда она протянетъ ноги, чтобы взять другую бабу, здоровую; и злы-то на нее («поѣдомъ ѣдятъ», «сживаютъ со свѣту») за то, что она больна и въ хозяйствѣ только помѣха. Только-что объясню себѣ существованіе Ивана Ермолаевича предопредѣленіемъ насчетъ новаго двухсотлѣтняго нѣмецкаго ига, какъ встрѣчусь съ такими проявленіями русскаго ребросокрушительнаго патріотизма, что мнѣ начинаетъ казаться, будто насчетъ ига «бабушка сказала еще на-двое», т. е. что пожалуй ига-то этого и не будетъ.

Словомъ, тайна безплодности и непрестанности труда, изъ которыхъ сотканы дни, часы и годы существованія Ивана Ермолаевича и многихъ ему подобныхъ, такъ и оставалась досадною, неразгаданною тайной.

И вдругъ случилось обстоятельство, которое пролило нѣкоторый свѣтъ на эту тайну—и представило жизнь и интересы жизни, волновавшіе Ивана Ермолаевича и державшіе его на бѣломъ свѣтѣ, въ совершенно неожиданномъ для меня видѣ и въ такого рода ежедневныхъ явленіяхъ, которымъ я до сихъ поръ не придавалъ ни малѣйшаго значенія. Обстоятельство, столь чудотворно просвѣтившее меня, было въ высшей степени ничтожное, до того ничтожное, что мнѣ даже совѣстно утруждать имъ вниманіе благосклоннаго читателя. Дѣлать однако нечего, и разсказать объ этомъ ничтожномъ обстоятельствѣ приходится болѣе или менѣе подробно. Вотъ какъ было дѣло.

Иванъ Ермолаевичъ поитъ телятъ, которыхъ продаетъ пріѣзжающимъ изъ Петербурга телятникамъ. Занятіе выгодное, такъ какъ каждый такой теленокъ продается рублей по тридцати и болѣе. Поитъ онъ молокомъ, и такихъ телятъ у него было восемь штукъ. Какъ-то онъ объявилъ мнѣ, что купилъ у какой то старухи девятаго теленка, и мы вмѣстѣ порадовались, что теленокъ хорошъ и купленъ дешево. На слѣдующій день я встрѣтилъ Ивана Ермолаевича на дворѣ; онъ смотрѣлъ, какъ жена его поитъ телятъ, былъ какъ-то унылъ и что-то разсказывалъ про новою телушку, безпрестанно ругая старуху, у которой она куплена. Сотни разъ слышалъ я разсказы и разговоры Ивана Ермолаевича про его хозяйственныя заботы, про телятъ, про овецъ и т. д., но, какъ ужъ сказано было въ началѣ этого отрывка, не имѣлъ терпѣнія и интереса вслушиваться въ эти разсказы. Не вслушивался я еще и потому, что обыкновенно думалъ о другомъ, о чемъ-нибудь своемъ, и если интересовался «крестьянствомъ», то вовсе не со стороны этихъ происшествій съ телятами, утятами и т. д. Но на этотъ разъ, когда я ужъ совсѣмъ былъ готовъ пропустить мимо ушей разсказываемое происшествіе съ теленкомъ, меня поразило почти драматическое выраженіе его голоса, которымъ онъ произнесъ: «Вотъ онъ! Поглядите на него, на проклятущаго, и смотрѣть-то на него, на проклятаго, тошно!» . . . И вновь принялся ругать старуху.

Меня потому поразилъ драматическій тонъ этихъ словъ Ивана Ермолаевича, потому что онъ меня заставилъ вникнуть въ огорченіе Ивана Ермолаевича, въ исторію съ теленкомъ—что мгновенно, неожиданно воскресилъ въ моей памяти другое, нисколько на исторію съ теленкомъ не похожее обстоятельство, которое однако вызвало почти точь-въ-точь такое-же восклицаніе и *точь-въ-точь такимъ-же тономъ* у другого человѣка, нисколько на Ивана Ермолаевича не похожаго.

Лѣтомъ 1876 года одинъ русскій художникъ повелъ меня въ луврскій музей смотрѣть Венеру Милосскую. Всю дорогу онъ приготовлялъ меня къ пониманію этого дивнаго произведенія, бранилъ Фета за его стихотвореніе, посвященное этой самой Венерѣ, говоря, что въ немъ нѣтъ ни одной черты, хоть отдаленно напоминающей то, что есть въ *этой* Венерѣ, и т. д. Приготовляя меня къ предстоящему зрѣлищу, какъ къ святынѣ, онъ всячески старался настроить меня такъ, чтобы я могъ воспріять хоть каплю той красоты, которую развиваетъ это удивительное произведеніе, велъ меня по корридорчику, ведущему къ статуѣ, рисующейся въ отдаленіи, почти съ такою-же осторожностью, точно мы шли къ умирающему больному, ступая осторожно кончиками пальцевъ, и... вдругъ остановился, какъ-то безпомощно опустилъ руки и, обернувшись ко мнѣ, *точь-въ-точь такимъ-же* драматическимъ тономъ, какъ и Иванъ Ермолаевичъ, проговорилъ: «Ну, скажите пожалуйста, на что это похоже? Посмотрите-ко, что они надѣлали...»

Кто «они», я не зналъ и рѣшительно недоумѣвалъ, что такое *они* натворили. Оказалось однако, что администрація Лувра или вообще кто-то имѣющій власть въ немъ распоряжаться, въ видахъ того, что мраморъ, изъ котораго высѣчена статуя, ветхъ, крошится, распорядился немного, чуть-чуть, съ величайшею осторожностью, поправить кой-какія наиболѣе ветхія точки: такимъ образомъ оказалось, что на лѣвомъ колѣнѣ и на носу у статуи не то намазано, не то насыпано что-то бѣлое, отчего носъ у Венеры Милосской походилъ на утиный.. Этотъ-то утиный носъ, оказавшійся тамъ, гдѣ должно было быть совсѣмъ другое, до того потрясъ художника, такъ его ошеломилъ, что онъ, за минуту назадъ до крайности взволнованный, возбужденный, какъ бы мгновенно усталъ, обезсилѣлъ и ушелъ вонъ совершенно разстроенный.

Рѣшительно точь-въ-точь то же душевное оскорбленіе, та же нравственная обида слышалась въ голосѣ Ивана Ермолаевича, когда онъ указывалъ мнѣ на теленка и говорилъ:

— Вотъ поглядите на него, на проклятущаго!

Совпаденіе той и другой обиды было до такой степени поразительно, что я невольно перенесъ на теленка, и на Ивана Ермолаевича, и на всю эту исторію съ теленкомъ понятное мнѣ до нѣ-

которой степени огорченіе художника. И что-же? Оказалось, что Иванъ Ермолаевичъ былъ огорченъ почти такъ-же, какъ и художникъ, т. е. именно *оскорбленъ теленкомъ въ глубинѣ своихъ художественныхъ требованій.* И въ самомъ дѣлѣ, теленокъ не пилъ молока; старуха, продавая его, не сказала Ивану Ермолаевичу, что теленокъ пріученъ пить овсянку съ отрубями и съ яйцомъ, и что молока онъ не пьетъ. Зрѣлище, на которое Ивану Ермолаевичу было «тошно смотрѣть», было такое: всѣ восемь телятъ столпились у крыльца и изъ корытъ, и изъ шаекъ «дружно тянули молоко, весело помахивая своими хвостами, похожими на палки; одинъ только новый, купленный теленокъ стоялъ въ сторонѣ, сердито взывая о пищи, выказывая недовольство. Недовольный, мрачный, явившійся въ чужой монастырь съ своими уставами, онъ явно нарушалъ художественную сторону вечернихъ порядковъ хозяйства. И лошади, и коровы, и овцы, все это было на своихъ мѣстахъ, словомъ, все въ хозяйствѣ было какъ всегда, какъ привыкъ видѣть хозяйскій глазъ, и вотъ тутъ-то, въ видѣ новаго теленка, неожиданно появилось нѣчто чуждое, несогласное, мрачно и грубо недовольное, какъ-бы даже критикующее. Мрачное состояніе духа, въ которомъ находился новый теленокъ, перешло и на жену Ивана Ермолаевича, и и на него...

— И шутъ тебя догадалъ! сердилась на него жена.

— Кто же его зналъ, чорта экова, почти закричалъ Иванъ Ермолаевичъ и принялся ругать старуху.

Стали тащить теленка силой, принялись пихать его морду насильно въ корыто... теленокъ сопротивлялся... Словомъ, вышла пренепріятная сцена...

Этотъ эпизодъ съ теленкомъ неожиданно для меня воскресилъ въ моей памяти множество такого же рода хозяйственныхъ эпизодовъ, которые занимали Ивана Ермолаевича, о которыхъ онъ говорилъ со мной, но которые я пропускалъ мимо ушей, какъ вещи не «стоющія» и ровно ничего незначащія сравнительно съ вопросами о возникновеніи кулаковъ, о податяхъ, объ эксплуатаціи и т. д. Благодаря эпизоду съ теленкомъ, все мнѣ представилось теперь въ иномъ свѣтѣ. Припомнилъ я «исторію» съ уткой, которую Иванъ Ермолаевичъ называлъ «остроумной», — исторію, на которую я прежде не обратилъ никакого вниманія. Бывало, выйдешь на крыльцо подъ вечеръ, когда Иванъ Ермолаевичъ ужъ поужиналъ, смотришь, Иванъ Ермолаевичъ сидитъ на крыльцѣ, не спитъ. — «Что вы сидите?» — «Да такъ... на счетъ утки ..» Такъ какъ утка для меня ничего не представляетъ интереснаго, то я и оставляю Ивана Ермолаевича безъ разспросовъ; но на слѣдующій день и еще на слѣдующій опять вижу его въ поздній вечерній часъ то на крыльцѣ, то даже притаившимся за угломъ у амбаровъ и опять «все на счетъ утки». Иванъ Ермолаевичъ весело сообщилъ мнѣ мимоходомъ: «А вѣдь я открылъ ейный секретъ то!» — «Чей секретъ?» — «Да уткинъ-то! Вчера до двѣнадцатаго часу просидѣлъ, а ужъ добился. Вѣдь какая остроумная шельма! Принужденъ былъ даже на балконѣ отъ нея притаиться — не идетъ, видитъ»... Говорилъ онъ это весело, радостно, и теперь послѣ мрачнаго эпизода съ теленкомъ я понялъ, что именно заставляло сидѣть Ивана Ермолаевича по ночамъ, прятаться за амбаръ и на балконѣ, и почему утка получила названіе остроумной. Не въ примѣръ прочимъ уткамъ, она тщательно скрывала мѣсто, куда кладетъ яйца. Она прибѣгала къ крыльцу амбара, гдѣ разсыпали кормъ для птицъ, послѣ всѣхъ, когда ея собратья утки и куры наѣдятся, заснутъ — и все для того, чтобы не видали, куда она кладетъ яйца, гдѣ несется. Замѣчательно, что она шла къ амбару всегда молча и выбирала дорогу всегда окольную, въ густой травѣ, гдѣ нельзя было примѣтить. У другихъ утокъ ястреба растаскали почти всѣхъ цыплятъ, эта-же остроумная утка всѣхъ своихъ дѣтей сберегла.

Кромѣ утки припомнился эпизодъ съ «забывчивой» свиньей, которая оретъ благимъ матомъ всякій разъ, когда ее треснутъ палкой, но немедленно же и забываетъ ударъ; припомнился разговоръ Ивана Ермолаевича о какихъ-то «камняхъ», въ которые онъ «просто влюбился»: валяются около рѣчки круглые большіе камни, и такъ они «полюбились» Ивану Ермолаевичу, что онъ нѣсколько дней высчитывалъ, сколько будетъ стоить ихъ перевезть; припомнилъ выраженія «заглядѣлся на жеребенка», «залюбовался овсомъ», — словомъ, припомнились сотни, тысячи такихъ ежедневныхъ хозяйственныхъ мелочей, которыя для насъ съ вами не представляютъ ни малѣйшаго интереса, но которыя теперь получили для меня совершенно другой смыслъ и значеніе, такъ какъ давали возможность совсѣмъ иначе взглянуть на существованіе Ивана Ермолаевича.

Оказывалось, что земледѣльческій трудъ, отнимающій у Ивана Ермолаевича всю жизнь, хотя и имѣетъ видимый результатъ только въ томъ, что Иванъ Ермолаевичъ «сытъ» со всѣмъ своимъ семействомъ и со всей своей скотиной, но что въ то-же время и въ этомъ же трудѣ невидимо покоятся и существеннѣйшіе его интересы. Иванъ Ермолаевичъ «бьется» не потому только, что ему надо быть сытымъ, платить подати, но и потому еще, что земледѣльческій трудъ со всѣми его развѣтвленіями, приспособленіями, случайностями поглощаетъ и его мысль, сосредоточиваетъ въ себѣ почти всю его умственную и даже нравственную дѣятельность и даже какъ бы удовлетворяетъ нравственно. Ни въ какой иной сферѣ, кромѣ сферы земледѣльческаго труда, опять-таки въ безчисленныхъ его развѣтвленіяхъ и осложненіяхъ, мысль его такъ не свободна, такъ не смѣла, такъ не напряжена, какъ именно здѣсь, тамъ гдѣ соха, борона, овцы, куры, утки, коровы и т. д. Онъ почти ничего не знаетъ на счетъ «своихъ» правовъ, ничего не знаетъ о происхожденіи и значеніи начальства, не знаетъ, за что началась война и гдѣ находится враждебная земля и т. д., потому что онъ заинтересованъ своимъ дѣ-

ломъ, ему некогда знать и интересоваться всѣмъ этимъ, точно такъ-же какъ мнѣ и вамъ, заинтересованнымъ «всѣмъ этимъ», нѣтъ ни охоты, ни возможности три вечера кряду думать объ уткѣ или «грустить» душевно, глядя на то, что овесъ вышелъ рѣдокъ. Случайности природы онъ сосредоточиваетъ въ Богѣ. Случайности всевозможной политики — въ царѣ. Царь пошелъ воевать, царь далъ волю, царь даетъ землю, царь раздаетъ хлѣбъ. Что царь скажетъ, то и будетъ; деньги платятся царю, а разбирать, что такое урядникъ или непремѣнный членъ, это ужъ совершенно не нужныя подробности; но въ *своемъ* дѣлѣ онъ вникаетъ во всякую мелочь: у него каждая овца имѣетъ имя, смотря по характеру, онъ не спитъ изъ-за утки ночи, думаетъ о камнѣ и т. д. Нравственная многосодержательность земледѣльческаго труда показалась мнѣ до такой степени важной въ объясненіи непонятныхъ сторонъ крестьянской жизни, что я имъ сталъ объяснять себѣ даже и то странное пониманіе собственной выгоды, о которомъ было говорено выше.

Художникъ, который поставитъ своей задачей *выгоду*, денежную пользу, перестаетъ церемониться съ своей совѣстью, малюетъ все, что требуется, спускается до рисовки вывѣсокъ на портерныя и овощныя лавки; по тѣмъ же причинамъ и крестьянинъ засовываетъ навозъ въ прессованное сѣно. Съ точки зрѣнія нравственнаго оскорбленія и именно оскорбленія самого «святая святыхъ» крестьянскаго міросозерцанія, я сталъ объяснять себѣ такія даже явленія, какъ бунтъ военныхъ поселянъ при Аракчеевѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что одною изъ причинъ бунта были жестокости, жестокія истязанія, шпицрутены... Но вѣдь такимъ же точно истязаніямъ подвергалась на ряду съ поселянами не одна сотня тысячъ войскъ, вездѣ царили зеленыя улицы, шпицрутены и т. д. И однако-же была возможность молчать, терпѣть. Выказали ли войска, состоявшія изъ людей, оторванныхъ отъ хозяйства, когда-либо во все время аракчеевскаго свирѣпствованія, какіе-либо видимые знаки нетерпѣнія? Поселяне же выказали это нетерпѣніе въ громадныхъ размѣрахъ и именно, намъ кажется, потому, что графъ Аракчеевъ, не ограничиваясь муштровкой, вломился со своими реформами въ хлѣвъ, сталъ соваться съ приказами на счетъ коровы, опредѣляя часъ выгона и пригона, приказывалъ пахать такъ, а не иначе,—словомъ, сталъ дерзко распоряжаться въ самыхъ нѣдрахъ земледѣльческаго творчества, искусства, сталъ безжалостно разрушать поэзію земледѣльческаго труда

Художникъ, переносящій отъ своего академическаго начальства всевозможныя служебныя непріятности, интриги, несправедливость, навѣрное не вынесетъ, если начальство вздумаетъ взять кисть, да придѣлаетъ на картинѣ художника, всецѣло ею поглощеннаго, какую-нибудь фигуру или черту по собственному усмотрѣнію. Этого-то ужъ не вынесетъ никакой художникъ, его не вынесъ и поэтъ-мужикъ. А неудачная дезинфекція хлѣвовъ нынѣшняго года не означаетъ ли, что непрошенные посѣтители попробовали хозяйничать тамъ, гдѣ крестьянинъ наиболѣе чувствуетъ самостоятельность?

Поэзія земледѣльческаго труда — не пустое слово. Въ русской литературѣ есть писатель, котораго невозможно иначе назвать, какъ поэтомъ земледѣльческаго труда—исключительно.

Это—Кольцовъ.

Никто, не исключая и самого Пушкина, не трогалъ *такихъ* поэтическихъ струнъ народной души, народнаго міросозерцанія, воспитаннаго исключительно въ условіяхъ земледѣльческаго труда, какъ это мы находимъ у поэта-прасола. Спрашиваемъ, что могло-бы вдохновить хотя бы и Пушкина при видѣ пашущаго пашню мужика, его клячи и сохи? Пушкинъ, какъ человѣкъ иного круга, могъ бы только скорбѣть, какъ это и было, объ этомъ труженикѣ, «влачащемся по браздамъ», объ ярмѣ, которое онъ несетъ, и т. д. Придетъ ли ему въ голову, что этотъ кое-какъ въ отрепья одѣтый рабъ, влачащійся по браздамъ, босикомъ бредущій за своей клячонкой, чтобы онъ могъ чувствовать, въ минуту этого тяжкаго труда, что-либо, кромѣ сознанія его тяжести? А мужикъ, изображаемый Кольцовымъ, хотя и влачится по браздамъ, хоть и босикомъ плетется за клячей, находитъ возможнымъ говорить этой клячѣ такія рѣчи: «Весело (!) на пашнѣ, *я самъ-другъ съ тобою*, слуга и хозяинъ.—Весело (!) я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю. *Весело* гляжу я на гумно (что-жъ тутъ можетъ быть веселаго для насъ съ вами, читатель?), на скирды, молочу и вѣю. Ну, тащися, сивка!.. Пашенку мы рано съ сивкою распашемъ, зернушку сготовимъ колыбель святую; его вспоитъ, вскормитъ мать-земля сырая...Выйдетъ въ полѣ травка... Ну, тащися, сивка!.. Выйдетъ въ полѣ травка, выростетъ и колосъ, станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани» и т. д. Сколько тутъ разлито радости, любви, вниманія, и къ чему? Къ гумну, къ колосу, къ травѣ, къ клячѣ, съ которою человѣкъ разговариваетъ, какъ съ понимающимъ существомъ, говоря «мы съ сивкою», «я самъ-другъ съ тобою» и т. д. Человѣкъ, *такъ*, своеобразно, полно понимающій, живущій непонятными для меня и васъ, образованный читатель, вещами, пойметъ ли онъ меня, если я къ нему подскочу съ разговорами о выгодности ссудо-сберегательныхъ товариществъ? А косарь, того же Кольцова, который, получая на своихъ харчахъ 50 коп. въ сутки, находитъ возможность говорить такія рѣчи: «Ахъ ты, степь моя, степь привольная!.. Въ гости я къ тебѣ не одинъ пришелъ, я пришелъ *самъ-другъ съ косою* вострою. Мнѣ давно *гулять* (это за 50-то копѣекъ въ сутки!) по травѣ степной, вдоль и поперекъ, съ ней *хотѣлося. Раззудись* плечо, *размахнись* рука, ты пахни въ лицо вѣтеръ съ полудня, освѣжи, взволнуй степь просторную, зажужжи коса, *засверкай кругомъ*! Зашуми трава подкошенная, *поклонись цвѣты головой землѣ*» и т. д. Тутъ что ни слово, то

тайна крестьянскаго міросозерцанія: *раззудись плечо... засверкай кругомъ* и т. п.—все это прелести, ни для кого кромѣ крестьянина-земледѣльца недоступныя. Припомнимъ еще по истинѣ великолѣпное стихотвореніе того-же Кольцова «*Урожай*», гдѣ и природа, и міросозерцаніе человѣка, стоящаго съ ней лицомъ къ лицу, до поразительной прелести неразрывно слиты въ одно поэтическое цѣлое. Чтобы яснѣе видѣть достоинства этого стихотворенія, возьмемъ для сравненія извѣстное стихотвореніе другого русскаго поэта, Лермонтова: «Когда волнуется желтѣющая нива». Авторъ «въ небесахъ видитъ Бога, у него морщины расходятся на челѣ, онъ начинаетъ постигать, что̀ такое счастье» и т. д. Такія сильныя душевныя движенія возбудили въ немъ созерцаніе красоты природы. Какова же эта природа и каковы эти ея красоты, такъ растрогавшія автора? «Желтѣющая нива, лѣсъ, шумящій при звукѣ вѣтерка, малиновая слива, которая прячется въ саду, подъ тѣнью сладостной зеленаго листка; ландышъ серебристый, обрызганный душистою росой, когда онъ румянымъ вечеркомъ или въ златой часъ утра привѣтливо киваетъ головой изъ-подъ куста». Вотъ эти красоты природы. Несомнѣнно, что авторъ отобралъ изъ этой природы самые лучшіе ея сорта, что онъ обставилъ самыми пріятными растеніями путь, по которому въ душу его шествуетъ Богъ, и размѣстилъ эти растенія и разные фрукты въ такомъ порядкѣ и видѣ, чтобы ему не совѣстно было принять высокопоставленнаго посѣтителя; взята поэтому «желтѣющая нива», зрѣлище очень пріятное для глазъ, затѣмъ слива, да еще малиновая, да не просто малиновая слива, а слива подъ тѣнью, да и тѣнь-то сладостная, потомъ ландышъ; во первыхъ, онъ серебристъ, обрызганъ росой, роса взята душистая, особенная, ради экстреннаго случая; кромѣ того ландышъ этотъ освѣщенъ на выборъ и утренней, и вечерней зарей, разноцвѣтными переливами, помѣщенъ подъ кустомъ, изъ подъ котораго уже и киваетъ съ привѣтливостью. Тутъ, ради экстреннаго случая, перемѣшаны и климаты, и времена года, и все такъ произвольно выбрано, что невольно раждается сомнѣніе въ искренности поэта. Что, думается, вникая въ его произведеніе, увидѣлъ ли бы онъ Бога въ небесахъ и разошлись ли бы его морщины и т. д., если бы природа предстала предъ нимъ не въ видѣ какихъ-то отборныхъ фруктовъ, при особенномъ освѣщеніи, а въ болѣе обыкновенномъ и простомъ видѣ? Что, еслибы вмѣсто малиновой сливы, душистой розы, серебристаго ландыша автору предстояло созерцать напримѣръ корявый крыжовникъ, бруснику, ежевику, горьку ягоду калину, рябину и прочую неблагообразную тварь Божію? И неужели эта неблагообразная тварь не способна напомнить Бога, а годится только на то, чтобы при видѣ ея вспомнить чорта?. Въ концѣ-концовъ вы видите, что поэтъ—случайный знакомецъ природы, что у него нѣтъ съ ней кровной связи, иначе онъ бы не сталъ выбирать изъ нея отборные фрукты да прикрашивать ихъ и размѣщать по собственному усмотрѣнію. Совсѣмъ не то въ «Урожаѣ» Кольцова. Здѣсь все просто, обыкновенно, взята одна только нива желтѣющая, на которой сосредоточены всѣ заботы земледѣльца, сосредоточены всѣ его думы. Авторъ подробно излагаетъ эти «три думы» крестьянскія, связанныя только съ нивой и не разбрасывающіяся по сторонамъ; съ этой же нивой и думами о ней связано совершенно объяснимое вниманіе къ природѣ, вниманіе пристальное, жадное (какъ туманъ густится въ тучу, туча проливаетъ дождемъ и т. д.), и какъ наконецъ глубоко понятны заключительныя слова стихотворенія: «и жарка свѣча поселянина предъ иконою Божьей Матери». Тутъ нѣтъ пустого мѣста, нѣтъ прорѣхи въ міросозерцаніи человѣка, и самое міросозерцаніе удивительно своеобразно.

Такимъ образомъ, благодаря эпизоду съ теленкомъ, для меня раскрылось значеніе въ мірѣ крестьянства такой стороны земледѣльческаго труда, которой до сихъ поръ я не придавалъ почти никакого значенія. Для меня стало совершенно яснымъ, что творчество въ земледѣльческомъ трудѣ, поэзія его, его многосторонность составляютъ для громаднаго большинства нашего крестьянства жизненный интересъ, источникъ работы мысли, источникъ взглядовъ на все окружающее его, источникъ, едва ли даже не всѣхъ его отношеній частныхъ и общественныхъ. Множество явленій русской жизни, русской дѣйствительности оказываются необъяснимыми или объясняются фальшиво ложно и досадно терзаютъ вашу наблюдательность, потому только, что источникъ этихъ явленій отыскивается не въ особенностяхъ земледѣльческаго труда, сотканнаго изъ непрерывной сѣти на первый взглядъ ничтожныхъ мелочей, а въ чемъ-либо другомъ. Да не подумаетъ читатель, что мы совсѣмъ устраняемъ «каторжную сторону труда» и желаемъ представить этотъ трудъ въ видѣ непрестаннаго удовольствія. Но объ этой сторонѣ труда, равно какъ и о крупнѣйшихъ особенностяхъ крестьянской жизни, вытекающихъ изъ условій его труда, поглощающаго не только силы его, но всю почти работу его мысли, мы сейчасъ и будемъ говорить съ читателемъ.

IV. Не суйся!

«— Не суйся!»...

Признаюсь, когда эти слова мелькнули въ моемъ сознаніи, мнѣ стало какъ-то холодно и жутко, ибо если я не буду соваться, то что-жъ я буду дѣлать, спрашивается? До сей минуты мнѣ, напротивъ, самымъ опредѣленнымъ образомъ представлялось, что я и предназначенъ-то собственно для того, чтобы соваться въ дѣла Ивана Ермолаевича, и что самый лучшій жизненный результатъ, котораго я могу желать — это именно быть «потребленнымъ» народною средою безъ остатка, даже безъ воспоминанія, подобно тому какъ не вспоминается съѣденный часъ назадъ кусокъ биф-

штекса. Во имя этой необходимости быть съѣденнымъ безъ остатка, я питалъ глубокое почтеніе къ тѣмъ людямъ, которые, стараясь всячески смирить въ себѣ нѣкоторыя эгоистическія замашки и привычки—наслѣдіе крѣпостного права—не страшатся дѣлать усилія для того, чтобы *вбить* себя въ народные интересы, точно такъ, какъ вбиваютъ толстый пыжъ въ узкое дуло ружья, и которые, такъ сказать, заколачиваютъ себя «туда», говоря — «нѣтъ, любезный; у меня не уйдешь!.. Пора перестать топорщиться и разбрасываться по сторонамъ, а не хочешь-ли вотъ эдакъ, маленькимъ комочкомъ .. да шомполомъ! да шомполомъ!..» И вдругъ—«не суйся! Убирайся вонъ, дѣлать тебѣ здѣсь нечего и соваться не въ свое дѣло незачѣмъ!»

Эти мысли ошеломили меня, ибо доказывались цѣлымъ рядомъ самыхъ неопровержимыхъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ самыхъ подлинныхъ жизненныхъ явленій деревенской дѣйствительности. Пораженный той мыслью, что Иванъ Ермолаевичъ, кромѣ видимыхъ міру слезъ, бѣдствій, недоимокъ, всевозможныхъ притѣсненій и другихъ мрачныхъ чертъ, рисующихъ его жизнь, какъ безпрерывное мученіе и каторгу, имѣетъ въ самой глубинѣ своего существованія нѣчто такое, что̀ даетъ ему силу переносить всѣ эти невзгоды цѣлыя тысячелѣтія, и притомъ съ такою непреоборимою безмолвностью, которая заставила умиравшаго поэта почти въ отчаяніи воскликнуть: «не внемлетъ онъ и не даетъ отвѣта» — словомъ, пораженный мыслью о существованіи въ жизни Ивана Ермолаевича того, что̀ я не могъ иначе опредѣлить, какъ *поэзіей труда*, я рѣшился самымъ внимательнымъ образомъ (на сколько конечно это возможно постороннему человѣку) проникнуться и смысломъ этого труда, и выраженіемъ его въ обыденныхъ явленіяхъ жизни Ивана Ермолаевича, словомъ, рѣшился прослѣдить его жизнь и жизнь всей его семьи въ мельчайшихъ подробностяхъ ежедневнаго обихода — и вотъ тутъ-то на каждомъ шагу, буквально каждую минуту, меня стало преслѣдовать роковое «не суйся!».

Не говоря уже о томъ, что жизнь Ивана Ермолаевича, что, называется, «полнехонька» впечатлѣніями до краевъ, что, начиная съ той минуты, когда онъ подымется до свѣту (конечно вмѣстѣ со всѣми домашними), и кончая непробуднымъ сномъ послѣ цѣлаго дня работъ и заботъ, у Ивана Ермолаевича *фактически* нѣтъ времени слушать мои разглагольствованія, нѣтъ даже возможности удѣлить для нихъ каплю вниманія—меня съ моей разглагольственной позиціи сбивала на каждомъ шагу, кромѣ сказаннаго, внутренняя стройность его жизни, такая стройность, въ которой мнѣ нечего ни прибавить, ни убавить. Поверхностнаго, самаго легкаго наблюденія надъ ежедневнымъ обиходомъ описываемаго мною крестьянскаго двора достаточно было для того, чтобы воочію убѣдиться, до какой степени между мною и Иваномъ Ермолаевичемъ велика разница въ смыслѣ этой внутренней стройности. Въ мысляхъ, поступкахъ и словахъ Ивана Ермолаевича нѣтъ ни единаго, самаго мелкаго, который-бы не имѣлъ основанія самаго реальнаго и для Ивана Ермолаевича объяснимаго — тогда какъ моя жизнь постоянно, на каждомъ шагу, переполнена и мыслями, и поступками, неимѣющими никакой связи... Спрашивается: зачѣмъ напримѣръ мнѣ знать, что испанская королева разрѣшилась отъ бремени? А я вотъ знаю, читаю объ этомъ; зачѣмъ мнѣ знать о докторѣ Таннерѣ, о генералѣ Сиссэ, проворовавшемся съ госпожей Каула, о томъ, что новая пьеса Сарду пойдетъ не во Французской Комедіи, а въ театрѣ Гимназіи? и т. д. А я между тѣмъ именно этими-то газетными лохмотьями ежедневно утомляю собственное вниманіе, и затѣмъ? чтобы немедленно забыть, чтобы завтра цѣлые полъ-дня употребить опять же на эти безсвязныя, утомительныя мысли. Положимъ, что, проглотивъ газету, я найду двѣ-три строки, интересныхъ для меня въ точно той-же степени, какъ бываетъ интересно и Ивану Ермолаевичу, но зато сколько я ежедневно приму въ свою душу, вмѣстѣ съ интересомъ двухъ-трехъ строкъ, всякаго ненужнаго хлама, вздора... ненужнаго, безсодержательнаго... Въ жизни и мысли Ивана Ермолаевича нѣтъ ничего подобнаго, ни одного самаго крошечнаго пустого мѣста, и если онъ поинтересовался какъ-то разъ чудовищемъ, о которомъ публиковали въ газетахъ, то не просто *такъ*, какъ интересуюсь я, читая о томъ, что на Васильевскомъ островѣ въ 5-й линіи ребенокъ вывалился изъ окна, что императрица Евгенія посѣдѣла или что Егаревъ пригласилъ новую пѣвицу и т. д., а совершенно съ опредѣленной цѣлью: не написано-ли у чудовища на спинѣ чего-нибудь насчетъ земли...

Такимъ образомъ при самыхъ первыхъ поверхностныхъ наблюденіяхъ мнѣ стало яснымъ, что пестрота ежедневнаго обихода жизни Ивана Ермолаевича наполняетъ его существованіе, фактически наполняетъ плотно, безъ прорѣхъ, безъ пустыхъ мѣстъ. Но стройность, обнаружившаяся въ глубинѣ этой пестроты, внутренняя цѣльность и резонность, изъ которыхъ эта ежедневная пестрота жизни слагается и на которой держится, были для меня чѣмъ-то поистинѣ уничтожающимъ. Широта и основательность этой сложности выяснялись мнѣ по мѣрѣ того, какъ я положилъ въ *основаніе* всей организаціи крестьянской жизни, семейной и общественной — *земледѣльческій трудъ*, попробовалъ вникнуть въ него подробнѣе, объяснить себѣ его спеціальныя свойства и вліянія на неразрывно связаннаго съ нимъ человѣка. При этомъ, во-первыхъ, я долженъ былъ корнемъ этихъ вліяній признать природу. Съ ней человѣкъ дѣлаетъ дѣло, непосредственно отъ нея зависитъ; чему-же она его учитъ?

Она учитъ его признавать власть, и притомъ власть безконтрольную, своеобразную, капризно-прихотливую и бездушно-жестокую. Въ самомъ дѣлѣ, чего только не выдѣлываетъ природа надъ Иваномъ Ермолаевичемъ! По какому-то необъяс-

нимому злорадству она напримѣръ изсушаетъ его ниву, буквально облитую пóтомъ. Съ безпощадною жестокостью она не день, не два. а двa-три мѣсяца подъ рядъ томитъ его ежеминутно, ежесекундно мыслью о голодѣ, о нуждѣ, томитъ и молчитъ... Ежедневно она безъ всякаго милосердія сулитъ ему дождь, урожай; съ утра собираются тучи, ходятъ въ небѣ станицами, громоздятся несмѣтными массами, глыбами, сулятъ благодать и счастье... Нужно быть на мѣстѣ Ивана Ермолаевича, чтобы понять ту чисто физическую жажду къ этой тучѣ, къ этой водѣ, которую сулитъ небо, чтобы понять его страстную муку, страстную внимательность къ этому небу, къ этой тучѣ... Вотъ наконецъ она собралась, вотъ она тронулась и обложила небо со всѣхъ сторонъ, она гремитъ и сверкаетъ, она дышетъ влагою; Иванъ Ермолаевичъ даже собственнымъ горломъ чувствуетъ эту воду и влагу, жаждетъ, жаждетъ — и ничего! Прошла туча! Запылила, помяла изсыхавшую ниву и ушла, бросивъ три-четыре громадныя капли дождя точно на зло, на смѣхъ.. И все это съ безбожнѣйшимъ, несправедливѣйшимъ равнодушіемъ... Терпи, Иванъ Ермолаевичъ! И Иванъ Ермолаевичъ умѣетъ терпѣть, терпѣть, не думая, не объясняя, терпѣть безпрекословно. Онъ знакомъ съ этимъ выраженіемъ на фактѣ, на своей шкурѣ, знакомъ до такой степени, что рѣшительно нѣтъ возможности опредѣлить этому терпѣнію болѣе или менѣе точные предѣлы.

Но, пришибая такимъ образовъ человѣка, вкореняя въ его сознаніи идею о необходимости безусловнаго повиновенія, вкореняя эту идею какъ нѣчто неизбѣжное, неотвратимое, нѣчто такое, чего нельзя ни понять, ни объяснить, противъ чего немыслимо протестовать,—та-же самая природа весьма обстоятельно знакомитъ Ивана Ермолаевича и *съ удовольствіями власти*, т. е. даетъ ему возможность и самому (не смотря на то, что онъ въ рваномъ тулупѣ и рваныхъ лаптяхъ) ежеминутно испытывать тѣ-же самыя удовольствія своего собственнаго могущества, которыя знакомы только неограниченному державцу. Никакой чиновникъ, расточающій «строжайшія» предписанія и свирѣпствующій надъ своими подчиненными, не понимаетъ удовольствія «властвовать» въ той степени, въ которой понимаетъ это Иванъ Ермолаевичъ. Самое бóльшее, чего можетъ достигнуть всякая второстепенная, самая «строжайшая» власть— это титулъ «бѣшеной собаки», который несомнѣнно ему дадутъ подчиненные, обыкновенно ненавидящіе такую бѣшеную собаку, подчиняющіеся ей изъ-за нужды, изъ-за копѣйки и рѣшительно не дающіе другого объясненія своему подчиненію. Да и самъ «строжайшій» начальникъ едва-ли въ глубинѣ души также не именуетъ себя «собакой», находя въ этомъ опредѣленіи и удовольствіе, т. е. будучи доволенъ тѣмъ, что вотъ онъ, благодаря Бога, добился таки высокаго права быть бѣшеной собакой, рвать, метать и лаять... Совсѣмъ не такія удовольствія власти испытываетъ Иванъ Ермолаевичъ. Не «равнодушная» и безсердечная природа, балуя безпрекословно повинующагося ей Ивана Ермолаевича, даетъ ему въ руки власть не бѣшеной собаки, а, повторяемъ, власть, которая повелѣваетъ, не допуская даже мысли о правѣ прекословить, да и подданные Ивана Ермолаевича также не имѣютъ привычки размышлять о томъ, почему именно они оказались подданными? Подданные Ивана Ермолаевича *не могутъ* задаваться такими вопросами, потому-же, почему и онъ, подданный природы, не можетъ задаваться ими. Такимъ образомъ и Иванъ Ермолаевичъ, и его подданные находятся другъ къ другу въ самыхъ естественнѣйшихъ отношеніяхъ. «Строжайшему» начальству необходимо свирѣпствовать, лаять и кусаться, чтобы знать, что «меня, молъ, боятся» и, слава Богу, считаютъ наконецъ за собаку; Ивану Ермолаевичу ничего этого не надо. Иванъ Ермолаевичъ «просто» знаетъ, что ему нельзя, невозможно не властвовать, а подданные также знаютъ, что имъ нѣтъ другого дѣла, какъ повиноваться. Спрашивается, чтó бы могла напримѣръ свинья сдѣлать съ своими поросятами, еслибы Иванъ Ермолаевичъ не отбиралъ ихъ у ней и не продавалъ? Самое бóльшее, на что она способна въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля, это съѣсть своихъ дѣтей, чтобы не далеко шляться за кормомъ, чему бывали и бываютъ примѣры. Чтó-бы могла придумать курица относительно собственныхъ яицъ, еслибы Иванъ Ермолаевичъ, проникнувшись ложными гуманными теоріями, не сталъ вытаскивать изъ кошолки, на которой она сидитъ, ея яйца? Не возьметъ яицъ Иванъ Ермолаевичъ, придетъ собака «Милорка» и выпьетъ ихъ; да наконецъ, еслибы во имя гуманныхъ теорій Иванъ Ермолаевичъ и преслѣдовалъ «Милорку», отгоняя ее отъ беззащитныхъ куръ, чтó-бы было. еслибы послѣднія безпрепятственно выводили своихъ цыплятъ? Ничего больше какъ то, что цыплята, придя въ возрастъ, немедленно-же принялись-бы нести тѣ-же яйца, точь-въ точь такія, изъ какихъ они сами появились на свѣтъ, и т. д. Понуждаетъ-ли Иванъ Ермолаевичъ своихъ подданныхъ на поприщѣ такого безпрекословнаго повиновенія и службы? Нисколько. Онъ ихъ не бьетъ, не пишетъ имъ строжайшихъ предписаній, ни куръ, ни свиней не распекаетъ; не употребляетъ никакого насилія,— словомъ, не дѣлаетъ ничего, чтó должна дѣлать самая строжайшая власть. Онъ «просто» не можетъ даже не властвовать; не стриги онъ овцу каждогодно— вѣдь она опаршивитъ и издохнетъ; стригутъ ее для ея же собственной пользы; корова сдѣлается больна, если ея не доить, и притомъ для ея-же собственной пользы необходимо доить такъ, чтобы у нея не оставалось «ни капли» собственно ей принадлежащаго молока; лошадь, освобожденная отъ хомута, есть не что иное, какъ соврасъ безъ узды, на котораго просто смотрѣть противно: жретъ, лежитъ и опять жретъ, да кромѣ того не имѣетъ опредѣленной жизненной цѣли, а шляясь по свѣту безъ опредѣленныхъ занятій, легко можетъ забрести въ болото, или распороть брюхо о

старый пень въ лѣсу и издохнуть такимъ образомъ безъ малѣйшаго смысла. И вотъ, надсѣдаясь изо всѣхъ силъ, кудахчутъ цѣлый Божій день куры и несутся для Ивана Ермолаевича; для Ивана Ермолаевича цѣлый Божій день, всю жизнь старается свинья, питаясь Богъ знаетъ чѣмъ, влачась въ грязи по горло и не получая ни малѣйшаго поощренія, ни похвалъ, ни наградъ, кромѣ ударовъ палкой всякій разъ, когда морда ея приблизится къ чему-либо въ самомъ дѣлѣ питательному. Для Ивана Ермолаевича цѣлую жизнь, не смыкая челюстей ни на мгновеніе, жуетъ, жуетъ, жуетъ корова, для него-же она безпрестанно беременна, для него-же обрастаетъ шерстью овца, для него-же бьется лошадь—и все это безпрекословно, буквально безъ ропота и протеста, даже безъ тѣни сомнѣнія или мысли въ законности такого непрестаннаго подчиненія. Точно также и Иванъ Ермолаевичъ, безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія въ своемъ правѣ, стрижетъ овецъ, стегаетъ и запрягаетъ лошадь, выгребаетъ изъ куриныхъ кошолокъ яйца, доитъ и отбираетъ у коровы молоко, теленка и т. д. до безконечности. Спрашивается: можетъ-ли Иванъ Ермолаевичъ, получающій знанія непосредственно отъ природы, имѣть хотя малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ неизбѣжности самой абсолютнѣйшей, самой прихотливой, а главное, ничѣмъ необъяснимой власти? Онъ знаетъ это потому, что прихоти и капризы ея испыталъ на своей шкурѣ, въ видѣ гнета природы; онъ знаетъ ее изъ собственнаго опыта надъ своими безкорыстными подданными. Почему его гнететъ природа, почему она его мучаетъ, разоряетъ, почему она ему благодѣтельствуетъ, или почему онъ *долженъ* обирать у куръ яйца, а куры *должны* ихъ нести—все это неизвѣстно, все это тайна; но что это такъ, что *безъ этого нельзя*, въ этомъ можетъ-ли быть хоть малѣйшее сомнѣніе?

Изъ всего этого видно, что «повинуйся» и «повелѣвай» до такой степени прочно вбиты природою въ сознаніе Ивана Ермолаевича, что ихъ оттуда не вытащишь никакими домкратами. Непосредственная, постоянная связь Ивана Ермолаевича съ природой, отъ которой онъ единственно почерпаетъ всѣ свои свѣдѣнія, взгляды, вкореняя въ основаніе всего жизненнаго обихода Ивана Ермолаевича эти два положенія, т. е. повинуйся и повелѣвай (*пользуйся*), до такой степени, какъ увидимъ ниже, послѣдовательно продолжается и въ его семейно-общинной жизни, что пошатнуть что̀ бы то ни было во всей этой стройной организаціи рѣшительно нѣтъ ни возможности, ни смысла. Но и кромѣ этого, если читатель признаетъ только то, что прочность вышеупомянутыхъ двухъ принциповъ непремѣнно исходитъ изъ источника, не подлежащаго сомнѣнію и критикѣ, т. е. изъ источника невыдуманнаго, а дѣйствительно реальнаго, то тогда онъ долженъ согласиться, что всякія попытки человѣка, имѣющаго о тѣхъ же вещахъ понятія книжныя, бумажныя и т. д., должны непремѣнно оказаться безплодными. Въ отвѣтъ на всѣ такія книжныя разглагольствія, Иванъ Ермолаевичъ можетъ отвѣтить *только* одно: «безъ этого нельзя», но это «только» имѣетъ за себя вѣковѣчность и прочность самой природы. Но этимъ кроткимъ отвѣтомъ колебателю основъ Иванъ Ермолаевичъ можетъ ограничиться единственно только по своей добротѣ; ежели-же онъ человѣкъ не съ слишкомъ мягкимъ сердцемъ, то отвѣтъ его колебателю той или другой изъ основъ долженъ непремѣнно выразиться въ предоставленіи этого самаго колебателя къ начальству, не какъ злодѣя, а просто какъ сумасшедшаго пустомысла, который болтаетъ зря не вѣсть что̀ и своими пустомысленными разговорами можетъ вредить въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ не смыслитъ ни уха, ни рыла, полагая, что въ дѣлахъ этихъ можно что-нибудь измѣнить, тогда какъ Ивану Ермолаевичу доподлинно извѣстно противное, что ничего тутъ измѣнить невозможно и что вообще «безъ этого нельзя».

Чтобы яснѣе видѣть, съ какою строгостью и послѣдовательностью, и вмѣстѣ съ какою безграничной покорностью Иванъ Ермолаевичъ приводитъ вышеупомянутые два (невыдуманныхъ, повторяемъ) принципа въ своей жизни и въ своихъ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, обратимся къ обиходу его домашней жизни. И здѣсь все основано и все держится на такомъ резонномъ, добровольно-неизбѣжномъ подчиненіи, что колебатель основъ оказывается совершенно ненужнымъ съ своими гуманными разглагольствованіями. Курица, овца, свинья, корова и т. д. добровольно и безпрекословно несутъ свои дары въ руки Ивана Ермолаевича; съ своей стороны и Иванъ Ермолаевичъ добровольно встаетъ въ два часа ночи, чтобы замѣсить свиньямъ, дать корму курамъ и т. д., ибо, если-бы Иванъ Ермолаевичъ повѣрилъ разговорамъ колебателя основъ о томъ, что жизнь Ивана Ермолаевича—каторга, что онъ встаетъ до свѣту, когда другіе спятъ на мягкой перинѣ и ухомъ не ведутъ о трудностяхъ жизни Ивана Ермолаевича, и согласно этому, задумалъ-бы освободить себя отъ необходимости вставать до свѣту, то въ результатѣ получилось бы, что куры бы перестали нести яица, коровы перестали давать молоко, и всѣ передохли бы, оставивъ Ивана Ермолаевича безъ всякой *пользы*.—«Нельзя безъ этого», говоритъ Иванъ Ермолаевичъ, соглашаясь однако, что вставать въ два часа ночи точно трудно, и колебатель основъ долженъ согласиться съ простыми, но вѣскими словами Ивана Ермолаевича. Такое же вѣское и основательное «нельзя» будетъ отвѣтомъ на всѣ протесты и противъ другихъ, иногда въ высшей степени подавляющихъ формъ подчиненія, которыми проникнута вся организація земледѣльческой (порядочной) крестьянской семьи. Возможно ли такой семьѣ обойтись безъ власти, безъ большака? Мы видимъ, что «большакъ» есть именно власть надъ семьей, дворомъ, домомъ, такъ какъ иногда, напримѣръ, за смертію главысемейства и за недостаткомъ способныхъ людей между оставшимися послѣ покойнаго членами семьи, большака выбираетъ міръ изъ постороннихъ людей; нако-

нецъ мы знаемъ, что не всегда старшій въ семьѣ бываетъ и большакомъ: иногда, съ согласія міра, большакомъ ставится младшій, но талантливѣйшій, способнѣйшій. Ужъ изъ этого видно, что *глава* въ домѣ, власть домашняя, нужна: этого требуетъ опять же сложность земледѣльческаго труда (составляющаго основаніе хозяйства) и зависимость этого труда отъ велѣній и указаній природы. Основываясь на этомъ, власть большака, при самомъ внимательномъ разсмотрѣніи, совершенно неизбѣжна и опять-таки ни въ одномъ своемъ ничтожномъ проявленіи не выдумана. Его нельзя не слушаться, потому что, приказывая, онъ самъ повинуется природѣ, а не выдумываетъ приказаній съ вѣтру. Надо идти и брать косу, надо идти доить, надо везти навозъ — все, что ни требуетъ онъ, все только потому, что надо; онъ знаетъ, кого на какую работу поставить, онъ знаетъ силы семейныхъ работниковъ, онъ знаетъ ихъ нужды, знаетъ — сколько надо семьѣ хлѣба, сколько корму скотинѣ, словомъ, онъ блюдетъ не собственный интересъ, а интересъ всѣхъ. Его *нельзя* не слушаться, ибо у него есть общій планъ, основанный на знакомствѣ и съ силами, и съ средствами семьи; онъ меньше работаетъ физически, но больше думаетъ, у него больше заботы, чѣмъ у каждаго члена семьи отдѣльно. Въ то время, когда Иванъ пашетъ, Матрена доитъ коровъ, словомъ, въ то время когда всякій дѣлаетъ свое дѣло, большакъ думаетъ о томъ, сколько на семью надо полушубковъ, сапогъ, рубахъ, сколько есть въ семьѣ денегъ; ѣдетъ рядиться на работу, или проситъ у міра прибавки или убавки земли. Всѣ его заботы, распоряженія, хлопоты клонятся къ общему благу семьи, и на этомъ основаніи всѣ, даже повидимому безчеловѣчныя распоряженія большака, при внимательномъ изслѣдованіи, оказываются вполнѣ основательными, а главное, сдѣланными прямо съ согласія этихъ же самыхъ жертвъ (на мой взглядъ) безчеловѣчія. Начитавшись разныхъ чувствительныхъ романовъ и набивши голову разными эмансипаціями, я вотъ, напримѣръ, «возмущаюсь» (слово взято также изъ романовъ) тѣмъ, что братъ большакъ не выдаетъ свою сестру Паланьку замужъ. Семь лѣтъ къ ряду за нее сватаются отличнѣйшіе женихи, бравые парни, а братъ все отказываетъ.—«Отчего ты, Пелагея, не выходишь замужъ? Вѣдь ужъ пора!..» спрашиваю я аккуратно въ годъ разъ и черезъ годъ, пріѣзжая въ деревню. И всякій разъ она отвѣчаетъ мнѣ:— «Мнѣ ужъ давно бы замужъ-то надо, да братецъ *не отдаетъ*!»—«Да какое же имѣетъ кто бы то ни былъ право насильно не отдавать тебя замужъ? Развѣ имѣетъ человѣкъ право держать другого человѣка въ кабалѣ?» вопію я, и читатель можіетъ представить себѣ, что я на эту тему могу вопіять сколько угодно, особливо, если я прибавлю что на вопросъ мой:—«Нравились-ли тебѣ женихи-то?» Пелагея отвѣчаетъ:—«У меня хороше были женихи...» и вздыхаетъ. Но по ближайшемъ разсмотрѣніи этого дѣла, тиранства въ немъ не оказывается ровно никакого.—«Никакъ нельзя было отдать, объясняетъ братъ Паланьки, якобы тиранъ.—Въ прошломъ году падежъ былъ, разорились на скотину, не съ чѣмъ было отдавать, въ нонѣшнемъ двухъ лошадей прикупили, опять безъ денегъ. Лошадей прикупили потому, что землю арендовали у помѣщика сосѣдняго, пять десятинъ, а землю арендовали потому, что своей мало, не хватаетъ хлѣба. Вотъ оно и выходитъ, что Паланькѣ погодить надоть... А что говорить, женихи набиваются хорошіе, да и пора—а нельзя! Отдай я ее—безъ лошадей останусь: безъ лошадей останусь—хлѣба не будетъ; хлѣба не будетъ—покупать его надо, занимать деньги, платить ростъ—откуда взять? запутаюсь сегодня, завтра еще хуже будетъ, а черезъ годъ—глядишь, и весь въ кабалѣ. Конечно, что... а надо погодить...» Такимъ образомъ никакого тиранства не оказывается. «Нельзя» и «надо погодить» понимаетъ вполнѣ и сама Паланька.—«Ну, Пелагея, говоритъ ей женихъ, за котораго ее не отдаютъ:— видно, другъ мой, надо намъ съ тобой прощаться...»—«Прощай, Михайло!»—«Такъ-то, другъ мой милый! Видно мнѣ придется Афросинью взять, ничего не подѣлаешь... За Афросиньей отецъ сулится двѣсти рублей, тутъ можно взяться хозяйствовать, есть съ чего началъ положить... А тебя мнѣ взять пустую—не приходится!»—«Нешто не знаю...»—«Съ пустыми руками, сама знаешь, какое хозяйство — горе одно!..»—«Вотъ лошадей-то купили, истратились...»—«Знаю, что купили...» Остается вздохнуть и покориться... чему? Идеаламъ и требованіямъ, вытекающимъ изъ земледѣльческаго труда... На основаніи этихъ-же земледѣльческихъ идеаловъ, и младшаго брата большака, Лешку, женили на уродѣ и надули, и опять-таки не изъ жестокости это сдѣлано, а на самомъ точномъ основаніи идеаловъ. Самъ Лешка объясняетъ это дѣло довольно резонно. «Въ ту пору пожаръ былъ, погорѣли, пришлось строиться, работы много, а народу со всѣми управиться не хватаетъ. Вотъ въ тотъ годъ меня и женили... Мнѣ было, признаться, другая ндравилась, и изъ себя хороша, даже красива... Да видишь, какъ вышло: бабушка у насъ характерная, и жена старшаго брата характерна, а жена средняго—больная. Старшаго брата жена—покорится бабкѣ, надъ середней командуетъ, а моя бы, ежели бы къ примѣру, я женился—не покорилась-бы ни средней, ни старшей, только что бабкѣ-бы пожалуй-што покорилась бы, потому она хушь и хороша собой, а тоже характерная... Вотъ оно и не подходило къ ладу-то... Ужъ моя-бы безпремѣнно со старшей пререкалась, а старшая тоже спуску не дастъ... Больная-то середняя тоже-бы на мою-то стала покрикивать, все-же старше моей-то, вотъ и вышло-бы у насъ разстройство».—«Иди ты!»—«Я большуха».—«Я сама не маленькая». Вотъ и пошло-бы этакъ-то... Думали *мы*, думали, присогласились такъ, чтобы взять Матрену. Она хоть и рябая и въ умѣ не очень чтобъ, а ужъ характеру—нѣтъ; ей и больная прикажи—дѣлаетъ; и старшая скажетъ—и ее не ослухается, а бабку боится пу-

ще огня. Конечно, что лицомъ она дѣйствительно что... ну въ работѣ худого сказать никакъ нельзя!..» Такимъ образомъ, если Лешка и принесъ себя въ жертву, то не сознательно-ли онъ поступалъ при этомъ, и не имѣлъ-ли онъ въ виду единственно только желаніе не нарушить гармоніи въ земледѣльческомъ трудѣ, а также не дѣйствовалъ-ли онъ при этомъ такъ, какъ ему повелѣваютъ исключительно этому труду свойственныя качества? Въ самомъ дѣлѣ, введи онъ въ семью не урода, не дуру и не рабу, а характерную и красивую жену, было-бы полнѣйшее нарушеніе гармоніи коллективныхъ силъ семьи, направленныхъ къ одной опредѣленной и неизбѣжной цѣли. Жалѣя Лешку, я однако-жъ не могу не видѣть, что, женясь на дурѣ и уродѣ, онъ поступалъ вполнѣ резонно и основательно.

Построенное на такомъ прочномъ, а главное, невыдуманномъ основаніи, какъ велѣнія самой природы, міросозерцаніе Ивана Ермолаевича, создавшее на основаніи этихъ велѣній стройную систему семейныхъ отношеній, послѣдовательно, безъ выдумокъ и хитросплетеній, проводитъ ихъ въ отношеніяхъ общественныхъ. На основаніи сельско-хозяйственныхъ идеаловъ деревенскій человѣкъ цѣнится во всѣхъ своихъ общественныхъ и частныхъ отношеніяхъ; на нихъ построены отношенія юридическія, а опытомъ, вытекающимъ изъ нихъ, объясняются и оправдываются и высшіе государственные порядки. Требованіями, основанными только на условіяхъ земледѣльческаго труда и земледѣльческихъ идеаловъ, объясняются и общинныя земельныя отношенія: безсильный, не могущій выполнить свою земледѣльческую задачу, по недостатку нужныхъ для этого силъ, уступаетъ землю (на что она ему?) тому, кто сильнѣе, энергичнѣе, кто въ силахъ осуществить эту задачу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Такъ какъ количество силъ постоянно мѣняется, такъ какъ у безсильнаго сегодня—сила можетъ прибавиться завтра (подросъ сынъ или жеребенокъ сталъ лошадью), а у другого можетъ убавится (отдали наконецъ Паланьку, издохла корова и т. д.), то «передвижка» — какъ иногда крестьяне именуютъ передѣлъ—должна быть явленіемъ неизбѣжнымъ и справедливымъ. Эти-же сельско-хозяйственные идеалы — и въ юридическихъ отношеніяхъ: имущество принадлежитъ тому, чьимъ творчествомъ оно создано... Его получаетъ сынъ, а не отецъ, потому что отецъ пьянствовалъ, а сынъ работалъ; его получила жена, а не мужъ, потому что мужъ олухъ царя небеснаго и лѣнтяй и т. д. Объясненія высшаго государственнаго порядка также безъ всякаго затрудненія получаются изъ опыта, пріобрѣтаются крестьяниномъ въ области *только* сельско-хозяйственнаго труда и идеаловъ. На основаніи этого опыта можно объяснить высшую власть: «нельзя безъ большака, это хоть и нашего брата взять». Изъ этого-же опыта наглядно объясняется и существованіе налоговъ: «нельзя не платить, царю тоже деньги нужны... это хоть-бы и нашего брата взять: пастуха нанять, и то надо платить, а царь даетъ землю... Курица, и та яйца не снесетъ, ежели ей корму не дать, а царь за всѣмъ глядитъ...» Началась война съ славянами, съ афганцами—опять, хоть дѣло и трудное, но не несогласное съ міросозерцаніемъ Ивана Ермолаевича. «Славянъ нельзя не отбить, потому свой братъ... Вотъ, когда осиновцы сгорѣли, тоже мы вѣдь помогали, потому съ нами что приключится — и осиновцы помогутъ...» Афганцевъ бьютъ—потому безпокоятъ...—«Это хоть-бы и у нашего брата довелись... Станутъ къ тебѣ сосѣдніе ребята въ огородъ лазить, капусту воровать—хочешь не хочешь, а долженъ взять палку, выгнать оттудова...» Словомъ, съ точки зрѣнія Ивана Ермолаевича, какъ и вообще «хорошаго» земледѣльца-крестьянина, кажущееся мнѣ влаченіе по браздамъ, безплодное, тяжкое существованіе—оказывается явленіемъ вполнѣ объяснимымъ, а главное вовсе не влаченіемъ, а существованіемъ, основаннымъ на извѣстныхъ, притомъ непоколебимыхъ законахъ,—существованіемъ, въ которомъ осмысленъ каждый шагъ, каждый поступокъ, опредѣлена каждая вещь, опредѣленъ и вполнѣ объяснимъ каждый поступокъ. Войдя въ этотъ міръ и вполнѣ проникнувшись сознаніемъ законности и непреложности всего существующаго въ немъ, посторонній деревнѣ, хотя бы и озабоченный ею человѣкъ, долженъ невольно оставить свою фанаберію, и если онъ не съумѣетъ думать такъ, какъ думаетъ Иванъ Ермолаевичъ, и притомъ не убѣдится такъ-же, какъ убѣжденъ Иванъ Ермолаевичъ, что иначе думать, при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ, невозможно, то рѣшительно долженъ оставить втунѣ всѣ свои теоріи, выработанныя на почвѣ совершенно иной. Тронувшись напр. судьбой Паланьки и Алешки, положимъ, что я начну разговоръ о деспотизмѣ— но Паланьки и Алешки сами докажутъ мнѣ, что вовсе не нуждаются въ моемъ заступничествѣ, потому-то и потому-то, и что иначе *нельзя*. Я начну придираться къ нечистотѣ двора, на которомъ гніетъ масса навозу, а Иванъ Ермолаевичъ опять мнѣ докажетъ, что *нельзя* безъ этого, что навозъ первое дѣло, что вывозить его надо во-время, и онъ знаетъ, когда это надо сдѣлать;—словомъ, выйдетъ такъ, что навозъ долженъ быть въ томъ самомъ видѣ и на томъ самомъ мѣстѣ, въ какомъ видѣ и въ какомъ мѣстѣ онъ находится. Я начну колебать его суевѣріе и въ этихъ видахъ представлю въ юмористическомъ тонѣ, какъ причтъ собираетъ пироги и т. д. Но окажется, что юмористическихъ чертъ въ этомъ отношеніи у Ивана Ермолаевича накоплено гораздо болѣе, чѣмъ у меня, а принципа, олицетворяемаго имъ, я ничуть не поколеблю, потому что причтъ нуженъ Ивану Ермолаевичу. У Ивана Ермолаевича есть грѣхи, которые ему не можетъ отпустить ни староста, ни кабатчикъ, ни даже губернаторъ, а отпускаетъ только причтъ. Господь далъ ему урожай, въ благодарность за это Иванъ Ермолаевичъ ставитъ свѣчку и дѣлаетъ это только при посредствѣ причта, такъ

какъ не въ почтовой-же конторѣ ему ее ставить и не въ волостномъ правленіи. Вездѣ своя часть.— «Онъ хоть и не дюже человѣкъ хорошій, и зашибаетъ, говоритъ Иванъ Ермолаевичъ о попѣ:— а нельзя... Вотъ и почтмейстеръ на станціи тоже пьянствуетъ—а черезъ кого отправишь письмо?» Стало быть, все стоитъ на своихъ мѣстахъ, и Иванъ Ермолаевичъ вовсе не «влачится по браздамъ», а живетъ, во-первыхъ, полною, а во-вторыхъ, осмысленною жизнью. Въ условіяхъ земледѣльческаго труда почерпаетъ онъ философскіе взгляды; въ условіяхъ этого труда работаетъ его мысль, творчество; въ этомъ-же трудѣ обрѣтаетъ онъ освѣжающія душу поэтическія впечатлѣнія; на основаніяхъ этого труда строитъ свою семью, строитъ свои общественныя, частныя отношенія, и изъ условій всего этого составляется взглядъ на общую государственную жизнь.

Проникнувшись непреложностью и послѣдовательностью взглядовъ, исповѣдуемыхъ Иваномъ Ермолаевичемъ, я почувствовалъ, что они совершенно устраняютъ меня съ поверхности земного шара... Всѣ мои книжки, въ которыхъ объ одномъ и томъже вопросѣ высказываются сотни разныхъ взглядовъ, всѣ эти газетныя лохмотья, всякія гуманства, воспитанныя досужей беллетристикой, все это, какъ пыль, поднимаемая сильными порывами вѣтра, было взбудоражено естественною «правдою», дышащею отъ Ивана Ермолаевича... Не имѣя подъ ногами никакой почвы, кромѣ книжнаго гуманства, будучи расколотъ на двое этимъ гуманствомъ мыслей и дармоѣдствомъ поступковъ, я, какъ перо, былъ поднятъ на воздухъ дыханіемъ правды Ивана Ермолаевича и неотразимо почувствовалъ, какъ и я, и всѣ эти книжки, газеты, романы, перья, корректуры, даже теленокъ, не желающій дѣлать того, чего желаетъ Иванъ Ермолаевичъ,—всѣ мы безпорядочной, безобразной массой, со свистомъ и шумомъ летимъ въ бездонную пропасть...

V. Смягчающія вину обстоятельства.

Пораженіе было до такой степени чувствительно, что нѣкоторое время я положительно не могъ опомниться; но мало-по-малу сознаніе стало возвращаться ко мнѣ, и, не желая быть погребеннымъ заживо, я невольно сталъ выказывать коекакія попытки къ борьбѣ за свое существованіе и въ этихъ видахъ остановился на вопросѣ о томъ, что неужели-молъ въ самомъ дѣлѣ народу такъ-таки ровно ничего и не нужно кромѣ «земельки», которой у него мало, и неужели все то, что извѣстно подъ именемъ «движенія въ народѣ», есть только глупость и только преступленіе? Не настало-ли, напротивъ, время изъ тайны и подполья вывести это дѣло на ясный божій свѣтъ, не пора-ли опредѣлить всю серьезность, а главное *обязательность* этого дѣла для всякаго русскаго совѣстливаго и грамотнаго человѣка? Вѣдь крѣпостное право кончилось, а стало быть кончилось для громаднаго большинства русскихъ людей, не принадлежащихъ къ простому народу, *право* празднаго, бездѣльнаго существованія. Не пора-ли въ виду этого въ такой степени прямо и серьезно поставить вопросъ о *народномъ дѣлѣ*, чтобы оно перестало казаться геройскимъ подвигомъ или самопожертвованіемъ, или наконецъ дѣломъ, достойнымъ только пропащаго человѣка. Наши города и столицы переполнены народомъ образованнымъ и грамотнымъ, для котораго однако карьера волостного писаря или сельскаго учителя представляется почти такимъ-же ужаснымъ исходомъ жизненнаго поприща, какъ и карьера кабачнаго сидѣльца. Охотниковъ до «центровъ» и благъ, расточаемыхъ ими, хотя далеко на всѣхъ не хватающихъ, слишкомъ много воспитано на русской землѣ; для деревни-же остаются одни кабатчики и люди, которые «отчаялись» въ своихъ карьерахъ. Но для того, чтобы скромная работа въ деревнѣ не казалась ни адомъ, ни какимъ-то необыкновеннымъ героическимъ поступкомъ, а простою и серьезнѣйшею обязанностью всякаго человѣка, существующаго несомнѣнно на народныя деньги, для этого, повторяемъ, дѣло народное должно быть выяснено во всей своей обширности, во всемъ своемъ патріотическомъ значеніи, во всей своей многосложности. Только это выясненіе дѣла и дастъ устойчивые, захватывающіе душу идеалы, прольетъ иной свѣтъ на нѣкоторые пріемы народнаго дѣла, считающіеся нынѣ зломъ, и очиститъ это дѣло отъ осложненій, ни мало его не касающихся.

Главнѣйшею причиною того, что народное дѣло непремѣнно должно быть выяснено въ самой строгой безпристрастности и, если угодно, безстрашіи, служитъ то чрезвычайно важное обстоятельство, замѣченное рѣшительно всѣми, кто только маломальски знаетъ народъ, что стройность сельско-хозяйственныхъ земледѣльческихъ идеаловъ безпощадно разрушается такъ называемой цивилизаціей. До освобожденія крестьянъ нашъ народъ не имѣлъ съ этой язвой никакого дѣла; онъ стоялъ къ ней спиной, устремляя взоръ единственно на помѣщичій амбаръ, для пополненія котораго изощрялъ свою природную приспособительную способность. Теперь-же, когда онъ, обернувшись къ амбару спиной, сталъ къ цивилизаціи лицомъ, дѣло его, его міросозерцаніе, общественныя и частныя отношенія—все это очутилось въ большой опасности. Ибо цивилизація эта, какъ кажется, имѣетъ единственной цѣлью стереть съ лица земли всѣ вышеупомянутые земледѣльческіе идеалы. Вѣдь вотъ стерла-же она съ лица русскую бойкую, «необгонимую» тройку,—тройку, въ которой Гоголь олицетворялъ всю Россію, всю ея будущность,—тройку, воспѣвавшуюся поэтами, олицетворявшую въ себѣ и русскую душу («то разгулье удалое, то сердечная тоска»), и русскую природу; все, начиная съ этой природы, вьюги, зимы, сугробовъ, продолжая бубенчиками, колокольчиками, и кончая ямщикомъ съ его *«буйными криками»*,—все здѣсь чисто русское, самобытное, поэтическое... Какимъ бы буйнымъ смѣхомъ отвѣтилъ этотъ удалецъ-ям-

щикъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, еслибы ему сказали, что будетъ время, когда исчезнутъ эти чудные кони въ наборной сбруѣ, эти бубенчики съ малиновымъ звономъ, исчезнетъ этотъ ямщикъ со всѣмъ его репертуаромъ криковъ, уханій, пѣсенъ и удальства, и что вмѣсто всего этого будетъ ходить по землѣ какой-то коробокъ, вродѣ стряпущей печки, и безъ лошадей, и будетъ изъ него валить дымъ и свистъ… А коробокъ пришелъ, ходитъ, обогналъ необгонимую. Необгонимая позвякиваетъ своими малиновыми бубенцами на весьма ограниченномъ пространствѣ—Конюшенная—Ливадія—Нарвская застава—Конюшенная—только и ходу для необгонимой!.. Что-же будетъ, ежели паче чаянія эта ядовитая цивилизація вломится въ наши палестины хотя-бы въ видѣ парового плуга? Вѣдь ужъ онъ выдуманъ, проклятый, вѣдь ужъ какой-нибудь практическій нѣмецъ, въ разсчетѣ на то, что Россія—страна земледѣльческая, навѣрное выдумываетъ такія въ этомъ плугѣ усовершенствованія, благодаря которымъ цѣна ему будетъ весьма доступная для небогатыхъ земледѣльцевъ. Вѣдь кромѣ того нѣмецъ можетъ устроить и разсрочку, и разныя снисхожденія, - словомъ, придумаетъ и такъ или сякъ водворитъ этотъ плодъ цивилизаціи въ нашихъ палестинахъ, и что́ тогда можетъ произойти, по истинѣ вымолвить будетъ страшно. Все, начиная съ самыхъ повидимому священнѣйшихъ основъ, должно, если не рухнуть, то значительно пошатнуться и во всякомъ случаѣ положить начало разрушенію… Такъ какъ плугъ вздираетъ землю и въ дождь, и въ грязь, то количество восковыхъ свѣчей должно несомнѣнно убавиться. Кромѣ того въ значеніи власти большака получится значительный пробѣлъ, а слѣдовательно и сомнѣніе въ необходимости подчиненія его указаніямъ, да и указаній-то этихъ убавится сразу болѣе чѣмъ на половину; громадная брешь образуется и въ мірскихъ дѣлахъ, ибо плугъ, вздирая «по ряду» всю мірскую землю, уничтожаетъ всѣ эти колушки, и значки, и границы… Масса серьезнѣйшихъ мірскихъ дѣлъ оказывается ненужными. Паланька явно не пожелаетъ долѣе подчиняться требованіямъ разрушенныхъ идеаловъ и освободится вмѣстѣ съ освобожденными плугомъ лошадьми. Произойдетъ опустошеніе во всѣхъ сферахъ сельско-хозяйственныхъ порядковъ и идеаловъ, а на мѣсто разрушеннаго ничего не поставится новаго и созидающаго. И батюшка начнетъ произносить грозныя проповѣди о развращеніи нравовъ.

Да что плугъ! Плугъ—это покуда праздная фантазія, но бѣды цивилизаціи несутъ къ намъ такія повидимому ничтожныя вещи, которыя въ сравненіи съ плугомъ то же, что́ папироска съ Александровской колонной. Какая-нибудь керосиновая лампа или самый скверный линючій «ситчикъ»—и тѣ, не смотря на свою явную ничтожность, тѣмъ не менѣе наносятъ неисцѣлимый вредъ порядкамъ и идеаламъ, основаннымъ и вытекающимъ изъ условій земледѣльческаго труда. Керосиновая лампа уничтожаетъ лучину, выкуриваетъ вонъ изъ избы всю поэтическую сторону лучинушки, удлиняетъ вечеръ и слѣдовательно прибавляетъ нѣсколько праздныхъ часовъ, которые и употребляются на перекоры между бабами, главной причиной раздѣла и упадка хозяйства. А «ситчикъ» по 10 коп. аршинъ!—ужъ на что кажется дрянь и притомъ самая линючая, а отъ появленія его баба разогнула спину, бывало согнутую надъ станкомъ; но, разогнувъ ей спину и давъ такимъ образомъ массу празднаго времени,—времени, еще недавно поглощеннаго ужаснымъ трудомъ, онъ тѣмъ самымъ далъ волю ея наблюдательности, развязалъ языкъ и усилилъ семейныя несогласія. А чай? сахаръ? табакъ? сигары? папиросы? пиджаки? Развѣ все это благопріятствуетъ сохраненію типа «настоящаго» крестьянина?..

Вліяніе цивилизаціи отражается на простодушномъ поселянинѣ рѣшительно при самомъ ничтожнѣйшемъ прикосновеніи. Буквально «прикосновеніе», одно только легкое касаніе—и тысячелѣтнія идеальныя постройки превращаются въ щепки. Вотъ передъ вами трудолюбивый, деликатный, умный, цѣломудренный крестьянинъ; но поѣздилъ онъ двѣ зимы легковымъ извозчикомъ—и ужъ развратился! Скажите пожалуйста, какая же тутъ можетъ быть цивилизація—ѣздить зимой въ морозы на облучкѣ и сидя спать въ трактирахъ, опустивъ голову на столъ? А между тѣмъ развращается. Въ двѣ зимы человѣкъ «насобачивается» такъ, что ужъ дѣлается чужимъ въ родномъ своемъ семействѣ. Гордость рождается у него, фанаберія и насмѣшка; пріучается прятать деньги отъ матери, отъ большака и непремѣнно задумываетъ дѣлиться. И это въ лучшемъ случаѣ, а то просто дѣлается мерзавцемъ: иной придетъ изъ Петербурга безъ копѣйки, хоть и «при часахъ», ничего не дѣлаетъ, не работаетъ, а свою-же родную мать посылаетъ ходить по-міру и ждетъ ее, поглядывая на свои часы… Наконецъ, кто не знаетъ, какъ быстро мѣняется и мѣняется къ худшему самый «типъ» деревенскаго человѣка, даже въ такихъ отдаленнѣйшихъ отъ цивилизаціи учрежденіяхъ, какъ напримѣръ кабакъ? Стоитъ «крестьянину» посидѣть года два въ кабакѣ и притомъ съ своими-же, такими-же крестьянами—какъ изъ порядочнаго человѣка онъ превращается въ нѣчто рѣшительно непривлекательное: все мѣняется въ немъ. Начиная съ вычурности выговора, съ этихъ масляныхъ волосъ, съ этого бритаго затылка, до пріемовъ и ухватокъ, растопыренныхъ пальцевъ, походки и т. д., все въ немъ омерзительно и гнусно: но всего гнуснѣе—міросозерцаніе. Изъ мірского человѣка онъ превращается въ мірского обиралу, изъ жалостливаго къ бѣднымъ—въ хладнокровнаго до жестокости: ему ничего не стоитъ спаивать человѣка, зная, что онъ этимъ разоряетъ, «голодитъ» цѣлую семью; ему ничего не стоитъ выбросить на морозъ этого спившагося съ кругу человѣка, послѣ того какъ у него не останется ни гроша. Даже убить человѣка ему ничего не стоитъ изъ-за денегъ. Замѣчательно при этомъ,

особенно въ деревенскомъ кабатчикѣ, то обстоятельство, что онъ имѣетъ дѣло исключительно почти съ своимъ братомъ деревенскимъ человѣкомъ, односельчаниномъ, и притомъ постоянно присутствуетъ при самыхъ откровенныхъ (послѣ стаканчика) разговорахъ о «нуждѣ», о горѣ, которое большею частью и потребляетъ вино—и ничего, кромѣ жестокости, безчеловѣчія, эта обстановка въ немъ не воспитываетъ. Но, положимъ, кабакъ вообще плохая школа нравственности; всего ужаснѣе то, что почти такіе-же результаты достигаются совершенно инымъ, вполнѣ противоположнымъ путемъ...

Изъ всего сказаннаю, да и кромѣ сказаннаго, изъ множества ежедневныхъ примѣровъ очевидно слѣдуетъ, что для сохраненія русскаго земледѣльческаго типа, русскихъ земледѣльческихъ порядковъ и стройности, основанной на условіяхъ земледѣльческаго труда, всѣхъ народныхъ частныхъ и общественныхъ отношеній, необходимо всячески противодѣйствовать разрушающимъ эту стройность вліяніямъ; для этого необходимо уничтожить все, что носитъ мало-мальски чуждый земледѣльческому порядку признакъ: керосиновыя лампы, фабрики, выдѣляющія ситецъ, желѣзныя дороги, телеграфы, кабаки, извозчиковъ и кабатчиковъ, даже книги, табакъ, сигары, папиросы, пиджаки и т. д., и т. д. Все это необходимо смести съ лица земли для того, чтобы Иванъ Ермолаевичъ, воспитавшійся въ условіяхъ земледѣльческаго труда, на нихъ построившій всѣ свои взгляды, всѣ отношенія, на нихъ основавшій цѣлый, особый отъ всякой цивилизаціи, своеобразный «крестьянскій міръ», могъ свободно и безпрепятственно развивать эти своеобразныя начала...

Но еслибы такое требованіе было въ самомъ дѣлѣ предъявлено, то едва-ли бы нашелся въ настоящее время хотя одинъ человѣкъ, который бы опредѣлилъ его иначе, какъ крайнимъ легкомысліемъ. Да и самъ Иванъ Ермолаевичъ ужъ на что подлинный крестьянинъ, а не безпокойтесь, не промѣняетъ керосиновой лампы на лучину и не посадитъ свою жену за «прясло», когда есть деньги, чтобы купить ситчику. И выходитъ поэтому для всякаго что-нибудь думающаго о народѣ человѣка задача, по истинѣ неразрѣшимая: цивилизація идетъ, а ты, наблюдатель русской жизни, мало того что не можешь остановить этого шествія, но еще, какъ увѣряютъ тебя и какъ доказываетъ самъ Иванъ Ермолаевичъ, не долженъ, не имѣешь ни права, ни резона соваться, въ виду того, что идеалы земледѣльческіе прекрасны и совершенны. И такъ—остановить шествія *не можешь*, а соваться *не долженъ*! Между тѣмъ самъ Иванъ Ермолаевичъ, безропотно покоряясь напору чуждыхъ ему вліяній и въ то же время упорно стремясь осуществить свои земледѣльческіе идеалы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были выработаны при отсутствіи давленія новаго времени, чувствуетъ себя весьма не хорошо и вырабатываетъ—конечно, будучи въ этомъ вполнѣ невиновенъ—взгляды на окружающее вполнѣ непривлекательные.

VI. Къ чему пришелъ Иванъ Ермолаевичъ.

Онъ ропщетъ...

Онъ ропщетъ не на цивилизацію, не на ея гибельное вліяніе, онъ ропщетъ не на порядки, уваженіе къ которымъ вкоренено въ немъ, какъ мы видѣли въ началѣ этого отрывка, слишкомъ основательно, а ропщетъ онъ на *народъ*, на своихъ односельчанъ-сообщниковъ. Народъ, видите-ли, сталъ не тотъ, испортился и избаловался.

— Да неужели, спрашиваю я Ивана Ермолаевича:—при крѣпостномъ правѣ было лучше?

— Храни Богъ отъ этого, отвѣчаетъ Иванъ Ермолаевичъ:—кажется, какъ только живы остались. удивленія достойно... Чего ужъ втупору хорошаго? а что ровнѣй было—это дѣйствительно правда. Втупору, надо такъ сказать, всѣмъ худо было, всѣмъ ровно, а нониче стало такимъ манеромъ: ты хочешь, чтобы было хорошо, а сосѣди норовятъ тебѣ сдѣлать худо.

— Да зачѣмъ же это надо?

— Да вотъ, стало быть, надо же зачѣмъ-нибудь. Тебѣ хорошо, а мнѣ худо, такъ пускай же и тебѣ будетъ также худо. Поровнять.. Посудите сами, я вамъ разскажу. Лядины у насъ дѣлятся на участки подъ вырубку; всякій рубитъ въ своемъ участкѣ. Вотъ я вырубилъ свой участокъ, пни выкорчевалъ. вычистилъ, стала у меня пашня. Какъ только у меня пашни прибавилось—передѣлять! У тебя-молъ больше выходитъ земли, чѣмъ у другого съ тѣми же душами. Мірской земли прибавилось—передѣлять!

— Но вѣдь всякій можетъ расчистить свою лядину?

— Только не всякій хочетъ. Вотъ въ чемъ дѣло-то... Одинъ ослабѣлъ, другой обнищалъ, а третій лѣнивъ; есть лѣнивые, это вѣрно... Я встану до свѣту, бьюсь до-поту, у меня хлѣба больше - отымутъ, будьте покойны! И по многу-ли достанется-то? Какъ есть вотъ по ремешочку, по тоненькой тесемкѣ... Такимъ манеромъ два раза у меня землю-то отобрали, и все по закону; земли прибавилось: «не одному же тебѣ, надо всѣмъ прибавить...» То есть никакъ не подымешься. Хочу выписаться изъ общества; тутъ одинъ мнѣ мужичокъ сказывалъ, что будто можно, только не знаю какъ, много ли денегъ платить?

— А много-ль у васъ такихъ людей, которые подняться не даютъ?

— А гдѣ же ихъ нѣтъ? Богачи не даютъ и бѣднота не даетъ.

— Отчего же это бѣднота-то у васъ?

— Оттого, что набаловался народъ... Все норовятъ отстать, отдѣлиться отъ большихъ семей. отъ семьи-то отойдетъ, а силъ справиться нѣтъ, вотъ онъ и начинаетъ вертѣться, какъ бѣсъ передъ заутреней. Въ работники пойдетъ, норовитъ какъ чтобы хуже. Это чтобы по совѣсти дѣлать—этого не ждите!... Какъ чуть отвернулся, онъ и сѣлъ отдыхать, папироску закурилъ.

Да не подумаетъ читатель, что слова Ивана Ермолаевича приводятся для восхваленія крѣпост-

ныхъ временъ; но самая возможность подобныхъ рѣчей въ устахъ крестьянина уже знаменательна, ибо въ нихъ косвеннымъ образомъ выражается мѣрило его современнаго положенія...

Необходимо упомянуть, что Иванъ Ермолаевичъ долженъ нанимать работника и работницу, такъ какъ его семейныхъ силъ недостаточно для успѣшнаго удовлетворенія земледѣльческому идеалу. Братъ у него молодъ, шестнадцати лѣтъ, старшему сыну одиннадцать лѣтъ, а у жены еще на рукахъ двое ребятъ. Платитъ онъ за двѣ души, работникъ и работница для него необходимы, и на неудовлетворительность ихъ нравственныхъ качествъ Иванъ Ермолаевичъ, будучи работникомъ самъ лично, жалуется даже гораздо болѣе, чѣмъ любой крупный землевладѣлецъ. У него существуетъ для работника опредѣленный идеалъ; вотъ напримѣръ, говоритъ онъ, Лукьянъ — это работникъ. Дѣйствительно, Лукьянъ—человѣкъ особенный. Работу онъ считаетъ дѣломъ богоугоднымъ. Богъ труды любитъ, говоритъ онъ, и вѣритъ въ это твердо, а въ видахъ этого ворочаетъ пни, бревна, камни,—словомъ, надсѣдается надъ самыми тяжеловѣсными предметами не только безъ ожесточенія, а, напротивъ, съ полной вѣрою, что все это Богу пріятно. «Онъ любитъ!» говоритъ Лукьянъ, красный какъ ракъ, весь въ поту, съ страшными усиліями вытаскивая изъ рѣчки пень по указанію Ивана Ермолаевича; онъ весь мокрый кряхтитъ и охаетъ, но Богъ видитъ эти старанія и ободряетъ Лукьяна. Пень захрюкалъ, зачавкалъ, вылѣзая изъ тины рѣчного дна, и Лукьянъ твердо знаетъ, что это у Бога зачлось, что ко всѣмъ его трудамъ прибавился новый нумеръ... Лукьянъ кромѣ того холостъ; онъ дожилъ до старости лѣтъ подъ какимъ-то страннымъ страхомъ брака; въ деревнѣ у него изба и огородъ; онъ не платитъ никакихъ налоговъ. Весной онъ вскопаетъ гряды, посѣетъ и посадитъ разныя овощи: хрѣнъ, морковь, капусту, картофель. И уходитъ; домъ онъ запираетъ на-глухо, а огородъ поручаетъ вдовѣ-солдаткѣ; съ весны до глубокой осени онъ на работѣ: коситъ, пилитъ. Осенью, послѣ Покрова, накопивъ немного денегъ, возвращается домой; въ огородѣ все выросло и поспѣло, и всю зиму Лукьянъ не знаетъ нужды, а когда придетъ наконецъ старость, когда устанутъ и руки, и ноги—вотъ тогда Лукьянъ намѣренъ вступить въ бракъ. «Никакой свадьбы, говоритъ онъ, не будетъ, а просто возьму за руку ту самую солдатку-вдову, которая ходитъ за огородомъ, да и пойдемъ вдвоемъ къ попу, деньги отдадимъ. Пускай подъ старость мнѣ поможетъ, а помру—пусть владѣетъ, что останется отъ меня».

Такого человѣка, по мнѣнію Ивана Ермолаевича, еще можно бываетъ назвать работникомъ вполнѣ, но идеальный работникъ не такой: идеальный работникъ тотъ, кто не корыстуется, готовъ работать «съ кусу», никакихъ цѣнъ, ни условій не ставитъ, говоритъ «только корми» или самое большое—«что положишь, то и ладно»; идеальный работникъ тотъ, который увлекается общимъ теченіемъ работъ въ той семьѣ, куда онъ входитъ, который забываетъ, что работаетъ на чужихъ людей, который сливается съ этими чужими людьми, съ ихъ интересами, который тысячу дѣлъ сдѣлаетъ «играючи»—вотъ это работникъ идеальный; но, по увѣренію Ивана Ермолаевича, такихъ идеаловъ по нонѣшнему времени нѣтъ, и куда они дѣвались—никому неизвѣстно. Напротивъ, въ настоящее время работникъ не только не увлекается трудомъ, не только не видитъ въ этомъ трудѣ никакой игры, но, напротивъ, не хочетъ дѣлать дѣла, не смотря на то, что условій ставитъ множество, критикуетъ, сплетничаетъ, разглагольствуетъ, обманываетъ и въ концѣ-концовъ опять-таки ничего не дѣлаетъ. Надъ такимъ человѣкомъ нужно *стоять*, не отходя ни на шагъ, понукать, воли не давать; словомъ, такой человѣкъ ожесточаетъ простодушнаго Ивана Ермолаевича. Поглядите вотъ на этого нынѣшняго работника. Идетъ наниматься, и не успѣлъ онъ и Иванъ Ермолаевичъ сказать двухъ словъ, какъ слѣдомъ является жена нанимающагося.

— Не давай ты ему, подлецу, денегъ! начинаетъ она.—Сдѣлай милость, не давай! Знаю я его, очень хорошо знаю.

— Что пасть-то разинула, кобыла сумасшедшая? Чать не все пропивалъ, чать работалъ! кто васъ, чертей, сорокъ-то лѣтъ кормилъ, ты что-ль? Кто сыновей выростилъ и женилъ? Орало дурацкое! «Не давай денегъ!» Вамъ же, чертямъ, достанутся.

— Ни-и-и-ни грошика, ни полушечки не давай, и не слухай ты его ни въ единомъ словѣ; а наймется—вотъ какъ, ужъ вотъ какъ гляди, глазъ не спускай, а то заснетъ! Передъ Богомъ, какъ отвернулся—спитъ! Я всю жизнь съ нимъ мучилась, я знаю, у меня хребетъ-то хорошо знаетъ, каковъ человѣкъ онъ есть...

Начинается божба, клятвы, упрашиванія, дѣлежка задатка: часть работнику, часть бабѣ. А работы нѣтъ настоящей! Все надо сказать, напомнить. Не скажешь, не напомнишь—сидитъ, пойдетъ нехотя, смотрѣть тошно, словомъ, каждый шагъ дѣлаетъ только изъ-подъ палки. Въ интересы семейства не только не входитъ, но, напротивъ, подъ все подкапывается, въ каждомъ словѣ слышенъ упрекъ: «что-то снѣтки-то бытто мельконьки!» непремѣнно замѣтитъ, и непремѣнно насплетничаетъ насчетъ снѣтковъ и въ лавочкѣ, и въ кабакѣ, и у первыхъ хорошихъ знакомыхъ Ивана Ермолаевича. Насплетничаетъ, прибавитъ, присочинитъ и уйдетъ, не отработавъ задатка, къ другому, уйдетъ бранясь, ругаясь, распускать позорящія Ивана Ермолаевича небылицы; «снѣтки, молъ, покупаетъ съ пескомъ, послѣдній сортъ, самъ не ѣстъ, для прилику только ложкой болтаетъ, а въ печкѣ спрятана свинина». Поминутно Иванъ Ермолаевичъ остается безъ работника или съ такимъ работникомъ, который, кажется, только и думаетъ, чтобы уйти прочь, хотя и пришелъ всего-то два дня назадъ. Вотъ въ прошломъ году работникъ полѣнился слѣзть съ воза сѣна, которое вывозилъ изъ болота, полѣнился, потому что сапоги на немъ новые были, только-что куплен-

ные, въ задатокъ остались, и, сидя на возу, дралъ лошадь кнутомъ: лошадь билась-билась и повредила задъ (оторвала задъ), а лошадь стоитъ около ста рублей. Убытокъ изъ-за сапогъ въ три цѣлковыхъ.

Или вотъ хромоногій солдатъ. Вотъ поглядите на него: Христомъ-Богомъ упрашиваетъ, умаливаетъ, чтобы Иванъ Ермолаевичъ взялъ его дѣвчонку въ работу, и проситъ *только куль*, одинъ куль хлѣба за все лѣто, что по нынѣшнимъ цѣнамъ стоитъ 16 рублей. Если Иванъ Ермолаевичъ взялъ дѣвчонку хромого, то единственно только изъ жалости, но не прошло двухъ недѣль, какъ хромой взялъ ее, взялъ самымъ наглымъ образомъ. Пришелъ къ Ивану Ермолаевичу и объявилъ:—«Хочешь держать—давай двадцать пять цѣлковыхъ, а не дашь—у меня есть ей мѣсто.» —«А куль?»—«Что-жъ куль? вотъ продамъ сѣно, отдамъ, авось не пропадетъ». Но подъ это сѣно выклянчилъ и въ лавчонкѣ и соли, и хлѣба, и чаю, и табаку, цѣлковыхъ на пять.—«Вотъ продамъ, отдамъ». Подъ это сѣно выклянчилъ въ сосѣдней деревнѣ у кабатчика картофелю, рѣпы, брюквы... «Продамъ—отдамъ». Подъ это сѣно у овчинника взялъ въ долгъ лошадь въ сорокъ цѣлковыхъ и въ два мѣсяца загналъ ее, потому что почти не кормилъ, а гонялъ со станціи на станцію поминутно; даже сынишка, который на ней ѣздилъ, и тотъ заморился и захворалъ. Мало того, сѣно, заложенное ужъ въ двадцати рукахъ, продалъ *на совѣсть* за пятнадцать рублей третьему, совершенно постороннему лицу, причемъ оказалось, что и сѣна-то всего въ дѣйствительности на три цѣлковыхъ. Словомъ, такого вѣроломства, такой смѣси смиреннаго нищенскаго попрошайничества и наглаго обмана, какую олицетворяетъ солдатъ, рѣшительно трудно себѣ представить, а вотъ такихъ-то «народовъ» въ нашихъ мѣстахъ развелось не мало, и они-то первые, по словамъ Ивана Ермолаевича, заорутъ, когда онъ напримѣръ распашетъ лядину, первые не дадутъ ему справиться.

Да что! Времена такъ измѣнились, люди такъ испортились, что не только Иванъ Ермолаевичъ, а *овчинникъ*, самъ знаменитый, почтенный овчинникъ, перестаетъ вѣрить здѣшнему *народу*. А человѣкъ, носящій наименованіе овчинника, человѣкъ очень рѣдкостный и дѣйствительно замѣчательный. Замѣчателенъ онъ своей безграничной добротой и гуманностью; мало того, что онъ истинный крестьянинъ, онъ—и христіанинъ, и добрый человѣкъ, думающій о бѣдномъ братѣ. Ему ужъ подъ шестьдесятъ лѣтъ и знакомъ онъ съ тѣми мѣстами, гдѣ живетъ Иванъ Ермолаевичъ, лѣтъ тридцать пять. И самъ онъ былъ крѣпостной, и здѣшній народъ помнитъ крѣпостнымъ. Каждую осень онъ пріѣзжаетъ сюда съ мѣста родины, изъ Калужской губерніи, и поселяется на всю зиму дубить овчины. Такихъ овчинъ онъ выдубитъ штукъ тысячи три въ зиму. Но, идя на этотъ промыселъ, онъ на прошлогодній заработокъ съ него покупалъ лошадей и пригонялъ ихъ съ собой въ здѣшнія мѣста. Лошадей этихъ онъ раздавалъ кому угодно, на совѣсть, безъ всякихъ росписокъ и документовъ, съ тѣмъ, чтобы человѣкъ, получившій лошадь въ долгъ, платилъ ему втеченіе зимы—по возможности: рубль, гривенникъ, десять рублей и т. д. Бывали случаи, что къ веснѣ, когда онъ уходилъ домой «хозяйствовать», иные не уплачивали ему ни копѣйки денегъ, и онъ не взыскивалъ, а ждалъ до слѣдующаго года. Онъ самъ разсказывалъ, что даже разсчитывалъ на эти неотдачи, и хлопоталъ только о томъ, чтобы въ общей суммѣ воротить свои деньги, больше ничего. «Чѣмъ въ сундукѣ лежать, пущай людямъ отъ нихъ добро, да и цѣлѣй онѣ—такъ-то!»

Убытка ему не могло быть, а иногда и барышъ бывалъ. Присутствіе вниманія къ ближнему въ этой операціи несомнѣнное. Мѣстные крестьяне, которые, благодаря его помощи, могли стать на ноги, не называютъ его иначе какъ «миляга!». «Какой миляга — на рѣдкость! Душа-человѣкъ!» Но новыя времена стали расшатывать увѣренность стараго миляги въ томъ, чтобы въ «нонѣшнее» время можно было такъ просто дѣлать доброе дѣло, какъ прежде. Цивилизація продала у него лошадей двадцать, розданныхъ въ долгъ, за невзносъ податей тѣми мужиками, которымъ онѣ были розданы. Она же стала наталкивать на него такихъ людей, которымъ ужъ ничего не стоитъ *отпереться* отъ своего слова, такихъ, которые уже знаютъ, что безъ росписки ничего не возьмешь и т. д. А овчинникъ—человѣкъ стариннаго покроя: ему и не по душѣ, да и некогда возжаться по судамъ, описывать имущество, взыскивать, глядѣть на разоренье человѣка, когда у него на душѣ совершенно другое, не похожее на желаніе разорить человѣка,—желаніе помочь ему. Въ нынѣшнемъ году онъ также пригналъ лошадей и также роздалъ ихъ, но уже не кому угодно, а людямъ благонадежнымъ, вродѣ Ивана Ермолаевича и другихъ порядочныхъ мужиковъ... И мы сами были свидѣтелями того удивленія, съ которымъ даже ужъ и къ такому разборчивому благодѣтельствованію относились нѣкоторые изъ крестьянъ, уже выросшихъ въ новыхъ условіяхъ жизни.

— Да какъ-же это, братецъ ты мой, говорили овчиннику:—вѣришь ты всякому?

— А ты неужто никому не вѣришь? возражаетъ овчинникъ.

— Ну, а пропадетъ, издохнетъ ежели лошадь, съ кого взыскивать будешь?

— А совѣсть-то на что? Совѣсть и взыщетъ...

— Ну, братъ, мудреный ты человѣкъ, одно слово, мудреный. Вѣритъ всякому безъ росписки!.. Оченно ты, ей-Богу, человѣкъ-то добрый должно быть...

Слыхалъ я и такія вещи: прочиталъ я въ газетахъ, что петербургская дума предполагаетъ увеличить налогъ съ извозчичьихъ лошадей до семи рублей въ годъ. Почиталъ и, сожалѣя здѣшнихъ крестьянъ, занимающихся извозничествомъ, говорю одному изъ нихъ:

— Вотъ какое дѣло: налогъ на лошадей увеличиваютъ.

— Много-ль надбавили-то? спрашивалъ собесѣдникъ.

— До семи рублей платить придется, отвѣчаю я, полагая, что это опечалитъ моего собесѣдника.

Но собесѣдникъ говоритъ на это слѣдующее:

— Семь рублей! Мало! Маловато!

— Что вы это говорите?

— Вотъ какъ бы до десяти догнали, такъ нашему брату было бы пріятно... Это бы хорошо нашему брату подошло.

— Что-жъ тутъ хорошаго?

— А то, что извозчиковъ будетъ меньше, а это нашему брату доходнѣй Теперь за четыре-то рубля какая ихъ прорва въ Питерѣ шляется? Хоть не ѣзди... А какъ подняли бы цѣну, такъ не всякій бы сунулся въ Питеръ-то. Анъ зима-то, глядишь, и въ помочь пришла... А то что?.. Ѣздишь, ѣздишь... только что сытъ съ лошадью.

Изъ этого бѣглаго очерка уже можно видѣть, что разъединеніе деревенскаго общества на разные лагери, и лагери не вполнѣ дружелюбные, сулитъ въ перспективѣ явленія весьма неблагопріятныя. Теперь уже надобно дѣлать усиліе, несправедливость для того, чтобы поровнять всѣхъ такъ, какъ всѣ были уравнены крѣпостнымъ правомъ. Преслѣдуя тѣ же идеалы, Иваны Ермолаичи должны уже бороться за нихъ, враждовать съ извѣстною частью своихъ односельчанъ, когда-то имъ равныхъ, и помышлять объ отдѣленіи отъ нихъ, о выходѣ изъ общества. Съ другой стороны, и противная партія, преслѣдующая тѣ-же земледѣльческіе идеалы, не можетъ равнодушно сносить превосходства людей, когда-то равныхъ съ ними. Замѣчательно при этомъ слѣдующее: хромоногій солдатъ, или тотъ работникъ, на котораго жаловалась баба, всѣ они изнываютъ и нищаютъ потому, что имъ и мысли не приходитъ о томъ, чтобы работать товариществомъ; напротивъ, живя старыми земледѣльческими идеалами, каждый полагаетъ, что въ вознѣ на собственномъ дворѣ и должна быть сосредоточена вся жизнь и всѣ интересы, и всѣ удовлетворенія. Не разъ разговаривалъ я по этому поводу съ Иваномъ Ермолаичемъ.

— Скажите, пожалуйста, неужели нельзя исполнять вообще такихъ работъ, которыя не подъ силу въ одиночку? Вѣдь вотъ солдатъ, вашъ работникъ, который сплетничалъ, и другіе—каждый изъ нихъ мучается, выбивается изъ силъ, вретъ и обманываетъ, и въ концѣ-концовъ нищенствуютъ всѣ... Но, соединивъ свои силы, своихъ лошадей, работниковъ и т. д., они были бы сильнѣй самой сильной семьи... Вѣдь тогда незачѣмъ отдавать малолѣтнихъ дѣтей въ работу и т. д.

— То есть, это сообща работать?

— Да.

Иванъ Ермолаевичъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Это не выйдетъ..

Еще подумалъ и опять сказалъ:

— Нѣтъ! Куда! Какъ можно... Тутъ десять человѣкъ не поднимутъ одного бревна, а одинъ-то я его какъ перо снесу, ежели мнѣ потребуется... Нѣтъ, какъ можно! Тутъ одинъ скажетъ: «бросай, ребята, пойдемъ обѣдать!» А я хочу работать... Теперь какъ же будешь—онъ уйдетъ, а я за него работай! Да нѣтъ—невозможно этого! Какъ можно! У одного одинъ характеръ, у другого—другой!.. Это все равно, вотъ ежелибъ одно письмо для всей деревни писать...

. . . .

Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что «народное дѣло» можетъ и должно принять совершенно опредѣленныя реальныя формы и что работниковъ для него надо великое множество. До сего времени впрочемъ на *эту работу*, какъ кажется, не разсчитывали люди, именующіеся патріотами своего отечества. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1879 г. въ одной изъ передовыхъ статей, оправдывающихъ стѣсненія школьнаго дѣла, сказано: «Если бы *всѣмъ имъ* (50-ти тысячамъ учащихся) оканчивать курсъ и поступать въ университеты, то число ихъ (людей съ высшимъ образованіемъ) возрасло бы до 25 тысячъ. *Но зачѣмъ бы могло потребоваться такое страшное приращеніе?*»

Очевидно, незачѣмъ.

VII. Пастухъ.

Стройность системы земледѣльческихъ взглядовъ» Ивана Ермолаевича начала понемногу дѣйствовать и лично на меня, по мѣрѣ того какъ я сталъ убѣждаться въ полнѣйшей неизбѣжности этихъ взглядовъ Жить стало легче, т. е. проще. Нервы сдѣлались какъ бы покрѣпче, стали обнаруживать нѣкоторую неподатливость въ такихъ случаяхъ, въ какихъ прежде, т. е. весьма недавно, они не могли не ныть, хотя конечно безплодно.

Зашелъ ко мнѣ проститься пастухъ; онъ былъ принанятъ деревней на полтора послѣднихъ мѣсяца, по случаю того, что старый пастухъ тяжко заболѣлъ. Это былъ лѣтъ подъ пятьдесятъ холостой человѣкъ, отставной солдатъ; въ военной службѣ онъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ и по выходѣ получилъ одиннадцать рублей какихъ-то артельныхъ денегъ вмѣстѣ съ шинелью, отъ которой однако начальствомъ были отрѣзаны пуговицы, какъ *«не отслужившія срока»*, и, облекшись въ эту шинель безъ пуговицъ, пришелъ домой. Здѣсь его приняли не совсѣмъ ласково; правда, сестра родная жалѣла его и много плакала съ нимъ и о немъ, но мужъ сестры косился на то, что Еремей (такъ звали пастуха) не можетъ работать въ хозяйствѣ. Бѣда Еремея въ томъ именно и заключается, что онъ не можетъ работать *трудной* работы, у него нѣту силъ, необходимыхъ для этой работы; онъ длиненъ ростомъ, и если ему нафабрить усы и растопырить бакенбарды, да нахлобучить каску, какую пострашнѣй, такъ онъ можетъ показаться человѣкомъ очень могучимъ, богатыремъ даже, но на дѣлѣ онъ былъ хоть и длиненъ, но вялъ и робокъ.—Счастье еще, говорилъ онъ мнѣ,

что меня на службѣ не очень серьезно били, а то-бъ я давно помереть долженъ! фитьфебель у насъ былъ добрый человѣкъ: бѣдныхъ, у кого ничего нѣту—имущества, денегъ, почесть-что не билъ, а билъ онъ богатыхъ; какъ увидитъ, что у человѣка деньги, сейчасъ на ученьи подлетитъ—рразъ!.. Рубль-ли, два-ли ему и вылетаетъ! Ну, а у меня ничего не было, и денегъ я въ глаза не видалъ— стало быть, пользы ему меня бить не было. Чтó-жъ меня бить, коли у меня ничего нѣту? А то-бы по моему здоровью мнѣ давно надо помереть, ежели-бы, то-есть, бой мнѣ былъ настоящій, какъ прочимъ богатымъ людямъ былъ бой!»

И точно: пахать ходить по кочкамъ за сохой или плугомъ и напрягать свои силы до степени лошадиныхъ—онъ не могъ и навѣрное повалился-бы на пятой бороздѣ. Вотъ почему, возвратясь домой изъ военной службы, онъ сталъ встрѣчать въ семействѣ косые взгляды, и такъ какъ отъ этихъ взглядовъ кусокъ ему въ горло не шелъ, то онъ и захотѣлъ выдѣлиться. Выдѣлили ему часть изъ отцовскаго имущества; часть эту онъ продалъ и денегъ у него набралось рублей ста полтора. «Тутъ, говорилъ мнѣ пастухъ: – стало мнѣ скучно, сталъ я виномъ баловаться; и такъ я его полюбилъ, словно медвѣдь медъ любитъ; пьянствовалъ я пожалуй-что близко двухъ годовъ; потомъ, какъ оставшись я «безо всего» пошелъ изъ своихъ мѣстъ прочь... Тутъ я поступилъ въ монастырь... Въ монастырѣ трапеза хорошая (пастухъ подробно разсказывалъ мнѣ монастырское меню)—ну, денегъ, то-есть жалованья не даютъ, а отъ богомольцевъ пользоваться не запрещаютъ... Было насъ тамъ такихъ, какъ я, человѣкъ пять. Вотъ мы бывало и испросимъ у отца-игумена благословенія, чтобы въ храмовой праздникъ дозволилъ онъ намъ хоть колокольней пользоваться... Напримѣръ который бываетъ богомолецъ охотникъ все осматривать, то лѣзетъ на колокольню: пусти да пусти. Ну, дастъ онъ гривенникъ, копѣекъ двадцать—чтó по возможности—мы и пустимъ и покажемъ все. Въ большіе праздники рублей по шесть наберемъ артелью-то. Ну, и насчетъ работы нельзя пожаловаться, работа монастырская не тяжела: принесу воды, отнесу письмо... или въ огородѣ что нибудь... Монахъ не станетъ надъ тобой стоять, надъ душой напримѣръ: «работай!». Ему надо въ храмѣ быть, то заутреня, то обѣдня, то вечерня, то всенощная, то молебенъ, то акаөистъ—безпрестанно онъ отлучается... Ну, и отдохнешь. Къ обѣднѣ вдарятъ, а ты сѣлъ или легъ, или трубочку закурилъ, никто не препятствуетъ...» Монастырская, не тяжелая работа была также по силамъ Еремею, но, увы! наши монастыри, какъ извѣстно, постепенно превращающіеся въ «крупныя» земледѣльческія хозяйства, стали брезговать такими, какъ Еремей, работниками, и начали принимать не изъ милосердія, а по найму, не изъ-за хлѣба, а за опредѣленную плату, настоящихъ работниковъ, такъ какъ дѣло хозяйственное пошло не по монастырскому, а по настоящему, въ-сурьезъ, изъ-за самыхъ опредѣленныхъ и ясныхъ коммерческихъ разсчетовъ. На счастье, Еремей чуть-чуть зналъ грамотѣ, едва-едва съ грѣхомъ пополамъ, могъ прочитать по складамъ печатную страницу и написать съ ужаснѣйшими искаженіями словъ крестьянское письмо. Цифры онъ зналъ очень мало: что такое милліонъ — не зналъ, не могъ понять; даже цифры сто тысячъ не могъ себѣ ясно представить, не только-что написать. Но все-таки и эти знанія давали ему по временамъ кусокъ хлѣба: онъ брался учить крестьянскихъ ребятъ и бралъ цѣну небольшую—сорокъ копѣекъ въ мѣсяцъ, и иногда бралъ «огуломъ» за два цѣлковыхъ, и притомъ обязывался къ сроку, напримѣръ чтобы за зиму непремѣнно обучить мальчишку; но въ такихъ случаяхъ, не довѣряя его познаніямъ, съ него требовали подписку. «Дай подписку!» говорили ему, и Еремей не отпирался отъ подписки, давалъ какую угодно, лишь-бы зиму не умереть съ голоду и не замерзнуть. Но и при подпискѣ и безъ нея, Еремей никого ничему не выучивалъ, кромѣ азбуки и двухъ, трехъ цифръ; однако случаевъ, чтобы за это взыскивали съ него, не бывало, ибо и родители, слушая какъ Еремей бьется и потѣетъ, и какъ надсѣдаются дѣти, понимали, что это дѣло нелегкое, что за него взяться заставляетъ человѣка только крайняя нужда. Изъ учителей нужда его погнала и въ пастухи; дѣло это ему непривычное, не по характеру; онъ даже боится быть въ лѣсу однимъ-одинъ, да и скотины, бодастыхъ коровъ и быковъ, побаивается; но нужда научитъ, по пословицѣ, и кирпичи ѣсть. И Еремей кое-какъ приладился. Къ скотинѣ онъ подошелъ не какъ повелитель и начальникъ, а какъ самый вѣжливый и предусмотрительный человѣкъ; хлѣбомъ, корки котораго онъ сберегалъ отъ обѣда и подбиралъ гдѣ только возможно, онъ задобрилъ рѣшительно всѣхъ животныхъ, которыхъ боялся. Но вѣдь такой образъ дѣйствій со скотиной—вещь немыслимая. Ни силъ, ни средствъ не хватитъ у цѣлой деревни на такую деликатность, да Еремей и самъ чувствовалъ, что онъ не годится для этого дѣла, такъ какъ замѣнить хлѣбъ палкой, чтó слѣдуетъ сдѣлать настоящему пастуху, онъ былъ неспособенъ. Онъ чувствовалъ, что пастухомъ онъ сдѣлался случайно, да и всѣ это чувствовали.

Пошелъ снѣгъ, скотину загнали въ зимнія помѣщенія, и Еремею пришлось уходить. Куда? Онъ и самъ не зналъ, куда именно ему надобно идти. А идти надо, больше ему нѣтъ дѣла; даромъ кормить не будетъ никто, и вотъ онъ въ такую-то минуту зашелъ ко мнѣ проститься. Онъ былъ въ той самой шинели, отъ которой начальство отрѣзало пуговицы, въ сапогахъ, разбитыхъ до невозможности, а шапка, которую онъ держалъ въ рукахъ, была, какъ говорится, ни на что не похожа. Онъ пришелъ проститься, но видимо ждалъ какого-то счастливаго случая, который-бы далъ ему возможность не идти, остаться зиму здѣсь. Онъ привыкъ, познакомился съ людьми—зачѣмъ бы ихъ бросать? а главное куда идти-то? Идти приходится неизвѣстно куда, когда на дворѣ зима, когда добрые люди забиваются въ теплыя избы, когда снѣжкомъ занесены эти избы со всѣхъ сто-

ронъ, густо обложить ихъ толстой, пушистой, непроницаемой отъ холода стѣной. А онъ вотъ куда-то иди! Но куда? Денегъ у него оказалось за разсчетомъ семь рублей пятьдесятъ копѣекъ, а ихъ не хватитъ и на полсутокъ, потому что въ такихъ сапогахъ, какіе надѣты на Еремеѣ, нельзя идти далеко, не пройдешь и трехъ верстъ, какъ ноги окоченѣютъ.—«Куда-же ты теперь?» спрашивалъ я Еремея.—«Да, признаться, еще покуда не оглядѣлся... Вотъ сапоги надо. Вотъ какъ разбились... не знаю, кабы рубля-бы за два пришлось сапоги-то купить, оно-бы ничего... Вотъ тоже одёжи мало, совсѣмъ мало одежи!» Еремей трогаетъ себя за бортъ шинели безъ пуговицъ, вытягиваетъ руки и оглядываетъ рваные рукава. «Мало, мало, совсѣмъ мало одёжи, надо что-нибудь по зимнему времени... а денегъ-то вонъ семь рублей, да лавочнику поди какъ подсчитаетъ, пожалуй какъ бы за мелочь рубли два не пришлось отдать... Забиралъ табакъ, нитки, рубаху взялъ.. Вотъ денегъ-то и не хватаетъ. Кабы на машину хватило, пожалуй въ городъ-бы уѣхалъ».

Очевидно, что Еремей находился въ глубокой нерѣшительности, не зналъ, что̀ дѣлать, куда идти, что̀ покупать, что̀ исправлять въ одеждѣ, сапоги-ли, или шинель, или шапку. . Я предложилъ ему водки—онъ любилъ ее—но въ эту трогательную минуту онъ отказался. Онъ рѣшительно сказалъ: «боюсь я теперь пить!». И точно, настроеніе его было такое, что, зайдя въ теплый кабакъ, онъ не вышелъ бы оттуда на морозъ, не оставивъ въ кабакѣ всѣхъ семи рублей пятидесяти копѣекъ. Теперь въ кабакахъ играютъ въ карты, и ничего не было-бы мудренаго, еслибы Еремею пришла мысль поиграть «на счастье»... И все-таки Еремей ушелъ, не смотря на страстное желаніе остаться, не смотря на то, что ему ужасно боязно идти невѣдомо куда—въ холодъ, въ рваной одеждѣ, безъ денегъ и безъ силъ, которыхъ не дала природа. Ушелъ, потому что даромъ кормить его никто не будетъ. Надѣлъ рваную шапку, взялъ палку, крякнулъ какъ-то въ глубокомъ, чуть не до слезъ доходившемъ душевномъ разстройствѣ и пошелъ невѣдомо куда. Я стоялъ у окна и видѣлъ, какъ Еремей удалялся къ лѣсу, ступая рваными сапогами по занесенной снѣгомъ дорогѣ, шелъ, сгорбившись и вытянувъ впередъ длинную, обмотанную тряпками шею...

— Такое ужъ ему должно быть счастье! сказалъ Иванъ Ермолаевичъ о Еремеѣ.—Кто же виноватъ-то, что онъ не работникъ. Вѣдь этого перемѣнить нельзя... А за-даромъ кормить никто не станетъ. Откуда я возьму— сами посудите?.. Кабы мастерство какое зналъ, ну, еще ему бы можно было какъ-нибудь справиться помаленьку. А то и мастерства за нимъ нѣтъ... Въ кузню? - Слабъ... Вотъ и выходитъ, что ему надо кое-какъ жить, перебиваться... Случаемъ. А чтобы постояннаго жительства — этого нѣтъ... не подойдетъ ему. Нешто работники такіе бываютъ!

И точно, принявъ во вниманіе «породу» Еремея, его физическіе рессурсы, видишь, что для него какъ-бы естественно, *само собой* вытекаетъ такой, а не иной образъ жизни. Онъ *долженъ* такъ жить, никто не въ силахъ передѣлать его жизнь, никто на это не имѣетъ возможности. Его можно жалѣть, но самъ онъ волей-неволей долженъ пройти именно тотъ самый путь жизни, который ему предопредѣленъ и который объясняется условіями, находящимися въ его натурѣ, породѣ. Онъ *долженъ* поэтому кое-какъ шататься по свѣту, работать случайную работу, кое-какъ кормиться въ случайно попадающихся не слишкомъ бойкихъ для работы мѣстахъ, а померѣть ему придется такъ же, какъ вотъ недавно померъ въ деревнѣ бобыль. Померъ онъ потому, что физическія средства существованія были въ немъ истощены до послѣдняго предѣла, и замѣчательно, что имущества послѣ него осталось *какъ-разъ* столько, сколько необходимо надо на его погребеніе. За шапку дали восемнадцать копѣекъ, за остатки полушубка рубль, деньгами осталось въ тряпкѣ сорокъ копѣекъ и разной мелочи (лопата, горшокъ, одинъ новый лапоть) продано на нѣсколько копѣекъ, всего набралось два рубля восемьдесятъ три копѣйки, которые «точка въ точку» разошлись на погребеніе – за яму, попу, гробъ и т. д., даже три копѣйки, которыя оставались, казалось, лишними, и тѣ пришлось отдать нищему, который сидѣлъ на паперти во время отпѣванія. Словомъ, «копѣйка въ копѣйку» человѣкъ разсчитался съ бѣлымъ свѣтомъ, возвративъ ему все «до копѣечки», что взялъ отъ него для жизненнаго своего пути. Всякое сожалѣніе, скорбь и т. д.—все это будетъ нѣсколько фальшиво при такой «неизбѣжности» формъ и жизни, и смерти. Такимъ образомъ въ ту минуту, когда бобыль былъ зарытъ въ могилу, отъ него *ничего не осталось*, ни даже воспоминанія... На чужой головѣ «живетъ» его шапка, рваныя овчины перекроены и «живутъ» въ чужомъ полушубкѣ и все это живое въ иныхъ формахъ уничтожаетъ даже возможность воспоминанія объ умершемъ. Жизнь и смерть для человѣка, имѣющаго дѣло непосредственно съ природой, слиты почти во-едино. Вотъ умерло срубленное дерево, оно вянетъ, гніетъ, но въ то же самое мгновеніе пополняется новою жизнью. Подъ гніющей корой, невѣдомо откуда явились и копошатся тысячи червей, муравьевъ; все это суетится, лазаетъ, точитъ, ѣстъ мертвеца, тащитъ въ свой домъ, строится, устраиваетъ муравьиныя кучи, растаскиваетъ его по мельчайшимъ частямъ, какъ у бобыля шапку, полушубокъ, и, глядишь, нѣтъ дерева, а есть что-то другое, и не мертвое, а живое; дерево разсыпалось, и на томъ мѣстѣ, гдѣ оно лежало, по всей его длинѣ, выросъ крѣпкій мохъ, разнообразный, красивый и въ немъ послѣ хорошаго «грибнаго дождя» (для грибовъ бываетъ особенный грибной дождь)—масса грибовъ, которые черезъ день по появленіи жарятся на сковородѣ въ сметанѣ... Издохла лошадь, и немедленно, не давая вамъ поскорбѣть о погибшемъ работникѣ, она, эта самая мертвая лошадь, начинаетъ жить новою жизнью. Сколько живыхъ су-

ществъ мгновенно воспроизводитъ она въ одинъ день! Какая гибель червей, устраивающихъ свое собственное благосостояніе! Въ какомъ великолѣпномъ расположеніи духа стаи птицъ, воронъ, галокъ и всякихъ прелестныхъ лѣсныхъ пташекъ! Какъ выдѣлываютъ онѣ эти кости, доводя ихъ, при помощи своихъ острыхъ носовъ и содѣйствіи дождей и вѣтровъ, до степени великолѣпнѣйшей бѣлизны. На весну -- нѣтъ лошади, нѣтъ объ ней капли воспоминанія, потому что она вся разбѣжалась, расползлась и разлетѣлась тысячами живыхъ существъ. Недавно подъ поломъ того деревенскаго дома, въ которомъ я живу, собака вывела щенятъ. Она прорыла подъ некрѣпкимъ фундаментомъ лазъ и забралась въ самый дальній уголъ противоположной лазу части дома. Она сдѣлала это для того, чтобъ щенятамъ было теплѣй, чтобъ вѣтеръ, который будетъ проникать подъ полъ, чрезъ лазъ, не доходилъ до нихъ. По ночамъ во время снѣжныхъ вьюгъ они сильно вопіяли подъ поломъ; пробовали достать ихъ и перенести въ тепло, но это было невозможно сдѣлать, нельзя было пролѣзть подъ полъ. Но вотъ двѣ ночи къ ряду не слыхать ихъ писка; щенята замерзли. Несчастныя существа! Они не выдержали сильныхъ морозовъ и всей кучей, такіе хорошенькіе, маленькіе—замерзли! Но не успѣли вы посантиментальничать и пяти секундъ, какъ немедленно же, невѣдомо откуда, явилось множество сорокъ... Онѣ дѣлаютъ подъ поломъ свое дѣло и, веселыя, вылетаютъ оттуда. Сколько между ними по всей вѣроятности разговоровъ, и разговоровъ интересныхъ, оживленныхъ, ежели судить по стрекотанью красивенькихъ птицъ,—стрекотанью, которому онѣ съ азартомъ предаются на крышѣ дома, вокругъ загороди, на сосѣднихъ голыхъ деревьяхъ... Не безпокойтесь! онѣ также дѣлаютъ свое дѣло, и своимъ желаніемъ и правомъ жить уничтожаютъ вашу безплодную сантиментальность.

Отрывайте отъ семьи людей солдатчиной, дифтеритомъ... поболитъ раненое мѣсто и заживетъ. Жалко бываетъ смотрѣть иной разъ на деревенскую старуху, которая одна доживаетъ вѣкъ среди подрастающихъ внучатъ и правнучатъ. У нея нѣту мужа, нѣту двухъ сыновей—для нея все кончилось, какъ для дерева, которое срублено. Но корень у нихъ у обоихъ живъ и, зная свою смерть, они должны покорно созерцать процессъ собственнаго конечнаго истощенія, въ обиліи и въ безжалостности возникающей вокругъ нихъ и ихъ послѣдними соками питающейся жизни. Изъ-подъ умирающаго пня такъ и прыснули молодые побѣги, и, зеленѣя, своими молоденькими листьями такъ и рвутъ изъ него остатки силъ. Та-же участь и старухи: съ какой безжалостностью эксплуатируетъ ея привычку заботиться и любить—это новое, молодое, ребячье поколѣніе... Не уйти ей отъ этой жадной до вниманія бѣлоголовой толпы, и она ростетъ, сокрушая и разрушая старуху, и чѣмъ гуще и веселѣе этотъ человѣчій «прутнякъ», тѣмъ меньше у старухи силъ, тѣмъ ближе и смерть... Пришелъ сынъ изъ полка—но ужъ ему нѣтъ мѣста... Матушки ужъ нѣтъ, она вся истратилась въ молодомъ поколѣніи, а онъ, какъ отрубленный сукъ,—не приростетъ къ старому мѣсту.. А мы, съ Иваномъ Ермолаевичемъ, подумавши и обсудивъ участь этого сука, скажемъ:

— Такая ужъ ему, стало быть, участь... Вѣдь не приростетъ—стало быть, волей-неволей, а валяйся при дорогѣ, сгнивай помемногу... Такой предѣлъ.

VIII. Мишка.

Разскажу еще одинъ небольшой эпизодъ изъ жизни Ивана Ермолаевича, который подъ вліяніемъ «новыхъ» для меня взглядовъ показался мнѣ весьма привлекательнымъ. Иванъ Ермолаевичъ задумалъ учить своего сына, одиннадцатилѣтняго мальчика. Необходимо сказать, что потребность учить и учиться была сознаваема Иваномъ Ермолаевичемъ въ смутной степени. Обыкновенно онъ рѣшительно не нуждался ни въ какихъ знаніяхъ, ни въ какомъ ученіи. Жизнь его и его семьи, не исключая и одиннадцатилѣтняго сына, была такъ наполнена и такъ хорошо снабжалась знаніями, которыя сама-же и давала, что нуждаться въ какомъ-нибудь постороннемъ указаніи, совѣтѣ,—словомъ, въ чемъ либо непочерпаемомъ тутъ же, на мѣстѣ и на своемъ дѣлѣ—даже не было и тѣни надобности. Но иногда, минутами, что-то невѣдомое, непонятное, что-то доносящееся изъ самаго далекаго далека пугало Ивана Ермолаевича. Ему начинало казаться, что гдѣ-то въ отдаленіи что-то зарождается недоброе, трудное, съ чѣмъ надо справляться умѣючи. Онъ чувствовалъ собственную опасность такъ же, какъ по отдаленному звуку колокола догадывался, что гдѣ-то пожаръ и кто-то горитъ; и тутъ онъ догадывался, что есть какая-то бѣда, хоть и не зналъ доподлинно, кто горитъ и гдѣ, и въ чемъ бѣда. И въ такія-то минуты онъ говорилъ:—«Нѣтъ, надо Мишутку обучить грамотѣ. Надо!». Удивительно странныя обстоятельства приводили его къ этой мысли. Однажды во время косьбы зашли мы съ нимъ въ луга, арендуемые нѣмцами курляндцами. Попался намъ курляндецъ, сидитъ онъ на копнѣ сѣна и и что-то ѣстъ. Поглядѣли, ѣстъ рыбу.—«Какая это рыба?» спрашиваетъ Иванъ Ермолаевичъ.—«Салака!»—«Дай-ко отвѣдать». Нѣмецъ далъ. Иванъ Ермолаевичъ поглядѣлъ на рыбу, повертѣлъ ее въ рукахъ, помѣрилъ, откусилъ, пожевалъ и спросилъ:—«Почемъ?» Нѣмецъ сказалъ цѣну. Иванъ Ермолаевичъ доѣлъ рыбу, поблагодарилъ, и мы пошли дальше, и тутъ-то, ни съ того ни съ сего, Иванъ Ермолаевичъ вдругъ вздохнулъ глубоко-глубоко и сказалъ: «Нѣтъ, надо Мишутку учить! пропадешь, вѣрное слово, пропадешь! Ишь вонъ какую рыбу-то ѣстъ!». Или тоже поѣдетъ онъ куда-нибудь изъ дому, на мельницу, на станцію, наглядится тамъ разныхъ людей, наслушается въ трактирѣ за чаемъ разговоровъ разныхъ и, подавленный всею массою ихъ новизны, сдѣлается какъ-то суше, жостче въ обращеніи и

твердить: «Надо! вотъ уберемся, отдамъ учителю».

Но какъ только Иванъ Ермолаевичъ оставался дома, дѣлалъ свои домашнія дѣла, такъ все это въ немъ исчезало; онъ забывалъ, почему вдругъ ему вздумалось чему-то учить Мишутку. Словомъ, только какой-то непріятный гнетъ, который онъ ощущалъ внѣ дома, какія-то непріятныя, недобрыя вѣянія времени, которыхъ онъ никогда не могъ бы высказать мало-мальски въ опредѣленной формѣ, только это и приводило его къ мысли о необходимости учить сына. Иногда онъ заходилъ посовѣтоваться на этотъ счетъ и со мной. Но я ужъ до такой степени проникся взглядами Ивана Ермолаевича, что и самъ не могъ хорошенько опредѣлить, зачѣмъ собственно необходимо учить Мишутку? и главное, рѣшительно не могъ представить себѣ того, чему бы именно нужно было его учить. Поэтому въ разговорахъ объ ученіи мы съ Иваномъ Ермолаевичемъ только твердили одно:—«надо!». Онъ, чѣмъ-то угнетаемый, сидитъ, мрачно задумавшись, и твердитъ: «Нѣтъ, надо, надо!» И я ему отвѣчаю тѣмъ же: «Да, надо, Иванъ Ермолаевичъ!».—«Какъ-же?» говоритъ онъ, очевидно пытаясь подкрѣпить свои слова какими-нибудь основательными доводами, но обыкновенно ничѣмъ не подкрѣпляетъ, а такъ на словѣ и останавливался... Затѣмъ, помолчавъ довольно долго, вновь восклицалъ: «О-хъ, надо, надо. Нельзя безъ этого!». И я отвѣчалъ ему: «да ужъ безъ этого... какъ-же? Разумѣется, надо!»—«А я-то про что-жъ? Я про то и говорю, что—надо! Больше ничего!»—«Конечно, нужно! Чего же тутъ?»

Такимъ образомъ мы разговаривали съ Иваномъ Ермолаевичемъ иногда очень долго и расходились, чувствуя ужаснѣйшую тяжесть на душѣ. «Надо, надо!» а сущность и цѣль Ивану Ермолаевичу неизвѣстны, непонятны, а я ужъ лѣнюсь разъяснять ихъ, да и призабылъ, чѣмъ именно это *надо* слѣдуетъ оправдать.

Съ величайшею неохотою и какъ бы тяжестью на душѣ Иванъ Ермолаевичъ приводитъ намѣреніе свое въ исполненіе. Ужъ давно убрались съ хлѣбомъ, ужъ давно прошла осень и началъ устанавливаться зимній путь, а онъ все не везетъ Мишку къ учителю, раздумываетъ, къ кому отдать. Сначала думалъ было отдать учительницѣ, но на станціи ему разъяснили, что учительница ничего не стоитъ.

— Ты самъ посуди, говорили ему,—ну, что она, баба, можетъ? Вѣдь ученіе дѣло серьезное, вѣдь, братецъ ты мой, возьмемъ хоть твоего Мишку, вѣдь его обломать—вѣдь тутъ надобенъ какой учитель-то? Поди-ко, сшиби съ него дурь-то! Ты думаешь, это легко? Нѣтъ, братъ, запотѣешь! Тутъ надо вотъ какъ; чтобы ни-ни, ни Боже мой!.. Ну, гдѣ же тутъ бабѣ? Нѣтъ! Совѣтую тебѣ учителя разыскать, котораго посурьезнѣе—вотъ это такъ! Да чтобъ онъ твоего Михайлу съ перваго слова осадилъ, чтобы безъ послабленія, чтобы вогналъ его въ правило, установилъ въ точкѣ, остолбилъ его съ бацу—вотъ изъ него духъ-то этотъ, храпъ-то мужичій и выйдетъ вонъ! вотъ (показываетъ кулакъ), чтобы—аминь! ну, тогда онъ очувствуется!.. А такъ-то изъ него въ два года мужицкаго духу не выбьешь... сдѣлай милость! Я по себѣ знаю! Бывало, отецъ меня съ глазъ не спускалъ, какъ я сталъ учиться: такъ и стоитъ съ палкой! какъ чуть отвернулся — я маршъ черезъ заборъ... И что-жъ? Дралъ! да зато я теперича его поминаю добромъ, да! А кажется, какъ дралъ-то! До самаго училища отъ дому неотступно, бывало, съ хворостиной провожаетъ. Чуть оглянусь—разъ!.. Чуть въ сторону — два! Бывало, боемъ, чисто однимъ боемъ, въ школу-то вбивалъ. А то—бабѣ! Захотѣлъ ты отъ бабы порядку!»

Такимъ образомъ рѣшено было отдать Мишку учителю. Иванъ Ермолаевичъ нарочно съѣздилъ въ одну изъ ближнихъ деревень, гдѣ была земская школа, уговорился съ учителемъ, и наконецъ насталъ день, когда надо было везти Михайлу въ школу. До этой минуты на всѣ разговоры объ ученіи Михайла обыкновенно не отвѣчалъ ни одного слова. — «Вотъ, скажетъ Иванъ Ермолаевичъ: — скоро въ школу повезу, смотри, учись!» Михайло молчитъ, не отвѣчаетъ ни слова. Мальчикъ онъ былъ бойкій, веселый, разговорчивый, но, какъ только дѣло или разговоръ касался школы, Михайло дѣлался какъ каменный: не огорчается, не радуется, а смотритъ какъ-то осторожно.. Въ день отъѣзда Иванъ Ермолаевичъ сказалъ наконецъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Ну, Михайло, сейчасъ поѣдемъ. Мать, одѣнь Мишку-то!

Мать одѣвала его и плакала. Иванъ Ермолаевичъ также чуть не рыдалъ, не понимая, изъ-за чего должно происходить все это мученіе. Но Михайло хоть-бы словечко.

Спросятъ его: — «Радъ ты, что въ школѣ будешь учиться?»—Молчитъ. Спросятъ:

— «Чай, не любо въ школу-то идти?»

Опять нѣтъ отвѣта.

Но въ самой день отъѣзда Мишка далъ-таки свой отвѣтъ. Онъ скрылся въ ту самую минуту, когда все было готово, когда ужъ работникъ подвелъ запряженную лошадь, когда и Иванъ Ермолаевичъ одѣлся и Мишку одѣли. Все время Мишка былъ твердъ и молчаливъ, какъ желѣзный, самъ Иванъ Ермолаевичъ тяготился этимъ отъѣздомъ въ школу гораздо больше, чѣмъ Михайло. Иванъ Ермолаевичъ мучился этимъ отъѣздомъ, Мишка-же только молчалъ. И вотъ въ то время, когда Иванъ Ермолаевичъ нехотя и съ глубокимъ сокрушеніемъ сталъ влѣзать въ сани и со вздохомъ произнесъ:— «Ну, Михайло, полѣзай, братъ.»— оказалось, что Михайлы нѣтъ. Покликали, покричали—нѣтъ отвѣта. Принялись искать—опять нигдѣ нѣтъ; оглядѣли всѣ чердаки, всѣ углы въ домѣ и на дворѣ—нѣтъ Михайлы! Иванъ Ермолаевичъ сильно затревожился. — «Вѣдь спрашивалъ дьявола, сердился онъ:—хочешь въ ученье или нѣтъ? вѣдь молчитъ, какъ камень, дубина экая, а вотъ убѣгъ! Ужъ попадись ты мнѣ, я изъ тебя выбью отвѣтъ!» Но этотъ гнѣвъ немедленно-же смѣнялся въ родительскомъ сердцѣ состраданіемъ, и Иванъ Ермолаевичъ

видимо глубоко сожалѣлъ, что затѣялъ всю эту «музыку».—Жилъ-бы, молъ, такъ, вокругъ дому, къ работѣ привыкалъ, а то вотъ»... Къ вечеру мысли Ивана Ермолаевича окончательно склонились въ пользу того, что всей этой музыки затѣвать было не зачѣмъ. Надвигались сумерки, а Мишки не было. Всѣми, не исключая работниковъ, овладѣло глубокое уныніе, которое смѣнилось искреннѣйшею радостью, когда одинъ общій знакомый мужикъ изъ сосѣдней деревни ужъ темнымъ вечеромъ привезъ Мишку домой. Всѣ обрадовались, забыли всякіе разговоры объ ученьи, всякія намѣренія «пробрать» и т. д. Спрашивали только, «не замерзъ-ли», «чай, голоденъ», а работники, такъ тѣ откровенно высказывали свое одобреніе:—«Ловко ты, Мишанька... Право, ловко!...»

Мишка чувствовалъ себя побѣдителемъ и какъ-бы выросъ и окрѣпъ за эти нѣсколько часовъ бѣгства. Тотчасъ, какъ только его привезли, онъ переодѣлся, переобулся и въ нѣсколько минутъ обѣгалъ весь дворъ, заглянулъ въ хлѣва, сараи, и т. д., точно желалъ удостовѣриться, все-ли на своихъ мѣстахъ, все-ли по старому, все-ли благополучно. Мишку ужъ и не спрашивали, хочетъ онъ учиться или нѣтъ.

Съ недѣлю Иванъ Ермолаевичъ и не заикался о школѣ и ученьи, онъ приходилъ въ себя, у него были хлопоты съ сѣномъ, ему было не до того. Но опять пришлось ему побывать въ людяхъ, на станціи, въ городѣ—и опять онъ воротился съ тревожными мыслями. «Нѣтъ, безпремѣнно надобно учить. Ничего не подѣлаешь, не такое время»... И опять сталъ ожесточаться на Мишку. — «Ну, ужъ теперь я тебя туда завезу, говорилъ онъ о Мишкѣ:—ты у меня не убѣжишь... Я ужъ теперь знаю. Разговаривать не стану».

И точно, Иванъ Ермолаевичъ пересталъ говорить съ Михайломъ о своемъ намѣреніи, но вмѣстѣ со мной заключилъ заговоръ. Не говоря никому ни слова, мы выберемъ любой день, посадимъ Мишку въ сани и поѣдемъ въ другую деревню за двѣнадцать верстъ, близъ станціи желѣзной дороги. Тамъ мы его сразу и заточимъ въ школу и водворимъ въ квартирѣ. Тамъ есть у Ивана Ермолаевича знакомые, которые будутъ присматривать, приглядывать, а въ случаѣ чего и по затылку дадутъ—ничего, выдержитъ! скотина добрая...

Мишка ничего не подозрѣвалъ, когда Иванъ Ермолаевичъ приказалъ заложить лошадь, объявивъ, что ѣдетъ на мельницу. Онъ, какъ и всегда, помогалъ запрягать, причемъ любилъ дернуть лошади морду и въ бокъ, и кверху, и точно большой мужикъ загоготать на нее и т. д. Когда лошадь была подана, Иванъ Ермолаевичъ внезапно объявилъ Михайлѣ, находившемуся въ избѣ: — «Одѣвайся, со мной поѣдешь». Михайло побѣлѣлъ какъ полотно, почувствовалъ, что схваченъ врасплохъ, но ни слова не сказалъ, одѣлся; тутъ подоспѣлъ и я; посадивъ Михайлу въ средину между нами, мы тронулись въ путь. Михайло молчалъ, какъ каменный; но однажды взглянулъ на меня. и въ этомъ взглядѣ я замѣтилъ ужасное негодованіе. Онъ не зналъ, куда ѣдемъ, но подозрѣвалъ. По хорошей зимней дорогѣ мы «духомъ» долетѣли до деревни, гдѣ была школа, и обдѣлали все дѣло не больше, какъ въ одинъ часъ. Какъ разъ противъ школы нашли квартиру у вдовы-старушки, внучки которой также учились въ школѣ, дали задатокъ, повели Мишку къ учителю, переговорили съ нимъ, также дали задатокъ, послѣ чего учитель сію-же минуту взялъ Мишку и увелъ въ школу, гдѣ ужъ сидѣло и жужжало человѣкъ сорокъ малыхъ ребятъ. Переходъ отъ деревенской, интересной, понятной жизни къ непонятной и скучной школѣ, отъ знакомыхъ людей, гдѣ Мишка начиналъ ужъ считать себя «большимъ», «парнемъ», въ среду незнакомыхъ, чужихъ ребятъ, былъ необыкновенно быстръ и рѣзокъ. Мишка, хотя и былъ крѣпковатъ на нервы, а когда учитель усадилъ его въ самую середину школьной толпы, малый «загорѣлся», вспыхнулъ, смутился и оторопѣлъ...

— Это самое и надо! сказалъ Иванъ Ермолаевичъ, когда мы выбрались изъ школы. Онъ и самъ былъ испуганъ школой не меньше Мишки.—Такъ и нужно прямо подъ обухъ! Скорѣй оботрется... Оглушить его этакъ-то — онъ и пообмякнетъ... Это слава Богу, что такъ—прямо объ земь! Ничего, пущай! закончилъ Иванъ Ермолаевичъ, и мы поѣхали прочь отъ школы.

По дорогѣ заѣхали мы къ кузнецу, котораго звали Лепило и который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и коновалъ. У него находилась на излеченіи лошадь Ивана Ермолаевича. Лепило сдѣлался коноваломъ какъ-то совершенно нечаянно, потому что ему это занятіе «подошло». Онъ былъ кузнецъ, ковалъ лошадей, и всякій разъ мужики спрашивали у него совѣтовъ, не знаетъ-ли, отчего лошадь хромаетъ, что такое вотъ тутъ, на ногѣ, у ней пухнетъ и т. д. Лѣтъ пять Лепило отвѣчалъ на эти вопросы: — «Не знаю!» «Почемъ я знаю?» и т. д. Но потомъ помаленьку да полегоньку сталъ онъ давать и отвѣты: «Пухнетъ? Это пухнетъ... опухъ такой бываетъ... отъ этого». Или:—«Хромаетъ? это она хромаетъ отъ болѣзни, болѣзнь такая есть». А потомъ сталъ и лечить. Помогла и надоумила его въ этомъ дѣлѣ жена.—«Чего ты? сказала она.— Кому-жъ лечить-то, коль не тебѣ? Безперечь ты при лошадяхъ, да тебѣ не лечить? Кабы коновалы были—ну, такъ. А то только пользу свою опускаешь!» — «А и въ самомъ дѣлѣ!» подумалъ Лепило и сталъ по-маленьку пріучаться къ дѣлу; какъ извѣстно, тряпка. самая обыкновенная, коль скоро ею завяжутъ рану, или вообще больное мѣсто, ужъ сама по себѣ представляетъ какъ-бы лекарство или медикаментъ—и вотъ Лепило сталъ лечить при помощи тряпки и всякой дряни, какая только попадалась «округъ дому». Не ходить-же ему за десять верстъ въ аптеку, да и что-бы онъ могъ тамъ купить? Поэтому всякую нечисть двора, все онъ мазалъ на тряпку, иногда перемѣшивалъ одну нечисть съ другой и опять-же мазалъ на тряпку. Иной разъ жена вытащитъ на вьюшкѣ сажи или

золы, или вообще какой-нибудь совершенно никому ненужной дряни и скажетъ ему:—«На!...» Лепило знаетъ, что̀ означаетъ это краткое изреченіе, и валитъ сажу или золу въ приготовленную дрянь. Единственныя средства, употреблявшіяся имъ и дѣйствительно могущія назваться средствами, были крѣпкая водка, купоросъ, скипидаръ, а въ послѣднее время керосинъ. Каленое желѣзо «само собой» ужъ должно было считаться въ числѣ средствъ Лепилы, какъ кузнеца: ничего нѣтъ легче раскалить желѣзную полосу и ткнуть въ больное мѣсто. А между тѣмъ это—тоже лекарство, и никогда недаровое.

Заѣхали мы къ Лепилѣ, поглядѣли больную лошадь, къ ногѣ которой была привязана тряпка съ лекарствомъ вышеописаннаго приготовленія, зашли кромѣ того въ лавки кое-что купить, часа два пили въ трактирѣ чай, грѣлись, разговаривали и воротились домой шажкомъ ужъ часу въ первомъ ночи.

— Мишка прибѣжалъ! было первое слово, сказанное женой Ивана Ермолаевича, когда мы подъѣхали къ крыльцу его избы.

И я, и Иванъ Ермолаевичъ были несказанно изумлены. Иванъ Ермолаевичъ вылѣзъ изъ саней и молча пошелъ въ избу; я также молча пошелъ домой: было уже поздно, и поэтому съ Иваномъ Ермолаевичемъ я увидѣлся только утромъ.

— Это его учитель прислалъ... Грифель вишь. . книгу какую-то надо.... бумагу...

Потолковали мы насчетъ расходовъ и порѣшили отвести Мишку и послать учителю деньги, чтобы купилъ грифель и все, что̀ нужно. Отправили Мишку на слѣдующій же день съ работникомъ. Но утромъ черезъ день Мишка опять явился.

— Ты зачѣмъ?

— Хозяйка прогнала. Напилась пьяна, стала драться, погнала вонъ... Не пимши, не ѣмши...

Михайло разсказалъ возмутительную исторію о поступкахъ хозяйки.

Всѣ жалѣли его, особенно же жалѣли, что онъ и сапоги, и ноги истрепалъ. Но Мишутка въ моменты своихъ кратковременныхъ возвращеній не обращалъ повидимому никакого вниманія ни на сожалѣнія о его ногахъ, ни на самыя ноги. Едва прибѣжавъ изъ дальняго путешествія по снѣгу, онъ немедленно-же пускался осматривать, все-ли цѣло, все-ли такъ, какъ было при немъ въ родномъ его мѣстѣ. Бѣгалъ въ коровникъ, въ свиной хлѣвъ, къ овцамъ, къ лошадямъ, въ сарай, въ баню къ уткамъ; все это онъ дѣлалъ лихорадочно, поспѣшно—прибѣжитъ, откроетъ дверь въ хлѣвъ, въ коровникъ, оглядитъ, пересчитаетъ, захлопнетъ дверь—летитъ въ сарай, и тамъ все пересмотритъ, перепробуетъ, рукой пощупаетъ; словомъ, не нарадуется на свои родныя мѣста, въ которыхъ ему, очевидно, дорога каждая порошинка.

На слѣдующее утро поѣхалъ съ Мишкой самъ Иванъ Ермолаевичъ, такъ какъ надо было разобрать дѣло. По его отъѣздѣ пришелъ работникъ и сказалъ мнѣ:

— А не будетъ Михайло учиться, нѣтъ, не будетъ!

— Почему же?

— Не къ тому привержень. У него есть приверженность къ хозяйству, лошадей любитъ, скотину; а это ученье не по немъ—не будетъ! Я ужъ знаю его характеръ. Теперича, ежели ему лошадью править, снопы возить, такъ онъ трясется отъ радости. А это ученье—нѣтъ. Вѣдь онъ мнѣ самъ сказывалъ, что на хозяйку-то наплелъ, насказалъ облыжныхъ словъ. А все изъ-за того, чтобы отецъ его отдалъ къ Лепилѣ на квартиру, потому что тамъ наша кобыла. Онъ самъ сказывалъ: «какъ, говоритъ, я увидѣлъ нашу рыжую, какъ она стоитъ съ больной ногой, вспомнилъ домъ, такъ и уперъ изъ училища». Нѣтъ, не будетъ, не такой парень.

Иванъ Ермолаевичъ воротился въ глубокомъ уныніи. Мишка все навралъ—и на хозяйку, и на учителя. Учитель и не думалъ его посылать, а хозяйка, въ виду такой безсовѣстности, отдала Ивану Ермолаевичу назадъ деньги и отказалась держать Мишутку. Волей-неволей пришлось помѣстить Мишутку къ Лепилѣ, но при этомъ Иванъ Ермолаевичъ «оттрепалъ» его за волосы.

Но этимъ мученія не окончились: дня черезъ два мужики, воротясь со станціи, объявили, что Мишка тамъ трется вокругъ вагоновъ, помогаетъ подводить лошадей и заслуживаетъ тѣмъ всеобщія похвалы. Но что̀ ужасно — жалуется мужикамъ на жестокое обращеніе отца: бьетъ, выгналъ изъ дому; проситъ пріютить и жалуется самымъ лютымъ врагамъ Ивана Ермолаевича, срамитъ его не на животъ, а на смерть передъ людьми, ничего нестоющими. Иванъ Ермолаевичъ вышелъ изъ себя и немедленно-же пустился ловить Мишутку и тутъ началась борьба. Только-что Иванъ Ермолаевичъ настигнетъ его, положимъ, у вагоновъ, Мишка—подъ вагонъ, а Иванъ Ермолаевичъ, въ ужасѣ, что его раздавитъ, не знаетъ, что̀ дѣлать. Изъ-подъ вагона Мишка пускается въ бѣга. Иванъ Ермолаевичъ узнаетъ это отъ какого-нибудь встрѣчнаго мужика и ѣдетъ разыскивать, но и разыскать не было возможности, потому что Мишка такъ умѣлъ насказать про отца, что его прятали, скрывали—«нѣту у насъ!». Дня три подъ рядъ Иванъ Ермолаевичъ возвращался домой безъ всякаго успѣха, но съ увеличившимся ожесточеніемъ. «Погоди, мошенникъ, я тебя тоже поймаю! Придешь, при-идешь, мошенникъ, ужъ я тебя тогда употчую». Мишка должно-быть и самъ чуялъ бѣду, но не сдавался, а только еще неутомимѣе выказывалъ свое сопротивленіе. Откуда у него брались силы, чтобы безъ устали цѣлые дни давать концы по десяти-двѣнадцати верстъ—уму было непостижимо. Наконецъ-таки словили и привезли... Къ этому времени на Мишку всѣ были до того ожесточены, онъ такъ много насрамилъ, налгалъ на отца и мать, такую пустилъ про нихъ худую славу, что появленіе Мишки вызвало ужъ не радость, а единодушное восклицаніе отца и матери: «Драть!». Розги были припасены, и едва Мишка появился въ избѣ, какъ Иванъ Ермолаевичъ крикнулъ работнику: «Держи-кось его, Ѳедоръ!». Но Ѳедоръ наотрѣзъ отказался и ушелъ вонъ; не драть, а хвалить

мальчишку надо-бы было, по его мнѣнію, за такіе молодецкіе подвиги и за такое образцовое сопротивленіе какому-то учителю. Работница тоже отказалась и убѣжала, и по тѣмъ же причинамъ. Тогда взялась держать мать. Мишка ужасно оралъ, молилъ и вопіялъ, но дранье было безпощадное...

Это-то дранье и было его окончательной побѣдой; сорвавъ зло, Иванъ Ермолаевичъ немедленно утихъ и крайне удивился, что все это мученіе произошло изъ-за какого-то ученья. Онъ рѣшительно ужъ не могъ понять, зачѣмъ оно нужно Мишкѣ, несомнѣнныя достоинства котораго, выказанныя во время всей этой исторіи, выступили теперь со всей яркостью; нежеланіе учиться исчезало совершенно передъ этимъ упорнымъ желаніемъ жить въ крестьянскихъ условіяхъ, передъ этой любовью «къ крестьянству», выражавшейся въ любви къ скотинѣ, къ нашей рыжей кобылѣ, въ этомъ неудержимомъ стремленіи «домой», гдѣ дорога каждая курица, утка. Съ каждой минутой Иванъ Ермолаевичъ убѣждался, что въ Мишкѣ растетъ надежный представитель его семьи, работникъ, привязанный къ «крестьянству» неразрывными узами, и недавнее негодованіе замѣнилось весьма скоро восхищеніемъ.

На другой день Иванъ Ермолаевичъ, придя поговорить со мною и разсказавъ о Мишкѣ, о томъ, какъ ему досталось за все, постепенно перешелъ къ похваламъ его упорству, крѣпости, неподатливости, силѣ физической, удивительной въ эти годы. Иванъ Ермолаевичъ съ восхищеніемъ говорилъ: «Вѣдь почесть, что полтораста верстъ отмахалъ взадъ и впередъ въ эти дни-то...» Словомъ, съ хозяйственной, земледѣльческой, крестьянской точки зрѣнія Ивана Ермолаевича, Мишка выходилъ отличнѣйшимъ парнишкой, изъ котораго выйдетъ отличнѣйшій мужикъ... Мишку хвалили и одобряли всѣ, работники въ особенности, и главнымъ образомъ за то, что, кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ крестьянскихъ достоинствъ, Мишка умѣлъ «насолить». Такимъ образомъ въ этомъ множествѣ похвалъ, расточаемыхъ всѣмъ понятнымъ качествамъ крестьянина-работника, обнаруженнымъ Мишкой, безъ слѣда исчезало и его умѣнье лгать, лишь-бы добиться своего, и его беззастѣнчивость срамить незнакомыхъ людей, даже отца родного, для того-же опять, чтобъ добиться своего. За это Мишка былъ выдранъ—и все это позабыто. Съ этихъ поръ и до настоящаго времени Иванъ Ермолаевичъ не упоминаетъ объ ученіи, а Мишка опять тотъ-же, какъ былъ; все у него зажило и, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ попрежнему цѣлые дни толчется около коровъ, овецъ, косьбы, сѣна, жнива...

IX. Узы неправды.

Такимъ образомъ, благодаря Ивану Ермолаевичу, вліянію его взглядовъ и всей его жизненной обстановки, я незамѣтно перенесъ мои интересы изъ удушливой области интересовъ русскаго образованнаго, немужицкаго человѣчества—изъ области, гдѣ размышленія и безпокойства человѣка не сопровождаются соотвѣтственными поступками или гдѣ поступки не сопровождаются соотвѣтствующими имъ размышленіями; гдѣ наконецъ зачастую приходится поступать вопреки «соотвѣтствующимъ» размышленіямъ, я, проникнутый до нѣкоторой только степени земледѣльческими идеалами Ивана Ермолаевича, вступилъ въ благословенную сѣнь, гдѣ, напротивъ, всѣ взаимныя отношенія, весь обиходъ жизни держатся исключительно на поступкахъ, непремѣнно сопровождающихся только тѣми размышленіями, которыя поступкамъ соотвѣтствуютъ вполнѣ, гдѣ даже и признака нѣтъ такого рода размышленій или безпокойствъ, которыя бы не имѣли въ результатѣ поступка или которыя-бы исходною точкою не имѣли какого-либо совершенно ясно видимаго, ощущаемаго поступка... Не знаю, въ гору или подъ гору шелъ я, переходя изъ одной области въ другую, но знаю положительно, что переходъ былъ благодѣтеленъ; огромная область тлетворныхъ безпокойствъ замѣнилась малымъ райономъ вполнѣ опредѣлимыхъ и удовлетворимыхъ нуждъ, и все во мнѣ и вокругъ меня стало яснѣе, чище, здоровѣй, покойнѣй.

Но все это благополучіе (а это состояніе было воистину наиблагополучнѣйшимъ состояніемъ) было, увы! мгновенно разрушено, разрушено въ одинъ краткій мигъ.

Въ одну изъ тѣхъ пріятнѣйшихъ минутъ, когда я, удивляясь своему «оздоровленію», недоумѣвалъ, какъ это можно существовать, думать, тревожиться, словомъ—жить, не поступать или поступать не думая, или поступая «вопреки»,—Иванъ Ермолаевичъ привезъ со станціи цѣлый ворохъ газетъ. Я положительно сталъ уже отвыкать отъ интереса къ этимъ большимъ листамъ бумаги, начиная уже совершенно соглашаться съ тѣмъ директоромъ одного банка, который не принималъ въ обезпеченія ссудъ никакихъ, даже самыхъ капитальныхъ изданій, говоря: «Еслибы вы представили просто бумагу—мы бы приняли, бумага—товаръ. Но книга... газета... это уже *испорченная бумага...*» Благодаря Ивану Ермолаевичу, я былъ уже такъ далекъ отъ всего, что въ этихъ бумагахъ пишется, какъ-бы находился за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ... Все это гдѣ-то тамъ, далеко... далеко... и главное, совсѣмъ-таки не касается насъ съ Иваномъ Ермолаевичемъ. Но старая привычка къ большой бумагѣ заставила меня пошумѣть этими огромными листами, пошумѣть такъ, отъ нечего дѣлать. И вотъ тутъ-то на мое глубокое насчастіе два-три факта изъ текущей дѣйствительности почти мгновенно унесли меня отъ этой деревни, отъ этихъ хлѣбовъ, посѣвовъ, жнитва, косьбы, полушубковъ, сохъ, боронъ, армяковъ и т. д., и т. д. въ міръ фраковъ и сюртуковъ, въ міръ жгутовъ вмѣсто эполетъ и эполетъ съ жгутами, въ міръ красныхъ и иныхъ околышей, облегающихъ головы всевозможныхъ партій, направленій, мнѣній, по-

ступковъ, не сопровождающихся соотвѣтственными мнѣніями, и мнѣній, не сопровождающихся поступками. Словомъ, я очутился въ образованномъ обществѣ.

Тщетно старался я возвратить утраченное спокойствіе—убійственные газетные листки разверзли уже начавшую было заживать душевную язву, и я уже не могъ оторвать своей мысли отъ картины, представлявшей «положеніе» такъ называемаго образованнаго человѣка и общества, въ которомъ онъ вращается,—общества, въ которомъ, говоря словами апостола Павла, «сердца исполнены горькой желчи и въ узахъ неправды».

Удивительнѣе всего то, что объ этомъ пребывающемъ въ узахъ неправды немужицкомъ обществѣ заставилъ думать меня исключительно мужицкій процессъ, напечатанный въ судебной хроникѣ одной изъ газетъ, привезенной Иваномъ Ермолаевичемъ. Процессъ этотъ всѣмъ извѣстенъ, и пересказывать я его во всей подробности не буду. Характернѣйшій признакъ процесса—сопротивленіе крестьянъ властямъ: пріѣхалъ судебный приставъ описывать имущество крестьянъ за неплатежъ долговъ помѣщику, и крестьяне оказали ему сопротивленіе. Приставъ началъ палить изъ пистолета, одного убилъ, троихъ ранилъ и убѣжалъ. Крестьянъ судили, обвинили, наказали и все по порядку. Но роли мужиковъ и не-мужиковъ во всей этой исторіи въ высшей степени оригинальны, по крайней своей противоположности. Втеченіе *двадцати* лѣтъ мужики преслѣдуютъ одну совершенно реальную, опредѣленную цѣль, выражая ее въ требованіи увеличенія земельнаго надѣла. Двадцать лѣтъ *безъ передыху* они твердятъ одно: «*земли мало*!». Втеченіе шестнадцати лѣтъ изъ двадцати они ходятъ съ этими простыми словами по всѣмъ инстанціямъ, заполненнымъ не-мужицкимъ народонаселеніемъ; ходятъ въ управу по крестьянскимъ дѣламъ, и въ управу земскую, ходятъ къ предводителю, къ предсѣдателю, къ исправнику; ходятъ въ присутствіе, въ канцелярію, въ коммисію; черезъ шестнадцать лѣтъ наконецъ имъ привозятъ планъ на «всю землю», которая, по ихъ мнѣнію, имъ нужна и которою они всегда пользовались. На планѣ дѣйствительно изображена та самая земля, какая имъ нужна. За планъ этотъ они платятъ деньги, и не кому-нибудь, а самому становому приставу, который вручилъ планъ именно *имъ*, а не помѣщику, по мнѣнію крестьянъ, съ 1861 года оттягавшему часть принадлежащей имъ земли. Получивъ планъ, крестьяне входятъ во владѣніе, какъ видно въ полномъ сознаніи права и въ полной увѣренности въ этомъ правѣ: у нихъ «плантъ», за который отданы деньги, и они желаютъ пользоваться только той землей, которая «*на плану*»—чужого имъ не надо. Но тутъ-то, когда повидимому кончились всѣ мученія, всѣ хожденія и траты на просьбы и канцеляріи, крестьянъ начинаютъ убѣждать, даже «внушать», что планъ этотъ *ничего не значитъ*, что планъ этотъ долженъ-бы быть врученъ имъ въ 1847 году, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, хотя того плана, настоящаго плана, который слѣдовало имъ имѣть послѣ 1861 года, имъ не дали: даже уставной грамоты не выдали. Имѣя всѣ основанія не вѣрить этимъ «увѣщаніямъ» и внушеніямъ, ибо опять-таки у нихъ въ рукахъ планъ, за который заплачено и который врученъ становымъ, крестьяне не могутъ понимать ни исковъ къ нимъ помѣщика, не могутъ думать даже, что они должны; рѣшительно не понимаютъ основаній, по которымъ является приставъ въ сопровожденіи почти шестидесяти человѣкъ вооруженнаго народа и начинаетъ хватать поросятъ, а потомъ палитъ изъ пистолета. Даже находясь на скамьѣ подсудимыхъ, они продолжаютъ твердить: «мало земли», и продолжаютъ не понимать всей этой путаницы. Не поймутъ они ее и въ арестантскихъ ротахъ и даже на каторгѣ въ Сибири. Несомнѣнно, что они—люди темные, что они не могутъ разобрать, какой привезли имъ «плантъ», что̀ значитъ вотъ эта линія, оттѣненная синей краской, что̀ значатъ эти А, В, С, и т. д. Но цѣль ихъ ясна—«земли мало!». Съ этой мыслью они шлялись по судамъ, съ этой мыслью были на скамьѣ подсудимыхъ, съ этой мыслью будутъ сидѣть въ арестантскихъ ротахъ. Такъ же ли просто и ясно выражали свои требованія, или давали отвѣтъ на такое простое, ясное явленіе, какъ: «мало земли», и тѣ многочисленнѣйшія учрежденія, наполненныя не мужиками, къ которымъ крестьяне обращались? Сказали они просто и рѣшительно: «Нѣтъ тебѣ земли! Не будетъ!..» И вообще преслѣдовали-ли они какую-нибудь опредѣленно поставленную, по отношенію къ крестьянамъ, свою, не крестьянскую цѣль? Но вотъ именно этой-то ясности, простоты и твердости въ поступкахъ немужицкаго общества и нѣтъ въ отношеніяхъ къ обществу мужицкому. Сію минуту, сидя въ арестантскихъ ротахъ, мужики знаютъ, что «земли, *стало быть*, не дадутъ!». Но вѣдь *не дать* ея господа образованные люди могли еще въ 1861 году, т. е. двадцать лѣтъ тому назадъ, и это принесло-бы, какъ увидимъ ниже, несомнѣнную пользу какъ мужикамъ, такъ и помѣщику. Но вотъ на эту-то рѣшительность, опредѣленность въ поступкахъ образованная половина процесса и оказалась неспособною. Въ подлинномъ процессѣ сказано, что съ 1861 года по 1877 годъ, то есть втеченіе шестнадцати лѣтъ, крестьяне на свои просьбы не получили никакого отвѣта, не получили даже плана и уставной грамоты. Но на дѣлѣ они непремѣнно получали отвѣты, и притомъ навѣрно всякій разъ при посѣщеніи инстанцій, наполненныхъ образованными людьми. Имъ отвѣчали примѣрно такъ: «Еще не разсмотрѣна просьба... приходите черезъ два мѣсяца...» или:—«Предсѣдатель не пріѣзжалъ... уѣхалъ въ Петербургъ»... или:—«Разсматривается... вчерашній день доложено»... Такъ говорили мелкіе сорта образованныхъ людей. Но несомнѣнно, что и крупные сорта также удостоивали ихъ разговоромъ... Не разъ «застигали» они предсѣдателя врасплохъ, гдѣ-нибудь на подъѣздѣ, даже на улицѣ; не разъ застигали они и предводителя гдѣ-нибудь въ швейцарской, или въ магазинѣ, или на подъѣздѣ церкви. всегда

эти господа удостаивали ихъ отвѣтомъ: «Знаю.. Знаю.. Вамъ сказано, что пришлется бумага. Все будетъ въ свое время... Еще не разсмотрѣно—кажется, говорятъ вамъ русскимъ языкомъ!» Или: «Будетъ, будетъ разсмотрѣно... Не вы одни... И кромѣ васъ цѣлыя сотни такихъ же дѣлъ... Нельзя вдругъ... Васъ увѣдомятъ» и т. д... Иногда, такъ лѣтъ черезъ пятокъ, ихъ ошарашивали вопросомъ: «А почему не представлена уставная грамота?»—«Да мы не получали, батюшка!»—«Какъ же такъ не получали? Не можетъ быть!—Иванъ Ивановичъ! Вотъ не получали уставной грамоты»..—«Успѣть нельзя-съ!...»—«Ну, а безъ уставной грамоты ничего нельзя.. Что-жъ я буду дѣлать, не зная, въ чемъ дѣло? Ты вотъ старый человѣкъ, ходокъ, ну, разсуди ты самъ, ну, что возможно сдѣлать безъ уставной грамоты? Погодите! Получите грамоту, тогда и можно входить съ прошеніемъ, ходатайствовать... Что же я могу сдѣлать теперь? Который разъ вы совершенно понапрасну являетесь, отрываете меня отъ дѣла...»—«То-то бы грамоту-то надобно!»—«И надо погодить! Нельзя всѣмъ вдругъ, вы не одни въ уѣздѣ... Вѣдь тутъ не тысячи человѣкъ работаютъ... всѣмъ вдругъ угодить нельзя. Надо ждать... А тогда и приходить!» Такимъ образомъ отвѣты были и, какъ видите, отвѣты, даже разъясняющіе крестьянамъ ихъ темноту; но, съ другой стороны, можно также вполнѣ справедливо заключить, что ровно никакихъ отвѣтовъ и не было, ибо до сей минуты, несмотря на разъясненіе необходимости имѣть уставную грамоту, этой самой грамоты крестьяне все-таки не получили...

Становой приставъ, вручившій или, вѣрнѣе, «всучившій» крестьянамъ «плантъ», поступалъ еще рельефнѣе въ смыслѣ отсутствія опредѣленности въ поступкахъ. Онъ привезъ планъ собственно для врученія г-ну помѣщику. Явясь въ его домъ, онъ сказалъ: «Вотъ планъ... по размежеванію... позвольте получить пятьдесятъ рублей за составленіе!»—«Какой планъ?» спросилъ помѣщикъ.—«Планъ по размежеванію 1847 г.»—«Да на какой онъ мнѣ чортъ, этотъ планъ? Теперь 1887 г., съ тѣхъ поръ прошло тридцать лѣтъ, совершилось освобожденіе крестьянъ, тутъ въ планѣ должно быть означено что—ихъ и что мое... Мнѣ надо планъ 1861 г., а 1847 г. мнѣ не нуженъ. Куда мнѣ его?..»—«Но какъ-же-съ, пятьдесятъ-то рублей?»—«А мнѣ какое дѣло? Привозили-бы его въ 1847 г., тогда бы вамъ и уплатилъ старый владѣлецъ»...—«Такъ не благоугодно?»—«Нѣтъ, не благоугодно»... Почесалъ становой за ухомъ, подумалъ и пошелъ къ мужикамъ:—«Не возьмутъ ли хоть они. Вѣдь они всѣ добиваются какого-то плана... Такъ-ли, сякъ-ли, а пятьдесятъ цѣлковыхъ—привези!» И вотъ онъ сталъ убѣждать мужиковъ принять планъ.—«Вотъ, сказалъ онъ, планъ на *всю* землю». Слово *всю* онъ вставилъ собственно потому, что зналъ симпатію крестьянъ къ этому слову.—«На всю *нашу* землю?»—спросили крестьяне:—тутъ становой подумалъ и придумалъ такой отвѣтъ.—«Да! сказалъ онъ совершенно твердо и прибавилъ:—на всю, которая находилась въ вашемъ пользованіи при прежнемъ владѣльцѣ».—«Старинной стало-быть нарѣзки!»—«Да! тоже твердо отвѣтствовалъ:—планъ старинной нарѣзки!»—«Какъ въ прежнее время было?»—«Какъ въ прежнее... Это планъ старый; именно какъ въ прежнее время!» Такимъ образомъ становой тоже давалъ отвѣты, не молчалъ, и притомъ давалъ отвѣты правдивые! Что онъ сказалъ?—«Это планъ старой нарѣзки». Развѣ онъ солгалъ, что ли? Онъ сказалъ крестьянамъ сущую правду... Надо ему пятьдесятъ-то рублей получить... Развѣ онъ виноватъ, что они *не такъ* его поняли? и т. д. Но, кромѣ этихъ оффиціальныхъ образованныхъ людей, даже помѣщикъ, съ которымъ тягались крестьяне, и тотъ не высказалъ въ этомъ дѣлѣ спасительной твердости. Вѣдь и онъ могъ привести «къ одному знаменателю» своихъ противниковъ еще въ 1861 г., и притомъ по закону, а главное двадцать лѣтъ зналъ бы, что дѣлать, т. е. находился бы въ положеніи совершенно опредѣленномъ. Стоило только твердо и рѣшительно опредѣлить и установить свои права, а онъ-то, лицо, прямо заинтересованное въ ясности постановки дѣла, дѣйствуетъ почти такъ-же, какъ становой и вышеупомянутыя инстанціи образованныхъ людей. Онъ совершенно неразсчетливо позволяетъ крестьянамъ путаться въ неосуществимыхъ надеждахъ—двадцать лѣтъ; молчитъ, какъ будто ничего не понимаетъ—когда становой «всучитъ» мужикамъ ненужный планъ, думая вѣроятно: «пускай, пускай, попутаются съ нимъ... приду-утъ!» И въ концѣ концовъ, изъ всей этой нерѣшительности, т. е. отсутствія рѣшимости и смѣлости предъявить свои права и цѣли въ полной ясности и простотѣ, вышло нѣчто неперевариное по срамотѣ внутренняго содержанія. Поступая въ этой тяжбѣ помѣщика съ крестьянами рѣшительно и прямо, всѣ дѣйствующія въ этомъ дѣлѣ лица, и мужики и не-мужики, никогда не пришли бы къ тому жестокому, безсмысленному и разорительному для обѣихъ сторонъ результату, къ которому пришли теперь. Держали ли «образованные люди» руку помѣщика? Какъ будто бы и держали: они вотъ не препятствовали крестьянамъ путаться и не давали имъ прямыхъ отвѣтовъ; смотрѣли на это сквозь пальцы. Но, съ другой стороны, они и разорили помѣщика; они на двадцать лѣтъ остановили правильность его хозяйства, и теперь, хотя арестантскія роты и доказали мужикамъ, что *стало быть не будетъ* и что слѣдовательно имъ приходится поклониться насчетъ земельки помѣщику, приходится пойдти къ нему въ батраки, но помѣщикъ ничуть отъ этого не выигралъ: онъ окруженъ населеніемъ недоброжелательнымъ,—населеніемъ, которое ему приписываетъ теперешнее свое разореніе,—населеніемъ, думающимъ, что онъ двадцать лѣтъ мутитъ ихъ, заставляя тратиться и разоряться... Будутъ у него работники, и работники дѣловые, но не дай Богъ жить съ такими работниками...

Съ другой стороны, выказали-ли ясно и твердо тѣ же самые образованные люди свое намѣреніе

привести мужика къ одному знаменателю, указать ему «точку» и на этой точкѣ утвердить на вѣки-вѣковъ, чтобы навѣки-вѣковъ мужикъ зналъ и эту точку, и «свою линію»? Нѣтъ, не рѣшились и на это. Правда, нельзя сказать, чтобы они помѣшали мужику запутаться, остаться въ дуракахъ, но они нерѣшительностью поддерживали въ немъ фантазіи. Они говорили: «погодите... все сдѣлается, получите бумагу... планъ, планъ—планъ... безъ плана ничего нельзя... планъ на *всю* землю... прежняя нарѣзка... какъ прежде...» Такимъ образомъ дѣйствуя, они не только не искоренили вредныхъ иллюзій, но положительно, можно сказать, развивали и поддерживали ихъ. Такимъ образомъ въ концѣ-концовъ получилось не просто разореніе одной стороны и устроеніе другой—какъ это было-бы при рѣшительности и рѣшимости въ образѣ дѣйствій — а разореніе обѣихъ сторонъ, и кромѣ того ожесточеніе: мужики ожесточены на помѣщика, помѣщикъ—на мужиковъ, и оба вмѣстѣ потеряли и вѣру, иуваженіе въ образованныхъ, «не-мужиковъ», которые поставили ихъ обоихъ въ такое нелѣпое положеніе. Намъ даже кажется, что твердое и ясное опредѣленіе мужицкой «точки» и мужицкой линіи въ этомъ дѣлѣ не разорило-бы мужиковъ: они-бы, зная въ первые-же дни послѣ 1861 г., что *не будетъ* земли, давно-бы, хоть и скрѣпя сердце, покорились своей участи и ужъ давно приспособились-бы къ тѣмъ условіямъ, въ которыя ихъ поставило-бы рѣшительное «не будетъ!». Они-бы стали тратить деньги не на безплодныя тяжбы, а на хозяйство, на аренду земельки въ людяхъ, а иные разошлись-бы по заработкамъ, по чужимъ мѣстамъ и людямъ. Теперь-же они отуманены, оскорблены, истощены въ конецъ, теперь они измучены и ожесточены.

А сами образованные люди, не обрѣтшіе опредѣленныхъ цѣлей для своихъ поступковъ, развѣ они лучше чувствуютъ себя, чѣмъ ожесточенный владѣлецъ или ожесточенный мужикъ? Спросите-ка ихъ о состояніи духа, и они скажутъ вамъ: «адъ!», т. е. въ душѣ-то у нихъ—адъ кромѣшный. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ глубинѣ души каждый изъ нихъ можетъ считать себя чѣмъ-либо инымъ, какъ не вполнѣ потеряннымъ человѣкомъ? Развѣ становой приставъ, всучившій планъ, не сознаетъ себя обманщикомъ, изъ-за котораго разорены въ конецъ три деревни неповинныхъ людей? А прокуроръ, который рѣшился всѣхъ этихъ явно невинныхъ людей обвинять, который рѣшился обвинять даже жену неповинно убитаго мужика, развѣ можетъ онъ убѣдить самого себя, что, дѣлая это, онъ дѣлалъ справедливое дѣло? Ничуть и никогда. Всѣ они носятъ внутри себя горькую желчь и всѣ чувствуютъ себя въ узахъ неправды. Мало этого, сознаніе своей нравственной неправды, нравственной муки всѣ эти люди не-мужицкаго званія высказываютъ постояннымъ желаніемъ оправданія и всегда даже рады тому человѣку, который вызоветъ ихъ «на откровенный разговоръ», начнетъ выводить «на чистоту», конечно безъ свидѣтелей. Въ такія минуты оказывается, что всѣ они вполнѣ понимаютъ свою вину, а главное оказывается, что они дѣйствовали *такъ*, даже какъ-бы на пользу тѣхъ, кому вредили... Почему напримѣръ вы думаете, они шестнадцать лѣтъ не давали мужикамъ никакого опредѣленнаго отвѣта? Да просто потому, что они жалѣли мужиковъ, хотѣли «оттянуть» роковую минуту, потому что владѣлецъ, съ которымъ мужики тягались... Боже мой, какъ расписали они владѣльца! Предсѣдатель, такъ тотъ, по собственнымъ его словамъ, «имени» этого человѣка не можетъ слышать равнодушно, и утроба его готова лопнуть отъ негодованія всякій разъ, какъ онъ услышитъ это имя. Мало того, что всѣ они, не исключая станового пристава, который убилъ человѣка и который на судѣ заявилъ, что ему *жаль* хватать поросенка, подлежащаго описи, мало того, что всѣ они *сознаютъ* свою вину — въ искреннѣйшія минуты, когда сознаніе собственной душевной срамоты почему-либо выступитъ особенно сильно — всѣ они публично даже готовы проклясть себя, осрамить себя, а народъ, этого самаго мужика, ими запутаннаго, возвеличить, пасть предъ нимъ...

Но и въ такія, казалось бы, искреннѣйшія минуты въ жизни онъ проклинаетъ себя точь-въ-точь такъ, какъ я проклиналъ себя въ предыдущей главѣ подъ названіемъ «Не суйся!». Тамъ я проклялъ себя (конечно только *для образчика*) повидимому безпощадно. Не смѣшалъ-ли я тамъ себя съ грязью? Смѣшалъ и уничтожилъ; но это только повидимому; если же вы разберете подробно, то увидите, что параллели, которыя я бралъ между мной и Иваномъ Ермолаевичемъ, самыя злостныя и неправильныя. Я тамъ говорилъ: что я такое? Я вотъ читаю газету, а Иванъ Ермолаевичъ дѣлаетъ что-то, совѣмъ на газету не похожее; я безпокоюсь Богъ знаетъ о чемъ, о пустомъ, а Иванъ Ермолаевичъ безпокоится не о пустомъ... и т. д. Продолжая эти злостныя параллели, можно унижать себя примѣрно такъ: я, дармоѣдъ, ношу сапоги, а онъ труженикъ — лапти; я, безсовѣстный человѣкъ, ѣмъ ростбифъ, а онъ, чистосердечный человѣкъ, ѣстъ снѣтки съ пескомъ и т. д. Въ такомъ родѣ можно проклинать себя сотни лѣтъ, и все-таки никакого вреда отъ этого мнѣ не будетъ, равно какъ и пользы не будетъ Ивану Ермолаевичу. Что-бы мнѣ стоило, если ужъ я такъ раскаялся чистосердечно, проклясть себя *въ самомъ дѣлѣ*, сказавъ, напримѣръ: «я—безсовѣстный человѣкъ потому, что знаю очень много секретовъ, которые-бы улучшили жизнь Ивана Ермолаевича, но, молъ, безсовѣстность запрещаетъ мнѣ ихъ открыть ему; онъ тогда плюнетъ на меня и уйдетъ, а мнѣ надо, чтобъ онъ секретовъ-то не зналъ и работалъ на меня». Этого-то вотъ, настоящаго-то, я ни за что не скажу, а проклинать себя такимъ вотъ манеромъ, какъ показано въ образчикѣ, могу сколько угодно, хоть каждый день передъ ростбифомъ. Иванъ Ермолаевичъ изъ этихъ проклятій, будьте увѣрены, не сошьетъ шубы, нѣтъ, не сошьетъ!... Такимъ образомъ въ то время, когда Иванъ Ермолаевичъ говоритъ мнѣ: «земельки», я, какъ-бы не слыша этого,

валяю самъ себя нехорошими словами, пишу себя ужаснѣйшимъ образомъ, но опредѣленный отвѣтъ Иванъ Ермолаевичъ узнаетъ не отъ меня, а не иначе, какъ въ арестантскихъ ротахъ, которыя и отвѣтятъ ему совершенно категорически: «не будетъ!». Такъ я проклинаю себя. А какъ я хвалю мужика? О, тутъ я (со мной и всѣ вышеупомянутые не-мужики) дохожу почти до восторженнаго состоянія: я преподношу Ивану Ермолаевичу такіе дары, что у него не хватитъ духу и пикнуть мнѣ насчетъ земельки... Во первыхъ, я валю къ его ногамъ *всю* цивилизацію всѣхъ вѣковъ и народовъ и изображаю ее такъ, что иначе, какъ «паршивою» наименовать ее невозможно; въ прошлой главѣ *для образчика* я привелъ нѣкоторые пріемы, употребляемые при проклятіяхъ цивилизаціи. Душа поющаго хваленія мужику, будучи поражена антихристовою печатью, не можетъ и въ этомъ случаѣ поступать вполнѣ совѣстливо и просто. Въ приведенномъ образчикѣ подъ цивилизаціей поименованы кабаки, извозчики, пьянство, наклонности къ разрушенію семейныхъ порядковъ, показано, что «отъ цивилизаціи» Алексѣй бьетъ жену, и т. д. Словомъ, взято множество свинствъ и всѣ они наименованы цивилизаціей, которая поэтому сама собой уже оказывается свинствомъ. Въ проклятіяхъ цивилизаціи, умышленно представляемой въ видѣ свинства, я съ успѣхомъ могу выдвигать на сцену и скрежетать зубами и при словахъ «пиджакъ», «кадриль», «петровская папироска»... все у меня сойдетъ съ рукъ, какъ у деревенскаго кулака сходитъ съ рукъ тухлая рыба, гнилая мука, линючій ситецъ. Въ этомъ родѣ я могу гремѣть годы, и въ то-же время, во имя антихристовой печати, опять-таки останусь, какъ рыба, нѣмъ насчетъ *секрета*. Вѣдь, говоря по совѣсти, я знаю-же, что цивилизація выдумала массу добра для человѣчества; вѣдь по сущей совѣсти я знаю, что моя-то личная жизнь значительно облегчена, услаждена, благодаря этой настоящей цивилизаціи; но мнѣ жаль открыть Ивану Ермолаевичу секретъ, потому что, когда онъ «раскуситъ», такъ онъ меня непремѣнно прибьетъ за то, что я ему все вралъ. И вотъ въ этомъ-то пунктѣ, въ открытіи-то настоящаго секрета, я нѣмъ, какъ рыба...—«Земельки-бы»...слышится тотъ-же гласъ, но кромѣ попранія цивилилаціи, въ лицѣ пиджаковъ и папиросокъ, у меня есть еще пріемъ, которымъ я, не давая отвѣта на прямой вопросъ, могу однако-жъ съ успѣхомъ заткнуть ротъ вопрошающему и въ то же время облегчить сердце, наболѣвшее неправдой и полное горькой желчи. Пріемъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: тотъ самый мужикъ, котораго привели къ разоренію мои-же пріемы, основанные на нерѣшимости открыть секретъ, котораго я, благодаря антихристовой печати, разъѣдающей мою совѣсть, шестнадцать лѣтъ обманывалъ, которому я «всучилъ» планъ, въ котораго палилъ изъ пистолета, котораго упекъ въ острогъ, котораго пустилъ по міру,—этотъ-то самый продуктъ моей безсовѣстности и безсердечія, этотъ-то самый стыдъ мой, олицетворенный стыдъ, дѣлается предметомъ гимна. Этого нищаго я начинаю воспѣвать не какъ собственный укоръ, а какъ идеалъ всего, что есть наилучшаго на бѣломъ свѣтѣ. Я сравниваю его со Христомъ, который въ рабскомъ видѣ исходилъ всю землю нашу; милъ мнѣ этотъ босой, исхудалый, истощалый человѣкъ, милъ этотъ воротъ, разодранный у рубашки, эти заплаты, эта крайняя бѣдность, у которой ни кола, ни двора, ни куринаго пера, и котораго кончина—въ оврагѣ близъ большой дороги или въ лѣсу... Я даже такъ умѣю ухитриться, что это-то безропотное существованіе, эту кротость нищаго солью съ собственною своею кротостью въ покорности судьбѣ, съ тѣмъ, что я тоже терплю всю жизнь и не ропщу, что я, подобно ему, *безропотно* слушающему отказъ въ подаяніи, *безропотно* исполняю приказъ ловить поросенка, стрѣлять въ мужика, обвинять невиннаго, разорять бѣднаго, — что *оба* мы терпимъ, что мы *оба* одно, и что изъ обоихъ насъ вмѣстѣ выходитъ одна тріумфальная арка. Но, несмотря на то, что страданія и нищаго мужика, и мои — реальны, дѣйствительны, правду, простую правду я умѣю показать хвалимому и оплакиваемому мною мужику все-таки только при помощи арестантскихъ ротъ.

X. Результаты и заключеніе.

Таковы были возмущающія душу впечатлѣнія, принесенныя мнѣ газетами и исходившія отъ «не-мужицкой» части русскаго общества. Но неумолимые газетные листки принесли недобрыя вѣсти и изъ народа... Что эти вѣсти суть прямой результатъ того образа дѣйствій по отношенію къ народу образованныхъ людей, на изображеніи котораго я останавливался въ предшествовавшей главѣ, — въ этомъ не было конечно никакого сомнѣнія, но результаты все-таки не теряли своего безобразія, не смотря даже и на смягчающія и объясняющія ихъ обстоятельства. Укажу на тѣ изъ этихъ безобразныхъ явленій, которыя непосредственно вытекаютъ изъ дѣйствительности. Извѣстно, что во время голода на обсѣмененіе полей и на прокормленіе втеченіе зимы крестьянамъ выдаются заимообразныя пособія. При этомъ, какъ удостовѣряютъ корреспонденціи изъ голодныхъ губерній, происходятъ такія вещи: «крестьянскія общества во время неурожая медлятъ своими заявленіями, опасаясь круговой поруки... Болѣе зажиточные крестьяне, полагая, что въ случаѣ новаго неурожая они вынуждены будутъ платить за бѣдняковъ, часто противодѣйствуютъ приговору о круговой порукѣ или же если и даютъ на него свое согласіе, то подъ условіемъ тоже получить ссуду и на свою долю, хотя бы *имъ было это вовсе не нужно*». Бывало также, что при дѣлежѣ ссуды на долю бѣдняковъ доставались такія небольшія деньги или количества хлѣба, что они не видѣли въ нихъ надежной помощи, спускали безъ-толка на какую-нибудь несущественную нужду или въ «кабакъ». Въ «Новомъ Времени» писали изъ слободы Покровской (Самарской губер-

ніи, Новоузенскаго уѣзд.), что, отказавшись отъ казенной субсидіи, крестьяне рѣшили закупить хлѣбъ на мірскія суммы (богатая слобода), но раздѣлили его не между нуждающимися, а между всѣми поголовно, и притомъ *по душамъ*. Такого рода извѣстій появляется весьма много въ газетахъ, и мы увѣрены, что они являлись-бы *отовсюду*, еслибы *эта* сторона общественныхъ порядковъ современной деревни должнымъ образомъ интересовала и деревню, и общество. Явленія эти поистинѣ можно считать безобразными явленіями. Судите сами: въ деревню привозятъ хлѣбъ или деньги, разсчитанные по количеству *недостаточныхъ* семей. Предположимъ, что въ деревнѣ 20 дворовъ, изъ которыхъ недостаточныхъ, т. е. такихъ, которымъ *именно и нужно пособіе*, пять. И вотъ міръ, не желая *отвѣчать*, не можетъ дать имъ этой ссуды, а начинаетъ ее дѣлить, основываясь на томъ: «ежели мнѣ придется отвѣчать, такъ пущай же и я получу на свою часть». Начинается дѣлежъ, и притомъ *по душамъ*, т. е. у богатаго мужика пять душъ—ему «больше всѣхъ» изъ нищенской муки; у средняго три—ему на три. А вотъ человѣкъ безъ души—такъ ему, разумѣется, ничего и не останется. Даже нѣтъ того мѣрила, по которому онъ можетъ получить хлѣбъ. Единственное мѣрило, это *отвѣчать!* А онъ, напримѣръ Еремей, чего ему отвѣчать? и чѣмъ? Онъ просто голодный—ну, а это не резонъ для такихъ серьезнѣйшихъ мірскихъ дѣлъ. Премудрость этихъ дѣлъ и вѣнчается достойнымъ образомъ: «Хлѣбъ оказывается у тѣхъ мірянъ, которымъ онъ *не нуженъ*, а кому онъ *нуженъ*, у того его нѣтъ, или оказывается столько, что лучше всего отнести его въ кабакъ».

Но вы пожалуйста не заключайте изъ вышесказаннаго, что мы съ Иваномъ Ермолаевичемъ какіе-нибудь звѣри. Слава тебѣ, Господи, кажется, что Бога мы помнимъ, знаемъ, чтò значитъ грѣхъ—не маленькіе. Совѣсть тоже у насъ есть. Нельзя безъ этого. И пожалуйста не думайте, что всѣ хромоногіе солдаты и ихъ мальчишки перемрутъ съ голоду, а мы будемъ настолько жестоки, что равнодушно и хладнокровно отнесемся къ этому зрѣлищу. Иванъ Ермолаевичъ, надо понять это, *не могъ* иначе поступить, не могъ сдѣлать какъ-нибудь иначе это дѣло, которое васъ возмущаетъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало, за что Иванъ Ермолаевичъ *отвѣчаетъ?* А тутъ приходится отвѣчать за хромоногаго солдата, который предъ этимъ двадцать разъ надулъ того же Ивана Ермолаевича. Хромоногій солдатъ даже овчинника надулъ, добраго, сердечнаго человѣка. Посовѣстится-ли онъ теперь? Очевидно, что онъ по своей природѣ возьметъ хлѣбъ, съѣстъ его, а Ивану Ермолаевичу придется за него расплачиваться. Вотъ почему Иванъ Ермолаевичъ и беретъ хлѣбъ, который ему не нуженъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и не злодѣй, онъ помнитъ Бога, совѣсть и грѣхъ. Хлѣбъ онъ точно взялъ, сколько ему пришлось по раздѣлу, и привезъ домой, свалилъ его въ амбаръ и ждетъ той минуты, когда лично ему ненужный хлѣбъ онъ долженъ будетъ отдать нуждающемуся ѣдоку.

На утро лай собакъ свидѣтельствуетъ, что ѣдокъ приближается къ жилищу Ивана Ермолаевича.

Идетъ это *ничто*, нуль, и ведетъ за руку *дробь*—мальчишку, и несетъ подъ мышкой *цѣлое*—поросенка.

Это есть хромоногій солдатъ.

— Здорово! говоритъ Иванъ Ермолаевичъ.

— Здравствуй, Иванъ Ермолаевичъ.

Солдатъ устанавливаетъ деревяшку на настоящее мѣсто.

Молчаніе.

— Что, погода какъ? спрашиваетъ Иванъ Ермолаевичъ.

— Куда! Не приведи Богъ... Чуть было не завязъ въ снѣгу-то...

Опять молчаніе.

— Вотъ, что я тебѣ хотѣлъ, Иванъ Ермолаевичъ... Не возьмешь-ли ты у меня мальчонку?

— Зачѣмъ?

— Да что, братецъ ты мой, вѣдь зарѣзъ мнѣ!

— Кто-же тебя зарѣзалъ?

— Кто! Чать самъ знаю... Чать ужъ такъ... Ничего не подѣлаешь... Въ этомъ-то главная причина, ѣсть нечего! Вотъ, напримѣръ, какое дѣло...

Молчаніе.

— А кто, спрашиваетъ не безъ глубокаго негодованія Иванъ Ермолаевичъ:—кто меня по веснѣ съ мальчонкой-то посадилъ?

— Постой! Погоди ты... послушай ты моихъ словъ, что я тебѣ скажу... О веснѣ...

— Чтò о веснѣ? О веснѣ я слушалъ твои слова, вѣрилъ, а ты какъ со мной поступилъ?

— Какъ я съ тобой поступилъ-то?

— Д-да! Какъ ты со мной оборудовалъ?

— Какъ? Я-то? Ты о веснѣ, что-ли? Такъ еж-жели ты хочешь по совѣсти, по чести—знать, такъ я тебѣ скажу... Изволь, я тебѣ скажу, коли ты ежели хочешь этого, чтобы знать, изволь, вотъ какова есть моя утроба, видишь вотъ! Какова есть самая моя утроба, такъ расшиб-би меня нечистая, и разорви мои черевы, ежели я тебя ..

И т. д.

. . . .

Иванъ Ермолаевичъ не звѣрь, онъ взялъ мальчишку и далъ хлѣба... Но на слѣдующую весну, даже ранѣе весны, именно въ тотъ самый моментъ, когда солдату опять стало нечего ѣсть, онъ «обманомъ» увелъ мальчишку домой, перепродалъ его другому, и другого надулъ такъ-же, какъ и Ивана Ермолаевича... Сердитъ Иванъ Ермолаевичъ *на народъ*.

— Строгости нѣтъ! Избаловался народъ, ослабъ, никому повѣрить на грошъ нельзя...

А солдатъ тоже не веселъ:

— Такъ я тебѣ толстомордому и дался... Ишь ты! За мою же муку да норовитъ слопать моего мальчишку! Ловокъ! Ловки вы, грабители, толстобрюхіе .. Оттягали хлѣбъ-то, міроѣды анаѳемскіе... Вамъ-бы только самимъ, а бѣдному человѣку — шишъ! Пог-годи, любезные... Я васъ произведу...

Во второмъ изъ приведенныхъ случаевъ дѣлежа дѣло выходитъ еще выразительнѣе.

Тамъ покупаютъ хлѣбъ сами, на мірской счетъ, и дѣлятъ по душамъ. Большей частью хлѣбъ покупаютъ тутъ-же, на мѣстѣ, у своихъ достаточныхъ односельчанъ. Получивъ за хлѣбъ деньги, достаточные односельчане, при дѣлежѣ по душамъ, получатъ назадъ и самый хлѣбъ, едва-ли не весь сполна. Такимъ образомъ Иванъ Ермолаевичъ, получивъ за хлѣбъ деньги, потомъ, получивъ и самый хлѣбъ, раздаетъ его (не звѣрь-же онъ какой въ самомъ дѣлѣ?) хромоногимъ бездушнымъ существамъ, и въ обезпеченіе (вѣдь ему отвѣчать-то, хотя онъ и получилъ уже деньги) получаетъ трудъ, какъ самихъ существъ, такъ и ребятъ, пріемлетъ кромѣ того поросятъ и гусей.

Есть за что, какъ видите, и хромому погрозиться. Не безъ основанія и онъ говоритъ:

— Погоди, ребята, я васъ произведу-у!

Заключеніе, къ которому привели меня размышленія, внушенныя газетными фактами, были слѣдующія: «Нѣтъ, думалъ я,—Иванъ Ермолаевичъ не виновенъ... Ни въ чемъ, ни въ чемъ не виновенъ. Вѣрный своимъ взглядамъ, основаннымъ на непреложныхъ для него началахъ, онъ несетъ ихъ сквозь толпу явленій жизни, не имъ созданныхъ; онъ всячески отстаиваетъ ихъ, и не его вина, если на пути этого шествія ему приходится драться, да еще съ своимъ братомъ.. общинникомъ. Нѣтъ, онъ въ этомъ не виновенъ! Но я, русскій образованный человѣкъ, я виновенъ самымъ рѣшительнымъ образомъ: я виновенъ тѣмъ, что до сихъ поръ, 25 лѣтъ, не нашелъ въ себѣ рѣшимости по совѣсти признать, Иванъ Ермолаевичъ ужъ не крѣпостной, не рабъ, и что я, бывшій баринъ, теперь завишу отъ него, хотя бы только потому, что его—милліоны, что теперь даже изъ желанія нажиться я *долженъ* дѣйствовать такъ, чтобы удовлетворять насущнымъ потребностямъ Ивана Ермолаевича. Я долженъ строить дорогу преимущественно въ видахъ Ивана Ермолаевича, если хочу не быть его разорителемъ, я *долженъ* устраивать промышленное предпріятіе не иначе, какъ въ видахъ главнымъ образомъ милліонной массы, если, во первыхъ не хочу разориться, а во-вторыхъ, если стыжусь разорить. Но именно этого-то послѣдняго я и не стыдился, и даже не стыжусь пожалуй и теперь. Напротивъ, я умышленно старался его затмить, разстроить, не давать ему ни науки, ни земли, ни малѣйшаго облегченія въ труду. Я такъ знакомилъ его съ цивилизаціей, что онъ только кряхтѣлъ отъ нея. За всю эту искренность Иванъ Ермолаевичъ и наказываетъ меня тѣмъ, что начатое мною разстройство его быта практикуетъ и въ деревнѣ, собственными руками разрушаетъ то, на чемъ, еслибы только я могъ *рѣшительно* стать на сторону устроенія, а не разрушенія, дѣйствительно можно-бы создать *крупное* общинное хозяйство, въ которомъ бы не было людей, не имѣющихъ права на хлѣбъ, и въ которомъ нашелъ-бы мѣсто работника (за деньги, не безпокойтесь!) и образованный человѣкъ. Но такъ какъ я былъ труслив, своекорыстенъ и нерѣшителенъ, то Иванъ Ермолаевичъ и накажетъ меня тѣмъ, что покроетъ землю уже не кроткимъ, а сердитымъ нищенствомъ и внесетъ въ общество вмѣсто утаиваемой мною цивилизаціи тѣ взгляды на человѣческія отношенія, которые мы съ нимъ примѣняли къ пастуху.

ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ.

I. Иванъ Босыхъ.

Морозный зимній день въ полномъ блескѣ. Часъ одиннадцатый въ исходѣ. Въ незамерзшій кусочекъ полузаметеннаго снѣгомъ окна вижу я, какъ на широкій дворъ, примыкающій къ тому деревенскому дому, въ которомъ я живу, вошелъ крестьянинъ Иванъ Петровъ, по прозванію «Босыхъ».

Вижу я, какъ лѣнивою, почти болѣзненною поступью подошелъ онъ къ кучѣ кое-какъ наваленныхъ въ углу двора полѣньевъ, которыя Иванъ взялся расколоть на дрова, какъ онъ, вмѣсто того чтобы приняться за работу, принялся обѣими руками крѣпко-накрѣпко царапать свою голову, держа подъ мышкою шапку, какъ потомъ, нахлобучивъ эту самую шапку на голову, потолкалъ кучу полѣньевъ ногой, обутой въ рваный валяный сапогъ, и какъ опять-таки вмѣсто того, чтобы взяться за топоръ, сталъ разминать плечи, стараясь достать кулакомъ до средины спины... Вижу я все это и знаю, что Иванъ находится въ самомъ мучительномъ состояніи,—знаю, что онъ боленъ «со вчерашняго», что онъ вчера крѣпко выпилъ, что если сегодня онъ и появился около дровъ, то уже поздній часъ прихода на работу, когда люди собираются обѣдать, означаетъ только желаніе выпросить рубль серебра на опохмелье. И точно, поколотивъ кулакомъ поясницу и между лопатками, онъ полѣзъ въ карманъ сѣраго подпоясаннаго армяка за махоркой и потомъ, растирая ее на ладони, уныло поплелся въ кухню. Здѣсь, какъ мнѣ также ужъ достовѣрно извѣстно, онъ долгое время будетъ курить, а чтобы завести общій разговоръ, сообщитъ, что «вчерась» у него вытащили въ кабакѣ деньги, и, возбудивъ этимъ общее сочувствіе, долгобудетъ разговаривать о своемъ разстройствѣ,

о томъ, какъ онъ жилъ на «вокзалѣ», о томъ, какъ онъ поправился; сообщитъ множество свѣдѣній о томъ, какъ лечить такую-то и такую болѣзнь, какъ ловить барсуковъ, какъ прививать яблони, и въ концѣ-концовъ, не имѣя силъ долѣе сопротивляться мучительному недугу похмелья, скажетъ: «нѣтъ, видно, нонѣ я не человѣкъ» — и пойдетъ ко мнѣ просить рубль серебра, говоря, что у него внутри жжетъ и деретъ, ѣстъ и сосетъ, и что, очувствовавшись, онъ придетъ завтра до свѣту и все передѣлаетъ съ одного маху. И это также давно мнѣ извѣстно: знаю я, что, очнувшись, Иванъ Петровъ дѣлается совсѣмъ другимъ человѣкомъ и что въ такія—къ несчастью, рѣдкія—минуты нѣтъ въ деревнѣ такого другого мужика, который былъ бы такъ, какъ Иванъ, «золъ» на работу, т. е. такъ къ ней пристрастенъ и такъ ею оживленъ.

Иванъ Петровичъ принадлежитъ къ тому ненужному, непонятному, даже прямо постыдному для такой земли, какъ Россія, классу деревенскихъ людей,—классу, народившемуся въ послѣднія двадцать лѣтъ,—который волей-неволей приходится назвать «деревенскимъ пролетаріатомъ».

Этотъ новорожденный пролетаріатъ рѣшительно могъ бы не существовать на нашей землѣ, еслибы милліоны мѣропріятій, направленныхъ въ сторону народа, дорожили народнымъ міросозерцаніемъ, по малой мѣрѣ, въ такихъ же размѣрахъ, какъ и его платежною силой. Для того, чтобы махнуть рукой на землю и предпочесть своему дому домъ питейный, вполнѣ достаточно хотя бы только той нелѣпицы въ крестьянскихъ «правахъ», вслѣдствіе которой крестьянинъ, сегодня бывшій присяжнымъ, судьей и великодушно оправдавшій несчастнаго человѣка, давшій ему жизнь словами: «нѣтъ, не виновенъ», на другой же день послѣ свободнаго проявленія такого большого «права», можетъ быть выпоротъ въ волостномъ правленіи *до-крови* за то, что, встрѣтившись подъ хмелькомъ со старшиной, нанесъ ему оскорбленіе словами: «ахъ, ты, курносый заяцъ!».

Чтобы молча и безропотно вращаться только между такими полюсами крестьянскихъ «правовъ», и то надо отказаться отъ всякой нравственности, отъ всякой духовной жизни, отъ всякой возможности жить по своему разуму. Но этотъ примѣръ только капля въ морѣ того *коренного* разстройства, которое размываетъ самыя коренныя основы народнаго міросозерцанія, вырабатываетъ человѣка «безъ перспективы» и «безъ завтрашняго дня», стремится сдѣлать работника и раба изъ человѣка, который по самому существу своей природы *не можетъ* существовать иначе, какъ съ сознаніемъ, что онъ—«самъ хозяинъ».

Посмотрите вотъ на этого Ивана Петрова, по прозванію Босыхъ: онъ—человѣкъ сильной породы, онъ легокъ, ловокъ и умѣлъ въ работѣ, жена его умная, сильная и ловкая работница, когда-то красавица; земли онъ можетъ имѣть, сколько понадобится; но кромѣ «хозяйства» онъ еще и плотникъ, весьма хорошій для деревни, и сапожникъ; да и просто какъ поденщикъ — колоть-ли дрова, прессовать-ли сѣно и пр. — онъ могъ-бы, получая не менѣе семидесяти копѣекъ въ сутки на хозяйскихъ харчахъ, существовать безбѣдно, а онъ вотъ бросилъ хозяйство, бьетъ жену, жена ходитъ жаловаться, плачетъ; дѣти его, трое ребятъ, по цѣлымъ днямъ шляются въ грязныхъ лохмотьяхъ по деревнѣ безъ всякаго призора, и неизвѣстно, кормитъ-ли ихъ кто-нибудь. Изба его, въ ряду тѣхъ новыхъ «крестьянскихъ» избъ, въ которыхъ вы видите кисейныя занавѣски, вѣнскую мебель и часы подъ колпакомъ, представляетъ собою верхъ безобразія: она вся почти развалилась; вмѣсто стеколъ — тряпки и какія-то лохмотья; а по постройкѣ избы и службъ вы видите, что домъ былъ «богатый»; сараи протянулись сажень на тридцать; столбы вездѣ дубовые, аршина по два въ обхватѣ... А самъ хозяинъ? Спросите о немъ у авторитетныхъ деревенскихъ людей, всѣ отзовутся о немъ самымъ неодобрительнымъ образомъ: онъ три раза продалъ одно и то-же сѣно тремъ разнымъ лицамъ, а деньги пропилъ; онъ набралъ «подъ телушку» въ трехъ лавкахъ и не отдалъ нигдѣ — телушку продалъ на сторону, а деньги по обыкновенію пропилъ. Его сѣкли въ волости нѣсколько разъ—и за грубость передъ начальствомъ, и за недоимки, и по жалобѣ жены, которую онъ послѣ этого суда жестоко избилъ въ полѣ, возвращаясь домой.—«Не давайте ему денегъ, ни Боже мой, не давайте впередъ!» — совѣтуетъ вамъ экономный деревенскій житель. — «Ни на волосъ не вѣрьте!» — говоритъ другой житель, уже обманутый Иваномъ. А между тѣмъ, когда Иванъ «очувствуется» на недѣлю, на двѣ, что́ это за славный, добрый, умный человѣкъ! Сколько у него юмора, наблюдательности, нѣжности, великодушія, насмѣшки надъ самимъ собой, сколько юношеской душевной свѣжести! Что-же валитъ его пьянымъ съ опухшимъ лицомъ ничкомъ въ мокрую, грязную канаву, безъ сапогъ, безъ одежи и заставляетъ цѣлыя ночи подставлять свою широкую спину подъ дождь и вѣтеръ? Вся деревня помнитъ его родителей, всѣ говорятъ, что когда-то «Босыхъ» были первые хозяева, что Иванъ и жена жили прежде дружно, работали «за первый сортъ;» всѣ согласны, что, очнись онъ, ему цѣны не будетъ, что у него «золотыя руки»; а онъ точно умышленно махнулъ на все рукой, обманываетъ, буянитъ и, какъ нищій, шляется въ поденщикахъ, да и то только для того, чтобы выработанное пропить въ кабакѣ.

II. Разсказъ Ивана Босыхъ.

Теперь пьянство Ивана превратилось уже въ болѣзнь, а эту болѣзнь, угнетающую не одного Ивана, а цѣлыя массы такихъ же, какъ и онъ, непостижимыхъ въ Русской землѣ деревенскихъ пролетаріевъ, самъ народъ охарактеризовалъ словомъ «ослабъ». Физически Иванъ, какъ и сотни ему подобныхъ «ослабшихъ» мужиковъ, не толь-

ко здоровъ и силенъ, но прямо могучъ; стало-быть, слабость его имѣла не физическіе, а какіе-то другіе источники. Вотъ о причинахъ этой-то «слабости», «ослабленія» и бывали у насъ съ Иваномъ весьма частые разговоры, долгое время не приводившіе ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ, а иногда прямо сбивавшіе съ толку, особливо такого человѣка, который привыкъ и пріучился объяснять народное разстройство почти исключительно матеріальными несчастіями, бѣдностью, налогами и т. д. Приведу для примѣра одинъ изъ такихъ разговоровъ

— Скажи, пожалуйста, Иванъ, отчего ты пьянствуешь? спрашиваю я Ивана въ одну изъ тѣхъ ясныхъ и свѣтлыхъ минутъ, когда онъ приходитъ въ себя, раскаявается въ своихъ безобразіяхъ и самъ раздумываетъ о своей горькой долѣ.

Иванъ вздыхаетъ глубокимъ вздохомъ и съ сокрушеніемъ произноситъ почти шопотомъ:

— Такъ избаловался. такъ избаловался... и не знаю даже, что и думать... И лучше не говорить!... Одумаешься, станешь думать—не глядѣлъ бы на свѣтъ, передъ Богомъ вамъ говорю!

— Да отчего же это, скажи пожалуйста?

— Отчего?... Да все оттого, что... *воля*! Вотъ отчего... своевольство!

Такъ какъ отвѣтъ этотъ ставитъ меня въ недоумѣніе, и я рѣшительно не могу понять, почему «воля» можетъ губить человѣка, то Иванъ, чтобы разсѣять мое недоумѣніе и объясниться обстоятельнѣе, прибавляетъ:

— Отъ жизни отъ свободной — вотъ отъ чего!

— Что же это значитъ? спрашиваю я въ полномъ недоумѣніи.

— А то значитъ, какъ жилъ я на вокзалѣ, получалъ я тридцать пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, народу имѣлъ подъ начальствомъ десять человѣкъ, доходу мнѣ каждый Божій день съ вагону ужъ безпремѣнно рубль серебра, а сочтите-ка, сколько въ зиму-то вагоновъ отправимъ?.. Ну вотъ, тутъ-то я, значитъ, и забаловалъ...

Слово «забаловалъ» до такой степени не подходитъ къ сорокалѣтнему, мужественному, бородатому мужику, что не понимаешь даже, какъ онъ можетъ въ объясненіе своего поведенія употреблять такія выраженія, приличныя только развѣ малому ребенку. Но Иванъ не находитъ другого точнаго выраженія.

— Вотъ и сталъ баловаться... При покойникѣ тятенькѣ, бывало, капли въ ротъ не бралъ. Убьетъ, если узнаетъ, на смерть уколотитъ своими руками... Да и послѣ тятеньки, когда ужъ оженился, своимъ хозяйствомъ сталъ жить, и то дозволялъ себѣ—когда угостятъ, да на праздникахъ, да иной разъ со скуки—стаканчикъ. Все опасался и покуда чего было—берегся... Ну, а ужъ тутъ, на вокзалѣ, какъ стала мнѣ воля, стало мнѣ значитъ раздолье, сталъ я—однимъ словомъ, коротко сказать — баринъ, тутъ-то я и пошолъ... Жрешь, бывало, цѣлыя сутки, а все до верху не хватаетъ... Я какъ сейчасъ помню, съ чего началъ: у дорожнаго мастера Ивана Родіоновича именины были на Ивана Постнаго. Ну, онъ мнѣ и налилъ винограднаго стаканъ—«портвинъ» прозывается... Я какъ двинулъ его — понравилось. Я и давай... А тамъ и коньякъ, лимонадъ. Вотъ съ этихъ самыхъ поръ и завелъ себѣ язву. А отчего? — Все отъ воли!.. Все отъ непривычки, отъ легкой жизни... Вотъ отчего!.. Бывало, денегъ полны карманы набью... Ну, и сталъ черезъ это самое вродѣ послѣдней свиньи...

Такимъ образомъ оказывается, что «воля, свобода, легкое житье, обиліе денегъ», т. е. все то, что необходимо человѣку для того, чтобъ устроиться, причиняетъ ему, напротивъ, крайнее разстройство до того, что онъ дѣлается «вродѣ послѣдней свиньи».

— Отчего же ты деньги-то на хозяйство не тратилъ, а на пьянство? спрашиваю я.

— То-то и есть, не привычны мы... Какое тутъ хозяйство, когда совсѣмъ стало жить свободно?.. Дѣлай, что хочешь, — никто не попрепятствуетъ .. Тутъ, однимъ словомъ, можно въ конецъ избаловаться...

Такъ такъ Иванъ видитъ, что объясненія его ничего не объясняютъ, и что я все-таки не могъ взять въ толкъ, отчего хорошая жизнь превращаетъ человѣка въ свинью, то онъ старается пояснить мнѣ свою мысль примѣромъ, къ чему въ разговорѣ вообще довольно часто прибѣгаютъ крестьяне. Привожу этотъ примѣръ, зная, что онъ едва ли что уяснитъ читателю.

— Потому что, говоритъ онъ,—природа наша мужицкая не та... Природа-то у насъ, сударь, трудовая... Я скажу вамъ примѣромъ. Былъ у насъ тутъ по сусѣдству баринъ, господинъ Подсолнуховъ, хозяйствовалъ... Вотъ хозяйствовалъ, хозяйствовалъ, видитъ онъ, что доходу ему нѣту, задумалъ онъ молочнымъ дѣломъ заняться. Наша скотина ему не по нраву пришлась — коровенки наши точно—худы, шаршавы—дай, думаетъ, заграничную корову выпишу. Выписалъ. Идетъ телеграмма, ѣдетъ корова изъ-за границы, нѣмецъ ученый провожаетъ... Видимъ, ведутъ, чуть не на цѣпяхъ—эдакая верзила, сажень вверхъ, да полторы вдоль. Урядникъ даже шапку снялъ... Что рога, что глаза. что прочее все—страсти Господни! Великанъ, Еруславъ Лазаревичъ... Очистили ей скотникъ, настлали соломы, пришла она и легла, эдакъ, на бокъ. А нѣмецъ лампу потребовалъ на ночь. Вотъ хорошо, лежитъ она такимъ манеромъ и ѣстъ. Только бабы подкладываютъ ей подъ морду кормъ. Ѣстъ, а молока не даетъ. «Что же это. говорю нѣмцу.—она молока-то не даетъ?»— «А это, говоритъ, она отдыхаетъ, такъ какъ, говоритъ, изъ-за границы и все въ вагонѣ, то она утомлена и поправляется своимъ здоровьемъ»...— «А долго-ли, молъ, она будетъ поправляться?»— «Да съ мѣсяцъ мѣста пройдетъ». Ладно. Попробовали было ей нашего мірского быка порекомендовать — куда!.. Какъ глянулъ на нее, какая она есть великолѣпная, испугался какъ заяцъ: понялъ, что не ему съ мужицкимъ рыломъ соваться — и давай Богъ ноги .. Едва за двѣна-

дцать верстъ чужіе мужики поймали. А она тѣмъ временемъ отдыхаетъ все. Все ѣстъ, вздыхаетъ и ѣстъ.. Наконецъ ужъ видно совѣсть ее взяла, даетъ молока, и цѣлое ведро. Вотъ баринъ и говоритъ: «Видишь, говоритъ, Иванъ, какое-же сравненіе съ нашими коровенками!».—«Ну,нѣтъ, говорю, баринъ, по ейному корму наша скотина много способнѣй». — «Какъ такъ?»—«А вотъ какъ: сосчитайте, сколько она у васъ съѣла и много-ли по корму молока дала? Она хоть и ведро даетъ, да ведро-то это больно много стоитъ... А кабы вы кормъ-то, что она одна съѣла, роздали нашимъ десяти коровенкамъ, такъ всѣ-то вмѣстѣ онѣ вамъ въ десять разъ больше этой одной верзилы дали-бъ». Тутъ нѣмецъ и говоритъ: «Она, говоритъ, не такой породы, чтобы только о молокѣ думать; она и объ себѣ думаетъ, она ѣстъ для своего удовольствія—посмотрико-сь, какое у ней мясо-то...» Вотъ послѣ этихъ словъ я и говорю барину: «Видите, говорю, господинъ, анъ и оказывается, что наши коровенки какъ-разъ по нашей природѣ и породѣ приходятся... Мясо намъ не требуется, своего удовольствія она знать не знаетъ, а живетъ только изъ-за работы: что ѣстъ, то отдаетъ, а объ себѣ не думаетъ. Родилась она для работы и живетъ весь вѣкъ въ ней — вотъ вся и жизнь ея...» Вотъ и человѣкъ этакъ же бываетъ разный. И вотъ наша крестьянская порода то же самое: мы круглый годъ и всю жизнь не покладаючи работаемъ, да такъ въ работѣ и живемъ... Я вотъ попробовалъ отъ крестьянства отбиться—чуть было не опился... А другому что легче, то лучше; что ничего не дѣлать, то и пріятно... Вотъ у насъ на станціи еврейчикъ былъ Шнапъ... Все онъ тамъ толкался въ разныхъ мѣстахъ и все на пустомъ норовилъ рублишко нажить: тамъ барыню провожаетъ, тамъ мужику укажетъ, какъ и куда пройти... Ну, и даютъ—кто рубль, кто гривенникъ... А онъ все прячетъ, все копитъ. «На что, говорю, копишь?»—«Карьеръ хочу дѣлать». – «Какой такой?» — «Деньги наживать!»—«Зачѣмъ?»—«Лавку открывать!» — «А какъ откроешь?»—«Опять деньги наживать!»—«А какъ наживешь?»—«Еще больше буду наживать!»—«А какъ совсѣмъ ужъ много будетъ?»—«Опять буду еще больше стараться»... Вотъ и гляди на него. — «Пойдемъ выпьемъ!» Нейдетъ, копѣйки не истратитъ. А по нашему, по крестьянству, для хозяйства еще пожалуй можно понажить деньжонокъ, а такъ... наживать да наживать—такъ это я даже и въ понятіе-то не возьму... Шнапъ-то вонъ этотъ изъ грошей капиталъ дѣлаетъ, а вотъ я, какъ позабылъ крестьянство-то, отъ трудовъ крестьянскихъ освободился, сталъ на волѣ жить, такъ и деньги-то мнѣ стали все одно что щепки... Только и думаешь, куда-бы дѣвать, и кромѣ какъ кабака ничего не придумаешь... Чего! Я ужъ вамъ во всемъ буду каяться... (Иванъ говоритъ шопотомъ.) Тр-р-ри мамзели завелъ! Законъ забылъ!.. Передъ Богомъ говорю... Воля! Свобода! Только и думаешь, какъ-бы что... Тьфу! До такого дошелъ забвенія, даже сталъ нашихъ, своихъ-же братій, мужиковъ притѣснять... И съ чего!—Просто совѣсти не осталось... Придутъ, бывало, съ холоду, разыщутъ въ трактирѣ, кланяются, просятъ сѣно отправить—второй, молъ, день ждемъ, проѣлись, а концовъ не сыщемъ... Мнѣ-бы, кажется, только сказать подручному: «Михайло, дай имъ вагонъ!»— а меня точно нечистая сила начинаетъ разламывать... Сидишь за бутылкой, ломаешься и говоришь: «Изыскивайте, способовъ».— «Да какихъ-же, батюшка, способовъ-то искать? Ходили-ходили, вездѣ машины свистятъ, дымъ дымитъ, того и гляди раздавятъ... Ужъ мы и такъ измучились».— «Изыскивайте! говорю, съумѣйте понять, кто вамъ надобенъ»...—«Да ты, отецъ родной, ты»... Ломаешься, ломаешься, бывало, ужъ кто-нибудь изъ публики вступится, скажетъ мужикамъ:—«Да всуньте вы ему, подлецу, три цѣлковыхъ въ горло... Какихъ ему еще способовъ надо!» Но ужъ тутъ поневолишься, сдѣлаешь... Жена придетъ, бывало, облаешь... По крестьянству она мнѣ нужна, а на свободѣ у меня особенныя баловницы есть... Что мнѣ съ ней, съ мужичкой, дѣлать?.. Вѣдь вотъ до какого дошелъ своевольства! И вѣрите, какъ распьянствовался я до послѣдняго предѣла, какъ дошло дѣло до начальства, да какъ пріѣхалъ начальникъ дистанціи, да ка-а-къ далъ мнѣ (лицо разсказчика вдругъ просіяло) хо-о-орошаго леща, да какъ начальникъ эксплуатаціи набавилъ мнѣ (дѣтская радость разлилась по лицу его) въ загривокъ, да какъ въ подвижномъ составѣ наколотили мнѣ бока — такъ я, братецъ ты мой, сотворилъ крестное знаменіе, да точно какъ изъ могилы выскочилъ, воскресъ, да по морозу, въ чемъ былъ, безъ шапки—домой!.. По полямъ, по сугробамъ, по задворкамъ, какъ птица двадцать пять верстъ безъ остановки пропорхалъ и не видалъ, какъ середь своего двора очутился. Очутился я на дворѣ голъ и нагъ, и все у меня въ разореніи, а радъ былъ—истинно, какъ изъ мертвыхъ воскресъ. Слава тебѣ, Господи! Слава тебѣ, Царица Небесная! Опять я—человѣкомъ, опять я самъ себя отыскалъ... Палъ женѣ въ ноги. «Прости меня, жена моя милая! Давай работать, хозяйствовать! Брошу свои глупости, опять стану человѣкомъ»... И ужъ принялся же я въ ту пору! И все-то мнѣ мило—и пашня, и соха, и борона, и дровни, и телушка, и сарай, что покосился, и заборъ, и колода... Все—точно родные, друзья дорогіе, кровные... Гляну, гляну—страсть какое разоренье, а у меня только духъ бодрѣй... Что вижу—сколь много работы, что вижу —работать, не переработать, то мнѣ и охоты больше, то и силы прибываетъ.. Такъ вотъ какая наша крестьянская природа! А тамъ и работы не было, и всякое удовольствіе, и деньги, а точно безумный сдѣлался, всю душу-то по грязи истаскалъ, какъ свинья свое брюхо... А отчего?—Все воля!

Этимъ непонятнымъ сопоставленіемъ словъ «воля» и «нравственное паденіе» Иванъ и начиналъ, и оканчивалъ свои бесѣды со мною и, какъ видите, не только не разъяснялъ моихъ недоумѣній, но значительно ихъ преувеличивалъ.

III. Разстройство.

Не разъ заходилъ у насъ съ Иваномъ разговоръ на ту же тему, т. е. на тему о томъ, отчего онъ спился, отчего разстроился, что̀ нужно крестьянамъ, чтобы было лучше и т. д., и всегда разговоры эти не приводили ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Отвѣты и разсказы его были всегда неинтересны, очень часто утомительны своимъ однообразіемъ или, напротивъ, ставили въ недоумѣніе, объясняя пьянство выраженіями «воля» или «баловство» и т. д. Происходило это отъ того, что Иванъ часто вовсе не упоминалъ о томъ *главномъ*, что давало этимъ сухимъ и утомительнымъ разговорамъ глубокій (на мой взглядъ) интересъ, а я, какъ человѣкъ посторонній подробностямъ и сущности народной жизни, не понималъ этого главнаго и пропускалъ мимо ушей такія слова и фразы, произносимыя Иваномъ мимоходомъ, какъ всѣмъ давно извѣстныя и понятныя, которыя именно одни только и могли освѣтить мнѣ тьму и путаницу нашихъ неинтересныхъ разговоровъ. Вотъ почему я не буду передавать этихъ разговоровъ въ ихъ «послѣдовательномъ безпорядкѣ», а приведу ихъ тогда, когда читателю будетъ можно понять ихъ, и для этого остановлюсь на томъ разговорѣ, который приведенъ выше.

Иванъ разсказалъ самую обыкновенную исторію: на каждомъ шагу, отъ всѣхъ хозяевъ—отъ всѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ наемнымъ человѣкомъ— вы слышите то-же самое, т. е. что пьютъ потому, что «избаловались»; потому, что «воля»; потому, что «некому смотрѣть за порядкомъ», «нѣтъ страху»...

— Помилуйте, слышите вы поминутно, чего еще имъ нужно? Рабочій получаетъ семьдесятъ копѣкъ въ сутки на хозяйскихъ харчахъ, два раза чай—вѣдь это не маленькая плата! Зимній день въ нашихъ мѣстахъ коротокъ—въ восемь часовъ утра еще темно—приходятъ рабочіе въ девятомъ часу, работаютъ съ разговоромъ, съ цыгарками, до двѣнадцати, часа полтора уйдетъ на обѣдъ, а тамъ, глядишь, въ четыре часа и ночь. Скажите, пожалуйста, что̀ еще надо?.. Нѣтъ, поработаютъ до обѣда, уйдутъ въ кабакъ, завтра совсѣмъ не пришли, а если станешь задерживать деньги дня по три, по четыре для ихъ-же пользы— ропотъ, требуютъ; отдашь—пропьютъ!..

Доля правды въ этихъ разсужденіяхъ есть несомнѣнная. Крестьянинъ,работающій дома, никогда не выработаетъ такихъ денегъ, хотя работаетъ цѣлый день. Учитель, нанятый обществомъ, получаетъ три рубля въ мѣсяцъ, съ обязательствомъ всю зиму учить человѣкъ двадцать маленькихъ дѣтей, которыя являются буквально до свѣту и, пообѣдавъ, опять сидятъ съ учителемъ часовъ до шести. Родители нарочно посылаютъ маленькихъ дѣтей въ школу,чтобъ они не мѣшали дома, и одно ужъ пребываніе въ обществѣ этой шаловливой толпы втеченіе по крайней мѣрѣ 8 или 9 часовъ — дѣло весьма нелегкое; однако, повторяю, учитель получаетъ три, много пять рублей въ мѣсяцъ, да и то родители обижаются, что «мало учитъ», рано домой отпускаетъ. Кромѣ этого жизнь учителя— скитальческая. Онъ живетъ въ деревнѣ на пастушьемъ положеніи, то есть ходитъ обѣдать и ночевать изъ двора во дворъ, и бываютъ частенько случаи, что иная чистоплотная баба выгонитъ изъ избы и учителя, и учениковъ, которые явились къ ней «по очереди»,—выгонитъ вонъ, прямо на морозъ. Сравнительно съ такимъ трудомъ и неудобствами, вознагражденіе учителя хуже, чѣмъ нищенское, такъ какъ всякій нищій, точно такъ-же какъ и учитель, найдетъ ночлегъ въ чужомъ домѣ, найдетъ и кусокъ хлѣба, но деньгами соберетъ гораздо болѣе того несчастнаго гривенника, который платятъ (и всегда съ задержками) учителю. Вознагражденіе, получаемое дроворубомъ или прессовщикомъ сѣна, и трудъ ихъ не могутъ идти ни въ какое сравненіе ни съ трудомъ, ни съ вознагражденіемъ учителя — такъ этотъ трудъ легокъ и такъ это вознагражденіе велико. Прессуютъ сѣно не менѣе четырехъ человѣкъ. Въ то время, когда одинъ кидаетъ его въ прессъ, а другой утаптываетъ ногами, двое другихъ курятъ цыгарки и разговариваютъ разговоры; а когда, въ свою очередь, они принимаются за работу, т. е. начинаютъ рычагами поднимать исподнюю доску пресса, первые двое принимаются за цыгарки. Кромѣ того работа пріостанавливается, если пойдетъ снѣгъ, ударитъ сильный морозъ: пойдетъ кто-нибудь къ хозяину «увспроситься», работа стала. Мужикъ по нуждѣ продаетъ сажень дровъ за рубль, а распилить и расколоть берутъ рубль двадцать. Кабаки и трактиры полны, и здѣсь идетъ питье пива, водки, даже коньяку и «портвину». Наряду съ тѣмъ почти всеобщимъ мнѣніемъ, что вырабатываемыя деньги идутъ почти цѣликомъ въ трактиръ, вы услышите и сѣтованіе о томъ, что много народу, крестьянъ, бросаютъ пашню. «Балуются», хозяйствомъ не занимаются: «выпоитъ теленка», продастъ за сорокъ цѣлковыхъ—и пошелъ кофеи да чаи распивать; а земля брошена, податей не платитъ. Вообще люди хозяйственные, строгіе, не пьющіе, опредѣлятъ вамъ характерную черту современной деревенской жизни выраженіями: «ослабъ народъ», «распустился», и въ подтвержденіе этого скажутъ, что «противъ прежняго народу стало легче, денегъ ему приходитъ больше, но что такъ какъ нѣтъ строгости, то деньги идутъ прахомъ». Скажутъ, что «нашъ» (подстоличный) народъ могъ бы и подати заплатить, и жить хорошо, такъ какъ опять-таки средства для этого есть—сѣно, напримѣръ, продаютъ въ Петербургѣ почти такъ-же дорого, какъ хлѣбъ, ленъ и т. д., — но что онъ «избаловавши», «распустивши», ослабши». Да и помимо показаній этихъ свѣдущихъ деревенскихъ людей, сами вы, посторонній человѣкъ, видите, что непроизводительная трата денегъ среди крестьянства въ самомъ дѣлѣ велика. Въ огромномъ большинствѣ разстроившихся хозяевъ значительнѣйшая часть заработка идетъ не на хозяйство, а на трактиръ, на пустяки, картежную игру, мотовство.

И что удивительно, мотовство, разстройство *начинается* именно *отъ болѣе легкаго*, чѣмъ крестьянство, заработка; разсказъ Ивана, по прозванью Босыхъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ, Иванъ, началъ терять всякій смыслъ существованія по мѣрѣ того, какъ ему становилось «легче», по мѣрѣ того, какъ въ рукахъ его оказывались такія деньги, какихъ прежде онъ и во снѣ не видалъ. Человѣкъ, изъ-за «разстройства» отправившійся на заработокъ и получившій хорошее мѣсто и деньги, какъ будто позабылъ, что съ ними надо дѣлать, начинаетъ швырять деньги, какъ щепки. Онъ говоритъ: «все—воля». Это непонятно; но еще менѣе понятно и слѣдующее обстоятельство.

Однажды, прочитавъ въ газетахъ о томъ, что какой-то пензенскій помѣщикъ «на свой страхъ» ввелъ въ сосѣдней деревнѣ общественную запашку, я не могъ не поговорить объ этомъ обстоятельствѣ съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ крестьянъ. Пришлось разговаривать съ Иваномъ, который былъ въ этотъ день трезвъ и первый попался мнѣ на глаза. Помѣщикъ завелъ общественную запашку съ тѣмъ, чтобы, облегчивъ процессъ труда крестьянамъ, пріобрѣсти съэкономленное ими время въ собственное распоряженіе и имѣть рабочихъ, которые-бы, какъ говорится, «не разрывались», одновременно работая по найму и на себя, но, отработавъ свою часть на общественной пашнѣ, были-бы совершенно свободны. Работы общественныя устроились посмѣнно: одни работаютъ на помѣщика, другіе—на пашнѣ. Всякая смѣна ждетъ своей очереди. Въ извѣстіи объ этомъ было прибавлено, что облегченіе и скорость труда до того пришлись крестьянамъ по вкусу, что тому-же способу обработки общественныхъ полей послѣдовало въ тотъ же годъ болѣе двухсотъ окрестныхъ деревень.

Хоть я и давалъ себѣ зарокъ не говорить съ крестьянами объ ихъ крестьянскихъ распорядкахъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ такіе разговоры совершенно безплодны и ни къ чему практически-путному не ведутъ, но на этотъ разъ примѣръ 200 деревень соблазнилъ меня. — «Какъ-бы хорошо было, сказалъ я, еслибъ и у васъ завелись такіе порядки: всякій, даже самый послѣдній нищій, калѣка, который теперь побирается у васъ подъ окнами, тогда-бы могъ имѣть общественный хлѣбъ, такъ какъ непремѣнно могъ-бы что-нибудь дѣлать въ общей работѣ. Разсчитать все можно до ниточки. Вотъ этотъ солдатъ безногій теперь побирается, потому что у него нѣтъ ни кола, ни двора, ни земли, ни скотины, а тогда онъ могъ-бы, положимъ, стоять въ ригѣ и считать, сколько привезено сноповъ, или подъ уздцы лошадь водить за тебя, напримѣръ, Ивана, а ты, отработавъ свою часть,—положимъ, дня два, — пашни, былъ-бы свободенъ, работалъ-бы у помѣщика и деньги-бы чистыя пришли домой. А потомъ сколько тратится земли на эти межники, канавки? То ли дѣло по очереди взодрать землю сразу? Вѣдь косятъ-же какіе огромные луга и успѣваютъ скосить въ одинъ день, потому что принимаются сразу всѣ, а тутъ на хлѣбѣ каждый бьется одинъ цѣлые мѣсяцы безъ отдыху, отрывается на чужую работу, оставляя свою. Иной разъ хлѣбъ не выспѣваетъ, потому что поздно посѣянъ. Почему-же, спрашивалъ я, сѣно можно косить всѣмъ міромъ и раздѣлить копны по-ровну и безъ обиды, а нельзя того-же дѣлать съ хлѣбомъ? А какое облегченіе! Теперь ты работаешь на своей десятинѣ одинъ, а тогда изъ ста душъ будутъ каждый день работать, положимъ, только десять человѣкъ и все-таки твоя десятина обработается въ десять разъ скорѣе; такъ и у другихъ. Девяносто человѣкъ (по-очереди) всегда свободны и могутъ дѣлать, что угодно. Наемная работа только выгода, потому что, работая по найму, ты ужъ знаешь, что хлѣбъ у тебя будетъ. Да и о бѣдныхъ и безсильныхъ надо подумать, а при такой работѣ можно». Тутъ для большей убѣдительности я припомнилъ Ивану про нѣкоего конокрада Ручкина. Ручкинъ былъ чистый злодѣй для множества деревень во множествѣ уѣздовъ. Онъ безжалостно разорялъ мужиковъ, угоняя лошадей, и издѣвался, буквально тиранилъ и бралъ съ нихъ, что только хотѣлъ. Не разъ его сажали въ острогъ, отдавали подъ судъ, но «неопытные» начальники, на которыхъ за это весьма ропщутъ крестьяне, не зная дѣла, выпускали его, потому что злодѣй Ручкинъ на судѣ оказывался, по ихъ неопытности, бѣлѣй голубя. Напримѣръ, лошадей онъ пряталъ обыкновенно въ лѣсу, а когда на судѣ его спрашивали, зачѣмъ онъ былъ въ лѣсу такого-то числа, то Ручкинъ отвѣчалъ: «За грибами».—«А лошадь какъ очутилась въ твоихъ рукахъ?»—«Да я вижу, чья-то лошадь бродитъ, дай, думаю, привяжу и спрошу потомъ мужичковъ, чья такая. Поди, иной бѣдный смучается искамши». «А деньги ты бралъ за лошадь?»—«Ваше благородіе, вѣдь мнѣ пить-ѣсть надо!.. Ну, а кабы пропала лошадь-то, кабы медвѣдь съѣлъ, неужто лучше было-бы? И неужто онъ разорится, ежели что дастъ мнѣ на бѣдность?...» Послѣ такихъ рѣчей Ручкина освобождали и водворяли на мѣсто жительства. Здѣсь, «съ сердцовъ» на односельчанъ, онъ принимался свирѣпствовать еще безпощаднѣе. А между тѣмъ свирѣпствовалъ онъ истинно по нуждѣ: Ручкинымъ прозывали его потому, что у него *не было одной руки*... Долгое время я слышалъ: «Ручкина убить, утопить мало»; «злодѣй, аспидъ» и т. д. И только случайно узнавъ, что «Ручкинъ» не фамилія его, а прозвище, я спросилъ: «Почему его такъ называютъ?»—«Да руки у него правой нѣтъ, у мошенника, одной лѣвой злодѣйствуетъ»—отвѣчали мнѣ. Конечно, Ручкинъ могъ-бы просто и смиренно нищенствовать, но не всякому это по характеру, и Ручкинъ изъ-за калѣчества предпочелъ злодѣйствовать. Возвратившись два раза изъ острога, онъ сталъ рѣшительно всѣмъ страшенъ. Начальство сельское его трепетало. Встрѣтившись какъ-то въ полѣ безъ свидѣтелей со старшиной, онъ спросилъ его: «Что, Петръ Семеновичъ, много-ли сѣна накосилъ?» —«Да пудовъ тысячи полторы. Тебѣ-то зачѣмъ знать?»—«Да хотѣлъ я у тебя деньжонокъ по-

требовать...» —«За что такое деньжонокъ?» — «Да... да вѣдь это я прошлый годъ у Козявкина сѣно-то сжогъ. .» И больше ничего Ручкинъ не прибавилъ, только засмѣялся «какъ чортъ». Старшина вынулъ пять рублей и далъ. Жаловаться нельзя—нѣтъ свидѣтелей, да и судьи боятся Ручкина; а не дать нельзя — сожжетъ. По мнѣнію обывателей, остается одно—убить его тихимъ манеромъ, какъ собаку. Лодочникъ-перевозчикъ объявилъ, что онъ его утопитъ, и кажется, что всѣ ожидали этого не съ сожалѣніемъ.

Такъ вотъ объ этомъ-то Ручкинѣ я и завелъ рѣчь въ подтвержденіе тѣхъ безчисленныхъ выгодъ, которыя могутъ произойти изъ общественной работы. «Ручкинъ этотъ, говорилъ я, сдѣлался не вдругъ злодѣемъ, онъ долженъ былъ какъ-нибудь существовать безъ руки, а нищенствовать не хотѣлъ. При теперешнихъ вашихъ трудахъ вамъ впору только справиться съ своими нуждами, а тогда вы *можете* и о другихъ подумать. Даже даромъ могли-бы тогда кормить Ручкина. Да и надобности нѣтъ даромъ-то кормить: Ручкинъ и съ одною рукой можетъ помочь въ работѣ. Тебѣ, напримѣръ, некогда снопы возить—Ручкинъ пойдетъ. Лошадь твоя, а трудъ — его. Все это вѣдь разсчитать можно»...

На этомъ Иванъ прервалъ меня. До этой минуты онъ меня слушалъ и, какъ мнѣ казалось, вниманіе его усиливалось, такъ какъ я постарался всевозможными доводами и сравненіями показать ту огромную разницу въ удобствахъ жизни, которая произойдетъ въ случаѣ перемѣны теперешняго хозяйства на то будущее, о которомъ шла рѣчь. Но при моихъ словахъ: «лошадь твоя, а трудъ его» — молчаливо и неподвижно внимавшій мнѣ Иванъ точно проснулся и проговорилъ:

— Н-ну нѣтъ... Хорошій хозяинъ не довѣритъ своей лошади чужому...

И, энергически тряхнувъ головой, прибавилъ не менѣе энергически:

— Чтобъ я довѣрилъ напримѣръ свою скотину чужому человѣку? Самъ-бы ушелъ, а мою скотину? Да позвольте вамъ сказать...

И мгновенно какое-то необычайное оживленіе охватило его. Какая-то масса соображеній, задѣвавшихъ его «за живое», вдругъ овладѣла имъ, и онъ, сверкая глазами, заговорилъ:

— Отдай я чужому свою скотину? Помилуйте! Да позвольте сказать, вы вотъ говорите: дѣлить хлѣбъ... Хлѣбъ въ нашихъ мѣстахъ безъ навозу не родится... Позвольте узнать, какъ-же по вашему плану будетъ съ навозомъ?

— Будутъ возить, какъ и теперь. Вѣдь теперь покупаютъ наземъ?

— Это вѣрно. Что такъ, то такъ... Но позвольте сказать...

— Ну, и тогда такъ-же разсчитать. Теперь возъ—тридцать копѣекъ, и тогда—по возамъ, а вмѣсто денегъ — хлѣбъ. Вы пахали, возили навозъ—вамъ и за пашню, и за навозъ.

— Да не про то я говорю, это дѣйствительно учесть можно; а какъ уровнять наземъ—вотъ о чемъ мои слова! Теперь я везу наземъ конинный, а другой какой-нибудь плетется съ коровьимъ — какое же можетъ быть тутъ равновѣсіе?

Я не зналъ, что сказать, потому что никогда не предвидѣлъ такой тонкости.

— А другой — все болѣе и болѣе входя въ интересъ предмета, горячился Иванъ, — а другой объявляется съ свининымъ — тутъ какъ сыскать правду?

— Да не все-ли это равно?

— Все равно-съ?—Ну, это ужъ извините! Конинный или коровій, или возьмемъ птичій или-же свининый — тутъ, окончательно сказать, небо и земля, а не все равно... Коровій наземъ даетъ хлѣбъ метелкой, онъ топорщится и зерно у него легкое. Птичій... Да за что-же я, позвольте васъ спросить, имѣя въ своемъ хозяйствѣ напримѣръ конинный или гусиный, напримѣръ, самолучшихъ сортовъ—за что-же я долженъ, что онъ тамъ, мошенникъ, воруетъ лошадей и ему Сибири, канальѣ, мало—за что я, коль скоро у меня въ хозяйствѣ все какъ слѣдуетъ, долженъ хлѣбъ получать съ мусоромъ?

— Да вѣдь много-ли тутъ разницы?

— Да позвольте!... Лошадь я отдай, хлѣбъ мнѣ съ помѣсью—за что?

— За то всѣмъ лучше.

— Да лучше я ему и другую руку переломлю, чтобъ онъ не воровалъ; а то, помилуйте, все у меня въ хозяйствѣ припасено, а тутъ мнѣ съ свининаго, да съ коровьяго... Да тьфу! За что? За что я долженъ пострадать... черезъ подлецовъ или какъ прочихъ негодяевъ?..Нѣтъ, не выйдетъ этого... Да нѣтъ, нѣтъ! Это и думать даже... Помилуйте, лошадь... да какъ-же можно, чтобъ я, хозяинъ, довѣрилъ кому-нибудь? Навалятъ мнѣ на пашню невѣдомо чего, а я при своемъ при полномъ... Нѣтъ, не выйдетъ!... тутъ съ однимъ наземомъ грѣха наживешь... Или взять такъ: я привезъ конинный, а сосѣдъ куриный... Ну, возможно-ли ему—сами вы подумайте, возможно-ли ему — дать согласіе, что хотя-бы даже и съ кониннаго получить? Вѣдь куриный, птичій, все одно червонецъ... За что-же онъ долженъ?.. Да нѣтъ, нѣтъ! Тутъ никакихъ способовъ нѣтъ... Какъ можно! Какой-же я буду хозяинъ?

Милліоны самыхъ тончайшихъ хозяйственныхъ ничтожностей, ни для кого, какъ мнѣ казалось, не имѣвшихъ рѣшительно ни малѣйшаго значенія, не оставлявшихъ, какъ мнѣ казалось, даже возможности допустить къ себѣ какое-либо вниманіе, вдругъ выросли неодолимою преградой на пути ко всеобщему благополучію... Горячность, даже азартъ, какой овладѣвалъ Иваномъ во время этого монолога, доказывали, что эти ничтожности задѣвали его за живое, т. е. за самое чувствительное мѣсто его личныхъ интересовъ. Слушая его, я не возражалъ, но только дивился: человѣкъ, который при «хорошей жизни», «на волѣ», «на свободѣ», не жалѣетъ денегъ на пьянство, не находитъ возможности чѣмъ-нибудь наполнить свое существованіе кромѣ распутства,—человѣкъ, который «швы-

ряетъ», какъ баринъ, деньги, когда ему легко жить—вдругъ, какъ скупецъ, дрожитъ надъ какимъ-то куринымъ наземомъ, не соглашается уступить зерна, ежели оно возросло на ненадлежащемъ удобреніи... Человѣку *легко*—онъ «ослабъ», пропадаетъ и пропивается; человѣкъ отказывается отъ *облегченія* въ трудѣ, и во имя чего-же? Во имя какихъ-то ничтожнѣйшихъ мелочей!.. Онъ радъ, когда начальникъ дистанціи далъ ему по шеѣ и изъ легкой жизни опять ввергнулъ въ трудную. Въ чемъ-же тутъ тайна?

IV. Власть земли.

А тайна эта, по-истинѣ, огромная и, думаю я, заключается въ томъ, что огромнѣйшая масса русскаго народа до тѣхъ поръ и терпѣлива, и могуча въ несчастіяхъ, до тѣхъ поръ молода душою, мужественно-сильна и дѣтски-кротка,—словомъ, народъ, который держитъ на своихъ плечахъ всѣхъ и вся,— народъ, который мы любимъ, къ которому идемъ за исцѣленіемъ душевныхъ мукъ,—до тѣхъ поръ сохраняетъ свой могучій и кроткій типъ, покуда надъ нимъ царитъ *власть земли*, покуда въ самомъ корнѣ его существованія лежитъ *невозможность* ослушанія ея *повелѣній*, покуда они властвуютъ надъ его умомъ, совѣстью, покуда они наполняютъ все его существованіе. У актера, который играетъ Мефистофеля или Демона, до тѣхъ поръ лицо будетъ казаться огненнымъ, покуда оно будетъ освящено огненнымъ свѣтомъ; нашъ народъ до тѣхъ поръ *будетъ* казаться такимъ, каковъ онъ есть, до тѣхъ поръ будетъ обладать тѣми драгоцѣнными качествами ума и сердца,—словомъ, до тѣхъ поръ будетъ имѣть тотъ типъ и даже видъ, какой имѣетъ, пока онъ весь, съ головы до ногъ и снаружи до самаго нутра проникнутъ и освѣщенъ тепломъ и свѣтомъ, вѣющими на него отъ матери сырой земли. Погасите красный фонарь—и лицо Демона перестало быть краснымъ. Оторвите крестьянина отъ земли, отъ тѣхъ заботъ, которыя она налагаетъ на него, отъ тѣхъ интересовъ, которыми она волнуетъ крестьянина,—добейтесь, чтобъ онъ забылъ «крестьянство»,—и нѣтъ этого народа, нѣтъ народнаго міросозерцанія, нѣтъ тепла, которое идетъ отъ него. Остается одинъ пустой аппаратъ пустого человѣческаго организма. Настаетъ душевная пустота, «полная воля», т. е. невѣдомая пустая даль, безграничная пустая ширь, страшное «иди», куда хошь»...

Я чувствую, до какой степени топорно и грубо высказано мною то, что я хотѣлъ сказать, но явленія народной жизни, въ которыхъ власть земли надъ человѣкомъ имѣетъ первенствующее значеніе, до такой степени многочисленны и важны и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаются въ такой массѣ ничтожнѣйшихъ повидимому мелочей, что въ нихъ немудрено запутаться и затемнить основную мысль, которую мнѣ бы хотѣлось высказать. Вотъ почему мнѣ и думается, что, быть-можетъ, и слѣдовало даже опредѣлить эту мысль грубыми и рѣзкими чертами.

Земля, о неограниченной, могущественной власти которой надъ народомъ идетъ рѣчь, есть не какая-нибудь аллегорическая или отвлеченная, иносказательная земля, а именно та самая земля, которую вы принесли съ улицы на своихъ калошахъ въ видѣ грязи,—та самая, которая лежитъ въ горшкахъ вашихъ цвѣтовъ, черная, сырая,—словомъ, земля самая обыкновенная, натуральная земля. Могущество этой персти, «праха», съ глубочайшею силой и простотой указано еще въ стариннѣйшей былинѣ о Святогорѣ-богатырѣ. Въ сущности, это даже и не былина, а загадка, но загадка, въ которой таится вся сущность народной жизни... Все содержаніе этой коротенькой былины состоитъ въ слѣдующемъ: Святогоръ-богатырь выѣхалъ во чисто полѣ гулять. Выѣхалъ онъ просто такъ, безъ всякой задней мысли (обыкновенно богатыри выѣзжаютъ собирать дани, выходы), выѣхалъ прогуляться, поразмять кости, силой съ кѣмъ нибудь помѣриться.

«По моей ли да по силѣ богатырской
Кабъ державу мнѣ найти, всю землю поднялъ бы

Никакой однако подходящей, къ сожалѣнію богатыря, державы на пути не встрѣтилось, а встрѣтился ему «прохожій» мужичекъ съ сумочкой за плечами. «Ѣдетъ Святогоръ рысью, а прохожій все идетъ передомъ. Во всю прыть не можетъ онъ (Святогоръ) догнать прохожаго. Закричалъ тутъ Святогоръ, да громкимъ голосомъ: «Гой, прохожій человѣкъ! подожди немножечко — не могу догнать тебя я на добромъ конѣ».

Прохожій послушался Святогора, остановился, снялъ изъ-за плечъ сумочку и сложилъ ее на землю. «Наѣзжаетъ Святогоръ на эту сумочку; своей плеточкой онъ сумочку пощупывалъ: какъ урослая, та сумочка не тронется. Святогоръ перстомъ съ ее коня потрогивалъ; не своротнется та сумка, не шевельнется. Святогоръ съ коня хваталъ ее рукой, потягивалъ: какъ урослая та сумка не поднимается. Слѣзъ съ коня тутъ Святогоръ, взялся онъ за сумочку; онъ приладился, взялся руками обѣими, *во всю силу* богатырскую натужился, отъ натуги по бѣлу-лицу ала кровь пошла, а поднялъ суму отъ земли только *на волось*, по колѣна-жъ самъ онъ въ мать сыру-землю угрязъ. Взговорилъ-ли Святогоръ тутъ громкимъ голосомъ: «Ты скажи-же мнѣ, прохожій, правду-истину, *а и что*, скажи ты, *въ сумочкѣ накладено*?» Взговорилъ ему прохожій да на тѣ слова:

«— *Тяга въ сумочкѣ отъ матери сырой земли.*

«— А ты самъ кто есть? Какъ звать тебя по имени?

«— Я Микула есть, *мужикъ*, я Селяниновичъ, я Микула—«*меня любитъ мать сыра земля*»».

Вотъ и вся былина-загадка, и опять, какъ видите, слову «земля» нельзя придать никакого значенія, кромѣ буквальнаго. «Тяга» въ этой самой натуральной землѣ,— той самой, которая у васъ

въ цвѣточныхъ горшкахъ — оказывается столь огромной, что съ ней не въ силахъ совладать богатырь, которому ничего не стоитъ разнести въ пухъ и прахъ, отъ нечего дѣлать, цѣлую «державу». Этотъ богатырь, ухватившись «обѣими руками», изъ всѣхъ силъ натужившись, едва-едва могъ только на волосъ поднять мужицкую сумочку, — ту ношу, которую народъ носитъ за плечами, и такъ легко, что богатырю не догнать его на добромъ конѣ.

Читая эту былину, нѣкоторое время неудомѣваешь, почему и зачѣмъ невѣдомый авторъ ея, цѣль котораго была показать «тягу земли», заставляетъ богатыря догонять прохожаго пѣшехода. Но, вчитавшись въ былину, видишь, что все въ ней глубоко обдумано, все имѣетъ огромное значеніе въ пониманіи сущности народной жизни: тяга и власть земли огромны - до того огромны, что у богатыря кровь алая выступила на лицѣ, когда онъ попытался поколебать ихъ на волосъ, а между тѣмъ эту тягу и власть народъ несетъ легко, какъ пустую сумочку. Все это такъ именно есть и до сего дня!

Сначала скажемъ о тяготѣ и власти. Вотъ сейчасъ изъ моего окна я вижу: плохо прикрытая снѣгомъ земля, тоненькая въ вершокъ зеленая травка, а отъ этой тоненькой травинки въ полной зависимости человѣкъ, огромный мужикъ съ бородой, съ могучими руками и быстрыми ногами. Травинка можетъ вырости, можетъ и пропасть, земля можетъ быть матерью и злой мачихой, — что́ будетъ, неизвѣстно рѣшительно никому. Будетъ такъ, какъ захочетъ земля; будетъ такъ, какъ сдѣлаетъ земля и какъ она будетъ въ состояніи сдѣлать... И вотъ человѣкъ въ полной власти у этой тоненькой травинки. Вѣдь она только черезъ годъ, почти день въ день, принесетъ на мужицкій столъ ломоть хлѣба, но можетъ и не принести — она сама во власти каждой тучки, каждаго вѣтерка, каждаго солнечнаго луча... Сколько перемѣнъ, неожиданностей, случайностей и огромныхъ послѣдствій, сопутствующихъ этимъ неожиданностямъ! Для этой травинки, для того, чтобъ она могла питать, нужна масса приспособленій, масса труда, масса внимательности во взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Нужна работящая жена, которая могла бы участвовать въ этой массѣ труда, нужна скотина, уходъ за скотиной, нужны орудія и т. д., и все это для этой травинки.

Представьте себѣ, что̀ выйдетъ, если мы, оцѣнивъ результаты въ деньгахъ, дадимъ этихъ денегъ любому крестьянскому двору втрое больше, чѣмъ онъ вырабатываетъ втеченіе года, — что̀ выйдетъ? Образуется не семья трудящихся, занятыхъ людей, а толпа ртовъ, у которыхъ вся жизнь — сплошная пустота, что̀ мы и видимъ въ семьяхъ, гдѣ живутъ, какъ говорится, «на готовыя деньги»; тогда какъ владычествующая надъ нимъ земля и трудъ, къ которому она обязываетъ, наполняютъ все его существованіе, объясняютъ ему необходимость и надобность каждаго шага, каждаго поступка, каждаго помышленія. Жена крестьянина, которая въ крестьянствѣ неоцѣненна, при готовыхъ деньгахъ, при отсутствіи крестьянскаго земледѣльческаго труда, теряетъ вдругъ всѣ свои достоинства; она оказывается просто дурой, дубиной, деревомъ, которое будетъ мѣшать вездѣ, куда только ни сунется. Вотъ почему такъ противны тѣ изъ крестьянъ, которые вылѣзли къ деньгамъ, отдѣлились отъ труда, живутъ на готовое: скучнѣе, пошлѣе этой жизни трудно себѣ представить. Что̀ за глупые разговоры о людяхъ съ песьими головами, о Махмудѣ персидскомъ или, какъ теперь, о «панье» и «портвинѣ». Кто не знаетъ наконецъ, сколько глупаго «форцу» вноситъ крестьянинъ, пожившій въ трактирѣ, въ лакеяхъ и т. д. А вѣдь онъ пьетъ, ѣстъ готовое, спитъ въ теплѣ и деньги получаетъ; у него «часы анкерные»; но кто не испытывалъ къ этимъ типамъ самаго полнаго отвращенія? И этотъ же пустомеля и остолопъ тотчасъ начинаетъ возвращаться къ образу и подобію человѣческому, какъ только возвращается къ труду земледѣльческому, т. е. когда *теряетъ необходимость* выдумывать свои интересы, наполнять себя нравственно чѣмъ попало, и когда власть земли и трудъ, къ которому она обязываетъ, наполняетъ все его существованіе содержаніемъ не выдуманнымъ, безъ его усилій, безъ его желаній, наполняетъ своею властью безъ его участія и воли.

Такимъ образомъ у земледѣльца нѣтъ шага, нѣтъ поступка, нѣтъ мысли, которые бы принадлежали не землѣ. Онъ весь въ кабалѣ у этой травинки зелененькой. Ему до такой степени невозможно оторваться куда-нибудь на сторону изъ-подъ ига этой власти, что когда ему говорятъ: «Чего ты хочешь тюрьмы, или розогъ?», то онъ всегда предпочитаетъ быть высѣченнымъ, предпочитаетъ перенести физическую муку, чтобы только сейчасъ же быть свободнымъ, потому что хозяинъ его, земля, не дожидается: нужно косить — сѣно нужно для скотины, скотина нужна для земли. И вотъ въ это-то ежеминутной зависимости, въ этой-то массѣ тяготы, подъ которой человѣкъ самъ по себѣ не можетъ и шевелиться, тутъ-то и лежитъ та необыкновенная *легкость* существованія, благодаря которой мужикъ Селяниновичъ могъ сказать: «меня *любитъ* мать сыра земля».

И точно любитъ: она забрала его въ руки безъ остатка, всего цѣликомъ, но зато *онъ и не отвѣчаетъ* ни за что, ни за одинъ свой шагъ. Разъ онъ дѣлаетъ такъ, какъ *велитъ* его хозяйка-земля, онъ ни за что не отвѣчаетъ: онъ убилъ человѣка, который увелъ у него лошадь, — и невиновенъ, потому что безъ лошади нельзя приступить къ землѣ; у него перемерли всѣ дѣти — онъ опять не виноватъ: не родила земля, нечѣмъ кормить было; онъ въ гробъ вогналъ вотъ эту свою жену — и невиновенъ: дура, не понимаетъ въ хозяйствѣ, лѣнива, черезъ нее стало дѣло, стала работа. А хозяйка-земля требуетъ этой работы, не ждетъ. Словомъ, если только онъ слушаетъ того, что̀ велитъ ему земля, онъ ни въ чемъ невиновенъ; а главное

какое счастье не выдумывать себѣ жизни, не разыскивать интересовъ и ощущеній, когда они сами приходятъ къ тебѣ каждый день, едва только открылъ глаза! Дождь на дворѣ—*долженъ* сидѣть дома, ведро—*долженъ* идти косить, жать и т. д. Ни за что *не отвѣчая*, ничего самъ *не придумывая*, человѣкъ живетъ только *слушаясь*, и это ежеминутное, ежесекундное послушаніе, превращенное въ ежеминутный трудъ, и образуетъ *жизнь*, не имѣющую повидимому никакого результата (что выработаютъ, то и съѣдятъ), но имѣющую результатъ именно въ самой себѣ.

Для чего растетъ вотъ этотъ дубъ? Какая ему польза сто лѣтъ тянуть изъ земли соки? Что ему за интересъ каждый годъ покрываться листьями, потомъ терять ихъ и въ концѣ-концовъ кормить желудями свиней?—Вся польза и интересъ жизни этого дуба именно въ томъ и заключается, что онъ *просто растетъ*, просто зеленѣетъ, такъ, самъ не зная зачѣмъ. То же самое и жизнь крестьянина-земледѣльца: вѣковѣчный трудъ—это и есть жизнь и интересъ жизни, а результатъ--нуль.

Вамъ напримѣръ, петербургскому интеллигентному чиновнику, жизнь не такъ легка: вы работаете въ министерствѣ до пяти часовъ поденьщину, чтобы выработать *средства къ жизни*, вы дѣлаете *ненужную* вамъ работу; что такое для васъ лично горе вдовы кабатчика, Евдокіи Миломордовой, которая пятый годъ со слезами умоляетъ защитить ее отъ опекуна, который при раздѣлѣ дома завладѣлъ четырьмя окнами, а ей далъ три, тогда какъ ей слѣдовало еще полъокна — что вамъ до этого? А вы должны сидѣть, класть резолюціи, усовѣщевать опекуна на основаніи статей закона, грозить ему. Вы дѣлаете это изъ за средствъ къ жизни, а для вашей личной жизни все это не нужно совершенно. Жизнь для васъ — особь-статья: Сарра Бернаръ, Зембрихъ, почести, политика, т. е. нѣчто совсѣмъ особое отъ вашего труда. Дѣтей, напримѣръ, вы должны воспитывать (чтобы не испортить) вдали отъ знакомства съ вашими служебными и общественными интересами. Вы трудитесь, надѣясь на какой-то результатъ. Словомъ, ваша жизнь разбилась на полосы, въ которыхъ нѣтъ связи. Вы въ департаментѣ совсѣмъ другой, чѣмъ дома или въ театрѣ. А крестьянинъ - земледѣлецъ вездѣ одинъ и тотъ-же: онъ трудится и живетъ интересами этого-же труда, и въ этихъ-же интересахъ *самъ собой*, безъ учителя, воспитывается и его ребенокъ. Результатъ вашей жизни, положимъ, хоть плотная банковая книжка; банковая книжка пахаря тутъ-же всегда съ нимъ — въ его радости, что ведро, что «овсы» взялись шибко и т. д. Вамъ нуженъ кабинетъ—*для себя*, салонъ —для общества, классная—для дѣтей. И вездѣ все разное и думается, и говорится, и дѣлается; для пахаря-мужика нужна *одна* изба, потому что всѣ живутъ однимъ—землей, у всѣхъ одинъ трудъ—земледѣльческій, всѣ говорятъ и дѣлаютъ одно—то, что повелитъ мать-сыра земля!

Недавно пришлось мнѣ разговаривать съ однимъ старымъ-престарымъ крестьяниномъ, который выростилъ и пристроилъ всѣхъ дѣтей, похоронилъ жену, сдалъ землю въ общество, такъ какъ силъ работать у него уже нѣтъ, и пошелъ странствовать по святымъ мѣстамъ. И о чемъ-же вспоминаетъ этотъ старикъ, стоящій на краю гроба? Что-бы ему вспомнить двѣнадцатый годъ, осаду Севастополя или какое-либо иное знаменательное событіе, свидѣтелемъ котораго онъ былъ?—Нѣтъ, онъ вспоминаетъ только землю.

— Жалко было бросать-то? спросилъ я.

— Вотъ какъ жалко, сказать не могу... И-и, матушка родная!..

И буквально съ плачущими нотами въ голосѣ продолжалъ:

— По де - вя - но - сто мѣръ хлѣба сѣ-я-алъ!.. Ов-весъ у меня крестецкій, тя-а-желый-претяжелый... Бывало, до свѣту примутся мои бабы жать, что огнемъ палятъ ..

«Девяносто мѣръ» — это такая должно-быть была прелесть, такой просторъ наслажденію!.. Сарра Бернаръ, когда будетъ старой старушкой, вѣроятно съ такимъ же умиленіемъ будетъ вспоминать восторги, которые она вызывала въ массахъ зрителей, какое испытывалъ этотъ старикъ, вспоминая время, когда онъ сѣялъ де-вя-но-сто мѣръ, вспоминая крестецкій овесъ и «своихъ бабъ», которыя такъ были «завистливы» на работу, что принимались за жнитво до свѣту.

Когда между мною и старикомъ шелъ разговоръ (мы сидѣли на улицѣ, дѣло было въ концѣ лѣта), вдругъ вдали на деревнѣ грянулъ звонкій дѣвичій хоръ; старикъ поднялъ голову и, слушая пѣсню, сказалъ:

— Ишь, горло-то дерутъ! Урожай нонѣ... Богъ послалъ...

Хоръ зазвенѣлъ еще звончѣй и громче.

— Картофь, должно, Господь уродилъ нонѣ — прибавилъ старикъ въ объясненіе слишкомъ звонкаго пѣнія.

V. Народная интеллигенція.

И опять я знаю, что сказанное мною сказано грубо и топорно, но опять-таки повторяю, чтобы хоть какъ-нибудь разобраться въ томъ запутанномъ нравственномъ состояніи, которое переживаетъ народъ и которое таитъ въ себѣ огромныя несчастія, необходимы грубыя, топорныя черты, чтобы рѣзче разграничить необходимое для народа отъ гибельнаго. Итакъ, приводя въ порядокъ все до сихъ поръ сказанное, я думаю, что мало ошибусь, если скажу, что двухсотлѣтняя татарщина и трехсотлѣтнее крѣпостничество могли быть перенесены народомъ только благодаря тому, что и въ татарщинѣ, и въ крѣпостничествѣ онъ могъ сохранить неприкосновеннымъ свой земледѣльческій типъ (онъ *изнурялся физически* на барской работѣ, но дѣлалъ ту же работу, что и для себя), цѣльность своего земледѣльческаго быта и, главное, *земледѣльческаго міросозерцанія*. Не

нагайки, не плети, не дранье на конюшнѣ, не становые или урядники, ни тѣмъ паче пятнадцать томовъ законовъ съ двадцатью томами примѣчаній — держали его въ повиновеніи, развили въ немъ строгую семейную и общественную дисциплину, сохранили его отъ тлетворныхъ лжеученій, а деспотическая власть «любящей» мужика матери-земли, обязывавшая его тяжкимъ трудомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчавшая этотъ трудъ, дѣлая его интересомъ всей жизни, давая возможность *въ немъ-же* находить *полное* нравственное удовлетвореніе. Кромѣ этого, едва-ли я ошибусь много, если скажу, что и *община* наша только потому, какъ говорится, устояла и только до тѣхъ поръ, прибавимъ мы, устоитъ, покуда членовъ ея соединяетъ *однородность* земледѣльческаго труда, *однородность* надеждъ, плановъ, волненій, заботъ, *однородность* семейныхъ и общественныхъ обязанностей.

Я вовсе не хочу сказать, что *однородность* эта обязательна была и есть для характеровъ, дарованій, умовъ, нервовъ. Напротивъ, надъ однородностью труда и вытекающаго изъ него міросозерцанія—умъ, талантъ, сила, дарованіе имѣли полный просторъ, но проявлялись-то они *въ одномъ* и томъ же дѣлѣ, хотя и различно. Эту одинаковость и однородность труда, не мѣшающаго проявленію дарованій, надо принимать въ разсчетъ и при оцѣнкѣ нравственной силы нашихъ артелей: у насъ если пойдутъ рисовать подносъ съ огнедышащею горой, такъ съ того мѣста, гдѣ нарисованъ первый подносъ, и пойдетъ по линіи верстъ на четыреста — всѣ деревни и всѣ люди въ деревняхъ примутся малевать тотъ же подносъ съ огнедышащею горой. Тутъ дѣло въ томъ, что всѣ хотятъ равняться только въ средствахъ труда: у всѣхъ одна и та же краска, одно и то же желѣзо, одинъ и тотъ же рисунокъ; на этой одинаковости и конецъ равненію. Дальше этой одинаковости идетъ талантъ, физическія преимущества, умъ, проворство, случай: раньше всталъ, прежде другихъ вышелъ на базаръ, купецъ-покупщикъ попалъ добрѣй. Едва ли не преувеличено мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей общины относительно размѣровъ той опеки, которую община накладываетъ на своихъ членовъ почти въ каждомъ поступкѣ. Не знаю. Искалъ я этой опеки и нашелъ, что дѣйствительно иногда общины запрещаютъ своимъ членамъ продавать «навозъ на сторону», а другихъ опекъ что-то не видно. Сироту беретъ не община, а кто-нибудь изъ нея, добрый человѣкъ — беретъ *самъ*, безъ помощи и приказанія или совѣта міра. Навозъ дѣйствительно нуженъ въ хозяйствѣ. Такія слишкомъ ужъ одинаковыя во всѣхъ отношеніяхъ общины не существуютъ даже въ животномъ царствѣ; даже у стерлядей, по свидѣтельству рыболововъ, существуютъ «десятники», которые посылаются стерлядинымъ обществомъ искать мѣста для метанія икры. Волжская рыба сазанъ, тоже живущая своими сельскими обществами, имѣетъ и выборныхъ, и ходоковъ, и депутатовъ; они обыкновенно идутъ впереди «общества» и. подойдя къ заколу, который ставятъ рыбаки поперекъ рѣкъ, начинаютъ пробовать крѣпость его носомъ, потомъ налегаютъ бокомъ, потомъ пробуютъ перепрыгнуть: когда все это не удается, то депутаты возвращаются и докладываютъ обществу; мірской сазаній сходъ рѣшаетъ «взять» заколъ всѣмъ міромъ и, точно, все стадо съ страшною стремительностью бросается на заколъ и ударяетъ въ него всѣмъ своимъ коллективнымъ рыломъ. Многіе погибаютъ на смерть, а другіе проскальзываютъ въ брешь и спасаются.

Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые изъ мірскихъ поступковъ нашей деревни, въ виду вышеприведенныхъ примѣровъ (которыхъ можно-бы привести множество), теряютъ нѣкоторую долю своего значенія, эти примѣры, взятые изъ рыбьяго быта, говорятъ, что даже и въ этомъ быту нѣтъ сплошного во всемъ равенства и одинаковости, тѣмъ паче нѣтъ и никогда не бывало его въ общинѣ крестьянской, человѣческой. Но опять-таки *земледѣльческій* трудъ, жизнь въ *земледѣльческихъ* условіяхъ и, главное, *земледѣльческое* міросозерцаніе смягчали эти рѣзкости всевозможныхъ неравенствъ просто потому, что дѣлали ихъ всѣмъ понятными. Возьмемъ вопросъ самаго жгучаго неравенства— богатство и бѣдность. Богачи всегда бывали въ деревнѣ; но я спрашиваю, чѣмъ и какимъ образомъ могъ разбогатѣть крестьянинъ-земледѣлецъ и какъ и отчего могъ обѣднѣть? — Только землей, только отъ земли. *Онъ не виноватъ*, что у него *уродило*, а у сосѣда нѣтъ; *не виноватъ* онъ, что онъ силенъ, что онъ уменъ, что его семья подобралась молодецъ къ молодцу. что бабы его встаютъ до свѣту и т. д. Тутъ — счастье, талантъ, удача; но счастье, талантъ, удача—*земледѣльческіе*, точно такъ-же какъ у сосѣда земледѣльческая неудача, отсутствіе силы въ земледѣліи, отсутствіе согласія семьи, нужной для земледѣлія. Тутъ *понятно* богатство, *понятна* бѣдность, тутъ никто ни передъ кѣмъ не виноватъ. Это не то, что теперь, когда Иванъ Босыхъ, силачъ и весь созданный для земледѣлія, нищенствуетъ, а мужиченко, котораго перешибить можно плевкомъ, богатъ безъ земли и безъ труда, на который онъ неспособенъ. Такое богатство, которое у всѣхъ на виду, которое всѣмъ понятно,— извинительно и ему можно покоряться безъ злобы. Чѣмъ виноватъ этотъ богачъ-земледѣлецъ, у котораго земля уродила потому, что на нее *палъ дождь*, а на мою не палъ, и я обѣднялъ? Завтра на *мое* счастье ударитъ *грибной дождь*, высыпетъ въ лѣсу масса грибовъ, и я не полѣнюсь встать до свѣта и собрать ихъ, пока другіе спятъ. На мое счастье попадутся бѣлые грибы, а вѣдь они — рубль двадцать фунтъ; это счастье можетъ посѣтитъ и меня, какъ посѣтило сосѣда. Точно также я *не могу* роптать и на то, что сосѣдъ умнѣй, проворнѣй, сильнѣй, дальновиднѣй. Онъ и я — мы дѣлаемъ *одно* и то же дѣло, только поразному, по-своему, какъ кто можетъ и какое кому счастье. Это взглядъ, которому учатъ также земля и неразрывная съ нею невозможность со-

противляться велѣніямъ природы, съ которою человѣкъ неразрывенъ, имѣя дѣло съ землей и живя земледѣльческимъ трудомъ. Но тотъ-же самый человѣкъ, который безъ зависти и злобы переноситъ богатство, понятное ему и объяснимое съ точки зрѣнія условій собственной жизни и міросозерцанія, ожесточится и со злобою будетъ взирать на такое богатство своего сосѣда, которое онъ, во-первыхъ, *не можетъ понять* и которое, во-вторыхъ, выростаетъ вопреки всему его міросозерцанію, безъ труда, безъ дарованія, безъ счастья, безъ ума.

Вотъ это-то и есть язва теперешней деревенской жизни, но о ней мы будемъ говорить самымъ подробнымъ образомъ во второй половинѣ этихъ замѣтокъ; тамъ-же, и съ возможно большею обстоятельностью, мы остановимся и на другой, также важнѣйшей чертѣ народной жизни, о которой въ настоящемъ отрывкѣ не сказано ни слова почти умышленно — не сказано для того, чтобы по возможности ярче выставить самое основаніе народнаго міросозерцанія и власть, которую играетъ въ немъ земля. Это другое, важное въ народной жизни, есть *народная интеллигенція, всегда, во всѣ времена существовавшая въ народѣ, но теперь незамѣтная.*

Принимая отъ земли, отъ природы указанія для своей нравственности, человѣкъ, т. е. крестьянинъ-земледѣлецъ, вносилъ волей-неволей въ людскую жизнь слишкомъ много тенденцій дремучаго лѣса, слишкомъ много наивнаго лѣсного звѣрства, слишкомъ много наивной волчьей жадности. Мужикъ, который убилъ жену, потому что она «мѣшаетъ» въ хозяйствѣ, слаба, не работяща, лѣнива и, можетъ быть, зла—согласно лѣсной морали, былъ правъ и, согласно ей, *не чувствовалъ* себя виновнымъ; но чѣмъ же виновата убитая, что она слаба, больна, нравственно несчастна и т. д.? Вотъ эту, не зоологическую, не лѣсную, а божескую правду и вносила въ народную среду *народная* интеллигенція. Она поднимала слабаго, безпомощно брошеннаго безсердечною природой на произволъ судьбы; она помогала, и всегда *дѣломъ*, противъ слишкомъ жестокаго напора зоологической правды; она не давала этой правдѣ слишкомъ много простора, полагала ей предѣлы. Интеллигенція эта ни капли не похожа ни на графа Судакъ-Огратанова 12-го, который «съ сотнею» казаковъ разбилъ многочисленнаго непріятеля, не походила на поэта, брякающаго на казенной лирѣ подвиги означеннаго графа, ни на государственнаго мужа, написавшаго сто томовъ разныхъ полезныхъ законовъ, не походила ни на нынѣшнихъ становыхъ, предсѣдателей, урядниковъ, гласныхъ, волостныхъ старшинъ и т. д. Ни на что подобное она не походила, потому что типъ ея былъ типъ *божія угодника.* Но это не тотъ угодникъ, который, угождая Богу, заберется въ дебрь или взлѣзетъ на столбъ и стоитъ на немъ тридцать лѣтъ. Нѣтъ, *нашъ народный* угодникъ хоть и оказывается отъ мірскихъ заботъ, но живетъ только для міра. Онъ—мірской работникъ, онъ постоянно въ толпѣ, въ народѣ, и не разглагольствуетъ, а дѣлаетъ въ самомъ дѣлѣ дѣло. Народная легенда о Николаѣ и Касьянѣ какъ нельзя лучше рисуетъ этотъ типъ *народнаго* интеллигентнаго человѣка. Касьяну, какъ извѣстно, праздникъ бываетъ только въ 4 года разъ (въ високосъ), а Николаю—множество разъ въ одинъ годъ. Отчего такъ? Оттого, разрѣшаетъ этотъ вопросъ легенда, что когда Николай и Касьянъ пришли давать Богу отчетъ, послѣ того какъ они были на землѣ между людьми, то Николай оказался весь испачканъ грязью и въ изорванномъ платьѣ, а Касьянъ пришелъ франтомъ. Вотъ Богъ и рѣшилъ, что Николай все время работалъ, толкался въ народѣ, хлопоталъ, а Касьянъ только разговаривалъ, за это и положилъ праздновать Касьяну въ 4 годъ разъ, а Николаю въ годъ чуть не двадцать разъ. Вотъ такой-то типъ и есть типъ *народной* интеллигенціи, и дѣла такого угоднаго Богу и народу человѣка какъ нельзя лучше подходили къ общимъ условіямъ земледѣльческаго быта: они были нужны, настоятельны—и такой работникъ, какъ мы видимъ, былъ. Теперь нѣтъ въ народѣ такого типа, такого работника, никто не пачкаетъ своего платья изъ-за чужой бѣды. Всѣ добрыя дѣла обязались дѣлать земскія собранія за умѣренное вознагражденіе. Народная душа опустошена и пожалуй ожесточена, такъ какъ и трудъ — уже не трудъ и жизнь одновременно, а только трудъ.

VI. Земледѣльческій календарь.

Задавшись цѣлью опредѣлить значеніе въ народной жизни и міросозерцаніи «земли» и «земледѣльческаго труда», я долженъ-бы былъ теперь-же, т. е. тотчасъ послѣ общихъ разсужденій объ этомъ предметѣ, перейти къ примѣрамъ, къ проявленію, если такъ можно выразиться, «*земледѣльческой мысли*» народа въ частныхъ, семейныхъ, общественныхъ дѣлахъ. Все это и будетъ сдѣлано мною впослѣдствіи, въ отдѣльныхъ отрывкахъ; теперь-же, въ виду того, что мнѣ объ этомъ общемъ очеркѣ современной земледѣльческой жизни необходимо говорить о такихъ явленіяхъ, которыя самымъ безжалостнымъ образомъ расшатываютъ и разрушаютъ весь строй народнаго труда и міросозерцанія, я ограничусь нѣсколькими случайными примѣрами, касающимися «власти земли», только для того, чтобы виднѣе было, что̀ именно творится въ народной жизни въ настоящее время.

Итакъ, чтобы не далеко ходить за этими примѣрами, возьмемъ первое, что̀ попадется подъ руку.

Беремъ напримѣръ одинъ изъ новогоднихъ календарей; тамъ, въ отдѣлѣ примѣтъ и замѣчательныхъ событій, обратите вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя «замѣчательны» для народа. Возьмемъ 6-е января, «Крещеніе». Въ отдѣлѣ замѣчательныхъ событій «для господъ» ничего не показано. 3-го января показано, что умеръ графъ Румянцевъ, канцлеръ, покровитель наукъ и просвѣще-

нія, и заключенъ миръ и договоръ въ Андрусовѣ въ 1667 году и въ Бахчисараѣ въ 1671 году; затѣмъ ни 4-го, ни 5-го, ни 6-го ничего особеннаго не случилось. А вотъ въ отдѣлѣ народныхъ «замѣчательныхъ» событій значится цѣлыхъ *семь* замѣчательныхъ примѣтъ, именно: «Яркія звѣзды подъ Крещеніе — много родится бѣлыхъ ярокъ». «На Крещеніе день теплый, будетъ хлѣбъ темный». «Коли идутъ на воду въ туманъ, будетъ много хлѣба». «На Крещеніе метель и на Святой будетъ метель же». «На Крещеніе снѣгъ хлопьями—къ урожаю» (цвѣтъ будетъ хорошъ). «Если на Крещеніе въ полдень (вотъ какая точность!) *синія* облака—къ урожаю». «Если на Крещеніе звѣздная ночь — урожай на горохъ и ягоды». А затѣмъ такъ и пошло безъ перерыва на цѣлый годъ, вплоть до будущаго Крещенія — у господъ идутъ: взятіе, покореніе, одолѣніе и т. д., а у крестьянъ: «На Трифона звѣздно—весна поздняя». «На Евдокеи снѣгъ—урожай». «На Евдокеи погоже—лѣто пригоже». «Коли грачи дружно на гнѣздо летятъ - дружная весна». «Каковы на Алексѣя ручьи—такова и пойма». «На Благовѣщеніе дождь—родится рожь, морозъ—урожай на грузди, гроза — къ теплому лѣту и орѣхамъ, мокро—къ грибамъ». «Апрѣль сипитъ да дуетъ—тепло бабамъ сулитъ, а мужикъ глядитъ, что-то будетъ». «Марья—заиграй овражки, зажги снѣга». «Коли на Юрья березовый листъ въ полушку, на Успеніе клади хлѣбъ въ кадушку». «Если на Николу заквакаютъ лягушки—хорошъ будетъ овесъ».—«На Луку полуденный вѣтеръ—къ урожаю яровыхъ».

Святые и чудотворцы также переведены на крестьянское положеніе: св. апостолъ Онисимъ переименованъ въ Онисима-овчарника, Іовъ многострадальный — въ Іова-горошника; св. Аѳанасій Великій, архіепископъ александрійскій, имя котораго «нераздѣльно соединено съ исторіей христіанской церкви въ IV вѣкѣ, такъ какъ онъ—одинъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ благочестія противъ лжеученія Арія», переименованъ просто въ Аѳанасія-ломоноса, потому что около дня его имени, 18-го января, бываютъ самые страшные морозы, отъ которыхъ кожа слѣзаетъ съ носа. Св. преподобно-мученица Евдокія, отличавшаяся въ молодости тѣмъ, что плѣняла красотой юношей и жила во грѣхѣ», а потомъ, по увѣщанію нѣкоего Германа, обратилась къ истинному Богу, именуется «Евдокея-плющиха, подмочи порогъ», такъ какъ 1-го марта, день ея празднества, таетъ, плющитъ снѣгъ и т. д. Герасимъ—грачовникъ, Ирина—разсадница, «на Кузьму—сѣй свеклу», Лукерья—комарница (13-го мая), Леонтій—огуречникъ, Акулина—гречишница и т. д., и т. д. Такимъ образомъ весь годъ—триста шестьдесятъ пять дней имѣютъ каждый безчисленное множество примѣтъ, и хотя эти примѣты не имѣютъ для васъ, образованнаго читателя, никакого значенія, даже смысла, но земледѣльческую народную мысль онѣ достаточно-таки характеризуютъ. Сколько нужно внимательности, а слѣдовательно и траты собственной мысли, примѣчая напримѣръ цвѣтъ облаковъ въ полдень на Крещеніе, находить въ этомъ связь съ урожаемъ, который можетъ опредѣлиться въ августѣ, то-есть черезъ семь мѣсяцевъ! «Если на Крещеніе въ полдень синія облака»... Можетъ быть эта примѣта ровно ничего не означаетъ, но неужели-же, чтобы создать эту примѣту, чтобъ августовскій хлѣбъ привести въ связь съ цвѣтомъ облаковъ въ Крещеніе, да еще въ полдень, не надо было много и своеобразно думать, и притомъ думать именно «земледѣльчески»? Одинъ ужъ этотъ примѣръ, взятый, повторяемъ, совершенно случайно,—а такихъ примѣровъ мы могли-бы привести по-истинѣ великое множество,—одинъ онъ можетъ показать, до какой степени крестьянинъ тратитъ много вниманія на природу и землю и на все, что съ ними связано: мало отмѣтить день какою-нибудь примѣтой — отмѣчается даже часъ, полдень, отмѣчается цвѣтъ облаковъ, ночью отмѣчается блескъ звѣздъ и т. д. И это на каждый день въ году и едва-ли не на каждый часъ. Можете представить, что объ одномъ хлѣбѣ, объ урожаѣ или неурожаѣ начинаютъ примѣчать тотчасъ послѣ посѣва: ужъ въ октябрьскихъ примѣтахъ значится: «коли листъ (опадающій) ложится вверхъ изнанкой, будетъ урожай». Въ ноябрѣ «снѣгу надуетъ — хлѣба прибудетъ», а «коли ледъ на рѣкѣ становится грудами, будетъ и хлѣба груды». Въ декабрѣ «большой иней, груды снѣга — и хлѣба будетъ много». «*Коли снѣгъ привалитъ вплоть къ заборамъ*, будетъ неурожай; коли не вплоть — урожай». «Иней на деревьяхъ — урожай». «Каковъ иней на деревьяхъ, таковъ и цвѣтъ на хлѣбѣ». 25-го декабря ясный день—къ урожаю; небо звѣздисто—къ приплоду скота, ягодамъ, гороху. «Коли тропинки черны, уродится гречиха». Чего стоитъ хоть-бы вышеприведенная примѣта—*коли снѣгъ привалитъ вплоть къ забору и коли не вплоть*! Едва-ли банкиръ и капиталистъ въ такой же степени тщательно изучаетъ всѣ случайности, которымъ могутъ подвергнуться его бумаги, какъ тщательно изучаетъ крестьянинъ мельчайшія подробности случайностей природы, обусловливающія успѣхъ его труда и всего благосостоянія. Но мало того, что каждый день въ году и почти каждый часъ втеченіе дня запримѣчены, объяснены и осмыслены сообразно земледѣльческимъ условіямъ жизни; мало того, что запримѣчено и объяснено появленіе каждаго облака, дождя, снѣга, ихъ свойства, видъ, даже цвѣтъ (облака); мало того, что всѣ святые, чудотворцы, апостолы переименованы сообразно земледѣльческимъ условіямъ быта народнаго: самое Священное Писаніе, если послушать деревенскихъ толкователей его (не говорю о раскольникахъ и сектантахъ, которые толкуютъ его весьма широко), кажется, только и написано для того, чтобы доказать крестьянамъ, что «пріидетъ царь (такой-то) и дастъ землю». Непонятный, запутанный текстъ «Апокалипсиса», который съ такой охотой читаютъ деревенскіе грамотные люди, въ толко-

ваніяхъ этихъ послѣднихъ получаетъ совершенно неожиданно самый ясный смыслъ, потому что все оказывается написаннымъ насчетъ того, что земли будетъ вволю... Вездѣ, гдѣ попадаются слова: «и соединиша», «и соединихомъ, «и соединихъ»— ужъ непремѣнно дѣло идетъ насчетъ земли .. «И соединихъ»... вотъ это и есть это самое, толкуетъ толкователь: какъ у насъ теперь наша земля отошла и буеракъ съ прутнякомъ отошелъ, то вотъ и пишется, что «пріидетъ» и присоединитъ все опять-же къ намъ...

— А не сказано, что сначала отойтить отъ насъ должна?

-- Какъ не сказано-то! Вотъ...

И тотчасъ отыщется мѣсто, въ которомъ сказано: «разрушу», «расторгну», и потомъ отыщется другое мѣсто *послѣ* «расторгну», въ которомъ сказано: «и соединихъ».

— Вотъ такъ и есть: сначала отобрали, а потомъ отдадутъ обратно.

Отыскиваются указанія въ «Откровеніи», имѣющія чисто мѣстный характеръ. Напримѣръ вотъ въ этой деревнѣ крестьянскую землю раскидали въ три разныхъ мѣста, а въ другой она только въ двухъ мѣстахъ, и каждая деревня непремѣнно найдетъ въ «Апокалипсисѣ» указанія, касающіяся земельныхъ особенностей каждой. Одна отыщетъ, что «тріе воедино», а другая—«воедино да будутъ двоіе», и все это съ глубочайшей вѣрой и благоговѣніемъ... Однажды, разговаривая съ такимъ старичкомъ-толкователемъ, я спросилъ его:

— Ну, а у меня отберутъ землю *тогда*?

— А у тебя сколько земли?—спросилъ старичокъ.

— Одна десятина.

Старичокъ подумалъ, переспросилъ, какъ и у кого куплена, и, подумавъ еще, сказалъ:

— Тебѣ *тогда* должна быть прирѣзка.

И, подумавши еще, прибавилъ:

— Тебѣ тогда *должны* еще четырнадцать десятинъ нарѣзать...

И объ этомъ даже сказано въ Писаніи Даже то обстоятельство, что земли *въ то время* будетъ на душу по пятнадцати десятинъ, и то предусмотрѣно въ Священномъ Писаніи, и толкователь обѣщается указать мѣсто въ «Апокалипсисѣ, гдѣ именно эта цифра указана. Вы представьте себѣ въ этомъ толкователѣ сѣдого, истомленнаго трудомъ, ходьбой по добрымъ людямъ (у него перемерла семья) старика, представьте, что каждое слово въ его толкованіи о землѣ говорится съ истиннымъ благоговѣніемъ и съ такимъ-же благоговѣніемъ слушается—и вы, быть можетъ, задумаетесь надъ этою чертой страстнаго ожиданія земли народомъ. Она нужна не только какъ хлѣбъ—хлѣбъ можно достать на поденьщинѣ (теперь дворники получаютъ въ Петербургѣ по тысячѣ рублей, и все-таки думаютъ о деревнѣ и землѣ),—но какъ основа всего рисующагося въ народномъ воображеніи свѣтлаго будущаго, какъ основаніе единственно-безгрѣшнаго труда, какъ источникъ такихъ человѣческихъ отношеній, въ основаніи которыхъ лежитъ «добровольное» повиновеніе другъ другу,—отношеній, всего менѣе допускающихъ «человѣческій» произволъ, *въ виду всеобщаго и неизбѣжнаго повиновенія* несокрушимой, непобѣдимой, таинственной и непостижимой власти.

VII. Теперь и прежде.

Теперь посмотримъ, въ какой степени это, имѣющее для народа огромное значеніе, стремленіе къ землѣ удовлетворялось въ прежнія времена и удовлетворяется теперь.

Рискуя быть причисленнымъ къ разряду заскорузлыхъ крѣпостниковъ, я долженъ сказать, что при крѣпостномъ правѣ наше крестьянство было поставлено по отношенію къ землѣ въ болѣе правильныя отношенія, чѣмъ въ настоящее время. Я не говорю о несправедливомъ трудѣ, который несъ крестьянинъ на своихъ плечахъ, о его вѣковой жаждѣ высвободиться изъ-подъ этого гнета и т. д. —все это не можетъ быть предметомъ настоящей статьи, предметъ которой—только значеніе для крестьянина земли. И въ этомъ отношеніи крестьянинъ имѣлъ земли гораздо больше, чѣмъ теперь; не ошибемся, если скажемъ, что земли у помѣщичьихъ крестьянъ было вдвое болѣе противъ теперешняго. Кромѣ того всякій помѣщикъ, если онъ не былъ безумнымъ или выродкомъ, вродѣ напримѣръ Измайлова и другихъ подобныхъ ему звѣрей, *изъ личной выгоды* долженъ былъ поддерживать въ своихъ крестьянахъ все, что дѣлаетъ ихъ настоящими крестьянами-земледѣльцами, такъ какъ только крестьянинъ исправный и есть исправный плательщикъ помѣщику, который жилъ его трудами. Глядя на крестьянина какъ на безсловесное животное, помѣщикъ, хотя-бы самаго грубаго и дикаго нрава, долженъ былъ кормить это человѣческое существо, почитаемое имъ за скотину, чтобъ она возила, чтобъ она работала, чтобъ она давала ему доходъ. Въ смыслѣ полученія этого дохода было организовано все деревенское управленіе, наблюдалась тщательно сила семей; по этой силѣ распредѣлялись налоги и барщина; во имя *хозяйственныхъ цѣлей* вотъ эта пара одинокихъ лицъ мужского и женскаго пола соединялась насильственнымъ бракомъ, и образовывалось земледѣльчеcкое рабочее тягло; во имя хозяйственныхъ цѣлей вотъ этотъ неспособный въ хозяйствѣ человѣкъ брался во дворъ, а другой - воръ и пьяница—шелъ въ солдаты. Силы людскія, имѣвшіяся въ распоряженіи помѣщика, всячески экономизировались въ смыслѣ хозяйственной выгоды.

Эта хозяйственная организація деревни до сихъ поръ еще весьма сильна въ сознаніи деревенскихъ стариковъ, помнящихъ крѣпостное право. До сихъ поръ оцѣнка человѣка только по его успѣху или неуспѣху въ работѣ не только играетъ большую роль въ крестьянскомъ мнѣніи вообще, но служитъ даже для достиженія цѣлей деревенскихъ эксплуататоровъ новѣйшаго типа. Какъ извѣстно,

а можетъ быть и неизвѣстно читателю, въ настоящее время тѣлесныя наказанія при волостныхъ правленіяхъ не только не умаляются въ своихъ размѣрахъ; но, напротивъ, съ каждымъ годомъ возрастаютъ. Крайне жаль, что новорожденныя провинціальныя изданія относятся недостаточно внимательно къ суровой дѣйствительности, переживаемой народомъ. Ни плана, ни программы, мало-мальски выработанной и обязательной для корреспондентовъ, ничего нѣтъ. Такое замѣчательное явленіе напримѣръ, какъ торги на лѣсные и земельные участки, на которыхъ крестьяне могли торговаться обществами безъ залоговъ, въ высшей степени важно, какъ опытъ борьбы кулака съ цѣлымъ сельскимъ обществомъ, а между тѣмъ оно не вызвало ни одной корреспонденціи, ни одной цифры. Дранье на волостныхъ судахъ также проходитъ безъ малѣйшаго вниманія, а дранье—непомѣрное... Мы увѣрены, что еслибы кто-нибудь далъ себѣ трудъ просмотрѣть рѣшенія волостныхъ судовъ (мы уже не говоримъ—разобрать подноготную мотивовъ этихъ рѣшеній) и сосчитать число высѣченныхъ, положимъ, въ осенніе только мѣсяцы—такъ положительно волосъ встанетъ дыбомъ даже у аракчеевскихъ ветерановъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ лѣтомъ 1881 года, когда драли по 30 человѣкъ въ день. Я просто глазамъ своимъ не вѣрилъ, видя, какъ «артелью» возвращаются домой 30 человѣкъ взрослыхъ крестьянъ послѣ дранья,—возвращаются, разговаривая о постороннихъ предметахъ.

— Да неужели ихъ драли? спрашивалъ я старосту, который, возвращаясь послѣ этого «присутствія, зашелъ ко мнѣ папиросочки покурить.

— А то какъ-же?.. Я самъ троихъ «приставилъ».

— Да за что же?

— А за то, что заслуживаютъ... Не храпи, не пьянствуй... Мало-ли у нихъ блохъ-то!...

Осенью самое обыкновенное явленіе—появленіе въ деревнѣ станового, старшины и волостного суда. Драть безъ волостного суда нельзя—нужно, чтобы постановленіе о тѣлесномъ наказаніи было сдѣлано волостными судьями—и вотъ становой таскаетъ съ собой судъ на обывательскихъ. Судъ постановляетъ рѣшенія тутъ-же, на улицѣ, словесно, а «писать» будутъ послѣ. Писарь тутъ же. Вы представьте себѣ эту картину. Вдругъ въ полдень влетаютъ въ село три тройки съ колокольчиками: на одной становой, на другой—старшина съ писаремъ, на третьей—шесть человѣкъ судей; все это—почтенные Несторы-лѣтописцы, Дафаны, Авироны, Авраамы и... Хамы между прочимъ. Разумѣется, эти Авироны не виноваты, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это кажется съ перваго раза,—ихъ таскаютъ силой и для формы. Въѣзжаетъ эта кавалькада, и начинается немедленно ругань, слышатся крики: «Розогъ!»... «Деньги подавай, каналья!»... «Я тебѣ поговорю, замажу ротъ»...

И опять приходитъ свидѣтель и, дѣлая папироску, разсказываетъ:

— Ка-акъ вжикнулъ, сразу кровь пошла...

— Да неужели же опять драли?

— А какъ же?... Который заслуживаетъ, храпитъ, пьянствуетъ... Только не всѣхъ... Сейчасъ деньги явились... А которые оставши не сѣчоны, тѣмъ отсрочка на двѣ недѣли дана... Ну, а между тѣмъ *всѣ къ розгамъ подписались*...

— Это что же такое?

— Драть, *въ случаѣ не принесутъ денегъ*...

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Смородины нарѣзали... на розги-то!

Впослѣдствіи читатель увидитъ, почему «невозможно» не драть. До тѣхъ поръ пока простая, искренняя внимательность, простое, но искреннее желаніе отнестись къ человѣку по-человѣчески, просто, совѣстливо войти въ его нужду и въ *самомъ дѣлѣ* (повторяю, въ *самомъ дѣлѣ*) удовлетворить ее—не освѣтятъ нашихъ темныхъ дней, дранье не прекратится. Но хоть оно и неизбѣжно (эту неизбѣжность докажутъ вамъ волостные старшины и становые пристава), а нельзя не принять въ соображеніе, что этотъ посѣвъ ежедневной и ежегодной жестокости, какъ и всякій посѣвъ, долженъ, непремѣнно долженъ дать всходы, плоды. Но едва-ли они будутъ похожи на смородину. Кстати здѣсь сказать, что и теперь уже есть признаки выраженія народомъ нетерпѣнія; разсказываютъ про одного волостного старшину, который «осмѣлился» попросить станового не ругаться скверными словами въ присутствіи волостного правленія, а это худой признакъ для любителей смородины. Наконецъ тотъ самый староста, разговоры съ которымъ я привелъ выше, недавно смѣненъ обществомъ раньше срока. Еще бы годикъ, и онъ былъ бы «на самомъ лучшемъ счету»—такъ онъ усердно «приставлялъ» въ волость и до такой степени относился къ народу «безъ вниманія». Замѣчательно, что когда я спросилъ его, кто подвелъ подъ него интригу—старикъ или молодой, то онъ съ огромнымъ негодованіемъ отвѣтилъ:

— Молодой, песъ его дери!..

И прибавилъ:

— Ну, да я всѣхъ ихъ разыщу. Погоди!...

А и самому этому человѣку нѣтъ сорока лѣтъ. Онъ молодъ, силенъ, здоровъ, уменъ, но есть въ немъ какое-то невольное стремленіе отдѣлиться отъ мужиковъ... Крестилъ его, извольте видѣть, какой-то высокій сановникъ, случайно заѣхавшій въ ихнее мѣсто на охоту, крестилъ, подарокъ сдѣлалъ и точно печать наложилъ: не можетъ мужикъ не считать себя чѣмъ-то особеннымъ. Наконецъ вотъ еще любопытная черта. Въ старостахъ онъ не пробылъ и года; до этой должности онъ былъ простой мужикъ и рыболовъ. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ начальствованія ему попали земскія деньги на овесъ: онъ не утаилъ ихъ, роздалъ все, какъ слѣдуетъ, но онъ ихъ *только подержалъ* у себя (буквально) лишнюю недѣлю и вотъ теперь, посмотрите, выходитъ въ капиталисты. Покупаетъ «у мужиковъ» солому по 15 коп. за пудъ, а продаетъ по 35 копѣекъ. Сталъ отправлять вагоны въ Питеръ... Недавно отправилъ шесть вагоновъ (обертывать бутылки иностран-

ныхъ винъ). И я увѣренъ, что угроза его односельчанамъ, выраженная фразой: «Погоди, я ихъ всѣхъ найду!» — осуществится... Съ другой стороны я тоже знаю, что и односельчане тоже не дремлютъ и тоже произносятъ кое-какія фразы насчетъ этого нарождающагося купца, бормочатъ что-то насчетъ «произведемъ», «такъ ты и выскочилъ въ купцы!..» Но чѣмъ все это кончится, не знаю.

Прошу читателя извинить меня за это длинное, прямо къ дѣлу не относящееся, отступленіе и возвращаюсь къ соображеніямъ по поводу тѣлеснаго наказанія. Не разъ я становился втупикъ передъ этимъ явленіемъ. Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ можно положить на полъ, раздѣть и хлестать смородиной вотъ этого умнаго, серьезнаго мужика, отца семейства,—человѣка, у котораго дочь невѣста.

— Да неужели-же ихъ силой кладутъ на землю? спрашивалъ я у того-же старосты, который готовился быть на хорошемъ счету.

— Кое—силомъ валятъ, кое—сами ложатся. Вотъ нонѣ (когда сѣкли 30 человѣкъ) сами все...

— Да неужели это правда?

— Да чего-жъ мнѣ лгать-то? Такъ одинъ по одному и ложатся.

Впослѣдствіи я понемногу ознакомился съ тѣми гнуснѣйшими, своекорыстнѣйшими побужденіями, которыя дѣйствуютъ въ этой, ничего хорошаго не обѣщающей, свалкѣ. Увидѣлъ много самой звѣриной злости, прикрывающейся закономъ, но въ то-же время я узналъ, что и не звѣриная злость, обыкновенно скрывающаяся, и не насиліе прямое и грубое даютъ одному человѣку право бить другого, а хозяйственные доводы. Староста «приставляетъ» мужика къ розгамъ не за то, что хочетъ ему отомстить за обиду (онъ объ этомъ умолчитъ), а за то, что тотъ не внесъ 6-ти рублей, тогда какъ *могъ-бы* внести. Въ правленіи, гдѣ рѣшаютъ число ударовъ и гдѣ человѣкъ приготовляется раздѣваться, вы слышите разговоры о сѣнѣ, которое продано за столько-то, упреки, что изъ этихъ столькихъ-то рублей пропито больше, чѣмъ слѣдовало.

— Сѣно теперь 45 копѣекъ, это намъ извѣстно! кричатъ судьи.—Ложись-ко!

— Коли-бы по сорокъ-то пять я взялъ, такъ я-бы и вниманія не взялъ говорить! оправдывается виновный: Я тебѣ честью говорю — по 28 копѣекъ!

— Полно зубы-то заговаривать — по 28! Знаемъ мы оченъ прикрасно. Твое сѣно — первый сортъ. Ослѣпъ ты что-ли, за 28-то отдавать?

— А забылъ, дождикъ-то сколько погноилъ... на Илью-то? Есть въ тебѣ совѣсть!

— На Илью!.. Знаю я Илью... Ложись-ко безъ хлопотъ. Погноилъ!..

Какое-бы адски-своекорыстное побужденіе ни руководило всей этой жестокою комедіей (ниже мы увидимъ примѣръ проявленія своекорыстія въ такой жестокой формѣ), всегда пунктъ, на которомъ держатся судьи, и вина, которую можетъ сознавать виноватый или которую *навяжутъ* ему, потому что знаютъ, что онъ только *въ этом* смыслѣ и можетъ кое-что понимать,—всего исходный пунктъ для всей этой операціи — преступленія *хозяйственныя*: «продалъ телушку, а купилъ зеркало» и т. д., что ужъ доказываетъ фанаберію и т. д. Нѣтъ никакого конечно сомнѣнія въ томъ, что въ этой жестокой комедіи участвуютъ и другіе мотивы, но самое понятное и самое доступное пониманію во всемъ этомъ безсмысленномъ безобразіи—это *вина противъ своего хозяйства*.

Кстати, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, скажу теперь-же о томъ своекорыстіи (деревенскомъ), которое умѣетъ прикрываться всевозможными способами, мѣняя шкуру сообразно тѣмъ настроеніямъ высшихъ «командующихъ» классовъ, которые входятъ въ моду въ данную минуту.

Приходитъ ко мнѣ одно изъ «благонадежныхъ» крестьянскихъ лицъ, стоящее на отличномъ счету у начальства. Подати у него всегда взысканы, мужики снимаютъ шапки при проѣздѣ всякаго начальства и вышколены имъ для «декораціи преданныхъ поселянъ» превосходно. Самъ онъ — умный и, какъ увидимъ ниже, «добрый» человѣкъ; но мода «на мутную воду», на трескучій вздоръ, прикрывающій своекорыстіе, совершенно его извратила. Онъ знаетъ одно, что сильна и властвуетъ только палка, и добивается онъ только того, чтобы въ результатѣ получился болѣе или менѣе жирный кусокъ пирога. Но, зная это, онъ превосходно понимаетъ, что поступать открыто невозможно, и поэтому, руководствуясь общимъ жизненнымъ настроеніемъ, поступаетъ вполнѣ прилично, законно и даже либерально. Люди подобнаго типа отлично съобезьянили всю интеллигентную внѣшность своихъ воспитателей, административныхъ педагоговъ; но педагоги эти ошибутся, если подумаютъ, что въ этой внѣшности есть что-нибудь въ самомъ дѣлѣ искреннее. Увы, старая пословица—«каковъ попъ, таковъ и приходъ»—до сихъ поръ остается глубоко справедливой: разъ учителя не уважаютъ человѣка, а норовятъ только поживиться на его счетъ, прикрывая свои частенько не только несправедливыя, а прямо жестокія дѣйствія всякими законными, либеральными или охранительными доводами—и ученики вышли такіе-же, съ тою только разницею, что они, какъ простые деревенскіе люди, не привыкшіе къ пустякамъ, буквально ужъ не сдѣлаютъ *ни единаго* безцѣльнаго поступка. Вотъ на-дняхъ такіе «надежные» маленькіе сельскіе Капгеры поднесли адресъ и альбомъ мировому судьѣ. Они отлично выразили въ адресѣ свои чувства, преданность. Альбомъ стоилъ рублей двѣсти. Вы думаете тутъ въ самомъ дѣлѣ чувство? Нѣтъ, тутъ «заручка» на «предбудущія времена», въ случаѣ попадется на какой-нибудь плутнѣ или понадобится пристращать «должника» по знакомству. «Что-жъ онъ въ самомъ дѣлѣ хорошій человѣкъ? спраши-

валъ я благонадежнаго.—Вотъ здѣсь, въ адресѣ, сказано: «и ваше неустанное попеченіе о благосостояніи»—что-жъ, въ самомъ дѣлѣ онъ внимателенъ къ народу»?—«Какъ-же, въ самомъ дѣлѣ... Очень даже внимателенъ... Служилъ въ земствѣ, такъ не забылъ въ свое имѣніе дорогу проложить ..» Вотъ вамъ и «выраженныя чувства». Или: я только-что говорилъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ; народъ не всегда доволенъ этимъ способомъ взысканія и ропщетъ на старшину и на начальство. И дѣйствительно: прикрываясь терроромъ господъ становыхъ, «немедленнымъ» взысканіемъ и невниманіемъ къ просьбамъ погодить, пока «станутъ цѣны» на тотъ или на другой продуктъ, многіе изъ такихъ «благонадежныхъ» людей скупаютъ во время этого террора за безцѣнокъ и сѣно, и телушку, и рыбу, и потому улучшаютъ свое благосостояніе, такъ что человѣкъ несвѣдущій, наслышавшись о бѣдности деревенской, въѣхавъ въ деревню и встрѣтивъ расфранченнаго парня (изъ числа улучшившихъ свое благосостояніе вышеупомянутымъ способомъ), говоритъ: «Какое... бѣдность! Я самъ видѣлъ мужиковъ съ часами, бархатный жилетъ... Чистое лганье эта литература». Въ деревнѣ это лганье оказывается однако для всѣхъ, на счетъ которыхъ явились часы и жилеты, совершенно ясною правдой и возбуждаетъ недовольство, пока скрываемое. Незнакомый съ деревенской подноготной видитъ въ этихъ серебряныхъ часахъ только серебряные часы, а знакомый съ нею, напротивъ, видитъ не часы, а лошадь или сто пудовъ сѣна. Для него ясно, что въ карманѣ этого франта спрятана цѣлая лошадь, купленная по нуждѣ и перепроданная за-дорого, а вовсе не часы «съ двумъ доскамъ».

VIII. Жадность.

Научившись устраивать свое благосостояніе вышепоказаннымъ образомъ, человѣкъ не можетъ ужъ отстать отъ этой «привычки». Правда, онъ можетъ, какъ Сютаевъ, просвѣтлѣть духомъ и сразу порвать несправедливые путы, но покуда Сютаевы—исключительные люди, единичныя личности. Обыкновенный деревенскій человѣкъ, переходя отъ земледѣльческаго благосостоянія къ возможности благосостоянія денежнаго, по наивности почти дѣтской, переноситъ въ эту новую для него область старые земледѣльческіе взгляды. Какъ земледѣлецъ, онъ «травки» не оставитъ на полѣ, не устанетъ нагнуться за ней, срѣзать, привезть, обмолотить и т. д. Онъ привыкъ, чтобы «кроха» не пропадала. Будетъ-ли онъ упускать не крохи, а хорошіе «случаи», какъ вышеупомянутые террористическіе аукціоны? Настоящій земледѣлецъ-крестьянинъ до сихъ поръ чуждается ихъ, какъ грѣха, но тотъ, кто ужъ *отвѣдалъ*, неудержимъ. И въ новыхъ «привычкахъ» онъ будетъ стремиться дойти до послѣдней крохи, взять все, что идетъ въ руки. А между тѣмъ недовольство, возбуждаемое этой системой, явное; онъ, «наученный» новому способу богатѣть на счетъ бѣдности сосѣда, какъ крестьянинъ, знаетъ, что сосѣдъ ропщетъ, что онъ таитъ злобу и пожалуй задумываетъ «поступить своимъ средствіемъ». Остановиться—нѣтъ силы, а стало-быть надо подавить въ сосѣдѣ злобу какимъ-нибудь понятнымъ и *резоннымъ для сосѣда* образомъ. Сосѣдъ думаетъ: «дерете», чтобы «наживаться»,—и вотъ чтобъ искоренить въ немъ связь между драньемъ и наживой, изобрѣтается подходящее средство. Въ одинъ прекрасный день становой приставъ, разгнѣванный тѣмъ, что старшина хоть и деретъ, но не получаетъ результатовъ—подати идутъ слабо, по обязательствамъ и постановленіямъ волостныхъ судовъ не платятъ,—сажаетъ въ темную *самого* (о, небо!) старшину. Это надолго уничтожаетъ въ обиженныхъ міряналъ-пахаряхъ возможность логическаго мышленія. «И *ихнему* брату *тоже* достается—думаетъ простодушный сосѣдъ. — Ишь вѣдь, *самого* старшину заперъ»... Стало-быть старшина не все самъ командуетъ—ихняго брата тоже «подбадриваютъ». Арестъ старшины успокоиваетъ сосѣда, но старшина, возвратившійся изъ-подъ ареста, неумолимъ. Подъ ногами теперь у него твердая почва.

— «Вы что-жъ, анаѳемы, со мной дѣлаете? Докуда будетъ эта ваша подлость? Когда вамъ добромъ говоришь, рыло воротите, а я за васъ сиди въ холодной, не пимши, не ѣмши! У меня сѣна за три-то дня погноено на сто рублей. (При этихъ словахъ всѣ сознаютъ свой грѣхъ.) Чѣмъ я буду кормить скотину?.. (Опять всѣ «чувствуютъ».) Плевать мнѣ на ваше жалованье-то—только отъ дому отбиваешься, «возжамшись» съ вами, съ пьяницами, да срамишься въ холодной изъ-за васъ, анаѳемъ... Я вамъ добромъ говорилъ, такъ не слухали—н-ну, теперича ужъ не па-тирь-плю! Теперича стану пас-ссступ-па-а-ать!» И конечно,— «ложись!..» Но знаете-ли, что это за канальская штука? Конечно сажаютъ становые и «взаправду», но очень часто старшина, явившись къ становому, по-пріятельски говоритъ: «Пришелъ къ вамъ съ просьбой».—«Въ чемъ дѣло?»—«Ни много, ни мало: посадите меня въ холодную. Избаловались мои мужичонки, способовъ нѣту! Не платятъ, пьютъ... Ничего не подѣлаешь. Обколотилъ всѣ руки. Ворчатъ... Сажайте — по крайности тогда я ужъ произведу... Все-же они почувствуютъ»... Становой дѣлаетъ «профориу», и старшина, числясь въ холодной (съ теченіемъ времени все *это* узнается и оцѣнивается по достоинству), пьетъ чай у знакомыхъ купцовъ, а спать идетъ въ холодную. Я самъ пивалъ чай у себя въ домѣ со старостами, которые тоже для полученія права свирѣпствовать числились въ «холодной». Предположимъ, что маневръ этотъ производится въ видахъ государственной пользы; но, получивъ право свирѣпствовать, новообращенный свирѣпствуетъ за-одно и въ видахъ собственной пользы. Тутъ «подъ одно» случай хорошій взыскать и съ «упорнаго» мужичонки за лошадь, и съ другого за обиду («ахъ ты, заячій твой носъ!»). Тутъ ужъ во

всемъ *воля* пострадавшему «за васъ, канальевъ!». Но, повторяемъ, современемъ все это разберется, оцѣнится по достоинству и принесетъ плодъ.

Разговаривалъ я однажды съ такимъ «новообращеннымъ» человѣкомъ, и долгое время онъ мнѣ доказывалъ, что они—пьяницы, обманщики, мошенники и т. д., что дранье—единственное спасеніе.

— Да можетъ у нихъ въ самомъ дѣлѣ денегъ нѣтъ? спросилъ я.

— Есть у нихъ деньги, у анаѳемъ. На пьянство есть, а на дѣло нѣтъ!.. Послушайте ихъ, канальевъ, такъ они вамъ наскажутъ...

И такъ далѣе.

Но черезъ нѣсколько дней то-же лицо явилось ко мнѣ и заговорило такія рѣчи:

— Стала выходить газета, и начальство проситъ писать о нуждахъ. Вотъ я и хочу туда пустить штучку...

— О чемъ-же?

— О запасныхъ магазинахъ. Земства побуждаютъ къ магазинамъ, а въ то-же самое время... Да вотъ я тутъ нацарапалъ...

Нацарапано было между прочимъ слѣдующее: «Такъ какъ крайняя бѣдность населенія и недостатокъ даже совершенно въ пропитаніи и чѣмъ прокормиться, то не въ состояніи удѣлить даже какой-либо крохи, не токмо...» и т. д. Словомъ, крайняя нищета препятствуетъ устройству магазиновъ.

Мнѣ бы слѣдовало спросить: «какъ-же такъ нечѣмъ прокормиться, когда нѣсколько дней тому назадъ вы же говорили мнѣ, что у нихъ есть?». Но я не спросилъ. Увы, я ужъ зналъ изъ предшествовавшихъ опытовъ, что̀ значитъ въ данномъ случаѣ христараднический тонъ, принятый «надежнымъ человѣкомъ». Будь въ самомъ дѣлѣ, а не посредствомъ палки, хорошо, толково и заботливо устроено народное продовольствіе, не было-бы надобности въ земскихъ филантропическихъ подачкахъ, крайне для «земледѣльца» разорительныхъ и крайне выгодныхъ для деревенскихъ не-земледѣльцевъ. Вѣдь этому не-земледѣльцу отлично извѣстно, что будущую весну въ рукахъ его (опять только «подержать») будетъ тысячъ 20 руб. денегъ на раздачу овса. Во-первыхъ, онъ купитъ его у себя самого «по хорошей цѣнѣ» (цѣны достигли необыкновенныхъ предѣловъ, такъ что при всемъ стараніи я могъ пріобрѣсти куль по 7 р 20 к., а въ прочихъ мѣстахъ покупали по 7 р. 30), купитъ у «нужныхъ» господъ, у родни и т. д. Все это онъ раздастъ крестьянамъ въ полной точности. Ужъ будьте увѣрены, что ни одна овсинка не будетъ спрятана: «на—смотри, считай!». И всѣ обыватели скажутъ: «вѣрно», пересчитавъ все, каждую овсинку буквально. Мѣшки даже вытряхнутъ и палкой выколотятъ, и то «все вѣрно». Но въ то-же время онъ будетъ требовать подати («что-жъ, мнѣ опять въ холодную за васъ идтить?»), и мужики будутъ ссыпать этотъ-же овесъ—иные полностью, а иные астью, и не ему, а какому-нибудь «подручному», «компаніону», да и не по 7 р. 20, а по 5 и 4 рубля. Но это только часть операціи, а вотъ осенью начнется настоящее дѣло. Мужикамъ придется отдать за овесъ по 7 р. 20; а такъ какъ онъ на рынкѣ въ эту пору 4 руб., то, отдавая натурой, мужикъ везетъ не куль, а почти два; вотъ тутъ то этотъ овесъ и покупается «новообращенными» крестьянами, у которыхъ есть деньжонки. И староста, и старшина говорятъ: везите овесъ ко мнѣ, а я внесу деньгами. Отдавши «натурою» почти вдвое, мужикъ къ веснѣ непремѣнно будетъ безъ овса: что какъ Богъ святъ. И тутъ пойдутъ донесенія: «Бѣдственное, даже и совершенно конечное неспособіе къ пропитанію, и не въ состояніи обсѣять поля, а потому ходатайствуемъ о способіи отъ земства». Земство высылаетъ деньги, а на эти деньги старосты и старшины опять покупаютъ *у себя* овесъ, но не по 4 р. куль, а по 7 р 20 к. или по 8 р. Заплативъ осенью восемь рублей, «новообращенный» весной получаетъ за нихъ шестнадцать, т. е. процентъ невозможный ни для какого самаго алчнаго капиталистическаго предпріятія... Получаетъ и пишетъ: «только стараніемъ и неусыпною ревностію укупилъ овесъ по 8, а даже и по 10 не отдавали...»

— Однако — сказалъ я одному изъ такихъ «крестьянъ»—проценты вы, господа, дерете на свои деньги необыкновенные! Вѣдь это болѣе чѣмъ рубль на рубль ..

— Н-ну, батюшка, — весело играя веселыми глазами, съ шутливымъ и даже шутоватымъ смиреніемъ отвѣчалъ онъ, — гдѣ ужъ намъ наживать такія деньги!.. Это вотъ у васъ въ Питенбурхѣ все только и слышно (густымъ басомъ): рубль-на-рубль, рубль-на-рубль, рубль-на-рубль, — а у насъ по-деревенски, по-мужичьи-то, хошь копѣечку-то Господь бы, батюшка, отецъ нашъ, далъ нажить на копѣечку, и то мы рады-радехоньки... А то рубль-на-рубль!.. Хошь бы копѣечку-то какую ломаную на копѣечку нажить, и то ужъ эво какъ мы Создателя-то благодаримъ!.. Хе-хе-хе...

— А бываетъ, что и на полушку наживаютъ рубль, по деревенски, не то что рубль-на-рубль.

— Да вы чего изволите сумлѣваться? ужъ серьезно, а не шутливо сказалъ мнѣ этотъ же собесѣдникъ, когда я ему сказалъ, что даже и скромность наживы копѣечка на копѣечку не уменьшаетъ огромнаго вреда этой операціи:—вѣдь нажитую копѣечку теряетъ сосѣдъ и притомъ буквально ни за что, ни про что.—Вы чего же сумлѣваетесь? Развѣ я ему не настоящую цѣну даю? Вѣдь цѣна за куль — четыре, и я даю четыре. Овсомъ ли онъ отдастъ, деньгами ли—все одно, у него руки пустыя будутъ. Вины тутъ нашей нѣту...

Во всякомъ случаѣ вины — въ тѣхъ порядкахъ, которые довели не только деревни, а цѣлыя губерніи, т. е. огромныя массы деревенскихъ людей, до попрошайничанья зеренъ на посѣвъ. Припомните только-что разсказанную исторію съ овсомъ. Земство слышитъ жалобы на недостатки зерна:

«нечемъ обсѣменить поля»,—и удовлетворяетъ этой нуждѣ. А между тѣмъ видитъ, какая масса всевозможныхъ ехидныхъ оборотовъ производится подъ прикрытіемъ этой нужды Существуетъ мнѣніе, что земства обязаны и должны стараться всячески распускать въ народѣ деньги; думаютъ, что разъ пущено въ обращеніе между народомъ два три десятка тысячъ рублей, они сейчасъ же принесутъ пользу, оживятъ и души, и карманы. И точно, оживаютъ, но оживаютъ единицы въ прямой и огромный ущербъ сотнямъ и тысячамъ. До сихъ поръ мы читаемъ въ газетахъ всевозможные проекты о переустройствѣ мѣстнаго управленія, и вездѣ «деревня», сельское общество принимается какъ нѣчто совершенно особенное отъ всего государственнаго тѣла. Это такъ же справедливо, какъ еслибъ я, отрѣзавъ отъ моего платка маленькій кусочекъ, сталъ увѣрять, что кусокъ этотъ совершенно не такого свойства, какъ платокъ, что большой кусокъ платка—одно, а маленькій—совсѣмъ другое. Правда, при словахъ: «сельское общество», «сельскій сходъ»—воображенію преобразователя представляется только «староста», получающій 36 руб. въ годъ, и нѣтъ никакой возможности представить себѣ здѣсь, въ сельскомъ обществѣ, какое-нибудь болѣе или менѣе интеллигентное амплуа, а слѣдовательно и мало-мальски приличное содержаніе. Другое дѣло—волость: а тамъ волостные старшины получаютъ по 600—1,200 рублей въ годъ, тутъ стало быть можно и позаботиться о благѣ народа, и контролировать... А между тѣмъ въ этой то ячейкѣ, именуемой «сельское общество» (которое всѣ рекомендуютъ оставить въ полной неприкосновенности, какъ святыню и какъ мѣсто безъ окладовъ), таится ничуть не меньше бѣды, чѣмъ во всемъ огромномъ тѣлѣ страны. Вѣдь пора же знать, что сельское общество тогда только было въ самомъ дѣлѣ самоуправляющеюся крестьянскою общиной, когда основаніемъ средствъ къ существованію всѣхъ ея обывателей были земля и исключительно для всѣхъ одинаковый земледѣльческій трудъ. Какіе же это общинники теперь, если сосѣдъ наживаетъ на сосѣдѣ капиталъ, скромную деревенскую копѣечку на копѣечку? Въ земледѣльческой общинѣ я и мой сосѣдъ—мы можемъ богатѣть и бѣднѣть только сообразно нашимъ успѣхамъ въ одномъ и томъ-же трудѣ—въ земледѣліи; мы богатѣемъ или бѣднѣемъ отъ нашей сноровки или неумѣнья, отъ удачи или неудачи, но богатѣемъ или бѣднѣемъ *не другъ отъ друга*, а только отъ себя и отъ своего счастья. Теперь-же сосѣдъ, взявшій мой овесъ по существующей цѣнѣ и перепродавшій его земству весной за двойную цѣну, явно наживается (при посредствѣ невнимательнаго земства) на мой счетъ, кладетъ въ карманъ мои деньги, беретъ ихъ за овесъ, моими трудами добытый. Еслибы развивались и укрѣплялись въ народѣ общинныя начала, основанныя на земледѣліи, то, въ случаѣ недостатка зерна, крестьяне заняли-бы у сосѣдей это зерно и отдали-бы зерномъ. И тутъ есть нажива, но опять-таки понятная, извинительная. Но земство (я охотно вѣрю, по наивности) само вводитъ зло, не вникнувъ подробно во взаимныя отношенія современныхъ общинниковъ, образовавшіяся на разстройствѣ земледѣльческаго труда и порядковъ. Я охотно вѣрю, что оно даже—изъ уваженія къ деревенской «общинѣ»—не хочетъ совать туда своего носа: «пусть, думаетъ оно, *хоть тутъ* народныя печати остаются неприкосновенными»—и неприкасается; хотя именно тутъ-то и надо прикоснуться, и не для того чтобъ испортить или ввести зло (чтó дѣлается теперь), а именно вывести его оттуда. Надо узнать просто, внимательно, добросовѣстно: есть-ли у крестьянъ достаточно земли? Сколько они въ силахъ платить? Сколько на нихъ лежитъ бездѣльныхъ ртовъ? Нѣтъ-ли тутъ кого, кто жретъ своихъ сосѣдей и только облизывается да утираетъ рукой лохматый ротъ и т. п. Все это необходимо знать, чтобъ отдѣлить земледѣльцевъ отъ людей денежной наживы, чтобы налоги распредѣлить безъ обиды. Теперь, не прикасаясь къ новымъ деревенскимъ осложненіямъ, не мѣшаясь «въ ихніе» порядки, «командующіе» классы требуютъ только денегъ и любезно говорятъ: «Живите, живите, какъ хотите! Мы васъ не будемъ трогать, потому что и окладовъ у васъ нѣтъ подходящихъ, да наконецъ надо же, чтобы хоть это зерно сбереглось отъ язвы»... А зерно-то, которое лежитъ на самомъ низу, въ сырости и подъ страшною тяжестью нужды и неизвѣстности (во всемъ), всего болѣе и страдаетъ. Мой сосѣдъ, нажившійся на моемъ овсѣ, *вдвое воротившій свои сто рублишекъ*, платитъ за двѣ души... И я, который *вдвое потерялъ*, тоже за двѣ души плачу. Виноватъ-ли я, что я бѣднѣю, а онъ богатѣетъ на *мой* счетъ? Правильны-ли такіе налоги? И не долженъ-ли я питать дурное чувство къ этому сосѣду, обогащающемуся на новый образецъ, *безъ личнаго труда?* Вѣдь онъ мои, мои, мои труды-то похитилъ! Какъ-то въ одной газетѣ я читалъ грозную статью противъ другой газеты, осмѣлившейся сказать: «не разнуздывайте звѣря».Всей статьи, гдѣ сказаны эти слова, я не читалъ и не знаю, въ какомъ смыслѣ они сказаны; но, въ виду вышеприведеннаго примѣра, позволю себѣ спросить: добрыя или злыя, человѣческія или звѣрскія побужденія воспитываются въ народѣ такими новостями, какъ возможность богатѣть насчетъ трудовъ сосѣда и его нищеты? Какъ вы думаете, доброе-ли во мнѣ рождается чувство къ этому сосѣду, у котораго въ жилетномъ карманѣ, въ видѣ часовъ «съ двумъ доскамъ», я вижу мой потъ и кровь—тотъ самый овесъ, который упалъ въ курсѣ подъ осень? Прежде такимъ образомъ наживался только баринъ, но не *на мой* счетъ, а на *нашъ* общій счетъ и трудъ. Сосѣдъ наживался только *своими* руками, умомъ, силой и т. д., теперь-же онъ наживается *на мой* счетъ, чтó я отлично и вполнѣ ясно вижу. Какія-же чувства воспитываются во мнѣ такимъ явленіемъ? Разумѣется, не добрыя, не гуманныя... «Попадись онъ мнѣ—думаю я—такъ я ему тоже покажу, какъ на чужой счетъ богатѣть...»

Въ подтвержденіе того, что разстройство «земледѣльческой деревни»—«именно въ имущественныхъ отношеніяхъ «сусѣдей» другъ къ другу—обратило на себя вниманіе и другихъ наблюдателей, позволю себѣ привести выписку изъ статьи Г. М. Громницкаго, напечатанной въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*: «Теперь вотъ что у насъ происходитъ; въ первыхъ числахъ декабря, въ деревнѣ (Пензенской губ.), въ которой я живу и которая сравнительно благоденствуетъ, изъ амбара одного крестьянина со взломомъ замка увезено ночью около 4-хъ четвертей ржи. Затѣмъ, въ ночь на 12-е декабря, въ той же деревнѣ оказались сломанными замки въ 3-хъ амбарахъ, и изъ одного увезено до 10 четвертей ржи. *Вся деревня поднялась на ноги*, потому что это—событіе *не бывалое*, старики *не запомнятъ ничего подобнаго*; не прочь многіе изъ крестьянъ попользоваться на счетъ «барина», *но чтобы крестьяне* воровали *другъ у друга*—это явленіе весьма рѣдкое. Есть цѣлыя деревни, гдѣ вамъ скажутъ, что *этого* у нихъ *никогда не бываетъ*. За три года я знаю только одинъ случай, да и то кража совершена двумя пьяными». Подчеркнутыя здѣсь фразы, какъ мнѣ кажется, представляютъ наилучшую характеристику деревенскаго разстройства: воруютъ *другъ у друга*—вотъ это и есть цвѣтъ и плодъ *неравенства въ средствахъ наживы, вторгнувшагося въ трудовую земледѣльческую среду*. Если появился человѣкъ, рѣшающійся украсть у сосѣда, вмѣсто того чтобы попросить, поклониться, какъ бывало встарину (старинная интеллигенція *открыто* вопіяла: «помогай бѣдному»—и сулила за это прощеніе грѣховъ), то значитъ, что уже явилось сознаніе о возможности неправедной, небезгрѣшной наживы. Евреи были избиты именно потому, что наживались чужой нуждой, чужимъ трудомъ, а не вырабатывали хлѣбъ своими руками. Евреи—спеціалисты по части биржевой игры, но, какъ видимъ, и наши сѣрячки не прочь отъ того, чтобы полакомиться даровой наживой. Евреи не сдобровали—и наши сѣрячки жалуются «на народъ», что «никакихъ нѣтъ способовъ», «воля», «драть надо». Евреи жалуются въ Англіи на мужиковъ, *наши* дѣйствуютъ въ волостныхъ судахъ, справляются «своимъ средствіемъ» при помощи всякихъ изворотовъ, о которыхъ мы говорили выше: садятся добровольно въ холодную, чтобы быть въ «своемъ правѣ»; доносятъ о «бѣдственномъ положеніи народа» и т. д.

Но можете представить, что и тутъ, въ этомъ омутѣ мутной воды и поѣданія ближняго, и тутъ главный двигатель и цѣль—устроить свое земельное хозяйство, вырвать изъ чужихъ рукъ, добыть всякими правдами и неправдами и реализировать не въ чемъ другомъ, какъ только въ хорошей скотинѣ (много назему—земля хороша), въ арендованіи земли, въ покупкѣ хорошихъ сѣмянъ.

Однажды разговорился я съ этимъ самымъ «благонадежнымъ лицомъ», о которомъ говорено выше и которое, не смотря на умѣнье дѣйствовать «по-новому», какъ я уже сказалъ, не чуждо проявленій самой простой крестьянской доброты... Разговорились мы о тѣхъ же самыхъ вопросахъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, и мало-по малу разговоръ нашъ принялъ самое искренное направленіе; договорились мы до того, что и благонадежное лицо согласилось, что «времена—тяжелыя» и что въ народѣ—разстройство, много грѣха.

— Мнѣ бы только до конца трилѣтія дотянуть—Богъ съ нимъ совсѣмъ и съ жалованьемъ. Передъ Богомъ... Положимъ, что маленько оно мнѣ подмогло въ хозяйствѣ—ну, и будетъ!.. Только одно зло ростишь на себя. Того и гляди—либо сожгутъ со зла, либо сгубятъ... Богъ и съ ними...

И опять мы говорили про настоящее, прошлое и будущее.

— Ну, а что же будетъ? спросилъ я.—Къ чему все идетъ?

— Не знаю, сказало лицо, задумавшись серьезно.—Не знаю, какъ для васъ оказываетъ, а по-мнѣ такъ къ старинѣ дѣла склоняются.

— То-есть?

— Да, то-есть... Вѣдь это и въ писаніи сказано... То-есть... должно такъ выдтить, 'что... Здѣсь (для поясненія своихъ словъ онъ отмахнулъ правой рукой сверху внизъ) тяпнулъ топоромъ замѣтку на этомъ деревѣ, а черезъ пять верстъ (и опять онъ отмахнулъ лѣвой рукой также сверху внизъ) опять тяпнулъ на другомъ деревѣ... Вотъ и владай!..

Итакъ, вотъ что таится въ глубинѣ этихъ хитросплетеній, плутовства, пронырства. Заимка самая первобытная рисуется его воображенію... Лѣсъ дремучій манитъ его, и вотъ онъ, этотъ «благонадежный человѣкъ, воображаетъ, что будутъ времена, когда достаточно тяпнуть топоромъ тутъ и тамъ, чтобы «владать». Положимъ, что такія рѣчи говорятся такъ, зря, безъ разсчета, но ужъ одна возможность того, что онѣ таятся въ типахъ деревни даже новѣйшей хищнической формаціи, говоритъ ужасно много въ пользу того, какъ велика.

Тяга въ сумочкѣ отъ матери-сырой земли.

IX. Прошлое Ивана Босыхъ.

Если существуетъ типъ деревенскаго биржевика—человѣка, наживающагося на счетъ сосѣда, то, разумѣется, долженъ существовать и сосѣдъ, весьма недовольный этимъ способомъ наживы. Если у биржевика есть «средствія», помощью которыхъ онъ достигаетъ своихъ цѣлей, то и у сосѣда, «теряющаго на курсѣ», тоже есть такія собственныя «средствія», помощью которыхъ онъ старается обороняться отъ неминуемой гибели... Лучшимъ для насъ представителемъ этого послѣдняго типа будетъ тотъ самый Иванъ Босыхъ, о которомъ была рѣчь въ самомъ началѣ этого очерка. Не разъ разговаривали мы съ нимъ о его житьѣ-бытьѣ, и вотъ какой однажды разговоръ произошелъ между нами по этому поводу.

— Что же—спросилъ я его—послѣ того какъ тебя съ желѣзной дороги выгнали, принялся ты за работу?

— Послѣ того я вотъ какъ-было взялся съ радости-то, какъ медвѣдь началъ ворочать вокругъ дому! Только трещитъ да клюкаетъ! Да не долго поработалъ такъ...

Онъ махнулъ рукой.

— Отчего-же?

— Да такъ!.. Ужъ раньше было мое хозяйство все въ разстройствѣ, въ разбросѣ, да и настояще избаловался насчетъ вина. Захватитъ, затоскуешь—и выпьешь... Н-ну, а ужъ попала муха—какая тутъ работа? Съ вина хозяиномъ не будешь—иди спи... А хозяйство стоитъ... Такъ и пошло день за день, слабѣй да слабѣй, вотъ и достукался до поденщины...

— Да отчего же сначала-то у тебя разстройство вышло.

Иванъ задумался и, вздохнувъ, сказалъ:

— Какъ сказать? по нашему, по крестьянству, особливо по нонѣшнему времени и даже очень просто можно разориться въ-конецъ... Поколѣла у тебя скотина—и ступай по міру... Въ прежнее-то время нашъ домъ, семейство наше—первые были хозяева по крестьянству. Что̀ скотъ, что̀ народъ—одинъ къ одному на подборъ были подобраны... И теперича, извольте поглядѣть, что̀ отъ старой постройки осталось: столбы подъ навѣсомъ дубовые, два аршина въ обхватѣ, крѣпче чернодубу... Сейчасъ жги его столбомъ, такъ въ сутки пожару не добьешься... Говорить не остается, какіе были крестьяне—прославленные, прямо скажу, не похвастаюсь, были. Насъ «босыми» прозываютъ потому, что мы всѣ, весь нашъ родъ, первые были силачи, чистые истуканы подобные. Ужъ на что я, испивши, избаловавши, самый послѣдухъ, а и то, ежели пойдетъ на споръ, подбодрюсь, такъ не одну, двѣ десятины дёрну подыму. «Босыми» насъ прозвали потому, что когда пошло въ моду сапоги носить, такъ дѣдушка мой покойникъ—царство ему небесное!—никакъ не могъ сапога надѣть на ногу. Первое, что нога у него какъ столбъ какой, прости, Господи, или вотъ какъ тумба какая; а второе, какъ надѣлъ сапогъ—ступить не можетъ; неловко, ноги горятъ отъ жара. А вотъ босикомъ такъ въ трескучій морозъ десять верстъ пройдетъ, только дымъ отъ ногъ идетъ... Или, напримѣръ, бывало, на споръ пойдетъ дѣло, такъ онъ, дѣдушка-то, по стклянкамъ отъ бутылокъ голой подошвой хаживалъ, и то ни чего: «все одно, говоритъ, какъ по облаку хожу, ничего не чувствую»; а надѣлъ сапоги—захромалъ, жаромъ ноги займутся!.. Вотъ отчего намъ названіе такое—Босыхъ!.. Я-то ужъ самый младшій изъ семьи, я дѣдушку помню ужъ совсѣмъ слабаго, передъ смертью... А которые помнятъ, такъ разсказываютъ, что бывало захвораетъ чѣмъ, занедужаетъ—никогда на печку не лѣзъ, а зимою-ли, лѣтомъ-ли—прямо въ боръ, кости поразмять, да тамъ, въ бору-то, топоромъ того натворитъ, страсти поглядѣть что̀!.. Чисто медвѣдь съ волками дрался—столь много наломано, нарублено, навалено... Размается на работѣ, раздыметъ его всего, а прибѣжитъ домой, рубаху мокрую снялъ—и здоровъ. Только всего и леченья его было! А что касаемое по хозяйству, такъ ужъ тутъ вотъ наэстолько, на булавочную головку ошибки не давалъ. Чтобы сдѣлать такъ, зря—ни во вѣки вѣковъ, ни въ большомъ, ни въ маленькомъ. Бывало, невѣсту какому изъ братьевъ возьмется выбирать, такъ цѣлую зиму ѣздитъ по деревнямъ, заискиваетъ. На двѣсти верстъ заѣзжалъ, и ужъ выберетъ бабу—однимъ словомъ!.. Ужъ ежели которую онъ выбралъ, выспросилъ, высмотрѣлъ, одобрилъ, такъ ужъ та баба завсегда на рѣдкость и на работѣ, и по нраву. А родитъ ребенка, такъ прямо съ годовалую овцу; взялъ его на руки—къ низу претъ и тянетъ. Вотъ какое было семейство!... Отборное, первыхъ кровей изъ всей округи было. Вотъ за это-то самое, за нашу породу, наше семейство и было у барина на примѣтѣ; въ солдаты изъ нашей семьи баринъ никого не отдавалъ, а все отсаживалъ въ другія свои деревни на раззаводъ племя... То дѣвку возьметъ—парня ей купитъ подъ кадриль, Еруслана какого-нибудь, въ Самарскую губернію отсадитъ, то брата съ женой, съ сыномъ въ курень.. Такъ и растыкалъ всѣхъ по-одиночкѣ. Остался я одинъ съ бабой и съ дѣдомъ, а отецъ съ матерью и бабушка въ холеру померли. Дѣдушка-то ужъ совсѣмъ на моей памяти плохъ былъ, а все норовилъ вокругъ дома съ топоромъ потукать или такъ потоптаться. Пришло ему время помирать—въ самыхъ послѣднихъ годахъ зачуялъ онъ смерть—сталъ ночей бояться. «Боюсь я, говоритъ, ночей, страсть боюсь!» Цѣлую ночь бывало на крыльцѣ сидитъ—ждетъ, скоро ли свѣтъ... А чуть свѣтокъ, чуть пѣтухъ гдѣ-нибудь, и забормочетъ: «Слава тебѣ, Господи! Живъ, живъ я... Вотъ и солнце красное.. Ахъ ты, Боже мой... Свѣтъ и день! Живъ, живъ, живъ...» И спать ляжетъ, когда ужъ вся деревня проснется, народъ зашумитъ, заговоритъ—тутъ ему не страшно. «Тутъ, говоритъ, я не боюсь помереть... Тутъ—на міру...» И поплакивалъ старичокъ, оченно поплакивалъ! Бывало, кой-какъ, ужъ кой-какъ мученски мучается зиму-то, весны ждетъ: а пошелъ капель, стало пригрѣвать, такъ и польютъ изъ глазъ слезы-то... Жаль, всего жаль! Пуще всего—работать ничего не могъ. На пашню поглядитъ—зальется, зальется... А пашню-то нашу все обрѣзывали да обрѣзывали, и дворъ-то поосѣлъ. Я одинъ, заведеніе большое—одному-то и не подъ силу... Тамъ завалилось, тамъ упало... Плакалъ онъ, покойникъ, много плакалъ; а все пока силы были, все топтался, шамкалъ, приказывалъ да совѣтывалъ. Ну, однакожъ и померъ... Днемъ померъ—недаромъ Бога молилъ... Какъ сидѣлъ на солнушкѣ, такъ и заснулъ, кончился... А тутъ скоро и освобожденіе пришло. Пришлось мнѣ новые порядки узнавать... А новые-то порядки нашему брату трудноваты. Первое, что при баринѣ мы знали одно—работу: что скажутъ, то и дѣлали: навалимъ ему хлѣба,

свеземъ въ городъ, деньги онъ возьметъ и ужъ какъ самъ знаетъ, такъ и путается съ начальствомъ — а тутъ то тотъ, то другой тормошитъ... Да, деньги... Онѣ хоть и не велики, да добывать-то мы ихъ непривычны... У меня маменька-то во всю жизнь денегъ разобрать одну отъ другой не умѣла, дай ей копѣйку или двугривенный, ей все одно, потому хозяйствомъ жили, все свое... Только деготь да соль, да что нибудь по мелочи... Да и то все—либо дѣдушка, либо тятенька... Н-ну, а тутъ изволь доставай. А кромѣ того земельки мало — гораздо меньше супротивъ прежняго стало — и выгонъ ушелъ отъ насъ — пришлось нанимать у чужихъ людей, платить опять деньги. Вотъ и пришлось въ люди идти поклониться. Глядишь, тотъ тормошитъ, рублевку теребитъ, другой: койкакъ собьешься, отдашь съ прибавочкой. Тамъ прибавочка, тутъ прибавочка — анъ и самому-то то тамъ не хватитъ, то тутъ не натянешь...

И затѣмъ Иванъ разсказалъ, какъ онъ запутался въ тѣ самыя тенета деревенскихъ биржевыхъ операцій, о которыхъ говорено выше и которыхъ я здѣсь повторять не буду. Запутывался онъ каждую минуту, но по капелькѣ, по копѣечкѣ, полагая, что это—что-то временное, случайное, тяготился этимъ по-дѣтски, наивно, скучалъ, и вдругъ очнулся, потерялъ наивность неопытнаго ребенка и понялъ, что *это*—не случай и не на время, а что это—такой порядокъ.

Произошло это слѣдующимъ образомъ:

— Долго-ли, коротко-ли идетъ время, подошла сибирская язва, стала валить скотъ... Вертинаръ пріѣдетъ, расковыряетъ шиломъ больное мѣсто и—уѣхалъ! «Мнѣ, говоритъ, не успѣть, заболѣло сто тысячъ головъ, а я одинъ на четыре уѣзда, жалованья мнѣ рубль—того и гляди самъ поколѣешь съ голоду». Ну, мы и не взыскиваемъ... Валитъ скотину — на, поди!.. Остался и я безъ всего. Повалило у меня двухъ коровъ, да къ штрафу присудили за шкуры. Кабы мы были крѣпостные—ну, пошелъ къ барину, поклонился-бы, онъ-бы и далъ мнѣ лошадь, потому какой-же я буду мужикъ безъ лошади?.. Ну, а въ нонѣшнее время поди къ сосѣду, плачь... Ей-ей, иной плачетъ! Смѣху достойно сказать: эдакой верзило и—плачетъ; а вѣдь сущая правда... Просишь, просишь ковригу-то, зальешься... Я однова самъ удивился: запищалъ даже съ огорченія, словно заяцъ несчастный, не то что заплакалъ — а вѣдь во мнѣ безъ малаго шесть пудовъ вѣсу. Вотъ нужда-то до чего доводитъ!.. Вотъ въ эдакое-то время толкался, толкался я вокругъ нашихъ свойскихъ мужиковъ, которые хозяйствомъ покрѣпче: кое самому нужно, кое не даетъ — задолжалъ я ему раньше. Нѣтъ ничего мнѣ справки!... А время идетъ и пора стоитъ рабочая... Хоть волкомъ вой безъ лошади-то... Вотъ я и надумалъ идтить къ сестрѣ — за сорокъ верстъ отъ насъ сестра была выдана моя... Мужъ-то ея по дровяному дѣлу служилъ, жалованье получалъ— значитъ, при заготовкахъ былъ—ну, и деньжишки кой-какія водились. Вотъ я къ нему: «дай-молъ лошадь»... А крутъ былъ парень и ужъ онъ мужицкое рыло сталъ воротить. Ломался, ломался—ну, тутъ сестра подвыла за меня—далъ. Поставилъ цѣну въ тридцать пять рублей—отдать весной... А по совѣсти сказать, далъ онъ мнѣ одра; не то што тридцати, а и двадцати—какое! пятнадцать рублей и то напросишься... Ну, что будешь дѣлать? Взялъ, еще въ ножки поклонился. «Продай, говоритъ, сѣно — куда оно тебѣ? Оставь на одну лошадь, а остальное мнѣ отдай. А свалишь въ нашемъ мѣстѣ» (у такого-то). Назвалъ мужика, тоже къ нему подъ кадриль подходитъ: сѣно тюкуетъ, и часы, и все... А деньжонки-то требуются: коровъ нѣтъ; все купи, ребятишкамъ молока... Отдалъ ему сѣно по десять копѣекъ и приставить обязался къ тому мужику, которому онъ наказывалъ. Вижу, пріѣхалъ въ нашу деревню, поговорилъ съ мужикомъ эстимъ, Пареновъ прозывается. Потомъ оба зашли ко мнѣ; зять и говоритъ: «Приставляй сѣно Пареенову, а за разсчетомъ ко мнѣ ходи». И Пареновъ говоритъ: «Ко мнѣ, говоритъ, приставляй»... Вотъ я и сталъ приставлять... Еще я забылъ сказать вотъ что: какъ пріѣзжалъ этотъ зять-то, зашелъ онъ ко мнѣ на дворъ, увидалъ теленка: «отдай, говоритъ, мнѣ, на что онъ тебѣ безъ матки-то?» А и то, что безъ матки трудно: дѣлаешь мѣсятку, одной муки сколько слопаетъ, а муку я въ ту пору вскорѣ съ Рождества покупалъ... Отдалъ я ему теленка за пять цѣлковыхъ. Староста тутъ подскочилъ: они, дьяволы, за двадцать верстъ носомъ слышутъ, коли покупщикъ на дворъ зашелъ и деньги изъ кармана вынимаетъ — два цѣлковыхъ отмоталъ отъ пятишной въ подати... Ну, песъ съ нимъ!.. А недоимки на мнѣ дѣйствительно ужъ эво сколько!... Вотъ ладно, сталъ я сѣно приставлять... «Приставилъ» четыре воза къ Пареенову, а Пареновъ тюкуетъ да въ сарай кладетъ. Натюковалъ онъ пятьдесятъ пудовъ. Ѣду я къ зятю за деньгами—стало-быть, приходится мнѣ получить пять рублей... Пріѣхалъ я къ зятю, а его дома нѣту. Сидитъ сестра... Ну, поздоровкались, поговорили, представилъ я записку, выдала она мнѣ пять рублей... Представилъ я еще пятьдесятъ пудовъ, опять поѣхалъ и опять зятя нѣту; сестра только дома... Сидитъ сестра и говоритъ: «А мы твоего теленочка продали. Вчерась телятники были, за двадцать пять рублей купили»... Вздохнулъ я отъ этихъ словъ, потому и поили-то они его всего двѣ недѣли; кабы у меня корова была, такъ вотъ они, двадцать пять рубликовъ, въ моемъ бы карманѣ были... Вздохнулъ я и промолчалъ. Разговорились и про сѣно; сказываетъ она мнѣ, что и сѣно ейный мужъ въ Питеръ «приставляетъ» въ казармы, по сорока копѣекъ, а за прессовку Пареновъ по четыре копѣйки получаетъ... «А перевозка почемъ?»—«А перевозка, говоритъ, тоже по четыре обходится до Питера». И опять я вздохнулъ... Я-то вотъ за сто-то пудовъ всего десять цѣлковыхъ получилъ, а зятю-то восемьдесятъ цѣлковыхъ пришлось... Ну, прессовка восемь—анъ все же моихъ денегъ у него

шестьдесятъ рублей... А труды-то мои, косьба-то моя, и сушка, и гребля мы тоже съ бабой — а всего десять цѣлковыхъ... За что такъ? — думаю... Пошелъ я къ Парѳенову и говорю: «Такъ и такъ... Вѣдь это, братецъ мой, убытокъ; давай мнѣ хоть пятнадцать копѣекъ, я тебѣ приставлять буду»... Парѳеновъ говоритъ: «Я-бы и радъ, я-бы и двадцать далъ, коли бы у меня въ Петербургѣ мѣста были знакомы. А то мѣстовъ-то нѣтъ. Я ужъ, братъ, за ними вотъ какъ старался услѣдить по Питеру, куда они дѣваютъ сѣно, всѣ ноги отопталъ, подъ заборами прятался — чуютъ, канальи, путаютъ по Питеру... Ходишь, ходишь за ними, со слѣду не спускаешь, а чуть мигнулъ не такъ — его и нѣтъ, какъ въ воду канулъ. Дьяволы — одно слово!» Пошелъ я, думаю: ужъ разыщу-же я себѣ другого покупателя. Пошелъ на вокзалъ, толкался тамъ двое сутокъ, нашелъ. «Вози по двугривенному, сколь хошь!» Ну, тутъ я вышелъ да съ радости и объявилъ Парѳенову-то. А Парѳеновъ-то — въ обиду: «Ты, говоритъ, отъ меня хлѣбъ отнимаешь... Я бы прессовкой-то все попользовался сколько-нибудь, а ты чужимъ...» — да и объяви зятю.. А зять не въ себѣ сталъ. «Какъ, обманывать?»... Прибѣгъ ко мнѣ. «Подавай лошадь!» Это чтобы мнѣ возить не на чемъ было. Ну, я уперся, говорю: «лошадь куплена, деньги жди до весны... Бумаги у насъ, молъ, съ тобою нѣтъ, а сдѣлано дѣло на совѣсть, по безсловесному договору — ну, и жди»... — «Давай сейчасъ!.. Эй, Парѳеновъ, бери лошадь! Зови работника!» Я вижу, идетъ дѣло на сурьёзъ, загородилъ ворота въ скотникъ, сталъ спиной къ двери, и признаться, осердился я... А былъ я немного выпивши, потому получилъ я съ новаго-то пріятеля задатку, вотъ съ радости-то я и пропивалъ рублишко, вчера да сегодня... Вижу я, хотятъ ломиться въ дверь, осерчалъ... «Да ты что, говорю, тутъ орешь-то? Какая-тебѣ лошадь? Да я, говорю, и весной-то денегъ тебѣ не отдамъ, потому ты и такъ на моемъ сѣнѣ да на телсикѣ получилъ... По Божьи-то съ тебя еще надо больше трицдати рублей мнѣ получить, а нежели ты съ меня... Чуть не сто цѣлковыхъ *на мнѣ* нажилъ, да отдай я ему лошадь, а самъ иди по-міру... На-ко!» Тутъ пошла брань, свара: что онъ злѣй, то и я... Приступаютъ всѣ они — Парѳеновъ, работникъ — прямо къ горлу, я и ткни, отпихнись!.. «Чего, молъ, грабить лѣзете, пошли прочь!»... «А, коли такъ — въ судъ!» И подалъ зять на меня въ волостной судъ по оскорбленію его личнаго мордобоею и по взысканію за лошадь: либо 35 рублей, либо лошадь назадъ. А Парѳеновъ-то — судья... Ну, и прочіе судьи у зятя были присоглашены. Пивцо, винцо, и все прочее... Приговорили такъ: за оскорбленіе личности двадцать ударовъ, а лошадь отобрать. Я на судъ не пошелъ. Приходитъ ко мнѣ десятскій и говоритъ: «Иди въ волость!» — «Зачѣмъ?» «Драть будутъ!» — «Ну, я и не пойду». — «Не пойдешь?» — «Нѣтъ, говорю, не пойду. Скажи имъ, чтобы кого-нибудь другого выдрали, коли есть охота». Тутъ меня взяло зло. Какъ такъ! Это что-жъ такое? Меня теперича можетъ драть свой-же братъ мужикъ? Еще баринъ насъ диралъ — ну, это господское дѣло; какъ была неправда, такъ и прошла. А тутъ меня будетъ драть всякое свиное рыло за то, что я ему не даюсь, охотой къ нему въ пасть нейду?.. Ну, нѣтъ, не дамся!.. Такъ меня все это разсердило, пошелъ я въ кабакъ, царапнулъ косушку, и думаю, что̀ творится. Сидитъ солдатъ — разговорились. Разсказалъ я. Посовѣтовалъ: «не давайся». Потомъ спрашиваетъ: «А много-ль за тобой недоимки?» А на мнѣ недоимки накипѣло вотъ какъ: надъ головой на три аршина, съ боковъ по два аршина, да въ землю сажени на четыре слишкомъ. Сказалъ я ему это, онъ обрадовался. «Ничего, говоритъ, не бойся! Недоимка — это наше спасеніе. Съ насъ ее потому и не снимаютъ, что жалѣютъ насъ: снять ее — все равно до-гола раздѣть; тогда эти канальи насъ голыми руками брать будутъ. А какъ окруженъ ты недоимкой со всѣхъ сторонъ — и вверхъ, и внизъ, и съ боковъ, то и сиди ты спокойно, какъ бы въ неприступной крѣпости, потому что продать ежели у тебя скотину, такъ деньги должны идти въ казну, а не имъ, живорѣзамъ, а живорѣзу — что̀ казна?... Коли не ему, такъ и не надо. Ужъ коли у тебя продадутъ лошадь, да въ казну деньги возьмутъ, такъ ужъ онъ и знаетъ, что ему не съ чего взять будетъ. А такъ-то, безъ аукціона, все, можетъ быть, ты что-нибудь отдашь, все ему надежда... А ты вотъ какъ, я тебѣ скажу: ничего имъ, живорѣзамъ, не отдавай, а продавать тебя для казны они сами пожадничаютъ. Сиди, братецъ ты мой, въ этой самой глубинѣ; недоимка — твоя защита. Все одно какъ въ шубѣ сиди. Казна-матушка потому насъ покуда и не раздѣваетъ... А то бы мы всѣ какъ тараканы померзли». Такъ мнѣ стало весело отъ этихъ словъ! Выпили мы тутъ еще, и стало мнѣ хорошо. Думаю, коли казна ждетъ, такъ живорѣзы и подавно должны повременить. Да опять я и не долженъ за лошадь — и по совѣсти, и побожьи, и всячески. Я ему предоставилъ на сто рублей моего собственнаго трудоваго — будетъ съ него. А то еще драть... За что? — за то, что подороже хочу сѣно продать? Вѣдь вотъ анаѳема! Какъ вспомню, что меня драть хотятъ за мое же добро, такъ — хоть что хошь — тянетъ въ кабакъ да и на! Однако прошло дня два, опомнился, очувствовалъ думаю — примусь за хозяйство: лошадь моя, теперь сѣно по двугривенному — стало-быть и коровенку куплю. И все въ той состою надеждѣ, что защититъ меня недоимка. Солдатъ сказалъ: «сиди въ недоимкѣ, какъ во дворцѣ, никто не посмѣетъ!» и присовѣтовалъ: «а въ случаѣ чего, запирайся кругомъ — нѣтъ закона, чтобы силомъ брать. Отвѣтятъ». Вотъ я и сижу во дворцѣ-то. На третій день глядь — тройка: старшина, зять, десятскій... къ Парѳенову. Я сейчасъ на запоръ: ворота, сарай, конюшню, домъ — все заперъ. Сижу съ женой, ребятами, подъ окномъ, смотрю, что̀ будетъ. Потолковали они у Парѳенова — вижу, идутъ ко мнѣ всей гурьбой.

Парееновъ съ ними и еще человѣка четыре мужиковъ. Подошли; старшина и говоритъ: »Отпирай!» Я не отпираю.—»Ты думаешь, говоритъ, что мы тебя не достанемъ? Ты думаешь, мы судовъ на тебя будемъ дожидаться? Ну, нѣтъ, братецъ! У насъ противъ васъ, канальевъ, и свои средствія найдутся. Отпирай ворота добромъ! Лучше будетъ!» Я не отперъ. Сижу, гляжу. чтò будетъ. Знаю, что противъ закону нельзя имъ идти... «А коли не хочешь добромъ, такъ мы и сами справимся. Ребята!—сказалъ старшина—принесите дубину хорошую». Побѣжали мужичонки къ Пареенову, выволокли четверо еловое дерево, аршинъ шесть долины да вершковъ двѣнадцати въ корню, въ отрубѣ. «Дуй!» Подхватили всѣ, размахнулись, разъ-два-три—ворота въ дребезги такъ и разлетѣлись. Тутъ я вижу, что уже безъ совѣсти пошло дѣло. Вышелъ на дворъ: «чтò вамъ будетъ угодно?»—«Подавай лошадь!»—«Она въ полѣ!»—«А!—сказалъ старшина—въ полѣ... Ну-ко, ребята, возьмите дубину!» Опять подхватили, раскачали—хлопъ въ скотникъ. Такъ дверь и вбухали въ нутро. Лошадь тамъ. «Возьми!» Зять взялъ лошадь и ушелъ къ Пареенову, а старшина говоритъ: «Не хотѣлъ добромъ, хочешь нахрапомъ, такъ мы также можемъ. Ты думалъ своимъ средствіемъ отвернешься—ну, и мы своимъ средствіемъ. И помни. А выдрать—выдеру... А ежели хочешь жаловаться въ вышнюю инстанцію, такъ сдѣлай милость; теперь тебѣ двадцать опредѣлили, а тогда сто двадцать всыплю...» Съ тѣмъ и ушли. Остался я безъ лошади, и такое меня взяло зло, такая лютость, точно бѣсъ меня осѣнилъ. Жена было заголосила, а я ее бить. Передъ Богомъ, самъ не помню, какъ рука поднялась! Теперь я безъ лошади, и безъ коровы, и сѣно не на чемъ возить, и драть грозятся—кипитъ у меня все нутро, огнемъ палитъ... Завыла она. Я—разъ ее въ грудь, а брюхатая была; и это, что брюхается-то она не вò-время, тоже меня озлило, я ее и... Стала она кричать, а я злѣй, да злѣй; побѣлѣло у меня въ глазахъ отъ злости... Прр-ямо въ кабакъ! Жралъ, жралъ, сѣно кабатчику обѣщался отдать за пятачокъ пудъ, только давай вина. Допился до безчувствія, вышелъ, упалъ въ канаву, мордой въ лужу и лежу... Долго ли, коротко-ли лежалъ, стало мнѣ холодно. Открылъ глаза—мѣсяцъ на небѣ. Дѣвки поютъ въ деревнѣ... Всталъ, пошелъ къ кабатчику, вымолилъ стаканчикъ и пошелъ домой. Иду, гляжу у Пареенова огонь. И зять, и старшина, и компанія. Вино въ бутылкѣ, самоваръ—угощаются. Не могу сказать, чтò такое случилось со мной, а только какъ увидалъ я это, прямо и повернулъ къ Пареенову. Ввалилъ я къ нимъ въ грязи, безъ сапогъ - пропилъ ихъ—и прямо къ старшинѣ: разъ его по рожѣ—да къ Пареенову, да къ зятю... Далъ имъ всѣмъ по хорошему лещу и сѣлъ... Тутъ-было поднялось... и-и, Боже милостивый, чтò! Но я ужъ былъ въ азартѣ. «Убью, говорю, анаеемы! Вина давайте, и только!» Проснулась въ ту пору во мнѣ наша Бòсовская сила: кажется, убилъ-бы съ одного маху. Но только они догадались, что опасно меня теперь трогать, отступились, погнали за старостой, за понятыми... А я прямо къ столу, выпилъ изъ бутылокъ, да пустой бутылкой въ зеркало, да чайную посуду на полъ... Сбѣжался народъ: повалили, связали и—въ холодный амбаръ. Подали на меня въ судъ всѣ трое. Старшина—тотъ къ мировому подалъ. Зовутъ къ отвѣту; не пошелъ, сталъ пьянствовать. Выходитъ резолюція—драть. Зовутъ. Не пошелъ. Три раза приходили. Плюнулъ въ морду десятскому, а не пошелъ. Насудили, анаеемы, съ трехъ-то мордъ—до ста ударовъ съ прежними... Я все не иду. Спасибо, еще народъ есть добрый—не выдаютъ... Вотъ я и промаялся кое-какъ до Покрова и все больше пилъ... Тутъ ужъ и новый мой знакомый, съ котораго я задатокъ подъ сѣно получилъ, и тотъ сталъ грозиться судомъ. А на чемъ я повезу сѣно, коли лошади нѣтъ?.. И кабатчикъ требуетъ то-же самое сѣно—я его пропилъ ему... Не глядѣли-бы глаза на свѣтъ бѣлый. Послѣ Покрова слышу—колокольчики. Заливаются соловьями. Вкатываютъ въ деревню на трехъ тройкахъ: старшина, приставъ, судъ...Екнуло мое ретивое! Прямо ко мнѣ на дворъ, вошли въ избу, собрали народъ. «Подати!»... Такъ меня притиснули, не выскочишь изъ избы то... Тутъ стали носить подати, а старшина говоритъ: «Вотъ, ваше сіятельство, этотъ крестьянинъ (я) четыре раза присуждался къ наказанію, во-первыхъ за оскорбленіе зятя, потомъ меня, потомъ Пареенова и опять-же зятя. Двадцать разъ его звали—сопротивляется, не идетъ. Позвольте привести рѣшеніе въ исполненіе... Да и податей къ тому же не платитъ». Вотъ тутъ меня и растянули!... Тутъ я и потерялъ свой смыслъ, и стыдъ, и совѣсть... Лежу и, вѣрите-ли, *себя боюсь*. Передъ Богомъ, себя боюсь!.. Боюсь подняться, боюсь пошевелиться, потому убилъ бы кого-нибудь, на смерть-бы размозжилъ, кто подвернулся-бы въ ту пору. Наконецъ, того, вижу, что живорѣзы въ лакомство вошли, говорю: «будетъ!».И такъ это сказалъ, что перестали вѣдь анаеемы.. Ну, вотъ съ этого времени я и потерялъ себя. Всего себя потерялъ! Все мнѣ тоска, свѣтъ не милъ, дворъ пустой... Только и есть кабакъ. И воровать даже сталъ. Сѣно продалъ въ двадцать мѣстъ, а все—прахомъ, прахомъ. Слабѣй, слабѣй, такъ и пошелъ ко дну. До того дошло, что и жена стала жаловаться на меня суду..За это мнѣ рѣшенье выходило—20 ударовъ, а я ее за жалобу опять трепалъ... Такимъ родомъ и исподлѣлъ я, и развратился. Ужъ какъ я обрадовался, когда баринъ одинъ, на дачѣ по близости жилъ, подмогъ мнѣ немного работишкой, далъ прочухаться, а потомъ и на станцію опредѣлилъ. Коли-бъ мнѣ опять такое мѣсто, я-бъ ужъ зналъ, какъ справиться,—ну, а теперь...

Иванъ замолкъ и съ измѣнившимся, поблѣднѣвшимъ лицомъ проговорилъ, понизивъ голосъ:

— Теперь того и жду, что случится что-нибудь худое...

— Съ кѣмъ?

— Да со мной... Того и жду, что въ тоскѣ какой-нибудь сдѣлаю вредъ.

— Отчего-же ты думаешь?

— Ужъ знаю я...

Иванъ замолчалъ. На лицѣ его было выраженіе какой-то суровой таинственности.

— Домовой у меня по ночамъ воетъ на крыльцѣ—вотъ что я вамъ ужъ безъ всякой утайки объясню.

Я могъ только сказать:

— Неужели?

— Вѣрно я вамъ говорю... Какъ меня тогда разорить, то-есть лошадь-то когда отняли, такъ онъ тоже вылъ, а теперь такъ, вѣрите-ли, каждую ночь воетъ безъ устали. Всю ночь съ женой, съ ребятишками трясемся... Выйдешь въ сѣнцы ночью-то, а онъ сидитъ на крыльцѣ, эдакъ вотъ обѣими руками голову обхватитъ, да какъ замотаетъ башкой-то изъ стороны въ сторону, какъ зальется... Морозъ даже по кожѣ деретъ! Передъ Богомъ вамъ говорю!.. Ужъ вѣрно, что-нибудь со мной недоброе случится... Ужъ очень я обозливши... Тоска меня сосетъ... Врагъ шепчетъ все... Ужъ на что-нибудь подстроитъ онъ меня... Быть мнѣ на каторгѣ—вотъ что я думаю.

— Ну, какой вздоръ! Какіе домовые!

— Какъ, какіе?.. Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость. Мы очень знаемъ эти дѣла-то. При покойникѣ дѣдушкѣ у насъ домовые жили двое; я ихъ самъ своими глазами видѣлъ... Такъ они жили тихо.

— Своими глазами?

— Вотъ какъ васъ вижу, такъ и ихъ видалъ... Да и сейчасъ я вижу его...

— Ну, какой же онъ?

— Домовой-то?.. Да обыкновенно ужъ домового мы подразумѣваемъ подъ чортомъ—ну, и видъ у него...

— Какой-же у него видъ-то?

— Какъ сказать?.. Мутный онъ весь какой-то...

— Глаза есть у него?

— Да, и глаза *должны быть*. Вѣдь онъ ходитъ—долженъ-же глядѣть-то.

— А ноги?

— У него всему надо быть, только-что не видишь; а видишь только, что есть вонъ тутъ, или тутъ... А такъ сказать, чтобы видъ какой у него—не могу... Я разъ пришелъ на сѣновалъ, а онъ лежитъ—спалъ, должно быть.

— Ты его видѣлъ?

— Своими глазами.

— Ну, такъ на кого-же онъ похожъ?

— Да на домового-же и походитъ.

— Одѣтъ онъ во что-нибудь или нѣтъ?

— То-то нельзя этого знать... А видишь только, что тутъ онъ... Вродѣ какъ тѣнь, такой мутный, лежитъ, и сѣно сквозь него видно.

И тутъ у насъ начался самый дѣтскій разговоръ. Я только могъ дивиться, какая дѣтская наивная душа сохраняется въ этомъ сильномъ и добромъ человѣкѣ, въ которомъ запутанная жизнь можетъ накапливать почему-то только зло, только негодованіе...

X. Земельные непорядки.

Картины, которыя невольно ложатся на бумагу, до того непривлекательны и до того тягостны, какъ для читателя, такъ и для записывающаго ихъ, что мы не будемъ болѣе дѣлать этого. Довольно знать, что какъ безцеремонная жестокость мужика разживающагося, такъ и нарождающаяся жестокость сердца въ мужикѣ разоряющемся имѣютъ одинъ и тотъ-же источникъ—разстройство земледѣльческихъ порядковъ. Всѣ въ глубинѣ души сознаютъ, что земля—одна только непоколебимая и прочная основа благосостоянія, что земледѣльческій трудъ—одинъ только безгрѣшный, святой трудъ, складывающій всѣ частныя и общественныя отношенія земледѣльцевъ въ безгрѣшныя, безобидныя формы. Понято-ли достаточно значеніе земли во всемъ обиходѣ крестьянской жизни? Возвращаясь опять къ фактической сторонѣ дѣла, видишь, что земли мало—въ половину меньше, чѣмъ нужно,—видишь, что никакой необходимой при новыхъ условіяхъ крестьянской жизни хозяйственной системы не выработано. Какой-нибудь сѣнной прессъ, который долженъ быть такимъ же общественнымъ достояніемъ деревни, какъ пожарная труба, который долженъ облегчать трудъ всѣхъ земледѣльцевъ, составляетъ источникъ огромнаго дохода для единицъ: вотъ этотъ Парѳеновъ купилъ прессъ и можетъ ничего не дѣлать, обирать міръ. Конечно Парѳеновъ можетъ покупать, что ему угодно, но и міръ долженъ имѣть свой прессъ, свою молотилку, для того чтобы трудъ облегчился для всѣхъ, чтобы не было ненужнаго зла.

Помимо недостатка земли, стройность и прочность земледѣльческой семьи нарушается не вполнѣ правильной воинскою повинностью. При старой, такъ называемой, очередной системѣ прежде всѣхъ должны были идти многосемейные—для большой семьи не такъ трудно лишиться одного работника, какъ для маленькой потерять его. Теперь возможны случаи, когда большая семья остается невредимой, а маленькая въ конецъ разоряется. Пролетаріатъ, воспитываемый новою модой наживы денегъ съ своего сосѣда, увеличивается и этимъ обстоятельствомъ.

Встарину этотъ пролетаріатъ волей-неволей сидѣлъ на помѣщичьей шеѣ, въ видѣ дворни, въ видѣ «учениковъ», отданныхъ въ городскія мастерскія. Наконецъ огромная масса такого негоднаго въ деревнѣ народа отдавалась въ солдаты и, вслѣдствіе долгаго срока службы, возвращалась назадъ въ самомъ незначительномъ количествѣ. Я знаю, что все это сидѣло на народной же шеѣ, я знаю, что старая солдатчина ужасна, и надѣюсь, что никто не припишетъ мнѣ желанія возвратить это прошлое; я говорю только, что, такъ или иначе, пролетаріатъ деревенскій былъ прибранъ изъ деревни, не толкался въ ней, не мѣшалъ мужику быть земледѣльцемъ. Теперь не только такой жестокой приборки нѣтъ, но, напротивъ, даже и мысли нигдѣ ни откуда не проникаетъ о томъ, что «не

надо разводить» пролетаріата и что необходимо устроить по божески. Срокъ службы хоть и коротокъ, но солдатчина портитъ человѣка и, воротясь, онъ мѣшаетъ: онъ—плохой работникъ.

Затѣмъ старая хозяйственная система была правдивѣй, съ своей корыстной точки зрѣнія, къ народу и по отношенію къ налогамъ. Богатый всегда платилъ больше бѣднаго, хотя бы у обоихъ ихъ считалось по одному тяглу. Теперь же за одно и то же количество душъ платятъ и семьи огромнаго денежнаго богатства, и семьи огромной земледѣльческой нищеты. Кромѣ того, какая система въ томъ, что въ этихъ двухъ деревняхъ совершенно разные платежи: одна деревня платитъ 1 р. 60 коп. въ годъ всего-на-все, а другая—19 р. съ души? Или почему вотъ эту половину рѣки одна деревня сама отдала въ аренду рыбакамъ и получаетъ за нее деньги, а другая не можетъ поймать и окуня, потому что половина рѣки, прилегающая къ ея берегу, тысяча лѣтъ тому назадъ подарена монастырю и монастырь самъ сдаетъ ее въ аренду? Тысяча лѣтъ тому назадъ монастырскія владѣнія никого не стѣсняли, а теперь они прямо разстраиваютъ населеніе... Неужели все это не можетъ быть устроено просто, внимательно, по совѣсти? Глядя на все это, не понимаешь, какъ можно какимъ-нибудь эпитетомъ опредѣлять такое запутанное землевладѣніе, тѣмъ паче такимъ, какъ «община». Тутъ самая грубая неряшливость. Богъ знаетъ что, но только не община.

Вспоминая постоянно крѣпостное право, я полагаю, что читатель не заподозритъ меня въ сочувствіи ему. Я только говорю, что при крѣпостномъ правѣ была система, что хотя на человѣка и смотрѣли какъ на рабочую только силу, но обязаны были, въ видахъ полученія отъ нея пользы, удовлетворять ее въ ея существенныхъ потребностяхъ. Теперь человѣкъ деревенскій—не скотина, не животное: онъ, слава Богу, человѣкъ въ самомъ дѣлѣ, живая человѣчья душа; а между тѣмъ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше примѣровъ, хозяйственная-то земледѣльческая организація его была оставлена въ полномъ разстройствѣ и невниманіи, а человѣческая—вовсе ничѣмъ не удовлетворяется.

Столѣтіе тому назадъ Тихонъ Задонскій могъ съ церковной каѳедры публично, при всемъ народѣ, говорить такія слова: «Явное *хищеніе* есть то, когда кто чужую вещь насильно отнимаетъ, какъ то дѣлаютъ: 1) Разбойники, кои насильно другого грабятъ. 2) Властелины, которые у своихъ подчиненныхъ, а сильные у немощныхъ отнимаютъ нагло имѣніе, домъ, землю и пр. или принуждаютъ ихъ продать себѣ то, что они продать не хотятъ (зять Ивана Босыхъ), или продать малою цѣною... 3) Сему хищенію подвержены продавцы, которые въ крайней другого нуждѣ, напримѣръ во время голода, хлѣбъ не продаютъ, развѣ за несносную цѣну. Сюда подлежатъ и тѣ, кои, видя другого нужду, взаемъ не даютъ денегъ или хлѣба, или чего другого, развѣ требуя неправедной лихвы и росту» и т. д. Повторяю, сто лѣтъ тому назадъ *можно было публично*, съ каѳедры большого губернскаго города, *прямо, открыто и безбоязненно говорить* о правдѣ человѣческихъ отношеній. Подите-ка пикните теперь объ этой правдѣ не только въ губернскомъ городѣ, съ каѳедры собора, а въ деревнѣ—посмотрите, чѣмъ отплатятъ проповѣднику за эту смѣлость господа Парѳеновы, Ивановы зятья, волостные старшины и т. д.

Вотъ въ числѣ молящихся находится господинъ Пуговкинъ, лѣсопромышленникъ. Онъ нанимаетъ мужиковъ возить изъ лѣсу дрова и платитъ имъ съ сажени; только сажень у него *своя*, именно—не 3, а 4 съ вершками аршина. «Только *сажень у меня, ребята, своя*», говоритъ онъ. Попробуйте-ка публично сравнить его съ явнымъ хищникомъ, да онъ васъ за это буквально сотретъ въ порошокъ! Говорить публично *о такихъ* вещахъ—развѣ это не бунтъ? Вотъ почему современный іерей предпочитаетъ сидѣть дома, либо ловить рыбу, либо отъ скуки очинитъ перо, да потомъ и примется выводить отличнѣйшимъ почеркомъ: «Милостивый государь, господинъ Іоганнъ Гоффъ! Употребивъ, совокупно съ тещей, одержимой воспламененіемъ всѣхъ суставовъ, двадцать пять бутылокъ вашего мальц-экстрактнаго препарату, съ благоговѣніемъ прилагаю еще 3 рубля»... А рядомъ зять поретъ Ивана Босыхъ за то, что тотъ хотѣлъ сѣно продать подороже...

XI. Школа и строгость.

Деревенская школа, деревенскій учитель, какъ вѣроятно извѣстно всякому живущему въ деревнѣ, не пользуются особенной симпатіей деревенскаго населенія. Конечно есть много превосходныхъ учителей, умѣющихъ возбудить къ себѣ страстную и искреннюю любовь учениковъ, и скажемъ даже, что огромный процентъ народныхъ учителей составляетъ наилучшій элементъ современной деревенской интеллигенціи,—элементъ, въ средѣ котораго почти исключительно пріютились остатки исчезающей изъ обращенія идеи самопожертвованія и служенія на пользу ближнему; но все-таки мы должны признать, что современное деревенское населеніе не чувствуетъ въ школѣ того расположенія, которое оно должно было бы чувствовать. Поговоривъ съ любымъ изъ крестьянъ, т. е. земледѣльцевъ, о современныхъ порядкахъ, нуждахъ, перемѣнахъ и ожиданіяхъ и перейдя потомъ къ разговорамъ о школѣ, объ училищѣ, вы непремѣнно услышите два постоянно слышащіяся мнѣнія, «что ничему не учатъ» и «что нѣтъ строгости». Съ немужицкой точки зрѣнія, оба эти мнѣнія одинаково несправедливы: во-первыхъ, потому, что учатъ гораздо бо́льшему, чѣмъ учили встарину по псалтырю; а во-вторыхъ, роптать на недостатокъ строгости въ училищѣ въ то время, когда рука родителя не задумается дополнить по этой части дома то, чего, по его мнѣнію, не съумѣла сдѣлать школа, оказывается дѣломъ рѣшительно неосновательнымъ. А между тѣмъ весьма не-

рѣдко ропетъ на то, что «ничему не учатъ» и что «нѣту строгости», иногда переходитъ изъ области простого, затаеннаго неудовольствія на практическую почву и выражается въ томъ, напримѣръ, что нѣкоторыя деревни прямо отказываются платить сборъ (отъ 10 до 25 к.) на школы, который они сами-же мірскимъ приговоромъ обязались платить. Факты подобнаго рода весьма часты, и съ перваго взгляда кажется, что они не представляютъ собою ничего другого, кромѣ доказательства глубокаго народнаго невѣжества и косности; на самомъ-же дѣлѣ выраженія: «ничему не учатъ» и «нѣтъ строгости» имѣютъ, если только дать себѣ трудъ добиться ихъ подлиннаго смысла, какъ разъ обратное значеніе, т. е. совершенно опредѣленно указываютъ высоту народныхъ требованій по отношенію къ наукѣ,—высоту, которой школа не удовлетворяетъ. Съ этой точки зрѣнія выраженія: «ничему не учатъ» и «строгости мало» получаютъ иной смыслъ, а слово «строгость» перестаетъ значить то-же, что «за волосы» или «ложись».

Но, позвольте, скажетъ читатель, давшій себѣ трудъ прочитать предшествовавшія главы настоящаго очерка—какая-же нужна школа и наука мужику? Развѣ въ этой жизни, основанной на «власти земли, власти, все проницающей, все устрояющей и все въ народной жизни уясняющей—развѣ тамъ есть мѣсто какой-нибудь книжкѣ и какой нибудь наукѣ? Зачѣмъ она тутъ? Зачѣмъ сюда соваться и разрушать удивительную стройность ни въ какихъ указаніяхъ (кромѣ указаній природы) не нуждающейся жизни? Все это читатель имѣетъ право напомнить мнѣ, и все это, съ своей стороны, я готовъ-бы былъ повторить и подтвердить въ болѣе, насколько возможно, сильныхъ доказательствахъ и фактахъ, еслибы мною руководило не столько желаніе предаться изображенію трудовой жизни «безъ грѣха», сколько другое болѣе настоятельное желаніе, чтобъ эта безгрѣшная жизнь, золотыя зерна которой разсыпаны по всей Русской землѣ, не была обречена на непрестанное пребываніе въ навозныхъ кучахъ и чтобъ эта драгоцѣнность не была размѣнена на мѣдную монету... Что это точно жизнь безъ грѣха и что это точно драгоцѣнность, мы будемъ говорить тогда, когда отдѣлаемся и разъ навсегда покончимъ съ вопросомъ о томъ, что именно надобно дѣлать, чтобы драгоцѣнность эта не была промотана и не пошла прахомъ.

Въ виду этой цѣли, мы въ первыхъ главахъ нашего очерка и хотѣли въ грубыхъ чертахъ выяснить себѣ, въ чемъ именно заключается эта драгоцѣнность, которою обладаетъ народъ и которую жаль промотать. Объ этой тайнѣ народной силы, объ этомъ *какомъ-то* залогѣ, таящемся «въ нѣдрахъ», объ этой неуязвимости народнаго міросозерцанія и силы духа мы, особенно въ настоящее время, слышимъ на каждомъ шагу, но къ несчастью рѣшительно не видимъ мало-мальски опредѣленныхъ очертаній этой народной тайны.

Лѣтъ тридцать тому назадъ Герценъ написалъ объ этой тайнѣ народнаго духа слѣдующее: «Мнѣ кажется, что есть *нѣчто* въ русской жизни, что выше общины и государственнаго могущества; это *нѣчто трудно уловить словами и еще труднѣе указать пальцемъ*. Я говорю о *той* внутренней, *не вполнѣ сознательной силѣ*, которая столь *чудесно* сохранила русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, подъ восточнымъ татарскимъ кнутомъ и западными капральскими палками—о *той* внутренней *силѣ*, *которая* сохранила прекрасныя и открытыя черты и живой умъ русскаго крестьянина подъ унизительнымъ гнетомъ крѣпостного состоянія,—о *той* наконецъ *силѣ* и вѣрѣ въ себя, *которая* жива въ нашей груди. *Эта сила* ненарушимо сберегла русскій народъ, его непоколебимую вѣру въ себя—сберегла *внѣ всякихъ формъ и противъ всякихъ формъ*».

Что же это такое за сила? Какъ видите, такого огромнаго дарованія писатель, какъ Герценъ, не только не можетъ указать пальцемъ на эту силу, но не можетъ даже выразить ее словами. Эта сила, чудесная, таинственная, въ то же время не вполнѣ сознательная, сохраняетъ русскаго крестьянина и подъ кнутомъ, и подъ палкой, и въ крѣпостномъ униженіи,—словомъ, внѣ всякихъ формъ и противъ всякихъ формъ. Что она такое, неизвѣстно—она только чувствуется, и хотя понять и уловить ее нельзя, тѣмъ менѣе можно указать пальцемъ, но *она* все-таки сберегла русскій народъ и сберегла вмѣстѣ съ вѣрой въ себя. Тридцать, тридцать пять лѣтъ тому назадъ даже человѣкъ такого огромнаго знанія, таланта и дарованія могъ только чувствовать эту народную тайну, но могъ и не касаться ея пальцемъ просто потому, что для этого необходимъ былъ мелкій утомительный опытъ, необходима была черная работа въ самой глубинѣ, у самыхъ корней этой народной тайны. Но повторять тѣ же таинственныя слова: «сила», та таинственная сила, которая», «духъ, которой непоколебимъ», «сила, которая устояла»—словомъ, повторять восторженнымъ голосомъ это безконечное «которая», къ которому можно прицѣпить все, что угодно,—повторять это въ настоящее время намъ кажется уже рѣшительно невозможнымъ. Такъ или иначе, намъ надо знать, что *это такое*, что не проймешь ни палкой, ни кнутомъ, что внѣ формъ и противъ формъ сберегло русскій народъ и его вѣру, живой умъ, открытое лицо и т. д. Чтобы разъяснить себѣ этотъ вопросъ, прикоснуться къ нему пальцемъ, назвать его словами, мы рѣшаемся спуститься въ самую глубь мелочей народной жизни, идемъ въ избу, прямо къ представителю этой силы, и такъ какъ на прямой вопросъ: «отчего васъ невозможно пронять и отчего, несмотря на татарскіе кнуты и капральскія палки, вы сохранили открытое лицо и живой умъ»,—отвѣта мы не получаемъ, то, разумѣется, надо самимъ намъ перерыть все, что ни есть въ избѣ, въ клунѣ, въ хлѣву, въ амбарѣ, въ полѣ... Работа ме-

лочныя и непріятная... Право, господинъ благосклонный читатель,— утомительная и, право, не пріятная! Вы вотъ все жалуетесь, что нѣтъ изящной словесности, все только о мужикѣ пишутъ. Во-первыхъ, это неправда: вы имѣете ежемѣсячно массу литературныхъ произведеній, написанныхъ вовсе не о мужикѣ, и притомъ весьма изящно. А во-вторыхъ, зачѣмъ вы читаете объ этомъ мужикѣ и, главное, зачѣмъ вы полагаете, что писанія эти надо причислить къ изящной словесности?.. Посмотрите пожалуйста повнимательнѣе въ оглавленіе, вѣдь и тамъ сказано: «замѣтки», «отрывки»... — какая-же это словесность? Это просто черная работа литературы, а съ словесностью вѣроятно надобно покуда повременить. Пишущій эти строки, виновный до нѣкоторой степени въ литературныхъ огорченіяхъ «читателя (одинъ провинціальный критикъ пишетъ: читатель хочетъ *десерта*, а ему все о мужикѣ»), и самъ-бы радъ былъ радехонекъ почитать что-нибудь хорошенькое, да все что-то не видно...

Трудна, непріятна и утомительна эта черная литературная работа, а дѣлать нечего, надобно работать. Мы вотъ все твердимъ: «сила», «духъ, духъ, духъ», «она самая, которая», которая чудеснымъ образомъ сберегла, сохранила и т. д., а что это такое — не знаемъ, и можетъ случиться, какъ это и случилось, что сила таинственная и чудесная, сохраняющая неприкосновенность чело вѣка подъ палками и кнутами, вдругъ не сохранитъ его подъ ударомъ рубля. Вѣдь вотъ все вытерпѣлъ народъ — и татарщину, и нѣметчину, а сталъ его жидъ донимать рублемъ — не вытерпѣлъ! Ну-какъ что-нибудь еще случится непредвидѣнное? Почемъ знать?.. А вѣдь если все твердить: «та, которая», такъ вѣдь ровно ничего нельзя ни знать, ни предвидѣть. Вотъ поэтому-то, несмотря на огорченія читателей и критиковъ, желающихъ «десерта», мы и рѣшаемся спуститься къ самымъ нѣдрамъ и корнямъ народной жизни... И здѣсь, послѣ милліона недоумѣній, милліона ошибокъ, терзаній, мы наконецъ радостно видимъ, что кое-что изъ этой тайны неуязвимости открылось намъ.

Оказывается, что «сила», которая сохраняетъ человѣка подъ кнутомъ и палкой, которая сохраняетъ у него, несмотря на гнетъ крѣпостного права, открытое, живое лицо, живой умъ и т. д., получается въ этомъ человѣкѣ *непосредственно* отъ указаній и велѣній *природы*, съ которою человѣкъ этотъ имѣетъ дѣло непрестанно, благодаря тому, что живетъ особеннымъ, разностороннимъ, умнымъ и благороднымъ трудомъ земледѣльческимъ. Оказывается, что не только нашъ крестьянинъ — земледѣлецъ всѣхъ странъ, всѣхъ націй, всѣхъ народовъ точно такъ-же неуязвимъ во всевозможныхъ внѣшнихъ несчастіяхъ, какъ неуязвимъ и нашъ, разъ только онъ почерпаетъ свою мораль отъ природы, разъ только строитъ свою жизнь по ея указаніямъ, разъ только повинуется ей въ радостяхъ и несчастіяхъ, т. е. разъ только онъ — земледѣлецъ, такъ какъ нѣтъ такого труда, который-бы такъ всецѣло и непосредственно, и притомъ каждую минуту и во всемъ ежедневномъ обиходѣ зависѣлъ отъ природы, какъ трудъ земледѣльческій. Припомните, чего-чего не перенесли французы, итальянцы, турки, славяне, нѣмцы и т. д.; но если мы дадимъ себѣ трудъ разыскать въ земляхъ, населенныхъ этими народами, то, что называется нетронутою цивилизаціей, деревней, такъ мы непремѣнно найдемъ то-же самое міросозерцаніе, что и у нашего крестьянина, конечно видоизмѣненное по внѣшнему выраженію, сообразно климату, темпераменту, породѣ и т. д. Но рѣшительно вездѣ, *точно такъ, какъ и въ нашей деревнѣ*, мы не найдемъ *никакихъ слѣдовъ* воспоминаній о какихъ-бы то ни было гнетахъ и бѣдствіяхъ. Нашъ крестьянинъ сохранилъ открытое лицо и живой умъ, несмотря на татарское иго, шпицрутены и крѣпостное право. А французскій настоящій нормандскій или бретонскій мужикъ сохранилъ развѣ воспоминаніе о нашествіи римлянъ, о нашествіи варваровъ, о безчисленныхъ войнахъ и дракахъ, въ которыхъ погибли милліоны его предковъ? Итальянскій пахарь навѣрное не помнитъ *всей* (!) римской исторіи, точно ея и не бывало А сколько перерѣзано турокъ, и что же? — Лицо у нихъ улыбающееся и къ мордобитію расположенное во всякое время. Во время сербской войны съ поѣзда русскихъ добровольцевъ на одной изъ австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ свалился въ пьяномъ видѣ русскій крестьянинъ-доброволецъ. Поѣздъ ушелъ, а крестьянинъ, очнувшись, увидѣлъ себя въ какой-то мадьярской деревнѣ. Черезъ двѣ недѣли однако онъ съ другимъ поѣздомъ добровольцевъ добрался до Пешта и разсказывалъ о своемъ приключеніи. «Что же ты дѣлалъ эти двѣ недѣли?» — спрашивали его. — «Что дѣлалъ!.. Какъ ѣсть нечего — найдешь работу!» — «Что-же ты работалъ?» — «Да все: дрова кололъ, воду возилъ — все, что по крестьянству слѣдуетъ». — «Но вѣдь ты не знаешь ни слова по мадьярски, какъ-же ты разговаривалъ?» — «Да чего мнѣ разговаривать-то? Дадутъ въ руки топоръ, да подведутъ къ дровамъ, такъ я и безъ разговоровъ знаю, что мнѣ топоромъ не щи хлебать, а дрова рубить. Разговаривать!.. Поставятъ къ лошади съ плугомъ, *само собой* и видно, что надо пахать, а не въ карты играть, или напримѣръ кофій пить»... Такое родство въ воззрѣніяхъ земледѣльцевъ всѣхъ странъ, мы увѣрены, вполнѣ существуетъ.

Эту неизмѣнность основныхъ чертъ земледѣльческаго типа накладываетъ на крестьянъ всѣхъ странъ свѣта неизмѣнность законовъ природы, которые, какъ извѣстно, также «устояли», несмотря на то, что въ Римѣ были Нероны и Калигулы, а у насъ — злые татарчонки, Бироны, кнуты, шпицрутены. Неизмѣнно, на томъ-же самомъ мѣстѣ, какъ тысячи тысячъ лѣтъ назадъ, такъ и теперь, стояло солнце; какъ и теперь, оно заходило и восходило въ тотъ-же самый день и часъ, какъ и въ «безконечные вѣки»; могли смѣняться тысячи поколѣній тирановъ, всякихъ людей, нашествій, но тотъ человѣкъ, котораго трудъ и жизнь обязывали быть въ зависимости отъ солнца, долженъ былъ

оставаться неизмѣннымъ, какъ неизмѣннымъ оставалось оно. Возьмите нашего крестьянина изъ любой земледѣльческой деревни: онъ находится и сейчасъ *точь-въ-точь* въ такихъ-же условіяхъ жизни и подъ тѣми-же самыми вліяніями, какъ и тотъ скиѳъ, портретъ котораго вы можете видѣть въ книгѣ Вайца и который буквально точь-въ-точь похожъ на нашего «мужика»: тотъ-же самый камень обходитъ сохой и теперешній мужикъ, какой обходилъ сохой скиѳъ, и какъ древнѣйшій предокъ теперешняго мужика, обходя камень, говорилъ: «ишь, идолъ, разлегся на самой дорогѣ, возись тутъ около него» — такъ и теперешній мужикъ, поровнявшись съ камнемъ, не преминетъ вымолвить: «и не легкая-же тебя новалила на это мѣсто, неладная дубина!..» Рѣка, солнце, мѣсяцъ, весна, осень, трава, деревья, цвѣты — все до послѣдней мелочи природы было *точь-въ-точь* тоже самое, что и «въ безконечные вѣки». *Это* было неизмѣнное. Отъ *этого* зависѣла жизнь, въ *этомъ* — тайна міросозерцанія. *Это* можно назвать и указать пальцемъ.

Въ строѣ жизни, повинующейся законамъ природы, несомнѣнна и особенно плѣнительна та *правда* (не *справедливость*), которою освѣщена въ ней самая ничтожнѣйшая жизненная подробность. Тутъ все дѣлается, думается такъ, что даже нельзя себѣ представить, какъ могло-бы дѣлаться иначе при тѣхъ-же условіяхъ. Лжи, въ смыслѣ выдумки, хитрости, здѣсь нѣтъ — не перехитришь ни земли, ни вѣтра, ни солнца, ни дождя — а стало-быть нѣтъ ея и во всемъ жизненномъ обиходѣ. Въ этомъ отсутствіи лжи, проникающемъ собою все, даже повидимому жестокія явленія народной жизни, и есть то наше русское счастье и есть основаніе той вѣры въ себѣ, о которой говоритъ Герценъ. У насъ милліонныя массы народа живутъ, не зная лжи въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ — вотъ на чемъ держится наша вѣра. Впослѣдствіи мы постараемся разсказать нѣсколько самыхъ повидимому возмутительныхъ жестокостей въ народной жизни, и всѣ онѣ, съ точки зрѣнія міросозерцанія, воспитаннаго неизмѣнными законами природы, окажутся неизбѣжными, а люди, совершившіе ихъ, чистыми сердцемъ, какъ голуби.

Но хоть въ природѣ и все — правда, но не все въ ней ласково. Посмотрите-ка, какой веселый лѣсъ на горѣ, какіе тамъ веселые «птичекъ хоры» или какой онъ молчаливый и торжественный ночью, а между тѣмъ въ то время, когда онъ молчитъ, и въ то время, когда онъ весь поетъ и зеленѣетъ, какое идетъ въ немъ поѣданіе другъ друга! Вы не услышите ничего кромѣ едва-едва примѣтнаго писка то тамъ, то сямъ. Кто-то кого-то ѣстъ, а потомъ, веселый и довольный, «съ свѣтлымъ лицомъ» и губами, на которыхъ незамѣтно крови, идетъ въ свое семейство... Лѣсъ не помнитъ своихъ прародителей, которые въ первый разъ были срублены во время татарскаго ига, а второй разъ во времена «нѣмецкой бюрократіи», и претъ изъ ихъ сгнившихъ корней свѣжими стволами — претъ потому, что слушаетъ солнца, нельзя ему не выпирать, коли оно его тянетъ, и некогда вспоминать прародителей. Не вспоминаетъ и этотъ волкъ съѣденной овцы и не виноватъ конечно въ этомъ; да и сычъ этотъ, съѣвшій яйца въ чужомъ гнѣздѣ, тоже только облизывается и хвалитъ Творца. Все поѣдаетъ другъ друга каждую минуту и все каждую минуту родится вновь... Родится, цвѣтетъ, поетъ, только пискъ-то вотъ этотъ, который по временамъ слышится кое-гдѣ, вотъ онъ-то очень непріятенъ и щемитъ то заячье, то овечье, то птичье сердце. А въ человѣческомъ обществѣ, поставленномъ къ природѣ въ слишкомъ неразрывную зависимость и неимѣющемъ возможности жить иначе, какъ по тѣмъ-же самымъ законамъ, какъ живетъ вышеизображенный лѣсъ, этотъ пискъ и вопль человѣческаго существа ужасенъ и жалокъ необыкновенно, потому что тутъ жестокое другъ надъ другомъ совершаютъ люди, а не звѣри, не безсловесныя животныя. Повторяемъ, и въ этихъ жестокостяхъ неизбѣжная правда: заѣдятъ непремѣнно слабаго, заѣдятъ *не зря*, а непремѣнно вслѣдствіе множества неотвратимыхъ резоновъ, — заѣдятъ, и всѣ будутъ невинны; но и сердце, которое содрогается отъ этого человѣческаго писка, частенько переходящаго въ стоны, также содрогается не безъ основанія. Любители охоты говорятъ, что собаки, обладающія особенно развитымъ чутьемъ, никогда не бѣгаютъ по слѣдамъ дичи, а бѣгутъ въ сторонѣ. Происходитъ это отъ того, что запахъ дичи на слѣду такъ сильно бьетъ собаку въ носъ, что она теряетъ обоняніе, не слышитъ запаха дичи, тогда какъ со стороны, съ боку слѣда, запахъ дичи она слышитъ отлично. Вотъ также и на счетъ сердца человѣческаго: одинъ деретъ съ другого шкуру — и не чувствуетъ; ему довольно знать, что нельзя иначе... А другой, и издали глядя на это зрѣлище, не только самъ ощущаетъ боль сдираемой кожи, не только чувствуетъ страданіе обдираемаго человѣка, но имѣетъ даже дерзость считать этотъ неизбѣжный актъ возмутительнымъ и жестокимъ, имѣетъ даже дерзость закричать издали: «что вы дѣлаете, проклятые!» — хоть и знаетъ, что они не виноваты.

Человѣкъ съ такимъ сердцемъ, съ такимъ чувствомъ и чувствительностью и есть, какъ мы думаемъ, человѣкъ интеллигентный. И такой человѣкъ всегда былъ, присутствовалъ въ самой средѣ *народной массы*, работалъ въ ней не во имя звѣриной, лѣсной правды, а во имя высшей божеской справедливости. Наши интеллигентные прародители были такъ умны, знали, должно-быть, такъ хорошо народную массу, что для общаго блага ввели въ нее «христіанство, т. е. взяли *послѣднее слово* и притомъ *самое лучшее*, до чего дожило человѣчество вѣками страданій. И слово это, проповѣдывавшее высшую степень самоотреченія, они не побоялись внести въ среду людей, которые «звѣринымъ обычаемъ живяху». Общество, которое жило такимъ образомъ, очевидно было вовсе не приготовлено къ воспріятію такой непривычной новизны; ему-бы, если вѣрить нынѣшнимъ нашимъ руководителямъ, надобно было пе-

режить весь скрадъ развалившагося міра, прежде чѣмъ вкусить христіанство. Но наши прародители, повторяемъ, знали свой народъ, хотѣли ему добра и, какъ люди, которые сами близко жили къ природѣ, знали, что̀ такое значитъ жить «звѣринымъ обычаемъ»,—знали, что звѣриному обычаю незачѣмъ переживать всевозможныя благообразныя измѣненія этого обычая, разъ ужъ есть нѣчто лучшее, высшее всего этого звѣринскаго благообразія. Они взяли то лучшее, что только выстрадало человѣческое сердце, взяли христіанство и притомъ въ самомъ строгомъ, не подслащенномъ видѣ... Теперь мы роемся въ какомъ-то старомъ національномъ и европейскомъ хламѣ, въ національныхъ и европейскихъ мусорныхъ ямахъ...

Итакъ, въ русской народной массѣ всегда былъ интеллигентный человѣкъ. Онъ, вооруженный христіанскою идеей, шелъ безбоязненно въ массу народа, которая жила звѣринымъ обычаемъ. Частенько его колотили дрекольями, но онъ не унывалъ и неустанно твердилъ одно: «не сдирай шкуры съ ближняго!». Этотъ интеллигентный человѣкъ былъ настоящій работникъ народный, и работникъ практическій; чудеса нашихъ угодниковъ весьма не блещутъ разнообразіемъ; да настоящіе интеллигентные работники въ народной средѣ, зная эту среду за практическую, и дѣйствовали также практически. Когда одного изъ проповѣдниковъ христіанства жители нынѣшняго города Владиміра выгнали изъ города, онъ не унялся, а поселился неподалеку отъ города въ лѣсу и здѣсь, не надѣясь успѣть съ звѣриными сердцами родителей, сталъ принимать къ себѣ молодежь. Молодежь также отлично знала, что соловья баснями не кормятъ. Зналъ это и проповѣдникъ и счелъ необходимымъ, прежде нежели начать проповѣдывать, привязать ихъ къ себѣ угощеніемъ: сталъ онъ до отвала кормить молодежь кашей; послѣ каши молодежь стала ужъ слушать его волей-неволей, а потомъ и поняла и увѣковѣчила его память. Всѣ наши наиболѣе чтимые угодники непремѣнно были самые практически - дѣятельные, добрые, чувствительные люди. Тихонъ Задонскій покупалъ мужикамъ сѣмена, земледѣльческія орудія, хлопоталъ за нихъ въ тюрьмахъ. На эти расходы онъ истратилъ все, что̀ имѣлъ: даже перину продалъ; часы карманные тоже продалъ; послѣ его смерти осталось денегъ 14 руб. ассигнаціями. Этотъ прекраснѣйшій образецъ человѣчности (по страстности и вниманію къ положенію ближняго, по негодованію на условія его темноты и, главное, по пониманію христіанства) не могъ довольствоваться важнымъ саномъ архіерея и правомъ поучать стадо словесно — онъ добровольно отказался отъ архіерейской каѳедры и удалился въ монастырь, гдѣ ему представлялась возможность вмѣшаться съ своею дѣятельною любовью въ народную среду.

Эта интеллигенція «угодниковъ божьихъ» внесла въ народную русскую массу бездну всевозможной нравственной и физической опрятности (посты, браки въ извѣстное время года и т. д.). Но главное-то—они старались «*развить эгоистическое сердце человѣка* въ сердце *всескорбящее*, обобщить его разумомъ и въ свою очередь оживить имъ разумъ»...*). Вотъ эта-то тенденція—превратить эгоистическое сердце въ сердце всескорбящее — и была положена въ основаніе народной школы, училища, основаннаго на псалтырѣ, и т. д. Цифири учили плохо, были бирки, а землю мѣрили (да и сейчасъ мѣрятъ) лаптями, «носкомъ въ пятку». Но воспитаніе сердца было настойчивое; учёба была тиранская, но касалась она не разсчета, не выгоды, не простого, ненужнаго знанія, а проповѣдывала ту самую «строгость» къ самому себѣ и къ ближнимъ, которая нужна и важна въ человѣческомъ обществѣ, вопреки той правдѣ дремучаго лѣса, въ которой оно обязано жить. Человѣкъ чувствовалъ, что эта правда жестока, несправедлива, и хотѣлъ сдержать ее «строгостью» справедливости. Худо-ли, хорошо-ли, а эта проповѣдь нравственныхъ обязанностей человѣка къ человѣку проповѣдывалась и лежала въ основаніи старой школы, когда люди жили звѣринымъ обычаемъ. Ничего практически-полезнаго, въ смыслѣ реализаціи этого ученія о «божественномъ», въ какомъ-бы то ни было видѣ выгоды или удобства — эта школа не давала; напротивъ, она учила прямо необходимости въ нѣкоторыхъ житейскихъ отношеніяхъ нести убытокъ—подавать нищимъ, убогимъ, жертвовать на храмъ и т. д. А между тѣмъ такую школу народъ почиталъ за серьезную, гораздо болѣе серьезную, чѣмъ теперешняя, гдѣ можно узнать массу чисто практически - полезныхъ свѣдѣній объ удобреніи, навозѣ и т. д. Практической пользы въ хозяйствѣ, въ доходѣ, не могло быть ровно ни отъ какого чтенія или заучиванія наизусть напримѣръ псалтиря. Всякій зналъ, что изъ этихъ рыданій псалмопѣвца «не сошьешь шубы», а долбили и плакали, и наказывали за неумѣнье выдолбить, потому что видѣли нравственную необходимость глядѣть на себя и на окружающихъ не съ одной только точки зрѣнія дремучаго лѣса. «Божественное» знакомило съ нравственными обязательствами и задачами человѣка. Худо-ли, хорошо-ли знакомило, а знакомство давало, по крайней мѣрѣ, возможность знать, что *это*—что-то серьезное, важное, хотя и не прибавляетъ въ доходы ни копѣйки, а, напротивъ, убавляетъ.

Вотъ эту-то божескую правду народъ и считалъ важною въ старинной псалтырной и часословной школѣ. Теперь-же, когда времена значительно измѣнились, когда нѣтъ татарина, барина, когда общественныя и частныя отношенія въ народной средѣ осложнились, облеклись въ новыя формы— этой высшей точки зрѣнія на окружающее и нѣтъ въ современной школѣ. Нѣтъ той науки о *высшей правдѣ*, которая-бы дала *теперь* человѣку возможность сказать себѣ, что̀ справедливо и что̀ нѣтъ, что̀ можно и что̀ нельзя, что̀ ведетъ къ гибели и что̀ спасаетъ отъ нея. При осложненности

*) Какъ настоящая, такъ и предшествовавшая цитаты изъ Герцена заимствованы изъ книги Н. Страхова: «Борьба съ Западомъ».

современныхъ отношеній въ народной средѣ; эта наука о высшей правдѣ должна бы значительно раздвинуть предѣлы переработки эгоистическаго сердца въ сердце всескорбящее, т. е., говоря проще, должна-бы прямо, смѣло и широко касаться самыхъ жгучихъ общественныхъ вопросовъ, — тѣхъ самыхъ вопросовъ, до которыхъ додумалась и дошла человѣческая *всескорбящая* мысль въ ту самую минуту, которую мы переживаемъ. «Какъ! воскликнетъ читатель, вы хотите, чтобы въ школѣ разговаривали о трудѣ и капиталѣ, хотите, чтобы такъ называемые общественные, проклятые вопросы были поставлены въ школьномъ ученьѣ на должную высоту, чтобы всѣ деревенскіе мальчишки разсуждали о пролетаріатѣ и т. д.?» А почему-же нѣтъ? Что это за запрещенный плодъ? Почему эти жгучіе вопросы не могутъ быть поставлены прямо, широко, сдѣлаться достояніемъ общественной мысли? На чемъ основано невозможно-жестокое гоненіе всякой малѣйшей попытки показать народу рядъ огромныхъ общественныхъ задачъ, которыя, къ тому-же, рѣшать такъ или иначе будетъ этотъ-же самый народъ? Отчего «жгучіе вопросы» должны быть недоступны этому крестьянскому юношѣ, который по выходѣ изъ школы будетъ и семьяниномъ, и общественный дѣятель, гласный, судья, присяжный, или — нищій, воръ, грабитель, убійца и т. д.?

Я рѣшительно не понимаю и не могу придумать ни единаго вѣскаго мотива, который-бы хотя мало-мальски объяснилъ такое необузданное преслѣдованіе разговоровъ объ общественныхъ вопросахъ въ народной средѣ. Да не только въ народной, а и въ такъ-называемомъ интеллигентномъ обществѣ вопросъ о богатомъ и бѣдномъ, поставленный такъ прямо, какъ онъ поставленъ напримѣръ на картинкѣ о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ,—и то почти невозможенъ безъ нѣкотораго внутренняго страха за будущее того ребенка, который съумѣетъ понять этотъ вопросъ въ существующихъ формахъ. Между тѣмъ еслибъ мы имѣли практическую смѣлость нашихъ прародителей, которые, какъ мы знаемъ, брали для своего народа послѣднее слово того *исключительно* справедливаго и *хорошаго*, до чего дострадалась человѣческая мысль, такъ мы именно не должны бы были бояться прямо, безъ всякихъ экивоковъ, смотрѣть въ глаза тому положенію, которое переживаетъ человѣчество старше насъ въ настоящую минуту, безбоязненно отдѣлять зло отъ добра и брать для нашего народа исключительно только послѣднее, не страшась того, что оно, быть можетъ, и не придется иному по вкусу. Чтобъ яснѣе было видно, что мы считаемъ зломъ и что добромъ, приведемъ слѣдующіе два примѣра.

Какъ извѣстно, при открытіи банка Бонту, его святѣйшество папа Левъ XIII взялъ для поддержанія репутаціи этого банка акцій на 50 тысячъ франковъ. Подержавъ ихъ у себя нѣкоторое время, святой отецъ почуялъ, что дѣла банка ненадежны, и поэтому, улучивъ удобную минуту, когда акціи банка, купленныя по 400 фр., достигли цѣны 2.400 фр., продалъ ихъ и такимъ образомъ ни за что ни про что положилъ къ себѣ въ столъ 250 тысячъ франковъ чистаго барыша.

Въ тотъ самый день и въ томъ же самомъ нумерѣ газеты, въ которомъ было напечатано это радостное извѣстіе, среди разныхъ ежедневныхъ мелочей было разсказано такое происшествіе: недалеко отъ Кенигсберга, въ одной прусской деревнѣ, крестьянка зарѣзала своихъ пятерыхъ дѣтей и сама хотѣла утопиться; но такъ какъ близъ той деревни, гдѣ она жила, рѣчка была мелкая, то она имѣла мужество перенести свое горе и отчаяніе до Кенигсберга, на разстояніи 50-ти верстъ, и тамъ бросилась въ глубокую рѣку. Ее вытащили, а когда привели въ чувство и стали разспрашивать о причинѣ ея жестокаго поступка съ дѣтьми, ея отчаянія, то она сказала въ свое оправданіе (!), что она *выбилась изъ силъ* на работѣ. Мужъ ея, изувѣченный въ послѣднюю славную франко-прусскую войну, не могъ работать. Вся тяжесть труда лежала на ней, и вотъ она измучившись, *выбившись изъ силъ* (буквально!), рѣшила выйти изъ жизненныхъ тисковъ такимъ рѣшительнымъ и ужаснымъ образомъ.

Вотъ, какъ намъ кажется, самыя характерныя черты ненавидимыхъ нами европейскихъ порядковъ. Разъ человѣческое общество дожило до возможности имѣть въ своей средѣ такія крайности существованія, какъ существованіе деревенской бабы, *выбившейся изъ силъ* отъ работы для насущнаго хлѣба, и человѣка, который «заработалъ» въ одно мгновеніе, не шевельнувъ пальцемъ, 250.000фр.,—разъ существуютъ воззрѣнія, вслѣдствіе которыхъ поступокъ папы не считается предосудительнымъ (навѣрно, множество людей скажутъ: «ловко, отче, съумѣлъ, во-время!» и т. д.), а поступокъ женщины, доведенной до отчаянія, *преступленіемъ*, разъ все это есть и разъ все это связано между собою рядомъ какихъ-то, всѣми признаваемыхъ за неизбѣжное, оправдательныхъ доводовъ, не трудно видѣть, что общество это таитъ въ глубинѣ своей смертельную язву огромной неправды, что шаблонные оправдательные доводы — ложь, обманъ, то-есть не трудно видѣть ту *правду*, которая видна изъ-за этой лжи человѣческихъ отношеній.

Теперь спрашивается, если мы знаемъ (а наше русское счастье и состоитъ въ томъ, что все это мы можемъ и видѣть, и знать, не развращая себя развращающимъ опытомъ), — если мы знаемъ, что такіе порядки въ результатѣ сулятъ несомнѣннѣйшую гибель обществу, ихъ выработавшему (что мы тоже отлично *знаемъ*), то почему-же у насъ не хватаетъ способности на ту простую практическую правду, которою обладали наши прародители, вводя христіанство въ сознаніе народныхъ массъ, чтобъ *открыто* не признать этихъ порядковъ ложью, чтобъ *открыто* не взяться за ту правду, до которой дострадалось человѣчество и которая виднѣется изъ-за этой лжи? Хотимъ-ли мы, чтобы такіе-же порядки развивались въ массѣ нашего освобожденнаго народа?

Хотимъ-ли мы, чтобъ онъ *со свѣжимъ аппетитомъ* возлюбилъ эти порядки? Если не хотимъ, то намъ нечего боятся положить правду въ основаніе народнаго образованія, нечего бояться ввести въ школы «строгость» въ разработкѣ проявленія этой правды— дома, на улицѣ, на сходкѣ... И вотъ за эту-то науку, касающуюся строгости, то-есть высшей правды среди новыхъ, сложныхъ общественныхъ отношеній, сложившихся въ современной народной жизни, народъ нашъ и былъ-бы несомнѣнно благодаренъ школѣ и сказалъ-бы непремѣнно: «да, учатъ добру». А этого-то и нѣтъ! Есть все, кромѣ возможности говорить о высшей справедливости человѣческихъ отношеній. И вотъ въ школѣ скучно и учителю, и ученикамъ...

XII. Заключеніе.

Въ этой заключительной главѣ нашего очерка, оказавшагося, какъ мы сами хорошо сознаемъ, весьма неладно скроеннымъ и невполнѣ крѣпко сшитымъ, мы хотимъ, во-первыхъ, сказать два слова въ объясненіе этой «неладности» очерка и, во-вторыхъ, договорить то, что въ немъ не было еще договорено. Желаніе отмѣтить значеніе въ народной жизни «земли», о которой крестьянинъ вопіетъ не только съ экономической стороны, но и со стороны нравственной, т. е. показать, что земля нужна ему не только для того, чтобы быть лучше сытымъ (что тоже крайне-бы желательно), но и для того, чтобы сохранить все свое міросозерцаніе, чтобы развить и укрѣпить на основаніи его свои семейныя и общественныя отношенія, свою мысль, свое чувство и т. д.,— это желаніе было возбуждено въ насъ тѣми многочисленными мѣропріятіями, направленными къ улучшенію и устроенію народнаго благосостоянія, о которыхъ мы, благодаря газетамъ, имѣемъ цѣлые десятки извѣстій. Жадно интересуясь, въ качествѣ деревенскихъ жителей, всѣми этими извѣстіями и радуясь, что «наконецъ» «что-то» «какъ будто» «въ самомъ дѣлѣ» затѣвается хорошее, мы въ то же время, и тоже въ качествѣ деревенскихъ жителей, не можемъ не видѣть, что обиліе мѣропріятій и обиліе извѣстій не блещутъ знаніемъ народной дѣйствительности, не отдѣляютъ главное отъ третьестепеннаго или вовсе ненужнаго, разрабатываютъ вопросы несущественные, оставляя въ сторонѣ самые насущные, толкуютъ о стропилахъ, когда не выстроены еще и стѣны, строятъ печку на томъ мѣстѣ, гдѣ еще нѣтъ дома, и т. д. Съ нашей деревенской точки зрѣнія намъ кажется, что если бы прежде всего, прежде вопросовъ о народномъ пьянствѣ, самоуправленіи, «уѣздной проблемѣ», всесословной волости, былъ поставленъ на очередь и хоть *мало-мальски* удовлетворительно разрѣшенъ вопросъ земельный, то не было бы даже и надобности выдумывать такую укупорку бутылки водки, которая бы заставила пьяницу провозиться надъ этою бутылкою годъ, прежде чѣмъ получилась бы возможность добыть изъ нея одну рюмку, не было бы надобности въ выдумкахъ пятнадцати-верстныхъ разстояній одного кабака отъ другого и другихъ безплодныхъ, а иногда и смѣшныхъ, проектовъ*). Намъ кажется, что, будь разрѣшенъ только этотъ главнѣйшій, существеннѣйшій вопросъ народной жизни, вопросъ благосостоянія и нравственности, какъ немедленно же, будто свѣжимъ и сильнымъ дыханіемъ вѣтра, стало бы «относить» и отъ кабаковъ, и отъ волостныхъ судовъ, и отъ «общественныхъ» помойныхъ ямъ самоуправленія тучи того смрада, который надъ ними нависъ и который гнететъ ихъ и давитъ. Смрадъ этотъ, который не даетъ ни дышать, ни думать и который, смѣемъ увѣрить читателя, не будетъ разогнанъ никакимъ образомъ, если на него будутъ, какъ вѣеромъ, махать тѣмъ или другимъ замысловатымъ проектомъ, самъ собой исчезнетъ, какъ дымъ, разсѣется въ пространствѣ, «яко воскъ отъ лица огня» растаетъ, отъ одного только добросовѣстнаго удовлетворенія насущнѣйшей народной нужды и отъ добросовѣстнаго признанія тѣхъ послѣдствій, которыя выльются въ извѣстныя требованія и произойдутъ послѣ того, какъ *главное* будетъ удовлетворено.

Вотъ для того-то, чтобы показать, что земля»—*главное* не только по отношенію къ народному брюху, но и по отношенію къ народному духу, къ народной мысли, ко всему складу народной жизни, мы и задумали написать небольшой очеркъ, который бы касался этого значенія земли, по возможности сжато и кратко, чтобы тотчасъ же перейти къ дѣйствительности и показать, до какой степени значеніе это не принимается во вниманіе, какъ оно исковеркано неразборчивыми и ничѣмъ не отражаемыми внѣшними вліяніями. Но когда мнѣ пришлось сосредоточиться на второй половинѣ моей задачи, то есть показать значеніе земли, земледѣльческаго труда и морали, заимствованной непосредственно отъ природы (благодаря этому труду), въ области проявленій народнаго духа,— задача моя вдругъ приняла размѣры неподобающіе, огромные. Бракъ, семья, народная поэзія, судъ, общественныя заботы и т. д., и т. д.,—словомъ, всѣ стороны народной жизни оказались проникнутыми этими вліяніями и моралью труда земледѣльческаго, во всемъ оказался его слѣдъ, вездѣ стала виднѣться черта, начало которой—въ полѣ, въ лѣсу... Быть краткимъ не представлялось возможности. Быть пространнымъ не было подготовки—вотъ и пришлось говорить обо всемъ понемногу.

Говоря о многосложности возникшей предо мной задачи, я вовсе не хочу сказать этимъ, что народная жизнь и жизнь крестьянская представились мнѣ въ видѣ чего-то совершенно особеннаго отъ жизни остальнаго человѣчества, что «кресть-

---

*) Въ одномъ изъ №№ «Сельскаго Вѣстника» напечатано мнѣніе о мѣрахъ противъ пьянства, принадлежащее перу какого-то крестьянина. Этотъ мудрецъ предложилъ такую мѣру: сдѣлать кабаки безъ дверей на улицу. На улицу должно выходить крошечное окно, въ которое можно было-бы просунуть бутылку.

янство»—это каста, не имѣющая ничего общаго съ остальнымъ человѣчествомъ. Вовсе нѣтъ. Крестьянинъ – такой же человѣкъ, какъ и всѣ; но всѣ его общечеловѣческія потребности, желанія и нужды удовлетворяются своеобразно, на свой образецъ—удовлетворяются изъ извѣстнаго источника, имѣютъ извѣстный цвѣтъ, видъ и форму, и все это благодаря одной главнѣйшей чертѣ, лежащей въ основѣ его существованія, именно земледѣльческому труду Никто не ходитъ голый, всѣ носятъ платье для того, чтобы не было холодно и чтобы не было срамно, но не всѣ носятъ одинаковый костюмъ. Жизнь и трудъ крестьянина требуютъ *непремѣнно* такого костюма, который онъ носитъ; онъ *непремѣнно* будетъ пахать въ лаптяхъ или босикомъ, потому что *долженъ* это дѣлать. У него есть превосходные смазные сапоги съ бураками, но земля и трудъ на ней требуютъ, чтобъ онъ, отправляясь въ поле, разулся и надѣлъ лапти. Если чрезъ милліонъ лѣтъ уцѣлѣетъ на свѣтѣ тотъ же самый плугъ, тотъ же родъ труда, та же добыча хлѣба, то крестьянинъ того времени все-таки пойдетъ въ поле «разумши» и въ однихъ худенькихъ штанишкахъ... Съ другой стороны я также хорошо понимаю великосвѣтскаго франта, почему онъ не является въ лаптяхъ и армякѣ къ англійскому посланнику на балъ. (А вотъ чиновника, который, какъ слышно, хочетъ надѣть на себя мужицкій армякъ и пожалуй лапти, я понять не въ состояніи.) Такимъ образомъ, какъ видите, одна и та-же потребность въ одеждѣ удовлетворяется въ разныхъ формахъ, сообразно особенностямъ жизненной обстановки. Вотъ эти-то особенности въ удовлетвореніи общечеловѣческихъ потребностей крестьянина и отличаютъ его отъ остальныхъ породъ человѣческихъ (чиновникъ, купецъ, попъ, баринъ и т. д.). Всѣ они—люди, всѣ они имѣютъ однѣ и тѣ же потребности, но не одинаково ихъ удовлетворяютъ. Потребности—тѣ же, но не тѣ же формы, порядокъ и размѣры удовлетворенія.

Вотъ эти-то особенности формъ, порядка и размѣровъ удовлетворенія общечеловѣческихъ потребностей намъ и желательно выяснить въ народной средѣ съ точки зрѣнія главнѣйшей основы всего строя народной жизни, съ точки зрѣнія власти надъ крестьяниномъ земли. И дѣло оказалось въ высшей степени многосложнымъ и труднымъ. Съ точки зрѣнія «власти земли» одни только отношенія мужчинъ и женщинъ другъ къ другу въ семьѣ потребовали-бы долговременной разработки и усиленнаго труда. Чтобы показать на незначительномъ примѣрѣ, до какой степени любопытны *измѣненія* и перестановки въ удовлетвореніи однѣхъ и тѣхъ-же человѣческихъ потребностей въ средѣ крестьянской и въ средѣ не-крестьянской, приведемъ слѣдующій примѣръ. Кому не извѣстно существованіе въ средѣ столичнаго и вообще не-деревенскаго общества типа, извѣстнаго подъ именемъ «мышинаго жеребчика»? Съ другой стороны, также всѣ знаютъ, что и въ деревнѣ существовалъ, а по глухимъ мѣстамъ существуетъ и нынѣ типъ «снохача». Повидимому, эти типы весьма похожи другъ на друга. Мышиный жеребчикъ и снохачъ, во-первыхъ, оба старики и, во-вторыхъ, оба *пристаютъ* къ молодымъ женщинамъ. Оба они—развратники, дѣло видимое. Побужденія ихъ одни и тѣ-же и удовлеторяютъ ихъ они однимъ и тѣмъ-же способомъ, т. е. пристаютъ къ молодымъ дѣвушкамъ и женщинамъ. Но посмотрите на условія жизни одного и другого, и вы увидите, что въ обоихъ, повидимому, одинаковыхъ явленіяхъ *все то же*, а вмѣстѣ съ тѣмъ все *не то*. Что такое мышиный жеребчикъ, какова его біографія? Волею судебъ, мышиный жеребчикъ—человѣкъ, принадлежащій къ привилегированному сословію, человѣкъ обезпеченный. Хорошій кормъ, не трудная жизнь сдѣлала то, что онъ созрѣлъ рано и уже въ шестнадцать-семнадцать лѣтъ началъ срывать цвѣты удовольствія; по мѣрѣ того какъ онъ росъ, и цвѣты удовольствія разнообразились. Срывались они и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ и т. д. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе подвигался типъ, имѣющій преобразиться въ жеребчика къ старости, тѣмъ болѣе онъ истощался, изнашивался, превращался въ тряпку. Достигнувъ 50-ти-лѣтняго возраста, онъ—уже совершенная развалина; ему надо румяниться, носить корсетъ; ему уже ничего не остается, какъ заняться «наконецъ» дѣлами, занять «постъ», сочинять проекты объ «оздоровленіи корней», отдыхая отъ трудовъ въ грезахъ и затѣяхъ испорченной фантазіи. Онъ развратенъ, у него мысли развратныя, онъ въ самомъ дѣлѣ развратитель... Что-же такое снохачъ? Какая его біографія?—Прежде всего, въ качествѣ крестьянина, ребенка крестьянской семьи, онъ сталъ думать о *дѣлѣ* не въ пятьдесятъ лѣтъ, а въ пять, много восемь лѣтъ. Пяти лѣтъ онъ *играючи* загонялъ куръ, въ восемь лѣтъ онъ *играючи* приносилъ дровъ, за десять верстъ бѣгалъ какъ ни въ чемъ не бывало къ отцу въ поле, въ лѣсъ, а съ десяти лѣтъ уже сталъ *помогать* подержать лошадь, распречь, сбѣгать за пять верстъ въ поле «обратать» буланку. Такимъ образомъ въ то время, когда физическія силы будущаго жеребчика шли на срываніе цвѣтовъ, силы будущаго снохача шли въ трудъ, тратились въ работу—сначала въ работу *играючи*, а потомъ и въ настоящую—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Юношескій организмъ жеребчика истощался, юношескій организмъ крестьянина, напротивъ, укрѣплялся. Работа требовала только дѣятельности организма; она поглощала тѣ четыре фунта хлѣба, которые онъ сталъ съѣдать втеченіе сутокъ, когда только началъ работать въ-настоящую, а настоящимъ работникомъ онъ уже навѣрное былъ въ пятнадцать лѣтъ. Онъ росъ, а передъ нимъ только расширялся кругъ труда, кругъ заботы: въ шестнадцать лѣтъ у него заботы было уже вдвое болѣе, чѣмъ въ пятнадцать: въ восемнадцать онъ уже—ради заботы о хозяйствѣ, ради того, что кругъ работъ хозяйственныхъ расширился, что сталъ ему не подъ силу—женился, но женился не для цвѣтовъ удовольствія, а для того, чтобы пріобрѣсти бабью силу

опять тоже для труда (вотъ въ это время онъ пожалуй былъ похожъ на развратника). Дѣти еще болѣе озаботили его, легли на его плечи новымъ бременемъ, размѣры физическаго труда еще болѣе расширились, и если онъ не свалился, то потому, что организмъ его могучъ и крѣпокъ... Къ двадцати пяти годамъ у него уже *свои* дѣти, которыя тоже начинаютъ играючи загонять куръ, носить дрова, бѣгать съ поводомъ за лошадьми, и ему начинаетъ становиться легче. Ребята подростаютъ, а вмѣстѣ у родителя сокращается его трудовой день, ему ужъ есть время «покалякать» на улицѣ, а года два тому назадъ ему калякать не было времени. У него ростутъ свои работники — и съ каждымъ днемъ ему легче и легче. Устоявшій въ борьбѣ съ такимъ многосложнымъ трудомъ, какъ земледѣліе, организмъ его *начинаетъ жить на себя*. Изъ четырехъ фунтовъ хлѣба, которые ѣстъ крестьянинъ, не все уже тратится въ трудъ, а остается и на себя, на свое удовольствіе и благополучіе. Къ тридцати годамъ будущій мышиный жеребчикъ уже все испыталъ, уже истощенъ, уже скучаетъ, тогда какъ крестьянинъ, отбившись отъ тяжкихъ трудовъ, развивъ и укрѣпивъ свой организмъ, только-только начинаетъ входить въ силу и чѣмъ дальше отъ тридцати лѣтъ, тѣмъ больше у него досуга, тѣмъ меньше труда и тѣмъ больше возможности мужать, расцвѣтать, жить. Мышиный жеребчикъ чѣмъ ближе къ старости, тѣмъ слабѣй и серьезнѣй (о дѣлахъ думаетъ, объ оздоровленіи корней), крестьянинъ-же чѣмъ ближе къ тѣмъ годамъ, которые для жеребчика уже старость, тѣмъ ближе къ расцвѣту; какъ дубъ, чѣмъ старѣе, тѣмъ крѣпче и развѣсистѣй, такъ и крестьянинъ, одолѣвшій тридцатилѣтнюю трудовую борьбу и тяготу, тѣмъ веселѣй, юнѣй, здоровѣй, разговорчивѣй, чѣмъ тяготы этой меньше, чѣмъ больше досугу, сна и т. д. Такимъ образомъ къ пятидесяти годамъ крестьянинъ, съумѣвшій выйти здоровымъ и невредимымъ изъ-подъ гнета непрестаннаго труда, непрестанной заботы, непрестаннаго обремененія мысли разсчетомъ, оказывается не только не сморчкомъ, какъ мышиный жеребчикъ, а человѣкомъ вполнѣ цвѣтущимъ, сильнымъ, крѣпкимъ, какъ дубъ, а главное — при этихъ-то условіяхъ получаетъ, благодаря подростающему поколѣнію своихъ дѣтей, возможность жить *на себя* и для себя, *а не для труда и хозяйства*. Параллель между мышинымъ жеребчикомъ и снохачемъ будетъ такимъ образомъ слѣдующая: человѣкъ, имѣющій быть мышинымъ жеребчикомъ, начинаетъ влюбляться и срывать цвѣты удовольствія съ самыхъ раннихъ лѣтъ, постепенно дряхлѣетъ и, утрачивая способность любить, съуживаетъ свои помыслы относительно женщинъ до самыхъ мелкихъ побужденій чувственности. Крестьянинъ, имѣющій быть снохачомъ, напротивъ, съ самымъ узкимъ своекорыстіемъ сходился съ женщиною въ юности, сходился ради тоже удовольствія облегчить свой трудъ и также большею частью безъ любви; ежедневный трудъ, послѣ котораго онъ спалъ какъ зарѣзанный, который потреблялъ огромную массу его силъ и иногда (какъ мы увидимъ ниже) прямо требовалъ въ хозяйственныхъ цѣляхъ воздержанія и цѣломудрія, и вмѣстѣ съ тѣмъ —тѣ-же требованія того-же воздержанія со стороны, такъ-сказать, церковныхъ порядковъ (что мы тоже увидимъ ниже), — требованія, весьма часто совпадающія съ требованіями успѣшности труда,—все это не давало человѣку тратиться, истощаться и изнашивать чувство, но, напротивъ, какъ-бы замораживало. оставляло его неприкосновеннымъ вплоть до минуты облегченія труда, отдыха и процвѣтанія... Своекорыстный разсчетъ по отношенію къ женщинѣ— участь жеребчиковъ въ старости — пережитъ крестьяниномъ въ юности.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ сходился съ женой не по любви, а ради личнаго удобства. Въ настоящее время въ деревняхъ, какъ вѣроятно извѣстно читателю, распространенъ обычай выходить замужъ и брать женъ уходомъ. Часа въ два зимней, молчаливой ночи по селу или деревнѣ несутся саночки, а въ нихъ мужчина и женщина. Если вы спросите, что это такое, вамъ отвѣтятъ: «Парень дѣвушку увезъ съ посидѣлокъ». Лошадь онъ добылъ самую лучшую, промчался стрѣлой... Но не всегда въ такихъ романтическихъ приключеніяхъ главную роль играетъ искренняя любовь мужчины. Во-первыхъ, большинство свадебъ «уходомъ» или «увозомъ» совершается для того, чтобъ избѣжать свадебныхъ расходовъ, которые, по малой мѣрѣ, обошлись-бы рублей въ 60. Родители обыкновенно знаютъ, когда и съ кѣмъ уѣдетъ ихъ дочь, знаютъ это и женихъ, и невѣста, и родители жениха. Дѣлается это для того, чтобы дать родителямъ право (и то только для формы) сказать: «коли ушла безъ спроса, такъ и нѣтъ тебѣ ничего». Но кромѣ этого и женихъ большею частью не безкорыстенъ — беретъ онъ жену *безъ приданаго* не всегда исключительно по любви, а частенько и изъ разсчета. «Помилуйте, говорилъ мнѣ одинъ изъ такихъ молодыхъ супруговъ, посылалъ-посылалъ изъ Петербурга отцу деньги, а теперича пріѣхалъ, ни зерна въ домѣ нѣтъ — все пропилъ. Думаю, Богъ съ вами совсѣмъ, хоть вы и родители... Взялъ жену, *по крайности будетъ кому деньги беречь*. Пошлешь — ужъ, надѣюсь, не размотаетъ... Все свой человѣкъ...» Вотъ очень частенько изъ такихъ-то побужденій и совершаются браки крестьянами въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Изъ десяти браковъ прошлой зимы никакъ не менѣе половины сдѣланы именно во имя самаго сухого разсчета. Парень женится, «*привяжетъ къ себѣ*» жену, поживетъ недѣлю—и въ Петербургъ. Ѣдетъ въ спокойномъ состояніи духа: «привязалъ»—и «будетъ кому деньги посылать...» До Святой онъ ужъ не будетъ дома, потому—«постъ», «мы чтимъ законъ» и т. д., а послѣ Святой опять уйдетъ до осени, потому — «дачи начинаются», «торгуемъ по дачамъ: зелень, фрукты... да и женѣ много работы въ полѣ, въ огородѣ... Не до этого, помилуйте!..» Осенью придетъ, принесетъ деньги, опять недѣльку поживетъ.—и опять постъ, опять невозможно: «законъ», надо въ Пи-

теръ, «зима, торговля...», «ужъ опять стало быть до мясоѣда...»

Итакъ, «одно и то-же» въ жизни будущаго жеребчика и снохача расположено и пережито не такъ и не въ одинаковомъ порядкѣ. У одного расцвѣтъ по части цвѣтовъ удовольствія въ юности, у другого—въ старости; одинъ, приближаясь къ старости, тощаетъ, изнашивается; другой въ эти-же годы только-что входитъ во вкусъ жизни, а истощался онъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. У одного чувство мертвѣетъ и сохнетъ по мѣрѣ одряхлѣнія, у другого оно сохло и черствѣло, даже прямо находилось въ замерзшемъ состояніи въ ранней юности. Въ такой разницѣ вы не можете не видѣть вліянія труда, въ условіяхъ котораго живетъ крестьянинъ. Почему-же это пробудившееся чувство не обращается на жену, а на постороннее лицо?—Да потому, что жена, какъ и всякая деревенская женщина, ужъ старуха къ этому времени. Она была взята какъ работница, она рожала, няньчила, варила, стряпала. Женскій трудъ въ крестьянской семьѣ и хозяйствѣ ужасенъ, по-истинѣ ужасенъ. Глубокаго уваженія достойна всякая крестьянская женщина, потому что эпитетъ «мученица», право, не преувеличеніе по отношенію почти ко всякой крестьянской женщинѣ. Есть бабы глупыя и бабы умныя, но добрыхъ и мученицъ несравненно болѣе.

Снохачъ скверенъ тѣмъ, что жертвы для своего баловства выбираетъ тутъ-же, въ своей семьѣ. Но это происходитъ потому, что, во-первыхъ, бабы эти—*свои* (экономія) и, во-вторыхъ, потому, что и другимъ обывателямъ также нужны *свои бабы* и что дѣвушки нужны парнямъ для работы, а вовсе не для потѣхи стариковъ. Старики поэтому соединили во-едино и рабочую силу женщины, и потѣху. Экономія тоже!.. Въ настоящее время, когда земледѣльческіе порядки болѣе или менѣе разстроены, когда иной разъ парню нельзя жениться потому, что и одному «не съ чѣмъ взяться» и «не у чего быть», стало много холостыхъ мужчинъ и женщинъ. Крѣпкимъ старикамъ, расцвѣтающимъ годамъ къ 50-ти, всегда можно поэтому найти дѣвушку, которую «не возьмутъ», за которой не погонятся (въ былое время и баринъ-бы изъ разсчета продалъ куда-нибудь дѣвку или-же изъ того-же разсчета прикупилъ-бы гдѣ-нибудь дешеваго мужчину и женилъ его на лишней безпріютной дѣвкѣ, пріобрѣтя себѣ такимъ образомъ новое тягло и плательщика). Вотъ почему теперь встрѣчаются очень часто такія влюбленныя пары. Старикъ живетъ съ молодой дѣвушкой, какой-нибудь сиротой. Незачѣмъ ему теперь быть снохачомъ. Теперь онъ можетъ дѣлать это открыто.

Недавно жена одного изъ такихъ влюбленныхъ стариковъ, какъ дубъ расцвѣтшихъ годамъ къ пятидесяти, пригласила колдуна съ тѣмъ, чтобы онъ отворожилъ ея мужа отъ его возлюбленной. Колдунъ взялся сдѣлать дѣло за пять рублей, но прежде всего пожелалъ видѣть эту возлюбленную. Сдѣлано было такъ, что эта дѣвушка, не зная, что на нее смотрятъ, должна была пройти съ подругами мимо того дома, гдѣ сидѣли колдунъ и жена влюбленнаго старика. Дѣвушка прошла мимо, колдунъ поглядѣлъ на нее, увидѣлъ, что она въ самомъ дѣлѣ красива, подумалъ и сказалъ:

— Нѣтъ, сударушка, не могу я тебѣ службы сослужить!.. Нѣтъ, не могу отворожить!

— А ужъ мнѣ тебя хвалили-хвалили! обиженно сказала обиженная жена. — Стало-быть только языкомъ болтать умѣешь!..

Чтобы сохранить за собой авторитетъ и репутацію колдуна и не обидѣть несчастной женщины, сказавъ ей прямо, что соперница ея приворожила къ себѣ мужа красотой, опытный и хитрый мужикъ не обидѣлся словами своей заказчицы, а подумалъ и, покачавъ головой, сказалъ со вздохомъ:

— Не могу, не могу, сударыня. Вѣдь это *я самъ* твоего мужа-то и привораживалъ къ ней! Вотъ бѣда-то! Вѣдь она (любовница) пришла ко мнѣ, назвалась его женой—«приворожи», говоритъ. Я съ дуру-то и присмолилъ его къ этой псовкѣ навѣки вѣковъ. Теперича не то что пять рублей, а давай ты мнѣ милліонъ, такъ и то я отодрать его не въ силахъ — вотъ вѣдь какая оказія-то!

Возвращаясь къ рѣчи о томъ, какъ многосложна работа изученія семейныхъ порядковъ крестьянскаго дома, я долженъ повторить уже сказанное выше, что порядки эти, находясь въ зависимости отъ требованій и вліяній земледѣльческаго труда, осложнены еще требованіями и вліяніями церковными, которыхъ я никакъ не смѣшиваю съ вліяніями «народной интеллигенціи» (о ней говорю выше), наиболѣе всего олицетворяющейся типами также съ религіознымъ оттѣнкомъ. Церковныя требованія и церковныя вліянія также, какъ мнѣ кажется, весьма много значатъ въ крестьянской жизни, даже въ отношеніи правильности обихода; мясоѣды, посты иногда *какъ-будто* (утвердительно я не могу говорить, потому что не знаю навѣрное и мало объ этомъ думалъ) *подходятъ* къ условіямъ земледѣльческаго труда и какъ-будто *помогаютъ* тому, чтобы человѣкъ *не вредилъ труду*. Повторяю, я ничего не могу сказать на этотъ счетъ обстоятельнаго, но знаю, что напримѣръ обиліе свадебъ въ такъ называемый рождественскій мясоѣдъ, т. е. между Рождествомъ и масляной, *не вредитъ* земледѣльческимъ работамъ, потому что бабы будутъ рожать осенью, послѣ работъ... Кажется, что огромный «великій постъ», какъ-будто нарочно поставленный передъ весенними мѣсяцами и отодвигающій свадьбы къ апрѣлю и маю, также не вредитъ работамъ: бабы опять будутъ рожать зимой. Наконецъ посты осенніе, тоже довольно длинные, и притомъ поставленные въ такое время, когда народъ отработался и когда онъ можетъ жить «на себя», тоже какъ будто не лишніе въ цѣляхъ хозяйственныхъ... Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ: положимъ, бракъ состоялся въ рождественскій мясоѣдъ, ребенокъ родился осенью, послѣ уборки хлѣба, когда крестьянину можно-бы и отдохнуть, но тутъ, во-первыхъ, баба поправляется и, во-вторыхъ, одинъ за другимъ два поста—успенскій

и рождественскій, такъ что опять — «до рождественскаго мясоѣда», и стало быть опять баба свободна въ рабочую пору. Конечно, въ нынѣшнее время, говоря языкомъ стариковъ, — «воля»; но что напримѣръ посты вліяютъ на семейныя отношенія, это, судя по разговорамъ тѣхъ-же стариковъ, не подлежитъ сомнѣнію. Я помню, какъ одинъ наблюдательный старикъ критиковалъ недостатки приходскаго священника.

— Тоже іерей! иронически говорилъ онъ. — Поглядѣть на него — святъ! Выйдетъ съ проповѣдью—сладкогласъ, больше ничего. А на мѣсто того оказалось, что на словахъ-то онъ хоть и апостолъ, а на дѣлѣ-то кобель пестрый.

— Какъ-же оказалось?

— А такъ. Пошли на Крещенье воду святить, гляжу я, что мой батя не въ себѣ? Рветъ и мечетъ, комкаетъ, бормочетъ, спѣшитъ сломя голову. Кое-какъ свертѣлъ молебенъ, бѣгомъ домой. Что, молъ, такое у него? Анъ, оказывается, жена рожала, стало-быть въ самое Крещенье... Ну, какъ узналъ я это, тутъ я и подумалъ: нечего сказать, похожъ на апостола. Да такихъ дѣловъ даже и мужикъ пьяный себѣ не дозволитъ... Родила въ Крещенье... Есть-ли тутъ совѣсть въ человѣкѣ?

Ровно ничего не понимая, я съ изумленіемъ спросилъ:

— Да что-жъ тутъ такого? Какъ-же не родить?.. Что за бѣда?

— А вотъ какая бѣда: ежели на Крещенье кончился девятый мѣсяцъ, такъ сочти-ко-сь на пальцахъ, когда первый-то былъ? Считай-ко назадъ девять-то мѣсяцевъ. Анъ и окажется — апрѣль! А въ апрѣлѣ-то что?— Постъ Великій!.. Ну гдѣ-жъ тутъ совѣсть? Да, окромя того, какъ разобрали наши бабы это дѣло, какъ подвели число подъ число, день ко дню—хвать, и вышло чистый четвергъ! А считаются учители!.. Выйдетъ съ проповѣдью — и то, и другое, абіе, абіе, думаешь, не вѣсть что... А тутъ вотъ какъ!... Я ужъ тогда, признаться, сдѣлалъ ему вопросикъ. Встрѣтился, поздравилъ съ новорожденнымъ, да и говорю: «Что, молъ, отче, никакъ у васъ съ матушкой по календарю ошибочка вышла?»... Понялъ, ускользнулъ отъ меня въ калитку, яко дымъ... Да и матушкѣ тоже я упомянулъ. Сгорѣла со стыда!... Вотъ они какіе законники! «Братіе, абіе», а на дѣлѣ-то и вышло абіе — бабіе!...

Извиняюсь предъ читателями въ несовсѣмъ скромномъ содержаніи приведеннаго разговора. Привести мнѣ его было необходимо въ виду того, что онъ очень «подходитъ къ вопросу, о которомъ идетъ рѣчь. Насколько церковныя вліянія совпадаютъ съ вліяніями хозяйственными и земледѣльческими въ условіяхъ, регулирующихъ семейныя отношенія крестьянина, я не могу сказать положительно, такъ какъ не имѣю нужныхъ свѣдѣній. Я знаю только одно, что какое-то вліяніе церковные порядки имѣютъ на семью, и не могу не догадываться, что иногда вліянія эти могутъ совпадать съ вліяніями на тѣ-же семейныя отношенія условій труда. Что-же касается собственно этихъ послѣднихъ земледѣльческихъ вліяній и требованій, то они также *несомнѣнны*, но также требуютъ разработки. Существованіе въ крестьянскомъ быту желанія сохранить женщину для возможно большаго количества рабочихъ дней— желанія, чтобы «баба» въ трудную рабочую пору «страды» была здорова, не лежала въ родахъ и не была брюхата — несомнѣнно. Такъ-называемыя женскія болѣзни терзаютъ огромное большинство деревенскихъ женщинъ. Кому раньше стала извѣстна «спорынья»—докторамъ или деревенскимъ женщинамъ — я не знаю, но знаю, что она играетъ въ жизни огромнаго большинства крестьянокъ весьма значительную роль. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось написать разсказъ, гдѣ есть черты, касающіяся тѣхъ сторонъ крестьянской жизни, о которыхъ мы теперь говоримъ. Позволю себѣ привести его здѣсь, какъ *отдѣльную вставку*: а такъ какъ въ разсказѣ этомъ, помимо тѣхъ чертъ, которыя непосредственно касаются обсуждаемаго нами вопроса, есть множество другихъ чертъ, вовсе не касающихся даннаго вопроса, то мы и помѣстимъ его, какъ совершенно самостоятельный отрывокъ.

(*Изъ записной книжки.*)

...Всякій разъ, когда мнѣ приходится встрѣчаться и говорить съ крестьяниномъ Гаврилой Волковымъ, мнѣ почему-то непремѣнно приходитъ въ голову такая мысль: «Не дай Богъ дожить до того времени, когда этотъ Гаврила дастъ волю той скрытой покуда въ душѣ его злости и недовольству, которыя теперь выражаются только въ сухомъ, постоянно жестокомъ выраженіи глазъ и губъ и въ тонѣ его голоса. Дай онъ волю тому, что у него скрыто въ глубинѣ души,— и это скрытое немедленно олицетворится въ видѣ могучаго, ожесточеннаго и безпощаднаго верзилы съ огромной дубиной, поднятой надо всѣмъ свѣтомъ, безъ разбора». Человѣкъ этотъ, могучій физически, несомнѣнно надѣленъ сильной умственной энергіей; но то переходное время, которое мы переживаемъ, благодаря тому, что переживаніе это тянется неумѣренно долго, и тому, что, несмотря на неумѣренную длинноту, оно, какъ на грѣхъ, не дало никакой солидной пищи общественному уму, такъ какъ именно умственная-то жизнь за весь этотъ томительный періодъ времени всего болѣе встрѣчала неожиданностей, неожиданныхъ препятствій въ своемъ развитіи — благодаря этому, умъ Гаврилы только разстроенъ, расшатанъ: разлакомленъ надеждами, слухами и разочарованъ въ нихъ другими, противоположными этимъ надеждамъ и слухамъ явленіями и тоже слухами. «Деньги» — вотъ *самое вѣрное* среди продолжительнѣйшей сумятицы и толкучки противорѣчивыхъ, а главное — почти всегда неопредѣленныхъ явленій жизни, которыя эта жизнь давала ему. Ему теперь около сорока лѣтъ. Въ ранней юности онъ жилъ при крѣпостныхъ

порядкахъ, но уже носился слухъ, что ихъ не будетъ... Слухи росли, росли и ожиданія... Слабѣла напряженность въ трудѣ и убѣжденіе въ ея необходимости: вѣдь все это кончится, будетъ новое, разумѣется, лучшее... Кончилось... Баринъ заложилъ имѣніе въ банкъ и уѣхалъ. Очевидно, кончается прошлое. Барскій домъ стоитъ пустой. А трудъ сталъ тяжелѣе прежняго, земли меньше, расходовъ больше. Понадобился посторонній заработокъ. Въ домѣ при жизни крутого отца-хозяина между тѣмъ шелъ старый порядокъ, царилъ деспотизмъ отца. Отецъ отбиралъ деньги, зарабатываемыя братьями. Одинъ зарабатывалъ больше, а другой—меньше, зарабатывали на разномъ, а жили подъ властью отца равно; это тоже какъ будто хуже прежняго — прежде работали одно... Не оказывалось толку отъ того, что баринъ уѣхалъ и домъ его запустѣлъ; не оказывалось толку и отъ усиленныхъ трудовъ на сторонѣ—ихъ поѣдали другіе; ненужнымъ оказывался отцовскій деспотизмъ во имя того, чтобы держать крестьянство. Богатѣть «отъ крестьянства» вышло изъ моды —стало входить въ моду богатство отъ обороту», отъ денегъ... Это богатство, богатство кулацкое. можетъ не сѣять, не жать, а оборачиваться капиталомъ и жить припѣваючи. Это — новый типъ достатка. И вотъ у Гаврилы новый червь точитъ душу: у него столько семья переѣла заработковъ, что онъ, ежели бы пускалъ ихъ въ оборотъ, давно-бы былъ такой же почетный членъ деревни и жилъ-бы въ такомъ-же достаткѣ, какъ и вотъ этотъ Черемухинъ, который началъ обороты съ мѣднаго алтына. А семейный деспотизмъ давитъ, и все безъ толку: съ крестьянствомъ, съ овсомъ и сѣномъ, съ пашней не угнаться за Черемухинымъ, а семейный деспотизмъ не уменьшается, а растетъ, потому что растутъ платежи, растетъ количество требующихся денегъ, растетъ необходимость труда, чтобы не растратиться, иначе Черемухинъ слопаетъ... Все, что ни переживалъ Гаврила, все *только раздражало*: ждали воли, думали будетъ лучше, а стало хуже, труднѣй .. По-настоящему, отецъ долженъ-бы былъ его отпустить, дать ему жить своимъ умомъ, на свой заработокъ, а онъ не только не пускаетъ, но гнететъ все сильнѣй и сильнѣй—боится разстройства. Несмотря на усиленные труды, разстройство это въ то же время оказывается возможнымъ каждую минуту. Околѣй лошадь—надо кланяться Черемухину, а тотъ въ руки заберетъ, опять худо. А вотъ Черемухинъ и въ руки можетъ забрать, и гнета надъ нимъ нѣтъ, и труда адскаго нѣтъ, и нужды не знаетъ. Чтó это такое? Гдѣ источникъ этой почему-то безплодно-трудной жизни, нисколько не увеличивающей ни благосостоянія, ни свободы?... Иногда Гаврила и другіе его братья каждый по одиночкѣ пробовали-было протестовать противъ отцовскаго деспотизма, но оказывалось, что деспотизмъ этотъ силенъ и можно за него сыновей драть. Зло накапливалось на душѣ Гаврилы: зло на отца, на трудъ, на платежи, на Черемухина, зависть къ легкой наживѣ, гнѣвъ на малоземелье, на всевозможные хозяйственные платежи... Работай, плати, а ни себѣ, ни всему дому толку не видно. Одно только понялъ Гаврила хорошо и ясно, это то, что *деньги*—и выходъ, и рѣшеніе вопроса о всѣхъ затрудненіяхъ. И стало-быть только-бы ихъ добиться... Съ деньгами можно никого знать не хотѣть, купить, выкупить, продать и опять купить.

Наконецъ умеръ деспотъ-родитель. Гаврила немедленно отдѣлился съ семьей. Надежда на земледѣльческій трудъ у него была потеряна и подорвана, а приходилось именно жить этимъ трудомъ и притомъ ужъ одному, т. е. опуститься подъ гнетомъ страшнаго труда, и зачѣмъ?—чтобы только перебиваться со дня на день... А Гаврила привыкъ знать, что онъ принадлежитъ къ богатой семьѣ. Онъ выросъ въ семьѣ, которая когда-то богатѣла только трудомъ рукъ своихъ, считалась богачами между тружениками, а теперь богачами стали Черемухины, а онъ изъ богачей попалъ въ нищіе — круглый годъ въ грязи, въ нуждѣ, въ работѣ безъ отдыха, безъ толку и безъ конца...

Жажда «выбраться», «выбиться» сосредоточила всѣ его помыслы и помыслы его жены, тоже энергической, суровой женщины, на деньгахъ. Всякими способами добывать деньги, а тамъ будетъ видно... Всякое «шаромыжничество» было для Гаврилы только способомъ. Вотъ Черемухинъ прессуетъ сѣно и везетъ въ Питеръ, наживаетъ деньги. Разсказываютъ, что тамъ въ тюкахъ и гнилое идетъ за хорошее — гдѣ тамъ видѣть, чтó внутри тюка,—и Гаврила сейчасъ же перенимаетъ, платитъ за прессовку и начинаетъ эксплуатировать именно «гнилье». Онъ разыскиваетъ мѣста, успѣваетъ привезти два-три воза хорошихъ, потомъ вдругъ сбываетъ массу гнилья и исчезаетъ... Такія вещи онъ успѣшно повторяетъ съ двумя-тремя разными лицами и въ разныхъ мѣстахъ Петербурга... Вотъ у него и деньжонки есть, маленькія, «чуть чуть». Но вдругъ его накрываютъ съ этимъ сѣномъ въ Петербургѣ, волокутъ въ часть, составляютъ протоколъ, мызгаютъ по судамъ. Онъ вретъ, лжетъ; но все-таки сидитъ въ темной, остается безъ сѣна и безъ денегъ. Мошенничество не только не увѣнчалось успѣхомъ, но пошло прахомъ. Между тѣмъ онъ знаетъ и по опыту другихъ, и по личному опыту, что оно увѣнчивается иногда успѣхомъ. Разозленный неудачей, онъ, съ энергіей усиленнаго ожесточенія за обиду и пропажу денегъ, вновь принимается за измышленія и тоже шаромыжничаетъ. Онъ пристально слушаетъ, за что даютъ деньги, какъ ихъ добываютъ... Петербургскія событія вносятъ въ народную массу множество неясныхъ и раздражающихъ слуховъ... Вотъ однажды идетъ Гаврила по казенному лѣсу съ ружьемъ, а въ телѣжкѣ утка валяется убитая. Моментально все, что было неяснаго и злобнаго въ душѣ и головѣ Гаврилы, сосредоточилось въ звѣрскомъ желаніи «поймать барина и представить»... «Вѣдь это —господа все...

Награда... Въ казенномъ лѣсу... За начальство... Отлично—награда». И Гаврила, не смотря на то, что онъ былъ такой же посторонній казенному интересу человѣкъ, какъ и тотъ баринъ, который ему встрѣтился, напалъ на него, какъ разбойникъ, отнялъ ружье, утку, забрался на козлы и, взявъ возжи въ свои руки, примчалъ его въ деревню... «Безъ билета, въ казенномъ лѣсу! Просвидѣтельствуйте! Барина поймалъ!» оралъ онъ на всю деревню, съ явнымъ желаніемъ надѣлать шуму и сраму... Баринъ бросилъ все и уѣхалъ. А Гаврила, вмѣстѣ съ другимъ мужикомъ, караульщикомъ казеннаго лѣса, помчался въ лѣсную контору. Онъ гнать лошадь не жалѣлъ, торговался съ лѣсникомъ насчетъ награды, но пуще всего былъ чему-то радъ—радъ тому, что «схватилъ», «отнялъ», «приставилъ». Скоро оба они предстали предъ лѣсничимъ, который, выслушавъ восторженное донесеніе Гаврилы, сказалъ: «Я посовѣтую барину, чтобъ онъ предалъ тебя, дурака, за самоуправство уголовному суду—вонъ, разбойникъ!» А лѣснику сказалъ: «Лови мужиковъ, когда они лѣсъ воруютъ, а не господъ, когда они утокъ стрѣляютъ. Мужиковъ, по крайней мѣрѣ, сѣчь можно, а что я возьму за утку? Что-жь я изъ-за утки-то врага что-ль буду наживать?.. Дуракъ!» Гаврилу точно притянули къ суду, но баринъ помиловалъ его, и онъ еще кланялся барину, прося прощенія, тогда какъ внутри его клокотала злость и на барина, и на начальство, и на свою глупость. «Нѣтъ—рѣшилъ онъ ужъ давно въ глубинѣ души своей—грабить надо, больше ничего»... И эта жадность, алчность къ овладѣнію чѣмъ-то... чужимъ разумѣется, а главнымъ образомъ—деньгами, стали рости въ немъ съ удивительною быстротою и упорствомъ. А рядомъ съ этими побужденіями алчности, какъ это ни странно покажется читателю, въ Гаврилѣ и въ его женѣ, которая понимала мужа съ одного взгляда, сталъ въ той-же мѣрѣ развиваться какой-то аскетизмъ скупости... Копѣйки не тратилось на чай и сахаръ, ни одной папироски не выкурилъ Гаврила, ни одной рюмки вина не выпилъ съ тѣхъ поръ, какъ вырвался онъ изъ дому и отдѣлился. Ни съ кѣмъ и ни одного слова Гаврила не скажетъ безъ того, чтобы не разсчитывать на какую-нибудь выгоду. Если онъ зашелъ къ вамъ, то ужъ *такъ или иначе*, будьте увѣрены, онъ *заставитъ* васъ дать ему денегъ. Именно *заставитъ* васъ покориться тому, что онъ васъ непремѣнно надуетъ. Онъ не просидитъ лишней секунды безъ толку; въ случаѣ крайней неудачи, онъ выпьетъ три самовара, просидитъ пять часовъ молча и ужъ непремѣнно что-нибудь тѣмъ или другимъ образомъ получитъ или добьется чего-нибудь отъ своего посѣщенія. Безъ дѣла онъ васъ не знаетъ и даже не узнаетъ. Глядя на это злое лицо, на эти жесткіе глаза, при которыхъ потуги улыбнуться «по крестьянски» только трогали васъ больше, чѣмъ это лицо и глаза, чуешь, что какая-то недобрая сила гнѣздится въ этой душѣ, и кажется, что темная ночь, глухой безлюдный переулокъ, пьяный сѣдокъ съ деньгами и ударъ шкворнемъ по головѣ—не разъ мелькали въ этой энергической и темной головѣ, какъ дѣло «настоящее» и какъ рѣшеніе вопроса. Питая въ себѣ такіе идеи и планы, Гаврила все-таки принужденъ заниматься «крестьянствомъ»; работаетъ онъ шибко, хотя и мрачно. Маленькихъ дѣтей у него трое.

Таковъ Гаврила теперь, въ настоящую минуту, когда онъ уже прошелъ огонь, воду, мѣдныя трубы и «чугунные повороты» всевозможныхъ разстройствъ труда и духа, которыя сдѣлали и въ деревнѣ моднымъ хищническое направленіе жизни и мысли. Въ то-же время, къ которому относится нашъ разсказъ, Гаврила еще не увѣровалъ такъ безповоротно въ высокое значеніе проходимства, а только чуялъ, что оно—главное; самъ же скрѣпился на жадности, на разсчетѣ, на скупости. Каждый кусокъ сахару, каждая охапка сѣна, каждое полѣно, щепка—все употреблялось съ аптекарскою точностью; онъ зналъ, что́ можетъ дать ему его трудъ и земля, зналъ впередъ на цѣлый годъ, что́ ему придется ѣсть и пить, зналъ, какъ и на что́ будутъ употреблены деньги, полученныя имъ за телку, которая еще не появлялась на свѣтъ, даже не думала появляться...

Вотъ въ такую-то минуту, «разсчитавъ» всѣ свои средства, однажды послѣ уборки хлѣба, Гаврила увидѣлъ, что къ будущей веснѣ ему «нехватитъ» столько-то и столько-то и что не достающее необходимо гдѣ-нибудь и какъ-нибудь выработать. Онъ рѣшился идти въ извозчики въ Петербургъ. Сначала онъ надѣялся работать просто съ своей деревенскою телѣгой, перевозить съ дачъ господъ и заработать къ зимѣ сани; Рождество, масляница, казалось ему, выручатъ его къ веснѣ. Онъ рѣшилъ ѣхать и сталъ собираться. Необходимо сказать, что уже послѣ того, какъ Гаврила съ женой отдѣлились, условія труда стали накладывать на нихъ разныя обязательства, во имя которыхъ требовалось все больше и больше, какъ мы видѣли, необходимости разсчета и скупости; вотъ въ это-то время они—и Гаврила, и его жена—*порѣшили не имѣть дѣтей* до поры, до времени. Жена Гаврилы, о которой необходимо сказать подробно, была энергическая, страстная женщина. Она была красива, статна, но послѣ раздѣла, понявъ трудность положенія и всегда съ одного взгляда понимая планы и намѣренія мужа, всю свою энергію и всю свою страстность сосредоточила на томъ-же, на чемъ сосредоточился и мужъ: выбиться, догнать и перегнать всѣхъ, кто давитъ, и стремиться повредить ближнему, закабаляя его во имя нужды. Въ виду этого, скупость и разсчетливость мужа достигли въ женѣ высшей степени развитія: онъ былъ строгъ и разсчетливъ, а она стала разсчетливѣе въ сотни разъ болѣе и въ сотни разъ скупѣе. Рѣшеніе не имѣть дѣтей изсушило ее: она стала худа, суха, молчалива—но мужъ видѣлъ, что она понимаетъ необходимость рѣшенія и относится къ нему въ милліонъ разъ разсчетливѣе, чѣмъ онъ. Между ними установились какія-то молчаливыя отношенія. Они много молчали

другъ съ другомъ, но другъ друга отлично понимали, затаивъ однѣ и тѣ-же мысли.

Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ Гаврила, несмотря на свою сухость душевную, почувствовалъ, что ему «жалко» оставлять семью, жену... Наканунѣ дня отъѣзда (онъ собрался выѣзжать ночью) онъ такъ «соскучился», что, лежа на полатяхъ, не выдержалъ тоскливаго чувства и робко шепнулъ женѣ, хлопотавшей подъ полатями съ ребятами и другой мелкой домашней работой: «Авдотья, подька сюда!»... Но Авдотья, хоть и слышала эти слова, не показала вида; она только громче застучала какой-то посудой, громче заговорила съ ребятами, громко хлопнула дверью, выходя въ сѣни, и долго не возвращалась. Воротившись, она легла спать съ дѣтьми, не давъ мужу никакого отвѣта, и притворилась, что крѣпко заснула. Да и мужъ успѣлъ уже «очувствоваться» и не повторилъ приглашенія. Онъ уже успѣлъ «высчитать», что чувственность его могла-бы сильно повредить разсчетамъ. Во-первыхъ, получился-бы лишній ротъ, который отнялъ-бы Авдотью отъ работы, и когда?.. И это онъ высчиталъ: оказалось — въ сѣнокосъ...

Въ два часа ночи Гаврила всталъ, запрегъ лошадь и сказалъ женѣ: «Ну такъ, значитъ, отписывай, коли что...» Жена отвѣтила: «Ладно... Отписывай, все-ли благополучно». Заперла ворота и принялась за дѣло.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Гаврила неожиданно узналъ, что ему незачѣмъ вырабатывать городского экипажа, что такіе экипажи отдаются хозяевами извозчичьихъ дворовъ на прокатъ, отъ 50 коп. до 1 р. въ день, и что онъ слѣдовательно можетъ сейчасъ-же сдѣлаться самымъ настоящимъ извозчикомъ. Деревенская лошадь и костюмъ извозчичій, который онъ могъ, сообразно со средствами, пріобрѣсти только самый плохой, обязывали его быть ночнымъ извозчикомъ, а не дневнымъ. Это обстоятельство познакомило его съ свойствами пьяной, темной петербургской ночи и, какъ кажется, положило начало любви къ темнымъ ночамъ и глухимъ переулкамъ. Петербургская осенняя или зимняя ночь, этотъ конецъ дневной вытяжки, лганья и вранья,—это время «воли», которымъ пользуется втеченіе дня Петербургъ для того, чтобы люди не видали подъ покровомъ ночи, каковъ онъ «неподтянутый» и какъ много скрыто всякаго смрада въ глубинѣ этой выдержки и вытяжки,—этотъ ночной Петербургъ окончательно уронилъ въ мнѣніи Гаврилы «господъ», положивъ въ его душѣ начало наглой безцеремонности. Не разъ пьяные «господа» съ барышнями по ошибкѣ давали ему десяти-рублевую бумажку вмѣсто рублевой, и онъ привыкъ не стыдиться и не упускалъ случая попросить «еще» на водочку. Пользуясь ночною темнотой, не разъ надували и его, и онъ старался наверстывать тѣмъ-же. Въ общемъ, дѣла Гаврилы шли хорошо; онъ не ожидалъ даже такихъ барышей. И вотъ однажды везъ онъ «изъ клуба» какихъ-то двухъ сѣдоковъ, барина и барыню. Они видимо подгуляли, были веселы, кричали оба: «Извозчикъ, пошелъ, погоняй, прибавимъ!» и подъѣхали они къ какому-то подъѣзду, соскочили опрометью (кажется, это была гостинница) и ушли... Оглянулся Гаврила, а на сидѣньѣ дрожекъ муфта. Былъ октябрь въ началѣ, и холода, иногда со снѣгомъ и морозомъ, одѣвали петербургскихъ жителей въ теплыя платья. Не долго думая, Гаврила припряталъ мягкую муфту за пазуху и погналъ лошадь отъ подъѣзда. Возвратившись на квартиру часу въ пятомъ утра и распрягая лошадь, онъ при свѣтѣ фонаря вытащилъ изъ-за пазухи находку и сталъ ее разсматривать: муфта оказалась новенькая и должно быть дорогая—такихъ мѣховъ Гаврила не видывалъ. Но кромѣ самой муфты внутри ея нашлось маленькое портмоне, которое Гаврила едва могъ открыть, употребляя на это почти лошадиную силу, и въ которомъ оказалось денегъ болѣе сорока рублей. Да и портмоне-то, кажется, серебряное. Находка была, очевидно, большая, цѣнная. Но что съ ней дѣлать? Показать на квартирѣ? Скажутъ: представь въ полицію. Продать? Скажутъ: укралъ, и какъ бы совсѣмъ не отобрали. Онъ спряталъ ее подъ половицу въ сараѣ, поднявъ ее и выцарапавъ руками яму. Яму эту онъ засыпалъ снѣгомъ и, несмотря на то, что никому не пришло бы въ голову, что подъ половицей что-то есть, онъ не спалъ всю ночь. Всю ночь онъ думалъ, какъ быть, и наконецъ рѣшилъ запречь лошадь въ телѣгу, ѣхать въ деревню, отдать находку женѣ... Можетъ быть, лѣтомъ наѣдутъ господа на дачи... Да и сама баба, можетъ, что выдумаетъ. Необходимо ѣхать, потому что здѣсь, въ Петербургѣ, находка можетъ пропасть, отлучка-же не продлится болѣе трехъ сутокъ.

Выждавъ денька два, покуда убѣдился, что никто не ищетъ потеряннаго, Гаврила запрегъ лошадь въ телѣгу и уѣхалъ въ деревню, спрятавъ находку на груди... Черезъ день онъ былъ въ деревнѣ, а еще черезъ день уѣхалъ обратно въ Питеръ, но въ этотъ промежутокъ, подъ впечатлѣніемъ находки муфты, денегъ и портмоне и вообще подъ впечатлѣніемъ нѣкоторой удачи, одинаково дѣйствовавшей какъ на Гаврилу, такъ и на его жену, отношенія мужа и жены утратили нѣкоторую долю оффиціальности. «Ахъ, думалъ Гаврила въ дорогѣ, никакъ по числамъ-то не выйдетъ»... То-же думала и Авдотья... Нѣсколько разъ и мужу, и женѣ приходило въ голову, что не зачѣмъ-бы было случиться тому, что вышло противъ всякихъ разсчетовъ. И точно, разсчетъ Гаврилы оказался ошибочнымъ. Едва онъ воротился въ Петербургъ, какъ узналъ, что въ газетахъ была объявка, что приходилъ городовой и разспрашивалъ, «не находилъ-ли кто» такихъ-то и такихъ-то вещей. Неожиданный отъѣздъ его въ деревню былъ принятъ во вниманіе, во-первыхъ, товарищами по промыслу, которые и стали толковать о находкѣ и подозрѣвать Гаврилу. Городовой опять пришелъ. сталъ выспрашивать Гаврилу и такъ настойчиво, что Гаврила струхнулъ. Попробовалъ было онъ отдѣлаться безъ взятки—городовой потащилъ его въ кварталъ для допроса; попробовалъ-было онъ отдѣлаться двугривеннымъ—городовой пять разъ

къ ряду оштрафовалъ его за всевозможныя нарушенія порядка: за то, что сталъ у панели, не сидѣлъ на козлахъ, за то, что шелъ посреди улицы рядомъ съ дрожками. Пришлось дать сразу синюю ассигнацію, чтобы, ути.юмирить малое начальство. Не въ руку Гаврилѣ пошли святки и масляница. На сияткахъ цѣна за прокатъ саней поднялась втрое, поднялись въ цѣнѣ овесъ и сѣно. Народу изъ деревень понаѣхало множество и выручка была плохая. Пьяные отнимали множество времени на хлопоты: возитъ, возитъ Гаврила иного по переулкамъ, а тотъ только мычитъ, а ничего не говоритъ, привезетъ въ кварталъ и уѣдетъ безъ денегъ. На масляной наѣхали тысячи чухонцевъ и сразу уронили цѣну до ничтожныхъ размѣровъ; пришлось гонять лошадь до упаду. Не посчастливилось и съ погодой: утромъ снѣгъ, а ночью поѣзжай на дрожкахъ, плати вдвое — и за сани, и за дрожки... Въ концѣ-концовъ, когда Гаврила возвратился въ деревню (великимъ постомъ), выручка его вмѣстѣ съ находкой только-только оправдывала тѣ разсчеты и надежды, которые онъ имѣлъ въ виду, отправляясь на заработокъ. А Авдотья была ужъ беременна и, какъ видите, это обстоятельство являлось теперь неподходящимъ ни къ какимъ разсчетамъ. Родить она должна въ іюнѣ, въ самую рабочую пору: надо ходить за ребенкомъ, надо поправляться. Нанять работницу?.. А сочтико, сколько это стоитъ.

Въ іюнѣ Авдотья родила, къ ужасу мужа и жены, двоихъ дѣвочекъ. Это было такъ глупо и ни съ чѣмъ несообразно, такъ разстраивало всѣ планы, что мужу и женѣ стало даже стыдно. Они опять замолкли и молча дѣлали свое дѣло, молча понимали другъ друга. Обѣ дѣвочки лежали въ одной люлькѣ, завѣшанныя пологомъ; Авдотья ходила на работу, оставляя присматривать за ними свою-же маленькую шестилѣтнюю дочь. Та качала ихъ, когда запищатъ; но онѣ были тихи, онѣ все спали... Авдотья придетъ съ работы, уйдетъ за перегородку, нальетъ рожки и дастъ ихъ ребятамъ, задернувъ занавѣску. Но что она дѣлала, это пришлось узнать мнѣ совершенно случайно, и я былъ такъ пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ, что, говоря по совѣсти, не желалъ бы передавать этого видѣннаго читателямъ. Но дѣлать нечего, надобно досказать до конца. Случайно пришлось мнѣ зайти въ избу Гаврилы, когда ни его, ни жены не было дома. Зачѣмъ я заходилъ, не помню хорошенько. Войдя въ избу и узнавъ отъ дѣвочки, что родителей нѣтъ дома, я совершенно случайно заглянулъ въ люльку... Двѣ дѣвочки лежали головами врозь; лица ихъ были необыкновенно красны, какъ кровь, а рты были раскрыты, какъ у голодныхъ птенцовъ. Чмокнувъ сухими губами, дѣти опять, какъ только возможно шире, раскрывали рты, тяжело, прерывисто дыша, какъ бы отъ пожирающаго внутренняго жара. Я нагнулся, отъ дѣтей несло водкой... Водка была въ рожкахъ. Дѣти умерли въ ту же ночь. Они были лишнія, появленіе ихъ нарушало разсчеты и весь обиходъ труда. И вотъ ихъ уже теперь нѣтъ...

Не буду говорить, почему я не могъ вмѣшаться въ это дѣло и почему вообще у насъ рѣдко можно вмѣшиваться постороннему лицу въ чужія, хотя-бы и звѣрскія дѣла, не говоря о полной невозможности вмѣшательства въ такъ-называемыя общественныя дѣла, очень и очень часто прикрывающія собою адское своекорыстіе и неправду. Я опять-таки только сожалѣю, что мнѣ пришлось написать эту ужасную сцену. Но она — сущая правда. «Почему, говорили мнѣ не разъ, вы берете *только* такія возмутительныя явленія? Неужели въ народной жизни нѣтъ явленій свѣтлыхъ и теплыхъ? Двадцать разъ я отвѣчалъ, что есть такія явленія во множествѣ, но я не могу касаться ихъ въ очеркахъ, посвященныхъ явленіямъ *разстройства* народныхъ порядковъ. Я волей-неволей обреченъ на подборъ этихъ ужасовъ, которые впрочемъ сами лѣзутъ въ глаза, потому что въ господствующемъ теченіи народной жизни въ «настоящую минуту» я вижу разстройство, притокъ дурныхъ явленій, непропорціанально великихъ сравнительно съ явленіями устройства и расцвѣта душевнаго добра .. На этихъ людей я не только не смотрю какъ на звѣрей, но думаю, что это убійство двухъ собственныхъ дѣтей — результатъ множества сложныхъ и главнымъ образомъ не благотворныхъ, а ожесточающихъ вліяній; убійство, затаенное въ глубинѣ души, убійство вынужденное, будетъ отмщено Гаврилой и его женой на комъ-нибудь, или на чемъ нибудь. Мнѣ хочется сказать, что такихъ явленій, какъ и множества всякаго зла, для русскаго народа ненужнаго, гибельнаго, могло бы не быть. Но я объ этомъ говорилъ уже не разъ и, насколько могъ, убѣдительно...

Этотъ тяжкій эпизодъ хоть и не говоритъ собственно о давленіи земледѣльческаго труда на семейную жизнь, но указываетъ, что обстановка земледѣльческаго труда, особливо въ настоящее время, когда трудъ этотъ вообще разстроенъ, обязываетъ человѣка къ извѣстнымъ «разсчетамъ» даже въ самыхъ повидимому неуловимыхъ семейныхъ отношеніяхъ, — что обстановка эта можетъ иногда *приказать* человѣку сдѣлать то-то и то-то, а «глядя по человѣку» будетъ и исполненіе этого приказанія.

Вотъ плотникъ Никаноръ засыпанъ ребятами выше головы. Онъ и жена его — добрые люди, имъ ѣсть нечего, а она, добрая мать, утѣшаетъ голодныхъ дѣтей сказками про Дмитрія-царевича, который былъ красивъ, силенъ, уменъ и точь-въ точь походилъ красотой и силой на ея Васютку, который такъ доволенъ, что онъ похожъ на царевича, что и ѣсть не проситъ, а сидитъ съ вытаращенными отъ удовольствія глазами, на которыхъ еще не просохли слезы отъ голода... Вотъ они не сдѣлаютъ этого, хотя Никоноръ въ пьяномъ видѣ и колотитъ жену до полусмерти, чтобъ «убавить» въ ней эту «силу жизни», которая, не взирая ни на что, плодится, множится и знать ничего не хочетъ, не страшится никакой нужды, согрѣваемая какой-то неизсякаемою добротой... И доброту-то эту Никаноръ хочетъ въ пьяномъ видѣ

убавить въ своей доброй бабѣ побоями... Она худѣетъ, ходитъ разодранная и оборванная, съ голою грудью, но продолжаетъ родить и быть доброй. Сиротъ они оставятъ цѣлую кучу...

Изъ этихъ примѣровъ хоть отчасти можно видѣть, какъ сложны и многостороннн тѣ оттѣнки особенностей семейныхъ отношеній, которыя складываются въ народной средѣ подъ вліяніемъ условій земледѣльческаго труда. Не менѣе любопытны и по-истинѣ плѣнительны и тѣ черты стройности и здоровой правды отношеній, которыя слагаются подъ вліяніемъ того-же благороднаго труда въ семьяхъ, гдѣ условія этого труда случайно благопріятны. Говорить объ этихъ по-истинѣ завидныхъ семьяхъ, не приводя въ параллель съ удивительными типами людей труда другихъ типовъ, людей обезпеченности и смертной тоски—нельзя, а этого опять-таки не упишешь въ незначительномъ очеркѣ. Вотъ почему мы и оставляемъ разработку подробностей нашей задачи до болѣе благопріятнаго времени, а теперь, чтобы досказать до конца нашу мысль, мы вынуждены съузить нашу задачу до ея первоначальныхъ размѣровъ.

Съ этой узкой точки зрѣнія мы потому придаемъ «землѣ» огромное значеніе не только въ жизни всего русскаго народа, но, какъ увидитъ читатель, и всего русскаго общества, что «земля» и ея значеніе, въ наиглавнѣйшихъ и крупнѣйшихъ особенностяхъ Русской земли, выступаютъ *ярко* и ясно видны намъ среди другихъ характеристическихъ чертъ, также, быть можетъ, имѣющихъ значеніе въ объясненіи «русскаго типа», но не такъ яркихъ, не такъ ясныхъ и не такъ неотразимо понятныхъ, какъ земля и ея власть. Когда намъ говорятъ: «русскій народъ... какъ одинъ человѣкъ отъ Перми до Тавриды... сплошная, однородная масса, одинъ духъ, одинъ нравъ, одинъ характеръ, по одному мановенію» и т. д., мы вѣримъ этому, потому что видимъ это; но когда захотимъ объяснить себѣ причины этой однородности и сплоченности, то *первое*, что бросается въ глаза *само собою*, это — однородность условій жизни, основанныхъ на однородности труда. Отъ Перми до Тавриды, у стѣнъ Кремля, у стѣнъ Китая—вездѣ одна и та же соха Марья Андреевна, одни и тѣ же ожиданія весны, лѣта, зимы и осени, одна и та же зависимость отъ природы и т. д. Несомнѣнно существуетъ въ глубинѣ этой массы множество и другихъ чертъ духовнаго родства, но мы говоримъ опять-таки, что *самая главная* изъ нихъ, самая, если можно сказать, *первая* изъ нихъ. это—земля и трудъ на ней.

Намъ говорятъ о высокомъ значеніи нашихъ общинныхъ деревенскихъ порядковъ; мы читаемъ восторженныя похвалы высшей справедливости общинныхъ приговоровъ, рѣшеній. И въ то же время насъ сбиваетъ съ толку дѣйствительная деревенская жизнь настоящаго дня, которая поминутно даетъ факты самаго поразительнаго невниманія къ общественнымъ или общиннымъ интересамъ. Мы хотимъ разобраться въ этой путаницѣ; идемъ на сходку, внимательно слушаемъ, что̀ такое тамъ говорится, и видимъ, что опять-таки тамъ, гдѣ дѣло касается земледѣльческаго труда и земли, отъ которой онъ въ зависимости, дѣйствительно все выработано до высшей степени и точности и аккуратности; видимъ, что въ этой области труда все *понятно* всему земледѣльческому міру, все строго разработано, что тутъ мірская мысль много работала, видимъ, что, сообразно этому пониманію труда, и судъ деревенскій справедливъ и строгъ въ этой только области, тогда какъ въ такихъ вопросахъ, которые не касаются этой сферы народныхъ знаній, и сходъ, какъ бы онъ ни галдѣлъ (это тоже похваливаютъ), кривитъ иногда душой не хуже интеллигентнаго акціонернаго собранія, и судъ подкупенъ, и продается мірской интересъ...Въ сферѣ земледѣльческаго труда нельзя обсчитать общинника на вершокъ земли, нельзя наложить одной сотой лишнихъ податей, нельзя потому, что тутъ—главный центръ, на которомъ въ самомъ дѣлѣ, въ сурьезъ, сосредоточено общинное вниманіе, а въ то же время можно за ведро вина простить старшинѣ тысячную растрату, можно за два ведра угощенія накинуть старшинѣ сто рублей лишняго жалованья, можно изъ-за угощенія или изъ страха наказанія постановить неправое рѣшеніе въ пользу кулака противъ бѣдняка и т. д.

Вообще, къ какой бы группѣ явленій народной жизни мы ни прикоснулись, *первое*, что̀ мы замѣчаемъ и что̀ уясняетъ намъ эту группу явленій—это земля, земледѣльческій трудъ. Мы потому такъ пристально выслѣживаемъ одну только эту черту, что желаемъ показать, какъ велика ломка, какъ много осложненій можетъ произойти отъ того, если *эта, одна только эта сторона* народныхъ нуждъ не будетъ удовлетворена въ должной мѣрѣ; какъ несправедливы тѣ радѣтели о народномъ благѣ, которые рѣшаются сказать, что земельные порядки, существующіе въ настоящее время въ народѣ, удовлетворильтены, не требуютъ улучшеній. Подробности разстройства земельныхъ отношеній. завели бы насъ слишкомъ далеко, да наконецъ мы ужъ и касались этихъ подробностей въ предшествовавшихъ главахъ, и намъ кажется, что если читатель припомнитъ, что̀ было говорено по этому поводу, и все, что̀ было сказано въ доказательство значенія земледѣльческаго труда въ жизни народныхъ массъ, то ему не будетъ казаться неосновательнымъ наше желаніе, чтобы народу дано было въ этомъ смыслѣ все, что̀ ему потребуется...

Но это не все. Дайте землю, дайте и интеллигенцію, а главное—не удивляйтесь, не пугайтесь того типа интеллигентнаго человѣка, который даетъ сама жизнь, который долженъ быть такимъ, а не инымъ, потому что такова страна и люди, среди которыхъ онъ живетъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что страна, которая вся держится главнымъ образомъ земледѣліемъ, должна вся сплошь, сверху до низу, носить печать главнѣйшихъ типическихъ чертъ, налагаемыхъ главнѣйшимъ сословіемъ на другія. Въ Россіи народныя мужицкія черты должны быть первенствующими, и

намъ не стоило бы большого труда разыскать ихъ въ сферахъ, повидимому, весьма отдаленныхъ отъ сохи. Но мы не будемъ дѣлать этого, чтобъ опять не осложнять нашей задачи, а остановимся на самыхъ этихъ чертахъ, которыя мы почитаемъ исходящими прямо изъ народныхъ массъ, и которыя въ массахъ этихъ являются, какъ результатъ близости ихъ къ природѣ, къ голой зоологической правдѣ, обязательной при земледѣльческомъ трудѣ.

И эти главнѣйшія черты, общія всему русскому обществу, мы укажемъ тоже грубо и въ обрѣзъ, иначе опять будетъ трудно выбраться на дорогу. Черты эти и раньше насъ, и лучше насъ отмѣчались въ русской литературѣ, а потому мы предпочитаемъ лучше взять хорошее готовымъ. Типическимъ лицомъ, въ которомъ наилучшимъ образомъ сосредоточена *одна* изъ самыхъ существенныхъ группъ характернѣйшихъ народныхъ свойствъ, безъ сомнѣнія, есть Платонъ Каратаевъ, такъ удивительно изображенный графомъ Л. Толстымъ въ «Войнѣ и мирѣ».

Какія же это типическія, *наши* народныя черты?.. «Жизнь Каратаева, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, *не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ, но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ... Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, не смотря на всю ласковую къ нему нѣжность, ни на минуту бы не огорчился разлукой съ нимъ*»...

Откуда, какъ не изъ самыхъ нѣдръ природы, отъ вѣковѣчнаго, непрестаннаго соприкосновенія съ ней, съ ея вѣчной лаской и вѣчной враждой, могли выработаться такія типичнѣйшія черты духа?.. «Онъ никогда не любилъ»... «Онъ ничего не значилъ самъ по себѣ»—вотъ черты, которыя мы ежеминутно встрѣчаемъ въ нашемъ народѣ и которыя прямо вошли въ его душу отъ рѣки, отъ травы, отъ земли, лѣса, солнца. Мать-природа, воспитывающая милліоны нашего народа, вырабатываетъ милліоны такихъ типовъ, съ одними и тѣми-же духовными свойствами. «Онъ—частица», «онъ самъ по себѣ—ничто», «онъ любовно живетъ со всѣмъ, съ чѣмъ сталкиваетъ жизнь» и «ни на минуту не жалѣетъ, разлучаясь»... Такая частица мретъ массами на Шипкѣ, въ снѣгахъ Кавказа, въ пескахъ Средней Азіи... «Жизнь его, какъ отдѣльная жизнь, не имѣла смысла». Эта, не имѣющая смысла, жизнь, не любя никого отдѣльно, ни себя, ни другихъ, годна на все, съ чѣмъ сталкиваетъ жизнь... Все можетъ сдѣлать Платонъ: «Возьми и свяжи... Возьми и развяжи», «застрѣли», «освободи», «бей»—«бей сильнѣй» или «спасай», «бросайся въ воду, въ огонь для спасенія погибающаго!»—словомъ, все, что даетъ жизнь, все принимается, потому что ничто не имѣетъ отдѣльнаго смысла, ни я, ни то, что дала жизнь... Въ Крымскую войну такихъ Платоновъ умирало безъ слѣда, безъ жалобы—тысячи, десятки тысячъ. 20 тысячъ ихъ легло на Зеленыхъ горахъ въ одинъ день... Сотни тысячъ ихъ умираетъ ежегодно по всей Россіи—безмолвно, безропотно, какъ трава, и сотни тысячъ, также какъ трава, родятся... Все это черты чисто *наши*, родныя, россійскія—черты той страны, гдѣ десятки милліоновъ ежедневно слушаютъ мать-природу, въ которой, какъ и въ нихъ, нѣтъ исключительной любви, нѣтъ смысла въ отдѣльномъ существованіи камня, дерева, ручья... Это все—наше, но это не все.

А тотъ типъ, который гонитъ Платона и по горамъ, и по степямъ? Тотъ, кто заставляетъ его и спасать, и губить? Тотъ, кто неотступно слѣдуетъ по его пятамъ, глядя, какъ онъ мретъ тысячами, и только облизывается, видя, что отъ этихъ смертей увеличивается и толстѣетъ его карманъ?... Развѣ это не нашъ типъ! Развѣ не «ничтожничество», сознаваемое Платономъ, воспитало его, развило, раскормило, раздуло его страсть къ произволу, къ «ндраву» до громадныхъ размѣровъ?—Нѣтъ, именно Платонъ, именно его философія, именно его безропотное, безсловесное служеніе «всему, что даетъ жизнь», выкормила у насъ другой типъ хищника для хищничества, артиста притѣсненія, виртуоза терзанія... Отдѣлять эти два типа другъ отъ друга невозможно—они всегда существовали рядомъ другъ съ другомъ.

Но въ далекую старину между ними, какъ мы уже говорили, виднѣлась третья фигура, третій типъ,—типъ человѣка, который, во-первыхъ, «любилъ» и, во-вторыхъ любилъ «правду». Безропотно, какъ трава въ полѣ, погибающій и, какъ трава живущій, Платонъ однако думалъ, что «Богъ правду видитъ, но *не скоро* скажетъ». И умиралъ, не дождавшись этой правды. Третья фигура, о которой мы говоримъ и которую мы называемъ народной интеллигенціей, именно и говорила эту правду; худо-ли, хорошо-ли, но она заступалась за Платона противъ хищника, которому сулила адъ, огонь, крюкъ за ребро.

Какъ-же обстоятъ дѣла теперь?—Теперь мы видимъ только двѣ фигуры—Платона и хищника. Третьей фигуры—человѣка, который-бы могъ заикнуться о той правдѣ, которую Богъ видитъ и которую говоритъ устами людей,—нѣтъ и въ поминѣ. Напротивъ, все на сторонѣ хищника. На сторонѣ его земельное разстройство массъ, разстройство душевнаго удовлетворенія ихъ трудомъ; разстройство это гонитъ ихъ къ хищнику внутренно-обезсиленными, сознающими свое ничтожество гораздо сильнѣе, чѣмъ сознавалъ его Каратаевъ *).

---

*) Кое-что недоговоренное въ предыдущихъ очеркахъ было досказано впослѣдствіи въ разсказѣ, который хотя и носитъ самостоятельное названіе, но написанъ на ту же тему о власти земли. Этотъ разсказъ: «Изъ разговоровъ съ пріятелями» слѣдуетъ ниже.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ СЪ ПРІЯТЕЛЯМИ.

(НА ТЕМУ О „ВЛАСТИ ЗЕМЛИ“)

I. Безъ своей воли.

I.

...Слава Богу, зима стоитъ настоящая, снѣжная, морозная, съ вьюгами и сугробами. Хорошо побыть, пройтись и проѣхаться на свѣжемъ, холодномъ воздухѣ, хорошо и дома посидѣть во вьюгу и пургу, жарко растопивъ печку и взявъ въ руки хорошую книгу.

Въ одинъ изъ такихъ вьюжныхъ вечеровъ, какъ-то на-дняхъ, я и одинъ мой пріятель мирно коротали время, попивая чай, читая, кто книгу, кто газету, и испытывая самое современнѣйшее изъ удовольствій, удовольствіе не стѣснительнаго молчанія. Въ особенности съ этимъ «удовольствіемъ» освоился мой пріятель, такъ какъ жизнь накопила у него на сердцѣ не мало горя, и всякій разъ, когда онъ говорилъ, слово его было невеселое, очень часто желчное, а иногда почти истерически негодующее. По натурѣ это былъ человѣкъ добрый и мягкій, но судьбѣ угодно было заставить его жить въ такихъ условіяхъ, гдѣ эти качества, особливо мягкость, не требовались, и не только не требовались, но не доставляли ничего, кромѣ горя и душевной отравы. Онъ началъ жить сердцемъ и умомъ въ то время, когда отмѣна крѣпостного права налагала даже на самыя заскорузлыя натуры обязательства знать и видѣть, что все это старое крѣпостное *кончилось* и что теперь *ничего этого не будетъ*. Пріятель мой принадлежалъ не къ заскорузлымъ натурамъ, и не поневолѣ думалъ, что все это кончилось, а вѣрилъ въ это и зналъ это по сущей совѣсти. Онъ началъ жить, думая, что *теперь* все пойдетъ «по хорошему», тихо, смирно и благородно; думая, что «тихо, смирно и благородно» и есть то новое, что началось и что устранило старое, не тихое, не смирное и не благородное. Однако «по хорошему» не вышло, развилась ненасытная алчность и жестокость своекорыстія, и навстрѣчу имъ пришла жестокость мести. Пріятель мой съ своими тихими планами жизни «по хорошему», съ ассоціаціями «хорошихъ людей», съ ссудными товариществами, со школами и чтеніемъ мужикамъ Хоря и Калиныча оказался совершенно ненужнымъ въ этой битвѣ «на чистоту»; но и оставаясь «между» господствовавшими теченіями жизни, былъ измолотъ ими, какъ зерно между двумя жерновами, былъ, если можно такъ выразиться, не съѣденъ жизнью, а изжеванъ, измятъ ею, но такъ измятъ, что въ немъ не оставалось буквально живого мѣста ни въ тѣлѣ, ни въ душѣ. Обиліе всевозможнаго рода жестокостей, встрѣченныхъ имъ втеченіе жизни при рѣшеніи вопросовъ, иногда самыхъ гуманныхъ—жестокостей, иногда совершенно затмѣвавшихъ цѣли, во время которыхъ пускались онѣ въ ходъ, доходившихъ до виртуозности въ преслѣдованіи человѣка, такъ, зря, безъ разбору, испугало его. Онъ не то, чтобы пересталъ вѣрить въ свѣтлые и теплые дни, а отвыкъ, боялся думать объ этомъ, чтобы не получить какого-нибудь новаго удара по незажившему, избитому мѣсту. Не принадлежа къ числу торжествовавшихъ и не попавъ «въ станъ погибающихъ, онъ тѣмъ не менѣе много, ужасно много пережилъ мыслью и тамъ, и здѣсь, много видѣлъ и много думалъ о русской жизни и о русскомъ народѣ, но «изжеванная» жизнь сдѣлала то, что мысли его были нѣсколько односторонни и, сколько можно судить, сосредоточивались на рѣшеніи вопроса: «почему изъ всѣхъ благъ, матеріальныхъ и нравственныхъ сокровищъ, доставшихся русскому человѣку даромъ, не выходитъ ничего, кромѣ взаимнаго мордобитія?». Рѣшеніе этого вопроса, а также боль тѣла и боль духа, подаренныя ему неудачнымъ опытомъ жизни, заставляли его въ особенною внимательностью останавливаться на мрачныхъ явленіяхъ жизни,—явленіяхъ, рѣжущихъ нервы. А такъ какъ это больно и непріятно, то Протасовъ—такая была фамилія у моего пріятеля—предпочиталъ молчать; молча шагалъ по цѣлымъ часамъ изъ угла въ уголъ, молча курилъ или, вѣрнѣе, ѣлъ угломъ рта мундштукъ папиросы, и когда говорилъ, то рѣчь его была ласкова, почему вмѣсто Протасова его почти всѣ знакомые называли Пигасовымъ, памятуя одно изъ дѣйствующихъ лицъ Тургеневскаго романа. Въ настоящее время Протасовъ ѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о какомъ-нибудь «мѣстишкѣ» въ какой-нибудь желѣзнодорожной конторѣ, такъ какъ небольшое имѣньице, доставшееся отъ матери, въ которомъ Протасовъ проживалъ послѣдніе годы съ женой и тремя дѣтьми, плохо кормило его большую семью и, кажется, было наканунѣ продажи. Проѣздомъ въ Петербургъ онъ заѣхалъ ко мнѣ, и вотъ ужъ два дня какъ мы занимаемся съ нимъ самымъ успокоительнымъ и самымъ дружескимъ молчаніемъ. Вѣроятно промолчавъ еще такимъ-же пріятнымъ образомъ день или два, Пигасовъ (такъ называть его почему-то всѣмъ его знакомымъ кажется правильнѣе) взялъ-бы шапку, надѣлъ галоши, пожалъ-бы мнѣ руку и молча какъ пріѣхалъ, такъ и уѣхалъ-бы въ Питеръ; но неожиданно случилось обстоятельство, которое развязало ему языкъ и развязало такъ, какъ можетъ быть не случалось десятки лѣтъ.

Обстоятельство это не заключаетъ въ себѣ ровно ничего чрезвычайнаго. Дѣло только въ томъ, что нашъ молчаливый дуэтъ, обѣщавшій окончиться

мирнымъ и молчаливымъ сномъ подъ шумъ мятели, былъ нарушенъ появленіемъ новаго, но не молчаливаго, а, напротивъ, весьма разговорчиваго лица. Ничего особеннаго не представляетъ и это новое лицо, но сказать о немъ два слова необходимо. Это былъ молодой малый или, лучше сказать, «парень лѣтъ двадцати, по фамиліи Березниковъ. Происхожденія онъ былъ купеческаго, и лѣтъ десять тому назадъ отецъ его торговалъ краснымъ товаромъ въ одномъ изъ окрестныхъ тихихъ уѣздныхъ городковъ и здѣсь-же десять лѣтъ назадъ умеръ, оставивъ вдовѣ и сыну небольшой деревянный домъ и флигель съ лавкой. Мать Березникова не продолжала торговли, лавку продала, домъ подновила и отдала подъ помѣщеніе уѣздной управы, а сама стала жить съ сыномъ во флигелѣ. На деньги, которыя остались отъ продажи лавки и которыя получались съ управы, жили они не богато, но и не бѣдно; мать молодого Березникова занималась тѣмъ, что пила чай, плакала, ходила въ церковь, да баловала своего сына, а сынъ росъ и ничего не дѣлалъ. Но что-то помѣшало ему сдѣлаться соврасомъ, шатуномъ, полюбить трактиръ, билліардъ и кулацкую наживу; какая-то врожденная деликатность отталкивала его отъ этого, и хоть онъ ничего не дѣлалъ, но хотѣлъ что-нибудь дѣлать и притомъ хорошее. Въ настоящую минуту это былъ дюжій, здоровый и сильный парень, который дѣлалъ и думалъ то, что заставлялъ его дѣлать случай, хотя случай этотъ, повторяю, никогда не отзывалъ его ни въ кабацкую, ни въ кулацкую компанію. Единственный сынъ у матери, онъ не подлежалъ воинской повинности, не нуждался въ кускѣ хлѣба, былъ совершенно свободенъ, здоровъ и силенъ, но вопросъ «что дѣлать?» тѣмъ сильнѣе угнеталъ его въ деревенской и уѣздной глуши, что «нажива», которою этотъ вопросъ разрѣшается всего чаще, не прельщала его.

— Что мнѣ дѣлать? Скажите пожалуйста! — иногда какъ-бы въ изнеможеніи вопрошалъ этотъ здоровый и румяный юноша, неожиданно явившись изъ какихъ-нибудь странствованій, которыя онъ любилъ дѣлать пѣшкомъ и даже бѣгомъ!...

— Да вы что-бы хотѣли дѣлать?

— Да чорта мнѣ хотѣть? Кабы я хотѣлъ, я-бы не спрашивалъ...

— Вы что знаете?

— Да ни чорта я не знаю!...

— Такъ какое-же вамъ дѣло? Ничего не знаете и ничего не хотите.

— Такъ неужто мнѣ пропадать?

— Ну, возьмите какое-нибудь мѣсто... на желѣзной дорогѣ... въ управѣ.

— За какимъ-же чортомъ?

— Ну, все таки будетъ занятіе!

— Да за какимъ-же чортомъ мнѣ это занятіе? Жрать? Такъ у меня и безъ него есть, что ѣсть: пошелъ къ матери, похлебалъ щей — вотъ и все, а строчить тамъ въ конторѣ или въ канцеляріи всякую ерунду — зачѣмъ это? Мнѣ надо знать, что я пользу дѣлаю кому-нибудь, тогда я согласенъ...

— Такъ подумайте хорошенько, можетъ и выберете какое-нибудь дѣло...

— Ужъ я думалъ и вижу, что камень на шею, да въ воду — одно! Впрочемъ, нѣтъ-ли у васъ книгъ какихъ-нибудь? Я хочу читать. Надо читать до зарѣзу, одно спасенье... Дайте мнѣ книгъ пожалуйста, сколько у васъ есть.

Послѣ такихъ разговоровъ Березниковъ уходилъ домой, унося съ собой цѣлый ворохъ книгъ, связавъ ихъ собственнымъ кушакомъ (онъ ходилъ въ русскомъ платьѣ). Книги были всегда самаго разнообразнаго содержанія и собранныя кой-какъ: третья часть одного сочиненія, вторая другого, тутъ и романъ съ иностраннаго, и брошюра объ уходѣ за скотомъ, и толстый отчетъ земскаго собранія. Нахватавъ всего этого такъ, зря, безъ разбору и толку, и притомъ второпяхъ, подъ давленіемъ мысли о неотложнѣйшей необходимости читать «до зарѣзу», — онъ немедленно-же стремился удовлетворить этой необходимости, немедленно уходилъ домой «читать» и пропадалъ на недѣлю, на двѣ. Черезъ двѣ недѣли онъ приносилъ ворохъ прочитанныхъ книгъ и на вопросъ — «Ну, что?— отвѣчалъ: — «Прочиталъ все... башка трещитъ, Богъ знаетъ, до чего... Все хорошо и любопытно— а точно кирпичами голову заложило... чистая смерть! Ужъ я дрова сегодня рубилъ цѣлый день — никакъ въ чувство не приду». Заходилъ разговоръ о систематическомъ чтеніи, о томъ, что *такъ* читать нельзя, что отъ такого безалабернаго чтенія можетъ получиться отвращеніе къ книгѣ. Березниковъ всегда соглашался, говорилъ: «да-да-да, вѣрно», но прибавлялъ «только ужъ послѣ... теперь у меня башка ничего не приметъ... теперь я пойду провѣтриться... у меня есть знакомые охотники на тетеревовъ»... И уходилъ, пропадалъ опять недѣлю, двѣ-три, принося потомъ цѣлый ворохъ всевозможныхъ, хотя и въ высшей степени безпорядочныхъ разсказовъ и наблюденій:

— «Ну, теперь опять давайте книгъ».

Но систематическое чтеніе никогда не удавалось; препятствовали этому живыя встрѣчи съ людьми. То идя домой съ книгами, Березниковъ встрѣтится съ овчинниками и такъ заинтересуется ихъ бытомъ, мастерствомъ и разговоромъ, что пристанетъ къ нимъ и проживетъ, «протаскается» съ ними до тѣхъ поръ, пока не пропадетъ интересъ, не станетъ скучно и опять не нападетъ унылая минута съ неразрѣшимымъ вопросомъ, «что дѣлать?». То встрѣтится съ учителемъ и вздумаетъ самъ готовиться держать экзаменъ, натащитъ домой Ушинскаго, Корфа, Евтушевскаго, но какая-нибудь новая встрѣча съ какими-нибудь голубятниками или столярами увлекала его къ живому наблюденію, и начатое приготовленіе въ учителя ничѣмъ не оканчивалось, или во всякомъ случаѣ откладывалось въ долгій ящикъ.

Не смотря на безпорядочность жизненнаго опыта, исполненнаго случайныхъ встрѣчъ, мало по малу кое-что изъ вычитаннаго имъ переходило въ личныя наблюденія и иногда объясняло даже то или

другое знакомство, напр. съ учителями, съ мастеровыми. Хотя и крайне безпорядочно и безобразно, но голова Березникова работала, вычитанное переносила въ жизнь, а видѣннымъ провѣряла прочитанное. Но въ концѣ-концовъ въ головѣ этой царствовалъ все-таки хаосъ и безпорядокъ, неприводившій его ни къ чему опредѣленному, кромѣ какой-то страсти перемѣнять мѣсто, чтобы не скучать, не томиться бездѣльемъ. Знакомыхъ и отцовскихъ, и своихъ много было у него и въ городѣ, и по деревнямъ, между учителями, священниками, крестьянами и въ особенности между крестьянами, занимавшимися какимъ-нибудь мастерствомъ: портными, бондарями, дубильщиками, валяльщиками, и вездѣ онъ не былъ чужой, потому что приходилъ «любопытствовать» и любилъ болтать самъ. Корыстныхъ цѣлей въ немъ никто не видѣлъ, а побалагурить всякій былъ не прочь; да кромѣ того Березниковъ и не надоѣдалъ своими посѣщеніями и не всегда былъ празднымъ зрителемъ того, что̀ дѣлаютъ люди: онъ всегда готовъ былъ подсобить и не только, въ чемъ могъ, а и въ томъ, чего не могъ.

— Ну-ка ты, парень, чего сидишь-то, лясы точишь, поди-ко принеси дровъ, видишь, хозяйка хвораетъ, и намъ недосугъ!— скажетъ ему какой-нибудь овчинникъ среди бесѣды о томъ, о семъ, и Березниковъ не только притащитъ охапку дровъ, но и наколетъ ихъ еще на двое сутокъ впередъ.

— Добрый парень! вотъ что говорили про него знакомые, и мы скажемъ про него то-же самое.

II.

Такъ вотъ этотъ-то Березниковъ и явился неожиданнымъ гостемъ въ то время, когда мы съ Пигасовымъ проводили время въ дружескомъ молчаніи, попивая чай и шумя кто газетой, кто листомъ книги. Березниковъ явился весь въ снѣгу: снѣгъ былъ на шапкѣ, на сапогахъ и на полушубкѣ.

— Здравія желаю! сказалъ онъ весело и, снявъ шапку, просыпалъ съ нея на полъ клочья снѣгу. — Вотъ и мы... незваные, непрошеные. Не хуже буду татарина? Можно ночлегу попросить?

Какъ ни дружески молчали мы съ Пигасовымъ, но появленіе новаго лица, въ которомъ притомъже не было скуки для обоихъ насъ, было весьма пріятно.

Черезъ пять минутъ Березниковъ уже раздѣлся, снялъ полушубокъ и въ одной красной русской рубахѣ сидѣлъ за стаканомъ чая, проглатывая огромные куски булки. Я познакомилъ его съ Пигасовымъ, но Пигасовъ, который, по его-же собственнымъ словамъ, сторонился всего веселаго— потому что отвыкъ отъ него, — не особенно обрадовался появленію новаго гостя, отъ котораго ужъ слишкомъ вѣяло какой-то безпричинной радостью молодости и физической силы. Вѣжливо поздоровавшись съ Березниковымъ, онъ отодвинулся немного отъ стола съ газетой въ рукахъ, молча уткнулся въ чтеніе и, какъ кажется, даже старался не слушать разговора, который начался у меня съ Березниковымъ.

— Ну, сказалъ я,— разсказывайте!

Съ Березниковымъ всегда начинался разговоръ именно этой фразой, потому что всякій промежутокъ между нашими свиданіями ознаменовывался тѣмъ, что Березниковъ, уходя отъ меня, попадалъ случайно въ какую-нибудь совершенно новую среду, о которой и приходилъ разсказывать при слѣдующемъ свиданіи. На этотъ разъ Березниковъ не сразу отвѣтилъ на мой вопросъ. Онъ ѣлъ и, занятый этимъ дѣломъ, только кивалъ головой, какъбы говоря,— что много есть, о чемъ разсказать.

Покуда въ его рукахъ была булка, никакого разговора между нами происходить не могло; но вотъ булка съѣдена. Березниковъ отряхнулъ крошки съ подола своей рубахи и сказалъ:

— Не знаю, съ чего и начинать... столько всего видѣлъ!... Двѣ недѣли работалъ съ рыбаками... вотъ народъ-то!... Лучше этого народа, кажется...

Березниковъ вдругъ сотановился, какъ бы что-то вспомнивъ важное, и торопливо сказалъ:

— Да! Что же я? Самаго главнаго-то и не говорю... Вѣдь антихристъ народился! Въ народѣ удостовѣряютъ объ этомъ самымъ положительнымъ образомъ.

— Гдѣ же? у насъ народился, въ Россіи? спросилъ я.

— Опредѣленнаго на этотъ счетъ сказать не могу... Какое-то царство называютъ. Такъ вотъ въ этомъ-то царствѣ есть князь, и живетъ у этого князя поваръ. Поваръ-то этотъ и есть корень всему дѣлу... Во-первыхъ, онъ постоянно работаетъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, а почему—это послѣ узнаете... А во-вторыхъ, необыкновенно любезенъ, ласковъ и добръ...

Пигасовъ, какъ я уже сказалъ, старавшійся не слушать разговора, однако-же оставилъ газету, подвинулся къ столу и сталъ слушать Березникова.

— Когда этотъ поваръ «въ бѣлыхъ перчаткахъ» нанялся служить на княжеской кухнѣ, то немедленно же сталъ всячески угождать и *дѣлать добро* прислугѣ. Есть у него деньги — отдаетъ, помогаетъ, а княжеская прислуга разнесла о добротѣ повара вѣсть въ народѣ и довела до свѣдѣнія самого князя. Князь узналъ о добротѣ своего повара и полюбилъ его, а когда поваръ узналъ, что князь его любитъ, то воспользовался этою любовью также на благо народа. Прислуга, какъ я сказалъ, разнесла о немъ вѣсть въ народѣ; къ повару стали приходить со своими нуждами истопники, конюхи, потомъ городскіе извозчики, дворники, чернорабочіе и вообще масса чернаго народа—мужиковъ; всякій разсказывалъ ему и плакалъ надъ своимъ горемъ, и поваръ всякому выхлопатывалъ по его желанію: кому землю, кому домъ, кому скотину, кому деньги. Никто изъ мужиковъ не уходилъ отъ повара необлагодѣтельствованнымъ. Такъ дѣло стоитъ въ настоящую минуту; поваръ въ бѣлыхъ перчаткахъ служитъ

у невѣдомаго князя, и слава о его добротѣ, о его милости къ мужичкамъ, къ простому бѣдному человѣку растетъ не по днямъ, а по часамъ... Но скоро, лѣтъ черезъ двадцать, произойдетъ такой случай: князь, у котораго живетъ поваръ въ бѣлыхъ перчаткахъ, созоветъ въ гости къ себѣ прочихъ всѣхъ китайскихъ и эѳіопскихъ князей; поваръ, какъ любимецъ князя, будетъ служить гостямъ, стряпать и подавать кушанья, и вотъ тогда-то, въ одинъ изъ такихъ роскошныхъ обѣдовъ, одинъ изъ князей спроситъ: «Отчего это у васъ поваръ постоянно носитъ бѣлыя перчатки?» — «Ахъ, Боже мой, отвѣтитъ князь, я этого и не замѣтилъ!» И скажетъ повару: «Отчего, любезный, ты ходишь постоянно въ бѣлыхъ перчаткахъ?» Поваръ ничего не отвѣтитъ на это, только въ первый разъ сдѣлаетъ недоброе лицо; тогда князья и разные султаны станутъ просить, чтобы онъ приказалъ повару снять бѣлыя перчатки... Князь исполнитъ желаніе гостей; онъ будетъ приказывать повару снять перчатки до трехъ разъ: сначала лаской, а потомъ и съ гнѣвомъ. Два раза поваръ ослушается приказанія, а третій разъ, тоже со страшнымъ гнѣвомъ, исполнитъ; онъ сорветъ съ рукъ перчатки, и тогда всѣ гости, всѣ князья и султаны въ ужасѣ увидятъ, что поваръ—не поваръ, а антихристъ: на одной рукѣ у него окажется копыто, а на другой когти. Ужасъ блестящаго общества будетъ такъ великъ, что всѣ гости немедленно уйдутъ изъ-за стола и немедленно же разъѣдутся; самъ князь, у котораго живетъ этотъ поваръ, также немедленно вслѣдъ за гостями соберетъ всѣ свои сокровища и уйдетъ изъ своей стороны... Между тѣмъ народъ, который уже наслышанъ о необыкновенной добротѣ повара, оставшись безъ главы и хозяина, не найдетъ никого болѣе достойнымъ замѣстить разгнѣваннаго владыку, какъ именно этого самаго повара. И вотъ поваръ сдѣлался главнымъ лицомъ въ царствѣ, но вмѣсто милостей народу онъ съ перваго же дня начнетъ проявлять необузданную жестокость... И здѣсь вотъ что̀ въ высшей степени любопытно: вы вѣдь помните, что онъ въ первый разъ ожесточился и разсердился, когда у него потребовали снять перчатки и стали смотрѣть руки... Такъ вотъ и онъ тотчасъ послѣ того, какъ сдѣлается главою,—издастъ повелѣніе «*смотрѣть у всѣхъ руки*». «Вы-молъ меня осрамили съ моими когтями и копытами — вы тайность мою раскрыли, такъ и я вамъ также...» И вотъ начнутъ у всѣхъ осматривать руки... и у кого руки эти окажутся *чистыми*, нѣжными, безъ *мозолей*, тѣмъ будетъ очень худо... *Чтобы спастись отъ гибели*, всѣ бѣлоручки начнутъ *хвататься* руками *за землю*, начнутъ рыть ее и все-таки будутъ гибнуть... А такъ какъ и у мужиковъ мозоли будутъ проходить (отъ хорошей жизни, которую антихристъ устроилъ имъ, будучи поваромъ), то вслѣдъ за бѣлоручками, уничтоженными по повелѣнію антихриста, станутъ уничтожать и обѣлорученныхъ мужиковъ... Ничего, кромѣ гибели!.. Затѣмъ начнется пожаръ земли, которая сначала превратится въ мѣдь, потомъ въ серебро и наконецъ въ золото. Тутъ воскресеніе мертвыхъ и судъ... Вотъ какая исторія! Итакъ первое самое важное извѣстіе я сообщилъ... Теперь второе—рыболовы...

— Позвольте одну минуту, перебилъ Березникова Пигасовъ.—Эту легенду объ антихристѣ я на своемъ вѣку слышалъ несчетное число разъ; антихристъ всегда является въ ней въ разныхъ видахъ, но всегда рѣшительно, во всякой изъ легендъ онъ всегда ознаменовываетъ свое пришествіе *добрыми дѣлами*. Онъ всегда завоевываетъ симпатіи народа, дѣлая ему пріятное, облегчая ему жизнь... Почему это — зло, гибель, несчастіе и вообще послѣдніе дни, кончину міра народъ полагаетъ послѣ того, какъ жить будетъ необыкновенно легко, исполнятся всѣ желанія, снимутся всѣ тяготы?.. И вѣдь это постоянно такъ, продолжалъ Пигасовъ.—Антихристъ постоянно начинаетъ свою злодѣйскую карьеру тѣмъ, что благодѣтельствуетъ и помогаетъ бѣдняку, униженному и оскорбленному, а потомъ губитъ его именно этимъ облегченіемъ жизни. Вѣдь еще на-дняхъ было напечатано въ газетахъ сообщеніе о подлинномъ фактѣ, какъ въ Смоленскѣ бѣдные люди стали считать какого-то добраго барина за антихриста, потому что онъ дѣлалъ массу добрыхъ дѣлъ: давалъ взаймы безъ отдачи, покупалъ корову вдовѣ. Даже полиція встревожилась... Еще я помню, что Аракчеева народъ сталъ считать антихристомъ и оказывалъ ему особенное упорство въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хотѣлъ дѣйствовать не палкой, а лаской. У одного мужика въ той деревнѣ, которую графъ хотѣлъ обернуть въ военныя поселенія, пропали деньги, кажется, рублей тысячу. Мужикъ былъ вліятельный, и графъ, чтобы склонить его на свою сторону и чтобы засвидѣтельствовать предъ всей деревней о своей добротѣ, выхлопоталъ у государя всю пропавшую сумму и при велерѣчивой бумагѣ препроводилъ въ деревню для передачи чрезъ мѣстное начальство обокраденному мужику. Но какъ только въ деревнѣ стала извѣстна эта *милость* и *доброта* графа, такъ немедленно же онъ и прослылъ за антихриста.—«Ишь, заманиваетъ! Не бери этихъ денегъ, не касайся, Боже сохрани!» Такъ и препроводили ему велерѣчивую бумагу съ деньгами обратно!.. Что̀ значитъ это? Отчего это *облегченіе жизни* отъ бремени несчастія, горя и труда, и одновременно съ «*облегченіемъ*» — гибель неразрывны въ понятіяхъ крестьянина?.. Отчего самый настоящій заправскій крестьянинъ никогда не промѣняетъ своего «труднаго» житья на легкое житье барина или купца?.. Вотъ это меня ужасно интересуетъ.

— Такъ отъ чего же это? спросилъ Березниковъ въ раздумьѣ и вдругъ прибавилъ съ неумѣреннымъ оживленіемъ.—Оплетаютъ его, вотъ онъ и боится... Ему дадутъ рубль, а сдерутъ вдесятеро! Такъ онъ и пятится отъ филантропіи-то...

Пигасовъ призадумался.

— Оплетаютъ-то оплетаютъ, это такъ... Но вѣдь я говорю про такія явленія въ крестьянской жиз-

ни, которыя, напротивъ, прямо облегчаютъ жизнь и снимаютъ съ плечъ тяготу явно, видимо для всѣхъ и безо всякаго обдиранія. Нѣтъ, мнѣ кажется, тутъ есть нѣчто иное!.. Ты (обратился Пигасовъ ко мнѣ), помнится, что-то писалъ про власть надъ крестьяниномъ — и если помню, то и надъ его умомъ и волей—труда земледѣльческаго... Тамъ у тебя много напутано всякаго вздору — ужъ извини по пріятельству — но есть и доля правды... Дѣйствительно, мнѣ кажется, что крестьянинъ живетъ, лишь подчиняясь *волѣ* своего *труда*... А такъ какъ этотъ трудъ весь въ зависимости отъ разнообразныхъ законовъ природы, то и жизнь его разнообразна, гармонична и полна, но безъ всякаго съ его стороны усилія, безъ всякой *своей* мысли... Вынуть изъ этой жизни гармонической, но подчиняющейся чужой волѣ, хоть капельку, хоть песчинку, и уже образуется пустота, которую надо замѣнять своей человѣческой волей, своимъ человѣческимъ умомъ... а вѣдь это какъ трудно! какъ мучительно!.. Возьмите вы человѣка *своей* воли, своей мысли—скажемъ такъ: культурнаго человѣка—сколько онъ мучился, сколько страдалъ, а чего добился? Добился ли сотой доли того гармоническаго существованія, которымъ пользуется *такъ*, не безпокоясь и не думая, крестьянинъ?.. Культурный человѣкъ—это человѣкъ, выгнанный изъ рая невѣдѣнія, изъ рая, гдѣ всякая тварь служила ему (какъ служитъ теперь нашему мужику) подъ условіемъ не касаться древа *знанія*.. Его выгнали въ пустыню, въ голую, безжизненную степь, на полную волю. И въ обидѣ на неправду, а также и въ гордомъ сознаніи силы своего ума (вѣдь онъ вкусилъ отъ древа-то) онъ вѣроятно сказалъ, уходя изъ рая:—«Такъ будетъ же у меня *мой собственный* рай да еще лучше этого!..» И вотъ надъ созданіемъ этого рая онъ и бьется несчетное число вѣковъ. Ему не служатъ твари—онъ сдѣлалъ своихъ: локомотивъ его бѣгаетъ лучше лошади; онъ выдумалъ свой собственный свѣтъ, который будетъ свѣтить и ночью; онъ переплываетъ океаны въ своихъ, собственнымъ умомъ выдуманныхъ ихтіозаврахъ-корабляхъ; онъ хочетъ летать, какъ летаетъ птица... И вѣроятно когда-нибудь въ безконечные вѣки онъ добьется своего... Будетъ у него свой собственный, *выдуманный*, взятый умомъ и волею рай. Но какъ еще ужасно-ужасно далеко это время! Когда-то еще его мертвое животное, локомотивъ, достигнетъ поворотливости любой деревенской кобыленки!. Когда-то еще его упорное желаніе летать птицей осуществится хотя въ приблизительныхъ только размѣрахъ того совершенства, которымъ *уже* обладаетъ галка, обладаетъ такъ, безъ всякихъ усилій съ своей стороны, а просто такъ... галка такъ галка и есть, *взяла* да и полетѣла! А Надары еще лѣтъ тысячи будутъ разбивать себѣ головы и тонуть въ моряхъ прежде, нежели добьются умѣнья произвольно перелетать съ крыши на крышу.. Вотъ точно такъ-же и народная жизнь...

— Какъ такъ-же? спросилъ въ совершенномъ недоумѣніи Березниковъ.—Народная жизнь подобна галкѣ? Что-то больно хитро!

— То есть совершеннѣйшее подобіе галки! Если вы дадите себѣ трудъ поймать эту галку...

— Поймаю трехъ! сказалъ Березниковъ.

— И одной довольно... Если вы поймаете галку и разсмотрите всю ея организацію, то вы поразитесь, какъ она удивительно умно устроена, какъ много ума положено въ ея организацію, какъ все соразмѣрно, пригнано одно къ одному, нѣтъ нигдѣ ни лишняго пера, ни угла, ни линіи ненужной, негармоничной и не строго-обдуманной. Не такъ-ли?

— Надо быть ловко устроена. На то Господь праведный...

— Удивительно ловко и умно устроена! Но вѣдь тогда любая галка—геніальнѣйшее существо, необъятный умъ?... Вотъ у насъ часто, изучая народную жизнь, иныя въ высшей степени гармоническія явленія народнаго быта приписываютъ народному уму, и тогда онъ кажется необъятнымъ... А между тѣмъ эти гармоническія явленія, до которыхъ умомъ человѣкъ непокорной воли дойдетъ только черезъ тысячи вѣковъ, существуютъ и рождаются просто такъ, какъ галка, какъ жеребенокъ... Неисповѣдимыми путями предуказано, чтобы кобыленка по веснѣ ходила по полю и махала хвостомъ. Она ходитъ и махаетъ, потомъ ее начинаетъ «пучить», и въ концѣ концовъ получается прелестнѣйшій жеребенокъ, въ милліонъ разъ умнѣе и лучше выдуманнаго человѣкомъ локомотива, но появляется безъ собственной воли, устраивается и принимаетъ формы и строеніе безъ собственнаго ума, а *такъ*... И народная жизнь въ огромномъ большинствѣ самыхъ величественнѣйшихъ явленій удивительна, стройна, гармонична, красива, *просто такъ*.

— Ну, знаете, сказалъ, все болѣе и болѣе недоумѣвая, Березниковъ:—это вы... чортъ знаетъ что такое!.. Какъ-же *такъ*?... Это... чортъ его знаетъ!.. Что-же это такое?...

Но Пигасовъ по мѣрѣ того, какъ овладѣлъ своею мыслью, возбуждался все болѣе и болѣе и, не слушая Березникова, продолжалъ:

— Народъ — это тотъ человѣкъ, который, по изгнаніи изъ рая непокорнаго собрата, предпочелъ остаться тамъ... Сказавъ себѣ: «ладно и такъ!».

— Отчего-же объ этомъ не писано? спросилъ Березниковъ.

— Да кто-же писать-то будетъ? Выгнанный человѣкъ, человѣкъ, сказавшій: «сдѣлаю свой рай еще лучше», тотъ выдумалъ печатный станокъ и записалъ свои страданія и мученія, свою душевную муку, а этотъ, оставшись въ готовомъ раю, разсчиталъ, что лучше «повиноваться». Сказано: «не касайся древа *знанія*!»—онъ и не касается... И до сихъ поръ не касается. . И ничего! Живетъ! И всѣ звѣри и птицы служатъ ему и покоряются; куры несутъ яйца, свиньи предоставляютъ поросятъ, кобыленки дарятъ готовыми локомотивами, бабочки приносятъ цвѣточную пыль, пчела передѣлываетъ ее въ медъ, черви вырабатываютъ черноземъ. И въ этомъ раю онъ только исполняетъ, что ему опредѣлено, довольствуясь *готовымъ* умомъ

природы, и выходитъ въ его жизни такъ-же почти все стройно, хорошо, удивительно, какъ все удивительно хорошо въ природѣ: какъ цвѣтокъ, какъ галка, какъ пчела...

III.

Пока Пигасовъ говорилъ, Березниковъ сидѣлъ съ вытаращенными глазами и ничего не понималъ, только бормоталъ негромко:

— Это... чортъ его знаетъ...—галка!.. Чортъ знаетъ, что такое! Ничего нѣтъ! ни ума, ни воли! Ну, ужъ это...

И вдругъ столбнякъ, въ которомъ онъ находился отъ этихъ рѣчей Пигасова, оставилъ его, и онъ, разсердившись, произнесъ:

— Что вы тутъ говорите? Что это еще за безобразіе? Какъ нѣтъ ума? Я слушаю, слушаю, думаю: что такое? Совсѣмъ было очумѣлъ... Да что вы? Какъ-же такъ ума нѣтъ? что вы говорите?..

— Я не говорю—«нѣтъ», я говорю: «своего» ума нѣтъ. Есть великолѣпный, удивительный умъ, но чужой, божій умъ природы... А какъ своимъ, человѣчьимъ приходится дѣйствовать—увы!.. *Такъ* не думая, «не сумлеваясь»—покоримъ, разобьемъ и сами помремъ сотнями тысячъ; а человѣчьимъ умомъ начнемъ дѣйствовать—не сладимся купить пожарную трубу для деревни!..

— Что вы говорите! возразилъ Березниковъ.— Господь съ вами! Опомнитесь вы хоть немножечко-то!.. Да позвольте, я вамъ приведу примѣръ. Вотъ я двѣ съ лишнимъ недѣли прожилъ въ рыбной артели на Ильменѣ, такъ неужели-же я не знаю, сколько тамъ ума, какая бездна удивительныхъ мыслей, сколько благородства?.. Да позвольте вамъ разсказать все это подробно, и вы увидите...

И Березниковъ съ жаромъ сталъ описывать рыболовную ильменскую артель. Организація ея была дѣйствительно совершенна, въ полномъ смыслѣ слова. Приводить здѣсь всѣ подробности этой организаціи слишкомъ-бы затянуло разсказъ о дальнѣйшей бесѣдѣ Березникова съ Пигасовымъ. Приведу для образчика одну только подробность, касающуюся невода. Неводъ плетутъ всѣ члены артели по ровной части. Но такъ какъ къ этому неводу, опуская его въ воду, привязываютъ веревки, и тѣ мѣста, къ которымъ эти веревки привязываются, рвутся и портятся скорѣе тѣхъ частей невода, гдѣ нѣтъ привязей, то артельщики распредѣляютъ работу каждаго такъ, чтобы *у каждаго* приходилась часть плетенія къ узлу, гдѣ рвется, и часть труда тамъ, гдѣ неводъ свободенъ отъ узла; словомъ, внимательность артельщиковъ другъ къ другу и къ безобидному и совершенно ровному распредѣленію этого труда—доказывалась этимъ примѣромъ блистательно. По этому примѣру можно судить и объ остальной организаціи; вся она также организована на самыхъ справедливѣйшихъ отношеніяхъ къ труду собрата. Объ умѣ, вложенномъ артельщиками въ ихъ дѣло, Березниковъ разсказалъ чудеса: они астрономы, и каждая звѣзда на небѣ у нихъ называется по своему; каждое направленіе вѣтра также изучено и названо собственнымъ своимъ именемъ. Словомъ, какъ организація артели, такъ и распредѣленіе труда и заработка, все было удивительно стройно и удивительно справедливо и умно.

— Теперь позвольте спросить васъ, горячась сказалъ Березниковъ:—гдѣ-же тутъ и въ чемъ видится проповѣдуемая вами галка или ворона какая-то? Да не только галка, а и вашъ культурный человѣкъ со всѣми своими потрохами гроша мѣднаго не стоитъ противъ этихъ мужиковъ. Вотъ недавно я бралъ у попа книгу объ Америкѣ, о какихъ-то американскихъ сектахъ... Описывается тамъ, какъ какіе-то культурные распутники заводятъ тоже какія-то общины. И весь культурный умъ ихъ не въ силахъ сдѣлать такъ, чтобы общины эти обходились безъ распутства. Какой-то Нойесъ — чуть не богъ, а вѣдь отсюда за пять тысячъ верстъ видно, что онъ весь въ грязи, что даже лысина-то у него совсѣмъ подлая... И объ чемъ хлопочутъ! Не стѣснять инстинктъ, а чтобы дѣтей не было. Чтобы инстинктъ былъ—это ничего, а дѣти—это пролетаріатъ, такъ вотъ и рекомендуютъ идти въ аптеку... Изъ аптеки возьми на цѣлковый лекарства противъ пролетаріата, а инстинктъ оставь! Вѣдь на это послѣдній мужикъ плюнетъ, такая это ахинея и подлость... И гдѣже тутъ вашъ культурный умъ? и чего оно стоитъ въ сравненіи съ нашимъ мужицкимъ умомъ, съ нашей чистой крестьянской семьей, съ дѣтьми, сколько-бы ихъ ни родилось, и безъ всякихъ паршивыхъ рецептовъ?.. Что вы! Нѣтъ ума! Вы меня совсѣмъ одурачили вашими разговорами!

Пигасовъ все время молчалъ и внимательно слушалъ. При послѣднихъ словахъ Березникова онъ заговорилъ опять:

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, —что нѣтъ другого болѣе несчастнаго человѣка на свѣтѣ, какъ русскій культурный человѣкъ. Вѣдь свою культурность-то, свою мысль онъ долженъ дрессировать по чужимъ образцамъ, по образцамъ умственный работы того человѣка, который, какъ я говорилъ, хочетъ завоевать рай своимъ умомъ. И, какъ я также говорилъ, завоевалъ онъ очень мало, почти ничего... Сравнительно-же съ нашимъ народнымъ раемъ...

— Рай! нечего сказать! перебилъ Березниковъ, но Пигасовъ, не слушая его, продолжалъ:

— Сравнительно-же съ нашимъ готовымъ раемъ и вовсе мало. А между тѣмъ русскій культурный человѣкъ, живя среди милліонной массы некультурнаго народа, невольно чувствуетъ вокругъ себя какія-то такія совершенныя и широкія формы жизни, которыя далеко превосходятъ всю его европейскую культурность. Лакей, горничная, извозчикъ —всѣ одинаково даютъ ему чувствовать, что они выше его чѣмъ-то, что они самостоятельнѣе его, что они неуязвимѣе, чище, смѣлѣе и въ милліонъ разъ прочнѣе его на землѣ. Чувствуя это и ощущая ежеминутно, нашъ культурный человѣкъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не знаетъ, что дѣлать? Все для него кажется, или, по край-

ней мѣрѣ, онъ чуетъ, что вся его культурность слаба, дрянна, безплодна для этой сильной массы. И замѣчательно, что чѣмъ онъ искреннѣе, тѣмъ онъ нравственно слабѣе среди нашей массы. Да, въ самомъ дѣлѣ, представь себѣ, что онъ пережилъ, съ книгой въ рукахъ, всю эпопею страданія культурнаго человѣка и дошелъ до послѣдней точки, на которой этотъ измучившійся культурный человѣкъ стоитъ. Какая это точка? Это именно, вотъ какъ говоритъ господинъ Березниковъ, какіе-то паршивые отцы Нойесы, какія-то неудающіяся коммуны, неуклюжіе фаланстеры и фамилистеры. И когда онъ доходитъ до этого предѣла, такъ тутъ у него совершенно опускаются руки, передъ нимъ во всемъ блескѣ и совершенствѣ стоитъ наша община, наша артель, и онъ говоритъ: «Какого-же чорта (вотъ совершенно такъ-же, какъ господинъ Березниковъ выражается) стоитъ вся эта культура!». Но тутъ происходитъ удивительная ошибка: переживая *мысль* культурнаго человѣка и дойдя вмѣстѣ съ этою *мыслью* до послѣдняго ея проявленія, мы, встрѣтивъ потомъ нашу общину, вкладываемъ въ нее продолженіе нашей мысли и продолжаемъ смотрѣть на нее, какъ на продуктъ нашей мысли, т. е. объясняемъ ее нашей мыслью, и, разумѣется, поставивъ рядомъ какой-нибудь Нью-Ленаркъ и нашу деревню, видимъ огромную разницу въ пользу нашу и начинаемъ думать: «вотъ каковы размѣры нашей мысли, вотъ каковы мы... Что-жъ будетъ *изъ насъ*, если тѣ дотолкались до какой-то казармы, тогда какъ мы додумались до такой прелестнѣйшей вещи, какъ община?». И ошибаемся! До казармы люди въ самомъ дѣлѣ додумались и дострадались, а община родилась сама, какъ цвѣтокъ, какъ галка. Хвалиться нашей общиной, артелью—то-же, что приписывать самому себѣ и своему уму геніальное устройство собственнаго своего тѣла, своей нервной и кровеносной системы, то-же, что приписывать галкѣ блестящій успѣхъ въ умственномъ развитіи, такъ какъ она удивительно съумѣла устроить самое себя и не только летаетъ, куда и когда ей угодно, но даже знаетъ, что за пять верстъ отсюда мужикъ просыпалъ овесъ, и что слѣдуетъ туда отправиться.

— Опять галка пошла въ ходъ, иронически и сердито сказалъ Березниковъ.

— Да, опять!.. Или вотъ еще, продолжалъ Пигасовъ, попрежнему обращаясь ко мнѣ.—Возьми ты теперь французскаго анархиста. Вѣдь сердце кровью обливается, глядя на нихъ. Всѣ они неизбѣжно должны погибнуть, *должны*, понимаешь-ли? *должны погибнуть!!* потому что сію минуту они даже не могутъ приблизительно очертить того «будущаго», къ которому идутъ. Передъ ними тьма. Изъ существующихъ на ихъ глазахъ культурныхъ отношеній, какъ ихъ ни поверни, ничего не можетъ выйти такого, что-бы сдѣлало жизнь гармоническою; но существующія отношенія тяжелы, и вотъ они говорятъ: «разрушить все, а потомъ видно будетъ». Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ они объявить и обѣщать обществу, которое будетъ ихъ бить? Ничего! Ассоціацію трудящихся классовъ, сапожниковъ съ сапожниками, башмачниковъ съ башмачниками—какая казарма и какая скука! и результатъ — двѣ копѣйки барыша противъ нынѣшнихъ цѣнъ. И они знаютъ, что это — казарма и скука, знаютъ, что и существующее несправедливо, и вотъ идутъ *только* разрушать... Вѣроятно послѣ морей крови и страданій они придутъ путемъ огромныхъ усилій знанія и воли къ тому, что ассоціація-то должна быть въ одномъ человѣкѣ, что въ немъ одномъ должны сосредоточиваться, если такъ можно выразиться, всѣ знанія, всѣ науки, всѣ ремесла, а союзъ такихъ всесторонне развитыхъ людей будетъ община, общество. То-есть придутъ къ типу нашего мужика, который *все самъ*, на всѣ руки, все можетъ, ни въ комъ не нуждается и, сосредоточивая въ одномъ себѣ возможность всестороннѣйшаго развитія врожденныхъ въ немъ физическихъ и нравственныхъ силъ, представляетъ типъ «полнаго человѣка», а не башмачника, сапожника, телеграфиста... Но зато, если культурный человѣкъ, послѣ всѣхъ усилій ума, воли и знанія, послѣ всѣхъ страданій, послѣ морей крови придетъ къ тому-же типу, который въ нашемъ крестьянинѣ уже есть, существуетъ во всей красѣ и силѣ — не завоеванныхъ имъ, а взятыхъ даромъ — тогда ужъ и самостоятельность, и независимость этого своей волей выбившагося изъ мрака и холода мукъ человѣка будетъ вѣковѣчная!.. Его не сокрушитъ *случай*, не сокрушитъ дуновеніе вѣтра, какъ сокрушаетъ нашего теперешняго представителя этого типа, крестьянина. Какъ созданіе Божіе только, онъ превосходенъ, красивъ и совершененъ, вотъ какъ это развѣсистое дерево, этотъ кленъ; но если маленькій топоръ валитъ огромный дубъ, который валится и падаетъ безъ ропота, то и нашего крестьянина, который *сейчасъ* служилъ образцомъ человѣческаго совершенства и всесторонняго развитія, также валитъ всякая малость, которая бьетъ его по могучему и великолѣпно организованному тѣлу... Рубль... свистъ машины... и глядишь—«образчикъ будущаго» развалился прахомъ!..

Березниковъ, слушая эту рѣчь, сначала ходилъ взадъ и впередъ въ нетерпѣливомъ волненіи, потомъ замедлилъ шагъ, наконецъ остановился противъ Пигасова, скрестилъ по-наполеоновски руки на широкой груди и молча стоялъ, ожидая окончанія рѣчи. Когда Пигасовъ кончилъ, Березниковъ еще молчалъ нѣкоторое время, наконецъ проговорилъ:

— Позвольте... галки... вороны — это я ужъ слышалъ. А вотъ вы не изволили отвѣтить на мой вопросъ. Я разсказывалъ вамъ про рыбную артель... Такъ вотъ я желаю знать, какъ, по вашему мнѣнію. откуда все это произошло, и откуда взялись всѣ альтруистическія черты, которыя мы замѣчаемъ въ этой организаціи?.. Словомъ, кѣмъ или чѣмъ все это организовано? Народнымъ умомъ, или... ну, чѣмъ?

Пигасовъ молча выслушалъ этотъ вопросъ и какъ-то нехотя проговорилъ:

— Да тамъ у васъ какую рыбу ловятъ?

— У насъ? У насъ тамъ ловятъ сиговъ... ни болѣе, ни менѣе!

— Ну, такъ все это и произведено, спокойно отвѣчалъ Пигасовъ,—не умомъ, а... сигомъ!

И замолчалъ. Березниковъ стоялъ противъ него въ той-же наполеоновской позѣ и молчалъ, не зная, что сказать, но смотрѣлъ на Пигасова иронически.

— Соблаговолите хотя-бы краткое сдѣлать разъясненіе этой премудрой философіи?

— Соблаговолю!

— Вѣчно буду благодаренъ!

— Извольте. Вы говорите — какъ великъ неводъ-то?

Березниковъ сказалъ.

— Отчего-жъ онъ такъ великъ?

— Потому неводъ требуется для рыбы, а не для философіи, а рыба сидитъ глубоко. Надобно ее достать, и вотъ почему его дѣлаютъ такимъ, а не другимъ.

— Ну вотъ, стало быть, неводъ дѣлается по указанію сига!.. это разъ!.. А звѣзды зачѣмъ вамъ знать?

— Звѣзды надобно знать потому-съ, что ловля бываетъ ночью, и чтобы крикнуть лодкѣ, куда она должна поворотить, надо назвать какой-нибудь признакъ... и вотъ говорятъ: «вороти на такую-то звѣзду»...

— И такъ звѣзды также для сига изучаются... Ну, а вѣтеръ?

— А вѣтеръ для темныхъ, беззвѣздныхъ ночей, «вороти на такой-то вѣтеръ».

— И вѣтеръ, какъ видите, для сига-же... Теперь позвольте мнѣ спросить васъ въ свою очередь, что было-бы съ вашей артелью, еслибы сиги вдругъ исчезли?...

Березниковъ сконфузился и молчалъ.

— Вѣроятно, продолжалъ Пигасовъ:—не было-бы и артели, не было-бы ни вашей астрономіи, ни вашихъ теорій вѣтра, ни вашихъ неводовъ, ни вашихъ альтруистическихъ чувствъ... Вотъ я тоже живу въ деревнѣ. И въ ней есть рѣчка, только мелкая, въ пол-аршина глубины, сиговъ тамъ нѣтъ, а водятся пискари... И тамъ поэтому нѣтъ ни астрономіи, ни альтруизма, а есть грубый эгоизмъ: чтобы поймать пискаря, нужно засучить штаны и почти на четверенькахъ ползать по рѣкѣ, поднимая на рѣкѣ камни и выхватывая изъ-подъ нихъ пискарей: и эгоистически, и индивидуально... У васъ сиги, крупная рыба— ну, и альтруизмъ...

Пигасовъ ехидно улыбался и кусалъ по своему обыкновенію папиросу. Березниковъ не измѣнялъ наполеоновской позы, покачивался, разставляя ноги, и бормоталъ:

— Такъ-съ! Очень прекрасно!

Пигасовъ молчалъ. Березниковъ тоже молчалъ.

— А знаете, сказалъ онъ, наконецъ, Пигасову:—я васъ вѣдь опровергну.

— Пожалуйста.

— Ей-Богу, опровергну... всего какъ есть съ ногъ до головы...

— Сдѣлайте милость, очень буду радъ.

— Вы долго здѣсь пробудете?

— Дня два-три...

— Ну, такъ я непремѣнно васъ разобью на всѣхъ пунктахъ... Только дайте мнѣ сообразиться... А то вы совсѣмъ меня запутали съ вашимъ словоизверженіемъ.

— Сообразитесь!

Такіе разговоры на тему о «власти земли» почти цѣлую зиму шли между моими деревенскими пріятелями и мною. Всякій разъ, когда намъ приходилось встрѣтиться, заѣдетъ кто-нибудь ко мнѣ (преимущественно Протасовъ) или я случайно загляну къ кому-нибудь изъ нихъ—въ концѣ концовъ у насъ непремѣнно произойдетъ разговоръ, касающійся деревни, народа, интеллигенціи, словомъ,— всего того, о чемъ въ настоящее время приходится думать русскимъ людямъ всякаго званія. Кое-что изъ этихъ разговоровъ мнѣ кажется нелишнимъ сообщить читателю въ видахъ уясненія вопроса о власти земли. Передавать все, что бывало говорено на пустопорожнемъ деревенскомъ досугѣ и долго, и утомительно. Вотъ почему я и выбираю изъ этихъ разглагольствованій только отдѣльные эпизоды и сокращаю все, что къ дѣлу не относится. Разговоры идутъ преимущественно между мною и Протасовымъ, причемъ изъ нихъ взяты только извѣстные факты народной жизни; обоюдныя же наши разсужденія по поводу ихъ значительно сокращены. Первый изъ этихъ разговоровъ («Безъ своей воли») кончился ничѣмъ. Березниковъ опровергать не явился. А второй состоялъ въ слѣдующемъ:

II. Мишаньки.

Однажды, теплымъ зимнимъ вечеромъ, обыкновенный нашъ съ Пигасовымъ разговоръ принялъ образъ такого невозможнаго толченія воды въ ступѣ, что мы наконецъ по безмолвному согласію сочли нужнымъ совершенно прекратить его. Благодаря обилію только-что полученныхъ съ почты газетъ и журналовъ, это облегчающее другъ друга молчаніе удалось намъ какъ нельзя лучше. Долгое время мы молчали поистинѣ образцовымъ образомъ. Часъ-два въ комнатѣ стояла мертвая тишина — только шуршали большіе листы газетъ и періодически слышались рѣзкіе звуки, разрываемой рукою Протасова (взять костяной ножикъ ему было лѣнь) страницы новаго журнала.

И вдругъ намъ обоимъ и притомъ сразу опять смертельно захотѣлось говорить. Я прочиталъ въ газетѣ такой фактъ, что вдругъ какъ-бы одеревенѣлъ и сразу перестал понимать *рѣшительно все* (есть такіе факты, и притомъ попадаются они частенько), а Протасовъ, напротивъ, вдругъ оживился до такой степени, что я, только-что было собравшись съ силами послѣ изумленія, хо-

тѣлъ раскрыть ротъ, чтобы повѣдать Протасову объ ошеломляющемъ фактѣ, какъ онъ, не давая мнѣ сказать слова, быстро подбѣжалъ ко мнѣ съ книгою въ рукахъ, и хлопая ладонью по открытой страницѣ, почти вопіялъ съ какимъ-то даже умоляющимъ выраженіемъ лица:

— Читай! Ради Бога, читай вотъ это! вотъ! Отъ «сихъ до сихъ».

— Позволь, сказалъ-было я, — я тутъ такой фактъ вычиталъ, что у меня даже дыханіе прекратилось...

— Чи-тай! Читай, прошу тебя! вопіялъ Протасовъ, и не обращая вниманія на то, что и мнѣ тоже необходимо было освободиться отъ факта, захватившаго мнѣ дыханіе, совалъ мнѣ въ руки книгу и, тыкая въ страницу пальцемъ, умолялъ:

— Читай, я тебѣ говорю!... Вотъ именно это мѣсто! Ты увидишь потомъ... Вотъ—вотъ!

Волей-неволей я долженъ былъ уступить Протасову и прочиталъ слѣдующее:

«...Культурное значеніе финиковой пальмы громадно... Только *благодаря ей,* населеніе Аравіи могло сгуститься настолько, чтобы выдѣлить ко всѣмъ концамъ свѣта тѣ полчища, которыя такъ далеко распространили владычество ислама. *Всемірно историческая роль арабовъ прямо связана съ этимъ* ихъ священнымъ *деревомъ*: оно одно *позволяетъ* держаться и странствовать въ пустынѣ, но *оно не принуждаетъ* человѣка къ постоянному труду и осѣдлости, *позволяетъ* ему оставаться кочевникомъ *и потому не ведетъ* его выше умѣренной степени культуры и *позволяетъ застаиваться* цѣлыя тысячелѣтія *въ тѣхъ же привычкахъ, взглядахъ и потребностяхъ.* На всей необъятной полосѣ распространенія финиковой пальмы мы видимъ *тѣ-же бытовые порядки* и ту-же косность въ вещественномъ и умственномъ строѣ жизни. *Быть можетъ*, самый культъ ислама, который до такой степени къ *этой жизни подходитъ*, такъ быстро покорилъ себѣ всю эту область и царитъ въ ней одинъ, какъ выраженіе этого однообразія и того *предѣла*, который положила человѣческому *уму* природа, осчастливившая эти страны финиковой пальмой» *).

— Довольно! повелительно воскликнулъ Протасовъ, когда я дочиталъ до послѣдняго слова, и взялъ изъ моихъ рукъ книгу. Очевидно, тѣ строки, которыя онъ далъ прочитать мнѣ, сильно интересовали его, потому что все время, пока я читалъ, онъ, стоя сбоку меня и заглядывая въ книгу, поминутно тыкалъ пальцемъ въ тѣ слова и строки, которыя у меня подчеркнуты. Взявъ изъ моихъ рукъ книгу, онъ не далъ мнѣ ни минуты на то, чтобы выразить свое изумленіе по поводу того, какимъ образомъ перечисленныя достоинства финиковой пальмы такъ сильно могутъ волновать моего соотечественника, и заговорилъ, съ особенной выразительностью отдѣляя каждое слово и на каждомъ словѣ останавливаясь:

— Видишь, заговорилъ онъ: «*по-зво-ляетъ*»!.. «*не позволяетъ*»!.. «*препятствуетъ*»!.. «*не мѣшаетъ*»!... «*кладетъ предѣлъ*»! — кто? что? — Дерево! Дерево оказывается на столько властнымъ надъ человѣкомъ, что не только организуетъ его бытовые порядки, но даже создаетъ религіозный культъ, поз-воляетъ или приказываетъ разнести его по всѣмъ концамъ свѣта, формируетъ личный характеръ милліоновъ массъ... И опять, кто-же этотъ творецъ и зиждитель? Дере-во! Дерево! Понимаешь-ли ты, что это такое? И какъ-же у насъ на Руси не идти на ржаное поле и не обращаться *къ колосу* за отвѣтомъ на вопросы о всѣхъ, рѣшительно о всѣхъ особенностяхъ, даже о мельчайшихъ случайностяхъ русской жизни?

— Ну, сказалъ я,—а вотъ это, вотъ что я сейчасъ прочиталъ въ газетѣ, любопытно, объяснишь-ли ты ржанымъ полемъ?

— Что такое ты прочиталъ?

И я немедленно же сталъ разсказывать ему прочитанный фактъ, радуясь возможности избавиться отъ того впечатлѣнія, которымъ этотъ фактъ меня буквально ошеломилъ, и, не заботясь о томъ, насколько онъ соотвѣтствуетъ громадному значенію финиковой пальмы, которымъ Протасовъ былъ поглощенъ.

Фактъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ одинъ осенній вечеръ, по Загородному проспекту въ Петербургѣ ѣхалъ извозчикъ и везъ сѣдока. И сѣдокъ, и извозчикъ повидимому были оба мертвецки пьяны; оба они качались то взадъ, то впередъ, то направо, то налѣво, что дальше, то больше, и наконецъ на поворотѣ въ какой-то переулокъ, куда лошадь повернула сама, такъ какъ извозчикъ ею ужъ не правилъ, оба сѣдока, т. е. и извозчикъ, и сѣдокъ, свалились съ пролетки одинъ въ одну сторону, другой въ другую. Лошадь ушла. Сѣдоки лежатъ бездыханны. По обыкновенію, ихъ взяли и свезли въ часть и здѣсь одинъ изъ нихъ—извозчикъ—умеръ, не приходя въ сознаніе, а другой пришелъ въ себя и оказался фельдшеромъ Обуховской больницы; въ карманѣ его найдена стклянка, въ которой оказался хлоралъ-гидратъ; по вскрытіи тѣла извозчика, оказалось, что онъ отравленъ также хлоралъ-гидратомъ, принятымъ въ лошадиной пропорціи. Фельдшеръ былъ арестованъ и дѣло его не успѣло еще разъясниться, какъ въ другомъ концѣ Петербурга произошло слѣдующее: ночью сидитъ у воротъ одного дома дворникъ и видитъ: два мужика несутъ за ноги и за голову третьяго, въ безчувственномъ состояніи. «Что такое? куда? кто?» спросилъ ихъ дворникъ, когда они поровнялись съ воротами дома и хотѣли пронести свою ношу. — «Да тутъ, отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ:—братанъ... натрескался въ кабакѣ... Изъ деревни пріѣхалъ, нажрался съ устатку-то... несемъ домой... въ фатеру... Пусть проспится»...— «Ну, несите!» разрѣшилъ дворникъ и мужики понесли... Стуча сапогами и цѣпляя ими за камни мостовой двора, понесли они свою ношу, но не въ «фатеру», а прямо, черезъ весь дворъ, въ дальній уголъ, гдѣ была разверста зловонная пасть помойной ямы, и, раскачавъ свою ношу—«братана-то,—ввергли его въ эту яму, какъ какое-нибудь полѣно. Ввергли и ушли въ «фатеру». Долго-ли, коротко-ли, но братана этого разыскали въ помойной ямѣ; онъ былъ мертвъ и, какъ оказалось, былъ при-

*) «В. Е.», 1882, № 9.

несенъ уже мертвымъ. Братана вскрыли, и опять оказалось, что онъ отравленъ хлоралъ-гидратомъ. Эти два случая отравленія однимъ и тѣмъ-же ядомъ заставили слѣдователя энергично приняться за дѣло, разультатомъ чего и былъ судебный процессъ. На процессѣ этомъ выяснилось, что жили-были въ Петербургѣ «на фатерѣ» мужикъ съ бабой и надумали *«этакимъ вотъ манеромъ»* деньги наживать... Достали сонныхъ капель отъ фельдшера, растолковали двумъ Мишанькамъ, деревенскимъ парнямъ, какъ капли эти на водку «пущать» и какъ деньги вытаскивать изъ кармана, и отправили ихъ на добычу. И вотъ Мишаньки принялись—вѣроятно за харчи (работы нонѣ мало.. хошь съ голоду помирай!)—орудовать, но съ непривычки (кабы знато, кака препорція!) стали бухать въ водку извозчикамъ такое количество капель, что закатывали людей на смерть. Даже фельдшеръ, который сонныя капли доставалъ, и тотъ чуть на тотъ свѣтъ не отправился.— Что вы, дуроломы, ругала ихъ баба-хозяйка, отправляя на промыселъ и вручая пузырекъ съ каплями:—дурòмъ лекарство-то изводите! Вѣдь оно дорогое! Вѣдь деньги за него плачены—не щепки! Не жаль хозяйскаго добра-то... О-о-охъ, Господи батюшка! Грѣхи, грѣхи тяжкіе! Бухаете по цѣлому пузырьку—не напасешься!... О-о-охъ, отче Макаріе, праведные угодники печерскіе, помилуй насъ грѣшныхъ! Берите лекарствіе-то, безумные!..» Но Мишаньки не умѣли, не пріобыкли и даже, можетъ быть, со страху продолжали не жалѣть хозяйскаго добра: угощая водкой послѣднюю жертву хозяйской выдумки, какого-то иззябшаго на морозѣ извозчика (котораго потомъ спустили въ яму), одинъ изъ Мишанекъ бухнулъ ему въ стаканъ такую пропасть сонныхъ капель, что извозчикъ умеръ въ то же самое мгновеніе, какъ выпилъ стаканъ, умеръ сразу, не успѣвъ отереть усовъ, а только дохнулъ какимъ-то звукомъ, похожимъ на «у-уххъ!», и грохнулся объ земь, уже испустивъ духъ. Результатомъ всей этой хозяйской выдумки, такъ безпрекословно, хотя и весьма топорно исполненной Мишаньками работниками, было то, что, отправивъ на тотъ свѣтъ двоихъ человѣкъ, они выручили всего на всего около четырехъ цѣлковыхъ, которые и предоставили хозяину «копѣйка въ копѣйку». (Мнѣ чужого не надо! говоритъ Мишанька по чистой совѣсти и, какъ говоритъ, такъ дѣйствительно и дѣлаетъ.)

Разсказавъ Протасову этотъ газетный фактъ, я не могъ удержаться, чтобы тотчасъ-же не высказать моего мнѣнія объ этомъ нелѣпѣйшемъ изъ нелѣпѣйшихъ и глупѣйшемъ изъ глупѣйшихъ злодѣевъ. Именно глупость, полное отсутствіе какого-нибудь смысла или разсчета въ поступкахъ этихъ Мишанекъ, этого хозяина и хозяйки и ошеломили меня, едва я только въ первые прочиталъ объ этомъ фактѣ, ошеломили до того, что я сразу какъ-то пересталъ понимать, что̀ такое творится на бѣломъ свѣтѣ. Судите сами: есть-ли какой-нибудь человѣческій смыслъ поправлять свои дѣла, отравляя—кого? извозчиковъ, у которыхъ никогда не можетъ быть болѣе двухъ-трехъ рублей! Настоящій злодѣй, рискуя каторгой, въ самомъ дѣлѣ выдумываетъ что-нибудь такое, что̀ можно выразить выраженіемъ *«либо панъ, либо пропалъ»*. Этотъ-же «по мужицкому своему званію» надумалъ морить и грабить своего брата, ночниковъ-извозчиковъ, тогда какъ по пальцамъ могъ-бы сосчитать, что для того, чтобы «такимъ манеромъ» заработать, положимъ, сто рублей, нужно усѣять Петербургъ трупами и переполнить мертвецами всѣ помойныя ямы. Самый простой разсчетъ, казалось, говоритъ этому выдумщику, что затѣя его нелѣпа. Изъ четырехъ цѣлковыхъ, вырученныхъ безпрекословными Мишаньками, вѣдь надо отдать было за лекарствіе фельдшеру, надо угостить его водкой, надо водкой поить извозчиковъ, надо съ Мишаньками подѣлиться, потому что они вѣдь стараются, буквально «себя не жалѣютъ», да наконецъ надо ихъ кормить, вѣдь они ѣдятъ по четыре фунта въ день одного хлѣба, да хлебова все надо дать хоть разъ-то въ день, а вѣдь теперь все дорого («способовъ нѣту!» говоритъ хозяйка). Какой-же смыслъ и разсчетъ? Ничего, кромѣ самой глупѣйшей-глупости, увѣнчиваемой каторжными работами. Не отравляя и не рискуя каторгой и сознаніемъ грѣха, всѣ эти четыре человѣка на поденьщинѣ (если-бы она случилась) могли-бы, считая по 70 копѣекъ, заработать 2 рубля 80 копѣекъ въ сутки, и были-бы на милліонно-верстномъ разстояніи отъ убійства, отъ каторги, да и щи были-бы у нихъ съ мясомъ. Но забралась въ какую-то очевидно глупую голову мысль насчетъ сонныхъ капель,—мысль, вѣроятно почерпнутая отъ настоящихъ мазуриковъ, въ какомъ-нибудь темномъ углу, и вотъ она осуществляется при помощи Мишанекъ, осуществляется совершенно «по топорному», безобразно глупо, безцѣльно, нелѣпо, словомъ, глупо до безчувствія. Людей валятъ «дурòмъ», кое мѣсто объ мостовую, кое въ помойную яму. Точно въ самомъ дѣлѣ это не люди, а дрова, и Мишаньки нанялись эти дрова валить туда, куда прикажутъ хозяева...

— Да! сказалъ Протасовъ:— это документъ! и документъ, я тебѣ скажу, превосходнѣйшій. То есть для меня и для того, о чемъ я теперь думаю... Отличнѣйшій, отличнѣйшій документъ!

— То есть, отличнѣйшій, переспросилъ я его:— въ пользу все того-же ржаного поля?

— Конечно! Только то, что̀ ты разсказалъ, надобно немного дополнить... Надобно сдѣлать небольшую прибавочку, и тогда ты поймешь, что фактъ этотъ имѣетъ глубочайшее значеніе и для ржаного поля.

— Чѣмъ-же ты его дополнишь?

— А вотъ чѣмъ... Ты вотъ разсказалъ о глупомъ и жестокомъ поступкѣ всѣхъ этихъ Мишанекъ. Глупы-глупы они, эти Мишаньки, и нелѣпы, а пришлось, случилось—исполнили, что̀ приказано, и исполнили, какъ видишь, безъ сумленія. Какъ-никакъ, а двухъ человѣкъ отправили на тотъ свѣтъ, хоть и по топорному... Словомъ, ты сообщилъ такой фактъ, въ которомъ Мишаньки являются со

стороны своей глупости и безобразнѣйшей умственной нелѣпицы. Теперь я представляю тебѣ этихъ-же самыхъ Мишанекъ совершенно въ другомъ видѣ... Разумѣется, ихъ приговорили къ каторгѣ, и вотъ тутъ-то мы ихъ увидимъ совершенно въ другомъ видѣ... Во-первыхъ, они ужъ въ артели—это непремѣнно—и здѣсь тѣ самые люди, которые «безъ разсудку», «такъ зря», спустили въ помойную яму человѣка, бросили его такъ, какъ бросаютъ полѣно,—посмотри, какъ они ведутъ себя въ этой артели острожной... Погляди, напримѣръ, какъ они ѣдятъ. Вотъ шесть человѣкъ такихъ-же все Мишанекъ, и старыхъ, и молодыхъ, сидятъ за чашкой щей... Въ чашкѣ, положимъ, накрошено мясо (нѣкто пожертвовалъ по случаю благополучной неотдачи денегъ въ скопинскій банкъ), такъ вотъ посмотри, какъ они ѣдятъ и эти щи, и это мясо... Во-первыхъ, сначала для того, чтобы никому изъ артельщиковъ не было обиды—ѣдятъ всѣ шестеро одни только щи, мяса не трогаютъ... Хлебаютъ. И хлебаютъ по порядку. Первый дожидается шестого, чтобы вновь опустить свою ложку. Такъ продожается до тѣхъ поръ, покуда въ комъ-нибудь изъ шестерыхъ не созрѣетъ убѣжденіе (а убѣжденіе зрѣетъ въ каждомъ, такъ какъ каждый наблюдаетъ за собой и за всѣми), что насталъ часъ приступить и къ мясу. И вотъ, убѣдившись, что другіе раздѣляютъ это мнѣніе, артельщикъ стучитъ ложкой о край чашки. Только тогда, также по порядку, одинъ за другимъ, начинаютъ ѣсть мясо, и точно такъ-же какъ прежде, шестой даетъ возможность первому вновь опустить ложку въ чашку и взять кусокъ; кто-нибудь задумался, и вмѣсто щей съ мясомъ взялъ ложкой однихъ щей—напомнятъ, скажутъ: «ты что-жъ кусокъ-то пропустилъ?..» И куски всѣ нарѣзаны точь-въ-точь поровну; словомъ, на глотокъ, на каплю нѣтъ несправедливости къ сосѣду, къ щамъ, къ мясу и къ хлѣбу... Похожи-ли, спрошу я тебя,—*эти* Мишаньки, эти товарищи, внимательнѣйшіе другъ къ другу, справедливѣйшіе другъ къ другу, словомъ, Мишаньки, дающіе тебѣ возможность чувствовать всю прелесть братскихъ отношеній между людьми, на тѣхъ Мишанекъ, которые валятъ братановъ и валятъ зря (вотъ что главное-то!) въ помойныя ямы? Похожи? Нѣтъ! Совсѣмъ не похожи. Но вѣдь это одни и тѣ-же Мишаньки—вотъ что ужасно, вотъ что важно! вотъ почему фактъ, который ты сообщилъ, вмѣстѣ съ моимъ дополненіемъ, которое я имѣю право сдѣлать безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія въ его справедливости, вотъ почему оба эти факта, слитые воедино (а они на Руси всегда слиты воедино), знаменательны: они даютъ русской жизни ту главную, преобладающую черту ненужнаго, излишняго «неблагообразія», которая дѣлаетъ ее въ концѣ-концовъ мучительной...

— Ужъ я не говорю, продолжалъ Протасовъ:—собственно о деревенской жизни; здѣсь положительно на каждомъ шагу тебя то морозъ деретъ по кожѣ, то душа растворяется въ нѣжнѣйшемъ умиленіи. «—Знаешь, говоритъ тебѣ, положимъ, сегодня утромъ какой-нибудь пріятель, я былъ въ деревнѣ и не знаю... кажется, никогда въ жизни не испытывалъ такихъ по-истинѣ благоговѣйныхъ ощущеній. Какая въ нихъ простота, доброта, какой свѣтлый умъ, сколько остроумія, какое терпѣніе, какіе удивительно широкіе, просторные идеалы жизни!.. Я былъ недолго, это правда, но ужъ и того, чтó я видѣлъ, достаточно, чтобъ сказать, что у нашего народа великая будущность—великая!.. Мы со всѣми нашими интеллигентными потрохами—ноль... больше ничего, ничтожество!..» А вечеромъ приходитъ другой пріятель, такъ-же отвѣдавшій деревни, и вотъ что говоритъ:—«Знаешь, на этихъ дняхъ мнѣ пришлось провести нѣсколько времени въ деревнѣ, такъ я ей-Богу до сихъ поръ не могу опомниться, придти въ себя. Чтó я тамъ только видѣлъ—уму непостижимо! Понимаешь-ли, до сихъ поръ не могу еще опомниться, очувствоваться, придти въ себя, а я ужъ больше недѣли какъ воротился оттуда... Понимаешь-ли...(разсказчикъ переводитъ духъ) просто—дерутъ другъ съ друга шкуру! Такого безчеловѣчія, такого безсердечія я... да, нѣтъ! это невозможно!» И какъ первый изъ посѣтителей деревни, пріѣхавшій оттуда въ восхищеніи, завалилъ тебя разсказами о самыхъ привлекательнѣйшихъ явленіяхъ деревенской жизни, которыя онъ видѣлъ «собственными своими глазами», такъ и второй преподноситъ факты, такъ-же видѣнные «собственными своими глазами», но ужъ потрясающіе безобразіемъ и безчеловѣчностью. А сойдутся оба пріятеля—еще того хуже; тутъ начинаются такіе разговоры, въ которыхъ ничего понять невозможно. — «Я — съ разстановкой и съ явнымъ желаніемъ придать каждому слову непоколебимую тяжеловѣсность, говоритъ одинъ изъ пріятелей:—самъ, собственными своими глазами, видѣлъ, какъ на сходѣ здоровенный мужикъ, котораго съ перваго взгляда можно было-бы принять за разбойника, просилъ у общества и кланялся ему въ ноги—понимаете-ли? — въ ноги кланялся и у-мо-л-я-л-ъ отдать ему шестерыхъ сиротъ,оставшихся безъ отца и матери. Я самъ своими собственными глазами это видѣлъ»... «—Позвольте, возражаетъ другой:—очень можетъ быть, что вы все это видѣли... То есть, не только «можетъ быть», а навѣрно; но поручитесь-ли вы, что этотъ благодѣтель, похожій на разбойника, не взвалитъ сиротъ на телѣгу, не отвезетъ ихъ въ Москву, чтобы раздать по лавкамъ и кабакамъ, и на полученныя по контрактамъ деньги не купитъ для своего хозяйства сиваго мерина?.. Я говорю это потому, что я «самъ, своими собственными глазами» видѣлъ, какъ (желаніе придать тяжеловѣсность каждому слову начинаетъ невольно овладѣвать и этимъ наблюдателемъ) родная мать—понимаете-ли—родная мать, не хотѣла—слышите ли?—не хотѣла лечить родного сына, который умиралъ и котораго можно было вылечить! — не хотѣла потому, что иначе старшій ея сынъ, который ее кормилъ столярной работой, долженъ-бы былъ пойти въ солдаты! Она на моихъ глазахъ сорвала съ ребенка компрессы, вылила въ помой-

ную яму лекарство и ему, живому, умоляющимъ голосомъ просившему испить: «мамынька, горитъ въ нутрѣ, охъ, мамынька-мамынька»... совала въ руки восковую свѣчку какъ умирающему, а воды не давала... Вотъ что я видѣлъ, собственными своими глазами!» «—Не знаю! скажетъ другой—впрочемъ мало-ли на свѣтѣ злодѣевъ и уродовъ... Я не только не видалъ ничего подобнаго, но, напротивъ, видѣлъ такія удивительныя, нѣжныя отношенія матерей и отцовъ къ дѣтямъ, выше которыхъ нельзя ничего себѣ представить... Да вотъ я вамъ разскажу...» И разсказываетъ такой фактъ, отъ котораго у перваго пріятеля, какъ говорится, языкъ прильпе къ гортани и слова онъ не можетъ вымолвить. Такъ блистателенъ и великолѣпенъ фактъ, преподнесенный въ опроверженіе примѣра безсердечія и безчеловѣчія... «Не знаю, въ свою очередь говоритъ опровергнутый:—очень можетъ быть... впрочемъ я мало знаю народную жизнь.. Но мнѣ случалось видѣть... вотъ что»... И вновь преподноситъ какое-нибудь такое деревенское изобрѣтеніе, что и восторженный поклонникъ деревни не находитъ возможнымъ сказать что-нибудь кромѣ того-же: «не знаю... можетъ быть, впрочемъ... я такъ мало знаю...»

Но это еще не все! Восторженный и ожесточенный опять ѣдутъ въ деревню и опять возвращаются оттуда съ фактами и наблюденіями, но на этотъ разъ съ ними произошла значительная перемѣна... Осовѣлъ восторженный и поутихъ ожесточенный...—«Да-а! растягивая слова, говоритъ восторженный, чувствуя въ головѣ своей какой-то шумъ, точно послѣ ошеломляющаго удара:—да-а... дѣйствительно, что-то тамъ какъ будто не вполнѣ»... и разсказываетъ такую исторію:—«Помните, я разсказывалъ, какъ мнѣ тамъ понравилось... Я попалъ на передѣлъ, и мнѣ до того они всѣ показались благородными и справедливыми, что я положительно пришелъ въ восторгъ. Вотъ теперь былъ я во второй разъ и говорю одному старику, который мнѣ особенно понравился: «Что, говорю, вѣдь я хочу тутъ жить у васъ, у васъ славно, просто, хорошо».—Обрадовался старикъ: «Живи, живи, мы хорошимъ людямъ рады...» И пошелъ мнѣ расписывать, гдѣ и у кого купить домъ, какъ починить сарай и такъ далѣе... Точно о маломъ ребенкѣ заботится—что я ему? Чужой человѣкъ, а онъ рѣшительно каждый гвоздь предусмотрѣлъ и обдумалъ въ томъ домѣ, который еще не купленъ, и обдумалъ все до послѣдняго гвоздя въ мою пользу...—«А баню, говоритъ, мы за двадцать пять цѣлковыхъ отхватимъ за мое почтеніе... Только *ты не спѣши, не торопись, не суй денегъ въ руки, когда не надо, а погоди, псремени...*» И сталъ онъ тутъ говорить не громко и даже какъ то не губами говорилъ, а носомъ: верхнюю губу подтянулъ къ носу и такъ сквозь щетину-то и сталъ пропускать носовые звуки такого содержанія:—«Успѣется, главная причина—спѣшить не надо, а пообгодить да пообождать... Вотъ *по веснѣ*... такъ тутъ мы съ тобой такую штуку укупимъ, которую ежели *теперь* торговать, такъ шестьдесятъ либо семьдесятъ рублей отдашь, а по веснѣ-то мы за двадцать отломимъ... вотъ что я тебѣ скажу!..»—Почему же такъ?—«Да потому, что *нужда, братецъ ты мой, нужда настигнетъ*, а нужда вѣдь, братецъ ты мой,—о-о-охъ, какъ она нашего брата нажимаетъ! Теперь вотъ у иного хлѣба-то на мѣсяцъ не осталось, а повеснѣ-то и совсѣмъ негдѣ взять... вотъ отъ чего, другъ сердечный, и за двадцать отдадутъ, которая вещія шестьдесятъ, семьдесятъ стоитъ... Только ужъ ты слухай меня, я тебя не обману!..» Сказалъ онъ мнѣ это наивно, добродушно, даже прямо жалѣлъ тѣхъ, кому по-веснѣ придется продавать «вещію» вмѣсто восьмидесяти за двадцать—и вполнѣ, вполнѣ искренно жалѣлъ... А не хорошо, неловко стало у меня на душѣ».—«И знаете, прибавляетъ ошеломленный этимъ фактомъ соболѣзнующаго грабительства:—я сталъ замѣчать, что у нихъ два рода разговоровъ: то орутъ, такъ что за двадцать верстъ слышно, орутъ во всю глотку, на міру, а то какъ-то какъ будто совсѣмъ не говорятъ... сойдутся, пошевелятъ носами и усами, помычатъ что-то... а потомъ и разойдутся... Вотъ этотъ-то разговоръ ужасно непріятенъ, удручающъ... Не все стало-быть тутъ чисто и откровенно... Есть стало-быть тутъ дѣла, которыя понимаются почти только обнюхиваніемъ другъ друга. И если они обнюхиваютъ по такимъ дѣламъ, какъ вотъ эта баня... такъ, право, не хорошо что-то... Впрочемъ я не знаю, я такъ вообще мало знакомъ съ народной жизнью, что... вообще не знаю! Мудрено!»

Такъ заключаетъ свою рѣчь восторженный поклонникъ деревни, чувствуя какую-то слабость и въ головѣ, и во всемъ тѣлѣ, и не имѣя возможности высвободиться изъ подъ ошеломляющаго впечатлѣнія только-что разсказаннаго факта...

А вотъ является и другой наблюдатель, вчера еще ожесточенный несказанно и почти бѣсновавшійся,—и онъ тоже какъ будто осовѣлъ, и, раскланиваясь со своимъ недавнимъ врагомъ-собесѣдникомъ, не только не сердито, а напротивъ въ высшей степени умильно смотритъ на него и съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ пожимаетъ руку. Очевидно, они виноваты другъ противъ друга. Погорячились, не зная дѣла. Одинъ изъ нихъ, какъ мы уже видѣли, покаялся, а скоро начинаетъ каяться и другой:

— Да! начинаетъ онъ, сконфуженно отирая потный (также отъ конфуза) лобъ:—да... дѣйствительно!.. Тутъ, разумѣется, играетъ главную роль незнаніе... Пріѣдешь, поглядишь и позволяешь себѣ судить... Между тѣмъ какъ при болѣе внимательномъ изученіи... иногда просто поражаешься фактомъ у-д-ди-вительной душевной чистоты!..»

— Какъ? восклицаю я, посторонній слушатель. —Да ты же самъ вчера говорилъ, что тамъ другъ съ друга чуть не сдираютъ кожу? Какая же эта «душевная чистота»?

— Я говорилъ и повторю... Потому что я самъ видѣлъ! но я также могу привести и такой при-

мѣръ: у одного моего пріятеля, земскаго врача, живетъ старикъ, одинокій, 80 лѣтъ. Этотъ старикъ двадцать восемь лѣтъ работалъ на одного купца, работалъ буквально какъ волъ—у него сзади на шеѣ образовался даже твердый желвакъ отъ носки бочекъ съ сахаромъ, кулей и такъ далѣе, нѣчто вродѣ лошадиной холки. Прослужилъ онъ двадцать лѣтъ и долженъ былъ уйти куда глаза глядятъ, потому что купецъ какъ-то вдругъ прогорѣлъ, сталъ пить и въ концѣ концовъ наложилъ на себя руки. Послѣ него осталась большая семья въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Старику пришлось уйти, искать мѣста, и ушелъ онъ буквально безъ копѣйки. Ни одежи, ни хлѣба, ничего буквально у него не было, когда ему пришлось выйти изъ этого дома прямо на мостовую, на шоссе и искать себѣ хлѣба. И рѣшительно, какъ разсказывалъ мой пріятель, никогда ни одного упрека не слыхалъ онъ отъ старика на счетъ своей горькой доли. «Богъ съ ними! сами они въ нуждѣ. Грѣхъ и брать-то...» А вѣдь за двадцать восемь лѣтъ службы, считая по самой умѣренной платѣ, и то бы пришлось старику не одну сотню получить... И вотъ эти-то сотни онъ терялъ безъ всякаго сожалѣнія... Шелъ слабыми ногами невѣдомо куда искать хлѣба тогда, когда ужъ собирался перестать работать и, запасшись заработанными деньгами, обойти нѣкоторыя излюбленныя святыя мѣста, а потомъ и умереть честно и праведно... Ни малѣйшаго сожалѣнія объ утраченныхъ деньгахъ, о нищенской старости никогда мой пріятель отъ старика не слыхалъ. Но вотъ на этихъ дняхъ устроилъ мой пріятель для своихъ и для деревенскихъ дѣтей елку... Набралось много народу, мужиковъ, бабъ, парней мальчиковъ и дѣвочекъ. И старикъ приплелся, стоитъ въ передней, выставивъ бороду, и какъ ребенокъ радуется: «каково хорошо!». Стали раздавать подарки, коробочки, всякіе пустяки, и старику дали... Держитъ, любуется, боится раздавить... А есть тутъ у этого же моего пріятеля дѣвушка, тоже крестьянка, въ услуженіи. И ужъ невѣста, и ей досталась коробка, но въ коробкѣ случайно оказалась конфетка, на которой былъ нарисованъ парень. Показала она подругамъ—тѣ и засмѣяли: «о парняхъ-молъ думаетъ, такъ вотъ парень и достался». Сгорѣла она при всѣхъ отъ стыда.—«Позвольте, говоритъ, обмѣнять мнѣ его на сахарную собаку». Ей не позволили, потому что было ужъ очень смѣшно ея смущеніе. Да и парни также возроптали. «Ишь ты! парня на собаку хочешь мѣнять!» Вотъ она, чтобы отдѣлаться отъ этого смѣха и пристала къ старику—промѣняться коробками: «на кой, тѣ лядъ?»—Не отдамъ!—«Дѣдушка, родименькій!» Не отдаетъ, насупился, брови нахмурилъ.—«Пошла, не приставай!» Облапилъ подарокъ обѣими руками, ощетинился, но та не церемонилась съ нимъ, подкарауливъ минуту, выхватила изъ его рукъ коробку, сунула туда свою съ парнемъ и пустилась бѣжать, старикъ за ней, да вѣдь какъ звѣрь! ноги-то не ходятъ... догнать не можетъ... схватилъ полѣно у печки, пустилъ въ догонку... Ну, совершенныя дѣти. Понравилась ему игрушка, и облапилъ какъ сокровище, а двадцать восемь лѣтъ труда пропали—ничего: «Богъ съ ними...» Чистыя дѣти!.. Нѣтъ, вы (обращается къ вчерашнему оппоненту)—вы правы... Дѣйствительно, чистота души...

— Нѣтъ, прерываетъ первый изъ покаявшихся: чистота, конечно... И я самъ чистоту видѣлъ... но дѣйствительно иногда и шкуру, какъ вы говорите...

— Такъ вотъ и идетъ! Чистота души... шкура... Любовь къ ближнему и «забилъ на смерть»... высшая справедливость... жестокая несправедливость—и все это вмѣстѣ, все рядомъ и все иногда въ одномъ и томъ же лицѣ... Поди вотъ разбирай, гдѣ они и когда сливаются, когда расходятся, что въ нихъ «въ самомъ дѣлѣ», а что—нѣтъ... Поди вотъ разбери, гдѣ граница благообразія и начало неблагообразія? Чистое сердце и благообразіе, чистое сердце и безобразіе—вотъ изъ безпрерывнаго соединенія явленій того и другого рода вмѣстѣ и выходитъ то положеніе вещей, взглянувъ въ которое, можешь только содрогаться. «Ты—сказалъ покойный Некрасовъ—и убогая, ты и обильная; ты и могучая, ты и безсильная...» Признаки вѣрные, но чтобъ эти признаки не были пустыми словами, надо же наконецъ хоть какой-нибудь опредѣленный отвѣтъ: въ чемъ именно могучая? въ чемъ именно безсильная? въ чемъ обильная и въ чемъ убогая?.. Необходимо дать себѣ на эти вопросы хотя-бы самый грубый, но самый общепонятный отвѣтъ, иначе всякій русскій человѣкъ не отдѣлается отъ страшной необходимости таить въ своемъ сердцѣ радужныя, почти дѣтскія желанія и чувствовать необходимость закалять свое сердце въ ожесточеніи... Безплодная тягота жизни, безпрерывное ощущеніе неблагообразія отношеній, безпрестанная тоска ожиданія чего-то обѣщающаго не добро... Право, иной разъ ночью проснешься покурить и испугаешься... Чего? Да такъ всего!.. Тотчасъ при воспоминаніи дня, что-то начинаетъ давить грудь, и думаешь... Чего этотъ прошлый день хочетъ добиться? Изъ-за чего онъ такъ ужасно и такъ необычайно серьезенъ (даже «сурьезенъ») и такъ необычайно грубъ, глупъ и нелѣпъ!.. И кто же съ такой упорной настойчивостью, что называется, непокладаючи рукъ, воспроизводитъ этотъ грубый, глупый, серьезный, нелѣпый день, воспроизводитъ его безъ передышки цѣлыми годами? «Ничего не выйдетъ!»—вотъ мысль, которой оканчиваются мечты ночного пробужденія и ночного страха. Я хочу знать—отчего «все это можно»? Что жъ это наконецъ такое? Почему я могу «ненарокомъ сокрушить превосходнаго Мишаньку, а превосходный Мишанька можетъ также «играючи» сокрушить меня? Какъ-нибудь да надо знать—что у меня есть хорошаго и худого? Въ чемъ я убогъ и въ чемъ я могучъ? И вотъ я радъ этому писателю, который съ своей финиковой пальмой даетъ мнѣ капельку возможности разобраться въ моихъ мукахъ».

III. «Интеллигентный» человѣкъ...

— «... И право, говорилъ Протасовъ, какъ-то еще въ другое наше свиданіе, — поистинѣ удивительно слышать иногда въ нашемъ обществѣ такое краткое объясненіе всего нашего положенія, всѣхъ достоинствъ и недостатковъ: «Баринъ плохъ, говорятъ тебѣ, а мужикъ хорошъ, великолѣпенъ; все, чтó въ полушубкѣ, — все это хорошо, а все, чтó не въ полушубкѣ,—все это плохо! Или еще хуже: «*Народъ* хорошъ, а *интеллигенція* плоха!..» Интеллигенція! И слова-то этого множество разглагольствующаго народа даже и не понимаютъ путемъ; тогда какъ оно должно-бы имѣть самый опредѣленный, глубокій смыслъ... я запомнилъ, не помню чье-то превосходное опредѣленіе этого слова—вотъ оно: «Интеллигенцію надобно понимать внѣ званій и состояній, внѣ размѣровъ благосостоянія и общественнаго положенія. Интеллигенція среди всякихъ положеній, званій и состояній исполняетъ всегда *одну и ту же* задачу. Она всегда – свѣтъ, и только то, чтó свѣтитъ, или тотъ, кто свѣтитъ, и будетъ исполнять интеллигентное дѣло, интеллигентную задачу. Въ полѣ— грѣютъ сучья хвороста, въ избѣ—лучина, въ богатомъ домѣ —лампа. Но вездѣ разными способами задача исполняется одна и та же: во тьму вносится свѣтъ...» Вотъ это опредѣленіе, и такой интеллигентный человѣкъ всегда былъ и есть въ деревнѣ.

— Разскажу тебѣ одинъ небольшой примѣръ по этому случаю. Какъ извѣстно тебѣ, освобожденіе крестьянъ совершилось не вдругъ; нужно было много усилій «лучшихъ людей», чтобы крѣпостная неправда стала для общества настолько общедоступной, чтóбы общество это рѣшилось чѣмъ-нибудь пожертвовать для прекращенія этой неправды. Въ высшемъ обществѣ работала литература и вообще люди туманнаго образа мыслей, дѣйствуя такими средствами, которыя въ этомъ обществѣ оказывались возможными и наиболѣе достигающими цѣли; одни ходатайствовали, другіе писали чувствительныя драмы народныхъ страданій, осторожно дѣйствуя на сердце и чувство читателей, состоявшихъ изъ помѣщиковъ и помѣщицъ. Такъ поступали интеллигентные люди, стараясь достигнуть извѣстныхъ цѣлей въ кругу образованнаго общества... Но и въ деревнѣ, и въ курной избѣ, тамъ, гдѣ вмѣсто лампы горитъ лучина — и тамъ были свои интеллигентные люди, добивавшіеся *тѣхъ же самыхъ* цѣлей, чтó и интеллигентные люди высшаго общества, *но по своему*... Жилъ не подалеку отъ нашей усадьбы, я помню, одинъ помѣщикъ, кажется, по фамиліи Строевъ, или Устроевъ—хорошенько не помню, — но помню, что никто не называлъ его настоящей фамиліи, а именовали его «Сквозьстроевымъ» и именовали вслѣдствіе необузданной его жестокости. Онъ владѣлъ большой деревней на большой дорогѣ и неподалеку отъ нея былъ его господскій домъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова тиранъ. Мало ему было барщины, оброковъ и всего, чтó надлежало получать помѣщику,—ему еще надобно было тѣшить свою «удаль молодецкую»... Безпрекословнымъ, молчаливымъ и угрюмымъ исполнителемъ всѣхъ его тиранствъ былъ дворовый мужикъ Тихонъ, онъ и кучеромъ былъ у барина. Казалось, это былъ не человѣкъ, а машина, стѣнобитное орудіе, одинаково молчаливое на сожалѣніе, какъ и на ненависть. «Холопства», т. е. потаканія и одобренія барскихъ прихотей, въ Тихонѣ не было ни капли, но не было и порицанія. Чтó прикажутъ, то исполнялъ съ точностью, а ни одобреній, ни порицаній не выражалъ. Но вотъ у него въ одинъ годъ отъ холеры померли жена, два сына и дочь—словомъ, исчезло все семейство, и онъ остался одинъ одинешенекъ, какъ перстъ. Вѣроятно тоска одиночества навела его на мысль о «Божіемъ наказаніи» — припомнилось ему, какъ вопіяли однодеревенцы, припомнились ему ихъ возгласы: «кровопивецъ ты», «накажетъ тебя Богъ», «чтобъ тебѣ не своею смертью помереть». И подъ вліяніемъ этихъ мыслей и полнаго одиночества, молчаливый, желѣзноравнодушный Тихонъ сталъ преображаться въ глубочайшаго ненавистника. Онъ сталъ все чаще и чаще, какъ говорится, «храпѣть» на барскія приказанія, затѣмъ сталъ прямо рѣзко и грубо отказываться исполнять ихъ, а когда его самого за это стали наказывать, то онъ уже не молчалъ, а клялъ все и вся, во всю глотку, и не стѣсняясь никакими выраженіями... И наконецъ надумалъ месть. Въ одинъ жгучій лѣтній день, когда вся деревня была на работѣ, вспыхнулъ пожаръ. Загорѣлось почти мгновенно въ одномъ, въ другомъ, въ третьемъ домѣ, потомъ, спустя незначительный промежутокъ, въ другомъ концѣ деревни – и черезъ нѣсколько минутъ надъ деревней бушевала буря огня... Завидѣвъ пожаръ, народъ опрометью бѣжалъ съ полей, спасать свое имущество—и тутъ-то ему представилось необыкновенное зрѣлище: погорѣльцы увидѣли Тихона, который съ горящей головешкой, какъ безумный, метался по деревнѣ и поджигалъ тѣ строенія, которыхъ еще не коснулся пламень.—«Погоди! вопіялъ онъ въ изступленіи: — я тебѣ докажу права! Поплачешь и ты у меня! На! на! вотъ тебѣ гостинецъ!» оралъ онъ и совалъ головешку то въ соломенную крышу, то въ скирдъ хлѣба, то въ стогъ сѣна. Ожесточенные несчастіемъ мужики, увидѣвъ, чтó творитъ Тихонъ, набросились на него, отняли головешку, связали, стали бить и по обыкновенію куда-то «поволокли»...—«Братцы! взывалъ Тихонъ, изнемогая подъ ожесточенными ударами односельчанъ, волочившихъ его по землѣ безъ всякаго сострадашія: – это я *за васъ... за всѣхъ..*» — «Анаѳема ты этакая! Дьяволъ ты проклятый! Іудино ты отродье сатанинское! не переставая наносить удары чѣмъ попало, возражали ошеломленные горемъ односельчане... Зачѣмъ же ты, поганая твоя душа, насъ-то, насъ-то разорилъ на смерть? Вѣдь сироты мы голые остались! вѣдь укрыться нечѣмъ, треклятая твоя душа!» — «Братцы! возопилъ Тихонъ, уже чувствовавшій близкую смерть:—это я за васъ... чтобъ вамъ лучше... Сожги я *его* усадьбу — онъ васъ заставитъ новую строить... Новую

выстроитъ... А теперь... *безъ васъ онъ и въ усадьбѣ долженъ помереть*... Что съ васъ взять? У васъ ничего нѣтъ... и у него нѣтъ... А васъ Богъ пріютитъ...» И умеръ. Мужики опустили кулаки, бросили камни и дубины и, тяжело дыша, стояли надъ Тихономъ, испустившимъ духъ... Кое-какъ послѣ пожара они размѣстились по сосѣднимъ деревнямъ и долго бѣдствовали, но и господинъ Сквозьстроевъ также обнищалъ, отощалъ, запутался въ долгахъ и погибъ жертвою приказной кляузы, осѣтившей его со всѣхъ концовъ и поминутно поднимавшей противъ него тысячу дѣлъ.

— Единомышленники интеллигентныхъ цѣлей разсѣяны среди всѣхъ званій, состояній и положеній и, несмотря на разныя средства, обязательныя для извѣстнаго званія и положенія, непремѣнно стремятся къ цѣлямъ одинаковымъ и непремѣнно къ такимъ, которыя-бы имѣли результатъ: чтобы было лучше жить на свѣтѣ. И сейчасъ есть въ народной средѣ типы интеллигентные, преслѣдующіе тѣ-же цѣли, чтó и интеллигентные типы другихъ слоевъ общества, но по своему, на свой образецъ, хотя къ сожалѣнію, благодаря полной безпомощности въ умственномъ развитіи, типы собственно народной интеллигенціи не могутъ видѣть свою задачу во всемъ объемѣ, толкутся въ тьмѣ пустяковъ и вздоровъ и свѣту отъ нихъ, «по нонишнимъ временамъ», мало, а иногда и совсѣмъ не видно... Но мы пока оставимъ этихъ людей, такъ какъ у насъ совсѣмъ другая задача. Намъ нужно найти границу, гдѣ чистосердечное благообразіе переходитъ въ чистосердечное-же неблагообразіе. Исключивъ интеллигенцію, которую чистосердечно-благообразный Мишанька то вдохновляетъ, то также чистосердечно неблагообразно искореняетъ, искореняетъ и вдохновляетъ «зря», «не нарокомъ», «играючи» или «по ошибкѣ» — мы будемъ имѣть передъ собою, такъ сказать, «оптовыя» черты нашей жизни, жизни всей страны, и тутъ мы не минуемъ нашей финиковой пальмы, т. е. нашего ржаного поля...

IV. По поводу одной картинки.

«...Поговоримъ въ самомъ дѣлѣ наконецъ и о благообразіи русской жизни... (такъ говорилъ Протасовъ при слѣдующей встрѣчѣ). Разскажу я тебѣ сначала небольшой и на первый взглядъ какъ-бы не подходящій къ дѣлу эпизодъ. Эпизодъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: какъ-то вотъ съ недѣлю тому назадъ былъ я въ Петербургѣ и, какъ тебѣ извѣстно, искалъ мѣста. Вотъ въ это-то время, толкаясь тамъ и сямъ въ ожиданіи всякихъ благъ, встрѣчалъ я разныхъ старыхъ знакомыхъ; толковали, «балакали», и одинъ изъ этихъ старинныхъ знакомыхъ затащилъ меня какъ-то случайно въ мастерскую одного молодого художника.

— Поглядѣлъ я по обыкновенію съ какимъ-то деревяннымъ благоговѣніемъ на всю эту обыкновенную обстановку мастерской, дополненную по обыкновенію обязательной для ничего непонимающихъ зрителей тишиной и молчаніемъ, и вдругъ ожилъ, очувствовался, возвратился въ состояніе здраваго ума и полной памяти. Увидалъ я одну маленькую картинку — и она-то вотъ сразу вывела меня изъ глубокомысленнаго столбняка и деревяннаго благоговѣнія къ вещамъ, совершенно непонимаемымъ. Картинка эта ничѣмъ особеннымъ не замѣчательна. Вотъ она: дѣвушка лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, гимназистка или юная студентка, бѣжитъ «съ книжкой подъ мышкой» на курсы или на уроки...

— Такихъ дѣвушекъ «съ книжкой подъ мышкой», въ пледѣ и мужской круглой шапочкѣ, всякій изъ насъ видалъ и видитъ ежедневно и ужъ много лѣтъ подъ рядъ, и притомъ въ огромномъ количествѣ. Одни изъ насъ, «изъ публики», просто опредѣляютъ это явленіе словами: «бѣгаютъ на курсы»; другіе черезъ пень колоду присоединяютъ разсужденія «о женскомъ вопросѣ»; иной почему-то произнесетъ слово «самостоятельность» и ехидно улыбнется. Словомъ, всѣ мы, «публика», имѣемъ понятіе о томъ, что «бѣгаютъ», что «идутъ противъ родителей», иногда «помираютъ не своей смертью»; что съ другой стороны самостоятельность «хорошо», что «пущай», что лучше всего «мать»; назначеніе женщины — «мать», а не бѣгать на курсы, что мозгъ женщины малъ, что ничего не выйдетъ и что опять-таки какъ будто «хорошо». Словомъ, обо всей этой современной бѣготнѣ, книжкахъ, мужскихъ шапкахъ, непочитаніи родителей, пледахъ, очкахъ, самостоятельности, медицинѣ, материнствѣ, маломъ объемѣ мозга мы, публика, толкуемъ, бормочемъ, судимъ, тараторимъ, говоримъ множество шаблонныхъ умныхъ вещей, множество глупостей и пошлостей, и въ существѣ не понимаемъ того главнаго, существеннаго, чтó таится въ глубинѣ всей этой толкотни, бѣготни, разсужденій о мозгѣ, книжкахъ, пледахъ, очкахъ.

— И вотъ художникъ, выбирая изъ всей этой толпы «бѣгущихъ съ книжками» одну самую ординарную, обыкновенную фигуру, обставленную самыми ординарными аксессуарами простого платья, пледа, мужской шапочки, подстриженныхъ волосъ, тонко подмѣчаетъ и передаетъ вамъ, «зрителю», «публикѣ», самое *главное*, самое важное во всемъ, томъ, чтó мы, «публика», изжевали своими разглагольствованіями; это главное: — чисто женскія, дѣвичьи черты лица, проникнутыя на картинѣ, если можно такъ выразиться, присутствіемъ юношеской, свѣтлой мысли. Я знаю, что я говорю грубо, можетъ быть, совсѣмъ непонятно, но я хочу быть хоть приблизительно точнымъ. Главное же, чтó особенно свѣтло ложится въ душу, это нѣчто прибавившееся къ обыкновенному женскому типу — опять-таки не знаю, какъ сказать — новая, мужская черта, черта свѣтлой мысли вообще (результатъ всей этой бѣготни съ книжками), не приклеенная, а органическая, что она уже въ крови, что если прежде, напримѣръ въ тридцатыхъ годахъ, какая-нибудь Марья Петровна должна была предварительно разойтись съ тремя мужьями, чтобы задуматься о несчастномъ положеніи женщины, и

только черезъ посредство трехъ «очень развитыхъ молодыхъ людей» могла еле-еле добраться до мысли о необходимости самостоятельности, то здѣсь, въ этомъ нарождающемся «новомъ типѣ», это даже и не вопросы, и думать-то о нихъ нечего, такъ какъ они, повторяю, достались уже даромъ. Вотъ это-то изящнѣйшее, не выдуманное и притомъ реальнѣйшее слитіе дѣвичьихъ и юношескихъ чертъ въ одномъ лицѣ, въ одной фигурѣ, осѣненной не женской и не мужской, а «человѣческой» мыслью, сразу освѣщало, осмысливало и шапочку, и пледъ, и книжку, и превращала въ новый, народившійся, небывалый и свѣтлый образъ человѣческій.

— Сначала, взглянувъ на эту картину въ томъ состояніи деревяннаго благоговѣнія, о которомъ я говорилъ, я было-хотѣлъ уже перенести мой деревянно-благоговѣйный взглядъ на другіе предметы и сдѣлалъ-было уже шагъ далѣе, какъ почувствовалъ, что не могу двинуться, словно кто ухватилъ меня за полу (или словно я зацѣпилъ карманомъ, какъ иногда бываетъ, за ручку двери). И точно, зацѣпился. Не пустила картинка. Я остановился и думалъ, а тѣмъ временемъ еще подошло два-три человѣка посѣтителей, и тоже поглазѣли по сторонамъ, также зацѣпились карманомъ за ручку двери, какъ и я, дойдя до этой картинки, и всѣ говорили: — «Д-а-а а-а!.. Отлично!.. Вотъ что *такъ*, то *такъ!*» И также начинали думать, а о чемъ всѣ мы думали и что такое означали выраженія: «вотъ что такъ, то такъ», которыя срывались съ устъ рѣшительно каждаго изъ зрителей—это понемногу разъяснилось послѣ, когда мы, выйдя изъ мастерской художника, гдѣ случайно перезнакомились, какъ-то случайно же сошлись за однимъ столомъ въ сосѣднемъ трактирѣ и стали ѣсть.

— Вотъ тутъ-то и начались разговоры, разсужденія и пересказъ тѣхъ впечатлѣній, которыя внушила картинка. И странное дѣло! О картинкѣ никто уже не напоминалъ и не говорилъ, и не хвалилъ, совсѣмъ объ ней и разговору не было, а всѣ толковали о женщинахъ, о семейной жизни, о современной жизни, разсказывали тысячи семейныхъ нелѣпицъ, и во всѣхъ этихъ разговорахъ—не могу утаить—женскому полу порядочно таки доставалось. Но подробно разсказывать я этого не буду, хотя и здѣсь, какъ и въ трактирѣ, нѣтъ дамъ. Вообще, еслибы я хотѣлъ привести въ порядокъ всѣ сѣтованія, какія я тамъ слышалъ, то не много-бы ошибся, еслибъ сказалъ, что всѣ они сводились къ одному: именно къ отсутствію въ современной семьѣ (говорилось объ «обществѣ»), между мужемъ и женой, между мужчиной и женщиной, такой нравственной — замѣть, нравственной!—необходимости, которая бы дѣлала союзъ мужа и жены дѣйствительно нравственно-неразрывнымъ, и чтобы изъ этой духовно-нерасторжимой жизни выходило-бы въ самомъ дѣлѣ одно гармоническое цѣлое. Бываютъ «случаи» конечно, но рѣдко. Высказывалось такое мнѣніе, что въ женщинѣ («общества») развито слишкомъ много чисто женскихъ чертъ, доведенныхъ иногда до махровой красоты и махровой безплодности,—чертъ, нарушающихъ равновѣсіе сожительства въ пользуо бременительной, хотя и красивой пустоты, досадной, пустой, зарождающей въ душѣ человѣка сѣмена холоднаго презрѣнія. Не пощажены были, надо было также правду сказать, и спеціально мужскія, тоже не въ мѣру иногда разростающіяся махровыя свинства: но вообще найдено было, что такого нравственнаго единенія, которое-бы было необходимо, настоятельно нужно, неизбѣжно для «обѣихъ сторонъ», чтобы изъ этого необходимаго, настоятельно нужнаго нравственнаго единенія выходила одна гармоническая во всѣхъ отношеніяхъ жизнь—нѣтъ и неизвѣстно, когда оно еще будетъ!

— Долго, очень долго шли разговоры на эту тему, но такъ какъ всему бываетъ предѣлъ, то наконецъ и разговоры эти кончились и мы разошлись. Но вотъ что мнѣ пришло въ голову. Когда-то еще въ культурномъ обществѣ будетъ возможность выработать такой супружескій союзъ, гдѣ-бы при полномъ нравственномъ единеніи мужа и жены не страдала индивидуальность каждаго изъ нихъ, а вотъ въ крестьянской средѣ, живущей подъ охраною велѣній ржаного поля, онъ уже давнымъ-давно существуетъ и иногда въ такомъ совершенствѣ, выше котораго, право, нельзя себя ничего представить.

— Вѣдь тамъ, въ деревнѣ-то, мужикъ и баба дѣлаютъ дѣйствительно *одно и то-же дѣло*, и въ то-же время у всякаго есть «своя часть», но эта «своя часть» не носитъ на себѣ для каждаго изъ нихъ печати той исключительности, которая давала бы возможность сожительствующимъ сказать другъ другу: «Это не твое дѣло» или: «Тутъ ты ничего не понимаешь», или: «Я въ твоемъ дѣлѣ ничего не понимаю, а ты не мѣшайся въ мое», какъ это частенько-таки бываетъ въ сожительствахъ немужицкаго общества, гдѣ супругъ съ супругой въ то-же время, т. е. не понимая дѣлъ другъ друга и «не мѣшаясь» въ дѣла другъ друга, ознаменовываютъ прочность союза едва-ли только не тѣмъ, что ходятъ другъ съ другомъ «подъ руку», чего, кстати сказать, я никогда не замѣчалъ у мужиковъ и бабъ. Всегда они идутъ рядомъ... Такъ и въ жизни. (Я говорю о благопріятнѣйшихъ условіяхъ.) Они идутъ въ жизни рядомъ, но каждый самостоятельно дѣлаетъ свое, хотя въ общей сложности одно и то-же дѣло. Это двѣ руки, исполняющія одну и ту-же пьесу. Мужикъ понимаетъ все бабье дѣло и цѣнитъ бабу по этому дѣлу: безъ этого бабьяго дѣла не было-бы и его дѣла, мужицкаго; баба также понимаетъ все дѣло своего мужа, да и ея дѣло ничего-бы не значило безъ дѣла мужа. Здѣсь дѣйствительно полная неразрывная связь мужа и жены въ самыхъ малѣйшихъ движеніяхъ мысли; здѣсь нерѣдко пониманіе «безъ разговоровъ», «по одному взгляду». Примѣровъ подобнаго единенія въ такъ называемомъ «обществѣ» нѣтъ, потому что нѣтъ такой формы труда, организація котораго, подобно организаціи, сдѣланной для человѣка особенными свойствами ржаного поля, давала-бы возможность проявиться рѣшительно всѣмъ — и нравственнымъ, и физическимъ

сторонамъ человѣческаго существа. Необходимо упомянуть здѣсь еще объ одной, весьма важной сторонѣ мужицкаго сожительства, именно о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи: дѣти не являются здѣсь существами, которыхъ необходимо сдать кому-то на руки, потому что родителю, служащему въ департаментѣ «обняковъ», рѣшительно нѣтъ времени разговаривать съ ребенкомъ о птичкѣ или разсказывать сказку тогда, когда голова его занята мыслями «посерьезнѣе», а мать хотя и переворачиваетъ по временамъ листы какой-то книжки, но, сколько я могу замѣтить, даже это весьма непослѣдовательное переворачиваніе страницъ большею частью «раздражаетъ» нервную мать. Она не можетъ быть *безпристрастно къ своему ребенку* (все резоны), и поэтому весьма скоро прекращаетъ это занятіе, вручая собственное дитя постороннему попеченію. Въ той-же гармонично-живущей крестьянской семьѣ воспитаніе дѣтей составляетъ также «*одно*» съ жизнью родителей, и такъ какъ трудъ, возложенный на нихъ ржанымъ полемъ, составляетъ одновременно и самую жизнь (то и другое одно — жизнь), то и воспитаніе дѣтей не отдѣляется отъ общей жизни отца и матери, а составляетъ съ этой жизнью — «одно»...

— Ничего болѣе благороднаго, болѣе отвѣчающаго потребностямъ и духа, и тѣла человѣческаго я не знаю другого, какъ то, что можно опредѣлить выраженіемъ «крестьянскій трудъ»! Возьми ты хотябы просто-на-просто одну физическую сторону труда: вѣдь въ немъ дѣйствительно нуженъ *весь* человѣкъ, такой, какимъ создала его природа, а не только кусокъ человѣка, не мозгъ, не рука, не ноги только... а весь сполна! и если ты вникнешь во всѣ подробности этого труда, то ты увидишь, что ни одного нерва, ни одного мускула безъ упражненія, въ условіяхъ этого труда, не остается, разъ этотъ мускулъ существуетъ... Все работаетъ и работаетъ равномѣрно. Нѣтъ того, чтобы, атрофируя двѣ-трети своего организма, какъ несчастный чиновникъ или рабочій, стоящій у станка, человѣкъ скоплялъ-бы силу атрофированныхъ членовъ въ двойномъ, въ тройномъ усиливаніи проявленія какой-нибудь человѣческой способности или недостатка. Уравновѣшенность духовной и физической дѣятельности, встрѣчающаяся, повторяю, въ нашемъ крестьянствѣ, въ счастливыхъ случаяхъ, въ полной чистотѣ и совершенствѣ, дѣлаетъ его поистинѣ образцомъ того, къ чему долженъ стремиться такъ называемый прогрессъ. Эта уравновѣшенность до такой степени иногда поражала меня, что однажды, находясь подъ впечатлѣніемъ знакомства съ одной изъ такихъ полныхъ гармоніи крестьянскихъ семействъ, я былъ пораженъ, поистинѣ пораженъ образомъ «Манфреда», когда случайно взялъ въ руки эту поэму, возвратясь послѣ посѣщенія любезной мнѣ семьи. — Что это такое? думалось мнѣ: какъ такъ можно, чтобы *весь* человѣкъ превратился *въ одно страданіе*, не находилъ-бы покоя и вылъ, какъ волкъ голодный, на весь свѣтъ (на Сен-Готардъ пробрался!): «Мнѣ ску-у-учно! мнѣ у-жа-сно!...» Потомъ я опамятовался, но впечатлѣніе было сильное. Здѣсь же, въ этомъ «образчикѣ» гармоническаго существованія ничто не замираетъ и ничто не разростается до несоотвѣтственныхъ съ благообразіемъ уродливыхъ размѣровъ. Всѣ физическія и духовныя способности дѣйствуютъ въ мѣру, не шибко, не поражаютъ грандіозностью, но дѣйствуютъ *всѣ*, и вотъ эта всесторонность въ общемъ производитъ и грандіозное, и граціозное впечатлѣніе. Всему, даже любви, здѣсь отведено мѣсто «по препорціи». Хотѣлось-бы мнѣ сказать тебѣ очень много вотъ именно по этому послѣднему пункту, «о препорціи въ любви» — вещь очень любопытная, но объ этомъ будемъ разговаривать когда-нибудь.

— Я не могу не вспомнить тѣхъ юношескихъ, но исполненныхъ огромнѣйшаго невѣдѣнія минутъ, когда я, устраивая съ однимъ пріятелемъ, въ одной глухой нетронутой цивилизаціей деревнѣ, ссудное товарищество, основывалъ доказательства пользы, которую оно принесетъ, на томъ, что-молъ вамъ будетъ *легче*: «теперь у тебя баба сидитъ всю зиму, гнется надъ станкомъ, чтобы выткать три аршина холста, а *тогда* (увы-увы-увы!) ты просто можешь купить двадцать аршинъ, и баба у тебя будетъ *свободна*. Теперь почему она у тебя спины не разгибаетъ? Потому что у тебя не на-что купить. Почему у тебя не на что купить? Потому что нужда тебя заставляетъ продать теленка за пять рублей, тогда какъ еслибы ты имѣлъ время погодить, то теленокъ превратился-бы въ быка и стоилъ-бы сорокъ цѣлковыхъ. Вотъ товарищество и дастъ тебѣ эти пять рублей, которые дадутъ тебѣ возможность погодить»... Словомъ, юношеская неопытность и незнаніе, какую огромную роль играетъ *именно многосложность*, именно обиліе труда въ сознаніи крестьяниномъ нравственной полноты существованія, правды его и устойчивости, дѣлали то, что я на всѣ лады проповѣдывалъ только какое-то огромное облегченіе, необыкновенную легкость существованія, и представлялъ въ яркихъ краскахъ такія времена, когда никто ничего не будетъ дѣлать, будетъ всѣмъ полная свобода; причемъ выходило, что при полномъ отдохновеніи будутъ получаться въ то же время какіе-то и откуда-то весьма значительные барыши... И никто изъ подлинныхъ самыхъ симпатичныхъ мнѣ крестьянъ не довѣрялъ мнѣ, думая, что тутъ «подвохъ», что какъ бы чего не вышло... и стали брать деньги прежде всѣхъ люди сомнительнаго положенія, а потомъ и кулачки... И не развилось товарищество и не сплотило, а вотъ сектантъ, пробирающій нонѣшнее крестьянство за то, что оно отстаетъ отъ работы, — сплотитъ въ единую трудящуюся семью цѣлую массу народа, оторваннаго новыми вліяніями отъ своего хозяйства, отвѣдавшаго прелести свободнаго житья на деньги и натерпѣвшагося горя и голодовокъ, перемежающихся съ кабацкимъ веселіемъ... «Богъ насъ и сотворилъ для того, проповѣдуетъ одинъ изъ такихъ учителей, — чтобы мы работали да отъ трудовъ своихъ и другимъ помогали. Оттого-то теперь и горе всюду, что никто работать не

хочетъ. Одни на наслѣдство надѣются, другіе хорошихъ ярмарокъ ожидаютъ, и работать всѣ не хотятъ... Всѣ стали норовить, чтобы не работая жить и хлѣбъ ѣсть... И дорого все стало оттого, что работающихъ людей мало стало: все больше приказчики да торгаши» *) Да! въ трудѣ—и правда, и смыслъ народнаго существованія; онъ для народа—сама жизнь. Работать и жить, трудъ и человѣкъ—до такой степени одно, какъ вотъ (Протасовъ искалъ сравненія) ты... и вѣсъ твоего тѣла... Ты не чувствуешь тяжести самого себя, между тѣмъ въ тебѣ навѣрное пуда четыре есть... Эти четыре пуда ты носишь съ собой вездѣ и не замѣчаешь тяжести. Такъ и крестьянинъ не замѣчаетъ тяжести своего огромнаго домашняго труда... Дай я тебѣ поднять на третій этажъ полупудовую покупку—ты скажешь «тяжело», и если не скажешь, то почувствуешь тяжесть... Сдѣлай я крестьянина работникомъ, приставь, положимъ, къ *однимъ* коровамъ—скучно ему и тяжко, пока нужда не пріучитъ: а вѣдь повидимому за одними коровами легче ходить, чѣмъ самому дѣлать *все?*.. Вотъ, что такое для крестьянина (не забывай только, *случайно* въ настоящее время имѣющаго возможность сохранить въ чистотѣ и соблюсти свои трудовыя желанія)—этотъ для насъ, лѣнивыхъ и неправильно развитыхъ людей, этотъ безпрерывный и повидимому каторжный трудъ. Это образчикъ правильнѣйшаго существованія и самаго совершеннаго человѣческаго типа. Этотъ типъ у насъ есть... Но знаешь-ли, о чемъ я думаю?

V. Своимъ умомъ.

— Я думаю о гоголевской слесаршѣ, которая, помнишь, *сама себя высѣкла?* Нелѣпо и глупо, неправда-ли? Развѣ возможно что нибудь подобное? Человѣкъ взялъ да и высѣкъ самъ себя? Однако Мишанька (Мишанька—типъ тоже всесословный, какъ и *интеллигентный* человѣкъ) и не такія вещи дѣлаетъ съ самимъ собой. Припоминая подвиги Мишаньки за послѣднія двадцать лѣтъ, я вижу, что онъ только и дѣлалъ, что изводилъ этотъ благороднѣйшій типъ человѣка съ лица русской земли. Что имъ руководило въ этомъ безсмысленномъ злодѣяніи, рѣшительно неизвѣстно. Неповоротливымъ, непривычнымъ для выраженія собственныхъ своихъ мыслей языкомъ онъ иногда въ объясненіе этого безобразія бормочетъ: «такъ въ Европахъ... Желѣзные законы... безпремѣнно надо разориться въ раззоръ»... А хорошенько право не понимаетъ, что такое творится въ Европахъ... А въ Европахъ (я тебя не буду мучить разглагольствованіями) творится между прочимъ вотъ что: близъ Люттиха существуетъ образцовый фамилистеръ, нѣчто вродѣ отеля для рабочихъ; этотъ отель именно за свою образцовость получилъ медаль на всемірной выставкѣ въ Парижѣ 1873 г. И дѣйствительно, онъ стоитъ награды: «за 1 фр. 50 с. въ день рабочій можетъ имѣть два завтрака, обѣдъ и ужинъ; у него есть помѣщеніе, отопленіе и стирка бѣлья. Въ отелѣ есть ресторанъ, гдѣ онъ имѣетъ залъ для чтенія, казино, гдѣ есть музыка и гдѣ онъ можетъ проводить свои вечера. Онъ *можетъ имѣть* столъ, какой пожелаетъ, *за отдѣльнымъ столикомъ*. Общихъ столовъ нѣтъ. *Рабочій сохраняетъ такимъ образомъ свою полную независимость*».

— Понимаешь-ли, такъ-таки слово въ слово и пропечатано: «*такимъ образомъ* рабочій можетъ сохранять *полную независимость*, не стѣсняясь казарменными формальностями». Полная независимость! Независимость, да еще полная—это такая побѣда надъ роковыми трудностями жизни, что изобрѣтателя этой независимости дѣйствительно слѣдовало наградить медалью... Рабочій освобожденъ отъ казарменной формальности, преслѣдующей его въ этихъ многоэтажныхъ казармахъ фабрикъ, въ общихъ спальняхъ ночлежныхъ домовъ и т. д., освобожденъ по крайней мѣрѣ за обѣдомъ: ему наконецъ отвоеванъ отдѣльный столикъ... и полная независимость обѣдать за этимъ отдѣльнымъ столикомъ! Что бы сказалъ нашъ мужикъ, любой, на выборъ взятый, еслибы я сталъ увѣрять его, какое огромное счастье рабочаго человѣка составляетъ этотъ «отдѣльный столикъ» и «полная независимость» ѣсть такую съѣстную дрянь, какую пожелаешь? А между тѣмъ какую ужасную родословную имѣетъ эта побѣда въ европейскомъ рабочемъ мірѣ, въ этомъ мірѣ неустаннаго труда, неугасимаго огня и застилающихъ лучи солнца тучъ дыма!.. Въ этой же самой книжицѣ, изъ которой я привелъ тебѣ цитату о «полной независимости» и отдѣльномъ столикѣ, есть прекрасное стихотвореніе римскаго поэта (конца римской республики), современника изобрѣтенія водяной мельницы... «Рабы! писалъ онъ (я заучилъ это стихотвореніе наизусть): — рабы, которымъ приказано вертѣть жернова, дайте отдыхъ вашимъ рукамъ и спите спокойно! Напрасно звонкій голосъ пѣтуха возвѣщаетъ утро—спите! Теперь работа молодыхъ дѣвушекъ дѣлается наядами и вотъ онѣ прыгаютъ на вертящемся колесѣ, сверкающія и легкія... Онѣ увлекаютъ ось (мельничнаго колеса) своими лучами и приводятъ въ движеніе тяжелый жерновъ, который вертится кругомъ... Будемъ жить счастливой жизнью и наслаждаться, не трудясь, благами, которыми осыпаетъ насъ богиня»... Вотъ какъ радо было чувствительное сердце поэта тому, что съ плечъ раба спадаетъ забота, тягота труда, что ему будетъ легче, что онъ можетъ спать спокойно... Вотъ когда судьба раба трогала и заботила чуткія къ справедливости сердца! Чуткія сердца не дремали и, не смотря на страшныя разочарованія въ своихъ надеждахъ, продолжали безпрестанно воевать во имя «справедливости». Такъ или иначе, но «отдѣльный столикъ» съ «полною независимостью»—*завоеванъ*!

— Теперь обрати вниманіе, какъ мизеренъ этотъ «отдѣльный столикъ» съ полною независимостью смотрѣть въ стѣну и ѣсть блюдо, состоящее изъ

*) *„Какъ я сталъ духовнымъ братомъ“* (изъ Записокъ штундиста).

объѣдковъ (буквально) — въ сравненіи съ нашей крестьянской семьей того случайно благообразнаго и благоустроеннаго вида, о какомъ я тебѣ такъ много говорилъ? Имѣя передъ своими глазами такой типъ человѣческаго существованія, спрашиваю я тебя, какія такія утопіи и теоріи могутъ быть для насъ страшны, непозволительны и преступны? Вѣдь мы уже имѣемъ образчикъ вполнѣ независимаго во всѣхъ отношеніяхъ существованія, а не за отдѣльнымъ только столикомъ, этимъ едва-ли не послѣднимъ словомъ практическаго осуществленія заботъ о «меньшемъ братѣ»? Такъ именно всѣмъ намъ, россіянамъ, кажется. Отдѣльный столикъ не представляется намъ ничѣмъ кромѣ подлости и безчеловѣчія, тогда какъ у насъ.. И тутъ намъ рисуется великолѣпный образчикъ крестьянской семьи, крестьянскаго благоустроеннаго дома, который во всемъ самъ себѣ хозяинъ...

— И однако мы рѣшительно не правы, предаваясь необузданной гордости по поводу «образчиковъ», которыми владѣемъ *даромъ*. Столикъ — точно мизерность, но онъ — *побѣда*; онъ - завоеваніе, вершковое, но непремѣнно завоеваніе въ пользу справедливости... Самъ по себѣ онъ — ничтожество, но съ нимъ дѣйствительно прибавляется въ обществѣ мысль о полной независимости. Въ глубинѣ всѣхъ этихъ мизерныхъ опытовъ важна именно мысль о полной независимости человѣка. Опытъ малъ, но мысль велика, и мысль о независимости съ каждымъ днемъ завоевываетъ себѣ большее и большее пространство и большее вниманіе. Мысль эта, развиваясь и укрѣпляясь, будетъ осуществляться практически, и все, что будетъ добыто ею, будетъ вѣковѣчно и прочно.

— У насъ, у нашего крестьянина, эта независимость, идеалъ ея самой высшей пробы и самой совершеннѣйшей степени, есть уже, но онъ созданъ ржанымъ полемъ, а не человѣкомъ. Весь строй, все обличье образцовой крестьянской семьи, образцоваго крестьянскаго дома, о которомъ я говорилъ, — неизмѣримо выше, красивѣй, полнѣй, совершеннѣй всего, что только можно себѣ представить по части завоеванной независимости, въ видѣ-ли она ищущей независимости женщины (съ книжкой подъ мышкой), въ видѣ-ли столика, съ полной независимостью сидѣть за нимъ отдѣльно и самостоятельно смотрѣть въ стѣну; но эта величественность и стойкость семьи и дома, дѣлающая ихъ по истинѣ образчикомъ того отдаленнѣйшаго типа независимаго существованія, до котораго еще Богъ знаетъ когда добьется ищущій независимости человѣкъ, — непрочна неустойчива, потому что источникъ красоты находится не въ сознаніи человѣка, а внѣ его, въ полѣ, въ колосьяхъ ржи... Благообразіе мысли, благоообразіе типа даны готовыми, и вотъ почему благообразный Мишанька можетъ превратиться и въ неблагообразнаго...

— Вотъ тутъ-то, мнѣ кажется, кроется органическое безсиліе русской интеллигентной мысли. Европейскіе порядки обличены европейской-же мыслью во всемъ своемъ объемѣ. Тутъ ужъ нечего заимствовать для образца. Что такое этотъ «отдѣльный столикъ», это послѣднее слово завоеванной независимости? Сунься-ка я съ нимъ къ мужику — онъ меня просмѣетъ на смерть; тутъ нечего взять для насъ; впечатлѣніе столика такъ мизерно, что благообразіе крестьянскаго дома выростаетъ до размѣровъ огромнаго значенія. Итакъ, съ одной стороны безобразіе и мизерность, а съ другой — огромное благообразіе; одно намъ не нужно, другое слишкомъ совершенно. Ну, интеллигентному человѣку и остается убираться вонъ и не соваться, не мѣшаться и не портить... И дѣйствительно ему придется убраться вонъ, если онъ будетъ только соваться и портить, и мѣшать. А между тѣмъ есть у него огромное дѣло: ему надо только знать, что мы обладаемъ образцовѣйшими типами существованія человѣческаго. Надо знать, что именно этотъ типъ, который я тебѣ описалъ изъ пятаго въ десятое, именно и есть образцовѣйшій. Надо всѣмъ своимъ существомъ убѣдиться въ этомъ и дѣлать все, чтобы онъ превратился въ сознательно образцовѣйшій и перестал быть образцовымъ безсознательно... Образчикъ этого образцоваго существованія долженъ лечь въ основаніе школы и овладѣть умомъ и совѣстью всѣхъ имѣющихъ право что-нибудь дѣлать на общественномъ поприщѣ.

VI. Безпомощность.

Уѣзжалъ однажды Протасовъ отъ меня въ С.-Петербургъ и разговорился.

— Поѣду я теперь по николаевской дорогѣ. Сколько разъ на своемъ вѣку я сдѣлалъ этихъ поѣздокъ по ней въ Петербургъ и изъ Петербурга въ Москву?.. Ѣзжу я, замѣчаю перемѣны въ постройкахъ, замѣчаю перемѣны въ вагонахъ, замѣчаю, что вырубленные лѣса выростаютъ, а дремучіе вырубаются; вспоминаю старое и вижу, какъ я много прожилъ, какъ я старѣю съ каждой поѣздкой... А вотъ эти маленькія дѣвочки, которыя двадцать лѣтъ тому назадъ, когда я впервые ѣхалъ по этой дорогѣ, пищали подъ окномъ вагона: «Дядинька, купи цвѣточковъ! Дяденька, купи малинки! Малина хорòша!» — точь-въ-точь такія-же и теперь, какъ двадцать лѣтъ и какъ будто-бы совершенно не старѣются и такія-же ростомъ, и лицомъ, и костюмомъ. Это конечно уже не тѣ Марфутки и Лизутки... Тѣ ужъ можетъ быть, вывезены на Преображенское кладбище по желѣзной дорогѣ, или разжились кулацкимъ достаткомъ, или пропадаютъ гдѣ нибудь въ «заведеніи», а это *другія* Марфутки и Лизутки, но точь-въ-точь такія-же, какъ и тѣ... Точь-въ-точь такое-же и ржаное поле, которое ихъ растило, какъ и малина, и цвѣточки — все тѣ-же... Да и самая деревня точь-въ-точь такая-же: вонъ Мишанька бѣжитъ съ недоуздкомъ и кошолкой, въ которой насыпано немного овса, чтобы приманить имъ и обратать въ полѣ сивую кобылу, и баба точь-въ-точь такая-же, какъ и двадцать и двѣсти лѣтъ тому назадъ, поднимается съ ведрами отъ рѣчки, и старикъ Силантій грѣется на заваленкѣ, и дѣвчонки пѣсни поютъ на той сторонѣ за рѣч

кой. Все то-же самое, но люди ужъ другіе, хоть точь-въ-точь такіе-же, какъ и тѣ, которые давно померли, взяты въ солдаты, проворовались или ушли въ Сибирь, или разбогатѣли. Ржаное поле поставляетъ все точь-въ-точь такихъ-же людей—и дядей Силантьевъ, и тетокъ Авдотій, несмѣтныя тысячи которыхъ лежатъ въ землѣ, по всѣмъ концамъ земли русской. А сколько они вынесли, какъ погибли, гдѣ и какъ пропали? и отчего? и какъ? это до ржаного поля не касается, этого не видно и не слышно и на деревенской улицѣ... Ржаное поле имѣетъ дѣло только съ живымъ и сильнымъ, а до мертваго, до слабаго, до погибающаго ему нѣтъ дѣла.

— Можно поэтому любоваться и этой устойчивостью деревенскихъ формъ жизни, и ихъ красотой, и широтой, но объяснять ихъ прочность и широту обиліемъ созидающаго *сознанія* невозможно... Я по крайней мѣрѣ не могъ бы этого сдѣлать и взять грѣхъ на душу.

— Въ какую-бы сторону отъ этого благоустроеннаго ржанымъ полемъ типа человѣческаго существованія, которымъ нельзя не восхищаться, ты ни пошелъ, вездѣ ты не только наткнешься, а потонешь въ фактахъ, которые докажутъ тебѣ, что, будь въ глубинѣ этихъ прекрасныхъ формъ жизни сознательная зиждительность, никогда ни подъ какимъ видомъ не могло-бы быть тѣхъ *наивныхъ* ужасовъ, которые, повторяю, немедленно начинаются, какъ только ты отъ этого главнаго благоустроеннаго типа уклонишься либо въ сторону упадка, либо въ сторону благосостоянія.

— Для человѣка-же, *отвоевавшаго* себѣ «полную независимость даже за отдѣльнымъ столикомъ», невозможно утратить эту независимость, потому что право на это есть достояніе его сознанія, а сознаніе не горитъ въ огнѣ и не тонетъ въ водѣ; оно не можетъ отказаться отъ того, что̀ пріобрѣтено, оно должно рости. Но можно все утратить тамъ, гдѣ корень формъ существованія не въ человѣкѣ, а внѣ его...

— Вотъ славная крестьянская семья. Мужъ, жена, два мальчика и дѣвушка... Трудненько справляться мужику, но у него есть подспорье—отличная работящая жена и дочь на возрастѣ; ей ужъ шестнадцатый годъ. Справляются. Отецъ хочетъ взять мужа дочери во дворъ и подумываетъ объ этомъ, подъискиваетъ подходящихъ парней. Тогда-бы домъ былъ полный. Но вотъ отецъ зашибъ ногу и слегъ: зашибъ онъ ногу въ самую жаркую рабочую пору, по веснѣ. Сосѣди, люди, которыхъ «Господь не посѣтилъ» такимъ несчастіемъ, люди, живущіе благоустроенно, говорятъ, глядя на несчастіе семьи: —«Эко горе какое! Ахъ, ты горе-то, горе какое стряслось въ самую-то горячую пору... Теперича имъ *безпремѣнно надо* двухъ телокъ продать, надо работника нанимать!.. Вотъ Марьюшкиной свадьбѣ-то *и не бывать!*» И все точно такъ и выходитъ: двѣ телки, которыя приберегались къ продажѣ осенью, чтобы сыграть Марьюшкину свадьбу, продаются, и Марьюшкина свадьба дѣлается ужъ невозможной: не на что ее сыграть! Кое-какъ работникъ сдѣлалъ, что̀ надо, а хозяинъ все лежитъ да лежитъ; лечитъ его лекарка, прикладывая на тряпкѣ разные составы; а ногѣ все хуже да хуже. А тутъ косьба подошла, тутъ ужъ не на что работника нанять, тутъ большакъ перемогся, всталъ самъ, кое-какъ отбилъ косу, пошелъ въ поле, косилъ и натрудилъ ногу пуще прежняго. Въ самую косьбу—большакъ отдалъ Богу душу!— «Ну теперь, говорятъ сосѣди:—Марьюшкѣ *надо* непремѣнно въ услуженіе идти, деньги матери присылать, теперь ужъ ее *никто замужъ не возьметъ*... Ахъ, горькія, горькія!..» И точно; опять все точь-въ-точь такъ и выходитъ. Теперь Марьюшку нельзя взять, ничего у нея нѣтъ—это первое, а второе—войти къ ней въ домъ нельзя, куча народу: двое братьевъ малолѣтковъ, старуха, да свои дѣти пойдутъ—какъ тутъ справиться одному? Нельзя. А нужны подати, нужна земля, безъ земли пропадай, нуженъ работникъ, и вотъ Марьюшка ѣдетъ по машинѣ... Она ничего не умѣетъ городского, и ей нужно все въ себѣ передѣлать, начиная съ костюма; сколько лѣтъ она должна биться, чтобы выработать себѣ платье, въ которомъ не стыдно было бы служить въ порядочномъ домѣ, башмаки, которые при петербургскихъ лѣстницахъ изнашиваются необыкновенно быстро, огнемъ горятъ... Теперь представь себѣ тѣ безчисленныя случайности, какъ обольщеніе, рожденіе ребенка и возвращеніе съ нимъ въ деревню на вѣчный позоръ и посрамленіе; простое ничтожное обстоятельство, вродѣ того, что господину, въ семействѣ котораго пришлось служить, отказали отъ мѣста, и онъ три мѣсяца не могъ платить жалованья, такъ что Марьюшка ничего не могла выслать въ самое нужное время. Уплаты податей и разсчеты съ работникомъ дѣлаютъ то, что у старухи отбираютъ землю, а чтобы уплатить работнику—продаютъ корову. Что дѣлать бабѣ, угнетенной горемъ, потрясенной нищетой, возрастающей съ каждымъ днемъ? У нея на рукахъ два ребенка, десяти и одиннадцати лѣтъ... они не работники... но имъ нечего ѣсть... И вотъ они ѣдутъ по машинѣ къ той же Марьюшкѣ, и добрый человѣкъ, дворникъ, пристраиваетъ ихъ въ трактирное заведеніе, въ портерную... Осталась одна старуха. Ей скучно, она истомилась одна горемъ и нуждой... Она продаетъ домъ и идетъ, куда глаза глядятъ; съ котомкой за плечами, она идетъ къ угоднику и молится тамъ... И за мужа, и за мальчиковъ, чахнущихъ въ трактирѣ и портерной, и за Марьюшку, съ которой невѣдомо что̀ творится... «Эка болѣзная! Эка горькая!» говорятъ и жалѣютъ сосѣди, провожая владѣтельницу разорившагося гнѣзда... А потомъ черезъ недѣльку-другую привѣтствуютъ новыхъ жильцовъ ея дома... Въ немъ поселилась новая, молодая семья; мужъ здоровенный парень, жена молодчина и всего одинъ ребенокъ... Закипѣло дѣло у нихъ, любо смотрѣть: —«Ужъ любо, любо, поглядѣть-то любо!..» говорятъ сосѣди. А недавняя драма прошла... «Теперича ей надыть идтить побираться»—констатировали сосѣди положеніе вдовы, когда она отсылала въ Питеръ обоихъ мальчиковъ и продала домъ. И точно, она пошла побираться. И такихъ мгновенныхъ ги-

белей, разореній безконечное множество; они на каждомъ шагу, ихъ такъ много, что при долгой жизни деревенѣешь отъ ихъ обилія и безрезультатности страданія, постоянно созерцаемаго... И что же, если сознаніе народныхъ благоустроенныхъ формъ жизни такъ велико, какъ кажется, такъ отчего жъ оно не захватываетъ и этой области «случайностей деревенской жизни»,—случайностей, которыя всякаго, самаго богатаго изъ деревенскихъ богачей, могутъ въ одно мгновеніе превратить въ нищаго, въ вора, въ убійцу, и т. д.

— Не могу забыть одного дня, принесшаго мнѣ самое непереваримое по тяжести впечатлѣніе деревенской жизни... Дѣло было въ деревнѣ, въ студеный осенній день... Рыжія поля, голыя деревья, сухой шумъ сухихъ листьевъ, гонимыхъ по землѣ сухимъ холоднымъ вѣтромъ, рѣжущимъ по лицу и шеѣ тупымъ и грубымъ лезвіемъ... Скучно, холодно, непривѣтливо... Было часовъ девять утра, и я стоялъ на дворѣ, глядя, какъ пріѣхавшій изъ сосѣдней деревни крестьянинъ складывалъ у забора дрова... Не любилъ я этого мужика; какая-то безпредѣльная затаенная алчность — казалось мнѣ на основаніи многихъ фактовъ—алчность неустрашимая, язвой точила его душу; и въ то время, какъ лицо всегда было благообразно и благопристойно, глаза только выдавали душевную тайну... Мрачныя впечатлѣнія деревни, къ несчастью, долгіе годы безпрерывно и безъ отдыху мной переживаемые, накопили и въ моей душѣ что-то жестокое, непривѣтливое... Душа какъ-то закрылась, заперлась точно на замокъ и отвыкала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отъ желанія раствориться, раскрывать себя радостному явленію... Напротивъ, я сталъ замѣчать, что какъ только что-нибудь свѣтлое или отрадное мелькаетъ мнѣ въ этой холодной и темной атмосферѣ, такъ я инстинктивно отворачиваюсь, мнѣ больнѣй: не хочу я видѣть этого и думать объ этомъ потому, что меня сейчасъ что-нибудь придавитъ и мнѣ втрое будетъ хуже... Такъ вотъ въ такомъ-то мрачномъ душевномъ настроеніи, воспитанномъ во мнѣ годами и не покидавшемъ меня въ послѣдніе годы пребыванія въ деревнѣ ни на минуту, стоялъ я на дворѣ, въ то памятное мнѣ осеннее утро, и смотрѣлъ на дюжую спину нелюбимаго мужика... Мы переговаривались съ мужикомъ по словечку чрезвычайно холодно, но вмѣстѣ деликатно... А думалось мнѣ почему-то одно: «убьетъ!..» Кого? когда? какъ? Не знаю!.. Просто какъ-то такъ стало выходить невольно, несознательно... Поглядишь на такое благообразное лицо, отвѣтишь на благообразный поклонъ или благообразный вопросъ, а самъ въ то же время почему-то думаешь: «а вѣдь разорветъ, анаѳема, въ клочья!» Вотъ и въ это утро шевелились въ моей мысли тѣ же непривѣтныя слова... Да и вѣтеръ меня мучилъ, царапая своимъ тупымъ лезвіемъ по лицу, по шеѣ и забираясь въ рукава, да и поле — ужъ мертвое, ободранное, облѣзлое, какъ облѣзлая шкура мертваго животнаго — гнело душу. Изъ-за забора съ проѣзжей дороги вѣтеръ поднималъ сухую холодную пыль... «Убьетъ...» опять мелькнуло у меня, и я хотѣлъ было уйти, какъ вдругъ нѣчто совершенно неожиданное, съ неба свалившееся, приковало меня къ мѣсту, и приковало какъ-разъ на половинѣ этого страшнаго слова «убьетъ»... Какъ разъ въ ту минуту, когда отравленная душа вымучила изъ себя эту страшную мысль о мужикѣ, который клалъ дрова и спину котораго я созерцалъ изъ-за забора, сначала какъ первая капля дождя, падающая въ крышу, послышался какой-то ясный, свѣтлый звукъ; за нимъ другой, третій, и вдругъ эти странные звуки быстрымъ и рѣзвымъ оборотомъ перешли какъ-то сразу въ развеселый, разудалый, разухабистый вальсъ изъ какой-то оперетки... Шарманщикъ, пробираясь изъ столицы въ губернскій городъ, заслышалъ разговоръ за заборомъ— а заборъ-то былъ около усадьбы, повидимому не крестьянской—вотъ онъ и заигралъ вальсъ. Грубый вѣтеръ грубыми толчками точно дрался съ этими звуками, разнося ихъ по пыльной улицѣ, угоняя вверхъ, опрокидывая внизъ... Когда-то я слышалъ эти звуки, и ничего въ нихъ не было кромѣ опереточной «клубнички», но появленіе ихъ здѣсь, въ деревнѣ, среди этихъ соломенныхъ крышъ, этихъ ободранныхъ полей, рваныхъ полушубковъ, ошеломило меня... Они нежданно-негаданно принеслись и поставили среди этой суровой деревенской обстановки образы довольства, веселья, праздности, роскошной, залитой золотомъ и упоенной «своимъ удовольствіемъ». Они такъ превосходно нарисовали этотъ другой міръ, а мое, истомленное однообразіемъ деревенскихъ впечатлѣній, воображеніе съ такой яркостью отпечатлѣло его, что я не додумалъ даже до послѣдней буквы страшнаго слова «убьетъ...» какъ ужъ и мужикъ, котораго я только что ненавидѣлъ, и его черная съ глубокими ямами шея и его рваная шапка, словомъ, все, все въ немъ пробудило во мнѣ взрывъ, да именно взрывъ необычайной жалости. «Какъ я могъ думать это... убьетъ?..» истерически билось у меня гдѣ-то не то въ головѣ, не то въ сердцѣ... Истерическія слезы какъ-то неудержимо стремились вылиться и оплакать одновременно и неустанные труды этихъ неустанныхъ рукъ, и холодъ избъ, и тьму ночей съ бьющимся отъ страшнаго сна ребенкомъ, и жестокость этого же мужика къ родному брату, котораго эти же руки ободрали, буквально ободрали, и воровство этими руками въ темную ночь чужихъ дровъ, и эту неустрашимую алчность, неусыпающую въ душѣ мужика, и черствый хлѣбъ, и грязную соску во рту ребенка... Шарманщикъ игралъ, мужикъ клалъ холодными руками на холодномъ вѣтрѣ холодныя и грубыя полѣнья, холодный вѣтеръ рѣзалъ и толкалъ... а въ глубинѣ души разверзалось что-то горячее, какъ огонь, разливалось жаромъ рыданій...

Протасовъ долго ходилъ по комнатѣ, не говоря ни слова, и подолгу останавливаясь у окна, спиной ко мнѣ, смотрѣлъ на улицу, также ни слова не произнося... Я не мѣшалъ ему овладѣть собою...

— А вѣдь знаешь, заговорилъ онъ, отходя наконецъ отъ окна и стараясь казаться совер-

шенно спокойнымъ, даже слегка, хотя и напряженно улыбаясь:—вѣдь дѣйствительно этотъ мужикъ-то содралъ съ брата шкуру. какъ говорится у насъ по-деревенски... Нужда! Чѣмъ ее поправить? А вотъ насупротивъ живетъ братанъ, Алешка, братанъ нескладный; все у него незадача... Было у этого Алешки мѣсто лѣсника, семь рублей въ мѣсяцъ жалованья — отбилъ, потому Алешка пьетъ, а этотъ, Николай, капли въ ротъ не беретъ... «Ему эти деньги все одно ни къ чему». Надумалъ Алешка дрова возить куда-то по два съ полтиной сажень—Николай «вызналъ» мѣсто, сталъ возить по два... отбилъ!..—«Вози, говоритъ, нешто я препятствую тебѣ?«...—«Ну, констатируютъ сосѣди,—таперича Алешка *должонъ* совсѣмъ подохнуть».Тутъ все только констатируютъ...«*должонъ* теперича по міру пойдтить...», «теперчи ёнъ бы ужъ помирать *должонъ...* »Когда Николай отбилъ отъ Алешки мѣсто («Николаю-то семь цѣлковыхъ дюже хорошо!.. констатировали сосѣди...— теперича онъ *должонъ* шибко поправляться»), и когда отбилъ поставку дровъ, и когда потомъ отбилъ сѣнокосъ, который Алешка снималъ у сосѣдняго барина (всего-то пудовъ на 60), тогда сосѣди констатировали такъ: — «Теперича, надо полагать, Алеха *должонъ* совсѣмъ порѣшиться, начисто пошелъ на раззоръ...» И Алеха пошелъ на раззоръ. Дѣтей у него куча, все маленькія, жена слабая, больная и на несчастье плодущая... Алешка началъ разоряться и пьянствовать, сталъ жестоко колотить жену, чтобы усмирить въ ней эту плодовитость, уравновѣсить плодущую бабу съ окружающимъ недостаткомъ, но не уравновѣсилъ. Алешка сталъ пьянствовать, и я сталъ встрѣчать его въ самомъ растерзанномъ видѣ: раза два я видѣлъ его лежащимъ въ грязи, въ канавѣ, лицомъ внизъ, бездыханнымъ... «*Должонъ* Алеха, надо быть, покончиться съ эстаго съ пьянства», констатировали объективные наблюдатели-міряне... Но Алеха не померъ, а случилось съ нимъ еще новое и огромное несчастье.

— Въ одинъ день разнеслась вѣсть, что три дѣвочки, дочери Алехи, оставшись дома безъ матери, которая ушла зачѣмъ-то къ сосѣдямъ, па рукахъ девятилѣтняго парнишки (отца также не было дома—«воровалъ дрова» въ графскомъ лѣсу), опрокинули на себя во время игры огромный бѣлымъ ключомъ кипѣвшій самоваръ... и обварились съ головы до ногъ. «Теперича ужъ пожалуй и помирать должны бы... вчерась обварились-то...» констатировали деревенскіе діагносты... «Должны померетъ, подтверждали безпристрастные наблюдатели,—коли ежели не отходятъ». «Коли отходятъ, въ ту пору и живы должны остаться, ну, а коль скоро не отходятъ, то само собой, окончательно сказать, должны покончиться...» — «Безпремѣнно покончутся, коли ежели какихъ способовъ не будетъ отходить...» «Да, теперича пожалуй что ужъ и померши, коли ежели...» А такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что въ деревнѣ существуетъ самый внимательный контроль другъ надъ другомъ и надъ всѣмъ домашнимъ бытомъ каждаго дома, то къ этому констатированію неизбѣжной для дѣвочекъ смерти (ежели не отходятъ) присоединилось констатированіе и другого факта. «А пожалуй, что Алеха-то теперь *должонъ* пойдтить *на поправку*!... Горе, горе, что говорить! Всякому свое жалко... А и такъ ежели сказать, Божіимъ повелѣніямъ человѣкъ не указчикъ... Неизвѣстно, можетъ, Господь-то премудро все это послалъ.. А что Алехѣ все полегче станетъ—это вѣрно, потому какъ-же? остался онъ въ троихъ... куда съ этакой аравой ребятъ выбиваться.. А теперича, пожалуй, что и на поправку должонъ пойдтить... Право, должонъ...» Дѣти дѣйствительно умерли, и Алеха дѣйствительно пошелъ на поправку... Долго я не видалъ его послѣ этого несчастья и не знаю, какъ онъ его пережилъ, но когда я его увидѣлъ наконецъ, онъ былъ и трезвъ, и опрятенъ, и взоръ его былъ и чистъ, и свѣтелъ, и уменъ...—«Слава тебѣ, Господи, кабысь немножечко дѣло мое поправляться стало... Дай Богъ здоровья (имя рекъ), мѣсто мнѣ далъ—мостъ на желѣзной дорогѣ караулить, черезъ день, рубль серебромъ, свои харчи, маленько поправляться сталъ... А то всего-бы рѣшился, чисто-бы померъ безсловесно!.. До весны какъ-нибудь промерзну въ землянкѣ-то, рублей подъ шестьдесятъ деньжонокъ накопится, опять возьмусь за хозяйство... Слава тебѣ, Господи, землю-то кое-какъ у мужиковъ «отпоилъ»—не отняли... А то-бы начисто-бы пришлось покончиться». О дѣтяхъ мы не говорили...

Такъ вотъ какіе эпизоды иногда *выручаютъ* человѣка изъ погибели!

. . . .

— Какъ-бы я желалъ, говорилъ Протасовъ спустя нѣкоторое время,—еслибы можно было свалить всю вину на знаменитую пословицу «только печкой не били». Когда приказываютъ, Мишанька не можетъ ослушаться, онъ привыкъ слушаться, ржаное поле пріучило его. А вотъ о несчастьи нѣтъ приказаній ржаного поля, и Мишанька только констатируетъ факты съ точностью ученаго изслѣдователя и привыкъ погибать, также исполняя съ точностью собственную свою погибель, разъ она этимъ ржанымъ полемъ ему предуказана.

НЕ СЛУЧИСЬ.

Разсказъ.

Недавно въ газетахъ былъ напечатанъ небольшой, но въ высшей степени замѣчательный уголовный процессъ. Слушался онъ въ вологодскомъ окружномъ судѣ и состоитъ въ слѣдующемъ. Бо-

лѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, именно около Петрова дня 1880 года, желѣзнодорожный сторожъ нашелъ въ рѣкѣ Шаграшъ, около моста Ярославско-Вологодской линіи, джутовый мѣшокъ, въ которомъ, по вскрытіи, оказался трупъ убитаго человѣка, разложившійся до такой степени, что только по одеждѣ можно было догадаться, что убитый—мужчина. Открытіе этого трупа напомнило (не знаемъ, властямъ или обществу) о загадочномъ исчезновеніи нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одного изъ посѣтителей гостинницы «Вологда», пользующейся весьма сомнительной репутаціей. Началось слѣдствіе, которое черезъ нѣсколько времени открыло виновнаго. Убійцей оказался корридорный или половой гостинницы «Вологда», крестьянинъ Иванъ Васильевъ Горюновъ, и вотъ какое поразительное и потрясающее показаніе далъ этотъ Иванъ Горюновъ на судѣ:

«Года за два раньше, какъ я убилъ Крамскаго (фамилія убитаго), къ намъ въ гостинницу «Вологда» пріѣзжалъ какой-то господинъ, повидимому купецъ. Жилъ онъ у насъ въ гостинницѣ дня четыре и больно сильно кутилъ, пьянствовалъ. Когда этотъ господинъ уѣзжалъ, онъ подарилъ мнѣ золотые часы съ цѣпочкой и сказалъ: «Спасибо тебѣ, что ты сберегъ меня — все въ цѣлости; у меня, говоритъ, было девяносто три тысячи рублей». Потомъ гость этотъ попросилъ проводить его на вокзалъ; я проводилъ, и тутъ онъ еще далъ мнѣ двадцать-пять рублей и еще три рубля. Пришелъ я домой и показалъ буфетчику и хозяину часы, что мнѣ подарилъ гость. Хозяинъ спросилъ: «за что-жъ онъ подарилъ?»—«За то, молъ, что у него девяносто три тысячи съ собой было, и всѣ остались въ цѣлости». — «Эхъ ты, говоритъ хозяинъ, не умѣешь деньги наживать! Такъ будешь дѣлать — и помрешь бѣднякомъ»... Потомъ хозяинъ говоритъ, чтобъ я заманивалъ гостей, обѣщая имъ продавать какіе-то банковые билеты съ большой уступкой... Зимой 1880 года къ намъ въ номера пріѣхалъ какой то господинъ съ дѣвушкой... Выпивали они тутъ. На другой день, часовъ въ девять, дѣвушка ушла, а господинъ остались одни. Стали разсчитываться и дали мнѣ сторублевую бумажку. Ну, я пошелъ въ буфетъ, увидалъ тамъ хозяина и говорю: «Господинъ должно быть богатый — все сторублевки». Хозяинъ сказалъ: «Погоди-ка носить сдачу, я взгляну сначала, что за господинъ такой». Вернулся онъ и говоритъ: «Это человѣкъ мнѣ знакомый, денежный человѣкъ» — «*Какъ-же тутъ быть?*» — спрашиваю.—«Самъ, говоритъ, знаешь—не малолѣтокъ... Рѣка все унесетъ». — «Страшно, говорю, какъ-то»...—«А ты выпей стакана два водки—страхъ-то какъ рукой сниметъ... А чтобъ свидѣтелей лишнихъ не было, мальчишку-то въ полицію пошли за паспортной книгой»... Сказалъ это, а самъ ушелъ въ другую свою гостинницу «Россію», черезъ дорогу. Выпилъ я водки, послалъ подручнаго Николая въ полицію и понесъ сдачу въ третій номеръ. Господинъ лежалъ на постели, опершись на локотки, и выпивали... Столъ около кровати стоялъ съ бутылками... Тутъ-же лежалъ молотокъ, который я принесъ наканунѣ, чтобы вбить задвижку, какъ господинъ приказали... Я взялъ молотокъ и ударилъ господина по головѣ раза и два... Какъ ударилъ—спереди или сзади — хорошенько не помню. Вытащилъ деньги изъ кармана брюкъ и, не считая, сунулъ ихъ себѣ въ карманъ. Вытащилъ покойника въ четвертый номеръ, а самъ сталъ прибирать въ третьемъ. Окровавленную простыню и наволочку засунулъ въ печь и сжогъ. Обои около кровати оборвалъ, полъ подтеръ, а пятна на матрасѣ и подушкѣ слегка замылъ водой. Потомъ вернулся къ покойнику, перетащилъ его черезъ пятый номеръ въ чуланчикъ, который былъ рядомъ, и спряталъ его въ сундукъ подъ лѣстницей, отодравъ для этого плинтусъ. Въ это время, слышу, вернулся Николай. Я пошелъ къ нему навстрѣчу и велѣлъ прибрать въ номерѣ третьемъ. Онъ послѣ спрашивалъ: «Что это вода въ тазу кровавая и на полу кровь?»—«Это, говорю, гость не расплатился съ дѣвицей, она ему и раскровянила морду». —«Какъ-же, говоритъ, онъ ушелъ въ такомъ видѣ?»—«Умылся, говорю, да и ушелъ»... Ну, онъ и повѣрилъ. Часа черезъ два послѣ убійства пришелъ хозяинъ. Я ему и подалъ всѣ деньги, не считая. «Мало, говорю, денегъ-то».—«Врешь, говоритъ, не можетъ быть столько, ты утаилъ». Я побожился. Онъ взялъ всѣ деньги, а мнѣ далъ немного мелочи... На другой день начались розыски покойника. Въ гостинницу пріѣзжала его родственница съ знакомымъ, ходила полиція... Мы отвѣтили, что гость расплатился и уѣхалъ неизвѣстно куда. *Такъ какъ околоточный пьетъ у насъ завсегда водку и все такое, то* номера осматривать онъ *постыдился*. Тутъ меня взялъ страхъ, тоска напала... Я все ходилъ въ рундукъ, смотрѣлъ, лежитъ ли тамъ покойникъ, иногда сидѣлъ тамъ и плакалъ... Хотѣлъ идти дать знать полиціи; сказалъ объ этомъ хозяину, а онъ говоритъ: «Дуракъ и будешь — ни за грошъ пропадешь. Меня все равно не оговоришь — не повѣрятъ; я и въ гостинницѣ-то въ это время не былъ». Ну, я и не пошелъ. Послѣ Рождества отпросился я у хозяина домой въ деревню, взялъ у него денегъ и уѣхалъ, захвативъ шубу покойника, которую раньше спряталъ... И въ деревнѣ тосковалъ, но роднымъ объ этомъ ничего не говорилъ. Пріѣхалъ опять въ городъ къ хозяину. Передъ Пасхой сукровица проникла черезъ потолокъ, пошелъ по номерамъ скверный духъ. Меня все пуще стала тоска забирать, и я все чаще сталъ ходить къ покойнику, смотрѣть на него. Потомъ перетащилъ его изъ рундука въ другой уголъ чуланчика и положилъ подъ рамы. Духъ все сильнѣй по номерамъ расходится... Гости стали жаловаться. Я все собирался вывезти, да все случая не было, а хозяинъ не помогаетъ и тоже говоритъ: «Убери!». Въ концѣ іюня я положилъ покойника въ мѣшокъ, завязалъ веревкой, пошелъ, взялъ извозчика и ночью поѣхалъ окольной дорогой за городъ на рѣку Шаграшъ. Бросилъ тамъ мѣшокъ и возвратился... Потомъ въ скорости слышу, что на-

шли покойника. Полиція пришла и взяла съ меня росписку о невыѣздѣ... Я сказалъ хозяину. Онъ говоритъ. «Ты поди въ полицію и скажи, что у тебя просроченъ паспортъ, чтобъ они отпустили тебя». Полиція не отпустила. Тогда я самъ ушелъ домой... Но тутъ меня арестовали и представили въ станъ. «Я и открылся, что я убилъ...»

Вотъ показаніе главнаго дѣйствующаго лица, которое мы привели отъ слова до слова.

Здѣсь все въ высшей степени любопытно и поучительно. Поучительно то, что хозяинъ, который, какъ видно изъ показанія, былъ душой всей этой операціи, признанъ виновнымъ не «въ подстрекательствѣ съ корыстной цѣлью», а только «въ знаніи и укрывательствѣ». Любопытна и поучительна фигура и этого блюстителя порядка — околоточнаго, который, помня трактирную хлѣбъ-соль и «все такое», *стыдится* осматривать нумера, гдѣ совершено это убійство, — убійство, которое онъ несомнѣнно чуялъ и можетъ быть даже зналъ о немъ навѣрное, такъ какъ это знаніе или догадка — только одно и могло заставить его «*постыдиться*», смотрѣть сквозь пальцы, помня хлѣбъ-соль «*и все такое*». Въ то же время, принимая во вниманіе такъ называемыя «нонѣшнія времена», невольно представляешь себѣ, какъ много развелось теперь такихъ блюстителей, которые, выпивая въ гостинницѣ, гдѣ надъ головой выпивающихъ «и все такое» полгода лежитъ и гніетъ убитый человѣкъ, котораго они «стыдятся» розыскать, навѣрное не упускаютъ случая высматривать «неблагонадежныхъ личностей» и, запримѣтивъ таковыхъ (а примѣты въ этомъ отношеніи годятся всякія, какія только взбредутъ въ голову), не только не постыдятся, а прямо безъ разговоровъ «сгребутъ» и заточатъ... Вѣдь вотъ «сгребъ» же одинъ блюститель мирнаго сельскаго жителя за романъ Шпильгагена — сгребъ и засадилъ, не зная и не имѣя понятія о томъ, что̀ значатъ слова: «романъ», «Шпильгагенъ», «Впередъ». Сгребъ же другой такой-то блюститель сельскаго учителя, который сидѣлъ на вокзалѣ въ провинціи, ожидая поѣзда, и читалъ брошюру «О дезинфекціи» сочиненія Нечаева. Что такое «дезинфекція» — это блюстителю знать не полагается. *Тотъ ли* это Нечаевъ или другой — тоже можно и не знать. Но мелькнуло ему въ голову слово «Нечаевъ» и — «сгребъ»! Вездѣ теперь только и слышишь: «сгребъ да «сгребъ», или «чуть не сгребъ», или «да и сгребъ бы, а то что же?.. И ей-богу бы сгребъ»... И всѣ эти сгребанья всегда почти оказываются вполнѣ нелѣпыми и неосновательными; но нелѣпости и отсутствіе всякихъ основаній не запрещаютъ «сгребать» и не заставляютъ стыдиться несправедливой жестокости и безобразія, а осмотрѣть нумера, въ которыхъ пропалъ и убитъ человѣкъ, — «стыдно», потому хлѣбъ-соль и «*все такое*»...

Но всего замѣчательнѣе въ этомъ процессѣ — это, разумѣется, личность самого несчастнѣйшаго Ивана Горюнова. Во-истину не даромъ судьба надѣлила его такимъ именемъ и фамиліей. «Господинъ» «приказалъ» прибить въ номерѣ задвижку. Иванъ Горюновъ взялъ молотокъ и исполнилъ приказаніе, а утромъ черезъ нѣсколько часовъ исполнилъ этимъ же молоткомъ другое, почти, приказаніе хозяина — убилъ этого самаго господина. За часъ, за нѣсколько мгновеній до убійства, у него и мысли не было объ убійствѣ; сторублевая бумажка ставитъ его въ недоумѣніе: «какъ-же теперь быть?». Ему говорятъ — какъ, и онъ дѣлается убійцей, онъ бьетъ молоткомъ господина по головѣ съ такимъ же точно покорнымъ настроеніемъ «слуги», какъ бы подавалъ на столъ порцію селянки или прибивалъ задвижку. «Какъ же тутъ быть?» говоритъ онъ, и вы видите, что еслибъ ему было сказано, какъ быть: «возьми да отдай сдачу» — такъ онъ бы и не былъ убійцей и отдалъ бы сдачу. Зачѣмъ онъ убиваетъ — неизвѣстно. Деньги онъ отдалъ хозяину, а самъ получилъ немного мелочи. Ему когда-то сказали: «Дуракъ будешь» — и онъ думалъ, что не дуракъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ. Самъ онъ не знаетъ доподлинно, глупо или умно грабить и убивать, и потому спрашиваетъ у «хозяина»: «Какъ же теперь быть?». Онъ, *самъ лично*, дѣйствительно не имѣетъ понятія о томъ, что̀ умно, что̀ глупо, кто дуракъ, кто уменъ, что̀ хорошо, что̀ дурно. Выслушавъ его разсказъ о томъ, какъ баринъ подарилъ ему золотые часы и двадцать восемь рублей денегъ, хозяинъ говоритъ ему: «Дуракъ будешь, если такъ станешь жить — такъ помрешь бѣднякомъ». И онъ думаетъ, что онъ дуракъ — думаетъ такъ, какъ ему сказано; такъ, какъ побуждаетъ думать его и поступать постороннее вліяніе, чужое приказаніе, чужая воля: «прибей задвижку» — прибилъ, «убей барина» — убилъ, и однимъ и тѣмъ же молоткомъ, безъ малѣйшей тѣни собственной своей мысли и собственной своей воли. Вѣдь еслибъ онъ «самъ» могъ думать, понимать и соображать, т. е. еслибъ онъ самъ имѣлъ какой-нибудь взглядъ на человѣческія отношенія, такъ вѣдь случай съ бариномъ, который щедро наградилъ его, долженъ бы былъ убѣдить его какъ-разъ въ противномъ тому, что̀ говорилъ хозяинъ: за честность и добросовѣстность онъ *на дѣлѣ*, на фактѣ, самомъ реальномъ, самомъ ощутительномъ, оказался не только не въ дуракахъ, но прямо въ умникахъ. За то, что онъ не грабилъ, не укралъ, а берегъ и смотрѣлъ, чтобы не обокрали барина, онъ получилъ сравнительно огромное вознагражденіе — золотые часы и двадцать восемь рублей денегъ. Кажется, еслибы человѣкъ могъ и имѣлъ бы привычку самостоятельно думать о чемъ-нибудь, этого случая было бы для него весьма достаточно, чтобъ убѣдиться, что хорошіе и добросовѣстные поступки не пропадаютъ безслѣдно: результатъ на лицо — золотые часы и деньги... Но онъ не умѣетъ думать самъ, и потому убиваетъ безкорыстно, безъ всякой выгоды, отдавъ деньги хозяину, а самъ получаетъ немного «мелочи»...

Вотъ эти-то черты нравственности Ивана Горюнова и потрясаютъ васъ самымъ угнетающимъ образомъ. Какъ бы внимательно ни всматривались вы въ душу этого человѣка, вы не можете отвѣтить мало-мальски утвердительно ни на одинъ изъ

вопросовъ, которые должны возникнуть при этомъ въ вашемъ сознаніи. Жаденъ ли онъ? — Нѣтъ: деньги отдалъ хозяину... – Жестокъ?—Ничуть: онъ убилъ не подумавши, не задумываясь, а такъ, какъ прибилъ задвижку, и потомъ самъ же плачетъ и терзается надъ трупомъ въ тихомолку по ночамъ...—Скрытенъ, хитеръ и злобенъ?—Опять нѣтъ:— вѣдь онъ «побожился», что не утаилъ денегъ, а всѣ сполна отдалъ хозяину; онъ не обманщикъ... Добровольно, когда мало-мальски проясняется умъ, онъ хочетъ идти въ полицію—объявить, но ему опять говорятъ: «дуракъ будешь»— и онъ не идетъ. Послушаніе его примѣрное. Его награждаютъ за честность; но ему говорятъ, что безчестно поступать лучше, — и онъ вѣритъ вопреки фактамъ, доказывающимъ противное. Ему говорятъ: «прибей задвижку»—прибилъ; «убей»— убилъ. Затѣмъ полгода трупъ лежитъ въ чуланѣ, лежитъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не сказалъ: «Убери!» — и Иванъ убралъ. Словомъ, Иванъ Горюновъ весь чужой, человѣкъ посторонняго вліянія, чужого приказанія, даже чужого желанія. *Своего* по части убѣжденій и нравственности у него ничего нѣтъ — хоть шаромъ покати. Это совершенно пустой сосудъ, который можетъ быть наполненъ, чѣмъ угодно. Не попади онъ въ такой темный притонъ, можете-ли вы сказать, что онъ сдѣлалъ бы что нибудь подобное тому, что́ его принудили сдѣлать? Былъ ли бы онъ убійцей, если бы «попалъ» вмѣсто трактира въ столяры, въ сапожники, въ кучера къ хорошому барину, въ лавочники, въ хлѣбопеки?.. Наконецъ, еслибы попалъ даже опять-таки въ трактиръ-же, только не въ такой вертепъ, какъ «Вологда», а такой, гдѣ все честно и благородно?.. Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ вы не можете отвѣчать утвердительно, потому что предъ вами человѣкъ, внутренній міръ котораго, какъ траву, какъ тонкую вѣтку, колеблютъ внѣшнія дуновенія, дыханіе чуждыхъ ему, со стороны идущихъ, вліяній,—человѣкъ, который покоряется всему, на что́ его «Богъ нанесетъ», — всему, что́ волею судебъ «набѣжитъ» на него...

А вѣдь такихъ Ивановъ Горюновыхъ уже въ настоящее время можно считать на Руси сотнями тысячъ, а въ будущемъ, если только народная жизнь будетъ такъ же, какъ и до сихъ поръ, оставаться въ условіяхъ царствующей и въ ней, и внѣ ея неурядицы Ивановъ Горюновыхъ будетъ тьма, тьмы темъ, тьмы темъ пролетаріата, выброшеннаго растройствомъ деревенскаго быта и духа, готоваго подчиниться въ чуждой ему средѣ всевозможнымъ вліяніямъ съ наивностью ребенка, не имѣющаго возможности знать и понимать, что́ въ этихъ вліяніяхъ зло, что́ добро, — словомъ, пролетаріата, который съ ненавистью ребенка можетъ однимъ и тѣмъ же молоткомъ и одной и той же рукой прибить задвижку по приказанію «гостя» и разбить тому же гостю голову по чьему-нибудь другому указанію и наставленію.

Отчего же это происходитъ?

Вѣроятно не разъ, а милліоны и милліоны разъ тотъ же вопросъ, только примѣненный къ самому себѣ и къ своей ужасной исторіи, задавалъ и задаетъ Иванъ Горюновъ, задавали и задаютъ сотни другихъ Ивановъ Горюновыхъ. Сидя въ слезахъ и тоскѣ за желѣзной рѣшеткой тюрьмы, или на пароходѣ-клѣткѣ, перевозящей арестантовъ и осужденныхъ въ сибирскіе тюрьмы и рудники, Иванъ Горюновъ и ему подобные мучительно ломаютъ уже погибшія головы свои надъ этими вопросами: какъ, и зачѣмъ, и отчего? — и, ничего, не понимая, но только ужасаясь и недоумѣвая, невольно переносятся мыслью въ родную деревню и инстинктивно ищутъ здѣсь, въ ней, въ условіяхъ ея современной жизни — корни и основаніе всему, что́ случилось потомъ. Оплакавъ утраченное спокойствіе и цѣломудренность деревенской жизни, оплакавъ и утраченную возможность жить какъ люди, работать, играть свадьбу, пить вино на праздникахъ и т. д. и дорываясь до корня своего огромнаго горя, своихъ огромныхъ утратъ, вѣковѣчныхъ, на всю жизнь—всякій такой Иванъ Горюновъ непремѣнно найдетъ въ самой глубинѣ, на самомъ днѣ своихъ бѣдъ, какую-нибудь деревенскую «случайность», благодаря которой человѣкъ долженъ былъ оторваться отъ дома, отъ деревни и идти въ невѣдомый міръ, плыть безъ кормила и весла... Непремѣнно въ корнѣ корней окажется какое-нибудь на нашъ взглядъ ничтожное обстоятельство, отъ котораго и вышло потомъ все, вплоть до конца, до Сибири и каторги. «Не случись» того-то или того-то въ деревнѣ, въ хозяйствѣ – и не надо было бы уходить оттуда и отдавать себя на волю непонятныхъ вліяній, непонятныхъ условій жизни. Не случись, что умеръ отецъ или братъ, не случись, что пала лошадь, не случись, что старшая сестра сломала ногу и пролежала годъ больная, не случись падежа, неурожая, засухи — и не было бы тысячи случайностей, которыя потомъ захватили человѣка и стали имъ вертѣть посвоему, какъ *имъ* угодно...

Этихъ случайностей, иногда ничтожныхъ какъ пылинка, никогда не тяготѣло надъ крестьянской жизнью такъ много, какъ теперь. Земледѣльческій трудъ, весь, сполна находящійся во власти велѣній природы, самъ по себѣ уже таитъ въ этихъ велѣніяхъ и прихотяхъ природы неисчерпаемый источникъ случайностей. Въ успѣхѣ или неуспѣхѣ этого труда – слѣдовательно въ благосостояніи и нравственномъ равновѣсіи, или въ разореніи и нравственномъ паденіи крестьянъ играютъ важную роль не только такіе пособники труда, какъ животныя, скотъ, не только своя личная сила, свое здоровье и т. д., но даже самыя ничтожнѣйшія атмосферныя явленія—направленіе и сила вѣтра (обилъ хлѣбъ и т. п.), сила и время дождя, засухи и т. д., и т. д. безъ конца. Все это можетъ осчастливить, все это можетъ и разорить. Всѣ эти случайности необходимо имѣть въ виду. А ихъ въ настоящее время столько развелось, что вся современная жизнь деревни зависитъ именно отъ этихъ случайностей — и стихійныхъ, и всякихъ другихъ, неизвѣстно по-

чему скопившихся надъ деревней какъ нарочно въ такое время, когда она не въ силахъ противопоставить ни «кузькѣ», ни «мглѣ», ни «красному пѣтуху» ничего, кромѣ отчаяннаго вопля и безцѣльнаго бѣгства «на сторону».

При крѣпостномъ правѣ (намъ не для чего заглядывать дальше для того, чтобъ сравнить прошлое народа съ настоящимъ) всѣ эти случайности *волей-неволей* долженъ былъ устранить баринъ, если онъ не былъ, что̀ называется, живорѣзомъ. Онъ, въ видахъ своей собственной пользы, долженъ былъ кормить въ неурожай, давать скотъ во время падежа, помогать свадьбѣ, покупать жениха,—словомъ, онъ долженъ былъ всячески экономизировать людьми. Негодныхъ къ одному труду онъ ставилъ на другой, ни къ чему негодныхъ сдавалъ въ солдаты, а безпомощнаго старика ставилъ къ уткамъ или такъ кормилъ на дворнѣ. Это былъ скотный дворъ, организованный изъ людей, но организованный. Возвращенія къ нему не можетъ быть, но возвратиться къ «организаціи», перейти отъ полнаго невниманія къ массамъ къ самому искреннему вниманію — необходимо. Всѣ эти случайности, обставляющія крестьянскій трудъ и слѣдовательно играющія огромную роль въ благосостояніи массъ, въ настоящее время почти не составляютъ предмета серьезнаго вниманія со стороны такъ называемыхъ командующихъ классовъ. Страхованіе скота, какъ извѣстно, до сихъ поръ только въ проектѣ, да неизвѣстно еще, будетъ-ли оно удобно для крестьянъ; по части организованнаго кредита тоже въ высшей степени плохо; земскія подачки въ неурожайные годы — предметъ для хищническихъ злоупотребленій и плохое подспорье для большинства крестьянъ. Да наконецъ времени «даромъ» ушло такъ много, что теорія хищничества уже вошла въ моду и въ деревнѣ, и теперь уже нельзя поручиться въ томъ, что даже самое благодѣтельное мѣропріятіе не будетъ здѣсь-же, въ деревнѣ, повернуто такъ, что окажетъ выгоду меньшинству и вредъ огромному большинству. Отпаденіе отъ «хозяйственнаго», крестьянскаго, чисто земледѣльческаго ядра, составляющаго силу деревни и силу крестьянской массы, все увеличивается; случайности, никѣмъ и ничѣмъ не отстраняемыя, съ одной стороны выбрасываютъ за бортъ общиннаго корабля ослабѣвшихъ, опустившихъ руки, идущихъ искать гдѣ лучше, съ другой—эти-же случайности возвышаютъ незначительное меньшинство, которое, владѣя лишней копѣйкой, пользуется нуждой ослабѣвшихъ, дешево покупаетъ скотъ, пашню и другое имущество и богатѣетъ, но въ свою очередь также отпадаетъ отъ крестьянства трудящагося. Одни уходятъ потому, что нельзя трудиться, а другіе—потому, что можно и не трудиться, можно отдавать «изъ прокату» сѣнной прессъ, получать за прокатъ деньги, сидѣть въ трактирѣ и играть на гармоніи «Стрѣлочка». Такимъ образомъ отъ общиннаго земледѣльческаго ядра, деревни, въ одну сторону уходятъ «по разстройству» Иваны Горюновы и поступаютъ лакеями въ трактиры, а въ другую—уходятъ люди вслѣдствіе достатка, уходятъ въ тѣ-же трактиры, но не въ качествѣ лакеевъ, а гостей. Эти люди достатка и досуга требуютъ водки и закуски «и все такое», а Иваны Горюновы подаютъ имъ и водку, и закуску «и услуживаютъ по части всего прочаго». Одни учатся—«что̀ приказывать», а другіе исполняютъ приказанія: «прибей задвижку»—и прибьетъ, «убей»—и убьетъ, и все однимъ и тѣмъ-же молоткомъ.

Не смотря на имущественную разницу между Иванами Горюновыми, перестающими быть крестьянами, «послугою» по нуждѣ, и другимъ типомъ отщепенцевъ крестьянства, бросающихъ его и отвыкающихъ отъ него вслѣдствіе достатка — въ нравственномъ отношеніи оба типа не представляютъ ни малѣйшей разницы. Оба они, уходя изъ одного общества въ другое, не вносятъ въ него ничего *своего*, а обречены—по крайней мѣрѣ на долгіе годы—подчиняться тому, что̀ Богъ нанесетъ на нихъ, или что̀ само на нихъ набѣжитъ. Оба эти типа, не смотря на разницу состояній по части матеріальныхъ благъ, одинаково нищіе, одинаково безнравственны. Слово «безнравственность» не слѣдуетъ понимать исключительно въ дурномъ смыслѣ, въ смыслѣ дурной нравственности — вовсе нѣтъ; просимъ понимать его *только* буквально, т. е. только какъ отсутствіе какого-нибудь опредѣленнаго нравственнаго содержанія, какихъ-нибудь опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ... Намъ могутъ многое возразить на это, указать на сектантовъ и т. д.; но мы, очень хорошо зная, что этою «безнравственностью» не исчерпываются всѣ свойства народной души, тѣмъ не менѣе не имѣемъ намѣренія доказывать здѣсь, что эти «другія» стороны извѣстны намъ, также какъ и возражателямъ,—не будемъ дѣлать этого именно потому, что мы беремъ спеціально эти безнравственныя, а не какія другія черты народной души, хотимъ указать именно на пустыя мѣста этой души,—мѣста, которыя, помимо естественныхъ причинъ, держащихъ народную душу въ постоянномъ колебаніи по части «убѣжденій», какъ будто еще умышленно оставляются пустыми, тщательно ограждаются отъ всякаго вторженія въ эту пустоту общечеловѣческихъ интересовъ, идей общаго блага и обязанностей къ ближнему и къ самому себѣ. «Не отвѣчать» за свои поступки какъ лично, такъ и по отношенію къ сосѣду, къ ближнему, народную массу учитъ—и заставляетъ даже насильно—ея трудъ, весь подчиненный прихотямъ природы.—«Не отвѣчать» пріучило народъ крѣпостное право, при которомъ за всякія безобразія, за все хорошее и дурное отвѣчалъ, хотя-бы только оффиціально, помѣщикъ. Теперь, когда это право миновало, надобно отвѣчать самимъ...Но вотъ этой-то отвѣтственности не только никто не требуетъ отъ народа, но, напротивъ, все, что̀ командуетъ имъ, какъ-бы умышленно стремится отучить его отъ всякой мысли о томъ, что кромѣ отвѣтственности въ исправной

уплатѣ податей есть еще другая отвѣтственность — за этого сироту, который можетъ сдѣлаться воромъ, за эту старуху, за этого старика, за эту случайно ослабшую семью, которая можетъ разориться и пустить по міру кучу нищихъ. Ни въ школѣ, ни въ церкви, ни въ другихъ вліяющихъ сферахъ мы не видимъ ни малѣйшихъ попытокъ, не слышимъ ни единаго слова, которое обратило-бы вниманіе молодого и стараго деревенскаго люда на массу явленій, за которыя по привычкѣ не принято отвѣчать, но за которыя отвѣчать непремѣнно слѣдуетъ. Одинъ деревенскій мальчикъ сказалъ мнѣ: «Сколько разъ я видалъ зиму и носъ отмораживалъ, и ноги знобилъ, и въ снѣжки игралъ, а все не думалъ, что̀ такое зима... А вотъ какъ прочиталъ стишокъ сочиненія Пушкина про ту-же зиму и про тотъ же снѣгъ — и стала мнѣ зима любопытна». Вотъ такого-то слова, которое бы сдѣлало любопытными тысячи явленій, къ которымъ народъ приглядѣлся, которыя онъ видитъ каждый день, но о которыхъ не думаетъ, какъ мальчикъ не думалъ о зимѣ, хотя и отмораживалъ носъ и знобилъ ноги,—и нѣтъ у насъ. Какъ были выраженіемъ общественныхъ заботъ въ старыя времена мірской быкъ, староста, кабакъ и холодная, такъ и теперь — то-же. А когда къ этимъ быку, старостѣ, кабаку и холодной прибавится что-нибудь новое, вродѣ постояннаго фельдшера (изъ своихъ и для своихъ), вродѣ мірской каморки, въ которой могли-бы доживать свой вѣкъ старики бездомные, вродѣ другой каморки, въ которой больной, вывихнувшій ногу, или больная, обжегшая солнцемъ на жнивѣ спину, могли найти койку и помощь и т. д.,—когда все это будетъ, неизвѣстно. Нигдѣ, повторяемъ, ни въ школѣ, ни въ церкви, мы не слышимъ ни о злѣ, ни о добрѣ, ни о добромъ, ни о худомъ, ни о безнравственномъ, ни о нравственномъ... Конечно этимъ мертвымъ молчаніемъ нельзя убить въ человѣкѣ душу и совѣсть, и она такъ или иначе выразитъ себя въ стремленіи къ свѣту и правдѣ; но какъ-бы ни были прекрасны эти, никѣмъ не поощряемыя проявленія благородныхъ стремленій души, нельзя не видѣть, что покуда къ общиннымъ хозяйскимъ распорядкамъ не будетъ *прибавлено* права широко и свободно дѣлать все и думать обо всемъ, что̀ только можетъ расширить размѣры народной впечатлительности по отношенію къ горю и благу ближняго,—до тѣхъ поръ деревня будетъ поставлять изъ своей среды, подчиненной случайностямъ удачи и неудачи, съ каждымъ годомъ все большее и большее количество людей съ нравственностью Ивана Горюнова,—нравственностью, колеблемою, какъ листъ, отъ малѣйшаго дуновенія въ ту или другую сторону.

Не знаю, скоро-ли интеллигентный человѣкъ (т. е. человѣкъ исключительно интеллигентныхъ цѣлей, а не служащій по найму въ интеллигентныхъ должностяхъ) отвоюетъ для деревни право пещись не о единомъ хлѣбѣ. Это — его обязанность, и другой обязанности нѣтъ у русскаго интеллигентнаго человѣка. Конечно сперва ему необходимо отвоевать это право и для себя... Очевидно, что и то, и другое будетъ не скоро. А покуда мы дождемся этого, позволю себѣ возвратиться къ прерванной рѣчи о значеніи «случая» въ современной народной жизни —«случая», противъ котораго не спасаетъ община, при всѣхъ своихъ хозяйственныхъ совершенствахъ, и который выбрасываетъ изъ «крестьянства» массы безпомощныхъ неудачниковъ на волю Божію. Разскажу по этому поводу кое-что изъ того, что̀ почти сейчасъ происходило передъ моими глазами, но при этомъ заранѣе предупреждаю читателей, что разсказанное будетъ мѣстами производить впечатлѣніе непріятное и грубое. Что̀ дѣлать? Дѣйствительность куда хуже того, что̀ я разскажу сейчасъ.

Почти каждый вечеръ прошлогодняго лѣта, за рѣкой, «на той сторонѣ», среди всеобщаго мира и тишины, вдругъ и неожиданно начинались какіе-то крики, брань, ругань и плачъ... Иногда эти крики, этотъ плачъ и шумъ поднимались среди ночи, когда все покоилось мертвымъ сномъ, и будили не только мирныхъ обывателей деревни, но и насъ, жителей противуположнаго берега,—такъ они были громки, столько тамъ было женскаго визга и мужского рева. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣло не ограничивалось одними криками, а иногда разыгрывалось и въ драку, и что драки эти большею частью пьяныя. Очень часто, послѣ того какъ свалки и крикъ прекращались на той сторонѣ, на нашу сторону переправлялись черезъ рѣчку и шли по нашему берегу какія-то пьяныя, ругавшіяся и грозившія кулаками фигуры,—фигуры, весьма плохо владѣвшія ногами, судя по нетвердой походкѣ, и не менѣе плохо владѣвшія языкомъ, судя по несвязности рѣчи, иногда переходившей въ простое мычанье. Но какъ ни безсвязно бывало иногда это бормотанье пьяныхъ гулякъ, все-таки, слушая его, можно было понять, что и сами пьяные, и ихъ пьяныя рѣчи имѣютъ какую-то связь съ только-что затихшей на той сторонѣ свалкой. Не разъ смущали меня эти ночныя исторіи и эти толпы пьяныхъ людей, по ночамъ шатавшіяся около моей дачи. Дача была совершенно одинокая, а народу, какъ говорятъ тамъ, въ деревнѣ, «много всякаго». Поневолѣ подумаешь о томъ, что̀ это за люди, которые чуть не каждый вечеръ производятъ драку, съ криками и со слезами, и потомъ по ночамъ шляются съ какими-то угрозами около дома... Не разъ я спрашивалъ у крестьянъ «съ той стороны», случайно сталкиваясь съ ними, когда они иной разъ перебирались на нашу сторону за сѣномъ или за дровами, такъ какъ ихніе луга и лѣсъ были на нашей сторонѣ, но никто изъ нихъ не далъ мнѣ опредѣленнаго отвѣта: «Пьянствуютъ, поди. Вѣдь нонѣ воля—свободно стало!»—«Вѣдь нонѣ нешто мало безобразіевъ-то?»—«Намъ, батюшка, недосугъ за этимъ глядѣть—намъ впору съ своей работой управиться, а не то чтобы на какихъ подлецовъ смотрѣть. Нонѣ всякаго есть и хорошаго, и худого, сколько угодно... Кто такой

шумитъ?—А Господь ихъ вѣдаетъ. Такъ, должно быть, какіе-нибудь пьяницы...» и т. д. А шумъ и драки на той сторонѣ продолжали повторяться, какъ и прежде, черезъ день, черезъ два. По праздникамъ и по воскреснымъ днямъ они бывали ужъ непремѣнно.

Заходитъ однажды ко мнѣ волостной старшина, съ которымъ я познакомился уже давно, просится посидѣть—«подождать одного человѣчка». Человѣчекъ долженъ проходить какъ разъ мимо моей дачи, такъ вотъ старшина и сѣлъ къ окошку, которое выходитъ на дорогу.

— Что это за драки на той сторонѣ? спросилъ я его.

— Какъ драки?

— Черезъ день, черезъ два ужъ непремѣнно и шумъ, и драки, и крикъ на той сторонѣ.

— О, да, да... Ужъ давно я думалъ вывести, искоренить это гнѣздо, да все недосугъ. Проститутки живутъ—ну, и пьянство...

— А драки-то?

— Да ужъ одно безъ другого не ходитъ. Что и за гулянье безъ драки...

— Да какія-же тутъ у васъ проститутки?

— Очень просто—гулящія...

— Какимъ-же образомъ завелись онѣ тутъ?

— Завелись-то онѣ въ прежнее время... Началось это, видите-ли... стоялъ полкъ по близости. Вотъ откуда пошло направленіе это самое... Да и по сейчасъ не вдалекѣ войска стоятъ и солдаты шляются... Началось-то съ войсковъ—ну, а потомъ и пошло, и свои пошли баловаться... Вѣдь нонѣ народъ распустивши, не дай Богъ... Хлопотъ-то, ежели-бы знали, сколько, не приведи, Господи! Какъ есть съ этой должностью всего хозяйства рѣшишься. Вотъ хоть-бы сейчасъ: шлялись къ этимъ проституткамъ солдаты, а потомъ и стали въ лазаретъ поступать... Теперича вотъ предписано мнѣ всѣхъ этихъ шкуръ представлять каждый вторникъ къ доктору—нарочно земскій докторъ пріѣзжаетъ. Четверыхъ я ужъ сегодня представлялъ—отпустили; а вотъ пятую—она-то должно-быть и корень всему—вотъ и дожидаюсь теперича... Докторъ тамъ сердится, а я сиди вотъ, гляди... А свое дѣло стоитъ.

— Такъ вы эту «пятую» дожидаетесь?

— То-то и есть... Докторъ сердится, а гдѣ я ее возьму? Она вонъ на покосъ ушла—жди ее!

— Такъ она и на покосъ ходитъ, и проститутка?

— Да вѣдь надо жрать-то что-нибудь? Теперь поденно, на хозяйскихъ харчахъ, бабѣ тридцать копѣекъ даемъ въ сутки—какъ-же не идтить-то? А гулянкой вѣдь не проживешь. Видите, каковы гулянки-то: рубль пропьютъ, да на три цѣлковыхъ реберъ поломаютъ... Каждый вечеръ сами слышите, какъ плачутъ гулянки-то... Вѣдь иной пьяный саврасъ какъ разойдется-то, кулачище-то разсучитъ... Да съ этихъ гулянокъ и не прожить; нонича хлѣбъ дорогой, а вѣдь надо каждый день что-нибудь покушать... Водкой-то пожалуй напоятъ, да кулаками накормятъ – съ этого сытъ не будешь, такъ какъ же ей на косовицу-то не идтить? Я думаю, она горячаго-то не ѣстъ по цѣлымъ зимамъ, а тутъ каждый день какъ-никакъ – похлебка...

— Какъ-же это такъ? Кто-же онѣ такія?

— Какъ сказать?.. Бѣдность!.. Вотъ теперича—которую я жду женщину—отца у нея нѣтъ, и матери нѣтъ, а братъ въ Питерѣ... Тоже, сказываютъ, пьянствуетъ—за паспортъ деньги не присылаетъ. Хочу вытребовать, ужъ и бумагу послалъ... Вотъ и живетъ... Какъ одной-то справиться въ разстройствѣ? Вотъ и идетъ въ грѣхъ... А по нонѣшнему времени много охотниковъ-то: и солдаты есть, и свои, сѣнники, приказчики—разнаго народу много... А вотъ никакъ и мои красавицы!..

Въ самомъ дѣлѣ, по дорогѣ, направляя къ перевозу черезъ рѣчку, шла толпа крестьянскихъ женщинъ, босикомъ, съ граблями на плечахъ, въ подоткнутыхъ платьишкахъ и въ однихъ повойникахъ, съ голыми, черными отъ солнечнаго загара шеями. Старшина взялся за шапку, распрощался и торопливо вышелъ на дорогу. Изъ окна я видѣлъ, какъ онъ помахалъ бабамъ рукой, приглашая остановиться, какъ вошелъ въ толпу, говорилъ что-то и какъ потомъ одна изъ женщинъ, передавъ грабли сосѣдкѣ, вышла изъ толпы и отошла съ старшиной въ сторону... Бабы постояли еще съ минуту, столпившись кучей, но потомъ опять выстроились въ шеренгу и пошли своей дорогой къ перевозу. Старшина и несчастная проститутка остались одни на дорогѣ и разговаривали. Высокая, сгорбленная, нищенски одѣтая и уже не совсѣмъ молодая на видъ баба, потупившись, слушала то, что ей говорилъ старшина. Раза два она пробовала что-то отвѣтить ему, крестясь и ударяя рукой въ грудь, но голоса не было у нея. Видно было, что она съ огромными усиліями старается сдѣлать свою рѣчь звучной, но не выходитъ ничего кромѣ хрипоты. Но вотъ она взялась за фартукъ, заплакала, подняла фартукъ къ глазамъ и поплелась вслѣдъ за старшиной. Старшина въ новомъ черномъ картузикѣ, въ опрятненькомъ пиджачкѣ, надѣтомъ сверхъ красной русской рубахи, выпущенной изъ-подъ жилета, и въ новенькихъ блестящихъ сапогахъ съ бураками, шелъ, пожимая плечами и разводя руками, впереди, а баба, поминутно утиравшая фартукомъ то носъ, то ротъ, то глаза, шла за нимъ. Они шли въ волостное правленіе, которое помѣщалось въ деревнѣ на нашей сторонѣ и куда заѣзжалъ по временамъ деревенскій врачъ.

Тяжелое впечатлѣніе этой сцены, горькая участь этой несчастной деревенской проститутки (да, читатель, у насъ *уже* есть деревенская проституція!), которой нечего ѣсть, которая по цѣлымъ зимамъ не ѣстъ ничего горячаго, которую поятъ водкой и бьютъ и которая въ то же время охотно работаетъ обыкновенную крестьянскую работу, находя очень выгоднымъ получать тридцать копѣекъ въ сутки и похлебку, – все это было новой прибавкой къ той массѣ впечатлѣній «ненужнаго зла»,—зла, которое не можетъ не быть у насъ, но которое однако плодится и множится вопреки всякому смыслу человѣческому, котораго такъ много даетъ раз-

строенная деревня каждый день и каждый часъ. Что дѣлать съ впечатлѣніями такого рода? Обыкновенно они не то чтобы забываются, а какъ-то изнываютъ въ душѣ, прибавивъ къ постоянному ощущенію какой-то душевной тяготы, испытываемой въ деревнѣ при видѣ, повторяю, явленій «ненужнаго» зла, еще новую тяжесть. Но на этотъ разъ новое тяжелое впечатлѣніе не имѣло обычнаго результата—ему суждено было осложниться новыми, не менѣе тяжелыми подробностями. Во-первыхъ, въ этотъ же день, часа черезъ два послѣ того, какъ старшина увелъ бабу въ волость, мнѣ опять пришлось встрѣтиться съ нимъ.

Я сидѣлъ у воротъ дачи, когда онъ возвращался изъ волости.

— Ну, что? спросилъ я его какъ-то машинально.

— Посадилъ! отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами и поздоровавшись.

— Кого посадилъ?

— Да эту самую проститутку-то!.. Посадилъ въ холодную.

— За что же?

— Да куда я ее дѣну? Докторъ ждалъ, ждалъ—не дождался, обѣщался пріѣхать послѣ, а пока что, оставилъ записку—«надзирать»... А какъ я буду надзирать за ней? Не караульщика же въ самомъ дѣлѣ нанимать мнѣ... На какія деньги?.. Ну, и распорядился запереть въ темную... Накормить - накормятъ... А вѣдь такъ-то пустить на волю—она вонъ совсѣмъ ужъ голоса лишилась—такъ ее пустить нельзя.

— Почему же въ холодную?

— Да куда же-съ? Вѣдь нѣту... Вѣдь у насъ ничего этого нѣту... Больница за пятьдесятъ верстъ... Вѣдь нѣту этого ничего... У насъ холодная за все—и клиника, и тюрьма, и исправляемъ, и отрезвляемъ, и внушаемъ—все въ одномъ мѣстѣ. Заперъ въ холодную—и все! Кабы какіе прочіе способы были, или что-нибудь по-христіански, а то вѣдь нѣту. Холодная—это есть—ну, и сажаемъ... Даже странники, которые, бываетъ, ко святымъ мѣстамъ идутъ, ночевать просятся—и тѣхъ, бывало, въ холодную на ночлегъ запираемъ, потому народъ набаловавши, распустивши... Иной странникъ попросится ночевать, да и обмолебствуетъ что-нибудь изъ сундука...

Старшина помолчалъ, отеръ платкомъ лобъ и проговорилъ:

— Конечно воетъ, сидитъ... Я и самъ понимаю, что за удовольствіе за желѣзной рѣшеткой сидѣть, да вѣдь, матушка моя, ничего не подѣлаешь... Вѣдь этакую болѣзнь въ народѣ разводить—тоже не хвалятъ за это... Я ужъ и такъ отвѣчаю, отвѣчаю, ужъ и отвѣчать-то усталъ...

Прибавивъ своимъ разсказомъ къ тяжелому впечатлѣнію дня еще новую тяжелую и непривѣтливую черту, старшина ушелъ. Но этимъ дѣло не кончилось, и на другой же день послѣдовало новое дополненіе.

— Петръ Петровичъ васъ спрашиваетъ, сказали мнѣ утромъ слѣдующаго дня.

Петръ Петровичъ былъ все тотъ же старшина

— Гдѣ онъ?

— Онъ на лошади, въ телѣгѣ.

Я вышелъ на дорогу. Петръ Петровичъ сидѣлъ, а внизу, въ ногахъ у него, на мѣшкѣ, сидѣла дѣвочка лѣтъ четырехъ и во всю мочь заливалась горючими слезами. Вся она была въ грязи. въ одномъ ситцевомъ платьишкѣ, которое замѣняло и рубашку; ноги были босыя, грязныя, а голова простоволосая.

— Что мнѣ вотъ съ этой дѣвочкой дѣлать? Матку-то сегодня въ лазаретъ отправили, а вотъ дочка осталась.

— Это той, про которую вы вчера разсказывали?

— Вотъ этой самой дочь... Мать-то, должно-быть, не сказала доктору—думала отпуститъ—онъ уѣхалъ, приказавъ отвезть ее въ лазаретъ, а про дѣвочку ничего не сказано... Отдать къ матери—ну-ко и дѣвочка захвораетъ? Такъ что бы чего—на ней непримѣтно, ничего худого... Оставить здѣсь—никто не беретъ, боятся. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ и дѣвочка больна .. Куда я съ ней дѣнусь?

Дня черезъ два-три дѣвочку эту удалось пристроить у одной вдовы; но теперь, въ эту минуту, про которую я разсказываю, положеніе ея было самое трогательное.

— Взять?.. Но можетъ-быть она больна?.. Не взять, такъ куда же она дѣнется?

Къ телѣгѣ подошло еще нѣсколько человѣкъ, два мужика и баба. Всѣ мы стояли и думали, но ничего не могли придумать.

— Ну, куда я ее дѣну? спрашивалъ старшина.—Да не кричи ты! Чего горло-то пялишь?.. Не пропадетъ твоя мамка.

— Больная ежели, не возьмутъ! говорила баба и мужики подтверждали.

«Холодная» и тутъ рисовалась, какъ единственное нейтральное спасительное мѣсто, но оставить дѣвочку въ холодной было невозможно.

— Н-нѣтъ! подумавши и покачавъ головой, проговорилъ одинъ изъ зрителей и пошелъ прочь.

— Кабы знато, что здорова, а то нѣтъ! сказала баба и тоже ушла.

— Еслибы здорова... сказалъ я.

— Ахъ ты, Господи! произнесъ старшина и послѣ нѣкотораго молчанія и раздумья сказалъ кучеру:—Н-ну, дѣлать нечего, трогай!..

— Куда ѣхать-то?

— Трогай, я тебѣ говорю!.. Поѣзжай прямо.

— Куда прямо? Ѣхать, такъ надо къ мѣсту.

— Да и безъ тебя знаю, что къ мѣсту. Не въ лѣсъ поѣдемъ... Садись на передокъ-то!..

— Мнѣ сѣсть то недолго... А ѣхать-то куда? Мнѣ тоже лошадь-то самому нужна.

— Ну, не разговаривай, потрогивай!.. Знаемъ. куда ѣхать.

Говоря: «знаемъ, куда ѣхать», старшина однако не отдавалъ какого-либо опредѣленнаго приказанія; онъ поправлялся на сидѣньѣ, усаживался поудобнѣе, но видимо недоумѣвалъ, куда напра-

вить путь. Но вдругъ его осѣнила мысль, онъ усѣлся и крикнулъ:

— Пошелъ назадъ! Поворачивай за рѣку!.. Не знаю, куда ѣхать... Авось, найдемъ. Потрогивай-ка, а не разговаривай!

— Куда жъ вы? спросилъ я.

— А къ старостѣ. Сдамъ ее— вотъ и все. Общество, такъ и отвѣчай за своихъ.

— А какъ и тамъ никто не возьметъ?

— А мнѣ какое дѣло! Что я — нянька что ли? У меня двое сутокъ ушло, а мнѣ каждый день пятнадцать цѣлковыхъ убытку... Поворачивай-ка съ Господомъ...

— А какъ не возьметъ староста-то? повторилъ я еще разъ, когда телѣга стала поворачивать отъ дома на дорогу.

— А въ холодную не хочешь? обернувшись назадъ, отвѣтилъ старшина и раскланялся.

Телѣга поѣхала назадъ, за рѣку, и дѣвочка снова залилась горючими слезами.

Дня черезъ два, черезъ три, какъ я уже говорилъ, кое-какъ удалось устроить эту дѣвочку у одной престарѣлой вдовы—это я зналъ навѣрное— но что съ нею, куда она дѣвалась и гдѣ ея мать, до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Не разъ встрѣчаясь послѣ того, какъ дѣвочка была устроена, со старшиной, я спрашивалъ его и о дѣвочкѣ, и о матери, но онъ ничего не зналъ. «Слава тебѣ Господи, хоть съ рукъ сбылъ!—Вѣдь, ей-Богу, и безъ этого хлопотъ не оберешься». Но зато неожиданный случай далъ мнѣ возможность узнать всю исторію разстройства этой семьи, изъ которой вышли эта гулящая, избитая и больная мать, отправленная въ лазаретъ, эта дѣвочка, которая неизвѣстно гдѣ находится, и братъ ея матери, про котораго старшина сказалъ, что онъ пьянствуетъ въ Петербургѣ и не высылаетъ денегъ на паспортъ. Читатель помнитъ, что старшина не хотѣлъ высылать ему паспорта и что слѣдовательно онъ волей-неволей долженъ былъ воротиться въ деревню.

И онъ дѣйствительно воротился.

Нѣсколько разъ говорилъ я знакомымъ мужикамъ, чтобъ они прислали кого-нибудь выкосить дворъ и садъ при дачѣ—они за лѣто сильно заросли травой—и всякій разъ мнѣ говорили: «хорошо, ладно, придемъ или пришлемъ»; но такъ какъ пора работы была горячая, то отрываться отъ нея для такого ничтожнаго дѣла, какъ косьба сада, было не изъ чего. «Успѣется». Но вотъ однажды въ ворота дачи вошелъ человѣкъ, неся на плечѣ косу; повидимому это былъ представитель той деревенской голи, которой такъ много теперь возвращается изъ столицъ въ деревни, съ пьяными синяками по всему лицу, безъ копѣйки и иногда буквально безъ одежи, если не считать рубахи и штановъ за единственную одежду, прикрывающую отъ непогоды. Роста онъ былъ высокаго, въ кости широкъ, но худъ и вялъ, хоть и молодъ. При первомъ-же взглядѣ на его лицо, носившее слѣды пьянства и болѣзни, не трудно было видѣть, что онъ только-что продолжительно хворалъ. Голосъ, лазаретный цвѣтъ лица, голова, обстриженная подъ гребенку и мѣстами совершенно облѣзлая, и какія-то розовыя язвы, какъ-бы чуть-чуть затянутыя кожей, говорили, что онъ былъ боленъ крѣпко и притомъ нехорошо... (Я предупреждалъ читателей насчетъ непривлекательныхъ подробностей и еще разъ предупреждаю.) Снявъ рыжій рваный картузъ и обнаживъ больную голову, онъ сказалъ, что прослышалъ насчетъ косьбы, и просилъ ему дать эту работу. «Что пожалуешь... сказалъ онъ относительно цѣны.—Какая это работа!.. Нешто такія работы работывали?.. Теперь и косы-то вотъ нѣтъ... Коса была со сломанной ручкой и лезвіе ея, почернѣвшее отъ сырой травы, было тонко и глубоко выѣдено брускомъ: видно, что коса много послужила на своемъ вѣку.

Сталъ онъ косить. Косилъ плохо, хоть и съ жаромъ принялся за работу: видно было, что онъ разучился, если и умѣлъ, и что недавняя болѣзнь ослабила его силы. Съ двухъ-трехъ взмаховъ покраснѣлъ, вспотѣлъ и ужъ вытиралъ лобъ. И все время онъ говорилъ, что «такъ-ли кашивали!.. Первый косакъ былъ .. А теперь и косу-то занялъ у людей, и то насилу-насилу дали—хоть помирай». Разговорились мы, и скоро оказалось, что это тотъ самый Михайло, пьяница петербургскій, про котораго говорилъ старшина и сестру котораго увезли въ лазаретъ. Эта куча больныхъ, и битыхъ, и пьяныхъ людей безъ кола, безъ двора и безъ хлѣба— невольно заставила меня подробнѣе разспросить о причинѣ разстройства ихъ семейства, и вотъ что объ этомъ разсказалъ мнѣ Михайло.

«...Какъ вспомнишь, какъ въ прежнее-то время жили—вѣрите-ли, сердце кровью обольется... Теперича, говорю, вотъ и коса чужая, и на себѣ ничего нѣту, и сестра эва въ какомъ мѣстѣ находится—срамота, не глядѣлъ-бы на бѣлый свѣтъ... И не знаю, за что и взяться, и съ чего начинать... Взяться-то не съ чего—синя пороха нѣтъ— и все было, все было хорошо, исправно... И давно-ли? Почитай есть-ли годовъ пятокъ, много-много лѣтъ шесть, какъ людьми жили, семействомъ, а теперь вотъ... (Разсказчикъ утеръ слезу.) Конечно маменька-покойница рано померла, а все жили ладно; отецъ-родитель—царство ему небесное!—крѣпкій былъ человѣкъ, неустанный работникъ, и въ ту пору, какъ бѣдѣ-то случиться, было у насъ земли на три души. Первый работникъ—родитель, второй я—мнѣ ужъ тогда подъ двадцать годовъ подошло, а третья — сестра, вотъ которая теперича занапрасно пропадаетъ... Въ ту пору была она дѣвка славная, годовъ подъ семнадцать. И что дальше, то все-бы лучше должно выходить: первое—сестру замужъ, хотѣли работника въ домъ взять, потому тятинька нашъ добрѣющій былъ человѣкъ, душевный, жалостливый. Любилъ онъ насъ, родитель нашъ милостивый, отъ сердца любилъ. «Не отдамъ, говоритъ, Мареутку въ чужіе люди, найду ей жениха, — пусть на моихъ глазахъ живутъ»; да и мнѣ пора ужъ была въ законъ вступать... И была-бы у

насъ семья полная, въ полномъ видѣ. Такая семья выходила первый сортъ — все молодые, а большакъ — добрый и ласковый... И непремѣнно-бы такъ и было, и въ ту-же осень все-бы такъ и исполнилось, потому урожай страшенный былъ въ тотъ годъ. Страсть, что былъ за урожай — старики не запомнятъ этакого года благословеннаго. Все выходило по хорошему, но-пріятному — анъ и случилось невѣдомо что... Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!.. Подумаешь, подумаешь... Я вотъ теперь плелся изъ Питера-то, Христовымъ именемъ побирался, и чего-чего ни передумалъ, чего-чего ни намучился, вспоминаючи-то... И думается такъ: коли-бы ежели въ тотъ годъ не случилась весна ранняя, такъ и не было-бы ничего этого, и все-бы было по-хорошему, и тятенька былъ бы живъ-живехонекъ, и Мареутка-бы въ законѣ жила, да и я бы былъ вполнѣ какъ должно человѣку быть, а не ежели подобнымъ какъ есть подлецомъ... То-то вѣдь Господь-то... Премудры его велѣнія...

«И случилась въ тотъ годъ, говорю я вамъ, ранняя весна. Никогда старики такой ранней весны не видывали. Зиму, почитай, что и снѣгу не было, — все тепло и туманъ... А ежели и снѣжокъ выпадалъ, такъ сейчасъ и дождь. И стала весна вполнѣ въ такую пору, когда въ прочія времена еще сугробы снѣга лежатъ и метели крутятъ по дорогамъ... Старики долго остерегались ее, этой весны-то, — думали, не ударятъ-ли морозы — анъ, нѣтъ, тепло и травка... Погодили, погодили и принялись за работу... И отработали мы весеннія дѣла почитай-что недѣли за двѣ раньше, чѣмъ въ прочіе-то годы... Отработали мы такъ-то, глядь — и весь порядокъ у насъ сдвинулся на бокъ, и вышло у насъ такъ, что передъ Петровымъ днемъ вылупились двѣ лишнихъ недѣли... Что по весеннимъ работамъ слѣдовало, то ужъ пошабашили; а что надо было насчетъ лѣтнихъ — то рано. И межупары прошло, а все двѣ недѣли пустого мѣста остается; все передѣлали — какія мелочи, починки, а все много время... Чисто вотъ какъ трещина какая вышла!.. Хоть что хошь, а нѣту никакой работы... И направо работа была, и налѣво взять работы будетъ, а по середкѣ — ровно дыра какая... Ужъ мы въ это время и пѣсни играли, и такъ лежишь — спишь, сколько влѣзетъ, и опять за пѣсни — все некуды дѣвать. До того дошло дѣло, что ужъ старые старики, почтенные, и тѣ не знаютъ, какъ распорядиться, даже въ ладыжки — побожиться, не вру - игрывали... Вѣдь даже смѣху достойно было смотрѣть, какъ прародители-то эти соберутся... «Ну-ко, говорятъ, кости-то поразмять...» И въ рюхи игрывали. Иной старикъ на одной ногѣ съ дубиной скачетъ, точно ребенокъ малый, — вспомнить, такъ посейчасъ смѣхъ разбираетъ...

«Вотъ разъ такъ-то вечеромъ и разыгрались — и старики и молодые, и дѣвки и бабы, и малые ребяты... Веселое время было, у всѣхъ на сердцѣ было весело, потому урожай Господь давалъ небывалый... А ужъ какъ хлѣба много будетъ, такъ мужикъ прямо отъ веселья пьянъ... Разыгрались до того, что даже староста обмотался весь холстами, да взмостился на ходули и сталъ народъ пугать... А мы, молодые, кто какъ — кто колесомъ, кто какъ обдумалъ... Вотъ и я тутъ-же. А я въ ту пору, хоть было мнѣ подъ двадцать годовъ, какъ вспомню, такъ былъ подобенъ малому ребенку. Ничего я тогда этого не зналъ — ни водки, ни трактировъ... Игралъ такъ, какъ ребята играютъ... Всѣмъ весело, а мнѣ пуще всѣхъ!.. И была у меня въ рукахъ дубина... Перво-наперво «въ рюхи» игралъ, дубиной бросалъ, а потомъ и такъ сталъ махать зря, старосту съ ходуль этой дубиной снесъ, только всѣхъ насмѣшилъ... А надо вамъ сказать вотъ что: пришлось мнѣ везти на станцію какого-то приказчика и далъ мнѣ тотъ приказчикъ двадцать копѣекъ на чай; «поди, говоритъ, выпей чаю». Вотъ я и былъ однова въ трактирѣ. Пилъ я чай и все глядѣлъ, какъ на биліартѣ играютъ... Я ужъ послѣ узналъ, что это биліартъ называется, а тогды я только смотрѣлъ, что за игра такая, и слушалъ, что говорятъ. Вотъ и запомнилъ я три слова: «Дуплетомъ въ уголъ — мимо!». Вотъ какъ разыгрались мы по деревнѣ, я и упомнилъ эти слова-то; и въ рюхи игралъ, а все повторялъ ихъ; и какъ съ палкой гулять сталъ, тоже все они на языкъ лѣзутъ. Тятенька покойникъ — веселый, помню, сидѣлъ на заваленкѣ — говоритъ: «что бормочешь?». А я не знаю, что эти слова и значутъ... Размахнулся дубиной, пустилъ ее въ рюху или въ собаку, а языкъ самъ прибавилъ: «Дуплетомъ — въ уголъ — мимо!». Играли, играли такъ-то, ужъ и темнѣть начинало — ужъ не одинъ староста, а человѣкъ пять на ходуляхъ по селу пошли дѣвокъ и бабъ пугать — стали медвѣдями наряжаться, а я все во всѣхъ мѣстахъ съ своей дубиной и все: «Дуплетомъ — въ уголъ — мимо...» Вдругъ какъ шарахнетъ на меня изъ-за плетня мужикъ, прямо подъ ноги, на четвереренькахъ, овчиной вверхъ одѣлся, заревѣлъ, я и не поостерегся да дубиной-то, значитъ «дуплетомъ — въ уголъ — мимо», какъ рѣзну съ разбѣгу-то, глядь — медвѣдь-то и растянулся... Застоналъ, распластался весь... Такъ я и ахнулъ... Вѣдь отца родного... Батюшки мои, батюшки мои миленькіе!.. (Разсказчикъ плакалъ въ три ручья и косилъ.) Онъ, родимый мой, сидѣлъ, сидѣлъ на заваленкѣ-то, любовался баловствомъ нашимъ, потомъ (сестра сказывала) «погоди, говоритъ, я ихъ пугану...» Пошелъ, надѣлъ овчину, да на четвереренькахъ и сунулся въ народъ, замычалъ по медвѣжьи... Тутъ-то я его и...

«Ужъ тутъ-то я рыдалъ, тутъ-то я тятеньку моего родного, батюшку, цѣловалъ-обнималъ, тутъ-то я убивался! Кажется, все нутро у меня какъ печь раскалилася отъ горя, отъ тоски... А ужъ кончено, ничего не подѣлаешь... Аминь!.. Какъ что было, ничего не помню: какъ хоронили, какъ меня мыкали-судили, какъ въ темной сидѣлъ, какъ въ судѣ былъ, что говорилъ — все равно какъ во снѣ это для меня было... Окончилось

дѣло—на годъ на покаяніе въ монастырь Покуда судъ, да всякая волочба шли, такъ еще все я опамятоваться не могъ, все какъ сонный... А какъ опредѣлили меня въ монастырь—въ лѣсу онъ стоялъ, тихо тамъ, народу нѣту, праздники осенніе—какъ остался я тутъ, и сталъ думать, сталъ соображаться, какъ быть, что́ дѣлать... Сталъ думать-то, а дѣлать ужъ нечего—ужъ все пошло прахомъ, все повалилось... Замѣсто того, чтобъ объ осени двѣ свадьбы играть да на двѣ души силы прибавить—ежели-бы то-есть сестринъ мужъ и моя жена прибавились—пришлось дому остаться совсѣмъ безъ народу: меня нѣту, родителя нѣту, осталась одна сестра... Пришло бѣднягѣ такъ, что продала на корню весь хлѣбъ, подати еле-еле отдала, двѣ души въ общество сдала и ужъ кое-какъ выплакала земельки на одну-то душу—думаетъ, ворочусь я все какъ-нибудь... Какая была скотина лишняя—продала, наняла работника, посѣялась и перебивается зиму-то съ хлѣба на квасъ... А зима опять безъ снѣгу стояла и опять весна ранняя, да тутъ ужъ не такъ, какъ въ прошлый годъ. Вся деревня съ весны тосковать стала, потому въ позапрошлую зиму хоть и не было снѣгу, да мѣста у насъ и такъ мокры, тепло-то и взялось за эту сырь, да за лѣто-то всю ее и вытянуло изъ земли-то. Урожай былъ точно на диво... Ну, а ужъ на другой-то годъ, безъ снѣгу-то, ужъ трудно землѣ-то стало. А весна-то пришла жаркая, сухая; стало палить-нажаривать съ самыхъ первыхъ денъ; выдернуло колосъ сразу, а потомъ и стало его жечь. Земля стала бѣлая, и что́ дальше, то крѣпче... Молились, молебны служили, а не далъ Богъ дождя; сдѣлалась земля какъ камень крѣпкая. Тутъ ужъ не до гулянки. Не то чтобы пѣсни пѣть, а, разсказываютъ, принялись бабы выть, да обмирать, да за обѣдней выкликать зачали... Пошли слухи про свѣтопреставленіе, про антихристово пришествіе... Затосковалъ народъ... А солнце палитъ, какъ печка раскаленная. Прижгло все начисто. Еле-еле на двѣ недѣли травы собрали, сѣмянъ только-только на посѣвъ, да и то у исправныхъ, богатыхъ, а ужъ нашъ домъ совсѣмъ развалился. Осталась сестра безъ всего... Какія были деньжонки или скотина—все разошлось въ годъ-то по-мелочи... Одному мнѣ сколько, сердечная, передавала! Все надо! и по судамъ, и въ монастырѣ—письмо написать, сторожу дать, караульнаго поблагодарить, когда булочку купить, изъ одежи тоже нуждался... Все по-мелочи, по мелочи, а все не въ домъ, все изъ дому... А въ монастырѣ братія тоже не ласкова, коли не угостишь... Тутъ я съ тоски по разоренью и самъ сталъ рюмочки придерживаться, а до этого капли не бралъ... Исхудалъ я тутъ, истосковался, измучился—не знаю, что́ и будетъ... Отбылъ свой терминъ, пошелъ въ деревню... Ничего нѣтъ! И послѣдней души удержать не могу—сдалъ. Тутъ вступилъ Ермолаевскій полкъ (должно-быть Ингерманландскій), въ десяти верстахъ сталъ. Стала сестра ходить туда стирку брать... А я и не знаю, за что взяться. Стали у насъ на деревнѣ ребята собираться въ Питеръ на поденщину—ну, подумалъ-подумалъ, и ушелъ съ ними... Авось, думаю, счастье Богъ дастъ... И что-же вѣдь? Послалъ Господь, да дуракъ я былъ—не умѣлъ я понимать... Вотъ наше горе мужицкое—обломы, неотесы!.. А вѣдь какая штука-то навернулась, сказать-ли тебѣ?..

Разсказчикъ помолчалъ, заинтересовывая меня и этимъ молчаніемъ, и загадочно-развеселившимся лицомъ.

— Въ любовники прямо, съ одного маху влетѣлъ почитай-что только носъ показалъ въ Питеръ-то!.. Да вѣдь, братъ ты мой, порція-то какая попалась! Своихъ, чистыхъ денегъ скоплено было у ей, у этой самой Аграфены, подъ пять сотъ рублей да два сундука всякаго добра нажито, пудовъ по двѣнадцати въ сундукѣ! Вѣдь вотъ какая штучка подвернулась! Мнѣ-бы—ежели-бы, то-есть, имѣлъ я человѣческій умъ—мнѣ бы самому надобно-бы ее на бракъ склонить. Я-бы самъ долженъ былъ вовлекать ее въ эфто дѣло, да на пять-то сотъ въ своей-же деревнѣ кабакъ, либо лавочку открыть, и были-бы всѣ сыты, и все-бы было честно, благородно. То-то ума-то нѣтъ!.. На мѣсто того за всю ейную любовь только и было моихъ мыслей, какъ-бы ей хуже сдѣлать, чтобы ей было какъ посквернѣй. Вотъ какая дубина!. Потому что не понималъ я этихъ любовныхъ поступковъ; представилось мнѣ все это какъ подлость одна... Неотесъ!..

— Перво-наперво, недѣли съ двѣ, какъ въ Питеръ-то пришли мы, шлялся я безъ всякаго пропитанія... Еле-еле три копѣйки на ночлегъ выпросишь Христа-ради .. Думалъ, подохну гдѣ нибудь, какъ собака... А тутъ иду однова по Пескамъ, по Восьмой улицѣ,—сидитъ у воротъ старичокъ дворникъ... Иду и самъ не знаю куда Увидалъ старичка, говорю: «Нѣтъ-ли какой работы?» Сначала-то говорилъ—нѣту, а потомъ поразговорился, поразспросилъ—«постой, говоритъ, я къ барынѣ пойду»... Пошелъ и въ скорости воротился.—«Хочешь, говоритъ, три рубля—оставайся!» Я и остался въ подручные ему. Домикъ былъ не великъ, деревянный, шесть квартиръ, во флигелѣ еще три махонькія... Вотъ я и сталъ ворочать и воду, и дрова, и соръ... Радъ, что хошь щи-то ѣшь каждый Божій день. Вотъ въ эфто время и увидалъ я Аграфену. Принесъ я въ первый разъ дрова въ хозяйскую куфню, вижу—женщина, одѣта по-хорошему, ростомъ коротковата, волосомъ черная, а годовъ ей на видъ ужъ за тридцать, однако не похожа на старуху. Увидѣла она меня и остановилась, и смотритъ—я дрова складываю, а она смотритъ; потомъ вздохнула и пошла, а потомъ опять пришла. Она мнѣ потомъ сама сказывала: «ты, говоритъ, сразу мнѣ полюбился. Я, говоритъ, какъ увидала тебя, такъ въ ту-же пору о тебѣ затосковала...» А меня—я по совѣсти говорю—ежели-бы съ недѣлю покормить въ ту пору хорошо, такъ я-бы послѣ голодовки-то ловко выправился... Вотъ Аграфена-то и поняла это. Пришелъ я на другое утро съ дровами, опять она на куфнѣ.—«Ты, говоритъ, усталъ

вотъ тебѣ кофейникъ, пей кофій съ чернымъ хлѣбомъ». Выпилъ я тутъ стакановъ съ десятокъ— до того, что ужъ одинъ кипятокъ въ стаканъ наливаю, а Аграфена только ухмыляется, головой качаетъ. Съ тѣхъ поръ стала она меня въ свою комнату звать кофій пить. Приду, сложу дрова, или воду вылью въ кадку—«иди кофеи пить». Заведетъ меня подъ лѣстницу, принесетъ булокъ, калачей — ѣшь! Я пью, ѣмъ, а она на свою горькую участь жалуется. «Всю жизнь, говоритъ, свѣту не видала. Сирота круглая. Съ малыхъ денъ жила въ казенномъ пріютѣ, кормили плохо, строгости большія, все божественному учили, чтобы потомъ въ прислуги въ хорошія отдавать... Взяли, говоритъ, потомъ въ прислуги, прожила я въ хорошемъ домѣ двадцать лѣтъ—ни дня, ни ночи не видала покою. Барыня была старуха божественная, поѣдомъ ѣла. Сколько, говоритъ, жениховъ сваталось—всѣхъ прогнала барыня-то. Жениха прогонитъ, а мнѣ пригрозитъ: въ аттестатѣ напишу!.. А не то, говоритъ, иди: ни жалованья, ни одежи не дамъ. Такъ и жила какъ въ тюрьмѣ». Померла эта божественная-то барыня, поступила Аграфена къ другой,—къ той самой, у которой домъ и гдѣ я мѣсто получилъ. Жила она здѣсь свободно, барыня была вдова, все плакала по мужчинамъ—все они ее обманывали... И Аграфена также все о мужчинахъ тосковала, что дожила она до какихъ лѣтъ, а никакого удовольствія не видала. Вотъ онѣ обѣ и сошлись—и барыня, и ключница. И у куфарки былъ любовникъ—музыкантъ полковой. Такъ у нихъ у всѣхъ и было согласно все по любовной части. Однѣ женщины да любовники, только Аграфена все разыскивала себѣ по сердцу. А тутъ и нанеси меня нелегкая... Вотъ и стала она меня кофіемъ поить да про горькую участь свою разсказывать... Я пью-ѣмъ, а она говоритъ-говоритъ, какимъ хорошимъ женихамъ отказала, какъ свѣту не видала, да и заплачетъ. Я поѣмъ, попью и—уйду. А сталъ я шибко разъѣдаться съ этихъ кофіевъ. Стала Аграфена меня даже котлетами кормить съ барынинаго стола и между прочимъ плачетъ и говоритъ: «И кто-бы меня успокоилъ!..» Я поѣмъ и— пойду. Проходитъ время, стала Аграфена такъ говорить: «Миша, неужто ты меня не успокоишь? Развѣ ты не понимаешь, что я тебя кофіемъ пою и прочія предлагаю закуски не зря?.. Вѣдь зрято, говоритъ, я и собакамъ могу выкинуть». А я, ей-Богу, передъ Богомъ сказать, въ толкъ не возьму, чѣмъ я ее успокою?.. Три рубля жалованья всего-то на мѣсяцъ—изъ чего тутъ угощать?—«Нечѣмъ, говорю, мнѣ тебя успокоить». Что день, то она все явственнѣе стала доказывать, а я все отвѣта ей не даю, потому порядковъ не знаю... День за день, день за денъ, наконецъ, того, однажды плакала-плакала она. покуда я пилъ-ѣлъ, потомъ видитъ, что отъ меня нѣту ей никакого смысла, отерла глаза платкомъ и говоритъ проворно таково: «Ну, говоритъ, коли ты до сихъ поръ ни въ чемъ не имѣешь понятія и словъ моихъ не слушаешь, такъ должна-же я какъ-нибудь сама присодѣйствовать. Ступай, одѣвайся и жди меня за воротами». Допилъ я кофій, пошелъ, одѣлся и вышелъ за ворота. Спустя время выходитъ и Аграфена. «Иди, говоритъ, за мной». Ну, я и пошелъ. Она все по переду идетъ... Шли, шли и пришли въ Большую Мѣщанскую... Есть тамъ гостинница «Ломбардія», потому она какъ разъ напротивъ ломбарту помѣщается. Аграфена все впередъ, а я все за ней... Такъ нешто я понималъ что? Вѣдь никто ей не велѣлъ—сама догадалась...

— Н-ну, послѣ этого случаю и стала она меня подвергать къ себѣ—что ни день, то крѣпче— что ни день, то все строже... Первымъ дѣломъ подвела подъ барыню мину—стараго дворника-старичка вонъ согнала съ мѣста. Двадцать лѣтъ онъ жилъ и вдругъ его выкинули. Даже заплакалъ пошелъ... Куфарка было вступилась за старичка, да Аграфена подвела тарпеду—и ее вонъ, и съ любовникомъ, всѣхъ прочь... Меня въ дворницкую. Подручнаго мальчишку изъ дворницкой — вонъ: спи, гдѣ хочешь, хоть помирай... Дворницкую вымыла, прибрала, выклеила; мнѣ—поддевку, сапоги, жилетку, часы—все за первый сортъ... Ну, а чтобы куда-нибудь отлучиться или что-нибудь—ужъ извини! Такъ и смотритъ изъ куфни на дворъ, точно ястребъ... Чуть мало-мало замѣшкалъ съ дровами гдѣ-нибудь въ квартирѣ—зоветъ на весь дворъ: «Михайла, Михайла! Гдѣ мой Михайла?». Цѣльный день по всему дому только и слышно: «мой Михайла, мой Михайла, мой Михайла, и мой, и мой, и мой, и мой...» Чистая срамота! А у ней даже ни капли совѣсти нѣту... Куфарокъ всѣхъ коститъ нехорошими словами во всю пасть; по всѣмъ кабакамъ по восьмой улицѣ обѣгала, чтобъ мнѣ водки не давать: «если будете моему Михайлѣ водки давать—я васъ всѣхъ въ каторжныя работы отдамъ, денегъ не пожалѣю». Иной гдѣ-нибудь съ какимъ человѣкомъ или съ квартирантомъ поговоришь, хвать — ужъ она всѣ портерныя облетѣла, во всѣхъ лавкахъ побывала: «не видали ли моего Михайлу?» И все ко мнѣ въ дворницкую; какъ урвется минутка— тутъ! А нѣтъ меня, опять: «Михайла, Михайла!» или: «иди, иди, иди!.. Домой, домой, домой...» То-есть загоняетъ меня, какъ скотину хворостиной— и съ того боку, и съ другого, а ужъ вгонитъ въ дворницкую, или къ себѣ въ куфню... Народъ то сталъ смѣяться. Куфарки стали подражать— тоже принялись изъ кухонь въ фортки кричать: «Михайла, Михайла! иди ко мнѣ ночевать!» А это ее пуще мутитъ... Однова лавочникъ въ шутку ей сказалъ: «твой Михайло вонъ къ той куфаркѣ пошелъ»—такъ, въ шутку—такъ она, ни слова не молвя, прямо ему въ виски вцилась, еле отняли. Потомъ отдала у мирового пятнадцать цѣлковыхъ штрафу. «Только посмѣй кто, все рыло оборву!...» Вѣдь вотъ что за характерная женщина!..

— И стала она, братецъ ты мой, противна мнѣ. Кажется дѣйствительно, что надо бы мнѣ ей уваженіе дѣлать за всѣ ея угожденія: подручнаго на свой счетъ наняла, а меня ужъ прямо въ куфню

перевела, чтобъ я ничего не дѣлалъ—а нѣтъ, мутитъ меня и вся тутъ... И народъ смѣется—говорятъ: «нанялся въ любовники!..» И воли-то нѣту, да и грѣхъ... Она-было сама мнѣ насчетъ браку—«примемъ законъ!». «Нѣтъ, думаю, сравнить ли экую шкуру съ нашей деревенской!» А пуще всего стала она меня сердить сестрой... Я было ей сказалъ: «надо сестрѣ денегъ послать — чай, она тамъ пропадаетъ съ голоду». Ни копѣйки не дала: «Я, говоритъ, всю жизнь мучилась, да деньги свои буду давать. Мнѣ самой хочется имѣть отдыхъ.» Такъ и не дала... Разъ я погрозилъ: «уйду, найду себѣ другое мѣсто»—такъ какъ чортъ осатанѣла: «всю одежду отберу, жалованья не отдамъ, барыню упрошу и въ пачпортѣ напишутъ такъ, что никто не возьметъ». Конечно со-зла болтала, а случись, и ей-Богу бы сдѣлала. А безъ одежи куда я пойду?.. Скрѣплюсь, молчу, а дюже, дюже она мнѣ противна... А тутъ случилось—пришло письмо изъ деревни: пишутъ, сестра родила, гулять пошла... Вспомнилъ я нашу деревню, сестру, все наше горе и разоренье—и такъ меня засосало съ этого дня, и такъ мнѣ показалась горька моя кабала... Сталъ я пить, а Аграфену колотить... Раздумаешься, затоскуешь—и прямо въ кабакъ... Какъ Аграфена показалась—а ужъ она сейчасъ мчится—такъ кулаки сами и зачнутъ сучить... И больно ей доставалось... Долго я крѣпился, покорялся ей, а какъ сорвался да какъ пошелъ на отчаянность, такъ что дальше, то чаще. Придешь пьяный, разорешься, раздерешься, нашкандалишь—барыня сама выйдетъ: «Сейчасъ убирайся со двора долой!». И сейчасъ Аграфена меня выручитъ. Спрячетъ, уложитъ, упроситъ, а сама передъ барыней—и на пяточкахъ, и на носочкахъ, и лапочками и бочками, и словами и глазами, и такъ и эдакъ, и вползетъ и выползетъ—хвать и выпутала. Придетъ, говоритъ: «оставайся»—и все цѣлуетъ да плачетъ... Послѣ этого я недѣли съ двѣ погожу, покрѣплюсь — потому куда я въ самомъ дѣлѣ дѣнусь? Послѣ сестринаго горя и въ деревню-то срамъ показаться... А потомъ опять сдѣлаю скандалъ, барыня опать: «чтобъ сейчасъ твоего духу не было»,—а Аграфена опять заюлитъ, зазмѣитъ, замутитъ передъ барыней, забормочетъ, замерячитъ, вплететъ и выплететъ — глядишь, и выюлила, и вызмѣила... Опять бѣжитъ: «оставайся!»

— Долго всего разсказывать... Только сколь она меня ни выправляла, а все я хуже и хуже сталъ забаловывать. Стала она мнѣ все противнѣй... Какъ вспомню деревню, бабъ нашихъ умницъ, работницъ, сестру мою горькую—убилъ бы Аграфену съ маху... Сталъ я отъ ней бѣгать по два, по три дня. Сталъ вещи пропивать да принялся шляться по нехорошимъ мѣстамъ... Долго ли, коротко ли, а дошлялся я до того, что надо ложиться въ больницу... И что-жъ вы думаете? Какъ дошлялся я до этого, вдругъ мнѣ стало Аграфену жаль... Такъ мнѣ стало ее жаль—страсть! Вспомнилъ я, сколько она, бѣдная, меня любила, какъ за мной ходила, всѣ деньги свои кровныя на меня провела—и вдругъ я ей скажу... Вѣдь она помереть должна отъ огорченія... Мнѣ бы сейчасъ сказать, а я пожалѣлъ и не сказалъ... Вижу я, что и она пропадаетъ, молчу и жалѣю. А она видитъ, что я жалѣю—рада, горькая, радешенька, не знала, какъ и угодить... Наконецъ того стали ей говорить: «Михайла твой такъ и такъ»... Куды тебѣ! Такъ и лѣзетъ къ мордѣ тому, кто скажетъ. Ни капли вѣры не даетъ. «Чтобы мой Михайла?.. Онъ меня любитъ (а я только и полюбилъ ее, какъ сталъ виноватъ), да чтобы онъ... Всѣ глаза выцарапаю, кто скажетъ-то»... А я гляжу, затаилъ свою подлость да еще больше ее жалѣю.. А она все пуще влюбляется, даже не спрашиваетъ—«не можетъ быть этого». А ужъ гдѣ не можетъ быть...

— Барыня сама все раскрыла, запримѣтила и тую же минуту обоихъ насъ вонъ... Аграфену и меня полиція въ больницу отвезла. Какъ узнала Аграфена правду, только поглядѣла на меня, ничего не сказала, и сдѣлалась съ ней точно какъ падучая... Вспоминать-то страшно объ этомъ, передъ Богомъ скажу!.. Какъ отвезли ее въ лазаретъ, такъ я съ тѣхъ поръ и не видалъ ее. А и самъ дюже я не по ней тосковалъ, да и сейчасъ сосетъ тоска... Долго я въ лазаретѣ маялся... Вышелъ вотъ мѣсяца четыре назадъ, всю одежду въ больницѣ проѣлъ, лицо у меня видите какое, не всякій пуститъ—сейчасъ видно, что нехорошо хворалъ... Идти мнѣ некуда. Думаю: «не розыскать ли Аграфену?» Справлялся и въ адресномъ, и въ участкѣ—нигдѣ нѣтъ. Пошелъ въ больницу, далъ писарю послѣдній рубль (сапоги продалъ), чтобы розыскать... Розыскалъ: «Сейчасъ, говоритъ, она на Преображенскій вокзалъ свезена... Померла вчерась»... Пошелъ я на Преображенскій вокзалъ, въ Гончарной улицѣ—по желѣзной дорогѣ покойниковъ отправляютъ—спрашиваю—не знаютъ. Нужно, говорятъ, нумеръ знать. Гробовъ-то много, нумера обозначены, а который гробъ Аграфенинъ—неизвѣстно... Паренекъ тутъ сидѣлъ на станціи, плакалъ: отправилъ онъ мать-покойницу, значитъ, багажемъ сдалъ на Преображенскую машину, а квитанцію-то отъ матери потерялъ... Теперь и боится, какъ бы ему на кладбищѣ-то какого-нибудь другого покойника-то не выдали, а пуще всего какъ-бы въ матернину могилу другого покойника не положили. У одной генеральши—тоже вотъ такъ-то квитанцію отъ мужа потеряла—такъ вмѣсто мужа-то бухарца зарыли. Вотъ и я такъ-то безъ квитанціи-то... Гробовъ-то много, а которая тутъ Аграфена—не знаю... Постоялъ я, поглядѣлъ, поплакалъ, и пошелъ пѣшкомъ въ деревню.. Видите, каковъ вернулся?

Онъ снялъ картузъ и провелъ ладонью по облѣзлой головѣ. На глазахъ у него были слезы.

— А сестра-то!—сказалъ онъ и заплакалъ, залился и, утирая лицо концомъ рваной рубахи, шепчетъ:—теперь бы ужъ не то кабакъ, ужъ и трактиръ бы...

«Ну—скажетъ читатель—вѣдь нельзя же предвидѣть такихъ случайностей, какъ «убійство играю-

*

чи»... Такихъ мелочей конечно нельзя предвидѣть; но «сиротство», какъ результатъ этихъ безчисленныхъ «мелочей», благодаря случайностямъ, обставляющимъ крестьянскій трудъ,—надо видѣть, и надо стараться, чтобъ оно не было отдано на волю случая и полной безпомощности. На то на свѣтѣ и живутъ умные и ученые люди, чтобы неученый человѣкъ не пропадалъ понапрасну.

ПРИШЛО НА ПАМЯТЬ.

РАЗСКАЗЪ.

I. Встрѣча на Невскомъ.

Все, что написано ниже, пришло мнѣ на память случайно, неожиданно, и пусть не удивится читатель отрывочности этихъ случайныхъ воспоминаній. Произошло это отъ того, что воспоминанія нахлынули на меня въ самое неподходящее для нихъ время. Шелъ я какъ-то по Невскому, въ морозный зимній полдень, занятый *своими* мыслями, озабоченный своими заботами, шелъ, не видя ни толкотни, ни давки, не слыша ни единаго звука, кромѣ тѣхъ, какіе слышались мнѣ въ моихъ молчаливыхъ размышленіяхъ; и вдругъ на углу какой-то изъ улицъ, впадающихъ въ Невскій,—сплошная масса народу всякаго званія и состоянія: и барышни съ портфелями нотъ, и рыбники съ посудинами на головахъ, и чиновники, и офицеры, а среди улицы — масса остановившихся экипажей, каретъ, извозчиковъ, ломовиковъ, и все это сгрудилось въ кучу по случаю похоронъ какого-то военнаго.

Остановившись вмѣстѣ съ другими и оглядѣвшись, я совершенно случайно увидѣлъ въ толпѣ какъ-будто знакомую мнѣ фигуру крестьянина, да и крестьянинъ какъ-будто узналъ меня. «Кто это такой?» думалъ я въ то время, когда военный оркестръ затянулъ унылое и длинное «Коль славенъ». Приблизившись къ крестьянину, я спросилъ его, гдѣ я его видѣлъ, и съ двухъ словъ мы совершенно узнали другъ друга. Мы — точно видѣлись и знали другъ друга, но давно, года съ два назадъ въ деревнѣ, гдѣ я провелъ цѣлое лѣто, первое самое пріятное деревенское лѣто... Въ то время Иванъ (такъ звали моего знакомца) былъ простымъ работникомъ, и я видалъ его не иначе, какъ въ одной рубашкѣ; теперь на немъ былъ ватный картузъ, тугой платокъ на шеѣ, ватная чуйка, а лицо уже не носило той загадочной драматической черты, которую я помнилъ въ немъ, а было какое-то глупо-важное, опухлое нездоровой полнотой, да и голосъ у него былъ сиповатъ.

Не смотря на то, что намъ было пріятно встрѣтиться, оживленнаго разговора между нами какъ-то не вышло. Слушая унылые звуки «Коль славенъ», глядя на публику, на солдатъ, на офицеровъ, державшихъ въ рукахъ подушки съ орденами и переминавшихся отъ холоду съ ноги-на-ногу,—мы перекидывались самыми ординарными вопросами и отвѣтами.

— Ты что-жъ, давно въ Петербургѣ?..

— Да ужъ, почитай, съ годъ.

— Что-жъ... на мѣстѣ?

— Какъ-же, слава Богу!

И молчимъ.

— Хорошее мѣсто?

— Мѣсто? дай Богъ всякому, вотъ какое мѣсто!

— Гдѣ-же?

— На пивоваренномъ заводѣ.

И опять помолчимъ.

— Довольно я, говоритъ Иванъ,—на мужиковъ поработалъ, будетъ!.. Пущай кто другой опробуетъ. Я довольно это знаю, какъ въ работникахъ жить у мужика.

— Что-жъ, развѣ здѣсь лучше?

— Здѣсь-то? здѣсь вотъ какъ, я вамъ скажу: харчи ежели взять...

Неожиданно унылые звуки прекратились, раздалась глухая барабанная дробь, по поводу которой одинъ изъ рыбниковъ, находившійся въ публикѣ, замѣтилъ:

— Н-но! Горохъ просыпалъ!

А другой совершенно серьезно прибавилъ:

— Должно, мѣшокъ прорвался.

И этими двумя фразами унылое настроеніе публики почти мгновенно перешло въ улыбающееся, а еще черезъ мгновеніе и совсѣмъ сдѣлалось веселымъ, потому что вслѣдъ за барабаннымъ боемъ офицеръ, сидѣвшій на конѣ, возгласивъ на всю улицу: «на плэ-э-э... ччо!» повелъ взводъ солдатъ въ противоположную отъ процессіи сторону, причемъ музыканты, уткнувшись губами въ свои трубы, грянули на весь Невскій развеселый нѣмецкій вальсъ.

И не успѣла печальная процессія пройти по Невскому и ста шаговъ, какъ вся недавно унылая отъ унылыхъ звуковъ толпа заплясала, зашагала въ тактъ развеселымъ звукамъ вальса, подпрыгивая и смѣясь тому, что вотъ никакъ нельзя удержаться, чтобы не плясать, и плясать притомъ совсѣмъ не во-время, совсѣмъ не у мѣста. А вальсъ все болѣе и болѣе раззадоривалъ публику.

На перекресткѣ въ одно мгновеніе образовался неистовый водоворотъ людей, экипажей и лошадей, все хлынуло сразу — и впередъ, и взадъ, и поперекъ. Пробиваясь сквозь толпу, я было совсѣмъ потерялъ Ивана, но, оглянувшись, увидѣлъ, что Иванъ догоняетъ меня, желая что-то сообщить и указывая на что-то руками и головой.

— Гляньте, гляньте, заговорилъ Иванъ:—вѣдь передъ Богомъ, это Варвара скачетъ!

— Какая Варвара!

— Вонъ, вонъ, глядите! торопливо заговорилъ Иванъ, повертывая меня за руку къ Невскому.

Посреди улицы, въ кучѣ хлынувшихъ другъ на друга экипажей, неслось множество саней съ «погибшими созданіями». Извозчики, невольно покоряясь звукамъ вальса, улыбались и весело стегали лошаденокъ, несшихся вскачь; весело улыбались и погибшія созданія... А блестящіе вдругъ хлынувшіе на Невскій и весь Петербургъ лучи солнца, точно на посмѣяніе, какъ нельзя ярче высвѣтили передъ всѣмъ народомъ эти опухлыя, больныя, однообразно неживыя лица. Веселые извозчики очень скоро умчали ихъ изъ нашихъ глазъ.

— Ахъ какое сходствіе! передъ Богомъ, она.... Какъ есть она самая—Ворвара?

— Какая Варвара? опять спросилъ я его.

— А работница-то. Помните, еще она меня ведромъ-то по этому мѣсту?

Иванъ показалъ на свою щеку и, видя, что я вспоминаю, прибавилъ:

— Ведро-то, песъ ее возьми, согнулось, даромъ что желѣзное... Вѣдь вотъ какой идолъ была...

— Нѣтъ, сказалъ я, вспомнивъ исторію съ ведромъ,—не можетъ быть!

— Охъ, что-то будто... Какъ есть Варвара!

— Нѣтъ, не можетъ быть... Ты обознался...

— Ужъ сходствуетъ-то оченно! А можетъ, что и опознался... Вѣдь это нешто долго!

На этомъ мы разстались, и разстались навсегда. Но это случайная встрѣча, несмотря на то, что я занятъ былъ *своими* дѣлами и заботами, вызвала во мнѣ множество деревенскихъ воспоминаній. Они возникали во мнѣ какъ-бы наперекоръ этимъ моимъ заботамъ и размышленіямъ. Не думайте пожалуйста, что все сказанное есть просто предлогъ для того, чтобы разсказать исторію погибшаго созданія. Нѣтъ! Повторяю еще разъ, воспоминанія были случайны, отрывочны и безпорядочны.

Такимъ образомъ, разставшись съ Иваномъ и продолжая путь по Невскому, я самъ не могъ объяснить себѣ, почему вдругъ мнѣ вспомнилось... сѣно... Слушая звуки удалявшаго оркестра и озабоченный *своимъ* дѣломъ, я въ то-же время почему-то никакъ не могъ отогнать воспоминанія о привѣтливыхъ зеленыхъ лѣсныхъ лужайкахъ, о стогахъ, копнахъ и зародахъ свѣжаго душистаго сѣна. Даже запахъ, этотъ прелестный запахъ травы, цвѣтовъ, древесныхъ побѣговъ, попавшихъ въ копну и стогъ, даже онъ какъ-будто припомнился мнѣ, я какъ-бы ощущалъ его... А какъ только пришло мнѣ на память сѣно, такъ сейчасъ-же вспомнилъ я и Демьяна, мужика, у котораго жилъ то «первое» лѣто.

Демьянъ былъ предмѣстникомъ Ивана Ермолаевича*) въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, въ которыхъ мнѣ пришлось жить въ послѣдніе годы. Теперь Демьянъ разжился, бросилъ аренду и содержитъ въ Петербургѣ извозчичій дворъ. Тогда, давно, онъ только наживалъ, и наживалъ со стараніемъ, прилежаніемъ и большимъ умѣніемъ. И тогда онъ уже былъ по виду пожилымъ человѣкомъ, хотя въ дѣйствительности и не былъ старъ: старикомъ его дѣлала лысина со лба до затылка. Кстати сказать, лысина эта почему-то какъ-бы безпокоила Демьяна Ильича, потому что не разъ я слышалъ, какъ онъ, улыбаясь и какъ-бы шутя, говаривалъ:

— Лысъ-то я, лысъ, точно, а только надо знать, съ какого конца я лысѣть то сталъ!.. Если человѣкъ начинаетъ лысѣть съ затылка, это—отъ пьянства или распутства, а который со лбу—тотъ человѣкъ отъ ума лысѣетъ. А я, братецъ ты мой, со лбу лысѣть сталъ... А который лысѣетъ со лбу, тотъ человѣкъ за старика не долженъ идтить... Это не старость, а умъ».

И точно, уменъ и—не утаю—хитеръ былъ Демьянъ Ильичъ. Много и глубоко понималъ онъ, и не однѣ только хозяйственныя вещи, а о хозяйственныхъ и говорить нечего. Вспомнивъ о сѣнѣ, я вспомнилъ между прочимъ и о его разговорахъ насчетъ этого сѣна. Вспомнилось мнѣ, какъ бывало, сидя вечеркомъ на ступеняхъ старой бани, Демьянъ Ильичъ посвящалъ меня въ тайны предстоявшей ему сѣнной операціи.

II. Сѣно.

— Это ежели такъ-то со стороны поглядѣть, говаривалъ онъ бывало:—кажется, что за хитрость скосить траву и высушить, а поглядите-ко, сколько тутъ разной премудрости, да и грѣха пожалуй что не меньше будетъ! Съ однимъ дождемъ сколько хлопотъ: цѣлый Божій день надо глядѣть—нѣтъ-ли гдѣ тучки, облачка... иной разъ въ одинъ часъ на тысячу рублей сгибнетъ, задаромъ пропадетъ. Кажется, вотъ ни откуда никакой бѣды нѣтъ, небо чистое-разчистое—пойдешь обѣдать; только успѣешь, Господи благослови, ложку проглотить—откуда что взялось, налетѣло, хлынуло: гляди да плачь, больше ничего... Или теперича возьмемъ прессовку; прессовка у насъ идетъ зимой; положимъ, что обязался я поставить сѣно въ городъ, ну, хоть будемъ такъ говорить, въ воскресенье. Ежели я такъ обязался, то прессовать я долженъ, положимъ, въ среду; вотъ, Господи благослови, вышелъ я съ рабочими—а Господь-то милосердный послалъ мнѣ на среду-то морозецъ! А морозъ что такое? А морозъ означаетъ, что изъ десяти пудовъ выходитъ девять, а куда одинъ-то пудъ дѣвается, Господь знаетъ... Или же возьмемъ такъ: снѣгъ замѣсто морозу-то... Коли снѣгъ мелкій, какъ пыль, это ничего, это на прессованной кипѣ прибавляетъ вѣсу, ну, а коли крупный—пропадай! Потому что попади въ тюкъ вотъ эдакой комочекъ снѣгу (Демьянъ Ильичъ показывалъ на ноготь), весь тюкъ сгоритъ, а отъ него весь вагонъ загорится... Видали, чай, иногда ѣдетъ вагонъ—весь бѣлый, заиндивѣлый?

*) См. «Крестьянинъ и крестьянскій трудъ».

томъ *лучше всѣхъ*—это послѣднее необходимо для того, чтобы работникъ призналъ въ васъ *хозяина*. Надобно умѣть сдѣлать *все лучше* всякаго нанимаемаго, и тогда нанимаемый признаетъ въ нанимателѣ хозяина и будетъ знать свою цѣну. Необходимо поэтому для хозяина доказать каждому рабочему и всей артели вмѣстѣ свою способность цѣнить умѣнье въ трудѣ, а для этого необходимо и себя показать на той-же работѣ. И Демьянъ Ильичъ показывалъ себя, дѣлая это всегда весьма тонко и деликатно; иной сдѣлаетъ это грубо, по мужицки, вырветъ косу изъ рукъ и скажетъ: «Ты чего мотаешь косой-то? авось не въ квашнѣ мѣсишь?» или что нибудь въ этомъ родѣ. Демьянъ Ильичъ никогда такъ не поступалъ. Онъ бывало подойдетъ къ рабочимъ, поздоровается и глядитъ, не дѣлая никакихъ замѣчаній, потомъ, какъ-бы для шутки или изъ желанія побаловаться, подойдетъ къ кому-нибудь изъ рабочихъ и скажетъ: «Дайко-съ, Митрофанъ, косу-то... чтó я разучился косить-то, али нѣтъ?» Возьметъ косу, поплюетъ на руки, позвенитъ брускомъ и опять скажетъ: «Ну-ко попробую... Когда-то кашивалъ... не бранили». И пойдетъ, приговаривая: «Когда-то кашивалъ»... Да въ два, въ три взмаха и докажетъ, «чтó такое есть косьба»; и окажется, что противъ его работы всѣ косятъ худо, никуда негодно—такое Демьянъ Ильичъ обнаруживаетъ мастерство и умѣнье. И это съ двухъ-трехъ взмаховъ.

— Д-д-а-а! думаетъ каждый изъ рабочихъ: не даромъ тоже и хозяиномъ называется!..

И каждый приравниваетъ къ этому образчику и свою, и чужую работу и не обижается, что одному больше платятъ, а другому меньше... А Демьянъ-то Ильичъ, ошеломивъ такимъ образомъ всю толпу, послѣ двухъ, трехъ, много десяти взмаховъ отдастъ косу назадъ и скажетъ: «Нѣтъ! Не то дѣло! Разучился я косить-то... а прежде кашивалъ, не бранили!..» И это тоже надо намотать на усъ. Иной чистосердечный человѣкъ, такъ тотъ послѣ этого маневра въ уныніе впадаетъ, станетъ считать себя ничтожествомъ.

Къ іюлю артель была совсѣмъ готова и все почти изъ старыхъ знакомыхъ, изъ людей, которые и другъ-друга знали, и Демьяна Ильича почитали; согласіе поэтому въ артели было полное; изъ новыхъ былъ только Иванъ (котораго я встрѣтилъ на Невскомъ), который не портилъ хорошей компаніи, да молодые мужъ и жена, Миронъ съ Миронихой, какъ звали ихъ въ артели. Миронъ съ Миронихой являли собою въ артели элементъ увеселительный. Они только-что женились и пошли въ работу «собственно только для своего удовольствія», какъ они говорили оба. Дружны были они ужасно, неразлучны постоянно; но такъ какъ косьбой занимались для собственнаго удовольствія, то разсчета требовали почти каждый день.

— Вѣдь тебѣ-же лучше, ежели ты сразу получишь хорошую препорцію, чѣмъ по рублевкамъ-то хватать? говорили Мирону. Но Миронъ и Мирониха всегда вмѣстѣ отвѣчали:

— Чего намъ лучше? Намъ и такъ хорошо. Въ солдаты мы не пойдемъ. Дѣтей покуда нѣтъ, а дома три бабы есть — мать да двѣ тетки — все на насъ сработаютъ: и хлѣбъ, и огородъ. У насъ все дома есть; и одѣться, и обуться—все. Чего намъ? Давай деньги, мы съ бабой гулять пойдемъ.

И въ то время, когда другіе рабочіе ложатся спать, Миронъ съ Миронихой, получивъ рубль, уходятъ лѣсомъ въ сосѣднюю деревню, идутъ въ кабакъ, пьютъ вино и пиво, и по лѣсу пѣсни ихъ раздаются иногда всю ночь. Миронъ гудитъ басомъ, а Мирониха такъ-то ли звонко-раззвонко разливается. Иной разъ только къ свѣту придутъ, и все за ручку другъ съ другомъ ходятъ, и бывало такъ, что и спать не ложились, а прямо за косу да и на работу. И ничего, не валила ихъ усталость: крѣпки, молоды, а главное ужъ веселы, довольны, беззаботны были до безконечности... Всю артель они потѣшали своими почти нескрываемыми проявленіями взаимности.

Иванъ былъ тоже рабочій хорошій, но иногда напивался, и напивался мрачно; была у него на душѣ какая-то исторія, которая, кажется, тяготила его и угнетала. Да и въ лицѣ его вообще была какая-то затаенная не то злость, не то печаль, хотя вообще онъ былъ парень добрый. Однажды Демьянъ Ильичъ угостилъ рабочихъ виномъ, послѣ цѣлаго дня самой возбужденной работы. Иванъ былъ во-первыхъ и истомленъ до такой степени, когда человѣкъ, цѣлый день не ѣвши, всетаки не хочетъ и не можетъ ѣсть, и во-вторыхъ выпилъ стакана два водки на тощій желудокъ. Все это такъ на него подѣйствовало, что онъ, сидя въ артели за мызой, на лугу у рѣчки, вдругъ заговорилъ долго и много, и не о работѣ, а о своихъ семейныхъ дѣлахъ...

— А кто виновенъ? слышалъ я, сидя на другомъ берегу рѣки:—кто! Бабьё, бабье это дѣло. Меня родная мать ейная сомустила.

— Онѣ бабы, Богъ и съ ними-то! поддакнулъ работникъ Лукьянъ (какъ-бы по наслѣдству перешедшій потомъ къ Ивану Ермолаевичу), до сорока лѣтъ остававшійся холостымъ и почему то очень *«опасавшійся»* женщинъ и брака. — Она тебѣ дастъ яду—вотъ тѣ и сказъ!..

— Эво ляпнулъ куда! Яду! загалдѣло нѣсколько человѣкъ.

— А чего-жъ? тоже возвышая голосъ, продолжалъ Лукьянъ:—насыплетъ тебѣ въ лепешку бѣлаго порошку, вотъ тебѣ и вся!.. Вонъ у насъ баба одна намѣсила.

— Да не про то говорятъ! закричалъ Иванъ - Какая лепешка!

— Намѣсила ему въ лепешку.—«Нако-сь, говоритъ, отвѣдай!» не унимался Лукьянъ.

— Да будетъ тебѣ болтать! остановила его публика.

— Тебѣ говорятъ не въ томъ... Чтó замололъ! Яду! Языкомъ навредили бабы — вотъ про что. Я живу въ городѣ въ кучерахъ, ничего не знаю; мнѣ мать ейная пишетъ письмо: твоя жена такъ и такъ, съ братомъ—видѣли. Пишетъ такъ, что сама мать видѣла... Вѣдь вотъ дьявола какіе! Вѣдь долженъ

я матери-то ейной повѣрить? Вотъ кто меня въ грѣхъ ввелъ! Вытребовалъ ее да и поучилъ... потому—повѣрилъ!.. А мнѣ братъ-то родной потомъ со слезами рыдалъ, все вишь неправда... Видишь ты! пошолъ онъ въ солдаты охотой за меня. За это самое ухожу я въ городъ, говорю женѣ: «Авдотья! коль скоро придетъ братъ изъ службы, то почитай его, какъ меня! Угождай ему всячески, служи!..» Черезъ два года онъ и приди... Ну вотъ и вышло такъ, какъ онъ-то разсказываетъ... былъ онъ на вечеринкахъ и догостился такъ до самаго свѣту... Пришелъ, говоритъ, и упалъ на постель, а постель ему особо, па полу стлали. Упалъ, говоритъ, совсѣмъ и въ одежѣ. И не думалъ, говоритъ, что Авдотья тутъ, на постели-то спитъ... Передъ истиннымъ Богомъ, говоритъ, не думалъ... Пьянъ былъ. Какъ пришолъ, плюхнулъ на бокъ, и не помню, говоритъ... А Авдотья-то, говоритъ, то-же самое. Вишь, во всемъ домѣ она работала-то. Была въ домѣ окромѣ ея одна моя бабка, да на ту пору мать ейная ночевать осталась. Цѣлый день, говоритъ, на рѣчкѣ была, умаялась! постлала ему постель-то, да и прилегла, и задремала... Мать-то съ бабкой проснулись, глядятъ... И отписали мнѣ. Ну, я чѣмъ тутъ виновенъ? Опослѣ-то какъ я узналъ, я бы, кажется, своего мяса далъ на зарѣзъ, чѣмъ такъ-то. Слава Богу, знаю, каковъ есть братъ, какова и жена была

— Померла жена-то?... спросилъ кто-то изъ слушателей.

— Ты что перебиваешь? строго отнесся къ вопрошавшему Иванъ.

— Я такъ, къ примѣру...

— Ты долженъ слушать, что я говорю... Я и такъ ее вспомню, вспомню... Я-бъ ее пальцемъ не тронулъ. До этого числа я ей даже и касанія какого, не то что бою или тиранства... Вѣдь мать родная!.. Вѣдь это человѣка можно всячески въ грѣхъ ввести, особливо подъ сердитую руку. Да я и не думалъ, что помретъ... Анъ она отъ одного разу свалилась. Вотъ изживико-сь это!..

Еще выпили по стакану.

— А я, заговорилъ Лукьянъ:—насчетъ отравного порошку... Это тоже бабы любятъ съ мужикомъ такъ-то...

— Да ну тебя!..

— Насыпетъ ему порошку... въ лепешку...

Лукьянъ разсказалъ длинную исторію о разныхъ бабьихъ козняхъ противъ мужиковъ; многіе изъ слушателей смѣялись, несмотря на то, что Лукьянъ разсказывалъ не для смѣху и самъ не смѣялся. Но Иванъ не принималъ участія въ разговорѣ. Онъ молча набилъ трубку и молча курилъ ее. Вотъ эта-то темная исторія какимъ то темнымъ пятномъ омрачала его душу; она какъ-бы застилала ему свѣтъ. Того покоя душевнаго, дѣтскаго взгляда на бѣлый свѣтъ и людей, который былъ даже у Лукьяна,—у Ивана не было. Въ весельѣ-ли, въ работѣ-ли, въ шуткѣ-ли съ молодой работницей—всегда что-то мѣшало его искренности, и это было написано на его лицѣ и свѣтилось въ глазахъ. Когда я его встрѣтилъ на Невскомъ, чрезъ два года, лицо его было, какъ я уже сказалъ, совсѣмъ не то.

IV. Варвара.

...Вспомнилъ я наконецъ и Варвару. Нельзя было не вспомнить о ней, говоря о рабочихъ; это была положительна *идеальная работница* и рѣшительно *ничто* во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ.

Ѣдемъ мы какъ-то разъ съ Демьяномъ Ильичемъ по большой дорогѣ (ѣздили за харчами) и видимъ, что впереди насъ во всю ширину дороги двигается цѣлая шеренга прохожаго народу, съ узлами и сапогами за спиной; были тутъ и мужики, и бабы. Между ними особенно была примѣтна высокая, могучая, хотя и сгорбленная фигура старика; длинная коса, лезвіе которой было обвернуто соломой (берегъ!), лежала на его плечѣ.

— Да вѣдь это никакъ Іовъ? проговорилъ Демьянъ Ильичъ и тронулъ лошадь рысцой.

Толпа прохожихъ разступилась, заслыша стукъ копытъ, и старикъ съ косой очутился какъ-разъ рядомъ съ нашей повозкой.

— Куда путь держишь? весело окрикнулъ его Демьянъ Ильичъ и прибавилъ:—али Демьяна не узналъ?

Очевидно уже слабѣвшій глазами старикъ, ласково улыбаясь беззубымъ ртомъ, вдругъ радостно проговорилъ:

— Къ тебѣ, къ тебѣ, Демьянъ!

— Тебѣ у меня всегда мѣсто будетъ, не безъ важности произнесъ Демьянъ Ильичъ.—Правду тебѣ ежели сказать, артель у меня—вполнѣ, ну для тебя, какъ я тебя знаю, всегда будетъ мѣсто.

— Ужъ и Варьку возьми, дочку...

Тутъ мы увидѣли и Варвару. Это была довольно высокая дѣвушка съ самой обыкновенной, ординарной бѣлокурой физіономіей и, кажется, немного косая. Бѣлокурые волосы, бѣлокурые глаза, бѣлокурая косичка съ мышиный хвостъ величиной— все говорило о томъ, что на красоту ея никто не позарится. Да и одежда у ней была не казистая: платочекъ въ гривенникъ на головѣ и старый шерстяной платокъ на плечахъ, узломъ завязанный на спинѣ, худенькое и вылинявшее ситцевое платье, все это говорило прямо о бѣдности, но радушное выраженіе этого обыкновеннѣйшаго, кой-какъ вылѣпленнаго лица, привѣтливое и притомъ «такъ просто» привѣтливое, какъ просто выражалось оно у старика-отца, и та-же отцовская сильная порода, которая сама собой чувствовалась въ его дочери, какъ-то невольно обязывали быть внимательнымъ къ нимъ обоимъ—и къ отцу, и къ дочери.

— Ну что-жъ! сказалъ Демьянъ Ильичъ, подумавъ немного:—идите! найдется мѣсто. Не забылъ дорогу-то?

— Вотъ, забыть! Къ хорошимъ людямъ дорогу не забываютъ... Помню.

— А помнишь, такъ и ступайте съ Богомъ. Найдется!

— Возьми узелки-то, сказалъ старикъ.—Домой чай ѣдешь?

— Домой—клади!

Старикъ и его дочь сняли свои ноши—старый полушубокъ отца и черную ваточную купавейку дочери—которыя они несли на спинахъ, обвязавъ кушаками, и положили въ телѣгу. Сказавъ еще разъ: «Ступайте, ступайте съ Богомъ—найдется!», Деньянъ Ильичъ погналъ лошадь пошибче. Старикъ и его дочь остались позади.

— Первѣйшій работникъ! сказалъ мнѣ Демьянъ Ильичъ:—онъ у меня четыре лѣта работалъ—куда молодымъ, даромъ что старикъ!..

— Онъ и ходитъ-то плохо!

— Раз-зойдется, не узнаешь! Это хорошо, что Іовъ подоспѣлъ. Хорошо! Теперь у меня артель будетъ за первый сортъ.

Но Іовъ не оправдалъ надеждъ Демьяна Ильича, не «увѣнчалъ зданія» артели; поработавъ сутокъ двое и поработавъ такъ, что, глядя на старика, брала жалость — такъ упалъ онъ силами за послѣдній годъ—онъ не выдержалъ и чистосердечно порѣшилъ, что работѣ его насталъ конецъ: «отказались руки», «отказались ноги». Это было видно всѣмъ и каждому. Денька два онъ поотдохнулъ, ничего не работая, сидя на крыльцѣ подъ солнцемъ, съ открытой головой. Тѣмъ временемъ Варвара перестирала ему рубахи и онучи, и когда все было готово, онъ ушелъ домой съ той-же самой косой на плечѣ, какъ и пришелъ. Демьянъ Ильичъ далъ ему три цѣлковыхъ, которые и осталась отрабатывать Варвара. Оставляя Варвару, старикъ не уговорился насчетъ ея съ Демьяномъ Ильичемъ, а сказалъ только: «Н-ну что... не обидишь!». А Варвара даже и не заикнулась о цѣнѣ. Она проводила отца до большой дороги и поздно вечеромъ вернулась домой.

На другой день она ужъ работала. И съ перваго-же дня присутствія Варвары въ артели всѣ чувствовали, что именно она-то и «увѣнчала зданіе», внеся какую-то новую, неуловимую, но несомнѣнно поэтическую черту въ работу и трудъ, трудъ изъ-за харчей, изъ-за податей...

Чтобы лучше понять, что именно хотимъ мы сказать выраженіемъ «поэтическій»,—посмотрите на слѣдующую сцену: на дворѣ льетъ дождь; гудитъ въ крыши, слезитъ стекла въ окнахъ, булькаетъ подъ окнами и пузырями скачетъ по лужамъ; въ рабочей избѣ скука и тягота бездѣлья; вотъ и Варвара, ничего не дѣлая, сидитъ у окна и глядитъ въ тусклое мокрое стекло посмотрите на ея лицо, на этотъ косой глазъ; въ лицѣ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго выраженія, оно глупо, просто глупо... «Дура какая-то—больше ничего, орясина!» Иной просто скажетъ: «корова» или что-нибудь еще хуже; но Варвару надобно смотрѣть и изучать не въ такой обстановкѣ. Любая великосвѣтская красавица-львица бываетъ и дурна, и желта, и зла, и непріятна, и глупа, когда она переживаетъ пустыя, мертвыя минуты жизни; но она совсѣмъ иная, когда попадаетъ въ живую струну поглощающихъ ее интересовъ. То же самое происходило и съ Варварой, когда она попадала въ свою живую струю, а такая струя для нея, некрасивой, топорно сколоченной двадцатилѣтней дѣвушки, была работа! Да, читатель, работа возбуждала Варвару такъ-же, какъ балъ возбуждаетъ великосвѣтскую красавицу... Только въ работѣ она знала — что она, «зачѣмъ она на свѣтѣ и чего она стоитъ»..

Въ артели было не мало женщинъ-работницъ, но все это было не то, что Варвара. Были бабы—и красавицы, и веселыя пѣвуньи, но это были поденьщицы: они торговались, считали суслоны, считали копны точно такъ-же, какъ и мужики-работники. Не то было Варвара: она всю жизнь не знала, что такое деньги; двое они жили съ отцомъ почти съ ея дѣтства; какъ только она начала понимать себя, она всегда жила «съ куса», то-есть работала за хлѣбъ въ чужихъ людяхъ, а отецъ, уходившій лѣтомъ на косьбу, кое-какъ сколачивалъ ей нищенскую одежду. Она выросла въ работѣ, въ интересахъ работы, какъ иная выростаетъ въ интересахъ великосвѣтскихъ интригъ. Конечно ее спасало отцовское здоровье, спасало физически, не смотря на страшные труды; но еще болѣе чѣмъ природа, Варвару спасало опять-таки то поэтическое настроеніе, которое возбуждалось въ ней трудомъ, работой, если она была мало-мальски благопріятна, то-есть если въ этой работѣ можно было «разойтись».

Демьянъ Ильичъ, какъ человѣкъ, въ высшей степени много понимающій въ «работѣ», сразу, съ одного взгляда опредѣлилъ Варвару и пришелъ въ восхищеніе. Въ восхищеніе-то онъ пришелъ, а молчитъ; но видно, что вся внутренность въ немъ трепещетъ отъ удовольствія—нѣтъ, не отъ удовольствія, а именно отъ восхищенія. Его плѣнило (пожалуйста, понимайте это слово въ самомъ подлинномъ и буквальномъ смыслѣ) прежде всего то, что Варвара «не знаетъ себѣ цѣны», цѣны денежной. При взглядѣ на каждаго изъ своихъ рабочихъ, онъ непремѣнно представлялъ какую-нибудь цифру — два рубля, двадцать рублей. При взглядѣ на Варвару, никакой такой цифры ему не представлялось: при видѣ Варвары онъ ощущалъ только присутствіе какъ-бы безплотнаго существа, веселаго духа, но духа, который «воротитъ» за семерыхъ, и воротитъ едва-ли не потому только, что это доставляетъ ему личное удовольствіе. Варвара работала такъ же непринужденно, какъ работаетъ для человѣка солнце, которое сушитъ и ростимъ, а денегъ не проситъ и не скучаетъ, и не сердится.. Вѣдь вонъ «и тѣ» бабы тоже работаютъ, вонъ и суслоны вяжутъ, и сѣно гребутъ и молотятъ, но опять-таки «не то»! Въ каждой видна *нужда*; каждая добиваетъ день, день трудный, думаетъ объ оставленномъ ребенкѣ, жалуется на деверя; нѣкоторыя и злы, и беременны, и лѣнивы, въ нихъ видна усталь; издали чуешь, что у иной болитъ поясница, стонутъ ноженьки. А поглядите-ка на Варвару?—желѣзная, неутомимая и веселая, т. е. не то чтобы хохочущая, играющая среди «прелестнѣйшихъ долинъ», а просто вся и всегда свѣтлая и радушная...

Вонъ баба-работница ворошитъ сѣно, поглядите на нее и увидите, что не легко ей, бѣдной, трудно. А поглядите на Варвару: грабли, обернутыя рукоятью внизъ, а зубцами вверхъ—играютъ въ ея рукахъ. Легко ходитъ она по скошенному сѣну, легко касается острымъ концомъ рукоятки по верхушкамъ сѣнныхъ полосъ, и сѣно летаетъ у ея ногъ справа налѣво и слѣва направо; летаетъ не кольями, не волочится по землѣ, а порхаетъ тонкими встрѣчными струями. И все это безъ малѣйшихъ усилій, безъ малѣйшихъ признаковъ утомленія, и тѣмъ менѣе – малѣйшаго намека на присутствіе силы. Вонъ и другая баба тоже «ворошитъ», но вѣдь она ворошитъ, какъ косолапый медвѣдь, тогда какъ Варвара работаетъ, какъ работаетъ врожденное дарованіе, не представляя себѣ даже мысли о томъ, что «это» — работа, трудъ...

Или вонъ посмотрите — несетъ баба-работница ведро воды изъ-подъ горы, съ рѣчки; коромысло у нея скрипитъ, ей тяжело идти, тяжесть выпираетъ ей бокъ... Чувствуешь, что когда она доберется до бочки, въ которую выльетъ это ведро, то тяжело вздохнетъ и еле выговоритъ: «ухъ, батюшки!». Не то Варвара: коромысло ее не гнететъ. Это вы видите и чувствуете неотразимо; оно не рѣжетъ ей плеча, а лежитъ просто такъ, какъ-будто это принадлежность костюма, будто украшеніе для Варвары, безъ котораго Варвара была-бы некрасива... Она идетъ стройно, легко; стройно и легко одна рука ея лежитъ на коромыслѣ, а другая упирается въ край ведра, удерживая его въ равновѣсіи съ другимъ ведромъ. Вода въ ведрахъ не плещется, лежитъ смирно, слушается Варвары, точно знаетъ, кто несетъ. Не такъ, какъ баба-работница, Варвара и выльетъ воду въ кадку, не такъ она и коромысло съ ведрами спуститъ съ плечъ — все не такъ, какъ у работницы. А главное — не устаетъ! Не спѣшитъ и не торопится, а легка во всемъ, и всегда опять-таки несокрушимо радушна.

Сунетъ ей какъ-нибудь на ходу жена Демьяна Ильича двухгодовалаго мальчишку—и тутъ Варвара немедленно найдется, «немедленно скажетъ что-нибудь мальчишкѣ, или сдѣлаетъ что-нибудь такое, отчего онъ притихнетъ, хоть и ревѣлъ до сихъ поръ благимъ матомъ. Мало того, какъ-то «сама-собой» она отлично пойметъ состояніе его души и потрафитъ ему словомъ или дѣломъ безъ всякаго усилія. Сунула однажды ребенка жена Демьяна Ильича на руки какому-то солдату, тотъ взялъ его и чтобъ позабавить, запѣлъ басомъ: «— Благочести-вѣйшаго...» Ребенокъ такъ и залился; захрипѣлъ, задохнулся, закатился... Варвара бросила палку, которой гнала свинью, подскочила, выхватила ребенка, заговорила что-то про зайчика, про птичку: «вотъ, поймаемъ его, вонъ-вонъ поймаемъ», и сразу утѣшила парнишку.

— Дуракъ ты этакой! сказала она солдату (который однако только улыбнулся отъ этой брани),—загоготалъ какъ жеребецъ... Вѣдь ребенокъ всю ночь не заснетъ отъ твоего ржанья... Теперь ночь, а на ночь ему надо веселое разсказывать... Дуракъ горластый!

И опять солдату стало отъ брани только весело... Такой-ужъ духъ веселый былъ въ Варварѣ.

Или было еще такое дѣло. Былъ у насъ быкъ, съ которымъ сладу не было. Загнать его вечеромъ въ хлѣвъ, это было дѣло весьма серьёзное. Пастухъ отказался идти на быка въ одиночку, и поэтому въ загонѣ быка обыкновенно принимала участіе вся артель рабочихъ, которая къ вечеру, къ приходу съ поля скотины, обыкновенно возвращалась домой. Каждый вечеръ посреди двора Демьяна Ильича шла чистая война. Со всѣхъ сторонъ въ быка летѣли палки, куски бревенъ, камни, кирпичи и т. д. Но обыкновенно ничто это не дѣйствовало на быка; раскачивая задомъ и уставившись на враговъ, онъ не трогался съ мѣста. Пробовали даже стрѣлять ему въ морду холостыми зарядами, ничего! Иной возьметъ длинную жердь и со всего размаха ударитъ ею быка между рогъ, или по спинѣ, но опять-таки ничего. Точно газетой, свернутой въ трубку, ударили это чудовище—стоитъ, злится, но ничего не чувствуетъ. Эта несокрушимость къ ударамъ обыкновенно ожесточала воевавшихъ съ быкомъ людей. Необходимость «загнать» быка превращалась въ настоящую вражду; начинали слышаться покрикиванія, въ которыхъ звучала страшная злость, глубокое ожесточеніе. Иные, не вытерпѣвъ, выходили на единоборство, рискуя быть посаженными на рога. Словомъ, быкъ каждый вечеръ растраивалъ на нѣкоторое время всю артель, а иныхъ ожесточалъ, и засыпали они не съ добрымъ чувствомъ на душѣ. Но въ одну изъ такихъ битвъ подоспѣла откуда-то Варвара, и какъ-то мимоходомъ, безъ оранья и крика, и безъ страха и злости, какъ-то такъ съѣздила быка сзади, что онъ какъ сумашедшій бросился бѣжать, сразу потерявъ все свое грозное величіе. Вышло это такъ какъ-то легко и просто, что вмѣсто криковъ, палокъ и каменьевъ, словомъ, вмѣсто ожесточенія, злыхъ звуковъ, всѣ отъ мала и до велика покатились со смѣху и весь вечеръ хохотали до упаду. Тутъ-то и открыли секретъ, что его надо колотить сзади, а глупые мужичонки дрались съ нимъ «рыломъ къ рылу». Нечего сказать, нашли товарища! А сзади-то онъ не видитъ, что̀ дѣлается, можетъ быть тамъ чортъ-знаетъ что̀ происходитъ, и изъ льва рыкающаго превращается въ зайца...

И вездѣ Варвара вносила въ среду рабочихъ ощущеніе какой то «легкости на душѣ». Именно *легче* становилось при Варварѣ и работать, и жить вообще. Хотя она для этого ни словъ ласковыхъ не говорила, и вообще ни капли объ этомъ не старалась, ибо она уничтожала собою всякое представленіе о трудѣ, трудности, усиліи. Она *просто жила такъ*; ей было легко жить и съ граблями, и съ ведрами, и на покосѣ, и на жнивѣ.

Но не въ одной только работѣ при Варварѣ было легче на душѣ всѣмъ артельщикамъ.

Была въ артели стряпуха, здоровья, румяная, жирная баба, Анна. Баба она была разбитная и

веселая, и было вообще въ ея фигурѣ нѣчто призывающее. И въ глазахъ это было, и въ жестахъ, и въ походкѣ. Бывало, когда она кормитъ вечеромъ рабочихъ, а сама стоитъ подбоченясь у котла съ ложкой въ рукѣ, то скоромный разговоръ (весьма впрочемъ тонкій и изящный) почти не прекращается, и Анна, тоже весьма тонко и изящно— иной разъ только одними взглядами, жестами да тѣлодвиженіями — охотно даетъ этому разговору матеріалъ и поддерживаетъ его тонъ... Хорошо и весело было съ Анной, но не всѣмъ это было полезно и удобно, и не одинаково ложилось всѣмъ на душу. Вотъ для этого молодого солдатика въ «кэпе» это несомнѣнно по сердцу — поглядите, какъ онъ гогочетъ и осклабляется; дѣло его молодое, холостое; хорошо вонъ и для вдоваго здоровеннаго мужика, а вотъ для безбрачника Лукьяна неловко, потому что онъ не то-что не любитъ этого, а «не хочетъ»; и для Ивана нехорошо, потому что онъ начинаетъ вспоминать жену, начинаетъ роптать на судьбу; для стариковъ «нехорошо» тоже по разнымъ причинамъ... Такимъ образомъ, хотя и бойкая, и разбитная была стряпуха Анна, и веселые были разговоры за ужиномъ, подъ вечерокъ, но не всѣмъ они были по душѣ, и не всѣ принимали въ нихъ участіе.

Но вотъ стала стряпухой Варвара — и что-же? Разговоры не только не перемѣнились въ тонѣ, но еще болѣе усилились, и въ нихъ стали принимать участіе рѣшительно всѣ: и Лукьянъ-безбрачникъ, и старикъ беззубый—словомъ, всѣ до единаго. И почему бы вы думали? Почему именно, что Варвара ничего этого *не понимаетъ*... Вотъ напримѣръ прежняя стряпуха Анна, такъ та, очевидно, *понимала*, та бывало только почешется, а всѣ понимаютъ, что это собственно для поддержанія разговора. Очевидно, понимаетъ. То же самое и точно такъ-же сдѣлаетъ Варвара — и всѣмъ ясно, что «она сама, дура, не понимаетъ, что дѣлаетъ». Это не значитъ вовсе того, чтобы Варвара «не имѣла понятія» о нѣкоторыхъ явленіяхъ жизни, — вовсе нѣтъ; напротивъ, она *знала* очень много, даже прямо сказать, *все* знала: живя постоянно при скотинѣ, нельзя не *знать* очень и очень много. Она вонъ въ разговорѣ о подростающемъ бычкѣ даетъ весьма практическіе совѣты; она очень обстоятельные ведетъ разговоры съ женщинами про беременность, роды и т. д., но она *не понимаетъ* во всемъ этомъ того, что заставляетъ солдатика въ кэпе осклабляться, не понимаетъ той черты «всего этого», отъ которой вотъ этотъ мужикъ заржалъ. И именно вслѣдствіе этого-то *непониманія*, вслѣдствіе полной видимости того, что въ пониманіи этихъ-то сторонъ явленій, которыя она отлично знаетъ — она «набитая дура», скоромные разговоры не только не прекратились послѣ того, какъ стряпухой стала Варвара, а напротивъ усилились: всякій—и старъ, и малъ—норовилъ внести свою лепту, но всѣ вносили ее не потому, чтобы похохотать надъ тѣмъ, какъ молъ ее проберетъ выдумка, а какъ-разъ наоборотъ, потому что «ничѣмъ этимъ» ея «не проберешь». Любовались не впечатлѣніемъ, а именно тѣмъ, что «не беретъ», «какъ къ стѣнѣ горохъ». Любо было смотрѣть на нее, какъ она «стоитъ, какъ дура», ничего не понимаетъ въ то время, какъ ей въ уши Богъ-знаетъ что суютъ... На этомъ-то, множествомъ наблюденій (о которыхъ мы говорить не будемъ) доказанномъ, непониманіи и пріятно было отвести душу, пріятно для всѣхъ... Передъ этимъ непониманіемъ всѣ были равны, какъ солдатикъ въ кэпе, такъ и Лукьянъ, и беззубый старикъ— всѣмъ было поэтому въ охоту пошутить предъ «дурой въ *этихъ* дѣлахъ», Варварой, и всѣмъ было поэтому-же легко...

Было впрочемъ одно лицо, которому оскаблявщійся солдатикъ (и въ особенности Иванъ, часто глядѣвшій на Варвару какими-то строгими глазами) могъ бы завидовать. Приходилъ иногда изъ сосѣдней деревни мальчикъ лѣтъ одиннадцати. Съ кошолкой за плечами, онъ частенько захаживалъ на дворъ Демьяна Ильича, иногда возвращаясь изъ лѣсу съ грибами и ягодами, иногда отправляясь туда. Варвара была къ нему ласкова. Увидитъ его и побѣжитъ, будто боится, что онъ ее догонитъ; тотъ не догоняетъ. Тогда она остановится, подниметъ щепку и броситъ... Мальчишка тогда самъ броситъ щепку и станетъ догонять— и непремѣнно догонитъ, тогда какъ ни одинъ-бы изъ самыхъ ловкихъ и сильныхъ ребятъ-рабочихъ не съумѣлъ-бы этого сдѣлать. Но мальчишка мало того, что догонитъ, а еще и повалитъ Варвару и кулакомъ ее по спинѣ бьетъ, а она, которая въ двадцать разъ сильнѣе мальчишки, очевидно, покоряется, играетъ. Бьетъ ее мальчонка, стараясь чувствовать себя «мужикомъ», а она пищитъ, будто и въ самомъ дѣлѣ больно. Подымется, будто вырвется, убѣжитъ и волосы поправляетъ. А мальчонкѣ и любо, что онъ, какъ настоящій мужикъ», «растрепалъ бабу».

А вотъ съ Иваномъ, такъ съ тѣмъ случилось что-то совсѣмъ другое. Чтò у нихъ было съ Варварой—никому неизвѣстно, да и сама Варвара не знаетъ. Извѣстно только, что однажды Иванъ прибѣжалъ къ рабочей избѣ, прямо къ рукомойнику и сталъ поливать водой голову. Одна сторона головы у него посинѣла и опухла. Поливалъ онъ голову и ругался на Варвару:

— Демонъ! говорилъ онъ: — съ тобой шуткой, а ты, чортъ... Вѣдь ведро-то желѣзное, чортъ ты этакой!

Испуганная Варвара стояла невдалекѣ и, не слыша этихъ разговоровъ и брани, все вниманіе сосредоточила на желѣзномъ ведрѣ, которое въ одномъ боку сильно погнулось... Оправдываясь потомъ, она говорила, что молъ ударила такъ, невзначай — «играючи», и все-таки Иванъ съ мѣсяцъ ходилъ съ опухшимъ лицомъ и въ синякахъ.

Рабочіе много потѣшались надъ этой исторіей, а Иванъ, чувствуя себя смѣшнымъ, осердился на Варвару, и серьезно осердился. . А Варвара осталась, какъ была: въ работѣ одна, въ бездѣльѣ — другая.

V. «Изъ-за дрожжей».

Демьянъ Ильичъ былъ положительно влюбленъ въ Варвару. Онъ былъ человѣкъ семейный, имѣлъ четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ старшему шелъ восьмой годъ. Жена у него была женщина отличная, умная, тихая, ласковая; хозяйка самая прилежная, внимательная. Ни сплетенъ, ни какихъ-нибудь «особенныхъ».«бабьихъ исторій» никогда отъ нея не исходило. Даже злого или сердитаго лица никогда никто у нея не видалъ. Я увѣренъ, что теперь, когда Демьянъ Ильичъ вышелъ въ люди, живетъ гдѣ-нибудь на Лиговкѣ, въ квартирѣ съ цвѣточками на окнахъ и съ кисейными занавѣсками, Марья Яковлевна, его супруга, представляетъ изъ себя весьма уважаемую, ласковую, внимательную и аккуратную «даму» и скромную во всѣхъ отношеніяхъ женщину...

Къ Варварѣ жена Демьяна Ильича относилась весьма любезно, внимательно и цѣнила ее не менѣе, чѣмъ цѣнилъ и Демьянъ Ильичъ. «Варюша», «Варварушка», другого наименованія для Варвары не было; а однажды, когда Варвара почти цѣлый день, съ трехъ часовъ утра до глубокой ночи, не садилась ни на минуту и ни на минуту не была безъ работы: стряпала работникамъ, разваливала копны, топила баню, причемъ воды одной перетаскала ведеръ сорокъ, потомъ опять работала въ полѣ и т. д.—въ этотъ разъ жена Демьяна Ильича при всѣхъ похвалила Варвару, сказавъ: «И золотыя-же у тебя руки, Варварушка!» Она ясно видѣла, что мужъ ея, Демьянъ Ильичъ, влюбленъ въ Варвару, но и къ этому относилась весьма благосклонно, ибо отлично понимала, что Демьянъ Ильичъ влюбленъ не въ Варвару собственно (Марья Яковлена была красивѣй ея въ двадцать разъ), а въ ея работу, въ легкость, неутомимость и какъ-бы несокрушимое веселье работы. Въ этомъ именно смыслѣ и она сама любила Варвару. Варвара никогда не скажетъ: «у меня не двадцать рукъ!» или: «мнѣ не разорватьсья!», что поминутно слышатъ хозяйка и хозяинъ отъ всякой поденщицы, работающей изъ-за куска хлѣба и раздражающейся, если ей кромѣ той работы, для которой она нанята, суютъ такъ-себѣ, мимоходомъ, какую-нибудь другую; этого ропота и не было въ Варварѣ; ей надобно было только намекнуть на работу да сказать по дружески, и она сама немедленно-же примется за нее да сдѣлаетъ по дорогѣ еще десятокъ дѣлъ, о которыхъ ее и не просилъ никто. Оба они, и Демьянъ Ильичъ, и его супруга, были вполнѣ, безъ всякихъ переговоровъ и предварительныхъ разсужденій, молча согласны въ томъ, что работающему ребенку, какъ Варвара, надо дать волю работать до полнаго его удовольствія, надо не препятствовать, надо обращаться ласково, снисходительно улыбаясь, какъ улыбаются мудрые родители, не препятствуя ребенку играть, рѣзвиться... И Демьянъ Ильичъ, и жена его такъ именно и относились къ Варварѣ: «Ну, играй, играй, что съ тобой подѣлаешь.. Дѣло твое молодое... Ничего, играй... Ужъ такъ и быть». И Варвара дѣйствительно играла, и такъ пріятно, такъ весело, что еслибы счесть въ деньгахъ, во что стала-бы эта игра Демьяну Ильичу, эта работа, которую Варвара перерабатывала на его семейство ежедневно, такъ вышла-бы большая-пребольшая сумма. А Варвара не заикалась даже о деньгахъ. Два только раза во все лѣто къ ней отецъ писалъ письма насчетъ денегъ. Письма эти она вручала Демьяну Ильичу, а тотъ посылалъ «по возможности». Варвара была довольна и благодарна, что Демьянъ Ильичъ «послалъ», что отцу «деньги» отъ нея пошли, а сколько, этого она не понимала...

Но, не смотря на то, что отношенія супруговъ къ Варварѣ были, вообще говоря, «отеческія», и походили на отношенія умныхъ родителей къ милому ребенку, иной разъ мнѣ приходило въ голову, что Демьянъ Ильичъ хотя и облысѣлъ со лба, т. е. отъ ума, а не отъ чего другого, и не съ затылка, но что лысина, захватившая и «затылокъ»,—заслуживаетъ нѣкотораго вниманія... Иногда въ похвалахъ Варварѣ я слышалъ въ голосѣ Демьяна Ильича такія ноты, а въ рѣчахъ такія слова и цѣлыя фразы, что невольно долженъ былъ задавать себѣ вопросы такого рода: «Да точно ли только со лба? Дѣйствительно ли отъ умственнаго напряженія? И не участвуетъ-ли тутъ хотя отчасти затылокъ?».. Иногда мнѣ кромѣ того казалось, что и Марья Яковлевна относится къ происхожденію лысины своего супруга скептически и какъ-бы не довѣряетъ его рѣчамъ. Слишкомъ большая выдержка Марьи Яковлевны въ ея отношеніяхъ къ Демьяну Ильичу, это непрестанное желаніе «не подать виду», чтобы между супругами могли происходить хотя малѣйшія недоразумѣнія, именно эти безукоризненныя стороны ихъ отношеній и вводили меня въ сомнѣніе. Думалось мнѣ, что иногда Марья Яковлевна разрывается отъ гнѣва на Демьяна Ильича, но что сдерживаетъ этотъ гнѣвъ ея адское терпѣніе, сильный характеръ и сильный умъ... И только благодаря этимъ качествамъ, она не только можетъ переносить похвалы Демьяна Ильича, расточаемыя бабамъ-работницамъ и Варварѣ въ особенности, но и сама еще поддерживаетъ и даже усиливаетъ ихъ...

Разскажу одинъ небольшой эпизодъ, который, какъ мнѣ кажется, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ вопросу о происхожденіи лысины Демьяна Ильича.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ Демьянъ Ильичъ съ своей рабочей артелью, протекала тощая, ничтожнѣйшая рѣчонка; да и не рѣчонка это была, а ручей; весной онъ бурлилъ отъ тающихъ снѣговъ и шумѣлъ массами тонкихъ, какъ стекло льдинокъ, а лѣтомъ пересыхалъ, почти совершенно зарастая высокой болотной травой до того, что за ней не видно было со стороны почти ни капли воды; нужно было раздвинуть траву, и тогда увидишь, что на днѣ мокро, что тамъ вода. Лѣто, котораго касается разсказъ, было жаркое, сухое, и ручей пересохъ такъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его можно было переходить почти по-суху. И вотъ имен-

но потому-то, что лѣто стояло особенно жаркое, что ручей почти пересохъ, въ немъ оказалось множество рыбы. Дѣло въ томъ, что мѣстами въ руслѣ ручья попадаются глубокія ямки, сажени по двѣ длины и аршина на полтора глубины; за травой ихъ не видно. Весной, во время разлива, сюда заходитъ рыба — налимы, родъ миногъ и щуки, мечетъ здѣсь икру въ громадномъ количествѣ. Но обыкновенная принадлежность здѣшнихъ мѣстъ, «дожди» не даютъ возможности ей расплодиться. При дождяхъ рѣчонка всегда примѣтна, всегда имѣетъ такую высоту, хоть и не больше четверти, что рыба не можетъ уйти. Но въ сухое лѣто, когда рѣчонка мѣстами пересыхаетъ совершенно, рыба, попавшаяся весной въ яминки, сидитъ какъ въ садкахъ, и тутъ ее ловятъ пудами. Тайну эту открыли старикъ со старухой, жители сосѣдней деревни. Въ одинъ жаркій палящій день видимъ, идутъ по лѣсу старуха, а за ней старикъ, и несетъ на плечѣ бредень.

— Куда это вы, старички?

— Да вотъ рыбки половить.

— Гдѣ же вы ловить ее будете?

— А вотъ.

И старикъ указалъ на пересохшую рѣчонку.

Это указаніе до такой степени было удивительно, какъ если-бы кто-нибудь объявилъ, что намѣренъ ловить рыбу у васъ, читатель, на письменномъ столѣ.

— Да вѣдь тутъ сухое мѣсто? какая же тутъ рыба?

— Да не въ сухомъ она, а въ мокромъ, отвѣчали старики и ушли съ бреднемъ въ траву. Въ травѣ они скрылись оба, и не прошло нѣсколькихъ минутъ, когда оттуда послышался плескъ воды, и кряхтеніе старичковъ. Старички вытащили полнехонькой бредень трепещущей и бьющейся на солнцѣ рыбы. Никто изъ всей рабочей артели не вѣрилъ своимъ глазамъ, но рыба, массы рыбы было на лицо. Древніе старички отлично знали свою сторону; они знали, что «такое лѣто» было двадцать лѣтъ тому назадъ, и знали про ручей то, чего никто не зналъ изъ молодого поколѣнія деревни.

Рыбу принялись ловить всѣ, кто хотѣлъ, и въ короткое время опустошили яминки до тла. Демьянъ Ильичъ наловилъ и насолилъ однихъ щукъ и налимовъ двѣ кадки. Рыба была въ харчахъ у рабочихъ каждый день, и вообще хорошее расположеніе духа у всей артели увеличилось во много разъ.

Однажды послѣ обѣда, въ ясный лѣтній день, Демьянъ Ильичъ, въ отличнѣйшемъ расположеніи духа, сидѣлъ на крылечкѣ рабочей избы и грѣлъ на солнцѣ лысину, поглаживая ее ладонью и пріятно покряхтывая. Погода была отличная, дѣла шли хорошо, сѣно на участкѣ Демьяна Ильича уродилось, тогда какъ у сосѣдей и въ другихъ ближайшихъ съ Петербургомъ мѣстахъ погорѣло и посохло, словомъ, все было хорошо — Богъ, очевидно, «посылалъ» Демьяну Ильичу. Сидѣлъ-сидѣлъ онъ и надумалъ идти отъ нечего дѣлать ловить рыбу—не для чего другого, а такъ, для развлеченія. Надумавши эту забаву, онъ придумалъ и другую: идти ловить рыбу вмѣстѣ съ Варварой.

— Ма-ать! а мать? сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ, которая сидѣла внутри отворенной настежь избы.—Гдѣ бредень-то у насъ...

— Рыбу, что-ль, ловить идешь? спросила Марья Яковлевна.

— Хочу съ Варварой пойдти, попытать на досугѣ.

— Никакъ она стираетъ...

— Ну, успѣется... Варва-ра-а!

Варвара появилась изъ-за угла избы съ красными покрытыми мыломъ руками, торопливо ихъ вытирая фартукомъ.

— Пойдемъ ловить рыбу. Бери бредень-то...

— Вымочишься, Варварушка, сказала Марья Яковлевна, появляясь на крыльцѣ.

— Я подберусь, устремляясь за бреднемъ, сказала Варвара.

Демьянъ Ильичъ вошелъ въ избу за картузомъ и сапогами, причемъ Марья Яковлевна молча дала ему дорогу, не поднимая глазъ отъ чулка, который вязала, и опять не сказала ни слова, когда Демьянъ Ильичъ, уходя, сказалъ ей:

— Мы недолго.

Но Марья Яковлевна поняла, что тутъ ужъ не Варвара играетъ, а «играетъ» Демьянъ Ильичъ.

Пошли. Варвара шла позади Демьяна Ильича и несла на плечѣ бредень.

Воротились они, когда солнце уже садилось. Рыбы наловили мало; показывая ее женѣ, Демьянъ Ильичъ смотрѣлъ не въ лицо ей, а какъ-то мимо лица. Лицо Варвары было какое-то глупое, какъ бываетъ у нея въ скучные дождливые безрабочіе дни. Деликатная Марья Яковлевна, поглядѣвъ внимательно на мужа, на Варвару и на рыбу, молча опустила глаза на чулокъ и, помолчавъ и попрежнему не поднимая глазъ, сказала, обращаясь къ Варварѣ, обыкновеннымъ, ровнымъ, невозмутимо-ласковымъ тономъ:

— Завтра, Варвара, хлѣбы... Не забыть бы. Послѣднюю ковригу сегодня доѣдаемъ

Это извѣстіе какъ бы оживило Варвару; она немедленно принялась приготовлять все нужное для печенія хлѣба: квашню, муку, весло. Принялась скоблить, мыть, вытирать. Поздно вечеромъ изъ рабочей избы еще доносились звуки весла, стукающаго въ дно кадки.

Все, казалось, пошло своимъ порядкомъ, но на слѣдующій день Варвара была огорчена—хлѣбъ вышелъ ни на что не похожій: крѣпкій, какъ камень, и плоскій, какъ доска. Онъ вязнулъ въ зубахъ, какъ самая крѣпкая глина, и благодаря этому, въ первый разъ Варвара увидѣла себя виноватой: Андріянъ сломалъ послѣдніе зубы, Иванъ прямо зарычалъ, да и всѣ были весьма недовольны. Всѣ были къ тому же, какъ на грѣхъ, голодны, такъ какъ работа была жаркая, спѣшная. Варвара опечалилась: она глубоко чувствовала, какъ огорчила весь этотъ народъ.

Цѣлые два дня она всячески «старалась» за-

гладить свою неудачу и вину, работая за десятерыхъ и съ нетерпѣніемъ ожидая минуты, когда неудачный хлѣбъ будетъ съѣденъ. До этихъ поръ въ работѣ ея не было и тѣни старанія или усилія; теперь же она старалась, и поэтому даже уставала, и уставала быть-можетъ не столько отъ работы, сколько отъ того напряженно-безпокойнаго состоянія духа, которое она каждый день испытывала всякій разъ, когда рабочіе завтракали, обѣдали, полудничали и ужинали. Хлѣбъ не улучшался, а, напротивъ, становился все жостче и хуже, и народъ ѣлъ его, недовольный и обиженный.

Наконецъ кой-какъ доѣли. Варвара была необыкновенно счастлива, принимаясь за новую квашню; она опять скребла и мыла, крестила и внутри квашни, и снаружи; весло стучало и сильнѣе, и несравненно дольше этотъ разъ, чѣмъ въ прошлый, и я не знаю, спала ли даже Варвара эту ночь. Но на слѣдующій день она была положительно испугана. Ее нельзя было узнать: въ ней пропало веселье, сила, легкость—все, что было,—это была какая-то другая Варвара, испуганная и глупая, и не даромъ: хлѣбъ опять вышелъ хуже подошвы. Вмѣсто хлѣба получилась какая-то чугунная лепешка.

— Какъ же это ты, Варвара? ласково сказала ей Марья Яковлевна, качая головою. – Ишь ты вѣдь какъ...

Варвара ничего не могла отвѣтить. Она совершенно растерялась. Но то, что послѣдовало за появленіемъ этого второго неудачнаго хлѣба, окончательно сокрушило ее. Народъ, придя обѣдать и увидавъ этотъ безобразный хлѣбъ, прямо забунтовалъ. Иванъ началъ первый: онъ бросилъ хлѣбъ собакамъ, заоралъ о разсчетѣ, заоралъ на Демьяна Ильича, чего онъ, лысый чортъ, держитъ въ стряпухахъ такого косолапаго идола, а Ивана поддержали бабы. Бабы такіе давали эпитеты этому хлѣбу, что у Варвары только вянули уши. Никогда отъ роду не была она такой безпомощной и виноватой дурой. И брань, и ропотъ сдѣлали то, что надо было посылать за хлѣбомъ въ деревню, послѣ чего Варвара бросила ложку, которою наливала изъ котла горячее, и ушла, заливаясь слезами, въ сарай... Она выбралась оттуда ужъ къ вечеру, наплакавшись до-сыта, чувствуя себя несчастной, виноватой и одинокой. Вышла она потому, что надобно было убирать скотину, но работала, какъ автоматъ. Кой-какъ окончивъ уборку, вошла она въ избу и застала здѣсь Марью Яковлевну за работой; Марья Яковлевна мѣсила хлѣбы.

— Сама хочу попытать, сказала она Варварѣ:

— Что такое, Господи помилуй? Отчего?

Варвара сидѣла какъ сонная, какъ сонная смотрѣла на работу Марьи Яковлевны, но ночью не спала.

Настало утро. Варвара за завтракомъ почти ничего не ѣла, работала вяло и какъ бы неохотно. Пришли обѣдать. Варвара какъ-то сама собой устранилась отъ должности стряпухи и толкалась безъ дѣла около печи (обѣдали въ избѣ).

— Ну-ко, Яковлевна, давай хлѣбца-то свѣженькаго!.. Авось, на твое счастье, хлѣбъ-отъ удался!.. заговорили мужики. — Поголодила насъ Варвара, поголодила.

— Охъ, отвѣчала Марья Яковлевна.—Погоди хвалить то. Смерть боюсь я... Пожалуй, какъ бы хуже не было... И полѣзла въ печку лопатой, которою вынимаютъ хлѣбы. Не безъ любопытства публика взирала на зѣвъ печки, въ ожиданіи появленія хлѣба. Марья Яковлевна заглянула туда, покраснѣла и, потянувъ лопатку, какъ-то жалостливо прошептала: «Охъ, милые мои...» Это «охъ» произвело на Варвару оживляющее дѣйствіе: она понадѣялась, что Марья Яковлевна оправдаетъ ея неудачную стряпню такой же неудачей, но Марья Яковлевна вытащила наконецъ... такую великолѣпную ковригу, такую румяную, пышную, ароматную, что Варвара сгорѣла со стыда...

— Охъ ты... как-кая! тоже какъ бы жалобно проговорила Марья Яковлевна и покачала головой, тогда какъ публика покатилась со смѣху отъ удовольствія... «Охо-хо-хо!» прогоготалъ Иванъ, опять первый: «вотъ такъ хлѣбъ!..» и какъ побѣдитель поглядывалъ на Варвару. Да и всѣ наши глядѣли такими глазами, какъ бы хотѣли сказать: «Что, косолапая? Вотъ какъ хлѣбы-то пекутъ!» Но почему Марья Яковлевна «охала» при такомъ своемъ торжествѣ и не глядѣла на Варвару? Ужъ не виновата-ли тутъ въ чемъ-нибудь? Не знаю. Знаю только, что Варвара, сгорѣвшая со стыда и уничтоженная этой великолѣпной ковригой, вдругъ въ одно мгновеніе *возненавидѣла* Марью Яковлевну.

Вдругъ, въ одно мгновеніе, она *поняла*, что этой ковригой Марья Яковлевна оскорбила ее до глубины души... Въ головѣ Варвары мелькнула какъ молнія мысль: «не тѣ дрожжи!» и гнѣвъ рванулъ ее за сердце. Она сорвалась съ мѣста, бросилась вонъ, хлопнула дверью, что есть мочи, и, совершенно какъ безумная, бросилась сначала въ амбаръ, потомъ въ сарай, потомъ въ баню. Въ первый разъ въ жизни она была разозлена, не разсержена, а разозлена, не какъ ребенокъ, а какъ женщина, которую «бабьи сплетни» окатили цѣлымъ ушатомъ помой... «Уйду-уйду-уйду-уйду!..» неиолчно звучало въ ея ушахъ, во всемъ ея существѣ, когда она металась по двору, точно ища чего-то, и дѣйствительно она хотѣла найдти свою ваточную куцавейку... И съ каждой минутой она все больше и больше *понимала*, и то, что она понимала, вихремъ вертѣло ея голову... Она поняла, что это — месть за то, что Демьянъ Ильичъ ласковъ, поняла, сколько ехидства въ кротости и ласкѣ Марьи Яковлевны. Поняла, какой подлецъ Демьянъ Ильичъ, и изъ-за чего онъ къ ней ласковъ... Вспомнила рыбную ловлю... Вспомнила, какъ гоготали мужики, разсказывая разныя скверности. Поняла, что все это скверность; поняла, почему на нее золъ Иванъ, поняла всѣ отношенія, всю ихъ суть, всю ихъ безсовѣстность, разсчетъ, лежавшій въ основаніи этой внимательности. Поняла, что никто съ ней *по-правдѣ* не говорилъ, никто по-

правдѣ не относился, всѣ безсовѣстные, гадкіе, злые... а она—совсѣмъ, совсѣмъ одна въ бѣломъ свѣтѣ, совсѣмъ одна. Вдругъ вспомнила она старика отца и вдругъ залилась слезами, но эти слезы не уменьшили ея гнѣва, даже какъ-бы увеличили. Гнѣвное возбужденіе дошло у ней до такихъ размѣровъ, что она сама не помнила и удивлялась, гдѣ она нашла свои вещи, почему-то связывала, то развязывала эти несчастныя тряпки, и затѣмъ, собираясь уйдти, вдругъ принялась стирать какое-то рваное платьишко, стирать торопливо, лихорадочно.

Въ такую минуту (она стирала въ банѣ, въ корытѣ) въ баню заглянулъ одинъ изъ рабочихъ; это былъ уже не молодой отставной солдатъ, Пахомъ. Его не любили въ артели, да и Демьянъ Ильичъ его не долюбливалъ, и ни во что не цѣнилъ. Взяли его въ артель потому, что по случаю хорошаго сухого лѣта рабочіе были дороги и приходилось брать кое-какихъ. Попалъ такимъ образомъ въ число рабочихъ и Пахомъ. Онъ былъ человѣкъ лѣнивый, неумѣлый; въ работѣ онъ отставалъ рѣшительно отъ всѣхъ, даже отъ самой хворой и слабой бабы; ѣсть ему хотѣлось всегда часами двумя раньше времени и раньше, чѣмъ приходилъ аппетитъ другимъ. Работалъ онъ поэтому всегда съ какимъ то непріятнымъ, почти злымъ выраженіемъ лица, подмѣчалъ всевозможные недостатки въ работѣ товарищей, въ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ, критиковалъ и обобщалъ болѣе, чѣмъ косилъ и пахалъ. Получалъ онъ меньше всѣхъ. Вотъ этотъ-то Пахомъ и заглянулъ въ баню къ Варварѣ въ ту минуту, когда она и плакала, и негодовала, и не имѣла въ головѣ другихъ мыслей, кромѣ: «уйду, уйду, уйду!..»

— Чтò, Варвара, сказалъ онъ, сидя на порогѣ и набивая трубку:—видѣла, какъ нашего брата, бѣднаго человѣка, уважаютъ?

— Уйди-ты, дуракъ косорылый! Чего тебѣ надобно? Пошелъ ты отсюда вонъ, безсовѣстный!.. не помня, чтò говоритъ, оборвала его Варвара.

Пахома это не удивило, онъ не разсердился и довольно спокойно сказалъ:

— Что ты, матушка?.. чего ты? я вѣдь понимаю эти дѣла-то... Слава тебѣ, Господи, пожилъ на свѣтѣ... Чего мнѣ нужно? Ты ужъ больно того... И слова сказать нельзя; ты не того... Я вѣдь, кажется, видѣлъ, какъ они тобой помыкали. И твою работу знаю!..

Варвара ничего ему не отвѣчала.

— По твоей работѣ, продолжалъ Пахомъ уже совершенно спокойно и не спѣша:—по твоей работѣ тебѣ, надобно прямо сказать, цѣны нѣту. Цѣна тебѣ—милліонъ! Больше ничего!.. А ты вотъ осерчала... Нешто я тебѣ худого желаю? Я тебѣ говорю по совѣсти: нѣтъ тебѣ цѣны, вотъ какая твоя работа... А они, черти, хотятъ всякаго человѣка обобрать. Работаешь-работаешь, гнешь-гнешь спину, а пришло дѣло къ разсчету—много-ли? — три копѣйки! Тутъ бы съ него, подлеца, надо сколько денегъ-то, ежели-бы по настоящему? А онъ твои-то деньги — въ карманъ, да изъ кармана въ сундукъ, да сундукъ-то на замокъ, а ты гуляй безъ сапогъ... Знаю! Довольно знаю...

Пахомъ покурилъ, поплевалъ и продолжалъ:

— А ты, ежели ты только послушаешь моихъ словъ, то по твоему характеру идти тебѣ въ Питеръ—первое дѣло. Чего тебѣ тутъ копаться? Какого чорта, прости, Господи? Изъ-за чего? Да я самъ, ежели-бы не обѣднялъ на счетъ одежи—минуты-бы тутъ не остался, пропади они пропадомъ. Я-бъ въ Питерѣ-то давнымъ-давно двадцать-пять цѣлковыхъ на хозяйскихъ харчахъ получалъ, не то что... Живалъ вѣдь, слава тебѣ, Господи, знаю. Что мнѣ за корысть врать? Хоть у кого хочешь спроси, вѣрно-ли я говорю. Всякій тебѣ отвѣтитъ... Тамъ куфарки получаютъ по пятидесяти рублей серебра... Издохни я на семъ мѣстѣ, ежели не правда... Вотъ до чего достигаютъ! А тутъ три копѣйки... Ты чего ревешь-то? Ты вотъ слушай, чтò я говорю, а ревѣть-то перестань... Разсчетъ-то съ нихъ съ подлецовъ стребуй, все стребуй до полушки, да и съ Богомъ на машину. А тамъ, братъ, мѣстовъ — сколько угодно! Тамъ, ежели сказать тебѣ, не соврать, такая дѣвица, какъ ты, Варя...

Не хотѣла Варвара слушать этого болтуна да почти и не могла слушать его, такъ она была поглощена своимъ оскорбленіемъ, возбуждена гнѣвомъ, ощущеніемъ одиночества и глубокимъ состраданіемъ къ отцу... Но болтунъ болталъ, не переставая, расписывалъ ей Питеръ такими великолѣпными красками, какія только приходили ему на умъ, и въ воображеніи Варвары невольно стало вырисовываться какое то удивительное, заманчивое мѣсто, гдѣ она можетъ найдти и покой, и довольство, и, благодаря которому, можетъ даже отомстить. Стирая свое тряпье съ той же лихорадочной поспѣшностью, какъ и прежде, она невольно ужъ вслушивалась въ разговоры Пахома о подаркахъ, о шелковыхъ платьяхъ.. Почему-то особенно неотразимо поддавалась она обаянію словъ: «отъ барыни не отличишь», «чисто какъ барыня», «надѣнетъ платье, зашумитъ хвостомъ—графиня, а была вотъ какъ ты-же» и т. д. Слушая и горячо принимая къ сердцу эту болтовню отъ нечего дѣлать, она въ-то-же время не могла удержать своего воображенія, рисовавшаго ей, Варварѣ, ее же, Варвару, въ разныхъ до сихъ поръ совершенно незнакомыхъ ей видахъ. Вотъ она посылаетъ отцу деньги много-много, и отецъ покупаетъ корову, строитъ новую избу. Вотъ она въ шелковомъ платьѣ проходитъ мимо злой мужички Марьи Яковлевны и т. д. Воображеніе, въ первый разъ возбужденное съ необыкновенной силой, не давало ей покою. Она стирала свои тряпки такъ, какъ будто хотѣла разорвать ихъ, и въ ея головѣ такъ-же настойчиво, какъ и «уйду-уйду-уйду», звучало: «Питеръ-Питеръ-Питеръ»...

— Вѣдь сманилъ, жидъ-проклятый, Варвару-то! съ сильнымъ волненіемъ говорилъ мнѣ Демьянъ Ильичъ на слѣдующій день поутру.—Въ Питеръ и—шабашъ! Ахъ, песъ эдакой! Вѣдь ему, канальѣ, только бы съ нея на выпивку вызудить!.. А что

она въ Питерѣ? Долго-ли!.. Ахъ, безсовѣстный человѣкъ! Вѣдь такъ зря языкъ болтаетъ невѣдомо что, а она и въ самомъ дѣлѣ помчалась, какъ угорѣлая. Онъ ей на перекоски черезъ лѣсъ пустился, догналъ-таки у самаго кабака, выпилъ. Вотъ вѣдь какіе люди на свѣтѣ есть!

Демьянъ Ильичъ жалѣлъ и крѣпко жалѣлъ Варвару, но, какъ видимъ, уже послѣ ея удаленія. Онъ также понялъ отчего у Варвары выходили плохіе хлѣбы, а у жены вышли превосходные. Понялъ и покорился. Вступиться за Варвару—значитъ завести раздоръ въ семьѣ, а это нехорошо. Жена у него—человѣкъ дѣловой. Онъ скрѣпился и промолчалъ, а жаль, жаль Варвару. Да и всѣ поняли—въ чемъ дѣло и всѣ ее жалѣли. Марья Яковлевна тоже жалѣла и, частенько покачивая головой, говорила:

— И что за чудо? Вѣдь, кажется, и дрожжи тѣ-же, и все...

— Дрожжи, ожесточенно, но молча, думалъ Демьянъ Ильичъ, слушая такія рѣчи, — знаю я тебя, ехидна!..

А молчалъ, «виду не показывалъ».

Съ тѣхъ поръ, какъ Варвара ушла отъ Демьяна Ильича, ни его самого, ни его супруги никогда я ужеболѣе не видалъ. О Варварѣ пришлось вспомнить послѣ случайной встрѣчи съ Иваномъ, а послѣ нея и до настоящаго времени ни о Варварѣ, ни объ Иванѣ не приходилось даже и думать. Гдѣ Варвара? Что съ ней? И точно-ли Иванъ не ошибся, говоря мнѣ при встрѣчѣ, что Варвара проѣхала по Невскому? Ничего этого я не знаю. Быть можетъ, она здравствуетъ; быть можетъ, умерла; быть можетъ, и такъ пропала—все можетъ быть. Такіе люди, какъ Варвара, живутъ безъ біографій: только «необыкновенный» случай выдвигаетъ ихъ изъ неизвѣстности, тьмы и безпомощности; въ обыкновенное-же время они—только цифры, «статистическія данныя» и больше ничего.

СКУЧАЮЩАЯ ПУБЛИКА.

I. Мнѣнія фельдшера Кузьмичова о современномъ обществѣ.

...Сквозь крѣпкій, тяжелый сонъ давно уже ощущалъ я признаки какой-то суеты вокругъ меня, надо мной и около меня, но рѣшительно не могъ раскрыть глазъ. Что-то гремѣло и стучало надъ головой, что-то билось у самой головы, уткнувшейся въ подушку лицомъ, что-то шумѣло и надо мной, и близъ меня, и гдѣ-то далеко... И только тогда, когда все это стихло, я вдругъ открылъ глаза и понялъ, что это пароходъ останавливался у пристани, что около моей головы бились волны взбудораженной пароходомъ Волги, что на палубѣ вверху бѣгали рабочіе, смурыгали канаты и гремѣла рулевая цѣпь.

Открылъ я глаза, а вставать не хочется; ослѣпительные лучи утренняго солнца, отраженные водою на бѣлый потолокъ общей каюты, играютъ, зыблятся и слѣпятъ; въ круглое окно подуваетъ легкій свѣжій вѣтерокъ съ запахомъ рѣчной воды, по временамъ же и запахомъ рыбки, а подчасъ и нефти. Но лежать покойно, хорошо, и вставать не хочется. И вотъ, лежа и не поднимая головы, я узнаю, что въ каютѣ есть пассажиры, которыхъ совсѣмъ не было, когда я въ Нижнемъ вечеромъ сѣлъ на пароходъ. Одинъ лежитъ и кашляетъ у меня въ головахъ, а другой вѣроятно за общимъ столомъ чай пьетъ: слышно, какъ звякаетъ въ стаканѣ чайная ложечка.

— А что капитанъ-то? Куда онъ дѣвался?—сиплымъ, не то простуженнымъ, не то опившимся голосомъ, хотя и съ мягкимъ и добрымъ оттѣнкомъ, спрашиваетъ пассажиръ, лежащій у меня въ головахъ.—Ай вылѣзъ на пристани-то?

— Видно, вышелъ... Не видать что-то... Я, признаться, заснулъ, станціи двѣ проспалъ, не видалъ... Должно быть, вышелъ, и вещей нѣту...

— Однако—кашляя сухимъ, тяжелымъ кашлемъ, продолжалъ мой сосѣдъ, досталось ему по женской части, какъ поразсказалъ! Довольно искусно!.. Должно-быть и баба тоже попалась вострая... Я считалъ, считалъ и счетъ потерялъ, сколько у ней душенекъ-то перебывало... Наконецъ, того, въ сумасшедшій домъ упечатала!.. Эво какъ! Въ сенатъ что-ли хотѣлъ жаловаться?

— А, право, ужъ что-то не припомню... кажется... впрочемъ... въ сенатъ.

— Какъ-же! въ сенатъ и въ правительствующій синодъ... А по моему въ эфтомъ разѣ оставь, уйди... Коли самъ весь въ дырахъ, такъ ужъ что тутъ, какой синодъ. Вѣдь и ихнюю сестру тоже надобно пожалѣть: изъ нашего брата сволочи-то тоже, слава тебѣ, Господи, сколько... Тоже вѣдь!..

— Какъ вамъ сказать? съ оттѣнкомъ какъ бы серьезной задумчивости въ голосѣ проговорилъ собесѣдникъ, пившій чай. — Конечно причемъ же тутъ можетъ быть святѣйшій синодъ, или напримѣръ сенатъ? Но я вамъ вотъ что скажу: даже и молодому человѣку, который, положимъ, что имѣетъ напримѣръ возможность, и то весьма трудное это дѣло, то-есть женская часть?

— Н-не знаю! Не знаю я этого... Я даже такъ скажу: опасаюсь и соваться въ эти дѣла; то-есть напримѣръ по этой самой дамской части... А что ежели сказать по совѣсти, по чистой душѣ, такъ

я склоняюсь къ арфисткамъ! Передъ истиннымъ Богомъ! Это я скажу при васъ-ли, при комъ угодно... Чего мнѣ утаивать? Свиное, такъ оно и соотвѣтствуетъ къ свиному... Зачертишь недѣли на двѣ—и бултыхъ въ омутъ, только и всего! Что же? Ежели и такъ взять: тоже вѣдь и онѣ люди, арфистки-то!

— Я этого вопроса не касаюсь, а говорю...

— Чего ужъ касаться! Касайся, не касайся, а выше своего носа не прыгнешь. Мнѣ маменька давно зудитъ: «женись, женись»... Зачѣмъ? По хозяйству у меня полонъ домъ бабъ: маменька, двѣ сестры. А ежели не для хозяйства, такъ я даже и опасаюсь... Самъ-то дуракъ да дуру возмешь—будетъ два дурака... Имназистку? Такъ она училась, понимаетъ... А я даже ежели цифру которую подлиннѣй написать, и то ошибусь сто разъ... Нешто насъ чему учили родители?—Такъ вотъ я и думаю, что самое подходящее нашему брату—арфистка. Мусоръ къ мусору—и обѣихъ въ помойную яму, туда и дорога! Ежели этакая-то мусорная дама другой разъ и по мордѣ тебѣ дастъ подгулямши, и то смолчишь: свой своему... А попадись нашему брату добрая да умная, да смирная, да, сохрани Господи, ученая, такъ вѣдь мы ее должны на части разорвать съ одного, что она хорошая... Нашъ братъ тоже вѣдь, ухъ, какой дьяволъ бываетъ!

Все это сосѣдъ, лежавшій у меня въ головахъ, произнесъ медленно, совершенно спокойно, своимъ сиплымъ голосомъ, въ которомъ я теперь ясно слышалъ ноту полной искренности и доброты. Даже такія выраженія, какъ «свиное къ свиному», «мусоръ къ мусору»,—выраженія, казалось бы, рисующія негодованіе человѣка на самого себя, горькое сознаніе своихъ дурныхъ свойствъ, и они произносились имъ совершенно просто, единственно только какъ самыя вѣрныя, несомнѣнныя опредѣленія, не больше.

Долго кашлялъ мой сосѣдъ сухимъ, удушливымъ кашлемъ послѣ своего признанія, и это заставило молчать собесѣдника, пившаго чай.

— Отвѣчать на ваше предложеніе я не могу, заговорилъ наконецъ собесѣдникъ,—я этихъ предметовъ не касаюсь, потому что человѣкъ я занятой. Но позвольте вамъ сдѣлать такое замѣчаніе; съ дѣтства я нахожусь безъ роду, безъ племени, безъ отца, безъ матери, положительно не имѣя пристанища. Что были дворовые при господахъ, да еще при жестокихъ? Ну, такимъ образомъ я съ самыхъ первыхъ денъ видѣлъ самую горькую долю. Маменька была сослана за убійство ребенка своего и не знаю... можетъ и жива еще! Каково это знать дѣтскому сердцу? Слѣдовательно съ дѣтства я вполнѣ понималъ горе человѣческое и видѣлъ крестьянскія мученія, и душа у меня изболѣла... Впослѣдствіи времени, когда это кончилось, Господь меня призрѣлъ: пріѣхалъ молодой баринъ, студентъ, человѣкъ совсѣмъ другого роду: ни псарни, ни этого кнутовья, ни чтобы насчетъ бабъ, ничего этого. Домъ заколотилъ, жилъ въ одной коморкѣ, лечилъ мужиковъ... Совсѣмъ не то, что родители: добрый былъ и призрѣлъ меня, обратилъ вниманіе и вотъ въ настоящее время я съ Божіею помощью имѣю кусокъ хлѣба: я состою фельдшеромъ въ земствѣ; фамилія моя—Кузьмичовъ. Но только позвольте вамъ сказать: и земствъ много, и фельдшеровъ много, и членовъ, и депутатовъ—всего этого довольно...

— Сколько угодно! сипло произнесъ мой сосѣдъ.

— Весьма много! Но такъ какъ, быть можетъ, они не изъ нашего сословія, не знаютъ горя, бѣдствія человѣческаго, то хоть и получаютъ тысячи, но общественнаго блага отъ этого не видать, то-есть мало гдѣ можно встрѣтить...

— Махонькими, значитъ, порціями? этакъ только на вилочку зацѣпить?

— Весьма вѣроятно! Но такъ какъ во мнѣ изъ дѣтскихъ лѣтъ вкоренено печальное состояніе ума и сердце пріучено къ содроганію, и потомъ учитель мой и благодѣтель, который воззвалъ меня изъ ничтожества и постановилъ человѣкомъ, также мнѣ внушалъ, чтó такое есть долгъ совѣсти, такъ я безъ хвастовства могу сказать, что во мнѣ есть совѣсть и есть чувство. Я хоть и двадцать пять рублей получаю въ мѣсяцъ, но, по совѣсти, съ любымъ членомъ, который глотаетъ тысячи полторы-двѣ, въ сравненіе себя не поставлю. Это я говорю честно, благородно. Я хоть фельдшеръ, ничтожная часть человѣчества, но я обществу служу не на словахъ, а на дѣлѣ. На словахъ много охотниковъ, а ты поди-ка на дѣлѣ; своими руками, носомъ-то своимъ сунься къ болящему. А это въ моей природѣ: сердце у меня нѣжное, и я скорблю! Приди ко мнѣ мужикъ, или напримѣръ пришли фаэтонъ какой-нибудь кулакъ, я пойду къ мужику, а фаэтонъ подождетъ! Я смѣло могу сказать, что есть я дѣятель для общества, но не для себя. Я бы могъ взятки брать, кулаковъ пользовать, но напротивъ безъ хвастовства говорю, самъ даю свои деньги мужикамъ. Къ иному придешь—ни свѣчки, ни хлѣба, ни дровъ, горячей воды не на чемъ вскипятить, обмыть больное мѣсто. Ну, и даешь! Кулакъ сунетъ тебѣ «рубль», а я его мужику отдамъ... Я говорю не то, чтобы я хвалился, а собственно доказываю, что во мнѣ есть природа совѣстливая и убѣжденіе.

— Не знаю! сказалъ сосѣдъ.—У нашего брата не слыхать этого... Она нашему брату даже во вредъ, совѣсть-то:—препятствуетъ! Живемъ себѣ такъ, безъ совѣсти, постепенно острога дожидаемся... Ты вотъ по совѣсти хлопочешь, пилюли даешь, а нашъ братъ подвалитъ тебѣ сразу какого ни на есть смраду изъ своей фабрики въ рѣчку, да распуститъ его верстъ на двадцать, одурманитъ и скотину, и народъ, а ты лечи тамъ, давай пилюли!

— Это намъ вполнѣ извѣстно! Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ санитарнаго надзора и вѣроятно современемъ и будетъ достигнуто. Дѣло не въ этомъ... Я васъ покорнѣйше прошу обратить вниманіе на мои слова: мы завели рѣчь о женскомъ вопросѣ. Теперь, взявши напримѣръ мое

положеніе, спрашиваю васъ: могу ли я имѣть подругу, которая бы соотвѣтствовала моему сердцу, чтобы она понимала мою скорбь о ближнемъ и чтобы она не только не препятствовала, но побуждала? И я вамъ отвѣчаю: трудно!

— Не знаю, голубчикъ! Не касался я этого! Вотъ какъ лопнетъ нашъ банкъ, да поведутъ насъ всѣхъ, подлецовъ, на цѣпи, вотъ и будетъ окончаніе. А пока что, ввязался въ омутъ, вертясь да совѣсть изъ себя выбирай, какъ причалъ изъ воды... А больше мы не знаемъ! Не знаю я! Боюсь я этого! Даже и думать объ этомъ намъ не подходитъ!... Врешь-врешь, вертишься-вертишься, да бултыхнешь туда, въ «слободку», къ арфисткамъ»—ну, и будто въ своемъ мѣстѣ! Доберешься до навозу-то, ну, оно будто и хорошо!

— Хотя вы, кажется, и преувеличиваете ваши взгляды, — послѣ небольшого молчанія проговорилъ собесѣдникъ моего сосѣда,—однако же позвольте мнѣ окончить мое мнѣніе. Сколько я на своемъ вѣку ни соприкасался съ женскимъ вопросомъ, постоянно я вывожу заключеніе одно: очень трудно! И мнѣ вѣдь тоже надобенъ иной разъ уголъ, уютъ. Мерзнешь-мерзнешь по зимамъ-то, захочется въ свободный часъ и погрѣться, и слово сказать. Тоже существуетъ сочувствіе человѣческое, называемое «рука помощи». Такъ—вѣрите-ли?—не выходитъ! Я теперича ѣду на новое мѣсто служенія, а до сего времени я служилъ подъ столицей, близъ большой станціи желѣзной дороги... Пунктъ бойкій и служащаго народу очень довольно. Дамскаго полу много. Даже такъ много, что, ей Богу, беретъ жалость: куда, думаешь, дѣнется весь этотъ народъ? У всѣхъ жены и всѣ родятъ. И стрѣлочники, и телеграфисты, оффиціанты, повара, кондуктора, начальники станцій, депо—у всѣхъ, у всѣхъ дѣти, и все больше дѣвочки... Мальчики — и такъ, и сякъ. ну, а дѣвочки? Куда, позвольте узнать?

— А мы-то? сказалъ сосѣдъ тѣмъ же безпристрастнымъ тономъ своего осипшаго голоса.— С-слопаемъ! Это мы все счавкаемъ, сдѣлай милость! В-сее!...

— Знаю! Знаю я это и безъ числа самъ видѣлъ. Въ этомъ-то и состоитъ чрезвычайное огорченіе... И вѣрите-ли, какой былъ случай на моихъ глазахъ? Одинъ оберъ-кондукторъ мало того что отъ жены у него трое ребятъ, еще монашенку совратилъ (тоже пошла въ монастырь изъ бѣдности), въ своей квартирѣ поселилъ и отъ нея двое ужъ, а впослѣдствіи времени нянька къ нему поступила, такъ и тоё!

— Да чего ты? Я тебѣ скажу, въ Воронежской губерніи купцы Бѣлокуровы купили имѣніе, такъ праздновали новоселье и одинъ нашъ былъ тамъ, захватили его въ Москвѣ, такъ разсказывалъ: «Загонъ, говоритъ, противъ дому сдѣлали. Противъ-то дому роща, такъ обнесли, вишь, ее столбами, по столбамъ канатъ вытянули, да со всей округи бабъ и дѣвокъ созвали и загнали въ загонъ-то. перепоили, да какъ стемнѣло, и пошли забавляться .. Какъ волки, вломятся туда въ загонъ-то, подхватятъ что по вкусу и продолжаютъ. Вотъ какъ бываетъ! А это что! Оберъ-кондукторъ! Тутъ чисто какъ волчья стая. И никто не пикнетъ, потому «платимъ»!.. Поди-ка, откажись отъ щеколадной бумажки-то?.. Отказываться! Сами идутъ.

— Я про то и ужасаюсь, что сами, сами... Куда имъ дѣваться? Да что? Когда это оберъ-то кондукторъ, какъ я вамъ разсказывалъ, няньку-то молоденькую вовлекъ, такъ та сначала было жаловаться хотѣла. Такъ что-жъ вы думаете? Сама жена и монашенка-то стали ее усовѣщивать; стали уговаривать, что молъ «живи съ нимъ, молчи, а то отъ мѣста откажутъ». И самъ-то онъ этимъ же дѣйствуетъ: «Только, говоритъ. пикнешь—сейчасъ откажутъ; всѣ подохните голодомъ, со всѣмъ вашимъ племенемъ нарожденнымъ». Молчатъ, живутъ, родятъ, другъ дружку уговариваютъ... Вотъ вы чему подивитесь... Однако же узнало начальство, и теперь, я слышалъ, точно что отрѣшили отъ должности, такъ что теперь, извольте сосчитать, сколько народу должно по міру пойти?

— Да мы еще прибавимъ этакого же племени!

— Глядѣвши только на это, и то содрогаешься: куда это дѣвать? Вѣдь наконецъ отвѣчать надо передъ Богомъ за человѣческую жизнь. Но, съ другой стороны, если взглянуть съ такой точки зрѣнія, чтобы начальство оставило этого самаго оберъ-кондуктора на своемъ мѣстѣ, такъ вѣдь сколько бы онъ еще ихней сестры перекалѣчилъ? Человѣкъ—прямо сказать, звѣрь, первый плутъ по всей линіи... Деньжонки у него водились, потому что, откровенно сказать, даже на парѣ брался провести сколько угодно — и народу, и товару — и никакое начальство сыскать не можетъ... Весь поѣздъ обыщи — ничего не найдешь, а онъ везетъ двадцать человѣкъ... Деньжонки у него завсегда водились. Такъ сколько бы, говорю, напортилъ и народилъ?

— Что-жъ? Ничего! Сколько угодно! Пока Богъ грѣхамъ терпитъ, да ежели, паче чаянія, еще годовъ восемь-девять въ острогъ нашего брата не пригласятъ, ничего! Вали, слопаемъ, сколько ни народи!

— Въ этомъ-то и заключается горе; и главное, все это явственно, какъ на ладони, — вотъ передъ самыми глазами—и что-жъ? Которыя вотъ, какъ вы говорите, женщины или дѣвицы не слопаны, даже нисколько не страшатся! Какъ поѣздъ подходитъ, полна платформа женскаго сословія: гуляютъ, пока есть во что одѣться, да есть что жевать. Мужицкаго труда не знаютъ, мастерствомъ много не наживешь, да и много ужъ очень народу: пять дѣвицъ-швей на одно платье, гуляютъ себѣ, дожидаются, не подвернется ли женихъ, а не женихъ, такъ вотъ такой-же оберъ, а не оберъ, такъ и такъ кто-нибудь, кто болтать мастеръ да посулы сулить. «Вѣдь вы же видите, Авдотья Петровна, говорю, бѣдствіе: съ одной то-то вышло, съ другой то-то, съ этой еще хуже, а сами стремитесь расплождать голодныхъ? Не лучше ли вамъ выйти за мужика? По крайности при домѣ». —

«Вотъ, стану я съ мужикомъ жить!» Вотъ ихній разсудокъ!

— Да вѣдь тоже, поди-ка, поживи съ мужикомъ-то, попробуй-ка его оглоблевой науки!

— И это знаю, знаю я! Но вѣдь лучше же трудомъ жить, чѣмъ такъ, ни вѣсть на что разсчитывать. Ну, пироги пеки, продавай, экзаментъ выдержи, учи, получай тамъ что-нибудь! А то вѣдь въ сидѣлки даже въ больницу, на жалованье, и то съ большимъ затрудненіемъ идутъ: всё невѣдомо на что̀ разсчитываютъ. «Въ депо еще, говорятъ, двое холостыхъ остаются».—«Но позвольте, говорю, вамъ замѣтить, Марья Ивановна, что, во-первыхъ, въ депо Андреяновъ ни во вѣки вѣковъ не женится, а во-вторыхъ, что у него сломана при столкновеніи нога; что-жъ касается Капустина, то потрудитесь счесть, сколько на него одного приходится дѣвицъ вашего положенія? А вѣдь всѣ только и думаютъ, что «въ депо еще двое остались». Позвольте, говорю, вамъ замѣтить, что въ отношеніи этого дѣла и телеграфистамъ, и стрѣлочникамъ, и оберъ-кондукторамъ, и въ депо, и въ подвижномъ составѣ—вездѣ наконецъ должны обозначиться предѣлъ, мѣра и граница».— «А можетъ, какія другія должности произведутъ?» И хотя бы малѣйшая плачевность! Даже о себѣ нѣтъ никакого серьезнаго попеченія, не то что о другихъ. Случись съ кѣмъ грѣхъ—сейчасъ осудятъ, а подумать, что и самой можетъ угрожать паденіе, ни во вѣки вѣковъ!.. Такъ вотъ извольте судить, возможно-ли, предположимъ, хотя бы мнѣ найтить себѣ подругу или какое-нибудь осмысленное существо, хотя приблизительно? Откровенно скажу, много ихъ ко мнѣ стремилось... Все-жъ-таки у меня мѣсто, жалованьишко какое ни на есть, да и молва про меня не худая; напротивъ, всѣ довольны, потому что я исполняю свое дѣло благородно и серьезно. Думаютъ также онѣ, что я, по примѣру прочихъ, и мошенничаю, ворую въ больницѣ, и что слѣдовательно у меня есть доходы и въ концѣ-концовъ, конечно, главное-то, что я не женатъ. По этому случаю много я ихъ вижу.—«Михалъ Михалычъ! У меня болитъ палецъ».—«Позвольте!» Осматриваю, ничего нѣтъ! Погляжу ей въ глаза, а тамъ все и обозначено. Говорю: «Во-первыхъ, вамъ надо руки держать опрятнѣе, а во-вторыхъ, заниматься какимъ-нибудь трудомъ, шить или писать, или на огородѣ, тогда пальцы ваши будутъ здоровы. До свиданія!» — «У васъ никогда не добьешься ласковаго обращенія»... —Что дѣлать! я занятъ дѣлами?— «Какіе вы грубые...» А иная придетъ (все въ больницу ходятъ, потому что я всегда занятъ) и затрещитъ опять все то же: «Михалъ Михалычъ! У меня палецъ заболѣлъ...»—«Гдѣ именно?»— «На рукѣ».—«Позвольте!» Только отвернешься за чѣмъ-нибудь, а она ужъ забыла, что̀ и говорила-то, возвращаюсь: сняла чулокъ, показываетъ колѣнку.—«Это что жъ такое?»—«Я забыла»... А глазами все и оказываетъ.—«Ну, сударыня, говорю, потрудитесь идти домой, вспомните, гдѣ именно у васъ болитъ, тогда и приходите!» — «Да я и теперь помню».—«Гдѣ же и что?»—«Больше ничего, приходите къ намъ чай пить, а потомъ пойдемте гулять на озеро... Я вамъ что-то скажу!»— «Душевно благодаренъ, но у меня обязанности», т. е. надѣвай, матушка, чулокъ и ступай куда тебѣ угодно, если не хочешь серьезно обдумать свое положеніе. То есть ни малѣйшаго абсолютнаго развитія и чистокровный абсурдъ въ головѣ! И вѣдь не то, чтобы притворялись, или лгали, нѣтъ! все по чистой совѣсти! Одна такая-то вѣдь какъ меня потрясла. Явилась также вотъ, ужъ не помню съ чѣмъ-то, съ пальцемъ или съ чѣмъ другимъ,—то, се... вдова, трое ребятъ, молодая женщина... А мнѣ что-то пригрустнулось, а можетъ и дѣловъ не было. только что думаю: «Зайду такъ, посидѣть». Вѣдь одурѣешь, молчавши-то! Зашелъ. Ну то, другое. Разговариваемъ. Я излагаю свои мысли, что, молъ, женщина должна способствовать, а не препятствовать, побуждать, а не опровергать; говорю, что общественное благо выше узкаго эгоизма, что женщина должна выйти изъ замкнутаго узколобія и обращать вниманіе также и на общественную пользу. Развиваю свои мысли подробно. Слушаетъ, кажется, слова не проронитъ, наконецъ говоритъ: —«Какъ вы, говоритъ, хорошо говорите, Михалъ Михалычъ, что я даже все понимаю, а какъ говорятъ другіе прочіе служащіе, то ничего нельзя понять, потому что однѣ глупости. Если бы мнѣ опять выйтить замужъ за такого человѣка хорошаго, какъ вы, то я бы, говоритъ, не только что не стала препятствовать общественному благу и затруднять его поприще служенія (вѣдь запомнила слова-то!), а даже бы, говоритъ, которыя у меня отъ покойнаго мужа остались трое дѣтей, то я и ихъ готова искоренить со свѣта, чтобы только предаться любимому существу!» Отпечатала мнѣ она этакую-то прокламацію и сидитъ, сіяетъ, думаетъ: вотъ она мнѣ въ самый разъ по мыслямъ попала, а я такъ — вѣрите ли? — просто за нее-то со стыда сгорѣлъ! Не зналъ, какъ убраться домой, обалдѣлъ даже совершенно! Такъ вотъ какъ онѣ понимаютъ общественное благо!

— Не знаю! Не знаю этого! Чего не знаю, о томъ говорить не могу,—покашливая, пробормоталъ сосѣдъ.

— И этакихъ-то эпизодовъ въ моей жизни— смѣты нѣтъ! Посмотришь, обратишь вниманіе, а тебѣ въ концѣ-концовъ такую засвѣтятъ ерунду, что только давай Богъ ноги. Ничего кромѣ мученія! Въ послѣдній разъ, я вамъ разскажу, такъ я былъ до такой степени изумленъ, что даже мѣсто рѣшился оставить; думаю: «уйду куда-нибудь подальше и отрекусь навсегда отъ сочувственныхъ мыслей»... И ѣду вотъ теперь въ Вятскую губернію, въ самыя дикія мѣста... Познакомился я тоже—ужъ это стало-быть послѣ той вдовы, что я разсказывалъ,—съ другой, второй. Тоже женщина молодая и дѣтей нѣтъ. По примѣру прочихъ дамъ, пришла она въ больницу, только не съ пальцемъ и не съ какимъ-нибудь притворствомъ, а довольно серьезно... «Просто, говоритъ, хотѣлось посовѣ-

товаться съ вами: осталось у меня послѣ мужа тысяча рублей, такъ вотъ мнѣ бы хотѣлось поговорить, какъ лучше сдѣлать: торговлю-ли какую открыть, или пойтить въ монастырь?» Объяснила она мнѣ, что есть монастыри, гдѣ принимаютъ съ тысячей рублей на вѣчныя времена: деньги отдай и живи до самой смерти. Говоритъ она это хорошо, честно, благородно. А у меня перевязка, времени нѣтъ. Приглашаетъ зайтить, поговорить. Подумалъ, говорю: «Хорошо! вечеромъ зайду!» Вечеромъ дѣйствительно я пошелъ къ ней, и — откровенно вамъ скажу—очень она мнѣ понравилась: и въ домишкѣ у ней хорошо, чисто, тепло, и разговоръ простой. Думаю: попробую я ее нѣсколько поразвить. Куда ей въ монастырь или въ лавку?.. Въ обоихъ случаяхъ одно дармоѣдство и праздное существованіе. Нельзя-ли, думаю, какъ-нибудь порасширить у нея интеллигентныя точки зрѣнія и кругозоры? Поговорилъ въ этомъ смыслѣ. Говоритъ: «Я и сама думаю, что будто не подходитъ мнѣ ни въ торговки, ни въ монахини»,.. Закуску подала, водку; я конечно не пью: не люблю этого; попилъ чаю, ушелъ. Звала заходить, просила подумать. Подумалъ—подумалъ, вижу, что, кажется, почва будетъ благопріятна. Совѣсть мнѣ указываетъ, что при такихъ условіяхъ я даже права не имѣю бросить человѣка, а долженъ содѣйствовать. Надобно сказать, что я страсть какъ охочъ до книгъ. Чуть мало-мальски свободный часъ, сейчасъ я за книгу, за журналъ, газету... Все что есть у насъ на станціи, у инженеровъ, въ депо, у прочихъ служащихъ—все это я постепенно перечиталъ. Задумавшись о вдовѣ, прихожу къ мысли—начать съ чтенія. Отобралъ кой-гдѣ нѣсколько экземпляровъ съ тенденціей, понесъ, далъ ей. Говорю: «Вашихъ вопросовъ, съ которыми вы ко мнѣ обращались, я еще не разрѣшилъ, а вотъ, говорю, пока что, не хотите-ли отъ скуки заняться чтеніемъ?»—«Очень рада!» Даю ей романъ и сурьезное сочиненіе.—Взяла. «Непремѣнно все прочитаю!» Отлично. Захожу какъ-то. Говоритъ: «Романъ прочитала, а эту книгу, сурьезную, не могла прочитать, ничего не поняла». И это мнѣ понравилось: не вретъ.—«Что же вамъ въ романѣ особенно нравилось?» — «А нравилось про любовь, разговоры понравились, гдѣ короткими строчками написано, а гдѣ густо напечатано, такъ скучно!» И опять пришлись мнѣ по вкусу и эти слова. Хорошо. Продолжаю разговоръ, говорю: «Напрасно вамъ такія именно мѣста понравились». Начинаю разъяснять главную идею, говорю: это вотъ эгоизмъ, а это вотъ долгъ, происходитъ борьба, и такъ далѣе. Затѣмъ объясняю, что на борьбу и надо обращать вниманіе, чтобъ согласно убѣжденіямъ стоять либо за одно, либо за другое, и что вся эта любовная ерунда ничего не составляетъ... Ну, разъясняю все подробно; слушаетъ. И разъ пришелъ, и два... Шпильгагена *«Одинъ въ полѣ не воинъ»* притащилъ, прозудилъ ей первую часть самъ, объяснилъ. Дальше-больше, выходитъ, что ужъ перебираюсь я къ ней на квартиру, жильцомъ; ужъ мнѣ скучно безъ нея; есть ужъ мнѣ съ кѣмъ слово сказать, потолковать... Какъ чуть выдастся минутка—за книгу.—«Понимаете ли, въ чемъ дѣло?»—«Понимаю!» — «Не можете ли разсказать своими словами?» Ничего, кое-какъ да кое-какъ добирается.—«Я, говоритъ, теперь стала серьезныя мѣста понимать, а тамъ, гдѣ короткія строчки, то мнѣ не любопытно». Постепенно такимъ образомъ начинаю я привыкать, думаю, что она проникласъ моими воззрѣніями... Только разъ получаю казенную бумагу: «немедленно явиться въ городъ къ г. предсѣдателю губернской земской управы для личнаго объясненія». Что такое? Являюсь, не могу никакъ сообразить, а ужъ и въ бумагѣ почуялъ я что-то неладное: что-то больно строго написана... Явился, жду. Выходитъ предсѣдатель, да какъ началъ меня пушить справа на лѣво. Свѣту не взвидѣлъ я. — Вы манкируете, злоупотребляете, роняете довѣріе и уваженіе къ земству». И-и-Боже мой!—«Позвольте, говорю, ваше превосходительство, узнать, въ чемъ я виновенъ?—«А вотъ въ чемъ!» и показываетъ мнѣ цѣлую кучу жалобъ отъ разныхъ лицъ: тогда-то пріѣзжали отъ тифознаго—не поѣхалъ; тогда-то требовали въ деревню, гдѣ сибирская язва,—не поѣхалъ; тогда-то привозили сумасшедшую — не принялъ. Читаю, самъ глазамъ не вѣрю! Я-то? Да могъ-ли я въ мысляхъ это допустить? Я полагаю въ это дѣло сколько во мнѣ есть совѣсти, да чтобы я себѣ позволилъ? Нѣтъ, это неправда!—«Ну, чтобъ впередъ этого не было!» Воротился, разсказываю Анфисѣ Николаевнѣ и вижу: покраснѣла она вся, сконфузилась и говоритъ: «Это я, Михалъ Михалычъ, виновна; потому что я, говоритъ, васъ люблю, жалѣю... Вы не какъ прочіе... Какъ же мнѣ васъ не беречь?.. Тутъ пріѣзжаютъ, а вы только-что отдыхать легли; ну, я и говорю: «не принимаютъ»... А то ѣдутъ съ тифозной горячкой, съ язвой какой-то... Мнѣ васъ жалко... Я говорю: «Пошли вы отсюда, безсовѣстные!» Ужъ вы меня простите... Этого и въ романахъ не сказано, чтобы подъ сибирскую язву любезнаго человѣка подвергать!» Такъ меня ровно варомъ обдало отъ этихъ словъ... И не вретъ, а что можетъ быть хуже этихъ безсознательныхъ выраженій? Такъ съ тѣхъ поръ я и сталъ отъ нея сторониться... Такъ меня и стало онъ нея относить дальше и дальше... Думаю: «оставлю я всѣ эти планы, уѣду въ пустынное мѣсто, предамся долгу, а эта женская любовь не подходитъ ко мнѣ... она мнѣ вредитъ, совѣсть мою ослабляетъ, а какъ совѣсть моя погаснетъ, такъ что я буду? Только дѣтей распространять? Нѣтъ, это не по мнѣ...» Такъ постепенно и отсталъ... Получилъ недавно отъ нея письмо, пишетъ: «Теперь я все понимаю и завсегда буду васъ будить послѣ обѣда, въ полночь и за полночь!» Хотѣлъ отвѣчать... да не знаю... Нѣтъ у нихъ умственнаго кругозора!.. Вотъ въ чемъ вся суть. Доброта есть и все, а что по умственному развитію — одно узколобіе! Такъ лучше это дѣло оставить и отдать себя на жертву обществу. Вотъ какъ я думаю!

— Богъ его знаетъ, какъ оно тамъ,—лѣниво, сипло и хрипло проговорилъ мой сосѣдъ.—Я тебѣ

рать! Вотъ въ такомъ-то положеніи и посылаетъ мнѣ Господь кроткаго ангела. Нанялась въ сидѣлки такъ дѣвочка, лѣтъ семнадцати. И ростомъ невелика, вродѣ Анны Ивановны; кажется, слабенькая, но что касается души— одинъ пламень! Пришла. послушала, что я говорю, молча все это поняла и потихоньку, не спѣша, безъ разговоровъ все, до-чиста привела въ полное совершенство: всѣ больные напоены, накормлены, бѣлье переодѣто, всѣ ребята успокоены, лежатъ, спятъ; чисты, опрятны, вездѣ чистый воздухъ; полы вымыла до такой степени—бѣлѣй снѣгу. Думаю: «устанетъ! уйдетъ!». Ни чуть не бывало. Ляжетъ спать—чуть кто пискнулъ—она тутъ, на ногахъ; и день, и два, и недѣля прошла—все тоже и безъ всякихъ разговоровъ все сдѣлаетъ, исправитъ... Рай земной! Положительно сказать, первый разъ въ жизни встрѣчаю такое явленіе. Вдругъ приводятъ одного молодого малаго! изъ богатенькихъ кулачковъ, торговцевъ. Пьянствовалъ, ногу повредилъ, лечить привезли. Положили. Лежитъ, поправляется. Вижу, пялитъ мой кулачишко глаза на эту дѣвицу, на Ольгу.—«Что?» говорю. —«Хорошая, говоритъ, Михалъ Михалычъ, порція!» Я говорю: «Ты бы лучше капустныя кочерыжки сбиралъ—вотъ твоя порція. А это—женщина, да еще какая! Ты рыло-то, говорю, свое сначала лошадиной скребницей оскобли, чтобы дозволить себѣ дышать около нея, а не то, чтобы думать худо, дуракъ!» А малый еще былъ молодой—понялъ мои слова, почувствовалъ. И что больше лежитъ, вижу, все больше влюбляется, вздыхаетъ, охаетъ. «Жить, говоритъ, не могу, женюсь!» И Ольга какъ будто тоже что-то... Она все продолжаетъ попрежнему со всѣми безподобно хорошо обращаться, все у нея вполнѣ великолѣпно, а есть что-то... Однако малый выздоровѣлъ и на выписку идетъ. «Я, говоритъ, Михалъ Михалычъ, женюсь на Ольгѣ; сейчасъ къ тятенькѣ, а завтра пріѣдемъ съ матерью, возьмемъ ее!» А между тѣмъ открывается сибирка и ужъ человѣка два-три было. Вотъ я и думаю: «Конечно малый онъ хорошій и Ольга точно ему нравится, но что же должно считать выше и справедливѣе: общественное ли благо, или личный эгоизмъ? Положимъ, что я устрою счастье Ольги и молодого парня, и они будутъ наслаждаться, а эти несчастныя дѣти, больные мужики и бабы?» Что же, спрашиваю васъ, справедливѣе: доставить ли удовольствіе двоимъ, или спасти десятки? Думалъ, думалъ; жаль мнѣ и Ольгу, и парня, но совѣсть взяла верхъ... Выписалъ я парня, говорю ему: «Пойдемъ въ трактиръ!» (а самъ я отъ роду не хаживалъ). Пошли, поставилъ я пива ему и говорю: «Ты любишь Ольгу?»—«Такъ точно. Обожаю.»—«Жениться хочешь?»—«Полнымъ закономъ.»—«Хорошо. А знаешь ли ты, какого она поведенія? Вѣдь у нея былъ, говорю, отъ меня, отъ са-мо-го ме-ня ребенокъ; одного, говорю, она убила, а другого живымъ зарыла въ землю. Отъ этого-то она и тиха, потому что я знаю ея секретъ...» Словомъ, такъ я ее расписалъ, что парень мой сидитъ да глаза таращитъ, а потомъ схватился за шапку, да задами черезъ огороды—домой... Послѣ этого иду я къ Ольгѣ и говорю: «Тебѣ кажется, этотъ молодой человѣкъ понравился?»—«Онъ самъ мнѣ признавался... не какъ-нибудь... мы въ законъ».—«Ну такъ вотъ что, любезная, я тебѣ скажу: во-первыхъ, этотъ молодой человѣкъ *воръ* и ужъ два раза сидѣлъ въ острогѣ, а черезъ недѣлю пойдетъ въ каторжныя работы; во вторыхъ...» «И то же ужъ постара-ался! Такъ постарался, что она ревѣла, ревѣла у меня цѣлый день, а потомъ очувствовалась сразу и опять пошла еще того превосходнѣе дѣйствовать. Истинно золотое сердце! Такъ вотъ сколько я долженъ былъ употребить обмана и лганья, чтобы удержать хорошаго человѣка на поприщѣ священныхъ обязанностей!

Разсказчикъ замолкъ, позвенѣлъ ложечкой въ стаканѣ, хлебнулъ и проговорилъ:

— Я было думалъ навсегда ее удержать; ну, признаться, совѣсть зазрила. Какъ кончилась рабочая пора, бабы опять тутъ, какъ тутъ «Гдѣ наши шпитонцы? Пожалуйте намъ!»—«Шпитонцы, дуры вы эдакія? Теперь пришли за шпитонцами, какъ деньги понадобились, а тогда что дѣлали?..»—«Будетъ тебѣ болтать-то! Давай, которые живы, не задерживай... А на мѣсто, которые умерли, новыхъ надыть получать. Тамъ поди ужъ про насъ эво сколько запасено новины-то!» Ей-Богу, истинные есть живорѣзы изъ этого сословія! Ну, роздалъ имъ остачу (много помираетъ), ушли, остались мы съ Ольгой... Сибирка тоже призатихла. Осень. Бабъ много. Саперный батальонъ снялся. Думаю, что я ее мучаю? Говорю: «Оля! ангелъ безподобный, а вѣдь вотъ я какъ тебя обманулъ...». И все ей разсказалъ. «Я, говорю, самъ съѣзжу къ твоему любезному, привезу его...» И точно. Малый сидитъ, какъ зарѣзанный: такъ я его ухлопалъ. Ну, что же дѣлать? Все обошлось какъ слѣдуетъ... Былъ на свадьбѣ.. Да и много такихъ случаевъ было, но все это единичные атомы... А ежели посмотрѣть вообще, то положительно душа содрогается... «Модмазель, говорю одной, вы должны побуждать своего мужа къ честнымъ поступкамъ и только въ такомъ случаѣ должны его любить. Ежели-жъ онъ совершилъ какой нибудь подлый общественный поступокъ, то вы должны наказать его своимъ презрѣніемъ». Что-жъ мнѣ отвѣчаютъ? «Я такъ думаю: который человѣкъ будетъ меня любить и даже готовъ себя изъ-за меня прозакладать, тотъ есть честный человѣкъ!»—«А если онъ обокрадетъ казну и подаритъ вамъ золотой браслетъ?»—«Кто любитъ женщину всей душой, тотъ даже и Сибири не побоится». Это называется любовь; чтобъ позаботиться о прогрессѣ, это ужъ извините никогда!

— Нѣтъ, ничего! Ух-хъ, какъ меня тогда Аграфена-то!..

На словѣ «ухъ» сосѣдъ мой сдѣлалъ такое усиліе, что осипшее горло его какъ бы захлебнулось, и удушливый, затяжной кашель захватилъ его дыханіе. Всякіе разговоры прекратились; фельдшеръ

побѣжалъ за водой, я тоже вскочилъ, прибѣжала даже буфетчица.

Однако все обошлось благополучно.

II. Затрудненія купца Тараканова.

Эта маленькая неожиданность, заставившая меня покинуть покойное ложе, волей-неволей заставила также увидѣть и моихъ попутчиковъ. Фельдшеръ былъ маленькій, сухенькій человѣчекъ съ нѣсколько постнымъ и притомъ чисто крестьянскимъ лицомъ. Бѣлокурые, почти льняного цвѣта волосы были тщательно зачесаны со лба назадъ и подстрижены въ скобку; одѣтъ онъ былъ чрезвычайно опрятно, въ новенькую кожаную куртку, застегнутую до горла, и въ высокіе, выше колѣнъ, сапоги. Что касается моего сосѣда, лежавшаго въ головахъ, то это былъ человѣкъ также небольшого роста, повидимому купецъ, человѣкъ пухлый, раздутый, точно налитой; онъ былъ безъ сапогъ, въ холстинной рубашкѣ, плотно перекрещенной на спинѣ и на груди старыми кожаными подтяжками; что то залежавшееся, старозавѣтное виднѣлось въ его фигурѣ со скомканной рыжеватой бородой, «пятерней» разобранными волосами и тараканьими усами, увѣнчанными малиновымъ носомъ, величиной съ пуговицу. Тугой, на солдатскій манеръ, галстухъ, скрывавшій воротъ рубашки и очевидно съ усиліемъ застегнутый на два крючка на бритой щетинистой шеѣ, также показывалъ, что человѣкъ этотъ не «нонѣшняго» поколѣнія и не нонѣшней развязности, а бараньи, круглые сѣрые глаза на выкатѣ, казалось, и при усиліи не могли бы выразить ничего иного, кромѣ наивной забитости.

Долго чихалъ онъ, наклоняясь къ полу и обѣими руками отирая тамъ, внизу, чуть не подъ диваномъ, на которомъ сидѣлъ, свое лицо и бороду. И не успѣлъ онъ еще привести ихъ въ должный порядокъ, какъ счелъ почему-то нужнымъ повернуть свое раздувшееся отъ кашля и тѣснаго галстуха лицо въ мою сторону и сиплымъ прерывающимся голосомъ объяснить:

— Вс-се... отъ... пьянства!..

Онъ хотѣлъ что-то прибавить, объяснить мнѣ, новому лицу, дѣло «поподробнѣе», но опять ему пришлось нагнуть голову подъ диванъ, откашливаясь и чихая.

— Потому... жрешь... безпрестанно! прохрипѣлъ онъ наконецъ, когда припадокъ окончился. Отчихавшись, купецъ умылся, послѣ чего, обратясь къ буфетчицѣ, сказалъ: «Нѣтъ ли, матушка, тряпочки какой *рыло* обтереть?» и потомъ нѣкоторое время молча посидѣлъ на своемъ мѣстѣ, упираясь въ сидѣнье обѣими руками и тяжело дыша открытымъ ртомъ.

— Нѣтъ! рѣшительно проговорилъ онъ, наконецъ.—Видно, надо горячимъ продолжать...

Эти слова относились ужъ не ко мнѣ исключительно, а ко всѣмъ, бывшимъ въ каютѣ, т. е. и къ намъ, попутчикамъ, и къ лакею, и къ буфетчицѣ.

— У меня двѣ линіи идутъ завсегда: первоначально горячимъ орудуешь, пуншами наливаешься, гринтвейномъ, все горячимъ — пока до предѣла. Ну, а ужъ какъ дойдешь до пункта, на другую линію поворачиваешь: тутъ ужъ все со льдомъ, со льдомъ, холодное нониче, видно, еще не въ пору... хватилъ вотъ съ ледкомъ коньячишку, анъ оно и захватило!.

На маленькомъ столикѣ предъ купцомъ стояла бутылка коньяку, талерлка льду и какія-то рюмки и стаканы.

— Такъ ужъ ты дай мнѣ тепленькаго, сказалъ онъ лакею. — Кофейку съ коньячишкомъ... Лимонцу!..

Лакей ушелъ исполнять приказаніе; ушла и буфетчица.

— Что-жъ это, позвольте васъ спросить? сказалъ участливо фельдшеръ, обращаясь къ купцу.—Все вы говорите: «пьешь, пьешь»... Что-жъ это, недугъ что ли у васъ?..

— Нѣтъ, запою у меня нѣту! Это мнѣ и доктора говорили... Вотъ какъ послѣ Аграфениной расправы пришлось мнѣ недѣли три дома просидѣть, такъ я ничего, совсѣмъ сталъ человѣкомъ. Даже и охоты никакой нѣтъ пить-то! И рюмки не выпилъ... Ну, а какъ вступишь въ публику — и пьешь!

— Да зачѣмъ же это?

— Ей-Богу, не знаю! Такъ вотъ, хлопаешь рюмку за рюмкой по случаю разныхъ предлоговъ, только и всего! И даже совершенно не понимаю, чтò такое? А глядишь, какъ часъ десятый, одиннадцать приближается, ужъ и языкъ не дѣйствуетъ и воротъ своихъ не сыщешь... Такъ вотъ, песъ его знаетъ, какъ выходитъ...

— Гм!.. сказалъ фельдшеръ.—Странно!

— То-есть, даже понять невозможно. Вѣдь это я знаю: коли не пить, то и пищу принимаешь хорошо и въ разсудкѣ ясность, и вообще весь корпусъ оказываетъ крѣпость. Это я все понимаю. А такъ какъ и въ мысляхъ, и въ поступкахъ, и въ дѣлахъ, и во всемъ спутавши, такъ вотъ и пьешь незнамо зачѣмъ. Н-ну, и дѣла не веселятъ... Торговлишка тоже кое-какъ... довольно какъ-то тупоумно идетъ... Да и такъ вопче все склоняетъ на пьянство... ей-Богу! А что сурьезно сказать, даже и удовольствія не вижу... Ей-ей! Вѣдь даже скусу не вижу; что водка, что коньякъ, что ромъ, или тамъ вина—вѣдь чистое, съ позволенія сказать, свиное пойло. Ну, какой въ нихъ скусъ? А лакаешь! А такъ я думаю, что вотъ мотаешься всю жизнь вокругъ да около, песъ его знаетъ, чего, такъ вотъ и жрешь все, невѣдомо зачѣмъ... Однова даже совсѣмъ было задохся...

Говоря это, купецъ поглядывалъ то на меня, то на фельдшера; но ни я, ни фельдшеръ не нашли возможнымъ отвѣчать ему что-нибудь, не смотря на то, что объясненіе имъ своего «пьянства» вышло довольно пространнымъ. Наше молчаніе было скоро прервано появленіемъ слуги, который принесъ купцу стаканъ кофе и лимонъ. Купецъ подлилъ

въ кофе коньяку, выпилъ, крякнулъ, похвалилъ и усы свои пососалъ...

— Такъ какъ-то оно даже съ самыхъ первоначальныхъ дней идетъ—заговорилъ онъ.—Слышишь-послышишь, обсуждаютъ разныя времена, говорятъ: «порядку было больше въ старое время, правиловъ, Бога чтили». Не знаю! Ничего этого обсуждать не могу, ни новыхъ, ни старыхъ правилъ .. А что касается объ себѣ — ничего кромѣ побоевъ съ дѣтскихъ дней не было. Только бывало и ждешь одного! И весь домъ тожъ, бывало—и маменька, и сестра, и братья, и прислуга, и приказчики, и все населеніе—все, бывало, только трясутся цѣлый Божій день, чего-то опасаются... Конечно намъ нельзя осуждать родителей, а вспомнишь — ничего хорошаго отъ нихъ не было... И самъ, бывало, родитель-то молчитъ, сидитъ въ своей моленной, и весь домъ молчитъ, шепчутся только, и собаки на цѣпяхъ, и замки вездѣ эво какіе... А что такое? зачѣмъ? почему этакая строгость?— не знаю! Я моимъ глупымъ умомъ этого не могу понять... Трясешься бывало и все тутъ! Терпишь, терпишь, да случай выйдетъ, прямо въ подворотню да въ кабакъ! Напьешься, наколотятъ тебѣ шею, вычихаешься и опять молчишь. Не знаю! Порядки это или ужъ какъ иначе назвать, а вспомнить, передъ Богомъ, нечего. Завсегда, кажется, какъ себя началъ помнить, не иначе объ себѣ могъ думать и полагать, какъ о самой послѣдней твари, а кому отъ этого польза — не спрашивалъ. Да и про нонѣшнія времена тоже не могу ничего настоящаго сказать: ни то хорошо, ни то худо. При родителѣ по крайности зналъ одно: молчишь какъ зарѣзанный и мыслей даже нѣтъ; ну, а теперича мыслей тоже нѣту никакихъ, и врешь съ утра до ночи... По моему счету, господа, сталъ я напримѣръ врать, то-есть безъ устали, лѣтъ пятнадцать либо двадцать тому назадъ, да и по сейчасъ не предвижу остановки, развѣ что въ тюремномъ мѣстѣ прекратимъ это занятіе, а что своимъ смысломъ — не выбраться! Нѣтъ, не вылѣзешь!

— Да въ чемъ же собственно дѣло? спросилъ фельдшеръ въ недоумѣніи.

— Да въ томъ и дѣло, что времъ съ утра до ночи — вотъ въ этомъ самомъ все наше дѣло и заключается. Какъ пошла леформа, такъ и стали врать направо и налѣво, отъ утренней зари до закату, пока на четвереньках до воротъ не доползешь. Все только врешь и больше ничего... Мы жили при родителяхъ, ни о чемъ понятія не имѣли. И родители тоже никакихъ смысловъ не могли разъяснить; мнѣ вотъ теперь сорокъ шестой годъ, а я, передъ Богомъ, не знаю: и что такое Россія, гдѣ она начинается, гдѣ кончается, ничего не знаю! Знаю, что живу въ Россіи, а что она такое—неизвѣстно! Никакихъ правиловъ, порядковъ, законовъ—ничего мнѣ неизвѣстно. Лѣсъ дремучій — больше ничего! Про Бога тоже мало знаю, ничего мы этого не понимаемъ, никакой премудрости не можемъ знать. Ни читать чтобы со смысломъ, ни написать по-человѣчьи, ничего не умѣемъ, — однимъ словомъ, окончательно только получили отъ родителей одинъ испугъ, больше ничего. Что же мы можемъ понимать? Ничего! Ну, вотъ въ этакомъ-то видѣ и всунулись мы рыломъ въ леформы.. Вотъ съ тѣхъ поръ только и дѣлаешь, что врешь да пойло жрешь, да съ арфистками.

—Про какія же собственно реформы вы изволите говорить?

— Да про всякія... Какія только ни бывали, во всѣхъ мы натоптали, насроматили... А такъ, чтобъ сказать, гдѣ больше, а гдѣ меньше — не могу! Вездѣ все спутавши комомъ и акромя острога намъ не будетъ другого результата... Потому— не хорошо! Вотъ что! Батюшка-протопопъ распространяетъ такое мнѣніе, что, молъ, въ прежнія времена «страхъ Господень знали, Бога боялись»... А Аграфена-то вонъ какъ нашего брата опредѣлила! Извольте-ка подумать, чего натворили изъ-за одной рощи, а ежели всѣ-то поступки счесть, такъ и смѣты даже не будетъ, сколько мы, окромя этой рощи, зла натворили! Стало-быть, что Бога-то въ насъ мало было, а не очень чтобы много... Разсказать хоть про эту самую банку нашу. Сокрушили мы эту самую рощу, всякую черноту и голь оголили, сиротъ осиротили, и на эти, на сиротскія, на Аграфенины, стало-быть, деньги стали уширеніе дѣлать потребленію, само собой ужъ съ молебномъ, конечно ужъ и слово протоіерей сказалъ, ну, только надо прямо говорить: слабоватое было слово; не въ привычку еще было объ такихъ дѣлахъ «по писанію» разговаривать; только всего и слышали, что «изда» да «изду»... Ну, а вотъ одинъ изъ свѣтскихъ, изъ ловкихъ, такъ точно сплелъ хорошій бредень! Этотъ, ловкій-то, главный былъ воротило въ этомъ дѣлѣ. Жаднаго народу у насъ много, ртовъ-то напримѣръ лохматыхъ очень даже довольно, а чтобъ какъ-нибудь форменно обработать порцію, нѣтъ, не мастера; разговору нѣтъ никакого и выдумки тоже никакой нѣтъ. Такъ, ежели просто по щучьи сглонуть кусокъ—можемъ! Разинемъ ротъ и дожидаемся, покуда въ него сама порція вскочитъ: ну, а чтобы свое разбойство поблагороднѣй представить, нѣтъ, не умѣемъ! Чавкаемъ, да пальцами играемъ, да кланяемся — въ томъ наше и образованіе все. Такъ ужъ само собой такимъ людямъ на подмогу требуются люди по словесной части: то-есть, чтобы все привелъ въ форму, расписалъ, обгородилъ, чтобы намъ не безпоиться ни о чемъ, а только бы пасть свою разѣвать во время. Вонъ и въ нашемъ дѣлѣ такой-то тоже былъ инструментъ... Еще когда рощу сводили, такъ онъ тоже много въ думѣ бормоталъ на разныя манеры: «Рыскъ, говоритъ... Въ Америкѣ, вишь, завсегда рыскъ... чрезъ это и богатство... утромъ, вишь, нищій былъ, поймалъ рыбу, продалъ, сейчасъ деньги въ оборотъ — къ обѣду у него сто тысячъ, а къ вечеру милліонъ .. Въ Америкѣ, вишь, поѣзда безъ-остановки ходятъ... Пассажировъ прямо съ багажемъ въ окно швыряютъ и ничего: сейчасъ встанетъ и побѣжитъ, потому—время дорого, отъ этого и оборотъ быстрый, проценту мно-

го, не то что, молъ, у васъ: набили сундуки деньгами да и спите на нихъ!» Всякихъ словъ тогда много наборматано было! Мы вѣдь очень прекрасно понимаемъ, что это одно бормотанье, да носомъ чувствуемъ, что по нонѣшнимъ временамъ именно на такой манеръ требуется лапу-то запускать, т. е., чтобы съ Америкой было и съ производствомъ, и со всѣмъ прочимъ припасомъ, а не просто по-волчьи: сгребъ за хохолъ и поволокъ въ лѣсъ... Ну, и бормоталъ этотъ парнишко во всѣхъ мѣстахъ: и въ думѣ, и въ губерніи, и въ Питерѣ. Все и выхлопоталъ, и утвердилъ. Такъ вотъ этотъ-то ловкачъ и на молебствіи тоже отъ себя слово сказалъ. Само собой и про Америку, про всякую небылицу въ лицахъ, «а что касаемое, говоритъ, до вкладовъ, то мы въ надеждѣ, говоритъ, что всѣ почтенные старцы и вдовы и прочіе, напримѣръ, преклонные люди принесутъ намъ свои крохи, и будутъ они, говоритъ, доживать свои дни спокойно, безъ заботъ и трудовъ, потому—будетъ имъ идти дивидентъ, подобно, говоритъ, какъ въ писаніи сказано: «ни сѣютъ, ни жнутъ, а получаютъ дивидентъ со всѣхъ продуктовъ и живутъ во славѣ, превосходнѣе Соломона!» Вотъ такъ и началось; пока что, бормотали да бормотали, да лѣсъ рубили—глядь, а ужъ вокругъ этихъ денегъ два-три человѣка есть. Своими ручками ихъ держутъ: Иванъ Кузьмичъ директоръ, Артемъ Артемычъ членъ и Кузьма Семенычъ членъ... Стало быть: одинъ дядя, одинъ племянникъ и одинъ двоюродный братъ. Одинъ одному подписали три вексилька, попереду всѣхъ денежки взяли—хвать-похвать—эво, какая сила у нихъ вышла! Чисто вотъ какъ ловкачъ-то про Америку сказывалъ: утромъ ничего не было, а вечеромъ—хвать-похвать изъ Аграфенина лѣсу—и богачами сдѣлались! И видимъ мы, лавочная мелкота, что не сегодня—завтра намъ точно подохнуть придется, потому у нихъ сила явная въ лапахъ-то! Набрали денегъ эти самые сродственники и такъ грозятся, что большую торговлю откроютъ и всѣхъ насъ проглотятъ. И видимъ, нѣтъ мудренаго ничего. Надобно стало-быть и самимъ лѣзть либо въ перебой, либо въ компанію. И покупатель-то намъ весь на чисто извѣстенъ; всего-то его по пальцамъ пересчитать можно, а что дѣлать? Надо тянуться!.. Вотъ такимъ родомъ наша мелкая братія и лѣзетъ въ союзъ къ сродственникамъ: «Не губите, молъ, а примите подъ крыло!»—«Извольте!»—«Что же требуется?»—«Берите у насъ товаръ; больше ничего и не требуется, только всего!»—«Что-жъ? Позвольте товару!» Отвалятъ товару на пять тысячъ, дѣвать некуда! Произведутъ въ члены, подыщутъ такихъ же дураковъ поручителями и деньги выдадутъ, то-есть, денегъ-то не выдадутъ, а въ уплату за свой товаръ въ карманъ себѣ положатъ, а мы только какъ курица лапкой нацарапаемъ: «пять тысячъ получилъ купецъ Таракановъ...» Какъ ты эдакъ-то хоть одинъ разъ поступилъ, то-есть воткнулся въ ихнюю компанію, съ этого самаго числа и начинаешь ты, другъ любезный, врать безъ передышки.

— Почему же? Зачѣмъ все это нужно?

— Уширять производство-то? Да я и самъ не знаю, зачѣмъ! Богъ его знаетъ! Уширять да уширять... Въ Америкѣ, вишь, и чемоданы въ окно кидаютъ, и письма, и пассажировъ вышвыриваютъ, такъ вотъ, говорятъ, и вы должны чувствовать... Кабы безъ этой безъ Америки-то, такъ я бы съ маменькой да съ сестрами-старухами такъ бы и вѣкъ свѣковалъ на капустѣ да на квасу. Какъ была лавка при родителѣ разукрашена—на правой сторонѣ у двери арапъ съ цыгарами, а на лѣвой китаецъ съ чаемъ—такъ бы пожалуй по сейчасъ этимъ же украшеніемъ украшались, а тутъ какъ пошла леформа да уширеніе, да какъ товару я себѣ навалилъ выше головы, невѣдомо зачѣмъ, вотъ тутъ я и второе притворство долженъ сдѣлать: китайцевъ, араповъ снять, на-ново разукрасить, лампу повѣсить, да окна эво какія разломать, чтобъ товаръ самъ человѣка звалъ: «и не хочешь, да купишь». Не то что какъ прежде, по зимамъ въ трехъ шубахъ въ лавкѣ сидѣлъ: теперь я притворяйся роскошнымъ человѣкомъ. А душа то ужъ начала трястись, и ужъ трясется безъ перерыву: покупатель-то какъ былъ старинный, такъ и теперь онъ же все; достатки его извѣстны, чиновничьи, а оборотъ-то ужъ во сто разъ уширенъ, да за одни окна, да за лампы, да за всякое благолѣпіе ухлопано не мало капиталу, а отдать-то его надо, все изъ тѣхъ же четырехъ человѣкъ, изъ нихъ же надобно экую прорву вынуть... А срокъ втеченіе времени приближается... Бѣжишь, въ ножки кланяешься либо къ Артемъ Артемычу, либо къ Кузьмѣ Семенычу... «Хорошо, говорятъ; какъ ты теперь большой коммерсантъ сталъ, такъ ты, говорятъ, также подмахни векселекъ Артамонъ Петровичу; онъ, молъ, имѣніе покупаетъ, а ты для себя тамъ-то поищи; не ударь только лицомъ въ грязь, а мы подсобимъ». Кое-какъ срокъ минетъ, перевернутъ, перелицуютъ тебя, а на-шеѣ, глядь, ужъ двѣ петли: и за Артамонъ Петровича, и за самого себя. Тутъ ужъ надо вмѣсто одной лампы двѣ вѣшать, чтобы еще великолѣпнѣй представиться, а на душѣ-то ужъ эво сколько мусору! Ужъ знаешь, что Артамонъ-то Петровичъ имѣніе купитъ, лѣсъ спуститъ, денежки въ карманъ положитъ, а потомъ ищи съ него, да и у самого-то пріятелей невѣдомо какихъ набралось съ десятокъ... И одинъ говоритъ: «подпиши», и другой: «Мнѣ замужъ дочь отдавать». А другой говоритъ: «Мнѣ тоже деньги нужны»... А между тѣмъ у меня въ великолѣпномъ магазинѣ прѣетъ товару цѣлый стогъ: и папиросъ, и всякихъ щеколадовъ видимо-невидимо! Напрѣло его, нагнило, а опять подходитъ время перелицовку дѣлать. Артемъ Артемычъ и говоритъ: «Хорошо, возьми еще товару, улажу!» Мало что гнилого продукту полонъ сарай, еще бери! И опять, какъ перелицовка прошла, глядь—на шеѣ-то не двѣ и не три петли, а ужъ подъ десятокъ подходитъ! Тутъ ужъ какъ-никакъ долженъ я на хитрости подниматься; надобно мнѣ первымъ дѣломъ гнилье сплавить, а вторымъ дѣломъ—надобно настоящихъ денегъ до-

бывать, потому вижу я, что черезъ перелицовку эту только одинъ острогъ впереди оказывается... И я вижу острогъ, и другой его замѣчаетъ, и третьему онъ снится... Вотъ мы и сами ужъ начинаемъ распространяться: по волчьи, тихимъ манеромъ, изъ города-то да въ деревню, стало быть ужъ прямо «въ овчарню». Нáчинаешь въ свою вѣру оборачивать деревенскихъ кулачишекъ, ободряешь его, сластишь барышомъ, пасть-то ему щекотишь... «Мы, молъ, тебѣ, а ты намъ!» И разводимъ этакимъ родомъ свои станы, притоны, спускаемъ туда всякій хламъ, а оттуда ужъ живье прямо съ мясомъ выдираемъ. Вѣдь ужъ тутъ, въ деревнѣ-то, ищешь прямо волка, а не человѣка съ совѣстью, потому—надобно, чтобъ онъ сахаромъ да чаемъ, ситцемъ линючимъ да папиросной прѣлой выдиралъ бы живье, настоящее добро оттуда. Съ совѣстливымъ человѣкомъ на такія дѣла нечего и знакомства заводить. Ну вотъ, такимъ-то манеромъ и выходитъ, что безъ пойла никакъ невозможно... Ну, и жрешь его.

— Но, сказалъ фельдшеръ,—почему же къ одному безобразію нужно еще другое прибавлять?

— А потому и прибавляешь, что мусоръ, такъ онъ къ мусору и соотвѣтствуетъ. Тутъ ужъ нельзя, другъ любезный, надъ книжкой или надъ писаніемъ вечерокъ посидѣть, когда цѣлый день врешь да какъ бѣсъ извиваешься, тутъ ужъ даже совѣсть запрещаетъ по хорошему-то думать, а указуетъ идтить душу отводить въ худыя мѣста, пьянствовать, къ арфисткамъ... Кабы мы по совѣсти жили, намъ бы и рощу не зачѣмъ рубить, не зачѣмъ намъ и арфистокъ распложать, и кулакамъ пасти ихнія расщекотывать... А какъ все дѣло постановлено на жадности да на наживѣ, да чтобы «ни сѣять, ни жать», а дивидентъ получать, такъ тутъ правды нисколько нѣтъ, а коли впутался въ это дѣло, такъ и знай, что во всѣхъ поступкахъ будетъ кривое. Вотъ съ пойломъ-то ужъ кое-какъ тянешь, а безъ пойла и совсѣмъ плохо: вексéлекъ-ли переписать, первымъ долгомъ—врешь: «у меня на долгахъ, молъ, двадцать тысячъ», во-вторыхъ, угощаешь и самъ пьешь. Поручителей подыскать—опять врешь и опять пьешь; торговля стоитъ, а на показъ надо, чтобъ она бойкая была—только пьянствомъ это и оказываешь, въ деревнѣ съ кулачишкой пьешь, съ приставомъ пьешь, чтобы взыскивать безъ послабленія, старосту угощаешь, чтобъ наши долги первыми выбрать въ ту же секунду, какъ должники-мужики хлѣбъ снимутъ, сѣно пересушатъ, телятъ выпоятъ. Со сходомъ пьянствуешь, чтобъ кабакъ сдали, и тоже само-собой врешь безъ совѣсти: надобно доказать имъ, что, молъ, «вамъ отъ эфтаго будетъ польза»... отъ кабака-то! А ничего, изловчаешься: «Точно, говорятъ, хорошо! Много пользы отъ тебя... Кабы не ты, намъ бы пропадать»... Эво, какъ времъ-то!.. Этакъ съ тверезыхъ глазъ даже и невозможно сдѣлать, а съ пуншемъ въ башкѣ можно что̀ угодно. На все смѣлость объявляется.

— Ну, какъ вамъ сказать? проговорилъ фельдшеръ.—По этой части, то-есть насчетъ злыхъ поступковъ, въ нашихъ мѣстахъ очённо даже много трезвыхъ людей. Самые лютые, я вамъ скажу, даже и чаю не пьютъ, а дозволяютъ себѣ иной разъ кипятокъ съ лимономъ... Дажо полные постники есть изъ этихъ ехидновъ.

— Это ужъ какъ кому по характору... А что касается напримѣръ меня, такъ я, какъ ввязался въ это «уширеніе», безпрестанно не въ натуральномъ состояніи: то горячимъ наливаешься, то холоднымъ въ чувствіе входишь, а такъ чтобы въ свѣтломъ умѣ быть—очённо рѣдко! Ввязавшись въ этакую темноту, гдѣ ужъ тутъ свѣту искать? Тутъ—что ни шагъ, то темнѣй да темнѣй. Мало того, что по торговой части врешь съ утра до ночи—и по прочимъ-то частямъ тоже только лганьемъ приходится дѣйствовать. Даже и совсѣмъ въ постороннія мѣста гадость свою принуждены водворять. Путаемъ, путаемъ въ банкѣ, глядь—выборы въ думу назначаются... Вотъ мы изъ банка-то и полземъ въ думу срамоту разводить, потому что мостъ-ли какой строить, мостовую мостить—всякое дѣло денежное намъ подавай: Иванъ Семенычу, Артемъ Артемычу—всѣ жадны, всѣ запутавшись, всѣмъ деньги нужны. И лѣзетъ наша партія. И опять поимъ, подкупаемъ, обманываемъ; за то ужъ другъ за дружку крѣпко держимся: сами цѣну назначаемъ высокую, сами и свой матеріалъ ставимъ, сами и постановленія дѣлаемъ, чтобы этакія-то или другія думскія деньги въ нашъ же банкъ внести, да на эти же деньги и орудуемъ. Вѣдь такія дѣло надобно дѣлать въ потемкахъ, на такія дѣла надо подкупныхъ людей, обманныхъ, обжорливыхъ. Поври-ка поди, попробуй, покуда гнѣздо-то ястребиное вполнѣ сформируешь!.. Тутъ вѣдь сколько народу-то надобно въ безсловесное состояніе привести, чтобы онъ тебя въ этакихъ подлостяхъ поддержалъ! Или—возьми земство: и сюда намъ надобно свое рыло всунуть: урядника я, положимъ, подмазалъ, и старосту купилъ, и старшину купилъ, и волостной судъ одурманилъ; всѣ они мнѣ свою службу сослужили въ нужное время, когда у Ивашки телушка оказалась: указали, во-время ее захватили, безъ замедленія продали и денежки мнѣ предоставили... А Ивашка-то мировому пожаловался, а мировой-то взялъ да и сдѣлалъ по совѣсти—всѣхъ насъ опровергъ, Ивашку оправдалъ, съ насъ деньги назадъ требуетъ, да еще и слѣдователемъ стращаетъ, и судомъ. А намъ это нельзя. Ежели намъ дожидаться, пока Ивашка телушку продастъ въ свое время и съ выгодой, такъ вѣдь мы свое время пропустимъ и безъ выгоды останемся. Какой же это порядокъ? Вотъ и надо намъ судью неправеднаго, чтобы и кулачишкѣ онъ былъ подверженъ, чтобы по нашему и объ Ивашкѣ думалъ, чтобы, словомъ, Ивашка ни въ какомъ разѣ у него никакъ ничего не выигрывалъ, а только бы все проигралъ по судебной части... И вотъ мы опять за пойло, за подлогъ, за подвохъ, за дурманъ, за всякія наши средствія: опоить, запутать, стыдъ изъ человѣка вымотать, къ арфист-

камъ его свозить, да потомъ женой пригрозить, словомъ—всѣми способами! Ну-ка, подумай, другъ любезный, какъ тутъ не подкрѣпиться напиткомъ? Тутъ ужъ даже прямо совѣсть надобно водкой заливать, и свою и чужую... Ну вотъ, и глотаешь всякое пойло... а зачѣмъ все это и кому какая отъ этого разбойства польза—передъ Богомъ, не знаю! и зачѣмъ времъ и пьемъ—тоже мнѣ ничего неизвѣстно!

— Но скажите же, Бога ради,—съ раздраженіемъ проговорилъ фельдшеръ,—неужели во всемъ вашемъ обществѣ не нашлось порядочнаго человѣка, который бы вмѣшался въ эту свалку, разоблачилъ, вывелъ на свѣжую воду? Неужели нѣтъ честныхъ, искреннихъ людей?

Фельдшеръ сильно взволновался и вознегодовалъ, а пока онъ громко роптадъ на все это безобразіе, купецъ Таракановъ вытребовалъ себѣ стаканъ кофе, налилъ въ него коньяку и, не отвѣчая на вопросы фельдшера, молча выпилъ почти весь стаканъ.

— Насчетъ честныхъ, благородныхъ людей?—сказалъ наконецъ Таракановъ.—Я тебѣ скажу вотъ что: оченно даже ихъ много въ нашихъ мѣстахъ. Не то, что честные, а, прямо сказать, ангельскіе есть люди; ну, только мы имъ никакихъ поступковъ не дозволяемъ... У насъ по всей линіи требуется человѣкъ съ гнилью, чтобы совѣсть у него была подмоченная, а человѣкъ правильный,справедливый—чисто одинъ вредъ намъ... Ты самъ посуди: открыть кабакъ—мнѣ надобно старосту получить корыстнаго, старшину безсовѣстнаго, писаря пройдоху; надо всю сволочь вокругъ себя собрать, чтобы хорошимъ людямъ проходу не было. Мой сидѣлецъ деньги въ долгъ распущаетъ, обираетъ у мірскихъ въ три-дешева всякій продуктъ, норовитъ въ голодное время захватить—опять мнѣ требуются люди не настоящіе: и становой, и мировой, и приставъ — всѣ мнѣ требуются не изъ благороднаго народу... Повезъ я это сѣно въ городъ. Обмѣнялъ я его на чай, сахаръ; на десять цѣлковыхъ у меня мужикъ набралъ на зиму, а я сѣномъ отдачу взялъ, пять копѣекъ пудъ — стало быть двѣсти пудовъ, по тридцать копѣекъ я его пожарнымъ лошадямъ ставлю... И тутъ мнѣ тоже надобны на всей дорогѣ люди неправильные: нужны они мнѣ въ думѣ—чтобы цѣну несообразную утвердили, нужны мнѣ они и въ полиціи—чтобы двойную росписку выдали... Лекарь мнѣ требуется также съ фальшивыми мыслями: чтобы сына моего забраковалъ при рекрутчинѣ, оставилъ бы его мнѣ въ моихъ дѣлахъ орудовать, показалъ бы его, что у него сердце очень стучитъ, когда онъ съ арфистками пьянствуетъ, и чтобы онъ на мѣсто моего сына взялъ Аграфенина брата. Такъ видишь ты, другъ любезный, какая тутъ окружность выходитъ! Гдѣ тутъ поставить хорошаго человѣка? На коемъ мѣстѣ? Поставь его — онъ тебѣ всю механику и испортитъ!Какой-нибудь писаришка волостной внушитъ мужикамъ упорство, анъ, глядь, оно по всей линіи отозвалось! Такъ вотъ мы и стараемся все, чтобъ подъ масть было, чтобъ и въ полиціи наши, и въ думѣ наши, и въ земствѣ наши бы, и въ волости, и въ деревнѣ... А трудновато!

— Трудно?

— Трудненько! На моей памяти, хоша можно сказать, нашъ братъ, живорѣзъ, и съ большимъ успѣхомъ орудовалъ, а чтобы совсѣмъ безъ помѣхи — нѣтъ, не было! Война шла съ честнымъ народомъ постоянная, безпрестанно, по всѣмъ мѣстамъ... Конечно пока что, наша взяла, а что безпокойства завсегда много было... То учитель гдѣ-нибудь хорошій человѣкъ объявится, очувствуетъ мужиковъ; то священникъ вступится; то—нѣтъ-нѣтъ—писаришка окажется съ совѣстью, то мировой, то становой. То вдругъ, откуда ни возьмись, просто даже сказать, гимназистъ какой-нибудь объявится, да все это и пропечатаетъ въ вѣдомостяхъ! И цѣна-то ему, гимназисту-то, всего два гроша; ростомъ дай Богъ семь четвертей чтобы вышло, а вѣдь какіе медвѣди пужаются!Артемъ-то Артемычъ ужъ на что даже обоищѣлъ въ своей берлогѣ, улежался въ ней, какъ медвѣдь: ни собакъ, ни проѣзжихъ не боится, на саняхъ даже черезъ него ѣздятъ, а онъ и ухомъ не ведетъ, а и тотъ бывало, какъ эдакъ-то гимназистъ объявитъ дѣло, такъ трясется бывало, бородой вертитъ отъ страху, какъ поросенокъ хвостомъ! Ничего не сообразитъ, не знаетъ, какъ взяться... Конечно покуда не знаетъ способовъ, а какъ надумаетъ—и опять ничего. . «Чей-молъ этотъ мальченка?»—«А отца Ивана, троицкаго попа»... Ну вотъ, ужъ и есть ниточка: ежели учится, нельзя-ли черезъ начальниковъ: тожъ—и изъ ученыхъ бывали намъ подверженные. Ежели такъ живетъ, нельзя-ли на родителя налегнуть: пріѣхалъ онъ въ Рождество—«Не примаемъ!». пріѣхалъ въ Святую—«Не примаемъ!». Попросилъ изъ банки деньжонокъ—дочь отдавать замужъ—не дали; глядь, и начнетъ отецъ на сына налегать да напирать, анъ и прикусилъ языкъ! А который человѣкъ даже и никому изъ нашей компаніи не подверженъ, такъ и того можемъ ублаготворить! Слухъ пустимъ: «Не жена-молъ съ нимъ живетъ, а любовница...» Глядишь, въ клубѣ загалдѣли, на «откосѣ» забормотали... Ходитъ человѣкъ: видитъ, неладно что-то! Оскорбляется, обижается, до скандалу доходитъ, а намъ то̀ и любо! Ну-ка, послушай-ка, какъ у мирового-то про твою жену всякая сволочь будетъ разговоры разговаривать! Глядь-поглядь, и сплылъ куда-нибудь въ другое мѣсто, подальше отъ грѣха... Былъ у насъ одинъ мировой изъ «нашихъ» членовъ, и все потрафлялъ, и все потрафлялъ, да однова какъ-то не потрафилъ—и вышла разстройка... Такъ мы такъ его доняли, что впослѣдствіи времени даже раскаяніе приносилъ... Такъ вотъ, другъ любезный, какъ мы орудуемъ, производство уширяемъ!

— Боже милосердный! сказалъ фельдшеръ въ сильномъ волненіи. — Но когда же все это кончится? Вѣдь долженъ же быть когда-нибудь положенъ конецъ этому безобразію?

— А какъ же? Долженъ! Безпремѣнно... Даже и

сейчасъ видно, что оканчивается это самое утиреніе производству... И сейчасъ ужъ тюремныя мѣста обозначаются...Какъ же!Будетъ конецъ!Безъ этого нельзя! Тамъ ужъ, то-есть въ нашей компаніи-то, идутъ приготовленія: поди ка теперь къ Артемъ Артемычу въ магазинъ, да спроси: «Гдѣ, молъ, хозяинъ? Видѣть мнѣ его требуется»... И выйдетъ къ тебѣ кучеръ.—«Мнѣ бы хозяина».— «Да я самый и есть хозяинъ». — «И магазинъ вашъ?»—«Такъ точно».—«И заводъ?»—«И заводъ мой-съ!»—«А Артемъ-то Артемычъ что-жъ теперича?»—«А они у меня въ приказчикахъ состоятъ!» Эво какъ! Хозяинъ на козлахъ сидитъ, кнутомъ погоняетъ, а приказчикъ на хозяйскомъ мѣстѣ, въ скунсовый воротникъ свою бороденку уткнувши, сидитъ! А у Кузьмы Семеныча, такъ у того и совсѣмъ нѣтъ ничего: ни дома, ни фабрики, ни имѣнія: одно продалъ жениной сестрѣ, другое, вишь, за долги братнина свояченица взяла, а третье тожъ съ аукціону двоюродному племяннику досталось. А самъ состоитъ при бывшихъ своихъ имѣніяхъ только въ сторожахъ, три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ получаетъ... Ужъ тамъ, братъ, идетъ пьеса, приготовляются къ представленію! Кто дворникомъ нарядится, кто кучеромъ, кто приказчикомъ, кто чѣмъ! Ни у кого ничего нѣтъ, только векселей полны сундуки въ банкѣ... Пробовали было краснымъ пѣтухомъ баланецъ заключить и даже сундукъ-то изъ казначейства съ векселями представили въ банкъ: — стало быть къ поджогу; ну, не вышло! А все было обдѣлано опрятно... Мнѣ сторожъ банковскій все подробно описалъ. «Подожгли, говоритъ, изъ другой улицы, съ задовъ. Иванъ Мухинъ, мѣщанинъ, отъ самовара загорѣлся въ праздничный день... Всѣ на гуляньѣ, на дачахъ»... Сказываютъ, Иванъ-то Мухинъ за свой домишко три тысячи взялъ чистыми деньгами. Огонь-то долженъ былъ идтить прямо по сараямъ, сѣнникамъ, къ банку. Сторожъ-то мнѣ говоритъ: «Я все чуялъ, все видѣлъ; и которыя гдѣ книги, бумаги лежатъ—все зналъ; слава Богу, поди ужъ подъ двадцать лѣтъ гляжу на все это.. Думаю: спасать или не спасать? А ну какъ потомъ раздавятъ? Вѣдь компанія плотная, союзная, долго-ли меня расплющить? Подумалъ, подумалъ, побоялся!.. А чтобъ передъ судомъ не отвѣчать, принялся образа спасать да зерцало; въ этомъ худова нѣтъ»... Ну, только не дали сгорѣть ни синь-пороха; все какъ есть цѣло осталось: стало быть частный приставъ одинъ, Камушкинъ, все спасъ съ сердцовъ, со зла...

— Какъ такъ со зла спасъ?

— А вотъ какимъ манеромъ вышло это дѣло: Камушкинъ-то этакъ долго состоялъ въ этой самой компаніи; и лютый былъ человѣкъ, жадный! Въ думѣ ему цѣны сдѣлали на сѣно, на овесъ, на весь комплектъ хорошія, и счетовъ не требовали, только подписывали, что̀ онъ напишетъ, и выдавали, что̀ потребуетъ. И въ банкѣ ему кредитъ былъ, такъ что онъ даже домикъ подъ горкой съ арфистками установилъ. Всякое ему денежное послабленіе было... Ну, а за это и онъ ужъ старался; ежели кому надо, доймётъ паспортами, мостовой, гигіеной этой самой, штрафами, или ежели и въ губерніи потребуется намутить противъ какого-нибудь—намутитъ, затмитъ... Такъ вотъ все у нихъ шло по промежду себя честно, благородно и долгонько-таки... Вдругъ, братецъ ты мой, пріѣзжаетъ къ этому самому Камушкину сынъ: пожилъ лѣто, походилъ, погулялъ, посмотрѣлъ, послушалъ, а по осени поѣхалъ въ Питеръ да и пропечаталъ въ газетахъ про все это наше представленіе... Вотъ Артемъ-то Артемычъ и гонитъ за Камушкинымъ:—«Что-жъ это такое? Какъ такъ? Какая это съ твоей стороны благодарность, ежели ты сыну своему родному не могъ внушить здравыхъ понятій?» А Камушкинъ-то не будь дуракъ— зналъ ужъ, что дѣла компаніи-то пошатываются, прорѣховъ очень много — говоритъ: «Ежели хочешь, чтобы мой сынъ все свое писанье опровергъ, такъ я ему прикажу. Давай мнѣ за это мои векселя, которые въ банкѣ». Получилъ онъ свои векселя, написалъ сыну, пригрозилъ, повелѣлъ ему опровергнуть, а тотъ, не послушавшись отца, хвать-похвать, и во второмъ экземплярѣ отпечаталъ, да еще лучше перваго разныя тайности обнаружилъ. Опять Артемъ Артемычъ за Камушкинымъ гонитъ: «Что-жъ это такое? Скажи на милость? Вѣдь весь городъ загалдѣлъ про насъ; вѣдь подписана фамилія твоего сына...Всѣ говорятъ: «Стало-быть правду пишетъ, отъ отца узналъ». Сдѣлай ты такъ, Бога ради, чтобы онъ языкъ прикусилъ! Удѣлай, говоритъ, ты ему *неблагонадежность*! Я тебѣ на ремонтъ въ думѣ выцарапаю тысячи четыре, пять»...—«Ну, говоритъ Камушкинъ,—ладно! Удѣлаю, говоритъ, я ему неблагонадежность. Выводи на ремонтъ пять тысячъ, присылай талонъ». Талонъ ему выдали, деньги онъ себѣ въ карманъ положилъ, а между тѣмъ никакой кляузы противъ сына не сдѣлалъ. А вмѣсто того приходитъ газета, а въ ней и въ третьемъ экземплярѣ все росписано, еще того превосходнѣй! Дознались: сестра-молъ гимназистка брату отписала! Тутъ Артемъ Артемычъ ужъ ощетинился! «Мы васъ кормимъ, питаемъ, а вы только клевету распускаете? А ежели, говоритъ, ты сейчасъ мнѣ на нихъ не напишешь, чтобы я самъ своими руками отправилъ на почту, такъ я самъ, говоритъ, хоть по куриному, а нацарапаю штучку и на сына, и на дочь!» Ну, тутъ, должно быть, въ Камушкинѣ кровь заговорила отцовская.—«Нѣтъ, говоритъ, ужъ извини! Пиши, не пиши, а твоего письма я не пущу; такъ оно и сгніетъ въ помойной ямѣ».—«А! завопилъ Артемъ-то Артемычъ, коли такъ, завтра думскую ревизію на тебя напущу, и нѣтъ тебѣ кредиту! Пошелъ вонъ!» Вотъ Камушкинъ-то и ушелъ.—«Ладно, говоритъ, помни». А тутъ въ скорости и загорись у этого самаго мѣщанина, Ивана Мухина.. Вотъ Камушкинъ-то со зла и говоритъ:—«Погоди, говоритъ, анафемы! удружу я вамъ; я васъ произведу!» Подступилъ огонь къ банку къ самому; даже, сказываютъ, крыша занималась, а онъ ужъ тутъ: со всѣхъ дворовъ бочки согналъ, да какъ принялся

орудовать. Сторожъ-то говоритъ:—«Не успѣлъ я, говоритъ, Александра Невскаго икону въ присутствіи отвязать, какъ со всѣхъ концовъ вода полила»... А Камушкинъ-то, говорятъ, командуетъ пожарными и все кричитъ:—«Нѣтъ, подлецы, не дамъ я вамъ поживиться! Ублаготворю! Все спасу! Будете меня помнить, сѣдыя крысы!» И точно—все до нитки спасъ: векселя (свои то выбралъ), книги, записки—все до чиста. Даже за это получилъ награду изъ губерніи, а тамъ еще вышло, что Артемъ-то Артемычъ долженъ былъ самъ хлопотать передъ членами, чтобъ ему награду выдать «за спасеніе банка». Получилъ Камушкинъ деньги и говоритъ Артемъ Артемычу:—«Ну что, сѣдая крыса? Будешь буянить? Теперь я самъ въ твою компанію не пойду, потому что всѣхъ васъ подъ-судъ въ скорости упекутъ». И точно:—вотъ-вотъ, все загудитъ, загремитъ, только пыль подымется до неба на томъ мѣстѣ, гдѣ банкъ стоялъ... Еле-ели скрипитъ... Да ужъ и въ самомъ дѣлѣ пора! Пущай бы ужъ поскорѣй весь этотъ смрадъ сквозь землю провалился... Надо-таки дать дыханіе и справедливому человѣку, ей-Богу, право!

— Но позвольте васъ спросить,—сказалъ фельдшеръ,—вотъ вы описали полное безобразіе и несправедливость... Что-жъ, какъ тутъ поступалъ дамскій полъ? Внушалъ-ли онъ своимъ супругамъ о подлости ихъ поступковъ?

— Ну ихъ еще тутъ! Чего онѣ знаютъ? Гуляютъ по откосу, а музыка играетъ: «Который былъ моимъ мамашей, который былъ моимъ папашей». Только и всего. Аграфена понимаетъ, а онѣ чего? Сидятъ подъ окошкомъ да пьютъ чай съ вареньемъ... Да безпокоятся: «Не разлюбилъ-бы меня мужъ»...

— А что онъ сундуки опустошаетъ, это ей ничего не значитъ! подхватилъ фельдшеръ.—Одна мнѣ хвасталась даже; сидитъ на платформѣ съ ребенкомъ на рукахъ и говоритъ мнѣ:—«Мой Васинька тоже вотъ, какъ вы, спервоначала во все совался. И тамъ ему надо, и здѣсь требуется... То полонъ домъ мальчишекъ наведетъ: пѣть учитъ, читать; то на скрипкѣ начнетъ зудить; то, говоритъ, спектакль надо, то кассу надо открывать... Богъ вѣсть что! Думаю, когда-жъ это онъ меня всему этому предпочтетъ? Ну, и стала дѣйствовать». — «Какими-же, говорю, средствами?»—«А всякими: какія есть у женщинъ средства, тѣми и дѣйствовала...—«Пойдешь на спѣвку, такъ я молъ-раздѣнусь и простужусь... Будешь мальчишекъ водить, такъ я ребенка въ колодезь брошу, уйду къ матери... Начнешь съ пьяницами объ кассѣ разсуждать, да водку пить, а я начну на весь домъ кричать и чашки буду бить объ полъ». Вотъ какими средствами! «Ну, говоритъ, и добилась: пѣніе бросилъ, скрипку бросилъ, кассу бросилъ, ни самъ ни къ кому, ни къ нему никто. Только я да онъ—и никакихъ затѣй нѣтъ. Рѣшительно ото всего у него охоту отшибло!» Сказала—и сама вся засіяла.—«Только, говоритъ, цвѣты дозволяю ему... пусть!..» Вотъ какъ онѣ понимаютъ стремленіе человѣка къ общественной дѣятельности! А то еще одна говоритъ мнѣ:—«Онъ долженъ, говоритъ, меня цѣнить и любить безъ памяти и безконечно, потому что я для него отца обманула, даже деньги унесла, мужа обманула и мать свою въ гробъ свела... Такъ онъ долженъ это цѣнить!» Я отвѣчаю:—«Не знаю, Капитолина Петровна! По моему, такъ онъ долженъ васъ опасаться, потому что вы на всякое злодѣйство способны». Обругала меня подлецомъ, треснула хвостомъ объ уголъ и слѣдъ простылъ. Тамъ можетъ-ли этакая женщина понимать что-нибудь по совѣсти? Ей даже удовольствіе можетъ доставлять, ежели мужъ грабитъ для ея удовольствія: «Стало быть, любитъ. Который любитъ, тотъ себя готовъ прозакладать!» Вотъ ихъ мнѣніе!

Купецъ допилъ то, что̀ было у него въ стаканѣ, и потребовалъ новую порцію.

— Думаешь, думаешь: и изъ-за чего только это зло идетъ и этотъ мусоръ? Вѣдь если сосчитать, сколько денегъ ухнуло! Вѣдь милліоны! И вѣдь дѣловъ-то отъ нихъ не видно никакихъ. На коммерцію десятая часть, да въ деревню, можетъ, проникла малая малость... а то вѣдь все на зло, на подкупъ, на взятку, на кляузу, на распутство—вотъ вѣдь на что! Сколько народу-то напорчено вокругъ этого дѣла! Вѣдь хоть и пьянствовать, такъ и то нужна компанія; голи надѣлали да ее же и въ компаніи по разнымъ случаямъ къ распутству пріучили, деньгами ее раздразнили, къ пойлу привлекли. Теперь какъ стали эти гнѣзда сквозь землю проваливаться, вѣдь почитай ничего отъ нихъ и не останется кромѣ продажной, бездѣльной голи... А голь эта нехорошая, злая, да и ужъ сладкаго куска отвѣдала, тарелку съ хорошимъ кушаньемъ, вокругъ воротилъ толкаючись, отвѣдывала... И вѣдь, другъ ты мой, двадцать вѣдь лѣтъ это все съ рукъ сходило! Это вѣдь теперь только за очистку берутся, а сколько неправды-то наросло! Ужъ ежели насъ хотятъ высвѣтить, такъ ужъ и враговъ нашихъ также надо оправить, оправдать, дать имъ слово сказать... За что-жъ хорошій-то человѣкъ, который давнымъ-давно все это видѣлъ, долженъ страдать? Нѣтъ, это неправильно! Хошь бы взять Аграфену... Что-жъ, такъ и должны онѣ всѣ пропадать?

Принесли новую порцію кофе и купецъ Таракановъ продолжалъ высказывать свои взгляды на прошлое и будущее. Но картина, изображенная имъ, была такъ тяжка и притомъ такъ еще свѣжа въ памяти, что мнѣ было трудно слушать ея дальнѣйшее объясненіе и дополненіе.

Мнѣ захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, и я вышелъ изъ каюты на палубу.

III. Верзило.

I.

— Что это, господа, скучно какъ? Хоть бы въ «дураки» съ кѣмъ-нибудь поиграть!

Эти слова громко, такъ сказать во всеуслышаніе всей публики, наполнявшей крытую палубу парохода, проговорилъ какой-то черномазый мужикъ, видомъ артельщикъ; все время онъ лежалъ на палубѣ ничкомъ, уткнувшись растрепанной черной головой въ красную подушку, и вдругъ поднялъ голову, сѣлъ, сталъ торопливо царапать руками свои спутанные волосы и въ то же время сдѣлалъ вышеприведенное громогласное воззваніе. А точно, на пароходѣ было скучненько. Жара палила, рѣка была пустынна, берега скучны, промежутки между остановками продолжительны. Палубная публика, проснувшаяся вмѣстѣ съ восходомъ солнца, успѣла уже умыться, напиться чаю, потолковать и вновь отъ нечего дѣлать укладывалась на старыя мѣста—укладывалась не спать, а такъ, полежать. Жарко было отъ палящаго солнца, отъ раскаленной пароходной машины, отъ раскаленной пароходной кухни...

— А что, въ самомъ дѣлѣ? быстро вскакивая съ лавки, стоявшей около борта, отозвался издалека другой палубный пассажиръ. Это былъ человѣкъ небольшого роста, въ сюртукѣ, надѣтомъ на русскую рубашку, гладко выбритый. Что-то напоминавшее трактирнаго лакея было въ этой фигурѣ.

— Ребята! вновь воззвалъ мужикъ, похожій на артельщика, продолжая сидѣть на полу,—нѣтъ ли у кого картъ на подержаніе?

— За прокатъ отдадимъ! прибавилъ во всеуслышаніе и лакей.—Ужъ навѣрно у кого-нибудь да есть... Слышите что-ль, почтенные?..

— Эй, ты, любезный! нѣтъ ли въ буфетѣ, у хозяйки?.. Спросико-сь!

— Какія карты? нехотя отвѣтилъ буфетный слуга, пробираясь съ чайнымъ приборомъ и шагая черезъ головы и ноги лежавшей на полу публики.

Лакей, первый отозвавшійся на приглашеніе артельщика, соскочилъ съ своей лавки, проворно пересѣлъ на полъ и, похлопывая артельщика по спинѣ, какъ стараго знакомаго, говорилъ:

— Такъ какъ-же, любезный? Хлопочи. Надо какъ-нибудь время коротать.

— Нѣтъ! Богъ съ ними и съ картами! проговорилъ новый пассажиръ, появляясь откуда-то около артельщика и лакея.

Это былъ совершенно приличный молодой человѣкъ, неизвѣстно какой профессіи и какого званія. На немъ была вполнѣ приличная шляпа котелкомъ, вполнѣ приличное лѣтнее пальто, надѣтое поверхъ русской рубашки голубого цвѣта, вышитой очевидно женскими руками. И говорилъ онъ, и держался, и глядѣлъ вполнѣ прилично и благообразно.

— Я много на картахъ потерялъ! продолжалъ онъ.—Меня однажды, также вотъ на пароходѣ, на пятьсотъ рублей жулики обчистили, такъ я съ тѣхъ поръ даже боюсь и смотрѣть на карты..

— Что вы! Мы не жулики! По пятачку проиграемъ — велика бѣда!—отвѣчалъ ему лакей.—Присаживайтесь!

— Сначала-то всегда такъ—по пятачку, а потомъ и пойдешь выкладывать зря, сколько рука захватитъ въ карманѣ...

— Это, любезный, какъ играть и съ кѣмъ. Вотъ отъ чего зависитъ. Коли у меня въ карманѣ три гривенника, такъ ужъ я не вытащу на конъ ста рублей!—прибавилъ и артельщикъ.

— Конечно, я игрывалъ на большую... Ну, обжегся—и побаиваюсь.

— Ну, чего тамъ, Господи помилуй... По большой! Съ нашимъ братомъ этого нельзя; у насъ тоже каждая копѣйка трудовая... Ужъ не оставляйте компаніи...

— Развѣ что отъ скуки... Да вотъ картъ-то нѣту...

— Надо раздобыть! Что-жъ, почтенные, нѣтъ-ли у кого какой колодишки?

— Что дадите за прокатъ? опять невѣдомо откуда появляясь, проговорилъ четвертый палубный пассажиръ. На этотъ разъ пассажиръ представлялъ изъ себя чистѣйшій типъ голи и рвани кабацкой. Толкаясь отъ нечего дѣлать то тамъ, то сямъ по пароходу, я уже давно замѣтилъ эту рваную фигуру; еще съ вечера эта фигура сидѣла на палубѣ третьяго класса у столика, пила водку и безпрерывно разглагольствовала о чемъ-то протестующимъ тономъ: косушка водки и селедка съ самаго утра не сходили со столика, передъ которымъ засѣдала фигура, рваная, небритая, немытая, въ опоркахъ, въ какой-то кацавейкѣ и въ сплюснутомъ на затылкѣ картузѣ. Повидимому, человѣкъ этотъ былъ горькій пьяница: онъ пилъ и ничего не ѣлъ и въ то-же время твердо держался на ногахъ—«припился», какъ увѣрждаютъ знатоки питейнаго дѣла.

— Вотъ, отецъ и благодѣтель! воздѣвая руки къ стоявшей рваной фигурѣ, плутовски-восторженнымъ тономъ воскликнулъ лакей, сидѣвшій на полу.—Рубашку послѣднюю сыму, отдамъ!

— А я думаю — съ ироническою вѣжливостью проговорилъ благообразный господинъ въ «котелкѣ», — вы можете вполнѣ безкорыстно доставить обществу полное удовольствіе: карты у васъ лежатъ въ карманѣ и по окончаніи опять туда возвратятся.

— Ишь ты, братъ! ломаясь, бормоталъ пьяница, уже запустившій было руку въ рваный карманъ рваныхъ панталонъ.—Нѣтъ, ты подавай мнѣ могарычей!

Послѣ довольно продолжительныхъ ломаній и кривляній пьяницы и упрашиваній, то шутовскихъ—со стороны лакея, то вѣжливыхъ и «полированныхъ» убѣжденій—со стороны «котелка», то наконецъ грубыхъ и нетерпѣливыхъ требованій артельщика перестать галдѣть и начинать игру — карты очутились въ рукахъ лакея и, усѣвшись кружкомъ, лакей, «котелокъ» и артельщикъ начали какую-то игру.

— Больше пятачка, сказалъ «котелокъ»,—ужъ извините, господа, и я не пойду! Довольно наученъ!

— Научили! Хе-хе-хе! сочувственно поддержалъ это заявленіе кто-то изъ посторонней публики.

— Да оченно прекрасно просвѣтили на этотъ счетъ!.. Будетъ! Кажется, ни въ жизнь бы не взялъ въ руки этой погани, да ужъ такъ... скучно...

Началась игра. На полу, между треия игроками, лежали деньги, мѣдные пятаки. Понемногу вокругъ этихъ троихъ людей стали, отъ нечего дѣлать, собираться посторонніе зрители. Стали слышаться слова: «Вашъ гривенникъ!» «Мой пятакъ!» «Ахъ песъ, его дери! гривенникъ убѣгъ въ чужой карманъ!» и т. д.

Часа черезъ два послѣ начала этой игры мнѣ опять случилось выйти изъ каюты на палубу; игроки сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ, но публики было вокругъ нихъ очень много, и она была ужъ не такая, почти апатическая, какъ два часа тому назадъ. Теперь ужъ можно было замѣтить въ нѣкоторыхъ лицахъ напряженное вниманіе; иные ужъ перевѣшивались черезъ плечи игроковъ, по временамъ слышались совѣты: «Ходи, ходи, не робѣй, бей!». И на полу между игроками лежали ужъ не однѣ мѣдныя деньги — виднѣлись рублевки и мелочь. Разговоръ какъ игроковъ, такъ и публики былъ оживленъ. Иные изъ публики даже спорили между собою о картахъ игроковъ, которыя были всѣмъ видны, хотя игроки, получивъ сдачу, и старались держать ихъ какъ-то въ горсти.

— Крой пиковкой! Не робѣй! Твоя!

— Вѣдь, у яво козырь, елова голова! Пиковкой!

— Кр-рррой пиковк-а-ай! Вижу я, какой козырь!

— А! была не была! Вотъ!

— Ну, и просолилъ!

— Просолилъ! Чисто просолилъ...

— Вѣдь говорилъ—козырь! Нѣтъ! «Знаю я..»

— Такъ вѣдь песъ его зналъ!

— Песъ!

— Ну, куда ни шло! Ушла рублевочка! Сдавай сызнова, ворочу.

Оживленіе и интересъ зрителей къ игрѣ возрастали и поддерживались постоянно разными карточными эпизодами. Между прочимъ послѣ одной сдачи, былъ всѣхъ оживленнѣе «лакей»; взглянувъ въ свои карты, онъ вдругъ проговорилъ:

— Господа компаньоны! Сдѣлайте милость! Уважьте! Позвольте рыскнуть!

Говорилъ онъ какимъ-то умоляющимъ тономъ, прижимая карты къ груди.

— Отцы родные! Такая привалила карта — вотъ!—Онъ наклонился къ постороннему зрителю и показалъ ему карты.

— Н-да! сказалъ многозначительно зритель.

— Позвольте поставить десять цѣлковыхъ! Кто соотвѣтствуетъ? Карта оченно великолѣпна.

— Идетъ! гаркнулъ артельщикъ.—Клади красную!

— Нѣтъ, позвольте! благообразнымъ жестомъ руки накрывая выкинутую лакеемъ десятирублевую бумажку, проговорилъ весьма благообразнымъ тономъ благообразный владѣлецъ шляпы «котелкомъ».—Позвольте вамъ сказать, что такихъ правиловъ нѣтъ! Коль скоро вы въ компаніи, то вы должны дѣлать уваженіе... Вы бы, можетъ быть, хотѣли и сто рублей выиграть, но когда вамъ не соотвѣтствуетъ компаньонъ и, можетъ быть, по своимъ средствамъ лишится всего, что у него есть, то это не можетъ быть дозволено въ игрѣ. Извольте взять вашу ассигнацію... Получите-съ!.. А какъ на кону былъ рубль, то извольте и вы становить рубль, хотя бы у васъ былъ даже хлюстъ!

— Вѣрно! послышалось въ публикѣ.

— Такъ, такъ! Этакъ-то съ жадности всякій бы тебя обобралъ.

— Хорошо!

— Но за что-жъ я потеряю свою пользу? возразилъ лакей, волнуясь алчными порывами.

— Мало-ли какой тебѣ надо пользы!

— Ахъ, карты-то какія!

— Да тебѣ какое дѣло мѣшаться? возразилъ грубо и гнѣвно артельщикъ.—Ежели тебѣ твоихъ денегъ жалко, говори «пасъ», больше ничего, а союзному дѣлу не препятствуй.

— Вѣрно! Вѣрно! возопили голоса публики.

— Можетъ, я хочу проиграть! Какое тебѣ дѣло?

— Н-ну, если такъ, то я «пасъ»! А вы — какъ угодно.

Слова эти благообразный господинъ произнесъ кротко и сложилъ карты, не глядя въ нихъ.

— Такъ идетъ? спросилъ въ азартѣ лакей артельщика.

— Вали! Станови красную! Вотъ моя!

Двѣ красныхъ бумажки валялись на полу.

— Ходи!

— Ходи ты!

— Вотъ!

— А вотъ!

— А это?

— А мы вотъ какъ!

— Твоя! Твоя! загалдѣла публика, и артельщикъ, весь сіяющій, вдругъ весь вспотѣвшій, съ мокрымъ, осклабившимся лицомъ, потянулъ къ себѣ всей пятерней двѣ красныхъ.

— Ловко! Вотъ такъ ловко!

Артельщикъ только улыбался и сіялъ.

— Конечно, всякому свое счастье! благообразно вздохнувъ, произнесъ благообразный «котелокъ».

— А ты у меня учись, сказалъ лакей,—десять цѣлковыхъ выкинулъ на-удалую и жалѣть не буду! Сдавай.

Публика, собравшаяся вокругъ игроковъ, была сразу въ высшей степени заинтересована этимъ эпизодомъ; въ большинствѣ это былъ народъ сѣрый, бѣдный, трудомъ наживавшій деньгу и, очевидно, въ большинствѣ только теперь знакомившійся съ какимъ-то новымъ, мгновеннымъ способомъ наживы Десять цѣлковыхъ, поставленные на конъ лакеемъ, всѣ видѣли своими глазами и также всѣ своими глазами видѣли, что артельщикъ на какихъ-то новыхъ основаніяхъ получилъ право на эти десять рублей, которые, опять-же у всѣхъ на глазахъ, очутились у него въ кошелькѣ. «Ловко» — мелькало въ выраженіи лицъ очень и очень многихъ зрителей: мужиковъ, рабочихъ, даже у отца дьякона, который также внимательно смотрѣлъ на игру. Въ числѣ зрителей этой игры обратила мое вниманіе фигура одного крестьянина: это былъ

пароходный рабочій въ картузѣ съ мѣднымъ ярлыкомъ: роста онъ былъ огромнаго и—какъ часто это бываетъ у сильныхъ людей—лицомъ походилъ на ребенка: самое дѣтское, простодушное выраженіе лица было у него. Онъ подошелъ къ группѣ играющихъ довольно давно и сначала былъ совершенно равнодушнымъ зрителемъ; по его лицу было видно, что «въ этихъ дѣлахъ» онъ ровно ничего не понимаетъ, что это его даже и не интересуетъ, но послѣ эпизода съ десятью рублями что-то какъ будто проснулось въ его сонныхъ спокойныхъ, какъ стоячая вода, глазахъ. Что-то какъ будто шевельнулось, плеснуло въ этой стоячей водѣ. Онъ поближе придвинулся къ игрокамъ, пристальнѣе сталъ смотрѣть въ карты, на деньги, на руки игроковъ, на ихъ кошельки.

— Михайло! позвали его откуда-то.

— Сейчасъ! отозвался онъ, но не уходилъ, а съ возрастающей внимательностью сталъ вникать въ дѣло. Его позвали въ другой разъ, и тогда онъ, съ трудомъ оторвавшись отъ зрѣлища, бѣгомъ побѣжалъ туда, куда его звали, и скоро возвратился тоже «бѣгомъ»...

— Не шулера-ли какіе? сказалъ мнѣ какой-то толстый купецъ, также изъ числа зрителей, спускаясь со мною въ каюту.—Много этого мусорнаго народу развелось... Я глядѣлъ, глядѣлъ—будто какъ что-то есть...

— Не знаю, не видалъ я этого!

— Это только такъ, представленіе одно, будто незнакомые собрались, то-есть, трое-то... Они очень знакомы... Вотъ посмотрите раззадорятъ они публику!... Это завсегда ихній пріемъ!... И откуда это, Господи, сколько пошло по Россіи шарлатановъ всякихъ? Чисто отбою нѣтъ!

Подозрѣнія купца вполнѣ оправдались впослѣдствіи, но не въ этомъ пока дѣло. Меня очень интересовала фигура мужика, на моихъ глазахъ начавшая, такъ сказать, развращаться. Я видѣлъ эту фигуру въ воловьей работѣ при нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ, видѣлъ его гигантскую силу и дьявольскій трудъ, ни чуть не отразившійся на этомъ спокойнѣйшемъ дѣтскомъ лицѣ, едва-едва обрамленномъ бѣлокурой бородкой, видѣлъ его апатическимъ и ровно ничего не понимающимъ зрителемъ карточнаго состязанія и видѣлъ наконецъ, какъ въ этой дѣтской душѣ шевельнулось что-то острое и жадное... «Что̀ будетъ съ нимъ дальше?—подумалось мнѣ, и часа черезъ два я опять вышелъ на палубу.

Парень (его звали Михайло) былъ къ этому времени просто неузнаваемъ, да неузнаваема была и вся толпа, окружавшая игроковъ. Возбужденіе жадности къ деньгамъ, которыя въ видѣ «рублевокъ», «трешницъ», «мѣдяковъ», мелочи, кучей лежали на полу, на глазахъ всѣхъ, переходя отъ одного игрока къ другому, было необыкновенно сильно. Но мужикъ, этотъ огромный верзило, на лицѣ и фигурѣ котораго трудно было замѣтить слѣды малѣйшаго волненія послѣ того, напримѣръ, когда онъ только-что перетаскалъ на берегъ не одну сотню цибиковъ чая или демидовскаго желѣза, теперь, подъ вліяніемъ животной страсти, волновался и буквально трепеталъ каждымъ мускуломъ. Жаръ какой-то валилъ отъ его огромнаго тѣла, все лицо содрогалось и глаза прыгали между вытаращенными вѣками; огромная трясущаяся рука то вытаскивала изъ кармана замшевый кошелекъ, крѣпко сжимая его въ рукѣ, то пыталась отворить его, то опять прятала и опять вынимала. Наконецъ парень не выдержалъ, отчаяннымъ жестомъ раздвинулъ толпу, присѣлъ къ игрокамъ и, весь блѣдный, трясущійся, принялъ участіе въ игрѣ; онъ плохо понималъ, въ чемъ дѣло, и потому, когда ему сдавали карты, онъ сейчасъ же показывалъ ихъ сосѣду, тому самому рваному пьянчугѣ, который предложилъ игрокамъ свои карты. «Брось, наплевать! Ничего не стоитъ! Пасъ!»—совѣтовалъ пьянчуга, или, напротивъ, поощрялъ. «Ходи! ходи! Бей! Такъ...». И не только не умалялось волненіе верзилы, не только всѣ члены его непереставали ходить-ходуномъ, но, напротивъ, увеличившаяся блѣдность лица и трясущіеся пальцы заставляли думать, что ужъ не жаръ томитъ его, а холодъ, ознобъ деретъ ему тѣло... И вдругъ онъ опять вспыхнулъ и весь загорѣлся огнемъ: ему «привалила карта»—это, во-первыхъ, увидалъ онъ самъ; во-вторыхъ—это провозгласилъ во всеуслышаніе пьянчуга, а затѣмъ такіе-же возгласы удивленія къ счастливымъ картамъ выразила и публика, толпившаяся за спиной у игроковъ.—«Вали, вали! Не робѣй! Станови! Не бойся! Выиграешь? Твоя, твоя!»—со всѣхъ сторонъ галдѣла публика и сами игроки, а верзило съ отупѣвшимъ, налившимся кровью лицомъ, только поворачивалъ голову то направо, то налѣво, то пряталъ карты въ горсть, точно сокровище, то опять совалъ ихъ «посмотрѣть», кому придется... Ему предстояло либо проиграть пятнадцать рублей, либо выиграть сорокъ пять; наконецъ онъ рѣшился и голосомъ кулачнаго бойца, приготовляющагося къ отчаянной дракѣ, воскликнулъ:

— Иду! Ходи!

— Иду и я! также, точно приготовляясь размозжить сопернику голову (а не обыграть въ карты), воскликнулъ и артельщикъ.

Лакей ничего не воскликнулъ, но сидѣлъ блѣдный, какъ смерть, съ горящими глазами.

Секунды двѣ-три стояла мертвая тишина.

— Твоя! Взялъ! Охо-хо-хо, денжищъ-то поволокъ! возопила вдругъ вся публика.

Оказалось, что выигралъ артельщикъ, а верзило проигралъ. А лакей хоть тоже проигралъ, но не выдержалъ своей роли и явно обрадовался.

Верзило молча и какъ-то деревянно смотрѣлъ, какъ его деньги забираетъ артельщикъ; онъ даже какъ будто успокоился и пересталъ трястись.

— Будетъ! сказалъ онъ, поднялся съ полу и пошелъ. Пошелъ онъ прямо къ кухнѣ, взялъ швабру, стоявшую тутъ, и какъ ни въ чемъ не бывало принялся вытиратъ ею полъ около крана, передъ которымъ умываются пассажиры третьяго класса. Онъ какъ будто хотѣлъ показать, что съ нимъ ничего не случилось, что онъ знаетъ, что самъ

виноватъ. Я подивился этой силѣ характера, этой возможности быть «какъ ни въ чемъ не бывало», проигравъ такую кучу денегъ, какъ 15 руб. Но радость моя была не долга: онъ потеръ шваброй мокрый полъ, пошелъ-было съ этой шваброй куда-то въ другое мѣсто, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ остановился и вдругъ, какъ подрѣзанная трава, упалъ, свалился на полъ, уронивъ швабру... Онъ свалился куда-то за тюки съ товарами, не разбирая «куда», и, колотясь головой обо что ни попало, взвылъ на весь пароходъ.

— Бат-ю-ушки... м-мои... мил-лые!.. Отцы мои... Пятнадцать цал-ко-о-о-выхъ... О-охо... о-о-хъ — охъ-охъ!..

Самыя маленькія, неумѣющія даже лепетать, дѣти могутъ такъ горько, такъ отчаянно и такъ жалобно плакать, какъ плакалъ этотъ верзило, катаясь между тюками товара, стукаясь лбомъ и огромнымъ тѣломъ обо что ни попало. Такого ребяческаго малодушія, такого ничтожества душевнаго, какое обнаружилъ верзило, нельзя себѣ представить, не представляя именно совершенно безпомощнаго ребенка; между верзилой, на весь пароходъ и на всю Каму пищавшимъ «какъ малый ребенокъ», и тѣмъ верзилой, котораго нѣсколько минутъ тому назадъ «трясло» всего и «ломало» подъ впечатлѣніемъ проснувшейся алчности, жадности, не было ничего общаго; это были два разныя существа: то былъ звѣрь, а теперь чуть не грудной ребенокъ, и ни звѣрь, ни ребенокъ одинаково были не похожи на сильнаго, могучаго, тихаго работника, каковъ верзило былъ въ дѣйствительности. Проявивъ въ себѣ глупую жадность звѣря и неумное отчаяніе несмысленнаго младенца, верзило произвелъ на публику парохода впечатлѣніе какого-то глупца и даже смѣшного дурака.

— Дуракъ! Такъ дурака и надо!

— А съ дураками нешто не такъ надобно?

— Дураковъ надо учить!

— Разъ-другой поучатъ такъ-то дурака, анъ онъ и умнѣй будетъ!

— Ишь-ты! Сорокъ пять цѣлковыхъ хотѣлъ слизать, а какъ не вышло, такъ и взвылъ какъ бѣлуга.

— Охъ! охъ! охъ! охъ!.. пя-а-а-а-атнадцать ца-ал-ко... о-охъ—охъ...

— Ха! ха! ха! ха! помирала со смѣху публика.

И по истинѣ было смѣшно.

Но верзило не исчерпалъ еще всѣхъ своихъ душевныхъ свойствъ. Верзило вылъ и катался по полу довольно долго, едва-ли не до тѣхъ поръ, покуда вся пароходная публика вмѣстѣ и по одиночкѣ не засвидѣтельствовали ему лично своего мнѣнія о томъ, что онъ «дуракъ».

— Какъ обыгрывать—такъ ничего, а какъ проигрывать, такъ закудахталъ!

— Охо-хо хо... Батюшки .. матушки мои!

— Ха! ха! ха!

Положительно всякій пассажиръ подходилъ къ нему, слушалъ его вытье и говорилъ, что «такъ дураковъ и надо».

Наконецъ всѣ назвали его дуракомъ и разошлись по своимъ мѣстамъ. Игроки, партнеры верзилы, тоже давнымъ-давно разбрелись. Артельщикъ, выигравшій деньги, спалъ самымъ крѣпчайшимъ сномъ, уткнувшись лицомъ въ подушку; онъ не слыхалъ, какъ обыгранный мужикъ вылъ. Благообразный человѣкъ въ «котелкѣ» сидѣлъ вверху на рубкѣ и меланхолически любовался видомъ камы, а лакей почему-то перебрался со своей подушкой и узломъ на другой конецъ палубы, сказавъ прежнимъ сосѣдямъ: «Уйтить отъ васъ, а то пожалуй взвоешь вотъ какъ этотъ мужикъ!..» Наконецъ затихъ и верзило.

— Очухался, видно?

— Въ другой разъ не будетъ!

— Видно, вытьемъ-то не поможешь!

Но верзило думалъ не такъ. Онъ, правда, затихъ, не вылъ, не охалъ и не катался по полу, а долго сидѣлъ за ящиками, утирая носъ рукавомъ красной рубахи. Сидѣлъ онъ такъ довольно долго, потомъ всталъ, оправилъ рубаху и пошелъ ..

И пошелъ онъ прямо къ капитану парохода жаловаться.

Отворивъ дверь капитанской каюты, онъ тотчасъ же упалъ на колѣни и, разставивъ безпомощно руки, взмолился:

— Явите божескую милость! Что жъ это будетъ! Пятнадцать рублевъ... Это не игра, вашескородіе!.. Отецъ родной... Это одно мошенство!?.. Помилуйте! Я жаловаться буду... Эти деньги у меня чужія! Что-жъ это такое? Господи помилуй!..

Публика видѣла это.

— Ишь, подлецъ какой! Небось, кабы самъ счистилъ сорокъ-то пять рублей, не пошелъ бы жаловаться... Сказалъ-бы: маё»...

А какой по первому впечатлѣнію хорошій типъ: сильный, работающій, простой, скромный, съ наивными глазами... Пудовые тюки мелькаютъ въ его рукахъ, какъ соломинки, «ворочаетъ» онъ этими пудами и пѣсню поетъ, «не жалится», что трудно, а взяло за-живое — вышелъ жадный звѣрь: не пришлось звѣриной алчности удовлетворить — взвылъ какъ грудной ребенокъ, свалился, какъ подрѣзанный колосъ, а когда взялся за умъ, «очухался», сейчасъ «къ начальству»—выручай меня изъ моей глупости и подлости.

Капитанъ выручилъ его. Съ шумомъ, съ бранью, деньги (оказавшіяся уже подѣленными между котелкомъ», лакеемъ-оборванцемъ и артельщикомъ) были возвращены верзилѣ. Верзило былъ радъ. Онъ опять взялся за швабру и принялся работать ею, елико хватало силъ, не переставая всѣмъ и каждому говорить въ то же время:

— Потому что у нихъ игра не настоящая!.. Этакъ-то я кого хошь обыграю...

— Дуракъ! говорили ему.

А иные называли даже и «подлецомъ». Но верзило не обижался, потому что былъ радъ, сіяя отъ счастья, и работалъ за семерыхъ.

На слѣдующій день я видѣлъ верзилу уже въ обыкновенномъ, нормальномъ состояніи: онъ таскалъ кули и тюки, отчаливалъ, причаливалъ, мѣрилъ шестомъ глубину воды, а въ антрактахъ, помо-

лившись, благопристойно ѣлъ артельную кашу, или, укладываясь спать, слушалъ какую-нибудь «занятную» сказку, небывальщину, которую ему разсказывалъ другой такой-же верзило, геркулесъ съ ребяческимъ выраженіемъ лица; но впечатлѣніе вчерашняго эпизода, которое этотъ верзило напоминалъ мнѣ каждый разъ, какъ только мнѣ приходилось встрѣчать его, не изгладилось во мнѣ, а, напротивъ, постоянно развивалось и на несчастье все въ томъ-же непріятномъ, несимпатичномъ направленіи. Эти шулера, благообразные «котелки», сюртуки, напоминающіе трактирныхъ лакеевъ, напомнили множество разговоровъ и личныхъ наблюденій относительно обилія на Руси въ настоящее время всякаго «шлющаго», бродячаго народа. Не такъ давно было въ газетахъ опубликовано, что бродячаго рабочаго народа, голытьбы, на нижегородской ярмаркѣ было меньше прошлогодняго, что та голытьба, которая была въ Нижнемъ, вела себя какъ нельзя лучше и т. д Но тутъ же былъ опубликованъ цѣлый рядъ «мѣръ», благодаря которымъ голытьба была приведена въ благообразное состояніе: ночлежные пріюты, дешевыя столовыя и вѣроятно было что-нибудь по части дисциплины. Говорю это потому, что въ іюнѣ мѣсяцѣ до начала ярмарки Нижній былъ переполненъ голытьбою; никогда, сколько разъ на своемъ вѣку я ни бывалъ въ Нижнемъ, мнѣ не приходилось видѣть такого обилія «шлющаго» народа. Я видѣлъ эту толпу тотчасъ послѣ еврейскихъ безпорядковъ и утвердительно могу сказать, что страшна она мнѣ показалась *). И затѣмъ, относительно вообще обилія голытьбы я слышалъ отъ всякаго, имѣющаго дѣла съ народомъ, неизбѣжный вопросъ: «И откуда только берется этотъ рваный народъ? Просто нѣтъ проходу!» Пароходные шулера ознакомили меня съ новымъ типомъ этого растущаго на Руси класса людей: это уже не нижегородскіе ломовики съ разбитыми «вчерась» въ дракѣ глазами, а люди, которыхъ съ перваго взгляда не признаешь за плутовъ; они приличны, благообразны, хорошо одѣты. Это ужъ не рвань и голь ломовая, деревенская, бродяжная; это ужъ люди потершіеся, отвѣдавшіе легкой наживы, люди несомнѣнно толкавшіеся вокругъ денегъ. Такого рода голытьба—голытьба злая, развратная и наглая—вообще-то была ужъ знакома мнѣ: по старой московской дорогѣ изъ Петербурга и въ Петербургъ проходитъ мимо нашей деревни не одна тысяча втеченіе года. Иногда голытьба эта проситъ милостыню на французскомъ языкѣ и обижается, если милостыню подаютъ ей хлѣбомъ.

— Куда я потащусь съ этой дрянью? Мнѣ денегъ надо.

Впрочемъ обиліе этой голытьбы и разнообразные ея типы будутъ предметомъ особаго очерка, теперь-же скажу, что вчерашній «картежный» эпизодъ только натолкнулъ меня на мысль о ней. «Верзило»—въ томъ видѣ, какой обнаружилъ онъ вчера—представился мнѣ въ видѣ какой-то центральной фигуры, вокругъ которой кипитъ все это безобразіе. «Вѣдь вотъ—думалось мнѣ—въ этомъ самомъ верзилѣ есть видимыя для всѣхъ превосходныя черты, есть также для всѣхъ видимый образъ такой жизни, который подходитъ къ самымъ лучшимъ сторонамъ верзилинаго міросозерцанія, среди котораго онъ и хорошъ, и уменъ, и добръ. и привлекателенъ, и справедливъ. Но при стараніи изъ него можно сдѣлать и звѣря, и труса, и ничтожество, и предательство, и подхалимство, словомъ, *можно* сдѣлать много гнуснаго. За чѣмъ?»

*) Въ дополненіе къ этому ниже помѣщается разсказъ VI-й—„Побоище".

II.

Отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ я, конечно, не поспѣлъ, но картина, вызванная имъ и изображающая въ общихъ чертахъ положеніе интеллигенціи (въ рукахъ которой и находится участь вопроса: зачѣмъ?),—картина эта была приблизительно такого рода: представилась мнѣ прежде всего огромная, сплошная, въ видѣ какой-то длинной, широкой полосы, пролегающей вдоль всей Россіи, точно шоссейная дорога, масса интеллигентнаго народа. Я называю «всю» представившуюся мнѣ массу «интеллигентною» исключительно только, такъ сказать, по обличью, по внѣшнему образу жизни, хотя самой большей и главной части этой массы не придаютъ никакого значенія въ интеллигентномъ отношеніи. Эта масса есть обжорный рядъ, толпа «своего удовольствія», солидной дѣйствительности! Она огромна и первая лѣзетъ въ глаза.

За нею слѣдуетъ не менѣе огромное скопище интеллигенціи, получающей жалованье, томящейся завистью, скучающей, закусывающей у клубныхъ и желѣзнодорожныхъ буфетовъ, томящейся въ танцовальныхъ, театральныхъ и игорныхъ залахъ, на пикникахъ, за карточными столами, въ ученыхъ и неученыхъ обществахъ и засѣданіяхъ и жаждущей прибавки. За нею слѣдуетъ еще болѣе огромная масса людей, также закусывающихъ, также томящихся и также никакого практическаго результата не оставляющихъ послѣ своего исчезновенія съ лица земли,—людей, мысль которыхъ хотя и не замерла, но освѣщаетъ только (и то чуть-чуть) пустоту и безсовѣстность собственнаго существованія: человѣкъ пьетъ, играетъ, участвуетъ во всякой поддѣлкѣ «общественныхъ дѣлъ», и въ то же время постоянно надъ собой подтруниваетъ, издѣвается, называетъ себя дрянью и продолжаетъ закусывать, играть и т. д., не находя въ своей мысли очертаній другихъ условій и обстановки жизни, не находя въ себѣ даже силы представить что-нибудь лучшее, что нибудь болѣе опрятное. Каждый день увязая все глубже и глубже въ грязь, человѣкъ такой не перестаетъ понимать это, не перестаетъ издѣваться надъ собой, знаетъ даже глубину своего паденія, но продолжаетъ сновать, не выпуская изъ рукъ картъ и не отходя отъ буфета. За этими самообличителями слѣдуетъ огромнѣйшій разрядъ теоретиковъ

всевозможныхъ сортовъ, видовъ и цвѣта. Одни, благодаря средствамъ, расчиститъ вокругъ себя аршина на два въ діаметрѣ кучи того неопрятнаго хлама, которымъ изобилуетъ жизнь, ищутъ *настоящаго* въ совершенствѣ личномъ, проповѣдуютъ «неземную справедливость», неземныя *дѣла*, доходятъ въ послѣдовательномъ развитіи своихъ идей до вопроса о томъ, изъ какого матеріала шьются «тамошніе пиджаки». Другіе, окруженные горами «сегоднишняго» хлама, уносятся мыслью въ отдаленнѣйшее будущее Россіи, тщательно изучаютъ тотъ моментъ, когда Англія и Россія вступятъ въ единоборство, и превосходно знаютъ, какія блестящія перспективы могутъ изъ этого столкновенія возникнуть. Третьи, не только не расчищая вокругъ себя хлама, но, напротивъ, ежеминутно созидая его, изощряютъ свои мысли въ реторикѣ восхваленія нашего будущаго; наконецъ даже люди, вполнѣ здравомыслящіе, исходящіе мыслью изъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ на бѣломъ свѣтѣ, и тѣ весьма скоро съуживаютъ свою мысль на теоретическомъ знаніи жгучаго дѣла «настоящаго», тощаютъ безъ живого опыта жизни, скудѣютъ знаніемъ этого большого дѣла во всемъ его теперешнемъ *живомъ* объемѣ... Когда въ прошедшемъ году, во время рабочаго кризиса въ Парижѣ, печатались отчеты парламентской коммиссіи, созванной для изысканія средствъ къ помощи, читая ихъ можно было только удивляться той мелочности, до вниманія къ которой могутъ опускаться такіе тузы, какъ депутаты. Депутатъ Лезенъ долженъ высчитывать, сколько нужно выкупить тюфяковъ, одѣялъ (холодно вѣдь!), дѣтскихъ кроватей, часовъ, лампъ, кухонныхъ принадлежностей... Читая эти отчеты, я жилъ въ деревнѣ и, признаться, думалъ такъ: «Да его-ли депутатское дѣло заниматься этакими пустяками? Да они, неумытыя рыла, не заслуживаютъ того, чтобы этотъ господинъ копался да рылся, кому пьяницѣ что нужно, тюфякъ-ли, одѣяло или кастрюля! Ужъ видно, что доберъ баринъ-отъ господинъ-отъ Лезенъ, мы этакихъ еще и видомъ не видали!» Да помилуйте: когда мы дождемся, чтобы у насъ въ волостномъ правленіи разговаривали о томъ, есть-ли кому что ѣсть и есть-ли у всѣхъ сапоги? У насъ въ самомъ центрѣ нищеты и нужды только и идетъ разговоръ о высшихъ дѣлахъ и цѣляхъ.

Да и то, что на нашихъ глазахъ было живого и дѣятельнаго, и то какъ будто затихаетъ и замираетъ. На нашихъ глазахъ возникъ такъ называемый женскій вопросъ, хотя тогда-же или вскорѣ послѣ его возникновенія какой-то поэтъ хотѣлъ-было его похоронить и изобразилъ-было его въ видѣ ребенка, котораго литература подняла на улицѣ, отдала на воспитаніе въ типографію, стала кормить его бумагой и поить чернилами, т. е. постепенно приводила его къ гробу, но на дѣлѣ однако вышло не такъ: женское образованіе пошло развиваться на дѣлѣ, и мы имѣемъ не одинъ выпускъ женщинъ-докторовъ, которыя уже давно «работаютъ» въ народѣ. Но до сихъ поръ въ литературѣ, въ прессѣ, изъ которой вся русская публика только и почерпаетъ свѣдѣнія о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, ничего, то есть почти ровно ничего не было разсказано объ этомъ опытѣ «работать въ народѣ». На моей памяти я читалъ только одинъ разсказъ женщины-доктора о ветлянской чумѣ и еще разсказикъ въ *Вѣстникѣ Европы*. Теперь также на нашихъ глазахъ курсы эти падаютъ, закрываются — и опять ни откуда ни звука, такъ что попрежнему самое любопытное для «насъ» остается все только безконечное чтеніе рецензій объ «Эрмитажѣ», Лентовскомъ и «Ливадіи». А опытъ людей, сознательно отправившихся изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ въ народную среду, нуженъ, необычайно нуженъ для общества и въ особенности для подростающаго молодого поколѣнія, которое теперь въ свободное отъ уроковъ время стоитъ за спинками стульевъ, на которыхъ сидятъ родители, играющіе въ карты, и наблюдаетъ со всѣмъ напряженіемъ дѣтской впечатлительности за ходомъ игры. Одна такая книга, какъ *Что читать народу?* (въ 25 лѣтъ одна!) — манна небесная въ нашей изсушающей душу жизненной пустотѣ. Опытъ «работать въ народѣ» — трудный, непривѣтливый, изнурительный, мучающій человѣка, — манна небесная потому, что въ немъ именно и есть правда, съ нею только и можетъ начаться наше самостоятельное развитіе, воспитаніе. Ни въ какомъ другомъ смыслѣ нѣтъ ходу нашей самостоятельности, нѣтъ приложенія нашимъ силамъ, стало-быть нѣтъ имъ развитія: все можно купить готовымъ; все, что обѣщаетъ намъ развитіе у насъ европейскихъ порядковъ, все давно ужъ въ совершенствѣ обдумано и выдумано *не нами*. Всѣ вотъ эти колеса, винты, гайки, молотки, бочки, изображенные на фотографіи какой-то «группы» инженеровъ или механиковъ и заставляющіе Марью Васильевну думать: «какой умный Иванъ Ѳедоровичъ!» (онъ изображенъ съ какой-то кочергой) — все это куплено, *только куплено*, а на выдумку всего этого Иванъ Ѳедоровичъ не тратилъ собственнаго ума ни капли. Даже кашинскимъ винодѣламъ нечего выдумывать, а остается только поддѣлывать. Словомъ, во всемъ строѣ европействующаго русскаго человѣка отъ науки, отъ книги до сапога и чулка, не на что тратить свою мысль — все ужъ готово: «поди и купи». Эта полная возможность «все купить», отъ знанія до чулка, совершенно обезсиливаетъ нашъ умъ, наши силы — такъ намъ въ этихъ условіяхъ все хорошо и умно сдѣлано другими — и нашъ умъ, наша совѣсть, наши силы даже *волей-неволей* должны работать въ иномъ направленіи, чтобы имѣть хоть какую-нибудь гимнастику и не исчахнуть въ пустынѣ тоски или въ пустынѣ «своего удовольствія».

Спрашивается, что напримѣръ можетъ сдѣлать оригинальнаго, самостоятельнаго наша литература, если она приметъ это готовое, чужими руками устроенное теченіе жизни за нѣчто новое? Ровно ничего! Всѣ мотивы, которые могутъ на этомъ пути встрѣтиться наблюдателю, уже разработаны и,

какъ оригинальные, разработаны превосходно. Да наконецъ въ настоящее время въ мелкой журналистикѣ уже практикуется кое-что по части «перелицовки» *тамошняго* на наше *россійское*. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ одной госпожей, которая по нуждѣ дѣлаетъ для одной маленькой газеты такія вещи: возьметъ французскій или нѣмецкій разсказъ изъ буржуазной среды и передѣлаетъ его на русскіе нравы: вмѣсто Біаррицъ, напишетъ Ялта, вмѣсто Гансъ — Кузьма Иванычъ, а вмѣсто гофъ-кригсъ-ратъ — надворный совѣтникъ Анафемцевъ, вотъ и все. Читаютъ и похваливаютъ, потому что дѣйствительно трудно выдумать что-нибудь оригинальное, когда *все* одинаково у извѣстной среды, будь она французская, русская, нѣмецкая... Наши буржуа не могутъ выдумать какой-нибудь обстановки жизни или дать ей какое-нибудь иное содержаніе, кромѣ той обстановки и того содержанія, которыя вообще свойственны типу буржуа. Русскій заяцъ точно такой же заяцъ, какъ и заяцъ-англичанинъ, и вовсе нѣтъ того, чтобъ нашъ заяцъ леталъ, а англійскій пѣлъ — оба они зайцы и все у нихъ заячье, какъ двѣ капли воды. На этомъ готовомъ пути грозитъ намъ полнѣйшее утомленіе отъ готовыхъ удобствъ, средствъ жизни и самаго ея содержанія, и единственное наше спасеніе, единственная возможность пробудить наши силы *не на готовомъ*, т. е. не на ослабляющемъ даже самую охоту думать, дѣлать и жить, а на новомъ, что можетъ поднять всѣ наши силы, что потребуетъ даже удесятеренной энергіи, что состоитъ въ опытѣ жить, принимая за главнѣйшую цѣль жизни благосостояніе народныхъ массъ. Это трудно, но въ этомъ непрерывномъ опытѣ, въ этихъ непрерывныхъ неудачахъ, разочарованіяхъ, радостяхъ, высказанныхъ и несказанныхъ слезахъ, въ этомъ повидимому мучительномъ сознаніи недостижимости цѣли — во всемъ этомъ только и можетъ быть *наша самостоятельная жизнь*, отсюда только и придетъ матеріалъ, который ляжетъ въ основаніе воспитанія будущихъ поколѣній.

III.

Съ какимъ по истинѣ дѣтскимъ восхищеніемъ разсказывалъ мнѣ одинъ мой пріятель слѣдующій маленькій эпизодъ. Задумалъ этотъ мой пріятель походить пѣшкомъ и посмотрѣть, какъ живутъ на бѣломъ свѣтѣ добрые люди. Съ мѣсяцъ ходилъ онъ по Московскому уѣзду, и въ одну настоящую, заправскую «черную ночь», въ дождь и вѣтеръ, забрелъ невѣдомо куда, въ какой то огромный лѣсъ или паркъ съ заросшими, но правильными, величественными аллеями, и скоро очутился передъ громадной развалиной стариннаго барскаго дворца. И въ паркѣ темно, и пусто во дворцѣ — только вѣтеръ реветъ и воетъ, раскачивая огромныя деревья... Куда идти? И вдругъ, обойдя руину съ другой стороны, онъ замѣтилъ огонекъ. Огонекъ свѣтился въ единственномъ окошкѣ, не лишенномъ рамы и задернутомъ занавѣской. Обрадовавшись огоньку и жилью, пріятель сталъ искать входа въ него и скоро нащупалъ дверь, которая, какъ послѣ оказалось, не имѣла даже и петель и была только приставлена снаружи; съ громомъ и стукомъ повалилась она, эта дверь, отъ одного легкаго прикосновенія, и этотъ громъ заставилъ выскочить обитателей жилья: въ сѣняхъ, наполненныхъ мусоромъ отъ обваливающагося кирпича, появились древнѣйшій старикъ и молодая дѣвушка. Дѣвушка оказалась учительницей сельской школы, которая помѣщалась тутъ же, въ другой не совсѣмъ разрушенной каморкѣ. На селѣ негдѣ «приткнуться», все занято трактирами и кабаками, а земское зданіе школы еще не готово, такъ вотъ земство и нашло возможнымъ «приткнуть» ее съ нѣсколькими картами и книжнымъ шкафомъ въ этомъ микроскопическомъ углу огромнаго дворца, кое-какъ приведя уголъ въ возможный порядокъ. Пріятель мой, такъ нежданно появившійся и надѣлавшій такого шума, оторвалъ дѣвушку отъ работы: она исправляла дѣтскія сочиненія. Завязался простой разговоръ о школѣ, о ребятишкахъ, о ежедневныхъ школьныхъ мелочахъ, и разговоръ этотъ былъ точно лучъ свѣта во всей этой видимой, слышанной и пережитой тьмѣ... Во время разговора торопливо вбѣжала въ комнату деревенская дѣвочка, закутанная въ платокъ и съ высокой палкой въ рукѣ. — «Я у тебя, Алексѣевна, — сказала она учительницѣ, — нонѣ ночевать не буду!» — «Отчего?» — «Да мнѣ надыть пьяныхъ и прохожихъ по дворамъ разводить... Отецъ-то хмеленъ, а очередь наша... такъ вотъ я вмѣсто отцато!» — и ушла. И опять хорошо и свѣтло показалось моему пріятелю. Какой бы микроскопическій, съ высшей точки зрѣнія, «палліативъ», ни представляла эта учительница, читающая дѣтскія сочиненія на тему: «какъ я разъ испужался» или «какъ я разъ расшибся» — хорошъ человѣкъ, который рѣшился на этотъ палліативъ, который гдѣ-то въ углу, въ трещинѣ стараго дома нашелъ возможнымъ, а главное *нужнымъ*, разговарить съ какими-то чумазыми ребятишками, и дѣло его хорошо. Какъ ни мизерны средства этого человѣка, но онъ не скажетъ: «Почитай Кузьму Иваныча потому, что у него восемнадцать кабаковъ!» Не скажетъ: «Хлопочи только о своемъ карманѣ!» и т. д. Этого *нельзя* сказать ей, иначе она бы и не была здѣсь, не ежилась бы въ углу этой развалины съ своими тетрадками, сказками... Все это чуть-чуть замѣтный огонекъ въ черной, окутывающей ее кругомъ тьмѣ, но огонекъ несомнѣнный, хотя и трудно, мучительно трудно отвоевать его право не гаснуть среди цѣлой орды кабатчиковъ, кулаковъ, на которыхъ держится неурядица народная.

И, право, только вотъ такіе едва мерцающіе огоньки и радуютъ, хотя огоньки, точно, еле мерцаютъ... Молчаливое совершенствованіе теоретическихъ воззрѣній гораздо болѣе распространено, чѣмъ желаніе живого дѣла; теоретическое изящество, отдѣлка всевозможныхъ теоретическихъ деталей развиваются въ ущербъ вниманію къ сего-

днишней человѣческой нуждѣ — и это во всѣхъ интеллигентныхъ сферахъ; приводить въ связь съ сегодняшней мелочной дѣйствительностью свои отшлифованныя до высшей степени изящества теоретическія построенія русскій человѣкъ отвыкаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Недавно въ газетахъ былъ опубликованъ такой случай: въ Кронштадтѣ существуетъ какая-то ремесленная касса, дѣла которой ведутся по способу Артемъ Артемычей: молебенъ, расхищеніе, пожертвованіе корпіи въ «Красный Крестъ», молебенъ и опять расхищеніе. На общее собраніе этой кассы, гдѣ члены хотѣли возстать на такіе распорядки, появились пріѣхавшіе изъ Петербурга «новые люди». Эти новые люди теоретически были до того справедливы, говорили такъ превосходно, что собраніе, заслушавшись ихъ рѣчей, сразу забаллотировало прежнее правленіе и выбрало въ члены правленія новыхъ, пріѣзжихъ людей. Но когда дѣло дошло до необходимости показать справедливость своихъ отшлифованныхъ мыслей на дѣлѣ, то-есть войти въ мелочи жизни небогатыхъ трудящихся хозяевъ кассы, и, основываясь именно на этихъ мелочахъ (ради нихъ-то вѣдь и касса возникла), начать новые порядки, то новые люди оказались совершенно ничего въ этихъ мелочахъ не понимающими, не имѣющими никакого понятія о нуждѣ, о томъ, какъ живетъ бѣдный человѣкъ, каковъ его трудъ. И что же? Въ то-же самое засѣданіе разочарованные бѣдняки должны были свергнуть новыхъ людей съ только-что дарованныхъ имъ мѣстъ и съ горемъ и уныніемъ должны были выбрать опять старыхъ: эти хоть и воруютъ, но всетаки знаютъ, почемъ свѣчи, какъ дорога крупа и т. д.

Иллюстрацій, которыя-бы наглядно показали, до какой степени отвыкшая отъ реальнаго дѣла мысль русскаго человѣка привыкла молча и неподвижно присутствовать при созерцаніи того самаго зла, объ уничтоженіи котораго эта мысль смертельно печалится, можно было бы привести несмѣтное количество.

IV.

Едва я дописалъ послѣднюю строчку, какъ въ мою комнату вошелъ одинъ мой пріятель. Я прочиталъ ему написанное и между нами произошелъ такой разговоръ.

— Это все такъ, все вѣрно, сказалъ пріятель,— вѣрно и то, что русскій человѣкъ подавленъ и ослабленъ обиліемъ «готоваго», и то вѣрно, что это готовое не всегда ему по душѣ; ужъ очень видны намъ и фальшь, и ложь всего этого готоваго-то... Вѣрно тоже и то, что даже «дѣло» во имя благосостоянія народа не дремлетъ у насъ, а двигается неустанно по мѣрѣ возможности... Народное дѣло—слово не пустое и не только слово! Но все-таки какъ будто что-то не то, чего-то не достаетъ во всемъ этомъ всякому россіянину...

— Отчего-же такъ?

— Да оттого, мнѣ кажется, что человѣку непремѣнно надобно знать, что должно выдти изъ этого? Ну хоть-бы, съ позволенія сказать, утопію-бы какую-нибудь намъ представили... «Это не хорошо, это не такъ, это несправедливо, а вотъ такъ, молъ, и справедливо, и хорошо!» У европейцевъ, не чувствующихъ аппетита къ старымъ порядкамъ, всегда на смѣну ихъ есть фантазія о новыхъ; всякій европеецъ-реформаторъ отвѣтитъ вамъ на вопросъ: что̀ надо? — «Вотъ что̀!» А у васъ, т. е. у насъ, нѣтъ! «Народъ, масса, капитализмъ, община», а все что-то не то! Образчика, фантазіи не создано по поводу того, что̀ и какъ должно быть, что̀ и какъ справедливо. Давайте-ка эту фантазію, образчикъ — проснемся! Право, проснемся!

Я бы разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не рѣшился давать этихъ образчиковъ и даже въ дружеской болтовнѣ не нашелъ-бы удовольствія фантазировать на этотъ счетъ. Но одно совершенно случайное обстоятельство заставило меня невольно сосредоточить вниманіе на этомъ дѣлѣ.

Совершенно случайно въ мои руки попало одно народное современное произведеніе, гдѣ говорится «обо всемъ», и мнѣ показалось, что въ этомъ произведеніи воистину «брезжетъ» какой-то свѣтъ, давая возможность хотя чуть-чуть уловить очертанія чего-то гармоническаго, справедливаго и необычайно свѣтлаго.

IV. Трудами рукъ своихъ.

I.

Въ послѣднихъ строкахъ предыдущаго очерка я обѣщалъ познакомить читателя, томящагося рѣшеніемъ вопроса: «какъ жить свято?» — съ одною рукописью, написанной крестьяниномъ, въ которой какъ-бы «брежжитъ» нѣчто, отвѣчающее на этотъ многосложный и многотрудный вопросъ. Рукопись эта будетъ представлена читателю въ настоящемъ очеркѣ, но я боюсь, что она не произведетъ на него такого впечатлѣнія, какое я желалъ-бы, чтобъ она произвела, я боюсь, что читатель (конечно, именно только такой читатель, который не чуждъ мыслей о томъ, *какъ жить свято*), истомленный дѣйствительностью, повидимому неопровержимо доказывающей ему каждую секунду и долгіе-долгіе годы подрядъ, что свято жить нельзя, надобно жить не свято, — боюсь, что этотъ читатель набросится на эту рукопись, въ которой обѣщанъ отвѣтъ на мучительный вопросъ, съ жадностью и алчностью утомленнаго, чрезмѣрно уставшаго человѣка, и, какъ всякій уставшій и проголодавшійся человѣкъ, которому кажется, что онъ съѣстъ быка, не съѣстъ съ должнымъ аппетитомъ и того маленькаго кусочка, который ему предлагаютъ. «Кусокъ», который предлагаетъ рукопись крестьянина, не великъ, но въ немъ есть дѣйствительно подлинныя питательныя свойства,—надобно только потребить

его не съ азартомъ жадности, «поотдохнувши», не торопясь глотать его сразу.

Вотъ именно въ видахъ того, чтобы читатель съѣлъ этотъ кусокъ полностью, съ аппетитомъ, ощутилъ бы его доброкачественность и оригинальность вкуса, мнѣ и необходимо не давать его читателю сейчасъ «съ устатку» и попросить его поотдохнуть немного на нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеніяхъ. Эти «предварительныя соображенія» дѣлаются мной между прочимъ на основаніи выводовъ и наблюденій, сдѣланныхъ на тему настоящаго очерка уже другими русскими писателями, такъ что предлагаемый очеркъ есть работа компилятивная.

Въ томъ-же предыдущемъ очеркѣ мною было сказано между прочимъ, что наша интеллигентная скучающая публика потому именно «влачитъ» безплодно и тускло свое существованіе, что волею судебъ для нея уже выработаны формы существованія, что она должна принимать ихъ готовыми, что эти готовыя формы замѣняютъ ей силу самостоятельной мысли: не приходится думать, когда уже впередъ извѣстно, какъ пойдутъ твои дни и годы. Но, принимая волею судебъ надвигающіеся готовыя формы жизни съ совершенно готовымъ содержаніемъ, русскій интеллигентный человѣкъ самъ по себѣ не можетъ не видѣть, не чувствовать, что все это готовое—не ладно, не гармонично, не чисто и вообще «не такъ». Какъ человѣкъ *свѣжій*, т. е. не принимавшій ровно никакого участія въ созданіи тѣхъ формъ жизни, которыя онъ долженъ принять готовыми, онъ въ то же время принимаетъ также въ готовомъ видѣ и критику этихъ формъ и, еще не живя въ нихъ, не пробуя ихъ, онъ уже съ совершенною ясностью видитъ, что онѣ не годны, непривлекательны, не возбуждаютъ аппетита.

Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли ему быть искреннимъ въ уваженіи и въ интересѣ къ оригиналу тѣхъ сторонъ жизни, которыя онъ обреченъ только копировать? Оригиналъ этотъ — европейская жизнь, какъ видитъ всякій, не блещетъ особенно привлекательными сторонами и рѣшительно никого не можетъ убѣдить, что оригиналъ этотъ — совершенство и послѣднее слово. Мнѣ невозможно вдаваться въ подробности несовершенства настоящей минуты, переживаемой оригиналомъ, но чтобы читателю была видима самая суть этихъ несовершенствъ, я позволю себѣ указать хотя на послѣдніе выборы въ европейскіе парламенты, такъ какъ *суть* (необходимая намъ для нашей цѣли) выражается въ нихъ весьма рельефно: безпрестанныя стычки и даже драки, брань, ссора, ожесточенная борьба партій никогда съ такой силой не проявлялись на собраніяхъ, предшествовавшихъ выборамъ, какъ въ послѣдніе мѣсяцы! Не слышно никакихъ теоретическихъ разговоровъ—по этой части все ужъ переговорено, а дерутся и ругаются, срамятъ и стремятся втоптать въ грязь другъ друга группы людей, не имѣющія между собой *ничего общаго*, И вотъ этимъ-то *ничего не имѣющимъ общаго* между собою группамъ людей, на которыя распалось европейское общество, предстоитъ выбрать правительство, блюдущее интересы *всѣхъ*, хотя у *всѣхъ* интересы совершенно различные: у капиталиста—не тѣ, что у рабочаго, у духовенства — не тѣ, что у республиканцевъ, у земледѣльцевъ — не тѣ, что у землевладѣльцевъ... Немудрено, что напр. господину Греви, стоящему «во главѣ» такого правительства, не остается другого занятія, какъ кормить по нѣскольку разъ въ день свою утку и отдѣлываться ничего незначащими фразами отъ требованій всѣхъ партій, такъ какъ интересовъ одной нельзя удовлетворить, не нарушая интересовъ другой, а эта другая, какъ и третья, и пятая, стремится выдвинуть свои интересы непремѣнно на первый планъ.

Но никакой отдѣльный человѣкъ, отнятый отъ этого муравейника, не скажетъ вамъ, что онъ счастливъ, что ему легко, что онъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Ни рабочій, ни капиталистъ, ни землевладѣлецъ, ни купецъ, ни военный, ни ученый и т. д.—никто не скажетъ, что онъ не нуждается въ томъ, чтобы какой-нибудь изъ его перечисленныхъ сосѣдей не былъ притиснутъ къ стѣнѣ для того, чтобы его благополучіе было вѣрнѣе обезпечено, и что слѣдовательно каждый изъ нихъ, т. е. каждый изъ милліоновъ жителей, населяющихъ страну, при настоящихъ условіяхъ жизни, складывающейся на подобіе пчелинаго улья, не можетъ чувствовать себя уравновѣшеннымъ съ окружающей средой и слѣдовательно личное его существованіе не полно, не независимо, не свѣтло и слѣдовательно не счастливо.

Въ видахъ того, чтобы читатель могъ оцѣнить значеніе того простонароднаго произведенія, съ которымъ мы хотимъ его познакомить, намъ желательно обратить особенное его вниманіе именно на эти двѣ рѣзкія черты, характеризующія оригиналъ тѣхъ формъ жизни, которыя ужъ томятъ русскаго человѣка: въ глубинѣ этихъ формъ томится личность человѣческая, томится человѣкъ, на умаленіи котораго и зиждется «порядокъ» теперешняго «общества». Но порядокъ этотъ совершенно не отвѣчаетъ окованной его цѣпями личности, и то, что грезится ей какъ справедливое, можетъ быть превосходно выражено нѣсколькими строками, взятыми нами изъ сочиненія Н. К. Михайловскаго и касающимися мечтаній о такихъ условіяхъ человѣческаго существованія, среди которыхъ личность человѣческая могла-бы найти полноту своего существованія, не нарушая полноты существованія общества; вотъ эти строки, опредѣляющія прогрессъ: «прогрессъ: *есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами (недѣлимаго) и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми*».

Въ четвертомъ томѣ сочиненій Н. К. Михайловскаго читатель найдетъ обширную статью: «*Что такое прогрессъ?*», которая выведетъ его сбиваемую съ толку мысль на настоящую дорогу, къ настоящему свѣту. Мы не можемъ дѣлать боль-

нихъ выписокъ изъ этой статьи, такъ какъ выясненію вышеприведеннаго положенія посвящены почти пять томовъ этого писателя, такъ что теряешься въ обиліи блестящихъ страницъ и не знаешь, которую изъ нихъ предпочесть передъ прочими. Ограничимся поэтому только тѣми строками, въ которыхъ формула прогресса г. Михайловскаго излагается въ самомъ сжатомъ видѣ. На основаніи этой формулы, «*безнравственно*—говоритъ г. Михайловскій—*несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе* (т. е приближеніе *недѣлимаго къ цѣлостности*).*Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ*».

Прилагая ее къ настоящему моменту жизни человѣческихъ обществъ и выдѣляя изъ нихъ *личность человѣческую, недѣлимое*, мы не можемъ не видѣть, что недѣлимое не можетъ похвалиться «цѣлостностью» своего существованія. Напротивъ, въ каждомъ человѣкѣ каждой общественной группы, изъ соединенія которыхъ образуется благообразіе пчелинаго улья, нѣтъ гармоніи въ развитіи его личности, нѣтъ разнородности въ дѣятельности членовъ его организма; напротивъ, онъ, *цѣлый человѣкъ*, живетъ только *частью* себя, самъ сдѣлавшись *членомъ* общественнаго организма. Трудъ раздѣленъ «между людьми», а не «между членами организма человѣческаго». Рабочій только стоитъ у станка или у горна и стучитъ всю жизнь молотомъ, проститутка всю жизнь должна быть весела и пьяна и т. д. Всѣ исполняютъ какую-нибудь спеціальность, не дающую возможности жить спеціалисту другими сторонами человѣческаго духа и тѣла, и всѣ не могутъ считать себя счастливыми. «Попробуй-ка моего!»—можетъ сказать человѣкъ всякой современной профессіи, и всякій въ то же время не можетъ существовать безъ посторонней помощи, всякій эксплуатируетъ всякаго и въ свою очередь эксплуатируется всякимъ. Рабочій, священникъ, инженеръ, балетная танцовщица, ученый и т д., поставленные въ положеніе, при которомъ ихъ спеціальности оказываются ненужными, не требуются, не покупаются, должны *сгинуть*, пропасть отъ своей безпомощности, и вообще никто изъ нихъ не можетъ *самъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ*, а напротивъ—удовлетворяя какую-нибудь ничтожную общественную потребность, *самъ-то* въ удовлетвореніи всѣхъ своихъ потребностей требуетъ постороннихъ услугъ такихъ-же, какъ и онъ, микроскопическихъ спеціалистовъ.

Выраженіе «*самъ*» удовлетворяетъ *всѣмъ своимъ потребностямъ*» принадлежитъ гр. Л. Н. Толстому; употреблено оно имъ какъ характеристика формъ жизни нашего крестьянства, въ отличіе отъ формъ жизни, выработанныхъ «цивилизаціей», и, какъ мы думаемъ, характеристика эта окончательно разсѣеваетъ всю ту темь и туманъ, и муть, которые въ литературныхъ спорахъ окружаютъ толки о народѣ и цивилизаціи, о Россіи и Европѣ.

Упомянувъ въ одной изъ своихъ педагогическихъ статей о мнѣніи Маколея, что благосостояніе рабочаго народа измѣряется высотой заработной платы, гр. Толстой спрашиваетъ: «Неужели мы, русскіе, до такой степени не хотимъ знать и не знаемъ положенія нашего народа, что повторяемъ такое безсмысленное и ложное положеніе? Весь народъ, каждый русскій человѣкъ безъ исключенія назоветъ богатымъ степного мужика, съ старыми одоньями хлѣба на гумнѣ, никогда не видавшаго въ глаза заработной платы, и назоветъ несомнѣнно бѣднымъ подмосковнаго мужика въ ситцевой рубашкѣ, получающаго постоянно высокую заработную плату. Не только въ Россіи невозможно опредѣлить богатство степенью заработной платы, но смѣло можно сказать, что появленіе въ Россіи заработной платы есть признакъ уменьшенія богатства и благосостоянія». А въ другомъ мѣстѣ той же педагогической статьи гр. Толстой говоритъ: «Чтобы человѣку изъ русскаго народа полюбить чтеніе Пушкина или исторію Соловьева, надо этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т. е. человѣкомъ независимымъ, удовлетворяющимъ всѣмъ своимъ потребностямъ». Пушкинъ и Соловьевъ здѣсь поставлены только какъ признакъ нужды духовной, которую оказывается невозможнымъ удовлетворять самому, какъ и въ предшествовавшемъ примѣрѣ указаны признаки матеріальной нужды: разъ человѣкъ теперь, въ настоящую минуту, удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ матеріальнымъ, такъ и духовнымъ, онъ вполнѣ независимъ, и дѣлается зависимымъ, т. е. несовершеннымъ, удаляется отъ цѣлостнаго типа только тогда, когда не можетъ *самъ* удовлетворять себя во всѣхъ своихъ потребностяхъ Какъ видите, ту формулу прогресса, которую дѣлаетъ г. Михайловскій путемъ научнымъ, гр. Л. Н. Толстой, къ нашему, т. е. русскому огромному счастью, видитъ даже осуществленной въ глубинахъ нашихъ народныхъ массъ, и его выраженіе: *самъ удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ*, сказавшееся послѣ глубокаго и искреннѣйшаго изученія русскаго народа, вполнѣ отвѣчаетъ теоретическому выводу г. Михайловскаго: «нравственно, справедливо, разумно все то, что уменьшаетъ разнородность общества (разнородность между профессіями людей), усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ», т. е. соединяя эти разрозненныя профессіи въ каждомъ человѣкѣ, т. е. дѣлая для каждаго возможнымъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ.

Повторяемъ: эта формула и этотъ выводъ, сдѣланный гр. Л. Н. Толстымъ относительно формъ жизни русскаго народа, окончательно рѣшаютъ вопросъ какъ о томъ, что̀ вообще нравственно, разумно, справедливо, такъ и о томъ, что̀ такое Россія, Европа, народъ и цивилизація. Стоитъ только эти выводы приложить къ любимому разсужденію о благѣ русскаго народа, чтобы немедленно убѣдиться, точно ли разсуждающій желаетъ народу блага? точно-ли *онъ понимаетъ*, въ чемъ оно заключается, *точно-ли онъ любитъ* его, или толь-

ко галдитъ о немъ и безъ толку бормочетъ о Россіи и Европѣ, о народѣ и цивилизаціи?

Въ томѣ III «Сочиненій Н. К. Михайловскаго» *) читатель найдетъ превосходный примѣръ примѣненія этой формулы прогресса къ ученію теперешняго славянофильства, которое, какъ всѣмъ извѣстно, десятки лѣтъ твердитъ о народѣ и хлопочетъ о широкомъ развитіи его духа. Въ № 4 газеты *День* 1865 г. была напечатана статья «*Зигзаги и арабески русскаго домосѣда*»; изъ нея-то Н. К. Михайловскій дѣлаетъ слѣдующую выписку: «Всякимъ довольствомъ обильна, величавымъ покоемъ полна, текла когда-то старинная дворянская жизнь домосѣдская: медъ, пиво варили, соленья солили и гостей угощали на славу — избыткомъ некупленныхъ, Богомъ дарованныхъ благъ. И этой спокойной жизни не смущала залетная мысль а если подчасъ бушевала кровь застоялая—пиры и охота, шуты и веселье разгуломъ утоляли заволновавшуюся буйную кровь». Затѣмъ идетъ описаніе запустѣнія дворянской жизни и, не мѣняя былиннаго языка, авторъ приходитъ къ выводу, что въ Россіи нужны новыя желѣзныя дороги, новыя финансовыя предпріятія, деньги съ которыхъ опять оживятъ жизнь домосѣдскую. «*Не* старцевъ, калѣкъ перехожихъ ждетъ томящійся избыткомъ богатствъ неизбытныхъ южнорусскій край; ждетъ онъ желѣзнаго пути отъ середины Москвы къ Черному морю. Ждетъ его могучаго свиста древній престольный городъ Кіевъ; встрепенется, оживетъ въ немъ старый русскій духъ богатырскій; возсіяютъ яркимъ золотомъ потемнѣвшія златоглавыя церкви и звонче раздастся колокольный тотъ звонъ, что̀ со всѣхъ концовъ земли русской утомленныя силы, нажитое, накопленное горе—ко святымъ пещерамъ зоветъ, облегченье, обновленье даетъ. Торный, широкій слѣдъ проложила крѣпкая вѣра нетронутая, да тяжелая, жизнью вскормленная скорбь народная къ городу Кіеву. Но на перепутьи другомъ создали силы народныя новый городъ Украйны, Харьковъ торговый; бьетъ ключемъ здѣсь торговая русская жизнь, сѣверъ съ югомъ торговлю ведетъ и *стремятся сюда свѣжія ретивыя* русскія *рабочія силы* къ непочатымъ землямъ Черноморья и Дона, къ просторнымъ степямъ, къ Крыму безлюдному, что̀ стономъ стонетъ, рабочихъ рукъ проситъ. Томятся, ждутъ города и земли — къ кому (къ Кіеву или Харькову) направится новый желанный путь, кому дастся сила, кому безсиліе?» Къ этому же редакція *Дня* дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Моря и Москвы хочетъ доступить Кіевъ; пуще моря нужна Москва Харькову; Кіеву —первый почетъ, да жаль обидѣть и Харькова. Или Русь-богатырь такъ казной-мощной отощала, ума-разума истеряла, что не подъ силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму за единый разъ добыть обоихъ путей, обоихъ морей, желѣзомъ сягнуть до Чернаго черезъ Кіевъ-градъ и Азовское на цѣпь къ Москвѣ черезъ Харьковъ взять, чтобы никому въ обиду не стало?» За исключеніемъ мнѣнія, будто-бы Азовъ-градъ обидится, если его по примѣру прочихъ мѣстъ не посадятъ на цѣпь —что же тутъ, спрашивается, русскаго, народнаго, что тутъ «не Европа?» Богатырскимъ языкомъ здѣсь изложено, что желаютъ учредить совершенно европейское финансовое предпріятіе; съ гуслярнымъ звономъ говорится о рабочихъ рукахъ, т. е. о нарожденіи той самой заработной платы, которая не можетъ появиться на Руси иначе, какъ вслѣдствіе упадка народнаго благосостоянія. Кстати сказать, недавно вышедшая книга г. Янжула: «*Фабричный бытъ Московской губерніи*» уже рисуетъ «начало» на Руси этихъ чисто европейскихъ формъ жизни, и намъ кажется, что г. Янжулъ, зная фабричный бытъ Англіи, могъ бы даже теперь, не посѣщая фабрикъ, не только знать, что̀ тамъ дѣлается, но даже и предсказать, что̀ тамъ будетъ дѣлаться завтра, черезъ десять, пятнадцать лѣтъ. И все, что̀ тамъ ни дѣлается, и все, что̀ ни будетъ дѣлаться,—все это противорѣчитъ коренным свойствамъ народнаго быта, основаннаго на полномъ удовлетвореніи всѣмъ своимъ потребностямъ. Но если г. Янжулъ, какъ знающій фабричный бытъ Англіи, т. е. образца, съ котораго у насъ на Руси водворяется готовый слѣпокъ, могъ бы предсказать заранѣе все, что̀ воспослѣдуетъ изъ этого нововведенія, то наша скучающая публика *должна* знакомиться съ такими работами, какъ книга г. Янжула, такъ какъ она весьма мало знаетъ, что̀ такое за несчастіе эта заработная плата и что̀ за счастіе такое учрежденіе, какъ фабрика.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, чего напримѣръ стоитъ человѣку (*человѣку*, господа!) такой ничтожнѣйшій продуктъ, какъ рогожа? Работа на рогожныхъ фабрикахъ начинается съ воскресенья, съ девяти часовъ вечера и идетъ такъ: работники—отецъ, мать и двое дѣтей—работаютъ всѣ вмѣстѣ съ девяти часовъ до четырехъ часовъ ночи, въ четыре часа отецъ ложится спать, а мать и двое дѣтей работаютъ до шести; въ шесть встаетъ отецъ, ложится мать, въ девять часовъ ложится одинъ ребенокъ, а въ часъ дня, *то-есть проработавъ шестнадцать часовъ подрядъ*, засыпаетъ другой, и такъ втеченіе цѣлаго дня почти безостановочно, съ перерывами въ одинъ часъ—для обѣда, въ два-три часа, когда случится, днемъ и ночью—для сна; идетъ работа всю осень, зиму и весну... Весной, уходя домой, рабочіе до того *измаиваются*, что, даже по выраженію самихъ хозяевъ этихъ фабрикъ, ихъ «*вѣтромъ качаетъ*», и что-жъ, такой каторжный, измаивающій трудъ —что онъ, приближаетъ ретивый трудовой типъ русскаго человѣка къ «цѣлостности», къ полнотѣ или удаляетъ отъ него, и изъ цѣлаго человѣка превращаетъ въ какой-то инструментъ, щиплющій мочало?

Но эта рогожная фабрика—образецъ фабрики самаго первобытнаго устройства: здѣсь хозяинъ, какъ видите, самъ говоритъ, что работники измаиваются такъ, что ихъ «вѣтромъ качаетъ»; кромѣ того, при наймѣ рабочихъ также самъ хозяинъ

*) Стр. 213.

по-мужицки откровенно говоритъ имъ, что за провизію съ нихъ онъ, хозяинъ, будетъ брать дороже лавочнаго и чтобы эту дорогую провизію брать непремѣнно у него. Это фабрика—нерафинированная ни гуманностью, ни филантропіей. Но и рафинированныя фабрики, образчики которыхъ читатель можетъ найти въ книгѣ г. Янжула, также не очень будутъ радовать его сердце.

Вотъ напримѣръ фабрика въ городѣ Серпуховѣ, гдѣ все устроено по послѣдней модѣ и со всевозможнымъ «гуманствомъ»: есть и больница, и особенный родильный пріютъ для рабочихъ женщинъ, гдѣ онѣ могутъ «*родить безплатно*», и притомъ пользуются даровыми лекарствами и уходомъ; для дѣтей фабричныхъ рабочихъ устроены колыбельни, въ которыхъ, за отсутствіемъ матерей, за дѣтьми ходятъ нѣсколько нанятыхъ администраціей фабрики женщинъ. Около этой колыбельни устроенъ садикъ и въ немъ ящики съ пескомъ, въ которыхъ дѣти могутъ играть. Все превосходно съ перваго взгляда, а посмотрѣть на дѣло «по-божески», такъ и скучненько станетъ: представьте себѣ дѣтскіе годы этого ребенка: ребенокъ, неразлучный съ матерью со дня рожденія, благодаря уже *одному разговору* материнскому, разговору, начинающемуся еще *за долго* до самыхъ элементарнѣйшихъ признаковъ пониманія въ ребенкѣ, за долго до того времени, когда онъ еще научится слышать, глядѣть — разговору безконечному, постоянному и притомъ рѣшительно *обо всемъ*, что только даетъ разнообразная жизнь дня, — благодаря уже одной этой материнской болтовнѣ, ребенокъ начинаетъ ощущать потребность самаго разносторонняго вниманія и, благодаря именно этому вниманію къ многочисленности явленій жизни, возбужденныхъ материнской болтовней, начинаетъ развиваться *всѣми сторонами* своего духа и тѣла. Теперь-же, въ этомъ ящикѣ съ пескомъ, оставленный на попеченіе старухи, обязанной смотрѣть за десятерыми, онъ на тысячи вопросовъ не получитъ отвѣта (не разорваться же старухѣ!), тысячи любопытныхъ явленій—цвѣтокъ, пѣтухъ, бабочка—мелькнутъ только явленіями непонятными. Въ этомъ ящикѣ съ пескомъ онъ уже лишенъ безконечно-разнообразныхъ впечатлѣній, которыя дала бы ему жизнь въ трудовой крестьянской семьѣ, впечатлѣній трудоваго крестьянскаго дня. Мать онъ видитъ въ то время, когда она приходитъ ѣсть и спать, въ тѣ же часы видитъ и отца, но и у матери, и у отца нѣтъ ничего общаго и въ трудѣ, какъ это есть въ крестьянской семьѣ; нѣтъ общаго, понятнаго и мужу, и женѣ и въ то же время воспитывающаго этимъ общимъ трудовымъ днемъ и разговоромъ своего ребенка: отецъ дѣлаетъ одно, мать другое, а общій разговоръ—«про деньги», и все про то, чтобы «отдохнуть», да какъ-бы «уйтить въ кабакъ». Ребенокъ растетъ подъ однообразный стукъ и свистъ паровыхъ машинъ, въ разговорахъ о штрафахъ, о рабочихъ часахъ, объ убавкѣ платы—и съ дѣтскихъ годовъ всѣ его духовныя и физическія свойства воспитываются примѣнительно къ узкой, однообразной, *изматывающей* фабричной работѣ. Онъ будетъ, можетъ быть, аккуратнѣе отца, будетъ исправнѣе, но онъ будетъ уже глупѣе его, если можно такъ сказать, онъ уже не будетъ тѣмъ полнымъ человѣкомъ, какимъ пришелъ на фабрику его отецъ; отца его нужно было приводить въ машинообразное состояніе штрафами, вычетами, кутузками, строжайшими угрозами пустить по міру безъ копѣйки за буйство, за пѣсни, за опозданіе, за драку, за водку; на тысячи манеръ администрація «обламывала» неотесаннаго мужика, который напился и набуянилъ отъ тоски, который изъ ревности исколотилъ жену, изъ личной обиды на неотеса-надсмотрщика испортилъ дорогую машину или «нажрался» съ радости, вспомнивъ, что «на селѣ» праздникъ, или что надо погулять, потому что жена родила, заговорило родительское сердце... Этотъ новый типъ, безъ деревенскихъ впечатлѣній, ребенокъ, выросшій въ колыбельняхъ, въ ящикахъ съ пескомъ, подъ стукъ и свистъ паровиковъ и паровыхъ молотовъ, можетъ быть и не будетъ буянить, будетъ пьянствовать тихо, валяться за-мертво, не безпокоя администраціи и не подвергая себя штрафу; быть можетъ, этотъ будущій рафинированный фабрикой человѣкъ не забуянитъ и изъ ревности, потому что вѣроятно и надъ проституціей простреться рука гуманности, и она будетъ «упорядочена», улучшена въ гигіеническомъ отношеніи, такъ что не будетъ надобности и въ больницѣ лежать, и ревновать, да и на крестинахъ буйствовать съ радости вѣроятно также не придется. Еще можно бы говорить, что эти новости неотразимы для насъ, что эти бѣды должны придти къ намъ, что нужно все сдѣлать, чтобы ослабить неизбѣжное зло, и подъ прикрытіемъ этихъ гуманностей все-таки съ грѣхомъ пополамъ класть въ карманъ «неизбѣжный и неотразимый» дивидендъ, но говорить, что соловьиный свистъ желѣзныхъ дорогъ и фабричныхъ паровиковъ тоже, что богатырскій посвистъ Ильи Муромца (это сказано въ упомянутой статьѣ *Дня*), что отъ свиста этого проснется русскій духъ богатырскій, что засіяютъ кресты златоглавые — это ужъ даже и безобразно.

II.

Не будемъ однако слишкомъ далеко уходить отъ главной темы настоящаго очерка и, предоставивъ капиталу творить то, что ему будетъ «позволено», вновь остановимъ наше вниманіе на любезномъ намъ типѣ человѣка «независимаго» и удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребностямъ.

Типъ этотъ любезенъ намъ потому, что, какъ мы видѣли, и «по наукѣ» онъ оказывается именно тѣмъ типомъ существованія, о которомъ смутно и тяжко томится стиснутая и скомканная душа современнаго человѣка, пытающагося отвѣтить на преслѣдующій его вопросъ: «какъ жить свято?». И потому любезенъ онъ, что въ немъ есть и простота, и широта, и гармонія, и независимость, и правда—все, что хочется человѣку, все, что таится

въ глубинѣ-глубинъ его тоскующей совѣсти; любезетъ онъ намъ еще и потому, что этотъ типъ, т. е. этотъ *образчикъ* справедливаго существованія, есть у насъ въ живомъ видѣ, живетъ въ массахъ русскаго народа и во-сто разъ любезнѣе и значительнѣе становится онъ для насъ теперь, благодаря рукописи простого крестьянина, потому что рукопись эта говоритъ, что и самъ народъ, въ лицѣ своихъ, по-своему образованныхъ, мыслящихъ людей, также хочетъ сказать всему бѣлому свѣту, что и онъ, народъ, *сознательно* полагаетъ и правду, и счастье, и независимость именно въ такой формѣ жизни, въ основѣ которой лежитъ *удовлетвореніе личностью всѣхъ своихъ потребностей.*

Съ умысломъ подчеркнуто мною слово *сознательно*. Всякій, кто, желая знать народъ, старался понять его жизнь и его мысль, и вообще всякій интеллигентный человѣкъ, жившій въ деревнѣ, въ народѣ и хоть чуть-чуть «съ народомъ», непремѣнно и притомъ необычайно долго долженъ былъ переживать самыя мучительныя, самыя терзательныя, бѣснующія даже иногда минуты. На каждомъ шагу онъ встрѣчалъ, и притомъ одновременно, какъ дѣйствительно тѣ гармоническія формы народнаго быта, о которыхъ только что говорено и которыя невольно возбуждали скорбь о своемъ интеллигентномъ ничтожествѣ и зависть къ гармонической силѣ и простотѣ народа, такъ и полное разочарованіе въ гармоніи, полную безсмыслицу деревенскихъ людей, грубую дикость, узкость, узколобіе, безсердечіе и вообще полнѣйшее отсутствіе какихъ-бы то ни было человѣческихъ привлекательныхъ чертъ и свойствъ. Вотъ сейчасъ напримѣръ, въ то самое время когда я писалъ эти строчки, приходилъ ко мнѣ вполнѣ «гармоническій», «цѣлостный» и «полный» деревенскій человѣкъ и объявилъ, что онъ завтра поступаетъ въ лакеи къ одному барину, который появился на станціи.—«Что же ты будешь дѣлать у него?»—«Да ужъ что потребуется... куда пошлютъ... что подать... комнаты, напримѣръ, *пріобрѣсти* въ чистоту» и т. д. До сей минуты это *былъ* славный крестьянскій юноша, молодой парень, человѣкъ, «самъ удовлетворяющій своимъ потребностямъ», а сегодня онъ съ веселымъ лицомъ идетъ въ лакеи, потому что ему дадутъ семь рублей въ мѣсяцъ (хотя не *проявись* на станціи баринъ, этотъ парень продолжалъ-бы оставаться «цѣльнымъ» и «полнымъ» и жилъ-бы безъ семи рублей, какъ жилъ безъ нихъ до настоящаго времени). И вотъ онъ-то весело идетъ въ лакеи; изъ хозяина, вполнѣ независимаго человѣка, радуется, превращаясь въ холопа, ни мало не задумываясь о томъ, что это униженіе, что обидно-же ему будетъ подавать тарелки, когда теперь ему самому подаютъ бабы, что не маленькій онъ бѣгать за булками. Вчера еще онъ говорилъ отличнымъ языкомъ, правильнымъ, дѣльнымъ, свободнымъ, выразительнымъ, а теперь онъ выдвигаетъ слова, въ которыхъ смысла человѣческаго нѣтъ,—«*пріобрѣсти* комнату въ порядокъ», а завтра, можетъ быть, будетъ уже тайкомъ выпивать остатки недопитаго «портвину», воровать папироски, льстить барскому самолюбію, даже про барскую собаку, можетъ быть, будетъ говорить: «*онѣ* пошли по своей части», а ужъ рѣчь его будетъ навѣрное испещрена, чортъ знаетъ, какими словами; не сегодня-завтра онъ ужъ «примазывается» къ «куфаркѣ» и на весь домъ ржетъ отъ удовольствія, найдя въ отсутствіе барина сатирическій листокъ съ какой-нибудь сальной картинкой, тогда какъ вчера онъ и мысли не имѣлъ, чтобы «примазываться» къ кому-нибудь: вчера онъ велъ себя въ этомъ смыслѣ и чисто, и честно, и строго, а о сальностяхъ и удовольствіи созерцать ихъ—и помину не было. Словомъ, вчера я считалъ его человѣкомъ вполнѣ достойнымъ всякаго уваженія, обращался съ нимъ деликатно, вѣжливо, какъ и онъ со мной; относился къ нему, какъ къ сильному, умному, толковому, понятливому сельскому жителю, не сегодня-завтра семьянину и хозяину, а сегодня онъ ужъ и самъ *не посмѣетъ* протянуть мнѣ руки, поздороваться «за ручку», какъ мы здоровались все время, да и разговаривать намъ будетъ ровно не о чемъ,

Словомъ, на каждомъ шагу нашихъ столкновеній съ народомъ мы чувствуемъ и видимъ «собственными глазами», что есть въ этомъ гармоническомъ человѣкѣ какой то предѣлъ, послѣ котораго этотъ-же человѣкъ можетъ превратиться Богъ знаетъ во что, изъ добраго сдѣлаться злымъ, изъ великодушнаго—жаднымъ и алчнымъ, изъ мірского—сущимъ врагомъ міра, разорителемъ его и предателемъ, и изъ человѣка внимательнаго къ себѣ—какимъ-то безмысленнѣйшимъ губителемъ самаго себя.

Гдѣ-же тотъ пунктъ и въ чемъ онъ заключается, дойдя до котораго гармоническій человѣкъ вдругъ превращается въ безобразіе и дѣлается рѣшительно не похожимъ даже самъ на себя? Мало-по-малу, то восхищаясь, то терзаясь разочарованіями, начинаешь приходить къ мысли, что этотъ гармоническій человѣкъ *едва-ли* даже *понимаетъ, что онъ именно гармоническій*, что онъ хоть и говоритъ всю жизнь прозой, но, кажется, рѣшительно не знаетъ этого; онъ не знаетъ, хорошъ-ли онъ или худъ, а живетъ, дѣлаетъ и думаетъ хорошо и красиво, и справедливо, какъ-бы только благодаря какимъ-то постороннимъ, вовсе не отъ него зависящимъ вліяніямъ; начинаетъ чувствоваться, что кто то властвуетъ надъ нимъ, и покуда этотъ кто то властвуетъ, передъ вами стоитъ и многосторонній, и гармоническій человѣкъ, а какъ только этотъ кто-то пересталъ властвовать, такъ гармоническій человѣкъ и идетъ въ лакеи къ барину, который «появился на станціи», и начинаетъ выговаривать слова безъ всякаго смысла—«*пріобрѣсти* комнату въ чистоту».

Разубѣдиться въ силѣ этой власти невозможно, такъ какъ, почуявъ ея присутствіе, вы можете только всѣми силами добиваться разрѣшенія вопроса: гдѣ, въ чемъ и чья такая эта власть? Оказывается, что власть эта есть дѣйствительно и что все благообразіе гармоническаго человѣка всецѣло зависитъ отъ условій его труда, и вотъ здѣсь, са-

мымъ пристальнымъ образомъ вникая въ условія и свойства этого труда, вы убѣждаетесь, что этотъ трудъ, безпрерывный и безконечный, во имя только «куска хлѣба», охватываетъ всего человѣка, владѣетъ имъ всю жизнь, переноситъ на него все свое разнообразіе, красоту, многосложность, гармоничность, поэзію; убѣждаетесь, что этотъ трудъ, владѣя человѣкомъ, уничтожаетъ въ этомъ человѣкѣ малѣйшую возможность своевольства, *своей* выдумки, *своихъ* плановъ, *своихъ* убѣжденій, но, напротивъ, самъ своею властью, выдумкой, прихотью входитъ въ мысль, въ поступки, въ домашніе и общественные порядки и отношенія деревенскаго «гармоническаго человѣка». *Знай* этотъ гармоническій человѣкъ, что онъ живетъ такъ хорошо, честно, просто и свято — потому что такъ *должно* жить, что жить такъ справедливо по отношенію къ себѣ и къ людямъ, что вообще иныя, болѣе легкія формы существованія не соотвѣтствуютъ требованіямъ его совѣсти, его убѣжденіямъ, — развѣ бы онъ продавалъ съ такой веселой безпечностью свое первородство за чечевичную похлебку, какъ это мы видимъ въ деревнѣ безпрестанно?

Да и никогда для огромной милліонной массы огромнаго большинства русскаго крестьянства не было и малѣйшей возможности воспитывать свою совѣсть; оно дѣлало это само, кое-какъ, безъ малѣйшихъ средствъ, валило черезъ пень колоду, но дѣлало едва-едва, урывками, мало, плохо, путанно, но дѣлать хорошо и прочно оно не могло, потому что сотни лѣтъ его воспитывали исключительно въ хозяйственныхъ цѣляхъ, въ агрономическомъ, такъ сказать, направленіи. И большой бояринъ стараго времени, и господинъ бывшій помѣщикъ чуяли, что власть земледѣльческаго труда безгранична надъ мужикомъ, что она сильнѣе палки и даже самого бурмистра или ключника, и старались только, чтобы надъ нимъ царила исключительно эта власть, власть естественныхъ условій труда, власть земли, навоза, вѣтра, дождя, урожая, неурожая,—условій, которыя не подлежатъ ни контролю, ни протесту, ни малѣйшей критикѣ: большой бояринъ и бывшій господинъ помѣщикъ ничего не измѣнили въ той, такъ сказать, «запряжкѣ» крестьянина, которую создали ему независящія отъ него условія труда; съ своими бурмистрами, приказчиками, арапниками и прочими аттрибутами хозяйства, они только нахлестывали запряженнаго ужъ мужика, увеличивая этимъ хлестаньемъ только напряженіе его труда, заставляя его плотнѣе «лечь въ оглобли», поднять и провезти больше того, что онъ вывезъ бы безъ кнута, но ничего не измѣняя ни въ условіяхъ труда, уже владѣвшихъ мужикомъ и создавшихъ ему «запряжку», ни въ томъ пути, по которому онъ и самъ шелъ, повинуясь опять же этимъ условіямъ труда.

Недаромъ же только послѣ освобожденія крестьянъ явилось такое обиліе сектъ, весь смыслъ которыхъ исчерпывается стремленіемъ *тѣ-же самыя земледѣльческія формы жизни, тѣ-же самые семейные и общинные порядки*, которые мы постоянно и безъ сектантства встрѣчаемъ въ народѣ, но которые не основаны *на убѣжденіи* въ чистотѣ и правдѣ этихъ порядковъ, а только на томъ, что такъ хорошо *велитъ* жить *хорошій трудъ*, передѣлать и перестроить на основаніи *именно правоты, справедливости, чистоты и праведности этихъ формъ жизни*, т. е. сдѣлать ихъ крѣпкими и незыблемыми, чего невоспитанная совѣсть огромной массы русскаго народа не можетъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока чье-нибудь слово неразрывно съ дѣломъ не возьмутся за эту молчащую струну народной души. Наша деревня съ «нетронутою и невоспитанною совѣстью», при обиліи въ настоящее время всевозможныхъ и безчисленныхъ новыхъ вліяній, большею частью неблагопріятныхъ «гармоническому типу»,—вліяній, которымъ невоспитанная, неукрѣпленная убѣжденіемъ совѣсть ничего противупоставить не можетъ,—поминутно выдѣляетъ отъ своего зоологически-здороваго ядра тысячи единицъ, которыя уже не могутъ жить за-одно съ этимъ ядромъ, а должны отпасть отъ него: одинъ, послуживъ на желѣзной дорогѣ, отвыкъ отъ работы; другой запутался въ долгахъ и, сдавъ землю, пошелъ въ работники; у третьяго отъ тѣсноты семьи перемерли всѣ близкіе, а зоологическая деревня только хоронитъ мертвыхъ, увольняетъ изъ общества, описываетъ за долги имущество и современемъ постепенно опять уравновѣситъ количество жителей съ количествомъ земли. Было, положимъ, при надѣлѣ сто душъ — и земли на сто душъ хватало; теперь на этой же землѣ должна жить тысяча душъ. У зоологической деревни нѣтъ *способовъ* добыть на всѣхъ земли; вотъ когда придетъ крестьянскій банкъ, да объявятъ объ этомъ, да разъяснятъ, да уговорятъ, чтобы «не пужались»—вотъ тогда она купитъ земли, а теперь и есть земля, и вотъ она рядомъ, и деньжонки бы нашлись, но всѣ отъ мала до велика въ зоологической деревнѣ говорятъ, что «съ нашимъ народомъ не сообразишь». И такъ какъ сообразить точно нельзя, потому что этого и въ заводѣ не было, то дѣло идетъ такъ, какъ *велятъ* обстоятельства. «Горлушкомъ» перемерло человѣкъ двѣсти дѣтей — вотъ уже и ближе къ равновѣсію. Ушелъ Иванъ Кузьминъ, потому у него лошадь пала въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ жена померла, простудилась, таская за 30 коп. въ день дрова изъ рѣчки въ студеную пору; Иванъ Кузьминъ сдалъ землю, пустилъ ребятъ по міру, самъ ушелъ и вотъ опять ближе къ равновѣсію — земли прибавилось. Три двора начисто распьянствовались, все пораспродали, землю сдали, разбрелись въ работники. Иванъ Мироновъ, совсѣмъ «распустивши», померъ у кабака, жена ушла къ купцу въ работницы, землю сдала; пришла «воспа»—поуровняла еще души съ количествомъ земли... И такъ постепенно все покоряется *естественному теченію*. Глядишь, на той же землѣ, которой хватало только на сто душъ, опять живутъ не тысяча уже, а именно только сто, и живутъ исправно. Но народъ, ото-

рванный отъ этого здороваго, выдержавшаго всѣ напасти ядра деревни, образуетъ ту массу бродячаго рабочаго люда, котораго теперь такъ много развелось на Руси.

На нашихъ глазахъ настроенія духа этого бродячаго человѣка выражались въ весьма различныхъ видахъ; еврейскіе погромы, поджоги усадебъ и только-что приготовленнаго на продажу владѣльцами хлѣба совершались и совершаются не безъ участія этой бродячей рабочей толпы; съ другой стороны, не меньшая масса такого же народа, оторваннаго отъ «своихъ мѣстъ», стремится на новыя мѣста, примазывается къ переселенцамъ, пристаетъ къ сектантскимъ обществамъ, даже новые сектантскіе союзы образуетъ. И всякій такой новый союзъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ образуеся изъ людей «чужихъ» другъ другу,—людей «разныхъ мѣстъ», и эти «чужіе», «разные» люди соединяются въ общины и союзы, ужъ не зоологически, не стадно, а сознательно. Весь югъ, Новороссійскій край, напримѣръ, весь онъ населился людьми «разныхъ мѣстъ», «чужими другъ другу людьми»,—людьми, которыхъ или жестокости помѣщика, или личное несчастіе, или равнодушіе тупоумнаго деревенскаго общества выбросили вонъ изъ своей естественной, испоконной среды, отпустили его на волю неизвѣстности, одиночества, голода, холода, всякаго страданія, всякаго страха*), —словомъ, совершенно выбили изъ обычной колеи, при которой онъ жилъ такъ, какъ *велятъ* дожди, засухи, урожаи и становые; заставили много думать «вобче», привели долгимъ опытомъ ежеминутной опасности сгинуть, исчезнуть, пропасть зря, къ мысли, къ убѣжденію, что такъ жить нельзя, что надо жить «по-божецки», и вотъ уже *на убѣжденіи* жить по-божецки образуется повидимому *та же самая* крестьянская семья, то же самое сельское общество, въ которомъ живутъ повидимому *тѣ же самые* мужики, которые точно также пашутъ, сѣютъ, косятъ, бабы которыхъ точно также жнутъ и бѣлье стираютъ; но эта семья и эта община уже «божецкая», убѣжденная, что она устроилась *такъ*, а не иначе потому, что *такъ* жить справедливо, праведно, что такъ жить слѣдуетъ *по совѣсти***)

Эта зоологическая, съ нетронутой, невоспитанной совѣстью деревня, какъ много разъ говорено было мною, глубоко нуждается въ интеллигентной помощи, въ чьемъ-нибудь постороннемъ вліяніи, которое бы дало возможность пробудиться мысли и совѣсти. И какъ бы ни были слабы и неопытны люди изъ русскаго интеллигентнаго общества, чувствующіе потребность жить въ деревнѣ, «работать» и «помогать», какъ бы ни были они мало опытны и какъ бы ни чувствовали они ежеминутно, что имъ тяжело и мучительно—дѣло ихъ не безплодно, такъ какъ они при всей неопытности, отдаленности отъ народа, унаслѣдованныхъ отъ ненароднаго воспитанія и прежней обстановки жизни, *не могутъ* не дѣйствовать именно въ направленіи тѣхъ же справедливыхъ и гармоническихъ формъ жизни, которыя созданы неосмысленными условіями труда. Что эти формы хороши, правдивы—этого нельзя не чувствовать, не ощущать; и разъ человѣкъ относится къ дѣлу искренно, онъ даже просто по инстинкту не скажетъ такого слова и не сдѣлаетъ такого дѣла, чтобы повредить этимъ формамъ, разстроить ихъ, урѣзать и убавить. Такъ и въ немъ самомъ, хотя и не сознанно, не ясно, а только мучительно тяжко, живетъ все то же стремленіе къ полнотѣ существованія, иначе онъ не былъ бы несчастливъ, не томился бы вопросами: «что̀ дѣлать и какъ жить?». А за справедливость, за правду и красоту формъ жизни, при которыхъ человѣкъ можетъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, т. е. быть совершенно независимымъ, цѣльнымъ, не эксплуататоромъ и не эксплуатируемымъ, то есть за главную, хотя и отдаленную цѣль работы интеллигентнаго человѣка, какъ видѣли мы, свидѣтельствуетъ и наука, и самый пристальный и искренній опытъ, и наконецъ *сознательное* слово, исходящее изъ среды самого народа. Теперь будемъ говорить наконецъ и о *рукописи*, въ которой это слово сказано.

III.

Рукопись эта написана крестьяниномъ изъ молоканъ, добровольно переселившимся въ Енисейскую губернію. Въ заголовкѣ ея значится, что авторъ адресуетъ ее: *«Въ м—скую городскую муззею, въ домъ Бѣлова, гдѣ собраны со всего свѣта рѣдкости»*. Ознакомившись съ содержаніемъ рукописи, не трудно понять, почему именно авторъ ея избралъ такое нейтральное мѣсто, чрезъ посредство котораго желалъ бы познакомить Россію съ своими идеями: «образованный» человѣкъ, вообще бѣлоручка, не всегда, съ точки зрѣнія его идей, можетъ пользоваться его почтеніемъ, а вѣдь образованный человѣкъ, «чистый народъ», къ несчастью автора, утвердился во всѣхъ мѣстахъ, завѣдующихъ «серьезными дѣлами», и являться съ критикой къ критикуемому, для того чтобы онъ «помогъ распространить эту критику», оказывается дѣломъ неудобнымъ, и вотъ авторъ вноситъ свое произведеніе въ нейтральное мѣсто—въ *городскую муззею, въ домъ Бѣлова, гдѣ собраны со всего свѣта рѣдкости*.

Кромѣ того, онъ и самъ считаетъ свое произведеніе явленіемъ рѣдкимъ, такъ какъ полагаетъ, что идеи его не только у насъ, но и во всемъ свѣтѣ умышленно скрыты, «спровергнуты», не смотря на то, что истекаютъ изъ первороднаго закона Божія «Источникъ, говоритъ онъ въ началѣ рукописи, изъ котораго я почерпнулъ все это—завѣтъ Божій: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратишься въ землю, отъ нея же взятъ*» (Бы ія, 3). И на основаніи этого завѣта строитъ цѣлую, стройную

---

*) Обращаемъ вниманіе читателей на «Записки южнорусскаго крестьянина», напеч. въ журналѣ *Устои* 1882 г.

**) См. далѣе разсказъ VII-й—*«Нѣсколько часовъ среди сектантовъ»*.

теорію труда «своими руками», которой и даетъ общее заглавіе: «*Трудолюбіе или торжество земледѣльца*». До чего авторъ послѣдователенъ въ развитіи своихъ идей о святости и неизбѣжности для человѣка исполнять первородный законъ Божій, повелѣвающій *трудиться* и трудиться непремѣнно своими руками, можетъ служить одно, даже нѣсколько возбуждающее улыбку, мѣсто въ этой рукописи, гдѣ авторъ мелькомъ упоминаетъ о евреяхъ. Какъ вы думаете, отчего именно евреи такіе, какъ они есть, а не другіе? Отчего имъ надобно тянуть съ ближняго своего выработанный этимъ ближнимъ грошъ, а не работать самимъ и вырабатывать его своими руками? Строго, вѣковѣчно, незыблемо установивъ законъ для всего человѣчества — въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой, — Богъ, по милосердію своему, однажды только, изъ жалости и состраданія нарушилъ его, «*поманилъ* (т. е. побаловалъ) *евреевъ сорокъ лѣтъ въ пустынѣ манною*», т. е. покормилъ ихъ даровымъ хлѣбомъ и тѣмъ самымъ испортилъ ихъ навсегда: отъ этой-то ошибки — говоритъ авторъ — *они по сей день вонъ какіе работники!*». Восклицательный знакъ принадлежитъ автору и доказываетъ, до какой степени ему непріятенъ типъ тунеядца, и какъ онъ взволнованъ этой непоправимой «ошибкой». Хотя этотъ отрывокъ рукописи и можетъ заставить улыбнуться читателя, но онъ ни мало не портитъ стройности его мыслей, зорко примѣчающихъ нарушеніе «закона первороднаго», гдѣ бы и кѣмъ бы это нарушеніе сдѣлано ни было.

Далѣе вотъ что читаемъ мы въ рукописи:

«Я призналъ себя въ правѣ толковать о трудолюбіи и тунеядствѣ потому, что я знакомъ съ «закономъ» и трудомъ его (земледѣльческимъ) не на словахъ только, но на дѣлѣ, съ юности, и даже съ предковъ. Вотъ и говорю, не запинаясь, отъ имени всего своего земледѣльческаго круга.

«При концѣ каждаго изъ шести дней творенія Господь сказывалъ: «добро есть». «И видѣ Богъ, яко добро есть». Если бы эти слова: «добро есть» сказалъ человѣкъ, то тутъ можно (было бы) усомниться, потому что человѣкъ ошибкѣ подлежитъ и даже часто называетъ доброе худымъ, худое — добрымъ. Но ежели Богъ сказалъ: «добро есть», то тутъ никакому сомнѣнію мѣста быть не можетъ и стало быть все сотворенное имъ не требуетъ ни приложенія, ни отнятія, а непремѣнно для всѣхъ и навсегда — «добро есть».

«...Въ то же время (т. е. втеченіе этихъ шести дней творенія) и на томъ же мѣстѣ Богъ выдалъ человѣку свой незавитой (не запутанный), короткій и притомъ не тяжкій законъ: «въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ». И утвердилъ этотъ законъ словами: «добро есть» и стало-быть и тутъ не нужно ни приложенія, ни отнятія (никакого умствованія); а надо принимать, что этотъ законъ вполнѣ добро есть. Тутъ-то безъ сомнѣнія и открывается намъ, что человѣкъ, работающій хлѣбъ своими руками, исполненъ всѣхъ добродѣтелей, а удаляющійся отъ него творитъ зло: не сказано — «не работай» и не сказано, что не работать «добро есть».

«...Все, что создано Богомъ на землѣ и на небѣ, — ничто не выходитъ изъ круга первороднаго закона, и вполнѣ и безусловно повинуется волѣ Сотворшаго. Спрашиваю, почему онъ сотворилъ въ началѣ бытія *только двухъ людей* — мужа и жену Адама и Еву — а не населилъ землю, по всемогуществу своему, множествомъ людей? Потому, что во всей жизни человѣческой два главнѣйшихъ дѣла или двѣ обязанности одного и того же достоинства и цѣны: *первая* — рождать на свѣтъ людей, *вторая* — вырабатывать имъ хлѣбъ. Онъ и сказалъ Евѣ: «Умножая, умножу печали твоя и воздыханія твоя, въ болѣзняхъ роди чада твоя», а Адаму сказалъ: «Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой».

«Ничто по закону первородному не мѣняется ни на землѣ, ни на небѣ, и какъ опредѣлилъ Богъ женскую обязанность, такъ она и безъ всякихъ тайностей, изворотовъ и иносказаній исполняется, и какъ сказалъ Богъ, такъ буквально все и сбывается: какъ женѣ, живущей въ убогой хижинѣ, такъ и царицѣ, на престолѣ сѣдящей, на главѣ корону имѣющей, одна и та же участь: въ болѣзняхъ родить чада своя. Да! До такой степени въ болѣзняхъ, что по днямъ лежитъ полумертвою, а иногда и совсѣмъ умираетъ.

«Но вотъ эта именитая жена могла бы за деньги избавить себя отъ родовъ, могла бы купить за деньги готоваго ребенка? Нѣтъ? Нельзя этого сдѣлать; не можно перемѣнить постановленія Божія; собери со всего свѣта сокровища, и отдай ихъ за дитя, а оно не будетъ твоимъ, и какъ было чужое, такъ чужимъ тебѣ и останется. Чье же оно? Да той матери, которая его родила.

«Также и мужъ. И онъ тоже можетъ отказаться отъ хлѣбной работы, купить деньгами одинъ фунтъ хлѣба. А хлѣбъ какъ чужой, такъ и будетъ чужимъ. Чей же онъ? А того, кто его работалъ. Потому что, какъ Богомъ положено, — женѣ не должно прикрываться деньгами или какими-либо изворотами отъ рожденія дѣтей, такъ и мужъ долженъ для себя и для жены, и для дѣтей своими руками работать хлѣбъ, какого бы онъ ни былъ великаго достоинства.

«Вотъ гдѣ главнѣйшій источникъ всѣхъ добродѣтелей, вотъ гдѣ полезнѣйшія врачества отъ нищеты и злодѣянія! И все это въ обнародованіи *первороднаго* закона, влекущаго человѣка ко всѣмъ трудамъ, которому голова есть хлѣбный (земледѣльческій) трудъ. Этотъ трудъ и по житейскому — дороже всѣхъ драгоцѣнностей, и по духовному — спасительнѣе всѣхъ заповѣдей и постановленій, потому что въ немъ законъ *первородный*, въ немъ защита отъ пролитія человѣческой крови и слезъ!

«Пускай обнародуется этотъ первородный законъ, и всѣ мы получимъ себѣ временное и вѣчное спасеніе, потому что онъ собственный нашъ, земледѣльческій. А безъ него мы лишены и того, и другого, безъ него мы бѣдны, глупы, злы; безъ него мы сироты, какъ маленькія дѣти безъ отца и безъ

матери; безъ него у насъ нѣтъ покровителя и спасителя!

«Я говорилъ: ни на небѣ, ни на землѣ ничто не мѣняется противъ первороднаго закона Только человѣкъ, образованнѣйшій и умнѣйшій, который бы долженъ какъ къ хлѣбному, а затѣмъ и къ прочимъ трудамъ показывать собой примѣръ другимъ, скрылся и удалился отъ назначеннаго Богомъ труда, да и живетъ въ какихъ-то тамъ *трущобахъ, припѣваючи*, да руки свои заложилъ въ карманы и празднымъ своимъ житіемъ ослабляетъ руки другимъ, поощряетъ ихъ къ злодѣяніямъ.

«...Каждый изъ нихъ (ученѣйшихъ и умнѣйшихъ) говоритъ: «Я люблю и почитаю какъ хлѣбный трудъ, такъ и работающаго хлѣбъ, а лѣнивца ненавижу и гнушаюсь имъ». Но я таковымъ отвѣчаю: «слышу голосъ Іакова, а осязаю Исава».

« — Мы не лежимъ (говорятъ ученѣйшіе и умнѣйшіе), а рачительно работаемъ. Мы болѣе земледѣльца трудимся: мы хлѣбъ не даромъ беремъ, а за трудовыя деньги покупаемъ; мы по заповѣди въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ. Мы людямъ деньги даемъ, а люди намъ—хлѣбъ. Мы людьми живемъ, а люди — нами. Намъ и людьми-то распоряжаться и давать имъ направленіе времени не достаетъ, а не то, чтобы самимъ работать. Данная Адаму заповѣдь не на одинъ только хлѣбъ указываетъ, а на всѣ занятія. Человѣкъ и деньги наживаетъ съ той цѣлью, чтобы избавиться отъ хлѣбной работы. Заняться хлѣбомъ, тогда о другомъ дѣлѣ и подумать некогда. Я покою не знаю, день и ночь хлопочу, мнѣ и готоваго-то поѣсть некогда. Если всѣ будутъ работать, тогда вселенная должна придти въ упадокъ и обнищать. Я вотъ сколь много денегъ имѣю, да поѣду работать за сорокъ копѣекъ, тогда всѣ должны меня глупцомъ назвать. Пусть у меня хлѣбъ вырабатываютъ деньги, а не я...» А я спрашиваю: «Что, ежели бы этими суевѣрными и закону противными изворотами стали бы и мы всѣ прикрываться отъ трудовъ — повѣрили-бы они намъ?» Подумай себѣ, читатель, представь и вообрази: если бы мы всѣ, подобно имъ, попрятались отъ хлѣбной работы за разные углы, «кто куда, а кто куды», тогда въ короткое время вся вселенная должна голодной смертью погибнуть. Приняли ли бы они отъ насъ такое же, какъ ихнее, оправданіе?

— «Я поѣхалъ бы работать хлѣбъ (говоритъ какой-нибудь *изъ нихъ*), да не умѣю». Спрашиваю: «Когда тебѣ два года было отъ роду, ты и тогда уже умѣлъ ѣсть хлѣбъ, а работать его и за столько лѣтъ не научился? Если бы Богъ сказалъ: «возьми камень и коси», ты бы могъ сказать: «этого нельзя!» Это оправданіе уважительно. А почему нельзя хлѣбъ работать?

«...Все это я говорю о тебѣ, городъ М—скъ, только потому, что ты торчишь у меня передъ глазами, а на самомъ дѣлѣ этотъ разговоръ не къ тебѣ слѣдуетъ. Если бы законъ первородный былъ разъясненъ, и всѣ народы, а также и предки твои выполняли бы его, то твоя вина (теперь не выполняющаго этого закона) была бы неизбѣжна. Но если (отъ этого закона) отъ начала вѣка осталось только одно имя, то (не обвиняя М — ска) я спрашиваю всю Россію: «Виновата ли ты, Россія, въ опроверженіи этого закона? Затѣмъ прошу тебя. Россія, передѣлай всѣ мои вопросы на лучшій ладъ съ добавленіемъ, но безъ отнятія смысла ихъ, и представь государствамъ, которыя старше тебя отъ рожденія: ты отъ нихъ законъ и вѣру получила и приняла; они обязаны тебя законнымъ отвѣтомъ удовлетворить—*какъ* они сначала писали законъ и *съ какою цѣлью* отъ очей всего міра этотъ законъ скрыли? Они—старики, они—учители твои, а твоя, Россія, хата съ краю; ты по этому великому и уму непостижимому дѣлу *за людьми человѣкъ*.

«...Именемъ Бога правды умоляю васъ, читатели и слушатели, почему это такъ, что самая главнѣйшая и душеспасительнѣйшая изъ всѣхъ добродѣтелей, драгоцѣнность дороже всѣхъ драгоцѣнностей свѣта, скрыта и уничтоженію предана? Да и было ли когда-нибудь прежде разъясненіе этому закону во всѣхъ вѣрахъ и народахъ, во всѣхъ писаніяхъ? Ни слова! И этотъ законъ въ цѣломъ мірѣ — живой мертвецъ. Хотя бы его къ малѣйшимъ добродѣтелямъ причли; изъ «головы» сдѣлали бы хвостомъ—нѣтъ, ничему такому даже не уподобили! Кѣмъ же онъ уничтоженъ? Можетъ статься, невѣрующими въ бытіе Божіе? Можетъ быть, незначительными и невѣжественными людьми? Нѣтъ, ученѣйшими и умнѣйшими! Можетъ быть, не во всѣхъ племенахъ и вѣрахъ скрытъ этотъ законъ? Нѣтъ, во всѣхъ племенахъ земныхъ! Можетъ статься, и теперь есть люди, которые желаютъ работать въ честь этой заповѣди, но по случаю какого-либо препятствія не могутъ? Нѣтъ, на это нѣтъ никакого препятствія! Можетъ статься, были тѣ вѣка и люди, у которыхъ эта заповѣдь процвѣтала, такъ что можно надѣяться, что она и опять возникнетъ, изъ праха возстанетъ и изъ пепелища выйдетъ? Нѣтъ, никогда ничего такого не было!..

«...Собирай, м—ская почтенная публика, собирай свои мысли, разсѣянныя по свѣтскимъ суетамъ, собирай и совѣтуйся съ ними, какой отвѣтъ дать мнѣ на мои вопросы. Видишь ли: рѣзала, рѣзала коса траву, да сама и нарѣзалась на камень! Не всегда вамъ насъ учить и направленіе давать, чтобы мы были Богу угодны и людямъ полезны: дошла и наша очередь— не учить и не направленіе давать, а только спросить: а почему вы людей учите, а сами себя не научите, какъ сказано: «связывайте тяжкія и неудобоносимыя бремена и накладайте на плечи человѣческія, а сами перстомъ двинуть не хотите ихъ?» Это почему такъ?

«...Я и самъ своей загадки разгадать не могу: на кого жалуюсь, тому и жалуюсь; съ кѣмъ завелъ тяжбу, тому и на рѣшеніе ее представляю... Здѣсь и десятой части не сказано (того, что нужно бы сказать), потому что въ этомъ законѣ скрыто сокровище, что и на тысячѣ кораблей не

подымешь! При мысли объ этомъ много разъ я пытался сказать все это какъ-нибудь скрытно или какъ-нибудь стороною и обинякомъ, но нѣтъ, нельзя! Кромѣ ласкательства да лукавства, нѣтъ никакихъ средствъ... Потому-то я и поѣхалъ прямикомъ!»

Вотъ, кажется, и все, что оказалось возможнымъ извлечь изъ довольно объемистой рукописи: *О трудолюбіи и торжествѣ земледѣльца.*

IV.

Я знаю, что, даже не смотря на мое предостереженіе, сдѣланное читателю въ первой главѣ этого очерка относительно того, чтобы онъ не очень жадно набрасывался на литературное произведеніе крестьянина,—произведеніе это, съ которымъ теперь читатель успѣлъ уже ознакомиться, не удовлетворило его; оно кажется блѣднымъ, не громкимъ, не трещитъ, не открываетъ какихъ-нибудь новыхъ невѣдомыхъ чудесъ, а, напротивъ, толкуетъ о вещахъ всѣмъ извѣстныхъ и даже не привлекательныхъ для большинства читающей и скучающей публики. Извольте-ка, въ самомъ дѣлѣ, идти пахать, своими руками «работать хлѣбъ»,—совѣтъ, неисполнимый для милліоновъ людей. Да мы и не думаемъ, что скучающая публика, двадцать лѣтъ изнемогающая (подъ звуки: «который былъ моимъ папашей, который былъ моимъ мамашей») въ тоскѣ бездѣйствія и бездумья, стала бы отказываться отъ семейно-музыкально-танцовальныхъ формъ жизни и бѣжать къ сохѣ, чтобы начать новую жизнь «по-божецки». Конечно на Руси было бы много лучше жить, если бы «соха» поприбрала подъ свой цѣлительный покровъ дурно направленныя массы «нерабочаго народа». Да и вообще положеніе независимое на лоскутѣ земли—положеніе, выражающееся словами «самъ хозяинъ, самъ и работникъ»,—не оскорбительно ни для какого хорошаго, образованнаго и честнаго человѣка. И ничего бы не было болѣе желательно, если бы этотъ «типъ» распространялся на Руси, входилъ бы въ моду среди образованныхъ людей подростающаго поколѣнія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ вошелъ напримѣръ типъ адвоката, т. е. человѣка, хотя и «умнѣйшаго и ученѣйшаго», а все-таки вполнѣ зависящаго, съ позволенія сказать, отъ всякой кляузы. Но я даже и такихъ совѣтовъ не намѣренъ давать; если приведенные выше отрывки изъ рукописи могутъ имѣть какое-нибудь значеніе, такъ только для людей, не боящихся просто и смѣло *думать*, и думать конечно о томъ, «какъ жить свято?» вообще, и во-вторыхъ—о будущемъ русскихъ народныхъ массъ. А для такихъ людей вышеприведенный документъ долженъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Нельзя, будучи справедливымъ, не признавать за вполнѣ справедливую ту формулу прогресса, которую мы привели въ началѣ этого очерка, т. е. *постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между ихъ органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми (то есть самими недѣлимыми)*—вотъ что такое прогрессъ. И далѣе: нельзя на основаніи этой формулы не признавать безусловно, что *нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ.* Нельзя затѣмъ не признать, что та же научная формула, выраженная словами: *самъ удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ*, характеризующими форму жизни огромной массы русскаго земледѣльческаго населенія, говоритъ намъ, что у русскаго народа есть полная возможность развиваться широко, самостоятельно, «справедливо, нравственно, разумно». И вотъ этотъ-то справедливый, разумный и нравственный идеалъ человѣческаго существованія не только *сознательно* подтверждается словомъ человѣка, принадлежащаго къ *народной* земледѣльческой *средѣ*, не только совпадаетъ съ научнымъ опредѣленіемъ прогресса, но еще и говоритъ, что идеалъ этотъ прочно таится въ самой народной душѣ, что она именно и живетъ во имя этого самаго идеала, живетъ, вполнѣ сознавая его «нравственность, справедливость и разумность».

Какъ ни незначительны по количеству тѣ отрывки изъ рукописи, которые мною приведены, но и изъ нихъ нельзя не убѣдиться, что въ народѣ таятся вполнѣ опредѣленныя и ясныя стремленія и что во имя вѣры въ ихъ справедливость онъ *можетъ* совершенно ясно видѣть и сознавать все что этимъ стремленіямъ не соотвѣтствуетъ, мѣшаетъ, не подходитъ. Авторъ рукописи строго ведетъ свою линію, исходная точка которой «жить трудами рукъ своихъ», самому удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ, какъ духовнымъ—сознаніемъ, что такая жизнь справедлива, нравственна, разумна—такъ и физическимъ: мужъ и жена должны жить такъ, а не иначе, потому между прочимъ, что они физически обязаны жить извѣстнымъ образомъ: мужу физически нельзя оставлять въ бездѣйствіи такой сложный организмъ, который данъ ему, какъ мужчинѣ, точно такъ-же женщинѣ невозможно избѣжать тѣхъ свойствъ организма, которыя ей даны.

Такъ вотъ мнѣ и кажется, что если читатель, даже и скучающій, усвоитъ себѣ хотя бы мало-мальски ясныя очертанія «справедливаго, разумнаго и нравственнаго» типа существованія, провѣритъ имъ себя и подумаетъ *о будущемъ* русскаго народа, примѣняясь къ его нравственнымъ свойствамъ и идеаламъ, то, если онъ и не оживетъ и не воспрянетъ, все-таки онъ хоть думать начнетъ свѣтлѣе, увѣреннѣе, у него будетъ хоть «что-нибудь» впереди, но это «что-нибудь»—навѣрное свѣтлое, справедливое, «божецкое».

V. Мечтанія.

— Ну, такъ какъ-же по вашему? Всѣмъ надо пахать приниматься?—съ безконечнѣйшей ироніею

спрашивали меня нѣкоторые изъ моихъ читателей, сосредоточивая въ этомъ короткомъ вопросѣ весь смыслъ статейки, написанной по поводу рукописи крестьянина.

Отвѣчать на этотъ вопросъ я, разумѣется, не могъ иначе, какъ только молчаніемъ, и притомъ молчаніемъ смущеннымъ. Не говоря уже о томъ, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ для великаго множества интеллигентныхъ людей есть не болѣе, какъ непонятный, глупый, а пожалуй даже и преступный вздоръ; что для другого, не менѣе великаго «множества» той-же интеллигенціи этотъ отвѣтъ есть только досадная, непріятная болтовня, совершенно напрасная трата пустыхъ словъ, осуществить которыя на дѣлѣ невозможно, немыслимо,—не говоря обо всемъ этомъ, я не могъ бы дать спрашивавшимъ меня читателямъ иного отвѣта, кромѣ смущеннаго молчанія еще и потому, что и самъ я, пишущій это и восхищающійся произведеніемъ крестьянина, увы! не пошелъ бы пахать... Я воспитывался, какъ и всѣ, гнѣвно или иронически, или презрительно относящіеся къ слову «пахать», интеллигентные люди, вовсе не въ тѣхъ условіяхъ, которыя дали бы мнѣ смѣлость, какою вполнѣ законно обладаетъ авторъ рукописи, сказать кому-нибудь изъ моихъ знакомыхъ, живущихъ и жившихъ со мною въ одинаковыхъ условіяхъ: «Ѣсть хлѣбъ умѣлъ, когда тебѣ два года было, а работать и—до сорока лѣтъ не научился?» Нѣтъ! Куда намъ! Всѣмъ намъ—и прямо негодующимъ на предложеніе крестьянина, и всѣмъ даже сочувствующимъ ему—впору только удерживаться отъ явнаго проявленія негодованія на «дерзость» предложенія, а въ самомъ лучшемъ случаѣ только смущаться и безпомощно разводить руками.

— Пахать! сказалъ мнѣ недавно одинъ «настоящій» пахарь-мужикъ. — Пахать вашему здоровью никакъ невозможно... Силовъ у васъ настоящихъ нѣтъ, и по этому случаю она, соха-то можетъ васъ, господинъ, съ единаго маху на смерть положить... Соха-то, господинъ, норовитъ выскочить изъ земли, ей тоже не охота землю-то носомъ рыть, такъ ее безперечь надо со всей силы пхать и въ землю впирать руками... Ну, а тебѣ этого не осилить! Какъ лошадь дернула, соха подскочила, да прямо тебя въ подбородокъ... Еще слава Богу, коли скулу перешибетъ... Это еще надо Бога благодарить, а пожалуй какъ бы и начисто не вышибло духъ вонъ!.. Нѣтъ! Это не по вашей, господинъ, части дѣло-то!

Надѣюсь, что доводы противъ осуществленія на дѣлѣ справедливѣйшихъ теорій автора рукописи,—доводы, которые далеко не исчерпываются вышеприведенными соображеніями пахаря, подлиннаго знатока дѣла,—значительно облегчать смущенное состояніе духа тѣхъ, кто смущается, сочувствуя. Но всѣ мы, смущающіеся и совершенно безсильные *на дѣлѣ* осуществить теоріи, которымъ въ глубинѣ души сочувствуемъ, едва-ли будемъ особенно преступны, если позволимъ себѣ это «сочувствованіе», это вниманіе къ типу людей, желающихъ жить по божески», и не будемъ останавливать своей мысли, когда она пожелаетъ уйти въ мечтанія о справедливыхъ, простыхъ, свѣтлыхъ и въ то же время вполнѣ человѣческихъ, даже человѣчьихъ формахъ жизни.

Бисмаркъ недавно очень «пужалъ» германскій парламентъ мечтателями,—людьми, неимѣющими никакого опредѣленнаго плана устройства человѣческихъ обществъ и человѣческихъ отношеній, а только умѣющими ворчать противъ того, что̀ есть и что̀ «можно» сдѣлать. Бисмаркъ грозился даже обѣщаніемъ дать этимъ людямъ, не имѣющимъ за душой ничего яснаго и опредѣленнаго, цѣлую провинцію съ тѣмъ, чтобы они попробовали осуществить на дѣлѣ свои неясныя мысли, и предсказывалъ полную безурядицу, какъ результатъ этого опыта «на дѣлѣ». Это все вѣрно, но почему бы въ самомъ дѣлѣ не попробовать, такъ, для смѣха напримѣръ? Почему бы, повторяю, хоть для смѣха не дозволить людямъ, хоть въ одной какой-нибудь крошечной германской провинціи попробовать пожить «по божецки», а не такъ, какъ повелѣваютъ неумолимые «желѣзные законы», по неотвратимому указанію и велѣнію которыхъ мы, людишки, влачимъ свое житьишко съ незапамятныхъ временъ? Мы очень хорошо знаемъ, что законы эти—дѣйствительно желѣзные; знаемъ, что они неумолимые и не только ни малѣйшимъ образомъ не протестуемъ противъ нихъ, но, напротивъ, съ дѣтскихъ лѣтъ впитываемъ въ себя несокрушимое къ нимъ благоговѣніе, неискоренимый страхъ и непоколебимую увѣренность въ ихъ неизмѣнности и даже правотѣ: и когда насъ, выражаясь мужицкимъ языкомъ, исторія начнетъ дуть со щеки на щеку, во имя незыблемости «желѣзныхъ» началъ, мы не только не сопротивляемся этому изувѣченію, но сами, въ глубинѣ своего сознанія, съ полною искренностью убѣждаемъ себя, что это такъ и должно быть, что это—не мордобитіе, а только фазисъ, неотвратимый и неизбѣжный. Мы отлично знаемъ, что безъ этого фазиса, во имя котораго мы обречены почти на бездыханное состояніе, желѣзная часть исторіи никоимъ образомъ обойтись не можетъ, что насъ необходимо исполосовать на обѣ корки, иначе никоимъ образомъ не можетъ быть слѣдующаго неотвратимаго и неизбѣжнаго фазиса, когда желѣзо повелитъ оттирать носъ сукномъ, давать нюхать нашатырный спиртъ и прикажетъ отпаивать парнымъ молокомъ... Все это мы знаемъ, все это мы докажемъ на основаніи самыхъ подлинныхъ документовъ, но отъ чего же не позволить себѣ, хоть такъ, для отдохновенія помечтать съ особенной внимательностью на тему о томъ, почему бы господамъ желѣзнымъ законамъ не попробовать благодѣтельствовать родъ человѣческій помощью парного молока и хоть на нѣкоторое время, только для опыта, убрать куда нибудь свое желѣзо? На площади Согласія въ Парижѣ указываютъ направленіе канавы, которая сто лѣтъ тому назадъ была вырыта для того, чтобы въ Сену стекала кровь человѣческая... Вотъ какая была страсть Господня... Что-жъ въ кон-

цѣ-концовъ «досталось» отъ этого фазиса намъ, простымъ «жителямъ», обывателямъ? А за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ чего-чего мы, обыватели, не перевидали! Однѣхъ революцій по всѣмъ мѣстамъ—видимо-невидимо! Денегъ что, Господи, желѣзные законы «вынули»! Одинъ Бисмаркъ пять милліардовъ получилъ излишнихъ противъ обыкновенныхъ желѣзныхъ взысканій! А намъ, обывателямъ, что? «Довольно, говорятъ, съ васъ почтовыхъ марокъ! Въ слѣдующій фазисъ только по шести копѣекъ будутъ!» И мы, обыватели, понимаемъ это, чувствуемъ и съ благодарностью вопіемъ: «Дай Богъ вамъ здоровья! Чувствительнѣйше васъ благодаримъ, господа почтенные, законы желѣзные!» А все иногда нѣтъ-нѣтъ, да и мелькнетъ мысль: «да нельзя-ли какъ-нибудь попробовать, чтобы на счетъ булокъ и насчетъ напримѣръ почтовыхъ марокъ, да и земельки такъ распорядиться, чтобы на предбудущее время безъ этакой страсти Господней доставались онѣ нашему брату, простому жителю?»

На такія смѣлыя мысли почти ежедневно наводитъ меня нашъ буфетчикъ. Какъ только мнѣ случится пріѣхать на станцію, непремѣнно я слышу, что эта длинная, измученная, испитая фигура ужъ вопіетъ передъ кѣмъ-нибудь изъ посѣтителей.

— Ничего не подѣлаешь! Нѣтъ никакихъ способовъ! Хошь ложись да умирай!

— Да неужто ужъ и кӧрюхой торговать невозможно?

— Никакихъ нѣтъ способовъ! Изъ всѣхъ мѣстовъ только и видишь, что отказываютъ, да штрафуютъ; какъ есть по міру пойдешь!

— Такъ ты, любезный, достигай до правительствующаго сената!

— Да пожалуй-что придется достигнуть и высшей инстанціи! Вотъ она, кӧрюха-то (показываетъ тарелку съ жареной кӧрюшкой)! Кажется, что такое? А продай я да попадись, такъ мнѣ лучше петлю на шею! Вонъ что есть на свѣтѣ подъ названіемъ кӧрюха!

— Такъ ты тово... доходи, любезный, до сената!

— Послѣдняго рѣшусь, всѣ силы изъ себя до капли вымотаю, а надо доходить! У меня восемь человѣкъ дѣтей... Мнѣ что въ петлю, что здѣсь торговать!..

И, нянчая на одной рукѣ полугодового плачущаго ребенка, онъ другой рукой, за которую хватаются рученками еле видные изъ-за буфета другіе его ребятишки, въ волненіи прячетъ подъ стойку буфета тарелку съ кӧрюшкой, которая, какъ видите, хуже петли. А, кажется, чѣмъ бы могъ провиниться противъ желѣзныхъ законовъ этотъ несчастный человѣкъ? Безропотно покорялся онъ имъ, когда ушелъ въ качествѣ двороваго на всѣ четыре стороны, безъ земли и съ кучей ребятъ, и, зная, какъ пекутъ пироги и жарятъ кӧрюшку, весьма даже былъ обрадованъ, что желѣзные законы водворили на Руси чугунку. «Буду—мечталъ онъ—жарить кӧрюшку, печь пироги, буду ихъ продавать и семейство кормить. Хорошо, что прошла чугунка! Дай Богъ господамъ здоровья за эту выдумку!..» Но тѣ же желѣзные законы, во имя существеннѣйшаго своего свойства—«неумолимости»—сдѣлали такъ, что станцію съ буфетомъ устроили въ чистомъ полѣ, гдѣ былъ одинъ только проѣзжающій—генералъ Сидоръ Карповичъ Дворниковъ, акціонеръ и крупный землевладѣлецъ, а на той станціи, гдѣ водворился дворовый, умѣвшій жарить кӧрюшку и печь пироги, и гдѣ скоплялась масса проѣзжающихъ, буфетъ воспретили, а чтобы заставить публику ѣздить въ большой буфетъ и поддерживать требованіемъ питей и закусокъ хозяина большого, хотя и пустыннаго буфета, создали цѣлую систему взысканій, наказаній и штрафовъ, которые спеціальный желѣзно-дорожный адвокатъ взыскивалъ неукоснительно и преслѣдовалъ виновнаго во всѣхъ инстанціяхъ, не ограничиваясь даже правительствующимъ сенатомъ.

— Да чѣмъ же тебѣ, послѣ этихъ твоихъ словъ, торговать-то можно? спрашивали истерзаннаго запрещенной кӧрюшкой буфетчика.

— Чѣмъ? Погляди въ правила.. По 17 параграфу могу я свободно продавать пряники, и то въ зимнее время, да квасъ... А по дополненію къ 21 параграфу не возбранено и деревянныя издѣлія на рукахъ продавать...

— Да пирогъ то, пирогъ-то... Ежели я, проѣзжающій, говорю тебѣ: «дай мнѣ пирогъ съ рыбой!» это то можешь-ли ты, по закону-то?

— А насчетъ пирога было кассаціонное рѣшеніе—такъ оно вотъ у меня гдѣ сидитъ! Съ рыбой! Онамедни, кабы жандаръ, добрый человѣкъ, не упредилъ меня, что тутъ агентъ надзираетъ, да не съѣлъ всю кӧрюху, чтобы, значитъ, не было доказательствъ, такъ мнѣ бы теперь, почитай, до Рождества пришлось отсиживать въ хорошемъ мѣстѣ за это за самое. Съ рыбой! Вамъ это очень просто представляется, а поди-ка на моемъ мѣстѣ, такъ бѣлугой взвоешь!

Этотъ почти ежедневный стонъ несчастнаго буфетчика заставлялъ меня также почти ежедневно невольно задавать себѣ мечтательные вопросы вродѣ того, почему-бы въ самомъ дѣлѣ не похлопотать для человѣчества въ томъ направленіи, чтобы оно пекло булки и жарило кӧрюшку, не утруждая правительствующаго сената и не будучи вынуждено изъ-за нихъ, этихъ пироговъ и булокъ, лѣзть въ петлю? Это незначительное обстоятельство едва-ли не было главною причиною того, что я сталъ позволять себѣ частенько фантазировать на тему о жизни людей «по-божецки», а по временамъ мнѣ стало казаться, что для русскаго народа можно уже кое-что даже и сдѣлать въ этомъ направленіи, а не только фантазировать о томъ, что «хорошо бы!».

Въ самомъ дѣлѣ, Марья Васильевна Лихоимцева, волею желѣзныхъ законовъ, изъ ничтожества превращенная сто лѣтъ тому назадъ въ помѣщицы, повинуясь тѣмъ же законамъ, повелѣвающимъ ей сохранять свое положеніе и достоинство, при освобожденіи крестьянъ всячески «должна» стремиться сдѣлать все, чтобы этого достоинства и положенія не потерять. И вотъ бывшіе ея крѣпостные,

крестьяне деревни Горѣлово-Неѣлово, получаютъ нищенскій надѣлъ, вмѣсто луговъ—болота, а вмѣсто лѣсовъ—каменныя горы; получаютъ и вступаютъ въ неизбѣжный, желѣзными законами установленный фазисъ, втеченіе котораго они *должны* придти въ полное разстройство и вообще обязаны знать, что настало время, опредѣляемое словами: «ложись да помирай!». Нѣкоторые, точно, начинаютъ ложиться и помирать. Но желѣзные законы, отлично и непреложно знающіе, «чтó за чѣмъ» пойдетъ и какой фазисъ будетъ послѣдующій, а какой предыдущій, знаютъ, что въ данную минуту крестьяне Горѣлова-Неѣлова ложатся и помираютъ, что этотъ фазисъ обусловливаетъ для нихъ другой, послѣдующій: и въ Горѣловѣ-Неѣловѣ появляется фабрика, появляется она не раньше и не позже, а какъ-разъ минута въ минуту, указанную желѣзными законами. Появляется и, ни на волосъ этимъ законамъ не измѣняя, начинаетъ творить то, чтó по законамъ этимъ слѣдуетъ: крестьянинъ Иванъ Кузмичевъ идетъ на одну фабрику, жена—на другую, а дѣти, сынъ и дочь — въ Москву: одинъ въ извозчики (мальчонка), а другая «въ прислуги». Фабрика начинаетъ безъ церемоніи передѣлывать Ивана Кузмичева и его жену на свой образецъ; ей, державшейся имъ, нельзя сдѣлать такъ, чтобы Иванъ Кузмичевъ съ женой не повиновались ей: въ кабакѣ сидѣть и пѣсни орать нельзя—это нарушаетъ желѣзные законы затраченнаго капитала, нельзя проспать, нельзя отлучиться, нельзя быть не напряженно-внимательнымъ. Пить водку, калякать нельзя попрежнему свободно —за все штрафъ, а вмѣстѣ со штрафомъ и злоба въ Иванѣ Кузмичевѣ, а вмѣстѣ со злобой неизбѣжная потребность подавить ее (ѣсть будетъ нечего) и, исхитрившись, провести эти желѣзные законы, надуть, обмануть, тайкомъ сдѣлать то, чтó нельзя явно... Это ужъ развратъ душевный, а за нимъ не далекъ и физическій — жены, семьи, дѣтей нѣту, скучно, тошно, маятно, водка и все, что изъ нея слѣдуетъ—вплоть до «лазарета». Съ женой Ивана Кузмичева творится то же самое; развратъ фабричныхъ бабъ извѣстенъ и доказывать его существованіе не зачѣмъ. А дѣти? Мишенька, одинокій парнишка, оставшійся почти-что безъ отца и матери и безъ крова, ѣздилъ-ѣздилъ съ сѣдоками, возилъ-возилъ хозяину деньги—заскучалъ: конца краю нѣтъ этой каторгѣ! Заскучалъ и задумался... Думалъ-думалъ, да разъ оглядѣлъ у пьянаго купца бумажникъ съ деньгами, вытащилъ изъ подъ сидѣнья колесный ключъ... и угодилъ къ Бутырской заставѣ, въ казенный домъ... А дочь? Сначала баринъ къ ней приставалъ, когда барыни дома нѣтъ, потомъ изъ гостей одинъ молодой человѣкъ сталъ подмигивать, звалъ на Тверской бульваръ выдти... А потомъ мало-помалу и Тверской бульваръ насталъ для нея, и билетъ изъ полиціи выдали, а наконецъ и «лазаретъ». Все неизбѣжно вытекаетъ изъ предыдущаго и каждая послѣдующая гадость покоится на незыблемомъ основаніи и можетъ быть доказана какъ неотвратимый фазисъ. По желѣзному міросозерцанію все это хоть и скверно, и подло, а неизбѣжно; этому ходу дѣла не поможешь никакими фантазіями. А вотъ авторъ рукописи не такъ смотритъ на вещи. Отчего это явились на свѣтъ—спрашиваетъ онъ—проститутка, воръ, убійца, больной, пьяница? Оттого, что они не исполняютъ первороднаго закона, повелѣвающаго жить не убійствомъ, не проституціей, а трудами рукъ своихъ, на землѣ. Вотъ вамъ земля, работайте, и этотъ земледѣльческій трудъ такъ обширенъ и святъ, что и мысли о злѣ, о хитрости, объ обманѣ, о развратѣ или объ убійствѣ не будетъ возможности зародиться по одному ужъ тому, что некогда, что занятъ весь человѣкъ.

Земцы и думцы, ежегодно отпускающіе всякихъ размѣровъ суммы на больницы, тюрьмы, суды, полицію, то-есть на такіе органы общественнаго управленія, которые обязаны врачевать всевозможныя общественныя язвы, неужели-бы оказались стоящими не на высотѣ своего культурнаго развитія, еслибы попробовали лечить тѣ же язвы болѣе но вымъ, простымъ и «божецкимъ» образомъ? На глазахъ земцевъ и думцевъ кишмя кишатъ по городамъ и весямъ и воры, и разбойники, и проститутки, убійцы, и нищіе, и толпы бездѣльныхъ и праздношатающихся дармоѣдовъ, надувалъ, обиралъ, и чтобы очистить отъ нихъ общество, земцы и думцы строятъ тюрьмы, больницы, платятъ и полиціи, и судьямъ, и докторамъ. Все это превосходно. Но почему бы опять-таки не попробовать излечить эти раны и язвы «по-божецки»? Безропотно повинуясь непреложности желѣзныхъ законовъ, земцы и думцы долгое время поступали да и до днесь поступаютъ въ своихъ хозяйственно-общественныхъ дѣлахъ по точному указанію этихъ законовъ: заводили банки, кредитъ, «уширяли производство», дабы бѣдные классы имѣли къ чему руки приложить и чтó пить-ѣсть... Двадцатипятилѣтній опытъ повиновенія желѣзнымъ законамъ, при самомъ тщательнѣйшемъ выполненіи всѣхъ великолѣпнѣйшихъ формъ, олицетворяющихъ эти законы и весьма неподходящихъ къ нашимъ, далеко не великолѣпнымъ мѣстамъ, на нашихъ глазахъ окончился весьма неблагопріятно. Все ухнуло и лопнуло, оставивъ на поверхности злобу и смрадъ удушающей безсовѣстности. Прежде у городовъ были общественныя земли, на которыхъ бѣдный людъ могъ селиться и сажать капусту, были лѣса, въ которыхъ росли и рыжики, и опенки; теперь желѣзные законы все это упразднили, все проглотили: лѣса и поля, если и не обречены на полное исчезновеніе и продажу въ частныя руки, то во всякомъ случаѣ уже недоступны для бѣдняка, для человѣка, у котораго единственный капиталъ — собственныя руки: они уже обременены долгами, и тотъ лоскутъ земли, который по божеской и человѣческой справедливости стоитъ всего одинъ мѣдный грошъ, теперь обремененъ тысячнымъ долгомъ, и человѣку съ голыми руками къ нему ужъ не приступиться. Все это сдѣлано по образцу желѣзныхъ законовъ, и все послѣдующее будетъ неизбѣжно вытекать изъ нихъ, какъ неизбѣжно было и все ихъ проявленіе въ предыдущемъ: и воровъ, и проститутокъ, и грабителей, и надувалъ, и афериcтовъ, и самоубійствъ,

и вообще всякой бѣды и дряни будетъ гораздо больше, чѣмъ прежде; одинъ неотразимый фазисъ вылѣзаетъ изъ другого неотразимаго фазиса, какъ колосъ изъ зерна, и тутъ ничего не подѣлаешь, кромѣ расширенія тюремныхъ помѣщеній и улучшенія въ нихъ вентиляцій. Но еслибы земцы и думцы повѣрили рѣчамъ автора рукописи «о торжествѣ земледѣльца» и увѣровали, что «первородный законъ» повелѣваетъ человѣку жить трудами рукъ своихъ, исцѣляя этимъ трудомъ отъ всѣхъ золъ, язвъ и неправдъ, на которыя обреченъ неуравновѣшенный, искалѣченный человѣкъ, такъ они бы не сдѣлали грѣха и не опорочили бы своей интеллигентности, еслибы каждогодно прикупали земель, которыхъ множество кругомъ, еслибы каждогодно селили на нихъ всѣхъ, кто хочетъ ѣсть, а капиталу имѣетъ — только руки свои. Почему нужно усовершенствовать тюрьму, вводить въ ней вентиляціи, гигіену, а современемъ и электрическое освѣщеніе, а нельзя покупать земли, нельзя селить на ней всѣхъ, кто не по собственной волѣ родился на свѣтъ и не по собственной прихоти хочетъ ѣсть? Нельзя ли опять-таки хоть попробовать поступать съ человѣчествомъ такимъ тихимъ и внимательнымъ маneромъ?

Да! русскому интеллигентному человѣку, земцу и думцу, давно пора освѣжить собственное тусклое существованіе, вопросивъ самого себя: «Да зачѣмъ же собственно я считаюсь и интеллигентнымъ, и земцемъ, и думцемъ?». И если онъ вопроситъ себя такимъ образомъ, то непремѣнно отвѣтитъ себѣ, что онъ облеченъ извѣстными полномочіями вовсе не для того, чтобы расчищать дорогу желѣзнымъ законамъ – они сами дѣлаютъ свое дѣло безъ остановки и поспѣваютъ туда, куда надо, минута въ минуту и точь въ точь съ тѣми свойствами и качествами, которыя имъ имѣть слѣдуетъ— а для того, чтобы парализовать все, что въ этихъ законахъ неправда и зло; чтобы знать, зачѣмъ я земецъ и думецъ — для этого надобно знать, какъ ужасно быть бѣднымъ, злымъ, голоднымъ; какъ страшно быть воромъ, убійцей, проституткой. Надобно искренно вѣровать въ то, что эти язвы не должны существовать, что это неправда, подлость и срамъ—и тогда у земцевъ и думцевъ будетъ подъ ногами твердая почва и въ ослабленной душѣ явится несокрушимая сила. Всѣхъ насъ, не умѣющихъ и не пріученныхъ жить трудами рукъ своихъ, надобно по крайней мѣрѣ воспитывать не исключительно въ раболѣпіи предъ всемогуществомъ желѣзныхъ законовъ, но хотя бы въ нѣкоторомъ вниманіи къ тѣмъ язвамъ, которыми усѣянъ путь желѣзнаго шествія. Пусть эти законы дѣйствуютъ— они, точно, желѣзные — но пускай же мы получимъ умѣнье и право ненавидѣть язвы, содрогаться отъ нихъ, кричать отъ испуга и ужаса, и думать о томъ, чтобы ихъ, этихъ язвъ, не было. И, къ сожалѣнію, въ Россіи меньше чѣмъ гдѣ-либо вниманіе интеллигентнаго человѣка привыкло сосредоточиваться на этихъ язвахъ, грѣхахъ, оставляемыхъ тріумфальнымъ шествіемъ желѣзныхъ законовъ, и меньше чѣмъ гдѣ-либо, по какому-то непостижимому недоразумѣнію, русскій интеллигентный человѣкъ привыкъ объяснять себѣ собственное интеллигентное положеніе правомъ хотя бы только думать о томъ, чтобы язвы эти не существовали. Анри Джоржъ, профессоръ политической экономіи въ Калифорнійскомъ университетѣ, во вступительной лекціи студентамъ этого университета (1883 г.), *могъ позволить себѣ* говорить такія слова: «Надѣюсь, что вы ощущали уже стремленіе высочайшаго *честолюбія*, — желаніе быть полезными своему времени и поколѣнію, чтобы потомки, идущіе за вами, были хотя нѣсколько, хотя немного умнѣе, лучше и жили счастливѣе васъ. Если вы еще никогда не испытали подобныхъ ощущеній, то надѣюсь, что они всетаки живутъ въ васъ въ скрытомъ состояніи, готовые бить ключомъ, когда это будетъ нужно. Господа! посмотрите и убѣдитесь, что это уже нужно! Вы—одни изъ немногихъ избранныхъ, ибо и то, что вы находитесь здѣсь, въ университетѣ, свидѣтельствуетъ о счастливыхъ случайностяхъ, выпадающихъ на долю лишь немногихъ. Но вы не можете себѣ представить при всѣхъ своихъ усиліяхъ, какая жестокая борьба, составляющая удѣлъ многихъ и многихъ, можетъ связывать по рукамъ и по ногамъ, мучить и искажать; какъ можетъ она заглушать благороднѣйшія дарованія, охлаждать горячія побужденія и лишать людей радости и поэзіи жизни; какъ можетъ она превращать въ прокаженныхъ общества тѣхъ, которые способны бы сдѣлаться его украшеніемъ; превращать въ подтачивающаго его червя и дикаго звѣря, бросающагося къ его глоткѣ, тотъ мозгъ и тѣ мускулы, которые способны были бы обогатить его! Никогда, быть можетъ, вы не обращали на все это своего вниманія, но, подумавъ, вы тотчасъ же увидите теперь нужду и бѣдность, даже въ нашей странѣ, достаточныя для того, чтобы возбудить въ васъ грусть и состраданіе и укрѣпить въ высокомъ рѣшеніи, пробудить въ васъ симпатію, которая дерзаетъ, и негодованіе, горящее желаніемъ свергнуть неправду. Видя все это, *не почувствуете ли вы желанія сдѣлать что-либо для облегченія нищеты, искорененія невѣжества, уничтоженія порока?* И тогда обратитесь къ политической экономіи». Въ этихъ словахъ, какъ видите, не блещущихъ особенными новизнами, для меня существуетъ однако одна новизна – несомнѣнная и удивительная: спрашиваю всѣхъ и каждаго, кому на долю выпало пройти всю интеллигентную лямку отъ школы до университета, слышали ли когда-нибудь они отъ кого нибудь, втеченіе всей своей жизни, такой простой и открытый призывъ быть лучше, чѣмъ они есть, какъ тотъ, который открыто дѣлаетъ американскій профессоръ и который, не смотря на свою простоту, несомнѣнно долженъ облагородить тѣхъ юношей, къ которымъ обращенъ? Положа руку на сердце, я, да вѣроятно и всѣ люди интеллигентной лямки, должны сказать, что такого призыва мы всѣ никогда и ни отъ кого не слыхали. Никогда и никто не говорилъ намъ, что наше честолюбіе должно состоять въ томъ, чтобы нашимъ по-

томкамъ было лучше; никогда и никто не раскрывалъ нашихъ глазъ на существующія общественныя язвы; никогда и никто не начиналъ курса науки, исходя изъ скорби о язвахъ, разъѣдающихъ общество; никогда и никто не усовѣщевалъ насъ, не старался пробудить въ насъ сознаніе всей огромности нашихъ обязанностей. Что бы намъ, дѣтямъ чиновниковъ, помѣщиковъ, купцовъ, людямъ обезпеченнымъ и не дешево стоющимъ народу, кто-нибудь, начиная съ іерея Злотоустьева, продолжая учителемъ гимназіи и кончая профессоромъ, открыто и смѣло сказалъ о томъ, что мы, обезпеченные, должны искоренять нужду и бѣдность, что мы должны видѣть людей даже въ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ принято называть прокаженными общества, что руки и мозгъ, способные обогатить общество и поставленные теперь въ необходимость хватать это общество за горло изъ злобной мести за свою нищету, мы должны взять подъ свою защиту и такъ распорядиться ими, чтобы онѣ могли обогатить это общество,—такихъ рѣчей, такихъ призывовъ, такихъ усилій раскрыть наши заспанные глаза на царящее зло мы не слыхали ни отъ одного изъ нашихъ воспитателей... Напротивъ, въ родительскомъ домѣ, въ школѣ, въ университетѣ, насъ постоянно увѣряли, что широта вниманія къ окружающему—фанаберія, гибель, верхоглядство; что узость, строгость сердца—самое вѣрное и въ жизни, и въ наукѣ... Много-много, если мы слышали, что есть на свѣтѣ явленія мрачныя, темныя, черныя, но чтобы кто-нибудь сказалъ намъ: «ваше *честолюбіе* должно быть въ томъ, чтобы ихъ не было»—никогда! Напротивъ, всегда говорили, что они неизбѣжны, неминучи, что они—фазисъ, что мечтать, будто можно избѣжать ихъ,—фантазія и вздоръ... Отчего это? Анри Джорджъ говоритъ свою рѣчь въ такой странѣ, гдѣ капиталъ, со всѣми своими желѣзными законами, гудитъ и реветъ всей глоткой, властвуетъ безъ всякаго стѣсненія, гдѣ онъ—царь, глава, власть, все! Джорджъ говоритъ эти слова передъ лицомъ дѣтей представителей этого капитала,—людей, которые съ дѣтства взросли въ благорастворенiи воздуховъ, доставляемыхъ этимъ капиталомъ,—и не «пужается»! А у насъ, въ нашей соломенной сторонѣ, гдѣ капиталы только разворовываются, не производя никакихъ «уширеній» потребленія, никакихъ производствъ, гдѣ грубые, невѣжественные, тупоумные хищники еле-еле знаютъ, что, воруя, все-таки надобно по временамъ подводить какой-то «*баланецъ*», — пикнуть не приходится ни одного слова о томъ, что надобно, чтобы на свѣтѣ было меньше зла, нищеты, бѣдности, чтобы человѣкъ не гибнулъ зря. Тайна сія велика, до такой степени велика, что этотъ самый хищникъ, утроба, дурь и голь лѣсная, волчья жадность съумѣли подавить и заглушить всѣ благороднѣйшіе порывы, такъ широко и безъ всякихъ усовѣщиваній развившіеся въ обществѣ послѣ освобожденія крестьянъ. Звѣрище, пасть и дурь одолѣли это движеніе, заняли всѣ тѣ пункты общественной службы, гдѣ должны проявиться именно только побужденія благороднаго сердца. *Эта* крамола орудовала передъ глазами нашими лѣтъ двадцать-пять, и обществу не легче отъ того, что теперь звѣрище появляется на скамьѣ подсудимыхъ. Оно уже отвыкло черпать силу своей интеллигентной мысли изъ несовершенствъ живой дѣйствительности и даже не оскорбляется этими несовершенствами, не находитъ своего честолюбія въ томъ, чтобы несовершенствъ этихъ было меньше.

А между тѣмъ это превращеніе человѣка, «честолюбіе» котораго должно бы заключаться въ томъ, чтобы на свѣтѣ было меньше нищеты, невѣжества, порока—превращеніе такого человѣка въ апатическое, сонное или много-много если только «теоретически» ворчащее существо, сдѣлало уже и дѣлаетъ нехорошее дѣло съ русскою жизнью и русскимъ народомъ. Кто изъ насъ не привыкъ почти за непреложное и не волнующее уже насъ явленіе ежедневно считать такія фразы, проявляющіяся въ обстоятельнѣйшихъ статистическихъ работахъ, какъ напримѣръ: «малоземельныя хозяйства въ большинствѣ случаевъ *исчезаютъ*, уступая мѣсто крупнымъ» и т. д. Все это уже намъ прiѣлось, отъ всего этого намъ уже скучно. Но еслибы въ насъ не была умерщвлена потребность почерпать силу своей мысли и поступковъ изъ живой дѣйствительности, то мы бы содрогнулись, еслибы увидѣли *своими глазами* то, что въ статистической работѣ обозначено однимъ надоѣвшимъ уже словомъ: «исчезаютъ». Вѣдь это исчезаютъ люди, а не дрова, мужики, бабы, дѣти, а не щепки и не цифры. Какъ на живой образчикъ той раздирательной драмы, которая таится въ этомъ примелькавшемся словѣ: *исчезаютъ*, уступая мѣсто и т. д.,—драмы, которая происходитъ вотъ тутъ, рядомъ съ нами, и которую мы не видимъ, апатически влача семейно-танцовальное существованіе,—я могу указать на превосходнѣйшую работу г. Лудмера, напечатанную въ 11 № *Юридическаго Вѣстника*. Авторъ ея, бывшій мировой судья въ одномъ изъ подмосковныхъ уѣздовъ, пораженъ былъ обиліемъ въ крестьянской средѣ семейныхъ раздоровъ и рѣшился быть особенно внимательнымъ къ дѣламъ этого рода. Въ его статьѣ «*Бабьи стоны*» собрано огромное количество дѣлъ, касающихся семейныхъ домашнихъ неурядицъ, иногда поистинѣ потрясающихъ. Картина, которая нарисована имъ, ужасна: здѣсь, на вашихъ глазахъ, вы видите, какъ *гибнутъ*, даже *поѣдомъ ѣдятъ* другъ друга люди, ѣдятъ, погибая, исчезая съ лица земли, *уступая* свое мѣсто другимъ,—и волосъ дыбомъ становится у васъ на головѣ! А всмотритесь въ эту ужасающую картину—и вы увидите, что во имя какихъ-то не божескихъ законовъ у этихъ семей разрушена возможность жить трудами рукъ своихъ, такъ жить, какъ они хотѣли жить и какъ единственно только могли жить—и вотъ вамъ это разстройство, отразившееся на мужикѣ, бабѣ, ребенкѣ. Нельзя выразить той безконечной благодарности, которую невольно чувствуешь къ автору этой безподобной статьи, рѣшившему сявзволновать насъ, одервенѣвшихъ въ безплодной тоскѣ и ворчаньѣ,

живою раздирающею драмой жизни. Намъ, одеревенѣвшимъ и ворчащимъ интеллигентнымъ людямъ, необходимы такіе сильные удары, чтобы мы очувствовались, очнулись и подумали бы о «честолюбіи» быть ненавистниками зла.

Но какихъ бы ужасовъ, трагедій и драмъ ни насмотрѣлись земцы и думцы, еслибы они почувствовали склонность къ «честолюбію» указаннаго выше типа, всѣ эти ужасы, драмы и трагедіи, распадаясь на немногія, но совершенно опредѣленныя группы—нищеты, невѣжества, порока, легко могутъ быть парализованы положительно въ самой большей своей части тѣми «божецкими мѣрами», которыя предлагаетъ крестьянская рукопись. Если можно милліоны банковыхъ денегъ пускать по вѣтру и въ трубу, то на эти милліоны можно пріобрѣтать и земли, и лѣса. А «баланецъ» отъ дохода съ этихъ заселяемыхъ земель навѣрное будетъ не такой, какой подводился въ итогахъ операцій скопинскаго банка. Но, не говоря о прямой выгодѣ устраивать по-божески пролетаріатъ, не дожидаясь, пока онъ самъ устроитъ свое существованіе на общественный счетъ при помощи тюремъ и больницъ, теорія «жизни трудами рукъ своихъ» должна быть проповѣдуема какъ образецъ справедливѣйшаго существованія на землѣ; какъ существованіе, при которомъ возможно удовлетворять самому всѣмъ своимъ потребностямъ, и слѣдовательно жить широко, всѣми сторонами своей личности. Надобно, чтобы «типъ» человѣка, лично удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребностямъ, привлекалъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кому дорога справедливость, людей изъ всѣхъ сословій, ощущающихъ въ себѣ силы взяться за плугъ, и для этого нужна школа, земледѣльческое всесословное училище; благодаря ему, трудъ этотъ долженъ стать не бѣдствіемъ изъ-за насущнаго хлѣба, а счастіемъ жить, соединяя въ одной своей личности слугу и хозяина.

Приглашать теперь въ крестьянскую избу лицъ «благороднаго» происхожденія, увѣренныхъ, что если не будетъ больше урядницкихъ мѣстъ, то для народившагося «благородства» изобрѣтутъ новыя, безчисленнѣйшія мѣста, конечно съ жалованьемъ—нѣсколько страшновато: крестьянская изба очень и очень часто можетъ напугать; мрачна она и трудно въ ней, и грязно, и холодно, и вообще не дай Богъ. Получать жалованье и играть въ винтъ гораздо все-таки лучше, но въ утѣшеніе такимъ пугливымъ людямъ можно съ положительностью сказать, что изба эта не всегда будетъ такъ мрачна, какою мы привыкли ее представлять себѣ, что она способна развиваться, увеличивать и чистоту, и свѣтъ, и интересъ внутренняго обихода: какая угодно книга ничуть не лишняя въ ней, но пока нѣтъ достатка еще купить ее. Но ужъ и теперь можно подмѣтить въ избѣ крестьянской кое-что новое, лучшее, чѣмъ было прежде. Вонъ по тихвинскому тракту мужики выдумали устраивать печи по новому образцу! Старая печка устраивалась такъ, что баба непремѣнно должна была влѣзать головой въ самое пламя, должна была горбиться, и рѣдко лицо ея не носило признаковъ сажи. Теперь мужики сдѣлали такъ: трубу отодвинули дальше и поставили надъ самымъ горниломъ, такъ что входъ въ печку сталъ открытымъ, а загнетку выдвинули впередъ, какъ столъ, на которомъ баба можетъ орудовать, не сгибаясь. Да и носъ ея теперь никогда ужъ не запачканъ сажей; нынѣшнимъ мужикамъ ужъ не нравится это, да и бабы желаютъ держать себя поделикатнѣй: старыя сгорбленныя бабы съ сажей на носу выходятъ изъ моды. А современемъ, нѣтъ сомнѣнія, разнообразіе внутренняго обихода крестьянской избы, нисколько не измѣняясь въ своей многосложности, значительно облегчится въ смыслѣ техники, внѣшнихъ удобствъ, комфорта. Знатоки техническаго дѣла проводятъ рѣзкую черту между изобрѣтательностью по этой части въ Англіи и въ Америкѣ; въ то время, когда изобрѣтательность Англіи, разсчитанная на массы колоніальныхъ полудикихъ жителей, стремится забросать весь свѣтъ одѣялами, сапогами, рубашками и т. д., т. е. стремится отнять у дикаря удовольствіе все это дѣлать своими руками, и, обезсиливъ его, обезмысливъ его личное существованіе, превращаетъ его въ раба, поденщика, трудящагося не для себя, не по своей охотѣ, а по нуждѣ, дѣлающаго не нужное ему, скучное и всегда трудное черное дѣло, что̀ и ведетъ дикаря къ тоскѣ, водкѣ и смерти,—американская промышленность, продѣлывая то же, что̀ и англійская, принуждена однако разсчитывать на потребителя, не поддающагося обезсиливанію и обезличиванію. Эмигрантъ, изъ котораго выросла вся Америка и который постоянно стремится туда со всѣхъ концовъ свѣта, въ огромномъ большинствѣ случаевъ—человѣкъ сильнаго характера; онъ бросаетъ родину не всегда потому, что тамъ тѣсно, но потому, что ему не по душѣ стало жить, потому, что съ нимъ случилась драма душевная, послѣ которой ему надо бѣжать; онъ идетъ потому, что не можетъ подчиниться такимъ-то и такимъ узаконеніямъ, его гонитъ съ родины возмущенная совѣсть, кровная обида... Огромное большинство эмигрантовъ не можетъ не чувствовать себя совершенно *одинокими*, разорвавшими связи съ прошлымъ и обреченными начинать новую жизнь на новомъ мѣстѣ... Гдѣ и съ кѣмъ? Въ невѣдомой, незнакомой странѣ, среди чужихъ людей, не зная ни языка, ни обычаевъ!... Для такого человѣка нельзя не сосредоточиться только въ самомъ себѣ, нельзя не разсчитывать только на *себя*, на *свои* силы, на *свой* умъ, на *свое* умѣнье... Обиліе людей такого типа заставило американскую промышленность помогать существованію такихъ, на *свои* только силы полагающихся людей, заставило техническую изобрѣтательность направлять свою мысль на такія изобрѣтенія и техническія усовершенствованія, которыя бы облегчали существованіе не огромной фабрики, какъ въ Англіи, а отдѣльнаго человѣка; все, что касается удобствъ отдѣльной личности, отдѣльнаго дома, возможности одинокому человѣку *самому* улучшить свое существованіе — все это

изобрѣтено Америкой: швейная машина, доступная для каждаго дома, — не швейная фабрика на весь міръ. И въ этомъ отношеніи нашъ крестьянскій домъ, отдѣльная его семья могутъ дѣлать множество облегчающихъ трудъ заимствованій, нисколько, повторяю, не нарушая разнообразія труда, не убавляя его разносторонности и интереса. То, что теперь дѣлается и трудно, и неуклюже, и иногда вредно для здоровья, то же самое можетъ дѣлаться и легко, и изящно, и не изнурительно физически. Школа должна все это откопать и познакомить со всѣмъ этимъ добровольцевъ земледѣльческаго труда, если только они будутъ.

II.

На этомъ, кажется, можно окончить съ «мечтаніями» по поводу практическаго осуществленія на дѣлѣ теоріи, основанной на «первородномъ законѣ», повелѣвающемъ всякому жить только трудами рукъ своихъ. Надѣюсь, что мечтанія эти не взволновали читателя настолько, чтобы онъ могъ размечтаться до предѣловъ невозможнаго, а главное, недозволеннаго; надѣюсь потому, что всѣ мои мечтанія весьма легко сосредоточиваются въ желаніи «попробовать». И вотъ, единственно только во имя этого скромнѣйшаго желанія, мнѣ хочется, помимо указанія на практическую пользу этой пробы, указать еще и на сторону эстетическую, коснуться хотя слегка красоты человѣческаго типа, удовлетворяющаго всѣмъ своимъ потребностямъ, — типа, составляющаго самый существенный доводъ въ пользу скромнаго желанія «попробовать».

Какъ-то разъ въ деревнѣ вышелъ я отъ нечего дѣлать на крыльцо. Было утро, раннее, ярко-солнечное, крѣпко-морозное и совершенно тихое. Передъ крыльцомъ дворникъ расчищалъ дорогу отъ снѣга, а по исткамъ, уже расчищеннымъ, проворно шла какая-то крестьянская женщина; шла она легко, бодро, смотрѣла необыкновенно весело и чисто, и вся она была такая складная, легкая, крѣпкая, веселая, что и мнѣ стало весело, когда я разсмотрѣлъ ее. Крѣпка и складна была на ней и одежа, и обувь: кацавейка была такъ простегана, что топоромъ не разрубить, и застегнута на стройной груди такъ плотно, точно обѣ онѣ съ кацавейкой вылиты изъ мѣди, но вылиты изящно, стройно, легко и почему-то весело для глаза.

— Купите, баринъ, яицъ... десятка полтора никакъ! почему-то весело сказала она, показывая маленькій узелокъ съ яйцами. — Больно ужъ деньги нужны! прибавила она и также весело почему-то.

— Надыть яйца-то у ней, ужъ видно, взять... Новое хозяйство начинаетъ! сказалъ дворникъ. — Она еще даве приходила, да вы спали...

— Въ самъ дѣли, баринъ, ужъ возьмите. Право слово, съизнова жить начинаю, а капиталу всего на всего вотъ что за эти яйца дадите...

И все это опять-таки веселымъ голосомъ говоритъ.

— Развели меня вчерась, дай Богъ здоровья судьямъ, съ моимъ мужемъ-дуракомъ... Все они у меня съ матерью обобрали, только и оставили вотъ яйца, потому куры мои... Ну, да Богъ съ ними; я рада, что хоть вырвалась изъ этой каторги...

— Какъ-же ты будешь жить?

— Вотъ, не жить еще! Знамо, жить буду... Я въ случаѣ чего всякую и мужицкую работу умѣю. Господи помилуй! Не прожить! Теперь-че опять дядя у меня вдовый, вотъ къ нему и пойду—тоже ему нужна помочь... Кокъ-нибудь проживу. Руки, слава Богу, не отсохли, ноги тоже не отнялись... Мнѣ бы только хоть чуточку на первое время деньжонокъ, самую малость... А то авось Господь... Какъ такъ не прожить, коли никакого во мнѣ пороку нѣту?

— Ужъ видно, надо яйца-то взять — добавилъ дворникъ.

Яйца были куплены, и баба, поразсказавъ еще звонкимъ свѣжимъ голосомъ про свою каторгу съ дуракомъ-мужемъ и злою свекровью, весело распрощалась съ нами и такою-же проворной, легкой походкой, легкая, крѣпкая и веселая, ни капли не унывающая, ушла начинать новую жизнь съ сорока копѣйками въ карманѣ... «Господи помилуй, не прожить!» сказала она — и это выраженіе съ нѣкоторымъ страхомъ предъ словомъ «не прожить» и удивленіемъ предъ мыслью о невозможности *для нея-то*, для этакой-то бабы, не прожить на бѣломъ свѣтѣ, сразу сдѣлали для меня понятною эту хорошую крестьянскую женщину.

Да, эта женщина проживетъ на бѣломъ свѣтѣ сама, одна; она знаетъ *всякую* работу—подумайте только объ этомъ *подчеркнутомъ* словѣ! Какъ будетъ радъ ея вдовый дядя, у котораго теперь въ домѣ все идетъ врозь; ребятишки, скотина — все это грязно, заброшено и полуголодно; онъ самъ, бѣдняга, теперь мѣситъ хлѣбы, и хлѣбы выходятъ какъ кирпичи. Но явится эта женщина, расплатившаяся сорока копѣйками со всѣми деревенскими долгами и съумѣвшая еще купить дѣтямъ дяди гостинцевъ, тихвинскихъ кренделей, — и точно свѣтъ озаритъ разстроенную, скучную, грязную избу. Скотина тотчасъ почувствуетъ, что пришелъ человѣкъ, безъ котораго скучно и голодно жилось. Отъ одного ея голоса — отъ этого сорочьяго, бабьяго стрекотанія—вдругъ все ожило, и теленокъ, повинуясь чувству радости, возбуждаемому въ немъ этимъ голосомъ, невольно идетъ къ крыльцу, къ дому, гдѣ появилась эта баба, чувствуя, что тутъ долженъ быть источникъ будущаго его благополучія... Все— отъ куръ до стѣнъ и людей, наполняющихъ избу,— начинаетъ *жить*. Ухваты, горшки, печка, скотина—все ожило, задымилось, застучало, пошло ходить, убираться, чиститься, ѣсть и пить, и работать, словомъ, *жить на свѣтѣ*. А не будь этого пристанища, женщина эта нигдѣ не пропадетъ— она и мужицкую работу въ случаѣ чего можетъ исполнять. Еще дѣвчонкой, которой впору только бы въ куклы играть, она ужъ знала много всякихъ занятій, утромъ играла, пѣсни пѣла, а вечеромъ мірскую очередь исполняла за мамку или за тятьку, въ колотушку стучала и въ кабакъ за отцомъ хо-

дила, а потомъ и за дровами въ лѣсъ ѣздила, и косить умѣетъ, и въ сторожихи на желѣзную дорогу пойдетъ—словомъ, она, мастерица во всякой женской работѣ, не пропадетъ, если судьба поставитъ ее и на мужскую.

Перейдемъ теперь въ другой кругъ людей, въ такъ называемое «общество», общество средняго сорта, въ такъ называемую нашу россійскую буржуазію, и вы увидите, до какой степени здѣсь, гдѣ нѣтъ ни мужицкихъ сапогъ, ни мужицкихъ разговоровъ, ни грубыхъ мужицкихъ ухватокъ, до какой степени здѣсь огромно уродство и въ мужчинахъ, и въ женщинахъ, до тонкости разработавшихъ свои отдѣльныя, спеціальныя мужскія и женскія дѣла и свойства, и насколько завидна и прекрасна участь грубой крестьянки, съумѣвшей въ одномъ своемъ лицѣ сосредоточить и мужскія, и женскія свойства и спеціальности.

Въ «Русской Мысли» за 1884 и 1885 годъ были напечатаны три беллетристическія произведенія, чрезвычайно замѣчательныя въ томъ отношеніи, что два изъ нихъ (*Дошутилась* и *Магистръ и Фрося*) какъ нельзя лучше рисуютъ тяжкую безсодержательность семейныхъ отношеній буржуазной семьи, а третье (*Мои вдовы*), къ нашему величайшему удовольствію, затрогиваетъ вопросъ о выходѣ изъ этихъ пустыхъ, хотя и удобныхъ, но далеко нравственно не удовлетворяющихъ условій жизни. И выходъ этотъ указанъ авторомъ до такой степени неожиданный, оригинальный и прекрасный, что разсказъ *Мои вдовы* нельзя не считать однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ произведеній, что̀ читатель и увидитъ ниже.

Всѣ три литературныя произведенія написаны женщинами, и поэтому во всѣхъ этихъ работахъ замѣчается особенное вниманіе къ такимъ сторонамъ современной жизни и буржуазной среды, которыя касаются главнымъ образомъ положенія въ этой средѣ женщины, женскихъ напастей и бѣдъ, женскихъ огорченій, мукъ и желаній. Иногда авторы, увлеченные искренностью сознаній своей горькой участи, не задумываются изображать такіе моменты этихъ мученій, которыхъ ни одинъ изъ беллетристовъ-мужчинъ не привыкъ касаться, не знаю впрочемъ почему, или касается только для того, чтобы щегольнуть золаизмомъ или пройтись насчетъ натуралистической клубнички. Всѣ такого рода сцены написаны авторами упомянутыхъ повѣстей совершенно не такъ и не съ той цѣлью, какъ это дѣлаютъ господа золаисты, а вполнѣ цѣломудренно, чистосердечно, чисто и поэтому весьма серьезно и трогательно: это не клубника, а муки, настоящія терзанія человѣка, настоящій «адъ спальни».

Изъ огромнаго матеріала, который эти повѣсти могутъ доставить читателю, желающему серьезно подумать о теперешней русской буржуазной семьѣ, я возьму только одну самую характерную сцену, какъ наиболѣе яркій документъ въ пользу того, что среда, живущая трудами рукъ своихъ, куда совершеннѣе той, гдѣ не сѣютъ, не жнутъ, въ буквальномъ смыслѣ, а живутъ, какъ говорится, на готовомъ.

Вотъ эта сцена:

Фрося (героиня повѣсти *Магистръ и Фрося*) родила ребенка, дѣвочку, и вотъ что она ощущаетъ: «Сначала Фрося ничего не чувствовала кромѣ наслажденія избавиться отъ физическихъ мукъ; въ первыя минуты послѣ родовъ ее не могло бы огорчить извѣстіе о смерти ребенка, но когда дѣвочку прибрали и положили къ ней на кровать, и она, приподнявшись, взглянула на это маленькое сморщенное личико, въ ней вдругъ загорѣлась такая страстная любовь къ ней, что она готова была жизнь свою отдать за это безпомощное созданіе» («Русск. Мысль» 1883 г., кн. IX, стр. 111).

Вотъ что̀ чувствовала Фрося.

Магистръ, Петръ Ивановичъ, напротивъ, сдѣлавшись отцомъ этого безпомощнаго существа, чувствовалъ къ нему нѣчто другое: «И такъ, то, чего онъ *ужасно боялся*, свершилось: ребенокъ родился и былъ живъ. Онъ (Петръ Ивановичъ, отецъ ребенка) оперся головой на руку и чуть не скрежеталъ зубами и въ то время, когда торжествующая акушерка хлопотала около дѣвочки, стараясь какъ можно теплѣе укутать ее въ пуховую подушку, *отецъ былъ въ отчаяніи: онъ* готовъ былъ проклинать часъ, въ которой зародился младенецъ; онъ совсѣмъ *не желалъ* его и къ тому же былъ такъ увѣренъ, что судьба *сжалится* надъ нимъ и ребенокъ родится мертвымъ. И вдругъ *такое страшное* разочарованіе!» (тамъ же).

За рожденіемъ этого ребенка слѣдуетъ рядъ сценъ, по истинѣ ужасающихъ. Фрося, готовая отдать за него жизнь, и Петръ Ивановичъ, жаждущій его смерти, начинаютъ поступать каждый сообразно владѣющимъ ими побужденіямъ. У Фроси нѣтъ молока. Она проситъ, чтобы Петръ Ивановичъ нанялъ кормилицу; Петръ Ивановичъ отказываетъ.— «Но если не кормить ребенка, то онъ умретъ сегодня же... онъ не вынесетъ коровьяго молока!..»

— «Такъ что-жъ дѣлать?» говоритъ Петръ Ивановичъ. — «На колѣняхъ умоляю! Ради всего святого успокой меня! Я съ ума сойду!» Петръ Ивановичъ остается жестокимъ, непреклоннымъ, и когда Фрося начинаетъ метаться въ страшныхъ мукахъ гнѣва, страха и отвращенія, Петръ Ивановичъ какъ бы выжидаетъ голодной смерти ребенка, а пожалуй и смерти Фроси, и хотя приходитъ въ ужасъ отъ ея мученій, отъ ея начинающагося безумія, но ровно ничего не дѣлаетъ ни для Фроси, ни для ребенка, и когда она дошла до того, что доктора вынуждены были привязать ее къ кровати, Петръ Ивановичъ, *скорчившись, прижался за диваномъ* въ сосѣдней комнатѣ... (стр. 115).

Спрашивается, что̀ же это за извергъ? И это еще ученый, образованный человѣкъ, магистръ! Нѣтъ, онъ — не извергъ: на той же 115 стр. мы находимъ такую строчку: «Спасите ее, докторъ, спасите!»—говорилъ Петръ Ивановичъ, схвативъ руку доктора *и прильнувъ къ ней губами*». Стало быть, сердце у Петра Ивановича не совсѣмъ каменное, и мы попробуемъ отнестись къ нему спра-

ведливо. Онъ — ученый, и хотя опытъ его профессорства былъ неудаченъ, но онъ не оставилъ своей цѣли—сдѣлать карьеру ученаго; онъ поглощенъ своей спеціальностью, онъ добивается, чтобы ученый міръ призналъ его; спеціальность забрала его въ руки, онъ весь сосредоточился въ ней; каждый шагъ его, какъ спеціалиста, обязываетъ его поступать извѣстнымъ образомъ, онъ весь во власти своей спеціальности, для нея работаетъ его умъ, она владѣетъ его сердцемъ... А Фрося? Фрося—тоже спеціалистка, и именно тѣмъ, что она Фрося—и больше ничего. Если Петръ Ивановичъ узокъ, потому что весь ушелъ въ успѣхъ диссертаціи и ничего такъ не жаждетъ, какъ того, чтобы въ концѣ-концовъ ученый міръ сказалъ про него: «Молодецъ Петръ Ивановичъ!»—то и Фрося также ушла въ то, что она женщина, что ее надобно любить, что ее нельзя по цѣлымъ днямъ оставлять одну, что она должна жить, что ей, Фросѣ, нельзя такъ сидѣть, «одной». Ей мѣшаетъ все, что для Петра Ивановича нужно, интересно, важно. Петру Ивановичу все мѣшаетъ, что нужно Фросѣ: постоянное вниманіе, постоянныя прогулки подъ руку, постоянное разговоры «обо всемъ». Вѣдь положа руку на сердце, развѣ Фрося пойметъ, что такое обременяетъ голову Петра Ивановича? Для этого тоже надобно быть профессоромъ-спеціалистомъ, также съузиться въ достиженіи крохотной цѣли. Но поймемъ она или не пойметъ, ей-то вовсе не нужно и не интересно быть обремененной заботами Петра Ивановича, — она сама по себѣ; она совершенно законно говоритъ: «я хочу жить», но въ буржуазномъ обществѣ она можетъ жить только крайне односторонне: какъ женщина, до мельчайшихъ подробностей развивая свои собственныя женскія требованія; мужчина долженъ быть энергиченъ и твердъ, женщина—нѣжна и блѣдна «какъ лилія»; вотъ спеціальности буржуазныхъ отношеній, въ грубой формѣ выраженныя. Это не крестьянка, которая сама *одна* умѣетъ и работать какъ мужикъ, и нѣжныя пѣсни ребенку пѣть. Ребенокъ для Фроси — все; она жизнь готова отдать за него; для Петра Ивановича онъ—гибель, онъ—конецъ его карьеры, онъ, этотъ маленькій человѣкъ, которому всего-то нужна одна рюмка молока въ день,— онъ является на свѣтъ для того, чтобы терзать Петра Ивановича какими-то новыми обязанностями, своею безпомощностью, болѣзнью и т. д., наполняя ими то сердце, которое уже отдано во власть наукѣ, карьерѣ... Этотъ пискъ вытѣсняетъ изъ его сердца старую хозяйку—карьеру; Петръ Ивановичъ *долженъ* трепетать этого, потому что, отдай онъ свою внимательность этому крошечному существу,—онъ пропалъ буквально, онъ долженъ уйти съ той дороги, на которой стоитъ, онъ завтра же «отсталъ въ наукѣ», онъ завтра за штатомъ и все его существованіе—на воздухѣ...

Эта сцена груба и жестока, но кто же не скажетъ, что такія отношенія въ формахъ значительно болѣе мягкихъ, чѣмъ отношенія Фроси и Петра Ивановича, не характеризуютъ вообще семейныхъ отношеній буржуазной среды? Желѣзные законы сдѣлали въ этой средѣ женщину—*слишкомъ* женщиной и мужчину—слишкомъ мужчиной. Каждый *особенно* слишкомъ развитъ въ сторону своего пола, причемъ мужчина, мало того, что *слишкомъ мужчина*, но всегда съуженъ еще какою-нибудь спеціальностью, то есть нравственно, Богъ знаетъ, какъ далекъ отъ своей жены, а связь между ними, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, далеко не гармонична, далеко не такая, какъ у мужика и бабы, которые живутъ и интересуются и дѣлаютъ одно и то же дѣло, причемъ и каждый изъ нихъ отдѣльно можетъ и умѣетъ дѣлать это дѣло и самъ одинъ, безъ чужой помощи.

Въ повѣсти *Дошутилась* представлена другая буржуазная драма; здѣсь между мужемъ и женою нѣтъ ужъ никакой, маломальски достойной уваженія связи. Даже дѣтей нѣтъ. Онъ—земскій гласный, а она - жена его... только жена,—жена, которую онъ *долженъ* любить, которая *любитъ* его... любитъ *такъ*, «искусство для искусства»... и выходитъ тяжелая картина безсодержательной и некрасивой жизни.

Картины этой безсодержательной жизни могли бы повергнуть читателя въ неисходную, мрачную тоску, еслибы по счастью не было такихъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ бы не доказывали, что въ этой средѣ не умерла здоровая, прямая, свѣтлая мысль, что человѣкъ стремится выйти изъ этихъ тенетъ пустоты и безстрашно идетъ къ правдѣ, смѣло ищетъ такихъ формъ жизни, при которыхъ *душа* чувствовала бы себя широко живущей и чистой. Разсказъ г-жи Н. Л. *Мои вдовы* — одно изъ такихъ замѣчательныхъ по новизнѣ идеи произведеній.

Героиня разсказа, образованная женщина, жена образованнаго человѣка, живущая въ возможно благопріятныхъ и разумныхъ семейныхъ отношеніяхъ, словомъ, – женщина умная и считающая себя счастливою женою, живя подолгу въ деревнѣ, начинаетъ невольно наблюдать тѣхъ деревенскихъ женщинъ, съ которыми сталкиваетъ ее судьба, и наблюдая, какъ умная, развитая женщина, начинаетъ замѣчать, что въ этихъ грязныхъ крестьянкахъ есть что-то новое для нея, что-то такое, чему можно даже завидовать. Ее поражаетъ именно эта самостоятельность крестьянской женщины, эта красота справедливости существованія, нравственная полнота его, дающая возможность понять слово *жизнь* шире, покойнѣе и свѣтлѣе... Въ параллель съ этими самостоятельными женщинами деревни, превосходно изображенными въ лицѣ двухъ крестьянскихъ вдовъ, авторъ приводитъ типъ великосвѣтской вдовы, которая послѣ смерти мужа остается совершенно невѣдущей и безпомощной во всѣхъ отношеніяхъ и должна бы пропасть, какъ былинка, еслибы объ ея участи не заботилась масса родни, которая за нее думаетъ, дѣлаетъ, распоряжается, а современемъ выберетъ ей мужа и опять водворитъ въ новой спальнѣ для продолженія существованія спеціально по женской части. Скоро становится вдовой и героиня разсказа, отъ лица которой ве-

дется ея разсказъ. Для нея, какъ для женщины образованнаго общества, предстоитъ та же дорога, что и для изображенной ею великосвѣтской вдовы; о ней, какъ о женщинѣ, позаботятся, устроютъ, похлопочутъ; ей легче идти по этому пути: у нея дѣти, надо ихъ пристроить... а она—женщина... слабое существо... Но она уже видала неслабыхъ женщинъ, она уже поняла красоту этого типа, и она сознательно предпочитаетъ этотъ типъ; ей уже тѣсно жить въ обществѣ, гдѣ обязательно «услуживать» женщинамъ; она чувствуетъ приливъ силъ, дающихъ ей право быть самостоятельной, независимой, непорабощаемой ни услужливостью, ни деспотизмомъ, и она рѣшаетъ жить такъ, какъ живутъ ея деревенскія вдовы, эти женщины-мужчины.

Она рѣшила сдѣлать такъ, возвращаясь въ деревню съ похоронъ мужа.

Приближаясь къ дому, она шла полями:

«Великая скорбь, которую она несла въ своемъ сердцѣ, — невмѣстимая, какъ эти необъятныя поля, могучая, какъ эта земля, все покоряющая — какъ грозно поднявшаяся стихія, встала, заступила ей дорогу, пошатнула и ударила о сыру землю. На грудь этой нѣмой, но могучей матери хлынули потоки слезъ, задержанные мелочью людскою; ласково приняла росистая трава изнемогшее тѣло, ласково дышалъ воздухъ, ласково обступала кругомъ гордая, цвѣтущая рожь.

— «Родная, святая, *вѣчная вдова*! рыдала бѣдная женщина, страстно прижимаясь къ родной землѣ, — побереги, не оставь меня съ малыми дѣтушками! Дай мнѣ силу твою, молчаливую, великую, неизмѣнную! Помоги мнѣ ихъ выкормить, выростить, *тебя любить научить!*

«Жизнь, жизнь зоветъ! Вставай же и иди на встрѣчу ей. Мѣсто, мѣсто дайте *моей барынѣ въ рядахъ своихъ*, вы, тянущія лямку день и ночь, безъ передышки, безъ ропота и уклоненій; вы — держащія сиротъ, домъ и дѣла *на уровнѣ мужского и женскаго труда*, *сложенныхъ вмѣстѣ*, вы — бодрыя, терпѣливыя, безупречныя русскія вдовы и матери! Подайте руку, встрѣчайте— не посрамитъ она васъ!» (*Русск. Мысль* 1884 г., кн. III, стр. 69.)

Разсказъ этотъ положительно превосходенъ, и я желалъ бы, чтобы его перечитали тѣ, которые не замѣтили его или не обратили на него серьезнаго вниманія. Онъ дастъ вамъ смѣлость не только думать и мечтать о томъ, «какъ жить свято», но и въ самомъ дѣлѣ пробовать свято жить. Вы видите, что ужъ пробуютъ—и это одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ движеній души искреннихъ русскихъ людей.

VI. Побоище.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

I.

Въ воскресенье, 27-го февраля, въ такъ называемый «прощёный день», я проводилъ вечеръ въ одномъ знакомомъ бакинскомъ семействѣ; вечеръ тянулся обычнымъ въ настоящее время порядкомъ скорѣе скучно, чѣмъ весело, и за отсутствіемъ мало-мальски живого разговора, котораго теперь что-то нигдѣ не слышно, мирно приближался къ благополучному окончанію, т. е. ужину, за которымъ на этотъ разъ предполагалось «пробовать» новый бурдюкъ бѣлаго кахетинскаго вина. Маленькіе стаканчики бочоночками (хозяинъ былъ поклонникъ «русскаго стиля») уже позвякивали гдѣ-то въ отдаленіи, какъ въ комнату, въ которой было человѣкъ семь-восемь знакомыхъ хозяина, поспѣшно вошелъ слуга, блѣдный и встревоженный, и ломанымъ русскимъ языкомъ, какимъ говорятъ обыкновенно «восточные человѣки», объявилъ, что въ городѣ «бунтъ», что «приказываютъ» запирать ворота и что потребованы войска...

Не то чтобы «испугъ» или особенную тревогу произвело это извѣстіе, а скорѣе какъ бы серьезное недоумѣніе. «Вѣдь вотъ, подумалось невольно каждому изъ присутствовавшихъ,—мы тутъ сидимъ, скучаемъ, не знаемъ, какъ дотянуть время до ужина, болтаемъ о чемъ придется, не найдемъ разговора, который можно бы вести безъ усилій, не найдемъ темы для этого разговора, которая бы искренно сознавалась нами, какъ вполнѣ серьезная... а тамъ, гдѣ-то, вотъ за этими стѣнами, за этими окнами, заставленными цвѣтами и плотно отъ постороннихъ глазъ занавѣшенными, тамъ что-то бурлитъ, и бурлитъ до мордобитія, до свалки... до призыва войскъ... Мы сидимъ, скучаемъ, зѣваемъ, ждемъ книги, чтобы она оживила нашу изнывающую въ безсодержательности мысль, дала бы тему для разговора, только для разговора «до ужина»... а тамъ вотъ безъ разговоровъ есть какія-то такія «темы», изъ-за которыхъ... войска зовутъ!.. И ворота велятъ запирать!»

Словомъ, извѣстіе, принесенное слугой, заставило всѣхъ призадуматься о томъ, что мы всѣ здѣсь бывшіе, образованные городскіе обыватели что-то *забыли*, забыли что-то важное, серьезное, и вотъ оно, это серьезное, напоминаетъ о себѣ, напоминаетъ грубо и, главное, *непонятно* намъ... Не страшно намъ стало—нѣтъ, а какъ-то «виновато», горько за свою тоскливую тяготу незнающаго «нужды» существованія... .

— Вотъ проклятая жизнь! подумали мы, относя слово «проклятый» не къ жизни тѣхъ, кто теперь «тамъ» затѣвалъ побоище, а къ себѣ, къ своему интеллигентному существованію... Невольно почувствовалась какая-то связь между нашимъ интеллигентнымъ нравственнымъ изнуреніемъ и тѣми нравственными волненіями, которыя таились *тамъ*, въ глубинѣ массы людей побоища, хотя мы къ несчастью совершенно не понимали, что именно *тамъ* таится, и не могли бы этого объяснить толково и опредѣленно.

Разумѣется, всѣ, кто былъ въ комнатѣ въ ту минуту, когда вошелъ слуга съ извѣстіемъ о побоищѣ, поспѣшили «своими глазами» удостовѣриться въ томъ, что именно происходитъ въ городѣ. Дамы отправились смотрѣть побоище на балконъ,

и несмотря на то, что на дворѣ стояла тьма и что балконъ выходилъ вовсе не на ту сторону, гдѣ могло происходить побоище, такъ какъ передъ самымъ балкономъ было море, въ волненіи утверждали, что слышно, какъ стрѣляютъ, что слышны стоны, крики, плачъ и даже огонь какой-то ужасный вспыхиваетъ гдѣ-то на горахъ, вѣроятно пожаръ. Между тѣмъ и вѣтеръ, и шумъ моря, недававшіе возможности что-нибудь слышать, и полная тишина и безлюдность набережной могли бы убѣдить въ противномъ, т. е., что ни пороха, ни плача, ничего этого нѣтъ. Оно въ дѣйствительности такъ и было. Когда мы вышли на широкій дворъ, прилегающій къ дому и выходившій на набережную, то сквозь желѣзную рѣшетку, которою домъ этотъ окруженъ, могли видѣть на далекое разстояніе совершенно пустынную набережную, по которой носились столбы несносной бакинской пыли. Изрѣдка проѣзжалъ экипажъ съ фонарями (фонари здѣсь у каждаго извозчика), и только по быстротѣ его ѣзды можно было чувствовать, что въ городѣ происходитъ что-то тревожное. Улицы, выходящія на набережную и отъ нея поднимающіяся въ центръ города, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ должна была происходить драка, также были почти совершенно пусты; изрѣдка попадались прохожіе, то по одиночкѣ, то небольшими группами, но особеннаго оживленія въ нихъ замѣтно не было... Вотъ плетется пьяный солдатъ-матросъ съ ружьемъ на плечѣ и въ разстегнутой шинели. На нашъ вопросъ—«гдѣ побоище и кончилось-ли?»—онъ бормочетъ какую-то безсмыслицу и, споткнувшись о камень, падаетъ въ канаву. Поднимаясь все выше по улицѣ и углубляясь въ городъ по направленію къ такъ называемому Молоканскому саду,—группы людей становятся чаще. Иные очень громко разговариваютъ; слышенъ гдѣ-то въ переулкѣ свистъ, и свистъ, надо сказать правду, разбойничій; переулокъ темный, а вѣтеръ буйный, разнося этотъ свистъ по окрестности, заставляетъ почувствовать что-то жуткое... Но это только минуту. Хотя группы людей попадаются все чаще, но нельзя было не видѣть, что они уже расходятся, что все уже «кончились», и народъ валитъ по «домамъ»... Вотъ и солдаты, тамъ и сямъ расположившіеся группами, и офицеръ, тревожно расхаживающій по своей линіи, и опять какія-то фигуры, то по одиночкѣ, то группами... По всему можно было замѣтить, что дѣло дѣйствительно окончилось, и теперь толкавшійся на мѣстахъ побоища народъ разсуждалъ о томъ, что было, или отъ нечего дѣлать ждалъ, не будетъ-ли еще чего? Самое оживленное мѣсто въ эту пору (былъ уже десятый часъ вечера) было около Молоканскаго сада; садъ этотъ находится по близости отъ самыхъ бойкихъ и шумныхъ мѣстъ города, и какъ мѣсто гулянья, обставленный трактирами съ арфистками, которыхъ такъ любятъ посѣщать разнообразнѣйшіе пришлые элементы морскихъ и фабричныхъ рабочихъ разнаго званія и положенія, садъ представляетъ мѣсто довольно оживленное и бойкое: здѣсь всегда много народу. Изъ разговоровъ толпившагося здѣсь люда, изъ котораго многіе были съ начала и до конца, а иные, какъ кажется, даже и участвовали, ничего существенно важнаго, при всемъ нашемъ желаніи, разузнать оказалось невозможнымъ. Именно въ чемъ дѣло-то, никто не могъ намъ растолковать: ни участники, ни зрители, ни даже «очевидцы, хвалившіеся, что все видѣли своими, глазами, и притомъ съ начала и до конца»...

— Видите-ли, начиналъ было какой-нибудь изъ этихъ очевидцевъ.—Я самъ былъ и видѣлъ. Дѣло очень просто: началось съ того, что одинъ рабочій, матросъ, пришолъ въ лавку, въ чайную, и разбилъ съ пьяну лампу, а хозяинъ ударилъ его за это по мордѣ.

— Нѣтъ, не ударилъ; вовсе этого не было. Хозяинъ сталъ требовать десять цѣлковыхъ, а мастеровой закричалъ: «грабятъ!»—ну, и пошло.

— Но почему же онъ закричалъ «грабятъ», когда его не грабили?

— Да потому, что всѣ пьяны были. Очень просто!

— Нѣтъ-съ, не потому-съ?.. Онъ требуетъ десять цѣлковыхъ, когда можетъ быть она и трехъ рублей не стоитъ! Даже и рубля, можетъ быть, не стоитъ. Нѣтъ, они—порядочные мошенники... Ужъ ежели ободрать человѣка, такъ они—мастера, это что говорить!

— Все-таки какъ же это всеобщее-то буйство началось?

— Да видите: оно, буйство-то, началось теперь дѣйствительно по случаю того, что подпили, подгуляли. Чтó ужъ! Надо говорить прямо, водочка-матушка тутъ дѣло не послѣднее, а надо вамъ сказать, что еще двѣ недѣли тому назадъ ужъ что-то затѣвалось... Помните, какъ осла пускали?

— Какого осла?

— Да изъ саду, на воздушномъ шарѣ осла пускалъ французъ какой-то.

— Ну, такъ что-же?

— Ну, тогда тоже народу скопилось около саду—глядѣть, какъ полетитъ оселъ въ небо... Ну, а какъ поднялся шаръ, да осла-то ударило объ загородку мордой, тутъ они и загалдѣли!..

— Кто?

— Тутъ больше, кажется, татары...

— Всѣ галдѣли; какое это удовольствіе? Привязать животное и пустить его чортъ знаетъ куда,—увеселеніе, нечего сказать! Тутъ тогда всѣ было бросились... Дѣло до того дошло, что французъ-то этотъ поѣхалъ въ фаэтонѣ за осломъ за городъ, искать.

— Что жъ, нашелъ?

— Нашелъ. Здравъ и невредимъ. Стоитъ и оретъ. Ну, онъ его привезъ чуть-ли не въ фаэтонѣ, показалъ публикѣ — живъ, молъ. Ну разошлись. А то такъ и лѣзутъ... Такъ вотъ видите: и тогда было озлобленіе...

— На кого же? Да француза или на татаръ? Да и причемъ же тутъ татары?

— Какъ причемъ? Плуты! Очень просто! Они вонъ всю землю городскую разворовали—въ одну ночь сколотитъ какую-нибудь печурку изъ камней

на пустомъ мѣстѣ, а по ихнему закону она его, земля-то, ежели застроена .. Откуда-жъ они богачами-то дѣлаются? Все отъ этого, отъ плутовства!..

— Такъ позвольте, въ полномъ недоумѣніи вопрошаетъ внимательный слушатель этого разговора и разъясненія.—Я все-таки не понимаю... Причемъ же тутъ оселъ?

— Оселъ тутъ къ тому, что въ народѣ есть ожесточеніе... Вотъ почему я объ ослѣ упомянулъ. Потому, что дума у насъ безголовая,—вотъ почему!

— Это вѣрно! говоритъ кто-то съ полнымъ убѣжденіемъ.

— Тамъ все захватчики орудуютъ, воротилы... Вотъ отъ этого и выходитъ безобразіе.

— Такъ народъ захватчиковъ хотѣлъ проучить?

— И захватчиковъ, да и такъ вообще...

— То есть?

— Чего «то есть»? Кабы у насъ полиція была, такъ ничего бы не было!.. А то, я говорю, нешто у насъ дума?

— Какая у насъ полиція! Смѣхъ одинъ... Только у губернаторскаго дома и есть одинъ городовой, похожъ на человѣка, а то дуракъ на дуракѣ, шуты гороховые, а не полиція!..

— Вотъ я про это самое и говорю!.. Я говорю: будь у насъ порядокъ—ничего-бы и не было! А то четыре человѣка какихъ-то одровъ лѣзутъ на тысячу человѣкъ пьянаго народа — что же они могутъ сдѣлать?

— Да почему народъ-то лѣзетъ?

— Да потому и лѣзетъ, что нѣтъ начальства, вотъ почему! Кабы былъ живъ генералъ (я забылъ фамилію), такъ при немъ бы этого не было... Нѣ-ѣтъ!.. Прррн-немъ бы, братъ, не разгулялись!

— При немъ-то? праху бы не оставилъ!

— Прри-немъ бы ужъ извини! Онъ и безъ войска, одинъ бы всю эту сволочь разогналъ въ секунду!.. Ужъ онъ бы съумѣлъ... Бывало, гаркнетъ да топнетъ ногой — такъ... упаси, Царица небесная!

— А что, почтенный, нёбо у него черное было? иронически спрашиваетъ одинъ изъ слушателей.

— А тебѣ зачѣмъ?

— Да я хотѣлъ узнать, какой породы...

— Не знаю, черное или зеленое, или, можетъ быть, синее, а что вашему брату спуску бы не далъ! Нѣтъ, не попировали бы вы у него!

— А вы какого такого нашего брата знаете? Гдѣ вы съ нимъ познакомились?

— Да я вотъ тутъ все глядѣлъ, какъ вотъ такіе-то, на тебя похожіе—братья должно быть—стекла изъ домовъ вышибали, а солдаты ихъ прикладами по спинѣ дули...

— По чемъ?

— По спинѣ.

— И чѣмъ же это?

— А прикладами, голубчикъ, прикладами... Что, не чешется спина-то?

— Нѣтъ, у меня ничего! Не чешется. А у кого-нибудь и очень зудитъ... Прикладами! Нѣтъ, господинъ, нониче эта консерватическая мѣра не годится...

— Мудреныя слова говоришь, а все-таки спину-то чешешь послѣ приклада-то?

— Эту консервативность пора оставить. Довольно! Спина у насъ точно чесалась отъ этихъ древнихъ обычаевъ. Теперь кабъ у васъ не зачесалась... Ишь ты какъ ловко — «сволочь бы разогналъ!..» Самъ ты сволочь, я вижу!..

— А не хочешь, позову офицера?

— Я самъ офицеръ! поспѣшно отходя отъ разговаривающей группы, громко, во всю мочь, заключаетъ оппонентъ «очевидца» и, ругаясь, исчезаетъ въ темнотѣ.

— Ужъ этотъ навѣрно былъ!

— Да я самъ его видѣлъ! Это непремѣнно поджигатель. Какъ есть такую морду я видѣлъ, какъ лавку тушили...

— Чью лавку?

— Да вотъ тутъ на углу, не знаю...

— Почему же ее сожгли?

— Почему-почему! Подите, разберите, почему? Потому что порядку нѣтъ никакого..

II.

. . . .

Наслушавшись такихъ ничего не разъясняющихъ свѣдѣній и разсужденій, мы уже въ двѣнадцатомъ часу ночи возвратились по пустынной бакинской набережной домой, т. е. къ тому же гостепріимному хозяину, у котораго проводили вечеръ. Бурдюкъ уже былъ откупоренъ, вино разлито въ бутылки и ужинъ готовъ. Къ прежнимъ лицамъ присоединилось много новыхъ собесѣдниковъ, и разговоръ, на этотъ разъ «оживленный» происходившими въ городѣ событіями (да и стаканчики «бочоночками» наполнялись весьма аккуратно), сдѣлался всеобщимъ и шумнымъ. Къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы почерпнули изъ разговоровъ съ очевидцами на мѣстѣ побоища, прибавилось множество новыхъ, принесенныхъ новыми посѣтителями, изъ которыхъ иные сами были очевидцами, а другіе разсказывали то̀, что̀ слышали отъ очевидцевъ. И, несмотря на такое обиліе свѣдѣній, все-таки не было никакой возможности выяснить себѣ какой-нибудь существенный резонъ, никакой возможности найти видимый и ясный центръ всего происходившаго, отъ шума и хожденія толпами по базару до бросанія каменьевъ, поджога и разбитія лавокъ включительно.

То какъ-то выходило, что резоновъ для всего происходившаго очень много, то не оказывалось ровно никакихъ резоновъ, кромѣ того что, «молъ, праздникъ, народъ пьянъ». Но едва дѣло упрощалось до такой степени, какъ сама собой для всѣхъ становилось ясною вся нерезонность такой простоты взглядовъ. Народъ празднуетъ девяносто дней въ году, а въ кабакѣ бываетъ и того чаще—отчего же именно сегодня водка довела его до сожженія двухъ лавокъ и свалки, въ которой, какъ разсказываютъ, были и убитые? Кто-нибудь, «углубившись» въ корень дѣла, выскажетъ положимъ такую мысль: — «Помилуйте, теперь масса рабо-

чихъ безъ дѣла: съ одной желѣзной дороги пришло болѣе пятисотъ человѣкъ.. бѣдность!.. Я самъ видѣлъ множество рабочихъ, которые готовы работать за тридцать копѣекъ въ день...» И едва вы начинаете соглашаться, что мнѣніе это имѣетъ свои резоны, какъ другой собесѣдникъ возражаетъ:—«Такъ что же, неужели этимъ тысячамъ полегчаетъ отъ того, что они разнесутъ лавчонку какого-нибудь Абдулки? Что же, развѣ они отъ этого получатъ больше тридцати копѣекъ?»—«Такъ-то такъ... да вѣдь вы посмотрите—вѣдь у насъ даже ночлежныхъ домовъ нѣтъ... вѣдь это все-таки люди... Извольте-ка безъ крова и пристанища...» «И опять-таки все это вѣрно, но въ томъ, что нѣтъ ночлежныхъ домовъ,—развѣ виноватъ Абдулка? Объ этомъ ужъ дума должна позаботиться, а Абдулка тутъ не причемъ...»—Да, оно такъ... А когда мы, слѣдуя логическому теченію мыслей, начинали говорить о думѣ и самоуправленіи, то договорились въ концѣ-концовъ до Богъ знаетъ какихъ неожиданностей: напримѣръ, до свободы печати, причемъ повидимому терялась всякая связь съ тѣмъ, что̀ происходило; и дѣйствительно: что̀ общаго между свободой печати и негодованіемъ массы на то, что оселъ ушибъ себѣ морду о загородку въ городскомъ саду? Или татариномъ, который разсердилъ рабочаго, потребовавъ съ него десять рублей за разбитую лампу? «Къ чему тутъ свобода печати, когда всѣ были пьяны...»

Словомъ, чѣмъ больше накоплялось свѣдѣній и наблюденій очевидцевъ и не-очевидцевъ, тѣмъ болѣе терялась возможность дать тому, что̀ происходило, какое-нибудь ясное и опредѣленное объясненіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ, въ Чикаго, происходило большое волненіе между желѣзнодорожными служащими и рабочими. Тамъ компанія желѣзной дороги нашла нужнымъ сильно сбавить заработную плату всѣмъ служащимъ и рабочимъ. Рабочіе и служащіе составили стачку противъ компаніи и вступили съ ней въ борьбу. Тутъ борьба понятна: одна сторона нажимаетъ на другую. Понятенъ и ужъ совершенно ясенъ и самый родъ борьбы: когда для прекращенія стачки и защиты интересовъ желѣзнодорожниковъ явилось войско, толпа рабочихъ овладѣла пушками и стала просто напросто разбивать желѣзнодорожныя постройки; изъ пушекъ стрѣляли въ вокзалъ, въ вагоны, съ совершенно ясной цѣлью нанести вредъ, причинить убытокъ врагу, заставить его сдаться. Въ этомъ дѣлѣ, какъ видите, все ясно до послѣдней степени: стрѣляютъ изъ пушки прямо въ сундукъ, въ карманъ, который не хочетъ сдаться. Абдулку тутъ никто не трогаетъ; виноватъ сундукъ—и бьютъ прямо въ сундукъ; торговку съ тряпками также никто не бьетъ, потому что и она, какъ Абдулка, въ этомъ, какъ говорится, «не причинна». Вотъ именно такой-то ясности и нельзя было достигнуть въ объясненіи волненія, происходившаго въ Баку, несмотря на множество мельчайшихъ подробностей, разсказанныхъ очевидцами и не-очевидцами.

Странное нравственное состояніе испытывали мы, разсуждая объ этихъ новостяхъ дня; всѣ мы были интеллигентные, а всѣ современные интеллигентные люди, какъ извѣстно, скучаютъ, томятся, жаждутъ и не получаютъ, одновременно и терпятъ, и не надѣются. Намъ скучно и даже трудно всегда и вездѣ — и дома, и на улицѣ, и въ думѣ, и въ земствѣ, и въ театрѣ. И дѣятельность насъ не удовлетворяетъ—ни общественная, ни частная—не удовлетворяетъ ни семейная, ни общественная жизнь. Гнететъ насъ тягота безцѣльности существованія и точитъ червь тоски. Какъ при такомъ состояніи духа не отвести душу въ разговорѣ по поводу такого событія, какъ народное побоище? И мы за ужиномъ много и оживленно о немъ разговаривали. Наряду съ подробностями очевидцевъ, мы высказывали наши интеллигентныя соображенія, давали объясненія, толковали о мѣропріятіяхъ. Большинство изъ присутствовавшихъ за ужиномъ не было поклонниками палки, какъ мѣропріятія всеустрояющаго, и касались дѣла шире. И что же? Мы высказали совершенно свободно все, что̀ тамъ, въ глубинѣ души, ѣло и томило насъ, всѣ наши негодованія и желанія — и опять ничего яснаго, живого, понятнаго и резоннаго не получилось! Мы все разобрали, всего коснулись, даже, какъ я уже упомянулъ, достигали до разсужденій о свободѣ печати, ширяли по поднебесью, а въ концѣ-концовъ опять-таки не получилось центра въ нашихъ разговорахъ. Множество было высказано мыслей, затронуто множество явленій, высказано множество нуждъ, но все это точно дребезги, точно куски, ничѣмъ не соединенные... И когда эти дребезги интеллигентныхъ нравственныхъ потребностей соединились въ моемъ воображеніи съ тѣми дребезгами множества вліяній, также не соединенными другъ съ другомъ, изъ которыхъ складываются такія народныя проявленія, какъ бакинское побоище, о которомъ шла рѣчь, то я невольно почувствовалъ—и на этотъ разъ совершенно ясно — связь между темной улицей, гдѣ дерется толпа, и этой свѣтлой комнатой, въ которой засѣдаютъ господа. Въ общемъ, картина уличнаго безобразія и картина того безобразія, которое мы, разговаривавшіе за ужиномъ, противопоставляли улицѣ въ объясненіе ея безобразій,—все это рисовало такую нравственную тяготу и неурядицу идей, одинаково волнующихъ и гостиную, и улицу, отъ которой становилось и холодно, и тяжко. И гостиную, и улицу волнуютъ массы печалей, желаній, мыслей, но все это вполнѣ лишено здоровья, правильности органическаго развитія, которое даетъ явленіямъ жизни и прочность, и поучительность. Ни прочности этой, ни поучительности вы не ощущаете ни въ семьѣ, ни въ общественной дѣятельности, ни въ школѣ, ни въ думѣ, ни въ земствѣ, ни наконецъ на улицѣ, гдѣ бьютъ неповиннаго Абдулку. Вездѣ кишатъ идеи и желанія, но они смяты, скомканы, полуживы, безъ начала, конца и центра.

Не знаю ужъ какимъ образомъ на этомъ же самомъ ужинѣ, среди разговоровъ о подробностяхъ

побоища, въ моемъ воображеніи стали возникать воспоминанія, ничего повидимому не имѣющія общаго ни съ Кавказомъ, ни съ избіеніемъ татаръ на бакинскихъ площадяхъ и въ бакинскихъ переулкахъ. Мнѣ припоминалась наша сѣверная деревня, занесенная сугробами снѣга. Вечеръ, темнота и тишина... По пустынной улицѣ, проваливаясь въ сугробы снѣга, возвышающіеся по сторонамъ узенькой, накатанной дровнями и скользкой, какъ самый лучшій паркетъ, дорожки, идетъ мужикъ, посланный старшиной, живущимъ въ сосѣдней деревнѣ за двѣ версты, пригласить на «совѣщаніе» по какому то дѣлу особенно авторитетныхъ мужиковъ нашей деревни. Посланный мужикъ зашелъ въ одинъ, въ другой и третій домъ и вездѣ объявилъ, что у старшины сидитъ въ гостяхъ господинъ Черемухинъ, пріѣхалъ изъ города, о чемъ-то хочетъ разговаривать со стариками и вообще съ солидными деревенскими людьми. — «Чтб-жъ, бумага что-ли какая есть?» спрашиваютъ приглашаемые на совѣщаніе.—«Стало быть должна быть бумага... ничего не зная, отвѣчаетъ посланный и добавляетъ: - чай теперича пьютъ съ ромомъ!» Авторитетные мужики не-хотя собираются исполнить желаніе старшины. Каждый изъ нихъ въ ту минуту, какъ его потребовали на какое-то совѣщаніе, думалъ «о своемъ» дѣлѣ: у одного забота платить за лошадь, другой обдумывалъ планъ женитьбы сына, третій строилъ планъ насчетъ сѣна: хотѣлось ему какъ-нибудь «притѣснить» сосѣднюю помѣщицу, чтобы она сдѣлала ему уступку. Словомъ—у всякаго были въ головѣ свои текущіе, насущные заботы и вопросы, вопросы настоящаго дѣла и настоящаго часа. И вотъ съ такими-то «своими» вопросами въ головахъ идутъ приглашенные на совѣщаніе къ старшинѣ. Оказывается, что къ старшинѣ «нарочно» пріѣхалъ изъ города одинъ изъ земскихъ гласныхъ, спеціально ратующихъ за народное образованіе. Гласный этотъ искренно озабоченъ успѣхами народнаго просвѣщенія и благосостоянія. На этихъ же дняхъ онъ намѣренъ прочитать въ собраніи докладъ о ремесленныхъ классахъ при народныхъ школахъ, и такъ какъ есть шансы на то, что земство скупиться не будетъ, то вотъ онъ, чтобы дѣло было дѣломъ, а не перепиской, самъ лично посѣщаеть тѣ пункты, гдѣ должны быть учреждены классы, не откладывая въ дальній ящикъ, и руководствуется въ этомъ «благомъ» дѣлѣ не произволомъ, хотя бы даже интеллигентнымъ, а народнымъ, общественнымъ мнѣніемъ.—«Такъ вотъ, господа, говорилъ онъ, обращаясь къ авторитетнымъ деревенскимъ людямъ,—какое же мастерство: токарное, слесарное, кузнечное или какое иное находите вы лучшимъ для вашей мѣстности? Въ какого рода ремеслахъ ощущается наибольшая нужда?» Въ этомъ вопросѣ и въ этомъ намѣреніи пріѣзжаго гласнаго, какъ видите, очень много вниманія къ народу и дѣйствительное желаніе пользы и блага, а едва онъ произнесъ свой вопросъ, какъ и онъ самъ, и авторитетные крестьяне почувствовали одно: какую-то неловкость. «Оно такъ-то такъ, а въ то же время какъ будто и глупо»... Тысячу лѣтъ жилъ—и вдругъ, именно сегодня, когда я думаю о сѣнѣ, когда другой думаетъ о свадьбѣ, а третій — о лошади, мы должны рѣшить вопросъ: чтó для насъ важнѣе: токарное или слесарное, или какое иное ремесло? Предложеніе исходитъ изъ хорошаго источника и имѣетъ хорошія цѣли, а между тѣмъ отъ него становится какъ-то фальшиво на душѣ у всѣхъ. Почему же именно сегодня, въ восемь часовъ вечера, такъ необходимо оказалось нужнымъ знать, чтó лучше: токарное или слесарное ремесло? У меня забота со свадьбой, а я думай о токарномъ ремеслѣ. Оно хорошо-то хорошо, да какъ будто бы въ то же время глупо. «Чтó-жъ, говоритъ одинъ изъ приглашенныхъ: токарное ежели?... Ничего —можно и токарное! все на пользу»... А другой кашлянулъ и, чувствуя себя въ весьма глупомъ положеніи, прибавляетъ: «Столярное — по столярной ежели части — дѣло тоже не худое... худова нѣту».—«Отъ этого худа не бываетъ», прибавляетъ третій. И бесѣда истощается. И еслибы для поддержанія ея старшина не провозгласилъ, что «много бы лучше заняться по самоварной части, или бы вотъ лампы керосиновыя выдѣлывать», —желаніе, которое уже всѣмъ показалось нелѣпымъ, то на этихъ похвалахъ столярному и токарному ремесламъ и кончилось бы совѣщаніе съ свѣдущими людьми. Но кончить его такъ глупо совсѣмъ ужъ не годится, и вотъ между гласнымъ и собесѣдниками устраивается соглашеніе на «телѣжномъ дѣлѣ». Дѣлать телѣгу—это лучше всего. Это— и токарное ремесло, и столярное, и наконецъ телѣга нужна всякому. Найденъ наконецъ пунктъ полнаго слiянія съ общественнымъ деревенскимъ мнѣніемъ. Всѣ депутаты единодушно свидѣтельствуютъ, что ежели «телѣгу», такъ тутъ худого нѣтъ ничего, «окромя хорошаго». Ушли депутаты, уѣхалъ гласный, преданный народному благу, а какая и у него, и у этихъ депутатовъ смута и тягота отъ всего этого дѣла, въ которомъ ничего худого, окромя хорошаго, дѣйствительно вѣдь нѣтъ! И депутаты, и гласный чувствуютъ, что бесѣда ихъ была пустая и будетъ имѣть пустые результаты, чувствуютъ потому, что эта сама по себѣ полезная затѣя является безъ связи какъ съ нуждами и заботами сегодняшняго дня, такъ и съ нуждами общe-народныхъ потребностей, мѣры для удовлетворенія которыхъ предлагаютъ также по одиночкѣ, безъ связи другъ съ другомъ, такъ же, какъ-то «вдругъ». Какъ это вдругъ, въ семь часовъ вечера, понадобилось рѣшить о токарномъ ремеслѣ! Одновременно съ разговорами о пользѣ ремесленныхъ классовъ въ томъ же собраніи идетъ разговоръ о томъ, что для народа нужны земельные банки, при посредствѣ которыхъ народъ можетъ увеличить свою земельную собственность и слѣдовательно благосостояніе. Постановлено: ходатайствовать и т. д. Но разъ дѣло въ самомъ дѣлѣ идетъ объ улучшеніи народнаго благосостоянія помощью увеличенія земельной собственности, надо же имѣть представленіе о томъ, что увеличеніе земли уве-

личитъ хозяйство, что потребуются въ дѣло всѣ руки, до рученокъ девятилѣтнихъ дѣтей включительно—кто же и зачѣмъ пойдетъ учиться столярному мастерству? Оба предложенія, обсуждаемыя на одномъ и томъ же собраніи, одно другое уничтожаютъ, и наша интеллигентная мысль такъ ослабла по части искренности, т. е. по части здоровья въ мышленіи, по части простоты и смѣлости, что не замѣчаетъ, какъ одно предложеніе дѣлается совершенно ненужнымъ при другомъ, и въ обѣ сами по себѣ хорошія затѣи вноситъ такимъ образомъ недодуманность, непослѣдовательность: въ обѣихъ оставляетъ пустоты, и въ концѣ-концовъ получается путаница, трата денегъ, всеобщая неудовлетворенная *скука* въ душѣ интеллигентнаго человѣка и *досада* въ душѣ не-интеллигентнаго.

Побоище бакинское, какъ и другія подобнаго рода массовыя волненія послѣдняго времени, есть именно результатъ нездороваго, пришибленнаго состоянія русской интеллигентной мысли. Проникая въ народныя массы чрезъ разнаго рода общественныя и частныя учрежденія и мѣропріятія, а главное проникая въ такомъ разорванномъ видѣ, какъ теперь, и вдобавокъ въ такомъ не вполнѣ осмысленномъ, а поэтому и не вполнѣ искренномъ видѣ, она неправильно, нездорово волнуетъ народныя массы, затрогиваетъ ихъ во множествѣ отношеній, ни въ одномъ не удовлетворяя; а между тѣмъ массы непосредственно должны на своихъ плечахъ переносить безрезонныя учрежденія и мѣропріятія, которыя, какъ мы уже сказали, проникнуты безрезонностью и неправдивостью, вслѣдствіе болѣзненнаго патологическаго состоянія русской интеллигентной мысли, обремененной большими задачами, но къ несчастью неимѣющей возможности свободно и просто разрабатывать ихъ.

Иногда нежизненность интеллигентной мысли (обреченной на то, чтобы не переходить въ дѣйствіе) проявляется у насъ на Руси въ такихъ чертахъ, которыя возбуждаютъ глубочайшую грусть и недоумѣніе. Предъ образованнымъ, развитымъ, понимающимъ человѣкомъ стоитъ, положимъ, фактъ, выдвинутый самой жизнью и требующій именно того развитія и того направленія мыслей, которыми этотъ человѣкъ обладаетъ. Смотритъ онъ на него, понимаетъ, видитъ, и—ничего, точно и нѣтъ передъ нимъ факта и точно фактъ не тотъ, который ему нуженъ. Вотъ человѣкъ говоритъ вамъ и много, и долго о пролетаріатѣ, а передъ нимъ этотъ самый пролетаріатъ стоитъ и онъ его не видитъ, т. е. видитъ, по привыкъ такъ думать и такъ поступать, чтобы изъ его мыслей и поступковъ ничего живого не выходило. Сколько мы читали напримѣръ статей о сельско-хозяйственныхъ школахъ *для крестьянъ*, сколько о нихъ толковали земства, и недалеко то время, когда на нихъ будутъ тратиться деньги. Совершенно резонное и добросовѣстное желаніе улучшить народное благосостояніе приводитъ къ мысли устроить такія улучшенныя хозяйства, которыя бы были примѣромъ для крестьянъ; крестьяне будутъ заимствоваться примѣрами благоустроенныхъ хозяйствъ, будутъ и сами улучшать свои хозяйства Такая мѣра, которая можетъ быть осуществлена только при спеціальныхъ средствахъ и много-много въ десяти-двадцати пунктахъ во всей Россіи, признается спасительнымъ средствомъ для такой страны, которая на милліонъ верстъ покрыта милліономъ деревень, гдѣ каждый дворъ буквально представляетъ земледѣльческую школу, гдѣ притомъ всякій мальчикъ 5—6 лѣтъ знаетъ, что хорошія сѣмена лучше худыхъ, что хорошая лошадь лучше худой и т. д. И если пашутъ на худыхъ лошадяхъ и сѣютъ плохое сѣмя, такъ именно потому, что обходятся безъ спеціальныхъ средствъ, на которыхъ предполагается основать образцовыя школы. Эти школы считаются дѣломъ большой важности и о нихъ толкуется какъ о средствѣ, могущемъ противустать развитію въ Россіи бродяжества, бездомовничества и вообще сельскаго пролетаріата. Между тѣмъ передъ глазами всѣхъ, самымъ искреннимъ образомъ (мы не сомнѣваемся въ этомъ ни на минуту) трактующихъ объ этомъ дѣлѣ и на всѣхъ путяхъ и всякими способами отстаивающихъ его, стоитъ огромный пролетаріатъ: дворянскій, чиновническій, поповскій пролетаріатъ, выросшій на даровыхъ хлѣбахъ крѣпостного права, не пріютившійся ни въ спеціальныхъ школахъ (которыхъ почти нѣтъ), ни имѣющій возможности, по недостатку средствъ, пройти всю лѣстницу общаго образованія... И этотъ огромный пролетаріатъ не представляется вопросомъ, требующимъ разрѣшенія! Хорошо еще, если по временамъ выйдетъ какой нибудь циркуляръ, вродѣ циркуляра объ учрежденіи института урядниковъ, и сразу потребуется масса нетрудящихся людей за приличное вознагражденіе; тогда нѣсколько тысячъ человѣкъ такого пролетаріата выбираются изъ него; но, получивъ готовый кусокъ, эти тысячи женятся и производятъ потомство, которое также потребуетъ новаго циркуляра, приглашающаго явиться получать жалованье всѣхъ, кто ничему не учился и ничего дѣлать не умѣетъ.

Если для кого нужны земледѣльческія училища, такъ *именно для этого рода пролетаріата*, чтобы ласково, а не помощью грубой и ожесточающей нужды привести къ независимому труду, вовсе не мѣшающему быть и порядочнымъ, и образованнымъ человѣкомъ,—труду, прекращающему типъ обивателя пороговъ, ничего не дѣлающаго Гамлета, —человѣка, безплодно тоскующаго и пропадающаго въ поискахъ какихъ-нибудь средствъ существованія. Это наше русское, обязательное для насъ рѣшеніе вопроса о пролетаріатѣ: рѣшить его не мордобитіемъ и не развитіемъ дармоѣдныхъ карьеръ, а просто и по-божески привлеченіемъ къ благородному труду, къ независимому существованію трудами рукъ своихъ, къ превращенію дармоѣдныхъ Гамлетовъ въ хозяевъ. Но чтобы рѣшать такъ просто и справедливо насущнѣйшіе вопросы, которые дала намъ жизнь и въ важности которыхъ убѣдилъ насъ европейскій опытъ, надо уважать *свои* мысли и стоять за нихъ и за право ихъ логическаго осуществленія въ жизни. А вотъ мы именно этимъ и несчастны. Мысли у насъ есть,

но чтобы *изъ нихъ сдѣлать жизнь* — мы этого не умѣемъ, потому что не смѣемъ и отвыкли смѣть, и наши благороднѣйшія мысли, вслѣдствіе кореннаго нашего недуга, не осуществляются логически. Вѣроятно такой нелогическій результатъ ожидаетъ и земледѣльческія школы, и вопросъ о городскомъ пролетаріатѣ. Чувствуется, что земледѣльческія училища также поглотятъ массу этого пролетаріата, но поглотятъ нехорошо и безъ толку: городской пролетаріатъ пристроится въ нихъ въ качествѣ опытныхъ куроводовъ, спеціальныхъ коровниковъ, главныхъ надзирателей, скотныхъ инспекторовъ, помощниковъ смотрителей, экономовъ и экзекуторовъ, высшихъ ветеринаровъ и низшихъ агрономовъ и т. д. Все это «пристроится» въ новенькихъ квартиркахъ, будетъ играть на гитарѣ: «Вотъ какъ желалъ-бы я любить»... а потомъ и хищеніе обнаружится. А мужикъ останется при худой скотинѣ и при худыхъ сѣменахъ, потому что купить ихъ не на что — иначе онъ это сдѣлалъ бы и безъ школы.

Конечно, этихъ незначительныхъ фактовъ и ихъ поверхностнаго объясненія недостаточно для того, чтобы читатель могъ представить себѣ всю сложную картину нашего тяжкаго нравственнаго состоянія, но все-таки и изъ нихъ можно видѣть, что мы несчастны отъ того, что не слушаемся голоса нашей совѣсти, не покоряемся нашему сознанію, которое неотразимо приводитъ насъ къ убѣжденію, что мы, какъ народъ, начинающій жить, обязаны основать свое нравственное развитіе на заботѣ о благоустройствѣ массъ. Начать жить съ хлопотъ о неблагоустройствѣ невозможно. Хлопотать о томъ напримѣръ, чтобы благоустроенная деревня разстроилась, немыслимо; надобно только открыто и прямо сознать, что именно на роду намъ написано, и не бояться логическихъ послѣдствій. Но были причины, которыя насъ напугали, сбили съ толку: «соблазнили» и обезсилили, и вотъ обезсиленная мысль наша, проявляясь въ обезсиленномъ, тускломъ, нездоровомъ видѣ въ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ и просачиваясь чрезъ нихъ въ томъ же тускломъ, тревожащемъ и неудовлетворяющемъ видѣ въ массы, для блага которыхъ мы дѣлали всѣ эти тусклыя, безрезультатныя дѣла, тревожитъ ихъ, надоѣдаетъ имъ, мутитъ ихъ и приводитъ къ безрезультатнымъ безобразіямъ.

III.

Въ этомъ смыслѣ бакинское побоище и многосложно, и безрезультатно, и безобразно, и если можетъ быть представлено въ мало-мальски связномъ и опредѣленномъ видѣ, то только исключительно съ полицейской точки зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія о немъ можно сказать нѣчто, имѣющее и начало, и средину, и конецъ *).

Но правильность и округленность въ описаніи такихъ неожиданныхъ и во многомъ непонятныхъ явленій, какъ такъ называемые «безпорядки», особенно часто повторяющіеся на югѣ Россіи, правильность, ограниченная точнымъ указаніемъ «пунктовъ» волненій и заполненная не менѣе точнымъ перечисленіемъ разбитыхъ стеколъ, разломанныхъ домовъ и разграбленныхъ лавокъ, нисколько не погрѣшая въ топографіи и статистикѣ событія, тѣмъ не менѣе придаетъ этому событію совершенно неточный и неправильный видъ.

Прочитавъ такое топографически и статистически точное описаніе, вродѣ того, которое мы привели, читатель видитъ передъ собой только грабящую и бушующую толпу и невольно долженъ изумиться передъ вопросомъ о томъ, откуда могла взяться такая масса людей, жаждущихъ грабежа? Если даже читатель и не повѣритъ, несмотря на описаніе, существованію въ волновавшейся толпѣ исключительно грабительскихъ наклонностей, то все-таки онъ будетъ удивленъ необыкновенной цифрой ожесточенныхъ людей, вдругъ, внезапно, появляющихся на улицахъ того или другого города, иногда совершенно незначительнаго и мало населеннаго. Откуда взялась такая масса буйнаго народа? Гдѣ она была прежде и наконецъ куда скрылась послѣ того, какъ побушевала два-три дня? А между тѣмъ полицейски-опредѣленное описаніе (такого рода опредѣленностью, къ сожалѣнію, грѣшатъ и нѣкоторыя газетныя корреспонденціи), волей-неволей изображающее неизвѣстно откуда взявшуюся ожесточенную толпу, какъ разбойниковъ и грабителей, сулитъ и мѣропріятія противъ нихъ въ томъ же неизбѣжно-правильномъ направленіи, то есть остроги, суды. То-есть сулитъ цѣлый рядъ если не совершенныхъ неправдъ, то ужъ навѣрное безплодно раздражающихъ и ничего не достигающихъ строгостей.

IV.

Не менѣе такой полицейской правильности взгляда на дѣло будетъ несправедлива и всякая другая «правильность», всякое другое однообразное освѣщеніе факта. Попробуйте пожалуйста посмотрѣть на «эти дѣла», какъ исключительно на войну «капитала и труда». Факты есть: 500 человѣкъ рабочихъ на желѣзной дорогѣ были разсчитаны передъ самыми бакинскими безпорядками и явились въ Баку безъ денегъ и безъ пристанища; нефтяной кризисъ, постоянно сопровождающій рабочихъ на нефтяныхъ заводахъ, наконецъ просто неаккуратные платежи этими заводами денегъ и т. д., и вотъ ужъ есть достаточный доводъ для того, чтобы объяснить это дѣло въ другомъ и совершенно опредѣленномъ направленіи. Но малѣйшаго вниманія къ дѣлу достаточно для того, чтобы видѣть, что правильность или по край-

*) По этимъ полицейскимъ наблюденіямъ и свѣдѣніямъ дѣло было такъ:

«27-го февраля, около четырехъ часовъ по-полудни, въ чайную лавку подъ гостинницею „Италія“ зашло нѣсколько человѣкъ русскихъ чернорабочихъ, совершенно пьяныхъ. Одинъ изъ нихъ нечаянно разбилъ лампу, за которую хозяинъ лавки потребовалъ десять рублей. Рабочіе стали кричать, что татары ихъ грабятъ. Произошла перебранка, перешедшая вскорѣ въ драку между русскими и находившимися въ лавкѣ та-

ней мѣрѣ основательность такого объясненія сомнительна. Любой нефтепромышленникъ скажетъ вамъ, что это не такъ, и приведетъ такой примѣръ: «Рабочіе, приходя за разсчетомъ въ конторы заводовъ, говорятъ: «Вы, господа, дайте намъ хоть что-нибудь на продовольствіе... А тамъ остальное, когда поправитесь; мы и сами знаемъ, что у васъ денегъ нѣтъ ни копѣйки. Чего ужъ!» Ни желѣзная дорога, которая разсчитала 500 человѣкъ рабочихъ, ни заводы, которые ихъ постоянно разсчитываютъ и стало быть оставляютъ на улицѣ, да еще въ чужой сторонѣ, — словомъ, ни одинъ изъ прямыхъ виновниковъ увеличенія на улицахъ голоднаго народа не тронуты; всѣ здравы и невредимы и не подвергаются ни малѣйшей опасности. Не подходитъ къ этому и окраска волнующейся толпы въ «пьяную чернь». Въ 1881 г. въ Баку происходили безпорядки во много разъ сильнѣйшіе, и главное зерно дерущихся были бондари, люди вполнѣ обезпеченные, вырабатывавшіе по сту рублей въ мѣсяцъ, наряжавшіе женъ въ парчевыя душегрѣйки. Когда одного изъ такихъ бондарей, арестованнаго во время безпорядковъ, спустя долго время, допрашивали у слѣдователя, то онъ, желая доказать свое отсутствіе во время безпорядковъ, говорилъ такія рѣчи:

— Гдѣ же вы были въ то время? спрашивали его.

— Я дѣлалъ визиты.

(Побоище было на Святой.)

— А на слѣдующій день?

— А на другой день, само собой, долженъ былъ визиты принимать. Очень кажется понятно!

Какая же это чернь и голытьба!

Точно такъ-же не будетъ вполнѣ согласно съ истиной, если свести дѣло на національную вражду русскихъ и татаръ — какъ въ Баку, или русскихъ и евреевъ — какъ вообще на югѣ. Если читатель помнитъ письмо крестьянина, напечатанное нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», онъ вѣроятно не забылъ, что въ письмѣ этомъ, рекомендующемъ «бить жидовъ», всего менѣе говорилось объ этихъ послѣднихъ, а напротивъ — рѣчь автора особенно была оживлена и гнѣвна, когда касалась поведенія духовныхъ лицъ, судей, помѣщиковъ и т. д., — все людей русскихъ; точно

тарами, причемъ была перебита посуда и во второй комнатѣ лавки разнесенъ очагъ. Не удовольствовавшись этимъ, рабочіе стали звать товарищей съ улицы на выручку. На ихъ крикъ стали подходить возвращавшіеся изъ городского сада и вскорѣ образовалась толпа, приблизительно въ 200 человѣкъ, начавшая грабить лавку и бить проходившихъ мусульманъ. Прибывшіе на мѣсто, сначала дежурный помощникъ пристава, а потомъ полиціймейстеръ съ приставомъ, казаками и городовыми, тщетно старались усмирить разбушевавшуюся толпу, разграбившую до-чиста на ихъ глазахъ лавку подъ гостинницею. Вскорѣ съ угла Красноводской и Торговой улицъ стала надвигаться новая, весьма значительная толпа, приблизительно въ 500 человѣкъ, вооруженная палками. Увидя подкрѣпленіе, успокоившаяся нѣсколько толпа вновь заволновалась. Полиціймейстеръ съ приставомъ Визировымъ, пятью казаками и тремя городовыми, поспѣшили на встрѣчу приближавшейся толпѣ, надѣясь не допустить ее до соединенія съ первою толпою. Дѣйствительно на короткое время удалось имъ задержать передніе ряды напиравшихъ и у нѣкоторыхъ изъ нихъ были отобраны палки, но успѣхъ этотъ былъ непродолжителенъ. Раздались крики: «Не слушай, бей *ихъ всѣхъ*!». Постепенно тѣснимый по направленію къ гостинницѣ „Италія“, полиціймейстеръ видѣлъ себя не въ силахъ остановить разъяренную толпу, уже начавшую разбивать другую лавку, и поручилъ приставу доложить губернатору о происходившихъ безпорядкахъ и просить распоряженія о присылкѣ военной силы. Сдѣлавъ необходимыя распоряженія о присылкѣ войскъ, губернаторъ лично отправился туда, гдѣ происходили главнѣйшіе безпорядки.

«Въ это время полиціймейстеръ пытался подѣйствовать на толпу внушеніями, но всѣ его усилія остановить грабежъ и буйство остались безуспѣшными; толпы нельзя уже было удержать, и она все болѣе и болѣе надвигалась на полицейскихъ чиновъ и казаковъ. Полиціймейстеръ, получивъ два удара рукой по головѣ и одинъ камнемъ въ плечо, былъ втиснутъ толпою въ двери гостинницы „Италія“ которыя немедленно за нимъ захлопнулись. Спустя $^1/_4$ часа, въ то самое время, когда полиціймейстеръ съ прибывшими пятью конными казаками, оставивъ гостинницу, старался разогнать толпу, грабившую лавку бакинца, значительная часть пьяной и буйствующей толпы направилась къ сторонѣ Прачешной улицы, разбивая находящіяся по пути лавки. Прибывшій на мѣсто безпорядковъ губернаторъ, полагая, что войскъ мѣстнаго батальона будетъ недостаточно, послалъ въ портъ за ротой моряковъ. Между тѣмъ бѣсчинство приняло крайне острый характеръ: явились подстрекатели, начались поджоги лавокъ. Подоспѣвшая наконецъ мѣстная воинская команда пріостановила дальнѣйшее распространеніе безпорядковъ.

«Высланныя по распоряженію губернатора войска — полурота 4-й роты, 2-я рота мѣстнаго батальона и рота Каспійскаго экипажа — оставались на мѣстахъ въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ указывалась къ тому необходимость, до 9 часовъ вечера, послѣ чего, за прекращеніемъ безпорядковъ, 2-я рота была отправлена въ свою казарму, полурота 4-й роты оставлена при городской полиціи, а для усиленія средствъ къ охраненію безопасности въ городѣ была оставлена на ночь рота моряковъ, разставленная значительными патрулями на разныхъ пунктахъ, и кромѣ того былъ усиленъ караулъ въ городской тюрьмѣ 15 нижними чинами. Ночь прошла спокойно.

«На другой день, 28-го февраля, все было спокойно до 9 часовъ утра, и народъ если и скоплялся, то только изъ любопытства. Около 9 часовъ въ Карантинѣ, толпою приблизительно въ 300 человѣкъ, разграблена чайная лавка бакинца Ирза-Мамедъ-Оглы, но дальнѣйшій грабежъ былъ превращенъ въ этой мѣстности подоспѣвшими моряками. Въ предупрежденіе повторенія безпорядковъ были потребованы губернаторомъ 1-я, 3-я и 4-я роты мѣстнаго батальона. Затѣмъ часть толпы подвинулась къ вокзалу желѣзной дороги и успѣла тамъ напасть и разграбить двѣ сакли.

«Остальной день прошелъ въ скопленіяхъ на улицахъ. Масса празднаго народа, производя крики и шумъ, нападала и бросала каменьями въ проходившихъ мусульманъ. Къ семи часамъ вечера въ городѣ повсемѣстно возстановились порядокъ и спокойствіе, не нарушавшіеся и въ слѣдующіе дни.

«При усмиреніи толпы не было употреблено въ дѣло ни холоднаго, ни огнестрѣльнаго оружія; пѣхота дѣйствовала прикладами, а казаки — плетью.

«*Результаты* безпорядковъ слѣдующіе: разграблено 15 лавокъ, на сумму около 10 тысячъ рублей; поранено и убито 10 человѣкъ. Кромѣ того у десяти чиновъ мѣстной команды ружейныя ложи разбиты каменьями.

«Всѣхъ задержано 70 человѣкъ изъ русскихъ чернорабочихъ, обвиняемыхъ въ возстаніи, въ поджогѣ, грабежѣ и оскорбленіи властей».

такъ-же въ безпорядкахъ бакинскихъ невозможно всего дѣла исчерпывать національною враждою русскихъ и татаръ. Ознакомившись весьма подробно съ исторіей волненій въ Баку въ 1881 году,я къ великому моему удивленію увидѣлъ,что изъ числа *трехъ*, отмѣченныхъполиціею (состоящею преимущественно изъ татаръ и, какъ утверждаютъ русскіе, мирволящею татарамъ), вожаковъ, которые особенно бунтовали и больше всѣхъ кричали: «пойдемъ, ребята, разбивать и бить!», былъ одинъ только русскій, бондарь, прозванный Скобелевымъ, который однако никакихъ возгласовъ не произносилъ—по крайней мѣрѣ изъ дѣла этого не видно,—а остальные два вожака *противъ татаръ*, какъ бы вы думали, кто были? Одинъ *татаринъ* Сякаевъ, а другой—даже невѣроятно сказать—*еврей* Ш—нъ! Вотъ вамъ и борьба русскихъ съ татарами!

Не подходитъ къ національной враждѣ также и такой фактъ, разсказываемый «подлинными» очевидцами безпорядковъ 1881 г.: толпа бондарей идетъ вдоль улицы и бросаетъ камнями въ убѣгающихъ татаръ и татарскіе дома. Одинъ изъ этихъ камней попадаетъ въ мечеть; татаринъ-сторожъ выходитъ изъ нея и говоритъ толпѣ враговъ: «Ребята! здѣсь мечеть!» И на эту *просьбу* (собственное показаніе татарина) русскіе отвѣтили тѣмъ, что прекратили побоище и ушли въ другое мѣсто.

И чѣмъ больше мы будемъ искать опредѣленности, тѣмъ неопредѣленность все будетъ становиться шире и шире. Послѣ перваго дня безпорядковъ (1881 г.), когда въ полиціи сидѣло множество арестованныхъ, толпа подвалила къ полицейскому зданію и стала требовать освобожденія. Пріѣхалъ полиціймейстеръ, потомъ—прокуроръ; толпа молча дожидалась исполненія своихъжеланій, только одинъ вышеупомянумый *татаринъ* отрицалъ во всеуслышаніе пользу и просьбъ, и разговоровъ съ начальствомъ, крича: «Чего тутъ разговаривать, пойдемъ разбивать!».Послѣнѣкотораго времени терпѣливаго ожиданія, заключенные были выпущены и толпа разразилась громкими криками ура!».«Казалось, разсказываетъ также вполнѣ подлинный очевидецъ:—что она была вполнѣ удовлетворена и благодарна. Ни малѣйшаго желанія затѣвать драку ни у кого не было; два бондаря, отправившись въ зданіе полиціи, осмотрѣли его во всѣхъ подробностяхъ и объявили во всеуслышаніе: «Никого нѣтъ, всѣхъ выпустили по домамъ!». И толпа повалила по домамъ. Но толпа татаръ, принявъ крики «ура» за воинственные возгласы, бросилась бѣжать отъ русскихъ, а русскіе «для смѣху» бросились за ней... Мальчишки стали бросать камни, а напуганные татары, загнанные въ какой-то переулокъ, стали защищаться также камнями—и опять произошла драка. Одинъ поступокъ и хорошъ, и резоненъ, а другой—сейчасъ же сущая «зрятина», для смѣху, безъ надобности и цѣли...

Эта смѣсь нужнаго и ненужнаго, то есть сколько-нибудь резоннаго и вовсе ничѣмъ необъяснимаго—на каждомъ шагу. Окровавленный персъ вбѣгаетъ во дворъ одного обывателя, а за нимъ гонится толпа въ 300 человѣкъ.—«Что вы дѣлаете?» обращается къ нимъ обыватель.—«Да вотъ, съ кинжаломъ поймали... вѣдь зарѣжетъ кого-нибудь, анаѳема».—«Вы вѣдь его убьете и будете отвѣчать за убійство. Его надо отвести въ полицію, и тамъ его накажутъ по закону».—«Ну, веди въ полицію! Тогда мы его и пальцемъ не тронемъ».—«Честное слово?»—«Русскіе, разсказываетъ обыватель:—дали мнѣ честное слово и дѣйствительно оставили перса въ покоѣ, дождавшись однако, пока я сѣлъ въ фаэтонъ и посадилъ съ собою перса... Толпа ушла. Но тотчасъ нахлынула другая, и одинъ изъ этой толпы ни съ того, ни съ сего ударилъ этого перса желѣзной палкой. Хорошо, что подоспѣли люди изъ той толпы, которая дала мнѣ слово не трогать, и битье прекратилось!»

При такихъ колебаніяхъ въ настроеніи волнующагося народа «случайность», часто совершенно ничтожная, имѣетъ огромное значеніе. Описанное побоище началось изъ-за лампы, за которую хозяинъ потребовалъ 10 рублей а въ 1881 году случай, изъ-за котораго возникло волненіе, гораздо болѣе сильное, былъ еще удивительнѣе. Русскіе ходили по базару, заходили въ кабаки (праздничное время), а на базарѣ, въ какомъ-то пунктѣ, стоялъ татаринъ-полицейскій и всякій разъ, когда мимо него проходилъ русскій, онъ издавалъ ртомъ какой-то звукъ. Что это былъ за звукъ—изъ дѣла нельзя понять. И почему именно этотъ звукъ обижалъ русскихъ — также объяснить невозможно. Только въ концѣ концовъ русскіе «не вытерпѣли» и началась свалка, сопровождавшаяся и разбитіемъ лавокъ, и уничтоженіемъ безвредныхъ лотковъ съ пряниками, и бросаніемъ камней, и такими великодушными требованіями, какъ освобожденіе заключенныхъ, и «уваженіе» просьбы сторожа мечети, и совершенно безцѣльными мордобитіями и жестокостями.

Слово «вожакъ» при такомъ многосложномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленномъ направленіи мыслей толпы также какъ будто ничего не значитъ, а съ другой стороны—какъ будто и означаетъ что-то. Вотъ напримѣръ хоть бы этотъ русскій вожакъ, которому дали кличку Скобелевъ. По разсказамъ, это былъ «рыжій бондарь», «предводительствовавшій» толпой. Встрѣтивъ это слово въ газетной корреспонденціи, читатель можетъ подумать, что толпа избрала себѣ предводителя, что предводитель понималъ и зналъ ея цѣли, иначе бы онъ и не былъ предводителемъ, что вообще у этой, какъ будто неорганизованной массы пьяницъ и грабителей, должна быть какая-то организація. Вѣдь вотъ есть «предводитель», да еще и кличка ему дана Скобелевъ. А между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ нѣсколько не такъ.

Этотъ рыжій бондарь, не имѣя никакихъ плановъ и цѣлей, просто-на-просто пришелъ изъ Балахановъ въ городъ на праздники, не зная, что тамъ идутъ драки, и, придя въ городъ, первымъ

дѣломъ «на гулянкахъ» отправился въ кабакъ, нашелъ тамъ пріятеля и сталъ съ нимъ пить водку. Въ это время въ кабакъ вошла толпа солдатъ Ширванскаго полка, возвратившихся изъ ахалъ-текинской экспедиціи; солдаты также стали пить водку и когда подгуляли, то начали провозглашать тосты за здоровье Скобелева. Громко орали они спьяну и вѣроятно до того громко, что въ кабакъ вошелъ городовой-татаринъ и сказалъ:

— Что за крикъ?

— За здоровье Скобелева-а-а! отвѣчали солдаты новымъ залпомъ криковъ.

Татаринъ не зналъ этого имени и сказалъ:

— Какой тутъ Скобелевъ? Гдѣ онъ тутъ?

— Да вотъ онъ? совершенно для смѣху сказали солдаты, указывая на бондаря.

— Я — Скобелевъ! гаркнулъ спьяну и бондарь, желая поддержать «своихъ» и разыграть изъ татарина дурака.

— Я тебя въ часть возьму!

— Какъ? Скобелева?

— Меня? Попробуй!

— Ребята, Скобелева не выдавай!

И съ криками: «Скобелева не выдавай!», толпа подгулявшихъ солдатъ высыпала на улицу.

— Скобелевъ! Гдѣ Скобелевъ?

— Я здѣсь!

И бондарь «для смѣху» вошелъ въ роль и, попавъ въ двигавшуюся на татаръ толпу, гаркнулъ:

— За мной, ребята!

— Валяй, Скобелевъ! Эво! лошадь бѣжитъ! бери лошадь-то! Эво-эво!

И опять «для смѣху» бондарь вскочилъ на лошадь, которая, можетъ, убѣжала съ какого-нибудь растворeннаго двора, испуганная крикомъ и шумомъ, и почувствовалъ себя еще болѣе Скобелевымъ. Сѣвъ на коня, ужъ надо было «для картины» представить себя генераломъ.

— За мной, ребята! Скорымъ шагомъ, маршъ!

Хохотъ и смѣхъ. А тутъ, тоже «для смѣху», кто-то изъ толпы, только-что «зря» опрокинувшей ларь съ овощами, подхватилъ пучекъ зеленаго луку и кричитъ:

— Скобелевъ! Вотъ тебѣ султанъ!

— Воткни въ шапку-то!

— Генералъ! Теперь полный генералъ!

И вотъ Скобелевъ на конѣ, и съ пучкомъ зеленаго луку на шапкѣ, замѣняющемъ генеральскій султанъ, недуманно-негаданно сталъ предводителемъ, и сначала «только для смѣху» идетъ впередъ, а потомъ пойдетъ туда, куда потянетъ волнующееся море народа: просто-ли опрокидывать лотки, или освобождать заключенныхъ, или такъ, «зря», нападать и гнать татаръ.

Я вовсе не хочу сказать, что «резонъ» играетъ во всемъ этомъ не первенствующую роль. Напротивъ, я теряюсь въ обиліи резоновъ. Безъ всякаго резона напримѣръ нѣсколько камней попало въ квартиру городского головы; такъ какъ онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, то нѣсколько человѣкъ тотчасъ же явились къ нему и объяснили, что это случилось по ошибкѣ; но и въ этомъ случаѣ были въ толпѣ люди, которые даже къ явной ошибкѣ могли подыскать резонъ. — «Это за то, что мясо дорого, а онъ, голова, долженъ наблюдать!» Резонъ явился неизвѣстно откуда и никакой дѣйствительной связи съ камнями, попавшими въ квартиру головы, не имѣетъ, а резонъ. Или вотъ: толпа русскихъ слѣдуетъ за татариномъ, который кричитъ: «пойдемъ разбивать!». Оказывается, что татаринъ этотъ, Сякаевъ, много разъ терпѣлъ отъ полиціи, былъ даже высылаемъ изъ Баку этою полиціею и, воспользовавшись суматохой, кричитъ: «Нечего разговаривать, пойдемъ бить и разбивать!». И толпа идетъ, потому что многіе изъ русскихъ потерпѣли отъ татарской полиціи немало: татары не пьютъ, а русскіе частенько пьяны, и татары-полицейскіе относятся къ нимъ нехорошо, отымаютъ деньги, смѣются. И вотъ толпа находитъ предложеніе татарина соотвѣтствующимъ своимъ мыслямъ. Какъ предводитель, онъ уже не татаринъ, а только ненавистникъ полицейскаго произвола; но, разгромивъ полицію, толпа можетъ черезъ двѣ-три минуты разгромить и этого самаго предводителя, только потому, что онъ—татаринъ. Крикнетъ кто-нибудь: «Братцы! бей татаръ, они нашихъ бабъ на базарѣ обижаютъ!», и это будетъ достаточный резонъ для того, чтобы измолотить Сякаева только за его татарскую національность.

Словомъ, какъ разношерстны элементы, изъ которыхъ слагаются такія явленія, такъ разнообразны и резоны; нѣтъ той мелочи въ нихъ, которая бы не имѣла своего резона, и еслибы мы пожелали сдѣлать изъ всѣхъ этихъ резоновъ экстрактъ и, очистивъ явленіе отъ ненужныхъ случайностей, попытались опредѣлить самую суть этихъ резоновъ, то право не было бы большою ошибкою сказать, что двигатель — главный, существенный — всего этого дѣла заключается въ желаніи не дать въ обиду человѣческаго *достоинства. Не смѣй* обижать бабу! *Не смѣй* носить кинжала, когда я его не ношу! *Не смѣй* смѣяться, когда я пьянъ! *Не смѣй* хватать и сажать въ полицію народъ зря, кто попадетъ подъ руку. *Не смѣй* вообще надо мной важничать, *не смѣй* меня тащить пьянаго въ часть отъ товарищей, которые доведутъ меня до дому, и д. д. Словомъ, желаніе сказать во всеуслышаніе: «Не смѣй!» — И это «Не смѣй» во сто разъ больше относится къ нравственнымъ потребностямъ личности, чѣмъ къ матеріальнымъ невзгодамъ. Евреи, по словамъ крестьянина, все суютъ рубли въ руки мужику, а ненависть въ нихъ возбуждается потому, что этотъ рубль онъ суетъ съ тѣмъ, чтобы соблазнить человѣка работать въ воскресенье, т. е. испортить его совѣсть, заставить польститься на деньги и не пойти къ обѣднѣ, т. е. не выполнить того, что нужно для души.

Вотъ именно эта-то сторона дѣла и есть самая важная и любопытная. Откуда берется щепетильность по отношенію къ собственному достоинству, когда тотъ-же самый бондарь, живя на родинѣ, въ Тульской или Орловской губерніи, далеко не такъ щекотливъ по отношенію къ своему или чужому человѣческому достоинству, а если сознаніе

этого достоинства онъ и тамъ носитъ въ глубинѣ души, то во всякомъ случаѣ не высказываетъ милліонной доли той смѣлости въ проявленіи этого достоинства, какую обнаруживаетъ здѣсь. Вѣдь это напримѣръ, у всѣхъ на памяти псковскій процессъ одного кулацкаго савраса, который издѣвался самымъ безсовѣстнымъ образомъ надъ женщинами и дѣвушками множества деревень, «подверженныхъ» его отцу-кулаку. Въ этомъ отношеніи ни со стороны родителей, ни со стороны мужей ему почти не было отказа въ требованіяхъ — хотя безъ сомнѣнія они не могли считать ихъ иначе, какъ божескимъ наказаніемъ. Но они молчали, и молчали до тѣхъ поръ, пока саврасъ чуть-чуть было не задушилъ непокорявшуюся его требованіямъ дѣвушку, и когда сельскимъ властямъ уже нельзя было не вмѣшаться. А здѣсь въ Баку одинъ изъ мотивовъ побоища: «Не задѣвай *нашихъ* бабъ!». И притомъ *нашихъ*, когда у большей половины бушующей толпы и бабъ-то никакихъ нѣтъ. Здѣсь въ числѣ мотивовъ къ побоищу есть и такой: не смѣй меня пьянаго брать въ часть, тогда какъ у насъ нерѣдкость отъ своего брата мужика быть выпоротымъ въ волости занапрасно, по капризу и не въ пьяномъ, а въ трезвомъ видѣ. Здѣсь цѣлая толпа приходитъ «освобождать» «своихъ», «нашихъ», посаженныхъ въ часть, а у насъ цѣлая деревня смотритъ, какъ пьяный мужикъ бьетъ возжами жену посреди улицы, и говоритъ: «свои собаки грызутся — чужая не приставай!». Здѣсь онъ обижается на полицейскихъ, что они обираютъ у пьяныхъ деньги, но спрашивается: когда-же внутри отечества полицейскіе не обирали у него, у пьянаго, деньги, не били его, зная, что послѣ этого онъ скажетъ: «пропадай и деньги совсѣмъ!» и улепетнетъ изъ части во всѣ лопатки? А тутъ вотъ онъ фордыбачитъ и фыркаетъ, и дерется, разбиваетъ полицію... Обижается тѣмъ, что татаринъ надъ нимъ смѣется, надъ пьянымъ, и бьетъ его камнемъ во имя этой обиды, а тамъ, на родинѣ, «норовитъ» въ праздничный день, возвращаясь изъ кабака, казаться гораздо пьянѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, ругается самыми безобразными словами, старается, чтобы думали люди: — «эко нажрался-то! денегъ-то пропилъ чай сколько!» Ему именно хочется представить, что онъ «нажрался» и даже не напился. А тутъ вдругъ такая обидчивость, когда татаринъ засмѣется надъ этой самой чертой!

Эта щепетильность въ проявленіи своего человѣческаго достоинства есть, какъ я уже сказалъ ранѣе, самая любопытная и важная черта во всѣхъ этихъ безурядицахъ на югѣ Россіи. Щепетильность эта происходитъ здѣсь безъ особенныхъ новыхъ условій жизни, въ которыя попадаетъ русскій человѣкъ, уроженецъ коренной Россіи, очутившись на югѣ, въ чужой сторонѣ. Чужая сторона даетъ ему рѣдкую возможность *думать принципіально*, сравнивать себя съ чужимъ человѣкомъ, думать о справедливомъ «по нашему» и справедливомъ «по ихнему». Живя въ глубинѣ Россіи въ сплошной массѣ однородно живущаго и однородно трудящагося народа, къ тому же въ образѣ и порядкахъ жизни *подчиненнаго* въ огромномъ большинствѣ случаевъ не своей волѣ, не своей волей создающаго радости и горести жизни, счастіе и несчастіе, русскій коренной земледѣльческій человѣкъ живетъ въ извѣстныхъ формахъ жизни, не критикуя достоинствъ или недостатковъ этихъ формъ, всю жизнь, такъ сказать, говоритъ прозой, не зная этого. Народная школа, основанная на *сознательномъ* уваженіи благообразія формъ народной жизни, могла бы переработать безсознательное, по вѣтру случайностей колеблемое благообразіе въ благообразіе крѣпкое, сознательное, укрѣпленное сознаніемъ важности и справедливости этихъ благообразныхъ формъ. Но этого нѣтъ, и русскій земледѣльческій человѣкъ только на чужбинѣ, только въ походахъ, только въ столкновеніяхъ съ формами жизни, нисколько къ формамъ его жизни неподходящими, начинаетъ *думать* о собственныхъ формахъ жизни, начинаетъ *цѣнить* ихъ и сравнивать себя съ другими.

Евреи и татары такимъ образомъ дѣйствуютъ на русскаго человѣка педагогически. Это «наглядное обученіе» ознакомляетъ съ самимъ собою. Русскій человѣкъ волнуется здѣсь не какъ чернь, голытьба, грабитель и т. д., а какъ человѣкъ, чувствующій, *ощущающій свою личность*, которую онъ начинаетъ находить вовсе не такой завалящей, какъ къ этому его пріучили «случайности» крестьянской обстановки. Здѣсь, на югѣ, онъ даже и бѣдствуетъ не такъ, какъ на Руси, — напротивъ, какъ мы видѣли, занимается мордобитіемъ, знаетъ уже, что такое визиты; у него здѣсь больше досуга; какъ рабочій, получающій поденную или поштучную плату, онъ чувствуетъ себя независимымъ уже въ томъ отношеніи, что ему не надо смотрѣть «на небо» каждый день и думать: «дастъ Господь дождичка или не дастъ? Если дастъ — будетъ хорошо: и подати отдамъ, и дочь выдамъ замужъ; если не дастъ, то старшина будетъ драть». На главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ лучше всего можно знать, когда у народа весело на душѣ и когда старшина говоритъ: — «Ну-ко, милашка, ложись! Снимай костюмъ-то!» Здѣсь въ чужой сторонѣ совсѣмъ не то: онъ нанятъ — и деньги ему отдадутъ, или онъ увѣренъ, что должны отдать. Работа наемная — не своя, именно «работа», трудъ, трудъ на «чужого человѣка», трудъ съ требованіями и критикой. Такимъ образомъ нѣкоторая свобода, нѣкоторый досугъ даютъ головѣ русскаго человѣка извѣстную возможность подумать, пообсудить, потолковать, «вообще» покритиковать порядки, людей, нравы и обычаи...

Двѣ такія національности, какъ евреи и татары, — національности, совершенно къ нашему великорусскому типу неподходящія, — затрогиваютъ мысль россійскаго человѣка рѣшительно на всѣхъ пунктахъ; и справедливо это или несправедливо по отношенію самомнѣнія «нашихъ», только наши начинаютъ внутренно чувствовать себя здѣсь, среди евреевъ и татаръ, и выше, и нравственнѣй, *и шире, и справедливѣй*... «Намъ», россійскимъ, и смѣшна, и жалка эта фигура еврея, вѣчно чѣмъ-то встревоженнаго, вѣчно до пота рыщущаго за

копѣйкой, хватающаго копѣйку, какъ соломинку, точно погибающій. Хватаетъ-хватаетъ, а все у него утомленное, скучное, озабоченное лицо, все онъ весь въ грязи: его лачужки—въ кучахъ сора и хлама; его дѣти—въ грязи и въ рубищѣ. Хоть бы устроилъ уютъ, тепло, чистоту, а главное, не *пугался бы жить* на свѣтѣ, *не трясся бы* такъ, не пугалъ бы насъ своимъ лихорадочнымъ испугомъ жизни... «Что мы, аль ужъ намъ смерть пришла?.. Чего ты трясешься, какъ мокрый заяцъ?» «Ай, вай-вай!» И какъ для «нашего брата» смѣшно это «ай-вай» во взросломъ человѣкѣ съ бородой! Эта фигура даетъ «нашимъ» возможность почувствовать въ себѣ много достоинствъ и сравненіе съ евреемъ сдѣлать въ пользу себя. Старческія черты много пережившаго племени ненавистны нашей, если не молодости, то «вѣчной новизнѣ» существованія.

Еще болѣе развивающее, педагогическое вліяніе имѣетъ на русскаго человѣка «татарва». Въ татарскомъ строѣ жизни, въ татарской культурѣ все не столько мизерно, какъ кажется намъ въ еврейской испуганной жизни, сколько несправедливо, высокомѣрно, глупо. Возьми хоть этотъ обычай—носить оружіе. Мы всѣ, вся «Расея», живемъ безъ всякихъ кинжаловъ, безъ орудій, кромѣ палки для собакъ. Зачѣмъ же кинжалъ? Что это за *добавленіе* къ человѣку? Разъ человѣкъ *дополняетъ* себя въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ такимъ инструментомъ, онъ ужъ не *полный* человѣкъ. «Полный» человѣкъ живетъ на свѣтѣ безъ всякаго искусственнаго дополненія: просто себѣ вышелъ изъ утробы матери, прожилъ весь вѣкъ безъ дополненій, за исключеніемъ необходимыхъ штановъ и рубахи, и померъ съ голыми руками, съ каковыми руками ходилъ даже противъ обуха. Такъ-то, съ голыми руками, татаринъ пожалуй не выдержитъ противъ нашего; такъ вотъ онъ, чтобы выдержать, искусничаетъ, заводитъ ножъ. Это—не модель; ножомъ не хитро зарѣзать человѣка и отнять его имущество; нѣтъ, ты имущество *такъ* наживи, *безъ всего*. Вотъ это будетъ «по божьи».

А семейныя отношенія?

Тутъ ужъ нашъ россійскій человѣкъ неизмѣримо выше татарина.

— Что пьешь-то? Что жрешь винище-то? говоритъ расейская бондариха своему мужу, который, пользуясь здѣсь и достаткомъ, и свободой, не покидаетъ расейскаго обычая посѣщать расейскій кабакъ. — Пріѣхали на чужую сторону, чѣмъ бы денегъ скопить да домой убраться, нѣтъ, жретъ винище, какъ прорва, прости Господи! И что за жизнь каторжная! Всю-то жизнь только бѣдность да пьянство! Поглядишь на татаръ—вѣдь не пьянствуютъ же, живутъ... И денегъ такихъ нѣтъ, какъ у насъ, а погляди-ко, какъ жену-то обряжаетъ... Намедни ѣхала со мной — такъ что у ней золота понавѣшано на лобу!

— На лобу! Дубье костромское! На лобу золото! Не хошь-ли, поди къ татарину-то, онъ тебѣ на лобу повѣситъ золото, а состарѣешься, такъ онъ тебя въ поле выгонитъ на работу...

— Да хоть годокъ пожить бы въ спокоѣ, а съ тобою всю жизнь—одно тиранство!

— На лобу! Охъ, морда этакая! Мы съ тобой, глупая голова, живемъ по христіански, по закону... какъ взялись на вѣки вѣковъ, такъ и должны до кончанія жить. На лобу! Кабы я съ тобой, съ дурой, по татарски-то жилъ, такъ вѣдь я бы тебя давно бы долженъ былъ прогнать. Вѣдь ты что? Ты думаешь, что я въ молоденькой скуса не сыщу. Напрасно. Очень просто могу разыскать гдѣ скусъ—повѣрь! А Богъ-то гдѣ? Онъ вотъ не пьетъ, поганецъ, да четырехъ бабъ держитъ подъ замкомъ, онѣ на него и работаютъ, а онъ, подлецъ, на конѣ съ кинжаломъ разъѣзжаетъ; бабы его обшили въ золото, а лошадь онъ самъ раскрасилъ въ разныя краски и ѣдетъ, какъ идолъ... А ты мнѣ много-ль нашила золотыхъ штановъ-то, чучела безподобная? На лобу! Ну-ко, давай-ко я тебя въ погребъ-то посажу, да ротъ тебѣ тряпкой наглухо завяжу—скусно будетъ? А я тоже молчу, какъ ты горланить-то начнешь: пасть-то разинешь — небось въ Астрахани слышно! У нея на лобу повѣшено, такъ она и молчитъ, какъ удавленная! Само собой, тутъ и не подумаешь въ кабакъ идти! А какъ двѣ ваши сестры сойдутся — рты-то у васъ, у дуръ, мы, дураки, вамъ не завязываемъ — такъ вы вѣдь какъ трезвоните-то!.. А все вамъ худо! Каторга! Да вѣдь и мнѣ съ тобой тоже каторга! А ты что думаешь? Мнѣ бы теперь по татарскому положенію давно бы надо тебя за ноги съ кровати-то стащить, да эво куда зашвырнуть, въ поле! Копайся, матушка, ты мнѣ теперь не нужна, а я новенькую обновочку себѣ приспособилъ, да въ темненькій вертепикъ и заточилъ, да ротикъ-то ея горластенькій завязалъ тряпочкой, чтобъ она не зѣвала, да дверочку-то на замочекъ заперъ, а въ окончаніе дѣла и на лобу ей повѣсилъ цѣлое даже голенище серебряное, али бы даже золотое, и сиди, милашка, пока нужна... Сиди да штаны намъ серебромъ вышивай, да помалчивай на заднемъ дворѣ!.. Вотъ какъ по татарскому-то! А по нашему не такъ: по нашему мужъ-жена—аминь! Какой въ тебѣ скусъ? Никакого нѣтъ, повѣрь; а положено намъ съ тобой жить—и живи, не дури. У тебя нѣтъ ничего на лобу — и у меня нѣтъ золотыхъ штановъ! ты своими руками — и мнѣ, и себѣ, и я своими руками — и тебѣ, и себѣ! И живи! Я пойду, напьюсь—а ты орешь, какъ нобелевскій паровикъ, а я тебѣ рта не завязываю. Ори, матушка, хоть разорвись, изъ дурака умнаго не сдѣлаешь. А запирать тебя въ яму—этого въ законѣ нѣтъ. Такъ-то, сударыня. А то «на лобу!». Эхъ ты, чучело гороховое! Хочешь что-ль—въ кабакъ сбѣгаю, увмѣстяхъ по рюмочкѣ выпьемъ, авось пасть-то закроешь?

Франтоватый, гордый, напыщенный, но основанный на рабствѣ, на кинжалѣ, на заточеніи и молчаніи цѣлой половины человѣчества—женщинъ—мусульманскій міръ представляется россійскому человѣку еще болѣе неправильнымъ, негармоничнымъ, несправедливымъ, чѣмъ міръ еврейскій, угнетен-

ный какимъ-то разочарованіемъ, боящійся засмѣяться, дрожащій надъ копѣйкой, воющій въ синагогѣ, воющій такъ, точно его ведутъ на смертную казнь. У насъ и молятся то весело. Посмотрите-ка, какъ заголоситъ иной дьяконъ—любо-дорого смотрѣть!

— Ишь, милый? весело думаетъ баба, принесшая причащать ребенка и слушая, какъ «выводитъ» дьяконъ.

— Отъѣлся, думаетъ мужикъ, и думаетъ съ удовольствіемъ. Онъ любитъ здоровье, силу, все румяное и веселое...

А тутъ—т. е. у евреевъ, у татаръ — нѣтъ, тутъ намъ не «по скусу». И вотъ, когда на пьянаго россійскаго человѣка навалится полицейскій татаринъ и станетъ его тащить въ часть, то русскій начинаетъ протестовать и отбиваться не отъ «городового», а отъ цѣлаго ненавистнаго ему міросозерцанія, узкаго, несправедливаго, ничтожнаго даже сравнительно съ тѣми идеалами, которые воспитаны формами нашего труда, но которые выяснились и оцѣнились только здѣсь, на чужой сторонѣ.

— Этакая-то сволочь (которая и т. д), да *меня* (который и т. д.)? Ну, ужъ нѣтъ!... Ребята, бей!

V.

Укладывать такимъ образомъ народные безпорядки въ полицейскія рамки съ соотвѣтствующими имъ послѣдствіями, по малой мѣрѣ, непрактично. Кто тутъ виноватъ? (За исключеніемъ, разумѣется, дѣйствительныхъ охотниковъ до чужого добра). Десятка два высѣченныхъ въ полиціи изъ числа посаженныхъ въ нее «зря», т. е. безъ разбору,—это два десятка новыхъ уличныхъ дѣятелей для другого случая, который можетъ представиться во всякое время. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы совершенно пустопорожняя переписка, неосновательные аресты, отрывающіе людей отъ дѣла и т. д., не играли въ такого рода дѣлахъ значительной, хоть и совершенно безплодной роли. Возьмите хоть этого «предводителя» толпы, Скобелева, и скажите по совѣсти: что можно съ нимъ сдѣлать по части справедливаго возмездія, не привлекая къ этому же возмездію всей толпы? Въ концѣ-концовъ Скобелевъ, разумѣется, былъ выпущенъ на свободу, но полицейское крючкотворство все-таки напутало и наплело цѣлую уйму безцѣльнѣйшихъ пустяковъ. У насъ на Руси образовался даже типъ, всецѣло поглощенный заботою сдѣлать изъ ничего кому-нибудь и какое-нибудь затрудненіе.

Окончивъ командованіе во время бакинскаго побоища, Скобелевъ этотъ получилъ изъ одного волжскаго города письмо, въ которомъ дядя его зоветъ на свадьбу дочери своей. Скобелевъ сѣлъ на пароходъ и поѣхалъ. На родинѣ онъ отпраздновалъ свадьбу, разсказывалъ о бакинскомъ побоищѣ и на свадьбѣ, и въ лавкѣ у купца, и въ трактирѣ, и въ полиціи, гдѣ у него были знакомые—словомъ, ничуть ни отъ кого не скрывался и не таился. Но вотъ одинъ изъ слушателей, отлично знавшій, что этотъ мужикъ есть Скобелевъ, и проникнутый весьма моднымъ въ то время стремленіемъ «хватать» и «представлять»,—беретъ листъ бумаги, пишетъ на немъ собственнаго изобрѣтенія бланкъ: «Исправляющій должность полицейскаго письмоводителя» и обращается, куда слѣдуетъ: «Не нужно-ли молъ вамъ Скобелева представить, такъ какъ по примѣтамъ этотъ Скобелевъ находится тутъ, въ нашемъ городѣ?». Волей-неволей приходится ему отвѣтить: «Нужно» и просить представить по назначенію. И вотъ этотъ поэтъ кляузы начинаетъ строчить такія бумаги: «Сего числа я, исправляющій должность письмоводителя, вслѣдствіе словеснаго предложенія управленія о производствѣ *негласнаго* дознанія о мѣстѣ жительства (имя рекъ), который заявилъ наканунѣ въ полиціи, что уѣзжаетъ изъ города (т. е., который и не скрывался, и не прятался), прибывъ къ мѣщанину (такому-то) съ цѣлью *какъ будто бы* купить щепъ, я дозналъ отъ рабочихъ, что (Скобелевъ) до 27 го іюля часто проходилъ мимо лавки, а съ 27-го не проходилъ и относительно своего намѣренія ѣхать ничего не говорилъ. Имѣя въ виду, что (Скобелевъ) *скрылся* (?) въ 7 часовъ, т. е. ранѣе требованія о задержаніи его за полчаса времени, и что, по словамъ приказчика лавки, наканунѣ отъѣзда онъ ничего о намѣреніи ѣхать не говорилъ, я, исправляющій должность письмоводителя, постановилъ (это слово написано огромными буквами): просить управленіе дозволить мнѣ произвести въ заведеніи, а равно въ домѣ, гдѣ жилъ (Скобелевъ), обыскъ и въ случаѣ по обыску означеннаго Скобелева (который, какъ видите, уже уѣхалъ) не окажется, дозволить мнѣ выѣхать за нимъ въ погоню, о чемъ и записать въ протоколъ, который, какъ касающійся секретнаго дѣла, къ подпису лицъ не предлагать». Такимъ образомъ преступникъ самъ заходилъ въ полицію объявить, что онъ ѣдетъ, и уѣхалъ. Всѣ это знаютъ, но кляузная фантазія играетъ: сама создаетъ на пустомъ мѣстѣ затрудненія, сама пишетъ себѣ предписанія, постановленія и производитъ по нимъ изслѣдованія. «Сего числа я, исправляющій должность письмоводителя, производилъ обыскъ въ бондарномъ заведеніи мѣщанина такого-то, причемъ...не найдено. Постановилъ: записать въ протоколъ и къ подпису предъявить». Такъ-какъ по обыску ничего найдено не было, то кляузная фантазія составила сама себѣ новую бумагу: «Предписывается исправляющему дожность письмоводителя розыскать, схватить и представить». И вотъ, пожираемый жаждою «схватить», этотъ новый Лекокъ принимается созидать новыя затрудненія на пустомъ мѣстѣ. Бумага, въ которой описаны эти подвиги, называется «представленіе»—что весьма правдоподобно. «Имѣю честь донести, что я, отправившись въ погоню, но не могъ настигнуть на пути, почему, слѣдуя по его направленію, я прибылъ въ то же время въ 8 часовъ вечера въ г. А. Тотчасъ же, явясь въ мѣстное управленіе, объяснилъ цѣль моего пріѣзда и въ ту же минуту, совмѣстно со мною, мѣстный приставъ отправился на пароходъ и, произведя тщательный

осмотръ, причемъ ничего не оказалось, командировалъ съ однимъ изъ хорошо знающихъ (преступника) въ лицо въ мѣстность, населенную бондарями, а самъ отправился розыскивать чиновника —лева, пріѣхавшаго вмѣстѣ (съ преступникомъ) на одномъ досчаникѣ. Найдя онаго, командировалъ вмѣстѣ съ нимъ пристава для розыска, самъ же лично отправился въ другое направленіе для той же цѣли, всюду осматривая питейныя заведенія, гостинницы, баварія и т. п. Затѣмъ, получивши свѣдѣнія, что (преступникъ) не взялъ своихъ вещей изъ лодки, на которой пріѣхалъ, посадилъ двухъ *переодѣтыхъ* городовыхъ въ означенный досчаникъ, а самъ помѣстился на берегу. Такимъ образомъ, выслѣдивъ его приходъ, я замѣтилъ его шедшимъ по мосту, гдѣ онъ, по моему указанію, былъ *схваченъ* переодѣтыми городовыми».

Виновный ничуть не больше и не меньше того, какъ были виноваты тысячи другихъ такихъ же бондарей,—этотъ полководецъ, разумѣется, долженъ былъ выйти на свободу, что въ концѣ-концовъ и воспослѣдовало. Но сколько тутъ напрасной и ненужной кляузы и какая страсть къ этой кляузѣ, а главное какая полнота возможности осуществить на дѣлѣ любую кляузную фантазію! Какой-то «помощникъ письмоводителя» самъ пишетъ себѣ предписанія дѣлать обыски, производить негласныя дознанія, пускаться въ погоню, переодѣваться и хватать — и ничего! Не знаю, случается ли теперь что-нибудь подобное (вѣроятно, нѣтъ), но недавно еще кляузная фантазія господъ исправляющихъ должность помощника письмоводителя ужасно надоѣдала и досаждала мирному обывателю.

VII. Нѣсколько часовъ среди сектантовъ.

Было раннее мартовское утро, когда я проснулся, чтобы идти на «собраніе» ленкоранскихъ баптистовъ. Наканунѣ я познакомился съ однимъ изъ нихъ, извозчикомъ, привезшимъ меня изъ глубины Ленкоранскихъ вѣковыхъ лѣсовъ въ городъ Ленкорань, и получилъ отъ него приглашеніе придти къ нимъ на форштадтъ, на «моленіе». Устроивъ меня на ночлегъ въ комнатѣ, отдававшейся въ наймы какимъ-то таможеннымъ сторожемъ, новый пріятель мой поѣхалъ домой, чтобы распречь лошадей, и, покончивъ съ этимъ дѣломъ, вновь возвратился ко мнѣ «побесѣдовать», причемъ сдѣлалъ мнѣ подарокъ: подарилъ евангеліе и собраніе стиховъ, которые поются на баптистскихъ моленіяхъ. Долго, до поздней ночи, бесѣдовали мы съ этимъ новымъ знакомцемъ и наконецъ расстались. На прощанье онъ еще разъ повторилъ приглашеніе посѣтить ихъ.

Неуютная комната, кровать изъ досокъ, кое-какъ покрытая тоненькимъ ковромъ, а главное—непривычный «грохотъ» разсердившагося моря,—грохотъ, напоминавшій непрерывный поѣздъ массы гремящихъ телѣгъ по гремящей булыжной мостовой, вѣтеръ и дождь, хлеставшіе въ камышевый щитъ, которымъ на ночь было съ улицы заставлено окно—все это, хотя и не дало возможности отдохнуть послѣ тряской и неудобной дороги, но зато помогло не проспать урочнаго часа, назначеннаго для моленія, и въ семь часовъ утра я уже выходилъ изъ дому.

«Помутилося синее море!» Сѣрыя безконечныя волны, сѣрый туманъ, сливавшійся съ волнами и сѣрыми дождевыми тучами, которыми было затянуто небо, вѣтеръ и дождь совершенно преобразили живописный и веселый видъ Ленкорани: вся она, обыкновенно такая веселая, съ своими бѣленькими малороссійскаго типа домиками, пріютившимися подъ высокими зелеными тополями, теперь точно прижалась къ землѣ, придавленная этимъ тяжелымъ небомъ и мокрая отъ дождя, и испуганная этими несмѣтными рядами сѣрыхъ, сердитыхъ волнъ, набѣгающихъ на низменный берегъ, на которомъ она расположена. На улицѣ было пустынно, мокро, но не грязно; улицы вымощены отличнымъ морскимъ желѣзистымъ пескомъ, чернымъ цвѣтомъ своимъ напоминающимъ дороги на желѣзныхъ заводахъ. Пройдя по городу двѣ весьма недлинныхъ улицы, я очутился за городомъ; дорога шла по берегу моря и иногда была до того размыта волнами, что приходилось спускаться къ самой водѣ и выждавъ, пока отхлынетъ только что разбившаяся о берегъ морская волна, торопливо перебѣгать по мокрому и крѣпкому песку на другую сторону промоины, видя, какъ другая волна уже несется съ моря на смѣну первой и вотъ-вотъ «схватитъ за ногу».

Въ полуверстѣ отъ города начинается татарскій базаръ, рядъ лавчонокъ, висящихъ на самомъ обрывѣ берега, а за базаромъ идетъ молоканскій форштадтъ, улица, обставленная домиками и избами такого же типа, какъ и въ Ленкорани. Правая сторона этой улицы также виситъ надъ моремъ и рано или поздно непремѣнно упадетъ въ воду; у моего знакомца-извозчика уже свалился въ море сарай, и разговаривая съ нимъ объ этомъ случаѣ и о предстоящемъ форштадту плачевномъ будущемъ, я услышалъ давно знакомыя мнѣ россійскія слова: «Что будешь дѣлать? *Подавали бумагу*... а отвѣта все что-то не слыхать!» Много я впослѣдствіи услыхалъ и здѣсь, далеко отъ коренной Россіи, на самомъ почти конечномъ предѣлѣ ея съ юга, чисто коренныхъ россійскихъ мнѣній и словъ и подивился ихъ неистребимости и неизмѣнности, не смотря ни на климаты, ни на разстояніе. Между прочимъ, войдя въ избу моего знакомца-извозчика, я сразу встрѣтился съ портретомъ генерала Скобелева и съ лубочной картинкой, изображавшей нашего русскаго гиганта-мужика, стоящаго въ какой-то плясовой позѣ, причемъ ногами онъ раскидывалъ турецкія войска, а руками— турецкія крѣпости. Но тутъ же я увидѣлъ и кое-что новое. Мой знакомецъ сидѣлъ чинно и опрятно, и за опрятнымъ столомъ, и читалъ евангеліе; образовъ я не замѣтилъ въ комнатѣ, но уголъ, гдѣ они должны быть, завѣшенъ ситцевой занавѣской; за этой занавѣской лежатъ книги, бумаги и стоитъ чернил-

ница съ перомъ. Кухонной, стряпущей печи, какъ обыкновенно бываетъ въ русскихъ избахъ, здѣсь не было: очевидно грязная половина не соединялась съ чистой.

Опрятность и порядокъ соединялись непривычно для меня съ какой-то молчаливостью жителей: входили женщины, входили дѣвушки-сестры, заглянулъ другой братъ извозчика — и все какъ будто не по нашему: не то ужъ слишкомъ деликатно, не то какъ-то ужъ очень отдѣльно другъ отъ друга смотрѣли они.

Скоро пришлось увидѣть и совсѣмъ новое. Извозчикъ—руководитель мой—повелъ меня въ домъ собраній. Домъ этотъ былъ почти напротивъ; въ отворенныя ворота входили мужчины и женщины (костюмъ полу-городской, полу-деревенскій), дѣти и старики. Въ сѣняхъ, какъ у обыкновенной крестьянской избы, также были дѣвушки и парни; лица у нихъ не постныя, но и не скоромныя, хотя и молодыя, но какія-то молчаливыя, если можно такъ выразиться. Изъ сѣней вошли мы въ комнату, большую и свѣтлую; вся она была уставлена поперекъ скамейками, на которыхъ уже сидѣли сектанты и сектантки, въ углу стоялъ обыкновенный деревянный небольшой столъ, на которомъ лежали евангеліе вѣнскаго изданія и экземпляръ книги стиховъ такого же самаго изданія, какъ тотъ, который я получилъ въ подарокъ вчера. Въ той же комнатѣ у самой двери, головой къ столу, на деревянной кровати лежалъ больной крестьянинъ—хозяинъ избы. Мой знакомый крестьянинъ-баптистъ усадилъ меня за столъ, за которымъ обыкновенно помѣщаются учитель и другіе знатоки и толкователи писанія; главнаго учителя еще не было, и поэтому въ комнатѣ царствовало молчаніе; кое-гдѣ слышался вздохъ; сосѣди мои, толкователи и знатоки пѣнія, были все простой народъ—и старые, и молодые. Весь форштадтъ населенъ собственно не крестьянами, а скорѣе мастеровымъ народомъ—столяры, кузнецы, извозчики, плотники, штукатуры, работающіе на ленкоранскихъ жителей. Сообразные этимъ профессіямъ были и костюмы, и фигуры моихъ сосѣдей и другихъ посѣтителей собранія: были тутъ люди и въ «пиньжакахъ», и въ сибиркахъ - чуйкахъ, и даже въ тулупахъ, а одинъ изъ стариковъ, сидѣвшихъ въ переднемъ углу, напоминалъ даже нашего россійскаго дьячка чистой крови. Разговорившись (шопотомъ) съ моимъ сосѣдомъ о больномъ, я узналъ отъ него, что это—хозяинъ, что вотъ уже два мѣсяца, какъ онъ не можетъ встать съ постели, такъ-какъ переломилъ ногу.—«Такъ и хруститъ... а впрочемъ махонькія кости выходятъ».—«Кто же лечитъ его?»—«Да сами... *прикладываемъ!*» Отвѣтъ этотъ также напоминалъ мнѣ глубину Россіи, гдѣ слово: «прикладываемъ» въ соединеніи съ словомъ: "тряпка" нерѣдко исчерпываетъ врачебную помощь милліонамъ народа. Но за этимъ россійскимъ и знакомымъ пришло и незнакомое.

Вошелъ наконецъ учитель. Онъ былъ рабочій-столяръ и по виду очень бѣденъ; на худомъ его тѣлѣ надѣтъ былъ старый - престарый сюртукъ, очевидно съ чужого плеча, который къ тому же по случаю дождливой погоды былъ совершенно мокръ. Это былъ человѣкъ совсѣмъ молодой съ строгимъ, нѣсколько постнымъ лицомъ. Войдя въ комнату, онъ, никому не кланяясь, остановился въ какой-то глубокой задумчивости, скрестивъ вытянутыя впередъ кисти рукъ (ладонями внизъ), и такъ благоговѣйно помолчалъ нѣсколько секундъ. Затѣмъ поклонился всѣмъ и сѣлъ за столомъ рядомъ со старцемъ, напоминавшимъ дьячка. Почти у всѣхъ присутствовавшихъ очутились въ рукахъ книжки стиховъ, и такъ какъ я свою книжку-подарокъ забылъ дома, то сосѣдъ мой пододвинулся ко мнѣ и почти держалъ передъ моими глазами свой развернутый экземпляръ. Экземпляръ его былъ однако не тотъ, который подарилъ мнѣ извозчикъ. Когда началось пѣніе, я сталъ замѣчать, что учитель, окончившій пѣніе ранѣе, чѣмъ текстъ оканчивался въ экземплярѣ моего сосѣда, иногда не допѣвалъ по два и по три куплета, иногда пѣлъ стихъ вовсе не тотъ, который былъ въ экземплярѣ у сосѣда. Впослѣдствіи оказалось, что у сосѣда былъ старый экземпляръ, а у другихъ присутствовавшихъ, въ томъ числѣ и у учителя,—новый, напечатанный въ Тифлисѣ съ дозволенія цензуры, благодаря которой вѣроятно и произошли измѣненія въ текстѣ.

Общее пѣніе началось тотчасъ же по приходѣ учителя; раскрывъ книгу стиховъ, онъ произнесъ первый стихъ пѣсни и вслѣдъ за нимъ тотъ же стихъ повторили нараспѣвъ всѣ, кто зналъ мотивъ, и всѣ присутствовавшіе за столомъ. То-же самое повторилось и со вторымъ стихомъ и т. д. Такое пѣніе продолжалось съ полчаса. Пѣніе это не такъ оригинально, какъ пѣніе чистыхъ молоканъ; тамъ слышатся звуки живой пѣсни, пѣсни малороссійскаго кобзаря; иногда мелькнетъ что-то даже ухарское — «Эхъ да ни одна...» или «Эй, ду-уби-нушка...» словомъ, въ этомъ пѣніи слышно много живыхъ, прямо съ улицы взятыхъ звуковъ. Пѣніе баптистовъ не такъ характерно; оно какъ-то сухо, иногда визгливо, а иногда дьячковски-церковно. Женщины также участвуютъ въ пѣніи.

Когда былъ пропѣтъ первый стихъ, нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе. Кто входилъ и, поклонившись, тихонько отыскивалъ себѣ свободное мѣстечко, кто уходилъ. Наконецъ учитель взялъ евангеліе и поднялся. Началось поученіе. Я потомъ слышалъ такія поученія и въ другихъ мѣстахъ, и въ другихъ сектахъ, и всѣ они похожи другъ на друга, такъ что поученіе, которое я приведу ниже, можно считать самымъ обыкновеннымъ, нормальнымъ для обыкновенной крестьянской сектантской общины. Я не слыхалъ записныхъ ораторовъ (къ Святой на форштадтѣ ждали изъ Тифлиса двухъ знаменитыхъ проповѣдниковъ, на пріѣздъ которыхъ было собрано вообще со всѣхъ живущихъ въ окрестностяхъ баптистовъ до 600 р.), но все, что я слышалъ въ этомъ родѣ, очень похоже одно на другое: полуграмотность, плохой языкъ, неумѣніе тонко и искусно придумать фразу, и т. д. Въ Баку я слышалъ такого проповѣд-

ника, котораго рѣшительно не было возможности понять—что̀ такое бормоталъ онъ; постоянно онъ перевиралъ слова такъ, что вмѣсто напримѣръ: «И дѣйствительно»... (онъ часто употреблялъ выраженія проповѣдей православныхъ священниковъ), онъ множество разъ произнесъ: «И дѣвствительно!». Впрочемъ этотъ послѣдній ораторъ никоимъ образомъ не можетъ быть образчикомъ вообще типа учителя, наставника. Это—богатый купецъ-капиталистъ, который уже знаетъ вкусъ и въ новыхъ антихристовыхъ временахъ. Обыкновенный наставникъ, бо̀льшею частью искренно желающій выяснить передъ слушателями глубину писанія, говорящій передъ обществомъ «не изъ корысти»—онъ ничего не получаетъ—говоритъ такъ, какъ говорилъ бы всякій человѣкъ простого званія, не имѣвшій возможности учиться, какъ слѣдуетъ. Баптистскій учитель былъ именно такой искренній и простой человѣкъ. Вчера еще онъ съ ремешкомъ на головѣ работалъ рамы для господина мирового или исправника, ночью читалъ и приготовлялъ проповѣди, а сегодня вотъ проповѣдуетъ. Это было и ново, и поучительно. Раскрывъ евангеліе, онъ, по временамъ затрудняясь, прочиталъ притчу о пахарѣ, который пошелъ искать заблудшую овцу, оставивъ цѣлое стадо. Прочитавъ это, учитель положилъ евангеліе на столъ и сказалъ:

— «Вотъ, братіе мои, что̀ пишется... Что-жъ это означаетъ? Это надо очень прилежно обдумать, чтобы понимать... Это надо понимать, братіе мои, съ самыхъ первобытныхъ вѣковъ, отъ начала самаго сотворенія міра. И ежели мы вспомнимъ, то увидимъ, что сотворилъ насъ Господь Богъ Саваоѳъ, слѣдовательно, Богъ-Отецъ. Вотъ откуда идетъ начало этому дѣлу И какъ же Господь Богъ, Богъ-Отецъ сотворилъ насъ? Онъ сотворилъ насъ въ самомъ лучшемъ видѣ! Подумайте, братіе, сколь много любилъ онъ человѣка, что уготовалъ ему рай? Онъ, Богъ, Вседержитель, Отецъ, пріуготовилъ намъ землю, небо и воду... Пріуготовилъ онъ намъ плоды и звѣрей, и животныхъ, и травы, и всякія птицы, и рыбы. Все, однимъ словомъ: нѣтъ того, что̀ бы милость Божія поскупилась для человѣка. И когда все до безконечности было пріуготовлено, только тогда и сотворилъ Богъ человѣка. Когда все уже было готово, только живи, не безпокойся! Но увы! Это еще не вполнѣ обозначаетъ милосердіе Отца нашего, Творца! Мало того, Онъ еще, по своей добротѣ, создалъ человѣка по образу своему и подобію... Понимаемъ ли мы, друзья мои, коль велика милость Божія? Да, братіе, ничего болѣе для человѣка и въ мысляхъ представить невозможно! Все, все для него было! Живи, плодись, множься—тебѣ все дано! И гдѣ-жъ онъ жилъ? Онъ въ великолѣпнѣйшемъ саду, въ неизреченномъ раю пребывалъ, чего ему еще отъ Бога желать? И что-жъ, онъ вмѣсто того, чтобъ поблагодарить и съ кротостію славить Бога, что-жъ онъ, спрошу я васъ, друзья мои, сдѣлалъ?»

Ораторъ на мгновеніе умолкъ; необходимо сказать, что съ самаго начала его рѣчи начали то тамъ, то сямъ въ публикѣ слышаться вздохи; вздыхали глубоко и часто, и это показалось мнѣ не вполнѣ натуральнымъ. Одна толстая и здоровая женщина, лѣтъ пятидесяти, вздыхала какъ-то ужъ совсѣмъ непріятно: «О-охъ, Боже мой. Боже мой, Боже мой!.. Охъ-охъ-хо-хо!» вопіяла она сильнымъ, но спокойнымъ голосомъ. Нѣсколько молодыхъ людей, особенно молодыхъ дѣвицъ, совершенно не принимали участія въ этихъ вздохахъ; но какъ-разъ противъ меня за столомъ на лавкѣ сидѣлъ какой-то мастеровой, дюжій, широкоплечій, съ добродушнымъ лицомъ человѣкъ въ пиджакѣ изъ верблюжьяго сукна; широкое, веснушчатое лицо его, съ добродушными сѣрыми глазами, было положительно удручено искреннѣйшимъ вниманіемъ къ каждому слову оратора; огромный ребенокъ этотъ видимо глубоко тосковалъ о томъ далекомъ времени, когда человѣкъ жилъ въ прекрасномъ саду, о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыми надѣлилъ его Творецъ, и вздохи его, тихіе и глубокіе, были въ высшей степени трогательны. Когда ораторъ сказалъ: «Что-жъ, спрошу я васъ, сдѣлалъ человѣкъ?» верблюжій пиджакъ утеръ огромнымъ мозолистымъ пальцемъ слезу и горько вздохнулъ...

— И чтожъ сдѣлалъ человѣкъ? продолжалъ ораторъ.—Онъ все превратилъ въ безчинство и беззаконіе! Все нарушилъ, ничего не послушался! Его природа—вотъ врагъ нашъ! Природа его совратила съ истиннаго пути. Онъ не хотѣлъ жить честно—и Господь наказалъ его... Онъ выгналъ его вонъ изъ рая, лишилъ всего, и вотъ теперича даже и по сейчасъ, мы ни днемъ, ни ночью не видимъ покою, а видимъ одно мученіе. Нѣтъ у насъ пристанища на бѣломъ свѣтѣ! Что̀ Господь давалъ даромъ, теперь мы съ кровью рвемъ другъ у дружки. (Охъ-охъ-охъ! послышалось въ разныхъ концахъ.) Диви-бы богатые изъ зависти, что у одного больше, а у другого меньше добра—грызлись, а и бѣдные-то норовятъ другъ на дружку наступить (вздохи становились все чаще и чаще). Что̀ мы теперь? Всю жизнь бьемся, какъ оглашенные, всю жизнь безъ передышки страдаемъ; а минуты нѣту спокою, и все только и дѣлаемъ, что другъ дружку обижаемъ... Вотъ, братіе, какъ Господь покаралъ насъ! Да вѣдь это такъ и должно: нешто можно было простить ему, Отцу-то! Вѣдь онъ Отецъ былъ нашъ, онъ намъ хотѣлъ какъ лучше сдѣлать, а мы какъ отблагодарили? Это хоть бы взять и нашего брата: ежели я—положимъ—отецъ и люблю я своего сына и стараюсь для него, а онъ мнѣ за мѣсто этого взялъ да и сдѣлалъ какъ невозможно хуже—и что же! я его взялъ да и простилъ? похвалилъ? Нѣтъ, братіе, такъ нельзя, это будетъ баловство! И вотъ по этому случаю Богъ-Отецъ насъ никакъ не могъ простить, онъ долженъ былъ насъ наказать строго, чтобъ мы почувствовали; и онъ насъ наказалъ, и до того, что намъ бы всѣмъ пропасть надо было, потому что мы достойны погибели...

Верблюжій пиджакъ всѣмъ своимъ лицомъ, даже всѣмъ своимъ огромнымъ тѣломъ изнывавшій отъ глубокой душевной тоски, не выдержалъ и, почти

всхлипывая, опустился съ лавки колѣнями на полъ, а руки локтями поставилъ на край стола и закрылъ лицо ладонями. Изъ-за этихъ широкихъ ручищъ поминутно стали слышаться всхлипыванія, и мокрые бѣлокурые спутанные волосы тряслись на колебавшейся отъ этихъ всхлипываній головѣ.

— Достойны полной погибели! Иначе, братіе мои, намъ бы и быть невозможно, но Господь милосердъ неизреченно: Самому Ему нельзя было насъ выручить — и вотъ Онъ послалъ Сына... И вотъ Богъ-то Сынъ и есть тотъ пастырь, что̀ я читалъ... Вотъ какъ надо это понимать!—«Поди сюда! Я тебя не обижу! Я знаю, что ты—вся во грѣхахъ, что ты заблудилась, запуталась въ терніяхъ, пропадешь зря... Выходи! не бойся! Я тебя спасу... ты Мнѣ дорога... вѣдь тебя Богъ создалъ... Поди сюда!»

Верблюжій пиджакъ рыдалъ: слезы хлестали у него между пальцевъ, и съ носа бѣжали крупными каплями; въ публикѣ слышались безпрестанныя всхлипыванія. Вздохи, казавшіеся мнѣ прежде оффиціальными, теперь были совершенно искренни,— учитель говорилъ съ большимъ чувствомъ, особливо слова, обращенныя къ заблудшей овцѣ.

По окончаніи этой рѣчи, учитель сѣлъ, видимо взволнованный, сталъ отирать мокрый лобъ рванымъ платкомъ. Молчаніе царствовало минутъ пять; верблюжій пиджакъ сѣлъ опять на лавку; лицо его было совершенно мокрое; онъ сморкался и утиралъ глаза, но слезы такъ и лились. Втеченіи этихъ пяти минутъ взволнованная публика едва-едва успокоилась, были впрочемъ и лица совершенно невзволнованныя, преимущественно изъ дѣвицъ...

Наконецъ всѣ успокоились.

— Вотъ что, братіе! сказалъ учитель совершенно «другимъ», дѣловымъ голосомъ.—Позвольте васъ спросить: сколько мнѣ еще разъ говорить вамъ о фатерѣ?

Слушатели молчали. Нѣкоторые почему-то вздохнули—опять тѣмъ же оффиціальнымъ вздохомъ.

— Человѣкъ второй мѣсяцъ лежитъ боленъ, не встаетъ съ постели (учитель указалъ на больного хозяина), вѣдь надо же понимать, что мы его безпокоимъ!

Общество безмолвствовало.

— Хорошо-ли будетъ, какъ лавки-то наши на улицу повыкидаютъ? Я бы и самъ пріискалъ помѣщеніе, да вѣдь мнѣ тоже пить-ѣсть надо: я—рабочій человѣкъ... Кажется, можно кому нибудь бы заняться, часокъ удѣлить?

Долгонько-таки учитель пробиралъ своихъ братьевъ за ихъ равнодушіе къ общему дѣлу, и пробиралъ строго, не церемонясь присутствіемъ посторонняго человѣка. Вторженіе въ духовную бесѣду чисто дѣлового разговора мнѣ также показалось новымъ и хорошимъ, а впослѣдствіи мнѣ пришлось узнать, что такія вторженія въ духовную бесѣду дѣловыхъ разговоровъ происходятъ почти на каждомъ собраніи и всякій разъ касаются какого-нибудь общественнаго дѣла, о которомъ во имя ученія надобно напомнить мірянамъ, а иногда даже и пробрать ихъ...

Дальнѣйшее моленіе продолжалось такъ: когда всѣ успокоились послѣ впечатлѣнія проповѣди, и когда окончился дѣловой разговоръ, учитель молчалъ немного и опять открылъ книгу пѣсень. Началось пѣніе новаго стиха такимъ же порядкомъ и маneромъ, какъ сказано выше. По окончаніи стиха началось моленіе: всѣ стали на колѣни и учитель сталъ говорить, прося у Бога помощи для всей братіи въ томъ, чтобъ онъ помогъ каждому быть лучше, очистилъ бы душу каждаго отъ зла, и т. д. Въ концѣ-концовъ, также стоя на колѣняхъ, учитель просилъ Бога о дарованіи здравія и долгоденствія Государю-Императору. На этомъ и кончилось моленіе, продолжавшееся часа два.

Мой пріятель, извозчикъ, проводилъ меня до дому, и какъ доро̀гой, такъ и за чаемъ въ моей комнатѣ, шли у насъ разговоры объ особенностяхъ и порядкахъ баптисткой секты. На каждый мой вопросъ о семейныхъ отношеніяхъ, объ отношеніяхъ бѣдныхъ и богатыхъ и т. д., собесѣдникъ мой давалъ самые «пріятные» отвѣты. Онъ видимо *желалъ* говорить со мной только *хорошо*, честно, благородно; бѣднымъ они помогаютъ, кто сколько можетъ, для чего и прибита къ стѣнѣ кружка. Я спросилъ его: —«Отчего же сегодня въ эту кружку никто ничего не положилъ?»—«Ну, разно бываетъ... а то кладемъ... какъ же? Нельзя, это должно... кладемъ! Это у насъ есть, заботимся?»—Заботитесь ли вы и другъ о другѣ, подсобляя въ несчастіи? — «Подсобляемъ, какъ же... это ужъ нельзя безъ этого!» и т. д. Все у нихъ выходило хорошо, и все могло бы быть тутъ же значительно умалено фактами живой дѣйствительности по отношенію къ практическому осуществленію хорошихъ желаній, хорошихъ мыслей; но, не смотря на эту возможность умалить значеніе хорошихъ словъ—именно обиліе хорошихъ желаній, именно стремленіе, «чтобы все было поаккуратнѣе, почище», какъ выразился мой собесѣдникъ, именно желаніе, чтобы вопросы о бѣдныхъ и богатыхъ, о правыхъ и виноватыхъ, о слабыхъ и сильныхъ—чтобы всѣ эти вопросы были справедливо рѣшены «по хорошему», именно такъ, какъ говорилъ мнѣ (только—говорилъ) мой собесѣдникъ,—вотъ это-то и было мнѣ очень ново. Ново то̀, что всѣ эти вопросы сидятъ въ умахъ этихъ людей, составляютъ ихъ заботу, что эти вопросы поставлены открыто передъ общественнымъ вниманіемъ всѣхъ старыхъ, и малыхъ, до послѣдняго ребенка. Не надо было быть особенно внимательнымъ, чтобы видѣть, какъ мало эти хорошія желанія—установить совѣстливыя взаимныя отношенія—осуществлены на практикѣ, но стремленіе осуществить ихъ, положенное въ основаніе нравственнаго воспитанія, хорошо и не забывается послѣ всѣхъ шероховатостей, остающихся въ нашихъ впечатлѣніяхъ отъ знакомства съ сектантскимъ міромъ.

Шероховатости эти, заставляющія васъ много разъ сказать себѣ: «и у насъ въ деревняхъ то же самое творится, къ несчастью!» гораздо болѣе бросаются вамъ въ глаза здѣсь, чѣмъ въ нашихъ

безкнижныхъ деревняхъ, и фактовъ, которые убѣждаютъ васъ, какъ мало «на дѣлѣ» осуществлено хорошихъ стремленій, даже и искать не надобно: они на каждомъ шагу. Напримѣръ, переночевавъ на одномъ постояломъ дворѣ, принадлежащемъ крестьянину изъ секты «Общихъ», и перемѣнивъ лошадей, рано утромъ ѣдемъ мы по темной, еще пустынной Муганьской степи. Извозчикъ нашъ, работникъ хозяина постоялаго двора, нѣтъ-нѣтъ да и пріостановитъ лошадей.—«Что съ тобой?»—«Да животъ все схватываетъ... отвѣчаетъ извозчикъ... а дорога—ишь какая! Какъ толкнетъ на ямѣ или канавѣ, такъ и схватитъ...» Объяснивъ причину остановокъ, извозчикъ помолчалъ и сказалъ:

— Не кормитъ, песъ этакой, какъ должно! Донялъ квасомъ, хоть что хошь!

— Кто не кормитъ?

— Да хозяинъ то! Такой жидоморъ! Рыбы ишь по нонѣшнимъ «правамъ» укупить невозможно, такъ вотъ и за обѣдомъ, и за ужиномъ только и есть—квасъ да хлѣбъ. Раздуло всего на-чисто!

А съ этимъ хозяиномъ цѣлый вечеръ мы вели самые «хорошіе разговоры». Говорили напримѣръ о баптистахъ, и онъ отлично раскритиковалъ ихъ ученіе на основаніи евангелія, доказывая, что спастись можно именно *добрыми дѣлами*, а не вѣрою только, какъ утверждаютъ господа баптисты. Когда же я показалъ ему баптисткую книжечку стиховъ, подаренную мнѣ извозчикомъ, такъ онъ только повертѣлъ ее въ рукахъ и презрительнѣйшимъ тономъ произнесъ:

— Знаемъ мы эту ихнюю болтовню. Это все у нихъ взято изъ аглицкаго пуза! (ужъ извините за выраженіе).

А теперь вонъ оказывается — «не кормитъ», хотя принадлежитъ къ сектѣ, утверждающей, что спасеніе только въ добрыхъ дѣлахъ.

Разговорившись съ возницей, мы узнали вещи и еще того хуже:

— Снохачъ! сказалъ возница про хозяина.

— Будто бы!

— Ужъ это вѣрно! Видѣли жену сына-то?

— Какъ же, видѣли. Это та баба, которая самоваръ подавала?

— Ну вотъ, она самая! ну, такъ это дѣти у нея не сыновы – а евонныя!.. Извѣстный снохачъ! Его жена ужъ старуха, внизу живетъ... А сынъ-то его хочетъ теперича оставить, хочетъ наново креститься...

Еще болѣе тяжелое несоотвѣтствіе хорошаго слова съ дѣломъ пришлось видѣть мнѣ среди такой удивительной секты, какъ «Общіе». Секта эта дѣйствительно удивительная. Щаповъ въ своихъ очеркахъ: «Умственныя направленія русскаго раскола» называетъ эту секту «Рабочимъ согласіемъ». Возникла она въ 20-хъ годахъ въ Саратовской губерніи, благодаря иниціативѣ Михаила Акинфіевича Попова. «Каждая слобода, согласно этому ученію, есть особая община; каждая партія или каждый домъ составляютъ какъ бы домашнюю церковь; дома для жительства каждой партіи строятся міромъ единомышленниковъ одной слободы. *Имѣнія движимыя и недвижимыя* и доходы съ нихъ принадлежатъ братскому общему союзу по изравненіи каждаго, не разбирая, кто гдѣ въ какой деревнѣ находится. *Личной же собственности, ни движимой, ни недвижимой, ни у кого нѣтъ.* Дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хозяйство, земля, сады, огороды, мельницы, пчельники—словомъ, все сельское хозяйство, принадлежитъ цѣлой слободѣ, и доходы со всего этого составляютъ общую сумму общины. У «Общихъ» въ каждой слободѣ—одна общая денежная касса; изъ этой общей кассы, также и изъ общаго имущества, отпускаются части въ партія, т. е. отдѣльные дома по числу душъ и общему для «души» уравненію. Такъ распредѣляется скотъ, всѣ хозяйственныя принадлежности, даже одежда и обувь. Затѣмъ въ каждой партіи или домѣ выбирается домашній распорядитель, сохраняющій все мужское платье и обувь партіи, и распорядительница: она обязана смотрѣть, чтобы пища была хорошо сварена, и раздавать хлѣбъ и пищу, также уравнивая ихъ; она же завѣдуетъ всѣмъ бѣльемъ дома, холстомъ, нарядами, женскими сарафанами, платками, занавѣсками, и т. д. Слободы управляются также выборными—членомъ, судьею, главнымъ учителемъ и наблюдателемъ общины, жертвенникомъ, распорядителемъ, видѣтелемъ, молитвенникомъ, словесникомъ, тайникомъ, мысленникомъ. Всѣ работы, полевыя и домашнія, производятся общими трудами по наряду общинныхъ членовъ и домашнихъ распорядителей. Въ каждой слободѣ учреждены училища, содержимыя на общественный счетъ, въ которыя родители обязаны отдавать своихъ дѣтей. Всѣмъ работникамъ общины ученіе проповѣдуетъ братство, символомъ котораго служитъ общее лобызаніе: *соборное*—на общихъ сборныхъ столахъ всей слободы, *домашнее* — между членами каждой партіи, и *единотѣльное*—при посѣщеніи другъ друга. Бракъ не почитается таинствомъ и совершается по одному взаимному согласію и по засвидѣтельствованію передъ народомъ».

Мнѣ пришлось быть въ той самой деревнѣ, которую основалъ М. А. Поповъ. Сосланный съ своими единомышленниками на Кавказъ, Поповъ поселился здѣсь, близъ Ленкорани, основавъ поселеніе Николаевку, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ и на практикѣ примѣнилъ свое ученіе. Я видѣлъ стариковъ, знавшихъ этого Попова лично, которые «дѣйствительно» пережили періодъ самыхъ подлинныхъ коммунистическихъ порядковъ, общественныхъ работъ, общественныхъ столовыхъ, общественнаго имущества; тотъ самый хозяинъ постоялаго двора, о которомъ говорено выше, разсказывалъ, что онъ бывало получалъ деньги на покупку сапогъ, рубахи—изъ общественной кассы; на работу шелъ по указанію и распоряженію общиннаго совѣта, и т. д. – «Ну, потомъ, прибавилъ онъ: — надоѣло, признаться, работать на другихъ. Иной меньше тебя втрое сработаетъ, иной и совсѣмъ лѣнь-лѣнью, ну, какъ-то будто бы и обидно стало...» Не мало повредило этому опыту и многое другое. Такъ на-

примѣръ мѣстность, гдѣ Попову пришлось поселиться, оказалась не весьма благопріятной: рѣчка, протекающая черезъ Николаевку, вытекаетъ изъ мѣстности, переполненной массою всевозможныхъ минеральныхъ ключей, преимущественно сѣрныхъ, а поэтому вода въ рѣчкѣ плоха, плоха она и въ колодцахъ. Женщины жалуются на эту воду и климатъ (страшные лѣтніе жары) и приписываютъ имъ большую смертность дѣтей. Все-таки, не взирая на эти неблагопріятныя условія, Поповъ энергически развивалъ на практикѣ свое ученіе, но скоро былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ вновь основалъ такое-же общинное поселеніе. Вмѣстѣ съ Поповымъ были сосланы семьи главныхъ его сотрудниковъ, а другая часть рабочихъ-общинниковъ, которые не были признаны столь же виновными, какъ Поповъ, были отданы въ солдаты. Въ Николаевкѣ остались почти только женщины да дѣти, и лѣтъ десять николаевскія женщины переживали какой-то темный періодъ «безмужія». Впослѣдствіи, послѣ множества ходатайствъ, мужьямъ-солдатамъ дозволено было жить въ Ленкорани, и отъ времени до времени они могли видаться съ семьями. Въ 1873 г., по ходатайству намѣстника кавказскаго, Поповъ возвратился изъ Сибири и нѣкоторое время жилъ въ Николаевкѣ, гдѣ скоро и умеръ. Изъ Сибири за нимъ пришло сюда нѣсколько новыхъ единомышленниковъ, изъ которыхъ иные состояли съ Поповымъ въ родствѣ, женившись на его дочеряхъ; другіе женились въ Сибири на мѣстныхъ женщинахъ, дѣти которыхъ носятъ особенности сибирскаго типа, весьма отличнаго отъ типа великорусса. Съ возвращеніемъ Попова и эти «сибиряки» также стали перебираться сюда по доброй волѣ, поближе къ источнику ученія и къ мѣсту жительства учителя.

Въ настоящее время Николаевка — довольно большая деревня, далеко не напоминающая того фаланстера, который, какъ кажется, грезился основателю ея. Есть здѣсь и богатые дома, есть и бѣдные, есть и лачуги. «Равненія» въ средствахъ жизни и достаткѣ уже нѣтъ. Нѣтъ ни общественныхъ столовыхъ, ни общественныхъ работъ; всякій работаетъ на себя, по силамъ, какія есть въ его семействѣ. Всѣ двѣнадцать «чиновъ» общинной администраціи, установленные Поповымъ, существуютъ и теперь, но нѣкоторые изъ нихъ уже не имѣютъ ни значенія, ни резона: учитель, судья, распорядитель — сосредоточены теперь въ одномъ лицѣ, преемникѣ Попова и его ученикѣ, Иванѣ Антоновичѣ С—нѣ; за прекращеніемъ общественныхъ работъ, общественныхъ расходовъ, стали не нужны и такія общественныя должности, какъ напримѣръ «видѣтель», — лицо, на обязанности котораго въ прежнее время лежало наблюденіе за тѣмъ, чтобы всякій исполнялъ то, что ему назначено распорядителемъ. Должность эта есть и теперь, но дѣла ей нѣтъ, за исключеніемъ «непорядковъ», касающихся частной жизни общинниковъ. Изъ старыхъ общественныхъ порядковъ остались общественный судъ и обязательная для каждаго жертва десятой части урожая въ пользу нуждающихся; общественный амбаръ, изъ котораго выдаются ссуды хлѣбовъ — и выдаются безъ возврата — дѣйствительно существуетъ. Общественная касса сократилась до размѣровъ добровольныхъ приношеній, собираемыхъ во время молитвенныхъ сборищъ, «кто сколько можетъ» — и чинъ «жертвенника», завѣдующаго этими приношеніями и общественнымъ амбаромъ, имѣетъ нѣкоторый резонъ для существованія. Но зато «мысленникъ» и «тайникъ» и сейчасъ весьма много значатъ въ жизни «Общихъ». Желаніе жить «поаккуратнѣй, почище», какъ выразился баптистъ-извозчикъ, лежащее въ основѣ всѣхъ сектантскихъ ученій, осуществляется въ сектѣ «Общихъ» между прочимъ стремленіемъ не держать на душѣ грѣха, дурной и пагубной мысли. Чтобъ отдѣлаться отъ дурного желанія, отъ какой-нибудь черной мысли, надобно ее сейчасъ же открыть, разсказать, надобно покаяться въ ней, и тогда она оставитъ человѣка сама собой. Такъ вотъ «тайникъ» выслушиваетъ такіе мрачные замыслы, которые слишкомъ тягостно дѣлать извѣстными всему обществу; «тайникъ» не говоритъ ни кому о мрачной мысли, забравшейся кому-нибудь въ голову, и ему-то непремѣнно надо открыть эту мысль. «Мысленнику» точно такъ-же повѣряютъ дурныя, злобныя мысли и желанія, и какъ «тайникъ», такъ и «мысленникъ» обязаны принять участіе въ дурномъ душевномъ состояніи кающагося, разсѣять его, разъяснить, облегчить и непремѣнно простить. «Простить» человѣка въ концѣ-концовъ — это также основной принципъ ученія Попова, идущій рядомъ съ обязанностью всякаго — непремѣнно «каяться» въ своихъ дурныхъ поступкахъ, даже, какъ видите, дурныхъ мысляхъ. Покаяніе или, другими словами, полная откровенность — обязательны для общинниковъ. Каяться должно первому близкому человѣку, потомъ «тайнику», «мысленнику», наконецъ всему обществу, міру. И всѣ должны разобрать, разслѣдовать, устыдить кого нужно и въ концѣ-концовъ — простить.

Одна старушка разсказала мнѣ недавній случай общественнаго суда надъ однимъ мужчиной и одной женщиной, вступившихъ въ такія отношенія, о которыхъ «видѣтель» долженъ былъ доложить общественному суду. Оба виноватые разсказали при всѣхъ все, до мельчайшихъ подробностей поступки ихъ были публично обсуждены, разсмотрѣны во всѣхъ отношеніяхъ, и въ концѣ-концовъ достаточно пристыженные грѣшники были также публично прощены и общинниками, и «чинами».

— Да вѣдь что, батюшка, сказала старушка, — вѣдь подумаешь-подумаешь, а вѣдь ужъ больше-то этого и не придумаешь, какъ прощай всѣхъ, и за все!

Между прочимъ эта же старушка и разсмѣшила меня. Разговоръ шелъ о томъ, что надо постоянно облегчать, очищать душу откровенностью съ ближнимъ; чтобы на душѣ не застаивалось ни одно дурное ощущеніе и чтобы это ощущеніе не портило душевной ясности, надо сейчасъ-же покаяться кому-нибудь.

— А мужчина, спросилъ я,— можетъ каяться женщинѣ?

— Ну ужъ чего бабѣ каяться! Каяться, такъ ужъ, знамо, мужику надо.

Кромѣ обязательнаго покаянія, по части личной чистоты, личной опрятности и сдержанности, «Общіе» налагаютъ на себя много другихъ обязательствъ, которыя несутъ на себѣ дѣйствительно съ изумительнымъ терпѣніемъ и твердостью духа. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ обузданіе плоти. Пища, обязательная для каждаго изъ «Общихъ», должна быть самая скромная и самая умѣренная; ничего мало-мальски возбуждающаго—чеснокъ, лукъ—они не употребляютъ; ничего жирнаго они не ѣдятъ; всѣ большія жирныя рыбы Каспійскаго моря, которыя у нихъ подъ бокомъ, не употребляются ими въ пищу. Словомъ, ѣда ихъ самая постная и скромная. Вина они не пьютъ (развѣ тайкомъ); никакихъ пѣсенъ, плясокъ, хороводовъ—ничего этого нѣтъ; даже на свадьбахъ поютъ только духовныя пѣсни. Этотъ постный, сухой образъ жизни иногда бываетъ тягостенъ даже и для посторонняго наблюдателя: ни звука, ни смѣха—все молчаливо, сухо, постно, сдержанно.

Такимъ образомъ изъ ученія Попова болѣе всего удержалось между «Общими» только то, что касается личной стороны, личной опрятности, личнаго благообразія. Но то, что въ этомъ ученіи касалось общественной опрятности и общественныхъ обязанностей общинниковъ другъ къ другу, удержалось только въ самой слабой степени. Удержалась жертва на общую пользу десятой части урожая, удержалось какое-то подобіе общественной кассы и — только! Теперь каждый дворъ живетъ особнякомъ, работаетъ на себя. Въ этомъ отношеніи глава секты, И. А. С., самъ подаетъ примѣръ. Онъ отдѣльно отъ общества снимаетъ рыбную ватагу и стало-быть богатѣетъ въ одиночку; вообще И. А. постоянно разочаровывалъ меня въ моихъ предположеніяхъ, основанныхъ на знакомствѣ съ «Общими» по статьѣ Щапова. По пріѣздѣ въ Николаевку, я былъ пораженъ такой особенностью во внѣшнемъ видѣ селенія: никакихъ заборовъ между дворами не существуетъ. Есть заборъ по улицѣ, но загородей, отдѣляющихъ дворы сосѣдей нѣтъ; куры, овцы, буйволы свободно переходятъ изъ одного двора въ другой. Мнѣ подумалось, не остатокъ ли это отъ старой имущественной равноправности, проповѣдовавшейся Поповымъ?

— Это, вы думаете, по ученію? сказалъ И. А., когда я спросилъ объ этомъ.—Это лѣнь, вотъ что это такое! Который хорошій хозяинъ, такъ тотъ загородится, будете покойны! Вонъ у меня, посмотрите, какая загородь со всѣхъ сторонъ обнесена!

И точно: И. А. прочно огородилъ свое жилище. Собаки у него страшныя-престрашныя и злыя-презлыя. Когда мы шли къ нему въ гости, такъ насъ взялся проводить одинъ изъ «Общихъ», котораго собаки знали,—а то разорвутъ!».

Этотъ-же И. А. однажды не только разочаровалъ меня, но по истинѣ даже «потрясъ» нѣкоторыми своими сужденіями. Разговаривали мы о покаяніи и прощеніи. И. А. сказалъ, что общественный судъ «Общихъ» прощаетъ до трехъ разъ одного и того же преступника, а потомъ отвергаетъ его товарищество и исключаетъ изъ общества — иди куда хочешь. Такъ было въ старину, а теперь такъ измѣнились времена, что, по словамъ. И. А., стали появляться въ средѣ «Общихъ» такіе люди, для которыхъ и трехъ судовъ стало мало; его простятъ три раза, а онъ сейчасъ за то же: пьетъ, ругается, воруетъ...

— Что-жъ вы дѣлаете въ такомъ случаѣ?

Надо сказать правду, что когда я задалъ И. А. этотъ вопросъ, онъ крѣпко вздохнулъ, прежде нежели отвѣтилъ.

— Предаемъ властямъ! что станешь дѣлать?

— То есть, кому-же?

— Да начальству, старостѣ казенному...

И еще разъ глубоко-глубоко вздохнулъ и прибавилъ:

— Да что! ему бы надобно наказать его, высѣчь, а онъ пускаетъ!

Признаюсь, истинно какъ громомъ разбилъ меня И. А. этими словами, отъ которыхъ я и на родинѣ рѣшительно не зналъ, куда дѣваться. Много лѣтъ подъ рядъ въ самыхъ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, вездѣ гдѣ мнѣ приходилось бывать, только и слышишь по части серьезныхъ мнѣній разныхъ свѣдущихъ людей, стремящихся «искоренить зло», что ежели бы драть, какъ слѣдуетъ, такъ все бы и было хорошо, а горе въ томъ, что вотъ дерутъ-то какъ-то уныло, меланхолически, а не серьезно. И вдругъ эта-же самая фраза, это несносное изреченіе догнало меня здѣсь, чуть не на концѣ русскаго свѣта!... Господи Боже!...

— Сладу нѣту! продолжалъ И. А.,— непокорство... папиросочки... трубочки... и т. д.

Все, слово въ слово, то самое, что я милліоны разъ слышалъ на Руси!

Словомъ, повторяю, даже и безъ особенныхъ стараній подмѣчать темныя стороны сектантства, онѣ сами бросаются въ глаза. «Все это есть у насъ, безъ всякихъ постовъ, гимновъ и чиновъ!» Есть люди наживы, и трубочки съ табакомъ, и такое же нежеланіе работать на другого — все есть! Но при всемъ этомъ столь явномъ сходствѣ темныхъ сторонъ нашей безкнижной и этой книжной деревни, онѣ очень и очень не похожи другъ на друга и поровнять ихъ невозможно. У насъ, въ безкнижной деревнѣ, много есть точь-въ-точь такихъ же неправдъ, какъ и въ книжной деревнѣ, но разница заключается въ томъ, что въ книжной деревнѣ темнымъ явленіемъ жизни всенародно противупоставляются и проповѣдуются самыя строгія нравственныя требованія. Это дурное и темное дѣлается, *но этого не должно быть*. Должно быть вотъ такъ-то и такъ, и если происходитъ иначе, если мы не можемъ обойтись безъ худого, то въ сущности это неправда, это не хорошо, этого не должно быть. У «Общихъ» напримѣръ съ ранняго школь-

наго дѣтства. при обязательности обученія, дѣтямъ внушается «Уставъ упованія общаго ученія», затрогивающій самыя серьезнѣйшія общественныя и частныя отношенія, требующій въ этихъ отношеніяхъ самой высшей справедливости. Словомъ, въ основаніе всего союза людей кладутся и проповѣдуются открыто самыя широкія требованія. *Какъ должно быть*—здѣсь извѣстно всѣмъ, и если И. А. арендуетъ отдѣльно отъ общества ватагу, то послѣдній мальчикъ знаетъ, что этого *не должно быть*, что *не должно* богатѣть на счетъ другихъ, что *нельзя* бросать бѣдныхъ и неимущихъ на произволъ судьбы. Всего этого достигнуть трудно, человѣкъ плохъ, слабъ, своекорыстенъ, но онъ *долженъ быть* лучшимъ. Такимъ образомъ при тѣхъже самыхъ явленіяхъ, какъ у насъ, здѣсь есть въ душѣ и въ сознаніи каждаго нравственный идеалъ; онъ плохо осуществляется, это правда, но онъ долженъ бы быть осуществленъ. И въ каждомъ нашемъ крестьянинѣ, какъ во всякомъ человѣкѣ, несомнѣнно есть «Богъ», совѣсть, и нашъ крестьянинъ подлое называетъ подлымъ. но здѣсь эти проявленія совѣсти сдѣланы предметомъ *всеобщаго* вниманія, «главнымъ дѣломъ», лежащимъ въ основѣ воспитанія, главною цѣлью, къ которой *надо* стремиться. Въ ученіи «Общихъ», какъ видно изъ приведеннаго выше изложенія, проповѣдуются самыя идеальныя человѣческія отношенія, проповѣдуются и отцами, и матерями, и наставниками, и судьями, и т. д. Трудно достигнуть такого идеальнаго совершенства, и оно плохо достигается на дѣлѣ; но чего именно надо достигать, къ какой цѣли стремиться, что хорошо и что худо — это извѣстно всѣмъ и каждому, это поддерживается, если хотите, всѣмъ «начальствомъ» секты.

У насъ есть всѣ темныя явленія, какія встрѣчали мы и въ сектантскихъ деревняхъ, но наши идеальныя стремленія, наши представленія о справедливомъ и несправедливомъ не имѣютъ и милліонной доли того общественнаго значенія и той общественной поддержки, какія лежатъ въ основѣ сектантства. «Какъ должно быть?» — нигдѣ, ни въ церкви, ни въ школѣ, не поставлено такъ широко и не разрабатывается такъ открыто и настойчиво, какъ разрабатывается въ сектантской школѣ, въ сектантской семьѣ, въ сектантскомъ собраніи. Вотъ почему въ нашихъ безкнижныхъ деревняхъ могутъ встрѣчаться поразительнѣйшія колебанія общественной и частной совѣсти,—колебанія, отъ которыхъ иной разъ просто подираетъ морозъ по кожѣ. Не такъ давно напримѣръ въ газетахъ было разсказано слѣдующее: во Владимірской губерніи до самаго послѣдняго времени сохранились еще самыя образцовыя формы общиннаго землевладѣнія. Есть цѣлыя нераздѣльныя волости, включающія по двѣнадцати деревень, причемъ въ общемъ пользованіи находятся и земли, и луга, и выгоны, и лѣса! Разсказывая исторію одной такой общины-волости, корреспондентъ рисуетъ картину по истинѣ прелестную. Такъ называемые пессимисты должны посрамиться отъ ея созерцанія. Земля въ этой волости (Константиновской) передѣлялась по душамъ по мѣрѣ прироста населенія, причемъ границы обозначались камнями, которые при передѣлахъ передвигались съ одного мѣста на другое; сироты распредѣлялись между имущими; излишекъ населенія въ одной мѣстности мірскимъ согласіемъ передвигали въ такія мѣста, гдѣ былъ въ немъ недостатокъ, и т. д. Словомъ — картина самыхъ удивительныхъ проявленій народной правды и справедливаго народнаго ума. Такъ живетъ эта волость долгіе годы. Настаетъ 19 февраля, пріѣзжаютъ чиновники и размежевываютъ деревни, не смотря на всеобщее нежеланіе. Луга константиновцамъ однако же удалось оставить нераздѣльными. Но и по раздѣленіи земли, всѣ девять деревень постоянно стремятся къ слитію воедино, постоянно заявляютъ объ этомъ на сходахъ, въ виду того, что въ нѣкоторыхъ изъ 9 деревень стало тѣсно, приросло много народу, а въ другихъ убыло. Приготовлялись уже сдѣлать общій, на старинный образецъ, передѣлъ, передвижку—какъ случилось одно совершенно неожиданное обстоятельство: въ деревнѣ Константиновкѣ (отъ которой и волость носитъ то-же названіе) появилась холера и изъ 300 душъ унесла въ могилу 150 человѣкъ. Едва 150 человѣкъ были зарыты, какъ оказалось, что у константиновцевъ *само собою* образовались вдвое бо́льшіе противъ прежняго душевые надѣлы. До холеры было по 4 десятины, а послѣ холеры - вдругъ оказалось по 8... И что же? константиновцы тотчасъ-же отказались отъ всеобщаго передѣла и стали пользоваться своими 8 десятинами, свалившимися съ неба, предоставляя сосѣдямъ, жаловавшимся на тѣсноту, ждать новаго Божьяго наказанія, чтобы увеличить свои надѣлы

Я боюсь сказать, но мнѣ кажется, что здѣсь ни въ первой половинѣ этой исторіи, ни во второй не было для поступковъ дѣйствующихъ лицъ опредѣленнаго нравственнаго убѣжденія въ томъ, *какъ должно*, а было одно—*какъ пришлось*. А пришлось, говоря по совѣсти, какъ видите, очень скверно. Люди требовали передѣла, потому что народилось, много народу; можетъ, именно отъ этого и отъ недостатка въ питаніи и произошла въ Константиновкѣ холера, и вотъ этотъ-то печальный опытъ не мѣшаетъ отказываться отъ еще вчера нужнаго передѣла, хладнокровно подвергать сосѣдей-товарищей той же тѣснотѣ и той же, быть можетъ, эпидеміи. Право, это не «по сусѣдски» и не по совѣсти.

Здѣсь не «по сусѣдски» и не по совѣсти поступлено константиновцами потому, что въ ихъ идиллическую жизнь вторглось постороннее вліяніе въ видѣ размежеванія и познакомило ихъ съ удовольствіями отдѣльнаго владѣнія. Вышло не хорошо. Слѣдовательно. еслибы вліяніе, хотя бы даже и постороннее, явилось сюда съ требованіями другого рода, съ поддержкою, положимъ, началъ общиннаго владѣнія, то и поступки константиновцевъ могли-бы быть другіе. И дѣйствительно, всякій разъ, когда власть или вообще лица и учрежденія рѣшаются поддерживать и ободрять въ на-

родѣ справедливыя побужденія совѣсти, эти побужденія начинаютъ обнаруживаться въ самыхъ повидимому заскорузлыхъ и омертвѣлыхъ сердцахъ. Въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ одной изъ волостей долгое время свирѣпствовалъ и грабилъ въ буквальномъ смыслѣ слова старшина, и міръ долгое время хотя и роптал на него, однакожъ своими мірскими сходами и приговорами потакалъ этому дѣятелю. Однажды міръ этотъ, видя, что старшина растратилъ мірскія деньги, выбралъ въ учетчики крестьянина, почти отъ старшины независящаго и самостоятельнаго. Крестьянинъ этотъ былъ богатъ, имѣлъ 100 дес. собственной земли, и ему нечего было бояться старшины. Онъ взялся за учетъ, раскрылъ всѣ плутни, словомъ, сдѣлалъ дѣло по совѣсти. Но старшина, какъ сказано въ отчетѣ о разбирательствѣ дѣла, *приказалъ* сходу составить приговоръ о ссылкѣ этого счетчика въ Сибирь, по какимъ-то совершенно нелѣпымъ мотивамъ. Приговоръ составили, а послѣ него посадили въ «холодную» все семейство счетчика. Въ «холодной» онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока жалоба его ходила въ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ. Втеченіе этихъ мѣсяцевъ у него былъ вырубленъ лѣсъ, разломанъ амбаръ и растащенъ хлѣбъ, а домъ сожженъ. Человѣкъ вышелъ почти нищимъ. Другое дѣло того же человѣка, сдѣланное при содѣйствіи мірянъ, состоитъ въ томъ, что, желая завладѣть всѣмъ имуществомъ одного крестьянина, онъ позвалъ одного изъ односельчанъ этого же мужика, заставилъ его дать вексель отъ имени того мужика, чьимъ имуществомъ онъ хотѣлъ завладѣть, повезъ этого мужика въ городъ, гдѣ тотъ у нотаріуса подтвердилъ, что онъ именно есть то самое лицо, за которое выдаетъ себя; это же подтвердилъ и извозчикъ, молодой мальчикъ, юноша, который участвовалъ во всѣхъ плутняхъ и гадостяхъ старшины. Дѣло наконецъ дошло до суда. На предварительномъ слѣдствіи всѣ показывали въ пользу старшины. Но вотъ начался судъ—и всѣ эти плуты и лже-свидѣтели почувствовали, что судъ касается ихъ совѣсти, *въ самомъ дѣлѣ* добирается до правды, до стыда, вдругъ наперерывъ другъ передъ другомъ выложили правду злодѣйства старшины, какъ на ладони.—«Теперь ужъ я тебѣ не поддамся!» говорилъ на судѣ, обращаясь къ старшинѣ, юнецъ-кучеръ! Даже волостной писарь, который въ сущности былъ указателемъ для старшины въ кляузничествѣ и умѣньи обойти законъ, и тотъ выболталъ все, и даже прибавилъ, махнувъ рукой: «Что творилось, такъ это сохрани Царица небесная!». Всѣ почувствовали, что судъ тянетъ за струну совѣсти, и она заиграла.

Еще интереснѣе другой эпизодъ, о которомъ я уже упоминалъ въ одной моей статейкѣ и который я разскажу здѣсь вкратцѣ. Нѣсколько солдатъ изъ полка, стоящаго въ Харьковѣ, шли съ унтеръ-офицеромъ во главѣ по какому-то служебному дѣлу; дорогой они подгуляли и перессорились; рядовые побили даже унтеръ-офицера. Началось дѣло. Но самъ унтеръ-офицеръ, не желая губить своихъ товарищей и пріятелей, просилъ ихъ показывать на судѣ, что этого ничего не было, и самъ показывалъ то-же, то есть, что его не били, и все это выдумано имъ такъ, зря. Пришлось принимать присягу, они приняли, и ихъ оправдали. Но въ войскахъ, какъ извѣстно, существуютъ нѣкоторыя особенныя требованія относительно военной *чести, присяги*,—требованія справедливыя, а потому рѣшительно для всѣхъ важныя. И вотъ эти самые солдаты, которые, будучи мужиками, подъ вліяніемъ и давленіемъ какого-нибудь гнуснаго волостного старшины, составили-бы, въ пьяномъ видѣ какіе-нибудь возмутительные приговоры, здѣсь, въ войскѣ, подъ вліяніемъ особеннаго значенія, какое имѣютъ для солдата присяга и честь, будучи оправданы, не вынесли сознанія, что оправданіе досталось имъ цѣной ложной присяги. Дня черезъ два они явились къ начальнику и объявили, въ чемъ они виновны. — «Просто даже невозможно было *терпѣть*!» сказалъ одинъ изъ нихъ, т. е. невозможно было перенести собственнаго обмана...

Давно, давно пора поддержать русскій народъ въ этихъ стремленіяхъ совѣсти, давно пора увѣрить его, что онъ *долженъ* проявлять ихъ смѣло и безбоязненно. И вотъ, когда сравнить, какъ поставлены требованія относительно того, какъ должно жить «по хорошему» въ нашей некнижной деревнѣ и деревнѣ сектантской, то разница между ними окажется огромная. Тамъ съ дѣтства, со школы къ человѣку предъявляются самыя строгія и широкія требованія относительно необходимости самаго безукоризненнаго житія, рисуются самыя справедливѣйшія отношенія, и затѣмъ сама жизнь на его глазахъ стремится по возможности все это осуществить; школа не разорвана съ жизнью; жизнь не разорвана съ администраціей и церковью. Церковь, моленный домъ—это одновременно и судъ по всевозможнымъ дѣламъ, и проповѣди здѣсь перерываются для разговора о житейскихъ уличныхъ дѣлахъ, а уличныя дѣла вторгаются въ проповѣди. Изъ такой школы можетъ выйти много хорошаго. Кулаки-міроѣды выходятъ не изъ этихъ школъ, а вопреки имъ. Нынѣшнее поколѣніе сектантскихъ учителей — люди старые, видѣвшіе крѣпостное право, солдатчину, палку, кулакъ-«скуловоротъ». Молодое поколѣніе, ничего этого незнавшее, быть можетъ, не остановится на томъ, до чего доработались ихъ отцы.

ЧЕРЕЗЪ ПЕНЬ КОЛОДУ.

I. Захотѣлъ быть умнѣй отца!

I.

— Тамъ, на кухнѣ, васъ спрашиваетъ какой-то мужчина,—сказала мнѣ какъ-то на-дняхъ работница, появляясь въ моей рабочей комнатѣ.—Вотъ какую-то бумагу велѣлъ вамъ прочитать... Не очень молодой ужъ... Даже ужъ довольно пожилой мужчина.

Работница вручила мнѣ бумагу и ушла.

Очень и очень была мнѣ знакома эта «бумага», засаленная продолжительнымъ пребываніемъ за пазухой невѣдомо откуда появляющагося «прохожаго» человѣка, случайнаго моего посѣтителя, и не безъ нѣкотораго непріятнаго ощущенія взялъ я ее въ руки: много, очень много перечиталъ я этихъ бумагъ съ тѣхъ поръ, какъ живу въ деревнѣ, и давно уже отвыкъ чувствовать любопытство къ произведеніямъ такого рода; эти желтыя чернила, отъ которыхъ слѣпнутъ глаза, и почти всегда невѣроятно исковерканный языкъ, надъ пониманіемъ котораго надобно въ буквальномъ смыслѣ слова «ломать» голову, а главное, всегда почти кляузное содержаніе этой «бумаги» — все это развило во мнѣ какое-то непріязненное, даже болѣзненное ощущеніе, ощущеніе боли въ вискахъ всякій разъ, когда какой-нибудь случайный посѣтитель, желая поговорить со мной, посылалъ впередъ себя эту засаленную бумагу.

«Кляуза! Непремѣнно какая-нибудь ехидная гадость!»—чувствуется мнѣ всякій разъ, когда я увижу этотъ протягиваемый мнѣ работницей засаленный лоскутъ. Горькій опытъ убѣдилъ меня, что хорошій, дѣльный, *порядочный* мужикъ не пойдетъ ко мнѣ за разговоромъ; онъ дѣлаетъ свое дѣло— некогда ему разговаривать, да и нечего мнѣ ему сказать: ничего я *въ его* дѣлахъ не понимаю и не знаю. Горькій опытъ убѣдилъ меня еще и въ томъ, что хорошій, порядочный мужикъ, желающій подумать, а по временамъ и поговорить «по хорошему» и о хорошемъ «вообче», не пойдетъ ко мнѣ не потому только, чтобы онъ былъ увѣренъ, что и по этой части, т. е. по части хорошаго разговора, я такъ же мало понимаю, какъ мало понимаю въ его крестьянскихъ дѣлахъ; нѣтъ, онъ знаетъ, что по части «хорошаго разговора» я могу быть ему полезенъ, что у меня книжки, что я въ газетахъ «вычитываю обо всемъ», и что вообще намъ съ нимъ есть много о чемъ поговорить по совѣсти; но зная все это, онъ все-таки не пойдетъ ко мнѣ, потому что чувствуетъ безплодность такихъ разговоровъ, чувствуетъ, что не тѣ времена *), чтобы *дозволять* себѣ даже мечтать по хорошему, что теперь времена стоятъ рыковскія, не свѣтлыя, не настоящія,—времена, которыя несомнѣнно пройдутъ, но съ которыми «по хорошему» ничего не подѣлаешь. Можно только сторониться отъ нихъ, «не касаться» этой рыковщины, гдѣ бы она ни проявлялась въ деревенской жизни: въ волостномъ судѣ, на сходѣ, въ кулацкомъ трактирѣ или на кулацкой попойкѣ; и вотъ почему не идетъ ко мнѣ порядочный мужикъ для хорошаго разговора: рыковщина вдвойнѣ страшна здѣсь, въ деревнѣ, гдѣ она груба, топорна, безчеловѣчна и ничѣмъ не прикрашена. Рыковщина страшна, какъ систематическое истребленіе во всѣхъ и въ каждомъ малѣйшаго проявленія чего-нибудь божескаго, совѣстливаго, умнаго, справедливаго. Рыковщина не только банковый грабежъ, *а умышленное истребленіе малѣйшихъ благородныхъ и справедливыхъ побужденій въ человѣкѣ.* Послѣднія двадцать пять лѣтъ тѣмъ и ужасны, что дѣло о правдѣ и неправдѣ стояло въ такомъ именно, а не иномъ положеніи. Неправду слишкомъ берегли, слишкомъ холили, дали ей полную волю, а правду слишкомъ жестоко, слишкомъ неумолимо истребляли въ малѣйшихъ ея проявленіяхъ и положительно на всѣхъ путяхъ. Если рыковщина городовъ не пускала въ банкъ порядочнаго человѣка, чтобы онъ не помѣшалъ дѣлать зло на десятки милліоновъ, то рыковщина деревень не пускала его ни въ ссудо-сберегательное товарищество съ грошевымъ оборотомъ, ни въ волостное правленіе, ни въ судъ, ни въ школу. Все, что втеченіе этихъ двадцати пяти лѣтъ имѣло стремленіе въ самомъ дѣлѣ дѣлать добро, приносить общественную пользу, все, что хотѣло дѣлать по правдѣ, совѣсти и чести, на какихъ бы отдаленнѣйшихъ и глухихъ мѣстахъ эти попытки ни осуществлялись и въ какихъ бы микроскопическихъ размѣрахъ ни проявлялись онѣ,— все это зорко, необычайно зорко, по звѣриному видѣла, носомъ чуяла рыковщина и стремилась истребить. Свѣтлое сознаніе, умъ, малѣйшія проявленія доброй воли, прямоты совѣсти, словомъ, малѣйшее проявленіе *души* — все это претило, бѣсновало зоологическій инстинктъ рыковщины, которая не церемонилась и пускала въ ходъ всякія средства: «всемогущій Богъ», «съ Божіею помощію», «помощь бѣднымъ и нищимъ», «расширеніе производства», «страданіе сердца», «шантажъ и подрывъ довѣрія», и т. д., словомъ — все, что можетъ заставить вѣрить, что на кровати лежитъ бабушка, а не волкъ въ бабушкиномъ чепчикѣ. И для чего все это? Для того же, для чего и волку нужно вѣчно рвать овецъ и вѣчно быть голоднымъ; въ этомъ рваньѣ, въ этомъ безплоднѣйшемъ истребленіи все содержаніе безсмысленной зоологической рыковщины,—рванье, грабежъ для рванья и грабежа; разворовавъ милліоны, рыковщина не научитъ даже дѣтей своихъ читать и писать; у ней нѣтъ фантазіи истратить эти милліоны; она можетъ только хватать ихъ, воровать и ввергать въ помойную яму... Ни замковъ она не выстроитъ,

*) Слова эти относятся къ недавнему прошлому.

ни морей не оживитъ, ни горъ не коснется и ничего ни изъ какихъ сокровищъ не извлечетъ. Чтобы быть *хорошимъ эгоистомъ*, нужна продолжительная наслѣдственность, нужна порода, а здѣсь наслѣдственность фантазіи хватаетъ только до паюсной икры и чистосердечнаго приношенія городничему: на милліонъ уже не хватаетъ этой фантазіи; но, несмотря на то, что фантазіи хватаетъ на полтинникъ, этому зоологическому типу, мужику безъ мужицкаго труда, нельзя остановиться въ грабежѣ и въ злѣ, нѣтъ другихъ формъ для проявленія самого себя, не угнетеннаго мужицкимъ трудомъ, а освобожденнаго отъ него... Волка сколько ни корми, какъ ни ухаживай за нимъ, но онъ уйдетъ въ лѣсъ голодать, выть и рвать всякую падаль.

Теперь, благодаря суду, стало ужъ ясно, что такое эта рыковщина и какая у нея суть нравственная, нравственная подоплека, облекаемая, смотря по обстоятельствамъ, какъ заячья шкура, то яко бы патріотизмомъ, то смиреніемъ, то волчьимъ оскаливаніемъ зубовъ, — теперь ясно, что рыковщина есть обманъ по отношенію къ существующему порядку.

Рыковщина отучила насъ всѣхъ—и мужиковъ, и не-мужиковъ — вѣрить и думать даже о томъ, что есть человѣкъ, душа, совѣсть, стыдъ, обязанность къ ближнему; отучила вѣрить, что не только нужно, а даже можно думать и дѣлать хорошо; какъ дважды-два доказала, что по хорошему поступать—страшно, опасно и не время. Вотъ почему и хорошій, честный, порядочный мужикъ притаился, приумолкъ, предоставивъ волю деревенской рыковщинѣ во образѣ грабительства, кулачества и кабачества. Порядочный крестьянинъ вѣритъ, что это не навсегда, что у торжествующей рыковщины будетъ конецъ — объѣстся и лопнетъ и ничего, кромѣ смрада, отъ нея не останется... А пока это еще будетъ, онъ идетъ мимо меня и не заходитъ: не къ чему разговаривать и разспрашивать — «еще не отъѣлись, чавкаютъ еще!» — думаетъ онъ — «пущай, апосля приду!..» Раза два-три, правда, заходили ко мнѣ такіе хорошіе мужики — спросить, скоро-ли откроется банкъ крестьянскій, да какія правила насчетъ лѣсныхъ торговъ, и больше кажется не было у меня хорошихъ посѣщеній... А вотъ кляузникъ идетъ! Чуетъ онъ носомъ, что теперешній образованный, грамотный человѣкъ, который газету читаетъ, долженъ понимать, гдѣ раки зимуютъ... Онъ знаетъ старую, заскорузлую кляузу, произошелъ, и новую, деревенскую знаетъ—такъ вотъ нѣтъ-ли, думаетъ, еще какого-нибудь иного новаго манера, чтобы оформить по новому заскорузлую кляузу, выскочить чрезъ и сквозь всѣ древнія и новыя кляузы еще выше, подъ самый, такъ сказать, переметъ неправды?.. Не виню я этихъ тварей за такое мнѣніе о баринѣ,—баринъ, къ несчастью, очень и очень мало заявляетъ себя передъ мужикомъ съ хорошей стороны, — но все-таки типъ деревенскаго кляузника для меня въ такой степени противенъ, что одно появленіе бумаги, въ которой я привыкъ видѣть непремѣнно вступленіе въ обширнѣйшій кляузный разговоръ, одинъ запахъ этого лоскута, валявшагося за пазухой кляузника вмѣстѣ съ кучей другихъ кляузныхъ «скопій» и документовъ, этотъ большею частью умышленно запутанный и омерзительный языкъ, эти блѣдныя каракули, запятнанныя чернилами, масломъ и грязью, — все это давно ужъ стало возбуждать во мнѣ физическое отвращеніе, боль головы, груди... Вотъ почему я, по уходѣ работницы, принесшей мнѣ бумагу, не могъ не раскаяваться въ своей неосторожности: зачѣмъ я взялъ эту гадость? Но такъ-какъ бумага была уже въ рукахъ, то волей-неволей я прочиталъ ее. Вотъ что было нацарапано на ней:

«18** году двадцать пятаго числа марта мѣсяца бывши я крестьянинъ сопсвеникъ деревни Кубышки Чихалковской волости Купреянъ Муравушкинъ бывши во храмѣ святыя Софіи въ Новѣ градѣ при служеніи соборне имѣлъ мысли о себѣ самомъ и о Расеи и о прочемъ и тогда впавъ въ состояніе слезъ и даже до обморока въ безчувствіи на весь храмъ произносилъ необыкновенныя слова горести весь въ слезахъ и не могу даже остановиться по случаю вдохновенія до изнеможенія и языкъ мой стало тянуть взадъ къ затылку и упалъ въ безпамятствѣ. Іерей же Іоанъ Лисицынъ засвидѣтельствовалъ съ теченіемъ времени выздоровленія, о дивныхъ словахъ кои были мною возвѣщены вдохновеніемъ, и золотыми буквами на поученіе заблудшему народу изъявлялъ опубликовать, но я даже не могу найдти и вспомнить тѣхъ словъ. И было со мною въ теченіе времени шестьдесятъ восемьлѣтъ необыкновенныхъ вдохновеніевъ тріе: первое—на съѣздѣ дворянства, второе—въ поученіи сыну моему художнику Симеону Муравушкину, а третье ве храмѣ св. Софіи о чемъ покорнѣйше доношу вашему сіятельству, какъ даровано мнѣ отъ Бога вдохновеніе, то покорнѣйше прошу не оставить безъ вниманія. Кр. с. Кубышки» и т. д.

Прочитавъ эту тарабарщину, я все-таки чувствовалъ, что есть тутъ какая-то гадость, или вообще что-то старое, уродливое, нелѣпое, хотя прямой, видимой кляузы нѣтъ. «Что ему нужно?»—думалось мнѣ. Но пока я раздумывалъ, работница опять явилась въ моей комнатѣ и со словами: «Пущать, что ли, его?» впустила въ комнату незнакомаго посѣтителя, не дожидаясь моего отвѣта.

II.

Вошелъ длинный, сухощавый пожилой человѣкъ съ смиреннымъ выраженіемъ какого-то тусклаго лица, съ гусиными маленькими красноватыми глазами, и «первымъ долгомъ» съ благоговѣніемъ помолился на образъ; въ его опрятненькомъ, крытомъ чернымъ сукномъ тулупчикѣ, тщательно подпоясанномъ кушакомъ, въ его манерѣ держать себя такъ, чтобы вы чувствовали, что онъ не просто пришелъ къ вамъ, а «предсталъ передъ вами», опять мелькнуло мнѣ что-то непріязненное, не просто крестьянское, а опять-таки кляузное и

ехидное. При ближайшемъ знакомствѣ, всѣ эти подозрѣнія мои вполнѣ подтвердились, хотя ехидство и кляузничество этого человѣка были особенныя, имѣли не личный характеръ, а, такъ сказать, государственный: онъ вообще кляузничалъ на существующій порядокъ во имя благоговѣнія предъ старымъ, въ которомъ для него все свято и совершенно.

— Осмѣлюсь доложить вашему высокородію, что я съ тысяча восемьсотъ сорокъ шестого года и до реформы, и даже послѣ реформы завсегда былъ на первомъ счету у высшаго начальства. Я живу при третьемъ императорѣ и, благодареніе Создателю, всегда былъ примѣрнаго поведенія! И господа управляющіе палатъ, окружные начальники, а впослѣдствіи времени мировые посредники завсегда становили меня на первый планъ. Потому я какъ отъ Бога награжденъ даромъ ума и совѣсти, то я не послаблялъ ни въ единомъ мгновеніи... У меня подати, сборы, повинности—ни Боже мой, чтобы запоздать или что̀—никогда! Я себя не помнилъ, не зналъ, какой я есть человѣкъ самъ по себѣ: рюмки водки не выпилъ, но стоялъ, какъ сторожъ на часахъ, при начальникѣ... Этого безобразія не было, какъ теперь! Я, старшина, или будучи головой, встану до свѣту—вижу, кто что̀ дѣлаетъ... кто въ кабакъ идетъ, кто на работу—и не потерплю... Я знаю, на какія деньги у кого что куплено.—«Это откуда у тебя салопъ?» — «Тятенька купилъ».—И этого довольно. Я знаю, на какія деньги купленъ салопъ; онъ, тятенька, что-нибудь продалъ въ хозяйствѣ, а этого я не попущу. Я разыскиваю его, допрашиваю, и ежели вижу, что точно продалъ что-либо хозяйственное, то немедленно же и жестоко накажу, не взирая; салопъ сниму и вновь обращу его въ лошадь или корову и не дамъ (это слово онъ сказалъ съ такой энергіей, что затрясся весь), не дамъ своевольничать, не дозволю!

При послѣднихъ словахъ онъ такъ воодушевился, что даже вспотѣлъ и отеръ лицо синимъ набойчатымъ платкомъ.

— У меня по волости вотъ этакой соринки не было непорядку!.. За версту кланялись и шапку ломали, не то, что теперь дозволяется всякое непочтеніе и нахальство! Я имѣю двѣ медали и почетный кафтанъ, и даже жена моя удостоилась получить почетный шугай отъ высшаго начальства за примѣрное домашнее поведеніе и строгость, что ни малѣйше ни въ чемъ даже не послабляла!.. И когда началась реформа, тогда даже начальникъ губерніи, при личной бытности въ моемъ домѣ, взявши меня вотъ за это самое мѣсто (гость осторожно взялъ меня за плечо)—«только, говоритъ, на тебя и есть надежда; поддерживай господъ, не давай воли мужикамъ, ты, говоритъ, понимаешь, что есть Богъ, который установилъ уставъ и правила,—такъ ты и не послабляй...» Такъ я восемь лѣтъ почитай не спалъ какъ слѣдуетъ и восьми ночей, потому-что началось развращеніе, пьянство, своевольство... Бога никто не признавалъ, не почиталъ, и никто объ этомъ внушеній не дѣлалъ; бывало, со всѣхъ концовъ кажинный Божій день идутъ бумаги: «такіе-то мужики не идутъ ко мнѣ на работу»; «такой-то сдѣлалъ грубость, обругалъ моего приказчика»; «сего числа у меня украли двухъ кохинхинскихъ куръ и цыпленка голландскаго, почему прошу взыскать по всей строгости закона». Не пиши, не ѣшь, по горячимъ слѣдамъ во мгновеніе ока вездѣ былъ и порядокъ утверждалъ безкорыстно... Самъ въ помои руку запущу, вытащу оттедова куриныя ноги и головы, тотчасъ обличу, разыщу—кто былъ, кто ѣлъ, кто воровалъ, и черезъ два часа у меня готова расправа. Ежели бы не я, такъ что̀ бы тутъ было! А будетъ еще хуже, идутъ времена зловѣщія, народишко распустивши, не знаетъ правиловъ, забылъ Бога и пользуется своимъ неуваженіемъ къ начальникамъ! Смѣнили меня своею властію, а предпочитаютъ пьяницу, но Господь ниспровергнетъ ихъ и въ ничтожество произведетъ!.. Когда мировой посредникъ, его сіятельство графъ Зайцевъ-Волчищевъ, оставлялъ постъ, то рыдалъ и обливался слезами:—«Безъ тебя, Муравушкинъ, должны прекратиться порядки и строгость, и народъ, забывши Бога, долженъ впасть въ развратъ». Оно теперь и у вашего высокаго благородія вполнѣ на виду... И я самъ претерпѣлъ со слезами отъ сына моего родного... Вотъ извольте почитать... Здѣсь все описано вполнѣ, для опубликованія по всей Россіи.

Все время онъ трясся отъ волненія и трясущимися руками подалъ мнѣ тетрадку, вытащивъ ее изъ-за пазухи.

— Даже сынъ мой родной—продолжалъ онъ трястись—увѣнчалъ мои дни оскорбленіемъ отца своего! до того дошло послабленіе и развращеніе начальства!

— Какъ развращеніе начальства? спросилъ я его довольно строго.

— То-есть развращеніе ума, ваше высокое благородіе, непочитаніе родителей, Бога, и нисколько нѣтъ страху! Человѣчество сдѣлалось подобно стаду безъ пастыря, не зная Бога и страха предъ Его лицомъ: все развращено и погрязло въ неповиновеніи... Я всю жизнь трепеталъ предъ Всевышнимъ и предъ начальниками, кои поставлены Богомъ, и теперь терплю за правду... Здѣсь въ книжкѣ все сказано!.. Какъ послѣ увольненія моего изъ старшинъ взиралъ я на попраніе божескихъ и человѣческихъ правиловъ, когда видѣлъ я ниспроверженіе закону, то у меня слеза не высыхала изъ глубины сердца! Я цѣлыя ночи стоялъ на колѣняхъ въ молитвѣ, но, увы! сынъ мой—и тотъ ниспровергъ престолъ Господень въ сердцѣ своемъ. Не говоря о скоромной пищѣ, которую съ наглостію дозволялъ себѣ, но даже отца ниспровергъ!

— Какъ же это случилось?

— Содрогается душа моя, какъ подумаю!.. Будучи головой, старшиной и вполнѣ взысканъ отъ высшихъ начальниковъ за мою религіозную душу и поступка строгости безъ послабленія, я замѣтилъ въ сынѣ моемъ черту, и по совѣту господина мирового посредника, его сіятель-

ства графа Зайцева-Волчищева, отдалъ его въ живописное мастерство, такъ какъ замѣчено было въ немъ стремленіе, и былъ въ надеждѣ на утѣшеніе... Но развращеніе и забвеніе Бога сокрушаютъ всѣ преграды!.. Россія должна чрезъ это погибнуть... Я и сейчасъ посѣщаю начальниковъ, и завсегда мнѣ первое мѣсто, и мнѣніе мое—первое. И я, не хвастаясь, скажу, что умъ во мнѣ очень огромный: я вижу гибель.. Я доводилъ до высшаго начальства, но Господь не похотѣлъ, дабы дьяволъ былъ побѣжденъ!., Вотъ, ваше высокое благородіе, почему въ горестяхъ и въ содроганіи сердца моего троекратно впалъ я во вдохновеніе!.. Впервые—на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ, когда прочіе высокіе господа высказывали взгляды, то я всталъ и въ полномъ безуміи, такъ какъ явное было наитіе, провозгласилъ о ниспроверженіи закона. И такъ великолѣпно произносилъ—но теперече словъ не упомню—что его сіятельство графъ Зайцевъ-Волчищевъ опослѣ того взялъ меня такъ-то за это мѣсто (опять прикосновеніе къ моему плечу) и публично отрекомендовалъ: —«Вотъ золотыя уста поселянина, которыя спасутъ насъ!..» Такъ я даже не могу вспомнить моихъ словъ: такое было восхищеніе!.. А второе вдохновеніе было во храмѣ, какъ я описалъ въ бумагѣ, и тоже съ огорченія души возопилъ о социлистахъ публично, и отецъ Іоаннъ утвердилъ мнѣніе, что устами моими глаголетъ Господь! Но дьяволъ превозмогаетъ! Подавалъ даже въ третье отдѣленіе, но отвѣта не имѣю... И въ третій разъ—по случаю разврата сына моего—чувствуя Господа Вседержителя, глаголющаго устами моими, я уже все подробно рѣшился записать—и вотъ книга. Извольте почитать, и не возможно ли будетъ опубликовать повсемѣсто для имперіи? А иначе все должно погибнуть! Правда Божія въ забвеніи, развратъ, непокорство, постовъ не соблюдаютъ, не почитаютъ родителей и начальниковъ. Это все есть противъ Бога нашего, и козни дьявола превозмогаютъ законъ Бога живого... Извольте почитать, какія изложены мысли. Его сіятельство графъ Зайцевъ-Волчищевъ чистосердечно увѣрялъ, что надобно опубликовать, дабы было почтеніе и уваженіе вновь установлено... Извольте почитать, будьте такъ добры!...

Взволнованный сынъ отечества вновь утеръ потное лицо, взялъ изъ моихъ рукъ свою тетрадку и, раскрывъ ее на извѣстномъ мѣстѣ, сказалъ:

— Вотъ отъ этихъ поръ извольте почитать!

Вотъ что тамъ было написано:

Вдохновеніе Всевышняго чрезъ бывшаго волостнаго старшину Купріана Муравушкина сыну моему семену для вразумленія отъ развратныхъ поступковъ.

Сынъ мой Симеонъ!

Господь вседержитель Адонаи саваофъ въ первый самый день отъ сотворенія свѣта, когда сотворены были рыбы и птицы, а впослѣдствіи того времени человѣкъ и жена его изъ ребра—Создатель и промыслитель нашъ І. Христосъ, на горѣ Хоривѣ утверди законъ: Чти отца своего. Спрашиваю я тебя, бывшій сынъ мой Симеонъ, каковымъ въ настоящее время тебя не считаю, ежели господь утвердилъ законъ, то я какъ отецъ твой—покоряюсь закону его, но ты какъ сынъ—то для тебя законъ—*я*! твой отецъ; мнѣ же законъ—Богъ, творецъ, вседержитель—тебѣ же законъ *я*, ибо я тебя сотворилъ такожде какъ бы рыбу или птицу или пресмыкающую тварь. Больше ста двадцати пяти рублей серебромъ издержано мною на твое просвѣщеніе, не касаясь обуви и одежи, каковая позимнему была справлена и полѣтнему положенію; харчей же, яицъ, гусей, а по грибной и по капустной части, которые твоему наставнику препровождены, я съ великодушіемъ не утруждаюсь вспоминать. Но ты, забывши законъ Господень, ниспровергши святаго духа, обуялъ себя форцемъ гордости и непочтенія. Не говоря, что подобно безсловесной свиньѣ ничего не стоитъ облапить кувшинъ съ молокомъ или подобно какому звѣрю обжорствовать куринымъ мясомъ, оскверняя сердце и душу въ постный день—не упоминаю объ этомъ! Отвѣтъ твой будетъ на страшномъ судѣ христовѣ! Но спрашиваю тебя: что же я для твоего гордаго ума? Не безсмысленный ли ты человѣкъ, утверждая въ себѣ, что на отца можно наплевать? Гдѣ, спрошу тебя, двадцать три рубля серебромъ, какъ мною дознано стороною, взятые за патретъ купца Ивана Ларивонова? Принесъ ли ты ихъ отцу твоему, который тебѣ далъ существованіе не подобное пресмыкающему, но просвѣтилъ изъ своихъ послѣднихъ кровныхъ достатковъ? Не говорю тебѣ: сынъ Семенъ! но называю тебя: Жало! гдѣ твоя побѣда? Въ твоемъ гордомъ образованіи невозможно для тебя онной побѣды отыскать: если бы со всего свѣта собрать ученыхъ и книги, то и тогда отецъ твой превыше всѣхъ долженъ быть, такъ какъ господь глаголетъ его устами, и никакая сила адова меня не сокрушитъ, хотя бы ты просвѣщалъ себя сто лѣтъ. Я уже просвѣщенъ Создателемъ какъ твой отецъ и заблаговременно уже знаю, что въ ожиданіи возобновленія *Формозы*, Вакери, въ Одеонѣ даютъ драму Жанна Марраса семейство дармель никто не знаетъ какъ онъ овдовѣлъ, но сынъ его Октавъ не помнитъ своей матери. Этотъ сынъ недавно женился и уже обманутъ своею женою Ирена такъ зовутъ ее, собирается бѣжать съ красивымъ офицеромъ гонтраномъ де морваленъ. Отецъ напрасно вызываетъ любовника, между тѣмъ узнаетъ о своемъ несчастіи, готовый исполнить совѣтъ Александра Дюма сына «убей ее!» или ты, безумецъ, осмѣливаешься думать, что я такъ глупъ по твоему высокому уму, что мнѣ неизвѣстно когда отецъ Гонтрана схвативъ топоръ бросается въ одну изъ дверей, куда должна войти Ирена? Глупое твое высокоуміе!

— Что за чепуха такая?—невольно сказалъ я вслухъ.

— Въ какомъ мѣстѣ-съ?

— Да вотъ тутъ .. Тутъ что-то, кажется, чужое у васъ?

— Это-съ? Это дѣйствительно чужое... не мое...

То, все прочее моего вдохновенія, а это дѣйствительно взято изъ книжки... Я взялъ тогда, что подъ руку попало... Не разбиралъ-съ! Потому-что мнѣ надобилось хоть бы мало его затмить...

— Вотъ видите, — сказалъ я не безъ нѣкоторой грубости, — вы все о строгости, о правдѣ, о развращеніи толкуете, а сами поддѣлкой занимаетесь... Сами не знаете, что написано въ книгѣ, а хотите изумить, будто все знаете!

— Нѣтъ, нѣтъ! Противъ вашихъ словъ ничего не могу сказать! Извлекалъ безъ смысла, это вѣрно, что тамъ написано—не могу знать. Чего не знаю, того ужъ, прямо вамъ докладываю, не знаю! А что дѣйствительно надобно было мнѣ его изумить: «пускай, думаю, не пойметъ этихъ словъ—авось задумается, уважать будетъ!» увѣруетъ, что отъ Бога мнѣ много дано! Ежели сказать чистосердечно, какъ предъ Богомъ, такъ взялъ онъ на себя такую дерзость, что я для него сталъ въ дурацкомъ званіи—больше ничего! Такъ ужъ тутъ мнѣ надобно было какъ-никакъ стараться нагнуть его башкой-то, чтобъ не дралъ головы-то пустой... Я вѣдь, ваше высокоблагородіе, отецъ: я на него расходовалъ больше ста двадцати пяти рублей, не касаясь харчей, обуви, одежи... Близу двухъ лѣтъ я ему дозволялъ обучаться живописи у живописца на Гороховой... Но и въ два года уже въ него проникъ социлизмъ, неповиновеніе... Я его хочу брать домой, а ужъ онъ храпитъ: «Хочу учиться!» Я говорю: «Когда отецъ тебѣ говоритъ: «довольно», то слѣдовательно это прямо отъ Бога, и мнѣ старику, лишивши я доходовъ, нужно утѣшеніе отъ сына, спокойствіе, и я могу сказать «довольно!» Но онъ и тогда сопротивлялся и храпѣлъ... А когда я принужденъ былъ его вытребовать и водворилъ его въ моемъ домѣ, то не только хотя бы стремился принести домой рубль серебромъ и подарить отцу, отказалъ даже патретъ мой списать, а предполагалъ, что по нынѣшному своевольному времени будетъ просвѣщеннѣе рисовать котовъ и пѣтуховъ, или дерево, но не отца своего, отъ котораго произошло самое существованіе. Я для него оказался глупѣй послѣдней собаки безхвостой. Даже злодѣемъ провозглашалъ публично въ пьяномъ видѣ... Такъ мнѣ надобно было его ошеломить-то хоть чѣмъ-нибудь... Въ послѣднее время едва-едва вогналъ въ церковную живопись — не идетъ! «Я, говоритъ, дальше хочу, ты меня погубилъ...» Вотъ какъ дьяволъ-то его обуялъ!.. И нигдѣ нѣтъ управы: отецъ для нынѣшняго вѣка хуже мочалки... Ежели меня родной сынъ становитъ дуракомъ, когда я всю жизнь отъ первѣйшихъ начальниковъ почтенъ, такъ мнѣ надо ему доказать. Вотъ я выхватилъ у него книгу—натащилъ онъ ихъ цѣлый сундукъ—и употребилъ въ серединѣ, незамѣтно...

— Что же онъ?

— Будто какъ немножко осѣлъ, потишѣлъ, поглядѣлъ эдакъ на меня... Ну, а потомъ еще хуже сталъ, довелъ меня до послѣдняго предѣла... Да вотъ вы извольте почитать... Тамъ все прописано въ тетради... Сколько я претерпѣлъ ущербу! Только единый Господь былъ моей опорой! Извольте-ка почитать, а я покамѣсть васъ не буду безпокоить... пока что, погляжу ваше заведеніе.

И гость ушелъ осторожными, кошачьими шагами.

III.

Не могу выразить, до какой степени измаяли меня эти безконечные толки деревенскихъ стариковъ о непорядкахъ, о развращеніи, объ отсутствіи строгости. Всѣ эти люди, еще не забывшіе помѣщичью или начальническую палку, муштровку—во всей многосложности новыхъ явленій народной жизни, многосложности непривычной и во многомъ совершенно новой—видятъ только бѣду въ недостаточномъ употребленіи палки, и вездѣ суютъ ее, какъ вѣрнѣйшее средство отъ всѣхъ общественныхъ деревенскихъ недуговъ. Осеннее дранье изъ-за податей идетъ неукоснительно, ничуть не убавляясь съ годами; выраженіе —«постановили: наказать 20 ударами розогъ» положительно встрѣчается на каждой страницѣ рѣшеній волостного суда. Въ нынѣшнемъ году, напр., неурожай по всей губерніи; не только ничего не уродилось, но погнило отъ дождей на корню то, что обѣщало уродиться; подати стали, и что-же? Ѣдутъ почтенные старцы со старшиной брать росписки «къ розгамъ». Ежели къ 21 числу не будетъ денегъ представлено, то долженъ явиться въ волость для тѣлеснаго наказанія. И являются, а тамъ сѣкутъ въ волости. Нѣтъ у нихъ ничего кромѣ палки для рѣшенія большихъ общественныхъ дѣлъ, и согласія по большимъ общественнымъ дѣламъ еще нѣтъ. «Старикъ» вообще еще дѣйствуетъ и главенствуетъ на міру, и мужикъ лѣтъ сорока—самый молодой изъ мірскихъ дѣятелей. Но ужъ есть поколѣніе не драное, не поротое, видѣвшее не мордобойную школу, а хорошую книжку, и крѣпко думающее; и лучшее деревенское будущее, несмотря на всѣ непригляднія стороны настоящаго, уже чувствуется вами.

Какъ-то мнѣ пришлось пересмотрѣть въ волостномъ правленіи за много лѣтъ книги для записки рѣшеній старинныхъ расправъ и нынѣшнихъ волостныхъ судовъ по дѣламъ тяжебнымъ и «по проступкамъ», и несмотря на то, что выраженіе: «къ наказанію 20-ти ударовъ»—за неплатежъ податей, за дерзость, за драку, за пьянство или мелкое воровство—положительно пестритъ страницы рѣшеній волостныхъ судовъ, все-таки въ концѣ-концовъ я думаю, никто даже изъ приговариваемыхъ къ 20 ударамъ не промѣняетъ теперешнихъ порядковъ, противъ которыхъ можно кричать и вопіять, на образцовое благообразіе порядковъ стараго времени, неусыпными держателями которыхъ были люди того мужицко-чиновничьяго типа, образцомъ котораго можетъ служить мой гость, Купріянъ Муравушкинъ.

Перелистывая протоколы засѣданій старой «расправы», цѣлые мѣсяцы иногда не встрѣчаешь ничего, кромѣ краткаго заявленія въ такомъ родѣ: Н—ская сельская расправа имѣла сего числа непремѣнное засѣданіе въ присутствіи старшины и

добросовѣстныхъ, и какъ съ жалобами и доносами никого не явилось, то занимались чтеніемъ узаконеній и въ два часа пополудни присутствіе закрыто». Такія присутствія собирались каждую недѣлю; на протяженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ вы видите только эту неизмѣнную запись: ни жалобъ, ни доносовъ— ничего, чѣмъ изобилуетъ настоящій волостной судъ.

Жалоба мелькаетъ изрѣдка и всегда даетъ вамъ доказательство того, что въ прежнее время точно было ухъ какъ строго по части требованій отъ человѣка, чтобы онъ ни о чемъ, кромѣ какъ объ исполненіи своихъ мужицкихъ обязанностей, не мечталъ. Старшина Муравушкинъ (тотъ самый, который явился ко мнѣ съ повѣствованіемъ о своихъ вдохновеніяхъ) значится утверждающимъ своею подписью грозныя рѣшенія по дѣламъ нарушенія мужицкихъ обязанностей. Я розыскалъ подлинное дѣло о салопѣ и лошади, о которомъ онъ упоминалъ въ разговорѣ, и вотъ что тамъ сказано: «Н—ская расправа, *по предложенію сельскаго старшины*, разбирала дѣло о кр. д. Чихалово, Василіѣ Нестеровѣ, который, по замѣчанію его, всегда обращается къ праздности, лѣности и чрезъ то неисправно платитъ общественные сборы и сверхъ того разстраиваетъ собственное хозяйство продажею необходимо нужнаго ему скота и употребляетъ вырученныя деньги на предметы роскоши, именно: до свѣдѣнія старшины дошло, что съ мѣсяцъ тому назадъ онъ продалъ г. инженеръ-полковнику корову за 20 руб. и деньги употребилъ на покупку нарядной шубы для своей дочери... *Постановили:* за продажу *безъ надобности* коровы, на осн. 188 ст. сельск. суд. уст., а равно за нерадѣніе, лѣность и разстройство своего хозяйства, по статьѣ 179, наказать 16 ударами розогъ».

Мелькнетъ такое доказательство необычайной зоркости тогдашняго попечительнаго начальства разъ въ полгода, и опять цѣлые другіе полгода идутъ краткія извѣстія, что собирались въ непремѣнное присутствіе, читали узаконенія, а жалобъ не было. Очевидно, что былъ какой-то порядокъ, если такія мелочи, какъ продажа коровы безъ надобности, наказывались и карались... Но это не такъ. Послѣ цѣлаго ряда страницъ, рисующихъ тишь и гладь, трудолюбивую жизнь поселянъ и бдительность начальства, вдругъ выскакиваетъ такая страница: «Н—ская расправа слушала предложеніе сельскаго старосты о наказаніи за соблазнъ и дурное поведеніе уличенныхъ въ непотребной жизни: 1) вдову Агафью Ѳедорову, 2) сестру ея, дѣвицу Анну Ѳедорову, 3) Псковской губерніи дѣвку государственныхъ имуществъ, Настасью Иванову, 4) Витебской губерніи крестьянскую дѣвку Федосью Никифорову и 5) крестьянина Боровичскаго уѣзда Александра Платонова, такъ-какъ Агафья Ѳедорова уличена въ открытіи у себя непотребнаго дома и сама тутъ же способствуетъ, а Анна Ѳедорова, ея сестра, и другія — собственно для этого дѣла въ домѣ Ѳедоровой проживаютъ... Вдова Ѳедорова показала, что она, по случаю неимѣнія мужа своего, занимается такими дѣлами и для чего придерживаетъ дѣвокъ... Дѣвки подтвердили, что не имѣютъ себѣ постоянныхъ любовниковъ, а продолжаютъ вообще... Постановили: 6 дней чистить мусоръ около церкви, а ночевать въ холодной».

Выскочитъ такая страничка — и видите вы, что старинныя тишь и гладь были не вполнѣ образцовыя. Ни жалобъ, ни кражъ, ни обидъ — однѣ только хозяйственныя погрѣшности, а между тѣмъ въ такомъ-то образцовомъ селеніи существуетъ вполнѣ «форменный» домъ, заведеніе, чего при теперешнемъ якобы развращеніи нравовъ пока даже въ поминѣ нѣтъ. Есть распутство, но безъ такой правильной, городской организаціи — и когда? когда, по словамъ Муравушкиныхъ, только и дѣлали, что Бога чтили...

Тишь и гладь сильно начинаютъ мутиться по мѣрѣ того, какъ время приближается къ шестидесятымъ годамъ. Тщательно-каллиграфически записываемые прежде протоколы о томъ, что жалобъ не было и т. д., теперь начинаютъ записываться все хуже и хуже—рукѣ надоѣло строчить эту ерунду; иногда вы видите, что рука пьяна, царапаетъ каракули во всю страницу: «въ непремѣнномъ засѣданіи членовъ, а равно проступковъ и жалобъ не было, почему въ два часа присутствіе закрыто для чтенія проступковъ и узаконеній». И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: случается полное отсутствіе записей или жалобъ безъ всякаго рѣшенія; наконецъ послѣднія страницы съ чернильными пятнами, каракулями судейскихъ подписей и покачивающимися направо и налѣво крестами безграмотныхъ судей отдаютъ явнымъ развращеніемъ нравовъ... Кресты эти — знаки могилъ старыхъ порядковъ старыхъ людей и всего чернильнаго благолѣпія... Послѣднія страницы совершенно пусты: въ глубинѣ ихъ покоится бездыханный дореформенный клопъ.

Но съ 1861 года жалобная книга совершенно измѣнилась: точно хлынула со всѣхъ сторонъ полая вода жалобъ, обидъ, оскорбленій, требованій; владѣльцы имѣній, мужья, жены, отцы и дѣти— все принялось вопіять и жаловаться, все изливало свои бѣды.

«Вчерашняго числа—пишетъ мировой посредникъ—крестьяне (такіе-то) вечеромъ буйствовали, и когда караульщикъ ихъ унималъ, то они ему сопротивлялись и безчинствовали, а потому предписываю тебѣ...», и т. д.

«20 сентября—пишетъ посредникъ—крестьяне (такіе-то), а равно и поваръ, служащій у меня, Тверской губерніи и уѣзда, Иванъ Андреевъ, уличены въ кражѣ у меня вечеромъ курицы и пѣтуха кохинхинскихъ и цыпленка голландскаго, а равно— въ жареньи ихъ въ моей кухнѣ и ужинѣ ихъ вмѣстѣ съ водкою на моей же кухнѣ, вслѣдствіе чего предписываю тебѣ...»

«Крестьяне селенія Н., бывшіе мои крѣпостные, отказались идти на работу и грубыми ругательствами обозвали моего управляющаго, почему, доводя до свѣдѣнія, прошу на основ... по всей строгости закона...»

«Крестьянинъ с. Ч. (имя рекъ) жалуется на

крестьянина Алексѣева о нанесеніи ему обиды ругательными словами, называя безсовѣстнымъ, говоря: «ты дешевле меня стоишь»... почему прошу взойти... объ удовлетвореніи меня»...

«Крестьянинъ Н. жалуется о нанесеніи ему обиды крестьянскою дѣвицею Анною Егоровою и разныхъ неприличныхъ словъ съ нанесеніемъ удара... почему взойдите въ защиту...»

«Крестьянка д. Н. Наталья Яковлева жалуется на крестьянина той же деревни о нанесеніи ей побоевъ, причемъ Наталью отъ Никиты отнялъ даже Петръ Михайловъ, а почему взойдите...»

«Крестьянка Матрена Сидорова жалуется на мужа своего о нанесеніи ей увѣчій и побоевъ, на что отвѣтчикъ показалъ, что онъ побоевъ ей не наносилъ, а какъ она не послушна, то соглашается, чтобъ она отошла отъ него прочь, на что и Сидорова согласилась».

«Крестьянская дѣвица Ольга Федорова проситъ на крестьянина Михайлу Иванова, что онъ обѣщалъ ее взять въ замужество, чрезъ что она оказалась беременна, на что отвѣтчикъ показалъ, что на союзъ не склонялъ, а болѣе потому, что она была въ союзѣ съ Дмитріемъ Михайловымъ, но миролюбно готовъ заплатить Ольгѣ 60 руб. въ три срока».

«Крестьянка Татьяна Терентьева проситъ на крестьянина Василья Яковлева о нарушеніи перваго числа октября на Покровъ чести дочери ея Настасьи, которая въ настоящее время находится беременною, и обѣщался взять въ замужество, и на сію любовную связь имѣется у нея письмо Василія, на что Василій показалъ, что за связь съ Натальей имъ уплачено ей три рубля серебромъ, но въ замужество ей не обѣщался, а письма имъ писаны собственно въ насмѣшку».

«Крестьянка д. Тушино проситъ поступить съ мужемъ ея по закону о нанесеніи побоевъ, а также и о томъ, что ей не даютъ жить въ людяхъ, а потому и проситъ сдѣлать распоряженіе—ежели пожелаетъ мужъ жить, то безъ свекрови, а ежели не пожелаетъ, то она жить съ нимъ не согласна».

«Жена крестьянина Марья принесла жалобу на мужа своего Андреяна въ нанесеніи побоевъ и похваляется отомстить мнѣ и пусть выдастъ мнѣ паспортъ, на что мужъ ея показалъ, что побоевъ онъ не наносилъ, а что вышла жена его на улицу для свиданья и переговоровъ съ крестьяниномъ, служащимъ на желѣзной дорогѣ, съ которымъ имѣетъ грѣхъ, и когда я сталъ звать домой, то они скрылись, и на другой ужъ день она принесла жалобу о побояхъ, на что крестьянка Марья объяснила, что къ мужу она не пойдетъ и чтобы далъ паспортъ».

«Крестьянинъ Семенъ проситъ на родного брата своего Никиту о недачѣ ему навозу, и чтобы Никита не дѣлалъ ему побоевъ, на что Никита показалъ, что брата своего онъ не намѣренъ бить, а нечаянно махнулъ возжами и попалъ Семену по губамъ, а Семенъ началъ бить его палкой... Свидѣтели показали, что между ними идетъ обоюдная драка ужъ пятый разъ, а четвертаго іюля они ходили другъ на друга съ вилами».

И такъ далѣе до безконечности: все зашаталось, все рвется изъ тисковъ, изъ нескладныхъ условій, требуетъ *своего*: все это, задохнувшееся въ деспотизмѣ свекрови, отца, мужа, жены, брата, рвется на свободу, не хочетъ покоряться и, вырвавшись, усиливаетъ сумятицу то кабацкимъ безчинствомъ, то кражей съ голодухи, то кражей для смѣха, то дерзостью для смѣха и для собственнаго удовольствія, и надо всѣмъ этимъ столпотвореніемъ въ ужасѣ стоятъ мочальныя фигуры начальниковъ, не вѣдающихъ никакихъ средствій, кромѣ палки, вопіющихъ о развращеніи нравовъ, вопіющихъ о томъ, что страха нѣтъ, страха, страха...

Нѣтъ! Страхъ давно уже не спасеніе въ настоятельныхъ, общечеловѣческихъ нуждахъ деревни, и *старики*, какъ спеціалисты по этой только части, какъ люди, не умѣющіе проповѣдывать ничего иного—будь это кстати и не кстати—коекакъ еще терпятся новыми поколѣніями деревни, но уже не пользуются уваженіемъ. Хорошій теперешній мужикъ, видѣвшій школу, нерѣдко куда лучше и разумнѣе любого старика даже въ хозяйственныхъ дѣлахъ, и немудрено: онъ уже отвѣдалъ «воли».

Теперь на волостномъ судѣ бываютъ иногда такія сцены:

— Господа судьи,—жалуется упрямый, нескладный и зараженный страхомъ и деспотизмомъотецъ, человѣкъ несомнѣнно ужъ прошлыхъ временъ,— прошу наказать моего Мишку. Способовъ мнѣ нѣтъ, старику, жить съ нимъ... Не слухаетъ меня мошенникъ ни въ единомъ словѣ... Пущай идетъ вонъ изъ моего дома и съ женёнкой своей...

— Что-жъ?—говоритъ сынъ.—Я уйду, да вѣдь ты помрешь съ голоду... Кто тебя будетъ кормить-то? Вѣдь ты это зря ворчишь... Скучно тебѣ, потому-что я тебѣ всякій покой дома дѣлаю... Чего тебѣ надо? Я тебѣ отвелъ цѣлую половину, а ты все ворчишь; печку тебѣ поставилъ, кофей пьешь, когда угодно. Чего тебѣ? Ну, я уйду, ну, что ты будешь дѣлать?

— Не смѣй мнѣ прекословить... Страху никого нѣтъ, набалованы... непочетчики...

— Это вы, старики, точно что набалованы... Какъ была ямская гоньба, такъ вы никакого крестьянства не знали, только въ трактирѣ чай пили... А я, твой сынъ, самъ съ малолѣтства началъ крестьянствомъ заниматься, со слезми... Ты мнѣ косы не далъ, серпа въ домѣ не было... Я крестьянинъ—и тружусь, работаю, и ты мнѣ не указчикъ, потому—ты ничего не понимаешь; тебѣ бы только мудрить да пьянствовать, а смыслу въ тебѣ нѣтъ нисколько...

— Вотъ извольте, господа судьи, слышать... Пущай идетъ изъ дому вонъ.

— Что съ нимъ разговаривать, съ глупымъ! Онъ и самъ-то не понимаетъ, что у него языкъ болтаетъ... Я даже самъ могу его выгнать, только жалѣю... Ты живи-ка да Бога благодари, а не мудруй!

— Ну вотъ что, Михайло,—говоритъ судья:— ты тово... Оно точно что старикъ обдурѣлъ...

успокой ты его, уважь, за глупость за евонную... Глупъ, это вѣрно, только онъ тебѣ пуще надоѣстъ. Уважь его дурь древнюю — сядь хоть въ темную-то на время, ну, хоть на сутки...

— Будетъ что-ль съ тебя?—Спрашиваетъ сынъ отца, какъ спрашивалъ бы взрослый человѣкъ малаго ребенка.—Потишѣешь ли ты, ежели я день въ темной просижу?

— Да хушь на день его, шельму, посадите, все ему наука.

— Наука! Тожъ о наукѣ бормочетъ старый хрѣнъ! На,двадцатъ копѣекъ — иди чай пить... Нѣтъ ли, Иванъ Ивановичъ, у васъ какой газетки? Скучно вѣдь день цѣлый сидѣть...

— Газетъ нѣту!—отвѣчаетъ писарь.—Книгу не хочешь-ли?

— Какая книга?

— Пушкина сочиненіе: *Исторія пугачевскаго бунта*.

— Что-жъ? Давайте Пушкина. Сочинитель извѣстный, я помню... давайте. Ну, ты чего стоишь? Мало еще?

И вотъ старикъ идетъ въ трактиръ—галдѣть о непокорствѣ и пить чай и водку, а сынъ, не пьющій ни капли, сидитъ въ темной съ *Исторіей пугачевскаго бунта* въ рукахъ и находитъ, что Пушкинъ — хорошій писатель... Темную даже и не запирали для него, зная, что изъ трактира придетъ отецъ посмотрѣть: «сидитъ ли?». И точно: приходилъ смотрѣть...

— Да сижу, сижу, не безпокойся!— отозвался сынъ изъ глубины отворенной тюрьмы, куда пришла къ нему жена.—Иди, ложись спать, только ужъ потомъ смотри, не дури!.. Ужъ я, братъ, тогда потребую отъ тебя послушанія; не даромъ я сижу...

Недавно въ нашей мѣстности былъ такой случай: два брата крестьянина «посѣкли» родную мать.

— Какъ такъ?

— Да очень *набалована*... ничего не подѣлаешь!

Съ уничтоженіемъ ямщины и проведеніемъ николаевской желѣзной дороги, масса крестьянъ, привыкшихъ къ легкой наживѣ, чаямъ, сахарамъ, наливочкамъ, подаркамъ проѣзжающихъ и т. д., принуждена была «сѣсть на землю», взяться за косу. Это пришлось сдѣлать молодому поколѣнію, ибо старое было уже *набаловано*. Такимъ образомъ молодое поколѣніе положило начало, почти по всему старому тракту, настоящему крестьянству, а старому осталось одно—допивать остатки и доживать свои годы. Вотъ изъ числа «допивающихъ» и была та набалованная мать, которую принуждены были учить родныя дѣти. Пила она много и воровала у дѣтей, у невѣстокъ разныя вещи, которыя и закладывала въ кабакѣ...

Вотъ ее и поучили, для «ея же пользы». И какъ это ни жестоко, но и эта избалованная господами, проѣзжающими купцами мать, и этотъ глупый старикъ, чувствующій успокоеніе разстроенной пьянствомъ печени въ заключеніи сына въ «темную», въ глубинѣ души чувствуютъ превосходство дѣтей ихъ надъ собою во всѣхъ отношеніяхъ: они и умнѣе, и аккуратнѣе, и работящѣе... Допивая остатки, они чувствуютъ, что пѣсня ихъ спѣта и что дѣти лучше ихъ. Не таковъ однако тотъ родитель, тотъ изъ оскорбленныхъ временемъ и порядками отцовъ, съ вдохновенными произведеніями котораго мнѣ пришлось случайно познакомиться... Этотъ вѣритъ въ правоту свою непоколебимо, не раскаивается и не прощаетъ.

IV.

Вотъ что читалъ я въ его рукописи послѣ того, какъ онъ пошелъ осматривать все мое «заведеніе»: «Топоръ выпадаетъ изъ его рукъ и адюльтеръ остается ненаказаннымъ «что же мнѣ дѣлать теперь?» восклицаетъ мужъ, но въ объятія его бросается маленькая дочь его Марта и занавѣсъ падаетъ. Альберъ Дельпи также порадовалъ парижанъ новинкой... Еслибы ты долотомъ продолбилъ свою голову, то и въ это время не возможно для тебя сообразить о моемъ умѣ, который можетъ проникать повсемѣстно, единственно волею всемогущаго творца. Безумецъ, говорю тебѣ: не хотяй смерти грѣшника! Успокой старость преклоннаго отца, который всѣ средства содержанія на тебя опровергнулъ, оставшись при концѣ дней въ унынии и безъ помощи. Для того ли я жертвовалъ до послѣдней капли на твое образованіе и просвѣщеніе? все рѣшительно истощилъ какъ деньгами также и вещами, не упоминая о харчевомъ довольствіи наставниковъ твоихъ, между тѣмъ вижу въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, не соблюдая постовъ и не почитая родителей, занимаешься недостойно просвѣщеннаго человѣка описаніемъ всякой твари, кошки, собаки, какой-либо пень и тотъ дороже отца, почтеннаго отъ высшаго начальства и кровь свою источившаго на твое образованіе, дабы подъ старость имѣть опору. Отжени врага рода человѣческаго, призови Бога всевышняго, омой слезами оскверненную душу и успокой родителя помощію отъ трудовъ твоихъ, ибо безъ меня не только образованія, но и существованія ты бы не имѣлъ...»

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ этого письма (подъ каждымъ письмомъ находился годъ и число) вдохновенный отецъ переписываетъ въ свою тетрадь такое письмо:

«*Его привеллебію отцу іерею Михаилу Остромыслову въ селеніи Глушицъ священнослужителю всепокорнѣйшее прошеніе!*

«Сего числа извѣстился я о сынѣ моемъ Симеонѣ, какъ будучи онъ по живописной части, снялъ подрядъ написанія во храмѣ селенія Глушицъ четырехъ образовъ суммою, сказываютъ, до ста рублей серебромъ—то какъ отецъ; припадаю объ удовлетвореніи меня въ означенной суммѣ. Будучи преклонныхъ лѣтъ и по слабости своего здоровья,которое все пожертвовалъ въ ревности служенія и почтенъ отъ высшаго начальства — я

изъ послѣдняго моего соку, не жалѣя копѣйки оставшей отъ трудовъ, и окончательно истощивъ всякія способы пропитанія своего — все сіе употребилъ для высшаго просвѣщенія сына моего Симеона дабы подъ старость имѣть утѣшеніе и денежное удовлетвореніе отъ его ко мнѣ любви за мои труды и послѣднія капли крови моей, коіе я истощилъ на него, оставши нищимъ. Но зловредное ученіе социлизма, внѣдривши подобно какой болѣзни развратной, будучи онъ въ Петербургѣ въ ученіи — то не только чтить отца, но съ гордостью считать сталъ дуракомъ, а себя превыше всякаго смысла какъ бы великолѣпнаго ума. Но какъ вѣрую въ Творца вседержителя, то молясь денно и ночно и со слезами призывая Бога въ помощники съ ангелы и архангелы, получилъ утѣшеніе, въ томъ, что согласился взяться онъ за церковную работу, а то все презиралъ. Ваше священное благоутробіе! Отецъ іерей! внемли голосу престарѣлаго старца! на краю пропасти могильной уже одною ногою близко нахожусь! Какіе будутъ моему Симеону деньги, то я умоляю до послѣдней копѣйки отнюдь не отдавать и все то неусыпно удержать до моего прибытія, такъ какъ я одного убытку для его просвѣщенія понесъ все мое состояніе и силы до послѣдней капли крови. Съ умиленіемъ вопію къ творцу и зиждителю и Богу нашему, да несоблазнитъ тебя, священнослужитель, злоумышленная хитрость сына моего Симеона, насчетъ выдачи ему подъ работу хотя бы трехъ рублей — но укрѣпится десница твоя въ опроверженіи...»

Слѣдующее письмо писано недѣли черезъ двѣ:

«*Господину становому приставу перваго стана... уѣзда Чихаловской волости Николаю Ивановичу Фіалетову.*

„Сокрушенное и всеподданнѣйшее со скорбію прошеніе плачущаго отца, крестьянина Купріяна Муравушкина противу сына его Симеона, забывшаго Бога и отца, а потому и весь престолъ и отечество.

«Какъ мы видимъ изъ вѣдомостей объ ученіи зловредныхъ сициилистовъ, которые хуже языческихъ кровопійцевъ, коіе не побоялись распять Христа, то какъ вѣрный подданный и неподкупный земледѣлецъ и принявшій присягу согласно священному писанію, то не дозволю себѣ впасть въ малодушіе, но иду къ высшему начальству глаголя: «возьмите отъ меня его и распните!». Отечество наше, которое имѣетъ славное воинство и арміи, и флоты и вездѣ повсемѣстно прославлено —то ежели не будетъ повиновенія, тогда держава должна прекратиться. Окончательно сказать, даже иностранцы чувствуютъ сокрушеніе, видя повсемѣстное забвеніе Бога; развращенный крестьянинъ, не имѣя страха, запрягаетъ тощію лошадь, каковая только ковыряетъ пашню, но не пашетъ, чрезъ что появляется голодъ и недостатокъ средствъ для славы отечества, но становится противъ иностранцевъ на худомъ щету. И какъ сынъ предпочитаетъ не повиноваться и уходитъ отъ отца жить отдѣльно, то ни скотины у него нѣтъ, и не халота у него, а одно посрамленіе, чрезъ что не имѣемъ весной дождей, а осенью заливаетъ хлѣба — отъ чего же все сіе происходитъ? Отъ неповиновенія родителямъ, забвенія бога, почему имѣю честь донести, что сынъ мой Симеонъ, на просвѣщеніе и образованіе котораго я истощилъ послѣднюю мою кровь...»

Здѣсь слѣдуетъ почти то же самое, что̀ и въ письмѣ къ священнику. Разсказавъ о томъ, что послѣ денно-ночной молитвы сынъ его наконецъ согласился взять церковную работу, старецъ продолжаетъ:

«...Но не токма ста рублей серебромъ я не получилъ, но даже едва семьдесятъ пять рублей могъ выпросить у него чрезъ священно-іерея отца Михаила, причемъ отзывался объ отцѣ съ ожесточеніемъ, называя тираномъ, каковой тиранъ истощивши на образованіе сына своего послѣднія свои жилы и даже сокъ послѣдній — едва къ могилѣ можетъ достигнуть, подобно младенцу невинному. И это все есть зло въ неповиновеніи отцу, слѣдовательно сицилизмъ, черезъ что происходитъ поврежденіе хозяйства, а также отечества, посрамленіе передъ иностранцами и уничтоженіе державы. Нынѣ же извѣстенъ я, что сынъ мой Симеонъ снялъ новый подрядъ въ селеніи Колобовѣ, поблизности становой квартиры вашего высокоблагородія уже въ суммѣ до трехъ сотъ рублей серебромъ и съ дерзостію возмечталъ о вступленіи въ союзъ съ дѣвицею Феоклистою, живущею безъ отца при матерѣ, каковая безнравственная дѣвица не имѣя отца и надзора при матерѣ потатчицѣ — то сынъ мой Симеонъ можетъ погибнуть и окончательно предать отца въ забвеніе на голодную смерть. Почему, какъ вѣрноподданный, не желая разврату державѣ, доношу вашему высокоблагородію обо всемъ чистосердечно съ низкопоклоненіемъ, дабы повелѣно было строжайше арестовать онную сумму въ триста рублей серебромъ, каковая сумма по закону должна быть предназначена отцу, издержавшему на образованіе сына всѣ средства жизни, и привлечь къ законной отвѣтственности дѣвицу Феоклисту за развратное ея поведеніе вмѣстѣ съ матерію ея, что̀ недозволено въ законѣ. Слезами написаны эти строки мои, но какъ есть я рабъ престола и Бога вседержителя, то хотя бы мнѣ повелѣно было руку отсѣчь свою топоромъ, то отсѣку, не потерплю ниспроверженія Бога живаго и пойду съ прошеніемъ къ господину министру, почему и прошу объ удовлетвореніи меня въ трехъ стахъ рубляхъ».

Послѣ крошечнаго промежутка времени нацарапана копія съ слѣдующаго прошенія.

«*Въ глушицкое волостное правленіе, въ волостной судъ, покорнѣйшее прошеніе.*

«Проживающій въ с. Глушицѣ родной сынъ мой Симеонъ. находясь якобы на хлѣбахъ у вдовы Аксиніи Михайловой, съ дочерью ея Феоклистой предался непотребному поведенію, намѣреваясь взять въ замужество, то я какъ отецъ не позволяю этого разврата и такъ какъ находящіеся у сына моего

триста рублей сопсвеннаго моего капиталу, захвачены имъ безъ позволенія и оставляетъ меня безъ пропитанія, то покорнѣйше прошу за неповиновеніе и развратное его поведеніе и наглые поступки подвергнуть тѣлесному наказанію, арестовать сумму 300 р. въ церковныхъ деньгахъ впредь до разбирательства по жалобѣ моей въ вышемъ мѣстѣ и подвергнуть крестьянскую дѣвку Ѳеоклисту какъ за распутное поведеніе тѣлесному наказанію, ибо по обоюдному ея съ сыномъ моимъ распутному поведенію меня постигаетъ разореніе и голодное состояніе — почему и прошу на законномъ основаніи подвергнуть ихъ строжайшему взысканію, о чемъ и доношу начальнику губерніи N —цкую духовную консисторію. Ежели мы будемъ послаблять, то не будетъ никакого повиновенія, а это есть противъ Бога и даже вся Россія можетъ погибнуть...»

Далѣе слѣдуютъ копіи съ бумагъ: «Господину начальнику губерніи...», «Въ святѣйшій правительствующій синодъ...», «Въ третіе отдѣленіе сопсвенной Е. И. В. Канцеляріи...», «Г-ну жандармскому начальнику...».

Но я ужъ не буду приводить этихъ вдохновенныхъ произведеній. По тому, что̀ уже было мной прочитано, можно было догадаться о содержаніи и другихъ документовъ. Я не дочиталъ ихъ и пошелъ возвратить рукопись автору.

Авторъ сидѣлъ въ кухнѣ и очевидно разспрашивалъ прислугу о моемъ поведеніи, и видъ его былъ не смиренный и не благоговѣйный; но онъ тотчасъ же облекся въ смиреніе и благолѣпіе, какъ только въ дверяхъ появился я.

— Гдѣ-жъ теперь вашъ сынъ?—спросилъ я.

— Померъ-съ, померъ! А почему? потому, что въ нонѣшнія времена...

Затѣмъ между нами произошелъ непродолжительный разговоръ, вслѣдствіе котораго, я увѣренъ, вдохновенный авторъ тетрадки ушелъ отъ меня во свояси не въ весьма хорошемъ расположеніи духа; я же разстался съ нимъ съ истиннымъ удовольствіемъ.

II. Хорошій русскій типъ.

I.

Всѣ рождественскіе праздники мнѣ пришлось провести не въ деревнѣ, а въ Петербургѣ, и я уже рѣшился было встрѣчать въ Петербургѣ и новый годъ, но какая-то необычайная тоска—результатъ всего видѣннаго и слышаннаго въ столицѣ — до такой степени обуяла меня въ утро тридцать перваго декабря, до такой степени охватила все мое существо испугомъ и холодомъ, что я почувствовалъ непреодолимую потребность тотчасъ же уйти въ свой деревенскій уголокъ, къ печкѣ, къ теплу, къ одиночеству, тишинѣ, книгѣ и вообще къ *какой-нибудь*, хотя бы также ужасной деревенской правдѣ...

И вотъ обуянный этимъ трудно формулируемымъ, но внезапнымъ страхомъ и тоскою, я, не повидавшись даже съ лучшими моими пріятелями, —мгновенно собралъ свои пожитки и скоро, къ величайшему удовольствію моему, былъ уже въ вагонѣ третьяго класса.

По случаю праздниковъ народу было мало, въ вагонѣ было просторно, т. е. почти пусто, а стало быть и хорошо. Спутниками моими по вагону были только двое: крестьянинъ—изъ числа «хозяйственныхъ» народныхъ типовъ — и пожилая дама.

Не могу припомнить, какимъ образомъ между нами завязался разговоръ; кажется, что причиною общей бесѣды былъ крестьянинъ, долгое время разговаривавшій одинъ, самъ съ собой, и невольно вызвавшій на отвѣтъ сначала даму, а потомъ и меня. Но что замѣчательно, такъ это именно то, еще недавно невозможное обстоятельство, что мы, случайные дорожные знакомые, люди разнаго званія, положенія, развитія, какъ-то дружно повели разговоръ именно объ этомъ нравственномъ испугѣ, испугѣ души, который мы всѣ—и крестьянинъ, и дама, и я—увозили съ собой изъ столицы.

Въ былое время шелъ бы между нами какой-нибудь пустяшный разговоръ; мужикъ говорилъ бы объ урожаѣ, объ овсѣ и сѣнѣ, о сынѣ, котораго сдали въ солдаты; можетъ быть и дама вспомнила бы что-нибудь изъ своей семейной жизни, да и мнѣ пришлось бы разговаривать о чемъ-нибудь случайномъ, отвѣчать на вопросы: «вы чьи будете? гдѣ служите, какая ваша должность, велико ли семейство?» — но теперь, и не только въ этотъ разъ (я ѣзжу по желѣзной дорогѣ очень часто), а вообще въ послѣднее время дорожный разговоръ случайно встрѣтившихся людей почти утратилъ характеръ разговора о будничныхъ дѣлахъ и частностяхъ жизни, а всего чаще прямо начинается съ разговоровъ «вообще» или «вообче» и всегда имѣетъ неопредѣленный, плохо оформленный видъ несвязнаго бормотанья о чемъ-то, что̀ чрезвычайно ужасно для всѣхъ насъ, но что нельзя, невозможно опредѣлить, назвать точно однимъ, двумя словами.

Всѣмъ намъ знакомо это ужасное, лежащее камнемъ на душѣ, тяжкое, многосложное, сбившее всѣхъ насъ съ кругу, съ толку, тѣснящее и давящее грудь, пугающее ежеминутно и днемъ, и ночью, и всѣ мы, говоря объ этомъ, родственномъ всѣмъ намъ и не покидающемъ насъ, людей разнаго званія, ощущеніи душевномъ, можемъ только перекидываться вздохами, иногда даже только обмѣниваться отчаянными жестами или фразами, вродѣ: «Ужасъ что̀ такое! То-есть, знаете ли, просто не знаешь, куда дѣваться!» и чувствуешь себя уже безсильнымъ размѣнять эти жесты и фразы на текущіе житейскіе недуги, ошибки, желанія; все это сто тысячъ разъ было думано, передумано и все это сто тысячъ разъ должно было изъ передуманнаго сдѣлаться переживаемымъ, и все пошло прахомъ—теперь возможны только жесты, выражающіе присутствіе въ душѣ человѣка, измученнаго безплодными размышленіями, чего-то умирающаго, коченѣющаго, отъ чего только холодъ идетъ по всему существу человѣческому...

И на этотъ разъ разговоръ нашъ какъ-то самъ собой сосредоточился на этомъ неразмѣнномъ на реальныя явленія сегодняшняго дня душевномъ испугѣ, отчаяніи передъ чѣмъ-то «вообще». Что же такое въ самомъ дѣлѣ мы видѣли и слышали въ столицѣ? Всѣ мы видѣли нашихъ старыхъ знакомыхъ, людей намъ близкихъ,—людей, съ которыми мы прожили весь вѣкъ,—людей, которые пережили вмѣстѣ съ нами все то, что̀ пережили и мы, но всѣ — и мы отъ нихъ, и они отъ насъ — ушли и разстались съ пугающею мыслью о нашемъ взаимномъ духовномъ упадкѣ, нравственномъ униженіи, паденіи, даже умираніи духовной жизни и вообще въ сознаніи близости для всѣхъ насъ чего-то недобраго, тусклаго, суроваго и даже глубоко-позорнаго.

Это тяжкое, гнетущее душевное состояніе, всѣми нами, случайно встрѣтившимися въ вагонѣ людьми, вывезенное изъ столицы (точно такъ-же, скажу кстати, и привозимое нами въ столицу изъ деревень), было до такой степени тягостно всѣмъ намъ, что мы употребляли всевозможныя умственныя усилія для того, чтобы почти мимически выражаемое отчаяніе перенести на реальную почву и разговаривать, придравшись къ какому-нибудь тягостному для насъ жизненному факту. Но какихъ бы фактовъ мы ни касались, всѣ они какъ-то были ничтожны передъ огромностью тяготы «вообче», терялись въ этой огромности и какъ-то даже утрачивали свою отдѣльную, маленькую возмутительность.

Прежде всѣхъ и больше всѣхъ изъ запутанной массы впечатлѣній, сливавшихся «вообче» во что-то удивительно неожиданное и нехорошее, старался выбраться на дорогу къ какому-нибудь реальному факту упомянутый выше хозяйственный крестьянинъ. Онъ не бывалъ въ Петербургѣ лѣтъ восемь; занимался хлѣбопашествомъ; но у него въ Петербургѣ было много знакомыхъ односельчанъ, торговавшихъ дровами, сѣномъ, камнемъ, занимавшихъ мѣста дворниковъ, трактирныхъ буфетчиковъ и хозяевъ разныхъ дровяныхъ, сѣнныхъ и извозчичьихъ дворовъ; въ прежнее время, когда еще не подросли его ребята, онъ также хаживалъ на заработки въ Питеръ и возилъ туда и сѣно, и дрова, поставлялъ и камень, и кирпичъ. И никогда ни онъ не получалъ, посѣщая своихъ односельчанъ въ столицѣ по дѣламъ, такихъ не подходящихъ ни къ чему впечатлѣній, какія вывезъ изъ столицы теперь, ни односельчане такихъ впечатлѣній не внушали ему: всѣ они просто-на-просто «дѣлали дѣла», продавали привезенное, копили полученныя деньги, думали о деревнѣ, а окончивъ дѣла, заходили въ трактиръ, слушали машину, пили чай и разъѣзжались по дворамъ и по домамъ. Ни въ дѣлахъ, ни въ мысляхъ, ни въ поступкахъ не было замѣтно у нихъ ничего такого, что̀ бы было непонятно, необъяснимо, чего-нибудь такого, что̀ было бы и удивительно, и ни къ селу, ни къ городу, и въ то же время страшно. А теперь вотъ есть, и есть въ такой степени, что, повидавшись съ этими же самыми дровяниками, сѣнниками, буфетчиками и трактирщиками, односельчанинъ ихъ ѣдетъ домой и понять не можетъ: что̀ такое творится? Что сдѣлалось съ народомъ?

— Ну ужъ Петербургъ! качая головой, бормоталъ хозяйственный мужикъ, хлопая руками о полы романовскаго полушубка и въ недоумѣніи качая головою. — Ужъ точно... да!... Ужъ чисто, кажется, ума рѣшивши. Передъ истиннымъ Богомъ!... Ай-ай-ай!

— Да что же такое, въ чемъ дѣло?

— Да тутъ поразсказать, такъ передъ Богомъ, и словъ такихъ не подберешь. То-есть передъ истиннымъ Христомъ сказать ежели... такъ что это такое съ народомъ!?... такъ даже невозможно и сказать этого! Вотъ передъ истиннымъ Богомъ говорю: чистое разстройство въ умѣ пошло... ей-ей!

— Да все-таки въ чемъ-же собственно бѣда-то?

— То есть такъ спутавши народъ, такъ сбивши въ мысляхъ, даже... Да какъ же, позвольте вамъ сказать: человѣкъ, мой землякъ — шестьдесятъ пять лѣтъ ему отъ роду — почтенный человѣкъ: семейство, домъ собственный на Лиговкѣ, подгулялъ, напримѣръ, и при всѣхъ, при женѣ и при дочеряхъ — вѣдь невѣсты, передъ истиннымъ Богомъ, невѣсты, взрослыя дѣвицы!—«поѣдемъ, говоритъ, Михайло (мнѣ говоритъ; ей-ей не лгу вамъ), поѣдемъ въ такое-то мѣсто!»—При дѣтяхъ и при женѣ, шестьдесятъ пять лѣтъ отъ роду человѣку! Да это что̀! Это нельзя сказать всего, что̀ съ мозгами подѣлалось. — «Поѣдемъ, говоритъ, погуляемъ!»—И хоть бы что... постыдиться или что, или напримѣръ... Ни чуть, а чисто на отдѣлку, при дѣтяхъ! Да что̀!

Говоря это и всячески желая выяснить подробности того удивительнаго «вообче», которое такъ поразило его наблюдательность въ Петербургѣ, крестьянинъ очевидно чувствовалъ, что все это не то, что онъ ощущаетъ, и выраженіе лица его то вдругъ дѣлалось смѣющимся, то серьезнымъ, то просто испуганнымъ, и вообще отражало крайнюю спутанность и сложность полученнаго впечатлѣнія. Все, что̀ онъ видѣлъ у знакомыхъ односельчанъ относительно ихъ «дѣловъ», все было то же, что̀ и прежде: дровяники торговали дровами, сѣнники—сѣномъ, содержатели извозчичьихъ дворовъ занимались извозомъ — все было по-старому; но къ этому старому *дѣлу* присоединилась какая-то новая, незнакомая ему черта душевной, нравственной нескладицы, нелѣпицы, чего-то совершенно недостойнаго уваженія, словомъ, какой-то огромный нравственный изъянъ, схватить который мѣткимъ словомъ онъ никакъ не могъ, и вотъ почему онъ то жестами рукъ, то движеніями головы, то выраженіемъ лица, быстро мѣнявшагося и глуповато переходившаго изъ серьезнаго въ смѣшливое, хотѣлъ подсобить своей рѣчи, но рѣчь продолжала быть нескладной и продолжала касаться фактовъ, только частью дававшихъ возможность понять то, что̀ собственно его огорчило.

— Да что я вамъ скажу-то, господа почтен-

ные! Вотъ Богомъ побожиться, не вру, а истинную говорю правду. Эта самая дочь, дѣвица, сейчасъ одѣлась, надѣла шляпку—маршъ! А я тутъ у воротъ на извозчика сажусь.—«Куда, молъ?»—А мнѣ къ Синему мосту.—«Ахъ, говоритъ, и мнѣ къ Синему мосту, въ Нѣмецкій клубъ. Довезите меня до клуба».—И какой-такой клубъ, не знаю. «Ну, садись!»—Поѣхали.—«Что такое за клубъ?»—«А, говоритъ, танцы, театры».—«А мать-то, говорю, что-жъ, дозволяетъ?»—«Да что же мать? Мать старуха. Нельзя мнѣ съ ней цѣлый вѣкъ сидѣть».—«А женихи-то есть?»—«Сватаютъ тамъ какихъ-то, говоритъ, полотеровъ, либо ломовиковъ; только я, говоритъ, не согласна. Никакого, говоритъ, съ ломовикомъ мнѣ нѣтъ удовольствія. У меня, говоритъ, въ клубѣ очень много хорошихъ мужчинъ знакомыхъ, угощаютъ меня и уважаютъ. Я ежели не найду хорошаго жениха, такъ я согласна жить тутъ съ однимъ женатымъ (ей-ей, истинный Христосъ, правда!). Я съ женатыми лучше согласна, говоритъ, чѣмъ съ холостыми. Потому—женатый жены боится и съ нашей сестрой долженъ обращаться вѣжливо».—Вотъ передъ самимъ Христомъ Богомъ говорю, какъ есть эти самыя слова сказала! Да что еще! То есть... Да тутъ, Боже милосердный!.. Однимъ словомъ...

И опять на помощь плохо выраженному словами впечатлѣнію крестьянинъ пустилъ въ ходъ и мимику лица, и жесты рукъ, то хлопавшихъ въ ужасѣ о полы полушубка, то творившихъ крестное знаменіе въ удостовѣреніе справедливости разсказываемаго.

И хотя всѣ мы, не исключая и самого разсказчика, чувствовали и знали, что то, что онъ разсказываетъ, только частица того «вообче», которое насъ всѣхъ напугало, но все-таки, благодаря и этой частицѣ, мы имѣли возможность заговорить о какомъ-нибудь фактѣ, и какой-нибудь ясной, общезнакомой намъ частицѣ, тысячной долѣ того, что угнетало насъ *вообще*.

«Паденіе нравовъ» сдѣлалось такимъ образомъ предметомъ довольно оживленнаго разговора. Оказалось, что у всѣхъ насъ было накоплено по этой части множество матеріаловъ, почерпнутыхъ нами въ случайныхъ разговорахъ въ театральныхъ и клубныхъ залахъ, въ массахъ всевозможныхъ «собраній» мужской и женской толпы, которыхъ теперь такое множество въ нашихъ городахъ,—матеріаловъ, касавшихся всѣхъ слоевъ общества и всѣхъ возрастовъ, начиная отъ гимназиста и до почтеннаго старца, члена свято-петровскаго филантропическаго братства, пекущагося о распространеніи идей религіозно-нравственнаго направленія среди невѣжественныхъ массъ. Нехорошая, жуткая картина вырисовалась передъ нами, но мѣткое и умное слово нашей спутницы, пожилой дамы, разсѣяло въ насъ впечатлѣніе срамоты и гнусности, къ которому приводилъ насъ въ такомъ обиліи накопленный матеріалъ, касавшійся «паденія нравовъ»,—и то, что намъ начинало казаться только срамотою, вдругъ получило значительный и серьезный интересъ.

II.

Пожилая дама, о которой идетъ рѣчь, женщина впрочемъ еще совершенно бодрая, живая, оказалась обладающею массой наблюденій по части всевозможныхъ нравственныхъ настроеній, пережитыхъ русскимъ обществомъ за довольно значительный періодъ времени. Она была постоянная обитательница города N, но также имѣла и постоянныя связи съ Петербургомъ и преимущественно съ педагогическимъ міромъ Петербурга. Ея дѣдъ, отецъ и покойный мужъ испоконъ вѣку были педагогами, содержа въ г. N хорошій частный мужской пансіонъ, приготовлявшій въ высшія учебныя заведенія. Втеченіе болѣе чѣмъ пятидесяти лѣтъ пансіонъ этотъ выпустилъ на свѣтъ массу молодежи, изъ которой иные давно ужъ старики, въ чинахъ и въ орденахъ, да и дѣти этихъ дѣтей также прошли черезъ ту-же школу, гдѣ учились ихъ дѣды и отцы. Изъ числа воспитанниковъ этого пансіона вышло впослѣдствіи много извѣстныхъ людей, имена которыхъ и громки, и славны. Почтенная дама, съ которой намъ пришлось познакомиться, какъ оказалось, только недавно, и то по случаю смерти мужа прекратила свое старинное родовое дѣло; но долгое и постоянное пребываніе ея въ кругу молодежи, среди которой она взросла и интересами которой жила ея семья, оставило на всей ея фигурѣ, на ея манерахъ и на всемъ складѣ ея мыслей какой-то неизгладимый слѣдъ юношеской бодрости и молодой впечатлительности. Живость ея объяснялась еще и ея происхожденіемъ: дѣдъ ея былъ французъ, оставшійся въ Россіи послѣ двѣнадцатаго года, а русская жизнь и работящая среда, въ которой она жила всю жизнь, прибавили къ живости ея природы какую-то серьезную простоту обращенія; вліяніемъ русской жизни среди молодежи можно объяснить и ту внѣшнюю особенность ея, которая у насъ считается еще несомнѣннымъ признакомъ нигилистки: сѣдые, но густые и сильные волосы почтенной старушки были подстрижены «въ скобку», какъ у мужиковъ и «студентокъ».

— Да! заговорила почтенная женщина послѣ того какъ, благодаря крестьянину, тема нашего разговора выяснилась въ смыслѣ порицанія нравовъ. — Да! Нехорошо! И обидно, и непріятно... Случалось и мнѣ бывать кое-гдѣ, въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ... Аллегри разныя, елки и... не хорошо! Толпа вездѣ страшная.. Никогда такъ много не бывало этихъ собраній... Каждый день въ десяти мѣстахъ, и вездѣ тьма тьмущая... Одного голаго женскаго тѣла! плечъ, спинъ—видимо-невидимо!.. Но не только нѣтъ веселья или разгула, а напротивъ — скучно ужасно. Скучно и обидно: какіе-то «ужасно-простые» взгляды мужчинъ и женщинъ, которые встрѣчаешь на каждомъ шагу, всего ужаснѣе. Нѣтъ! Это не разгулъ и не развратъ. На моемъ вѣку, я помню, была такая ухарская полоса послѣ освобожденія крестьянъ: тутъ помѣщицы и помѣщики, покинувъ проданныя или заложенныя имѣнія, съ выкупными свидѣтельствами

въ рукахъ, вырвавшись въ міръ разливнаго моря желѣзно-дорожныхъ денегъ, концессій, прожигали жизнь напропалую: здоровья, досужества, фантазіи, своевольства, лѣни, дикости—всего было много накоплено въ родныхъ гнѣздахъ. Дымъ коромысломъ шелъ. Иная барыня сама правитъ тройкой, въ кучерскомъ армякѣ, штанахъ, словно старинный кутила-ремонтеръ. Или, вырвавшись изъ родной Запаниловки, накуралеситъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и за-границей такъ, что только небу жарко. Это все было! Теперь вовсе не то... Теперь нѣтъ ни ухарства, ни прожиганія, а именно одна ужасная простота, безстрастная простота отношеній этихъ массъ мужчинъ къ этимъ массамъ женщинъ. Скверно, нехорошо, скучно, обидно, но это не развратъ. Нѣтъ! Это именно — паденіе души. Душа остановилась, не дѣйствуетъ, точно какъ часы остановились и стоятъ. Они могли идти не вѣрно, врать, бить вмѣсто двухъ, двадцать часовъ, вмѣсто часа показывать восемь, — словомъ, куралесить, какъ куралесило общество послѣ освобожденія, но теперь они стали и стоятъ на одномъ мѣстѣ, не двигается стрѣлка... и во взглядахъ, и въ отношеніяхъ, и во время провожденіи массъ мужчинъ и женщинъ вы именно и видите, что души-то нѣтъ, что стрѣлка не движется, а неизмѣнно и днемъ, и ночью, и во всѣ часы дня стоитъ на одномъ мѣстѣ: полночь!

Нашъ общій собесѣдникъ—крестьянинъ, слушавшій эти рѣчи почтенной женщины съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ и очевидно отлично понимавшій, что разговоръ идетъ «о томъ самомъ», что̀ именно и волновало его самого, попробовалъ было выразить сочувствіе словамъ говорившей, но такъ-какъ при всѣхъ усиліяхъ его выразить свое мнѣніе у него ничего не выходило, кромѣ: «то-есть передъ истиннымъ Создателемъ, ежели поразсказать»... или: «И что только, ежели поразсказать, съ народомъ творится, такъ передъ истиннымъ Создателемъ...», то онъ и прекратилъ свою рѣчь, ограничившись одними жестами и мимикой: сначала плюнулъ, потомъ засмѣялся, махнулъ рукой, перекрестился и, глубоко вздохнувъ, опять сталъ внимательно слушать, какъ говоритъ барыня. А барыня между тѣмъ продолжала такъ:

— И знаете-ли, что̀ я еще замѣтила?—говорила она, внимательно смотря на меня.—Я замѣтила, что теперь совершенно какъ-то нѣтъ... Ну, какъ это сказать? Ну, я буду говорить по провинціальному, губернскимъ жаргономъ... *Нѣтъ теперь интереснаго мужчины*... Вотъ что мнѣ кажется. Совсѣмъ нѣтъ. По крайней мѣрѣ, не видишь на поверхности, нѣтъ такого мужского типа, предъ которымъ можно было-бы... ужъ скажу опять жаргономъ губернскихъ дамъ... можно было-бы преклониться... Нѣтъ его!

— Ну какъ!—сказалъ я, какъ-то зря, повинуясь единственно инстинктивному желанію сказать что-нибудь въ защиту «нашей сестры»-мужчины, но никакихъ иныхъ существенныхъ аргументовъ въ пользу этой защиты привести не могъ: какъ-то они не приходили въ голову.

— Знаю, знаю,—не давая мнѣ времени подыскать хоть какихъ-нибудь смягчающихъ въ пользу «нашей сестры» обстоятельствъ, продолжала старушка.—Знаю все, но я говорю про общество, про публику... про сотни этихъ плечъ, шей и спинъ... Эта публика была всегда, но всегда у насъ по примѣру, по типу лучшаго общества, избраннаго круга былъ господствующій типъ мужчины, «достойнаго благоговѣнія», поклоненія... А теперь нѣтъ его! Всякой женщинѣ, чтобы любить человѣка, мужчину, мужа, надобно навѣрное знать, что̀ въ самой глубинѣ глубинъ его души есть такое хорошее, предъ чѣмъ можно благоговѣть. Это-то святое, что̀ лежитъ въ самой глубинѣ сердца любимаго человѣка, и есть главное, что̀ даетъ смыслъ всей жизни женщины, всѣмъ ея поступкамъ, что̀ способно заставить ее все вынести, все вытерпѣть, на все рѣшиться. «Это» въ мужчинѣ должно быть непремѣнно святое, непремѣнно искреннее, «настоящее». Опять-таки я говорю о толпѣ, объ обществѣ. Множество женщинъ, и хорошихъ, и честныхъ, и чистыхъ, и талантливыхъ, способныхъ, могутъ сгинуть, пропасть задаромъ, не отвѣдавъ счастія сознательной жизни, если ихъ не пробудитъ избранный человѣкъ и то, что̀ таится въ глубинѣ глубинъ этого избраннаго сердца. Кругомъ нея могутъ быть и книги, въ которыхъ масса интереснаго, важнаго и такого, что̀ способно захватить всю жизнь, но пока это способное не придетъ «во образѣ», въ живомъ словѣ книга можетъ лежать покойно хоть тысячу лѣтъ Но то же самое, явись оно въ устахъ живого человѣка, непремѣнно «настоящимъ образомъ» запечатлѣнное въ его сердцѣ, можетъ сдѣлать чудеса. Непремѣнно надо только, чтобы это святое было «въ самомъ дѣлѣ» настоящее; женщины это умѣютъ понимать чутьемъ. И еще есть великая масса женщинъ, которыя не такъ одарены Богомъ, какъ тѣ, о которыхъ я говорила, не такъ благопріятно поставлены, не такъ даровиты. И тѣмъ надобно, чтобы въ сердцѣ мужа было что-то святое, надобно, если не для того, чтобы благоговѣть и жить этимъ святымъ, то хоть для того, чтобы бояться... Да! И бояться даже этого святого—и то для многихъ счастіе, опора и серьезный смыслъ жизни. И вотъ я вамъ говорю! нѣтъ теперь такого типа, сокровенную глубину души котораго масса женщинъ могла бы въ самомъ дѣлѣ благоговѣйно чтить, уважать или наконецъ просто бояться.. Красота, успѣхъ, здоровье, богатство—все это конечно хорошо, все это пожалуй и надобно для удовлетворенія мелкихъ сторонъ женскаго тщеславія, но все это сущій вздоръ, если нѣтъ главнаго—благоговѣнія предъ высокими, святыми тайнами сердца любимаго человѣка... Не будетъ этого, можете десять разъ разворовать всѣ банки и кассы, и все-таки ничего, даже веселья настоящаго не получится, ровно ничего... Женщина въ такомъ «безсовѣстномъ» состояніи можетъ расточить на кружева цѣлую страну, расточить, даже и не замѣтить этого, и послѣ всѣхъ вашихъ разбойствъ и кражъ ничего вы отъ нея не получите, кромѣ того, что все-таки ей надо чего-то еще... собачку какую-нибудь нужно въ два золотника, а то она

умреть отъ тоски, вовсе не замѣчая того, что эта тоска уже стоила кому-то и гибели, и страданія, и разоренія.

— Не дай Богъ! — проговорилъ крестьянинъ, продолжавшій внимательно слушать рѣчи старушки, но опять-таки, вслѣдствіе многосложности волновавшихъ его впечатлѣній, не успѣлъ разобраться съ мыслями и неизвѣстно для чего прибавилъ: — «Это и изъ нашихъ деревенскихъ, которая чуть мало-мало въ городѣ пожила, поглядитко-сь, какъ хвосты заламывать навострилась!»

Но чувствуя, что сообщеніе о хвостахъ какъ будто бы и не подходитъ къ разговору, счелъ нужнымъ округлить его и проговорилъ:

— Поглядѣть-то на это, такъ не приведи Царица Небесная!

Но такъ-какъ и это изреченіе также хвостамъ плохо соотвѣтствовало, то ему не оставалось ничего другого кромѣ жестовъ, которыми онъ и закончилъ свою рѣчь: онъ махнулъ рукой, плюнулъ, вздохнулъ и опять сталъ слушать.

А старушка продолжала:

— Я стара ужъ; я помню далекія, далекія времена, о которыхъ теперешнее поколѣніе и понятія не имѣетъ. Лѣтъ сорокъ, пятьдесятъ тому назадъ все наше общество по внѣшнему виду было не то, что теперь; не говоря вообще о дикости всевозможныхъ видовъ и формъ, надо всѣмъ царила солдатчина, бурбонство, солдатская вытяжка, словомъ, мертвечина. Даже литературы не было. Военный — вотъ господствующій типъ, герой... Но эта обязательная для всего общества внѣшность, обязательная для всякаго вытяжка, туго стянутая шея, картежъ, кутежъ вовсе не исключали возможности «святого», спрятаннаго въ глубинѣ сердца, спрятаннаго за этимъ, на всѣ пуговицы застегнутымъ мундиромъ. Напротивъ, тамъ было много «настоящаго», такого, что могло захватить всю жизнь и что совсѣмъ было не похоже ни на эту солдатскую внѣшность, ни на эту внѣшнюю топорность и грубость. Вѣдь даже такіе люди, какъ Лермонтовъ, не могли миновать этой солдатской и залихватской внѣшности жизни, а между тѣмъ въ нихъ таились Лермонтовы. Я и теперь говорю не про какую-нибудь хищническую или вообще низменную, грабительскую общественную группу, а про группу такъ называемыхъ хорошихъ людей. И вижу, что теперь какъ разъ наоборотъ вышло. Тогда этотъ бурбонъ, растегнувъ свой мундиръ и туго стянутый воротникъ и оставшись одинъ на одинъ, давъ волю своему сердцу и своему тайному желанію, могъ не только по совѣсти высказать свое негодованіе на свое положеніе, но имѣлъ еще нѣчто за душой, именно имѣлъ желанія, какъ разъ противуположныя его топорной внѣшности, имѣлъ желаніе быть гуманнымъ, мягкимъ, справедливымъ, освободить своихъ крестьянъ и вообще *навѣрно* зналъ, что — неправда, и какая должна быть правда; ясно видѣлъ, въ чемъ и какъ, въ какой формѣ и въ какомъ видѣ эта правда — тайна, святая святыхъ его души — можетъ быть выражена, и вѣрилъ, непоколебимо вѣрилъ, что она, эта правда, непремѣнно такъ, какъ онъ думаетъ, и будетъ выражена. Эта-то «святая святыхъ» и могла плѣнять женщину, могла воодушевлять ее, давать ей силу, вносить смыслъ въ семейныя отношенія, т. е. въ самыя интимныя стороны семейныхъ отношеній, а это-то вѣдь и главное... самыя-то интимныя. Они-то непремѣнно и должны, и могутъ держаться только на святомъ, на великомъ, передъ чѣмъ можно преклониться или чего во всякомъ случаѣ нельзя не бояться... И чѣмъ дальше шло, тѣмъ все больше и больше развивалось этого святого въ обществѣ. Бывало, идетъ-ли молодой человѣкъ въ университетъ или въ инженеры, или по какой-нибудь профессіи, то и дѣло слышишь, что профессія эта ему нужна не для профессіи и не для карьеры, а напротивъ, карьера, деньги, слава нужны для чего-то другого, именно для какого-то святого дѣла. Ну, онъ купитъ землю и будетъ самъ съ товарищами пахать, работать, или накопитъ денегъ и откроетъ школу, больницу. и т. д. Онъ будетъ справедливъ, онъ будетъ въ народѣ — учить, лечить, хлопотать, защищать. Все это свято, все это ясно, понятно, велико, и это святое, великое, таившееся на глубинѣ глубинъ, и было главное, что подняло женщину изъ ничтожества, обновило ея жизнь, пробудило наконецъ ее къ этой самой жизни. Карьера, деньги, мѣста — все это долго, долго считалось ничѣмъ; *главное*, что держало на свѣтѣ, что ясно освѣщало весь путь человѣка, каждый его шагъ, и наполняло совершенно опредѣленнымъ и притомъ свѣтлымъ и святымъ смысломъ каждую минуту его жизни — это главное было свято. Жили не для средствъ, а нуждались въ средствахъ для этого главнаго, святого. И такъ долго шло. А потомъ какъ-то все это спуталось, размякло, скомкалось, осрамилось, озлилось — словомъ, все это какъ-то пропало... Долго объ этомъ говорить... И вотъ теперь совсѣмъ, совсѣмъ другое! По внѣшности, никакого сравненія съ прошлымъ: ни затянутыхъ воротниковъ, ни ртовъ, запертыхъ на замокъ, — ничего этого и въ поминѣ нѣтъ; развязность, шумъ, говоръ, тысячи вопросовъ такъ и кишатъ на тысячѣ газетныхъ столбцовъ каждый Божій день. Мало намъ сотенъ тысячъ русскихъ «вопросовъ», и европейскіе-то всѣ вопросы въ нашемъ распоряженіи, и азіатскіе, и американскіе, — словомъ, горы интереса и матеріала для вниманія и языка... А все-таки чувствуешь, что нѣтъ во всемъ этомъ гамѣ, шумѣ и трескотнѣ, и во всемъ этомъ обиліи общественныхъ толковъ и пересудовъ ничего «настоящаго»... Чувствуешь, что во всемъ этомъ обильномъ говорѣ, среди массы всевозможныхъ мнѣній о безчисленномъ множествѣ всевозможныхъ вопросовъ и дѣлъ, есть что-то напоминающее анекдотъ о томъ мужикѣ, который, стоя у притолки въ то время, когда баринъ ѣлъ поросенка, въ отвѣтъ на слова барина: «Какой отличный поросенокъ!» сказалъ: — «Нѣтъ, ветчина вотъ, такъ та много скуснѣй!» — «А ты ѣлъ ветчину-то? — спросилъ баринъ. — «Самъ-то я не ѣлъ, а мнѣ приказчикъ знакомый сказывалъ, что видѣлъ онъ, какъ одинъ офицеръ проѣзжающій ѣлъ». Вотъ именно это: «я

самъ не ѣлъ, а слышалъ отъ приказчика, который также самъ не ѣлъ,» — слышится положительно во всемъ этомъ нескончаемомъ говорѣ о милліонахъ вопросовъ и русскихъ, и общечеловѣческихъ, разрабатываемыхъ и на столбцахъ газетъ, и въ коммиссіяхъ, и за чайнымъ столомъ, и въ собраніяхъ, и въ салонахъ — словомъ, вездѣ... Никто самъ не знаетъ настоящаго вкуса ветчины, никто самъ не ѣлъ и не думалъ самъ ѣсть, а также, какъ мужикъ, стоя у притолки и желая изъ приличія поддержать разговоръ, говоритъ довольно развязно: «Нѣтъ, вотъ ежели какъ слѣдуетъ уѣздъ напримѣръ устроитъ, такъ тогда много лучше будетъ, скуснѣй!» — «Да что же тебѣ уѣздъ? Тебѣ-то очень это нужно? Самъ-то ты ѣлъ ли что-нибудь въ этомъ вкусѣ?» — «Нѣтъ, самъ-то я не знаю настоящаго скусу... мы этого не ѣли... а сказывалъ мнѣ одинъ проѣзжающій, что видѣлъ онъ, какъ одинъ публицистъ ѣлъ, такъ хвалилъ, говоритъ...» Безъ шутокъ, самая глубина-то сердца всей этой говорящей и пишущей о милліонахъ вопросовъ толпы, глубина-то эта холодна, какъ выстывшая печка... При шумной и развязной внѣшности интимная-то сторона души безжизненна, испугана. Прежде, при холодной и грубой внѣшности, въ глубинѣ сердца таилось настоящее тепло; теперь же именно въ глубинѣ-то холодно, испуганно, а только по внѣшнему виду кажется, что будто бы человѣку даже и жарко... Оттого такъ и много всякихъ вопросовъ, что нѣтъ главнаго, что и въ интимномъ-то разговорѣ, въ интимной-то бесѣдѣ съ глазу на глазъ, я, женщина, услышу отъ васъ, мужчинъ, не это *главное*, что́ бы дало мнѣ возможность сразу, съ двухъ словъ понять и проникнуться благоговѣніемъ къ источнику, изъ котораго выходитъ этотъ нескончаемый говоръ вашъ о милліонахъ дѣлъ и вопросовъ, а, напротивъ, услышу, что вы это «только такъ», что главное состоитъ вообще въ испугѣ вашемъ жить на свѣтѣ, въ невѣріи въ вашъ развязный разговоръ, что вообще въ глубинѣ-то души вашей утомленіе, холодъ и боязнь. За что же мнѣ любить васъ? Къ чему привязать мою жизнь и силы? У васъ нѣтъ желаній, вы «сами не ѣли ветчины» и скусу не знаете, а если и говорите, что она лучше поросенка, такъ это только изъ приличія... Завѣтнаго, чего-нибудь такого, что́ бы вы берегли «про себя», у васъ ничего нѣтъ, а безъ этого. . зачѣмъ мы вмѣстѣ? И вотъ мы видимъ стремленіе мужчинъ и женщинъ какъ можно чаще быть въ толпѣ, въ стадѣ, въ кучѣ, ходить, говорить, двигаться, какъ случится, какъ всѣ, какъ толпа, — стремленіе тратить себя на случайныя впечатлѣнія, случайные разговоры... Потому-что дома, за чайнымъ столомъ съ глазу на глазъ, намъ, мужу и женѣ, только боязно и холодно... Между нами пусто, ничего нѣтъ... Единственное спасеніе — идти жить въ толпу, въ кучу незнакомыхъ людей, и жить тѣмъ, что́ дастъ случай вечера, дня... Здѣсь всѣ чужды и всѣ одинаковы... всѣ не имѣютъ необходимости уважать другъ друга и всѣ имѣютъ возможность упражнять другъ на другѣ свое вниманіе. Вотъ почему инымъ могутъ показаться противными тѣ слишкомъ *простые* взгляды, которыми теперь такъ часто обмѣниваются мужчины и женщины въ толпахъ общественныхъ собраній. Эти взгляды не вызовъ, но обоюдное невниманіе — только обоюдное непочтеніе, обоюдное заявленіе о томъ, что наши души не живы, не дѣйствуютъ, что стрѣлка показываетъ полночь — только!

— Вѣрно! — воскликнулъ крестьянинъ, не спускавшій глазъ съ одушевившейся старушки. — Такъ, правильно ты говоришь... Поразсказать ежели все, какъ должно, честь честью, такъ передъ Богомъ...

Но вѣроятно опасаясь какимъ-нибудь неудачнымъ комментаріемъ испортить бесѣду, понимаемую только чувствомъ и чутьемъ, собесѣдникъ нашъ замолкъ и еще разъ проговорилъ какъ то особенно громко и энергически:

— Вѣрно! Такъ! Нечего разговаривать!..

И заслышавъ свистъ машины, подъѣзжавшей къ какой-то станціи, онъ сталъ торопливо собирать свои пожитки...

III.

— Уважать-то васъ, господа мужчины, стало почти не за что, вотъ въ чемъ бѣда! — съ непритворнымъ сокрушеніемъ въ голосѣ сказала мнѣ почтенная старушка, когда намъ наконецъ пришлось прекратить разговоръ о паденіи нравовъ и проститься.

Разговоръ этотъ, и на ту же тему, продолжался между нами еще очень долго послѣ того, какъ нашъ собесѣдникъ, крестьянинъ, оставилъ вагонъ и мы остались вдвоемъ. Признаюсь, не разъ приходило мнѣ въ голову замолвить словечко и за «нашу сестру», за не всегда очень счастливую «мужскую часть», притомъ на память какъ-то сами собою приходили аргументы самаго громокипящаго свойства. Но искренность той горести, которая проникала каждое слово старушки, — горести, исходящей изъ глубины удрученнаго сердца, заграждала мои уста, и я не посмѣлъ предъявить ни единаго изъ моихъ защитительныхъ аргументовъ, предпочитая уважить старушку и промолчать.

Эти громокипящаго свойства аргументы въ защиту «нашей мужской части» нѣкоторое время невольно отвлекали меня отъ мысли о томъ душевномъ общественномъ недугѣ, предметомъ котораго былъ продолжительный дорожный разговоръ, и серьезность затронутой этимъ разговоромъ темы нѣкоторое время какъ бы затемнялась воспоминаніями массы всевозможныхъ мелочныхъ частностей, касавшихся какъ участи «нашей сестры», такъ и участи ихней сестры... Но вотъ потянулись знакомые деревенскіе виды, постройки, фигуры людей... Припомнилась теперешняя, сегодняшняя жизнь и маята этихъ людей, живущихъ въ этихъ постройкахъ, — людей, мнѣ давно знакомыхъ, и опять стало чувствоваться неладно «вообще», опять стало страшновато и опять проснулась томительная жажда въ чемъ-нибудь найти опору, прибѣжище...

«Уважать-то васъ, господа, стало не за что!» — вновь припомнились мнѣ слова старушки. и я былъ

очень радъ этому: они, хоть чуть-чуть, а все-таки разъяснили мнѣ, отчего мнѣ стало жутко и страшно. И сознаніе справедливости этихъ словъ старушки не только не убавлялось во мнѣ по мѣрѣ того, какъ я, минуя деревню за деревней и проникаясь все болѣе и болѣе деревенскими впечатлѣніями, приближался къ моему углу, но, напротивъ, впечатлѣнія деревни, смѣняя впечатлѣнія, привезенныя мною изъ столицы, только перемѣняли матеріалъ, не измѣняя душевнаго настроенія и не мало не искореняя внутренняго сознанія въ своемъ недостоинствѣ. Не знаю, въ какомъ томительномъ настроеніи духа пришлось бы встрѣтить мнѣ новый годъ, еслибы одно случайное обстоятельство, маленькая, невѣдомо какъ попавшая подъ руку книжка не дала мнѣ возможности воскресить въ моемъ воображеніи одинъ хорошій, какъ будто бы запропастившійся куда-то русскій типъ. Раздумывая о судьбахъ этого типа, я уже не чувствовалъ себя какъ бы въ какомъ-то кошмарѣ; напротивъ, мнѣ стало совершено ясно, отчего и почему такъ справедливы слова старушки: «не за что васъ, господа, уважать!».

Книжка, которая, повторяю, совершено случайно попалась мнѣ въ руки, было тощенькое изданіе какого-то благотворительнаго общества и заключало въ себѣ кратчайшую (для народа вѣдь!) біографію св. Стефана Пермскаго. Біографія эта написана чрезвычайно плохо, несмотря на то, что изъ-подъ пера г-жи Толычевой, автора этой біографіи, выходили произведенія очень замѣчательныя, но въ этомъ «изданіи для народа» талантливый авторъ почему-то счелъ нужнымъ елико возможно обезцвѣтить оригинальность изображаемаго лица, подогнать его біографію къ обыкновенному житію, излагающемуся на трехъ страничкахъ и продающемуся за три копѣйки. И, не смотря на всевозможные недостатки этого произведенія, несмотря на шаблонность изложенія,— шаблонность, выработанную на Никольскомъ рынкѣ, все-таки тотъ незначительный подлинный матеріалъ жизни святого, которому удалось проникнуть на эти блѣдныя страницы, былъ весьма достаточенъ для того, чтобы въ моемъ воображеніи возникъ тотъ славный человѣческій образъ, который народъ именуетъ *святымъ человѣкомъ*.

Русскій святой человѣкъ — типъ весьма замѣчательный. Шаблонныя житія обыкновенно всячески стараются вогнать его біографію въ шаблонныя рамки «житія святого», полагая, что чѣмъ менѣе въ этой біографіи будетъ отведено мѣста практическому, реальному дѣлу на землѣ, сдѣланному святымъ человѣкомъ, и чѣмъ болѣе напротивъ будетъ сказано о постной пищѣ, вочномъ бдѣніи и искушеніи бѣса, тѣмъ жизнь чтимаго человѣка будетъ святѣе для простонароднаго читателя и тѣмъ болѣе онъ будетъ чувствовать душевнаго умиленія при чтеніи біографіи. На дѣлѣ однако оказывается не такъ.

Практическая польза, ясное, видимое ощутительное добро и полезное дѣло всегда составляли отличительную черту святого человѣка, всегда составляли главнѣйшую особенность его личнаго желанія быть «угоднымъ Богу». Желаніе угодить Богу въ *русскомъ святомъ* всегда выражалось въ трудѣ, самомъ реальномъ и самомъ простомъ, на пользу ближнему, незнающему, невѣжественному, неимущему. Начиная съ Кирилла и Меѳодія, принявшихся «угождать Богу» перомъ и книгой, ученіемъ безграмотнаго народа слову Божію, и кончая русскимъ святымъ человѣкомъ нашихъ дней — Тихономъ Задонскимъ, закладывавшимъ свои часы и платье, чтобы купить задонскимъ мужикамъ сѣмянъ для посѣва или дать взятку приказной строкѣ, безвинно томящей въ острогѣ отца семьи, — всѣ чтимые по разнымъ угламъ Россіи истинно русскіе святые люди — всѣ свои душевныя сокровища, всѣ свои знанія, все свое умѣнье, весь свой умъ всегда *отдавали* нуждающемуся въ нихъ, толпѣ, массѣ народа; никто изъ нихъ не берегъ этихъ сокровищъ «про себя», а прямо несъ на улицу, туда, гдѣ они нужны, и вездѣ оставлялъ ясные, видимые и ощутимые слѣды и знанія, и доброты, и умѣнія...

Да и нельзя было русскому человѣку, желающему «угодить Богу, повторять своею жизнью тѣ образцы «не-русскихъ угодниковъ», по которымъ онъ учился. Борьбу со страстями и похотьми, и съ самимъ собою пережили ужъ другіе—сирійскіе, греческіе подвижники, а намъ, ихъ ученикамъ, ужъ и такъ, изъ книжки только, вполнѣ ясно видно, чему именно слѣдуетъ подражать. Этотъ чужой опытъ указываетъ прямо то, что хорошо, и какъ старинныхъ, такъ и теперешнихъ людей, желающихъ угодить Богу и «жить свято», обязываетъ не таить въ самомъ себѣ свое знаніе, свое сокровище, а отдавать его тѣмъ, кто не обладаетъ имъ, расточать его въ толпѣ, тратить на общую пользу, не вводить во искушеніе, но выводить изъ него...

Только въ самыя раннія времена русскаго просвѣщенія, въ кіевскій періодъ, борьба съ собственною плотью и со врагомъ рода человѣческаго удручаетъ мыслящаго русскаго человѣка; чѣмъ дальше, тѣмъ задача человѣка, желающаго угодить Богу, дѣлается сложнѣе, труднѣе, практичнѣе; онъ уже знаетъ, что плоть его немощна, но приковать къ ея немощности свою молодую душу онъ уже не можетъ, и вотъ онъ начинаетъ уничтожать свою плоть не въ стояніи на столбѣ, а въ трудной будничной работѣ на пользу ближнему. Онъ прямо несетъ свои знанія и свою доброту въ толпу, учитъ и грамотѣ, и опрятности, и порядку, и справедливости, и рукомеслу, и, словомъ, всему, чего нѣтъ кругомъ него и что должно быть, и что ему знакомо.

Вотъ такимъ-то «трудомъ» и работой и Стефанъ Пермскій угождалъ Богу. «Еще мальчикомъ— говоритъ г-жа Толычова—онъ возлюбилъ чтеніе духовныхъ книгъ», но въ то же время и также «еще мальчикомъ» любилъ онъ толкаться по базару г. Устюга, куда по праздникамъ пріѣзжали зыряне; сталъ этотъ мальчикъ приглядываться къ зырянамъ, сталъ разспрашивать ихъ о житьѣ-бытьѣ.

и пермскіе купцы вели съ нимъ охотно разговоры. Изъ этихъ разговоровъ онъ узналъ, что несчастные зыряне въ большомъ рабствѣ и невѣжествѣ пребываютъ, и въ то же время у него зародилась мысль просвѣтить ихъ и помочь имъ выбиться изъ-подъ гнета разныхъ тогдашнихъ воротилъ. Въ юношескомъ возрастѣ поступилъ онъ въ монахи, но выбралъ Ростовскій монастырь, между прочимъ потому, что тамъ «былъ богатый запасъ книгъ». Монашество и изученіе церковныхъ книгъ не сдѣлали однако изъ него «постника»,—человѣка, хлопочущаго о личномъ совершенствѣ, а напротивъ—привели къ мысли реализировать пріобрѣтенныя знанія въ средѣ тѣхъ несчастныхъ зырянъ, съ забитою жизнью которыхъ онъ былъ знакомъ съ дѣтства.

И вотъ началась эта реализація знанія. Это была дѣятельная практическая борьба со зломъ, съ народнымъ невѣжествомъ, умышленно поддерживаемымъ тѣми, кому это невѣжество было выгодно. Бороться приходилось съ первыми зырянскими тузами и авторитетами.

Глупенькіе зырянскіе мужики обвѣшаютъ бывало соболями, куницами, лисицами какой-нибудь священный дубъ, а мѣстные авторитеты (жрецы, какъ называетъ ихъ г-жа Толычева) оберутъ эти приношенія, объявятъ народу, что «Богъ принялъ ихніе дары», и продадутъ эти дары московскимъ купцамъ. Съ кулакомъ въ настоящее время очень трудно бороться интеллигентному человѣку, но св. Стефанъ не робѣлъ. Одинъ какой-то кулачишко, разъѣвшійся на соболяхъ и куницахъ, по имени Пима (и у насъ есть Пимка—кабачникъ, первый плутъ), желая отстоять «своихъ боговъ», т. е. право продавать купцамъ соболи, а деньги класть въ карманъ,— предложилъ «на отчаянность» Стефану пойти въ огонь вмѣстѣ—кто молъ сгоритъ? Пима этотъ очевидно разсчитывалъ, что Стефанъ, такъ глубоко вѣрующій въ своего Бога, по наивности своей самъ вскочитъ въ пламя и сгоритъ тамъ. Это тому было бы на руку. «Вотъ молъ евонный Богъ! Несите-ка, ребята, опять соболей на дерево!» Но Стефанъ, хотя и вѣрилъ въ своего Бога пламенно, однако не поддался на удочку кулачишки, а былъ себѣ на умѣ.

— Я готовъ принять лютую смерть за нашу святую вѣру, сказалъ онъ всенародно.—И ежели я долженъ повелѣніемъ Божіимъ погибнуть, то молитесь за меня и не забывайте ученія Христова.

По приказанію Стефана разложили костеръ, и лишь только онъ разгорѣлся и лишь только Пима подумалъ, что вотъ-вотъ врагъ его вскочитъ въ огонь—какъ Стефанъ схватилъ его за руку и бросился вмѣстѣ съ нимъ къ пламени, «но Пима упирался ногами въ землю и искалъ около себя, за что бы ухватиться».

— Идемъ! крикнулъ Стефанъ и рванулся съ нимъ впередъ, но Пима вырвался изъ его рукъ, а въ толпѣ поднялся гулъ.

— Что-жъ въ огонь-то не идешь, Пима? кричали въ толпѣ, полагая, что Пима — авторитетъ несгораемый.

Но Пима совершенно растерялся и бормоталъ:

— Этотъ иноплеменникъ совратилъ насъ съ пути истины... Я хотѣлъ васъ спасти... хотѣлъ его запугать... *Я думалъ, онъ не пойдетъ въ огонь!* (Стр. 24).

Зыряне, очевидцы плутни кулака, повѣрили Стефану, да и нельзя было не повѣрить. На стр. 29 читаемъ: «Въ то время не было грамотныхъ (да и сейчасъ немного ихъ), а сборщикамъ податей оно было съ руки: всякій обманетъ безграмотнаго, сборщики и обманывали народъ, и брали съ него, чтò хотѣли. Нò великій князь далъ большую власть Стефану во всемъ краѣ и съ тѣхъ поръ никто уже не смѣлъ притѣснять бѣдныхъ зырянъ—знали, что у нихъ есть защитникъ; народъ сталъ пользоваться своими заработками и торговля пошла успѣшно». При такой манерѣ русскаго святого человѣка «угождать Богу», воюя съ сборщиками, съ кулаками, съ обиралами, давая народу возможность пользоваться заработками, торговать, жить лучше и яснѣе видѣть вообще, чтò «вокругъ меня» дѣлается, нельзя не слушаться, не вѣровать въ этого человѣка и нельзя не считать его за человѣка, вполнѣ угоднаго Богу.

V.

Позволю себѣ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній по поводу дѣла, далеко не посторонняго разговору о русскомъ святомъ человѣкѣ. Нѣкоторые изъ читателей моего очерка: «*Трудами рукъ своихъ*» письменно выражали свои недоумѣнія относительно теоріи, изложенной въ рукописи крестьянина, для объясненія которой и написана самая статья; жить трудами рукъ своихъ невозможно потому-то и потому-то, а слѣдовательно и самая теорія крестьянина едва-ли правильна. Мнѣ кажется, что на эту теорію слѣдуетъ смотрѣть такимъ образомъ: она несомнѣнно правильна, какъ во-первыхъ для самого автора, и пожалуй для всего русскаго крестьянства, такъ и для тѣхъ интеллигентныхъ людей, для которыхъ выполненіе ея на дѣлѣ возможно; кто хочетъ добывать хлѣбъ своими руками, а главное — кто можетъ это сдѣлать—для того она будетъ также правильна какъ и для всякаго крестьянина. Но, оставаясь правильной въ своей сущности, она для множества людей теперешняго общества можетъ быть просто неисполнима, невозможна и даже непонятна; это— такъ, но это вовсе не означаетъ, чтобы «неисполнимость», «невозможность» «жить свято», повинуясь крестьянской теоріи труда своими руками, преграждала бы возможность «жить свято» вообще. Типы хорошихъ людей изъ народа не исчерпываются типомъ одного только хорошаго работника своими руками, земледѣльца: не одинъ 60-ти лѣтній старикъ, съ котораго за старостью лѣтъ «сняли мірское тягло», который ужъ переженилъ своихъ сыновей и выдалъ замужъ дочерей, словомъ, освободился отъ *своей* заботы, служилъ уже общей пользѣ, міру, принималъ на себя общую мірскую заботу, мірскія хлопоты, и именно потому принималъ, что ужъ былъ свободенъ, могъ рисковать

собою, изживши все, что полагается изжить на свѣтѣ работнику и земледѣльцу.

Не знаю, нужно ли, да и возможно ли въ этомъ очеркѣ перечислять, какія именно дѣла могъ бы и сейчасъ дѣлать русскій образованный человѣкъ, желающій жить хоть чуть-чуть свято. Такихъ дѣлъ всегда находилъ множество всякій, кто хотѣлъ ихъ находить. Русскій святой человѣкъ, то есть русскій интеллигентный человѣкъ стараго, церковнаго воспитанія, какъ мы видѣли, находилъ ужъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, настолько достаточномъ, что могъ отдавать имъ всю свою жизнь. На нашихъ же глазахъ и не святой, а обыкновенный русскій интеллигентный, совѣстливый человѣкъ также не искалъ дѣла и зналъ, что надо дѣлать. Припомнимъ напримѣръ хоть такого человѣка, какъ кн. Васильчиковъ. Это былъ и баринъ настоящій, и богачъ, и аристократъ, словомъ,— имѣлъ все, что имѣютъ теперь тысячи богачей на Руси, но въ придачу къ богатству и положенію имѣлъ еще и умъ, и совѣсть, и не затруднялся въ розыскиваніи того, что нужно сдѣлать народу. Говорятъ: народъ спивается, мотаетъ деньги, не платитъ податей; предлагаютъ мѣры — акцизы, строгости, нравственность. Васильчиковъ говоритъ, что если тѣ деньги, которыя выручаются съ кабаковъ, будутъ выручаться въ видѣ прямыхъ налоговъ, то кабакъ не будетъ свирѣпствовать; если же кабацкій доходъ надобно выручить все-таки кабацкимъ путемъ, то никакое искусственное поднятіе нравственности немыслимо, а попытки—пустяки. Говорятъ ему о распущенности нравовъ наемныхъ рабочихъ и о нарушеніи ими условій съ хозяевами—и въ этомъ случаѣ Васильчиковъ находитъ возможнымъ знать свою обязанность по отношенію къ народу и говоритъ: «Если дѣйствительно отъ распущенности нравовъ терпятъ интересы землевладѣльцевъ, то еще бо́льшая опасность угрожаетъ самимъ крестьянамъ и сельскимъ обществамъ; помѣщики еще могутъ найти исходъ изъ этого положенія, но на самихъ крестьянъ эти безпорядки лягутъ тяжелымъ бременемъ, круговая порука свяжетъ ихъ на цѣлое полстолѣтіе, и въ этотъ долгій срокъ положеніе ихъ, если не будетъ принято мѣръ къ правильному образованію народа, сдѣлается невыносимымъ: міроѣды ихъ объѣдятъ, пьяницы разорятъ» (стр. 26). И согласно такимъ правильнымъ и простымъ взглядамъ на положеніе народа, Васильчиковъ зналъ, что слѣдуетъ дѣлать и ему, образованному человѣку, чтобы чувствовать себя совѣстливо: расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, народный кредитъ, избавляющій отъ кулачества, народная школа—все это онъ не боялся отстаивать вездѣ, гдѣ было можно. Все это можно отстаивать и теперь всякому, кто чувствуетъ внутреннюю потребность дѣлать людямъ добро.

Все это припомнилось мнѣ, благодаря маленькой книжкѣ, напоминавшей мнѣ хорошій русскій типъ, всегда присутствовавшій на поверхности русской жизни, но какъ-то затертый, куда-то запропастившійся теперь, въ наши сѣрые дни. Какъ бы мрачна, тяжка ни была картина, между мрачными, непривѣтливыми типами виденъ былъ и этотъ хорошій типъ... А вотъ теперь какъ-то непримѣтно его... Гдѣ онъ? А вѣдь былъ онъ, былъ, и объ немъ даже деревенскіе люди иной разъ вспоминаютъ съ сожалѣніемъ.

III. «Пинжакъ» и чортъ.

— Кабы ежели бы *въ ту-то пору* послухать бы евонныхъ (или ейныхъ) словъ, такъ оно бы, дѣло-то, пожалуй-что и по хорошему бы... Да что, дубье, больше ничего! И вся-то цѣна нашему брату—мѣдный алтынъ! Какъ были всю жизнь дураками, такъ видно и въ могилу ляжемъ!

Такими нелестными эпитетами приходится надѣлять самого себя почти всякому современному крестьянину, достигшему примѣрно сорока или сорокапятилѣтняго возраста и почему-нибудь задумавшемуся надъ текущей минутой своей жизни. Надо сказать правду: не хороша, не складна и вообще какъ-то тяжко не свѣтла эта «послѣдняя минута» его сорокалѣтняго житія на бѣломъ свѣтѣ; лѣтъ пятнадцать, даже около двадцати прожилъ онъ въ тяготѣ крѣпостного безправія, въ фантастическихъ, почти сказочныхъ грезахъ о томъ времени, «когда будетъ воля», представлявшаяся также въ сказочныхъ, по-дѣтски представляемыхъ размѣрахъ и очертаніяхъ, и затѣмъ, дождавшись наконецъ дня, въ который воля была объявлена, всѣ послѣдующія двадцать-двадцать пять лѣтъ пережилъ среди небывалыхъ новыхъ, непостижимыхъ и всегда почти непонятныхъ явленій и вѣяній, въ результатѣ которыхъ—трудный сегодняшній день. Что-то неладное, вкравшееся въ его «вольную жизнь» въ самомъ началѣ, какія-то, вовсе несоотвѣтствовавшія его дѣтскимъ, крѣпостнымъ мечтаніямъ «ошибочки» противъ его крестьянской правды,—ошибочки, сдѣланныя «въ землѣ», т. е въ самомъ корнѣ его міросозерцанія, сдѣлали то, что ему не удалось сразу стать на ноги, сразу разстаться со сказкой и мечтаніемъ. «Ошибочка», напротивъ, заставила его смотрѣть на все то новое, что шло ему навстрѣчу, сквозь неразсѣявшуюся дымку этой сказки, и это постоянно сбивало его съ толку, качало и направо, и налѣво и вообще туманило голову. Чуть не съ перваго же вольнаго дня онъ сталъ объяснять «ошибочку» тѣми причинами, которыя напѣвала ему сказка. «Отойдетъ!» вѣрилъ онъ, и въ иныхъ мѣстахъ открещивался отъ земли, а въ другихъ хоть и бралъ то, что пришлось, но никакъ не могъ повѣрить, чтобы скотина должна была пастись въ болотѣ, а не на лугу, или—чтобы вмѣсто пашни можно было хозяйствовать на пескѣ или камнѣ. Долго, безконечно долго жилъ онъ мечтами о «слушномъ часѣ», о «генеральной межѣ» и радовался «всѣмъ нутромъ», что кулачишко Пимка расхищаетъ барина: рубитъ у него безъ пощады лѣсъ, покупаетъ и разламываетъ его родовыя помѣстья; Пимка—«свой братъ»; онъ тоже говоритъ: «отойдетъ», и благодаря его совѣту,

они только посмѣиваются въ бороду, слушая предложенія «барина» купить у него землю, имѣніе, не слушать Пимку... Но шли времена, и приходилось не вѣрить Пимкѣ; Пимка оказывался куда не тѣмъ, чѣмъ бы ему надлежало быть, ибо самъ начиналъ поговаривать, что «ничего отъ него-то, отъ Пимки, ужъ не отойдетъ». А скотина тѣмъ временемъ продолжала пастись въ болотѣ и пашня была не пашня, а невѣдомо что, то есть «ошибочка» оставалась ошибочкой попрежнему... Кому же тутъ вѣрить? Хорошему барину? Но не видно, чтобы онъ что-нибудь дѣлалъ хорошее въ самомъ дѣлѣ. Мысль объ антихристѣ, о страшномъ судѣ мелькала не разъ въ недоумѣвающей крестьянской головѣ, но такъ-какъ и антихристъ также медлилъ своимъ появленіемъ и не давалъ такимъ образомъ возможности выяснить положеніе дѣла, то волей-неволей приходилось опять думать, что «ошибочка» должна быть исправлена, а въ ожиданіи этого—жить коекакъ, какъ придется, закладываясь Пимкамъ, рѣшая водкой дѣла, которыя «по настоящему-то» могутъ быть рѣшены только тогда, когда ужъ не будетъ «ошибочки». И такъ, путаясь въ мечтаніяхъ, вѣря и разувѣряясь, сорока-сорокапятилѣтній деревенскій житель въ настоящую минуту видитъ, что «ошибочка», какъ разбитое корыто, стоитъ на своемъ мѣстѣ, но что помимо ея и изъ-за нея, вокругъ него и надъ нимъ со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ общественныхъ и домашнихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, наросла невѣдомо какая пропасть тяжкаго, кажется, даже вполнѣ ненужнаго, но въ то же время кажется и неизбѣжнаго. И вотъ, раздумывая о какомъ-либо теперешнемъ явленіи будничной жизни, сорокалѣтній деревенскій житель въ концѣ-концовъ не можетъ не заключить своихъ размышленій почти всегда одной и той же фразой:

— Да что! Одно слово — дубье! Намъ, дуракамъ, видно и въ гробъ лечь дураками придется!

Но что̀ значитъ, что, награждая себя такими нелестными эпитетами, деревенскій житель, какъ-бы припоминая что-то, не можетъ миновать и другой фразы: «кабы ежели бы въ *ту-то пору* да послухать..» и говоритъ эту фразу (или думаетъ— все равно) съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ сожалѣнія въ голосѣ.

А значитъ это, что въ его сумбурно-тяжкомъ сорокалѣтнемъ опытѣ жизни было нѣчто еще и *иное*; и хотя это «иное» было такъ-же сумбурно, ни съ чѣмъ не сообразно, не принесло въ результатѣ ровно ничего существеннаго, но, вспоминая его, это иное, нелзя не сознавать, что было въ немъ какъ-бы какое-то *легкое дуновеніе сущей правды*.

Много за эти сорокъ лѣтъ видѣлъ мужикъ всякой всячины: и боялся-то, и переставалъ бояться, и принимался плясать «на радостяхъ», и антихриста начиналъ ожидать со страху; слышалъ и то, и другое, и вѣрилъ всему; а потомъ ничему не вѣрилъ, или оказывалось совсѣмъ не такъ, какъ думалось, какъ вѣрилось и должно бы быть. Но какая-то едва примѣтная струя правды, чего-то такого, про что нельзя не сказать: «вѣрно!», была въ томъ сумбурѣ, показывалась кое-гдѣ, черезъ пятое въ десятое.

Да!.. Какъ ни нелѣпо, какъ ни сумбурно предъявилъ въ народной массѣ «сердечный» человѣкъ шестидесятыхъ годовъ свое стремленіе «къ народу» и «въ народъ», въ какомъ бы ни съ чѣмъ несообразномъ видѣ ни появлялся онъ въ народной массѣ съ своими сердечными излiяніями, планами, совѣтами—все-таки онъ «былъ» тутъ, былъ въ деревни, бормоталъ «свое» наряду съ тѣмъ, что бормотали, совѣтовали, сулили, предсказывали всѣ другіе, и это бормотанье не могло пройти безслѣдно; оно оставило въ воспоминаніяхъ сорокалѣтняго деревенскаго жителя какой-то, хотя и слабый, едва ощущаемый звукъ, но звукъ правдиваго *слова*, чего-то подлиннаго, справедливаго.

— Кабы ежели-бы «въ тѣ поры» послухали бы Михалъ Михалыча да укупили бы его землю-то обчествомъ, такъ оно бы пожалуй что и не того...

Натворивъ въ мірскомъ сходѣ или въ волостномъ судѣ пропасть всякой неправды и возвращаясь подъ хмелькомъ домой, сорокалѣтній деревенскій современникъ не можетъ не раздумывать объ этой неправдѣ и всегда либо про себя, либо вслухъ непремѣнно вспоминаетъ что-нибудь изъ «той поры».

Но можно ли было «въ ту-то пору» послухать этого Михалъ Михалыча? Михалъ Михалычъ былъ баринъ—это первое; и потомъ «съ чего» это онъ лѣзъ къ мужикамъ цѣловаться, совалъ деньги въ руки, обнимался? Откуда деньги-то у него? И кто добрый человѣкъ будетъ этакъ-то швырять? «Берите у меня землю! Отымайте ее у меня! Подлецъ я, да, я подлецъ!» Кто этакъ-то дѣлаетъ? Одной Марфуткѣ передавалъ денегъ зря болѣе пожалуй пятисотъ серебромъ, а что въ ей скусу, въ Марфуткѣ-то? Больше ничего—солдатка. Связался при всемъ честномъ народѣ съ этой шкурой, а свою законную жену зря покинулъ. Да и опять вѣдь сказывали: и такъ, молъ, отойдетъ. Такъ чего-жъ ее укупать-то? Вѣдь тожъ, укупи-ко-сь... А вѣдь какъ набивался-то: «Купите, православные, дайте мнѣ вамъ послужить. Душа моя требуетъ этого!»— Ишь вонъ Марфутка-то... что̀ была? А нонѣ, по дико-сь, какъ орудоваетъ по сѣнной части... Мужа вишь купила себѣ изъблагородныхъ... Нѣтъ, кабы въ ту-то пору... такъ... Да что ужъ!.. Дубье! И цѣна-то намъ всѣмъ, дуракамъ, мѣдный грошъ... Какъ жили дураками, такъ видно и въ землю дураками ляжемъ!.. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ узнаешь, что къ тебѣ пришла правда, а не какая-нибудь хитрая штука, не подвохъ? Вотъ тоже еще «объявлялся» въ нашихъ мѣстахъ человѣчекъ и тоже, какъ подумаешь, не все зря болталъ. Ежели-бъ намъ тогда по евоннымъ словамъ Пимкѣ-кулаку не покориться да на оборотку ему съ заливными лугами сдѣлать, такъ оно бы пожалуй-что и попревосходнѣй вышло... А болталъ вѣдь, какъ кричалъ-отъ! А опять-же какъ вспомнишь все подробно, такъ тоже нельзя было дать вѣры этому человѣку: и невѣдомо откуда взялся, и невѣдомо кто. Ну, Михалъ Михалычъ положимъ что

баринъ; ну, взбрело ему въ умъ, вотъ онъ и сталъ мотать деньги... Ну, а этотъ съ чего? Ни кола, ни двора, ни штановъ, ни даже жилетки нѣтъ... Только цигарки жжетъ да книжку читаетъ, а между прочимъ только и зудитъ: «Вамъ убытокъ въ десять тысячъ, тутъ убытокъ вамъ въ тридцать тысячъ»...Тыщи, да милліоны, да горы золотыя сулилъ, а самому иной разъ нечего перекусить... Что ему, безштанному-то, тыщей чужихъ жалко стало? Ну, положимъ, что... Ну, а слова-то какія говорилъ при всемъ честномъ народѣ? Вѣдь за эти слова-то такъ вѣдь четвертовать его, идола, и то мало! Нешто можетъ человѣкъ, который понимаетъ Бога, да чтобъ онъ посмѣлъ?... А вѣдь онъ что!.. Вѣдь онъ даже... Ну, какъ же Пимку-то не послухать было? Нешто Пимка-то не правду говорилъ: «Эй, ребята, глядите въ оба! Онъ вамъ надѣлаетъ дѣловъ! Сма-атрите!» Да что мнѣ Пимка? Я бы и самъ его своими руками, жида этакова, скрутилъ да представилъ. Тутъ и слухать-то крещеному человѣку такихъ словъ невозможно, не токмо-что... А что ежели бы въ ту пору насчетъ Пимки бы... и дѣйствительно насчетъ луговъ, такъ оно, пожалуй, и на другой бы манеръ обозначилось. Пимка-то вонъ и точно, по его, какъ онъ сказывалъ, оболваниваетъ нашего брата. Ежели бы въ ту-то пору захватить кузьминскіе-то покосы, такъ Пимка теперь бы. . Да чего ужъ!Одно слово— дубье! Такъ дураками видно и въ могилу ляжемъ».

Нескладно и даже какъ бы «неприлично» для «барина» проявилось въ немъ это стремленіе жить и дѣйствовать по сущей правдѣ; въ нескладныхъ, ни на что не похожихъ и ни съ чѣмъ несообразныхъ формахъ проявилось оно среди народа, въ деревнѣ, въ мужицкой избѣ; да и для народа, среди котораго оно проявилось, оно казалось также ни съ чѣмъ несообразнымъ, нескладнымъ, ни на что непохожимъ и ужъ во всякомъ случаѣ «сумнительнымъ» явленіемъ; но во всей этой нескладицѣ, неожиданности формъ проявленія дѣйствительно таилась «сущая правда», настоящая, безъ всякой примѣси и обмана, и милліонная доля ея, понятная и постижимая припоминается теперь на каждомъ шагу, такъ-какъ на каждомъ шагу—въ общественныхъ, мірскихъ, домашнихъ, семейныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ—чувствуется потребность въ коренномъ обновленіи крестьянскаго дѣла, крестьянскаго духа, ума; чувствуется потребности выразить стремленіе къ правдѣ, всегда неизмѣнной, въ иномъ видѣ, иной формѣ, иномъ размѣрѣ.

И вотъ, въ такія-то минуты и припоминаются сорокалѣтнему современнику эти невѣдомо откуда принесшіяся дуновенія сущей правды, «объявлявшейся въ *ту пору*» и невѣдомо куда канувшей, и никакого иного, кромѣ смутнаго воспоминанія, не оставившей слѣда.

Къ сожалѣнію, это появленіе въ народной средѣ какихъ-то едва-едва вспоминаемыхъ очертаній «сущей правды», т. е. какихъ-то такихъ поступковъ и какихъ-то такихъ словъ и указаній, въ которыхъ какъ будто-бы заключалось именно то, что надобно было крестьянину новой жизненной обстановки, то, чему слѣдовало-бы вѣрить—къ сожалѣнію, все это появлялось въ народной средѣ въ такихъ капельныхъ размѣрахъ и съ такой неподходящей внѣшностью, что оставило только дѣйствительно едва замѣтный слѣдъ, частицу какого-то случайно хорошаго звука, едва припоминаемое ощущеніе какого-то благотворнаго дуновенія.

И хотя поэтому выраженіе: «кабы ежели бы *въ ту пору*» и слышится въ устахъ деревенскаго современника чуть не на каждомъ шагу, потому-что на каждомъ шагу онъ ощущаетъ и тьму, и страхъ, и безразсвѣтную тяготу нескладицы, но это вовсе не значитъ, чтобы «въ ту пору» онъ почерпнулъ такъ много необходимыхъ ему идей, что съ помощью ихъ вполнѣ понимаетъ все, что̀ теперь творится съ нимъ. Далеко нѣтъ; «въ ту пору» было только что-то похожее на правду, частица, крохотная капелька, которая много-много что дастъ возможность задуматься надъ спутавшейся и сбитой въ кучу современностью.

II.

Вотъ и семидесятилѣтній старецъ, исконный деревенскій житель, Афанасій Фирсановъ, закручинившись о своей домашней бѣдѣ, которая какъ снѣгъ на голову свалилась на его домъ и семью, также не можетъ почему-то не вспомянуть прошлыя времена.

— Кабы въ тѣ поры-то, размышлялъ онъ,— послухали бы энту самую барыню-то, да взяли работницу, да Прасковью-то свезли въ лазаретъ, такъ оно бы пожалуй-что и совсѣмъ бы по хорошему вышло.

Вспоминаетъ Афанасій Фирсановъ, какъ однажды «въ ту пору», невѣдомо откуда, не то «на дачу», не то—такъ, невѣдомо, зачѣмъ, налетѣла какая-то барыня-лекарка, въ очкахъ, стриженая... И какъ она шумѣла по избамъ, ругая мужиковъ и бабъ за больныхъ дѣтей, какъ она бабъ было всѣхъ взбунтовала противъ мужиковъ, говоря, что имъ, почитай, всѣмъ бабамъ, нельзя было работать въ полѣ, что у одной одна болѣзнь, у другой—другая; что это злодѣйство—не лечиться, что будетъ хуже. Вспомнилъ онъ, что и Прасковьѣ сказала она: «Нельзя, надо лечиться», и Прасковья уже подумывала было не идти на работу. Но вспомнилъ и то, что никогда этого ничего не бывало, что бабы завсегда работали и будутъ работать, и проповѣдывать: «лечись»—значитъ бунтовать, становить вверхъ дномъ весь обиходъ крестьянской жизни. «А кто подати будетъ платить? А съ кого спросятъ? А ѣсть-пить кто добудетъ? А скотина?»... Все это такія возраженія, что даже сами бабы скоро перестали слухать лекарку, которая очевидно говорила чортъ знаетъ что̀, бунтовала, да и по прочимъ рѣчамъ ея видно было, что она больно сумнительная дама, потому—такія слова говорила, что каждый крещеный человѣкъ безпремѣнно долженъ бы представить ее по начальству, а не то что «слухать» да покоряться ея бунтовству

Но, выбирая изъ всѣхъ этихъ воспоминаній только едва вспоминаемый совѣтъ—лечить Прасковью, онъ хотя и чувствуетъ, что этотъ совѣтъ былъ точно правиленъ, но очень хорошо знаетъ, что, даже и вспомнивъ этотъ правильный совѣтъ, ему не понять всей безпросвѣтной тьмы навалившагося на него горя.

То, о чемъ онъ думаетъ, — такая тьма, что разобрать ее нѣтъ источниковъ; въ общихъ чертахъ горе Афанасія Фирсанова состоитъ въ томъ, что нежданно-негаданно прошлой осенью въ дому его появилась порча. Женилъ онъ сына; и сынъ молодой, и жена его молодая; оба молодцы-силачи. Но на второй день свадьбы сдѣлалась порча съ молодой, а потомъ и съ молодымъ, а затѣмъ и пошло «бить» о земь, ломать всю родню; даже сосѣднихъ бабъ ни съ того, ни съ другого начало корчить, бросать и катать по полу, — словомъ, произошло невѣдомо что. Весь домъ упалъ духомъ, опустилъ руки, сталъ приходить въ упадокъ; грызущая тоска, никогда незнакомая прежде жителямъ этого дома, стала сосать ихъ всѣхъ, и всѣхъ закручинило глубокой тоской.

Вотъ что̀ стряслось надъ домомъ и надъ всею семьею Афанасія Фирсанова; и не безъ основанія мелькнуло ему воспоминаніе о словахъ барыни лечить Прасковью (тогда бы не надо было женить сына), но все-таки эти слова лекарки-барыни и сотой доли не освѣщаютъ и не разъясняютъ въ этомъ сложномъ и необычайномъ происшествіи. Чувствуетъ и видитъ старикъ, что въ этомъ горѣ кромѣ явнаго участія чорта, явившагося нежданно-негаданно, сплелось все то, что̀ запутало вообще теперешняго человѣка, съ чѣмъ не можетъ справиться стариковскій опытъ, къ которому въ помощь не выработано ничего новаго, вѣрнаго, прочнаго, и только вотъ когда-то мелькнула какая-то капелька, подходящая къ тому, что нужно, мелькнула «въ ту пору» и исчезла.

Но, дѣлая попытку разсказать эту темную исторію и разобраться въ ней, чтобы имѣть понятіе о томъ, до какой степени вообще запутаны головы нашихъ деревенскихъ современниковъ, я чувствую уже, что едва-ли мнѣ удастся благополучно выбраться изъ этой сложной тьмы событія, и пусть читатель извинитъ меня, если, не одолѣвъ всей сложности дѣла, я ограничусь главнымъ образомъ выясненіемъ только самыхъ характерныхъ особенностей упомянутыхъ выше двухъ жизненныхъ теченій, столкнувшихся въ этомъ дѣлѣ.

III.

Семья и домъ Афанасія Фирсанова съ давнихъ временъ считались въ нашей «округѣ» самыми образцовыми и самыми счастливыми въ отношеніи крестьянства и крестьянскаго дѣла; все, что̀ слѣдуетъ по крестьянству, шло у нихъ всегда ладно, складно, обильно, прочно и вообще солидно. Да и не мудрено; посмотрите на мужиковъ: дѣдъ, который въ настоящее время какъ-то разслабъ и растерялся, не смотря на свои семьдесятъ слишкомъ лѣтъ, до неожиданнаго событія былъ истинно молодецъ; неотличить было отъ сына, которому всего-на-всего лѣтъ сорокъ пять; здоровые оба, сильные, а главное, что особенно отличало эту семью отъ другихъ, веселые, — рѣдкое явленіе въ деревенской жизни. Въ полѣ на работѣ, на сходкѣ у кабака, даже на учетѣ мірского старосты, гдѣ уже непремѣнно всѣ злы и норовятъ разорвать другъ дружку, Афанасій съ сыномъ Иваномъ непремѣнно хохочутъ—не смѣются, а хохочутъ, медленно, громко, раскрывая весь ротъ широко и держа голову прямо. Міряне вопіютъ, галдятъ, упрекаютъ другъ друга и ругаются самыми отборными словами, уличаютъ другъ друга и распинаются изъ-каждой копѣйки, хотятъ разыскать сущую правду въ каждомъ глоткѣ мірской водки, а Афанасій съ Иваномъ, засунувъ руки въ карманы разстегнутаго полушубка или армяка, только хохочутъ да изрѣдка приговариваютъ:

— Пущай его... экъ его!. Хо-хо-хо!.. Чего не скажетъ!.. Ха-ха-ха!..

«Пущай!»—этимъ словомъ они потверждаютъ всякое мірское рѣшеніе; не спорятъ, не прекословятъ, а только говорятъ одно:

— Пущай!... По многу-ль? По полтинѣ, вишь... Ха-ха-ха! Ну, пущай по полтинѣ... Ишь что шуму-то... Ха-ха-ха... Ладно, что ужъ, по полтинѣ .. Доставай, Иванъ... Ха ха-ха!..

И на дворѣ со скотиной тоже у нихъ веселое обращеніе, не слышно чего-нибудь вродѣ: «У, пропасти на тебя нѣтъ!.. К-ккуд-ды понесло тебя, проклятущую?», а напротивъ, тотъ-же поступокъ коровы или лошади обсуждается всегда съ веселой точки зрѣнія:

— Глянь, глянь, куда полѣзла!.. Аха-ха-ха!.. Ишь вѣдь что мудритъ... Хо-хо-хо!..

И даже въ самыхъ, повидимому, критическихъ обстоятельствахъ, когда вся деревня ходитъ понуря голову, когда неурожай, даже холера, — и тогда Фирсановы разговариваютъ не такъ, какъ всѣ.

— Что, Афанасій Петровичъ, никакъ холера идетъ? Не умереть бы какъ нибудь...

— Да вѣдь какъ же не умирать-то? Ха-ха-ха! Ужъ безъ этого нельзя, чтобъ не померетъ...

Или:

— А что, Иванъ Афанасьевичъ, сказываютъ, хлѣба-то совсѣмъ не родилось?

— Даже и совсѣмъ ничего не родилось... ха-ха-ха!.. ей Богу!..

— Такъ какъ же быть то?

— Да вотъ, поди-ка! безъ хлѣба-то поживи! Ха-ха-ха! Изволь-ка вотъ безъ хлѣба-то оборудовать, умудрись! Хо-хо-хо!..

Да и въ самомъ дѣлѣ убережешься ли отъ холеры, если она порѣшитъ отправить тебя на тотъ свѣтъ, если будешь причитать о ней и говорить жалкія слова? И хлѣба не прибудетъ, ежели выть да стонать о безхлѣбьѣ. Если даже придется въ долгъ у кулака хлѣбъ занимать, такъ тоже нѣтъ никакого резона роптать или негодовать: скрежещи—не скрежещи, рыдай—не рыдай, а все отдашь занятое вдвое или втрое.

— Ты ужъ мнѣ, Афоня или Ваня,—говоритъ кулачишко Афанасію Петровичу или Ивану Афанасьевичу—ты ужъ мнѣ, миляга, въ двѣ препорціи отдашь, въ обработку-то! Это надыть помнить.

— Такъ пущай же и въ двѣ... ха-ха-ха! отвѣчаетъ Афоня или Ваня. — Коли въ двѣ надо, такъ и въ двѣ... ха-ха-ха... препорціи надыть отдавать... ха-ха-ха... а не въ одну препорцію... ха-ха-ха. . Коли въ двѣ надо... хо-хо-хо!..

Какъ разъ подъ стать здоровымъ, рослымъ и хохочущимъ мужикамъ попались и бабы въ семью Афанасія Петровича. Еще прабабка, корень всей этой веселой породы, установила правильно и прочно «бабью часть», выбирая бабъ не кручинныхъ, а веселыхъ, легкихъ сердцемъ. И Афанасію, своему сыну, и Ивану, сыну Афанасія, она сама розыскала невѣстъ, и все изъ такихъ «некручинныхъ» бабъ. Тяжкій крестьянскій трудъ испоконъ вѣку, благодаря такому веселому «заводу», веселому тону, отличавшему семью «съ искони», ни капли не теряя въ своей тяготѣ, шелъ однако съ легкимъ сердцемъ, веселымъ порядкомъ. Въ такомъ же тонѣ стала жить семья и тогда, когда и прабабка, и бабушка померли. Сильные и здоровые мужики — дѣдъ и отецъ, да два подростка, изъ которыхъ Михайлѣ (сыну Афанасія) было уже подъ двадцать лѣтъ, а Семену (сыну Ивана и Прасковьи) лѣтъ тринадцать, рѣшительно не нуждались послѣ этихъ двухъ смертей въ какомъ бы то ни было приращеніи еще новой силы въ семьѣ, хотя бы въ лицѣ жены Михайлы, котораго по настоящему-то ужъ и слѣдовало женить. Однихъ такихъ мужиковъ, какъ дѣдъ, сыны и внукъ Семенъ, да такой бабы, какъ Прасковья, было совершено достаточно для того, чтобы все хозяйство шло, какъ должно.

Послѣ смерти бабки Прасковья почувствовала себя не только не хуже, но, напротивъ,—какъ бы просторнѣе, шире, самостоятельнѣе; маленькихъ дѣтей не было, а у мужиковъ столько было силы, что иногда Михайлѣ, двадцатилѣтнему дѣтинѣ, совсѣмъ нечего было дѣлать: Афанасій, Иванъ и тринадцатилѣтній Семенъ «играючи» передѣлывали столько домашнихъ пустяковъ (на которыхъ Сенька «учился» хозяйствовать), что Прасковьѣ оставалось только бабье дѣло, не осложненное присутствіемъ маленькихъ ребятъ. И она, какъ хорошая печь, нагрѣвающая сразу четыре комнаты, была центромъ семьи, вполнѣ удовлетворяя необходимому присутствію въ домѣ женскаго или бабьяго элемента, и притомъ въ размѣрахъ самыхъ надлежащихъ: есть въ домѣ уютъ, уходъ и бабій (особенный) разговоръ—и нѣтъ никакой надобности прибавлять ко всему этому ни новыхъ силъ, ни новыхъ осложненій жизни, принимая въ дому сноху. Можно было приглашать сосѣдку на подмогу, напр., въ стиркѣ или зимой къ скотинѣ, но брать въ домъ бабу, т. е. принимать въ семью незнакомаго человѣка, входить въ новыя связи, и согласно имъ и характеру новой бабы, измѣнять что-нибудь въ прочно установившемся обиходѣ жизни не было рѣшительно никакой надобности. Вотъ отчего Михайло, двадцатилѣтній парень, рослый, здоровый и веселый пока былъ не женатъ и жилъ, благодаря излишку въ домѣ мужскихъ силъ, свободно, легко, привольно.

IV.

Иногда Михайло, сынъ Афанасія, чувствовалъ себя въ своей семьѣ совершенно лишнимъ и не въ томъ отношеніи, чтобы онъ былъ лишній ротъ, а просто не требовалась семьею его рабочая сила: помогать дѣду, отцу, то-есть убавлять ихъ трудъ, «облегчать» — это значило бы то-же самое, какъ облегчать трудъ поэта, заставляя его не писать, или трудъ актера, живописца помощью блестящаго обезпеченія, лишая ихъ возможности играть на сценѣ или трудиться надъ картиной.

Ни Афанасій, ни Иванъ, ни даже Сенька не могли бы «спокойно» высидѣть въ домѣ не только дня, а двухъ часовъ, часа подрядъ безъ какой-нибудь работы; одна потребность дышать не комнатнымъ, а настоящимъ воздухомъ, и та уже не даетъ возможности усидѣть дома часа; а потребность движенія, ходьбы, упражненія всего тѣла? Посовѣтуйте-ка Афанасію или Ивану пойти, положимъ, въ управляющіе къ хорошему господину, получать хорошія деньги и смотрѣть за людьми, а не работать — не пойдутъ. «Нѣтъ, скажутъ они, ужъ мы насчетъ работы не утерпимъ... нѣтъ, не утерпишь!..» И точно, нельзя утерпѣть не работать, такъ же какъ нельзя и поэту, и художнику не измучивать себя надъ своимъ трудомъ. «Мнѣ ежели посидѣть такъ-то дома день, такъ у меня сейчасъ зашкурная кровь начнетъ въ темя бить и сейчасъ во всемъ тѣлѣ пойдетъ ломота и звонъ, и не приведи Богъ!»

— У насъ леченье извѣстное,— говорилъ мнѣ Афанасій,—какъ чуть что, сейчасъ раздѣлся, пошелъ въ одной рубахѣ на морозъ да принялся ворочать, что тамъ слѣдуетъ, покудова дымъ отъ всего корпуса не повалитъ какъ изъ овина – вотъ и все, и всее болѣзни-то духу не останется! Ха-ха-ха!... Духу-то ея даже не слышно будетъ... хо-хо-хо... и куда она дѣвалась, эта самая болѣзнь-то... ха-ха-ха... съ собаками ее не сыщешь хо-хо-хо!.. Вотъ какая у насъ аптека-то... ха-ха-ха!..

А Михайло былъ дѣтина молодой, здоровый, не сидѣть же ему дома, сложа руки? Такимъ образомъ сама судьба, отстраняя его отъ крестьянства, стала понемногу да полегоньку вталкивать его въ тотъ новый сортъ деревенскихъ людей и дѣлъ, который держится ужъ не на хлѣбопашествѣ и не на трудѣ рукъ своихъ, а на «наживѣ» денегъ, на «оборотахъ», и вообще толчется вокругъ разныхъ дѣлъ и предпріятій, жизненная сила которыхъ — не руки, а деньги. И такихъ дѣлъ и людей не мало уже въ деревенской средѣ, хотя «дѣла» эти носятъ общій всей теперешней деревенской жизни сумбурный, случайный характеръ.

Вдругъ пронесется между денежными людьми разнаго званія и состоянія, «здѣшними» и пришлыми, какъ бы манія строить паровыя мельницы, какъ предпріятія чрезвычайно выгодныя, и вокругъ этихъ предпріятій уже толчется куча народу, ко-

торый «поставляетъ матеріалъ», занимаетъ мѣста, «смотритъ», закупаетъ. Но манія проходитъ: годъ-два опыта отлично выясняютъ, что не только пяти мельницамъ нечего дѣлать въ нашихъ безхлѣбныхъ мѣстахъ, а и одной-то еле-еле окупить дровяной расходъ. Смотришь, и потухъ одинъ промышленный кратеръ, за нимъ потухъ другой—и цѣлая толпа людей въ «пинжакахъ», въ высокихъ сапогахъ съ бураками и при часахъ, «толкается» по трактирамъ и станціямъ, по лавкамъ и другимъ люднымъ мѣстамъ, норовя паткнуться еще на какое-нибудь предпріятіе, въ которомъ ничего никто по обыкновенію не смыслитъ, результатовъ и цѣлей котораго никто не знаетъ, но жалованье получать можетъ всякій.

Погасли мельницы—пошли въ ходъ лѣсопилки.

— Досшечки стали каки-то пилить!—говоритъ человѣкъ, приткнувшійся къ «досшечкамъ».

— Пятнадцать рублей въ мѣсяцъ даетъ, только надзирай да матерьялъ провѣряй!

— Что-жъ, 15 р. ничего!

— Чего-жъ, ничего!

— Да какія такія досшечки?

— Да песъ ихъ знаетъ... такъ, махонькія... аршинъ долины, да вершка два ширины... невеликія досшечки... Отправляютъ куда-то... сказываютъ, за-границу... въ селедочныя мѣста, откуда селедка дѣйствуетъ...

А лопнетъ дѣло съ «досшечками» и съ селедкой, глядишь, и новое какое-нибудь нарождается: кто-то началъ съ керосиномъ орудовать, «вагоны стали приходить», и опять «пинжачная» деревенская толпа толпится у новаго дѣла, до тѣхъ поръ покуда оно не лопнетъ.

Замѣчательно, что вся пинжаковая толпа, толкаясь около этихъ новыхъ дѣлъ, надсматривая за ними, закупая, поставляя, дѣйствуетъ всегда въ такомъ направленіи, результатомъ котораго въ концѣ концовъ непремѣнно будетъ то, что предпріятіе «лопнетъ», чтобы дать мѣсто новому мыльному пузырю. Отправляясь дѣлать закупки, поставлять, всякій «пинжакъ» съ самаго начала предпріятія почему-то таитъ въ глубинѣ своей души мысль о томъ, что дѣло это должно лопнуть, таитъ эту мысль невольно отъ себя, безъ умысла даже, и сообразно съ этой неотразимой увѣренностью, что дѣло затѣвается именно только для того, чтобы въ концѣ концовъ лопнуть, производитъ и закупки, и поставки. «Не вѣкъ же ей пыхтѣть, досшечки пилить!» думается этому слугѣ капитала. То, что у всякаго дѣла существуетъ и начало, и продолженіе, и конецъ, даже въ случаѣ успѣха, томитъ уже «пинжакъ», разслабляетъ его, лишаетъ расторопности, проворства, надоѣдаетъ своимъ однообразіемъ, «манеромъ». А когда дѣло наконецъ лопается, «пинжакъ» вновь оживаетъ и, оживленно обсуждая въ трактирѣ исторію только-что лопнувшаго мыльнаго пузыря, пытливо смотритъ впередъ, ожидая, какую еще штуку, затѣю, выдумку пошлетъ ему чей-нибудь пока еще совершенно невѣдомый карманъ.

Мало-по-малу Михайло, совершенно свободный отъ крестьянства, сталъ «толкаться» вокругъ этихъ дѣлъ; сначала толкался онъ такъ, отъ нечего дѣлать; потомъ—чтобы не быть празднымъ, а наконецъ сталъ брать и мѣста. Да и какъ же не брать? «Иди, смотри за досшечками... пятнадцать рублей, больше ничего!» Какъ же не взять пятнадцати рублей за такое дѣло, да и вообще: какъ же не взять денегъ, коли даютъ? И такъ постепенно, то по керосиновой части, то по селедочной, то по кирпичной, прилаживаясь и практикуясь, Михайло, самъ того не замѣчая, далеко ушелъ отъ крестьянства, и года черезъ два-три такой практики стоялъ уже совершенно на другой линіи. Онъ теперь, незамѣтно для самого себя, сдѣлался уже членомъ этой пинжаковой среды, толкающейся вокругъ денегъ и денежныхъ дѣлъ. Жениться ему на крестьянкѣ, на бабѣ, уже совершенно нѣтъ никакого резона; онъ стоитъ на такой *линіи*, которая прямо ведетъ его къ браку на дѣвицѣ съ деньгами, которыя дадутъ ему возможность завести свое дѣло, «орудовать» на свой капиталъ. Онъ молодъ, здоровъ, красивъ, получаетъ тридцать рублей серебромъ жалованья на хозяйскихъ харчахъ, и между молодыми дѣвицами этого «пинжаковаго міра», родители, родственники и женихи которыхъ всѣ либо «орудуютъ», либо «жалованье получаютъ»,—дѣвицами, которыя гуляютъ въ «дипломатахъ», Михайло ужъ желанный женихъ; на «балахъ», которые задаетъ этотъ пинжаковый міръ, онъ всегда въ числѣ кавалеровъ. Даже «на пристани», гдѣ самый цвѣтъ и центръ кулачья и всякаго люда, получающаго жалованье, Михайло не послѣдній гость. Кулачье по случаю безграмотства изобрѣло пригласительные билеты, напечатанные въ губерніи: «Иванъ Иванычъ господинъ Пощечинъ, съ супругой Анной Петровной, просятъ васъ, милостивый государь, почтить ихъ благосклоннымъ вниманіемъ на чашку чая съ танцами и духовой музыкой, о чемъ имѣю честь увѣдомить». Такихъ билетовъ у Михайлы полны карманы, такъ-какъ такихъ вечеровъ на пристани тьма тьмущая: и старшина, который сѣномъ орудуетъ и отлично знаетъ, что мірской учетъ кончится неблагополучно, и урядникъ, и изъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ масса лицъ, получающихъ жалованье, и десятки другихъ воротилъ по дровяной, рыбной, овсяной частямъ—все это живетъ весело, даетъ вечера, выписываетъ военную музыку, благо близко стоитъ полкъ. Вмѣстѣ съ пинжаками, дипломатами, картами и другими внѣшними признаками привилегированныхъ людей вторглись въ этотъ міръ и танцы, и музыка, а по части съѣстной и говорить нечего: портвейнъ, хересъ, мадера, сыръ, сиги копченые, маринованная корюшка, шеколадъ, апельсины, пуншъ, ромъ, ветчина, сардинки и нѣсть числа и мѣры всему благородству, которое вломилось сюда, и все это въ широкихъ размѣрахъ истребляется на балахъ.

— Сначала—разсказывалъ Михайло родителямъ—на балахъ на этихъ самыхъ наѣшься всего, напримѣръ щеколаду, ветчины тамъ, мороженаго, колбасы, апельсиновъ; ну и прочаго всего какъ

нахватаешься, такъ бывало башку-то такъ тебѣ и разламываетъ, точно клиномъ... (Хо-хо-хо!—гремятъ родители.) Стоишь, стоишь потомъ у забора, пока все кончится... (Хо-хо-хо... Балъ! Вотъ такъ балъ!.. Ха-ха-ха!) Ну, а теперича, такъ что хошь: апельсинъ, такъ апельсинъ, щеколадъ, такъ щеколадъ, рыба, такъ рыба—чтò хошь! Налей ты меня и набей всего какъ кулекъ съ овсомъ—ни въ одномъ глазѣ! Какъ былъ, такъ и есть... (Хо-хо-хо!.. Вотъ такъ ловко-же прокоптѣлъ ты, Михайло!.. Ха-ха-ха!)

Современемъ Михайло надѣялся пообвыкнуть и пообкоптѣть хорошенечко и относительно знакомства съ другими свойствами и качествами этого новаго общества. Онъ вовсе не хотѣлъ быть изъ послѣднихъ; послѣдними они и въ мужикахъ-то не привыкли быть; вся семья такая у нихъ, такъ и тутъ вовсе нѣтъ резону соваться зря, не разузнавъ дѣла. Невѣстъ—сколько угодно, но нѣтъ никакой надобности соваться въ это дѣло, не разобравши хорошенько всего. И Михайло не спѣшилъ съ своей карьерой, все болѣе и болѣе входя въ знакомство съ этимъ новымъ обществомъ и все болѣе проникаясь его идеями, нравами и обычаями.

И по мѣрѣ знакомства Михайлы съ пинжакомъ, табакомъ и трактиромъ, вмѣстѣ съ знакомствомъ какъ вести себя на балахъ (ѣшь, сколько хошь, только чтобы не икать громко и т. д.), незамѣтно для Михайлы стала, какъ тонкая отрава, проникать въ его душу и мораль этого «пинжаковаго» образа жизни. То, что для него, какъ для крестьянина, было-бы дѣломъ совершенно немыслимымъ и иногда прямо позорнымъ, здѣсь стало представляться въ совершенно иномъ видѣ. Обмануть, хотя бы сказавъ «не знаю», когда «знаешь», или «не былъ», когда «былъ»,—для него сдѣлалось не только не конфузнымъ, а какъ-бы даже необходимымъ дѣломъ. Скажи онъ, что знаетъ цѣну керосину, или сѣну, или дровамъ, онъ повредитъ своему хозяину, дастъ возможность нажиться другому,—словомъ, поступитъ совершенно глупо и безсовѣстно. Напротивъ, хорошо, ловко соврать, такъ, чтобы въ результатѣ получился успѣхъ, стало для него дѣломъ обязательнымъ; лганье, обманъ, уловка оказывались нужными для этого денежнаго дѣла такъ-же, какъ для крестьянства нужна коса, чтобы скосить сѣно, серпъ, чтобы снять хлѣбъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ насиліе надъ человѣкомъ, которое-бы онъ самъ считалъ грѣхомъ въ крестьянскомъ обиходѣ, такъ-же стало для него обязательнымъ и ничуть неудивительнымъ, разъ онъ сталъ на денежную линію. Заключить контрактъ, пользуясь чужою недогадливостью, незнаніемъ или, вѣрнѣе, просто сномъ не подозрѣвающаго бѣды человѣка, а потомъ обирать этого человѣка, какъ липку, тоже стало дѣломъ вовсе неудивительнымъ. «Плати и торгуй, а безъ моего позволенія не можешь на копѣйку продать, потому у меня вотъ какой контрактъ сдѣланъ; на пятнадцать верстъ одинъ я могу торговать, а никто другой не имѣетъ права». Все это ужъ нисколько не удивляло Михайлу.

Средствъ нѣтъ перечислить, сколько совершенно невозможныхъ въ крестьянскомъ быту неправдъ вторглось въ сознаніе Михайлы въ видѣ самыхъ непреложныхъ истинъ, не только не унижающихъ его предъ своимъ братомъ-крестьяниномъ, но напротивъ—становящихъ его куда выше мужика и притомъ на необозримо далекомъ разстояніи. Между прочимъ отношенія его къ женскому полу, имѣющія для нашего разсказа большое значеніе, приняли совершенно иной смыслъ сравнительно съ крестьянскимъ. Будь онъ деревенскимъ парнемъ, онъ хотя-бы и баловался съ дѣвицами на посидѣлкахъ, но баловство это никогда-бы не могло перейти во что-бы то ни было дурное; онъ и подумать бы не посмѣлъ дурного, не стѣсняя себя впрочемъ въ полной свободѣ «игры» съ дѣвицами; съ этими дѣвицами можно играть и баловаться, но ихъ нельзя не почитать, какъ будущихъ хозяекъ, работницъ, матерей, продолжательницъ населенія и обихода этой «нашей» деревни. Новая *линія* совершенно измѣнила его міросозерцаніе на это дѣло: мѣстныя дѣвицы были для него уже чужія, мужички, съ которыми у него никогда не будетъ ничего общаго; по примѣру «золотой» пристаньской молодежи и всего вообще охочаго до «грязцы» «пинжаковаго» общества, онъ зналъ, что до того времени, покуда онъ не устроится при хорошей денежной невѣстѣ, ему, молодому человѣку, получающему хорошія деньги, вполнѣ можно пользоваться женскимъ поломъ, покупая его на деньги и уплатою оканчивая всякія обязательства. Не разъ онъ прямо щеголялъ своими деньгами на деревенскихъ посидѣлкахъ, совершенно привыкнувъ къ тому, что, отблагодаривъ рублевкой, онъ не сдѣлалъ ровно ничего худого. «Вольна брать, а вольна и не брать: это вѣдь какъ хочешь. Коли бы я тебя обманывалъ или замужъ бы обѣщался взять, ну, тогда такъ, не хорошо! А то вѣдь это по согласію: хочешь, такъ бери, а не хочешь, такъ и другую найдемъ!» Вотъ какъ привыкъ разсуждать Михайло, не находя въ этихъ разсужденіяхъ рѣшительно ничего недостойнаго.

Да и надобно сказать правду, что «линія», на которой стоялъ Михайло, линія денежной наживы, выработала уже цѣлый классъ женщинъ и дѣвицъ, для которыхъ мораль, впитанная Михайлой, рѣшительно не представляетъ ничего удивительнаго. «Предпріятія», «дѣла», «обороты» скопляютъ около себя не однихъ мужчинъ, а также и массы женщинъ, нуждающихся въ работѣ, въ тридцати копѣйкахъ поденной платы. Такой ли несчастной дѣвушкѣ отказываться отъ красной, а то и отъ бѣленькой бумажки, когда она къ тому-же еще знаетъ, что врядъ ли ей удастся выдти замужъ? Ей извѣстны всѣ женихи и всѣ невѣсты, имѣющіе право «въ ихнихъ мѣстахъ» сойтись другъ съ другомъ и вести хозяйство, не нуждаясь въ поденщинѣ. Неурядица въ земельныхъ порядкахъ, прямо связанная съ избой и съ семьей, живущей въ ней, выбрасываетъ на улицу много лишнихъ ртовъ, съ голоду нарожденнаго народа, дѣвицъ, которымъ не съ чѣмъ выдти замужъ, вдовъ по-

слѣ «случаемъ» умершаго мужа (простудился, таская изъ рѣчки весной дрова, или разорился, сталъ пить, померъ). И весь этотъ *излишній* народъ подбираетъ какое-нибудь предпріятіе, дѣло, затѣю; здѣсь сходятся люди съ деньгами и люди безъ денегъ, и нигдѣ такъ сила денегъ не убѣдительна, какъ здѣсь, въ деревнѣ.

Сила денегъ, а также сила обстоятельствъ, ставящихъ женщину въ необходимость обмѣнивать себя на рублевки, здѣсь, въ деревнѣ, такъ велика и такъ понятна, что иногда не рѣшаешься употребить слово «падшая» женщина. Вотъ хоть-бы нѣкая «дѣвушка» Аннушка, о которой у насъ будетъ еще рѣчь впереди. Она — не здѣшняя, забрела она сюда изъ Тверской губерніи на заработки, поступила на мѣсто къ приказчику въ кухарки за 6 р. Деньги эти она всѣ сполна посылала домой, гдѣ были больные отецъ и мать. Но вотъ умеръ отецъ, стала она посылать рублемъ меньше; умерла мать, стали у ней оставаться всѣ шесть рублей. Она стала человѣкомъ совершенно свободнымъ; дома у ней нѣтъ, хозяйства нѣтъ, имущества нѣтъ; на родинѣ ее замужъ *некому* взять, да и не съ чѣмъ; а здѣсь, въ чужомъ мѣстѣ, ее и во вѣки не возьмутъ; тутъ жениховъ меньше чѣмъ невѣстъ въ два раза — куда ей соваться? И вотъ она прямо-таки приведена къ тому, чтобы располагать собою такъ, какъ лучше. Какъ же лучше ей? Да вотъ приказчикъ предлагаетъ ей бумагу бѣлую, а почтсодержатель предлагаетъ двѣ бѣлыхъ бумаги. Что же лучше: шесть ли рублей, или двѣ бѣлыхъ бумаги?

И дѣвушка Аннушка, *разсчитавъ* (да!) все правильно, какъ слѣдуетъ, разсчитавъ такъ, что ее никакъ даже не похвалить невозможно, пристраивается на задворкахъ у знахарки Афимьи (о ней тоже рѣчь будетъ впереди) и начинаетъ жить *сама*. Она какъ-разъ подъ стать всему «пинжаковому» сорту людей, «ихнему» міросозерцанію и образу мыслей и дѣйствій; деньги у нихъ есть, а у Аннушки нѣтъ; а до свадьбы, до невѣсты съ оборотнымъ капиталомъ, имъ надо же куда-нибудь предъявлять свои пьяныя морды. И вотъ «дѣвушка Аннушка», какъ непремѣнный членъ этого общества, ничуть даже и не конфузится своего положенія; она внутренно убѣждена въ полной законности своего появленія въ избушкѣ Афимьи и въ полной правотѣ своего образа жизни.

— Вы что же, Михайла Кузмичъ, ко мнѣ въ гости не ходите? громко, на весь вагонъ, спрашиваетъ она своего сосѣда изъ числа пиджаковъ, сидящаго напротивъ нея и также, какъ она, отправляющагося въ городъ за покупками.

— Да не знаю вашей фатеры, Анна Ликсѣвна!

— Да что-жъ у васъ отвалится языкъ людей-то спросить? Вѣдь въ деревнѣ-то всякій знаетъ Аннушку... Я вѣдь, почитай, тамотко одна Аннушка-то *изъ гулящихъ*.

И эти слова говорятся громко, просто, вполнѣ натурально и развязно.

Такъ вотъ такъ же натурально, развязно и просто пріучился и Михайло смотрѣть на свои отношенія къ женскому полу, въ ожиданіи того времени, когда линія укажетъ ему подходящую невѣсту.

V.

А въ то самое время, когда Михайло учился новой морали и все болѣе и болѣе приближался къ идеальному «пинжаковому» типу, въ домѣ Фирсановыхъ случилось что-то неподходящее: что-то занеможилось Прасковьѣ, какъ-то шатнулась она — «крянула» немного...

Здѣсь впервые и Прасковья сама, и Афанасій съ Иваномъ вспомнили ту невѣдомо откуда появившуюся въ тѣ поры барышню, которая до того разсердила ихъ и возмутила своими бунтовскими разговорами, что даже Афанасій Петровичъ—хохотунъ, и тотъ сулился связать ей руки къ лопаткамъ. Вспомнили эту востроносую, стриженую, несуразную дѣвицу всѣ; вспомнили шумъ и гамъ, который она подняла «въ ту пору» насчетъ прасковьиной болѣзни, когда, также въ ту пору, эту самую Прасковью такъ же вотъ «крянуло» на жгучей полевой работѣ.

— Кабы въ ту-то пору схватиться,—подумала прежде всѣхъ Прасковья,—такъ пожалуй что и еще десятокъ годовъ выстояла бы.

Подумали такъ же точно всѣ, весь домъ, но, увы, воротить прошлаго было невозможно: оно какъ пришло невѣдомо откуда, такъ и ушло невѣдомо куда. И волей-неволей Прасковья, хотя и «крянувшая» немного, но все-таки продолжавшая грѣть своимъ присутствіемъ и своей живой работой, своимъ живымъ разговоромъ весь фирсановскій домъ, принуждена была прибѣгнуть къ помощи Афимьи.

Объ этой Афимьѣ необходимо сказать нѣсколько подробнѣе, такъ-какъ въ разсказываемой исторіи она играетъ довольно видную, хотя и совершенно неожиданную роль.

Деревенскіе жители не могли бы опредѣлить, что̀ это собственно за существо: не то колдунья, не то знахарка, не то какъ будто бы и еще хуже, въ виду хоть бы того, что она дала пріютъ упомянутой «дѣвушкѣ Аннушкѣ». Мнѣніе о ней въ деревнѣ было неопредѣленное, хотя и не вполнѣ одобрительное, потому-что колдовство, знахарство и потворство «Аннушкамъ» были дѣла вообще темныя. Въ сущности же Афимья была женщина весьма изуродованная жизнью и несчастная.

При крѣпостномъ правѣ она была самой любимой и приближенной прислугой одной жестокой и грубой помѣщицы. Афимья была гроза дѣвичьихъ: колотовка, змѣя подколодная, ехидна—вотъ эпитеты, которые давалъ ей тогда всякій крѣпостной, всякій дворовый человѣкъ. Много зла она натворила въ угожденіе барыни; но сама она, какъ живой человѣкъ, тоже не была безгрѣшна, и если безъ пощады преслѣдовала дѣвичью, обличала чужія шашни и безъ милосердія выводила ихъ на свѣжую воду, то сама она грѣшила тайно, «какъ тать въ нощи», умѣя ловко пользоваться отлучками барыни въ столицу или за-границу.

И когда по веснѣ въ пруду всплывалъ трупикъ ребенка, или когда тотъ же трупикъ находили въ дровахъ, Афимья какъ ястребъ налетала на дѣвичью и пощады отъ нея не было въ такія минуты никому.

Но вотъ кончилось крѣпостное право, барыня продала имѣніе купцу Тютькову и уѣхала за-границу; на прощанье дала она Афимьѣ поцѣловать свою холеную руку, подарила ей кучу стараго тряпья и хламу, подарила пятьдесятъ рублей и отпустила на всѣ четыре стороны. За пять рублей, которыми Афимья поклонилась обществу, поставивъ ему ведро вина, общество позволило ей поселиться на задахъ, отвело лоскутокъ земли подъ огородъ, и Афимья, купивъ рублей за двадцать старую баню, переладила ее въ каморку и стала «доживать вѣкъ».

И ужасныя начались для Афимьи минуты: когда она очутилась одна-одинешенька въ этой крошечной каморкѣ, сама съ собой съ глазу на глазъ, вблизи этихъ тихихъ полей, ее охватили жуткія воспоминанія прошлаго; воскресла въ самыхъ ничтожнѣйшихъ мелочахъ вся прошлая ея жизнь, всѣ ея неправды, злодѣйства, которымъ она теперь не находила объясненія и только ужасалась предстоящей казни на томъ свѣтѣ; но съ особенной ужасающей неумолимостью стали преслѣдовать ее образы этихъ выплывавшихъ по веснѣ и откапываемыхъ подъ дровами мертвыхъ ребятъ... Это вѣдь она, Афимья, кидала ихъ какъ щенятъ, боясь потерять свою репутацію и страшась гнѣва... Ужасъ потрясалъ ее по ночамъ; ангельскія души, погубленныя ею, были невидимо тутъ, въ самой избѣ; онѣ, невидимыя, стонали вокругъ избы, шуршали крыльями надъ самой головой Афимьи и какимъ-то явственнымъ, но совершенно неслышнымъ шопотомъ надъ самымъ ухомъ ея что-то шептали ужасное... Она стала худѣть, томиться, терзаться: адъ, вѣчныя муки не выходили у нея изъ головы; объ адѣ и мукахъ она разспрашивала священника; купила страшную картину послѣдняго суда, купила другую картину, на которой былъ изображенъ лежащій въ огненномъ озерѣ дьяволъ, а изъ утробы его росло дерево, все обвѣшанное по сучьямъ грѣшниками. Бабы деревенскія дивились и пугались этихъ картинъ, въ которыхъ было такъ много огня, желѣзныхъ крючьевъ и чертей, и этой одинокой, съ испуганными, ввалившимися глазами страшной женщины... Ужъ и тогда у деревенскихъ бабъ мелькнула мысль: «Ужъ не колдунья ли она?» Онѣ не знали, что этотъ адъ, развѣшанный по стѣнамъ, былъ въ душѣ Афимьи, что она сама ежеминутно горѣла въ этомъ адскомъ пламени.

И вотъ однажды послѣ мучительной ночи, проведенной безъ сна, въ страхѣ и напряженіи всѣхъ нервовъ, терзаемыхъ и шелестомъ невидимыхъ крыльевъ, и отдаленнымъ жалобнымъ дѣтскимъ, душу раздирающимъ плачемъ, отдаленнымъ, безпомощнымъ, дѣтскимъ смертнымъ хрипѣніемъ и, главное, этими неотступными ужасными образами ея мертвыхъ дѣтей, которыхъ она видѣла въ мельчайшихъ подробностяхъ ежеминутно — въ конецъ истомленная всѣмъ этимъ, Афимья, совершенно изнемогшая, ослабѣвшая, какъ-бы въ забытьи опустилась на лавку у окна.

Окно было открыто; за нимъ шло безконечное ржаное поле, тихое, еле шушукающееся колосьями; жаркое солнце палило землю безъ малѣйшаго вѣтерка, и только кузнечики неумолчнымъ однообразнымъ чириканьемъ нарушали мертвую тишину. Афимья была рада этому чириканью кузнечиковъ; слушая ихъ, она чувствовала, что какъ будто слабѣетъ, какъ будто засыпаетъ... Чирикъ!.. чирикъ!.. чирикъ!.. и вдругъ лавка, на которой она сидѣла, и полъ, въ который упиралась ногой, и косякъ окна, къ которому было прижато ея плечо,—все какъ-то раздвинулось, ушло въ стороны, опустилось подъ нею... Она было испугалась, чувствуя, что падаетъ куда-то, сердце ея тоже упало, но въ то же мгновеніе она убѣдилась, что ее несетъ не въ бездну, а напротивъ—куда-то въ высь необъятную мчитъ невѣдомая сила.

Господи помилуй! Жаромъ палитъ ей темя; она подъ самымъ небушкомъ, подъ самымъ солнцемъ раскаленнымъ, а въ дали, точно необозримая гора раскаленныхъ угольевъ, играетъ и сіяетъ въ ослѣпительныхъ лучахъ какое-то великолѣпное зданіе... Это рай. Афимья несется все ближе и ближе къ этому зданію—и вотъ райскія врата: они распахиваются предъ ней, и еще новымъ, невиданнымъ свѣтомъ обдаетъ ее всю въ безконечной свѣтлой храминѣ, куда ее внесла невѣдомая сила. Она ослѣплена, изумлена до того, что падаетъ на золотой полъ...

— Афимья! слышится ей голосъ, и она знаетъ, что это голосъ самого Христа Спасителя.—Тебѣ бы надо было умереть, но я тебя жалѣю... Жалѣю я тебя, Афимьюшка, много ты намучилась, настрадалась... Я твое покаяніе принялъ... А не покайся ты, такъ было бы тебѣ худо-худо. Угодники мои святые! покажите Афимьѣ, что было ей приспѣто за ея злодѣйскія, проклятыя дѣла! Пускай посмотритъ, какъ и другимъ достается за беззаконія...

Какой-то старичокъ поднялъ Афимью съ полу, и она мгновенно очутилась около какой-то великолѣпной золотой рѣшетки, много лучше той, которая при покойницѣ-барынѣ вокругъ сада была.— «Погляди-ка, говоритъ, Афимья, каковъ рай-отъ у Боженьки есть!» Глянула она черезъ рѣшетку, а тамъ цвѣты растутъ лазоревые, запахъ отъ нихъ идетъ несказанный, ручейки тамъ бѣгутъ «журчастые», свѣтленькіе, и на золотыхъ деревьяхъ поютъ райскія птички... и всѣ-то деревья обвѣшаны разными ягодами и фруктами несказанными... А промежду деревьевъ бѣгаютъ маленькіе ребяточки съ золотыми кудрями, забавляются и съ ними ангелочки играютъ, крылышками ихъ обмахиваютъ и нѣжно-нѣжно по личику гладятъ... — «Вотъ, Афимья, и твои невинно убіенныя дѣтки тутъ же бѣгаютъ... Ишь вонъ! Вонъ твой первенькій, а вонъ и другой... что подъ дровами-то»... И ихъ Афимья своими глазами видѣла. Залилась она горючими слезами, и радость такая у нея разлилась по сердцу, такое счастье загорѣ-

лось гдѣ-то въ ней, что вѣкъ бы кажется не ушла отсюда.

Но старичокъ сталъ его торопить:—«Будетъ, говоритъ,—ты и такъ ужъ цѣльный день смотришь!» А Афимьѣ казалось, что она только «глянула». Старичокъ взялъ ее за рукавъ, толкнулъ—и очутилась она въ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди томятся ни въ аду, ни въ раю... По виду мѣсто похоже на «нашу деревню». Домики стоятъ чистенькіе и человѣчки какіе-то сидятъ на заваленкахъ, ничего не дѣлаютъ, а только раскачиваются изъ стороны въ сторону да болтаютъ головами отъ дыму, который валитъ на нихъ прямо имъ въ лицо изъ оконъ и изъ дверей чистенькихъ домиковъ...—«Это вотъ за трубочки, папиросочки. Кто табачище куритъ, такъ вотъ теперь и душитъ его дымомъ: ни съ заваленки встать, ни въ домъ войти». А немного подальше цѣлая толпа деревенскихъ бабъ: лица ихъ совершенно засыпаны кострикой, такъ-что онѣ не видятъ свѣта Божьяго, въ ладони воткнуты веретена, а за ногти забиты зубья гребней...—Это бабы, которыя жадны до работы, которыя и праздниковъ не соблюдаютъ Господнихъ, только бы побольше наработать да нарядовъ у разнозчиковъ вымѣнять... Вотъ и сиди весь вѣкъ такъ-то!»

Отсюда незамѣтно поднялись они на высокую гору, а на верху этой горы, въ глубокой и огромной ямѣ кипѣло цѣлое озеро мѣди расплавленной. Мѣдь клокотала бѣлымъ ключемъ, бушевала какъ кипятокъ, а въ этомъ мѣдномъ кипяткѣ варятся и не могутъ свариться тысячи тысячъ бабъ: тѣла ихъ то всплываютъ на поверхность, то, перевернувшись, исчезаютъ опять въ мѣдномъ кипяткѣ; тамъ высунется рука, тамъ—нога, тамъ—спина, и все опять исчезаетъ; изрѣдка съ воплемъ высовывается горящая растрепанная голова, но ее сейчасъ же захлестываетъ пѣной мѣднаго кипятка...—«Вонъ, Афимья, гдѣ-бы тебѣ быть-то за твои проклятыя дѣла! сказалъ старичокъ.— Посмотри ко-сь, да запомни хорошенечко!»... И увидѣла она еще, что по берегамъ этого озера, тамъ, въ самой глубинѣ, стоятъ съ баграми бѣсы и отпихиваютъ въ глубину озера тѣхъ бабъ, которыя норовятъ на берегъ выскочить, за кусты руками хватаются. Тѣло на бабахъ все сожженное, клочьями болтается... Обуялъ Афимью ледяной холодъ, а старичокъ хотѣлъ-было еще столкнуть ее туда. Но Афимья уцѣпилась за кустъ.—«А дѣтей губить любишь?»—съ гнѣвомъ сказалъ старичокъ и, рванувъ ее за рукавъ, пихнулъ въ другое мѣсто, сказавъ: «А вотъ тутъ всѣ твои любовники, поганка этакая! Полюбуйся-ка на нихъ!...»

За огромными, высокими желѣзными дверями слышанъ былъ такой необыкновенный стонъ, визгъ, вой, вопль, какого въ жизнь свою не слыхала Афимья. За этими желѣзными дверями открылось бездонное озеро кипучей смолы, и что̀ тутъ было мужиковъ и что̀ съ ними дѣлалось — разсказать того невозможно! Доѣзжачій бучиловскаго барина, Петька, съ которымъ она, Афимья, «въ тѣ поры»... сидитъ въ смолѣ по горло и смола безпрерывно льется ему въ ротъ... Егорка кучеръ, съ которымъ Афимья также «въ тѣ поры», плаваетъ на днѣ и не можетъ выбраться на свѣтъ Божій... Яшка-кузнецъ, Митька-форейторъ — также всѣ тутъ на лицо и въ такомъ видѣ и такъ кричатъ, что душа у нея замерла отъ ужаса —«Ну, сказалъ старичокъ, — теперь будетъ! Ступай!» и съ силой толкнулъ ее въ спину съ высокой горы...

Неслась, неслась она... упала... и открыла глаза.

VI.

Полная изба народа—мужиковъ, бабъ съ грудными ребятами, ребятишекъ, стариковъ—привѣтствовало пробужденіе Афимьи шопотомъ молитвъ, крестными знаменіями, земными поклонами. Афимья, лежавшая на полу (причемъ голова ея покоилась на подушкѣ, подложенной чьею-то заботливой рукой), ничего не могла понять отъ слабости и необычайнаго утомленія; она видѣла только народъ, видѣла, что тутъ же въ избѣ стоитъ, опершись на посохъ, и внимательно смотритъ на нее батюшка, что какой-то старецъ невѣдомо зачѣмъ кадитъ ладономъ, а другой старецъ—съ ополоумѣвшимъ лицомъ торчитъ въ образномъ углу, держитъ на темени икону и что-то шепчетъ. Среди молитвеннаго шопота и несказаннаго удивленія она едва-едва могла понять, что припадокъ ея продолжался, ни много ни мало, какъ четверо сутокъ, что она ничего не пила, не ѣла, что ее уже собирались было хоронить, но отстоялъ батюшка, замѣтивъ дыханіе.

Понемногу Афимья начала поправляться; сердобольные люди, пораженные необыкновеннымъ событіемъ—смерти и воскресенія,—не покидали ее, помогали, чѣмъ могли, ухаживали. И Афимья стала оживать. Голосъ Боженьки, который несомнѣнно простилъ ее, дозволилъ ей жить, обѣщалъ ее не губить,—голосъ, который она слышала собственными своими ушами, снялъ съ ея души страшную тяготу; а маленькіе ребяточки, играющіе въ раю, въ числѣ которыхъ она обрѣла и своихъ невинно погибшихъ дѣтей, наполняли ея сердце чистой радостью. Ей было такъ пріятно быть совершенно покойной за дѣтей, что... даже стало жалко и Егорку-фалетора, а Петьку-доѣзжачаго, и всѣхъ прочихъ.

— За что ужъ ихъ-то такъ, голубчиковъ? Легко ли дѣло: смолой кипучей въ ротъ! И какіе славные ребята были, хоть бы Петенька или Егорка... да и прочіе. Бывало, какъ на балалайкѣ-то дѣйствовали!

И эта нѣжность къ Егоркамъ, Петькамъ и прочимъ молодымъ людямъ, пробужденная въ Афимьѣ сознаніемъ, что теперь не за что ихъ мучить, что ребятамъ хорошо, весело на томъ свѣтѣ, была причиною того сочувствія, которое она выказала, принявъ въ сожительницы веселую «дѣвушку Аннушку»; да и парни, которые къ ней хаживали, вродѣ хоть Михайлы, посѣщавшаго Аннушку довольно частенько, почему-то пользовались ея симпатіей, хоть она и не обнаруживала ее. Всякій

разъ, когда такой парень гуляетъ съ Аннушкой въ кустикахъ, играетъ на гармоніи и пѣсни поетъ, она вспоминаетъ и Петьку, и Егорку.

Вотъ основанія, которыя впослѣдствіи дали деревенскимъ жителямъ право выражать неодобрительныя мнѣнія объ Афимьиной нравственности.

Но это сдѣлалось уже впослѣдствіи; тотчасъ же послѣ воскресенія Афимьи, она, напротивъ, стала предметомъ всеобщаго вниманія и уваженія. Она несомнѣнно была на томъ свѣтѣ, несомнѣнно «видѣла» тамъ «здѣшнихъ» знакомыхъ, мужиковъ, бабъ и дѣтей. И съ каждымъ днемъ картина видѣннаго выяснялась для нея все больше и больше, такъ что иногда на вопросъ какой-нибудь наивной бабы: «А что, Афимьюшка, не видала-ль моего мальчика-то, Ванюшку?... Приспала я его!» Афимья неменѣе наивно спрашивала: «А какой онъ изъ себя?» И, получивъ полнѣйшее и подробнѣйшее описаніе, долго какъ-бы всматривалась во что-то, припоминала, перебирала всѣ дѣтскія личики, которыя видѣла она за райской рѣшеткой, и наконецъ совершенно твердо отвѣчала: «Какъ-же, видѣла, видѣла я его, Аксиньюшка... Ничего, хорошо ему, дюже хорошо!..» И сначала, съ первыхъ моментовъ пробужденія Афимья не говорила неправды, а потомъ мало-по малу, изъ желанія, можетъ быть, не остаться въ одиночествѣ и поддерживать къ себѣ общее вниманіе, выражавшееся въ пособіяхъ, помочи, она сдѣлалась посмѣлѣе на счетъ своихъ загробныхъ свѣдѣній. И бывали по этому случаю весьма тягостные эпизоды.

— А что, Афимьюшка,—спросила разъ Афимью молодая, нервная, впечатлительная женщина, только-что вышедшая замужъ,—долго ли я проживу? Не слышала-ли *тамотко* чего?

— Нѣтъ, Марья, не долго проживешь... Слышала, слышала я... Годъ всего тебѣ только и житья на свѣтѣ.

Почему, зачѣмъ дернуло Афимью испугать такими рѣчами несчастную бабу? Но рѣчи эти такъ поразили ее, что баба стала чахнуть, сохнуть, и точно: умерла ровно черезъ годъ.

— Вишь, вѣдь—вѣрно!—говорилъ народъ.— Стало быть открылось ей тамъ... прозорливость эта самая...

Мало-по-малу Афимья очень привыкла давать совѣты, предсказывать, растолковывать сны, разъяснять предчувствія, а потомъ какъ-то «само собой» стала и лечить. Послѣ барыни, въ числѣ разнаго негоднаго хлама, досталась ей куча баночекъ, стклянокъ отъ флаконовъ съ духами, отъ лекарствъ, остались сигнатурки, мази, масла, спирты, порошки, пилюли. Въ это Афимья забрала съ собой для себя—«лечиться» на старости лѣтъ, что̀ любятъ старухи и вообще деревенскія женщины. При барынѣ она кое-что даже и понимала въ лекарствахъ; барыня была нервная, и Афимья волей-неволей должна была научиться различать однѣ капли отъ другихъ: желудочныя отъ успокоительныхъ и т. д. И понемногу къ ея умѣнью разговаривать, совѣтовать и предсказывать присоединялась и репутація лекарки. —«Нако-сь вотъ!»—скажетъ она, давая капли, и глядишь — баба поправилась. Двухъ удачныхъ случаевъ было совершенно достаточно, чтобы не только народъ призналъ Афимью за лекарку, а чтобы и сама Афимья увѣрилась въ своей способности «пользовать», стала даже узнавать отъ тѣхъ же деревенскихъ бабъ о разныхъ средствахъ и способахъ леченія. За это не только благодарили, а и деньги платили; это былъ кусокъ хлѣба. Съ годами за Афимьей вполнѣ упрочилась репутація женщины таинственной и лекарки.

Вотъ къ этой-то Афимьѣ и прибѣгла Прасковья въ ту минуту, когда почувствовала, что въ ея организмѣ, въ самомъ нутрѣ его, что-то какъ-будто «крянуло.» Конечно, и обращаясь къ помощи Афимьи, Прасковья крѣпко печалилась, что *въ ту-то пору* не послухала она добраго совѣта, что хорошо-бы, ежели-бы теперь проявилась эта стриженая барыня. При всемъ желаніи Прасковьи получить настоящую помощь, помощи этой не было ни откуда, и пришлось обратиться къ Афимьѣ.

Афимья пришла, принесла горшокъ, свѣчку страстную, ладону, какую-то тряпку, пузырекъ и мазь. Ладономъ она надымила, въ горшокъ подула, плевала на всѣ четыре стороны, читала молитвы, потомъ повела Прасковью въ баню, гдѣ втеченіе двухъ-трехъ часовъ и дѣлала, «что̀ слѣдоваетъ». Изъ бани принесли Прасковью на рукахъ мужики и уложили въ постель. Афимья еще пошептала, поплевала, побормотала и ушла.

— Ну что, милушка, какъ?—спрашивала она Прасковью на другой день.

— Худо, родимая, худо мнѣ! Еще того хуже стало, что было.

— А худо, такъ надобно, чтобы лучше было! Дайко-сь, я еще тебя попользую...

На этотъ разъ были въ ходу уже два горшка, и плевала на этотъ разъ Афимья не на четыре стороны, а по всѣмъ мѣстамъ, и притомъ черезъ плечо, дула она, куда только было возможно дуть, а затѣмъ была баня уже не днемъ, а ровно въ полночь, гдѣ Прасковья битыхъ четыре часа кричала не своимъ голосомъ и была принесена домой почти въ безчувствіи.

— Ну что, красавушка, какъ? спрашивала Афимья больную на другой день.

— Ху...ж-же... ху... ддо... еле-еле могла прошептать Прасковья.

— Такъ можно, ангелъ мой безподобный, и на другой манеръ облегчить.

На этотъ разъ Афимья ужъ, признаться сказать, не знала, что̀ и дѣлать. Однако ушла домой за средствами.

Между тѣмъ съ самаго того момента, когда Прасковью пошатнуло и крянуло, въ домѣ Фирсановыхъ появилось тотчасъ же уныніе, съ каждой минутой овладѣвавшее всѣмъ домомъ все сильнѣе и сильнѣе. Въ то-же мгновеніе, какъ только Прасковья «на минуту» должна была пріостановиться въ работѣ, пріостановился весь механизмъ

дома. Все пошло не такъ со скотиной, съ птицей; послѣ перваго посѣщенія Афимьи уже слышался ревъ голодныхъ коровъ, блеяніе неприбранныхъ овецъ, а еще черезъ день и овцы, и куры, и лошади, и коровы—все ужъ потерялось, упало духомъ, не знало что дѣлать, куда идти, толкалось, лѣзло съ своими недоумѣніями къ крыльцу, въ сѣни, совало голову даже въ горницу. «Мужики»—Афанасій, Иванъ, Сенька—окончательно растерялись, ослабли духомъ, ходили какъ помѣшанные... Въ такомъ расшатанномъ душевномъ состояніи, горько опечаленный болѣзнью жены, которая уже еле-еле шептала что-то, а не говорила, стоялъ Иванъ Афанасьевъ посреди двора, среди цѣлой толпы животныхъ, рѣшительно разстроенныхъ домашнимъ несчастіемъ, когда въ воротахъ появилась Афимья, таща ужъ цѣлыхъ три огромныхъ горшка и очевидно приготовляясь совершить что-то необычайное.

Мгновенно Ивана рванула за сердце такая жалость къ своей женѣ, которую эта корга приготовляется истязать, что онъ, какъ бѣшеный, подскочилъ къ ней и не своимъ голосомъ заоралъ:

— Ты что это, чертовка, опять мучить пришла? Тремя горшками ужъ норовишь все нутро выволочь оттуда? Я тебя, псовка экая!

И онъ оглушилъ Афимью такимъ универсальнымъ ударомъ, что и она, и горшки, и какія-то банки, и пакля — все это разлетѣлось и исчезло невѣдомо куда, но гдѣ-то тутъ же на дворѣ.

— Я тебѣ дамъ, чертова кукла!—не имѣя возможности остановить своего гнѣва и хватая въ руки первую попавшуюся жердь, вопіялъ онъ и можетъ быть убилъ бы Афимью, но прибѣжавшій на крикъ Афанасій силою утащилъ Ивана въ избу.

И здѣсь, не имѣя силъ успокоить своего волненія, Иванъ тяжело дышалъ и трясся всѣмъ тѣломъ, пока не услышалъ, что съ улицы доносится визгливый голосъ очувствовавшейся наконецъ Афимьи:

— Погоди, чортъ этакой!.. Будешь ты меня *помнить!.. Помни же!*

VII.

Эти слова, пропущенныя мимо ушей въ моментъ раздраженія на Афимью, получили для всей семьи Фирсановыхъ, не больше какъ черезъ день послѣ этого эпизода, совершенно неожиданное и грозное значеніе. На другой день еле живую Прасковью отвезли въ больницу, гдѣ сказали, что положеніе ея опасно, и тотчасъ для всего дома стало ясно, что Михайло долженъ жениться.

Этого брака требовало рѣшительно все, что только жило и было въ домѣ: упавшій ухватъ, пустой рукомойникъ, опрокинутое ведро, нетопленая печь, и куры, и бараны, и коровы, и люди—все требовало брака Михайлы, брака немедленнаго, и вотъ тутъ-то вся семья Фирсановыхъ припомнила слова старухи: «Помни-же!» и содрогнулась... Вѣдь что можетъ натворить злая баба съ людьми, со скотиной, съ молодыми!

Михайло, этотъ уже, казалось, вполнѣ полированный человѣкъ, испугался этихъ словъ: «Помни же!» гораздо больше, чѣмъ даже и старики, испуганные ими рѣшительно не на шутку. Незадолго передъ болѣзнью матери онъ побранился съ «дѣвушкой Аннушкой», жившей около Афимьи, которая попеняла ему, что онъ сталъ шляться къ новой гулящей, къ Катькѣ, которую только-что пустилъ въ ходъ одинъ кулачишко, получившій отъ земства подрядъ на содержаніе лошадей. «Ну, помни!» сказала ему тогда и Аннушка, погрозивъ кулакомъ, но тогда онъ не обратилъ на это вниманія: онъ тогда стоялъ совершенно на *другой линіи*,— на такой линіи, гдѣ все было для него совершенно ясно. «Помни! Чего тутъ помнить? Приду какъ-нибудь, прогуляю трешку—вотъ-тѣ и все!» Тогда, два-три дня назадъ, міросозерцаніе его было совершенно опредѣленно, онъ не вѣрилъ «предразсудкамъ», былъ вполнѣ увѣренъ, что разъ у человѣка деньги въ карманѣ, такъ тутъ самъ чортъ ничего не подѣлаетъ, да и чорта-то никакого нѣтъ. Но вотъ сегодня, чрезъ три-четыре дня, когда его какъ громомъ поразила необходимость бросить разстаться съ пинжаковымъ направленіемъ мыслей, покинуть линію и вполнѣ приникнуть къ крестьянству, отъ котораго онъ уже отвыкъ, отсталъ, которое забылъ — его охватилъ страхъ. Онъ возвращался въ крестьянство съ такой кучей грѣховъ на душѣ и на тѣлѣ, съ такимъ изобиліемъ правъ у Катекъ и Аннушекъ дѣлать ему зло въ его хозяйствѣ, въ скотинѣ, въ полѣ, въ конюшнѣ, что слово: «Помни!» приняло совершенно потрясающій смыслъ... Афимья, Аннушка, обѣ обиженныя, обѣ нечистыя (онъ теперь долженъ былъ думать *по чистому*), онѣ могутъ Богъ знаетъ что сдѣлать.

Но главный источникъ его темнаго и въ то же время безграничнаго испуга, поселившагося въ самой глубинѣ его души съ того момента, какъ только онъ убѣдился, что жениться «надо», что хозяйство безъ этого брака должно развалиться,— была та женщина, на которой онъ долженъ былъ жениться.

Возвращенный мыслями къ «крестьянству», Михайло тотчасъ же зналъ, которая именно изъ деревенскихъ дѣвицъ *должна быть* его женой.— Кромѣ «Варьки» ему *нельзя* было брать за себя никакой иной дѣвицы, и вотъ почему: съ болѣзнью Прасковьи и съ его женитьбой (которая неизбѣжна) народу въ домѣ, на котораго должна работать будущая *новая* баба, должно прибавиться; однихъ мужиковъ теперь будетъ ужъ не трое, а четверо, да пятая, если выживетъ, будетъ хворая Прасковья; такая огромная семья *должна* имѣть въ центрѣ своемъ — куда ужъ веселую, а просто только желѣзную женщину, и притомъ самое главное—женщину, которая, войдя въ домъ, сразу-бы прониклась интересами всего живущаго въ этомъ домѣ, *только въ этомъ домѣ*, которая-бы *свою* курицу могла отличить среди тысячи другихъ точь-въ-точь такихъ же куръ, — словомъ, такую женщину, жизненный интересъ которой весь бы состоялъ *только* въ совокупности

интересовъ всего хозяйства, у которой-бы не было сердца *для себя*, но и сердце и мысль, и умъ которой могли-бы дѣйствовать только подъ вліяніемъ куриныхъ, коровьихъ, телячьихъ, овечьихъ, бараньихъ, гусиныхъ, мужичьихъ и другихъ желаній, печалей, нуждъ, случайностей, требованій. Нужна была такая женщина, которая не могла бы жить на свѣтѣ, была-бы съ позволенія сказать совершеннѣйшей *дубиной*, если-бы не была именно *только* и исключительно центромъ инстинктовъ зоологической жизни всего живущаго въ домѣ и на дворѣ. Не нахожу возможности иначе опредѣлить коренныя свойства того типа женщины, который нуженъ былъ не Михайлѣ собственно, а всему дому безъ исключенія; Михайло же — это собственно только причина, вслѣдствіе которой женщина такого типа теперь, за два-три дня до свадьбы, быть можетъ еще и не помышляющая о замужествѣ и не знающая еще, кто ея мужъ, женихъ, должна послѣ свадьбы навѣки пригвоздиться къ одному мѣсту и не имѣть даже тѣни мысли о томъ, что есть на свѣтѣ гдѣ-то какія-то другія мѣста кромѣ того, на которомъ она толчется.

Насѣдку нужно накрывать рѣшетомъ, чтобы она не видала свѣта бѣлаго, по крайней мѣрѣ день, чтобы заставить ее сѣсть на яйца; иныхъ, особенно непокорныхъ, кормятъ хлѣбомъ, пропитаннымъ водкой, и пьяную сажаютъ въ лукошко, но разъ она сѣла, она ужъ *не можетъ* встать. Она не разбираетъ—куриное или гусиное, или утиное яйцо лежитъ подъ ней; но у нея съ этимъ яйцомъ образовалась уже какая то неразрывная связь, благодаря которой, она не можетъ не изманвать себя до того, что «просидитъ» до голаго тѣла. Вчера еще эта самая курица не обращала на снесенное ею яйцо ни малѣйшаго вниманія; она снесла его гдѣ пришлось: на чердакѣ, подъ печкой, въ дровахъ, и ушла слушать, какъ пѣтухъ поетъ: «Скажите ей». А сегодня, послѣ того какъ ее насильно усадили на то же самое яйцо, послѣ того какъ ее лукошкомъ прихлопнули, опоили водкой, чтобы она одурѣла, она хоть и слышитъ, что вышелъ въ свѣтъ новый романсъ г. Пригожаго: «Подъ моимъ она окошкомъ» и т. д., но ужъ не можетъ встать съ мѣста, а отчего? — и *сама не знаетъ*.

И когда мысли Михайлы сосредоточились на крестьянствѣ, которое онъ представлялъ себѣ не иначе, какъ въ самомъ благообразнѣйшемъ видѣ (вѣдь онъ изъ хорошаго дома, да наконецъ что-же можетъ быть ужаснѣе неблагообразнаго крестьянства?), ему стало жутко. Вѣдь то, что называется «крестьянствомъ», то-есть весь строй трудовой «крестьянской жизни, вѣдь онъ весь находится въ полной зависимости отъ тайны, отъ этого невѣдомаго, что̀ даже курицу пригвождаетъ къ яйцу. Какъ-бы ни была курица премудра, она будетъ сидѣть «до голаго тѣла», невѣдомо зачѣмъ и отчего. И это *невѣдомое* проникаетъ весь строй жизни, начиная съ земли, съ зерна и дождя, и вѣтра, выражается въ успѣхѣ, въ неуспѣхѣ, въ болѣзни людей и животныхъ. Въ глубинѣ всего этого лежитъ не своевольная мысль, выдумка, а никому невѣдомая тайна, среди которой можно жить только при безукоризненности инстинкта, чутья. Мужикъ и баба, составляющіе центръ крестьянскаго дома, центръ всей этой тайны, тогда только могутъ благообразно существовать, то-есть безъ страха жить неизвѣстно для какой цѣли, когда въ глубинѣ ихъ взаимныхъ, интимныхъ отношеній, помимо всякихъ человѣческихъ соображеній и побужденій, *безукоризненна* та необъяснимая, невѣдомая никому изъ нихъ зоологическая связь, прочность которой только чувствуется инстинктивно, а непрочность расшатываетъ весь строй, неизвѣстно для чего существующій обиходъ. Но вотъ такого-то *безукоризненнаго*, зоологическаго инстинкта Михайло уже не ощущалъ въ себѣ въ той мѣрѣ, въ какой онъ долженъ-бы былъ ощущать его, какъ крестьянинъ. Варька — существо, взятое прямо отъ земли, «вынутая» изъ самой сердцевины тайнъ крестьянства, — даже и понятія еще не имѣетъ о томъ, что̀ такое мужикъ, хотя и видитъ ихъ передъ глазами всю жизнь; она даже и мысли не имѣла никогда о томъ, что̀ съ нею будетъ, когда она выйдетъ замужъ, какъ и курица понятія не имѣетъ о томъ, что̀ съ нею сдѣлается, когда ее посадятъ, въ лукошко. *Эта* зоологическая струна даже и не звучала въ ней никогда, несмотря на то, что она кровь съ молокомъ; она и «стыдиться»-то начинаетъ только въ мясоѣдъ, потому-что ей извѣстно, что по мясоѣдамъ ихнюю сестру мужики лукошкомъ-то накрываютъ, а въ постъ такъ даже ей нисколько не стыдно никого, потому что-жъ по постамъ стыдиться? Ежели стыдиться, такъ надо въ мясоѣдъ, а не въ постъ. А вотъ въ Михайлѣ, благодаря тому, что онъ долго жилъ на другой линіи, уже нѣтъ этой-то самой важной зоологической безукоризненности, и вотъ отчего онъ, зная, что ему непремѣнно надо брать Варьку, уже боится этой Варьки.

«Линія», на которой до сихъ поръ стоялъ Михайло, отставшій отъ крестьянства, никогда бы не привела его къ такой *боязни*. Тамъ, на той «пинжаковой» линіи, *дѣло* нисколько не зависитъ отъ прочности связи мужа и жены; что̀ такое значитъ жена, взятая «пинжакомъ» съ приданымъ, благодаря которому этотъ пинжакъ началъ «орудовать», положимъ, по керосинной части—въ этомъ самомъ керосинномъ дѣлѣ и керосинномъ успѣхѣ? Ровно ничего. На *той линіи* даже очень хорошо, если жена настолько *развита*, что не суется не въ свое дѣло, а сидитъ дома и пьетъ чай. А такъ-какъ такихъ *развитыхъ* женщинъ въ пинжаковомъ обществѣ, *ровно ничего не понимающихъ* въ мужниныхъ дѣлахъ и благодаря своему умственному развитію не сующихъ носа въ мужнины дѣла, обороты, связи, уже довольно много, то женское общество *той линіи* совершенно справедливо считается также *развитыми* мужчинами «той линіи» довольно глупымъ и скучнымъ и совершенно извиняетъ это общество пинжаковыхъ мужчинъ, если они «балуются съ Аннушками». Аннушки тоже ничего не смыслятъ по керосинной части, но онѣ веселѣе, съ ними развязнѣе — надо-жъ отвести душу! Веселѣе

быть съ женой въ пинжаковомъ обществѣ невозможно, потому что тогда «не сующаяся въ дѣла» и бо̀льшею частью некрасивая жена совсѣмъ сдѣлается ни на что не похожимъ существомъ. Тамъ нужна строгость, молчаніе, чтобы жена *понимала*, что ей не слѣдъ соваться. Если мужъ не будетъ съ женой молчать какъ пень или камень, такъ тогда ей не за что будетъ и уважать его. А если попираемая Аннушками зоологическая правда и заговоритъ въ женѣ, такъ вѣдь это опять же не вредитъ *дѣлу*, ни керосинному, ни свѣчному, ни дровяному. Съ женой могутъ дѣлаться истерики, припадки, обмороки—все, что̀ угодно — но вѣдь гдѣ есть деньги, тамъ будутъ и доктора, и лекарства. Лечиться жена можетъ всю жизнь сколько угодно; мужъ (развитой ежели) не жалѣетъ денегъ— чего еще? Наконецъ и побои, и увѣчья, практикуемые на той же «линіи» въ темнотѣ и удушьѣ спаленъ съ лампадками,— все это ни на волосъ не вредитъ *дѣлу*, успѣху оборота, наживѣ, а стало-быть и положенію въ обществѣ и вообще тому, что для пинжаковаго общества можетъ почитаться цѣлью жизни и успѣхомъ. Если же поступать умненько, умѣть во время приласкать жену, подарить ей дипломатъ, поболтать безъ рычанья и хрюканья, такъ и вовсе можно жить въ полное свое удовольствіе: и отъ людей почетъ, и жена почитаетъ, и любовницъ сколько угодно, и въ концѣ-концовъ деньги, барыши, успѣхъ.

Вотъ на какой линіи стоялъ Михайло до того момента, когда судьба вновь повернула его въ крестьянство, и здѣсь онъ сразу ощутилъ, какая огромная разница между «той линіей» и этой, крестьянской. Тамъ на первомъ планѣ «выдумка», «*свой* умъ», «хитрость»; здѣсь — полная тайна, въ самыхъ существеннѣйшихъ чертахъ вовсе не зависящая ни отъ какихъ разсчетовъ и умствованій, которые здѣсь не имѣютъ никакого значенія. Все крестьянское *дѣло*, не имѣющее никакого результата, подобнаго дѣламъ той линіи и выражающагося въ увеличеніи денегъ, обстановки, имущества и т. д., держится и стоитъ на неразрывной и въ то же время таинственной связи мужика и бабы; въ глубинѣ этой связи, за которой держится все «крестьянство», т. е. одновременно и дѣло крестьянское, и жизнь, должна быть только зоологическая безукоризненность, а онъ, Михайло, уже не имѣлъ ея. Онъ былъ и силенъ, и здоровъ, и ту же Варьку могъ бы совратить съ пути истины, еслибы попрежнему стоялъ *на этой линіи*; но теперь онъ боялся этой Варьки, боялся именно ея безукоризненности.

И не того онъ боялся, что Варька можетъ узнать о его поведеніи, можетъ «осуждать» его, какъ распутника, подозрѣвать его въ желаніи приволокнуться и послѣ свадьбы. Нѣтъ, Михайлѣ было страшно именно потому, что Варька не можетъ объ этомъ *думать*, разсуждать и вообще понимать; ему было страшно оттого, что она *почуетъ* въ немъ порчу, почуетъ невѣдомо какъ, не зная и не умѣя опредѣлить даже, что̀ такое она почуяла и почему ее за сердце взяло, и почему она вдругъ возненавидѣла зачатаго ребенка. Варька страшна именно потому, что она *невольна* въ этомъ. Она *почуетъ* что-то тамъ, въ самой глубинѣ своего физическаго существа,—и начнетъ дурить также «невѣдомо съ чего». Невѣдомо съ чего она возьметъ да и взбѣленится на неродившагося еще ребенка, начнетъ рвать и метать, и проклинать.

Кстати сказать, вѣдь вонъ былъ же подобный случай разсматриваемъ недавно на судѣ. Хорошій, умный, добрый мальчикъ доведенъ былъ матерью до того, что пытался ее отравить, чтобы она хоть познакомилась съ чувствомъ жалости къ самой себѣ, не обнаруживая его сыну всю жизнь, и притомъ безъ малѣйшей причины. Изъ дѣла выяснилось, что мать возненавидѣла его вотъ именно такимъ Варькинымъ манеромъ, и нужно было довести славнаго мальчика до скамьи подсудимыхъ и до обвиненія въ преступленіи, грозившемъ каторгой, чтобы сія зоологическая дама пришла къ мысли «простить» мальчика.—«Ну, что ужъ въ каторгу! глубокомысленно изрекла она на судѣ. — Мы его *прощаемъ*».

Чувствуя въ себѣ изъянъ по части зоологической безукоризненности, Михайло также *чуялъ*, что этотъ изъянъ *не можетъ* не отразиться на безукоризненности Варьки. А если это такъ, то вѣдь «все можетъ пойти прахомъ». Отчего родятся на свѣтъ калѣки, слѣпые, безрукіе? Отчего родятся двухголовые не люди и не звѣри? Одна такая-то мать обругала ребенка, когда онъ былъ въ ея утробѣ, со зла сказавъ: «Вотъ еще пасть собачья народится!.. Тоже хлѣба будетъ просить, чтобъ ему первымъ кускомъ подавиться!» И что-же? Посмотрите: этотъ ребенокъ теперь портной; ротъ у него собачій, хлѣба онъ ѣсть не можетъ, а только и живъ молокомъ, а говоритъ по человѣчески еле-еле... Другая мать также сказала: «Чтобъ тебя уволокли!»—и опять вышло слово въ слово: какъ только мальчонка подросъ, такъ чортъ и увелъ его, и водилъ 13 лѣтъ, заставляя все овины поджигать, пока мальчонку не упекли въ Сибирь... А все отчего? Цѣлая масса подобныхъ ужасныхъ случайностей пришла въ память Михайлѣ, какъ только онъ сталъ думать по-крестьянски, и страхъ передъ Варькой гвоздемъ засѣлъ въ его сердце... «Если она почуетъ да поглядитъ на меня, какъ сумасшедшая, да начнетъ невѣдомо что̀ говорить»— думалъ онъ, и морозъ подиралъ его по кожѣ. Случись, что она задуритъ, случись, что придется ее бить, тогда все пойдетъ Богъ знаетъ какъ. Какое это крестьянство?

А тутъ еще «помни», которымъ погрозилися Афимья и Аннушка. Афимья можетъ сдѣлать «со зла», а предъ Аннушками онъ уже считалъ себя не только виноватымъ, а и великимъ грѣшникомъ; теперь онъ *боится* этого, а какъ онъ попиралъ это самое еще недавно, зная, что̀ это значитъ въ жизни человѣческой!

Такимъ образомъ начало бѣды зародилось прежде всего въ самомъ Михайлѣ: онъ испугался, что его физическая небезукоризненность внесетъ во все существо Варьки, его будущей жены, страшную,

неизцѣлимую, потрясающую смуту, которая можетъ разстроить, разрушить, уничтожить все, всю жизнь его и ея, и всего дома, и всего, что живетъ около и вокругъ дома. Этотъ страхъ физическихъ бѣдъ осложнился тяжкимъ сознаніемъ грѣховной нечистоты, грѣха, который у Бога не можетъ быть оставленъ безъ наказанія, и наказаніе это придетъ, и онъ ждалъ его ежесекундно, съ той минуты, когда уха его коснулось слово: «Помни!».

Испугъ Михайлы понемногу заразилъ и всю его семью (цѣлый вечеръ Михайло почему-то разговаривалъ съ своими родными объ уродахъ, и всѣхъ обуялъ страхъ), а потомъ перекинулся и въ домъ невѣсты, куда тоже дошли слухи объ этомъ «Помни!» Было-бы долго разсказывать, до какой степени исполненъ всяческаго суевѣрія такой деревенскій типъ, какъ Варвара, невѣста Михайлы. Она не могла не быть безконечно, безгранично суевѣрной; это была образцовая, прямо взятая изъ глубины тайнъ «крестьянства» женщина. И одной мысли о томъ, что ей что-то сдѣлаютъ, было совершенно достаточно, чтобы потрясти все ея гигантское тѣло. Она захолонула отъ испуга именно потому, что не была въ состояніи понимать, обдумывать, соображать. Не такая она была натура, чтобы умѣть думать; она могла только «озираться» и трепетать всѣмъ существомъ съ того самаго момента, когда услышала слово «Помни!», и когда наконецъ настал день свадьбы, то въ обѣихъ семьяхъ, жениха и невѣсты, не было человѣка, который не ожидалъ-бы чего нибудь ужаснаго

Именно въ этотъ день, день свадьбы, всякая гадость и творится съ молодыми.

Совершенно струсившій Михайло не пилъ и не ѣлъ по совѣту дружки два дня, даже не дозволялъ себѣ выйти изъ комнаты втеченіе этихъ двухъ дней, такъ-какъ именно въ эти-то моменты, когда человѣкъ не думаетъ, тутъ-то и дѣлаются ему гадости. Такимъ образомъ въ день свадьбы онъ былъ совершенно изможденъ, съ страшною болью въ животѣ и еле-держался на ногахъ. Невѣста вся обомлѣла и «вся внутренность» у нея затряслась и захолонула, едва она глянула на жениха: лица на немъ не было, потому-что, кромѣ физическихъ страданій, онъ съ минуту на минуту ждалъ, что это «Помни!» вотъ-вотъ проявится въ какомъ-нибудь угрожающемъ дѣйствіи.

Отъ трепещущаго жениха страхъ передъ «чѣмъ-то» передался всѣмъ поѣзжанамъ, всей роднѣ, всѣмъ зрителямъ, и когда слѣдовало-бы тронуться свадебному поѣзду, то вся толпа народа, съ минуту на минуту ожидавшая какого-то событія, окружила поѣздъ въ такомъ глубокомъ, загадочномъ молчаніи, что даже лошади испугались, не понимая, почему это цѣлая куча давно знакомыхъ имъ мужиковъ среди бѣлаго дня что-то шушукаетъ вокругъ нихъ, тогда какъ еще вчера всѣ они говорили громко или во все горло...

— Но! но! трепещущимъ голосомъ понукалъ лошадей кучеръ, но лошади только пятились, а народъ разступался.

— Но! уже едва слышно прошепталъ кучеръ, а народъ еще подался, лошади еще попятились.

Въ это время какъ-разъ мимо открытыхъ воротъ прошла Афимья...

Тутъ ужъ всѣмъ стало ясно, что дѣло не чисто, что уже что-то случилось непоправимое.

VIII.

Какъ происходили вѣнчаніе и свадебный пиръ, я не стану изображать; скажу только, что всѣ, и гости, и хозяева, чувствовали себя мучениками. На утро подозрѣнія семьи оправдались. Молодые встали какъ бы испуганные и ошалѣлые. Они были испорчены; это несомнѣнно. Скоро и Афанасій, и Иванъ убѣдились въ этомъ сами. Въ тоскѣ и въ какомъ-то отчужденномъ остолбенѣніи провели молодые этотъ день и кое-какъ дотянули до ночи.

Въ спальню они пошли, трясясь отъ страха всѣмъ тѣломъ. Кровать казалась имъ не кроватью, а разверзтой дьявольской пастью, и когда они легли туда, то оба почувствовали себя какъ-бы окаменѣлыми отъ холода. Зубы стучали и у мужа, и у жены. Съ испуга съ женой ночью сдѣлался припадокъ истерики. И это такъ подѣйствовало на мужа, что онъ, выскочивъ въ испугѣ изъ спальни и уже не мало не сомнѣваясь, что «бѣда» сдѣлана, не успѣлъ раскрыть рта, чтобы позвать на помощь, какъ упалъ на полъ и его стало ломать, корчить, трепать.

Теперь не узнаешь Михайлу: такъ онъ измѣнился, похудѣлъ и подурѣлъ. А давно ли это былъ вполнѣ развязный молодой человѣкъ новаго деревенскаго направленія,—человѣкъ «пинжака», кадрили, хорошаго обращенія? Глядя на него и на этотъ «пинжакъ», на этотъ балъ, на которомъ онъ кушаетъ щеколадъ, и сига, и апельсинъ, подумаешь: какъ измѣнилась деревня противъ прежняго, какая «образованность» распространилась въ ней и какъ она далека отъ старинной мужицкой темноты! А между тѣмъ темнота-то эта совсѣмъ какъ была, и даже съ самимъ чортомъ, котораго всякій хорошій мужикъ видалъ на своемъ вѣку не разъ, вся тутъ, въ этой кадрили, на этихъ балахъ, среди этихъ «пинжаковъ»... Во всякую минуту самый настоящій чортъ можетъ появиться среди этой образованности и превратить ею всю безъ остатка въ прахъ и пепелъ.

IV. «Перестала!»

(Изъ деревенскихъ замѣтокъ.)

I.

— Ну что же, Михайло, какъ-же ты поживаешь? Какъ твои дѣла?

— Ничего! Славу Богу!.. Теперича ничего: живемъ помаленьку!

Болѣе десяти лѣтъ не видалъ я этого Михайлы

и теперь, когда онъ меня опять везъ по той же самой дорогѣ и въ тѣ же самыя мѣста, гдѣ много лѣтъ назадъ и мнѣ съ моими близкими, и Михайлѣ со всѣми нами было такъ хорошо жить,—оба мы, встрѣтившись послѣ долгой разлуки, жадно стремились поговорить другъ съ другомъ «по душѣ», поговорить долго, много, откровенно, какъ «говаривали» въ старину мужики, освободившіеся отъ господъ, и господа, стремившіеся «изъ господъ» если не въ мужики, то хоть къ мужикамъ. Однако и мой вопросъ, и Михайлинъ отвѣтъ вышли какъ-то оффиціальны и сухи, и даже конфузливы, несмотря на то, что намъ обоимъ хотѣлось завязать самый душевный, самый настоящій разговоръ. И такой разговоръ непремѣнно бы завязался у насъ, еслибы у меня хватило духу начать его съ вопроса о самомъ существенномъ и важномъ для насъ обоихъ дѣлѣ и, вмѣсто ничего почти не означающихъ словъ: «какъ ты поживаешь?», прямо бы спросить:

— Ну, какъ ты, Михайло, теперь съ женой живешь? Перестала ли она мудрить, бунтовать?

Но признаюсь, у меня на это не хватило духу: говорить съ Михайлой о его женѣ—значитъ вспомнить тѣ времена, когда мы, такъ называемые «хорошіе господа», что-то такое хотѣли сдѣлать по-хорошему съ хорошими Михайлами и, вспоминая все это, знать съ горькимъ ощущеніемъ ясно сознаваемой вины на сердцѣ, что изъ всего этого, начатаго по хорошему, ровно *ничего не вышло* до сихъ поръ ни для насъ, «хорошихъ господъ», ни для нихъ, «хорошихъ Михайловъ». Вообще мы, «хорошіе господа», и они, «хорошіе Михайлы», какъ-то осрамились за этотъ двѣнадцати-пятнадцатилѣтній промежутокъ времени и, осрамившись, рѣшились существовать изо дня въ день, немного привирая, немного сокрушаясь, немного фантазируя и затѣмъ опять-таки привирая по немногу, конечно всякій разъ съ глубокимъ вздохомъ.

И вотъ почему я не могъ начать разговора съ Михайлой такъ, какъ бы слѣдовало начать. Дѣло Михайлы съ женой чисто семейное, но оно обоимъ намъ напоминаетъ «тѣ времена» и тѣ взаимныя вліянія, подъ которыми мы въ то время жили, то-есть вліянія «хорошихъ Михайловъ» на «хорошихъ господъ» и «хорошихъ господъ» на «хорошихъ Михайловъ»; мы въ то время, и Михайлы, и господа,—конечно «хорошіе»,— жили исключительно хорошими впечатлѣніями, получаемыми другъ отъ друга. Прошлое—нехорошее, темное, тяжелое—намъ не вспоминалось; о будущемъ мы еще не думали, какъ слѣдуетъ, а жили настоящимъ, зная, что оно хорошо, что намъ, во-первыхъ, надобно и, во-вторыхъ, можно быть хорошими. Тогда для насъ, хорошихъ господъ (насъ тогда жила въ деревнѣ цѣлая компанія), не могло быть въ деревнѣ ничего дурного, всѣ деревенскіе люди добры, всѣ заслуживаютъ полнаго уваженія, волноваться какою-нибудь непріятною чертой въ какомъ-нибудь непріятномъ деревенскомъ человѣкѣ было просто глупо: что̀ можно спрашивать съ такихъ людей, которые, мы сами видѣли собственными глазами, трудятся въ потѣ лица? Какая же тутъ критика со стороны насъ, живущихъ безъ труда? Имъ нельзя не быть такими, они ни капельки не виноваты; напротивъ, мы виноваты и должны дѣлать для нихъ все хорошее. Что̀ собственно должны были бы мы «дѣлать», мы не знали, но знали—что относиться къ нимъ, какъ къ самымъ уважаемымъ людямъ, было вполнѣ обязательно—обязательно безъ всякаго притворства и насилія надъ самимъ собою. Принимать всякаго мужика лучше всякаго городского гостя, называть по имени, по отчеству, отнюдь не «торговаться» насчетъ грибовъ, подводы, дичи, ягодъ, отворять дверь всей деревнѣ, когда въ домѣ именины, елка или вообще праздникъ—это тоже было непритворно-обязательно, а главное пріятно. Разговоры о школѣ, о необходимости дороги черезъ болото, о ссудномъ товариществѣ, разговоры огромнѣйшихъ размѣровъ съ широчайшимъ развитіемъ задачи предпріятія—тоже были задушевнѣйшіе, отраднѣйшіе и любопытнѣйшіе. Съ другой стороны и хорошіе Михайлы были тоже довольны и чувствовали себя хорошо съ нами: «приди когда хошь, спрашивай вездѣ»... «безъ торгу»... «по совѣсти»... «не гнушаются нашимъ братомъ, мужикомъ»... «просто»—вотъ тѣ черты, которыя нравились въ насъ Михайламъ. «Дѣла» какого-нибудь существеннаго не было, но было что-то обоюдно-хорошее, обоюдно-снисходительное, ни капельки никому не обидное, напротивъ, одинаково заманчивое какъ для «хорошихъ господъ», такъ и для «хорошихъ Михайловъ».

Среди такихъ-то взаимныхъ отношеній между хорошими господами и хорошими мужиками *особенно* хорошими оказывались они между нами и Михайлой. И намъ было «особенно» съ нимъ хорошо, и ему «особенно» хорошо съ нами. Онъ былъ такой-же мужикъ, какъ и всѣ, въ такомъ же армякѣ и такихъ же лаптяхъ, и съ такой же, какъ у всѣхъ мужиковъ, бородой, но было въ немъ нѣчто и иное: онъ уже былъ грамотенъ, и грамота очевидно затронула его мысль, которой было уже надъ чѣмъ попрактиковать себя. Вслѣдствіе домашнихъ затрудненій онъ много лѣтъ жилъ въ городахъ, много перетерпѣлъ, перестрадалъ, но въ концѣ-концовъ сохранилъ и на себя, и на все видѣнное и пережитое имъ свѣтлый и не односторонній взглядъ. Онъ могъ судить «вообще», не жалуясь только на неправду относительно его самого. Вотъ эта-то черта, то-есть возможность съ Михайлой говорить «вообще», не чувствуя при этомъ неловкости разговора съ разсуждающимъ писаремъ или дьячкомъ и, къ удивленію нашему, не замѣчая даже ни малѣйшаго коверканія языка — это и было первое, что̀ особенно нравилось намъ въ Михайлѣ, а затѣмъ понравились и его деликатность, покойная, не выдуманная, его «достоинство», никому не мѣшающее, и затѣмъ желаніе «жить почище, поблагороднѣй, потише, поумнѣй». Онъ былъ мужикъ, но понималъ мужиковъ больше, чѣмъ понимали ихъ мы или даже сами они. И его иронія, спокойное, добрымъ голосомъ сказанное

ядовитое словцо или характеристика были и умны, и просты, и пріятны. Съ своей стороны и Михайлѣ было хорошо и свободно съ нами: мы поняли вѣдь, чтò именно въ немъ хорошо, поняли, что онъ уменъ, что онъ умно и хорошо думаетъ, что есть въ немъ что-то кромѣ лаптей и мужицкаго армяка, — словомъ, поняли и оцѣнили то, чего, быть можетъ, никто въ немъ не цѣнилъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ на свѣтѣ. Изъ сторожа сельской школы онъ превратился въ нашего сожителя, то-есть онъ работалъ тамъ на дворѣ, кололъ кое-какія дрова, но здѣсь, въ комнатѣ, былъ совершенно какъ «свой».

Другое *особенно* намъ пріятное и симпатичное лицо среди «вообще» хорошихъ деревенскихъ людей была Авдотья, молодая дѣвушка, сирота, существо живое и милое. Она изъ замарашки съ босыми ногами, изъ худенькой и оборванной нищенки-дѣвочки на нашихъ глазахъ превратилась въ стройную, опрятную дѣвушку, выучилась читать и писать вмѣстѣ съ «господскими» дѣтьми, не забывая въ то-же время подметать полъ, сказывать сказки, играть въ горѣлки, работать самую черную работу и въ промежуткахъ учиться, добиваться возможности читать Некрасова, Григоровича. Было въ ней все, чтò намъ, хорошимъ господамъ, могло быть пріятно: было, во-первыхъ, все крестьянское, начиная съ проворныхъ босыхъ ногъ, съ этихъ непрестанно работающихъ рукъ и кончая неизмѣнно-веселымъ настроеніемъ духа во всевозможнаго рода черномъ трудѣ; было кромѣ того еще и другое, не крестьянское, именно пробужденная мысль, желаніе почитать книжку, желаніе узнать, «чѣмъ кончится» исторія, которую вчера читали вслухъ, — словомъ, было что то особенно нравившееся намъ, все таки еще городскимъ жителямъ.

Подъ вліяніемъ такихъ взаимныхъ симпатій немудрено, что у всѣхъ насъ должны были являться мысли о будущности Михайлы и Авдотьи. «Не выходить же Авдотьѣ за мужика?» «Не жениться же Михайлѣ на деревенской бабѣ?» Положимъ, что мужики и бабы деревенскіе были намъ тогда «вообще» всѣ очень симпатичны и пріятны, но Михайло и Авдотья все-таки не то, что настоящіе черноземные мужики и бабы. Имъ ужъ какъ-то иначе надобно жить, какъ-то гораздо лучше, свѣтлѣе и изящнѣе. А Михайло и Авдотья? Несмотря на то, что между ними не было еще и помина о какомъ бы то ни было сближеніи, раздумывая о своемъ будущемъ, они не могли не думать о немъ точно такъ же, какъ и мы. Можно ли было Авдотьѣ кончить замужествомъ съ мужикомъ, хоть бы и богатымъ? Нѣтъ. Она уже знала, что «будетъ бить ее мужъ-привередникъ и свекровь въ три погибели гнуть», знала это, думала объ этомъ и разумѣется не могла не желать какой-нибудь иной перспективы. Да и Михайлѣ, у котораго кромѣ мужицкихъ мозолистыхъ рукъ и мужицкихъ лаптей было еще что-то, въ головѣ бродили какія-то размышленія, едва ли улыбалось сожительство съ самою несокрушимою въ работѣ деревенской бабой; ему ужъ надобно было и человѣка, съ которымъ «можно слово сказать». Благодаря такимъ отношеніямъ и взаимнымъ вліяніямъ — не знаю съ чьей стороны, съ нашей или съ ихней, — возникла мысль о бракѣ Михайлы съ Авдотьей. Она какъ-то нечаянно явилась между всѣми нами и никого ровно не удивила. Бракъ состоялся, и именно во имя нашихъ общихъ мечтаній: они будутъ жить «хорошо», умно, тихо, мирно. Въ это мирное, тихое, благообразное житье гораздо болѣе насъ вѣрили сами Михайло и Авдотья. Михайло ее ни въ чемъ не будетъ неволить; не такой онъ человѣкъ, чтобы, Боже сохрани, тиранствовать или безобразничать надъ женой. Знаетъ онъ мужика и мужицкій норовъ: онъ перенесъ все это на себѣ, и не то, что повторять его надъ кѣмъ-нибудь, ему и вспомнить страшно о немъ. И Авдотья вполнѣ была увѣрена, что ея жизнь не будетъ похожа на жизнь истираненной деревенской бабы: не такой Михайло человѣкъ.

«Хорошіе господа» помогли Михайлѣ завести лошадь и телѣгу, а онъ началъ заниматься извозомъ, чтò дало ему полную возможность существовать безбѣдно. «Пока» было хорошо; оставшійся Михайлѣ домишко, долгое время стоявшій пустымъ, благодаря Авдотьѣ, преобразился совершенно и ожилъ; мы, «хорошіе господа», заѣзжая къ Михайлѣ, всегда чувствовали себя чрезвычайно хорошо: свѣтло въ домишкѣ, тепло, опрятно, уютно, весело. Картинка на стѣнѣ изъ *Нивы;* въ шкафу вмѣстѣ съ чашками книжки — Некрасовъ, *Записки Охотника;* угостятъ насъ чаемъ — выйдетъ совсѣмъ не по мужицки, а точь въ точь такъ, какъ и мы сами угощаемъ Михайлу и Авдотью, когда они пріѣзжаютъ къ намъ: ни стѣсненія, ни низкопоклонства, ни раболѣпства, а самая простая, деликатная, человѣческая ласка и внимательность.

Дальнѣйшихъ перспективъ, какъ я уже сказалъ, насчетъ продолженія «хорошаго настоящаго» ни у насъ, ни у Михайлы никакихъ мало-мальски опредѣленныхъ еще не было. «Пока» теперь было «хорошо» и вѣроятно такъ же хорошо и будетъ. Но вотъ къ намъ, «хорошимъ господамъ», пріѣхалъ становой приставъ, пріѣхалъ невѣдомо зачѣмъ, покурилъ папироску, извинился и уѣхалъ, и съ этого дня мы уже стали понимать направленіе, по которому пойдетъ будущее «хорошихъ господъ», очертанія «перспективъ» стали намъ дѣлаться съ каждымъ днемъ яснѣе и яснѣе, а по мѣрѣ этой ясности намъ становилось то обидно, то невыносимо, то ужасно, то гадко, то по-заячьи трусливо, малодушно-подло и вообще такъ худо, такъ скучно, что сначала мы съежились, потомъ загрустили, загрустили, затѣмъ перебрались въ городъ — и такъ постепенно, «со ступеньки на ступеньку», дошли до теперешняго «тишайшаго» влаченія дней за днями, начинаемыхъ, продолжаемыхъ и оканчиваемыхъ глубокими воздыханіями.

А Михайло и Авдотья остались въ деревнѣ совершенно безъ всякой перспективы. Сначала отъ нихъ бывали письма — письма хорошія, пріятныя намъ, потомъ они перестали писать. Потомъ чрезъ

деревенскихъ людей стали доходить слухи, что у Михайлы и Авдотьи не ладно, не хорошо. И такъ пошло, что дальше, то хуже. Однажды кто-то принесъ извѣстіе: «Бьетъ онъ ее, Михайло то», а въ другой разъ: «Пьетъ Михайло мертвую... въ темной сидитъ». А что разсказывать стали про Авдотью, такъ это и сказать совѣстно.

Вѣсти эти какъ-то духовно придавливали насъ.

«Вотъ онѣ, книжки-то!» — иногда мелькало въ нашемъ напуганномъ сознаніи, и мысль о «суетѣ суетъ» все чаще стала сжимать сердце въ тѣхъ случаяхъ, которые, бывало, могли его только радовать.

II.

И вотъ теперь, почти черезъ двѣнадцать лѣтъ, мнѣ опять пришлось встрѣтиться и съ Михайлой, и съ тѣми самыми мѣстами, гдѣ когда-то такъ «хорошо жилось». Но ѣдемъ мы съ нимъ, Михайлой, зная, что все теперь стало по иному: и мы, и усадьба, и порядки, и духъ усадьбы — все ужъ не то, все по новому, «по скучному».

Впечатлѣнія настоящаго и прошлаго не дали намъ возможности начать искренній и простой разговоръ, и мы долго не могли наладиться. Верстъ десять мы ѣхали, постоянно разговаривая, и все-таки это былъ разговоръ не настоящій, не о томъ, о чемъ намъ слѣдовало и хотѣлось бы говорить. Но вотъ кончилось разбитое и трескучее земское шоссе, телѣга свернула въ сторону, въѣхала въ лѣсъ, — въ тотъ самый, въ глубинѣ котораго стояла когда-то наша милая усадьба, пошли знакомыя болотца, послышалось знакомое чавканье лошадиныхъ ногъ въ мокромъ мху... и намъ стало просто необходимо говорить другъ съ другомъ безъ всякихъ экивоковъ, а такъ-же просто и свободно, какъ говаривали и «тогда».

— Ну, что же, Михайло, произнесъ я уже безъ всякаго стѣсненія, — какъ-же твоя жена? Какъ ты поживаешь съ ней?

— Слава Богу! Перестала теперича! — быстро обернувшись ко мнѣ, радостно отвѣтилъ Михайло и глянулъ на меня влажными ласковыми глазами.

— Ну слава Богу.

— Совсѣмъ перестала! Слава тебѣ, Господи!

Михайло соскочилъ съ козелъ, какъ это онъ дѣлалъ встарину, проѣзжая топкія мѣста, и пошелъ рядомъ съ телѣгой, положивъ руку на ея край.

— А ужъ какъ она меня умаяла!

Онъ сказалъ это почти шопотомъ, но такъ покачалъ головой, что я только теперь понялъ, до какой степени онъ дѣйствительно усталъ, только теперь разглядѣлъ, какъ онъ измѣнился и постарѣлъ; онъ сдѣлался какъ-то уже въ бокахъ и плечахъ, щеки его сильно ввалились, ноги какъ будто подлиннѣли, разслабли, и весь онъ, слегка сгорбившись, держался какъ-то наклонясь впередъ, а то особенное, «интеллигентное», что когда-то такъ плѣняло насъ въ Михайлѣ, исчезло теперь безъ слѣда: онъ былъ просто измаявшійся мужикъ.

«Усталъ, усталъ!» — думалось мнѣ, и я не тревожилъ его разспросами.

Нѣкоторое время онъ шелъ молча, продолжая держаться рукой за край телѣги и очевидно отдыхая отъ той тяжести, которая у него до сихъ поръ лежала на душѣ и которая какъ бы свалилась съ нея, когда онъ сказалъ: «Перестала!».

— Нѣтъ! — началъ онъ, поотдохнувъ, — кабы въ ту пору намъ съ Авдотьей прямо бы въ крестьянскій хомутъ влѣзть, то есть прямо бы за крестьянство взяться, а не разговоры разговаривать, такъ ничего-бы этого не было. Вѣрное слово! Намъ свою силу мужицкую нельзя по вѣтру распускать, намъ нужна запряжка, чтобъ дохнуть некогда было... Силы много, особливо въ бабѣ... Ее вѣдь, силу-то, тоже надобно дѣвать куда-нибудь, а куда ее въ нашемъ-то положеніи дѣнешь, ежели крестьянствомъ не охомутаешься?.. Ну вотъ, отъ этого отъ самаго... Не отбейся я самъ-то отъ крестьянства съ малыхъ денъ, такъ и прожилъ бы вѣкъ тихо, благородно... А то вѣдь меня съ малыхъ денъ отъ крестьянства-то отбивало, дальше да дальше... Наше семейство было завсегда первое по крестьянству-то; были мы завсегда въ полномъ достаткѣ и вѣкъ-бы такъ прожили, да какъ грянула эта самая оттоманская порта...

— Какая порта? что такое?

— А какъ же? А севастопольская то кампанія, англо-турецкое столкновеніе?.. Мы были мужики всегда исправные, хлѣбные. Этой палки или оплеухи какой-нибудь, какъ крѣпостные, мы и знать не знали, вѣдать не вѣдали; мы были крестьяне государственные; я былъ мальчишка холеный, любимый, въ школу казенную бѣгалъ, а учитель меня шибко хвалилъ; баловали меня, потому работниковъ было въ домѣ много: отецъ, два брата... Все шло честь-честью, ну, а какъ императоръ Николай I потребовалъ ключи отъ Ерусалима, да ключей-то ему черномордые дураки не отдали, такъ онъ тогда и зачалъ ихъ, подлецовъ, лущить по башкѣ... Вотъ тутъ-то никакъ года въ два четыре набора было, тутъ-то вотъ нашъ домъ и разорился... Какъ потребовали перваго брата, такъ отецъ-то весь домъ распродалъ, хотѣлъ его какъ-нибудь высвободить, докторамъ платилъ, всякія маперы перепробовалъ, однако-же взяли, а немного погодя слышимъ: померъ на Черномъ морѣ, а дѣло-то не меньше, какъ въ тысячу рублей стало... Не успѣли оглянуться — и второго берутъ.. Тутъ отецъ весь по шею заложился — охотника купилъ, заложился онъ моему дядѣ, своему брату, темному кабатчику петербургскому. И только было охотника сдали, принялись въ дому дыры чинить, разоренное гнѣздо поправлять, хвать — и второй братъ померъ... И затосковали мои родители, руки опускаются! Запустѣлъ нашъ домъ, ослабъ, вся сила изъ него вышла... Хирѣли, хирѣли мои родители, да одинъ по одному и ушли на тотъ свѣтъ... Передъ смертью-то родитель мой и объявилъ мнѣ: «По случаю, говоритъ, кампаніи задолжалъ я Михайлѣ Кузьмину, брату-кабатчику, тысячу триста рублей, такъ ты, говоритъ, Михайло, по случаю нашей смерти, одинъ ему и остаешься плательщи-

*

комъ... Терпи, баитъ, малый!» и померъ. А какъ заключили парицкій трактатъ, тутъ меня кабатчикъ-то и сгребъ! Да лѣтъ двѣнадцать онъ, дьяволъ, выколачивалъ изъ меня эту самую порту оттоманскую! Швыряетъ меня, какъ полѣно, съ мѣста на мѣсто, куда ему угодно, обираетъ за меня деньги, и все я никакъ не могу разсчитаться! Тамъ ужъ и миръ заключили, и ключи отдали, а онъ — то въ печники меня, то въ квасники, то въ полотеры, нѣтъ мнѣ никакого перемирія! А мальчонка-то я былъ не простой, балованный, любилъ, чтобъ меня похвалили да погладили, а не такъ, чтобы за волосы или по шеѣ. И стало меня зло забирать, и умишко-то тоже у меня заворчалъ. Злѣй да злѣй становлюсь, не хочу жить, уйду, наплюю, а за обиду къ мировому. Въ ту пору уже судъ пошелъ новый, а я вѣдь грамотный былъ, и мимо меня это дѣло не прошло. Возьмешь листокъ — видишь, что не потакаютъ подлецамъ. Это мнѣ по вкусу пришлось, думаю: «буду воевать съ негодяями!». Объ это время разыгралъ я большое представленіе! Устряпалъ меня трактирщикъ въ кучера, въ казну, возить курьеровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ и свистни меня по уху: попалъ я не въ тотъ переулокъ, куда надо. Я, ни слова не сказавши, съ козелъ долой, прямо съ разбитой рожей къ городовому: «Гдѣ докторъ?» Курьеръ остался, оретъ, зоветъ, вопіетъ — сколько угодно!.. Я своею дорогой въ участокъ: «Извольте засвидѣтельствовать, такъ и такъ»... Да къ мировому! Да такую тамъ рѣчь провозгласилъ, рты разинули! И не о своей обидѣ я провозгласилъ, а расшумѣлся о неправдѣ, о томъ, какъ насъ, бѣдныхъ, притѣсняютъ, мордуютъ. — «Мнѣ не надо, говорю, ничего: ни денегъ за обиду, ни того, чтобъ его, курьера, наказали, ничего не надо! Ничего мнѣ не надо, а я, говорю, хотѣлъ только доказать противъ подлости!» Отбрилъ всѣхъ негодяевъ, хлопнулъ дверью, да и былъ таковъ. И сталъ я, признаться, съ этого дня зашибать виномъ. Получилъ въ казнѣ разсчетъ, двадцать восемь рублей, ни копѣйки моему кровопійцуне отдалъ, пилъ, пилъ, домотался до участка.

— Да сколько же тебѣ тогда было лѣтъ?

— Да когда парицкій трактатъ-то заключили?

— Трактатъ заключили въ пятьдесятъ шестомъ году...

— Ну, при трактатѣ мнѣ было лѣтъ пятнадцать, а какъ зашибать-то сталъ, тутъ, надо быть, лѣтъ ужъ подъ двадцать пять подошло... Однако-жъ мой хозяинъ вытрезвилъ меня и опять водворилъ на мѣсто. Утвердилъ онъ меня въ щапинскомъ дилижансѣ, съ Большой Садовой въ Новую деревню... Ужъ и маята-жъ только настала для меня!.. Не приведи-то Господи! Что одежа, что одры-лошади — чистая смерть! День-деньской дерешь-дерешь одровъ-то; самого-то бьетъ-бьетъ на козлахъ — жарища, пылища... Смерть моя! Замучался я, вся у меня душа изныла, думаю-думаю: «когда этому будетъ конецъ?» Никакого свѣту не видать! Нѣтъ! Нѣтъ моихъ силъ! Бросилъ все, напился пьянъ, дилижансъ вывалилъ, одежу разодралъ въ дребезги. — «Подавай разсчетъ!» А разсчета не даютъ, мой живорѣзъ ужъ такъ обдѣлалъ дѣла, чтобы все ему шло... Ахъ ты... Стащилъ хозяйскій армякъ, уволокъ, продалъ, пропилъ... Укралъ! Что станешь дѣлать?.. Укралъ, думаю: «конецъ, все одно», пустился во всѣ тяжкія... Этого разсказать невозможно всего, что было... Вѣдь я вамъ какъ на духу говорю — въ острогѣ сидѣлъ! вотъ до чего! По этапу препроводили на мѣсто родины, а на родинѣ принялись меня учить, драть, ожесточили! Опять я задурилъ, опять меня упечатали въ темную... Кончилось — «не принимаетъ общество» — и шабашъ! Иди въ Сибирь! Тутъ ужъ живорѣзъ меня выручилъ, потому я ему нуженъ... Приткнули меня къ обществу кое-какъ... Вотъ тутъ-то я, весь изуродованный да измордованный, и прилипъ въ училище въ сторожа... Ну, а потомъ Господь послалъ добрыхъ людей, хорошую кампанію, обратили на меня вниманіе... не дали пропасть... Вотъ тутъ-то я и оженился на Авдотьѣ-то... Вспомнишь-вспомнишь прошлую-то жизнь — жуть одна, морозъ по кожѣ подираетъ! Не видалъ я хорошихъ людей; и города боюсь, и деревня мнѣ не сладка досталась; видѣлъ ихъ, какъ они меня учили, знаю ужъ этихъ старичковъ почтенныхъ — вотъ и надумалъ жить почище да не кланяться и не яшкаться... Богъ молъ съ вами, проживемъ съ Авдотьей поблагороднѣе... Анъ вотъ...

Съ тяжкимъ короткимъ вздохомъ произнесъ Михайло эти слова, но къ удивленію моему вмѣсто того, чтобы, какъ я ожидалъ, заговорить о чемъ-нибудь тяжеломъ и непріятномъ, вдругъ неожиданно улыбнулся.

— Какъ вспомню первое-то время, какъ мы съ Авдотьей жили, — заговорилъ онъ, весело улыбаясь, — такъ ужъ не перечесть, сколько я въ ту пору всякой смѣхоты наглядѣлся... Бабенка молодая, сильная, складная, а хозяйства-то настоящаго нѣту... Я въ ту пору и думать не хотѣлъ, чтобы мнѣ пойти къ обществу поклониться: «Дайте молъ земельки!». И сохрани Богъ! Это чтобы галдѣть, кланяться, врать и поить ихъ? И ни-ни, ни за какіе милліоны!.. Да и такъ хватало на расходъ, очень даже прекрасно пошла моя ѣзда. Ну вотъ, Авдотьи-то и некуда свою силу-то дѣть... А силы-то много — у-ухъ сколь много въ бабѣ силы! И дѣвать ее куда-нибудь надобно... Ну вотъ, она и стала изъ моей Авдотьи-то вывинчиваться во что ни пришлось... Жили мы въ старомъ флигелишкѣ отцовскомъ — сѣнцы, да каморка въ три окна съ русской печкой. Всего объему будетъ шаговъ восемь въ долину, да шаговъ шесть въ ширину, а до потолка и руки не разогнешь — упрешься; такъ вотъ она въ этакихъ-то размѣрахъ и то съумѣла ни дня, ни ночи себѣ покою не найтить! И моетъ, и скребетъ, и третъ, и царапаетъ, и приколачиваетъ, и то-есть никакого нѣтъ окончанія! Тысячу верстъ вокругъ самой себя сдѣлаетъ въ сутки, а все еще не все передѣлала. И занавѣски, и полотенцы, и всякія малости... Такъ у нея игла-то и шмыгаетъ въ пальцахъ, какъ молнія... Кровать вознесла такую — даже лечь совѣстно — придешь въ грязи, думаешь: да какъ же это можно?

Это молъ все равно, что лаптемъ въ горшокъ съ молокомъ стать, то и мнѣ въ этакое благолѣпіе воткнуться .. И кажинный Божій день этакимъ манеромъ, къ ночи съ ногъ собьется, а съ утра опять! Тараканъ какой попадется или клопъ тамъ, ужъ она его выдеретъ изъ самой стѣны со всѣмъ семействомъ. Бабенокъ какихъ-то молодыхъ подобрала въ компанію, такъ онѣ бывало цѣлой компаніей за тараканомъ-то въ щель вопьются... Выволокутъ, дверь настежь распахнутъ, всей компаніей на дворъ выбѣгутъ: тра-ра-ра-ра-ра-ра!.. Кипятокъ сущій кипитъ, какъ у нихъ этотъ разговоръ идетъ! Одна изъ ихней компаніи, тоже горячая бабенка, такъ та за чернымъ тараканомъ безъ памяти такъ втиснулась за печку, еле я ее выдернулъ оттуда за ногу... Да неужто же не все, думаю? Нѣту, куда тамъ! Еще на всю жизнь хватитъ! Забила, заклеила во всѣхъ щеляхъ, все искоренила, обшила, обрядила—«нѣтъ, говоритъ, надо все ободрать, да ножомъ выскоблить чисто-начисто!» И все ножемъ ободрала, обскоблила, и стѣны, и полы, и лавки, и столы, и шкафики, и полки, и подоконники; скребла-скребла—доскреблась до потолка,на тубаретъ установилась,перегнулась вся, смотрѣть-то душа замираетъ! Ну,тутъ ужъ должно быть и Господь осерчалъ: оступись она съ тубарета, да кубаремъ, да головой о печку, а спиной объ полъ... «Охъ, матушки мои родимыя!»Ну, думаю, окончаніе перваго дѣйствія! Занавѣсъ опускается! Положилъ ее въ кровать, поѣхалъ за докторомъ, привезъ примочки. «Лежи, думаю, другъ любезный, поправляйся! Не будетъ-ли чего любопытнаго во второй пьесѣ?»—«Охъ,матушки-матушки родимыя!»А меня такъ и разниимаетъ смѣхомъ: доскреблась же до бѣды!

Посмѣялись мы надъ Авдотьей, и Михайло продолжалъ:

— Начинается однако-жъ и второе дѣйствіе. Лежитъ она, стонетъ, охаетъ, а бабенки одна за одной къ ней да къ ней, пожалѣть, поохать, потужить, присовѣтывать. Тарара, да тарара, вошла моя Авдотья во вкусъ сплетни плести. Поправляется, съ постели встаетъ, по избѣ ходитъ, а языкъ свое дѣлаетъ: у Петра курица пропала, у Ивана овца чихаетъ, у дьякона жена сердита, на колокольнѣ галчата вывелись. Я молчу, пущай, думаю, галчата выводятся. Дальше—больше, поправилась, надобно и сосѣдокъ отблагодарить. Сегодня у Марьи побывала, цѣлый мѣшокъ новостей принесла, а завтра у Дарьи еще того больше закниствовала. Помаленьку да помаленьку стала моя Авдотья совсѣмъ шальная: то все вокругъ себя мучилась, по тысячи верстъ въ сутки дѣлала, а тутъ дня мало стало чужихъ людей обѣгать. Ворочусь съ работы, такъ изъ Авдотьи и хлынетъ: «у Захаровыхъ зеленый платокъ купили, а Марья два аршина ситцу подарила кумѣ, староста избилъ Пелагею,старшина любовницу завелъ, у Егора украли полушубокъ, Акулина мужа не любитъ, Петра приревновала... Никита - снохачъ, у Кузьмы деньги въ погребѣ»—не приведи Богъ! Слушаешь, слушаешь, только около ушей словно бы вьюга шумитъ. А затѣмъ пошло дѣло Авдотьино и еще шибче: то она по одиночкѣ перебирала Дарью да Марью, а то начала отъ Марьи къ Дарьѣ переносить, а потомъ и въ оборотъ—отъ Дарьи къ Марьѣ. Долго-ли, коротко-ли, смотрю, начали къ намъ и гости жаловать; то Марья придетъ, перекрестится и скажетъ:—«Ты что-жъ это, Авдотьюшка, Акулинѣ-то сказывала?», то Дарья вломится, загалдитъ:—«Ты какія-такія про меня слова говорила?». Авдотья моя, само собой, отпирается: —«Не я, молъ, а Ѳекла.» — «Какъ Ѳекла?» Глядь, и Ѳекла бѣжитъ:—«Когда я говорила?» Глядишь и началась баталія. А Авдотья моя не такова баба, чтобъ оробѣть, горло у нея здоровое; какъ начала входить во вкусъ горло-то драть, такъ не успѣлъ я и оглянуться, какъ она на все село «горластымъ чортомъ» пошла считаться. Да вѣдь какъ! на пять верстъ слышно; да мало того, что изъ двора бабья визготня цѣлый Божій день звенитъ, точно паровикъ на фабрикѣ, стала Авдотья и на середину улицы выбѣгать; станетъ, оретъ во всю глотку направо и налѣво, кулакомъ грозитъ:—«Я тебѣ докажу, такая, сякая!», да еще и эдакимъ манеромъ (онъ показалъ, какимъ) не постыдится сдѣлать, ей-Богу! Чистая срамота! А я-то боюсь круто на нее налечь, потому я себя знаю: чуть у меня защемитъ сердце зломъ, такъ ужъ я не остановлюсь. Вотъ я и помалчивалъ, да кое-какъ урезонивалъ, а она все во вкусъ входитъ! — «Подлячки, такія, сякія... я имъ пропишу правду!» Догадай меня нелегкая, и начни я усовѣщевать ее такимъ родомъ:«что за охота молъ тебѣ, Авдотья, со всякой сволочью возжаться?.. Ну, чего ты къ Марьѣ полѣзла? Чего тебѣ у Петра надо? Зачѣмъ тебѣ про любовницу старшины знать? Вѣдь это, говорю, *вотъ какіе люди*—они тебя съѣдятъ»,—да и распиши ихъ по своему (а я отъ нихъ вѣдь предовольно потерпѣлъ). Думаю, попритихнетъ, поопасется на грѣхъ наскочить... А она эти мои слова возьми да и разнеси по домамъ: — «Мой, говоритъ, Михайло такъ и такъ васъ почитаетъ! Ты, говоритъ, воръ, а ты душегубъ». И отрапортовала! Такъ такой мути намутила, и зги-то не видно стало. Все село перемѣсила, точно тѣсто въ квашнѣ. Гляжу, и ко мнѣ ужъ идутъ: «Ты что-жъ, Михайло, про меня сказываешь? Да я тебя, острожнаго мошенника...» Приду въ лавку—«Нѣтъ тебѣ кредиту, пошелъ вонъ! Про мою жену твоя Авдотья...» Смотрю, старшина зоветъ:—«Ты какъ же, мошенникъ, про меня смѣешь такія слова разсуждать?» Да такую кашу заварила, еле-еле я виномъ судей отпоилъ, а то бы меня, раба Божьяго, и выдрали бы да изъ деревни бы вонъ выгнали... Вотъ вѣдь чего намутила!

Вздохнулъ Михайло и взгрустнулось ему.

— Вотъ и второе дѣйствіе кончилось у насъ съ Авдотьей, и кончилось не по хорошему. Какъ пришелъ я домой то съ волостного пойла, да какъ вспомнилъ, до чего меня глупый бабій языкъ довелъ, сколько я денегъ извелъ изъ-за бабьихъ сплетенъ, да сколько я поклоновъ сдѣлалъ нестоющимъ людямъ—взяло меня зло! А на грѣхъ и мнѣ

пришлось съ мірскими пьяницами и водки, и пива хлебнуть, вотъ я съ пьяну-то и зарычи:—«Ну, говорю, Авдотья, ежели ты не перестанешь языкомъ звонить, такъ я тебя—вотъ! (Михайло погрозилъ кулакомъ.) Расшибу, говорю, въ мелкія части!»Она было мнѣ:—«Что-жъ? Я вправду говорила...» А я-то съ пьяну хвать ее за это мѣсто подъ горломъ:—«Я молъ тебѣ покажу правду! только пикни!» Да маленько ее тряхнулъ впередъ, назадъ... Ничего она мнѣ не отвѣтила, а только грубая сдѣлалась сразу,и глаза у нея стали грубые; взглянетъ—точно обухомъ ударитъ.—«Кабы, говоритъ, у меня ребенокъ былъ, такъ я бы и на тебя-то, дурака, не глядѣла, не то что по людямъ ходить!» Только и сказала, а по голосу мнѣ слышно, что опротивѣлъ я ей. Да и мнѣ-то стало не складно, потому ребенка дѣйствительно не оказывалось... вотъ съ этого разу и стало между нами студенó... Бывало,стараешься взять недальняго сѣдока, который по-близости, чтобы отъ дому не далеко было, ну, а тутъ что-то будто и не охота стало дома-то сидѣть... Иной разъ сидишь въ трактирѣ, пиво пьешь, а домой не тянетъ... и даже сталъ брать самые дальніе концы, верстъ за сто, за полтораста, по недѣлямъ дома не бывалъ... А Авдотья между тѣмъ думала, думала, да и надумала новую заботу—ревновать! Воротишься откуда-нибудь изъ дальней поѣздки, ничего не скажетъ, а поглядитъ, точно топоромъ ударитъ... Гляжу-погляжу, разъ прибѣжала въ трактиръ, оглядываетъ, осматриваетъ:—«Ты чего, Авдотья, тутъ? Зачѣмъ?»—«Я, говоритъ, знаю зачѣмъ». А у насъ въ трактирѣ, на станціи,всякаго сброду довольно, и мужчинъ, и бабъ.—«Тебѣ любо, говоритъ, тутъ съ дѣвками-то бражничать?» И главное то досада, что правды-то нисколько нѣтъ, а зла въ ней по этой части съ каждымъ днемъ больше дѣлается. А ужъ коли въ бабѣ неправда противъ тебя, да еще зло бѣшеное, такъ тутъ и мужикъ начинаетъ думать по-звѣриному. Стало такъ, что ни шагу ступить, ни слова сказать ежели съ бабой — сію минуту Авдотья тутъ, караулитъ и злющими глазами смотритъ. Ходитъ за мной съ своими глазищами, точно съ заряженнымъ ружьемъ, а меня всего такъ и рветъ за сердце отъ этого. Докараулилась до того, что вышелъ я изъ всѣхъ границъ. Привезъ я на хуторъ какъ-то со станціи купчиху одну съ дѣвочкой, вдова... Купила она хуторишко, верстъ десять отсюда—«буду, говоритъ, вѣкъ доживать!» Хорошая женщина. Знакомыхъ нѣтъ, вотъ она у меня то то спроситъ, то другое; я, что знаю, скажу; «съѣзди-ка туда-то» — съѣздишь; «привези то-то»—поѣду, привезу. И стали мы не концами считать, а такъ: «за все». И хорошо платитъ, добрая. Иной разъ скажетъ: «Чѣмъ тебѣ домой ѣхать, да опять завтра пріѣзжать, ночуй въ кухнѣ», ну, и ночуешь. А на утро уѣдемъ съ ней въ лѣсъ, тесъ или что прочее покупать, да такъ иной разъ денъ шесть—хорошая женщина! А мнѣ кого ни возить, сами знаете.—«Поди, Михайло, въ кухню, попей чайку», скажетъ; ну, сидишь и пьешь. А чтобы худого — ни Боже мой! Вотъ разъ сижу такъ-то, пью чай въ кухнѣ; глядь, моя Авдотья на дровняхъ, въ дипломатѣ подлетѣла и прямо въ домъ къ купчихѣ. Минуты не прошло, смотрю, содомъ въ домѣ начался. И Авдотья визжитъ, и купчиха. Слышу: «Любовникъ! любовникъ!...» Не успѣлъ опомниться, а Авдотья и купчиха, обѣ какъ ястреба, въ кухню влетѣли. Купчиха-то тоже не въ себѣ: — «Какъ такъ? какъ она смѣетъ? чтобы я...» Тутъ я понялъ, рвануло меня, бросилъ я стаканъ съ чаемъ, да прямо въ Авдотью... Сгребъ ее, себя не помню, да какъ былъ въ фуфайкѣ, такъ и выскочилъ, да съ Авдотьей-то на тѣхъ дровняхъ безъ шапки, да дулъ ее, дулъ безъ памяти всю дорогу, ужъ и не помню, что я съ ней дѣлалъ... только большой скандалъ вышелъ, шибко мы осрамились, а Авдотья и совсѣмъ слегла.. Жаль мнѣ ее стало; сталъ я ее ублажать—нѣтъ! Молчитъ, ни слова не говоритъ! И вижу я, что съ каждымъ часомъ отходитъ она отъ меня дальше и дальше, словно льдина оттаяла отъ берега и поплыла... Отмякъ ледокъ отъ берега, тронулся—чуть глазомъ примѣтишь, а потомъ понесло его стрѣлой... Такъ и съ Авдотьей стало.Откачнулась она отъ меня,остыла,и не успѣлъ я оглянуться, опомниться, нѣту моей Авдотьи!... Чужая она мнѣ стала, совсѣмъ незнакомая, будто мы и другъ дружки-то не встрѣчали... Зашла къ ней безъ меня прохожая богомолка, побормотала ей про святыя мѣста и сразу втянула въ богомолье... Я вѣдь по словечку обо всѣхъ Авдотьиныхъ дѣлахъ вамъ сказываю, а вѣдь ежели бы обо всѣхъ то ея поступкахъ и моихъ мученьяхъ говорить, такъ вѣдь это въ годъ не разскажешь. Захватило ее за душу богомоленіе, святость, и потянуло ее вонъ изъ дому въ пустыни, въ лѣса дремучіе... Какъ чуть весна началась, только и видѣлъ я Авдотью... Палочки, котомочки съ зимы готовы, товарокъ ждетъ не дождется, и никакими силами не удержишь!... Одинъ я въ избѣ-то, пусто, холодно, ни привѣта, ни отвѣта. Просто хоть руки на себя наложить!.. Еле-еле лѣто кое-какъ пробьешься, и ужъ только въ глухую осень, ужъ къ снѣгу и Михайлову дню дождешься Авдотьи. Да и то совсѣмъ чужая! Нѣтъ того хозяйскаго неугомону, какъ сначала: топлена печь, не топлена—ей все равно; только бы зиму перезимовать, а потомъ и опять ее нѣту! И эдакъ года два она подъ-рядъ меня томила; исхудала, отощала, оборвалась вся;тоска въ избѣ-то,сокрушеніе одно...—«Уйду,говоритъ,Михайло,совсѣмъ отъ тебя, на подвигъ. Прости меня Христа ради!» А у меня у самого глаза слезами заливаются. На третій годъ, думалъ. совсѣмъ пропала, ужъ на саняхъ стали ѣздить—нѣтъ Авдотьи! Все сердце мое изорвалось... потому хорошая баба, одно слово—сокровище! Не то, чтобы набормотать, да дѣла не сдѣлать... Ужъ возьмется за что—такъ огонь! ужъ дойдетъ до послѣдняго предѣла... Думаю: «пропала моя Авдотья, въ самомъ дѣлѣ въ монашки ушла!» Только ужъ подъ самый Николинъ день привозятъ ее: больнешенька! Всеё продуло ее, дождемъ промочило, сгорбило, согнуло, а кашель такъ и реветъ въ груди...

А я ужъ и не помню себя отъ радости! Хошь такую-то молъ дай сюда!.. Свалилась бѣдная, всю зиму промаялась, смерти ждала, да спасибо докторъ добрый у насъ человѣкъ, очень за ней глядѣлъ, каждую недѣлю навѣщалъ, лекарства давалъ — выправилъ-таки ее къ веснѣ... Стала моя Авдотья по избѣ ходить, и все на старое! — «Вотъ придетъ весна, уйду на богомолье!.. Въ Ерусалимъ поплыву...» — «Ну, думаю, ладно, попробуй!» и рѣшилъ такъ, что ужъ ни за какіе милліоны ее не пущу; стосковался я, измучился... А замѣсто того, случилось такое, что ни мнѣ, ни Авдотьѣ и во снѣ не снилось. Опять эта самая оттоманская порта чудить начала. Сидѣла, сидѣла смирно, да и стала народъ рѣзать безъ всякаго снисхожденія. Стала рѣзать, а ее стали бить за это. Началась война. Вотъ въ это самое время, какъ Авдотью потянуло вонъ изъ дому, хвать-похвать, вступаетъ къ намъ полкъ. Авдотья рвется уйтить, хрипитъ на меня, что я ее силомъ не пускаю, а солдатъ Яшка красная-рубашка, постоялецъ, сидитъ съ трубочкой на крыльцѣ, на гармоніи жалостныя пѣсни играетъ.. Такія жалобныя фигуры выводитъ и голосомъ нѣжнымъ пѣсни жалобныя поетъ. А дѣтина здоровый, песъ бы его взялъ, красивый, собака, удалой, и на гармоніи мастеръ играть; гармонія складная, «тальянка» называется, четырехъугольная. Только тронетъ бывало гармонію-то, а Авдотья ужъ и вздыхаетъ:—«Жалко мнѣ его... убьютъ бѣднаго!» Ну, какъ она его разокъ пожалѣла, вы ужъ и сами можете понимать, что дальше... Сердце у нея горячее, за что уцѣпится, такъ ужъ не какъ-нибудь... Недѣли не прошло, пріѣзжаю изъ Тифина, сидятъ милые дружки, водку пьютъ, жалобныя пѣсни поютъ, на тальянкѣ играютъ... Ну, тутъ ужъ мнѣ и разсказывать-то не охота... Не то что разсказывать, а страшно даже подумать. Озвѣрѣлъ я совсѣмъ, а ужъ Авдотья... ну, не дай Богъ никому этого! Все разорилось, все пошло прахомъ, всѣ пропились, передрались, перецарапались.. Срамоты что было — во вѣкъ этого не забудешь! Устрашился я какъ-то однажды своихъ злодѣйствъ, пошелъ къ солдату:—«Уйди, говорю, добромъ; возьми, что хошь, только оставь!» — «Давай сорокъ цѣлковыхъ, оставлю твою бабу, а коли сама прибѣжитъ, такъ въ шею накладу. А не дашь сорокъ серебромъ, ей-ей сведу бабу!» Отдалъ, продалъ послѣднее. Тутъ Авдотью колотить начали съ двухъ сторонъ: и солдаты «учатъ», и я изъ предѣловъ вышелъ. Не знаю! Нѣтъ! И что такое было, и какъ разсказать—нѣтъ, не приведи Богъ! Четыре мѣсяца эдакъ-то тиранились, и чѣмъ бы окончилось это дѣло — не знаю, только не по-хорошему бы окончилось, это ужъ вѣрно! да Господь насъ обоихъ спасъ отъ грѣха!.. Лаемся мы какъ-то съ Авдотьей въ холодной избѣ, безъ огня: она съ кровати рычитъ, я съ печи огрызаюсь, и вдругъ незваная, непрошеная, входитъ калашница Артамоновна... Перемеръ весь ея родъ, такъ она на большой дорогѣ около своей избушки калачами торговала... Помолилась Богу, отдохнула и говоритъ:— «Была я у всенощной, Богу молилась, и всю-то службу, сама не знаю отчего, только про васъ, горемычныхъ, и думу думала. Вложилъ, говоритъ, самъ Господь должно быть эти думы въ меня. И жалость меня къ вамъ взяла. Шепчетъ вотъ кто-то на ухо: «Вызволи Михайлу, вызволи Авдотью! Скоро твой конецъ, помоги!» Меня даже слеза ударила отъ этихъ словъ, а Авдотья такъ сразу коровой заревѣла. И говоритъ мнѣ Артамоновна:— «Глупый ты, безбожный и безразсудный балбесъ! До чего ты довелъ твою жену и до чего себя самого произвелъ? Не дуракъ ли ты: хотѣлъ прожить съ женой весь вѣкъ за самоваромъ; думалъ ты, дуракъ, что будетъ она тебѣ благодарна, ежели ей только чай съ сахаромъ пить, а никакого безпокойства не имѣть? куда-жъ она силу-то свою дѣнетъ, подумалъ ли ты? Вѣдь у ней, у жены-то твоей, на четырехъ бабъ силы-то хватитъ, а ты думаешь чаемъ ее отпоить? Вѣдь твоей Авдотьѣ цѣны нѣтъ; вотъ она съ солдатомъ связалась — такъ вѣдь на смерть готова; въ богомолье ударилась — прямо на небо норовитъ, не какъ-нибудь; бабъ на чистую воду выводила — такъ вѣдь ея голосъ-то за пять верстъ слышно. И этакую-то золотую бабу ты, балбесъ, удумалъ на всю жизнь оставить безъ затрудненія? Почему же ты не дѣлаешь ей въ жизни затрудненія? Вѣдь она всего хочетъ, понимаешь ли ты? Ей всего нужно... А ты самоваромъ хочешь отбояриться? Иди, глупый человѣкъ, въ волость, созови сходъ, поставь угощеніе, да въ ножки мужикамъ поклонись, проси земли, да оба съ Авдотьей впрягайтесь въ одинъ хомутъ — да чтобъ спина трещала—вотъ и окончаніе будетъ вашей безбожной жизни! Всякій человѣкъ хочетъ всего, ну, богатый и укупитъ все: такъ ли, сякъ ли, съумѣетъ силу свою размотать и душу пріютить, а вы-то, мужичье-то, что задумали? Куда вамъ окромѣ хомута? На такую бабу-то, какъ Авдотья, по настоящему надо-бы какую заботу-то навалить, чтобъ она не мудрила? Ей мало цѣлаго стада коровъ, да овецъ ежели двѣсти, такъ и то она каждой имя дастъ и характеръ узнаетъ, да куръ тысячу, и то она запомнитъ объ каждой, что которая курица думаетъ, да дѣтей ей нужно полдюжины, да чего тебѣ угодно навали на экую силу, такъ ей только-только въ самый разъ почувствовать, что она жива, на свѣтѣ живетъ, а не въ могилѣ зарыта. А ты, болванъ, поставилъ передъ ней самоваръ, да и «живи въ свое удовольствіе!». А ты-то, говоритъ Авдотьѣ, балалайка безструнная, чего думала? Ты бы хоть мужу на портянки холста наткала, такъ и то бы тебѣ потруднѣй было, повеселѣй! Ахъ вы, глупые, безсовѣстные! Задумали безъ крестьянскаго хомута вѣкъ свѣковать!» То-есть ревмя ревѣли мы отъ этихъ словъ оба, и Авдотья, и я... И дай ей Богъ! Вотъ съ этого-то дня мы съ Авдотьей и опять оживать стали. Артамоновна-то не то что на словахъ, а и дѣломъ помогла... Сто рублей серебромъ вынула кровныхъ денегъ: «мнѣ, говоритъ, все равно помирать надо; на что мнѣ деньги? Лучше вы начинайте жить съизнова!» И стала она намъ замѣсто матери. Придетъ, журитъ... Усадила-таки Авдотью за станъ. Усѣлась, растопырила локти,

какъ калегвардъ на конѣ, да какъ застучалъ челнокъ, такъ у нея, у растрепы, и засіяло расцарапанное-то лицо!.. Какимъ родомъ опять я въ крестьянство вошелъ, какъ всему покорился, какъ съ Авдотьей въ однѣхъ оглобляхъ пошли—этого ужъ не стану разсказывать. А точно, затрещали наши спинушки въ хомутѣ то!.. У Авдотьи на жнивѣ въ первый-то разъ спина отъ солнца пузыремъ вспухла, тѣло-то непривычное. А ничего!.. Барыша никакого нѣту, и достатка нѣту, ничего нѣту такого, чтобы сказать, «изъ-за чего бьемся», а что жить — точно, *жить* стали, стали словно бы не чужіе на бѣломъ свѣтѣ! И что труднѣй, то Авдотья горячѣй. Мало вѣдь и этого ей стало. «Ахъ, говоритъ, ребенка бы мнѣ!»—«Да у тебя и такъ молъ не мало заботы».—«Нѣтъ, говоритъ, у меня сердце тоскуетъ; я-то сама въ хлопотахъ, а сердцу-то нѣту заботы». И тутъ Артамоновна поняла: «Вѣрно, говоритъ, ты, Авдотья, говоришь: надобно, чтобы и сердцу было затрудненіе, и тогда будетъ легче!» Подумали и такъ рѣшили взять на вѣчныя времена чужого ребенка. И что хлопотъ было—Боже мой! Что слезъ-то!.. Отдалъ было одинъ вдовый мужикъ ребенка, мальчика, и контрактъ сдѣлалъ, «чтобы не касаться, а въ противномъ случаѣ долженъ онъ отдать Авдотьѣ тысячу рублей». Въ пьяномъ-то видѣ мужикъ все это подписалъ и пять рублей получилъ, ребенка отдалъ; а черезъ мѣсяцъ пришелъ тоже пьяный, да и унесъ его безъ всякихъ разговоровъ. «Я, говоритъ, женился!» А Авдотья ужъ такъ къ нему привязалась, больше, чѣмъ къ родному! Что слезъ-то было! Потомъ ѣздили по тихвинскому тракту, дѣвочку отдавала какая-то курлянка. Ну, не понравилась дѣвочка-то Авдотьѣ. Тогда ужъ съ Артамоновной ударились въ Петербургъ въ воспитательный домъ, выбрали тамъ мальчонку въ полное свое удовольствіе. Перебрали, говоритъ, штукъ двѣсти, перепробовали, перещупали. Артамоновна-то сказываетъ, какъ очутилась Авдотья въ этой кучѣ ребятъ, такъ у ней глаза-то и разгорѣлись. Дать ей волю, такъ она бы дюжину привезла. И тотъ хорошъ, и этотъ хорошъ, да вотъ ушки велики, а у этого ручки коротки. Наконецъ ужъ выбрали черномазаго мальчишку—растетъ! И то мало! Дѣвочку, говоритъ, хочется. Вотъ у насъ теперь и вышла запряжка крестьянская, почитай, въ полномъ видѣ: Артамоновна замѣсто матери, мальчонка замѣсто сына, а мы съ Авдотьей будто отецъ ему и мать. Ну, кое-какъ, за работой, да за крестьянствомъ и живемъ помаленьку. Такъ вотъ отчего Авдотья-то мудрить перестала!..

. . . .

III.

Скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что не одинъ Михайло съ Авдотьей перестали мудрить. Перестали мудрить и «хорошіе господа». Убѣдили меня въ этомъ два дня, проведенные въ той самой усадьбѣ, гдѣ когда-то мудрили мы всѣ. Повидимому все то же: и лѣсъ, и усадьба, и люди, которые въ ней живутъ, но того радостнаго тона жизни, который когда-то проникалъ во всевозможныя отношенія «хорошихъ господъ» съ «хорошими мужиками», нѣтъ и въ поминѣ. И не враждебностью замѣнился онъ; замѣнился онъ отчужденностью, держащею мысль на сухихъ мелочахъ настоящаго дня, ничего никому не сулящаго, не имѣющаго никакихъ перспективъ.

Всѣ «перестали» — и Михайло, и Авдотья, и «хорошіе господа». И это слово такъ въѣлось въ мою мысль, что я, отправляясь съ Михайлой въ обратный путь и находясь подъ впечатлѣніемъ этого, во всемъ видимомъ звучащаго слова, не могъ не спросить его:

— Ну, а мужики, Михайло, какъ? Перестали?

— Мужики-то? И-и!.. Такъ «перестали», что лучше требовать нельзя! Намедни отвалили господину Чибисову двадцать восемь тысячъ рубликовъ изъ крестьянскаго банка! Стало быть ужъ очувствовались! А вѣдь какъ мудрили-то!

— То-есть какъ-же?

— Да какъ же? Какъ вышло освобожденіе, такъ господинъ-то Чибисовъ въ скорости самъ имъ эту землю отдавалъ—«по чемъ ни возьми, да возьми». Не брали! Куда! Дядя Сафронъ говоритъ: «Чего ее укупать-то? Она и такъ должна отойтить. Потому, что земля, что вода, что неба—все Божье. Отойдетъ». Вотъ тебѣ и отошло! неба!

Михайло даже засмѣялся.

— Въ ту пору учитель тутъ у насъ былъ молодой. Самъ Чибисовъ его привезъ школу учредить. Такъ этотъ учитель-то, бывало, какъ умолялъ мужиковъ-то: «Купите, ребята! Онъ теперь съ актеркой связался, ему деньги нужны, покупайте! поздно будетъ! А то вѣдь въ банкъ заложитъ, не достанется вамъ!» Такъ его, этого учителя-то, за эти слова какъ поняли! Когда стали разыскивать, нѣтъ ли какихъ умышленниковъ, злодѣевъ, на перваго на него указали: «вотъ кто злодѣй-то!». Ну, тотъ и пропалъ куда-то.

— Да за что-жъ злодѣемъ-то его сочли?

— На зло подущалъ, вишь!

— Да какое же зло—купить землю?

— Вотъ въ этомъ-то и зло-то! За это въ Сибирь должны всѣ пойтить, ежели землю-то купить—вотъ какія были мнѣнія! А онъ, стало быть, подущаетъ ко грѣху, погубить хочетъ. Учитель-то говоритъ: «Баринъ, говоритъ, по рублю, по два отдастъ десятину-то, берите!» А нашъ братъ думаетъ: «Нѣтъ, не обманешь! Царь насъ высвободилъ, а вы опять хотите насъ залучить? Нѣтъ, шалишь! Какъ же! Опять обвязываться помѣщику? Это, значитъ, царя не слушать... Все равно, если бы меня изъ тюрьмы выпустили, а я бы не подорожилъ милостью, да опять бы грѣхъ сдѣлалъ—за это шибко наказываютъ!» Вотъ тогда и думали: «не соблазняйся! Не дѣлай бумаги! Пускай его самъ пашетъ землю! Самому ему нечего дѣлать, стало быть ее отберутъ и такъ...» И какъ сталъ этотъ господинъ Чибисовъ деньги-то мотать, то-то было намъ любо, дуракамъ! Изъ города то кабатчикъ пріѣдетъ, то лавочникъ— не наслушаемся, какъ они про барина разсказываютъ: «Тутъ, говорятъ,

куралеситъ, съ актерами на тройкахъ, шампанскимъ собакъ поитъ...» А намъ-то и любо: «не работаетъ, а кутитъ, стало быть отберутъ отъ него!» Пущай, пущай скорѣй просвиститъ деньжонки-то! Слышимъ—«просвисталъ!». Слава тебѣ, Господи! Скоро ли отбирать пріѣдутъ? Прошелъ слухъ, что къ нянькѣ къ своей крѣпостной пріѣзжалъ, деньги у нея занялъ. «Ну, думаемъ, конецъ! Видно, послѣдки обираетъ! Анъ вотъ не по нашему вышло! Пріѣхали мужичонки изъ банку, показываютъ бумаги, а тамъ *за все заплачено*: и за шампанское, и за актерокъ, и за тройки—за все мужичишки отдали. И въ банкъ отдали, и закладчикамъ, и всѣ должишки заплатили, всѣ недоимки, да еще въ два раза противъ всего пропитаго надбавили господину-то Чибисову! Вотъ тебѣ и «неба», «земля», «вода», «по-Божьи»... Пріѣхали—тише воды, ниже травы.. А ужъ чего намудрили, пока въ три-дорога пришлось расплачиваться!.. Нѣтъ, теперь куда ужъ мудрить! Перестали!

Такимъ образомъ, возвратившись въ столицу послѣ непродолжительной отлучки въ деревню, я привезъ въ себѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что вообще на Руси мудрить перестали.

ОЧЕРКИ.

I. Буржуй.

I.

Было шесть часовъ вечера—время идти пить полстакана знаменитаго № 17 Есентуковъ съ полстаканомъ теплаго молока. Дней двадцать аккуратнѣйшаго исполненія предписаній доктора пріучили уже меня къ ощущенію нѣкотораго страха, какъ только стрѣлка часовъ начинала приближаться къ извѣстной; указанной докторомъ, точкѣ на циферблатѣ. «Шесть часовъ утра... шесть часовъ вечера...», слѣдовательно «нужно торопиться», «спѣшить», «бѣжать», чтобы «не опоздать». «Полстакана нумера семнадцатаго и полстакана молока ..», «полстакана молока и стаканъ нумера шестого»—ничуть не менѣе роковыхъ часовъ вторглись въ мое сознаніе, какъ нѣчто въ высшей степени значительное, хоть и непостижимое, и все это вмѣстѣ, то есть и «шесть часовъ», и «полстакана» мало-по-малу, по мѣрѣ ежедневной практики, приняло размѣры дѣла первѣйшей важности, чего-то неотвратимаго, неумолимаго и не подлежащаго ни малѣйшему снисхожденію, а тѣмъ менѣе какому-либо пониманію.

«Съ испугомъ» узнавъ, что «уже шесть часовъ, что необходимо спѣшить, что тамъ ждутъ неумолимые «полстакана и полстакана», которыхъ я теперь трепеталъ, какъ трепеталъ въ дѣтствѣ учителя нѣмецкаго языка, который, ни слова не понимая по-русски, былъ неумолимъ къ тѣмъ, кто ни слова не понималъ по-нѣмецки, я, «въ торопяхъ и суетясь», забывая то надѣть галстухъ, то, надѣвая сюртукъ, не надѣвалъ жилета и т. д., елико возможно спѣшилъ выскочить изъ моего номера «въ меблированныхъ комнатахъ», чтобы «бѣжать», чтобы оправдать довѣріе ко мнѣ строгаго «полстакана» и не оскорбить этихъ «шести часовъ», которые, какъ я уже привыкъ думать, существуютъ исключительно для меня и поправленія моего здоровья, и что я поступлю подло, если пренебрегу этой стрѣлкой, нарочно для меня остановившейся на «шести», дожидающейся меня, и притомъ дожидающейся исключительно для моей пользы.

Въ большихъ попыхахъ наконецъ-таки выскочилъ я изъ номера и по обыкновенію не пошелъ, какъ ходятъ люди, а уже побѣжалъ по корридору къ крыльцу, но вдругъ на этомъ самомъ крыльцѣ, съ котораго мнѣ слѣдовало-бы сбѣжать такъ же проворно и торопливо, какъ я дѣлалъ это до сихъ поръ, вдругъ я какъ-то ослабъ, размякъ, какъ-то вдругъ совершенно потерялъ потребность быть въ попыхахъ, бѣжать, какъ-то вдругъ почувствовалъ, что «не пойду» овладѣло мною такъ же сильно и всемогуще, какъ до сихъ поръ всемогуще владѣло сознаніе необычайной важности «полстакана». Я вдругъ увидѣлъ, что все это до такой степени несказанно уже надоѣло мнѣ, наскучило и уже сдѣлалось нестерпимымъ, что я какъ-бы прозрѣлъ, одумался, очувствовался и съ величайшимъ удовольствіемъ почувствовалъ, что теперь я уже *не пойду*, ни за что не пойду, что не боюсь я ни шести часовъ, ни семнадцатаго нумера, ни шестого нумера не боюсь, и чортъ съ ними, съ этими «дурацкими» полстаканами!

Подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ этихъ нежданныхъ мыслей и желаній я немедленно почувствовалъ потребность полнѣйшей свободы, потребность надѣть туфли, снять съ себя все, что я подъ страхомъ «полстакана» напялилъ на себя, не взирая на изнуряющую жару дня, пойти на крылечко, которое выходило на засаженный деревьями дворъ, сѣсть тамъ на плетеный стулъ и сидѣть, наслаждаясь вечеромъ и единственнымъ, охватывавшимъ всего меня сознаніемъ полнѣйшаго освобожденія отъ *всего этого*. Но когда я все это выполнилъ съ лихорадочной быстротой человѣка, выпущеннаго изъ тюрьмы на свободу, когда я безпечнымъ образомъ, въ туфляхъ и легкой парусинной блузѣ, усѣлся на плетеномъ стулѣ, радостно чувствуя, что я никого «изъ нихъ» не

боюсь и могу безгранично наслаждаться приближающимся вечеромъ, во мнѣ такъ же неожиданно, какъ и жажда свободы, пробудилась самая настоятельная жажда «*поговорить* хоть съ кѣмъ-нибудь, услышать какое-нибудь живое словечко... о чемъ-нибудь!.. Буквально о чемъ-нибудь, но лишь бы оно было живое...» И я почему-то понялъ, что я не только глупо, но даже просто подло поступалъ, что ни разу во все время пребыванія въ этихъ меблированныхъ комнатахъ не поговорилъ вотъ съ этимъ старичкомъ, крестьяниномъ-каменщикомъ, живущимъ со мной въ одномъ дворѣ. Все время я видѣлъ его въ углу двора «тюкающимъ» какой-то желѣзной кривулькой по камню, высѣкающимъ изъ него надгробный памятникъ съ неуклюжимъ крестомъ, видѣлъ его живые, ласковые глаза и не подошелъ, не поговорилъ, не отвелъ душу живымъ словомъ живого разговора, не подошелъ, боясь, что меня сердито дожидается какой-то сердитый «полстаканъ». Мало этого, цѣлая партія переселенцевъ, скрипя немазаными колесами и боками телѣгъ, разбитыми дальней дорогой, поздно ночью остановилась подъ самымъ моимъ окномъ на ночлегъ, простояла здѣсь и проговорила всю ночь, и я не выскочилъ къ нимъ, не поговорилъ съ ними, полагая, что мнѣ завтра предстоитъ серьезное дѣло—«вставать въ 6 часовъ и бѣжать...» Правда, проглотивъ полстакана, я тотчасъ же воротился домой съ цѣлью поговорить съ ними, но, когда воротился, партія переселенцевъ ушла. И все это я промѣнялъ на какіе-то «полстаканы съ полстаканами», тогда какъ тутъ-то, среди этихъ-то живыхъ людей, говорящихъ о живомъ дѣлѣ, и притомъ тѣми самыми словами, какими слѣдуетъ говорить—тутъ-то и есть исцѣленіе, лекарство для бездѣйствующаго духа, отъ котораго я полагалъ исцѣлиться какимъ-то нелѣпымъ полстаканомъ!

Конечно въ этой жадности услышать живое слово, «поговорить съ живымъ человѣкомъ» немалую роль играла и непривычная мнѣ изолированность такихъ учрежденій, какъ тѣ, которыя называются «минеральными водами», - учрежденій, собирающихъ извѣстную публику и обязывающихъ ее къ повиновенію извѣстнымъ порядкамъ. Трудненько конечно обязательно два-три часа безъ всякаго толку шляться изъ угла въ уголъ по палящей жарѣ, трудненько не съѣсть вотъ этой вкусной-превкусной рыбы, которую на вашихъ глазахъ ѣстъ какой-то еще не бывшій у доктора счастливецъ, и еще болѣе трудно ежедневно, по два раза въ день, подставлять свои нервы подъ безпорядочные удары музыкальныхъ «попурри», въ которыхъ умирающая (ежедневно въ 5 часовъ утра и въ 6 час. вечера) Травіата вмѣсто того, чтобы испустить послѣдній вздохъ, къ которому уже приближаются курлыкающіе, какъ индюшка, звуки кларнета, вдругъ восклицаетъ послѣ неожиданнаго удара въ барабанъ: «Ахъ, какъ я люблю военныхъ!» и, вслѣдъ затѣмъ, также въ неожиданномъ мѣстѣ, начинаетъ путаться пьяными ногами пьянаго камаринскаго мужика, сопутствуемаго также полупьяными звуками какъ будто полупьяныхъ смычковъ. Отъ всего этого конечно весьма легко одурѣть и все это можетъ привести въ самое ненормальное состояніе самые нормально настроенные нервы. Но не эти минеральные вздоры угнетали меня, когда я, освободившись отъ нихъ, ощутилъ потребность поговорить съ живымъ человѣкомъ. Эти вздоры даже и не припомнились мнѣ въ моментъ моего пробужденія, но зато припомнилось что-то дѣйствительно мертвенное, что-то, прямо сказать, мертвое, какъ трупъ, холодное, распухшее, безжизненное, дурно пахнущее и въ общей непривлекательной сложности своихъ свойствъ неосязаемо извивающееся тутъ, въ этомъ обществѣ минеральной группы, среди этихъ полстакановъ, семнадцатыхъ и шестыхъ нумеровъ, этихъ Травіатъ, умирающихъ по-камарински, вообще всего этого пустяшнаго и надоѣдливаго обихода. Вотъ именно это еще неясное для меня и ни въ какія опредѣленныя формы не вылившееся ощущеніе заставило меня съ такой страстной жаждой чувствовать свободу и искать удовольствія живой бесѣды. Теперь уже я ясно чувствовалъ, что не надоѣдливая и однообразная сутолока лечебнаго заведенія такъ мнѣ опостылѣла и такъ мнѣ сдѣлалась ненавистна, а постыло и ненавистно вотъ это что-то мертвое, трупное, что меня мучило постоянно гораздо сильнѣе, чѣмъ мучилъ по-индюшечьи курлыкающій кларнетъ.

Никакъ не въ «обличеніе» современнаго русскаго общества и тѣмъ менѣе въ обличеніе этой группы этого общества, которая въ самомъ дѣлѣ лечилась нынѣшнимъ лѣтомъ на кавказскихъ водахъ, говорится все это. Не говоря о дѣйствительно тяжко-больныхъ людяхъ всѣхъ званій и состояній, не подлежащихъ никакому обличенію, не подлежитъ обличенію рѣшительно никто въ отдѣльности, никто изъ образованныхъ, высокообразованныхъ или простыхъ, необразованныхъ людей, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ сочли нужнымъ пріѣхать полечиться. Ужъ если что подлежитъ обличенію, такъ это именно та мертвенная черта въ нравственномъ настроеніи русскаго общества, которая вообще заставляетъ и образованныхъ, и высокообразованныхъ и вообще людей съ большими нравственными требованіями *поубавить* эти требованія до минимума, *погодить*, *повременить* съ ними соваться, даетъ вамъ, образованному и высокообразованному человѣку, очень ясное пониманіе о томъ, что теперь не время для проявленія вашихъ высокообразованныхъ мыслей и связанныхъ съ этими мыслями цѣлей; что большія знанія и большія нравственныя и даже, вообще говоря, опрятныя человѣческія отношенія можно и даже должно отложить до другого времени, что ихъ надобно держать до поры до времени про себя, что теперь не то время, что волей-неволей, а надобно пережидать, пока кончится это давленіе мертвенной тяготы жизни, что наконецъ съ этой тягостной безжизненностью... жизни ничего не подѣлаешь, покуда она «сама собой» не окончитъ своего существованія естественной смертью.

Ощущая до полной ясности силу этого гнета и

степень отвращенія, испытываемаго не мною конечно однимъ, угнетающей, а главное, какъ бы обязательной для всѣхъ и вся узости и низменности, не только въ общественныхъ, но опять-таки, главное, прямо въ личныхъ требованіяхъ, въ личной строгости къ самому себѣ, я однако долгое время упорно напрягалъ свое воображеніе, чтобы олицетворить сложность моихъ дурныхъ ощущеній въ какомъ-либо живомъ, видимомъ и осязаемомъ типѣ, найти виновника, распространяющаго въ живомъ людскомъ обществѣ запахъ холоднаго трупа. Кто-же это такой могъ быть, вотъ хоть бы среди всѣхъ этихъ разныхъ сортовъ людей, которые собрались сюда лечиться? Отъ кого, отъ какого типа, отъ какого образа человѣческаго съ полстаканомъ № 17 въ рукахъ несетъ этимъ мертвеннымъ запахомъ, заставляющимъ одновременно сознавать, что «иначе и не можетъ быть», и что въ то же время чувствительность вашего носа оскорбляется не во-время и не у мѣста?

Не знаю, правильно ли было теченіе моихъ мыслей въ весьма продолжительномъ и напряженномъ разысканіи «виноватаго», только въ концѣ-концовъ я, кажется, нашелъ «что-то», если не вполнѣ достовѣрное, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно приближающееся къ истинѣ. Сужу объ относительной достовѣрности моихъ соображеній потому многочисленному количеству современныхъ явленій, которыя вдругъ стали мнѣ понятны, когда я невольно остановился мыслью на этомъ «виноватомъ» и не могъ не почувствовать, что этотъ «виноватый» есть именно онъ, «новорожденный россійскій буржуй», продуктъ, взросшій на банковыхъ дрожжахъ, на усовершенствованныхъ способахъ европейскаго кредита, такъ широко разросшагося на россійской почвѣ въ послѣднія двадцать, двадцать-пять лѣтъ и призвавшаго къ пользованію благами цивилизаціи массы людей, у которыхъ и потребностей-то въ этихъ благахъ не существовало.

II.

Слову «буржуй» я рѣшительно не придаю значенія, свойственнаго слову «буржуа» или «бюргеръ»; если же я и заимствую это слово изъ какой-то повѣсти Тургенева для опредѣленія того нелѣпаго явленія, о которомъ говорю, то именно потому, что явленіе нелѣпо, какъ и самое слово; есть въ этомъ явленіи, какъ и въ словѣ, нѣчто совершенно понятное, дѣйствительно буржуазное, дающее право слову «буржуй» походить на слово буржуа—именно низменность нравственныхъ побужденій, но есть кромѣ того и еще нѣчто, совершенно нелѣпое и притомъ «наше», родное, что заставляетъ исковеркать понятное слово «буржуа» въ непонятное и безсмысленное «буржуй», отдающее, какъ видите, чѣмъ-то нелѣпымъ и въ то же время чѣмъ-то «нашимъ», роднымъ.

Нашъ «буржуй» и европейскій «буржуа», имѣя повидимому нѣкоторое внѣшнее сходство, во внутренней своей сущности не имѣютъ почти ничего общаго. Помилуйте! Возьмите вотъ хоть бы эту толстую колбасу съ языкомъ и фисташками—одинъ изъ безчисленныхъ продуктовъ умственной дѣятельности подлинной европейской буржуазіи—и подумайте, какія усилія должна была сдѣлать колбасная мысль колбаснаго европейскаго мыслителя для того, чтобы первобытная форма колбасы (образчикомъ которой, я думаю, можно считать колбасу малороссійскую) достигла удивительнаго совершенства формъ колбасы современной? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что колбасная мысль должна была, хоть и медленно, но безпрерывно работать надъ усовершенствованіемъ малѣйшихъ деталей, изъ которыхъ наконецъ создались какъ современная колбаса, такъ и все колбасное дѣло во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ и подробностяхъ. Не сразу создались начинки съ языкомъ и фисташками; не сразу создались начинки съ чеснокомъ и лукомъ; не сразу выработались кожа, облекающая колбасу, размѣры—длина, толщина, не сразу выработался колбасный запахъ, потому-что изученіе вкуса носовъ ничуть не легче изученія вкуса языковъ и ртовъ. А манера отрѣзать колбасу, то грубо—для какой нибудь горничной, то нѣжно и кротко—для нѣжной и кроткой дамы, то наконецъ соблазнительно—для гвардейскаго офицера? А манера завернуть въ бумагу какую-нибудь чудовищную оглоблю съ чеснокомъ, завернуть «двумя пальчиками» и такъ изящно, какъ будто это не оглобля, а вѣнокъ для невѣсты? А подать къ самому носу покупателя окорокъ съ такимъ жестомъ, что у покупателя защемитъ сердце и что онъ, желая купить два фунта, почувствуетъ себя въ невозможности не сказать: «Заверните весь!... Нѣтъ, дайте еще... другой!» Сообразите, сочтите всѣ эти тонкости, всю эту неустанную, непрерывную работу колбасной мысли, и вы не можете не быть убѣжденными въ томъ, что личная жизнь европейскаго буржуа всегда была наполнена какою-нибудь идеей, что «личность», какъ и «идея», руководившая ею, росла, совершенствовалась и развивалась.

Но это еще не все. Почему фисташки попали въ свиное мясо? Потому, что Фридрихъ Великій любилъ во первыхъ фисташки и во вторыхъ—колбасу; но оба эти предмета существовали-бы и до сихъ поръ въ полнѣйшемъ отчужденіи другъ отъ друга, если бы колбасникъ Пфуль, тенденціознѣйшій поклонникъ монарха, пожираемый чувствомъ преданности и, не имѣя возможности выразить ее иначе, какъ въ колбасѣ, не напрягъ всей своей умственной дѣятельности на изобрѣтеніе комбинаціи пріятныхъ для великаго человѣка продуктовъ въ созданіи одного, новаго продукта, немыслимаго для колбасника иначе, какъ въ формѣ колбасы. Пфуль достигаетъ своей цѣли конечно послѣ многихъ лѣтъ тяжкаго опыта, и такимъ образомъ его личная колбасная мысль не была исключительно личной, узко-эгоистической, но примыкала и къ общему ходу отечественной исторіи, соприкасалась съ жизнью великихъ дѣятелей страны, и Пфуль, а затѣмъ потомки Пфуля, говоря о фисташковой начинкѣ, могутъ говорить также и о Фридрихѣ

Великомъ, не выходя изъ узкаго круга своей буржуазной жизни и спеціальности.

Но и это еще не все. Пфуль вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ дошелъ до мысли водворить фисташку на свининѣ; но почему вотъ этотъ нынѣшній знаменитый Шнапсъ дѣлаетъ колбаски почти по первобытному способу, не заботясь объ изяществѣ формы и стараясь достигнуть только того, чтобы большая толстая колбаса продавалась по дешевой цѣнѣ? А потому, что Шнапсъ ищетъ популярности въ массахъ, въ пролетаріатѣ, потому что онъ—соціалистъ, радикалъ, и именно въ цѣляхъ общественной реформы создаетъ и начинку, и форму колбасъ такія, какія соотвѣтствуютъ его убѣжденіямъ и могутъ способствовать осуществленію этихъ убѣжденій въ общественномъ дѣлѣ.

Сообразивъ все это, т. е., что взятый нами наудачу маленькій типикъ европейскаго буржуа не только такъ или иначе упражняетъ свою умственную дѣятельность, но что эта хотя бы и капельная умственная дѣятельность въ лицѣ Пфуля примыкаетъ даже къ отечественной исторіи прошлаго, а въ лицѣ Шнапса не чуждается фантазировать и о будущемъ,—зная и припомнивъ все это, читатель, надѣюсь, пойметъ, что Пфуль и Шнапсъ, потрудившись и для себя, и для прошлаго и хлопоча о будущемъ, имѣютъ полное право заканчивать свой день десятками двумя-тремя не совсѣмъ доброкачественныхъ сигаръ. Правда, противнымъ дымомъ этихъ сигаръ и сквернымъ запахомъ пивныхъ бочекъ пропахла и прокоптилась вся вселенная во всѣхъ углахъ, но что Пфуль и Шнапсъ не «добрые буржуа», этого сказать невозможно.

Пьетъ, и не то что пьетъ, а говоря собственными словами нашего буржуя, жретъ онъ и пиво, и шампанское, и «душитъ водку», и квасомъ отъ всего этого пойла отпивается, и потомъ опять жретъ, что попадется подъ руку на заставленномъ бутылками столѣ трактирнаго кабинета. И не до десятаго часа, какъ Пфуль и Шнапсъ, сидитъ онъ за питейнымъ столомъ, а сидитъ безконечно, послѣ того, какъ трактирные лакеи измучаются почти до потери сознанія, когда разъѣдутся по домамъ даже ночные извозчики; пьетъ, когда уже звонятъ къ заутрени, народъ идетъ на работу, да и окончивъ наконецъ это нескончаемое питье въ большомъ и шикарномъ ресторанѣ, ѣдетъ куда-то, ѣдетъ туда, гдѣ уже заперто, умоляетъ отворить, а когда не отворятъ, лѣзетъ въ извозчичій трактиръ, проситъ сдѣлать пирогъ съ яйцами, требуетъ папиросъ въ три копѣйки десятокъ послѣ великолѣпныхъ сигаръ, которыя остались въ нумерѣ роскошнаго ресторана, воткнутыя въ ликеръ, въ шоколадъ, расплющенныя о зеркальное стекло. Нашъ буржуй ни передъ чѣмъ не останавливается по части пользованія продуктами цивилизаціи и куда какъ превосходитъ въ этомъ отношеніи скромное сосаніе пива и скверныхъ сигаръ, которыя позволяетъ себѣ европейскій буржуа, но европейскій буржуа имѣетъ право на пиво и сигару, а нашъ буржуй этого-то права и не имѣетъ.

Ни малѣйшей личной мысли, ни малѣйшаго личнаго участія въ пріобрѣтеніи права пользоваться дарами цивилизаціи нашъ буржуй не истратилъ даже и на двѣ копѣйки серебромъ; никогда личная «выдумка», личная работа мысли, имѣвшія цѣлью хотя-бы только личное благосостояніе, не были свойственны ему въ размѣрахъ, даже болѣе ничтожныхъ сравнительно съ размѣрами умственной работы нѣмецкаго колбасника; никакого историческаго прошлаго, которое есть у колбасника, и никакого будущаго, о которомъ колбасникъ позволяетъ себѣ фантазировать, никогда не было у нашего буржуа и вѣроятно не будетъ. Онъ появился вдругъ, неожиданно, какъ неожиданно, точно съ неба свалился, появился невѣдомо откуда широчайшій *кредитъ*; банки промышленные, земельные, городскіе, общественные, концессіи и т. д.—все это въ огромнѣйшихъ размѣрахъ ввалилось въ общество и, какъ магнитъ, притягиваетъ одинаково и ключъ, и иголку, и ножикъ, и перо, притянуло къ себѣ и купца, и чиновника, и помѣщика, и инженера, и офицера, и создало совершенно новое сословіе, стоящее внѣ всякихъ опредѣленныхъ трудомъ или общественнымъ положеніемъ установившихся сословій—сословіе людей съ кучей денегъ въ рукахъ, съ кучей денегъ не заработанныхъ, не «нажитыхъ», не имѣвшихъ, въ огромномъ количествѣ случаевъ, даже плана истратить эти деньги. Какой-нибудь инженерикъ, инженерныя преданія котораго не простирались далѣе возможности приворовывать по зернышку шоссейную щебенку; какой-нибудь помѣщикъ, возлагавшій всѣ свои надежды единственно на троюродную тетку и ея скорую смерть; какой-нибудь купчишко, не возлагавшій ровно никакихъ надеждъ и полагавшій только, что онъ рожденъ на свѣтъ именно только для того, чтобы играть въ шашки около своей лавчонки съ хомутами—сегодня, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, оказались заваленными чуть не по шею всевозможными кредитами, кучами денегъ, такими кучами, которыя не только устраняютъ мысли о щебенкѣ, тоску о долголѣтіи тетки или терпѣливое сидѣніе около лавки съ хомутами, но прямо становятъ на высоту, съ которой и инженеръ, и помѣщикъ, и купецъ даже самихъ-то себя, вчерашнихъ купцовъ, помѣщиковъ и инженеровъ, различить не могутъ, не могутъ узнать: «я ли, молъ, это—Ванька Хрюшкинъ?»

Умертвивъ такимъ образомъ всѣ капельныя тревоги купчишки, инженерика и изнывающаго по умирающей теткѣ помѣщика, т. е., умертвивъ все ихъ прошлое, сдѣлавъ его совершенно нелѣпымъ, смѣшнымъ, глупымъ и вниманія не стоющимъ (тогда-какъ для европейскаго буржуа это *прошлое* его колбасной исторіи чрезвычайно дорого), необыкновенныя, неожиданныя деньги въ самый моментъ своего появленія умертвили въ новорожденномъ сословіи и всякія мысли о будущемъ. Чего-жъ думать и о чемъ? Стоитъ написать одну строчку въ Нью-Іоркъ: «Пришлите мнѣ паровой лѣсопильный заводъ», или: «Пришлите мостъ въ двѣ версты», или: «Пришлите желѣзную дорогу»—

все сейчасъ и пришлютъ, и стоитъ только вбить гвозди въ дырки, сдѣланныя въ требуемыхъ механизмахъ въ Англіи или Америкѣ, какъ, глядишь, и лѣсопильный заводъ уже дымитъ и стучитъ, и по мосту идетъ паровозъ .. Что-жъ остается? Прошедшаго нѣтъ—оно глупо и, точно, не стоитъ вниманія; будущаго не нужно—оно «все готовое». Остается одно настоящее.

И вотъ, какъ изъ квашни, завязанной старыми тряпками, подъ вліяніемъ банковыхъ дрожжей и искусственнаго тепла, распространяемаго жадными животными стремленіями къ наживѣ, стало выпирать, раздирая старыя тряпки, пролѣзая во всѣ дырявыя мѣста, пролѣзая вездѣ, гдѣ можно вылѣзть, полѣзла эта вздутая, рыхлая, расплывчатая масса, тѣстообразное, безформенное сословіе; полѣзло оно и въ общественныя учрежденія, полѣзло оно и въ частную жизнь.

Въ общественныя учрежденія полѣзло оно по тому, что «настоящее», на которое обрекли это сословіе умерщвленное прошедшее и совершенно «готовое» будущее, обязывало его непремѣннымъ сохраненіемъ этого денежнаго торжества, и вотъ безформенное сословіе, думающее только о деньгахъ, вторглось и въ думу, всюду. Мостъ, водопроводъ и опять мостъ или мостовая—вотъ что уступили мѣсто въ общественныхъ учрежденіяхъ и разговорахъ «всему прочему». Мостъ, водопроводъ и т. д.—это вѣдь деньги, о нихъ можно и галдѣть до хрипоты, изъ-за нихъ можно и на выборахъ мутить и подкупать—словомъ, творить всякую гадость, потому-что «какъ же безъ денегъ-то?».

И въ частную жизнь влѣзаетъ это тѣстообразное сословіе, но ужъ не за деньгами, а *съ деньгами* въ карманѣ, влѣзаетъ затѣмъ, чтобы жить, доставить «себѣ удовольствіе». Но вѣдь чтобы извлечь изъ человѣческихъ отношеній одни удовольствія, необходимо имѣть и нервы достаточно прихотливые, капризные—словомъ, достаточно культированные для воспріятія наслажденій. А между тѣмъ наслѣдственность буржуйныхъ нервовъ въ какомъ угодно отношеніи совершенно ничтожна. Какая такая сила, воспріимчивость и прихотливость нервной системы могла развиться въ Ванькѣ Хрюшкинѣ, если позади его, во многихъ поколѣніяхъ его предковъ, нервы только привыкали быть нечувствительными къ холоду лабаза, амбара, къ оплеухѣ самодурнаго барина и тумакамъ неумолимо-строгаго родителя? Какая такая нервная щепетильность, разборчивость въ тонкостяхъ изящнаго могли наслѣдственно передаться нервамъ помѣщика, которые также въ цѣлыхъ поколѣніяхъ культивировались на отъѣзжемъ полѣ, закаляясь въ удовлетвореніи далеко не человѣческихъ инстинктовъ, не говоря о немузыкальности звуковъ кнута «на конюшнѣ»,—звуковъ, также не содѣйствовавшихъ разработкѣ и совершенству нервной организаціи? А ужъ про инженерика Пичугина, сына мелкаго чиновника, вышедшаго изъ духовнаго званія и уже съ дѣтства придавленнаго ужасомъ «многочисленнаго семейства», среди котораго пришлось рости, для котораго пришлось учиться, чтобы потомъ при помощи щебенки вывести въ люди братьевъ и сестеръ, и говорить нечего. Только бы до щебенки-то добраться далъ бы Богъ!—вотъ и вся нервная наслѣдственность.

И вся-то эта новорожденная орда людей, мгновенно вознесенная на недосягаемую высоту, въ милліоны разъ превышающую доступные ея пониманію размѣры желаній, никогда не думавшая ни о чемъ «общественномъ», опустошенная нравственно въ отношеніи къ недавнему прошлому, опустошенная умственно въ отношеніи къ будущему, а въ настоящемъ поставленная исключительно въ самое благопріятнѣйшее положеніе—живи въ свое удовольствіе—увы, ничего не могла изобрѣсти ни по части широты размаха, ни по части прихотливости, ни тѣмъ менѣе по части изящества. Да! даже по части прихотливости-то ровнехонько ничего не могла изобрѣсти эта буржуйная орда. «Купить!»—вотъ что внесла она въ общество. Купить чужую жену, купить балетчицу (былъ случай, что одинъ петербургскій купецъ покупалъ полбалетчицы, такъ-какъ она была уже на половину куплена), купить начальство, купить выборщиковъ—словомъ, ничего, кромѣ *купить*. Буржуйная орда началась прямо съ конца: нѣмцу Шнапсу нужны были цѣлыя поколѣнія, чтобы *достигнуть* наконецъ благосостоянія и кружки пива, а нашъ буржуа сначала *достигъ* и слѣдовательно долженъ былъ прямо перейти къ пойлу, къ результату, къ увѣнчанію зданія. И въ своихъ отношеніяхъ личныхъ онъ также требуетъ конца. Ухаживаетъ онъ за буржуйной дамой и ничего не можетъ выдумать, кромѣ пойла. Поитъ ее и опаиваетъ все, что кругомъ ея есть. Въ «густолиственной» аллеѣ ему нечего назначать ей свиданія. Съ глазу на глазъ ни буржую, ни буржуйкѣ нечего сказать; она понимаетъ, чего ему нужно, а онъ ничего иного и понимать не можетъ. Свиданіе назначается поэтому не въ отдаленномъ уголкѣ парка, не въ густолиственной аллеѣ, а тутъ, на самомъ юру, подъ самымъ турецкимъ барабаномъ. Пускай его бухаетъ, барабанъ-то этотъ, все на музыкѣ то оно не такъ трудно языкъ ломать, занимать даму разговорами, все хоть предлогъ есть помолчать, не утруждая себя, анъ время-то кое-какъ и протянется *«до ужина»*. Ну, а ужъ тутъ начнется такое бормотанье, что и до свѣту ему не будетъ конца; а про что бормотали—никто потомъ изъ буржуйной компаніи и припомнить не въ состояніи. «До ужина» и вообще до той минуты, съ которой, благодаря купленному возбужденію, благодаря русской и иностранной сивухѣ всѣхъ видовъ и сортовъ, начинается развязность и настаетъ минута, когда «все можно говорить и дѣлать» (деньги есть)—вотъ тотъ предѣлъ нервнаго томленія и нервной маяты, испытываемыхъ буржуемъ, по крайней необработанности нервной системы, во всѣхъ людскихъ отношеніяхъ: влюбленъ ли онъ, норовитъ ли сцапать подрядецъ, норовитъ ли подкупить или замазать какую-нибудь гадость—только бы «до ужина», а тамъ ужъ не я, буржуй, оборудую, а

само собой оборудуется и упростится до ничтожества всякое дѣло.

III.

— А пожалуй, что пора ужъ и ко дворамъ собираться—сказалъ мнѣ одинъ такой то буржуй, подсаживаясь ко мнѣ на садовую скамейку во время музыки.

Надоѣлъ онъ мнѣ давнымъ-давно, но нельзя же сказать ему: «Убирайся прочь!», иначе пришлось-бы браниться цѣлые дни. Надо было говорить.

— Отчего такъ?

— Да чего тутъ больше то? Брюхо, слава Богу, кажется, утвердилось, окрѣпло... Просолили его ловко—на всю зиму хватитъ, выдержитъ... Ну, а что же еще-то? Всего ужь, кажется, отвѣдалъ... А третьяго дня даже и на Бермамутѣ ѣлъ...

— То-есть какъ «ѣлъ»?

— То-есть ѣздилъ на Бермамутъ и тамъ ѣлъ. Обыкновенно. Ѣлъ я съ дамочками и въ долинахъ, потому видъ великолѣпенъ снизу вверхъ... Экскурсія называется. Ну, и въ ямахъ ѣлъ, и изъ ямы вверхъ глядѣлъ... Ѣлъ и на превысочайшихъ горахъ и оттуда тоже глядѣлъ внизъ, въ яму—тоже экскурсія, съ шашлыкомъ конечно и все прочее .. еле-еле до постели доползъ... А третьяго дня какъ въѣхали съ бараниной прямо на небо... ей-Богу! Чего вы? Шестерикомъ взволокли насъ, компанію: пудовъ на тридцать на пять собралось съ дамочками-то. Вижу, возносятъ насъ, пьяницъ, на самое небо! Прямо въ облако вкатили! И тутъ, признаться, мнѣ немножечко и жутковато стало: вѣдь небо! Вѣдь тоже, какъ бы то ни было, Бога-то боишься. Ловко ли, думаю, въ этакихъ-то мѣстахъ пьянствовать? Ну, а потомъ, постепенно, кое-какъ, по рюмочкѣ, съ молитвой, дальше—больше... да такъ надрызгались на небесахъ-то, хоть бы тебѣ у Патрикѣева или въ «Эрмитажѣ». И не то, что бояться, а даже смѣхъ меня пронялъ: сижу съ костью, стало быть съ шашлыкомъ въ рукахъ, жру, а облако лѣзетъ ко мнѣ въ морду! Ну, думаю, шабашъ! Надрызгался даже и на небесахъ; теперича, думаю, пора и въ Москву... Тамъ нѣтъ ли чего новенькаго... А брюхо ловко просолили доктора! Молодцы, право, молодцы! Помните, какъ вы меня встрѣтили, такой ли я былъ?

А встрѣтилъ я это, съ позволенія сказать, буржуйное брюхо, на мое несчастье, совершенно случайно мѣсяца два тому назадъ.

Ѣхалъ я два мѣсяца тому назадъ на пароходѣ по одной южно-русской рѣкѣ, ѣхалъ просто такъ, посмотрѣть народъ. О народѣ въ этомъ отрывкѣ мнѣ говорить не приходится, но я не могу умолчать, что нигдѣ во внутренней Россіи я не видалъ такъ много простыхъ людей, живущихъ или пытающихся жить сознательно, заинтересованныхъ нравственными вопросами и пытающихся разрѣшить ихъ, какъ именно на югѣ Россіи: штундисты, менониты, молокане, баптисты—все это думаетъ и живетъ или пытается жить по своему; прибавьте къ этому особенности жизни колонистовъ нѣмецкихъ, болгарскихъ, прибавьте къ этому тысячи паломниковъ, идущихъ въ Кіевъ, ѣдущихъ въ Іерусалимъ, великороссовъ, живущихъ въ чужихъ мѣстахъ, и нигдѣ, нигдѣ по всей Россіи вы не найдете такого края, гдѣ-бы народная душа выяснялась въ такой необыкновенной разносторонности и разнообразіи, какъ здѣсь. И нигдѣ въ то же время мѣстная пресса... Впрочемъ молчаніе, молчаніе! Объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ, а теперь о знакомствѣ съ брюхомъ.

Брюхо это лежало въ каютѣ второго класса, лицомъ къ стѣнѣ и спиной къ публикѣ; публики впрочемъ было немного: кромѣ меня и брюха, были еще три еврея; одинъ, старый, пухлый и одѣтый съ головой въ какую-то мантію, угрюмо молился, уставившись въ уголъ и не обращая ни на кого и ни на что ни малѣйшаго вниманія; иногда онъ поворачивалъ голову и смотрѣлъ какими-то остановившимися, круглыми, страшно отчужденными отъ всего, что было кругомъ, глазами. Глаза эти отталкивали всякаго, на кого смотрѣли; въ нихъ было что-то не отталкивающее, но прямо пихающее васъ прочь отъ себя; онъ былъ мыслью очевидно не здѣсь, на землѣ, но я думаю, что и не на небѣ; съ неба онъ вѣроятно не смотрѣлъ бы такими холодными, круглыми, лягушечьими глазами.

Два другихъ еврея ѣли, сидя за столомъ, поставленнымъ вдоль каюты, какія-то сдобныя булки и то, кажется, бормотали какія-то молитвы, то бормотали вѣроятно о дѣлахъ, и сорили своими булками по столу ужасно. Кончивъ ѣсть, одинъ изъ нихъ взялъ въ руку остатки булки, присоединивъ къ нимъ толстый шелковый шейный шарфъ, все это вмѣстѣ сжалъ въ рукѣ и потащилъ въ карманъ, соря и по столу, и по полу, и по дивану, на которомъ они сидѣли.

Слуга принесъ мнѣ порцію жареныхъ карасей, и, дождавшись, пока столъ, усѣянный остатками сдобныхъ булокъ, былъ прибранъ, я сталъ ѣсть, но едва я постучалъ ножомъ и вилкой, какъ спавшій спиной къ публикѣ человѣкъ проснулся, повернулъ голову, потеръ себѣ лобъ, пытливо поглядѣлъ въ мою сторону и, быстро, проворно соскочивъ съ койки, подбѣжалъ ко мнѣ и, опираясь обѣими руками въ доски стола, съ выраженіемъ въ голосѣ крайняго любопытства нагнулся надъ моей тарелкой и спросилъ:

— Это у васъ что такое?

— Карась.

— Въ сметанѣ?

— Да, въ сметанѣ...

— Человѣкъ! Эй! вдругъ завопилъ онъ, побѣжавъ къ двери.—Эй!...

Съ необычайной ажитаціей и торопливостью приказалъ онъ человѣку сію же минуту принести точь въ точь такую же порцію карася, причемъ сказалъ ему вслѣдъ: «Сію минуту... Живѣй, скорѣй, какъ можно!» и, бѣгая мимо меня, потиралъ и животъ, и начинавшую лысѣть голову и въ то же время поминутно заглядывалъ въ мою тарелку, бормоча:

— Ахъ, ты, Боже мой! Какъ долго, пошелъ и провалился... Нѣтъ, въ Варшавѣ бы этимъ подле-

цамъ задали... Только-что пришелъ аппетитъ... сію секунду надо! И чортъ его знаетъ, куда провалился!.. Я второй день не могу придумать, что̀ бы съѣсть, и вдругъ вотъ сейчасъ увидалъ у васъ... и нѣтъ его подлеца! За это ихъ, подлецовъ, и съ хозяиномъ-то...

Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, несомнѣнно россійскаго, мочальнаго типа; но отлично сшитое платье и ножницы хорошаго парикмахера съумѣли подчистить мочальныя черты лица и фигуры настолько, что «не отличишь и отъ барина». Лицо его было не старо, но заспано и вообще поношено, и все его тѣло казалось вялымъ.

Наконецъ явился карась. Съ шумомъ, гамомъ и крикомъ, дребезжа дряблымъ голосомъ, накинулся на него дряблый человѣкъ, пробормоталъ что-то о Варшавѣ, о полиціи, накричалъ что-то объ аппетитѣ и, дѣлая все это, всѣмъ своимъ существомъ стремился къ принесенному карасю. Изъ собственной бутылки онъ проглотилъ двѣ рюмки водки, одну за другой, усѣлся, расправилъ локти, разстегнулъ рубашку на шеѣ и очевидно готовился «пожирать».

Но увы! первый же кусокъ, который онъ положилъ въ ротъ, такъ и застрялъ у него въ горлѣ. Онъ жевалъ этотъ кусокъ необычайное количество времени и проглотилъ съ величайшими усиліями.

— Нѣтъ! Не идетъ въ горло! бросая вилку и ножъ на столъ, безпомощно воскликнулъ онъ, прямо обращаясь ко мнѣ.—То-есть, чортъ его знаетъ, что̀ такое творится! Что ни съѣмъ, не идетъ! Что̀ тутъ дѣлать?

Именно безпомощность, въ которой онъ находился при видѣ прекраснѣйшаго карася, и невозможность удовлетворить имъ своего огромнѣйшаго аппетита и заставили меня разговаривать съ нимъ.

— И вѣдь главное, дребезжалъ онъ дряблымъ голосомъ и дребезжалъ жалостливо, безпомощно,—главное дѣло, вѣдь какъ-то вдругъ двѣ напасти... Давно-ли?.. Да двухъ лѣтъ не будетъ, какъ я «закатывалъ» во всѣхъ отношеніяхъ! Бывало, пить если, такъ хоть недѣлю безъ просыпу — ничего! Конечно помаешься, покряхтишь съ денекъ, ну, въ баню тамъ... А черезъ день какъ не бывало, опять жарь! А второе—женскій полъ тоже... А теперь вотъ подите! И какъ-то вдругъ!... Заскучалъ, аппетиту нѣтъ, думаю — пройдетъ, анъ, гляжу, хуже: то въ горло не идетъ, этого не пропихнешь, рюмки три-четыре пропустишь—ко сну клонитъ... А въ то же время и по женской части... Теперь вотъ въ Кіевѣ былъ въ «Шатошкѣ»: вѣдь какія штучки ходятъ! Въ былое время, да развѣ я бы могъ быть хладнокровенъ? Эдакихъ-то милочекъ пропустить? А теперь вотъ три вечера ходилъ, смотрѣлъ, думаю, неужели же во мнѣ не пробудится фантазія? И нѣтъ! Сижу, гляжу—хоть бы что! И вѣдь сразу стряслось, и чувствую, что хуже да хуже... И не знаю, что̀ дѣлать... Главная бѣда, фантазія-то, кажется, притупѣла. Надобно какія-нибудь средства; вотъ въ Самарской губерніи старикъ какой-то травами лечитъ, попробовать-бы... Я и ѣду-то теперь по совѣту докторовъ: воздухомъ, говорятъ, надо... Какой тутъ воздухъ? Бывало, какъ только платье женское увидишь, и ужъ воодушевленъ... А теперь и бормотать-то съ дамочками не охота... А ужъ это мнѣ чистое наказаніе... Что̀ и за жизнь послѣ этого!

Утрата двухъ такихъ благъ, какъ удовольствіе бормотать съ дамочками и «закатывать» по недѣлямъ «по питейной части», до того печалила и искренно угнетала несчастнаго человѣка, что невольно думалось: «не пособлю ли я ему, напомнивъ, что кромѣ питей и дамочекъ есть и другія интересныя вещи, которыя могутъ разсѣять его уныніе?» Спросилъ его поэтому о его лѣсопильномъ заводѣ и о томъ, интересуетъ ли его это дѣло?

— Чего мнѣ въ немъ? Велико дѣло—лѣсопилка? недовольнымъ тономъ отвѣчалъ несчастный буржуй.—Тамъ у меня приставленъ дядя, человѣкъ стараго закала, желѣзный... Ужъ этотъ не дастъ маху, а пріѣзжай я, вмѣшайся, всѣ знаютъ, что я добръ, полѣзутъ съ жалобами, да просьбами, не выпутаешься! У того палецъ оторвало—пенсію ему! Того обочли—жалуется... И—да тутъ тьма-тмущая! Давай имъ пенсію! Онъ спьяну сунетъ голову въ машину, а я отвѣчай тутъ! «Ты, говорятъ, не станови къ машинѣ, когда она опасна!» А я почемъ знаю? Какая она тамъ машина, у меня и понятія нѣтъ.. Пускай тамъ разбираются! Что я за судья?.. Пусть тамъ по закону, какъ знаютъ; тамъ человѣкъ приставленъ отъ меня, довѣренный, возжайтесь съ нимъ, какъ знаете! Есть чего—лѣсопилка!

Спросилъ я его, женатъ ли онъ, есть ли у него дѣти; оказалось, что онъ женатъ, но что съ женой не живетъ.

— Кабы если бы дѣти были, ну еще, можетъ быть, жили бы. А то сами посудите, дѣтей нѣтъ, ну, какой же у меня интересъ? Брюзжитъ за каждую малость: «не ходи, да не пей, да сиди дома», и не вѣсть что̀... А то такъ—«возьми меня!» Куда? Въ «Эрмитажъ» что-ли, или къ цыганамъ?... Ну, такъ брюзжали, брюзжали оба, наконецъ говоритъ:—«Коли ты такъ, такъ и я такъ же буду!»—«И сдѣлай твою милость!» Отдалъ ей приданое; живи, матушка! Живетъ съ кѣмъ-то! Я радъ, хоть безпокойства отъ нея нѣтъ .. Да и что толку-то? Все одинъ чортъ... Да фантазія-то стала пропадать! Скучно!... Даже иной разъ и жену вспомнишь.

Спросилъ я его и о томъ, отчего онъ, имѣя средства и цензъ, не попробуетъ развлечься общественной дѣятельностью. Но этотъ вопросъ почти разсердилъ его.

— Это галдѣть-то, горло драть въ думѣ изъ-за щекатурки для тюремнаго зданія? Да зачѣмъ мнѣ? Подрядъ что-ли надо? Такъ у меня лѣсопилка дѣйствуетъ, какой же мнѣ разсчетъ на щекатуркѣ-то мошенничать? Ну, ужъ это... избави Богъ! И близко-то къ нимъ не пойду...

И въ концѣ-концовъ вся наша бесѣда поздней ночью закончилась опять тѣмъ-же:

— Главное, фантазія прекращается, вотъ что

горько-то! Изъ-за чего-же жить-то?.. Позвольте васъ спросить?..

———

На другой день часу въ одиннадцатомъ утра пароходъ остановился у небольшого южно-русскаго городка, гдѣ мнѣ слѣдовало продолжать путь по желѣзной дорогѣ. Справившись на пристани о времени отхода поѣзда, я былъ непріятно удивленъ, когда узналъ, что поѣздъ уходитъ поздно вечеромъ. Волей-неволей приходилось ѣхать въ гостинницу и брать номеръ. Я уѣхалъ съ парохода, когда несчастный страдалецъ увядающей фантазіи спалъ, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Его не будили, пароходъ стоялъ около городка долго.

Извозчикъ привезъ меня въ небольшую гостинницу. Въ большихъ, просторныхъ сѣняхъ, съ буфетомъ у задней стѣны, я нашелъ хозяина, человѣка россійскаго происхожденія. Коренастый, широкобедрый, въ бѣломъ парусинномъ пиджакѣ, онъ отвелъ мнѣ номеръ тутъ-же, внизу, по корридору, направлявшемуся влѣва отъ буфета. Гостинница была маленькая, номеровъ пять, шесть.

Долго я сидѣлъ въ моемъ номерѣ и безмолвно пилъ чай. Направо и налѣво изъ номера были двери въ сосѣдніе номера; двери эти съ одной стороны были заставлены комодомъ, съ другой — кроватью.

Спустя нѣкоторое время, въ номерѣ слѣва отворилась дверь и послышались дѣтскіе частые шаги и дѣтскіе голоса.

— Учитесь здѣсь! слышался голосъ хозяина. —Да не баловаться!

— Хорошо! весело отвѣчали дѣти.

— То-то!

Дверь хлопнула, хозяинъ ушелъ, дѣти остались.

— Ну, Вася,—послышался голосъ дѣвочки — учись... въ самомъ дѣлѣ, будетъ кривляться, не лазай на окошко... Ну, Вася!

— Сейчасъ!

— Ну, Вася, учись! Мнѣ самой надо изъ географіи готовить...

— Ну, давай!

— Ну, читай молитву утреннюю... Знаешь?

Съ шутками и понуканіемъ, переходившимъ въ смѣхъ и бѣготню, и съ бѣготней, переходившей въ просьбы со стороны дѣвочки учиться и не шалить, началось наконецъ ученье и Вася зачиталъ утреннюю молитву.

— Чтó значитъ: дьявольское поспѣшеніе? спрашивала дѣвочка строгимъ тономъ учителя.— Тутъ сказано: «помози мнѣ во всякое время и во всякой вещи и избави мя отъ всякія мірскія злыя вещи и дьявольскаго поспѣшенія»... Чтó значитъ: дьявольское поспѣшеніе?

— Дьявольское поспѣшеніе? переспросилъ мальчикъ невнимательнымъ тономъ.—Это значитъ (онъ говорилъ, стуча равномѣрно въ стѣну не то рукой, не то ногой), что дьяволъ поспѣшаетъ...

— Ну, вотъ ты опять начинаешь врать... Куда ему поспѣшать?

— Онъ поспѣшаетъ соблазнять...

— Ну, вотъ и глупъ!

Смѣхъ, бѣготня и опять серьезная бесѣда.

— Не поспѣшаетъ дьяволъ—съ чувствомъ говорила дѣвочка—а нужно молить Бога, чтобы онъ избавилъ насъ отъ дьявольской помощи въ злыхъ дѣлахъ... А «отъ всякія худыя вещи»—это значитъ, что съ нами можетъ въ теченіе дня приключиться несчастіе, болѣзнь, пожаръ, бѣда какая-нибудь...

— Дѣти! опять послышался голосъ хозяина.— Варя, Андрюша! Идите въ третій номеръ.

Дѣти шумно пробѣжали по корридору и очутились въ номерѣ, который былъ у меня справа, а въ томъ номерѣ, гдѣ они учились, послышались шаги взрослаго человѣка и шопотъ его съ хозяиномъ.

Шептались они минутъ пять.

— Такъ можно? спросилъ мужской голосъ, въ которомъ я, къ глубочайшему сожалѣнію, узналъ голосъ моего дряблаго спутника.

— Да ужъ... будемъ стараться!

— Пожалуйста... Главное, поскорѣй!

— Сію минуту-съ. Минутъ пятнадцать пройдетъ...

— Ну, валяйте! Да дайте пока пива хорошаго...

— Сію минуту!

Дверь хлопнула, хозяинъ вышелъ, потомъ вошелъ. Хлопнула пробка, забулькало пиво.

— Такъ пожалуйста!

— Поѣхали, поѣхали-съ!...

И въ номерѣ настала тишина.

— Ну, Вася,—послышалось справа, гдѣ были дѣти,—теперь вечернюю молитву!

Долго пискливый дѣтскій голосокъ дѣвочки раздавался изъ-за сосѣдней двери, долго она учила, «билась» съ братишкой изъ-за молитвы «На сонъ грядущій»; долго въ полнѣйшемъ молчаніи всей гостинницы шумѣлъ на моемъ столѣ маленькій кривобокій самоварчикъ, долго кряхтѣлъ мой пароходный сосѣдъ, подливая пива, какъ вдругъ по пустынной улицѣ (городъ полуеврейскій, и была къ тому же суббота) затрещали колеса извозчичьяго экипажа и мимо моего окна пронеслась на извозчикѣ какая-то молоденькая дѣвушка премилой наружности въ дешевенькомъ платочкѣ на головѣ.

Извозчикъ сразу остановился у крыльца гостинницы.

— Кто пріѣхалъ? прерывая разговоръ о молитвѣ, проворно проговорилъ мальчикъ и побѣжалъ куда-то.

— Не смотри въ окно! Не твое дѣло! Вася, не высовывайся! умоляюще закричала дѣвочка.

А вслѣдъ затѣмъ въ номерѣ съ лѣвой стороны послышалась суматоха, хлопнула дверь, послышалось много шаговъ и звонкій, свѣжій, дѣвичій голосъ и смѣхъ...

— Ну, снимай платокъ, пальто!... Чего ты хочешь? Тебя какъ звать-то? дребезжалъ голосъ пароходнаго сосѣда.

Надобно было тотчасъ уйти куда-нибудь.

Я вышелъ въ корридоръ и натолкнулся на хозяина, который, весь въ поту, запыхавшись и видимо торопясь изъ всѣхъ силъ, тащилъ какой то подносъ съ бутылками и тарелками.

— Какъ вамъ не стыдно позволять это въ вашей гостинницѣ? сказалъ я.— Тамъ ваши дѣти...

— Да какъ-же не позволять-то? У меня дѣти. Помилуйте! Надо кормить, одѣвать, учить... А какіе доходы? Городъ жидовскій... Какъ-же не позволять-то? Въ одно кредитное общество извольте-ка выручить... Да я ихъ сейчасъ въ садъ выгоню... не безпокойтесь... А нельзя не дозволить... Кабы не номера, такъ...

На улицѣ было скверно, пыльно, пустынно, неопрятно. Скверно, неопрятно было и у меня на душѣ. Этотъ звонкій дѣвичій голосокъ, этотъ мальчикъ, этотъ отецъ, дозволяющій гадости ради «семейства и дѣтей» и не имѣющій времени за хлопотами подумать, что и у той дѣвушки, которую онъ «представилъ», тоже есть родители, что и она такое-же «дитя», какъ и его дѣвочка, что даже голосъ и смѣхъ ея — почти дѣтскіе, и наконецъ эта больная и дряблая, несчастная свинья, «дающая хлѣбъ» хозяевамъ, этимъ извозчикамъ, этимъ дѣвушкамъ съ почти дѣтскимъ голосомъ и смѣхомъ—какая во всемъ этомъ безконечная тоска и мука!

А на минеральныхъ водахъ мнѣ опять пришлось встрѣтиться съ этимъ дряблымъ, несчастнымъ и сквернымъ типомъ, явившимся сюда во всевозможныхъ видоизмѣненіяхъ. Говорить съ нимъ прямо и подлинно,—это значитъ прямо сказать ему, что онъ подлъ, гадокъ, что — онъ кровопійца, что онъ—язва, что всему его существованію имени нѣтъ на человѣческомъ языкѣ. Но говорить такъ — значитъ вопервыхъ говорить правду, а во-вторыхъ—говорить правду о цѣломъ рядѣ такихъ общественныхъ явленій, которыя пользуются не только безнаказанностью, но напротивъ—составляютъ именно обыденную, привычную, сегодняшнюю жизнь. «Буржуй» не просто только, съ позволенія сказать, животное, онъ—прочно установившіяся формы жизни, противъ которыхъ мало моего отдѣльнаго, личнаго негодованія и противъ которыхъ я одинъ ничего не сдѣлаю ни съ моими широкими взглядами, ни съ моимъ высшимъ образованіемъ, ни съ моимъ негодованіемъ на несправедливость. Вотъ и приходится каждому отдѣльному человѣку молча переносить каждую отдѣльную буржуйную тварь со всѣми ея буржуйными дѣлами, терпѣть эти дѣла, таить хорошее про себя, до тѣхъ поръ конечно, когда «отдѣльные» другъ отъ друга ненавистники буржуйнаго теченія перестанутъ быть отдѣльными, или когда, быть можетъ, само буржуйное теченіе не исчезнетъ въ какомъ-нибудь случайномъ и сильномъ теченіи, такъ-же неожиданно для себя, какъ неожиданно оно родилось на свѣтъ.

IV.

Не знаю, какъ будетъ съ нимъ, но знаю, что вотъ теперь, сидя на этомъ крыльцѣ, на этомъ плетеномъ стулѣ, и наслаждаясь этимъ славнымъ южнымъ вечеромъ, я такъ счастливъ, что теперь, покончивъ съ полстаканами, покančиваю и съ возможностью наталкиваться на буржуя, на необходимость терпѣливо таить въ себѣ глубокое къ нему отвращеніе. И Боже мой, какъ мнѣ страстно, какъ мнѣ жадно хочется поговорить о чемъ-нибудь живомъ и услышать опять живое человѣческое слово отъ этого старика-крестьянина, который вонъ тамъ въ углу двора продолжаетъ «тюкать» своимъ желѣзнымъ инструментомъ по камню, высѣкая изъ него надгробный памятникъ. Сейчасъ я пойду къ нему и отведу душу...

II. «Дохнуть некогда».

— Тоже, чортъ бы ихъ побралъ, земство называется, самоуправленіе! Трясись вотъ тутъ, на облучкѣ, какъ калика какая перехожая!.. Все нутро-то выколотитъ, пока доѣдешь до волости... Только бы себѣ въ карманъ хапнуть... дьяволы этакіе!

Такія, не вполнѣ резонныя, но зато ужъ вполнѣ сердитыя слова говорилъ судебный приставъ Апельсинскій, сидя на облучкѣ земской телѣги и трясясь на ямахъ и колдобинахъ плохой земской дороги, мѣстами покрытой еще не растаявшими пластами льда, мѣстами, напротивъ, обильной полосами глубокой и жидкой весенней грязи. Приставъ Апельсинскій потому попалъ на облучокъ, что заднія мѣста той же самой земской телѣги были заняты исправникомъ и мировымъ судьей; желая вести бесѣду съ своими спутниками, Апельсинскій сидѣлъ на облучкѣ задомъ къ дорогѣ и, благодаря этому, не имѣлъ возможности принять какой-нибудь предосторожности противъ неудобства дороги, почему и долженъ былъ поминутно прерывать свой разговоръ сердитыми и негодующими восклицаніями.

— Да осторожнѣе ты, братецъ! вопіялъ онъ къ ямщику.— Ну, что ты гонишь на рытвинахъ и ухабахъ?.. Авось успѣешь... Вы тутъ право съ вашимъ розиней-земствомъ съ ума спятили совсѣмъ... Деньги дерутъ, а въ результатѣ—извольте-ка вотъ поѣздить этакимъ манеромъ... Вотъ! Вотъ! Ну, братъ, ты мнѣ положительно спину переломишь... Это называется земство! Земскій трактъ! Ахъ, анафемы!..

Исправникъ и мировой судья хотя и не поддерживали гласно мнѣній своего спутника, но несомнѣнно глубоко ему сочувствовали. Судите сами: земство, которое на памяти у всѣхъ задирало носъ противъ всякой кокарды и навострилось выговаривать слово «администрація» такимъ тономъ, которымъ прямо вызывало на личное оскорбленіе, дошло теперь до такого паденія и низости, что, поминутно клянча у той-же администраціи о содѣйствіи, о помощи, особливо при «взысканіяхъ», не въ силахъ настолько поддержать свой авторитетъ въ средѣ плательщиковъ, чтобы доставить этой самой администраціи, единственной добычницѣ земской копѣйки въ земскіе сундуки, помощь въ самыхъ элементарныхъ вещахъ: ѣзди, взыскивай, шуми, бранись, неистовствуй—этого земство желаетъ; а вотъ устроить такъ, чтобы исправникъ, мировой, судебный приставъ могли ѣхать

каждый по своимъ дѣламъ и на отдѣльной подводѣ — не можетъ! Средствъ нѣтъ! Было прежде шесть троекъ на земской почтѣ, а теперь только три — вотъ и приходится какому-нибудь административному органу иногда по полусутокъ сидѣть на вокзалѣ, ждать другого административнаго органа, чтобы ѣхать вмѣстѣ, хотя у каждаго органа своя часть.

Конечно, если бы всѣ три административныхъ органа, возсѣдавшихъ на одной земской подводѣ, могли и желали вспомнить прошлое этого нынѣ падшаго въ ихъ глазахъ земства, они бы знали, что уже давнымъ-давно само земство предвидѣло и публично заявляло о неминуемомъ своемъ паденіи, если только вмѣсто простого, но существенно важнаго для народа дѣла, оно принуждено будетъ ограничиться канцелярской суетой, и вмѣсто «дѣла» только бумагой,—конечно, повторяю, если бы разсерженные представители администраціи помнили все это, они бы не удивились тому, что вмѣсто трехъ троекъ имъ еле-еле удалось получить одну, а вмѣсто «тракта»—ямы и лужи грязи. Но представители администраціи не помнили этого; у нихъ и у самихъ было довольно всякихъ душевныхъ невзгодъ, вытекавшихъ также изъ не вполнѣ успѣшной, хотя и суетливой дѣятельности, и вотъ почему они вполнѣ сочувствовали негодованію Апельсинскаго, который между тѣмъ продолжалъ свои рѣчи такимъ образомъ:

— Ѣзди вотъ для нихъ день-деньской, какъ чортъ какой-нибудь! Всѣ бока-то переломалъ, ей-Богу право! И такъ-то ужъ чортъ знаетъ что за должность.. получай да получай, а что съ нихъ возьмешь? Да и тутъ то иной разъ трясешься, какъ бы только Господь сохранилъ въ живыхъ... ни дорогъ, ни мостовъ... ложись да умирай! Я намедни ѣздилъ также вотъ съ исполнительнымъ листомъ въ деревню Незамайку... Такъ что-жъ вы думаете? Одинъ день я всего-то и проѣздилъ, а чего-чего не натерпѣлся!.. Изъ города выѣхалъ я конечно честь-честью—въ вагонѣ, по желѣзной дорогѣ, во второмъ классѣ... Проѣхалъ до станціи Масловки какъ слѣдуетъ, почеловѣчески.. Изъ Масловки тоже не совсѣмъ по свински; положимъ, что пароходишко еле - еле дышетъ, сто разъ на мель садится въ часъ, ну, все - жъ таки: спросилъ закусить—подали карту, и на ней написано: Шато-Бреянъ... Ну, давай, какое оно тамъ!.. Все таки какъ будто въ человѣческомъ обществѣ... Но вотъ какъ пристали къ берегу, тутъ и начало-ось! Сначала повезъ меня мужикъ парой въ телѣгѣ... грязь по ступицу... дралъ, дралъ мужикъ лошадей. «Нѣтъ, говоритъ, надо перепрячь!» Еле-еле добрались до Осиновки, пересѣлъ въ «бѣду», въ двухколеску; поплелись лѣсомъ—то есть сущее божеское наказаніе! Нашвыряны по болоту бревна на аршинъ одно отъ другого, то въ яму упадемъ, то на бревно еле влѣземъ... Бились, бились— три версты пять часовъ ѣхали!—«Нѣтъ, баринъ, неспособно такъ-то!» говоритъ ямщикъ.— «А какъ же быть?»—«А ужъ надыть верхомъ!»—Что тутъ дѣлать? Бросили «бѣду». сѣли вдвоемъ на клячу, дули, дули ее и въ хвостъ, и въ голову, прошла двѣ версты и стала, хоть убей, ни съ мѣста! Ни взадъ, ни впередъ; да и точно: затянулась кляченка...—«Какъ же быть?»—«Ужъ и не знаю, баринъ!» Попробовалъ я пѣшкомъ, провалился по шею! Какъ есть въ полномъ смыслѣ слова! Даже портфель съ повѣстками едва не утонулъ...—«Ну. вотъ что, баринъ, говоритъ мужикъ—лошаденку надо бросить, пущай отдохнетъ, а ты ужъ садись на меня верхомъ, дѣлать нечего; авось я кое-какъ да кое-какъ доволочу твое благородіе по пнямъ-то до лѣсного объѣздчика, а тамъ пожалуй и лошадь добудемъ...» Ну, что вы будете дѣлать? Сѣлъ. Взобрался ему на плечи!—«Ну-ко, Господи, благослови!» У мужика-то палка—претъ! Съ кочки на кочку, раза два оба чубурахнулись кубаремъ, ну, однако не дошли! захрапѣлъ мой мужикъ, шапку снялъ, мокрый весь... — «Нѣтъ, говоритъ, господинъ, неспособно! Какъ бы пожалуй жила какая не оборвалась; пожалуй помрешь!..» Нечего дѣлать, слѣзъ я съ мужика; стояли, стояли въ грязи и ужъ совсѣмъ не знали, что дѣлать! Хоть пропадай! Говорю:— «какъ хочешь, а доставай мнѣ лошадь! Иди въ деревню пѣшкомъ, неси повѣстку старостѣ, а я буду здѣсь ждать!..» А замѣтьте, вечеръ, седьмой часъ; я вспотѣлъ, а ужъ крѣпко морозитъ... того и гляди тифъ. Ну, пошелъ мужикъ. Остался я одинъ въ лѣсу. Жутко! Волки въ эту пору стадами шляются. Думалъ, думалъ, вскарабкался на дерево, сижу! Да до глухой полночи проторчалъ на сукѣ-то съ портфелью, покуда ужъ къ свѣту мой мужикъ пріѣхалъ на подводѣ и ужъ кое-какъ доплелись до пароходишка... Конечно я воротился опять по желѣзной дорогѣ. Иной и подумаетъ: «Ишь, разъѣзжаетъ на бархатныхъ подушкахъ!» А поди-ка, попробуй поѣздить-то!.. Да хорошо-бы, ежели бы толкъ былъ, а то толку-то нѣтъ! Чего съ нихъ возьмешь? Имъ, незамаевскимъ-то мужикамъ, и самимъ ѣсть нечего, чего съ нихъ возьмешь? А поди-ка, оставь, не исполни, такъ вѣдь корреспонденцію такую отпечатаютъ—любо-два.. Дохнуть некогда, а изъ-за чего бьешься, самъ чортъ не разберетъ! Вѣдь вотъ я чуть-было въ лѣсу не умеръ, вѣдь волки налетѣли бы стаей, такъ костей бы не осталось, а иди, тащи бумагу за тридевять земель. Кулачишко какой то, извольте видѣть, взыскиваетъ съ нихъ тринадцать съ полтиной за сѣно; сѣно вишь у него растащили, у негодяя... Да кабы у меня не хозяйство, такъ я бы самъ его, анафему, въ тюрьму-бы заточилъ... Я его знаю, что это за живодеръ... А вотъ между тѣмъ сидишь на деревѣ, трясешься, что волки слопаютъ... Я, вѣдь, тоже не палачъ какой-нибудь, понимаю, что нечего имъ ѣсть, неурожай, а поди-ка!..

— Это вѣрно, вашескобродіе! неожиданно произнесъ ямщикъ,—неурожай у насъ, вотъ главная причина. Тутъ ужъ и хлопотать-то не изъ чего. вѣрно вамъ докладываю... То-есть чисто ни зерна, ни сѣна клока. Теперь вотъ, изволите видѣть, снѣгъ еще не стаялъ, а ужъ мы гоняемъ скотину въ поле.

— Да вѣдь тамъ ничего нѣтъ! замѣтилъ кто-то изъ трехъ сѣдоковъ.

— Да именно и нѣту ничего.

— Такъ что-жъ она ѣстъ-то?

На этотъ вопросъ ямщикъ сначала засмѣялся, а потомъ вдругъ снялъ шапку, перекрестился и сказалъ:

— Вотъ передъ истиннымъ Богомъ, какъ есть, какъ передъ Создателемъ, говорю, то-есть песъ ее знаетъ, что она тамъ ѣстъ... И ежели вамъ угодно, чтобы напримѣръ можно было утвердить, что она ѣстъ, такъ неизвѣстно что такое: идетъ въ поле— брюхо пусто, какъ мѣшокъ болтается, а назадъ идетъ—эво какъ раздуло! А чтобы напримѣръ сказать что такое, такъ даже понять этого невозможно.

— А все-таки набьетъ брюхо-то?

— Набьетъ-съ! Умереть на мѣстѣ, а что набьетъ брюхо... Разопретъ его вотъ какъ! а въ чемъ именно заключается, никто не можетъ понять. Мохъ что ли она тамъ роетъ какой, глину ли какую жуетъ—этого никакимъ способомъ не можемъ понимать... То-есть иной разъ даже смѣху достойно.

И ямщикъ дѣйствительно засмѣялся, прибавивъ:

— Вотъ извольте посмотрѣть, вѣдь вотъ вся тройка существуетъ почитай что неизвѣстно чѣмъ, а вѣдь бѣжитъ-съ!

И въ доказательство полной непостижимости обсуждаемаго факта ямщикъ тронулъ возжами, хлестнулъ по всѣмъ по тремъ и, промчавъ своихъ сѣдоковъ съ полверсты по ухабамъ и грязи, обернулся къ нимъ съ удивленнымъ лицомъ и сказалъ:

— Вѣдь ишь какъ орудуютъ! а какая такая пища имъ способствуетъ—неизвѣстно... Истинно надо быть, только что Господь намъ помогаетъ, питаетъ скотину по премудрости своей. Все коекакъ дышешь, а то бы...

— Да! почему-то съ нѣкоторой укоризной проговорилъ Апельсинскій.—Вамъ вотъ все какъ-то Господь помогаетъ, а ты поди-ка въ нашу шкуру влѣзь! По вашему, «господа. господа — не вѣсть что такое», а поди-ка, попробуй... У васъ вотъ тутъ неурожай—это мы отлично и безъ тебя знаемъ — а лошадь-то вонъ у тебя все-таки какъ-ни-какъ бѣжитъ... Чѣмъ она сыта—тебѣ это неизвѣстно, а ты все-таки въ телѣгу ее запрегъ да поѣхалъ на станцію, да пассажира посадилъ—вотъ у тебя рубль или полтинникъ и есть.

— Да только что тѣмъ и дышемъ, передъ Богомъ ежели сказать!

— Да! Однако дышешь. А ты поди-ка, поживи-ка безъ Божьей помощи, да чистыя денежки отдай за каждую малость, такъ не такъ бы запѣлъ. Неурожай, неурожай! Я вотъ хорошо знаю, что неурожай у васъ и ничего нѣтъ, и ѣсть нечего, однако ѣду, мучаюсь, на деревѣ вонъ чуть не замерзъ, а знаю, что безъ толку.

— Такъ чего ужъ безпокоиться-то? робко спросилъ ямщикъ.—На деревѣ, въ лѣсу — это тоже очень мудрено. И вѣрно, что волки ходятъ. Сохрани Господи отъ этого! Такъ я такъ думаю! ежели ужъ неурожай напримѣръ, божеское наказаніе, такъ мнѣ, примѣромъ сказать, на дерево съ бумагой лѣзть? Да волки еще съѣдятъ. А что толку-то?

— Да и безъ тебя я знаю, что толку никакого нѣтъ и не будетъ, да вотъ, видишь-ли, въ чемъ дѣло: у меня, другъ любезный, шестеро ребятъ, да какъ разинутъ они рты съ утра, такъ какъ по твоему—будутъ они сыты, ежели я ихъ въ поле выгоню: «Набивай, молъ, ребята, брюхо, чѣмъ вамъ будетъ угодно, что, молъ, вамъ Богъ дастъ»? Какъ ты объ этомъ полагаешь?

— Господи помилуй! сказалъ ямщикъ съ удивленіемъ.—Кажется, мы можемъ понимать...

— То-то и есть! Такъ тутъ полѣзешь на дерево. «Господь помогаетъ!» Нѣтъ, у насъ, братъ, нѣту этого, а отворяй кошелекъ да деньги вынимай... Да и тутъ еще: бьешься, бьешься хоть бы съ ребятами одними, а и то... неизвѣстно еще, что выйдетъ... Ошибся твой сынъ въ склоненіяхъ или тамъ въ спряженіяхъ, наказали его, нагрубилъ онъ—и убирайся на всѣ четыре стороны. Все и пошло прахомъ. Куда его пристроишь? Вездѣ и такъ биткомъ набито народу. И ты-то не справишься съ головой, да и онъ-то тоже очумѣлый ходитъ. Иной глядитъ, глядитъ, да и пуститъ пулю въ лобъ... Много этакихъ случаевъ было... А ты послѣ всѣхъ твоихъ хлопотъ да заботъ остался только что въ дуракахъ... Нѣтъ, братъ! Это вы тутъ, полушубники, про нашего брата судачите: «Баре да баре; готовыя деньги берутъ, ѣздятъ взадъ и впередъ, а толку нѣтъ», а ты поди-ка, въ нашей шкурѣ посиди, давно бы ужъ волкомъ взвылъ.

— А много-ль у тебя на шеѣ народу-то? спросилъ Апельсинскаго исправникъ.

— Да ежели всѣ рты сосчитать, такъ пожалуй человѣкъ пятнадцать, а то и больше наберется... Сколько однихъ стариковъ да старухъ, да всѣ крѣпкіе, Богъ съ ними... Такъ вотъ тутъ и подумаешь, да не только что на суку готовъ какъ птица сидѣть, а придется, такъ и летать начнешь по воздуху, а какъ прижметъ семья, такъ и нырять начнешь, какъ торпеда какая подъ водой... Нѣтъ, братъ, намъ Господь не поможетъ! У насъ, братъ, «купи», а такъ, чтобы брюхо набить неизвѣстно чѣмъ, этого у насъ нѣтъ... Вотъ и вертишься, какъ бѣсъ передъ заутреней... Да еще неизвѣстно: это теперь человѣкъ пятнадцать сидитъ на шеѣ, а можетъ и еще Богъ пошлетъ... Это еще неизвѣстно!

— Такъ ты бы того,—не безъ ироніи проговорилъ исправникъ:—ты бы прекратилъ...

— Чего прекратилъ?

— Да, то-есть распространеніе-то, напримѣръ.

Апельсинскій пристально посмотрѣлъ на исправника, помолчалъ и наконецъ проговорилъ, понизивъ голосъ:

— А ты-то, самъ-то, прекратилъ ужъ, поди?

Исправникъ захохоталъ. Захохоталъ и извозчикъ и, стегнувъ лошадь, проговорилъ:

— Прекратишь, какъ-же!

— Ну, такъ нечего и болтать! Вонъ Арапкинъ-то, самъ чай знаешь, почти что совершенно оша-

лѣлъ отъ этого самаго многолюдства, а поди-ка, заикнись ему.—«И не знаю, говоритъ, что будетъ: дѣти да дѣти, а окончанія не предвижу!» Ужъ и я-то ему сказалъ:—«Ты бы, говорю, поосторожнѣй!» А онъ что̀ мнѣ на это отвѣтилъ?—«Поди-ка, говоритъ, попробуй! у меня жена съ дѣтства воспитана въ такомъ мнѣніи, что она пикантная женщина.—«Я, говоритъ, пикантная!» А пикантная-то то̀ означаетъ, что «чуть что̀», анъ она и сдѣлаетъ каламбуръ съ офицеромъ, вотъ тебѣ и сказъ!» Такъ Арапкинъ-то и говоритъ: «Поэтому, говоритъ, случаю я и долженъ продолжать... и единственно, говоритъ, изъ-за одного реноме, а то бы, говоритъ, давно ужъ надобно Бога вспомнить!.. Потому-что, говоритъ, случись этакой какой-нибудь эпизодъ, сейчасъ осмѣютъ, пойдешь дуракомъ, и съ мѣста согнать не поцеремонятся. Только, говоритъ, единственно изъ-за одного реноме!» Реноме-то оно реноме, объ этомъ чего ужъ разговаривать, а только что поглядѣлъ я какъ-то на этого Арапкина, такъ вѣдь человѣкъ-то совсѣмъ вродѣ полоумнаго сталъ: бѣгаетъ по городу, деньги занимаетъ у встрѣчнаго и поперечнаго... «Земство, говоритъ, затягиваетъ, не выдаетъ»... А какое ужъ, чай, земство?

— Ну, это-то точно, вѣрно! довольно серьезнымъ тономъ проговорилъ исправникъ.—Подожди да подожди, это сколько угодно! И все на нашего брата сваливаютъ: понужденія молъ нѣтъ относительно взысканія... А какого понужденія нѣтъ? Я даже и не понимаю, когда своимъ голосомъ говорилъ: только и дѣлаешь, что орешь, да шумишь, да свирѣпствуешь... Сегодня вотъ въ шести волостяхъ надо бушевать, все мало!

— Ну, въ этомъ, я думаю, и имъ надо дать извиненіе. Тоже и у нихъ пикантныя штучки существуютъ, да и на счетъ реноме по нынѣшнимъ временамъ не зѣвай... Подвернись тамъ какія-нибудь деньжонки, такъ, разумѣется, прежде всего себѣ въ карманъ сунутъ, а ужъ никакъ не тебѣ... Да изъ-за чего и биться-то въ самомъ дѣлѣ? Конечно только изъ-за денегъ и маешься, какъ маятникъ, ни днемъ, ни ночью покоя не имѣешь... Ежели за этакую маяту да денегъ давать не будутъ, такъ это лучше петлю на шею... Да что же въ самомъ дѣлѣ? Какое такое получаешь удовольствіе? Что я отъ удовольствія что-ли на деревѣ-то чуть не замерзъ, или пріятность мнѣ что-ли какая по мужицкимъ избамъ ходить... или тебѣ вотъ орать, горло драть? Конечно семейство... А семейство-то вотъ иной разъ за твои хлопоты да мученія возьметъ да и плюнетъ тебѣ въ морду. Да! Вонъ у Кузьмичова, у Ивана Егорыча, сынъ, такъ что-жъ онъ сдѣлалъ? Отецъ-то бился-бился для семьищи, ростилъ-ростилъ ихъ—ну конечно не безъ грѣха... На одно жалованье такую ораву гдѣ же прокормить?.. А сынъ-то пришелъ въ возрастъ, да вмѣсто благодарности и пропечаталъ всѣ отцовскіе поступки, да и въ глаза-то отцу прямо такъ и ляпнулъ: «Вы, говоритъ, папенька—не благодѣтель для народа, но врагъ и зло! Я, говоритъ, долженъ васъ обличить для общаго блага, не какъ отца, а какъ общественнаго дѣятеля, злоупотребляющаго общественнымъ довѣріемъ!» И подвелъ подъ судъ. Правда, и самъ пулю въ себя всадилъ, да отцу-то каково? Онъ и воровалъ-то, можетъ быть, для семейства, а семейство-то вонъ какъ его на старости-то лѣтъ... Вотъ и подумай! Сидишь-сидишь иной разъ на сукѣ-то на какомъ-нибудь, какъ птица перелетная, да подумаешь о томъ, какая будетъ благодарность, анъ и жутковато станетъ на свѣтѣ-то жить...

— Да, вздохнувъ, сказалъ исправникъ.—У меня вонъ дочь родная двадцати лѣтъ ушла изъ дому въ учительницы, да меня же и выбранила.—«Вы, говоритъ, работаете противъ народа, а я, говоритъ, буду ему служить; мы съ вами не товарищи». А какъ я ей представилъ вопросъ: кто-жъ тебя выростилъ, вспоилъ и образовалъ? — такъ она мнѣ такую отрапортовала рацею, что окончательно я вышелъ, по ея мнѣнію, извергомъ рода человѣческаго. Что-жъ? Пускай поживетъ на своемъ хлѣбѣ! А кабы побыла на моемъ мѣстѣ, какъ я двадцать лѣтъ ни днемъ, ни ночью покоя не имѣю, такъ узнала-бы, каково легко деньги то достаются на газеты да на журналы. Можетъ тамъ, въ газетахъ-то, и правильно пишутъ, только эту газету надо купить, а купило-то нашему брату не очень пріятно достается... Коли не раздерешь глотки со старшинами да со старостами, такъ начальство-то и безъ тебя обойдется, а ты зубы на полку клади... Ну, да что!.. Какъ-никакъ, надобно вѣкъ доживать.

— Да еще доживешь-ли вѣкъ-то мало мальски поопрятнѣй, и того неизвѣстно... Ты вотъ о семействѣ... а ему какое дѣло, какъ ты тамъ орудуешь? Мнѣ вонъ иной разъ и разсказать совѣстно, какіе такіе мои были труды; я разскажу, а меня мои же ребята на смѣхъ могутъ поднять, да еще злодѣемъ пропечатаютъ... Ихъ, братъ, тоже по нонѣшнему времени не очень ловко кулакомъ къ уваженію приводить... Въ старину я-бы огрѣлъ его оплеухой, вотъ онъ бы меня и не критиковалъ, а теперича я не моги этого... Ну, и молчишь... Таскаешь деньги и помалчиваешь... А вѣдь семьѣ безъ уваженія къ отцу и мужу тоже, братъ, трудно существовать... Какъ-бы не разсыпалась въ дребезги... да! Да ты что̀ думаешь? Мнѣ вотъ недавно одинъ флотскій какую исторію разсказалъ. Пріѣхалъ я какъ-то на станцію, жду поѣзда — часа четыре мнѣ пришлось на вокзалѣ проторчать. Пріѣхалъ, смотрю, а около буфета какой то человѣкъ вертится. По платью-то вижу—флотскій, только что въ большомъ градусѣ, весь въ грязи, шатается, бормочетъ что-то, оретъ, а ужъ человѣкъ не молодыхъ лѣтъ. Болтается этакъ около буфета и все хлопаетъ, да все буфетчику приказываетъ: «Побольше молъ налей рюмку». Вижу я, что и очень ужъ онъ грузенъ сталъ; и на столъ наткнется, и на стулъ опрокинется, а тутъ какъ-то ни съ того, ни съ другого подскочилъ къ лампѣ, схватилъ ее со стола да объ земь. Слава Богу, лампа-то была не зажженная, а то бы пожаръ надѣлалъ... Разбилъ лампу и заоралъ:—«Вотъ онъ, врагъ мой,

вотъ онъ гдѣ! Будь онъ проклятъ!» Я ужъ подумалъ, не допился ли онъ до чертиковъ; думаю, не надѣлалъ бы чего худого, подошелъ къ нему, говорю: — «Что вы безпокоитесь? Какой врагъ? Никого нѣтъ».— «Нѣтъ, говоритъ, есть; вотъ онъ — мой врагъ, керосинъ! Вотъ онъ, мой злодѣй!» И сталъ топтать лампу ногами.. — «У меня, говоритъ, теперь пріюта нѣтъ. Я семьи лишился... Это онъ, дьяволъ!» Что такое, думаю, какимъ образомъ керосинъ... семейство... и такой гнѣвъ? Но все-таки, думаю, что нельзя ему давать воли; кое-какъ уговорилъ его, уложилъ на диванъ. Похрапѣлъ онъ часа два, разбудилъ его сторожъ, и пришлось намъ ѣхать вмѣстѣ. Хмеля все еще много было въ немъ, да и у буфета онъ прибавилъ стаканчикъ на дорогу. Тутъ съ него взяли за лампу рублей пять. Какъ напомнили ему о лампѣ-то: — «А, говоритъ, очень радъ! Разбилъ? Отлично. Это моя месть за все!» «Да что такое? спрашиваю его, какъ ужъ мы въ вагонѣ очутились. — Какъ это такъ керосинъ васъ оскорбляетъ?» — «Не оскорбляетъ, говоритъ, а разрушилъ всю мою жизнь и превратилъ меня въ ничто! Вотъ что такое керосинъ для меня!» Слово за слово, дальше — больше, и оказывается въ чемъ же дѣло? А былъ онъ, изволите видѣть, смотрителемъ маяка; человѣкъ женатый, семейный... Гдѣ былъ этотъ маякъ — не упомню хорошенько, а знаю, что по его словамъ выходило, будто-бы, освѣщеніе на маякахъ масляное, т. е. деревяннымъ масломъ. Между тѣмъ жена у него тоже, какъ видно, дама была пикантная, бонтонная: по-французски, по-нѣмецки, на фортепіанахъ — все, какъ слѣдуетъ. Расходу, понятно, пропасть, потому-что «не считать же ей тамъ какія-то копѣйки, и она не кухарка». А дѣтей въ то же время весьма довольно, и что дальше, то больше расходу. Въ это время объявляется керосинъ и возникаетъ мысль примѣнить его къ освѣщенію маяковъ. Экономія важная, такъ-какъ на войну истрачено было очень много милліоновъ... Вотъ какъ возникла эта мысль, такъ этотъ самый офицеръ и задрожалъ по всѣмъ суставамъ.— «Потому-что, говоритъ, жена моя завела такіе порядки, что при керосиновомъ освѣщеніи не было никакой возможности существовать; все въ домѣ держалось исключительно благодаря деревянному маслу, и цѣна на бочку масла и бочку керосина — никакого сравненія, и насчетъ экономіи.. Словомъ, какъ только будетъ керосинъ, такъ жить нечѣмъ, хоть по міру иди. А начальство между тѣмъ запрашиваетъ — нельзя ли экономію сдѣлать? и т. д. «И тутъ — разсказываетъ мнѣ бѣдняга — сталъ я, говоритъ, ужъ врать и плутовать». То есть конечно ужъ и до этого времени онъ пользовался, показывалъ одно, а тратилъ другое, но тутъ пришлось врать на особый манеръ. — «Лѣтъ восемь, говоритъ, я только и дѣлалъ, что лгалъ передъ начальствомъ, единственно изъ-за семейства и потому, что жена иначе не можетъ жить. И сначала, говоритъ, вралъ я по наукѣ, съ вычисленіями и таблицами: сила свѣта, разстояніе — словомъ, вралъ по морскимъ правиламъ, доказывалъ въ томъ родѣ, что если будетъ отмѣнено деревянное масло, тогда Англія насъ можетъ превзойти; кораблекрушеніе, говоритъ, даже одно устроилъ, и доказалъ такъ, что именно оно отъ керосина... Ну, говоритъ, кое-какъ да кое-какъ, протянулъ такимъ манеромъ лѣтъ пять. А тѣмъ временемъ дочь гимназію оканчиваетъ и жена хочетъ вывозить ее. Что тутъ дѣлать? Между тѣмъ начальство ужъ и посерьезнѣе стало приставать, а по морскимъ наукамъ врать мнѣ, говоритъ, стало нечего, истощилъ я все; что было можно по этой части соврать, давно ужъ совралъ. Пришлось мнѣ, говоритъ, врать безъ всякой совѣсти... «Горѣлку, говоритъ, надо приспособить, а потомъ и опытъ». Начальство пишетъ: «Поспѣшить приспособленіемъ горѣлки». Я, говоритъ, отвѣчаю: «Приспособляю немедленно», а между тѣмъ полгода кое-какъ со дня на день и протяну... Чрезъ полгода начальство спрашиваетъ: «Что-жъ горѣлка?» Отвѣчаю: «Горѣлка приспособлена, но требуетъ исправленія» — и опять полгода. А тутъ ужъ женихъ сталъ свататься... Тутъ начальство опять вопрошаетъ: «Да что-жъ наконецъ горѣлка?» Отвѣчаю мѣсяца черезъ два: «Горѣлка готова, но не доставлена». Спрашиваютъ: «Когда будетъ доставлена?» Отвѣчаю черезъ мѣсяцъ: «Горѣлка будетъ доставлена въ непродолжительномъ времени»... Тянулъ-тянулъ, вралъ-вралъ... вдругъ ревизоръ, какъ снѣгъ на голову! Прямо ко мнѣ со всѣми документами... Все раскопалъ, разрылъ, разсортовалъ... подъ судъ! Жена моя бросилась къ нему, но онъ такъ ей меня расписалъ, такъ, прямо скажу, справедливо, такъ все мое лганье-вранье представилъ ей, что... что вы думаете? Влюбилась въ него по уши! — «Герой! говоритъ.— Идеалъ! Неумолимый! Честный! Непреклонный! Вотъ мужчина!» Закружилась, завертѣлась, за голову хватается: — «Вся жизнь пропала съ какимъ-то воришкой... Вотъ человѣкъ! Вотъ гражданинъ! Я не могу! уйду! И ушла».

— Ушла? спросили одинаково изумленнымъ голосомъ исправникъ и мировой.

— Ушла! Вотъ вѣдь что!.. Дочери — невѣсты, а она, сама мать, ушла... Говоритъ: — «Вотъ кому готова отдать жизнь! Вотъ гдѣ энергія!..» А тотъ ей конечно расписалъ это деревянное масло съ высшей точки зрѣнія: отечество, родина, Англія, Португалія и тому подобное.

— Ну, конечно — сказалъ исправникъ.

— «И какъ я могла жить, погубить свою жизнь съ такимъ подлецомъ?» Это жена-то. А мужъ-то говоритъ: — «Да вѣдь я подлецомъ-то изъ-за тебя сталъ! Вѣдь изъ-за кого же я и воровалъ, и кралъ, и обманывалъ?» Ну вотъ, въ эту то пору я и встрѣтился съ нимъ. Совсѣмъ малый ошалѣлъ: жена бросила, куча народа на шеѣ и къ тому же подъ судомъ... Ѣхалъ въ Петербургъ — оправдываться... и все пилъ. Какъ увидитъ лампу — хлопъ ее кулакомъ: — «Вотъ, говоритъ, гдѣ драма въ пяти дѣйствіяхъ!» Такъ вотъ иной разъ какъ семейство-то орудуетъ! А спрашивается: изъ-за чего же колотишься-то, какъ не изъ-за семейства?

Несмотря на обильный матеріалъ ко всевозмож-

нымъ остротамъ и шуткамъ, который, казалось, могъ бы доставить разсказъ Апельсинскаго о керосиновой драмѣ, никто однакожъ изъ слушателей его почему-то не счелъ умѣстнымъ шутить или острить по поводу несчастій несчастнаго моряка. Напротивъ, всѣ, не исключая и словоохотливаго Апельсинскаго, какъ будто бы поприуныли; мировой судья, слушавшій этотъ разсказъ съ особеннымъ вниманіемъ, произнесъ по окончаніи его самымъ многозначительнымъ тономъ: — «Н-да, все это вещи довольно сложныя!» Исправникъ ничего не сказалъ, но глубоко вздохнулъ, а Апельсинскій совершенно примолкъ на нѣкоторое время.

— Ишь вѣдь, каки дѣла-то! произнесъ шутливо ямщикъ, весьма внимательно вслушивавшійся въ разсказы и разговоры Апельсинскаго. — Что значитъ этотъ самый Нобель-то американскій!

Но и эти шутки не развеселили нашихъ путниковъ, такъ какъ всѣмъ имъ вѣроятно вовсе не въ шутку были знакомы кое-какія изъ треволненій семейной жизни, разговоръ о которой такъ случайно завелъ Апельсинскій.

— А ты, любезный, пошевеливай-ка! довольно сурово сказалъ исправникъ извозчику. — Некогда раздебаривать, да и въ волости, поди, ужъ давно дожидаются...

— Потрогивай, потрогивай! присовокупилъ Апельсинскій тономъ довольно дѣловитымъ.

Извозчикъ тронулъ лошадей, но, желая изгладить въ своихъ сѣдокахъ непріятное впечатлѣніе неудачной остроты, произнесъ, не обращаясь собственно ни къ кому изъ сѣдоковъ отдѣльно:

— И трудно-жъ только, ваше высокоблагородіе, ваше дѣло, погляжу я... Что одной ѣзды! Что напримѣръ разныхъ членовъ ѣздитъ, что всякихъ начальниковъ!.. Ужъ, кажется, что такое нашъ братъ мужикъ, старшина какой-нибудь, а и тотъ еле-еле тройкой обойдется...

— Вамъ только и видно, что ѣздятъ! сурово сказалъ Апельсинскій. — Только ѣзду и видите... Мнѣ одна старушонка-раскольница тоже вонъ такъ-то: «И что это вы безпречь тутъ ѣздите, толчетесь? И когда вы наѣздитесь? И чего отъ васъ проку-то?» Только ѣзда у васъ и на примѣтѣ... А не ѣзди, такъ...

Апельсинскій хотѣлъ было опять упомянуть о семействѣ, но увидѣлъ, что этотъ аргументъ вовсе не будетъ убѣдительнымъ для ямщика, и потому замолчалъ, прибавивъ только:

— Ѣзду только и видите!

— Мы, ваше благородіе, не то, что ѣзду, а и безпокойство ваше видимъ, сказалъ извозчикъ, — а только что сумлѣваемся насчетъ хлопотъ-то... Вѣдь мы видимъ хлопоты-то! Старшина вонъ пустится по волости, деретъ-деретъ, съ позволенія сказать, по мягкому-то мѣсту, а вѣдь хлѣба-то онъ изъ мякоти-то нашей не выбьетъ... Вотъ собственно насчетъ чего... Вотъ и насчетъ ѣзды то же самое. Чай, не одна ѣзда, а безпокойство, труды всякіе, огорченія, а нѣту хлѣба, такъ и взять нечего... Вонъ тоже слѣдователя вчерась возилъ по убійству, такъ тоже разговоръ былъ. Я говорю, кабы у насъ достатокъ былъ, такъ и безпокоиться вашему высокоблагородію нечего... Вотъ она, дѣвчонка-то, ухлопала дубиной двухъ старухъ, и ее за это за самое въ острогъ надо, и вы, ваше высокоблагородіе, по этому случаю изъ города пріѣхали, побезпокоились; а ежели вникнуть, такъ и окажется дѣло-то такимъ манеромъ, что кабы не нужда, да не горе, такъ и не за что бы дѣвчонку-то въ острогъ сажать. Вотъ про что-съ! А не то что «ѣзда, ѣзда»! Мы тоже видимъ... Дѣвчонка-то эта безъ матери, одна у отца, на рукахъ куча ребятъ, а хлѣба-то нѣтъ, неурожай у насъ; вотъ и нуженъ въ домѣ мужикъ, а чтобы мужикъ-то пошелъ, надыть его приманить, надыть тоже хоть на посидкахъ какой-нибудь достатокъ показать. Вотъ дѣвчонка-то и пойди къ старухамъ-теткамъ, не дадутъ ли нарядовъ ей какихъ, потому надо спѣшить со свадьбой: не выйдетъ осенью — до весны не дотянутъ, а съ мужикомъ все хоть самой-то уйтить можно въ прислуги. А тетки-то, вишь, пожадничали; сундуки полны у старухъ-то всякимъ добромъ, да жадность велика — не дали! Думала, думала, горькая, да и украла у старухъ-то чулки тамъ, сарафана два, два али три платка — утащила, да домой. А старухи-то догадались, да за ней, да настигли ее дома-то ночью; да со зла одна тетка-то прямо начни ее бить полѣномъ, а дѣвчонкѣ-то само собой обидно стало, да и испужалась она — она и хвати старуху-то такимъ же манеромъ, т. е. стало-быть полѣномъ же ее треснула, а старуха-то и духъ вонъ!... Ну, тутъ ужъ и испугалась, да со страху и другую прикончила. Ну, и должна идтить въ острогъ... А какъ ежели разобрать, да былъ бы достатокъ, да сиротство-то ежели бы у насъ человѣка не заѣдало, такъ пожалуй и безъ острога бы дѣло-то справилось. Опосля этого случая, какъ нашли убитыхъ въ проруби, купецъ у насъ тутъ одинъ говорилъ: «Кабы знато да вѣдано, такъ я бы и такъ ей пятьдесятъ цѣлковыхъ далъ бы на свадьбу!» Эво когда! То-то и есть-то! А какъ надо, какъ припретъ къ горлу, такъ норовятъ полѣномъ человѣка отблагодарить... А начальству хлопоты, разъѣзды, все такое — пакеты разные печатать, писать — все хлопоты, а такъ, чтобы настоящаго устройства...

Ямщикъ во-время остановилъ свои неумѣстныя рѣчи и прибавилъ:

— Я докладывалъ объ этомъ судебному слѣдователю и все имъ подробно обсказалъ. Такъ они такъ сказали, что вѣрно, молъ, справедливо. Что-жъ мнѣ? Мнѣ врать не изъ чего... Даже водкой въ кабакѣ угостили господинъ слѣдователь-то!

— Ну, конечно! Извѣстный пьяница, — сердито сказалъ исправникъ. — Недолго онъ насидитъ на своемъ мѣстѣ. По кабакамъ-то очень охотникъ разглагольствовать.

— Такой простой баринъ!

— То-то простъ очень.

Ямщикъ понялъ, что ему слѣдуетъ замолчать, и замолчалъ. Но и слушатели его тоже молчали, такъ какъ настроеніе духа ихъ, благодаря случайностямъ

дорожнаго разговора, становилось все сложнѣе и все непріятнѣе. Сначала Апельсинскій омрачилъ душу путниковъ, заведя рѣчь о той тревожной, безпокойной жизни «ихняго брата», которую онъ весьма вѣрно охарактеризовалъ выраженіемъ «дохнуть некогда», и заставилъ каждаго изъ путниковъ припомнить цѣлые долгіе годы этой безпокойной служебной маяты, а заставивъ припомнить эту маяту, заставилъ каждаго изъ измаявшихся и пожалѣть самого себя, подумать о томъ, «изъ-за чего, молъ, все это?». Но едва только путники начали было сожалѣть о самихъ себѣ и едва только они ощутили къ самимъ себѣ состраданіе, едва только они хотѣли было объяснить свою каторжную жизнь горячими заботами о счастьѣ семьи, какъ тотъ же словоохотливый Апельсинскій ни съ того, ни съ сего завелъ рѣчь объ этой самой семьѣ—семьѣ, изъ-за которой люди всю жизнь «бьются», «терпятъ», какъ рѣчь пошла о такихъ, не подходящихъ къ подобному настроенію чертахъ семейной жизни, которыя заставили усомниться этихъ измучившихся во имя семьи людей въ томъ, что мученія ихъ имѣютъ хотя какіе-нибудь плодотворные результаты. По словамъ Апельсинскаго выходило, что какъ только въ семьѣ, въ томъ или другомъ видѣ, проснется въ комъ-нибудь изъ ея членовъ стремленіе къ правдѣ и къ справедливости, такъ всѣ эти хлопоты, заботы, всѣ тяжкіе труды, подъемлемые тружениками во имя семейства, разлетаются прахомъ, все разваливается, и, вмѣсто благодарности за заботы, труды и печали, труженика можетъ ожидать нѣчто, совсѣмъ не похожее на благодарность. Стоитъ-ли эта безконечная маята того, чтобы выращивать людей, которые только и могутъ, что издѣваться надъ этой маятой и бѣжать отъ нея, какъ отъ глубокой неправды? Мысль о непрочности такъ называемаго семейнаго счастья, о томъ, что счастье его и смыслъ вовсе не зависятъ отъ этой безпрерывной маяты, не только не подходящею къ желанію пожалѣть себя, возбужденному разсказомъ Апельсинскаго въ началѣ бесѣды, но, напротивъ, нежданною, непріятною, неделикатною гостьей врывалась въ душу, запрещала жалѣть себя, свои въ безпокойствахъ прошедшіе годы, потому что для самаго-то главнаго резона этихъ безпокойствъ—семьи—они ровно ничего не значатъ и ничего хорошаго въ нее не вносили... А тутъ, какъ на грѣхъ, не успѣли собесѣдники разсѣять въ себѣ нескладное ощущеніе борьбы собственныхъ мыслей о полной ненужности «каторжной жизни» для блага ихъ семейства, какъ ямщикъ своими разглагольствованіями о неурожаѣ коснулся ненужностей той же самой маяты и по отношенію уже не къ семьѣ, а, такъ сказать, къ отечеству, къ народу. По его словамъ оказывалось, что эта безпрерывная ѣзда господъ членовъ, сопряженная какъ съ безчисленными безпокойствами этихъ «членовъ», такъ и съ весьма реальными страданіями безчисленнаго множества «мягкихъ мѣстъ» въ имперіи, что все это не имѣетъ никакой связи съ дѣйствительными источниками совершающихся въ отечествѣ-народѣ жизненныхъ явленій; что такія простыя, видимыя для ямщика и всѣхъ его сѣдоковъ явленія, какъ неурожай, «нехватка» въ хлѣбѣ, въ работѣ, въ землѣ и т. д., совершенно ясно и просто выясняютъ ту пропасть всевозможныхъ «дѣлъ», во имя которыхъ идетъ эта безконечная «ѣзда», безконечное безпокойство господъ, и во имя которыхъ, наконецъ, всѣмъ этимъ господамъ «некогда дохнуть».

И вотъ почему сѣдоки земской повозки замолчали и ѣхали молча. А извозчикъ между тѣмъ съ каждымъ шагомъ все ближе и ближе подвозилъ ихъ къ селенію, въ которомъ всѣмъ имъ предстояло совершить безчисленное множество тѣхъ самыхъ дѣлъ, которыя какъ будто ничего не значатъ и ни для кого не имѣютъ ровно никакого результата, кромѣ «ѣзды» и «безпокойства».

II.

Вотъ мелькнула изгородь села, вотъ и трактиръ «Бѣлая Лебять», миновали и «Бакалѣйную и мускательную лавку съ колоніальными товарами» и подкатили къ волостному правленію, а здѣсь не болѣе какъ черезъ нѣсколько минутъ принялись и «дѣла дѣлать». Судебный приставъ, засучивъ панталоны, съ портфелью подъ мышкой и въ сопровожденіи десятскаго немедленно же отправился «описывать какого-то теленка», увязая по колѣна въ грязи и проклиная свою участь; мировой судья помѣстился въ одной изъ комнатъ волостного правленія, а исправникъ—въ другой. Одинъ сталъ судить, а другой—бушевать. Въ сѣняхъ и на лѣстницѣ волостного правленія, наполненныхъ народомъ, настала мертвая тишина; только сторожъ поскрипывалъ сапогами, пробираясь къ чуланчику, чтобы посмотрѣть, достаточный ли тамъ запасъ розогъ. Сторожъ, какъ и весь народъ, наполнявшій волостное правленіе, не исключая и начальниковъ, также очень хорошо зналъ, что въ сущности все дѣло въ неурожаѣ и вообще въ «нехваткѣ», сопутствующей мужику на всѣхъ путяхъ, тѣмъ не менѣе, заглянувъ въ чуланъ и убѣдившись, что розогъ припасено довольно, успокоился и притихъ.

И вотъ среди этой тишины изъ камеры мирового судьи стали доноситься такія рѣчи:

— Да помилуйте, вашескобродіе, какъ же мнѣ его не обругать? Онъ же меня обчистилъ всего, всего меня оплелъ, значитъ, да не скажи я ему неласковаго слова?

— Онъ—староста, начальникъ, и обращался къ тебѣ съ требованіемъ податей, слѣдовательно по дѣлу казенному, т. е. онъ исполнялъ свои обязанности, и ты не имѣлъ права его ругать.

— Да чего же онъ, пропади онъ пропадомъ, теребитъ меня, когда я у него даже до послѣдней жениной кацавейки позакладалъ? Вѣдь онъ, жидъ, ковриги хлѣба не повѣритъ безъ залогу-то! Вѣдь кабы ежели бы Господь урожаю далъ, такъ и безъ него бы пробились, а то, сами извольте подумать, какъ же тутъ управляться! Я ему телку долженъ былъ отдать своими руками за пять цѣлковыхъ, а кабы недѣльку погодить, такъ она бы пятна-

дцать серебромъ дала вотъ и подати, а то онъ же меня обобралъ, да я же ему и виновенъ.

— На него ты можешь жаловаться, если онъ тебя обидѣлъ, можешь взыскивать, но публично ругать его непотребными словами ты не имѣешь никакого права. Онъ—начальникъ, онъ требовалъ денегъ не для себя, а какъ начальникъ, понимаешь ты?

— Чего намъ понимать то? Разбирай его, дьявола, когда онъ—грабитель, когда—начальникъ... Намъ тоже недосужно... Вонъ третій годъ недородъ у насъ... а тоже...

— Къ аресту на однѣ сутки. Доволенъ?

— Ну, песъ съ нимъ! Пущай, доволенъ.

— Маловато, вашескобродіе! послышался-было голосъ изъ толпы, но на него не послѣдовало отвѣта потому, что заскрипѣли перья, строчившія рѣшеніе.

Слово «маловато» было произнесено однимъ изъ обиженныхъ, и такихъ обиженныхъ въ дверяхъ комнаты мирового судьи стояла цѣлая толпа. Все это было сельское и волостное начальство; а извѣстно, что начальство это, ознакомясь съ правомъ имѣть въ своихъ рукахъ мірскія деньги, очень ловко пользуется ими для своихъ личныхъ выгодъ и именно благодаря этимъ-то очень короткое время остающимся въ его рукахъ деньгамъ и выростаетъ въ кулаковъ. А когда же кулаку и раздолье, какъ не въ неурожай, когда человѣкъ и закладъ несетъ, и телушку продаетъ за безцѣнокъ? Тутъ-то и наживаться.—И вотъ, наживаясь лично, это же начальство пристаетъ къ объѣденнымъ имъ же людямъ съ требованіемъ податей, или съ требованіемъ своихъ долговъ, нужныхъ на новый, болѣе выгодный оборотъ. Неудивительно, что ихъ ругаютъ, а иногда и бьютъ, и въ лицо имъ плюютъ обиженные ими люди, и вотъ это начальство наказываетъ ихъ за оскорбленіе себя, какъ начальства, а не какъ міроѣдовъ. Неурожай былъ большой, кулаковъ много, наживы много, а стало быть и много бѣдности и негодованія, а стало быть много и дѣлъ объ оскорбленіяхъ. Вотъ почему изъ камеры судьи слышались, втеченіе по крайней мѣрѣ двухъ-трехъ часовъ, только однѣ и тѣ же фразы:

— За оскорбленіе при исполненіи служебныхъ обязанностей...

— Да вѣдь онъ же меня обобралъ-то!

— Ты можешь взыскивать судомъ, но не имѣешь права... На одинъ день... Доволенъ?

— Шутъ его дери... пущай! Песъ съ нимъ.

И «довольные» выходили по очереди изъ камеры, держа въ рукахъ шапки и бормоча:

— Кабы урожаю Богъ далъ, такъ не былъ бы я у него, у живорѣза, въ лапахъ!

Но хотя «живорѣзы» и чувствовали, правда, не полное, «маловатое» удовлетвореніе, видя своихъ обидчиковъ, направляющихся въ темную, «неурожай», о которомъ имъ было извѣстно ничуть не хуже кого бы то ни было и который таился тутъ, въ глубинѣ всего этого безпокойства, заставлялъ ихъ чувствовать, что ихнее начальническое дѣло тоже будетъ не совсѣмъ ладно; вѣдь за стѣной сидитъ исправникъ, а это вовсе не означаетъ, чтобы вмѣсто неурожая вдругъ урожай сдѣлался.

А у исправника дѣла было еще больше. Для скорости и подмоги въ маленькой каморкѣ, прилегавшей къ присутствію, занимаемому исправникомъ,—каморкѣ, въ которой старшина и волостной писарь обыкновенно пьютъ чай, принимаютъ взятки и шепчутся относительно разныхъ дѣлъ,—засѣдалъ волостной судъ; этимъ судомъ еще съ осени было приговорено къ 20 ударамъ розогъ человѣкъ двадцать пять неплательщиковъ, обязавшихся къ февралю мѣсяцу представить либо деньги, либо «мягкія части». Но прошелъ и февраль, и мартъ, и вотъ ужъ идетъ и апрѣль, а ни денегъ, ни мягкихъ частей отъ этихъ козлищъ не получено. Старосты и старшины, обезсилѣвъ въ личной борьбѣ съ этой упорной и какъ камень безплодной нищетой, представили теперь всю эту голытьбу прямо господину исправнику, а для «скорости» въ исполненіи приказаній послѣдняго созвали волостной судъ.

— Кабы ежели бы хлѣбушка Богъ далъ!

— Все работишки нѣту-ти, вашескородіе!

— Ономнясь вонъ хоть солому прессовали, а нонѣ...

— Не мое дѣло! вопилъ исправникъ.—А на кабакъ есть деньги? Ты чего пьяный сюда затесался?

— Мы, вашескородіе, собственно...

— Собственно! Знаю я васъ, каналій! Писарь, пиши волостной приговоръ...

— Эй, судьи, чего-жъ вы? шепчетъ писарь, и судьи постановляютъ сѣчь пьянаго...

Голосъ исправника гремитъ неюолчно среди шума, просьбъ и объясненія причинъ, даваемыхъ сразу всей толпой. Но развѣ можетъ быть какое-нибудь уваженіе къ этимъ объясненіямъ, если вообще невозможно уважить такую понятную и объяснимую, ясную причину, какъ неурожай? И вотъ почему исправникъ гремитъ и жестокосердствуетъ, но онъ снисходителенъ, и нѣкоторымъ опять дается отсрочка до Троицы, до Петрова дня, а нѣкоторые «упорщики», «пьяницы» и вообще крайне неблагодарные элементы деревенскаго общества идутъ подъ сарай, куда сторожъ несетъ розги, а два мужика идутъ помогать, т. е. драть.

Такимъ образомъ волостное правленіе, недавно еще молчаливое, начинаетъ оживать, шумѣть и двигаться. «Дѣла» кипятъ и выражаются въ томъ, что подъ сараемъ идутъ разговоры о розгахъ, мочить ли ихъ или такъ, идутъ уговоры непокорныхъ: «ложись, ложись, не ломайся». Въ камерахъ судьи, волостного суда и исправника шумъ и крикъ. и все неурожай, да неурожай. А въ то же время изъ волости и изъ камеръ народъ разбредается двумя потоками въ разныя мѣста: отъ мирового судьи потокъ людской направляетея въ «темную», отъ исправника и волостного суда—подъ сарай. А скоро и третій потокъ хлынулъ оттуда же, изъ зданія волости, хлынулъ сильнымъ теченіемъ.. Кто это? Увы! Это ужъ сами сельскія власти, старши-

ны и старосты... И ихъ тоже исправникъ препровождаетъ въ темную, за нерадѣніе, за неисполненіе приказаній, за упущенія во взысканіи.

— Знаю я, какой у васъ неурожай! Небось, съ своимъ сѣномъ, такъ по недѣлямъ въ Петербургѣ живали, негодяи, а въ деревнѣ хоть трава не расти. А кто отвѣчать будетъ? Что-же мнѣ за васъ, негодяевъ, въ темной сидѣть что-ли?.. Въ темную!

— Да вѣдь, вашескобродіе, кабы урожай бы... а то...

— Въ темную, канальи!

Эти три потока «виноватыхъ», которые обильно истекали изъ дверей волостного правленія каждую минуту, смѣшиваясь на волостномъ дворѣ, служили обильной пищей для остротъ тѣмъ деревенскимъ счастливцамъ, которые почему-то остались въ числѣ правыхъ и пользовались завидною долей—стоять въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ безпокойствъ и «дѣловъ».

— Ты куда, Сафронъ Петровичъ?

— Да въ темную, ангелъ мой, приказываютъ!

— Ты-то въ темную? Да вѣдь ты, кажись, тоже изъ предержащихъ?

— Ну, братъ, тамъ этого не разбираютъ!

— Не ладно! И это ты вмѣстѣ съ Егоркой будешь тамотко?

— Мы, Кузьма Иванычъ —говоритъ самъ Егорка, забулдыга изъ числа «неплательщиковъ» и «упорщиковъ»,—мы вмѣстѣ съ Сафронъ Иванычемъ за-границу ѣдемъ. На менеральныя воды. Онъ меня беретъ вродѣ гувернантки...

— Компанія, нечего сказать!.. Компанія!.. А тамъ, подъ сараемъ-то, что такое? Шумятъ что-то!

— А тамъ, Кузьма Иванычъ, молотьба идетъ... Хлѣба нѣту, сами знаете... такъ вымолачиваютъ изъ непокорныхъ особовъ...

— Что-жъ, поди, подешевѣетъ... хлѣбъ-отъ?

— Наврядъ, штобы подешевѣлъ... Молотить—здорово молотятъ, а не видать, чтобы много намолотили... И даже до крови добрались, а зерна настоящаго не видать.

— Да что-жъ онъ, дуракъ, деретъ-то? Аль онъ очумѣлъ?

— Извѣстно, дуракъ, солдатъ безмозглый.

— Подико-сь, я ему, подлецу... У насъ и при господахъ, такъ и то больше по дереву хлопали, а онъ, дуракъ, теперича вздумалъ...

И разгнѣванный Кузьма Иванычъ, мужикъ, имѣющій нѣкоторое представленіе о томъ, что такое означаетъ въ самомъ дѣлѣ слово «порядокъ», уже безъ шутокъ идетъ подъ сарай.

Мало-по-малу шумъ, толкотня, насмѣшки, брань, приговоры и приказанія начинаютъ стихать, сначала подъ сараемъ, потомъ у мирового, потомъ у волостныхъ, а потомъ и у исправника. Все окончено; надо ѣхать въ другое мѣсто. Исправникъ проситъ водицы и «съ устатку» пьетъ прямо изъ ковша; мировой чувствуетъ потребность умыться, вымыть лицо и руки, волостные судьи тоже устали и понемногу разбредаются, утирая лбы, и наконецъ появленіе до нельзя уставшаго Апельсинскаго, всего въ грязи и всего мокраго отъ поту, кладетъ окончательно предѣлъ дѣловому дню. Приказываютъ подавать лошадей и уѣзжаютъ.

Все затихло и замолкло, разошлось, разъѣхалось и размѣстилось въ темной. Все было сдѣлано не сумасшедшими и не пьяными; но всѣ, рѣшительно всѣ дѣйствующія лица, участвовавшія такъ или иначе въ событіяхъ дня, чувствовали себя въ самомъ нелѣпомъ душевномъ настроеніи. Всѣ они давнымъ-давно свыклись съ этой мыслью, что именно въ томъ, что̀ происходило сегодня, и заключается то, что̀ называется «дѣломъ», «службой»; но въ то же время каждый изъ нихъ чуялъ, что всѣ эти дѣла—ничто сравнительно съ той простой нуждой народной, удовлетвореніе которой тотчасъ же прекратило бы весь этотъ тяжеловѣсный, дѣловой сумбуръ. Простое, внимательное удовлетвореніе простыхъ человѣческихъ потребностей, простой, понятной, ясной человѣческой нужды, сдѣланное безъ шума, гама, крика, безъ розогъ и холодныхъ — въ результатѣ которыхъ ничего, кромѣ сумбура и тоски нѣтъ,—чувствовалось всѣмъ, какъ дѣйствительное, настоящее дѣло,—то самое, которое именно и нужно дѣлать; но оно, это простое вниманіе въ нуждѣ человѣка въ то же время казалось всѣмъ почему-то недосягаемо далекимъ, несбыточнымъ мечтаніемъ, фантазіей, и, напротивъ, вотъ этотъ тяжеловѣсный сумбуръ, безрезультатность котораго была также всѣми понимаема, не рисовался въ какомъ-то отдаленіи и туманѣ, а угнеталъ каждаго, ощущался въ самой явственной физической боли, недомоганьѣ, усталости. Служба отечеству, оторванная отъ дѣйствительныхъ нуждъ человѣческихъ существъ, изъ которыхъ это отечество состоитъ, выразилась въ массѣ какихъ-то такихъ службъ и такихъ дѣяній, которыя по малой мѣрѣ возбуждаютъ только всеобщее равнодушіе, выражаются въ безрезультатной суетѣ-суетъ, и въ то-же время не уважающее этой суеты-суетъ человѣчество привыкло, сжилось съ мыслью о томъ, что эта суета-суетъ какъ бы вещь неминуемая.

Но въ концѣ-концовъ никто изъ дѣйствующихъ лицъ этой сегодняшней сцены не могъ, какъ говорится, разобраться въ своихъ мысляхъ. Точно облака удушливой пыли, поднятыя этой суетой, затемняли здравый разсудокъ каждаго.

— И что же это будетъ?—сидя въ темной, размышлялъ старшина или староста.—Я же начальникъ, и меня же вмѣстѣ съ прохвостомъ? И кто же меня будетъ слухать, бояться?.. А ежели меня не бояться, не почитать, такъ что-жъ будетъ значить мое слово? И что-жъ это сажать начальника, когда явственно взять нечего? Теперича я просижу день, что-жъ, прибавится взносу-то отъ этого или нѣтъ?.. Ты сажай прохвоста, пьяницу, а начальника береги, да тогда и взыскивай!..

— Нѣтъ, это оченно прекрасно, что васъ, живорѣзовъ, учить стали! говорилъ начальнику «упорщикъ» и грубіянъ Егорка.—Вашему брату давно бы ужъ пора руки къ лопаткамъ прикрутить! Ишь ты какъ лапы-то растопырилъ, пасть-то разинулъ... Такъ тебѣ и полѣзу я прямо въ

хайло! Кабы не неурожай, такъ попалъ бы я тебѣ въ лапы-то, какъ-же, ухватилъ бы ты меня! Очень прекрасно, что вашего брата приструниваютъ, а вотъ нашего-то брата ужъ не за что въ темную-то пхать: ужъ это надобно сказать прямо... За что? У меня хлѣба нѣтъ, работы нѣтъ, ѣсть нечего. Чѣмъ я виновенъ, что урожаю нѣту? Опять-же изъ-за чего я перезаложилъ вамъ, живорѣзамъ? Кто меня обобралъ? Чѣмъ мнѣ платить, коли я тебѣ все отдалъ? Нѣтъ! Тутъ правды нисколько нѣтъ! Ну, чего отъ меня проку то будетъ, ежели я сутки просижу!.. Ну?..

И такія странныя, тяжелыя мысли, у которыхъ никто не былъ въ состояніи свести концы съ концами, тяготѣли рѣшительно надъ всѣми участвующими. Мировой судья, сидя въ земской телѣгѣ, направлявшейся на станцію желѣзной дороги, попробовалъ было оправдать все происходившее какою-нибудь высшею цѣлью, какимъ-нибудь непримѣтнымъ простому глазу благомъ и пытался доказать самому себѣ, что такая на первый взглядъ безцѣльная суета все-таки въ концѣ-концовъ имѣетъ соприкосновеніе съ поднятіемъ курса русскаго рубля, а слѣдовательно съ благомъ общественнымъ, но при всемъ его желаніи «свести концы съ концами» изъ размышленій его не выходило ровно ничего. Такая простая вещь, какъ неурожай, а вмѣстѣ съ нимъ масса другихъ не менѣе простыхъ вещей и нуждъ, не имѣющихъ даже и отдаленнаго права надѣяться быть просто удовлетворенными, разбивали его софистическія размышленія, и онъ чувствовалъ только, что онъ усталъ, что дѣлъ никакихъ не было, что была суета, пустяки и шумъ... ѣзда и жалованье въ концѣ-концовъ.

Мраченъ и утомленъ былъ также и исправникъ, и ему было не по себѣ, до того не по себѣ, что, встрѣтивъ на дорогѣ мужика той деревни, изъ которой онъ уѣхалъ, онъ приказалъ ему передать, чтобы выпустили изъ темной всѣхъ, кто тамъ есть. Онъ дѣлалъ то, что слѣдуетъ ему дѣлать, но все, что онъ дѣлалъ, было никому и ни на что не нужно. Не нужно ему, не нужно семьѣ, не нужно деревнѣ. Онъ ясно чувствовалъ, что нужно вовсе не то, а что-то гораздо болѣе тихое, простое, человѣчное. Но это опять-таки одна фантазія.

Апельсинскій также не радостно смотрѣлъ на бѣлый свѣтъ. Онъ описалъ у мужика теленка, который былъ до того малъ, что не могъ держаться на ногахъ, для чего мужикъ долженъ былъ вынести его на рукахъ какъ младенца. И теленокъ-то стоитъ четвертакъ... Какъ все это чудно, тяжко, безтолково, а надо! Ничего не подѣлаешь... А рядомъ съ Апельсинскимъ сидѣлъ тотъ же самый ямщикъ, который везъ ихъ всѣхъ въ волость и раньше, сидѣлъ и думалъ:

«Сколько ѣзды-то! Вонъ опять у лошаденокъ брюхо-то подвело! Сколько народу-то ѣздитъ... А чего? Коли бы ежели бы урожай былъ, а то нехватка, недостача... А что шуму-то! Да не пиши, не ѣмши...»

Въ самомъ мрачнѣйшемъ настроеніи духа подъѣхали пассажиры земской подводы къ станціи. Но здѣсь они неожиданно натолкнулись на сцену, которая весьма облегчила ихъ измученныя души, потому, что въ самыхъ яркихъ чертахъ указала выходъ изъ безплодной, но каторжной суеты жизни, которою они были подавлены.

Тяжелой, утомленной поступью поднялись они всѣ трое по ступенькамъ вокзала, сопровождаемые земскимъ ямщикомъ, несшимъ за ними портфели, плотно наполненные дѣлами, когда въ самыхъ дверяхъ буфета на нихъ налетѣла какая-то пьяная фигура.

— А, ямщикъ! Михайло! Ты Михайло? заплетавшимся языкомъ бормотала фигура, бормотала громко, на весь вокзалъ, покачиваясь и махая руками.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе... я-съ самый!

— Это... т-ты м-меня везъ?

— Точно такъ... мы везли-съ.

— А про дѣвчонку ты объяснялъ?

— Это про энту-то? Какъ-же, ваше благородіе... это я вамъ докладывалъ.

— А-а! Ну, вѣрно, вѣрно! Давай я тебя поцѣлую! Вѣрно, братъ; братъ ты мой милый! Михайло, голубчикъ, вѣрно, родной, все вѣрно!

И слѣдователь (это былъ къ сожалѣнію, онъ), какъ говорится, облапилъ извозчика и, шатаясь, цѣловалъ его въ губы, въ бороду, захлебываясь и всхлипывая. Онъ былъ сильно пьянъ.

— Вѣрно! бормоталъ онъ въ промежуткахъ между поцѣлуями.—Нужда, братъ, Миша!. А мы въ острогъ, прrротоколъ...проккуроръ...Голубчикъ, прости! Подлецъ, да, подлецъ .. прости подлеца!..

— Ну, будетъ, Николай Петровичъ! желая прекратить эту сцену и трогая слѣдователя за рукавъ, тихо проговорилъ Апельсинскій.—Вѣдь народъ... дамы, не ловко же!

— А-а-а.. удивленно и по-прежнему громко, во всю мочь возопилъ слѣдователь, обернувшись въ сторону Апельсинскаго.—Сотоварищъ... Э-э-э!.. и г. исправникъ тутъ же... да тутъ всѣ... вся армія спасенія... культура, цивилизація и эмансипація...

— Ну, будетъ, будетъ! шепталъ Апельсинскій.

— Нѣтъ! Очень пріятно... Здравствуйте, господа, и прощайте... Оревуаръ! Мерси! Не ожидалъ! Предоставляю вамъ аррену, аррену-съ, а меня увольте. Увольте меня! во мнѣ есть Богъ! да! Богъ во мнѣ есть! Культурная вы мастеровщина!.. Не хочу! довольно! будетъ! Я учился, я читалъ, я думалъ... и я пойду тащить въ острогъ мужика? Нѣтъ, не будетъ этого!

— Ну, будетъ, будетъ, Николай Иванычъ!

— Нѣтъ! Не будетъ! Я посадилъ дѣвчонку, теперь мнѣ надо сажать цѣлую деревню... Кулачишко имъ сдѣлалъ подтопъ мельницей, оставилъ безъ сѣна, безъ молока, безъ пищи ребятамъ, безъ скотины, безъ дровъ... Я, университетски образованный, я долженъ стоять за кулачишку: у него собственность, плотина, а они самовольно ее разломали... У нихъ дѣти, старики, жены, это ничего!

Это ниже собственности... Мнѣ этого довольно, довольно! Позоръ, стыдъ, срамъ... Эй! Эй! Человѣкъ! на тебѣ фуражку! Водки давай! Давай лапти! Лапти мнѣ!.. Это... это... что это? Что такое? Да! Это одна ѣзда, ѣзда и кровь человѣческая... Лапти давай мнѣ, каналья! . Лапти!..

— А вѣдь ей-Богу такъ! сказалъ исправникъ.

— Вѣрно! вѣрно! воскликнулъ Апельсинскій и хотѣлъ было съ объятіями броситься къ слѣдователю, но въ это время съ дивана вскочилъ какой-то пассажиръ и громко крикнулъ:

— Что это за безобразіе! Выведите его вонъ, каналью! Здѣсь дамы!..

Восклицаніе это было до такой степени грозно, что любопытные, начавшіе стекаться на шумъ, производимый слѣдователемъ, вдругъ раздались въ стороны, слѣдователь замолкъ, а я... проснулся.

Оказалось, что я спалъ крѣпкимъ сномъ и проснулся оттого, что поѣздъ владикавказской дороги, по которой я ѣхалъ, остановился около какой-то станціи, а по платформѣ два жандарма тащили подъ руки какого-то огромнаго, пьянаго, ободраннаго человѣка съ косой на плечѣ.

— Выведите его, каналью! Долой съ платформы! кричалъ начальникъ станціи.—Здѣсь дамы... дѣти!..

Я понялъ, что именно этотъ голосъ и разбудилъ меня.

Не все однако разсказанное мною происходило только въ сновидѣніи. Я очень хорошо помню, что о весенней голодовкѣ въ нашихъ сѣверныхъ мѣстахъ и о той «дѣловой суетѣ-суетъ», которой она сопровождалась, я сталъ думать потому, что, садясь въ вагонъ владикавказской дороги, чтобы ѣхать домой на сѣверъ, и такимъ образомъ покончивая съ лѣтними впечатлѣніями жизни на югѣ, я невольно сталъ вспоминать то время, когда я только что сталъ собираться ѣхать на югъ, и вспоминалъ весну, а съ ней и голодовку, и суету-суетъ. Но гдѣ же та точка, съ которой мои совершенно реальныя впечатлѣнія перешли въ сновидѣніе? Этотъ вопросъ тотчасъ же бросился мнѣ въ голову, какъ только я открылъ глаза и убѣдился, что я спалъ, и на мое счастье дѣйствительность почти тотчасъ же разсѣяла мои недоумѣнія: какъ разъ противъ окна вагона, въ которое я смотрѣлъ на станціонную публику, стояла группа тѣхъ самыхъ дѣятелей, которые мнѣ приснились: тутъ былъ и исправникъ, и мировой, и слѣдователь, и еще много разныхъ людей съ портфелями, набитыми бумагами; но всѣ они были такъ свѣтлы, такъ спокойны, здоровы и веселы, что рѣшительно не напоминали своихъ сотоварищей, приснившихся мнѣ во снѣ; ни сомнѣній, ни терзаній, ни вздоховъ — ничего этого нельзя было ожидать отъ совершенно спокойныхъ, изящныхъ людей, которыхъ я видѣлъ въ дѣйствительности. Ясныя, свѣтлыя лица ихъ и спокойные пріемы не давали, правда, возможности рѣшить вопроса о томъ, почему лица эти такъ ясны и самодовлѣющи? Потому ли, что дѣла ихъ ясны и свѣтлы, или потому, что въ темныя и неясныя дѣла они сами только и дѣлаютъ, что вносятъ свѣтъ? Но и не затрудняя себя рѣшеніемъ этого вопроса, можно было все-таки ясно видѣть, что это вотъ не приснившійся, а настоящій исправникъ, это настоящій слѣдователь, а это заправскій судебный приставъ, да вотъ и столикъ съ картами и мѣломъ пронесли для нихъ два сторожа въ первый классъ—очевидно, что люди настоящіе, дѣлающіе какое-то должно быть тоже настоящее дѣло.

III. «Одинъ на одинъ».

(По поводу одного процесса.)

I.

Необыкновенное, поразительное, потрясающее уголовное дѣло разбирало недавно отдѣленіе орловскаго окружного суда въ городѣ Болховѣ. Обвинялся и приговоренъ къ безсрочной каторгѣ нѣкто Пищиковъ, который засѣкъ свою жену, беременную на девятомъ мѣсяцѣ, нагайкой. Процессъ этотъ не сдѣлалъ такого общественнаго шума, какой обыкновенно дѣлаютъ разные кровавые процессы,—и я не сомнѣваюсь, что *ужасъ*, именно только безконечный и безпредѣльный ужасъ, которымъ запечатлѣно это дѣло, и былъ причиною того, что всякій, хоть чуть-чуть знакомый съ нимъ, предпочелъ перестрадать его молча, про себя, а столичная печать не сочла умѣстнымъ тиранить своихъ читателей подробностями ужаснаго дѣла, такъ-какъ и маленькаго пересказа о немъ, промелькнувшаго во всѣхъ газетахъ, было совершенно достаточно для того, чтобы потеряться отъ невыразимой тоски.

Въ настоящей замѣткѣ я также не желаю тиранить читателя изложеніемъ подробностей этого дѣла *), потому что не въ нихъ, какъ мнѣ ка-

---

*) Въ короткихъ словахъ содержаніе процесса таково: бѣдный провинціальный писарекъ Пищиковъ случайно знакомится и женится на богатой дѣвушкѣ (дѣвическая ея фамилія Сан-Венсанъ), благовоспитанной, образованной, что никакъ нельзя сказать о самомъ Пищиковѣ. Вскорѣ послѣ свадьбы Пищиковъ уѣзжаетъ на жительство въ деревню, и вотъ здѣсь ставъ совершенно обезпеченнымъ человѣкомъ, что для грубой и дикой натуры Пищикова могло означать—полное освобожденіе отъ всякихъ общественныхъ обязанностей (а это, къ сожалѣнію, какъ увидятъ читатели, оказывается дѣломъ вполнѣ возможнымъ); онъ начинаетъ жить исключительно своими личными интересами и прихотями, въ числѣ которыхъ зерно ревности къ добрачной жизни жены даетъ ему право проявлять относительно ея свои дурные, жестокіе инстинкты. Въ настоящемъ очеркѣ я опускаю только процессъ развитія въ Пищиковѣ этихъ жестокихъ инстинктовъ, то есть не говорю ничего о томъ, какъ отъ грубыхъ словъ и ругательствъ дѣло дошло до побоевъ, а отъ побоевъ—къ дракѣ, къ увѣчью, къ всенародному посрамленію жены, и т. д. Ужаснаго конца этихъ жестокостей вполнѣ достаточно для того, чтобы читатель былъ потрясенъ и подавленъ злодѣйствомъ, и нѣтъ никакой надобности усиливать это подавляющее впечатлѣніе пересказомъ подавляющихъ подробностей. Все существенно важное для пониманія этого ужаснаго дѣла читатель найдетъ въ настоящей замѣткѣ: узнаетъ, кто такой былъ Пищиковъ, кто такая была его жена, какъ они сошлись и т. д.

жется, заключается то невидимо ужасное, изъ котораго возникло ужасное видимое. Подробности процесса не даютъ вамъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ невидимомъ, но ужасномъ. Самъ виновникъ злодѣйства объясняетъ свое дѣло ревностью— «*ревностью къ добрачной жизни жены*»; говоритъ, что жена раздражала его тѣмъ, что не говорила правды; «сегодня разскажетъ одно, а завтра говоритъ, что я все наврала, ничего этого не было»—и вотъ отъ такого-то раздраженія человѣкъ могъ постепенно дойти до того, что не нашелъ иного выхода изъ своихъ личныхъ огорченій, какъ безчеловѣчное истязаніе *втеченіе шести часовъ* беременной на девятомъ мѣсяцѣ женщины,—истязаніе, про которое врачъ, видѣвшій солдатъ, наказанныхъ шпицрутенами до тысячи ударовъ, говорилъ, что онъ не видывалъ ничего подобнаго тому ужаснѣйшему положенію,въ которомъ засталъ мертвую г-жу Пищикову. Кромѣ полнѣйшаго несоотвѣтствія такого звѣрскаго конца съ размѣрами личнаго огорченія, эти размѣры *въ подлинномъ*, выяснившемся на судѣ видѣ, *въ подлинномъ своемъ значеніи*, не только не имѣютъ чего-нибудь маломальски фактически достовѣрнаго, что дѣйствительно могло-бы довести человѣка до изступленія, но умаляются до ничтожества (въ смыслѣ *коренной причины* ужаснаго дѣла) показаніями того же самаго Пищикова, который засѣкъ жену, имѣя отъ нея уже 4-хъ дѣтей,—жену,совершенно ему преданную, засѣкъ *яко бы* за ея «добрачную жизнь», тогда какъ съ этой «добрачной» жизнью своей будущей жены онъ былъ вполнѣ уже знакомъ до брака. Убитая теперь имъ женщина до брака была «влюблена» въ плѣннаго турецкаго офицера, нѣкоего Телятъ-бея. Дѣвушка эта училась въ институтѣ (но не кончила) и жила не то чтобы на свободѣ, а такъ, безъ призора; отецъ ея женился на другой, когда ей было два года, жила она у какой-то тетки безъ дѣла, и, повторяю,—безъ призора. Бульвары, прогулки, снованіе изъ угла въ уголъ.. Замужъ бы надобно было барышнѣ-бѣднягѣ, а тутъ Телятъ-бей какой то по бульвару шляется. Она такъ въ него влюбилась, что когда онъ уѣзжалъ на родину, такъ она хотѣла съ нимъ бѣжать, просила, чтобы онъ «взялъ ее» съ собой. (Вѣдь скука въ самомъ дѣлѣ адская *такъ жить* у тетки... Что-жъ? Тетка—тетка... все одно и тоже!). И эти-то просьбы передавались Телятъ-бею черезъ Пищикова; Пищиковъ носилъ ему письма своей будущей жены, уговаривалъ его придти къ ней на свиданіе, словомъ, помогалъ ей... Когда же Телятъ-бей отказалъ барышнѣ, «не взявъ» ее съ собой, то она полюбила Пищикова—да въ самомъ дѣлѣ, вѣдь какъ онъ для нея старался, какъ хотѣлъ помочь! А тотъ оттолкнулъ ее... Разумѣется, Пищиковъ «добрый», и не ходить же ей всю жизнь по бульвару изъ угла въ уголъ... Пищиковъ женился на барышнѣ,*зная все это* и будучи, *по его словамъ*, «до брака же» въ мельчайшихъ подробностяхъ знакомъ со всевозможными другими романами своей жены (рѣшительно не подтвердившимися на судѣ). Словомъ, все, что якобы ожесточило Пищикова послѣ долгихъ-долгихъ годовъ супружеской жизни съ безукоризненной женой, все это давнымъ-давно было уже извѣстно Пищикову,—а главное то, что все это «извѣстное» положительно не подтверждено ни единымъ свидѣтельскимъ показаніемъ. Въ этой бѣдной женщинѣ не только не видно признаковъ малѣйшаго своевольства сердца, но мы видимъ напротивъ, что она, обладая вполнѣ независимымъ состояніемъ, дающимъ ей полную возможность жить «въ свое удовольствіе»,—даже и мысли не имѣетъ о возможности *уйти* отъ тирана мужа, не въ силахъ убѣжать отъ его ударовъ: даже въ страшный день своей страшной смерти, чувствуя приближеніе чего-то неимовѣрно жестокаго, она только проситъ не уходить, остаться ночевать какихъ-то двухъ мужиковъ, случайныхъ гостей Пищикова.. Мужики отказались, и она ничего не могла придумать иного для своего спасенія.

Такимъ образомъ мотивъ, выставляемый Пищиковымъ, при самомъ тщательномъ изученіи показаній, касающихся «добрачной» жизни его жены, рѣшительно не имѣетъ ни малѣйшаго значенія сравнительно съ невѣроятнымъ результатомъ, къ которому онъ привелъ. Защитникъ Пищикова (къ чести его) даже и не коснулся этого, во всѣхъ смыслахъ не подлежащаго уваженію, мотива. Но и другой мотивъ, выставляемый прокуроромъ,—положительно также, какъ и первый, не выводитъ васъ на настоящую дорогу. Пищиковымъ руководило корыстолюбіе; жена его владѣла имѣніемъ цѣнностью до семидесяти тысячъ рублей, и вотъ онъ, сдѣлавшись ея мужемъ, хочетъ, чтобы жена сдѣлала его полнымъ хозяиномъ имѣнія и ради этого онъ начинаетъ ее бить, т. е. побоями хочетъ добиться отъ нея того, что она, прикованная къ нему какой-то неискоренимой привязанностью, могла бы сдѣлать по одному ласковому слову. Но и этого не нужно, потому что (какъ видно изъ дѣла) она сдѣлала это уже давнымъ-давно; Пищиковъ давно уже имѣлъ отъ нея довѣренность на управленіе имѣніемъ, могъ это имѣніе продать и заложить, и кромѣ того имѣлъ ея векселя на сумму, превышающую стоимость имѣнія. Словомъ, онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ все;—и вотъ, когда онъ все получилъ, онъ и дѣлаетъ дѣло, за которое его ждетъ безсрочная каторга. Не могъ же онъ не знать, что, истязуя жену, онъ идетъ не къ свободѣ и богатству и тѣмъ паче не къ счастью... Онъ отлично зналъ еще утромъ рокового дня, что день этотъ кончится какъ-то необыкновенно жестоко,онъ зналъ это наканунѣ, задолго до рокового дня ощущалъ потребность разразиться въ чемъ-то ужасающемъ... Въ день смерти жены онъ утромъ посылаетъ ея отцу телеграмму, извѣщая его о приближающейся кончинѣ жены, которая была еще жива—сидѣла съ гостями, которыхъ потомъ просила остаться ночевать..

Словомъ, всевозможные «резоны», приводимые прокуратурой, защитой, свидѣтелями и самимъ подсудимымъ въ объясненіе этого необычайнѣйшаго злодѣйства, не только не объясняютъ вамъ его, но

напротивъ, чѣмъ болѣе вы стараетесь вникнуть въ «подробности» дѣла и съ помощью ихъ до «самаго корня», тѣмъ болѣе вы начинаете чувствовать, «что это не то», что «это не главное», что это мелочи, и что гдѣ-то тутъ «около» этого процесса, а не здѣсь, въ этомъ окружномъ судѣ, и не въ этомъ отчетѣ о засѣданіи, который вы читаете, есть то главное, то ужасное, что̀ гнететъ васъ несказаннымъ ужасомъ. Ужасъ этотъ начинаетъ возрастать именно по мѣрѣ того, какъ «подробности» дѣла начинаютъ надоѣдать вамъ своею ничтожностью, мелочностью... Вы видите, что для объясненія злодѣйства никто изъ лицъ, заинтересованныхъ въ процессѣ,—*не въ состояніи* представить такихъ резонныхъ объясненій, чтобы вы могли сказать себѣ: «А, вотъ наконецъ въ чемъ дѣло!»

И вотъ въ то самое мгновеніе, когда вы хотѣли бы совершенно забыть то ничтожное до микроскопичности малое сердечное огорченіе Пищикова на его жену за какую-то добрачную жизнь,—огорченіе, источникомъ котораго была впослѣдствіи кровавая безчеловѣчная бойня,—вотъ тутъ-то вы и начинаете понимать, почему это дѣло такъ несказанно васъ потрясаетъ.

II.

Васъ ужасаютъ тѣ непонятныя условія жизни, которыя сдѣлали возможнымъ нѣчто совершенно невозможное. Что̀ бы вы сказали, если бы кто-нибудь указалъ вамъ на огромное, толстое и крѣпкое, какъ дубъ, дерево и сказалъ бы, что это не дубъ и даже не дерево, а просто-на-просто салатъ, доведенный до такого невѣроятнаго состоянія какими-то особенными пріемами? Въ дѣлѣ Пищикова поражаютъ именно тѣ таинственныя причины, лежащія гдѣ-то тутъ, *около этого дѣла*, которыя сдѣлали возможнымъ, что крошечное, по-истинѣ, какъ маковое зерно, ничтожное личное дѣло, *личный*, притомъ же вполнѣ призрачный *вопросикъ*, могъ постепенно разростись до такихъ необычайныхъ размѣровъ, что завладѣлъ всѣмъ человѣкомъ, сдѣлался руководителемъ всѣхъ его помысловъ, поступковъ, побужденій, сдѣлался воздухомъ, которымъ онъ дышетъ, сталъ главнѣйшимъ и единственнымъ мотивомъ ежедневнаго *времяпровожденія*, до того единственнымъ и насущнымъ, что когда жестокосердію не было пищи, когда воображеніе отказывалось работать въ направленіи жестокихъ мыслей за положительнымъ отсутствіемъ матеріала, словомъ, когда утомленная однообразіемъ работы мысль начинала ослабѣвать—то человѣкъ, *жившій* и дышавшій только этими злыми мыслями, долженъ былъ прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ, пить стаканами водку, возбуждать свою отказывающуюся работать фантазію—въ томъ же совершенно противоестественномъ направленіи, точно, не будь у него этихъ безчеловѣчныхъ мыслей, такъ ему и жить-то на свѣтѣ не будетъ никакого интереса.

Въ чемъ же заключаются тѣ удивительныя, непонятныя условія нашей жизни, которыя съ одной стороны даютъ человѣку широчайшую, роскошнѣйшую возможность отдать всю свою жизнь, всю свою душу, силу, кровь и плоть капельному личному вопросику, разработать этотъ вопросикъ въ необычайныхъ тонкостяхъ, довести его крохотное значеніе до гигантскихъ размѣровъ—а съ другой, каковы же тѣ условія жизни, которыя, позволяя даже маковымъ зернамъ личныхъ вопросовъ разростаться до предѣловъ невозможнаго, тѣмъ самымъ даютъ возможность пожираемому личнымъ дѣломъ человѣку *по цѣлымъ годамъ не ощущать ни малѣйшей потребности удѣлить что-нибудь изъ своихъ личныхъ силъ, личнаго горя, личнаго вниманія на интересы, печали, радости того океана людей, среди котораго онъ живетъ?* И почему наконецъ этотъ самый океанъ людей тутъ, вокругъ этого человѣка, можетъ жить своей жизнью, не прикасаясь къ нему, ничего отъ него не требуя и ничего не давая?

Вотъ тѣ дѣйствительно ужасные вопросы, объясненіе которыхъ таится гдѣ то «около» процесса, но никакъ не въ подробнѣйшихъ подробностяхъ его.

Случалось-ли вамъ, читатель, когда-нибудь заглянуть на большую фабрику во время перерыва работы, т. е. точь-въ точь въ такую же минуту, которую относительно русскаго общества я позволилъ себѣ характеризовать словомъ «безвременье»? Живая сила пара еще дѣйствуетъ и на фабрикѣ идутъ шумъ и стукъ; вотъ здѣсь пыхтитъ какой-то здоровенный поршень, хляская масляной поверхностью, пыхтитъ и неустанно толчется на одномъ мѣстѣ; тамъ вверху неустанно, неутомимо, неугомонно вертится какое-то маленькое колесцо, вертится ужасно проворно, кажется, бьется изъ всѣхъ силъ, до послѣдняго издыханія; а здѣсь вотъ до послѣдняго же издыханія прыгаетъ какой-то крючокъ, прыгаетъ на одномъ мѣстѣ милліонъ разъ въ секунду. Но сколько бы ни вертѣлось это колесцо, какую бы безконечнѣйшую неутомимость ни обнаруживалъ этотъ поршень, до поту лица измученный своей вѣковѣчной обязанностью соваться внизъ и вверхъ; какъ бы ни изнурялся этотъ крючокъ, безъ устали долбящій своимъ желѣзнымъ носомъ по желѣзу,—вы можете видѣть только, что всѣ эти мученія винтовъ, поршней и крючковъ совершенно безплодны, что никакого ситца или сукна не будетъ, несмотря на ужаснѣйшія усилія этихъ мучениковъ механики до послѣдней капли крови исполнять свои механическія обязанности,—не будетъ до тѣхъ поръ, покуда не придетъ мужикъ и не надѣнетъ на это вертящееся безъ устали и толку колесцо вотъ этого приводнаго ремня, который по случаю остановки дѣла снятъ съ него и виситъ тутъ, рядомъ съ этимъ колесцомъ. Но стоитъ только надѣть приводный ремень, т. е. стоитъ только соединить тонкой эластичной нитью это отдѣльно мучащееся колесцо со всѣмъ механическимъ міромъ фабрики, совсѣмъ машиннымъ «обществомъ»—какъ все приходитъ въ порядокъ; все получаетъ смыслъ, все начинаетъ стучать и долбить, и пыхтѣть съ извѣстной цѣлью, и на этотъ разъ изъ

пыхтѣнья и шипѣнья, и долбленья ужъ непремѣнно получится и результатъ—и сукно, и ситецъ...

А Пищиковъ-то именно и есть это одинокое колесцо, безъ устали вертящееся на оси своего личнаго вопроса. Будь это колесцо притянуто приводнымъ ремнемъ, т. е. какою-нибудь нравственною связью ко всему общему механизму, къ этимъ отдѣльно стучащимъ и шипящимъ гайкамъ и винтамъ, къ этимъ людямъ, которые живутъ кругомъ него, ощущай онъ хоть чуть-чуть, что на немъ лежитъ ремень, обязанность,—и эта лошадиная сила, вылившаяся въ такомъ непостижимомъ злодѣйствѣ, убавилась бы на-половину; а разъ она должна-бы была дать мѣсто чему-то *не своему, не личному*, а общечеловѣческому,—она бы не посмѣла выразиться, по крайней мѣрѣ такъ, такъ ужасно... свободно, какъ она могла выразиться... Всякій убійца, всякій злодѣй, всякій мститель *боится людей*, прячетъ свое злодѣйство, кладетъ ядъ потихоньку въ лепешку, убиваетъ врага, когда онъ спитъ. Злое, безчеловѣчное дѣло, отъ котораго человѣкъ не можетъ удержаться, *обязываетъ его* по крайней мѣрѣ облегчить себѣ ту подлость своего поступка, утаивъ его *отъ людей, запираясь, отрекаясь отъ него*... Въ дѣлѣ Пищикова то-то и ужасно, что оно совершается при полнѣйшемъ сознаніи безлюдья; ни скрывать, ни притворяться, ни хитрить ему не приходитъ въ голову. Онъ *одинъ* съ своимъ личнымъ дѣломъ; кругомъ него пустыня, и размахи его кнута, дѣлаясь все шире, все вольнѣе, удалѣе, встрѣчаютъ только пустое пространство, только въ пустомъ воздухѣ свиститъ его окровавленный кнутъ...

У него полонъ домъ народу, онъ живетъ въ деревнѣ, онъ бываетъ у священника, у кабатчика, у становового, кругомъ него живутъ крестьяне,—но каждый изъ нихъ, какъ это одинокое колесцо, какъ этотъ пыхтящій поршень, какъ этотъ крючокъ, долбящій желѣзнымъ носомъ по желѣзу, прикованъ, какъ и Пищиковъ, къ своему горю, къ своему дѣду, къ кабаку, къ пашнѣ, къ требамъ, и т. д. Это—не камни, не звѣри, нѣтъ, это люди—каждый по одиночкѣ, какъ винты, гайки и поршни на фабрикѣ, находящейся безъ работы, томящіеся въ обиліи и тяготѣ *своихъ* крошечныхъ печалей и заботъ, безъ умолку толкущіеся въ *своихъ* выше головы кажущихся горестяхъ; но между всѣми ними нѣтъ ничего связующаго, нѣтъ этого приводнаго ремня, который, связывая отдѣльное колесцо съ общимъ механизмомъ, ставилъ бы *мои* печали и желанія въ связи съ печалями и желаніями сосѣдей и, сливая ихъ, ставилъ бы надъ всѣми нами общія, понятныя всѣмъ одинаково и одинаково обязательныя цѣли. «*Одинъ на одинъ*», «*съ глазу на глазъ*» «съ самимъ собой», съ своими радостями, съ своими печалями, съ своими дурными, злыми и добрыми желаніями, съ муками или мелочами своей души—вотъ характернѣйшая черта «безвременья», результатъ искусственно, съ огромными, нечеловѣческими усиліями оборванной связи, разрѣзаннаго нерва, который на нашихъ глазахъ такъ животворно соединялъ когда-то меня, отдѣльнаго человѣка, со всѣмъ человѣчествомъ вообще и со всей русской землей въ частности.

Ничтожный провинціальный писарекъ Пищиковъ, которому предстояло бы существовать доходами въ кварталѣ, кляузами и т. д., неожиданно дѣлается богачемъ, женится на богатой, получаетъ любящую и преданную жену. Не случись этого, онъ бы изъ простого желанія получить съ мужика за аблакатскую практику рубль долженъ бы быть скромнымъ; долженъ бы былъ «*держать себя*» прилично, хотя мало-мальски долженъ бы былъ «ломать голову» надъ *чужими* дѣлами, чтобы, получивъ вознагражденіе, отвести и *свою* душу гдѣ-нибудь въ кабакѣ, въ трактирѣ. Но вотъ обстоятельства его сложились такъ счастливо, что уже ему не надобно такъ или иначе «держать себя», думать о *чужихъ* дѣлахъ, хотя бы изъ-за денегъ,—и онъ оказывается въ безвоздушномъ пространствѣ.

«Какъ такъ? быть можетъ, спроситъ читатель. «Тутъ-то, то есть именно тогда, когда *вполнѣ удовлетворены всѣ личныя потребности* и нужды,—тутъ-то человѣку и открывается просторъ для общественной дѣятельности, тутъ-то и можно, ни въ чемъ себя не урѣзывая и не стѣсняя, подумать о чужомъ дѣлѣ и житьѣ». Но въ томъ-то и бѣда, что, говоря вообще, именно у насъ на Руси никто не предоставленъ въ такой степени «пустому пространству» относительно общественной дѣятельности, какъ человѣкъ «вполнѣ обезпеченный». Желаніе такъ-ли, сякъ-ли выскочить изъ условій «полнаго удовлетворенія», иной разъ «куда глаза глядятъ», есть одна изъ самыхъ замѣчательныхъ чертъ общественной жизни, затерянныхъ въ хаосѣ постояннаго «безвременья». Не только такая деревянная и ограниченная натура, какъ Пищиковъ, остаются за полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ личныхъ своихъ интересовъ въ пустомъ пространствѣ, а и самыя нѣжныя, впечатлительныя и воспріимчивыя натуры. «Вотъ тебѣ деньги, вотъ тебѣ милліонъ—живи и не суйся». «Не суйся» — видно обезпеченному человѣку гораздо лучше, чѣмъ кому-нибудь другому. Нѣтъ мѣста даже хоть поврать-то либерально или консервативно—но лишь бы на народѣ. Еле-еле въ двадцать лѣтъ явится возможность напечатать какую-нибудь книжонку для народа въ двѣ копѣйки. Самый впечатлительный человѣкъ можетъ у насъ лѣтъ пятьдесятъ сидѣть въ углу своего кабинета и думать о правдѣ, сколько ему угодно, думать до тѣхъ поръ, пока диванъ подъ нимъ провалится, пока подъ диваномъ провалится полъ—и общественнаго толка отъ этого не будетъ.

Почему такъ? Да просто, говоря по чистой совѣсти, *боимся!* «Поди-ко, сунься!» — вотъ что «начинается» для обезпеченнаго человѣка послѣ того, какъ онъ наконецъ «достигъ». Да, господа, боимся, рѣшительно *боимся* сунуться изъ своего заколдованнаго угла на улицу, въ толпу, въ народъ, въ общество—и это *боимся* начинается для русскаго развитого человѣка какъ-разъ тогда, когда бы ему слѣдовало подумать и о «другихъ», когда ему даже и самому приходитъ желаніе по-

думать и поработать для другихъ. Если у впечатлительныхъ людей на дорогѣ отъ интересовъ личности къ интересамъ человѣчества стоитъ это, довольно основательно обставленное, «боюсь!», — то у Пищикова, человѣка нисколько не впечатлительнаго, ни мало не развитого, оказалась, по удовлетвореніи личныхъ нуждъ, безконечная, голая пустыня... Мало образованный и бѣдный до сихъ поръ—онъ могъ только практически познакомиться съ областью дѣлъ общественныхъ. Онъ зналъ, какъ человѣкъ, которому нужно гдѣ-нибудь получить жалованье, что есть какіе-то общественные банки, общественныя дѣла въ думѣ, общественныя дѣла въ земствѣ. Но чему же дѣйствительно общественному онъ могъ бы научиться во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, какъ практикъ, какъ человѣкъ опыта? Что̀ такое сдѣлали общественнаго въ дѣйствительности всѣ эти учрежденія за послѣдніе годы, и что̀ въ нихъ могла видѣть и наблюдать такая грубая, ограниченная натура? Одни только корыстные мотивы — только одни безусловно; толкуютъ: «общественное-общественное» — а глядишь, и пропалъ сундукъ съ деньгами... Толкуютъ о развитіи промышленности, о кредитѣ, о заработкѣ для бѣднаго люда, т. е. въ концѣ-концовъ объ общественной пользѣ — а на дѣлѣ оказывается—обворовали банкъ и больше ничего! И вѣдь это такъ въ дѣйствительности; и если бы Пищиковъ былъ въ нуждѣ, то онъ старался бы изучить механику такихъ «общественныхъ дѣлъ» и научился бы, можетъ быть, довольно искусно врать объ общественной пользѣ, имѣя въ сущности какую-нибудь низменную цѣль; но у него нѣтъ нужды, нѣтъ надобности изучать эти звонкія слова для того, чтобы разломать сундукъ съ деньгами, и вотъ онъ — въ полной пустынѣ. Положа руку на сердце, скажите — въ какомъ видѣ, въ какихъ размѣрахъ «общественное дѣло», нужды вообще людей, среди которыхъ мы живемъ, могутъ въ настоящее время сами придти къ вамъ, постучаться къ вамъ въ дверь, сказать вамъ: «Что вы сидите! идите дѣлать то-то и то-то. *Вы обязаны*». Никогда! Никогда они не стучатся теперь сами въ вашу дверь и не приходятъ къ вамъ и не требуютъ васъ къ себѣ... И вотъ Пищиковъ—совершенно въ пустомъ пространствѣ. Кругомъ него крестьяне, нищета, нужда, ка́бала, тѣснота земельная, горе мужицкое; но изъ этого на памяти Пищикова никогда никакого вопроса и никакого «дѣла» не дѣлалось, и онъ, видя все это, какъ человѣкъ, наученный практикой жизни—считать *все это* за обыкновенное,—ни мало не думаетъ сдѣлать все это предметомъ хотя бы малѣйшаго вниманія и вовсе не считаетъ матеріаломъ, годнымъ для личной духовной и умственной жизни.

Просторно и пусто кругомъ него... Просторно и пусто въ немъ самомъ, въ его пустой душѣ, пусто, какъ въ огромномъ пустомъ сараѣ... Ничего тамъ нѣтъ... Но надо же, чтобы тамъ что̀-нибудь жило, нельзя же такъ, просто, лить туда водку, надо что-нибудь... И вотъ въ его неласковомъ сердцѣ является мысль о Телятъ-беѣ. Мысль крошечная, воспоминаніе ничтожное, какъ дымъ, легкое, прозрачное, но онъ и ему радъ, онъ хватается за него, и по немножечку, но каждую минуту (а теперь у него всѣ минуты свободны) начинаетъ развивать это зернышко, наконецъ-таки найденное въ пустомъ сараѣ, начинаетъ лелѣять, разрабатывать, тысячи разъ разспрашивая жену о томъ, что ему извѣстно давнымъ-давно, и подбадривая себя сивухой въ такія минуты, когда кажется, что̀ лелѣемому растенію не изъ-чего развиваться... И понемножку, по капелькѣ, но не бросая этого дѣла ни на минуту, въ нѣсколько лѣтъ Пищиковъ успѣваетъ возрастить это капельное зернышко салата до размѣровъ огромнаго дуба...

И во всѣ эти годы *чужая* жизнь ни откуда не вторглась въ эту пустую, нищую душу, не дунула въ нее ощущеніемъ стыда, не вложила въ нее никакого *иного* матеріала, потому-что и чужая жизнь состоитъ теперь тоже изъ милліоновъ жизней «одинъ на одинъ». А вотъ не угодно ли полюбоваться на ту же черту настоящаго безвременья совершенно ужъ въ другомъ видѣ? Пищиковъ, поставленный въ положеніе полной изолированности отъ людского общества и общечеловѣческихъ интересовъ, наполняетъ огромный пустырь, окружающій его, проявленіями своей жестокости въ размѣрахъ, ничѣмъ не ограничиваемыхъ,—а вотъ какой-то сельскій учитель, чувствующій вокругъ себя тотъ-же пустырь (для Пищикова это «просторъ»), вотъ какъ описываетъ свое положеніе: «Сердце сжимается. *уста цѣпенѣютъ* (?), кровь стынетъ въ жилахъ, голова горитъ какъ въ огнѣ, и мысль едва-едва работаетъ при написаніи сихъ правдивыхъ строкъ. Если бы не вопіющая дѣйствительность, не святая истина, всегда, вездѣ, во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ, тождественная, если бы *не горькія, безотрадныя, безутѣшныя слезы* народныхъ носителей по пути грамотности—не заскрипѣло бы наше скромное перо. Но оно невольно скрипитъ, повинуясь глаголу вѣчной правды, рисуя непригляднную, забитую, запуганную, скомканную, искалѣченную жизнь этого истиннаго труженика, сельскаго учителя Усманскаго уѣзда. Что̀ ждетъ его въ будущемъ? Гдѣ успокоитъ онъ свои старыя кости? Развѣ только подъ сводомъ сырой могилы. Это впрочемъ удѣлъ каждаго движущагося индивидуума по непреложному велѣнію Творца. Но прежде, чѣмъ дойти до этого предѣла, что̀ испытаетъ сельскій учитель, еще юный, *жизненная могила* котораго протянется, быть можетъ, на цѣлые десятки лѣтъ? Нельзя безъ сердечнаго содроганія и нравственной муки смотрѣть на эту блѣдную, исхудалую, забитую горькой нуждой фигуру сгорбленную, въ дырявомъ сюртукѣ, въ разорванномъ пальто, въ изношенныхъ сапогахъ,—фигуру, сельскаго учителя, идущаго въ усманское земство для полученія какихъ-нибудь 10 — 13 р. мѣсячнаго содержанія. Если при этомъ взять во вниманіе окружающую невѣжественную и пьяную массу крестьянъ, среди которыхъ приходится насаждать свѣточъ науки,—крестьянъ, отъ которыхъ нерѣдко, какъ будто въ награду, переносятся всякія оскорбленія, то можно судить, насколько красна

жизнь сельскаго учителя и сколько нужно терпѣнія, умственнаго и нравственнаго устоя, чтобы безъ ропота нести такое ужасное бремя жизни!...» *(Тамб. Губ. Вѣд.)*.

Читая эту корреспонденцію, невольно спрашиваешь себя: что̀ такое случилось съ бѣднягой — усманскимъ учителемъ? Ужъ не истиранилъ ли его кто-нибудь ни за что, ни про что... У него «уста цѣпенѣютъ» отъ ужаснѣйшаго положенія, для него жизнь не жизнь, а *жизненная могила*, «ужасное бремя», онъ не можетъ *безъ сердечнаго содроганія* представить собѣ фигуру учителя: фигура вся изорвана въ клочья, согбенна, изнурена и забита... Что же наконецъ такое дѣлаютъ господа усманскіе земскіе изверги съ усманскими сельскими учителями? Но при внимательномъ чтеніи письма оказывается, что съ усманскими учителями ровнехонько-таки ничего особенно не творится; жалованья мало, но по всей Россіи учителя получаютъ мало; вотъ и все... А между тѣмъ ужасъ, который владѣетъ корреспондентомъ при изображеніи положенія сельскаго учителя, несомнѣненъ; черезъ нѣсколько дней послѣ этой корреспонденціи появилось извѣстіе о самоубійствѣ какого-то сельскаго учителя изъ усманскихъ? и я не удивился бы, если бы этотъ наложившій на себя руки человѣкъ оказался именно тотъ самый, который писалъ корреспонденцію Отчего же такой ужасъ охватилъ его? Отчего ему представилось, что быть сельскимъ учителемъ усманскаго земства почти то же, что быть живымъ зарытымъ въ могилу?... Мнѣ кажется, что ужасъ овладѣлъ бѣднягой именно отъ ощущенія одиночества. Онъ одинъ, въ пустынѣ, съ своими тетрадками, книжками, чернильницей... Кругомъ — невѣжество, ничего общаго съ его святой миссіей, онъ обреченъ на всю жизнь чахнуть надъ таблицей умноженія, «фыкать» и «пыкать», — онъ одинъ, а все чуждо ему и всѣмъ чуждъ онъ... Вотъ источникъ того неподдѣльнаго ужаса, послѣдствіемъ котораго кажется даже было самоубійство. «Одинъ самъ съ собой» — живи такъ всю жизнь! Да, это точно могила! Читая корреспонденцію, вы чувствуете, что человѣкъ иззябъ, издрогъ въ какомъ-то холодномъ погребѣ, исчахъ тамъ, «измучился», долженъ знать, что ему ничего не предстоитъ, кромѣ гибели, — его забыли, до него никому нѣтъ дѣла.

И такое душевное состояніе, такая душевная жуть, которая сквозитъ въ словахъ учителя, дѣлается совершенно понятной, если припомнить опять то же самое одиноко, безпрерывно и безцѣльно вертящееся фабричное колесцо, не приведенное въ связь съ общимъ ходомъ живого общественнаго механизма и живого общественнаго дѣла. На нашей памяти опять-таки были времена, когда эта связь существовала и когда передаточный ремень притягивалъ маленькое колесцо къ большому механизму. Тогда не страшно было бы жить сельскому учителю и на 13 рубляхъ, и въ рваномъ пальто, и не страшно потому, что онъ, точно также «пыкая» и «фыкая» и до хрипоты изнемогая надъ таблицей умноженія, чувствовалъ, что онъ «не одинъ», что ему дороги не 13 р., «не средства къ жизни», а самое дѣло; онъ могъ *посвятить* жизнь этому дѣлу, давать молодому деревенскому поколѣнію возможность мыслить разумно и справедливо, и онъ охотно, съ жаромъ и всѣмъ пыломъ молодости принимался за трудную черную работу умственнаго развитія молодого поколѣнія, вставалъ въ 6 часовъ, когда на дворѣ еще темно, — но ребята ужъ бѣгутъ къ учителю; грѣлся отъ холоду, играя съ этими же ребятами на-кулачки... Онъ зналъ, что онъ не одинъ, что литераторъ, писатель пишутъ для него, для учителя, и этихъ мальчиковъ книгу подъ вліяніемъ *тѣхъ самыхъ* побужденій, которыя и его заставили *посвятить себя* трудному дѣлу, — и книга *поможетъ* ему придать работѣ бо̀льшую силу, большее содержаніе; онъ зналъ, что и журналистика не забываетъ его, потому что работаетъ въ одномъ съ нимъ направленіи; зналъ, что вотъ этотъ мировой судья не помирволитъ неправдѣ, такъ-какъ исповѣдуетъ одни и тѣ же принципы и проводитъ ихъ въ своемъ, не учительскомъ, а судейскомъ дѣлѣ. Зналъ, что рѣшеніе такого-то дѣла подтвердитъ его слова, сказанныя ученикамъ. Словомъ, тысячами рукъ въ разныхъ видахъ и пріемахъ дѣлалось одно и то же, и ни одинъ винтъ, поршень или крючекъ этого механизма не толкался праздно на своемъ мѣстѣ, а зналъ, что онъ находится въ связи съ человѣческимъ обществомъ, что идея, ихъ связывающая, есть идея общечеловѣческая, и такимъ образомъ, долбя въ холодной избѣ таблицу умноженія, ни малѣйше не терялъ связи съ развитіемъ общечеловѣческой мысли...

Да, если можетъ быть не такъ вполнѣ «прекрасно было» на нашихъ глазахъ, зато дѣйствительно точно такъ, какъ здѣсь говорится, — прекрасно думалось, чувствовалось и частью несомнѣнно осуществлялось въ дѣйствительности.

Но, увы, передаточный ремень снятъ, живой нервъ, соединявшій мою духовную жизнь съ духовной жизнью человѣчества и русскаго народа, разрѣзанъ; винты, гайки и поршни толкутся, шипятъ, суетятся, изнуряются каждый «самъ по себѣ», «одинъ на одинъ», изнуряются безъ общей цѣли, безъ общаго плана, безъ живой общественной связи.

Уединенный поэтикъ начинаетъ маленькимъ воробьинымъ носикомъ копаться въ крошечномъ цвѣткѣ, обрызганномъ капелькой росы, и дѣлаетъ это дѣло съ величайшей тщательностью... Уединенный беллетристъ производитъ микроскопическія изслѣдованія надъ психическимъ состояніемъ Петра Петровича, которому нравится толстая Марья Андреевна и опостылѣла худощавая Наталья Ивановна... Уединенный учитель пускаетъ пулю въ лобъ, потому-что ему пришлось жить съ одними чернильницами, перьями, линейками, безъ всякой нравственной душевной связи съ окружающимъ крестьянскимъ обществомъ, безъ связи съ командующимъ, распоряжающимися надъ нимъ земскимъ классомъ, и ужасъ его одиночества, холодъ этой заброшенной нетопленной комнатки, эти рваные сапоги и дыры износившагося платья—все это рисующееся

его воображенію въ перспективѣ всей жизни, до конца, до могилы—невольно тянетъ къ этому концу, къ этой могилѣ, какъ полному успокоенію... А вотъ уединенный Пищиковъ, не нуждающійся въ людскомъ обществѣ и къ сожалѣнію по цѣлымъ годамъ не ощущающій со стороны этого общества ни малѣйшаго давленія, сосредоточившійся на своихъ личныхъ микроскопическихъ обидахъ, позволяетъ праздному воображенію увеличить эти обиды, какъ подъ микроскопомъ, въ милліоны разъ, и наконецъ, поглощенный, подавленный ими,—берется за плеть, полагая, что ему нельзя жить на свѣтѣ, покуда онъ эту въ милліоны разъ увеличенную обиду не отомститъ милліонами ударовъ плети по здоровому тѣлу!.. И хлещетъ, и хлещетъ, и хлещетъ!...

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ.

I. Веселыя минуты.

I.

Волею фургонщика, доставившаго меня въ Новороссійскъ тотчасъ послѣ того, какъ пароходъ Русскаго Общества, на который я долженъ былъ сѣсть, благополучно отбылъ къ портамъ черноморскаго побережья, т. е. именно туда, куда мнѣ и слѣдовало ѣхать, я обреченъ былъ пробыть въ этомъ совершенно незнакомомъ мнѣ городѣ ровно цѣлую недѣлю, вплоть до будущаго воскресенья, когда долженъ былъ придти другой пароходъ того же общества. И, несмотря на то, что въ этомъ городѣ у меня не было ни одного человѣка знакомыхъ, на то, что была Страстная недѣля и что Свѣтлый день я долженъ былъ провести въ полномъ одиночествѣ, несмотря наконецъ на общее безлюдье, отличавшее тогдашній*) Новороссійскъ, я все-таки былъ ужасно радъ и счастливъ, что извозчикъ запоздалъ, что онъ подарилъ меня этой тихой, безшумной Страстной недѣлей, далъ мнѣ въ эти семь дней освѣжиться отъ удручающей тоски, вывезенной изъ столицы, и осчастливилъ возможностью безпрепятственно впитать въ себя тѣ живыя, къ счастью, радостныя впечатлѣнія, которыя уже дала мнѣ живая русская жизнь за недолгій промежутокъ времени, проведеннаго въ дорогѣ отъ Петербурга до Новороссійска.

Все, все безъ разбора и безъ всякой критики радовало меня въ эту поѣздку, потому что даже то, что я видѣлъ въ вагонѣ, на станціи и изъ вагона въ окно,—все была *жизнь*, все напоминало, что Петербургъ еще не окончательный результатъ, къ которому пришла вся русская жизнь, что есть еще что-то гораздо болѣе интересное, именно—есть еще Россія, жизнь русскаго народа, жизнь всего этого разнокалибернаго встрѣчнаго населенія мужиковъ, бабъ, купцовъ, господъ, духовенства,—словомъ, всего, что вотъ опять я своими глазами увидѣлъ втеченіе переѣзда отъ Петербурга до Новороссійска. На что бы я въ этотъ краткій промежутокъ времени, проведенный въ дорогѣ, ни смотрѣлъ, все было мнѣ радостно видѣть, все заставляло меня думать: «слава Богу! какъ я радъ!»

Какъ видите, состояніе духа было положительно необыкновенное: не то это была просто радость ребенка, только начинающаго ощущать вокругъ себя все разнообразіе окружающей *жизни* и счастье чувствовать себя съ ней неразрывнымъ, или же— и это будетъ вѣрнѣе—я просто былъ «радъ», сознавъ себя, что я не умеръ, что я живъ и что временное мое душевное изнуреніе было временное, не больше, что при малѣйшемъ прикосновеніи подлинной жизни согрѣется и моя душа, охладѣвшая въ ледяномъ домѣ, называемомъ Петербургомъ.

Времена въ эту пору для людей, обреченныхъ пережить весь реформенный періодъ въ болѣе или менѣе впечатлительномъ возрастѣ, были поистинѣ изнуряющія душу. Передъ самой моей поѣздкой по Россіи пришлось мнѣ провожать одного изъ моихъ пріятелей за-границу, и вотъ какого рода болѣзненные разговоры вели мы съ нимъ передъ нашей взаимной разлукой.

— Да что же тебѣ за-границей-то надо? спросилъ я его въ то время, когда въ его номерѣ, при помощи прислуги, шла укладка и упаковка его вещей для отправки на варшавскій вокзалъ.

— Да просто... очувствоваться! сказалъ онъ растерянно и съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ лица.

Я понималъ, что онъ не могъ бы сказать мнѣ въ отвѣтъ никакого иного слова, да и самъ зналъ, что вопросъ мой ему—совершенно излишній и не нужный. И нашъ разговоръ на этихъ нѣсколькихъ словахъ вѣроятно прекратился бы, окончившись крѣпкими и молчаливыми рукопожатіями, если бы одно совершенно ничтожное обстоятельство не дало моему пріятелю возможности нѣсколько подробнѣе выяснить смыслъ его, хотя и понятнаго, но недостаточно опредѣленнаго слова «очувствоваться».

Это ничтожное обстоятельство состояло въ слѣдующемъ: одинъ изъ прислуги, занимавшейся укладываніемъ вещей, обыкновенный корридорный петербургскихъ гостинницъ, подошелъ къ комоду,

*) 1886 г.

чтобы вынуть изъ него все, что тамъ осталось. Но оказалось, что комодъ запертъ, а ключа нѣтъ. Корридорный ушелъ и скоро принесъ цѣлую связку ключей всевозможнаго рода: маленькихъ, большихъ, длинныхъ, короткихъ. И всѣ эти ключи, несмотря на свое разнообразіе, безпрепятственно входили въ одинъ и тотъ же замокъ—такъ онъ былъ испорченъ, «развороченъ» и вообще искалѣченъ во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ ключи, большіе и маленькіе, входили въ эту разломанную дыру, вертѣлись, кружились совершенно свободно, даже щелкали, а комодъ все-таки не отворялся. Наконецъ, выбившись изъ силъ, корридорный ругнулъ этотъ замокъ и ключи и рѣшился испробовать послѣднее средство: взялъ и хлопнулъ кулакомъ по верхней крышкѣ комода. И что же? Замокъ щелкнулъ на этотъ разъ довольно пѣвуче, и комодъ отворился.

Такъ какъ говорить намъ съ пріятелемъ было почти не о чемъ, потому что слово «очувствоваться» исчерпывало всѣ темы разговора, то и мы поэтому молча наблюдали всю эту возню корридорнаго съ замкомъ. Когда же вся операція кончилась, вещи были вынуты изъ комода и уложены, а корридорный ушелъ, мой молчаливый и отупѣвшій пріятель вдругъ оживился и сказалъ:

— Я все смотрѣлъ на этотъ замокъ... и знаешь что? Вотъ точь-въ-точь и сердце мое стало такое же, какъ и этотъ замокъ. Вотъ ключи входятъ и щелкаютъ, и кругомъ поворачиваются, а никакого толку, никакого ощущенія нѣтъ! Ничего меня за-живое не хватаетъ, не беретъ. Какія хочешь принимай и дѣлай реформы, мѣропріятія, и въ какомъ тебѣ угодно направленіи, ничего не чувствую—ни радости, ни печали! Ужъ очень свободно, прихотливо, безъ всякой церемоніи надъ моимъ сердцемъ похозяйничало наше время! Сколько туда за всю мою жизнь входило и влѣзало всякихъ ключей, вѣяній, теченій, направленій!... И всѣ они хотѣли его отпереть совсѣмъ не въ ту сторону, куда бы оно непремѣнно отперлось само... Каждое изъ этихъ вѣяній и направленій, то длинное, какъ этотъ длинный ключъ, то какъ ключъ короткій, всѣ норовили его отперетъ на свой образецъ—то въ одну сторону, то въ другую, а то и такъ, зря, крутили кругомъ безъ всякаго милосердія... Отперетъ его просто, какъ говорится,—«добромъ» и, прибавлю, для добра, никто не догадался или вѣроятно нельзя было. Ну, теперь и верти сколько хочешь—не дѣйствуетъ. Вотъ кулакомъ со всего размаху—это пожалуй такъ! Если кулакомъ царапнуть—ну, пожалуй опять запоетъ жалобнымъ звукомъ скорби, страха и мольбы. И пожалуй опять отопрется... хоть къ стону и плачу... Кулакъ—не свой братъ!..

Мы оба улыбнулись этому сравненію, а пріятель мой, не теряя оживленія, продолжалъ:

— Какъ я радъ... этому замку! Теперь я совершенно ясно и во всѣхъ подробностяхъ понимаю, зачѣмъ я ѣду на границу... Именно сердце-то хочу оживить! Хочу поставить его въ подлинную обстановку подлинной, какая бы она ни была, только подлинной жизни! Тамъ, я думаю, оно опять будетъ имѣть право чувствовать горе тогда, когда передъ нимъ выйдетъ горе, и радость—когда радость его захватитъ... Мнѣ надобно возстановить въ своемъ сердцѣ и въ своей совѣсти право ощущать именно то, что ощущать слѣдуетъ... Вотъ отъ этого-то я и отвыкъ! Думаешь обрадоваться, а приходится плакать—и такъ всю жизнь!.. Я совершенно отвыкъ думать до тѣхъ предѣловъ, пока работаетъ мысль, и чувствовать, пока чувствуется... И это всю жизнь—чувствовать и не дочувствовать, думать и не додумывать, говорить и не договаривать! Вотъ и надобно *очувствоваться*, пробудить дѣятельность сердца возможностью безъ опаски смотрѣть на жизнь и о ней думать. Надо вновь узнать, что такое добро и что такое зло... Ну, а у насъ, т. е. по крайней мѣрѣ лично въ моей жизни, разныя вѣянія, направленія и теченія постоянно заставляли меня мѣнять взгляды на то и другое. Сегодня это добро, а завтра это же самое уже зломъ неискоренимымъ считается. Вотъ и затуманились представленія и о томъ, и о другомъ и прекратилась возможность предпочтенія одного другому... Вотъ европейская-то жизнь, я и думаю, оживитъ меня: добро и зло въ ней ярки, на виду, открыты и не прикрашены. Смотри и думай!... А мнѣ это и нужно. Я хочу опять начать воспитывать свое отупѣвшее сердце съ азбуки... Какъ я радъ этому комоду! Вѣдь надо же было этому случиться!... Именно необходимо «очувствоваться», воскресить право «чувствовать» и пожить съ этимъ правомъ хоть нѣсколько мѣсяцевъ. Вотъ зачѣмъ я ѣду!

Я совершенно понималъ моего пріятеля, но самъ, собираясь ѣхать по Россіи, даже и мысли не могъ допустить въ себѣ о какихъ-то правахъ на оживленіе сердца. Я просто чувствовалъ, что необходимо ѣхать, чтобы только видѣть вообще «жизнь». И въ объясненіе такой алчности исключительно только къ тому, что совмѣщается въ словѣ «жизнь», будетъ достаточнымъ сказать, что передъ этой поѣздкой мнѣ пришлось почти безвыѣздно прожить петербургской жизнью болѣе полутора года. Если мой пріятель имѣетъ возможность указывать, въ объясненіе своего обезчувственія, на вторженіе въ его личную жизнь какихъ-то совершенно не соотвѣтствовавшихъ ей вѣяній, теченій и направленій, то я, въ объясненіе моей алчности къ побѣгу изъ Петербурга, могу сказать только одно: потому я хотѣлъ бѣжать и смотрѣть на какую бы то ни было жизнь, что я измучился Петербургомъ.

Повидимому и, такъ сказать, по всѣмъ документамъ, Петербургъ долженъ бы быть, какъ столица, центромъ жизни всей страны, какъ Парижъ и Лондонъ. И онъ точно центръ, только не такой центръ, куда стекаются мелкіе ручейки живой жизни страны, сливаясь въ огромное, глубокое вмѣстилище проявленія всѣхъ жизненныхъ силъ націи. Въ Парижѣ, Лондонѣ, и только въ нихъ, а никакъ не въ дальнихъ уголкахъ Англіи или Франціи, можно видѣть во всей полнотѣ все, чѣмъ живутъ и дышатъ эти страны. Въ Петербургѣ же

именно и не увидишь, чѣмъ живетъ Россія. Ручьи русской жизни, стекаясь сюда, сливаются не въ открытое озеро жизни, которое едва можно оглянуть взоромъ, но точно уходятъ куда-то подъ землю, въ какія-то сталактитовыя пещеры канцелярій, департаментовъ, раздробляются еще на болѣе мелкіе ручьи, чѣмъ тѣ, которые влились въ него, и съ каждымъ дальнѣйшимъ теченіемъ раздробляются все на меньшія и меньшія струи и капли... Въ Чухломѣ, въ Пинегѣ или Батумѣ можно гораздо многосложнѣе видѣть русскую жизнь, чѣмъ видишь и чувствуешь ее въ Петербургѣ. Французъ-провинціалъ, у котораго на душѣ накипѣли тѣ или другія нужды, желанія, ѣдетъ въ Парижъ, зная, что именно тамъ онъ можетъ проявить ихъ во всей полнотѣ и объемѣ. Обитатель Чухломы, подъѣзжая къ николаевскому вокзалу и медленно вдвигаясь въ вагонѣ въ темную его пасть, подъ темные его своды, чувствуетъ, что именно тутъ-то и конецъ его праву желать, фантазировать и хотѣть. Въ Чухлому будетъ «дано знать» въ запечатанномъ конвертѣ, какъ ему жить слѣдуетъ, а въ Петербургѣ онъ ничего не узнаетъ по этой части. Русская жизнь въ Петербургѣ—это пакетъ съ просьбой, жалобой, мольбой, угрозой, стономъ и воплемъ. Въ пакетѣ она сюда является, въ пакетѣ отсюда выходитъ. Что̀ написано въ пакетѣ, который отсюда посылается въ Чухлому, неизвѣстно—пакетъ запечатанъ. Не знаетъ тотъ, кто печаталъ пакетъ, не знаетъ тотъ, кто писалъ адресъ, не знаетъ и тотъ, кто переписывалъ бумагу, не знаетъ и тотъ, кто бумагу составлялъ, не знаетъ и тотъ, кто велѣлъ составлять бумагу. Тайна и смыслъ жизни идутъ изъ центра къ окружности, а не вливаются отъ окружности въ центръ, и жить поэтому въ Петербургѣ — это значитъ не знать русской жизни. Можно знать всѣ указанія «по русской жизни», но видѣть въ нихъ самую жизнь въ связи разрозненныхъ явленій, отмѣтить ея главнѣйшія теченія, ясно видѣть, гдѣ и въ чемъ сила, слабость, добро и зло—здѣсь невозможно.

Мнѣ могутъ сказать, что печать, «газета», не оставляетъ петербуржца безъ ежедневныхъ увѣдомленій о русской жизни. Стали печатать листы въ восемь столбцовъ, стало быть есть о чемъ поговорить?

И будь я истымъ петербуржцемъ, я бы повѣрилъ, что «газеты» вполнѣ достаточно, чтобы знать, какъ идетъ русская жизнь. Но къ несчастью я не петербуржецъ, и еще болѣе — къ несчастью судьба дала мнѣ полнѣйшую возможность знать, что̀ такое «внутреннія извѣстія» петербургскихъ газетъ, покоряющихся главнымъ образомъ интересамъ петербургскаго дня, нечуждыхъ видѣть успѣхъ» въ розничной продажѣ и радующихся наплыву объявленій о кухаркахъ и кучерахъ, ищущихъ мѣста, почти такъ же, какъ и успѣхамъ русской дипломатіи. Возьмите любую изъ такихъ газетъ сегодняшняго дня и посмотрите, что̀ тамъ написано во внутреннихъ извѣстіяхъ о внутренней жизни Россіи? Во-первыхъ, собственная корреспонденція изъ Корчевы о томъ, что въ городѣ недавно былъ пожаръ, обнаружившій недостатки мѣстнаго самоуправленія, затѣмъ (мелкимъ шрифтомъ) перепечатка изъ другой какой-нибудь газеты о томъ, что близъ деревни Лукьяновки найденъ убитымъ мужикъ, только что продавшій на базарѣ въ ближнемъ городѣ пару телятъ, и третье (тоже мелкимъ шрифтомъ) — рѣдкій случай рожденія семерыхъ дѣтей, которыя всѣ къ сожалѣнію умерли. Конечно то, что̀ здѣсь написано, не можетъ служить образчикомъ «внутреннихъ извѣстій», — извѣстія могутъ быть самыя разнообразныя; но какія бы они ни были, всегда они имѣютъ въ общемъ одно неизмѣнное свойство, именно: невозможность объяснить, почему напечатано то, что̀ напечатано, и почему собственно вамъ, читателю, нужно знать именно то, что̀ напечатано. Родилось семь дѣтей—хорошо. Но почему же пишутъ именно о семи дѣтяхъ, а не о чемъ нибудь другомъ? И почему изъ Корчевы, а не изъ Тифлиса?

Тайна сего не только не велика, а къ сожалѣнію крайне проста и незначительна.

Бывало, придешь въ редакцію вечеромъ, когда уже начинается сверстка нумера, когда весь оригиналъ набранъ и ожидаютъ только телеграммъ. и принимаешься съ прискорбіемъ въ сердцѣ за внутренній отдѣлъ, за характеристику русской жизни въ данную минуту. Матеріалъ выбранъ и вырѣзанъ господами редакторами отдѣловъ (внутренняго, политическаго, финансоваго, биржевого) еще утромъ. Полученныя корреспонденціи, одобренныя редакціей, и безчисленныя вырѣзки изъ провинціальныхъ газетъ уже набраны и лежатъ на моемъ столѣ цѣлою грудой то длинныхъ, то коротенькихъ корректурныхъ полосъ. Глядишь на нихъ и думаешь: «Какого-то хламу придется мнѣ понадергать изъ этой сокровищницы?»

Зазвенѣлъ электрическій звонокъ; надо идти въ комнату редактора

— Для внутренняго отдѣла, говоритъ онъ, — сегодня, кажется, можно удѣлить строкъ восемьсотъ... Кажется, телеграммъ будетъ мало. Ничего особеннаго нѣтъ. Пожалуйста, побольше перепечатокъ. Денегъ у насъ мало.

«Восемьсотъ строкъ! съ восхищеніемъ думаю я.— Вотъ это будетъ на что нибудь похоже!»

И, роясь въ матеріалѣ, корреспонденціяхъ и перепечаткахъ, подбираю на восемьсотъ строкъ вполнѣ благоприличнаго матеріала.

Въ виду рабочей поры какъ нельзя лучше составилась весьма опредѣленная картина положенія рабочаго класса. Подошла и собственная корреспонденція къ этому вопросу, и вырѣзки изъ газетъ, и мелкія извѣстія о случаяхъ, касающихся этого же вопроса («не найдя работы, утопился или поджогъ чужой амбаръ» и т. д.). Словомъ, всѣ извѣстія отвѣчаютъ главнѣйшему вопросу времени и во всякомъ случаѣ для большинства читателей, какъ заинтересованныхъ въ вопросахъ рабочаго времени, такъ или иначе поучительны или по крайней мѣрѣ не лишни.

Восемьсотъ строкъ наполнены, и наполнены хорошо и поучительно.

*

Но вотъ опять звонитъ электрическій звонокъ.

— Надо убавить на двѣсти строкъ. Пришло пропасть телеграммъ о тайныхъ интригахъ англичанъ въ Константинополѣ, о смерти марокскаго императора и банкротствѣ въ Мюнхенѣ торговаго дома... Да спросите въ типографіи, сколько объявленій?

Прежде чѣмъ спросить объ объявленіяхъ, надобно вычеркнуть двѣсти строкъ. Но газетныя перепечатки неравномѣрны: въ одной 50 строкъ, въ другой сто, въ третьей семьдесятъ пять—словомъ, надо что-нибудь придумать, если я хочу оставить собственную корреспонденцію невредимой. И вотъ я вынимаю цѣлыхъ триста строкъ (надо сохранить наборъ для будущаго) и уже теперь недостающія сто замѣняю такою перепечаткой, въ которой какъ-разъ сто строкъ. Оказывается, что послѣ корреспонденціи о рабочемъ вопросѣ приходится помѣстить сто строкъ извѣстія о скандалѣ въ клубѣ г. N, причемъ такой-то разбилъ такому-то физіономію.

Гармонія «обозрѣнія» нарушена, но оплакивать этого горя не приходится, потому что надобно еще узнать, много ли объявленій. Для этого необходимо подавить косточку звонка, проведеннаго въ типографію, и ждать, покуда оттуда, изъ-подъ земли, явится уже не писатель, а совсѣмъ особенный человѣкъ съ черными пятнами на лицѣ (блѣдномъ и истомленномъ), съ черными руками и хриплымъ, гробовымъ голосомъ.

— Много объявленій?

— Много-съ!.. Сейчасъ вотъ отъ купчихи похоронное объявленіе приняли... Нарыдала она съ горя строкъ на пятьдесятъ мѣста.

— А такъ-то, вообще, сколько можно оставить для внутренняго?

— Да строкъ на триста... Да и то врядъ-ли... Фельетонистъ разскандальничался строкъ на двѣсти лишку... Охаиваетъ кого-то... А вѣдь вы сами знаете, Кузьма Иванычъ, что издатель охотникъ до этого... На-расхватъ пойдетъ нумеръ!..

«Вотъ тебѣ разъ!» думаю я въ сокрушеніи.

Въ одной корреспонденціи оказывается четыреста пятьдесятъ шесть строкъ и слѣдовательно ее либо надобно урѣзать, либо замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ. Но урѣзать корреспонденцію на полтораста строкъ невозможно. Необходимо ее отложить.

Вмѣсто рабочаго вопроса появляется такимъ образомъ корреспонденція изъ Корчевы о томъ, что вчера проѣхалъ преосвященный, затѣмъ слѣдуетъ ранѣе заготовленная перепечатка о дракѣ въ клубѣ и прибавляется еще перепечатка о камнѣ, упавшемъ съ неба. Итого получается количество строкъ «въ обрѣзъ».

Но едва вы подумали, что дѣло кончено, какъ въ редакцію является репортеръ. Онъ въ страшныхъ попыхахъ—только что случился огромнѣйшій пожаръ на Лиговкѣ, сгорѣлъ уксусный заводъ, одинъ пожарный переломилъ ребро и, кажется, погибла маленькая дѣвочка. Происшествіе «городское», и хроника, не заносящая на свои столбцы такихъ происшествій во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ, уже не хроника, и городской читатель не проститъ этой небрежности.

Для внутренняго отдѣла остается такимъ образомъ всего двѣсти строкъ, и потому приходится оставить только корреспонденцію изъ Корчевы о проѣздѣ архіерея. Но развѣ это «отдѣлъ»? Что же тутъ «внутренняго»?Необходимо опять порыться въ заготовленномъ матеріалѣ и составить «извѣстія» почти заново.

Отдѣлъ такимъ образомъ составляется изъ такихъ куплетовъ: драка въ клубѣ, упавшій съ неба камень, механикъ-самоучка и старикъ, умершій на сто двадцать девятомъ году, сохранивъ въ цѣлости всѣ зубы.

«Кажется, все?» думается наконецъ. Но — увы!—электрическій звонокъ главнаго редактора опять заигралъ что-то и зоветъ васъ.

— Скончался генералъ Шомполовъ. Необходимо помѣстить некрологъ... строкъ двадцать пять. Пришла еще телеграмма: Кальноки ѣдетъ въ Эмсъ. Патти простудила горло. Новая опера Гуно имѣла блестящій успѣхъ и въ Нью-Йоркѣ была буря... Строкъ пятьдесятъ.

Стиснутый такимъ образомъ съ одной стороны «городскими» событіями, съ другой—кухарками, кучерами, телеграммами и т. д., внутренній отдѣлъ въ концѣ-концовъ представляетъ слѣдующее плачевное зрѣлище:

Съ неба упалъ камень.

Умеръ столѣтній старецъ.

Крестьянинъ Егоровъ упалъ въ колодецъ внизъ головой.

Пароходъ *Нептунъ* прибылъ въ Батумъ.

Актрисѣ Купріяновой въ Саратовѣ поднесли букетъ.

Вотъ она внутренняя русская жизнь въ ежедневной газетной живописи!

Но не думайте, чтобы заготовленный матеріалъ такъ и не пошелъ въ ходъ — нѣтъ, «наборъ не пропадетъ». Только о рабочемъ вопросѣ будетъ напечатано, когда онъ уже потеряетъ всякій интересъ, наприм. въ сентябрѣ; извѣстіе о дракѣ также найдетъ свое пристанище когда-нибудь, когда найдется ему два-три вершка свободнаго мѣста. То же самое идетъ и по другимъ отдѣламъ. За репортеромъ, прилетѣвшимъ съ вѣстью о пожарѣ, можетъ явиться другой репортеръ—музыкальный, и ему никоимъ образомъ нельзя отказать въ отчетѣ о бенефисѣ любимой актрисы: это — городскія вѣсти, которыми живетъ и дышетъ городской читатель. Но такъ какъ пожертвовать содержаніемъ «внутренняго отдѣла» въ пользу замѣтки о бенефисѣ уже нельзя, такъ какъ внутренній отдѣлъ и безъ того уже окончательно нелѣпъ, то принимаются и за другіе отдѣлы. Въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, напримѣръ, былъ прекраснѣйшій пересказъ послѣдняго парламентскаго засѣданія въ Лондонѣ по аграрному вопросу; вотъ его-то и приходится отложить до предбудущаго времени, а опроставшееся мѣсто заполнить восторженнымъ гимномъ бенефиціанткѣ, настроченнымъ репорте-

ромъ, еще не очухавшимся отъ бенефиснаго ужина у Понсе.

Даже и то, что̀ пресса даетъ намъ подлинно петербургскаго, мѣстнаго, приказы о назначеніи, перемѣщеніи и награжденіяхъ, законоположенія, измѣненія и дополненія —все это вмѣстѣ съ сумбуромъ «внутреннихъ извѣстій» не можетъ быть приведено вашею мыслью ни въ малѣйшую связь. Отставка генерала Купріянова, назначеніе Ѳедорова на мѣсто Протасова такъ же для васъ и вашей мысли чужды и не нужны, какъ и паденіе съ неба камня и смерть старика. Политическія европейскія дѣла всегда неизмѣримо яснѣе для васъ и всегда имѣютъ даже въ поверхностныхъ газетныхъ извлеченіяхъ понятные и видимые исходные пункты и перспективы. И ничего подобнаго не видно относительно русской жизни.

Принявъ во вниманіе, что и я не чуждъ былъ до нѣкоторой степени тѣхъ душевныхъ страданій, въ которыхъ исповѣдывался передъ отъѣздомъ за границу мой пріятель, что и въ моей душевной изнуренности также не послѣднюю роль играли разныя вѣянія и теченія, и присоединивъ къ этому характернѣйшую особенность собственно петербургской жизни, т. е. особенность такого мѣста, гдѣ о русской жизни ничего никому неизвѣстно, читатель, я надѣюсь, пойметъ, почему я такъ жадно рвался видѣть именно жизнь, почему мнѣ было необычайно весело видѣть даже ту жизнь, которую можно видѣть изъ вагона и въ вагонѣ, и почему наконецъ я былъ искренно радъ, что возница мой опоздалъ къ пароходу.

Онъ далъ мнѣ время «отдышаться», пріучиться опять ощущать радость жизни вообще, и меня дѣйствительно радовало рѣшительно все, самая мелкая мелочь, даже и то, что̀ вовсе не порадовало бы при болѣе тщательномъ вниманіи; но я не хотѣлъ, я просто даже не могъ быть внимательнымъ къ чему-нибудь непріятному. Истомленное воображеніе само старалось за меня, само окрашивало все видѣнное исключительно только въ розовый цвѣтъ.

II.

Подъ вліяніемъ такого-то душевнаго настроенія, какое чудеснѣйшее впечатлѣніе произвело на меня пребываніе въ такомъ миломъ «мѣстѣ», какъ Новороссійскъ! Я употребляю слово «мѣсто», не опредѣляя его какимъ нибудь болѣе точнымъ административнымъ терминомъ, потому что Новороссійскъ совершенно не напоминаетъ ни города, ни села, ни станицы, ни деревни, а есть пока просто «жилое», тихое, не безпокойное жилое мѣсто, которое, не имѣя ничего опредѣленнаго въ настоящемъ, даетъ вамъ полную волю мечтать, безъ всякихъ стѣсненій мысли, о его будущемъ. Впечатлѣніе, которое можно все-таки кое-какъ опредѣлить человѣческимъ языкомъ, это то, что Новороссійскъ — начало чего то, зеленый стебелекъ, едва-едва показавшійся на дѣвственной почвѣ пустыннаго побережья.

Дѣвственность, начало новой жизни на этихъ старыхъ мѣстахъ, опустѣвшихъ послѣ бѣгства горцевъ въ Турцію, новая дѣвственная растительность, до основанія уничтожающая малѣйшіе слѣды старины, — вотъ она то и веселитъ усталое сердце въ этихъ безлюдныхъ, но обновляющихся жизнью мѣстахъ. Пока еще грѣховодникъ-капиталъ не показывалъ сюда своего носа, по крайней мѣрѣ въ своихъ подлинныхъ размѣрахъ, и не успѣлъ раздражить запахомъ своихъ приманокъ этой невинной земли и этого невиннаго воздуха, который обвѣваетъ ваше лицо и которымъ дышатъ ваши больныя легкія. И такая прелесть начинаетъ чувствоваться почти тотчасъ же, какъ только дорога, бѣгущая по кубанской степи, входитъ въ предгорія Кавказскаго хребта.

Кавказскій хребетъ, подходя къ Черному морю, какъ будто бы смиряется и затихаетъ въ своемъ бунтовствѣ: довольно онъ намудрилъ и напугалъ человѣка тамъ, въ глубинѣ Кавказа; довольно онъ тамъ намучилъ его своими ущельями (какое скучное слово!), скалами, высовывающимися изъ облаковъ, ревущими рѣками и пропастями бездонными. Довольно онъ надивилъ, настращалъ и навосхищалъ васъ тамъ, «въ своихъ мѣстахъ», теперь — будетъ! Тамъ, въ своихъ-то мѣстахъ, онъ широко развернулся, самому небу доказалъ, на какія способенъ онъ чудеса, теперь же пора и отдохнуть. И, приближаясь къ Черному морю, точно къ дому, откуда ушелъ гулять по бѣлу свѣту, онъ какъ будто отдыхаетъ отъ своихъ чудовищныхъ подвиговъ; идетъ онъ ровнымъ шагомъ и тихо улыбается вамъ, встрѣчному прохожему, мягкими, живописными очертаніями ничѣмъ не пугающихъ горъ, живописныхъ долинъ, глядя на которыя съ вершины этихъ смирныхъ высотъ, чувствуешь и видишь только одно, именно — какъ онѣ хороши, живописны, и нѣтъ того головокружительнаго ощущенія и мысли о возможности «помереть *не своею* смертью», которыя съ такой неистощимою любезностью преподносилъ вамъ на каждомъ шагу настоящій, головокружительный Кавказъ.

Отличная, ничѣмъ не уступающая военно-грузинской, шоссейная дорога, начиная отъ станицы Небережайской (послѣднее жилое мѣсто по дорогѣ отъ Екатеринодара въ Новороссійскъ), на протяженіи около тридцати верстъ идетъ между этими смирными горами, извиваясь поминутно такими же змѣиными изгибами, какъ и военно-грузинская, но безъ всякихъ по кожѣ подирающихъ свойствъ этой послѣдней. Дорога эта совершенно пустынна; двѣ почтовыя станціи да керосиновая передаточная станція (пробирается-таки, грѣховодникъ!) — вотъ все «жилое», попадающееся на этомъ пути вплоть до Новороссійска. Но именно въ этой-то пустынности и есть что-то необыкновенно дѣвственное, освѣжающее. Молодая трава, цвѣты, деревья, изгладившія малѣйшія впечатлѣнія старины, радуютъ тѣмъ, что никто повидимому еще не пробовалъ топтать эту траву и цвѣты и никто еще не замахивался топоромъ на эту юную ра-

ствительность. Невинно, мягко, пушисто здѣсь все, въ этихъ смирныхъ и тихихъ горахъ.

Въ дни моей поѣздки, раннею весной, горы эти еще не были вполнѣ опушены листвой; лѣса, покрывающіе эти горы густою и частою, какъ шерсть, растительностью, почти еще голы; на темномъ фонѣ ихъ только ярко золотятся желтые густые клубки распускающагося кизиля, а въ долинахъ бѣлѣютъ какъ снѣгъ бѣлымъ цвѣтомъ дикія яблони: все еще голо, но голо цѣломудренною наготой, провѣяно чистымъ весеннимъ воздухомъ, въ которомъ чуется еще свѣжая струйка гдѣ-то лежащаго снѣга, и вообще все юношески-свѣжо.

Въ такія-то минуты я поистинѣ съ содроганіемъ «во всѣхъ суставахъ» заприметилъ въ этихъ дѣвственныхъ мѣстахъ явный слѣдъ «грѣховодника». Заприметилъ я какую-то тоненькую, дюйма въ два въ діаметрѣ, чугунную трубочку, которая по временамъ стала показывать свою змѣиную спину въ разныхъ мѣстахъ этихъ дѣвственныхъ долинъ.

«А вѣдь пробирается-таки, грѣховодникъ-то! Пробирается, анафема!»—съ истиннымъ ужасомъ и скрежетомъ зубовъ думалось мнѣ всякій разъ, когда мелькала желѣзная спина желѣзнаго червяка.

Увы, дѣйствительно пробирается желѣзный червякъ! Изъ разсказовъ фургонщика оказалось, что червякъ этотъ уже довольно давно воткнулъ свой желѣзный носъ въ нѣдра земли верстъ за 80 отъ Новороссійска, въ станицѣ Ильской, и уже давно высасываетъ эти нѣдра. Въ предгоріяхъ червякъ этотъ поднимается отъ земли и лѣзетъ либо на пригорокъ, либо перегибается черезъ вершину резервуара, откуда, при помощи парового давленія, нефть гонится до самаго Новороссійска черезъ горы и до Новороссійска же доползаетъ и самъ желѣзный червякъ. И здѣсь, по другую сторону бухты, противъ того веселаго мѣста, которое именуется Новороссійскомъ, уже видны какія-то грѣховодниковы затѣи: резервуары, заводы, черный, точно изъ ада, фыркающій дымъ — и нельзя не содрогаться всѣмъ существомъ, видя, что грѣховодникъ уже проложилъ дорогу. И насыпь желѣзной дороги, къ глубокому огорченію, кажется, почти уже готова до самаго моря! Пришелъ, пришелъ-таки грѣховодникъ! И было бы до глубины души обидно за эти дѣвственныя мѣста, если бы не существовало нѣкоторыхъ преградъ, самою природой противупоставляемыхъ успѣшному шествію грѣховодника и дающихъ нѣкоторое право задумываться надъ такимъ вопросомъ: «Да удастся ли еще и грѣховоднику-то затоптать и замусорить здѣшнія дѣвственныя мѣста?» Кое-что есть и противъ замысловъ грѣховодника, и на этомъ-то «кое-что» только и отдыхаетъ душа.

Прежде всего оказывается, что не даетъ грѣховоднику ни проходу, ни проѣзду такъ называемый «трескунъ-камень». Желѣзной дорогѣ необходимо въ двухъ мѣстахъ пробиться черезъ горы этого самаго трескуна-камня, а трескунъ не пропускаетъ. Станутъ его рвать динамитомъ—думаютъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ камень, а онъ, вмѣсто того чтобы разваливаться глыбами, какъ бы слѣдовало поступать настоящему камню, разлетается въ дребезги пылью, разсыпается въ муку и засыпаетъ дорогу на томъ самомъ мѣстѣ, откуда его хотѣли удалить. Если же случится дождь, то трескунъ мгновенно превращается въ тѣсто, и тогда дорога оказывается залитой бездонной грязью, съ которой ничего не подѣлаешь. «Хорошо, подумалось мнѣ, поступаетъ съ грѣховодникомъ трескунъ-камень! Смертоубійственно и вмѣстѣ съ тѣмъ кротко дѣйствуетъ—эта черта россійская!»

Не менѣе ядовито поступаетъ съ грѣховодникомъ и самое солнце кавказское. Какое оно чудное, животворящее! А тоже норовитъ подставить грѣховоднику ногу!

Здѣсь, на Кавказѣ, это ласковое солнце, какъ извѣстно, творитъ чистыя чудеса по части растительности. Въ годъ, въ два дерево вытягивается въ ростѣ вдвое-втрое противъ роста того же дерева въ средней или сѣверной Россіи. Но, вытягивая съ такой энергіей соки для питанія растенія изъ земли, то же самое солнце съ той же самой энергіей вытягиваетъ соки и изъ самаго растенія и изъ его плодовъ, которыми оно обильно его одаряетъ. Говорятъ, что доска изъ здѣшней сосны или дуба, какъ бы хорошо ни была высушена, подъ палящими лучами солнца скоро коробится, трескается по слоямъ, если только не защищена чѣмъ-нибудь постороннимъ, напримѣръ штукатуркой. Даже самый могучій дубъ, по словамъ мѣстныхъ хозяевъ, не стоитъ въ здѣшнихъ постройкахъ болѣе трехъ лѣтъ: солнце, напоившее и накормившее его, вытянетъ изъ него потомъ всѣ соки, расщеплетъ его, избороздитъ трещинами, весьма удобными для поглощенія дождевой влаги, которая, подъ тѣми же палящими лучами, испаряясь и тлѣя въ мертвомъ тѣлѣ дерева, способствуетъ его окончательному уничтоженію и разрушенію. Говорятъ, что фрукты въ горныхъ лѣсахъ Майкопскаго уѣзда и Черноморскаго округа, рождающіеся въ несмѣтномъ количествѣ, такъ же весьма не прочны; груши и яблоки на видъ очень велики и очень крѣпки, но, сорванныя съ дерева, скоро портятся и внутренность ихъ истлѣваетъ втеченіе четырехъ-пяти дней.

То же самое (по разсказамъ случайно встрѣчавшихся мѣстныхъ обывателей) происходитъ и съ зерновымъ продуктомъ. Говорятъ, что хлѣбъ, воздѣлываемый по лѣвую сторону отъ Кубани, т. е. въ самыхъ благодатныхъ мѣстахъ предгорій, такъ же красивъ на видъ, жиренъ, крупенъ, и такъ же, какъ и все, растущее на здѣшней жирной землѣ и подъ здѣшнимъ пламеннымъ солнцемъ, недолговѣченъ и непроченъ; за здѣшнимъ хлѣбомъ нуженъ постоянный и тщательный уходъ: провѣтриваніе, пересыпка, иначе онъ начинаетъ кишѣть паразитами и даже слипается въ пласты. Крупные хлѣботорговцы стараются купить такое количество хлѣба, которое могло бы пойти въ дѣло по возможности въ скоромъ времени, чтобы не держать

это изнѣженное зерно въ амбарахъ, хотя бы этого требовали разсчетъ и выгода. Изнѣженное зерно не выдерживаетъ продолжительнаго пребыванія въ амбарахъ и гніетъ. Кстати сказать, что это изнѣженное зерно такъ не похоже на наше, притерпѣвшееся ко всѣмъ случайностямъ, что опытный хлѣботорговецъ узнаетъ здѣшнее зерно по одному только взгляду. Нѣтъ въ немъ нашей ржаной «строгости». И вотъ такой-то изнѣженный хлѣбъ, изнѣженный лѣсъ, изнѣженный фруктъ и долженъ бы быть главнымъ кормильцемъ и поильцемъ строющейся желѣзной дороги, такъ какъ хлѣба кубанскихъ земель, лежащихъ по правую сторону Кубани, вѣроятно пойдутъ къ Ростову, по крайней мѣрѣ изъ сѣверной части Кубанской области. Но уже въ самой изнѣженности всѣхъ этихъ товаровъ таится нѣкоторое противодѣйствіе успѣхамъ грѣховодника, такъ какъ, кромѣ фруктовъ, лѣса и зерна, что же есть здѣсь другое? Есть, правда, скотъ и вѣроятно будетъ табакъ, но объ этомъ я не могу сказать ничего опредѣленнаго, хотя и сожалѣю, что грѣховоднику все-таки есть чѣмъ поживиться.

Однако же и это прискорбное обстоятельство значительно смягчается еще третьимъ, кромѣ перечисленныхъ выше, препятствіемъ грядущему грѣховоднику. И препятствіе это пожалуй что будетъ поцѣннѣе всѣхъ вышеупомянутыхъ: это — бухта. Она дѣйствительно похожа на котелъ и кипитъ какъ котелъ на огнѣ, когда начнетъ здѣсь свирѣпствовать нордъ-остъ или по-здѣшнему *бора*. Порожняки-извозчики, переѣзжая въ такіе бурные дни черезъ горы, наполняютъ свои фургоны и телѣги камнями, иначе вѣтеръ снесетъ ихъ въ овраги, перевернетъ и изобьетъ какъ ему угодно.

— Иной разъ бываетъ такая штурма — говорилъ мнѣ сторожъ на пристани русскаго общества пароходства — не приведи Богъ! По цѣлымъ недѣлямъ не заходятъ пароходы: не пускаетъ буря. И якорь не держитъ, дно каменное, не за что зацѣпить.

Разсказалъ онъ мнѣ, что будто-бы хотятъ (не знаю, кто именно) рвать горы, окружающія бухту, динамитомъ, чтобы «вродѣ какъ отдушины сдѣлать для воздуху, а то какъ надавитъ его, сюда, въ котелъ-то, такъ точно адъ кромѣшный раскрывается!»

Не знаю, была ли «штурма» въ то время, какъ я разговаривалъ со сторожемъ на пристани, но, пока шелъ разговоръ, я долженъ былъ изо всѣхъ силъ держать одною рукой шапку, а другою держаться за фонарный столбъ, потому что, на мой взглядъ, вѣтеръ рвалъ, какъ бѣшеный. Да и не только на пристани, а вотъ и въ гостинницѣ, все-таки на нѣкоторомъ разстояніи отъ самой «штурмы», и то приходится имѣть съ вѣтромъ безпрестанныя столкновенія! Гдѣ-нибудь отворятъ дверь, а вѣтеръ такъ ее затворитъ, что точно изъ пушки выпалитъ, и потрясетъ все зданіе. Покуда выбьешься изъ подъѣзда на улицу, необходимо имѣть продолжительную дуэль съ дверью подъѣзда, необходимо нападать на нее, собравъ всѣ свои силы, бросаться очертя голову, и вообще не бояться смерти.

Все это весьма меня радовало, и я съ удовольствіемъ подумывалъ о томъ, что, быть можетъ, съ Божьей помощью, а также и съ помощью трескуна, изнѣженнаго зерна, неумолимой боры и капризной бухты — быть можетъ, грѣховоднику-капиталу и не удастся замусорить этихъ дѣвственныхъ мѣстъ, не придется «почавкать» своею сладострастною пастью всякаго свѣженькаго мясца и «кровушки свѣженькой изъ дѣвственныхъ мѣстъ повыточить».

Много, много здѣсь весьма благопріятныхъ условій для того, чтобы грѣховодникъ «не солоно хлебалъ» (такъ мнѣ казалось), но, къ несчастью, не меньше есть и признаковъ того, что грѣховодникъ идетъ, что онъ близко, что онъ уже разѣваетъ свою пустопорожнюю пасть, и охотниковъ свѣженькой кровушки повыточить не мало стремится въ эти дѣвственныя мѣста. *)

Еще по дорогѣ къ Ростову, затѣмъ на владикавказской линіи и далѣе, по станицамъ и по большой конной дорогѣ къ Новороссійску, постоянно встрѣчаются люди какихъ-то полутемныхъ біографій, мечтающіе и разсуждающіе о Новороссійскѣ. По разговору видно, что люди эти уже видали виды; бывали они и въ Бессарабіи, и Петербургъ знаютъ, да и въ Ташкентѣ, въ Закаспійскомъ краѣ изучили положеніе дѣлъ и кармановъ и, убѣдившись, что вообще во всѣхъ видѣнныхъ ими мѣстахъ никакого карманнаго «толку нѣтъ» и что вообще все это «пустой разговоръ», въ концѣ-концовъ норовятъ «попробовать и Новороссійскъ». Иные изъ нихъ откладываютъ эту пробу до того времени, когда будетъ открыта желѣзная дорога, а другіе и теперь ѣдутъ и обнюхиваютъ новое мѣсто.

Ѣдутъ какіе-то восточнаго типа верзилы въ фескахъ, съ удрученной походкой, съ безпомощно болтающеюся головой, какъ бы притягиваемой къ землѣ тяжеловѣснымъ восточнымъ носомъ; ѣдутъ они сюда съ какимъ-то непостижимымъ товаромъ, напоминающимъ обсахаренный мусоръ, взятый съ улицы, съ какими-то маленькими ягодами, перепачканными въ обсахаренную грязь; но ихъ верзильный ростъ и воловьи, съ тупымъ выраженіемъ, глаза заставляютъ думать, что имъ не чуждъ и тотъ родъ коммерціи, въ корнѣ котораго таится коммерческій пріемъ, опредѣляемый словами «сѣкимъ-башка».

И жидокъ, нервный, напряженно внимательный, проворный, какъ ртуть, шмыгая по дѣвственнымъ мѣстамъ изъ угла въ уголъ, норовитъ прицѣлиться своимъ проницательнымъ взоромъ къ чему-нибудь свѣженькому и сочному.

Наконецъ и наша великороссійская «бакалейная и мускательная» щетинистая рыжая борода по временамъ также сверкаетъ здѣсь бураками своихъ молодцовскихъ сапогъ. Выйдя съ постоялаго двора и перекрестившись большимъ крестомъ,

---

*) Увы! Пришелъ-таки и разинулъ пасть.

она бодро отправляется развѣдывать и прицѣниться; тамъ запускаетъ руку въ возъ сѣна; выхватитъ клокъ, понюхаетъ и даже пожуетъ; тамъ въ горсти у нея окажется пшеничка, ячмень, овесъ; все это борода попробуетъ на зубъ, разгребетъ пальцемъ, подуетъ и на руку вѣсомъ прикинетъ, а потомъ крикнетъ и пойдетъ въ заведеніе пить чай, соображать и прикидывать «такъ и эдакъ».

Но пока всѣ эти опыты всѣхъ охотниковъ «свѣженькой кровушки повыточить» не увѣнчиваются никакими положительными результатами. Сколько обнюхиватели новыхъ мѣстъ ни упражняютъ своего обонянія — нѣтъ! пока ни откуда еще не несетъ падалью. Напротивъ, все еще дѣвственно, свѣжо и чисто. Попробуютъ они и «на зубъ», и «на языкъ», и на руку привѣсятся, и глазомъ прицѣлятся, да съ тѣмъ пока и должны отправляться въ обратный путь, въ какія-нибудь новыя, уже тронутыя «грѣховодникомъ» мѣста, напримѣръ въ Екатеринодаръ.

Этотъ городъ дѣйствительно уже тронутъ практическимъ человѣкомъ. И хотя желѣзная дорога еще не открыта, но практическій дѣятель уже свилъ себѣ здѣсь прочное гнѣздышко, и, глядя на «процвѣтаніе» Екатеринодара, нельзя не порадоваться непроцвѣтанію Новороссійска: бухта — слава Создателю!—пустымъ-пустехонька; на пристани общества пароходства всего только пять керосиновыхъ бочекъ, съ десятокъ лодокъ у берега, на самомъ берегу штукъ пять не введенныхъ въ воду купаленъ — вотъ пока и все здѣшнее процвѣтаніе. Вся синяя, волнующаяся гладь залива, окаймленнаго дѣвственными горами, пока, слава Богу, чистехонька: ни лодочки, ни парохода, ни паруса! Ко всему этому ни у лодокъ, ни у купаленъ, ни на пристани около керосиновыхъ бочекъ нѣтъ ни единой человѣческой фигуры: ходитъ вѣтеръ, да волны шумятъ, и никакой язвы покуда ни откуда не видать...

Да и на берегу все слава Богу честно и благородно: домики стоятъ кое-гдѣ, «какъ Богъ привелъ»; живетъ ли кто въ нихъ — неизвѣстно; но все, благодареніе Богу, тихо. Амбарчики кто-то выстроилъ на «предбудущія времена», но «пока чтò», а амбарчики заперты на глухо и напрасно нордъ-остъ стучитъ въ запертую желѣзную дверь и рветъ желѣзный висячій замокъ — ничего еще въ этихъ амбарчикахъ нѣтъ, а Богъ дастъ, такъ ничего и не будетъ!

— Что-то Богъ дастъ завтра! — оканчивая свой торговый день, говоритъ нашъ россійскій мужичокъ, выдвинувшій въ упоръ нордъ-осту и грядущему грѣховоднику-капиталу свой деревянный шалашикъ съ надписью: «кислощейное заведеніе съ продажею квасу». И нельзя не согласиться съ нимъ, что «завтра» для Новороссійска покрыто полнымъ мракомъ неизвѣстности.

Этотъ «кислощейный» мужикъ и этотъ дѣвственный Новороссійскъ чрезвычайно похожи другъ на друга: мужичокъ выстроилъ на самомъ юру вѣтровъ шалашикъ изъ шести-семи нестроганныхъ тесинъ, прилѣпилъ вверху навѣса кислощейную вывѣску, повѣсилъ на стѣну «патретъ» и видъ Аѳонской горы, поставилъ на тесину, замѣняющую стойку, боченокъ съ квасомъ, три толстобокихъ стакана, пятокъ бутылокъ съ квасомъ, перекрестился и вмѣстѣ съ своей «бабой» сталъ ждать «что будетъ». До сихъ поръ пока ничего нѣтъ: только нордъ-остъ забирается ему подъ рубаху, вздуваетъ ее пузыремъ на его спинѣ. Что касается его «бабы», то и она пока имѣетъ дѣло только съ нордъ-остомъ: чуть вышла изъ будки, такъ вѣтромъ ее подхватитъ, раздуетъ весь ея «ситчикъ» и, того гляди, умчитъ невѣдомо куда. Идутъ и наши земляки мимо кислощейной, да вѣтрено, и пить холодно, неохота «пока», а носастые азіаты, такъ тѣ, проходя мимо, только косятъ глазами и на бочку, и на вывѣску. Такъ и проходитъ день; а часовъ въ семь мужикъ съ бабой выберутся изъ будки, заставятъ ее досками, помолятся на небо, поклонятся на всѣ четыре стороны и идутъ домой, на фатеру, «пожевать» вѣсового хлѣба намѣсто ужина, идутъ и говорятъ:

— Что-то Богъ дастъ завтра!

А завтра тотъ-же вѣтеръ, и все то же, что и вчера. Такъ вотъ Новороссійскъ и живетъ, ничего не видя «настоящаго» сегодня и не зная, что Богъ дастъ завтра!

Сегодня, чтобы какъ-нибудь истратить цѣлый праздный день, остающійся въ моемъ распоряженіи до прихода парохода, я задумалъ совершить цѣлыхъ пять дѣлъ и зайти въ пять разныхъ мѣстъ, полагая, что на эти пять дѣлъ уйдетъ все-таки хоть два часа времени. Задумалъ я пойти на пристань, на почту, на телеграфъ, въ лавку купить чаю и наконецъ остричься.

Послѣ кровопролитной и продолжительной битвы съ дверью подъѣзда, во время которой я два раза почти уже одержалъ побѣду и проникалъ на улицу, но тотчасъ же былъ вдуваемъ или даже вбиваемъ вѣтромъ во-внутрь гостинницы, точно такъ, какъ пулю вбиваетъ шомполъ въ дуло ружья,— послѣ всѣхъ этихъ мученій, я въ концѣ-концовъ очутился всетаки на улицѣ, и здѣсь, оглядѣвшись, къ крайнему сожалѣнію моему, увидѣлъ, что всѣ пять мѣстъ, которыя я задумалъ посѣтить, находятся тутъ же, чуть не у самаго подъѣзда, сосредоточиваясь такимъ образомъ всѣ въ одномъ мѣстѣ: въ двухъ шагахъ почта, еще два шага—телеграфъ, черезъ дорогу «бакалейная и мускательная», а въ десяти шагахъ и пристань. Все это, при дѣятельномъ участіи нордъ-оста, я посѣтилъ не болѣе какъ въ пять минутъ, и мнѣ оставалось одно утѣшеніе — парикмахерская, гдѣ ужъ навѣрное я пробуду минутъ пятнадцать и такимъ образомъ хоть эти пятнадцать минутъ отниму у совершенно празднаго дня. Парикмахерская опять-таки оказалась «тутъ-же», въ двухъ шагахъ, и была также совершенно дѣвственна: на дверяхъ были нарисованы люди: одного брѣютъ, у другого отворяютъ кровь,—рисунки, какъ видите, почти столь же древніе, какъ и византійскія фрески. У самой двери на полочкѣ сто-

яли «банки» и лежали машинки для кровопусканія—тоже инструменты, давно исчезнувшіе изъ современной парикмахерской. Въ комнатѣ было накурено, такъ какъ въ ней отъ нечего дѣлать и очевидно въ ожиданіи «что Богъ дастъ завтра» сидѣли разные люди восточнаго, еврейскаго и россійскаго типа изъ числа «присматривающихся», «прицѣливающихся глазомъ», пробующихъ и на языкъ, и на зубъ и вообще ожидающихъ у моря погоды. Дѣлать имъ было, очевидно, ровно нечего, и они все свое вниманіе сосредоточили на мнѣ и на парикмахерѣ, который меня стригъ; они такъ же, какъ и я, наклоняли голову въ ту сторону, въ которую парикмахеръ наклонялъ мою, дѣлали такія же гримасы, какія приходилось дѣлать мнѣ, и даже дѣлали замѣчанія.

— Пожалуйста уха барину не отрѣжь ножницамъ! сказалъ какой-то азіатъ. — Ти мнѣ уха рѣзалъ!

— Зачѣмъ намъ ухо рѣзать! Слава Богу, кажется, на своемъ вѣку довольно практиковалъ!

Но и это занятіе, къ сожалѣнію, весьма скоро прекратилось. Прекратилъ его я самъ, испугавшись какой-то горчичницы, изъ которой парикмахеръ хотѣлъ что-то вылить мнѣ на темя. Поблагодаривъ его за услугу, я поспѣшилъ уйти, и затѣмъ мнѣ ничего иного не оставалось, какъ возвратиться въ гостинницу, т. е. сдѣлать еще только два шага.

Гостинница пуста: кромѣ меня и какого-то чернаго человѣка, очевидно съ полутемной біографіей и таинственнымъ большимъ узломъ съ таинственнымъ товаромъ, сидящаго въ темномъ нумерѣ, никого нѣтъ. Въ залѣ накрытъ общій столъ и стоитъ открытое піанино; но никто не играетъ и никто ничего не ѣстъ. Лакей спитъ; поспитъ, встанетъ, обмахнетъ салфеткой лампу, графинъ, вздохнетъ и опять сядетъ къ столу—дремать на своихъ локтяхъ. Тишина мертвая; только вѣтеръ свищетъ въ окнахъ, въ дверяхъ, въ трубѣ, въ заслонкѣ, да кошка мяукаетъ безпрестанно. Весь домъ, въ ожиданіи «не будетъ ли чего нибудь», предпочитаетъ дремать и даже, кажется, спитъ. На площади передъ окнами стоитъ одинъ ломовой извозчикъ и идетъ одинъ прохожій.

Надо спать. И спать здѣсь хорошо, да и проснувшись, также хорошо себя чувствуешь: необыкновенно пріятно побыть нѣкоторое время въ такомъ «мѣстѣ», гдѣ ничего не знаешь о прошедшемъ, гдѣ нѣтъ ничего въ настоящемъ и гдѣ поэтому не безпокоитъ мысль о будущемъ. Тишина, вѣтеръ—и ровно ничего такого, что бы могло навести на какія-нибудь личныя воспоминанія о прошломъ и предаться поэтому невеселымъ думамъ о всякихъ пережитыхъ тяготахъ и безплодно утраченныхъ годахъ. Правда, приходили терзать меня и такія думы и воспоминанія, но систематическое отсутствіе впечатлѣній, упорная тишина, упорный шумъ вѣтра, пустота улицы и дома преодолѣвали напряженность мысли о прошломъ и дѣлали мысль совершенно свободной, вольной. А разъ ей, этой изболѣвшей мысли, выпала на долю такая счастливая минута, не захочетъ она добровольно утомлять себя, умственно возвращаясь къ покинутымъ воспоминаніямъ о тяготѣ жизни. Почувствовавъ себя на полной свободѣ, она какъ птица, выпущенная изъ клѣтки, летитъ къ свѣту и къ солнцу.

Вотъ такое-то стремленіе овладѣло и моей мыслью, которой въ этомъ миломъ «мѣстѣ», именуемомъ Новороссійскъ, не за что было ухватиться, чтобы заскучать и затосковать, и потому мнѣ стало припоминаться только то, что оставило въ душѣ свѣтлый слѣдъ. А на мое счастье, одна только недѣля переѣзда отъ Петербурга до Новороссійска, т. е. одна недѣля самаго поверхностнаго соприкосновенія съ живою жизнью русскаго народа, уже много дала мнѣ радостныхъ минутъ. Объ этихъ-то радостныхъ минутахъ я и сталъ думать среди моего прекраснѣйшаго и ненарушимаго одиночества и, думая, ясно понялъ, почему мнѣ стало теперь такъ весело на душѣ, почему меня такъ обрадовали и эти тихія горы, и этотъ «трескунъ», и нордъ-остъ, и вообще все, что видѣлъ мой глазъ. Была этому началу радости серьезная причина и заключалась она въ слѣдующемъ.

III.

Наслушавшись въ Ростовѣ на станціи разговоровъ между проѣзжими о томъ, что новая дорога отъ ст. Тихорѣцкой до Новороссійска уже дѣйствуетъ и что по ней уже ѣздятъ, хотя она оффиціально и не открыта, я задумалъ и самъ проѣхаться по ней и посмотрѣть на новыя невиданныя мною мѣста. Но при первой же справкѣ у начальства оказалось, что поѣзда ходятъ только служебные, а пассажировъ не принимаютъ. Такой неласковый отвѣтъ начальства далъ мнѣ поводъ опять загрустить о чемъ-то.

Нужно сказать, что при всей моей радости видѣть живую жизнь, тоска, намучившая меня въ Петербургѣ, постоянно мѣшала моимъ веселымъ впечатлѣніямъ въ первые дни поѣздки. Маленькія радости поминутно омрачались привычной болью изломаннаго сердца, и на смѣну вотъ этой капелькѣ тепла, живой радости—грубо надвигалась черныя и какъ ледъ холодныя воспоминанія. Мгновеніями казалось, что въ такомъ настроеніи и ѣхать-то некуда и незачѣмъ, и малѣйшая непріятность, даже простое неудобство, положительно сокрушали и обезсиливали, такъ какъ трогали уже изболѣвшіе отъ черныхъ впечатлѣній нервы, уничтожали надежду на что-нибудь радостное, обезсиливали. Вотъ въ такое-то обезсиленное, близкое къ полной тоскѣ, состояніе привелъ меня и такой пустякъ, какъ отказъ «начальства» въ билетѣ на проѣздъ отъ Тихорѣцкой станціи до Екатеринодара. Стало мнѣ какъ-то непомѣрно скучно и тяжко, но это продолжалось по обыкновенію только мгновеніе, тѣмъ болѣе, что и само Провидѣніе уже пеклось обо мнѣ.

Въ то время, когда я шелъ разочарованный послѣ разговора съ начальствомъ, на меня при-

стально и по-отечески смотрѣли ласковые глаза какого-то россійскаго человѣка. Это былъ какой-то низшій желѣзно-дорожный служитель въ рабочей блузѣ, съ бляхой и въ черномъ картузѣ съ бѣлымъ позументомъ. Его доброе, мягкое сердце вѣроятно почуяло, что у меня на душѣ нескладно, что мнѣ не весело, и онъ, какъ добрый человѣкъ, должно быть подумалъ обо мнѣ:

«Зачѣмъ ему начальникъ непріятныя слова говоритъ? Лучше же ему пріятныя слова говорить, а не то что обижать!.. Все одно: на новую дорогу его не пустятъ, а ежели съ нимъ по пріятному поговорить, такъ все же ему будетъ легче. Пойду-ка я ему поговорю по-пріят-но-му-то?.. Пускай же онъ хошь повеселѣй... не доѣдетъ!»

Сообразивъ и обдумавъ все это, добрый человѣкъ кашлянулъ, поправилъ кожаный поясъ, развеселилъ свое лицо и ласково сказалъ, подойдя ко мнѣ съ картузомъ въ рукахъ:

— Вы что такое, вашскобродіе, у обера спрашивали?

Я сказалъ и спросилъ его:

— Даютъ ли по крайней мѣрѣ на Тихорѣцкой-то билеты?

Добрый человѣкъ вмѣсто отвѣта сдѣлалъ такой видъ (фыркнулъ въ сторону и картузомъ закрылъ полъ-лица), что далъ мнѣ полную возможность видѣть, до какой степени размѣшилъ его мой нелѣпый вопросъ:

— Да сколько вамъ будетъ угодно, столько вамъ билетовъ и дадутъ! какъ бы оправившись отъ комическаго положенія, въ которое я его поставилъ, сказалъ онъ самымъ успокоительнымъ и убѣдительнымъ тономъ.

— Будто дадутъ?

— И, будьте такъ добры, оставьте!

— Вотъ это славно!

— И сколько вамъ угодно! И очень просто! Какъ сейчасъ пріѣхали и сейчасъ взяли билетъ, и больше ничего—поѣзжайте съ Богомъ!

— Отлично!

— И ни Боже мой, нисколько! А какъ будетъ звонокъ, тогда я прибѣгу за вашимъ чемоданчикомъ, извольте только помнить седьмой номеръ... И билетикъ до Тихорѣцкаго возьму, и мѣсто займу!

— Ну, спасибо! Отлично!

Онъ такъ пріятно говорилъ, что я тутъ же счелъ нужнымъ его поблагодарить «въ руку».

— А вы, продолжалъ онъ, изыскивая новые способы проявить свою ласковость,—а вы извольте спокойно гулять, чай кушать. Или порціями чего-нибудь, что потребуется, и нисколько не опасайтесь! Сколько потребуется билетовъ, столько и дадутъ, и поѣдете съ Богомъ, пріятнымъ манеромъ... Даже и насмѣшили вы меня, господинъ, вашими словами, ей-Богу!.. Да сколько только угодно!..

— Ну, спасибо, спасибо! Благодарю очень!

Пріятныя слова добраго человѣка дали мнѣ возможность въ самомъ пріятнѣйшемъ расположеніи духа провести время въ ожиданіи поѣзда, въ такомъ же пріятнѣйшемъ состояніи ѣхать всю дорогу до Тихорѣцкой, да и тамъ, когда оказалось, что добрый человѣкъ единственно только изъ-за своей доброты создалъ легенду о раздачѣ билетовъ, и тамъ мнѣ не было скучно, потому что легенда была веселая и выдумана не подъ вліяніемъ дурныхъ побужденій. «Добрый человѣкъ!»—думалось мнѣ, когда я окончательно убѣдился, что билетовъ нѣтъ и что вмѣсто нихъ только одна пріятная легенда. За эту пріятную легенду я и сейчасъ благодаренъ доброму человѣку, потому что ей я обязанъ хотя и совершенно случайной, но въ высшей степени радостной встрѣчѣ съ одною переселенческою партіей крестьянъ.

Когда эпизодъ съ легендой о билетахъ (просьба у начальника станціи, оберъ-кондуктора, даже буфетчика и постоянные отвѣты «Нѣтъ! Невозможно! Не дозволяется!») былъ совершенно законченъ, т. е. когда поѣздъ ушелъ, станція совершенно опустѣла, и мнѣ пришлось искать себѣ ночлега, тогда, оставивъ свои вещи у сторожа, я вышелъ со станціи на какое-то огромное пустопорожнее безмолвное пространство и, оглядѣвшись, запримѣтилъ вдали мельканіе нѣсколькихъ огоньковъ. На эти огоньки я и пошелъ.

Свѣтилось по русскому обычаю въ самомъ популярномъ и передовомъ во всѣ времена и во всякомъ мѣстѣ учрежденіи—въ кабакѣ. Рядомъ съ кабакомъ былъ и трактиръ съ «номерами», гдѣ мнѣ пришлось взять комнату, такъ какъ на станціи не было ни малѣйшихъ удобствъ для пріѣзжающихъ. Но номеръ былъ такъ малъ, душенъ, грязенъ и вообще невозможенъ во всѣхъ отношеніяхъ, что, помаявшись въ немъ часа два, я не выдержалъ и вышелъ на улицу.

Было темно; тучи застилали мѣсяцъ, который какъ будто силился выглянуть и высвободиться изъ этой темноты, но темнота упорно въ этомъ ему препятствовала. Едва можно было разглядѣть человѣческія фигуры, длиннымъ рядомъ сидѣвшія на длинной лавкѣ у забора, примыкавшаго къ воротамъ трактира. Кое-какъ оглядѣвшись въ темнотѣ и примѣтивъ на концѣ лавки кусокъ свободнаго мѣста, присѣлъ въ компанію къ этимъ неяснымъ фигурамъ и я. На мое счастье мѣсяцъ вырвался-таки изъ тюрьмы весеннихъ тучъ и осіялъ всю окрестность на огромное пространство. Ясно очертились недостроенные корпуса будущей большой станціи. Засверкали на двухъ-трехъ изъ новаго теса сколоченныхъ бивачныхъ лавкахъ золотыя буквы вывѣсокъ, стали видны тамъ и сямъ крыши бараковъ для рабочихъ и наскоро сколоченныя помѣщенія для служащихъ—вотъ и все, что осіялъ вырвавшійся изъ тучъ мѣсяцъ. Никакихъ иныхъ сооруженій, кромѣ кабака и трактира, о которыхъ я уже упоминалъ, на ровномъ, безконечномъ пространствѣ, очертившемся подъ сіяніемъ луннаго свѣта, не было видно кругомъ. И несмотря на эту пустынность, къ моему большому огорченію, ужъ и сюда набрело немало всякаго случайнаго человѣка, который плетется на будущія грѣховодниковы приманки со всѣхъ концовъ Руси и во всѣ концы Руси. Мѣсяцъ, осіявшій окрестности, осіялъ

и моихъ сосѣдей, и я увидѣлъ сразу, что народъ этотъ—низшій сортъ, но непремѣнный спутникъ грѣховодника, вторгающагося во всѣ наши «непочатые углы». Должно быть, что города наши, гдѣ грѣховодникъ успѣлъ уже развернуться вполнѣ, накопили этого темнаго народа такъ много, что онъ вынужденъ расползаться не только по селамъ и деревнямъ, но даже и по такимъ пустырямъ, какъ то мѣсто, гдѣ мы теперь находились вмѣстѣ съ моими сосѣдями по лавкѣ.

Сосѣди эти по временамъ вставали съ лавки и уходили въ кабакъ, и фонарь, висѣвшій надъ дверью кабака, давалъ мнѣ возможность довольно отчетливо разсмотрѣть моихъ сосѣдей, ихъ фигуры и костюмы: резиновая калоша на одной ногѣ, а на другой ничего, штанина, разорванная до колѣна, рукава какихъ-то разорванныхъ во всѣхъ направленіяхъ хламидъ, также какъ и хламиды, разорванныя до локтя,—вотъ костюмы, и ко всему этому охрипшія горла, сиплые голоса. Разговоры этихъ охриплыхъ людей были совсѣмъ не крестьянскіе, т. е. не *о своихъ дѣлахъ*, а какъ разъ наоборотъ—о чужихъ; мои собесѣдники обсуждали положеніе дѣлъ, обозрѣвали текущія событія, «новости дня», какъ бы ища въ этомъ матеріалѣ чего-то подходящаго. И опять-таки ужасно: «новости дня» даже и въ такомъ-то пустопорожнемъ мѣстѣ, какъ недостроенная станція, уже изобилуютъ всякою несносною кляузой и мутью.

— Завтра, вишь,—хрипитъ и лаетъ обозрѣватель тихорѣцкихъ новостей дня,—слѣдователь пріѣдетъ.

— Н-ну? могильнымъ голосомъ, въ которомъ слышится испугъ и даже ужасъ, не вопрошаетъ, а какъ-то стонетъ человѣкъ въ резиновой калошѣ.—Чего ему?

— Хайкину лавочку будутъ обыскивать... Заклады беретъ, деньги даетъ пустяковыя, а выкупить не позволяетъ, упирается... У Сашки серебряный порцыгаръ такъ-то пропалъ.

— А чепочку тоже Сашка-то закладывалъ?

— Эта чепочка у Михайлы пропала. Сашка не закладывалъ.

Обозрѣватели полагаютъ, что Хайка непремѣнно должна вывернуться, такъ какъ Хайка заручилась отличнѣйшимъ адвокатомъ. Вонъ ужъ и адвокатъ завелся на пустомъ мѣстѣ, и на томъ же пустомъ мѣстѣ завелось адвокату дѣло. И сколько дѣлъ! Вотъ хоть бы этотъ кабакъ: вѣдь, кажется, что и стоитъ-то онъ на этомъ пустомъ мѣстѣ безъ году недѣлю, а ужъ «дѣло» опутало его со всѣхъ сторонъ! По закону выходитъ такъ, что трактирщикъ долженъ сломать цѣлыхъ полдома, именно ту часть, гдѣ находится кабакъ. Если онъ полдома разломаетъ, то поступитъ по закону. Если же не разломаетъ и не перенесетъ кабака на законное разстояніе, то онъ поступаетъ противъ закона и долженъ отвѣтить. Безъ адвоката, какъ видите, выпутаться невозможно, и адвокатъ, какъ я слышалъ отъ обозрѣвателей «дня», изловчается. Онъ хочетъ оставить и кабакъ, и трактиръ на томъ же мѣстѣ, причемъ все выйдетъ «по закону». Будетъ дѣло поставлено такъ: теперь крыльцо въ кабакъ прямо съ улицы, и если мѣрять отъ станціи до крыльца, то кабакъ будетъ противузаконный. Адвокатъ, обороняясь бумагами, въ то же время придумалъ слѣдующее: дверь съ улицы забить наглухо, а входъ въ кабакъ сдѣлать сбоку дома изъ заднихъ сѣней. Такимъ образомъ, если смѣрить отъ станціи до заднихъ сѣней, то окажется, что кабакъ имѣетъ «противъ закона» еще преимущество на двѣ съ половиной сажени.

— Одно слово — башка! хрипѣлъ обозрѣватель.—Здорово счистилъ съ трактирщика, а удѣлаетъ!

— Да, стóитъ!

Не мало въ самое короткое время наслушался я такихъ «новостей дня», и все самаго темнаго свойства; право, нельзя было не надивиться той поразительной быстротѣ, съ которою «рубль» въ столь короткое время умѣетъ собирать вокругъ себя такую пропасть всей этой мути.

Вѣдь давно ли, кажется, то самое мѣсто, гдѣ мы теперь сидимъ на лавочкѣ, было все чисто и свѣтло, и ничего здѣсь не было кромѣ степной травы; но вотъ пришло «предпріятіе», запахло наживой, «оборотомъ», и уже все тутъ есть: «и часы пропали... и въ залогъ принимаетъ... и адвокатъ наживаетъ... и слѣдователь ѣдетъ... и запечатывать хотятъ», а затѣмъ ужъ и судъ, и острогъ рисуются въ перспективѣ. Какая пропасть «дѣлъ» и людей, которые живутъ «вокругъ» этихъ дѣлъ! И какая скука отъ всего этого!

Опять затуманили мою голову тоскливыя мысли, и я хотѣлъ было оставить моихъ сосѣдей, господъ обозрѣвателей новостей дня, когда мое вниманіе было привлечено большой толпой простого народа, двигавшеюся по ярко освѣщенной мѣсяцемъ площади. Ближе и ближе—слышенъ звонкій и частый женскій и дѣтскій говоръ и смѣхъ—и цѣлая масса женщинъ съ грудными дѣтьми, молодыхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, мальчишекъ и подростковъ, лѣтъ по двѣнадцати, проходитъ мимо насъ, проходитъ съ живымъ говоромъ всей толпы, пискомъ ребятъ и смѣхомъ молодежи.

Дойдя до кабака, толпа остановилась, долго говорила тѣмъ чуднымъ, общимъ говоромъ, который пріятенъ и радостенъ уже тѣмъ, что вамъ до-нельзя хочется проникнуть въ его смыслъ, какъ хочется понять тайну того, о чемъ шумитъ рѣка, о чемъ говоритъ лѣсъ, что творится въ тайнахъ облаковъ и свѣтлаго неба. Въ этомъ говорѣ—не новости дня, а дѣло вѣчной, не умирающей жизни. Поговоря у кабака про свои живыя дѣла, толпа женщинъ прямо прошла въ кабакъ, вытѣснила оттуда всѣхъ оставшихся тамъ посѣтителей и въ одно мгновеніе заполонила обѣ его комнаты: одну, гдѣ пили водку, и другую—гдѣ стоялъ билліардъ. Билліардъ мгновенно былъ заваленъ полушубками, кошмами, подушками, на которыя бабы уложили своихъ дѣтей, которыхъ, буквально, были десятки. Скоро и на полу, и подъ билліардомъ, и по лавкамъ—повсюду стали раз-

мѣщаться бабы, раздѣваясь, молясь Богу, няньчая и баюкая ребятъ. Какъ пчелиный улей, зашумѣлъ и зажужжалъ сразу сдѣлавшійся тѣснымъ кабакъ, зашумѣлъ и зажужжалъ сотнею дѣтскихъ и женскихъ звонкихъ голосовъ.

Оказалось, что по ту сторону станціи желѣзной дороги, за полотномъ, размѣстилась большая партія переселенцевъ. На ночь, для ночлега женщинъ и дѣтей, переселенцы сняли помѣщеніе у трактирщика въ кабакѣ — по пяти копѣекъ за ночь съ человѣка, а мужчины ночуютъ около телѣгъ и лошадей въ полѣ. Поговорить и поразспросить кого-нибудь изъ женщинъ о подробностяхъ ихъ переселенія оказалось неудобнымъ — всѣ онѣ устали, заняты были ребятами и вообще имъ было не до разговоровъ. Волей-неволей пришлось отложить всѣ разговоры и разспросы до утра, когда, по словамъ одной женщины, должны были придти къ нимъ мужики пить чай, брать воду. Нечего было дѣлать, надобно было ждать до утра, и я, кое-какъ промаявшись ночь въ моей клѣтушкѣ, утромъ, часу въ шестомъ, былъ уже опять на улицѣ, уже разговаривалъ съ переселенцами, и вотъ они мнѣ что̀ разсказали.

Они — бывшіе крѣпостные крестьяне Кочубея, идутъ изъ Черниговской губерніи, Борзенскаго уѣзда, въ количествѣ ста восьмидесяти семей; идутъ они конечно отъ тѣсноты и недостатка земли, по направленію къ Екатеринодару. Въ тридцати верстахъ отъ этого города, у нѣкоего землевладѣльца г. Воловика, купили они 2,000 дес. земли, изъ которыхъ около двухсотъ десятинъ строевого лѣсу въ предгорьяхъ. Покупка эта сдѣлана по публикаціи самого г. Воловика, кажется въ *Сельскомъ Вѣстникѣ*. Прочитавъ эту публикацію, они отправили ходоковъ осмотрѣть мѣсто; ходоки осмотрѣли, нашли мѣсто удобнымъ и дали владѣльцу 10 т. задатка. Но такъ какъ покупка земли была не общественная, а единичная, и сто восемьдесятъ домохозяевъ покупали каждый отдѣльно и «по деньгамъ», то для окончанія этого дѣла г. Воловикъ самъ долженъ былъ (на счетъ переселенцевъ) пріѣхать въ Черниговскую губернію, въ Борзенскій уѣздъ, и заключить съ каждымъ отдѣльно особыя частныя условія, а затѣмъ всѣ сто восемьдесятъ домохозяевъ, желая получить ссуду изъ крестьянскаго банка, ходатайствовали объ этой ссудѣ уже отъ имени цѣлаго общества.

За двѣ тысячи десятинъ съ лѣсомъ и пятидесятью избами (въ этихъ избахъ жили, до покупки земли крестьянами, также крестьяне, только арендаторы; послѣ продажи земли г. Воловикъ перевелъ ихъ на другой свой участокъ и будто бы хорошо вознаградилъ за постройки) они заплатили шестьдесятъ тысячъ рублей; изъ нихъ сорокъ пять тысячъ рублей заплачены самими крестьянами, а пятнадцать тысячъ, по 7 руб. за десятину, далъ крестьянскій банкъ. Количество купленной крестьянами земли распредѣляется между отдѣльными домохозяевами примѣрно такъ: самое меньшее — шесть десятинъ и самое большее—сорокъ. Откуда взяли крестьяне сорокъ пять тысячъ наличныхъ денегъ? Деньги эти получились отъ продажи земли на родинѣ. Тамъ они продали свою землю не менѣе 150 р. за десятину и до 200 р. Одинъ переселенецъ продалъ только двѣ десятины земли съ усадьбой и взялъ за эту усадьбу двѣ тысячи рублей. Денегъ отъ продажи земли и скота у нихъ образовалось вполнѣ достаточно для того, чтобы переселиться не съ голыми руками; напротивъ, деньги на обзаведеніе, на покупку всего необходимаго, были у нихъ въ весьма достаточномъ количествѣ. Покупка состоялась въ прошломъ году, и тогда же, осенью, изъ Борзенскаго уѣзда они отправили на новую землю шестьдесятъ человѣкъ изъ своихъ товарищей, которые распахали часть земли подъ озимое, засѣяли ее и воротились назадъ. Теперь такимъ образомъ переселенцы имѣютъ уже хлѣбъ на весь будущій годъ.

Въ Тихорѣцкой станціи они очутились по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ очутился и я, т. е. думали проѣхать по желѣзной дорогѣ до Екатеринодара; но дорога не согласилась исполнить ихъ желаніе, и они, нисколько впрочемъ не унывая, живутъ здѣсь, ожидая прихода по желѣзной дорогѣ вещей и разной клади, нѣсколько сотъ пудовъ, закупая у окрестныхъ жителей лошадей и подводы для перевозки ея и семействъ. Прежде чѣмъ приступить къ этой покупкѣ, они пробовали еще разъ по телеграфу ходатайствовать у правленія дороги о перевозкѣ, но все-таки получили отказъ. Кстати сказать, телеграфъ много сдѣлалъ имъ добра, и они очень навострились имъ орудовать; всѣ важнѣйшія операціи относительно г. Воловика, крестьянскаго банка и желѣзныхъ дорогъ— они обдѣлывали по телеграфу безъ проволочекъ. Благодаря разумному веденію дѣла, они добились того, что переѣздка отъ ст. Плиски курско-кіевской дороги до Ростова обошлась имъ всего по 8 руб. на взрослаго человѣка и по 4 руб. на подростка.

Всѣ эти свѣдѣнія я получилъ, повторяю, уже на другой день, разговорившись съ переселенцами, пришедшими къ женамъ и дѣтямъ. И разсказы ихъ, и сами они произвели на меня самое радостное впечатлѣніе.

Какъ видите, эта переселенческая партія—партія совершенно не нищенская; у нея есть достатокъ; есть все, что нужно; всѣ дѣла свои она сдѣлала умно, разсчетливо, безъ умопомраченія, и пріѣхала именно туда, куда ей слѣдовало пріѣхать, а не колесить невѣдомо гдѣ, прося «Христа ради» подъ окнами, какъ это часто бываетъ съ нашими переселенцами, идущими на «бѣлыя воды». Почти всѣ сто восемьдесятъ семей были семьи молодыя. За исключеніемъ нѣсколькихъ стариковъ и старухъ, принадлежащихъ къ большимъ семьямъ, положительно всѣ остальные мужчины были никакъ не старше 30—35 лѣтъ. Это было уже новое, послѣреформенное поколѣніе крестьянъ; гораздо больше половины взрослыхъ были грамотные, а подростки—грамотны всѣ; вся толпа мужчинъ и женщинъ, парубковъ и дивчатъ была просто какъ на подборъ: молодые, здоровые, ни ка-

пельки не забитые, безъ малѣйшихъ признаковъ какого-либо ярма, которое когда-то лежало на нихъ. Единственное, что было въ ихъ прошлой, недавней жизни тяжкаго и непріятно вспоминаемаго, это, кромѣ малоземелья, «панъ» вообще и къ сожалѣнію рядомъ съ паномъ «жидъ». Но теперь, избавившись отъ наемной работы и отъ жидовской кабалы, они вспоминали о томъ и другомъ не иначе, какъ въ смѣхотворной анекдотической формѣ. На панской работѣ—для потѣхи разсказываютъ они теперь—кормятъ такимъ борщемъ, что когда остатки его выльютъ на землю, то всякая собака, которая подойдетъ и понюхаетъ, начинаетъ лаять и бѣсноваться — такой славный у этого борща запахъ и вкусъ!

— А жидъ?

Жидъ много дѣлалъ зла, но и жидовское зло вспоминается теперь только въ смѣхотворномъ видѣ.

Приходитъ крестьянинъ къ жиду, проситъ рубль серебромъ въ долгъ на одинъ годъ и даетъ въ закладъ полушубокъ. Жидъ беретъ полушубокъ и говоритъ, что процентовъ на рубль въ годъ будетъ тоже рубль. Мужикъ согласенъ и взялъ рубль. Но только-что онъ хотѣлъ уйти, какъ жидъ говоритъ ему: «Послушай, тебѣ вѣдь все равно, когда платить проценты, теперь или черезъ годъ? Теперь или черезъ годъ—все равно вѣдь отдашь рубль?» Мужикъ соглашается съ этимъ и говоритъ: «Все равно!»—«Такъ отдай теперь и ужъ не безпокойся цѣлый годъ». Мужикъ и съ этимъ соглашается и отдаетъ рубль, чтобы ужъ совсѣмъ не безпокоиться о процентахъ. Отдавъ рубль, онъ приходитъ домой и безъ денегъ, и безъ полушубка, и въ долгу

А то вотъ и еще.

Къ шинкарю приходитъ крестьянинъ и проситъ въ долгъ четверть вина: у него ребенокъ умеръ, надобно справлять похороны. «Деньги есть?»—«Нѣтъ, нѣтъ денегъ!»—«Ну, убирайся къ чорту!» Мужикъ уходитъ, но черезъ нѣсколько минутъ опять возвращается. «Принесъ деньги?» спрашиваетъ шинкарь. — «Нѣтъ, не принесъ... Я воротился попросить, чтобы ты хоть этой-то четверти не приписывалъ!», т. е. не приписывалъ бы той четверти, которую мужикъ только заикнулся попросить.

Въ этомъ родѣ было разсказано множество презядовитыхъ исторій, но всѣ онѣ, рисуя дѣйствительно большую кабалу, были въ разсказчикахъ смягчены радостнымъ сознаніемъ того, что все это кончилось, осталось тамъ, гдѣ-то далеко-далеко, и не повторится никогда.

Глядя на этихъ здоровыхъ, свободныхъ, не голодныхъ, не холодныхъ, хорошо, тепло, красиво одѣтыхъ въ самодѣльное и самотканное платье людей, слушая ихъ свободную, остроумную рѣчь, я рѣшительно позабылъ самое слово *мужикъ*. Да, это настоящіе *свободные люди*—именно *люди*, независимые вполнѣ, такъ какъ надъ ними нѣтъ теперь даже ненавистнаго жида. Это несомнѣнно была счастливая, рѣдкая встрѣча, но, благодаря ей, я могъ опять вспомнить самое важное и самое главное, что̀ таится въ самой сущности строя народной жизни.

Этотъ строй и эта сущность затемнились для насъ народнымъ разстройствомъ, неурядицами народной жизни, независящими отъ народа, и вмѣсто важнаго и главнаго насъ въ народѣ поражаютъ и останавливаютъ наше вниманіе его невольныя уклоненія отъ этой сущности, раны и язвы, покрывающія ее, которыя мы часто смѣшиваемъ съ непримѣчаемою нами сущностью типа народной жизни, дѣлаемъ признакомъ особенностей народной жизни то, что̀ въ сущности составляетъ только признакъ ея уродства, болѣзнь, а не самую сущность. Нищета, умственная робость и темнота, забитость, стонущая безпомощность растеряннаго человѣка, кроткая покорность безжалостной судьбѣ — никакихъ такихъ весьма впрочемъ обычныхъ для нашего крестьянина искаженій его человѣческой личности не было въ той большой толпѣ крестьянъ-переселенцевъ, которая мнѣ встрѣтилась, и вотъ потому, что, быть можетъ, случайно на ихъ долю выпало счастье освободиться отъ всѣхъ этихъ язвъ, вовсе не составляющихъ непремѣнную принадлежность жизни трудового народнаго типа, — сущность-то этого народнаго типа жизни и выяснилась предо мною во всей своей широтѣ и прелести.

Не «мужики» были предо мною, не труженики, не подвижники, не самоотверженныя или подвижнически цѣломудренныя существа, наконецъ вообще не взрослыя дѣти—нѣтъ! а только *свободные, независимые* люди. Каждый изъ нихъ, выражаясь словами кольцовской пѣсни, *слуга* самому себѣ и *хозяинъ* самого себя, то-есть самъ вдвойнѣ слуга и хозяинъ вмѣстѣ, не хозяинъ надъ кѣмъ-нибудь, какъ всѣ въ обществѣ, живущемъ въ условіяхъ, установленныхъ грѣховодникомъ, и не слуга кому-нибудь, какъ также непремѣнно всѣ, живущіе въ томъ же грѣховодническомъ обществѣ, но самъ-другъ, самъ вдвойнѣ—слуга и хозяинъ, т. е. человѣкъ, существующій не налагая ни на кого никакихъ путъ и самъ незапутанный никакими и ничьими путами.

Не «мужикъ» уже интересовалъ меня въ томъ, что теперь я видѣлъ передъ глазами, благодаря встрѣчѣ съ свободными и независимыми людьми, но уже открывалась какъ бы самая тайна желаній измученнаго человѣка вообще, очерчивался тотъ «образъ» человѣческой «жизни», жажда которой, несознанная, несмѣлая, таится въ глубинѣ души всякаго человѣка, живущаго въ наши дни. И вотъ почему мнѣ стало такъ весело.

II. Дополненія къ предыдущей главѣ.

I.

Подъ впечатлѣніемъ описанной встрѣчи я тогда же въ особой статьѣ подробно объяснилъ причину той радости, которую я ощутилъ въ душѣ, бла-

годаря этой встрѣчѣ; въ идущихъ на новую трудовую жизнь семьяхъ, такъ счастливо обставленныхъ въ матеріальномъ отношеніи, мнѣ очертился въ такой ясности и полнотѣ, какъ этого до сихъ поръ не случалось, образъ жизни *свободнаго* человѣка,—тотъ образъ жизни, о которомъ тоскуетъ мысль и совѣсть человѣка, измученнаго современнымъ строемъ культурной жизни, въ которой есть все, кромѣ свободной личности и свободной совѣсти.

Тогда же я привелъ кое-что изъ имѣвшихся у меня подъ руками матеріаловъ, доказывавшихъ, что въ европейской жизни данной минуты слышатся голоса, вопіющіе противъ существующаго строя жизни и ищущіе выхода для закабаленной этимъ строемъ человѣческой личности и совѣсти. Я привелъ тогда слова одного англійскаго крупнаго капиталиста, сказанныя имъ на какомъ-то митингѣ и опубликованныя въ газетѣ *Standart*, которыми онъ такъ характеризуетъ свое *плачевное*, какъ капиталиста, положеніе въ цѣлой цѣпи такихъ же плачевныхъ положеній окружающаго его общества: «Мы—только крошечныя звенья въ огромной цѣпи *ужасной организаціи* и только полное расклепаніе этой цѣпи можетъ дѣйствительно *освободить насъ* (богатыхъ-то фабрикантовъ!). Сознаніе безпомощности нашихъ индивидуальныхъ усилій (выйти изъ тисковъ этой ужасной организаціи) заставляетъ насъ (хозяевъ) принимать дѣятельное участіе *въ агитаціи противъ собственнаго нашего класса*—агитаціи, которая, если будетъ успѣшна, лишитъ насъ нашего положенія капиталистовъ. Пожертвовать этимъ положеніемъ, я думаю, *не покажется намъ тяжелымъ*, если мы вѣрно оцѣнимъ то благо, которое, при измѣненіи этихъ порядковъ, получитъ общество, и тѣ многочисленные дары, которыхъ не купишь за деньги. *Видѣть конецъ нищеты и роскоши*, найти досугъ и утонченныя удобства жизни среди тѣхъ, которые выполняютъ черную работу, видѣть чистое, здоровое искусство, развивающееся *невольно* изъ этого счастья жизни, видѣть намъ милые острова, освобожденные отъ слѣдовъ унижающей борьбы (труда и капитала)—борьбы за насущное существованіе и борьбы за богатство—развѣ участіе въ подобной жизни и удовольствіе чувствовать, что *всѣ мы* участвуемъ въ поддержаніи такого порядка жизни—развѣ всѣ эти радости могутъ быть похожи на тѣ, которыя можно пріобрѣсти за какія бы то ни было деньги? Мнѣ кажется, *что въ настоящее время богатые люди пытаются купить жизнь вродѣ этой, стремясь окружить себя, при помощи громадныхъ расходовъ, призракомъ порядка и довольства*, но въ результатѣ за всѣ эти деньги получаютъ одинъ миражъ». Далѣе ораторъ говорилъ, что онъ увѣренъ въ предстоящей перемѣнѣ строя жизни; что *пробужденіе совѣсти богатыхъ и состоятельныхъ есть лучшая гарантія противъ насильственнаго переворота*, и что вообще порядокъ, о которомъ онъ мечтаетъ, по его словамъ, уже *нарождается*.

Какой же этотъ порядокъ, какой строй жизни? Общее счастіе—возможно; указанія на это есть въ народномъ строѣ жизни—не въ мужицкомъ невѣжествѣ, тьмѣ, голодѣ и холодѣ, а въ *строѣ*, планѣ жизненнаго крестьянскаго обихода, жизненнаго порядка, устраняющаго разстояніе между хозяиномъ и работникомъ.

Тогда же, въ подтвержденіе того, что въ европейскомъ культурномъ обществѣ стремленіе къ *освобожденію* изъ неразрывной цѣпи *ужасной* организаціи отражается именно въ проповѣди народнаго типа жизни, т. е. проповѣди трудовой *жизни*, а не трудовой каторги изъ-за хлѣба, я привелъ рѣчь поденщика Джозефа Арча въ англійскомъ парламентѣ,—рѣчь, которую съ полнымъ вниманіемъ «слушали герцоги и лорды» и не могли не задуматься надъ глубокимъ ея смысломъ. Этотъ ораторъ—простой поденщикъ, съ дѣтскихъ лѣтъ прошедшій всю нужду рабочаго человѣка Вотъ какой у него видъ: «большая голова съ широкимъ лбомъ; глаза, добродушно смотрящіе изъ-подъ нависшихъ бровей; нѣсколько горбатый носъ; густые съ просѣдью волоса и борода; атлетическая грудь, при слегка согнутой спинѣ и большихъ грубыхъ рукахъ,—словомъ, типическая фигура человѣка, для котораго физическій трудъ составляетъ привычное занятіе. Это и есть Джозефъ Арчъ, *первый представитель земледѣльческаго сословія*, которое *только теперь* *), со времени завоеванія Англіи норманами, *начинаетъ понемногу подниматься въ смыслѣ общественномъ и экономическомъ*». «Этотъ депутатъ, вынужденный и въ депутатскомъ званіи кормиться трудами своихъ рукъ, всего лѣтъ десять тому назадъ жилъ исключительно земледѣльческимъ трудомъ, странствуя какъ работникъ по всей Англіи втеченіе 20-ти лѣтъ». Во время этихъ странствованій онъ бралъ съ собою только мѣшокъ съ необходимымъ платьемъ и двумя-тремя книгами, спалъ, гдѣ придется, питался чернымъ хлѣбомъ. За это время Арчъ по собственному опыту узналъ всю тяжесть положенія рабочаго человѣка, и вотъ, благодаря новому Гладстоновскому избирательному закону, придя въ парламентъ, сталъ проповѣдывать здѣсь «трудовую жизнь», какъ выходъ изъ всѣхъ золъ ужасной организаціи; онъ сталъ проповѣдывать крестьянскій строй жизни, а не махорку, какъ это иной разъ, конечно по недоразумѣнію, проповѣдуемъ мы,—не сѣрыя щи, не спасенье подъ лавкой, не подвижничество въ нищетѣ и каторжномъ трудѣ, а именно трудовую *жизнь*; онъ потребовалъ не много и не мало—*три акра земли и корову на каждаго человѣка*, живущаго въ Англіи... И, не смотря на это нешуточное требованіе, широта идеи, лежащая въ этомъ требованіи Арча, и ея значеніе въ *освобожденіи* всего общества отъ «ужасной организаціи жизни» такъ велика, что надъ ней не могутъ крѣпко не задумываться высокопоставленные сотоварищи крестьянскаго депутата. «Достоинство и скромность этого поденщика, который

*) Цитирую изъ *Недѣли*, № 8, февраль 1886 г.

еще недавно по 12—15 часовъ рылся въ болотѣ, чтобы заработать нѣсколько шиллинговъ, сдѣлали его любимцемъ парламентскихъ сочленовъ, и герцоги и лорды охотно слушаютъ его рѣчи и даже включаютъ въ свои программы его девизъ — *три акра и корова*».

Многозначительность для всѣхъ слоевъ англійскаго общества этой, повидимому, очень умѣренной программы крестьянскаго депутата очень скоро обнаружилась въ весьма рельефныхъ фактахъ живой дѣйствительности. Въ уличныхъ безпорядкахъ по случаю безработицы, въ народныхъ кварталахъ Лондона, требованіе трехъ акровъ и коровы провозглашалось народными голодающими массами во всеуслышаніе. Вожаки, призванные въ судъ, ссылались въ свое оправданіе на Чемберлена, который, будучи министромъ, самъ стоялъ за требованіе Арча и указывалъ на эти три акра именно какъ на «исходъ» изъ путъ «ужасной организаціи». Чемберленъ, призванный также на судъ, въ качествѣ свидѣтеля, имѣлъ мужество публично подтвердить слова вожаковъ уличной толпы, и такимъ образомъ у людей, вполнѣ разъединенныхъ общественнымъ положеніемъ, мысль объ исцѣленіи отъ зла оказалась одна и та же и стало-быть одинаковое качество нравственнаго страданія.

Вотъ какимъ, имѣвшимся подъ руками въ ту пору, матеріаломъ могъ я подтвердить читателю многозначительность впечатлѣнія, полученнаго мною при непродолжительномъ столкновеніи съ крестьянскими семьями, по счастью надѣленными всѣми средствами для того, чтобы *жить* именно такою жизнью, которую современный культурный человѣкъ *какъ бы хочетъ купить на деньги*.

Въ то время не было у меня подъ руками другого «печатнаго» матеріала, который бы рисовалъ тяготу современнаго культурнаго строя жизни и указывалъ бы выходъ изъ нея въ очертаніяхъ той жизни, которая такъ плѣнительна въ крестьянствѣ. Теперь, когда я занимаюсь пересмотромъ и переработкой старыхъ корреспонденцій, оказывается уже возможнымъ подкрѣпить ранѣе сказанное кое-чѣмъ новымъ, чтó также можно найти подъ рукой.

Прежде всего я позволю себѣ сдѣлать небольшое извлеченіе изъ фельетона *Русск. Вѣд.*, въ которомъ пересказывается содержаніе книги Летурно: *Evolution de la morale*.

Опредѣливъ, согласно сущности современнаго строя жизни, мораль этого строя названіемъ индустріальной, меркантильной, а по-нашему», «попросту», купонной, Летурно говоритъ: «Мы еще далеко не отдѣлались отъ нравственной низменности, дикости, грубости и варварства нашихъ предковъ. *Правда, въ современныхъ европейски-организованныхъ обществахъ нѣтъ уже ни рабства, ни крѣпостного состоянія, въ томъ спеціальномъ смыслѣ, какой имѣли эти слова въ прошломъ, но, несмотря на это, имѣемъ-ли мы основаніе оглашать воздухъ гимномъ освобожденія?* Развѣ беззаконіе, безправіе и *угнетеніе личности* дѣйствительно стали достояніемъ прошлаго? Вовсе нѣтъ! Они только приняли иную форму, стали замаскированными. Законность, справедливость, равенствó существуютъ только на словахъ, въ отвлеченныхъ гуманитарныхъ формулахъ, на практикѣ же ихъ не оказывается *ни въ сердцахъ*, ни въ дѣйствіяхъ... Правосудіе наше еще насквозь пропитано духомъ возмездія и мщенія, живо напоминающимъ намъ поросшую мохомъ древность. Въ нашемъ языкѣ еще продолжаютъ пользоваться полнымъ правомъ гражданства такія, напримѣръ, архаическія выраженія: «правосудіе удовлетворено», «воздаяніе преступнику по заслугамъ» и т. д. Очевидно, правосудіе еще играетъ у насъ роль разгнѣваннаго существа, имѣющаго въ виду не только защиту общества, но также и соціальное отмщеніе. Моногамія господствуетъ повсюду, чтó однако же ни мало не мѣшаетъ намъ смотрѣть на проституцію, какъ на самое обыкновенное, самое естественное явленіе. Дѣтоубійство сурово наказывается закономъ, но тѣмъ не менѣе втайнѣ, подъ покровомъ лицемѣрія (а мы прибавимъ — и необходимости, *неизбѣжной* въ этомъ строѣ общества), оно практикуется на очень широкую ногу. Убійство считается тяжкимъ преступленіемъ, а между тѣмъ теперешніе цивилизованные народы то и дѣло предаются «бранной потѣхѣ», устраиваютъ грандіознѣйшія массовыя бойни, заливаютъ землю широкими потоками дорогой человѣческой крови. Вопіющія соціальныя неравенства всякаго рода на каждомъ шагу бьютъ въ глаза въ нашихъ обществахъ. *Благодаря господству индустріализма и меркантилизма, получается та возмутительная соціальная нелѣпость, что не продуктъ существуетъ для человѣка, а человѣкъ для продукта*»...

Я позволю себѣ на одну минуту прервать эту цитату и напомнить читателямъ разговоръ мой съ раскольникомъ, случайно встрѣченнымъ мной, во время поѣздки по Волгѣ, въ прошломъ (1887) году *). Ни я, ни раскольникъ и въ глаза, какъ говорится, не видали произведенія Летурно, а между тѣмъ здравый, свѣтлый умъ моего простонароднаго собесѣдника почти *буквально* тѣми же словами, какъ и Летурно, опредѣлилъ строй современной культурной жизни и значеніе въ этомъ строѣ капитала.

— Желѣзо-то, говоритъ, онъ,— оживаетъ отъ прикосновенія капитала. Желѣзу отъ него хорошо! До прихода капитала оно лежитъ мертвое подъ землей, а пришелъ онъ — и ожило, и заиграло по свѣту! А вотъ человѣкъ-то, который жилъ на свѣтѣ своимъ домомъ и самъ себѣ былъ слуга и хозяинъ, съ появленіемъ капитала начинаетъ превращаться изъ хозяина въ работника, изъ существа мыслящаго — въ существо, механически дѣйствующее, въ рабочія руки...

Надобно знать и цѣнить внутреннюю красоту трудового строя жизни, чтобы простымъ свѣтлымъ умомъ понять всю «некрасоту» строя жизни ку-

*) *Сѣв. Вѣстн.* № 11, 1887 годъ.

понпаго, меркантильнаго. Одно знакомство и близость раскольника къ народной, «хозяйской» жизни крестьянина дали ему возможность съ точностью указать всѣ тѣ изъяны меркантильныхъ порядковъ, которые отмѣтилъ ученый человѣкъ на основаніи долгаго изученія своего предмета.

«Саларіатъ — говоритъ Летурно, продолжая характеризовать порядки нашихъ дней — наемничество является *новою* язвой, смѣнившею язвы рабства и иныхъ былыхъ формъ *зависимости человѣка отъ человѣка*. Число бѣдняковъ, пролетаріевъ съ каждымъ днемъ все растетъ и растетъ. Милліоны неимущаго люда прозябаютъ и гибнутъ въ крайней нищетѣ. Современный наемный рабочій свободенъ только *de jure*, но не *de facto*; онъ не угнетается непосредственно, какъ въ былое время рабъ или крѣпостной, но за то онъ оказывается вполнѣ безпомощнымъ, предоставленнымъ на произволъ судьбы, такъ какъ практика современной индустріи уничтожила всякую нравственную, человѣческую связь между рабочимъ и работодателемъ. Юридически рабочій давно уже пересталъ быть вещью, какъ это было въ эпоху рабства, и превратился въ свободнаго гражданина; но житейская практика все еще продолжаетъ не признавать въ немъ человѣческой личности: какъ извѣстно, въ индустріальныхъ странахъ представители труда зовутся обыкновенно не рабочими *людьми*, а просто-на просто рабочими *руками*».

Не знаю, можно ли сомнѣваться въ томъ, что строй жизни современнаго культурнаго общества изображенъ вѣрно и справедливо и что мрачныя краски, которыми авторъ его изображаетъ, вовсе не преувеличены. А если это такъ. то какъ же не испытывать глубочайшей радости, если знать и воочію видѣть, что на нашихъ глазахъ жизнь человѣческая можетъ идти совершенно по другому плану? О томъ же совсѣмъ, совсѣмъ другомъ строѣ жизни мечтаетъ современная европейская женщина культурнаго общества. Объ этихъ неясныхъ мечтаніяхъ и въ то же время о совершенно ясныхъ, отчетливо слышныхъ вопляхъ женщины современнаго общества свидѣтельствуетъ недавно вышедшая книга *Къ рѣшенію женскаго вопроса* *). Объ этой книгѣ современемъ я желалъ бы поговорить болѣе подробно, чѣмъ могу сдѣлать это теперь. Но и теперь я долженъ сказать о ней нѣсколько словъ, для того, чтобы читатель видѣлъ, что собственно заставляетъ изнемогать современную женщину и какія формы общественной жизни могли бы дать ей возможность ощущать себя «человѣкомъ».

Книга эта, состоящая изъ переводныхъ статей, написанныхъ почти исключительно женщинами, не смотря на то, что написана безъ всякой системы и плана и есть только вопль, жалоба, даже крикъ измученнаго человѣка, тѣмъ-то и должна быть дорога всякому задумывающемуся надъ вопросомъ, какъ жить и что дѣлать, что въ этомъ не систематизированномъ крикѣ и жалобѣ слышится настоящая, неприкрашенная бѣда, горе человѣка, изнемогающаго въ желѣзныхъ условіяхъ жизни, не дающей возможности жить по-человѣчески.

Тотъ же меркантильный, купонный строй жизни, который раздробилъ мужской полъ на тысячи разновидностей, сдѣлалъ то же самое и съ женщиной. Въ трудовомъ строѣ жизни всякая женщина—только женщина, или всякая баба—только баба, въ купонномъ же, напротивъ, не всѣ женщины одинаковы: въ немъ могутъ быть женщины семейныя, могутъ быть вѣчныя дѣвственницы, которымъ нѣтъ возможности быть матерями, могутъ быть проститутки, то есть вѣчныя не-дѣвственницы и не-матери; могутъ быть здѣсь хозяйки и слуги, могутъ быть совершенно не трудящіяся и изнуренныя трудомъ, могутъ быть утопающія въ роскоши и изнемогающія отъ нищеты. Словомъ, женщина въ культурномъ строѣ не можетъ быть женщиной, *какъ всѣ*, не замкнутою въ какой-нибудь тѣсный, душный кругъ роскоши или нужды, семейства, кухни или публичнаго дома, вѣчной оргіи или вѣчнаго труда. И вотъ такая измученная, одинаково не живущая всею полнотой своихъ силъ и нравственныхъ побужденій, какъ въ высшемъ обществѣ, такъ и въ трущобѣ, въ публичномъ домѣ, какъ и въ роскошной тюрьмѣ старика милліонера-мужа— вотъ она то, женщина, не живущая по-человѣчески, вопіетъ именно о желаніи полноты жизни, которой не даетъ теперешній строй жизни и которой онъ *не можетъ* дать.

Книга, о которой мы говоримъ, доказываетъ, что невинность и чистота, огражденныя «вынужденнымъ позоромъ» отъ всякихъ неблагопріятныхъ случайностей грѣха, также вопіютъ о своемъ горѣ и ужасѣ своего ненормальнаго счастья: «невинность», слишкомъ устраненная отъ общей жизни, отъ ея горя и радостей, терпитъ страшное разочарованіе, когда поступаетъ во власть мужчины, мужа, уже потерявшаго уваженіе къ женщинѣ, разъ онъ могъ, для огражденія невинностей, покупать другихъ женщинъ, разъ онъ уже попробовалъ безжалостнаго къ нимъ отношенія. Его опрощенный взглядъ на женщину, на жену, вовсе не подходитъ къ тѣмъ возвышеннымъ требованіямъ, въ которыхъ воспиталась его жена, огражденная отъ грѣха «вынужденнымъ позоромъ». Ея не понимаетъ мужъ, она не понимаетъ мужа.

И вотъ такой-то крикъ идетъ изъ всѣхъ «вынужденныхъ» положеній, въ которыя, какъ и мужчина, поставлена современная культурная женщина. Еслибы нужно было въ короткомъ и сжатомъ видѣ передать сущность женскаго протеста, раздающагося изъ разныхъ не похожихъ другъ на друга замкнутыхъ положеній, въ которыя поставлена современная женщина меркантильнаго общества, то можно бы выразить этотъ протестъ въ такого рода, повидимому, немногосложномъ видѣ: всѣ разновидности женщины—замкнутой въ кухню, не знающей работы, знающей работу и неусыпный трудъ, огражденной отъ грѣха и погрязающей въ грѣхѣ и т. д., и т. д.,— вопіютъ прежде всего *о правѣ быть только женщинами*, просто жен-

*) *Къ рѣшенію женскаго вопроса*. Спб., 1888 г.

щинами, не невинными или виновными, обезпеченными или голодными, а просто женщинами. Это — первое, самое громкое и вопіющее требованіе, а второе, уже вполнѣ человѣческое, это — требованіе неразрывной нравственной и трудовой связи въ совмѣстной съ мужемъ жизни; третье, еще болѣе важное требованіе — неразрывность личной нравственной и трудовой жизни въ семьѣ съ нравственной и трудовой жизнью общества, міра, толпы, улицы, среди которой живешь и которой принадлежишь. Всѣ эти требованія мы находимъ положенными въ самое основаніе всего строя жизни «по народному» типу, т. е. въ народной средѣ. Въ грубомъ и дикомъ видѣ вы можете найти «въ крестьянствѣ» *образчики* той жизни, о которой мечтаетъ и вопіетъ культурный человѣкъ, удрученный меркантильнымъ, купоннымъ строемъ общества.

Въ видахъ наибольшаго уясненія свойства народнаго строя жизни, мною было написано нѣсколько литературныхъ замѣтокъ, касавшихся такихъ литературныхъ произведеній, которыя давали возможность обрисовать коренныя свойства народнаго строя жизни возможно яркими чертами. Такъ и съ такой цѣлью я позволилъ себѣ сказать нѣсколько словъ между прочимъ о драмѣ Л. Н. Толстого *Власть тьмы* и о произведеніи г. Тимощенкова *Борьба съ земельнымъ хищничествомъ*. Чтобы въ этой замѣткѣ было исчерпано по возможности все, что помогло мнѣ подтвердить мои соображенія о превосходствѣ «трудовой жизни» передъ строемъ жизни меркантильнымъ, я позволю себѣ привести здѣсь кое-что изъ сказаннаго мною по поводу драмы *Власть тьмы*.

«Мнѣ кажется — писалъ я тогда *) — что драма *Власть тьмы*, кромѣ напоминанія культурному человѣку о его обязанностяхъ по отношенію къ некультурному меньшему брату, могла бы заставить задуматься его и *вообще* надъ строемъ культурнаго общества, заставила бы подумать, и подумать крѣпко и многосторонне, *вообще* о такомъ строѣ жизни, въ которомъ были бы немыслимы язвы, разъѣдающія теперешній культурный слой общества и проникающія уже, какъ это доказываетъ *Власть тьмы*, въ массы, въ толпу темныхъ людей.

«Да, драма Л. Н. Толстого есть драма культурная, только разыгравшаяся среди мужиковъ; всѣ составные элементы, изъ которыхъ она сложилась, — элементы культурнаго строя жизни, *а не народнаго*, и мнѣ всегда казалось нѣсколько страннымъ, что культурный читатель **) этой драмы ужасается напримѣръ жестокости дѣйствующихъ въ ней лицъ, убившихъ ребенка.

«Косточки хрустятъ! съ ужасомъ говоритъ читатель или читательница. — Нѣтъ, это ужасно! Это невозможно ставить на сценѣ! Въ публикѣ непремѣнно будутъ припадки истерики!»

«Чтобы читатель сразу могъ видѣть огромную разницу строя, т.-е. сущности и плана, по которому расположены человѣческія отношенія въ строѣ купонномъ и въ строѣ «трудовомъ», я обращаю его вниманіе на слова Петра, сказанныя имъ въ первомъ явленіи перваго дѣйствія, чуть не на первой же страницѣ драмы.

«Хворый Петръ говоритъ:

«— *Кабы не былъ я боленъ, ни въ жисть не взялъ бы работника.*

«Эта фраза сразу рисуетъ совершенно не тотъ строй жизни, которымъ привыкли жить мы, люди культурнаго общества. Кто въ этомъ обществѣ можетъ сказать, что ему не нуженъ работникъ, что онъ обойдется самъ, что наконецъ только крайняя нужда, неожиданная бѣда заставляютъ покориться этому *несчастію* пользоваться чужимъ трудомъ? Въ культурномъ обществѣ всѣ нуждаются и живутъ чужимъ трудомъ и всѣ въ то же время служатъ чужому дѣлу — всѣ работники, всѣ нанятые и принужденные жить, нанимая другихъ. Поэтому, чтобы въ народной средѣ могла произойти культурная драма вродѣ той, которую мы видѣли во *Власти тьмы*, нужно, чтобы и строй народной жизни исказился по культурному образцу; это въ драмѣ и оказывается.

«Петръ, завзятый «хозяинъ», человѣкъ, весь поглощенный разностороннѣйшею дѣятельностью земледѣльческаго труда, вдругъ вдовѣетъ, и вдовѣетъ уже въ лѣтахъ немолодыхъ, когда на рукахъ у него уже взрослая дочь. Не будь у него денегъ, а главное не будь уже *въ окружающей его средѣ такого разстройства, которое даетъ возможность деньгамъ превратиться въ силу*, что бы сталъ дѣлать Петръ? Онъ неизбѣжно бы ослабъ, огромная часть бабьяго труда, неразрывно вплетенная въ область труда его собственнаго, со смертью жены замерла и омертвила бы его мужичье трудовое дѣло. Надо бабу. Но тамъ, гдѣ всѣ «сами хозяева», кто пойдетъ за него, старика, семейнаго? Всякая дѣвка сама будетъ хозяйка и мать; а старуху, вдову, взять ему не будетъ нужно — не будетъ съ ней, со старухой, это-

*) *Русск. Вѣд.* 19 марта 1887 г.

**) Выраженіе это требуетъ объясненія. Одинъ русскій писатель, мнѣніе котораго я вполнѣ раздѣляю, характеризуетъ разницу между интеллигентнымъ и культурнымъ человѣкомъ, какъ разницу между настоящимъ и поддѣльнымъ алмазомъ. И поддѣльный алмазъ можетъ стоить тысячи и ни въ чемъ повидимому не уступитъ настоящему, но только — повидимому. Можно обладать всѣми прекрасными свойствами человѣка интеллигентнаго, и въ то же время не имѣть искренней потребности въ этихъ свойствахъ, т. е. можно имѣть грубое, дикое сердце, поддающееся всякой неправдѣ, и въ то же время, подъ вліяніемъ культурныхъ привычекъ, культурной выучки, казаться человѣкомъ широкаго и искренняго сердца. Интеллигентный человѣкъ, напротивъ, — невольникъ искренности сердца, человѣкъ, въ которомъ не можетъ быть тѣни стремленія смягчить, приладить къ обстоятельствамъ, такъ сказать, образумить свою искренность, и потому, захваченный тою или другою идеей, онъ *не можетъ* отказаться отъ послѣдовательнаго ея развитія до конца, хотя бы конецъ этотъ и была смерть, огромное личное горе и т. д. Употребляя выраженіе «культурное общество», я подразумѣваю общество, которое, при внѣшнемъ благообразіи и благовоспитанности, не вполнѣ еще благообразно и благовоспитанно въ своей внутренней сущности и, возмущаясь на словахъ противъ зла, въ глубинѣ сердца пожалуй считаетъ его даже не зломъ.

го тепла въ трудовой жизни, которое было въ жизни Петра съ женой, съ которой они, не сознавая этого конечно, жили однако вполнѣ «увмѣстахъ» и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Безъ денегъ и безъ возможности примѣнить ихъ къ дѣлу Петръ такъ бы и зачахъ, если бы не взялъ во дворъ, за свою дочь, мужа. Да и для этого нужно уже разстройство чьего-нибудь «своего», собственнаго хозяйства, чтобы кто-нибудь захотѣлъ идти въ люди, въ чужой домъ, въ мужья. Но Петръ—завзятый крестьянинъ; онъ и передъ смертью не можетъ оторваться отъ неразрывныхъ путъ, связующихъ его съ жизнью; едва волоча ноги и чувствуя предсмертный холодъ, онъ все-таки бормочетъ что-то о картошкѣ, о лошади, о полѣ—все для него важно, существенно, все это вошло къ нему въ плоть и въ кровь, и все это для него—*жизнь*. Такому человѣку нельзя брать «въ зятья», нельзя поправить разстроенный механизмъ жизни, принимая въ свое дѣло новаго хозяина—у него у самого много страсти и аппетита къ жизни.

«И вотъ онъ дѣлаетъ первый культурный грѣхъ—женится, *старый, на молодой дѣвкѣ* Анисьѣ; молодая, красивая, работящая Анисья ни во вѣки вѣковъ не пошла бы за старика, не польстилась бы на его хозяйство, если бы только строй народной жизни не былъ пошатнутъ и разстроенъ. Она вышла бы замужъ по вкусу (хоть бы за того же Никиту, котораго «нужда» сдѣлала работникомъ на желѣзной дорогѣ), вышла бы замужъ своевременно за вполнѣ подходящаго ей парня и жила бы своимъ *домомъ, своимъ* хозяйствомъ; но, повторяю, народный строй уже расшатанъ, поврежденъ и въ немъ уже существуетъ свойственный культурному обществу типъ красивой, бойкой молодой дѣвушки, *которой ѣсть нечего*, которую *нужда* уже заставляетъ выйти за старика, продаться.

«О роднѣ Анисьи ничего не сказано въ драмѣ Л. Н. Толстого; не видно въ ней ни ея отца, ни матери, и можно думать, что Петръ, понявъ ея сиротство, рѣшился, ради любви къ живой хозяйственной жизни, соблазнить молодую дѣвку, то есть нанять, купить *на деньги* ея молодую бабью силу, бабье тепло, животворными токами связующее и овеселяющее милліоны мелочей хозяйственнаго обихода жизни.

«Деньги, а главное уже разстроенная среда помогли ему сдѣлать насильственное дѣло, заставили Анисью покориться; но Петръ навѣрное знаетъ, что онъ согрѣшилъ (и это чувствуется въ драмѣ), что изъ-за своей любви къ жизни провинился предъ тою же любовью къ жизни — въ Анисьѣ; онъ и ослабъ, и развалился, и расхворался-то потому, что, очевидно, *старался* Анисью привязать къ хозяйству не однимъ только разсчетомъ жить не въ бѣдности. Но онъ уже пожилъ на своемъ вѣку съ своей первой бабой, а Анисья—молодая, и Петръ, при всемъ своемъ стараніи, пооослабъ, сильно раскисъ и до того раскисъ, что принужденъ былъ взять *работника* Никиту.

«Съ другой стороны, и Анисья очевидно жила съ Петромъ только потому, что нужда заставила,—жила съ Петромъ какъ съ нанимателемъ, т. е. точь въ-точь такъ же, какъ Анна Каренина и какъ всякая героиня современнаго буржуазнаго романа, и никакія старанія Петра, какъ мужа, привязать ее къ чужому дѣлу—ее, въ душѣ которой скрыто лежитъ врожденное желаніе самостоятельности, жизни по своему вкусу, съ «своимъ» мужемъ—никакія такія старанія не приносили ничего кромѣ пассивнаго повиновенія со стороны Анисьи; Петръ ослабъ, а ей—какъ къ стѣнѣ горохъ, до тѣхъ поръ пока не явился Никита, то-есть настоящій Анисьинъ суженый, половина, вполнѣ къ ней подходящая.

«И опять-таки, чтобы Никита, этотъ молодчина и красавецъ, *могъ попасть въ работники*, опять-таки нужно было предварительное разстройство народной среды. Такому парнищу, по народному порядку жизни, придя въ возрастъ, надо бы прямо принять законъ и жить своимъ хозяйствомъ, но *нужда*, невозможность уже въ настоящее время такимъ славнымъ ребятамъ, какъ Анисья и Никита, жить своимъ хозяйствомъ, жить «по божецки», гонитъ Никиту на желѣзную дорогу за рублемъ, какъ и Анисью гонитъ въ жены къ старику; такимъ образомъ получаются тѣ самыя неискреннія, недобровольныя, склеенныя деньгами связи, которыя составляютъ *существенную* особенность купоннаго строя теперешняго общества.

«Нужно было отравить Петра, убить Акулинина ребенка для того, чтобы Никита и Анисья могли стать въ тѣ естественныя отношенія, въ которыя они стали бы безъ всякихъ злодѣйствъ, если бы только условія народной жизни не подверглись ломкѣ и разрушенію. Никита, живущій съ Анисьей, съ Мариной и съ Акулиной, доказываетъ только то, что въ народной средѣ, какъ и въ культурной, ему нельзя было жить *по-крестьянски*, взять во-время жену и жить хозяйствомъ; что въ народной средѣ образовались такія неблагопріятныя условія, вслѣдствіе которыхъ Анисья должна продаться старику, Маринка вмѣсто замужества пойти на желѣзную дорогу въ поденщину, а Акулина должна уничтожить Анисью, пришлую въ чужой домъ хозяйку, чтобы возвратить себѣ право хозяйствовать въ своемъ домѣ.

«Не будь разстройства народной среды, дающаго деньгамъ силу,—не продалась бы Анисья, не пошелъ бы въ работники Никита, и Петръ, оставшись безъ купленнаго труда, выдалъ бы Акулину замужъ честь-честью. Но разстройство, давшее силу деньгамъ, уже произошло въ народной средѣ и превратило всѣхъ лицъ драмы въ людей другъ другу *подверженныхъ*, связанныхъ *нуждой*, тогда какъ въ неиспорченномъ и въ нерасшатанномъ народномъ строѣ жизни тѣ же самые люди были бы людьми самостоятельными—каждый и каждая—и связи между ними были бы не во имя нужды, хлѣба, а именно во имя взаимной самостоятельности, независимости отъ нужды.

«Вѣдь вотъ хоть-бы эта Маринка: загнанная

нуждой на желѣзную дорогу, сходится съ Никитой не какъ мужъ и жена. Ни тому, ни другому *нельзя* сдѣлать этого тамъ, то-есть *нельзя быть* мужемъ и женой. Спрашивается: какая была бы участь Марины, если бы ее не спасла деревня? Она бы навѣрное пропала, превратилась въ проститутку. Но деревня дала ей свое хозяйство и сдѣлала ее человѣкомъ. Въ разстроенной же семьѣ Петра всѣ отношенія людей уже «подверженныя», не народныя. Петръ *подверженъ* Анисьѣ; онъ старается привязать ее къ своему, чуждому ей дѣлу, бьется и истощается; Анисья подвержена Петру изъ-за нужды—терпитъ его какъ мужа, только потому, что ѣстъ его хлѣбъ; Никита - работникъ, подверженный Петру также изъ-за нужды. Но у всѣхъ въ душѣ есть желаніе независимости, самостоятельности, и чтобы этому желанію можно было осуществиться, нужно совершить рядъ преступленій, то-есть разрушить насильственныя связи.

«Возьмите любой современный романъ, рисующій жизнь и нравы современнаго культурнаго слоя, и вы вездѣ найдете *точь-въ-точь* такую же драму, какъ та, которая изображена во *Власти тьмы*. Золя, Дюма, Бурже, Серао, Мопассанъ—всѣ эти живописцы современныхъ нравовъ культурнаго слоя европейскаго общества живописуютъ намъ именно то, что теперь у насъ начинаетъ происходить въ деревнѣ. Вездѣ—насильственныя связи, связи по нуждѣ, вездѣ взаимная кабала, подверженность и въ то же время желаніе выйти изъ этой путаницы,—желаніе, сопровождающееся обманомъ, хитростью, скрытою грязью, унизительнѣйшими страданіями.

«Униженіе человѣческаго достоинства—вотъ что именно и ужасно, что собственно и потрясаетъ въ этой современной культурной драмѣ. Попробуйте напримѣръ разсказать языкомъ мужика Акима (въ драмѣ *Власть тьмы*), а главное посмотрѣть съ его точки зрѣнія на жизнь хотя бы тургеневской Ирины (въ *Дымѣ*), и вы придете въ ужасъ отъ безчеловѣчія людей, среди которыхъ прошла ея жизнь. Вотъ ужъ гдѣ «косточки-то трещатъ!».

«Ее, хорошую и молодую дѣвушку, невинную и чистую, родитель-князь для поправленія своихъ финансовыхъ обстоятельствъ рѣшается уступить какому-то лицу, съ которымъ онъ знакомится на балѣ въ дворянскомъ собраніи. Ее нарочно одѣваютъ такъ, чтобы «лицо» заржало и пожелало. Лицо заржало и потомъ, чтобы подлое дѣло прикрыть благообразнымъ покрываломъ, перепродало или переуступило Ирину генералу Ратмирову. Она *долгіе годы* живетъ съ нимъ, непрестанно чувствуя, что живетъ только для виду, зная, что тѣло ея куплено и что силы души направлены на то, чтобъ это грязное дѣло, этотъ развратъ ея и ея мужа имѣлъ приличный, благообразный видъ. Такимъ образомъ вся загрязненная, захватанная грязными лапами, эта несчастная уже боится быть искреннею и только «уворуючи» можетъ втеченіе всей своей жизни сказать одинъ разъ искреннее слово любимому человѣку, да и то гдѣ-то въ чуланѣ на какомъ-то чемоданѣ. Только «крадучись», какъ воръ, и опять одинъ только разъ въ жизни, проданною, купленною и перекупленною, можетъ она отдать любимому человѣку какой-то *долгъ*. И все впопыхахъ, въ одну минуту. Прибѣжала, отдала долгъ и убѣжала опять врать всю жизнь, жить по найму!

«—Не по Божьи, значитъ, это, таё,—сказалъ бы Акимъ, прослушавъ эту кружевную тургеневскую повѣсть.—Скверность это!.. Душу загрязнили, душу, значитъ, Божецкую запакостили у дѣвки! Это, таё, грѣхъ великій, таё, значитъ грѣхъ передъ Богомъ!

«А вѣдь этотъ, и именно такой грѣхъ безпрерывенъ, ежедневенъ, обязателенъ для нашего недостроеннаго культурнаго общества, и вотъ почему удивительно, что оно же и ужасается «косточекъ» толстовской драмы».

Тѣ же цѣли руководили мною и при составленіи замѣтки о произведеніи г. Тимощенкова. Эта замѣтка будетъ помѣщена въ концѣ настоящихъ *писемъ*; теперь же скажу только одно, что въ произведеніяхъ г. Тимощенкова я взялъ только тотъ матеріалъ, который касался исключительно *трудовой* жизни, и никакія фабричныя фантазіи г. Тимощенкова нисколько меня не интересовали. Меня интересовалъ строй трудовой жизни семьи и только. А что домъ, семья могли и могутъ жить трудовой жизнью, мы можемъ указать между прочимъ на воспоминаніе г. Селиванова о жизни рязанскихъ помѣщиковъ 50 лѣтъ тому назадъ. Помѣщичья семья, получавшая съ 2 тысячъ крѣпостныхъ крестьянъ пятьсотъ рублей дохода, *не могла ихъ истратить втеченіе года*: все, что нужно человѣку, могло быть получено дома. Даже *барышнямъ*, говоритъ Селивановъ, не приходилось покупать нарядовъ—все дѣлалось дома Положимъ, что все это дѣлалось крѣпостнымъ, рабскимъ трудомъ, но эта фабрика могла быть домашнею.

Вотъ пока все, чего мнѣ пришлось коснуться до сихъ поръ ради выясненія язвъ культурной жизни и самаго поверхностнаго очертанія такихъ порядковъ жизни, при которыхъ совѣсть человѣка чувствуетъ себя свободною и чистою. Знакомство со строемъ народной жизни—пока только «образчикъ», при помощи котораго есть возможность провѣрить и освѣтить язвы меркантильнаго, купоннаго, а не трудового строя жизни. Безъ этого образчика трудно, невозможно разобраться въ многосложности тяготы существованія человѣка, захваченнаго купонными порядками, не легко понять, отчего мнѣ, этому купонному рабу, «такъ больно и такъ трудно» жить на свѣтѣ. Вотъ почему, какъ и до сего времени, все, что литература и жизнь дадутъ намъ подходящаго и пригоднаго въ виду нашей цѣли выяснить, отчего *такъ больно и такъ трудно*, все это будетъ предметомъ нашего самаго пристальнаго вниманія.

Теперь же однако пора возвратиться къ моимъ путевымъ впечатлѣніямъ и досказать все, что касается моей встрѣчи съ переселенцами.

II.

Толкаясь въ этой, такъ хорошо, удобно устроившейся толпѣ трудящихся людей, я рѣшительно не чувствовалъ ни малѣйшей потребности омрачить эту весело складывающуюся жизнь тѣми, на нашъ взглядъ необходимыми и неразрывными съ представленіемъ о народной жизни придатками, которые мы привыкли полагать для «мужика» обязательными. Не приходило мнѣ въ голову внушить этой толпѣ что-нибудь о смиреніи, о подвижничествѣ, о безропотности и покорности; не приходило въ голову оскорбиться этимъ стремленіемъ «мужика» къ удобствамъ жизни и не обижало меня то, что вотъ всѣ они, эти переселенцы, тепло и красиво одѣты, что спятъ они не подъ лавками, не на грязномъ полу, а на чистыхъ и теплыхъ бѣлыхъ кошмахъ и ѣдятъ не «пустыя» щи, а щи самыя прекрасныя и питательныя. Никакой надобности не ощущалъ я среди нихъ даже въ мысли о томъ, что трудовая жизнь должна быть осложнена лишеніями, неудобствами, недохватками, какъ это часто считаютъ неизбѣжнымъ проповѣдники ученія о «трудовой жизни». Напротивъ, именно потому, что встрѣтившіеся мнѣ крестьяне случайно были поставлены въ хорошее положеніе, т. е. лишены были возможности страдать отъ случайныхъ несчастій крестьянской жизни, передо мной и могла выясниться вся подлинная, не затемненная несчастными случайностями прелесть и красота трудовой жизни.

Нѣтъ—думалось мнѣ—никто изъ нихъ не пойдетъ ни въ какую кабалу, никто не будетъ вынужденъ пойти и продать себя въ публичный домъ, точно такъ-же какъ никто не будетъ вынужденъ и покупать продающагося; никто не согласится уродовать ни своей головы, ни своей души, ни своей совѣсти изъ-за «средствъ къ существованію». Средства къ ихъ существованію—они сами, эти мужики, эти статныя и красивыя женщины, дѣвушки, здоровые, игривые ребята. Они не пойдутъ за средствами ни въ банкъ, ни на фабрику, а носятъ ихъ самихъ въ себѣ, не раздѣляя своего труда отъ цѣлей и средствъ своей жизни.

Жалко и больно стало мнѣ за нашихъ интеллигентныхъ ребятъ; не узнать имъ никогда счастья жить свободнымъ человѣкомъ, какими живутъ вотъ эти крестьянскія ребята. «Хлѣбъ» свой они будутъ зарабатывать и ѣсть не иначе, какъ изуродовавъ на тотъ или другой манеръ свою душу, и жить будутъ, пугаясь жизни и крѣпко держась за свое калѣчество, какъ за якорь спасенія.

Въ тяжкія минуты жизни имъ будетъ мелькать мечта о какой-то свободѣ, о какой-то простой, свободной жизни; по временамъ душа ихъ будетъ болѣть неправдою своего существованія, искать выхода, завидовать простотѣ и свободѣ жизни мужика; но мы, родители, сами изувѣченные духовно, не съумѣли еще разсѣять страхъ въ нашихъ дѣтяхъ передъ *трудовою жизнью* и продолжаемъ до сихъ поръ рисовать ее себѣ и дѣтямъ не иначе, какъ жизнью холода, голода, рвани, собиранія кусочковъ, невѣжества и тьмы.

Независимость, таящуюся въ трудовой жизни подъ грудой нами же набросанныхъ на нее золъ и бѣдъ, мы не съумѣли выдвинуть на первый планъ, не создали трудовой школы въ смыслѣ выхода къ независимости и тѣмъ не отстранили отъ слова «трудъ» всей каторжной его обстановки. Все это надо сдѣлать, и все уже дѣлается на Руси въ видѣ маленькихъ и робкихъ попытокъ.

Объ этихъ попыткахъ будетъ кое-что сказано ниже въ этихъ же письмахъ. Теперь же пора возвратиться къ пересказу путевыхъ впечатлѣній.

III. Люди всякаго званія.

I.

Вся Страстная недѣля 1886 г. прошла для меня въ разнообразныхъ мечтаніяхъ и воспоминаніяхъ. И хотя веселыя впечатлѣнія дѣвственныхъ мѣстъ были мнѣ вполнѣ по сердцу и матеріала для такихъ впечатлѣній было вполнѣ достаточно, но все-таки я не безъ удовольствія ждалъ конца недѣли и прихода парохода. Одиноко и довольно томительно прошла ночь подъ Свѣтлый день, да и самый первый день праздника съ своимъ жалкимъ гуляньемъ былъ едва-ли не томительнѣе будничнаго дня.

Въ городѣ въ этотъ день было уже совсѣмъ пусто, даже двѣ-три лавчонки, около которыхъ въ будничный день все-таки толкался народъ, были теперь заперты. По улицѣ изрѣдка проходили жиденькія группы мѣстныхъ жителей и жительницъ, праздновавшихъ большой праздникъ, кажется, только непомѣрнымъ истребленіемъ подсолнуховъ— вотъ и всѣ праздничныя впечатлѣнія. Откуда-то съ поля вѣтеръ приносилъ въ городъ хриплые звуки шарманки, наигрывавшей скучный мотивъ пѣсни о «подруженькахъ», которымъ скучно, «изъ Аскольдовой могилы», и подъ эти скучные звуки тамъ, въ полѣ, истребляя все тѣ же подсолнухи, на скрипучихъ круговыхъ качеляхъ, должно быть не въ особенно веселомъ расположеніи духа, качались немногочисленные жители и жительницы Новороссійска. Наконецъ часу въ двѣнадцатомъ ночи съ воскресенья на понедѣльникъ послышался сильный свистокъ парохода, и все, что было цѣлую недѣлю заперто въ Новороссійскѣ, цѣлую недѣлю какъ въ тюрьмѣ, ожидая выѣзда, бросилось на пристань. Очень много было простого народа, отправлявшагося въ Новый Аѳонъ (монастырь близъ Сухума), пользующійся въ народѣ большимъ уваженіемъ. Было не меньше, чѣмъ «сѣраго мужика», того подозрительнаго народа, ищущаго «кого поглотити», о которомъ уже было и еще будетъ говорено. Простой, безъ опредѣленныхъ цѣлей путешественникъ былъ, кажется, только одинъ я. Принявъ всѣхъ насъ на бортъ, пароходъ постоялъ еще нѣкоторое время и, не взирая на темную ночь, ушелъ-таки наконецъ въ море.

И съ тѣхъ поръ втеченіе мѣсяца я и путе-

шествую болѣе или менѣе съ незначительными остановками; отъ Екатеринодара я проѣхалъ къ морю три раза: во-первыхъ — кубанскимъ степнымъ почтовымъ трактомъ, во-вторыхъ — другою дорогой, идущею въ предгоріяхъ, третій — на пароходѣ по Кубани до Темрюка, а по черноморскому берегу, доѣзжая до Лазаренскаго поста, ниже Туапсе, я прошлялся въ скверныхъ пароходишкахъ между Темрюкомъ и Керчью. Все, что мнѣ пришлось видѣть въ эту поѣздку, все это я видалъ только «мелькомъ», причемъ положительно на каждомъ шагу встрѣчалось такъ много самыхъ разнообразныхъ, затрогивающихъ за живое впечатлѣній, что постоянно являлось желаніе остаться, пожить на одномъ мѣстѣ мѣсяцъ, два, чтобы разглядѣть интересное явленіе поосновательнѣе. Но времени было мало, приходилось ѣхать дальше, мелькомъ только взглянувъ на интересное явленіе и мелькомъ о немъ подумавъ. И все-таки, несмотря на то, что поѣздка моя была поспѣшна и непродолжительна, разнообразіе впечатлѣній, мѣстъ и всякаго званія людей было настолько обильно, что я, при условіяхъ, въ которыхъ находился, не могъ и пожелать ничего бо́льшаго. Нигдѣ, думается мнѣ, не скопилось такъ много, какъ на Кавказѣ, явленій русской жизни данной минуты, рисующихъ наши русскіе порядки, отношенія и настроенія, и нигдѣ нѣтъ такого разнообразія мѣстныхъ географическихъ условій, способствующихъ, чтобы разные порядки, вовсе одни на другіе непохожіе, уживались почти рядомъ другъ съ другомъ. То, что въ Россіи надобно изучать по отдѣльнымъ областямъ Великороссіи, Малороссіи, Волыни или казанской татарщины—все это можно видѣть здѣсь какъ бы въ образчикахъ, сгруппированныхъ на незначительныхъ пространствахъ мѣста, точно въ музеѣ.

Ровная, какъ столъ, кубанская степь, вся—хоть пеpяшливо распаханная подъ разные роды хлѣбовъ, вся уставленная огромнѣйшими станицами, издалека примѣтными своими безчисленными вѣтряными мельницами и ихъ широкими махающими по вѣтру крыльями, эта земледѣльческая гладь, приближаясь къ низменностямъ, на большое пространство окружающимъ гор. Темрюкъ, почти сразу превращается въ настоящую южно-американскую табачную плантацію. Непривычное для россійскаго земледѣльческаго человѣка слово «плантація» начинаетъ слышаться поминутно; въ чистомъ полѣ или въ дорогѣ начинаетъ встрѣчаться фигура точь-въ-точь такого же самаго американскаго плантатора, какую мы видимъ на иностранныхъ объявленіяхъ о разныхъ новоизобрѣтенныхъ машинахъ всякаго рода: какой-то удивительный инструментъ (такъ обыкновенно рисуютъ на этихъ иллюстрированныхъ объявленіяхъ), вяжущій и бросающій готовые связанные снопы на телѣгу, подвигается по золотистой нивѣ, а рядомъ съ этимъ инструментомъ, на парѣ сильныхъ лошадей, въ изящной бричкѣ, въ широкополой соломенной шляпѣ и съ сигарою въ зубахъ, мчится куда-то благообразный «плантаторъ». Такъ вотъ точь-въ-точь такіе благообразные плантаторы съ лицами, сіяющими удовольствіемъ и благополучіемъ, начинаютъ попадаться и здѣсь, а неразлучно съ благообразнымъ и благополучнымъ плантаторомъ начинаютъ попадаться буквально цѣлые обозы «рабочихъ рукъ», къ сожалѣнію также вполнѣ соотвѣтствующихъ американскому своему сотоварищу — негру. Здѣшнія «рабочія руки» плантаціи—все женщины, все молодыя жены, молодыя дѣвушки. Десятки голыхъ женскихъ ногъ болтаются по краямъ нѣмецкаго фургона-телѣги, на которыхъ, спина-о-спину, насажено молодой женской силы столько, сколько влѣзетъ въ телѣгу. Въ Екатеринодарѣ существуетъ для найма работницъ на эти плантаціи настоящій женскій рынокъ. По воскреснымъ днямъ на мѣстномъ базарѣ съ ранняго утра стоитъ уже тысячная толпа этихъ рабынь, предлагающихъ на продажу свои руки и вынужденныхъ даромъ отдавать все, чего пожелаютъ многочисленные администраторы табачнаго производства. Бѣдныя деревенскія дѣти, чисто по дѣтской наивности, полагаютъ, что нужно какъ можно лучше принарядиться, чтобы нашлись охотники купить этотъ товаръ; всѣ онѣ разодѣлись какъ «маковъ цвѣтъ», въ лучшихъ платочкахъ, точно собрались *пѣсни играть*. Сколько дѣтской наивности въ этой толпѣ женской молодежи, незнакомой еще съ ощущеніемъ *тоски въ трудѣ*, не подозрѣвающей, что эти «планташи» (мѣстное названіе плантація) умертвятъ въ нихъ это трудовое «веселье», которое они, дѣти деревни, трудовой жизни, привыкли не отдѣлять отъ работы! Планташи познакомятъ ихъ съ тяготою труда, на деньги «купленнаго» чужими людьми

Не успѣли вы побывать въ американскихъ плантаціяхъ, какъ уже что-то совершенно не похожее на нихъ идетъ на встрѣчу. Кубань, приближаясь къ морю, течетъ по мѣстамъ все болѣе и болѣе низменнымъ. Рѣка эта вообще не особенно живописна и привлекательна: не изъ ключей и ключевыхъ ручейковъ, сливающихся по живописнымъ ложбинкамъ въ широко прихотливо пробирающуюся по «удобнымъ» мѣстамъ рѣку—какъ вообще русскія рѣки — исходитъ Кубань и не ключевою водой наполнены ея некрасивые берега. Вся она — изъ талой снѣговой воды; холодная, свѣтлая, гремящая по скаламъ только въ истокѣ, спадая съ высоты ледяныхъ вершинъ кавказскаго хребта, она превращается въ низменной равнинѣ просто въ сильный потокъ, пробивающій дорогу подъ вліяніемъ напора силы гдѣ попало, то-есть по тому направленію, по какому напираетъ сила бѣгущей изъ ледниковъ талой воды, и тотчасъ же грязнитъ свои кристальныя воды въ черноземѣ, который ей приходится рыть, чтобы на ровномъ мѣстѣ проложить себѣ дорогу. Берега Кубани некрасивы, точно топоромъ обрублены, и грязны. И среди этихъ грязныхъ, некрасивыхъ береговъ Кубань несетъ къ морю свои грязныя воды. Чѣмъ ближе подходитъ она къ Темрюку и къ морю, тѣмъ низменнѣе становятся ея берега; еще часъ назадъ берегъ возвышался надъ поверхностью теченія на аршинъ, а теперь едва виднѣется только на чет-

верть аршина, а дальше и берегъ, и вода уже на одномъ уровнѣ.

Подъ Темрюкомъ Кубань расходится въ разныя стороны многими рукавами, теряясь въ огромной и поистинѣ удручающей низинѣ; на огромное пространство кругомъ виденъ только сѣдой прошлогодній камышъ, торчащій изъ какой-то словно вдавленной земли. Эта-то вдавленность земли и производитъ душное, удручающее впечатлѣніе. Чувствуешь себя какъ бы на какой-то глубинѣ, несоразмѣрно далеко упавшей книзу, отъ высоты этого неба, этого солнца, отъ огромности всего этого воздушнаго пространства, которое, кажется, хочетъ навалиться на васъ и окончательно притиснуть къ притиснутой землѣ.

Нельзя не подивиться тѣмъ человѣческимъ существамъ, которыя и здѣсь, въ этихъ мертвенныхъ мѣстахъ, почти у самаго края берега, высота котораго вершокъ, находятъ возможнымъ ютиться въ какихъ-то хибаркахъ изъ камыша и надѣются «жить землей» здѣсь, гдѣ Кубань иногда разливается до такихъ размѣровъ, что сноситъ цѣлыя поселенія, стоящія на берегахъ ея сравнительно довольно высоко. Кто они, эти человѣческія существа? Какая адская нужда загнала ихъ сюда и заставляетъ въ потѣ лица трудиться тамъ, гдѣ Кубань каждую минуту грозитъ уничтоженіемъ, въ мгновеніе ока, плодовъ многолѣтнихъ и неустанныхъ усилій труда? Несмотря на явную очевидность невозможности жить здѣсь, передъ вашими глазами и пашня видна, и пахарь, и баба, и мальчонка безъ штановъ и безъ шапки, и камышовое лукошко вмѣсто избы, и наконецъ тотъ самый «Шарикъ», у котораго еще тогда, когда таинственные его хозяева жили гдѣ-нибудь въ Тульской губерніи, кошка выцарапала глазъ и телѣгой переѣхало лапу. Все это волею судебъ занесено сюда, въ эти безплодныя, втиснутыя въ землю долины, копошится въ этихъ непривѣтливыхъ низинахъ, трудится въ потѣ лица, охраняемое отъ всѣхъ напастей единственно только тѣмъ же старымъ другомъ Шарикомъ, который и теперь съ такимъ же лаемъ, какъ бывало на родинѣ, бросается уже не на «прохожаго», а на чудовище-пароходъ который, проходя мимо камышеваго шалаша, такъ взбалтываетъ грязныя воды Кубани, что онѣ грозятъ снести съ лица земли все, только что устроенное человѣкомъ на берегу. Какъ же не лаять изъ всѣхъ силъ на это чудовище? И Шарикъ дѣлаетъ, что можетъ,—заливается лаемъ изъ всѣхъ силъ.

Люди, хорошо знающіе эти мѣста, говорятъ, что десять лѣтъ назадъ берега Кубани были пустыня. Теперь, проѣзжая на пароходѣ въ воскресный день, мы на каждомъ шагу встрѣчали по берегамъ народъ, глазѣвшій на пароходъ, постоянно видны хутора, большіе и малые, одинокіе домики, жалкіе поселки въ два-три двора, а затѣмъ, какъ я уже сказалъ, начали встрѣчаться камышевыя хибарки и плетушки въ такихъ мѣстахъ, гдѣ даже мысль о возможности вообще «жить», да еще и земледѣльческимъ трудомъ, не могла бы придти въ голову, если бы во всемъ этомъ не сказывалась крайняя нужда безземельнаго человѣка.

Подъ самымъ Темрюкомъ эти шалаши изъ камыша и камышевыя хибарки начинаютъ попадаться все чаще и чаще, но обитатели ихъ уже не безземельные скитальцы, а темрюкскіе мѣщане-рыболовы. Проѣзжая на маленькомъ пароходѣ къ взморью, гдѣ останавливаются большіе морскіе пароходы, идущіе въ Керчь и далѣе до Ростова, вы дѣлаете много поворотовъ по рукавамъ изливающейся въ море Кубани и во многихъ мѣстахъ встрѣчаете эти плетушки изъ камыша, двухъ-трехъ человѣкъ, оперирующихъ что-то надъ только что пойманною рыбой, и безчисленное множество лодокъ, разбросанныхъ повсюду, по всей поверхности широко разлившихся водъ. И все это большею частью какіе-то одинокіе рыболовы: вотъ чистый бородатый русакъ копошится съ своею сѣтью, опущенною въ воду, охраняя ее отъ набѣга парохода, а вотъ въ другой лодкѣ какой-то турокъ или грекъ въ фескѣ, а тамъ совершенно явственный «николаевскій» служака, у котораго когда-то бритое лицо заросло сѣдой, топырящеюся щетиной. Эти на лодкахъ. А по берегамъ тоже съ какими-то хитрыми ручными сѣтями плетутся и мужчины, и женщины, и даже дѣти, и все одинъ по одному, «сами-по-себѣ». И глядя на эти одинокія, разносословныя, разнохарактерныя фигуры, еще разъ убѣждаешься въ обиліи «оригиналовъ» и «характерныхъ людей», которыхъ Русская земля высылаетъ сюда вмѣстѣ съ «толпами» переселенцевъ, исключительно ищущихъ земли. И точно, много здѣсь типичныхъ русскихъ людей, которые хотятъ жить «на свой образецъ», которые могутъ сказать про себя: «я самъ себѣ голова!». Но объ этомъ ниже будетъ сказано подробнѣе.

Теперь пойдемъ къ тому же Черному морю другой дорогой и, выйдя изъ Екатеринодара по направленію къ Новороссійску, сдѣлаемъ небольшой, верстъ въ сорокъ, крюкъ южнѣе обыкновенной фургонной дороги, идущей по берегу Кубани,—и мы опять въ совершенно новой, удивительно прекрасной мѣстности. Правда, и здѣсь уже чувствуется та «низина», которая далѣе переходитъ въ темрюкскія болота, но здѣсь эта низина постоянно перемежается съ отрогами Кавказскаго хребта и вмѣстѣ съ нимъ покрыта роскошною растительностью. Могучіе дубовые лѣса идутъ на пространствѣ многихъ десятковъ верстъ и, проѣзжая ими, я тысячу разъ вспоминалъ И. И. Шишкина: «вотъ—думалось мнѣ—гдѣ было бы раздолье его перу и кисти!»

Особенность этихъ вѣковыхъ дубовыхъ лѣсовъ та, что они, закрывая васъ отъ солнца и отъ неба своими густыми развѣсистыми зелеными вершинами, даютъ много простора по сторонамъ; чувствуешь надъ собой зеленый куполъ, а по сторонамъ просторныя широкія залы, съ безчисленными, но широко, просторно разставленными и величественными колоннами. Вѣковые дубы, могучіе, дышащіе обиліемъ и расцвѣтомъ силъ, стоятъ рѣдко другъ отъ друга, и стоитъ только взглянуть на этихъ гиган-

товъ, чтобы понять, почему вокругъ нихъ такъ просторно, почему нѣтъ порослей молодняка и всякаго непригляднаго бурьяна, котораго такъ много въ здѣшнихъ степяхъ: гиганту нужно «самому» такъ много, что онъ ужъ не даетъ никому поживиться тѣмъ, что ему надобно; солнечные лучи не добѣгутъ до земли—гигантъ съѣстъ ихъ самъ, своею зеленою вершиной; да и влагой земли тоже не придется поживится никакому тощему переселенцузерну: «самъ» пьетъ за двадцатерыхъ—скоро ли нальешь «эту прорву»? Вѣдь въ этой прорвѣ шесть обхватовъ, сотни гигантскихъ сучьевъ, вѣтвей, толщиною въ хорошее строевое бревно, вѣтокъ толщиною въ руку и сучковъ не тоньше самой толстой проволоки. А милліоны листьевъ? А милліоны желудей? И все это хозяйство надо прокормить, напоить, одѣть — и все это дѣлаетъ одинъ этотъ шести-обхватный насосъ, и вотъ почему эти гиганты стоятъ такъ просторно другъ отъ друга, мѣшаясь въ вышинѣ только вершинами, но далеко отстоя корнями и стволами; вотъ почему такъ чисто въ этихъ просторныхъ залахъ, застланныхъ по низу зеленымъ ковромъ мелкой травки...

И вотъ въ такихъ-то чудныхъ лѣсахъ разбросаны хутора, станицы, деревни, разноплеменныя, своеобразныя, живущія каждая на свой образецъ.

Продолжая идти этою дорогой далѣе, мы придемъ уже въ пустынныя, но красивыя и живописныя горы, о которыхъ я писалъ въ первомъ письмѣ, черезъ горы очень скоро доберемся до Новороссійска, о которомъ также было говорено, а послѣ него передъ нами Черноморское побережье, многосложная исторія пустынности и необитаемости котораго также уже разсказана мною выше.

И такъ, вотъ какъ много разнообразія въ томъ крошечномъ уголкѣ, который только мелькомъ довелось оглядѣть мнѣ не болѣе какъ втеченіе одного мѣсяца... А какое разнообразіе людей и какое удивительное обиліе оригиналовъ всякаго рода!

II.

Обиліе людей всякаго званія и въ особенности «оригиналовъ» также всякаго образца стало поражать меня съ той самой минуты, когда я, оставивъ станцію Тихорѣцкую и доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до другой станціи, откуда шла старая почтовая дорога на Екатеринодаръ, очутился наконецъ въ фургонѣ, въ обществѣ цѣлыхъ трехъ попутчиковъ, которые весьма скоро всѣ до одного оказались каждый на свой образецъ.

— Что новенькаго въ газетахъ? едва фургонъ тронулся по пыльной дорогѣ станичнаго базара, спросилъ меня человѣкъ цыганскаго типа, оказавшійся моимъ сосѣдомъ. Спросилъ онъ меня о газетахъ потому, что, садясь въ фургонъ, я сунулъ газету за подушку.

Я недоумѣвалъ, что можетъ быть интересно знать изъ газетъ этому цыгану, въ казакинѣ, въ мерлушачьей шапкѣ, «при цѣпочкѣ» и при золотыхъ кольцахъ, дающихъ право думать о незнакомцѣ какъ о тенорѣ или баритонѣ цыганскаго хора. Не помню, что я отвѣтилъ на его вопросъ.

— Хотѣлось бы мнѣ узнать насчетъ маршала Серрано, какъ бы призадумавшись о чемъ-то, проговорилъ онъ...

Фамилія извѣстнаго испанскаго генерала, маршала, политическаго дѣятеля, въ устахъ этого цыгана изумила меня.

— Да что же вамъ надо о немъ знать?

— Да такъ собственно. Поди, ужъ старичокъ сталъ?.. Они вѣдь съ Примомъ какъ орудовали, пора и на покой!..

Я вспомнилъ, что, кажется, въ газетахъ было напечатано о смерти этого дѣятеля, и сказалъ:

— Умеръ онъ!

— Умеръ? Ну, царство небесное! Помутилъ на своемъ вѣку довольно, а ничего старичокъ!...

— Да какъ же вы его знаете?

— Нашъ баринъ на его дочери женатъ... Изабелла, кажется, Андреевна... Ужъ забылъ я... Очень хорошая дама!.. Ну, да лучше ужъ и не вспоминать! Прошли эти времена!

Онъ съ грустью махнулъ своею коричневою съ перстнями рукой и, нѣкоторое время задумавшись о чемъ-то, молча смотрѣлъ въ окно фургона.

— Не далъ мнѣ Богъ послужить имъ, хорошимъ господамъ! Потому что я былъ дуракъ! Вотъ отчего! Безкорыстіе во мнѣ, въ дуракѣ, было, честность!.. Отъ честности своей безкорыстной нахожусь я теперь, вотъ какъ видите... ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ... Догадало меня, по глупости моей, не молодому барину съ барыней предать себя на услуженіе, а напротивъ—дядѣ ихнему, чорту сущему, я вѣрой и правдой служилъ... Вотъ въ чемъ! Господь меня помутилъ! И не баринову руку держалъ, а его сестры, племянницы, стало-быть, моего-то чорта... А кто она, племянница-то? Мотовка! А я все ее передъ чортомъ-то огораживалъ, потому надѣялся, что поддержитъ она меня передъ дядей и тотъ въ завѣщаніи не забудетъ меня... Пятнадцать лѣтъ я такъ-то прозудилъ! И чего только ни натерпѣлся!

И понемногу онъ разсказалъ весьма любопытную исторію жизни своей у одного крупнѣйшаго малороссійскаго помѣщика, знаменитаго скряги, превосходящаго Плюшкина, и необычайнаго кляузника въ малѣйшихъ житейскихъ отношеніяхъ, превосходящаго самого Іудушку. Описавъ тысячи уловокъ, безъ которыхъ рѣшительно нельзя было ступить шагу, живя около этого человѣка и проживъ даромъ потраченныя пятнадцать лѣтъ, онъ сказалъ съ грустью:

— Съ тѣхъ поръ вотъ и маюсь—то сюда, то туда! Отъ одного дѣла къ другому, а толку все нѣтъ!

Разсказалъ онъ про «хлѣбное дѣло», къ которому онъ присталъ послѣ того, какъ молодой баринъ отказалъ ему отъ мѣста, но въ скоромъ времени прогорѣлъ.

— Были у меня кое-какія крохи, тысячъ пять—всѣ ухнули! Повѣрите ли? Даже посѣдѣлъ съ тѣхъ поръ.

Затѣмъ разсказалъ про винное дѣло, про раз-

ныя операціи съ кизляркой, про всякія поддѣлки станичныхъ винъ — и опять вышло плохо, такъ плохо, что, горюя о неудачѣ, цыганообразный человѣкъ по забывчивости окончилъ разсказъ объ этомъ эпизодѣ уже сказанными ранѣе словами:

— Повѣрите ли? Посѣдѣлъ даже съ тѣхъ поръ!

Много дѣлъ, по его разсказамъ, предпринималъ и все выходило такъ, что оставалось только посѣдѣть... Наконецъ онъ умолкъ на нѣкоторое время, глубоко о чемъ-то вздыхалъ и вдругъ съ оживленіемъ и какъ бы рѣшительностью спросилъ меня:

— Не посовѣтуете ли вы мнѣ, какъ тутъ быть?

Пучекъ бумагъ быстро былъ вытащенъ изъ бокового кармана казакина.

— Замучила меня эта погань... слѣдствіе! Окружной судъ оправдалъ, а прокуроръ подалъ на апелляцію—опять дѣло начинается вновь!

Бумагъ была такая пропасть, что я не рѣшился и трогать ихъ, а спросилъ:

— Въ чемъ же ваше дѣло?

— Да такъ... чепуха! пряча бумаги въ карманъ и слегка сконфузившись, сказалъ онъ: — Такъ... просто ерунда... Подняли газеты...

— Однако?

— Н-ну...

Онъ помолчалъ, возясь рукою съ бумагами въ карманѣ.

— Н-ну... Читали въ газетахъ про *народный одеколонъ?*

— А!..

— Ну вотъ!.. Такъ, ерунда! А какое дѣло подняли! До того измучили — даже, кажется, посѣдѣлъ отъ этого ..

Но въ этотъ разъ, кажется, и самъ разсказчикъ услыхалъ собственное свое привиранье, и чтобы загладить впечатлѣніе этого троекратнаго «сѣдѣнія» по случаю трехъ разныхъ плутней, поспѣшилъ вновь возвратиться къ началу собственныхъ несчастій.

— Нѣтъ! Дуракъ, дуракъ былъ я! Чортъ-то мой умеръ скоропостижно, въ домѣ былъ одинъ я да дьячокъ... А въ шкатулкѣ было сто девяносто восемь тысячъ... Чего бы стоило? Дьячокъ-то рвался отъ злобы: «Боже мой! Давай! Карьера! Чортъ! Бери!..» Нѣтъ! Была глупость — не взялъ ни копѣйки! Каждый Божій день себя за это проклинаю. Мыкайся вотъ!

— А теперь куда вы ѣдете?

— Въ Екатеринодаръ.

— Что же, дѣло есть какое нибудь?

— Дѣло-то есть... только далъ бы Богъ... да вотъ!

Онъ порылся въ своихъ бумагахъ и далъ мнѣ какой-то печатный листокъ. Къ величайшему сожалѣнію, листокъ этотъ затерялся во время моихъ разъѣздовъ, но содержаніе его было слѣдующее:

Въ верху листка было напечатано: «*Амстердамъ. Банкирскій домъ* (такой-то)». А далѣе слѣдовало на русскомъ языкѣ подробное изложеніе порядка подписки на пятипроцентные выигрышные билеты. Желающій участвовать въ извѣстной части выигрыша, имѣющаго выпасть на десять билетовъ, постепенно выплачиваетъ семьдесятъ пять рублей, а когда на какой-нибудь изъ десяти билетовъ выпадетъ выигрышъ, то подписчикъ получаетъ изъ него соотвѣтственную своему взносу часть. Деньги (до 75 р.) вносятся постепенно по пяти рублей въ мѣсяцъ, не менѣе; нумера билетовъ будутъ извѣстны подписчику тогда, когда онъ уплатитъ половину подписной суммы. Вопросы, пересылка денегъ и прочее—все это дѣлается чрезъ агента, каковымъ и состоитъ цыганскаго типа человѣкъ, посѣдѣвшій въ плутовствѣ до трехъ разъ.

— И берутъ? спросилъ я.

— Да какъ-же не брать-то? Это дѣло законное. Въ Амстердамѣ вѣдь нашъ посланникъ существуетъ. Ужъ онъ не дозволитъ плутовать! Амстердамская держава, все одно какъ Россія — та же имперія—обману не допуститъ.

Получая понемногу взносы, онъ пользуется ими для своихъ оборотовъ, пока не набѣжитъ до половины, и затѣмъ также пользуется взносами за вторую. Со всей же суммы 75 рублей онъ получаетъ извѣстный процентъ. При нынѣшнемъ колеблющемся умонастроеніи какъ общества, такъ и народныхъ массъ, является множество охотниковъ «сыграть въ темную», рискнуть «на счастье», и человѣкъ цыганскаго типа не хулитъ своего предпріятія.

Есть у него еще и другіе планы, гораздо болѣе капитальные, чѣмъ амстердамскія операціи съ выигрышными билетами. Въ Ростовѣ живетъ агентъ другой иностранной банкирской фирмы и раздаетъ деньги *крестьянамъ* подъ общественные приговоры за 18 процентовъ въ годъ. Вотъ и къ этому дѣлу желалъ бы примазаться человѣкъ цыганскаго типа. Крестьянъ-переселенцевъ, нуждающихся въ кредитѣ уже послѣ покупки земли, теперь масса на Кавказѣ и на югѣ вообще, да и осѣдлымъ казакамъ также кредитъ необходимъ для разныхъ оборотовъ.

— Что же, спросилъ я,—выдавали уже ссуды кому-нибудь *изъ крестьянъ?*

— Пока еще нѣтъ. Пока наберется извѣстное количество приговоровъ (не помню, сколько именно), тогда и будутъ выдавать. Теперь же пока взимаютъ съ крестьянъ по десяти рублей за представленіе приговора.

Сколько можно судить, и эти десять рублей, въ ожиданіи начала операціи, не лежатъ даромъ въ карманахъ иностранныхъ агентовъ, а идутъ также въ оборотъ, на покупку хлѣба, вина, скота и т. д.

Все это, разсказанное цыганскаго типа человѣкомъ, — положительно капля въ морѣ всевозможныхъ стремленій со стороны рубля, идущаго за наживой въ расшатанныя народныя массы,—стремленій, о которыхъ слышишь постоянные разговоры и на которыхъ сосредоточены мечтанія массы темныхъ личностей, повсюду кишащихъ *на новыхъ мѣстахъ.*

Человѣкъ цыганскаго типа былъ такимъ об-

разомъ первымъ образчикомъ людей такого сорта и первымъ неординарнаго свойства человѣкомъ, котораго мнѣ пришлось встрѣтить, едва я сѣлъ въ фургонъ. Но и второй «типъ» былъ не за горами.

Лицомъ ко мнѣ и спиной къ фургонщику сидѣлъ молоденькій мальчикъ, лѣтъ восемнадцати, армянскаго типа и повидимому очень хорошо воспитанный или выдрессированный. Во время нашего разговора съ авторомъ *народнаго одеколона* онъ иногда дѣлалъ какой-нибудь вопросъ, всегда самаго практическаго свойства и всегда на самомъ лучшемъ литературномъ языкѣ. Эта благовоспитанность, умѣнье себя хорошо и прилично держать и прекрасный языкъ заставили меня спросить его:

— Вы учились?

— Какъ-же. Я вышелъ изъ четвертаго класса классической гимназіи.

— Зачѣмъ же вы бросили гимназію?

— Да какъ вамъ сказать? У моего дяди есть ресторанъ и лѣтній садъ (онъ назвалъ одинъ изъ большихъ кавказскихъ городовъ). Ну, какъ-то лѣтомъ во время каникулъ онъ и пригласилъ меня вести счеты за буфетомъ. Я самъ изъ *** (онъ назвалъ другой кавказскій городъ), тамъ и моя мать. Думаю, отчего мнѣ не поѣхать въ Т.? Туда учителя изъ нашей гимназіи не пріѣзжаютъ, за буфетомъ меня не увидятъ и стало-быть мнѣ стыдно не будетъ. Кончатся каникулы — и я опять буду въ классѣ.... И пятьдесятъ рублей, которые дядя обѣщалъ, тоже деньги... Но дядя меня обидѣлъ — около перваго августа разсчиталъ и далъ только тридцать; это меня разсердило. А я уже привыкъ къ буфету и мнѣ понравилось. На минеральныхъ водахъ сезонъ еще не кончился... Подумалъ я—куда: въ гимназію или Кисловодскъ? да и сбѣжалъ въ Кисловодскъ... Здѣсь заработалъ въ одинъ мѣсяцъ до восьмидесяти рублей. Потянуло въ Ялту... Тутъ случился эпизодъ съ одной барыней: втроемъ (насъ гуляло трое: я, нѣмецъ и грекъ) мы съ нея взяли двѣсти рублей. Съ этими деньгами я поступилъ въ самую лучшую ялтинскую гостинницу: купилъ отличнѣйшій фракъ, все платье, бѣлье лучшаго сорта. Ну, конечно доходы—говорить нечего! Собралось у меня денегъ восемьсотъ рублей; сошелся я съ поваромъ, сняли въ N. лѣтній садъ. Привезъ я изъ Харькова четырнадцать арфистокъ; посуду, мебель—все магазины даютъ въ долгъ, съ уплатой каждый день изъ кассы. Все бы хорошо. Арфистки подобрались бойкія, наподборъ; четырнадцать столовъ ужъ это каждый Божій день до бѣла-свѣта ужинаютъ. Отлично было пошло, только вдругъ начались проливные дожди! И представьте: безъ перерыва полтора мѣсяца! Пришлось бросить все и просто бѣжать, бѣжать куда глаза глядятъ... Попробовалъ было я въ Ростовѣ—тамъ надо самому еще платить хозяину гостинницы 50 коп.—много народа. Вотъ теперь ѣду въ Е.—кажется, тамъ будетъ поживѣе... Три шантана уже открыто и насчетъ женскаго пола тоже... пріѣзжихъ очень много... Можетъ быть, и поправлюсь.

Въ началѣ рѣчи этого мальчика, когда онъ говорилъ о гимназіи и о томъ, что учителя и товарищи не увидятъ его за буфетомъ, въ его голосѣ слышалось что-то тоскливое и стыдливое; но по мѣрѣ того какъ разсказъ продолжался и по мѣрѣ того, какъ «деньги» начинали въ немъ играть первенствующую роль (благодаря толчку въ этомъ направленіи, данному обманомъ дяди), никакой застѣнчивости и ни малѣйшихъ признаковъ скромности не звучало уже въ его рѣчи. О «скандальныхъ» ялтинскихъ эпизодахъ, объ успѣшной «торговлѣ арфистками», о томъ, что въ городѣ Е. къ счастью, кажется, уже начался развратъ—объ всемъ этомъ восемнадцатилѣтній мальчикъ, ученикъ четвертаго класса гимназіи, говорилъ совершенно спокойно, какъ о дѣлахъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію и критикѣ. И опять повторяю, нѣсть числа въ этихъ новыхъ мѣстахъ толпамъ всякаго темнаго народа, идущаго «на рубль», какъ «на огонекъ».

Что-то глубоко-оскорбляющее чувствуется на сердцѣ всякій разъ, когда придется хотя нѣкоторое время побыть въ одномъ изъ такихъ «новыхъ», на рублѣ и для рубля возникающихъ человѣческихъ общежитій. Повидимому въ этихъ городахъ съ рублевымъ корнемъ въ основаніи общежитія жизнь выражается въ тѣхъ же формахъ, какъ и въ городахъ, постепенно выросшихъ изъ деревень и разросшихся до размѣровъ большихъ торговыхъ центровъ; и тамъ, и тутъ—суды, церкви, гостинницы, базары, театръ, трактиръ, газетка, воръ, нищій, проститутка. Все то же тамъ и тутъ, но при первомъ же внимательномъ отношеніи къ собственному вашему ощущенію чего-то оскорбительнаго, что возникаетъ при посѣщеніи этихъ «новыхъ» городовъ, вы ясно видите, что тутъ все хоть и то же, да не то.

Городъ, выроставшій постепенно изъ маленькаго трудового зерна—деревни, жилъ одинаково всѣми достоинствами и недостатками собиравшихся сюда людей; рядомъ съ богачемъ появлялся и святой; хорошее и худое выростало *невольно* для собравшихся здѣсь людей. Если появилась гдѣ-нибудь «на тычкѣ» отчаянная дѣвка Маѳутка, то появилась потому, что «характерная», «нравная», и крутитъ на свой страхъ. Параллельно съ безстыжими поступками Маѳутки шли и разговоры о томъ, какъ и отчего все это съ нею вышло. Происхожденіе вора Антошки также было у всѣхъ на глазахъ; дѣло его обсуждалось, разбиралось всѣмъ обществомъ, и всѣмъ было ясно, отъ какихъ причинъ и ошибокъ Антошка погубилъ свою жизнь. Надо всѣмъ этимъ можно было, а главное *нельзя* было не думать всему обществу, начавшему жить и живущему вмѣстѣ съ Антошкой.

И совсѣмъ не то происходитъ, когда города выростаютъ сразу, во имя только рубля.

Вчера еще здѣсь было совершенно дѣвственное мѣсто; о дѣвственный берегъ плескалась дѣвственная морская волна, а по берегу шумѣлъ дѣвственный лѣсъ. Но въ то же самое время, когда ни единый живой человѣкъ не помышлялъ поселиться здѣсь—такъ

здѣсь дико и страшно одинокому—гдѣ-то въ Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, въ банкирскихъ финансовыхъ мозгахъ уже созрѣвалъ планъ эксплуатаціи этой мѣстности; уже сосчитано количество милліоновъ франковъ, милліоновъ марокъ, нужныхъ для того, чтобы положить начало *жизни* въ этихъ мѣстахъ безжизненныхъ. И вотъ приходятъ сюда милліоны (въ Новороссійскъ напримѣръ милліонъ пришелъ отъ г. Фрейсине) и только во имя ихъ начинаютъ стекаться сюда люди. «Тамъ деньги»—думаютъ техники, механики, инженеры, и ѣдутъ сюда. «Тамъ деньги»—слышатъ рабочіе, слышатъ темные люди, слышитъ всякая голытьба. «Тамъ деньги»—чуютъ носомъ аферисты всѣхъ сортовъ, и все это идетъ сюда къ деньгамъ, за деньгами, и во имя денегъ. Здѣсь вы видите, что не только *невозможно порицать* Мароутку за ея поведеніе, но, напротивъ, *надобно съѣздить* въ Харьковъ, Ростовъ, накупить тамъ Мароутокъ и привести ихъ сюда и «организовать проституцію», какъ такое дѣло, безъ котораго нельзя жить въ современномъ обществѣ. Здѣсь, ничего не видя, *надобно* уже почти на пустомъ дѣвственномъ мѣстѣ строить острогъ, потому что воры придутъ непремѣнно, нельзя безъ этого. *Надобно* строить кафе-шантанъ, потому что также невозможно безъ этого; надобно открывать гостинницы съ номерами, надобно заблаговременно отводить мѣста подъ трущобы и публичные дома. Словомъ, здѣсь, въ этихъ новыхъ городахъ, люди *сознательно* тащатъ на чистую, невинную землю всевозможный мусоръ, сами, своею волей, *должны* заводить грязь и всякую гадость, и такимъ образомъ, будучи, во-первыхъ, чужды другъ другу совершенно, чужды по національностямъ, по личной жизни, по личнымъ планамъ относительно своего будущаго, они сходятся въ какое-то якобы общество во имя только рубля, одинаково какъ капиталистъ, такъ и рабочій, адвокатъ, техникъ, проститутка, журналистъ, воръ, даже монахъ, и, сойдясь на рублѣ, они начинаютъ жить уже съ нечистоплотной душой: всѣ они сами завели всѣ эти язвы; и потому всякая причина этихъ язвъ съ ихъ стороны – фальшь и ложь. По совѣсти имъ нельзя критиковать ничего: всѣ знаютъ, что безъ этихъ язвъ, безъ этой гадости, нанесенной на дѣвственную почву, *нельзя жить*, что такъ-то именно, съ грязью-то, *нарочно* организованною, и неизбѣжно жить, и вотъ почему даже журналистъ, появляющійся съ газетой въ такихъ *новыхъ*, бойкихъ, оживленныхъ капиталомъ мѣстахъ и самъ желающій оживить свой капиталъ, неминуемо начинаетъ дѣло, вводя и въ него язву сознательной неправды. Онъ беретъ для своей газеты самый послѣдній газетный шаблонъ, точь-въ-точь какъ содержатель кафе-шантана устраиваетъ его по послѣднему петербургскому образцу: онъ бурлитъ въ передовыхъ статьяхъ о французскомъ министерствѣ, радуется возрожденію флота, печатаетъ анекдоты скоромнаго свойства, дѣлаетъ замѣтки съ восклицательными знаками о самоубійствѣ, кувыркается въ фельетонѣ, печатаетъ пикантные разсказы, гражданскою скорбью скорбитъ о неправдѣ,—словомъ, одѣтъ по послѣдней модѣ; но *нѣтъ въ немъ возможности* быть искреннимъ: онъ искренно шелъ только за рублемъ, искренно зналъ, что безъ грязи и неправды *невозможно* обойтись, что даже *нужна она*, эта грязь, что ее *нужно* принести въ корзинкѣ, выписать по почтѣ и положить на чистое мѣсто для того, чтобы жизнь не имѣла прорѣхъ и была *какъ вездѣ*. Всѣ свои шаблоны пресса такого рода беретъ готовыми: на пять верстъ вокругъ рубля, который возродилъ ее, она не видитъ ничего для себя важнаго и интереснаго и, несмотря на внѣшній лоскъ и блескъ, мертва внутренно, безжизненна, холодна, какъ трупъ. Она не оживитъ, не разовьетъ ни одного дарованія, не окрылитъ ни чьей мысли; она родилась безъ крыльевъ или сознательно оборвала ихъ, искренно помирившись съ необходимостью грязи и неискренно протестуя противъ нея.

Почти въ каждомъ человѣкѣ, пришедшемъ на новое мѣсто изъ-за рубля, вы только съ огромными усиліями можете добраться до его настоящей человѣческой сущности, и всегда она будетъ чуждая вамъ. Даже въ семейной жизни, въ любви, не поручитесь вы за то, что рубль не участвовалъ въ ней или не участвуетъ. Задушевныя ноты начинаютъ прорываться только тогда, когда дѣло коснется интимнѣйшихъ сторонъ біографій каждаго, будь то журналистъ, рабочій, капиталистъ. И тогда вы видите, что искренно мыслитъ всякъ изъ нихъ не о томъ, что здѣсь кругомъ него, а о чемъ-то далекомъ. Берлинскія, вѣнскія, орловскія, петербургскія, бердичевскія горести, надежды и упованія—вотъ, гдѣ они настоящія; здѣсь онъ чужой, среди чужихъ, здѣсь онъ вѣритъ только въ рубль, и всѣ красивыя слова, которыя онъ говоритъ вамъ, всѣ только для того, чтобы не видна была (даже и ему самому) его холодная, быть можетъ только временно, но умершая во имя рубля душа.

Это—«ненастоящая» жизнь, и переносить ее даже послѣ самаго короткаго соприкосновенія съ народной жизнью, гдѣ личная забота неразрывна съ душевнымъ настроеніемъ такъ же, какъ и со всѣмъ обиходомъ жизни, положительно невозможно.

Однако не въ этомъ дѣло, и мнѣ уже давно слѣдовало бы возвратиться къ моимъ попутчикамъ.

Я разсказалъ только про двоихъ, но въ фургонѣ было кромѣ пишущаго это письмо еще два человѣка: мужичокъ, сидѣвшій рядомъ съ извозчикомъ, и наконецъ самъ извозчикъ.

Мужичокъ съ длинными волосами, висѣвшими длинными космами изъ-подъ теплой шапки и падавшими на широкій воротникъ широкаго армяка, имѣлъ въ лицѣ что-то не вполнѣ крестьянское: эти волосы и бороденка, впалыя щеки и тонкій голосъ – все это заставляло думать, что если онъ и не изъ духовныхъ и не знакомъ съ клиросомъ, то во всякомъ случаѣ онъ и не мужикъ.

Покуда мой цыганскаго типа сосѣдъ и литературнымъ языкомъ излагающій всякія гадости мальчикъ разсказывали мнѣ свои біографіи и планы, му-

жичокъ велъ непрестанные разговоры съ извозчикомъ.

— Во какіе! Груши напримѣръ! Яблоки! Господи Боже мой! Рубль серебромъ—сто мѣръ! Подъ Майкопомъ—даромъ бери, сколько хошь! Передъ Богомъ, я самъ ѣздилъ. Орѣховъ—бери, сдѣлай одолженіе, хоть сто возовъ—никто слова не скажетъ!

Такія слова и полуфразы, произносимыя какимъ то напряженно визгливымъ теноромъ, поминутно доносились до меня въ промежуткахъ разсказовъ объ испанскихъ маршалахъ, одеколонѣ, Амстердамѣ, арфисткахъ и т. д. И когда эти разсказы были окончены, дошла очередь и до мужичка. Можно было вполнѣ слышать все, что онъ толковалъ, можно было и разспросить, куда и зачѣмъ онъ ѣхалъ.

Онъ былъ дѣйствительно не мужикъ, но *сдѣлался мужикомъ*, хотя очень недавно. Отецъ его былъ портной и тому же портняжному мастерству обучилъ и сына. Уроженцы и жители они были Курской губерніи. По смерти отца сынъ продолжалъ отцовское ремесло, но его увлекло переселенческое движеніе его односельчанъ, и онъ, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о привольныхъ мѣстахъ, присталъ къ переселенческой партіи безъ всякихъ средствъ и безъ всякихъ надеждъ — и ушелъ на новыя мѣста. Это былъ нервный, впечатлительный человѣкъ. Выбравшись изъ своей душной портновской каморки на вольный свѣтъ, онъ былъ до высшей степени возбужденъ новизной и разнообразіемъ впечатлѣній; эта возбужденность не пропала въ немъ и сейчасъ: о чудесахъ кавказскихъ горъ и лѣсовъ онъ разсказываетъ съ увлеченіемъ сказочника, вѣритъ всякимъ легендамъ о богатствахъ, скрывающихся тамъ, въ глубинѣ этихъ горъ и лѣсовъ. Широта, просторъ и воля, а главное свобода мечтанія пришлись ему очевидно по вкусу: онъ пристрастился къ земледѣльческому труду, полюбилъ его, вошелъ во вкусъ мельчайшихъ подробностей этого труда и трудовой жизни; наблюденій у него масса—относительно земли, травы, пахоты, дождей, засухъ, скотины. Земледѣльческая жизнь заполонила его всего; изъ работниковъ онъ выбился въ хозяева, женился и вотъ теперь ѣдетъ въ Екатеринодаръ, ходокомъ отъ всего общества, хлопотать за мужицкія права, попираемыя казакомъ. Впослѣдствіи я подробно разскажу о томъ, что творится здѣсь между такъ называемыми «иногородними», т. е. пришлыми крестьянами, и мѣстными жителями, казаками; теперь же скажу, что общество крестьянъ, притѣсняемыхъ казаками, сдѣлало удачный выборъ: этотъ неофитъ въ земледѣльческомъ трудѣ, крайне впечатлительный отъ природы и весь проникнутый любовно воспринятыми впечатлѣніями привольной, разнообразной, поэтической, трудовой жизни,— этотъ ходатай постоитъ за тѣ 500 семействъ, которыя его послали хлопотать объ ихъ дѣлѣ; этотъ не уступитъ, «вопьется» и уже добьется своего, дойметъ однимъ своимъ теноромъ, дребезжащимъ какъ колокольчикъ.

Этотъ оригиналъ «сдѣлался мужикомъ» и радъ этому *весь*, радъ до мозга костей, а вотъ извозчикъ, который везетъ этотъ фургонъ, наполненный, какъ видите, оригиналами, — такъ тотъ *не хочетъ быть мужикомъ.*

— Что, спрашиваетъ онъ меня, когда къ этому представилась возможность,—не слыхали, какъ желѣзная дорога, не пойдетъ на Анапу?

— Кажется, не пойдетъ.

Начинаются продолжительные общіе разговоры о новой дорогѣ, причемъ человѣкъ цыганскаго облика принимаетъ большое участіе: онъ знаетъ дѣло хорошо. Дорога будетъ проведена непремѣнно въ Новороссійскъ; г. Фрейсине затратилъ тамъ уже большія деньги; даже войны въ Греціи не будетъ, потому что тогда г. Фрейсине не проѣдетъ съ своимъ керосиномъ, братъ-министръ этого не допуститъ; и если Греціи нельзя получить Олимпа изъ-за керосина г. Фрейсине, то Анапа уже и думать ни о какихъ полученіяхъ не должна.

— А тебѣ чего такъ въ Анапу то непремѣнно захотѣлось? спросилъ фургонщика цыганскаго обличья человѣкъ, доказавъ ему всю несостоятельность его надеждъ.

— Да домишко у меня тамъ есть. Кабы прошла дорога, продалъ бы, купилъ бы земли, дѣтей бы пристроилъ къ серьезному дѣлу, а теперь съ чѣмъ начать? Начать не съ чѣмъ!..

Онъ помолчалъ и продолжалъ:

— Ужъ сколько я твердилъ: возьмитесь за дѣло, будетъ вамъ шарлатанить! Надобно имѣть постоянное занятіе — нѣтъ, куда! Старшій у меня сынъ тоже съ фургономъ ѣздилъ, ну, и въ карты любитъ... все думаетъ разжиться легко... Какъ-же! Я седьмой десятокъ живу—не разжился!.. Теперь вотъ все Новороссійскъ у всѣхъ на языкѣ... Мой Казиміръ задумываетъ виномъ торговать. Изобрѣлъ такое средство, что изъ подсолнуховъ будетъ дѣлать ромъ, коньякъ. «Жареные подсолнухи, говоритъ, со спиртомъ большія деньги дадутъ»... Вотъ какія затѣи!.. Я ужъ говорилъ, говорилъ—ничего нѣтъ толку!

— Плохо внушаешь! нравоучительно сказалъ цыганскаго вида человѣкъ.— Надобно съ дѣтьми поступать строго, безъ послабленія...

— Такъ-то оно такъ!

Старикъ замолчалъ и молчалъ довольно долго.

— Оно такъ! сказалъ онъ наконецъ. — Это справедливо, что я самъ слабъ... Да вѣдь что будешь дѣлать, кровь-то во мнѣ дворянская! Ничего не подѣлаешь! Какъ задумаю о крестьянствѣ— лучше ничего нѣтъ; а какъ вспомню, что во мнѣ дворянская кровь, такъ руки и опускаются.

— Нѣтъ ничего худого пахать!

— Чего худого: первое дѣло!.. Навѣки человѣкъ спокоенъ... Я вѣдь это понимаю!.. Да вѣдь дворянинъ я, кровь во мнѣ дворянская! Какъ же я въ мужики-то оборочусь? Это ужъ мнѣ должно быть обидно!..

— Ты откуда будешь?

— Я полякъ! У меня всѣ документы дворянскіе, такъ какъ же мнѣ за сохой-то ходить?.. Вотъ и сыновья тоже не согласны...

— Да, дворянину трудно за соху браться!

— Не трудно, а обидно! Дворянская кровь препятствуетъ...

— Такъ, стало быть, коньякъ изъ поджаренныхъ подсолнуховъ будемъ пить?

Бѣдный старикъ горько усмѣхнулся, вздохнулъ и не отвѣчалъ. И точно, трудно ему: ему болѣе шестидесяти лѣтъ, а онъ все мыкается въ фургонѣ, стараясь набрать какъ можно больше пассажировъ, а самъ поэтому помѣщается всегда на самомъ неудобномъ мѣстѣ, на подножкѣ у козелъ, подложивъ подъ сидѣнье мѣшокъ съ овсомъ и трясясь всѣмъ своимъ старческимъ тѣломъ на каждомъ толчкѣ. Но и въ этомъ неудобномъ положеніи онъ старается сохранить свое достоинство. Онъ не побѣжитъ къ рѣчкѣ налить для пассажира воды въ бутылку—это не его дѣло; остановится, чтобы сойти и напиться воды, — не сразу и не тамъ, гдѣ ему велятъ, а непремѣнно подальше или поближе; лошадей онъ не колотитъ «по мордѣ» кнутомъ, когда онѣ нейдутъ, и не оретъ на нихъ, а слѣзетъ и подойдетъ какъ-то особенно, не спѣша, разставивъ локти, какъ пѣвецъ, приближающійся къ рампѣ, чтобы пропѣть грозную арію; «на чай» не проситъ; къ столу, гдѣ пьютъ пассажиры, не подсаживается и вещей не вытаскиваетъ изъ тарантаса на своей спинѣ. Но при всѣхъ этихъ проявленіяхъ какихъ-то своихъ особенностей онъ еле-еле перебивается, безпрерывно ломая свои кости въ ежедневной ѣздѣ. При страшной дороговизнѣ корма, трехдневная ѣзда съ остановками едва даетъ ему два рубля чистаго заработка. Проѣздивъ безпрерывно всю Страстную недѣлю, онъ повезъ къ празднику домой въ Анапу всего восемь рублей.

Самый завалящій казакъ и самый обиженный судьбой мужикъ живутъ покойнѣе и лучше его. Но что прикажете дѣлать — «дворянская кровь препятствуетъ!», и старикъ, родившійся дворяниномъ, не хочетъ умереть мужикомъ, хотя завидуетъ ему въ глубинѣ души.

Вотъ первые попутчики перваго *полдня* моей поѣздки. Прибавьте къ этимъ четыремъ біографіямъ, ни въ чемъ другомъ друга на друга не похожимъ, пятую біографію, т. е. біографію пишущаго эти строки, намеки на которую были сдѣланы въ первой главѣ, и вы сразу получите такой букетъ оригиналовъ, жизни и цѣли которыхъ рѣшительно не имѣютъ ничего общаго, что маленькій фургонъ долженъ представиться вамъ большимъ романомъ, не уступающимъ *Пиквикскому клубу*.

Но это только «попутчики» перваго полдня. А вѣдь въ нашемъ распоряженіи есть и еще полдня.

IV. Мирошникъ.

I.

Выѣхали мы, всѣ пять типовъ и оригиналовъ, съ желѣзно-дорожной станціи часу въ первомъ дня, а въ семь часовъ того же дня остановились кормить лошадей на первомъ по пути постояломъ дворѣ. Такимъ образомъ не болѣе какъ втеченіе шести часовъ я успѣлъ познакомиться съ четырьмя разнохарактернѣйшими біографіями (пятую я зналъ про себя), а съ семи часовъ, т. е. съ момента въѣзда нашего фургона въ ворота постоялаго двора, снова начался новый рядъ самыхъ разнообразнѣйшихъ встрѣчъ, знакомствъ и приключеній.

Постоялый дворъ, куда мы въѣхали, впослѣдствіи мнѣ пришлось посѣтить еще нѣсколько разъ, и я могу разсказать объ этихъ «остановкахъ» для корма лошадей нѣсколько подробнѣе, чѣмъ разсказывалъ до сихъ поръ о случайныхъ дорожныхъ встрѣчахъ. Дворъ этотъ стоялъ поодаль отъ станицы, въ сторонкѣ, потому что хозяинъ его, казакъ, держалъ мельницу, а мельницы всегда строятся на окраинахъ станицъ. Мельница эта досталась хозяину отъ отца, по раздѣлу между тремя братьями, послѣ его смерти; оцѣнивъ все отцовское имущество въ 4,500 р., братья раздѣлили его такъ: одинъ взялъ хорошій большой домъ подъ желѣзной крышей, оцѣненный въ тысячу рублей, и 500 р. долженъ былъ ему же заплатить второй братъ, получившій мельницу и маленькую хатку, которыя были оцѣнены въ двѣ тысячи; третьему досталось разнаго имущества, скота и т. д. также ровно на 1,500 р. Всѣ три постройки, т. е. большой домъ подъ желѣзной крышей, маленькій домикъ средняго брата (содержащаго постоялый дворъ) и только что строющійся *турлучный* (глиняный) домъ младшаго—всѣ эти дома и постройки стали цѣлой кучей, гнѣздомъ, хотя и были тщательно огорожены другъ отъ друга.

Содержатель постоялаго двора, казакъ, былъ бездѣтенъ, но дѣтей ему имѣть очень хотѣлось, и въ то время, когда пришлось пріѣзжать намъ, хозяинъ уходилъ въ Новый Аѳонъ (монастырь близъ Сухума) молить Бога о томъ, чтобы у него были дѣти. Съ тѣми же цѣлями онъ и вообще любилъ богомолья и почасту и подолгу уходилъ изъ дома, такъ что все довольно большое и сложное хозяйство постоялаго двора лежало на его женѣ. Во дворѣ и въ хозяйствѣ ихъ было много скотины, много птицы; все это нужно было накормить, напоить, выгнать и загнать. Всякій разъ, когда мнѣ приходилось останавливаться на этомъ постояломъ дворѣ, я не могъ не дивиться энергіи этой казачки, справляющейся съ такой массой работъ безъ малѣйшаго утомленія.

Это была не совсѣмъ молодая, но и не старая, красивая женщина: тонкая, стройная, остроумная и легкая на походкѣ и во всякомъ трудѣ. Во всѣ три проѣзда я только одинъ разъ видѣлъ ея мужа, да и то мелькомъ—это человѣкъ очевидно хворый: то онъ на богомолье ѣдетъ дѣтей вымаливать, то къ доктору, то къ знахарю кровь отворять. Словомъ, сколько я замѣтилъ, всѣ хлопоты лежали исключительно на его женѣ, энергія которой была возбуждена не столько привязанностью къ мужу, сколько иными двигателями: дѣти у нея уже были и умерли большими, и она уже не пи-

таетъ надежды ни на лекарства, ни на Новый Аеонъ; но ее мучаетъ дрянной домишко, въ которомъ приходится жить рядомъ съ большимъ домомъ мужнина брата, мучитъ необходимость расплатиться съ этимъ братомъ за мельницу и наконецъ необъяснимая въ крестьянахъ, если такъ можно выразиться, жадность къ тому, чтобъ всего было больше и больше. Во всѣ три проѣзда черезъ постоялый дворъ я, попадая сюда въ разные часы дня, могъ видѣть весь обиходъ жизни рабочаго дня и невольно дивился неутомимой энергіи этой неустающей худенькой женщины. Ночуя въ фургонѣ на дворѣ, я видѣлъ какъ она еще до свѣту (еще мѣсяцъ стоитъ на небѣ) уже выходила изъ избы босикомъ въ шубѣ и проворно бѣгала туда и сюда; въ маленькой хатенкѣ было все выбѣлено, вычищено ея собственными руками; весь уголъ съ образами былъ изукрашенъ всякими искусственными цвѣтами и расшитыми полотенцами; кровать, подушки, одѣяло—все носило слѣды самой тщательной работы иголкой, старавшейся не только сшить, а и изукрасить каждый ситцевый вершокъ. И какъ въ коморкѣ этой былъ изукрашенъ каждый вершокъ, точно такъ-же и каждая минута дня была у нея наполнена безпрерывною домашней суетой и хлопотами, исчислить которыя нѣтъ никакой возможности. Ко всей нескончаемой вознѣ со скотиной, птицей, прибавьте еще возню съ пріѣзжающими, съ извозчиками, которымъ надо отвѣсить овса и сѣна, сварить обѣдъ, поставить самоваръ, для котораго надобно на своихъ плечахъ принести воды, поговорить со всѣми, такъ чтобы всѣ остались довольны, и подивитесь, на какую массу труда способенъ человѣкъ худенькій, тощенькій на видъ—труда безпрерывнаго и къ тому же не оставляющаго никакого изнурительнаго слѣда. Хозяйство ея шло какъ то такъ удивительно стройно и разсчитанно, что, кажется, пылинки не пропадало въ немъ даромъ, все шло на потребу, до послѣдней скорлупки: коровамъ, телятамъ, свиньямъ, курамъ, гусямъ, кошкамъ, собакамъ; даже помои отъ кувшиновъ съ молокомъ, отъ чашекъ и тарелокъ послѣ харчеванья пріѣзжихъ—все это поглощалось также какими-то ртами, которые гдѣ-то терпѣливо ожидали этихъ именно помой и, получивъ ихъ въ извѣстное время, самымъ пріятнымъ манеромъ жевали, лакали, сладко ворчали гдѣ-нибудь подъ печкой, на дворѣ, подъ лавкой, а чаще всего во всѣхъ этихъ мѣстахъ.

И вся эта суета и безпрерывное движеніе, ходьба, даже бѣготня по домику, по двору, по полю, вокругъ и около всего этого, все это переливаніе помой разнаго званія и качества изъ малыхъ горшковъ въ большіе, собираніе въ кучу всякаго мусора и объѣдковъ—все это ни малѣйшимъ образомъ не дѣлалось зря и необдуманно; напротивъ, все дѣлалось съ самымъ тщательнымъ разсчетомъ, все дѣлалось своевременно, обдуманно, все, весь домъ, все хозяйство напоминало химическую лабораторію и было полно ума и несомнѣннаго, хоть и доморощеннаго знанія.

Хозяйка очевидно имѣла совершенно опредѣленную цѣль въ жизни, къ которой и шла прямой дорогой, летѣла, какъ стрѣла, ни на минуту не останавливаясь, не сбиваясь «съ ноги» и не сомнѣваясь. И вотъ эта-то опредѣленность цѣли и обиліе ума, вложеннаго въ ея достиженіе, давали ей возможность со всѣмъ огромнымъ количествомъ труда, который лежалъ на ея плечахъ, справляться почти безъ всякой чужой помощи, если не считать маленькой десяти годовъ дѣвочки, получавшей рубль въ мѣсяцъ, да мирошника, котораго еще надобно было съумѣть подчинить себѣ, подчинить совершенно безъ всякихъ приманокъ, не говоря о деньгахъ, о которыхъ и помину не могло быть. И тутъ, въ подчиненіи своему хозяйству совершенно посторонняго, здороваго, сильнаго человѣка, въ этомъ дѣлѣ также виденъ далеко недюжинный умъ и тактъ хозяйки.

Мирошникъ работалъ на мельницѣ, принадлежавшей хозяевамъ постоялаго двора, изъ-за третьей мѣрки или изъ-за третьей копѣйки. Это былъ человѣкъ чрезвычайно своеобразный. По виду это невысокій, но коренастый, сильный человѣкъ съ кривыми и сильными, какъ у сатира, ногами. Изъ-подъ низкаго лба смотрѣли простодушно «по-дѣвичьи» голубые глаза, а голосъ былъ мягкій, сдобный, бабій. Эти бабьи черты, при его полуказацкой внѣшности, въ общей сложности производили такое впечатлѣніе, что, взглянувъ на него, послушавъ его голоса, хотѣлось улыбнуться. Полуказацкій видъ его былъ такой: голова была обстрижена по-солдатски подъ гребенку, но зато борода, не бритая послѣ солдатчины, разрослась буквально лопатой. Онъ былъ уроженецъ одной изъ внутреннихъ губерній, служилъ во флотѣ въ Черномъ морѣ, а по окончаніи службы не пожелалъ воротиться домой—никого тамъ у него нѣтъ—а пошелъ въ «Черноморье», да вотъ и оказачился, живя въ мирошникахъ.

И мирошника этого случалось видѣть мнѣ каждый разъ, когда мнѣ приходилось останавливаться на этомъ дворѣ. Каждый день онъ довольно рано приходилъ сюда съ мельницы ночевать и всегда какъ-то невольно, по натурѣ, увлекался той бабьей суматохой, которая вечеромъ съ приходомъ скотины достигаетъ высшей степени. Военной, многолѣтней службы своей онъ какъ будто совершенно не помнилъ; ни о чемъ военномъ никогда не говорилъ ни единаго слова, политикой не занимался, но что-то женственное, что таилось въ немъ, видно было въ глазахъ, слышалось въ голосѣ, влекло его къ женской мелкой суетнѣ, и онъ больше всякой женщины оживлялся тѣмъ мелкимъ «живьемъ» обыденной жизни, въ кругу котораго вращается женская жизнь. О цыпленкѣ, котораго съѣла собака, онъ толкуетъ съ такимъ же искреннимъ волненіемъ и негодованіемъ, какъ и эти женщины, которыя сошлись со всѣхъ трехъ дворовъ трехъ братьевъ и сдѣлали изъ съѣденнаго цыпленка не только серьезный вопросъ, но развили его въ цѣлую интермедію со смѣхомъ, съ шутками, безчисленными разговорами, остротами и даже бѣготней отъ мирошника. Тутъ среди бабъ и ихъ треволненій ми-

рошникъ былъ какъ-разъ на своемъ мѣстѣ; здѣсь онъ принялъ живое участіе въ цыпленкѣ и обслѣдовалъ всѣ качества собаки, все разсудилъ и разобралъ, а тамъ онъ что-то про ребятъ безпокоится, няньчитъ (сунутъ ему — онъ и няньчитъ и «заговариваетъ» ребенка), а тамъ открылось, что ежъ яйца таскаетъ, и мирошникъ лѣзетъ подъ копну соломы, лѣзетъ съ головой прямо въ солому, выдираетъ ежа со всѣмъ его семействомъ, обдираетъ до крови руки, но увлекается во всемъ этомъ чисто по-женски, доходитъ до самаго искренняго безпокойства.

— Нѣтъ, ужъ теперь тебѣ не жить! — весь потный и волнующійся говорилъ мирошникъ, таща ежа на смерть, какъ самаго лютаго врага, и окруженный цѣлой толпой стрекотавшихъ, какъ птицы, женщинъ, дѣтей и подростковъ.

Убіеніе ежа происходило какъ-разъ въ то самое время, когда на постоялый дворъ въѣзжалъ нашъ фургонъ, наполненный типами и оригиналами. Наше знакомство съ мирошникомъ состоялось въ самую для него благопріятную минуту: онъ былъ окруженъ толпой женщинъ, удивлявшихся его подвигу, чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ и при всеобщихъ похвалахъ, расточаемыхъ женщинами, отирая потъ, видимо съ большимъ удовольствіемъ принималъ эти похвалы.

Разстегнувъ свой ситцевый, стеганый, казацкаго покроя бешметъ, мирошникъ сѣлъ на лавку въ общей комнатѣ, гдѣ хозяйка приготовляла намъ чай, досталъ кисетъ и, свертывая цыгарку, разсказалъ намъ всѣмъ:

— Я гляжу, семь яицъ лежатъ подъ соломой! Что за чудо? А Дарьюшка давно ужъ жалуется: куда это яйца дѣваются?... А смотрю, онъ вылѣзъ и носомъ пхаетъ яйцо-то въ нору!...

— Ужъ и спасибо мирошнику! внося самоваръ и ласково смотря на виновника торжества, звонко заговорила хозяйка.—И не доглядѣть, не доглядѣть!... Восемь куръ несутся, а нѣту и нѣту яицъ! И не задумаю, что́ такое?

— Теперь не будетъ! самодовольно сказалъ мирошникъ.

— Коли-бъ не добрый человѣкъ, какъ бы я сама-то догадалась? И такъ дѣла не передѣлать.

— Я давно его караулилъ! съ не меньшимъ, чѣмъ и прежде, самодовольствіемъ проговорилъ мирошникъ.—У меня не уйдетъ!

Умная, разсчетливая, деликатная хозяйка разсыпалась въ похвалахъ добротѣ мирошника. Расточая эти похвалы, она стояла рядомъ съ нимъ, покровительственно положивъ ему на плечо руку. Мирошникъ не смѣлъ пошевельнуть плечомъ отъ удовольствія.

— Охъ! сказалъ, иронически покачивая головой, человѣкъ цыганскаго типа,—что-то ты, хозяйка, ужъ очень расхваливаешь мирошника!.. Гдѣ мужъ-то?

— У поли.

— То-то «у поли»! Какъ ни пріѣдешь къ тебѣ, все твой мужъ «у поли», а мирошникъ-все тутъ, въ домѣ торчитъ! И все ты его расхваливаешь! Охъ, ужъ ваша сестра...

— Такъ отчего же не хвалить добраго человѣка? Мы добрыхъ людей любимъ!

И чтобы отстранить подозрительный и иронический намекъ, хозяйка тутъ же разсказала о какомъ-то плотникѣ, тоже добромъ человѣкѣ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ также работалъ на мельницѣ и всякій день, какъ только кончитъ работу, такъ сейчасъ и идетъ ей помогать въ хозяйствѣ и совершенно безкорыстно, по добротѣ. Она такъ умно и хитро похвалила добраго плотника, что вѣроятно мирошнику пожелалось превзойти его по этой части, и въ послѣдующіе пріѣзды я видѣлъ уже, что онъ не только таскалъ изъ норъ ежей, но уже и воду носилъ, и самоваръ ставилъ, и сѣна пудовъ по пяти сразу таскалъ на своей крѣпкой, широкой спинѣ. А хозяйка постоянно осыпала его похвалами и всегда лицо ея, обращенное къ мирошнику, было самое ласковое и любящее.

Разсказавъ про плотника, хозяйка дружески похлопала мирошника по плечу и сказала:

— Нѣтъ, у насъ ничего этого нѣтъ съ мирошникомъ! Не такіе мы люди!

— Охъ, такъ ли? усомнился цыганскій типъ.

— Охъ, ужъ и мастеръ ты языкомъ звонить! шутливо и въ тонъ цыганской рѣчи отвѣтила хозяйка и ушла, улыбаясь.

Въ комнатѣ, гдѣ мы пили чай и сидѣлъ мирошникъ, покуривающій «цыгарку» и молча своими веселыми «дѣвичьими» глазами смотрѣвшій на насъ во время шутливаго разговора, — кромѣ всѣхъ насъ находился еще одинъ посѣтитель, мѣстный казакъ. Это былъ уже настоящій казакъ. Онъ сидѣлъ на лавкѣ, заложивши руки въ карманы распахнутаго стараго бешмета, откинувшись спиной къ стѣнѣ и вообще раскинувшись всѣмъ тѣломъ съ полнѣйшей непринужденностью. Все время онъ молчалъ, какъ «посторонній», пришедшій по своему дѣлу, и повидимому былъ совершенно равнодушенъ къ нашимъ разговорамъ. Но когда ушла хозяйка, онъ кивнулъ головой въ сторону мирошника и, обращаясь ко всѣмъ намъ, сказалъ лѣниво, медленно:

— Любятъ его бабы... Секретъ знаетъ... Спросико-сь у него, много ли у насъ въ станицѣ его казачатъ бѣгаетъ?

Всѣ засмѣялись, и мирошникъ, вспыхнувъ и покраснѣвъ, тоже улыбнулся, но чрезъ мгновеніе неожиданно отвѣтилъ очень серьезно:

— Потому что ежели бы былъ указъ землю подѣлить и чтобъ землю бы мнѣ дали — ну, тогда другое дѣло!.. А то что я безъ земли? А что, господа, не слыхать: выйдетъ указъ, чтобы и иногороднимъ землю нарѣзывать? — неожиданно обратился онъ къ намъ.

Но флегматически сидѣвшій и говорившій «посторонній» казакъ опять кивнулъ головой въ сторону мирошника и опять лѣниво, медленно и флегматически проговорилъ:

— Указа нѣту насчетъ земли! Ишь, какъ оборачиваетъ! А съ бабами-то, когда къ нимъ подбираешься, небось не о томъ разговариваешь? «Бу-

демъ-молъ, Маруся, или тамъ, Дарьюшка, будемъ съ тобой какъ братъ съ сестрой!» Указа нѣту! Не землей и не указомъ, поди, на мельницу бабъ-то заманиваешь!..

— Что-жъ?.. Братъ съ сестрой, уклончиво пробормоталъ мирошникъ,— тутъ худова ничего нѣтъ!..

— Еще бы худое! «Будемъ съ тобой, какъ духовные, вродѣ ангеловъ!» а потомъ и нарѣзывай твоимъ ребятамъ землю... Самый настоящій братъ духовный!

— Что-жъ, нарѣзывай? Земля Божья, а ребята—слуги царскіе!.. Царю пòмочь!.. Тутъ худова нѣтъ. А вотъ дѣвочку обидѣли! ей тоже десятину бы по закону слѣдуетъ, а не дали.

— Да ты какъ же можешь это говорить? немного разгорячившись, сказалъ казакъ.—Дѣвочкѣ твоей не дали!.. Да твои пять-ли, шесть-ли тамъ ребятенковъ сколько земли-то стянули казацкой? По девятнадцати десятинъ на душу оторвали для твоихъ духовныхъ-то поросятъ!.. А то дѣвочку обидѣли!

— Одна десятина—не великъ кусокъ! не глядя ни на кого, проговорилъ мирошникъ.—Все бы оно годилось.

— Вотъ онъ какой, мирошникъ то! То-то его и любятъ. Умѣетъ онъ орудовать... «братъ, сватъ», сестра, сестра», а глядишь—то тамъ мальчонка появился, то тутъ—и все мирошниковы!.. Ловокъ, парень, нечего сказать!

— Что-жъ? смиренно сказалъ мирошникъ, опустивъ глаза.—Дѣло это было по согласію... Кабы ежели указъ бы. А то указа-то нѣту...

Тутъ всей компаніи стало такъ весело отъ смѣшныхъ и наивныхъ словъ мирошника, что разговоръ нѣсколько со скоромнымъ оттѣнкомъ не прекращался довольно долгое время. Наконецъ всѣмъ захотѣлось спать.

Когда всѣ разошлись на ночлегъ, кто подъ сарай, кто въ фургонъ, мирошникъ понялъ, что похвалы, только-что полученныя отъ такой славной, умной женщины, понимающей «умныхъ людей»,— что эти похвалы обязываютъ его также быть любезнымъ и внимательнымъ къ ней, онъ понялъ, что ему надобно остаться въ избѣ, перемыть чайную посуду, убрать самоваръ и все привести въ порядокъ. Онъ тотчасъ же и принялся за работу. Перекинувъ черезъ плечо полотенце, онъ совершенно «по бабьи» принялся орудовать съ посудой.

Была у меня бутылка дешеваго станичнаго вина, такъ называемаго «прасковейскаго». Выпили мы съ мирошникомъ по стакану вина и разговорились.

— Однако, сказалъ я,—пробралъ тебя казакъ-то!

— Они, разбойники, давно меня жмутъ! Убить было собирались, дьяволы! «Ты, говорятъ, не имѣешь права своихъ байстрюченковъ намъ въ казаки присоединять!» А какъ стали мѣрять землю, такъ они и сами всѣхъ моихъ байстрюковъ за своихъ выкричали: «наши! наши!». Стало-быть отъ моихъ потомковъ ничего худого не вышло, каждый принесъ въ домъ по девятнадцати десятинъ .. Вотъ только дѣвочка не попала въ размежеваніе! Ужъ послѣ межовки родилась она тутъ у меня, въ одномъ мѣстѣ...

— Какъ «въ одномъ мѣстѣ»?

— Да такъ, значитъ, въ одномъ семействѣ.

Мирошникъ вытряхалъ уголья изъ самовара.

— Въ одномъ, значитъ, семействѣ оказалась дѣвочка... моего напримѣръ происхожденія.

— Однако они правду вѣдь говорятъ, сказалъ я мирошнику.—Все ты въ семействахъ?...

— Такъ, въ семействахъ! Такъ я то чѣмъ виноватъ? Коли бы нашему брату, иногороднему, была земельная нарѣзка—ну, въ то время я бы, можетъ быть, и переломилъ себя какъ-нибудь на хлѣбопашество, слѣдовательно на законъ... то есть въ бракъ бы долженъ. Ну, а какъ же я осмѣлюсь принять святой законъ напримѣръ Божій, ежели я вполнѣ округленъ безъ земли? Какое же можетъ быть моимъ дѣтямъ обезпеченіе? А не жениться— такъ какъ же? Бабъ много всякихъ; ежели бы я имѣлъ какія пустыя мысли, такъ это сколько угодно; иной еще и слова не сказалъ, а она уже согласна на свое преступленіе. Ежели бы я какія подлыя мысли имѣлъ, такъ я на мельницѣ-то словно бы султанъ персидскій существовалъ и отвѣту бы никакого на мнѣ не было... А только я этого не люблю и на такое пустяковое дѣло не согласенъ никогда!.. Мнѣ надобно не это, а чтобъ была у меня въ жизни пріятная сестра. Я вѣдь тоже какъ перстъ одинъ, наломанъ на службѣ довольно—мнѣ надо имѣть заботу въ жизни, чтобы съ «удовольствіемъ» была эта забота. Примѣромъ сказать, вотъ хоть попадобилась мнѣ рубаха—чего бы, кажется, дѣлать? Взялъ, пошолъ на базаръ, отдалъ тридцать копѣекъ вотъ и все. А мнѣ такъ-то скучно жить. Я пять цѣлковыхъ тебѣ въ подарокъ или въ подмогу дамъ, а ты мнѣ сама, какъ сестра брату, возьми да принеси рубаху-то! Вспомни! ты меня только вспомни, а я тебя во вѣки не забуду... Много ихъ на мельницѣ-то ко мнѣ подскальзываютъ и такъ, и этакъ, только что я вниманія на это не даю, а которая придетъ, да по совѣсти вздохнетъ, да посовѣтуется, какъ на духу, да увижу я въ ней пріятную совѣсть,— вотъ она мнѣ и сестра. «Чего тебѣ надо? Хлѣба? Вотъ тебѣ! Ребятишкамъ сапожонки? Бери три рубля. Я твою нужду знаю и чувствую, что тебя мужъ бьетъ, что твой мужъ пьяница—все это я принимаю къ сердцу, а ты мою доброту къ сердцу прими. Я на мельницѣ сижу, а ты дома обо мнѣ вспоминай». Вотъ какое мое желаніе. Ну, а конечно ужъ какъ-нибудь такъ впослѣдствіи времени происходятъ дѣти—такъ вѣдь какъ же тутъ? Это ужъ никакъ невозможно!

— Вѣдь мужья-то, я думаю, какъ женъ-то бьютъ за тебя?

— Такъ вѣдь они, подлецы, и такъ ихъ колотятъ зря. Самъ пьянствуетъ по чужимъ мѣстамъ, жену моритъ на работѣ, а придетъ—и давай дурить... Вотъ такихъ-то, неповинныхъ-то, мнѣ и жалко, а не то, чтобы которая прямо на тебя намѣревается съ пустяками. Да еще и такъ возьмите:

ну, пущай онъ ее бьетъ тамъ, за косы рветъ, всячески издѣвается—такъ вѣдь со мной-то она не одна! Вѣдь на мельницѣ *я* существую! Прибѣжитъ она: «такъ и такъ, то и то!» и плачетъ—такъ вѣдь я ее привѣчаю, всячески дѣлаю ей пріятное. Бываетъ и такъ, что посовѣтуемся: «какъ быть?»... «Подари-ко, говоритъ (предположимъ), корову—можетъ онъ поутихнетъ, потому и евонным дѣтямъ молоко надо»... И только мнѣ скажи, такъ я все тебѣ предоставлю; есть у меня деньги—на, получай, покупай... а нельзя тебѣ со мной на совѣсти жить, или мужа опять полюбила, или онъ самъ потишѣлъ, пьянствовать пересталъ—оставь! Живи по-хорошему—Богъ съ тобой! Я худова никому не согласенъ дѣлать, я и жить-то для худова не согласенъ. «Живи ,какъ тебѣ лучше. И мнѣ-то будетъ пріятнѣй. Чего мнѣ насильно-то? Хорошаго народа много! Пошлетъ Богъ, и другая уйдетъ отъ меня не съ худымъ. Я съ тобой такъ же молъ по хорошему норовилъ!»... Ну, а какъ мнѣ разъ попадется баба характерная, да потянетъ силомъ, да захрапитъ, да заругается, да ребенкомъ начнетъ въ морду пхать, да почнетъ теребить да жаловаться—ну, ужъ этого я окончательно терпѣть не могу! Ту-жъ минуту—прочь отъ нея! Даже алтына не дамъ—пошла прочь! Нѣтъ тебѣ отъ меня никакого снисхожденія, пока по совѣсти поступать не станешь: бери отъ меня, что̀ совѣсть дозволяетъ, а силомъ ни во вѣки вѣковъ. Жалуйся! Пускай чрезъ станичное правленіе хоть все мое состояніе взыщутъ, а ко мнѣ на глаза не показывайся: я тебя утѣшать не согласенъ. Иди по начальству!

— А бывало развѣ что-нибудь подобное?

— Какъ не бывало! Иная возьметъ ребенка-то да вмѣстѣ съ нимъ эво какого скандалу по всей станицѣ надѣлаетъ! Ну, потомъ конечно образумится, войдетъ въ понятіе, утихнетъ: «Прости, говоритъ; нѣтъ-ли молъ муки мнѣ?»—«Муку-то, говорю, возьми—на, а ко мнѣ на глаза не показывайся!» Теперь вотъ всѣ довольны; сколько земли-то черезъ мой характеръ получили! А то какъ не бывало!.. Одна вдова разыгрывала со мной такую игру—думаю, живъ не останусь. Точно, полюбила она меня крѣпко, надо ужъ говорить правду, по совѣсти сказать, мы и сейчасъ съ ней живемъ, какъ мужъ съ женой: двое у насъ мальчиковъ, третья дѣвочка...Но только случилось однажды такъ, что рванула она меня за живое мясо не по-сестриному! Слава Богу, теперь все прошло, а горячаго я все-таки отъ нея хлебнулъ порядочно! И вотъ какъ это было дѣло: познакомился я съ ней на свадьбѣ у одного казака: вижу, сидитъ самая пріятная женщина. Думаю: ахъ, какая она пріятная! И такъ мнѣ захотѣлось взять ее въ мои пріятные друзья! Помаленьку-полегоньку, такъ и сякъ, словечко по словечку, расчувствовалъ-таки я ей душу; стала она мнѣ довѣрять. «Тебѣ, говорю, одной трудно, а мнѣ, говорю, одному холодно; будемъ жить какъ братъ съ сестрой; хлѣба у меня много, деньги есть, что тебѣ понадобится—все дамъ, только спроси. А меня за это самое какъ брата помни, въ мысляхъ своихъ имѣй и обезпокоивайся обо мнѣ какъ о родномъ. Только всего мнѣ и надобно. Такъ мы съ тобой и будемъ жить на бѣломъ свѣтѣ». А совѣсть у нея, у Марьи этой самой. была опрятная, душа совѣстливая, худыхъ мыслей она себѣ въ голову не пускала. Подумала, подумала она. «Хорошо! говоритъ.—Давай такъ жить! будемъ другъ дружку беречь. Такъ-то намъ обоимъ будетъ жить веселѣй!» Ну, поцѣловали другъ дружку для начатія, Богу помолились и стали жить. «У тебя и постели-то нѣту никакой?» Пришла на мельницу, все осмотрѣла.—«На тебѣ одѣяло, а подушку послѣ справлю». И подушку справила...—«А тебѣ чего не надо ли!—То-то и то-то, молъ.—На, бери!.. Давай чай пить.—Давай!.. Разсказывай, какъ на свѣтѣ жилъ, что̀ видѣлъ?.. Ну, я ей все подробно, какъ что было съ дѣтства.—А ты какъ?—А я вотъ какъ.—Ну, пора домой!—Пойдемъ, провожу». Ну вотъ, такимъ родомъ...Что она надумаетъ про себя, все мнѣ разскажетъ. Что я надумаю, опять же ей все скажу. На ярмарку ѣдемъ вмѣстѣ; купимъ, что̀ намъ нужно. На богомолье вмѣстѣ. По хозяйству что̀ нужно—«приди, помоги!»—Приду... И очень у насъ хорошо шло такъ-то... Живемъ какъ родные—ей точно брата родного Богъ послалъ, а мнѣ родную сестру... Мы жили такъ съ полгода... Ну конечно, сами знаете, что вѣдь тоже люди!.. Какъ же ужъ? Съ теченіемъ времени рождается младенецъ мужского полу. Что-же ничего! Слава Богу, сынъ—царю помочь! Люди, конечно, судачатъ—то, се,—пускай! Ей обидно—я утѣшу; мнѣ отъ этого худо—она придетъ съ мальчишкой—мнѣ и весело... Ну, идетъ время, и замѣчаю я въ моей Марьѣ очень вредный взоръ въ глазахъ, и слова у нея стали не очень простыя... «Что мы, говоритъ, какъ цыгане живемъ, другъ къ другу въ гости ходимъ?» Я говорю: «Что-жъ дѣлать?.. Должность у меня при мельницѣ, оставить нельзя, а тебѣ тутъ и мѣста нѣтъ». Была у нея своя избенка... Постепенно начинаетъ она умудряться на разныя манеры. «Коли любишь, такъ женись!» Этакимъ образомъ! Я говорю: «Жениться мнѣ невозможно—земли нѣту, хозяйства нѣту; а коль скоро я женюсь, такъ вмѣсто одного будутъ и другія дѣти—чѣмъ ихъ кормить безъ земли-то? Кабы приказъ вышелъ о нарѣзкѣ... Ну, такъ! А пока, давай жить опять какъ братъ съ сестрой, а мальчишку вмѣстѣ будемъ ростить. Все, что у меня есть,—все ваше». А вѣдь въ то время и прежнимъ моимъ сестрамъ все нѣтъ-нѣтъ, да дашь на поправку. Такъ мнѣ невозможно было изъ моихъ средствъ семью заводить и хозяйство. «На мальчонку, говорю, хватитъ, а сами давай какъ братъ съ сестрой»... Ну, однако она что̀ дальше, то хуже. Какой уже тутъ братъ! «Какой ты мнѣ братъ, говоритъ, когда вотъ есть мальчишка, существуетъ? Нешто я сестра тебѣ, когда есть дитя? Что врешь-то?» Я опять же свой резонъ: «Коли бы ежели вотъ землю»... И не слухаетъ! Ровно помутилась, очумѣла и одурѣла, такъ и лѣзетъ съ ножомъ къ горлу: «женись, дьяволъ!». Ну, а когда со мной такимъ манеромъ, такъ ужъ и я дѣлаюсь несогла-

сенъ. «Пошла, говорю, вонъ, коли такъ!» Она, ни много, ни мало, прямо въ станичное правленіе, въ судъ, жалобу! Засудили меня, засрамили, взыскали сразу четвертную, да каждый мѣсяцъ обязали давать ей по пяти рублей! Все она подвела, подъегозила, чтобы меня притиснуть за горло. Не довольно того—является послѣ суда, говоритъ: «Женись, дьяволъ! Деньгами ты меня не укротишь. Сожгу, говоритъ, тебя и съ мельницей съ твоей вмѣстѣ, и яду, говоритъ, тебѣ дамъ такого, что въ одну минуту околѣешь, какъ собака!» Ну, тутъ ужъ и я пожаловался на нее въ станичное, а ей самой ружьемъ пригрозилъ: «Покажись, говорю, такъ и шарахну!» Отстала. Канула какъ въ воду. Разрывается моя душа на части, потому я знаю ея совѣсть и поминаю, что все это она по любви, а не по злобѣ. Скучно стало мнѣ, и сказать не умѣю какъ. Тяжко! Полгода протянулось, ничего слуховъ нѣтъ, а взысканіе въ станичное идетъ... Только вдругъ, нежданно-негаданно, глядь—и сама пришла! Мальченко на рукахъ; пришла она прямо изъ церкви, причащать его носила, и сама такая румяная, ласковая. Поздоровались, какъ ни чемъ не бывало; рада радехонька! Она и говоритъ: «Ну, говоритъ, Никитушка, прости меня: дура я была, твоихъ словъ не понимала, а теперь все обдумала и удѣлала свою судьбу по-хорошему. Теперь, говоритъ, и земля у меня есть, и ребенокъ въ казаки принятъ, и никакого сраму не будетъ. А жить мы съ тобой будемъ какъ мужъ съ женой, и насчетъ предбудущихъ младенцевъ нисколько не опасайся и не безпокойся—всѣ будутъ законные и всѣ казацкаго званія». — Какъ же это молъ ты такъ удѣлала?—«А вотъ какъ», говоритъ. И разсказала она, какъ все это дѣло вышло. Какъ прошли въ ней угаръ и злость, одумалась она, поняла всѣ мои слова и взялась за умъ. Нашла она сваху, а та и сосватала ее нарочно за стараго-престарѣлаго казака, лѣтъ ему подъ шестьдесятъ, одинокій; въ сторожахъ кладбищенскихъ служилъ. Вотъ словили они этого старика, и уломали, и умаслили: «Женись на Марьѣ—сваха-то ему—она молъ тебя до конца дней кормить, поить, обувать, одѣвать, покоить будетъ; будешь жить какъ въ родномъ семействѣ, а вмѣсто того прикрой стыдъ женскій, а ребенка возьми въ наслѣдники. Чего молъ тебѣ? Ты старый человѣкъ, о грѣхѣ тебѣ и въ умъ не должно вступать, имущества у тебя нѣтъ—чего тебѣ стоитъ грѣхъ прикрыть, да въ спокоѣ вѣкъ вѣковать?» Не утаили и про меня. Расписали: и онъ бы женился, да не казакъ, хозяйства не на что начать... Все какъ должно. Однимъ словомъ, соблазнили бабы старика. «Ладно, говоритъ, псовки, сдѣлаю я вамъ доброе дѣло, а вы меня покойте съ твоимъ любезнымъ...» Попъ-то не хотѣлъ было вѣнчать, да тоже понялъ, когда бабы ему надребезжали про меня... Понялъ. Хорошій у насъ попъ, понимаетъ все по человѣчеству... Повѣнчалъ. Ну вотъ, теперь и живемъ съ ней...

— А старикъ?

— А старикъ ни въ чемъ не касается... Кормимъ его, поимъ, угождаемъ, а онъ ребятъ на себя записываетъ... «Пиши, говоритъ, Никита, ничего! пиши въ казаки, все царю помочь!» Теперича я какъ отработаюсь на мельницѣ, такъ и домой... къ ночи завсегда домой... Ну, а ежели здѣсь ночуешь, такъ тоже нельзя не подсобить: хозяева, да къ тому же и люди хорошіе, нельзя! Надо жить дружно... И старикъ ничего, хоть иной разъ злые люди его и подбиваютъ на худое; иной разъ наслушается ихъ, да и захрапитъ. Однова пьяный—«откажусь, говоритъ, отъ дѣтей!.. не мои!..» А то, такъ вотъ какъ злодѣи подвели: насовѣтовали такъ: «Ты, говорятъ старику-то, второго ребенка воспитывай какъ родного сына, а про прочихъ говори ему, второму-то, про родныхъ его братьевъ, что они незаконные; вотъ онъ этой бабѣ-то, обманщицѣ, которая молъ тебя, стараго дурака, окрутила, да заставила своего любовника прикрывать — онъ-то и отомститъ ей за все!» Это слѣдовательно родной сынъ да родной матери отомститъ! Вотъ вѣдь змѣи какія есть между людьми крещеными! И иной разъ такъ еще разожгутъ старичишку—напоятъ его, доведутъ, что кричитъ: «эй! жена! иди молъ ко мнѣ—я мужъ!» Ишь, подлецы какіе! Ну, только я ужъ этого не дозволю. «Только, говорю, посмѣй—тутъ тебѣ и конецъ на вѣки вѣковъ. А хочешь жить по честности — все тебѣ будетъ». Ну, подуритъ-подуритъ — перестанетъ... Да не умираетъ что-то, старый песъ! Коли бы умеръ, такъ ужъ я бы мельницу-то покинулъ да къ Марьѣ какъ-нибудь, жить вродѣ работника въ домѣ, примостился. Земли у насъ теперь на три души нарѣзано, слава Богу!.. Кабы ежели бы нарѣзка раньше была, такъ оно не такъ бы было... А то ужъ про меня галдѣли-галдѣли, хаяли-хаяли... А что я, чѣмъ виновенъ?

Такъ вотъ сколько разнаго рода людей пришлось мнѣ увидѣть только на первыхъ порахъ моей поѣздки! А за этими первыми днями пошли все такіе же разнообразные и любопытные дни, недѣли.

На слѣдующей остановкѣ слышу длинную и трогательную исторію молодой жены, брошенной мужемъ съ двумя дѣтьми и одиноко борющейся за свое существованіе; на слѣдующемъ ночлегѣ покинутый женою мужъ разсказываетъ мнѣ трогательную исторію на самую современную тему: «ушла жена», и такъ далѣе, каждый день, при каждой остановкѣ, ночлегѣ, встрѣчѣ, при каждомъ малѣйшемъ столкновеніи съ случайно нужными или просто встрѣчными людьми. Всѣ неурядицы, всѣ горести, тяготы и въ то же время всѣ неудовлетворенныя желанія—мечтанія Великой, Малой, Бѣлой Россіи—всѣ принесены сюда на новыя мѣста выходцами, и на нихъ, какъ на «образчикахъ», можно ознакомиться довольно основательно со всѣмъ, чѣмъ «живетъ» современная Россія. Нужны какія-нибудь особенныя побужденія, чтобы человѣкъ бросилъ родину, знакомыя, родныя мѣста и ушелъ бы искать счастья на чужой сторонѣ; такой человѣкъ идетъ съ своимъ горемъ, съ своимъ планомъ, съ своей фантазіей, и поэтому всѣ эти люди разнаго

званія, будучи образчиками общихъ условій русской жизни, въ то же время оригинальны каждый на свой образецъ. Неудивительно поэтому, что нѣсколько дней пребыванія среди такихъ оригиналовъ, постоянно знакомившихъ меня съ самыми оригинальнѣйшими біографіями, настолько отучили мое вниманіе отъ явленій обыденной жизни, что я помимо воли сталъ задавать себѣ вопросъ: «какой-то оригиналъ мнѣ теперь попадется?»—всякій разъ, когда приходилось въѣзжать въ новую станицу, на новый постоялый дворъ или даже просто садиться въ новый фургонъ.

II.

Именно вотъ такой-то вопросъ задалъ я себѣ и тогда, когда пересѣлъ съ парохода, доставившаго меня въ одно мѣстечко на черноморскомъ побережьи, на фелюгу, которая должна была перевезти меня съ вещами на берегъ. Сидя на этой фелюгѣ и любуясь видомъ приближавшагося берега, на которомъ чуть-чуть были замѣтны очертанія чего-то живого, я по привычкѣ и вполнѣ безсознательно спросилъ себя:

— Какихъ-то теперь оригиналовъ пошлетъ мнѣ судьба въ этихъ новыхъ мѣстахъ?

И едва я подумалъ и сказалъ это, какъ «оригиналы» немедленно же предстали передо мной въ весьма значительномъ количествѣ, и притомъ совершенно новаго, особеннаго качества. Начался «мечтатель», «утопистъ», «фантазеръ».

Часа черезъ два по пріѣздѣ въ «мѣстечко» мнѣ пришлось ѣхать на маленькомъ частномъ пароходѣ, которымъ управлялъ молодой семнадцатилѣтній мальчикъ. Съ первыхъ словъ оказалось, что мальчикъ проникнутъ ученіемъ Л. Н. Толстого, что онъ нарочно пріѣхалъ сюда на побережье, чтобы здѣсь начать жить трудами своихъ рукъ, въ чемъ онъ и нашелъ поддержку со стороны одного лица, преданнаго тому же ученію. Это первая встрѣча.

На слѣдующій день фелюжникъ Мустафа, обезьяноподобный турокъ-лодочникъ, сидя у руля своей фелюги, медленно подвигавшейся по неподвижному морю, доставляя меня и одного молодого человѣка къ нашимъ общимъ знакомымъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, коверкая имена и фамиліи, разсказалъ мнѣ длинную исторію про какихъ-то «Миколаичей», которыхъ онъ очень хвалилъ и вспоминая о которыхъ, закрывая глаза, причмокивалъ, покачивая головой. Эти «Миколаичи» были «господа», но жили здѣсь лѣтъ пятнадцать тому назадъ, какъ простые крестьяне:

— Барина рубахъ сама стиралъ, на море таскалъ!

И жили эти «Миколаичи» такимъ образомъ именно потому, что были люди хорошіе. По словамъ Мустафы, одинъ изъ этихъ «Миколаичей» задумываетъ творить на этомъ побережьи чистыя чудеса. Начавъ о немъ разсказъ, Мустафа сталъ бормотать воистину какія-то ни съ чѣмъ несообразныя слова:

— Мельница будитъ вѣтиръ хватать, изъ мельницы будитъ огонь въ проволоку бѣжать и масло бить!

Во время этого разсказа обезьянье лицо его разгорѣлось, онъ махалъ руками, повидимому изображая мельничныя крылья, пыхтѣлъ, потѣлъ—и все-таки я бы ровно ничего не понялъ, если бы впослѣдствіи одинъ изъ мѣстныхъ аборигеновъ (разумѣется, «оригиналъ») не объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло.

Оказалось, что этотъ «Миколаичъ» хотѣлъ основать трудовую общину и во всѣ работы, требующія физическую силу, ввести силу электрическую, добывая ее силою вѣтра [1]).

«Миколаичи» жили здѣсь лѣтъ пятнадцать тому назадъ, но и по уходѣ ихъ побережье не оскудѣваетъ всякаго рода Миколаичами. Въ одномъ днѣ пути по бережью отъ упомянутаго выше «мѣстечка» живетъ отставной военный человѣкъ, изобрѣтающій статистическую машину. Можно будетъ взять на ней, какъ на пьянино, аккордъ извѣстныхъ цифръ по извѣстнымъ вопросамъ, и вмѣсто звука получатся выводы, также цифровые. А въ двухъ-трехъ верстахъ здѣсь семья образованныхъ людей уже устроилась по крестьянски и живетъ трудами рукъ своихъ. Затѣмъ говорятъ о какихъ-то «богочеловѣкахъ», которыхъ пріютилъ фабрикантъ, уступившій имъ лоскутъ земли.

Какъ видите, всѣ эти черноморскіе оригиналы далеко уже не того сорта, какъ оригиналы кавказскихъ долинъ и тѣхъ «новыхъ мѣстъ», куда капиталу есть разсчетъ появиться. Есть разсчетъ туда появиться и земледѣльцу—земли много; есть разсчетъ придти «на новыя мѣста» и аферисту, и темному человѣку вообще, и человѣку рабочему, поденщику, превращающему теперь, благодаря дешевизнѣ своего труда, всякаго казацкаго урядника въ помѣщика и «аристократа». Всѣмъ, кому нужны скорыя средства къ жизни,—всѣ тянутся туда, на новыя мѣста. Черноморское побережье неудобно для такого сорта людей. Крестьянину нѣтъ даже и земли; капиталисту неохота тратить огромные капиталы въ ожиданіи отдаленнаго барыша. Аферисту нечего дѣлать съ шакалами — и вотъ сама судьба указала путь на это побережье фантазеру-мечтателю, одинокому человѣку. Сначала сюда пришли административные мечтатели; они и заселяли, и разселяли, и учреждали города, станицы, рыбоводство, рыболовство, скотоводство, мореходство и Богъ вѣсть что; за ними пришли практическіе люди, расхватали все побережье и сконфузились. Стали витать надъ побережьемъ какія-то легенды о вольномъ казачествѣ, пришли откуда-то изъ Абиссиніи какія-то мечтанія насчетъ этого самаго побережья и сошлись невидимо съ мечтаніями о томъ же самомъ прежнихъ *Московскихъ Вѣдомостей*, — словомъ, мечтанія, легенды, сказки, проекты, чудеса въ рѣшетѣ рѣяли надъ этимъ берегомъ съ той самой минуты, когда онъ опустѣлъ. А теперь вотъ появились толстов-

---

[1]) Въ настоящее время такія попытки уже осуществляются на дѣлѣ.

цы, статистическія піанино, вѣтеръ «пущаетъ огонь и бьетъ масло по проволокѣ», затѣмъ богочеловѣки на купеческой землѣ появились,—словомъ, всякая фантазія, всякое мечтаніе продолжаетъ властвовать и царить надъ этимъ пустыннымъ и прекраснымъ берегомъ.

Находясь подъ обаяніемъ этого мечтающаго и полнаго мечтательныхъ воспоминаній берега, сталъ мечтать и я. Сидѣлъ я однажды на берегу моря и возмечталъ:

Почему бы на этомъ пустынномъ, пока никѣмъ не занятомъ берегу не попробовать, въ самомъ дѣлѣ, осуществить мечтаніе о трудовой жизни въ видѣ *школы всесословной*, изъ которой человѣкъ могъ бы выйти не въ работники куда-нибудь и на кого-нибудь, а прямо могъ бы сѣсть на этой же землѣ *хозяиномъ?* Хозяинъ-мужикъ страдаетъ отъ невѣжества, отъ незнанія, отъ тяжести, неуклюжести труда—почему же не попробовать образовать человѣка, живущаго по тому же мужицкому хозяйскому плану и типу, но снабженнаго всѣми облегчающими каторжную сторону труда знаніями? Вѣдь теперь машина служитъ только грѣховоднику-капиталу и убиваетъ человѣка въ рабочаго. Не можетъ ли она, эта машина, приспособить себя къ облегченію жизни каждаго трудящагося человѣка? Соха, борона, коса, шило, топоръ - все это машины въ крестьянскомъ хозяйствѣ, средства облегченія труда. Неужели же на этомъ и окончится пришествіе въ крестьянскій домъ всего, что облегчаетъ крестьянскій трудъ?

Всѣ существующія въ настоящее время учебныя заведенія имѣютъ въ концѣ-концовъ цѣлью выработать человѣка *служащаго* — все равно государству ли, обществу ли, капиталу ли; но кто же не согласится, что, несмотря на незначительныя ограниченія въ количествѣ желающихъ поступить въ эти учебныя заведенія, — людей, стремящихся существовать службою и жалованьемъ, несравненно болѣе, чѣмъ могутъ поглотить всѣ существующія государственныя, частныя и общественныя учрежденія, требующія слугъ, работниковъ? Не говоря объ огромномъ количествѣ образованныхъ людей, бьющихся безъ мѣста, какъ рыба объ ледъ, которыми переполнены всѣ города и веси,—сколько смертей, сколько самоубійствъ ежедневно совершается на нашихъ глазахъ единственно изъ невозможности *существовать*, т. е. пить и ѣсть, и кому же? — человѣку образованному. Недавно, кажется въ Ковно, портные и другіе мастеровые хоронили въ складчину умершаго почти съ голоду гимназиста. Другой гимназистъ, сколько помню въ Динабургѣ, повѣсился отъ невозможности существовать. Нѣкоторое время его въ складчину содержали какія-то арфистки, помогая изъ своихъ горько-трудовыхъ копѣекъ; гимназистъ, лишившись этой послѣдней помощи и не видя ниоткуда ни малѣйшей надежды на поддержку, повѣсился на деревѣ, а за неимѣніемъ бумаги и чернилъ, мѣломъ написалъ на заборѣ укоризненное для общества объясненіе своей смерти. Но та часть этого интеллигентнаго *служебнаго* пролетаріата, которая, несмотря на всѣ невзгоды, все-таки коекакъ устраивается и, такъ сказать, заставляетъ общество поглотить себя и дать средства къ существованію, обречена существовать только народнымъ разстройствомъ и непорядками народной жизни юристъ, которому нѣтъ мѣста въ городѣ, проникаетъ въ деревню, заводитъ здѣсь кляузу и кормитъ этимъ свою семью, т. е. онъ существуетъ только потому, что пользуется неурядицей въ народной средѣ, и такъ какъ онъ съ этой неурядицы беретъ средства къ жизни, то-есть отнимаетъ ихъ у разстроившихся въ хозяйствѣ людей, то онъ и потомство, которое онъ народитъ, должны для продолженія своего существованія разсчитывать также прямо на кляузу, на расширеніе народнаго разстройства, которое имъ и даетъ именно средства къ существованію. Разстройство же народной среды отражается обиліемъ крестьянскаго пролетаріата, который, проникая въ города, образуетъ босыя команды; эти команды требуютъ расширенія тюремъ, увеличенія полиціи, размножаютъ *дѣла* въ судахъ, и это размноженіе размножаетъ служащихъ, размножаетъ расходы; служащіе размножаютъ свое поколѣніе, а оно требуетъ новыхъ служебныхъ мѣстъ и жалованій.

Такимъ образомъ разстройство народныхъ массъ находится въ весьма тѣсной зависимости отъ обилія служебнаго пролетаріата, растущаго съ каждымъ годомъ во всевозможныхъ, дурныхъ и хорошихъ формахъ, вполнѣ однако же одинаковыхъ въ средствахъ жизни: для худыхъ и хорошихъ цѣлей средства берутся все-таки съ трудящагося человѣка. Между тѣмъ уже и въ этомъ самомъ «служащемъ» сословіи не разъ уже высказывалась мысль о земельномъ надѣлѣ, какъ о самомъ правильномъ выходѣ изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія и какъ о возможности не чувствовать себя всю жизнь «неправедно» живущимъ. Недавно поднятъ былъ вопросъ о землѣ сельскими учителями И если бы ему было дано какое-нибудь практическое осуществленіе, то несомнѣнно, что о землѣ завопили бы и другія безчисленныя служебныя профессіи, прокармливающія теперь свои семьи единственно народнымъ разстройствомъ Мы могли бы привести здѣсь множество подлинныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что жажда «земли» и желаніе жить земледѣльческимъ трудомъ, т. е. желаніе уйти отъ всякаго рода наемной, поденной работы, до чрезвычайности сильно развиты во всѣхъ классахъ служебнаго сословія. Были примѣры и есть сейчасъ, когда адвокатъ бросаетъ практику и идетъ пахать: и совѣсть его покойнѣе, да и жизнь независимѣе, а то живи и корми семейство кляузой!

Обыкновенно всѣ попытки въ такомъ родѣ пока оставались безъ особенно благопріятныхъ результатовъ, но это происходило потому, что «единицамъ» не подъ силу поднять на свои плечи такое важное общественное дѣло.

Намъ скажутъ: никто не запрещаетъ жить трудами рукъ своихъ—иди на базаръ, нанимайся

въ работники, спи подъ заборомъ, ѣшь сѣрыя щи, кто тебѣ мѣшаетъ? Но именно эти-то ужасы, которыми обставленъ трудъ,—ужасы, непосредственно происходящіе отъ того, что непроизводительно сидящія на народной шеѣ массы служебнаго пролетаріата, существующія только при неурядицѣ въ народной жизни, доводятъ трудового человѣка до безвыходнаго состоянія и выбрасываютъ его на толкучку голоднаго и холоднаго,—эти ужасы-то страшатъ, пугаютъ людей, выросшихъ не въ народной средѣ. Если бы трудовая жизнь имѣла не такой ужасный видъ, какъ теперь, повѣрьте, что всѣ эти судебные пристава, становые и т. д., и т. д. охотно бы предпочли жить на свѣтѣ въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ и не показывали бы своей энергіи при описи крестьянскаго имущества, необходимой имъ для того, чтобы обезпечить свои семейства и чтобы не пустить своихъ дѣтей на толкучку продаваться въ работники.

Школа, о которой я возмечталъ, *должна устранить* въ общественномъ *сознаніи* весь *ужасъ*, соединенный теперь съ представленіемъ о *трудовомъ существованіи*. Она должна показать, что жить на свѣтѣ, совмѣщая въ себѣ слугу и хозяина, прекрасно, благородно и не въ примѣръ чище заработка помощью процентовъ съ описываемаго у мужиковъ имущества за долги купчишкѣ Полумордову. Она должна показать, что трудовая жизнь—не подвигъ вродѣ монашескаго, не страданіе, не искупленіе грѣховъ, не сѣрыя щи, не дизентерія, не переломленная спина, а самая правильная, совѣстливая, независимая жизнь, дающая полный просторъ всѣмъ сторонамъ духовной дѣятельности человѣка.

Кавказское побережье имѣетъ всевозможныя удобства именно для открытія школъ, въ которыхъ можно практиковать всевозможные роды труда: прекраснѣйшія долины между горъ, чрезвычайно удобныя для школъ хлѣбопашества, т. е. для того, чтобы выучиться этому труду не изъ-подъ палки и не изъ крайней нужды, а такъ же тихо, спокойно, какъ любая профессіональная школа выучиваетъ какой-нибудь спеціальности своихъ питомцевъ. Здѣсь возможна культура табака, винограда и слѣдовательно винодѣліе, садоводство; лѣса—это источникъ всякихъ кустарныхъ промысловъ изъ дерева. Есть желѣзо, есть другіе металлы. Въ лѣсахъ птицы, звѣри; въ морѣ — рыбы. Размышляя на эту тему, не трудно представить себѣ, какъ было бы хорошо, если бы наши города, земства, благотворительныя заведенія, морящія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей въ клѣтушкахъ своихъ мизерныхъ пріютовъ для того, чтобы, доведя ихъ до малокровія, пустить потомъ безпомощными на всѣ четыре стороны, наконецъ лица, расточающія массу денегъ на всевозможныя, не приносящія никому никакой существенной пользы, пособія — если бы всѣ они, разобравъ этотъ берегъ по рукамъ, основали разнообразныя школы возможнаго здѣсь труда, давъ средства входить туда дѣтямъ всѣхъ сословій, съ тѣмъ, чтобы, выучившись тому или другому роду труда, они прямо здѣсь же, на этомъ же побережьи, садились на самостоятельные участки, которые и выкупали бы такъ же, какъ крестьяне выкупаютъ свой надѣлъ.

Знаніе такъ уже дало много въ помощь и облегченіе человѣку, изнемогающему подъ бременемъ труда, что въ этихъ образчикахъ трудовыхъ школъ должно быть примѣнено все, что отнимаетъ у труда ужасныя его черты,—черты, пугающія непривычнаго человѣка и заставляющія его избрать какой-нибудь темный путь для обезпеченія своего существованія, вмѣсто того, чтобы жить такъ, какъ велитъ совѣсть, никогда не мирящаяся ни съ какими темными дѣлами, хотя и покоряющаяся необходимости дѣлать ихъ.

Устраняя каторжную сторону труда, школа, выпускающая своихъ питомцевъ прямо на землю и на трудъ, безъ сомнѣнія должна давать и общее образованіе, причемъ въ основаніе его «община», «артель», «товарищество» должно быть положены, какъ самое существенное *дѣло науки*. Надо *учить общиннымъ идеямъ*, нужны доказать ту глубину правды, которая въ этихъ идеяхъ заключается — словомъ, *школа должна взять всю сущность трудовой народной жизни и устранить отъ нея всѣ тѣ ужасы и недостатки, которые происходятъ отъ обремененія народныхъ массъ паразитнымъ* существованіемъ не трудящагося пролетаріата. Вѣдь все это необходимо нашему народу. Если «опытъ» такого рода не будетъ совершонъ на общественныя средства, то когда же въ домъ къ нашему крестьянину придутъ наконецъ облегчающія его трудъ знанія?

Неужели мы, имѣя такіе удивительные образчики подлинно-справедливой, здоровой, веселой жизни, которою живетъ (конечно въ счастливыхъ случаяхъ) нашъ народъ, неужели мы, видя, какъ въ европейской жизни измученный человѣкъ начинаетъ выбиваться изъ тяготы существованія къ тѣмъ же самымъ формамъ жизни, никогда и ничего не извлечемъ практически-важнаго для человѣка, общества, человѣчества и, мучаясь неправдой, будемъ продолжать смотрѣть на то, какъ неправда безъ всякой надобности разъѣдаетъ здоровое народное тѣло и нашу уже нездоровую интеллигентную душу? Неужели наша русская мысль, имѣющая такую огромную массу ежедневнаго матеріала въ живой народной жизни, доказывающаго ей, какъ дважды-два, возможность *независимаго* существованія, не будетъ настолько оригинальна, настолько добросовѣстна, чтобы воспользоваться этимъ драгоцѣннымъ образчикомъ независимой жизни, постоянно видимымъ нами, и не положитъ этого образчика въ основаніе *воспитанія* молодого поколѣнія, т. е. не сдѣлаетъ попытки ободрить непривычнаго къ труду—для трудовой жизни?

III.

На этомъ окончились мои умѣренныя фантазіи и мечтанія. На этомъ же оканчиваются и повѣствованія обо всемъ случайномъ, объ оригиналахъ,

оригинальныхъ біографіяхъ и, къ сожалѣнію, начинается повѣсть о томъ, что есть въ дѣйствительности... Повѣсть эта такъ невесела, тягостна, что, признаюсь, мнѣ очень-очень горько разставаться съ фантазерами и какъ съ своими, такъ и съ чужими фантазіями. Но дѣлать нечего, надобно разстаться и съ тѣмъ, и съ другимъ: дѣйствительная жизнь такъ громко кричитъ о неправдѣ и злѣ, что не слышать этого крика или успокоивать себя фантазіями—невозможно. Надобно говорить о томъ, о чемъ говоритъ дѣйствительность.

V. Человѣкъ, природа и бумага.

I.

«Дѣйствительность» прежде всего начала разрушать во мнѣ какъ-разъ именно тѣ веселыя мечтанія и фантазіи, которыя овладѣли мной послѣ веселой встрѣчи съ переселенцами. На дѣлѣ переселенческое движеніе далеко не поощряло къ мечтаніямъ; все, что приходилось мечтать о немъ, наводило на мрачныя мысли и почти ничѣмъ не радовало.

Я не буду утомлять читателя пересказомъ этихъ невеселыхъ мыслей и обращу вниманіе только на слѣдующее соображеніе: всякій разъ, когда дѣло идетъ о томъ же самомъ явленіи, но не у насъ, а за нашею «границей», и когда переселеніе именуется по-иностранному «эмиграціей», а переселенецъ называется «эмигрантомъ», для всѣхъ насъ, даже для послѣдняго волостного писаря, это народное движеніе дѣлается совершенно понятнымъ, яснымъ, имѣющимъ совершенно опредѣленный смыслъ и наводящимъ на мысль о самыхъ реальныхъ мѣропріятіяхъ, которыя это явленіе вызываетъ. Всякій знаетъ, что эмигрантъ уходитъ отъ тѣсноты, что ему нужно переѣхать океанъ, что для этого нуженъ пароходъ, и притомъ дешевый, потому что эмигрантъ бѣденъ, что по прибытіи на мѣсто, гдѣ эмигрантъ оказывается среди чужихъ людей, не зная ни языка, ни условій жизни, онъ нуждается въ поддержкѣ государства, въ указаніи наилучшихъ средствъ къ устройству на новыхъ мѣстахъ. Слово «эмигрантъ» понятно для всѣхъ насъ совершенно и возбуждаетъ соображенія вполнѣ точныя, опредѣленныя, вполнѣ свойственныя «здравому уму» человѣческому». Но какъ только слово «эмигрантъ» замѣнится въ нашей мысли и сознаніи словомъ «переселенецъ», такъ тотчасъ-же насъ покидаетъ способность руководствоваться здравымъ смысломъ. Становой приставъ ничего не можетъ больше придумать, какъ донести о своевольномъ уходѣ съ мѣста жительства, интеллигентный человѣкъ начинаетъ раздирать свои ризы, рыдая о гибели народныхъ массъ, и даже коммерческій человѣкъ, тотъ, что въ Европѣ наживаетъ деньги на перевозкѣ тысячъ пассажировъ-эмигрантовъ, на отдачѣ имъ въ Америкѣ участковъ земли, на чемъ онъ опять-таки наживаетъ и тѣмъ ростить свой капиталъ, —даже этотъ хищный глазъ оказывается совершенно ослѣпшимъ, не видящимъ въ этомъ движеніи ничего для себя существеннаго. Накупивъ сотни тысячъ десятинъ отъ помѣщиковъ, онъ закладываетъ землю по тремъ закладнымъ, лопается, мошенничаетъ и только при всякихъ ухищреніяхъ плутовства успѣваетъ перевести на женино имя какую-нибудь частицу наворованнаго капитала, тогда какъ по его же пустопорожней землѣ идутъ, какъ тѣни, полуголодныя толпы людей, ищущихъ и жаждущихъ этой же самой земли, которые ее оплодотворили бы, оживили, отъ которой расцвѣли бы сами и дали бы возможность владѣльцу прожить на свѣтѣ безъ помощи «скамьи подсудимыхъ».

Вотъ примѣръ «заграничной» переселенческой операціи. Эмигрируютъ въ Америку изъ нашей Екатеринославской губерніи мениниты, и разъ они *эмигранты*, а не переселенцы, дѣло происходитъ самымъ понятнымъ здравому человѣческому разсудку образомъ. Нуждаясь въ землѣ, они выбрали человѣкъ пять ходоковъ и отправили ихъ не на Бѣлыя Воды, дорога куда почему-то полагается идущею черезъ Москву и Вологду, а именно туда, куда слѣдовало,—въ Гамбургъ, гдѣ стоитъ эмигрантскій пароходъ. Купецъ взялъ съ нихъ деньги и привезъ въ Америку. Въ Нью-Йоркѣ объ участи нашихъ менонитовъ позаботился муниципалитетъ. Тотчасъ по ихъ пріѣздѣ онъ пріютилъ ихъ въ общественномъ зданіи, гдѣ они могли дождаться частныхъ предложеній отъ продавцовъ земли, не разыскивая ихъ ощупью черезъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. И вотъ одно желѣзно-дорожное общество, желающее, чтобъ его желѣзная дорога возила людей и товаръ, а не гремѣла только пустыми вагонами, предложило имъ землю на условіяхъ, также доступныхъ пониманію, если только находишься въ здравомъ умѣ. Канзасская желѣзная дорога отвела имъ нѣсколько сотъ десятинъ земли близъ самой линіи дороги, по девяти акровъ на хозяйство и по 10 долларовъ за акръ, съ разсрочкой на 10 лѣтъ. Кромѣ того желѣзно-дорожная компанія обязалась выстроить имъ два помѣстительныхъ дома, чтобъ они не остались подъ открытымъ небомъ тотчасъ по пріѣздѣ съ семьями на чужую сторону. Тѣмъ же путемъ ходоки возвратились на родину, Христовымъ именемъ нигдѣ не просили, и, взявъ семьи, благополучно доѣхали до новыхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствительно уже ожидали ихъ два, выстроенныхъ дорогой, помѣстительныхъ дома.

Такъ происходитъ «за границей» дѣло переселенія, именуемое «по-заграничному»—эмиграціей. Та же самая эмиграція, именуемая на Руси *переселеніемъ*, происходитъ совершенно не такъ. *Выгода, матеріальная польза*, которую мы видимъ въ дѣлѣ «эмиграціи», рѣшительно отсутствуетъ въ нашемъ «переселенческомъ» дѣлѣ; гамбургскіе корабли ждутъ переселенцевъ, потому что это выгодно; нью-йоркскій муниципалитетъ, также изъ-за выгоды не имѣть въ городѣ массу безпріютнаго народа, устраиваетъ имъ даровыя помѣщенія; желѣзно-дорожныя компаніи, также единственно изъ

желанія имѣть пассажировъ и товары, уступаютъ переселенцамъ земли и облегчаютъ возможность поселенія. Все здѣсь одинъ голый разсчетъ, основанный однако же на удовлетвореніи извѣстныхъ надобностей человѣка.

Въ ходѣ же нашего переселенческаго дѣла и устроенія народныхъ массъ, ищущихъ земли и труда, какъ разъ и не видно даже этого простого и яснаго разсчета, пониманія простой выгоды того, что постановка этого дѣла на практическую почву общественной пользы есть именно то, что во всякомъ случаѣ необходимо сдѣлать безъ отлагательства. Въ настоящее время уже есть всякаго рода «мѣропріятія», но кто же не знаетъ, что переселенецъ продолжаетъ и сейчасъ плутать безъ пути и дороги? И въ то же время нѣтъ въ Россіи человѣка, который бы не понималъ, что дѣло это серьезное, важное... Нигдѣ такъ не скорбятъ о народѣ, объ его разстройствѣ, какъ именно у насъ; нигдѣ его не боготворятъ такъ, какъ у насъ же, и нигдѣ не мечтаютъ объ его благѣ съ такимъ подлиннымъ безкорыстіемъ, какъ опять же именно у насъ. «Народъ», «народное благо» и «благоустройство» не сходятъ съ нашего языка цѣлые десятки лѣтъ, и безчисленные «проекты» всякаго рода патріотовъ, имѣющихъ доступъ туда, гдѣ эти проекты принимаются, ничего иного не трактуютъ, какъ все то же самое народное благо. Сколько у насъ суеты, скорби, переписки, и все о томъ же народномъ благѣ—этого невозможно ни описать, ни пересказать, и все-таки никакого реальнаго, практическаго дѣла изъ всѣхъ этихъ скорбей о народѣ не выходитъ: общество продолжаетъ скорбѣть, проекты продолжаютъ писаться, мѣропріятія принимаются, а все-таки никто не можетъ по совѣсти сказать, чтобы все это было даже похоже на дѣйствительное дѣло. Чего то маленькаго, но самаго главнаго не хватаетъ во всѣхъ этихъ скорбяхъ и безпокойствахъ о народѣ, чтобы они преобразились въ дѣйствительную заботливость объ устроеніи народныхъ массъ... Нѣтъ спички, чтобы зажечь лучину и поставить самоваръ,—а то рѣшительно все есть для того, чтобы хорошо «попить чайку»: и самоваръ полонъ воды, и вычищенъ такъ, что горитъ, какъ жаръ, и угольевъ тьма въ корзинѣ рядомъ съ самоваромъ, и чай уже положенъ въ чайникъ, и сахаръ есть... Все есть, нѣтъ только спички для того, чтобы зажечь лучину и оживить весь этотъ самоварный матеріалъ... И для народнаго дѣла все у насъ есть въ полномъ размѣрѣ: есть и нужда въ землѣ, есть и безконечныя свободныя пространства земли, есть и истинная скорбь о народѣ, и истинное желаніе сдѣлать добро... А вотъ спички-то, которая нужна для оживотворенія всего этого матеріала жизни, дѣйствительно живого дѣла, ея то и нѣтъ...

Никогда бы я не рѣшился говорить о такихъ скучныхъ и тягостныхъ особенностяхъ русской жизни и томить ими читателя, если бы мнѣ совершенно случайно не пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ старыхъ моихъ пріятелей, который, въ разговорѣ объ этихъ же скучнѣйшихъ вопросахъ, не только съумѣлъ вывести ихъ изъ области присущей имъ скуки и тоски, но, къ удивленію моему, нашелъ возможность толковать о нихъ въ самомъ юмористическомъ тонѣ. Благодаря только этой счастливой случайности, я и рѣшаюсь еще разъ коснуться того же темнаго дѣла, не впадая однако въ заунывный тонъ.

II.

— Такъ ты желаешь знать, говоритъ мой пріятель,—почему вотъ этой самой спички-то нѣтъ?

— Да. Отчего нѣтъ этой спички?

— По твоему выходитъ, что у насъ есть все, чтобы чаю попить «вволю», т. е. чтобы добро вышло? И самоваръ, и вода въ немъ, и уголья, и чай, и сахаръ, да спички-то нѣтъ, и чаю поэтому напиться нельзя?

— Совершенно вѣрно! А ты развѣ иначе думаешь?

— Нѣтъ, и я такъ-же полагаю... Я только для вѣрности переспрашиваю, о томъ ли я думаю, о чемъ ты то говоришь. Вижу, что о томъ, и вотъ что я надумалъ объ этой самой спичкѣ.

Пріятель мой крѣпко понюхалъ табаку, помолчалъ, сообразилъ что-то и сказалъ:

— Тебѣ вѣдь извѣстно, что я иной разъ пописываю кое-что?

Мнѣ это было извѣстно: не разъ черезъ меня въ редакцію передавались *начала* его большихъ трудовъ и черезъ меня же ему возвращались. Обыкновенно передавалась только *первая глава* обширнаго труда, а содержаніе остальныхъ шестидесяти девяти главъ излагалось въ видѣ конспекта, въ концѣ котораго авторъ обыкновенно сообщалъ редакціи, что за обработку этихъ шестидесяти девяти главъ онъ примется не иначе, какъ по одобреніи редакціей идеи его труда, изложенной въ программѣ. Такъ какъ редакція этой программы обыкновенно не имѣла времени просмотрѣть, то на первой главѣ надписывала роковое «возвратить», и шестьдесятъ девять главъ никогда оканчиваемы не были, а вмѣсто нихъ, чрезъ годъ или два, являлась новая первая глава новаго обширнаго труда.

— Какъ же мнѣ не знать? отвѣтилъ я пріятелю.—Очень знаю!

— Такъ вотъ я, года полтора тому назадъ, и задумалъ написать о Россіи и о русскомъ народѣ... нѣчто обширное... Обнять, такъ сказать, задумалъ я всю массу разнообразнѣйшихъ особенностей русскаго быта... Затрудняло меня только заглавіе - слишкомъ ужъ много содержанія надобно было включить въ него. Но наконецъ, думаю себѣ, если я окрещу мое твореніе, назвавъ его «Русскій *человѣкъ* и русская *природа*», то на разстояніи этихъ двухъ точекъ можетъ умѣститься и все прочее разнообразіе явленій жизни, всегда прикосновенныхъ и къ одной точкѣ, и къ другой... И въ европейской литературѣ также названія подобнаго рода трудовъ часто исчерпываются только этими двумя словами: «Природа и человѣкъ» или «Отношенія человѣка къ природѣ». Ну, словомъ, въ этомъ родѣ. Не знаю, такъ ли, нѣтъ ли, но я все-таки

взялъ перо и начерталъ: *Человѣкъ и природа*—конечно русскіе—и принялся за дѣло... Но какъ тебѣ покажется? Вижу, чувствую, что есть въ общей картинѣ нашей жизни нѣчто такое, что иной разъ совершено нарушаетъ всякіе законы природы и совершенно неожиданно ставитъ человѣка въ невозможное положеніе. Есть нѣчто такое, что, вторгнувшись между человѣкомъ и природой, произведетъ необыкновенную путаницу и тамъ, и тамъ, и главное, когда дѣйствіе этого неожиданно вторгнувшагося таинственнаго элемента прекратится, не оказывается никакой возможности понять, во имя какихъ цѣлей произошло это вторженіе. Думалъ, думалъ я, потѣлъ, потѣлъ, наконецъ вижу... Нѣтъ! Нельзя мнѣ именовать свое сочиненіе только двумя словами: «Человѣкъ и природа», а надобно прибавить къ нимъ и третье, самое важное, и тогда опредѣленіе моей задачи будетъ полное...

— Какъ же ты придумалъ?

— А придумалъ я такъ: «Человѣкъ, природа *и... бумага!*»—да, вотъ подлинное указаніе на самую существенную, исходную точку всѣхъ тайнъ нашей жизни.

— Откопалъ же штуку, нечего сказать!

— И откопалъ! Дѣйствительно, добрался до самой сути... *Бумага!*—вотъ это и есть самый центръ!

— По твоему, прервалъ я его, бумага-то и есть центръ зла? По твоему, значитъ, мы духовно мертвы только потому, что смерть и тлѣнъ въ нашу совѣсть вноситъ бумага? Да можешь ли ты это даже думать?

— Напротивъ! Никогда ничего подобнаго мнѣ и въ голову не приходило. Чтобы бумага наша когда-нибудь вокругъ себя разсѣевала зло? Никогда! Я положительно утверждаю, что эта могущественная сила постоянно блистала полнымъ отсутствіемъ даже самой тѣни какихъ-нибудь злоумышленныхъ цѣлей. Напротивъ, въ ней всегда писалось, чтобы люди жили «какъ лучше», она постоянно *предусматривала* всевозможныя случайности нашей ничтожной обывательской жизни и предостерегала отъ нихъ. Еще на-дняхъ я читалъ приказъ по полиціи—не опускать у магазиновъ маркизы ниже трехъ съ половиною аршинъ, потому что третьяго дня одинъ прохожій, задумавшись, повредилъ себѣ лобъ, т. е. стукнулся о раму маркизы... Извозчики, прежде нежели вылѣзти изъ саней и потоптаться на тротуарѣ, чтобъ согрѣться, должны узнать у городового, сколько градусовъ мороза! При десяти градусахъ они не могутъ вылѣзти изъ саней и слѣдовательно не могутъ «погрѣться», и только на одиннадцатомъ имъ разрѣшено начать грѣться какими угодно способами. Когда же до «свѣдѣнія дошло», что городовые начинаютъ брать съ извозчиковъ взятки за прибавку градусовъ, и когда самъ г. приставъ собственными ушами слышалъ, какъ городовой Семеновъ сказалъ извозчику: «Ну, песъ съ тобой, неси сороковку! Накину я тебѣ, дураку, градуса пожалуй на два!»—то тотчасъ же явился циркуляръ, разоблачающій всѣ эти злоупотребленія, отрѣшающій виновныхъ отъ должностей и прочее... Словомъ, всякая въ буквальномъ смыслѣ бумага стремится совершить только добро и только печется о человѣкѣ...

— Ну стало-быть виноватъ кто-то другой, а не бумага. Зло стало быть вовсе не въ ней. Она добро?..

— Да!

— И изъ нея выходитъ однако же зло?

— На это я тебѣ скажу вотъ что... Я тебѣ изображу нѣчто беллетристическое... Такъ будетъ яснѣе... Представь себѣ, что ты или я былъ какъ-нибудь надняхъ на концертѣ, театрѣ или клубѣ... и случайно познакомился съ очень хорошенькой вдовушкой или дѣвушкой...

— Представилъ.

— Хорошо! Представь теперь еще и то, что она мнѣ очень и очень понравилась...

— А ты ей?

— И я ей также, само собой, понравился. Дальше—больше, у меня возникаетъ мысль написать ей письмо... «Нельзя ли, молъ, видѣть васъ потому-то и потому-то? Необходимо поговорить о томъ-то, и позвольте, молъ, мнѣ придти или вы ко мнѣ приходите... Адресъ тамъ-то»... и такъ далѣе.. Написалъ я это письмо, положилъ въ конвертъ, наклеилъ марку—въ ящикъ. На письмо приходитъ отвѣтъ: «Я согласна... въ такомъ-то часу... Мнѣ самой надо было съ вами поговорить». Я иду, мы видимся, говоримъ, и затѣмъ дѣло идетъ такъ, какъ покажутъ обстоятельства: разойтись придется—разойдемся; жениться—женимся. Словомъ, какъ вообще идутъ такого рода дѣла... Худо ли, хорошо ли, а отвѣтъ за все только на насъ двоихъ—не правда ли?

— Совершенно вѣрно!

— Теперь представь себѣ, что въ такія-то наши отношенія вмѣшалась «бумага». Она вѣдь все предусматриваетъ и постоянно стремится, чтобъ *все было по хорошему?* Да? Конечно, да! И вотъ она предусмотрѣла, что молодые мужчины, познакомившись гдѣ-нибудь съ молодыми женщинами, обыкновенно продолжаютъ знакомство письмами, причемъ «усмотрѣно», что письма эти сначала всегда вызываютъ на необходимость какого-то *якобы* серьезнаго разговора («нѣтъ ли у васъ *Исповѣди* Толстого?»), но что, въ сущности, *якобы* серьезными мотивами прикрываются совершенно не тѣ побужденія и что «управленію» извѣстно множество примѣровъ, когда, начавъ съ необходимости «о многомъ говорить, молодые люди вовлекали дѣвицъ въ величайшія несчастія, причиняли разстройства въ семействахъ, бывали причиной преждевременныхъ смертей. Съ другой стороны «управленію» также извѣстно, что и дѣвицы, начавъ знакомство съ молодыми людьми подъ неопредѣленнымъ предлогомъ узнать отъ нихъ: «гдѣ исходъ?»—побуждали ихъ къ законному браку и впослѣдствіи не оказывались «подругами жизни», но, напротивъ, вынуждали расхищать земскіе сундуки и предавались расточительной жизни, доводя въ конце-концовъ мужей своихъ до скамьи подсудимыхъ...

Такъ вотъ, принимая всѣ эти случаи во вниманіе и желая оградить обывателей отъ сѣтей и обмановъ недобросовѣстныхъ личностей мужского и женскаго пола, а также въ виду «предотвращенія» самоубійствъ, расхищеній, растратъ и другихъ преступленій, «управленіе» находитъ нужнымъ обязать молодыхъ людей, переписывающихся между собою—*во избѣжаніе могущихъ произойти неблагопріятныхъ послѣдствій*—представлять любовныя письма въ канцелярію управленія, которое, провѣривъ положеніе пишущаго, не иначе препроводитъ письмо по назначенію, какъ тщательно провѣривъ показанія переписывающихся: женатъ-ли мужчина? какое серьезное дѣло онъ хочетъ объяснить? не расточительница-ли скрывается подъ словами неопредѣленной фразы «гдѣ исходъ?», имѣются-ли достаточныя средства къ жизни? Управленіе возьметъ твое письмо, провѣритъ, вызоветъ свидѣтелей и, убѣдившись, что ты хочешь въ самомъ дѣлѣ говорить серьезно, препроводитъ твое письмо черезъ околоточнаго къ Марьѣ Андреевнѣ подъ ея росписку. Письмо же Марьи Андреевны точно такимъ-же порядкомъ будетъ разслѣдовано въ томъ-же управленіи, причемъ и сама Марья Андреевна, и прислуга будутъ спрошены самымъ деликатнымъ образомъ. И по повѣркѣ всего этого, ежели ничего подозрительнаго не окажется, она получитъ твое письмо, а ты ея—точь-въ-точь какъ бы по почтѣ. Въ случаѣ-же Марья Андреевна, которая въ письмѣ проситъ *Исповѣдь*, на допросъ въ управленіи явится надушонная и расфранченная, управленіе, въ предупрежденіе могущихъ произойти неблагопріятныхъ для тебя послѣдствій, не выдастъ ей твоего посланія и ея посланія не передастъ тебѣ и такимъ образомъ предохранитъ васъ обоихъ отъ расхищенія земскаго сундука. Ну, скажи пожалуйста, развѣ все это дѣлается съ худыми цѣлями? Не къ твоему-ли благу все это предпринимается и не для твоего-ли благополучія управленіе предусмотрѣло тысячи несчастныхъ случайностей? Наконецъ вѣдь письмо твое дошло, только Марья Андреевна получила его «при бумагѣ» и только послѣ росписки. Что-жъ, развѣ трудно расписаться—«Марья Колпакова» и развѣ обидна бумага, въ которой только и сказано, что: «прилагая при семъ любовное письмо служащаго на ряжско-вяземской дорогѣ сына дворянина Андреянова, имѣю честь предупредить ваше благородіе, что, въ случаѣ вовлеченія молодого человѣка въ земскую растрату, вы имѣете подвергнуться всей строгости закона»? Это вѣдь простая формальность—и даже не написано, а напечатано, хоть и не читай. А подумай-ка хорошенько, сколько эта бумага и формальность умертвили твоей собственной души. Вѣдь во-первыхъ ты и Марья Андреевна будете думать не другъ о другѣ въ ожиданіи, положимъ, вызова въ управленіе, а ужъ объ управленіи, *какъ тамъ рѣшатъ*. Не будь этой бумаги, ты, въ ожиданіи свиданія, можетъ быть до мелочей анализировалъ бы *свою* жизнь, все прошлое и старался бы проникнуть въ будущее, а тутъ ты анализировать будешь все то же управленіе: какъ оно на тебя посмотритъ? какъ оно посмотритъ на Марью Андреевну? Тутъ между вами, между вашими личными отношеніями вошло что-то постороннее, вошло съ заботой, съ предостереженіемъ, съ усмотрѣніемъ; но вашему-то личному чувству надобно ужъ молчать и ждать, а вашему исполненному пріятныхъ мечтаній воображенію надобно уже проникать во что-то чужое вамъ, и, разумѣется, отъ этого вмѣшательства бумаги въ ваши личныя желанія и дѣла только меркнетъ и гаснетъ ваше чувство и тупѣетъ умъ... Именно вотъ это-то притупленіе чувства и ума я и замѣчаю во всемъ современномъ русскомъ обществѣ, а дѣлъ... хлопотъ... изнуренія... видимо-невидимо! И все—«въ пустую», потому что мы отвыкли даже желать своего, а все ждемъ, что заставитъ насъ желать бумага...

— Но вѣдь то, что ты сейчасъ говорилъ, небылица, больше ничего! возразилъ я пріятелю.

— Конечно, небылица, но я и былей могъ бы тебѣ сказать столько, что ты только бы развелъ руками.

— Ну, разсказывай!

Пріятель мой сдержалъ свое слово. Въ одну изъ нашихъ встрѣчъ онъ съ документомъ въ рукахъ весьма основательно подтвердилъ сдѣланную имъ характеристику значенія той силы, которую онъ именовалъ «бумагой». Пользуясь этими документами моего пріятеля, я постараюсь вкратцѣ познакомить съ ними читателей въ моемъ собственномъ пересказѣ.

III.

Одинъ изъ этихъ документовъ, рисующій «человѣка» и «природу» безъ участія третьяго, главнѣйшаго элемента нашей жизни, заимствованъ изъ перваго тома литературныхъ прибавленій къ газетѣ *Восточное Обозрѣніе*. Въ прекрасной, живо написанной статьѣ г. Ядринцевъ разсказываетъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ среди русскихъ раскольническихъ общинъ, устроившихся какимъ-то чудомъ и процвѣтающихъ на самой дальней границѣ Россіи съ Китаемъ. Эти раскольническія общины были, какъ кладъ, зарытый въ землю, *открыты* при императрицѣ Екатеринѣ около границъ Китая въ Алтайскихъ горахъ, куда тогда еще не проникала бумага. Онѣ жили совершенно независимо и образовались ранѣе прошлаго столѣтія изъ бѣглецовъ и раскольниковъ, искавшихъ убѣжища въ горахъ и лѣсахъ. До 1878 года они не несли воинской повинности, и вотъ въ какомъ видѣ нашелъ ихъ г. Ядринцевъ во время своей поѣздки на Алтай.

Прежде всего оказывается, что наши великороссійскіе черноземные мужики превратились въ совершеннѣйшихъ горцевъ, весьма удобно приладившись къ условіямъ горной мѣстности. Кстати сказать, Алтайскія горы—горы въ *самомъ дѣлѣ*, настоящія. Вотъ какъ описываетъ г. Ядринцевъ эту мѣстность: «Когда мы приближались къ вершинамъ Бухтармы, горы становились все выше, хребты поднимались пирамидально изъ долины,

рѣка неслась иногда въ ущельи, въ каменистыхъ берегахъ, бушевала, пѣнилась. Возлѣ Черновой открылись бухтарминскіе пороги; вода *кипѣла* въ нихъ. Кругомъ дикія горы и ущелья, поросшія лѣсомъ. Нарымскій хребетъ былъ особенно величественъ». И далѣе за станціей Черновой «горы еще величественнѣй, на склонахъ были лѣса, а вершины были каменисты, выступая гребнями и сопками. На величайшей вершинѣ лежала, какъ говорили крестьяне, *зацѣпившись за бѣлокъ*, темная туча»... Словомъ, природа, какъ видите, вовсе не «крестьянская», и однакожъ крестьяне, единственно только подъ давленіемъ нравственнаго побужденія *жить въ мирѣ*, съумѣли не только не погибнуть въ непривычной для нихъ обстановкѣ, но, какъ увидимъ ниже, устроились самымъ завиднымъ образомъ.

Въ непривычной для мужика обстановкѣ, кромѣ совершенно диковинной для него природы, не послѣднюю роль играла и «чужая сторона» съ чужими враждебными сосѣдями, китайцами, киргизами, съ которыми у пришлецовъ должно было быть множество столкновеній, обыкновенно переходящихъ въ такого рода пограничныя затрудненія, которыя разрѣшаются вмѣшательствомъ правительственныхъ войскъ. Однако вотъ оказывается, что «все здѣсь тихо и мирно: и къ китайцамъ въ гости ѣздятъ, и халаты пріобрѣтаютъ, да и рыбой давно пользуются, ходя артелями за-границу безъ всякихъ паспортовъ и трактатовъ». «Въ этой способности оріентироваться (въ чужой землѣ) и, занявъ мѣста, отстоять ихъ—заключались немалые таланты и сказалась не одна сила, но и умъ» (стр. 25). «Онъ (пришлецъ-крестьянинъ), являясь въ чужое мѣсто и среди чужихъ людей, показывалъ свою силу, свое право, энергію, настойчивость, но потомъ вступалъ въ дружественный договоръ», такъ какъ, повторяемъ, «ему нуженъ былъ только безусловно одинъ *миръ*» (стр. 24).

Такимъ образомъ исключительно своимъ умомъ, умѣньемъ и исключительно только при помощи самаго простого человѣческаго побужденія «жить» на бѣломъ свѣтѣ, и притомъ жить въ «мирѣ», крестьяне, поселившіеся въ Алтайскихъ горахъ, представляютъ собою въ высшей степени замѣчательное явленіе; они, по словамъ г. Ядринцева, сформировались въ могучую, богатырскую расу. «Населеніе это крупное, рослое, атлетическаго тѣлосложенія; одинъ извѣстный намъ охотникъ-крестьянинъ напоминаетъ просто богатыря». Казачій офицеръ, самъ здоровый и коренастый мужчина, передавая г. Ядринцеву свое впечатлѣніе отъ рукопожатія этого колосса, говорилъ, что его собственная рука показалась ему рукой ребенка, когда колоссъ пожалъ ее».

Не только мужчины, могучи и сильны здѣсь также и женщины: «Въ Алтаѣ, пишетъ г. Ядринцевъ, мы видѣли дѣвицу — аршинъ въ плечахъ, поднимавшую 12 пудовъ» (стр. 46). «Однажды, подъѣзжая къ деревнѣ, я увидѣлъ, говоритъ г. Ядринцевъ, двухъ приближавшихся всадниковъ въ яркихъ костюмахъ, точно французскихъ гусаръ. На головѣ у одного была красная шапка съ позументомъ. «Кто это скачетъ?» спросилъ я у ямщика. — «Да это наши бабы!» Въ другой разъ я рано утромъ пилъ чай въ деревнѣ. Это было часовъ въ 6 утра. По всей улицѣ стояли у воротъ привязанныя верховыя лошади. Черезъ нѣсколько времени начали выходить изъ воротъ старухи и бабы съ ребятами; онѣ смѣло влѣзали на лошадей верхомъ по-мужски, прилаживали на сѣдлѣ малолѣтковъ и отправлялись изъ деревни. Я замѣтилъ, что у каждой старухи черезъ плечо былъ холщевый мѣшокъ. «Куда это у васъ старухи собрались, не въ походъ ли?»—спросилъ я хозяйку.—«Зачѣмъ въ походъ! Молодыя то теперь на работѣ, а старухи на пчельники поѣхали, да и ребятокъ съ собой захватили». — «Зачѣмъ же верхомъ?» — «А развѣ въ нашихъ мѣстахъ иначе проѣдешь? Горищи страсть, крутизна! А ничего, мы привыкли!»

Правда, у этихъ богатырскихъ женщинъ и дѣвицъ иной разъ случаются нѣкоторыя ошибочки противъ «правилъ благопристойности»; г. Ядринцевъ сообщаетъ, что «у нихъ будто бы существуетъ свобода любви и короткія связи называются просто «птичьимъ грѣхомъ», что дѣвицѣ не ставится въ грѣхъ, если она до замужества жила съ кѣмъ-нибудь, но по выходѣ замужъ она обязывается быть вѣрной своему мужу». Но такіе ли грѣхи творятъ напримѣръ кавказскіе горцы, которые, какъ сванеты, истребляютъ новорожденныхъ дѣтей, особенно дѣвочекъ, засыпая имъ ротъ горячей золой, или осетины, стискивая деревяннымъ корсетомъ грудь дѣвушки съ дѣтскихъ лѣтъ и не давая ей развиться, какъ органу кормленія дѣтей? Это ужъ грѣхъ не птичій, а человѣческій, и называется онъ дѣтоубійствомъ, совершаемымъ къ тому же съ своекорыстными цѣлями: имѣть какъ можно меньше дѣтей, чтобы женщина могла больше работать на своего господина. Алтайскія же грѣховодницы по выходѣ замужъ безпрепятственно увеличиваютъ народонаселеніе, такъ что напримѣръ въ Кумышскомъ округѣ втеченіе столѣтія *изъ 10 семей* такихъ же грѣховодниковъ-богатырей населеніе разрослось *до 1,260* душъ народа, какъ уже сказано выше, рослаго, могучаго, работящаго, вполнѣ къ тому же сохранившаго свои симпатіи къ крестьянству. «Нѣкоторые изъ крестьянъ въ деревняхъ по Бухтармѣ сѣяли хлѣбъ на высотѣ 4,000 фут. Сѣно косили въ такихъ ущельяхъ, что его приходилось вывозить верхомъ, связывая въ охапки». Хлѣбопашество въ нѣкоторыхъ горныхъ деревняхъ идетъ въ настоящее время такъ хорошо, что крестьяне имѣютъ возможность выгодно сбывать излишекъ: 4,000 пуд. ржаной муки они поставляютъ въ зырянскій заводскій магазинъ. Кромѣ хлѣбопашества они занимаются скотоводствомъ, пчеловодствомъ, ведутъ мѣновую торговлю съ киргизами, китайцами, давая въ обмѣнъ юфть, топоры, звѣроловные капканы, ножи и другія желѣзныя вещи, а также соль, муку и особенно зерновой ячмень».

Общее впечатлѣніе, вынесенное г. Ядринцевымъ изъ его поѣздки по Алтаю, по горнымъ крестьянскимъ деревнямъ, оказалось самымъ свѣтлымъ и ободряющимъ: «*можно жить на бѣломъ свѣтѣ*» - вотъ какими словами можно бы выразить сущность всего, что разсказалъ намъ г. Ядринцевъ.

Посмотримъ теперь, что выходитъ, когда между человѣкомъ и природой появляется «содѣйствіе» самой гуманнѣйшей бумаги, предусматривающей всевозможныя колонизаціи, тщательно ихъ предупреждающей и вообще пекущейся совершенно безкорыстно и безукоризненно о благосостояніи «человѣка». Матеріаломъ для ознакомленія читателя съ опытомъ колонизаціи этого послѣдняго рода послужитъ намъ статья г. Шаврова, напечатанная въ *Сѣв. Вѣстн.* (1887 г., № 7), въ которой г. Шавровъ подробно разсказываетъ, какъ приводились въ исполненіе напримѣръ всевозможные проекты, изобрѣтавшіеся для колонизаціи еще и нынѣ довольно пустыннаго черноморскаго побережья. Начало этимъ проектамъ и мѣропріятіямъ относится ни много, ни мало, какъ къ 1804 году, когда черноморское побережье было присоединено къ владѣніямъ Россіи и когда впервые было понято государственное значеніе этого побережья.

Это «государственное значеніе» черноморскаго побережья сдѣлалось понятнымъ для государства и поддерживалось съ 1804 г. тогдашнимъ начальникомъ края, княземъ Циціановымъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени всѣ замѣчательные дѣятели, управлявшіе Кавказомъ, единодушно признавали, что, очистивъ побережье отъ непокорныхъ горцевъ, съ которыми пришлось вести тяжкую и дорого стоющую войну втеченіе 60 лѣтъ, Россія, во избѣжаніе повторенія того же самаго, нуждается въ колонизаціи очищенныхъ горцами земель преимущественно «русскимъ элементомъ».

Такъ вотъ съ 1804 года и до настоящаго времени съ неусыпною энергіей всѣ замѣчательные дѣятели Кавказа единодушно напрягаютъ всѣ силы, чтобы водворить на Кавказѣ русскій элементъ. Этотъ *элементъ* и самъ бы вѣроятно явился сюда въ значительномъ количествѣ, потому что ему надо пить-ѣсть и жить мирно; но для задачъ «бумаги» такой цѣли, какъ «пить-ѣсть», слишкомъ мало.

Прежде всѣхъ началъ оперировать надъ «элементомъ» генералъ Раевскій. Онъ «задумалъ широкій планъ—обратить береговыя укрѣпленія въ торговые пункты и водворить при нихъ русскія поселенія, которыя, производя постоянный торговый обмѣнъ съ горцами, содѣйствовали бы сближенію послѣднихъ съ русскими и сдѣлали бы ненужными постоянныя военныя дѣйствія» (стр. 22). Съ *этой цѣлью* (замѣтьте: съ цѣлью *торговли*!) генералъ Раевскій испросилъ разрѣшеніе пересылать на казенный счетъ семейства *солдатъ* для образованія поселеній и, «не смотря на всѣ затрудненія, успѣлъ-таки поселить 1,520 русскихъ семействъ».

И такъ, *солдаты*, въ виду государственной важности, должны были превратиться въ *купцовъ* и не маршировать, а *торговать*. Но этого мало. «*Кромѣ торговли съ горцами*», генералъ Раевскій успѣлъ «обратить дѣятельность поселенцевъ на *рыболовство* и *каботажное* плаваніе, съ цѣлью создать на черноморскомъ побережьи *морское населеніе*» (стр. 22). Преемникъ его, генералъ Анрепъ, хотѣлъ все это уничтожить, но не успѣлъ, потому что передалъ власть генералу Серебрякову, продолжавшему дѣло Раевскаго до крымской войны, которая все это прекратила, и «элементъ», превращенный изъ мужиковъ въ солдатъ, изъ солдатъ въ купцовъ, въ садоводовъ, въ рыболововъ, въ мореплавателей, разбѣжался невѣдомо куда и берегъ опять опустѣлъ... «*Усилія*— говоритъ г. Шавровъ — этихъ генераловъ оказались безполезными для Россіи»; а каково было «элементу» кряхтѣть—объ этомъ ничего не сказано...

Въ 1864 году черноморское побережье было окончательно покорено, горцы всѣ ушли сами, перетонули въ морѣ, перемерли отъ холода и голода. Причиною этого бѣгства были мѣры генерала Евдокимова, который сталъ переселять горцевъ въ долины, а казаковъ въ горы. Вслѣдствіе бѣгства горцевъ, побережье совершенно «обезлюдѣло» (стр. 25) и опять надобно было взять за бока все тотъ же «элементъ».

«При составленіи *перваго* (перваго послѣ уже «бывшаго» другого *перваго*, который, какъ мы видѣли, оказался безполезнымъ) проекта колонизаціи черноморскаго побережья приняты были въ основаніе *самыя раціональныя* историческія, практическія и государственныя соображенія о значеніи, которое имѣла эта пограничная область въ общей системѣ Кавказскаго края. Кромѣ того *не было забыто* и общее государственное значеніе восточнаго берега въ развитіи русскаго могущества на Черномъ морѣ». Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, «предполагалось въ наиболѣе удобныхъ морскихъ пунктахъ образовать приморскія станицы изъ азовскихъ казаковъ съ прибавленіемъ къ нимъ постороннихъ лицъ изъ казаковъ, отставныхъ солдатъ и вольныхъ людей»...

Всѣ эти люди превращались просто въ «русскій элементъ», «*предназначались*, чтобы служить началомъ *будущихъ коммерческихъ портовыхъ городовъ*, а потому *всю дѣятельность* новыхъ поселенцевъ предполагалось *направить* на рыболовство, судостроеніе и каботажное плаваніе... Затѣмъ, вдали отъ берега предполагалось поселить нѣсколько казачьихъ поселеній для обороны на случай войны» (стр. 28). Такъ какъ время тогда было военное, то заселеніе побережья казацкими станицами началось *немедленно*, и для начала было поселено около 15 станицъ; но затѣмъ все это было *пріостановлено* вслѣдствіе того, что къ военнымъ соображеніямъ постепенно примѣшались соображенія гражданскія: *вдругъ*... всѣмъ *показалось* слѣдующее: «Казакъ въ полномъ вооруженіи, конный или пѣшій, но обязанный нести постоянную военную службу, *сталъ казаться самымъ непригоднымъ* поселенцемъ

для богатѣйшей по своей производительности страны, которая требовала интенсивной земледѣльческой культуры и такихъ знаній въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя недоступны для служилаго казака. Самое его военное званіе казалось большимъ препятствіемъ къ правильному веденію сельскаго хозяйства. Не мало приведено было доказательствъ, что для казака невозможно вести успѣшно интенсивное хозяйство, заниматься культурой винограда, винодѣліемъ, разведеніемъ цѣнныхъ растеній. Словомъ, казакъ былъ признанъ непригоднымъ для *быстраго* экономическаго преуспѣянія края, и дальнѣйшее устройство казачьихъ станицъ было пріостановлено» (стр. 29).

Вотъ каковъ былъ этотъ проектъ.

Какъ видитъ читатель, на шею «русскаго элемента», желающаго только всего «пить-ѣсть и жить въ мирѣ», проектъ, принимавшій во вниманіе политическія, государственныя, историческія, экономическія соображенія, возлагалъ оборону, культуру, интенсивное хозяйство, развитіе морского могущества, садоводство, винодѣліе, рыболовство, земледѣліе. Все сіе долженъ былъ совершить «элементъ», собранный изъ азовскихъ казаковъ, отставныхъ солдатъ и вольныхъ людей. Такова была задача военнаго управленія. Когда же всѣ эти станицы разбѣжались и «элементъ» разсѣялся «кто куда», «не пишши и не ѣшши», тогда началась дѣятельность гражданская.

Задача гражданскаго управленія была такова. Въ трехъ пунктахъ побережья учреждены были попечительства, «на обязанность которыхъ было *возложено* попеченіе объ успѣшной колонизаціи побережья, о привлеченіи сюда иностранныхъ колонистовъ и введенія при помощи ихъ высшей земледѣльческой культуры и интенсивнаго сельскаго хозяйства въ оставшихся (пустыми, конечно) казачьихъ станицахъ и во вновь *имѣющихъ поселиться русскихъ колоніяхъ*»... Обратите вниманіе на коренное свойство «бумаги»: никакихъ русскихъ колоній нѣтъ, не существуетъ, а ужъ обязанность введенія *въ нихъ*, въ тѣхъ самыхъ, которыхъ и въ поминѣ-то нѣтъ, введенія интенсивнаго хозяйства уже *возложена* на кого-то и кто-то эту обязанность смѣло рѣшается взять на себя, кто-то уже говоритъ: «водворю!» и требуетъ оклада жалованья. Принявъ эти обязанности, попечители *возложили* ее въ свою очередь на колонистовъ, но въ концѣ-концовъ «колонизація не могла идти успѣшно, и многіе изъ колонистовъ, въ виду смертности товарищей и собственной болѣзненности, теряли бодрость и просили о перемѣщеніи ихъ въ другія мѣста или объ отправленіи ихъ на родину» (стр. 31). Эта смертность и болѣзненность произошла, во-первыхъ, отъ того, что «*подробной съемки* черноморскаго побережья *сдѣлано не было*» (стр. 29), что *энергическое* стремленіе водворить какъ можно больше колоній вызывало *случайное* ихъ расположеніе — въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, *по мнѣнію попечителей*, встрѣчались *болѣе удобныя* мѣста для колоній». Переселенцы же, «явившись изъ сѣверныхъ провинцій», не могли соблюдать гигіеническихъ предосторожностей, потому что, устраиваясь (*по мнѣнію попечителей*, болѣе удобно) въ дикихъ лѣсахъ и болотистыхъ долинахъ, были предоставлены единственно только собственнымъ своимъ силамъ» (стр. 30). «Правительство не жалѣло средствъ для помощи колонистамъ, но пособія были опредѣлены по одной общей нормѣ для всѣхъ лицъ, желающихъ водвориться на всемъ побережьи». Кромѣ того, при отсутствіи путей сообщенія (это также оказалось неожиданно), доставлять провіантъ поселенцамъ было не легко, сохранять его на открытомъ берегу было еще труднѣе, и потому естественно, что переселенцы терпѣли не мало лишеній и подвергались болѣзненности, не смотря на энергическія заботы. Въ концѣ-концовъ *выяснилось*, что «безъ устройства путей сообщенія колоніи, разбросанныя по горамъ, ущельямъ и долинамъ, не могутъ развиваться и достигнуть благосостоянія» (стр. 31). Такимъ образомъ окончился еще одинъ періодъ «энергической дѣятельности»; но тотчасъ-же, «безъ передышки», начался новый, то-есть снова-здорово взялись съ новой энергіей за то же самое дѣло.

Такъ какъ оказалось, что безъ путей сообщенія жить нельзя и что водвореніе интенсивнаго сельскаго хозяйства и высшей земледѣльческой культуры немыслимо безъ затраты на то и другое (на дороги и культуру) огромныхъ капиталовъ, то гражданское вѣдомство и стало «изыскивать средства», и съ 1871 года «правительствомъ были приняты *всевозможныя мѣры*, указываемыя экономической наукой, для *быстрой* и успѣшной колонизаціи».

Въ помощь къ водворенію земледѣльческихъ колоній (которыя всѣ, къ сожалѣнію, *уже* разбѣжались неизвѣстно куда) административнымъ путемъ *создана* была на черноморскомъ побережьи *крупная земельная собственность*. Привлечены капиталы и капиталисты для культуры этой богатѣйшей нашей окраины (стр. 32).

Кстати здѣсь сказать, что мысль о *созданіи* на Кавказѣ крупной собственности явилась гораздо ранѣе 1871 года, именно тотчасъ-же послѣ того, какъ ушли горцы и побережье опустѣло. Тотчасъ же «признано было справедливымъ выдѣлить нѣкоторую часть опустѣвшей земли въ вознагражденіе *славныхъ участниковъ покоренія Кавказа*» (стр. 31). Въ виду этихъ соображеній, въ руки участниковъ покоренія Кавказа (изъ лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ) перешло слѣдующее количество земель: 1) передано въ военное вѣдомство для раздачи по пожалованьямъ — 23,000 дес.; 2) передано въ распоряженіе закавказской лотереи съ благотворительною цѣлью — 2,000 дес; 3) пожаловано разнымъ лицамъ 26,264 дес. и 4) отведено разнымъ лицамъ, на основаніи устава о горномъ и сельскомъ хозяйствѣ, 6,784 дес.

Все сіе, оказывается, было сдѣлано еще до возложенія на «русскій элементъ» историческихъ, политическихъ, мореходныхъ, оборонительныхъ, рыболовныхъ, виноградныхъ, хозяйственныхъ, торговыхъ, каботажныхъ, культурныхъ и всякихъ интенсивныхъ обязанностей. Когда же «элементъ» разбѣжался,

«не пиши и не ѣши», тогда, повторяю, тотчасъ же была *создана* крупная поземельная собственность. Начало ея, какъ мы видѣли, было довольно прочно положено еще до появленія «элемента», теперь было продолженіе: въ началѣ 1871 года опубликованы были правила для продажи земель. Московскіе капиталисты воспользовались этимъ и пріобрѣли болѣе 50 т. дес. земли по 10 руб. за десятину, съ уплатою втеченіе 10 лѣтъ по 1 р. въ годъ. Впрочемъ еще ранѣе этого времени въ Москвѣ родилась мысль объ образованіи товарищества съ цѣлью пріобрѣтать на Кавказѣ земли. Первое товарищество ходатайствовало о продажѣ ему земель въ долинѣ Эльдаръ; но баронъ Николаи, начальникъ главнаго управленія, отклонилъ это ходатайство на томъ основаніи, что «предполагалось отдать барону Таубе 600,000 дес. земли *даромъ*—съ обязательствомъ образовать общество для ирригаціи долины». Вообще, какъ видно, капиталъ не дремалъ, спѣшилъ содѣйствовать процвѣтанію покореннаго края задолго до «мѣръ, указываемыхъ экономической наукой» и бывшихъ причиною появленія правилъ 1871 г. Но, къ сожалѣнію, опять явились препятствія къ осуществленію указаній экономической науки, именно: «*незнаніе мѣстныхъ условій*, отсутствіе морскихъ и сухопутныхъ сообщеній и неопредѣленность положенія новыхъ землевладѣльцевъ, не имѣвшихъ понятія, гдѣ *будутъ* (!) города и *гдѣ проложатся пути сообщенія*». Кромѣ того «точной съемки, точныхъ границъ купленныхъ участковъ» сдѣлано не было. Вслѣдствіе этого большинство участковъ, купленныхъ на основаніи правилъ 1871 г., *до сихъ поръ* еще не отмежеваны въ натурѣ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что капиталисты не рѣшаются затрачивать капиталъ» (стр. 33). «Въ силу всѣхъ вышеприведенныхъ затрудненій,—говоритъ г. Шавровъ,—не смотря *на всѣ усилія* (!!) гражданскаго вѣдомства, все земледѣльческое населеніе Черноморскаго округа составляетъ не болѣе $11^1/_2$ тыс. душъ, въ числѣ которыхъ 8 тыс. казаковъ, поселенныхъ военнымъ вѣдомствомъ».

Въ 1880 г. великій князь Михаилъ Николаевичъ поручилъ генералу Старосельскому отправиться въ Черноморскій округъ, «ознакомиться ближайшимъ образомъ съ состояніемъ его *во всѣхъ частяхъ* его устройства, причемъ выяснить причины, препятствовавшія успѣшному осуществленію тѣхъ цѣлей, къ которымъ правительство съ немаловажными матеріальными пожертвованіями доселѣ стремилось».

16 октября 1880 г. данъ былъ этотъ приказъ, а 14 мая 1881 г. генералъ Старосельскій, *ознакомившись съ дѣломъ во всѣхъ частяхъ* и выяснивъ *всѣ причины*, представилъ свой докладъ. Что было въ этомъ докладѣ, осталось къ сожалѣнію неизвѣстнымъ, потому что «въ это время» произошло упраздненіе самаго намѣстничества «и преобразованіе *всего* административнаго *строя*...» Такимъ образомъ въ концѣ всѣхъ этихъ *усилій*, на всемъ огромномъ прибрежьи еле еле водворено $3^1/_2$ тысячи поселенцевъ самаго разношерстнаго сорта, разноплеменнаго, разноязычнаго, и въ то же время не осталось *ни одной пяди свободной земли*.

— Какъ? воскликнулъ я въ недоумѣніи, когда мой пріятель произнесъ слова, написанныя въ послѣднихъ строкахъ.—Никто еще на побережьи не живетъ, а земли ужъ нѣтъ?

Пріятель мой развелъ руками, вздохнулъ и сказалъ:

— Увы, все это именно такъ и есть! Никто еще на побережьи не живетъ, а земли свободной нѣтъ ни одной пяди...

— Да неужели-же это правда?

— Чтобы ты убѣдился, что я не лгу — вотъ тебѣ и еще очень солидный документъ: процессъ нѣкоего мѣщанина Данкова. Прочти его и вразумись.

Вотъ этотъ замѣчательный процессъ.

IV.

«Господа присяжные засѣдатели! Обратите ваше вниманіе, что я заключенъ въ тюремный замокъ, гдѣ и нахожусь уже болѣе 14-ти мѣсяцевъ, а жена и дѣти мои, будучи безъ моей единственной помощи, доведены до неслыханнаго крайняго разоренія. Въ настоящее время уже наступила холодная зима, а у жены моей и дѣтей моихъ малолѣтнихъ, отъ семи и до 12-ти лѣтняго возраста, не осталось ни одежды, ни обуви, ни теплой квартиры и даже необходимой постели; все, что было необходимое, послѣдовало въ залогъ заимодавцу-еврею по десяти процентовъ на рубль въ мѣсяцъ съ рекамбіями, да и у жены уже не осталось ни обуви, ни одежды, кромѣ арестантской. Это злосчастное испытаніе я съ моимъ семействомъ выношу незаслуженно, выше всякаго *современнаго христіанскаго терпѣнія!*»

Вотъ какъ плакался передъ господами присяжными засѣдателями 29 ноября 1883 г. нѣкто мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Данковъ, преданный суду курскаго окружного суда. Онъ уже не молодъ, ему 54 года; маленькіе глаза его слезятся отъ долгаго тюремнаго заключенія и на лицѣ лежитъ печать страданія и усталости. «Говоритъ онъ, по словамъ хроникера, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, но волнуется и иногда до того, что нюхаетъ нашатырный спиртъ изъ простого пузырька».

Въ чемъ же провинился и за что потерпѣлъ бѣдный мѣщанинъ? «Лишь за то только (мы цитируемъ по его собственному показанію), что взялъ на себя трудъ помочь до крайности обѣднѣвшимъ крестьянамъ, по малоземельному надѣлу при дурныхъ урожаяхъ и поднятію цѣны арендной платы до 30 рублей на десятину подъ озимый посѣвъ, а заработная поденная плата отъ многолюдства бѣдныхъ — не свыше 20 коп. на своемъ содержаніи, что недостаточно и одного работника прокормить, не только семейство».

Такъ вотъ какія цѣли имѣлъ мѣщанинъ Д—въ, но такъ какъ онъ желалъ осуществить ихъ на осно-

ваніи тѣхъ «попечительныхъ» словъ, которыми искони блещетъ «бумага», всегда стремящаяся сдѣлать «какъ лучше», то и оказалось, что вмѣсто помощи «обѣднѣвшимъ» крестьянамъ онъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ, предварительно просидѣвъ въ острогѣ 14 мѣсяцевъ.

Первая «бумага», которой повѣрилъ Д—въ, была бумага газетная—именно № 2123 *Новаго Времени*, въ которомъ была напечатана статья о раздачѣ желающимъ земель въ Черноморскомъ округѣ. Вотъ въ какомъ видѣ нашли мы въ бумагахъ Д—ва этотъ газетный листъ: сложенный въ три раза въ длину и перегнутый потомъ пополамъ, онъ весь пропитанъ какимъ-то желтымъ составомъ, точно масломъ, и какъ бы истлѣлъ. Оказывается, что этимъ составомъ, похожимъ на масло, пропитала газетный листъ собственная грудь Д—ва. Онъ и сложилъ-то его такимъ образомъ, какъ описано выше, для того, чтобы удобнѣе приладить его къ своей груди, ибо такую драгоцѣнность, по мнѣнію Д—ва, должно было свято хранить только на груди, у самаго сердца. А драгоцѣнность въ газетномъ листѣ была не маленькая: тамъ говорилось «*о льготахъ и преимуществахъ лицъ, водворяющихся въ Черноморскихъ прибрежныхъ поселеніяхъ*», на основаніи *Положенія* 1866 г.

Между прочимъ тамъ было сказано, что, по § 30-му этого *Положенія*, лица, приписывающіяся къ черноморскимъ побережнымъ обществамъ: а) не вносятъ денежныхъ платежей въ пользу вспомогательнаго капитала отставныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; б) освобождаются отъ натуральнаго воинскаго постоя; в) освобождаются отъ крѣпостныхъ, канцелярскихъ и гербовыхъ пошлинъ, а также отъ употребленія гербовой бумаги; г) производятъ безъ платежа акциза рыбный промыселъ въ водахъ Чернаго моря; д) безпошлинно производятъ торговыя и промышленныя дѣйствія, устраиваютъ мануфактуры, фабрики и заводы; е) освобождаются отъ платежа податей и отправленія денежной и натуральной воинской повинности (§§ 19, 22 и 27 *Полож.* 10 марта 1866 г.) Кромѣ того по § 31 государственные крестьяне получаютъ изъ запасныхъ магазиновъ все то количество хлѣба, которое по числу ихъ душъ причитается изъ наличныхъ въ то время запасовъ; сверхъ того они, если представится надобность, снабжаются заимообразно денежнымъ путевымъ пособіемъ и пользуются въ пути содѣйствіемъ и покровительствомъ власти. По § 32 получаютъ лѣсъ и строительный матеріалъ. Необходимые для обстройки камень, песокъ, известь и проч. поселенцы добываютъ безденежно, по своему усмотрѣнію, на всѣхъ свободныхъ земляхъ въ предѣлахъ черноморскихъ прибрежныхъ поселеній. По § 33: а) на первое обзаведеніе и устройство жилищъ выдается, въ случаѣ отпуска лѣса, по 20 р., а безъ лѣса—по 35 р. на каждое семейство; б) на пріобрѣтеніе робочаго скота и земледѣльческихъ орудій отъ 15 до 20 р. на каждое семейство. Такія денежныя выдачи производятся безвозвратно (§ 34). По § 35 на общинномъ правѣ получаютъ землю, въ размѣрахъ, не превышающихъ тридцати-десятинной пропорціи на каждый дворъ или цѣлую семью, считая (въ 30-ти десятинахъ) одну удобную землю, т. е. пахотную, сѣнокосную и выгонную, на хуторномъ правѣ также. По § 37 эти переселенцы пользуются указанными льготами втеченіе пятнадцати лѣтъ со дня утвержденія *Положенія* (т. е. съ 10 марта 1866 г.).

Эти превосходные параграфы, какъ видите, способны очаровать не только человѣка, ищущаго «куска хлѣба», а рѣшительно всякаго, даже вполнѣ обезпеченнаго какимъ-нибудь чиновничьимъ мѣстомъ. Все дается даромъ—и земля, и лѣса въ благословенныхъ мѣстахъ: ни солдатчины, ни податей нѣтъ; даютъ даже денегъ, «коли ежели потребуется». Понятенъ восторгъ и благоговѣніе, которые охватили Д—ва, когда онъ узналъ объ этомъ, такъ какъ матеріальное положеніе его, уже пожилого человѣка, было по истинѣ бѣдственное.

Бывшій дворовый, онъ послѣ освобожденія крестьянъ вынужденъ былъ кормить большую семью (жена и 5 человѣкъ дѣтей отъ 7-ми до 12-ти-лѣтняго возраста) всякой поденною работою въ уѣздномъ городкѣ, и постоянно нуждался и даже бѣдствовалъ, «потому что не могъ найти для себя должности или работы: дающей необходимыя средства для пропитанія, одежды и обуви своему семейству, и дать дѣтямъ своимъ грамотное и ремесленное обученіе».

Чтобы выйти изъ такого бѣдственнаго положенія, Д—въ вздумалъ уйти изъ Курской губерніи и искать счастья по бѣлу-свѣту. 13 іюня 1879 года, взявъ съ собой старшаго сына и оставивъ семью въ собственномъ домишкѣ при деревнѣ Ольшанцѣ «безъ всякихъ средствъ къ содержанію», ушелъ, буквально, куда глаза глядятъ.

Пѣшкомъ дошелъ онъ до Кіева и здѣсь-кое-какъ помѣстилъ своего сына въ бакалейную торговлю къ купцу «въ мальчики» на 4 года. Для себя же по случаю лѣтняго времени и выѣзда господъ на дачи, въ имѣнія и вообще вслѣдствіе лѣтняго затишья, не могъ пріискать «полезной должности». Пробывъ въ Кіевѣ мѣсяцъ, онъ «надумалъ» идти въ Полтаву на ярмарку; но, отправившись туда пѣшкомъ, опоздалъ: ярмарка разъѣхалась. Изъ Полтавы онъ также пѣшкомъ и побираясь Христовымъ именемъ добрался до Харькова; здѣсь онъ случайно встрѣтилъ знакомаго каменщика-поденщика, у котораго и пріютился, сдѣлавъ въ справочной «конторѣ» объявленіе о мѣстѣ. Но и здѣсь, прождавши мѣста около мѣсяца, ничего не добился; дѣло дошло до того, что каменщикъ, у котораго онъ «приткнулся» жить, самъ нуждаясь въ каждой копѣйкѣ, объявилъ своему другу, что онъ долѣе не можетъ его кормить—«нѣтъ способовъ!».

Нужно было уходить, опять-таки куда глаза глядятъ. Вотъ въ это-то время ему и попался обольстительный № *Новаго Времени*, и можете представить, какое сильное произвелъ онъ на него впечатлѣніе. «Прочитавши эту статью въ газетѣ—пишетъ самъ Д—въ—и находившись отъ моихъ неудачъ болѣе чѣмъ въ грустномъ состояніи, зная, что семья моя осталась безъ запаса дневного про-

питанія и ждетъ отъ меня единственно помощи, я рѣшилъ отправиться въ Черноморскій округъ, куда и прибылъ 4 ноября 1879 г., а восьмого того же ноября поступилъ на должность въ гостинницу съ номерами за 8 р. въ мѣсяцъ, да за услугу проѣзжимъ господамъ былъ вознаграждаемъ по 10 р. въ мѣсяцъ, что̀ и дало мнѣ возможность посылать моему семейству для дневного пропитанія».

Почти тотчасъ по прибытіи въ окружный городъ, Д—въ отправился въ управленіе и выправилъ тамъ свидѣтельство для предъявленія попечителямъ Вельяминскаго и Сочинскаго отдѣловъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ искать себѣ мѣстечка; но такъ какъ средствъ для поѣздки по побережью и осмотра его у него не было, то онъ рѣшилъ терпѣть до весны; и дѣйствительно, около 10 мая 1880 года отправился по побережью. Былъ въ Туапсе, въ Сочи, гдѣ прожилъ болѣе мѣсяца, разсматривая мѣста, разспрашивая людей и, убѣдившись, что здѣсь «рай земной» и что «лучше не надо», возвратился въ окружный городъ прямо въ «управленіе», заявивъ желаніе получить право на поселеніе въ такъ-называемомъ Пластунскомъ участкѣ. Въ канцеляріи управленія ему сказали, что *одному ему съ семействомъ поселиться нельзя*, что управленіе *считаетъ это* неудобнымъ, но что *оно желаетъ* населить пустопорожнія мѣста *большимъ количествомъ семействъ*.

«Я тутъ, говоритъ Д—въ, высказалъ, въ чемъ сознаюсь откровенно передъ судомъ, что къ переселенію въ такой благодатный край, какъ я лично убѣдился, при такихъ благодатныхъ правахъ, какія дарованы 10 марта 1866 года, желающихъ къ переселенію должно оказаться весьма много. Это я высказалъ—*непогрѣшимо*, потому что, проживая съ малолѣтства въ Курской и Орловской губерніяхъ, я постоянно слышалъ и видѣлъ крайнее стремленіе чернорабочаго люда къ переселенію, какъ лестное для поселянъ... Управленіе высказало, что оно весьма было бы радо, если-бы явились въ Черноморскій округъ крестьяне, почему и совѣтовало мнѣ отправиться на мѣсто моего жительства и пригласить желающихъ переселиться въ Черноморскій округъ. Слушая это, я объявилъ, что словеснаго порученія его я исполнить не могу: мнѣ никто не повѣритъ, чтобы управленіе поручило говорить объ этомъ съ крестьянами такому лицу, какъ я. Г. начальникъ сказалъ, что онъ выдастъ *удостовѣреніе* для объявленія крестьянамъ, и тутъ же на моемъ прошеніи и написалъ резолюцію въ этомъ смыслѣ».

9 сентября 1880 года дѣйствительно выдано было Д—ву изъ канцеляріи начальника округа оффиціальное удостовѣреніе такого рода: «*Въ округѣ имѣются въ значительномъ количествѣ свободныя и годныя для переселеній земли, какъ осмотрѣнныя уже Д—вымъ*, такъ и другія. Если явятся уполномоченные (до 1 января 1881 года—срокъ дѣйствія правилъ о заселеніи и льготъ), то препятствій для переселенія со стороны администраціи не будетъ».

Здѣсь же, въ канцеляріи, Д—въ купилъ книжку г. Верещагина, въ которой правила были подробно напечатаны, и, въ видахъ предостережности и подлинности этихъ правилъ, попросилъ сдѣлать на книжкѣ надпись, что она пріобрѣтена въ канцеляріи управленія.

Съ этими, какъ видите, совершенно подлинными документами Д—въ опять-таки пѣшкомъ отправился на родину въ Курскую губернію, куда и прибылъ въ ноябрѣ 1880 года, «заставши—какъ пишетъ онъ въ собственноручной запискѣ—семью мою *безъ особаго запаса къ жизни*. Посмотрѣвшись дома и повидавшись съ родными и знакомыми, запасши нужное для дома содержаніе чрезъ продажу единственной коровы за 33 руб., я (продолжаетъ Д. въ собственномъ показаніи) долгое время оставался дома для поправки одежды и обуви своего семейства и запасаясь на зиму соломой для отопленія; а между прочимъ ко мнѣ приходили для свиданія и узнанія о правахъ поселенія въ Черноморскомъ округѣ. Имѣвши у себя удостовѣреніе и печатныя правила о надѣлѣ и количествѣ земли и о льготахъ, я свободно говорилъ моимъ роднымъ и знакомымъ о томъ, что̀ въ правилахъ сказано и что̀ самъ я видѣлъ. Разумѣется, крестьяне должны были повѣрить мнѣ и убѣдиться изъ моихъ личныхъ объясненій, что переселеніе въ тотъ край выгодно, и многіе заявляли мнѣ свое желаніе переселиться («Будемъ хошь виноградъ ѣсть, коли хлѣба нѣтъ»—шутя говорили иные) и предлагали мнѣ довѣріе ходатайствовать объ ихъ переселеніи. Я принялъ предложеніе по узаконеннымъ довѣренностямъ и увольнительнымъ отъ обществъ приговорамъ, за что мнѣ крестьяне предложили по 10 руб. съ семейства за всѣ мои труды и разъѣзды по ихъ дѣлу о переселеніи».

Вѣсть о земляхъ и льготахъ, принесенная Д—вымъ въ деревню, быстро разнеслась по всѣмъ окрестнымъ уѣздамъ, такъ что втеченіе полутора мѣсяца набралось уже болѣе 500 семействъ, желающихъ переселиться. Нотаріусъ К—нъ свидѣтельствовалъ на судѣ, что Д-въ, заключавшій у него договоры съ крестьянами, все время держалъ себя «самымъ серьезнымъ и важнымъ образомъ: онъ точно исполнялъ какую-то миссію и старался по возможности даже сдерживать стремленіе къ переселенію. Мы съ Д—вымъ старались, чтобы по возможности имущество пока не продавалось крестьянами, и что продано было не много, указываетъ то обстоятельство, что въ моей конторѣ не было совершено ни одной купчей крѣпости, а только предварительныя сдѣлки*). Повторяю, Д—въ велъ себя самымъ серьезнымъ образомъ—я нарочно приглядывался къ нему, но ничего предосудительнаго не замѣтилъ. Онъ телеграфировалъ начальнику округа огромными телеграммами. Въ одной изъ нихъ онъ говорилъ, что начальство уѣзда не пускаетъ пере-

*) Не лишнее упомянуть, что по заключеніи сдѣлокъ Д—въ платилъ расходы изъ тѣхъ 10 руб., которые онъ выговорилъ на расходъ, каждый разъ, когда заплатить крестьянину было нечего. Но и изъ десяти-то рублей онъ получилъ только задатки, рубля по 3 съ семьи.

селенцевъ, требуетъ пріемныхъ приговоровъ (отъ пустыхъ-то мѣстъ!). Когда начальникъ округа отвѣтилъ, что пріемныхъ приговоровъ не надо, Д—въ прибѣжалъ ко мнѣ въ большой радости...»

До сихъ поръ все еще, какъ видите, можно было чему-то радоваться, да и вообще все и въ мечтаніяхъ Д—ва и мужиковъ, и на словахъ, и въ бумагѣ (въ правилахъ, удостовѣреніяхъ и т. д.)—все было хорошо. Но уже легкое дуновеніе того подлиннаго значенія, какое таитъ въ себѣ бумага, видно изъ препятствія при выдачѣ увольнительныхъ приговоровъ, которыхъ въ сущности вовсе и не надобно было никуда представлять. Впечатлѣніе этого дуновенія хотя и было изглажено успокоительной телеграммой, но дѣйствительность, скрывающаяся во всѣхъ этихъ хорошихъ «словахъ и мечтаніяхъ», стала обнаружиться все яснѣе и яснѣе, и «на дѣлѣ», по обыкновенію, выходило вовсе не то, что «на словахъ и въ мечтаніяхъ». Засуетился становой, урядникъ, волостной писарь, кабатчикъ. «Не давать увольнительныхъ приговоровъ!»—это было первое изобрѣтеніе и первая смута, брошенная въ сердца переселенцевъ.

Между тѣмъ къ декабрю мѣсяцу у Д—ва набралось уже до 500 семействъ, желающихъ переселиться, а такъ какъ 1 января 1881 г. истекалъ срокъ льготнымъ правиламъ, то Д—въ спѣшилъ съ переселеніемъ, да и крестьянамъ оно было необходимо, чтобы заблаговременно приняться на новыхъ мѣстахъ за весеннія работы. И вотъ онъ начинаетъ посылать въ округъ телеграммы за телеграммами; 17 декабря 1880 г. телеграфируетъ (85 словъ) съ уплаченнымъ отвѣтомъ и между прочимъ говоритъ: «Я набралъ уже 119 семействъ; желающихъ очень много. Могу ли продолжать?» 24 декабря того же года, телеграммою въ 248 словъ, сообщаетъ, что уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе требуетъ приговоровъ, и Д—въ проситъ управленіе разъяснить присутствію, что они не нужны. Третья телеграмма была послана уже изъ Лозовой, на пути въ Черноморскій округъ: «На двѣ посланныя мною телеграммы (отъ 17 и 24 декабря) отвѣта не получилъ и спѣшу въ округъ лично узнать, не пропущу ли срокъ. Изъ К—ой и О—ской губ. много крестьянъ желаетъ переселиться на Кавказъ, а между тѣмъ имъ препятствуютъ, и по сіе время съ 225 семействами приговоры не засвидѣтельствованы, и переселенцы, за прекращеніемъ срока (1 января 1881 г.), потерпятъ значительные убытки, почему покорнѣйше прошу о скорѣйшемъ распоряженіи—засвидѣтельствовать общественные увольнительные приговоры.!.» На эту телеграмму послѣдовалъ также телеграфическій отвѣтъ: «Ждать разъясненія отъ губернатора». Но Д—въ вѣроятно не ждалъ, потому что прибылъ въ округъ, подалъ прошеніе о выдачѣ ему копіи съ отвѣта округа губернатору. И вотъ какой былъ этотъ отвѣтъ:

«Мѣщанинъ Д—въ телеграфируетъ, что набрано 520 семействъ, желающихъ переселиться въ округъ. Благоволите приказать *предостеречь* переселенцевъ. На 500 семействъ *трудно найти въ округѣ земель*. Притомъ мѣстность крайне пресѣченная, гористая. Необходимо прислать нѣсколько благонадежныхъ лицъ осмотрѣть земли подробно, безъ чего не совѣтую трогаться съ мѣста».

Въ январѣ же мѣсяцѣ вслѣдъ за Д—вымъ пріѣхали въ округъ депутаты отъ мѣстныхъ крестьянъ (согласно телеграммѣ изъ округа) для осмотра мѣстности. Очевидно, что препятствія со стороны «мѣстнаго элемента» уже возымѣли свое дѣйствіе; выборные люди были заражены уже недовѣріемъ къ Д—ву; въ воображеніи ихъ не разъ уже мелькнуло: «надулъ», «обобралъ», «сбѣжалъ», и т. д. Непривычные къ морскому пути, они, какъ на грѣхъ, сѣли на пароходъ въ бурное время; два дня ихъ трепало въ морѣ, и они, еще не доѣзжая до главнаго города округа, были уже настращены и напуганы. Пріѣхавъ въ округъ ночью, отыскали Д—ва; переночевали у него. Утромъ, выйдя на улицу, были изумлены окрестностями: горы кругомъ нескончаемыя. «Такъ такія-то земли ты намъ сулилъ?» Но Д—въ сулилъ вовсе не такія земли а гораздо южнѣе, за Сочи, въ такъ называемомъ Пластуновскомъ отдѣлѣ.

— Надо ѣхать смотрѣть! говорилъ онъ, но депутаты были напуганы ѣздой на пароходѣ и ѣхать на парусной фелюгѣ ни за что не соглашались. Явившись въ то-же утро въ управленіе, они спросили:

— Какія же тамъ мѣта?

Тогда, указывая въ окно на горы, лицо, которое они спрашивали, сказало:

— А вотъ такія, какъ здѣсь!

Это окончательно пришибло депутатовъ, которые по всѣмъ видимостямъ и были посланы только для того, чтобы привести домой неблагопріятныя извѣстія и удержать народъ на старыхъ мѣстахъ и въ старыхъ путахъ; они не оставались въ окружномъ городѣ даже и сутокъ и тотчасъ-же отправились сухопутьемъ на станцію Крымскую и Ростовъ—домой, не взглянувъ даже на тѣ мѣста, которыя видѣлъ Д—въ и отъ которыхъ остался въ восторгѣ.

Возвратившись домой, Д—въ былъ въ самомъ тяжкомъ и глупомъ положеніи. Враговъ у него было множество и въ народѣ, и въ «чистой публикѣ»; дѣло его окончательно провалилось, онъ оказался «вымогателемъ чужихъ денегъ», шарлатаномъ и надувалой. Но молва о земляхъ и подлинная, дѣйствительная невинность Д—ва, его безкорыстное служеніе дѣлу также не пропали безслѣдно въ народномъ сознаніи. Все, что онъ говорилъ, было правильно, удостовѣрено начальствомъ, напечатано и засвидѣтельствовано—и молва о «новыхъ мѣстахъ» и льготахъ шла въ народѣ своимъ чередомъ.

Вѣроятно молва эта была не маленькая и вѣроятно народъ вполнѣ вѣрилъ Д—ву, такъ какъ, несмотря на то, что ни отъ кого изъ довѣрителей не поступало жалобъ на то, что Д—въ обманнымъ манеромъ выманилъ деньги, его «обязали подпиской о невыѣздѣ», и когда повѣстка о явкѣ Д—ва къ судебному слѣдователю, на 22 дек. 1881 года, не застала его дома (такъ какъ онъ явился къ слѣ-

дователю 20 декабря, т. е. двумя днями ранѣе), то изъ этого поступка была сдѣлана самовольная отлучка—причина его ареста, заключенія въ тюрьмѣ и суда.

Вотъ плачевная исторія «мечтателя».

— Обманъ точно-что былъ! показывали свидѣтели,—только неизвѣстно, кто обманулъ!..

На судѣ конечно выяснилось, что и земель пахотныхъ нѣтъ, и вообще земель нѣтъ, и что онѣ не размежеваны, что неизвѣстно, гдѣ какія поселенія, что послѣднія вообще, кажется, невозможны—словомъ, выяснилось совершенно *не то*, что опубликовано въ правилахъ (да еще со срокомъ до 1 января), что Д— въ видѣлъ своими глазами и что потомъ годъ спустя увидѣли своими глазами и его односельчане, отправившись въ тѣ-же благословенныя мѣста и арендовавъ тамъ участки.

А какъ все хорошо написано и какъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошо: земли благословенныя, всего вдоволь!

На дѣлѣ же, какъ читатель видитъ, вышло совсѣмъ, совсѣмъ не то!

IV. Обиліе «дѣла».

I.

Смущенный доводами моего пріятеля, относительно спеціальнаго значенія «бумаги» въ условіяхъ нашей жизни, я рѣшился поближе ознакомиться съ ея дѣяніями не въ такихъ экстренныхъ дѣлахъ, какъ колонизація и возрожденіе жизни на безжизненныхъ мѣстахъ, а въ обыденныхъ условіяхъ нашей жизни, въ удовлетвореніи будничныхъ общихъ потребностей. Матеріаломъ для такого ознакомленія мнѣ послужили разныя замѣтки, собранныя мною въ разныя времена изъ провинціальныхъ газетъ. Изъ нихъ-то я и извлекаю здѣсь кое-что по части всякихъ дѣловыхъ хлопотъ нашихъ провинціальныхъ захолустій.

На мое счастье мнѣ попался прежде всего № «Недѣли» (85 г.), въ которомъ какой-то провинціальный житель отвѣчалъ на ранѣе помѣщенную въ этой газетѣ статью «*Правда ли, что нѣтъ дѣла?*» и доказывалъ, что всякаго рода дѣла въ провинціи множество, но людей-то настоящихъ нѣтъ для его выполненія надлежащимъ образомъ.

«Безграмотные, ничего не знающіе люди, въ глаза не видавшіе университета», дѣлаютъ «*массу*» *дѣлъ*, Богъ знаетъ *какъ*, получаютъ *массу* денегъ, а люди съ высшимъ образованіемъ сидятъ, изволите ли видѣть, по чердакамъ въ Петербургѣ и «плачутся», что нѣтъ дѣла. Между тѣмъ напримѣръ въ Александріи, по словамъ автора корреспонденціи, всего только «одинъ повѣренный съ высшимъ образованіемъ», а его помощникъ—выкрещенный еврей, *не умѣющій не только по людски писать, но даже и говорить*; и этотъ-то феноменъ чудакъ заработалъ въ два года свыше четырехъ тысячъ рублей! Другихъ адвокатовъ въ Александріи нѣтъ, и *масса судящагося люда, въ особенности въ деревняхъ*, должна обращаться къ уличнымъ адвокатамъ. «Вѣдь *получать въ деревнѣ* (!) или такомъ городѣ, какъ Александрія, занимаясь адвокатурой или служа даже помощникомъ секретаря, *отъ 600 до 1,000 руб.* годового дохода, все равно, что получать въ Петербургѣ 1,000—1,800 руб.» (*Нед.*, № 35).

Насъ собственно занимаетъ въ этой корреспонденціи не размѣръ гонорара, къ которому любвеобильный провинціальный житель приглашаетъ (статья называется: «*Милости просимъ къ намъ!*») протянуть руки людей высшаго образованія, нынѣ плачущихъ по петербургскимъ чердакамъ о томъ, что никакихъ дѣлъ нѣтъ и ничего дѣлать невозможно – сколько неопровержимое свидѣтельство «жителя» о непомѣрномъ обиліи «дѣла» и дѣлъ, кишащихъ и по городамъ, и по деревнямъ. Какой-то человѣкъ, не умѣющій *говорить*, не только писать, получаетъ до 4,000 руб..—стало быть, съ обиліемъ *дѣлъ* рѣшительно дѣваться некуда. Они напираютъ со всѣхъ сторонъ. «Въ нынѣшнемъ году, прибавляетъ корреспондентъ, *дѣла* этого самаго человѣка, не умѣющаго даже говорить, *пошли еще лучше!*» Стало быть, что ни день, то больше и больше *дѣлъ*, т. е. какъ разъ то самое «дохнуть некогда» *), о которомъ повѣствовалъ Апельсинскій и которое на дѣлѣ было доказано и исправникомъ, и мировымъ судьей, и самимъ Апельсинскимъ.

«Нѣтъ *дѣла*! Скучно!»

Но если читателю покажется недостаточнымъ вышеприведенное свидѣтельство корреспондента, то пусть онъ потрудится прочесть еще нижеслѣдующую выписку изъ № 210 *Русскихъ Вѣдомостей* (85 г.): «Изъ статистическихъ данныхъ, приведенныхъ г. Хрулевымъ въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, явствуетъ, что *на долю каждаго члена судебной палаты*, среднимъ числомъ, приходится *тысяча двѣсти дѣлъ въ годъ*. Въ *одно* засѣданіе приходится выслушивать до *ста дѣлъ и болѣе*, т. е. болѣе чѣмъ вдвое трудъ этотъ превосходитъ норму работы, которую можно требовать отъ трудолюбиваго судьи. Легко представить себѣ, *каково* бываетъ *изученіе* докладовъ и *обсужденіе дѣлъ* при такихъ обстоятельствахъ!»

Да знаете ли вы еще, читатель, чтó такое «судебная палата» и что собственно она должна дѣлать? А вотъ чтó это такое: судебная палата должна быть «*надежнѣйшей гарантіей подсудимыхъ*, такъ какъ *прокурорскій надзоръ, поставленный* всѣмъ складомъ своей профессіональной дѣятельности *въ невозможность* вполнѣ *объективно относиться* къ дѣлу, представляетъ довольно *слабую гарантію* (подсудимаго)». Вотъ именно для того, чтобы спеціальность «обвинять» была введена въ предѣлы справедливости, и учреждена особая инстанція—судебная палата, которая «однимъ почеркомъ пера можетъ смыть пятно

*) См. стр. 994.

съ подсудимаго или опозорять невиннаго человѣка преданіемъ его суду». Дѣло судебной палаты такимъ образомъ оказывается до чрезвычайности важнымъ; но обиліе *дѣлъ*, благодаря которому каждый членъ палаты долженъ разобрать 1,200 дѣлъ въ годъ и выслушать въ день *сто дѣлъ* и болѣе, дѣлаетъ то, что инстанція эта находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. «Столь важный моментъ, какъ окончательное обсужденіе слѣдственнаго матеріала, предопредѣляющее часто дальнѣйшую *судьбу дѣла* (а стало-быть и *судьбу человѣка)*, на практикѣ свелось къ обряду штемпелеванія». Палата *санкціонируетъ почти всѣ проекты обвинительныхъ актовъ* и въ доказательство того, что они *прошли чрезъ канцелярію* палаты, прикладываетъ свой *штемпель*. Точь въ точь какъ регистраторъ, механически прикладывающій печать при записываніи бумагъ въ исходящія книги» *(Рус. Вѣд.*, № 210).

Вы видите, что «дѣлъ» такъ много, что даже въ такихъ высокихъ инстанціяхъ, отъ которыхъ зависитъ участь человѣка, его судьба, его жизнь, въ пору только «хлопать» штемпелемъ, въ то время когда слѣдуетъ быть «надежнѣйшею» гарантіею подсудимаго! А вы, петербургская интеллигенція, сидите по чердакамъ съ высшимъ образованіемъ, плачетесь, что «нѣтъ дѣла», тогда какъ за одно только «штемпелеваніе» можете получать отъ 1,200 до 2,500 р. с. въ годъ, что при петербургской жизни равнялось бы никакъ не менѣе 3,000—4,000 р.!

Впрочемъ затруднительное положеніе «инстанціи», благодаря обилію дѣлъ поставленной въ необходимость снизойти до роли простого регистратора,—положеніе это еще можетъ быть поправлено самымъ простымъ образомъ: по словамъ почтеннаго автора статьи, которую мы цитировали, стоитъ только *увеличить персоналъ судебныхъ палатъ*. Но что вы скажете о положеніи *низшихъ инстанцій*, которыя также буквально по горло завалены дѣлами? Неужели и тамъ также нужно увеличивать «персоналъ» людей, который въ настоящее время за обиліемъ дѣлъ тоже ничего не можетъ сдѣлать путнаго? А что обиліе дѣлъ въ самыхъ низшихъ инстанціяхъ существуетъ и ничуть не меньше, чѣмъ въ инстанціяхъ высшихъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Приведу примѣръ, опубликованный въ оффиціальной газетѣ, издающейся въ самомъ повидимому не канцелярскомъ мѣстѣ. Въ № 59 *Терскихъ Областныхъ Вѣдомостей* помѣщена публикація отъ хасафъ-юртовскаго полицейскаго управленія о розыскѣ разныхъ дѣлъ, которыя *вѣтромъ выдуло* изъ этого управленія 12 истекшаго мая мѣсяца (публиковано 21 іюля). Что такое Хасафъ-Юртъ? Ни я, ни читатель не знаемъ, но по слову «Юртъ», вовсе не напоминающему чего-нибудь похожаго на «бургъ», на «штадтъ» или на «городъ», можемъ догадываться, что это нѣчто жилое и нѣчто близко напоминающее слово «кочевье». Но что бы это ни было, аулъ ли это, станица ли, или просто одно только полицейское «управленіе», посмотрите-ка, какое гнѣздо «дѣлъ» заведено здѣсь! 12 «истекшаго» мая изъ ущелья (вѣроятно тамъ какое-нибудь ущелье есть) сталъ дуть вѣтеръ, а писарь полицейскаго управленія вѣроятно ушелъ къ атаману или священнику, а можетъ быть къ муллѣ или къ князю Бейбулатову ѣсть карачаевскаго барашка. Вотъ покуда онъ ѣлъ (карачаевскій барашекъ худенькій, тощенькій и съѣсть его можно скоро, особливо «съ устатку»), а изъ ущелья дуло вѣтромъ и прямо въ полицейское управленіе, въ окно; дунуло разъ и выдуло слѣдующія дѣла: отъ 10, 11 и 23 января, 17 апрѣля, 3 и 10 іюня и 20 августа, за №№ 30, 31, 116, 293, 1069, 1070 и 1251. И въ другой разъ дунуло изъ ущелья и опять унесло отъ 13 іюня, 4 и 19 іюля, 25 сентября и 10 октября, за №№ 566, 714, 740, 1109, 1116 и 1146. Писарь между тѣмъ, ничего не подозрѣвая, продолжаетъ преспокойно ѣсть барашка, болтаетъ о казачкахъ, да потягиваетъ кахетинское, а въ то же время изъ ущелья начинаетъ подувать совсѣмъ не на шутку: дунуло въ третій разъ такъ, что выдуло сразу цѣлую пропасть дѣлъ: отъ 8 и 27 октября, отъ 16 января, отъ 13 марта, 10 и 15 мая, 7 августа, 12 мая и 8 августа, опять отъ 12 мая и 1 іюля, за №№ 977, 1051, 38, 312, 416, 396, 763, 362, 413, и наконецъ сильнымъ порывомъ выхватило изъ управленія огромную переписку по дѣлу князя Асланбека Айдемарова за № 2237— и все это унесло невѣдомо куда.

И въ первое время послѣ того, какъ писарь, покончивъ съ барашкомъ, возвратился въ управленіе, трудно было бы замѣтить пропажу такой массы дѣлъ; разсыльный принесъ уже новый, биткомъ набитый портфель, и только черезъ два съ половиною мѣсяца, и то вѣроятно случайно, удалось напасть на слѣдъ пропажи. И замѣтьте, 12 мая вылетали бумаги прошлогоднія и позапрошлаго года, слѣдовательно дѣла, которыя своевременно не было возможности «обсудить»; еще замѣтьте, не успѣла разлетѣться такая масса не оконченныхъ и не рѣшенныхъ дѣлъ, какъ налетѣла уже новая. И кромѣ того неужели только разъ, именно 12 мая, только и дуло такъ сильно изъ ущелья въ окно управленія? И неужели только 12 мая не доглядѣлъ писарь, потому что ѣлъ шашлыкъ у князя? Вѣдь онъ часто ѣстъ шашлыкъ и изъ ущелья часто дуетъ? Нѣтъ! Навѣрно и прежде десятки лѣтъ выдувало точно такимъ же образомъ *массу дѣлъ* и уносило куда-нибудь черезъ урусбіевскій перевалъ въ Сванетію, а иначе давно бы уже шла рѣчь объ увеличеніи хасафъ-юртовскаго персонала, такъ какъ передѣлать всѣхъ этихъ дѣлъ, какъ должно, навѣрное, безъ помощи ущелья писарь не былъ бы въ состояніи, потому что это *фактически невозможно*, скажемъ мы словами *Рус. Вѣд.* (№210), объясняющими «штемпелеваніе» судьбы людей въ высшихъ инстанціяхъ.

Такимъ образомъ обиліе всевозможнаго рода «дѣлъ» не подлежитъ никакому сомнѣнію: дѣла эти кишатъ вокругъ всѣхъ насъ; кишатъ кишмя, заполняютъ всевозможныя инстанціи отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ и повсюду требуютъ увеличенія персоналовъ, увеличенія денежныхъ

смѣтъ, даже расширенія построекъ! — по крайней мѣрѣ о расширеніи тюремныхъ зданій знатоки дѣла поговариваютъ довольно часто; кромѣ всего этого къ существующимъ уже инстанціямъ, оказывающимся буквально заваленными дѣлами, поминутно прибавляются новыя учрежденія и инстанціи, новые расходы и смѣты расходовъ, и къ новому дѣлу привлекаются новыя массы дѣятелей. И если бы мы позволили себѣ предположить, что хоть одна сотая часть этихъ безчисленныхъ «дѣлъ» правильно и просто соотвѣтствуетъ назначенію тѣхъ инстанцій, въ которыхъ эти дѣла дѣлаются, т. е. еслибы мы предположили, что десятая часть этихъ дѣлъ дѣлается для того, чтобы мнѣ, отдѣльному лицу и обществу, въ которомъ я живу, было бы лучше, легче и разумнѣе жить на свѣтѣ, такъ давно бы ужъ у насъ на Руси были кисельные берега, медовыя рѣки, и жили бы мы всѣ въ прекрасномъ саду, гдѣ растутъ золотыя яблоки и поютъ райскія птички. Но стоитъ намъ отъ общаго представленія безконечныхъ хлопотъ о личномъ и общемъ благѣ, удручающихъ старыя и вновь возникающія инстанціи, перейти къ дѣйствительной жизни какого-нибудь жилого человѣческаго мѣста, положимъ хоть современнаго губернскаго города или современной русской деревни, чтобы тотчасъ же убѣдиться въ существованіи двухъ чрезвычайно тяжкихъ явленій: во-первыхъ, въ полной безжизненности житейскихъ отношеній и, во-вторыхъ, въ нравственной тоскѣ, въ томительной скукѣ жизни того большого круга интеллигентныхъ людей, которые наполняютъ мѣстныя инстанціи и повидимому хлопочутъ ни для чего иного, кромѣ благообразія и упорядоченія жизни. Дѣятели томятся, тоскуютъ, скучаютъ, стремятся какъ-никакъ размаять свободные отъ занятій часы, а общественная жизнь, не смотря на обиліе хлопотъ и дѣловой суеты, которыми завалены эти скучающіе дѣятели, идетъ такъ, что какъ будто еще и въ поминѣ не было какихъ бы то ни было инстанцій, обязанныхъ заботиться объ ея благообразіи.

II.

Имѣя намѣреніе въ настоящемъ письмѣ коснуться именно этого непривлекательнаго, томительнаго и вообще неблагообразнаго по результатамъ соединенія хлопотливой дѣловой возни съ тоскливымъ существованіемъ интеллигенціи и полною заброшенностью дѣйствительныхъ, живыхъ общественныхъ нуждъ,—соединенія, которое характеризуетъ переживаемую нами теперь минуту,—не могу не сдѣлать небольшого отступленія и не разсказать одного моего очень простого разговора съ однимъ крестьяниномъ объ очень простомъ, но дѣйствительно человѣчески-необходимомъ и человѣчески-справедливомъ общественномъ дѣлѣ. Быть можетъ, разговоръ объ этомъ маленькомъ дѣлѣ дастъ мнѣ возможность лучше разобраться въ той большой суетѣ, о которой идетъ рѣчь. Крестьянинъ, съ которымъ у меня случайно вышелъ простой разговоръ о простомъ и не громкомъ дѣлѣ, былъ старикъ-каменщикъ; на своемъ вѣку онъ исходилъ никакъ не менѣе полъ-Россіи; немало поработали его руки при постройкѣ церквей, домовъ, казармъ. Разсказывая объ этихъ работахъ и о трудахъ, въ которыхъ онъ провелъ жизнь, старикъ не разсказалъ мнѣ ничего особенно любопытнаго: разсчеты, харчи, хозяева... Но оказалось, что въ этой трудовой и однообразной жизни было одно такое воспоминаніе, которое оставило въ немъ самое пріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ сложное впечатлѣніе. Воспоминаніе это относилось къ постройкѣ въ одномъ изъ уголковъ южной Россіи новой нѣмецкой колоніи, Пока онъ разсказывалъ мнѣ исторію своей долгой рабочей жизни и заработка, никакихъ, повторяю, иныхъ воспоминаній, кромѣ воспоминаній только о заработкѣ, не возникало въ воображеніи старика; но едва только рѣчь зашла о постройкѣ этой нѣмецкой колоніи, какъ тотчасъ же что-то пріятное, свѣтлое проскользнуло въ памяти разсказчика, зазвучало въ его голосѣ, засвѣтилось въ его лицѣ. Постройка «колоніи» была для него не только заработокъ, не только работа рукъ, но какъ будто бы такое хорошее дѣло, вспоминая о которомъ радуешься, что могъ приложить къ нему свои руки, что могъ въ немъ участвовать.

— Ужъ такъ-то хорошо, такъ-то искусно надумано! Даже и словъ не подберешь, какъ ужъ и похвалить-то! Вотъ какое благовидное дѣло сдѣлалось!

По разсказамъ старика, старая нѣмецкая колонія, почувствовавъ излишекъ населенія и видя, что въ ея средѣ выросло уже новое здоровое поколѣніе мужчинъ и женщинъ, имѣющихъ всѣ права жить вполнѣ самостоятельно и независимо, чтобы удовлетворить этой совершенно законной, совершенно простой, человѣчески понятной и уважительной потребности молодого поколѣнія, купила огромный лоскутъ земли, выстроила на немъ сразу цѣлую улицу каменныхъ домовъ со всѣми необходимыми въ хозяйствѣ приспособленіями и службами, сразу «съиграла» тридцать свадебъ и сразу же «отсадила», какъ рой, въ новый со всѣми возможными удобствами устроенный новый улей. И все это сдѣлалось, благодаря самому простому и вполнѣ человѣчески-понятному обычаю колонистовъ, вслѣдствіе котораго въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ много сыновей, только старшій сынъ считается наслѣдникомъ отцовскаго имущества, а всѣ послѣдующіе, хотя и живутъ до возраста въ отцовскомъ домѣ, но считаются уже работниками, то-есть за свои труды въ отцовскомъ домѣ,—труды, несомнѣнно увеличивающіе отцовскій достатокъ,—получаютъ обыкновенную заработную плату. Эта заработная плата не выдается однако на руки дѣтямъ, такъ что они живутъ въ отцовскомъ домѣ, вовсе не чувствуя себя нанятыми батраками, а вся сполна вносится въ общественную кассу, и вотъ изъ суммъ-то этой кассы и получаются тѣ могучія общественныя средства, которыя даютъ возможность ежегодно устраивать, *сажать* на собственное хозяйство подростающія молодыя пары, сначала помощью покупки въ той же самой колоніи

свободныхъ и никого не стѣсняющихъ участковъ, а современемъ, когда не оказывается возможнымъ обойтись наличными средствами, большія общественныя суммы, добровольно и сознательно вложенныя въ общую кассу каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ, даютъ возможность, безъ всякаго ущерба или обремененія существующихъ хозяйствъ, отсадить на новыя мѣста и въ новыя жилища сразу цѣлый новый молодой выводокъ. Этотъ выводокъ, при помощи тѣхъ подростковъ, которыхъ не поглощаютъ семьи старой колоніи и которые въ новой примыкаютъ къ новообразовавшимся хозяйствамъ, какъ работники, т. е. люди, имѣющіе быть впослѣдствіи также хозяевами, начинаютъ жить трудами рукъ своихъ, еще болѣе увеличивая общественныя средства разрастающейся колоніи и давая ей возможность на эти средства улучшить свой внѣшній видъ, строить церковь, школу, мостовую, водопроводы, даже гулянье, вокзалъ для танцевъ.

— И такъ-то я, говорилъ старикъ,—въ ту пору на нихъ любовался да радовался: кажется, въ жисть свою такого мнѣ не было удовольствія! Ужъ такъ-то хорошо, да весело, да благородно! Ну, скажите на милость, ну что, ежели бы не отсаживать выводковъ-то, а держать ихъ, вотъ какъ въ нашихъ горькихъ мѣстахъ, въ тѣснотѣ, вѣдь что бы это было? Вѣдь мы видимъ, какъ въ нашихъ мѣстахъ-то изъ-за этой тѣсноты то слезы льются... Буду я говорить такъ, что, положимъ, вотъ хоть у меня три сына, и всѣ три сына женатые. Работаютъ они въ домѣ всѣ и достояніе въ домѣ всеобщее, а вѣдь работа работѣ не ровная и каждый свою работу знаетъ. Каковъ есть кусокъ сахару, а я вижу, сколько въ немъ моего поту есть и сколько братнинаго; я ужъ знаю, кто мой уголъ у куска-то у сахарнаго откусилъ—молчу, а самъ себѣ думаю: «ишь молъ кто моими то трудами лакомится!» Да окромѣ этого я человѣкъ женатый, у бабы у моей свой характеръ, вѣдь мы хотимъ жить своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ, по своему характеру; моей бабѣ милы ея ребята, а братниной женѣ, предположимъ, они не милы; у самой-то у ней нѣтъ дѣтей, а на моихъ она работать не хочетъ. Ну, какъ же тутъ, въ тѣснотѣ-то, соблюсти себя въ тишинѣ да въ любви? Только и есть, что молчать всѣ другъ про друга, да другъ при другѣ, да боятся стариковъ, пока живы да строги Только однимъ страхомъ и прищемлены кучей жить... Тутъ на каждомъ шагу изъ-за однѣхъ бабъ чего натерпишься. Каждая баба вѣдь она еще больше нашего хочетъ жить сама по себѣ; она все на свою мѣрку мѣряетъ, ей все надо, чтобъ по ейному вкусу было, по Авдотьиному, а не по Марьиному или по Матрениному... А гдѣ же тутъ въ котлѣ-то со своимъ вкусомъ умѣститься такъ, чтобы чужой не мѣшалъ? Вѣдь и Марья, и Матрена тоже только въ свой вкусъ вѣруютъ, ну, и идетъ шипучее зло... Пока, что, боятся родителевъ, копятъ злобу потихоньку, терпятъ, а придетъ не втерпежъ, начнутъ дѣлиться —и растащатъ большой домъ по мелкимъ кускамъ. Разбредутся по хибаркамъ прямо на хлѣбъ да на квасъ. Поди-ка избу-то заведи, поди-ка со скотиной-то справься! А тутъ, глядишь, ребенокъ родился, а тамъ, глядишь, корова пала, помочи нѣтъ ни откуда! Вотъ и бьется человѣкъ день и ночь изъ пустова... «Семъ-ко, думаетъ, пойду на фабрику, поправлюсь; принесу денегъ, все исправлю!» Пойдетъ на фабрику-то, а тамъ, глядишь, и пить выучился, а то такъ и совсѣмъ распьянствовался со скуки по дому-то... А со скуки по бабѣ по своей, глядишь, и связался съ какой-нибудь мадамой на чужой сторонѣ, да заболѣлъ, да домой-то воротился и пьяный, и больной, и жену-то въ болѣзнь вогналъ, а наконецъ того, съ горя, да съ нужды, да съ неудачи, и вовсе пропащимъ человѣкомъ сдѣлался... Въ деревнѣ ослабѣть недолго! Иной, ослабѣвши, пьетъ, а иной жену бьетъ, а иной и темными дѣлами начнетъ заниматься: глядишь, и поймали у сосѣдскаго амбара и въ острогъ повели, а по улицѣ по деревенской ребятишки его съ мамкой со своей въ отрепкахъ пошли милостыню просить! Такъ вотъ какъ по нашимъ-то горькимъ мѣстамъ бываетъ! Да какъ поглядѣлъ я въ ту пору на этихъ тридцать-то свадебъ, какъ онѣ съ музыкой, да съ пѣснями, да съ весельемъ въ новое-то мѣсто шли, да какъ вспомнилъ наше мужицкое житье-бытье, такъ, вѣришь ли, такъ меня слеза и прошибла... предъ Богомъ! И вѣдь какъ тихо-то да благородно, такъ просто на рѣдкость! Идутъ люди въ свои дома, все это они сами выработали, покуда росли, никому ни въ чемъ не запутавши, въ ноги никому не кланяются, чтобъ повѣрили рубль серебромъ примѣрно для начатія хозяйства, все у нихъ свое, трудовое и во всемъ своя воля! Такъ-то, братецъ ты мой, складно это у нихъ, такъ-то благородно, чинно да весело, что вотъ ужъ сколько годовъ прошло съ постройки-то, а какъ вспомню, такъ и сейчасъ побёгъ бы полюбоваться на нихъ! Право слово, побёгъ бы!

Я очень хорошо знаю, что идиллія, нарисованная разсказомъ каменщика, натерпѣвшагося отъ старыхъ и новыхъ непорядковъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Но въ то же время я несомнѣнно знаю, что, даже и не раздѣляя восторженныхъ похвалъ, расточаемыхъ каменщикомъ «порядкамъ», царящимъ въ колоніяхъ, порядки эти, каковы бы они ни были, все таки лучше и человѣчнѣе того, что мы въ «нашихъ мѣстахъ привыкли называть также «порядками». Изъ всего, что мнѣ лично приходилось видѣть, читать или слышать отъ очевидцевъ, близко знающихъ тѣ человѣческія общежитія, которыя называютъ колоніями, я, да и всякій другой, не могъ не вывести заключенія, что эти общежительскія мѣста живутъ хорошо, достаточно, умно и тихо. Тишина, которою окружены эти трудовыя общежитія, замѣчательна въ настоящее время мнѣ приходится просматривать чрезвычайно много разныхъ провинціальныхъ газетъ, а извѣстно, что провинціальная пресса особенно широко разрослась на югѣ Россіи, какъ разъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ процвѣтаютъ нѣмецкія колоніи, т. е. въ Новороссіи, Крыму, Кавказѣ, и нигдѣ, ни въ одной газетѣ, почти никогда ни единымъ словомъ не упо-

минается о житьѣ-бытьѣ колонистовъ. Изрѣдка только мелькнетъ извѣстіе, что молъ нашимъ южно-русскимъ мужикамъ становится трудно жить отъ этихъ колоній, съ каждымъ годомъ все дальше и дальше раздвигающихъ свои предѣлы помощью покупки сотенъ тысячъ десятинъ земли, но почти никогда нѣтъ ничего похожаго на извѣстія, идущія изъ нашихъ селъ и деревень.

Разбой, грабежъ, пожаръ, падежъ, эпидемія, надувательства всѣхъ видовъ и образцовъ—извѣстія обо всемъ этомъ валомъ валятъ на страницы нашихъ провинціальныхъ органовъ изъ деревень, селъ, поселковъ и городовъ, и почти никогда не слышится о нихъ изъ тѣхъ общежитій людскихъ, которыя десятками лѣтъ живутъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ той или другой нѣмецкой колоніей; даже для нихъ жизнь, нравы и порядки сосѣдей-колонистовъ извѣстны только въ весьма слабой степени, точно будто по сосѣдству и нѣтъ никакого жилого мѣста, да и всѣ тѣ, вполнѣ достойныя уваженія лица, отъ которыхъ я слышалъ много разсказовъ про жизнь и порядки въ колоніяхъ, и тѣ бо́льшею частью всегда *случайно* знакомились съ ними. О колоніи напримѣръ Темпельгофъ близъ Пятигорска, удивляющей всѣхъ случайно заглядывавшихъ туда необыкновеннымъ благоустройствомъ и достаткомъ,—колоніи, имѣющей роскошный внѣшній видъ, съ мостовыми, съ освѣщеніемъ, имѣющей свою прогимназію, свои общественныя учрежденія вродѣ паровыхъ общественныхъ мельницъ,—объ этой колоніи стало извѣстно только въ самое недавнее время, благодаря случайному описанію ея, помѣщенному въ *Терскихъ Вѣдомостяхъ*, — описанію, исполненному безконечныхъ похвалъ и удивленія предъ людьми, которые съумѣли такъ уютно, хорошо, тепло, свѣтло и благообразно устроиться и жить тутъ же подъ бокомъ у насъ, подъ бокомъ у людей, которые только и дѣлаютъ, что вопіютъ объ увеличеніи «персоналовъ» да объ учрежденіи новыхъ инстанцій. Ни мировой судья, ни окружный судъ, ни слѣдователь, ни, словомъ, вся огромная провинціальная интеллигенція, заваленная выше головы «дѣлами», почти не знаютъ даже о существованіи этихъ колоній, которыя живутъ и процвѣтаютъ у нихъ же подъ бокомъ и даже подъ носомъ, а это значитъ только то, что колоніи не нуждаются въ содѣйствіи всѣхъ этихъ инстанцій и людей, пекущихся объ общественномъ благополучіи, и находятъ возможнымъ удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ единственно при помощи собственныхъ средствъ.

Очень хорошо всѣмъ извѣстно, что нѣмцы-колонисты являются въ Россію съ большими средствами, дающими имъ возможность сразу устроиться хорошо и уютно, тогда какъ нашъ крестьянинъ, отдѣлившійся отъ родителя, начинаетъ жить только съ «голыми руками». Но я говорю о благосостояніи колоній вовсе не для того, чтобы корить имъ нашего горемыку-мужика, а единственно для того, чтобы обратить вниманіе на тотъ пріемъ, способъ, манеру, если угодно, помощью которыхъ люди находятъ возможнымъ жить на бѣломъ свѣтѣ справедливо и благообразно. Я говорю о колоніяхъ и «порядкахъ», господствующихъ въ ихъ жизни, для того, чтобы *припомнить*, въ чемъ же собственно заключается суть «общественнаго блага» и «общественнаго дѣла», такъ какъ за обиліемъ кишащей вокругъ насъ дѣловой суеты положительно можно утратить всякое ясное, живое представленіе о живомъ, человѣчески-понятномъ дѣлѣ. Благодаря знакомству съ жизнью такой маленькой по-человѣчески живущей группы людей, я могу видѣть, что суть всего благообразія житья-бытья этой маленькой людской группы есть *самое простое, самое дѣйствительное и самое реальное удовлетвореніе человѣка въ необходимыхъ для его существованія надобностяхъ*—вотъ тотъ до чрезвычайности простой и до чрезвычайности благодѣтельный пріемъ, которымъ руководствуются колонисты во взглядѣ на свои общественныя обязанности. Люди, живущіе трудами рукъ своихъ, знаютъ, что и дѣти ихъ будутъ жить точно такъ-же, какъ и они; но для того, чтобы жить такимъ образомъ, нужно, чтобы у человѣка было все необходимое: земля, домъ, скотъ, орудія; нужно стало быть купить и домъ, и скотъ, и землю, и орудія, и вслѣдствіе такого простого взгляда на человѣческую нужду и общественое дѣло становятся простымъ, важнымъ и вполнѣ человѣческимъ. Помощью общественной кассы, никого не обременяющей, наполняемой деньгами добровольно, изъ чувства личной потребности быть справедливымъ и покойнымъ за будущее поколѣніе, образуются тѣ средства, которыми и удовлетворяются вполнѣ простыя и вполнѣ необходимыя нужды человѣка, живущаго трудами своихъ рукъ. И вотъ такое-то *простое дѣло* сразу уничтожаетъ возможность безчисленнаго количества всевозможныхъ общественныхъ язвъ: уничтожаетъ нищенство, уничтожаетъ бродяжничество, воровство, семейный разладъ изъ-за нищеты—словомъ, сразу дѣлаетъ совершенно ненужною ту обременительную, тяжкую, безплодную суету-суетъ, которая заваливаетъ всевозможныя инстанціи всевозможными дѣлами. Нашъ народъ, начинающій жить и живущій «съ голыми руками», находящійся въ зависимости отъ случайностей своего труда, — нашъ народъ очевидно нуждается гораздо болѣе, чѣмъ тѣ люди, о которыхъ мы только-что говорили, въ томъ, чтобы люди «общественнаго дѣла» относились къ его положенію *какъ можно проще*. Онъ также живетъ трудами рукъ своихъ, но этотъ трудъ находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ, подверженъ тысячамъ случайностей, которыя могутъ лишить возможности человѣка трудиться и слѣдовательно поставить его въ совершенно безпомощное положеніе. Слѣдовательно, желая «пещись» о немъ, необходимо только одно простое и важное дѣло—*обезпечить для него возможность и спокойствіе труда*, и больше ничего не нужно! Но вотъ именно этого-то простого вниманія къ насущнѣйшей нуждѣ человѣка, живущаго только собственными

своими руками, мы и не видимъ во всей той безконечной дѣловой суетѣ, которая кишитъ вокругъ насъ.

III.

Заглянемъ на минуту въ кое-какія изъ этихъ многочисленныхъ инстанцій, обремененныхъ утомительнымъ трудомъ «штемпелеванія» обвинительныхъ актовъ и запечатыванія безчисленныхъ пакетовъ, и посмотримъ, что тамъ дѣлается.

Вотъ предъ нами какое-то глажевское волостное правленіе, Новоладожскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Дѣлъ оно дѣлаетъ много, но мы возьмемъ только одну частицу этихъ дѣлъ, именно дѣла волостного суда, да изъ этихъ-то дѣлъ также коснемся только одной изъ множества заботъ, удручающихъ господъ волостныхъ судей—именно заботу о взысканіи податей. Вотъ въ какомъ видѣ осуществляется ими эта забота: «по рѣшенію глажевскаго волостного суда приговорены къ тѣлесному наказанію, по 20 ударовъ, за неплатежъ податей крестьяне слѣдующихъ обществъ: изъ 45 надѣльныхъ домохозяевъ Подцоньевскаго общества приговорено къ розгамъ 25 человѣкъ; Оломенскаго изъ 45—32 человѣка; Лаховскаго изъ 35—26 чел.; Гатицкаго изъ 41—32 чел.; Меминскаго изъ 51—35 чел.; Глажевскаго изъ 105—38 чел.; Черенцовскаго изъ 83—19 чел.; Теребочевскаго изъ 44—7 чел.; Наволокскаго изъ 35—11 чел.; Наростынскаго изъ 33—8. И всѣ эти приговоры постановлены только въ промежутокъ времени съ 16 мая по 23 іюня настоящаго года.

Такимъ образомъ втеченіе мѣсяца изъ 517 домохозяевъ, населяющихъ волость, высѣчено 224 человѣка *), т. е. безъ малаго наказана половина волости. За что же? А за то, что не платятъ податей. Отчего же они не платятъ? Да вотъ отчего. «Въ большинствѣ случаевъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Солецкой и Глажевской волостей на одну ревизскую душу приходится отъ ³/₄ до 1 десятины пашни, и только у нѣкоторыхъ государственныхъ крестьянъ Глажевской волости, имѣющихъ надѣлъ болѣе 10 десятинъ, количество пахотной земли достигаетъ до 1¹/₂ десятинъ на душу. Почва песчаная, глинистая; овесъ никогда не даетъ хорошихъ урожаевъ: обыкновенный урожай овса самъ 2—3. Но и этотъ скудный урожай не составляетъ полной собственности землепашца, такъ какъ большинство крестьянъ беретъ овесъ на посѣвъ у кулаковъ или у мѣстныхъ помѣщиковъ, причемъ платитъ такой процентъ: либо овсомъ же за куль полтора куля, либо деньгами—1 р. 50 к. или 2 руб. за куль, причемъ эти деньги вносятся при полученіи овса, а самый овесъ возвращается осенью. При урожаѣ самъ два-три крестьянину очень часто, по уплатѣ роста, остается одна только овсяная солома. Но часто и за такіе проценты не всѣ нуждающіеся могутъ достать сѣмена на посѣвъ. Въ нынѣшнемъ году многіе крестьяне должны были оставить незасѣянными свои яровыя поля. Нѣкоторые крестьяне, въ ожиданіи ссуды на посѣвъ отъ новоладожской земской управы, запахали было свои поля, но ссуда не была разрѣшена, и они *вынуждены были отдать задаромъ свои нивы односельчанамъ-богачамъ*, имѣющимъ сѣмена, лишь бы только земля не пустовала. Кромѣ всего этого, 84—85 годъ былъ особенно неблагопріятенъ для крестьянъ названной мѣстности. Сибирская язва свила себѣ здѣсь постоянное гнѣздо, унося сотни и тысячи рогатаго скота и лошадей; въ 84 г. она даже и людей не щадила. За этимъ бѣдствіемъ послѣдовалъ неурожай на хлѣбъ, тогда какъ и въ благопріятные годы только у нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ крестьянъ хлѣба хватаетъ на полгода» (*Недѣля*, № 28).

Въ цифрахъ, которыя приведены выше, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; онѣ собраны статистиками петербургскаго земства; это не выдумка, а сущая, совершенная правда. Посмотрите на нихъ и подумайте, что это такое? Въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, когда каждый деревенскій ребенокъ можетъ опредѣлить, будетъ ли онъ сытъ, или голоденъ зимою, т. е. въ то самое время, *когда* собственными глазами *можно видѣть*, сколько засѣяно въ поляхъ и хватитъ ли этого засѣва на насущныя потребности населенія,—въ это-то самое время, во имя какого-то нравственнаго поврежденія въ глубинѣ сознанія и совѣсти людей, знающихъ дѣйствительное свое положеніе, совершается дѣло поистинѣ тупоумное, ни для кого и ни для чего ненужное. Что же это такое? Можно было бы впасть въ большую ошибку, если предположить, что побудителемъ къ сѣченію была человѣческая жестокость. Нѣтъ! наказываютъ просто потому, что мысль о возможности *въ самомъ дѣлѣ* удовлетворить насущныя нужды поселянъ, удовлетворить просто, справедливо, по-человѣчески—эта мысль никогда ничѣмъ не поддерживалась въ народномъ сознаніи. Наказываютъ *зря*, зная, что никто не виноватъ, но надо же что-нибудь дѣлать въ такія критическія минуты, когда нечѣмъ платить податей, т. е. нельзя выполнить первѣйшей обязанности обывателя. Фальшивое, тяжкое дѣло дѣлается въ тѣхъ именно затруднительныхъ человѣческихъ положеніяхъ, которыя требуютъ самаго простого и внимательнаго удовлетворенія.

Убавьте цифру наказанныхъ въ *одной только волости* въ десять разъ и вмѣсто 224-хъ примите за норму только 22 человѣка на волость, помножьте эту цифру примѣрно на 10, чтобы получить примѣрное число наказанныхъ въ уѣздѣ, умножьте имѣющую получиться цифру опять на десять, чтобы имѣть понятіе о количествѣ наказанныхъ въ губерніи, наконецъ и эту цифру увеличьте въ размѣрахъ количества губерній, и вы получите нѣчто чудовищное. Наказано 224 человѣка потому, что никто не привыкъ *справедливо и просто думать ни о своей нуждѣ, ни о нуждѣ ближняго*. Наказанный человѣкъ освободился отъ тяжкаго бремени; дома его мучила нищета, нужда, голодовка, плачъ голодныхъ ребятъ, жалость объ умиравшемъ мальчонкѣ. Онъ

*) Цифры оффиціальныя (*Недѣля* 85 г.).

сердился дома на кулаковъ, которые его обобрали, ругался даже надъ сходомъ, роптал на порядки, при которыхъ никакъ не справишься, и его наказали, т. е. дали ему право плюнуть на свои человѣческія терзанія, сдѣлали совершенно ненужными его мысли о порядкахъ и непорядкахъ, прекратили въ немъ всякія совѣстливыя душевныя движенія. Кто и что еще можетъ отъ него требовать? Кто и въ чемъ его можетъ обвинять? У него на спинѣ рубцы, онъ *за все* пострадалъ, пострадалъ настоящимъ образомъ; ему теперь нельзя, невозможно не отдохнуть отъ всѣхъ своихъ мукъ и всего своего горя и главное отъ этихъ рубцовъ на спинѣ—и онъ отдыхаетъ въ кабакѣ; жена, ребята теперь пусть погодятъ: онъ вѣдь дѣйствительно пострадалъ и измучился. А чтобы совершить такое тупоумное дѣло, какъ порка 224 человѣкъ, нужно написать и составить 224 протокола, нужно исписать пропасть бумаги, и немудрено, что писарь проситъ прибавки, что писарскія жалованья растутъ съ каждымъ годомъ.

Поднимемся ступенькой выше и заглянемъ въ камеру мирового судьи.

IV.

Возьмемъ для примѣра опять-таки только кусочекъ изъ этой глыбы «дѣлъ», положимъ, хоть дѣла о семейныхъ крестьянскихъ ссорахъ, благо матеріалъ относительно этого рода дѣлъ находится у насъ подъ рукою. Мы имѣемъ въ рукахъ, во-первыхъ, письмо бывшаго мирового судьи, напечатанное недавно въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, и статью изъ *Юридическаго Вѣстника* г. Лудмера о бабьихъ стонахъ. Обѣ эти статьи разсказываютъ объ одномъ и томъ же уголкѣ Московской губерніи, и для обѣихъ статей не только хватило матеріала, но мы имѣемъ основаніе думать, что матеріалъ этотъ далеко не исчерпанъ, такъ какъ въ непродолжительномъ времени въ печати должны появиться матеріалы, касающіеся тиранства надъ дѣтьми, и почерпнутые опять-таки изъ того же самаго крошечнаго подмосковнаго мирового участка. Что же тутъ творится въ этомъ случайно разрытомъ муравейникѣ? «*Ежедневно* —говорится въ письмѣ г. мирового судьи—въ мою камеру приходили десятками изувѣченныя, истязуемыя, избитыя бабы. Почти то же самое я видѣлъ и въ уѣздномъ городѣ въ 82—84 годахъ, гдѣ мелкіе мѣщане, ремесленники, пригородные жители безчеловѣчно заколачиваютъ своихъ женъ. Въ памяти моей живы ужасныя избіенія женъ и малыхъ дѣтей, истязанія беременныхъ, которыхъ изверги привязывали за косы и лупили ременнымъ черезсѣдельникомъ по животу, плечамъ и груди. У одной молодой женщины защемили косу между половицами; свекровь держала, а мужъ билъ. Одинъ *потерянный* мужикъ снялъ одежонку съ малыхъ ребятъ и бѣжитъ пропивать ее. Жена нагнала его и стала отнимать одежу. Мужикъ началъ неистово бить ее кулаками и сапогами, и ее еле живую принесли въ мою камеру. Другой *пьяница*, войдя въ избу, сбилъ кулаками люльку съ груднымъ ребенкомъ, а потомъ вышвырнулъ его на морозъ. Одинъ *спившійся съ кругу* здоровенный мужикъ бросился колотить жену; она въ это время держала ребенка, умирающую дѣвочку трехъ лѣтъ, дѣвочка умоляла «не бить маму», а мать, вся всклокоченная, въ крови, должна была утѣшать испуганную и умирающую дѣвочку. Судился у меня еще одинъ мужикъ; тотъ мало того что билъ свою жену, онъ вырвалъ у нея ребенка двухъ лѣтъ, мальчика, и жегъ его тѣло надъ горящей лучиной... Но я бы могъ исписать сотни листовъ, еслибы вздумалъ утруждать читателя дѣлами женской мартирологіи. Это нѣсколько капель въ цѣломъ потокѣ слезъ» *(Русск. Вѣд.)*.

Читая безконечную лѣтопись ужасовъ разстроенной крестьянской семьи, можно наконецъ совершенно потерять способность возмущаться этими ужасами, можно дойти до полнаго одеревянѣнія, граничащаго съ равнодушіемъ и полнымъ невниманіемъ одинаково какъ къ тирану, такъ и къ его истирзанной жертвѣ. Безобразіе, жестокость, безчеловѣчность, звѣрство, *ежедневно* и ежеминутно кишащія кругомъ васъ, до того утомляютъ вашу мысль, что вы наконецъ отказываетесь мучить себя размышленіемъ объ этихъ безконечныхъ и рѣшительно непонятныхъ проявленіяхъ человѣческой жестокости. Но надобно понять ихъ, и тогда безобразнѣйшая картина звѣрства приметъ значеніе, вполнѣ постижимое здравымъ разсудкомъ.

«Крестьянка деревни Зибровки, Елена Иванова, заявила мнѣ *), что мужъ чрезвычайно жестоко обращается съ ней и тремя малолѣтними дѣтьми. Онъ *не велитъ ей беречь послѣднихъ* и вымогаетъ отъ нея деньги на пьянство. Два дня тому назадъ, когда она стряпала, мужъ накинулся на нее съ яростью, *началъ кусить ее зубами и хотѣлъ откусить носъ*, но она успѣла крикнуть: «заступитесь, дѣтки! онъ меня загрызетъ!». Маленькій, девятилѣтній сынъ бросилъ тогда въ отца щепкой, послѣ чего мучитель оставилъ ее и кинулся на мальчика, котораго безжалостно избилъ. Елена обращалась въ тотъ-же день къ старостѣ и къ старшинѣ, но тѣ ничего не сдѣлали. Въ ту же ночь мужикъ схватилъ полѣно и хотѣлъ убить мальчика, и когда жена удержала его, то онъ нанесъ ей тяжкіе побои; раздѣлавшись съ женой, онъ выгналъ сына изъ избы и тотъ переночевалъ на дворѣ. Теперь какъ только отецъ завидитъ своихъ дѣтей, то начинаетъ кидать въ нихъ каменьями. Передъ подачей Еленой жалобы она была выгнана мужемъ ночью изъ дома. Ей негдѣ было ночевать, она пошла къ волостному старшинѣ, но тотъ не обратилъ никакого вниманія на ея положеніе и вмѣсто того, чтобы оказать ей защиту, сказалъ: «Мнѣ какое дѣло, ночуй, гдѣ знаешь!». Такъ какъ лицо Елены было сплошь покрыто рубцами, то я распорядился освидѣтельствовать ее чрезъ врача и акушерку и чрезъ два дня назначилъ разбирательство дѣла, къ ка-

---

*) Факты заимствованы изъ статьи г. Лудмера. *Юрид. Вѣстн.*, № 5.

ковому времени я имѣлъ въ виду получить уже заключеніе медика.

«Мужъ Елены поразилъ меня *одичалымъ* выраженіемъ своего лица. *Несмотря на настоятельные*, обращенные къ нему *вопросы, за что онъ такъ звѣрски поступаетъ съ семьей*, онъ только тупо обводилъ глазами камеру и бормоталъ:

«— Эфто дѣйствительно!..»

«Оказалось между прочимъ (?), что *ни лошади, ни коровы у него нѣтъ, что изба не нынче-завтра развалится, хлѣба своего хватаетъ лишь до января, недоимокъ много* (за каковыя два раза былъ сѣченъ), *но сколько именно, сказать не можетъ. Разорила его порубка*, которую онъ произвелъ въ лѣсахъ помѣщицы (а не произвести онъ ее не могъ, такъ какъ лѣсъ имъ не отведенъ, а купить не на что). *Его поймали и оштрафовали; тогда продали лошадь, а корову онъ послѣ этого пропилъ.* Сильно пьянствуетъ онъ уже два года.»

«Дѣло крестьянки Мироновой. Мужъ Мироновой, точно такъ же, какъ и мужъ Елены, постоянно ее бьетъ, грозитъ убить ее до смерти, пьянствуетъ и не работаетъ. На разбирательствѣ обнаружилось, что Мироновъ бьетъ свою жену «сапогами и желѣзнымъ гвоздемъ», которымъ *обдираетъ ей лицо*, что, напиваясь, онъ *грызетъ ее зубами и изгрызъ ей большой палецъ*, потомъ кричитъ:

— Я тебя непремѣнно убью, живой не оставлю!»

Миронова на видъ женщина больная и слабая. Обвиняемый *объяснялъ свои звѣрства пьянствомъ*, а почему пьянствуетъ — не въ состояніи былъ растолковать.

— Въ нашей деревнѣ всѣ пьютъ!»

Это его ultima ratio.

«Эта «наша деревня» *между прочимъ* (?) замѣчательна тѣмъ, что ей *въ надѣлъ отведено буквально болото*, которое могло бы представлять интересъ для ружейнаго охотника, но никакъ не для пахаря» *(Юр. В., № 5).*

Изъ этихъ двухъ примѣровъ, къ сожалѣнію слишкомъ кратко, поверхностно, «между прочимъ» объясняющихъ самыя коренныя причины разстройства крестьянскихъ семействъ, читатель весьма просто объяснитъ себѣ съ перваго взгляда непостижимыя, безчеловѣчныя, даже безумныя проявленія въ человѣкѣ звѣрскихъ инстинктовъ.

Онъ, женатый, семейный, съ дѣтьми, не имѣетъ ни земли, ни дровъ, ни скота; всѣ *эти насущныя нужды* разрѣшаются драньемъ въ волостномъ правленіи за недоимки, продажею скотины, т. е. униженіемъ нравственнымъ и еще большимъ упадкомъ матеріальнымъ. Къ чему тутъ приложить руки? Чѣмъ кормить семью, вообще что дѣлать съ собой? Вѣдь любовь къ семьѣ можно проявлять какимъ-нибудь реальнымъ дѣломъ, въ трудѣ для нея, въ заботахъ о ея теплѣ, сытости, но тутъ нѣтъ возможности проявить себя ни въ чемъ подобномъ. Что же удивительнаго, что человѣкъ начинаетъ просто-таки не понимать самого себя, не понимать своей семьи, считать жену и дѣтей злодѣями, извергами, которыхъ мало сжечь на огнѣ, заморозить на морозѣ, изодрать желѣзнымъ гвоздемъ, потому что они хотятъ жить, варить что-то въ печи, разговаривать, плакать, радоваться... Все это упрекаетъ его въ своемъ несчастіи, въ нищетѣ, въ голодѣ, въ холодѣ, тянетъ изъ него душу каждую минуту, тогда какъ онъ *ничего не можетъ*. Мужъ Елены ничего *не могъ отвѣтить* судьѣ на вопросъ о томъ, *зачѣмъ онъ тиранитъ семью*, кромѣ безсмысленнаго бормотанія: «эфто дѣйствительно». Мужъ Мироновой *не могъ объяснить*, зачѣмъ бьетъ, зачѣмъ пьянствуетъ; а бьютъ и пьянствуютъ, какъ мы видимъ, звѣрски, ужасно, а корень всему этому опять-таки очень простой и ясный—невозможность трудиться, *фактическая невозможность* жить трудами рукъ своихъ.

«Крестьянинъ Дмитрій Никитинъ впродолженіе 9 лѣтъ *безмилосердно* тиранитъ жену свою Арину. Свекровь не только не бережетъ ее, но еще наговариваетъ сыну на нее и подстрекаетъ его «учить жену». Кромѣ мужа, и братъ его, солдатъ, также не упускаетъ случая упражняться на спинѣ Арины. Въ результатѣ Арина, больная, анемичная, необычайно худая женщина, взываетъ къ закону о защитѣ. Обвиняемые упорно отрицаютъ факты насилія, но свидѣтели подтверждаютъ ихъ и сообщаютъ такія подробности: Дмитрій, будучи подъ хмелькомъ, бросилъ своего четырехлѣтняго сына объ стѣну и «пришибъ» его такъ, что мальчикъ теперь «ничего не разумѣетъ». Когда одинъ изъ свидѣтелей спросилъ солдата (брата мужа), за что онъ бьетъ братнину жену, тотъ отвѣчалъ: «Мнѣ все равно добивать ее, одинъ конецъ, вѣдь, еще разъ придется идти въ Сербію!» Свекровь же говоритъ: «Убью тебя, околѣешь, будетъ другая сноха». *Какъ я ни добивался*—говоритъ г. Лудмеръ—*выяснить причины этой ненависти къ безотвѣтной женщинѣ, мнѣ этого не удавалось*, по крайней мѣрѣ ближайшихъ причинъ мнѣ не могли указать ни свидѣтели, ни жалобщица. Нѣсколько правдоподобнымъ представляется объясненіе сельскаго старосты: Арина взята изъ дальней деревни, причемъ *отецъ ея увѣрялъ* семью Никитиныхъ, *что дочь его чуть ли не первая въ околоткѣ работница.* Между тѣмъ Арина, по словамъ старосты, къ сельской работѣ *мало способна*, хвора, вдумчива; свое разочарованіе Никитины теперь и вымѣщаютъ на Аринѣ, не оправдавшей хозяйственныхъ надеждъ семьи».

Несчастную Арину заколачиваютъ въ гробъ, заколачиваютъ всей семьей, причемъ братъ мужа помогаетъ въ этомъ дѣлѣ, т. е. я говорю въ буквальномъ смыслѣ *помогаетъ* улучшить положеніе семьи смертью *слабой* бабы; тогда можно взять сильную. Отчего же ему не подсобить? Онъ идетъ въ Сербію, тамъ его убьютъ ни за что, ни про что. Лучше же онъ «по крайности» для брата сдѣлаетъ добро, и онъ дуетъ, чѣмъ ни попадя, *неработящую Арину*... Вы видите, что ихъ, Никитиныхъ, обманули, что отецъ выдалъ имъ ее за настоящую работницу, т. е. насулилъ имъ въ Аринѣ лошадиную силу, а она вонъ какая оказалась. Было трудно, думали

«поправиться» при помощи лошадиной силы новой бабы, а она вонъ какая... А несчастный отецъ несчастной Арины? Онъ-то вралъ изъ-за чего? Изъ-за чего онъ лгалъ передъ Никитинымъ, говоря о своей дочери: «Какая дѣвка! дѣвка, я тебѣ говорю одно: кобыла, вотъ что! Ты не гляди на нее, что она съ виду-то хлипка — я тебѣ говорю: огневая дѣвка! Толстомясыхъ-то много дѣвокъ, пожалуй, бери, какую хошь—мнѣ что! у меня она не засидится долго, а что прямо говорю: лошадь по работѣ, во сто лѣтъ ты изъ нея силы-то этой не вымотаешь!» Зачѣмъ онъ вралъ примѣрно такимъ образомъ? А затѣмъ, что Аринка у него лишній ротъ, ему и такъ трудно, а она вишь слабая... Сбыть ее съ рукъ—все будто полегче будетъ. А то, какъ на грѣхъ, захвораетъ, такъ тутъ пожалуй и расходоваться придется, а изъ чего? И такъ не изъ чего взять-то! Запутаешься пуще прежняго; а запутался, ослабъ...

И вотъ чтобы *не ослабѣть*, Арининъ отецъ «всучиваетъ» дочь свою Никитинымъ, а Никитины, убѣдившись, что ихъ обманули, стараются также для того, чтобы *не ослабѣть*, вколотить Арину въ гробъ.

Вотъ и Александру Антонову мужъ ея тоже норовитъ въ гробъ вогнать; «онъ давно *отбился отъ земли*, ведетъ праздную жизнь и колотитъ ее. Нѣсколько дней тому назадъ онъ догналъ Александру на улицѣ, повалилъ ее на землю и поволокъ за косы, но къ счастью ее тогда спасъ староста, который взялъ съ него росписку, что онъ больше не будетъ бить Александру. Но вотъ вчера она, обливаясь потомъ, работала за станомъ и, видя мужа пьянымъ, не стерпѣла и сказала ему: «зачѣмъ онъ пьетъ, когда у нихъ нѣтъ куска хлѣба?» Такой упрекъ *не понравился* Антонову; заперевъ кругомъ избу, онъ вмѣстѣ съ матерью своею (также падкой до вина) накинулись на Александру и стали ее бить; Антоновъ надѣлъ ей на шею петлю, затянулъ ее и наносилъ удары черезсѣдельникомъ, а потомъ и кулаками по груди, въ чемъ ему помогала и мать. На крики Антоновой сбѣжался народъ, но въ избу никто не вошелъ, а только смотрѣли въ окно. Это истязаніе продолжалось около часу. Она впала въ безпамятство и такъ пролежала *цѣлый день* на полу. Очнулась въ лужѣ крови и съ вывихнутой рукой. По окончаніи боя Антоновъ стянулъ съ нея одежду и пропилъ. Она работала по цѣлымъ днямъ, доставала съ фабрики пряжу и платила за мужа подати. Антонова привели на разбирательство подъ конвоемъ двухъ десятскихъ, такъ какъ онъ успѣлъ уже гдѣ-то украсть тулупъ, за что и взятъ былъ подъ стражу. По словамъ его конвоировъ, обвиняемый *уже много разъ былъ подвергаемъ тѣлесному наказанію* въ волости *за праздность*».

Но извольте быть не празднымъ тамъ, гдѣ вмѣсто земли болото, какъ напримѣръ въ деревнѣ Дурасовкѣ, гдѣ на 23 двора, составляющихъ дурасовское сельское общество, падаетъ всего 7 лошадей и 12 коровъ, земли на душу приходится по полторы десятины и притомъ плохой; лѣсовъ нѣтъ; луга болотистые; разныхъ платежей, какъ водится, много. Изъ 105 душъ дурасовцевъ 30 человѣкъ живутъ въ городѣ нищенствомъ. *Подавали они прошеніе* непремѣнному члену, *чтобы у нихъ отняли землю* (невыгодно держать ее), *но отвѣта ждутъ уже два года*. Даже кабатчикъ ушелъ изъ Дурасовки, ибо дурасовцамъ пить не на что. *Хотѣли было переселиться* въ Кубанскую землю, да *становой сказалъ, чтобы и думать о томъ не смѣли*. «На вопросъ мой—говоритъ г. Лудмеръ — какимъ образомъ дурасовцы могли бы выдти изъ затруднительнаго положенія, староста указалъ на *ревизію*, понимая ее однако въ какомъ-то очень широкомъ смыслѣ, и на «малость землицы».

«Я замѣтилъ,—говоритъ г. Лудмеръ,—что крестьяне, наказанные розгами, большею частью становились деспотами по отношенію къ женамъ и дѣтямъ. Крестьянинъ Константиновъ *за неаккуратность* въ погашеніи недоимокъ былъ высѣченъ въ волостномъ правленіи; придя домой, онъ сталъ колотить жену, та убѣжала въ поле, онъ верхомъ за ней мчится по полю, настигаетъ ее, привязываетъ къ дереву и начинаетъ бить ногами, но ее спасаютъ подоспѣвшіе люди.. Затѣмъ Константиновъ собирается уйти изъ деревни, требуетъ, чтобы за нимъ слѣдовала жена, но она беременна, на сносяхъ, и можетъ родить на дорогѣ; мужъ однако никакихъ резоновъ не принимаетъ. Константинова бросилась ко мнѣ: ради Бога помогите! Вызываю мужа, объясняю ему всю безчеловѣчность его затѣи, но онъ не поддается никакимъ убѣжденіямъ. Чуть не на другой день послѣ разбирательства Константиновъ оставилъ постылую деревню, взявъ жену съ собою».

И такъ вотъ уже двѣ инстанціи, низшая и средняя; не то же ли самое *въ третьей*, высшей *инстанціи*, въ окружномъ судѣ, также со всѣхъ концовъ заваливаемомъ безчисленнымъ количествомъ крестьянскихъ дѣлъ?

«Въ 1858 г. — читаемъ мы въ № 5 *Юрид. Вѣст.* 1885 г. осуждено архангельскими судами по уголовнымъ преступленіямъ и проступкамъ 500 человѣкъ обоего пола, изъ нихъ *за кражи 230 человѣкъ*.

Въ 1863 г. осуждено	669 ч.,	изъ нихъ	*за кражи*	262 ч.
» 1873 »	» 898 »	» »	*за кражи*	371 »
» 1877 »	» 1,056 »	» »	*за кражи*	485 »
» 1880 »	» 1,587 »	» »	*за кражи*	548 »

Изъ этой маленькой таблички видно во-первыхъ, что количество *преступленій* (!) возрастаетъ съ каждымъ годомъ, а во-вторыхъ, что бо̀льшую часть этихъ преступленій составляютъ кражи, покушеніе завладѣть чужимъ имуществомъ. Откуда берутся эти люди, эти воры, армія которыхъ растетъ съ каждымъ годомъ? Авторъ замѣтки, изъ которой мы взяли вышеприведенныя цифры, указываетъ и на весьма *замѣтную связь* количества преступленій въ сѣверномъ краѣ *съ экономически-бытовой неурядицей* этого края. Авторъ на основаніи офиціальныхъ источниковъ (записка губернатора) *удостовѣряетъ о сильномъ обнищаніи населенія*.

Стоило бы мнѣ перепечатать въ этомъ очеркѣ свѣдѣнія о «дѣлахъ», назначенныхъ къ слушанію въ десяти, двадцати окружныхъ судахъ, положимъ, втеченіе настоящаго сентября мѣсяца, чтобы читатель убѣдился, что изъ двадцати «дѣлъ» пятнадцать *непремѣнно о кражѣ*. Правда, рядомъ со словомъ *кража* не всегда стоитъ слово *крестьянинъ*; теперь часто и очень часто рядомъ съ этимъ словомъ связано и имя дворянина, разночинца, мѣщанина и т. д. Но *крестьянинъ* превосходитъ въ покушеніяхъ на чужую собственность рѣшительно всѣ званія, сословія и состоянія. Я не дѣлаю этихъ перепечатокъ, потому что онѣ заняли бы много мѣста и утомили бы читателя однообразіемъ безконечнаго числа повтореній. Пусть читатель, имѣющій въ рукахъ какой-нибудь провинціальный листокъ и вообще любую изъ русскихъ газетъ, прочтетъ въ нихъ «о дѣлахъ, назначеныхъ къ слушанію», и представитъ себѣ, что по всей Россіи, во всѣхъ окружныхъ судахъ, точь-въ-точь такъ же часто, какъ и въ томъ листкѣ, который онъ держитъ въ рукахъ, упоминается этотъ крестьянинъ, то уже лишенный правъ, то еще только лишаемый ихъ и обвиняемый непремѣнно въ кражѣ, и онъ самъ можетъ представить себѣ огромные размѣры этого недуга и количество рукъ, занятыхъ его исцѣленіемъ.

V.

Такъ вотъ какая вавилонская башня «якобы дѣлъ» выросла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ добрые и простые люди могли бы жить и наполнять житницы. Простые люди «отсаживаютъ» свое молодое поколѣніе на новыя земли, въ новые дома, новые ульи, а «не простые» отсаживаютъ въ тюрьмы, въ чижовки, въ холодныя. И вся-то эта напраслина держитъ около себя «на своихъ харчахъ» сотни тысячъ людей, низшаго, средняго и высшаго образованія, прикованныхъ къ этимъ тысячамъ напрасныхъ «дѣлъ», существующихъ и питающихся ими.

И развѣ можно себѣ представить, чтобы *мысль* этихъ людей, ихъ *совѣсть дѣйствовали правильно, развивались здорово*? Нѣтъ, въ совѣсти такъ называемой интеллигенціи, толкущейся и зарабатывающей хлѣбъ *около такихъ не простыхъ, не настоящихъ дѣлъ*,— въ совѣсти ея также таится глубокая язва, точно такъ же какъ въ народной жизни она таится въ разстройствѣ труда; это—язва, отзывающаяся въ семейныхъ, общественныхъ отношеніяхъ и отзывающаяся, разумѣется, также явленіями неблагообразными; отъ этой язвы мучается не меньше мужика не знающій, какъ выбраться изъ этой жизни, и человѣкъ образованный.

VII. «Скучненько!»

I.

Да! Скучненько таки живется провинціальному обывателю, хотя онъ и не терпитъ «матеріальныхъ недостатковъ».

«... Какъ ни тягостно общее настроеніе воронежцевъ,—читаемъ мы въ № 15 газеты *Донъ* за 85 г.,— но и тучи на небѣ не вѣчны, и болѣзни сердца не безпрерывны; болѣзнь сердца также имѣетъ свои схватки, но также дремливо успокоивается она. Очень рѣдко встрѣчаются въ обществѣ лица, сіяющія счастьемъ и весельемъ. Нытье литературы становятся надоѣднымъ, новости дня постоянно грызутъ сердце разсказами о горѣ людскомъ. Воровство, банкротства, крахи, убійства, растраты— разрастаются не по днямъ, а по часамъ. Ясно видно, что мы вошли въ періодъ хроническихъ болѣзней, которыя не лечатся такъ быстро. Если кто, счастливый, и не имѣетъ своего личнаго горя, если вы не знаете горя семейнаго, не знаете неудачи въ вашихъ дѣлахъ, то навѣрное общее нытье также часто тяжелымъ гнетомъ тянетъ и ваше сердце. Вотъ почему съ особой радостью мы привѣтствуемъ тѣ счастливыя минуты, когда общество оживаетъ въ ореолѣ восторга и когда оно такъ жадно захватываетъ на душу пріятныя впечатлѣнія. 2 февраля мы слышали концертъ г-жъ Фостремъ и Гиппіусъ, и свѣтлымъ облакомъ въ ненастный день казался онъ обществу»...

Не знаю, можно ли характеризовать душевное настроеніе современнаго скучающаго обывателя лучше, чѣмъ оно охарактеризовано въ вышеприведенныхъ строкахъ, взятыхъ нами изъ рецензіи г. С. Карпова о концертѣ г-жъ Гиппіусъ и Фостремъ. Въ характеристикѣ этой есть все для того, чтобы составить себѣ понятіе объ общемъ тонѣ жизни скучающей интеллигенціи, объ общихъ условіяхъ, въ которыхъ томится интеллигентная душа, и наконецъ о настоятельнѣйшей потребности— такъ-ли, сякъ-ли — выйти куда-нибудь на свѣжій воздухъ изъ удушающей атмосферы жизни, въ которой такъ трудно дышать. И не думайте, что подъ гнетомъ такой интеллигентной тоски находились бы только воронежцы—вовсе нѣтъ. Провинціальная пресса самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи даетъ по части душевной тоски образованнаго общества совершенно однородный матеріалъ, и если я взялъ для матеріала настоящей замѣтки главнымъ образомъ газету *Донъ*, то это только потому, что нахожу совершенно безполезнымъ рыться въ кучѣ газетъ для того, чтобы найти въ нихъ то самое, что я могу найти въ какой-нибудь одной газетѣ, перебирая ее номеръ за номеромъ. И какую бы изъ современныхъ провинціальныхъ лѣтописей ни взяли мы, съ цѣлью узнать, какъ живется на Руси человѣку общества, вездѣ мы найдемъ одно и то же: литература надоѣла ему своимъ *нытьемъ*, окружающее надоѣло ему грабежами, крахами и другими безобразіями, и отъ всего этого онъ хочетъ забыться, очувствоваться,—словомъ, какъ-нибудь и куда-нибудь уйти изъ той грязи, въ которой онъ *долженъ* барахтаться и о которой къ тому же безпрерывно *ноетъ* несчастная литература.

Кстати сказать, литература эта не только «надоѣдаетъ» своимъ нытьемъ той части интеллигенціи, которая, проживая среди краховъ, воровства,

убійствъ, грабежей, жаждетъ, выражаясь словами г. Карцова, ожить *«въ ореолѣ восторга»*, но даже начинаетъ кой-кого приводить и въ *бѣшенство*. Недавно въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* нѣкто *Обыватель* выступилъ съ цѣлымъ рядомъ очерковъ противъ этой ноющей литературы, выступилъ съ цѣлью разгромить ее въ дребезги. «Они—говоритъ *Обыватель* въ предисловіи къ своей *деревенской правдѣ*—столичные литераторы, съ крайнею неохотой констатируютъ новыя вѣянія; жаль имъ покончить съ бывшею вакханаліей, когда успѣхъ, лавровые вѣнки и деньги доставались такъ легко, когда шалопайство шло впереди дѣла, а хлесткая фраза предпочиталась солидному труду. Что дѣлать, г-да литераторы! Нельзя же весь вѣкъ ходить подъ масками и въ костюмахъ! Повѣрьте, господа литераторы: *отрезвившееся общество* не станетъ ждать вашего bon plaisir. Оно такъ жадно запросило *правды*, дѣла и знанія, что если вы не съумѣете отвѣтить на этотъ запросъ *тотчасъ же*, оно *безжалостно выкинетъ* васъ за бортъ со всею вашею извѣстностью, со всѣмъ вашимъ былымъ значеніемъ».

Изъ этого отрывка вы видите, до какой степени негодованія довело «сотни тысячъ обывателей» нытье современной литературы. Вы видите, что терпѣніе обывателя истощено, и если *тотчасъ же* онъ не будетъ успокоенъ и ему не будетъ данъ отвѣтъ на несуществующій съ его стороны вопросъ, такъ онъ начнетъ *выбрасывать за бортъ*, да притомъ еще и *безжалостно*, точно Стенька Разинъ. Ему мало выбросить за бортъ и утопить человѣка: онъ еще, какъ видите, хочетъ растиранить его, размозжить—словомъ, поступить *безжалостно* (вмѣсто того, чтобы просто не читать)—а за что? Правды ему, палачу, литература не говорила; она все время наряжалась въ костюмы, надѣла на себя маску, сверхъ маски нахлобучила на голову лавровый вѣнокъ и въ такомъ видѣ стала тащить въ свои карманы деньги. Ей хорошо (обыватель знаетъ это тонко!) въ маскахъ-то, да въ костюмахъ, да съ деньгами въ карманѣ мучить мирныхъ обывателей, и вотъ она не хочетъ, кобенится говорить правду, поступать на чистоту; то ли дѣло поступать безсовѣстно, измазать себѣ лицо сажей, чтобы не узнали, кто ты такой, да и хватать деньги.

Но обыватель уже вышелъ изъ терпѣнія. Онъ такъ наголодался «по правдѣ», что самъ рѣшается провозгласить ее и берется «за перо» не *ради денегъ*, а ради (опять-таки) той неприкрашенной *правды*, съ которою такъ безцеремонно обошлись гг. цеховые литераторы. «*Во имя правды* —вопіетъ онъ—*я рѣшился на полную откровенность, чего бы это мнѣ ни стоило!*» «Не только *безусловная правдивость*, но даже *самая мелочная точность и вѣрность* конкретнымъ фактамъ будетъ соблюдена мною *какъ святыня*».

И прежде всего, во имя этой *святыни*, во имя *точности* и *вѣрности*, во имя *безусловной правды*, для которой взбѣшенный неправдою гражданинъ рѣшается пожертвовать всѣмъ («чего бы это мнѣ ни стоило!»), онъ считаетъ нужнымъ, для «начатія» огромнаго предпріятія, скрыться въ псевдонимѣ *Обыватель*. Ноющую литературу этотъ правдивый человѣкъ будетъ «дуть» поимянно и безъ жалости, а самъ, во имя сущей правды, будетъ прятаться въ конуру псевдонима. «Я не подписываю своего имени потому, что это могло бы *стѣснить меня* до извѣстной степени, *когда стану говорить о себѣ* или о своихъ знакомыхъ»—слышимъ мы изъ конуры и получаемъ обѣщаніе «назвать себя, свое мѣсто дѣйствія, своихъ героевъ», конечно въ случаѣ надобности и сомнѣній. Затѣмъ, вѣроятно въ видахъ того же полнѣйшаго безпристрастія, «полной откровенности», точности и вѣрности, а также для того, *что бы не стѣснять себя* и вообще сдѣлать такъ, чтобы «сущая правда» не очень висла на вороту самого «обывателя», послѣдній создаетъ нѣкую чучелу, которая должна быть умной, соглашаться съ мыслями обывателя и уяснять ихъ примѣрами изъ собственнаго, чучельнаго, опыта. Создавъ эту яко бы умную чучелу, обыватель даетъ ей имя Алексѣя Петровича, сажаетъ за завтракъ и начинаетъ говорить «сущую правду», причемъ, *какъ мы знаемъ*, даже мелочная *точность и вѣрность конкретныхъ фактовъ* должны бы соблюдаться какъ обывателемъ, такъ и чучелой, какъ святыня. Но едва только обыватель и чучела раскрываютъ рты, чтобы провозгласить правду *во чтобы то ни стало*, какъ немедленно же оказывается необходимымъ дѣлать такое примѣчаніе: «оговариваюсь, что весь довольно длинный разговоръ, записанный въ этой главѣ, я, разумѣется, передаю *не совсѣмъ точно* (какъ было запомнить подлинныя выраженія?) и съ необходимыми сокращеніями; но всё же *по возможности близко* къ тому, что было сказано въ дѣйствительности».

Такимъ образомъ этотъ правдивый человѣкъ, измученный неправдой литературы, приготовляющійся выбрасывать за бортъ, и притомъ безжалостно, цеховыхъ ея представителей, вопіющій о невозможности дольше терпѣть эту неправду, рѣшающійся *во что бы то ни стало* сорвать маски и костюмы и провозгласить сущую, безусловную правду, ставящій священною обязанностью точность и вѣрность фактамъ (съ которыми безцеремонно обошлась цеховая литература)—прежде всего укрывается въ псевдонимъ, въ подворотню и конуру, выставляетъ вмѣсто себя чучелу и, принимая наивный видъ, «оговаривается», что «*разумѣется*» онъ не совсѣмъ *точно* передаетъ то, что говорили они съ чучелой,—вѣдь какъ же запомнить? Наконецъ необходимыя сокращенія (а «чего бы то ни стоило»?)... А вѣдь какіе злые эти *обыватели*! За бортъ, говоритъ, да еще безъ жалости!

Но повѣримъ ему и чучелѣ, что они разговариваютъ *по возможности близко* къ тому, что было сказано обывателемъ и чучелой въ дѣйствительности, и послушаемъ, какая такая у нихъ

«сущая правда», которая воспиталась въ нихъ 17-лѣтнимъ безвыѣзднымъ пребываніемъ къ деревнѣ.

— Хотя у насъ кричатъ иные, будто у насъ народъ преисполненъ какими-то первобытными стихійными совершенствами—говоритъ яко бы умная и опытная въ деревенской жизни чучела—совершенствами, передъ которыми необходимо умилиться *съ колѣнопреклоненіемъ*, но на дѣлѣ *даже лакейская цивилизація выработала* изъ дороваго типъ гораздо повыше черносошника. Оттого крестьяне бѣдствуютъ съ землею, доставшеюся *наполовину даромъ*, а дворовые, прогнанные изъ насиженныхъ мѣстъ ни съ чѣмъ, по большей части успѣли устроиться очень порядочно. Оттого между дворовыми вы встрѣтите мастеровъ, управляющихъ, торгашей, огородниковъ, фельдшеровъ—словомъ, сельскую интеллигенцію, оттого и на свѣтъ божій они смотрятъ нѣсколько иными глазами, чѣмъ крестьяне, и къ общественному бѣдствію (пожаръ въ деревнѣ) отнеслись иначе.

— Помилуйте! — возопили горожане (чучелы, только не умныя, а обязанныя говорить глупости) чуть не хоромъ и даже съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ.— Что вы разсказываете? Кто же не знаетъ дворовыхъ? Это или оборванные пьяницы, повара и лакеи, или кабатчики, писаря, аблакаты,—словомъ, деревенскія піявки, люди совсѣмъ безъ совѣсти и сердца, можно сказать — озвѣрѣлые.

Умная чучела, подъ названіемъ Алексѣй Петровичъ, *только улыбнулась*.

— Однако изъ этихъ людей *безъ совѣсти и сердца* выходили всѣ тѣ нянюшки и дядьки, довѣренные, камердинеры и буфетчики,—словомъ, вся та ветхозавѣтная крѣпостная прислуга, о которой и вы, можетъ-быть, слыхали кое-что похвальное.

— Скажите, обратился я (обыватель) къ умной чучелѣ,—чему же именно вы приписываете такое сравнительно высшее развитіе дворовыхъ? Неужто только ихъ большей близости къ господамъ? Сколько я знаю, былые помѣщики драли своихъ слугъ на конюшнѣ, но лекцій о нравственности имъ не читали.

— Смѣйтесь! отвѣчала умная чучела,—а все-таки *именно близость* къ господамъ сдѣлала многое. Никакое столкновеніе съ цивилизаціей не пропадаетъ даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ (вродѣ «на конюшню!»).

А черносошники?

— «Крестьянская баба относится къ своему мужу съ величайшимъ равнодушіемъ. *Каждая изъ нихъ, буквально каждая, готова гулять отъ мужа съ кѣмъ угодно, даже и на минуту не призадумавшись* *). Съ этой стороны циничность дошла до nec plus ultra. Согласитесь, что во всемъ этомъ болѣе озвѣрѣлости, чѣмъ добыванія средствъ къ жизни кабацкимъ или аблакатскимъ промысломъ. Притомъ же крестьяне и сами были бы не прочь отъ подобныхъ занятій, но смотрятъ на нихъ какъ на недостижимыя, хотя и розовыя мечтанія.

Такимъ образомъ оказывается, что бывшіе крѣпостные мужики черносошники, вскормившіе и вспоившіе этихъ обывателей, потому ниже бывшихъ дворовыхъ, что послѣдніе были близки къ господамъ, хотя бы и сталкивались съ цивилизаціей при неблагопріятныхъ условіяхъ, въ конюшнѣ, и потому, что черносошники не сталкивались съ господами, а только платили имъ деньги, они загрубѣли и зазвѣрѣли до того, что *буквально каждая женщина готова гулять отъ мужа съ кѣмъ угодно, даже ни на минуту не призадумавшись*, а мужики *бѣдствуютъ съ землею, наполовину доставшеюся имъ даромъ, причемъ каждый питаетъ недостижимыя мысли о томъ, чтобы быть кабатчикомъ*.

Къ чему клонится вся эта «правда», мы не знаемъ. Но въ томъ же самомъ *Орловскомъ Вѣстникѣ*, гдѣ начата перепечатка «Деревенской правды», недавно былъ опубликованъ такой фактъ: красивая крестьянка почему-то должна была переночевать ночь въ волостномъ правленіи (Мценскаго уѣзда). Волостной писарь и помощникъ писаря, все люди, соприкасавшіеся съ цивилизаціей и вѣроятно съ такими господами, которые за *святую* правду выдаютъ мнѣніе, что каждая, *буквально каждая*, черносошная крестьянка-*женщина готова гулять отъ мужа съ кѣмъ угодно, ни на минуту даже не призадумавшись*,—пристали къ этой женщинѣ съ извѣстными предложеніями, но она оказала такое упорное сопротивленіе, что лакейская цивилизація, въ лицѣ писаря и его помощника, должна была прибѣгнуть къ силѣ, и дѣло объ изнасилованіи этой женщины скоро будетъ слушаться въ окружномъ судѣ.

Впрочемъ вовсе не въ защиту современной литературы отъ умныхъ и глупыхъ «чучелъ», выводимыхъ обывателемъ, завелъ я рѣчь о его диковинной правдѣ. Грубость и «храпъ» этого обывателя на литературу доказываютъ только, что онъ плохо воспитанъ, что жилъ вдали отъ вліянія благовоспитаннаго общества, что вообще ему чужда близость къ «господамъ», иначе онъ былъ бы вѣжливъ такъ же, какъ и дворовый человѣкъ. Нельзя даже сердиться и на то, что этотъ поклонникъ «лакейской цивилизаціи» выдаетъ себя за поклонника Тургенева, какъ извѣстно, не весьма любезно относившагося къ цивилизующему вліянію близости къ мужику конюшенныхъ цивилизаторовъ, и присосѣживается къ свѣтлому имени Льва Толстого, который такъ внимательно относится именно къ этой черносошной душѣ. Нѣтъ, все это не заслуживаетъ ни особеннаго вниманія, ни, тѣмъ паче, негодованія. Но вниманія заслуживаетъ та злоба, та ожесточившаяся печенка семнадцать лѣтъ прокисающаго въ деревенской берлогѣ обывателя, съ которыми онъ начинаетъ выть о правдѣ. Семнадцать лѣтъ онъ лежалъ тамъ, на днѣ своего логова, хозяйничалъ и помалчивалъ; но наконецъ вышелъ изъ терпѣнія, ожесточился на неправду, почувствовалъ потребность выйти изъ

*) Перепечатка ст. *Обывателя* въ *Орловск. Вѣстн.* № 266.

какой-то тины и путаницы жизни, которую онъ такъ долго къ себѣ прилаживалъ и къ которой прилаживался самъ, и вотъ онъ, блуждая глазами и ища врага, какъ звѣрь бросается на литературу съ засученными рукавами и со стиснутыми кулаками, и заревѣлъ:

— Ежели *тотчасъ* не будетъ отвѣта, убью. Безъ всякой жалости! Отвѣта мнѣ! Сейчасъ!.. За бортъ!.. Довольно!

Несчастный требуетъ отвѣта, не задавая даже вопроса. Ему нужно чего-то, нужно вообще выхода изъ той продолжительнѣйшей лжи, среди которой онъ семнадцать лѣтъ съумѣлъ терпѣливо просуществовать, ему нужно выйти на свѣтъ, вообще куда-то выйти, къ чему-то не такому гадкому, среди чего онъ могъ только взбѣлениться, и со зла и съ одичалости онъ хватается за первое «пріятное», что мелькнуло въ его отяжелѣвшемъ отъ бездѣйствія мысли мозгу—за лакейскую цивилизацію...

— «Драли, пороли, а все-таки было хорошо!»

II.

Да, всѣмъ намъ нужно, чтобы было наконецъ что-нибудь «хорошо». Однимъ кажется, что выходъ изъ теперешняго худого — въ благахъ лакейской цивилизаціи (такихъ, по словамъ обывателя, *сотни тысячъ*), другимъ — въ чемъ нибудь другомъ; но главное, въ чемъ думаетъ найти успокоеніе *огромнѣйшее большинство русской скучающей* интеллигенціи—это несомнѣнно область искусства, низведеннаго на степень развлеченія.

Надобно дѣйствительно до невозможности истомиться отъ нытья литературы, отъ «грызущихъ сердце новостей дня» (*Донъ* № 65), отъ всѣхъ этихъ кражъ, растратъ, чтобы съ такимъ искреннѣйшимъ благоговѣніемъ относиться къ малѣйшимъ минутамъ наслажденія, доставляемаго искусствомъ, какъ это мы видимъ въ современномъ скучающемъ провинціалѣ.

Посмотрите напримѣръ, какъ воспѣтъ концертъ 2 февраля, рѣчь о которомъ прервана была въ началѣ этой статейки для разговоровъ о взбѣленившемся обывателѣ. Высказавъ, какъ уже извѣстно читателю, ту адскую душевную тоску, которая угнетаетъ «сердце» людей, «даже и неимѣющихъ личнаго горя», и объяснивъ, что, именно благодаря этому безпрерывному гнету душевному, скучающій обыватель «съ особенною радостью привѣтствуетъ тѣ счастливыя минуты, когда общество оживаетъ въ ореолѣ восторга», авторъ переходитъ къ концерту 2 февраля и изображаетъ свои впечатлѣнія въ такихъ выраженіяхъ: «Свѣтлымъ облакомъ въ ненастный день казался онъ (концертъ) обществу. Легкость и грація въ пѣніи, въ волшебныхъ пѣсняхъ госпожи Фостремъ, во всѣхъ сердцахъ слушателей не давала мѣста для обычной грусти и печали. И кажется, тѣ чудныя пѣсни соловьиныя, *какъ силуэтъ* (?), долго будутъ напить человѣка въ міръ лучшій, въ міръ красоты и поэзіи. Голосъ такой игриво-легкій, металлически-чистый плѣнялъ слушателей быстротой граціозныхъ прыжковъ, которые исполнялись съ увѣренностью горной газели. Огневая сила очаровательнаго звука, сразу и такъ глубоко потрясающаго сердце, смѣнялась быстро съ такимъ эѳирно-легкимъ отзвукомъ, едва замѣтно брошеннымъ въ далекую даль; но эта, такъ сказать, тѣнь звука ясно слышалась, она схватывалась на лету и такъ волшебно наркотически умиротворяла сердце». «Если намъ—говоритъ далѣе авторъ—иногда и слышалось въ пѣніи г-жи Фостремъ, вмѣсто «соловей», «солофей», то живой голосъ дивной пѣвицы все же былъ очаровательнѣе и богаче самой пѣсни пѣвца любви — соловья!» И затѣмъ, въ поученіе мѣстнымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, имѣющимъ обыкновеніе соваться съ своими музыкальными стремленіями, «какъ ракъ съ клешней», туда, куда и конь съ копытомъ не пробѣжитъ, — авторъ говоритъ: «какъ пріятно замѣтить, что ни въ одной нотѣ низкаго регистра (у г-жи Фостремъ) не оказалось *мужской ноты*, которыя такъ нравятся нашимъ провинціальнымъ пѣвицамъ. Для человѣка, понимающаго музыку, весьма противны тѣ *пѣтушиныя ноты*, которыми такъ часто угощаютъ насъ, совсѣмъ не понимая, что для женщины пѣтушиныя ноты вовсе не къ лицу. А между тѣмъ женская любовь къ нимъ (къ пѣтушинымъ нотамъ) чѣмъ дальше, тѣмъ замѣтнѣе становится»... Вообще же, «въ ряду серьезныхъ пьесъ концерта, въ общемъ было бы эффектнѣе поставить *игриво легкую* пьесу (вмѣсто рапсодіи Листа № 12), которая могла бы быть воспринята болѣе сознательно,—*такая пьеса вѣрнѣе оживила бы сердца*!»

Въ томъ же № 16 *Дона* и о томъ же самомъ концертѣ г-жи Фостремъ помѣщена и другая восторженная рецензія, такъ что г-жа Фостремъ, ея голосъ, ея біографія, ея происхожденіе, манера пѣть, даже ростъ — все это обслѣдовано, мало сказать, съ восторгомъ, но еще и съ тщательностью, съ замѣчательной внимательностью къ малѣйшимъ характернымъ чертамъ пѣвицы, доставившей истомившимся скукою воронежцамъ минуты «оживленія въ ореолѣ восторга».

И не думайте, что только для воронежцевъ дороги эти пріятныя *минуты* (въ буквальномъ смыслѣ). Нѣтъ. Если я и завелъ рѣчь объ этихъ минутахъ, то только потому, что жажда найти облегченіе отъ современной тяготы жизни въ области искусства—явленіе рѣшительно повсемѣстное. Надо жить и дышать, и обильный матеріалъ провинціальной прессы даетъ вамъ полную возможность видѣть, что область искусства какъ искусства, и искусства какъ увеселенія — есть единственная область, гдѣ скучающій интеллигентъ (всякаго званія и состоянія) чувствуетъ себя *совершенно свободнымъ*, говоритъ и думаетъ не стѣсняясь, критикуетъ, обсуждаетъ, входитъ во всевозможныя тонкости и мелочи исполненія,—словомъ, чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ. Не только губернскіе и уѣздные города «жаждутъ» концертовъ извѣстныхъ драматическихъ артистовъ и вообще

всякихъ увеселительныхъ представленій *), но даже и такія близкія повидимому къ деревнѣ обывательскія мѣста, какъ станицы, и тамъ искусство начинаетъ играть далеко не послѣднюю роль. Изъ станицы Каменской (*Донъ*, № 63) пишутъ: «Въ это лѣто въ нашу станицу прибыла, кажется, *третья* труппа, одна за другой, и только послѣдняя изъ нихъ оказалась удовлетворительной». А въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ газеты помѣщено самое подробнѣйшее описаніе спектаклей «удовлетворительной» труппы, съ самою точною оцѣнкой игры буквально каждаго артиста, съ указаніемъ, кто заслуживаетъ похвалы за «добросовѣстное исполненіе и кто не заслуживаетъ. Въ такого рода трактатахъ объ искусствѣ, помѣщаемыхъ непремѣнно въ каждомъ нумерѣ любой провинціальной газеты, внимательность и зоркость зрителя доходятъ иногда до поразительной тщательности: не только разберутъ игру, но и брюки окритикуютъ и укажутъ, какія именно слѣдовало бы надѣть; у г. Иванова былъ на головѣ такой парикъ, который уничтожалъ иллюзію; г. Ларинъ по толстотѣ своей не подходитъ къ роли Чацкаго, и надо бы взять Кузьмина, такъ какъ онъ будетъ пожиже корпусомъ. Иногда попадаются такіе нумера газеты, что, кромѣ извѣстія о двухъ-трехъ несчастіяхъ, вродѣ убійства или пожара, весь остальной нумеръ наполненъ рецензіями о спектакляхъ въ губернскомъ городѣ и корреспонденціями о томъ же предметѣ изъ уѣздовъ.

Очевидно, что музыка, пѣніе, театръ, даже просто гулянье съ иллюминаціей или представленіе человѣка, который совершенно свободно мотаетъ головой во всѣ стороны, суть единственные источники какого бы то ни было удовольствія, отдохновенія для скучающей всѣхъ сортовъ интеллигентной публики, выбирающей изъ разныхъ сортовъ удовольствій то, которое соотвѣтствуетъ ея вкусу, развитію, карману. Наиболѣе щепетильный сортъ интеллигенціи постоянно стремится завести какой-нибудь «кружокъ», гдѣ бы наслажденіе музыкой, пѣніемъ, драматическимъ искусствомъ было чище, изолированнѣе отъ смѣшанной толпы. Все хотятъ устроить, среди безобразія и мусора современной дѣйствительности, что-нибудь уютное, укромное, какой-нибудь уголокъ, куда бы не доносилось уличное хрюканье, но что-то все какъ будто не выходитъ. Не знаю, осуществились ли надежды воронежцевъ, что военный клубъ «сохранитъ» вполнѣ семейный характеръ даже и во внѣшней обстановкѣ, не загромождая зала рядами стульевъ, а оставляя все по семейному — залы, гостиныя и т. д. «Нужно отдать справедливость (читаемъ мы въ № 19 газеты *Донъ*) военной корпораціи: она умѣетъ не скучать въ своемъ кружкѣ, умѣетъ внести въ свои удовольствія и мысль, и душу, и, въ лицѣ своихъ участниковъ, имѣетъ возможность блеснуть знаніемъ и талантомъ». Не знаю, осуществились ли надежды воронежцевъ, ожидавшихъ отъ этихъ вечеровъ «много оригинальной прелести, оживленное времяпрепровожденіе и разумное эстетическое наслажденіе...» Конечно было бы хорошо, если бы клубъ удержался на высотѣ уюта и изящества. Но вѣдь опыты въ этомъ родѣ уже были. Нѣчто подобное предпринималъ уже «клубъ благороднаго собранія, гостепріимно открывшій свои двери два года тому назадъ для такого рода вечеровъ, *но изъ этого ничего не вышло*: послѣ двухъ-трехъ малолюдныхъ семейныхъ вечеровъ новаго типа, ихъ смѣнили обыкновенные спеціальные вечера...» Опыты такого рода были вездѣ, и вездѣ, начавшись за здравіе, постепенно достигли необходимости пропѣть своей затѣѣ «за упокой». Сначала по семейному, Шопенъ, Листъ, декламація и т. д., а потомъ, глядишь, гдѣ-то и пробка хлопнула, забулькало что-то, а тамъ и винтикъ завинтили, и понесло по семейному помѣщенію запахомъ пива, водки и *цыгаръ*. Пробовали, а все что-то не выходитъ, чтобы ужъ совершенно изящное было и «освѣжало душу и сердце».

III.

И я думаю, что долго, долго еще не выйдетъ ничего «въ самомъ дѣлѣ успокоительнаго и освѣжающаго». Нѣтъ! ни очаровательному смычку г-жи Терезины Туа, ни восхитительному голосу г-жи Фостремъ не стереть и не изгладить съ души истинно-интеллигентнаго и совѣстливаго русскаго человѣка того пятна и язвы, которую онъ не можетъ не чувствовать ежеминутно, зная, что онъ виноватъ передъ «человѣкомъ». По тѣмъ или другимъ причинамъ совѣсть его должна бездѣйствовать, и забота о справедливыхъ человѣческихъ отношеніяхъ—забота въ особенности обязательная для него, какъ для интеллигентнаго человѣка, — не реализуется имъ ни въ какой существенной формѣ. Она молчитъ, камнемъ лежитъ у него на душѣ, а жизнь человѣческая, оставленная на произволъ случая, зарастаетъ бурьяномъ, гніетъ и душитъ запахами разложенія.

На минуту, въ буквальномъ смыслѣ, смычокъ Терезизы Туа можетъ еще въ виноватомъ интеллигентномъ человѣкѣ заглушить ощущеніе неопрятнаго душевнаго состоянія и оживить неопрятно живущую совѣсть («въ ореолѣ восторга»), но разъ кончился концертъ и виноватый интеллигентъ вышелъ на улицу, такъ его и обдало настоящимъ смрадомъ замусоренной дѣйствительности. Въ № 85 той же самой газеты *Донъ* напечатана замѣтка репортера, озаглавленная *Отъ угла до угла*. Прочитайте и скажите, что это такое?

*) Въ № 248 *Орловскаго Вѣстника* напечатано: «Въ ряду развлеченій, выпавшихъ на долю орловской публики въ послѣднее время, какъ нѣчто совершенно оригинальное и встрѣчающееся не часто въ провинціи, слѣдуетъ отмѣтить вчерашнее представленіе американской труппы. Въ особенности хороши были упражненія (подъ названіемъ) *голова на винту*. Г. Клеменсъ производитъ съ своей головой такія эволюціи, словно она у него чужая и лишь привинчена къ туловищу: онъ совершенно свободно *мотаетъ* ею во всѣ стороны и ворочаетъ вокругъ шеи, такъ что можно подумать, будто шейные позвонки у него отсутствуютъ. Спектакль, назначенный завтра, вѣроятно привлечетъ еще болѣе зрителей».

«Какъ-то надняхъ, пишетъ онъ, я ночью возвращался по Дворянской. Слышу впереди меня крики—ругань. Дохожу до конторы и вижу компанію, человѣкъ въ пятнадцать, не то мастеровыхъ, не то изъ *ночныхъ рабочихъ*. Идутъ они подъ конвоемъ полицейскихъ. Я прошелъ дальше; ко мнѣ подходитъ, вѣроятно одинъ изъ отставшихъ, измазанный, растрепанный субъектъ. Плачетъ навзрыдъ.

«— Что съ тобой? спрашиваю.

«— Побили, вотъ какъ, смерть моя! И папеньку взяли въ участокъ.

«— А ты чего же отсталъ?

«— Отсталъ! передразнилъ онъ меня. — Не взяли, вотъ и отсталъ. Говорилъ: «папенька, возьми!» А онъ мнѣ говоритъ: «проваливай ты къ чорту»! а онъ мнѣ отецъ!

«— Гдѣ же васъ схватили!

«— У Петровскаго плаца. Насъ же побили и насъ же — въ участокъ. Нѣтъ, почему меня не взяли? Па-а-апенька! — завопилъ онъ во всю глотку и, шатаясь, побрелъ дальше.

«Не доходя до угла Вяхиревской гостинницы— это было тоже не такъ давно, — я возвращался съ купанья; вижу, изъ-за угла выходитъ приземистый, оборванный, босой, съ едва прикрытою грудью человѣкъ. Онъ слегка пошатывается, но молчитъ. Всклокоченные волосы, ужасная наружность такого человѣка говорятъ и объ его *промыслѣ*, и объ его жизни, и встрѣтившись съ нимъ, не обойдешь, а отъ изумленія остолбенѣешь.

«Немного дальше, у рѣшетки парка, *лежитъ какая-то масса* и оретъ во всю глотку:

«— На землѣ мой духъ унылый!

«— Другъ мой, вставай! говоритъ сосѣдъ изъ его же друзей. — Вѣдь плохо намъ будетъ: препроводятъ куда слѣдуетъ.

«— На землѣ мой духъ унылый!

«— Дьяволъ ты этакой! Тебѣ говорятъ, вставай!

«— На землѣ мой духъ...

«Я пошелъ дальше.

«Встрѣчаю высокую, плечистую женщину, прикрытую только до колѣнъ, съ голыми руками и шеей, скрытой подъ какою-то тряпкой. Голова не то завязана, не то покрыта: одни глаза виднѣются, и что за глаза! Не дай Господи!

«Иду еще дальше.

«— Прохожій, а прохожій! Ты думаешь, я пьянъ? Нѣтъ, врешь, пьянъ тотъ, кто лежитъ на землѣ, а самъ кричитъ «упаду!» Вотъ это пьянъ!— внушительно говоритъ тоже внушительной наружности фигура, въ одной рубахѣ, съ бутылкой въ рукѣ, которою (бутылкой) она махала съ намѣреніемъ, какъ ничего не содержащую, разбить о садовую рѣшетку.

«Наконецъ дохожу до другого угла.

«Тутъ пріютилась парочка, кавалеръ и дама. Что за кавалеръ — не замѣтилъ. Дама же — прехарактерный типъ: испитое, какое-то обрюзглое, изжившее лицо съ оливковымъ цвѣтомъ кожи; губы обвислыя, толстыя; щеки ввалились, глаза сверкали, но не огнемъ, а какимъ-то потухающимъ, какъ бы сквозь пелену, свѣтомъ. Такіе глаза бываютъ у горячечныхъ больныхъ.

«Да, заканчиваетъ авторъ, на разстояніи отъ угла до угла, на этомъ небольшомъ пространствѣ, цѣлый калейдоскопъ типовъ изъ жизни отребья человѣчества, изъ этой жалкой и вмѣстѣ ужасной жизни».

А вотъ и еще сценка.

«Присутствуя 12 августа —пишетъ г. Калиновскій въ *Волжско-Донскомъ Листкѣ*, № 100 — во время похоронъ своего квартирнаго хозяина въ Вознесенской церкви, я былъ свидѣтелемъ слѣдующихъ неприличныхъ сценъ: въ церкви между молящимися было много уличныхъ мальчишекъ и дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, которые съ самаго начала обѣдни занимались только хихиканьемъ, *бѣганіемъ по церкви и игрой въ прятки*. Затѣмъ, въ половинѣ обѣдни откуда-то появился въ церкви молодой парень съ видомъ идіота, на котораго накинулись мальчишки и дѣвчонки и стали его дразнить всячески. Выведенный изъ терпѣнія, идіотъ съ сжатыми кулаками бросился на мальчишекъ—тѣ въ разсыпную, стараясь спрятаться между молящимися. Идіотъ избираетъ новое мѣсто, около него снова собираются мальчишки и снова продѣлываютъ ту же сцену. Наконецъ одинъ изъ мальчишекъ, надѣвъ на голову шапку, вышелъ на середину церкви и сталъ передъ покойникомъ. Но стоявшій около гроба дьяконъ снялъ съ него шапку и сказалъ что-то ему на ухо, послѣ чего мальчишка исчезъ. Развѣ подобныя сцены не *возмущаютъ* религіознаго чувства богомольцевъ?» — спрашиваетъ г. Калиновскій. —«Разумѣется, возмущаютъ, — заявляетъ отъ себя редакція *Листка:—но что подѣлаешь противъ распущенности нашихъ уличныхъ мальчишекъ?!*» (эти знаки поставлены редакціей). Какъ видите, сцены такія, что въ пору хоть бы и Лондону, а у насъ ужъ такими сценами и Воронежи, и Царицыны занимаются, переполненные скучающею публикой. Дѣти, которыя играютъ въ церкви въ прятки, которыя бѣгаютъ по ней какъ по площади, которыя ходятъ по церкви въ шапкахъ,— это дѣти удивительныя, дѣйствительно уличныя, безпризорныя: вы видите, что около нихъ нѣтъ человѣка, который бы научилъ ихъ самымъ элементарнымъ понятіямъ вродѣ того, что въ церкви «Божинька» и что въ церкви стоять надо безъ шапокъ. Это совершенно дикіе человѣчки, неизвѣстно кѣмъ рожденные, чѣмъ питающіеся и гдѣ проводящіе время. Такое явленіе, разумѣется, *возмущаетъ* обывателя, но на бѣду его только возмущаетъ. Возмутитъ, оскорбитъ его, заставитъ *обойти*, посторониться даже, спрятаться за уголъ и считать себя счастливымъ, что добрался до дому, или до клубнаго свѣтлаго и теплаго зала, гдѣ хотя музыка-то развлечетъ и облегчитъ. А вѣдь все-то это возмутительное — большой, огромный общественный вопросъ, вопросъ о пролетаріатѣ, о человѣкѣ, доведенномъ до одичалаго состоянія мальчишки, или испитой полуголой женщины, «или *какой-то* пьяной ревущей

массы», валяющейся на улицѣ. Я очень хорошо знаю, что этотъ большой вопросъ — не царицынскій и не воронежскій, а всенародный и даже всемірный; но вѣдь интеллигентный человѣкъ именно и воспитывается въ такихъ всемірныхъ-то вопросахъ: ему обязательно, волей-неволей, жить подъ давленіемъ ихъ — не какъ возмутительныхъ только явленій, а какъ огромныхъ задачъ, налагаемыхъ на него его особеннымъ интеллигентнымъ образованіемъ и положеніемъ. Если же *такіе* вопросы, почему бы то ни было, выходятъ изъ круга его душевной дѣятельности, оказываются для нея невозможными, то рѣшительно нельзя понять, чѣмъ бы онъ могъ жить духовно и какова же тогда будетъ вообще-то жизнь общественная, если *такіе* вопросы не будутъ подлежать заботамъ интеллигенціи.

А они и дѣйствительно не подлежатъ и жизнь скучающаго интеллигента проходитъ въ томъ, что онъ *возмущается* улицей да успокаивается коекакъ въ концертахъ, въ клубахъ, — словомъ, мается, ждетъ чего-то и, какъ ошеломленный, встряхиваетъ головой, когда не подлежащая его дѣятельному вниманію жизнь ошеломитъ его какимъ-нибудь ужасающимъ явленіемъ: убійствомъ, грабежемъ и вообще какой нибудь грандіознѣйшею гадостью или подлостью. Въ такихъ случаяхъ обыватель какъ бы приходитъ въ себя: «да докуда же это будетъ?» И нужно отдать честь обывателю, что въ такія минуты онъ искренно возмущается ошеломившимъ его зломъ, страстно высказываетъ, иногда массовыми движеніями, свои симпатіи и жажду выразить свои добрыя, долго бездѣйствовавшія, не имѣвшія практики побужденія. Въ Казани самоубійство несчастной купеческой дочери Латышевой, застрѣлившейся въ день свадьбы, собираетъ на похороны ея всю Казань, образованную и необразованную, и вся толпа идетъ на могилу покойной, протестуя противъ насилія. Въ Новгородѣ, во время процесса г-жи Ѳеопемтовой, обвиняемой въ подстрекательствѣ къ убійству и сожженію мужа, толпы народа, убѣжденныя въ ея виновности, сплошною массой стояли около окружного суда, ожидая приговора, и находились въ такомъ настроеніи, что обвиняемую пришлось увезти изъ суда заднимъ ходомъ и въ мужской шинели. Свирѣпый поступокъ турка-хозяина въ Кременчугѣ съ рабочимъ поднимаетъ на ноги весь городъ. Въ Воронежѣ происходитъ убійство трехъ женщинъ, и весь городъ идетъ за ихъ прахомъ на кладбище; даже въ одной изъ деревень Воронежской губерніи убитую неповинно женщину провожала вся деревня съ возможной для нея торжественностью.

Такіе общественные порывы, безъ всякаго сомнѣнія, благородны; но какія нужны ужасныя, ошеломляющія неожиданности, чтобы въ ослабѣвшей, притерпѣвшейся къ окружающему злу, общественной душѣ пробудились тѣ движенія совѣсти, нормальное развитіе и теченіе которыхъ обязательны для всякаго человѣка и для всякаго человѣческаго общества, желающаго ощущать себя живымъ и живущимъ. А вотъ нормальнаго-то развитія впечатлительности общественной души къ худымъ и хорошимъ вліяніямъ общественной жизни и не замѣчается теперь въ скучающемъ интеллигентномъ обществѣ. Скучающая интеллигенція привыкла къ тому, что относительно «жгучихъ вопросовъ жизни» можно ограничиться либо только отвращеніемъ — такъ противна форма, въ которой они выражаются на улицѣ, — или только негодованіемъ, либо осторожно ихъ обходить, не заражая себя ихъ дурнымъ запахомъ, либо наконецъ *отдѣлываться* отъ нихъ мертвымъ формализмомъ.

Убиваютъ, какъ я упомянулъ выше, въ г. Воронежѣ сразу трехъ женщинъ, — убиваютъ вечеромъ въ семь часовъ, почти на глазахъ людей, и, убивъ, обворовываютъ квартиру убитыхъ. Городъ ошеломленъ, испуганъ, возмущенъ, а тѣ, кому вѣдать надлежитъ, *энергически* принялись за искорененіе давно назрѣвавшаго зла. По всѣмъ ночлежнымъ домамъ, по всѣмъ закоулкамъ, трущобамъ, начались ночныя облавы, причемъ наловлена масса бездомовнаго темнаго люда. Въ короткое время нахватавъ 553 человѣка, скучающая интеллигенція выслала 223 человѣка на мѣсто родины, а 312 человѣкъ передала мѣстному мѣщанскому обществу, какъ доказавшихъ свою *самоличность*. Этого слова «самоличность» оказалось весьма достаточнымъ для того, чтобы бездомовныхъ воронежскихъ мѣщанъ возвратить опять той же бездомовности, въ которой они и до сего находились. «Переданы мѣщанскому обществу» — фраза, какъ будто что-то означающая. Сначала взяли, а потомъ передали кому-то; въ сущности же бездомовный какъ былъ бездомовнымъ, такъ имъ и остался вплоть до другой какой-нибудь потрясающей неожиданности.

Но даже и этотъ способъ борьбы со зломъ обрадовалъ измаявшихся обывателей, потому что мѣсяца черезъ два послѣ начала облавы на бродягъ въ № 74 газеты *Донъ* появилась слѣдующая замѣтка: «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ наша полиція выказала большую энергію при розыскѣ негодяевъ всякаго рода и *спровадила* ихъ изъ города, гораздо болѣе тысячи. За это ей большое спасибо. Но еще бóльшее спасибо заслужила бы она, если бы обратила свое энергичное вниманіе и на другихъ паразитовъ общества—проститутокъ. Число явныхъ проститутокъ въ послѣднее время *увеличилось ужасно.* Множество грязныхъ притоновъ наполнено ими, да и всѣ общественные сады не обходятся безъ нихъ. Но сугубый вредъ приноситъ тайная проституція. У насъ въ городѣ существуютъ цѣлые гаремы, ютясь подъ скромными вывѣсками: «пивная лавка» или «портерная», число же послѣднихъ довольно солидно. Въ интересахъ нравственности и здоровья, не мѣшало бы взяться за искорененіе этого ужаснаго зла».

И такъ, видите, какія кучи человѣческаго мусора накопились въ богоспасаемыхъ весяхъ. Вѣдь это все люди, вѣдь это человѣческій мусоръ, — мусоръ изъ живыхъ существъ! Что же съ нимъ дѣлать и какъ быть? На это выработаны скучающей публикой два отвѣта: уйти отъ всей этой гадости и мучительныхъ впечатлѣній, которыя она произ-

водитъ, въ концертъ и забыться *въ ореолѣ восторга*, или же «передать на руки мѣщанскаго общества, какъ доказавшихъ свою самоличность», а еще лучше—«спровадить».

И, не смотря на обиліе музыкальныхъ вечеровъ съ одной стороны и «энергію спроваживаній» — съ другой, ни спроваживающій ради «успокоенія», ни спроваживаемые одинаково ничего существеннаго въ результатѣ не получаютъ. Простой коренной обыватель, живущій собственными трудами, дошелъ до того, что если у него украдутъ шубу или разломаютъ сундукъ, такъ онъ предпочитаетъ обратиться за похищеннымъ прямо къ вору, входитъ въ сношеніе непосредственно съ похитителемъ, не довольствуясь тѣмъ, что похититель, энергически взятый въ темную, энергически переданъ обществу, какъ доказавшій «самоличность».

«Выбравъ время,—разсказываетъ практическій обыватель въ № 17 *Дона*, — пришелъ я къ его (вора) немудрящему домику; оглянулъ кругомъ— ни единой души нѣтъ: никто, значитъ, меня не запримѣтилъ. Черезъ сѣнцы вошелъ я въ полутемную хатенку. По всему было видно, что здѣсь передъ моимъ приходомъ шла безобразная попойка. Хотѣлъ я, по своему обыкновенію, помолиться на икону, но таковой не было. Тутъ я увидѣлъ хозяина хатенки. Это былъ дюжій дѣтина, съ широкой грудью, съ здоровенными руками, одутлымъ лицомъ, жгучими глазами и черными всклоченными волосами на головѣ.—*Что скажешь, любезный?* спросилъ воръ и, видя испугъ обывателя, прибавилъ:—«не бойся! Я не такой дуракъ, чтобъ ограбить тебя въ моемъ домѣ, тогда бы я могъ быть пойманъ съ поличнымъ. А вотъ присядь-ка, а я тѣмъ временемъ *самъ разскажу, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ*. Я съ однимъ изъ товарищей покралъ вещи-то у тебя... Что дѣлать!—прибавилъ онъ нахально, — надобно же промышлять чѣмъ-нибудь, чтобы прожить вѣкъ свой и не помереть голодной смертью.—Затѣмъ онъ сталъ торговаться, оцѣнили вещи въ извѣстную сумму, сошлись, ударили по рукамъ, условились «по честности», какъ и когда возвратить вещи и насчетъ того, чтобы «не выдавать» и т. д. И воръ все исполнилъ, какъ обѣщалъ, а обыватель, получившій свои вещи назадъ, пашелъ нужнымъ промолчать о ворѣ — въ благодарность за доброе дѣло. Такимъ образомъ воръ здравъ и невредимъ находится на рукахъ общества и «доказалъ свою самоличность».

Не лучшіе результаты получаются и отъ способа помощью успокоенія и увеселенія разгонять тоску дѣйствительности. Не смотря на обиліе театровъ, музыкальныхъ, вокальныхъ и танцовальныхъ вечеровъ и всевозможныхъ гуляній и развлеченій, иногда на скучающую интеллигенцію нападаетъ такая тоска, что хоть топись. «Вечеръ перваго августа въ городскомъ саду,—читаемъ мы въ хроникѣ все той же газеты *Донъ*,—отличался *какой-то особенной вялостью и угнетеніемъ духа*. Въ свое время началъ играть оркестръ, хоръ пѣвчихъ пѣлъ, иллюминація зажглась по главнымъ и второстепеннымъ аллеямъ сада также своевременно; *но что-то томительное сдавливало сердце*. Г. Киндель (капельмейстеръ) усердно откалывалъ маршъ за маршемъ, но публика какъ будто не замѣчала этихъ маршей и «сновала» по аллеямъ сада съ страшнымъ сплиномъ; даже молодежь — и та *не взвизгивала по обыкновенію* своимъ беззаботнымъ говоромъ и смѣхомъ, *а понуря голову*, молчаливо только *шагала* по аллеямъ городскаго сада. Откуда такая тоска? Откуда такая подавленность жизни?»

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился этотъ несчастный вечеръ, если бы совершенная случайность наконецъ не оживила измучившуюся публику.

«Но, продолжаетъ г. репортеръ, — и подъ этой вялой обывательской жизнью вспыхиваетъ *огонекъ* эксцентричности: говорятъ, въ концѣ гулянья одна изъ «юницъ» устроила пикантный сюрпризъ на тему сюжета, взятаго на прокатъ изъ Эрмитажа: «Смотрите здѣсь, смотрите тамъ!»

Хорошо, что хоть юница выручила. А то отъ скуки вотъ еще какъ развлекаются. Описывая одинъ воронежскій пожаръ, г. очевидецъ пишетъ (*Донъ*, № 87): «Я, какъ очевидецъ этого пожара, замѣтилъ, что на пожаръ явилось не мало лицъ *показать* просто *свою удаль: подбросить повыше* какую-нибудь тяжеловѣсную вещь, или хватить вѣнскимъ стуломъ въ раму такъ, чтобы все превратилось въ дребезги». Вотъ и дѣти что-то скучаютъ, и многія просто бѣгутъ невѣдомо куда; четыре гимназиста уплыли тайкомъ отъ родителей изъ Ельца—уплыли странствовать; два мальчика ушли изъ воронежскаго хора — тоже странствовать; взятые, въ ожиданіи справокъ, въ полицейское управленіе, они, по словамъ корреспондента, «играли здѣсь и пѣли *какъ птички*»...

Да, скучненько-таки живется на бѣломъ свѣтѣ! Но пусть читатель не унываетъ и не сокрушается — есть на этомъ бѣломъ свѣтѣ кое-что и хорошее.

IV.

«Къ богатому магазину съ одной стороны ползетъ съ помощью рукъ и колѣнокъ безногій нищій, съ другой—подходятъ двѣ бабы съ пустыми сумками и съ ними мальчонка лѣтъ пяти, въ оборванномъ, длинномъ не по росту кафтанишкѣ, вѣрно съ чужого плеча.

«— Сотворите милостынку Христа ради! робко произносятъ бабы въ одинъ голосъ.

«— Господь подастъ! слышится имъ въ отвѣтъ изъ магазина.

«Нищенки печально отходятъ.

«— Не прогнѣвайся», да «Богъ подастъ», только и слышишь цѣлый день, — жалуется одна изъ нихъ.—Чисто съ голоду околѣешь, по міру ходючи. Господи-батюшка, али нѣтъ креста на людяхъ, али нѣтъ доброй христіанской души на людяхъ?

«— Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей! раздался позади нихъ дрожащій голосъ.

«Обернувшись, онѣ увидѣли калѣку.

«— Вы откуда, бабоньки?

«— Изъ Сибири, родимый! отъ обчества были высланы!

«Продолжая ихъ разспрашивать, нищій снялъ изъ-за плечъ свою суму, досталъ оттуда три куска бѣлаго хлѣба, три яблока и раздѣлилъ между тремя собратами по несчастію, а ребенку сверхъ того сунулъ еще что-то въ рученку. Бабы, принимая отъ калѣки милостыню, набожно крестились и со слезами благодарили своего благодѣтеля» (*Волжско-Донской Листокъ* 23 авг.).

Такъ вотъ стало-быть не всегда рѣшеніе жгучихъ вопросовъ ограничивается на Руси «спроваживаніемъ» ихъ долой съ глазъ, или удостовѣреніемъ въ «самоличности» бездомовнаго человѣка; дѣлается кое-что по части жгучихъ вопросовъ, неразрѣшимость которыхъ только мучаетъ и томитъ скучающую интеллигенцію,—дѣлается нѣчто дѣйствительно существенное, реальное противъ язвы пролетаріата, начинающагося въ разстройствѣ хозяйственныхъ народныхъ порядковъ, противъ пьянства, воровства, грабежа и другихъ язвъ, вытекающихъ изъ этого разстройства и разъѣдающихъ деревни и города. *Самъ* народъ, на средства, добытыя изъ собственной нищенской сумы, совершаетъ такое огромное, трудное, исполненное великаго подвига движенія, какъ переселеніе и колонизація. Съ другой стороны, тотъ же *самъ* народъ совершаетъ, опять-таки на свой страхъ, на свои нищенскія средства, другое важное и огромное дѣло духовнаго совершенствованія, стремится выработать принципы благообразныхъ человѣческихъ отношеній. И вотъ эти-то народныя дѣла, совершаемыя народомъ во имя благообразія и справедливости человѣческихъ отношеній, совершаемыя «на самомъ дѣлѣ», къ глубокому сожалѣнію совершаются безъ всякаго участія тоскующей интеллигенціи. Жизнь есть, но къ сожалѣнію вовсе не тамъ, гдѣ г. Киндель, откалывающій маршъ за маршемъ, не можетъ разогнать тоску даже у молодежи, *шагающей понуря голову*.

VIII. Мелкіе агенты крупныхъ предпріятій*).

1.

...Урожай восемьдесятъ седьмого года на всемъ протяженіи Волги и Дона скопилъ массу всякаго покупающаго и продающаго люда. Масса мелкихъ агентовъ отъ разныхъ крупныхъ фирмъ, для скупки хлѣба, шерсти и другихъ продуктовъ, которыми изобилуютъ приволжскія и придонскія степи въ несмѣтномъ количествѣ, кишатъ повсюду: на пароходахъ, желѣзныхъ дорогахъ, во всякомъ мало-мальски бойкомъ торговомъ мѣстѣ, во всякой станицѣ, расположенной въ удобномъ для передвиженія товаровъ мѣстѣ, не говоря о большихъ торговыхъ, близкихъ къ морю городахъ, гдѣ отъ мелкихъ «агентовъ» всевозможнаго рода крупныхъ предпріятій положительно нѣтъ ни прохода, ни проѣзда. За скупщиками мѣстнаго сырья слѣдомъ идетъ и продавецъ всякаго нужнаго крестьянину товара; ярмарки повсемѣстны; проѣздомъ мимо большихъ станицъ и селъ вы видите всегда, что —либо приготовляются строить балаганы для ярмарки, либо ужъ ломаютъ ихъ, чтобы перевозить въ другое мѣсто, либо видите ярмарку въ полномъ разгарѣ, съ балаганами, парусинными шалашами, съ трактирами, смрадъ изъ которыхъ достигаетъ даже до парохода, съ разными фокусниками, шарманками, дѣвицей «геркулеской», показывающей за три копѣйки свои чрезвычайныя формы. Эта покупающая и продающая масса людей конечно требуетъ массы черного, рабочаго народа, который таскаетъ кули, тюки, ящики, возитъ и носитъ. И чернорабочимъ народомъ переполнены также всѣ пристани, всѣ пароходы, желѣзныя дороги и опять-таки крупные торговые города, — до чрезвычайности.

«Мелкій агентъ крупнаго предпріятія» и «чернорабочій», появившіеся на Руси одновременно съ развитіемъ крупныхъ торговыхъ, промышленныхъ операцій, причемъ первыхъ появились сотни тысячъ, а вторыхъ—милліоны, совершенно измѣнили какъ внѣшній видъ, такъ и внутренній смыслъ и вообще весь строй и тонъ жизни нашихъ селъ, деревень и городовъ, и измѣнили ихъ не въ привлекательномъ смыслѣ. Въ отношеніи внѣшней непривлекательности села, деревни и города чрезвычайно много потеряли отъ наплыва рабочихъ массъ, этихъ людей безъ сапогъ, безъ шапокъ, въ потныхъ рваныхъ рубахахъ, а главное — отъ этого небывалаго прежде неустаннаго ихняго труда, съ перевозкой, переноской всевозможнаго рода товаровъ и грузовъ. Этотъ вѣчный стонъ, оханье, эти напряженные вопли для облегченія тяжести, переполняющіе изо дня въ день воздухъ торговыхъ мѣстъ, не терзали васъ въ такой степени въ прежнія времена; теперь же отъ рабочей толпы, снующей взадъ и впередъ, отъ грома этихъ ломовыхъ дрогъ, отъ обилія этихъ тюковъ, бочекъ, ящиковъ, полосъ гремящаго желѣза и т. д. пропало всякое благообразіе улицы, даже всякое удобство; а обиліе рванаго народа, изнуряющагося въ трудѣ или галдящаго въ кабакѣ, производитъ одуряющее впечатлѣніе неопрятности и сутолоки, никогда въ такой степени не обезображивавшихъ тихихъ улицъ нашихъ селъ и городовъ. Но обиліе чернорабочаго, обиліе рвани, крика, изнуренія, брани и пьянства—все это уничтожаетъ только внѣшнее благообразіе нашихъ жилыхъ мѣстъ. Несравненно болѣе тоскливое, изнурительное скучное впечатлѣніе производитъ, такъ сказать, упадокъ нравственнаго значенія, особенно городовъ, упадокъ тона, который въ *старыя* времена былъ свойственъ городу, какъ центру, въ которомъ живетъ образованное общество. Велика ли была эта образованность нашихъ городовъ — это вопросъ другой; но за городомъ была извѣстность образованнаго центра, просвѣщеннаго, гдѣ образованный чело-

---

*) Изъ путевыхъ замѣтокъ о поѣздкѣ по Дону въ 1887 г.

вѣкъ стоялъ всегда на первомъ планѣ; были тамъ люди разныхъ сословій — и мѣщане, и купцы, и разночинцы, но какъ отличительная черта отъ деревни, отъ деревенской глуши, всѣми признавалось, *числилось* за городомъ значеніе высшаго въ нравственномъ отношеніи центра. И какъ бы ни былъ малъ кружокъ дѣйствительно образованныхъ людей въ городѣ, онъ всегда имѣлъ значеніе; всякій лавочникъ могъ указать, гдѣ живетъ такой-то генералъ, который пишетъ стихи и играетъ на віолончели; всегда былъ небольшой кружокъ людей, выдѣлявшійся изъ массы городского общества своимъ нравственнымъ значеніемъ; словомъ, образованность отличала городъ отъ деревни и была именно главной отличительной чертой города. Сплетни, пересуды, дрязги, раздоры, грязь и всякая дрянь— есть вездѣ; въ городъ пріѣдешь—*отдохнешь!* «Надо поѣхать въ городъ — *освѣжиться!*» говаривали въ прежнія времена; теперь, напротивъ, говорятъ: «надобно куда-нибудь забраться въ глушь, въ дебрь... надо же хоть немного освѣжиться!»

Я не сомнѣваюсь, что и теперь въ каждомъ мало-мальски многолюдномъ центрѣ всегда есть кружокъ людей, интересующихся общими вопросами жизни, конечно во сто разъ болѣе образованныхъ, чѣмъ «образованное общество» прежнихъ лѣтъ, но количество ихъ непропорціонально мало, даже буквально ничтожно сравнительно во-первыхъ съ огромной массой той скучающей публики, о которой говорено въ предыдущемъ письмѣ, а во-вторыхъ съ наплывомъ еще новаго сорта людей, рожденныхъ и взрощенныхъ развитіемъ капиталистическихъ предпріятій—людей крошечныхъ спеціальностей, загипнотизированныхъ какою-нибудь капельною частицею большого предпріятія, удаленныхъ этою капелькою отъ всякихъ общихъ интересовъ и вопросовъ. Въ наплывѣ этого изуродованнаго своей односторонностью человѣка, въ его мелкой суетѣ, въ мелкомъ ничтожномъ дѣлѣ, съ которымъ онъ не знаетъ покоя и никому покоя не даетъ,—человѣка, взрощеннаго капиталомъ и привлекшаго за собою въ города сотни тысячъ оборваннаго ломового народа; въ шумѣ, трескѣ сумбурнаго и безпрерывнаго движенія, втиснувшаго на улицу бочекъ, тюковъ, кипъ, ящиковъ въ сто разъ больше, чѣмъ людей,—исчезло и внѣшнее благообразіе города, исчезло и его обязательное нравственное значеніе, исчезла его мѣстная своеобразность— и городъ превратился въ центръ скучнѣйшей суеты, скучнѣйшихъ, однообразнѣйшихъ людей, изнуренныхъ какими-то мельчайшими заботами, каждый самъ по себѣ, безъ возможности понимать такую же мельчайшую заботу своего ближняго.

II.

Въ прежнее время куль хлѣба, положенный на телѣгу или въ сани въ помѣщичьемъ имѣніи и отвезенный мужиками въ городъ къ купцу, здѣсь же у купца въ амбарѣ большей частью и оканчивалъ свою біографію и уже въ крайнемъ случаѣ оказывался въ Москвѣ. Помѣщикъ, мужикъ и купецъ—вотъ всѣ агенты и факторы хлѣбной торговли въ старину; мужикъ пахалъ, сѣялъ, косилъ, молотилъ, возилъ,—словомъ, совершалъ одинъ сотни такихъ дѣлъ, которыя въ настоящее время, при расширеніи хлѣбной операціи, совершаются уже сотнями рукъ. Теперешній купецъ не въ городѣ, даже не въ Москвѣ, а въ Берлинѣ и Лондонѣ, и прежде чѣмъ теперешній куль доберется съ базара какой-нибудь станицы до заграничнаго корабля, онъ пройдетъ черезъ сотни рукъ, получающихъ средства къ жизни только отъ прикосновенія къ нему и имѣющихъ по отношенію къ этому кулю какую-нибудь мельчайшую, спеціальную обязанность, отнимающую все время и поглощающую всю умственную дѣятельность. Въ настоящее время количество народа, толпящагося около куля хлѣба на пространствѣ, которое онъ пройдетъ отъ базара до корабля, до такой степени велико и разнообразно, что цѣна куля, оказавшагося на заграничномъ пароходѣ, какъ высчитывали мнѣ знатоки, выростаетъ на пять рублей противъ цѣны базарной, — и всѣ эти пять рублей, по грошу, по полкопѣйкѣ, по гривеннику, разбираются массою народа, который живетъ этими копѣйками и который за эти копѣйки и гривенники долженъ всю жизнь торчать около какой-нибудь частички дѣла, посвящая ей все свое вниманіе.

Человѣчекъ «по хлѣбной части», съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться на пароходѣ, можетъ служить образчикомъ одной изъ этихъ спеціальностей хлѣбнаго дѣла.

Человѣчекъ этотъ ѣхалъ въ большую на Дону станицу Ц—скую съ тѣмъ, чтобы жить тамъ всю осень безвыѣздно. Обязанность его должна состоять въ томъ, что онъ каждый Божій день, съ ранняго-утра и до поздняго вечера, будетъ, какъ ястребъ за цыплятами, слѣдить за мужиками, привозящими въ станицу на продажу хлѣбъ; онъ будетъ ихъ убѣждать, усовѣщевать, божиться и клясться, орать, ругать, тянуть за рукавъ, чтобы всячески оттянуть отъ конкуррентовъ другихъ фирмъ, агенты которыхъ будутъ дѣлать то же самое, что и онъ. Постоянно и непрестанно его глаза, втеченіе всего этого времени, должны напряженно разыскивать во вселенной только кули и мѣшки; уши его должны напряженнѣйшимъ образомъ слушать только то, что касается куля и зерна, и каждый звукъ, похожій на слово куль, онъ долженъ жадно и цѣпко перехватывать своимъ насторожившимся ухомъ, немедленно направляя свои мысли, поступки по тому направленію, которое указываетъ спеціальная его задача. За этотъ напряженный, однообразный, изнурительный трудъ, отнимающій у человѣка почти всѣ часы дня, онъ получаетъ самое ограниченное вознагражденіе; одѣтъ онъ бѣдно и плохо; путешествуя въ третьемъ классѣ, т. е. на палубѣ, онъ таскаетъ съ собой старое одѣяло, въ которое кутается отъ дождя и вѣтра. Имущество его—небольшой чемоданчикъ, въ которомъ находится жестяной чайникъ, стаканъ, свертокъ чаю и сахару и небольшая подушка; все это, какъ ви-

дите, должно въ маленькомъ чемоданчикѣ занимать такъ много мѣста, что для какого-нибудь иного рода имущества, быть можетъ пары-другой бѣлья, едва ли будетъ мѣсто. Табакъ онъ куритъ въ двугривенный четверку и покупаетъ только осьмушками; книжка папиросной бумаги для него дорога: онъ покупаетъ за двѣ копѣйки большіе листы папиросной бумаги; изъ этой бумаги онъ съ величайшей экономіей въ табакѣ крутитъ тончайшія папиросы на одну, много двѣ затяжки: какъ затянется, такъ папироса вся сразу согнется и ударитъ его горячимъ концомъ по губѣ — такъ она жидка. Онъ больше тратитъ времени, чтобы заплевать папиросу, въ которой бумаги болѣе нежели табаку, чѣмъ куритъ эту папиросу. Съ нимъ жестяной чайникъ и маленькій свертокъ съ чаемъ и сахаромъ. Чаю онъ завариваетъ самое ничтожное количество, такъ что, налитый въ стаканъ, онъ оказывается едва подкрашеннымъ, а затѣмъ нѣсколько стакановъ онъ выпиваетъ голаго кипятку, только кусокъ яблока сунетъ для вида и вѣроятно вкуса. Но сколько бы онъ стакановъ ни выпилъ, кусокъ сахару, вынутый въ началѣ чаепитія, никогда не былъ уничтоженъ весь, а всегда оставалось около половины, которая и пряталась обратно въ свертокъ. Никакихъ «порцій» и даже «полупорцій» по части съѣстного онъ ни разу во весь путь не спрашивалъ—питался исключительно бѣлымъ хлѣбомъ, запивая чаемъ. Однажды только онъ купилъ десятокъ яицъ на пристани. Вотъ всѣ его матеріальныя блага, достигаемыя изнурительнымъ мелочнымъ трудомъ.

Человѣкъ этотъ—агентъ низшаго порядка: онъ скупаетъ хлѣбъ въ извѣстной станицѣ и складываетъ его въ ней же. Такихъ агентовъ у фирмы множество въ разныхъ селахъ и деревняхъ; надъ ними идетъ другой рядъ агентовъ, которымъ тоже за труды достаются копѣйки, а труды которыхъ тоже муравьиные. Одинъ—только и дѣлаетъ, что объѣзжаетъ склады по селамъ, запускаетъ руку въ зерно, жуетъ его, выплевываетъ, ругается и уѣзжаетъ: пріѣдетъ, пожуетъ, выплюнетъ, обругаетъ, и дальше. Другой только и дѣлаетъ, что вѣшаетъ да знаки ставитъ то чернымъ помазкомъ, то краснымъ. Третій только считаетъ: толконетъ ногой въ куль и запишетъ, толконетъ ногой и запишетъ и т. д... Это покупка, а потомъ перевозка—пароходы, желѣзныя дороги. Стоитъ посмотрѣть на билетъ прямого сообщенія, положимъ, пробывши въ дорогѣ три дня, отъ Одессы до Петербурга, чтобъ убѣдиться, какая несмѣтная сила и разнообразіе въ одной спеціальности контроля; билетъ проколотъ крестами, звѣздами, полумѣсяцами, кругами, квадратами и т. д., и на каждый проколъ и прокусъ—особый человѣкъ, получающій хлѣбъ только за прокусъ билета извѣстнымъ манеромъ и этимъ существующій на землѣ. А тамъ полчища стрѣлочниковъ, полчища таинственныхъ незнакомцевъ, которые невидимы на поверхности земли, а ползаютъ подъ вагонами, постукиваютъ что-то, а тамъ полчища людей, которые только съ записной книжкой ходятъ мимо вагоновъ и записываютъ нумера, и т. д.

А пароходъ? Великъ ли онъ весь-то—много-много пятнадцать саженей длины и саженей пять ширины, а посмотрите, сколько тамъ по разнымъ трещинамъ набито народу, и у каждаго своя часть.. И наверху, и внизу, и съ боковъ—вездѣ понадѣланы какія-то мышиныя норы, величиной съ папиросную коробку, а между тѣмъ въ каждой такой папиросной коробкѣ по цѣлому семейству; непостижимо, какимъ родомъ могутъ существовать, даже дышать въ такой коробкѣ капитанъ—мужчина 13 вершковъ, капитанша—плотная «скульптурная» дама, беременная и уже имѣющая ребенка, нянька ребенка, кошка и всѣ принадлежности мужского, женскаго и въ особенности дѣтскаго туалета. А между тѣмъ существуютъ: какъ утро, коробка папиросная отворяется и выходитъ изъ нея капитанъ въ два раза выше коробки ростомъ, выходитъ капитанша, повидимому больше размѣромъ чѣмъ вся коробка, нянька съ ребенкомъ, затѣмъ выносятъ одинъ стулъ низенькій, другой стулъ высокій; вывозятъ колясочку плетеную, велосипедъ, самоваръ, хлѣбъ, жестяную сахарницу, арбузъ и т. д. А вечеромъ въ эту же коробку все это множество людей и предметовъ опять вбирается постепенно и коробка запирается на ключъ. Иной разъ на самомъ днѣ парохода, гдѣ кажется уже ничего нѣтъ кромѣ тьмы кромѣшной, вдругъ оказывается дверь величиной въ аршинъ, за дверью лѣстница въ темную яму, а въ ямѣ младшій механикъ, жена, ребенокъ, подушки. И все это плодится, множится, и все это сидитъ въ *своей* коробкѣ, варитъ *свой* обѣдъ, озабочено жаднымъ стремленіемъ всунуть на плиту *свой* чайникъ прежде чайника старшаго лоцмана и младшаго боцмана, которые тоже держатъ себя независимо въ своихъ папиросныхъ коробкахъ и отъ механиковъ, и отъ штурмановъ, и отъ рулевыхъ, и всякихъ безчисленныхъ обитателей норъ и ущелій, таящихся на пароходѣ.

III.

И что же—вы можетъ быть думаете, что человѣкъ такой норы скучаетъ, томится, чувствуетъ неудовлетвореніе и жаждетъ выхода? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ; именно бисерная-то мелкота спеціальностей, пріучающая человѣка сосредоточивать свои силы на какомъ-нибудь ничтожномъ предметѣ или дѣлѣ—изсушаетъ въ немъ всякую жажду простора и широты мысли; человѣкъ привыкаетъ обходиться безъ этой широты и ухитряется создать изъ своего капельнаго дѣла такое количество вопросовъ и интересовъ, которое вполнѣ поглощаетъ всѣ часы его жизни. Иной такъ обживется въ своей мурьѣ на пароходѣ или такъ сроднится съ своимъ прокусывающимъ билеты инструментомъ, что ихъ силою не разлучишь съ ихъ любимыми вещами и заботами. О сломавшемся пароходномъ винтѣ онъ можетъ безъ умолку разговаривать съ вами цѣлые дни и недѣли—такъ это дѣло разработано его умомъ, похищеннымъ интересами предпріятія; но вообще о сложномъ механизмѣ жизни онъ

не найдетъ матеріала для разговора втеченіе пяти минутъ.

— Вы не овесъ-ли изволите покупать? подойдетъ къ вамъ и спроситъ агентъ по овсяной части, —человѣкъ, который два дня ѣхалъ съ вами на пароходѣ, пилъ за однимъ столомъ чай, думалъ, кто вы такой, и такъ какъ у самого у него вся голова набита овсомъ, то его желаніе войти съ вами въ бесѣду не можетъ, при всѣхъ усиліяхъ его отупленной овсомъ головы, выразиться ни въ какомъ другомъ вопросѣ.

— Нѣтъ, не овесъ! отвѣчаете вы несчастному калѣкѣ, и калѣкѣ больше ничего не остается сдѣлать, какъ уйти прочь.

Иной изъ такихъ, съуженныхъ умственно и нравственно на какой-нибудь мелочи, людей, случайно вступивъ съ вами въ общій разговоръ, съ огромными усиліями дѣлаетъ только видъ, что слушаетъ васъ и понимаетъ. Ничего онъ не слышитъ, ничего для него не важно: все это для него не подходитъ, а если и интересуетъ даже его, то ему просто некогда; но когда дѣло дойдетъ до керосина, на которомъ держится все его земное существованіе, онъ васъ затопитъ рѣчью, какъ керосинный фонтанъ, разверзнетъ такія пространства керосиннаго мышленія, что конца краю имъ не показывается, если конечно посмотрѣть на дѣло основательно. Онъ сдѣлалъ только «бѣглый» обзоръ, а и то вы не знаете, куда бы отъ него уйти и какъ бы скрыться; у васъ уже давно трещитъ въ вискахъ и начинаются грудныя спазмы, а вѣдь это только «бѣглый» обзоръ!

Мелочность мыслей, заботъ, интересовъ, ихъ чрезвычайная раздробленность — отодвинули на задній планъ всякій интересъ къ живому, общему дѣлу. Думы толкуютъ все о тѣхъ же агентствахъ, пристаняхъ, объ отводѣ мѣстъ для завода, о трехкопѣечномъ сборѣ съ куля, съ бревна, съ мѣшковъ, о подъѣздныхъ путяхъ для этихъ кулей, мѣшковъ, бревенъ и бочекъ. За всѣми этими неуклюжими складами, амбарами, лѣсопилками, пивными и иными заводами, разставившимися гдѣ попало — не разыщешь окружного суда, чтобы послушать какое нибудь разбирательство, подумать о жизни. Адвокатъ совершенно забылъ, что въ былое время онъ, если только Богъ далъ ему умъ и совѣсть, могъ, защищая какого-нибудь мужика, сказать обществу много правды, и идти слушать рѣчь по общимъ вопросамъ было дѣломъ обязательнымъ для мало-мальски не невѣжественнаго горожанина. Теперь и въ судѣ, въ этомъ мѣстѣ, гдѣ хоть капельку-то можно было бы слышать о правдѣ жизни вообще, царитъ отраженіе тѣхъ же мусорныхъ печалей муравьино-образнаго человѣка, копошащагося на кучѣ и около кучи, именуемой капиталомъ: переборъ двухъ копѣекъ съ пуда, взысканіе штрафа, — словомъ, печаль, забота все о той же бочкѣ, о винтѣ, о кулѣ, о тюкѣ, о доскѣ, и ни малѣйшей заботы о человѣкѣ. Недавно напримѣръ въ петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло одного *афериста*, который разъѣзжалъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, разыскивалъ пострадавшихъ *отъ увѣчій* на желѣзнодорожной службѣ, бралъ отъ нихъ довѣренности, выговаривая въ свою пользу 50 проц. съ вознагражденія, которое онъ получитъ въ пользу своихъ кліентовъ съ желѣзнодорожныхъ обществъ. Судили этого афериста за то, что дорого беретъ, судили за полтинникъ. Но вотъ что любопытно: «Довѣренностей, полученныхъ аферистомъ, у него оказалось 360 штукъ» *(Новости*, № 229). Вотъ вѣдь какую массу калѣкъ хотѣлъ ограбить этотъ аферистъ! Надобно конечно наказать его. Но 360-то уродовъ и увѣчныхъ людей, открытые имъ, куда-жъ дѣнутся? — ихнія-то увѣчья, безъ участія афериста, такъ и останутся въ забвеніи. Вѣдь однѣхъ костей человѣческихъ въ трехъ стахъ шестидесяти увѣчьяхъ, я думаю, пудовъ пятьдесятъ, шестьдесятъ наберется? Неужели же ихъ-то не стоитъ показать публикѣ и поговорить о нихъ? Статья, изъ которой я заимствовалъ свѣдѣнія объ аферистѣ, вся посвящена обсужденію новаго закона, касающагося именно вознагражденія за увѣчья желѣзнодорожныхъ служащихъ. И что же? Оказывается, что всѣ усилія желѣзнодорожныхъ администрацій направлены исключительно къ обходу этого закона. Образованные, получающіе хорошіе оклады, купленные предпріятіемъ люди ломаютъ головы надъ тѣмъ, какъ бы обойти законъ, желающій защитить увѣчнаго, и вышвырнуть калѣку на улицу. И вотъ что изобрѣли между прочимъ: «имѣя въ виду установленный закономъ *годичный* давностный срокъ для предъявленія исковъ по вознагражденію за вредъ здоровью, правленія *предупредительно, безъ всякаго со стороны потерпѣвшаго требованія*, выдаютъ ему кое-какое пособіе, или сохраняютъ ему жалованье или перемѣщаютъ его въ новую должность, въ видѣ вознагражденія за полученный вредъ, *но дѣлаютъ все это втеченіе только одного года, а потомъ, когда годъ прошелъ и слѣдовательно срокъ давности истекъ*, — *общество увольняетъ потерпѣвшаго и прекращаетъ съ нимъ всякія обязательства, взятыя на себя добровольно*» (та-же газета № 229). Вѣдь на такую жестокость надо много ума потратить, такъ какъ за этотъ умъ платятъ, даютъ хлѣбъ выдумщику. Нѣтъ, положительно повсюду, благодаря пришествію этихъ копѣечныхъ тревогъ капитала, упалъ интересъ и значеніе общихъ коренныхъ вопросовъ жизни. Жизнь человѣческая исчезла подъ наплывомъ суеты предпріятія; люди, ихъ печали, горести, ихъ драмы, ихъ муки, нужда, грѣхъ, горе, ихъ надежды, желанія — все выбито изъ общественнаго сознанія, все потеряло значеніе предъ горемъ перевозокъ и переносокъ, страховокъ, коносаментовъ, винтовъ, тюковъ, ломовиковъ, пароходовъ, контролеровъ и т. д., и т. д. Нѣтъ, не живитъ людей могущество и сила купона? Скуку, сухость, мелочность и тусклость вноситъ такой купонный слуга во всѣ сферы жизни — и вотъ почему такъ невыносимо скучно

теперь вездѣ, гдѣ «купону» удалось развернуться болѣе или менѣе свободно.

IX. Рабочія руки.

I.

Еще скучнѣе и тяжелѣе, чѣмъ при созерцаніи изсушеннаго печалями купона-*агента*, чувствуешь себя при видѣ другого *аппарата*, изобрѣтеннаго тѣмъ-же невнимательнымъ къ «человѣку» купономъ,—созерцаніи «чернорабочаго», уже во множествѣ народившагося на Руси.

Во всѣхъ мѣстахъ, селахъ и деревняхъ, городахъ,—словомъ, вездѣ, гдѣ только есть какой-нибудь крошечный агентъ какого-нибудь предпріятія, — непремѣнно вы видите уже цѣлыя толпы человѣческихъ существъ съ верблюжьими горбами на спинѣ, безъ шапокъ, безъ сапогъ. Искусственные верблюжьи горбы, сдѣланные изъ дерева и обшитые кожей, тверды и крѣпки, и сдѣланы они въ защиту натуральной человѣческой спины: искусственный горбъ не переломится, а слѣдовательно останется цѣла и натуральная человѣческая спина. Видите, какія гуманныя требованія предъявляютъ къ человѣческой спинѣ всѣ эти излюбленныя дѣтища капитала, всѣ эти тюки, бочки, всѣ эти въ разныхъ видахъ оживленные металлы и камни: они хотятъ влѣзть на человѣческую спину въ такихъ размѣрахъ и количествахъ, что она бы должна переломиться, если бы сама не позаботилась о самосохраненіи и не выдумала, въ видѣ самообороны противъ безчеловѣчныхъ замашекъ капитала, искусственнаго верблюжьяго горба. Капиталу нѣтъ дѣла до человѣческой спины; онъ хлопочетъ о своемъ любимомъ дѣтищѣ, паровой молотилкѣ; ее ему нужно пустить въ свѣтъ, она хочетъ жить, а переломится ли тамъ какая-нибудь спина —это въ его цѣли и идеи не входитъ. И повсюду, и во всемъ чернорабочемъ трудѣ вы видите натугу, стремленіе преодолѣть что-то, не соотвѣтствующее обыкновеннымъ силамъ человѣческимъ: оханье всѣмъ животомъ и нутромъ, «дубинушка» съ отчаяннымъ напряженіемъ силъ въ концѣ каждаго куплета, наконецъ натуга, слышащаяся во всякой пѣснѣ, не говоря о такихъ радикальныхъ приспособленіяхъ, какъ искусственные верблюжьи горбы, т. е. деревянные позвоночные хребты—все это говоритъ о нечеловѣческихъ усиліяхъ, все направлено къ преодолѣнію трудностей, не свойственныхъ обыкновеннымъ человѣческимъ силамъ. И если вы представите себѣ, что эти стоны нутромъ, эти «охи» напряженія и нечеловѣческаго усилія оглашаютъ воздухъ нашихъ большихъ рѣкъ, нашихъ пристаней и торговыхъ городовъ, оглушаютъ васъ и тиранятъ вашъ слухъ съ ранняго утра до поздней ночи; надрываютъ ваши нервы, доносясь откуда-то издалека и неистовствуя вблизи васъ—то успѣхъ промышленности не сразу плѣнитъ васъ и придется вамъ по сердцу; люди, превращенные въ верблюдовъ, и притомъ сотни тысячъ людей, едва ли свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ человѣческой личности. Нехорошъ также человѣкъ-верблюдъ и въ кабакѣ, и въ дракѣ, но винить его за такой способъ отдыха рѣшительно невозможно: отъ него берутъ силу и кромѣ кабака рѣшительно ничего не даютъ; органы въ трактирахъ играютъ уже и бьютъ въ барабаны съ шести часовъ утра, и съ этого же времени пьетъ отдыхающій верблюдъ-человѣкъ. Да и вообще, кромѣ кабака, мы рѣшительно ничего не придумали для нашего народа въ качествѣ способа душевнаго и физическаго отдохновенія, и винить утомленнаго трудомъ человѣка-верблюда въ кабацкомъ безобразіи невозможно.

II.

Что кабацкое безобразіе дѣйствительно отвратительно—этого также нельзя не засвидѣтельствовать. И все-таки въ концѣ концовъ въ этой чернорабочей средѣ чувствуешь себя болѣе по человѣчески, чѣмъ въ скучной средѣ людей, уступившихъ купону за чечевичную похлебку свой умъ, знаніе и вообще частицу своей души. Чернорабочій уступаетъ капиталу только руки, и выраженіе *рабочія руки* вполнѣ точно обозначаетъ качество жертвы, приносимой чернорабочимъ молоху-купону. Руки, спина, ноги — вотъ что куплено пока капиталомъ у мужика, крестьянина, чернорабочаго. Душу, совѣсть, мысль—онъ еще не захватываетъ въ свои лапы такъ, какъ бы желалъ; дѣло его на Руси пока новое.

И живая, дѣтская душа поминутно сказывается въ этомъ человѣкѣ-верблюдѣ, разъ онъ еще недавно въ этомъ новомъ званіи и разъ только на минуту прекратилось его верблюжье дѣло. Къ счастью его, онъ еще не знаетъ, что появленіе людей-верблюдовъ, къ которымъ онъ принадлежитъ, есть *фазисъ*; онъ не знаетъ, что не просто, какъ ему пока думается, для податей, превратился онъ пока на-время въ верблюда, но что онъ уже втянутъ въ теченіе, что онъ уже завязилъ коготокъ, и что «фазисъ» разыграетъ надъ нимъ такія-то и такія превращенія, давнымъ-давно ужъ опредѣленныя въ книжкахъ и предсказанныя на множество лѣтъ. Онъ думаетъ—«какъ наживу, такъ и къ себѣ!» Но не знаетъ, что фазисъ уже предначерталъ ему путь—уйти ни съ чѣмъ и опять воротиться, постепенно отвыкнуть отъ семьи, завести любовницу, бросить жену (которой, такъ-же какъ и ея дочкѣ Машуткѣ, уже предначертаны перспективы совершенно опредѣленныя) и пожалуй попасть въ темную за убійство въ пьяномъ видѣ, за кражу и т. д. Ничего этого «наши робята» не могутъ еще считать непреложнымъ и обязательнымъ для нихъ до конца дней. Книгъ, гдѣ прописано про неизбѣжность фазисовъ, они не читаютъ, перспективъ мрачныхъ никогда не представляли, такъ какъ всѣ деревенскія перспективы— не въ человѣческой власти и критиковать ихъ или предсказывать, или опредѣлять заранѣе невоз-

можно, и никто изъ крестьянъ никогда этимъ не занимался болѣе, какъ въ размѣрахъ, обнимавшихъ будущность весеннихъ всходовъ. Эту же непривычку мыслить о болѣе отдаленныхъ перспективахъ жизни, задѣтый коготкомъ купона, крестьянинъ перенесъ и въ свой верблюжій трудъ. Пока-что онъ покряхтитъ, а потомъ и «будя!». Но этого «будя» не будетъ для него навѣрное, и уже есть маленькіе признаки, что онъ начинаетъ сердиться на свое верблюжье положеніе, какъ бы предчувствуя, что это верблюжье дѣло не выпустить его изъ своихъ лапъ вплоть до могилы.

Но, повторяю, хоть и есть признаки, доказывающіе, что онъ способенъ разсердиться, — все-таки они ничтожны сравнительно съ безпрестаннымъ проявленіемъ чисто дѣтскихъ чертъ удовольствія и веселья жить на свѣтѣ. Чуть только на минуту, на мгновенье, прекратится верблюжій трудъ и выдастся свободный часъ, которымъ можетъ воспользоваться некупленная купономъ душа, всегда она тотчасъ же проявляется свѣтло, весело, совершенно по-дѣтски.

— Дайко-сь, съ Федоромъ-то съиграю штучку! съ радостью малаго ребенка говоритъ пароходный поваръ, вытаскивая у коровьей головы вилообразную кость. Кость какая ловкая попалась!—Нужно знать, что этотъ поваръ для рабочихъ также работаетъ вмѣстѣ со всѣми товарищами. Онъ только что вылѣзъ изъ воды, гдѣ цѣлый часъ стоялъ, помогая стаскивать баржу съ мели — онъ весь мокрый, потный, усталый; едва только онъ вылѣзъ изъ воды, какъ принялся готовить обѣдъ; ребята ужъ его понукаютъ. Но вотъ, размозживъ обухомъ коровью голову (въ первый разъ я видѣлъ это удивительное кушанье) и примѣтивъ тамъ подходящую для шутки вещицу, вилообразную кость, онъ не упускаетъ случая тотчасъ же сыграть и «штучку».

— Федоръ Ивановичъ! говоритъ онъ, подходя къ простоватому и добродушному рабочему, не успѣвшему еще отереть потнаго лба послѣ тяжкаго труда. — Не угодно ли вамъ со мной *паре* подержать? На сороковочку? Бутылочку пивца? Всего копѣекъ на тридцать на пять? что за бѣда? А выиграете—я угощаю...

Федоръ Ивановичъ долго отнѣкивается, уклончиво улыбается; но поваръ такъ убѣдительно доказываетъ, что «паре» хорошая забава, что Федоръ Ивановичъ наконецъ соглашается и, потянувъ къ себѣ одинъ изъ концовъ вилообразной кости, переломилъ ее: это и значитъ что «паре» принято обѣими сторонами.

— Ну вотъ, и превосходно! хитро, плутовато, но весь переполненный сдерживаемымъ смѣхомъ говоритъ поваръ. И прибавляетъ:

— Ну теперь, Федоръ Ивановичъ, вы меня остерегайтесь!

— Иди, обѣдъ готовъ! Полно болтать!

— Иду, иду! Теперь остерегайтесь, Федоръ Ивановичъ! едва не фыркая говоритъ поваръ и уходитъ.

— Ладно! самодовольно говоритъ Федоръ Иванычъ, продолжая вытирать потъ.—Ты, братъ, сорокъ-то копѣекъ вынимай, а не я!

Дѣло въ томъ, что принявъ «паре», принявшій долженъ всячески остерегаться, чтобы его товарищъ по пари (у котораго остался другой конецъ кости) не всучилъ ему подъ какимъ-нибудь предлогомъ чего-нибудь въ руки, сказавъ: «бери да помни!», т. е. помни пари. Разъ онъ оплошаетъ и возьметъ вещь въ руки и будетъ держать ее въ то время, какъ его противникъ успѣетъ сказать «бери да помни», онъ проигралъ и долженъ по пріѣздѣ въ Ростовъ угощать.

— Ладно! Остерегусь, братъ, не безпокойся!

— Ребята! вдругъ, торопливо входя на палубу къ рабочимъ, говоритъ тотъ же поваръ, только-что ушедшій готовить обѣдъ: — иди кто-нибудь на баржу. Отнеси бѣлье... капитанша сердится, велитъ поскорѣй отнести!

Лицо у него какъ бы испугано тѣмъ, что сердится капитанша.

— На, Федоръ Иванычъ, снеси скорѣй. Мнѣ недосугъ!

И онъ, суя Федору Ивановичу комокъ бѣлья, торопится уйти.

Федоръ Ивановичъ, не ожидавши такого мгновеннаго оборота дѣла, взялъ бѣлье.

— Бери да помни! почти простоналъ поваръ и покатился кубаремъ отъ смѣху.

Хохотала вся артель гораздо громче, шумнѣй и горластѣй, чѣмъ горланитъ она на работѣ. Такого непомѣрнаго смѣха съ чиханьемъ, охами, стонами давно не слыхалъ я нигдѣ. Такъ хохочутъ только дѣти, которыя иной разъ расхохочутся до того, что «нельзя унять!». Федоръ Ивановичъ, такъ мгновенно и внезапно поставленный въ дураки, добродушнѣйшимъ образомъ улыбался и, держа въ рукахъ тряпки, говорилъ:

— Какъ онъ легко меня обернулъ, жидъ эдакой! Я думалъ все не сразу-же... Анъ онъ кубаремъ перевернулся... не далъ мнѣ... вотъ жидъ-то!.. Какимъ легкимъ оборотомъ кувыркнулъ!..

— Да стряпай ты щи-то, чортъ! орала хохотавшая артель.

— Лёгка! лёгка я тебя, Федоръ Ивановичъ! бормоталъ поваръ, не имѣя возможности перестать хохотать и въ то же время колотя топоромъ по коровьей головѣ.—Вотъ какъ у насъ лёгка обдѣлываютъ!..

Когда сломался пароходъ, и стало всѣмъ извѣстно, что дня два онъ простоитъ на мѣстѣ и что слѣдовательно всѣмъ предстоитъ двухъдневный невольный отдыхъ, тотчасъ же всѣми рабочими овладѣло самое игривое дѣтское настроеніе.

— Рыбу! Рыбу ловить! Живо! собирайся, ребята!

— Мнѣ бы рубаху починить!

— Починишь! Чего тамъ! Полѣзай въ воду!

— А мы на берегъ «раковъ ловить! весело горланитъ другой.—Тамъ озерцы есть, болотцы, я знаю.

— Валяйте раковъ ловить! А мы за рыбой! Бери бредень! Живо!

И тотчасъ всѣ рабочіе пошли съ парохода, разбѣжались—кто на берегъ ловить раковъ, кто въ Донъ съ бреднемъ. Съ баржей также и бабы, и ребята тотчасъ-же стали опускать сѣтки. И на Дону, гдѣ ходили съ бреднемъ, и на берегу, гдѣ ловили раковъ, шло шумное, веселое вранье, смѣхъ, разговоръ—словомъ, дѣтская игра. Нѣтъ! дѣтскаго въ нихъ еще гораздо больше, чѣмъ верблюжьяго, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кому еще въ новинку этотъ верблюжій трудъ, кто только еще начинаетъ знакомиться съ нимъ!

III.

Живая человѣческая душа еще до такой степени въ самомъ дѣлѣ жива въ нашемъ народѣ, что иногда живое проявленіе молодой и свѣтлой души рѣшительно устраняетъ впечатлѣніе машинности и однообразной изнурительности того дѣла, для котораго этотъ народъ закупленъ и закабаленъ капиталомъ. Смотришь на человѣка, которому нужно бы быть машиной, и не видишь машины, а восхищенъ удивительной прелестью человѣка.

Я не могу забыть и къ сожалѣнію не могу передать достаточно ярко того истиннаго поэтическаго впечатлѣнія, которое произвела на меня работа трехсотъ молодыхъ женщинъ, занимавшихся чисткою шерсти.

Когда я вышелъ на берегъ, у котораго присталъ пароходъ нашъ, чтобы принять девяносто тюковъ шерсти, — передо мной открылась такая картина: голая, утопающая въ солнечныхъ лучахъ (послѣобѣденное время) степь, съ едва примѣтными вдали очертаніями станичныхъ домовъ и мельницъ; на самомъ берегу передо мной ряды какихъ-то стоговъ, которые я принялъ за стоги сѣна, но которые оказались стогами бѣлой шерсти, прикрытыми сверху брезентами, также бѣлыми. Но что меня поразило — это длинное, выстроенное изъ новаго лѣсу, деревянное зданіе, до чрезвычайности похожее на лѣтнія, загородныя увеселительныя кафе: та же открытая сторона, съ легкими занавѣсками, опускающимися во время вѣтровъ и дождя, а теперь поднятыми, а главное—звуки стройнаго пѣнія какого-то большого хора и масса женскихъ фигуръ; одна къ одной, къ открытой сторонѣ, и поперекъ, какъ въ театрахъ—множество женщинъ, множество разноцвѣтныхъ платковъ на головѣ, на плечахъ. Что это такое? думалось мнѣ, когда я подходилъ къ этому зданію. Иной разъ казалось, что это можетъ быть собранія сектантокъ — на этихъ собраніяхъ также поютъ. Но, подойдя близко и наконецъ очутившись въ самомъ зданіи, я увидѣлъ, что это не концертная зала и не сектантское собраніе, а большой сарай, въ которомъ болѣе трехсотъ молодыхъ дѣвушекъ занимаются чисткой шерсти; волны этой бѣлой шерсти лежатъ передъ ними на длинныхъ столахъ; онѣ должны выдергивать всѣ нечистыя и темнаго цвѣта шерстинки. 30 к. въ день за работу съ 4 час. ночи до 8-ми вечера—кажется, надо бы пожалѣть труженицъ? Но едва я вошелъ въ этотъ сарай и оглядѣлъ его и этихъ труженицъ, какъ во мнѣ исчезла всякая мысль о трудовой сторонѣ этого собранія. Руки работницъ дѣйствительно что-то щипали, выдергивали, — словомъ, дѣлали какую-то кропотливую работу; но въ самыхъ этихъ труженицахъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ пожилыхъ женщинъ и трехъ уродливыхъ калмычекъ, всѣ дѣвушки были молодыя, шестнадцати—двадцати лѣтъ не больше) было такъ много живой женской красоты, изящества, молодости, живой игры жизни, что представленіе о «работницѣ» совершенно исчезало въ удовольствіи видѣть такое обиліе энергіи жизни. Не знаю, не могу опредѣлить, въ чемъ, въ какихъ мелкихъ подробностяхъ проявлялась этимъ множествомъ красивыхъ женщинъ ихъ жизненная энергія: въ пѣснѣ-ли, какъ зарница вспыхивавшей сильно и дружно въ одномъ концѣ сарая и замиравшей на другомъ, чтобы и здѣсь вспыхнуть также зарницей; въ ихъ-ли врожденномъ умѣніи вкладывать красивое движеніе во всякое мелкое дѣло рукъ—не знаю; но быть среди этого «живья», нисколько не смиреннаго трудомъ и придавшаго даже ему, однообразному и скучному, оттѣнокъ какой-то легкой, шутливой забавы отъ нечего дѣлать— быть здѣсь было весело: просто почему-то ощущалось желаніе *жить*, ничего больше, но желаніе жить было веселое, бодрое.

Сколько разъ на своемъ вѣку я видѣлъ художественныя произведенія, въ которыхъ художникъ старался меня, зрителя, плѣнить женской красотой: соберетъ иной штукъ двадцать женскихъ фигуръ и, чтобъ сразу потрясти меня, раздѣнетъ ихъ бѣдныхъ до-нага, усадитъ около какой-нибудь двухъ-аршинной лужи, разложитъ ихъ по берегамъ этой трясины въ самыхъ вопіющихъ положеніяхъ, какъ ему угодно, безъ зазрѣнія совѣсти. Словомъ, на разные манеры хотятъ насъ восхитить женской красотой—и сколько я ни помню, никогда отъ созерцанія такихъ художественныхъ произведеній не получалось впечатлѣніе *жизни*, радости *жить на свѣтѣ*, безъ всякихъ объясненій и толкованій, дополненій и комментаріевъ. Не получалось именно впечатлѣнія красоты, распрямляющей душу и говорящей измученному человѣку: «не робѣй!». Напротивъ, всегда возбуждалась какая-то тяжесть неопрятнаго состоянія духа, ограниченность впечатлѣнія и мысль о прахѣ и тлѣнѣ.

А вотъ здѣсь, въ толпѣ этой деревенской молодежи, свободно выросшей въ широкомъ разнообразіи трудовъ жизни, счастливой тѣмъ, что эта жизнь требуетъ отклика всѣхъ человѣческихъ способностей, желаній и свойствъ—вотъ онѣ въ простомъ, даже мизерномъ дѣлѣ проявляютъ (не вѣдомо какъ и въ чемъ) такую красоту живого человѣка, что жить на свѣтѣ кажется радостью, а мертвая тоска, безнадежность сутолоки жизни, привезенная съ собою изъ условій ненароднаго строя жизни, исчезаетъ какъ удушливый дымъ: начинаешь видѣть солнце, радъ, что оно свѣтитъ и грѣетъ...

— Кто желаетъ—иди кипы таскать на баржу! громко на весь сарай провозгласилъ приказчикъ, и масса дѣвушекъ, оставивъ свою работу, хлынула на воздухъ.

Нужно было видѣть, что онѣ съумѣли сдѣлать съ этимъ уродомъ—кипой шерсти, обтянутой желѣзными обручами. Еслибы это дѣло дѣлалъ мужикъ—куль или кипа непремѣнно бы преобладали надъ нимъ; мужикъ бы, надсѣдаясь, упирался въ куль, а куль сопротивлялся; постоянно слышались бы понуканія: «н-но! напирай, Михайла, напирай, пхай-пхай» и т. д. Совершенно не то вышло теперь; едва на этотъ упорный, неуклюжій куль налетала стая молодежи, какъ въ немъ какъ будто бы мгновенно пропадало все его кулевое величіе и солидность. Онъ не только не упирался, а опрометью бросался отъ дѣвчатъ, которыя казалось только кружились и играли около него, какъ птицы. Что-то заячье проявилось въ этомъ толстомясомъ существѣ: онъ какъ бы оглупѣлъ, летѣлъ сломя голову, вдругъ сталъ стоймя, но тотчасъ же перевернулся черезъ голову и въ еще болѣе глупомъ видѣ загремѣлъ куда-то въ бездну, разверзшуюся въ баржѣ. И все это съ такой непрерывною веселостью, шуткой, игрой между молодежью, что всѣ, кто смотрѣлъ на это, получалъ впечатлѣніе просто дѣтской радости—стоять и смотрѣть на это. А куль потерялъ всякій интересъ и никто на него не обращалъ вниманія, хотя онъ и былъ въ желѣзныхъ обручахъ и привыкъ умничать надъ человѣкомъ... И вотъ для такого-то впечатлѣнія—радости жить на свѣтѣ и видѣть живого человѣка — не потребовалось никакихъ неопрятныхъ приспособленій: всѣ дивчата одѣты хотя и въ трехкопѣечныя ситцевыя платьишки, хоть у всѣхъ у нихъ и были загорѣлыя ноги, мозолистыя руки... и въ то же время, несмотря на «черную работу», въ нихъ не пропала ни единая черта истинной красоты человѣческой вообще и женской въ частности.

IV.

Но, увы, читатель — это только въ началѣ «играетъ» жизнь, а трудъ исчезаетъ въ прелести этой игры. Эти триста молодыхъ дѣвушекъ еще только завязили коготокъ въ желѣзную лапу купона, но разъ коготокъ увязъ—такъ и всей птичкѣ пропасть. Много еще въ нихъ живой души, живой непочатой силы жить; но дальнѣйшій путь жизни ихъ нехорошъ: безъ всякой жалости расхититъ онъ и растащитъ живую душу. Среди рабочихъ, уже *видавшихъ виды*, уже «обыкшихъ» среди рабочихъ порядковъ и нравовъ, складывающихся по волѣ купона, слышатся иной разъ глубоко омерзительные разговоры о женщинахъ, о тѣхъ самыхъ, которыхъ я видѣлъ еще играющими, «какъ дѣтей».

— Онъ что говоритъ про меня? небрежно поплевывая подсолнухи, спрашиваетъ одинъ бывалый рабочій у другого, тоже бывалаго; они встрѣтились на желѣзной дорогѣ въ вагонѣ.

— Онъ говоритъ, что по мордѣ тебя билъ за сестру... Я, говоритъ, ловко ему морду «раздѣлалъ».

— По мордѣ?

Продолжая плевать скорлупу, первый рабочій думаетъ о чемъ-то и, подумавъ, говоритъ:

— Нѣтъ; вретъ онъ (такой-сякой), по мордѣ онъ меня не билъ...

— Онъ говоритъ, по мордѣ, говоритъ отжарилъ.

Опять что-то обдумываетъ тотъ, кого будто бы били по мордѣ, и, поплевавъ скорлупу и подумавъ, опять, не спѣша, произноситъ:

— По уху далъ два раза, а по мордѣ не билъ... Это онъ вретъ!..

— Ты чего съ сестрой-то?

Рабочій опять подумалъ и очень небрежно отвѣтилъ:

— *Подлюга* она была моя... очень просто!.. А онъ, братъ ея (такъ и такъ), сманилъ ее къ приказчику... Денегъ взялъ съ приказчика... Я воротился изъ города, а она у приказчика. Утромъ дождался ее, встрѣлъ, оттрепалъ за косы... Она выть... Прибѣжалъ братъ—хотѣлъ мнѣ въ рыло... Ну, я его пхнулъ... Тогда они меня вдвоемъ повалили, руки держутъ, ну, и два раза по уху далъ... А по мордѣ не билъ...

Я, слушая этотъ разговоръ, признаться сказать, не понялъ хорошенько — говоритъ ли онъ *подруга* или, какъ мнѣ легко могло послышаться, *подлюга*, и, чтобы выдти изъ затрудненія, спросилъ у рабочаго точнаго отвѣта.

— Обыкновенно *подлюга*! Какое же ей имя, коли ежели на это идетъ?

— Да вѣдь вы сами совращаете?

Рабочій улыбнулся и сказалъ:

— Да вѣдь намъ что подъ руку попало. Коли идетъ, такъ — чего же? А *подлюга* потому, что хорошая на это не пойдетъ!

— Отчего же бываютъ однѣ и другія?

Рабочій молчалъ и соображалъ, не покидая подсолнуховъ.

— Ежели у которой родитель строгъ, то она не позволитъ... А у которой родители строгости не имѣютъ, такъ она и пошла черезъ голову... Строгости нѣтъ—вотъ отъ чего!

И такъ опять *строгость*, извѣстное россійское средство отъ всѣхъ болѣзней.

Но, какъ кажется, видавшій виды рабочій по временамъ начинаетъ ощущать и гнѣвъ, и стыдъ и, какъ я уже сказалъ выше, сердиться. Подъѣзжая къ Ростову, мы видѣли, какъ оттуда по берегу промчался поѣздъ по направленію къ Новочеркасску — спеціальновоенный: вагоновъ десять были наполнены казаками.

— Это они съ *усмиренія* ворочаются, сказалъ одинъ изъ пассажировъ.

Въ Ростовѣ я видѣлъ три турецкихъ гостинницы, разнесенныхъ рабочими до моего пріѣзда за три дня. Работа была очевидно моментальная и сокрушительная; впрочемъ теперь почти все ужъ и возстановлено: рамы, двери, окна, лѣстницы—все новое...

За что и на кого онъ сердится? Почему ему нужна неправдоподобная легенда непремѣнно про иновѣрцевъ? «Турки зарѣзали христіанина». «Евреи зарѣзали, задушили». «Татаринъ убилъ». Что это такое?

Примѣчаніе. Въ этихъ «письмахъ съ дороги» въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ и набросках сдѣлано обозрѣніе не очень радостныхъ явленій какъ городской, такъ и деревенской жизни настоящаго времени. «Мечтанія» въ концѣ концовъ оказываются все-таки дѣломъ почти неминучимъ для русскихъ людей всякаго званія, переживающихъ трудныя времена. Да позволено же мнѣ будетъ эти невеселыя письма закончить возвратомъ опять-таки къ мечтаніямъ, которыя, какъ извѣстно, никогда скучными не бываютъ. Помѣщаемая ниже статейка объ одномъ литературномъ произведеніи—потому именно и помѣщается въ «письмахъ съ дороги», что написана подъ впечатлѣніемъ *веселыхъ минутъ*, которыя дала мнѣ встрѣча съ хорошо устроившимися переселенцами.

X. «Трудовая» жизнь и жизнь «труженическая».

I.

Нельзя не признать, что мечтанія о томъ, «какъ жить свято», занимаютъ въ сознаніи современнаго русскаго общества всякаго званія — далеко не послѣднее мѣсто. Всякаго рода ученія, указывающія «истинные пути», циркулируютъ въ русскомъ обществѣ въ великомъ множествѣ. Постоянно слышите о проэктахъ устройства колоній, поселеній, земледѣльческихъ общинъ, и даже не только о проэктахъ, а о самыхъ реальныхъ опытахъ осуществленія этихъ проэктовъ на дѣлѣ. Какого-бы-то ни было видимаго и скораго успѣха этихъ опытовъ конечно ожидать невозможно: человѣкъ, протестующій своими мечтаніями противъ условій культурной жизни, которую ему ничего бы не стоило принять въ готовомъ видѣ, тѣмъ не менѣе самъ уже зараженъ уваженіемъ къ ея благамъ, и, плѣненный строемъ справедливой народной жизни, однакожъ не можетъ не содрогаться, сталкиваясь въ ней иногда съ проявленіями удручающей тьмы и дикости.

При такой неясности положенія, культурному человѣку трудно чувствовать себя увѣреннымъ и идти къ цѣли бодрымъ и смѣлымъ шагомъ. Цѣль еще недостаточно опредѣлилась для него и вырисовывается еще въ неясныхъ очертаніяхъ пока еще только мечтаемой, справедливой жизни. Но неосуществимость всѣхъ этихъ мечтаній на дѣлѣ не можетъ умалить значенія сущности мечтаній: жить такъ, чтобы избавиться отъ грѣховъ современныхъ условій жизни,—это стремленіе почтенно и значительно. И вотъ почему я въ настоящей замѣткѣ хочу обратить вниманіе читателей на одно литературное произведеніе, въ которомъ авторъ доказываетъ намъ, что мечтанія, не мирящіяся съ грѣхомъ современной жизни, существуютъ и охотно воспринимаются въ средѣ людей чисто народной среды, причемъ, самое важное, дѣйствующія лица его разсказа—рѣдкіе образчики людей самаго благороднаго крестьянскаго типа—чувствуя общую съ культурными людьми потребность «жить свято», не только не имѣютъ надобности чего-нибудь отбросить изъ своего строя жизни, какъ это неминуемо для культурнаго человѣка, но стремятся напротивъ не только сохранить его во всей стройности и многосложности, но и еще прибавить къ нему новыхъ заботъ, осложнить его благами, выработанными культурой: — не «сократить» себя, какъ стремится дѣлать культурный человѣкъ, желающій «опроститься», а напротивъ, расширить количество своихъ жизненныхъ интересовъ. Нельзя не сказать поэтому нѣсколькихъ словъ и объ этихъ своеобразныхъ мечтаніяхъ, хотя бы мечтанія ихъ и были только пока мечтаніями.

II.

Мѣсто дѣйствія изображаемыхъ г. Тимощенковымъ мечтателей—совершенно неизвѣстная, невѣдомая намъ калмыцкая степь.

Всякій, кто желаетъ основательно и въ то же время не обременяя себя мелочными, ничего никому не говорящими, подробностями узнать жизнь этой пустынной равнины, простирающейся треугольникомъ отъ Царицына до Ростова и отъ Ростова до Петровска на Каспійскомъ морѣ, найдетъ въ произведеніи г. Тимощенкова истинное сокровище*). Онъ не только вполнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, узнаетъ жизнь этого пустыннаго угла со всѣми его особенностями, но и получитъ вообще величайшее художественное наслажденіе. Новизна типовъ, новизна природы, борьба человѣка, предоставленнаго только собственнымъ своимъ силамъ, съ тысячами стихійныхъ затрудненій—все это изображено сильно, ярко, выразительно и вообще не уступаетъ по мастерству работы произведеніямъ первоклассныхъ русскихъ художниковъ. Но самое важное, что особенно заинтересуетъ читателя,—это изображеніе образцовой крестьянской семьи, достигшей «трудами рукъ своихъ» полнѣйшаго благосостоянія и возможной только въ такихъ дикихъ, какъ бы оставленныхъ «безъ вниманія» странахъ, какъ мало обитаемая калмыцкая степь.

Во главѣ этой огромной, широко и полно разросшейся крестьянской семьи стоитъ крестьянинъ «Захаръ Абрамовичъ Земля», человѣкъ *безпредѣльнаго радушія и добраго сердца.* Смолоду Захаръ Абрамовичъ былъ крѣпостнымъ, но за какія-то особенныя услуги передъ бариномъ онъ болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ со всѣмъ своимъ семействомъ былъ отпущенъ на волю. Выпущенный на волю, онъ поселился въ привольной калмыцкой степи, которая въ то время, по выраженію калмыковъ, была «земля безъ господина».

---

*) Въ этой замѣткѣ я говорю не о всей книгѣ г. Тимощенкова «*Борьба съ земельнымъ хищничествомъ*», а только о ея первой части, напечатанной первоначально въ журналѣ «*Новь*».

Онъ поселился на широкомъ привольѣ, занявъ по праву перваго захвата столько земельныхъ угодій, «сколько пожелалъ», и зажилъ со всею семьей во всякомъ довольствѣ и изобиліи. Въ настоящее время почтенному старику давно уже перевалило за 70 лѣтъ, но онъ еще бодръ, свѣжъ, сохранилъ зубы,—словомъ, пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ. У него огромная семья рѣдкаго притомъ благосостоянія. Она состоитъ болѣе чѣмъ изъ *семидесяти душъ*. Старшему сыну его 48 лѣтъ, старшему внуку 33 года. Самъ Земля со своею женой-старушкой живетъ постоянно въ слободѣ, на старомъ пепелищѣ; сыновья же его и два зятя живутъ пятью отдѣльными хуторами въ степи, но составляютъ одну семью съ общимъ имуществомъ. Хутора пользуются полнымъ привольемъ въ земельномъ отношеніи, отстоятъ одинъ отъ другого верстъ на 30—40 и въ каждомъ изъ нихъ полное хозяйство большой крестьянской семьи! Въ каждомъ хуторѣ по два плуга воловъ, до двухсотъ головъ рогатаго скота, отъ полуторы до двухъ тысячъ овецъ, значительное количество птицы и другого инвентаря. Сыновья и зятья распоряжаются въ каждомъ хозяйствѣ самостоятельно, но отдаютъ отцу отчетъ...

Земля не выдаетъ своихъ дочерей и внучекъ въ замужество «за дворъ», т. е. въ люди, а беретъ зятьевъ въ свой домъ, и такимъ образомъ семья его растетъ съ большою быстротой. Въ послѣдніе годы *въ его семьѣ родится болѣе десяти дѣтей*. Многочисленной семьѣ своей Земля ведетъ строгую статистику. У него есть особая тетрадка, куда онъ записываетъ имя, время рожденія и крещенія каждаго ребенка, рожденнаго въ его большой семьѣ. Когда привезутъ съ какого-нибудь изъ пяти его хуторовъ крестить ребенка и окрестятъ, Захаръ Абрамовичъ запишетъ его имя въ тетрадку, подведетъ итогъ и скажетъ своей женѣ:

— Теперь, старуха, у насъ двѣнадцать Ивановъ, семь Андрюшекъ, девять Настюшекъ, четыре Акулины, три Марины...

Этихъ Настюшекъ и Андрюшекъ въ семьѣ Захара Абрамовича расплодилось такое множество и, что главное, такого поразительнаго сходства въ типѣ и породѣ, что въ послѣдніе годы въ семьѣ этой былъ такой случай... Захаръ Абрамовичъ женилъ въ одинъ день сразу трехъ внуковъ. Для публики это было такъ занимательно, что смотрѣть на эту *тройную* свадьбу приходили и пріѣзжали изъ дальнихъ мѣстъ. Двое изъ этихъ внуковъ были близнецы и такъ похожи ростомъ и лицомъ другъ на друга, что часто *даже родители* ихъ не различали и называли Ивана Петромъ, а Петра Иваномъ. На свадьбѣ, *чтобы невѣсты* и ихъ родственники *не ошиблись въ женихахъ*, одного изъ нихъ, для примѣты, должны были перевязать бѣлымъ платкомъ.

Вся эта многочисленная семья жила на свѣтѣ конечно исключительно *трудами рукъ своихъ*; но, читая превосходнѣйшія страницы г. Тимощенкова, въ которыхъ разработаны подробности трудовой жизни семьи Захара Абрамовича—эту неустанную борьбу съ природой, со звѣремъ, съ хищной птицей, съ бурями, метелями, неурожаями, падежами скота, болѣзнями и бѣдами въ жизни людей, и т. д., — вы *ни на одну минуту* не останавливаетесь на *трудности* этой *трудовой* жизни, а, напротивъ, каждую минуту ощущаете *безмѣрную зависть къ ея всестороннему разнообразію*.

Прочитавши напримѣръ страничку о трудовой жизни какого-нибудь студента или студентки, попробовавшихъ научиться жить «своимъ трудомъ» подъ руководствомъ какого-нибудь опытнаго сельскаго хозяина (примѣры этому не рѣдки); чувствуешь *именно трудъ*, несчастье попасть въ *такое нелѣпое положеніе*. Легкое ли дѣло — жить въ какой-то мурьѣ, ѣсть «сѣрыя щи», отъ которыхъ «пучитъ», получать 30 коп. поденной платы и... утѣшаться только тѣмъ, что каждый кусокъ заработанъ *своимъ* трудомъ и что не въ праздности, а въ трудѣ прошелъ цѣлый день, съ трехъ часовъ утра до девяти вечера, и что наконецъ легъ спать не на постель, а на сырой полъ, а въ концѣ-концовъ даже и угорѣлъ до полусмерти. Неужели *это-то* и есть *народное*? Это тиранство — и нужда, и горе, отъ котораго всѣми способами желалъ бы вырваться каждый батракъ! И вовсе неудивительно, что этотъ батракъ съ ироніей смотритъ на «барина», который «бросилъ городъ», начинаетъ жить «по-народному», полагая, что если его ударитъ сто разъ въ день потъ, да надорветъ онъ себѣ внутренности, да затрещитъ у него спина, такъ это самая и есть *трудовая жизнь*. Не думаю, чтобы напримѣръ такой писатель, какъ Крафтъ-Эбингъ, въ своей книгѣ: *Нашъ нервный вѣкъ*, придавалъ именно такое *каторжное* значеніе крестьянскому труду, на который онъ указываетъ какъ на цѣлебное средство отъ многихъ язвъ, изнуряющихъ современное культурное общество. Сравнивъ духовную жизнь нашего поколѣнія съ хищническимъ способомъ земледѣлія и говоря, что злоупотребленіе духовными силами доведено въ наше время до полной непроизводительности, онъ совѣтуетъ слѣдующее: чтобы не истощить почвы, земледѣлецъ прибѣгаетъ къ плодоперемѣнной системѣ. «Какъ измѣнилась бы судьба потомковъ умственныхъ дѣятелей, если бы дѣти и внуки послѣднихъ, придерживаясь подобной *плодоперемѣнной* системы, обратились къ первобытному назначенію человѣческой дѣятельности—*сельскому хозяйству*». Если «сельское хозяйство» понимать «по нашему», т. е. въ смыслѣ рабочей избы съ тараканами, сѣрыми щами, вспученнымъ животомъ, ломотой и простудой «во всѣхъ суставахъ», такъ, мнѣ кажется, не зачѣмъ ѣздить ни къ г. Энгельгардту, ни въ Едимоново. Стоитъ только поговорить съ любымъ рабочимъ, чтобъ узнать, что и онъ точно такъ-же, какъ и «интеллигентный работникъ», спитъ въ мурьѣ, страдаетъ нутромъ и вообще совершенно замученъ. За такими прелестями рѣшительно нѣтъ надобности хо-

дить въ деревню; въ городѣ можно не только «натрудить» руку, спину и вообще закряхтѣть отъ работы, а и въ котлѣ съ кипяткомъ, напримѣръ, свариться на фабрикѣ, и съ крыши упасть и разбиться въ дребезги. Если такъ, то слова: *самъ своими руками* — тоже не имѣютъ ни малѣйшаго смысла. Кто-жъ это работаетъ и гдѣ бы то ни было не своими руками? Даже воръ — и тотъ самъ своими руками взламываетъ замки, а взломать иной замокъ будетъ иногда потруднѣе, чѣмъ выкорчевать пень или привезти бочку воды.

Вотъ почему, читая хронику жизни Захара Абрамовича, читатель невольно останавливаетъ свое вниманіе не на обиліи хозяйственнаго опыта, накопленнаго Захаромъ Абрамовичемъ въ долгіе годы его трудовой жизни (и кстати сказать, въ высшей степени интереснаго), а *главнымъ образомъ на обиліи нервной дѣятельности этого человѣка* и вполнѣ однородно живущей съ нимъ его семьи. Онъ живетъ *какъ простой мужикъ*: поле, скотина, изба — вотъ и все. Но вѣдь это только *аппаратъ* жизни, такой же простой и нехитрый, какъ, положимъ, и аппаратъ телеграфа. Очень нехитрый этотъ телеграфный аппаратъ по внѣшнему виду, однако при его помощи можно разговаривать со всѣмъ свѣтомъ; точно такъ-же и нехитрый аппаратъ жизни Захара Абрамовича даетъ ему возможность соприкасаться и жить въ широкомъ разнообразіи явленій, доступныхъ человѣку на бѣломъ свѣтѣ. Чего только этому «мужику» не надо знать, чего только ему не нужно предвидѣть, предугадать, обобщить! Вотъ у него табуны лошадей, стада овецъ. Ему нужно за годъ предвидѣть, будетъ ли чѣмъ прокормить скотъ въ будущемъ году; надобно ему знать, какая будетъ зима, какая весна; онъ долженъ напряженно изучать всевозможныя метеорологическія измѣненія, помнить тысячи примѣтъ, не упускать изъ вида ни цвѣта облаковъ, ни манеры паденія снѣга, ни того, гдѣ полевая мышь вьетъ гнѣздо. Онъ долженъ знать жизнь, нравы, замашки этой мыши до тонкости; проглядн онъ примѣту, не сообрази, не заготовь заранѣе сѣна и т. д., — и у него погибнутъ тысячи овецъ, лошадей... Онъ долженъ соприкасаться мыслью съ тысячами такого рода знаній, которыя въ культурномъ обществѣ составляютъ цѣлыя науки. Онъ знаетъ, какъ *лечить* дѣтей, больныхъ вообще, какъ лечить скотъ, знаетъ лекарства, травы, заговоры; ему нужно знать и о небѣ, и о землѣ, и о водѣ; ему надобно имѣть желѣзные мускулы, чтобы убить съ одного размаха волка; ему надобно имѣть нѣжное сердце, чтобы, замѣтивъ лихого человѣка, ублаготворить его, прежде чѣмъ онъ задумаетъ сдѣлать зло; ему надобно имѣть удивительное зрѣніе, чтобы за десятки верстъ видѣть то, что не видно человѣку съ нормальнымъ зрѣніемъ; онъ долженъ имѣть тонкій слухъ, чтобы слышать, какъ за десятки верстъ ходитъ табунъ и не напалъ ли на него лихой звѣрь или лихая птица. Словомъ, и физически, и нравственно онъ безпрерывно въ работѣ, и вотъ только эту-то разносторонность и безпрерывность живой духовной дѣятельности и надобно пристально изучать въ народной жизни, чтобы видѣть, какъ разносторонне хочетъ жить человѣкъ и какъ убійственно несправедливъ, ужасенъ (къ сожалѣнію, намъ этотъ ужасъ не вполнѣ ясенъ) строй жизни культурнаго общества, гдѣ, какъ говоритъ Крафтъ-Эбингъ, духовная жизнь истощена, какъ поле высосано хищникомъ. Сравните *количество* труда деревенской бабы и городской швеи. Гдѣ этого труда больше? Бабѣ нужно сдѣлать все самой: она родитъ, воспитываетъ дѣтей, няньчитъ ихъ, кормитъ, сама одѣвается и одѣваетъ всѣхъ, ходитъ за скотиной, за птицей, носитъ дрова, — однимъ словомъ, глядя со стороны, минуты у нея нѣтъ покою! А швея *только шьетъ* — ни поднять тяжелаго ведра, ни пойти за скотомъ въ поле, ни стряпать, ни ткать, ни прясть, ни жать — ничего этого не нужно, только — шей, шей, шей!... А вѣдь положеніе швеи ужасно, тогда какъ положеніе бабы вовсе не внушаетъ ужаса. Баба живетъ *вся*, а швея высосана нелѣпымъ строемъ жизни, истощена, какъ земля хищникомъ, который пять лѣтъ подъ-рядъ собираетъ съ нея только пшеницу, т. е тоже — шей, шей, шей!

Читатель испытаетъ величайшее наслажденіе, если посмотритъ на произведеніе г. Тимощенкова, изображающаго жизнь Захара Абрамовича, именно съ этой точки зрѣнія, т. е съ точки зрѣнія полноты духовной и физической жизни. Такую полноту духовной и физической жизни въ современномъ культурномъ обществѣ можно только *купить* на деньги, но для этого нужно предварительно ограбить Индію, Бирму, Египетъ, развратить, разорить, массы народа и массы же народа превратить въ «поставщиковъ впечатлѣній», которыя этотъ высшій типъ современнаго общества и *купитъ*. Чтобы быть сильнымъ и здоровымъ, ему нужна ѣзда верхомъ въ Гайдъ-паркѣ, ему нуженъ массажъ, чтобы не застоялась кровь, ему нуженъ художникъ, чтобъ въ непріятную минуту успокоить свои нервы деревенскимъ ландшафтомъ, а при упадкѣ ихъ — поднять взглядомъ на картину, возбуждающую волненіе. Онъ такъ соскучился въ Лондонѣ, что ему *сейчасъ* нужно *природы*, и вотъ экспрессъ мчитъ его въ Альпы, и среди лѣта онъ весело ощущаетъ на щекахъ крапинки альпійскаго снѣга... Сколько народу *порабощено* имъ для того, чтобы онъ могъ жить *разносторонне*! Несомнѣнно, при помощи опустошенной Индіи, Бирмы, Египта, можно устроить себѣ жизнь, *полную впечатлѣній*, но эта жизнь будетъ неправда, зло... А вотъ Захаръ Абрамовичъ умѣетъ основать жизнь, несравненно болѣе разнообразнѣйшую, и во имя этой жизни не пропадетъ и мухи на свѣтѣ!

Тѣмъ-то и достоинъ глубочайшаго вниманія *строй* народной *трудовой жизни*. Въ культурномъ строѣ нужны деньги для того, чтобы *купить* нужное человѣку содержаніе жизни, въ народномъ — нуженъ *трудъ* для того, чтобы все разнообразіе жизни далось даромъ. Правда, народная жизнь исполнена невѣжества и незнанія. Но развѣ во имя

знанія шьетъ швея, сгораетъ кочегаръ? При чемъ знаніе во всей этой потрясающей неправдѣ, и почему его нѣтъ здѣсь—въ строѣ чистомъ и справедливомъ? Отчего оно нейдетъ сюда?

До какой степени не похожи, по своему внутреннему плану, эти два строя жизни—культурный и народный (хотя тутъ и тамъ живутъ одни и тѣ же человѣческія существа), читатель можетъ увидѣть изъ одного чрезвычайно важнаго эпизода въ произведеніи г. Тимощенкова, касающагося самаго первѣйшаго условія культурной жизни —*денегъ*.

III.

Деньги нагрянули на богатую (по-крестьянски) семью Захара Абрамовича совершенно неожиданно. Это случилось уже въ то время, когда онъ жилъ пятью хуторами, въ полномъ довольствѣ и изобиліи. Изобиліе трудового богатства было такъ велико, что, помимо полнѣйшаго удовлетворенія всѣхъ семейныхъ нуждъ, Захаръ Абрамовичъ не жалѣлъ добра и для ближняго. Всѣмъ сыновьямъ и внукамъ разъ навсегда приказано: «Пріѣдетъ гость—рѣжь барана, мало—двухъ!» Дѣйствительно, если къ нему кто пріѣзжаетъ, рѣжутъ барана, хотя бы въ домѣ и было много всякой снѣди. Въ обыкновенное время въ домѣ Захара Абрамовича на столѣ, покрытомъ скатертью, непремѣнно находится три вещи: цѣлый, непочатый хлѣбъ, солонка съ солью и на большомъ блюдѣ жареный молодой баранъ или поросенокъ. Такъ это заведено и во всѣхъ хуторахъ. Если случится гость, то на столъ подается глиняный баклажокъ съ водкой. Если гостей не было, то вечеромъ, когда возвращаются пастухи, бывшій днемъ на столѣ баранъ или поросенокъ дѣлится между ними... Когда онъ женитъ кого-нибудь изъ своихъ внуковъ или выдаетъ замужъ внучку, то у него бываетъ пиръ на весь міръ. Жарятъ сотни гусей въ печахъ, цѣлыхъ барановъ и быковъ на вертелахъ. Еще задолго до свадьбы заготовляется множество боченковъ съ водкой; во время самой свадьбы носятъ кромѣ того водку ведрами, на коромыслахъ, нарочно изъ самаго дальняго кабака, черезъ всю слободу. Это дѣлается для того, чтобы побольше людей могло встрѣтиться съ несущими водку, выпить висящимъ на ведрѣ корцомъ и пожелать новобрачнымъ всякаго добра.

Не мало дѣлалъ онъ добра и вообще для добрыхъ людей. Извѣстно, что въ степяхъ нѣтъ воды, а если и есть гдѣ природныя водохранилища, то вода въ нихъ горькая и соленая и чрезвычайно вредная для человѣка; но стоитъ только выкопать рядомъ съ такимъ водохранилищемъ колодецъ, то получается вода прѣсная и годная къ употребленію. «Чтобъ облегчить коннымъ и пѣшимъ передвиженіе по этимъ пустыннымъ степнымъ дорогамъ, Захаръ Абрамовичъ еще лѣтъ 15 тому назадъ выкопалъ для нихъ въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ до 30 колодцевъ, обложилъ ихъ камнемъ и каждый годъ ѣздитъ чистить и поправлять ихъ. По этимъ дорогамъ онъ устроилъ во многихъ мѣстахъ часовни, причемъ нѣкоторыя поставилъ у самыхъ колодцевъ. Большинство часовенъ состоитъ изъ деревянныхъ столбовъ, вкопанныхъ въ землю, съ полками на верху и навѣсами надъ ними въ видѣ треугольниковъ. Въ этихъ часовняхъ, на полкахъ или въ нишахъ, стоятъ иконы и *помѣщается провизія для путниковъ*, какъ-то: пироги, яблоки, арбузы, дыни. Полки устроены такимъ образомъ, что ни собака, ни другое животное не можетъ достать лежащей на нихъ провизіи. По праздникамъ у З. А. печется огромное количество пироговъ, начиненныхъ сыромъ, капустой и мясомъ, и развозятся по часовнямъ».

Словомъ, все, что сердечная доброта Захара Абрамовича и огромное крестьянское богатство могли сдѣлать хорошаго ближнему въ крестьянской средѣ, все дѣлалъ З. А., не жалѣя своихъ достатковъ и щедро расточая ихъ. И такъ тихо, чисто и ужъ истинно вполнѣ благородно жилъ на свѣтѣ крестьянинъ Земля. «Несмотря на свои преклонныя лѣта, онъ всегда тамъ, гдѣ больше работы, въ которой онъ продолжаетъ участвовать, не отставая отъ другихъ».

Но въ тотъ моментъ, когда онъ достигъ такого удивительнаго крестьянскаго благосостоянія, которое позволяло ему плодиться и множиться, наполнять землю и творить добро безпрепятственно, ему пришлось совершенно для него неожиданно сдѣлаться огромнымъ *денежнымъ богачемъ*, и къ богатству *трудовому* прибавилось богатство *денежное*.

Поселившись съ своею семьей пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ на степномъ привольѣ, Захаръ Абрамовичъ понятія не имѣлъ о какой бы то ни было торговлѣ и промышленности. «Продукты сельскаго хозяйства тогда еще не шли за-границу. Поэтому большой быкъ стоилъ 5 коп. мѣдью, четверть овса —полторы коп. и ведро водки—буквально грошъ. Въ то время русскому земледѣльцу и сельскому хозяину невозможно было обращаться въ промышленники и наживать капиталъ. Онъ производилъ продукты почти только для себя, но зато жилъ въ довольствѣ. Таково было общее положеніе сельско-хозяйственныхъ дѣлъ. Но вотъ, по ходатайству Императорскаго вольно-экономическаго общества (къ сожалѣнію, г. Тимощенковъ не говоритъ, когда именно было такое ходатайство), разрѣшенъ былъ свободный пропускъ хлѣба и другихъ сельскихъ продуктовъ за-границу, и полились за море изъ Россіи: пшеница, рожь, масло, сало, повалили туда кожи, шерсть, пухъ, щетина. Это было своего рода эпохою въ жизни русскихъ сельскихъ хозяевъ. Цѣны на продукты разомъ страшно поднялись: рожь и овесъ стали продаваться по 2 руб. за четверть, быкъ 30—40 р. Къ Захару Абрамовичу налетѣла масса скупщиковъ и буквально завалила его деньгами; Захаръ Абрамовичъ только протиралъ глаза отъ удивленія, ахалъ и не зналъ, *куда дѣвать деньги*. Онъ не выгонялъ на ярмарки рогатаго скота и овецъ, не вывозилъ на рынокъ хлѣба, но купцы сами пріѣзжали къ нему и привозили *цѣлые мѣшки денегъ*. Тогда въ этой

мѣстности совсѣмъ еще не было бумажекъ, а ходила только звонкая монета: народъ не вѣрилъ бумажкамъ и не принималъ ихъ. Захару Абрамовичу стали платить за его скотъ и хлѣбъ золотомъ, серебромъ и мѣдью, и Захаръ Абрамовичъ буквально не зналъ, что̀ дѣлать съ этими разнаго вида золотыми, серебряными и мѣдными кружечками.

Сначала онъ велѣлъ своей женѣ заматывать золото въ червонцахъ въ клубки шерсти и пеньки и вѣшать эти клубки (иногда съ рѣшето величиной) на палатяхъ, подъ крышей, на чердакѣ дома и въ другихъ мѣстахъ. Сталъ класть золото въ чулки, сумки, гаманы и запиралъ въ сундукъ; серебро же и мѣдь просто сыпалъ въ сундуки. Черезъ нѣсколько лѣтъ денегъ у него накопилось столько, что *негдѣ было уже хоронить*, и онъ порѣшилъ, наконецъ, не держать ихъ при себѣ, а раздѣлить поровну между тремя сыновьями и двумя зятьями. Какъ-то во время рождественскихъ праздниковъ онъ собралъ всѣхъ своихъ и произвелъ дѣлежъ—золото дѣлили счетомъ, высыпая червонцы кучами на столъ, серебро и мѣдь *просто мѣрили хлѣбною мѣрой*, нагребая ее изъ сундуковъ. Съ этого времени раздѣлъ денегъ производился въ семьѣ каждый годъ въ извѣстное время.

Кажется, молодому-то поколѣнію семьи Захара Абрамовича можно бы было изобрѣсти что-нибудь поновѣе прятанья золота въ чулки и попрактичнѣе распорядиться имъ, но трудовой порядокъ жизни оказался до такой степени прочнымъ, до такой степени удовлетворяющимъ рѣшительно всѣмъ семейнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и умственнымъ потребностямъ и надобностямъ, что и у молодого поколѣнія просто-таки не хватало фантазіи на что-нибудь и какъ-нибудь тратить эти огромные капиталы, которыми оно располагало.

«Сыновья и зятья Захара Абрамовича *берегли и прятали деньги разными манерами, какъ кто могъ придумать*. Они сыпали ихъ въ закрома съ хлѣбомъ; клади въ горшки и закапывали ихъ въ разныя мѣста въ землю; затыкали въ соломенныя и камышовыя крыши домовъ и сараевъ; секретно отъ другихъ домашнихъ долбили и сверлили сохи, лѣстницы и бревна, валявшіяся на дворѣ, клали туда деньги и забывали; *запихивали ихъ въ бараньи и бычачьи рога и бросали эти рога валяться среди двора, какъ ни въ чемъ не бывало*. У иного гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ валялась *десятки лѣтъ* цѣлая куча ни на что и никому ненужныхъ бараньихъ роговъ, и никто не могъ думать, что̀ они скрываютъ въ себѣ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ мѣръ храненія денегъ, послѣдняя пожалуй надежнѣе другихъ. Деньги же, засыпанныя въ закрома, часто *по забывчивости* вмѣстѣ съ зерномъ продавались купцамъ на мѣру; деньги, закопанныя въ землю, терялись совершенно, когда хозяинъ *забывалъ*, гдѣ зарылъ, а это случалось очень часто. Въ крышахъ домовъ и сараевъ деньги еще чаще терялись, въ бревнахъ и сохахъ онѣ обнаруживались отъ гніенія дерева, во время пожаровъ превращались въ слитки»... *Такъ бились и горевали съ деньгами степняки!*

Обиліе денегъ не могло ни на волосъ прибавить въ жизни всей этой огромной и обильной всякимъ достаткомъ семьи самаго малѣйшаго удобства или вызвать въ людяхъ этой семьи какую-нибудь потребность, которая не была бы уже удовлетворена полнотою ихъ трудовой жизни; обиліе денегъ поэтому только томило ихъ всѣхъ; они чувствовали, что въ крышахъ, столбахъ, чулкахъ, бараньихъ рогахъ, въ закромахъ и сундукахъ лежитъ какая-то страшная, притягивающая вниманіе и раздражающая мысль сила, но что̀ съ нею дѣлать—рѣшительно не знали. Одинъ изъ зятьевъ Захара Абрамовича, вѣроятно наслышавшись «отъ людей» о томъ, что деньги ходятъ подъ проценты, сталъ отдавать свои капиталы въ ростъ разнымъ торговцамъ, сталъ получать проценты, которые также невѣдомо было куда дѣвать, которые, такъ же какъ и капиталъ, прятались и хоронились разными способами. Опытъ наживать деньги на процентахъ кончился тѣмъ, что торговецъ, вошедши въ довѣріе, «занялъ сразу 25 тысячъ и скрылся съ ними». Потеря этой суммы, ни на единую іоту не отозвавшаяся на благосостояніи семьи этого человѣка, попробовавшаго «что-то» сдѣлать съ деньгами, показала ему только новую сторону огорченій, причиняемыхъ деньгами. То ночей не спишь и ума не приложишь, куда бы ихъ спрятать, то мучаешься, что пропали, а зачѣмъ собственно свалилась на бѣдныя головы такая мука—неизвѣстно.

Въ послѣдніе годы Захаръ Абрамовичъ надумалъ кое-что сдѣлать съ своими богатствами и нашелъ возможнымъ не безвредно тратить изъ нихъ, конечно, самую малую часть. Въ его большой семьѣ грамота всегда была не рѣдкостью; и мужчины, и женщины въ большинствѣ были грамотны, умѣли читать Псалтырь, Евангеліе и умѣли, что̀ потребуется по хозяйству, записать. Въ настоящее время Захаръ Амбрамовичъ рѣшилъ подвинуть дѣло грамотности дальше: пятерыхъ изъ своей семьи, трехъ внуковъ и двухъ внучекъ, онъ отдѣлилъ и рѣшилъ дать имъ самое лучшее образованіе: одинъ изъ внуковъ его кончаетъ теперь въ университетѣ, два — гимназиста, а двѣ внучки — въ институтѣ. «На каникулы эти внучки ежегодно пріѣзжаютъ домой въ степь и охотно участвуютъ въ полевыхъ и домашнихъ работахъ».

Охотно или неохотно участвуютъ внучки-институтки въ работахъ и доставляетъ ли имъ это какое-нибудь удовольствіе—это вопросы, о которыхъ мы разговаривать не будемъ, но попробуемъ представить себѣ, что З. А. поддался-бы общему ходу жизни, т. е. сначала отдѣлилъ-бы дѣтей, а потомъ и самъ помаленьку перебрался бы изъ трудового строя жизни въ другой, купонный. Что̀-бы изъ этого могло выйти?

Я думаю, что вышли бы вещи удивительно неожиданныя, и притомъ такого свойства, что уничтожили бы все обаяніе Захара Абрамовича, какъ образцоваго и благообразнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка; превратили бы эту благообразную фигуру богатаго крестьянина, распространяющую вокругъ себя тепло, жизнь и свѣтъ, въ ирач-

ную, безпощадную, алчную, ненасытную фигуру *волка*, хотя (что особенно важно) самъ Захаръ Абрамовичъ оставался бы съ *тѣми* же размѣрами личныхъ требованій, какія онъ въ благопріятныхъ условіяхъ трудового строя жизни могъ удовлетворять безъ капли зла, насилія и жестокости.

Затянуть Захара Абрамовича изъ трудового строя жизни въ строй денежный могло бы самое ничтожное обстоятельство; судьба внука, окончившаго университетъ и желающаго сдѣлать уже не деревенскую карьеру, могла бы показать Захару Абрамовичу силу и значеніе денегъ. Замужество внучки-институтки, конечно ужъ съ немужикомъ, а съ благороднымъ, еще болѣе и скорѣе могло бы освѣтить ему широчайшіе размѣры значенія денегъ и богатства. Попробуй онъ такъ же пышно, такъ же на славу «справить» хотя бы одну только внучкину свадьбу, справить такъ, чтобы радовалась его *любвеобильная* душа, чтобы все было по-хорошему, чтобы домъ былъ полная чаша, чтобы ребята у внучки родились какъ ягоды, чтобы «нужды они не знали», чтобы ее въ поминѣ не было—словомъ, чтобы не хуже, а лучше людей»—и вотъ уже безмѣрная *сила* денегъ, ихъ всемогущество и безграничная потребность въ нихъ ясна ему, какъ день. *Все* надо купить! Для этого строя жизни нельзя взять изъ деревенскаго трудового строя ни одной нитки; все, начиная буквально съ нитки, здѣсь все нужное, и *должно быть* купленое—таковъ строй; должно быть куплено *все*: одежда, пища, жилище, душевное настроеніе, должно быть куплено кормленіе дѣтей, воспитаніе ихъ, ихъ здоровье, ихъ умъ—все, все, до послѣдней иголки въ домѣ должно быть взято на деньги, взято отъ кого то другого.

Если бы Захару Абрамовичу только разъ удалось «отвѣдать» этой жизни, онъ бы почувствовалъ, что ему «обѣими руками» нужно схватиться за свой набитый деньгами сундукъ, и онъ схватился бы за свое золото съ жгучею страстью—*ему много надо*; онъ привыкъ много чувствовать, широко распускать и удовлетворять свои *разнообразныя* душевныя требованія; онъ привыкъ, чтобы кругомъ его все жило, плодилось, множилось, цвѣло, было довольно, сыто, весело; онъ привыкъ, однимъ словомъ, чтобы его жизнь и жизнь окружающая была полнымъ-полна, и представьте, что онъ наконецъ ясно, какъ день, увидѣлъ, что «въ городѣ» для удовлетворенія всѣхъ его широко развитыхъ и многообразныхъ физическихъ и нравственныхъ потребностей нужны *только* деньги, и представьте себѣ, что онъ уже не въ деревнѣ, что онъ переѣхалъ въ городъ, живетъ городскимъ строемъ жизни, *сохраняя ту-же широту и благообразіе желаній*, которыя онъ вполнѣ удовлетворялъ въ крестьянствѣ. Что онъ будетъ такое? Онъ будетъ тиранъ и звѣрь, безпощадный въ удовлетвореніи своихъ *многообразныхъ потребностей*! Только здѣсь *способы удовлетворенія многообразныхъ* потребностей *иные*. Если въ крестьянствѣ Захаръ Абрамовичъ, подкарауливая по ночамъ волковъ, не смыкая глазъ, безпощадно билъ ихъ, ломая имъ ноги, чтобы они не портили скота, который нуженъ для семьи и для ея благосостоянія, если въ крестьянствѣ онъ привыкъ *чутьемъ* чуять погоду, дождь, или тѣмъ же чутьемъ онъ привыкъ узнавать, больна ли у него скотина, или здорова, и т. д., то вся эта *тонкость въ чутьѣ*, ловкость въ силѣ, осторожность въ подсиживаніи, въ подкарауливаніи и т. д.—все это, необходимое въ деревнѣ для достиженія благосостоянія и наилучшей обстановки источника благосостоянія—*труда*, здѣсь, въ городѣ, полностью, цѣлостью перенесено будетъ Захаромъ Абрамовичемъ на здѣшній, городской источникъ благосостоянія — на деньги и, *почуя* ихъ силу, онъ тотчасъ *почуетъ* силу *банка*, векселя, кредита, оборота. Онъ *подкараулитъ*, какъ волка ночью, оплошность двойной итальянской бухгалтеріи; онъ *пронюхаетъ* теченіе и тонъ *господствующихъ* идей, руководясь которыми можно пробраться къ источнику—къ сундуку; онъ *нутромъ* пойметъ высокопоставленное лицо, отъ котораго зависитъ путь къ сундуку: не сказавъ съ высокопоставленнымъ ни слова, онъ *такъ*, какъ узнавалъ, больна или здорова лошадь, однимъ взглядомъ, *самъ не зная какъ*, узнаетъ, добръ или сердитъ начальникъ, какимъ голосомъ говорить съ нимъ и какія слова? И проберется, и *то же*, что *тѣми же* средствами физическими и нравственными удовлетворялъ въ трудовой деревенской жизни, удовлетворитъ и въ этой, новой городской жизни, но ужъ, извините, если въ концѣ-концовъ окажется, что «залъ засѣданія судебныхъ установленій» не будетъ въ состояніи вмѣстить болѣе 4 человѣкъ зрителей, такъ какъ скамьями подсудимыхъ и толпами свидѣтелей набито биткомъ все *зданіе* суда. И все родня: пятнадцать Андрюшекъ, двѣнадцать Аксюшекъ, три Марины да четыре Акулины. Расхищено денегъ милліоны, векселя перемѣшаны въ этихъ «вещественныхъ доказательствахъ» со счетами портныхъ, акушерокъ... Свадьбы... приданое... зять, деверь, внучатный племянникъ... троюродный внукъ... консаментъ... дебетъ .. кредитъ... родила... завелъ любовницу... пожертвована икона... молебенъ... выписано 15 стерлядей на свадьбу... умерла внучка—словомъ, на лицо вся степь *съ безграничнымъ радушіемъ и широкимъ довольствомъ и раздольемъ*, только вокругъ этой степи кучи векселей, толпы нищихъ, ограбленныхъ, обозленныхъ, разоренныхъ, лишенныхъ куска хлѣба.

Кстати сказать: этотъ-то типъ человѣка съ мужицкими потребностями, перенесенными въ культурный строй жизни, и есть господствующій типъ въ русскомъ скороспѣломъ купонномъ обществѣ последней четверти столѣтія. Онъ проповѣдуетъ широкое мужицкое семейство, тишь да гладь, чистоту, скромность и строгость нравовъ своей семьи, но, перенося эти требованія въ труженическую среду, не можетъ не быть въ ней безпощаденъ и жестокъ. Просмотрите всѣ наши безчисленные хищническіе процессы — вездѣ хищникъ и «живорѣзъ» только и хлопочетъ о благосостояніи своей семьи, родни. Рыковъ, разорившій вокругъ себя массу народа и разорившій безъ всякаго сожалѣнія, очень огор-

чился, когда вмѣсто ожидаемаго мальчика у него родилась дѣвочка. Даже доктора Битнаго-Шляхту, присутствовавшаго при родахъ, возненавидѣлъ за неожиданную непріятность и «выслалъ» его изъ Скопина.

Нѣтъ, не такъ-то просто и легко удовлетворять *всѣмъ человѣческимъ потребностямъ* въ культурномъ строѣ общества, какъ даетъ возможность это дѣлать строй жизни народной при обстоятельствахъ, не искажающихъ и не стѣсняющихъ свободы его развитія. Въ своей статьѣ о женщинахъ гр. Л. Н. Толстой говоритъ, что обязанности женщинъ *нашего круга* будутъ совершенно выполнены, если женщина будетъ родить и воспитывать дѣтей. У меня нѣтъ подъ рукой сочиненія Л. Н., но я очень хорошо помню, что выраженіе *женщина нашего круга* находится въ статьѣ о женщинахъ. Вотъ это-то выраженіе какъ нельзя лучше отдѣляетъ два строя жизни—культурный и народный, труженическій и трудовой. И въ томъ, и другомъ строѣ живутъ одни и тѣ же полы—мужчины и женщины, но въ народномъ строѣ можетъ *родить всякая женщина*, можетъ безбоязненно и безстрашно исполнять всѣ свои женскія обязанности (если только строй не изуродованъ посторонними, не народными вліяніями). Всякій парень, у котораго есть руки и орудія труда, можетъ «плодиться, множиться и населять землю» вмѣстѣ со своей женой. Совершенно не то въ культурномъ строѣ современнаго общества: *здѣсь не можетъ* родить и воспитывать дѣтей *всякая женщина*, здѣсь *всякій* мужчина не можетъ быть отцомъ и *мужемъ*. Покуда онъ не имѣетъ средствъ *купить* себѣ возможность удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей цѣною *труженичества*, онъ по совѣсти не можетъ рѣшиться на такое трудное дѣло, какъ быть отцомъ семьи. Будучи труженикомъ изъ-за средствъ, онъ *долженъ* купить цѣлую массу другихъ тружениковъ для того, чтобъ ихъ руками было сдѣлано то, что ему невозможно сдѣлать самому, поглощенному добычей средствъ. Точно такъ-же масса женщинъ, обладающихъ тѣми же самыми свойствами, какъ и *женщины нашего круга*, обречены строемъ жизни не имѣть возможности быть матерями; *женщина нашего круга*, самая примѣрная и самая чистая, она — именно потому, что она женщина нашего круга — она одна поглотитъ множество чужихъ женскихъ жизней для того, чтобъ ея *материнскія надобности* были удовлетворены вполнѣ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ женщина народной среды удовлетворяетъ ихъ безъ грѣха. Ей нужны няньки, горничныя, учительницы, гувернантки, которымъ она въ своемъ домѣ, въ своей семьѣ *не позволяетъ быть матерями*, которымъ нельзя быть матерями, потому что иначе онѣ, труженицы, лишатся заработка. Примѣрная мать *нашего круга* не станетъ дожидаться, пока учительница, замужняя, будетъ родить и поправляться послѣ родовъ—она возьметъ другую; она—любящая мать, и ей нельзя держать дѣтей въ праздности: она *не позволитъ* кормилицѣ держать при себѣ ея собственнаго ребенка, а убѣдитъ ее отдать этого ребенка сначала въ воспитательный домъ, а потомъ и неизвѣстно куда; ей не нужно ни кормилицы, ни ея ребенка—ей нужно молоко для ея собственнаго ребенка, она—*любящая мать*. Пропади у кормилицы отъ тоски по ребенку молоко, она тотчасъ же удалитъ ее, оставивъ безъ ребенка и безъ мѣста, и наградивъ за все это сарафаномъ, тотчасъ же возьметъ другую—*ея* ребенку нельзя быть безъ молока. Да, она выполняетъ священныя обязанности, она — истинно любящая мать; но подумайте, во что обходится это выполненіе священныхъ обязанностей, и сколько труженическаго народу поставлено строемъ жизни въ полнѣйшую невозможность исполнять то же самое, т. е. удовлетворять потребностямъ своего любящаго сердца. Но человѣкъ-труженикъ, насильно, наперекоръ строю, наперекоръ возможностямъ, стремится удовлетворять, такъ-же какъ и всѣ, всѣмъ своимъ потребностямъ. Вотъ въ этомъ-то труженическомъ кругу, въ его мученіяхъ, въ его лишеніяхъ, мукахъ, болѣзняхъ, психическихъ страданіяхъ, преступленіяхъ и заключается современная драма жизни, которую не разрѣшить нравоученіями.

Теперь возвратимся къ Захару Абрамовичу и порадуемся, что, какъ говорится, «Богъ спасъ» его отъ всего этого зла, и деньги, не отрывая ни его, ни его огромной семьи отъ прочно установившейся трудовой жизни, благодаря счастливой случайности, направили его стремленія не «въ городъ», а по пути весьма своеобразныхъ мечтаній.

IV.

Переворотъ въ жизни Захара Абрамовича произошелъ, благодаря встрѣчѣ съ нѣкіимъ учителемъ, Петромъ Ивановичемъ Волгой. «И только послѣ этой встрѣчи — говоритъ г. Тимощенковъ — Захаръ Абрамовичъ вполнѣ созналъ себя и свои стремленія и весь, такъ сказать, пошелъ въ ходъ». Петръ Ивановичъ Волга, уроженецъ какого-то волжскаго города, рано остался сиротой. Это лицо также довольно типично *для нашего времени*. Нѣтъ въ немъ ни громкихъ фразъ, не приходятъ ему въ голову широкія фантазіи, не знаетъ онъ никакихъ соціальныхъ теорій и теченій жизни, но у него простое и доброе сердце, опрятный и неомраченный умъ, добросовѣстно воспринимающій впечатлѣнія жизни, и вотъ всего этого было весьма достаточно, чтобы въ человѣкѣ родилась мысль о необходимости, по-своему, какъ Богъ на душу положитъ и какъ хватитъ умѣнья, служить народу и не дать ему пропасть зря. Петръ Ивановичъ Волга, оставшись сиротой послѣ смерти его родителя, купеческаго званія, былъ отданъ въ гатчинскій сиротскій институтъ, а по окончаніи курса назначенъ былъ уѣзднымъ учителемъ также въ одинъ изъ приволжскихъ городовъ, лежащихъ поблизости къ калмыцкой степи. «Въ уѣздномъ городѣ прежде всего опротивѣлъ Петру Ивановичу тотъ напыщенный, кичливый, важный наружно,

но въ сущности ничтожный, пустой и бездѣльный чиновническій мірокъ, къ которому Волга долженъ былъ принадлежать по своему званію. Все это были люди «20 числа» и смотрѣли на уѣздное казначейство, какъ на мать-кормилицу. Двадцатое число было днемъ полученія жалованья, днемъ облегченія для этого мрачнаго міра. Въ этотъ день онъ сіялъ, кипѣлъ радостью, тогда какъ послѣдніе дни служебнаго мѣсяца были днями унылой скорби и воздержанія». Не по сердцу было Петру Ивановичу это общество, да и оно относилось къ нему недружелюбно. Потребность одиночества развита была въ П. И. съ дѣтства. Отецъ его, добрый молодой купецъ, случайно простудился, бросившись спасать утопавшаго въ Волгѣ, и умеръ рано; рано умерла и огорченная смертью любимаго мужа мать. Затѣмъ сиротское и непривѣтливое житье въ институтѣ безъ всякаго родственнаго участія—все это не располагало П. И. на дружество и пріязнь съ праздною компаніей людей 20 числа. Любя уединеніе, П. И. любилъ свободное отъ занятій въ училищѣ время проводить за городомъ. Здѣсь, въ одномъ уголкѣ, завелъ онъ пасѣку, но большею частью просто бродилъ по окрестностямъ, заводя знакомства съ крестьянами. И «крѣпко полюбилась ему простота нравовъ и нравственная чистота этихъ людей, и у него явилось желаніе принять непосредственное участіе, какъ въ радостяхъ, такъ и въ горестяхъ и неудачахъ этого пастушескаго и земледѣльческаго круга, увлекавшаго его упорствомъ, терпѣніемъ въ трудѣ и *осмысленностью его жизни*». Увлеченный этимъ трудолюбивымъ населеніемъ, онъ былъ до глубины души огорченъ вторженіемъ въ эти благословенныя и нетронутыя еще плугомъ мѣста хищника и безжалостнаго расточителя народнаго богатства. «Что ждетъ въ будущемъ эту красавицу-степь? Придетъ ли къ ней хозяинъ-земледѣлецъ, съ любовью воздѣлаетъ ее, насадитъ на ней садовъ и рощъ, обольетъ ее своимъ потомъ и придастъ ей еще бо́льшую жизненность и красоту? Или она падетъ жертвой экономической извращенности, попадетъ въ загребистыя руки жаднаго арендатора, лишится безвременно своей красоты и жизненной силы?» Дѣйствительность, которую видѣлъ Петръ Ивановичъ, не обѣщала ничего, кромѣ разграбленія этихъ народныхъ богатствъ. «Гибельное, ведущее къ разоренію края направленіе землевладѣнія было понято П. И. на первыхъ же порахъ знакомства съ мѣстностью. Нужно видѣть, съ какою жадностью, съ какимъ дикимъ азартомъ хищники-промышленники на перебой гоняются на югѣ Россіи за нетронутою степью. Быстро то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ истощаютъ они ее и переходятъ въ другое мѣсто. Причина такой гоньбы понятна: ленъ и золотистая тяжеловѣсная русская пшеница, которыя такъ обильно произрастаютъ на дѣвственной почвѣ, всегда высоко стоятъ въ цѣнѣ какъ на русскихъ, такъ и на заграничныхъ хлѣбныхъ рынкахъ, и цѣнная земля быстро обогащаетъ жадно набрасывающихся на нее хищниковъ. Арендаторъ-посѣвщикъ, взявъ у земли все, что̀ можно, обративъ ее въ ничто, бѣжитъ дальше и дальше и, не заботясь о ней, только высасываетъ ея жизненные соки. Столкнувшись съ этимъ хищническимъ арендаторствомъ, П. И. почувствовалъ невыразимое огорченіе; душа его ныла, болѣла за родной край, за темный рабочій людъ, составляющій земледѣльческое населеніе этого края, которое издревле любило и любитъ эту землю, облитую его потомъ и кровью, которому Царь-Освободитель возвратилъ человѣческія и гражданскія права, но у котораго, тѣмъ не менѣе, стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ *отнималась всякая возможность свободнаго труда*, какъ основы благополучія и счастія». Подъ такими тяжкими впечатлѣніями дѣйствительности любовь П. И. къ земледѣльцу и земледѣльческому труду привела его постепенно къ такому рѣшенію: *выступить на борьбу съ хищничествомъ, принести себя въ жертву за народное благосостояніе*, и въ этой рѣшимости П. И. «наединѣ съ самимъ собой» *далъ великую клятву*.

V.

Соединившись съ Захаромъ Абрамовичемъ, оба они начинаютъ осуществлять *на дѣлѣ* свои завѣтныя мечты! Въ произведеніи г. Тимощенкова читатели могутъ найти всѣ подробности, въ которыхъ планы эти осуществлены и какими средствами. Многіе оспаривали и оспариваютъ достовѣрность приводимыхъ г. Тимощенковымъ фактовъ—и оспаривая находятъ, что произведеніе его только фантазія. Намъ кажется такой взглядъ на произведенія Тимощенкова неосновательнымъ во-первыхъ потому, что при доброй волѣ добрыхъ людей положительно можно совершить все то, что̀ совершили герои г. Тимощенкова, а во-вторыхъ потому, что если-бы даже г. Тимощенковъ и ввелъ въ разсказъ нѣкоторую долю своей фантазіи,—такъ не она вѣдь имѣетъ въ его разсказѣ первенствующее значеніе. Фантазіи его могутъ быть даже и не велики, и не соблазнительны; но важно указаніе на то, что въ обществѣ существуютъ попытки сохранить и укрѣпить строй жизни, неимѣющій съ строемъ жизни купоннымъ ничего общаго; что существуетъ—и даже въ людяхъ самаго простого званія, и даже необразованныхъ—стремленіе поставить преграды купоннымъ зламъ, оборониться отъ нихъ, оградить отъ нихъ народныя массы.

Въ смыслѣ осуществленія этихъ желаній Захаръ Абрамовичъ Земля и П. И. Волга сдѣлали даже очень немного. Вотъ что разсказываетъ объ этихъ дѣлахъ на общую пользу г. Тимощенковъ:

Прежде всего, ими была скуплена на наличныя деньги и на другихъ выгодныхъ условіяхъ громадная масса земли. Эта покупка какъ бурей снесла также массы хищниковъ на огромное пространство. Въ самомъ лучшемъ и красивѣйшемъ мѣстѣ пріобрѣтенной (и постоянно расширяющейся) территоріи, по сосѣдству съ р. Манычемъ, «со-

здано» товарищами борьбы сельско-хозяйственное, торговое и промышленное село, названное Школой. Названо оно такъ потому, что П. И., до момента своего обогащенія не бросавшій своей учительской дѣятельности и бывшій въ послѣднее время управителемъ школы для калмыцкихъ дѣтей, оставивъ службу, исходатайствовалъ право передѣлать, устроить эту школу по собственному плану и соображеніямъ и перенесть ее на новое мѣсто, на собственную землю, въ плодоноснѣйшую равнину около широкаго лога, съ богатыми родниками прекрасной прѣсной воды. «Это дастъ возможность при каждой усадьбѣ имѣть рощу, садъ, цвѣтникъ, огородъ». Школа эта изъ уѣзднаго училища преобразована въ ремесленно-земледѣльческое, и въ настоящее время «оно поставлено такъ, что всѣ обучающіеся въ немъ ученики, тотчасъ по окончаніи курса, получаютъ въ управленіе фермы съ полнымъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ и владѣютъ ими въ качествѣ арендаторовъ; черезъ нѣсколько же лѣтъ успѣшнаго управленія получаютъ ихъ, на особыхъ правилахъ и условіяхъ, въ вѣчную и потомственную собственность».

«Страшный недостатокъ въ глухой мѣстности, гдѣ устроилось товарищество, въ мастеровыхъ и ремесленникахъ побудилъ послѣднее устроить при училищѣ обширнѣйшія помѣщенія для всевозможныхъ ремеслъ. Часто при нуждѣ въ плотникѣ его нельзя было найти ближе ста верстъ; кожи возили для выдѣлки за 300 верстъ, въ Ставрополь, Астрахань и т. д. Въ ремесленныхъ помѣщеніяхъ устроены мастерскія: плотницкая, столярная, ткацкая, портняжная, сапожная, шорная, кузня, овчинная, кожевенный заводъ, валяльная войлоковъ и теплыхъ сапогъ. Въ каждой мастерской работаетъ артель, состоящая изъ мастеровъ-товарищей, подмастерьевъ и учениковъ. Каждый изъ окружныхъ жителей, какого бы возраста онъ ни былъ, воленъ поступить въ какую ему угодно мастерскую и его вездѣ обязаны принять. Всѣ ремесленники вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣльцы, имѣющіе въ окружности школы и землю, и хозяйство. Они лѣтомъ работаютъ въ полѣ, а въ ремесленные классы собираются къ осени, когда кому болѣе удобно».

Безъ убытка для товарищества основаны на общую пользу и другія учрежденія. Выстроена паровая мельница, которая въ экономическомъ отношеніи приноситъ уже «великіе результаты». По недостатку мельницъ мука цѣнилась здѣсь вдвое дороже зерна; бывали и такія времена, когда пудъ ржи стоилъ 40 коп., а мука—3 р. 50 к. Паровая мельница, устроенная товариществомъ, стала обмалывать хлѣбъ у населенія верстъ на 200 въ окружности. При этой же мельницѣ товарищество устроило складочные хлѣбные магазины, благодаря которымъ окрестные крестьяне могли совершенно уничтожить свои обязательные для нихъ хлѣбные магазины. «Хлѣбъ магазинный большею частью считался всегда въ недоимкѣ; то же, что оставалось въ магазинахъ, страшно портилось, утекало въ щели, съѣдалось мышами, да и самые магазины обходились крестьянамъ дорого. Общества обязаны было ихъ строить по особому плану, а въ нѣкоторыхъ слободахъ и станицахъ приходилось строить по 4 и 5 магазиновъ, стоимостью отъ 5 до 9 тысячъ. Товарищество Петра Ив. вошло съ ходатайствомъ въ мѣстное земство, выразивъ желаніе всегда держать при мельницѣ сто тысячъ четвертей хлѣба въ зернѣ и мукѣ, который будетъ отпускаться при всякомъ нужномъ случаѣ населенію двухъ сосѣднихъ уѣздовъ съ надбавкой 10 проц. противъ покупной цѣны, т. е. вообще дешевле той цѣны, которая должна быть въ годы безхлѣбья и нужды въ хлѣбѣ. Ходатайство было уважено; магазины стали не нужны, и общества обратили въ капиталъ какъ самые магазины, такъ и имѣвшійся въ нихъ хлѣбъ».

Или вотъ еще двѣ небезвыгодныя для товарищества операціи, вносящія въ то же время и выгоду, и благосостояніе въ народную жизнь.

«Прежде овечья шерсть сбывалась здѣсь промышленникамъ-скупщикамъ, которые брали ее почемъ хотѣли. Не только крестьяне, но и крупные овцеводы, при нуждѣ денегъ на покосъ и полевыя работы, продавали шерсть по два рубля за пудъ, тогда какъ на рынкѣ цѣна ей стояла 6—7 руб. Товарищество П. И. устроило мойку, гдѣ моетъ шерсть, а потомъ отправляетъ ее на внутренніе рынки внутренней Россіи; тутъ же при мойкѣ оно устроило складъ шерсти на коммисію. Сдающіе сюда шерсть получаютъ во время сдачи половину рыночной цѣны, а потомъ по отправкѣ и продажѣ получаютъ и другую половину за вычетомъ процентовъ за расходы по коммисіи. Такимъ образомъ крестьяне, вмѣсто прежнихъ 2 рублей, получаютъ теперь 6 р. 60 к., за вычетомъ 1 р. 40 к. расходовъ».

До учрежденія товарищества мѣстное населеніе несло большіе убытки при колебаніи цѣнъ на скотъ. Случалось, что цѣна за овцу, поднявшись до 7 руб., вдругъ падала черезъ полгода до 1 р. 50 к., тогда какъ цѣна на сало, мясо, овчину не измѣнялась. «Чтобы край ничего не терялъ отъ такихъ колебаній, товарищество П. И. устроило салотопенный заводъ, а относительно сбыта овецъ приняло такую систему: если цѣна на нихъ высокая, то оно бьетъ на заводѣ только своихъ овецъ, и то по выбору, а остальныхъ продаетъ; если же цѣна на овецъ падаетъ, то оно бьетъ на сало и своихъ, и овецъ окрестныхъ крестьянъ, т. е. даетъ возможность крестьянамъ продавать не овецъ, которыя дешевы, а сало, которое въ цѣнѣ. Иногда, перебивъ всѣхъ своихъ овецъ, оно отдаетъ весь свой заводъ съ посудой въ распоряженіе крестьянъ».

Какъ видитъ читатель, всѣ эти попытки далеко не фантастическія; всего этого даже мало для того, чтобы окрестить эти попытки названіемъ *борьба*. Но дорого и важно стремленіе вступить въ эту борьбу. Въ тѣхъ же степяхъ и тѣ же деньги, какъ мы видѣли въ предыдущихъ письмахъ съ дороги, орудуютъ совершенно инымъ образомъ: истощаютъ землю, закабаливаютъ народъ. Еще болѣе замѣчателенъ источникъ, изъ котораго вышло такое живо-

творящее направленіе—любовь къ трудящемуся человѣку у Петра Ивановича и любовь къ широкой трудовой жизни у Захара Абрамовича. Петровъ Ивановичей и Захаровъ Абрамовичей на Руси несмѣтное множество, и пренебрегать или обрекать теоретически на гибель какъ любовь такихъ оригиналовъ къ трудящемуся человѣку, такъ и любовь къ трудовой жизни едва-ли возможно въ массѣ простыхъ русскихъ людей, на нашихъ глазахъ едва только начинающихъ жить сознательно.

ЖИВЫЯ ЦИФРЫ.

(Изъ записокъ деревенскаго обывателя.)

I. «Четверть» лошади.

I.

...Кажется, во всей «нашей округѣ» нѣтъ среди мѣстной обывательской интеллигенціи (даже самаго высокаго сорта) такого страстнаго любителя мѣстныхъ статистическихъ «данныхъ», какимъ совершенно неожиданно оказался я, деревенскій обыватель, пишущій эти строки. Огромныя кипы и связки изданій статистическаго комитета, обязательно получаемыя деревенской, обывательской интеллигенціей, постоянно и повсюду производили и производятъ на нее какое-то удручающее впечатлѣніе. Получишь, бывало, такую толстую книгу, подержишь въ рукѣ, почему-то непремѣнно вздохнешь и положишь на полку; такъ эти книги и покоятся недвижимо тамъ, гдѣ ихъ положатъ. А между тѣмъ только вѣдь въ этихъ-то толстыхъ скучныхъ книгахъ и сказана цифрами та «сущая» правда нашей жизни, о которой мы совершенно отвыкли говорить человѣческимъ языкомъ, и нужно только разъ получить интересъ къ этимъ дробямъ, нулямъ, нуликамъ, къ этой вообще цифровой крупѣ, которою усѣяны статистическія книги и таблицы, какъ всѣ они, вся эта крупа цифръ начнетъ принимать человѣческіе образы и облекаться въ картины ежедневной жизни, то-есть начнетъ получать значеніе не мертвыхъ и скучныхъ знаковъ, а, напротивъ, значеніе самаго разностороннѣйшаго изображенія жизни.

И все-таки, не случись со мной одного самаго (какъ увидитъ читатель ниже) ничтожнаго обстоятельства, я бы никогда не вошелъ во вкусъ этихъ, покрытыхъ какой то черной мушкарой, страницъ и никогда бы не понялъ многозначительности выводовъ изъ этой цифровой мушкары, всегда казавшихся мнѣ, какъ коренному «обывателю», совершенно нестоющимъ дѣломъ и пустопорожнимъ словоизверженіемъ. Никогда не думая серьезно вникать въ это дѣло, мы однакожъ не прочь иной разъ вложить въ цифры и собственный свой смыслъ, сдѣлать собственные свои выводы, и всякій разъ дѣлаемъ это конечно только «для смѣху». Бываютъ въ нашей пустопорожней обывательской жизни такія минуты, когда мы умѣемъ облаять все въ настоящемъ порядкѣ вещей. Вотъ только въ такія-то минуты универсальнаго облаиванія текущей дѣятельности, въ числѣ прочихъ, подлежащихъ облаянію сюжетовъ, не минуетъ нашего издѣвательства и статистика, не минуетъ только потому, что настроеніе минуты требуетъ всестороннѣйшаго облаиванія жизни.

— Въ деревнѣ Присухинѣ—издѣвается въ такія минуты какой-нибудь обыватель—школа имѣетъ тридцать учениковъ, въ деревнѣ Засухинѣ—двадцать, а въ деревнѣ Оплеухинѣ—всего два ученика... Изъ этого, изволите видѣть, слѣдуетъ такой средній выводъ, что среднимъ числомъ на школу—по семнадцати человѣкъ и еще какой-то нуль, да еще и около нуля какая-то козявка... Это все равно, ежели бы я взялъ милліонщика Колотушкина, у котораго въ карманѣ милліонъ, присоединилъ къ нему просвирню Кукушкину, у которой грошъ,—такъ тогда въ среднемъ выводѣ на каждаго и вышло бы по полумилліону. Просто нужно за что-нибудь деньги брать! Очень просто!

— Да! изъ-за чего это Болванкинъ на собраніи съ своимъ кирпичомъ совался? спрашиваетъ кто-нибудь во время этого обличительнаго монолога. «Кто-нибудь» спрашиваетъ просто зря, отъ нечего дѣлать. Но такъ какъ «облаиваніе» коснулось статистики, то немудрено услыхать и отвѣтъ на этотъ случайный вопросъ, подходящій къ подлежащей облаиванію темѣ.

— А какъ же! отвѣтствуетъ другой изъ занимающихся облаиваніемъ собесѣдниковъ.—По статистическимъ даннымъ, на каждую печную трубу приходится шесть рождаемостей, а на каждую курную избу двѣ рождаемости и четыре смертности. Слѣдовательно, ежели земство купитъ по дешевой цѣнѣ кирпичъ у Болванкина и станетъ раздавать его бабамъ для устройства печей-голанокъ въ курныхъ избахъ, то сейчасъ же бабы будутъ производить шесть процентовъ рождаемости,—и слѣдовательно купецъ Болванкинъ отличнѣйшимъ образомъ продастъ свой кирпичъ, который у него ужъ и такъ развалился и который совсѣмъ съ заводомъ и съ Болванкинымъ стоитъ грошъ. Какъ же ты этого не понимаешь? Нѣтъ, братъ!.. Тутъ въ среднемъ выводѣ можно запустить лапу очень хорошо!..

Извѣстный обывателю складъ и строй окружающей его жизни, въ которомъ слово «хапнуть» играетъ не послѣднюю роль, невольно заставляетъ

его прилагать этотъ господствующій принципъ и къ такого рода явленіямъ жизни, которыхъ онъ даже и не понимаетъ совершенно, въ которыхъ ровно ничего не смыслитъ. Неудивительно, что въ тѣ рѣдкія минуты празднаго лаянья на всѣхъ и вся, когда, за истощеніемъ облаиваемаго матерьяла, на зубокъ обывателя попадается и такой неприкосновенный матерьялъ для разговора, какъ статистика, основной принципъ «хапнуть» не покидаетъ соображеній обывателя, и онъ прикладываетъ его тамъ, гдѣ принципъ этотъ не имѣетъ никакого значенія. И говоря откровенно, я не знаю ни одного статистическаго «столбца», который не былъ бы истолкованъ нашими коренными деревенскими обывателями именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. И я помню положительно только одинъ случай, когда облаиванье, начавшееся «отъ нечего дѣлать» и добравшееся за истощеніемъ матерьяла до статистики, вдругъ должно было замолкнуть за полнѣйшею невозможностью приткнуть къ облаиваемой цифрѣ хоть каплю принципіальнаго во всѣхъ облаиваніяхъ обвиненія, т. е. слово «хапнуть», казалось, готовое сорваться съ языка, вдругъ не сорвалось, и обладатель только сталъ втупикъ.

— Невѣдомо чего ужъ и писать стали! говорилъ мнѣ однажды одинъ изъ такихъ облаивателей, зайдя попить чайку и отъ нечего дѣлать перелистывая «обзоръ» нашего уѣзда, только-что полученный съ почты. — Ужъ даже и невѣдомо до чего доболтались!

— Что такое?

— Одна вишь *четверть* лошади приходится, изволите видѣть, на каждую какую-то тамъ квадратную что-ли душу. Ну, что-жъ это означаетъ, позвольте васъ спросить?

— Какъ квадратную душу? Что вы, Иванъ Иванычъ!

Иванъ Иванычъ посмотрѣлъ въ книгу и сказалъ:

— Ну, песъ съ ней! ну, ревизскую что-ли! Но что-жъ означаетъ *четверть* лошади? Какая-такая лошадиная четвертая часть? Которая-же первая-то часть у ей? Это даже прямо сказать—насмѣшка одна!

— Ну, какъ же такъ!

— И очень просто!.. Положительно одно издѣвательство!.. Съ кирпича, съ беременной бабы, съ трубы, все можно что-нибудь взять и даже въ карманъ положить... А это ужъ — чортъ знаетъ что! *Четверть* лошади!..

Лично я, хотя и могъ бы совершенно иначе понимать эти «цифры», подлежащія облаиванію на разные лады, но, говоря по совѣсти, обжившись съ деревенскими обывателями, также подобно имъ привыкъ очень мало интересоваться этимъ множествомъ крупныхъ и мелкихъ нулей, которые мы только и видимъ въ таблицахъ многотомныхъ трудовъ. Быть можетъ, подумавши, я бы и могъ что-нибудь возразить Ивану Ивановичу, но простое нежеланіе думать серьезно и привычка ограничиваться облаиваніемъ не вызвали меня на разговоръ о непостижимой цифрѣ.

Четверть лошади! подумалъ я и присоединился къ издѣвательству Ивана Ивановича. Толстые томы «трудовъ», какъ и прежде, такъ и послѣ облаиванія, сдѣланнаго Иваномъ Ивановичемъ, продолжали спокойно лежать на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ были положены, и всякій разъ возбуждали во мнѣ только глубокій вздохъ, когда, перечитавъ все, что̀ можно было перечитать, приходилось съ прискорбіемъ увидѣть, что кромѣ «трудовъ» рѣшительно ничего для чтенія нѣтъ!

Но вотъ совершенно неожиданно со мною происходитъ переворотъ: я собственными глазами увидѣлъ *четверть лошади*! и съ тѣхъ поръ усѣянные крупными и мелкими нулями «труды» приняли въ моихъ глазахъ чрезвычайное значеніе.

II.

Да, я теперь знаю, что̀ такое *четверть* лошади; знаю, что эта четверть—не пустяки, что эта дробь имѣетъ весьма серьезное значеніе.

Дѣло было такъ.

Я только что окончилъ чтеніе новаго переводнаго романа, напечатаннаго въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ, и находился въ весьма тяжеломъ душевномъ настроеніи. Не думайте, что на нервы деревенскихъ обывателей дѣйствуютъ только такія явленія жизни, которыя таятъ въ себѣ обычную для насъ сущность «хапнуть въ карманъ», и что только такія явленія волнуютъ и тревожатъ насъ. Вовсе нѣтъ. Посмотрите-ко, какого переполоха надѣлалъ въ нашемъ уѣздномъ обществѣ хотя-бы «романъ графини Лиды». Все, что̀ не знало иного исхода и теченія жизни, кромѣ службы, семейной ссоры и буфета въ клубѣ, — все вдругъ заохало, застонало, заметалось, закричало и заговорило изъ всѣхъ силъ и во весь голосъ. Какъ теперь помню, еле-живой уѣздный аптекарь, выходя изъ клуба во второмъ часу ночи и будучи уже въ такомъ состояніи, которое заставило его тотчасъ-же обнять фонарный столбъ, — все таки нашелъ въ себѣ силы закричать: «Пріас-схо-нна!» И оралъ то же самое, раскачиваясь на извозчикѣ, на котораго усадилъ его городовой. Да, и мы не прочь иногда порадоваться и потосковать хорошо. Такъ было и со мной въ этотъ разъ. Романъ былъ обыкновенный: мужъ-старикъ, она (маркиза, само собой) молодая и, само собой, Анатоль, молодой. Обманъ другъ друга съ первой страницы до послѣдней. Обманъ письмами, глазами, рукопожатіями. Словомъ, какое-то безпрестанное воровство самыхъ элементарныхъ человѣческихъ радостей, - воровство, въ которомъ не нуждалась ни во вѣки-вѣковъ ни одна горничная, получающая 8 рублей въ мѣсяцъ. А тутъ маркиза, и не можетъ жить на бѣломъ свѣтѣ иначе, какъ «украдучи», да «уворуючи»! Впрочемъ—не въ подробностяхъ романа дѣло, а только въ томъ, что мнѣ было скучно отъ него, и я ушелъ гулять.

Шелъ я, скучалъ, ни о чемъ не думалъ и вдругъ случайно услыхалъ:

— То-то—кабы лошадь была!

Слова эти жалобно проговорилъ женскій голосъ,

и я, положительно не знаю почему, при словѣ «лошадь» вспомнилъ фразу Ивана Ивановича:

— *Четверть* лошади! Ну, скажите пожалуйста, не насмѣшка-ли?

— «А можетъ быть, мелькнуло мнѣ,—именно на эту-то бабу и приходится въ среднемъ выводѣ только *четверть*? Какъ же она живетъ съ одной четвертью?..»

— Какъ же безъ лошади? сказалъ мужской голосъ.—Безъ лошади пропадешь!

— «Какъ же въ самомъ дѣлѣ безъ лошади? подумалось мнѣ.—Какъ же съ одной четвертью-то?»

Что-то сказало мнѣ, что передо мной—не что иное, какъ живая статистическая дробь, а чрезъ мгновеніе я уже съ полною ясностью зналъ, что я вижу именно дробь въ живомъ человѣческомъ образѣ, вижу, что такое эти пулики съ запятыми, съ большими и маленькими. И мнѣ ужасно захотѣлось подойти къ этой живой дроби.

Дробь была баба лѣтъ тридцати, и рядомъ съ ней стояла на землѣ маленькая, полутора-годовая дѣвочка. Обѣ онѣ вышли изъ лачужки, у которой не было даже сѣней. Противъ бабы и дѣвочки стоялъ мужикъ, тоже должно быть какая-нибудь единица, дѣленная по крайней мѣрѣ на десятокъ мѣстныхъ бюджетиковъ, потому что у него въ спинѣ на каждый квадратный футъ было по четыре двухдюймовыхъ дыры, и который повидимому также зналъ, что «четверть» лошади не представляетъ ничего хорошаго.

— Кабы у меня лошадь была, такъ ужъ отвезъ-бы! сказалъ онъ тоскливо.

— То-то безъ лошади-то неспособно! сказала дробь-баба.

— Далеко-ль до покосу-то?

— Да версты двѣ будетъ.

— Такъ ты вотъ какъ! задумчиво сказалъ мужикъ, дѣленный на десять.—Ты обѣдъ держи въ одной рукѣ, и косу въ тое-жъ руку пріуладь, а подстилку и полушубокъ для дѣвчонки на шею намотай... Вотъ и будетъ великолѣпно! Чуешь?

— А дѣвчонка-то какъ?

— Пойдетъ!

— Да какъ же она босая-то пойдетъ? И двѣ версты ей не убѣчь, я пойду скоро.

— Это вѣрно! сказалъ мужикъ и сталъ опять думать.

Стала думать и дробь-баба.

И скоро мысли этихъ дробей стали складываться въ слѣдующую формулу:

— Вотъ какъ ты, Авдотья, удѣлай! Ты дѣвчонку сажай на шею, верхомъ...

— Да чѣмъ же я ее держать-то буду? Въ одной рукѣ полушубокъ, подстилка, въ другой коса и обѣдъ? Не за волосы же ей меня тянуть?

— И то правда! сказалъ мужикъ задумчиво и опять сталъ думать такъ же крѣпко, какъ думала дробь-баба.

Первый, повидимому, додумался мужикъ; въ его лицѣ что то оживилось, и онъ съ большимъ оживленіемъ проговорилъ:

— Тогда окончательно я тебѣ скажу — вотъ мой совѣтъ: сымай платокъ съ плечъ!

— Что-жъ будетъ?

— Сымай! Увидишь!

Баба опустила на землю горшокъ, завязанный въ тряпкѣ, положила туда-же косу, полушубокъ, половикъ, развязала большой платокъ, обхватывавшій грудь и завязанный узломъ на спинѣ, и сказала мужику:

— Ну?

— Ну, теперь гляди! сказалъ мужикъ, оживляясь сразу, по малой мѣрѣ, на тысячу процентовъ.—Гляди теперь, какой мы произведемъ оборотъ. Стой прямо!

Онъ подошелъ къ дѣвочкѣ и, взявъ ее подъ мышки, поднялъ.

— Ну, любезная барышня, пожалуйте въ вагонъ садиться! къ маменькѣ на шею!.. Разъ!

Дѣвочка обхватила шею матери и ногами, и руками.

— Охъ, ты меня удушишь, Пашутка! тихо прошептала мать.—Что-жъ будетъ?

— Погоди, не торопись! суетился мужикъ.—Баринъ! крикнулъ онъ мнѣ.—Поди-ко—сдѣлайте милость, потрудитесь!—подними платокъ, мнѣ дѣвчонки нельзя пустить.

Я поднялъ платокъ и подалъ мужику.

— Благодаримъ покорно! Теперь мы уладимъ Пашутку никакъ не меньше, какъ въ первомъ классѣ!

Онъ развернулъ платокъ, сложилъ его съ угла на уголъ вдвое, и наложивъ средину на голову Пашутки, обвязалъ концами ея мать такимъ образомъ, что платокъ прямо проходилъ у ней подъ шеей и подмышками и завязывался узломъ на самой шеѣ такъ удачно, что Пашутка сидѣла на этомъ узлѣ какъ на подушкѣ.

— Прямо въ некурящій вагонъ обладили! Поѣздъ стоитъ пятнадцать минутъ, буфетъ! въ восторгѣ воскликнулъ мужикъ.—Не держись, Пашутка, пусти руки! Сиди слободно!..

Пашутка выпустила руки, заболтала ногами, захлопала руками и что-то залепетала.

— Ну, ты не дергай меня! мнѣ подъ шеей тянетъ, сказала мать,—сиди смирно!

— Бери обѣдъ! Бери косу! оживленно говорилъ мужикъ, подавая бабѣ въ руки все, что она была должна нести,—и все баба взяла, и въ руки, и въ подмышки. Все умѣстилось, но баба не шла. Лицо ея было невесело. Хотя и смѣшно, и искусно выдумалъ этотъ вагонъ добрый сосѣдъ, дѣленный на десять бюджетовъ, но все-таки ей нужно было изловчиться и приладиться, и она нѣкоторое время неподвижно стояла на одномъ мѣстѣ, прилаживая половчѣе то косу, то полушубокъ, то половикъ.

— Ай не ладно? все также весело и не вѣря въ неудобства собственной выдумки, спрашивалъ мужикъ.

— Нѣ.. прошептала баба, выматывая голову изъ туго-стянутаго платка,—нѣ... ничего! ладно! теперь дойдемъ.

— Теперь дойдешь! Ничего! Не спѣши. Ладно дойдешь! Вали, братъ! Третій звонокъ! Трогай'

— Ну, спасибо! сказала баба съ большимъ чувствомъ и медленно, не шевелясь ни вправо, ни влѣво, тронулась съ мѣста.

— Кабы лошадь-то была!.. переставъ радоваться, со вздохомъ проговорилъ мужикъ благодѣтель и сталъ отирать полой рванаго армяка свой мокрый лобъ.

Но я уже не слушалъ его словъ.

Баба пошла, и я уже не могъ не идти за ней: я уже былъ захваченъ интересомъ видѣть въ живомъ человѣческомъ образѣ очертанія повидимому ровно ничего незначащей статистической дроби. И хотя дробь эта была оживлена человѣкомъ пока только чуть-чуть, но я уже чуялъ, что видѣнное мною далеко не исчерпываетъ всего содержанія, таящагося въ яко-бы пустопорожней цифрѣ, и что въ этой цифровой загадкѣ есть еще много чего-то, что надобно непремѣнно разузнать и разслѣдовать.

И я пошелъ поэтому вслѣдъ за бабой.

III.

Баба шла съ такой осторожностью, вытяжкой, и съ такой тщательностью балансировала среди обременявшихъ ее тяжестей, что мнѣ невольно вспомнилась акробатка, которую я видѣлъ когда-то, гдѣ-то въ загородномъ саду Она, такъ-же какъ и баба, балансировала съ величайшей осторожностью на тонкой проволокѣ, вися надъ землей и толпой зрителей. Да, вѣдь и на ней лежитъ бремени не меньше, чѣмъ на бабѣ, и у нея по статистическимъ даннымъ оказывается 00 отцовской заботы, 00 материнской любви и затѣмъ уже въ цѣлыхъ числахъ идетъ алчность антрепренеровъ и хозяевъ, а въ десяткахъ чиселъ ежеминутно чувствуются ею плотоядные глаза плотоядныхъ людей, готовыхъ каждую минуту расхитить для собственнаго удовольствія ея плоть и кровь. Да, ей надо также очень, очень осторожно ходить по канату!

Нецѣлое число, именуемое бабой, шло все дальше и дальше, иногда весьма нетерпѣливо вскрикивая на дѣвчонку:

— Перестань за волосья хватать! вѣдь крѣпко сидишь? чего баловаться-то?

— Тяжело тебѣ? сказалъ я наконецъ, побуждаемый желаніемъ выяснить подробности существованія этой дроби.

— Знамо не легко! сказала дробь, но безъ всякаго негодованія.—Кабы лошадь-бы была... А то вотъ теперь убирать сѣно надо, безъ лошади-то и трудно!

— А далеко еще до покосу?

— Порядочно еще... Мы и покосъ-то взяли дальній безъ жеребья, поэтому по самому, чтобы лошадь... Не цапай, дура! Сказано тебѣ?..

Дѣвчонка заплакала, но матери ужъ нельзя было тратить время на ея успокоеніе. Она шла и по слову, по два (говорить ей было неловко) изображала мнѣ положеніе своихъ дѣлъ.

— Жеребьевые-то участки ближніе и хорошіе, да намъ малы... Мы безъ жеребьевъ взяли дальніе, съ зарослью... Они будутъ вдвое противъ жеребьевыхъ-то на душу... Жеребьевый на душу...

По словечку, перерывая рѣчь тяжелымъ дыханіемъ, баба разсказала мнѣ и о томъ, что у нихъ уже есть и сбруя. И сбруя эта вышла имъ какъ-то случайно: просто Богъ далъ. Жила у нихъ два года одна старушка, бѣдная, у которой внукъ въ Петербургѣ учился въ шорникахъ, и вотъ когда внукъ самъ сталъ работать «отъ себя», то вытребовалъ и старушку-бабушку и въ благодарность за ея содержаніе прислалъ полный комплектъ сбруи съ большой уступкой. За эту сбрую еще не заплачено, а заплатится тогда, когда продадутъ сѣно, тогда вотъ можно будетъ «обдумать» (пока!) и насчетъ лошади. Предстоитъ еще маленькая непріятность и съ этимъ самымъ сѣномъ: вывезти его будетъ не на чемъ (всего *четверть* лошади), а если урожай сѣна будетъ великъ, то пожалуй на мѣстѣ придется его продать такъ дешево, что «обдумать» лошадь можно будетъ уже не ранѣе, какъ еще черезъ годъ.

Слушая эту прерывистую, задыхающуюся рѣчь бабы, я иногда приходилъ къ мысли подойти и помочь ей. Но строго «научный методъ», которому я старался слѣдовать въ моихъ наблюденіяхъ, вовремя останавливалъ меня. Однажды бабы даже остановилась, закашлялась, но я все-таки остался на научной почвѣ, не подошелъ къ ней и не испортилъ точности цифръ статистическаго «столбца». Столбецъ такъ и остался столбцомъ, безъ всякихъ измѣненій, а баба покашляла, покашляла и пошла опять балансировать.

Наконецъ мы пришли на покосъ.

III.

Довольно большое пространство низменнаго поля, заросшаго кустами прутняка, было уже уставлено копнами сѣна, которыя въ нашихъ мѣстахъ называютъ «кучами». Въ значительномъ количествѣ виднѣлись онѣ въ прогалинахъ между кустарниками и по многу, «какъ придется», стояли въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было попросторнѣе отъ зарослей. Вотъ эти-то «кучи» и надобно было стащить въ нѣсколько стоговъ, или же сложить въ одинъ длинный стогъ, видомъ всегда похожій на сарай, который и продается скупщикамъ на сажени, мѣряя по низу, съ одной стороны отъ края до края.

Остановившись на покосѣ, баба осторожно сѣла на землю, осторожно сложила свои тяжести, сама развязала сзади себя платокъ, спустила на землю Пашутку, и вся мокрая, съ прилипшими къ мокрымъ щекамъ и лбу волосами, нѣкоторое время сидѣла молча, отдыхая и утирая мокрое лицо и шею. Пашутка толкалась около нея и что-то клянчила, но мать такъ устала, что уже не обращала на это клянчанье вниманія. Я пристроился подъ кустъ, въ тѣнь, закурилъ папиросу и изучалъ.

— Ав-дѣй-эй!.. А Ав-дѣ-э-эй! звонко позвала баба, и скоро изъ-за кустовъ показался мужикъ съ граблями на плечѣ.

Усталой походкой онъ подошелъ къ бабѣ, подхватилъ на руки Пашутку, которая побѣжала ему навстрѣчу; не спуская ея съ рукъ, онъ сѣлъ на землю, и вся семья принялась за ѣду, предварительно перекрестившись.

Ѣли молча, почти не разговаривали; ѣли и отдыхали въ одно и то же время. Коротокъ былъ обѣдъ и коротокъ отдыхъ.

—Какъ бы дозжомъ не брызнуло! сказалъ Авдѣй, оглядывая небо.— Ишь, несетъ вѣтромъ изъ мокраго угла (съ юга)! Пока что, хоть дѣло разчать надо...

Онъ всталъ, опять перекрестился нѣсколько разъ, потомъ пошелъ въ лѣсъ, откуда скоро раздался стукъ топора. Тѣмъ временемъ мать Пашутки всячески старалась ее укачать и уложить спать, но Пашутка какъ на грѣхъ пищала, капризничала и на что-то жаловалась. Иногда въ уговариваніяхъ матери слышалась какая-то раздражительная нота; ей нельзя было держать Пашутку на рукахъ, сидѣть сложа руки. Ей предстояла трудная работа.

— Не спитъ, пострѣленокъ! сказала она Авдѣю, когда тотъ вышелъ изъ лѣсу.

Это извѣстіе очевидно очень опечалило Авдѣя. Держа на плечѣ двѣ большія жерди, которыя онъ принесъ изъ лѣсу, онъ задумчиво остановился передъ женой и задумчиво смотрѣлъ на Пашутку.

— Авось она одна побудетъ? нерѣшительно спросилъ онъ жену.

— Вѣстимо одной надо быть!.. Хошь и поплачетъ, дѣлать нечего... Плачь не плачь, а дѣлать нечего!..

— Ничего! успокоительно сказалъ отецъ, подсаживаясь къ Пашуткѣ.—Ты, Пашуха, сиди да гляди, что мы съ мамкой будемъ дѣлать.. Будешь? Мы туточка вотъ и даже не далеко!.. Будешь смирно сидѣть?.. Гостинку дамъ, какъ домой воротимся, право! Цѣлую баранку дамъ! Будешь?

Пашутка что-то прошептала.

— Ну, и хорошо! Дай-кось я тебя поцѣлую, головку поглажу... Ну, Авдотья, пойдемъ!

Пашутка исполняла свое слово и сидѣла смирно, потому что отецъ и мать были недалеко и на ея глазахъ дѣлали свое дѣло. А дѣло это было трудное...

— Вотъ безъ лошади-то!.. горько говорилъ Авдѣй.

— Ну ужъ, чего разговаривать! не желая пустословить и очевидно вся напрягшись для тяжкаго труда, довольно рѣзко сказала его жена.— Подсовывай жердье-то!

Такъ какъ на одной четверти лошади нельзя возить сѣна, то нашимъ дробямъ пришлось подсовывать подъ каждую сѣнную «кучу» по двѣ жерди рядомъ, браться за концы этихъ жердей, точно за носилки, и поднявъ тяжесть не менѣе четырехъ пудовъ, тащить ее къ той кучѣ, гдѣ предполагалось сложить стогъ.

Жерди были подведены; четырехъ-пудовая куча сѣна плотно притискивала ихъ къ землѣ, низменной и болотистой.

— Ну-ко, Господи благослови! сказалъ Авдѣй, становясь впередъ; согнувшись, онъ занесъ руки назадъ, захватилъ концы жердей и проговорилъ, не поднимая ихъ и не разгибаясь: Ты—не вдругъ, Авдотья, налегай! Помаленьку! не сразу подхватывай! Приладься!.

Авдотья знала всю трудность дѣла и изловчалась. Лиха бѣда была поднять, а тамъ ужъ нужно было держаться цѣпко за концы, а четыре пуда не оторвутъ рукъ отъ плечей. Раза три они оба приналегали на кучу, то сзади Авдотья, то спереди Авдѣй, и понемногу она сдвинулась съ мѣста, отсосалась отъ сырой земли и наконецъ съ значительнымъ усиліемъ они оба стали приподнимать ее. Для Авдотьи это было особенно трудно и требовало весьма значительнаго калѣченья ея тѣла.. Подхватить концы жердей сразу ей было очевидно не по силамъ, и она, положивъ одинъ конецъ жерди на колѣно, обѣими руками вцѣпилась въ конецъ другой жерди, подняла ее, высвободила одну руку и схватилась ею за конецъ жерди, который лежалъ у нея на колѣнѣ. Наконецъ они оба выпрямились и пошли. Пошли, держась прямо, какъ струна.

Прямо, какъ струна, идетъ крестьянинъ за сохой; онъ повидимому только идетъ, и ничего нѣтъ удручающаго васъ, наблюдателя, въ этой походкѣ; но подойдите къ нему поближе, посмотрите на эту спину, какъ бы не умѣющую согнуться,— она вся дрожитъ; нѣтъ въ ней мѣста даже величиной въ булавочную головку, которое бы не трепетало самымъ напряженнѣйшимъ усиліемъ. Нужно затаить духъ, собрать въ себѣ всѣ силы, обуздать каждый мускулъ, страдающій отъ тяжести, которую ему приходится преодолѣть, заставить его исполнять трудное дѣло, не дать ему ни малѣйшей воли, и вотъ отчего твердой походкой идущій по пашнѣ человѣкъ, кажущійся такимъ непоколебимо спокойнымъ, на самомъ дѣлѣ каждый шагъ свой одолѣваетъ страшнымъ напряженіемъ нервовъ, такимъ напряженіемъ, что вздохнуть можно только дойдя до конца полосы, т. е. до поворота. Но настоящій крестьянинъ не останавливается для передышки на поворотахъ, а скорѣе идетъ далѣе, зная, что, отдохнувъ хоть съ минуту, ослабнешь и потомъ будетъ труднѣй.

Вотъ съ такимъ-то невѣроятнымъ напряженіемъ силъ подняли и несли четырехъ-пудовую кучу сѣна Авдѣй и Авдотья. Малѣйшая часть тѣла въ каждомъ изъ нихъ была натянута, напряжена, какъ струна. Конечно, потомъ они навѣрное оба и «не такъ» еще «разойдутся» и нервами эти люди сдѣлаютъ то, чего не сдѣлать настоящей силой; но теперь, мнѣ, съ моей строго научной точки зрѣнія, было положительно даже смотрѣть-то трудно на это, повидимому, совершенно простое дѣло.

Кромѣ тяжести, оттягивавшей руки утомленныхъ уже косьбой людей, успѣшность ихъ работы въ самомъ началѣ была отравлена Пашуткой. Покуда отецъ и мать были у ней на глазахъ, она молчала, не спуская съ нихъ своихъ глазенокъ, но когда они пошли, и она увидѣла, что они ухо-

дятъ, она огласила пространство необычайнымъ плачемъ и крикомъ. Я видѣлъ попытки Авдѣя и Авдотьи повернуться къ ней лицомъ, посмотрѣть, узнать: что съ ней? но куча сѣна не желала уступить изъ физическихъ силъ мужа и жены ни одной капли, и Авдѣй съ Авдотьей могли только ускорить шагъ, то-есть сдѣлать еще большее напряженіе, но остановиться уже не могли.

Но зато, спустя нѣсколько минутъ, втеченіе которыхъ ревъ Пашутки дошелъ до невѣроятной степени, я увидѣлъ, что крикъ этотъ не остался для родителей ея гласомъ вопіющаго въ пустыни. И Авдѣй, и его жена буквально сломя голову неслись изъ лѣса, направляясь къ Пашуткѣ. Не добѣжавъ до нея, они даже побросали жердья и въ страшномъ испугѣ бросились къ дочери.

— Ай укусило тебя? кричалъ Авдѣй.

— Не казюлька-ли какая поганая укусила? впопыхахъ говорила Авдотья, почти упавъ на землю около Пашутки и тотчасъ-же осматривая ея голыя ноги.

— Экое мѣсто чортово! Сколько ихъ гадюковъ тутъ разведено, ехидновъ! Что, не тронули ея?

— Не видать, ничего!.. Чего ты орешь-то? въ сердцахъ сказала Авдотья и шлепнула Пашутку.

— Ну, будетъ! сказалъ Авдѣй.—Чего ужъ! Вѣстимо одна осталась... Испужалась... Я спужался—думалъ, не гадюка-ли? Помереть вѣдь можно отъ нея, отъ поганой! А то что ужъ ты такъ! Вѣстимо, малый ребенокъ. Эхъ, лошади-то нѣту!.. Сидѣла бы на возу, пѣсни пѣла... Ну, да ничего, Пашутка, дѣлать нечего! Ужъ какъ ни какъ, а надыть съ собой брать... Босикомъ ей по кошеному-то далеко не уйдтить, а крикомъ душу надорветъ.. Ну, ничего!.. Ужъ какъ ни какъ, Авдотья, а съ собой надо взять? спросилъ онъ.

Не дожидаясь отвѣта Авдотьи, Авдѣй взялъ Пашутку на руки и понесъ къ новой кучѣ сѣна. Покуда они подводили подъ кучу жерди, Пашутка сидѣла на травѣ. Но когда жерди были подведены, Авдѣй подошелъ къ Пашуткѣ, взялъ ее на руки и понесъ къ сѣну.

— Ну, баловница, садись сюда въ ямку-то... Поѣдемъ вмѣстѣ! Ладно такъ-то?

Пашутка что-то пропищала.

— Ну, сиди смирно!

— У, паскудная! съ сердцемъ сказала измученная Авдотья.

— Ну, что ужъ .. Берись!..

— Горластый чортъ, покою нѣтъ!..

И опять мужъ и жена согнулись въ перегибъ, и опять раза по три, по четыре приладились и приноровились поднять кучу, причемъ уже нужно было робѣть и за Пашутку: какъ бы не свалилась, жерди качаются—но въ концѣ концовъ, съ еще бо́льшимъ напряженіемъ нервовъ, мужъ и жена одолѣли-таки увеличенную Пашуткою тяжесть. Кромѣ тяжести жердей, тяжести сѣна, прибавилась еще и тяжесть Пашутки. Что дѣлать! у бѣдныхъ людей была только четвертая часть лошади, и поэтому недостающія части лошадиной силы они должны были взять на себя.

IV.

Все время я, какъ уже сказано ранѣе, держался въ моемъ поведеніи строго научнаго метода. Но послѣ того, какъ куча сѣна на моихъ глазахъ оказалась съ увеличившимся содержаніемъ, я почувствовалъ, что едва-ли можно еще дополнить чѣмъ-нибудь новымъ уже и безъ того слишкомъ многосложное содержаніе статистической дроби. Что еще можетъ быть добавлено въ ея объясненіе? спрашивалъ я самъ себя и положительно не перенесъ-бы дальнѣйшей строгости въ сохраненіи себя на научной точкѣ зрѣнія, если бы въ самомъ дѣлѣ къ видѣнному можно было бы что-нибудь добавить еще. Мнѣ было довольно простого умноженія количества видимыхъ глазами кучъ на силы двухъ человѣческихъ существъ, чтобы тотчасъ же прекратить продолженіе моего изслѣдованія.

И я дѣйствительно не могъ продолжать его. Я ушелъ домой... Что́ я могу знать, живя въ деревнѣ? Но цифры, которыя я до сихъ поръ игнорировалъ и которыя я неожиданно увидалъ во образѣ человѣческомъ,—цифры могутъ мнѣ помочь разобраться въ человѣческихъ единицахъ и дробяхъ. И съ тѣхъ поръ я предался статистикѣ, а чтобы доказать читателю, что плоды моихъ усилій были не тщетны, я разскажу ему самый крошечный эпизодикъ, случившійся со мной по поводу еще одной самой маленькой человѣко-дроби.

II. Квитанція.

I.

Эпизодикъ съ этой капельной цифрой случился со мною въ то время, когда я только-что предался изученію статистики, былъ, такъ сказать, въ самой первой порѣ увлеченія, и поэтому, я надѣюсь, читатель извинитъ мнѣ, если доводы, вслѣдствіе которыхъ во мнѣ родилось побужденіе во что бы то ни стало видѣть своими глазами упомянутую микроскопическую цифру, покажутся ему лишенными точныхъ научныхъ основаній и почти не логическими. Невольныя ошибки начинающаго должны быть извиняемы, и въ надеждѣ на это я разскажу процессъ моего мышленія въ данномъ дѣлѣ безъ всякой утайки: дѣло въ томъ, что, начитавшись мѣстныхъ данныхъ, я безъ перерыва принялся за матеріалы, собранные столичными статистиками, и здѣсь, въ отдѣлѣ браковъ, прироста, рождаемости и смертности населенія, я натолкнулся на цифру, которая мнѣ (по неопытности) показалась совершенно необъяснимой: оказывается, что въ Петербургѣ ежемѣсячно нарождается до 700 дѣтей, у которыхъ нѣтъ ни отцовъ, ни матерей. Въ графѣ «отцы» стоитъ 0, въ графѣ «матери»—тоже 0, а въ итогѣ написано *итого 700 штукъ человѣкъ*.

Научный методъ мышленія настолько еще не овладѣлъ мною и моими соображеніями, что я рѣ-

шительно не могъ оставить въ покоѣ этихъ нулей, изъ которыхъ выходятъ цѣлые «люди», и при помощи, откровенно сознаюсь, весьма первобытныхъ вычисленій, цѣль которыхъ была доказать себѣ, что изъ двухъ нулей не можетъ произойти ребенокъ, и что для появленія его на свѣтъ необходимы хотя какія-нибудь отце-и-матере-образныя дроби,—я, при помощи сложенія и дѣленія, вычислилъ, что на каждаго изъ 700 человѣкъ дѣтей въ среднемъ выводѣ приходится не 0 и 0, а (принимая во вниманіе всю сумму единицъ, составляющихъ то, что называется «обществомъ») все-таки нѣкоторая дробь отцовскаго и материнскаго элемента. Естественно, во мнѣ родилось желаніе разыскать то существо въ-явѣ и въ-живѣ, которое можетъ удѣлить на выполненіе материнскаго дѣла только одну сотую часть (таково было мое вычисленіе) своего существованія. И гдѣ же остальныя девяносто девять частей человѣка, матери, женщины?

Нисколько не защищаясь противъ могущихъ быть упрековъ со стороны читателей въ недостаткахъ сдѣланныхъ мною вычисленій, я долженъ сказать однако, что лично во мнѣ эти вычисленія выразились въ весьма опредѣленномъ и рѣшительномъ поступкѣ. Въ первый же пріѣздъ мой въ Петербургъ я, подъ вліяніемъ всевозможныхъ соображеній, которыхъ теперь не могу даже припомнить хорошенько, прямо съ вокзала велѣлъ извозчику ѣхать въ воспитательный домъ; можетъ быть, отчасти причиною этого было и то обстоятельство, что нашъ деревенскій поѣздъ приходилъ раньше всѣхъ другихъ поѣздовъ, когда надъ Петербургомъ лежитъ еще тьма зимней ночи, когда весь Петербургъ спитъ и когда только-что начинаютъ открываться булочныя и вообще когда негдѣ приткнуться, чтобъ напиться чаю, или же не къ кому заѣхать, чтобы не разбудить утомленнаго петербуржца и не побезпокоить его. Какъ бы то ни было, но я думаю — перевѣсъ въ моихъ поступкахъ брало не столько нежеланіе безпокоить моихъ знакомыхъ, сколько опять-таки увлеченіе многосодержательностью статистическихъ цифръ, овладѣвшихъ въ послѣднее время всѣмъ моимъ вниманіемъ. Полагаю, что послѣднее вліяніе было во мнѣ преобладающимъ, и говорю это на томъ основаніи, что сторожъ, къ которому меня подвезъ извозчикъ и который стоялъ около того мѣста воспитательнаго дома, гдѣ идетъ «продажа картъ», долгое время слушалъ мои вопросы и разглагольствія какъ бы въ какомъ-то недоумѣніи и наконецъ повидимому самъ заразился моей статистической терминологіей. Какъ-бы въ подражаніе моему спеціально-статистическому языку, онъ сталъ разговаривать со мною тоже какимъ-то страннымъ и также какъ бы научнымъ языкомъ.

— Рождаемость? въ недоумѣніи говорилъ онъ, какъ бы приходя въ себя отъ моихъ многосложныхъ вопросовъ.—Рождаемость.. это съ Мойки вамъ надо заѣхать.. Придется объѣзжать по Невскому и оттуда,.отъ мосту, по лѣвой рукѣ... Тамъ идетъ эта самая... напримѣръ рождаемая приноска. Изъ тѣхъ воротъ съ уткой и утятами... Туда бабы волокутъ свое нарожденіе, съ Мойки. А въ наши ворота идетъ уже выпускъ—кое въ деревню, а кое на гигіенъ-станцію.

— Какая же это гигіенъ-станція?

— А Преображенка!..Какъ-же?Какъ пойдете по Гончарной и будетъ улица въ концѣ, къ Казачьему плацу — и тутъ сейчасъ на лѣвой рукѣ гигіенъ-станецъ. Для очистки воздуха. Вентиляція. Потому Петербургъ—не деревня... Тамъ дай Богъ въ годъ два-три покойника, а вѣдь въ Петербургѣ кажинный Божій день народу намретъ какъ снѣгу съ подворотни навьетъ. Одного нашего брата-мужика, мастерового, навалитъ въ сутки тьма-тьмущая. Держать мертвечины долго негодится—вотъ ее изъ всѣхъ мѣстъ—изъ больницъ изъ всякихъ — прямо на гигіенъ-станецъ, а тамъ въ вагонъ, а тамъ на Преображенку, за городъ! Гигіенъ называется все одно, какъ очистка. Для воздуха. Кабы полиція не дѣлала у насъ хорошую гигіену, у насъ бы въ воспитательномъ мерло не такъ, а теперь все не шибко.

Я находился въ недоумѣніи, не умѣя понять, въ какой степени все то, что говоритъ сторожъ, относится къ разрѣшенію заданной мною себѣ задачи? Но тотъ же сторожъ вывелъ меня изъ затрудненія.

— Да вотъ и сегодня ужъ вывозка была младенцамъ на гигіенъ-станецъ, а часу въ девятомъ ихъ ужъ по машинѣ отправятъ. А ежели вамъ насчетъ рождаемаго, напримѣръ, такъ бабы шляются туда съ Мойки... Это ужъ къ Полицейскому мосту надо объѣздъ дѣлать.

— Ну, спасибо! сказалъ я, спѣшно сѣвъ опять на того-же извозчика и торопливо сказалъ ему:

— Поѣзжай въ Гончарную поскорѣй!

Клячонка ночного извозчика, на которой я ѣхалъ, дѣлая второй длинный конецъ по направленію къ тому же Николаевскому вокзалу, съ половины дороги пошла чрезвычайно тихо, хотя извозчикъ ее и стегалъ довольно исправно. Впрочемъ, судя по тому, что темнота еще довольно густо лежала на землѣ, можно было думать, что время еще раннее Знаменская площадь была совершенно пуста и только у рельсовъ конно-желѣзной дороги виднѣлась капельная фигурка гимназистика съ ранцемъ на спинѣ: онъ, проживающій съ родителями на Пескахъ, ждалъ конки, чтобы поѣхать на Васильевскій островъ въ гимназію; крошечный человѣчекъ, не доспавъ, всталъ въ шесть часовъ утра и воротится домой никакъ не ранѣе шести часовъ вечера и потомъ еще уроки до одиннадцати. Жутко было какъ-то среди этой тьмы и холода видѣть эту дѣтскую фигурку, изнуряющую свои младенческіе годы навѣрное ради куска хлѣба въ будущемъ—и раздумывая объ этомъ, я не замѣтилъ, что лошадь извозчика уже не бѣжитъ, не пытается даже бѣжать, а только постоянно вертитъ хвостомъ и дергаетъ сани впередъ по вершку. Я видѣлъ, что лошадь устала, но не рѣшался понукать извозчика и терпѣливо плелся на немъ по пустынной Гончарной, хотя крайне опа-

сался, что я не поспѣю на гигіенъ-станецъ до отхода поѣзда.

Вдругъ, равняясь со мною санями, появилась сначала дымящаяся лошадь, потомъ сани,

— Поскорѣй, извозчикъ! Ахъ, извозчикъ, опоздаемъ! услышалъ я съ лѣвой стороны.

И обернувшись, я увидѣлъ женскую руку въ перчаткѣ (довольно ветхой), которая трогала извозчика въ спину.

— Поѣзжай!.. Скоро отойдетъ поѣздъ! Ужъ должно быть отошелъ! Ахъ, Боже мой!

— Не безпокойтесь, ничего! хлопнувъ дымящуюся лошадь что есть силы, сказалъ извозчикъ, и я сразу увидѣлъ, что на саняхъ сидитъ та самая «бѣлошвейная мастерица», которую всякій петербуржецъ встрѣчаетъ въ такомъ обиліи среди уличной толпы. Аккуратно одѣтая дѣвушка, а рядомъ съ ней картонка продолговатая, коричневая, съ глянцевитой крышкой.

— Пожалуйста!.. послышалось мнѣ еще разъ, когда, послѣ ошеломляющаго удара, лошадь извозчика сильно рванула и сразу обогнала насъ.

— Поспѣемъ! едва слышно донеслись слова извозчика, сопровождаемыя новымъ ударомъ, огласившимъ какъ выстрѣлъ пустынную Гончарную.

Извозчикъ обогналъ насъ. Я едва видѣлъ бѣлошвейку, но и видѣннаго было достаточно. чтобы знать, что она въ величайшемъ безпокойствѣ. Она, сидя на одномъ мѣстѣ, была въ какомъ-то непрерывномъ волненіи, и рука ея поминутно прикасалась къ плечу извозчика.

Извозчикъ дралъ свою клячу,высоко замахиваясь кнутомъ, даже поднимался во весь ростъ и махалъ въ воздухѣ концами возжей.

— Пошелъ! Поѣзжай скорѣй! закричалъ и я моему извозчику.—Опоздаемъ!

Я былъ вполнѣ увѣренъ, что бѣлошвейка ѣдетъ на «гигіенъ-станецъ», хотя присутствіе коробки съ какимъ-нибудь нарядомъ смущало меня. Можетъ быть, она везетъ нарядъ какой-нибудь имениницѣ и спѣшитъ такъ рано? Но, не спуская съ обогнавшей меня дѣвушки глазъ, я увидѣлъ,что извозчикъ ея поворачиваетъ съ Гончарной направо и именно туда, гдѣ должна быть Преображенка, и что дѣвушка даже приподнялась на извозчикѣ, что она, кажется, даже пихаетъ его въ спину, что лошадь уже скачетъ всѣми четырьмя ногами сразу, осыпаемая непрерывными ударами.

— Пошелъ! закричалъ я, какъ только могъ.— Прибавлю! Пошелъ во всю мочь!

Извозчикъ, чувствуя что-то небывалое, также пришелъ въ возбужденное состояніе и также принялся «лупить» свою клячу что было мочи. Но трудно было «разжечь» несчастную, утомленную ночною ѣздою скотину, и она хотя и начала такъ-же, какъ лошадь обогнавшаго насъ извозчика, прыгать всѣми четырьмя ногами, но надлежащаго успѣха отъ всѣхъ этихъ стараній не получалось, и мы, при поворотѣ съ Гончарной къ Казачьему плацу, встрѣтили извозчика, который везъ бѣлошвейку, уже порожнякомъ. Онъ ѣхалъ медленно, весь въ клубахъ пара, исходившаго отъ лошади.

— Опоздали? почему-то впопыхахъ воскликнулъ мой возница, неустанно нахлестывая клячу.

— Первый звонокъ былъ! не спѣша отвѣтилъ извозчикъ, собираясь закурить папироску. — Пожалуй опоздаете...

Это извѣстіе заставило моего возницу сдѣлать какое-то невозможное усиліе — и руками, и горломъ, и кнутомъ — и мы наконецъ-таки очутились около крыльца «Преображенки».

II.

Опрометью вбѣжалъ я въ этотъ покойницкій вокзалъ и сразу натолкнулся на такую сцену: гдѣ-то звенѣлъ желѣзно-дорожный звонокъ, шла какая-то суета, но помѣщеніе было ужъ пусто и только у двери столпилось нѣсколько служащихъ, группой окружившихъ бѣлошвейку. Тутъ были жандармъ, купецъ, артельщики въ фартукахъ и какіе-то люди—и все это громко говорило, въ то время, когда бѣлошвейка, сидя на скамейкѣ рядомъ со своимъ коробомъ, заливалась горючими слезами. Группа народа, толкавшаяся около нея. одинъ передъ другимъ старались въ чемъ-то убѣдить ее, и въ тонѣ разговаривающихъ была слышна сочувственная нота.

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой! Неужели я не увижу его? Мальчикъ мой!.. облитая слезами въ три ручья, захлебываясь ими, хрипло шептала «аккуратная» фигурка бѣлошвейки.

— Сударыня! ничего теперь невозможно! убѣдительнымъ тономъ говорилъ артельщикъ.

— У меня есть квитанція! поднимая мокрое лицо на артельщика и захлебываясь словами, говорила она.—Вотъ, вѣдь я говорю... есть!

Въ рукахъ ея виднѣлась какая-то бумажка.

— Эта квитанція не можетъ способствовать!..

— Вѣдь это на моего мальчика!

— Оно точно! Дѣйствительно на мальчика вашего—только-что не такіе нумера...

— Мой мальчикъ! Но вѣдь это его нумеръ?

— Это ихній нумеръ, вѣрно! Только что это пріемная квитанція, значитъ, живого младенца, а здѣсь накладныя мертвецкія... Этотъ нумеръ не можетъ подойти!

— И напрасно вы изволите безпокоиться! прибавилъ другой сочувствовавшій горю человѣкъ. Окончательно по этой квитанціи покойника не разыскать. На живого одинъ нумеръ, а на мертваго другой... Который нумеръ? Позвольте?

Бѣлошвейка рыдала въ платокъ, но квитанцію дала все-таки.

— Четыреста восемдесятъ одинъ. Ну, онъ тамъ и обозначенъ умершимъ, а въ пріемкѣ у него можетъ двадцать девятый или какой тамъ... И окончательно оставьте! Господь прибралъ — что-жъ? Кабы ежели въ покойницкой были...

— Неужели я не увижу? Господи!.. Дайте мнѣ эту квитанцію! Можетъ быть, я увижу... Тамъ еще поѣздъ, пассажирскій.

Раздался третій звонокъ.

— Ахъ, милый мой!.. Уѣдетъ!.. Нѣтъ, я побѣгу на вокзалъ!..

Она быстро вскочила съ лавки, схватила картонку, уронила ее и, не смотря на самыя задушевныя доказательства, что ничего она не добьется, быстро побѣжала, пробиваясь сквозь толпу. Я схватилъ ея коробку и побѣжалъ вслѣдъ за ней, а за нами высыпала и вся толпа.

— А ты, коли рожаешь ребенка, такъ ты его не бросай, какъ щенка! вдругъ, какъ обухомъ по лбу, громко и отчетливо проговорилъ какой-то изъ слушателей, видомъ лавочникъ.

Бѣдная бѣлошвейка остановилась, и хотя она и была вся измучена и лицо ея опухло отъ слезъ, —въ ней проснулась на минуту бойкость «бѣлошвейки», которая иногда вынуждена давать дуракамъ сдачи.

— Послушайте! смѣло сказала она, останавливаясь.—Вы какъ смѣете говорить дерзости?

— Чего бормочешь! прикрикнули на него нѣкоторые изъ артельщиковъ, — нашелъ время галдѣть!

— Да, настойчиво болталъ нравоучитель. — Коли родишь, такъ не бросай! А то только бы хвостомъ повертѣть? Нѣтъ, шалишь! Вотъ и поплачь, матушка, ничего!

— Перестань, дуракъ! закричали сочувствующіе бѣдной женщинѣ люди.

Дуракъ не переставъ бормотать, и это бормотанье какъ будто приковало ноги дѣвушки къ землѣ: она не трогалась съ мѣста и гнѣвно смотрѣла на удалявшагося дурака.

— Пойдемте! сказалъ я.—Можетъ быть, поѣздъ еще не ушелъ.

Она пошла, но слова нежданнаго дурака очевидно ошеломили ее, и она, сдѣлавъ два-три шага быстрыхъ и стремительныхъ, вдругъ замедлила походку и, продолжая рыдать, говорила гнѣвно и медленно:

— Скверный! Чтобъ я бросила ребенка... Что я, собака? Я бросила! Когда мнѣ кормить нечѣмъ? Чѣмъ я буду кормить?

Опять градомъ льются ея слезы, и мы быстро идемъ впередъ. И вдругъ опять остановка.

— Кабы у меня были родные—или кто нибудь на свѣтѣ... У меня никого нѣтъ! Я сирота! Каждый годъ у насъ родитъ кухарка и всѣ ребята живы... Девять рублей получаетъ, платитъ въ деревню... И всѣ живы... А я?

Горькія слезы.

— ...Я еще и въ мастерицы не вышла... Скверный какой!.. Я бы его нашла потомъ! Ихъ въ деревню отдаютъ... Бросила ребенка! Подлецъ эдакой! Я бы нашла его...

— Пойдемте, пойдемте пожалуйста! говорилъ я.

Она опять побѣжала и опять остановилась:

— Я одна кругомъ... *Онъ* тоже копѣйки не имѣетъ... ученикъ... Меня съ шести лѣтъ мучаютъ работой... У меня даже своего лоскута нѣтъ... Вѣдь за нихъ казна платитъ, какъ же мнѣ быть?.. Я бы ужъ нашла его!.. У меня у самой молока было ужасть! Двухъ бы покормила! дуракъ эдакой невѣжа! Вся рубашка молокомъ-то... Чѣмъ я виновата?.. всѣмъ можно родить, а мнѣ нельзя? Гадкій какой дуракъ, безсовѣстный!.. Теперь и не найдтить моего мальчика!.. Ахъ, милый мой! Голубчикъ мой! Пойдемте ради Бога скорѣе!

До самаго вокзала она неслась какъ вѣтеръ и платокъ поминутно мелькалъ около ея лица.

— Опоздали? впопыхахъ спросили мы у татарина въ буфетѣ, сказавъ, зачѣмъ мы пришли.

— Да, проговорилъ онъ, поглядѣвъ на круглые часы:—сейчасъ уйдетъ!

— Что-жъ? сказалъ я, теперь ужъ право нечего!..

Она стояла неподвижно. Я взялъ ее подъ локоть, привелъ къ скамейкѣ и посадилъ. Она отвернулась отъ меня, какъ-то перевѣсилась черезъ ручку деревяннаго дивана и молча, не говоря ни слова, предалась своему безграничному горю. Туго застегнутый, «аккуратный» хозяйскій дипломатъ дрожалъ подъ истерическимъ дрожаніемъ всего ея тѣла.

— Голубчикъ! чуть-чуть шептала она.—Прощай! Прощай, ангельчикъ мой!

И будто поцѣлуи слышались тихіе...

Я сидѣлъ около нея недвижимо и боялся дохнуть.

III.

Помню, что она ушла съ опухшимъ лицомъ, но не забыла задернуть его кусочкомъ вуальки и вообще постаралась принять, насколько въ ней хватало силы, обычный видъ бѣлошвейки, опять типъ той самой, которую всякій видитъ въ толпѣ съ коробкой въ рукахъ.

— Ой, сказала она сиплымъ шопотомъ, взглянувъ на часы—одиннадцатый! Теперь полковница меня съѣстъ! Ужъ давно надо было быть! Ахъ, Боже мой...

Толпа, схлынувшая съ почтоваго поѣзда, поглотила ея «фигурку», ставшую опять «аккуратной»... Я просидѣлъ еще довольно долго, не смѣлъ тронуться съ мѣста подъ впечатлѣніемъ чего то ужаснаго. Наконецъ я всталъ со скамейки и пошелъ.

— Господинъ! остановилъ меня сторожъ съ бляхой. Вотъ – бумажку обронили!

Я взялъ бумажку: это была квитанція на принятіе ребенка бѣлошвейки.

А вѣдь она какъ цѣловала эту квитанцію-то! И теперь у нея ничего не осталось. Она опять должна девяносто девять частей жизни посвятить работѣ на хозяйку, заботамъ о полковницѣ, которая «выходитъ изъ себя», если на ней дурно «сидитъ», огорченью за неуспѣхъ этихъ полковницъ изъ-за туалета, скорби хозяйки о недостаткѣ средствъ на игру въ карты,—и только сотую часть своему материнскому дѣлу, чувству, обязанности.

Такъ вотъ какія иногда многосложныя вещи таятся въ статистическихъ дробяхъ! Думаешь, думаешь надъ этими ноликами, дѣлаешь разныя вычисленія, а нежданная слеза возьметъ да все и запачкаетъ!

III. Дополненіе къ разсказу «Квитанція».

I.

Квитанція, оставшаяся въ моихъ рукахъ послѣ неожиданной встрѣчи съ бѣлошвейкой, въ такой степени приковала къ себѣ мое вниманіе, что я до сихъ поръ не могу еще перейти къ оживленію иныхъ статистическихъ цифръ и не могу оторваться отъ размышленія объ этихъ крупнаго и мелкаго размѣра дробяхъ, кишащихъ въ живой жизни кругомъ меня въ несмѣтномъ множествѣ. Быть дробью, потерять самое право думать о своемъ существованіи, какъ о чемъ-то напоминающемъ «цѣлое»—удѣлъ всякаго живого существа въ строѣ современной купонной жизни, и вотъ почему такая прискорбнѣйшая дробь, какъ одна сотая матери, выработанная всѣмъ строемъ этой жизни, сосредоточила мое вниманіе именно на коренныхъ особенностяхъ этого строя. Строй народной, трудовой жизни тѣмъ и отличается отъ купоннаго, т. е. труженическаго, батрацкаго, изнуряющаго личность человѣческую, что въ немъ человѣкъ всѣми возможными способами добивается права чувствовать себя цѣлымъ числомъ, а не дробью, жить на свѣтѣ, не покупая чужого труда и не продавая своего, т. е. жить, сохраняя свою совѣсть и удовлетворяя полнотѣ ея потребностей.

Отличнымъ примѣромъ упорства отстоять трудовую жизнь противъ «купонной» можетъ служить весьма любопытная статья г. Рейнгардта, о которой весьма не мѣшаетъ сказать нѣсколько подробнѣе потому именно, что въ ней разсказывается о крестьянскихъ, привыкшихъ къ самостоятельной жизни, женщинахъ и дѣвушкахъ, не желавшихъ добровольно превращаться въ дроби и сотыя части.

Статья эта изображаетъ «*Дѣвичій бунтъ на Уралѣ въ 1839 г.*» и объясняетъ возникшее волненіе такъ: «промысловыя работы (какъ и вообще фабричныя, поденныя работы «изъ-за хлѣба») должны были наводить ужасъ на всѣхъ *честныхъ* женщинъ, предъ глазами которыхъ прошли несчастныя *опозоренныя* жертвы съ ихъ павѣки загубленной жизнью... *Матеріальныя выгоды* и *веселая жизнь* внушали *глубокое отвращеніе* этимъ простымъ, но честнымъ натурамъ, которыя предпочитали тихую, хотя и бѣдную жизнь *въ своей* семьѣ...»

И во имя этого уваженія къ своей чести и къ своему человѣческому достоинству—«женщины въ своей энергической оппозиціи заводоуправленію дѣйствовали вполнѣ самостоятельно, безъ всякой активной поддержки со стороны мужчинъ. Право, за которое боролись онѣ, заключалось въ охраненіи нравственной чистоты, въ поддерживаніи достоинствъ честной женщины, что возможно было для нихъ только въ семейной жизни...», т. е. въ трудовой жизни *своего* хозяйства.

Бунтъ крестьянскихъ дѣвицъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ, начался вслѣдствіе слуха о томъ, что полученъ указъ, запрещающій женскій промысловый трудъ. Собственно говоря, никакого закона о трудѣ женщинъ не существовало: заводовладѣльцы изъ дворянъ владѣли крестьянами на основаніи крѣпостного права и распоряжались поэтому своимъ народомъ «какъ имъ было угодно», т. е. одинаково пользовались трудомъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ,—а съ нихъ, заводовладѣльцевъ-дворянъ, «взяли примѣръ» и владѣльцы заводовъ, принадлежавшіе къ купеческому сословію, имѣвшіе право только на мужской трудъ приписныхъ крестьянъ. Эксплуатировать трудъ женщинъ они по закону «не имѣли никакого права», и чтобы добиться этого права, обратились въ тридцатыхъ годахъ къ министру финансовъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи употреблять женщинъ въ работы *за надлежащее вознагражденіе*. Министръ финансовъ удовлетворилъ ходатайство, причемъ установилъ на этотъ предметъ опредѣленныя правила».

Такимъ образомъ «вознагражденіе», разсчетъ на «нужду», явились соблазнителями женщинъ и дѣвушекъ, и «рубль» сталъ отрывать ихъ отъ дома и семьи. Но, не смотря на силу рубля, народное хозяйство было еще такъ прочно, что даже десятилѣтній опытъ развращенія и разрушенія семьи не принесъ никакого существеннаго результата. Едва въ 1839 году прошелъ слухъ, что существуетъ указъ, запрещающій женщинамъ поденную работу, какъ мгновенно поднялось все женское населеніе, заявляя громкій протестъ противъ «матеріальныхъ выгодъ», которыми ихъ хотѣли оторвать отъ «невыгодной» жизни въ бѣдности своего дома.

«1-го октября 1839 г. дѣвушки должны были собраться на работы въ полномъ составѣ, т. е. 212 человѣкъ, но ихъ явилось только 12, прочія же остались дома, объявивъ заводскимъ служащимъ рѣшительнымъ тономъ, что онѣ *никогда* не будутъ работать на пріискахъ. А ранѣе этого тѣ же дѣвушки отказались и отъ полевыхъ работъ».

Объ этомъ сопротивленіи было донесено хозяевамъ заводовъ въ такомъ видѣ:

«По распоряженію конторы, мы производили высылку на промысла *дѣвокъ женскаго пола*, при каковомъ нарядѣ за однихъ матери, за другихъ отцы, а другія сами идти на работу отказались, сказываютъ... что женскому полу въ работѣ находиться не подлежитъ: отчего довольное количество препятствуютъ—не идутъ на работы».

Многіе матери и отцы «категорически и громогласно» объявили, что «дочерей своихъ въ работы не пустятъ». Такое упорство заставило заводское начальство потребовать, откуда слѣдуетъ, «энергическихъ мѣръ». «Желая предупредить—пишетъ начальство—развитіе духа неповиновенія, главное правленіе обязанностью своею постановляетъ покорно просить ваше благородіе, по полученіи сего, отправиться безъ промедленія въ К—ій заводъ и оказавшійся духъ неповиновенія строгими и быстрыми мѣрами пресѣчь; а для содѣйствія вамъ теперь же отправляется товарищъ управляющаго, артиллеріи поручикъ Петровъ».

«Его благородіе» и господинъ Петровъ пріѣхали и приняли мѣры—сначала конечно «кроткимъ образомъ внушивъ о безусловномъ повиновеніи заводскому начальству». Но, увы! «Онѣ же (доноситъ «его благородіе»), бунтовщицы, не давая словамъ моимъ вѣроятія, рѣшительно отозвались, что въ работы не пойдутъ до тѣхъ поръ, покуда я не объявлю имъ указа, по которому онѣ наряжаются на работу, и не дамъ имъ въ томъ какую-то росписку. На представленіе мое имъ, что требованіе ихъ сумасбродно и обнаруживаетъ одну ихъ дерзость, онѣ оставались въ своемъ упорствѣ...» «Дабы не подать повода къ неповиновенію и прочимъ заводскимъ людямъ, я, руководствуясь (слѣдуютъ статьи XIV т. св. законовъ) о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, вынужденнымъ нашелся *къ приведенію въ повиновеніе дѣвокъ употреблять исправительныя полицейскія мѣры, для этого намѣренъ былъ одну изъ болѣе упорствующихъ наказать розгами, но толпа дѣвокъ сдѣлала при этомъ шумный крикъ: однакожъ, не смотря на это, одна изъ толпы была взята и подвергнута наказанію двумя ударами розогъ.* Эта мѣра имѣла весьма *благопріятное* дѣйствіе на дѣвокъ, ибо многія изъ нихъ тотчасъ согласились вступить въ работу...» «За всѣмъ тѣмъ, пять дѣвокъ, а именно: Агафья Гребенщикова, Василиса Быкова, Марья Сосѣкина, Анна Баранова и Наталья Плотникова, остались въ непреклонности, и отъ вступленія въ работы рѣшительно отказались...» «О таковомъ неповиновеніи заводскихъ дѣвокъ донося вашему высокопревосходительству, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить, не благоугодно ли будетъ приказать къ приведенію въ повиновеніе означенныхъ пяти дѣвокъ употребить надлежащія мѣры» ..

Прошло пятьдесятъ лѣтъ, и то, что не было вполнѣ достигнуто при помощи благопріятныхъ мѣръ, сдѣлалось «само собой», на совершенно другихъ уже основаніяхъ! Теперь заводская жизнь, говоритъ г. Рейнгардтъ, «представляетъ много удовольствій для усердныхъ поклонниковъ Киприды. На золотыхъ пріискахъ работаетъ много женщинъ и дѣвушекъ, между которыми попадаются очень хорошенькія, даже въ полномъ смыслѣ красавицы. Онѣ (уже) не прихотливы, отличаются большой снисходительностью, такъ что за хорошенькій платокъ, кусокъ ситцу, даже за фунтъ кедровыхъ орѣшекъ готовы подарить своимъ благосклоннымъ вниманіемъ перваго встрѣчнаго ловеласа. Вотъ почему (!) *всякій* (!), отправляющійся на промыселъ, запасается *предварительно* (!) платочками, ситцами, въ полной надеждѣ на успѣхъ и конечно почти никогда не ошибается. Успѣхъ очень часто превосходитъ ожиданія!..» «Люди практическіе, опытные, запасаются на этотъ предметъ самыми *разнообразными* матеріями, потому что брать хотя и много, но все одного и того же качества, бываетъ весьма неудобно, какъ показалъ примѣръ нѣкоего N, который съ любовью къ прекрасному соединялъ аккуратность и разсчетливость. Отправляясь на пріиски, онъ закупилъ на дешевой распродажѣ массу ситца совершенно *одинаковаго* рисунка... *Чрезъ три недѣли* послѣ прибытія его на пріискъ, въ одинъ праздничный день, на мѣстномъ гуляньѣ явились *около 60* мѣстныхъ работницъ, одѣтыхъ въ одинаковыя платья, будто по формѣ. Нетрудно было догадаться, что всѣ эти особы втеченіе короткаго времени пользовались вниманіемъ этого господина, что дало поводъ мѣстнымъ шутникамъ (а нешутники что-же?) говорить, что это форма «непремѣнныхъ работницъ» (на основаніи 448 ст. VII т. Горнаго устава о непремѣнныхъ работницахъ). Но какъ ни весела (!) жизнь на промыслахъ, положеніе женщинъ тамъ далеко не приглядно».

Такіе успѣхи растлѣнія нравовъ, повторяю, мы не можемъ приписать въ данномъ случаѣ исключительно какому нибудь несправедливому указу или какому-нибудь насильственному мѣропріятію. Теперешнія несчастныя женщины идутъ на свою гибель ужъ безъ участія «благопріятныхъ» мѣръ.

II.

Въ дальнемъ морѣ, на каменной скалѣ, стоитъ гигантская статуя «Свободы». Франція подарила эту статую Америкѣ. На огромномъ пьедесталѣ поставлена величественная фигура женщины съ поднятымъ надъ головою электрическимъ факеломъ. Высоко, чуть не въ облака, подняла эта женщина свой факелъ; огромный стеклянный фонарь, въ которомъ пламенѣетъ огромный клубокъ электрическаго свѣта, далеко разливаетъ ослѣпительные лучи, пронизывая ихъ широкими размахами туманы, тучи, нависшія надъ землей, стелясь прямою бѣлою дорогою по бушующимъ волнамъ океана и возносясь въ самую глубину неба. Издалека, за сотни верстъ, видитъ онъ этотъ свѣтъ и правитъ на него свой пароходъ, спасаетъ свой товаръ! Но вѣдь надо *знать*, какъ править, и надо знать, зачѣмъ и кто и какъ *это* свѣтитъ. А вотъ бѣдныя птицы не знаютъ! Застигнутыя бурей, дождемъ, снѣгомъ, онѣ видятъ этотъ благодатный свѣтъ, думаютъ, что тутъ жилье, что тутъ тепло, массами мчатся сюда и... на смерть разбиваются о гигантскій фонарь, воздвигнутый во имя свободы и братства. Пятнадцать тысячъ птичьихъ труповъ было найдено у подножія этого гигантскаго фонаря послѣ одной бурной и черной ночи! Бѣдныя птицы!

Вотъ и нашъ крестьянскій человѣкъ, какогобы пола ни былъ, «обѣими руками» хватается не только за кусокъ «купона», а, какъ мы видимъ, за кусокъ ситчика и даже за горсть орѣховъ. Мужчина-крестьянинъ уже думаетъ, что ему будетъ «потеплѣе» въ трактирѣ, за бутылкой пива, чѣмъ въ холодной избѣ, да и крестьянкѣ кажется также потеплѣе на фабрикѣ и въ пивной, и повеселѣе отъ органа и отъ ситчика съ веселымъ рисункомъ. Но вѣдь чтобы все это понравилось, стало тянуть къ себѣ, чтобы все это стало казаться свѣтомъ, тепломъ, прибѣжищемъ, какъ

несчастнымъ птицамъ казался мертвый свѣтъ фонаря, нужно, чтобы дома стало холодно, чтобы негдѣ было укрыться отъ стужи, чтобы было страшно отъ безпріютности и одиночества.

До какой степени много однѣхъ только женщинъ отрываютъ «купонныя» дѣла отъ собственнаго дома и семьи — мнѣ между прочимъ пришлось мелькомъ видѣть въ Ростовѣ, во время поѣздки по Дону *). Здѣсь одно табачное, папиросное дѣло отрываетъ отъ земледѣльческихъ хозяйствъ буквально тысячи молодыхъ женскихъ силъ. Кромѣ пяти тысячъ (никакъ не менѣе) папиросницъ, работающихъ на ростовскихъ фабрикахъ, ихъ великое множество работаетъ и на табачныхъ плантаціяхъ. Кромѣ того въ томъ же Ростовѣ цѣлыя тысячи женщинъ и дѣвицъ занимаются мойкою шерсти, и всѣ эти тысячи буквально не имѣютъ *права* быть матерями. Онѣ конечно не могутъ сопротивляться обязанностямъ, налагаемымъ на нихъ поломъ; но онѣ *должны* бросать дѣтей, должны отдѣлываться отъ нихъ во что бы-то ни стало, — иначе прекратится шерстяное производство, и у насъ не будетъ папиросъ Асмолова, Кушнарева, крученыхъ, гвардейскихъ и прочихъ. Не знаю и не имѣю подъ руками никакихъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ дѣтей, которыхъ обязаны бросить здѣшнія рабочія женщины, но мнѣ передавалъ одинъ изъ гласныхъ ростовской думы, что послѣдняя уплачиваетъ въ Новочеркасскій воспитательный домъ по 80 р. въ годъ за каждаго брошеннаго ростовскими фабриками ребенка и препровождаетъ такихъ дѣтей въ Новочеркасскъ. Существуютъ будто-бы агенты, которые слѣдятъ за дѣтьми, выбрасываемыми фабриками и заводами, разыскиваютъ и увозятъ такихъ, обреченныхъ быть брошенными, дѣтей въ Новочеркасскъ.

Если-бы было можно сосчитать все количество дѣтей, которыя въ данную минуту должны оставаться безъ материнскаго питанія и ухода, то я не сомнѣваюсь, что цифра вышла бы весьма внушительная. Чтобы судить хоть приблизительно о громадности этой цифры, я настоятельно рекомендую читателю обратить вниманіе на брошюру Н. Михайлова **), касающуюся общей характеристики воспитательныхъ домовъ *только* Петербурга и Москвы. Оказывается, что *только въ двухъ* воспитательныхъ домахъ въ Петербургѣ и Москвѣ ежегодно поступаетъ *двадцать шесть тысячъ дѣтей*, притомъ на Петербургъ приходится 9000, а на Москву—*семнадцать тысячъ* дѣтей! При этомъ замѣчается слѣдующее явленіе: «вслѣдствіе центральнаго положенія Москвы и возможности быстро доставлять дѣтей по желѣзнымъ дорогамъ, въ послѣдніе годы замѣчается все большій приливъ дѣтей изъ провинціи». Не надо быть пророкомъ, чтобы съ точностью опредѣлить всѣ провинціальныя мѣстности, откуда прибываетъ такая масса бросовыхъ дѣтишекъ: это фабричный подмосковный районъ.

Въ доказательство того, что женскій фабричный трудъ ставитъ работницу въ необходимость непремѣнно оставлять, покидать своего ребенка, мы можемъ привести слѣдующій отрывокъ изъ прекрасной статьи г. Сидорова о «Раменской фабрикѣ», одной изъ самыхъ образцовыхъ во всемъ подмосковномъ районѣ. Фабрика эта дѣлаетъ для рабочихъ все, что только можетъ сдѣлать лучшаго,— и вотъ въ какомъ положеніи находятся тамъ женщины:

«Въ шести корпусахъ устроены дѣтскія, такъ называемыя ясли. Цѣль ихъ та, чтобы, уходя на работу, матери могли оставлять своихъ маленькихъ дѣтей подъ надлежащимъ присмотромъ. Раменская фабрика, кажется, *единственная, въ которой* до нѣкоторой степени *постарались улучшить положеніе беременныхъ женщинъ и матерей*, кормящихъ грудью дѣтей. Организованы дѣтскія слѣдующимъ образомъ: въ каждой есть нѣсколько нянекъ, отъ 2-хъ до 6-ти, сообразно количеству приносимыхъ дѣтей; няньки получаютъ по 6 р. въ мѣсяцъ. Надъ няньками есть смотрительница, получающая около 15 р. въ мѣсяцъ. Приносить дѣтей въ дѣтскую, устроенную при корпусѣ, можетъ каждая работница, живущая въ корпусѣ, не испрашивая на это никакого и ни у кого *особаго* разрѣшенія. Для прокорма дѣтей отпускается безвозмездно молоко въ достаточномъ количествѣ. Въ каждую дѣтскую проведены краны съ холодной и горячей водой. Дѣтскія снабжены въ надлежащемъ количествѣ постельнымъ бѣльемъ. Но изъ 211 дѣтей до 4-хъ-лѣтняго возраста приносилось въ дѣтскія всего 30—35 дѣтей, т. е. всего почти четверть только грудныхъ дѣтей, что указываетъ на нѣкоторое равнодушіе со стороны рабочихъ къ устройству дѣтскихъ. Вдумавшись же въ ихъ устройство, мы поймемъ это равнодушіе... Первое неудобство матери-работницы отдавать ребенка въ дѣтскую то, что тамъ она можетъ держать его только въ то время, когда сама занята работой на фабрикѣ. Ясное дѣло, что няньки для своей свободы всѣ мѣры принимаютъ къ тому, чтобы ввѣренныя ихъ присмотру дѣти спали: «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало», а что же лучше устраняетъ плачъ, какъ не сонъ? И вотъ, усталая отъ шестичасовой работы, мать приходитъ домой, а ребенокъ уже не спитъ, спать и ей не даетъ. Возится она съ нимъ, возится все недолгое свободное время, а тамъ опять станки, веретено... а ребенокъ въ это время опять спитъ, чтобы въ слѣдующій промежутокъ вновь терзать свою усталую мать. Поставьте себя на мѣсто этой матери, и вы поймете, что она станетъ искать исхода другого, кромѣ дѣтской. Такой исходъ есть — няньки-дѣвочки или дряхлыя старушонки: ѣдятъ онѣ мало, да и готовы служить почти изъ за прокорма. Въ 57% изслѣдованныхъ г. Сидоровымъ семействъ именно и прибѣгли къ этому средству; въ нѣкоторыхъ семьяхъ есть свои члены семейства, неспособные къ другому труду, кромѣ нянчанья; несетъ же своихъ

*) *«Письма съ дороги»*, IX.

**) *Общая характеристика дѣятельности нашихъ воспитательныхъ домовъ.* Врача Н. Ф. Михайлова. Москва 1887 г. (Изъ трудовъ 2-го съѣзда Русскихъ Врачей).

дѣтей въ дѣтскую *только нужда безъисходная, голь перекатная*. Вторая причина—прежде ея не было—не достаточно строгій присмотръ за дѣтскими».

«На Раменской фабрикѣ беременныя женщины отпускаются за нѣкоторое время до родовъ съ работы, если онѣ того пожелаютъ; кормящія же грудью дѣтей по два раза въ смѣну отпускаются для кормленія дѣтей. Въ недавнемъ прошломъ бабушки-повитухи не мало изувѣчили дѣтей и замучили рожениць; но нѣсколько лѣтъ (5) на фабрикѣ устроенъ родильный пріютъ, куда могутъ приходить всѣ нуждающіяся въ немъ. Акушерка получаетъ 30 р. въ мѣсяцъ, трудъ у нея громаденъ: въ прошломъ году напр. было въ пріютѣ 308 рожденій! Помѣщеніе родильнаго пріюта крайне мизерно — двѣ маленькія комнаты и кухня составляютъ и помѣщеніе пріюта, и квартиру акушерки. При такой громадной рождаемости, совершающейся въ пріютѣ, на каковую указываетъ вышепоказанная цифра, ясно, что роженица должна находиться въ крайне неудобномъ положеніи, какъ во время родовъ, такъ въ особенности должна вести себя не такъ, какъ слѣдуетъ, тотчасъ же послѣ родовъ. *Имена рожениць остаются въ секретѣ*, или принимаются во всякомъ случаѣ довольно энергичныя мѣры сохранять ихъ въ секретѣ. Вслѣдствіе такого порядка, въ родильный пріютъ привлекаются въ значительномъ количествѣ женщины, рождающія незаконныхъ дѣтей. Этимъ средствомъ обезпечивается большинство несчастныхъ женщинъ, принужденныхъ, скрывая свои физіологическія отправленія, обращаться съ своими родами гдѣ-нибудь въ закоулкѣ, къ какой-либо повитухѣ. Незаконнорожденныя дѣти въ Троице-Раменскомъ приходѣ не зарегистрировываются, ибо близость Москвы даетъ возможность *легко сбывать* своихъ дѣтей въ Воспитательный домъ. Поэтому, къ сожалѣнію, мы, разсматривая метрическія данныя Раменскаго прихода, совершенно не имѣемъ этихъ цифръ».

Этотъ «легкій-сбытъ» дѣтей въ Москву производится самымъ безхитростнымъ образомъ. Недавно въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* было напечатано о проѣздѣ по желѣзной дорогѣ бабы, которая везла въ Москву въ двухъ плетеныхъ корзинкахъ цѣлыя кучи «секретныхъ» ребятишекъ, которые пищали и кричали въ этихъ корзинкахъ какъ цыплята, отправляемые курятниками въ Охотный рядъ. Нельзя останавливать производства! Да и конкуренціи слѣдовательно нельзя задерживать! Прямо въ корзину, въ Москву, въ общую ссыпку дѣтей.

Я однажды самъ ѣхалъ со старухой-крестьянкой, которая везла въ мѣшкѣ подъ скамейкой въ вагонѣ 3 класса цѣлую кучу мертвыхъ дѣтей. Она ѣхала къ доктору просить свидѣтельство на погребеніе. Въ то лѣто свирѣпствовала какая-то эпидемія и по обыкновенію стояла рабочая пора. Бабы заняты были на работѣ и имъ самимъ нельзя было везти взятыхъ ими и умершихъ питомцевъ. Вотъ онѣ и снарядили старуху, заплативъ ей за хлопоты 30 коп., а она, чтобы начальство дороги не протестовало противъ ея товара, свалила мертвыхъ дѣтей въ мѣшокъ, засунула его подъ лавку и поѣхала. Вотъ эта (между прочимъ) невозможность тратить много денегъ на перевозку даже по желѣзной дорогѣ служитъ также доказательствомъ того, что перевозка дѣтей въ столичные воспитательные дома производится изъ такихъ пунктовъ, которые недалеко отстоятъ отъ столицы. Привезти ребенка напр. изъ какой-нибудь деревни Тульской губ., т. е. верстъ за сто отъ Москвы, это значитъ истратить на него столько денегъ, что на нихъ можно его прокормить дома. И слѣдовательно везутъ только изъ ближайшихъ и притомъ фабричныхъ мѣстъ. Въ пользу этого соображенія говоритъ еще и слѣдующее обстоятельство.

Въ брошюрѣ г. Н. Михайлова на стр. 4 сказано, что въ настоящее время новыми правилами въ воспитательныхъ домахъ дозволяется *самимъ матерямъ* вскармливать своихъ дѣтей *и на дому* до 3-хъ лѣтъ, съ производствомъ такой платы: въ первый годъ 108 руб., во 2-й 72 р. и въ 3-й 36 р. Какъ видите, мѣра чрезвычайно гуманная; но въ отчетѣ о количествѣ дѣтей, взятыхъ собственными ихъ матерями, не показано никакой цифры, а это было бы непремѣнно, еслибы матери, отдающія дѣтей въ воспитательный домъ, *могли* бы имѣли-бы *право* быть матерями. Въ томъ-то и дѣло, что онѣ бросаютъ дѣтей потому, что имъ нельзя *«отойтить»* отъ дѣла, отъ станка, отъ папиросы, что имъ *нельзя* заниматься ребенкомъ ни дома, ни въ воспитательномъ домѣ. Этого не дозволитъ работницѣ папироса, ситецъ,—словомъ, товаръ! Не будь папиросы, будь просто голая бѣдность — и тогда бы она непремѣнно кормила ребенка. Принимаются также въ воспитательные дома дѣти, и даже законныя, такихъ родителей, которые по бѣдности не могутъ кормить, а потерять не желаютъ. И такихъ бѣдныхъ родителей, не облагодѣтельствованныхъ фабричнымъ станкомъ, оказалось въ Петербургѣ (въ 84 г.) 544 человѣка. Очевидно, такіе родители имѣютъ надежду когда-нибудь сами продолжать воспитаніе своихъ дѣтей. Фабричная женщина, которой нельзя «отойтить» отъ своего дѣла, не можетъ разсчитывать на какое-либо иное будущее, кромѣ той-же безпрестанной невозможности «отойтить», оторвать рукъ своихъ, и слѣдовательно ни временно, ни тѣмъ менѣе даже втеченіе трехъ лѣтъ, ей невозможно и думать пользоваться правами матери.

Итакъ, фабричная женщина, имѣя право хоть и *секретно* (!) родить, матерью несекретной быть не можетъ! Ей надобно, если она хочетъ «пить-ѣсть», свалить ребенка въ корзинку съ другими такими же секретными дѣтьми и отправить ихъ въ Москву. На этомъ материнскія обязанности ея прекращаются. Она получаетъ изъ воспитательнаго дома «квитанцію» и опять становится къ станку. Этимъ исчерпывается все ея материнское дѣло. Но ребенокъ, уѣхавшій въ Москву по желѣзной дорогѣ, не такъ просто разстается съ фабрикой и начинаетъ шибко мстить всѣмъ и всему за свое безпомощное положеніе.

Онъ—живой человѣкъ и желаетъ жить. Его необходимо кормить «хоть изъ приличія». И вотъ для двадцати шести тысячъ дѣтей требуется и двадцать шесть тысячъ *кормилицъ*, точно такъже какъ и на фабрикѣ требовались, вмѣсто родныхъ матерей, нанятыя няньки. Такимъ образомъ для этихъ брошенныхъ дѣтей надо, чтобы еще и другія двадцать шесть тысячъ матерей тоже бросили-бы своихъ собственныхъ двадцать шесть тысячъ дѣтей и оставили ихъ также безъ материнскаго молока. Но такого огромнаго количества кормилицъ никогда воспитательные дома двухъ большихъ городовъ, Петербурга и Москвы, не имѣли. Въ 1882 году, 3 апрѣля, говоритъ г. Михайловъ, въ московскомъ воспитательномъ домѣ недоставало 695 кормилицъ и въ среднемъ выводѣ было на каждую кормилицу по 2 ребенка, а у 262—по три ребенка, круглый годъ недоставало 192 кормилицъ.

1884 годъ, замѣчательный неурожаемъ и *закрытіемъ фабрикъ*, не привлекъ однако въ воспитательный домъ кормилицъ, «13 апрѣля было 1395 дѣтей, а кормилицъ только 580. Медицинскій отчетъ за это время говоритъ: «дѣти хронически голодаютъ», значительная часть кормилицъ должна была кормить по трое дѣтей».

Кстати обратите вниманіе на этотъ фактъ «закрытія фабрикъ», который, какъ видите, *убивалъ* притокъ кормилицъ въ воспитательный домъ. «Бабье чутье» тѣхъ бѣдныхъ крестьянскихъ женщинъ, которыхъ гнала бы въ кормилицы нужда, подсказало имъ, что теперь, когда фабрики закрываются, матери волей-неволей, *изъ совѣсти* будутъ *сами* кормить своихъ дѣтей, хоть и впроголодь, а секретныхъ будетъ совсѣмъ мало, такъ какъ дѣвки будутъ волей-неволей сидѣть дома... «Незачѣмъ и идтить въ Москву!»

Возвратимся однако къ кормилицамъ.

«Ненормальное душевное состояніе кормилицъ, говоритъ г. Михайловъ (стр. 9), которымъ нерѣдко приходится оставлять деревню помимо собственнаго желанія, не можетъ оставаться безъ вліянія на ихъ молоко. Женщина, идущая въ воспитательный домъ, иногда могла только-что потерять своего ребенка и находиться подъ впечатлѣніемъ свѣжаго горя. Всѣ эти обстоятельства прямо вліяютъ на здоровье кормилицъ и дѣтей, которыхъ онѣ кормятъ.» Кромѣ истощающаго кормилицу душевнаго гнета, мы видѣли, что недостатокъ въ нихъ вынуждаетъ начальство воспитательнаго дома давать иной кормилицѣ по два и даже по три ребенка, т. е. истощать ее сверхъ всякихъ мѣръ.

Изъ всего этого выходитъ слѣдующее: кормилица, идущая въ воспитательный домъ «изъ нужды» и слѣдовательно матеріально плохо обезпеченная, дома плохо питавшаяся, да удрученная горемъ, да вынужденная кормить двухъ-трехъ, изнуряется вопервыхъ сама, между прочимъ и вслѣдствіе различныхъ искусственныхъ способовъ развить молоко (селедка, двойныя порціи пищи и т. д.), и не питаетъ въ должной степени ни одного изъ брошенныхъ дѣтей, находящихся на ея рукахъ. Смертность поэтому въ воспитательныхъ домахъ такая: въ Петербургѣ 31%, въ Москвѣ 40%. (Это смертность въ воспитательныхъ домахъ, а не въ деревняхъ.)

Но въ то же время и дѣти кормилицъ мрутъ въ деревняхъ въ неменьшемъ количествѣ, чѣмъ мрутъ ихъ питомцы въ воспитательномъ домѣ. «Верейское земство попыталось разъ собрать свѣдѣнія о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ принимаются питомцы, относительно смертности какъ этихъ послѣднихъ, такъ и дѣтей мѣстныхъ жителей». Получились, по словамъ г. Михайлова, *поражающія данныя*. Въ приходахъ, гдѣ отсутствуютъ питомцы, замѣчается приростъ населенія, *а гдѣ были питомцы*, тамъ не только не оказывается прироста, но даже обнаруживалась значительная убыль населенія. Смертность *своихъ* дѣтей шла прогрессивно съ пріемомъ питомцевъ въ семью (стр. 18).

Такимъ образомъ «смерть», «изнуреніе», «истощеніе» идутъ отъ язвы «купона» во всѣ стороны. 26 тысячъ *секретныхъ* матерей, 26 тысячъ *брошенныхъ* дѣтей, около той же цифры тысячъ матерей, *бросившихъ* своихъ дѣтей, и еще такое же количество дѣтей, оставленныхъ матерями для воспитательнаго дома!

Но это еще не все.

При распространеніи въ фабричномъ населеніи проституціи и сифилиса, естественно, что въ этихъ десяткахъ тысячъ выброшенныхъ имъ дѣтей немалое количество такихъ, которыя родятся зараженными этой болѣзнью. И вотъ отъ нихъ, этихъ больныхъ дѣтей, заражаются наемныя кормилицы; эти кормилицы, возвращаясь въ деревню, заражаютъ собственныхъ дѣтей, и такимъ образомъ гибельная болѣзнь широко раздвигаетъ предѣлы своего владычества въ народной средѣ.

Не все еще и это!

Бѣдность, которая гонитъ крестьянку-мать въ кормилицы, заставляя ее бросить своего ребенка, чтобы кормить чужого, тоже брошеннаго, въ концѣ концовъ надоумила ее извлекать изъ этихъ дѣтскихъ смертей и несчастій, по крайней мѣрѣ, матеріальную выгоду. Плату кормилицы-воспитательницы получаютъ за дѣтей отъ 1-го до 3-хъ рублей въ мѣсяцъ, сообразно возрасту ребенка. До перваго года платятъ 3 рубля, затѣмъ плата постепенно уменьшается. Многимъ кормилицамъ, съ болѣе меркантильнымъ воззрѣніемъ на дѣло, конечно, невыгодно имѣть ребенка за пониженную плату, поэтому они стараются сбыть подросшаго, т. е. *рублеваго* ребенка, и получить взамѣнъ его помоложе, т. е. *трехрублеваго*. То есть сбываютъ подросшаго уже ребенка въ такія семьи, бѣдность которыхъ рада и рублю, а сами берутъ себѣ новыхъ питомцевъ. Такимъ образомъ кромѣ смерти, сифилиса—пришло съ брошеннымъ ребенкомъ въ деревню и безчеловѣчное барышничество людьми, развратъ, которому нѣтъ имени.

Наконецъ не дремлетъ въ этомъ царствѣ смерти и деревенскій столпъ—кулакъ. И онъ прочно и твердо держитъ въ этомъ дѣлѣ свое кулацкое барышническое знамя.

«При выдачѣ денегъ кормилицамъ существуетъ то неудобство, что онѣ должны *сами* являться въ воспитательный домъ за полученіемъ. Исключенія, когда кормилица можетъ получить плату на мѣстѣ,—весьма рѣдки. Гдѣ-же бѣдной женщинѣ, имѣющей кучу своихъ дѣтей и взявшей питомца, пускаться въ Петербургъ или Москву, которые иногда отстоятъ отъ деревни, гдѣ она живетъ, на 100 и болѣе верстъ? Вотъ тутъ-то на помощь бѣдной женщинѣ и является кулакъ. Такъ какъ выдаваемые кормилицамъ на питомцевъ билеты, по которымъ онѣ могутъ получать деньги, представляютъ извѣстную цѣнность, то эти билеты и сдѣлались предметомъ наживы мѣстныхъ ловкихъ людей, которые во-первыхъ получаютъ деньги за кормилицъ по сотнямъ билетамъ, взимая за это хорошіе проценты, и во-вторыхъ принимаютъ эти билеты въ закладъ. «Мы знаемъ, говоритъ г. Михайловъ, одинъ городъ въ Московской губерніи, гдѣ все почтенное купечество и «уважаемые» кабатчики широко промышляютъ питомническими билетами, принимая ихъ въ залогъ по 10 коп. за каждый мѣсяцъ и отпуская подъ нихъ товаръ. Не рѣдкость встрѣтить въ однѣхъ рукахъ такихъ цапкихъ людей по 300 и по 500 билетовъ».

И такъ, вотъ какія вещи творятъ разные «ситчики» и «папироски» съ женщиной и вокругъ нея, разъ поставивъ ее въ невозможность просто быть хозяйкой своего дома. Но все, что̀ здѣсь сказано, на основаніи брошюры г. Михайлова, положительно *капля* въ морѣ тѣхъ ужасовъ, о которыхъ эта брошюра повѣствуетъ и на размышленіе о которыхъ наводитъ васъ. Обильный матеріалъ, собранный г. Михайловымъ, захватываетъ это темное дѣло нашего строя жизни во всѣхъ отношеніяхъ, и вы, прочитавъ его брошюру, будете удивлены, узнавъ, что все разсказываемое имъ не только еще не *не все*, но что онъ, «при краткости» срока на рефераты, *не могъ нарисовать картину во всей полнотѣ*. Со временемъ авторъ обѣщаетъ сдѣлать это, т. е. представить темное дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Но для насъ, простыхъ читателей, должно быть вполнѣ довольно и того, что̀ и теперь намъ могъ сообщить г. Михайловъ, чтобы хоть на мгновеніе задуматься надъ несомнѣнно видимымъ нами зломъ, и просто по человѣчески опечалиться тѣми печалями, которыя сейчасъ прошли передъ нашими глазами.

Зло это—дѣло «рукъ человѣческихъ», но неужели тѣ же руки человѣческія не могутъ быть направлены и на его прекращеніе?

IV.

А попытки къ этому иногда уже начинаютъ встрѣчаться и въ наше трудное время. Около двухъ лѣтъ среди газетныхъ объявленій стала появляться публикація о «саратовской сарпинкѣ». Вотъ объ этой-то сарпинкѣ мнѣ и пришлось услышать нынѣшнимъ лѣтомъ, во время поѣздки по Волгѣ, слѣдующія свѣдѣнія, которыя сообщилъ мнѣ одинъ изъ саратовскихъ мануфактурныхъ торговцевъ.

Нѣмецкіе колонисты, «домъ» и хозяйство которыхъ устроены, какъ извѣстно, несравненно устойчивѣе и прочнѣе, чѣмъ у нашихъ крестьянъ, и которые вслѣдствіе этого, спокойно занимаясь своимъ хозяйствомъ, не ощущаютъ кругомъ себя того холода и стужи одиночества, какое ощущаетъ нашъ разстроенный въ хозяйствѣ мужикъ,—не пошли на призывъ новоявленнаго купона, не улетѣли на этомъ мертвый свѣтъ изъ своихъ теплыхъ и уютныхъ домовъ и не отдали своихъ женъ и дочерей на съѣденіе этому владыкѣ нашего вѣка.

Ни мало однако не брезгая деньгами, которыя сулилъ начавшій развиваться фабричный трудъ, они стали брать фабричную работу на домъ и вмѣсто фабричныхъ станковъ образовались станки домашніе, за которыми и работаютъ колонистскія дѣвушки и женщины въ свободное отъ другихъ домашнихъ занятій время. Продуктъ этихъ трудовъ, по словамъ мануфактурныхъ торговцевъ, и по качеству, и по цѣнѣ сразу побѣдилъ не только такой-же продуктъ, производимый московскими фабриками, но и продуктъ заграничнаго производства. Саратовская сарпинка оказалась и лучше, и прочнѣе, и дешевле, какъ заграничной, такъ и московской. Когда я разговаривалъ объ этомъ съ торговцемъ мануфактурными товарами, разсказывавшемъ мнѣ этотъ новый опытъ производства, онъ, простой человѣкъ, можетъ быть никогда не думавшій о томъ, какъ дѣлается этотъ ситецъ и сарпинка, и умѣвшій только торговать имъ,—самъ очевидно былъ удивленъ этимъ блестящимъ опытомъ и самъ завелъ рѣчь о томъ, какая бездна мерзости и неправды, неразлучной съ производствомъ фабричнымъ, избѣгнута этихъ домашнимъ способомъ производства. Не только о дешевизнѣ и о прочности говорилъ онъ, а о томъ—и это гораздо больше, чѣмъ о дешевизнѣ,—какъ это все хорошо, справедливо вышло; вышелъ дешевый товаръ и не оказалось ни тѣни фабричнаго распутства и грѣха!

Не человѣкъ ушелъ къ станку изъ своего дома, а станокъ пришелъ къ нему въ домъ.

А развѣ въ нашей крестьянской семьѣ есть хоть малѣйшій признакъ нежеланія осложнить домашній трудъ присоединеніемъ къ нему новыхъ родовъ труда! Вся семья, вся духовная жизнь семьи держится силами трудовой жизни и ничего кромѣ удовольствія имѣть заработокъ, могущій дать возможность облегчить тяжеловѣсные, первобытные пріемы современной крестьянской трудовой жизни, не принесетъ этому дому никакой станокъ и никакая машина, добромъ вошедшая въ крестьянскій домъ. Крестьянская семья *любитъ работу* и даже самыя трудныя, тяжкія дѣла умѣетъ облегчать пѣснью *).

---

*) Въ числѣ пѣсенъ, собранныхъ С. М. Пономаревымъ въ Пріуральѣ, напечатанныхъ въ 11 и 12 №№ «Сѣверн. Вѣст.» 1887 года, есть одна, какъ нельзя лучше выясняющая взглядъ народа между прочимъ и на женскій *фабричный трудъ*. Въ пѣснѣ разсказывается о бѣгствѣ казаковъ съ Дона на Дунай-рѣку вслѣдствіе того, что на Дону получились такія приказанія, которыхъ не могла вынести казацкая душа

IV. «Ноль—цѣлыхъ!»

I.

Я надѣюсь, что читатель обратитъ вниманіе на нѣкоторыя странности, допущенныя мною въ заголовкѣ этой замѣтки: совершенно точное опредѣленіе мнимой величины «ноль цѣлыхъ» вовсе повидимому не нуждается въ томъ разъединеніи двухъ опредѣляющихъ словъ, какое почему-то допущено мною; это первая странность, а вторая, это знакъ восклицанія, повидимому поставленный также совсѣмъ ни къ селу, ни къ городу.

Если только читатель дѣйствительно обратитъ вниманіе на эти странности въ заголовкѣ, то я надѣюсь, что онъ, уже безъ всякой съ моей стороны помощи, выполнитъ все то, что̀ я хитроумно задумалъ, обставивъ заголовокъ такими хитросплетеніями и загадочными осложненіями. Волей-неволей всматриваясь въ эти хитросплетенія, читатель, я надѣюсь, призадумается во-первыхъ надъ необычайной трудностью предстоящаго мнѣ дѣла—оживить, то-есть въ живомъ человѣческомъ образѣ представить такую мнимую величину, какъ «ноль», да и не простой ординарный нулишко, ничтожество, а нѣчто такое, что̀ претендуетъ быть «цѣлымъ»—это разъ; а во-вторыхъ, призадумавшись надъ моимъ труднымъ положеніемъ, и самъ попытается подумать и опредѣлить, что̀ бы это такое могло въ живой жизни соотвѣтствовать этой таинственной математической величинѣ?

Неужели, подумаетъ читатель, эта мнимая величина можетъ быть выражена въ человѣческомъ образѣ? Вѣдь если *ноль*, такъ стало-быть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, ровно ничего не можетъ находиться; ноль—это пустопорожнее мѣсто, знакъ для указанія, что тамъ, гдѣ онъ находится, нѣтъ ничего, ни синь-пороха? Однако вотъ этотъ-то пустопорожній знакъ осмѣливается утверждать, что онъ, это «ничто», стоитъ на мѣстѣ цѣлаго.

Спрашивается, какое-же такое можетъ быть это цѣлое, если оно допускаетъ вмѣсто себя представительство «ноля», который опять-таки ровно ничего не означаетъ и въ то же время рѣшительно не покоряется вашимъ обличеніямъ его въ ничтожествѣ, не хочетъ признать себя просто нулемъ, а утверждаетъ, что онъ какой-то особенный ноль.

Вотъ, вслѣдствіе такого затруднительнаго, даже прискорбнаго положенія, въ которое становится изслѣдователь ни съ чѣмъ несообразной комбинаціи «нуля» и «цѣлаго», я и поставилъ въ заголовкѣ восклицательный знакъ: извольте-ка въ самомъ дѣлѣ поломать голову надъ розысканіемъ какого-то человѣческаго существа, которое-бы и существовало и не существовало одновременно?

Заручившись помощью восклицательнаго знака, вызывающаго въ читателѣ прискорбное, близкое къ состраданію чувство, я безъ всякой утайки могу сознаться, что положеніе мое было въ высшей степени нелѣпое. Коренная ошибка моя состояла въ томъ, что я принялся искать живыхъ нулей въ народной средѣ. Гдѣ, какъ не въ той средѣ, думалось мнѣ, могутъ быть человѣческія существованія, опредѣляемыя пустопорожнимъ знакомъ нуля, какъ не въ этой средѣ наимельчайшихъ десятичныхъ дробей? Развѣ не здѣсь на каждомъ шагу попадаются фигуры, существованіе которыхъ положительно непостижимо? И я сталъ самымъ пристальнымъ образомъ всматриваться во всякую деревенскую нищету, голытьбу, мѣстную и прохожую, и при всей призрачности существованія ихъ, повидимому чрезвычайно близкомъ къ несуществованію, въ концѣ концовъ всѣ они не могли быть выдѣлены изъ области дробей, хотя-бы и въ высшей степени микроскопическихъ. И ноль такимъ образомъ оставался для меня тайной.

Однажды я напалъ на нѣчто, казалось мнѣ, вполнѣ отвѣчающее моей многотрудной задачѣ. На платформѣ нашей станціи, въ лютый морозъ, на железной, прокаленной холодомъ, скамейкѣ, заприметилъ я одного человѣка. Человѣчекъ этотъ, крестьянскаго званія, былъ весь какой-то воздушный: онъ былъ маленькій и тощій до послѣдней степени; худенькое лицо, маленькіе безцвѣтные глаза, маленькая, едва примѣтная бородка, такая маленькая, что лютый морозъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ могъ прицѣпить къ ней самую ничтожную сосульку; тощія, худыя, обмотанныя тряпками и веревками, ноги, самые нищенскіе лапти и коротенькій старый полушубокъ съ огромнымъ воротомъ (не хватило овчины), открывавшимъ всю голую шею, и даже почти плечи, словомъ, почти декольте, и наконецъ картузишко — все это было такъ тоще, воздушно, тонко и притомъ во всѣхъ направленіяхъ проникнуто холодомъ и лютымъ морозомъ.

Картузишко, приплюснутый на лбу, топорщился на затылкѣ какимъ-то букетомъ рванаго сукна, точно задорный пѣтушиный гребень; очевидно какой-нибудь добрый человѣкъ, желая попробовать новое ружье, сказалъ воздушному существу:

— Ну-ко, Микитка, швырни шапку! Дай я попробую... Дамъ папироску!

Микитка швырнулъ, весело засмѣялся, весело надѣлъ разбитую шапку и, получивъ папироску, весело пошелъ мерзнуть на лютый морозъ. Да, было въ немъ, въ этомъ воздушномъ, тощемъ, малень-

---

Вокругъ-то стоитъ, вотъ, раздушечка,
Воръ-Игнашечка.
Онъ стоитъ-то улыбается,
Во рукахъ держитъ указики,
Указики скорописные,
Необлыжные:
Какъ старыхъ казаковъ—
Казнить—вѣшати!
Молодыхъ ребятъ—
Во *солдаты* брать!
Молодыхъ ихъ женъ—
На фабричный дворъ!
Малыхъ дѣтушекъ—
Подъ заборъ бросать!

«Фабричный дворъ», какъ видите, то же, что̀ для молодыхъ ребятъ солдатчина; то же, что для стариковъ—*казнь*... И какъ вѣрно намѣченъ неизбѣжный результатъ фабрики—необходимость подъ заборъ бросать дѣтей!

комъ, какъ воробей, существѣ что-то воробьино-веселое...

Заприметилъ я его воробьиную веселость тогда, когда онъ хотѣлъ своими замерзлыми руками сдѣлать себѣ цигарку. Онъ досталъ газетную бумагу и, конусообразно свернувъ ее, держалъ въ рукѣ, приготовляясь наполнить табакомъ; но другая рука, которая искала въ карманѣ табаку, находилась, должно быть, въ такомъ комическомъ положеніи, что и воздушный человѣкъ не могъ не улыбнуться. Онъ шумѣлъ замерзлой рукой въ замерзломъ карманѣ весьма энергично, выпихивалъ этотъ карманъ изъ-подъ полы наружу, хотѣлъ опрокинуть на руку все въ немъ содержимое, однако въ концѣ концовъ ничего не добылъ въ этомъ карманѣ, но все-таки показалъ видъ, что дѣлаетъ цигарку и потрясъ пустой горстью надъ пустой бумагой. Все это было такъ смѣшно, что и самъ онъ не могъ не улыбнуться.

— У тебя, сказалъ я,— видно табаку-то совсѣмъ нѣтъ?

Воздушный человѣчекъ поглядѣлъ на меня, весело улыбнулся и воробьинымъ голосомъ проговорилъ:

— И даже нисколько нѣту!..

Что-то беззаботно птичье, воробьиное, и эта худоба, и легкость всего тѣла, легкость взгляда, улыбка — все это заинтересовало меня съ точки зрѣнія поисковъ за мнимыми величинами.

— «Совсѣмъ воздушный!..» подумалъ я, и мнѣ пришло въ голову, что ужъ не это-ли ноль-то цѣлыхъ? Человѣкъ живой, а производитъ впечатлѣніе чего-то почти неосязаемаго. Необходимо было поближе подойти къ нему, и я спросилъ: кто онъ? откуда?

Оказалось — идетъ изъ острога, куда попалъ «по ошибкѣ». Служилъ онъ у купца при лавкѣ, въ чернорабочихъ мужикахъ; однажды сынъ купца послалъ его куда-то и, во время его отсутствія, сломалъ кассу и утащилъ деньги. Когда воздушный мужикъ воротился, то засталъ кассу разломанной и остолбенѣлъ отъ ужаса, а въ это время вошелъ хозяинъ. Не трудно было понять, въ чемъ дѣло и кто воръ; но отецъ, жалѣючи сына, повелъ дѣло «для виду» противъ воздушнаго мужика, чтобы люди не болтали пустого про его родное дѣтище (тоже вѣдь любишь!), и воздушный человѣкъ для «проформы» просидѣлъ въ острогѣ три мѣсяца.

— Онъ, купецъ-то, знаетъ! сказалъ весело воздушный человѣкъ.—Это онъ такъ! Какой я такъ воръ!

Веселость, слышавшаяся въ этихъ словахъ, напоминала дѣйствительно веселость птицы, находящей возможность чирикать и порхать по вѣткамъ обледенѣлаго дерева. лишь-бы играло на небѣ солнце. И чѣмъ дальше шелъ нашъ разговоръ, тѣмъ явственнѣе обнаруживалось птичье существованіе моего собесѣдника.

Когда я спросилъ его:— куда онъ теперь идетъ и зачѣмъ? то воздушное существо отвѣчало:

— А и самъ не знаю!.. Главное— капиталу нѣтъ нисколько! да и паспорта нѣту, подати требуютъ.

Слова о податяхъ являлись какою-то неожиданностью въ общемъ впечатлѣніи воздушнаго человѣка; капиталу у него нѣтъ, паспорта нѣтъ, куда идетъ— неизвѣстно, нѣтъ у него ни табаку, ни одежи, ни шапки — и вдругъ какія-то подати!

— За что же ты платишь-то? спросилъ я, недоумѣвая.

— За двѣ души платимъ!

— Одинъ?

— Вотъ какъ есть!

— Стало-быть у тебя земля есть?

Воздушный человѣкъ подумалъ и весело прочирикалъ по птичьи:

— Нѣ! Мы платимъ *съ-пуста*!

Разговоръ о податяхъ, готовый было разрушить мое впечатлѣніе о воздушности собесѣдника, благодаря послѣдней фразѣ «съ-пуста», вновь прервалъ всякую связь между нимъ и дѣйствительностью; онъ опять оказался существомъ вполнѣ воздушнымъ, что и поспѣшилъ подтвердить слѣдующими веселыми словами:

— Намъ съ-пуста платить — самое любезное дѣло!... Ежели-бы платить не съ-пуста, такъ куда-бы хуже было... А съ-пуста-то, слава тебѣ Господи!

Все это онъ превесело прочирикалъ по воробьиному, и если-бы въ самомъ дѣлѣ былъ воробей, то попрыгалъ-бы и попорхалъ по вѣткамъ обмерзлаго дерева; не будучи однако воробьемъ, онъ выразилъ свои воробьиныя желанія развеселившимися глазами и скривившейся отъ улыбки бороденкой.

— Съ-пуста платить лучше, чѣмъ не съ-пуста? чувствуя, что я вмѣстѣ съ своимъ собесѣдникомъ, послѣ его послѣднихъ словъ, какъ-бы поднялся отъ земли къ небу и нахожусь въ воздушномъ пространствѣ — спросилъ я его съ удивленіемъ и съ удивленіемъ же услышалъ еще болѣе веселыя слова:

— Безподобно хорошо *съ-пуста-то* платить!..

— Постой! сказалъ я, чувствуя какъ-бы головокруженіе отъ высоты подъема надъ земной поверхностью,—ты говоришь съ-пуста платить лучше? То есть платить, не получая земли?

— Это самое!

— Почему же такъ? Вѣдь землю ты могъ-бы отдать въ аренду?...

Воздушный человѣкъ засіялъ радостью:

— Да она болото у насъ!..

Этотъ отвѣтъ опять какъ-бы приблизилъ насъ къ землѣ.

— Болото!... Но почему же все-таки тебѣ выгодно платить и безъ болота? Чѣмъ оно тебѣ мѣшаетъ?

— Да не дай Богъ къ нему касаться, къ болоту-то!

— Ты и не касайся!

— Не касался бы, такъ оно касается! Возьми-ка я болото — анъ ужъ я общественникъ сталъ! Съ меня ужъ и на старосту возьмутъ, и на волость, и по дорожной повинности, и по мостовой, и

караулъ и—Боже мой—чего еще!.. А какъ я отъ земли отказался, остается мнѣ моя душа и больше ничего!.. Отдалъ за двѣ порціи — и знать ничего не знаю!..

И опять мы оба очутились въ воздушномъ пространствѣ. Теперь ужъ и я видѣлъ совершенно ясно, что платить за пустое пространство и даже въ двойномъ количествѣ – вещь чрезвычайно пріятная.

Но потребность возвратиться на землю заставила меня сдѣлать моему собесѣднику еще одинъ вопросъ:

— А все-таки куда же ты дѣнешься?

Лицо веселаго воробья призадумалось. Подумалъ онъ и сказалъ:

— Боровицкіе мужики звали въ Питеръ... въ балетъ служить...

— Куда?

— Въ театръ... По балетной части... Машины двигать... Напримѣръ, разсказывали, ежели море, такъ подъ холстиной сидѣть надо, руками бить, толкать, чтобъ волнами оказывало передъ публикой... Работа легкая! адресъ одного балетчика у меня при себѣ... Только вотъ капиталу нѣтъ нисколько!..

Итакъ, у воздушнаго существа оказалась возможность карьеры. При помощи начальника станціи можно было помочь ему уѣхать въ Петербургъ съ товарнымъ поѣздомъ. Но уже одно то, что у этого человѣка, не смотря на его полную воздушность и отчужденность отъ всего земного, оказалась возможность какой-бы то ни было карьеры, положенія—онъ уже не могъ мнѣ служить матеріаломъ для разрѣшенія моей задачи. Воздушность, отличавшая это существо вообще отъ всякой связи съ человѣчествомъ, конечно весьма близко напоминала о нолѣ, о чемъ-то во всѣхъ отношеніяхъ неосязаемомъ и неуловимомъ; но разъ это неуловимое можетъ хотя и въ мечтаніяхъ приткнуться куда-нибудь и какъ-нибудь въ ряды человѣческаго общества, оно уже не цѣлое, а непремѣнно дробь, и слѣдовательно, удовлетворяя одной половинѣ опредѣленія мнимой величины, «нолю», вовсе не удовлетворяетъ другой ея половинѣ и слѣдовательно не можетъ быть полезнымъ въ моихъ изысканіяхъ.

И долго я такъ бился съ мучившей меня задачей безъ всякаго успѣха. Какія-бы воздушныя, почти мнимыя существованія ни встрѣчались мнѣ въ деревенской жизни, во всякомъ случаѣ они оказывались дробями, то-есть величинами, совершенно опредѣленными. И я рѣшительно не знаю, какимъ бы образомъ могъ я выбраться изъ моего затруднительнаго положенія, если-бы одно совершенно случайное обстоятельство не выручило меня изъ бѣды.

II.

Неожиданное обстоятельство это заключалось въ томъ, что я, деревенскій обыватель, глазъ котораго привыкъ видѣть только мужика, бабу, деревенскую скотину, ухо котораго привыкло слышать только рѣчи, вращающіяся около словъ «никакихъ способовъ», и мысль котораго привыкла руководствоваться въ пониманіи окружающаго единственно упованіемъ на Бога,—я, захолустный человѣкъ, вдругъ, по щучьему велѣнію, очутился въ одинъ скучный зимній вечеръ въ самомъ высшемъ обществѣ, въ обществѣ самыхъ благоухающихъ человѣко-цвѣтовъ, совершенно не-деревенскаго строя жизни, тамъ, гдѣ «вѣнецъ творенія» имѣетъ полную возможность чувствовать себя дѣйствительно вѣнцомъ, послѣднимъ словомъ культуры, любимымъ ея дѣтищемъ, холенымъ и изобильно питаемымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Словомъ, изъ одного міра—нужды, податей, навоза и соломы — я перенесся въ міръ довольства, богатства, шелка, блеска и всякаго рода радости.

Сдѣлалось это, повторяю, совершенно случайно. Мнѣ давно совѣтовали прочитать надѣлавшій шуму «Романъ графини», напечатанный въ Недѣлѣ (№ 11 за 1887 г.); говорили, что вообще—«необыкновенно». Пьяный аптекарь въ уѣздномъ клубѣ весь вечеръ неумолчно вопіялъ: «превосходно! дьявольски великолѣпно!». И вообще вся полупьяная уѣздная братія размякла, разнѣжилась и пожалуй даже раскисла отъ какихъ-то невѣдомыхъ ей ощущеній, познакомившись съ содержаніемъ этого любопытнаго произведенія. Словомъ, возбужденіе умовъ по случаю появленія въ печати этого романа было такъ велико, что я не разъ хотѣлъ было приняться за его чтеніе. Но деревенскій недосугъ, «то то, то другое», эти невидимые, неслышимые, неосязаемые истребители нашихъ дней, мѣсяцевъ, годовъ, десятковъ лѣтъ, а въ концѣ концовъ и всей нашей жизни—долго не допускали меня до выполненія моего намѣренія. Наконецъ тоска въ поискахъ за фактами для объясненія не поддающейся никакому объясненію мнимой величины до того доконала меня, что я единственно изъ прямого желанія забыть свои безплодныя мысли схватился за желтенькую книжку и съ первыхъ же строкъ почувствовалъ, что я уже не въ деревнѣ, а какъ-бы на коврѣ-самолетѣ очутился въ невѣдомой странѣ.

Положимъ, что страна эта показалась невѣдомой мнѣ быть можетъ по причинѣ моей деревенской объюродѣлости—пусть такъ; но я долженъ сказать, что кромѣ объюродѣлости, ставящей захолустнаго человѣка въ необходимость разѣвать ротъ при видѣ иной разъ самыхъ ничтожныхъ «диковинокъ», которыми изобилуетъ «высшій свѣтъ»,—кромѣ этой совершенно деревенской причины восхищенія тѣмъ, что я прочиталъ, была еще и другая, самая для меня важная причина именно статистическая. Читая этотъ романъ, я совершенно ясно видѣлъ, что я нахожусь въ обществѣ подлинно уже «цѣлыхъ чиселъ», людей, живущихъ на свѣтѣ «полною» жизнью, берущихъ изъ нея все, что имъ требуется, во всѣхъ отношеніяхъ, и моему статистическому глазу нельзя было не засіять брилліантомъ отъ радости—подвести счетъ всему, что «цѣлому» человѣку нужно.

Графиня, героиня романа, показалась мнѣ имен-

но замѣчательнѣйшимъ образчикомъ всесторонняго проявленія и удовлетворенія желаній, стремленій и обязанностей полнаго, цѣлаго человѣка ея пола, въ теперешнихъ условіяхъ жизни; немудрено, что я, насмотрѣвшись въ жизни на разныя человѣко-дроби, на всевозможныя искалѣченія человѣческаго существа, естественно былъ радъ, читая романъ, смотрѣть на этотъ широко и разнообразно живущій образъ человѣческій и... конечно въ концѣ концовъ «подсчитать» всю эту «всесторонность», изъ проявленій которой слагается прекрасный образъ человѣческаго «цѣлаго».

Не знаю, можно ли при настоящихъ условіяхъ жизни найти другой подобный образчикъ цѣльнаго и полнаго существованія, какъ тотъ, который выставленъ въ «романѣ графини». «Любящій меня мужъ, пишетъ она о себѣ (стр. 65), близкіе родные, нѣкоторые друзья такую мнѣ жизнь устроили, что я сомнѣваюсь, есть-ли на свѣтѣ еще другая женщина счастливѣе меня въ этомъ отношеніи». И точно, Господь наградилъ героиню романа всѣмъ, что только было въ его божеской власти. «И румяна, и бѣла — (стр. 59), молода и хороша...» «Я знаю, что въ свѣтѣ для многихъ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, я — то, что въ баснѣ виноградъ для лисицы» (стр. 64). Довольно впрочемъ и этихъ двухъ примѣровъ, чтобы видѣть, что точно Господь наградилъ ее. И во всемъ романѣ тамъ и сямъ неумышленно, сами собой сказываются признанія въ собственныхъ достоинствахъ, изъ которыхъ видно, что они не выдуманы, а точно есть, въ подлинномъ видѣ. «Моя небольшая, живая фигурка, да еще въ моей чудесной комнаткѣ въ китайскомъ вкусѣ положительно ничего страшнаго не имѣетъ...» (26). Чего ужъ страшнаго? Дай Богъ всякому! Видно, что человѣкъ, который такъ говоритъ самъ о себѣ, счастливъ уже просто потому, что онъ такъ счастливо созданъ. Но этимъ счастьемъ «отъ Бога» счастье героини не исчерпывается. Есть у ней, также отъ Бога, мужъ. «Онъ очень, очень высокъ, глаза черные, волосы, усы и борода черные съ просѣдью, вообще его представительная фигура невольно бросается въ глаза; къ тому-же онъ замѣчательный лингвистъ, владѣетъ всѣми мертвыми и живыми языками» (47). Какъ видите, и мужъ тоже такой, что дай Богъ всякому! «Ура! пишетъ счастливая графиня, мой мужъ пріѣхалъ! Если бы вы видѣли, какъ этотъ высокій, высокій, полный, полный мужчина подхватилъ меня на руки какъ перышко, а самъ весь дрожитъ, слезы на глазахъ. Когда пріѣзжаетъ, вѣрите-ли, не наглядится на меня, на дѣтей. Увѣряетъ, что красивѣе, изящнѣе меня женщины не знаетъ, что дѣти—не дѣти, а амуры» (27). То есть просто поглядѣть-то на нихъ на двоихъ съ дѣтьми—душа радуется! Нѣтъ такой прихоти, которой-бы этотъ безподобный мужъ не исполнилъ. Любила она, графиня, чтобы у ней подъ подушкой коробка конфектъ лежала постоянно, а тетки-старухи постоянно таскали эту коробку изъ-подъ подушки, говорятъ: «зубы портятся». Пожаловалась она мужу, и теперь у нея подъ подушкой постоянно лежитъ не одна, а двѣ коробки. «Мужъ велѣлъ и никакія фрейлины въ мірѣ (старухи-тетки) не смѣютъ ихъ брать!» (28). За такимъ мужемъ жить — что за каменной стѣной, это всякій скажетъ. И живетъ графиня съ мужемъ—лучше не надо. «Мы съ нимъ примѣрные супруги: ссоръ у насъ не бываетъ, онъ меня любитъ, балуетъ, я его слушаюсь, все обстоитъ благополучно» (11). Обыкновенно день проходитъ такимъ образомъ:

«Съ 10 часовъ встаю, вожусь съ дѣтьми до 12, въ 12 «luncheon», за которымъ обязательно ничего не ѣмъ. До 3-хъ *всевозможныя* занятія; въ 3—«luncheon» настоящій. Послѣ него обязательная прогулка съ дѣтьми и ихъ «governess» въ коляскѣ или каретѣ; иногда я ихъ отвожу и продолжаю сама скитаться или возвращаюсь домой съ ними и принимаю посѣщенія, есть нѣкоторыя очень интересныя, но другія - чистое наказаніе. Въ 6 часовъ обѣдъ съ церемоніаломъ; мои тетки, или вѣрнѣе церберы въ юбкѣ, выползаютъ на свѣтъ Божій; обыкновенно еще заходятъ двое-трое; мужъ часто отсутствуетъ—въ клубѣ пропадаетъ; дѣтей тоже нѣтъ, они обѣдаютъ на верху въ «nursery-room». *Послѣ обѣда такое разнообразіе во время-препровожденіи, что мнѣ и не перечислить всего.* Скоро балы начнутся; теперь ихъ пока нѣтъ. Ѣзжу часто въ театры, концерты, на симфоническіе и квартетные вечера, на званые вечера, и у себя принимаю. Тихіе вечера мнѣ рѣдко выпадаютъ, а только именно такимъ докторъ приписываетъ благотворное вліяніе на мою болѣзнь... Но гдѣ же, гдѣ мнѣ раздобыть этихъ тихихъ дней и тихихъ вечеровъ? Благодаря моей живости, я успѣла стать внѣ стѣснительной рамки условій моей жизни и опять таки только сравнительно, да наконецъ мнѣ нравится волноваться. Я усердно занимаюсь дѣлами благотворительности, пою, кормлю, одѣваю массу старухъ».

Это скромное перечисленіе всего, что требуетъ отъ человѣка ординарный, будничный день (балы еще не начинались), уже одно оно заставляетъ васъ подумать, какая масса впечатлѣній нужна болѣе или менѣе нормальному человѣку, чтобы онъ могъ, не стѣсняя себя, примѣнить къ жизни свою живую силу: тутъ и хлопоты съ дѣтьми, *всевозможныя* занятія отъ 12 до 3-хъ, и *всевозможныя* скитанія тоже не безъ причины и надобности отъ 3 до 6, а послѣ шести такое разнообразіе времяпрепровожденія, что и «не перечислить». Остается еще время и желаніе употребить его на заботу о чужомъ дѣлѣ благотворительности. Но этотъ, исполненный, какъ видите, всевозможными дѣлами день—только будничный. Всего этого мало для нормальнаго человѣка.

«Встрѣчу я новый годъ повидимому весело. Восемь троекъ повезутъ всю нашу компанію въ Озерки; тамъ залъ уже удержанъ и будутъ цыгане и танцы. Если не будетъ очень холодно, всю дорогу буду пѣть: ужасно люблю кататься на тройкахъ и въ санкахъ и пѣть! NN прекрасно вторитъ, найдутся еще голоса, намъ и цыганъ не нужно. 25 декабря была у меня елка и танцы, разошлись въ 7 ч. утра—и вотъ такимъ образомъ каждый день» (74).

Каждый Божій день этакимъ-то вотъ родомъ—до седьмого часу! Стало-быть ужъ много дано отъ Бога! Да и это еще не все; иной разъ и не то надумаютъ:

«Я пишу въ саду, въ такъ называемомъ «Охотничьемъ домикѣ». Дождикъ льетъ какъ изъ ведра, и знаете ли куда мы сейчасъ, всей компаніей человѣкъ въ двѣнадцать, отправляемся? Раковъ ловить сѣтками. У меня есть преинтересное короткое платье, высокія

сапожки, настоящіе мужскіе сапоги на мою ногу". (24).

И вѣдь въ проливной дождикъ—и то ничего! А разъ былъ такой случай:

«При приближеніи поѣзда, Х., желая удержать мою Бетси, поднялъ руку; лошадь, испугавшись взмаха руки и свистка машины, вдругъ поднялась на дыбы и выбила меня изъ сѣдла; я упала всей тяжестью на лѣвую сторону. Х., говорятъ, стрѣляться хотѣлъ (30)...Мужъ увѣряетъ, что Х. нарочно причинилъ мнѣ мою болѣзнь, чтобы я обратила на него вниманіе. Онъ состоитъ безнадежнымъ поклонникомъ третью зиму (38). Меня доктора хвалятъ, говорятъ—терпѣливая хорошенькая больная» (29).

Полежала немного и опять все пошло какъ должно:

«Когда я пою, то вся пою отъ души, я сама себя слушаю, точно не я пою, а кто-то другой, и глубина, и страстность этого, не моего, голоса удивляютъ меня. Я не люблю этихъ минутъ; я чувствую въ себѣ тогда силу, съ которой не умѣю справляться» (36).

Точно, силы много; и то, что мы уже перечислили по этой части, далеко еще не исчерпываетъ размѣровъ, въ которыхъ она проявляется. «Больше всего все-таки люблю чтеніе» (12), и благодаря этому, она узнала «томикъ» стиховъ одного поэта и написала ему:

«Я люблю моего мужа и постараюсь всегда быть достойной его любви и вѣры въ меня; но въ моемъ чувствѣ къ вамъ такъ много хорошаго, искренняго, что никто не смѣетъ и не долженъ ничего другого въ немъ и подозрѣвать. Я такъ и объявила мужу и, какъ всегда, онъ нашелъ, что я права» (60).

И дѣйствительно, любовь къ поэту и къ тому, что и о чемъ онъ писалъ — самая душевная и возвышенная: героиня романа видитъ въ немъ «чистое сердце», которое вылилось въ покорные звуки любви и утѣшенія «усталому брату».

«Во многихъ отношеніяхъ, пишетъ она (54), судьба благосклоннѣе ко мнѣ, чѣмъ къ этимъ бѣднымъ (усталымъ) людямъ. Но въ часы сомнѣній, сердечныхъ грозъ, душевной борьбы, могу-ли я причислять себя къ тѣмъ «братьямъ», которымъ посвящены ваши прочувствованныя строки, и стать въ число тѣхъ, для которыхъ льется ваша пѣснь?»

Вотъ и еще новая сторона духовной дѣятельности человѣка, и дѣятельность эта сказывается въ размѣрахъ, говорящихъ о не маленькой силѣ души. «Сердечныя грозы» и «душевная борьба» переживаются не «какъ-нибудь», а настоящимъ образомъ, глубоко и въ самомъ дѣлѣ трудно. И тутъ видно, что и по части совѣсти тоже дано отъ Бога не мало всего хорошаго.

Совѣсть совѣстью, страданье страданьемъ, а и еще все-таки-есть «остача», которую надо куда-нибудь дѣвать. И эта остача также пополняется кой-какими почти дѣтскими средствами:

«Вышепоименованные messieurs,—Х, Z и NN—три моихъ самыхъ ярыхъ поклонника, всѣ трое замѣчательно изящные молодые люди. Моей симпатіей пользуется больше всѣхъ NN. Высокій, стройный брюнетъ, прелестный мазуристъ, бонмотистъ и флейтистъ, въ высшей степени bon enfant, надоѣдающій мнѣ только тѣмъ, что гдѣ бы я ни была, дома-ли, у знакомыхъ-ли, онъ неотступно слѣдуетъ за мной по пятамъ. Я не могу сдѣлать движенія, чтобы NN, сломя голову, не бросился въ мою сторону; недавно, задѣвъ шпорой столикъ съ разными куклами, онъ повалилъ ихъ и всѣ разбилъ. Въ наказаніе я заставила его на четвереньках собрать всѣ осколки и чуть не умерла отъ смѣху, когда этотъ большой мальчикъ ползалъ у моихъ ногъ. Z болѣе сдержанъ; ему разъ навсегда принадлежатъ всѣ первыя мои кадрили, гдѣ-бы я ни танцовала. Х. я вамъ описывала, онъ меня давно знаетъ, давно любитъ, и я его давно мучаю, впрочемъ иногда цѣлуетъ мою руку. Для него двери всегда открыты, онъ балуетъ моихъ дѣтей, дразнитъ моихъ древнихъ тетокъ и двухъ левретокъ, прелестно поетъ, съ мужемъ на «ты». Когда мужъ уѣзжаетъ, то Х обыкновенно считается нашимъ factotum'омъ, приноситъ конфектъ, ноты, новыя книги, читаетъ, когда я разрѣшаю, ваши стихи...» (69).

Еще есть какой-то морякъ, «имѣющій дерзость меня любить», который привезъ героинѣ романа въ подарокъ японское опахало изъ павлиньихъ перьевъ, висящее какъ-разъ «надъ моимъ диванчикомъ и устроенное такъ, что оно плавно и тихо вѣетъ хоть безъ конца, если прижать пружину» (26).

Вотъ подъ этимъ-то опахаломъ, въ комнаткѣ, которая называется «фонарикомъ» и дѣйствительно чрезвычайно изящна,— въ комнаткѣ, гдѣ играютъ «большіе мальчики» и левретки и гдѣ стоятъ статуэтки,—здѣсь любимое мѣсто героини; здѣсь такъ удобно наблюдать въ окно шумную жизнь города, читать, писать и заниматься рукодѣліемъ. Да, и на это еще находится время и охота. Втеченіе полугода графиня вышила себѣ русскій костюмъ: «начиная съ первой бусинки кокошника и кончая послѣднимъ шелковымъ крестикомъ рубашки и передника изъ че-чун-чи,—я все вышила сама». И какъ вышила то!... «Если у васъ найдется другое полотенце (она подарила поэту полотенце), то бросьте его въ море, а мое оставьте» (53), потому что во всякомъ случаѣ работа превосходная. Золотыя руки Богъ далъ!

Однако-жъ всего не перечтешь. «Романъ графини» тѣмъ и хорошъ, что въ немъ фигура героини и ея нравственная личность очерчены до мельчайшихъ подробностей. Читая эти легкіе наброски, маленькія записочки, изъ которыхъ состоитъ романъ, поражаешься той непомѣрной массой живыхъ силъ человѣка, которыя этому человѣку необходимо проявить въ жизни и дѣйствіи, чтобы жизнь эта не была исполнена прорѣхъ и пустыхъ мѣстъ. Какъ художественное произведеніе, «Романъ графини» тѣмъ и привлекателенъ, что въ немъ рисуется предъ вашимъ воображеніемъ образъ человѣка, живущаго полною жизнью, безъ прорѣхъ, пустыхъ мѣстъ, и читателю нельзя не любоваться этимъ художественнымъ образчикомъ жизни, ничѣмъ не стѣсненной, не притиснутой, не поставленной малѣйшимъ образомъ въ какое-нибудь ложное положеніе и дающей волю духовной дѣятельности раскрываться и развиваться во всей полнотѣ.

Образчикъ такой полной, цѣльной жизни такъ приковалъ къ себѣ мое вниманіе, что я, вмѣсто того чтобы подвести наконецъ итоги и «подсчитать», что именно нужно человѣку, желающему чувствовать себя «цѣлымъ», а не дробью,—вмѣсто этого, я, забывъ мои статистическія обязанности — продолжалъ, по окончаніи чтенія, любоваться художественно изображеннымъ обликомъ и радовался, что автору удалось такъ удачно выбрать ли-

що, поставленное въ современномъ строѣ жизни въ наилучшія условія; радовался, видя, что полно живущій человѣкъ—большая приманка любить живую жизнь на землѣ.

Думалъ, думалъ я объ этомъ цѣломъ человѣкѣ, думалъ, припоминая подробности романа, думалъ и такъ вообще о томъ же дѣлѣ, и скоро почувствовалъ, что мои мысли, нисколько не прерываясь въ своемъ теченіи и не сбиваясь съ пути, сосредоточиваются на чемъ-то уже совсѣмъ неподходящемъ къ облику героини романа,—облику, который какъ-бы даже затуманился какими-то новыми обликами, ни на волосъ и ни въ чемъ не подходящими къ источнику моихъ мыслей, къ роману и его героинѣ, и въ то же время вовсе ненарушающими правильности теченія мыслей о «цѣломъ человѣкѣ».

III.

— Эхъ бѣда, Васькѣ-то года не вышли, женить нельзя! А безъ бабы не совладать съ домомъ!

Невѣдомо какъ и почему вспомнилась и даже послышалась мнѣ довольно-таки давняя жалоба моего деревенскаго сосѣда, крестьянина, у котораго захворала жена. Крестьянинъ этотъ уже пожилой человѣкъ, начинавшій раскисать и слабнуть; онъ со своей старухой успѣлъ уже выдать замужъ трехъ дочерей, одного сына сдалъ въ солдаты, другой женился и отошелъ, а теперь на рукахъ стариковъ остался сынъ, которому не хватало полутора года, чтобы жениться, двѣ внучки, отъ одной изъ умершихъ дочерей, да самъ старикъ со старухой.

Жалоба о томъ, что Васькѣ не вышли годы, началась тотчасъ послѣ того, какъ Аксинья, жена сосѣда, стала хворать. Прихворнула она въ первый разъ года четыре тому назадъ, но ни на минуту не останавливалась въ работѣ. Она постоянно перемогалась, стала жаловаться сосѣдкамъ на боль то въ боку, то въ животѣ, то въ спинѣ, но продолжала дѣлать свое дѣло безъ малѣйшаго опущенія.

Мало-по-малу недомоганье стало одолѣвать Аксинью все сильнѣе и сильнѣе, и бывали дни, когда она по-полу дню не могла встать на ноги. А по мѣрѣ того, какъ шло недомоганье Аксиньи, домъ моего сосѣда какъ-то омрачался; старику приходилось дѣлать иной разъ и бабье дѣло, а молодому парню случалось и бѣлье полоскать на рѣчкѣ; все это становило мужиковъ въ неловкое положеніе, затрудняло, нарушало порядокъ жизни; отъ всего этого было имъ и неловко, и скучно.

Бѣда моего сосѣда и его дома заключалась между прочимъ и въ томъ еще, что и самъ онъ, отецъ семьи, и его сынъ, да и вообще вся мужская половина семейства—были не изъ бойкихъ, не быстрыхъ умомъ и не расторопныхъ людей. Аксинья чувствовала эти свойства своего мужа, перешедшія потомъ и въ дѣтей, съ самаго перваго дня свадьбы; она знала, что мужъ ей попался не ахти какого достоинства, хотя и былъ добръ и тихъ и не пьющъ. Сама имѣя добрый характеръ и непрестанно занятый умъ, она не позволяла себѣ срывать зло на мужнину и дѣтскую «нескладность», и прожила всю жизнь, вплоть до болѣзни, почти молча, въ безпрерывномъ трудѣ. Теперь-же, когда она стала прихварывать, недальній умъ и природныя нескладности «мужиковъ» стали сказываться въ обиходѣ жизни всего дома ежеминутно. По мѣрѣ того, какъ въ Аксиньѣ замирала энергія труда, въ отцѣ и въ сынѣ просыпались ничѣмъ не препятствуемыя свойства нескладности. Оба они стали больше скучать, жалѣть Аксинью, чѣмъ работать. Старикъ въ уныніи цѣлые дни твердилъ:

— Эхъ, Васька-то не доросъ!... Какъ безъ бабы можно!..

Онъ убивался, охалъ, а хозяйство понемногу разстраивалось и шло къ упадку.

— Иванъ Андреичъ! скажешь бывало охающему сосѣду.—А вѣдь заборъ-то вашъ валится... Надо бы вамъ поправить!

— То-то Васька-то не вышелъ! Какъ тутъ одному сладить? Вѣстимо валится!

Подойдемъ къ забору, посмотримъ на его разрушеніе собственными глазами; оказывается, заборъ, точно, еле живъ.

— Ишь, скажетъ Иванъ Андреичъ,—и то! Эво какъ его разломило!

Возьмется обѣими руками за накренившуюся верхушку столба и «попробуетъ» поставить его прямо. Но отъ этой пробы подгнившій столбъ только трещитъ въ корню и еще ниже опускается къ землѣ.

— Ишь вотъ!

— Теперь онъ совсѣмъ повалился!

— И есть, что совсѣмъ. Ахъ, баба-то захворала! Эко горе, Васька-то не доросъ!

На томъ дѣло съ заборомъ и оканчивается; а если черезъ нѣсколько времени и продолжается, то непремѣнно въ томъ же самомъ родѣ:

— Иванъ Андреичъ! Вѣдь твои свиньи стали ко мнѣ шляться! Самъ ты посуди—вѣдь огородъ!

— Да вѣдь конечно! Самъ знаю! Ишь какъ его повалило!..

— Совсѣмъ упалъ вѣдь. Надо же подпереть-то!

— Какъ не надо? вѣстимо надо подпереть!

Удрученный тоскою, Иванъ Андреичъ опять подходитъ къ столбу, бьетъ въ него ногой, какъ бы желая убѣдиться въ его гнилости, и выбивъ его окончательно—причемъ разрушаются и обѣ примыкавшія къ столбу части забора—съ великимъ уныніемъ говоритъ:

— Н-но! вонъ какъ ужъ! Ахъ, баба-то у меня хвораетъ!.. Эхъ, Васька-то!

А Аксиньѣ становилось все хуже и хуже, и она стала лежать, больная и недвижимая, по цѣлымъ недѣлямъ.

Тѣмъ временемъ Васька, похожій на родителя по характеру и по «нескладности», хотя и добрый парень, не видя въ отцѣ ничего побуждающаго къ энергическому труду, ничего дисциплинирующаго и вообще чувствуя, что при данныхъ обстоятельствахъ пока «ничего не сообразишь»—также поослабъ въ трудѣ и предпочиталъ чего-то ожидать, прежде чѣмъ дѣйствовать. Полюбилъ

онъ въ это время, отъ нечего дѣлать, ходитъ къ пастуху въ гости и вести съ нимъ разговоры о божественномъ.

Иной разъ сидитъ у развалившихся воротъ и повѣствуетъ между маленькими ребятами о разныхъ чудесахъ.

Идетъ мимо какой-нибудь хозяйственный, дѣловой мужикъ, остановится, послушаетъ и скажетъ:

— Эко лѣнь-то въ тебѣ, Васька, разыгралась! Некому васъ съ батькой приструнить, мать-то хвораетъ...

— Я про Божьихъ угодниковъ...

— Очень просто скажу тебѣ, не твое это дѣло! Поди, поставь свѣчку, положи поклонъ и иди къ своему дѣлу. Ишь вонъ ворота-то какъ разломило! Возьми топоръ да вбей гвоздь, это вотъ твое дѣло!.. Куда не надо, не суйся! Это больше ничего, лѣнь тебя обуяла,—вотъ что скажу! Тебѣ когда года-то выдутъ?..

— Да ужъ теперь скоро... Осенью во́йду въ совершенные года.

— Женить тебя надо! Авось ворота поправишь.

Ко времени совершеннолѣтія Василія, Аксинья слегла совершенно.

Маленькое тѣло ея, скорчившееся подъ грудой всякихъ тряпокъ, тихо и недвижно лежало на деревянной жесткой кровати и только удушливымъ кашлемъ, иногда по цѣлому часу непрерывно «колотившимъ» ея грудь, давало знать о томъ, что она еще жива. Нетерпѣнье Васильева отца относительно его женитьбы возрастало съ каждымъ днемъ, и когда наконецъ настали для Василія «совершенные года», онъ положительно, какъ полоумный, сталъ сватать за своего сына всѣхъ дѣвокъ безъ разбора. Сваталъ онъ такъ неискусно, такъ безсмысленно торопилъ: «поскорѣича»! такъ безтолково упрашивалъ, бросался отъ одной невѣсты къ другой, что только перепугалъ всѣхъ дѣвокъ.

Накинулся было онъ въ попыхахъ на молодую горничную, жившую въ моемъ домѣ, и, не разобравъ того, что она уже носитъ «дипломатъ» и «все такое», видя въ ней только ея здоровье и способность къ работѣ,—присталъ къ ней неотступно, приходилъ къ ней въ день десять разъ вмѣстѣ съ сыномъ, оба стояли безъ шапокъ, просили всячески, доказывали, что надо спѣшить, что мясоѣдъ скоро кончится, что затѣмъ косьба. Словомъ, между ними иногда бывали сцены истинно комическія: отчаяніе со стороны жаждавшаго «бабы» отца и въ отвѣтъ необычайное издѣвательство и кокетство петербургской горничной.

— Ополоумѣли они изъ-за бабы-то! говорили въ народѣ.

При «нескладности» какъ отца, такъ и сына, вообще во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, едва-ли они оба могли-бы сдѣлать что-нибудь путное для своего дома. По обыкновенію, въ дѣло вмѣшались «добрые люди» и стали сватать имъ невѣстъ изъ другихъ, весьма глухихъ деревень, вслѣдствіе чего отецъ и сынъ часто должны были на два и на три дня уѣзжать изъ дому. Двѣ внучки, по одиннадцатому и двѣнадцатому году, да какая-нибудь старуха-сосѣдка, взявшаяся покараулить домъ, и умирающая Аксинья оставались дома однѣ. Съ каждымъ днемъ домъ этотъ близился къ полному запустѣнію. Скотина шаталась по дворамъ, голодная и безпризорная, а на дворѣ былъ чистый хаосъ, и для дѣятельнаго крестьянина было даже нѣчто жуткое: при видѣ всего этого хлама—колесъ, жердей, телѣгъ, полуразвалившихся, кое-какъ связанныхъ и сколоченныхъ саней, словомъ,—всего хлама, потерявшаго вслѣдствіе прекращенія въ домѣ жизни всякій смыслъ и значеніе, — жутко думалось дѣятельному мужику: о суетѣ-суетъ начиналъ думать онъ, о смерти, о тщетѣ жизни, и ему вообще становилось страшновато за ея безсмыслицу и тяготу. «Поскорѣй-бы уйти въ жилое мѣсто!» думалось ему, и онъ спѣшилъ уйти... Смертью вѣяло отъ всего двора и скучно было даже смотрѣть на этотъ домъ.

Наконецъ пронеслась вѣсть—«нашли!».

Вѣсть эту привезли отецъ и сынъ, промчавшись по деревнѣ въ какомъ-то неистовомъ состояніи, погоняя измученную клячу изъ всѣхъ силъ. Дѣло не откладывалось въ дальній ящикъ; въ тотъ же день сладили со священствомъ, а черезъ день состоялась и свадьба.

Привезли молодую красивую дѣвушку, которая не уживалась съ злой мачихой.

На нашихъ глазахъ въ разоренный дворъ, въ развалившіяся ворота, на лошади, у которой въ тощей гривѣ виднѣлся розовый бантъ, въѣхала молодая, красивая, также съ цвѣточкомъ въ волосахъ дѣвушка и не спѣша вошла по расшатавшемуся крыльцу въ разваливавшійся домъ.

И въ домъ вошла жизнь.

Оживаніе — что будешь дѣлать? — началось смертью Аксиньи.

Бѣдная, измучившаяся трудовою жизнью старуха если и дышала еще и глядѣла на бѣлый свѣтъ, то только потому, что въ ней жила забота о домѣ, тоска о разрушеніи хозяйства; эта печаль не давала прекратиться въ ней жизни, двигала въ ней послѣднія капли крови, сжимала умиравшее сердце.

Но вотъ вошла въ домъ молодая сила, и достаточно было старухѣ «глянуть» на эту молодость, чтобы безъ малѣйшаго сомнѣнія дать этой молодости и силѣ дорогу. Какъ весеннимъ рѣзвымъ вѣтромъ пахнуло въ лишенномъ жизни домѣ. Пахнуло имъ и на старуху, сдуло съ ея сердца, какъ сухой листокъ, печаль и заботу, то есть все, отъ чего въ ней еще сжималось сердце и двигалась кровь, и Аксинья испустила послѣднее, едва слышное дыханіе.

Маленькій досчатый гробъ, въ который ее уложили, легкій какъ перо и нечувствительный для четырехъ дюжихъ плечъ — легко и проворно бѣжалъ на кладбище; точно такъ-же легко и проворно, какъ Аксинья, бывало, работала, ходила и все дѣлала при жизни. Какъ будто и теперь она не хотѣла понапрасну тратить времени, зная, что оно дорого въ хозяйствѣ. Она точно спѣшила теперь къ своему новому дому, на кладбище, чтобы не

мѣшать новой хозяйкѣ оживлять ея стараго пепелища.

Толстый, пышный, румяный пирогъ, закрытый плотнымъ какъ лубокъ и расшитымъ пѣтухами полотенцемъ (*«ейное»* рукодѣліе), принесенный мнѣ на второй день свадьбы молодыми, былъ первымъ знакомъ того, что въ отжившемъ домѣ началась новая жизнь. Молодая женщина—вся живая сила, скромная и могучая—мгновенно преобразила «нескладныхъ» людей. Они были неузнаваемы; даже лицо старика, начавшее походить на тряпку, сіяло, налилось и лоснилось, а Василій держалъ себя съ такой усиленной бодростью, точно солдатъ во фронтѣ. Онъ также весь сіялъ, лоснился.

Со второго-же дня свадьбы всѣ сосѣди, всѣ прохожіе почувствовали, что въ холодномъ и пустомъ домѣ, какъ въ котлѣ, подъ которымъ до сихъ поръ не было дровъ, начиналъ разгораться горячій огонь. Изъ всѣхъ силъ старикъ съ пріятелями хлопоталъ у воротъ, приводя ихъ въ порядокъ; стукъ молотка, топора, сталъ раздаваться поминутно то въ томъ, то въ другомъ углу двора. И отецъ, и сынъ поминутно сновали по двору, появлялись на крышѣ развалившагося сарая или у трубы, которая почти развалилась. Не покладаючи рукъ, приводили они въ порядокъ и трубу, и крышу, и заборы. Меланхоликъ Василій не имѣлъ минуты свободной для мечтаній и леталъ на клячѣ то на рѣку за водой, то въ лѣсъ за дровами. Куры, которыя въ періодъ безвременья бродили гдѣ попало,—всѣ собрались въ одномъ мѣстѣ и открыли начало новой жизни непрерывнымъ кудахтаньемъ. Всякая тварь радовалась теплу, которое исходило изъ начинавшаго теплѣть дома. Съ появленіемъ молодой бабы, весь хламъ трудовыхъ приспособленій, безполезно загромождавшій дворъ, получилъ смыслъ и значеніе и сталъ исполнять свои обязанности. Все оказалось нужнымъ, необходимымъ, и до того необходимымъ, что весь домъ началъ жалѣть, что у людей «рукъ не хватаетъ» на то, чтобы управиться.

И именно «баба» дала смыслъ всей многосложности труда, составляющаго жизнь крестьянскаго дома. Всѣмъ нужно быть сытыми, одѣтыми, обутыми: нужно ждать дѣтей, нужно потомъ ходить за ними, одѣвать, обувать, няньчить, ростить, беречь. Словомъ, вся перспектива жизни человѣческой раскрылась вновь передъ всѣми живущими въ домѣ, и потому именно раскрылась эта перспектива отъ появленія молодой женской силы, что внесенное ею разнообразіе повидимому только «женскихъ дѣлъ» находилось въ дѣйствительности въ неразрывной связи съ разнообразіемъ всѣхъ дѣлъ мужиковъ и, только сливаясь воедино, давало смыслъ и содержаніе жизни цѣлой семьи. Ѣздить за дровами и топить печь, чтобы было только тепло,— скучно; но ѣздить за дровами для того, чтобы и тепло было, и чтобы молоко оттопить ребенку, и чтобы спечь хлѣбъ, чтобы выстирать бѣлье, чтобы вымыть ребенка - это дѣло стоющее,и поэтому «безпремѣнно» надо ѣхать за дровами, хоть даже воровать.

Вотъ, кажется, собственно на этомъ-то пунктѣ, т. е. на неразрывности женской и мужской трудовой жизни въ народной средѣ,—я и утратилъ незамѣтнымъ для меня образомъ то чрезвычайно радостное ощущеніе «полноты» существованія, которое получилось отъ чтенія «Романа графини». Конечно, полотенце она, графиня, вышьетъ такое, что всѣ остальныя дѣйствительно слѣдуетъ выбросить въ бездну моря; но у деревенской женщины даже и такая, повидимому, бабья мелочь, какъ полотенце, всетаки дѣло не бабье только, а взаимное; даже и въ этомъ пустякѣ ея мужъ долженъ принимать участіе, пахать подъ ленъ, сѣять и т. д. И если представить себѣ, что нѣтъ такого женскаго или мужского, большого или малаго труда въ народной средѣ, который-бы не былъ неразрывно связанъ взаимнымъ сотрудничествомъ, то полнота бабьей и мужской жизни во всѣхъ отношеніяхъ будетъ, пожалуй, поразностороннѣе, чѣмъ описано въ романѣ.

Ставши на эту точку зрѣнія, я невольно сталъ припоминать Марфу, молодую жену Василія, во всевозможныхъ и разнообразнѣйшихъ положеніяхъ ея трудовой жизни. Вотъ она ѣдетъ на высокомъ возу сѣна и даже пѣсню» поетъ («Рябинушку»): это она помогала мужу сушить и сгребать сѣно, участвовала въ мужицкомъ трудѣ; но съ другой стороны, когда она ставитъ хлѣбы и когда у нея заняты руки, мужъ ея долженъ взять ребенка, играть съ нимъ, сказки ему сказывать, игрушку дѣлать. Да и не въ домѣ только дѣлаютъ они одно общее дѣло, а и въ обществѣ. Она, Марфа, не вмѣшается въ сходку, не предъявитъ своего бабьяго мнѣнія всенародно, но ужъ въ сторонѣ «отъ мужиковъ» непремѣнно стоять будетъ и будетъ слушать въ оба уха все, что галдятъ мужики, а почуявъ какую-нибудь прикосновенность разрабатываемаго вопроса къ своему дому, непремѣнно оттащитъ мужа за рукавъ и такъ «внушитъ» ему, что онъ не дастся въ обиду и не продастъ за стаканъ вина своего голоса въ вопросахъ, касающихся, положимъ, деревенскаго бюджета. Да и непосредственно она не чужда связи съ общественнымъ дѣломъ, неразрывнымъ съ дѣломъ домашнимъ; она вотъ теперь беременна, а ей надобно сегодня ночью идти молотить; неразрывность трудовой жизни сдѣлаетъ то, что пойдетъ молотить мужъ, а она исполнитъ за него обязанность ночного караульщика. Сидѣть у воротъ и стучать въ колотушку ей легче и по силамъ.

Однако трудовая жизнь ея не исчерпывается однимъ только трудомъ рукъ; есть у нея и духовные интересы и знанія. Она вотъ твердо знаетъ, что когда захворають овцы, то надобно молиться угоднику *Самоову*, и хотя батюшка говоритъ ей, что такого угодника нѣтъ, а есть Господь Саваофъ, но она, не желая оставить овецъ безъ защиты и помощи, все-таки продолжаетъ быть увѣренной, что и угодникъ *Самоовъ, самый овечій*, настоящій защитникъ—долженъ быть отъ Бога данъ непремѣнно. Конечно это не настоящее знаніе, да гдѣ-же ей взять настоящаго-то? И дѣтей

она сама лечитъ, и есть у ней на этотъ счетъ также собственныя свои знанія; знаетъ она, когда и какъ и при какой болѣзни что надобно шептать и какъ заговаривать воду, и какую пить траву. И эти знанія, разумѣется, совсѣмъ не настоящія, но и тутъ она опять не виновата: ни она до знанія, ни, тѣмъ печальнѣе, само знаніе не дошли другъ до друга и когда дойдутъ—неизвѣстно! А если бы дошли, то, разумѣется, Марфа не стала бы шептать пустяковъ, а стала-бы дѣлать настоящее дѣло.

Мало-по-малу достоинства жизни Марфы стали окончательно преобладать надъ достоинствами жизни графини. И Марфа умѣетъ пѣть, и она до седьмого часу отлично отплясывала на вечеринкахъ, а рыбу и раковъ они теперь съ мужемъ ловятъ каждое лѣто и притомъ даже совсѣмъ безъ «сапожекъ»; умѣетъ и она приготовить, во 1-хъ, «маленькій ленчъ» въ четыре часа утра, потомъ (въ рабочую пору) «настоящій» ленчъ въ девять часовъ, потомъ обѣдъ, потомъ полдникъ, потомъ ужинъ; умѣетъ и она привлекать сердца «большихъ мальчиковъ», но деревенскіе большіе мальчики куда ей не смѣютъ дѣлать, и когда одинъ хотѣлъ было, чтобы она «обратила на него вниманіе», столкнуть ее съ дровней, на которыхъ она ѣхала съ бѣльемъ къ проруби—то она сдѣлала такой веселый жестъ, что «большой мальчикъ» сразу сталъ на четвереньки и могъ проговорить только:—«однако!», чѣмъ и заставилъ Марфу хохотать до упаду. Словомъ, все, что можетъ проявить въ жизни богато-одаренная натура героини романа, все проявляетъ и Марфа, съ той только разницей, что ея полнота жизни неразрывно и во всѣхъ подробностяхъ слита во-первыхъ съ жизнью мужа, а во-вторыхъ далеко не отдѣлена отъ жизни общественной, мірской, въ которой она участвуетъ своей мыслью и своей заботой.

Это послѣднее преимущество — неразрывность интересовъ семьи съ «міромъ», обществомъ—окончательно помрачило передо мною очарованіе того самаго фонарика, откуда видна вся кипучая (?) жизнь Петербурга и гдѣ вѣетъ опахало, привезенное морякомъ, который имѣетъ смѣлость,и т. д.

Но когда я исчерпалъ всѣ достоинства Марфы, мнѣ стало какъ-то жалко утраченнаго впечатлѣнія романа. Впечатлѣніе было хорошее, а въ деревенской глуши, не часто балующей такими прелестями, и подавно. Мнѣ сильно захотѣлось опять возстановить это впечатлѣніе, опять немного полюбоваться изображеннымъ въ романѣ, и я вновь сталъ его перелистывать. Но увы!... Теперь мнѣ стали попадаться такія строчки, которыя я проглядѣлъ подъ первымъ впечатлѣніемъ, и не обратилъ на нихъ никакого вниманія. А теперь именно онѣ-то и выступили съ особенной ясностью и окончательно истребили во мнѣ все, что я за полчаса еще считалъ такимъ прекраснымъ и поэтическимъ.

IV.

Темнымъ облачкомъ затемнилась сначала одна, часъ тому назадъ яркая и свѣтлая страница, а за ней другая и третья. На одной мелькнула мнѣ такая прозаическая фраза:

«Мужъ мой состоитъ при одномъ изъ Министерствъ и изъ 12 мѣсяцевъ въ году 8 проводитъ внѣ дома. Сперва мнѣ эти разлуки стоили горькихъ слезъ, теперь я привыкла...»

А на другой и еще прозаичнѣе:

«Когда мужъ пріѣзжаетъ, не наглядится на меня. А пройдетъ мѣсяцъ, другой, смотришь—завязываются чемоданы, приготовляются, чистятся ружья, и—прощай! «Нельзя, мое дитя, долгъ службы!» (27).

А третья страница такъ и совсѣмъ меня доканала:

«Отъѣздъ мужа можетъ разстроить мои намѣренія, и онъ скоро можетъ уѣхать. *Жалѣю очень, что мы не милліонеры;* мужъ бы тогда не служилъ и не оставлялъ бы меня...» (42).

Прочиталъ я эти строчки, и сразу все великолѣпное видѣніе разсыпалось прахомъ!

Какъ старикъ въ сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ, когда золотая рыбка ушла въ море, ничего старику не сказавши,«лишь хвостомъ по водѣ плеснула»,—такъ и я очутился теперь въ недоумѣніи предъ какой-то безотрадной пустотой. Передо мной, какъ и передъ старикомъ, исчезли всѣ сказочныя чудеса, очутилась старая землянка, на порогѣ землянки не царица, а старуха,

А предъ ней разбитое корыто!..

Тайна сказочнаго великолѣпія стала совершенно ясна. Была золотая рыбка—и великолѣпіе было, а ушла рыбка въ «глубокое море» — и осталось отъ всего только землянка, да старуха, да корыто!

Будетъ милліонъ или, проще, купонъ—будетъ и ленчъ, сначала малый, потомъ настоящій, потомъ «всевозможныя» занятія (отъ 12 до 3), потомъ «всевозможныя скитанія» до 6, потомъ обѣдъ, потомъ увеселенія, которыхъ не перечесть, будетъ и воспитаніе дѣтей, и благотворительность, и танцы до семи часовъ утра, и тройки, и раки, будутъ любящій мужъ, и поклонники, и пѣвцы, и поэты, и вышивки, и фонарики, и все—все будетъ! А не будетъ купона—ничего не будетъ!

А вотъ Марфа...

Но нѣтъ! я положительно не смѣю говорить о Марфѣ. То, что я сказалъ-бы въ пользу полноты ея существованія, могло-бы показаться умышленнымъ разукрашиваніемъ ничѣмъ не разукрашенной «бабьей жизни». Это дѣйствительно такъ, и трудно пожелать кому-нибудь «отвѣдать» на собственномъ опытѣ всю эту «полноту» теперешней деревенской нищеты, тяготы и всякой недостачи, одинаково знакомыхъ какъ мужскому, такъ и женскому населенію деревни.

Но если «дѣйствительность» народнаго строя жизни скудна и не даетъ возможности фактически подкрѣпить и разукрасить предъ читателями особенности этого строя жизни—все-таки самая сущность этого строя заслуживаетъ полнаго вниманія. Отдѣливъ эту сущность отъ суровой дѣйствительности народной жизни, мы все-таки получимъ возможность довольно ясно представить себѣ основанія, на которыхъ можетъ держаться болѣе или ме-

нѣе *полное*, дѣйствительно цѣльное существованіе человѣка.

Откинувъ наличность нужды, нищеты и всякой тьмы, мы получимъ въ совершенно ясномъ видѣ слѣдующія основныя черты народнаго строя жизни: во-первыхъ семья, въ которой мужчина какъ и женщина необходимы другъ для друга потому, что только неразрывная во всѣхъ отношеніяхъ трудовая жизнь ихъ и есть основаніе всего строя жизни. Ни бабѣ, ни мужику жить другъ безъ друга нельзя и *своего* дома у нихъ не будетъ. Смыслъ существованія и вообще *жизни* для нихъ обоихъ получается только тогда, когда они «вмѣстѣ» и «вмѣстѣ во всемъ». Эта первая, отличительная черта народнаго строя жизни, а другая заключается въ томъ, что жизнь *семьи*, *дома* неразрывна съ мірскою, общественною жизнью; семья имѣетъ на нее непрерывное вліяніе, точно такъ-же какъ и сама постоянно чувствуетъ вліяніе міра на себѣ.

Въ этихъ двухъ характерныхъ чертахъ народнаго строя жизни заключаются всѣ данныя для многостороннѣйшаго проявленія человѣкомъ всего, что въ немъ есть божескаго и человѣческаго.

Облечь этотъ «образчикъ» полноты существованія въ такія формы, которыя бы плѣнили мысль и взоръ читателя, не позволяетъ горькая дѣйствительность, и вотъ почему мы не смѣемъ живописать красоту существованія Марфы.

Но разъ все-таки этотъ «*образчикъ*» такъ или иначе обозначился въ нашемъ воображеніи — мы его не будемъ оставлять безъ вниманія. Обликъ героини «романа» — образчикъ купонной полноты жизни—есть рѣдкое исключеніе. Въ дѣйствительности же стонъ и плачъ и стенанія идутъ отъ купона во всѣхъ направленіяхъ, и дѣло семьи, мужа, жены, какъ во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніяхъ къ обществу, до такой степени изуродовано, искажено купономъ, что на него давно уже пора обратить серьезное вниманіе.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сила купона не развилась еще до такихъ размѣровъ, до какихъ она дошла въ настоящее время. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ мы могли видѣть его продѣлки только на несчастномъ поденщикѣ, человѣкѣ каторжнаго физическаго труда. Теперь онъ уже проѣлъ всѣ слои общества отъ верхняго края до нижняго, и именно тамъ, гдѣ долженъ бы быть виденъ результатъ,своей прелестью оправдывающій всѣ понесенныя во имя купона жертвы,—тамъ то его и нѣтъ.

МИМОХОДОМЪ.

I. Паровой цыпленокъ.

(Разсказъ, пригодный для напечатанія только на святкахъ *).

Ни мало не протестуя противъ редакціонной помѣтки, вполнѣ точно опредѣляющей значеніе этой статейки и допускающей появленіе ея въ печати именно только въ святочное время, я долженъ сказать однако, что наименованіе «разсказъ», данное редакціей этому произведенію, почти вовсе не соотвѣтствуетъ тому содержанію, которое въ этой статейкѣ заключается, и формѣ, въ которой оно будетъ передано. Никакого послѣдовательнаго разсказа здѣсь нѣтъ и не было его въ дѣйствительности. Просто люди разговорились «*о душѣ*», и одинъ изъ собесѣдниковъ, проѣзжій курятникъ, произнесъ по этому поводу нѣчто вродѣ реферата, почерпая весьма любопытные матеріалы изъ куриной психологіи. Вотъ и все.

Дѣло было такъ.

Наскучивъ сидѣть въ ожиданіи поѣзда въ душной маленькой общей каморкѣ самаго микроскопическаго полустанка N—ской желѣзной дороги, я думалъ пойти посидѣть и покурить на платформѣ... Былъ темный и теплый осенній вечеръ и время было довольно позднее, часъ одиннадцатый. Три керосиновыхъ лампочки, разставленныя по платформѣ на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, почти совершенно не освѣщали ее, и поэтому я рѣшительно не могъ разсмотрѣть даже при самомъ пристальномъ вниманіи тѣхъ темныхъ человѣческихъ силуэтовъ, группа которыхъ, такъ-же какъ и я, въ ожиданіи поѣзда, собралась на платформѣ въ самомъ близкомъ отъ меня разстояніи. Видны были какія-то черныя тѣни, а кто онѣ такія и что за народъ — разглядѣть было почти невозможно. Но разговоръ, который они вели между собой, былъ слышенъ совершенно ясно среди неподвижной тишины темнаго и теплаго вечера.

Къ несчастью, разговоръ былъ весьма печальнаго свойства. Дѣло шло о необыкновенномъ несчастіи, случившемся на одной изъ ближнихъ большихъ станцій въ тотъ же день, рано утромъ, и составлявшемъ предметъ разговора по всей линіи дороги: подъ поѣздъ бросился извѣстный всѣмъ имѣющимъ дѣло съ дорогой людямъ одинъ кабатчикъ, въ послѣдніе годы предававшійся сильному пьянству и совершенно обнищавшій

— Подъ конецъ-то онъ, братцы, ужъ и совсѣмъ очумѣлъ! разсказывалъ одинъ изъ черныхъ силуэтовъ, въ которомъ, только благодаря блеснувшей при движеніи бляхѣ, можно было подозрѣвать желѣзно-дорожнаго сторожа.—Онъ ужъ разовъ пять покушался-то на это дѣло... Да все

---

*) Помѣтка одной редакціи.

боязно ему было. Бѣжитъ къ поѣзду-то, а самъ оретъ... Поѣздъ гремитъ, а онъ съ испугу и самъ оретъ, а бѣжитъ, руки вверхъ подымаетъ! У—ухъ! ухъ! ухъ! И все бѣжитъ!.. Страшно, а все его несетъ!. Ну, завсегда Богъ, его спасалъ; добрые люди не давали пропасть... Поймаютъ, уведутъ домой силомъ... Въ больницу клали... Ну, а въ этотъ разъ видно не доглядѣли...

— А оралъ? Не слыхали?

— Потомъ-то разсказывали, что молъ шибко кто-то оралъ... Слышали, говорятъ, оралъ кто-то, ухалъ все... Ну, да время было ночное, глухое... Спали!.. Нѣтъ, это ужъ видно воля Божія...

— Чортъ тутъ распоряжается! Въ такихъ дѣлахъ дьяволъ—хозяинъ и указчикъ, а не Богъ! послышалось изъ глубины всей группы силуэтовъ.

— Это вѣрно! глухо отвѣчали въ той-же группѣ, и всѣ на нѣкоторое время замолкли...

Разговоръ былъ непріятенъ, предметъ разговора мраченъ и ужасающъ, и поэтому бесѣда шла очень плохо. Но именно, быть можетъ, потому, что предметъ разговора былъ тяжелъ и многозначителенъ, собесѣдникамъ почти невозможно было легко отдѣлаться отъ угнетавшаго ихъ мысль событія и перейти къ обыденной пустопорожней случайной болтовнѣ случайно встрѣтившихся людей. Какъ ни непріятно было думать и говорить объ этой нехорошей смерти, а разговоръ возобновлялся только о ней.

— Отъ жены вишь, сказываютъ, онъ такъ-то ослабѣлъ. Спился-то!

— Что-жъ ему, дураку, жена-то дороже души что-ли?

— Ну, да вѣдь какъ сказать... Сбѣжала она отъ него—ну, онъ и заскучалъ...

— Сбѣжала! Да чортъ съ ней! Бѣгай, куда хошь... Мало-ли бабъ то?

— Бабъ-то много, да душа-то одна!

— Надо за душу-то Богу на томъ свѣтѣ отвѣчать!..

— Охъ, душа, душа!.. сказалъ сторожъ со вздохомъ, и разговоръ вѣроятно-бы пресѣкся, если бы въ это время около группы неожиданно не оказался молодой помощникъ смотрителя станціи, неслышно очутившійся около группы, благодаря резиновымъ калошамъ.

Это былъ молодой, веселый человѣкъ; онъ только-что получилъ мѣсто, только-что женился, только-что одѣлся въ новую форму и чувствовалъ, что теперь онъ «похожъ на человѣка». Остановился онъ около группы мимоходомъ, чтобы закурить папиросу, и положительно отъ нечего дѣлать весело бросилъ слово:

— Что у васъ тутъ? Какая душа?...

Слово «душа» совершенно случайно коснулась его уха, когда онъ шелъ мимо; мысли его были за тридевять земель отъ возможности быть внимательнымъ къ какимъ-то чужимъ разговорамъ: онъ не шелъ, а несся къ молодой женѣ, къ горячему новому самовару и былъ вообще радъ самому себѣ...

— Да вотъ про несчастье про нонишнее... Про кабатчика...

— Такъ что-жъ?

Онъ дернулъ спичкой о рукавъ и едва-ли слышалъ, что̀ ему говорятъ.

— Да такъ... болтаемъ... Душу-молъ бѣдняга свою погубилъ.

— Какую душу?

Быстро зажглась папироса и разсыпала кругомъ себя искры.

— Какая душа? Что̀ за чепуха!

— Какъ же, вашкобродіе? Душа-съ!

— Просто пьяница!—Разумѣется, чепуха!

— А какъ же на томъ-то свѣтѣ?

— Ну, что вздоръ молоть!.. Не пьянствуй и не раздавятъ... Чортъ знаетъ что̀! Душа!

Молодая жена и новый кипящій самоваръ, заполонявшіе его мысль, дѣлали его рѣчь веселой, отдававшей запахомъ «трынъ-травы». Бросивъ эти нѣсколько словъ развязно и весело, онъ развязно и весело унесся отъ группы вдоль платформы и бросилъ оставшимся на платформѣ силуэтамъ еще два слова:

— Конечно, чепуха!..

И скрылся въ темнотѣ, подпѣвая «Стрѣлочка»...

— Нѣтъ, не чепуха! довольно рѣшительно проговорилъ какой-то изъ силуэтовъ, и темная фигура его вытянулась вверхъ, поглотивъ своею тѣнью всѣ остальные темные силуэты. — И даже очень она не чепуха, душа-то!..

Появленіе развеселаго начальника станціи какъ бы разогнало мрачныя мысли собесѣдниковъ, и поэтому, не найдя сразу легкой темы для разговора, они не поддержали рѣшительнаго заявленія неизвѣстнаго оратора. Но это молчаніе не обезкуражило оратора, и онъ тѣмъ же многозначительнымъ тономъ продолжалъ:

— Чепуха! Сфорсилъ, да и горя мало!... Это стало-быть ты въ Бога не вѣруешь— нигилистъ, больше ничего!.. Коли бы ты вѣрилъ въ Бога, такъ не посмѣлъ бы форсить... Я и самъ былъ тоже вродѣ дубовой колоды, покуда не ударило меня въ башку вѣрой... Что̀ мы всѣ-то понимаемъ? Знаемъ Богу молиться, свѣчки ставить, а понимать премудрость—не можемъ... А между тѣмъ, какъ привелъ мнѣ Богъ пойдтить сначала по рыбьей, а потомъ по куриной части, да далъ мнѣ талантъ и дозволилъ вникнуть, такъ я теперача, братцы, и понялъ это дѣло!.. Да! Есть она, братцы, душа-то, есть она!.. Вотъ что̀ я скажу—а не «чепуха»!

Не сразу публика взяла въ толкъ то, что̀ проговорилъ курятникъ; слишкомъ много было въ его рѣчи смѣшано самыхъ неподходящихъ другъ къ другу понятій и представленій. Богъ, душа, рыбья часть, куриная часть. Всего этого переварить сразу темные силуэты не могли. Кто-то изъ нихъ попробовалъ было сказать обычное въ затруднительныхъ для россійскаго обывателя случаяхъ: «Само-собой!», т. е. слова, которыя, повидимому, и могутъ быть приняты за отвѣтъ, но въ сущности ровно ничего не означаютъ (хотя даже въ коммерческихъ дѣлахъ употребляются постоянно), но сказалъ это какъ-то робко, почти шопотомъ, и замолкъ...

Но молчаніе уже не могло продолжаться; тема

для бесѣды получалась вовсе не мрачная, и разговоръ оживился.

— Какая же такая, позвольте васъ спросить, бываетъ куриная душа? очевидно приготовляясь начать продолжительный разговоръ, произнесъ не спѣша и съ разстановкой кто-то изъ силуэтовъ.— Позвольте узнать, на какомъ вы полагаете основаніи? Душа должна существовать христіанская, а какая такая куриная, или рыбья—такъ объ этомъ никакимъ образомъ не можетъ быть сказано въ Писаніи...

— Въ писаніи-то, положимъ, что объ этомъ и дѣйствительно ничего нѣтъ, а я, вотъ видишь меня—курятникъ Селиверстовъ—я вотъ говорю тебѣ, да! Хочешь ты мнѣ вѣрь, а хочешь не вѣрь, а я тебѣ утверждаю, что когда вникнулъ я въ рыбье, а главное въ куриное дѣло, тогда я во Всевышняго Создателя и увѣровалъ. А то былъ я, однимъ словомъ, дубовый пень! Какъ хочешь,такъ и думай! Да!..

Въ тонѣ голоса курятника слышалось большое одушевленіе, но очевидно было, что обширность темы, интересовавшей его, ставила его предъ публикой въ неловкое положеніе и затрудняла его рѣчь.

— Да! повторилъ онъ опять тѣ же слова, что уже сказалъ ранѣе.—На куриномъ дѣлѣ позналъ премудрость. Какъ хочешь, такъ и разбирай!

Настало молчаніе.

— И существуетъ куриная душа? чрезвычайно оживленно и съ явной насмѣшкой въ голосѣ воскликнулъ одинъ изъ силуэтовъ.

Курятникъ примолкъ, но тотчасъ же весь какъ-то встряхнулся, подбодрилъ себя и почти гаркнулъ басомъ:

— Ссуществуетъ!

— Душа куриная?

— Н—да!

«Очертя голову», казалось, сказаны были эти слова, и курятникъ, увидѣвъ, что ему нѣтъ отступленія, громко и безъ остановки проговорилъ:

— Окончательно могу сказать, хоть побожиться, говорю передъ истиннымъ Богомъ: существуетъ куриная душа—чтобъ мнѣ не дожить до завтрева! Вотъ тебѣ что̀!

Всѣ молчали.

— Существуетъ! вопилъ курятникъ.

И опять всѣ молчали.

— Да! Есть она, братцы, есть!..

— Ну ужъ, другъ любезный... Ты, братъ, что-то кажется... того...

— Ничего не «того»! Чего тутъ «того»? Тутъ дѣло эво какое, а не «того»... Я тебя вотъ спрашивать буду, можешь-ли ты мнѣ отвѣчать?

— Чего-жъ мнѣ не отвѣчать? Коли по человѣчьи будешь говорить, такъ и я тебѣ отвѣчу по человѣчьи...

— Не лаять же я на тебя буду!

— Ну, коли ты не будешь лаять, такъ и я не буду кукуреку кричать... Спрашивай!

— Ну, коли ты можешь отвѣчать, такъ я тебѣ буду представлять вопросы... Первымъ долгомъ, сичасъ здѣсь былъ разговоръ о душегубствѣ...Отвѣчай мнѣ, почему кабатчикъ подъ вагонъ бросился?

— Чортово дѣло—больше ничего! опять провозгласилъ рѣшительный голосъ изъ группы силуэтовъ, не давъ отвѣтить тому силуэту, который разговаривалъ съ курятникомъ.

— Чортово-то оно чортово, сказалъ курятникъ,—а главное, требуется знать, подъ какимъ предлогомъ чортъ-то его подъ колесо поволокъ, вотъ главное дѣло въ чемъ!..

— Вѣдь, сказывали тутъ,что молъ изъ-за жены огорчился!.. отвѣчалъ собесѣдникъ курятника.— Изъ-за бабы огорчился, сталъ пить, ну а ужъ отъ пьянства чего не выйдетъ...

— Слѣдовательно, разобравши дѣло, оказывается въ первоначальномъ основаніи было огорченіе?

— Надо быть такъ...

— Ну, а теперь потрудитесь объяснить: кое мѣсто его колесомъ переѣхало?

— А ужъ это вотъ пущай онъ скажетъ... Кое мѣсто, Михалычъ, кабатчика-то переѣхало?

— А его, отвѣчалъ сторожъ,—вотъ этакъ, по животу разрѣзало.

— И конечно спину и все? какъ настоящій экспертъ допытывался курятникъ.

— Ужъ конечно все разворочало, что̀ подъ него попалось...

— Ну,превосходно!Теперь позвольте васъ спросить: когда вы утверждаете, что «отъ огорченія», то въ какомъ мѣстѣ оно у него заключалось—въ спинѣ, въ животѣ или еще въ какихъ костяхъ?

Вопросъ показался публикѣ въ такой степени ни съ чѣмъ несообразнымъ, что послѣ нѣкотораго молчанія часть публики разразилась громкимъ хохотомъ, а собесѣдникъ курятника, какъ бы нехотя и вовсе не желая продолжать пустопорожняго разговора, промолвилъ:

— Ну, братъ, я вижу, съ тобой разговаривать, такъ надо языкъ суконный привѣшивать... А такъ то, свой-то, только безъ толку обобьешь...И вѣтру-то на дворѣ нѣту, а вотъ у тебя въ головѣ что-то какъ будто сквознякомъ посвистываетъ... Въ брюхѣ оно у него, огорченіе-то, было!..

— Это въ брюхѣ было огорченіе отъ жены?

— Да ну тебя! Перестань молоть!.. съ нетерпѣніемъ и сердцемъ сказалъ собесѣдникъ.—Плететъ языкомъ незнамо что̀!

— Вотъ то-то и есть, что у васъ-то именно и нѣтъ соображенія.

— И пущай!

— Ежели у солдата отрѣзываютъ ногу, слѣдовательно, у него нога болѣла, а не спина и не животъ. И ежели отрѣзываютъ у меня руку, то болѣла, стало быть, рука, а не ухо и не носъ... А когда отъ огорченія человѣкъ спину себѣ подъ вагономъ ломаетъ, такъ позвольте васъ спросить, что̀ у него болѣло: спина или животъ?

Всѣ молчали.

— Вотъ въ томъ-то и состоитъ!.. Болѣло-то у него на совѣсти, въ душѣ, а не въ кости, не въ ребрѣ... Вотъ поэтому-то и говорится «погубилъ

душу» — а не «чепуха!», какъ болтнулъ вонъ тотъ господинъ... Душа болѣла и душа подъ вагономъ погибла»...

— Чортова работа, больше ничего! упорно гудѣлъ невидимый въ кучѣ силуэтовъ басъ.

— Чортова! Конечно это его дѣло! Только онъ ведетъ тебя подъ вагонъ-то не за ногу, а за совѣсть, за душу!... Вотъ въ чемъ дѣло-то!... Нѣту, братцы, есть, есть она, душа-то!..

— А куриная-то душа? вновь заговорилъ тотъ самый собесѣдникъ, который только-что было совсѣмъ прервалъ разговоръ съ курятникомъ.

— И куриная душа существуетъ!.. Куриная-то душа меня и на умъ-то навела... Вонъ, видишь, плетушка моя стоитъ съ цыплятами?..

Вѣроятно тутъ же на платформѣ полустанка гдѣ-нибудь стояла эта плетушка съ цыплятами, но въ темнотѣ не было ея видно.

— Ну видимъ, ну, что-жъ?

— Ну, такъ вотъ это я хотѣлъ нашихъ бабъ въ послѣднiй разъ поднадуть паровымъ цыпленкомъ— только нѣтъ, не надуешь! Въ послѣднiй разъ хотѣлъ ихъ поморочить, всучить имъ вмѣсто яицъ— ну нѣтъ, навыкли, не берутъ!

— Отчего-же?

— Бездушный онъ, паровой-то цыпленокъ! Души въ немъ нѣтъ — и не плодится! Вотъ въ чемъ дѣло. Я служу на паровомъ цыплячьемъ заводѣ. Такъ вотъ въ прежнiя времена мы и мѣняли паровыхъ цыплятъ на яйца. Дашь бабѣ курочку и пѣтушка, да и двѣ курицы съ пѣтухомъ намъ ничего не стоитъ дать за десятокъ, за полтора... Изъ двухъ-трехъ у насъ выйдетъ 10, 15—все барышъ намъ. И сначала брали... Ничего! А намъ и любо вмѣсто денегъ-то! А потомъ вдругъ и не берутъ... Всѣ бабы въ одинъ голосъ завопили: «не несутся ваши машинныя куры!»—и все тутъ... И вотъ что ты хочешь—не несутся!.. И рыбье дѣло тоже: машинная заводская рыба—теперь вотъ выростить ее искусственнымъ манеромъ можно, а потомства нѣту!.. Вотъ ты и думай, какая тутъ премудрость!.. Температура тутъ существуетъ—потому что горячей водой, паромъ дѣйствуютъ. А души нѣтъ!

— Да вѣдь онъ ходитъ, цыпленокъ-то машинный? Ѣстъ?

— И ходитъ, и ѣстъ, а размышленiя въ немъ нѣтъ... Не можетъ онъ подумать о жизни...

— Ну, братъ, ты опять никакъ запутался!..

— Запутался или не запутался, а ваши слова тоже безъ смысла... Ходитъ! Что-жъ такое ходитъ? Вонъ желѣзная машина тоже ходитъ, почище лошади, а скажи-ка ей: «Налѣво! поверни къ кабачку!»—нѣтъ, не повернетъ... Ходитъ! Это все одно, что лектрицкiй свѣтъ. Мнѣ одинъ мой землякъ, театральный ламповщикъ, говоритъ: «Погляди-кось, какой огонь выдумали!». Поглядѣлъ я и думаю: «Какой пламень въ этомъ стеклянномъ пузырькѣ (цвѣткомъ сдѣланъ) и какъ не лопнетъ!» И говорю: «Какъ это стекло-то не лопнетъ, какой огонь!» А землякъ усмѣхнулся, говоритъ: «Очень страшный огонь... Плюнь, погляди, какъ зашипитъ». Плюнулъ я въ этотъ тюльпанъ, а оно и вовсе не зашипѣло... «Какъ такъ!»—«А такъ, говоритъ, этотъ огонь выдумщицкiй, безбожный—онъ какъ ледъ холодный... возьми-ка тюльпанъ-то въ руку»... Взялъ я, а онъ и въ самъ дѣлѣ, какъ ледъ. А вѣдь огонь?.. Вотъ и разсуди: гдѣ Богъ, а гдѣ фокусъ-покусъ... Такъ и въ рыбѣ машинной, и въ цыпленкѣ паровомъ: температура есть, а совѣсти нѣтъ! Вотъ и у кабатчика въ совѣсти болѣло, а ежели онъ переломилъ спину, то въ спинѣ не можетъ болѣть отъ того, что жена сбѣжала... а въ душѣ!..

— Ну, братъ, ты никакъ опять вмѣсто воротъ на крышу съ возомъ поѣхалъ! Почему-же паровая курица не несется?

— А потому, что она тварь температурная, машинная выдумка, а не тварь Божiя... У паровой курицы одна температура, а у настоящей — совѣсть! Вотъ отъ этого она и несется... Потому что у нея существуетъ умственное размышленiе и забота... Въ температурѣ этого нѣтъ, а въ душѣ есть...

— Есть?

— Вѣрно есть!

— А ты не лежалъ въ сумасшедшемъ домѣ?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ!

— Слава Богу! А я думалъ, что начальство за тобой не доглядѣло, плохо запирали...

— Съ нашимъ братомъ поговорить по умному, такъ иначе какъ за сумасшедшаго и не прослывешь.—Сами-то вы что въ душѣ смыслите?

— А ты, что въ куриной совѣсти понимаешь?

— Да все понимаю!..

— Ну, да что?

— Да все понимаю, всю куриную душу вижу! Чего ты гогочешь? Ты отвѣть мнѣ одно: знаешь, какъ насѣдку на яйцы сажаютъ?

— Ну, ужъ это—не нашего ума дѣло. Мы дровяники.

— Ну, а не вашего ума дѣло, такъ и молчи, и слушай... Курица, братецъ ты мой, не очень любитъ на яйцахъ-то сидѣть... Ей-бы только яйцо снести, а потомъ опять въ кафе-ресторанъ съ пѣтухами погулять, пѣсенъ попѣть, поборкотать... Бываютъ такiя франтихи, что ее три дня подъ лукошкомъ на яйцахъ держутъ, а она все съ боку ихъ жмется, не садится на нихъ, думаетъ, какъ иная барыня: «Ежели я сама буду съ дѣтями, то, можетъ быть, испорчу свой бюстъ и меня не будутъ любить!»... И жмется въ уголъ, а яйца такъ и лежатъ безъ вниманiя... Сними на четвертый день лукошко, а она—порхъ, и убѣжала, закудахтала, заорала на весь дворъ, пожаловалась о своемъ стѣсненiи, а пѣтухъ уже тоже, какъ оглашенный, бѣжитъ ей на защиту; тоже жалостливъ! И сейчасъ въ кусты, на острова, въ Аркадiю и въ маскарадъ. Иная такая выйдетъ форсунья—сладу нѣтъ! Такъ бабы вотъ какъ съ такими форсуньями поступаютъ: возьметъ, надѣлаетъ хлѣбныхъ шариковъ, намочитъ ихъ въ водкѣ и дастъ съѣсть...Форсунья-то съѣстъ и захмѣлѣетъ. Вотъ ее хмѣльную-то и посадятъ на яйца, да лукошкомъ прикроютъ... Покуда она спитъ, да о маскарадахъ съ танцами не думаетъ—анъ ужъ у

нея съ яйцомъ-то и началось знакомство... И въ яйцо идетъ тепло, и изъ яйца идетъ въ нее... Сними лукошко — ужъ она не можетъ встать! И сама знаетъ, что хорошо-бы ей погулять, слышитъ, какъ пѣтухъ оретъ, романцы поетъ, на острова собирается, а не можетъ—совѣсть взяла ее за живое! Жалость у нея ужъ есть! Душа заговорила!.. И просидитъ свой животъ до голаго мяса, ни одного пера на немъ не останется, просидитъ до боли, а изъ за чего? Изъ совѣсти!.. Изъ совѣсти-то и пойдутъ въ ней всякія мысли: и какъ она была въ дѣвицахъ (долго вѣдь ей сидѣть-то, есть о чемъ подумать подъ лавкой-то!), и какъ гуляла, и что видѣла, и каковъ пѣтухъ къ ней подскочилъ, и какія перья на немъ (каждое перо вспомнитъ, обдумаетъ сто разъ!), и какъ было дальше, и какъ она захворала, затяжелѣла, и какъ родила, и какъ кричала во время родовъ—все это она обдумаетъ подъ лавкой-то... И всѣ эти мысли-то ея изъ ейной души въ цыплячью душу идутъ, и цыпленокъ тоже принимаетъ ейныя мысли и заботы... Онъ еще еле-еле на что-нибудь похожъ, а ужъ по душевной части ему насѣдкой все дадено, всѣ мысли... онѣ, какъ зерна маленькія, точно булавкой уколоты: то тамъ — то сямъ, а потомъ и выростутъ въ большія, въ настоящія куриныя... Это, братцы мои, не температура въ пятьдесятъ или сколько тамъ градусовъ, а душа съ душой разговариваетъ!.. Хоть бабу иную взять — ходитъ беременная, пожару испугалась, ударила себя обѣими руками объ голову—и у ребенка пятна на тѣхъ самыхъ мѣстахъ—такъ и тутъ.. Думала курица и ахала, какъ она въ дѣвицахъ состояла и какъ потомъ все вышло— и въ цыпленкѣ бездушномъ тоже самое въ душу входитъ... Отчего пѣтуховъ много родится? Отъ того, что курица больше всего о пѣтухѣ мечтаетъ. Каждое перо помнитъ... Ужъ ежели мужикъ идетъ къ попу, къ старшинѣ, къ писарю поклониться - всегда пѣтуха несетъ. Очень много заботы у куръ объ нихъ. Вотъ такимъ-то родомъ и всякія заботы изъ куриной души въ цыплячью переходятъ: и о томъ, что въ дѣвицахъ надо быть, и о томъ, что пѣтухи явятся и родить надо... все это туда въ яйцо-то и идетъ своимъ порядкомъ... А въ горячей водѣ ничего этого нѣтъ-- одна температура... А температура нешто думаетъ о куриной жизни? Думаетъ она о пѣтухахъ? о томъ, что скучно сидѣть подъ лавкой, да нельзя, жаль ребенка? Ничего не думаетъ! Вотъ и выходитъ цыпленокъ бездушный, безсовѣстный, безъ заботы и безъ ума!.. И отъ лектрицкаго свѣта также трава не выростетъ... Вотъ что такое Богъ-то!.. Нѣтъ, братцы, не чепуха! Душа дѣло одно, а выдумки - дѣло другое... Нѣтъ, не чепуха это... Это надо оченно тонко сообразить!..

— Не знаю! равнодушно сказалъ собесѣдникъ,— не знаю ужъ... Премудро что-то... По моимъ мыслямъ выходитъ такъ, что окромя христіанской души будто бы никакихъ прочихъ и не положено... А чтобы, напримѣръ, куриная совѣсть... не знаю!.. Этого мы не можемъ!..

— То-то и есть, что не можете...

Рефератъ былъ очевидно конченъ и вопросъ исчерпанъ, но такъ какъ поѣздъ еще не приходилъ и время было у всѣхъ праздное, то окончить разговоръ на заключительныхъ словахъ курятника было бы всей компаніи какъ-то не совсѣмъ удобно. Нужно было (всѣ это чувствовали, какъ и въ настоящихъ собраніяхъ ученыхъ обществъ) *что-нибудь* возразить или дополнить... И точно, послѣ нѣкотораго молчанія одинъ изъ силуэтовъ, по голосу, кажется, тотъ самый, который тайну смерти кабатчика приписывалъ чорту, вдругъ произнесъ:

— Вотъ ты говоришь—выдумка, сказалъ онъ курятнику.— Ужъ и точно, братъ, навыдумано не вѣсть чего!.. Иду я намедни по Петербургу, по Исакіевской площади; вижу ѣдетъ господскій хорошій рысакъ въ самой первѣйшей запряжкѣ: что рысакъ, что сани, что сбруя, полость—тысячные. У кучера-то никакъ позументъ какой. И что же ты думаешь? Вдѣланы, братцы вы мои, этому самому кучеру вотъ въ это... передъ Богомъ говорю, не вру... вотъ это мѣсто...

— Куда?

— Вотъ... Передъ Богомъ не вру!.. Вотъ что хочешь... вдѣланы, братцы мои, часы...

— Въ это самое мѣсто?

— Вдѣланы часы огромные, въ полъ-ладони... И такимъ родомъ барину ихъ видно завсегда... Такъ кучеру-то совѣстно даже!

— Это ужъ даже и распахнуться баринъ-то не желаетъ?

— Должно быть, что по секундамъ ѣздитъ... Стали, надо быть, ужъ по секундамъ ѣздить. Дорожатъ!.. Дѣловъ, должно быть, полонъ ротъ.

— Ну, сказалъ презрительно и небрежно курятникъ,—какія это выдумки. Нешто такія выдумки-то пошли!..

— Да, братъ! Пошли выдумки, нечего сказать, ловкія.

Голосъ, которымъ были сказаны эти слова, прямо свидѣтельствовалъ, что это говоритъ непремѣнно «неплательщикъ» и «недоимщикъ», т. е. простой, сѣрый мужичонка.

— Бывало ѣздилъ я въ Москвѣ въ извозчикахъ, такъ съ Никольской на Нижегородку два рублика купецъ-то давывалъ... «Поѣзжай только скорѣй, мнѣ надо узнать, не пришелъ-ли товаръ»... а нониче побормоталъ въ дудку черезъ проволоку — вотъ тебѣ и все... На Нижегородку, на Смоленскую, куда хошь разговоръ идетъ по проволокѣ, а нашему брату—матъ!

— Телефонъ называется! сказалъ курятникъ.

— Агафонъ или Ѳалалей—нашему брату, мужику, все отъ выдумокъ-то хуже да хуже... Давитъ насъ выдумка на всѣхъ путяхъ, жметъ... А подати—подай...

На этомъ выводѣ изъ всего вышесказаннаго, сдѣланномъ «сѣрымъ» мужикомъ, прекратились въ публикѣ какъ мрачныя мысли о несчастномъ событіи дня, такъ и всякія фантастическія мечтанія, навѣянныя рефератомъ курятника. Сѣрый мужикъ возвратилъ своимъ замѣчаніемъ мысли всѣхъ присутствующихъ къ дѣйствительности и закончилъ

такимъ образомъ случайную бесѣду случайно встрѣтившихся людей самымъ достойнымъ образомъ, т. е. такъ, какъ заканчивается въ наши дни всякая бесѣда, о чемъ бы она ни началась.

II. Не все коту масляница.

I.

На вечерѣ у одного крупнаго, парижскаго, купоннаго аристократа недавно произошелъ, по словамъ газетъ, слѣдующій весьма любопытный эпизодъ. Купонный аристократъ *купилъ* на этотъ вечеръ, для собственнаго удовольствія, искусство одного знаменитаго піаниста, пригласивъ его за извѣстную плату играть. Знаменитый піанистъ при одномъ взглядѣ на общество, напоминавшее собраніе несгараемыхъ чугунныхъ шкафовъ изъ банкирскихъ конторъ, хотя и наряженныхъ въ шелки и брилліанты,—почувствовалъ себя крайне неловко, оробѣлъ, охолодѣлъ, но все-таки долженъ былъ исполнить свое дѣло, какъ нанятой.

Купонное общество слушало, ощущая только одно удовольствіе быть нанимателемъ и покупателемъ всего «что угодно», всякой знаменитости, всякаго таланта, и вовсе не интересовалось музыкой, потому что ровно ничего въ ней не понимало. Хозяйка дома, супруга одного изъ несгараемыхъ шкафовъ, была даже такъ нетерпѣлива при исполненіи артистомъ какой-то продолжительной сонаты, что всякій разъ, когда композиторъ долженъ былъ прервать на нѣсколько мгновеній игру, эта, осыпанная брилліантами, жена несгораемаго шкафа не упускала случая нетерпѣливо спросить артиста:

— Вы кончили?

Смущенный, сконфуженный этимъ чугуннымъ обществомъ, несчастный наемникъ кое-какъ доигралъ все-таки до конца пьесу и, сбывъ эту поденную работу, немедленно же хотѣлъ удалиться... Но въ это время супруга несгораемаго шкафа, любезно поблагодаривъ піаниста, не менѣе любезно сказала:

— Останьтесь одну минуту... Теперь я сыграю вамъ... *сама*!

Піанистъ долженъ былъ исполнить это желаніе и выслушать игру *самой* хозяйки. Какъ же сыграла она *сама*? Она просто придвинула къ себѣ какое-то большое мягкое кресло, съ сіяющей улыбкой расправила юбки и медленно опустилась въ это самое кресло... Сѣла она плотно, повернулась, поправилась и вдругъ, въ подушкѣ того самаго кресла, на которомъ она возсѣдала, заиграло и забарабанило: «*En revenant de la revue*»! Въ глубинѣ кресла гудѣло, трещало, пищало и барабанило такъ удивительно хорошо, что всѣ несгораемые шкафы пришли въ неописанный восторгъ; они застучали своими чугунными дверями, загрохотали скобами, защелкали секретными замками,—словомъ, неистово зааплодировали. Но больше всѣхъ сіяла сама артистка: вѣдь она *сама* играла такую отличную піесу и играла такъ хорошо! Бѣдный артистъ долженъ былъ въ числѣ прочихъ гостей поблагодарить артистку (всѣ ее благодарили, и она принимала рукопожатія) и едва живой отъ изумленія удалился. А артистка опять усѣлась въ кресло и еще разъ *сама* сыграла изъ «Жирофле», а потомъ и «Марсельезу»:—она вѣдь все можетъ сыграть сама.

II.

Я вполнѣ увѣренъ, что эпизодъ этотъ покажется читателю каррикатурой и выдумкой; но если онъ дастъ себѣ трудъ подумать вообще о сущности купоннаго строя жизни и дать этому каррикатурному и повидимому ничтожному эпизоду надлежащее въ немъ мѣсто, то онъ непремѣнно увидитъ въ немъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ этого строя. Смѣшно и каррикатурно выражено въ этомъ эпизодѣ соприкосновеніе купоннаго человѣка съ музыкой: стоитъ только *сѣсть* поплотнѣй *на* эту самую *музыку*—и музыка готова; но развѣ не въ такой же ничтожной степени соприкосновенія находится купонный человѣкъ со всѣмъ строемъ жизни, результаты которой всецѣло принадлежатъ только ему? Точно такъ же, какъ онъ *самъ* играетъ (стоитъ только сѣсть покрѣпче),—онъ участвуетъ и въ литературѣ, и въ искусствѣ: самъ купитъ картину, самъ купитъ книгу; онъ самъ только купитъ платье, самъ только ѣстъ, онъ самъ только выбираетъ на сегодняшній вечеръ спектакль,—словомъ, благодаря купону, онъ беретъ отовсюду все готовое и хотя повидимому ставитъ тѣмъ себя въ полнѣйшую зависимость отъ всего покупаемаго имъ народа, но на дѣлѣ онъ, какъ корень этого строя, оказывается его единственнымъ властителемъ, въ то-же время не имѣя съ этимъ народомъ ни малѣйшей нравственной связи.

Подъ тяжеловѣснымъ, угнетающимъ вліяніемъ такого узкаго, немилосерднаго направленія жизни, немудрено, если вся чернорабочая человѣческая масса, созидающая на собственныхъ костяхъ благополучіе купоннаго человѣка, по временамъ теряетъ всякую надежду на лучшее будущее, мечтаетъ о немъ только втихомолку, робко и даже заподозриваетъ самого себя при этомъ въ нѣкоторомъ умопомраченіи. Но какъ ни умалены мечтанія чернорабочаго человѣка о какой-то самостоятельной жизни, мечтанія эти не замираютъ ни на одну минуту, такъ какъ они и составляютъ сущность духовной жизни человѣка всегда, «и нынѣ и присно». И вотъ почему всѣ мы, чернорабочіе меркантильнаго строя жизни, такъ всегда глубоко рады всякому мечтателю и фантазеру, который придетъ къ намъ для того, чтобы ободрить насъ, который только хоть на небесахъ и послѣ смерти нашей посулитъ намъ что-нибудь хорошее. Тѣмъ болѣе мы будемъ счастливы и обрадованы, если то же самое мечтаніе поддержитъ въ насъ и докажетъ намъ самимъ справедливость нашихъ мечтаній—не фанатикъ, не вдохновенный предвидѣніемъ человѣкъ, не фантазеръ, а человѣкъ строгой, точной науки, руководимый въ своихъ дѣлахъ и мнѣніяхъ несокрушимой логикой разума.

III.

Крошечная брошюрка г. Энгельмейера, «Экономическое значеніе современной техники», есть именно такая благородная попытка—разобраться въ успѣхахъ техники по отношенію къ человѣку, мечтающему вырваться изъ лапъ купона на божій свѣтъ. «Идеалъ», съ которымъ г. Энгельмейеръ входитъ въ область своей науки, прямо и просто выраженъ словами Аристотеля, котораго авторъ брошюры называетъ «отцомъ технической науки, свидѣтелемъ ея перваго безсвязнаго лепета», и котораго онъ считаетъ безконечно великимъ, потому что онъ за двѣ тысячи лѣтъ «*уже носилъ въ себѣ тотъ же идеалъ, такъ же прилагалъ его къ жизни и того же ожидалъ, чего и мы ожидаемъ и все еще только, увы, ожидаемъ!..*» Идеалъ этотъ, логическое, хоть и нескорое приближеніе котораго доказано, какъ мы увидимъ ниже, г. Энгельмейеромъ весьма основательно, выраженъ Аристотелемъ пророческими словами, звучащими изъ тьмы вѣковъ трогательно и ясно. Вотъ эти слова: «*Если-бы*, говоритъ онъ, *каждый рабочій инструментъ могъ исполнять свойственную ему работу по приказанію и по предчувствію, если-бы челноки ткача ткали такимъ образомъ сами собою, то мастеру не надо было бы подмастерьевъ, а господину—рабовъ*» (51 стр.).

Какъ видите, точка зрѣнія г. Энгельмейера на его науку и ея цѣли есть самая гуманная и вполнѣ соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія на существующіе порядки и на цѣли науки рѣшительно всякаго чернорабочаго человѣка. Развѣ темный-претемный мужикъ, раздумавшись о житьѣ-бытьѣ и убѣдившись, что все это происходитъ отъ того, что антихристъ уже народился,—развѣ онъ не исходитъ въ своемъ умозаключеніи о несомнѣнномъ пришествіи антихриста изъ того же нежеланія быть чьимъ-нибудь рабомъ? Развѣ не антихристъ отрываетъ отъ его семьи сына, человѣка трудящагося, связаннаго съ отцомъ и матерью духовными узами, и бросаетъ его на фабрику, на поденщину, разрывая его нравственную связь съ его семьей, женой, его дѣтьми и не давая его женѣ права быть женой и матерью? А нашъ темный-претемный деревенскій «механикъ-самоучка», непремѣнно сосредоточивающій свою едва-едва тронутую знаніемъ мысль исключительно на изобрѣтеніи вѣчнаго движенія perpetuum mobile—развѣ въ его напряженіи ума не участвовала та же самая скорбная нота печали о рабствѣ, и развѣ онъ не мечталъ о томъ, чтобы «челноки его бабы ткали *сами собою*», то есть освобождали бы въ бабѣ человѣка, не отрывали бы ее на фабрику, и чтобы не человѣку приказывали работать, но чтобы человѣкъ самъ приказывалъ «рабочему инструменту исполнять, даже по предчувствію, свойственную ему работу»?

Вотъ тѣ едва намѣченные признаки того, что точка зрѣнія г. Энгельмейера имѣетъ глубокое основаніе какъ въ человѣкѣ, просвѣщенномъ знаніемъ, такъ и въ искренности человѣческаго чувства самаго темнаго-претемнаго простолюдина: одинаковая скорбь о рабствѣ человѣка, одинаковая жажда независимости и одинаковая цѣль въ примѣненіи къ жизни знанія. И несмотря на то, что свою восторженную рѣчь о пророческихъ мысляхъ Аристотеля г. Энгельмейеръ оканчиваетъ сожалѣніемъ о томъ, что осуществленія этихъ мыслей мы только «увы! все еще ожидаемъ»—его маленькая книжка даетъ уже намъ такую массу радужныхъ надеждъ, которую мы даже и подозрѣвать не могли.

Конечно, купонъ будетъ уничтоженъ, но не такъ чтобы ужъ очень скоро. Напротивъ, въ его біографіи будутъ еще небывало блестящія страницы. «Въ проходномъ ряду *вѣтромъ торговалъ!*»—помнится мнѣ шутовская фраза балаганнаго шута, и помнится, какъ казалась смѣшна эта фигура торгующаго вѣтромъ человѣка; а теперь же брошюра г. Энгельмейера неопровержимо доказываетъ намъ, что въ ближайшемъ будущемъ торговля вѣтромъ будетъ практиковаться самымъ подлиннымъ образомъ, что будутъ вѣтряные собственники, арендаторы, контракты, процессы,—словомъ, будетъ все, что̀ теперь окружаетъ слово *товаръ*. Во время крестовыхъ походовъ, когда была выдумана вѣтряная мельница, ужъ былъ, по словамъ г. Энгельмейра (стр. 17), вопросъ о томъ, «кому долженъ принадлежать вѣтеръ: дворянству, духовенству или коронѣ? и какая изъ предержащихъ властей въ правѣ наложить *налогъ на вѣтеръ?*» Если купонное око не проглядѣло хорошаго товара въ такое многосложное время, какъ крестовые походы, то уже теперь-то оно никоимъ образомъ этого драгоцѣннѣйшаго товара не проглядитъ. Все, что̀ толчется, живетъ, пьетъ и ѣстъ вокругъ всякихъ «операцій»—все должно сильно поживиться около «торговли вѣтромъ въ проходномъ ряду».

IV.

Путь, по которому знаніе ведетъ всѣхъ насъ, горемычныхъ, къ такому свѣтлому будущему, очерченъ г. Энгельмейеромъ съ полною точностью и основательностью. Перескажу его въ самыхъ общихъ чертахъ, твердо вѣря, что тотъ, кто заинтересуется затронутыми г. Энгельмейеромъ вопросами, непремѣнно самъ обратится къ его брошюрѣ.

Промышленный переворотъ конца прошлаго вѣка, породившій крупную фабричную промышленность, объясняется двумя важнѣйшими техническими усовершенствованіями:

1) изобрѣтеніемъ машинъ-*орудій*, замѣняющихъ ловкость человѣка въ работѣ, и

2) изобрѣтеніемъ машинъ-*двигателей*, замѣняющихъ силу человѣка.

Коренной переворотъ произошелъ только послѣ *одновременнаго* введенія какъ болѣе усовершенствованныхъ рабочихъ орудій, такъ и болѣе сильныхъ двигателей. «Не то важно, говоритъ г. Энгельмейеръ (стр. 10), дѣлая возраженіе на нѣкоторыя замѣчанія К. Маркса,—что совершенствованіе прежде коснулось машинъ-*орудій*, а потомъ машинъ-*двигателей*, а то важно, что оно косну-

лось ихъ обоихъ. Если бы у насъ были всѣ эти прядильныя, ткацкія и другія машины-*орудія*, но не было бы универсальнаго парового двигателя, а мы продолжали бы приводить ихъ (машины-орудія) въ дѣйствіе силою человѣка и животныхъ, или вѣтра и воды, то все-таки не было-бы у насъ фабрики и крупной промышленности. Появляется же послѣдняя только тогда, и лишь потому, что сама *сила* (приводящая въ движеніе паровикъ) *подпала вполнѣ подъ нашъ произволъ;* что мы съ одинаковой легкостью управляемъ какъ маленькимъ локомобилемъ, такъ и огромнымъ двигателемъ въ нѣсколько тысячъ лошадиныхъ силъ, и что *со своимъ источникомъ этой силы можемъ перемѣщаться и основываться гдѣ угодно* (11) и гдѣ конечно выгодно.»

Паровой двигатель сдѣлалось возможнымъ ставить по произволу тамъ, гдѣ это было выгодно и удобно, гдѣ дешевъ подлежащій обработкѣ матеріалъ и гдѣ дешевъ мужикъ съ бабой. Вѣтрянка не будетъ работать, когда нѣтъ вѣтра, и можетъ поставить населеніе въ невозможность удовлетворить самую насущную потребность «ѣсть хлѣбъ»; паровой-же двигатель можетъ молоть, не боясь никакихъ неожиданныхъ случайностей природы, можетъ работать день и ночь. Ни вѣтру, ни бабьему станку, приводимому въ дѣйствіе бабьей же ногой, конечно не было уже возможности поровняться или побороться съ этой неустанно проявляемой силой машины-*двигателя*.

Но чтобы машина-*двигатель* была дѣйствительно въ движеніи и была бы «не простымъ сочетаніемъ ея желѣзныхъ членовъ», а дѣйствительно передавала-бы силу машинѣ-*орудію*,— необходимо, чтобы эта сила находилась въ самой паровой машинѣ. «Если мы спросимъ, откуда эта сила берется въ самой паровой машинѣ, то отвѣтъ будетъ ясенъ: изъ воды и топлива Но вода въ свою очередь играетъ роль промежуточнаго, передаточнаго органа: ея паръ дѣйствуетъ только какъ пружина, которой упругость мы увеличиваемъ нагрѣваніемъ насчетъ теплоты, развиваемой топливомъ. Значитъ, если паровой двигатель и получилъ все свое значеніе благодаря своей универсальности, то *причину этой универсальности надобно искать въ свойствахъ топлива*, такъ какъ сама паровая машина есть *не болѣе какъ приспособленіе для того, чтобы эксплуатировать силу, заключенную въ топливѣ.*»

Такимъ образомъ оказывается, что корень переворота заключается въ открытіи *силы*, заключающейся въ топливѣ и проявляющейся вездѣ, всегда и въ такихъ количествахъ, какое къ тому потребуется — если есть на-лицо необходимое количество топлива, скрывающаго въ себѣ эту силу. Безъ этой освобожденной изъ топлива силы, всѣ эти желѣзныя выдумки, машины-*орудія*, машины-*двигатели*, стояли бы бездыханными мертвецами, простыми «сочетаніями желѣзныхъ членовъ». Такой источникъ этой силы и стало-быть источникъ всего переворота найденъ былъ въ каменномъ углѣ, «*универсальномъ источникѣ силы современной промышленности*» (стр. 12). «Каменный уголь удобенъ для храненія и перевозки на значительныя разстоянія. Въ его черныхъ глыбахъ хранится запасъ силы и разсылается отъ мѣсторожденій на многія тысячи верстъ, гдѣ въ этой силѣ нуждаются. Сохраняетъ онъ этотъ драгоцѣнный запасъ, этотъ зарядъ свой, многіе годы, не требуя ухода и преспокойно лежа въ кучахъ, и наконецъ отдаетъ эту силу безъ сопротивленія, стóитъ его только зажечь» (стр. 12).

Вотъ какое благополучіе свалилось по божьему произволенію на счастливаго обладателя купона! Дана ему въ полное распоряженіе не случайная какая-нибудь сила животнаго, воды или вѣтра,— а вѣчная, неизмѣнная, увеличиваемая и уменьшаемая по произволу «сила солнечнаго луча»,—сила, употребляемая тамъ, гдѣ надо, гдѣ удобно, когда надо и когда удобно. Получивъ этотъ драгоцѣнный даръ, господинъ купонъ получилъ и возможность повелѣвать этой силой, заточивъ ее въ машину-двигатель, а соединя этотъ неустанный двигатель съ машиною-орудіемъ, онъ замѣнилъ устающія руки человѣческія желѣзными неустающими руками, не покладающими своихъ желѣзныхъ пальцевъ ни на одно мгновеніе!

V.

Всѣ трудящіеся люди, *своими руками* дѣлавшіе гвоздь, замокъ, холстъ, сукно и т. д., всѣ поголовно должны были прекратить свой домашній трудъ. На нихъ понесло съ фабрики и гвоздями, и холстами, и замками, и сукнами — точно снѣгомъ; все стало дѣлаться лучше, а ужъ о дешевизнѣ и говорить нечего. Въ три года все полчище деревенскихъ бабъ — душъ въ триста — не наткетъ такого количества холста, которое фабрика «выброситъ» въ одну минуту, и не на одну какую-нибудь деревню въ триста бабьихъ душъ, а на триста деревень, съ несмѣтнымъ множествомъ душъ всякаго пола и возраста. Сидѣть за станкомъ годъ, чтобы наткать на одну рубаху, глупо и обидно; рубаха стóитъ всего три гривенника — только надо добыть этотъ гривенникъ, эту кругленькую штучку, которую стали требовать, если хочешь получить холста, не сидя за станкомъ. Но эти кругленькія штучки и стала давать та же фабрика; оторванная ею отъ своего станка, женщина-хозяйка стала у чужого станка простой работницей.

А когда и мужики, и молодые парни стали уходить изъ-дому, бросать свою домашнюю работу изъ-за кругленькихъ кружочковъ, уходить, потому что на кругленькіе кружочки и дешевле, и лучше купишь замокъ и гвоздь — то темный-претемный дядя Софронъ не могъ уже не видѣть опять съ поразительной ясностью, что антихристъ народился окончательно. Все стало дешевле, красивѣе, лучше — и гвоздь, и холстъ, и сукно, и замокъ — и деньги на все это даютъ; но баба уходитъ отъ дѣтей, сынъ отъ отца, мужъ отъ жены, а дѣвушки, которымъ надо бы быть матерями, хозяйками, ро-

дятъ въ канавахъ и на задворкахъ, бросаютъ дѣтей и гибнутъ сами, а иныя такъ родятъ и еще хвастаются: «*коли всѣ*, говорятъ, *будутъ постить, такъ некого будетъ и крестить*». Развѣ это не антихристовы дѣла? Вотъ подъ всѣми-то этими впечатлѣніями и возмечталъ нашъ темный-претемный «механикъ-самоучка» перехитрить антихристовы выдумки. «Топливо» — не будь каменнаго угля — онъ, механикъ, все-таки бы могъ раздобыть въ значительномъ количествѣ: стбитъ только угостить лѣсника Кубышкина—«и руби въ господскомъ лѣсу сколько влѣзетъ!» Эту силу онъ раздобудетъ хоть и воровскимъ манеромъ; но вотъ дѣвать то ее некуда — нѣтъ у него никакой возможности устроить на своемъ дворѣ паровую машину, машину-двигатель, а не будетъ машина «двигать» бабій станокъ, баба не усидитъ на ручной работѣ, уйдетъ на фабрику; а онъ не хочетъ ее пускать, хочетъ, чтобы она была дома, но чтобы ей не сидѣть цѣлую зиму за тремя аршинами... Взять силу лошадиную — кормить ее надо овсомъ, а это дороже каменнаго угля. Слѣдовательно, чтобы не бросать дома, чтобы не идти на фабрику, чтобы не губить женъ и сестеръ и не бросать въ пустомъ домѣ дѣтей, надобно *выдумать* такого *домашняго пособника*, который бы во-первыхъ *ничего не стоилъ*, былъ бы совсѣмъ даровой, дѣйствовалъ самъ собой, безъ топлива или овса, и во-вторыхъ надобно, чтобы при помощи этого пособника былъ *облегченъ домашній трудъ* во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ домашнихъ подѣлкахъ. Долженъ быть этотъ домашній пособникъ тутъ же на дворѣ, подъ сараемъ; какъ понадобилось ткать, «пошелъ въ сарай, снялъ съ крюка веревку, отцѣпилъ *его*»—и станокъ застучалъ, а баба только посматриваетъ и ребенка кормитъ. Пришло время спать, опять пошелъ въ сарай, зацѣпилъ веревку на крючокъ и стала машина. Надо молотить—опять отцѣпилъ и пригналъ пособника къ цѣпу; надо масло бить—пригналъ пособника къ маслобойкѣ. А когда не надо—взялъ да опять веревку зацѣпилъ на крючокъ, «анъ она и стала». Такъ «она» и стоитъ недвижимо, пока не надо, а какъ надо, такъ и пошла. Такимъ родомъ въ дому будетъ все честно-благородно, у всѣхъ будетъ дѣло легкое, не каторжное, бабы будутъ больше пѣсенъ пѣть, чаще Богу молиться, а не ругаться со зла, съ бѣдности и устали.

Такъ мечталъ бѣдный, чувствительный Мишанька, самоучка-механикъ, огорченный антихристовыми поступками, разстроивающими всѣ его нравственныя связи съ своими близкими и дѣлающими чьимъ-то рабомъ и невольникомъ. И долго мучительно бился онъ надъ своимъ «вѣчнымъ двигателемъ», всякій разъ оканчивая дѣло домомъ умалишенныхъ. Но такъ какъ въ его мечтаніяхъ говорила чистая мысль человѣческая, исходившая изъ чистаго и любящаго сердца, то онъ и былъ совершенно правъ въ своихъ мечтаніяхъ. *Какъ онъ думалъ, такъ теперь и все сбывается на дѣлѣ, слово въ слово:*

Во 1-хъ будетъ у него въ домѣ тотъ самый *домашній пособникъ*, о которомъ онъ мечталъ и который недвижимо будетъ стоять въ сараѣ до тѣхъ поръ, пока «не потребуется».

Во 2-хъ будетъ этотъ пособникъ жить *безъ всякаго корма*: безъ дровъ, безъ овса, безъ паровъ, безъ каменнаго угля,

и въ 3-хъ будетъ этотъ домашній работникъ работать безъ участія паровой машины, которой современемъ такъ же придется исчезнуть съ лица земли, какъ и самому г. купону.

Стало-быть и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!

VI.

«Домашній пособникъ», о которомъ мечталъ механикъ-самоучка, огорченный антихристовыми неправдами, желающій жить по-божески—на техническомъ языкѣ называется «*аккумуляторъ*». Чтобы несвѣдующій читатель сразу понялъ секретъ и смыслъ этой выдумки, я привожу изъ брошюры г. Энгельмейера самое простѣйшее изъ объясненій: карманныя часы. «Когда мы заводимъ часы ключикомъ, то при каждомъ его поворотѣ мы совершаемъ нѣкоторую мускульную работу; эту мускульную работу *вбираетъ въ себя* та пружина, которую стягиваютъ обороты ключика, и затѣмъ, втеченіе сутокъ, стянутая пружина постепенно освобождаетъ эту скрытую ею нашу силу: втеченіе сутокъ часы ходятъ только вслѣдствіе нашей мускульной силы, истраченной на обороты ключика». Если же такая маленькая пружинка, какъ часовая, можетъ сохранять ничтожное количество мускульной силы, затраченной на то, чтобы завести, то такимъ же образомъ можетъ быть сохранена и затрата мускульной силы гораздо бóльшихъ размѣровъ, а стало-быть и всякой силы вообще—силы вѣтра, воды. Аккумуляторъ есть такимъ образомъ аппаратъ, умѣющій сохранить въ себѣ силу, введенную въ него извнѣ какимъ бы то ни было образомъ и способомъ. Кромѣ того, что аккумуляторъ сохраняетъ эту силу, онъ позволяетъ переносить и перевозить эту силу, куда понадобится по произволу, можетъ прекращать ея дѣйствіе и можетъ возобновлять его.

Хотя, по словамъ г. Энгельмейера (стр. 40), «*передача силы путемъ развозки въ аккумуляторахъ* еще не вышла изъ сферы опытовъ», но намъ, чернорабочимъ, радостно знать и о тѣхъ опытахъ, которые дѣлаются и которые несомнѣнно доказываютъ, что въ концѣ-концовъ они увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. Не диво-ли, въ самомъ дѣлѣ, если близится къ осуществленію слѣдующій удивительный проектъ: «источникъ *природной* силы соединяется съ мѣстами потребленія этой силы (т. е пока съ нынѣшними фабриками) легкой постройки желѣзными дорогами, т. е. въ видѣ укрѣпленнаго на столбахъ рельса или даже проволоки. По рельсу ходятъ особые вагончики съ аккумуляторами: къ потребителямъ аккумуляторы идутъ заряженные, т. е. наполненные силой, а возвраща-

ются разряженными, *такъ сказать пустой посудой*. Перевозка эта *возможна даже безъ участія прислуги*, а для движенія назначаются нѣсколько изъ тѣхъ же аккумуляторовъ» (41).

Сравнивъ существующія системы аккумуляторовъ «по ихъ способности къ запасанію силы», авторъ брошюры говоритъ, что дѣло техника въ этомъ отношеніи состоитъ теперь въ томъ, «чтобы выработать такіе типы аккумуляторовъ, которые бы по удобству пользованія ими можно было приравнять *къ природному аккумулятору—каменному углю*» (37). «Самые пріемы *уловленія силъ уже почти не требуютъ улучшенія!*» (стр. 37). И такъ уже найдено возможнымъ уловлять силы, сохранять ихъ въ аккумуляторахъ, переносить, перевозить, пускать въ ходъ, когда и гдѣ надо. Но, говоритъ авторъ (и къ удивленію, находитъ возможнымъ прибавить къ этому «но» прискорбнѣйшее «увы!»), мечта о томъ, чтобы такіе искусственные аккумуляторы поровнялись въ качествѣ съ природнымъ аккумуляторомъ —каменнымъ углемъ—вотъ этого-то—*увы! увы!*—еще не достигнуто въ настоящее время!!

Какія же такія силы, равносильныя силѣ солнечнаго луча, таящагося въ каменномъ углѣ, научила насъ наука улавливать въ настоящее время?

«Разъ мы будемъ имѣть такіе аккумуляторы (удобные для переноски, перевозки, терпѣливые и невредимые долгіе годы, какъ каменный уголь), и наша власть надъ силами природы значительно расширится: мы будемъ улавливать и запасать въ аккумуляторѣ (какъ въ кускѣ каменнаго угля) солнечный лучъ, вѣтеръ, морской прибой и всякія другія силы; *мы будемъ хранить эти запасы и расходовать ихъ по усмотрѣнію*» (стр. 37).

Но и этого мало. Уже достигнута не только возможность *улавливанія* силъ природы, не только возможность сохраненія ихъ «въ посудѣ» (стр. 40), но и возможность передачи этихъ уловленныхъ силъ на большомъ разстояніи отъ силового центра иными, болѣе доступными и простыми способами.

На страничкѣ 39 читаемъ:

«*Электрическая передача работы* составляетъ теперь истинную злобу дня. Вкратцѣ всякая электрическая *передача работы* состоитъ изъ слѣдующихъ степеней: имѣется какой-нибудь источникъ силы—вода, паръ газовый двигатель (а теперь солнечный лучъ, вѣтеръ, морской прибой), который вращаетъ динамо-машину. При этомъ механическая работа (1-я степень) превращается (2-я степень) въ электрическій токъ, который (3-я степень) передается по двумъ проволокамъ (для прямого и обратнаго тока) къ мѣсту назначенія. Здѣсь (4-я степень) этотъ токъ принимается одною или нѣсколькими динамо-машинами, которыя вращаются, причемъ электричество обратно превращается (5-я степень) опять въ механическую работу» (39).

Опыты передачи силъ изъ источника ихъ на разстояніе были между прочимъ произведены на разстояніи 56 верстъ между Парижемъ и станціею Сѣверной жел. дор. Крейль. Сила около 80 паровыхъ лошадей, развиваемая въ Крейлѣ паровымъ двигателемъ, дошла по проволокѣ до Парижа въ размѣрѣ 65 проц. т. е. 52 лошадиныхъ силъ. «Хотя потери въ работѣ — говоритъ г. Энгельмейеръ — все еще велики, но *вѣдь если мы располагаемъ даровой силой природы* (а мы ею уже располагаемъ), *то потери эти теряютъ значеніе, а то-то и важно*» (стр. 40).

«Если мы имѣемъ — продолжаетъ авторъ — въ какомъ-нибудь мѣстѣ, положимъ, водопадъ, или просто устроили плотину, если *улавливаемъ* силу паденія воды и съ помощью аккумуляціи и канализаціи (передачи по проволокѣ) *раздаемъ* ее (силу паденія воды или вѣтра) въ разныя мѣста потребленія, то въ предѣлахъ окружности радіусомъ въ 20 верстъ мелкая промышленность (кустарь) получитъ болѣе дешевую силу, чѣмъ теперь съ паровой машиной».

VII.

Изложивъ все, что добыто техникою по части аккумуляцій и передачи работы даровыхъ природныхъ силъ, авторъ рисуетъ наше недалекое будущее въ такихъ очертаніяхъ:

«Передъ нами развертывается слѣдующая картина: на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бушуетъ какая-нибудь стихійная сила, по берегамъ рѣкъ, морей или на открытыхъ вѣтрамъ возвышенностяхъ, воздвигаются особыя учрежденія, которыя улавливаютъ мѣстную *своевольную силу* природы и превращаютъ ее въ размѣренные и послушные заряды аккумуляторовъ. Каждый такой *силовой центръ* окруженъ потребителями силы, т. е. производителями всякаго рода, и соединенъ съ ними цѣлою сѣтью путей (проволокъ), *по которымъ производится раздача силы*» (43).

Прямой логическій результатъ устройства *силовыхъ центровъ* неминуемо долженъ выразиться въ томъ, что «*каждый ремесленникъ можетъ получить нужную ему часть движущей силы*. Мелкая промышленность первая обратится къ *новой силѣ* и, располагая болѣе, чѣмъ теперь, дешевосилою, будетъ развиваться. Развиваясь, она будетъ оспаривать рынокъ у крупной промышленности, и тогда крупная промышленность, оставшись при паровой машинѣ, особенно вдали отъ силовыхъ центровъ, окажется въ слѣдующемъ положеніи: съ одной стороны уменьшиться сбытъ фабриката, съ другой— увеличится цѣна на каменный уголь, то есть вздорожаетъ фабрикація. А это и ее заставитъ обратиться къ *новой силѣ* (стр. 47), то есть стать на одну доску съ мелкимъ ремесленникомъ —чего именно теперь-то и нѣтъ: у крупнаго промышленника есть такая могучая сила, какъ каменный уголь и паровой двигатель, а у ремесленника только руки, жена и пятеро дѣтей малъ-мала меньше. Тогда же и у ремесленника будутъ не однѣ руки, а та самая могучая сила, какая и у фабриканта, и нетрудно представить, что мелкій ремесленникъ скоро быстро размножитъ

свои маленькія мастерскія и заполонитъ рынокъ своими издѣліями.

Такимъ образомъ сбывается тайное желаніе всякаго чернорабочаго, всякаго кустаря, всякой деревенской бабы, бьющейся за станкомъ всю зиму. Сбываются несбывшіяся мечтанія механика-самоучки: у него будетъ наконецъ стоять въ сараѣ та самая сила, о которой онъ мечталъ и которая поможетъ ему, его женѣ и его семьѣ не выводить себя и не выходить на продажу. Сбываются почти фантастическія мечтанія древняго философа, мечтавшаго о томъ, чтобы инструментъ работалъ самъ собой по приказанію и *даже предчувствію* человѣка. Сбываются тайные, глубоко выстраданные идеалы людей, скорбѣвшихъ о порабощеніи человѣка. Г. Энгельмейеръ приводитъ слова одного изъ такихъ *гуманнѣйшихъ* техническихъ авторитетовъ, Ф. Рело, давнымъ-давно запечалившагося о положеніи рабочаго и крѣпко надѣявшагося, «что мелкій ткачъ былъ бы освобожденъ отъ перевѣса капитала, если-бы мы могли ему дать для его станка нужную ему часть движущей силы». Все, слава Богу, понемногу сбывается.

Но...

VIII.

Но, хоть сбудется все это непремѣнно, только прежде чѣмъ сбудется,—купонъ натворитъ еще пропасть всякаго грѣха.

Какъ только объявится гдѣ-нибудь одинъ «*силовой центръ*» и какъ только хоть одинъ купонникъ наживетъ «на вѣтру» рубль серебромъ—тотчасъ же въ купонномъ мірѣ начнется неистовое ликованіе. «Можно торговать... вѣтромъ!» Да чего же лучше? Все, что торгуетъ сивухой, желѣзомъ, каменнымъ углемъ, ситцемъ — все полѣзетъ на «возвышенныя мѣста», выправитъ патенты, станетъ арендовать «у господъ» вѣтряные бугры, откупать у «общества» вѣтры, заведетъ вѣтряные процессы, а также и поддѣлку аккумуляторовъ. И ужъ поживетъ купонникъ въ свое удовольствіе! Поживетъ и помѣщикъ, отдавшій въ аренду свой вѣтряной бугоръ, и адвокатъ, взыскавшій «съ обчества» крестьянъ деревни Горѣловой, также отдавшихъ въ аренду свои вѣтряныя мѣста и неоправдавшихъ контракта, такъ какъ цѣлый годъ никакихъ вѣтровъ на арендованномъ мѣстѣ не случилось, — всѣ поживутъ въ полное свое удовольствіе! Драки даже у вѣтряныхъ агентовъ и арендаторовъ будутъ происходить въ воздушныхъ пространствахъ, и дѣла объ этихъ дракахъ будутъ разбираться въ мировыхъ учрежденіяхъ. Будутъ происходить описи крестьянскаго имущества за невзносъ «вѣтряныхъ» и будутъ сѣчь въ волостномъ правленіи за недоимку также «по вѣтряной части». Ребятишкамъ строжайше будетъ запрещено ставить на крышахъ вертушки и строить весной на ручьяхъ мельницы, а за нарушеніе будутъ брать штрафы. Староста опять будетъ проклинать свою жизнь, оттого что пришло еще новое мученіе: кромѣ земскихъ, дорожныхъ, казенныхъ поземельныхъ, страховыхъ и иныхъ сборовъ, надо еще выколачивать «вѣтряные»...

Все будетъ! Но непремѣнно будетъ и другое.

Именно потому, что вѣтеръ станетъ *товаромъ*, кулачишко, арендовавшій «вѣтры» у помѣщика Ароматова, будетъ всячески распространять свой товаръ, какъ онъ теперь распространяетъ свой товаръ — сивуху. Будетъ «довѣрять» въ долгъ, усовѣститъ бабу не жалѣть денегъ провести проволочку и разлакомитъ ее аккумуляторомъ, какъ теперь разлакомливаетъ ее ситчикомъ съ живописнымъ рисункомъ. И такъ-ли, сякъ-ли проволочка эта проткнется сквозь стѣну мужицкой избы, такъ-ли, сякъ-ли познакомитъ человѣка съ облегченнымъ трудомъ, съ правомъ дать отдохнуть и тѣлу, и душѣ. И какъ только «на людяхъ» поймутъ, что это дѣло хорошее, такъ и завалятъ «арендателя» *силового* центра купонами! Завалятъ его, какъ снѣгомъ, нанесутъ на него цѣлый сугробъ купоновъ и доведутъ его до того, что онъ прямо погибнетъ подъ тяжестью этого сугроба. У него такъ будетъ всего много, и притомъ такъ все это задаромъ, что онъ перестанетъ думать, желать и долженъ просто-таки исчезнуть съ лица земли, «помереть» отъ объяденія и пьянства, безъ покаянія и безъ причастія: не все коту будетъ масляница!

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

го-
ст-
къ
н-
ъ
ъ
въ
а-
це-
аго
ечь
по
етъ
ить
бу-
ро-
вое
ихъ
адо

ма,
ика
ой
ой
со-
во-
акъ
ис-
чка
къ-
ымъ
, и
что
ия?
акъ
овъ
етъ
етъ
нь-
съ
ъ,
съ

DATE DUE			